

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

РОССИЯ И ИБЕРОАМЕРИКА В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

*Доклады V международного форума
Санкт-Петербург, 4–6 октября 2021 г.*

Санкт-Петербург, 2022
ISBN 978-5-00197-099-6

ББК 66.1-66.4(4/70)
P76

Рецензенты:

д. ф. н., проф. СПбГУ *Н. А. Добронравин*
д. и.н., проф. МГИМО (У) МИД РФ *Л. С. Окунева*
д-р *Эрнан Камареро*, профессор Университета Буэнос-Айреса.
д-р *Ирвинг Рейносо Хайме*, профессор Автономного университета штата Морелос

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук *В. Л. Хейфец* (отв. ред.);
д-р ист. наук *Л. С. Хейфец* (отв. ред.);
д-р экон. наук, чл.-корр. РАН *В. М. Давыдов*;
канд. ист. наук *А. С. Андреев*

Составители:

В. Л. Хейфец, Л. С. Хейфец, А. С. Андреев

(13 Мб) Россия и Ибероамерика в глобализирующемся мире: история и современность: доклады V международного форума / отв. ред. В. Л. Хейфец, Л. С. Хейфец. — Санкт-Петербург: Издательство Скифия-принт, 2022. — 940 с.

В настоящем издании представлены научные доклады V международного форума «Россия и Ибероамерика в глобализирующемся мире: история и современность», проведенного 4–6 октября 2021 г. Санкт-Петербургским государственным университетом, Институтом Латинской Америки РАН, Институтом Беринга-Беллинсгаузена при поддержке МИД РФ, фонда «Росконгресс», финансовой поддержке банка «Сантандер».

Издание представляет несомненный интерес для ученых, предпринимателей, студентов, всех, кто интересуется проблемами ибероамериканских стран и их взаимодействия с Россией.

Все тексты, размещенные в настоящем издании, были представлены на рецензию с 01 сентября по 30 ноября 2021 г. и были одобрены для публикации с 1 декабря по 25 декабря 2021 г.

ISBN 978-5-00197-099-6

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

© Институт Латинской Америки РАН, 2022

Подписано к использованию 02.08.2022

Издательство «Скифия-принт». Санкт-Петербург, ул. Б. Пушкарская, 10.

Тел. +7(812) 982-83-94

E-mail: skifia-print@mail.ru

www.skifia-print.ru/

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	14
ЯЗЫКИ, КУЛЬТУРА И ЛИТЕРАТУРА ИБЕРОАМЕРИКИ LENGUAS, CULTURA Y LITERATURA DE IBEROAMÉRICA.....	18
<i>А. В. Баканова</i> ЖОАН АМАДЕС И ЕГО ВКЛАД В МИРОВУЮ ФОЛЬКЛОРИСТИКУ: GALÀXIA AMADES.....	18
<i>Е. V. Novoselova</i> PRÉSTAMOS INDÍGENAS EN LA LENGUA ESPAÑOLA DEL PERÚ COLONIAL TEMPRANO (SEGÚN LOS DOCUMENTOS DE PROCESOS CONTRA IDOLATRÍAS).....	24
<i>П. А. Жукова</i> ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА ЖАИРА БОЛСОНАРУ	29
<i>Г. S. Románova, E. A. Grínina</i> LENGUAJE COMO UN INSTRUMENTO IMPORTANTE DEL PROCESO DE LA COLONIZACIÓN CULTURAL.....	34
<i>А. В. Кутькова</i> МЕКСИКАНСКИЕ РЕТАБЛО КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН.....	39
<i>Е. С. Коржукова</i> БИНАРНОСТЬ ВОСПРИЯТИЯ МИРА В ДЕТЕКТИВНОЙ ТРИЛОГИИ ДОЛОРЕС РЕДОНДО.....	46
<i>А. N. Gubaidullina</i> POÉTICA Y POLÍTICA: LA IMAGEN DEL NUEVO MUNDO EN LAS OBRAS DE LOS POETAS LATINOAMERICANOS	53
<i>Р. И. Проклов</i> КУЛЬТУРНЫЙ КОД БРАЗИЛЬСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОМАНЕ «ХАНААН»	58
ПРОБЛЕМАТИКА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СВЕТЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ PROBLEMS OF HUMAN RIGHTS IN THE LIGHT OF POLITICAL CULTURE FEATURES OF LATIN AMERICA	65
<i>Я. Г. Шемякин</i> ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СТРАН РЕГИОНА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ СПЕЦИФИКИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ.....	65
ЭКСПОРТ В СТРАНЫ ИБЕРОАМЕРИКИ. РОССИЙСКИЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТРАТЕГИИ EXPORT TO IBERO-AMERICA. RUSSIAN AND INTERNATIONAL STRATEGIES	72
<i>Мэнци Ху</i> КИТАЙСКО-ЧИЛИЙСКОЕ ТОРГОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В РАМКАХ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ».....	72
<i>Е. Г. Бондарь</i> РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО ТАМОЖЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В РАЗВИТИИ ЭКСПОРТА РОССИИ В СТРАНЫ ИБЕРОАМЕРИКИ.....	77
<i>К. А. Федоров</i> ЭКСПОРТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРОДУКЦИИ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА РФ НА РЫНКЕ ИСПАНИИ.....	82
ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНО-ГУМАНИТАРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ИБЕРОАМЕРИКАНСКОМ РЕГИОНЕ: ВЫЗОВЫ И ОТВЕТЫ PROBLEMS OF CULTURAL AND HUMANITARIAN COOPERATION IN THE IBERO-AMERICAN REGION: CHALLENGES AND RESPONSES	88
<i>Ю. В. Николаева</i> ВНЕШНЯЯ КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА БРАЗИЛИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ И ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ.....	88
<i>Н. М. Боголюбова</i> МУЗЫКАЛЬНЫЙ МАРШРУТ БРАЗИЛИИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ	96

<i>М. Д. Портнягина</i> ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ИСПАНИИ	102
<i>Ю. В. Аверина</i> МУЗЫКАЛЬНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ РОССИИ И ИСПАНИИ.....	109
<i>Ю. А. Александрова</i> СОТРУДНИЧЕСТВО ИСПАНИИ И РОССИИ В XXI ВЕКЕ: СОВМЕСТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ОБЛАСТИ НАУКИ, КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ.....	113
АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ ИБЕРОАМЕРИКИ ANTHROPOLOGY AND ETHNOGRAPHY OF IBERO-AMERICA	119
<i>И. Ю. Демичева</i> ВЗГЛЯД СО ЩИТА И НЕ ТОЛЬКО: ЛИЧИНА В ЗНАКОВОЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВ МАЙЯСКОЙ ТЕРРАКОТЫ I ТЫС. Н. Э.	119
<i>Е. С. Соболева, С. П. Сорокина</i> О ВЫЖИВАНИИ НА ОСВАИВАЕМЫХ ТЕРРИТОРИЯХ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ ГЛАЗАМИ РОССИЙСКИХ НАТУРАЛИСТОВ (1914–1915)	126
<i>A. V. Kalyuta</i> EL MAPPA MUNDI DE LOS CONQUISTADORES: CONCEPTOS RELIGIOSOS, JURÍDICOS Y POLÍTICOS DE HERNÁN CORTÉS Y SUS COMPAÑEROS DE ARMAS A TRAVÉS DE LAS FUENTES COLONIALES DEL SIGLO XVI	132
БРАЗИЛИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ И ЗАВТРА BRAZIL YESTERDAY, TODAY AND TOMORROW	137
<i>А. С. Евтушенко</i> ЭВОЛЮЦИЯ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА Ж. БОЛСОНАРУ В БРАЗИЛИИ (2019–2021)	137
<i>А. И. Козлова</i> ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ БРАЗИЛИИ В ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОМ РЕГИОНЕ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ УТВЕРЖДЕНИЯ ЛИДЕРСТВА.....	144
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XXI ВЕКА POLITICAL INSTITUTIONS AND PROCESSES IN LATIN AMERICA IN THE FIRST DECADES OF THE 21ST CENTURY	153
<i>Л. В. Дьякова</i> ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В ЧИЛИ НАКАНУНЕ НОВЫХ ВЫБОРОВ.....	153
<i>К. В. Богданов</i> ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА СНОВА ПОВОРАЧИВАЕТ НАЛЕВО?	159
ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА ИСПАНИИ И ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ HISTORY OF CULTURE AND ART OF SPAIN AND LATIN AMERICA	163
<i>А. В. Морозова</i> АНТИЧНЫЕ ОБРАЗЫ И МОТИВЫ В ИСКУССТВЕ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI ВЕКА	163
<i>Г. В. Томирдиаро</i> МАЛОИЗВЕСТНЫЙ СЕМЕЙНЫЙ ГРУППОВОЙ ПОРТРЕТ ДОНА ЛУИСА БУРБОНА КИСТИ ФРАНСИСКО ГОЙИ.....	169
<i>Е. О. Калугина</i> ИКОНОГРАФИЯ СВЯТОГО АРХАНГЕЛА МИХАИЛА: РЕКОНКИСТА И КОНКИСТА	173
<i>Е. Ю. Калинина</i> ИСПАНСКОЕ КИНО В ПЕРИОД ФРАНКИСТСКОГО РЕЖИМА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ КАРТИНЫ МИРА: ВЗГЛЯД ЮРИСТА	180

ВНЕПОЛУШАРНЫЕ АКТОРЫ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ EXTRA-HEMISPHERAL ACTORS IN LATIN AMERICA	186
<i>Д. С. Комарова</i> КИТАЙ И ЛАТИНО-КАРИБСКИЙ РЕГИОН: ВЕКТОРЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	186
<i>М. В. Путьшева</i> ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЙ ВЕКТОР ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ СОВРЕМЕННОЙ ИСПАНИИ	194
<i>А. Ю. Чихачев</i> ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЙ ВЕКТОР ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ	200
<i>Д. Н. Лавхаева</i> ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА В ОБНОВЛЕННОЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА «ГЛОБАЛЬНАЯ БРИТАНИЯ»	206
ИБЕРИЙСКИЕ СТРАНЫ В НОВЫХ РЕАЛИЯХ IBERIAN COUNTRIES IN NEW REALITIES	215
<i>Ю. Н. Фролова</i> ДИСКУССИИ О НОВОМ СТАТУСЕ СТРАНЫ БАСКОВ.....	215
<i>А. В. Баранов</i> ВЫБОРЫ В АВТОНОМНЫХ СООБЩЕСТВАХ ИСПАНИИ (2020–2021 ГГ.): ИЗМЕНЕНИЯ ПОВЕСТКИ ДНЯ И ПОДДЕРЖКИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ	222
<i>Е. О. Муслимова</i> РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ОСТРОВНЫХ ТЕРРИТОРИЙ ИСПАНИИ И ПОРТУГАЛИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОНЦЕПЦИИ УЛЬТРАПЕРИФЕРИЙНОСТИ	229
<i>А. Н. Кожановский</i> НОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ЭТИКА ПРОТИВ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ ИСПАНСКОГО КАРНАВАЛА).....	232
<i>Г. И. Кутырев</i> ИСПАНИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ	240
<i>М. Rohr, A. Tzyrin</i> CAMBIOS ESTRUCTURALES EN LA ECONOMÍA POST COVID EN LOS PAÍSES IBEROAMERICANOS	248
VIOLENCIA Y SEGURIDAD EN LATINOAMÉRICA VIOLENCE AND SECURITY IN LATIN AMERICA	256
<i>Pavel Kostogryzov</i> COMUNIDADES LOCALES COMO ACTORES DE SEGURIDAD EN LOS PAÍSES ANDINOS: ¿APOYANDO O DESAFIANDO LA SOBERANÍA DEL ESTADO?	256
ОТРАЖЕНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ И СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В ИСПАНИИ И ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ REFLECTION OF LINGUO-CULTUROLOGICAL FEATURES AND SOCIAL PROCESSES IN SPAIN AND LATIN AMERICA IN ART AND MASS MEDIA IN THE AGE OF GLOBALIZATION	261
<i>Н. Е. Расторгуева, Я. Барселей Рамирес</i> СМИ КУБЫ В УСЛОВИЯХ МЕДИАКОНВЕРГЕНЦИИ	261
<i>Г. С. Филаткина</i> ПАНДЕМИЯ COVID-19 В ОТРАЖЕНИИ БРАЗИЛЬСКИХ МАССМЕДИА (2020–2021).....	267
СОВРЕМЕННАЯ МЕКСИКА: ПРОБЛЕМЫ, ВЫЗОВЫ, ИССЛЕДОВАНИЯ MODERN MEXICO: PROBLEMS, CHALLENGES, RESEARCH	274
<i>Meztli Natalia Ramos Bustamante, Calixto Tonatiuh Cárdenas Pérez</i> PENSAMIENTO ORIGINARIO CONTRA LA HIDRA CAPITALISTA: UNA MIRADA A ECUADOR Y MÉXICO	274

EUROPA Y AMÉRICA LATINA: DESAFÍOS PARA LA COOPERACIÓN INTERREGIONAL EUROPE AND LATIN AMERICA: CHALLENGES FOR INTERREGIONAL COOPERATION	283
<i>María Jesús Pozas Pozas</i>	
LA EVOLUCIÓN DE LAS RELACIONES INTERNACIONALES ENTRE ESPAÑA E HISPAÑOAMÉRICA DESDE LA TRANSICIÓN ESPAÑOLA A LA ACTUALIDAD (1975–2020)	283
PANDEMIA GLOBAL: DISPUTA GLOCAL EN AMÉRICA LATINA GLOBAL PANDEMIC: GLOCAL DISPUTE IN LATIN AMERICA	294
<i>Óscar Barboza Lizano</i>	
PROSPECTIVAS BICENTENARIAS. CONEXIONES DEL PENSAMIENTO MASÓNICO MODERNO CON LAS IDEAS DEL DR. SALVADOR MENDIETA CASCANTE	294
<i>Maria Teresa Toribio Brittes Lemos</i>	
AMÉRICA LATINA — PANDEMIA E COSMOVISÕES DESUMANIDADE E CORRUPÇÃO	304
<i>Matías Ignacio Borgarello, Fernando Nicolás Pizzicari, Esther Susana Borgarello</i>	
EL ESTATUTO DE PERÚ LIBRE EN COHERENCIA: PEDRO CASTILLO, EL MAESTRO RURAL, NUEVO PRESIDENTE DEL PERÚ — UNA ELECCIÓN EN TIEMPOS PANDEMICOS	308
<i>Carlos Juárez Centeno, Matías Ignacio Borgarello, Fernando Nicolás Pizzicari, Esther Susana Borgarello, Adrián Tuninetti</i>	
CUIDANDO EL AMBIENTE: ALGUNAS REFLEXIONES, NORMAS Y FALLOS DEL PERIODO 2020–2021	312
<i>Ofelia Piedad Cruz Pineda</i>	
PANDEMIA: UN HECHO PARA PENSAR AMÉRICA LATINA, DESDE LA POLÍTICA Y LA EDUCACIÓN	327
<i>Gilberto de Souza Vianna, Eduardo Rizzatti Salomão</i>	
EL ESTADO DESNUDO: LAS DIFICULTADES BRASILEÑAS PARA LUCHAR CONTRA LA PANDEMIA DE CORONAVIRUS EN TIEMPOS DE DESENCANTO	332
<i>Alexis Dantas, Dejan Mihailovich, Elias Jabbour</i>	
ASPECTOS ECONÓMICOS DA COVID-19: A PANDEMIA E O XEQUE-MATE NA RETÓRICA DA AUSTERIDADE — O DINHEIRO NÃO ACABOU	339
<i>André Luis Toribio Dantas</i>	
CULTURA E TRABALHO — A EDUCAÇÃO EM TEMPOS DE PANDEMIA	348
<i>Maria Luzia Braga Landim, Tiago Landim d’Avila</i>	
A GLOBALIZAÇÃO DE RISCOS SANITÁRIOS, SOCIAIS E ECONÓMICOS: A VULNERABILIDADE BRASILEIRANA PANDEMIA DO CORONA VÍRUS	355
PROBLEMAS Y DESAFÍOS EMERGENTES DEL CAPITALISMO CONTEMPORANEO EN LOS PAÍSES DE AMÉRICA LATINA EMERGENT PROBLEMS AND CHALLENGES OF CONTEMPORARY CAPITALISM IN LATIN AMERICAN COUNTRIES	361
<i>Carlos Raul Etulain</i>	
ESTADO, MERCADO E DESENVOLVIMENTO NO BRASIL. DESMONTE ATUAL DAS POLÍTICAS PÚBLICAS E DESAFIOS PARA O DESENVOLVIMENTO	361
<i>Gustavo Bonin Gava</i>	
PANDEMIA E PROTEÇÃO SOCIAL: OS CASOS DE BRASIL E PORTUGAL	368
PROBLEMAS SOCIALES Y LOS DERECHOS HUMANOS EN COLOMBIA ACTUAL SOCIAL PROBLEMS AND HUMAN RIGHTS IN CURRENT COLOMBIA	375
<i>М. М. Краснов, В. Л. Шабанов</i>	
СЕЛЬСКО-ГОРОДСКАЯ МИГРАЦИЯ И ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КОЛУМБИИ	375

Luis Bernardo Díaz Gamboa

EL TRIBUNAL INTERNACIONAL DE OPINIÓN COMO FENÓMENO PEDAGÓGICO
EN LA DEFENSA DE LOS DERECHOS HUMANOS381

**АВТОХТОННОЕ, ЛОКАЛЬНОЕ, ВНЕШНЕЕ:
СОЦИАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР
AUTOCHTHONIC, LOCAL, EXTERNAL:
SOCIAL MECHANISMS OF CULTURAL INTERACTION391**

Д. И. Кузнецов

ПРАВОСЛАВИЕ В ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ391

**ИБЕРОАМЕРИКАНСКАЯ КУЛЬТУРА В СВЕТЕ ПРОБЛЕМ
СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ
IBERO-AMERICAN CULTURE IN THE LIGHT OF MODERN CULTURAL PROBLEMS.....394**

И. А. Мальковская

ЧУМА КАК ФОН ЛИТЕРАТУРНОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ
(ГАБРИЭЛЬ ГАРСИА МАРКЕС: «ЛЮБОВЬ ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ»)394

В. А. Кузнецова

ДЕКОНСТРУКЦИЯ КОНЦЕПЦИИ РАСОВОЙ ДЕМОКРАТИИ В КУЛЬТУРЕ
СОВРЕМЕННОЙ БРАЗИЛИИ399

Н. А. Шелешнева-Солодовникова

АРХИТЕКТУРА ИСПАНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX — НАЧАЛА XXI ВВ.
В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ САМИХ МАСТЕРОВ И В РАБОТАХ ЗАРУБЕЖНЫХ
И РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ ИСКУССТВА404

Я. Г. Шемякин

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКАЯ КУЛЬТУРА В СВЕТЕ «ИКНИЧЕСКОГО ПОВОРОТА»
В СОВРЕМЕННЫХ ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ.....410

**ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ, ЦИФРОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ
И ДИПЛОМАТИЯ ДАННЫХ В ЗАПАДНОМ ПОЛУШАРИИ:
РАЗНООБРАЗИЕ ДИСКУРСОВ В НАУКЕ И ПРАКТИКЕ
PUBLIC DIPLOMACY, DIGITAL DIPLOMACY AND
DATA DIPLOMACY IN THE WESTERN HEMISPHERE:
A VARIETY OF DISCOURSES IN SCIENCE AND PRACTICE416**

О. Н. Богатырева

ДИПЛОМАТИЯ НАРОДОВ: ВОВЛЕЧЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ СТРАН ЛАТИНСКОЙ
АМЕРИКИ В МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ..... 416

Е. К. Березина

ОСОБЕННОСТИ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ РОССИИ И ЕС
В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ НА ПРИМЕРЕ АРГЕНТИНЫ 422

**МОЛОДЕЖНАЯ СЕКЦИЯ
PANEL OF YOUNG SCIENTISTS.....429**

Ю. Г. Глухарев

РЕЖИМ ЭВО МОРАЛЕСА: ЖЕРТВА СОБСТВЕННОЙ ПРОТИВОРЕЧИВОСТИ?429

А. А. Прямыцын

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ
ЮЖНОЙ АМЕРИКИ438

Д. В. Шуманская

РОССИЙСКО-КУБИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОСТБИПОЛЯРНЫЙ ПЕРИОД.....445

Н. Н. Ковалева, В. А. Соколовский

ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРЫ ПЕРУ И ЭКВАДОРА В IV–II ТЫС. ДО Н. Э.:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ
МАТЕРИАЛОВ451

**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ
И ГОСУДАРСТВ ИБЕРОАМЕРИКИ И ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ
INTERNATIONAL LEGAL FRAMEWORK FOR COOPERATION BETWEEN
RUSSIA AND THE STATES OF IBERO-AMERICA AND INTEGRATION ASSOCIATIONS .456**

Л. П. Ануфриева

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН
БРИКС КАК НАПРАВЛЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА РФ
В УСЛОВИЯХ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА (ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ).....456

С. В. Бахин

ИНТЕГРАЦИЯ ИНТЕГРАЦИЙ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И МЕХАНИЗМЫ
РЕАЛИЗАЦИИ464

А. С. Игнатьев

О ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЙ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ДОГОВОРОВ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ И В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ471

И. И. Карандашов

БРИКС И РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА477

И. С. Марусин

ОРГАНИЗАЦИЯ АМЕРИКАНСКИХ ГОСУДАРСТВ И ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА486

**ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ИБЕРО-АМЕРИКЕ
И РОССИИ В XVIII–XXI ВВ. ПАМЯТИ АЛЛЫ ЛЕОНИДОВНЫ ЗЕНЬКОВИЧ
PROBLEMS OF INTERCULTURAL COMMUNICATION IN IBERO-AMERICA AND
RUSSIA IN THE 18th–21st CENTURIES. IN MEMORY OF ALLA LEONIDOVNA
ZENKOVICH490**

Е. А. Виноградова

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЙ СЕРИАЛ В XXI ВЕКЕ: БОРЬБА ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ
ИДЕНТИЧНОСТЬ И НОВЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ.....490

М. С. Глебов

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕЙ КУЛЬТУРНОЙ
ПОЛИТИКИ ГЕРМАНИИ В ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОМ РЕГИОНЕ
(КОНЕЦ XX — НАЧАЛО XXI В.).....496

**НАСЛЕДИЕ И БУДУЩЕЕ ЛЕВЫХ СИЛ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ
HERITAGE AND FUTURE OF THE LEFT IN LATIN AMERICA.....504**

Leandro Molinaro

LA INSERCIÓN DEL MOVIMIENTO AL SOCIALISMO EN LOS LUGARES DE
TRABAJO EN EL ÁREA METROPOLITANA DE BUENOS AIRES EN EL EPÍLOGO DE
LA ÚLTIMA DICTADURA MILITAR ARGENTINA504

Carlos Ignacio Custer

MARXISMO, GUEVARISMO Y PERONISMO: EL ITINERARIO DE LAS FUERZAS
ARMADAS REVOLUCIONARIAS (FAR).....511

Walter L. Koppmann

HACIA UN ANÁLISIS GLOBAL DE LAS CULTURAS POLÍTICAS DE IZQUIERDA Y
EL MOVIMIENTO OBRERO JUDÍO EN ARGENTINA (1905–1930)518

Alejandro Belkin

ANARQUISTAS, *SINDICALISTAS* Y SOCIALISTAS EN LA FORA IX, ANTES DE
YRIGOYEN.....524

Gabriel Omar Piro Mittelman

LA INTERNACIONAL COMUNISTA Y EL PARTIDO COMUNISTA DE ARGENTINA:
UN DEBATE SOBRE EL FRENTE POPULAR (1937–1938)529

**ИБЕРОАМЕРИКАНСКАЯ МОЗАИКА
IBEROAMERICAN MOSAIC536**

José Antonio Saravia..... 536

EL RESTABLECIMIENTO DE RELACIONES DIPLOMÁTICAS ENTRE URUGUAY Y
LA UNIÓN SOVIÉTICA (1942–1946)536

<i>В. Н. Косторниченко</i> ФОРМИРОВАНИЕ ТИХООКЕАНСКОГО ФРОНТИРА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИСПАНО-АМЕРИКАНСКОЙ И РОССИЙСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ	543
<i>А. Р. Хасанов</i> «ДОБРЫЕ УСЛУГИ» ШВЕЙЦАРИИ И ШВЕЦИИ В СВЕТЕ ВОЕННОГО ПЕРЕВОРОТА В ЧИЛИ 1973 Г.	550
<i>Б. Ф. Мартынов</i> СОВЕТСКО-КУБИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ «КАРИБСКОГО КРИЗИСА», КРАХ РАЗРЯДКИ И УРОКИ НА БУДУЩЕЕ	557
<i>В. В. Марковчин</i> МАВРЫ В ИСПАНСКОЙ ВОЙНЕ	565
<i>Е. В. Кузубина</i> ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ГИМНЫ, КАК ОТРАЖЕНИЕ ИДЕИ ГОСУДАРСТВА В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ.....	570
<i>Ю. М. Баженов</i> ПОЕЗД TALGO В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	574

МОЛОДЕЖНАЯ СЕКЦИЯ**SECTION OF YOUNG RESEARCHERS.....580**

<i>Г. Gaboshvili</i> LOS GIROS EN AMÉRICA LATINA: EL CAMINO PARA RECONSIDERAR EL ENFOQUE DE RUSIA HACIA LAS RELACIONES CON LOS PAÍSES DE LA REGIÓN	580
<i>О. С. Яковлева</i> ЗЕЛЕНАЯ ЭНЕРГЕТИКА В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ	584
<i>И. В. Усова</i> LA TEORÍA DE LOS MUNDOS POSIBLES EN LOS TRABAJOS LITERARIOS DE JORGE LUIS BORGES.....	590
<i>Д. И. Попов</i> ВОСПРИЯТИЕ ИЮЛЬСКИХ ПРОТЕСТОВ НА КУБЕ В СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЕ: РЕАКЦИЯ ВЛАСТЕЙ И СМИ.....	596
<i>Т. М. Альмуков</i> ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ВЕНЕСУЭЛЫ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА.....	603
<i>Е. В. Смирнов</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ВЫБОРОВ В ПОРТУГАЛИИ В 2021 Г. ДЛЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТА ВЫБОРОВ В АССАМБЛЕЮ РЕСПУБЛИКИ	609
<i>М. О. Габриелян</i> ВЛИЯНИЕ ФАКТОРА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОПУЛИЗМА НА ДИНАМИКУ АМЕРИКАНО-БРАЗИЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПРИ АДМИНИСТРАЦИИ Ж. БОЛСОНАРУ	615
<i>М. Д. Кондрин</i> ВОПРОС ВЗАИМОСВЯЗИ ФАКТОРА СЕПАРАТИЗМА И ЭВОЛЮЦИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА РОССИИ И ИСПАНИИ.....	621
<i>Г. А. Жданов</i> ЧИЛИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД ВТОРОГО ПРЕЗИДЕНТСКОГО МАНДАТА СЕБАСТЬЯНА ПИНЬЕРЫ	628
<i>Е. Ю. Щербакова</i> ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛАТИНОАМЕРИКАНЦЕВ: ИСТОКИ И ОСОБЕННОСТИ.....	634
<i>Я. А. Петрова</i> СОТРУДНИЧЕСТВО КУБЫ И РФ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ.....	639
<i>К. П. Лихарев</i> ПОТЕНЦИАЛ ПРОЕКТА “ENERGÍA 2050” В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ЧИЛИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ	643

<i>Н. Д. Чекунова</i>	АНТАРКТИДА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ	646
<i>А. В. Полякова</i>	СТЕРЕОТИПЫ ОБ ИСПАНИИ, КАК ОСНОВА ИМИДЖЕВОЙ ПОЛИТИКИ СТРАНЫ.....	651
<i>Н. Д. Калинин</i>	ЧЕРНЫЕ ЖИЗНИ ВАЖНЫ И НЕ ТОЛЬКО В США: ПОЛОЖЕНИЕ РАСИЗМА В БРАЗИЛИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	657
<i>Д. А. Рыткова</i>	ЭВОЛЮЦИЯ АРГЕНТИНО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.....	664
<i>Т. С. Роговых</i>	ИНСТИТУТ СЕРВАНТЕСА КАК ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ ИСПАНИИ В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ.....	671
ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА В НОВЫХ УСЛОВИЯХ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ LATIN AMERICA IN THE NEW CONDITIONS OF THE WORLD ECONOMY		677
<i>Е. А. Пономарев</i>	ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА В ЭПОХУ «ВЕЛИКОЙ ПЕРЕЗАГРУЗКИ»: УСЛОВИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ	677
<i>В. М. Тайар</i>	ЕВРОСОЮЗ И ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА: ТЕНДЕНЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПОСТПАНДЕМИЧЕСКОМ МИРЕ	684
<i>Н. П. Кононкова, Н. В. Полавская</i>	КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ	691
ОТНОШЕНИЯ РОССИИ СО СТРАНАМИ ИБЕРОАМЕРИКИ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ RELATIONS OF RUSSIA WITH THE COUNTRIES OF IBERO-AMERICA: CONTINUITY AND NEW CHALLENGES		698
<i>Я. В. Белозеров</i>	ГАЙАНА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	698
<i>Е. Р. Новицкий</i>	ПЕРСПЕКТИВЫ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И РЕСПУБЛИКОЙ ПЕРУ НА ФОНЕ АМЕРИКАНО-ПЕРУАНСКОГО И КИТАЙСКО-ПЕРУАНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА	703
<i>А. О. Лукичева, С. Р. Кеведо</i>	РОССИЙСКО-ЧИЛИЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОРЫВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В XXI ВЕКЕ	708
ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИКИ США В ЗАПАДНОМ ПОЛУШАРИИ ПРИ АДМИНИСТРАЦИИ ДЖО БАЙДЕНА US POLICY TRANSFORMATION IN THE WESTERN HEMISPHERE UNDER THE JOE BIDEN ADMINISTRATION		714
<i>Н. Ю. Кудярова</i>	ИНИЦИАТИВЫ АДМИНИСТРАЦИИ ДЖ. БАЙДЕНА В СФЕРЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ МИГРАЦИЙ: ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЙ ВЕКТОР	714
<i>А. А. Манухин</i>	ЦЕНТРАЛЬНАЯ АМЕРИКА КАК ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ ПОЛИГОН ДЛЯ «МНОГОСТОРОННЕЙ» ПОЛИТИКИ АДМИНИСТРАЦИИ ДЖОЗЕФА БАЙДЕНА	721
<i>М. А.-М. Кодзоев</i>	ПОЛИТИКА АДМИНИСТРАЦИИ ДЖ. БАЙДЕНА В ОТНОШЕНИИ СТРАН СЕВЕРНОГО ТРЕУГОЛЬНИКА (САЛЬВАДОР, ГВАТЕМАЛА, ГОНДУРАС).....	727

И. А. Соков

AFTER TRUMP: AMERICAN POLICY'S CHANGE IN THE COUNTRIES OF
CENTRAL AMERICA AND MEXICO 734

В. Е. Болдырев

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА В СТРАТЕГИИ ДЖ. БАЙДЕНА: РЕГИОН РЕШЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ИЛИ ПОЛИГОН СОПЕРНИЧЕСТВА С КИТАЕМ?..... 742

ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИИ В СТРАНАХ ИБЕРОАМЕРИКИ

ENVIRONMENTAL PROBLEMS IN IBERO-AMERICA COUNTRIES 748

Carnero Arroyo E.

LOS DERECHOS DE LA NATURALEZA BAJO EL PRINCIPIO DE LA SOBERANÍA
PERMANENTE SOBRE LOS RECURSOS NATURALES EN LOS PAÍSES DE
AMÉRICA LATINA 748

АЗИЯ И ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА:

ПЕРСПЕКТИВЫ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

ASIA AND LATIN AMERICA:

PROSPECTS FOR TRADE AND ECONOMIC COOPERATION..... 754

А. Г. Коваль, О. Ю. Трофименко, М. Ю. Евдокимова

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ НА РАЗВИТИЕ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ
В РОССИИ И БРАЗИЛИИ..... 754

И. В. Воробьева

ВНЕШНЕТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ ВЬЕТНАМА СО СТРАНАМИ
ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В КОНТЕКСТЕ ВПТТП..... 760

Л. В. Попова, Г. В. Борисов

КИТАЙСКО-МЕКСИКАНСКАЯ ТОРГОВЛЯ В УСЛОВИЯХ РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ
ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ СИСТЕМ..... 765

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА И РОССИЯ:

ПУТИ И ПРАКТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ИСКУССТВЕ СЕГОДНЯ

LATIN AMERICA AND RUSSIA: WAYS AND PRACTICES OF INTERACTION IN

ART TODAY 770

А. И. Чернышева

«МАСТЕРСКАЯ НАРОДНОЙ ГРАФИКИ» В СОБРАНИИ ГМИИ
ИМ. А. С. ПУШКИНА..... 770

BOLIVIA EN DEBATE: ENTRE EL GOBIERNO DEL MAS Y EL GOLPE DE ESTADO (2006–2020)

BOLIVIA IN DEBATE: BETWEEN THE GOVERNMENT OF MAS AND THE

COUP (2006–2020) 776

Grande P.

EL GOBIERNO DE EVO MORALES Y LOS ESTADOS UNIDOS:
UNA DISRUPTIVA RELACIÓN A CONTRAPELO DE LA HISTORIA 776

Luis Hernández Juan

BOLIVIA 2019–2020: GÉNESIS Y OCASO DE UN GOLPE DE ESTADO 783

Orellana Aillón L.

LA REACCIÓN NACIONALISTA MESTIZA EN BOLIVIA (2019–2020).
NACIÓN EN TIEMPO HETEROGÉNEO Y FORMACIÓN SOCIAL DE DESARROLLO
DESIGUAL Y COMBINADO..... 789

Wiurnos N.

EL PRIMER GOBIERNO DEL MAS Y LOS MOVIMIENTOS SOCIALES.
RELACIONES ENTRE CSUTCB, CIDOB, GOBIERNO Y ESTADO..... 796

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

INTEGRATION PROBLEMS IN LATIN AMERICA 803

Szilágy I., Pérez Sánchez G.Á., de la Guardia R. M.

AMÉRICA LATINA — CAMBIOS GEOPOLÍTICOS, ESTRATEGIAS ALTERNATIVAS,
LA CUESTIÓN DEL SUBIMPERIALISMO Y EL ROL DE MERCOSUR 803

LA GLOBALIZACIÓN Y LA CIRCULACIÓN DE LAS IDEAS ENTRE EL CARIBE CONTINENTAL Y EL CARIBE INSULAR	
GLOBALIZATION AND THE CIRCULATION OF IDEAS BETWEEN THE CONTINENTAL CARIBBEAN AND THE ISLAND CARIBBEAN	823
<i>Raúl Netzahualcoyotzi, Aurora Furlong</i>	
PLAN FRONTERA SUR: MIGRACIÓN REGULARIZADA O MILITARIZACIÓN	823
<i>Aurora Furlong, Raúl Netzahualcoyotzi</i>	
LA FRANJA DE LA RUTA Y LA SEDA EN CENTROAMÉRICA Y EL CARIBE	829
ОТНОШЕНИЯ РОССИИ СО СТРАНАМИ ИБЕРОАМЕРИКИ: ПРеемственность и новые вызовы	
RELATIONS OF RUSSIA WITH THE COUNTRIES OF IBERO-AMERICA: CONTINUITY AND NEW CHALLENGES	835
<i>Я. А. Бурляй</i>	
ПЕРСПЕКТИВЫ УГЛУБЛЕНИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ С ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКОЙ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ИСПАНИЕЙ В ЭТИХ ЦЕЛЯХ.....	835
<i>К. В. Аршин</i>	
ОБРАЗ МИГРАНТА В МАССОВОМ СОЗНАНИИ ГРАЖДАН АРГЕНТИНЫ И РОССИИ: КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АНАЛИЗ	839
<i>Elizaveta Golousova</i>	
CONSTRUCTING THE IMAGE OF RUSSIA BY RT EN ESPAÑOL: HEROES AND ANTI-HEROES (FOLLOWING THE ANALYSIS OF MEDIA CONTENT).....	846
LA ENSEÑANZA DEL ESPAÑOL COMO LENGUA EXTRANJERA A DISTANCIA: REALIDADES Y NUEVOS DESAFÍOS	
ОБУЧЕНИЕ ИСПАНСКОМУ КАК ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ДИСТАНЦИОННОМ ФОРМАТЕ: РЕАЛИИ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ	853
<i>Н. О. Русак</i>	
ОБУЧЕНИЕ, ОСНОВАННОЕ НА ЧЕЛЛЕНДЖАХ	853
O BRASIL CONTEMPORÂNEO EM PERSPECTIVA: SOCIEDADE, POLÍTICA E CULTURA	
CONTEMPORARY BRAZIL IN PERSPECTIVE: SOCIETY, POLITICS AND CULTURE	856
<i>Rodrigo Freire de Carvalho e Silva, Monique Cittadino</i>	
ATUALIZAÇÃO DO PENSAMENTO ANTICOMUNISTA MILITAR NO BRASIL DA NOVA REPÚBLICA: OS RELATÓRIOS DE INFORMAÇÃO PRODUZIDOS PELO GENERAL SÉRGIO COUTINHO NO CIE.....	856
ИБЕРОАМЕРИКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	
IBEROAMERICA IN THE MODERN WORLD: PROSPECTS FOR SOCIO-ECONOMIC AND POLITICAL DEVELOPMENT	865
<i>М. В. Андреева</i>	
НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ ПО ИСПАНОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: О ПРОШЛОМ И БУДУЩЕМ ИСПАНОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА МИРОВОЙ АРЕНЕ	865
<i>А. М. Киселев</i>	
РОССИЙСКО-МЕКСИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: 130 ЛЕТ СОТРУДНИЧЕСТВА И ПАРТНЕРСТВА	869
<i>Sofia Kerimova</i>	
DIPLOMACIA DIGITAL EN AMÉRICA LATINA: EXPERIENCIA, PROBLEMAS, PERSPECTIVAS.....	873

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ WELFARE STATE AND CIVIL SOCIETY IN LATIN AMERICA	880
<i>И. В. Дашкина, М. М. Пашин</i> МОБИЛИЗАЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ ГОСУДАРСТВ ЛАТИНО-КАРИБСКОЙ АМЕРИКИ В УСЛОВИЯХ COVID-19.....	880
ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ТОРГОВУЮ ПОЛИТИКУ РОССИИ И СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ IMPACT OF THE PANDEMIC ON THE ECONOMIC DEVELOPMENT AND TRADE POLICY OF RUSSIA AND THE COUNTRIES OF LATIN AMERICA	886
<i>Н. А. Навроцкая</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ ТОРГОВЛИ БРАЗИЛИИ И КИТАЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ.....	886
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ В XXI ВЕКЕ INTERNATIONAL RELATIONS IN LATIN AMERICA IN THE 21st CENTURY	894
<i>Медина Гонсалес Ксавьер</i> СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НЕЗАЩИЩЕННЫХ СЛОЕВ НАСЕЛЕНИЯ В ЭКВАДОРЕ КАК ПОСЛЕДСТВИЯ ПАНДЕМИИ COVID-19	894
<i>Ю. В. Николаев</i> ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЭКВАДОРА ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ МОРЕНО (2017–2021)	901
<i>К. М. Табаринцева-Романова</i> КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ АНДСКОГО СООБЩЕСТВА КАК ЧАСТЬ ГУМАНИТАРНОЙ ДИПЛОМАТИИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ	913
ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА THE LATIN AMERICAN DIMENSION OF THE NEW WORLD ORDER.....	918
<i>Д. А. Правдюк</i> КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ФОРМИРОВАНИЕ «УСТОЙЧИВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ» КАК СТРАТЕГИИ ПОСТПАНДЕМИЧЕСКОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ: ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЕ НАРРАТИВЫ.....	918
ИСПАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ИСТОРИИ XX ВЕКА. К 90-ЛЕТИЮ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ ВТОРОЙ РЕСПУБЛИКИ В ИСПАНИИ SPANISH REVOLUTION IN THE HISTORY OF THE 20th CENTURY. ON THE 90th ANNIVERSARY OF THE DECLARATION OF THE SECOND REPUBLIC IN SPAIN	928
<i>Magdalena Garrido Caballero</i> LAS MUJERES DURANTE LA SEGUNDA REPÚBLICA: EL LEGADO DE LAS “SINSOMBRERO”	928
БРИКС И РАЗВИТИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА ЮГ — ЮГ В XXI ВЕКЕ BRICS AND DEVELOPMENT OF SOUTH — SOUTH COOPERATION IN THE 21st CENTURY	936
<i>Н. И. Ладыгина-Глазунова, Е. В. Петрова</i> ЦИФРОВИЗАЦИЯ В ДИПЛОМАТИИ: РОССИЯ — БРАЗИЛИЯ.....	936

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проведение международных форумов «Россия и Ибероамерика в глобализирующемся мире: история и современность» стало важной традицией не только для Санкт-Петербургского государственного университета и Института Латинской Америки РАН — соорганизаторов мероприятия, но и для всех ученых в России и за рубежом, кто занимается проблемами истории и современных процессов в этом самобытном регионе мира. Уже на протяжении восьми лет каждые два года на берегах Невы собираются сотни исследователей, чтобы обсудить современное состояние научных исследований ибероамериканского мира, представить результаты своей работы, провести презентации своих книг и научных журналов.

Каждый форум по-своему уникален. Меняются социально-экономические и политические условия современного мира, а значит, исследователи вынуждены менять тематику своих работ, отвечать на вопросы о том, как Ибероамерика будет реагировать на новые вызовы мировой экономики, национальных политических и экономических процессов, международных отношений. Форум 2021 г. прошел в условиях пандемии COVID-19. Этот фактор стал существенным не только в организационном плане — впервые большинство докладов иностранных ученых было прочитано в онлайн-режиме через сервисы видеосвязи, но и в плане содержательном: многие секции были посвящены ответу ибероамериканского мира на вызовы пандемии, которая заставила задуматься о социальном развитии, доступности образования, науки и медицины, выявила проблемы финансирования и инфраструктуры социальной сферы, но в то же время стала причиной появления новых феноменов, например, «вакцинной дипломатии».

Пандемия заставила задуматься о путях развития латиноамериканской интеграции и, в целом, всего международного сотрудничества. Успехи России в создании вакцин от коронавируса обратили на себя внимания ибероамериканского мира и стали новой «точкой соприкосновения» интересов Москвы и стран Ибероамерики. В то же время в условиях пандемии в Латинской Америке проходил новый электоральный цикл, в странах региона проходили выборы президентов и парламентов, менялся политический ландшафт. Пандемия стала вызовом для уже существующих международных организаций и институтов, для механизмов и форм межрегиональных связей. Все эти проблемы активно обсуждались участниками форума.

Форум 2021 г. стал ярким событием и для молодежной науки. Впервые при поддержке Фонда публичной дипломатии им. А. М. Горчакова была организована Школа молодых исследователей «Россия и Латинская Америка: созидая новый мировой порядок», в работе которой приняли участие более 30 студентов и аспирантов из разных регионов России. Экспертами школы стали ведущие российские и иностранные ученые, которые выступили с открытыми лекциями, мастер-классами и говорили не только о своих научных результатах, но и о том, как исследовать современную Латинскую Америку, каковы перспективы научных исследований в области ибероамериканистики. В дни форума прошло несколько молодежных сессий, которые были организованы ведущими университетами России. В молодежных мероприятиях приняли участие несколько десятков молодых специалистов, которые только начинают свой путь в ибероамериканских исследованиях.

Традицией форумов является издание сборника материалов и докладов. Организаторы форума убеждены, что результаты работы мероприятия необходимо делать публичными и открытыми. Пусть сам читатель увидит, как от форума к форуму меняются тематика исследований и научные интересы участников, как изменяется доля иностранных ученых и молодых исследователей. Хотелось бы поблагодарить всех коллег, которые являются постоянными участниками форума и уже стали «традиционными» модераторами секций. Это говорит о том, что тематика форума интересна, ее актуальность не снижается со временем. В то же время каждый форум открывает новые имена, новых ученых, которые,

иногда занимаясь смежными темами, находят для себя возможность исследовать ибероамериканские сюжеты.

События последних лет показали, что Латинская Америка — важный участник нового мирового порядка, а исследования ибероамериканских стран становятся все более актуальны. Мы надеемся, что традиция проведения форумов сохранится, и мы встретимся со всеми коллегами, авторами материалов и докладов, представленных в этом сборнике, на очередном форуме в 2023 г. Спасибо за ваше участие, за интерес к мероприятию и по-настоящему интересные научные работы.

С уважением,
Программный комитет

Приветствие Министра иностранных дел Российской Федерации организаторам и участникам международного форума «Россия и Иberoамерика в глобализирующемся мире: история и современность»

Приветствую организаторов и участников V международного форума «Россия и Иberoамерика в глобализирующемся мире: история и современность», вновь проходящего в гостеприимном Санкт-Петербурге!

Ваш форум, отличающийся авторитетным составом и насыщенной программой, утвердился в качестве солидной экспертной площадки для комплексного обсуждения вопросов взаимодействия России со странами Латинской Америки, Карибского бассейна и Пиренейского полуострова. Сегодня, когда мир переживает действительно глобальные перемены, усилия по выстраиванию деполитизированного диалога в интересах укрепления доверия и взаимопонимания между народами заслуживают уважения и поддержки.

Отношения между Россией и странами ЛАКБ — неотъемлемой частью иberoамериканского пространства — продолжают динамично развиваться. С целым рядом государств региона они вышли на уровень стратегического партнерства. Мы активно взаимодействуем как по двусторонней линии, так и в многосторонних форматах. Разумеется, мы заинтересованы в поступательном развитии связей с Испанией и Португалией на равноправной, взаимоуважительной основе.

Рассчитываю, что предстоящие дискуссии пройдут в созидательном ключе, будут содействовать развитию контактов по линии научных, политологических, общественных кругов наших стран.

Желаю вам успешной работы и всего наилучшего.

4 октября 2021 г.

С. В. Лавров

Приветствие Отделения глобальных проблем и международных отношений Российской Академии наук

От имени Отделения глобальных проблем и международных отношений Российской Академии наук приветствую оргкомитет и участников V международного форума «Россия и Иberoамерика в глобализирующемся мире: история и современность». Этот форум заложил плодотворную традицию профессионального общения отечественных и зарубежных специалистов в изучении проблематики латиноамериканских, карибских и иберийских стран, создал авторитетную платформу творческих научных дискуссий и широкого обмена опытом исследовательской работы.

Желаю участникам и гостям V форума новаторства в сочетании с преемственностью научного познания реалий латиноамериканских, карибских и иберийских стран в контексте интенсивно меняющегося мира. Надеюсь также, что форум станет знаковым рубежом в обогащении духовной основы сближения народов России и иberoамериканского сообщества, поможет им в выработке стратегии солидарного взаимодействия в переустройстве миропорядка на принципах инклюзивного устойчивого развития.

Академик-секретарь Отделения глобальных проблем
и международных отношений Российской Академии наук,
Президент ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН,
Академик РАН

А. А. Дынкин

ЯЗЫКИ, КУЛЬТУРА И ЛИТЕРАТУРА ИБЕРОАМЕРИКИ

LENGUAS, CULTURA Y LITERATURA DE IBEROAMÉRICA

А. В. Баканова¹

ЖОАН АМАДЕС И ЕГО ВКЛАД В МИРОВУЮ ФОЛЬКЛОРИСТИКУ: GALÀXIA AMADES

JOAN AMADES AND HIS CONTRIBUTION TO WORLD FOLKLORE: GALÀXIA AMADES

Resumen: Joan Amades es una figura clave de la folclorística española y catalana, cuyo papel en la recopilación e investigación del folclore es formidable. Amades es autor de más de ciento veinte obras dedicadas a diversos géneros de la tradición popular, mitos, leyendas, cuentos, proverbios, adivinanzas, folclore infantil, canciones y danzas, fiestas populares, personajes y creencias: “Costumari Català”, “Folklore de Catalunya”, “Refranyer català”. El material folclórico publicado y estudiado por él sigue siendo, a pesar del 130 aniversario del nacimiento del autor, la principal y más completa fuente de información sobre la tradición popular de las regiones catalanohablantes. Amades presta atención a tales tradiciones catalanas como la danza sardana y los “castillos humanos”, incluidos en 2016 en La lista el Patrimonio cultural Inmaterial de la UNESCO. Algunos estudios de Amades están dedicados a la cosmovisión y creencias tradicionales de los habitantes de diferentes regiones de España, desde los Pirineos hasta la costa mediterránea. El enfoque versátil y fundamental de Amades a la hora de recopilar e investigar los textos folclóricos nos permite hablar de su actividad como de un período clave en la historia de la folclorística española y de su importante contribución al estudio del patrimonio folclórico europeo y mundial.

Palabras clave: folclore español; lengua catalana; folclorística; cuentos; proverbios; folclore infantil.

Abstract: Joan Amades is a key figure of Spanish and Catalan folklore studies, whose role in the collection and research of folklore can hardly be overestimated. Amades is the author of more than one hundred and twenty works devoted to various genres of oral folk art, myths, legends, fairy tales, proverbs, songs, holidays, traditional characters and beliefs: “Costumari Català”, “Folklore de Catalunya”, “Refranyer català”.

¹ **Баканова Анна Валентиновна**, Россия, кандидат филологических наук, доцент кафедры иберо-романского языкознания филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (asia_sim@mail.ru).

Catalunya”, “Refranyer català”. The folklore material published and studied by him remains, despite the 130th anniversary of the author’s birth, the main and most complete source of information on folk art of the Catalan-speaking regions of Spain. For the first time, Amadez pays close attention to such folk traditions as the Catalan sardana and the “human castle”, which were included in the UNESCO list of Intangible Cultural Heritage in 2016. Amades devotes studies to the worldview and traditional beliefs of the inhabitants of various regions of the country, from the Pyrenees to the Mediterranean coast. His versatile and fundamental approach to the fixation and research of folklore texts allows us to speak of his activity as the most important period in the history of Spanish folklore studies and a significant contribution to the study of European and world folklore heritage.

Key words: Spanish folklore; Catalan language; folklore studies; fairy tales; proverbs; children’s folklore.

Испанская фольклористическая традиция имеет многовековую историю. Несмотря на то, что Испания не внесла в исследования фольклора резонансной научной теории, она дважды сыграла уникальную роль в перемещении фольклорных сюжетов — передаче в Европу арабских сказочных текстов благодаря школе переводчиков в Толедо и передаче в страны Латинской Америки европейских фольклорных традиций благодаря открытию Колумба. Двойное посредничество обогатило и саму испанскую фольклористическую мысль, предоставив материал для сравнительного текстологического анализа восточного, европейского и латиноамериканского фольклора.

Вплоть до XIX в. интерес к фольклорному наследию в Испании не имеет научных форм, фольклорные тексты можно встретить лишь как вставные элементы, служащие для украшения авторских произведений. С середины XIX в. начинается «костюмбристский» период в изучении испанского фольклора, характеризующийся интересом к национальному колориту, возникшим под влиянием немецкой школы фольклористов-романтиков, последователей братьев Гримм. Самым ярким представителем этого периода в Испании можно назвать писательницу Сесилию Бёль де Фабер (Cecilia Böhl de Faber), издававшую свои произведения под псевдонимом Фернан Кабальеро (Fernán Caballero).

Следующий этап в развитии испанской фольклористической мысли наступает в восьмидесятые годы XIX в. Он получает название «позитивистский». На первый план выступает стремление сохранить произведения устного народного творчества. Так, благодаря деятельности Антонио Мачадо-и-Альвареса (Antonio Machado y Álvarez), Алехандро Гичота-и-Сьерра (Alejandro Guichot y Sierra) и их последователей в 1885–1886 годах выходит многотомное издание «Biblioteca de las tradiciones populares españolas». По всей стране создаются центры любителей фольклора, борьба за сохранение фольклорного наследия приобретает национальный масштаб. Однако научный, филологический подход к устному народному творчеству появляется в деятельности испанских фольклористов не ранее 20-х годов XX века. К этому времени фокус внимания смещается в сторону качества фиксации устных текстов, сохранения диалектных и иных языковых особенностей, данных о рассказчиках, их возрасте и месте жительства. Ярким примером подобного внимательного отношения к собранному фольклорному материалу может служить сборник народных испанских сказок, изданный А. М. Эспиной (Aurelio Macedonio Espinosa), американским ученым испанского происхождения, сыгравшим ключевую роль в истории собирания фольклора на территории Испании.

Собирательская и фольклористическая деятельность Ж. Амадеса выпадает на период преобладания в европейской фольклористике подходов и методов «исторической школы» (кат. *historicisme*), стремившейся исследовать в первую очередь исторические основы фольклорных произведений. Исторический подход в работах каталанских исследователей этого периода предполагает отношение к фольклору как инструменту для познания исторических корней и культурного прошлого Каталонии.

Кроме того, большое влияние на европейскую, в том числе на каталанскую, фольклористику оказывает финская школа (Ю. Крон, К. Крон, А. Аарне) и географо-исторический метод с его вниманием к географической атрибуции фольклорных текстов и

многовариантности сказочных сюжетов (А. Аарне «Указатель сказочных типов»). Безусловно, методология финской школы повлияла на научный подход Амадеса в зрелый период его деятельности, когда именно сказка становится главным материалом его исследования.

Жуан Амадес Желат (Joan Amades Gelat) родился 23 июля 1890 года в Барселоне в небогатой семье. Этот период в истории Каталонии был ознаменован важными социально-экономическими изменениями, аграрным кризисом и ростом урбанизации. Барселона становится центром притяжения трудового населения сельских областей. Наемные рабочие, прибывшие в столицу, усугубляют социальные контрасты города, подчеркивают пропасть между народной культурой и буржуазной ученостью, формируют особый слой городского населения со своими фольклорными традициями.

Именно рабочий фольклор барселонского района Раваль, по мнению исследователей, стал его «университетом» и вдохновил Амадеса на собирание фольклорного наследия. В немногочисленных свидетельствах о детстве Амадеса подчеркивается его любовь к книгам, несмотря на проблемы со зрением, а также к организации кукольных спектаклей для соседских детей. Знание каталанского песенного фольклора также родом из детства и связано с фигурой матери будущего фольклориста: «La nostre mare era un pou insondable de tradicions, un personatge folklòric de primera fila i dins del seu anafabetisme i admetent la importància i la valor dels coneixements tradicionals, podem dir que era una veritable sàvia»².

Уже с девятилетнего возраста Амадес был вынужден бросить учебу и помогать в делах отцу. С этого момента Амадес самостоятельно получал знания в интересующих его областях, что не могло не найти отражения в дальнейшей научной работе. Будучи самоучкой, автодидактом, Амадес на протяжении всей жизни восполнял пробелы в образовании, компенсируя их феноменальной памятью, жизнелюбием, жадностью знаний и усердием, как бы следуя девизу «Fes de la teva professió la teva passió, i de la teva passió la teva vida». Уникальный дар, связанный со способностью удерживать в памяти большое количество информации, в зрелом возрасте заменит Амадесу угасающее зрение.

Вскоре наметились два основных интереса молодого исследователя: каталанские фольклорные традиции и язык универсальной культуры — эсперанто. Вдохновившись социально-философскими идеями Заменгофа, с которым он, будучи знаком лично, вел переписку, Амадес настолько увлекся изучением эсперанто, что в 1923 г. стал президентом каталанской федерации эсперантистов (Federació Catalana de Societats Esperantistes Catalanes).

Начиная с 1915 г., Амадес проявляет активный интерес к фольклористике, основывает кружок любителей фольклора (Esbart Folklòric de l'AEP) и участвует в создании Архива этнографии и фольклора Каталонии (Archivo de Etnografia y Folklore de Catalunya). В это же время выходят его первые публикации. Выбор исследователя падает в первую очередь на музыкальный фольклор. Амадес издает сборник каталанских народных песен (Cançons populars catalanes).

В каталанской фольклористике Ж. Амадес ориентируется на таких ученых-историографов и фольклористов, как Бош Жимпера (Bosch Gimpera) — ректор Барселонского университета, директор центра археологических исследований, заведующий отделом археологии музейного объединения Барселоны; Каррерас-и-Артау (Carreras i Artau) — философ, исследователь трудов каталанских мыслителей Арнау-де-Виланова и Рамона Льюля, председатель международного общества философов-медиевистов; Гриера (Antonio Griera Gaja) — каталанский священник и филолог, специалист по романской филологии, составитель атласа каталанских диалектов; Жозеп Мария Батиста-и-Рока (Josep Maria Batista i Roca) — каталанский историограф и этнолог, один из основателей научной антропологии.

Отметим также, что подход к собиранию фольклора в начале XX в. в Каталонии тесно переплетается с идеями экскурсионизма: за знакомством с новыми населенными пунктами

² Amades J. Folklore de Catalunya. Rondallística. Barcelona: Selecta, 1974. P. 11.

следовало знакомство с жителями и их жизненным укладом. Нельзя не упомянуть также влияние, которое оказало на фольклористику Каталонии начала XX века культурное движение новесентизма (кат. noucentisme), каталанского неоклассицизма в искусстве, опирающегося на ясность формы и содержания, на здравый смысл (*seny racional*) и народное художественное творчество.

Внимательное отношение к фольклорным основам и историческому пути Каталонии находим и в работе «La tradició catalana» (1892 г.) епископа-традиционалиста Торраса-и-Бажеса (Josep Torras i Bages), представителя так называемого католического возрождения (*renaixença catòlica*) и идейного вдохновителя интеллектуального движения в поддержку каталанского регионализма рубежа веков. На становление Амадеса как ученого, кроме того, повлияли каталанские фольклористы Аурели Капмань (Aureli Capmany) и Русенд Серра-и-Пажес (Rossend Serra i Pagès).

Сотрудничество с учеными такого уровня открывает для Амадеса новые горизонты в исследовании каталанского фольклора, так, например, вслед за Гриерой и его «Атласом каталанского языка» (*Atlas de Llengua Catalana*) Амадес начинает обращать внимание на диалектную лексику. Постепенно Амадес начинает участвовать во всех национальных проектах по каталанской этнографии, а начиная с 1921 г. вступает в переписку с фольклористами других регионов Испании и стран Европы. Главной темой обсуждения в эти первые годы становятся преимущественно народные песни и танцы.

В 1920-е годы Ж. Амадес сотрудничает с различными научными обществами и университетом Барселоны (*Obra del Cançoner Popular de Catalunya* (ОСРС), *Associació Catalana de Antropologia, Etnologia i Prehistòria* (АСАЕР)), привлекается к работе над составлением лингвистического атласа Каталонии и словарем каталанского языка (*Diccionari general de la llengua catalana*). Фольклористическая деятельность Амадеса начинает высоко цениться в научных кругах, ему присуждаются различные премии и награды.

30-е годы XX в. не менее плодотворны для Амадеса и связаны во многом с музейной деятельностью. Амадес получает должность хранителя сразу в нескольких музеях: Археологическом музее, Музее промышленности и народного творчества (*Museo de Industria y Arte Popular del Pueblo Español*), муниципальном Историческом архиве Барселоны.

Научная деятельность Амадеса в 1930-е гг. обретает большую конкретику и сосредотачивается на узком круге тем. В первую очередь отметим начало работы над Библиотекой народных традиций (*Biblioteca de tradicions populars*, ВТР) — самым объемным (42 тома) и подробным изданием по каталанской этнографии и фольклористике, вышедшим с 1933 по 1939 гг. Главная цель издания подобной библиотеки заключалась в сохранении важных свидетельств истории и культуры каталанского народа, представленных в форме пословиц, поговорок, загадок, традиционных празднований и народных верований.

Интерес Амадеса к изучению фольклорных персонажей поддерживался его коллегами Пау Вила (Pau Vila) и Жозепом Коломинасом (Josep Colominas), в сотрудничестве с которыми Амадес увлеченно занимается вопросами собирания материала о персонажах традиционных праздничных шествий и публикует работу «*Imatgeria Popular Catalana*». Еще одной важной темой этого периода является каталанский песенно-танцевальный фольклор, изучение которого становится целью многочисленных фольклорных экспедиций, их результатом стал словарь танца «*Diccionari de la dansa*», вышедший в свет в 1936 г.

На протяжении 40-х годов XX века Амадес продолжает работу в музеях и культурных центрах Барселоны, а также на кафедрах этнографии (*Consejo Superior de Investigaciones Científicas*, *Estudios de Etnología Peninsular*, *Instituto Municipal de Historia*, *Instituto Español de Musicología*). В это же время он публикует работу, посвященную каталанским рождественским традициям и вертепу — «*El Pessebre*».

Данный период принято считать одним из наиболее плодотворных в научном отношении. В лице Амадеса каталанская фольклористика получает мировую известность. Исследовательские центры Европы и Америки обращаются к Амадесу за консультацией, таким образом идеи универсализма, связанные в том числе с увлечением языком эсперанто, получают новый виток развития.

Начало следующего десятилетия ознаменовано появлением фундаментальных трудов Амадеса-фольклориста. Свет увидела работа, посвященная каталанским народным традициям «*Costumari Catalá*» (1950–1956), и сборник по каталанскому фольклору «*Folklore de Catalunya*» (1950–1969) в трех томах, где были собраны народные сказочные и песенные тексты, а также верования и обряды (I. Rondallística, II. Cançoner, III. Costum i creences). Пятитомное собрание «*Costumari Catalá*» посвящено традиционным каталанским празднованиям и представляет собой подробное описание народного календаря по месяцам и поворотным моментам земледельческого года, ориентированного главным образом на цикл зимних праздников, посевные работы и сбор урожая, сочетающее языческие ритуалы и христианскую обрядность.

Деятельность Ж. Амадеса получает международное признание, его приглашают принять участие в научных мероприятиях в разных странах, присуждают награды. Так, за сборник морских легенд (*Leyendas marineras de Catalunya*, 1954 г.) Амадесу вручают премию Сан-Жорди. Но центральной темой исследований на долгие годы, вплоть до его смерти в 1959 году, остается народная сказка. В первые годы научной деятельности Амадес проявляет наибольший интерес к собиранию музыкального фольклора, позднее он обращается к народным традициям, верованиям и фольклорным персонажам, а расцвет его фольклористической деятельности связан с глубоким интересом именно к жанру сказки. Амадес ведет переписку с учеными-фольклористами мирового уровня Ститом Томпсоном, Ральфом Стилом Боггсом, Куртом Ранке и особенно с Вальтером Андерсеном. Амадес опирается на компаративистские методы в исследованиях фольклора, ориентируется на достижения финской школы с ее историко-географическим методом. По заказу ЮНЕСКО Амадес готовит библиографический корпус различных версий каталанских народных сказок с подробной классификацией.

В сборнике каталанских народных сказок «*Folklore de Catalunya. Rondallística*» он распределяет весь сказочный фольклорный материал по следующим поджанрам: *Rondalles meravelloses*, *Rondalles encadenades*, *Rondalles humanes*, *Rondalles ortofòniques*, *Rondalles-jocs*, *Rondalles paremiològiques*. В предисловии к сборнику Амадес подробно останавливается на основных методологических вопросах в духе современного ему сказковедения: дает определение жанру фольклорной сказки, описывает компаративистские методы фольклористики, говорит об исторических корнях волшебной сказки и о нашедшем в ней отражение обряде инициации, останавливается на дидактической и морализаторской функциях сказок, пишет о существовании нескольких вариантов одного и того же сказочного текста, подробно обосновывает деление на поджанры. Отдельного рассмотрения заслуживают вопросы языковых особенностей сказочного текста: инициальные и финальные формулы, рифмованные и музыкальные фрагменты, повторы и звукоподражания. Таким образом, мы видим, что и язык, и исторические корни, и вопросы жанровой классификации собранных сказочных текстов получают в работе Амадеса глубокую проработку, хотя главным достоинством сборника является, безусловно, объем представленного материала.

Свою главную цель как исследователя фольклора Ж. Амадес видит в собирании и сохранении различных форм каталанской народной культуры, находящейся на грани исчезновения, эта мысль становится сквозной в его работе и подчиняет себе все остальные задачи. Широта научного подхода Амадеса проявляется в его фольклористических манифестах, в которых он утверждает, что невозможно научное изучение национального фольклорного наследия без изучения общеевропейской фольклорной традиции. Задачи собирания и фиксации фольклорного материала становятся первостепенными, в то

время как его непосредственное изучение отходит для Амадеса на второй план — подход, обусловленный боязнью не успеть сохранить народную культуру Каталонии, сравниваемую им с необработанными камнями, которые в дальнейшем могут быть превращены, пусть и силами других исследователей, в драгоценные. Кроме того, одним из главных достижений Амадеса является не только сохранение каталанской народной культуры, но и то, что знакомство с ней стало возможным за пределами Каталонии.

Собранный Амадесом фольклорный материал представляет собой уникальный корпус документов по самым разным аспектам народной культуры Каталонии: пословицы и поговорки, игры, песни, народный календарь праздников, сказки, народная медицина и традиционные профессии и многое другое. Исследователь наследия Амадеса Луис Калво (Luis Calvo) насчитывает 427 его трудов, изданных и неизданных, включающих статьи, книги, выступления в прессе и на радио, работы по языку эсперанто и даже энтомологии (статьи по которой он подписывал псевдонимом Jeroni Picornell). В 1990 году, к столетию со дня рождения ученого, Луис Калво опубликовал самую полную на сегодняшний день работу, посвященную Амадесу: «El món de Joan Amades».

Подводя итог, отметим, что научное наследие Ж. Амадеса — уникальное по охвату и разнообразию фольклорного материала явление в научном мире. Тем не менее, можно встретить и неоднозначные отзывы исследователей и коллег о его деятельности, от довольно прохладных до откровенно критических. В большей степени критике подвергаются не сами собранные Амадесом фольклорные тексты, а методологическая основа сборников. В некоторых случаях Амадесу вменяется в вину, что происхождение представленных текстов не является достаточно прозрачным, речь даже идет о том, что отдельные традиции и обряды на самом деле не существуют, а могли быть выдуманы самим автором. Подобные несправедливые обвинения легко снимаются при внимательном подходе к изучению наследия Амадеса, в том числе эпистолярного. Однако критические замечания, связанные с некоторыми отступлениями от системного подхода, точностью датировки и т. п., имеют право на существование и предположительно связаны с необъятностью собранного Амадесом материала. Важно понимать, что с трудом поддающийся изучению материал, опубликованный фольклористом, и разнообразие освещенных в его работах научных тем требуют от последователей такого же кругозора и пассионарности, ведь Ж. Амадеса можно назвать человеком-мультипотенциалом, универсальным исследователем фольклора.

Библиография

1. *Amades J.* Costumari català. Barcelona: Edicions 62, 2005. Vol. 2. 338 p.
2. *Amades J.* Folklore de Catalunya. Cançoner. Barcelona: Selecta, 1979.
3. *Amades J.* Folklore de Catalunya. Rondallística. Barcelona: Selecta, 1974. 1204 p.
4. *Calvo L., Prats L.* El món de Joan Amades. Barcelona: Generalitat de Catalunya, 1990. 337 p.
5. *Temporal J.* Galàxia Propp, Aspectes literaris i filosòfics de la rondalla meravellosa // Biblioteca de Cultura Popular Valeri Serra i Boldú. Publicacions de l'Abadia de Montserrat, S.A., Barcelona, 1998. 512 p.

E. V. Novoselova¹

PRÉSTAMOS INDÍGENAS EN LA LENGUA ESPAÑOLA DEL PERÚ COLONIAL TEMPRANO (SEGÚN LOS DOCUMENTOS DE PROCESOS CONTRA IDOLATRÍAS)

INDIGENOUS LOANWORDS IN SPANISH IN THE EARLY COLONIAL PERIOD OF THE PERUVIAN HISTORY (BASED ON THE DOCUMENTS OF THE PROCESSES AGAINST IDOLATRIES)

Resumen: el período colonial temprano en la historia del Perú se puede caracterizar por muchos procesos importantes en el ámbito de la cultura, la cosmovisión y el lenguaje. Los materiales de los procesos contra diferentes idolatrías, cuyo apogeo se produjo en el siglo XVII, son productos interesantes de estos procesos. Sobre la base de estos documentos, algunos de los cuales no se han publicado, el autor va a analizar cómo influyeron las lenguas indígenas (sobre todo la lengua quechua) en el español y qué rol desempeñaron en el discurso sobre la cosmovisión de esta época. Por una parte, este rol se puede describir como de poca importancia porque se realizó en una esfera bastante estrecha de religión y realidades locales (comida, animales, etc) para aquellos conceptos que no tenían equivalentes castellanos. Por otra parte, este rol demuestra claramente la intensidad y la multifacética de los contactos lingüísticos y culturales en este período dramático.

Palabras clave: Perú colonial; español; quechua; idolatría; contactos culturales.

Abstract: The early colonial period in the Peruvian history can be characterized by different processes of the high importance in cultural, mental, and linguistic spheres. The documents of processes contra idolatry which pick was reached in the 17th century were interesting products of these processes. On the basis of these documents, some of which have not been published, the author analyzes the influence of indigenous languages (especially the Quechua language) on Spanish and their role in the discourse on the worldview of this time. On the one hand, this role can be described as of little importance because it was realized in a rather narrow sphere of religion and local realities (food, animals, etc.) for those concepts that had no Castilian equivalents. On the other hand, this role clearly demonstrates the intensity and multifaceted of linguistic and cultural contacts in this dramatic period.

Key words: colonial Peru; Spanish; Quechua; idolatry; cultural contacts.

La estructura léxica de variantes regionales de la lengua española es un tema bastante popular entre latinoamericanistas. Es bastante evidente, porque este aspecto es muy importante para el entendimiento de muchos procesos de una lengua. En los últimos años fueron publicadas diferentes obras sobre la estructura léxica del español en general y de sus variantes latinoamericanas². También existen obras dedicadas al variante andino de la lengua³. Las fuentes de esas obras son

¹ **Novoselova Elena Vladimirovna**, Rusia, doctora en ciencias históricas, docente en la Universidad tecnológica de Rusia (Helena-Novoselova@yandex.ru).

² *de Alba M. J. G.* El español en América, Fondo de cultura económica. México, 2000; *Pharies D. A.* Breve historia de la lengua española. Chicago: The University of Chicago Press, 2007; *Aleza Izquierdo M., Encuita Utrilla J. M.* La lengua española en América: normas y usos actuales. Valencia: Universidad de Valencia, 2010.

³ *Cerrón-Palomino R., Castellano A.* Aspectos sociolingüísticos, pedagógicos y gramaticales. Lima: PUCP, 2003; *Escobar A.* Variaciones sociolingüísticas del castellano en el Perú. Lima: Instituto de Estudios Peruanos, 1978.

muy diversas: el lenguaje cotidiano, el periodismo, bellas letras, etc. Pero en este caso investigaciones reflejan solo el estado actual de la lengua o de su estado reciente. Pero la perspectiva histórica nos permite analizar procesos léxicos en su desarrollo. Por eso vamos a analizar el período del siglo XVII, porque este período es muy importante para contactos extensos en diferentes esferas políticas, sociales y culturales. Nuestras fuentes principales son los documentos de los procesos contra idolatrías. Por una parte, reflejan perfectamente los procesos ya mencionados, por otra parte, estos documentos aún no están analizados debidamente desde el punto de interacciones lingüísticas.

Para iniciar hay que decir unas palabras sobre estos documentos y su contexto histórico. Se sabe que el siglo XVII era el período de múltiples intenciones de extirpar creencias prehispánicas entre los indígenas. Tenían lugar varios procesos contra tales creencias: idolatría, brujería, sacrificios, etc. La mayoría de los documentos se guarda en el Archivo arzobispal de Lima.

Todos estos documentos están escritos en español. Este hecho es bastante significativo, porque casi todos los indígenas de este período no dominaban esta lengua. En otras palabras, todas sus declaraciones son traducciones del quechua al español. Pero aún en esta situación redactores de documentos utilizaban algunas palabras del quechua. El análisis de su contexto y funciones será nuestra tarea para alcanzar el fin principal, es decir, determinar el lugar que tenían lenguas indígenas (sobre todo el quechua) en la sociedad peruana de este tiempo. Claro que es imposible tomar conclusiones definitivas sin uso de otras fuentes, pero nuestra obra no lo pretende.

Los investigadores ya han señalado que los préstamos de las lenguas indígenas se refieren principalmente a conceptos que faltan en la lengua española⁴. Hay que destacar que palabras quechuas en los documentos mencionados no son numerosas, pero en general nuestras fuentes confirman esta conclusión. Principalmente pertenecen préstamos a la esfera religiosa y señalan diferentes aspectos de creencias indígenas. Por esta causa el contexto de estas palabras es principalmente negativo. Las palabras más principales de esta esfera en nuestros documentos son *huaca*, *mallqui* y *machay*. La huaca es el concepto probablemente más importante de toda la religión andina prehispánica, su significado y funciones son muy variables. Se puede decir que la huaca es una materia sagrada que existe no sólo en organismos, sino también en cosas del reino mineral (piedras, montañas, ríos, etc). Los documentos demuestran que en el siglo XVII las huacas se consideraban como sinónimos de ídolos, pero es, sin dudas, un error, porque el concepto de huaca es mucho más amplio. Damos unos ejemplos de los documentos: "...en sus guacas sacrificando animales, derramando chicha y otras ceremonias ofrecidas todas al demonio..."⁵; "...la huaca Juripalpa fue un indio curaca principal el cual de su propia voluntad se convirtió en piedra para que le adorasen y venerasen como a dios..."⁶. El contexto demuestra que semánticamente el concepto "huaca" está conectado con ideas de ídolos y aún de demonios: en algunos documentos tales objetos de veneración se llaman así⁷. Estas comparaciones nos indican el tratamiento negativo de los españoles a este concepto indígena.

La palabra *mallqui* significa cuerpos momificados de ancestros, especialmente de personas poderosas y nobles que a veces se llamaban "curacas". La veneración de ancestros es un aspecto uno de los principales en la cosmovisión andina, por eso hay nada sorprendente que obtiene un lugar importante en el período colonial temprano. En los documentos que hemos analizado la palabra *mallqui* no se menciona a menudo, pero el concepto mismo es muy significativo⁸. El contexto de este concepto puede ser un poco chocante para una persona que no conoce bien la cosmovisión andina. Damos un ejemplo de uno de los documentos "...los cuerpos cristianos enterrados en la iglesia del dicho pueblo sean sacados y llevados a los machayes..."⁹. Es decir,

⁴ Pharies, op. cit., p. 170; Aleza Izquierdo, *Encueta Utrilla*, op. cit., p. 273–276.

⁵ AAL. Leg. II:3, f. 3.

⁶ AAL. Leg. I:4, f. 2v.

⁷ AAL. Leg. III:1.

⁸ La falta de esta palabra en los documentos se puede explicar por el hecho que no he analizado todos los documentos del archivo mencionado. Podemos encontrarla en tratados de esta época, por ejemplo en la obra de Pablo José de Arriaga (*de Arriaga P. J. Extirpación de la idolatría del Perú*. Lima, 1621. P. 14, 28).

⁹ AAL. Leg. III:8, f. 2v.

personas indígenas robaron los cuerpos de sus parientes para llevarlos a cuevas especiales. Clérigos españoles intentaban extirpar este ritual, pero largamente sin éxito: hay datos sobre esta tradición aún en el período más que cien años después de la Conquista.

La palabra *machay* ya hemos mencionado. Diccionarios coloniales la traducen como “cueva” o “caverna”¹⁰, pero es evidente que los españoles sabían diferenciar *machay* de cuevas en el sentido general. Por eso esta palabra es muy común en nuestros documentos. *Machay* significa una cueva especial donde los indígenas guardaban los cuerpos de sus ancestros y donde realizaban ceremonias diferentes con estos cuerpos. Este rito es una evidencia de transformaciones religiosas en el Perú colonial, porque antes de la Conquista entierros en tumbas especiales eran más común¹¹. Es lógico porque en el período colonial los indígenas tenían que ocultar sus ritos tradicionales, por eso sepulturas en tumbas abiertas llegaron a ser imposibles.

Pero hay que decir que a veces el término *machay* se cambia por la palabra “cueva”, aunque en el contexto se mencionan con claridad *machayes*. Presentamos un ejemplo de un documento bastante temprano (del año 1605): “...sacaron ocho cuerpos de la dicha iglesia y los llevaron a la cueva...”¹². Podemos suponer que el uso del término *machay* se estableció no de inmediato, pero lentamente. Pero esta suposición debe ser examinado en el base de otras fuentes.

¿Qué suposiciones preliminares podemos hacer en la base del análisis presentado? Creemos que el uso de estas palabras no es aleatorio, aquí hay un sistema bastante preciso. Todas estas palabras están conectadas con la religión indígena, con sus aspectos muy importantes que no tenían análogos precisos en la cosmivisión cristiana. En este período los españoles no solo intentaban traducir y explicar términos indígenas (este proceso era muy típico para los tiempos de primeros contactos entre los españoles e indígenas), sino también los incorporaban en su propia cultura y lengua. Por eso podemos concluir que nuestros documentos ilustran la segunda etapa de contratos interlingüísticos, cuando algunas palabras indígenas empezaban a ser una parte de la lengua española en este región.

Existe otro aspecto de nuestro tema. Se trata de las palabras significadas diferentes fenómenos latinoamericanos que a veces son palabras adoptadas en la lengua española. Pueden ser denominaciones de animales, plantas, ropa, etc. Hay dos modos posibles de adoptar tales conceptos: con el uso de palabras originales o sin ellas. La historia de la lengua española en América Latina demuestra que a lo largo de este proceso se usaban ambos modos. No hay dependencia cronológica clara entre ellos, pero podemos concluir que en fuentes más tempranas el segundo modo fue más común¹³. Según este modo, conceptos andinos recibieron denominaciones españolas. Por ejemplo, al jaguar llamaban “tigre”, a la llama — “carnero”, etc. A veces hay no solo denominaciones, sino también explicaciones de estos conceptos: “... sacrificando carneros de la tierra y unos conejos casi de forma de ratones pero mucho mayores y menores que conejos de Castilla que llamaban cuyes”¹⁴. No es difícil concluir que aquí se trata de llamas y conejillos de Indias. Tales explicaciones son razonables, especialmente en el período de primeros contactos de dos culturas tan diferentes como la española y la indígena. Pero en el tiempo estaban más inútiles.

Se puede ver una situación igual en los documentos de los procesos contra idolatrías. Recordamos que la mayoría de estos documentos pertenece al siglo XVII, o sea, al período cuando contactos entre dos culturas fueron ya bastantes prolongados. Quizás por eso haya términos del origen indígena, por ejemplo palabras ya mencionadas como “cuy” y “llama”. ¿Pero por qué precisamente ellas? La causa principal es su contexto. Estos animales eran los objetos más comunes

¹⁰ Anónimo. Arte y vocabulario en la lengua general del Perú llamada quichua, y en la lengua española. Lima: IIDA, 2018. P. 140.

¹¹ Este hecho refiere a la Sierra, es decir regiones montañosas del Perú. En la Costa entierros subterráneos eran más comunes.

¹² AAL. Leg. I:14, f. 1v.

¹³ Hay que destacar que no es una regla fija, porque aun en el centro XVII se usaron palabras españoles para conceptos andinos, por ejemplo en la crónica de Bernabé Cobo donde podemos ver tales palabras como tigres y leones (*Cobo B. Historia del Nuevo Mundo. TIII. Sevilla: Imp. de E. Rasco, 1893. P. 143*).

¹⁴ *Duviols P. Un petite chronique retrouvée Errores, ritos, supersticiones y ceremonias de los indios de provincia de Chinchaycocha // Journal de la société de américanistes. 1974–1976. No. 63. P. 281.*

en diferentes sacrificios, es decir, tenían gran importancia en la cosmovisión andina. Tales ejemplos en los documentos son muy numerosos: "...mataban una llama por el corazón y la sangre ... la carne comían con los indios del dicho pueblo..."¹⁵; "...a media noche hizo una candelada con mucho cebo que quemó y puso mucha coca y chicha y cuyes..."¹⁶. Existía un conjunto permanente de cosas específicas (llamas, cuyes, chicha, coca) que se utilizaban en sacrificios y rituales, es casi igual en la mayoría de los documentos. Representativamente no dan ningunas explicaciones sobre el sentido de estas palabras. Se puede proponer dos causas posibles. Por una parte, aquí podemos ver un intento de explicar el sentido preciso de un concepto indígena, para que palabras originales son muy convenientes. Por otra parte, al siglo XVII estas palabras ya habían vuelto conceptos bastante comunes para participantes del discurso sobre idolatrías indígenas, por eso su traducción no era necesaria. Pero hay que tener en cuenta que estos documentos son fuentes específicas, por eso no podemos hacer conclusiones globales sobre el uso de tales palabras indígenas en todas las esferas del Perú colonial. Pero es evidente que la mayoría de palabras mencionadas (llama, cuy, coca, chicha) se siguen usando en la lengua española, por lo menos en su variante andina.

La situación con palabras que significan diferentes aspectos de la cosmovisión andina es más compleja. Con cambios dramáticos de este aspecto de la vida muchas palabras desaparecieron porque no existieron más los conceptos correspondientes. Eso es relevante para tales palabras como *machay* o *mallqui*: a lo largo del periodo colonial estos conceptos de la cosmovisión andina tradicional se desplazaban por conceptos y tradiciones cristianas. En la actualidad funcionan estas palabras solo como términos especiales en la literatura científica. Pero no es actual para el concepto de huaca que continua ser una parte viva de la cosmovisión andina contemporánea. Es un ejemplo raro de un concepto andino que sobrevivió la cristianización bastante agresiva porque la iglesia no tenía bastante recursos y posibilidades para extirparlo.

Todo esto nos demuestra la relación estrecha entre préstamos indígenas en la lengua española y conceptos de la vida y cosmovisión andina. Sobre todo nuestras fuentes contienen palabras del origen indígena que nombran bebidas y comida locales, animales y aspectos importantes de la religión. Es decir, tratamos con el léxico¹⁷ y sobre todo con el léxico sin equivalentes. El uso de términos originales permite expresar el sentido más cierto. Pero en el caso cuando los conceptos dejaron de existir, las palabras correspondientes desaparecieron del idioma. Por eso podemos decir que la influencia de lenguas indígenas era bastante insignificante, porque no afectaron estratos amplios de la lengua española. A su vez, tal situación refleja también el rol de las lenguas indígenas en la sociedad colonial.

Claro que es imposible hacer conclusiones comunes en la base de un tipo de fuentes, pero otros documentos del mismo período (por ejemplo crónicas coloniales) demuestran que nuestras conclusiones son por lo menos cercas de la verdad.

Bibliografía

1. AAL — Archivo Arzobispal de Lima. Serie Hechicerías e idolatrías. Leg. II:3. 1644.
2. AAL — Archivo Arzobispal de Lima. Serie Hechicerías e idolatrías. Leg. I:4. 1617.
3. AAL — Archivo Arzobispal de Lima. Serie Hechicerías e idolatrías. Leg. III:1. 1650.
4. AAL — Archivo Arzobispal de Lima. Serie Hechicerías e idolatrías. Leg. III:8. 1656.
5. Aleza Izquierdo M., Encuita Utrilla J. M. La lengua española en América: normas y usos actuales. Valencia: Universidad de Valencia, 2010.
6. Anónimo. Arte y vocabulario en la lengua general del Perú llamada quichua, y en la lengua española. Lima: IIDA, 2018.
7. Arriaga J. P. de. Extirpación de la idolatría del Perú. Lima, 1621.
8. Cerrón-Palomino R. Castellano Andino. Aspectos sociolingüísticos, pedagógicos y gramaticales. Lima: PUCP, 2003.

¹⁵ AAL. Leg. III:8, f. 2.

¹⁶ AAL. Leg. I:11, f. 2v.

¹⁷ de Alba, op. cit., p. 56.

9. *Cobo C.* Historia del Nuevo Mundo. TIII. Sevilla: Imp. de E. Rasco, 1893.
10. *Duviols P.* Un petite chronique retrouvée Errores, ritos, supersticiones y ceremonias de los indios de provincia de Chinchaycocha // Journal de la société de américanistes. 1974–1976. No. 63. P. 275–297.
11. *de Alba M. J. G.* El español en América, Fondo de cultura económica. México, 2000.
12. *Escobar A.* Variaciones sociolingüísticas del castellano en el Perú. Lima: Instituto de Estudios Peruanos, 1978.
13. *Pharies D. A.* Breve historia de la lengua española. Chicago: The University of Chicago Press, 2007.

П. А. Жукова¹

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА ЖАИРА БОЛСОНАРУ

FEATURES OF THE SPEECH PORTRAIT OF JAIR BOLSONARO

Resumen: En la lingüística moderna, en el marco del paradigma antropocéntrico, el foco se desplazó hacia el sujeto de la comunicación, sus habilidades cognitivas, así como los fenómenos sociales vinculados a ella. En este sentido, el nivel individual de análisis del discurso adquiere un significado especial. El retrato del lenguaje puede considerarse una representación de las peculiaridades del discurso del político. Este artículo tiene como objetivo describir y analizar los rasgos característicos del retrato lingüístico del actual presidente de Brasil, Jair Bolsonaro. El artículo analiza las estrategias y tácticas de discurso más características del presidente, así como los principales medios léxicos de su implementación, con especial atención a los conceptos metafóricos y su papel en el discurso del presidente. El material para el estudio fueron los discursos públicos del presidente, incluido su discurso inaugural y su discurso en la ONU. La base teórica estuvo formada por los trabajos de destacados expertos rusos y extranjeros en lingüística cognitiva, metáforas conceptuales y lingüística política.

Palabras clave: discurso político; retrato del discurso de un político; tácticas del habla; metáfora cognitiva.

Abstract: In modern linguistics, within the framework of the anthropocentric paradigm, the focus has been switched to the subject of speech communication, his cognitive abilities, as well as social phenomena associated with. In this regard, the individual level of analyzing discourse acquires special significance. Speech portrait can be considered as a representation of the peculiarities of the politician's discourse. This work aims at describing and analyzing the characteristic features of the speech portrait of the current President of Brazil, Jair Bolsonaro. The paper provides an analysis of the most characteristic speech strategies and tactics of the President, as well as the main lexical means of their implementation, with special attention being paid to metaphorical concepts and their role in the president's discourse. The material for the study was the President's public speeches, including his inaugural speech and his speech at the UN. The theoretical base was formed by the works of prominent Russian and foreign experts in cognitive linguistics, conceptual metaphors and political linguistics.

Key words: political discourse; speech portrait of a politician; speech tactics; cognitive metaphor.

Введение

Не будет преувеличением сказать, что важнейшей характеристикой политического дискурса является персуазивность, то есть сила воздействия на адресата с целью убеждения. Как отмечает В. З. Демьянков, цель политического дискурса — внушить адресатам (гражданам) необходимость политически правильных действий и/или оценок, поскольку это выгодно тем, кто стремится к власти². Персуазивность, в свою очередь, достигается с

¹ Жукова Полина Алексеевна, Россия, преподаватель кафедры романских языков МГИМО МИД России (zhukova.p.a@my.mgimo.ru).

² Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. М., ИНИОН РАН. 2002. № 3. С. 32–43.

помощью различных коммуникативных стратегий. В настоящей работе мы исходим из понимания речевого портрета как репрезентации особенностей дискурса политика, своеобразия которого кроется в тактиках, лексических способах реализации данных стратегий. Вслед за О. Л. Михалевой, мы определяем дискурс как вербализацию определенной ментальности³, в данном случае ментальности конкретного политического деятеля.

Приход к власти Ж. Болсонару ознаменовал собой кардинальный пересмотр как внешней, так и внутренней политики Бразилии. В этой связи не удивительно, что одной из важнейших дискурсивных тактик является тактика анализ-«плюс», цель которой — представление какого-либо явления, ситуации, события с позитивной точки зрения⁴. При этом в речи президента данная тактика очень часто дополняется тактикой обличения, то есть указания на тех, чьи действия, по мнению президента, носят деструктивный характер. В качестве одного из наиболее характерных примеров использования данной тактики Ж. Болсонару можно привести его речь на открытии Генеральной ассамблеи ООН в 2020 г. Центральная часть выступления строится на противопоставлении «они — мы». «Они» (условные враги), в данном случае пресса, дестабилизировали и без того сложную ситуацию в стране: «...parcela da imprensa brasileira também politizou o vírus, disseminando o pânico entre a população. Sob o lema “fique em casa” e “a economia a gente vê depois”, quase trouxeram o caos social ao país» (...часть бразильской прессы также политизировала вирус, распространяя панику среди населения. Под лозунгами «оставайтесь дома» и «экономика потом восстановится» они практически посеяли хаос в обществе)⁵. Затем президент противопоставляет данным деструктивным действиям действия конструктивные, правильные, которые были предприняты правительством: «Nosso governo, de forma arrojada, implementou várias medidas econômicas que evitaram o mal maior...» (Наше правительство приняло ряд смелых экономических мер, благодаря которым мы смогли избежать большего зла...)⁶.

В целом нужно отметить, что в дискурсе президента часто очень отчетливо проявляется стратегия обличения и дискредитации противника. Способы реализации данной стратегии в дискурсе Ж. Болсонару можно условно разделить на три группы.

Во-первых, указание на некомпетентность противника, подчас высмеивание противника. Характерным примером может служить высказывание президента о деятельности парламентской комиссии, созданной для расследования случаев бездействия и нарушений в работе правительства по борьбе с пандемией: «No que a CPI contribuiu para evitar ou diminuir o número de mortes? O que fizeram? Nada. É só inferno o tempo todo, tentando de toda maneira atingir o governo» (Какой вклад Комиссия внесла в предотвращение или сокращение числа смертей? Что они сделали? Ничего. Это просто постоянный ад, который пытается помешать правительству).

Выделим основные лексические средства реализации данной тактики в дискурсе президента.

1. Негативно-оценочные слова, инвективы: palhaçada (клоунада), idiotice (идиотизм), fofocar (собирать сплетни), mentira (ложь), bandido (бандит), canalha (подлец) и т. д.

2. Важную роль в реализации данной тактики играют слова с оценочным суффиксом. Дискурс президента изобилует примерами использования слов с уменьшительно-ласкательным суффиксом, который приобретает в дискурсе пренебрежительную коннотацию. Так, желая минимизировать серьезность пандемии, Болсонару называет COVID-19 gripezinha (gripe, f — грипп); о взятке, в получении которой обвиняют министерство здравоохранения, — propininha (propina, f — взятка); о якобы наступившем

³ Михалева О. Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 23.

⁴ Ibid, с. 52.

⁵ Discurso do Presidente da República, Jair Bolsonaro, na abertura da 75ª Assembleia Geral da Organização das Nações Unidas (ONU) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.br/planalto/pt-br/acompanhe-o-planalto/discursos/2020/discurso-do-presidente-da-republica-jair-bolsonaro-na-abertura-da-75a-assembleia-geral-da-organizacao-das-nacoes-unidas-onu> (дата обращения: 10.06.2021).

⁶ Idem.

конце пандемии — *finalzinho* (*final*, *m* — конец); о проблемах режима диктатуры (1964–1985) — *probleminhas* (*problema*, *m* — проблема) и т. д. Говоря о своих прямых политических противниках — «левых», Болсонару часто использует слово *esquerdalha* (*esqueda*, *f* — левые) с суффиксом *-alha*, имеющим пейоративную коннотацию.

3. Слова, приобретающие негативную коннотацию в контексте. Рассмотрим следующий пример: «*Estamos fazendo o contato direto com os prefeitos porque é lá que o povo vive, e não na fantasia de alguns governadores*» (*Мы поддерживаем прямой контакт с главами муниципалитетов, потому что именно там живет народ, а не в фантазии некоторых губернаторов*). Лексема *fantasia* (фантазия) сама по себе не имеет негативно-оценочной коннотации, однако приобретает ее в данном контексте противостояния президента с губернаторами штатов, которые проводят, по его мнению, неправильную политику. Таким образом, данная лексема оказывается емким носителем заложенного в нее смысла: губернаторы не компетентны, так как не имеют представления о реальной жизни народа.

Во-вторых, тактика обвинения. Например, Болсонару открыто обвиняет губернаторов ряда штатов, которые против его воли вводили ограничения из-за пандемии, в том, что они лишили население рабочих мест: «*Não está fácil emprego no Brasil. E quem destruiu emprego não fui eu. Foram governadores e prefeitos que fecharam tudo*» (*Обеспечение занятости населения — это сложная задача в Бразилии. И не я уничтожил рабочие места. Это сделали губернаторы и мэры, которые все закрыли*). При этом первой фразой Болсонару подчеркивает тяжесть содеянного.

Помимо эксплицитного обвинения, в дискурсе Болсонару можно встретить эмоционально-экспрессивные лексемы, имплицитно обвиняющие: например, лексема *fraude* (фальсификация), которую президент часто использует по отношению к участию в президентских выборах 2022 г. своего прямого конкурента экс-президента Луиса Инасио да Силвы (Лулы). В качестве еще одного примера приведем слова Болсонару, сказанные в ответ на обвинения в геноциде: «*Me chamar de genocida, isso é um crime*» (*Обвинять меня в геноциде — это преступление*).

В-третьих, в ряде вышеприведенных примеров отчетливо проявляется тенденция к реализации другой стратегии — самозащиты. В дискурсе Ж. Болсонару данная стратегия неотделима от дискредитации противника. Проиллюстрируем этот тезис следующей цитатой: «*Agora, se essa articulação prosperar, esses três vão ter que inventar uma outra maneira de termos eleições confiáveis [...] Caso contrário, vamos ter problemas ano que vem no Brasil. Estou antecipando porque a minha, que estou falando aqui, é a expressão da democracia, a transparência*» (*Сейчас, если эта договоренность будет оставаться в силе, эти трое должны будут придумать иной способ проведения заслуживающих доверия выборов [...] В противном случае в следующем году в Бразилии будут проблемы. Я предвосхищаю это, потому что моя речь — выразитель демократии и транспарентности*). Таким образом, президент выступает с критикой своих противников, а затем оправдывает свою критику, апеллируя к важнейшим социально-политическим ценностям.

Нельзя не согласиться с Т. В. Романовой в том, что главной в дискурсе политика является стратегия самопрезентации⁷. Самопрезентация, когда речь идет о президентском дискурсе, субъект которого персонифицирован, предполагает представление в наиболее выгодном свете не только своих политических взглядов, но и самого себя как личности, как части социума. Прежде всего необходимо отметить, что основная цель самопрезентации Жаира Болсонару может быть обозначена как утверждение своего лидерства, главенства своей власти. Рассмотрим ряд характерных способов реализации данной стратегии в дискурсе президента.

Во-первых, аллюзии на мессианство. Представление самого себя как носителя великой миссии очень характерно для дискурса президента. В этом ему во многом помогает его второе имя *Messias* (Мессия, Помазанник). Болсонару не раз в шутку обыгрывал свое имя,

⁷ Романова Т. В. Интент-анализ политического дискурса // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК. Ставрополь, Изд-во ПГЛУ. 2007. Вып. 5. С. 177–189.

например: «Eu sou Messias, mas não faço milagres» (*Я Мессия, но не творю чудеса*). Однако помимо ироничных отсылок в дискурсе президента явно заметны и другие проявления выражения данной идеи. Обратимся к иннаугурационной речи президента. В своем выступлении перед Конгрессом новоизбранный президент четыре раза употребляет лексему *missão* (миссия), подчеркивая тем самым особый статус своей деятельности⁸. Во многом дополняет реализацию данной стратегии частая апелляция к Богу и божественной воле, которая в дискурсе Болсонару приобретает главенствующий характер, о чем говорит один из его слоганов: «Deus acima de todos» (Бог над всеми). «Acredito em Deus, que sacará cientistas e pesquisadores do Brasil e do mundo na cura desta doença» (*Верю в то, что Бог поможет ученым и исследователям Бразилии и мира вылечить эту болезнь*). Следующий пример можно считать своеобразной квинтэссенцией данной стратегии представления собственной власти как данной Богом: «Se Deus me colocou aqui, pelas mãos de vocês, tenho certeza que esta missão será muito bem cumprida» (*Если Бог поставил меня на это место вашими [избирателей] руками, я уверен, что эта миссия будет прекрасно выполнена*).

Во-вторых, метафорическая аллюзия на патриархальную семью. В современной когнитивной лингвистике метафора понимается не просто как стилистико-риторический прием, а как ментальный конструкт, структура знания и в то же время средство познания реальности, а сам процесс метафоризации заключается в когнитивном структурировании одного концепта по образцу другого, более конкретного концепта⁹. При этом выбор сферы — источника метафоры предопределяет ракурс видения обозначаемого¹⁰.

Рассмотрим реализацию стратегии самопрезентации с помощью метафоры «отношения между президентом и министрами/подчиненными — отношения между мужчиной и женщиной». С завидной регулярностью, затрагивая тему отношений с тем или иным членом правительства или иных властных структур, президент так или иначе использует данную метафору: 1. О министре экономики: «Peço desculpas por frustrar a tentativa de parte da mídia de criar um virtual atrito entre eu e Paulo Guedes. Nosso casamento segue mais forte que nunca» (*Прошу прощения за то, что пресек попытку некоторых СМИ создать видимость разногласий между мной и Пауло Гедесом. Наш брак крепче, чем когда-либо*)¹¹. 2. Об отставке главы секретариата администрации президента: «Lamento o ocorrido, mas não poderia ter tomado outra decisão. É quase um casamento que, infelizmente, prematuramente se desfez» (*Сожалею о случившемся, но я не мог принять иного решения. Это почти как брак, который, к сожалению, преждевременно распадается*)¹². 3. Об отношениях с председателем палаты депутатов: «Voltamos a namorar» (*между нами снова близкие отношения*)¹³. Таким образом, можно проследить конструирование концепта-цели концептом-источником: 1) Крепкая связь с министром-единомышленником — брак; 2) Возникновение разногласий и отставка члена правительства — расторжение брака; 3) Нестабильные отношения с политиком не из своей команды — период ухаживаний. При этом самого себя Болсонару осознает как главу этой «семьи» или «пары»: «Quem demite ministro sou eu. Ninguém me procurou nem ousaria procurar» (*Именно я могу уволить министра. Никто меня об этом не просил и не осмелился бы*), — заявил президент в ответ на вопрос о том, просили ли его уволить министра иностранных дел.

⁸ Discurso do Presidente da República, Jair Bolsonaro, durante Cerimônia de Posse no Congresso Nacional [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.br/planalto/pt-br/acompanhe-o-planalto/discursos/2019/discursodo-presidente-da-republica-jair-bolsonaro-durante-cerimonia-de-posse-no-congresso-nacional> (дата обращения: 10.06.2021).

⁹ Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004.

¹⁰ Опарина Е. О. Метафора в политическом дискурсе // Политическая наука. 2002. № 3. С. 22–30.

¹¹ Castro R. Dez metáforas de Bolsonaro sobre a política e o amor // O Globo [Электронный ресурс]. URL: <https://oglobo.globo.com/epoca/dez-metforas-de-bolsonaro-sobre-politica-o-amor-23708994> (дата обращения: 13.06.2021).

¹² Idem.

¹³ Idem.

В-третьих, апелляция к личному опыту. Использование личного примера важно как с точки зрения самопрезентации, то есть создания своего имиджа, так и для подкрепления свойственной аргументации. Например: «No meu caso particular, pelo meu histórico de atleta, caso fosse contaminado pelo vírus, não precisaria me preocupar, nada sentiria ou seria, quando muito, acometido de uma gripezinha ou resfriadinho» (В моем личном случае, благодаря тому, что в прошлом я был спортсменом, если я заражусь вирусом, мне не нужно будет беспокоиться, в худшем случае у меня будет обычный грипп или небольшая простуда). Так, апеллируя к личному примеру, президент, во-первых, получает возможность представить себя как сильную личность, а во-вторых, использует личный пример как аргумент в поддержку своей точки зрения о несерьезности пандемии коронавируса.

Подводя итог, отметим ряд стилистических особенностей речей Болсонару, которые служат базой для реализации описанных стратегий. Прежде всего стоит отметить эмоциональность речи президента, которая в лексическом плане достигается использованием большого числа эмотивов: аффективов и инвективов. С точки зрения синтаксических конструкций обращает на себя внимание обилие риторических вопросов. Как отмечают М. Я. Блох и Н. А. Резникова, «данный прием активизирует внимание аудитории, усиливает впечатление, повышает восприимчивость слушающего»¹⁴. Также в речи президента можно отметить частое использование повелительного наклонения, которое является важным инструментом воздействия на реципиентов.

Библиография

1. Блох М. Я., Резникова М. А. Средства эмоционального воздействия политических выступлений // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (филология). 2006. Вып. 9(60). С. 14–19.
2. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. М.: ИНИОН РАН. 2002. № 3. С. 32–43.
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.
4. Михалева О. Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
5. Опарина Е. О. Метафора в политическом дискурсе // Политическая наука. 2002. № 3. С. 22–30.
6. Castro R. Dez metáforas de Bolsonaro sobre a política e o amor [Электронный ресурс]. URL: <https://oglobo.globo.com/epoca/dez-metaforas-de-bolsonaro-sobre-politica-o-amor-23708994> (дата обращения: 13.06.2021).
7. Discurso do Presidente da República, Jair Bolsonaro, durante Cerimônia de Posse no Congresso Nacional [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.br/planalto/pt-br/acompanhe-o-planalto/discursos/2019/discurso-do-presidente-da-republica-jair-bolsonaro-durante-cerimonia-de-posse-no-congresso-nacional> (дата обращения: 10.06.2021).
8. Discurso do Presidente da República, Jair Bolsonaro, na abertura da 75ª Assembleia Geral da Organização das Nações Unidas (ONU) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.br/planalto/pt-br/acompanhe-o-planalto/discursos/2020/discurso-do-presidente-da-republica-jair-bolsonaro-na-abertura-da-75a-assembleia-geral-da-organizacao-das-nacoes-unidas-onu> (дата обращения: 10.06.2021).
9. Pronunciamento do Senhor Presidente da República, Jair Bolsonaro, em cadeia de rádio e televisão [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.br/planalto/pt-br/acompanhe-o-planalto/pronunciamentos/pronunciamentos-do-presidente-da-republica/pronunciamento-em-cadeia-de-radio-e-televisao-do-senhor-presidente-da-republica-jair-bolsonaro> (дата обращения: 11.06.2021).

¹⁴ Блох М. Я., Резникова М. А. Средства эмоционального воздействия политических выступлений // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (филология). 2006. Вып. 9(60). С. 18.

G. S. Románova, E. A. Grínina¹

LENGUAJE COMO UN INSTRUMENTO IMPORTANTE DEL PROCESO DE LA COLONIZACIÓN CULTURAL

LANGUAGE AS AN IMPORTANT INSTRUMENT OF THE PROCESS OF CULTURAL COLONIZATION

Resumen: Este artículo ofrece un análisis de violencia lingüística como fenómeno cultural, y como parte del proceso colonizador en América durante el periodo de Conquista. Los españoles no solo lograron ocupar vastos territorios del Imperio Incaico, despojando a la población de sus tierras y propiedades, destruyendo la infraestructura de su civilización, sus principales institutos, sino también pretendían abolir sus valores tradicionales, su religión y cultura. Siendo el idioma el vehículo principal de la transmisión de los contenidos espirituales, culturales e intelectuales, requiere de uno, o más, instrumentos de memoria, algo grabado, algún arte de escritura. El monje católico de origen quechua, Felipe Guamán Poma de Ayala, describe este trágico proceso en su libro “La Nueva Corónica y Buen Gobierno”, en la que explica lo mucho que perderá su pueblo y todo el mundo cristiano cuando caiga en desuso su lengua materna. Algunos ejemplos de este maravilloso libro se usan como materiales de estudio, de cómo la lengua dominadora se impone a la civilización conquistada, practicando violencia lingüística.

Palabras clave: violencia lingüística; colonización cultural; crónicas indias; enfoque comunicativo; Felipe Guamán Poma de Ayala.

Abstract: This article offers an analysis of the linguistic violence as a cultural phenomenon, and as a part of the colonization process in America during the Conquista. The Spaniards not only occupied the main territories of the vast Incaic empire, took their properties and destroyed the key institutions, all the administration system, but also pretended abolish the traditional values, religion and culture. Being the language the most important vehicle of the cultural transmission, it needs instruments of memory, some script, some art of writing. The catholic monk of quechua origin, named Felipe Guaman Poma de Ayala, described all this tragic process in his book “La nueva coronica y buen gobierno”. He explained, how much had lost his people and all the Christian world when his mother tongue disappeared. Some examples of this book are used as a material to study how acts the domination language upon the conquered civilization, exercising linguistic violence.

Key words: linguistic violence; cultural colonization; indian chronicles; a communicative approach; Felipe Guaman Poma de Ayala.

Introducción

La Conquista, iniciada a finales del siglo XV, se llevó a cabo por un número pequeño de los europeos: inicialmente se contaba con cuatro — cinco mil (o diez, como máximo). Al comenzar el décimo sexto centenio se encuentran en el Nuevo mundo unos 200 mil conquistadores, — tampoco es mucho, comparado con la numerosísima población indígena. Sin embargo, estas tierras ya eran llamadas América Española, o América Latina.

La imagen del conquistador ya está intrínsecamente vinculada con la crueldad y la violencia de todo tipo. Pero ahora, cuando muchos hechos históricos se someten a la revisión o son

¹ **Романова Галина Семеновна**, Россия, кандидат филологических наук, доцент кафедры испанского языка МГИМО МИД России (gromanova.home@gmail.com),

Гринина Елена Анатольевна, Россия, кандидат филологических наук, доцент кафедры испанского языка МГИМО МИД России (eagrinnina@yandex.ru).

revalorizados, se oye cada vez más alto la voz de los propios ciudadanos latinoamericanos, que hablan de la violencia lingüística, cuyas secuelas destructivas siguen observándose hasta ahora.

El aspecto cultural de la violencia, que nos interesa para fines de este estudio se analiza, en particular, en el artículo “Calas en la última teoría de la violencia como desafío de las ciencias culturales”², que parte de que la literatura es un acervo de la cultura mundial, cuyo estudio debería llenar las lacunas que la sociología y el derecho dejan, faltos de la dimensión antropológica; la medicina y psicología, fijándose en el dolor y el sufrimiento, prestan más atención al cuerpo, dejando de lado la esfera de comunicación, que debería servir de enlace entre todas estas áreas de investigación.

Entre los autores, que aplican con éxito el enfoque comunicativo como instrumento de explorar la violencia, indicaremos a E. M. Matienzo León que afirma que todo acto de violencia siempre entraña un mensaje comunicativo³.

Entorno histórico

En el libro de Felipe Guamán Poma de Ayala “La Nueva Corónica y Buen Gobierno”⁴ la violencia aparece en todas sus formas posibles, incluida la violencia lingüística. Tiene todas las características de su especie: atenta contra otra(s) persona(s) para establecer un control sobre ella(s), someterla(s) a su poder y obtener alguna ventaja, beneficio o superioridad sobre el grupo meta. La violencia es un elemento indisoluble del proceso de conquista o colonización, cuyo objeto y víctima es, en este caso, la población indígena. Y, como Matienzo León afirma, la legitimación de la violencia colonial se realiza a través de la lengua. Una nueva lengua “se impone” a los conquistados mediante la comunicación para consumar el proceso colonizador, y esta forma de violencia es casi irreversible. El “agente-victimario” que usa la lengua como instrumento de colonización es cualquier funcionario de la administración, o un fraile católico. La víctima es un indio, o la comunidad indígena.

Felipe Guamán, el autor de la Crónica, es un monje católico y traductor-intérprete quechua-español. No es mestizo, es indio, pero su nombre nos indica que la suerte le hizo servir de enlace (canal de comunicación) entre el victimario y la víctima. Fue bautizado Felipe, en honor del lejano Rey Felipe II, a quien dedica la obra de toda su vida. Los nombres recibidos al nacer (Guamán — “halcón” y Poma — “puma”) simbolizan las mejores cualidades masculinas en el caído Imperio Incaico. Como intérprete, le tocó recorrer todas las cuatro partes del enorme Tahuantinsuyu, formando parte de la misión española de “extirpación de idolatrías”. Le tocó ser testigo presencial de todo tipo de violencia, sus métodos y consecuencias, y decidió buscar amparo para sus congéneres en el católico rey español Felipe II, pues bajo su corona se estaba cometiendo justamente lo contrario a lo que pregonaba la Iglesia católica y la administración del monarca. El resultado lamentable de los años del gobierno colonial se expresa repetidas veces en la exclamación del autor: “Y acá no multiplica yndios en este rreyno, sino mestizos y mestizas y no ai rremedio”⁵. Coincidimos en la opinión con Matienzo León, que cree que estas palabras no deben ser consideradas como intransigencia del cronista peruano, porque reflejan su dolor y presagio de la destrucción de su propia civilización, del cual era testigo⁶.

No es de extrañar que Felipe Guamán, siendo su idioma materno el quechua, se fije en numerosos y flagrantes hechos de violencia lingüística, a la par con la generalizada violencia física

² Buschmann A., López Abadía J. M. Calas en la última teoría de la violencia como desafío de las ciencias culturales, Versants // Revista Suiza de Literaturas Románicas. 2010. Vol. 57. No. 3. P. 7–26.

³ Matienzo León E. M. Las violencias en/sobre El Primer Nueva Corónica y Buen Gobierno de Felipe Guamán Poma de Ayala // Guamán Poma de Ayala. Las travesías culturales / M. Mamani Macedo (ed.). Lima: Grupo Pakarina S.A.C., 2016. P. 183–184.

⁴ Guamán Poma de Ayala F. El primer nueva corónica y buen gobierno / Ed. crítica de Jh. V. Murra, R. Adorno. Trad. del quechua de J. Urioste. México: Siglo veintiuno editores, 1988.

⁵ Guamán Poma de Ayala, op. cit., p. 565.

⁶ Matienzo León, op. cit., p. 188.

y económica. No serían tan evidentes para una persona menos talentosa en materia de lenguas, que supo ser el primer nativo en transcribir con letra latina los sonidos de las voces quechuas y explicar en español muchas realidades, conceptos y objetos de su tierra madre.

La civilización andina, considerada ágrafa, oral, en realidad había desarrollado su propio sistema semiótico de varios niveles y lo utilizaba exitosamente para mantener la comunicación y sofisticados lazos logísticos en el enorme imperio incaico del Tahuantinsuyu, pluriétnico, multilingüe y políglota. Uno de los elementos clave de este sistema eran los famosos *quipu* — “nudos o ligaduras” en quechua, cuyos fibras de diferentes colores siguen guardando sus enigmas. Otro elemento son los coloridos dibujos *tocapu* o *quillqa* usados por Felipe Guamán en gran número no solo para ilustrar el texto en español, muchas veces incapaz de transmitirle al lector lo que era la civilización andina arrasada por la avalancha de la violencia.

Lo que supo transmitirnos Felipe Guamán, y lo que le quedó en el tintero

Se sabe que los quipus, que podemos ver en muchos museos, llevan un código binario: no solo se trata de una información sobre el volumen de las cosechas recogidas en el año tal, o sobre las reservas de alimentos guardadas por si sucedía una emergencia en los seguros *tambos*. También contienen nociones históricas, astronómicas y astrológicas: “...tenían quipos de colores teñidos... y eran tan hábiles, pues que en los cordeles supo tanto, qué me hiciera si fuera en letra?.. Con los cordeles gouernaua todo el rreyno, escriuía sin mentira y cin cohecho ninguna. Era cristianísimos”⁷.

Los dibujos *quillqa* y *tocapu* tampoco eran simples ilustraciones, sino narraciones pormenorizadas de para qué servían estos u otros objetos, animales o construcciones, cómo se celebraban las fiestas etcétera. Los *tocapu* daban cuenta del valor que se otorgaba a uno u otro elemento dibujado, su lugar, su tamaño, sus accesorios, — todo estaba lleno de un contenido profundo, muchas veces no solo práctico, sino también didáctico⁸. No son ni pictogramas, ni signos jeroglíficos, sino obras artísticas casi realistas, verdaderos instrumentos de memoria que permiten preservar los importantes acontecimientos históricos, antiguas tradiciones, la sabiduría del pueblo. Pero, a la vez son una especie de tarjeta postal (*letra o carta mensajera*), análogo de un libro (*libro o papel, generalmente*). *Tocapu* es una palabra de significado muy amplio, que une la idea del signo, imagen plástica, efecto emocional del color y el valorativo. “*Qillqa*... aparece unida a la idea de signos escritos a la vez que a una presencia de colores y pintura. La voz *Qillqa* trae de por sí aparejada una representación cromática. Escribir, dibujar, pintar se expresan por una sola palabra: *qillqa*, y esta misma palabra sirve para expresar el lienzo, la tabla y el objeto pintado. Cabe, pues, usar la palabra *qillqa* como sinónimo de pictografía en el concepto de los etnólogos modernos”⁹. De este fragmento se desprende que la palabra *qillqa* significa algo mucho más profundo y rico que la pictografía moderna. De ahí que debiéramos comprender más a fondo las lamentaciones de Felipe Guaman de que él, como cronista, fuera incapaz de transmitirle al lector en castellano todo lo que hubiera podido expresar con ayuda de los *qillqa*, su materno instrumento de memoria.

La introducción del castellano y el alfabeto latino como vehículos de comunicación e inductación de los indígenas, desplazó rápidamente los métodos e instrumentos de escritura locales. La letra latina, mucho más fácil en el uso, pasó a ser empleada incluso para fijar y transmitir las realidades autóctonas. Basta ver con qué maestría lo hace el indio Poma de Ayala, adaptándola a la fonética del quechua y otras lenguas. Muy pronto cayeron en desuso los especialistas en ese arte — *quipucamayoc* y *qillqamayoc*, cuya preparación y adiestramiento profesionales requerían muchos años de estudios. Actualmente, pese a los importantes progresos en recuperar la herencia cultural de los pueblos andinos, logrados internacionalmente, no siempre se consigue descifrar, o interpretar una gran parte de la información contenida en los *quipus* y *tocapu* incaicos. A propósito,

⁷ Guamán Poma de Ayala, op. cit., p. 359.

⁸ Романова Г. С. Хроника доброго правления: язык и нравы // Ибероамериканские тетради. 2013. № 2(2). С. 152.

⁹ Urton G. Signos del Khipu Inca. Código binario. Cuzco, Centro de Estudios Regionales Andinos Bartolomé de las Casas, 2005. P. 2.

el lector ruso puede disfrutar de esta crónica al leer la traducción acompañada de comentarios correspondientes, editada en Rusia¹⁰. De todos modos, compartimos la opinión de la investigadora peruana E. A. Matienzo León, que deduce: “La disfuncionalidad de las formas lingüísticas nativas ante la aparición de la escritura es punto de referencia para analizar la violencia que ejerció la letra latina en el contexto de la colonialidad”¹¹.

El abandono y olvido de los instrumentos de comunicación y memoria tradicionales tuvo como consecuencia la aparición y afianzamiento de otra especie de violencia lingüística: denegación a la población indígena, cualquiera que fuese su rango o categoría, de fijar en forma escrita acuerdos, compromisos o actos algunos de condición civil. So pretexto de que eran ágrafos e incapaces de entender el sentido de los documentos redactados en castellano, eran despojados de todo derecho jurídico. Como escribe Ángel Rama en su libro “La ciudad letrada”, el papel de escritura durante la conquista de nuevos territorios era inmensamente importante, ya que otorgaba legitimidad a este proceso¹². La ley de Castilla entraba rápido, dura e irreversiblemente, todo era debidamente fijado. Lo que le garantizaba su unilateralidad, — un indicio inequívoco de la violencia.

Guamán Poma en su *Corónica* se lamenta sin cesar de que los instrumentos legales de posesión de bienes, tierras, relaciones familiares, deuda y otros actos tradicionales, se hayan desvirtuado, habiendo perdido su valor legal. El llamado *Cognitio summaria*, establecido por la administración colonial en 1530, que postulaba la necesidad de atraer a 30 testigos para dar fe a un acto civil, de ningún modo garantizaba la obligación de las partes de acatarlo¹³. Es por eso por lo que en las páginas de la *Corónica* tantas veces aparezcan desesperadas exhortaciones a los congéneres del autor a que demandaran la fijación escrita de las transacciones, para darles un toque de vinculantes. Para enseñar a los indígenas a usar los documentos, en los dibujos del libro muchas veces figuran personajes que tienen en sus manos papeles con inscripciones claramente legibles: *cédula de alquiler*, *mita* (certificado de haber cumplido el trabajo en la mina), *carta*, *amparo* (garantía de seguridad) etc. Con este mismo objetivo Felipe Guamán aduce ejemplos de cómo habrían de ser redactados estos documentos: “Es y como se sigue abreuiado. A de decir acá: D. Pedro de Torres, corregidor y justicia mayor desta prouincia y su jurisdicción, por su Majestad le defiendo y anparo a D. A., yndio rreseruado... deste dicho pueblo. Y que no pague tributo ni acuda a las demás seruicios personales. Y asimismo le anparo de toda su hazienda..., que no se la tomen”¹⁴.

De esto se desprende que la violencia lingüística invade todas las esferas de la vida colonial. La *Corónica* nos hace ver como los indígenas huían de sus casas, dejando sus ciudades y pueblos, buscando refugio en los parajes más inhóspitos del monte y selva. No solo querían esconderse de la persecución y esclavitud del hombre blanco, sino también anhelando preservar su idiosincrasia y su modo de vida, prefiriendo una muerte física a la extinción espiritual.

Lo que le quedó en el tintero de nuestro monje indio, es su nunca demostrada convicción de que el final de los tiempos, que ya estaba encima, acabaría con todo tipo de violencia, una vez evangelizados todos los habitantes del Nuevo Mundo. Como prueba José Cárdenas Bunsen, Felipe Guamán había tenido acceso al *Tratado de las doce dudas* de su contemporáneo Fray Bartolomé de Las Casas y compartía su idea de la veracidad de las antiguas profecías escatológicas, que pregonaban una pronta llegada del reino universal de la justicia. Por eso la violencia, incluso lingüística, no encontró resistencia activa de la población que, ignorando la ley natural y el derecho de autodefenderse, demostraba su “buena voluntad” y se sometía a la jurisdicción del rey español¹⁵.

¹⁰ *Пома де Айяла Ф. Г.* Первая новая хроника и доброе правление. М.: Памятники исторической мысли, 2011.

¹¹ *Matienzo León*, op. cit., p. 190.

¹² *Rama A.* La ciudad letrada. Hannover, New Hampshire: Ediciones del Norte, 1984.

¹³ *Harrison R.* Guamán Poma: Law, Land and Legacy // Unlocking the Doors to the World of Guaman Poma and his Nueva coronica / Ed. by R. Adorno, I. Boserup. The Royal Library. Museum Tusulanum Press. Copenhagen, 2015. P. 146.

¹⁴ *Ibid.*, p. 146.

¹⁵ *Cárdenas Bunsen J.* Manuscript Circulation, Christian Eschatology and Political Reform: Las Casas’s Tratado de las doce dudas and Guaman Poma’s Nueva coronica // Unlocking the Doors to the World of Guaman Poma and his

El texto de la *Corónica* ofrece, aunque implícitamente, todo un plan de reformas, encaminado a suavizar, por la vía cristiana, la violencia del régimen colonial y obtener, en recompensa, un final de los tiempos mucho más dulce y mitigado. Para paliar la violencia lingüística y civilizacional, su propuesta es más radical y desesperada: separar a los indios de los españoles, mestizos y esclavos africanos¹⁶. Al fin y al cabo “andando tiempos, nos engualaremos y seremos unos en el mundo; ya no habrá indio ni negro. Todos seremos españoles de un áuito en el mundo, un Dios, un pastor, un rey, como Dios lo declara en la deuina escritura y en su evangelio...”¹⁷.

Como conclusión, quisiéramos subrayar que la violencia lingüística, como imposición de códigos psico-culturales ajenos, es un efecto unidireccional, pero como todo efecto forzado, se encuentra con una fuerza contraria, es decir, acción es igual a reacción, y ambas van mucho más allá de la materia idiomática. Las lenguas, por minoritarias que fueren, hay que tratarlas con debido respeto, pues son mucho más que instrumentos, son civilizaciones mismas. Y la unificación final del género humano, ojalá que siga siendo una entelequia de las profecías antiguas.

Bibliografía

1. *Buschmann A., López Abadía J. M.* Calas en la última teoría de la violencia como desafío de las ciencias culturales // *Versants. Revista Suiza de Literaturas Románicas*. 2010. Vol. 57. No. 3. P. 7–26.
2. *Cárdenas Bunsen J.* Manuscript Circulation, Christian Eschatology and Political Reform: Las Casas's Tratado de las doce dudas and Guaman Poma's Nueva coronica // *Unlocking the Doors to the World of Guaman Poma and his Nueva coronica* / Ed. by R. Adorno, I. Boserup. The Royal Library. Museum Tusculanum Press. Copenhagen, 2015. P. 65–86.
3. *Guamán Poma de Ayala F.* El primer nueva coronica y buen gobierno / Ed. crítica de Jh. V. Murra, R. Adorno. Trad. del quechua de J. Urioste. México: Siglo veintiuno editores, 1988.
4. *Harrison R.* Guamán Poma: Law, Land and Legacy // *Unlocking the Doors to the World of Guaman Poma and his Nueva coronica* / Ed. by R. Adorno, I. Boserup. The Royal Library. Museum Tusculanum Press. Copenhagen, 2015. P. 141–163.
5. *Matienzo León E. M.* Las violencias en/sobre El Primer Nueva Coronica y Buen Gobierno de Feipe Guamán Poma de Ayala // *Guamán Poma de Ayala. Las travesías culturales* / M. Mamani Macedo (ed.). Lima, Grupo Pakarina S.A.C., 2016. P. 181–193.
6. *Ossio A. J. M.* Inca Kings, Queens, Captains, and Tócapus in the Manuscripts of Martín de Murúa and Guamán Poma // *Unlocking the Doors to the World of Guaman Poma and his Nueva coronica* / Ed. by R. Adorno, I. Boserup. The Royal Library. Museum Tusculanum Press. Copenhagen, 2015. P. 217–220.
7. *Rama A.* La ciudad letrada. Hannover, New Hampshire: Ediciones del Norte, 1984.
8. *Urton G.* Signos del Khipu Inca. Código binario. Cuzco, Centro de Estudios Regionales Andinos Bartolomé de las Casas, 2005.
9. *Пома де Айяла Ф. Г.* Первая новая хроника и доброе правление. М.: Памятники исторической мысли, 2011.
10. *Романова Г. С.* Хроника доброго правления: язык и нравы // *Ибероамериканские тетради*. 2013. № 2(2). P. 148–168.

Nueva coronica / Ed. by R. Adorno, I. Boserup. The Royal Library. Museum Tusculanum Press. Copenhagen, 2015. P. 65–86.

¹⁶ *Ossio A. J. M.* Inca Kings, Queens, Captains, and Tócapus in the Manuscripts of Martín de Murúa and Guamán Poma // *Unlocking the Doors to the World of Guaman Poma and his Nueva coronica* / Ed. by R. Adorno, I. Boserup. The Royal Library. Museum Tusculanum Press. Copenhagen, 2015. P. 217–220.

¹⁷ *Cárdenas Bunsen*, op. cit., p. 80.

МЕКСИКАНСКИЕ РЕТАБЛО КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

MEXICAN RETABLOS AS A LINGUOCULTURAL PHENOMENON

Resumen: Los llamados “retablitos populares mexicanos” representan una de las manifestaciones religiosas más singulares de México. Se trata de pequeñas pinturas en láminas metálicas que, desde hace siglos, cualquier devoto puede colocar en templos, con el fin de agradecer a un santo o a una divinidad por algún favor recibido. Estas representaciones visuales de las vivencias de la gente, se acompañan con breves descripciones escritas de la situación por la que se dan las gracias a la divinidad elogiada. Tradicionalmente los retablos populares solo han sido estudiados desde el estudio del arte y la historiografía, pero no desde el análisis del discurso. En el artículo se realiza un intento de destacar el valor del retablo popular mexicano como una especie de texto creolizado.

Palabras clave: retablo popular mexicano; exvoto pintórico; cultura popular mexicana.

Abstract: The so-called “popular Mexican retablitos” represent one of the most unique religious manifestations of Mexico. These small paintings on metallic foil have been placed in temples for centuries, by any devotee who wants to thank a saint or divinity for some favor received. These visual representations of the experiences of the people, are accompanied with brief written descriptions of the situation by which the praised divinity is thanked. Traditionally popular retablos have been studied from study of art and historiography, but not from the analysis of discourse. An attempt to identify the popular Mexican retablo as a kind of creolized text is made in the article.

Key words: popular Mexican retablito; votive paintings; popular Mexican culture.

Традиционные мексиканские ретабло представляют собой изображение и текст, нанесенные на тонкую металлическую пластину. Верующий, как правило без особой художественной подготовки, рисует изображение в благодарность какому-либо святому, Богородице или Христу за чудесную помощь, дарованную в тяжелый или опасный момент жизни. Изображение сопровождается коротким текстом, в котором верующий — автор всего ретабло или только текста — излагает свое видение событий, описывает чудо, которое ему было даровано свыше, и суть своей благодарности. В тексте, как правило, присутствует имя дарителя и дата.

Мексиканские ретабло составляют предмет исследования зарубежных искусствоведов уже несколько десятков лет. Авторитетные искусствоведческие исследования на интересующую нас тему датируются начиная с 80-х годов XX века. А вот сбор и первые предложения по классификации материала (по месту и времени создания, по святому, к которому обращена благодарность, по теме благодарности, а в некоторых случаях, когда это возможно, по автору рисунка и т. д.) начинаются раньше, в первой половине XX века. Не в последнюю очередь это происходит благодаря интересу к ретабло таких великих мексиканских художников, как Диего Ривера и Фрида Кало. Увлеченные традиционным мексиканским искусством, они собрали самую первую большую коллекцию ретабло, и благодаря им мир узнал об этой живописной традиции.

¹ Кутькова Анастасия Владимировна, Россия, кандидат филологических наук, старший преподаватель, МГУ имени М. В. Ломоносова (a.kutkova@rambler.ru).

Вместе с тем, лингвистическая сторона этого уникального явления в культуре Мексики не менее интересна, однако до сих пор она остается в тени.

Начнем с терминологической проблемы, которая возникает всякий раз, когда речь идет о соотношении терминов ретабло (*retablo*) и эксвото (*exvoto*). В зарубежных исследованиях для интересующего нас феномена используются следующие термины: *retablo*, *retablito*, *exvoto*, *exvoto pintórico*, *votivo pintado*, а также *milagro* и *milagrillo*. Причем в некоторых работах эти термины используются как взаимозаменяемые, что вносит еще большую путаницу.

Отсутствие единства мнения, которое мы наблюдаем в современных исследованиях, не случайно и является результатом многоплановости самого объекта. По нашим наблюдениям, предпочтение того или иного термина — ретабло или эксвото — как правило, продиктовано тем, что лежит в основе исследовательской типологии: функция или сюжет. Другими словами, при выборе термина исследователь руководствуется тем, что для него более существенно — изображение святого, связанное с традицией *retablo santo*, или же чудесного спасения (*milagro*) и благодарности за него, тогда на первый план выходит существующая много веков традиция *exvoto* (*procedente de un voto*, что может быть переведено на русский как «по обету»), то есть исполнение обета и жертва.

Отдавая себе отчет в неоднозначности и спорности существующих на сегодняшний день терминов, в своей работе мы выбираем термин «ретабло» по нескольким причинам. В первую очередь потому, что именно этот термин восходит к народному мексиканскому названию интересующего нас жанра — *retablito*; кроме того, за художниками, работающими в этом жанре, в Мексике прочно закрепилась номинация *retablero*. Также, на наш взгляд, немаловажно и то, что именно этот термин, допускающий двойную трактовку применительно к реалиям Европы и Нового Света, может служить ярким примером синтеза католической и индейской культур, синтеза, без которого разговор о латиноамериканском католицизме и явлениях, с ним связанных, не представляется возможным. Далее мы намерены пояснить эту мысль.

Как известно, термин «ретабло» восходит к латинскому сочетанию *retro tabulum*, в традиционном европейском понимании это заалтарный образ, как правило, состоящий из изображения одного или нескольких святых². Нередко такие заалтарные образы дарили католическим церквям частные лица, и в таком случае на ретабло можно увидеть портрет самого дарителя³.

В американских реалиях и сам заалтарный образ, и термин, его обозначающий, претерпели значительные изменения.

После завоевания Нового Света роскошно украшенные, завораживающие своей красотой ретабло активно заполняют строящиеся христианские церкви, укореняясь на местной почве в первую очередь потому, что сила визуального языка в безграмотном и лингвистически разделенном мире была хорошо известна европейцам XVI века⁴.

Наряду с традиционными стационарными формами ретабло довольно скоро в Новом Свете появляются небольшие подобные изображения святых, но уже переносные или предназначенные для домашних алтарей. Таким изображениям приписывали мистические свойства, их стремились повторить, копировать и распространить. Очевидно, эта традиция

² Более подробно см.: Прохорцова М. М. Локальные святые в испанском ретабло // Вестник СПбГИК. 2019. № 2(39). С. 82–85; Эсоно А. Ф. Ретабло как проповедь и театр // Научные труды Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина. 2015. № 33. С. 84–98.

³ Более подробно см.: Прохорцова М. М. Изображение донаторов в испанских ретабло XIV–XVI вв. // Манускрипт. 2019. № 12:7. С. 180–185.

⁴ Прохорцова М. М. Формирование испанского ретабло // Новое искусствознание. История, теория и философия искусства. 2018. № 1. С. 13–18.

так глубоко укоренилась в Новой Испании оттого, что имела точки пересечения с доколумбовой традицией⁵.

Использование дорогих и долговечных материалов долгое время было доступно лишь ограниченному кругу заказчиков. Поэтому первые народные ретабло, небольшие переносные изображения, которые заказывали более демократичные слои населения, известны исследователям не ранее конца XVIII века, когда их начинают делать на дешевых железных, позднее жестяных пластинах — именно этот недорогой, но долговечный материал становится основой для самобытного искусства местных непрофессиональных художников. И главное — эти образцы сохраняются до начала XX века, когда их начинают собирать, исследовать как культурное наследие и выражение подлинной самобытности мексиканского народа.

Итак, к небывалому расцвету этого вида искусства в конце XVIII — начале XIX вв. привело удачное освоение нового материала на фоне нестабильной политической обстановки, наносящей удары в первую очередь по самым незащищенным слоям населения: две волны войн за независимость от метрополии, отказ Ватикана признавать независимость испанских колоний и временное отлучение колоний от Церкви, долгие десятилетия политической нестабильности, частая смена правителей, войны, потеря территорий⁶.

На фоне политической нестабильности в стране закономерно возрастает значение личной, народной религиозности, доверительное отношение к святым как защитникам. Это приводит к росту популярности ретабло, в которых содержится, с точки зрения высокой теологии, очень наивная, простонародная религиозность, которая сочетается с языческими, дохристианскими практиками. Это связано со спецификой латиноамериканского католицизма, до настоящего времени включающего в себя очень мощную традиционную индейскую составляющую, и уже на ранних этапах христианизации это нашло выражение в том, что католическим святым частично приписывали функции божеств местного языческого пантеона, покровительствующих сельскому хозяйству, способных защитить от стихийных бедствий и исцелить от болезней.

Итак, мы проследили, каким образом термин «retablo», который до конца XVIII столетия не только в Европе, но и в Новом Свете относился преимущественно к крупным заалтарным композициям, в Новой Испании постепенно расширил свое значение и стал также относиться к небольшим изображениям, исполненным народными художниками на легком и дешевом материале.

Верующие часто носили с собой эти небольшие картинки с изображением того или иного католического святого, чтобы в любом месте чувствовать себя под его защитой, а также приносили в дар святому эти изображения в память и благодарность о ниспосланном чуде. Эти картины с изображением чудес невероятно самобытны. Как правило, они разделены на три части: небесную — образ святого, которого верующий благодарит за свое спасение и ниспосланное чудо, земную — повествовательная драматичная сцена, в которой верующий спасается от стихийного бедствия, излечивается от болезни или справляется с иной жизненной трудностью, и словесную — поясняющая надпись, как правило, отделенная от изображения чертой, в которой кроме пояснения, за что возносится благодарность, указаны имя дарителя и зачастую дата.

Приведем несколько примеров подписей ретабло, которые показывают, сколь разнообразны могут быть причины для благодарности о ниспосланном чуде. В приведенных ниже примерах сохранена авторская орфография и пунктуация.

Самую многочисленную группу составляют ретабло, созданные в знак благодарности за божественную помощь в тяжелых жизненных ситуациях.

⁵ Calderón M. Santa Prisca de Taxco: un ejemplo de la arquitectura Mexicana de la expresión artística del barroco del siglo XVIII en el Virreinato de México // Arte y crisis en Iberoamérica: segundas Jornadas de Historia del Arte en Chile. Santiago, 2004. P. 25–32.

⁶ Более подробно об этом см.: Gómez Arzapalo Dorantes R. A., Juárez Becerril A. M. Hierofanías de lo cotidiano: irrupciones de lo sagrado en la ordinariedad // Análisis de exvotos. Colección libros: Num. 1. México, 2018.

Это может быть исцеление от болезни:

Пример 1: “Mi mayor agradecimiento al Stmo. Sr. San Francisco de Asis por el milagro que me ha hecho en mi delicada operación. Rafael F. Rodriguez. 2 de Abril de 1947”⁷.

Пример 2: “Doy gracias à la Sma. Virgen, por haberme buuelto à la Vida a mi hija. Resucitandomela el mismo dia que murio. Isabel Mosqueda”⁸.

Или спасение жизни во время несчастного случая:

Пример 3: “Al viajar de Jilpotéc a San Francisco Soyamiquilpam, y por seguir una vereda: se encabrito la jamenta, dando tan peligrosa caída en la loma del Shitey, a la Sra. Antonia Mendoza que creyó no aliviarse; pero al encomendarse a la Sma. Virgen de Guadalupe quedó sana. A tan grande prodigio dedica el presente. Pintó Peñaflo”⁹.

Пример 4: “En la ciudad de México el sábado 17 de Mayo de 1902; estando trabajando Paulino Rodriguez (albañil) en una obra en construcción se desvió y se fue a fondo desde el tercer piso; en momento tan crítico invocó a nuestra Sra. de Guadalupe y la Santísima Trinidad quedando ileso: por milagro tan <нрзб>”¹⁰.

Пример 5: “Don Rogelio Brancho Quintana da las gracias a San Isidro Labrador porque pudo salvar a su marrano su hijo y a su señora cuando subieron las aguas. A el le dedica este retablo. Morelia .¹¹”1953

Удачный брак, хороший урожай, успешный бизнес, воссоединение семьи — примеры частых тем ретабло:

Пример 6: “Agradezco de corazón a San Pascual por el milagro que mi comida le guste a la gente y se vaya muy contenta”¹².

Пример 7: “Señor de Chalma las gracias te bengo a dar porque mi mujer y mis hijos regresaron conmigo. Me abandonaron porque no dejaba de emborracharme y no salía de la cantina y cuando llegaba a la casa le pegaba a ella y a mis hijos. Al verme solo como un perro comprendí que sin ellos no quiero vivir. Jure dejar de emborracharme llorando le suplique que regresaran. Hoy juro 10 años dejar de emborracharme. .¹³”Jeronimo Urbina. Tacubaya Mexico año de 1990

Впрочем, причины для благодарности могут быть и более пустяковыми, как в следующих примерах:

Пример 8: “Sor Clementina y Sor Lucia le dedican como muestra de gratitud el presente retablito a San Pascual Bailón por bendesirlas con haverles dado una buena razón para haser el mole y los chiles en nogada que le gustaron mucho al señor abispo y quedó muy contento con la comida. Puebla de los angeles 1946”¹⁴.

Пример 9: “Dedico este retablo a la Santísima Vigren de Guadalupe por el milagro patente que concedió el día 11 de junio de 1950 me robaron mi coche estando en la puerta de mi casa en el pueblo de Zapotlanejo estado de Jalisco recorriendo toda la ciudad de México en su búsqueda sin lograr nada desesperado aclame a Dios y a la Virgen de Guadalupe recuperandolo el 12 de diciembre mismo año

⁷ [Электронный ресурс]. URL: <https://flashbak.com/wp-content/uploads/2017/05/ex-voto-votives-83.jpg> (дата обращения: 10.10.2021).

⁸ [Электронный ресурс]. URL: <https://books.openedition.org/cemca/docannexe/image/411/img-14.jpg> (дата обращения: 10.10.2021).

⁹ Exvoto 949 // Las transformaciones de los exvotos pictográficos guadalupanos (1848–1999). Madrid: Iberoamericana Editorial Vervuert, S.L., 2014.

¹⁰ Exvoto 872 // Las transformaciones de los exvotos pictográficos guadalupanos (1848–1999). Madrid: Iberoamericana Editorial Vervuert, S.L., 2014.

¹¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://retablos.ru/en/marrano/> (дата обращения: 10.10.2021).

¹² [Электронный ресурс]. URL: http://www.mariolinasalvatori.com/wp-content/uploads/pm-56_good_food.jpg (дата обращения: 10.10.2021).

¹³ [Электронный ресурс]. URL: http://www.mariolinasalvatori.com/wp-content/uploads/pm-51_no_longer_drunk.jpg (дата обращения: 10.10.2021).

¹⁴ [Электронный ресурс]. URL: <https://retablos.livejournal.com/> (дата обращения: 10.10.2021).

mi coche es chevrolet modelo 1952 y doy gracias por tan grande y patente milagro. Genovio Dadalos, .¹⁵”Zapotlanejo, Jal. marzo 1954

Ретабло всегда описывают событие, удачная развязка которого представляется невозможной без вмешательства высших сил. Даритель является и участником, и рассказчиком события (даже если повествование в третьем лице, как в Примерах 3, 4, 5, 8, оно записано со слов дарителя), поэтому представляет собственную интерпретацию ниспосланного чуда, даже если эта интерпретация противоречит христианским представлениям о добродетельной жизни, как в следующих примерах конца XX — начала XXI веков, в которых возносится благодарность за помощь в прелюбодеянии:

Пример 10: “La otra noche estaba teniendo pasión con mi novio y por el ruido mi mamá casi nos cacha. Le agradezco al Santo Señor de Chalma de que mi novio se escondió a tiempo y no lo vió, por lo que prometo ya portarme bien. Calixta Perez/1976”¹⁶

и в совершении аборта:

Пример 11: “Gracias virgencita de Guadalupe por mostrarme el camino para encontrar u lugar seguro para interrumpir mi embarazo. Siempre has puesto en mi vida a mujeres valientes que, como tú, me acompañan. .¹⁷”Paola, 21 años — Chiapas

Как видно из приведенных выше примеров, текст благодарности отличают простота и лаконичность, наблюдается унификация смысловых оттенков и способов их выражения, предпочтение отдается речевым формулам. В основном используются единицы из общеиспанского лексического фонда, но встречаются также лексические американизмы (в приведенных примерах это *jamenta* и *sachar*). В плане синтаксического построения предложения могут быть простыми, сложносочиненными и сложноподчиненными, синтаксическое построение не усложняет понимание фразы. Орфография отличается нестабильностью, много отклонений от орфографической нормы, написание слов нередко отражает такие фонетические явления, как *сесео* и *бетацизм*.

Итак, ретабло состоит из речевого и изобразительного компонентов, причем ведущим является не вербальный или визуальный компонент, а их сочетание и взаимодействие. Поясним свою мысль на примере ретабло (Пример 12)¹⁸ из коллекции Центра мексиканских и центральноамериканских исследований (*Centro de estudios mexicanos y centroamericanos*). Если мы прочтем только текст благодарности (“Liro Verduzco de gracias a N^a S^a de los Lagos por un grande favor recibido”) или же, наоборот, ограничимся изобразительным компонентом (в небесной части ретабло изображена Пресвятая Дева, в земной — раненый человек, он лежит на дороге без сознания, из раны сочится кровь), мы не сможем понять смысла послания. Дело в том, что перед нами сложное текстовое образование, в котором вербальный и изобразительный компоненты образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, направленное на комплексное воздействие на адресата. Таким образом, можно говорить о ретабло как об особом, креолизованном типе текста, построенном на взаимодействии качественно различных знаковых систем, а именно: изобразительный компонент помогает читателю-зрителю установить определенность интерпретации и пройти процесс понимания, а вербальная составляющая обогащает информацию, полученную путем обработки рисунка¹⁹.

¹⁵ Exvoto 32 // *Las transformaciones de los exvotos pictográficos guadalupanos (1848–1999)*. Madrid: Iberoamericana Editorial Vervuert, S.L., 2014.

¹⁶ [Электронный ресурс]. URL: <https://retablos.livejournal.com/> (дата обращения: 10.10.2021).

¹⁷ Twitter @ReyD_CA (13.12.2018).

¹⁸ [Электронный ресурс]. URL: <http://books.openedition.org/cemca/docannexe/image/411/img-15.jpg> (дата обращения: 10.10.2021).

¹⁹ Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: ИЦ «Академия», 2003.

Очевидно, что синтез вербального и невербального компонентов является сложным психолингвистическим процессом. Этот синтез не является простой суммой семиотических знаков, так как в результате между компонентами складываются разные виды корреляции, создающие сложно построенный вербально-визуальный образ. Хотя с точки зрения семиотики иконический (изобразительный) знак принципиально не отличается от вербального, тем не менее, очевидно, что изображение по сравнению со словом характеризуется значительно меньшей определенностью и не может являться настолько четко выраженной знаковой единицей. Таким образом, между вербальной и невербальной составляющими креолизованного текста могут устанавливаться отношения взаимодополнения и взаимозависимости. В первом случае вербальный компонент сравнительно автономен, и изображение оказывается в известной степени факультативным. Как правило, такой изобразительный компонент сопровождает вербальный. Современная лингвистика рассматривает такие тексты как тексты с частичной креолизацией. Во втором случае мы имеем дело с текстами с полной креолизацией, в них вербальный компонент ориентируется на изображение или отсылает к нему, такой тип текста построен на согласовании и тесном взаимодействии вербального и изобразительного компонентов, при этом их взаимосвязь обнаруживается и на содержательном, и на языковом, и на композиционном уровнях, что позволяет говорить о креолизованном тексте как о «лингвовизуальном феномене»²⁰.

Подводя итоги, отметим, что традиция создания ретабло, то есть вотивных текстов, соединяющих воедино вербальный и невербальный компоненты, на околорелигиозные сюжеты, имеет в Мексике глубокие корни и непрерывную традицию не только благодаря своей способности в занимательной и наивной манере изобразить повседневную жизнь народа, его заботы, страхи, чаяния. Популярность этой традиции объясняется и ролью, которую она играет в воплощении личной, народной религиозности, базирующейся на доверительном отношении к святым, Богородице и Христу как к защитникам, с которыми можно установить диалог, поблагодарив за дарованное чудо в той или иной сложной жизненной ситуации, казавшейся безвыходной. Ретабло как креолизованный текст является воплощением этого доверительного диалога, непосредственно обращенного к святому или Богу.

Библиография

1. *Анисимова Е. Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: ИЦ «Академия», 2003.
2. *Лотман Ю. М.* Семиосфера. СПб: Искусство-СПБ, 2000.
3. *Прохорцова М. М.* Изображение донаторов в испанских ретабло XIV–XVI вв. // Манускрипт. 2019. № 12:7. С. 180–185.
4. *Прохорцова М. М.* Латиноамериканские ретабло: традиционное и особенное // Россия и Ибероамерика в глобализирующемся мире: история и современность. Материалы и доклады Второго международного форума. СПб, 2015. С. 81–85.
5. *Прохорцова М. М.* Локальные святые в испанском ретабло // Вестник СПбГИК. 2019. № 2(39). С. 82–85.
6. *Прохорцова М. М.* Ретабло: термин и феномен // Вопросы иберо-романистики. 2017. № 16. С. 112–119.
7. *Прохорцова М. М.* Формирование испанского ретабло // Новое искусствознание. История, теория и философия искусства. 2018. № 1. С. 13–18.
8. *Чаплыгина Ю. С.* Юмористические креолизованные тексты: структура, семантика, прагматика (на материале английского языка): дисс. ... канд. филол. наук. Самара, 2002.

²⁰ Ibid, с. 16.

9. Эсоно А. Ф. Ретабло как проповедь и театр // Научные труды Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина. 2015. № 33. С. 84–98.
10. Aagraz E. L. Los relatos pintados: La Otra Historia // Exvotos Mexicanos, Espacio, Tiempo y Forma. Serie VII. Historia del Arte. 2007–2008. T. 20–21. P. 181–202.
11. Acosta Ugalde L. E. Exvotos y retablos mexicanos. De los actos de fe al enunciado plástico // Acta Universitaria. Universidad de Guanajuato, Guanajuato, México. 2013. No. 23:6, noviembre-diciembre. P. 43–50.
12. Calderón M. Santa Prisca de Taxco: un ejemplo de la arquitectura Mexicana de la expresión artística del barroco del siglo XVIII en el Virreinato de México // Arte y crisis en Iberoamérica: segundas Jornadas de Historia del Arte en Chile. Santiago, 2004. P. 25–32.
13. Dones y promesas: 500 años de arte ofrenda (exvotos mexicanos). México: Centro Cultural Arte Contemporáneo/Fundación Cultural Televisa, 1996.
14. Gómez Arzapalo Dorantes R. A., Juárez Becerril A. M. Hierofanías de lo cotidiano: irrupciones de lo sagrado en la ordinariedad. Análisis de exvotos. México, Colección libros. 2018. Num. 1.
15. Halcón F. Travases e influencias: el retablo del siglo XVIII en el ámbito Novohispano // O retábulo no espaço ibero-americano: forma, função e iconografia. Lisboa: Instituto de História da Arte/NOVA FCSH, 2016.
16. Las transformaciones de los exvotos pictográficos guadalupanos (1848–1999). Madrid: Iberoamericana Editorial Vervuert, S.L., 2014.

E. С. Коржукова¹

БИНАРНОСТЬ ВОСПРИЯТИЯ МИРА В ДЕТЕКТИВНОЙ ТРИЛОГИИ ДОЛОРЕС РЕДОНДО

BINARITY IN PERCEPTION OF THE WORLD: DETECTIVE TRILOGY BY DOLORES REDONDO

Resumen: “Trilogía del Baztán” escrita por la contemporánea autora española Dolores Redondo no es solo una negra historia detectivesca sobre los crímenes en la localidad navarra de Elizondo — está llena de observaciones, reflexiones dolorosas y decisiones difíciles de la protagonista. Dentro y alrededor de ella se oponen constantemente los diferentes mundos: el pasado misterioso, a menudo aterrador, y el presente, complicado y no menos aterrador, la ética cristiano-secular y la mitología pagana, la intuición y la razón. Todo ello impregna el tejido argumental de las novelas y, por último, se reduce a oposición entre el Bien y el Mal, resolviendo el principal misterio detectivesco y revelando la idea de la trilogía en términos más globales. Las novelas se ubican en cruce de las corrientes literarias del postmodernismo y el llamado postpostmodernismo que abarca la moderna literatura de masas. La percepción binaria del mundo corresponde más bien a la novela postmoderna enfatizando el caos del flujo de vida e inestabilidad espiritual de la protagonista. A las características postmodernas podríamos añadir una cierta porción de intelectualidad y alusividad. Sin embargo, el dinamismo de la narrativa, la mezcla de la realidad con el misticismo y la mitología, así como una trama emocionante, proporcionan a la trilogía un digno lugar entre los mejores ejemplares de la literatura de masas. El propósito de este artículo es presentar la binaridad como base ideológica y argumental de la obra.

Palabras clave: postmodernismo; caos; binaridad; oposición; literature de masas; tradición; pasado; mujeres; mitología vasca; el Bien; el Mal; cristiano; pagano; creencia.

Abstract: “Trilogy of Baztan” written by the contemporary Spanish writer Dolores Redondo, is not only a dark detective thriller about the terrible crimes in the town of Elizondo in Baztan district of Navarra — it is full of observations, reflections, torments and difficult decisions of the protagonist. Inside and around her different worlds are constantly opposed: the mysterious, often terrifying past and complicated and not less terrifying present, Christian-secular ethics and pagan mythology, intuition and reason. All these are permeating the plot fabric of the novels and, ultimately, are reduced to the opposition between the Good and the Evil and to the resolution of the main detective mystery and to the disclosure of the trilogy idea as a whole. The novels are located at the junction of the literary trends of postmodernism and so called postpostmodernism which includes modern mass literature. The binary perception of the world speaks rather in favor of postmodern novel emphasizing the chaotic nature of the life flow and the protagonist’s spiritual instability. To the postmodern features we could also add a certain amount of intellectuality and allusivity. However, the dynamism of the narrative, the mixing of reality with mysticism and mythology, and an exciting plot put the trilogy among the best samples of mass literature. The purpose of this article is to represent the binarity as an ideological and plot basis of the work.

Key words: postmodernism; chaos; binarity; opposition; mass literature; tradition; past; women; Basque mythology; Good; Evil; Christian; pagan; belief.

¹ **Коржукова Елена Станиславовна**, Россия, кандидат филологических наук, доцент кафедры испанского языка МГИМО МИД России (balears@yandex.ru).

Детективную трилогию в стиле «нуар» испанской писательницы Долорес Редондо довольно непросто соотносить с существующей литературной традицией, которая весьма подвижна. Трехчастный роман находится как бы на стыке художественной и массовой литературы.

Художественной литературой в данном случае мы называем закономерное, историческое развитие литературной традиции в сторону постмодернизма: речь идет, конечно, не о классической литературе с ее узнаваемыми канонами. «Трилогия Бастана» воспринимается нами как постмодернистский роман, но в рамках массовой литературы (о чем ниже). Мы разделяем мнение Е. В. Лапиной, которая, опираясь на труды Ж.-Ф. Лиотара², В. Вельша³ и Ж. Бодрияра⁴, называет постмодернизм «как тип ментальности» «гиперрефлексией, возникшей в условиях религиозно-философского вакуума, дискредитации идеологических концептов, тотального релятивизма»⁵. По ее мнению, черты постмодернистской традиции в той или иной мере прослеживаются у многих современных авторов (из испанских самый известный, пожалуй, Артуро Перес-Реверте, которого исследователь считает постмодернистским писателем новой волны и последователем У. Эко; последний активно выступал за стирание границ между элитарной и массовой литературой⁶). Лапина говорит о «хаотичном» и «сверхсложном» мире как об отправной точке современной художественной литературы, поэтому во многих романах, несмотря на кажущуюся жанровую клишированность (например, трилогию мы сразу назвали детективной), заметна «попытка преодолеть катастрофическую разобщенность человека и мира»⁷. К данному литературному направлению относит творчество Переса-Реверте, известного своими историческими детективами, и М. П. Блинова, полагая, что «обращение к жанру детектива и желание вовлечь читателя в некую интеллектуальную игру характерно для постмодернизма: поиск разгадки преступления связывается с обретением истины произведения, с постепенным выстраиванием смысла намеренно децентрированного текста»⁸.

С другой стороны, «Трилогия» — безусловно, бестселлер (по произведению снята киноновелла) и представляет, таким образом, пласт массовой литературы. По ряду моментов мы согласимся с исследователем немецкой литературы Н. В. Гладилиным, который причисляет современные романы скорее к постпостмодернизму, исходя из того, что это литература, «ориентированная на массовый коммерческий успех»,⁹ характеризуется «выдержанностью (...) произведений в традициях четко очерченных субжанров в рамках жанра романа»¹⁰. «Постпостмодерн тяготеет к жанровой чистоте, соответствующей новой упорядоченной картине мира: постмодернистское смешение жанров становится неуместным»¹¹, к тому же «произведения постмодернизма как такового» осложнены «чрезмерной интеллектуальностью»¹². Н. В. Гладилин пишет об интересе «потребителей литературы постпостмодернизма, испытывающих кризис смысла»¹³, к христологической

² Лиотар Ж.-Ф. Ответ на вопрос: что такое постмодерн? // AdMarginem '93: Ежегодник. М.: AdMarginem, 1994. С. 321.

³ Вельш В. Постмодерн. Генеалогия и значение одного спорного понятия // Путь. 1992. № 1. С. 109–136.

⁴ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000.

⁵ Лапина Е. В. Базовые понятия постмодернистской эстетики // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2008. № 1. С. 56.

⁶ Эко У. Заметки на полях «Имени розы»: пер. с ит. / У. Эко. СПб: Симпозиум, 2003.

⁷ Лапина, *op. cit.*, с. 58.

⁸ Блинова М. П. Диалектика гуманизма и постмодернистской игры в творчестве А. Переса-Реверте (на примере романа «Осада, или Шахматы со смертью») // Научный журнал КубГАУ. 2014. № 103(09). С. 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://ej.kubagro.ru/2014/09/pdf/67.pdf> (дата обращения: 01.10.2021).

⁹ Гладилин Н. В. Характерные черты постпостмодернизма в современной массовой литературе Германии // Вестник ТГУ. Серия: Гуманитарные науки. Филология и искусствоведение. 2011. Вып. 12(104). С. 260.

¹⁰ *Idem.*

¹¹ Маньковская Н. Б. Эстетика постмодернизма. СПб, 2000. С. 327.

¹² Гладилин, *op. cit.*, с. 261.

¹³ *Idem.*

тематике, вспоминая громкий успех «Кода да Винчи» Д. Брауна (2003). Как представляется, религиозно-мифологическая подоплека по схожей причине проявляется и в рассматриваемой нами серии романов.

Подводя итог краткому экскурсу в литературный контекст взятого произведения, мы склонны признать, что «Трилогия Бастана» сочетает в себе элементы как постмодернистского романа, так и образца масскультового постпостмодерна. Подобно многим романам того же Реверте, главная героиня трилогии Редондо также сталкивается с «расшатанным» мироустройством, при этом захватывающий детективный сюжет с разгадкой жутких преступлений строится на преодолении хаоса, внешнего и внутреннего раскола, противного человеческой природе зла и направлен на обретение истины.

В романах трилогии нет знаменитой интеллектуальности в стиле У. Эко, но есть серьезная заявка на нее, с подробными экскурсами в историю региона (погружение в тайны прошлого — излюбленный мотив постмодернистских романов) до времен Инквизиции и дохристианского периода, и ссылками на произведения известного исследователя баскских традиций, верований и мифологии Хосе Мигеля де Барандиарана. Эти постмодернистские черты, однако, не отменяют включенности «Трилогии» в современный литературный мейнстрим, это продукт своего времени.

В нашей статье поднимается тема бинарного восприятия мира в произведении Долорес Редондо: все три книги действительно оставляют впечатление раздвоенности, проявляющейся по-разному.

Очевидно наличие двух временных полюсов — прошлого и настоящего. Действие трилогии происходит в городке Элизондо, расположенном в долине реки Бастан, в провинции Наварра на севере Испании. Потомки древних жителей Наварры, васконов, — баски, а муниципалитет Бастан относится к баскоязычной зоне, поэтому многие персонажи пользуются баскским языком. Исторически здесь было мало городов, население объединялось в крестьянские общины с архаичным укладом жизни. Непростые климатические и географические особенности региона диктовали суровые правила жизни, базировавшиеся на чувстве долга, семейных ценностях и упорном труде. Прошлое пустило глубокие корни в настоящее, что типично для традиционных культур¹⁴.

Самое яркое отражение прошлое и традиционный уклад жизни получили в женских образах. Неслучайно главная героиня, молодой детектив Амайя Салазар, вернувшаяся в родные места для расследования серии убийств, поначалу стоит особняком на фоне своих сестер и особенно тети. Тетя Энграси и ее «веселая компания» товарок передают дух далеких времен, когда женщины, еще не знавшие об эмансипации, «начинали каждый новый день с тем же радостным предчувствием, что девушки в предвкушении праздника, и были так же мудры, как египетские царицы»¹⁵ (*здесь и далее перевод мой. — Е. К.*). Жизнь местных женщин никогда не была простой, при этом они веками оставались «независимыми и, в то же время, словно выросшими в эту землю, энергичными и любящими жизнь, излучающими ауру победительниц»¹⁶. Амайя любит эту жизненную силу и сама мечтает быть такой же цельной, как ее тетя, ее старшая сестра Флора, не дрогнувшая в решительный момент. Секрет уверенности в себе и жизнелюбия состоит в восприятии своего непростого, но осмысленного и потому одухотворенного существования как долга. Испокон веков многие проблемы и терзания современных женщин не существовали для жительниц Элизондо — на них не было времени и душевных сил, они просто «пользовались каждым днем жизни, не думая о смерти»¹⁷. Не случайна сентенция в конце первой книги, сказанная о Флоре: «в долине всегда уважали женщин, которые делали то, что должны были делать»¹⁸.

¹⁴ Головашина О. В. Модель времени в традиционной культуре // *Fractal Simulation*. 2012. № 1. С. 67–74.

¹⁵ Redondo D. M. *El guardián invisible* // *Trilogía del Baztán* 1. Destino, 2016. P. 111.

¹⁶ *Idem*.

¹⁷ *Ibid.*, p. 112.

¹⁸ *Ibid.*, p. 427.

Жизненный уклад, сохранившийся до наших дней, детально описан в трудах Хосе Мигеля де Барандиарана, которого часто вспоминает Амайя, сопоставляя свою жизнь с тем, что она видит в Элизондо, в частности, наблюдая вечерние женские посиделки в доме своей тети:

должно быть, эти встречи не очень отличались от тех, которые веками собирали женщин (...) Бастана у кого-нибудь из них дома, чтобы провести вечер за шитьем приданого невесты или для новорожденного. Тех посиделок, о которых рассказывал Хосе Мигель де Барандиаран и) на которых домохозяйки et xeko andreak обменивались рецептами, советами, молились и (.¹⁹(...) рассказывали охлаждающие кровь истории про ведьм, которыми славится долина

И тогда, столетия назад, и сейчас, то, как это видит Амайя, — все так же, словно времени нет, словно хранительницы очага веками несут в себе это прошлое, превращая в настоящее, где оно остается и живет как залог стабильного миропорядка. Неслучайно местные жители особо почитают botilhari, камень, который символизирует прошлое Элизондо и наделяет силой всех, кто до него дотрагивается.

Амайя олицетворяет настоящее, но одновременно чувствует единство со своей землей, ее древними корнями. Она понимает, что разгадка происходящего сейчас — в прошлом, нужно вернуться к истокам и увидеть все глазами женщин, живших до нее. Стоя на коленях у раскопанных останков младенцев вокруг дома, где она выросла, Амайя «физически почувствовала всю боль женских поколений своей семьи»²⁰. По традиции умерших некрещеных младенцев запрещалось хоронить на христианском кладбище, поэтому последний приют они находили в itxusuria — традиционном семейном кладбище Бастана: малышей хоронили в бороздке, которая проходила по линии дождевых стоков с крыши дома. Считалось, что души младенцев навсегда остаются рядом с домом и «как часовые»²¹ защищают его обитателей от любого зла.

Хотя главная героиня знает, что обретение истины лежит через преодоление раскола между прошлым и настоящим, она долго боится переступить эту границу, потому что за ней — страшные воспоминания. Прошлое для Амайи — кошмар наяву: в детстве ее чуть не убила родная мать. Но, к сожалению, только через страх и боль возможно обретение истины — к этому молодой детектив приходит только в конце второй книги трилогии, когда всем открывается истинное лицо ее матери.

Детективный сюжет трилогии и, параллельно ему, поиск главной героиней себя неоднократно возвращаются к мифологическому мотиву. В этом еще одно проявление бинарности восприятия мира Амайей и жителями Элизондо. Универсальные ценности христианства существует параллельно с древними верованиями, как сосуществуют христианские храмы и мифические существа. На первый взгляд это кажется выдумкой, но, надо признать, когда читаешь книгу, воспринимается все очень правдоподобно. Амайя поначалу и сама настроена весьма скептически, называя чистой «мифологией» рассказы об огромном Басахауне и неуловимой капризной Мари, хотя ее тетя и сестры приводят в доказательство рассказы очевидцев и мнение признанного ученого-антрополога, Хосе Мигеля де Барандиарана. Басахаун — лесное человекоподобное существо, эдакий баскский йети, который следит за равновесием и порядком в природе, помогает пастухам, предостерегая свистом о приближающемся волке или грозе, чтобы они могли увести стадо в безопасное место. В благодарность пастухи оставляют ему на камнях хлеб, сыр или молоко. Мари — дух, которого почитали еще задолго до появления здесь христианства, она символизирует мать-природу и силу земли, защищает урожай, помогает в размножении скота и вообще приносит плодородие. Если женщина хочет попросить Мари о ребенке, она

¹⁹ Redondo D. M. Legado en los huesos // Trilogía del Baztán 2. Destino, 2016. P. 474.

²⁰ Ibid., p. 337.

²¹ Idem.

приносит ей в дар от самого дома какой-нибудь камушек и оставляет его у скалы, напоминающей женский силуэт — говорят, там можно увидеть саму Мари²².

Когда-то такая бинарность разрешилась сама собой. Чтобы «поглотить языческие верования, которые сложно было искоренить»²³, Церковь их «христианизовала»: например, кресты на перекрестках дорог ставили задолго до прихода христианства, что было связано с верой в их связь «с загробным миром»²⁴, влияющим на земной. Так случилось и с Амайей: долго не веря в местные легенды, она повстречала Басахауна, который потом не раз помогал ей в моменты опасности и отчаяния. Встретилась она и с Мари, лишь позже осознав это как чудо, ведь в конце первой книги мы узнаем, что у Амайи Салазар будет ребенок. Не зря, вторя тете Энграси, загадочная Мари говорит молодому детективу: «Когда новые формулы не работают, люди возвращаются к старым»²⁵.

Моменты встреч главной героини с неизведанным описаны как библейские чудеса: лес сравнивается с храмом, где ощущается «присутствие Бога», сюда, подобно верующим, Амайя приносит свою боль, гнев и слезы бессилия. Рыдая от отчаяния, она словно «обезумевший друид» прижимается к стволу дерева и... слышит пронзительный свист, а позже видит высокий бурый силуэт. Басахаун, будто нарочно, дает себя рассмотреть, чтобы не осталось никаких сомнений в его существовании. Первоначальный испуг сменяется «глубокой безмятежностью» и «безмерной детской радостью», переполнившими девушку «как в светлое рождественское утро»²⁶. И в главной героине примиряются еще два мира: привычный, светско-христианский, и традиционный, взращенный веками на этой земле, мистико-мифологический; преодолевается раскол между верой в широком смысле слова и голым разумом, скептицизмом — с другой.

Во многом к мифологическому началу привязан важнейший выход постмодернистской ризомы²⁷ в трилогии — бинарность мира как противостояние добра и зла. Само название первой книги, «Невидимый страж» (*El guardián invisible*), указывает на противостояние злу. Лейтмотивом через все три книги проходит тема нарушенного равновесия, об этом говорят старожилы и даже священник, доктор Сарасола, приводя в доказательство факты из прошлого и признавая, без всякого скептицизма, существование древнего и извечного Зла. Еще в XVII веке известный инквизитор Салазар-и-Фриас в ходе проведенного им расследования в долине Элизондо и шире, до границ с Францией, обнаружил, что древние верования гораздо глубже и сильнее привнесенного извне христианства. Всесторонне развитый ученый, тот, кого бы сейчас мы назвали детективом, положил конец многолетней практике сожжения ведьм — здесь она просто не работала. Веками злу противостояли другие силы, которые проявлялись тогда, когда терялось равновесие и люди не могли справиться со злом сами. Доктор Сарасола призывает Амайю «перестать думать над тем, вмещается ли все это в рамки логики, и признать, что это реально, что есть реальные последствия и есть люди, готовые умереть и убить за то, во что они верят»²⁸. Речь, конечно, идет о реальных преступлениях, убийствах юных девушек, человеческих жертвоприношениях, основанных на фанатичной вере. Именно они, эти чудовищные преступления, по мнению мудрой тети Энграси, «нарушили равновесие, при котором все шло так, как должно было идти»²⁹, и появился Басахаун, призванный следить за правильным «соотношением между жизнью и смертью»³⁰. В противостоянии Добра и Зла просматривается и другое бинарное отношение: Природа и Человек — когда последний уже не может противостоять злу, на помощь приходят силы природы, хранители леса и реки.

²² Redondo D. M. *El guardián invisible* // Trilogía del Baztán 1. Destino, 2016. P. 124–126.

²³ Ibid., p. 140.

²⁴ Idem.

²⁵ Ibid., p. 352.

²⁶ Ibid., p. 322.

²⁷ Блинова, *op. cit.*

²⁸ Redondo D. M. *Ofrenda a la tormenta* // Trilogía del Baztán 3. Destino, 2016. P. 96.

²⁹ Ibid., p. 283.

³⁰ Idem.

Эти древние порождения природы и мифа помогают Амайе даже во сне. «Очисти реку, смой оскорбление»³¹, — говорят ей мифологические существа ламии.

В круговороте реальных убийств, видений и предчувствий главной героини возникает образ злого духа Ингумы, убивающего во сне: череда внезапных смертей каким-то образом всегда связывается с этим именем. В романе представлена развернутая культурологическая справка. Оказывается, этот дух присутствует во многих культурах под разными именами: Ламашту — у древних шумеров, «давящий демон» в Турции, «демон-мучитель» у этнической группы хмонгов, Батибат — на Филиппинах, «поккури» — в Японии. Приводятся данные о сотнях смертей в разные годы XX века в разных уголках планеты по той же причине: редкие выжившие утверждали, что во сне их кто-то душил, не давая проснуться, а врачи были бессильны. Интересно традиционное объяснение таких многочисленных смертей. Например, шаманы народности хмонг утверждали, что «демон-мучитель» душил молодых людей, потому что «это поколение забывало свои традиции и теряло защиту от Зла, которая до этого работала веками»³².

Мир Элизондо настолько явно разделен на два полюса, что даже Амайя, искавшая истину и боровшаяся с лавиной зла, не устояла перед его властью, не прислушалась к предостережениям своей тети и заблудилась сама. Пожалуй, это можно назвать торжеством Зла, правда, временным. Детектив Салазар, имеющая любящего и, конечно, любимого супруга и обожаемого сынишку, поддалась чарам судьи Маркины — уважаемого и влиятельного человека, которого никто никогда не заподозрил бы в страшных преступлениях. Однако именно Амайе, окунувшись в омут страсти и предательства, удалось понять, что судья Маркина — тот, кто все это время искусно управлял машиной смерти, сея ужас в Элизондо.

В заключение еще раз заметим, что построение «Трилогии Бастана» укладывается в рамки постмодернистских канонов: многоплановая бинарность восприятия мира подчеркивает ощущение внешнего хаоса и внутреннего раскола главной героини. В поиске истины и себя самой она соединяет, на первый взгляд, несоединимое, что проявляется в тексте через ризомную связь всего со всем — каждой точки сюжета со всей тканью произведения. Это оставляет впечатление многослойного постмодернистского повествования. С другой стороны, романы трилогии оказались чрезвычайно коммерчески успешными благодаря динамизму сюжета и кинематографичности текста, став полноценной частью массовой литературы постпостмодернизма.

Библиография

1. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
2. *Блинова М. П.* Диалектика гуманизма и постмодернистской игры в творчестве А. Переса-Реверте (на примере романа «Осада, или Шахматы со смертью») // Научный журнал КубГАУ. 2014. № 103(09). С. 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://ej.kubagro.ru/2014/09/pdf/67.pdf> (дата обращения: 01.10.2021).
3. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
4. *Вельш В.* Постмодерн. Генеалогия и значение одного спорного понятия // Путь. 1992. № 1. С. 109–136.
5. *Гладилин Н. В.* Характерные черты постпостмодернизма в современной массовой литературе Германии // Вестник ТГУ. Серия: Гуманитарные науки. Филология и искусствоведение. 2011. Вып. 12(104). С. 260–267.
6. *Головашина О. В.* Модель времени в традиционной культуре // *Fractal Simulation*. 2012. № 1. С. 67–74.
7. *Ильин И. П.* Постмодернизм от истоков до конца нашего столетия: эволюция научного мифа. М.: Интрада, 1998. 250 с.

³¹ Ibid., p. 284.

³² Ibid., p. 100.

8. *Коржукова Е. С.* Мотив любви в трансформации и раскрытии образа главного героя в произведениях Артуро Переса-Реверте (на примере романа «Танго старой гвардии») // Филологические науки в МГИМО. 2019. № 3(19). С. 83–92.
9. *Лапина Е. В.* Базовые понятия постмодернистской эстетики // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2008. № 1. С. 56–63.
10. *Лиотар Ж.-Ф.* Ответ на вопрос: что такое постмодерн? // AdMarginem'93: Ежегодник. М.: AdMarginem, 1994. С. 321.
11. *Маньковская Н. Б.* Эстетика постмодернизма. СПб: Алетейя, 2000. 347 с.
12. *Субичус Б. Ю.* Наследие классики в постмодернистской литературе: испанский опыт (А. Перес-Реверте и Б. Перес-Гальдос) // Латинская Америка. 2014. № 12. С. 76–88.
13. *Фидлер Л.* Пересекайте границы, засыпайте рвы // Современная западная культурология: самоубийство дискурса. М., 1993. С. 43.
14. *Эко У.* Заметки на полях «Имени розы»: пер. с ит. / У. Эко. СПб: Симпозиум, 2003. 94 с.
15. *Barandiaran J. M.* Mitología vasca. Navarra: Editorial Txertoa, 2019. 139 p.
16. *Korzukova E. S.* Aprendiendo español: los libros superventas en clases de lectura de casa // Ибероамериканские тетради. 2018. Т. VII. Вып. 2(20). С. 58–62.
17. *Redondo D. M.* El guardián invisible // Trilogía del Baztán 1. Destino, 2016. 431 p.
18. *Redondo D. M.* Legado en los huesos // Trilogía del Baztán 2. Destino, 2016. 553 p.
19. *Redondo D. M.* Ofrenda a la tormenta // Trilogía del Baztán 3. Destino, 2016. 547 p.

A. N. Gubaidullina¹

POÉTICA Y POLÍTICA: LA IMAGEN DEL NUEVO MUNDO EN LAS OBRAS DE LOS POETAS LATINOAMERICANOS

POETICS AND POLITICS: THE IMAGE OF THE NEW WORLD IN THE WORKS OF LATIN AMERICAN POETS

Resumen: Los procesos sociales y políticos se reflejan no solo en las obras publicitarias, sino también en las obras de escritores y poetas contemporáneos. El artículo se examina los problemas sociales, en particular, las ideas de libertad, violencia, el conflicto entre la influencia externa y la independencia personal, en poemas individuales de tan autores como Ida Vitale (Uruguay), Ernesto Cardenal Martínez (Nicaragua), Eduardo Llanos Merlusa (Chile). Los objetivos del estudio incluyen no tanto una comparación de la posición política de autores de diferentes países, sino un análisis de imágenes artísticas que los poetas utilizan para expresar el espíritu y la tensión emocional de su época. Encontramos tres formas de manifestar las realidades sociales en un texto poético. Los puntos extremos son la creación de poesía cívica, donde figuras políticas y culturales se convierten en signos de la época, o un rechazo total de la presentación de posiciones cívicas en la letra, el cosmopolitismo y la búsqueda de refugio de la civilización en la naturaleza o la poesía.

Palabras clave: Ida Vitale; Ernesto Cardenal Martínez; Eduardo Llanos Merlusa; Uruguay; Nicaragua; Chile; poesía de América Latina; poesía cívica.

Abstract: Social and political processes are reflected not only in sociopolitical works, but also in the works of contemporary writers and poets. The article examines social problems, in particular, ideas of freedom, violence, the conflict between external influence and personal independence, in individual poems by such authors as Ida Vitale (Uruguay), Ernesto Cardenal (Nicaragua), Eduardo Llanos Merlusa (Chile). The objectives of the study include not so much a comparison of the political position of authors from different countries, but an analysis of artistic images that poets use to express the spirit and emotional tension of their time. We find three ways to express social realities in a poetic text. The extreme points are the creation of civic poetry, where political and cultural figures become signs of the time, or a total rejection of the presentation of civic positions in the letter, cosmopolitanism and the search for refuge from civilization in nature or in poetry.

Key words: Ida Vitale; Ernesto Cardenal; Eduardo Llanos Merlusa; Uruguay; Nicaragua; Chile; Latin American poetry; civic poetry.

Los artículos sobre la nueva estrategia de desarrollo en los países latinoamericanos tratan de la búsqueda de la unidad entre países manteniendo la identidad nacional, y también sobre el surgimiento del “socialismo de izquierda” a principios del siglo XXI². Los procesos sociales y políticos se reflejan no solo en las obras publicitarias, sino también en el arte de escritores y poetas contemporáneos. Los poetas diferentes de países latinoamericanos dan diferentes respuestas a la cuestión de la interacción del individuo y la sociedad.

¹ Gubaidullina Anastasia Nikolaevna, Rusia, Profesor asociado en la Universidad Estatal de Investigación Nacional de Tomsk, Investigador principal en el Instituto de la Infancia, Universidad Pedagógica Estatal de Rusia de Herzen.

² Werz N. América Latina-Europa: intelectuales en un mundo multipolar // Nueva Sociedad. 2013. No. 245. URL: <https://nuso.org/articulo/america-latina-europa-intelectuales-en-un-mundo-multipolar/> (fecha de la aplicación: 26.09.2021).

Uno de extremos puntos de vista se realiza en el arte poético de Ida Vitale. Es el último miembro de grupo “Generación del 45”, un grupo de escritores (aunque también contó con músicos y pintores) que desarrollaron su actividad en Uruguay durante los años 1940 y 1960 y más tarde.

Ida Vitale es una famosa escritora uruguaya, “la mujer que revolucionó el Cervantes”³. Tiene 43 libros, 24 de los cuales son libros de poesía. Aunque Ida Vitale fue obligada a emigrar repetidamente, incluso por motivos políticos, y tuvo dificultades en las relaciones con el gobierno, su posición poética consiste en un alejamiento fundamental de los temas sociales y la política en los versos.

“Pese a las dificultades por las que atraviesa el mundo hoy: las prisas, el poder o el protagonismo mortal del dinero, la poesía perdurará y se leerá hoy y siempre”⁴.

Como podemos ver, su poesía se opone a las ambiciones sociales. “A mí no me interesa la patria. Tampoco eso de “el mundo es mi patria” me corresponde. No sé por qué un límite geográfico va a significar algo”⁵. La poesía, en opinión de Ida Vitale, es fundamentalmente apolítica, y el poeta pierde su voz poética tan pronto como entra en política. “Uno piensa en lo que defendía Dante, ¿era lo correcto? Entre güelfos y gibelinos, ¿cuál tenía razón? No hay nada más difícil que ser un buen político. He tenido amigos que podían haber sido muy buenos escritores, pero se dedicaron a la política”⁶.

Por otro lado, en contrario a la declaración de renuncia al cargo civil del autor (“La poesía social es propaganda”), según Simón Valcárcel Martínez: “Se percibe una tensión dialéctica entre el yo poético y el mundo exterior; a veces se verbaliza como protesta, o como rabia contenida, o como reafirmación del destino individual, etc.”⁷.

En general, se trata de una conciencia cosmopolita, donde la poesía asume la función de explorar el mundo: “las palabras son nómadas y la mala poesía las vuelve sedentarias”⁸. En la poesía de Ida Vitale, la palabra deja la cultura por el bien de la naturaleza. Los árboles, las hierbas pueden hablar. Un poema “Llamada viva” puede convertirse en una especie de lema:

ir de lo ceñido a lo vasto
desde lo opaco a la centella
de comisión al sueño libre (...)

estar en busca de alma diferida
preparar un milagro entre la sombra
y llamar vida a lo que sabe a muerte⁹.

Es decir, el alejamiento del mundo material al mundo espiritual, del nivel corporal al etéreo es una especie de ideal de liberación de la conciencia. Ida Vitale considera importante a la diversidad de prácticas, formas de existencia y creencias cotidianas.

³ M. B. Diez poemas que no te puedes perder de Ida Vitale, la mujer que revolucionó el Cervantes // El Español. 2018. 15 noviembre. URL: https://www.elespanol.com/cultura/20181115/poemas-no-perder-ida-vitale-revoluciono-cervantes/353465764_0.html (fecha de la aplicación: 29.09.2021).

⁴ Idem.

⁵ Maldonado L. G., Vitale I. La poesía social es propaganda // El Español. 2017. 6 junio. URL: https://www.elespanol.com/cultura/libros/20170606/221727926_0.html (fecha de la aplicación: 29.09.2021).

⁶ Idem.

⁷ Martínez S. V., Vitale I. Seis poemas seleccionados (“Acuérdate del pan”, “Este mundo”, “Fortuna”, “Exilios”, “Gotas” y “De un fulgor a otro”); análisis y propuesta didáctica // Leer y escribir. Análisis literarios y propuestas didácticas sobre Literatura española y Lengua. Obras del autor. 2021. 26 abril. URL: <https://leeryescribirlblog.com/2021/04/26/ida-vitale-seis-poemas> (fecha de la aplicación: 29.09.2021).

⁸ Díaz N. N. La alquimia del lenguaje. Revista Dossier. 2021. Mayo 10 // Academia Nacional de Letras. URL: <http://www.academiadeletras.gub.uy/innovaportal/v/125144/46/mecweb/ida-vitale?parentid=124866> (fecha de la aplicación: 29.09.2021).

⁹ Vitale I. Llamada viva. Página personal de Facebook. 2018, 18 noviembre. URL: https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=205211233706556&id=205023000392046&comment_id=298826441011701 (fecha de la aplicación: 24.09.2021).

Un enfoque diferente encontramos en la poesía del nicaragüense Ernesto Cardenal Martínez, quien elige a personajes sociales y políticos como héroes de sus poemas. Para Ernesto Cardenal, el cierto líder de la opinión pública suele ser símbolo del tiempo. Por ejemplo, el tiene “Oración por Marilyn Monroe”. En el papel del héroe del poema, Marilyn Monroe se convierte en un signo del conflicto entre intimidad y publicidad.

Ella no hizo sino actuar según el script que le dimos,
 el de nuestras propias vidas, y era un script absurdo.
 Perdónala, Señor, y perdónanos a nosotros
 por nuestra 20th Century
 por esa Colosal Super-Producción en la que todos hemos trabajado.
 Ella tenía hambre de amor y le ofrecimos tranquilizantes.
 (...)

 Sus romances fueron un beso con los ojos cerrados
 que cuando se abren los ojos
 se descubre que fue bajo reflectores¹⁰.

La imagen de la famosa actriz, para Cardenal, es un ejemplo que nos llama a cada uno de nosotros a ser responsables de la autenticidad de nuestra propia vida y del valor de la vida de quien está a nuestro lado. Por eso el poema se construye como un llamado constante al lector, una conversación con él, y termina con un llamado a cada uno de nosotros:

¡Contesta Tú al teléfono!¹¹
 (Se trata de la última llamada de Marilyn Monroe antes de su muerte, cuando nadie le contestó).

Los poemas posteriores, incluso “La hora cero”¹², expresan directamente las simpatías políticas de Cardenal. El tema del poema “La hora cero” es el asesinato del líder revolucionario César Augusto Sandino, quien utilizó tácticas de guerrilla contra los marines estadounidenses para obligarlos a salir de Nicaragua en 1933.

Y la oposición a Cardenal a Somoza encontró su reflejo en el ciclo poético “Epigramas”¹³, que fue creado durante 1952–1956 y parcialmente publicado en el exterior (con ayuda de Pablo Neruda en Chile y Ernesto Mejía Sánchez en México).

En general, Cardenal utiliza la ironía como técnica para actualizar los valores y convenciones sociales. Su ciclo “Imitación de Propercio”¹⁴ nos remite intertextualmente a la obra de Sextus Propertius, representante de la elegía amorosa romana. El lenguaje literario de Propercio no es simple. Prefiere imágenes sublimes. El poeta romano transmite una fuerte pasión y un sentimiento franco. Bien, coloca su victoria sobre la niña Kinthia por encima de la victoria de Augusto, que acababa de ganar a los partos.

Asimismo, Cardenal compara el sentimiento de amor con las batallas clave de la Segunda Guerra Mundial:

Yo no canto la defensa de Stalingrado
 ni la campaña de Egipto
 ni el desembarco de Sicilia
 ni la cruzada del Rhin del general Eisenhower:
 Yo sólo canto la conquista de una muchacha.

¹⁰ Cardenal E. Oración Por Marilyn Monroe // Hablacultura. Recursos para estudiantes y profesores de español. URL: <https://hablacultura.com/cultura-textos-aprender-espanol/cultura/oracion-por-marilyn-monroe-ernesto-cardenal/> (fecha de la aplicación: 26.09.2021).

¹¹ Idem.

¹² Cardenal E. La hora cero: y otros poemas. Valencia: Ediciones Saturno, 1971. P. 59.

¹³ Cardenal E. Epigramas. Barcelona: Tusquets Editores S.A. 1. ed edición, 1978. P. 64.

¹⁴ Cardenal E. Imitación de Propercio. URL: <http://triumfo-arciniegas.blogspot.com/2020/03/ernesto-cardenal-imitacion-de-propercio.html> (fecha de la aplicación: 27.09.2021).

2. Ni con las joyas de la Joyería Morlock
 ni con perfumes de Dreyfus
 ni con orquídeas dentro de su caja de mica
 ni con cadillac
 sino solamente con mis poemas la conquisté.
 Y ella me prefiere, aunque soy pobre, a todos los millones de Somoza¹⁵.

Sin embargo, en el caso de Cardenal, puede ser una doble ironía: el reconocimiento de que el “yo personal” y los valores personales (bienes materiales, relaciones privadas) eclipsan lo que es realmente un signo de los tiempos, lo que realmente está cambiando el mundo.

Finalmente, la tercera “voz” poética sobre la que se quisiera llamar la atención es la obra de Eduardo Llanos Melusa, el poeta y académico chileno, el doctor en Psicología y Educación.

Melusa reflexiona constantemente en la poesía sobre la estructura de la sociedad, sobre los errores cometidos por los políticos. Sin embargo, el autor nunca habla de ello directamente. Sus letras cívicas están desprovistas de declaratividad. Melusa utiliza complejas imágenes metafóricas y gráficas para evocar en el lector un fuerte sentido de resistencia a la agresión. Se puede verlo en el ejemplo del poema “Helicóptero de la muerte”¹⁶.

11 de septiembre de 1973 los militares bombardearon el Palacio de La Moneda y derrocaron al presidente Salvador Allende, elegido democráticamente tres años antes. El entonces comandante en jefe del Ejército, el general Augusto Pinochet, instauró uno de los regímenes más represivos de nuestra época, que se prolongó durante 17 años.

11 de septiembre de 1973 los militares bombardearon el Palacio de La Moneda y derrocaron al presidente Salvador Allende, elegido democráticamente tres años antes. El entonces comandante en jefe del Ejército, el general Augusto Pinochet, instauró uno de los regímenes más represivos de nuestra época, que se prolongó durante 17 años.

La imagen del helicóptero, que Melusa utiliza como metáfora visual, provoca una serie de asociaciones. Por un lado, este es un ejemplo de tecnología militar, que remite directamente al lector a eventos pasados. Por otro lado, es temblor monótono asociado con una sensación de miedo. Finalmente, un helicóptero se cuelga en el aire. Esto “stop” que se puede estar asociado con el tiempo de estancamiento social.

Melusa recurre repetidamente a la poesía gráfica, creando imágenes verbales y gráficas de una casa, un reloj de arena, una estatua. El poema “Sudamericanos”¹⁷, que plantea el tema del enfrentamiento de Estados Unidos y los estados desunidos de Sud América, es especialmente interesante. El poema se basa en las capas de metáforas visuales.

Al mismo tiempo, las imágenes negativas asociadas con Estados Unidos (subida de precios, infierno, armas) se contrastan con las imágenes naturales, el tema de la naturalidad asociado con Sudamérica (verbos verdes, racimo de uvas, pan y peces). El estado de ánimo general del poema es el idea de destrucción, transmitida a través de la imagen de una lágrima, con la que se compara el continente, así como la imagen de un racimo de uvas “que ya está desgranando”.

Así, Melusa lleva al lector a la semiótica del lenguaje (sus signos gráficos y verbales), de modo que en el campo lingüístico general cada uno encuentra significados individuales y elige su propio objeto de fe en la civilización moderna.

Lamentablemente, el breve tesis no permite estudiar la poética de muchos autores contemporáneos. Fuera de atención queda la poesía de Carmen Gloria Berríos (Chile), Jorge Dorio (Argentina) y otros poetas.

Pero, resumiendo, podemos distinguir al menos tres tipos de actitud de los poetas a los acontecimientos sociopolíticos.

Primero, esto puede ser denegación fundamental de la política a favor de la estética, como en caso Ida Vitale.

¹⁵ Idem.

¹⁶ Llanos Melussa E. Helicóptero de la muerte // Proyecto Patrimonio. 2006. URL: <http://www.letras.mysite.com/ellm270806.htm> (fecha de la aplicación: 27.09.2021).

¹⁷ Idem.

Al mismo tiempo, las imágenes negativas asociadas con Estados Unidos (subida de precios, infierno, armas) se contrastan con las imágenes naturales, el tema de la naturalidad asociado con Sudamérica (verbos verdes, racimo de uvas, pan y peces). El estado de ánimo general del poema es el idea de destrucción, transmitida a través de la imagen de una lágrima, con la que se compara el continente, así como la imagen de un racimo de uvas “que ya está desgranando”.

Así, Melusa lleva al lector a la semiótica del lenguaje (sus signos gráficos y verbales), de modo que en el campo lingüístico general cada uno encuentra significados individuales y elige su propio objeto de fe en la civilización moderna.

También puede ser una declaración directa, denudación de la propia posición civil, como en caso de Ernesto Cardenal.

Finalmente, puede ser una búsqueda de un lenguaje metafórico complejo que permita estetizar categorías alejadas de la poesía, como la guerra, el golpe armado, el conflicto entre países, como es el caso de Eduardo Llanos Melusa.

Bibliografía

1. *Cardenal E.* Epigramas. Tusquets Editores S.A. 1. ed edición. Barcelona, 1978.
2. *Cardenal E.* Imitación de Propercio. URL: <http://triunfo-arciniegas.blogspot.com/2020/03/ernesto-cardenal-imitacion-de-propercio.html> (fecha de la aplicación: 27.09.2021).
3. *Cardenal E.* La hora cero: y otros poemas. Valencia: Ediciones Saturno, 1971.
4. *Cardenal E.* Oración Por Marilyn Monroe // Hablacultura. Recursos para estudiantes y profesores de español URL: <https://hablacultura.com/cultura-textos-aprender-espanol/cultura/oracion-por-marilyn-monroe-ernesto-cardenal/> (fecha de la aplicación: 26.09.2021).
5. *Díaz N. N.* La alquimia del lenguaje. Revista Dossier. 2021. Mayo 10 // Academia Nacional de Letras. URL: <http://www.academiadeletras.gub.uy/innovaportal/v/125144/46/mecweb/ida-vitale?parentid=124866> (fecha de la aplicación: 29.09.2021).
6. *Llanos Melusa E.* Helicóptero de la muerte // Proyecto Patrimonio. 2006. URL: <http://www.letras.mysite.com/ellm270806.htm> (fecha de la aplicación 27.09.2021).
7. M. B. Diez poemas que no te puedes perder de Ida Vitale, la mujer que revolucionó el Cervantes // El Español. 2018. 15 noviembre. URL: https://www.elespanol.com/cultura/20181115/poemas-no-perder-ida-vitale-revoluciono-cervantes/353465764_0.html (fecha de la aplicación: 29.09.2021).
8. *Maldonado L. G., Vitale I.* La poesía social es propaganda // El Español. 2017. 6 junio. URL: https://www.elespanol.com/cultura/libros/20170606/221727926_0.html (fecha de la aplicación: 29.09.2021).
9. *Martínez S. V., Vitale I.* Seis poemas seleccionados (“Acuérdate del pan”, “Este mundo”, “Fortuna”, “Exilios”, “Gotas” y “De un fulgor a otro”); análisis y propuesta didáctica // Leer y escribir. Análisis literarios y propuestas didácticas sobre Literatura española y Lengua. Obras del autor. 2021. 26 abril. URL: <https://leeryescribirlblog.com/2021/04/26/ida-vitale-seis-poemas> (fecha de la aplicación: 29.09.2021).
10. *Vitale I.* Llamada viva. Página personal de Facebook. 2018, 18 noviembre. URL: https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=205211233706556&id=205023000392046&comment_id=298826441011701 (fecha de la aplicación: 24.09.2021).
11. Werz N. América Latina-Europa: intelectuales en un mundo multipolar // Nueva Sociedad. No. 245. Mayo —junio 2013. URL: <https://nuso.org/articulo/america-latina-europa-intelectuales-en-un-mundo-multipolar/> (fecha de la aplicación: 26.09.2021).

КУЛЬТУРНЫЙ КОД БРАЗИЛЬСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОМАНЕ «ХАНААН»

EL CÓDIGO CULTURAL DE LA IDENTIDAD BRASILEÑA EN “CANAÁN”

Resumen: El informe examina el procedimiento para identificar los elementos del código cultural utilizados en la novela “Canaán” del famoso escritor brasileño José Pereira da Aranha Graça (1868–1931) para formar la identidad nacional. La novela se publicó en 1902. Entendemos el código cultural como una especie de estructura inconsciente asignada a un objeto específico o fenómeno abstracto, mientras que el énfasis está en las estructuras semánticas que objetivan la identidad brasileña. La relevancia del trabajo científico se debe a la necesidad de un análisis cognitivo-discursivo del género de la novela brasileña del primer tercio del siglo XX para identificar un conjunto de modelos culturales que contribuyan a la formación de la conciencia étnica de los brasileños. El informe describe sistemáticamente las opiniones existentes de científicos nacionales y extranjeros sobre las cuestiones del código cultural en el discurso artístico. El análisis de material empírico permite identificar la capa de medios lingüísticos utilizados para verbalizar el código cultural de la identidad brasileña. Hemos establecido una nomenclatura de los medios lingüísticos utilizados para verbalizar elementos del código cultural de la identidad nacional, brindar información sobre sus características cualitativas y cuantitativas.

Palabras clave: literatura brasileña; análisis del discurso; código cultural; identidad nacional; discurso de ficción.

Abstract: The study focuses on revealing the elements of the cultural code used in the novel “Canaan” by José Pereira da Graça Aranha (1868–1931) in order to construct Brazilian national identity. The novel was published in 1902. The cultural code is regarded as a kind of unconscious structure assigned to a specific object or abstract phenomenon, with emphasis on semantic structures that verbalize Brazilian identity. The relevance of the study is determined by the need for a cognitive-discursive analysis of the genre of the Brazilian novel of the first third of the 20th century to identify a set of cultural models that contribute to the formation of Brazilian ethnic consciousness. The study systematically presents the contemporary views of Russian and foreign scientists on the issues of the cultural code in fictional discourse. The analysis of the data allows revealing linguistic means used to verbalize the cultural code of Brazilian national identity. Within the framework of the study, we have established the nomenclature of linguistic means used to verbalize elements of the cultural code of national identity and provided information on their qualitative and quantitative characteristics.

Key words: Brazilian literature; discourse analysis; cultural code; national identity; fictional discourse.

Введение

В современной гуманитарной науке ученые нередко обращаются к такому понятию, как культурный код, которое служит для обозначения текста конкретной культурно-исторической эпохи. Код при этом рассматривается как совокупность социокультурных единиц, «объединенных общим культурным временем, общим смыслом, способностью

¹ Проклов Руслан Игоревич, Россия, филолог-лингвист, переводчик, старший преподаватель кафедры психологии языка и преподавания иностранных языков МГУ им. М. В. Ломоносова.

решать конкретные жизненные задачи людей как субъектов социокультурной деятельности»².

Выявление культурного кода способствует реализации герменевтического подхода к интерпретации текста, позволяющего осмыслить происходящие и/или происходившие в социуме процессы. По этой причине мы решили предпринять попытку раскрытия культурного кода бразильской идентичности посредством когнитивно-дискурсивного анализа с элементами герменевтики романа известного бразильского писателя Жозе Перейра да Аранья Граса «Ханаан», опубликованного в 1902 году. Упомянутая книга широко известна в Бразилии и считается одним из центральных произведений начала XX века в ибероамериканском культурном пространстве. Принято считать, что в тексте романа реализуется культурный код, формирующий бразильскую нацию³.

Роман «Ханаан» относится к премодерну, центральное место в нем занимает социокультурная проблематика⁴. Главные герои произведения Милкау и Лентц, иммигранты из Германии, отправившиеся в небольшой город Порту-ду-Кашуэйру, расположенный в штате Эспириту-Санту, в поисках новой жизни, на протяжении всего романа делятся своими размышлениями о Бразилии, ее прошлом, настоящем и будущем. Зачастую их точки зрения не совпадают.

Ключевые теоретико-методологические положения

Художественный текст обеспечивает «смысловую свободу языкового знака» посредством диалога между автором и читателем, в котором они оба «готовы к тому, что изображаемая действительность имеет личностную окраску»⁵. В ходе диалога между автором и читателем последний «присваивает семантическую структуру соответствующей единице текста. Таким образом читатель конструирует семантическую или концептуальную репрезентацию прочтенного текста в памяти»⁶.

Дискурс-анализ художественного текста может включать один или несколько следующих аспектов: стилистический, прагматический, теории литературы и «новых путей конструирования литературы как объекта»⁷.

В рамках нашего исследования идентичность, групповая или массовая, рассматривается как «продукт самоидентификации, понимания того, что вы или я обладаем особыми качествами, отличающими меня от вас и нас от них»⁸. Групповая идентичность обладает рядом особенностей, в частности, она не «такая гибкая как индивидуальная» и в ее основе лежат «заранее заданные параметры»⁹, что подводит нас к еще одной ее характеристике — конструируемости. «Идентичность формируется социальными процессами. Однажды выкристаллизовавшись, она поддерживается, видоизменяется или даже переформируется социальными отношениями»¹⁰. Процесс конструирования

² Бакач Н. Б. Культурная парадигма как объект социально-философского анализа. Волгоград: Волгоград. гос. пед. ун-т, 1998. С. 21.

³ Wink G. A formação da “nação” brasileira no romance “Canaã” de Graça Aranha — O debate intelectual sobre a questão “nacional” na primeira república como substrato de uma ficção ideológica // Linha D’Água. São Paulo, 2005. No. 17. P. 113–136.

⁴ Bosi A. História concisa da literatura brasileira. São Paulo: Universidade de SP, 1994. P. 528.

⁵ Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. С. 477.

⁶ Van Dejk T. Cognitive processing of literary discourse // Poetics Today 1. Tel Aviv: Tel Aviv University, 1979. P. 143–160.

⁷ Maingueneau D. Literature and discourse analysis // Acta Linguistica Hafniensia. 2010. No. 42:1. P. 147–157.

⁸ Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской идентичности. М.: АСТ, 2018. С. 544.

⁹ Ibid, с. 34.

¹⁰ Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge. London: Penguin Books, 1991. P. 249.

национальной идентичности осуществляется «посредством языковых и других семиотических средств»¹¹.

Подход к языку как к коду «несет представление о структуре только что созданной, искусственной и введенной мгновенной договоренностью. Код не подразумевает истории, то есть психологически он ориентирует нас на искусственный язык, который и предполагается идеальной моделью языка вообще»¹².

В контексте гуманитарного исследования наиболее уместным будет рассмотрение культурного кода как «бессознательного смысла той или иной вещи или явления, будь то машина, еда, отношения, даже страна в контексте культуры, в которой мы воспитаны»¹³. При таком подходе для раскрытия культурного кода применяется метод дискурс-анализа, нацеленного на выделение макроструктур текста, затем эти макроструктуры сопоставляются между собой для поиска единых семантических элементов и/или структур, присутствующих в большинстве проанализированных текстов. Выявленные семантические элементы и образуют культурный код предмета или явления.

Исследование и результат

В ходе исследования мы проведем количественный, качественный и семантический анализ художественного текста на уровне семантических макроструктур и лексико-семантических единиц. В результате нашего анализа выявлено три основных топика, формирующих культурный код бразильской национальной идентичности: вопросы государственного строительства, природного ландшафта и повседневного быта. Статистический анализ позволил установить следующее пропорциональное соотношение обозначенных топиков в тексте произведения (рис. 1). Мы бы хотели отметить, что на графике изображается только пропорциональное соотношение семантических макроструктур, заложенных в тексте произведения. Количественно измерить семантические макроструктуры достаточно сложно, так как они представляют собой глобальные текстовые структуры, вербализуемые при помощи различных языковых средств, однако выявить их примерное соотношение возможно, для этого мы подсчитываем количество параграфов текста, в которых затрагиваются обозначенные топики.

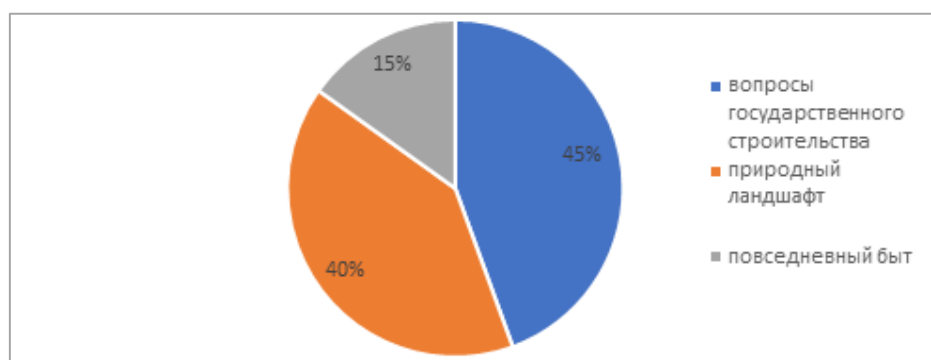

Рис. 1. Пропорциональное распределение топиков, объективирующих культурный код национальной идентичности в романе «Ханаан»

Рассмотрим каждый из топиков подробнее. Вопросы государственного строительства занимают большую часть в семантической структуре всего художественного произведения. Здесь мы можем выделить следующие тематические блоки: поиск цивилизационных основ

¹¹ Cillia R., Reisigl M., Wodak R. The Discursive Construction of National Identities Discourse Society // Discourse & Society. 1999. No. 10:2. P. 149–173.

¹² Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб: Искусство, 2001. С. 703.

¹³ Ранау К. Культурный код: Как мы живем, что покупаем и почему. М.: Альпина Паблишер, 2019. С. 236.

бразильской расы и ее отличительные черты, сравнение (противопоставление) бразильской и европейской цивилизаций, положение бывших рабов в бразильском обществе и последствия рабства как социального феномена того времени, экономическое развитие Бразилии и вопросы правосознания. Эти тематические блоки имеют следующую пропорцию (рис. 2).

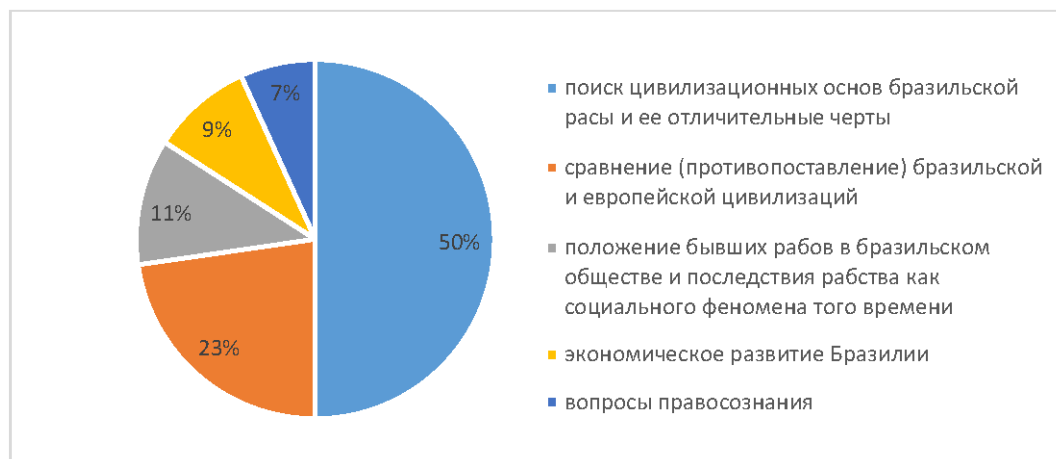

Рис. 2. Тематическая организация семантического поля «вопросы государственного строительства»

Исходя из данной структуры, можно сделать вывод, что вопрос «Кто мы?» вызывает неподдельную обеспокоенность если не у всего бразильского общества начала XX века, то как минимум у автора произведения, который, принимая во внимание полученные результаты и пытаясь очертить границы «расы», рассматривает Бразилию в противопоставлении с Европой, а также пытается обозначить и предложить решение существующих в стране социальных и экономических проблем.

Подтверждение наших выводов мы находим на лексико-семантическом уровне. Частотный анализ слов, связанных с вопросами государственного строительства, выглядит следующим образом (табл. 1), что совпадает с тематической организацией семантического поля «вопросы государственного строительства».

Таблица 1. Частотный анализ лексико-семантических единиц семантического поля «вопросы государственного строительства»

Лексическая единица	Частотность
Raça	70
Civilização	37
Mulato	33
Europa & européa	27
Escravos & Escravidão	25
Negro	15
Branco	11
Caboclo	4

Топик «природный ландшафт» включает в себя следующие тематические блоки: лесной массив, солнце в небе, гидроресурсы, фауна. Пропорционально они распределены следующим образом (рис. 3).

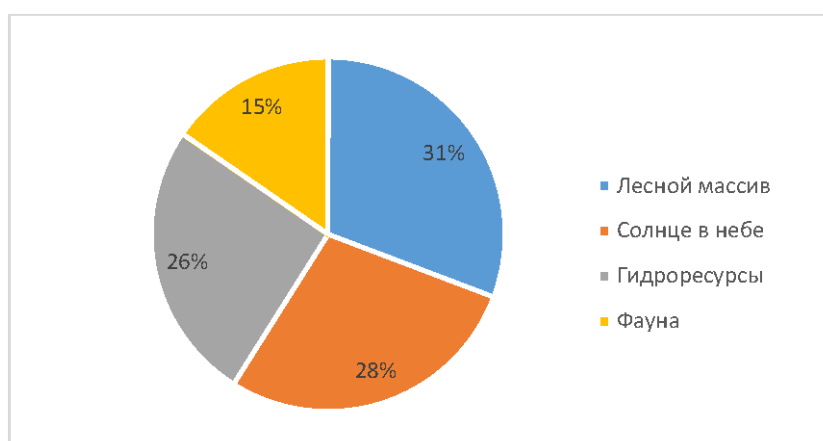

Рис. 3. Тематическая организация семантического поля «природный ландшафт»

Из графика следует, что описание лесных массивов, неба и гидроресурсов примерно в равной степени представлено в тексте произведения. Рассмотрим результаты количественного анализа лексических единиц семантического поля «природный ландшафт» (табл. 2).

Таблица 2. Частотный анализ лексико-семантических единиц семантического поля «природный ландшафт»

Лексическая единица	Частотность
Sol	76
Céu	74
Árvore	72
Animal	49
Rio	49
Natureza	37
Floresta	27
Nuvem	14
Pássaros	14
Urubus	13
Ave	10
Cachoeira	10

Стоит отметить, что упоминание солнца, как правило, сопровождается таким контекстом:

o sol começava a incendiar o espaço
¹⁴(солнце начинало накалять (поджигать) это место)

Автор подчеркивает, что солнце в Бразилии очень сильное, и сравнивает его разрушительную силу с огнем.

Также в приведенном выше списке (табл. 2) обращает на себя внимание частое упоминание птиц в общем и *Urubus* в частности. Нам сложно судить, обусловлено ли это личным восприятием автора или чем-то еще. Однако вывод о том, что именно птицы являются центральным элементом тематического блока фауны, вытекает из результатов анализа.

¹⁴ *Graça Aranha da J. P. Canaan*. Rio de Janeiro: H. Garnier Livreiro-Editor, 1902. P. 360.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что природный ландшафт играет существенную роль в формировании культурного кода бразильской национальной идентичности, автор даже противопоставляет природу Бразилии европейской:

A sensação que aqui recebemos é muito diferente da que nos deixa a paisagem europeia (То восприятие (природы), с которым мы сталкиваемся здесь, значительно отличается от .¹⁵(европейского пейзажа, который мы оставили

Еще одним компонентом культурного кода, конструирующего бразильскую национальную идентичность, является «быт», который формируется следующими тематическими блоками: сельское хозяйство (плантации кофе), одежда, гастрономия, интерьер. Последние три темы практически не затрагиваются в тексте произведения. Тематическая организация топика «быт» имеет следующую пропорцию (рис. 4):

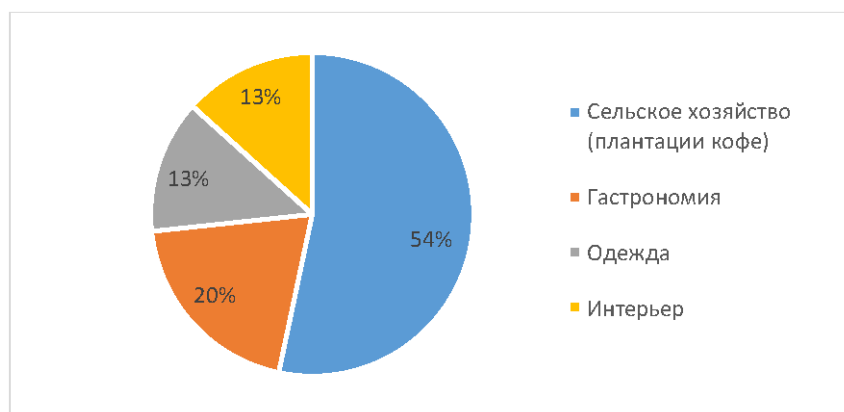

Рис. 4. Тематическая организация семантического поля «быт»

На лексическом уровне мы можем отметить слово Cafesal (плантация кофе), которое упоминается в тексте произведения 13 раз.

Мы не готовы взять на себя ответственность и экстраполировать полученные данные на все бразильское общество того времени, однако можем констатировать, что размышления о роли Бразилии в мире становятся предметом осмысления местной творческой интеллигенции, которая ставит перед собой задачу определить и охарактеризовать параметры бразильской нации, что вербализуется в рассмотренных выше топиках и лексико-семантических единицах.

Заключение

Проведенный нами анализ и интерпретирование с элементами герменевтики позволяют установить, что культурный код бразильской национальной идентичности преимущественно вербализуется в следующих топиках: вопросы государственного строительства, природный ландшафт и повседневный быт, а также соответствующих семантических макроструктурах и лексических единицах. Данные результаты релевантны только для романа «Ханаан» и прежде всего отражают позицию его автора. Тем не менее, анализ научных работ, посвященных данному произведению, исторический и социокультурный контекст, в котором было написано данное произведение, а также его популярность в бразильском обществе как в начале XX века, так и на современном этапе,

¹⁵ Idem.

закладывают потенциал для проведения дальнейших исследований в области бразильских культурных кодов.

Подводя итоги работы, мы бы хотели отметить, что культурный код бразильской национальной идентичности конструируется:

- в рамках четко прослеживаемого противопоставления бразилец/европеец;
- с учетом того, что определение антропометрических параметров «типичного бразильца» вызывает споры, что обусловлено гетерогенным составом бразильского общества начала XX века;
- при понимании ряда особенностей природного ландшафта, который является важным культурным элементом, маркирующим национальную идентичность бразильцев.

Проведенное исследование является частью комплексного анализа жанра бразильского романа первой трети XX века.

Библиография

1. Бакач Н. Б. Культурная парадигма как объект социально-философского анализа. Волгоград: Волгоград. гос. пед. ун-т, 1998.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
3. Клотер Р. Культурный код: как мы живем, что покупаем и почему. М.: Альпина Паблишер, 2019.
4. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб: Искусство, 2001.
5. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской идентичности. М.: АСТ, 2018.
6. Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge. London: Penguin Books, 1991. P. 249.
7. Bosi A. História concisa da literatura brasileira. São Paulo: Universidade de SP, 1994.
8. Cillia R., Reissigl M., Wodak R. The Discursive Construction of National Identities Discourse Society // Discourse & Society. 1999. No. 10:2. P. 149–173.
9. Graça Aranha da J. P. Canaan. Rio de Janeiro: H. Garnier Livreiro-Editor, 1902. P. 360.
10. Maingueneau D. Literature and discourse analysis // Acta Linguistica Hafniensia. 2010. No. 42:1. P. 147–57.
11. Van Dejk T. Cognitive processing of literary discourse // Poetics Today 1. Tel Aviv: Tel Aviv University, 1979. P. 143–160.
12. Wink G. A formação da “nação” brasileira no romance “Canaã” de Graça Aranha — O debate intelectual sobre a questão “nacional” na primeira república como substrato de uma ficção ideológica // Linha D’Água. São Paulo, 2005. No. 17. P. 113–136.

ПРОБЛЕМАТИКА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СВЕТЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

PROBLEMS OF HUMAN RIGHTS IN THE LIGHT OF POLITICAL CULTURE FEATURES OF LATIN AMERICA

Я. Г. Шемякин¹

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СТРАН РЕГИОНА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ СПЕЦИФИКИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

THE POLITICAL CULTURE OF THE COUNTRIES OF THE REGION AS A MANIFESTATION OF THE CIVILIZATIONAL SPECIFICS OF LATIN AMERICA

Resumen: El término “cultura política” captura una de las dimensiones del fenómeno de la cultura en su conjunto. La especificidad de esta dimensión está determinada en los países de la región sur del Río Grande del Norte por el carácter “fronterizo” de la civilización latinoamericana, que se manifiesta en el predominio de la diversidad manteniendo la unidad sui generis. Tal combinación de estos principios formadores de estructuras está asegurada por la acción de un mecanismo especial para lograr y mantener la integridad en el contexto de la diversidad dominante. Este mecanismo se basa en la capacidad del sujeto de interacción intercultural para un mayor nivel de funcionamiento con estructuras de signos de diversos orígenes y carácter, desde símbolos sagrados hasta conceptos políticos. Alguna comunidad o institución no puede operar con estructuras de signos. Esto solo lo pueden hacer personas vivas específicas, fuera de cuyas actividades no existen comunidades e instituciones. Por lo tanto, el nivel individual de desarrollo del proceso civilizatorio ha adquirido una importancia clave en la “zona fronteriza” civilizacional. Debe tenerse en cuenta que dentro de este mismo nivel, se debe distinguir entre la capa transpersonal de valores y reglas de comportamiento

¹ **Шемякин Яков Георгиевич**, Россия, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Латинской Америки РАН. E-mail: shemyakinx3@gmail.com

generalmente aceptados y la capa del “individuo adecuado”: el “espacio de libertad” del individuo, la libertad de interpretación. estas normas y reglas, que en una crisis se convierten en su negación. En la realidad “fronteriza” de América Latina, que es un cuadro de un choque agudo de tradiciones cualitativamente diferentes (incluidas las políticas), estilos de vida y lógicas de comportamiento, es el “espacio de libertad” del individuo el que se ha convertido en un factor decisivo. factor en la preservación y reproducción de la integridad del sistema civilizatorio. Por tanto, la protección de los derechos humanos es una condición sine qua non de la existencia misma de la civilización.

Palabras clave: cultura política; civilización “fronteriza”; dominación de la diversidad; “espacio de libertad” del individuo.

Abstract: The term “political culture” captures one of the dimensions of the phenomenon of culture as a whole. The specificity of this dimension is determined in the countries of the region south of the Rio Grande do Norte by the “borderline” character of Latin American civilization, which manifests itself in the dominance of diversity while maintaining sui generis unity. Such a combination of these structure-forming principles is ensured by the action of a special mechanism for achieving and maintaining integrity in the context of the dominant diversity. This mechanism is based on the ability of the subject of intercultural interaction to an increased level of operating with sign structures of various origins and character — from sacred symbols to political concepts. Some community or institution cannot operate with sign structures. This can only be done by specific living people, outside of whose activities no communities and institutions exist. Therefore, the individual level of development of the civilizational process has acquired key importance in the civilizational “borderland”. It should be borne in mind that within this level itself, one should distinguish between the transpersonal layer of generally accepted values and rules of behavior and the “proper individual” layer — the “space of freedom” of the individual, freedom in interpreting these norms and rules, which in a crisis develops into their denial. In the “borderline” reality of Latin America, which is a picture of an acute clash of qualitatively different traditions (including political ones), lifestyles, and behavioral logics, it is the “space of freedom” of the individual that has become a decisive factor in the preservation and reproduction of the integrity of the civilizational system. Therefore, the protection of human rights is a *conditio sine qua non* of the very existence of civilization.

Key words: political culture; “borderline” civilization; the dominant of diversity; “space of freedom” of the individual.

Политическая культура есть не что иное, как проявление общих черт культуры в определенном измерении жизни общества, в рамках которого формируется характер взаимосвязи личности, общества и власти. Это измерение может быть рассмотрено с точки зрения системного подхода как одна из подсистем социокультурной системы, отвечающая за осуществление одной из необходимых для ее функционирования функций. А именно как подсистема целеполагания или целедостижения (в соответствии с широко известной концепцией Парсонса — Седова)².

Специфика политической культуры Латинской Америки определяется главной структурной характеристикой латиноамериканской цивилизации — особым, отличным от «классических» цивилизаций Востока и Запада соотношением структурообразующих начал единства и многообразия: доминантой многообразия при сохранении единства *sui generis*. Возможность подобного соотношения создается в результате действия специфического механизма обеспечения целостности цивилизации в условиях доминанты многообразия, главная отличительная черта которого — ключевая роль «пространства свободы» личности, обеспечивающая возможность намного более свободного (по сравнению с «классическими» цивилизациями Востока и Запада) оперирования знаковыми структурами различного происхождения и характера, в том числе и политическими символами. Действие названного механизма обуславливает структуру идентификационной сферы цивилизации: в качестве

² *Parsons T.* The System of Modern Societies. New Jersey: Englewood Cliffs, 1971; *Седов Л. А.* К типологизации средневековых общественных систем Востока. Попытка системного подхода // Народы Азии и Африки. 1987. № 5. С. 56–62.

архетипа, положенного в ее основу, выступают не устойчивые духовные и институциональные (в том числе политические) формы, воплощающие (как в «классических» цивилизациях) начало единства, а сам процесс взаимодействия разнородных составляющих, играющий роль идентификационного стержня-инварианта, в котором проявляет себя доминанта многообразия.

Способность к повышенному уровню оперирования знаковыми структурами различного происхождения и характера и, как следствие, повышенный уровень проницаемости внутренних и внешних границ культуры обуславливают формирование двух качеств: способности к быстрому восприятию иноцивилизационных новаций и столь же быстрому приспособлению их к местной социокультурной почве. На наш взгляд, наиболее ярко это проявилось в политической сфере, обусловив весьма своеобразное строение подсистемы целеполагания в Латинской Америке. Для политической культуры возникших после войны за независимость государств оказалось характерно очень быстрое восприятие идей и ценностей представительной демократии западного образца, но почти сразу же начались попытки адаптировать их к реальным условиям региона. Достаточно вспомнить в связи с этим формирование разного рода авторитарных или полуавторитарных структур, опирающихся на соответствующую историческую традицию, но включающих отдельные элементы демократии, попытки обосновать совместимость принципов демократии с исключением из политического процесса основной массы населения с помощью имущественного и образовательного цензов и средств государственного насилия (в духе модели «элитарной демократии»), а также попытки выработать альтернативное этому понимание демократии («плебейское», по выражению некоторых исследователей³) последователями линии Боливара, отрицавшего возможность прямого переноса западных политических форм на континент⁴.

В настоящее время можно выделить три основные формы, посредством которых происходило (и происходит) приспособление политической и правовой структуры стран региона, которая характеризуется повсеместным формальным принятием основ модели представительной демократии, к пульсации идентификационного стержня-инварианта: институт общины, популизм во всех его многочисленных разновидностях и новые социальные движения, особенно возникшие в последнее время.

Институт общины — это инвариант истории континента. Она воплощает связь времен — от самых древних до современности⁵. В этой связи хочу четко обозначить свою позицию в одном принципиальном вопросе. По моему убеждению, было бы грубейшей ошибкой расценивать общину в духе сторонников традиционной западной версии модернизации как препятствие на пути развития современного общества, подлежащее обязательному преодолению.

Я придерживаюсь совершенно иной позиции. В ходе цивилизационных исследований я пришел к выводу, что каждая из человеческих культур в одной из своих ипостасей представляет собой конкретную интерпретацию универсального измерения человеческой природы. Все многообразие культур тяготеет к трем базовым интерпретациям этого измерения, трем главным парадигмам универсального, каждую из которых отличает свой способ удовлетворения фундаментальной психофизиологической потребности человека в обретении смысла и, соответственно, решения ключевых экзистенциальных противоречий, качественно отличный от двух других: наследию архаики, традиции «первого осевого времени» (по Карлу Ясперсу) и традиции «второго осевого времени» (эпохи модернизации

³ Coronel V., Cadahia L. Populismo republicano: más allá de “Estado versus pueblo” // Nueva Sociedad. 2018. No. 273. P. 78.

⁴ Боливар С. Избранные произведения. 1812–1830. М.: Наука, 1983. С. 81–82, 86.

⁵ Костогрызов П. И. Общинное правосудие в странах Латинской Америки. М.: Юрлитинформ, 2018; Шемякин Я. Г. Общинная юстиция как проявление цивилизационной идентичности Латинской Америки // Латинская Америка. 2019. № 2. С. 94–106.

по Шмуэлю Ноаху Айзенштадту и др.)⁶. То есть архаика не есть тяжелый пережиток прошлых эпох, подлежащий обязательному преодолению, это одна из парадигм универсального измерения человеческой природы, присутствующая в жизни *homo sapiens* с начала его истории и по сей день, инвариант истории мира людей и важнейший действующий фактор его современного бытия.

Формулируя подобное утверждение, я опираюсь на результаты исследований самых разных ученых, как отечественных, так и зарубежных, и, разумеется, на собственный исследовательский опыт. По моему мнению, наиболее убедителен в утверждении понимания архаики именно как одной из главных парадигм универсального В. Н. Топоров, выдвинувший концепцию «универсальных знаковых комплексов» (УЗК), возникших на первых этапах истории и ставших, как он убедительно показал в своих трудах, инвариантной основой всей человеческой культуры⁷.

Уральский ученый П. И. Костогрызов совершенно прав, утверждая универсальный характер общины как института⁸. Помимо прочего, в нем отражается и универсальная значимость архаики. Впрочем, и это следует подчеркнуть особо, универсальный характер общины отнюдь не сводится к присутствующему в ней архаическому измерению. Материалы, приведенные в монографии П. И. Костогрызова, позволяют, по моему мнению, сделать вывод, что латиноамериканская община является полем напряженного воздействия всех трех упомянутых выше парадигм универсального, причем в разных типах общин их соотношение различно⁹.

Особенно ясно это видно на примере общинного правосудия, в той иерархии ценностей, которая определяет главные черты ее исторического лица¹⁰.

Само существование феномена общинного правосудия (общинной юстиции) — это одно из наиболее ярких проявлений определяющей характеристики юридического строя латиноамериканских обществ — юридического плюрализма или полиюридизма. Это «такое состояние правовой системы общества, когда на одной территории, не разделенной политически, сосуществуют два или более правовых порядка»¹¹, такое «положение вещей в любом социальном поле, при котором поведение соответствует более чем одному правопорядку»¹². «Латинская Америка, с одной стороны, будучи генетически связана с европейской цивилизацией, в юридическом отношении принадлежит к романо-германской правовой семье. С другой стороны, наряду с позитивным правом романо-германского типа в большинстве стран региона функционирует множество иных правовых порядков, как имеющих корни в доколумбовых обществах, так и возникших в колониальный и постколониальный период»¹³. Подобное многообразие правовых порядков — яркое проявление общецивилизационного качества — доминанты многообразия в социокультурной системе. Община, в том числе общинная юстиция, — это одновременно и одна из важнейших составляющих, проявлений начала многообразия, и его значимый гарант, препятствующий стремлению нивелировать латиноамериканскую действительность в соответствии с капиталистическим принципом «формальной рациональности». Вместе с тем, будучи одним из важнейших механизмов социальной интеграции, община выступает как фактор достижения и сохранения целостности социальной «ткани» обществ региона, причем не только на местном, но и на общецивилизационном уровне.

⁶ *Шмякин Я. Г.* Глобальное, универсальное, локальное: соотношение понятий и соотношение реальностей // *Цивилизации*. Вып. 11. М.: Наука, 2017. С. 176–186.

⁷ *Топоров В. Н.* Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. Т. 1. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. С. 21, 45–46, 264, 266–267, 274–275.

⁸ *Костогрызов*, *op. cit.*, с. 5, 19.

⁹ *Ibid.*, с. 24–25.

¹⁰ *Ibid.*, с. 205–206.

¹¹ *Ibid.*, с. 13.

¹² *Griffiths J.* What Is Legal Pluralism? // *Journal of Legal Pluralism*. 1986. No. 24. P. 2.

¹³ *Костогрызов*, *op. cit.*, с. 7.

Дело в том, что в Латинской Америке на протяжении всей ее истории государство как один из главных интеграторов цивилизации всегда обладало недостаточной объединительной потенцией, было неспособно сплотить воедино разнородные составляющие латиноамериканского «мира миров» (М. Гефтер). «Государственноцентричная матрица» (т. е. попытка правящих элит поставить под контроль манипулируемых ими органов государственной власти все стороны жизни общества), господствовавшая на протяжении длительных периодов латиноамериканской истории¹⁴, не изменила эту ситуацию.

Результаты многолетних цивилизационных исследований привели автора этих строк к заключению, что в основе всех ныне существующих культур и цивилизаций (в том числе, разумеется, и латиноамериканской) лежит напряженный диалог-спор трех обозначенных выше парадигм универсального. Их соотношение различно в разных цивилизациях и цивилизационных типах. В латиноамериканском контексте ключевое значение приобрел, по нашему мнению, характер взаимосвязи архаики и второй осевой (модернизационной) парадигмы¹⁵. В свете этих соображений закономерен вывод о том, что латиноамериканская община как институт изоморфна по своей структуре цивилизации в целом. По-видимому, именно в силу этого обстоятельства она оказалась в состоянии выполнять ту важнейшую интегративную функцию, о которой шла речь выше, и тем самым выполнять роль главного фактора, компенсирующего низкую степень институционализированности латиноамериканской цивилизации, ставшую одним из ее отличительных признаков¹⁶.

* * *

Политическая культура стран региона с конца XIX в. по сей день отличается наличием ряда постоянно воспроизводящихся характеристик. В течение всего этого периода на всех этапах неизменно прослеживается стремление значительной части интеллектуальной элиты внедрить на латиноамериканской социокультурной почве свойственные западной традиции формы политической, в том числе партийной организации (в рамках общей установки на усвоение западной модели представительной демократии). Но столь же неизменно на каждой новой стадии политического развития наблюдается «прорастание» сквозь западные формы свойственных местной традиции способов организации политического пространства. Практически во всех политических объединениях, которые продемонстрировали способность мобилизовать значительную часть населения для достижения тех или иных целей, от аргентинского радикализма первых десятилетий XX в. до современной мексиканской MORENA (здесь названы самые яркие, пожалуй, примеры) обнаруживаются черты, которые являются «родовыми» особенностями популизма: харизматический тип политического лидерства, основанный на приоритете прямой связи «лидер — масса», отсутствие четкой организационной структуры, опосредующей эту связь, крайняя социальная разнородность, объединение самых различных, в том числе и разделенных острейшими противоречиями социальных классов и слоев. Все сколько-нибудь влиятельные политические партии представляли и представляют собой, как правило, противоречивый симбиоз позаимствованных из западной традиции форм партийной организации и популистских тенденций. Разумеется, популистские черты проявляются в разной степени в разных партиях на разных этапах их эволюции. В первые два десятилетия XXI в. наблюдается новая волна популизма, причем самых разных его разновидностей — левого, правого (неолиберального), экологического и др. Неслучайно в последние годы он

¹⁴ *Cavarozzi M.* Beyond Transitions to Democracy in Latin America // *Journal of Latin American Studies*. 1992. No. 3. P. 665–684; *Mexican Political Formula: Past and Present* // *The Politics of Economic Restructuring: State vs. Society Relations and Regime Change in Mexico*. San Diego, 1994. P. 307–325; *Латиноамериканская цивилизационная общность в глобализирующемся мире*. М.: ИМЭМО РАН, 2007. С. 75–78.

¹⁵ *Шемякин Я. Г.* Феномен «пограничности»: социокультурное содержание и исторические типы // *Диалог со временем*. Альманах интеллектуальной истории. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 23–45.

¹⁶ *Шемякин Я. Г.* Россия и Латинская Америка как цивилизации: попытка сравнения. Размышления над книгами В. Б. Земскова // *Мир России*. 2016. № 1. С. 164–169.

стал предметом пристального внимания и острой полемики¹⁷. Последняя связана прежде всего с ожесточенными нападками на якобы «безответственный популизм» режимов «левого поворота» со стороны приверженцев неолиберального лагеря. Нарастает, впрочем, и встречная волна: начался новый этап развертывания критики попыток навязывания западных форм без учета местной специфики и связанного с этим переосмысления популистской политической практики и идеологии.

В этой связи следует отметить, что неизменное воспроизведение в политической практике и соответствующее обоснование в идеологии харизматического типа политического лидерства — прямое проявление действия той части механизма обеспечения целостности, в которой утверждается особая, существенно более значимая, чем в «классических» цивилизациях, роль индивидуального уровня развертывания цивилизационного процесса и, соответственно, ключевое значение «пространства свободы» личности как первичной основы обеспечения целостности цивилизационной системы. Характерное для популизма соединение в рамках одного движения совершенно различных (а иногда и противоположных — достаточно вспомнить аргентинский перонизм) социальных и политических сил непосредственно детерминировано другими составляющими упомянутого механизма — способностью социокультурного субъекта к повышенному уровню оперирования знаковыми структурами различного происхождения и характера и обусловленной этим качеством повышенной (во всех случаях — по сравнению с «классическими» цивилизациями Востока и Запада) степенью проницаемости внутренних границ в культуре, пролегающих не только между отдельными людьми — представителями тех или иных традиций и социальных групп, но и внутри человеческих душ. Если это действительно так, то жизнеспособность популизма и его способность к постоянной регенерации в латиноамериканских условиях объясняется тем, что в нем проявляется действие механизма обеспечения целостности социокультурной системы на всех уровнях, тем самым проявляет себя цивилизационная основа — идентификационный стержень-инвариант.

* * *

В Латинской Америке доминанта многообразия особенно ярко проявила себя в формировании новых форм социальности, возникающих, как правило, как реакция на массовую маргинализацию в условиях неолиберальной глобализации в стихии повседневности, в ходе реализации самых разнообразных социальных практик. Речь идет о многочисленных альтернативных социальных движениях. Помимо порожденных «индейским ренессансом» разнообразных индейских организаций, все большее внимание здесь привлекают экологические, феминистские, молодежные движения, христианские низовые общины, а также объединения людей на основе различного рода конкретных гражданских инициатив. Чаще всего эти новые формы социальности возникают на базе использования опыта общинных типов самоорганизации.

Доминанта многообразия проявляет себя также в чрезвычайном многообразии форм социального протеста, типов организации. Хотя все эти движения очень различны, всех их объединяет ряд общих черт¹⁸.

Прежде всего следует отметить принципиальное неприятие самой основы западной концепции демократии — идеи о том, что воля народа может быть адекватно выражена его представителями, которым он делегирует власть. Подобный подход связан с резкой критикой существующей партийной системы. По мнению большинства представителей социальных движений, партийная форма политической организации неизбежно ведет к интеграции в существующую систему власти и тем самым — к искажению целей борьбы

¹⁷ Coronel V., Cadahia L. Populismo republicano: más allá de “Estado versus pueblo” // Nueva Sociedad. 2018. No. 273. P. 72–82; Roth J., Manke A. ¿Qué crisis y qué respuesta? Rensar las crisis en su contexto sociohistórico // Nueva Sociedad. 2018. No. 273. P. 34–43.

¹⁸ Bilión D., Ventura Ch. Por que protesta tanta gente a la vez? // Nueva Sociedad. 2020. No. 286. P. 37–52.

или полному от них отказу. Практически все эти движения ориентируются на создание автономных социальных пространств, в рамках которых достигается относительная независимость от господствующей системы, вырабатываются нормы поведения, не вписывающиеся в логику функционирования капиталистического рынка. Предельно обобщая, можно выделить следующие общие принципы организации подобных пространств, разделяемые в той или иной мере всеми движениями рассматриваемого типа. Помимо уже упоминавшегося отказа от идей представительства и делегирования полномочий, к числу этих принципов относятся: самоорганизация, прямое участие, приоритет горизонтальных социальных связей (отрицание «вертикали власти»), сосредоточение на организации конкретных акций по решению конкретных проблем¹⁹.

Библиография

1. *Боливар С.* Избранные произведения. 1812–1830. М.: Наука, 1983. С. 81–82, 86.
2. *Костогрызов П. И.* Общинное правосудие в странах Латинской Америки. М.: Юрлитинформ, 2018.
3. Латиноамериканская цивилизационная общность в глобализирующемся мире. М.: ИМЭМО РАН, 2007. С. 75–78.
4. *Седов Л. А.* К типологизации средневековых общественных систем Востока. Попытка системного подхода // Народы Азии и Африки. 1987. № 5. С. 56–62.
5. *Топоров В. Н.* Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. Т. 1. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. С. 21, 45–46, 264, 266–267, 274–275.
6. *Шемякин Я. Г.* Общинная юстиция как проявление цивилизационной идентичности Латинской Америки // Латинская Америка. 2019. № 2. С. 94–106.
7. *Шемякин Я. Г.* Глобальное, универсальное, локальное: соотношение понятий и соотношение реальностей // Цивилизации. Вып. 11. М.: Наука, 2017. С. 176–186.
8. *Шемякин Я. Г.* Россия и Латинская Америка как цивилизации: попытка сравнения. Размышления над книгами В. Б. Земскова // Мир России. 2016. № 1. С. 164–169.
9. *Шемякин Я. Г.* Феномен «пограничности»: социокультурное содержание и исторические типы // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 23–45.
10. *Bilión D., Ventura Ch.* Por que protesta tanta gente a la vez? // Nueva Sociedad. 2020. No. 286. P. 37–52.
11. *Cavarozzi M.* Beyond Transitions to Democracy in Latin America // Journal of Latin American Studies. 1992. No. 3. P. 665–684.
12. *Coronel V., Cadahia L.* Populismo republicano: más allá de “Estado versus pueblo” // Nueva Sociedad. 2018. No. 273. P. 72–82.
13. *Griffiths J.* What Is Legal Pluralism? // Journal of Legal Pluralism. 1986. No. 24. P. 1–6.
14. Mexican Political Formula: Past and Present // The Politics of Economic Restructuring: State vs. Society Relations and Regime Change in Mexico. San Diego, 1994. P. 307–325.
15. *Parsons T.* The System of Modern Societies. New Jersey: Englewood Cliffs, 1971.
16. *Roth J., Manke A.* ¿Qué crisis y qué respuesta? Rensar las crisis en su contexto sociohistórico // Nueva Sociedad. 2018. No. 273. P. 34–43.

¹⁹ Ibid., p. 52.

ЭКСПОРТ В СТРАНЫ ИБЕРОАМЕРИКИ. РОССИЙСКИЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТРАТЕГИИ

EXPORT TO IBERO-AMERICA. RUSSIAN AND INTERNATIONAL STRATEGIES

Мэнци Ху¹

КИТАЙСКО-ЧИЛИЙСКОЕ ТОРГОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В РАМКАХ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ»

CHINESE-CHILEAN TRADE COOPERATION UNDER THE “BELT AND ROAD” INITIATIVE

Resumen: Desde 2017, los países latinoamericanos se han convertido gradualmente en importantes participantes de la iniciativa “la Franja y la Ruta”, y la cooperación económica y comercial entre China y América Latina ha continuado profundizándose y mejorando. En el contexto del aumento de la antiglobalización en la era posterior a la epidemia, la cooperación entre países se enfrenta a desafíos y oportunidades. América Latina es una de las regiones más concentradas de países en desarrollo y China concede gran importancia a la cooperación con América Latina. Como uno de los países con el mejor entorno empresarial en América Latina, Chile tiene una buena relación de cooperación comercial con China, y China es el país socio más grande de Chile. El artículo utiliza el comercio China-Chile como ejemplo para discutir la historia del desarrollo y los problemas que enfrenta el comercio de los dos países, y propone las perspectivas de la cooperación China-Chile bajo la iniciativa “la Franja y la Ruta”.

Palabras clave: China; América Latina; Chile; la Franja y la Ruta; cooperación comercial China-Chile.

Abstract: Since 2017, Latin American countries have gradually become important participants in the “Belt and Road” initiative, and China-Latin America economic and trade cooperation has continued to deepen and improve. In the context of the rise of anti-globalization in the post-epidemic era, cooperation between countries is facing challenges and opportunities. Latin America is one of the most concentrated regions of developing countries, and China attaches great importance to cooperation with Latin America. As one of the countries with the best business environment in Latin America, Chile has a good trade cooperation relationship with China, and China is Chile’s largest

¹ Ху Мэнци, Россия, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения (mentsikhu@mail.ru).

partner country. The article uses China-Chile trade as an example to discuss the development history and problems faced by the two countries' trade and proposes the prospects of China-Chile cooperation under the "Belt and Road" initiative.

Key words: China; Latin America; Chile; Belt and Road; China-Chilean trade cooperation.

Введение

Латинская Америка является одним из концентрированных регионов развивающихся стран, где накоплен большой опыт развития, стоящих на пути к модернизации. Одна из целей инициативы «Один пояс, один путь» (далее — ОПОП), предложенной Китаем в 2013 году, — создать платформу взаимовыгодного сотрудничества со странами, расположенными вдоль маршрута. Фактически это требует, чтобы сотрудничающие страны, имея свои сильные стороны, учились друг у друга для сотрудничества в целях развития (а не сотрудничества только ради помощи, как, например, между Китаем и Африкой). Более того, в контексте многополярного мира Китай придает особое значение сотрудничеству с развивающимися странами. Латинская Америка является естественным продолжением Морского шелкового пути XXI века, незаменимым и важным участником совместного строительства ОПОП.

К концу 2019 года 19 латиноамериканских стран подписали рамочный меморандум о международном сотрудничестве в рамках инициативы ОПОП с Китаем. В условиях непрерывного углубления китайско-латиноамериканского сотрудничества пандемия COVID-19, несомненно, станет серьезным испытанием. Статус-кво, перспективы и проблемы, с которыми сталкивается китайско-латиноамериканское торгово-экономическое сотрудничество, заслуживают отдельного изучения.

Чили — одна из стран с лучшими условиями для ведения бизнеса в Латинской Америке. Это первая латиноамериканская страна, подписавшая соглашение о свободной торговле с Китаем и первая южноамериканская страна, установившая дипломатические отношения с Китаем в 1970 году. «В экономике Китая и Чили много общего. Обе страны совершили хотя и несоизмеримое по масштабу, но замеченное миром экономическое чудо. Чили — одна из наиболее конкурентоспособных и крупных в экономическом отношении стран латиноамериканского региона»². По мере углубления экономических и торговых обменов между Китаем и Латинской Америкой экономическое и торговое сотрудничество между КНР и Чили также расширяется. Чили играет важную роль в торгово-экономическом сотрудничестве Китая и Латинской Америки.

Китайско-чилийская торговля

Объем китайско-латиноамериканской торговли превысил 200 млрд долл. США в 2011 году и 300 млрд долл. США в 2018 году. С 2011 по 2019 год объем китайско-латиноамериканской торговли увеличился с 241,4 до 317,6 млрд долл. США, темпы роста составили 31,57 %. Общий объем торговли между участниками инициативы ОПОП в Латинской Америке и Китае увеличился с 94,2 млрд долл. США в 2011 году до 102,9 млрд долл. США в 2019 году, т. е. увеличился на 9,24 %. Общий объем торговли между Чили и Китаем за этот период вырос с 31,4 до 40,9 млрд долл. США, темпы роста составили 3,03 %.

Хотя объем китайско-латиноамериканской торговли в основном сохранил рост в последние годы, фактические среднегодовые темпы роста составляют всего 3,49 %, и есть еще много возможностей для сотрудничества и развития. Кроме того, темпы роста общего объема торговли между Чили и Китаем не столь впечатляющи. Доля китайско-чилийской торговли в китайско-латиноамериканской торговле практически не изменилась.

² Шелепова Ю. А. Дракон и кондор: развитие чилийско-китайских отношений на современном этапе // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 6. С. 34.

Таблица 3. Общий объем импорта и экспорта между Китаем и странами Латинской Америки в 2011–2019 гг. (млрд долл. США)

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Латинская Америка	241,4	261,3	261,4	263,3	235,9	217,0	258,6	307,2	317,6
Участники ОПОП в ЛА	94,2	107,2	99,2	95,9	85,2	77,7	90,2	102,2	102,9
Доля в ЛА	0,39	0,41	0,38	0,364	0,361	0,358	0,349	0,333	0,324
Чили	31,4	33,2	33,8	34,0	31,7	31,4	35,6	42,6	40,9
Доля в ЛА	0,13	0,127	0,129	0,129	0,135	0,145	0,138	0,139	0,129

Источник: Национальное бюро статистики Китая³. Страны Латинской Америки, участвующие в инициативе «Один пояс, один путь», см.: официальный сайт китайской инициативы «Один пояс, один путь»⁴.

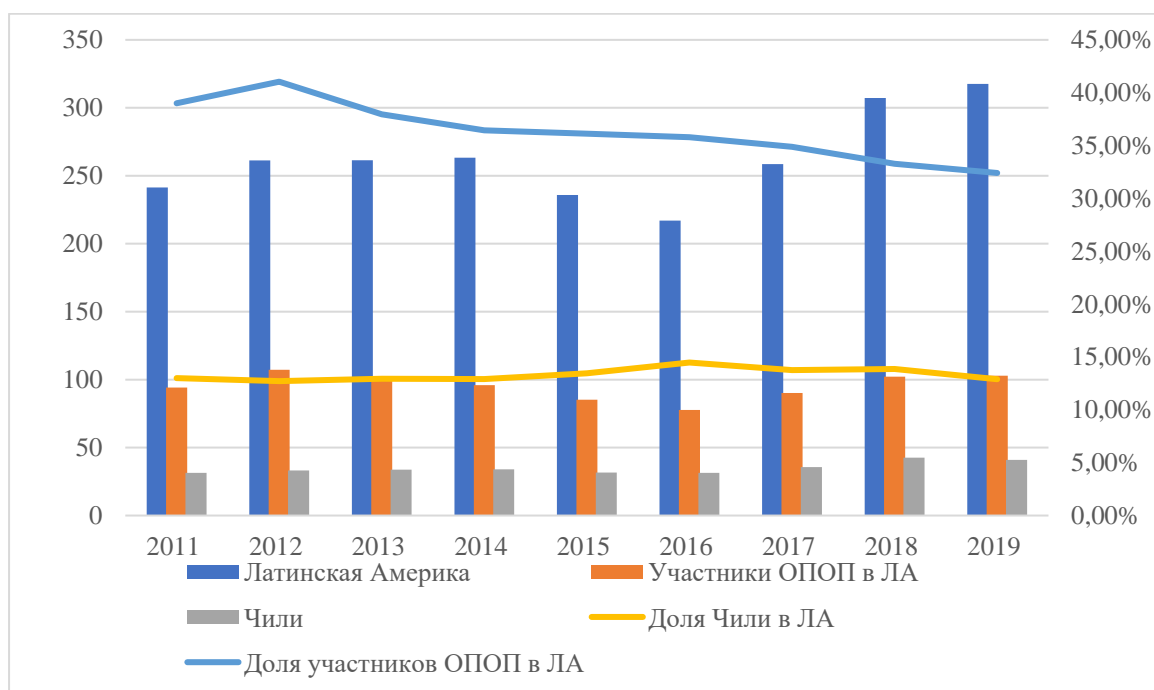

Рис. 1. Динамика торговли между Китаем и странами Латинской Америки в 2011–2019 гг. (млрд долл. США)⁵

Данные табл. 1 отображают динамический процесс торговли между Китаем и Латинской Америкой в 2011–2019 годах (рис. 1). Можно видеть, что торговое сотрудничество Китая и Латинской Америки начало новый виток роста с 2016 года, войдя в быстрорастущую фазу. Торговля между Китаем и латиноамериканскими странами, участвующими в инициативе ОПОП, и китайско-чилийская торговля также соответствуют этой тенденции. Китайско-чилийская торговля показала большую стабильность в условиях циклических колебаний китайско-латиноамериканской торговли. В период 2012–2016 годов из-за постепенного снижения мировых рыночных цен на медь экспортная торговля Чили резко упала. Рост цен с тех пор напрямую повлиял на восстановление экспорта Чили.

«В 2020 году Китай стал крупнейшим торговым партнером Чили, крупнейшим источником импорта, крупнейшим экспортным направлением и крупнейшим экспортным

³ Национальное бюро статистики Китая [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stats.gov.cn/> (дата обращения: 29.09.2021).

⁴ Belt and Road Portal. 已同中国签订共建“一带一路”合作文件的国家一览 [Transformation of List of countries that have signed cooperation documents with China to joint build the “Belt and Road”] [Электронный ресурс]. URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/xwzx/roll/77298.htm> (дата обращения: 29.09.2021).

⁵ Составлено автором на основании данных таблицы 1.

рынком для сельскохозяйственной продукции»⁶. В 2006 году было реализовано «Соглашение о свободной торговле между Китаем и Чили»⁷. С момента реализации соглашения общий объем торговли между Китаем и Чили увеличился с 8,845 млрд долларов США в 2006 году до 14,696 млрд долларов США в 2007 году⁸, что примерно на 66 % больше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Это свидетельствует о том, что снижение тарифов и освобождение от налогов стимулировали и способствовали увеличению торговли, и эта тенденция быстрого роста сохранялась до 2015 года. После вступления в следующий цикл роста в 2016 году темпы роста двух стран значительно замедлились. Возможная причина — определенный маржинальный эффект, но этого достаточно, чтобы доказать, что две страны должны найти новые точки экономического и торгового стимулирования, иначе двусторонняя торговля может постепенно ослабеть.

Чили имеет долгосрочное положительное сальдо торгового баланса с Китаем (табл. 2). С января по июнь 2019 года китайский импорт пяти основных товарных категорий Чили включал: минеральные продукты (45,6 %), цветные металлы и изделия (28,3 %), продукты растительного происхождения (9,4 %), целлюлозную массу и бумагу (7,5 %), живые животные и продукты животного происхождения (3,3 %). Пять основных товарных категорий, которые Китай экспортирует в Чили, — механическая и электротехническая продукция (35,6 %), текстиль и сырье (15,3 %), цветные металлы и изделия (14,1 %), транспортное оборудование (6,5 %), мебель, игрушки, прочие товары (5,8 %)⁹.

Таблица 4. Торговля между Китаем и Чили в 2011–2019 гг. (млн долл. США)

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Экспорт Китая в Чили	1082	1260	1311	1302	1329	1281	1441	1587	1471
Импорт Китая из Чили	2057	2063	2071	2099	1844	1860	2118	2673	2623

Источник: Национальное бюро статистики Китая¹⁰.

Торговые отношения Китая с Чили фактически такие же, как и с большинством латиноамериканских стран, при этом наблюдаются диспропорции. Хотя Китай и Чили в значительной степени дополняют друг друга в торговле, торговая структура Чили является единой и в основном зависит от ресурсоемких сырьевых товаров (горнодобывающая промышленность и сельское хозяйство являются основными отраслями промышленности). Кроме того, китайский экспорт обработанных продуктов в Чили — это в основном продукты без применения ядерных технологий.

Выводы

1. Есть возможности для углубления сотрудничества между Китаем и Чили и торговли между Китаем и Латинской Америкой, необходимо только найти новые стимулы для экономического и торгового сотрудничества.

⁶ 张日 [Zhang R.]. "智利: 深化中拉合作的窗口" [Transformation of Chile: a window to deepen China-Latin America cooperation], *国际商报*, 2021-08-27,004, 环球, p. 1.

⁷ China FTA Network. China-Chile FTA [Электронный ресурс]. URL: <http://fta.mofcom.gov.cn/topic/enchile.shtml> (дата обращения: 29.09.2021).

⁸ Национальное бюро статистики Китая [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stats.gov.cn/> (дата обращения: 29.09.2021).

⁹ China Ministry of Commerce Country Report Network. Overview of Chilean Goods Trade and China-Chile Bilateral Trade from January to June 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://countryreport.mofcom.gov.cn/record/qikanlist110209.asp?qikanid=11410&title=2019%C4%EA1-6%D4%C2%D6%C7%C0%FB%BB%F5%CE%EF%C3%B3%D2%D7%BC%B0%D6%D0%D6%C7%CB%AB%B1%DF%C3%B3%D2%D7%B8%C5%BF%F6> (дата обращения: 29.09.2021).

¹⁰ Idem.

2. Хотя структура торговли между Китаем и Чили в значительной степени дополняет друг друга, структура двусторонней торговли основными товарами не имеет оснований. Китай в основном полагается на экспорт трудоемкой продукции, товарная структура экспорта Чили в основном зависит от ресурсоемких товаров.
3. Структура основных торговых товаров подчеркивает недостатки несбалансированного внутреннего экономического развития обеих сторон. Экономическое развитие Китая сильно зависит от ресурсов, в то время как Чили кроме ресурсов не хватает других экономических движущих сил.
4. Торговое сотрудничество между Китаем и Чили в основном касается сферы торговли товарами, а сотрудничество в сфере торговли услугами отсутствует.

Министр иностранных дел Китая Ван И отметил, что «совместное строительство „Пояса и пути“ может стать золотым ключом к будущему Китая и Латинской Америки»¹¹. Цифровой шелковый путь был значительно развит во время пандемии и достиг высоких результатов. Масштабы цифровой экономики увеличились пропорционально ВВП КНР, и Китай активно создает платформу многостороннего цифрового сотрудничества. Электронная коммерция и цифровая экономика могут способствовать развитию искусственного интеллекта, больших данных, онлайн-сервисов, финансовых технологий, потребления контента и других сфер. Правительства стран должны укреплять инвестиции и сотрудничество в области цифровой экономики, что сформирует новую движущую силу экономического роста и оптимизирует структуру промышленности.

Библиография

1. Ван И: Совместное строительство «Пояса и пути» — золотой ключ к будущему Китая и Латинской Америки [Электронный ресурс]. URL: <https://news.rambler.ru/asia/38961649-van-i-sovmestnoe-stroitelstvo-poyasa-i-puti-zolotoy-klyuch-k-buduschemu-kitaya-i-latinskoy-ameriki/> (дата обращения: 29.09.2021).
2. Национальное бюро статистики Китая [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stats.gov.cn/> (дата обращения: 29.09.2021).
3. Шелепова Ю. А. Дракон и кондор: развитие чилийско-китайских отношений на современном этапе // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 6. С. 33–38.
4. Belt and Road Portal. 已同中国签订共建“一带一路”合作文件的国家一览 [Transformation of List of countries that have signed cooperation documents with China to joint build the “Belt and Road”] [Электронный ресурс]. URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/xwzx/roll/77298.htm> (дата обращения: 29.09.2021).
5. China FTA Network. China-Chile FTA [Электронный ресурс]. URL: <http://fta.mofcom.gov.cn/topic/enchile.shtml> (дата обращения: 29.09.2021).
6. China Ministry of Commerce Country Report Network. Overview of Chilean Goods Trade and China-Chile Bilateral Trade from January to June 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://countryreport.mofcom.gov.cn/record/qikanlist110209.asp?qikanid=11410&title=2019%C4%EA1-6%D4%C2%D6%C7%C0%FB%BB%F5%CE%EF%C3%B3%D2%D7%BC%B0%D6%D0%D6%C7%CB%AB%B1%DF%C3%B3%D2%D7%B8%C5%BF%F6> (дата обращения: 29.09.2021).
7. 张日 [Zhang R.]. “智利：深化中拉合作的窗口” [Transformation of Chile: a window to deepen China-Latin America cooperation], 国际商报 2021-08-27,004, 环球.

¹¹ Ван И: Совместное строительство «Пояса и пути» — золотой ключ к будущему Китая и Латинской Америки [Электронный ресурс]. URL: <https://news.rambler.ru/asia/38961649-van-i-sovmestnoe-stroitelstvo-poyasa-i-puti-zolotoy-klyuch-k-buduschemu-kitaya-i-latinskoy-ameriki/> (дата обращения: 29.09.2021).

Е. Г. Бондарь¹

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО ТАМОЖЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В РАЗВИТИИ ЭКСПОРТА РОССИИ В СТРАНЫ ИБЕРОАМЕРИКИ

THE ROLE OF INTERNATIONAL CUSTOMS COOPERATION IN THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN EXPORTS TO THE COUNTRIES OF IBEROAMERICA

Resumen: Los documentos estratégicos que definen las áreas prioritarias del desarrollo socioeconómico de la Federación de Rusia en el período moderno destacan entre las tareas actuales el aumento de la proporción de exportaciones de bienes y servicios, así como el aumento de la cobertura de la cooperación comercial y económica con los países del mundo. Uno de los ejecutores de las tareas pertinentes es el Servicio Federal de aduanas, cuya autoridad incluye, entre otras cosas, la adopción de medidas para ampliar la geografía de la actividad económica exterior, estimular las exportaciones y facilitar los procedimientos de comercio exterior para sujetos respetuosos de la ley. Entre las formas de ejercer las competencias pertinentes, la cooperación aduanera internacional, basada en el interés mutuo de ciertos Estados en el desarrollo de las relaciones comerciales y económicas, desempeña un papel importante. La cooperación aduanera internacional incluye el marco jurídico contractual, la representación aduanera, la participación en organizaciones internacionales, a través de las cuales se presta asistencia en asuntos aduaneros, el intercambio mutuo de información que es de importancia práctica para el control aduanero. Teniendo en cuenta la urgencia de un mayor desarrollo de la cooperación comercial, económica y de inversión de Rusia con los países de Iberoamérica, debido, entre otras cosas, a la ausencia de tensiones en la política internacional y la presencia de productos rusos en esta región, la interacción de los servicios aduaneros de estos Estados adquiere una importancia especial. Los resultados de las actividades de la administración de aduanas de la Federación de Rusia indican una cierta experiencia positiva en el avance de la cooperación aduanera en los países de la región en cuestión. Por ejemplo, la existencia de una base contractual común se observa con países como: Argentina, Brasil, Colombia, Cuba, Ecuador, México, Perú, Uruguay, Venezuela, lo que permite concluir un interés mutuo en el mantenimiento y desarrollo de vínculos comerciales y económicos. Al mismo tiempo, teniendo en cuenta las posibles otras esferas de la cooperación aduanera internacional, parece conveniente mejorarla aún más.

Palabras clave: cooperación aduanera internacional; cooperación comercial y económica; administración aduanera; control aduanero; promoción de exportaciones; marco legal contractual.

Abstract: The strategic documents defining the priority directions of the socio-economic development of the Russian Federation in the modern period of time highlight among the urgent tasks an increase in the share of exports of goods and services, as well as an increase in the coverage of trade and economic cooperation with the countries of the world. One of the performers of the relevant tasks is the Federal Customs Service, whose powers include, among other things, taking measures to expand the geography of foreign economic activity, stimulate exports, and simplify foreign trade procedures for law-abiding entities. Among the ways to implement the relevant powers, an important role is played by international customs cooperation, based on the mutual interest of certain states in the development of trade and economic relations. International customs cooperation includes the legal framework, customs representation, participation in international organizations through which

¹ Бондарь Елена Григорьевна, Россия, ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения (bondareg@rambler.ru).

assistance is provided in customs matters, mutual exchange of information of practical importance for the purposes of customs control. Taking into account the urgency of the issue of further development of trade, economic and investment cooperation between Russia and the countries of Iberoamerica, due, among other things, to the absence of tension in international politics and the presence of demand for Russian-made products in this region, the interaction of the customs services of these states is of particular importance. The results of the activities of the customs administration of the Russian Federation indicate a certain positive experience in promoting customs cooperation in the countries of the region under consideration. For example, the presence of a common contractual framework is noted with such countries as: Argentina, Brazil, Venezuela, Colombia, Cuba, Mexico, Peru, Uruguay, Ecuador, which allows us to conclude that there is a mutual interest in maintaining and developing trade and economic ties. At the same time, taking into account possible other areas of international customs cooperation, it seems appropriate to further improve it.

Key words: international customs cooperation; trade and economic cooperation; customs administrations; customs control; export promotion; contractual and legal framework.

В современный период времени стратегические документы, определяющие приоритетные направления социально-экономического развития Российской Федерации, среди актуальных задач выделяют увеличение охвата внешнеэкономических связей, повышение эффективности использования конкурентных преимуществ страны, увеличение доли экспорта товаров и услуг, развитие и поддержку несырьевого экспорта; отдельное внимание акцентировано на взаимодействии России со странами Латинской Америки^{2, 3}. Поскольку решение обозначаемых вопросов связано с осуществлением внешнеэкономической деятельности, объективно одним из исполнителей соответствующих задач является Федеральная таможенная служба, к полномочиям которой в числе прочего отнесено принятие мер по стимулированию экспорта (несырьевого экспорта), упрощению процедур внешней торговли для законопослушных субъектов⁴. Реализация соответствующих полномочий в большей степени осуществляется в рамках международного таможенного сотрудничества, в основе которого — взаимный интерес государств в развитии торгово-экономических отношений. Международное таможенное сотрудничество ФТС России включает в себя договорно-правовую базу, таможенное представительство, участие в международных организациях, посредством которых обеспечивается помощь в вопросах таможенного дела, взаимного обмена информацией, имеющих практическое значение для целей таможенного контроля⁵. Результаты деятельности таможенной администрации Российской Федерации свидетельствуют об определенном положительном опыте в продвижении таможенного сотрудничества в страны иberoамериканского региона.

Например, наличие общей договорной базы отмечается с такими странами, как Аргентина, Бразилия, Венесуэла, Испания, Колумбия, Куба, Мексика, Парагвай, Перу,

² Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=B53EDFF6111EF940B10E95CF4B79DC39&base=LAW&n=389271&dst=100013&field=134&stat=srcfld%3D134%26src%3D1000000001%26code%3D16876%26page%3Dinfo%26p%3D0%26base%3DLAW%26doc%3D191669#cawz8kScnjYKJl1> (дата обращения: 20.09.2021).

³ Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=216629&dst=1000000001%2C0#N4S89kSL1bgsZTyK> (дата обращения: 20.09.2021).

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 23.05.2020 № 1388-р «Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=353557&dst=100007%2C0#o7Sx8kS2pAXBfJm31> (дата обращения: 20.09.2021).

⁵ Постановление Правительства РФ от 23.04.2021 № 636 «Об утверждении Положения о Федеральной таможенной службе, внесении изменений в Положение о Министерстве финансов Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://customs.gov.ru/storage/document/document_info/2021-05/04/ПП636.pdf (дата обращения: 20.09.2021).

Уругвай, Чили, Эквадор. Кроме того, 2020 год характеризовался дополнительной активизацией сотрудничества с отдельными странами Латинской Америки (Парагвай, Уругвай, Перу, Бразилия) посредством предоставления таможенной службе Российской Федерации доступа к порталам национального «единого окна» в системе регулирования внешнеэкономической деятельности, значимого для целей контроля происхождения товаров и получения иной необходимой информации. Таким образом, можно сделать вывод о взаимной заинтересованности в поддержании и развитии торгово-экономических связей между странами^{6, 7, 8}.

В связи с этим целесообразно оценить основные показатели, отражающие физические объемы товаров, поставляемых в страны рассматриваемого региона, а также номенклатуру перемещаемых товаров в текущий период времени (данные таможенной службы, размещенные в свободном доступе по состоянию на сентябрь 2021 года, содержат аналитическую информацию за январь — июль 2021 года). Согласно официальным статистическим данным, в январе — июле 2021 года в указанные выше страны экспортировались товары различных наименований как в существенных объемах (более 100 т), так и разовыми поставками отдельных товаров⁹. В частности, российскими предприятиями в Аргентину объемом более 100 т поставлялись: пиво солодовое, топливо (газойли, керосин, мазут), неорганическая химия (карбонаты калия, фосфаты кальция, сульфаты кадмия), органические химические соединения (дихлорметан, бутанолы, производные углеводов), минеральные и химические удобрения, добавки для цементов, бумага и картон, феррохром; в менее значительных объемах — дрожжи пекарные, стекловолокно, трубы и металлоконструкции. Всего в Аргентину экспортировано в рассматриваемый период времени 189 775,63 т товаров. Отмечаются крупные поставки ряда товаров в Бразилию, среди них лидирует топливо (уголь каменный, газойли, мазут), а также удобрения (хлорид калия, нитрат аммония), части транспортных средств, неподжаренный солод, сера сырая, каучук, полипропилен, полиэтилен, прокат плоский из железа и стали, рельсы новые, хлопья картофельные, пшеничная клейковина, кондитерские изделия, дрожжи пекарные. В не столь значительных объемах осуществлялись поставки алкогольной продукции (пиво, вино, водка, джин), детских пеленок и подгузников. Всего в Бразилию в рассматриваемый период экспортировано 8 633 278,95 т товаров. В Колумбию российские экспортеры осуществляли поставки товаров общим объемом 170 146,08 т, значительные объемы приходятся на такие товары, как: дрожжи пекарные, топливо жидкое, газойли, органические химические соединения, химические и минеральные удобрения, бумага и картон, материалы кровельные (облицовочные), изделия из стали, изделия из черных металлов, проволока из алюминия; в незначительном объеме осуществлены поставки пива солодового, мальтодекстрина, проводников электрических. Объем экспортируемых товаров в Мексику составил 3 026 833,41 т, лидирующие позиции в структуре экспорта занимают: топливо (уголь каменный и битуминозный, торф, мазут, газойли), каучук, удобрения минеральные, бумага и картон, меласса (продукт переработки сахара), кофе растворимый. В меньшем объеме осуществлены поставки чая черного и зеленого, клейковины пшеничной,

⁶ Международные договоры, заключенные ФТС России [Электронный ресурс]. URL: <https://customs.gov.ru/activity/mezhdunarodnoe-tamozhennoe-sotrudnichestvo/mezhdunarodnye-dogovory,-zaklyuchen> (дата обращения: 25.09.2021).

⁷ Приказ ФТС России от 09.12.2011 № 2490 «Об утверждении Инструкции о порядке подготовки и исполнения международных запросов, не относящихся к делам об административных правонарушениях и не связанных с проведением оперативных проверок» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=364363&dst=101524%2C0#ijpR8kSauRYVpZd41> (дата обращения: 25.09.2021).

⁸ Таможенная служба Российской Федерации в 2020 году [Электронный ресурс]. URL: <https://customs.gov.ru/activity/results/ezhegodnyj-sbornik-tamozhennaya-sluzhba-rossijskoj-federacii> (дата обращения: 25.09.2021).

⁹ Анализ данных. Таможенная статистика внешней торговли по товарам, стране-партнеру, субъекту РФ за последние 3 года и отчетный период текущего года [Электронный ресурс]. URL: <http://stat.customs.gov.ru/analysis> (дата обращения: 25.09.2021).

продуктов, содержащих какао, солодового пива, строительных конструкций. Объем экспортируемых товаров в Перу составил 351 083,89 т, в структуре преобладают: топливо (торф, газойли, мазут), минеральные удобрения, бумага и картон, каучук, прокат плоский из стали и железа, прутки горячекатаные из стали, нити нейлоновые, дрожжи пекарные; в незначительном объеме произведены поставки асбеста, шпатлевки, краски, косметических средств. В Уругвай было экспортировано 160 014,12 т продукции, в крупном объеме — топливо (торф, газойли, мазут), удобрения, хлопья картофельные, в незначительном объеме — семена овощных культур, водка, мебель. Объем экспорта в Эквадор оценивается в 454 184,17 т, преобладают: топливо (торф, газойли, мазут, моторные масла), удобрения минеральные, бумага и картон, крахмал кукурузный, в менее значительном объеме представлены товары — свинина, крахмал пшеничный, патока крахмальная, мальтодекстрин, мыло, шампунь, моющие и чистящие средства. В Чили в анализируемый период осуществлены поставки товаров в объеме 151 587,37 т, из них крупные поставки товаров — крахмал кукурузный, рыбий жир, пиво солодовое, топливо (мазут, уголь, жидкое топливо), удобрения, в меньшем объеме экспортированы чай, кофе, хлопья картофельные, ртуть, косметические средства, моющие средства, мебель, осветительное оборудование. В Парагвай объем экспорта составил 59 630,41 т, структура представлена серой, битумными смесями, тарой из древесины, фанерой.

Таким образом, отмечается определенная однородность продукции, вывозимой в страны ибероамериканского региона (в том числе представлены товары, относящиеся к категории несырьевого неэнергетического экспорта), с которыми достигнуты соглашения о содействии и взаимопомощи в таможенных делах. Одновременно с этим следует отметить взаимную активность рассмотренных стран в поставках товаров на российский рынок, например, из Аргентины — мясо и мясопродукты, рыба, молочная продукция (в том числе масло, сыр, молочные жиры), чай, вино, табак, фрукты, соевые бобы, орехи; из Бразилии — мясо и мясопродукты, фрукты, орехи, перец, соки, табак, кофе растворимый, шампуни, комплектующие для транспортных средств; из Колумбии — мясо, молочная продукция, фрукты, кофе, тростниковый сахар, цветы; из Мексики — фрукты и ягоды, орехи, соки, кофе, керамические изделия; из Перу — рыба, овощи, фрукты, кофе, злаки; из Уругвая — мясо и мясопродукты, рыба, молочная продукция, фрукты; из Чили — мясо и мясопродукты, рыба, молочная продукция, фрукты, овощи, семена, вино, бумага и картон; из Парагвая — мясо и мясопродукты, молочная продукция, мате (парагвайский чай), соевые бобы.

Принимая во внимание актуальность вопроса дальнейшего развития торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества России со странами Иberoамерики, обусловленное в том числе отсутствием напряженности в международной политике и наличием востребованности в данном регионе продукции российского производства, взаимодействие таможенных служб данных государств имеет особое значение. В связи с этим представляется необходимым дальнейшее расширение возможностей международного таможенного сотрудничества ФТС России, например, посредством деятельности таможенных представителей (таможенных представительств) на территории государств Латинской Америки; в настоящее время положительная практика такой работы отмечается на территории Аргентины и Бразилии¹⁰. Однако учитывая значительные объемы экспорта в иные страны Латинской Америки, наличие представителей в других государствах рассматриваемого региона также целесообразно. Преимущество деятельности таможенных представителей на территории иностранного государства заключается в возможности оперативного сбора информации о требованиях действующего национального законодательства в области таможенного дела, о применяемых технологиях таможенного контроля, о возможных рисках свободного прохождения товаров и транспортных средств,

¹⁰ Сведения о представительствах ФТС России за рубежом [Электронный ресурс]. URL: <https://customs.gov.ru/folder/239> (дата обращения: 25.09.2021).

что значимо для целей оказания консультативной помощи субъектам внешнеэкономической деятельности.

Библиография

1. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=B53EDFF6111EF940B10E95CF4B79DC39&base=LAW&n=389271&dst=100013&field=134&stat=srcfld%3D134%26src%3D1000000001%26code%3D16876%26page%3Dinfo%26p%3D0%26base%3DLAW%26doc%3D191669#cawz8kScnjYUKLj1> (дата обращения: 20.09.2021).
2. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=216629&dst=1000000001%2C0#N4S89kSL1bgsZTyK> (дата обращения: 20.09.2021).
3. Распоряжение Правительства РФ от 23.05.2020 № 1388-р «Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=353557&dst=100007%2C0#o7Sx8kS2pAXBfJm31> (дата обращения: 20.09.2021).
4. Постановление Правительства РФ от 23.04.2021 № 636 «Об утверждении Положения о Федеральной таможенной службе, внесении изменений в Положение о Министерстве финансов Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://customs.gov.ru/storage/document/document_info/2021-05/04/ПП636.pdf (дата обращения: 20.09.2021).
5. Международные договоры, заключенные ФТС России [Электронный ресурс]. URL: <https://customs.gov.ru/activity/mezhdunarodnoe-tamozhennoe-sotrudnichestvo/mezhdunarodnyedogovory,-zaklyuchen> (дата обращения: 25.09.2021).
6. Приказ ФТС России от 09.12.2011 № 2490 «Об утверждении Инструкции о порядке подготовки и исполнения международных запросов, не относящихся к делам об административных правонарушениях и не связанных с проведением оперативных проверок» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=364363&dst=101524%2C0#ijpR8kSauRYVpZd41> (дата обращения: 25.09.2021).
7. Таможенная служба Российской Федерации в 2020 году [Электронный ресурс]. URL: <https://customs.gov.ru/activity/results/ezhegodnyj-sbornik-tamozhennaya-sluzhba-rossijskoj-federaczii> (дата обращения: 25.09.2021).
8. Анализ данных. Таможенная статистика внешней торговли по товарам, стране-партнеру, субъекту РФ за последние 3 года и отчетный период текущего года [Электронный ресурс]. URL: <http://stat.customs.gov.ru/analysis> (дата обращения: 25.09.2021).
9. Сведения о представительствах ФТС России за рубежом [Электронный ресурс]. URL: <https://customs.gov.ru/folder/239> (дата обращения: 25.09.2021).

К. А. Федоров¹

ЭКСПОРТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРОДУКЦИИ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА РФ НА РЫНКЕ ИСПАНИИ

EXPORT POTENTIAL OF PRODUCTS OF THE TIMBER INDUSTRY COMPLEX OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE SPANISH MARKET

Resumen: El informe está dedicado al análisis e identificación de las capacidades de las empresas rusas en la producción y venta de tableros de terraza de compuestos de madera y plástico (WPC, deck) en el mercado español. Hoy en día, los suministros del deck internacionales son un área prometedora de desarrollo para las empresas de la industria maderera. En este contexto, el mercado español es particularmente interesante debido al crecimiento anual del interés del consumidor. El aumento observado en la demanda está asociado con las ventajas competitivas del deck sobre los productos sustitutos: larga vida útil, capacidad de uso en un amplio rango de temperatura, resistencia a la humedad, resistencia a la deformación, etc. Las propiedades enumeradas permiten el uso del deck para las necesidades personales de la población y para la industria turística en España, por ejemplo: construcción de embarcaderos y muelles; remodelación de áreas de recreación turísticas; adecuación del territorio cerca de las piscinas; se puede usarlo como pavimento de terrazas, verandas y cenadores; al decorar balcones y logias; como base de instalaciones deportivas y zonas de juego; para arreglar caminos y plataformas para automóviles. La estructura moderna de la industria maderera de Rusia permite aumentar la eficiencia de las pequeñas y medianas empresas mediante el uso de desechos (actualmente poco utilizados) para la producción del decking. Por lo tanto, existe la necesidad de estudiar la competitividad de tableros de terraza de compuestos de madera y plástico rusos en el mercado español.

Palabras clave: Rusia; España; Mercado español; industria maderera.

Abstract: The report is devoted to the analysis and identification of the capabilities of Russian companies for the production and sale of decking made of wood-polymer composite (WPC, decking) in the Spanish market. To date, international decking supplies are a promising direction of development for enterprises of the timber industry. In this context, the Spanish market is particularly interesting due to the annual growth of consumer interest. The observed growth in demand is associated with the competitive advantages of decking over substitute products: long service life, the possibility of use in a wide temperature range, moisture resistance, resistance to deformation, etc. The listed properties allow decking to be used in the personal needs of the population and the tourism industry of Spain, in particular: in the construction of berths and piers; in the arrangement of tourist and resort recreation areas; in the arrangement of the territory near swimming pools; as a flooring of terraces, verandas and gazebos; in the decoration of balconies and loggias; as the foundation of sports and playgrounds; for the construction of tracks and playgrounds for cars. The modern structure of the timber industry of the Russian Federation makes it possible to increase the efficiency of small and medium-sized businesses through the use of secondary raw materials (currently little used) for the

¹ **Федоров Кирилл Андреевич**, Россия, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения (nienbor@gmail.com).

production of decking. Thus, there is a need to study the competitiveness of the Russian decking made of wood-polymer composite in the Spanish market.

Key words: Russia; Spain; Spanish market; timber industry.

Роль декинга в деревообрабатывающей сфере

В данной работе представлена информация об одной из сфер лесопромышленного комплекса — декинге (террасная доска из древесно-полимерного композита). В настоящее время на декинг имеется значимый рост спроса во всем мире, особенно в странах с теплым климатом, ввиду его физических свойств. Террасная доска из ДПК представляет собой палубный или дощатый настил в виде деревянных планок, уложенных вплотную друг к другу. Поверхность может быть гладкой (планкен) или с небольшим рифлением (вельвет). Универсальность применения террасной доски из древесно-полимерного композита, ее физические свойства, а также использование при производстве данной доски вторичного сырья являются основой для широкого применения данного продукта.

Сырьем для декинга служит древесная мука, которую можно производить из отходов пилорамы — опилок и щепы, синтетические связующие (полиэтилен, полипропилен или другой ПВХ-компонент) и специальные вещества (красители), которые придают цвет и фактуру продукту. Рассмотрим основные плюсы и минусы декинга (табл. 1).

Таблица 1. Плюсы и минусы декинга

Плюсы	Минусы
Длительный срок эксплуатации	Высокая цена
Готовые к использованию планки без необходимости последующей обработки	Выцветает со временем
Прекрасная устойчивость к воде	Поверхность повреждается, появляются вмятины, сколы
Выдерживает нагрузку до 500 кг/м ²	Сложный монтаж ввиду того, что требует соблюдения множества правил и условий
Не боится деформаций и расщепления	Возможно изменение размеров при нагреве под солнечными лучами или на морозе
Биостойкость	
Нескользящая поверхность в мокром и сухом состоянии	
Простота в обработке	
Выдерживает колебания температур от -40 °С до +75 °С	
Допускается использование бытовой химии для очистки	
Привлекательный внешний вид при обширном выборе дизайнов	

Проанализировав плюсы и минусы декинга, можно заметить, что доска имеет отличные физические свойства, но имеет высокую стоимость.

Стоимость декинга находится в широком диапазоне ввиду того, что при производстве террасной доски ДПК помимо древесной муки используют полиэтилен, полипропилен или ПВХ, отличающиеся по цене.

- Полиэтилен — дешевый полимер, доска на его основе сильнее истирается, она менее прочная, более горючая;
- Полипропилен — доска на его основе по своим эксплуатационным качествам занимает среднее положение;
- ПВХ — наиболее дорогой и стабильный полимер, доска из него очень плотная и прочная.

Наиболее качественный декинг изготавливается из смеси, в которой 80 % составляет древесная мука, а 20 % — синтетические связующие и специальные вещества.

Выделим основные направления использования декинга:

- Строительство причалов и пирсов;
- Обустройство туристических и курортных зон отдыха;
- Устройство территории около бассейнов;
- Напольное покрытие террас, веранд и беседок;
- Отделка балконов и лоджий;
- На эксплуатируемых крышах зданий;
- В помещениях для содержания скота;
- Основание спортивных и игровых площадок;
- Устройство дорожек и площадок для автомобилей.

Подводя итог, можно сказать, что декинг является высококачественным товаром, который имеет конкурентное преимущество перед аналогичными товарами в физических показателях, при этом производится из вторичного сырья. Декинг имеет множество вариантов использования. Рассмотрев роль декинга в лесопромышленном комплексе, перейдем к анализу рынка.

Анализ мирового рынка декинга

Объем мирового рынка террасной доски из ДПК постоянно растет. В 2014 году он составил около 5,2 млрд долларов. Суммарный объем производства превысил отметку в 1,48 млн тонн в год. По оценкам экспертов, ежегодный прирост рынка составляет 15,8 %. В 2018 году объем мирового производства достиг 7,3 млрд долларов. На сегодняшний день основная доля декинга производится в США и Канаде. Общий анализ производства террасной доски из ДПК представлен в табл. 2.

Таблица 2. Производство декинга

Страна	Доля рынка, %
США	57
Канада	16
Китай	11
Россия	3
Прочие страны	13

Как мы уже отмечали, можно заметить, что основное производство террасной доски из ДПК находится на территории Северной Америки. Это связано с тем, что декинг востребован в первую очередь гражданами США и Канады. Емкость рынка декинга на территории других стран ежегодно увеличивается в связи с популяризацией данного продукта. Особый рост наблюдается в странах с теплым климатом.

Стоит добавить, что за 5 лет, с 2013 г. по 2018 г., среднегодовой темп роста производства декинга на территории России составил 8,2 %. По оценкам Академии конъюнктуры промышленных рынков, мировой рынок ДПК растет на 20 % в год. Таким образом, имеет смысл развивать производство ДПК на территории России.

Российская Федерация обладает одной четвертью мирового запаса древесины, что составляет порядка 82 млрд куб. м. В стране имеется большое количество древесины, которая используется нерационально — вторичное сырье, остающееся после распиловки древесины, зачастую просто сжигают, что приводит к упущению дополнительной экономической выгоды и наносит вред окружающей среде.

На сегодняшний день в России имеются сложности с производством полимеров. Например, в Европе есть комплекс мероприятий, который позволяет перерабатывать вторичное сырье, сортировка мусора. В России показатели по выпуску полимеров далеки от максимальных, зачастую выпускается полиэтилен — худший по качеству полимер. Объем выпуска полимеров из вторичного сырья на данный момент составляет порядка 900 тысяч тонн в год из 2200 тысяч тонн возможных. Напомним, что от качества сырья зависят показатели прочности террасной доски из ДПК.

Анализ экономических отношений между Россией и Испанией в лесной сфере

Экспорт из России в Испанию товаров группы «древесина и изделия из нее; древесный уголь» за период 2013–2019 гг. составил 53,3 млрд долл., общий вес 270 699 тыс. тонн. В основном экспортировались лесоматериалы обработанные (50 %), лесоматериалы необработанные (19 %). В структуре экспорта по странам товаров из группы «древесина и изделия из нее; древесный уголь» на первом месте Китай (37 %), на втором — Финляндия (7 %).

Таблица 3. Экспорт из России в Испанию товаров из древесины и изделий из нее за период 2013–2019 гг.

Год	Сумма
2013	7,33 млрд долл.
2014	7,76 млрд долл.
2015	6,32 млрд долл.
2016	6,44 млрд долл.
2017	7,86 млрд долл.
2018	9,03 млрд долл.
2019	8,6 млрд долл.
Итого:	53,3 млрд долл.

На основе представленных данных можно заметить, что за период с 2013 по 2019 гг. наблюдается рост экспорта из России в Испанию товаров из древесины. Пик экспорта достиг в 2018 году и составил более 9 млрд долларов. Также рассмотрим экспорт товаров из группы «древесина и изделия из нее; древесный уголь» в весовом эквиваленте.

Таблица 4. Экспорт из России в Испанию товаров из древесины и изделия из нее за период 2013–2019 гг. Весовые итоги по годам

Год	Вес, тыс. тонн
2013	32,098
2014	34,688
2015	35,818
2016	38,853
2017	42,117
2018	43,886
2019	43,241
Итого:	270 699

Таблица 5. Экспорт из России в Испанию товаров из древесины и изделий из нее за период 2013–2019 гг. Структура экспорта по группам товаров

Группа товара	2013	2019	Изм.	Σ (2013–2019)	Доля
09 4401: древесина топливная в виде бревен, поленьев, вязанок, щепок, опилки, отходы	265 млн долл.	427 млн долл.	61 %	1,88 млрд долл.	3,5 %
09 4402: уголь древесный, агломерированный или неагломерированный	3,4 млн долл.	16,6 млн долл.	391 %	69,7 млн долл.	0,1 %
09 4403: лесоматериалы необработанные	1,64 млрд долл.	1,11 млрд долл.	32 %	10,2 млрд долл.	19 %
09 4404: древесина бондарная; бревна расколотые	1,3 млн долл.	2,2 млн долл.	68 %	11,5 млн долл.	0 %
09 4405: шерсть древесная или тонкая стружка; мука древесная	2,3 млн долл.	208 тыс. долл.	91 %	5,8 млн долл.	0 %
09 4406: шпалы деревянные для железнодорожных или трамвайных путей	23 млн долл.	11,6 млн долл.	50 %	88,3 млн долл.	0,2 %
09 4407: лесоматериалы обработанные	3,65 млрд долл.	4,48 млрд долл.	23 %	26,5 млрд долл.	49,8 %
09 4408: прочие лесоматериалы, полученные распиловкой или расщеплением вдоль	109 млн долл.	179 млн долл.	64 %	911 млн долл.	1,7 %
09 4409: пиломатериалы в виде профилированного погонажа (гребни, пазы и др.)	62,6 млн долл.	108 млн долл.	73 %	531 млн долл.	1 %
09 4410: плиты ДСП, OSB	197 млн долл.	366 млн долл.	86 %	1,78 млрд долл.	3,3 %
09 4411: плиты древесно-волокнистые с добавлением или без добавления смол	162 млн долл.	340 млн долл.	110 %	1,65 млрд долл.	3,1 %
09 4412: фанера клееная и аналогичные материалы из слоистой древесины	996 млн долл.	1,14 млрд долл.	15 %	7,69 млрд долл.	14,4 %
09 4413: древесина прессованная в виде плит, блоков и др. форм	3,9 млн долл.	715 тыс. долл.	82 %	17,6 млн долл.	0 %
09 4414: рамы деревянные для картин, фотографий, зеркал или аналогичных предметов	150 тыс. долл.	675 тыс. долл.	350 %	3,1 млн долл.	0 %
09 4415: ящики, коробки, паллеты, поддоны и аналогичная тара из древесины	6,4 млн долл.	22,8 млн долл.	257 %	107 млн долл.	0,2 %
09 4416: бочки, бочонки, чаны, кадки и прочие изделия и их части из древесины	1,6 млн долл.	2,5 млн долл.	59 %	15,8 млн долл.	0 %
09 4417: инструменты из древесины, деревянные части и ручки	580 тыс. долл.	1,8 млн долл.	214 %	8,7 млн долл.	0 %
09 4418: изделия столярные и плотницкие, деревянные	147 млн долл.	305 млн долл.	108 %	1,45 млрд долл.	2,7 %
09 4419: принадлежности столовые и кухонные, деревянные	6,2 млн долл.	11,5 млн долл.	86 %	52,4 млн долл.	0,1 %
09 4420: изделия деревянные мозаичные и инкрустированные; шкатулки, статуэтки	9,2 млн долл.	7,1 млн долл.	23 %	79,3 млн долл.	0,1 %
09 4421: изделия деревянные прочие	44,2 млн долл.	55 млн долл.	24 %	297 млн долл.	0,6 %
Итого:	7,33 млрд долл.	8,6 млрд долл.		53,3 млрд долл.	

Наблюдается стабильный рост экспорта группы товаров «древесина и изделия из нее; древесный уголь» в Испанию, что говорит о развитии торговых отношений в этой сфере. В

процентном соотношении экспорт в весовом значении вырос на 34,72 % в период с 2013 года по 2019 год. Далее представлена динамика товаров из группы «Древесина и изделия из нее».

Из приведенных данных видно, что ключевым экспортным товаром ЛПК РФ в Испанию является группа 09 4407: лесоматериалы обработанные, на него приходится 49,8 % от общего экспорта.

На основе представленных данных можно сделать вывод, что с 2013 по 2019 год экспорт из России в Испанию древесины и изделий из нее увеличивался. 2019 год не смог достичь показателей 2018 года ввиду кризиса в данной сфере, который начался весной 2019 года, однако в 2021 году ситуация стабилизировалась. Экспорт террасной доски и ДПК из России может стать ключевым фактором дальнейшего роста экономических отношений между РФ и Испанией.

Заключение

Анализ приведенных данных подтверждает эффективность организации массового выпуска террасной доски из ДПК. Производство декинга дает возможность субъектам малого и среднего бизнеса лесопромышленного комплекса вместо того, чтобы тратить средства на утилизацию, получать экономическую выгоду за счет производства дорогостоящего товара. Для экономических отношений между Россией и Испанией производство декинга на территории РФ может стать фактором интенсивного роста.

Библиография

1. *Бауэрсокс Д. Дж.* Логистика. Интегрированная цепь поставок / Д. Дж. Бауэрсокс. М.: Олимп-Бизнес, 2017. 749 с.
2. *Вольфсон С. И., Мусин И. Н., Файзуллин И. З., Лыгина Т. З., Трофимова Ф. А.* Модифицированные древесно-полимерные композиты // Пластические массы. 2014. № 1-2. С. 41–44.
3. *Кретов И. И.* Логистика во внешнеторговой деятельности / И. И. Кретов, К. В. Садченко. М.: Дело и сервис, 2016. 272 с.
4. *Маркусова В. А.* ДПК — экологичные инновации. Древесно-полимерные композиты: состав и свойства. ВИНТИ. М., 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://rpp.nashaucheba.ru/docs/index-16888.html> (дата обращения: 10.10.2021).
5. *Савчук В. П.* Управление финансами предприятия. М.: БИНОМ, 2012. 345 с.

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНО-ГУМАНИТАРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ИБЕРОАМЕРИКАНСКОМ РЕГИОНЕ: ВЫЗОВЫ И ОТВЕТЫ

PROBLEMS OF CULTURAL AND HUMANITARIAN COOPERATION IN THE IBERO-AMERICAN REGION: CHALLENGES AND RESPONSES

Ю. В. Николаева¹

ВНЕШНЯЯ КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА БРАЗИЛИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ И ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ

BRAZIL'S FOREIGN CULTURAL POLICY: INSTITUTIONAL FOUNDATIONS AND FEATURES OF IMPLEMENTATION

Resumen: Este artículo examina la política cultural exterior del Brasil contemporáneo. Lamentablemente, los investigadores brasileños no prestan suficiente atención al análisis del papel de la cultura en la política exterior de su estado, lo que indica la novedad del tema. Este tema tampoco ha sido estudiado antes en detalle por los especialistas en lengua rusa. A pesar de la falta de fundamentos documentales, la política cultural exterior de Brasil es bastante exitosa, tal y como demuestra el interés del estado en promover la cultura brasileña en el mundo, la presencia de numerosos actores estatales y públicos, y el gran número de eventos culturales celebrados en el extranjero. El autor presta especial atención al papel del Ministerio de Asuntos Exteriores de Brasil como actor de la política cultural exterior, así como a las actividades de la Fundación Funarte, la Fundación A. Gusmão y algunas otras fundaciones en la promoción de la cultura brasileña. En la actualidad, la política cultural exterior de Brasil se desarrolla en muchos ámbitos: lengua, educación

¹ Николаева Юлия Вадимовна, Россия, кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (j.nikolaeva@spbu.ru; mollycat@mail.ru).

y ciencia. Pero en el centro de estas actividades está la dirección creativa asociada a la literatura, la música, el teatro y el cine. Se presta especial atención a la cooperación con la UNESCO en la preservación del patrimonio natural y cultural. Se examinan las principales orientaciones de la política cultural exterior de Brasil a partir del ejemplo de la cooperación con Rusia.

Palabras clave: Brasil; cultura; política cultural exterior; imagen del estado; vínculos culturales.

Abstract: The article examines the foreign cultural policy of modern Brazil. Unfortunately, Brazilian researchers do not pay enough attention to the analysis of the culture's impact on the foreign policy of their state, which demonstrates the novelty of the topic. In Russian-speaking science, this topic has not been studied in detail before. Despite the lack of documentary foundations, the foreign cultural policy in Brazil is quite successful, as evidenced by the interest of the state in the promotion of Brazilian culture in the world, the presence of numerous actors of state and public level, the large number of cultural events held abroad. The author pays special attention to the importance of the Foreign Ministry of Brazil as an actor of foreign cultural policy, as well as the activities of the Funarte Foundation, the A. Gusmão Foundation and some other foundations in the promotion of Brazilian culture. Today, Brazil's foreign cultural policy is developing in many directions: language, education, science. But the creative direction associated with literature, music, theater, and film is in the center of this activity. Particular attention is paid to cooperation with UNESCO in the preservation of natural and cultural heritage. The main directions of Brazil's foreign cultural policy are examined on the example of cooperation with Russia.

Key words: Brazil; culture; foreign cultural policy; image of the state; cultural relations.

Для Бразилии, как и для любой другой страны, находящейся в условиях международной конкуренции, очень важен вопрос формирования благоприятного имиджа. Внешняя культурная политика как раз является тем ключевым элементом создания и укрепления имиджа, который способен повысить конкурентные преимущества государства. Поскольку Бразилия заинтересована в продвижении своей национальной культуры за рубежом, вопрос разработки внешней культурной политики для нее весьма актуален. При этом формы ее реализации должны быть такими, чтобы показать всю сложность, привлекательность и многообразие уникальной бразильской культуры.

Многие бразильские ученые считают, что внешняя культурная политика — спорный вопрос в международных отношениях. Например, исследовательница Лия Калабре отмечает, что в Бразилии нет традиции изучения государственной политики, особенно в области культуры². При этом существуют отдельные работы в области культурной дипломатии Бразилии³. Почему же дискуссии, связанные с выработкой общего внешнеполитического курса в области культуры, не характерны для Бразилии? Одна из причин — наличие лишь небольшого сообщества, интересующегося этой проблемой в целом, а также значительное количество внутренних проблем в стране. Можно прийти к выводу, что исследования внешней культурной политики Бразилии — редкое явление в научном дискурсе и не затрагивают принципиальных тем.

Интерес к продвижению национальной культуры за рубежом появился в Бразилии в 2000 г. в рамках Программы сохранения исторических ценностей и Национальной программы нематериального наследия, цель которых — выявлять, признавать, защищать и продвигать культуру. В интересах реализации этих программ началось активное взаимодействие министерства культуры и министерства иностранных дел по подготовке

² Calabre L. Pesquisadora. Política cultural no Brasil: um histórico // Fundação Casa de Rui Barbosa I Enecult [Электронный ресурс]. URL: <https://hugoribeiro.com.br/> (дата обращения: 03.09.2021).

³ Bijos L., Arruda V. A diplomacia cultural como instrumento de política externa brasileira // Revista Dialogos. 2010. Vol. 13. No. 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://portalrevistas.ucb.br/index.php/RDL/article/viewFile/2912/1824> (дата обращения: 03.09.2021); Saute Torresini C., Chagas de Assis C., Ruiz K. La diplomacia cultural en la política exterior brasileña. Un análisis comparado de dos momentos de transición matricial // Foro Internacional (FI) 231. LVIII. 2018 (1). P. 89–130.

практических мероприятий, в частности, в 2005 г. был проведен Год Бразилии во Франции — как воплощение идеи о важности внешней культурной политики⁴.

Несмотря на очевидную необходимость разработки концепции внешней культурной политики, в Бразилии ее до сих пор нет. При этом сама деятельность, безусловно, существует. Налицо все ее компоненты: идеи, акторы, программы реализации. Необходимо отметить и заинтересованность государства в формировании положительного имиджа страны в мире, и понимание важности продвижения национальной культуры и языка за рубежом. На сайте МИД Бразилии дана высокая оценка внешнеполитическому потенциалу культуры. Отмечено, что она играет важную роль в сближении государств и народов, способствует установлению связей между различными языками и культурами⁵.

Обращает на себя внимание специфика употребляемой терминологии. На сайте МИД используется термин «культурно-образовательная дипломатия», хотя в академической науке предпочтение отдается более широкому термину «внешняя культурная политика»⁶. Основные направления внешней культурной политики Бразилии — культура, образование и продвижение португальского языка в его бразильском варианте. Кроме того, Бразилия ведет активную международную деятельность и в других направлениях: культурная индустрия, креативная экономика, сохранение культурного наследия, культурный туризм. Эти направления отмечены в документах ЮНЕСКО как наиболее успешно развивающиеся⁷. Особенностью бразильского подхода к внешней культурной политике является то, что, по мнению руководства страны, эта деятельность должна быть полезна не только для международного имиджа, но и для развития творческих инициатив в самой Бразилии, т. е. приносить пользу и на внешнем, и на внутреннем уровне.

Сегодня в Бразилии сложился довольно обширный круг акторов внешней культурной политики, как государственных, так и общественных. Основную роль, как и в большинстве стран, играет Министерство внешних связей. В июле 2021 г. структура МИД подверглась реформированию, в результате чего был образован новый отдел — Секретариат по вопросам коммуникации и культуры, который и осуществляет основной объем работы в этой сфере.

Для реализации внешней культурной политики МИД проводит различные программы, крупнейшая из которых — Программа действий в области культуры и образования. Эта ежегодная программа, осуществляемая посольствами и консульствами, нацелена на распространение за рубежом всех форм бразильских культурных мероприятий, кроме преподавания португальского языка⁸. Имиджевым эффектом обладают программы «Бразильские законодатели мод», «Бразильцы — лидеры иностранного общественного мнения», основанные на персональном авторитете известных граждан страны. Эти программы позволяют Бразилии заявить о себе, показать традиционную культуру и новые культурные достижения, увеличить культурную узнаваемость и культурную привлекательность.

Партнерами МИД в реализации масштабных программ и мероприятий внешней культурной политики выступают Министерство культуры, Национальный библиотечный фонд, федеральные и государственные университеты, департаменты культуры штатов и

⁴ *Burgos Pimentel dos Santos F.* Política Cultural no Brasil: Histórico de Retrocessos e Avanços Institucionais // Conference: XXXIII Encontro da ANPAD. São Paulo, 2009. P. 13 [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/319333947_Politica_Cultural_no_Brasil_Historico_de_Retrocessos_e_Avancos_Institucionais (дата обращения: 05.09.2021).

⁵ *Diplomacia Cultural e Educacional* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.br/mre/pt-br/assuntos/cultura-e-educacao/diplomacia-cultural-1> (дата обращения: 10.09.2021).

⁶ *Política externa e cultura no Brasil — um debate incipiente* [Электронный ресурс]. URL: <http://ogusmao.com/2013/11/14/politica-externae-cultura-no-brasil-um-debate-incipiente/> (дата обращения: 03.09.2021).

⁷ *Culture and Development in Brazil* [Электронный ресурс]. URL: <https://en.unesco.org/fieldoffice/brasil/expertise/culture-development-brazil> (дата обращения: 07.09.2021).

⁸ *Divisão de Ações de Promoção da Cultura Brasileira* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.br/mre/pt-br/assuntos/cultura-e-educacao/promocao-da-cultura-brasileira/divisao-de-aco-es-de-promocao-da-cultura-brasileira> (дата обращения: 03.09.2021).

муниципалитетов. На местах распространение бразильской культуры осуществляется через культурные отделы посольств и консульств, которые координируют свои действия с учреждениями культуры в стране пребывания: университетами, музеями, кинотеатрами, концертными залами, театрами.

Большой объем практической работы в области внешней культурной политики осуществляет культурная сеть Бразилии, включающая 24 бразильских культурных центра и 4 центра бразильских исследований. Культурные центры Бразилии сосредоточены на преподавании португальского языка в его бразильском варианте и проведении культурных мероприятий. Они предлагают тематические модули, например, язык для дипломатов, для военных и юридических функций, готовят к экзамену на знание португальского языка. Первые культурные центры Бразилии открылись еще в 1940-х гг. и первоначально были частью культурных миссий, отправленных МИД Бразилии в посольства в странах Южной Америки. Затем они стали самостоятельными организациями и сейчас являются основными акторами внешней культурной политики Бразилии. В конце 2012 года Бразильский культурный центр открылся в Москве⁹.

Наряду с культурными центрами в практической реализации внешней культурной политики участвуют центры бразильских исследований. Как и культурные центры, они задействованы в преподавании португальского языка и популяризации бразильской культуры, однако имеют меньше возможностей, чем культурные центры, что обусловлено меньшим финансированием. В настоящее время такие центры расположены в Экваториальной Гвинее (Малабо), Гватемале (город Гватемала) и Уругвае (Артигас и Рио-Бранко). Центры ведут исследовательскую работу, связанную с культурными проявлениями Бразилии в мире.

Большую роль в осуществлении практических мероприятий внешней культурной политики Бразилии играют различные государственные и общественные фонды. Один из крупнейших — Национальный фонд искусств (Фунарте). Созданный в 1975 г., Фунарте является органом федерального правительства Бразилии и отвечает за реализацию государственной политики по стимулированию творческой деятельности. В сферу его деятельности входят: цирк, танцы и театр; музыкальные, концертные, популярные коллективы; изобразительное искусство; сохранение памяти об искусстве и искусствоведческие исследования. Это единственное учреждение Бразилии, обладающее необходимыми полномочиями для работы в этих областях.

Изначально Фунарте был создан для участия в осуществлении государственной культурной политики и долгое время не касался международных проектов, ограничиваясь лишь национальными. Сейчас же, несмотря на то, что большая часть работы Фунарте по-прежнему сконцентрирована на внутренних проектах, в его деятельности отчетливо виден и внешний вектор, поскольку Бразилия заинтересована в своей культурной презентации в мире. Фонд работает над продвижением культурной продукции Бразилии, поддерживает культурные проекты и события, проводит семинары, осуществляет издательскую деятельность, в том числе в Интернете¹⁰.

Другой общественный фонд, Фонд Александра Гужмао (Funag), содействует обмену между бразильскими и зарубежными научными учреждениями, организует проведение курсов, конференций, семинаров и конгрессов в области международных отношений. Названный в честь блестящего бразильского дипломата XVIII в., фонд был основан в 1987 г. с целью развития и распространения исследований на темы, касающиеся международных отношений. С помощью этих исследований фонд работает над продвижением бразильской науки и укреплением имиджа страны¹¹.

⁹ Rede Brasil Cultural [Электронный ресурс]. URL: <http://redebrasilcultural.itamaraty.gov.br/> (дата обращения: 05.09.2021).

¹⁰ Funarte — Portal das Artes [Электронный ресурс]. URL: <https://www.funarte.gov.br/> (дата обращения: 04.09.2021).

¹¹ FUNAG [Электронный ресурс]. URL: <http://www.funag.gov.br/index.php/pt-br/> (дата обращения: 05.09.2021).

В осуществлении внешней культурной политики активно участвуют и другие бразильские фонды и организации: Национальный библиотечный фонд, Фонд культуры Palmares, Национальное агентство кино, Институт исторического наследия и национального художественного достояния. Каждый из них в своей сфере реализует специализированные проекты. Например, Национальный библиотечный фонд предоставляет субсидии иностранным издательствам, которые хотят перевести и опубликовать бразильских авторов на иностранных языках. Национальное агентство кино (Ancine) создало программу знакомства с бразильским кино «Brasileiro», цель которой — представление кураторам международных кинофестивалей произведений аудиовизуальной национальной продукции¹². Эти меры способствуют культурному продвижению Бразилии и популяризации ее культурного наследия на международном уровне.

Основные направления внешней культурной политики Бразилии весьма традиционны: изобразительное и аудиовизуальное искусство, музыка, литература и др.

Изобразительное искусство Бразилии самобытно и неповторимо, оно привлекает к себе высокой степенью экспериментаторства и инновационности. МИД выступает за поддержку и продвижение бразильских художников в мире с целью популяризации их творчества и в целом бразильского изобразительного искусства, а для этого организует различные выставки и презентации. Примером может служить выставка современных бразильских художников в Москве, в галерее Osnova, в 2017 г. Свои работы на ней представили Сандра Синту, Карла Шайнь, Албану Афонсу, Карлус Нунес, Динг Муза. Выставка вызвала большой интерес у россиян.

Благодаря своему разнообразию бразильская музыка является важным инструментом в продвижении имиджа страны. Самба, босанова — музыкальные бренды Бразилии, известные во всем мире. МИД проводит работу по распространению популярной и академической бразильской музыки. Им осуществляется отправка записей бразильских композиторов и музыкантов в дипломатические представительства в других странах. Нередко на площадках бразильских посольств и консульств проводятся различные музыкальные мероприятия¹³.

МИД и Фунарте сотрудничают с международным проектом Songbook Online, который обеспечивает онлайн-доступ к партитурам произведений бразильской народной музыки. Кроме того, МИД подписало соглашение с бразильской Академией музыки об использовании партитур бразильских композиторов иностранными оркестрами, группами и музыкантами в рамках концертов, проводимых или поддерживаемых сетью дипломатических представительств, для популяризации бразильской музыки. Значительное внимание уделяется организации фестивалей и концертов. Примером может служить состоявшийся летом 2018 г. в Москве фестиваль бразильской музыки Brazilian Music Club, приуроченный к Чемпионату мира по футболу и первой игре бразильской сборной в плей-офф. Открыл этот уникальный концерт самый известный бразильский музыкант Эрмето Паскуале.

Бразильская литература хорошо известна за рубежом. Произведения Ж. Амаду, К. Лиспектор, П. Коэльо переведены на многие языки. МИД оказывает поддержку распространению бразильской литературы, при участии Национального библиотечного фонда реализуется Программа поддержки перевода и публикации бразильских авторов за рубежом. Выделяются средства на поддержку участия Бразилии в крупных международных книжных ярмарках и салонах (в Париже, Франкфурте, Гетеборге и др.). Среди жанров бразильской литературы особо выделяется детско-юношеская и молодежная литература.

¹² ANCINE — Agência Nacional do Cinema [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.br/ancine/pt-br> (дата обращения: 04.09.2021).

¹³ Música. Ministério das Relações Exteriores [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.br/mre/pt-br/assuntos/cultura-e-educacao/promocao-da-cultura-brasileira/musica> (дата обращения: 03.09.2021).

МИД организовал сотрудничество с Национальным фондом детской и молодежной книги в целях укрепления бразильского присутствия в этом сегменте¹⁴.

Деятельность по продвижению бразильской литературы представлена и в России, например, в 2017 г. октябрьский номер журнала «Иностранная литература» при поддержке бразильского посольства был полностью посвящен бразильской литературе. В частности, в нем был опубликован роман Мариу ди Андради «Макунаима, герой, у которого нет никакого характера» — один из лучших образцов бразильского модернизма.

МИД поощряет процесс интернационализации бразильского исполнительского искусства в рамках политики распространения культуры Бразилии. Проект Nova Dramaturgia Brasileira направлен на поддержку переводов современных театральных пьес бразильских авторов и постановку спектаклей на площадках крупных международных театральных фестивалей (Авиньонского, Эдинбургского и др.)¹⁵. Культурные центры также продвигают театральные постановки бразильских авторов, организуют творческие мастерские, мастер-классы. Например, в 2005 г. в рамках Чеховского фестиваля с успехом прошел Бразильский сезон, в программе которого был показан спектакль театра «Офисина Узина Узона» «Золотой оскал», поставленный по пьесе Нелсона Родригеса культовым бразильским режиссером Жозе Селсо Мартинесом Корреа.

Продвижение и поддержка бразильского аудиовизуального производства за рубежом — еще одно направление внешней культурной политики Бразилии. В 2006 г. в структуре МИД для решения этой задачи был создан Отдел продвижения аудиовизуальной продукции. В этом вопросе МИД взаимодействует с министерством культуры, Национальным агентством кино Ancine и отраслевыми программами ApexBrasil. Особое внимание уделяется поддержке участия Бразилии в фестивалях за рубежом, организации выставок, посвященных бразильскому аудиовизуальному искусству, поиску новых коммерческих возможностей для этого сектора культуры Бразилии. Кроме кинематографа в последние годы аудиовизуальное направление внешней культурной политики Бразилии стало включать телевидение, цифровые медиа и электронные игры, т. е. те виды искусств, которые связаны с новыми технологиями и популярны у многих людей¹⁶.

В рамках аудиовизуального направления реализуется программа «Встречи с бразильским кино», поощряющая иностранных кураторов престижных кинофестивалей просматривать новые бразильские фильмы. За активное продвижение бразильских фильмов за рубежом учреждена «Награда за совместное распространение». Бразилия служит местом проведения нескольких статусных международных мероприятий, таких как Международный фестиваль короткометражных фильмов в Сан-Паулу, ежегодное собрание творческих СМИ «Rio2C», фестиваль «BIG» (игры).

Бразильские фильмы популярны и в России. С 2007 г. в Москве и Санкт-Петербурге проходит фестиваль бразильского кино. Например, в программе 2018 г. был показан фильм «Маэстро Жоау» режиссера Мауру Лимы, посвященный жизни бразильского пианиста Жоау Карлоса Мартинса. Организаторы фестиваля считают, что в России существует потребность в информации о культуре Бразилии, а бразильский кинематограф — «лучшая форма, позволяющая налаживать культурные контакты»¹⁷.

В вопросах сохранения культурного и природного наследия МИД координирует участие Бразилии в международных организациях. Особенно активно развивается сотрудничество с ЮНЕСКО. Бразилия — участница программ «Культурное разнообразие»,

¹⁴ Literatura. Ministério das Relações Exteriores [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.br/mre/pt-br/assuntos/cultura-e-educacao/promocao-da-cultura-brasileira/literatura> (дата обращения: 03.09.2021).

¹⁵ Artes Cênicas. Ministério das Relações Exteriores [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.br/mre/pt-br/assuntos/cultura-e-educacao/promocao-da-cultura-brasileira/artes-cenicas> (дата обращения: 03.09.2021).

¹⁶ Audiovisual. Ministério das Relações Exteriores [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.br/mre/pt-br/assuntos/cultura-e-educacao/promocao-da-cultura-brasileira/audiovisual> (дата обращения: 06.09.2021).

¹⁷ Корнилова Д. В России завершается XI фестиваль бразильского кино // BRASIL.RU [Электронный ресурс]. URL: <https://brasil.ru/opinions/interview/v-rossii-zavershaetsya-xi-festival-brazil'skogo-kino> (дата обращения: 06.09.2021).

«Экономика культуры», «Материальное и нематериальное наследие». Она отстаивает вопросы, связанные с защитой культурного разнообразия, понимая его как важнейший элемент устойчивого развития, и эта позиция согласуется с позицией заключительного документа Конференции Рио+20 «Будущее, которого мы хотим». Бразилия также поддерживает работу ООН и ЮНЕСКО в области этики и конфиденциальности в киберпространстве, отстаивает важность поощрения культурного разнообразия и многоязычия в цифровой среде.

Хотя внешняя культурная политика Бразилии пока не существует в виде документально оформленной концепции, она представляет собой самостоятельное направление внешней политики и активно развивается. Наличие специализированных акторов, программ практической реализации, большое количество проводимых мероприятий и, главное, заинтересованность правительства в популяризации бразильской культуры позволяют говорить о наличии этой деятельности. Внешняя культурная политика Бразилии способствует распространению национальной культуры в ее многочисленных проявлениях. Она исходит из понимания уникальности бразильской культуры, но при этом подчеркивает универсальность, которая объединяет ее с другими культурами мира.

В то же время правительству Бразилии необходимо демонстрировать больше доверия к культурной сфере как области внешней политики, укреплять институты, ответственные за продвижение национальной культуры за рубежом, разработать руководящие принципы для внешней культурной политики, оформив их в виде целостной концепции. Это, безусловно, будет способствовать не только расширению культурного присутствия Бразилии в мире, но и укреплению в целом ее международных позиций.

Библиография

1. *Корнилова Д.* В России завершается XI Фестиваль бразильского кино // BRASIL.RU [Электронный ресурс]. URL: <https://brasil.ru/opinions/interview/v-rossii-zavershaetsya-xi-festival-brazilskogo-kino> (дата обращения: 06.09.2021).
2. ANCINE — Agência Nacional do Cinema [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.br/ancine/pt-br> (дата обращения: 21.09.2021).
3. Artes Cênicas. Ministério das Relações Exteriores [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.br/mre/pt-br/assuntos/cultura-e-educacao/promocao-da-cultura-brasileira/artes-cenicas> (дата обращения: 03.09.2021).
4. Audiovisual. Ministério das Relações Exteriores [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.br/mre/pt-br/assuntos/cultura-e-educacao/promocao-da-cultura-brasileira/audiovisual> (дата обращения: 06.09.2021).
5. *Bijos L., Arruda V.* A diplomacia cultural como instrumento de política externa brasileira // Revista Dialogos. 2010. Vol. 13. No. 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://portalrevistas.ucb.br/index.php/RDL/article/viewFile/2912/1824> (дата обращения: 03.09.2021).
6. *Burgos Pimentel dos Santos F.* Política Cultural no Brasil: Histórico de Retrocessos e Avanços Institucionais // Conference: XXXIII Encontro da ANPAD. São Paulo, 2009. P. 13 [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/319333947_Politica_Cultural_no_Brasil_Historico_de_Retrocessos_e_Avanços_Institucionais (дата обращения: 07.09.2021).
7. *Calabre L.* Pesquisadora. Política cultural no Brasil: um histórico // Fundação Casa de Rui Barbosa I Enecult [Электронный ресурс]. URL: <https://hugoribeiro.com.br/> (дата обращения: 07.09.2021).
8. Culture and Development in Brazil [Электронный ресурс]. URL: <https://en.unesco.org/fieldoffice/brasil/expertise/culture-development-brazil> (дата обращения: 07.09.2021).
9. Diplomacia Cultural e Educacional [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.br/mre/pt-br/assuntos/cultura-e-educacao/diplomacia-cultural-1> (дата обращения: 10.09.2021).
10. Divisão de Ações de Promoção da Cultura Brasileira [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.br/mre/pt-br/assuntos/cultura-e-educacao/promocao-da-cultura-brasileira/divisao-de>

- acoes-de-promocao-da-cultura-brasileira Funarte - Portal das Artes [Электронный ресурс]. URL: <https://www.funarte.gov.br/> (дата обращения: 07.09.2021).
11. FUNAG [Электронный ресурс]. URL: <http://www.funag.gov.br/index.php/pt-br/> (дата обращения: 05.09.2021).
 12. Literatura. Ministério das Relações Exteriores [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.br/mre/pt-br/assuntos/cultura-e-educacao/promocao-da-cultura-brasileira/literatura> (дата обращения: 03.09.2021).
 13. Música. Ministério das Relações Exteriores [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.br/mre/pt-br/assuntos/cultura-e-educacao/promocao-da-cultura-brasileira/musica> (дата обращения: 03.09.2021).
 14. Política externa e cultura no Brasil — um debate incipiente [Электронный ресурс]. URL: <http://ogusmao.com/2013/11/14/politica-externae-cultura-no-brasil-um-debate-incipiente/> (дата обращения: 03.09.2021).
 15. Rede Brasil Cultural [Электронный ресурс]. URL: <http://redebrasilcultural.itamaraty.gov.br/> (дата обращения: 07.09.2021).
 16. *Saute Torresini C., Chagas de Assis C., Ruiz K.* La diplomacia cultural en la politica exterior brasilena. Un analisis comparado de dos momentos de transicion matricial // Foro Internacional (FI) 231. LVIII. 2018 (1). P. 89–130.
 17. Temas Internacionais Culturais. Ministério das Relações Exteriores [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.br/mre/pt-br/assuntos/cultura-e-educacao/diplomacia-cultural-1#D> (дата обращения: 21.09.2021).

Н. М. Боголюбова¹

МУЗЫКАЛЬНЫЙ МАРШРУТ БРАЗИЛИИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

MUSICAL ROUTE OF BRAZIL IN ST. PETERSBURG

Аннотация: Бразильский музыкальный маршрут в Санкт-Петербурге является отражением контактов двух стран и последовательного интереса к оригинальной бразильской музыке в России. В статье рассматриваются наследие бразильских композиторов, различные жанры бразильской музыки, которые популярны в разных странах мира и, конечно, в России. Особое внимание уделяется классическому наследию Эйтора Вилла-Лобоса, жанру босанова, спортивным соревнованиям капоэйра, которые невозможно представить без оригинального музыкального сопровождения. Музыкальный маршрут Бразилии в культурной столице России рассматривается как основа для развития широкого двустороннего сотрудничества и культурных связей двух стран.

Ключевые слова: музыкальные связи Санкт-Петербурга и Бразилии; Эйтор Вилла-Лобос; босанова; капоэйра; Антикафе-клуб «ForAll».

Abstract: The Brazilian Music Route in St. Petersburg reflects the contacts between the two countries and a consistent interest in original Brazilian music in Russia. The article examines the legacy of Brazilian composers, various genres of Brazilian music that are popular in different countries of the world and, of course, in Russia. Particular attention is paid to the classical heritage of Heitor Villa-Lobos, capoeira in St. Petersburg — sports competitions that cannot be imagined without original musical accompaniment. The musical route of Brazil in the cultural capital of Russia is considered as the basis for the development of broad bilateral cooperation and cultural ties between the two countries.

Key words: musical ties between St. Petersburg and Brazil; Heitor Villa-Lobos; bossanova; capoeira; Anti-cafe-club “ForAll”.

Введение

Санкт-Петербург — город с особенной судьбой. Здесь складывалась культура России Нового времени, основанная на национальных традициях и зарубежном влиянии. В диалоге с другими странами оформлялись музыкальные, театральные, художественные традиции Российской империи. В дальнейшем культурные связи Санкт-Петербурга/Петрограда/Ленинграда расширялись, углублялись, зависели от политического, географического факторов, были подвержены колебаниям в духе мировой и национальной истории, но всегда оставались важной частью жизни города. Диалог культурной столицы России успешно продолжается, в него включаются все новые и новые страны. География культурных связей Санкт-Петербурга в начале XXI века исключительно широка. Легендарный город, его достижения в культуре, искусстве широко известны во всем мире, поэтому многие страны стремятся развивать многовекторное сотрудничество с культурной столицей России. Город стал центром развития конгрессно-выставочной деятельности, здесь проводятся амбициозные международные культурные и спортивные мероприятия.

¹ **Боголюбова Наталия Михайловна**, Россия, кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (bogoliubovanm@gmail.com).

Приметой времени можно назвать присутствие в культурном ландшафте города традиций стран Латинской Америки, которые являются важными политическими и экономическими партнерами России. Из богатого наследия культуры латиноамериканских стран культура Бразилии занимает особое место. Она представлена разными жанрами, ее особенный характер, выразительные, яркие и смелые краски, зажигательные ритмы имеют своих горячих поклонников в Северной столице России. Музыкальные традиции Бразилии складываются в интересный маршрут, который объединяет достижения бразильских композиторов и оригинальные танцевальные и музыкальные ритмы, пластические приемы, формирующие образ страны в России, в частности, в Санкт-Петербурге.

Музыка Эйтора Вилла-Лобоса в Санкт-Петербурге

Музыка известных бразильских композиторов в Санкт-Петербурге звучит как на академической сцене, так и в концертных залах и клубах города, является важной частью фестивальных и конкурсных программ.

Бразильская классическая музыка получила свое официальное признание не так давно, но уже имеет горячих поклонников в разных странах мира. Одной из знаковых фигур в области классической музыки Бразилии является известный композитор Эйтор Вилла-Лобос (1887–1959), автор 9 опер, 15 балетов, 12 симфоний, 10 инструментальных концертов и множества камерных сочинений. Эйтор Вилла-Лобос занимает особенное место в истории музыкальной культуры XX века. Его профессиональные достижения и оригинальные находки получили признание не только среди музыкантов, но и среди любителей музыки. Он был не только известным композитором, но и прекрасным педагогом, талантливым руководителем, исследователем и музыкальным критиком. Эйтор Вилла-Лобос сыграл важную роль в развитии музыкального образования в родной стране. Он был членом правительства по вопросам народного образования и делегатом Бразильского национального комитета в международной организации ЮНЕСКО².

Музыкальные произведения Вилла-Лобоса — страстные, жгучие, эмоциональные, волнующие — украшают репертуар многих театров мира и часто звучат на сцене главного театра Санкт-Петербурга — Мариинского — как в отдельных программах, так и в тематических концертах.

Знаменитую «Бахиану» Вилла-Лобоса сегодня исполняет в различных концертных программах Татьяна Сержан — солистка оперной труппы Мариинского театра³. Меломаны также запомнили превосходное исполнение этого музыкального произведения Галиной Вишневской (1926–2012) — звездой мировой оперной сцены, родившейся в Ленинграде и там же сделавшей свои первые шаги в творчестве. Наследие Вилла-Лобоса пользуется популярностью как в среде профессиональных музыкантов, так и у взыскательной публики. Очевидно, что творчество композитора воспринимается как значимая веха в истории музыки XX века и важный элемент музыкального образа Бразилии в мире.

Произведения бразильского классика в Санкт-Петербурге звучат на сцене Академической капеллы, Санкт-Петербургской филармонии. Практически каждый музыкальный и театральный сезон произведения Вилла-Лобоса собирают любителей и знатоков творчества бразильского композитора в театральных и концертных залах культурной столицы Российской Федерации.

² Федотова В. Творчество Эйтора Вилла-Лобоса и европейская музыка // PHILHARMONICA. International Music Journal. 2016. № 2. С. 3–12; Sua Obra. Villa-Lobos. Museu Villa-Lobos. Rio de Janeiro, 1989.

³ Татьяна Сержан // Сайт Мариинского театра [Электронный ресурс]. URL: https://www.mariinsky.ru/companu/opera_women/serjan/ (дата обращения: 02.09.2021).

Ритмы босанова в Северной столице России

Однако не только классические произведения формируют музыкальный образ Бразилии в мире, в том числе в России. В XX веке бразильская музыка покорила многие страны благодаря новым ритмам, новым стилям и своему оригинальному звучанию. В 1950-е годы здесь появился особенный жанр популярной музыки — босанова, который объединил местный фольклор — байау, самба и джазовые ритмы. Данный жанр стал открытием для любителей джаза и существенно расширил его традиционные возможности и музыкальные границы. Стоит отметить, что босанова — это не просто музыкальный жанр. Это стиль жизни, мода, это эмоциональное отражение духа времени⁴. В середине XX века в Бразилии появились звезды босанова — бразильские исполнители, которые гастролировали по многим странам мира. В России босанова также имеет своих преданных поклонников. Причем она оказывает влияние и на творчество российских музыкантов. Можно отметить, что в жанре босанова пишут песни Леонид Агутин, а также Вячеслав Бутусов — в прошлом солист известной рок-группы «Наутилус Помпилиус».

В Санкт-Петербурге также звучит оригинальная музыка босанова. В концертных залах города проходят вечера, на которых босанову исполняет секстет молодых артистов в составе: Юлия Михайловская — вокал, Андрей Половко — саксофон, Евгений Пономарев — рояль, Николай Затолочный — контрабас, Александр Михайловский — гитара, Артем Теклюк — ударные. Программы концертов состоят из произведений классиков жанра и молодых авторов, что подтверждает значительный интерес к этой музыке, которая в нашей стране развивается и обретает новое звучание. Как правило, в программе джазового секстета звучат композиции Дж. Мэндела, Д. Каимми, К. Лиры, Б. Мартино, Ж. Жилберту, Л. Бонфа и, конечно, классика жанра Антониу Карлоса Жобина. Российские исполнители отмечают, что в произведениях бразильских композиторов ощущается богатство красок бразильского карнавала, глубокое дыхание океана, нега и тепло бразильских пляжей и завораживающие краски рассвета над горой Корковадо⁵.

Стоит отметить, что музыкальное наследие Бразилии является наиболее ярким и эмоционально окрашенным отражением культуры этой страны, в которой музыка звучит везде и сопровождает человека с момента рождения и до самой смерти. Классические и народные музыкальные произведения сопровождают различные мероприятия, звучат в домах, на улице, в спортивных залах. Очевидно поэтому именно в Бразилии появился оригинальный вид спортивного боевого искусства — капоэйра, который покорила многие страны, нашел своих горячих поклонников и в России.

Капоэйра в Санкт-Петербурге

Капоэйра — явление сложное и неоднозначное, оно не имеет аналогов в мире музыки и спорта. В капоэйра сочетаются спортивная состязательность и искусство, музыкальные ритмы и акробатические трюки, где непременным условием являются удары ногами и руками. Важная роль здесь отводится пластике. Выступления участников сопровождаются оригинальными движениями корпуса, ног и рук. В капоэйра используется особенная боевая стойка с опорой на три конечности, которая требует от исполнителей ловкости и серьезной спортивной подготовки. Название «боевое искусство» весьма условно, так как капоэйра — это бесконтактный бой, сопровождающийся музыкой. Сегодня, как и много лет назад, невозможно увидеть тренировки и выступления капоэйристов без сопровождения беримбау, медиу и гунга — традиционных инструментов, задающих особый ритм выступлениям.

⁴ Константинова Н. С. Время босановы // Латинская Америка. 2019. № 5. С. 100–106.

⁵ Вечер в ритме Bossa Nova [Электронный ресурс]. URL: <https://spb.kassir.ru/koncert/kontsert-v-beloselskih> (дата обращения: 02.09.2021).

Кроме того, на выступлениях часто присутствует хор, являющийся одним из участников спортивного мини-спектакля.

Капоэйра могла появиться в Бразилии на волне движения сопротивления рабов в XVII–XVIII вв. Здесь сложились ее основные стили и оформились принципы проведения соревнований. Вначале официальные власти страны запрещали капоэйра и воспринимали ее как танец рабов, посвященный свободе и независимости. Только в XX веке в Бразилии стали появляться официальные школы капоэйра, а в 1950-е годы подобные школы были открыты и в других странах⁶.

Свидетельством особой популярности и международного признания капоэйра можно считать включение ее 26 ноября 2014 года в список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО⁷.

В России капоэйра появилась в 90-е годы XX века и сразу обрела многочисленных поклонников. Возникли школы капоэйра, была создана Федерация капоэйра России, которая находится в Москве⁸. Санкт-Петербург тоже участвует в этом движении, сегодня в культурной столице России открыто более двадцати школ и секций данного боевого искусства, которые находятся практически в каждом районе города.

На различных площадках проводятся соревнования и фестивали капоэйра. Для любителей культуры Бразилии, а также для всех, кто хотел бы организовать праздник в бразильском стиле и окунуться в уникальную атмосферу далекой жаркой страны, предлагается единственная в своем роде программа капоэйра — выступление спортсменов на различных индивидуальных и корпоративных мероприятиях. В программу входят головокружительные акробатические элементы, опасные трюки. Данная программа набирает популярность, таким образом, число зрителей, увлеченных бразильской культурой, как и число российских спортсменов-капоэристов, неуклонно растет.

Однако музыкальный маршрут Бразилии будет неполным, если мы не отметим легкую музыку и традиционные танцы, которыми славится эта страна.

Антикафе-клуб «ForAll» — островок бразильской культуры в Северной столице России

В Санкт-Петербурге есть место, где бразильская музыка и, в определенном смысле, культура страны представлены для самой широкой публики. Это антикафе-клуб «ForAll», который открыт в центре города, на Конюшенной площади, дом 2. Клуб привлекает петербуржцев и гостей города особой атмосферой и разнообразными творческими программами. Здесь можно поиграть в популярные бразильские настольные игры, х-box, посетить занятия и мастер-классы по бразильским социальным парным танцам форро и самба-де-гифейра, которые проводят профессиональные педагоги. В антикафе-клубе «ForAll» любителей бразильской культуры особо привлекают тематические танцевальные вечеринки, которые, как правило, проходят в выходные дни⁹. За свою недолгую историю кафе уже приобрело популярность, зажигательные ритмы Бразилии покорили жителей Санкт-Петербурга. Посетители отмечают дружелюбную атмосферу в кафе, интересные программы, которые объединяют все новых и новых участников. Это место встречи единомышленников, которые переносят в Северную столицу атмосферу карнавального веселья и неги бразильских пляжей. Неслучайно кафе уже стало местом проведения досуга в компании единомышленников для многих петербуржцев.

⁶ Наумов К. Капоэйра: культура в движении // Обруч. Образование: ребенок и ученик. 2015. № 5. С. 39–41.

⁷ Intangible Cultural Heritage List [Электронный ресурс]. URL: <https://ich.unesco.org/en/lists> (дата обращения: 02.09.2021).

⁸ Федерация капоэйра России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kapoeira.ru/> (дата обращения: 02.09.2021).

⁹ Антикафе-клуб «ForAll» [Электронный ресурс]. URL: <https://anticafe.firmika.ru/firms.php?i=32765>. (дата обращения: 02.09.2021).

Конечно, музыкальные традиции и достижения Бразилии многообразнее, чем приведенные примеры, однако они показывают, что в северном европейском городе музыкальная культура жаркой латиноамериканской страны имеет горячих поклонников и почитателей, что мы можем говорить на одном языке, языке музыки и пластики, который объединяет самую широкую аудиторию. Программы клуба «ForAll» постоянно обновляются, включают новые игры и бразильские танцы.

Заключение

Приведенные примеры концертов и спортивных мероприятий могут составить интересный музыкальный маршрут жаркой заокеанской страны в культурной столице России. Этот маршрут отражает важные вехи музыкальной культуры Бразилии, в нем присутствуют как произведения известных бразильских композиторов, так и народные зажигательные ритмы, стили, танцы и спортивные мероприятия, которые невозможно представить без музыкального сопровождения. В данном маршруте есть временные и постоянные события, известные площадки, школы, студии, в которые приходят любители музыкальных, спортивных и танцевальных видов искусства Бразилии.

Отметим, что с годами число бразильских музыкальных проектов в Санкт-Петербурге неуклонно растет, расширяется и круг любителей культуры страны, среди них можно отметить как совсем юных горожан, так и искушенных ценителей.

Бесспорно, музыкальные произведения и ритмы Бразилии способствуют формированию ее позитивного образа в мире. В Санкт-Петербурге интерес к музыкальному наследию Бразилии не случаен. За свою долгую историю город сформировал особую атмосферу открытости, доверия, толерантности. Здесь как профессионалы, так и широкая публика всегда относились с большим вниманием к достижениям других культур, и теперь с интересом воспринимают все новое, самые интересные и смелые эксперименты. Эти особенности, на наш взгляд, объясняют такую популярность и большой интерес к музыкальным традициям и музыкальным новациям и экспериментам бразильской культуры.

Музыкальный маршрут Бразилии в Санкт-Петербурге может стать основой успешного диалога двух стран в сфере культуры, способствовать появлению новых форм сотрудничества и развитию туристических маршрутов. Бразилия является перспективным партнером России как на двустороннем уровне, так и в рамках БРИКС¹⁰. Поэтому развитие музыкальных связей между этими двумя странами имеет важное политическое и экономическое значение.

Библиография

1. Антикафе-клуб «ForAll» [Электронный ресурс]. URL: <https://anticafe.firmika.ru/firms.php?i=32765> (дата обращения: 02.09.2021).
2. Боголюбова Н. М., Николаева Ю. В. Культурное сотрудничество в рамках БРИКС. В поисках нового формата сотрудничества // Межкультурный диалог в современном мире. Материалы IX конференции с международным участием. СПб, 2021. С. 17–22.
3. Вечер в ритме Bossa Nova [Электронный ресурс]. URL: <https://spb.kassir.ru/koncert/kontsert-v-beloselskih> (дата обращения: 02.09.2021).
4. Константинова Н. С. Время босановы // Латинская Америка. 2019. № 5. С. 100–106.
5. Наумов К. Капоэйра: культура в движении // Обруч. Образование: ребенок и ученик. 2015. № 5. С. 39–41.

¹⁰ Боголюбова Н. М., Николаева Ю. В. Культурное сотрудничество в рамках БРИКС. В поисках нового формата сотрудничества // Межкультурный диалог в современном мире. Материалы IX конференции с международным участием. СПб, 2021. С. 17–22.

6. Татьяна Сержан // Сайт Мариинского театра [Электронный ресурс]. URL: https://www.mariinsky.ru/company/opera_women/serjan/ (дата обращения: 02.09.2021).
7. Федерация капоэйра России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kapoeira.ru/> (дата обращения: 02.09.2021).
8. Федотова В. Творчество Эйтора Вилла-Лобоса и европейская музыка // PHILHARMONICA. International Music Journal. 2016. № 2. С. 3–12.
9. Intangible Cultural Heritage List [Электронный ресурс]. URL: <https://ich.unesco.org/en/lists> (дата обращения: 02.09.2021).
10. Sua Obra. Villa-Lobos. Museu Villa-Lobos. Rio de Janeiro, 1989.

М. Д. Портнягина¹

ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ИСПАНИИ

FEATURES OF HISTORICAL MEMORY IN SPAIN

Resumen: El artículo examina las características de la memoria histórica y la política histórica en la España moderna. En España no hay una sola visión de los acontecimientos del pasado, la guerra Civil y la dictadura de Franco. Prevalen tres puntos de vista: la necesidad de represalias por el régimen franquista; la ambigüedad de la experiencia franquista; el pasado debe dejarse en el pasado, no debe tener ningún efecto en la agenda política. Estos puntos de vista están representados tanto a nivel público como por partidos políticos. En la implementación de la política histórica española hoy podemos observar dos tendencias: de arriba hacia abajo, iniciadas por los partidos políticos y más comprometidas y de abajo hacia arriba, iniciadas por la sociedad civil. La experiencia española demuestra que el olvido artificial del pasado es improductivo. Los eventos históricos tarde o temprano se harán sentir, creando conflictos agudos y dividiendo a la sociedad. Es por ello que hay que destacar la necesidad de cooperación entre las fuerzas políticas y sociales, así como entre las generaciones, para resolver los problemas del pasado.

Palabras clave: memoria histórica; política histórica; dictadura franquista; Guerra Civil.

Abstract: The article examines the features of historical memory and historical politics in modern Spain. There is no single view in Spain on the events of the past, the Civil War and the Franco dictatorship. Three points of view prevail: the need for retribution for the Francoist regime; the ambiguity of the Francoist experience; the past should be left in the past, it should not have any influence on the political agenda. These views are represented both at the public level and by political parties. In the implementation of the historical policy of Spain today, we can observe two trends: from the top down, initiated by political parties and to a greater extent designed for compromise, and from the bottom up, initiated by civil society. The Spanish experience shows that artificial oblivion of the past is unproductive. Historical events will sooner or later make themselves felt, creating acute conflicts and dividing society. That is why it should be noted that there is a need for cooperation both between political and social forces, and between generations in solving issues of studying the past.

Key words: historical memory; historical politics; the Franco dictatorship; the Civil War.

Интерес к проблематике памяти объединяет сегодня значительное количество работ в гуманитарной сфере, такие категории, как коммеморация, травма, ностальгия, стали предметом изучения для различных дисциплин. Обращение к теме исторической памяти сегодня не случайно, исследователи акцентируют внимание на возможности идеологического влияния на население с помощью исторической повестки дня, благодаря манипуляции с образами прошлого возможно формирование необходимой для современных нужд памяти.

В связи с тем, что «memory studies» является относительно молодым направлением исследований, есть некоторые трудности с определением категориального аппарата. Само понятие «память» является весьма метафоричным. Морис Хальбвакс, к работам которого обращаются в первую очередь, когда речь заходит о возникновении данного направления, в своем труде «Социальные рамки памяти» не дает четких определений, его язык весьма аллегоричен. И хотя для объяснения природы памяти он избрал язык символов, само

¹ **Портнягина Мария Дмитриевна**, Россия, кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (m.portnyagina@spbu.ru).

понятие «память» для него не является метафорой. Утверждая, что не существует индивидуальной памяти, он вводит понятие «коллективная память», так как «воспоминания человек, как правило, приобретает, воссоздает..., узнает и локализует именно в обществе»².

Метафоричность главного понятия *memory studies* несет в себе как сильные, так и слабые стороны. С одной стороны, как было упомянуто выше, одной из характеристик направления является его междисциплинарность, что позволяет обращаться к различным направлениям, в том числе и использовать методы психологов и нейробиологов в исторических работах. С другой стороны, так как понятие «память» не имеет определенных рамок, предмет исследования может быть весьма обширен, что может привести к расплывчатости и неясности. Существует большое число концепций, конкретизирующих основное понятие, среди наиболее известных — «коллективная память»³, «культурная память»⁴. Отсутствие собственной методологии в рамках направления также является объектом критики.

Всеобщее образование, новые технологии, развитие социокультурной инфраструктуры сегодня вовлекает все большее количество людей в процесс воспоминания коллективного прошлого. Современные политики используют параллели с прошлым для объяснения текущих реалий, манипулируют памятью для того, чтобы легитимизировать свое положение. В данном случае также можно наблюдать большое количество определений для главного предмета исследования: политика памяти, историческая политика, символическая политика. В российской историографии нет однозначного ответа на вопрос, является ли историческая политика частью политики памяти или наоборот, или же это два разных понятия. Политолог О. Малинова рассматривает политику памяти и историческую политику как проявление символической политики, «публичной деятельности, связанной с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование в публичном пространстве»⁵. В данном случае историческая политика оказывается частным случаем политики памяти. Для многих исследователей понятия историческая политика и политика памяти являются синонимами. Например, Н. Копосов в книге «Память строгого режима. История и политика в России» пишет их через запятую, поясняя, что хотя термин новый, явление очень старое: «во все времена и во всех странах различные общественные силы стремились навязать согражданам свое понимание прошлого»⁶.

Историческая политика сегодня решает не исторические, но политические задачи, например, формирование коалиций, выплата компенсаций и т. д. Сегодня историческая политика практикуется многими странами, не только на постсоветском пространстве, где она приобрела популярность в 1990-е гг., но и в странах Западной Европы, США, в Азиатском регионе. Использование исторической памяти в формировании политической повестки дня представляет собой, безусловно, лишь малую часть политического инструментария, однако она играет далеко не последнюю роль. Свидетельство этого — опыт Испании.

В последнее время в Испании появилось множество работ на тему франкистского прошлого, интересной особенностью является то, что большинство из них проводятся молодыми учеными и не спонсируются государством, что говорит о спросе на данный продукт со стороны гражданского общества. Кроме того, инициируются дебаты на эту непростую для испанского общества тему со стороны профессиональных историков.

² Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое Издательство, 2007. С. 28.

³ Idem.

⁴ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.

⁵ Малинова О. Ю., Миллер А. И. Введение. Символическая политика и политика памяти // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе. СПб: Изд-во Европейск. ун-та в СПб, 2021. С. 15.

⁶ Копосов Н. Память строгого режима: История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 52.

Исходной точкой для дискуссий о прошлом является Гражданская война 1936–1939 гг. Результатом ее стало не только множество погибших и раненых, но и массовые репрессии послевоенного времени. После победы франкизма места для памяти побежденных не было, инакомыслие преследовалось; для тех, кто выжил и не покинул страну, единственным способом существования было подчиниться официальной памяти. Франкистский режим насаждал свой взгляд на Гражданскую войну как «крестовый поход» против неверных, «освободительную войну» против иностранных захватчиков, которые разграбляли Испанию, под ними подразумевались либералы, коммунисты и атеисты. Данный исторический миф активно использовался для формирования коллективной памяти и имел успех. Массовые церемонии, католические мессы, военные ритуалы в честь павших проводились в 1940-е гг. по всей стране и имели большое значение для подавления чувства потери⁷.

Коллективная память побежденных в Гражданской войне не была сформирована, так как не было условий для создания общественного пространства, где бы ее можно было сформулировать. Семьи были лишены возможности оплакивать погибших публично, не было никаких символических и культурных опор, которые помогли бы побежденным выстроить свою память, республиканские семьи предпочитали скрывать свое прошлое. Такое пренебрежение частью своей биографии и подавление травматического опыта привело к тому, что даже после смерти Франко и установления демократического режима большинство испанцев предпочитало молчать о событиях прошлого, быстрый переход к новому типу мышления оказался невозможен.

Еще при Франко, в 1960-е гг., когда руководство страны взяло курс на либерализацию экономики и преодоление экономической изоляции, испанское общество находилось в предчувствии перемен, столь необходимых для переоценки прошлого. Были предприняты попытки «национального примирения сверху», с конца 50-х гг. XX в. практически ежегодно принимались указы о помиловании сторонников Республики, одним из самых масштабных стал указ 1969 г., облегчавший режим возвращения для беженцев⁸. Однако и после принятия этих указов бывшие республиканцы испытывали трудности дискриминационного характера: им трудно было устроиться на работу, родственники погибших не получали материальной компенсации.

К 20-летию юбилею окончания войны был открыт мемориал жертвам Гражданской войны «Долина павших», в строительстве которого принимали участие заключенные сторонники Республики. Здесь были захоронены останки погибших с обеих сторон, что, возможно, послужило формированию мнения о том, что мемориал задумывался Франко в качестве памятника примирения. Однако изначально диктатор строил его как мемориал победы против коммунистов и безбожия, решение о захоронении там останков республиканцев было принято в последний момент и лишь под влиянием Церкви⁹.

Первый официально принятый демократическим парламентом закон, регулирующий отношение к прошлому, был Закон об амнистии 1977 г. Его инициатором был профсоюзный лидер Марселино Камачо, при Франко проведенный много лет в тюрьме. Выступая от имени Коммунистической партии, он заявил: «Мы признаем, что краеугольным камнем политики национального примирения должна быть амнистия. Как можем примириться мы, убивавшие друг друга, если не сотрем прошлое раз и навсегда? Для нас амнистия — это национальная и демократическая политика, компенсирующая несправедливости, совершенные за сорок лет диктатуры, единственно возможная для того, чтобы закрыть прошлое, связанное с

⁷ *Cenarro Á.* Memory beyond the Public Sphere: The Francoist Repression Remembered in Aragon // *History and Memory*. Spring-Winter 2002. Vol. 14. No. 1-2. P. 174.

⁸ *Энгле Н.* Неудобное прошлое: память о государственных преступлениях в России и других странах. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 163.

⁹ *Ibid.*, с. 165.

Гражданской войной»¹⁰. С одной стороны, закон способствовал тому, что многие вчерашние франкисты приняли демократию, мемориалы эпохи Франко перестали использоваться для официальных церемоний. С другой стороны, он сделал невозможным судебное преследование лиц, виновных в преступлениях режима. С принятием закона была провозглашена идея «общенационального примирения», согласно которой в недавнем прошлом были виноваты все, «эксцессы» имели место быть с обеих сторон, а их обсуждение ни к чему кроме конфликтов не приведет. Общественность в большей степени спокойно восприняла Закон об амнистии, так как не было однозначного взгляда на период франкизма. Это подтверждают опросы, проведенные в 1985, 1995 и 2000 гг.. Большая часть респондентов характеризовала период диктатуры Франко как время, не лишенное достоинств¹¹. Из школьного образования были изъяты страницы с описанием неприглядного прошлого, это привело к тому, что согласно опросу 2006 г. 35,5 % сказали, что в колледжах «им не объясняли, что происходило в 1936 г. и в последующие годы»¹².

Оценка «пакта молчания» или «пакта амнезии», как называют этот закон сами испанцы, разнится. Ранее зарубежными авторами поддерживалась точка зрения, что такой транзит к демократии является удачным примером «компромисса и сотрудничества между бывшими непримиримыми врагами»¹³, именно данный закон позволил избежать новой гражданской войны. Однако сегодня западные авторы придерживаются мнения, что левые, заключив «пакт молчания», дискредитировали себя в нравственном отношении, став соучастниками замалчивания репрессий¹⁴.

Конечно, не стоит забывать, что в течение первых 25 лет демократии, с 1977 г. по 2000 г., был предпринят ряд шагов, направленных на возмещение экономического ущерба жертвам франкистского режима, хотя они были ограниченными и имели фрагментарный характер. Был реализован ряд общественных инициатив, так, в 70-80-е гг. XX в. были организованы ассоциации ветеранов-республиканцев, проведены эксгумации массовых захоронений республиканцев. Но не было проведено ни одного суда над преступниками режима. Кроме того, бывшие функционеры режима Франко занимали государственные посты и дальше, например, первый премьер-министр демократической Испании Адольфо Суарес при Франко был членом партии «Национальное движение», депутатом, губернатором, гендиректором Испанской телерадиовещательной корпорации RTVE.

Новый этап в преодолении прошлого начинается с 2000-х гг. Можно выделить несколько причин начавшихся изменений во взгляде на прошлое. Во-первых, произошла смена поколений. Во взрослую жизнь вошли люди, выросшие в условиях стабильной демократии, которые были лишены чувства вины и страха перед своими предшественниками. Во-вторых, рост числа общественных организаций и ассоциаций, цель которых — восстановление замалчиваемой памяти жертв франкистского режима. Например, деятельность Ассоциации восстановления исторической памяти (ARMH), которая с начала 2000-х гг. до 2018 г. провела раскопки и эксгумации более чем 740 массовых захоронений из 2500 известных¹⁵. Следует отметить, что инициатором создания Ассоциации является частное лицо, мадридский журналист Эмилио Сильва, который писал книгу об истории своей семьи, для чего интервьюировал участников Гражданской войны и политзаключенных, что в конечном счете вылилось в создание ARMH. Эксгумации стали

¹⁰ Хенкин С. М. Испания: полемика вокруг исторической памяти // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispaniya-polemika-vokrug-istoricheskoy-pamyati>, (дата обращения: 20.09.2021).

¹¹ Эппле, *op. cit.*, с. 175.

¹² Хенкин, *op. cit.*

¹³ Рейншоу Л. Правда вскрывается: как поменялись местами разоблачения и утаивание в «политике памяти» в Испании // Новое литературное обозрение. 2009. № 6 [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2009/6/pravda-vskryvaetsya-kak-pomenyalis-mestami-razoblacheniya-i-utaivanie-v-politike-pamyati-v-ispanii.html> (дата обращения: 20.09.2021).

¹⁴ *Idem.*

¹⁵ Эппле, *op. cit.*, с. 180.

проводиться силами добровольцев по всей стране, региональные организации множились, к работе привлекались историки, археологи. Успехи в организации эксгумаций стали возможны благодаря росту интереса к семейной истории, появлялось все больше книг о жертвах режима. Например, книга Хулиана Эскверра «Un Ayer que es todavía: Estampas de un pueblo republicano» продемонстрировала, насколько резонансной может стать публикация семейной истории. Автору было 13 лет, когда его отец, республиканский глава муниципалитета Собраделья (Сарагоса), был убит. Большая часть книги Хулиана представляет собой детские воспоминания о школе, местных фестивалях, быте, охоте, о политических и социальных изменениях, произошедших в 30-е гг. XX в., и лишь последняя глава рассказывает о смерти отца¹⁶. После публикации книги желание рассказать свою семейную историю возникло у многих испанцев. Например, Эмилио Бонет Бонастре из Каспе (Сарагоса) объяснил, что писал свои мемуары из желания «оставить внукам свидетельство о событиях в надежде на то, что они никогда не повторятся»¹⁷. И, наконец, в-третьих, причиной изменений в политике памяти стала эволюция международного права, которая позволила испанским гражданам обратиться к международному трибуналу, когда решение их вопроса оставалось без внимания со стороны испанского законодательства, чему все еще способствовал Закон об амнистии 1977 г. Например, в 2010 г. правозащитные организации Аргентины и Испании подали иск в суды Буэнос-Айреса, чтобы начать расследование геноцида и преступлений против человечности, совершенных франкистской диктатурой¹⁸.

Столь активная позиция граждан Испании в отношении прошлого побудила власти предпринять ряд шагов на пути регулирования данного вопроса. В 2002 г. принимается декларация, осуждающая преследование политических противников, в 2003 г. проводится акция поминовения жертв диктатуры. В 2004 г., когда социалисты получают большинство в парламенте, они формируют Межведомственную комиссию по изучению положения жертв Гражданской войны и франкизма. 2006 г. был объявлен Годом исторической памяти. И наконец в 2007 г. был принят «Закон об исторической памяти» («Закон о признании прав и принятии мер в интересах лиц, подвергшихся преследованию и насилию в годы Гражданской войны и диктатуры»). Закон был поддержан большинством депутатов, против высказались члены правоконсервативной Народной партии. Осуждая режим Франко и признавая жертвы политических репрессий, закон признает нелегитимными решения судов периода Франко, предусматривает устранение франкистской символики с общественных зданий, выплату компенсаций жертвам и потомкам жертв Гражданской войны и режима Франко, предоставление гражданства тем, кто вынужденно покинул Испанию в 1936–1955 гг.¹⁹.

Следует отметить, что более положительно закон восприняли представители молодого поколения, нежели люди в возрасте. 55 % респондентов в возрасте от 35 до 44 лет оценили его положительно, тогда как в возрастной группе старше 65 лет всего 40 % оценили его достоинство; 43 % представителей данной группы посчитало, что закон может спровоцировать рост конфликтов, в возрастной группе от 35 до 44 лет так считало всего 18 % опрошенных²⁰.

С момента принятия Закона об исторической памяти тема ответственности за преступления франкистского режима стала очевидным фактором формирования политической повестки дня в Испании. Интересно отметить, что данная тема не только разъединяет политические партии, но и является фундаментом для их коалиций. Так,

¹⁶ *Cenarro*, op. cit., p. 180.

¹⁷ *Ibid.*, p. 181.

¹⁸ *Capdepon U.* Der öffentliche Umgang mit der Franco-Diktatur [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bpb.de/apuz/32544/der-oeffentliche-umgang-mit-der-franco-diktatur?p=all> (дата обращения: 20.09.2021).

¹⁹ *Idem.*

²⁰ *Aguilar P., Ramirez-Barat C.* Generational dynamics in Spain: Memory transmission of a turbulent past // *Memory Studies*. 2019. Vol. 12(2). P. 217.

например, у партий, поддерживающих социалистов (Баскская националистическая партия, Левые республиканцы Каталонии), общим является именно осуждение франкизма. Таким образом, отношение к прошлому стало единственным фактором, способным сплотить их. Такое резонансное событие, как вынос тела Франко из базилики в Долине павших, повлияло и на результаты выборов в парламент Испании в 2019 г. Уверенную победу одержали социалисты, принявшие в 2018 г. закон о перезахоронении останков диктатора. Однако в парламент вошла и партия «Голос», основанная в 2013 г., идеологию которой некоторые журналисты описывают как военный ультранационализм²¹, ранее считавшаяся маргинальной. Таким образом, тема прошлого смогла сплотить и тех, кто требует возмездия, и тех, кто считает опыт франкизма неоднозначным. Сегодня в парламенте Испании представлена партия, которая придерживается третьей точки зрения на прошлое. Партия «Граждане» (либерального толка), основанная в 2006 г., считает темы Гражданской войны и франкизма устаревшими, которые необходимо оставить в прошлом.

Интересен опыт проработки прошлого на региональном уровне. В 2017 г. впервые в Испании на региональном уровне в Андалусии был принят Закон об исторической и демократической памяти, после чего разработана дорожная карта на 2018–2022 гг., финансируемая за счет бюджета Андалусии. Данный закон предусматривал включение данной тематики в школьную программу. Все это было сделано при поддержке Социалистической партии, находящейся в то время у власти. Однако и здесь вопрос о прошлом стал фундаментом для политических коалиций и предметом политических игр. После того, как в 2018 г. победу на парламентских выборах в Андалусии одержали «Народная партия» и партия «Граждане» при поддержке партии «Голос», было объявлено о замене действующего Закона о «демократической памяти» на Закон о «примирении», и финансирование программ значительно сократилось²².

Таким образом, что касается общественного мнения относительно прошлого, в Испании нет единой точки зрения. Можно выделить три группы сторонников. Первая требует возмездия за режим франкизма, вторая утверждает, что опыт франкизма тоже представляет ценность, он далеко не однозначен, в этот период было много сделано для экономики страны. И третья группа придерживается мнения, что вопросы прошлого не так важны, необходимо смотреть в будущее. Эти три точки зрения презентуются и политическими партиями, которые сегодня представлены в испанском парламенте. Следует отметить, что несмотря на то, что ряд инициатив относительно политики памяти выдвинуло новое поколение, так называемое поколение внуков и правнуков участников Гражданской войны, все же и в нем нет единства. Молодые испанцы по-разному видят способы преодолеть неудобное прошлое.

В реализации исторической политики Испании сегодня мы можем наблюдать две тенденции: сверху вниз, иницируемая политическими партиями и в большей степени рассчитанная на компромисс, и снизу вверх, инициатором которой является гражданское общество. Несомненно, следует отметить необходимость сотрудничества как между политическими и общественными силами, так и между поколениями в решении вопросов проработки прошлого. Испанский опыт свидетельствует, что искусственное забвение прошлого непродуктивно. Исторические события рано или поздно дадут о себе знать, создавая острые конфликты и разобщая общество, чего, возможно, удалось бы избежать при своевременной их проработке.

²¹ Vox habla sobre Vox. Tres Libros para conocer el Partido [Электронный ресурс]. URL: <https://agendapublica.es/vox-habla-sobre-vox-tres-libros-para-conocer-el-partido/> (дата обращения: 20.09.2021).

²² Королева А. А., Кадырова К. Р., Княжева М. В. Интерпретация пользователями Instagram мест демократической памяти в Кадисе // Латиноамериканский исторический альманах. 2020. № 25. С. 61.

Библиография

1. *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.
2. *Копосов Н.* Память строгого режима: История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
3. *Малинова О. Ю., Миллер А. И.* Введение. Символическая политика и политика памяти // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе. СПб: Изд-во Европейск. ун-та в СПб, 2021.
4. *Рейншоу Л.* Правда вскрывается: как поменялись местами разоблачения и утаивание в «политике памяти» в Испании // Новое литературное обозрение. 2009. № 6 [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2009/6/pravda-vskryvaetsya-kak-pomenyalis-mestami-razoblacheniya-i-utaivanie-v-politike-pamyati-v-ispanii.html> (дата обращения: 20.09.2021).
5. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. М.: Новое Издательство, 2007.
6. *Хенкин С. М.* Испания: полемика вокруг исторической памяти // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispaniya-polemika-vokrug-istoricheskoy-pamyati>, (дата обращения: 20.09.2021).
7. *Эппле Н.* Неудобное прошлое: память о государственных преступлениях в России и других странах. М.: Новое литературное обозрение, 2021.
8. *Aguilar P., Ramirez-Barat C.* Generational dynamics in Spain: Memory transmission of a turbulent past // *Memory Studies*. 2019. Vol. 12(2). P. 217.
9. *Capdepon U.* Der öffentliche Umgang mit der Franco-Diktatur [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bpb.de/apuz/32544/der-oeffentliche-umgang-mit-der-franco-diktatur?p=all> (дата обращения: 20.09.2021).
10. *Cenarro Á.* Memory beyond the Public Sphere: The Francoist Repression Remembered in Aragon // *History and Memory*. Spring-Winter 2002. Vol. 14. No. 1-2.
11. *Vox habla sobre Vox. Tres Libros para conocer el Partido* [Электронный ресурс]. URL: <https://agendapublica.es/vox-habla-sobre-vox-tres-libros-para-conocer-el-partido/> (дата обращения: 20.09.2021).

Ю. В. Аверина¹

МУЗЫКАЛЬНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ РОССИИ И ИСПАНИИ

MUSICAL DIPLOMACY IN INTERCULTURAL INTERACTION BETWEEN RUSSIA AND SPAIN

Resumen: Actualmente, los eventos musicales internacionales desempeñan un papel fundamental en el desarrollo de las relaciones interculturales y son un serio estímulo para mantener el diálogo cultural entre países, a pesar de las divergencias en otros ámbitos de las relaciones internacionales. La diplomacia musical puede considerarse, con razón, un tipo distinto de diplomacia cultural, ya que a menudo se convierte en una actividad emblemática de la cooperación cultural y humanitaria internacional, representando un componente importante de los eventos culturales. Además, el arte musical, como una de las formas artísticas más autorizadas y polifacéticas, no ha perdido su importancia para la humanidad y, por tanto, puede servir de “herramienta” para aplicar las políticas culturales exteriores de los países en los diálogos interculturales. Así, el autor intenta analizar varios episodios vívidos de “diplomacia musical” a partir del ejemplo de dos países: Rusia y España, que pueden reflejar el gran interés de las partes en la interacción intercultural en la etapa actual.

Palabras clave: diplomacia musical; relaciones musicales internacionales; Rusia; España.

Abstract: Actually, international music events play a fundamental role in the development of intercultural relations and are a serious stimulus for maintaining cultural dialogue between countries, despite divergences in other areas of international relations. Music diplomacy can rightly be considered a distinct type of cultural diplomacy, as it often becomes a flagship activity of international cultural and humanitarian cooperation, representing an important component of cultural events. Moreover, musical art, as one of the most authoritative and multifaceted art forms, has not lost its importance for humanity and can therefore serve as a “tool” for implementing countries’ foreign cultural policies in intercultural dialogues. Thus, the author attempts to analyze several vivid episodes of “musical diplomacy” based on the example of two countries: Russia and Spain, which may reflect the great interest of the parties in intercultural interaction at the present stage.

Key words: music diplomacy; international music relations; Russia; Spain.

Музыкальная дипломатия — это особая форма культурной дипломатии, подразумевающая многосторонний обмен идеями, традициями и знаниями в сфере музыкального искусства². Будучи универсальным языком, который не имеет языковых барьеров и культурных различий, музыка способствует сотрудничеству, взаимопониманию и взаимному уважению между людьми, обществом в целом, тем самым способствуя повышению общего уровня культурной осведомленности и социальной сплоченности людей³.

Реализация музыкальной дипломатии чаще всего происходит через традиционную форму межкультурного обмена, а именно посредством международных музыкальных

¹ Аверина Юлия Валерьевна, Россия, магистрант факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (ju.awerina@yandex.ru).

² Aalto N., Reuter E. Aspects of Intercultural Dialogue. Theory Research Applications. Köln: Saxa Verlag, 2017.

³ Gienow-Hecht J. C. E. Music and International History in the Twentieth Century (= Explorations in Culture and International History. Vol. 7). New York, Oxford: Berghahn, 2019.

конкурсов и фестивалей, в том числе через постоянный гастрольный и репертуарный обмен⁴.

Музыкальное искусство — чрезвычайно мощный и объединяющий язык, универсальное средство общения, которое обращается ко всем, минуя пространственные границы. Оно может принести мир в сердца и умы людей, преодолевая языковые барьеры. Музыка наводит мосты, которые соединяют людей из разных уголков земного шара. И как показывает практика, это отличный инструмент для распространения идей мира, терпимости, общей человечности и содействия культурной дипломатии⁵. Как пишет Паоло Петрочелли — доктор философии, президент Итальянской ассоциации молодежи UNESCO и идейный вдохновитель интернет-блога о музыкальной дипломатии: «Мы потеряли бы универсальный язык, и мир стал бы фрагментированным и разделенным с нежеланием и потенциальной неспособностью понять и принять наши различия и разнообразие. Музыка помогает нам передавать наши эмоции, как ничто другое, и может самым личным образом выразить кому-то, что мы чувствуем к ним, а в некоторых случаях — как сильно мы их любим. Мир без музыки приведет к пагубному нарушению нашего общения друг с другом и ухудшению как профессиональных, так и личных отношений»⁶.

Классическая музыка до сих пор пользуется большой популярностью, особенно в Европе, в количественных исследованиях она обычно рассматривается как показатель культурного престижа, хотя качественные исследования предполагают большое разнообразие внутри жанра. Опора на общеевропейское музыкальное наследие открывает большие возможности для сотрудничества России и Испании в современной международной повестке⁷.

Наиболее очевидный и самостоятельный актер музыкальной дипломатии — национальный симфонический оркестр. Такие оркестры как самостоятельные институты выступают незаменимым элементом музыкальной дипломатии, при помощи активной концертной деятельности происходит продвижение национальной культуры той или иной страны. В связи с этим большой интерес вызывает международная музыкальная деятельность Национального оркестра и хора Испании.

Национальный оркестр и хор Испании (OCNE) — музыкальный коллектив, который включает в себя два постоянных ансамбля симфонической и хоровой музыки. Основная деятельность — гастроль и участие в музыкальных фестивалях — осуществляется как в Испании, так и за рубежом, где служит распространению испанской музыки и культуры. Национальный оркестр Испании был основан в 1937 году, во время Гражданской войны, окончательно сформирован в 1942 году. С тех пор он проводит непрерывную и интенсивную концертную работу, с большим сезоном в Мадриде — с 1988 года оркестр базируется в Национальной музыкальной аудитории. Оркестр участвует в крупных испанских фестивалях и гастрольно работает по Испании, а также по странам Европы, Америки и Азии.

Национальный оркестр и хор Испании проводит такие музыкальные мероприятия, как симфонический цикл, цикл сателлитов, а также курирует социально-образовательный проект, главной идеей которого является продвижение классической музыки. С 2014 года маэстро Дэвид Афхам является главным дирижером и художественным руководителем Национального оркестра Испании; технический директор оркестра — Феликс Паломеро.

⁴ Боголюбова Н. М. Межкультурная коммуникация / Н. М. Боголюбова, Ю. В. Николаева. М.: Юрайт, 2020.

⁵ Condy O. Music for Peace [Электронный ресурс]. URL: <http://www.classical-music.com/blog/music-peace> (дата обращения: 01.09.2021).

⁶ Music Diplomacy, Stories from the World [Электронный ресурс]. URL: <https://www.musicdiplomacy.net/about> (дата обращения: 05.09.2021).

⁷ Morales Tamaral J. Componiendo la negociación. Música y relaciones internacionales en la historiografía actual [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/19765705/Componiendo_la_negociaci%C3%B3n._M%C3%BAsica_y_relaciones_internacionales_en_la_historiograf%C3%ADa_actual_Composing_the_Negotiation._Music_and_International_Relations_in_the_Current_Historiography (дата обращения: 08.09.2021).

Важно отметить, что государственную поддержку оркестра осуществляет Национальный институт исполнительских искусств и музыки (INAEM) и Министерства образования, культуры и спорта Испании⁸.

В сезонах Национального оркестра Испании очень часто встречаются произведения русских композиторов, популярных в Испании, в их числе П. И. Чайковский⁹, Д. Д. Шостакович¹⁰, И. Ф. Стравинский¹¹, С. С. Прокофьев¹² и другие.

В продолжение темы выделим Национальный филармонический оркестр России под управлением Владимира Спивакова, созданный в 2003 году приказом Министерства культуры Российской Федерации, в который входят музыканты из крупнейших российских оркестровых формирований, а также молодые музыканты. За восемнадцать лет своего существования Национальный филармонический оркестр России стал одним из ведущих симфонических оркестров России, завоевав популярность как на родине, так и за рубежом.

Цель оркестра — пропагандировать музыкальное наследие и традиции, воплощенные известными российскими дирижерами Евгением Мравинским, Кириллом Кондрашиным и Евгением Светлановым. Для этого оркестром разработан уникальный стиль, соединивший русскую музыкальную традицию и новые технологии. Репертуар оркестра охватывает период от ранних классических симфоний до новейших сочинений современности. Руководителям удалось в полной мере создать высокопрофессиональный оркестр, который способен достойно представлять музыкальное искусство России по всему миру.

Художественное сотрудничество заключается в проведении совместных концертов со многими солистами мирового масштаба. В ноябре 2019 года Национальный филармонический оркестр России выступал в Мадридской филармонии. Небольшое гастрольное турне в рамках юбилейной программы цикла «Ibermúsica» было достаточно показательным: в такое непростое и сложное время европейские слушатели вновь проявили интерес к русской музыке. Каждый концерт в рамках цикла завершался овациями, выходом на бис и получил высокую оценку европейских музыкальных критиков, что «выражает подлинное внимание к музыкальному обмену между странами». Авторитетное испанское издание *El País* отмечает: «Ibermúsica уже полвека делает Испанию и Португалию лучшими исполнителями мира в классической музыке с намерением сохранить этот жанр»¹³.

Проект «Ibermúsica» был основан Альфонсо Айоном в 1970 году, решившим привезти в Испанию лучшие симфонические оркестры мира. На протяжении многих лет проект «Ibermúsica» развивался, сохраняя художественные стандарты, строгость и страсть к искусству и музыке. Именно благодаря проекту «Ibermúsica» в Испании состоялась премьера произведений таких известных композиторов, как И. Ф. Стравинский и Д. Д. Шостакович. Под руководством генерального директора Льоренса Кабальеро проект «Ibermúsica» продолжает предлагать для широкой аудитории лучшие музыкальные произведения.

Таким образом, национальные оркестры являются идеальным средством для продвижения и укрепления межкультурных связей в музыкальном сообществе. Поощрение

⁸ El portal España es Cultura. About Spanish National Orchestra and Choir [Электронный ресурс]. URL: http://www.spainisculture.com/en/companias_artisticas/madrid/orquesta_y_coro_nacionales_de_espana.html (дата обращения: 20.09.2021).

⁹ Descubre... La Cuarta de Tchaikovsky Orquesta y Coro Nacionales de España [Электронный ресурс]. URL: <http://orquestanacionaldeespana.es/programacion/historico/19-20/la-cuarta-de-tchaikovsky> (дата обращения: 30.09.2021).

¹⁰ Концерт Национального оркестра Испании // Испания по-русски [Электронный ресурс]. URL: <https://espanarusa.com/ru/affiche/article/653419> (дата обращения: 30.09.2021).

¹¹ Desde Rusia Con Amor Orquesta y Coro Nacionales de España [Электронный ресурс]. URL: <http://orquestanacionaldeespana.es/programacion/historico/18-19/desde-rusia-con-amor> (дата обращения: 30.09.2021).

¹² Madre Rusia Orquesta y Coro Nacionales de España [Электронный ресурс]. URL: <http://orquestanacionaldeespana.es/programacion/historico/18-19/madre-rusia> (дата обращения: 30.09.2021).

¹³ Ibermúsica celebra su 50º aniversario con la mejor música clásica [Электронный ресурс]. URL: https://elpais.com/tematicos/2019/10/25/elpaismas/1571996555_125674.html (дата обращения: 30.09.2021).

оркестров и поддержка их на государственном уровне показывают высокую степень заинтересованности государства в создании такого типа механизмов мягкой силы.

Кроме того, можно сказать, что музыка использовалась на протяжении многих лет в качестве средства для самовыражения и социальной сплоченности не только между отдельными людьми, но и между целыми странами, соединяя континенты. Эта форма культурной дипломатии позволяет передавать сообщения через музыкальное искусство, чтобы духовно соединить людей из разных уголков мира.

В заключение следует отметить, что все время своего существования национальные оркестры России и Испании являются одним из ключевых элементов музыкальной дипломатии. Важно уточнить, что главенствующая миссия оркестров состоит в том, чтобы «содействовать миру и взаимопониманию через объединяющую силу музыки», и является показательным примером культурной дипломатии и построения мостов взаимопонимания и терпимости между нациями и культурами России и Испании.

Библиография

1. *Боголюбова Н. М.* Межкультурная коммуникация / Н. М. Боголюбова, Ю. В. Николаева. М.: Юрайт, 2020. 253 с.
2. Концерт Национального оркестра Испании // Испания по-русски [Электронный ресурс]. URL: <https://espanarusa.com/ru/affiche/article/653419> (дата обращения: 30.09.2021).
3. *Aalto N., Reuter E.* Aspects of Intercultural Dialogue. Theory Research Applications. Köln: Saxa Verlag, 2017. 320 p.
4. *Condy O.* Music for Peace [Электронный ресурс]. URL: <http://www.classical-music.com/blog/music-peace> (дата обращения: 01.09.2021).
5. Descubre... La Cuarta de Tchaikovsky Orquesta y Coro Nacionales de España [Электронный ресурс]. URL: <http://orquestanacionaldeespana.es/programacion/historico/19-20/la-cuarta-de-tchaikovsky> (дата обращения: 30.09.2021).
6. Desde Rusia Con Amor Orquesta y Coro Nacionales de España [Электронный ресурс]. URL: <http://orquestanacionaldeespana.es/programacion/historico/18-19/desde-rusia-con-amor> (дата обращения: 30.09.2021).
7. *Einbinder M.* Cultural Diplomacy Harmonizing International Relations through Music [Электронный ресурс]. URL: http://www.culturaldiplomacy.org/pdf/case-studies/Cultural_Diplomacy_Harmonizing_International_Relations_through_Music_-_Mary_Einbinder.pdf (дата обращения: 01.09.2021)
8. El portal España es Cultura. About Spanish National Orchestra and Choir [Электронный ресурс]. URL: http://www.spainisculture.com/en/companias_artisticas/madrid/orquesta_y_coro_nacionales_de_espana.html (дата обращения: 20.09.2021).
9. *Gienow-Hecht J. C. E.* Music and International History in the Twentieth Century (= Explorations in Culture and International History. Vol. 7). New York, Oxford: Berghahn, 2019. 560 p.
10. Ibermúsica [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ibermusica.es/en/21/about-ibermusica> (дата обращения: 30.09.2021).
11. Ibermúsica celebra su 50º aniversario con la mejor música clásica [Электронный ресурс]. URL: https://elpais.com/tematicos/2019/10/25/elpaismas/1571996555_125674.html (дата обращения: 30.09.2021).
12. Madre Rusia Orquesta y Coro Nacionales de España [Электронный ресурс]. URL: <http://orquestanacionaldeespana.es/programacion/historico/18-19/madre-rusia> (дата обращения: 30.09.2021).
13. *Morales Tamara J.* Componiendo la negociación. Música y relaciones internacionales en la historiografía actual [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/19765705/Componiendo_la_negociaci%C3%B3n._M%C3%BAsica_y_relaciones_internacionales_en_la_historiograf%C3%ADa_actual_Composing_the_Negotiation._Music_and_International_Relations_in_the_Current_Historiography (дата обращения: 08.09.2021).
14. Music Diplomacy, Stories from the World [Электронный ресурс]. URL: <https://www.musicdiplomacy.net/about> (дата обращения: 05.09.2021).
15. *Zawisza M.* How music is the real language of political diplomacy <https://www.theguardian.com/music/2015/oct/31/music-language-human-rights-political-diplomacy> (дата обращения: 09.09.2021).

Ю. А. Александрова¹

СОТРУДНИЧЕСТВО ИСПАНИИ И РОССИИ В XXI ВЕКЕ: СОВМЕСТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ОБЛАСТИ НАУКИ, КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ

COOPERATION BETWEEN SPAIN AND RUSSIA IN THE 21ST CENTURY: JOINT ACTIVITIES IN THE FIELD OF SCIENCE, CULTURE AND EDUCATION

Resumen: El artículo se centra en la investigación de nuevas formas de interacción cultural Interestatal en el siglo XXI. Con el ejemplo de España y Rusia, se han considerado actividades específicas que permiten a los países cooperar eficazmente y encontrar nuevos vectores para el desarrollo de las esferas culturales, científicas y educativas en la etapa actual.

Palabras clave: política cultural exterior; Rusia; España; Año Dual España-Rusia.

Abstract: The article is devoted to the study of new forms of interstate cultural interaction in the 21st century. On the example of Spain and Russia, specific measures are considered that allow countries to effectively cooperate and find new vectors of development of cultural, scientific and educational areas at the present stage.

Key words: foreign cultural policy; Russia; Spain; Cross-cultural year.

В конце XX — начале XXI вв. рост глобализации приводит к тому, что культурное взаимодействие выходит на новый уровень. В этом отношении особую актуальность приобретает концепция «мягкой силы» Джозефа Ная, приверженца неолиберальной системы. Утверждается, что государства начинают отдавать предпочтение таким инструментам, как продвижение своей культуры, ценностей и идеологии вместо традиционной демонстрации экономического и военного потенциала. Ключевой аспект заключается в достижении целей путем повышения привлекательности государства без использования каких-либо принудительных мер². В этой связи страны расширили свою деятельность в гуманитарной области и стали работать над поиском новых направлений и форм взаимодействия в проведении культурной дипломатии на международной арене.

Так, с недавних пор многие страны, особенно европейские, стремятся проводить внешнюю культурную политику не в одностороннем порядке, а в сотрудничестве с другим государством, участвуя в межкультурном диалоге. Помимо демонстрации культуры собственной страны такой подход позволяет обеспечить возможность другим государствам транслировать свои достижения в сфере культуры на мировой арене³.

Ярким примером могут служить дипломатические отношения Королевства Испания и Российской Федерации, существующие более трехсот лет. В течение этого времени эти

¹ Александрова Юлия Александровна, Россия, магистрант факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (aleksandrova.julia121@gmail.com).

² Минасян Н. Концепция «мягкой силы» в контексте теорий международных отношений // 21-й век. 2017. № 3 (44). С. 35.

³ Боголюбова Н. М., Николаева Ю. В. Новые формы международного культурного сотрудничества во внешней культурной политике современных государств // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 8.

отношения переживали разные периоды, от наращивания взаимодействия до почти полного его прекращения, а затем постепенного возобновления после 1975 года. На текущий момент между государствами налажен тесный контакт, который позволяет проводить эффективную внешнюю политику, важным компонентом которой выступает сотрудничество в гуманитарной области.

В начале XXI века Россия и Испания сформулировали собственное понимание того, что должна включать в себя внешняя культурная политика. Первые шаги в данном направлении государства зафиксировали в таких документах, как «Концепция внешней культурной политики — год 2000»⁴ и «Культурная политика Испании» 2004 года. В них можно найти информацию о том, какие именно органы управления и организации координируют деятельность по продвижению страны за рубежом, а также конкретные цели и задачи, основные направления в области внешней культурной политики.

Кроме того, Испания и Россия имеют ряд общих документов, по которым можно проследить, как расширялось взаимодействие в области внешней культурной политики. Так, например, Соглашение от 11 апреля 1994 года о сотрудничестве в области культуры и образования обозначило поддержание связей в этой сфере путем организации совместных конференций, симпозиумов, проведения выставок, обмена специалистами в области искусств и др.⁵. Кроме того, в 2001 году были подписаны два важнейших документа — Соглашение между Российской Федерацией и Королевством Испания о деятельности культурных центров⁶ и Соглашение о научном и технологическом сотрудничестве⁷. Первое позволило открыть в двух странах специализированные культурные центры, в задачи которых входило продвигать имидж своего государства за границей при помощи таких инструментов мягкой силы, как язык и культура. Второй документ акцентировал внимание на вопросах образовательной деятельности и способах усилить интерес к другой стране (организация стажировок за рубежом, повышение уровня преподавания языка на всех ступенях образования, расширение программы мероприятий).

В дальнейшем была согласована Программа сотрудничества между Российской Федерацией и Королевством Испания в области культуры и образования на 2005–2007 годы⁸, в которой перечислено множество направлений взаимодействия в культурно-гуманитарной области. Стороны согласились участвовать в проведении дней национальных культур и иных акциях, а также продолжать организовывать молодежные и гастрольные обмены.

Подписанная в 2009 году Декларация о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Королевством Испания⁹ указывала на желание стран укреплять свое научно-техническое сотрудничество путем расширения взаимодействия в сфере инноваций и участия ученых и преподавателей прикладных наук в программах мобильности.

Учитывая вышесказанное, важно отметить, что к 2010 году у государств имелась обширная нормативно-правовая база, которая позволяла им реализовывать сотрудничество в области науки, культуры и образования во множестве направлений и заключать при

⁴ Внешняя культурная политика России — год 2000. Тезисы // Дипломатический вестник. 2000. № 4. С. 78.

⁵ Соглашение между РФ и Королевством Испания о сотрудничестве в области культуры и образования от 11 апреля 1994 г. Мадрид // Бюллетень международных договоров. 2004. № 10. С. 78.

⁶ Соглашение между РФ и Королевством Испания о деятельности культурных центров от 15 ноября 2001 г. Мадрид // Бюллетень международных договоров. 2002. № 10. С. 47.

⁷ Соглашение между Правительством РФ и Правительством Королевства Испания о научном и технологическом сотрудничестве от 15 ноября 2001 г. Мадрид // Бюллетень международных договоров. 2006. № 12. С. 11.

⁸ Программа сотрудничества между Российской Федерацией и Королевством Испания в области культуры и образования на 2005–2007 годы от 29 сентября 2005 г. Москва [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902198757> (дата обращения: 16.09.2021).

⁹ Декларация о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Королевством Испания от 3 марта 2009 г. Мадрид [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/163> (дата обращения: 16.09.2021).

необходимости новые договоренности в этой области. Так, например, в 2010 г. в Мадриде представителями российской и испанской сторон было подписано заявление о проведении «Года России в Испании и Года Испании в России» в 2011 году¹⁰. Данное событие представляет собой так называемый Перекрестный год культуры — ряд фестивалей и мероприятий, которые включают в себя множество видов и направлений культурного взаимодействия и проводятся в течение длительного времени¹¹.

Стоит упомянуть, что перекрестные годы являются новой формой сотрудничества государств в культурной сфере и позволяют привлечь к ознакомлению с культурой, языком и ценностями широкую публику. Их цель — укрепление доверия и взаимопонимания между народами, повышение интереса у граждан к истории, культуре и языку другой страны¹². Традиционно в данном мероприятии принимают участие различные государственные органы, министерства, культурные центры, общественные организации, музеи и театры.

Перекрестный год культуры, проведенный в 2011 году, прошел под девизом «Испания и Россия должны заново открыть и оценить друг друга»¹³. В его рамках было реализовано множество мероприятий, большинство из которых имели культурную направленность (выставки в Эрмитаже и музее Прадо, театральные гастроли, музыкальные концерты, тематические круглые столы). Однако внимание также было уделено и научно-образовательной сфере, о чем свидетельствует организация форумов информационных и коммуникационных технологий, проведенных в Санкт-Петербурге и Барселоне, огромное количество всевозможных конференций широкой направленности. Нельзя забывать и о торгово-экономических отношениях, которым на перекрестных годах отводится значимая роль. В результате проведения двух экономических форумов между Россией и Испанией были заключены контракты в сфере энергетики и высокоскоростного железнодорожного транспорта¹⁴. Общественность также не осталась в стороне — в течение года проходили мероприятия, не предусмотренные в программе, однако множество университетов, общественных организаций, региональных властей взяли на себя инициативу, что лишь подчеркивает высокий уровень доверия, существующий между государствами. Кроме того, был дан толчок для развития туризма — на ярмарке «Барселона: место встречи» обсуждался потенциал 7 российских регионов, а также условия увеличения туристической активности на Северном Кавказе.

Таким образом, Перекрестный год культур Россия — Испания выдался урожайным на события. В течение всего периода страны активно взаимодействовали в сфере науки, культуры, образования, о чем свидетельствует множество выставок, концертов, симпозиумов, форумов. Помимо этого, новые договоренности в сферах экономики, науки, образования, культуры, туризма показывают эффективность использования такой формы международного культурного взаимодействия для решения вопросов в самых разнообразных областях. Реализация данного ряда мероприятий была признана двумя государствами успешной, поэтому было принято решение о проведении таких событий и в отдельных сферах сотрудничества.

В 2015 году была согласована организация Перекрестного года русского и испанского языков, в рамках которого планировалось провести около 100 мероприятий¹⁵. Основной акцент был сделан на участии не только столиц, но и регионов. В программу были включены

¹⁰ *Волосюк О. В.* Научные связи российских и испанских историков: 30 лет сотрудничества (1981–2011) // Вестник Российского университета дружбы народов. Всеобщая история. 2012. № 1. С. 109.

¹¹ *Боголюбова, Николаева*, *op. cit.*

¹² *Боголюбова Н. М.* Актуальные формы международного культурного сотрудничества в начале XXI века // Межкультурная коммуникация. Москва, 2018. С. 251.

¹³ Испания и Россия должны заново открыть и оценить друг друга // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1602465> (дата обращения: 18.09.2021).

¹⁴ Открытие Прадо // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2011/12/16/rossiya-ispaniya.html> (дата обращения: 18.09.2021).

¹⁵ Перекрестный год русского и испанского языков охватит сто мероприятий // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20150526/1066462002.html> (дата обращения: 18.09.2021).

федеральные университеты РФ и почти все автономные сообщества Королевства Испания¹⁶. Целью данного года было поддержание и углубление имеющихся контактов в сфере культуры путем популяризации своего языка в стране-партнере. В течение этого года, как и ожидалось, все мероприятия были сконцентрированы вокруг языка и литературы. Одним из главных событий стало открытие в Гранаде Русского центра, а также проведение XIII всемирного конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Кроме того, солидная часть программы традиционно была отведена под выступления артистов и певцов (к примеру, концертная программа молодых артистов Большого театра, выступление театра «Калимба» и другие)¹⁷.

Год туризма России и Испании был проведен в 2016 году. Открывая мероприятия в рамках года туризма, руководитель Ростуризма Олег Сафонов заявил, что данное событие «позволит нарастить взаимные турпотоки и более эффективно продвигать туристические возможности России на испанском рынке и наоборот»¹⁸, а также поспособствует созданию положительного имиджа нашего государства. За отведенный период был обсужден ряд важных для двух стран вопросов, а именно: упрощение процедуры получения виз для российских граждан, инвестирование в туристическую инфраструктуру, открытие российского туристического представительства «Visit Russia» в Мадриде и другие¹⁹. Кроме того, состоялась встреча между российскими представителями и испанскими бизнесменами, представляющими индустрию гостеприимства. Также прошла Российская гастрономическая неделя с целью привлечения внимания к стране с точки зрения гастрономического туризма. Таким образом, проведение Перекрестного года туризма позволило двум странам сгладить имеющиеся противоречия и наметить новые векторы для развития данной отрасли.

В начале 2019 года между представителями Российской Федерации и Королевства Испания шли обсуждения о проведении Перекрестного года образования и науки в 2019 или 2020 году²⁰. В рамках этого события планировались обмены среди студентов и ученых, встречи ректоров университетов, коллоквиумы, круглые столы. Однако пандемия внесла свои коррективы, на данный момент проведение Перекрестного года подобной тематики по-прежнему остается в планах. Тем не менее, в мае 2019 года было подписано Соглашение о взаимном признании образования, квалификаций и ученых степеней между РФ и Королевством Испания²¹. Отныне среднее и высшее образование, полученное в испанских и российских университетах, является сопоставимым, а степень кандидата наук в России равна степени доктора в Испании. Таким образом, продолжается совершенствование нормативно-правовой базы Испании и России в направлении внешней культурной политики.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что перекрестные годы являются новой эффективной формой межгосударственного культурного сотрудничества в XXI столетии. Стоит отметить, что такие события являются достаточно универсальными и позволяют охватить широкий спектр направлений взаимодействия между странами. Несмотря на то, что в большей степени перекрестные годы затрагивают гуманитарную сферу, результаты их проведения отражаются на политической, экономической, социальной областях. Важным фактором является возможность популяризации культуры и языка другого государства у

¹⁶ В перекрестный год русского и испанского языков пройдет более 100 мероприятий // Pro-books.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://pro-books.ru/news/3/16821> (дата обращения: 18.09.2021).

¹⁷ Idem.

¹⁸ Год туризма России и Испании открылся в Мадриде // Федеральное агентство по туризму [Электронный ресурс]. URL: <https://tourism.gov.ru/news/10412/> (дата обращения: 18.09.2021).

¹⁹ Idem.

²⁰ Посол в Мадриде рассказал о подготовке года образования России и Испании // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20190209/1550629703.html> (дата обращения: 18.09.2021).

²¹ Россия и Испания договорились о взаимном признании дипломов и ученых степеней // Информационный портал фонда «Русский мир» [Электронный ресурс]. URL: <https://ruskiymir.ru/news/257217/> (дата обращения: 18.09.2021).

широкой общественности через программу, которая включает огромное количество всевозможных событий, в которых каждый сможет найти для себя что-то подходящее.

Таким образом, проведение таких широкомасштабных событий, как перекрестные годы, позволяет странам за относительно короткий промежуток времени проработать массу вопросов с государством-партнером в таких областях, как наука, культура, образование, заключить контракты в экономической, промышленной, инновационной, туристической сферах деятельности, подписать новые межгосударственные договоры. Во всех перекрестных годах присутствует ключевой элемент — культура, с помощью которой страны достигают взаимопонимания и стремятся прийти к согласию в самых разных направлениях сотрудничества.

Библиография

1. *Боголюбова Н. М.* Актуальные формы международного культурного сотрудничества в начале XXI века // Межкультурная коммуникация. Москва, 2018. С. 251–257.
2. *Боголюбова Н. М., Николаева Ю. В.* Новые формы международного культурного сотрудничества во внешней культурной политике современных государств // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 8.
3. В перекрестный год русского и испанского языков пройдет более 100 мероприятий // Pro-books.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://pro-books.ru/news/3/16821> (дата обращения: 18.09.2021).
4. Внешняя культурная политика России — год 2000. Тезисы // Дипломатический вестник. 2000. № 4. С. 76–84.
5. *Волосюк О. В.* Научные связи российских и испанских историков: 30 лет сотрудничества (1981–2011) // Вестник Российского университета дружбы народов. Всеобщая история. 2012. № 1. С. 87–114.
6. Год туризма России и Испании открылся в Мадриде // Федеральное агентство по туризму [Электронный ресурс]. URL: <https://tourism.gov.ru/news/10412/> (дата обращения: 18.09.2021).
7. Декларация о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Королевством Испания от 3 марта 2009 г. Мадрид [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/163> (дата обращения: 16.09.2021).
8. Испания и Россия должны заново открыть и оценить друг друга // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1602465> (дата обращения: 18.09.2021).
9. *Минасян Н.* Концепция «мягкой силы» в контексте теорий международных отношений // 21-й век. 2017. № 3 (44). С. 35–42.
10. Открытие Прадо // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2011/12/16/rossiya-ispaniya.html> (дата обращения: 18.09.2021).
11. Перекрестный год русского и испанского языков охватит сто мероприятий // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20150526/1066462002.html> (дата обращения: 18.09.2021).
12. Посол в Мадриде рассказал о подготовке года образования России и Испании // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20190209/1550629703.html> (дата обращения: 18.09.2021).
13. Программа сотрудничества между Российской Федерацией и Королевством Испания в области культуры и образования на 2005–2007 годы от 29 сентября 2005 г. Москва [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902198757> (дата обращения: 16.09.2021).
14. Россия и Испания договорились о взаимном признании дипломов и ученых степеней // Информационный портал фонда «Русский мир» [Электронный ресурс]. URL: <https://russskiymir.ru/news/257217/> (дата обращения: 18.09.2021).
15. Соглашение между Правительством РФ и Правительством Королевства Испания о научном и технологическом сотрудничестве от 15 ноября 2001 г. Мадрид // Бюллетень международных договоров. 2006. № 12. С. 10–15.
16. Соглашение между РФ и Королевством Испания о деятельности культурных центров от 15 ноября 2001 г. Мадрид // Бюллетень международных договоров. 2002. № 10. С. 47–49.

Соглашение между РФ и Королевством Испания о сотрудничестве в области культуры и образования от 11 апреля 1994 г. Мадрид // Бюллетень международных договоров. 2004. № 10. С. 40–44.

АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ ИБЕРОАМЕРИКИ

ANTHROPOLOGY AND ETHNOGRAPHY OF IBERO-AMERICA

И. Ю. Демичева¹

ВЗГЛЯД СО ЩИТА И НЕ ТОЛЬКО: ЛИЧИНА В ЗНАКОВОЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВ МАЙЯСКОЙ ТЕРРАКОТЫ I ТЫС. Н. Э.

VIEW FROM THE SHIELD AND NOT ONLY: THE MASK IN THE SYMBOLIC AND FUNCTIONAL SYSTEM OF IMAGES OF THE MAYAN TERRACOTTA OF THE 1ST MILLENNIUM A. D.

Аннотация: В статье рассматриваются иконографические и семантические особенности личин, изображенных на терракотовых статуэтках майя I тыс. н. э. Выделяются основные точки локализации личин на персонажах, которые были представлены на украшениях, предметах одежды, головных уборах, элементах защитного вооружения. Разработаны направления типологизации, выраженные в группировке личин по основным признакам. По форме анализируемые личины могли быть овальными, круглыми, прямоугольными, треугольными. По форме изображения личины были зооморфными и антропоморфными. Способ изображения позволил разделить личины, выполненные схематично и с анатомической точностью. В отдельную группу выделяются утрированные изображения. Делаются выводы о том, что на украшениях чаще фиксируются схематично выполненные личины, утрированные, в виде устрашающих гримас — у персонажей воинов. Большинство изображений личин фиксируется на образах персонажей представителей высокого социального статуса. Обращается внимание на то, что высока вероятность связи иконографических особенностей личин с их возможным функциональным назначением, выраженным в демонстрации защитных и сакральных функций. В ряде случаев различный функционал представленных личин мог быть интегрирован один в другой и (или) был тесно взаимосвязан с другим с сохранением соответствующих функций.

¹ Демичева Ирина Юрьевна, Россия, кандидат исторических наук, эксперт научного центра Нижегородского института управления — филиала РАНХиГС (iudem@mail.ru).

Ключевые слова: майя; терракотовые статуэтки; иконография; личина.

Abstract: The article examines the iconographic and semantic features of the masks disguises depicted on the terracotta figurines of the Maya of the 1st millennium A. D. The main points of localization of the masks on the characters that were represented on jewelry, clothing, headdress, elements of protective weapons are highlighted. The directions of typologization have been developed, expressed in the grouping of larvae according to the main characteristics. The shape of the analyzed masks could be oval, round, rectangular, and triangular. In the form of the image, the disguises were zoomorphic and anthropomorphic. The image method made it possible to group the disguises made schematically and with anatomical accuracy. Exaggerated images stand out separately. Conclusions are drawn that schematically executed disguises, exaggerated, in the form of frightening grimaces, are more often fixed on jewelry — in the characters of warriors. Most of the images of the disguises are fixed on the images of the characters of representatives of high social status. Attention is drawn to the fact that there is a high probability of the connection of the iconographic features of the masks with their possible functional purpose, expressed in the reflection of protective, demonstration and sacred functions. In some cases, the various functions of the presented disguises could be integrated into one another and (or) be closely interrelated with each other while preserving the corresponding functions.

Key words: Maya; terracotta; figurines; iconography; disguise; mask.

Терракотовые статуэтки майя I тыс. н. э. представляют собой уникальный источник для изучения представлений индейцев майя об окружающей действительности, их месте и роли в рамках этой действительности. Фигурки, выполненные в виде людей, животных, утрированных персонажей, антропо- или зооморфных существ, являют собой набор образно-знаковых элементов, которые посредством создания целостного образа или сюжета давали возможность расшифровать заложенные в них сведения и тем самым получить представление о реальных или мнимых событиях, явлениях, процессах или персонажах.

Для антропоморфных терракот семантически значимыми могли быть отдельные части элементов одежды, головные уборы, рисунки татуировки и скарификация, накладные щеки, украшения. Способы их изображения, особенности графической прорисовки, специфика орнамента в комплексе представляли собой систему знаков, несших глубокую смысловую нагрузку. Одним из таких элементов являются изображения разного рода личин. В археологии под личиной обычно подразумевается какая-либо накладная, скрывающая лицо, маска, часть шлема в виде маски или изображение какого-то лика (часто условного).

Традиция использования различных вариантов масок, начиная от сакрально-религиозного и/или погребального назначения и заканчивая вариативностью применения их в разного рода торжествах, празднествах и театральные представлениях, широко практиковалась в различных культурах по всему миру.

Особый интерес для исследователей цивилизации майя представляют погребальные маски, которые достаточно долго являлись предметом отдельных изысканий. Хорошо изучен материал, из которого они изготавливались, их иконографические особенности, практика использования и пр. Чаще встречаются маски из полудрагоценных камней, намного реже — из обожженной глины. Интересной является находка полумаски в Агуатеке в 1998 году, выполненной из глины, которую, по всей видимости, использовал правитель во время ритуального танца². Примечательными являются и терракотовые персонажи, изображенные с масками в руках. Например, в фондах Музея Ампаро (Пуэбла, Мексика) хранится терракотовая статуэтка знатного мужчины, который держит в руках маску, вероятней всего, погребального назначения (Инвентарный номер 52 22 MA FA 57PJ 96)³.

² Inomata T. Archaeology. Archaeological Institute of America [Электронный ресурс]. URL: <http://www.archaeology.org/1011/etc/artifact.html> (дата обращения: 10.10.2021).

³ Personaje sentado en flor de loto. Inicio / Colecciones / El México antiguo. Salas de Arte Prehispánico / Sala 4. Sociedad y costumbres [Электронный ресурс]. URL: <https://www.museoamparo.com/colecciones/pieza/32/personaje-sentado-en-flor-de-loto> (дата обращения: 10.10.2021).

Прослеживается явное портретное сходство самого персонажа и лица, изображенного на маске. Причем уникально совпадение деталей, особенно следов скарификации на щеке персонажа, с идентичным рисунком на щеке маски.

Практика применения маски (в данном случае не имеет значения какой) пронизана идеей дуализма. Тем не менее, стоит развести понятия маски и личины. Маска в большей степени является неким «отпечатком» лица или определенного образа (в случае зооморфного изображения). Чаще она не обладает самостоятельностью и не существует автономно от своего «носителя». Личина же подразумевает под собой изображение головы или некоего лика как самостоятельного образа. Таким образом, получается, что практически всякая личина может быть выражена с помощью маски, но при этом не всякая маска может быть личиной.

При семантическом анализе терракот уместнее использовать более широкое понятие. Майяские коропласты в виде личин могли изготавливать отдельные элементы терракотовых статуэток — головы, съемные маски и т. п. Наибольший интерес представляют изображения антропоморфных личин, использованных в качестве декоративных элементов при изготовлении украшений персонажей, предметов их одежды, головных уборов, щитов, тронов и пр. Тем более что они находят параллели в изображениях на стелах и расписной полихромной керамике.

Несмотря на устойчивость их встречаемости, пока сложно говорить о степени их распространенности. Так, например, из выборки в 500 фигурок личины в каком-либо виде встречаются только на 22 экземплярах. Из целого массива изображений расписной полихромной керамики, опубликованной в *The Maya vase book*⁴, они представлены только на 14 сосудах. Несмотря на определенные интерпретационные сложности, можно определить ключевые направления их анализа. Во-первых, их можно систематизировать по принципу местонахождения, во-вторых — по форме самих «ликков», в-третьих — по способу изображения, учитывая особенности проработки (прорисовки), в-четвертых — по назначению (в случае возможности его определения).

Месторасположение личин не отличается большим разнообразием. Они изображались на украшениях, предметах одежды, головных уборах, элементах защитного вооружения. Большой популярностью среди коропластов пользовались личины на украшениях. В основном это широкие ожерелья (пекторали), подвески, в ряде случаев серьги.

На ожерельях (пекторальных) личина была основным декоративным элементом и завершала полную композицию. Например, личины, представленные на терракоте Альта-Верапас (Гватемала)⁵ и на Притолоке 24 из Йашчилана⁶, несмотря на незначительные иконографические различия, определяемые спецификой источника, идентичны. Угадываются даже схожие особенности прорисовки и отображения. Ожерелье (пектораль) представляло собой довольно массивное украшение, состоящее из плотно состыкованных рядов бусин. Центральное место занимала детально проработанная личина. Иногда на ожерельях встречается до трех личин одновременно. В таких случаях само ожерелье не было столь крупным и представляло собой скорее ряд крупных бусин, которые в трех местах перемежались личинами. Часто они располагались по углам визуального треугольника, при этом самая большая личина размещалась в центре, а меньшего размера — напротив друг

⁴ *The Maya vase book. A corpus of rollout photographs of Maya vases. New York, 1989. Vol. 1; The Maya vase book. A corpus of rollout photographs of Maya vases. New York, 1990. Vol. 2; The Maya vase book. A corpus of rollout photographs of Maya vases. New York, 1992. Vol. 3; The Maya vase book. A corpus of rollout photographs of Maya vases. New York, 1994. Vol. 4; The Maya vase book. A corpus of rollout photographs of Maya vases. New York, 2000. Vol. 6.*

⁵ *Rands R., Rands B. Pottery figurines of Maya Lowlands // Archaeology of Southern Mesoamerica / Ed. by C. R. Willey. Austin: University of Texas Press, 1965. Fig. 38, 550.*

⁶ *Corpus of Maya Hieroglyphic Inscriptions. Yaxchilan, Lintel 24 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.peabody.harvard.edu/cmhi/detail.php?num=24&site=Yaxchilan&type=Lintel> (дата обращения: 10.10.2021).*

друга по бокам. Более скромные варианты состояли из одной нити бус, центральная из которых была выполнена в форме личины.

Довольно часто на фигурках встречаются личины-подвески⁷. Судя по их изображениям, они были довольно крупными и могли свисать до середины груди человека. Оформленное таким образом украшение подвешивалось на тугом одиночном или двойном жгуте, причем другие декоративные нашейные элементы в таких случаях не использовались. Концы жгута проходили под подвеской и спускались вниз, иногда они лаконично украшались одной-двумя бусинами или кистями.

Из предметов одежды личины встречаются на воротниках, поясах. На всех этих предметах они являются центром композиции. Пропорции ликов намеренно увеличены, привлекая внимание не только спецификой прорисовки, но и самим размером изображения.

Интересными являются изображения личин на предметах защитного вооружения: поножах, щитах⁸. Несмотря на то, что представленные сюжеты очень разные, специфика месторасположения личин отличается постоянством. Все они размещены в центре щитов и являются основой композиции.

Варианты месторасположения личин не влияли на их форму и способ изображения. Практически во всех этих случаях им присуща иконографическая стабильность и единообразие.

По форме личины могли быть овальными, круглыми, прямоугольными, треугольными. Интересными являются личины неопределенной формы. В таких случаях форма личины зависела от формы изделия, на котором она изображалась. Например, личина на гофрированном воротнике персонажа могла быть растянута по всей его видимой поверхности. Наибольшей распространенностью отличаются овальные и круглые личины, которые в основном использовались как декоративные части украшений. Остальные формы представлены практически в равной степени на всех элементах фигурок.

По форме изображения личины были зооморфными и антропоморфными. В отличие от антропоморфных, зооморфные личины в явном виде на терракотовых фигурках не представлены. Антропоморфные личины могли быть утрированными, схематичными и анатомически точно выполненными изображениями.

Основными чертами утрированных личин являются намеренно увеличенные брови и губы, широкий нос, большие глаза. Иногда образ дополняется широким оскалом. Подобная гиперболизация облика создает устрашающий образ. В основном они использовались на щитах и наколенниках воинов, что является дополнительным аргументом в интерпретации их оберегающей функции. Стоит отметить, что утрированные личины могли быть проработаны как схематично, так и с учетом деталей. Так, например, в личинах на щитах, которые представлены в терракоте, лик чаще выписан детально, в отличие от личин на керамике и страницах кодекса Гролье, где явно преобладает схематизм. Тем не менее, общие черты, как то: большие круглые глаза, овальный рот-оскал, остаются неизменными на предметах из всех трех видов источников.

Схематичные и анатомически достоверные личины среди фигурок представлены приблизительно в равном количестве. Первые чаще встречаются на украшениях: ожерельях и подвесках. В целом им свойственно определенное стилистическое единство. Все черты таких личин, будь то глазницы, рот или нос, на терракоте могли быть выполнены резкими,

⁷ *Rands, Rands*, op. cit., fig. 10, 540; The Grolier Codex. P. 7 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mayavase.com/grol/grolier7.html> (дата обращения: 10.10.2021); The Maya vase book. A corpus of rollout photographs of Maya vases. New York, 2000. Vol. 6. P. 938.

⁸ The Grolier Codex. P. 5 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mayavase.com/grol/grolier5.html> (дата обращения: 10.10.2021); The Maya Vase Database. K6060 [Электронный ресурс]. URL: http://research.mayavase.com/kerrmaya_list.php?_allSearch=&hold_search=&x=0&y=0&vase_number=+6060&date_added=&ms_number=&site= (дата обращения: 10.10.2021); Kerr Pre-Columbian Portfolio. K5772 [Электронный ресурс]. URL: http://research.mayavase.com/portfolio_hires.php?search=5772&date_added=&image=5772&display=8&rowstart=0 (дата обращения: 10.10.2021).

точными, круглыми вдавлениями или насечками. В треугольных личинах, проработанных таким способом, все элементы лица передавались одной плоскостью. Подобная плоскостность имеет место и на личинах, прописанных на керамике. Контуры глазниц, носа или рта также прорисовывались односложными линиями. Глаза — круги, нос — прямая вертикальная линия, рот — вытянутый овал. В ряде случаев некоторые детали могли опускаться, например, присутствовали только глаза и рот. Похожим способом прорисовывались некоторые выполненные в виде личин головы терракот.

Интересным, несмотря на общий схематизм, является внимание мастеров к деталям мимики, которая могла выражаться посредством формы рта. Так, есть личины на украшениях, которые улыбаются (губы выполнены дугообразной линией с приподнятыми комиссурами губ), или «огорченные» выражения лица (губы дугообразные, а их края слегка опущены). Нейтральность эмоционального фона передавалась через выполненную простой горизонтальной насечкой линией, края губ размещены на одном уровне. Страх и удивление отмечались изображающими открытый рот круглыми вдавлениями.

Наиболее интересными являются личины, выполненные с большим вниманием к деталям. Чаще всего это четко прописанные изображения человеческого лица или черепа. При этом и первые, и вторые могли исполняться и очень схематично.

Отдельно стоит отметить личины в виде черепов. Чаще всего на фигурках они встречаются в виде украшения (черепок играл роль подвески), реже как декоративные элементы головных уборов⁹. Причем последние в основном изготовлены достаточно схематично. Контур черепа в таких случаях был явно обозначен, пустые глазницы выписаны четкими линиями, рот выполнен прямой.

Встречаются изображения черепов с детальной проработкой. Такие образцы подвешивались на жгуте или нити бусин. В фигурках их изображение было объемным, черепная коробка выполнялась точно, учитывались все изгибы поверхности. Контуры глазниц были приближены к реальному строению черепа, нос провален, рот часто открыт в оскале. Особенностью подобных черепов является большое внимание к деталям при изготовлении зубов. Это относится не только к личинам на терракоте. Еще одна характерная черта таких изображений — наличие кистеобразных привесей, свисающих с «ушей» черепа, которые также прорисованы с большой тщательностью.

Символика черепа была довольно популярна в Мезоамерике. С черепом вместо головы могли изображаться различные боги. Например, К. Таубе отмечает, что Бог А в майском пантеоне мог быть представлен в виде скелета с черепом¹⁰. Также он упоминает, что головной убор в виде черепа мог использоваться в иконографической традиции изображения одного из вариантов Хун-Ахпу¹¹. Подобными воплощениями могли пользоваться не только боги смерти, но и боги войны. Ю. В. Кнорозов упоминает, что с черепом вместо головы мог изображаться главный бог войны Лах-пе. В Мадридской рукописи он обозначен как «всех ведущих»¹². Данные факты являются особо интересными в свете рассматриваемых личин. Дело в том, что большая часть личин-черепов изображалась на статуэтках воинов или жрецов.

Особое место в ряду анатомически верно выполненных личин занимают те, что были изготовлены в виде перевернутых голов¹³. В терракотовых статуэтках они подвешивались с помощью толстых жгутов на шею носителя. Иногда такие жгуты могли декорироваться рядами небольших перьев. Сама «голова» размещалась в центре груди того, кто носил данное украшение, а волосы с такой «головы» могли свисать ниже пояса. Большей частью

⁹ Искусство древней Мексики. Альбом / Сост., авт. вступит. ст. И. Голомшток. М.: Изогиз, 1962. Репродукция 88.

¹⁰ Taube K. A. The major gods of Ancient Yucatan. Studies in Pre-Columbian Art // Archaeology. Washington, D.C., 1992. No. 32. P. 16.

¹¹ Ibid., p. 11.

¹² Кнорозов Ю. В. Иероглифические рукописи майя. Академия наук СССР. Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Л.: Наука, 1975. С. 252.

¹³ The Maya vase book. A corpus of rollout photographs of Maya vases. New York, 2000. Vol. 6. P. 962.

коропласты передавали все особенности не только строения головы человека, но и мимику поверженного «персонажа». Так, например, подобная личина может представлять собой голову человека с миндалевидными глазами, треугольным носом, открытым ртом с широкими губами, которые часто переданы объемно. Зрачки могли быть доработаны незначительными вдавлениями. Черты лица четкие, хорошо читаемые. Лицо прописывалось без искажения человеческого образа. Волосы часто довольно длинные, свисают вниз, каждый волосок прорисован отдельно, до мельчайших подробностей, с помощью прямых четких линий. В некоторых случаях на фигурках такие личины изображались с ушами, через которые был пропущен жгут¹⁴. Большое внимание было уделено зубам. Подобные личины представлены и на расписной полихромной керамике¹⁵.

В данном случае личина выписана менее детально, но при этом сохранены все указанные выше иконографические черты (глаза со зрачками, полные губы, длинные, свисающие вниз волосы). В силу того, что подобные личины чаще всего встречаются на фигурках воинов, они могли олицетворять образ поверженного врага. В частности, его отрубленную голову.

В целом методика проработки личин не определялась способом изготовления самих терракот: с помощью форм или вручную. Пока не удалось выявить общую закономерность, были ли личины на фигурках, выполненных с помощью форм, менее четкими, а изготовленных вручную — более детальными. Среди фигурок оба варианта представлены практически в равной степени. Независимо от этих данных можно с уверенностью говорить, что для прорисовки или дорисовки (в случае формования терракоты) личин коропласты чаще использовали вдавления, и лишь в некоторых случаях — выступы, а также, возможно, применяли технику пастилаж.

Исходя из вышеизложенного, можно выделить некоторые особенности иконографии встречающихся на терракоте личин. Отметим, что многие из этих черт находят параллели и в других видах источников (расписной керамике, фигурных курильницах, стелах и т. п.).

Во-первых, схематично выполненные личины чаще, чем другие, использовались в украшениях. Половая принадлежность изображенного с таким украшением субъекта не имела значения. Подобные личины могли встречаться как у мужчины, так и у женщины.

Во-вторых, утрированные личины (устрашающие гримасы) и личины в виде перевернутых голов чаще всего фиксируются у персонажей-воинов.

В-третьих, практически всех представленных с различного рода личинами персонажей можно отнести к категории представителей высокого социального статуса или имеющих особый род деятельности.

В-четвертых, допустимо связывать особенности иконографии личин с их функциональным назначением. Так как личины являлись определенного рода отражением дуалистичности, ряд их функций мог быть схож с функциями, которые выполняли иные формы трансформации внешнего облика. Например, татуировки, скарификация, рисунки на теле. Большую роль вероятнее всего играла своего рода охранительная функция личин, которая могла быть как явной, так и скрытой. Изображения личин на украшениях выполняли роль оберегов от злых духов или являлись одним из проявлений культовой практики почитания богов. Устрашающие личины на щитах у воинов призваны были отпугивать врага и демонстрировать силу их обладателя. Демонстрационная функция личин выражалась в использовании их в каких-либо церемониях, подчеркивая статус и демонстрируя определенные значимые достоинства ее носителя. На фигурках такую функцию подчеркивали личины в виде перевернутых голов побежденного противника, которые свидетельствовали о силе и превосходстве их обладателя. Сакральная функция личин читается в использовании их образов в погребальных масках, на предметах культа во время отправления религиозных обрядов.

¹⁴ Rands, Rands, op. cit., p. 549.

¹⁵ The Maya vase book. A corpus of rollout photographs of Maya vases. New York, 2000. Vol. 6. P. 962.

В силу того, что терракотовые статуэтки являлись не только абстрактным произведением искусства, но и отражали вполне конкретную систему ценностной самопрезентации, вполне уместно говорить о том, что личины, представленные в терракоте, воспроизводили существующие реалии и имели функционал, связанный прежде всего с обеспечением защиты и демонстрацией статуса.

Библиография

1. *Кнорозов Ю. В.* Иероглифические рукописи майя. Академия наук СССР. Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Л.: Наука, 1975.
2. Corpus of Maya Hieroglyphic Inscriptions. Yaxchilan, Lintel 24 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.peabody.harvard.edu/cmhi/detail.php?num=24&site=Yaxchilan&type=Lintel> (дата обращения: 10.10.2021).
3. *Inomata T.* Archaeology. Archaeological Institute of America [Электронный ресурс]. URL: <http://www.archaeology.org/1011/etc/artifact.html> (дата обращения: 10.10.2021).
4. Kerr Pre-Columbian Portfolio. K5772 [Электронный ресурс]. URL: http://research.mayavase.com/portfolio_hires.php?search=5772&date_added=&image=5772&display=8&rowstart=0 (дата обращения: 10.10.2021).
5. *Rands R., Rands B.* Pottery figurines of Maya Lowlands // *Archaeology of Southern Mesoamerica* / Ed. by C. R. Willey. Austin: University of Texas Press, 1965.
6. *Taube K. A.* The major gods of Ancient Yucatan, *Studies in Pre-Columbian Art* // *Archaeology*. Washington, D.C., 1992. No. 32.
7. The Grolier Codex [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mayavase.com/grol/grolier> (дата обращения: 10.10.2021).
8. The Maya vase book. A corpus of rollout photographs of Maya vases. New York, 1989. Vol. 1.
9. The Maya vase book. A corpus of rollout photographs of Maya vases. New York, 1990. Vol. 2.
10. The Maya vase book. A corpus of rollout photographs of Maya vases. New York, 1992. Vol. 3.
11. The Maya vase book. A corpus of rollout photographs of Maya vases. New York, 1994. Vol. 4.
12. The Maya vase book. A corpus of rollout photographs of Maya vases. New York, 2000. Vol. 6.
13. The Maya Vase Database. K6060 [Электронный ресурс]. URL: http://research.mayavase.com/kerrmaya_list.php?_allSearch=&hold_search=&x=0&y=0&vase_number=+6060&date_added=&ms_number=&site= (дата обращения: 10.10.2021).
14. Искусство древней Мексики. Альбом / Сост., авт. вступит. ст. И. Голомшток. М.: Изогиз, 1962.
15. Personaje sentado en flor de loto. Inicio / Colecciones / El México antiguo. Salas de Arte Prehispánico / Sala 4. Sociedad y costumbres [Электронный ресурс]. URL: <https://www.museoamparo.com/colecciones/pieza/32/personaje-sentado-en-flor-de-loto> (дата обращения: 10.10.2021).

Е. С. Соболева, С. П. Сорокина¹

О ВЫЖИВАНИИ НА ОСВАИВАЕМЫХ ТЕРРИТОРИЯХ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ ГЛАЗАМИ РОССИЙСКИХ НАТУРАЛИСТОВ (1914–1915)

RUSSIAN NATURALISTS AND SURVIVAL IN THE DEVELOPED TERRITORIES OF SOUTH AMERICA (1914–1915)

Аннотация: Пятеро участников Второй русской экспедиции в Южную Америку (1914–1915) в своих дневниках описали процессы освоения территорий в разных частях южноамериканского континента. Этнографы Г. Г. Манизер, Ф. А. Фиельstrup, С. В. Гейман изучали жизнь, обычаи, язык индейцев. Натуралисты И. Д. Стрельников и Н. П. Танасийчук хотели познакомиться с тропической природой, пожить в девственном лесу, собрать естественнонаучные экспонаты для российских музеев. Они провели систематические зоологические исследования в сопредельных районах Бразилии, Парагвая, Боливии. Зоологи наблюдали процессы вырубания лесов, расчистку полей, обмеление водоемов, нападение непокоренных индейцев на оседлых чикито и гуарани. На фотографиях они запечатлели уникальную, нетронутую природу, непростые условия существования коренных народов и их методы сохранения и использования местной флоры и фауны. Материалы раскрывают подробности жизни и выживания людей в развивавшихся регионах Южной Америки, трудности адаптации и повседневное существование иммигрантов, необдуманно нарушавших целостность хрупкой экосистемы региона.

Ключевые слова: Южная Америка; этнография; естествознание; русские исследователи; Музей антропологии и этнографии; эмиграция.

Abstract: Five participants of the Second Russian Expedition to South America (1914–1915) in their diaries described the processes of the development of territories in different parts of the continent. Ethnographers H. H. Manizer, Th. A. Fjelstrup, S. V. Geiman studied Indian life, customs, languages. Naturalists I. D. Strelnikov and N. P. Tanassiychuk planned to get acquainted with tropical nature, to live in a virgin forest, to collect natural science exhibits for Russian museums. They conducted systematic zoological studies in the adjacent regions of Brazil, Bolivia, Paraguay. They observed the processes of deforestation, clearing of fields, shallowing of reservoirs, attacks of the unconquered Indians on the sedentary Chiquitos and Guaranies. Their photographs captured the unique unspoiled nature, the challenging living conditions of the indigenous peoples, and their methods of preservation and usage of surrounding flora and fauna. Their notes captured difficulties of adaptation, life and survival of the immigrants who thoughtlessly violated the integrity of the fragile ecosystem of South America.

¹ **Соболева Елена Станиславовна**, Россия, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии Южной и Юго-Западной Азии, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (soboleva@kunstkamera.ru),

Сорокина Софья Павловна, Россия, ведущий специалист по учетно-хранительской документации отдела учета, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (msp@kunstkamera.ru).
Статья написана при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках проекта № 19-09-00233 «Изучение материалов Второй русской экспедиции в Южную Америку (1914–1915 гг.)».

Key words: South America; ethnography; natural history; Russian researchers; Museum of Anthropology and Ethnography; emigration.

В начале 1914 г. пятеро петербургских студентов отправились в научную экспедицию в Южную Америку. По возвращении они передали собранные коллекции и отчеты в академические музеи. Письма и дневники участников экспедиции, переданные их родственниками в МАЭ РАН, раскрывают особенности природных зон стран, в которых участники экспедиции работали почти два года.

Целями поездки было изучение природы, растительного и животного мира тропических стран, познакомиться с племенами индейцев, сбор коллекции для музеев. Реализовать эти цели удалось благодаря помощи российских дипломатов, аргентинских ученых, а также соотечественников, которых участники экспедиции встречали на своем пути. Базой экспедиции стал Буэнос-Айрес, коммуникация осуществлялась через российское консульство.

В аргентинской газете «La Prensa» 3 июня 1914 г. появилась заметка об экспедиции пяти русских универсантов, посланных «императорским московским правительством», при этом подчеркивалось, что «экспедиционеры не имеют никакого официального характера». Корреспондент А. Роткопф в газете «El Diarío» 9 июня 1914 г. от имени студентов написал, что судовладелец Н. Миханович «был так благороден и любезен, что очень облегчил нам наше путешествие» на пароходах аргентинского речного флота. Публикации в аргентинских «La Nación», «Новый Мир», «Carras y Carretas»², в бразильской «La Rua» и др. также помогли: студенты стали популярны, с ними знакомились, им предоставлялись скидки на проезд и провоз багажа, рекомендательные письма. Русские дипломаты добились, чтобы бразильские и парагвайские власти отправили телеграммы на места их предполагаемой полевой работы.

В разгар сухого сезона, 30 июня 1914 г., экспедиция поднялась по рекам Парана и Парагвай в южную Бразилию до г. Sorumbá. Там проживало около 5 тыс. человек; колонисты (выходцы из Парагвая, индейцы-чикито, немцы) устраивали свои незатейливые ранчо у дорог на арендованных землях, сажали бананы, маниок, сахарный тростник, овощи на продажу, отдавая хозяину в качестве платы треть собранных продуктов. Дожди были редки, и воду для полива везли из города.

Северную границу Гран-Чако натуралисты описывали как равнину, поросшую громадными лесами и жесткой травой, прерываемую незначительными возвышенностями, покрытую множеством лагун, затапливаемую в дождливый период водой. Это бывшее море покрыто тонким плодородным слоем поверх мелкозернистого ила. Температура поднималась до +39 °С в тени к 15.00, а под утро опускалась до +10 °С. Гран-Чако населяли индейцы, постоянно кочевавшие с места на место в поисках пищи. По окраинам и вдоль р. Парагвай селились колонисты — эмигранты из Европы, бразильцы, негры, бежавшие от войны парагвайцы; индейцы-чикито работали на chacras (фермах) и estancias (ранчо), занимались земледелием и скотоводством.

Высадившись с парохода, экспедиция снарядила караван из быков, поскольку лошади там вымирали от разных болезней, и направилась вглубь Бразилии (пожив в Acurisal, Urucum, Ladário). Там было царство кактусов (громадные, до 8 м Cereus'ы, элегантные Opuntia, более мелкие виды самой разнообразной формы) и Bromelia caraguatá. «Колочим, жестким барьером тянется она вдоль опушки леса, раскинув розеткой свои тонкие, длинные листья, вооруженные рядами колючек, и в этих зарослях скрываются ящерицы и змеи»³. Реальность несколько охладила книжные восторги студентов. Им пришлось разделить, чтобы выполнить намеченные задачи.

² Universitarios rusos // Caras y caretas. 13.06.1914. P. 76.

³ Танасийчук Н. П. Записная книжка 1. // Известия географического института. 1922. Вып. 3. С. 72–83.

Этнографы Генрих Генрихович Манизер и Федор Артурович Фиельструп отправились в поселения индейцев, которых в те годы переводили на оседлость, встречались с разными группами Kadiwéu, Terena, Ofaié, Kainganges, Манизер — с Guaranies, Botocudos⁴, записывали лексический и этнографический материал, собирали этнографические коллекции. Фиельструп завершил свой американский вояж восьмимесячным плаванием на учебном фрегате аргентинского ВМФ «Presidente Sarmiento». Сергей Вениаминович Гейман путешествовал по Парагваю, Аргентине, Чили, Боливии, где приобретал предметы для этнографических коллекций у индейцев и изучал колонии иммигрантов; программу сбора в Чили образцов и саженцев для ботанического сада прервало начало Первой мировой войны. Он завершил свой маршрут в США⁵.

Зоологи Иван Дмитриевич Стрельников и Николай Парфентьевич Танасийчук предпочли работать в стационарах, последовательно перебираясь в разные природные зоны в сопредельных районах Бразилии, Боливии, Парагвая. Близ г. Корумба они поселились в области гор, составляющих естественные границы Гран-Чако⁶. В лесу они построили хижину из пальмовых стволов и покрыли ее пальмовыми листьями. Они не ожидали того, что в лесу не будет тени, лучи солнца падали отвесно, острые шипы бромелий и лиан цеплялись за одежду и рвали ее. Насекомых и птиц почти не было видно, но часто с ветвей свисали пустые гнезда *Phacellodomus* sp., достигающие иногда 2 м длины. Все живое группировалось вблизи болот и лагун, где вода держалась в течение всего сухого периода. Сушь была такая, что лес горел беспрестанно.

Первые два с половиной месяца зоологи не могли всецело посвятить свое время наблюдению природы. Ежедневно один из них «экскурсировал»: взяв рюкзак, сачок и пр. научное снаряжение, направлялся в лес. Устав, вешал между деревьями гамак, отдыхал в нем или разбирал коллекции. Другой оставался дома, готовил пищу, прибирал хижину. Питались они рисовой и бобовой кашей, приправленной плодами папайи и орехами пальмы *Mbocadya* (*Acrocomia aculeata*), галеты же и чай с сахаром были лакомством. Съёмка добытых животных и их препарирование отнимали немало времени; мясо же клали в котелок, варили и ели. Индейцы-чикито также жили охотой, ставили ловушки, но без собак охота в лесу была затруднена.

Склоны гор покрывали гигантские деревья, переплетенные лианами, соприкасаясь кронами так, что лучи солнца сквозь листву не проникали. Птицы терялись в густой листве, голоса же их заглушались шумом ручья. Натуралистам встречались олени, пекари, муравьеды, броненосцы, носухи, обезьяны, тапиры, ягуары. Спать приходилось под москитеро, но она не спасала от комаров и мошек. Все съедобное спасали от муравьев, подвешивая к крыше на проволоке, густо покрытой слоем вазелина.

14 июля 1914 г. зоологи перебрались в São Domingo, к громадному болоту Pantanal Jacadigo. Природа оживала с наступлением коротких тропических сумерек. Около воды собирались в большом количестве звери, в т. ч. одичавший домашний скот, слетались птицы. В мелкой воде рыбы, крабы, кайманы кишели в невероятном количестве. Зоологи наслаждались чистым воздухом и здоровой, интересной жизнью в лесу. Несмотря на обилие комаров, лихорадки не было. Но они страдали от паразитов — блох *rique* (*Sarcopsilla penetrans*), которые забирались в кожу пальцев ног и откладывали там яйца (ежедневно вытаскивали по 10 и более штук из каждой ноги), овода *uga* (*Dermatobia hominis*), откладывающего яйца на коже (личинки внедрялись в плоть, питаясь кровью хозяина). Осматривая друг друга, ежедневно зоологи снимали с себя по 200 и более клещей *garrapates* (*Ixode*).

⁴ *Соболева Е. С. Г. Г. Манизер — участник Второй русской экспедиции в Южную Америку 1914–1915 гг. Бразильский дневник. СПб: МАЭ РАН, 2016. 605 с.*

⁵ *Соболева Е. С., Сорокина С. П. Странствия С. В. Геймана в Америках // Клио. 2021. № 9(177). С. 111–118.*

⁶ *Танасийчук В. Н. Вторая российская экспедиция в Южную Америку (1914–1915) // Труды государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 6. Петербуржец путешествует. СПб, 2001. С. 134–142.*

10 сентября 1914 г. зоологи перебрались в боливийский городок Puerto Suárez на берегу одного из озер, совокупность которых называется Bahía de Cáceres. Берега озера Лагуна-Касерес, соединенного каналом с рекой Парагвай почти у самого города Корумба, обрамляет широкая полоса плавучих островков (samalotes), образованных наносными растениями; сильным ветром и волнением они отрываются от прибрежных зарослей и уносятся течением. Зоологи экскурсировали по лагуне на лодке-однодревке, ловя рыбу, охотясь за птицами и кайманами, а на ночь приставали к наиболее удобному берегу.

Илистое вязкое дно и мутная вода лагуны вынуждали жителей Пуэрто-Суареса тщательно собирать и хранить дождевую воду, поскольку вблизи города не было ни одного ручейка. По устроенным на крышах желобам дождевая вода стекала в подставленные сосуды или в особые цистерны-хранилища.

По ночам к берегу приплывала более крупная рыба. Кайманов мальчишки ловили на крючок с насаженным мясом, который они медленно тащили вдоль берега. Мясо кайманов употребляли в пищу и индейцы, и белые. Добыто было много рыбы и водяных змей.

Зоологи совершали походы во внутренние районы Боливии. Большая часть пути из Пуэрто-Суарес шла по сампо, почти безлюдному, с небольшими эстансиями у немногочисленных колодцев (pozo de agua), которые почти пересыхали к концу сухого времени года. Путешественнику было необходимо или брать с собой запас воды, или пользоваться ею из Bromelia caraguatá (в пазухах длинных, усаженных по краям острейшими загнутыми колючками, листьев этих растений скапливается влага). Так, Н. П. Танасийчук однажды упал, потеряв сознание от обезвоживания. В дождливый период дорога превращалась в сплошное болото, и тогда путешествие становилось еще более затруднительным, чем в засушливый.

Жизнь в Боливии оказалась гораздо дороже, чем в Бразилии. Получив в Пуэрто-Суарес комнату без окон в здании таможни, зоологи, чтобы приготовить пищу, должны были уходить в лес, на берег озера. Поскольку у них не было времени завести знакомства с местной интеллигенцией, подозрительные боливийцы приняли их за парагвайских шпионов.

Зоологи были свидетелями лесных пожаров, нападения лесных индейцев на пеонов немецкой фермы, неудачной погони за индейцами боливийских солдат. Они посещали лесопильные заводы, земледельческие колонии, индейскую деревню Сан-Микитио. И. Д. Стрельников взял с собой стереофотоаппарат, но ему с трудом удавалось убедить индейцев сниматься⁷.

Последние месяцы натуралисты провели в Парагвае, на левом берегу Alto Paraná, среди густого девственного леса. С 4 ноября 1914 г. они были гостями Puerto Bertoni — экспериментальной агротехнической станции, обустроенной в тропическом лесу. Там была запрещена охота, и зоологи совершали длительные вылазки в окрестные леса, к водопадам Игуасу и Монда-ы. Изредко встречались поселки пеонов — работников на лесных промыслах, в зарослях парагвайского чая мате (yerbal), со всех сторон окруженные лесом.

С 28 февраля до 31 мая 1915 г. зоологи пешком, через лес и кампо, путешествовали по Парагваю. Густая листва лесов у Монда-ы защищала от солнца, обилие рек и ручейков давало возможность утолить жажду. Лишь обилие москитов и мошки доставляло много неприятностей. В 60–70 километрах от берега Альто-Парана лес переходит в кампо — обширные прерии, покрытые высокой травой, среди которых островками разбросаны леса, тоже относящиеся к тропическим, но уже не достигающие такого развития, как на берегах Альто-Парана. Там было много термитников. Эта была область «yerbales, лесных промыслов и индейцев», где в лесах разбросаны хижины пеонов, собиравших мате и рубивших лес. Поднявшись верх по р. Монда-ы, зоологи поселились у индейцев гуарани

⁷ Стрельникова Н. И., Стрельников С. И., Стрельников К. С. Иван Дмитриевич Стрельников (1887–1981). Путь в жизни и в науке. СПб: ЛЕМА, 2017. 148 с.

Каа-ihwa. На свои последние вещи они выменивали у индейцев этнографические коллекции⁸.

Деньги у зоологов почти закончились, ружье сломалось, они обносились и оборвались, ноги были поражены язвами от личинок пике. Они практически не отличались от пеонов. Экономический кризис вынудил крестьян покидать ранчо, и сотни безработных пеонов бродили по лесным тропам с котомкой за плечами и палкой в руке, соглашаясь работать за еду.

Хорошо еще то, что здесь, в Парагвае, народ чрезвычайно гостеприимный. С одной стороны, каждому из парагвайцев пришлось так или иначе путешествовать, и он знает, что значит для усталого путника миска к<акой->нибудь еды, mate al lado del fuego⁹ в холодные зимние утра, и местечко, где он может отдыхом восстановить силы для нового путешествия. С другой же стороны — это гостеприимство ему почти ничего не стоит: почти каждый campesino¹⁰ имеет огород — пороты¹¹, маис, маниока, мани¹² растут здесь точно по волшебству: достаточно расковырять немного почву и бросить семя — все остальное доделает роскошная природа и горячее солнце Парагвая... И каждый, в чей дом придет путник, считает своим долгом накормить его, напоить mate и уложить спать — если есть гамак, на гамаке, нет — на катре, а если и катры нет, то просто где-нибудь в уголке на кожах. И наутро, подкрепившись desayuno — завтраком — наш путник идет дальше¹³.

6 июля 1915 г. зоологи, забрав ящики с коллекциями, отправились в обратный путь и в начале октября вернулись в Петроград.

Студентов закалил опыт путешествий. Приспособиться к климатическим условиям южноамериканского континента было непросто и физически, и морально. Многие иммигранты погибали, не выдержав трудностей, некоторым удавалось уехать обратно.

Манизер записал типичные жалобы рабочих и крестьян, возвращавшихся в Россию на пароходе «Darro» в октябре 1915 г.: непривычная пища («хлеба — и то даже на мельнице нету! — дадут этот кукурузный, да он же и некусный!»), слишком сладкий чай («русский человек к кислому привычен — а тут все солоткое»), укусы насекомых-паразитов («живово человека черви ядят!»), странная почва красного цвета («земли черной нетути — все красная одна... Горы да горы, взберешься — дух занимает»), незнакомые сельскохозяйственные культуры («маниока — дерево, деревом и останется! Разве есть можно!»), отсутствие лошадей и телег для перевозки грузов («все на своей спине тащили — мы не кони и не на то в Бразилию ехали, чтобы конями сделаться»), низкая плата за тяжелый труд («да ведь вот не верила, пока сама не увидела!»), дороговизна («говорят ‘все растет’, а все дорого»), обнищание («Все платье они напродавали, что им любушки-то дома понадавали (холостые все были), тоже говорят: ‘На колонию поедем, разработаем, да и продадим!’ Потом все плакали: ‘До чего же дожили’, босяком ходили, хверинью эту самую ели»), отсутствие типичного для крестьянина домашнего производства («А богатых вы там видели? Живут года по три, по четыре, да и уходят. Все покупать надо — а мы дома одетые, обутое — все дома делалось (сукно, холст). У нас ‘самостоятельный крестьянин’ так называется (и барчич-то ‘самостоятельным’ не называется), потому что сам делает. Потеряет все — в три года, глядишь, снова у него все есть — и дом, и скот, и одежда, и хлеб»). Ругая обманувших их вербовщиков, все положительно отзывались о людях («а люди черные ить хорошие, такие хорошие!») и бразильском правительстве, выдавшем иммигрантам семейные заграничные паспорта и денежные пособия на привоз членов семьи («нам денег вот дали, да задержать

⁸ Танасийчук Н. П. Маршрут путешествия 1914–1915 гг. в Бразилию, Боливию и Парагвай И. Д. Стрельникова и Н. П. Танасийчука // Известия географического института. 1922. Вып. 3. С. 72–83.

⁹ Рядом с огнем (исп.).

¹⁰ Крестьянин (исп.).

¹¹ Poroto (лат. *Vigna unguiculata* L. Walp.) — Вигна китайская, или Коровий горох.

¹² Maní — арахис (исп.).

¹³ Танасийчук Н. П. Записная книжка 1 // Известия географического института. 1922. Вып. 3. С. 72–83.

бы могли, так нет — выпустили, и даже фискал со всеми за руку простился. <...> А что им проку-то, ведь мы не остались, домой же едем»¹⁴.

Стрельников и Танасийчук провели систематические зоологические исследования. Они видели и медленное умирание природы под безжалостными лучами зимнего солнца, и буйство растительности и бесконечное разнообразие жизни южноамериканского леса, яркие краски неисчислимых видов флоры и фауны. Они наслаждались охотой и рыбалкой. В их дневниках описаны не только региональные особенности уникального животного и растительного мира, но и процессы вырубания лесов, расчистки полей, обмеления водоемов, нападения непокоренных индейцев на поселения.

Можно сказать, что, несмотря на ограниченные финансовые возможности, члены экспедиции находились в привилегированном положении. Они получили льготный проезд, им покровительствовали власти, а отправленные на места рекомендательные письма обеспечивали им защиту и безопасность. В пампе и в лесах россияне выжили благодаря помощи местных жителей. В деревнях им обычно выделяли жилье с пальмовой крышей, в котором можно было подвесить гамаки и развести костер, делились с ними едой. Как индейцы, они ходили на охоту и рыбалку, плавали в реках, сидели у костра, вели беседы, залечивали раны. Возвращаясь в городки и поселки, они стеснялись своего вида — того, что носили нестиранное белье, рваные и перепачканные костюмы, дырявые сапоги. Тем не менее, их пускали на ночлег в свой дом землевладельцы, миссионеры, служащие администрации, инспектора таможни. В дневниках содержится много замечаний о сложностях адаптации и повседневного существования иммигрантов (немцев, итальянцев, поляков, евреев, русских, хорватов и др.) в городах и сельской местности, наблюдения за жизнью переселенцев в развивающихся регионах Южной Америки, а также ценные сведения о состоянии скотоводческих эстансий и лесных промыслов, о вторжении корпораций в экосистемы региона.

Рукописи раскрывают отношения между коренными народами и переселенцами, нарушившими целостность местной экосистемы, эмигрантами, которые пытались интегрироваться в новую среду, не теряя своих культурных корней. Яркие образы, описанные в дневниках, иллюстрируются многочисленными фотографиями, сделанными молодыми исследователями. На них запечатлены характерные пейзажи, красота и величие нетронутой природы, а также сложные условия выживания коренных народов, их способы сохранения и использования местной флоры и фауны.

Библиография

1. *Соболева Е. С. Г. Г. Манисер* — участник Второй русской экспедиции в Южную Америку 1914–1915 гг. Бразильский дневник. СПб: МАЭ РАН, 2016. 605 с.
2. *Соболева Е. С., Сорокина С. П.* Странствия С. В. Геймана в Америках // *Клио*. 2021. № 9(177). С. 111–118.
3. *Стрельникова Н. И., Стрельников С. И., Стрельников К. С.* Иван Дмитриевич Стрельников (1887–1981). Путь в жизни и в науке. СПб: ЛЕМА, 2017. 148 с.
4. *Танасийчук В. Н.* Вторая российская экспедиция в Южную Америку (1914–1915) // *Труды государственного музея истории Санкт-Петербурга*. Вып. 6. Петербуржец путешествует. СПб, 2001. С. 134–142.
5. *Танасийчук Н. П.* Записная книжка 1. // *Известия географического института*. 1922. Вып. 3. С. 72–83.
6. *Танасийчук Н. П.* Маршрут путешествия 1914–1915 гг. в Бразилию, Боливию и Парагвай И. Д. Стрельникова и Н. П. Танасийчука // *Известия географического института*. 1922. Вып. 3. С. 72–83.
7. *Universitarios rusos // Caras y caretas*. 13.06.1914. P. 76.

¹⁴ Научный архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Ед. хр. 134. Л. 4–5.

A. V. Kalyuta¹

EL MAPPA MUNDI DE LOS CONQUISTADORES: CONCEPTOS RELIGIOSOS, JURÍDICOS Y POLÍTICOS DE HERNÁN CORTÉS Y SUS COMPAÑEROS DE ARMAS A TRAVÉS DE LAS FUENTES COLONIALES DEL SIGLO XVI

THE MAPPA MUNDI OF THE CONQUISTADORS: RELIGIOUS, JURIDICAL AND POLITICAL CONCEPTS OF HERNAN CORTÉS AND HIS COMPANIONS IN ARMS THROUGH THE COLONIAL SOURCES OF THE 16TH CENTURY

Resumen: Hoy en el 500 aniversario de la caída de Tenochtitlan es oportuno volver a las preguntas postuladas y debatidas años antes. ¿Quiénes eran los conquistadores? ¿Cuáles eran sus antecedentes culturales? ¿Qué orden social querían establecer sobre las ruinas de la capital mexicana? ¿Como ellos mismos consideraron su rol en los eventos acontecidos? El artículo analiza los conceptos religiosos, jurídicos y políticos de Hernán Cortés y sus compañeros de armas que reflejan la autopercepción de sus roles y sus hechos a través de las fuentes coloniales del siglo XVI. El enfoque comparativo permite presentar un panorama comprehensivo de la ideología de los conquistadores y su influencia en la interpretación posterior de la colonización de América. El énfasis se pone en la reconstrucción de idiosincrasias y en el pensamiento ideológico, jurídico y político de Hernán Cortés y sus allegados.

Palabras clave: La Conquista de Mexico; conquistadors; mentalidad; ideología.

Abstract: In the year of the 500th anniversary of the fall of Tenochtitlan it's important to return to eternal and much debated questions. Who were the conquistadors? What was their cultural background? What kind of social order they wished to establish on the ruins of the Mexica capital? How they viewed their role in dramatic events of the conquest of the Aztec state? The article analyzes religious, juridical and political concepts of Hernan Cortes and his companions of arms which reflected the self-perception of their role and their deeds in Spanish Colonization of the New World through colonial sources of the 16th century. The comparative focus permits to present comprehensive panorama of conquistadors' ideology and its influence in later interpretation of the Spanish colonization of America. The emphasis is made on reconstruction of idiosyncrasies and ideological, juridical and political thought of Hernan Cortes and his companions in arms.

Key words: The Conquest of Mexico; conquistadors; mentality; ideology.

From the time of Spanish discovery and colonization of huge spaces in Americas there always have been and still are two quite opposite concepts of the conquistadors' deeds. The first one, conventionally named the "Rose Legend" *la leyenda rosa* prevails in Spanish historiography during past five centuries. The "Rose Legend" presents the discovery and colonization of America by Spanish migrants as the greatest deed in human history which incorporated isolated and "backward" cultures of Amerindians into the world civilization. "Who dares to deny to Spain in

¹ **Kalyuta Anastasia Valerievna**, Russia, Junior Research Fellow, Saint Petersburg Institute of History Russian Academy of Sciences (anastasiakalyuta@mail.ru).

America the glory of having served to human progress in incomparable way?" The Spanish historian Pablo Alvarez Rubiano asked².

The Black Legend "fathered" by Spanish historian, theologian and Bartolomé de las Casas states quite the contrary. The entire process of discovery, exploration and colonization of America by Iberian migrants was nothing else but the long chain of atrocious crimes committed by the worst representatives of human race moved exclusively by incredible greediness. The Black Legend always enjoyed popularity in countries competed with Spain over dominance in the New World, in particular in the Great Britain and France. Today the Black Legend prevails in the most of the Latin American countries and in Russia strongly influenced by anticolonial position of the former Soviet Union.

However, in recent years historians of different countries tried to construct more objective image of the conquistadors examining their actions in the light of historical, political, juridical and cultural realities of the Late Middle Age Spain. Their research work is based on two main groups of primary sources:

- 1) Documents related to Cortés's campaign in Mexico in 1519–1521. There are five types of these documents: a) instructions addressed to leaders of expeditions; b) conquistadors' letters of relations addressed to the Emperor of the Holy Roman Empire and King of Spain Charles V; c) legal acts of Spanish authorities concerning organization of new Spanish colony in Mexico; d) reports about merits and services of conquistadors also addressed to the King of Spain with purpose to obtain a grant for their loyal service to the Spanish monarchy; f) testimonies of witnesses during the long trial against Hernán Cortés in 1529–1547³.
- 2) Spanish chroniclers focused on Spanish colonization of America composed in middle and late 16th century.

In the 1990s the French scholar Bernard Grunberg from the University of Reims could identify 1175 individuals, more than half of the Spanish forces during the Conquest of Mexico although without counting their native allies. In beginning of current century his study was supplemented and enriched by the works of Spanish historian Mary Carmen Martínez Martínez and her North American colleague John Frederick Schwaller⁴. The picture emerged in result of their efforts refutes the wide spread myths about Cortés and his companions in arms. For example, contrary to common view on conquistadors as impoverished nobles, only 69 individuals of 1175 (about 6 %) in Cortés's company were hidalgos that is low ranking noblemen⁵. The remaining 1106 were craftsmen, petty merchants, peasants and soldiers, although among the latter very few were professionals who served in wars against the Ottoman Empire and the petty Italian principedoms.

As for regional distribution 30 % of Cortés's men were from Andalusia, the south-western Spanish province where the majority of population were descendants of Muslims and Jews forcibly converted by Christianity and couldn't boast the coveted "purity of blood" so important for making career in Spain in the early 16th century⁶. Among the rest 17 % of people were the natives of Leon — the northern province of Spain with long tradition of war struggle against Muslims. Only 15 % of conquistadors including Cortés himself were from the south-western Spanish province of Extremadura traditionally called "the cradle of conquistadors"⁷. As for the rest of Cortés's army 12 % were the natives of the Old Castile (the center of wars against Muslims since the 13th century

² *Alvarez Rubiano P.* Pedrarias de Avila. Contribución al estudio de la figura del "Gran Justador", Gobernador de Castilla del Oro y Nicaragua. Madrid: Instituto Fernández de Oviedo, 1944. P. 140.

³ *Martínez J. L.* (ed.). Documentos cortesianos. México: UNAM, Fondo de Cultura Económica, 1990–1992. P. 12.

⁴ *Martínez Martínez M. d. C.* Veracruz 1519. Los hombres de Cortés. León: Universidad de León, México: Consejo Nacional para la Cultura y las Artes, 2013; *Schwaller J. F.* The First Letter from New Spain: the Lost Petition of Cortés and his Company, June 20, 1519. Austin: University of Texas Press, 2014.

⁵ *Grunberg B.* El Universo de los conquistadores: resultado de una investigación prosopográfica // Signos históricos. 2004. No. 12. P. 97.

⁶ *Ibid.*, p. 96.

⁷ *Idem.*

and 7 % of his army came from the New Castile⁸. The number of foreigners from the Old World in the Cortes's company was few, about 6,2 % and more than 85 % of them were Portuguese and Genoveses⁹. There were also few Greeks and one Flemish. The most colorful member of Cortés's expedition was certainly Juan Garrido, the native of Congo who first came to Portugal and later joined the conquistadors on his own initiative.

Two-thirds of Cortés's companions in arms were young people in late twenties or early thirties. Moreover, 28 % of soldiers were even younger, their age varied from 15 to 20¹⁰.

The cultural level of Cortes's soldiers corresponded to their humble origin. Although 84 % of 1175 individuals signed their names, it doesn't imply their capacity to read and write. About 16 % of 1175 men were completely illiterate¹¹. Thus, Hernan Cortes a mature man of 35 years, born in poor but noble family, trained as notary and mastering both the sword and the letters including satisfactory knowledge of Latin was the leader capable to control this multiregional, multinational, unexperienced and often defiant army by psychological, economical and ideological tools. One of the most effective tools was religion. During eight hundred years of the Reconquista the Catholic Church was the main consolidation factor for divided Christian kingdoms of the Iberian Peninsula and the most important criterium of self-identification for their inhabitants. It's noteworthy that the native of the Andalusian town of Esija Jeronimo de Aguilar rescued by Cortes's army from his long captivity among the Yucatan Maya asked his saviors: "Señores, are you Christians and whose vassals?"¹².

The conquistadors' piety is a form of popular religiosity very different from the Humanist Religious Thought which revolutionized the Western Europe in early 16th century. Due to low educational level of the bulk of conquistadors and general prohibition of Catholic Church to laymen concerning reading and interpretation of the Scripture, the only sources of religious knowledge for conquistadors were painted and sculpted images of saints, sermons of clergy, oral tradition and adapted literature, in particular the famous *Golden Legend* — collection of hagiographies gathered by the Dominican monk Jacobus de Varagine in the middle 13th century. It's necessary to stress that even in the *Letters of Relation* of Hernan Cortes quotations from the Bible are very few and almost all of them are from the New Testament including the famous quotation from the Saint Luke 11, 171 and the Saint Matthew 12, 25: "*Omne regnum in se ipsum divisum desolvatur*" that is "Every kingdom divided against itself will be devastated"¹³. At the same time returning to his homeland in 1529 Hernan Cortes didn't miss an opportunity to make a stop in the Monastery of Santa María of Guadalupe, the most important center of the Virgin Mary's cult in southwestern Spain where he made his *novena* — the prayers repeated for nine successive days, and donated to the Virgin a gold figurine of scorpion decorated with emeralds as a token of gratitude for miraculous healing against scorpion's bite¹⁴.

The medieval mentality of the conquistadors turned the Mesoamerican deities in demons and infernal protectors of Indians as real as the Saint James the Great and the Virgin Mary. As soon as Spaniards erected the Cross and the image of the Virgin Mary on the top of the main temple in Tenochtitlan, Aztec gods Huitzilopochtli and Tezcatlipoca started to "threaten" their priests to leave the city forever"¹⁵. One more distinctive feature of the conquistadors' medieval mentality was their geographical knowledge and notions about the world. The instructions addressed to the leaders of expeditions and official reports of the conquistadores frequently mention legendary cities, fabulous islands and lands populated with fantastic creatures and monsters "borrowed" from the books of

⁸ Idem.

⁹ Ibid., p. 97.

¹⁰ Idem.

¹¹ Ibid., p. 98.

¹² Tapia A. Relación hecha por señor Andrés de Tapía sobre la conquista de México // Colección de documentos para historia de México publicada por Joaquin García Icazbalceta. Vol. 2. México: Antigua Librería, 1866. 2. P. 2.

¹³ Cortés H. Cartas de relación. México: Editorial Porrúa, 2007. P. 52.

¹⁴ Martínez J. L. Hernán Cortés. México: UNAM, Fondo de Cultura Económica, 1990. P. 502.

¹⁵ Diaz del Castillo B. Historia verdadera de la conquista de Nueva España. Barcelona: Editorial Ramón Sopena, 1975. P. 338.

medieval voyagers Benjamín de Tudela, Odoric of Pordonone, Marco Polo and Jordanus de Severac. One more important “source of information” about distant countries for the conquistadors was books of chivalry which enjoyed extreme popularity in the Late Middle Age Spain. For instance, in 1532–1539 Hernán Cortés organized four unsuccessful expeditions to the northeastern portion of the Pacific coast of Mexico in search of an island which he gave the name of the Queen of amazons Calafia, the main character of the book of chivalry *Las sergas de Esplandián* written in 1510. Curiously the memory about these expeditions conserved in the modern geographical name California.

The main political and legal concepts of Hernan Cortes and his followers were inspired by *Las Leyes de las Siete Partidas*, the legal code of the Kingdom of Castille composed during the reign of the king Alfonso the Wise in 1256–1265. In his letters and petitions to Charles V and his mother Juana I Cortes and his men frequently refer to the concept of “public good” which dates back to the works of the Saint Isidore of Seville and the Saint Thomas Aquinas¹⁶. According to this concept of any law is issued not for the benefit of particular person but for the well-being of community. Therefore, if it contradicts their interests of a certain community of citizens, it can be broken or even canceled. In full accordance with medieval mentality expressed in the Seven Part Code the “public good” is incarnated in the person of King who lives in inseparable unity with his people and the loyal vassals should inform their sovereigns about every important event in his realms including geographical discovery and every possibility to extend the King’s territorial possessions¹⁷. Not in vain Cortés stresses his constant desire to know “the secret of land”: geographic location and natural resources of future Spanish colonies.

It’s not casual the entire territory of Mexico was renamed as the New Spain (La Nueva España) on the initiative of Cortés. He and his men wished to create in Mexico their own version of Spain where they would occupy position of ruling elite. The essence of Cortés’s political program is his *Ordinances of Good Government* issued on March 20, 1524. The first paragraphs of this document require all the Spanish residents and authorities of new colony to be day and night prepared for attacks of indigenous population indicating the types of arms which every resident should have depending his fortune and number of Indians given to him for personal service, periods and terms of regular military inspections¹⁸. Neglecting these rules was punished with large fees. In general, one gives impression of re-establishing of the feudal social system of military service for granting vassals in Extremadura or Castile during the apogee of the Reconquista. Next paragraphs are focused on obligatory cultivation of Spanish plants in particular vines, Spanish fruit trees, wheat and rye by all the residents who have “Indians for their service”¹⁹.

Finally, Ordinances oblige all the Spaniards to live in the territory of new colony for 8 complete years without any interruption, built houses, marry Spanish women or bring their wives from Spain in maximal term of a year and a half²⁰. No word in the “Ordinanzas” alludes to mixed matrimonies to create new ethnic group as the famous Mexican statesman and philosopher Jose Vasconcelos once affirmed, although concubinage between Spaniards and local women was common practice.

The same program is repeated in accusations against Cortés during the trial started in 1529. The witnesses stated that at least once Cortes said to his followers: “Let’s marry and bring our wives and plant the plants of Castile, for this land we gained it and it’s ours, if the King doesn’t give it us, we’ll take it”²¹.

¹⁶ Frankl V. Hernán Cortés y la tradición de las Siete Partidas // Revista de Historia de América. 1962. México. No. 53/54. P. 9–74.

¹⁷ Ibid., p. 15.

¹⁸ Cortés H. Ordenanzas de buen gobierno dadas por Hernán Cortés para los vecinos y moradores de la Nueva España / J. L. Martínez (ed.) // Documentos cortesianos. México: UNAM, Fondo de Cultura Económica, 1990–1992. P. 277–278.

¹⁹ Ibid., p. 278–279.

²⁰ Ibid., p. 281–282.

²¹ Martínez, op. cit., p. 118.

Bibliography

1. *Cortes H.* Cartas de relación. México: Editorial Porrúa, 2007.
2. *Cortes H.* Ordenanzas de buen gobierno dadas por Hernán Cortés para los vecinos y moradores de la Nueva España / J. L. Martínez (ed.). // Documentos cortesianos. México: UNAM, Fondo de Cultura Económica, 1990. Tomo. 1. P. 277–283.
3. *Diaz del Castillo B.* Historia verdadera de la conquista de Nueva España. Barcelona: Editorial Ramón Sopena, 1975.
4. *Frankl V.* Hernán Cortés y la tradición de las Siete Partidas // Revista de Historia de América. 1962. No. 53/54. P. 9–74.
5. *Grunberg B.* El Universo de los conquistadores: resultado de una investigación prosopográfica // Signos Históricos. 2004. No. 12. P. 94–118.
6. *Martinez J. L.* Hernán Cortés. México: UNAM, Fondo de Cultura Económica, 1990.
7. *Martinez J. L.* (ed.). Documentos cortesianos. Mexico: UNAM, 1991.
8. *Martinez Martinez M. C.* Veracruz 1519. Los hombres de Cortés. Leon: Universidad de Leon, Mexico, Consejo Nacional para la Cultura y las Artes, 2013.
9. *Schwaller J. F.* The First Letter from New Spain: The Lost Petition of Cortés and his Company, June 20, 1519. Austin: University of Texas Press, 2014.
10. *Tapia A.* Relación hecha por señor Andrés de Tapía sobre la conquista de México // Colección de documentos para historia de México publicada por Joaquin García Icazbalceta. Vol. 2. México: Antigua Librería, 1866.

БРАЗИЛИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

BRAZIL YESTERDAY, TODAY AND TOMORROW

А. С. Евтушенко¹

ЭВОЛЮЦИЯ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА Ж. БОЛСОНАРУ В БРАЗИЛИИ (2019–2021)

THE EVOLUTION OF J. BOLSONARO'S DOMESTIC POLICY IN BRAZIL (2019–2021)

Resumen: El artículo trata sobre el análisis de las actividades del presidente brasileño Jair Bolsonaro. A través del prisma del análisis de las áreas principales de su historia política interna (estado de los pueblos indígenas, protección del medio ambiente, economía, seguridad pública, educación), se revela la influencia de J. Bolsonaro en varios aspectos de la vida socioeconómica del país. Siguiendo el principio de objetividad, el autor muestra los éxitos y fracasos de la política de J. Bolsonaro. Entre los logros se destacan las reformas encaminadas a estimular la actividad empresarial en el país, la aplicación oportuna de la reforma de las pensiones, el apoyo a los pobres, la retirada del estancamiento y la estabilización de la economía del país, a pesar de la propagación de la pandemia del nuevo coronavirus COVID-19. El artículo también examina las innovaciones positivas de J. Bolsonaro en el campo de la aplicación de la ley y el orden. Entre ellas, el endurecimiento de las penas por delitos especialmente graves y la participación en grupos delictivos organizados. En cuanto a los aspectos negativos de las actividades del presidente del Brasil, el autor señala el doble rasero en el enfoque de los pueblos indígenas y la protección del medio ambiente, en el que, por una parte, se expresa preocupación por la situación y el destino de las tribus Indias amazónicas y, por otra parte, se produce la destrucción efectiva de su hábitat en busca de beneficios económicos. El artículo también señala la falta de atención del gobierno de J. Bolsonaro en el campo de la educación, que a largo plazo puede tener graves consecuencias.

Palabras clave: Brasil; Jair Bolsonaro; política interna; economía; población indígena de la Amazonía brasileña; protección del medio ambiente; reformas de mercado; seguridad pública; educación.

Abstract: The article analyses the policy of Brazilian President Jair Bolsonaro. Through the prism of the analysis of the main directions of his domestic political agenda (the status of indigenous peoples, environmental protection, economy, public safety, education), the influence of J. Bolsonaro on

¹ **Евтушенко Александр Сергеевич**, Россия, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и востоковедения, Кубанский государственный университет (e_alexander@mail.ru).

various aspects of the socio-economic life of the country. Following the principle of objectivity, the author shows the successes and failures of J. Bolsonaro policy. Among the achievements the author indicates implementation of reforms aimed at stimulating business activity in the country, timely implementation of pension reform, support for the poor, withdrawal from stagnation and stabilization of the country's economy, despite the spread of the pandemic of the new coronavirus infection COVID-19. The article also discusses the positive innovations of J. Bolsonaro in the field of law enforcement. They include tougher penalties for committing especially grave crimes and participation in organized criminal groups. Pointing to the negative aspects of the activities of the Brazilian president, the author notes double standards in the approach to the problem of indigenous peoples and environmental protection, when, on the one hand, concern is declared about the situation and fate of the Amazonian Indian tribes, and, on the other hand, there is an actual destruction of their habitat in pursuit of economic benefits. The article also points out the insufficient attention of the J. Bolsonaro government of to the problem of education, which in the long run can have serious consequences.

Key words: Brazil; Jair Bolsonaro; domestic policy; economy; indigenous population of the Brazilian Amazon; environmental protection; market reforms; public security; education.

Став во главе Бразилии 1 января 2019 г., Жаир Болсонару взял курс на проведение серьезных социально-экономических и политических преобразований. Приход к власти нового президента поляризовал общественное мнение как внутри страны, так и за ее пределами. Если в либеральных средствах массовой информации Ж. Болсонару представляли как антисистемного политика, популиста, сторонника крайне правых взглядов, то для своих сторонников он являлся образцом консервативно мыслящего патриота, нацеленного на отстаивание традиционных ценностей и готового к борьбе с проблемами, ставшими частью социального пейзажа Бразилии за время пребывания у власти «истеблишментских» политических сил.

Целью настоящего исследования является анализ внутривнутриполитического курса правительства Ж. Болсонару для выявления как положительных, так и отрицательных сторон его деятельности в качестве лидера крупнейшего государства Латинской Америки. Такая оценка представляет важность в связи с тем, что, являясь одним из наиболее влиятельных акторов на континенте, Бразилия во многом определяет развитие политических процессов на всем южноамериканском пространстве.

В числе приоритетных направлений внутренней политики Ж. Болсонару были определены следующие: статус земель вдоль бассейна р. Амазонки, экономика, общественная безопасность и образование. Для понимания масштаба и характера произошедших в стране перемен за время нахождения у власти Ж. Болсонару рассмотрим каждое из них в отдельности.

Одной из первых инициатив Ж. Болсонару на посту президента Бразилии стал указ о приостановке демаркации земель, на которых проживают коренные племена Амазонки. Активисты по защите прав индейцев классифицировали этот шаг как «носящий умышленно злонамеренный характер»².

Согласно действующей конституции Бразилии, правительство должно «демаркировать (земли традиционного проживания индейцев — *A. E.*), защищать и гарантировать уважение ко всей их (индейцев — *A. E.*) собственности»³. Ж. Болсонару фактически стал первым президентом, остановившим процесс демаркации. По мнению

² Surma K. Are Bolsonaro's Attacks on the Amazon and Indigenous Tribes International Crimes? A Third Court Plea Says They Are [Электронный ресурс]. URL: <https://insideclimatenews.org/news/11082021/amazon-indigenous-tribes-jair-bolsonaro-international-criminal-court/> (дата обращения: 27.09.2021).

³ Constitution of the Federative Republic Of Brazil, 3rd Edition. P. 152–153 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.globalhealthrights.org/wp-content/uploads/2013/09/Brazil-constitution-English.pdf> (дата обращения: 27.09.2021).

президента, демаркация превращает коренные народы Бразилии «в подобие зверей в зоопарках, изолированных в резервации»⁴.

Создавая видимость озабоченности положением индейских племен, Ж. Болсонару стремится к контролю и эксплуатации природных ресурсов, которыми богаты недра земель в районе р. Амазонки. В частности, правительством Бразилии был дан зеленый свет для деятельности различного рода добытчиков золота и других ценных металлов. В результате усилилось разрушение экосистемы региона как следствие загрязнения ртутью, используемой при добыче золота, водных ресурсов, вырубки лесов, изменения природного ландшафта. В числе других последствий присутствия на землях Амазонии незаконных старателей стало распространение в регионе новой коронавирусной инфекции COVID-19.

Разрушение традиционного образа жизни коренных народов не может быть оправдано никакими соображениями материальной выгоды, поэтому Ж. Болсонару вполне заслуженно стал объектом критики со стороны различных правозащитных организаций. Стремясь изменить сложившийся имидж в глазах общественности, 27 мая 2021 г. бразильский президент впервые за время своего нахождения в должности посетил две индейские резервации в Амазонии — Балайо и Яномами. Согласно сообщениям бразильских СМИ, начиная с 2019 г. последнюю наводнили незаконные добытчики золота — более 20 000 человек⁵. Федерация организаций коренных народов Рио Негру выразила протест визиту Ж. Болсонару, выступив с заявлением о том, что посещение им резерваций Амазонки носило сугубо пропагандистский характер⁶. В качестве реального мотива визита Ж. Болсонару в Балайо указывалось то, что недра региона богаты ниобием — металлом, используемым для выплавки сверхлегкой стали, применяемой в авиастроении⁷.

Можно утверждать, что в отношении коренных народов Амазонии Ж. Болсонару придерживается двойных стандартов. Он создает видимость заинтересованности в особенностях жизни и культуры коренных индейских племен, но при этом стремится к более активной эксплуатации природных ресурсов территорий, занимаемых ими. Очевидно, что данный образ действий вызывает неприятие у части бразильской общественности, критикующей президента.

С проблемой коренного населения Бразилии тесно связан комплекс вопросов, касающихся охраны окружающей среды. Тропические леса Амазонки представляют собой один из наиболее сложных с точки зрения биологического разнообразия регионов мира. Существовая уже около 55 млн лет, они являются средой обитания одной десятой видов растений и животных на планете. Две трети бассейна Амазонки приходится на Бразилию⁸.

В последние годы тропические леса активно уничтожаются в ходе расчистки земель для сельскохозяйственных нужд. Президент Ж. Болсонару скептически относится к природоохранной повестке мирового сообщества, считая, что она направлена на сдерживание экономического развития стран, богатых природными ресурсами⁹.

Таким образом, как и в вопросе о положении коренного населения, проживающего в бассейне Амазонки, Ж. Болсонару руководствуется прежде всего соображениями экономической выгоды (спрос на ценную древесину лесов Амазонки в Европе и Азии, расширение распаханых земель), не считая прочие последствия стоящими того, чтобы

⁴ *Sims Sh.* Here's How Jair Bolsonaro Wants to Transform Brazil [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2019/01/heres-how-jair-bolsonaro-wants-to-transform-brazil/580207/> (дата обращения: 27.09.2021).

⁵ *Boadle A.* Bolsonaro visits indigenous lands in Amazon despite protests [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/world/americas/bolsonaro-visits-indigenous-reservations-amazon-first-time-2021-05-28/> (дата обращения: 27.09.2021).

⁶ *Idem.*

⁷ *Idem.*

⁸ *Goodell J.* What to Do About Jair Bolsonaro, the World's Most Dangerous Climate Denier [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rollingstone.com/politics/politics-features/jair-bolsonaro-rainforest-destruction-1180129> (дата обращения: 27.09.2021).

⁹ *Idem.*

принимать их во внимание. Однако в преддверии президентских выборов 2022 г. он несколько изменил свое отношение к проблеме охраны окружающей среды.

Выступая на Саммите лидеров по климату, организованного президентом США Дж. Байденом 30 апреля 2021 г., Ж. Болсонару выразил решимость покончить с незаконной вырубкой леса к 2030 г. Также он сдвинул дату превращения Бразилии в углеродно-нейтральную страну (2050 г. вместо 2060 г., заявлявшегося ранее) и пообещал удвоить бюджет для усиления защиты лесов¹⁰.

Ряд экспертов связали подобного рода перемены в риторике бразильского лидера со сменой власти в Вашингтоне: лишившись мощного единомышленника в Белом доме в лице Д. Трампа, Ж. Болсонару, соперничая за голоса избирателей с Рабочей партией Лулы да Силва, вынужден был поступиться некоторыми из своих убеждений¹¹. Это свидетельствует о прагматичности бразильского лидера, но при этом не вселяет уверенности относительно искренности его намерений. В этой связи показательным является заявление Рикардо Саллеса, министра окружающей среды Бразилии при Ж. Болсонару, сделанное в начале апреля 2021 г. (т. е. незадолго до Саммита) и адресованное США и другим странам, обеспокоенным уменьшением площади тропических лесов Амазонки: «Платите нам 1 миллиард долларов, и мы сократим вырубку лесов на 30–40 % за год»¹².

Несмотря на изначальный скепсис критиков, Ж. Болсонару удалось достичь значительных успехов на экономическом направлении. Его приход к власти был отмечен началом экономического роста, который, по данным Всемирного банка, в 2020 г. составил 4,1 %¹³. Согласно экспертным прогнозам агентства Блумберг, в 2021 г. экономический рост Бразилии составит 5,1 %¹⁴.

В условиях распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19, серьезно затронувшей Бразилию, правительство ввело ряд фискальных мер, направленных на осуществление социальной помощи, общая стоимость которой составила 156,8 млрд долл.¹⁵. Были предприняты меры по экстренной поддержке малоимущих слоев населения через программы социальной помощи и условных денежных переводов. Это помогло не только сдержать уровень бедности в стране, но и сократить его с 29 % в 2019 г. до 21 % от общего населения¹⁶.

Большим успехом Ж. Болсонару, повлиявшим на отмеченные положительные экономические показатели, стала пенсионная реформа, проведенная в октябре 2019 г. В соответствии с ней пенсионный возраст был повышен с 60 до 65 лет для мужчин и с 55 до 62 лет для женщин. Тем самым была решена проблема бюджетного дефицита.

Кроме этого, правительство Ж. Болсонару предложило ряд рыночных реформ, направленных на стимуляцию деловой активности в стране. В частности, для повышения эффективности, улучшения распределения капитала и уменьшения правительственного долга была объявлена приватизация государственных компаний и активов. Устранены бюрократические барьеры для малого и среднего бизнеса, упрощена налоговая система и либерализованы правила иностранных обменов для улучшения производительности и

¹⁰ Idem.

¹¹ *Winter B.* Has Bolsonaro Truly Gone Green? The Brazilian President Plays a Complicated Game on Climate Change [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/americas/2021-04-30/has-bolsonaro-truly-gone-green> (дата обращения: 27.09.2021).

¹² *Rochabrun M., Berkrot B.* Brazil seeks \$1 billion in foreign aid to curb Amazon deforestation by 30–40 % — environmental minister [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/article/uk-brazil-environment-idUKKBN2BR0IC> (дата обращения: 27.09.2021).

¹³ The World Bank in Brazil [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldbank.org/en/country/brazil/overview> (дата обращения: 27.09.2021).

¹⁴ Brazil's Economy Seen Growing Less After Disappointing Quarter [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-09-01/brazil-s-economy-shrinks-in-second-quarter-as-investment-drops> (дата обращения: 27.09.2021).

¹⁵ The World Bank in Brazil [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldbank.org/en/country/brazil/overview> (дата обращения: 27.09.2021).

¹⁶ Idem.

создания благоприятных условий для прямых иностранных инвестиций, проведена реструктуризация зарплат госслужащих для сокращения обязательных государственных расходов и повышения эффективности экономической системы¹⁷.

Говоря об общественной безопасности, необходимо отметить, что Бразилия остается одним из мировых лидеров по количеству совершаемых жестоких преступлений. Она находится на девятом месте в мире по уровню преступности (индекс преступности 67,49)¹⁸. Одной из самых острых проблем страны является деятельность организованных преступных группировок.

Вместе с тем, ряд экспертов сходится во мнении, что с приходом к власти Ж. Болсонару ситуация в области общественной безопасности приобрела тенденцию к улучшению. Так, за годы, предшествовавшие правлению Ж. Болсонару, показатель убийств в Бразилии составлял 30,8 на 100 000 жителей, а в 2020 г. составил 23,6¹⁹.

Отмечая успехи Ж. Болсонару в сфере обеспечения общественной безопасности, необходимо обратить внимание на следующие достижения:

- расширение доступа граждан к оружию (первоначально речь шла о 20 профессиональных категориях, однако под давлением конгресса более мягкие правила приобретения оружия были введены только в сельской местности);
- увеличение сроков тюремного заключения за убийство с 6–20 лет до 12–30 лет;
- запрещение условно-досрочного освобождения для осужденных за совершение особо тяжких преступлений, а также за участие в организованной преступной деятельности;
- увеличение инвестиций в исследования и технологии для повышения эффективности работы правоохранительных органов;
- ужесточение законодательства касательно преступлений против женщин²⁰.

Вместе с тем, критики бразильского президента указывают на то, что многие из его предвыборных обещаний по борьбе с преступностью остались нереализованными, Ж. Болсонару не удалось выработать действенных мер по противодействию насилию в крупных городах и ликвидировать социальные и экономические причины, порождающие преступность²¹. Однако здесь необходимо отметить невозможность быстрого решения проблем подобного рода, тем более в такой крупной стране, как Бразилия.

Еще одной проблемной социальной сферой в Бразилии является образование. Даже в XXI в. неграмотность в стране остается большой проблемой. По данным на середину 2020 г., 11 млн взрослых (старше 15 лет) не умеют ни читать, ни писать²². Среди факторов, обуславливающих высокий уровень неграмотности, — напряженная криминогенная обстановка в беднейших районах крупных городов страны.

Свой отпечаток также наложила пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19. Бразилия — в числе латиноамериканских государств, в которых в связи с пандемией школы были закрыты на очень продолжительное время. Согласно прогнозам Всемирного банка, такая ситуация будет способствовать дальнейшему увеличению безграмотности и

¹⁷ Souza C. What Brazil's New Reforms Mean for Business [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jpmorgan.com/commercial-banking/insights/what-brazils-new-reforms-mean-for-business> (дата обращения: 27.09.2021).

¹⁸ Crime Rate by Country 2021 // World Population Review [Электронный ресурс]. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/crime-rate-by-country> (дата обращения: 27.09.2021).

¹⁹ Idem.

²⁰ Pauluze Th. Bolsonaro deixa no papel maioria de promessas para segurança pública [Электронный ресурс]. URL: <https://www1.folha.uol.com.br/cotidiano/2019/12/bolsonaro-deixa-no-papel-maioria-de-promessas-para-seguranca-publica.shtml> (дата обращения: 27.09.2021).

²¹ Sampaio A., de Lima R. S. As violence rises in Brazil, the state is repeating the same failed formula [Электронный ресурс]. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2020/11/20/violence-rises-brazil-state-is-repeating-same-failed-formula/> (дата обращения: 27.09.2021).

²² In Brazil there is an illiterate population higher than Portugal: 11 million [Электронный ресурс]. URL: <https://www.plataformamedia.com/en/2020/07/15/in-brazil-there-is-an-illiterate-population-higher-than-portugal-11-million/?lang=en> (дата обращения: 27.09.2021).

недостаточной образованности, особенно в беднейших регионах страны, где отсутствуют возможности для удаленного обучения (во время пандемии в Бразилии в беднейших районах образование получают менее 50 % студентов, по сравнению с 92 % в более развитых частях страны²³). Сложившаяся ситуация угрожает снижением человеческого капитала и требует ускоренных коррективных мер со стороны правительства.

Ж. Болсонару не стремится выделять значительные средства на развитие образования. Напротив, для того, чтобы избежать сокращения т. н. «парламентских грантов» (индивидуальных бюджетных ассигнований, доступных членам конгресса и обычно используемых для финансирования инфраструктурных проектов перед выборами), было принято решение заморозить в федеральном бюджете (принят в апреле 2021 г.) 1,68 млрд долл. на финансирование кабинетных министерств и правительственных агентств. Министерство образования оказалось в числе наиболее пострадавших, потеряв около 500 млн долл.²⁴. В результате реализация ряда образовательных программ, в частности, тех, что касались расширения доступа к высшему образованию в стране, была приостановлена.

Единственной инициативой Ж. Болсонару в сфере образования, которую удалось провести в жизнь, стала запущенная 30 марта 2021 г. программа «Бразилия в школе» (*Brasil na Escola*), предусматривающая предоставление дополнительного финансирования для улучшения процесса обучения в начальной школе.

Можно утверждать, что у бразильского президента отсутствует четкая стратегия по развитию образования в стране. Свидетельством тому является частая смена руководителей профильного министерства. Так, за неполные три года правления Ж. Болсонару на посту министра образования сменилось три человека: Рикардо Велес-Родригес, Абрахам Вайнтрауб и действующий (сентябрь 2021 г.) Милтон Рибейро, являющийся также католическим пастором. Последний аспект показателен в свете приверженности Ж. Болсонару привитию и сохранению «традиционных ценностей».

Рассмотрение основных направлений внутренней политики Ж. Болсонару позволяет охарактеризовать его курс как противоречивый, нацеленный на получение быстрых дивидендов и лишенный всеохватности в том смысле, что оставляет за своими рамками целые слои населения, такие, как, например, молодежь или коренное население. Его антисистемная риторика также не находит поддержки у большей части населения. Таким образом, Ж. Болсонару не удалось решить главную проблему, возникшую за время правления его политических оппонентов из «системного» левого лагеря, — преодолеть общественную поляризацию в Бразилии. Несмотря на отдельные успехи, его действия только усилили общественную напряженность.

Библиография

1. *Boadle A.* Bolsonaro visits indigenous lands in Amazon despite protests [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/world/americas/bolsonaro-visits-indigenous-reservations-amazon-first-time-2021-05-28/> (дата обращения: 27.09.2021).
2. *Brazil's Economy Seen Growing Less After Disappointing Quarter* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-09-01/brazil-s-economy-shrinks-in-second-quarter-as-investment-drops> (дата обращения: 27.09.2021).
3. *Constitution of the Federative Republic Of Brazil, 3rd Edition.* P. 152–153 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.globalhealthrights.org/wp-content/uploads/2013/09/Brazil-constitution-English.pdf> (дата обращения: 27.09.2021).

²³ *The World Bank in Brazil* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldbank.org/en/country/brazil/overview#1> (дата обращения: 27.09.2021).

²⁴ *Rey B.* How Bolsonaro is Wrecking Brazil's Education System [Электронный ресурс]. URL: <https://brazilian.report/opinion/2021/04/26/bolsonaro-wrecking-education-system/> (дата обращения: 27.09.2021).

4. Crime Rate by Country 2021 // World Population Review [Электронный ресурс]. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/crime-rate-by-country> (дата обращения: 27.09.2021).
5. *Goodell J.* What to Do About Jair Bolsonaro, the World's Most Dangerous Climate Denier [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rollingstone.com/politics/politics-features/jair-bolsonaro-rainforest-destruction-1180129> (дата обращения: 27.09.2021).
6. In Brazil there is an illiterate population higher than Portugal: 11 million [Электронный ресурс]. URL: <https://www.plataformamedia.com/en/2020/07/15/in-brazil-there-is-an-illiterate-population-higher-than-portugal-11-million/?lang=en> (дата обращения: 27.09.2021).
7. *Pauluze Th.* Bolsonaro deixa no papel maioria de promessas para segurança pública [Электронный ресурс]. URL: <https://www1.folha.uol.com.br/cotidiano/2019/12/bolsonaro-deixa-no-papel-maioria-de-promessas-para-seguranca-publica.shtml> (дата обращения: 27.09.2021).
8. *Rochabrun M., Berkrot B.* Brazil seeks \$1 billion in foreign aid to curb Amazon deforestation by 30–40 % — environmental minister [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/article/uk-brazil-environment-idUKKBN2BROIC> (дата обращения: 27.09.2021).
9. *Sampaio A., de Lima R. S.* As violence rises in Brazil, the state is repeating the same failed formula [Электронный ресурс]. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2020/11/20/violence-rises-brazil-state-is-repeating-same-failed-formula/> (дата обращения: 27.09.2021).
10. *Sims Sh.* Here's How Jair Bolsonaro Wants to Transform Brazil [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2019/01/heres-how-jair-bolsonaro-wants-to-transform-brazil/580207/> (дата обращения: 27.09.2021).
11. *Souza C.* What Brazil's New Reforms Mean for Business [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jpmorgan.com/commercial-banking/insights/what-brazils-new-reforms-mean-for-business> (дата обращения: 27.09.2021).
12. *Surma K.* Are Bolsonaro's Attacks on the Amazon and Indigenous Tribes International Crimes? A Third Court Plea Says They Are [Электронный ресурс]. URL: <https://insideclimatenews.org/news/11082021/amazon-indigenous-tribes-jair-bolsonaro-international-criminal-court/> (дата обращения: 27.09.2021).
13. The World Bank in Brazil [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldbank.org/en/country/brazil/overview> (дата обращения: 27.09.2021).
14. *Winter B.* Has Bolsonaro Truly Gone Green? The Brazilian President Plays a Complicated Game on Climate Change [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/americas/2021-04-30/has-bolsonaro-truly-gone-green> (дата обращения: 27.09.2021).

А. И. Козлова¹

ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ БРАЗИЛИИ В ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОМ РЕГИОНЕ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ УТВЕРЖДЕНИЯ ЛИДЕРСТВА

THE EVOLUTION OF BRAZIL'S FOREIGN POLICY IN THE LATIN AMERICAN REGION AT THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY IN TERMS OF ASSERTING LEADERSHIP

Аннотация: В докладе анализируется внешняя политика президентских администраций Бразилии в начале XXI века. Характеризуются составляющие внешнеполитической традиции Бразилии. Перечисляются приоритеты внешней политики Бразилии в разные годы. Прослеживается эволюция подходов по ключевым направлениям и вопросам внешней политики страны за период президентств Лулы да Силва, Дилмы Руссефф, Мишела Темера, Жаира Болсонару.

Ключевые слова: внешняя политика, Южная Америка, Бразилия, Латинская Америка, региональная интеграция, лидерство, идентичность.

Abstract: Where Brazil goes, all of Latin America goes. This expression has repeatedly been confirmed in history. At the end of the second decade of the 21st century in Latin America came the “right turn”. The changes have also come in Brazil. After 16 years in power of the Workers’ Party, building a system of regional integration, the formation of the country’s identity, conducting an active foreign policy in the paradigm of multilateralism, a cautious approach to relations with the United States, Brazil abruptly changed course. The report examines the evolution of Brazil’s foreign policy towards the Latin American region in the 21st century. The main attention is paid to the analysis of changes in the direction of Brazil’s foreign policy vector in the context of regional cooperation and integration formats. Special attention is paid to the position of Brazil as the leader of the region. It also discusses the formation and change of the conceptual positioning of Brazil, the construction of the idea of “South America” and its role in regional integration.

Key words: foreign policy; South America; Brazil; Latin America; regional integration; leadership; identity.

Первые десятилетия XXI века подтвердили глубокую трансформацию внешней политики Бразилии, «латиноамериканского гиганта». Эти изменения можно охарактеризовать как смену приоритета от сотрудничества с развивающимися государствами по линии «Юг — Юг», от блоковой региональной интеграции в Южной Америке в пользу более тесного сотрудничества с развитыми западными странами на основе двусторонних соглашений о зонах свободной торговли (ЗСТ)², то есть в направлении «Север — Юг» с США, Израилем, Европейским союзом (ЕС), Японией.

¹ Козлова Анастасия Игоревна, Россия, магистр НИУ ВШЭ.

² Попова И. М. Председательство Бразилии в БРИКС в 2019 г.: чего ожидать от начала нового десятилетия сотрудничества и администрации Ж. Болсонару // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 4. С. 925–941.

Смена парадигм

При этом произошла переориентация парадигмы, на основе которой Бразилия строит сотрудничество с партнерами. Это возврат к концепции открытого регионализма, к неолиберальной экономической политике, акцент на интеграцию в мировую экономику при большем внимании к двусторонним соглашениям, примате экономических интересов и следовании в фарватере политики США, с одной стороны, и примате консервативных ценностей — с другой.

Прежняя парадигма характеризовалась ориентацией на южноамериканскую интеграцию с выстраиванием имиджа Бразилии в качестве лидера региона, который представляет интересы развивающихся стран-соседей, консолидацией южноамериканского пространства, выстраиванием идентичности на идее «южноамериканскости», критикой политики США. На отношения партнерства-соперничества влияла левая идеологическая окраска бразильских властей.

Смена парадигмы отразилась на идентичности Бразилии, ее образе активного участника внутрорегиональной повестки, инициатора проектов, лидера региональной интеграции и развивающихся южноамериканских государств.

Периодизация

Обозначенная трансформация происходила со сменой политического руководства страны, а именно при переходе власти от левых администраций Лулы да Сильвы (2003–2010) и его преемницы Дилмы Руссефф (2011–2016), представлявших Партию трудящихся (Partido dos Trabalhadores, PT), к правоцентристскому и затем к праворадикальному кабинету Мишела Темера (2016–2018) и Жаира Болсонару (2019 — н. в.) соответственно. Таким образом, представляется возможным выделить в эволюции внешней политики Бразилии начала XXI века два качественных этапа. Первый этап — период «левого поворота» в 2002–2016 гг. Второй этап — период «правого поворота» в 2016–2019 гг., который продолжается в период нахождения у власти администрации Жаира Болсонару (до 2023 г.).

Южноамериканская идентичность. Первый этап

Южная Америка — пространство с собственной системой механизмов взаимодействия, исключая США. Это Боливарианский альянс для народов нашей Америки (Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América, ALBA), Тихоокеанский альянс (Alianza del Pacífico, AP), Общий рынок стран Южного конуса (Mercado Común del Sur, Mercosur), Союз южноамериканских наций (Unión de Naciones Suramericanas, UNASUR)/Форум за прогресс в Южной Америке (Foro para el Progreso de América del Sur, Prosur), Южноамериканский совет обороны (Consejo de Defensa Suramericano, CDS), Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна (Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños, CELAC). Такая система призвана защитить уважаемый в регионе принцип невмешательства во внутренние дела латиноамериканских государств. Параллельно существует межамериканская система, ведомая США: Организация американских государств (Organización de los estados americanos, OAS), Межамериканский совет обороны (Junta Interamericana de Defensa, JID).

Идея «Южной Америки» как самостоятельного актора международных отношений была характерна для первого этапа эволюции внешней политики Бразилии в начале XXI в. и принадлежала Бразилии. Она активно и последовательно претворялась в жизнь в период президентства Лулы да Сильва, который объявил южноамериканское направление главным

приоритетом внешней политики³. Активность Бразилии и ее партнеров в итоге привела к преобладанию в официальном дискурсе понятия «Южная Америка» над «Латинской Америкой». Пространство южноамериканской идентичности, как предполагалось, позволит Бразилии усилить голос Южной Америки и стать полноправным участником «большой политики», защищая таким образом свои интересы и интересы региона. Подобной стратегической цели служило создание в 1991 г. интеграционного объединения Mercosur, благодаря которому экономическое сотрудничество между Бразилией, Аргентиной, Уругваем и Парагваем сегодня происходит в рамках таможенного союза.

Следующее значительное событие в процессе утверждения нового дискурса идентичности — создание в 2004 г. Южноамериканского сообщества наций, в 2007 г. преобразованное в UNASUR, членами которого были 12 государств Южной Америки. В целях данного объединения числились, помимо объединения инфраструктурных, энергетических, логистических и прочих систем стран региона, «укрепление южноамериканской идентичности путем постепенного признания прав граждан одного государства-члена, проживающих в любом из других государств-членов, в целях достижения южноамериканского гражданства»⁴. Важным шагом на пути реализации бразильской идеи было создание в 2008 г. CDS, который, очевидно, был альтернативным механизмом в области коллективной безопасности по отношению к ЛИД (часть OAS) и одновременно ответом на активизацию интереса США к региону, выразившемуся в воссозданном в 2006 г. 4-м флоте США, задачей которого было курирование акватории Южной Америки. Последним механизмом, поддерживающим данную логику, был CELAC, созданный в 2010–2011 гг. при активной роли Бразилии в качестве механизма для политических консультаций и рассмотрения различных региональных проблем, в который вошло 33 государства Латинской Америки и Карибского бассейна, исключая при этом США и Канаду, чем, в сущности, и отличался от OAS. Так концепция «Южная Америка» сама стала направлением во внешней политике в регионе.

Бразилия и Тихоокеанский альянс (AP)

В тот же период времени, когда основные элементы системы интеграции, состоящей из Mercosur, UNASUR и CELAC, уже были созданы, в 2012 г. формализуется AP, который впоследствии изменит сложившуюся интеграционную систему, продемонстрировав идею открытого регионализма, модель, противоположную бразильским предложениям, применяемым с 2003 г.⁵

В соответствии с классификацией, предложенной исследователями из Региональной координационной сети экономических и социальных исследований (Coordinadora Regional de Investigaciones Económicas y Sociales, CRIES), отношения между Бразилией и AP прошли через три стадии: это условные «сопротивление», «сближение» и «приспособление».

- 1) Сопротивление. С июня 2012 г. по март 2014 г., после появления AP СМИ и экспертное сообщество называют его прямым противником Mercosur и бразильской региональной интеграционной стратегии, осуществляемой с 2003 г., когда страна отошла от открытого регионализма в пользу многосторонней интеграции, выходящей за рамки торговых экономических аспектов.

³ Окунева Л. С. Бразилия: особенности демократического проекта. Страницы новейшей политической истории латиноамериканского гиганта (1960-е гг. — 2006 г.). М.: Изд-во МГИМО-Университет, 2008. С. 681.

⁴ Secretaría Permanente del SELA. Unión de Naciones Suramericanas (UNASUR): Relaciones Intrarregionales, SP/Di. No. 10–15. 2015. 50 p. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sela.org/media/2087695/di-10-unasur-esp.pdf> (дата обращения: 0.07.2021).

⁵ Ramanzini Junior H., Passini Mariano M. As Relações com a América do Sul (2008–2015). Política externa brasileira em debate: dimensões e estratégias de inserção internacional no pós-crise de 2008. Ipea, Funag, 2018. P. 236–271 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ipea.gov.br/portal/images/stories/PDFs/livros/livros/181206_a_politica_externa_brasileira_cap10.pdf (дата обращения: 03.07.2021).

- 2) Сближение. Период, когда президенты Д. Руссефф и М. Бачелет выступали за сближение двух региональных соглашений.
- 3) Приспособление. АР идентифицируется уже как естественный партнер Бразилии: в феврале 2016 г. Д. Руссефф заявила, что «Бразилия установила приоритет торговой политики, которая рассматривает страны — члены АР в качестве естественных бразильских партнеров».

Таким образом, бразильская стратегия южноамериканской интеграции, осуществляемая с 2003 года, с 2014 г. начала претерпевать изменения в направлении АР, в этот период берет свое начало тенденция на сближение между двумя блоками.

Тенденция на сближение Mercosur и АР укрепилась на втором этапе эволюции внешней политики Бразилии, что подтверждает подписание 23 марта 2019 г. в ходе встречи по поводу создания Prosur президентом Бразилии Ж. Болсонару и президентом Чили С. Пиньерой соглашения, обязывающего их активизировать сближение между АР и Mercosur с созданием ЗСТ.

На первом этапе эволюции своей внешней политики Бразилия претендовала на лидерство в регионе и полноправное место в международном сообществе государств, что утверждалось в том числе и через проведение крупных спортивных мероприятий, таких как Чемпионат мира по футболу в 2014 г. Прямой заявкой Бразилии о своем статусе лидера региона и готовности участвовать в глобальных делах стал проект БРИКС (Brazil, Russia, India, China, South Africa, BRICS) (2009 г.), в создании которого эта латиноамериканская страна сыграла большую роль. BRICS заявил о необходимости формирования нового глобального порядка с учетом позиций новых «центров силы». Согласно официальному дискурсу BRICS, такая задача выполнима лишь в условиях многополярности мировой системы⁶. Другое предложение BRICS касалось необходимости реформировать следующие институты глобального регулирования: Организация Объединенных Наций (ООН), Всемирная торговая организация (ВТО), Международный валютный фонд (МВФ), Организация Североатлантического договора (НАТО). Данные институты были созданы преимущественно западными странами в условиях холодной войны и в настоящее время недостаточно эффективны. Например, из-за противоречий между развитыми и развивающимися государствами с 2001 г. тормозился переговорный процесс по либерализации мировой торговли в Дохе. С 1994 г. открыта проблема реформирования Совета Безопасности ООН (СБ). Мировое сообщество признает необходимость равноправного представительства в СБ всех регионов, что отвечало бы произошедшим изменениям в «глобальной расстановке сил». Однако в число постоянных членов СБ не допускаются страны с мощными экономиками, такие как Япония и Германия, региональные лидеры Бразилия, Индия, ЮАР. Сама аббревиатура, точнее, акроним BRIC была придумана «главным экономистом Goldman Sachs» британцем Джеймсом О'Нилом. В 2001 г. он заметил схожие черты в экономическом и политическом положении Бразилии, России, Индии и Китая, увидел в них потенциал и предсказал быстрый рост их экономик в будущем. В своем первом докладе, посвященном экономикам BRIC, Джеймс О'Нил пересчитал размер ВВП по ППС порядка двадцати стран за 2000 г. и выделил «важные страны с формирующейся рыночной экономикой».

За идеей О'Нила последовала инициатива Бразилии по созданию трехстороннего объединения Индии, Бразилии и ЮАР (India, Brazil, South Africa, IBSA), которое появилось в июне 2003 г. с подписанием «Декларации Бразилиа». В феврале 2004 г. на встрече в Бразилиа стороны приняли программу действий, согласно которой основным направлением объединения было развитие торговли между рынками Индии, Mercosur и Сообщества развития юга Африки (Southern African Development Community, SADC). Всего страны IBSA провели 5 саммитов с 2006 по 2011 гг. BRIC(S) как международное объединение четырех

⁶ Joint Statement of the BRIC Countries' Leaders 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://infobrics.org/document/8/> (дата обращения: 03.07.2021).

(позже пяти) стран — Бразилии, России, Индии, Китая (и Южно-Африканской Республики) появился после опубликования на первом саммите BRIC в 2009 г. совместного заявления лидеров стран «четверки», в котором были изложены цели и общие позиции объединения⁷. Саммиты BRICS представляют площадку для политического диалога. Профессор О. Стуенкел отмечает, что в 2011 г. BRICS стал новым центром мировой политики ввиду экономического потенциала и своей активной деятельности на международных площадках, принимая во внимание, что в этом году все страны объединения входили в СБ ООН. Объединением BRICS были созданы собственные финансовые институты: Новый банк развития и пул условных валютных резервов. Соглашение о создании банка и пула было подписано в 2014 г. на 6-м саммите BRICS в г. Форталеза, начало деятельности банка и вступление в силу договора о пуле условных валютных резервов — в 2015 г. BRICS оставался приоритетом бразильской внешней политики при Луле да Силва и Дилме Руссефф. Эти же администрации использовали площадку для политического диалога, из-за чего получили обвинения в идеологизации внешней политики. Подобные обвинения мешали усилиям Бразилии получить место постоянного члена СБ ООН, поскольку США и их союзники негативно воспринимали такие действия Бразилии, как воздержание от голосования по резолюции, осуждающей Россию за аннексию Крыма 2014 г., и резолюции, осуждающей режим Асада в Сирии. BRICS при администрациях Темера и Болсонару остается значимым направлением во внешней политике, но уже исключая идеологический компонент. Интерес Бразилии в BRICS теперь носит исключительно экономический характер.

Южноамериканская идентичность. Второй этап

Образ Бразилии стал меняться с наступлением второго этапа эволюции внешней политики Бразилии после импичмента Д. Руссефф в 2016 г., который завершил эпоху нахождения у власти PT и открыл дорогу во власть правым политическим силам. Крупный раскол с предшествующей внешнеполитической и идеологической линией произошел, когда президент М. Темер в 2017 г. присоединился к «Лимской группе» (Grupo de Lima), осуждавшей «недемократический режим Мадуро». Радикальные изменения во внешнюю политику страны главным образом принес победивший на выборах 2018 г. Жаир Болсонару, убежденный антипетист (противник PT) и античавист. Сам Болсонару признает несовершенство осуществляемой им демократии и ностальгирует по правлению военных: «Мое правительство, я думаю, не является одним из самых демократических в последние годы... В то время, в 1974 г., военные были на подъеме, Бразилия росла почти на 10 % в год. У нас был мир, процветание, полная занятость. Бразилия летела. Некоторые проблемы случаются всегда»⁸.

При администрации М. Темера Бразилия совместно с Аргентиной, Чили, Колумбией, Парагваем, Перу решила приостановить членство в UNASUR «из-за кризиса в организации» 20 апреля 2018 г. Через год, 15 апреля 2019 г., правительство Болсонару денонсировало Учредительный договор UNASUR, тем самым официально оформив выход из организации. Данное объединение практически перестало существовать после выхода из него Чили, Аргентины, Бразилии, Колумбии, Перу, Эквадора, Парагвая, Боливии, Уругвая. МИД Бразилии (Итамарати) прекратило сотрудничество с CELAC в 2019 году, и 15 января 2020 г. Бразилия приостановила свое участие в данной организации. В числе причин этого решения было приглашение на форум представителей «диктатора» Николаса Мадуро в составе

⁷ Бухарин В. В. О БРИКС. МКС МГУ БРИКС [Электронный ресурс]. URL: http://spa.msu.ru/page_303.html (дата обращения: 03.07.2021).

⁸ Discurso do Presidente da República, Jair Bolsonaro, durante Solenidade dos 300 dias de Governo. Palácio do Planalto. 5 November 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.br/planalto/pt-br/acompanhe-o-planalto/discursos/2019/discurso-do-presidente-da-republica-jair-bolsonaro-durante-solenidade-dos-300-dias-de-governo-palacio-do-planalto> (дата обращения: 03.07.2021).

венесуэльской делегации, а также участие Кубы в CELAC. Таким образом, на смену консолидированному позиционированию себя перед мощью гегемона в лице США приходит разобщение и распад устоявшихся региональных объединений. В Латинской Америке происходит трансформация системы региональной интеграции — перестали функционировать ALBA, UNASUR, появился новый элемент системы — Prosur.

В Послании Национальному Конгрессу президент Болсонару обещает «противостоять парадигмам, которые нанесли ущерб национальному суверенитету и блокировали действия правительства в течение последних 30 лет». Он заверяет, что разработает внешнюю политику, которая обеспечит выход страны на международную арену благодаря укреплению двусторонних отношений с партнерами по всему миру, региональной интеграции и участию в многосторонних организациях. В этом же документе упоминаются ценности бразильского общества (в своих выступлениях президент называл такие ценности бразильского общества, как свобода, демократия, свободный рынок, семья), в соответствии с которыми будет перестроена многосторонняя дипломатия. Усилия по укреплению отношений будут предприняты «исходя из общих ценностей» и по отношению к тем странам, которые «действительно являются стратегическими» партнерами для Бразилии. Также затрагивается судьба главного бразильского проекта Mercosur: «с региональной точки зрения особое внимание уделяется сближению между Mercosur и AP». Работа в этом направлении уже велась, так, в июле 2018 года на совещании между двумя блоками был принят план действий по вопросам упрощения процедур торговли и таможенного сотрудничества. Болсонару заявляет, что будут приложены все усилия по созданию нового, более крепкого партнерства с США, «которое максимизирует возможности Бразилии в области развития». Болсонару обещает вести борьбу «за укрепление демократии и индивидуальных свобод в регионе». На этом фоне и в связи с кризисной ситуацией в Венесуэле следующим шагом стало присоединение Бразилии к новому интеграционному проекту Prosur, пришедшему на смену UNASUR. Примечательно, что обязательным требованием для вступления в Prosur является демократическое устройство, при этом все присоединившиеся страны осудили «режим Мадуро» и пригласили вступить в новую организацию правительство Х. Гуайдо, что фактически подтверждает идеологическое происхождение блока⁹.

В своей речи на заседании глав государств Mercosur (17 июля 2019 г.) Ж. Болсонару подтвердил кардинальное изменение в бразильской внешнеполитической стратегии, заявив, что Mercosur выходит за рамки торговой интеграции и посвящен теперь «продвижению свободы, демократии, мира и безопасности в Южной Америке... Мы не хотим, чтобы Южная Америка была великой страной. Мы хотим, чтобы каждая страна была автономной, демократической... Трамп говорит: 'Мы хотим великую Америку'. Я хочу великую Бразилию, я хочу великий Парагвай, Аргентину, великую Боливию, Уругвай».

В связи с подобными программными высказываниями о видении будущего пути Бразилии и учитывая уже сделанные шаги, можно заключить, что внешняя политика Бразилии в латиноамериканском регионе на современном этапе возвращается к концепции открытого регионализма, от которого в начале века отказались бразильские левые. На смену консолидированному позиционированию себя перед лицом и мощью США сегодня приходит разобщение и фрагментация устоявшихся региональных объединений. Важно отметить, что место и характер внешней политики в бразильской повестке в большей степени определяет позиция действующего президента, то есть направление внешней политики и способы ее реализации зависят и будут зависеть от личного стиля президента.

Остается и усиливается тенденция сближения Бразилии с Чили, США, а Mercosur — с AP и ЕС. Что касается США, Болсонару неоднократно высказывал личное восхищение

⁹ Frenkel A. Prosur el último Frankenstein de la integración Sudamericana // Nueva Sociedad. Junio 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://nuso.org/articulo/prosur-integracion-america-latina-derecha-alianza/> (дата обращения: 04.07.2021).

Трампом. При переговорах с США президент Бразилии делает ставку «на идеологический, почти личностный подход»¹⁰.

О старой традиции бразильской внешней политики — многовекторности — при новом президенте говорит подписанное соглашение о ЗСТ между ЕС и Mercosur, переговоры о котором велись в течение почти 20 лет. Соглашение еще не ратифицировано, при этом продолжаются переговоры об ассоциации.

О разрыве с прежней внешнеполитической традицией говорит следующее: при Болсонару Бразилия впервые проголосовала против отмены торгово-экономической блокады Кубы, организованной США, на Генеральной Ассамблее ООН. Всего за продление блокады проголосовали три государства: США, Израиль и Бразилия, за отмену блокады проголосовали 187 государств. Данное внешнеполитическое решение является идеологическим и связано с общей ориентацией последних бразильских администраций на внешнюю политику США. Кроме того, Бразилия кардинально изменила свою позицию по палестино-израильскому конфликту. Болсонару еще во время избирательной кампании дал обещание, что перенесет посольство Бразилии из Тель-Авива в Иерусалим, что впоследствии было заменено решением об открытии в Иерусалиме торгового представительства.

В целом Бразилия при правых перестала заявлять о лидерстве в регионе и сосредоточилась на внутренних делах и организации связей с дальним зарубежьем. Лидер региона должен участвовать в формировании повестки дня, выступать с инициативами. В XXI в. это было при Луле да Силва и частично при Д. Руссефф. Идеологическая компонента при ведении внешней политики присутствовала и у левых, и у правых. В Латинской Америке происходит трансформация системы региональной интеграции — перестали функционировать ALBA, UNASUR, Итамарати приостановило участие в CELAC. Появляются новые, лояльные гегемону элементы системы — Prosur.

Бразилия не является лидером региона, другие страны Латинской Америки ее лидерства не признают. Статус лидера постоянно оспаривается, так как активность Бразилии в регионе непостоянна, внутренняя проблематика перевешивает и оттягивает на себя ресурсы. Бразильская экономика остается крупнейшей по объему ВВП, но когда она еще не оправилась от рецессии 2015–2016 гг., по ней был нанесен мощнейший удар пандемией COVID-19 в 2020 году, и она сократилась на 4,1 %.

По показателю ВВП на душу населения Бразилия уступает Панаме, Чили, Уругваю, Мексике, Аргентине, Доминикане, Коста-Рике. Языковой барьер — исторически обусловленная принадлежность к лузофонии (сообществу португалоговорящих стран), тогда как большая часть Латинской Америки принадлежит к испанидад (сообществу испаноговорящих стран), также способствует обособлению Бразилии. Активность и инициативность страны в создании межрегиональных объединений позволяли ей долгое время утверждать региональное лидерство. Бразилия развивала идею «южноамериканскости» (не «латиноамериканскости») путем создания и развития экономических и политических объединений Mercosur и UNASUR для ведения линии лидерства. Однако, как показала практика, лидерство в рамках подобных организаций трудноосуществимо.

Библиография

1. Бразилия — восходящий центр экономического и политического влияния. М.: ИЛА РАН, серия «Саммит», 2008. 88 с.
2. Бразилия впервые проголосовала против отмены блокады Кубы в ООН // ИА REGNUM. 8 ноября 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2771555.html> (дата обращения: 04.07.2021).

¹⁰ *Pimentel M.* Quais foram os resultados da visita de Bolsonaro aos EUA // NEXO. 20 March 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nexojournal.com.br/expresso/2019/03/19/Quais-foram-os-resultados-da-visita-de-Bolsonaro-aos-EUA> (дата обращения: 04.07.2021).

3. *Бухарин В. В.* О БРИКС. МКС МГУ БРИКС [Электронный ресурс]. URL: http://sra.msu.ru/page_303.html (дата обращения: 03.07.2021).
4. *Мартынов Б. Ф.* История международных отношений стран Латинской Америки и Карибского бассейна (XX — начало XXI в.). М.: Аспект Пресс, 2019. 320 с.
5. О реформе Совета Безопасности ООН // The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/sovet-bezopasnosti/-/asset_publisher/aOIWWSeluENE/content/id/190594 (дата обращения: 03.07.2021).
6. *Окунева Л. С.* Бразилия: особенности демократического проекта: Страницы новейшей политической истории латиноамериканского гиганта (1960-е гг. — 2006 г.). М.: Изд-во МГИМО-Университет, 2008. 823 с.
7. ООН: от сохранения мира к миростроительству. Ридер РСМД: над проектом работали: Д. Хаспекова, М. Сmealова, М. Гурова, И. Сорокина, Д. Пуминов, А. Тесля. Российский совет по международным делам. 21 сентября 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/common/upload/www/digest/un.html?sphrase_id=153406 (дата обращения: 03.07.2021).
8. *Павлова Е. Б.* Колониальное наследие как проблема и ресурс сотрудничества «Юг — Юг»: случай Бразилии // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 1. С. 48–58.
9. *Павлова Е. Б., Сантандер К. У.* Большой спорт как решение больших проблем. Олимпиада в Сочи и чемпионат мира в Бразилии // Латинская Америка. 2014. № 6. С. 62–78.
10. *Попова И. М.* Председательство Бразилии в БРИКС в 2019 г.: чего ожидать от начала нового десятилетия сотрудничества и администрации Ж. Болсонару // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 4. С. 925–941.
11. Силуанов: пул резервных валют станет «мини-МВФ» для стран — членов БРИКС // РИА Новости. 9 июля 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/economy/20150709/1122491018.html> (дата обращения: 03.07.2021).
12. Уфимская декларация БРИКС [Электронный ресурс]. URL: <http://nkibrics.ru/pages/summit-docs> (дата обращения: 03.07.2021).
13. *Хейфец В. Л., Хадорич Л.* Кризис в Венесуэле и региональная интеграция // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 5. С. 79–87.
14. *Abdenur A. E.* Rising Powers and International Security: the BRICS and the Syrian Conflict // Rising Powers Quarterly. Vol. 1. Issue 1 (China's Rising Role in Global Governance: Opportunities & Challenges). Sep. 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://risingpowersproject.com/quarterly/rising-powers-and-international-security-the-brics-and-the-syrian-conflict/> (дата обращения: 03.07.2021).
15. *Barnato K., Hungerford N.* I got 2 out of 4 countries right, “Mr BRIC” Jim O’Neill says // CNBC. May 18, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cnbc.com/2016/05/18/i-got-2-out-of-4-countries-right-mr-bric-jim-oneill-says.html> (дата обращения: 03.07.2021).
16. Bolsonaro e Piñera fazem balanço do encontro Brasil-Chile. Presidência da República. 23.03.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.br/planalto/pt-br/acompanhe-o-planalto/noticias/2019/03/bolsonaro-e-pinera-fazem-balanco-positivo-do-encontro-brasil-chile> (дата обращения: 03.07.2021).
17. Bolsonaro em Israel: O que aconteceu de mais importante na visita do presidente até agora? // BBC. 2 abril 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/portuguese/internacional-47740929> (дата обращения: 04.07.2021).
18. Brasil sai da Unasul // UOL. 15.04.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://noticias.uol.com.br/ultimas-noticias/afp/2019/04/15/brasil-sai-da-unasul.htm> (дата обращения: 03.07.2021).
19. *Della Coletta R.* Brasil suspende participação em organização que reúne 33 países latino-americanos // Folha de S. Paulo. 15 January 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www1.folha.uol.com.br/mundo/2020/01/brasil-suspende-participacao-em-organizacao-que-reune-33-paises-latino-americanos.shtml> (дата обращения: 03.07.2021).
20. Discurso do Presidente da República, Jair Bolsonaro, durante a Sessão Plenária dos Chefes de Estado — Santa Fé, Argentina. Presidência da República. 17.07.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.br/planalto/pt-br/acompanhe-o-planalto/discursos/2019/discurso-do-presidente-da-republica-jair-bolsonaro-durante-a-sessao-plenaria-dos-chefes-de-estado-santa-fe-argentina> (дата обращения: 04.07.2021).
21. Discurso do Presidente da República, Jair Bolsonaro, durante Solenidade dos 300 dias de Governo. Palácio do Planalto. 5 November 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.br/planalto/pt->

- br/acompanhe-o-planalto/discursos/2019/discurso-do-presidente-da-republica-jair-bolsonaro-durante-solenidade-dos-300-dias-de-governo-palacio-do-planalto (дата обращения: 03.07.2021).
22. *Dobronravin N., Jeifets V.* Beyond the BRICS: Russian-Brazilian Relations since the collapse of the USSR // *Pensamiento Propio América Latina y el Caribe en un mundo en transición: actores extrarregionales y estrategias latinoamericanas.* 2019. Vol. 49–50. P. 199–228 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cries.org/wp-content/uploads/2019/08/013-Jeifetz.pdf> (дата обращения: 03.07.2021).
 23. *Frenkel A.* Prosur el último Frankenstein de la integración Sudamericana // *Nueva Sociedad.* Junio 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://nuso.org/articulo/prosur-integracion-america-latina-derecha-alianza/> (дата обращения: 04.07.2021).
 24. *Grizia A.* Brazil's Vote on the Cuban Embargo at the UN: An Unrequited Gamble for U.S. Goodwill? // *Council on Foreign Relations.* May 20, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cfr.org/blog/brazils-vote-cuban-embargo-un-unrequited-gamble-us-goodwill> (дата обращения: 04.07.2021).
 25. *Guerrero F., Gallardo P.* Tras 14 años, Chile dejaría de ser el país con el mayor PIB per cápita de América Latina en 2019 // *La Tercera.* 10 April 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.latercera.com/pulso/noticia/tras-14-anos-chile-dejaria-pais-mayor-pib-per-capita-america-latina-2019/607690/> (дата обращения: 04.07.2021).
 26. Joint Statement of the BRIC Countries' Leaders 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://infobrics.org/document/8/> (дата обращения: 03.07.2021).
 27. *McGeever J.* Brazil GDP drops 4.1 % in 2020, COVID-19 surge erodes rebound // *Reuters.* March 3, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/article/us-brazil-economy-gdp-idUSKBN2AV1FZ> (дата обращения: 04.07.2021).
 28. *Menezes R. G., de Azevedo Banzatto A. P.* Brasil e Aliança do Pacífico: resistência, aproximação e acomodação // *CRIES. Anuario de Integración Regional de América Latina y el Caribe.* 2016. No. 13. P. 133–146 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cries.org/wp-content/uploads/2017/04/011-menezes-banzatto.pdf> (дата обращения: 03.07.2021).
 29. Mensagem ao Congresso Nacional Jair Messias Bolsonaro — 2019 // *Portal do Senado Federal.* 256 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://www12.senado.leg.br/noticias/arquivos/2019/02/04/mensagem-presidencial> (дата обращения: 04.07.2021).
 30. *O'Neill J.* Building Better Global Economic BRICs // *Goldman Sachs's Global Economics Paper.* No. 66. November 30, 2001. 16 p. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.goldmansachs.com/our-thinking/archive/archive-pdfs/build-better-brics.pdf> (дата обращения: 03.07.2021).
 31. *Pimentel M.* Quais foram os resultados da visita de Bolsonaro aos EUA // *NEXO.* 20 March 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nexojornal.com.br/expresso/2019/03/19/Quais-foram-os-resultados-da-visita-de-Bolsonaro-aos-EUA> (дата обращения: 04.07.2021).
 32. *Ramanzini Junior H., Passini Mariano M.* As Relações com a América do Sul (2008–2015). Política externa brasileira em debate: dimensões e estratégias de inserção internacional no pós-crise de 2008. Ipea, Funag, 2018. P. 236–271 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ipea.gov.br/portal/images/stories/PDFs/livros/livros/181206_a_politica_externa_brasileira_cap10.pdf (дата обращения: 03.07.2021).
 33. *Rocha Gabriel V. D.* The New EU-Mercosur Trade Agreement: a New Breath to Free Trade // *E-International Relations.* 4 September 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.e-ir.info/2019/09/04/the-new-eu-mercosur-trade-agreement-a-new-breath-to-free-trade/> (дата обращения: 04.07.2021).
 34. Secretaría Permanente del SELA. Unión de Naciones Suramericanas (UNASUR): Relaciones Intrarregionales, SP/Di. No. 10–15. 2015. 50 p. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sela.org/media/2087695/di-10-unasur-esp.pdf> (дата обращения: 02.07.2021).
 35. *Stuenkel O.* The BRICS and the Future of Global Order. Washington.: Lexington Books, 2015. 268 p.
 36. *Tett G.* The story of the Brics // *Financial Times.* January 15, 2010 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ft.com/content/112ca932-00ab-11df-ae8d-00144feabdc0> (дата обращения: 03.07.2021).

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XXI ВЕКА

POLITICAL INSTITUTIONS AND PROCESSES IN LATIN AMERICA IN THE FIRST DECADES OF THE 21ST CENTURY

Л. В. Дьякова¹

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В ЧИЛИ НАКАНУНЕ НОВЫХ ВЫБОРОВ

THE POLITICAL PROCESS IN CHILE ON THE EVE OF NEW ELECTIONS

Resumen: La autora examina las características del proceso político, los problemas sociales y políticos en Chile en la víspera de las elecciones nacionales del 21 de noviembre de 2021, en el contexto del agravamiento de la situación económica causada por la pandemia del COVID-19. El informe analiza los principales resultados del gobierno presidencial de S. Piñera (2018–2022), los resultados de un movimiento de protesta masiva que comenzó en octubre de 2019, que condujo a una crisis sociopolítica sin precedentes en las relaciones de poder y sociedad, una revisión de los fundamentos del modelo de desarrollo chileno. Al mismo tiempo, las medidas adoptadas por el presidente y el gobierno llevaron a la aplicación de los principales acuerdos alcanzados en el acuerdo de principio de las fuerzas políticas más importantes el 15 de noviembre de 2019: la celebración de un Plebiscito nacional sobre la aprobación de una nueva Constitución (25 de octubre de 2020), la celebración de elecciones de un Convención Constitucional (en mayo de 2021). Estos eventos fueron los resultados más importantes de las actividades del gabinete de S. Piñera. La campaña electoral, cuya característica es el declive de las fuerzas tradicionales del centro — izquierda, se caracteriza por el reformateo de las coaliciones de partidos, la nominación de nuevas figuras políticas: S. Sichel en el flanco derecho y G. Boric en el flanco de izquierda. Los temas clave de la agenda electoral son los

¹ Дьякова Людмила Владимировна, Россия, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН (diakova65@mail.ru).

temas sociales, la reforma del sistema de pensiones, la migración irregular, la “pacificación” del movimiento indígena de protesta y el restablecimiento del orden y la paz en la Araucanía.

Palabras clave: Chile; elecciones nacionales de 2021; S. Piñera; movimiento de protesta 2019; Convención Constitucional.

Abstract: The author examines the features of the political process, social and political problems in Chile on the eve of the national elections on November 21, 2021, in the context of the aggravation of the economic situation caused by the COVID-19 pandemic. The report analyzes the main results of the presidential rule of S. Pinera (2018–2022), the results of the mass protest movement that began in October 2019, which led to an unprecedented socio-political crisis in the relations between government and society, the revision of the foundations of the Chilean model of development. At the same time, the steps taken by the President and the Government led to the implementation of the main agreements reached as a result of the agreement in principle of the most important political forces on November 15, 2019 — the holding of a nationwide plebiscite on the adoption of a new constitution (October 25, 2020), the holding of elections of the Constitutional Convention (in May 2021). These events were the most important results of the activities of S. Pinera’s cabinet. The electoral campaign, a characteristic feature of which is the decline of the traditional center-left forces, is characterized by the reformatting of party coalitions, the nomination of new political figures — S. Sichel on the right flank and G. Borich on the left. The key issues on the electoral agenda are social issues, reform of the pension system, illegal migration, “pacification” of the protest Indian movement and the restoration of order and peace in Araucanía.

Key words: Chile; national elections of 2021; S. Pinera; protest movement of 2019; Constitutional Convention.

21 ноября 2021 г. в Чили состоятся очередные президентские и парламентские выборы; закончится срок полномочий одного из самых критикуемых и противоречивых национальных политиков за последние 30 лет — президента Себастьяна Пиньеры (2018–2022), лидера коалиции правых партий, пришедшего к власти под лозунгами ускорения экономического роста, поэтапного улучшения социальной ситуации и осторожной коррекции социальных реформ, начатых предшественниками-левоцентристами.

Несмотря на умеренно-технократический стиль, преобладавший в деятельности правительства в первый год пребывания у власти, президентство С. Пиньеры ознаменовалось «Революцией 30 песо» — подъемом массового протестного движения в октябре-ноябре 2019 г., начавшегося как реакция молодежи на повышение цен на проезд в метро, приведшего страну к беспрецедентному социально-политическому кризису и, в итоге, к подписанию в ноябре 2019 г. всеми партиями страны соглашения о мире и новой конституции². Предполагалось, что новая конституция (вместо действующей, принятой в 1980 г. при военном режиме Аугусто Пиночета (1973–1990), реформированной в 2005 г., но оставшейся «пиночетовской» по происхождению) будет более полно отражать социальные права граждан и подчеркнет исторический долг государства перед индейскими народами.

На общенациональном плебисците 25 октября 2020 г. 78,3 % от числа принявших участие в голосовании поддержали идею немедленной разработки новой конституции, а 79 % высказались за форму всенародно избираемого Конституционного Конвента в составе 155 членов³.

В результате выборов Конституционного Конвента (15 и 16 мая 2021 г.) 37 мест из 155 получили представители правых партий, 25 — официального левоцентризма, участники распавшейся коалиции «Новое большинство» (Nueva Mayoría, NM), 28 — объединение леворадикальных сил в составе Широкого фронта (Frente Amplio, FA) и Коммунистической партии (Partido Comunista de Chile, PCCh). 48 мест, неожиданно для всех традиционных

² Дьякова Л. В. Чили-2020. Эволюция политического кризиса // Латинская Америка. 2020. № 8. С. 6–19.

³ Plebiscito 2020. Proceso constituyente // Biblioteca del Congreso Nacional [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bcn.cl/procesoconstituyente/plebiscito2020> (дата обращения: 28.09.2021).

партий, фактически потерпевших поражение, завоевали независимые кандидаты⁴. Квота в 17 мест была зарезервирована за представителями коренных народов (7 из них предназначались для самого многочисленного на территории Чили индейского народа мапуче).

4 июля 2021 г. Конституционный Конвент начал работу. Новый текст конституции предполагается завершить к середине 2022 года, затем вынести на общенациональный плебисцит для утверждения 2/3 голосов, с обязательным участием в голосовании всех граждан страны, имеющих право голоса. Начавшиеся разногласия внутри Конвента, с деятельностью которого связаны большие ожидания и надежды, соответствуют значительным расхождениям как в широких социальных слоях, так и в рядах политического класса, и представляют фактор серьезной дестабилизации.

Пандемия COVID-19 явилась еще одним тяжелым испытанием для чилийской экономики, общества и государства. Жертвами пандемии к концу сентября 2021 г. стали более 37 тыс. человек⁵. Несмотря на эффективно проведенную кампанию по вакцинации и поддержку правительством наиболее уязвимых категорий населения (выплаты чрезвычайных бонусов беднейшим семьям, пенсионерам и инвалидам, работникам транспорта; льготные кредиты для малого бизнеса; разрешение вывести с индивидуальных пенсионных счетов часть накоплений), экономические и социальные потери оказались значительны: сокращение ВВП на 5,8 % (в 2020 г.), снижение занятости людей трудоспособного возраста, рост задолженностей, разорение предприятий малого бизнеса, угроза массового сокращения среднего класса (по прогнозам Всемирного банка, на 2,3 млн человек за 2020–2021 гг.)⁶.

Таким образом, Чили находится на перекрестке сложных общественно-политических процессов, в ситуации высоких социальных ожиданий и рисков, связанных как с реализацией политических изменений, так и с решением социальных проблем, прежде всего — преодолением социального неравенства.

Рейтинг поддержки президента опускался до 8 % в декабре 2019 г. и держался на уровне 9 % в течение 2020 года⁷. Осенью 2019 г. Палата депутатов пыталась выдвинуть против него конституционное обвинение за нарушение прав человека в ходе подавления протестного движения, но эта мера не собрала необходимое число голосов. Несмотря на то, что в октябре 2021 г. его деятельность, учитывая борьбу с пандемией и начало работы над конституцией, одобряли все-таки 16 % респондентов⁸, С. Пиньера стал самым непопулярным чилийским президентом с момента перехода страны к демократии.

Характерным моментом современного этапа является то, что знаменательные исторические события разворачиваются на фоне подготовки президентских и парламентских выборов, в контексте начавшейся электоральной кампании. Существенные внутренние противоречия во всех политических течениях, традиционно отождествляемых с умеренно-центристским, леворадикальным и правым флангом, привели к процессам перегруппировки в рядах предвыборных коалиций, смене названий, поиску и выдвижению

⁴ Cuatro claves de una elección inusitada // El Líbero [Электронный ресурс]. URL: https://ellibero.cl/actualidad/cuatro-claves-de-una-eleccion-inusitada/?mc_cid=4016f59238&mc_eid=3ff5671c12 (дата обращения: 19.05.2021).

⁵ Coronavirus. Cifras oficiales [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gob.cl/coronavirus/cifrasoficiales/> (дата обращения: 25.09.2021).

⁶ Chile: efectos de la pandemia generaron consecuencias sin precedentes en el mundo de trabajo [Электронный ресурс]. URL: https://www.ilo.org/santiago/sala-de-prensa/WCMS_761927/lang--es/index.htm#:~:text=El%20impacto%20en%20la%20economía,de%20cara%20a%20la%20recuperación (дата обращения: 25.09.2021).

⁷ Cadem: Por segunda vez Presidente Piñera registra una aprobación de 9 % // La Tercera [Электронный ресурс]. URL: <https://www.latercera.com/nacional/noticia/cadem-por-segunda-vez-presidente-pinera-registra-una-aprobacion-de-9/LTKN2BYFNZATFMOYK4EV6HMJDM/> (дата обращения: 15.09.2021).

⁸ Encuesta CEP: gestión del gobierno del Presidente Piñera alcanza un 68 % de desaprobación y subsecretaria Daza es la mejor evaluada // El Mostrador [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elmostrador.cl/noticias/pais/2021/09/15/encuesta-cep-gestion-del-gobierno-del-presidente-pinera-alcanza-un-68-de-desaprobacion-y-subsecretaria-daza-es-la-mejor-evaluada/> (дата обращения: 21.09.2021).

новых перспективных лидеров, к акценту на обновленческой и социальной риторике в программах кандидатов.

В результате первичных выборов, проведенных летом 2021 г., крупнейшие партийные коалиции страны представили следующих кандидатов на президентский пост:

- Правые партии, объединенные в предвыборный блок «Чили, мы можем больше» («Chile Podemos Más»), выдвинули Себастьяна Сичеля (Sebastian Sichel), не входящего ни в одну из партий, но победившего более известных претендентов, в том числе Хоакина Лавина (Joaquín Lavín), экс-главу одного из богатых столичных муниципалитетов, участника многих электоральных кампаний, и экс-министра обороны Марио Десбордеса (Mario Desbordes). С. Сичель, 44 года, адвокат по образованию, выпускник Католического университета Чили, возглавлял министерство социального развития и семьи в правительстве С. Пиньеры, а в 2020 г. — Государственный банк. Его программа сосредоточена на идеях развития предпринимательства, поддержки малого и среднего бизнеса, модернизации социальной сферы, формировании инклюзивного общества. За С. Сичеля, который в преддверии выборов олицетворял линию продуманного и четкого политического централизма (уходящего от традиционных ценностей «правых»), с акцентом как на необходимости назревших изменений, так и на задачах экономического развития, в конце сентября готовы были отдать свои голоса 18 % опрошенных избирателей; в начале октября эта цифра сократилась до 12 %.
- На левом фланге уверенно набирало влияние объединение леворадикальных сил «Одобряю достоинство» («Apruebo Dignidad») в составе Широкого фронта и Компартии. Их кандидатом стал яркий молодой политик Габриэль Борич (Gabriel Boric), представитель Широкого фронта, оказавшийся более популярным, чем коммунист Даниэль Хадуе (Daniel Jadue), выдвинутый своей партией, но проигравший в ходе праймериз. Г. Борич, 35 лет, выпускник юридического факультета Университета Чили, был одним из лидеров студенческого движения 2011 г. (направленного против неолиберальной реформы образования), возглавлял крупнейшую студенческую федерацию Университета Чили, с 2014 г. является депутатом и одним из сооснователей Широкого фронта (в 2017 г.). Политическая деятельность Г. Борича связана с радикально-альтернативными протестными движениями, он является ярким выразителем молодежных настроений, критикующих чилийскую модель за отсутствие социальной справедливости, а находившиеся у власти 25 лет левоцентристские правительства — за продолжение политики экономического и социального неолиберализма, приведшего к консервации социального неравенства. На преодоление этих пороков развития направлена президентская программа Г. Борича, рейтинг которого, по опросам конца сентября — начала октября 2021 г., составил 25 %.
- Положение левоцентристов, традиционного «умеренного центра», бывших участников исторической коалиции социалистов и христианских демократов, в 2013–2018 гг. существовавшей как «Новое большинство» (Nueva Mayoría, NM), является наиболее сложным. Их деятельность оказалась обесценена массовым протестным движением 2019 г., а идеология централизма, постепенных изменений и политических компромиссов, абсолютно девальвирована. В итоге крупные левоцентристские партии — Социалистическая (Partido Socialista, PS), «Партия за Демократию» (Partido por la Democracia, PPD), Христианско-демократическая (Partido Demócrata Cristiano, PDC) и ряд небольших — движение «Граждане» (Ciudadanos), Либеральная (Liberal) и др. объединились в «Новый социальный пакт» (Nuevo Pacto Social). Их кандидатом стала представитель христианских демократов Ясна Провосте (Yasna Provoste), работавшая в первом кабинете президента-социалиста Мишель Бачелет (2006–2010). С марта 2021 г. она является председателем Сената. Я. Провосте, 51 год, происходит из индейского народа

диагита, тема коренных народов и подлинной мультикультурности занимает важное место в ее программе, как и социальные проблемы, права женщин, задачи построения более справедливой и гармоничной страны. Слабыми сторонами Провосте как кандидата в президенты можно назвать отсутствие ярких лидерских качеств, политической индивидуальности, четко выраженных программных задач, а также наличие ассоциаций с «официальным» левоцентризмом. Рейтинг ее поддержки составлял 11,5 %.

Самостоятельную позицию на выборах представляют известные политики:

- Марко Энрикес-Оминами (Marco Enríquez-Ominami) — лидер Прогрессистской партии (Partido Progresista, PRO), участник трех президентских кампаний, близок к мировоззрению «Нового социального пакта», с которым он намеревался объединиться на протяжении 2021 года;
- Хосе Антонио Каст (José Antonio Kast) — ультраконсерватор, идейный пиночетист, выступающий с критикой правительства С. Пиньеры; лидер созданной им Республиканской партии (Partido Republicano), выступающей за жесткий государственный порядок, семейные ценности, защиту предпринимательства, собственности, либеральной свободы, сохранение действующей пенсионной системы (с частными пенсионными фондами), за традиционные правые идеалы. Лозунг его электоральной кампании: «Atrévete» (т.е. осмелюсь, рискни). Голоса, отданные за Х. А. Каста, будут свидетельствовать об уровне симпатий к пиночетизму и росте или падении радикально-правых настроений в обществе. Характерной особенностью избирательной кампании стал рост популярности этого политика: если в конце сентября он уступал С. Сичелю, то в начале октября вышел на второе место после Г. Борича, увеличив свою поддержку до 16 % опрошенных⁹.

Помимо влиятельных фигур свои кандидатуры выдвинули и малопопулярные оппозиционные кандидаты с низкими шансами на получение какой-либо поддержки — политические ветераны Франко Паризи (Franco Parisi) и Эдуардо Артес (Eduardo Artés).

Наиболее обсуждаемыми ключевыми темами предвыборной повестки, помимо общеполитических и социальных вопросов, стали:

- 1) Нелегальная миграция и коллапс в северных районах страны, на чилийско-боливийской и перуанской границах. Нелегальное пересечение этих границ беженцами из Венесуэлы уже привело к столкновениям с жителями городов Икике, Кольчане и др., не приспособленных для приема мигрантов. Всего в Чили находится до 1,4 млн легальных мигрантов, из них 457 тыс. составляют венесуэльцы; подсчитать количество нелегалов не представляется возможным.
- 2) Ситуация в южных районах (Zona Sur) Араукании и Био-Био, обострившаяся из-за роста насилия и радикализации протестного движения индейцев-мапуче (поджоги машин, с/х техники, кражи в домах, нападения на жителей, столкновения с полицейскими, пикеты на дорогах). Неоднократно ставился вопрос о введении президентом чрезвычайного положения и необходимости экономического развития Араукании.
- 3) Социальные вопросы, в том числе проблема пенсионной реформы: сохранение частной накопительной системы, переход к полностью солидарной или дальнейшее формирование смешанной, с развитием солидарной части. Этот острый вопрос постоянно затрагивался в предвыборных дебатах и разделил политическое поле на сторонников солидарной системы (Борич, частично —

⁹ Elecciones Chile: La extrema derecha avanza en la carrera presidencial chilena de la mano de Kast, a siete semanas de las elecciones // El País. Internacional [Электронный ресурс]. URL: <https://elpais.com/internacional/2021-10-09/la-derecha-extrema-avanza-en-la-carrera-presidencial-chilena-de-la-mano-de-kast-a-siete-semanas-de-las-elecciones.html> (дата обращения: 09.10.2021).

Провосте) и сторонников сохранения накопительной системы с участием солидарной (Сичель).

Таким образом, на выборах 21 ноября 2021 г. будут представлены 7 кандидатов. Высока вероятность второго тура, в котором возможно противостояние наиболее сильных фигур текущей электоральной кампании С. Сичеля и Г. Борича; на правом фланге возможно преимущество, с выходом во второй тур, Х. А. Каста. Тем не менее, однозначно предсказать результаты выборов в настоящий момент невозможно (в конце сентября 2021 г. 50 % опрошенных еще не определились с предпочтениями). Многое будет зависеть от активности массового избирателя, от ошибок или удачных выступлений самих претендентов, в итоге — от общественного выбора в пользу более компромиссного или более альтернативного пути, представленного, соответственно, модернизаторским правым крылом и «новым левым» флангом. Суммируя цифры поддержки кандидатов, существующие в настоящий момент, и учитывая запрос на социальные перемены со стороны широких слоев общества, наиболее вероятной представляется победа левых сил на предстоящих выборах.

Библиография

1. Дьякова Л. В. Чили-2020. Эволюция политического кризиса // Латинская Америка. 2020. № 8. С. 6–19.
2. Plebiscito 2020. Proceso constituyente // Biblioteca del Congreso Nacional [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bcn.cl/procesoconstituyente/plebiscito2020> (дата обращения: 28.09.2021).
3. Cuatro claves de una elección inusitada // El Líbero [Электронный ресурс]. URL: https://ellibero.cl/actualidad/cuatro-claves-de-una-eleccion-inusitada/?mc_cid=4016f59238&mc_eid=3ff5671c12 (дата обращения: 19.05.2021).
4. Coronavirus. Cifras oficiales [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gob.cl/coronavirus/cifrasoficiales/> (дата обращения: 25.09.2021).
5. Chile: efectos de la pandemia generaron consecuencias sin precedentes en el mundo de trabajo [Электронный ресурс]. URL: https://www.ilo.org/santiago/sala-de-prensa/WCMS_761927/lang-es/index.htm#:~:text=EI%20impacto%20en%20la%20economía,de%20cara%20a%20la%20recuperación. (дата обращения: 25.09.2021).
6. Cadem: Por segunda vez Presidente Piñera registra una aprobación de 9 % // La Tercera [Электронный ресурс]. URL: <https://www.latercera.com/nacional/noticia/cadem-por-segunda-vez-presidente-pinera-registra-una-aprobacion-de-9/LTKN2BYFNZATFMOYK4EV6HMJDM/> (дата обращения: 15.09.2021).
7. Encuesta CEP: gestión del gobierno del Presidente Piñera alcanza un 68 % de desaprobación y subsecretaria Daza es la mejor evaluada // El Mostrador [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elmostrador.cl/noticias/pais/2021/09/15/encuesta-cep-gestion-del-gobierno-del-presidente-pinera-alcanza-un-68-de-desaprobacion-y-subsecretaria-daza-es-la-mejor-evaluada/> (дата обращения: 21.09.2021).
8. Elecciones Chile: La extrema derecha avanza en la carrera presidencial chilena de la mano de Kast, a siete semanas de las elecciones // El País. Internacional [Электронный ресурс]. URL: <https://elpais.com/internacional/2021-10-09/la-derecha-extrema-avanza-en-la-carrera-presidencial-chilena-de-la-mano-de-kast-a-siete-semanas-de-las-elecciones.html> (дата обращения: 09.10.2021).

К. В. Богданов¹

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА СНОВА ПОВОРАЧИВАЕТ НАЛЕВО?

IS LATIN AMERICA TURNING LEFT AGAIN?

Resumen: El autor trata de caracterizar las corrientes políticas actuales en América Latina asociadas a la llegada al poder de representantes de movimientos de izquierda y centro izquierda. El autor identifica las razones de esta alineación de fuerzas que se había desarrollado en la región a fines de la primera década del siglo XXI, y también las compara con tendencias similares que tuvieron lugar a principios de la década de 2000. El artículo ofrece una valoración de las actividades del Grupo de Puebla como nueva plataforma ideológica en la región, y saca una conclusión sobre las perspectivas de desarrollo de la situación.

Palabras clave: Giro a la izquierda; América Latina; progresismo; Grupo de Puebla.

Abstract: In the article, the author tries to characterize the current political trends in Latin America associated with the coming to power of representatives of the leftwing and the center-leftwing movements. The author identifies the reasons for this alignment of forces that developed in the region by the end of the first decade of the 21st century and compares them with the similar tendency that took place in the early 2000s. The article provides an assessment of the activities of the Puebla Group as a new ideological platform in the region and draws a conclusion about the prospects for the development of the situation.

Key words: Left turn; Latin America; progressivism; Puebla Group.

Начало нового десятилетия страны Латинской Америки встретили очень слабыми, как в политическом плане, так и в экономическом. Не зря известный исследователь Мануэль Алькантара охарактеризовал государства как «усталые демократии»². В 2020 г. мир охватила пандемия коронавируса, которая особо остро отразилась на положении региона. Безусловно, имеющиеся условия не могли не оказать влияние на расстановку политических сил в Латинской Америке.

Если сосредоточиться на электоральных результатах последних лет, то очевидно, что в различных странах региона представители левоцентристских и левых сил уверенно одерживали победу над своими соперниками из правого политического спектра. В мае 2018 г. левоцентрист Карлос Альварадо победил на выборах и стал президентом Коста-Рики; в июле того же года к власти в Мексике пришел Андрес Мануэль Лопес Обрадор; в 2019 г. левоцентристы в лице Лаурентино Кортицо получили пост президента Панамы; в октябре того же года избрание Альберто Фернандеса положило конец правительству Маурисио Макри в Аргентине; в октябре 2020 г. Луис Арсе из партии «Движение к социализму» победил на президентских выборах в Боливии; в июне 2021 г. в Перу президентские выборы выиграл Педро Кастильо³. Такой политический расклад невольно породил мысли о том, что в регионе намечаются тенденции к возвращению левых сил во власть.

¹ Богданов Кирилл. Вадимович, Россия, аспирант СПбГУ (kirill160611@yandex.ru).

² Alcántara M. Los partidos y la fatiga de la democracia, especial referencia al caso de América Latina // Revista de Derecho Electoral. 2019. No. 28. P. 1–24.

³ Reynoso A. Piden legisladores del PAN política exterior institucional y sin preferencias ideológicas [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pan.senado.gob.mx/2021/01/piden-legisladores-del-pan-politica-externa-institucional-y-sin-preferencias-ideologicas/> (дата обращения: 02.10.2021).

Хотя в Мексике приход к власти А. М. Лопеса Обрадора и положил конец засилью правых в правительстве, в случае Аргентины и Боливии победившие левые силы были не в новинку для граждан. Результаты выборов в целом демонстрируют, что сейчас не лучшие времена для правого крыла в Латинской Америке, несмотря на уверенную победу его представителей в Парагвае, Уругвае, Колумбии и Бразилии.

Рассматривая перспективу политического развития Латинской Америки, необходимо подчеркнуть, что результаты выборов, которые пройдут в 2022 г., могут еще больше повлиять на спектр. Особо зыбкое положение правых можно наблюдать в Чили и Бразилии. Об этом свидетельствуют данные предварительных выборов и социологических опросов⁴.

В Чили набирает популярность кандидат от блока «Одобряю достоинство» Габриэль Борич, а в Бразилии возрождающиеся левые будут стремиться отстранить правого президента Жаира Болсонару от власти. Опрос, проведенный в мае, показал, что Лула или другой потенциальный левый кандидат выиграет ожидаемый второй тур выборов в следующем году у Болсонару, которого жестко критикуют за меры по борьбе с пандемией COVID-19⁵.

Выборы, запланированные на 2021 год и последующие, проводятся — как и многие предыдущие — в обстановке острого экономического и социального кризиса, который усугубляется последствиями пандемии. В этом плане вопрос сводится к тому, насколько выгодно правые или левые смогут использовать сложившуюся ситуацию.

Проводя ретроспективный анализ ситуации, можно отметить, что среди различных причин «сдвига влево» в первом десятилетии XXI в. основополагающим можно считать недовольство проведением политики неолиберализма, которая привела к росту бедности, неравенства и социального недовольства. В Мексике же ситуация развивалась несколько медленнее, чем в Латинской Америке, поскольку к 2000 г. общество еще не было готово к избранию левых кандидатов, хотя на выборах 2006 г. вероятность левого поворота была вполне реальна.

В первое десятилетие XXI в. существовала объективная реальность, которая влияла на стабильность не только левых, но и правых правительств. В то время государства региона переживали период экономического подъема из-за роста цен на сырье на международном рынке. Это обстоятельство обуславливало проведение политики перераспределения, сокращающей бедность и неравенство.

Однако с 2012 г. экономическая ситуация начала ухудшаться, это привело к замедлению экономического роста в регионе, что не могло не отразиться на политической сфере. Речь идет о том, что проблемы в экономике привели к тому, что ряд лидеров левого толка потеряли власть либо из-за поражения на выборах, либо из-за развернутых судебных преследований, как в Парагвае в 2012 г. и Бразилии в 2016 г. Эти события породили дебаты о неэффективности левых правительств и о региональной тенденции к сдвигу вправо.

Начиная с 2016 г. окончание товарного бума оказывает заметное влияние не только на латиноамериканскую экономику, но и во многом на социальную сферу, что отразилось на количестве населения, которое находится в крайне уязвимом положении.

Эти события породили развитие тенденции, связанной с отказом от традиционных партий и появлением новых лидеров с ярко выраженными популистскими взглядами. Население стран стало отдавать свое предпочтение на выборах «внесистемным» кандидатам. А. М. Лопес Обрадор в 2018 г. во многом представлял собой именно такого кандидата.

⁴ *Montes R.* La izquierda y la derecha cambian de generación en Chile con miras a la presidencia en 2022 // El País. 19.07.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://elpais.com/internacional/2021-07-19/la-izquierda-y-la-derecha-cambian-de-generacion-en-chile-con-miras-a-la-presidencia-en-2022.html> (дата обращения: 01.10.2021).

⁵ *Zanini F.* Datafolha: Lula lidera corrida eleitoral de 2022 e marca 55 % contra 32 % de Bolsonaro no 2º turno // Folha de S. Paulo. 12.07.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www1.folha.uol.com.br/poder/2021/05/datafolha-lula-lidera-corrída-eleitoral-de-2022-e-marca-55-contra-32-de-bolsonaro-no-2o-turno.shtml> (дата обращения: 01.10.2021).

Возвращаясь к вышеописанным изменениям, связанным с зарождающимся «левым поворотом», уместно привести высказывания экспертов на этот счет. По мнению политического консультанта Серхио Гузмана: «В регионе произошла реорганизация левых сил с тех пор, как они были дискредитированы коррупционными скандалами. Сейчас „левые“ пытаются перестроиться, принимая во внимание допущенные ошибки. В ряде стран они стремятся убедить, что если бы они руководили страной в разгар пандемии, то сценарии ее развития в регионе были бы оптимистичнее»⁶.

Профессор Университета Чили Жилберто Аранда говорит следующее: «Может создаться впечатление, что в регионе появилась новая возможность для левых занять лидирующие позиции, однако не думаю, что мы находимся в цикле, подобном тому, который начался в 2000 г. Проект левых продолжает оставаться проектом социальной справедливости, что представляется актуальным в этой части мира, но его слабое место — это излишняя сосредоточенность на личностях лидеров... Первоочередной задачей для новых левых должно стать обновление руководящих составов»⁷.

Такой расклад сил позволяет рассуждать о возможном возрождении АЛБА. Однако в данном ключе можно заметить, что Мексика не пытается идентифицировать себя с такими режимами, как на Кубе и в Венесуэле, а также не делает акцент на выстраивании отношений с Китаем и Россией для противостояния с США. Одним из наиболее реалистичных сценариев является укрепление прогрессивного альянса с так называемыми новыми левыми через Группу Пуэбла.

Группа Пуэбла — новая политическая площадка, которая была основана 12 июля 2019 г. в мексиканском городе Пуэбла. Данный политический блок является платформой, которая объединяет левоцентристских представителей ибероамериканского мира. По мнению одного из его основателей, чилийского политического и общественного деятеля Марко Энрикеса-Оминами: «Это группа для диалога между представителями левых движений, однако это не означает, что все представители должны придерживаться одинаковых позиций по вопросам международной повестки»⁸. При этом не стоит забывать, что прогрессивизм, который объединяет политиков — участников данного объединения, можно смело назвать логичным противовесом сложившемуся и устоявшемуся в регионе неолиберализму правых⁹.

Говоря о роли Группы Пуэбла в регионе, отметим, что ей придается особое значение после прихода к власти в Аргентине в 2019 г. представителя левых сил А. Фернандеса. Такая перегруппировка сил в регионе вызвала воодушевление у «левых» стран региона. Через некоторое время А. Фернандес выберет Мексику в качестве первой страны для совершения официального визита¹⁰. Такое решение было воспринято как попытка создания новой, мощной оси прогрессивных левых в регионе.

Подобная турбулентность, выраженная в сильной политической поляризации сил, приводит к тому, что регион в целом находится в структурном кризисе доверия к

⁶ *Gúzman S.* La conspiración de la “izquierda internacional” // *Semana*. 14.09.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.semana.com/opinion/columnistas/articulo/la-conspiracion-de-la-izquierda-internacional-por-sergio-guzman/300076/> (дата обращения: 04.05.2021).

⁷ *Gilberto A.* Gilberto Aranda en El Mostrador: Mayoría de Izquierda en Ecuador... pero ¿qué izquierda? // *Foro Permanente de Política Exterior*. 9 de febrero de 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://foropoliticaexterior.cl/gilberto-aranda-en-el-mostrador-mayoria-de-izquierda-en-ecuador-pero-que-izquierda/> (дата обращения: 04.05.2021).

⁸ *Beldyk M.* Marco Enríquez-Ominami: “A la izquierda le falta más imaginación” // *Perfil*. 14.06.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.perfil.com/noticias/actualidad/grupo-de-puebla-entrevista-marco-enriquez-ominami-falta-mas-imaginacion.phtml> (дата обращения: 02.06.2021).

⁹ *Malamud C.* El progresismo del Grupo de Puebla y la frustración en América Latina // *El Economista*. 30.09.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economista.es/opinion-blogs/noticias/10113206/09/19/El-progresismo-del-Grupo-de-Puebla-y-la-frustracion-en-america-latina.html> (дата обращения: 02.10.2021).

¹⁰ *Omlos Sanchez P.* México y Argentina impulsan el eje de la izquierda latinoamericana // *El Mundo*. 04.11.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elmundo.es/internacional/2019/11/04/5dc08d5521efa056068b4615.html> (дата обращения: 12.10.2021).

демократической и политической системе. По мнению лидера центристской оппозиции Боливии Карлоса Месы: «Кризис усугубляется пандемией, которая обостряет противоречия и обнажает глубоко укоренившееся неравенство»¹¹. В дополнение к этому он спорит с устоявшимся конструктом левых и правых и отмечает, что хрупкость современной латиноамериканской демократии является благодатной почвой для популистов вне зависимости от их принадлежности к политическому спектру.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что несмотря на неудачи «правых» правительств и благоприятный момент для «левых», реальность такова, что регион продолжает оставаться в подвешенном состоянии. Политический спектр меняется согласно тому, кто лучше всего понимает сложившуюся ситуацию и вселяет надежду на перемены.

Библиография

1. *Alcántara M.* Los partidos y la fatiga de la democracia, especial referencia al caso de América Latina // Revista de Derecho Electoral. 2019. No. 28. P. 1–24.
2. *Aquino M.* ¿Otra marea rosada? La izquierda latinoamericana se impulsa con estrella en ascenso en Perú // Reuters. 21.07.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/article/elecciones-peru-latinoamerica-izquierda-idLТАКСN2DX167> (дата обращения: 01.10.2021).
3. *Beldyk M.* Marco Enríquez-Ominami: “A la izquierda le falta más imaginación” // Perfil. 14.06.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.perfil.com/noticias/actualidad/grupo-de-puebla-entrevista-marco-enriquez-ominami-falta-mas-imaginacion.phtml> (дата обращения: 01.10.2021).
4. *Gilberto A.* Gilberto Aranda en El Mostrador: Mayoría de Izquierda en Ecuador... pero ¿qué izquierda? // Foro Permanente de Política Exterior. 9 de febrero de 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://foropoliticaexterior.cl/gilberto-aranda-en-el-mostrador-mayoria-de-izquierda-en-ecuador-pero-que-izquierda/> (дата обращения: 01.10.2021).
5. *Gúzman S.* La conspiración de la “izquierda internacional” // Semana. 14.09.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.semana.com/opinion/columnistas/articulo/la-conspiracion-de-la-izquierda-internacional-por-sergio-guzman/300076/> (дата обращения: 01.10.2021).
6. *Malamud C.* El progresismo del Grupo de Puebla y la frustración en América Latina // El Economista. 30.09.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economista.es/opinion-blogs/noticias/10113206/09/19/El-progresismo-del-Grupo-de-Puebla-y-la-frustracion-en-america-latina.html> (дата обращения: 01.10.2021).
7. *Montes R.* La izquierda y la derecha cambian de generación en Chile con miras a la presidencia en 2022 // El País. 19.07.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://elpais.com/internacional/2021-07-19/la-izquierda-y-la-derecha-cambian-de-generacion-en-chile-con-miras-a-la-presidencia-en-2022.html> (дата обращения: : 01.10.2021).
8. *Omlos Sanchez P.* México y Argentina impulsan el eje de la izquierda latinoamericana // El Mundo. 04.11.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elmundo.es/internacional/2019/11/04/5dc08d5521efa056068b4615.html> (дата обращения: 01.10.2021).
9. *Reynoso A.* Piden legisladores del PAN política exterior institucional y sin preferencias ideológicas [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pan.senado.gob.mx/2021/01/piden-legisladores-del-pan-politica-exterior-institucional-y-sin-preferencias-ideologicas/> (дата обращения: 01.10.2021).
10. *Zanini F.* Datafolha: Lula lidera corrida eleitoral de 2022 e marca 55 % contra 32 % de Bolsonaro no 2º turno // Folha de S. Paulo. 12.07.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www1.folha.uol.com.br/poder/2021/05/datafolha-lula-lidera-corrída-eleitoral-de-2022-e-marca-55-contra-32-de-bolsonaro-no-2o-turno.shtml> (дата обращения: : 01.10.2021).

¹¹ *Aquino M.* ¿Otra marea rosada? La izquierda latinoamericana se impulsa con estrella en ascenso en Perú // Reuters. 21.07.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/article/elecciones-peru-latinoamerica-izquierda-idLТАКСN2DX167> (дата обращения: 01.10.2021).

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА ИСПАНИИ И ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

HISTORY OF CULTURE AND ART OF SPAIN AND LATIN AMERICA

А. В. Морозова¹

АНТИЧНЫЕ ОБРАЗЫ И МОТИВЫ В ИСКУССТВЕ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI ВЕКА

ANTIQUÉ IMAGES AND MOTIFS IN THE ART OF LATIN AMERICA IN THE SECOND HALF OF THE 16TH CENTURY

Resumen: El artículo explora el problema poco estudiado de la síntesis de los elementos culturales españoles y estado unidenses en el context latinoamericano del siglo XVI. El arte del Renacimiento español tenía un base teórica bien desarrollada. Sin embargo, sus ideales no siempre tuvieron condiciones aceptables para realizarse en la propia España. En América Latina, el arte español recibió la oportunidad de cumplir algunos aspectos de su visión ideal: crear un modelo céntrico del templo en la arquitectura, encarnar el tema antiguo en la pintura. Las imágenes antiguas jugaron el papel de alegoría. Sin embargo, muy a menudo su carácter alegórico iba de la mano con la manifestación de su naturaleza pagana original cercana a las creencias indias. El motive ornamental de lo grotesco en América Latina estaba saturado de la energía vital, que aparentemente había poseído en la época arcaica y la propia cultura Antigua, pero que más tarde, en la antigüedad clásica, se perdió en aras de la geometrización y la racionalización. El contacto de las dos culturas llevó así a su autodescubrimiento y enriquecimiento y a la aparición de muestras que no tenían paralelo en Europa. **Palabras clave:** el arte Mexico; las imágenes antiguas; los motivos antiguas; la pintura española; el Renacimiento.

Abstract: The article explores the understudied problem of synthesis of Spanish and American cultural elements against Latin American background in the 16th century. Spanish Renaissance art had a well-developed theoretical foundation. However, its ideals did not always have acceptable conditions to be realized in Spain itself. In Latin America, Spanish art received an opportunity to fulfill some aspects of its ideal vision: to create a centric model of the temple in architecture, to incarnate the ancient theme in painting. Ancient images played the role of allegory. However, very often its allegorical character went hand in hand with the manifestation of its original pagan nature close to Indian beliefs. The ornamental motive of the grotesque in Latin America was saturated with vital energy, which apparently had possessed in the archaic and the ancient culture, but which later, in classical antiquity, was lost in the name of geometrization and rationalization. The contact of the two cultures led thus to its self-discovery and enrichment and to the appearance of samples that had no parallel in Europe.

¹ **Морозова Анна Валентиновна**, Россия, доцент, кандидат искусствоведения, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории (a.v.morozova@spbu.ru; amorozova64@mail.ru).

embody the antique theme in painting. The antique images played the role of allegory. Nevertheless, quite often their allegorical character went along with the manifestation of their original pagan nature close to Indian beliefs. The ornamental motif of grotesque in Latin America was saturated with the vital energy, which it had apparently possessed in the archaic epoch and the ancient culture itself, but had later, in the classical antiquity, lost for the sake of geometrization and rationalization. The contact of the two cultures thus led to their self-discovery and enrichment and to the appearance of the samples which had no parallel in Europe.

Key words: art Mexico; antique images; antique motifs; Spanish painting; Renaissance.

Искусство эпохи Возрождения строится на освоении античной традиции и активном использовании античных образов и мотивов, которые становятся своего рода маркером этого искусства. В наибольшей степени культивирование античной традиции характерно для итальянского Ренессанса, но нашло отражение и в искусстве Испании. Во второй половине XVI в. испанское искусство ведет активную экспансию в Латинскую Америку². На новый континент оно приносит и античную традицию.

Хотя это кажется странным на первый взгляд, на латиноамериканской почве античный миф часто обретал более живое воплощение, чем в Европе. Во-первых, из-за того, что сильным было желание эмигрантов доказать свою причастность к общеевропейской культуре, и они пытались сделать это через механизм мифа. Во-вторых, миропонимание индейцев было близко к миропониманию творцов античной культуры. В результате возник феномен, характерный и для отдельных памятников архитектуры Латинской Америки, когда собственно ренессансный идеал находил в колониях более чистую форму воплощения, чем в метрополии.

В области архитектуры это было связано и с относительной незастроенностью новых территорий, дававшей возможность для претворения в жизнь идеи создания идеальной регулярной градостроительной схемы³. Этим фактором наличия определенного простора и свободы действий, вероятно, можно объяснить и более раннее и гораздо более широкое, чем в Европе, распространение в Латинской Америке такого характерного для античности архитектурного типа постройки, как вилла⁴. В Латинской Америке возник и проект крупнейшей центрической постройки, которая должна была превзойти даже итальянские образцы. Речь идет о проекте собора в Пацкуаро в Мексике⁵. Собор был спроектирован и начал возводиться под кураторством епископа Мичугана дона Баско де Кирого, который на местном социальном материале пытался воссоздать подобие раннехристианской общины, построенной по принципам «Утопии» Томаса Мора. Членами общины должны были стать индейцы, рассматривавшиеся епископом как «дети природы» и уподоблявшиеся им «человеку до грехопадения». В индейцах Баско де Кирого видел людей Золотого века, как его тогда называли, века Сатурна. Собор должен был вмещать до 30 тыс. человек одновременно. Столь колоссальный масштаб постройки был достижим в случае применения оригинальной планировки: пять нефов располагались радиально и объединялись святилищем, представленным пентагоном. В экстерьере Капилью майор окружали треугольные и прямоугольные объемы нефов и капелл, а также сакристии и зала капитула. «Верные» должны были находиться внутри храма, капеллы же предназначались для «непосвященных». Постройка собора была начата в 1545–1547 гг., первоначальный чертеж атрибутируется архитектору Торибьо де Алкарас. Проект собора, однако, не был реализован в задуманном виде. Был построен только один центральный неф, который и стал церковью Нуэстра Сеньора де ла Салюд, просуществовавшей до XIX в. Кристаллизацией

² Кириченко Е. Три века искусства Латинской Америки. М., 1972. С. 15.

³ Idem.

⁴ Santiago S. Arte y Humanismo. Madrid: Cátedra, 1978. P. 136–137.

⁵ Ibid., p. 33–34; MCAndrew J. The Open-Air Churches of 17th century Mexico. Cambridge: Harvard University Press, 1965. P. 621–649.

ренессансного идеала явилась и постройка по проекту того же Торибьё де Алкараса капеллы индейцев, известной как Капилья Реал де Чолула, храма, почти квадратного в плане⁶.

Таким образом, в латиноамериканской архитектуре ренессансный идеал имел тенденцию к воплощению в чистом виде, близком к идеалам самой античности. Сходный процесс заметен и в трактовке на латиноамериканской почве античных образов и мотивов. Античные образы интерпретируются не только как некие отвлеченные аллегории, как это характерно для Высокого Возрождения в Италии. В качестве активных действующих лиц они включаются в определенную нарративную канву. Античные мотивы нагружаются витальной энергией, почти утерянной ими в итальянском Ренессансе к XVI в.

В 1595 г. художником Алонсо де Вильяса на по поручению викария Хосе Лопеса создается живописное оформление церкви Вирхен де лос Ремедьос в Мехико. Этот живописный цикл из двенадцати изображений до наших дней не сохранился. Подробные сведения о нем с детальным описанием каждого из десяти дошедших до того времени сюжетов имеются в изданной в 1621 г. книге Луиса де Сиснероса, а также сохранилось описание храма 1808 г.

Сцены цикла росписей посвящены истории г. Мехико, его завоеванию и христианизации. Каждой «современной» сцене соответствует «добродетель», библейская сцена, сивиллы и мифологические персонажи. Античные божества предстают как олицетворение тех чувств и стремлений, которые служили двигателем изображенных деяний. Сцене явления «Вирхен» испанским солдатам, завоевавшим Мехико, соответствует Вулкан, бог огня и поэтому, по трактовке XVI в., бог надежды. Сцене, изображающей попечение Девы об индейце Хуане, раненном упавшим столбом, чувству доверия Хуана заботе Девы соответствует изображение Аполлона, бога-оракула, бога правды. Сцене, в которой Дева заботится о больном, и изображению Успения соответствует Сатурн, бог времени, требующего терпения. Христианские боги и античные божества играют роль неких стимулов, факторов истории, а мексиканский народ, в свою очередь, сопоставляется с римским. В сотокоро церкви рядом с изображением Марии с младенцем, дающей индейцу кадуцей, помещены буквы S.P.Q.M. (Senatus Populusque Mexicanus), вариация эмблемы на знамени Рима — S.P.Q.R. Показательна и завершающая роспись цикла. Около Девы и мексиканского герба — фреска с изображением трех граций и Аполлона, указующего на Деву со словами: «Идите к ней». Рядом с Аполлоном — коза Амальтея, парящая над городами в обличье женщин с башнями на головах. Женские фигуры окружены животными, символизирующими различные нации. Вскормившая самого Юпитера Амальтея расточает надо всем монеты из рога изобилия. Америка предстает кормилицей всего мира. Таким образом, Америка здесь сопоставляется с самим Юпитером.

Благодатный материал для сравнения испанского и американского методов реализации идеи прославления монарха представляет собой кенотаф Карла V в Мехико⁷, сооруженный как своего рода парный к кенотафу Карла V в Испании, в Вальядолиде. Кенотаф был возведен за три месяца после смерти Карла V (1556 г.) в патио церкви Сан Франсиско де лос Натуралес в г. Мехико под руководством архитектора Клаудио де Арсиньегга. Сохранилось описание тумуло, составленное гуманистом Сервантесом де Саласар, предпославшим нарративной части своего труда план и рисунок кенотафа. В процессе создания этого памятника, как и при украшении святилища Вирхен де лос Ремедьос, кураторами памятника ставилась задача включения Нового Света в структуру мировой культуры. Эта задача была решена через соединение активным действием персонажей различных исторических эпох и различных культур, обязательно в проекции на Новую Испанию. В собственно испанском кенотафе Карла V такая сюжетная прямая связь между элементами системы отсутствовала⁸.

⁶ *Santiago*, op. cit., p. 33.

⁷ *Ibid.*, p. 312–317; *Maza F. de la*. La mitología clásica en el arte colonial de México. Méjico: Universidad Nacional Autónoma de Mexico, 1968. P. 23–30.

⁸ *Santiago*, op. cit., p. 308–312.

В своем труде, посвященном кенотафу, Сервантес Саласар описывает императора и Эрнана Кортеса, там же фигурируют индейцы, провоцируемые эвменидами на борьбу против испанцев. Карл V появляется в окружении Александра, Ганнибала, Пирра, Сципиона, изображенных с непокрытыми головами в знак уважения к их превзошедшему. Дается сцена с богиней Благоразумия, снимающей гирлянду с головы Улисса, самого добродетельного, по трактовкам XVI в., героя античности, чтобы возложить ее на голову императора Карла V. В одном из изображений на двух колесницах — Фаэтон и император. Карл V сопоставляется, что не совсем обычно для Испании, с целым рядом героев и богов: с Геркулесом, Юпитером, Тезеем, Аполлоном. Сравнение с античными персонажами идет с явным преимуществом в сторону императора.

Как уже указывалось, спецификой Латинской Америки, в частности Мексики, был уровень развития национальной индейской культуры, аналогичный уровню возникновения античного мифотворчества, что сделало античный элемент ренессансной культуры органичным и приемлемым в Новой Испании. Пример этому — расцвет на американской почве европейского гротескного орнамента. В церкви августинского монастыря Иксмикилпан⁹ 1548–1572 гг. по периметру идет фриз (Илл. 1, 2, 3). Около двух метров высотой, он разворачивается по стенам нефа не прерываясь и огибает алтарь. На фризе изображается битва кабальеро-тигров и кабальеро-орлов с кентаврами. Битва происходит среди изобилия растительности аканта. В руках у кентавров появляется августинская эмблема: три разнонаправленных стрелы. В верхней части стен раньше помещался фриз с голубыми акантами на оранжевом фоне и ангелами, кентаврами, фантастическими животными. В нижней кайме под фризом на голубом фоне были изображены оранжевые усики с фантастическими головами. Декорация сводов имитирует деревянный наборный потолок карпинтеро. Руководил постройкой и росписью основатель монастыря брат Андрес де Мата.

Андрес де Мата имеет отношение и к появлению гротескных фризов под сводами клаустро и на стенах лестницы августинского монастыря Актопана¹⁰. Здесь также присутствует смешение гротесков и христианских эмблем. Но в Актопане не обнаружено гротескных росписей внутри церкви. По их обилию Иксмикилпан уникален.

Такие гротескные фризы получили распространение в Мексике. Они встречаются в церквях монастырей Акольмана, Уехоцинго, Тлалманалко и др.¹¹. Отличие от ренессансных гротесков заключалось в интенсифицировании витальной энергии и напора. Возможно, черезприятие гротесков менее болезненно шло приятие христианских символов и эмблем и через них — христианского мировоззрения.

Таким образом, важным преимуществом, существовавшим в Латинской Америке для воплощения испанского ренессансного идеала, являлся уровень развития национальной культуры индейцев, примерно соответствовавший уровню возникновения античного мифотворчества. Доказательством этого служит расцвет на американской почве европейского гротескного орнамента и введение античных образов в создаваемую сюжетную канву. Специфика интерпретации античных образов и мотивов в латиноамериканском искусстве XVI в. хорошо раскрывает его оригинальный характер. Контакт двух культур, испанской и собственно латиноамериканской, привел к их самораскрытию, обогащению и возникновению некоего специфического культурного синтеза.

⁹ Carrillo y Gariel A. Ixmiquilpan. Mexico: Instituto Nacional de Antropología e Historia, 1961; *Santiago*, op. cit., p. 218; *Maza F. de la*, op. cit., p. 46.

¹⁰ Mac Gregor L. Actopan. Mexico: Instituto Nacional de Antropología e Historia, 1982. P. 11, 39, 102.

¹¹ Neumeyer A. The Indian Contribution to Architectural Decoration in Spanish Colonial America // *Art Bulletin*. 1948. T. XXX. P. 115–116.

Илл. 1. Мексика. Икмикилпан. Августинский монастырь 1548–1572 гг. Фрагмент росписи храма.
Источник: <https://en.wikipedia.org/wiki/Ixmiquilpan#/media/File:MuralsIxmiquilpan3.JPG>
Fig. 1. Mexico. Ixmiquilpan. Augustinian monastery 1548–1572. Fragment of the murals.
Source: <https://en.wikipedia.org/wiki/Ixmiquilpan#/media/File:MuralsIxmiquilpan3.JPG>

Илл. 2. Мексика. Икмикилпан. Августинский монастырь 1548–1572 гг. Фрагмент росписи храма.
Источник: <https://en.wikipedia.org/wiki/Ixmiquilpan#/media/File:MuralsIxmiquilpan2.JPG>
Fig. 2. Mexico. Ixmiquilpan. Augustinian monastery 1548–1572. Fragment of the murals.
Source: <https://en.wikipedia.org/wiki/Ixmiquilpan#/media/File:MuralsIxmiquilpan2.JPG>

Илл. 3. Мексика. Иксмикилпан. Августинский монастырь 1548–1572 гг. Фрагмент росписи храма.

Источник: <https://en.wikipedia.org/wiki/Ixmiquilpan>

Fig. 3. Mexico. Ixmiquilpan. Augustinian monastery 1548–1572.

Fragment of the murals.

Source: <https://en.wikipedia.org/wiki/Ixmiquilpan>

Библиография

1. Carrillo y Gariel A. Ixmiquilpan (Dirección de Monumentos Coloniales. Publicaciones, 13). Mexico: Instituto Nacional de Antropología e Historia, 1961.
2. Encyclopedia of Latin American and Caribbean Art / Ed. by J. Turner. New York: Grove's Dictionaries, 2000.
3. Mac Gregor L. Actopan. Mexico: SEP, INAH, 1982.
4. Maza F. de la. La mitología clásica en el arte colonial de Mexico. Mexico: UNAM, 1968.
5. Morozova A. La imagen del monarca en el arte español de la mitad del Siglo XVI // Memoria y Civilización. 2017. No. 20. P. 181–198 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unav.es/publicaciones/revistas/index.php/muc> (дата обращения: 01.10.2021).
6. Neumeyer A. The Indian Contribution to Architectural Decoration in Spanish Colonial America // Art Bulletin. 1948. T. XXX. P. 115–116.
7. Sebastian S. Arte y Humanismo. Madrid: Cátedra, 1978.
8. The Arts in Latin America: 1492–1820. Exhibition catalog / J. Rishel, S. Stratton-Pruitt. New Haven: Conn. Yale University Press Publ., 2006.
9. Кириченко Е. Три века искусства Латинской Америки. М.: Искусство, 1972.
10. Культура Латинской Америки: энциклопедия / Под ред. П. Пичугина. М.: РОССПЭН, 2000.
11. Шелешнева-Солодовникова Н. Латиноамериканское искусство XVI–XX веков. Исторический очерк. М.: URSS, 2008.

Г. В. Томирдиаро¹

МАЛОИЗВЕСТНЫЙ СЕМЕЙНЫЙ ГРУППОВОЙ ПОРТРЕТ ДОНА ЛУИСА БУРБОНА КИСТИ ФРАНЦИСКО ГОЙИ

LITTLE-KNOWN FAMILY GROUP PORTRAIT OF DON LUIS BOURBON BY FRANCISCO GOYA

Resumen: El artículo está dedicado al retrato realizado por F. Goya en 1783. Este retrato se conserva en una colección privada en Italia y anteriormente era muy difícil ver este cuadro. El retrato fue pintado cuando Goya apenas comenzaba a entrar en los círculos aristocráticos de la sociedad española. El artista pintó un retrato del Primer Ministro Floridablanca, quien, como muestra de agradecimiento al artista, le ayudó a conseguir un encargo de don Luis de Borbón. El retrato debería llegar en un futuro próximo para una exposición en el Hermitage. El autor del artículo ha comparado el retrato de la familia de don Luis con los retratos de otras familias de Goya y ha mostrado en qué diferencias y particularidades tiene este cuadro. Los métodos que se utilizaron en el artículo son artístico-formal, método de iconología, cultural-histórico y otros. Se muestra quién es don Luis de Borbón, cómo se relacionaba con la familia del rey y cuál es su lugar en la historia de España. Este retrato es importante monumento artístico de su época e importante documento histórico.

Palabras clave: Goya F.; don Luis de Borbón; la pintura española; el arte español.

Abstract: The article is devoted to the portrait created by F. Goya in 1783. This portrait is kept in a private collection in Italy and earlier it was very difficult to see this picture. The portrait was painted when Goya was just beginning to enter the aristocratic circles of Spanish society. The artist painted a portrait of the First Minister Floridablanca, who, as a token of gratitude to the artist, helped him get an order from don Luis de Bourbon. The portrait should arrive in the near future for an exhibition in the Hermitage. Author of article has compared the portrait of the family of don Luis with other family's portraits by Goya and has shown in what are specific features of this picture. The methods, which were used in article are artistic-formal, method of iconology, cultural-historical and others. It is shown who is don Luis de Bourbon, how he was related with king's family and what's his place in history of Spain. This portrait is important artistic monument of its time and important historical document.

Key words: Goya F.; don Luis de Bourbon; Spanish picture; Spanish art.

В 1700 г. скончался бездетный испанский король из рода Габсбургов Карл II. В Европе началась так называемая «война за испанское наследство». Так как невесты в предыдущие времена прибывали в Испанию из Франции, Австрии, Италии и других стран, споры о том, кто должен править в Испании, затянулись и закончились только в 1734 г. Победителями вышли французские Бурбоны. Вспомним, что первая жена Филиппа IV была француженка, позже она стала матерью Марии Терезии, которая вышла замуж за Людовика XIV. Внук Людовика XIV Филипп стал испанским королем Филиппом V. У него было несколько браков, несколько сыновей побывали на испанском троне в сравнительно короткое время, сменяя друг друга. Принц Карл (будущий король Испании Карл III), будучи не первым сыном от второго брака короля, не мог и надеяться стать королем Испании. Предприимчивая мать подготовила ему спокойное место в Неаполе, где он провел больше

¹ Томирдиаро Галина Владимировна, Россия, старший научный сотрудник Государственного Эрмитажа, просветительный отдел (tomirgal@mail.ru).

20 лет. Но фортуна непредсказуема, Карл стал королем Испании в 1759 г. и пробыл им до 1788 г., года своей естественной смерти. У Карла III был младший брат, которому было уготовано место духовного лица высокого ранга. Он уже в восемь лет был епископом. Но духовная карьера не прельщала молодого инфанта. Ему совершенно не улыбалось сохранять безбрачие, и он оставил духовное поприще, что вызвало в королевской семье большие проблемы. Дон Луис женился на красивой молодой женщине, которая была из рода астурийских королей, правивших в давние времена. Король Карл III запретил молодым жить в Мадриде и называл своих племянниц кузинами, выделил дону Луису в 100 км от Мадрида вблизи города Авила владение Сан Педро, где супруги жили, вдали от двора и королевской семьи, им было запрещено приезжать в Мадрид.

Теперь обратимся к автору полотна, художнику Франсиско Гойе (1746–1828). Ему 37 лет, он уже побывал в Италии, где получил диплом художника, выполнил ряд значительных работ в церковных зданиях, в том числе знаменитом соборе Сарагосы Санта Мария дель Пилар. Гойя выполнял эскизы для королевских ковров и начинал писать портреты знатных людей Испании. Благодаря выполненному им портрету Флоридабланки, первого министра Испании, за которую Гойе не заплатили гонорар, художник получил рекомендацию для создания большого семейного портрета дона Луиса — брата короля. Гойя был приглашен в их имение Сан Педро вблизи города Авила. Там Гойя провел несколько месяцев и создал картину семьи инфанта, его жены, детей, слуг и домочадцев (Парма, Фонд Мамьани рока Мамаиано, 1783 г., холст, масло, 248 × 330 см). Позже картина оказалась за границей, сейчас она находится в Италии. Долгое время эта картина оставалась в частной коллекции и была недоступна для осмотра. Только гораздо позднее она стала доступна зрителям, сейчас полотно находится в городе Парма. Некоторое время назад велись разговоры о том, что картину привезут и в нашу страну, но по ряду обстоятельств этот вопрос был отложен.

Илл. 1. Ф. Гойя. Портрет семьи дона Луиса де Бурбон

Fig. 1. F. Goya. The portrait of the family of don Luis de Bourbon

Илл. 2. Ф. Гойя. Младший ребенок дона Луиса де Бурбон. Фрагмент картины
Fig. 2. F. Goya. The portrait of the son of don Luis de Bourbon. Part of the picture

Илл. 3. Ф. Гойя. Свеча. Фрагмент картины
Fig. 3. F. Goya. The candle. Part of the picture

Эта картина занимает особое место в творчестве Гойи². За долгие годы своей жизни он выполнил всего несколько подобных работ. Ее можно сравнить со знаменитым королевским групповым портретом, созданным через 17 лет, но все-таки они очень отличаются друг от друга. Похожих портретов у Гойи немного, и они принципиально разные.

Данная картина долгое время не включалась в книги о Гойе, сведения о ней нередко приводили с ошибками в датах. Например, считалось, что портрет семейства дона Луиса написан раньше, чем портрет первого министра Флоридабланки, где Гойя вместе с портретируемым министром изображает себя, демонстрирующим Флоридабланке свою картину. На самом деле, как было объяснено выше, написание портрета Флоридабланки предшествовало написанию портрета семьи дона Луиса.

В августе 1783 г. Гойя приезжает в Аренас де Сан Педро и проводит там четыре недели. Всего им было создано шестнадцать единичных портретов, а также один

² Bray X. *Los Retratos Goya*. Madrid: Turner Libros, 2015; Junquera y Mato J. J. (ed.). *Goya y el infante don Luis de Borbon (Homenaje a la infanta Maria Teresa de Vallabriga)*. Zaragoza: Patio de la infanta, 1996; Arguiz U. L., Rey y M. Beltran L. (eds). *Luis María de Borbón y Vallabriga. Francisco de Goya*. Zaragoza: Museo de Zaragoza, 2007; Mena Marqués M. B. (ed.). *Goya y Zaragoza 1746–1775*. Zaragoza: Museo Goya-Ibercaja, 2015.

многофигурный общий портрет. Художник задумал его как повествование о времяпрепровождении семьи. По сравнению с другими многофигурными семейными портретами необычным было то, что там модели демонстрировали себя. Хотя таких портретов было создано много, они сильно отличаются от семейного портрета донна Луиса.

Если сравнивать этот портрет с семейным портретом короля Карла IV, то первое, что бросается в глаза — выбор момента показа всех участников. Королевская семья, можно сказать, застыла в момент самодемонстрации. А в семье инфанта Луиса время показывается подвижным, текущим. Крохотный ребенок на руках у няни испытывает недоумение и удивление. Старшая дочь полна любопытства, она даже слегка присела от желания увидеть все поточнее, старший сын не случайно повторяет позу и поворот головы отца. На лице молодой матери мы видим мечтательное выражение. А глава семьи, инфант Луис, погружен в изучение карт, как бы желая предугадать будущее. Время течет неторопливо. Вся сцена полна спокойствия.

Еще одно различие мы замечаем, сравнивая портреты королевской семьи и семьи инфанта. На королевском портрете все застыли, при этом полны странного ожидания. Не случайно о портрете говорили, что его модели похожи на семью лавочника, на которую внезапно обрушилось богатство, они в растерянности и не знают, что им с этим богатством делать. Сравнение портретов можно было бы продолжить, но значительное различие видно во всем. Даже в том, что на королевском портрете нет ни одного слуги, в то время как на портрете семьи донна Луиса слуг много и они очень разные. Атмосфера семьи инфанта очень спокойная. Здесь жизнь посвящена природе, искусству и семье. И становится понятным, как инфант отстаивал право на свою собственную жизнь и свой собственный выбор.

Гойя писал своему другу, что его модели — просто ангелы. Ему было хорошо и спокойно в этой семье и в этом месте, поэтому и картина получилась необыкновенная. Многие считают, что эта картина Гойи — лучшая из находящихся за пределами Испании.

Библиография

1. Bray X. *Los Retratos Goya*. Madrid: Turner Libros, 2015.
2. Junquera y Mato J. J. (ed.). *Goya y el infante don Luis de Borbon (Homenaje a la infanta Maria Teresa de Vallabriga)*. Zaragoza: Patio de la infanta, 1996.
3. Arguiz U. L., Rey y M. Beltran L. (eds). *Luis María de Borbón y Vallabriga*. Francisco de Goya. Zaragoza: Museo de Zaragoza, 2007.
4. Mena Marqués M. B. (ed.). *Goya y Zaragoza 1746–1775*. Zaragoza: Museo Goya-Ibercaja, 2015.

Е. О. Калугина¹

ИКОНОГРАФИЯ СВЯТОГО АРХАНГЕЛА МИХАИЛА: РЕКОНКИСТА И КОНКИСТА

ICONOGRAPHY OF ST. MICHAEL THE ARCHANGEL: RECONQUISTA AND CONQUISTA

Resumen: El artículo está dedicado a la iconografía de San Miguel en el contexto de Reconquista y Conquista. Fueron analizadas las obras de los maestros de las escuelas catalana, aragonesa y castellana de los siglos XIII–XVI con la imagen de San Miguel, con armadura militar, como un guerrero de Cristo luchando contra el diablo. Las imágenes del arcángel celestial resultaron ser muy solicitadas durante la colonización de América para la evangelización de la población local en la “Conquista espiritual”. San Miguel, el conquistador de Lucifer, que personificaba el paganismo de los antiguos indios, fue retratado tanto a la manera tradicional de Europa occidental como con rasgos de ídolos paganos indios. Nuevos tipos iconográficos adquirieron gran importancia, representando al arcángel como alegoría de la Verdad divina y protector de la Fe, destructor de herejías y como comandante celestial, “Capitán General de Ángeles”, que estaban muy extendidos en el arte de la Nueva España y Perú. La apoteosis del arcángel, pilar y patrón de la iglesia triunfante, alcanzó su punto culminante en las obras monumentales de la pintura barroca mexicana del siglo XVII.

Palabras claves: San Miguel arcángel; Reconquista; Órdenes militares Santiago Matamoros; La pintura española de los siglos XIII–XVI; Conquista; La pintura de la Nueva España de los siglos XVI–XVII.

Abstract: The article focuses on the iconography of Saint Michael the Archangel in the context of the Reconquista and the Conquista. Artworks of the Catalan, Aragonese and Castilian school masters of the 13th — 16th centuries, depicting Saint Michael in an armor as a soldier of Christ, vanquishing Satan, are analyzed herein. The images of the heavenly Archistratigus proved useful in the colonization of America as a means of the local population evangelization, i.e. the Spiritual Conquest. Saint Michael, the vanquisher of Lucifer, who embodied the paganism of American Indians, was depicted both in traditional European style and with features of pagan idols, worshipped by American Indians. New iconographic patterns, representing the Archangel as an allegory of divine truth and the Defender of the Faith, vanquisher of heresies and as a celestial captain and the great captain of angels, achieved increasing importance and became widespread in the art of New Spain and Peru. The Archangel glorification as a pillar and a patron the Church Triumphant culminated in monumental works of the Mexican baroque paintings of the 17th century.

Key words: Saint Michael the Archangel; Reconquista; Military orders Santiago matamoros; Spanish painting of the 13th — 16th centuries; Conquista; La painting of the New Spain of the 16th — 17th centuries.

¹ Калугина Елена Октябрьевна, Россия, старший научный сотрудник, кандидат искусствоведения, ГМЗ «Царское Село» (elena-kalugina@mail.ru).

И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и Ангелы его воевали против них, но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе. И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаной, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним (Откр. 12: 7–9).

Почитание св. Михаила на Пиренейском полуострове относится к последнему периоду Римской империи². Архангела особо чтили вестготские короли³. Мусульманское завоевание совпало с широким распространением культа небесного архистратига в Наварре, среди посвященных ему церквей — святилище Сан Мигель-ин-Экселсис. Связь архангела с Реконкистой отражена в значительном количестве капелл в замках, возведенных на линии обороны. Свидетельством почитания архангела в Астурии, Леоне, Арагоне и Каталонии являются церковь Сан Мигель де Лильо — королевская капелла Рамиро I⁴, монастырские церкви Сан Мигель де Эскалада Градефес, Сан Мигель де Флувья Баньолас. Король Арагона Алонсо I Воитель воздвиг церковь Сан Мигель де лос Наваррос в честь освобождения Сарагосы от мавров⁵.

Одними из ранних сохранившихся изображений архангела являются миниатюры из «Комментария на Апокалипсис св. Иоанна» (VIII в.) Беата Льебанского из монастыря св. Мартина Турского, книги, отражающей эсхатологические настроения эпохи в связи с мусульманским нашествием⁶. Книга сохранилась в многочисленных копиях X–XVI вв.⁷. Миниатюра «Страшный суд» к XII главе «Беато де Силос» (1100, Национальная библиотека, Лондон) представляет летящего св. Михаила в желтой тунике с красным нимбом, сражающегося с огромным семиглавым драконом в центре листа. Небесный триумф и победа сил добра подчеркнуты беспомощными фигурами бескрылых ангелов в правой нижней части композиции, низвергаемых в преисподнюю вместе с черным сатаной. Миниатюру отличает высочайший художественный уровень и экспрессивный, чисто испанский характер исполнения.

Фронталь «Св. Михаил» (конец XIII в., мастер из Соригеролы, Музей Национального искусства Каталонии, Барселона), выполненный в стиле линейной готики, воспроизводит сцены из «Золотой легенды» Я. Воррагинского. Вверху слева представлены архангел Михаил и дьявол, взвешивающие души; в нижней части — св. Михаил в желтой тунике и черном плаще, с копьем и щитом, поражает дракона.

В Средние века вплоть до начала XVI в. наиболее распространенным типом иконографии было изображение архангела как неустрашимого воина Христова — в военном доспехе, с мечом, копьем, увенчанным крестом, со щитом, сражающегося с мировым злом в образе дьявола. Этот иконографический тип очень сходен с типом св. Георгия. Архистратиг небесных сил бесплотных трансформировался в крылатого средневекового паладина. На ретабло Б. Мартореля (1442–1445, Музей Национального искусства

² *Nieremberg J. E.* De la devoción y patrocinio de San Miguel, príncipe de los ángeles. Antiguo tutelar de godos y protector de España. En que se proponen sus grandes excelencias y títulos que ay para implorar su patrocinio. Por el P. Juan Eucebio Nieremberg de la Compañía de Jesús. México: por la Vda. de Bernardo Calderón [1643]. Alicante: Biblioteca Virtual Miguel de Cervantes, 2014. P. 195 (en Formato HTML) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/de-la-devocion-y-patrocinio-de-san-miguel-principe-de-los-angeles-antigvo-tvtelar-de-los-godos-y-protector-de-espana-en-que-se-proponen-sus-grandes-excelencias-y-titulos-que-ay-para-implorar-su-patrocinio/html> (дата обращения: 01.10.2021).

³ *Ibid.*, p. 232–233.

⁴ *Bañez Macías E.* El Arcangel San Miguel. México: Universidad nacional autónoma de México, 1977. P. 11.

⁵ *Nieremberg*, op. cit., p. 62–63.

⁶ *Garrido Ramos B.* Beato de Liébana y los Comentarios al Apocalipsis de San Juan // Revista Historias del Orbis Terrarum, Anejos de Estudios Clásicos, Medievales y Renacentistas 7. Santiago, 2014. P. 51–52 [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/296083746_Beato_de_Liebana_y_los_Comentarios_al_Apocalipsis_de_San_Juan (дата обращения: 01.10.2021).

⁷ *Ibid.*, p. 56.

Каталонии, Барселона) архангел представлен в доспехе, белом нагруднике с красным равноконечным крестом и белом плаще, похожем на укороченную белую мантию военно-монашеских орденов⁸.

Как известно, идея использовать в Реконките ордены тамплиеров и госпитальеров возникла в 1130-е гг. Но уже во второй половине XII в. появились национальные ордены: Калатравы, Сантьяго, Алькантары и Ависский⁹. Король Португалии Альфонсу I в честь явления ему архангела Михаила в одной из битв с мусульманами создал в 1166 г. Королевский орден св. Михаила¹⁰. Орден Храма, иберийские ордены поместили себя под покровительство Святой Девы. Орден Госпиталя был посвящен св. Иоанну Крестителю и Святой Деве. Покровителем орденов Сантьяго и Сан Жорди де Альфама являлись святой Иаков Старший и святой Георгий соответственно. «Но к ним добавлялись другие <...>, иногда поднятые почти на уровень главного покровителя: в Сантьяго — святой Михаил, у тамплиеров — святой Георгий»¹¹.

Сантьяго являлся покровителем Реконкиты. Начиная с легендарной битвы при Клавихо середины IX в., когда испанцам явился Сантьяго на белом коне и сражался с ними до победы, апостол, провозглашенный «патроном и сеньором всей Испании»¹², и в дальнейшем помогал испанцам, став «Матаморос» — убийцей мавров¹³. Но, по образному выражению Х. Э. Ньеренберга, написавшего в XVII в. восторженное сочинение, посвященное почитанию архангела Михаила, когда «Сантьяго предводительствовал испанцами в битвах с неверными, в небесах являлся отряд ангелов, посланный архистратигом Михаилом»¹⁴. При завоевании Валенсийского мусульманского государства королем Хайме I покровительствовал именно архангел Михаил¹⁵.

Реконкита с точки зрения средневековых хронистов являлась священной войной. Ее целью было не только спасение раздробленной Испании посредством возвращения земель Пиренейского полуострова, занятых мусульманами, но и возрождение Церкви. В хрониках часто говорилось о восстановлении христианского культа в захваченных мечетях¹⁶. В текстах встречаются упоминания о победах, одержанных не только благодаря помощи Христа и Богоматери, святых воинов, апостола Сантьяго, св. Георгия, св. Мильяна¹⁷, но также св. Михаила и ангелов¹⁸. Хотя отдельные элементы этой идеологии были мистическими, важно, что в обществе того времени эти идеи являлись актуальными вплоть до последнего этапа Реконкиты — завоевания Гранадского эмирата¹⁹.

Во второй половине XV в. в иконографии появляется новшество: архангела изображают в рыцарском доспехе того времени. К этому иконографическому типу относится «Сан Мигель де Тоус», шедевр раннего творчества Б. Бермехо (1468, Лондонская национальная галерея). Св. Михаил близок к моделям Р. Ван дер Вейдена и Х. Мемлинга, прежде всего, алтарю «Страшный Суд» (1466–1473)²⁰. Вместе с тем, золотой фон с

⁸ Демурже А. Рыцари Христа. Военно-монашеские ордена в Средние века, XI–XVI вв. / Пер. с фр. М. Ю. Некрасова. СПб: Евразия, 2008. С. 308.

⁹ Ibid., с. 74–89.

¹⁰ Nierenberg, op. cit., p. 63–64.

¹¹ Демурже, op. cit., с. 283.

¹² González Jiménez M. Sobre la ideología de la Reconquista: realidades y tópicos / J. I. de la Iglesia Duarte, J. L. Martín Rodríguez (eds.) // Memoria, mito y realidad en la historia medieval: XIII Semana de Estudios Medievales. Nájera, del 29 de julio al 2 de agosto de 2002. Nájera, 2003. P. 160 [Электронный ресурс]. URL: https://idus.us.es/bitstream/handle/11441/18144/file_1.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 01.10.2021).

¹³ Baéz Macías, op. cit., p. 28.

¹⁴ Ibid., p. 29.

¹⁵ Nierenberg, op. cit., p. 205.

¹⁶ Gonzales Jiménez, op. cit., p. 163–168.

¹⁷ Ibid., p. 158–162.

¹⁸ Nierenberg, op. cit., p. 205.

¹⁹ Gonzales Jiménez, op. cit., p. 169.

²⁰ Molina i Figueras J. El retorno del San Miguel de Tous, la obra maestra de Bartolomé Bermejo // Ars Magazine. 2018. No. 40. P. 64 [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/37559065/_El_retorno_del_san_

тиснением и графленным фризом, использование ярких карминных оттенков, а также манера исполнения являются чертами чисто испанской техники. Изображение доспеха восходит к реальным моделям, хотя и отмечено определенной идеализацией. Слева представлен коленапреклоненный Антони де Тоус де Солер, заказчик произведения, с мечом и книгой псалмов, раскрытой на стихах: Пс. 50:2; Пс. 129:1, что вызывает аллюзию на роль архангела Михаила как психопомпа²¹.

Картины «Св. Михаил с двумя донаторами» Х. Руиса и Д. Рам (ок. 1465–1480), «Св. Михаил» Х. де ла Абадиа Старшего (ок. 1486; обе — Музей фонда Ласаро Гальдиано)²² и «Св. Михаил архангел» М. Хименеса (1475–1485, Музей Прадо) — свидетельства почитания архангела в королевстве Арагон. В произведении Х. де ла Абадиа разителен контраст между юношеской красотой архангела и уродством Люцифера с восточными чертами лица²³.

На картине неизвестного художника из госпиталя св. Михаила Сафры (1495–1500, Музей Прадо) архангел с орлиными крыльями, в красном плаще и роскошных доспехах, с занесенным над головой мечом, левой рукой пронзает копьем дракона с перепончатыми темными крыльями. В верхней части картины ангелы в развевающихся туниках, с мечами и щитами низвергают с небес падших ангелов, превращающихся в монстровидных существ с крыльями летучих мышей, напоминающих образы И. Босха²⁴. Аллегорическое сражение сил добра и зла отражается в выпуклой части брокеля. Отголоски недавно завершившейся Реконкисты, несомненно, нашли отражение в образном строе произведения.

Центральная часть ретабло св. Михаила Х. де Фландес (1505, Музей Собора, Саламанка) представляет архангела в образе небесного рыцаря в развеваемом багряном плаще. Иконографический тип восходит к нидерландским моделям, в первую очередь, «Страшному суду» Х. Мемлинга. Чудовище с телом леопарда, змеевидным хвостом, женской грудью и перепончатыми лапами, с человеческим лицом, с узкими глазами и выступающими клыками, отличается от типичных образов дьявола²⁵. На втором плане изображен пейзаж с белыми крепостными стенами, напоминающими разрушенное мавританское укрепление. Фигура архангела представлена на фоне светлеющего неба, верхняя часть которого с клубящимися темными облаками населена призрачными демоническими существами. По мнению ряда исследователей, действие происходит в аду²⁶. Но, вероятно, здесь образно представлено изгнание дьявола с земель, освобожденных вследствие Реконкисты.

В левой части ретабло изображен апостол Иаков Старший в облачении пилигрима, с Евангелием, сидящий на троне. На втором плане в просвете полукруглой арки запечатлен легендарный эпизод битвы при Клавихо: Сантьяго в латах, с мечом, стремительно мчит на мусульман, их поверженные тела и отрубленная голова лежат под копытами коня²⁷. Важно подчеркнуть, что изображения Сантьяго, разящего мавров, появляются в изобразительном искусстве с начала XVI в., когда ислам был изгнан с Пиренейского полуострова²⁸.

Большая часть произведений с изображением св. Михаила, сражающегося с Люцифером, относится к последнему этапу Реконкисты. В XVI в. традиционная

Miguel de Tous_la obra maestra de Bartolom% C3%A9 Bermejo_Ars Magazine_40_2018_pp_64_75 (дата обращения: 01.10.2021).

²¹ Ibid., p. 67.

²² Lacarra Ducay M. del C. Pintura gótica aragonesa en la Fundación Lázaro Galgiano. Madrid: Fundación Lázaro Galgiano, 2004. P. 41–42, 55–59.

²³ Ibid., p. 55.

²⁴ Baéz Macias, op. cit., p. 18–19.

²⁵ Silva Maroto P. Juan de Flandes. Salamanca: Caja Duero, 2006. P. 314.

²⁶ Ibid., p. 314.

²⁷ Ibid., p. 311–313.

²⁸ Moral García C. Santiago en la conquista de Nueva España // Mirabilia Ars. 2016. No. 4. P. 16 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.revistamirabilia.com/sites/default/files/ars/pdfs/04-02.pdf> (дата обращения: 01.10.2021).

иконография постепенно трансформируется в соответствии с религиозной и политической основой абсолютистского испанского государства. Предводитель небесного воинства становится главным защитником католической церкви от безбожников, язычников, еретиков, арабов, евреев и индейцев, символическим выражением верований которых становится дьявол.

Завоевание Америки с ее коренным населением по своей духовной сути являлось продолжением крестовых походов против неверных²⁹. В свете этой доктрины побежденный мусульманский мир стал ассоциироваться с местным индейским. Эрнан Кортес в «Письмах» сравнивал древние храмы ацтеков с мечетями³⁰. Особенно ярко черты этой идеологии проявились в том, что покровитель Реконквисты Сантьяго становится патроном Конквисты, превратившись из Сантьяго-Матаморос в Сантьяго-матаиндиос³¹. Р. Элиodoro Валье на основе анализа хроник и документов эпохи выявил четырнадцать упоминаний небесного явления Сантьяго. В 1541 г. в битве при Токлане апостол явился испанцам вместе с архангелом Михаилом³².

Завоевание Мексики, как и соседних государств, быстро завершилось. Индейцы потеряли независимость и имущество. Но религию было не так легко потерять. Поэтому св. Михаил — «капитан-генерал ангелов», победитель дьявола, олицетворявшего теперь языческие верования древних индейцев, оказался чрезвычайно востребованным. Образ небесного архистратига широко использовался как в проповедях, так и в изображениях, служивших для евангелизации местного населения. Представления о том, что Сатана покинул европейский континент после рождения Христа и нашел убежище в Новом Свете, риторически ассоциировались с изображениями змей в образах древних индейских богов, и прежде всего соотносились с сатанинскими практиками, связанными с человеческими жертвоприношениями³³. Индейцы, вероятно, видели в образах крылатого архангела, поражающего дракона, символическое выражение вечной борьбы между солнцем и силами подземного мира³⁴. Все это способствовало тому, что в церковных кругах начали разрабатывать «языческую теологию», в которой св. Михаил играл центральную роль³⁵.

Очень рано возникают топонимы — названия местностей, городов и монастырей, носящих имя архангела³⁶. В 1530-е гг. св. Михаил появляется в постановках христианских историй и драм, главной целью которых было облегчить обращение в католицизм коренного населения³⁷. Среди них — пьеса «Завоевание Иерусалима», поставленная 18 июня 1538 г. с участием 1500 актеров. Действующими лицами являлись Э. Кортес и П. де Альварado, а также Сантьяго, св. Ипполит и св. Михаил, который определял исход сражения, сокрушив Великого Солдата Вавилона³⁸. Театральный образ архангела с яркими перьями, как у индейских богов, оказал влияние на изобразительное искусство³⁹.

В искусстве Новой Испании и Перу архангела изображали как в традиционной западноевропейской манере, так и с чертами индейских языческих идолов. К последнему типу принадлежат медальон крещальной купели из Чиконтпека, а также скульптура из Чалмы «Св. Михаил, попирающий дьявола», напоминающие образы доколумбовой пластики⁴⁰.

²⁹ Ibid., p. 18.

³⁰ Idem.

³¹ Baéz Macías, op. cit., p. 28.

³² Moral García, op. cit., p. 20.

³³ Rubial García A. La violencia de los santos en Nueva España // Bulletin du centre d'études médiévales d'Auxerre [En ligne]. Hors-série No. 2. 2008. P. 29 [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.openedition.org/cem/4092> (дата обращения: 01.10.2021).

³⁴ Idem.

³⁵ Ibid., p. 30.

³⁶ Baéz Macías, op. cit., p. 59.

³⁷ Idem.

³⁸ Ibid., p. 59–60.

³⁹ Ibid., p. 61.

⁴⁰ Ibid., p. 60, 62, fig. XXXIV, XXXV.

Особый интерес представляют образцы новой западноевропейской иконографии, получившие распространение в Новой Испании. Один иконографический тип восходит к произведениям М. де Воса и его последователей⁴¹. На картине «Св. Михаил» (1581) из собора св. Бонавентуры Куаутитлана архангел с андрогинными чертами, в одеянии римского императора, с нагрудником, украшенным солнцем, луной и звездами, попирает демона в виде женской полуфигуры со скрещенными на груди руками, с крыльями и змеевидным туловищем. Поднятая правая рука окружена солнечным нимбом с надписью «*Quis ut Deus*»⁴², в левой руке — пальмовая ветвь; фоном служат золотистые облака с поющими ангелами. Небесный полководец в соответствии с посттридентской идеологией представлен как аллегория божественной Правды и защитник Веры⁴³. О влиянии картины де Воса, как и гравюры с нее И. Вьерикса (1584), свидетельствует ряд работ из собора Мехико⁴⁴, а также картина из иезуитской церкви св. Петра в Лиме (1635–1640). На ней внизу слева изображен донатор — индеец в характерном красно-синем головном уборе⁴⁵.

«Св. Михаил» Б. Романа (1640) из этой же церкви принадлежит к раннему ангельскому циклу, созданному для Америки. Общая схема восходит к картине де Воса. Женственный архангел в венке из роз, в темно-синей и белой туниках, перевязанных легким шарфом, повторяет живописный тип Романа из монастырей Энкарносон и Дескальсас Реалес Мадрида⁴⁶. Поверженный дьявол вызывает в памяти образы титанов Х. Риберы.

На картине, приписываемой Л. Хуаресу, «Св. Михаил, борющийся с Сатаной» (ок. 1615 (?), музей Национального искусства, Мехико) человекообразный демон со звериными когтями, острыми крыльями и змеиным хвостом, изображенный в экспрессивной неустойчивой позе, заставляющей вспомнить падение Фазтона⁴⁷, низвергнут с небесных высот на вершину горы. Решительным жестом левой руки архангел изгоняет дьявола с поверхности земли.

«Св. Михаил Архангел» из монастыря Консепсьон И. де Рейес и Ф. Поланко (?) принадлежит к иконографическому типу, связанному с кругом Ф. Пачеко и Ф. Сурбарана⁴⁸. Воин Христов, сражавшийся с мировым злом, превратился в аристократического «капитан-генерала» в парадных доспехах, шлеме с пышным плюмажем, с полководческим жезлом⁴⁹.

К. де Вильяльпандо, крупнейший представитель мексиканского барокко, оставил более двенадцати произведений с изображением архангела⁵⁰. Среди них — «Апофеоз св. Михаила» (1686–1688, собор Мехико), уподобленного блистающему светилу, возносимого ангелами на платформе из облаков. В произведениях, созданных для сакристий собора Мехико и Гвадалахары, архангел в парадном военном облачении изображен рядом с величественной дамой в тиаре, держащей дарохранительницу и храм, олицетворяющей торжествующую Церковь.

Образ св. Михаила оказался чрезвычайно востребованным с самого начала завоевания Америки. Но когда язычество древних обитателей доколумбовых государств было побеждено, изображения архангела стали крайне редко возникать в изобразительном искусстве. В XX в. Д. Ривера на фреске для Театра Инсургентес (1951–1953) символически представил его ангелом Конкисты⁵¹.

⁴¹ *Ávila Vivar M.* La iconografía de San Miguel en las series angélicas // Laboratorio de arte. Sevilla, 2016. No. 28. P. 247 [Электронный ресурс]. URL: https://institucional.us.es/revistas/arte/28/Art_13.pdf (дата обращения: 01.10.2021).

⁴² «Кто как Бог».

⁴³ *Ávila Vivar*, op. cit., p. 247.

⁴⁴ *Baéz Macías*, op. cit., p. 62–63.

⁴⁵ *Ávila Vivar*, op. cit., p. 256, fig. 7.

⁴⁶ *Ibid.*, p. 244.

⁴⁷ *Baéz Macías*, op. cit., p. 64.

⁴⁸ *Ávila Vivar*, op. cit., p. 247–249.

⁴⁹ *Ibid.*, p. 249–250.

⁵⁰ *Baéz Macías*, op. cit., p. 16, 65–66.

⁵¹ *Ibid.*, p. 71.

Библиография

1. *Ávila Vivar M.* La iconografía de San Miguel en las series angélicas // Laboratorio de arte. Sevilla, 2016. No. 28. P. 247 [Электронный ресурс]. URL: https://institucional.us.es/revistas/arte/28/Art_13.pdf (дата обращения: 01.10.2021).
2. *Baéz Macías E.* El Arcangel San Miguel. México: Universidad nacional autónoma de México, 1977.
3. *Garrido Ramos B.* Beato de Liébana y los Comentarios al Apocalipsis de San Juan // Revista Historias del Orbis Terrarum, Anejos de Estudios Clásicos, Medievales y Renacentistas 7. Santiago, 2014. P. 50–76 [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/296083746_Beato_de_Liebana_y_los_Comentarios_al_Apocalipsis_de_San_Juan (дата обращения: 01.10.2021).
4. *González Jiménez M.* Sobre la ideología de la Reconquista: realidades y tópicos / J. I. de la Iglesia Duarte, J. L. Martín Rodríguez (ed.) // Memoria, mito y realidad en la historia medieval: XIII Semana de Estudios Medievales. Nájera, del 29 de julio al 2 de agosto de 2002. Nájera, 2003. P. 151–170 [Электронный ресурс]. URL: https://idus.us.es/bitstream/handle/11441/18144/file_1.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 01.10.2021).
5. *Lacarra Ducay M. del C.* Pintura gótica aragonesa en la Fundación Lázaro Galgiano. Madrid: Fundación Lázaro Galgiano, 2004.
6. *Molina i Figueras J.* El retorno del San Miguel de Tous, la obra maestra de Bartolomé Bermejo // Ars Magazine. 2018. No. 40 [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/37559065/_El_retorno_del_san_Miguel_de_Tous_la_obra_maestra_de_Bartolom%C3%A9_Bermejo_Ars_Magazine_40_2018_pp_64_75 (дата обращения: 01.10.2021).
7. *Moral García C.* Santiago en la conquista de Nueva España // Mirabilia Ars 4. Barcelona, 2016. P. 13–36 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.revistamirabilia.com/sites/default/files/ars/pdfs/04-02.pdf> (дата обращения: 01.10.2021).
8. *Nieremberg J. E.* De la devoción y patrocinio de San Miguel, príncipe de los ángeles. Antiguo tutelar de godos y protector de España. En que se proponen sus grandes excelencias y títulos que ay para implorar su patrocinio. Por el P. Juan Eucebio Nieremberg de la Compañía de Jesús. México: por la Vda. de Bernardo Calderón [1643]. Alicante: Biblioteca Virtual Miguel de Cervantes, 2014 (en Formato HTML) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/de-la-devocion-y-patrocinio-de-san-miguel-principe-de-los-angeles-antigvo-tvtelar-de-los-godos-y-protector-de-espana-en-que-se-proponen-sus-grandes-excelencias-y-titulos-que-ay-para-implorar-su-patrocinio/html/> (дата обращения: 01.10.2021).
9. *Rubial García A.* La violencia de los santos en Nueva España // Bulletin du centre d'études médiévales d'Auxerre BUCEMA [En ligne]. Hors-série No. 2. 2008 [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.openedition.org/cem/4092> (дата обращения: 01.10.2021).
10. *Silva Maroto P.* Juan de Flandes. Salamanca: Caja Duero, 2006.
11. *Демурже А.* Рыцари Христа. Военно-монашеские ордена в Средние века, XI–XVI вв. / Пер. с фр. М. Ю. Некрасова. СПб: Евразия, 2008.

Е. Ю. Калинина¹

ИСПАНСКОЕ КИНО В ПЕРИОД ФРАНКИСТСКОГО РЕЖИМА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ КАРТИНЫ МИРА: ВЗГЛЯД ЮРИСТА

SPANISH CINEMA DURING THE PERIOD OF THE FRANCOIST REGIME AS A MEANS OF FORMING A POLITICAL AND LEGAL PICTURE OF THE WORLD: A LAWYER'S VIEW

Resumen: Hoy en día la función política del cine como un instrumento legitimador del poder de Estado ya no es ningún secreto. El cine construye la memoria social y transmite imágenes relevantes que deben formar parte de la conciencia político-legal. Esta característica se le hizo crucial porque la información doctrinal anteriormente se transmitía principalmente a través de la palabra impresa (y antes, a través del habla oral). En el siglo XX se hizo evidente que la información enmarcada visualmente y verbalmente, es capaz de influir no solo en las esferas racionales, sino también en las esferas irracionales (emocionales) de la conciencia — por esto puede transmitir imágenes estables que forman una imagen político-legal del mundo de manera más efectiva. Entretener, enseñar e inspirar patrones de comportamiento y pensamiento, penetrar en diferentes niveles en la conciencia — estas características del cine se han vuelto invaluable para la política, especialmente para los regímenes autoritarios dictatoriales. La ponencia demuestra con ejemplos concretos el papel del cine español en el proceso de formación de la imagen política y legal del mundo, la implementación de la política de memoria, el estatus social y legal de la persona.

Palabras clave: Cine español; franquismo; imagen del mundo; conciencia política y legal.

Abstract: A political function of cinema as a legitimizing instrument of State power is no longer a secret nowadays. Cinema constructs the social memory and transmits relevant images that must form part of political-legal consciousness. This characteristic became crucial because doctrinal information was previously transmitted mainly through the printed word (and before, through oral speech). In the twentieth century it became clear that visually and verbally framed information is able to influence not only the rational spheres, but also the irrational (emotional) spheres of consciousness — thus it can transmit stable images that form a politico-legal image of the world more effectively. Entertain, teach and inspire patterns of behavior and thought, penetrate at different levels in consciousness — these characteristics of cinema became invaluable for politics, especially for dictatorial authoritarian regimes. The paper demonstrates with concrete examples the role of Spanish cinema in the process of forming the political and legal image of the world, the implementation of memory politics, the social and legal status of the person.

Key words: Spanish cinema; Franquism; world view legal and politic consciousness.

Введение. Кино как источник информации. Обычно мир кино, если это не авторское кино, насыщенное символами, дает иллюзию полного понимания транслируемых посланий для зрителя, но это мнимая доступность. Эта иллюзия возникает из-за одного языка, на котором говорят герои и наблюдатели. Кино воспринимается как возможность

¹ Калинина Елена Юрьевна, Россия, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права и гражданско-правового образования РГПУ им. А. И. Герцена (bellafior@mail.ru).

подглядывания за чужой жизнью, которая сознанию представляется реальной, поскольку мало отличается от тех образов, которые оно отражает из объективной реальности, как мало отличается и сам механизм восприятия и обработки информации.

Одной из особенностей восприятия образов кино можно считать возможность автора зашифровать послание, которое будет воспринято зрителем не только с помощью рациональных (когнитивных) механизмов сознания, но и иррациональных. Кино воздействует на эмоции, и это влияние нередко сильнее рационального. К тому же с помощью инструментов воздействия на рациональную и эмоциональную сферы можно транслировать разные по форме и содержанию послания. Второй способ часто оказывается более действенным, и знание об этом используется не только в пропаганде, но и в рекламе. «Эмоциональная вера зрителя в подлинность показываемого на экране связывает кинематограф с одной из наиболее существенных в истории культуры проблем. <...> Призванные служить информации, знаки нередко использовались с целью дезинформации»².

Эта дезинформация становится весьма эффективной, если вспомнить о том, что в кино передача действительности достигла совершенства, в отличие от других визуальных и вербальных средств коммуникации со зрителем. Описание словами может быть как правдивым, так и лживым, но оно требует значительной работы сознания по приему и обработке информации. Рисунок передает скорее впечатление от объекта, а послание не всегда легко дешифруется. Когда рисунок используется в качестве средства пропаганды, к нему всегда прилагается вербальный инструмент, который не только объясняет суть образа, но и использует побуждающие призывы. Фотография неподвижна и отражает лишь какой-то аспект объекта, хотя и со всей возможной тщательностью, но надолго захватить внимание она может редко, тем более, что, как и рисунок, хорошая художественная фотография чаще воздействует только на эмоциональные механизмы. Отсутствие расшифровки не дает возможность зрителю понять, какой образ мыслей, а тем более действий, от него ожидается. Кино создает наиболее объемный образ, используя движение, свет, цвет, звук. Этот объем многие путают с правдивостью, с точностью изображения объекта.

Помимо этого с открытием в конце 1990-х — начале 2000-х гг. зеркальных нейронов³ стала понятна тяга зрителя к так называемому экшну. Для сознания наблюдение за происходящим на экране практически идентично восприятию происходящих событий с самим наблюдателем. Это значит, что сила эмоциональной вовлеченности в происходящее в кино примерно такая же, как и в то, что происходит в реальной жизни. Уровень вовлеченности зависит от работы режиссера, актеров и остальной команды, поскольку все вместе они создают правдоподобные для воспринимающего сознания образы, и правдоподобие может быть и в фантастическом фильме.

Но если зритель в идеале уверен, что преподносимое в фильме — правда, то автор всегда знает, что он показывает ту сторону действительности, которую хочет донести до зрителя в качестве «правдивой информации». Он вынужденно упрощает объект, выбирая те ракурсы объектов реального мира, которые демонстрирует. При этом ему необходимо превратить эту часть объекта в образ, а образ — в знак, который не может ничего не обозначать (то есть всегда должен обозначать что-то). В этом состоит искусство режиссера — создать знаки, которые будут запечатлены в сознании зрителя и в последующем будут воспроизводить свое содержимое, когда человек будет сталкиваться с объектом, увиденным на экране. И здесь есть очень важная деталь: зритель будет сталкиваться с реальным объектом, а воспроизводить в сознании в основном ту информацию, которую заложил автор фильма. Именно поэтому Ю. М. Лотман заметил, что «цель искусства — не просто отобразить тот или иной объект, а сделать его носителем значения»⁴.

² Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээсти Раамат, 1973. С. 5.

³ Косоногов В. Зеркальные нейроны: краткий научный обзор. Ростов-на-Дону: Антей, 2009. С. 4.

⁴ Лотман, *op. cit.*, с. 8.

Автор фильма должен решить следующую задачу: его зрители очень разные, и ему нужно сформировать определенный образ действительности у большинства из тех, кто этот фильм посмотрит. Для настоящего произведения искусства важно, чтобы символ скрывал за собой разные смыслы, в зависимости от уровня подготовленности зрителя, его опыта. Он может раскрыться как более или менее общезначимый, а может дополняться индивидуальным смыслом каждого (причем для каждого человека в разные периоды жизни этот символ может разворачиваться по-разному).

Но это, впрочем, касается гениальных художников, которые не желают сковывать зрителя символом с единственным значением. В большом количестве случаев вольно или невольно автор желает что-то сказать каждым элементом видео- или звукового ряда и закладывает некий единичный (или основной) смысл. И здесь возникает еще одно важное уточнение: можно говорить о символах, более или менее понятных в разных культурах, а есть такие, которые отражают смыслы, заложенные в конкретной культуре, и будут совершенно непонятны в другой. Можно также взять более или менее общие символы и добавить им национальное узкокультурное значение. Представляется, что в диктаторских режимах часто поступают именно таким образом. Для создания произведения искусства берется символ, в котором содержится общекультурное значение, но в котором информация зашифровывается на уровне разных пластов. Этот символ наполняется дополнительным содержанием, что экономит время и силы группе художников и интеллектуалов, работающих на государство: новый символ создать очень трудно, а этот уже имеется в культуре и раскрывается в сознании определенным запрограммированным способом. Очень важным здесь будет наполнение символа не только рациональным, но и эмоциональным содержанием.

Кино как возможный источник для историка государства и права. Один из наиболее значимых «минусов» кино как источника для исследователя в области истории государства и права заключается в том, что оно создает иллюзию запечатления реальности. Исследователь может оказаться столь же обманутым, как и обычный зритель. Поэтому прежде всего нужно понимать, что в фильме поддается анализу не только «видимое», но и «невидимое» — то, что сознательно скрывается создателем. Наличие этих пластов (видимое и невидимое, разные уровни восприятия, насыщенность символикой) не позволяет считать кино документальным источником. Но в этом тоже состоит смысл кино — сформировать эмоциональное отношение к совокупности объектов, которые демонстрируются в фильме, через нарратив, который не обязан документально отражать объективную действительность. Это вовсе не означает, что подобные фильмы не могут быть источниками. Реальность необходимо увидеть, расшифровывая ее, продираясь через лес символов, которые репрезентуют определенный образ этой реальности.

Все это делает кино удивительным и интересным историческим источником. С одной стороны, оно создает именно иллюзию реальности, поскольку отражает лишь определенный аспект действительности. Но разве это не происходит с любым другим источником, который мы называем документальным? Контекст, в котором создается кино, диктует определенный угол обзора настоящей жизни. В фильмах обязательно есть ряд деталей, которые демонстрируют нам те ее стороны, которые авторы-создатели, возможно, не хотели показывать, но не могли их избежать (например, костюмы, машины, обстановка квартир, поведенческие паттерны персонажей, считываемые через жесты)⁵. Конечно, в кино можно увидеть и ряд политико-правовых образов действительности, а также расшифровать модели, которые признаются желательными и транслируются общественному сознанию. С другой стороны, существует второй план, на котором внимание зрителя не рассеивается. Он создает не просто декорацию, где разворачивается основное действие, он создает картину, формирующую устойчивые, эмоционально наполненные образы.

⁵ Sorlin P. Cine e historia, una relación que hace falta repensar // I Congreso Internacional de Historia y Cine. Getafe, Universidad Carlos III de Madrid, Instituto de Cultura y Tecnología, 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://hdl.handle.net/10016/17744> (дата обращения: 04.09.2021).

Искусство как инструмент пропаганды в раннем франкистском государстве. В первый период франкизма, с момента формирования правительства в Бургосе в январе 1938 г. и до первой реорганизации системы управления в пределах всего государства в конце гражданской войны в 1939 г., были обозначены направления политики, которые предполагали использование искусства в качестве инструмента пропаганды, как это практиковалось фашистскими режимами Германии и Италии⁶. Для этих целей была организована группа интеллектуалов, писателей, художников, которые должны были сформировать фронт идеологической пропаганды нового государства. Национальная служба пропаганды включала такие направления, как издательское дело, радио, театр, кинематограф, музыка и пластические искусства (живопись, скульптура, архитектура и фотография). Они должны были сформировать декорации, на фоне которых разворачивались политические события и действия, организовать пространство, внутри которого существовали и функционировали массы, армия, правительство, церковь и т. п. Главной целью было продемонстрировать единство государства и людей, величие и силу этого союза, который должен был стать нерушимым и направляться на создание новой истории. В начале 1940-х гг. вышел протекционистский закон о национальном кино, в 1946 г. вышел закон-декрет, объявивший кино одной из ведущих отраслей испанской экономики. Это означало поддержку со стороны государства. Далее возникла необходимость контролировать этот инструмент, для чего в 1951 г. было создано Министерство информации и туризма, к которому было присоединено Главное управление кинематографа и театра.

В период гражданской войны визуальная панорама разворачивалась не только со стороны франкизма. Она была разнообразная и многофакторная, как и картина социальной жизни в целом. Собственно, и правительству Франко не сразу удалось создать целостный образ идеологии, поскольку движение не было однородным (туда входили монархисты, карлисты, католики, фалангисты и т. п.)⁷. Но именно франкистское правительство впервые осознало политическую силу искусства и необходимость формирования целостной картины мира, в которой обычному, массовому человеку было просто и комфортно ориентироваться, где сознание не было бы перегружено противоречивой информацией. «Визуальная политика» стала одним из столпов победы, сформировавшим такие идеологемы, как «нация», «Родина», «крестовый поход», «единство», «порядок», «консерватизм». Такое навязывание триумфальной победы «истинных ценностей» стало ключевым для формирования воображаемой картины событий и конструируемого будущего. Война, которая продолжалась, в том числе в кино, понималась конкурирующими сторонами как борьба за легитимизацию, в которой особый акцент делался на «чужеродность» идеологии противника. Другая сторона представлялась как агент влияния враждебных истинной Испании зарубежных сил. Эта картина стала основой послевоенного мировоззрения, которое непрерывно транслировалось и с помощью искусства, в том числе кино. Одной из наиболее значимых мифологем стала устойчивая параллель с далеким прошлым, которое франкизм не переставал переосмысливать и извлекать из него те идеи, которые наиболее выгодно подчеркивали бы его образ. Этот образ торжествующего триумфатора Франко создавался идеологами на основе реинкарнации средневекового мифического героя, обнажившего оружие перед лицом многотысячного неприятеля⁸.

История как источник формирования идентичности в раннефранкистском государстве посредством кинематографа. «Если нация хочет определить свое настоящее,

⁶ Bernal López-Sanvicente A. Arquitecturas efímeras y escenografías de propaganda franquista durante la guerra civil española // Archivo español de arte. 2018. T. XCI. P. 159.

⁷ Arce J. Castañuelas y teléfonos blancos: las comedias (musicales) del primer franquismo // Music and Francoism. Turnhout: Brepols, 2013. P. 261.

⁸ Chaves Amieval Ó. Imaginar la derrota. El arte como espacio de asimilación (crítica) de la represión en la posguerra española // Represión, exilio, posguerras. Las consecuencias de las guerras contemporáneas en el arte español. Rioja, 2018. P. 96.

она должна установить четкую связь со своим прошлым»⁹. Любой политический режим, в том числе демократический, не может не опираться в процессе оформления своей легитимности на прошлое. В этом состоит суть исторической памяти, которая формирует непрерывность субъекта. Но в авторитарных государствах обращение к героическому национальному прошлому нередко становится краеугольным камнем идеологической политики. Диктатуры всегда обладали набором разнообразных инструментов для формирования концептуального исторического образа и включения его в общественное сознание, и кино играло в этом процессе огромную роль, которую трудно переоценить.

В Испании произошло обращение к средневековому прошлому, хотя делались попытки обнаружить идеального героя в XIX в., например, в войне за независимость с Наполеоном или в образе идеальной женщины, когда обращались к истории Евгении де Монтихо. В Средневековье обнаружилось героиня, аналогии с подвигами и деяниями которых могли создать целостную историю Испании, на которую постоянно посягали враги с целью раздробить, лишиться силы, ограбить и совершить насилие в отношении мирных жителей. Это могли быть фантастические персонажи типа апостола Сантьяго, но чаще обращались к полубогатырским героям типа Сиды, Пелайо и т. п. В эпохах, предшествующих правлению Католических королей, акцент делался на подвигах героев, сформировавших великую национальную историю.

Среди фильмов, ставших основой франкистской идеологии, можно выделить «Рассвет Америки» (реж. Хуан де Ордуña, 1951 г.). Тема, затронутая в фильме, была идеальна: становление христианства как государствообразующей религии, миссионерская деятельность Испании, эпоха открытий, расцвет имперской идеи — все это определяло эпоху Католических королей (которые сами почти никогда не становились главными героями кино). Для Франко их правление стало квинтэссенцией «испанизма» и «национал-католицизма». «Рассвет Америки» — это аллегория франкистского государства на ключевом этапе его развития. Несмотря на то, что основная история — открытие Америки Колумбом, в фильме явно читается второй текст (или подтекст) о трудностях трансформации политического режима, о мессианских ценностях, которые несет Испания, и о ее врагах. Интерес государственной власти к этому фильму заключается в его потенциале, узаконивающем его настоящее¹⁰.

Выводы. Вслед за испанскими исследователями можно выделить основные признаки, характеризующие исторические идеологические фильмы: 1) в центре повествования — фигура каудильо (вождя), который выше остальных не только по положению, но и по своим моральным качествам; он всегда готов пожертвовать жизнью ради Бога и страны; эти персонажи могут рассматриваться как предшественники Франко; 2) единство страны, основанное на выделении центра в Кастилии, построенное на основе кастильских традиций; необходимо избавляться от всего, что на это единство посягает (религии, отличные от католицизма, региональные традиции, классовые противоречия и т. п.); 3) демонизация «Другого» и создание образа постоянного врага (враги могут быть внутренними (сепаратисты) и внешними (коммунисты, атеисты)); 4) выборочная отсылка к историческим событиям прошлого: частые намеки на те из них, которые режим считает славными, и упущение или фальсификация тех периодов, которые принимаются за позорные. Согласно этим фильмам, следующие темы получили единодушную положительную оценку: Реконкиста, намерение католических монархов объединить страну, завоевание Америки и евангелизация «варварского» народа, правление Филиппа II, война за независимость против Наполеона¹¹.

⁹ Lénárt A. El pasado ejemplar según el cine franquista // Un viajero por caminos hispanos. Libro homenaje al profesor Ádám Anderle. Szeged: JATEPress, 2017. P. 137.

¹⁰ Juan-Navarro S. De los orígenes del estado español al nuevo estado: la construcción de la ideología franquista en Alba de América, de Juan de Orduña // Anales de la literatura española contemporánea. ALEC. 2008. Vol. 33. T. 1. P. 80.

¹¹ Lénárt A. Ideology and Film in the Spain of General Francisco Franco // ÖT KONTINENS. 2013. No. 2. P. 333.

Фильмы, которые декларировались как национальный интерес в эти годы, создавали новые модели истории страны с националистической точки зрения. Любопытно, что, повествуя о средневековых событиях, они отличались провиденциальным взглядом на историческую роль и своевременность появления франкизма. Они объясняли и легитимизировали новый режим и необходимость войны с республиканцами. Для упрощения восприятия все фильмы отличаются двумя основными линиями: любовной (для эмоционального воздействия) и политической. Фоном для разворачивания историй служит тема гибели и возрождения Испании¹².

Библиография

1. *Косоногов В.* Зеркальные нейроны: краткий научный обзор. Ростов-на-Дону: Антей, 2009. 24 с.
2. *Лотман Ю. М.* Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээсти Раамат, 1973.
3. *Arce J.* Castañuelas y teléfonos blancos: las comedias (musicales) del primer franquismo // Music and Francoism / G. Pérez Zaldondo, G. Gan (eds.). Turnhout: Brepols, 2013. P. 253–265.
4. *Bernal López-Sanvicente A.* Arquitecturas efímeras y escenografías de propaganda franquista durante la guerra civil española // Archivo español de arte. 2018. T. XCI. P. 159–174.
5. *Chaves Amieval O.* Imaginar la derrota. El arte como espacio de asimilación (crítica) de la represión en la posguerra española // Represión, exilio y posguerras: las consecuencias de las guerras contemporáneas en el arte español / Coord. por M. Cabañas Bravo, I. Murga Castro, W. Rincón García. Rioja, 2019. P. 95–112.
6. *Lénárt A.* El pasado ejemplar según el cine franquista // Z. Csikós, E. Katona. Un viajero por caminos hispanos. Libro homenaje al profesor Ádám Anderle. Szeged: JATEPress, 2017. P. 137–143.
7. *Lénárt A.* Ideology and Film in the Spain of General Francisco Franco // ÖT KONTINENS. 2013. No. 2. P. 323–336.
8. *Navarro S. J.* De los orígenes del estado español al nuevo estado: la construcción de la ideología franquista en Alba de América, de Juan de Orduña // Anales de la literatura española contemporánea. ALEC. 2008. Vol. 33. No. 1. P. 79–84.
9. *Navarro S. J.* Texto, subtexto, pretexto: Mitos nacionales en el cine histórico español de la autarquía (1945–1951) // Perfiles culturales en la literatura hispánica. Madrid, 2005. P. 115–132.
10. *Sorlin P.* Cine e historia, una relación que hace falta repensar // I Congreso Internacional de Historia y Cine / G. Camarero (ed.). Getafe: Universidad Carlos III de Madrid, Instituto de Cultura y Tecnología, 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://hdl.handle.net/10016/17744> (дата обращения: 04.09.2021).

¹² *Navarro S. J.* Texto, subtexto, pretexto: Mitos nacionales en el cine histórico español de la autarquía (1945–1951) // Perfiles culturales en la literatura hispánica. Madrid, 2005. P. 117.

ВНЕПОЛУШАРНЫЕ АКТОРЫ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

EXTRA-HEMISPHERAL ACTORS IN LATIN AMERICA

Д. С. Комарова¹

КИТАЙ И ЛАТИНО-КАРИБСКИЙ РЕГИОН: ВЕКТОРЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

CHINA AND THE LATIN CARIBBEAN REGION: VECTORS AND PROSPECTS FOR INTERNATIONAL COOPERATION AT THE PRESENT STAGE

Аннотация: Статья посвящена историческому обзору международного и экономического сотрудничества Китая и государств региона Латино-Карибской Америки (ЛКА) с целью определить основные направления, риски и возможности партнерства на современном этапе. Взаимодействие Китая с регионом значительно выросло с 2001 года, особенно с точки зрения дипломатических и экономических связей. Этот рост отражает расширение КНР способами «мягкой силы» и «операций влияния» по всему миру, а также готовность Латино-Карибской Америки к избавлению от доминирования США и желание укрепить свои политэкономические позиции на мировой арене. Таким образом, внешнеполитические потребности государств ЛКА и Китая попадают в идеальное, хоть и не совсем очевидное сочетание, воплощение которого активно начинается с момента включения региона в инициативу «Один пояс, один путь». Но насколько это устойчивое и многообещающее партнерство на самом деле?

Ключевые слова: Китай, Латино-Карибский регион, международное сотрудничество, «Один пояс, один путь», мягкая сила, СЕЛАК, сотрудничество Юг — Юг, торговля, инвестиции.

¹ **Комарова Диана Сергеевна**, Россия, аспирант, ассистент кафедры мировой экономики, международных отношений и права, Новосибирский государственный университет экономики и управления (komarova.d.s@mail.ru).

Abstract: The article is devoted to a historical overview of international and economic cooperation between China and the Latin-Caribbean America States (LCA) in order to determine the main directions, risks and opportunities for partnership at the present stage. China's engagement with the region has grown significantly since 2001, especially in terms of diplomatic and economic ties. This growth reflects the PRC's global efforts of "soft power" and "influence operations" around the world, as well as the readiness of Latin-Caribbean America to get rid of US domination and the desire to strengthen its political and economic positions in the world arena. Thus, the foreign policy needs of the LCA states and China coincide in an ideal, even not entirely obvious, combination, the embodiment of which actively begins from the moment the region is included in the Belt and Road Initiative, but is this a stable and promising partnership in reality?

Key words: China; Latin-Caribbean America; international cooperation; Belt and Road; soft power; CELAC; South — South cooperation; trade; investment.

Resumen: El artículo está dedicado a una revisión histórica de la cooperación internacional y económica entre China y los Estados de América Latina y el Caribe (LCA) con el fin de determinar las principales direcciones, riesgos y oportunidades de asociación en la etapa actual. El compromiso de China con la región ha crecido significativamente desde 2001, especialmente en términos de vínculos diplomáticos y económicos. Este crecimiento refleja los esfuerzos globales de la República Popular China de "poder blando" y "operaciones de influencia" en todo el mundo, así como la disposición de América Latina y el Caribe para deshacerse de la dominación estadounidense y el deseo de fortalecer sus posiciones políticas y económicas en el mundo. arena. Por lo tanto, las necesidades de política exterior de los estados de la LCA y China coinciden en una combinación ideal, incluso no del todo obvia, cuya encarnación comienza activamente desde el momento en que la región se incluye en la Iniciativa de la Franja y la Ruta, pero, ¿es esta una asociación estable y prometedora en realidad?

Palabras clave: China; Latina y Caribe América; cooperación internacional; la Franja y la Ruta; poder blando; CELAC; cooperación Sur — Sur; comercio; inversión.

За последние два десятилетия Китай стал одним из ключевых партнеров Латино-Карибской Америки (ЛКА), что подтверждается укреплением сотрудничества в сферах торговли, инвестиций и финансов, ростом культурного обмена, возрастанием роли и значения китайской поддержки для развития региона, установлением политического диалога и стратегических межрегиональных отношений, основывающихся на комплементарности Юг — Юг. Соглашения о стратегическом партнерстве были подписаны с Бразилией (1993 г.), Мексикой (1997 г.), Чили, Аргентиной (2004 г.), Перу, Коста-Рикой (2005 г.), Венесуэлой (2014 г.), Уругваем и Эквадором (2016 г.).

Согласно политической стратегии Китая, партнерство с регионом ЛКА позиционируется как «естественное», а Латинская Америка — как «естественное продолжение Морского Шелкового пути» и инициативы «Один пояс, один путь»². В ходе реализации инициативы фокус Китая эволюционировал от узкого, сконцентрированного на евразийском пространстве, до глобального, и теперь распространяется также на Арктику и Латино-Карибский регион, а концепция трансформировалась во всеобъемлющую географическую платформу. Латино-Карибский регион был включен в инициативу «Один пояс, один путь» не сразу. Первыми из 14 государств региона, подписавшими соглашение о сотрудничестве, стали Панама и Уругвай в 2018 году, что в своем роде ознаменовало новый этап реализации проекта и усилило его роль в Тихоокеанском регионе. Также с инициативой «Один пояс, один путь» связан долгосрочный проект «Сделано в Китае 2025»³, который подразумевает сотрудничество Китая и стран ЛКА с момента анонсирования в 2015 г. до 2049 г. с целью укрепления мировых позиций экономики Китая за счет технологических инноваций в промышленное производство.

² *Pestanha F.* China, América Latina y la geopolítica de la Nueva Ruta de la Seda. Lanús: REUN-UNLa, 2018. P. 17–35.

³ *Agarwala N., Chaudhary R. D.* Made in China 2025: Poised for Success? // *India Quarterly. A Journal of International Affairs.* 2021. No. 77(3). P. 424–461.

Приоритеты внешней политики Китая в регионе регламентируются согласно «Основному документу по отношениям со странами Латинской Америки и Карибского бассейна», принятому Государственным Советом КНР в 2008 г. и обновленному в 2016 г.⁴. Изучив данный документ, можно выделить следующие принципы международной политики Китая в регионе:

- стремление к развитию отношений нового типа в условиях возникающих глобальных вызовов и происходящих процессов мультиполяризации и глобализации;
- принцип одного Китая (The one China principle) как основа международной политики Китая. Здесь следует отметить, что большинство стран, признающих Тайвань, находится именно в Латино-Карибской Америке (9 государств региона из 15 мировых), а значит, активная экономико-политическая программа Пекина в регионе способна препятствовать укреплению международных позиций Китайского Тайбея, что, в принципе, имеет реальный результат, учитывая, что после подписания двусторонних соглашений в 2017 и 2018 гг. Панама, Доминиканская Республика и Сальвадор признали КНР;
- принцип равноправия и искренней взаимной поддержки — обе стороны находятся на пути развития открытого общества общего будущего, что дает возможность выстроить отношения взаимовыгодного сотрудничества и совместного развития, в которых Китай сможет содействовать преобразованию региона в рамках «общения равных»;
- в качестве отличительных особенностей выстраиваемых отношений выделяются искренность и взаимность, доверие в политической сфере, взаимовыгодное сотрудничество в экономической сфере, взаимное обучение в культурной сфере, тесная координация в международных делах, а также взаимное усиление сотрудничества Китая с регионом в целом и с отдельными странами посредством двусторонних отношений;
- развитие отношений с регионом в условиях эволюции региональных и субрегиональных институциональных рамок.

Последний из пунктов получил реализацию в организации форума Китай — СЕЛАК в 2015 году при участии 33 стран региона, что стало наиболее значимой институциональной платформой для развития отношений и реализации международных интересов Китая в регионе. В рамках данного форума был утвержден план «1 + 3 + 6» (т. е. План сотрудничества Китая и стран Латинской Америки и Карибского бассейна (2015–2019 гг.), обновленный и пролонгированный в рамках Форума в 2018 г.), который четко определяет как сферы взаимного сотрудничества, так и конкретные интересы Китая: 1 — единый план развития; 3 — три канала сотрудничества: торговля, инвестиции и иностранное сотрудничество; 6 — шесть приоритетных сфер: 1) энергетика и природные ресурсы, 2) развитие инфраструктуры, 3) сельское хозяйство, 4) промышленность, 5) научные и технологические инновации, 6) развитие информационных технологий⁵.

Также была утверждена модель сотрудничества «3 × 3», которая относится к совместному строительству трех основных каналов логистики, электроснабжения и информации в Латинской Америке, обеспечивающих качественное взаимодействие между предприятиями, обществом и правительством, а также расширение трех направлений финансирования — каналов денежных средств, кредитных ссуд и страхования.

Несмотря на очевидный акцент стратегии Китая в регионе на расширение торгово-экономического присутствия, активно развиваются и дипломатические контакты. Регулярно проходят личные встречи высокопоставленных лиц Китая и стран ЛКА: в 2013 году Председатель КНР Си Цзиньпин посетил Тринидад и Тобаго, в 2014 г. — Кубу и Венесуэлу,

⁴ Fornes G., Mendez A. The China-Latin America Axis. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 237–277.

⁵ China-Latin American and Caribbean Countries Cooperation Plan (2015–2019). 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://www.chinacelacforum.org/eng/zywj_3/t1230944.htm (дата обращения: 28.09.2021).

в 2016 г. — Перу и Эквадор, в 2018 г. — Панаму и Аргентину, и т. д.; в условиях пандемии проводятся официальные видеоконференции. В целом, реализуемые дипломатические инициативы Пекина в Латино-Карибской Америке подкрепляют экономическую деятельность Китая, позволяют институционализировать его участие в регионе и заручиться поддержкой международных форумов. Так, кроме сотрудничества с СЕЛАК, Китай принимает участие в форуме Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, в качестве наблюдателя — в Организации американских государств, является членом Межамериканского и Карибского банков развития.

Учитывая сложившуюся в странах Латино-Карибской Америки высокую степень институционализма, ряд экспертов⁶ характеризуют долгосрочную стратегию Китая в ЛКА как перспективу многоуровневого проникновения, что подразумевает переформирование общества изнутри посредством тесного сотрудничества китайских корпораций и правительственных организаций с муниципалитетами, правительствами и компаниями, связанными с интересующими их секторами. В результате развития таких отношений давление на федеральное правительство по вопросам, представляющим интерес для Китая, осуществляется внутренними союзниками: муниципалитетами и правительствами, связанными выгодными партнерскими отношениями, компаниями, заинтересованными в наращивании торговых потоков. Таким образом, источником лоббирования интересов КНР является не китайское правительство, а местные игроки, явно заинтересованные в поддержании или расширении здоровых и прибыльных отношений, и латиноамериканский политический аппарат, действующий в краткосрочной перспективе, при которой игнорируется риск занятия зависимого положения в угоду решения текущих проблем в рамках внутренних избирательных циклов.

Начиная с 2000-х гг. КНР становится вторым после США по важности торговым партнером Чили, Бразилии, Перу, Аргентины, Колумбии, Кубы, Венесуэлы, Панамы и Уругвая. В 2004 г. по инициативе Пекина был создан Форум торгово-экономического сотрудничества Китая и стран Карибского бассейна, подписаны соглашения о свободной торговле с Чили, Коста-Рикой и Перу. Тем не менее, ни одна из стран Латино-Карибского региона так и не вошла в число 15 основных торговых партнеров Китая. В целом, объем торговли Китая со странами ЛКА вырос с почти 18 млрд долл. США в 2002 г. до почти 316 млрд долл. США в 2019 г. В 2020 г., несмотря на мировой спад торговли в связи с пандемией, общий торговый объем между Китаем и государствами Латино-Карибской Америки уменьшился незначительно — до 315 млрд долл. США⁷.

Затрагивая тему влияния COVID-19 на взаимоотношения между Китаем и Латино-Карибским регионом, стоит отметить последовательное укрепление сотрудничества для обеспечения трансграничных потоков вакцин в рамках программы «Один пояс, один путь»⁸. Как заявил министр иностранных дел Ван И на пресс-конференции 8 марта 2021 г., посвященной внешней политике Китая и международным отношениям, «Китай стремится к построению „Шелкового пути здравоохранения“ — с помощью международного

⁶ *Aragao de T.* The US Still Doesn't Understand China's Strategy in Latin America // *The Diplomat*. 08.09.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://thediplomat.com/2021/09/the-us-still-doesnt-understand-chinas-strategy-in-latin-america> (дата обращения: 28.09.2021); *Haro Navejas F. J.* China engages Latin America: tracing the trajectory. London: Lynne Rienner Publishers, 2011. P. 13–14.

⁷ *Sullivan M. P., Lum T.* China's Engagement with Latin America and the Caribbean. 01.07.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://sgp.fas.org/crs/row/IF10982.pdf> (дата обращения: 28.09.2021).

⁸ Совместное заявление Международного форума по сотрудничеству в области вакцины против COVID-19, запущено Аргентиной, Бразилией, Чили, Китаем, Колумбией, Доминиканской Республикой, Эквадором, Египтом, Венгрией, Индонезией, Кенией, Малайзией, Мексикой, Марокко, Пакистаном, Филиппинами, Сербией, Южной Африкой, Шри-Ланкой, Таиландом, Турцией, Объединенными Арабскими Эмиратами и Узбекистаном на первом заседании Международного форума по сотрудничеству в области вакцины COVID-19 5 августа 2021 года // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. Joint Statement of the International Forum on COVID-19 Vaccine Cooperation. 06.08.2021 [Электронный ресурс]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/2649_665393/t1897886.shtml (дата обращения: 28.09.2021).

антиковидного сотрудничества превратить „Пояс и путь“ в истинный „коридор жизни“»⁹. Так, в 2020 г. 30 латиноамериканским странам с китайской стороны было предоставлено более 34 млн единиц крайне необходимой медицинской техники, организовано больше 40 онлайн-конференций для обмена опытом, в 12 нуждающихся стран региона доставляется вакцина от коронавируса¹⁰. Постпандемийное сотрудничество также реализуется в рамках кооперации Юг — Юг, в ходе 75-й сессии ГА ООН Председатель КНР Си Цзиньпин заявил о готовности Китая к активной поддержке плана ООН по гуманитарному реагированию на пандемию COVID-19, в частности, выделению дополнительного финансирования, учреждению трастового фонда Китай — ФАО по линии сотрудничества Юг — Юг, продлению срока действия Фонда поддержания мира и развития Китай — ООН на 5 лет после 2025 г., а также открытию центров инноваций и устойчивого развития, что в перспективе будет реализовано как вклад КНР в глобальное дело по ликвидации бедности и откроет новую страницу в сотрудничестве по линии Юг — Юг — Восток¹¹.

В 2020 г. импорт Китая из ЛКА составил 165 млрд долл. США, подавляющая доля импорта — это природные ресурсы, а также руды металлов (35 %), соя (17 %), минеральное топливо (12 %), мясо (7 %) и медь (6 %). Экспорт Китая в регион в 2020 г. составил 150 млрд долл. США, при этом основной экспорт — электрические машины и оборудование (23 %), машины и механические устройства (16 %), моторные автомобили и запчасти (6 %), а также широкий спектр промышленных и потребительских товаров.

Согласно базе данных China Global Investment Tracker¹², которая была разработана Американским институтом предпринимательства в 2005 г. для отслеживания мировых инвестиционных и строительных проектов Китая, общий объем инвестиций, поступающих в Латино-Карибский регион из КНР, с 2005 по 2020 гг. составил 136 млрд долл. США, в том числе в Бразилию — 61 млрд долл. США, Перу — 27 млрд долл. США, при этом доля инвестиций в энергетические проекты составляет 57 %, в металлургию и горнодобывающую промышленность — 27 %.

Отдельно стоит отметить значительный объем кредитования, который поступает из китайских банков латиноамериканским правительствам и реализуется на значительно более лояльных условиях и менее строгих экологических рекомендациях, чем у других международных финансовых институтов, и не предполагает неолиберализацию, характерную для американских кредитов. С 2005 г. сумма кредитов, полученная регионом со стороны Китайского банка развития и Экспортно-импортного банка Китая, составила более 140 млрд долл. США, и хотя с 2017 г. отмечается относительный спад, объем китайских кредитов по-прежнему превышает кредиты других банков (в том числе американских). Большая часть кредитов получается Венесуэлой, Бразилией, Эквадором и Аргентиной для финансирования энергетических (68 %) и инфраструктурных проектов (18 %), а также на закупку машинного и электронного оборудования и материалов.

Строительные проекты, реализуемые Китаем в регионе с 2005 по 2020 гг., оцениваются в 62 млрд долл. США, из которых 51 % приходится на энергетические проекты и 28 % на транспорт. Также можно отметить увеличение процента капиталовложений в развитие портовой инфраструктуры Карибского бассейна. Выстраивание сети морских коммуникаций и, соответственно, развитие портовых коммуникаций в регионе ЛКА

⁹ Вопросы и ответы члена Госсовета, Министра иностранных дел Ван И на пресс-конференции, посвященной внешней политике Китая и международным отношениям // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. 08.03.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1859896.shtml> (дата обращения: 28.09.2021).

¹⁰ Idem.

¹¹ Совместное движение по пути к ликвидации бедности и открытие новой страницы сотрудничества Юг — Юг: Программная речь на видеоконференции // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. 26.09.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1819028.shtml> (дата обращения: 28.09.2021).

¹² China Global Investment Tracker [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aei.org/china-global-investment-tracker> (дата обращения: 28.09.2021).

является стратегически важной задачей для масштабирования торговых отношений со странами региона и восточным побережьем США. Так, в 2010–2019 гг. отмечался рост китайских инвестиций в строительство портов в Бразилии, Чили, Мексике, Суринаме и Венесуэле. В 2016 году был реализован проект реконструкции Панамского канала, что послужило дополнительным стимулом для китайских инвестиций в портовую, энергетическую и мостовую инфраструктуру Панамы, а гонконгская фирма Hutchinson с 1999 года и до сих пор продолжает управлять портами Бальбоа и Кристобаль, находящимися на тихоокеанской и атлантической сторонах Панамского канала.

Похожий проект строительства межокеанского Никарагуанского канала обсуждался в 2013 году. Это сделало бы Никарагуа новым торговым центром Центральной Америки, привлекло значительный поток иностранных инвестиций и стало мощным толчком к развитию экономики государства и региона в целом. Однако проект так и не был реализован из-за сопротивления со стороны США, а также ученых-экологов, местных жителей и в связи с финансовыми затруднениями китайской компании HKND Group, получившей концессию на проектирование, строительство и обслуживание канала. Возможно, интерес Китая к данному проекту был утерян в связи с развитием дипломатических договоренностей с Панамой — следующие два года после реконструкции Панамского канала стали временем максимального успеха китайских предприятий в Панаме: активно реализовывались инфраструктурные проекты, включая строительство и модернизацию портов, транспортных линий, железнодорожной трассы и обеспечение страны энергией, также Панама признала КНР, отказавшись от дипломатического сотрудничества с Тайванем. Однако к настоящему времени большинство проектов было приостановлено или передано другим исполнителям в связи с выбором нового президента Лаурентино Кортисо, проявляющего лояльность США. Данный пример отлично иллюстрирует «тонкое место» в стратегии расширения влияния Китая в регионе, а именно возрастающее противостояние Пекина и Вашингтона, который не желает терять привычную степень влияния в Латино-Карибской Америке и расценивает инициативу «Один пояс, один путь» как площадку Китая для продвижения альтернативных норм глобального управления, постепенно смещающую функции существующих международных организаций¹³. Именно поэтому проходившие в 2021 году выборы в Перу и Эквадоре несли определенные риски для КНР, однако, как можно заметить, дипломатический контакт с новыми государственными лидерами налажен, что дает шанс на заключение откладываемых договоров о свободной торговле¹⁴.

В заключении данной статьи обобщим основные особенности, направления и перспективы международного сотрудничества Китая и государств Латино-Карибского региона.

1. Инициатива «Один пояс, один путь» играет ключевую роль во взаимоотношениях Китая и государств Латино-Карибской Америки, выполняя институционализирующую и контекстуализирующую функцию китайской политики. Можно выделить три основных цели инициативы «Один пояс, один путь» в регионе ЛКА: расширение инициативы до масштабов геополитической площадки и укрепление Китая в Тихоокеанском регионе; реализация принципа единого Китая и ограничение влияния Тайваня; освоение и перехват зон влияния США при растущем противостоянии между державами. Методы реализации: государственное финансирование, инвестиции, кредитование, активное наращивание торгового оборота, выстраивание государственно-частного партнерства и

¹³ Report to Congress of the U.S.-China Economic and Security Review Commission, One Hundred Sixteenth Congress, Second Session. 1 December 2020. P. 95 [Электронный ресурс]. URL: https://www.uscc.gov/sites/default/files/2020-12/2020_Annual_Report_to_Congress.pdf (дата обращения: 28.09.2021).

¹⁴ Посол Чэнь Гою встретился с вице-президентом Эквадора Борреро // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. 16.09.2021 [Электронный ресурс]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/zwbd_673032/wshd_673034/t1907356.shtml (дата обращения: 28.09.2021).

- лоббирование интересов Китая через местных игроков, социокультурный и военно-образовательный обмен, «мягкая сила» и др. Некоторые аналитики также предполагают, что Пекин стремится использовать «дипломатию вакцин» против COVID-19, чтобы заручиться поддержкой более широких внешнеполитических целей в регионе.
2. Несмотря на активную инвестиционную и торговую политику Китая в регионе ЛКА, ни одно из государств Латино-Карибского региона так и не вошло в число 15 основных торговых партнеров Китая, и ни одно из государств, выразивших желание стать членом Азиатского банка структурных инвестиций (Аргентина, Чили, Эквадор, Бразилия, Боливия, Венесуэла, Перу), до сих пор не завершило процедуру вступления, это подчеркивает, что Латино-Карибский регион все еще находится на периферии китайских приоритетов развития международного сотрудничества.
 3. С одной стороны, расширение влияния Китая в регионе ЛКА открывает большие возможности для этих государств, позволяет решить ряд текущих проблем, пробуждает экономическую активность, способствует развитию, с другой — увеличивает риск возведения экономики Латино-Карибского региона в статус «сырьевого придатка» Китая. Обильное кредитование уже сейчас ставит регион в зависимое положение, а финансовая неспособность погасить кредиты в краткие сроки несет угрозу. Наконец, инициатива «Один пояс, один путь» часто критикуется за коррупцию, пренебрежение нормами экологической безопасности и правами местных рабочих (из-за импорта рабочей силы для реализации китайских проектов). Ярким примером является тот факт, что в рамках переговоров о долге между Аргентиной и Китаем КНР получила возможность установить базу космических обсерваторий в Неукен, к которой Аргентина не имеет доступа, а правительство США расценивает ее как потенциальный объект китайской разведки в Западном полушарии. По оценкам правительства США, в связи с сильным экономическим влиянием Китая в Венесуэле и Панаме появление будущих военных баз НОАК в этих странах весьма вероятно, это способно подорвать политическое и стратегическое влияние США в регионе.
 4. Наиболее перспективными и взаимовыгодными для Китая и государств Латино-Карибской Америки являются инфраструктурные, строительные проекты, особенно касающиеся проектирования и возведения новых морских каналов, но, к сожалению, в последние 3 года именно такие крупные строительные проекты замораживаются чаще всего по политическим причинам.
 5. Таким образом, можно заключить, что регион Латино-Карибской Америки крайне заинтересован в наращивании влияния и присутствия Китая как партнера, укрепляющего экономический потенциал региона и в то же время сторонника самостоятельных путей развития и многовекторной политики. Однако на данном этапе можно констатировать снижение темпа наращивания международного сотрудничества между Китаем и государствами Латино-Карибского региона в связи с постпандемийной заморозкой ряда строительных и социокультурных проектов, а также кризисом, с которым столкнулась инициатива «Один пояс, один путь» на фоне увеличения кредитных рисков, отменой ряда проектов из-за завышенных цен, коррупции и проблем устойчивости долга, нарастающего противостояния интересов США и КНР в регионе ЛКА и в мире в целом, учитывая, что в июне 2021 г. США объявили о принятии новой, конкурирующей с инициативой «Один пояс, один путь» инициативы «G7», известной как «Build Back

Better World» (B3W), по оказанию финансовой поддержки развивающимся странам в создании инфраструктуры.

Библиография

1. *Agarwala N., Chaudhary R. D.* Made in China 2025: Poised for Success? // *India Quarterly. A Journal of International Affairs*. 2021. No. 77(3). P. 424–461.
2. *Deng Ch.* China Seeks to Use Access to COVID-19 Vaccines for Diplomacy // *Wall Street Journal*. 17.08.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wsj.com/articles/china-seeks-to-use-access-to-covid-19-vaccines-for-diplomacy-11597690215> (дата обращения: 28.09.2021).
3. *China Global Investment Tracker* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aei.org/china-global-investment-tracker> (дата обращения: 28.09.2021).
4. *China-Latin American and Caribbean Countries Cooperation Plan (2015–2019)*. 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://www.chinacelacforum.org/eng/zywj_3/t1230944.htm (дата обращения: 28.09.2021).
5. *Haro Navejas F. J.* China engages Latin America: tracing the trajectory. London: Lynne Rienner Publishers, 2011. P. 13–14.
6. *Pestanha F.* China, América Latina y la geopolítica de la Nueva Ruta de la Seda. Lanús: REUN-UNLa, 2018. P. 17–35.
7. *Fornes G., Mendez A.* The China-Latin America Axis. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 237–277.
8. *Sullivan M. P., Lum T.* China's Engagement with Latin America and the Caribbean. 01.07.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://sgp.fas.org/crs/row/IF10982.pdf> (дата обращения: 28.09.2021).
9. Report to Congress of the U.S.-China Economic and Security Review Commission. One Hundred Sixteenth Congress, Second Session, 1 December 2020. P. 95 [Электронный ресурс]. URL: https://www.uscc.gov/sites/default/files/2020-12/2020_Annual_Report_to_Congress.pdf (дата обращения: 28.09.2021).
10. *Aragao de Th.* The US Still Doesn't Understand China's Strategy in Latin America // *The Diplomat*. 08.09.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://thediplomat.com/2021/09/the-us-still-doesnt-understand-chinas-strategy-in-latin-america> (дата обращения: 28.09.2021).
11. Joint Statement of the International Forum on COVID-19 Vaccine Cooperation // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. 06.08.2021 [Электронный ресурс]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/2649_665393/t1897886.shtml (дата обращения: 28.09.2021).
12. Вопросы и ответы члена Госсовета, Министра иностранных дел Ван И на пресс-конференции, посвященной внешней политике Китая и международным отношениям // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. 08.03.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1859896.shtml> (дата обращения: 28.09.2021).
13. Посол Чэнь Гою встретился с вице-президентом Эквадора Борреро // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. 16.09.2021 [Электронный ресурс]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/zwbd_673032/wshd_673034/t1907356.shtml (дата обращения: 28.09.2021).
14. Совместное движение по пути к ликвидации бедности и открытие новой страницы сотрудничества Юг — Юг: Программная речь на видеоконференции // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. 26.09.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1819028.shtml> (дата обращения: 28.09.2021).

М. В. Пупышева¹

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЙ ВЕКТОР ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ СОВРЕМЕННОЙ ИСПАНИИ

THE LATIN AMERICAN VECTOR OF THE FOREIGN POLICY STRATEGY OF MODERN SPAIN

Resumen: El artículo está dedicado al análisis de la importancia del vector latinoamericano en la acción exterior española. En breve se enumeran las razones históricas y políticas del declive de la influencia de España en la región iberoamericana durante los últimos 20 años y de la necesidad de recuperación de las posiciones perdidas. A partir de artículos científicos, materiales oficiales e informes de los centros de pensamiento se estudia la postura de los gobiernos de Mariano Rajoy y Pedro Sánchez con especial énfasis en el último. La relación actual entre España y América Latina se analiza desde tres perspectivas: las relaciones bilaterales, las alianzas multilaterales iberoamericanas y la posible mediación de España en la construcción de relaciones entre América Latina y la Unión Europea. La autora señala los principales objetivos del gobierno actual y describe algunos de los instrumentos y recursos disponibles para su realización, como lo es la hispanofonía.

Palabras clave: acción exterior española; España e Hispanoamérica; Iberoamérica; hispanofonía.

Abstract: The article is dedicated to the analysis of the importance of the Latin American vector in Spanish foreign action strategy. The historical and political reasons for the decline of Spain's influence in the Ibero-American region during the last 20 years and for the need to recover lost positions are briefly listed. Based on scientific articles, official materials and reports from the think tanks, the positions of the governments of Mariano Rajoy and Pedro Sánchez are studied with special emphasis on the latter. The current relationship between Spain and Latin America is analyzed from three perspectives: bilateral relations, Ibero-American multilateral alliances and the possible mediation of Spain in the construction of relations between Latin America and the European Union. The author points out the main objectives of the current government and describes some of the instruments and resources available for their realization, such as Hispanophony.

Key words: Spanish foreign action; Spain and Hispano-America; Ibero-America; Hispanophony.

Министр иностранных дел и сотрудничества Мигель Анхель Моратинос считал, что Латинская Америка составляет естественную среду для внешней политики Испании². Поскольку регион не входит в перечень приоритетных для Европейского союза, он представляет собой отличную платформу для реализации собственного, независимого от Брюсселя вектора и, при должном закреплении в данной «среде», получения дополнительного влияния на международной арене. Таким образом, латиноамериканский вектор внешней политики современной Испании был и остается одним из наиболее перспективных, так как потенциал политических и экономических союзов с государствами ЛАК огромен. В первую очередь данное утверждение касается испаноязычных стран в силу

¹ Пупышева Мария Владимировна, Россия, старший преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области медиатехнологий, соискатель кафедры политологии Московского государственного лингвистического университета (pupysheva.maria@gmail.com).

² César Bartolomé M. Relaciones entre España y América Latina en el ámbito de la defensa // Revista de Relaciones Internacionales, Defensa y Seguridad. Nueva Granada, 2014. No. 10(1). P. 111–131.

того, что общее историко-культурное наследие во многом упрощает взаимодействие сторон, однако португалоязычная Бразилия также входит в сферу непосредственного интереса Мадрида, в т. ч. по причине соперничества за лидерство в ибероамериканских организациях.

Еще до кризиса, вызванного пандемией COVID-19, Мадрид испытывал трудности в данном регионе. Отчасти это связано с тем, что политические и академические элиты Испании традиционно считают страну лидером ибероамериканского сообщества, действующего с 1990-х гг. на основе межправительственной организации «Иberoамериканского сообщества наций», однако некоторые латиноамериканские страны, в частности, Бразилия, не готовы безоговорочно подчиняться. Это, а также выборы «левых» правительств (например, в Венесуэле), критиковавших испанское влияние, подорвали роль Мадрида в регионе.

Экономический кризис 2008–2014 гг. повысил значение региона в глазах Испании, поскольку именно рост таких стран, как Мексика, Бразилия, Чили, Колумбия и Перу, в значительной степени позволил крупным корпорациям Испании выжить в условиях схлопывания национальной экономики. Председательство Мариано Рахоя и Народной партии Испании, пришедшее на это время, было основано на идеологическом подходе к выстраиванию отношений с ЛАК, а потому регион был разделен на «дружественные» либеральные и демократические страны и на авторитарные и «боливарианские»³. В силу этого Испания начала уделять меньше времени улучшению отношений между ЕС и Латинской Америкой, чтобы сосредоточиться на своих двусторонних связях с ограниченным количеством доверенных политических и экономических партнеров. Политика действующего председателя Санчеса отталкивается от изменившейся конъюнктуры, устанавливая связь с новыми элитами и развивающимися секторами. С точки зрения развития испанофонии важна смена дискурса: на смену единому великому прошлому, которое использовалось традиционной элитой в т. ч. для маргинализации⁴ общественных слоев, из которых пришли новые лидеры, пришла концепция совместного развития на партнерских основаниях благодаря глубокому взаимопониманию.

На сегодняшний день Испания является первым европейским инвестором в ЛАК и вторым в мире после США: 20 % прибыли основных испанских корпораций поступают из данного региона. Мадрид поддерживает интенсивные двусторонние отношения со всеми странами региона и воспринимается как защитник их интересов⁵ в Европейском союзе. Однако данный процесс не является односторонним: поддержка Испании Латинской Америкой укрепляет ее позиции в Европейском союзе, а также усиливает ее вес на глобальном уровне, что признается крупнейшими игроками — США, Россией и Китаем.

Возвращение к власти Испанской социалистической рабочей партии предполагает смещение акцентов во внешней политике на многостороннее сотрудничество, что отразилось и в «Стратегии внешней политики» на период 2021–2024 гг.⁶ Мадрид концентрирует усилия на получении поддержки основных стратегических партнеров для восстановления влияния региональных организаций (СЕЛАК, Система Центральноамериканской интеграции) и своего негласного лидерства в них. Правительство Санчеса делает ставку на систему встреч на высшем уровне — Иberoамериканские конференции — для укрепления чувства принадлежности к единому сообществу, разделяющему общие ценности и принципы. В 2021 г. отмечается 30-летие

³ *Fernández Luiña E.* América Latina. Una Agenda de Libertad 2018: Una Apuesta Por El Estado de Derecho y La Calidad Institucional // Cuadernos de Pensamiento Político. Madrid, 2019. No. 61. P. 89–96.

⁴ *Van Klaveren A.* Entendiendo las políticas exteriores latinoamericanas: modelo para armar // Estudios Internacionales. Santiago de Chile, 1992. No. 25(98). P. 169–216.

⁵ *Celestino del Arenal M.* La triangulación España-Unión Europea-América Latina: sinergias y contradicciones // Pensamiento iberoamericano. Madrid, 2011. No. 8. P. 71–101.

⁶ Gobierno de España. Estrategia de Acción Exterior 2021–2024. 2021 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/SalaDePrensa/ElMinisterioInforma/Documents/ESTRATEGIA%20ACCION%20EXTERIOR%20ESP.pdf> (дата обращения: 29.09.2021).

Ибероамериканских саммитов, в рамках которого Испания планирует подтвердить свою активную роль в развитии ибероамериканского пространства.

Стоит подчеркнуть, что взаимодействие ибероамериканских стран основывается на сотрудничестве. Интерес Испании к региону позволяет последнему внедрять актуальные для него вопросы в повестку дня ЕС. Осознавая свои возможности, Испания традиционно включает Латинскую Америку в перечень приоритетных направлений своей внешней политики, однако в силу внутрипарламентских конфликтов принятые инициативы зачастую носят достаточно хаотичный порядок. Тем не менее, в настоящее время Мадрид находится в сильной позиции, поскольку должность Верховного представителя ЕС занимает бывший министр иностранных дел Испании Жозеп Боррель, неоднократно заявлявший о необходимости создания «других трансатлантических отношений», объединяющих Европу и Латинскую Америку.

В данном контексте необходимо также учитывать традиционную историко-культурную близость Испании и ее бывших колоний. Выстраивание надежных партнерских отношений со странами Латинской Америки создает прочную основу для испанофонии — надправительственной политики интеграции на основе идентичности, ядром которой является страна, обладающая наибольшим весом на международной арене, и последовательного роста влияния Испании на мировую политику, в особенности в контексте отношений между Старым и Новым Светом. На этой основе Мадрид выступает в качестве гаранта экономических отношений по вектору ЛАС — ЕС и, потенциально, ЛАК — АТР. Идея развития посреднической деятельности получила свое отражение и в новой «Стратегии внешней политики» от 2021 г.

Присутствие Испании в регионе обеспечивают 22 посольства, 21 консульство, 19 экономических и коммерческих офисов, 16 внебиржевых предприятий, 3 секретариата по туризму, 4 секретариата по сельскому хозяйству, 4 учебных и 17 культурных центров. Такой ресурс, как испанофония, используется Мадридом для заключения двусторонних и многосторонних соглашений. При помощи агентства АЕСИД была основана сеть центров, работающих по двум направлениям: усиление демократических институтов в регионе и борьба с бедностью. Стратегия развития Агентства предполагает включение в повестку еще двух приоритетных для Испании вопросов — борьбы с изменением климата и цифровизации.

Целенаправленное укрепление испанофонии открывает перед Испанией двери в Бразилию, потенциального лидера интеграционных процессов на южном континенте в рамках УНАСУР или АЛАДИ. В то же время она испытывает сильное культурное и лингвистическое давление окружающих ее испаноговорящих стран, в первую очередь Аргентины, второго претендента на роль ядра объединения стран Южного конуса. С первого Ибероамериканского саммита «испанизации» Бразилии уделяется особое внимание: в ней, в частности, находится наибольшее количество филиалов Института Сервантеса⁷. Данная стратегия имеет и другую, неочевидную на первый взгляд цель: именно Бразилия, а не Португалия является центром лузофонии⁸. Упрочение связей Испании и Бразилии должно повлиять на сближение с Португалией и разрешение давнего конфликта, связанного с тем, что ранее территория Португалии являлась частью Испанской империи.

⁷ Sedes en el mundo // Instituto Cervantes [Электронный ресурс]. URL: https://www.cervantes.es/sobre_instituto_cervantes/direcciones_contacto/sedes_mundo.htm (дата обращения: 29.09.2021).

⁸ Fontoura L. CPLP. A importância do Brasil no espaço lusófono // Negócios Estrangeiros. Lisboa, 2007. No. 11(1). P. 350–372.

Актуальные задачи Испании в регионе

Актуальные отношения между Испанией и регионом ЛАК следует рассматривать с трех точек зрения: двусторонние отношения, ибероамериканские многосторонние союзы, а также посредничество Испании в выстраивании отношений ЕС — ЛАК.

В первом направлении задача Испании состоит в том, чтобы сохранить и улучшить двусторонние отношения с большинством стран региона. Приоритетной является экономическая дипломатия, цель которой — сохранение уровня инвестиций как из Испании в Латинскую Америку, так и из Латинской Америки в Испанию, с учетом того, что объем последних значительно вырос в последние годы. Среди возможных проблем следует выделить следующие: миграционные потоки, которые могут увеличиться, если экономическая и социальная ситуация в регионе продолжит ухудшаться, а также сохранение имиджа Испании, который может быть скомпрометирован демонстрациями во время празднования 500-летия завоевания Мексики, а также празднования 200-летия независимости некоторых стран Латинской Америки.

Что касается европейско-латиноамериканских отношений, Мадриду необходима ратификация договора об ассоциации МЕРКОСУР — ЕС, для которой предполагается совместная работа с Португалией — председателем ЕС в первой половине 2021 г., поскольку следующие председатели (Словения, Франция и Чехия) не будут столь заинтересованы в данном направлении. Кроме того, необходимо обновление договоров ЕС с Мексикой и Чили. В результате встречи министров иностранных дел стран ЕС и Латинской Америки в конце 2020 г. были сформулированы три основных направления для дальнейшего сотрудничества: (i) биоразнообразие и устойчивость; (ii) цифровая трансформация; (iii) совместный ответ на COVID-19⁹.

С точки зрения экологической дипломатии, Мадрид настаивает на продвижении проекта «Зеленый Альянс» с Латинской Америкой, благодаря чему Комиссия запустила программу AL-Invest Verde для финансирования латиноамериканского среднего и малого бизнеса для их перехода на устойчивое производство.

Вакцинация также является важным вопросом, на который Испании и ЕС в целом необходимо дать быстрый ответ, с учетом растущей роли Китая и России во внедрении своих вакцин на латиноамериканском рынке. Королевство выступает в качестве гаранта распределения доз европейской вакцины на территории стран региона во всех социальных слоях, с учетом большого социального неравенства, присутствующего в некоторых странах ЛАК. С точки зрения бизнеса, испанские и европейские компании должны исходить из растущей конкуренции со стороны китайских предприятий в секторах, где их присутствие было традиционно небольшим: производство и распределение электроэнергии, строительство инфраструктуры, телекоммуникации, финансовые услуги и т. д. Сокращение вовлеченности и помощи в целях развития будет восполнено активизацией других заинтересованных игроков¹⁰, в том числе России.

Основой многостороннего сотрудничества являются Иberoамериканские саммиты, последний из которых состоялся в апреле 2021 г. и был посвящен двум проблемам: устойчивому развитию и пандемии. «Латинская Америка перед лицом проблемы коронавируса» включает программу адаптации региона к ситуации с COVID-19 и механизм эффективной координации ответных мер, государственных политик и ибероамериканского сотрудничества. Ответственным за программу является AECID, однако необходимость в

⁹ El Ministerio para Europa y de Asuntos Exteriores. Comunicado conjunto: UE27 — Reunión ministerial informal de América Latina y el Caribe. 14 de diciembre de 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/es/fichas-de-paises/america/america-latina/union-europea-y-america-latina-el-caribe/article/comunicado-conjunto-ue27-reunion-ministerial-informal-de-america-latina-y-el> (дата обращения: 29.09.2021).

¹⁰ Новиков Д. П. Россия, Китай и тихоокеанские страны Латинской Америки: возможности для многостороннего сотрудничества в АТР // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. М., 2019. № 1. Т. 12. С. 241–259.

срочном финансировании и экономическая ситуация внутри страны позволяют предполагать, что данный проект получит свою реализацию лишь после получения Испанией траншей в рамках плана восстановления ЕС.

Согласно отчету Организации ибероамериканских государств по вопросам образования, науки и культуры (ОЕИ), одним из негативных факторов является стагнация инвестиций в НИОКРиТ, в том числе в трех направлениях, определенных на вышеупомянутой встрече министров иностранных дел. С учетом существования серии предложений от европейских фондов можно предположить, что сотрудничество в целях развития в ближайшие годы будет во многом сосредоточено в этой области. Подобный сценарий также выгоден испанскому бизнесу, поскольку в последнее десятилетие институты испаноязычия в ЛАК продвигали имидж страны как технологического и инновационного хаба, а также поддерживали экспорт зеленых технологий в области добычи ископаемых и энергетики.

Реализацию поставленных задач, тем не менее, тормозит ряд структурных ошибок, связанных как с позиционированием Испании на международной арене, так и с проблемами непосредственно внутри границ. Существующая между Испанией и испаноязычной Америкой историческая общность не только является преимуществом, но и таит в себе определенные недостатки. Режим Франко использовал испаноязычие и близость культур для установления контроля за бывшими колониями, а также поддержки диктаторских режимов в Латинской Америке, а в период перехода к демократии зарождающиеся испанские ТНК использовали рынки бывших колоний в качестве плацдарма для роста и получения сверхприбылей. Начало XXI в. ознаменовалось отказом от стратегии преемственности внешнего курса, резким поворотом в сторону США и НАТО и сокращением присутствия в ЛАК. Лишь последнее десятилетие можно охарактеризовать как «стабильное» по отношению к латиноамериканскому вектору внешней политики. Снижение же испанского присутствия компенсировалось активизацией других игроков, имевших интересы на латиноамериканском рынке, таких как Китай и Россия.

Несмотря на активно развивающиеся двусторонние отношения, у Испании официально не существует долгосрочного плана по Латинской Америке (в отличие от «Плана Африки» и «Плана Азии»¹¹), в том числе в связи с тем, что по историческим и культурным причинам с данным регионом поддерживались скорее сентиментальные, чем рациональные отношения. Фактически Иberoамериканские саммиты были сформированы еще при правительстве Фелипе Гонсалеса, однако многие исследователи указывают на устоявшиеся стереотипы, до сих пор мешающие гражданам по обе стороны Атлантического океана чувствовать себя членами единого ибероамериканского сообщества¹². Тот факт, что Испания до сих пор не взяла на себя функцию моста между двумя регионами, подтверждается и тем, что она так и не смогла стать связующим звеном между различными сторонами в конфликтах с Кубой, Боливией или Венесуэлой.

Таким образом, существуют все необходимые предпосылки для того, чтобы Испания закрепила свое присутствие в Новом Свете, что, в свою очередь, положительно скажется как на ее международном престиже и статусе члена Европейского союза, так и на решении внутренних проблем. Реализация данного потенциала ограничена лишь отсутствием до недавнего времени централизованного подхода и долгосрочной стратегии в отношении стран Латинской Америки, и с этой проблемой Мадриду еще предстоит справиться.

¹¹ *Gratius S.* ¿Por qué España no tiene una política hacia América Latina? // FRIDE Policy Brief. Madrid, 2010. No. 24(5). P. 1–5.

¹² *Celestino del Arenal M.* De la Cumbre Iberoamericana de San José de Costa Rica (2004) a la Cumbre Iberoamericana de Salamanca (2005) // Documentos de Trabajo (Real Instituto Elcano de Estudios Internacionales y Estratégicos). Madrid, 2005. No. 5. P. 22.

Библиография

1. *Новиков Д. П.* Россия, Китай и тихоокеанские страны Латинской Америки: возможности для многостороннего сотрудничества в АТР // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* М., 2019. № 1. Т. 12. С. 241–259.
2. *Van Klaveren A.* Entendiendo las políticas exteriores latinoamericanas: modelo para armar // *Estudios Internacionales.* Santiago de Chile, 1992. No. 25(98). P. 169–216.
3. *Celestino del Arenal M.* De la Cumbre Iberoamericana de San José de Costa Rica (2004) a la Cumbre Iberoamericana de Salamanca (2005) // *Documentos de Trabajo (Real Instituto Elcano de Estudios Internacionales y Estratégicos).* Madrid, 2005. No. 5. P. 22.
4. *Celestino del Arenal M.* La triangulación España-Unión Europea-América Latina: sinergias y contradicciones // *Pensamiento iberoamericano.* Madrid, 2011. No. 8. P. 71–101.
5. *Fernández Luiña E.* América Latina. Una Agenda de Libertad 2018: Una Apuesta Por El Estado de Derecho y La Calidad Institucional // *Cuadernos de Pensamiento Político.* Madrid, 2019. No. 61. P. 89–96.
6. El Ministerio para Europa y de Asuntos Exteriores, Comunicado conjunto: UE27 — Reunión ministerial informal de América Latina y el Caribe. 14 de diciembre de 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/es/fichas-de-paises/america/america-latina/union-europea-y-america-latina-el-caribe/article/comunicado-conjunto-ue27-reunion-ministerial-informal-de-america-latina-y-el> (дата обращения: 29.09.2021).
7. Gobierno de España, Estrategia de Acción Exterior 2021–2024. 2021 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/SalaDePrensa/ElMinisterioInforma/Documents/ESTRATEGIA%20ACCION%20EXTERIOR%20ESP.pdf> (дата обращения: 29.09.2021).
8. Sedes en el mundo // Instituto Cervantes [Электронный ресурс]. URL: https://www.cervantes.es/sobre_instituto_cervantes/direcciones_contacto/sedes_mundo.htm (дата обращения: 29.09.2021).
9. *Fontoura L.* CPLP. A importância do Brasil no espaço lusófono // *Negócios Estrangeiros.* Lisboa, 2007. No. 11(1). P. 350–372.
10. *César Bartolomé M.* Relaciones entre España y América Latina en el ámbito de la defensa // *Revista de Relaciones Internacionales, Defensa y Seguridad.* Nueva Granada, 2014. No. 10(1). P. 111–131.
11. *Gratius S.* ¿Por qué España no tiene una política hacia América Latina? // *FRIDE Policy Brief.* Madrid, 2010. No. 24(5). P. 1–5.

А. Ю. Чихачев¹

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЙ ВЕКТОР ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ

THE LATIN AMERICAN VECTOR IN THE FOREIGN POLICY OF MODERN FRANCE

Аннотация: В докладе рассматриваются особенности внешней политики современной Франции на латиноамериканском направлении. Кратко обобщается предыстория отношений Пятой Республики с расположенными здесь государствами, приводятся сегодняшние интересы Парижа в этом регионе, а также возможности и ресурсы, в том числе военные, используемые французской дипломатией для обеспечения собственного присутствия. Подчеркивается принципиальное значение позиционирования Франции самой себя в качестве «амазонской державы» благодаря территориальным владениям на Карибских островах и в Гвиане. Приводятся основные сферы ее сотрудничества со странами Латинской Америки: в военно-технической сфере, экономике, образовании и др. Перечисляются некоторые международные инициативы, продвигаемые Францией при поддержке стран Западного полушария: «Амазонский альянс», «Крайстчерчский призыв» и др. Отдельный акцент делается на проекте реформирования Совета Безопасности ООН, выдвинутом Парижем совместно с Мексикой и предусматривающем ограничение права вето. В заключение автор приходит к выводу, что хотя на настоящем этапе регион не находится в числе главных приоритетов французской внешней политики, руководство Пятой Республики видит в местных государствах ценных партнеров, союзников для своих инициатив.

Ключевые слова: Латинская Америка; Франция; внешняя политика; Эммануэль Макрон; Мексика; Бразилия.

Abstract: This study examines the features of France's foreign policy in Latin America. The background of the relations of the Fifth Republic with regional states is briefly summarized, the contemporary interests of Paris in this region are highlighted, as well as the capabilities and resources, including military ones, used by French diplomacy to ensure its diplomatic presence. The author emphasizes the importance of France self-positioning as an "Amazonian power" due to its territorial possessions on the Caribbean Islands and in Guiana. The main areas of its cooperation with Latin American countries are cited: security, economy, education, etc. Some international initiatives promoted by France with the participation of the South American are listed: the Amazon Alliance, the Christchurch Appeal, etc. The focus is also put on the UN Security Council reform project championed by Paris jointly with Mexico, consisting of the restriction of the veto power. Finally, the author concludes that although at the present stage the region is not among the main priorities of French foreign policy, the government of the Fifth Republic still sees local actors as valuable partners and allies for its initiatives.

Key words: Latin America; France; foreign policy; Emmanuel Macron; Mexico; Brazil.

На современном этапе одной из немногих европейских стран, имеющих интересы практически во всех районах земного шара, остается Пятая Республика. В значительной степени это объясняется наличием у нее ряда заморских территорий, служащих своеобразными «точками входа» в то или иное пространство. Одним из таких регионов, где

¹ Чихачев Алексей Юрьевич, Россия, кандидат политических наук, ассистент кафедры европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета (a.chikhachev@spbu.ru).

у Франции исторически существуют собственные опорные пункты, является Латинская Америка, присутствие Парижа в которой осуществляется через группу Малых Антильских островов (прежде всего Гваделупу и Мартинику) и Французскую Гвиану. Отталкиваясь от этого, Пятая Республика сегодня стремится поддерживать отношения с широким кругом региональных держав — Мексикой, Аргентиной, Чили, Бразилией и др., предлагая им разнообразные форматы взаимодействия и по мере возможностей продвигая собственную повестку дня.

Цель настоящего доклада состоит в определении специфики внешнеполитической стратегии Франции в Латинской Америке. Для этого необходимо выявить основные задачи, стоящие здесь перед Пятой Республикой, ресурсы влияния, доступные ей в различных сферах, и ключевые дипломатические инициативы, выдвинутые вместе с латиноамериканскими государствами в течение последних лет. Примечательно, что выбранная тематика достаточно редко попадает в поле зрения современных специалистов — за исключением Р. В. Костюка², Ж.-Ж. Курляндски³ или К. Вентуры⁴, уступая по популярности другим сюжетам (политике Франции в Европе, Африке, на российском направлении и др.). Поэтому изучение данного вектора внешней политики Парижа еще содержит элемент научной новизны.

Интересы и инструменты влияния

Говоря о политике Франции в Латинской Америке, следует уточнить, что в исторической перспективе интерес руководства Пятой Республики к региону имел вид скорее периодических всплесков, нежели последовательной линии. Так, президент Ш. де Голль, совершивший в 1964 г. большое турне по Южной Америке, рассматривал отношения со странами Западного полушария как способ укрепления престижа и глобального влияния Франции⁵.

В 1970-е гг. В. Жискар-д'Эстен налаживал диалог с государствами Карибского моря на переговорах между Севером и Югом о проблемах международного развития, тогда как в начале 1980-х гг. Ф. Миттеран пробовал установить контакты с сандинистскими властями Никарагуа и Кубой⁶. Впоследствии, в 2010-х гг., Ф. Олланд нанес ряд визитов в регион, попытавшись придать дополнительный импульс контактам с Мексикой, Бразилией, Уругваем, Перу и др. в расчете на торгово-экономические выгоды⁷. Однако в целом латиноамериканское направление занимало, как правило, периферийное место в системе дипломатических приоритетов Франции, не имея в своей основе ни какой-либо акцентированной стратегии действий, ни явного стремления к самопозиционированию в регионе.

В период президентства Э. Макрона (с 2017 г.) ситуация принципиальным образом не изменилась, хотя некоторые сдвиги все же наметились. С одной стороны, характерно, что за последние годы Франция так и не опубликовала базовый документ по своей политике в Латинской Америке; для сравнения, о другом пространстве, где также расположены территориальные владения Республики — Индо-Пацифике — появилось сразу несколько подобных текстов. В основополагающем для всей внешней политики Франции

² Костюк Р. В. Латиноамериканская политика Франции при Франсуа Олланде (2012–2014 гг.) // Латинская Америка. 2015. № 4. С. 14–22.

³ Kourliandsky J.-J. France-Brésil-Amérique latine: malentendus passagers ou mésententes durables? // IRIS. 02.09.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iris-france.org/139595-france-bresil-amerique-latine-malentendus-passagers-ou-mesententes-durables/> (дата обращения: 28.09.2021).

⁴ Ventura C. L'éveil d'un continent. Géopolitique de l'Amérique latine et de la Caraïbes. Paris: Armand Colin, 2014. 168 p.

⁵ Обичкина Е. О. Внешняя политика Франции от де Голля до Саркози (1940–2012). М.: Аспект Пресс, 2012. С. 111–112.

⁶ Ibid., с. 177–179, 202–203.

⁷ Костюк, *op. cit.*

Стратегическом обзоре по обороне и национальной безопасности 2017 г. Южная Америка упоминалась лишь один раз и в весьма общих формулировках. Более того, за четыре с половиной года у власти (по состоянию на октябрь 2021 г.) глава государства ни разу не посетил латиноамериканские страны, не считая поездки в Аргентину на саммит «Группы двадцати» в 2018 году. С другой стороны, с подачи Э. Макрона во французский внешнеполитический дискурс вошло понятие «амазонская держава»: именно так, по мнению первого лица, должен формулироваться статус Франции в Западном полушарии. Данный термин активно использовался им в 2019 г., когда в международную повестку дня вошла тема лесных пожаров в Амазонии⁸. Объясняя необходимость участия Пятой Республики в мероприятиях по тушению очагов пожаров и восстановлению утраченного массива, Э. Макрон указывал на факт географического соседства Французской Гвианы с наиболее пострадавшей Бразилией и подчеркивал, что охрана природы в этой зоне является предметом озабоченности не только южноамериканцев, но и европейцев. В дальнейшем концепт «амазонской державы» не получил логического продолжения, однако суть президентского посыла была вполне ясна: используя экологическую повестку, обозначить Пятую Республику в качестве регионального игрока, не вне-, а внутримушарного актора.

Как следует из наблюдений экспертов⁹, а также различных справочных материалов Министерства вооруженных сил¹⁰ и МИД Франции¹¹, нынешние интересы Парижа в Латинской Америке уместно разделить на несколько сфер:

- безопасность — защита морских границ, борьба с преступностью (наркотрафиками, незаконным рыболовством, нелегальной золотодобычей), охрана космодрома в Куру;
- экономика — интенсификация деловых связей со странами региона (прежде всего с наиболее крупными рынками сбыта — Бразилией, Мексикой, Аргентиной);
- климат — защита окружающей среды и биоразнообразия, сотрудничество в вопросах энергетического перехода и реализации Парижского климатического соглашения 2015 г.;
- культура, наука и образование — интенсификация гуманитарных обменов, контактов между гражданскими обществами и интеллигентскими кругами Франции и Латинской Америки.

Для обеспечения этих интересов Пятая Республика использует широкий набор как силовых, так и гражданских инструментов. Во-первых, это постоянное присутствие воинского контингента: более 3 тыс. человек (в сумме по Антильским островам и Гвиане), несколько кораблей (2 малых фрегата типа *Flogéal*, 3 патрульных судна типа *La Confiance*) и небольшой авиационный парк (3 транспортных самолета *Casa CN-235*, вертолеты *Puma* и *Fennec*)¹². В постоянном режиме эти силы проводят две операции — «Гарпия» по борьбе с контрабандой золота и «Титан» по выполнению охранных функций в зоне вокруг космодрома. Практика показала, что Франция может достаточно быстро усилить имеющийся контингент: так, в 2017 г. для помощи в ликвидации последствий урагана «Ирма» к Антильским островам подходил вертолетоносец типа *Mistral*. Со многими странами региона

⁸ См., например: A l'ONU, mobilisés pour protéger l'Amazonie et les forêts tropicales, puits de carbone de notre planète // Présidence de la République. 23.09.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2019/09/23/a-lonu-mobilises-pour-protoger-lamazonie-et-les-forets-tropicales-puits-de-carbone-de-notre-planete> (дата обращения: 29.09.2021).

⁹ France-Amérique latine: quels intérêts communs? // IRIS. 11.02.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iris-france.org/130459-france-amerique-latine-quels-interets-communs/> (дата обращения: 30.09.2021).

¹⁰ Amérique latine // Ministère des Armées. 14.02.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.defense.gouv.fr/dgris/action-internationale/enjeux-regionaux/amerique-latine> (дата обращения: 30.09.2021).

¹¹ La France et l'Amérique latine // France Diplomatie. 01.06.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/ameriques/amerique-latine/la-france-et-l-amerique-latine/> (дата обращения: 30.09.2021).

¹² По открытым данным Министерства вооруженных сил.

Париж поддерживает контакты по линиям военных ведомств и генеральных штабов (в частности, с 2008 г. имеется соглашение о стратегическом сотрудничестве с Бразилией), а также стремится участвовать в многонациональных учениях (2021 г. — присутствие фрегата *Prairial* в составе миссии UNITAS у западных берегов континента).

Во-вторых, Франция имеет в регионе достаточно широкую сеть дипломатических учреждений, включающую в себя 24 посольства и собственное представительство при Организации американских государств¹³. Через заморские территории Франция является ассоциированным членом региональных организаций — например, Ассоциации Карибских государств, Организации Восточно-Карибских государств, Тихоокеанского альянса, Центральноамериканской интеграционной системы (в двух последних — как наблюдатель). И наоборот, некоторые латиноамериканские государства так или иначе представлены в Международной организации Франкофонии: Гаити, Уругвай, Доминиканская Республика, Коста-Рика и т. д. Можно заметить, что Франция не имеет крупных политических разногласий ни с одним государством Латинской Америки, за исключением Венесуэлы (в 2019 г. Париж, как и другие европейские столицы, признал президентом Х. Гуйадо) и временно Бразилии, чей лидер Ж. Болсонару в весьма жестких формулировках отказался участвовать в переговорах о ситуации в Амазонии в 2019 году.

В-третьих, в регионе прослеживается устойчивый спрос на различную продукцию французской экономики. В зависимости от конкретных стран можно говорить о востребованности автомобильного транспорта, авиационной и железнодорожной техники, агропромышленной продукции, текстиля, фармацевтических и косметических средств, цифровых решений и др. К числу ключевых торговых партнеров Пятой Республики в Латинской Америке традиционно относятся: Мексика (товарооборот — 6 млрд евро по итогам 2019 г.), Бразилия (более 5 млрд евро), Чили (2,6 млрд евро), Колумбия и Аргентина (по 1 млрд евро)¹⁴. В регионе представлены многие крупные компании Франции, в том числе GDF, Danone, Safran, Schneider Electric, Thales, различные банковские структуры и т. д. Существуют и актуальные примеры военно-технического сотрудничества: с Бразилией — о строительстве четырех дизель-электрических подлодок типа *Scorpène* и одной атомной *Alvaro Alberto*, с Аргентиной — о четырех корветах типа *Gowind*.

В-четвертых, на культурно-образовательном треке Франция также опирается на уже развернутые по всему региону структуры. К ним относятся более 250 отделений *Alliance française* и *Institut français*, десятки курируемых школ и лицеев, филиал Института Пастера в Монтевидео и многие другие. Активно развивается академическое сотрудничество: по данным МИД Пятой Республики, в 2017 г. французские университеты приняли 21 тыс. студентов из Латинской Америки, а ученые на тот момент имели в сумме более 5 тыс. совместных публикаций со своими южноамериканскими коллегами¹⁵. Применяется практика совместных исследовательских и стипендиальных программ, взаимного признания дипломов и пр. Знаковым событием уже несколько лет является «Неделя Латинской Америки и Кариб» — фестиваль культуры этого региона мира, проводящийся по всей Франции при участии Института Америк, ассоциации *Business France* и Французского агентства по развитию (AFD).

¹³ La France et l'Amérique latine // France Diplomatie. 01.06.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/ameriques/amerique-latine/la-france-et-l-amerique-latine/> (дата обращения: 30.09.2021).

¹⁴ По данным Генерального управления Казначейства (DGT) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tresor.economie.gouv.fr/tresor-international> (дата обращения: 01.10.2021).

¹⁵ La France et l'Amérique latine // France Diplomatie. 01.06.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/ameriques/amerique-latine/la-france-et-l-amerique-latine/> (дата обращения: 30.09.2021).

Некоторые международные инициативы

К сказанному выше следует добавить, что за время президентства Э. Макрона отдельным направлением работы с латиноамериканскими странами стало их привлечение к нескольким инициативам и проектам, недавно выдвинутым Елисейским дворцом на международной арене.

- Так, в 2019 г. для консолидации усилий в борьбе против лесных пожаров в Амазонии Э. Макрон выступил с идеей новой неформальной коалиции — т. н. «Амазонского альянса» (для продвижения которого он и обозначил Пятую Республику как «амазонскую державу»)¹⁶. Согласно первоначальной задумке, государства региона и неправительственные организации должны были объединить финансовые и материально-технические усилия для спасения общего природного наследия. В Альянсе согласились участвовать Парагвай, Чили, Боливия, Колумбия, однако Бразилия — главный потенциальный реципиент помощи — выступила резко против, увидев в этом вмешательство в свои внутренние дела. Впоследствии коалиция была переименована в «Альянс по защите тропических лесов» и была распространена на других участников — к латиноамериканским странам добавились некоторые государства Экваториальной Африки и Юго-Восточной Азии.
- В том же 2019 г. с подачи Франции и Новой Зеландии был запущен т. н. «Крайстчерчский призыв» к борьбе с распространением экстремистского контента в Интернете. Эта идея возникла после теракта в городе Крайстчерч, когда преступник транслировал свои действия в прямом эфире с помощью социальных сетей. Помимо Новой Зеландии, Франции, других государств ЕС и цифровых корпораций (Google, Facebook и пр.) к Призыву позже присоединились Аргентина, Чили, Колумбия, Мексика, Перу, Коста-Рика. За два года работы членам данной коалиции удалось добиться реформирования Глобального интернет-форума по противодействию терроризму (GIFCT), сделав его более целостной инстанцией с развернутой внутренней структурой и органами управления.
- Одним из самых значимых проектов французской дипломатии в сфере защиты климата стал ежегодный «Саммит одной планеты», задуманный как многосторонняя площадка для сбора средств на проекты в сфере зеленой энергетики, строительства «умных городов» и защиты окружающей среды. На каждом из них государства, международные организации и банки развития обозначали приоритеты финансирования, зачастую связанные как раз с Латинской Америкой, например, в 2017 г. был согласован сбор 3 млрд долларов для модернизации инфраструктуры и развития источников альтернативной энергии на Карибских островах. На встрече в 2021 г. Франция вместе с Коста-Рикой и Великобританией сформировали очередной ad hoc-формат в развитие решений саммитов — Коалицию высоких задач в интересах природы и людей, стремящуюся защитить минимум 30 % суши и вод Земли от антропогенного фактора к 2030 году.
- На полях 74-й сессии Генассамблеи ООН Франция и Германия выступили с инициативой «Альянса за мультилатерализм» — создания группы стран, выступающих за многополярное устройство современного мира и «порядок, основанный на правилах». Суть этого формата предполагает, что участники, не образуя новую международную организацию, будут координировать свои позиции на уже имеющихся площадках, выступая заодно по всем важнейшим вопросам. Помимо европейцев, желание участвовать в этом Альянсе выразили Мексика, Чили (как сооснователи), Аргентина, Уругвай, Парагвай, Колумбия, Эквадор, Перу, Коста-Рика и Доминиканская Республика.

¹⁶ Здесь и далее — по материалам французского МИД или сайтов самих инициатив.

- Наконец, именно при поддержке крупного латиноамериканского игрока — Мексики — Франция продолжила популяризировать собственный проект реформы Совета безопасности ООН. Как ранее при Ф. Олланде, так и ныне при Э. Макроне Париж предлагает ограничить использование права вето: согласно франко-мексиканскому заявлению от 2015 г., все постоянные члены СБ могли бы взять на себя добровольное обязательство по его неприменению, когда обсуждаемый вопрос связан с крупными вооруженными конфликтами и военными преступлениями¹⁷. К сентябрю 2021 г. это предложение поддержали уже более 100 стран, что, тем не менее, не означало его вступление в силу. Кроме того, обе страны выступают за расширение количественного состава Совета, но с некоторой разницей: Париж фокусируется на постоянных членах (в число которых могла бы войти, в частности, Бразилия); Мехико — на непостоянных, с возможностью более частого переизбрания.

Все эти примеры показывают, что даже если Париж еще не сформулировал свою латиноамериканскую стратегию как таковую, фактически ее первые контуры и содержательное наполнение уже имеются. Соответственно, пусть регион и не находится в числе однозначных приоритетов французской дипломатии, утверждать, будто Франция полностью «забыла» Латинскую Америку, все же не приходится, о чем говорит разнообразие интересов и форм присутствия. Местные государства выступают ценными экономическими и дипломатическими партнерами Пятой Республики, добавляя веса ее многочисленным инициативам. Представляется, что после президентских выборов во Франции 2022 г. сотрудничество останется, как минимум, на имеющемся уровне, а в случае гипотетической победы кого-то из представителей левых сил, идеологически всегда симпатизировавших этому региону, может даже расшириться.

Библиография

1. Костюк Р. В. Латиноамериканская политика Франции при Франсуа Олланде (2012–2014 гг.) // Латинская Америка, 2015, № 4, с. 14–22.
2. Обичкина Е. О. Внешняя политика Франции от де Голля до Саркози (1940–2012). М.: Аспект Пресс, 2012. 382 с.
3. Щербак И. Проблема реформирования Совбеза ООН: взгляд из Парижа // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. № 2. С. 42–47.
4. A l'ONU, mobilisés pour protéger l'Amazonie et les forêts tropicales, puits de carbone de notre planète // Présidence de la République. 23.09.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2019/09/23/a-lonu-mobilises-pour-protoger-lamazonie-et-les-forets-tropicales-puits-de-carbone-de-notre-planete> (дата обращения: 29.09.2021).
5. Amérique latine // Ministère des Armées. 14.02.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.defense.gouv.fr/dgris/action-internationale/enjeux-regionaux/amerique-latine> (дата обращения: 30.09.2021).
6. France-Amérique latine: quels intérêts communs? // IRIS. 11.02.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iris-france.org/130459-france-amerique-latine-quels-interets-communs/> (дата обращения: 30.09.2021).
7. Kourliandsky J.-J. France-Brésil-Amérique latine: malentendus passagers ou mésententes durables? // IRIS. 02.09.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iris-france.org/139595-france-bresil-amerique-latine-malentendus-passagers-ou-mesententes-durables/> (дата обращения: 28.09.2021).
8. La France et l'Amérique latine // France Diplomatie. 01.06.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/ameriques/amerique-latine/la-france-et-l-amerique-latine/> (дата обращения: 30.09.2021).
9. Ventura C. L'éveil d'un continent. Géopolitique de l'Amérique latine et de la Caraïbes. Paris: Armand Colin, 2014. 168 p.

¹⁷ См.: Щербак И. Проблема реформирования Совбеза ООН: взгляд из Парижа // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. № 2. С. 42–47.

Д. Н. Лавхаева¹

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА В ОБНОВЛЕННОЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА «ГЛОБАЛЬНАЯ БРИТАНИЯ»

LATIN AMERICA IN THE UPDATED FOREIGN POLICY CONCEPT OF THE UNITED KINGDOM “GLOBAL BRITAIN”

Resumen: El artículo tiene como objetivo analizar el papel que juega América del Sur en la renovada política exterior del Reino Unido. Identifica y describe las prioridades que tiene la oficina de Relaciones Exteriores, Commonwealth y Desarrollo en esta región específica. Poco después del referéndum de adhesión a la UE, Teresa May y Boris Johnson proporcionaron un concepto de “Gran Bretaña global” diseñado para marcar un nuevo enfoque de las relaciones internacionales y la política de seguridad. Un nuevo capítulo de la historia británica obligó al establecimiento a repensar el enfoque del país a los desafíos, oportunidades y amenazas globales en la vanguardia. Tras abandonar la UE, el país intensificó la cooperación con algunas regiones, incluida América del Sur. Durante mucho tiempo, América del Sur estuvo fuera de la esfera de los intereses tradicionales británicos, hasta que el secretario de Relaciones Exteriores, William Hague, señaló en 2010 la intención de reconstruir la cooperación con estos países. El informe destaca este giro diplomático conocido como Canning Agenda, estima su influencia y significado para una nueva relación global entre Gran Bretaña y América del Sur.

Palabras clave: América del Sur; “Gran Bretaña global”; Brexit; Agenda de conservas.

Abstract: The article aims to analyse the role South America plays in the renewed United Kingdom’s foreign policy. It identifies and describes priorities that Foreign, Commonwealth and Development office has in this specific region. Shortly after the EU membership referendum Teresa May and Boris Johnson provided a concept of “Global Britain” designed to mark a brand new approach to international relations and security policy. A new chapter of British history forced the establishment to rethink the country’s approach to global challenges, opportunities and threats at the forefront. Having left the EU, the country intensified cooperation with some regions, including South America. For a long time South America was lying out of the sphere of British traditional interests, until Foreign Secretary William Hague in 2010 outlined an intention to rebuild cooperation with these countries. The report highlights this diplomatic turn known as Canning Agenda, estimates its influence and significance for a new Global Britain and South America relations.

Key words: South America; “Global Britain”; Brexit; Canning Agenda.

В январе 2020 года Великобритания официально перестала быть членом Европейского союза, реализовав демократическое волеизъявление своих граждан, сделанное на референдуме в 2016 году. После свершившегося истеблишмент столкнулся с необходимостью принятия новой внешнеполитической стратегии. Так в общественно-политическом дискурсе появилась идея о «Глобальной Британии», призванная обозначить

¹ Лавхаева Дарья Николаевна, Россия, аспирант кафедры европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета (daria5611@yandex.ru).

новый поход правительства к политике международных отношений и национальной безопасности.

Данное исследование ставит целью проанализировать роль, которая отводится региону Латинской Америки в обновленной после выхода из ЕС внешнеполитической концепции Великобритании «Глобальная Британия», а также рассмотреть приоритетные направления дипломатических усилий Соединенного Королевства в данном регионе. Для этого автором был рассмотрен ряд источников, представленный главным образом докладами парламента и правительства, а также заявлениями и выступлениями государственных деятелей.

Во время ведения кампании за выход из Евросоюза тема внешней политики во многом оставалась за скобками, хотя в определенной степени и оказывала влияние на электоральное поведение. Несмотря на то, что одним из главных лозунгов за брекзит был «Мы хотим свою страну обратно» (*We want our country back*), а главным аргументом высокообразованного населения выступал возврат утраченного суверенитета, он не затрагивал внешнюю политику как таковую, а сводился к независимому принятию решений в области экономики, конкуренции, сельского хозяйства и недопустимости примата европейского законодательства над национальным. Кампания за выход из Евросоюза была полностью сосредоточена на ЕС и ее нарратив не затрагивал третьи страны.

Вскоре после референдума идея о «Глобальной Британии» была сформулирована в речи Терезы Мэй. Необходимо было продемонстрировать, что Великобритания не намерена сдавать свои позиции на мировой арене или уходить в тень. Первые разъяснения новой внешнеполитической повестки были весьма размытыми: содействовать миру и процветанию во всем мире, защищать национальные интересы и безопасность, а также безопасность союзников. Новые отношения с ЕС, по мнению премьер-министра, придадут Британии уверенность смотреть за пределы континента и открывать новые экономические и дипломатические возможности в мире².

Словосочетание «Глобальная Британия» употреблялось и до 2016 года. Так, в 2005 году идею о «Глобальной Британии», но в ином ее значении, представил Гордон Браун³. Отметим, что существует точка зрения, которую озвучил бывший постоянный представитель Великобритании в ООН лорд Хэнней. Он считает, что с исторической точки зрения само это понятие некорректно и вводит в заблуждение: Великобритания была глобальной страной 500 лет, она не стала менее глобальной или значимой после вступления в ЕС, так же, как не станет более глобальной после выхода из Евросоюза⁴.

Скоро внешнеполитическая идея начинает звучать из Форин-офис. Министр иностранных дел Борис Джонсон, выступая со своей первой речью о «Глобальной Британии» 2 декабря 2016 года, заявляет о намерении принимать более активное участие в мировой повестке и продвижении своих интересов: «Министерство иностранных дел более активно и открыто смотрит на мир и намерено взаимодействовать с ним больше, чем когда-либо»⁵. Джонсон убежден, что «Глобальная Британия» призвана развенчивать миф, что за брекзитом следует намерение страны замкнуться на себе и отделиться от мирового сообщества. По его словам, в мире существует запрос на лидерство Великобритании. Он выделяет три основания идеи «Глобальная Британия». Во-первых, страна не будет

² Britain after Brexit. A vision of a Global Britain. May's Conference speech: full text. 02.10.2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.conservativehome.com/parliament/2016/10/britain-after-brexit-a-vision-of-a-global-britain-theresa-mays-conservative-conference-speech-full-text.html> (дата обращения: 01.10.2021).

³ Годованюк К. А. «Глобальная Британия» в преддверии брекзита // Доклады Института Европы. № 373. М.: Ин-т Европы РАН, 2020. 160 с.

⁴ Global Britain. Sixth report of session 2017–2019 // House of Commons Foreign Affairs Committee. 12.03.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm201719/cmselect/cmffaff/780/780.pdf> (дата обращения: 01.10.2021).

⁵ Leaving the European Union: UK Armed Forces and Diplomatic Service // House of Lords. Library Note [Электронный ресурс]. URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/LLN-2016-0066/LLN-2016-0066.pdf> (дата обращения: 01.10.2021).

замыкаться в пределах европейского региона. Заинтересованная в мировой стабильности, она удвоит усилия по распространению либерального порядка. Реализовывать данный план необходимо стоя плечом к плечу с США, партнерами по разведывательному альянсу «Пяти глаз», а также ЕС. Великобритания поддерживает расширение Совбеза ООН и надеется в скором времени увидеть в нем Индию и Бразилию. Во-вторых, историческая роль Великобритании в содействии свободной мировой торговле. Наконец, «Глобальная Британия» будет осуществлять мировой трансфер британских ценностей. Главную роль здесь играют инструменты мягкой силы. Джонсон подчеркивает, что Великобритания гордится не только тем, что является второй страной по военным расходам в НАТО, но и лидером в Европе по расходам на международную помощь. Он также произнес фразу, ставшую знаковой: «Это облегчение, что мы больше не управляем империей»⁶, отвечая таким образом тем, кто усматривает за последними внутривнутриполитическими событиями имперские амбиции страны.

1 марта 2018 года комитет по международным делам при Палате общин представил доклад, разъясняющий видение «Глобальной Британии»⁷. Основная мысль документа сводилась к намерению Великобритании оставаться инклюзивным и активным игроком в мире. За это доклад был подвергнут критике правительства, которое подчеркивало его незрелость и неопределенность в распределении ресурсов и активов, за неясность того, как реализовывать новую стратегию⁸. Комитет принял замечания, но настаивал, что главная идея «Глобальной Британии» — продемонстрировать миру, что страна остается открытым, ориентированным во внешний мир и уверенным игроком на мировой арене, а также прояснил, что первичный бюджет на внешнеполитическую стратегию достигнет 1,3 млрд фунтов стерлингов.

Подчеркнем, что во время кампании за выход из ЕС у ее идеологов не было четкого плана по реализации этого фатального шага, как и понимания внешнеполитического пути для страны. Поэтому и четкая внешнеполитическая стратегия едва ли могла появиться вскоре после референдума. Потребовалось несколько лет, прежде чем данная концепция получила свое развитие. В первоначальном нарративе вокруг «Глобальной Британии» подчеркивается новый внешнеполитический поворот, используются формулировки, не отражающие сути. Неудивительно, что и в обществе, и в профессиональных кругах высказывались опасения, что «Глобальная Британия» застрянет на уровне политических лозунгов, лишенных сути, и негативно отразится на имидже страны. В этой связи одна из исследовательниц данного вопроса К. Ю. Годованюк обращает внимание на мнение О. Даддоу⁹. За идеей о «Глобальной Британии» он видит дипломатическую игру. Новая концепция лишь «переупаковывает» традиционные приоритеты страны на мировой арене. Трансатлантизм, особое значение стран Содружества — эти направления исторически имели приоритет над европейской интеграцией, а перемены во внешнеполитической повестке сводятся лишь к смене дискурса, «ребрендингу» внешней политики Британии.

В 2019 году комитет по международным делам Палаты общин выпустил специальный доклад «Глобальная Британия и Латинская Америка», о котором речь пойдет ниже. В нем страны Южной Америки названы «источником неиспользованного потенциала». Однако интерес Соединенного Королевства к данному региону не возник с брекзитом, хоть последний и интенсифицировал его. Дипломатический «поворот» к региону наметился в 2010 году после выступления министра иностранных дел У. Хейга в Canning House, главном think-tank Великобритании по латиноамериканскому направлению.

⁶ Idem.

⁷ Global Britain. Sixth report of session 2017–2019 // House of Commons Foreign Affairs Committee. 12.03.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm201719/cmselect/cmcaff/780/780.pdf> (дата обращения: 01.10.2021).

⁸ Global Britain: Government response to the sixth report of the committee. Tenth special report of session 2017–2019 // House of Commons. 20 June 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm201719/cmselect/cmcaff/1236/1236.pdf> (дата обращения: 01.10.2021).

⁹ Годованюк, *op.cit.*, с. 18.

«Повестка Каннинга»

Выступление министра в Canning House было приурочено к 200-летию со дня независимости Латинской Америки. Главный тезис его речи — намерение нового коалиционного правительства Британии восполнить пробел в отношениях со странами Южной Америки. Вдаваясь в историю отношений с регионом, министр подчеркивает историческую преемственность и призывает оживить сотрудничество¹⁰.

Он напоминает, что расцвет связей Лондона с регионом пришелся на XIX век: в 1808 году 40 % британского экспорта пришлось на Латинскую Америку. К Первой мировой войне 50 % иностранных инвестиций в регион приходилось на Великобританию, а 20 % экспорта стран Латинской Америки отправлялось в Британию. В 2010 году экспорт Великобритании в регион не превышает 1 %. В сравнении с крупнейшими экономиками Европы Британия сильно проигрывает в торговле по этому направлению. Столь мало развитое сотрудничество вступает в противоречие с логикой современности, нельзя недооценивать значимость построения билатеральных связей с быстро развивающимися экономиками. Выступление в Canning House вызвало определенные надежды на восстановление отношений с регионом, обозначив дипломатический «поворот», который называют «Canning agenda» («повестка Каннинга»).

Хейг выделил причины, по которым Латинская Америка является важным регионом для партнерства. Например, ее экологическая ценность для всего мира, культурный и спортивный потенциал. Он отметил результаты местных правительств в сфере безопасности, приветствуя их усилия в борьбе с локальной преступностью, и оценил достижения на пути к становлению демократических режимов, укрепление демократических институтов (Эквадор, Колумбия, Бразилия), успехи в области социальной политики, борьбы с бедностью и социальным неравенством, доступом к образованию. Он отметил, что Боливия, Перу и Коста-Рика вносят значительный вклад в борьбу с изменениями климата.

Какие задачи ставит британское правительство по развитию билатеральных отношений со странами Латинской Америки в 2010 г.? Во-первых, остановить дипломатическое бегство из страны и нарастить свое присутствие. Во-вторых, интенсифицировать поиск новых экономических возможностей и поощрение инвестиций в регион, оказывать помощь британскому бизнесу с выходом на этот рынок. В-третьих, поощрять свободную торговлю и противостоять протекционизму, наладить сотрудничество в сфере борьбы с организованной преступностью. Кроме того, оказывать содействие в создании альянса латиноамериканских стран и Европы в борьбе с климатическими изменениями. Также планируется увеличить активность институтов публичной дипломатии, в частности, Британский совет, и увеличить количество стипендиальных программ для партнерства в сфере образования и культуры. Наконец, содействовать в продвижении реформы ООН, расширению Совбеза за счет включения в него Бразилии. Одновременно правительство подчеркивает прежнюю позицию в отношении Фолклендских островов: «Мы не можем найти ответы на глобальные проблемы друг без друга»¹¹.

¹⁰ Britain and Latin America: historic friends, future partners [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/britain-and-latin-america-historic-friends-future-partners> (дата обращения: 01.10.2021).

¹¹ Idem.

Итоги «повестки Каннинга»

В 2020 году Canning House доложил о результатах «повестки Каннинга»¹². Аналитики отмечают существенный вклад британского правительства в развитие билатеральных отношений и его последовательные инициативы. Вместе с тем, результаты неоднозначны. Доля Британии во внешнеторговом балансе Латинской Америки снизилась. Экспорт товаров из Великобритании в Латинскую Америку и Карибский бассейн составил в 2010 году 6,029 млрд фунтов стерлингов, в 2018 году — 6,709 млрд фунтов стерлингов, только на 11,2 % больше, в то время как средний рост экспорта во все регионы — 39,9 %¹³. Лучше обстоит дело с экспортом услуг, который увеличился на 43 %: с 2,6 млрд фунтов стерлингов в 2010 г. до 3,8 млрд фунтов стерлингов в 2018 году. Параллельно отмечается заметная активизация сотрудничества с Латинской Америкой по остальным направлениям. Особая роль в этом отводится результатам работы Джоан Креллин на посту комиссара Ее Величества по торговле в Латинской Америке и Карибском бассейне в 2018 году.

Оценивать активность Лондона в странах Латинской Америки можно по официальным визитам государственных деятелей Великобритании. По данным министерства иностранных дел, с июня 2017 года было совершено 33 визита министров и торговых представителей премьер-министра в Южную Америку. Так, после визита британской делегации в рамках британско-бразильского экономического и торгового диалога в Бразилии (2015 г.) во главе с Филиппом Хэммондом было объявлено о новом двустороннем партнерстве по зеленым финансам, а также об увеличении в два раза суммы поддержки компаниям, экспортирующим в Бразилию, и покупателям британских товаров в Бразилии. В совокупности британское правительство увеличило финансирование этой программы до 3 млрд фунтов стерлингов. В августе 2019 года страна также получила британское финансирование из UK Prosperity Fund (Фонда Процветания) на 20 млн фунтов стерлингов для поддержки бразильских экспортеров¹⁴.

Заметным маркером внешнеполитического вектора стало посещение Буэнос-Айреса Борисом Джонсоном в 2018 году в рамках саммита G20. Этот визит стал первым за 25 лет визитом министра иностранных дел в Аргентину. Джонсон возложил венок в память погибших в Фолклендской войне, конфликте 1980-х годов, который по-прежнему сдерживает развитие билатеральных отношений. Также британский министр посетил Чили и Перу впервые за 50 лет, после чего призвал Великобританию заново открыть для себя свой «глобальный дух»¹⁵.

В августе 2019 года новый министр иностранных дел Доминик Рааб посетил Мексику. По итогам его визита была заключена сделка, направленная на стимулирование устойчивого и инклюзивного роста, и заключено партнерское соглашение в области изменения климата, а также соглашение о расширении сотрудничества в области инвестиций и торговли. Правительство Великобритании объявило о выделении 60 млн фунтов стерлингов из UK Prosperity Fund для этих целей к 2026 году.

Важной страной для сотрудничества является Колумбия. Основное направление дипломатической работы — поддержка мирного плана в стране как через покровительство в Совбезе ООН, так и внутри страны через Фонд борьбы с конфликтами, безопасности и стабильности (Conflict security and stability fund). В период с 2015 по 2018 гг. Форин-офис выплатил 33 млн фунтов стерлингов через фонд на программу поддержки мира в Колумбии и аналогичную программу по борьбе с организованной преступностью в Перу.

¹² The Cannina agenda — 10 years on // Canning paper. April 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www.canninghouse.org/storage/uploads/resources/canning-agenda/Canning_Agenda_10_Years_On.pdf (дата обращения: 01.10.2021).

¹³ Idem.

¹⁴ Idem.

¹⁵ Idem.

Важную роль в контексте сотрудничества с латинскими странами выполняет уже упомянутый Фонд Процветания, созданный в 2016 году, призванный решать проблему бедности в развивающихся странах. Помимо Бразилии и Мексики из него получили целевую помощь Колумбия и Перу. В период с 2017 по 2022 год фонд выделит 25,5 млн фунтов стерлингов проектам в Колумбии, уделяя особое внимание повышению образования среди женского населения¹⁶. Это вообще один из основных принципов концепции «Глобальной Британии», руководство страны последовательно в этом вопросе и опирается на данные, которые свидетельствуют о прямой зависимости благосостояния общества и уровня образованности женского населения¹⁷.

Важным результатом «повестки Каннинга» стало увеличение туристического потока из Южной Америки в Британию — он вырос на 75 %. Кроме этого, оценки общественно мнения демонстрируют улучшение имиджа Королевства в регионе. Таким образом, очевидно, что несмотря на отсутствие видимых достижений в торговой сфере, программа помогла оживить отношения Британии со странами Латинской Америки. Однако существенного прорыва в отношениях не случилось.

«Глобальная Британия и Южная Америка»

Описанное выше состояние отношений Великобритании с южноамериканским регионом и предшествовало публикации доклада «Глобальная Британия и Южная Америка»¹⁸ в 2019 году. Двумя годами позже, в 2021 году, правительством был выпущен доклад «Глобальная Британия в эпоху конкуренции: комплексная стратегия по вопросам безопасности, дипломатии и международного развития»¹⁹ — на сегодняшний день самый подробный документ о принципах внешней политики Великобритании после брекзита. Доклад явился ответом на два удара, которые приняла на себя страна — брекзит и кризис, связанный с COVID-19. В докладе заданы цели Великобритании по вопросам безопасности и дипломатии до 2030 года. Ожидается, что 2021 год станет годом британского лидерства. Амбициозным планам будут способствовать председательство в G7, на 26-й конференции сторон рамочной Конвенции ООН об изменении климата и других мероприятиях глобального значения.

Роль региона Латинской Америки в стратегии «Глобальной Британии» можно охарактеризовать как второстепенную, она замыкает рейтинг внешнеполитических приоритетов страны. Главное направление сотрудничества с Южной Америкой, согласно последнему докладу, — экологические вопросы и проблемы климата. Мировое лидерство в борьбе против изменений климата — один из приоритетов Соединенного Королевства. Британия выделит 11,6 млрд фунтов стерлингов на финансирование программ международных климатических изменений в развивающихся странах. Для борьбы с изменением климата в Латинской Америке, а также Африке и Азии Британия уже выделила 4,1 млрд фунтов стерлингов из государственного бюджета и 2,2 млрд фунтов стерлингов из средств частного сектора. Как подчеркивается в докладе, Латинская Америка — регион

¹⁶ Idem.

¹⁷ Prime Minister Boris Johnson's speech in Greenwich. 3 February 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-speech-in-greenwich-3-february-2020> (дата обращения: 01.10.2021).

¹⁸ Global Britain and South America // House of Commons foreign affair committee. Twentieth Report of Session 2017–2019. 9 September 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm201719/cmselect/cmfaaff/1617/1617.pdf> (дата обращения: 01.10.2021).

¹⁹ Global Britain in a Competitive Age: the Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy // HM Government. March 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/975077/Global_Britain_in_a_Competitive_Age_the_Integrated_Review_of_Security_Defence_Development_and_Foreign_Policy.pdf (дата обращения: 01.10.2021).

особой важности в контексте борьбы с климатическими изменениями, заключающий в себе огромные природные ресурсы²⁰.

Наше внимание привлёк специальный доклад Палаты общин «Глобальная Британия и Южная Америка»²¹, подготовленный в том числе с помощью аналитиков Canning House, который во многом основывается на постулатах «повестки Каннинга». Латинская Америка по-прежнему названа «источником неиспользованного потенциала». Приоритетными странами для развития сотрудничества в регионе выделены: Аргентина, Бразилия, Чили, Колумбия и Перу. Политика «Глобальной Британии» в регионе будет разворачиваться в нескольких плоскостях. Во-первых, по линии поддержки безопасности и стабильности. За исключением Венесуэлы в странах региона с разным успехом функционируют демократические институты, главной угрозой демократиям на континенте, по мнению британского истеблишмента, продолжает оставаться коррупция. Угрозой безопасности и стабильности является авторитарный режим в Венесуэле, спровоцировавший миграционный кризис. Огромный поток мигрантов из этой страны усиливает нагрузку на социальные системы соседних стран. По официальным оценкам (2019 г.), более 4 млн человек покинули страну. Колумбия приняла 1,3 млн человек. Диктаторский режим провоцирует рост преступной деятельности, например, наркотрафик. Великобритания намерена продолжать вносить вклад в борьбу с незаконной деятельностью на континенте через «Conflict security and stability fund». Программы фонда направлены на борьбу с организованной преступностью и незаконным оборотом наркотиков, ограничивая в том числе их доступ на улицы городов Великобритании. Работа специалистов фонда направлена также на анализ и прогнозирование ситуации в регионе²².

Великобритания и после брекзита будет оказывать финансовую поддержку Колумбии, принявшей основной поток мигрантов. Главный инструмент для этого — глобальный фонд льготного финансирования Всемирного банка, поддерживающий беженцев и мигрантов из Венесуэлы. Через него было выделено в разное время 6,5 млн и 8 млн фунтов стерлингов. Кроме того, новое министерство иностранных дел и международного развития (FCDO) продолжит поддерживать Lima group в поиске разрешения венесуэльского кризиса. Отмечается, что Лондон и дальше будет представлять интересы Колумбии в Совете безопасности ООН, привлекая внимание международного сообщества к проблемам в стране.

Еще одна озабоченность, лежащая в плоскости безопасности, — растущее влияние недемократических внешних акторов. Прежде всего, обеспокоенность вызывает экономическое влияние Китая в регионе, торговые объемы с которым независимые аналитики оценивают от 140 до 200 млрд долл. прямых инвестиций за период 2015–2019 гг. Для сравнения, в 2017 году объем всех британских инвестиций в Южную Америку составил 16 млрд долл. Другая озабоченность — активность России в регионе, наращивание присутствия фонда «Русский мир» и увеличение аудитории RT. Особой критике подвергается оказание дипломатической поддержки Венесуэле, экономическое и военное взаимодействие. Великобритания намерена следить за присутствием и деятельностью этих стран²³.

Очередная сфера интересов «Глобальной Британии» в Латинской Америке — торговля и инвестиции. Сегодня экономическое сотрудничество с регионом развито слабо. На Южную Америку приходится самая низкая доля внешнеторгового оборота Великобритании — лишь 1%. Canning House видит в этом упущенные возможности Британии, так как у нее есть потенциал для развития торговли с Южной Америкой. Торговая и инвестиционная политика осуществляется силами Министерства по иностранным делам

²⁰ Idem.

²¹ Global Britain and South America // House of Commons foreign affair committee. Twentieth Report of Session 2017–2019. 9 September 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm201719/cmselect/cmfaaff/1617/1617.pdf> (дата обращения: 01.10.2021).

²² Idem.

²³ Idem.

и международному развитию, а также Департаментом по международной торговле. В течение следующих пяти лет министерство намерено значительно увеличить долю Великобритании на рынке. К названным в докладе барьерам, сдерживающим торговое сотрудничество, относят язык, коррупцию, несоблюдение принципа верховенства закона, особенности местного законодательства, высокие тарифы и протекционистскую политику²⁴. Вместе с тем, эти барьеры не превосходят существующие в Индии и Китае, где Великобритания экономически и финансово активна. Для достижения качественных результатов правительство будет расширять команду и финансирование торгового комиссара в Латинской Америке, работа которого способствовала заинтересованности британского бизнеса в регионе.

Еще один аспект действий «Глобальной Британии» в регионе направлен на защиту прав человека. Данная тема одна из самых болезненных в Южной Америке, и с особой опасностью там сталкиваются правозащитники. Великобритания будет осуществлять работу по данной проблеме по нескольким направлениям: Министерство иностранных дел и международного развития должно контролировать реализацию новой программы правительства в Колумбии, связанной с поддержкой правозащитников, также посольство Британии в Колумбии будет расширять свою работу с правозащитниками²⁵. В приоритете — поддержка правозащитных лидеров из числа коренного населения и женщин. На посольства в Южной Америке возлагается обязанность поддерживать целевые программы и наблюдать за судебными процессами.

Одной из главных дипломатических мировых и региональных задач Великобритании во внешней политике является оказание помощи развивающимся странам в борьбе с изменениями климата и охрана окружающей среды. В Южной Америке Великобритания оказывает поддержку в выполнении Парижского соглашения, задействуя, например, механизмы международного климатического финансирования. Высока вероятность, что Южная Америка в ближайшее время столкнется с серьезными проблемами в результате изменения климата. В Колумбии эти процессы, по оценкам специалистов, приведут к ежегодной потере 0,49 % годового ВВП страны в период с 2010 г. Необходимость действий в этом аспекте подтверждается масштабными пожарами в Амазонии.

Очевидно, что интерес к странам Южной Америки и потребность в интенсификации сотрудничества возникли еще до брежневита, когда в 2010 году министр иностранных дел Уильям Хейг наметил дипломатический «поворот» к региону. Выход из ЕС не стал проблемой для отношений Великобритании со странами Латинской Америки, и хотя выражались некоторые опасения, что результаты «повестки Каннинга» сойдут на нет, мы видим, что после 2016 года активизировалось взаимодействие, возросло количество официальных встреч. Тем не менее, Южная Америка не является региональным приоритетом новой повестки «Глобальная Британия». Согласно последнему докладу о внешней политике эпохи постбрежневита, регион замыкает список внешнеполитических приоритетов Лондона. Однако амбиции Великобритании, ее нацеленность на лидерство во многих областях на мировой арене показывают, что отношения с регионом будут развиваться последовательно в разных сферах, в том числе после кризиса COVID-19. Это касается, прежде всего, безопасности, борьбы с климатическими изменениями и гуманитарной работы. Кроме того, несмотря на то, что торговое сотрудничество остается на данный момент слабым звеном, у Великобритании есть объективные возможности и четкие намерения для налаживания экономических связей. Наиболее важным, на наш взгляд, представляется то, что состояние отношений Лондона с латиноамериканскими странами в настоящее время находится в положительной динамике и продолжает развиваться.

²⁴ Idem.

²⁵ Idem.

Библиография

1. Britain after Brexit. A vision of a Global Britain. May's Conference speech: full text. 02.10.2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.conservativehome.com/parliament/2016/10/britain-after-brexit-a-vision-of-a-global-britain-theresa-mays-conservative-conference-speech-full-text.html> (дата обращения: 01.10.2021).
2. Britain and Latin America: historic friends, future partners [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/britain-and-latin-america-historic-friends-future-partners> (дата обращения: 01.10.2021).
3. Global Britain and South America // House of Commons foreign affair committee. Twentieth Report of Session 2017–19. 9 September 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm201719/cmselect/cmfaaff/1617/1617.pdf> (дата обращения: 01.10.2021).
4. Global Britain in a Competitive Age: the Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy // HM Government. March 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/975077/Global_Britain_in_a_Competitive_Age_the_Integrated_Review_of_Security_Defence_Development_and_Foreign_Policy.pdf (дата обращения: 01.10.2021).
5. Global Britain. Sixth report of session 2017–2019 // House of Commons Foreign Affairs Committee. 12.03.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm201719/cmselect/cmfaaff/780/780.pdf> (дата обращения: 01.10.2021).
6. Global Britain: Government response to the sixth report of the committee. Tenth special report of session 2017–2019 // House of Commons. 20 June 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm201719/cmselect/cmfaaff/1236/1236.pdf> (дата обращения: 01.10.2021).
7. Leaving the European Union: UK Armed Forces and Diplomatic Service // House of Lords. Library Note [Электронный ресурс]. URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/LLN-2016-0066/LLN-2016-0066.pdf> (дата обращения: 01.10.2021).
8. Prime Minister Boris Johnson's speech in Greenwich. 3 February 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-speech-in-greenwich-3-february-2020> (дата обращения: 01.10.2021).
9. The Canning agenda — 10 years on // Canning paper. April 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www.canninghouse.org/storage/uploads/resources/canning-agenda/Canning_Agenda_10_Years_On.pdf (дата обращения: 01.10.2021).
10. Годованюк К. А. «Глобальная Британия» в преддверии брекзита // Доклады Института Европы. № 373. М.: Ин-т Европы РАН, 2020. 160 с.

ИБЕРИЙСКИЕ СТРАНЫ В НОВЫХ РЕАЛИЯХ

IBERIAN COUNTRIES IN NEW REALITIES

Ю. Н. Фролова¹

ДИСКУССИИ О НОВОМ СТАТУСЕ СТРАНЫ БАСКОВ

DISCUSSIONS ABOUT THE NEW STATUS OF THE BASQUE COUNTRY

Resumen: El artículo está dedicado al tema de los debates sobre la propuesta de “nuevo estatuto” de la comunidad autónoma del País Vasco en España. A iniciativa del Presidente del País Vasco, Iñigo Urkullu, y del Partido Nacionalista Vasco, que tiene el mayor apoyo en la región, se volvió a plantear el controvertido tema de la posibilidad de revisar las normas legislativas vigentes en la comunidad, incluido el actual Estatuto de Autonomía. Está previsto iniciar las discusiones significativas a finales del verano de 2021, el Partido Nacionalista Vasco confía mucho en este proyecto por las esperanzas de estabilización de la situación en el País Vasco y en la comunidad autónoma de Cataluña. Desde el punto de vista de los políticos vascos, el diálogo para determinar el nuevo estatuto del territorio debe basarse en tres pilares: el reconocimiento de que Cataluña y el País Vasco son naciones; la posibilidad de relaciones bilaterales igualitarias entre el Estado y las comunidades autónomas; un sistema de garantías que permita resolver las situaciones de conflicto sobre la base de los principios del diálogo y el respeto mutuo. Hay cuestiones claves en el estudio de este proceso: si esta iniciativa es relevante; si se corresponde con las actitudes de los residentes de esta comunidad autónoma y los resultados de la investigación de opinión pública; cómo puede afectar a la situación política en la región y en España en general y cuáles serán los efectos. Pero la cuestión la más importante es si este proceso resuelve los problemas de los sentimientos separatistas en las comunidades autónomas de España.

Palabras clave: País Vasco; Estatuto de Autonomía; Partido Nacionalista Vasco; España; comunidad autónoma.

Abstract: The article is dedicated to the issue of debates about the proposed “new statute” of the Basque country autonomous community in Spain. At the initiative of the President of the Basque Country, Iñigo Urkullu, and the Basque Nationalist Party which has the greatest support in the region the controversial issue of the possibility of revising the current legislative norms, including the current Statute of Autonomy, was raised again. It is planned to start the meaningful discussions at the end of the summer of 2021, and the Basque Nationalist Party relies on this project due to the hopes about

¹ **Фролова Юлия Николаевна**, Россия, кандидат политических наук, РГПУ им. А. И. Герцена (эл. почта: frolovayuliya@yahoo.com).

stabilization of the situation both in the Basque Country and in the autonomous community of Catalonia. From the point of view of Basque politicians, the dialogue on determining the new status of the territory should be based on three pillars: recognition that Catalonia and the Basque Country are nations; the possibility of bilateral equal relations between the state and the autonomous communities; a system of guarantees that allows conflict situations to be resolved on the basis of the dialogue principles and mutual respect. There are key issues in the study of this process: whether this initiative is relevant and timely; whether it corresponds to the attitudes of this autonomous community residents and the results of public opinion research; how it can affect the political situation in the region and Spain itself and what short-term and long-term effects will be. But the most important question is whether this process helps to solve the problems of separatist movements in the autonomous communities of Spain.

Key words: Basque Country; Statute of Autonomy; Basque Nationalist Party; Spain; Autonomous community.

Идея об актуализации Статута автономии Страны Басков периодически занимает место в повестке дня региона. В этом году дебаты о предполагаемом «новом статусе» возобновились по инициативе президента Страны Басков. Предыдущие межпартийные парламентские дебаты по вопросу Статута были заморожены в 2019 году, когда партиям не удалось достичь консенсуса по проблеме. За год до этого правительство Страны Басков поручило экспертам по правовым вопросам от партий PNV (Partido Nacionalista Vasco, Баскская Националистическая партия), EH Bildu (Euskal Herria Bildu, «Соберите Страну Басков!»), Podemos («Мы можем»), PP (Partido Popular, Народная партия), PSE-EE (Partido Socialista de Euskadi — Euskadiko Ezkerra, Социалистическая партия Страны Басков)² разработать проект нового Статута, работа над которым длилась больше года.

Полномасштабные парламентские дебаты планируется провести осенью 2021 года, однако на сегодняшний день можно выделить некоторые ключевые моменты диалога.

Основной диалог намечается между ключевыми партиями баскского правительства: PNV, EH Bildu, PSE-EE и Podemos. Баскские социалисты, в целом положительно относясь к идее актуализации Статута Страны Басков, не приемлют националистических решений в этом вопросе, утверждая необходимость внедрения новых социальных прав и модернизации Статута — процессы, которые могли бы идти быстрее, если бы не акцент на проблемах национализма в последние десятилетия. При этом утверждается невозможность попыток изменить конституцию посредством изменения Статута³. Данная ситуация представляет собой проблему для дальнейшего развития взаимодействия по Статуту, так как PSE-EE образуют правящую коалицию с PNV, а их позиции по ключевому вопросу заметно различаются.

PNV, в свою очередь, понимает необходимость диалога с баскскими социалистами по двум причинам: во-первых, это их партнер по правительственной коалиции в Стране Басков, а во-вторых, в силу того, что PSE-EE является региональным отделением PSOE, это их связь с правительством всей Испании⁴. По мнению Андони Ортузара, председателя PNV⁵, процесс реформы Статута должен базироваться на трех столпах: признание басков как нации (*nación*) — в текущем конституционном статусе они признаны как национальность (*nacionalidad*)⁶; равные двухсторонние отношения с государством; система разрешения конфликтов посредством диалога. При этом для баскской правящей партии важным

² El nuevo Estatuto vasco de nunca jamás // El País [Электронный ресурс]. URL: <https://elpais.com/espana/2020-07-03/el-nuevo-estatuto-vasco-de-nunca-jamas.html> (дата обращения: 08.08.2021).

³ Nuevo Estatuto vasco: El PSE-EE advierte de que no compartirán “soluciones nacionalistas” // Electomania [Электронный ресурс]. URL: <https://electomania.es/estatuto8s21/> (дата обращения: 28.09.2021).

⁴ Entrevista a Andoni Ortuzar // El Diario Vasco [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eaj-pnv.eus/es/documentos/18277/entrevista-a-andoni-ortuzar-en-el-diario-vasco> (дата обращения: 20.08.2021).

⁵ Idem.

⁶ Constitución Española [Электронный ресурс]. URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1978-31229> (дата обращения: 20.08.2021).

является содействие в актуализации Статута со стороны левых: PSE-EE и Podemos⁷. Разработка нового основного документа для Страны Басков может быть актуальным способом разрешения каталонских проблем, в этом контексте А. Ортузар⁸ предлагает использовать баскский проект как модель решения вопросов каталонского национализма.

Каталонский аспект в этом вопросе на данный момент воспринимается двояко: с одной стороны, обсуждается возможность рассмотрения единой модели для расширения автономии обоих автономных сообществ, что имеет под собой историческую основу⁹; с другой стороны, политики¹⁰ признают, что ситуации Каталония — Испания и Страна Басков — Испания на данном этапе кардинально различаются. Кроме того, президент Страны Басков Иньиго Уркульо заявил о необходимости поиска консенсуса с Испанией и отказа от каталонского пути развития¹¹ — в этом плане его точка зрения несколько менялась с лета 2021 года, когда он также поддерживал идею возможного обновления Статута в качестве разрешения каталонской ситуации после начала диалога между Испанией и сторонниками независимости в регионе¹². Иньиго Уркульо неоднократно подчеркивал, что обновление Статута было одним из важнейших пунктов повестки дня с 2012 года. Президент Страны Басков в одном из своих выступлений¹³ заявил о необходимости актуализации Статута через возврат баскских фуэрос в статусе до 1839 года. Подобный призыв был иронично воспринят со стороны Podemos¹⁴: возврат к 1839 году, по их мнению, выглядит нелогично на фоне призыва актуализировать Статут и сделать его более современным. В сентябрьских выступлениях¹⁵ президент Страны Басков призывает все партии (не только EH Bildu и PNV)¹⁶ сесть за стол переговоров, обозначая основы этих переговоров: стремление договариваться, стремление к равным двусторонним отношениям с государством, законность и общность интересов¹⁷. Формат внедрения политических

⁷ El PNV valora el nuevo escenario político para construir “un nuevo estatus” para Euskadi y Catalunya // La Vanguardia [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lavanguardia.com/local/paisvasco/20210624/7553844/pnv-valora-nuevo-escenario-politico-construir-nuevo-estatus-euskadi-catalunya.html> (дата обращения: 07.07.2021).

⁸ Urkullu avala que “ahora” es el momento para reactivar el “nuevo estatus” que Ortuzar quiere extender a Cataluña // El Mundo [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elmundo.es/pais-vasco/2021/06/25/60d59e58fc6c83d70b8b4673.html> (дата обращения: 07.07.2021).

⁹ Zurdo D. M. Un sueño americano. El Gobierno vasco en el exilio y los Estados Unidos (1937–1979): tesis doctoral. Navarra: Universidad del País Vasco-Euskal Herriko Unibertsitatea (UPV-EHU), 2015. P. 68.

¹⁰ Entrevista a Andoni Ortuzar // El Diario Vasco [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eaj-pnv.eus/es/documentos/18277/entrevista-a-andoni-ortuzar-en-el-diario-vasco> (дата обращения: 20.08.2021).

¹¹ Urkullu reclamará hoy consensos “sólidos” y transversales para un nuevo estatuto vasco // El Independiente [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elindependiente.com/espana/2021/09/15/urkullu-reclamara-hoy-consensos-solidos-y-trasversales-para-un-nuevo-estatuto-vasco/> (дата обращения: 29.09.2021).

¹² Urkullu avala que “ahora” es el momento para reactivar el “nuevo estatus” que Ortuzar quiere extender a Cataluña // El Mundo [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elmundo.es/pais-vasco/2021/06/25/60d59e58fc6c83d70b8b4673.html> (дата обращения: 07.07.2021).

¹³ Urkullu defiende ahora la “integración foral plena” anterior a 1839 mientras el “nuevo estatus” sigue parado // El Mundo [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elmundo.es/pais-vasco/2021/09/16/61430ba8e4d4d8ac5e8b457e.html> (дата обращения: 25.09.2021).

¹⁴ Urkullu pide un pacto al Estado en torno a un nuevo Estatuto blindado // El País [Электронный ресурс]. URL: <https://elpais.com/espana/2021-09-16/urkullu-pide-un-pacto-al-estado-en-torno-a-un-nuevo-estatuto-blindado.html> (дата обращения: 25.09.2021).

¹⁵ Urkullu reclamará hoy consensos “sólidos” y transversales para un nuevo estatuto vasco // El Independiente [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elindependiente.com/espana/2021/09/15/urkullu-reclamara-hoy-consensos-solidos-y-trasversales-para-un-nuevo-estatuto-vasco/> (дата обращения: 29.09.2021).

¹⁶ Urkullu defiende ahora la “integración foral plena” anterior a 1839 mientras el “nuevo estatus” sigue parado // El Mundo [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elmundo.es/pais-vasco/2021/09/16/61430ba8e4d4d8ac5e8b457e.html> (дата обращения: 25.09.2021).

¹⁷ Urkullu quiere un pacto con el Estado para que el País Vasco tenga un nuevo “estatus” // Europapress [Электронный ресурс]. URL: <https://www.europapress.es/nacional/noticia-urkullu-quiere-pacto-estado-pais-vasco-tenga-nuevo-estatus-20210714161800.html> (дата обращения: 08.08.2021).

изменений назван «Политическим концертом» (Concierto Politico)¹⁸ по аналогии с «Экономическим концертом» (Concierto Economico)¹⁹ — особой системой регулирования налоговых и финансовых отношений между государством и автономным сообществом, заложенной в нормах Конституции и Статута Страны Басков и основанной на исторических формальных правах.

Представители партии EH Bildu занимают наиболее радикальную позицию по вопросу расширения прав автономии и требуют максимального уровня баскского суверенитета: «вряд ли в стране произойдут политические и социальные перемены, если этот народ не будет суверенным»²⁰. Что касается представителей правой PP, то они достаточно скептически относятся к необходимости актуализировать Статут, утверждая, что действующая Конституция и Статут уже обеспечивают необходимый уровень стабильности и взаимопонимания²¹.

Общественный запрос на обновление Статута также существует, считает лидер PNV²². Несмотря на рекордный для Страны Басков уровень противников независимости — 41 %²³, общество по-прежнему не удовлетворено уровнем самоуправления. Как следствие, в баскском обществе проблема национализма сильно видоизменилась: это уже не требование создания независимого государства, как было, например, в период деятельности террористической организации ЭТА, а запрос на новый уровень взаимоотношений между Страной Басков и Испанией.

Расширение самоуправления автономных сообществ, вероятно, потребует пересмотра государственной модели в целом. Запрос со стороны басков на создание «федерации наций»²⁴ носит исторический характер, как демократическая территориальная модель, противопоставляемая унификации, произошедшей при режиме Франко. Федерализация государства была предложена PSOE как один из способов решения вопроса национализма, идеи федерализма продолжают оставаться пунктами предвыборной кампании социалистов, однако несколько меняются формулировки: федерализм (federalismo) в 2015 году²⁵, федеральные принципы (principios federales) в начале 2019 года²⁶ и государство автономий (estado de las autonomías) в последней предвыборной программе с тенденцией к усилению самоуправления²⁷. Что касается основ самоуправления, то электоральные программы PSOE ссылаются на Барселонскую декларацию 2017 года (Declaración de Barcelona) и на Гранадскую декларацию 2013 года (Declaración de Granada), где обозначаются причины

¹⁸ Urkullu pide un pacto al Estado en torno a un nuevo Estatuto blindado // El País [Электронный ресурс]. URL: <https://elpais.com/espana/2021-09-16/urkullu-pide-un-pacto-al-estado-en-torno-a-un-nuevo-estatuto-blindado.html> (дата обращения: 25.09.2021).

¹⁹ Concierto Económico // Departamento de Economía y Hacienda [Электронный ресурс]. URL: <https://www.euskadi.eus/informacion/que-es-el-ce/web01-a2conci/es/> (дата обращения: 25.09.2021).

²⁰ El nuevo Estatuto vasco de nunca jamás // El País [Электронный ресурс]. URL: <https://elpais.com/espana/2020-07-03/el-nuevo-estatuto-vasco-de-nunca-jamas.html> (дата обращения: 08.08.2021).

²¹ Urkullu avala que “ahora” es el momento para reactivar el “nuevo estatus” que Ortuzar quiere extender a Cataluña // El Mundo [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elmundo.es/pais-vasco/2021/06/25/60d59e58fc6c83d70b8b4673.html> (дата обращения: 07.07.2021).

²² Entrevista a Andoni Ortuzar // El Diario Vasco [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eaj-pnv.eus/es/documentos/18277/entrevista-a-andoni-ortuzar-en-el-diario-vasco> (дата обращения: 20.08.2021).

²³ Sociometro Vasco 73. Junio 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://bideoak2.euskadi.eus/2021/06/09/news_69800/Sociometro.pdf (дата обращения: 25.09.2021).

²⁴ Zurdo, op. cit., p. 207.

²⁵ Programa electoral — Elecciones generales 2015 // PSOE [Электронный ресурс]. URL: https://www.psoe.es/media-content/2015/12/PSOE_Programa_Electoral_2015.pdf (дата обращения: 25.09.2021).

²⁶ Programa electoral — Elecciones generales abril 2019 // PSOE [Электронный ресурс]. URL: <https://www.psoe.es/media-content/2019/04/PSOE-programa-electoral-elecciones-generales-28-de-abril-de-2019.pdf> (дата обращения: 25.09.2021).

²⁷ Programa electoral — Elecciones generales noviembre 2019 // PSOE [Электронный ресурс]. URL: <https://www.psoe.es/media-content/2019/10/Ahora-progreso-programa-PSOE-10N-31102019.pdf> (дата обращения: 25.09.2021).

необходимости переосмысления уровня самоуправления автономных сообществ²⁸: на момент 1978 года не существовало Европейского союза в нынешней форме, не было евро, глобальной экономики, глобального финансового кризиса, текущего уровня миграции и т. д., что подводит к выводу о необходимости переосмысления и внесения изменений в Статуты автономий. Таким образом, текущий запрос со стороны Страны Басков в целом вписывается в программы правящей испанской партии, однако открытым остается вопрос, каким должно быть самоуправление автономных сообществ, как это повлияет на государство в целом и возможно ли реформирование территориального устройства Испании.

В этом контексте снова актуальной становится идея «Европы регионов»: в рамках работы над новым Статутом правительство Страны Басков внесло в Европейскую комиссию предложение об усилении роли регионов в проявлении законодательных инициатив на общеевропейском уровне²⁹. Идея «Европы регионов» уже была отражена в баскском плане Ибаретче, который предусматривал свободную ассоциацию Страны Басков с Испанией, в рамках которой баски рассматривались как европейский, а не испанский народ с собственной идентичностью. Первый президент автономного сообщества Страны Басков Хосе Антонио Агирре предлагал создать сообщество свободных наций³⁰. Этот проект стал более расширенной версией идеи, закрепленной в «Принципах совместной декларации демократии Пиренейского полуострова» (*Principios para una declaración conjunta de la democracia peninsular*), где предполагалось создать конфедерацию на Пиренейском полуострове, что потом должно было стать основой для создания общеевропейской конфедерации, объединенной общей экономикой, системой обеспечения безопасности и социального правосудия.

Дискуссионным пунктом предполагаемого Статута является «право решать» (*derecho a decidir*). Баскские националисты, как радикальные, так и умеренные, уже не раз ссылались на данную формулировку. Например, она была использована в декларации в поддержку референдума в Каталонии в 2014 году³¹. При этом с юридической точки зрения³² такой правовой формулировки не существует. Более того, трактовка термина не ограничена: речь может идти как о праве быть услышанным, так и о праве отделиться. Внесение такой формулировки в Статут активно поддерживает ЕН Bildu, как наиболее радикально настроенная партия³³, отрицают PSE-EE и PP (последняя как раз ссылается на отсутствие конституционной и какой-либо юридической базы у этой формулировки³⁴), что создает проблемы для правящей PNV в поиске консенсуса между всеми. Такая формулировка рассматривается как вызов Конституции³⁵. В качестве концепции «право решать» может

²⁸ Un nuevo pacto territorial // PSOE [Электронный ресурс]. URL: <http://web.psoe.es/source-media/000000562000/000000562233.pdf> (дата обращения: 25.09.2021).

²⁹ Urkullu quiere un pacto con el Estado para que el País Vasco tenga un nuevo “estatus” // Europapress [Электронный ресурс]. URL: <https://www.europapress.es/nacional/noticia-urkullu-quiere-pacto-estado-pais-vasco-tenga-nuevo-estatus-20210714161800.html> (дата обращения: 08.08.2021).

³⁰ Irujo X. The International Dimension of the Basque Government’s Politics in Exile / X. Irujo, M. J. Olaziregi (eds.) // The International Legacy of Lehendakari Jose A. Agirre’s Government. Reno, Nevada: Center for Basque Studies Press, 2017. P. 76.

³¹ Catalunya tiene derecho a decidir su futuro [Электронный ресурс]. URL: <https://english.eaj-pnv.eus/es/adjuntos-documentos/16977/pdf/declaracion-catalunya> (дата обращения: 07.07.2021).

³² Perea Unceta J. A. El scenismo catalane en el contexto del derecho internacional // Foro, Nueva época. 2014. Vol. 17. No. 2. P. 144.

³³ Urkullu reclamará hoy consensos “sólidos” y transversales para un nuevo estatuto vasco // El Independiente [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elindependiente.com/espana/2021/09/15/urkullu-reclamara-hoy-consensos-solidos-y-trasversales-para-un-nuevo-estatuto-vasco/> (дата обращения: 29.09.2021).

³⁴ El derecho a decidir, dilema del nuevo Estatuto vasco // La Vanguardia [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lavanguardia.com/local/paisvasco/20191202/471997481792/derecho-a-decidir-nuevo-estatuto-vasco-dudas-eh-bildu-pnv.html> (дата обращения: 25.09.2021).

³⁵ Barceló i Serramallera M. El derecho a decidir como instrumento constitucional para la canalización de problemas territoriales // Fundamentos: Cuadernos monográficos de teoría del estado, derecho público e historia constitucional. 2016. No. 9. P. 379.

рассматриваться как право на коллективное осуществление членами территориально локализованного и демократически сформированного сообщества, которое позволяет выразить и реализовать с помощью демократической процедуры волю к пересмотру основополагающего политического статуса и институциональных рамок общины, включая возможность образования суверенного государства³⁶. Защитники данной концепции считают³⁷, что она имеет право на включение в Конституцию Испании как самостоятельная норма права, что не повлечет за собой распад государства, так как оно не сможет гарантировать права на одностороннее отделение территории, поскольку принцип конституционности и верховенства права требует в этом процессе присутствия суверена.

Попытка актуализации Статута Страны Басков со стороны правительства региона не новая тенденция, поэтому сегодня нет оснований предполагать, что конкретный случай приведет к серьезным изменениям. С другой стороны, лидирующая политическая сила процесса (PNV) сделала его ключевой целью поиск консенсуса, а не удовлетворение националистических притязаний, что может привести к значительно большей поддержке этой идеи. Расширение самоуправления в целом вписывается в декларируемые идеи правящей испанской партии, а также имеет определенную поддержку среди населения региона, что также может способствовать разрешению проблемы. Однако существующие межпартийные противоречия по ключевым моментам вопроса на данный момент не дают ему возможности двигаться дальше.

Библиография

1. *Barceló i Serramallera M.* El derecho a decidir como instrumento constitucional para la canalización de problemas territoriales // *Fundamentos: Cuadernos monográficos de teoría del estado, derecho público e historia constitucional.* 2016. No. 9. P. 379.
2. Catalunya tiene derecho a decidir su futuro [Электронный ресурс]. URL: <https://english.eaj-pnv.eus/es/adjuntos-documentos/16977/pdf/declaracion-catalunya> (дата обращения: 07.07.2021).
3. Concierto Económico // Departamento de Economía y Hacienda [Электронный ресурс]. URL: <https://www.euskadi.eus/informacion/que-es-el-ce/web01-a2conci/es/> (дата обращения: 25.09.2021).
4. Constitución Española [Электронный ресурс]. URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1978-31229> (дата обращения: 20.08.2021).
5. Entrevista a Andoni Ortuzar // *El Diario Vasco* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eaj-pnv.eus/es/documentos/18277/entrevista-a-andoni-ortuzar-en-el-diario-vasco> (дата обращения: 20.08.2021).
6. Urkullu reclamará hoy consensos “sólidos” y transversales para un nuevo estatuto vasco // *El Independiente* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elindependiente.com/espana/2021/09/15/urkullu-reclamara-hoy-consensos-solidos-y-trasversales-para-un-nuevo-estatuto-vasco/> (дата обращения: 29.09.2021).
7. Urkullu avala que “ahora” es el momento para reactivar el “nuevo estatus” que Ortuzar quiere extender a Cataluña // *El Mundo* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elmundo.es/pais-vasco/2021/06/25/60d59e58fc6c83d70b8b4673.html> (дата обращения: 07.07.2021).
8. Urkullu defiende ahora la “integración foral plena” anterior a 1839 mientras el “nuevo estatus” sigue parado // *El Mundo* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elmundo.es/pais-vasco/2021/09/16/61430ba8e4d4d8ac5e8b457e.html> (дата обращения: 25.09.2021).
9. El nuevo Estatuto vasco de nunca jamás // *El País* [Электронный ресурс]. URL: <https://elpais.com/espana/2020-07-03/el-nuevo-estatuto-vasco-de-nunca-jamas.html> (дата обращения: 08.08.2021).
10. Urkullu pide un pacto al Estado en torno a un nuevo Estatuto blindado // *El País* [Электронный ресурс]. URL: <https://elpais.com/espana/2021-09-16/urkullu-pide-un-pacto-al-estado-en-torno-a-un-nuevo-estatuto-blindado.html> (дата обращения: 25.09.2021).

³⁶ Ibid., p. 387.

³⁷ Idem.

11. Nuevo Estatuto vasco: El PSE-EE advierte de que no compartirán “soluciones nacionalistas” // Electomania [Электронный ресурс]. URL: <https://electomania.es/estatuto8s21/> (дата обращения: 28.09.2021).
12. Urkullu quiere un pacto con el Estado para que el País Vasco tenga un nuevo “estatus” // Europapress [Электронный ресурс]. URL: <https://www.europapress.es/nacional/noticia-urkullu-quiere-pacto-estado-pais-vasco-tenga-nuevo-estatus-20210714161800.html> (дата обращения: 08.08.2021).
13. Irujo X. The International Dimension of the Basque Government’s Politics in Exile / X. Irujo, M. J. Olaziregi (eds.) // The International Legacy of Lehendakari Jose A. Agirre’s Government. Reno, Nevada: Center for Basque Studies Press, 2017. P. 76.
14. El derecho a decidir, dilema del nuevo Estatuto vasco // La Vanguardia [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lavanguardia.com/local/paisvasco/20191202/471997481792/derecho-a-decidir-nuevo-estatuto-vasco-dudas-eh-bildu-pnv.html> (дата обращения: 25.09.2021).
15. El PNV valora el nuevo escenario político para construir “un nuevo estatus” para Euskadi y Catalunya // La Vanguardia [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lavanguardia.com/local/paisvasco/20210624/7553844/pnv-valora-nuevo-escenario-politico-construir-nuevo-estatus-euskadi-catalunya.html> (дата обращения: 07.07.2021).
16. Perea Unceta J. A. El secenismo catalane en el contexto del derecho internacional // Foro, Nueva época. 2014. Vol. 17. No. 2. P. 144.
17. Programa electoral — Elecciones generales 2015 // PSOE [Электронный ресурс]. URL: https://www.psoe.es/media-content/2015/12/PSOE_Programa_Electoral_2015.pdf (дата обращения: 25.09.2021).
18. Programa electoral — Elecciones generales abril 2019 // PSOE [Электронный ресурс]. URL: <https://www.psoe.es/media-content/2019/04/PSOE-programa-electoral-elecciones-generales-28-de-abril-de-2019.pdf> (дата обращения: 25.09.2021).
19. Programa electoral — Elecciones generales noviembre 2019 // PSOE [Электронный ресурс]. URL: <https://www.psoe.es/media-content/2019/10/Ahora-progreso-programa-PSOE-10N-31102019.pdf> (дата обращения: 25.09.2021).
20. Un nuevo pacto territorial // PSOE [Электронный ресурс]. URL: <http://web.psoe.es/source-media/000000562000/000000562233.pdf> (дата обращения: 25.09.2021).
21. Sociometro Vasco 73. Junio 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://bideoak2.euskadi.eus/2021/06/09/news_69800/Sociometro.pdf (дата обращения: 25.09.2021).
22. Zurdo D. M. Un sueño americano. El Gobierno vasco en el exilio y los Estados Unidos (1937–1979): tesis doctoral. Navarra: Universidad del País Vasco-Euskal Herriko Unibertsitatea (UPV-EHU), 2015.

A. В. Баранов¹

ВЫБОРЫ В АВТОНОМНЫХ СООБЩЕСТВАХ ИСПАНИИ (2020–2021 ГГ.): ИЗМЕНЕНИЯ ПОВЕСТКИ ДНЯ И ПОДДЕРЖКИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

ELECTIONS IN THE AUTONOMOUS COMMUNITIES OF SPAIN (2020–2021): CHANGES IN THE AGENDA AND SUPPORT OF POLITICAL PARTIES

Resumen: Las elecciones de los órganos representativos de las comunidades autónomas: país Vasco, Galicia, Cataluña y Madrid (2020–2021) se caracterizaron por grandes cambios en la agenda y el apoyo de los partidos políticos. La seguridad, la salud, el nivel de vida y el empleo han pasado a primer plano entre las demandas de los votantes. Esto ha dado lugar a un aumento de la autoridad de los líderes regionales eficaces, pero al mismo tiempo ha aumentado los efectos del populismo. Las regiones comparadas son heterogéneas en cuanto a las tendencias de los cambios en el apoyo a los partidos. Cataluña y, en menor medida, Galicia, muestran el predominio del electorado y de los partidos izquierdistas. El país Vasco y en mayor medida Madrid, por el contrario, han dado un mayor apoyo al centroderecha. El estudio demuestra la tendencia creciente del populismo de izquierda y derecha, que refleja el descontento de la sociedad con la eliminación de fuerzas leales al orden político existente en el poder. La formación de nuevas organizaciones políticas de tipo de red, incluidas las regionalistas, centradas en el electorado de protesta, es evidente.

Palabras clave: elecciones; España; agenda; partidos políticos; cambio de ayudas; comunidades autónomas.

Abstract: The elections of the representative bodies of the autonomous communities: the Basque Country, Galicia, Catalonia and Madrid (2020–2021) were characterized by large-scale changes in the agenda and support for political parties. Issues of safety, health, preservation of living standards and employment came to the fore among the demands of voters. This led to an increase in the authority of effective regional leaders, but at the same time increased the effects of populism. The compared regions are heterogeneous in the trends of changes in party support. Catalonia and, to a lesser extent, Galicia demonstrate the field of the electorate and the slogans of the parties. The Basque country and, to the greatest extent, Madrid, on the contrary, provided increased support to the center-right. The study proves the trend of growth of left and right populism, which reflects the dissatisfaction of society with the existence of forces loyal to the existing political order in power. The formation of new network-type political organizations, including regionalist ones focused on the protest electorate, is likely.

Key words: elections; Spain; agenda; political parties; changes support; autonomous communities.

Тема актуальна, поскольку выборы в автономных сообществах Испании (2020–2021 гг.) характеризуются новыми тенденциями политического участия и повесткой дня дебатов, что привело к весомым изменениям поддержки политических партий и скажется на последующих общенациональных и европейских выборах. Региональные выборы в таких автономных сообществах, как Каталония, Страна Басков и Галисия, актуальны для

¹ **Баранов Андрей Владимирович**, Россия, доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и политического управления Кубанского государственного университета (baranovandrew@mail.ru).

осмысления потенциала и перспектив сепаратизма. Тема остается малоизученной в кросс-региональном аспекте.

Цель доклада — выявить изменения повестки дня и поддержки политических партий на региональных выборах в Испании (2020–2021 гг.). Выборка автономных сообществ включает в себя Страну Басков, Галисию, Каталонию и Мадрид, весомо влияющие на электоральные процессы общенационального уровня.

Повестка дня избирательной кампании означает совокупность общественных проблем и требований, лозунгов акторов политики, которая определяет преобладающую тематику дискуссий, в наибольшей мере влияет на исход голосования.

Теоретической основой исследования выбран социокультурный подход к электоральному поведению и активности политических партий в трактовке С. М. Липсета и С. Роккана². Предполагается, что в территориально неоднородных обществах исторически складываются социокультурные размежевания (между центром и периферией, богатыми и бедными, приверженцами различных идеологий, верующими и атеистами и др.), которые проявляются в различиях электоральной поддержки партий и лидеров. Размежевания выражены более отчетливо и радикально, если ряд разнотипных размежеваний совпадает территориально, взаимно усиливает друг друга. Данный теоретический подход подтвержден также в концепции протестного политического поведения Т. Р. Гарра³. В числе эмпирических методов мы применили вторичный анализ результатов анкетных опросов, а также картографирование итогов выборов.

Источниковая основа работы включает в себя материалы анкетных опросов, проведенных до и после выборов в автономных сообществах — Стране Басков, Галисии, Каталонии, Мадриде; опубликованные результаты выборов; предвыборные программы и заявления политических партий; материалы социально-экономической статистики; сообщения и комментарии в периодической печати за 2019–2021 гг.

Среди исследований упомянем статьи испанских политологов. Л. Кабеса и М. Скантиамбурло оценивают последствия одновременного проведения общенациональных и региональных выборов 2019 г. в Испании⁴. Территориальные различия в повестках дня избирательных кампаний 2019 г. выясняют П. К. Лопес-Лопес, П. Чаверо Рамирес и М. Перейра Лопес⁵. Упрочение пространственной неоднородности голосований и его связь с процессами в сфере региональной идентичности установили Д. Ромеро-Портильо и А. М. Руис Хименес⁶. Эффекты предпочтительного голосования в избирательных системах автономных сообществ определили К. Фернандес-Эскьер и Х. Сьерра-Родригес⁷. Взаимосвязь между языковым фактором, сепаратизмом и соперничеством партий раскрывают М. Санжауме-Кальвет и Э. Рьера-Хиль⁸.

² *Lipset S. M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: an Introduction / S. M. Lipset, S. Rokkan (eds.) // Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives. New York: Free Press, 1967. P. 1–64.*

³ *Gurr T. R. Why Men Rebel. New Jersey, Princeton University Press, 1970.*

⁴ *Cabeza L., Scantamburlo M. Dual Voting and Second-Order Effects in the Quasi-Simultaneous 2019 Spanish Regional and National Elections // Revista Española de Ciencia Política. Madrid, 2021. No. 55. P. 13–35. DOI: <https://doi.org/10.21308/recp.55.01>*

⁵ *López-López P. C., Chavero Ramírez P., Pereira López M. Las Agendas Territoriales Españolas: Análisis Temático de los Debates en las Elecciones Autonómicas del Año 2019 // Revista Latina de Comunicación Social. La Laguna, 2020. No. 76. P. 163–188. <https://www.doi.org/10.4185/RLCS-2020-1442>*

⁶ *Romero-Portillo D., Ruiz Jiménez A. M. La Consolidación Electoral del Desequilibrio Territorial e Identitario en España (2008–2019) // RIPS: Revista de investigaciones políticas y sociológicas. Santiago de Compostela, 2020. No. 19:2. P. 9–44. <https://doi.org/10.15304/rips.19.2.6075>*

⁷ *Fernández-Esquer C., Sierra-Rodríguez J. El Voto Preferencial en las Comunidades Autonomas: Propuestas y Condicionantes Jurídicos // Revista d'Estudis Autònoms i Federals — Journal of Self-Government. Barcelona, 2019. No. 29. P. 51–100. DOI: [10.2436/20.8080.01.34](https://doi.org/10.2436/20.8080.01.34)*

⁸ *Sanjaume-Calvet M., Riera-Gil E. Languages, Secessionism and Party Competition in Catalonia: A Case of De-Ethnicising Outbidding? // Party Politics. London, 2020. Vol. XX (X). P. 1–20. DOI: [10.1177/1354068820960382](https://doi.org/10.1177/1354068820960382)*

Российская школа исследований темы представлена новейшими работами С. М. Хенкина о каталонском кризисе⁹, В. Л. Верникова о парламентских выборах 2021 г. в Каталонии¹⁰, П. П. Яковлева о влиянии пандемии коронавируса на политические процессы в Испании¹¹, А. А. Куракиной-Дамир об электоральном поведении жителей регионов страны¹², Е. П. Мармиловой об электоральных процессах на общенациональном и региональном уровнях¹³. Но партийная система и электоральные предпочтения автономных сообществ меняются столь быстро и сильно, что ряд аспектов темы (влияние коммуникаций в онлайн-пространстве на голосование, «эффект домино» в протестном голосовании, социальная база поддержки партий) остается малоизученным.

Автономные сообщества Испании имеют избирательные системы, регулируемые Конституцией страны, и действующей редакцией 2018 г. Органического закона об общей избирательной системе. Выборы депутатов представительного органа проводятся не реже, чем раз в 4 года, по пропорциональной системе в многомандатных округах, с закрытыми партийными списками. Календарь парламентских выборов свой в каждом регионе, что политически сильно влияет на распределение голосов между партиями и коалициями. Каждое автономное сообщество устанавливает свой заградительный барьер на выборах, за исключением Валенсианского сообщества, где барьер не применяется. Голоса всюду перераспределяются по формуле д'Ондта. Значительное влияние на исход выборов оказывает «предложение» на электоральном рынке — состав партий и коалиций, что особенно зримо проявляется в Каталонии, Стране Басков и Галисии. Так, в Эускади региональные политические силы получили на выборах 2020 г. 53 из 75 депутатских мест (70,7 %) ¹⁴, в Каталонии на выборах 2021 г. — 82 из 135 мандатов (60,7 %) ¹⁵, в Галисии в 2020 г. — 19 из 75 мест (25,3 %) ¹⁶. Таким образом, в Стране Басков и Галисии налицо региональные партийные системы, значительно отличающиеся по составу акторов от общеиспанской. Существующие «правила игры» критикуются исследователями, отмечающими неравномерное территориальное распределение мандатов между округами и диспропорциональность представительства партий, вызванную применением закрытых партийных списков и низким заградительным барьером. А. Пенадес и С. Сантиусте отмечают завышенное представительство малонаселенных избирательных округов и заниженное — густонаселенных, что дает чрезмерное преимущество самым влиятельным партиям (ИСРП и Народной партии) ¹⁷. К. Фернандес-Эскьер и Х. Сьерра-Родригес предлагают реформу Статутов автономных сообществ для перехода к открытым партийным спискам и выравнивания численности избирателей по округам ¹⁸. Д. Ромеро-Портильо и

⁹ Хенкин С. Каталонский конфликт: национальное и международное измерения // Актуальные проблемы Европы. М., 2020. № 2. С. 94–121.

¹⁰ Верников В. Выборы в Каталонии — тест для правительства в Мадриде // Аналитические записки Института Европы РАН. М., 2021. № 3(233). С. 1–5. DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics32021>

¹¹ Яковлев П. Эффект COVID-19: Испания перед вызовами коронакризиса // Перспективы. Электронный журнал. М., 2020. № 2(22). С. 22–37. DOI 10.32726/2411-3417-2020-2-22-37

¹² Куракина-Дамир А. Испания: избирательный процесс в условиях фрагментации парламента // Латинская Америка. 2020. № 4. С. 32–45. DOI 10.31857/S0044748X0008705-4

¹³ Мармилова Е. Об итогах электорального цикла-2019 и порядке проведения выборов в Королевстве Испания // Электоральная политика. 2019. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://electoralpolitics.org/ru/articles/ob-itogakh-ekonomalnogo-tsikla-2019-i-poriadke-provedeniia-vyborov-v-korolevstve-ispaiia/> (дата обращения: 01.10.2021).

¹⁴ El PNV Gana Ampliamente, EH Bildu Logra una Gran Subida y Vox Entra en el Parlamento [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eitb.eus/es/elecciones/autonomicas-vascas/> (дата обращения: 01.10.2021).

¹⁵ La Participació a les Eleccions al Parlament del 14-F al Final de la Jornada és del 53,56 %, amb el 98 % Escrutat [Электронный ресурс]. URL: https://exteriors.gencat.cat/ca/detalls/noticia/not_210214_rdp_resultats_provisionals (дата обращения: 01.10.2021).

¹⁶ Elecciones en Galicia [Электронный ресурс]. URL: <https://resultados.elpais.com/elecciones/2020/autonomicas/11/index.html> (дата обращения: 01.10.2021).

¹⁷ Penades A., Santiuste S. La Desigualdad en el Sistema Electoral Español y el Premio a la Localización // Revista Española de Ciencia Política. Madrid, 2013. No. 32. P. 89–116.

¹⁸ Fernández-Esquer, Sierra-Rodríguez, op. cit., p. 51–52, 93–95.

А. М. Руис Хименес полагают, что кризис двухпартийной системы и ее перерастание в систему умеренного плюрализма в 2010-х гг. привели к поляризации партий по оси «унитаризм — сецессионизм», и это особенно заметно проявляется в Стране Басков и Каталонии¹⁹.

Повестка дня региональных выборов значительно изменилась за 2020–2021 гг. Центр социологических исследований в выпуске «Барометра» за декабрь 2019 г. (пропорциональная выборка 4804 чел.) отмечал, что испанцы считают действия политических партий второй по значению проблемой страны (49,5 % ответов, на первом месте безработица: 57,4 % ответов, на третьем — экономические проблемы: 30,5 %, на четвертом — коррупция и мошенничество: 20,7 %; независимость Каталонии — только на восьмом месте, 11,8 % ответов)²⁰. Проявляли интерес к политике только 38,9 %, а 30 % участвовали в общественных объединениях. Нечеткие политические ориентации избирателей. Считали себя социалистами 13,4 %, консерваторами — 13,1 %, прогрессистами — 12,6 %, либералами — 9,9 %, социал-демократами — 5,5 % респондентов. В совокупности 24,7 % опрошенных отказались указать идейные предпочтения или не сумели их выразить²¹.

Аналогичный опрос Центра социологических исследований, проведенный в сентябре 2021 г. (пропорциональная общенациональная выборка 3780 чел., телефонный опрос лиц старше 18 лет, погрешность 1,6 %), показывает совсем иную иерархию общественных проблем в восприятии граждан. На первом месте безработица (41,3 % ответов), на втором — экономический кризис (35,5 %), на третьем — угроза жизни и здоровью вследствие пандемии коронавируса (24,7 %). На пятом месте — общеполитические проблемы (18,1 %), на шестом — плохое поведение политиков (13,9 %) и только на одиннадцатом — партии (6,0 %). Проблемы статуты автономных сообществ и независимости Каталонии считают важными соответственно 2,7 % и 1,9 % опрошенных. Повышенный балл оценки эффективности получили либо руководители органов государственной власти (П. Санчес), либо представители правых сил (Народной партии, «Граждан» и «Вокс»)²². В условиях пандемии базовые ценности (жизнь, здоровье, доходы, безопасность) стали преобладать над иными (демократия, права человека). Но на материалах различных автономных сообществ эти тенденции проявляются с неравной силой. Сравнимые регионы относятся к высокоразвитым. Уровень безработицы во втором триместре 2021 г. составил, по данным сайта www.Datamacro.com, от 10,0 % в Стране Басков до 12,4 % в Галисии (в среднем по Испании — 14,0 %)²³.

Все партии активно использовали в предвыборных заявлениях тему противостояния пандемии, обеспечения безопасности граждан. Но правящей левоцентристской коалиции пришлось отвечать за действия органов власти и качество медицинских услуг, тогда как оппозиция могла свободно критиковать власть. На уровне регионов возросла роль эффективной, ответственной политики сильных лидеров, каковым признается председатель правительства Мадрида И. Диас Айюсо.

Выборы в Стране Басков (июль 2020 г.) состоялись при довольно низкой явке (50,8 %), которая упала в сравнении с предыдущей региональной кампанией 2016 г. и общенациональными выборами 2019 г.²⁴. 42 % опрошенных социологическим центром

¹⁹ *Romero-Portillo, Ruiz Jiménez*, op. cit., p. 33–34.

²⁰ Estudio No. 3269. Barómetro de Diciembre 2019. Postelectoral Elecciones Generales 2019 // CIS. Madrid, 2020. P. 3 [Электронный ресурс]. URL: http://www.cis.es/cis/export/sites/default/-Archivos/Marginales/3260_3279/3269/es3269mar.pdf (дата обращения: 01.10.2021).

²¹ *Ibid.*, p. 5.

²² Barómetro de Septiembre 2021. Avance de Resultados. Estudio No. 3334. Madrid, 2021. P. 41 [Электронный ресурс]. URL: http://datos.cis.es/pdf/Es3334marMT_A.pdf (дата обращения: 01.10.2021).

²³ Economía de las comunidades autónomas [Электронный ресурс]. URL: <https://datosmacro.expansion.com/ccaa/> (дата обращения: 01.10.2021).

²⁴ Elecciones País Vasco [Электронный ресурс]. URL: <https://resultados.elpais.com/elecciones/2020/autonomicas/14/> (дата обращения: 01.10.2021).

правительства региона в июле 2020 г. считали политическую ситуацию хорошей или очень хорошей, а 13 % — плохой или очень плохой. Электорат получал знания о выборах, прежде всего, из программ по телевидению (57 %), из Интернета и социальных сетей (45 %), из газет (38 %). Наиболее устойчивы в предпочтениях избиратели Баскской националистической партии (65 % из них поддерживают партию постоянно) и сторонники левоцентристской коалиции «Бильду» (59 % постоянных сторонников) в сравнении с 45 % всех опрошенных. Электорат данных двух сил проявил наибольшую уверенность в своих предпочтениях (72 % и 70 %) ²⁵. В итоге выборов в июле 2020 г. БНП получила 39,1 % голосов, «Бильду» — 27,9 %, ИСРП — 13,7 %, «Подemos» в коалиции с региональными левыми — 8,1 %, коалиция Народной партии и «Граждан» — 6,8 %, «Вокс» — 2,0 % ²⁶. Это означает рост влияния БНП и «Бильду» на фоне ослабления правоцентристов и «Подemos».

Синхронная кампания в Галисии (12 июля 2020 г.) состоялась при явке 48,0 %. Высокий заградительный барьер (5 %) усиливает региональные тенденции к трехпартийной системе, что проявлялось и раньше. В итоге правящая в сообществе Народная партия во главе с премьер-министром Галисии А. Нуньесом Фейжоо стала победителем с 48,0 %. Галисийский националистический блок (BNG) проиграл, набрав 23,8 %. Заградительный барьер также преодолела Социалистическая партия Галисии (19,4 %). В итоге выборов продолжилось ослабление в регионе «Подemos» (3,9 %) и «Граждан» (2,1 %), многие сторонники которых вернулись к поддержке соответственно ИСРП и НП ²⁷. Однако в последующие 14 месяцев BNG напористо стремится вернуть свое влияние. 6 сентября 2021 г. лидер националистов А. Понтон объявила о «великом политическом наступлении» одновременно на трех уровнях — в регионе, Испании и Евросоюзе. Цель кампании, по словам А. Понтон, — обеспечение законных интересов Галисии. Это потребует нарастить государственные услуги в сфере здравоохранения, экологии, образования и поддержки промышленности, отказаться от неолиберальных мер регионального правительства, в особенности — снизить тарифы на электроэнергию. Националисты выразили готовность сотрудничать с ИСРП и «Подemos» ²⁸.

Выборы депутатов Парламента Каталонии (февраль 2021 г.) проходили в условиях жестких санитарных ограничений. Это привело к снижению явки с 82,0 % (2017 г.) до 53,6 %. Относительным победителем стала Партия социалистов Каталонии — региональное отделение ИСРП (23,0 %). Несколько меньше набрали «Левые республиканцы Каталонии» — 21,4 % и «Вместе за Каталонию» — 20,1 % (для них это меньший успех, чем в 2017 г.). Новой тенденцией стал рост влияния правонационалистической партии «Вокс» (7,7 %) и леворадикальной «Кандидатуры народного единства» (6,7 %) в сравнении с 4,5 % в 2017 г. Поражение потерпели «Граждане», сократившие свое влияние с 25,4 % до 5,6 % и «Подemos», получившая 6,9 % голосов. Только благодаря низкому заградительному барьеру (3 %) сохранила представительство Народная партия (3,8 %) ²⁹. Подтвердились отмеченные два года назад тренды «полевения» каталонского электората, явление «дрейфа» избирателей

²⁵ Comportamiento EN Elecciones Autonómicas 2020 (Julio de 2020). Nota de Prensa [Электронный ресурс]. URL: https://bideoak2.euskadi.eus/2020/07/17/news_62701/20TEF5_notaprensa.pdf (дата обращения: 01.10.2021).

²⁶ Elecciones País Vasco [Электронный ресурс]. URL: <https://resultados.elpais.com/elecciones/2020/autonomicas/14/> (дата обращения: 01.10.2021).

²⁷ Elecciones en Galicia [Электронный ресурс]. URL: <https://resultados.elpais.com/elecciones/2020/autonomicas/11/index.html> (дата обращения: 01.10.2021); Rostoll P. País Vasco y Galicia. Hay Mucho en Juego, Más de lo que Parece, en el Resultado de los Comicios de Este Fin de Semana [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elperiodico.com/es/politica/20200710/cinco-claves-elecciones-pais-vasco-galicia-8035060> (дата обращения: 01.10.2021).

²⁸ Pontón (BNG) Anuncia una “Gran Ofensiva Política” para Hacer Valer los Intereses de Galicia en Todas las Instituciones [Электронный ресурс]. URL: <https://www.europapress.es/eseuropa/noticia-ponton-bng-anuncia-gran-ofensiva-politica-hacer-valer-intereses-galicia-todas-instituciones-20210906145506.html> (дата обращения: 01.10.2021).

²⁹ La Participació a les Eleccions al Parlament del 14-F al Final de la Jornada és del 53,56%, amb el 98% Escrutat; Eleccions al Parlament de Catalunya — 21 de Desembre de 2017 // Diari Oficial de la Generalitat de Catalunya. Barcelona, 2018. No. 7534A. 12 de enero. P. 1–8.

в рамках левоцентристской, правоцентристской и националистической «партийных семей» от одной партии к другой³⁰.

Для Каталонии характерен рост сегментации и неустойчивости партийной системы. Сохраняется поддержка сепессионистских сил, но сторонники государственного единства имеют почти такую же поддержку на всех выборах (47–48 %). Баланс сохраняется последние десять лет, провоцируя радикализацию партийного соперничества. Анкетный опрос, проведенный Центром социологических исследований Женералитата, подтвердил одобрение проекта независимого государства 34,2 % респондентов, а проекта федерализации Испании — 25,6 %; статус автономного сообщества одобряют 28,1 %³¹. В наибольшей мере сепессию поддерживают горные комарки, а не полиэтничные Барселона и Таррагона.

Выборы Ассамблеи Мадрида, проведенные в мае 2021 г., оказали значительное влияние на партийную систему страны и общую повестку дня идейной конкуренции. Явка на выборы повысилась в сравнении с 2019 г. — с 64,3 % до 71,7 %. Если на предыдущих выборах победила ИСРП, то теперь — Народная партия, причем с мощным отрывом от соперников. НП получила 44,8 % голосов, левоцентристская «Больше Мадрида» — 17,0 %, ИСРП — 16,8 %, «Вокс» — 9,2 %, «Подemos — Объединенные левые» — 7,2 % и «Граждане» — 3,6 % (последние ввиду 5 % заградительного барьера не получили мест в Ассамблее)³². Итак, впервые новая левоцентристская сила опередила ИСРП, а «Подemos» потерпела поражение, что привело к уходу ее лидера П. Иглесиаса из большой политики. Сравнение предвыборных программ показывает, что Народная партия активно заимствует у левых лозунги повышения качества медицинских услуг, образования, защиты молодежи и семьи, надеясь на государственно-частное партнерство. ИСРП, «Подemos» и «Больше Мадрида» обещали повысить пособия малоимущим слоям общества, создать новые рабочие места и повысить численность бюджетных мест для студентов. Все партии призывали ускорить вакцинацию от коронавирусной инфекции и сделать ее более доступной. Почти не выросло влияние праворадикалов — партии «Вокс». Отметим полный провал «Граждан» (спад влияния с 19,5 % до 3,6 %)³³. Прослеживается неравномерность поддержки партий в зависимости от уровня жизни в городских районах и социальной стратификации³⁴.

Подведем итоги. Выборы представительных органов автономных сообществ: Страны Басков, Галисии, Каталонии и Мадрида (2020–2021 гг.) характеризовались масштабными изменениями повестки дня и поддержки политических партий. На первый план среди требований избирателей вышли вопросы безопасности, здоровья, сохранения уровня жизни и занятости. Это привело к росту авторитета эффективных региональных лидеров, но и усилило эффекты популизма. Сравнимые регионы неоднородны по тенденциям изменений поддержки партий. Каталония и, в меньшей степени, Галисия демонстрируют «полевание» электората и лозунгов партий. Страна Басков и, в наибольшей мере, Мадрид, напротив, оказали повышенную поддержку правоцентристам. Исследование доказывает рост левого и правого популизма, что отражает недовольство общества чередованием у власти сил, лояльных существующему политическому порядку. Вероятно образование

³⁰ Enquesta sobre context polític a Catalunya. 2021 Dossier de premsa. Barcelona, 2021. P. 31–33.

³¹ Ibid., p. 52.

³² 4M. Resultados Definitivos. Datos [Электронный ресурс]. URL: <https://resultados2021.comunidad.madrid/Resultados/Comunidad-Madrid/0/es> (дата обращения: 01.10.2021).

³³ Programas Electorales de las Elecciones en Madrid: Esto Es lo que Plantean los Partidos [Электронный ресурс]. URL: <https://elpais.com/espana/elecciones-madrid/2021-05-04/programas-electorales-de-las-elecciones-en-madrid-esto-es-lo-que-plantean-los-partidos-para-el-4-m.html> (дата обращения: 01.10.2021).

³⁴ Andrino B., Grasso D., Sevillano Pires L., Llaneras K. Los Resultados de las Elecciones en Madrid, Calle a Calle: la Participación no Ayuda a la Izquierda y la Derecha Sube También en los Barrios Pobres [Электронный ресурс]. URL: <https://elpais.com/espana/elecciones-madrid/2021-05-05/los-resultados-de-las-elecciones-en-madrid-calle-a-calle-la-participacion-no-ayuda-a-la-izquierda-y-la-derecha-sube-tambien-en-los-barrios-pobres.html?rel=mas> (дата обращения: 01.10.2021).

новых политических организаций сетевого типа, в том числе регионалистских, ориентированных на протестный электорат.

Библиография

1. Estudio No. 3269. Barómetro de Diciembre 2019. Postelectoral Elecciones Generales 2019 // CIS. Madrid, 2020 [Электронный ресурс]. URL: http://www.cis.es/cis/export/sites/default/-Archivos/Marginales/3260_3279/3269/es3269mar.pdf (дата обращения: 01.10.2021).
2. Barómetro de Septiembre 2021. Avance de Resultados. Estudio No. 3334. Madrid, 2021. P. 41 [Электронный ресурс]. URL: http://datos.cis.es/pdf/Es3334marMT_A.pdf (дата обращения: 01.10.2021).
3. Economía de las comunidades autónomas [Электронный ресурс]. URL: <https://datosmacro.expansion.com/ccaa/> (дата обращения: 01.10.2021).
4. Elecciones País Vasco [Электронный ресурс]. URL: <https://resultados.elpais.com/elecciones/2020/autonomicas/14/> (дата обращения: 01.10.2021).
5. Comportamiento EN Elecciones Autonómicas 2020 (Julio de 2020). Nota de Prensa [Электронный ресурс]. URL: https://bideoak2.euskadi.eus/2020/07/17/news_62701/20TEF5_notaprensa.pdf (дата обращения: 01.10.2021).
6. Elecciones País Vasco. Elecciones en Galicia [Электронный ресурс]. URL: <https://resultados.elpais.com/elecciones/2020/autonomicas/11/index.html> (дата обращения: 01.10.2021).
7. *Rostoll P.* País Vasco y Galicia. Hay Mucho en Juego, Más de lo que Parece, en el Resultado de los Comicios de Este Fin de Semana [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elperiodico.com/es/politica/20200710/cinco-claves-elecciones-pais-vasco-galicia-8035060> (дата обращения: 01.10.2021).
8. Pontón (BNG) Anuncia una “Gran Ofensiva Política” para Hacer Valer los Intereses de Galicia en Todas las Instituciones [Электронный ресурс]. URL: <https://www.europapress.es/eseuropa/noticia-ponton-bng-anuncia-gran-ofensiva-politica-hacer-valer-intereses-galicia-todas-instituciones-20210906145506.html> (дата обращения: 01.10.2021).
9. La Participació a les Eleccions al Parlament del 14-F al Final de la Jornada és del 53,56 %, amb el 98 % Escrutat; Eleccions al Parlament de Catalunya — 21 de Desembre de 2017 // Diari Oficial de la Generalitat de Catalunya. Barcelona, 2018. No. 7534A. 12 de enero. P. 1–8.
10. Enquesta sobre context polític a Catalunya. 2021 Dossier de premsa. Barcelona, 2021. P. 31–33.

Е. О. Муслимова¹

РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ОСТРОВНЫХ ТЕРРИТОРИЙ ИСПАНИИ И ПОРТУГАЛИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОНЦЕПЦИИ УЛЬТРАПЕРИФЕРИЙНОСТИ

REGIONAL DEVELOPMENT OF THE ISLAND TERRITORIES OF SPAIN AND PORTUGAL THROUGH THE PRISM OF THE CONCEPT OF ULTRAPERIPHERY

Resumen: El regionalismo de los territorios insulares en la ciencia moderna se está estudiando de forma bastante activa, pero no implica la complejidad y la naturaleza multifactorial del análisis. El espacio territorial de España y Portugal incluye varias regiones insulares: estos son los archipiélagos Baleares, Canarias, Azores y la isla de Madeira. La falta de conocimiento sistémico sobre los factores de desarrollo de los territorios insulares en el contexto de los procesos generales de integración va en contra de las necesidades y posibilidades de la política regional. Estas circunstancias determinan la relevancia del tema de investigación y dictan la necesidad de un estudio detenido de estas regiones. El tema del informe se distingue por una nueva perspectiva de investigación: la aplicación del concepto de ultraperiferia, lo que presenta importantes oportunidades para comprender el estado de los territorios insulares y generar nuevos conceptos de desarrollo espacial y territorial. El objetivo principal de la investigación es interpretar y fundamentar la influencia del factor ultraperiférica (entre otros factores) en la configuración y modelos de desarrollo regional de los territorios insulares de España y Portugal.

Palabras clave: ultraperiferia; regiones ultraperiféricas; territorios insulares; Baleares; Canarias; Azores; Madeira; desarrollo regional.

Abstract: The regionalism of the island territories in modern science is actively studied but does not imply the complexity and multifactorial nature of the analysis. The territorial space of Spain and Portugal includes several island regions: the Balearic and Canary Islands; Azores and Madeira. Lack of systemic knowledge about the factors of development of the island territories in the context of general integration processes goes against the needs and possibilities of regional policy. These circumstances determine the relevance of the research topic and dictate the need for a close study of these regions. The topic of the report is distinguished by a new research perspective — the application of the concept of ultraperipherality, it presents significant opportunities for understanding the status of island territories and generating new concepts of spatial and territorial development. The main goal of the study is to interpret and substantiate the influence of the ultraperipherality factor (among other factors) on the configuration and models of regional development of the island territories of Spain and Portugal.

Key words: ultraperipherality; ultraperipheral regions; island territories; Balearic islands; Canary Islands; Azores; Madeira; regional development.

Поэтапное расширение Европейского союза (ЕС) неоднократно изменяло региональную архитектуру Сообщества. До вступления в ЕС стран Восточной и Юго-

¹ **Муслимова Екатерина Олеговна**, Россия, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и мировой политики, Тюменский государственный университет (e.o.muslimova@utmn.ru).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-32153.

Восточной Европы Испания и Португалия наряду с Грецией и Ирландией составляли число основных реципиентов структурной помощи ЕС, считаясь периферийными странами Союза. Испанские и португальские регионы, в частности, островные территории, получали значительную поддержку в рамках Целей региональной политики ЕС по развитию отстающих и отраслевых промышленных территорий. После расширения Европейского союза 2004, 2007, 2013 гг. к Сообществу присоединились менее благополучные в социально-экономическом плане территории, что потребовало пересмотра общеевропейской региональной политики. Увеличение числа континентальных регионов, требующих большей структурной поддержки, сместило испанские и португальские острова на ультрапериферийный план европейского конструкта — их географическая удаленность, изолированность, особенности отношений с национальным и европейским центром обусловили новые реалии территориального развития.

С другой стороны, в официальной классификации ЕС существует особая категория «отдаленных регионов» (*outermost regions*). К ним, помимо Канарских, Азорских островов и Мадейры, относятся французские острова и архипелаги — Гваделупа, Мартиника, Майотта, Реюньон, Сен-Мартен, а также Французская Гвиана. Данные регионы объединены не только по принципу географической удаленности, но и ресурсной и стратегической ценностью, которую они представляют для ЕС. Особый статус отдаленных регионов закреплен не только нормативно (Ст. 349 Договора о функционировании Европейского союза вводит необходимость применения специальных мер в отношении данных территорий²), но и институционально — отдельная межпартийная группа Европейского парламента состоит из девяти представителей отдаленных регионов.

Регионализм островных территорий в современной науке исследуется достаточно активно. Так, С. Trujillano, М. Font и J. Jorba вводят следующие признаки ультрапериферийности: географическая удаленность, изолированность (расположение в океаническом пространстве, отсутствие прямой коммуникации с соседними регионами), фрагментированность, ограниченность территории. Данные факторы обусловили, с одной стороны, колонизацию островных территорий, с другой стороны, жесткую отраслевую специализацию и экономическую зависимость от континентального центра³. С. D. Wehbe Herrera указывает на ряд особенных черт, которые идентифицирует подобные регионы и одновременно обособляет их от других территорий, основными из которых являются принадлежность к *extra-Community* и нормативное признание территории ультрапериферийной через договоры ЕС и специальные программы, например, Programme of Specific Options due to the Distance and Isolation of the Canary Islands (POSEICAN, Программа специальных мер в связи с удаленностью и изолированностью Канарских островов), Programme of Specific Options due to the Distance and Isolation of Madeira and Azores (POSEIMA, Программа специальных мер в связи с удаленностью и изолированностью Мадейры и Азорских островов).

Однако имеющиеся исследования ультрапериферийных регионов не предполагают комплексности и многофакторности анализа ультрапериферийности как особого статуса региона. Так, к ультрапериферийным регионам ЕС причисляют только океанические архипелаги, в то время как особенностью Балеарских островов, а также Корсики, Сардинии, Сицилии является их «средиземноморская замкнутость» в пространстве, где происходят активные политические события, повышающие экономические, социальные, демографические риски данных регионов и ослабляющие их безопасность.

Как уже было сказано, ультрапериферийные регионы значительно отличаются в плане регионального развития от континентальных регионов. В ЕС островные территории

² Consolidated Version of The Treaty on the Functioning of The European Union. Part seven. General and final provisions. Article 349 // Official Journal of the European Union. C 326/1 [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A12012E349> (дата обращения: 15.09.2021).

³ Trujillano C., Font M., Jorba J. The Ultrapерipheral Regions of the European Union: Indicators for the Characterisation of Ultrapерipheralit. Barcelona: Mcrit, 2005. P. 10–11.

получают существенную поддержку в рамках региональной политики. В течение последних десятилетий сформировалось специальное направление политики в отношении ультрапериферийных регионов, в частности, островных территорий Испании и Португалии — они получают различные типы финансовой помощи (через структурные фонды ЕС и Фонд Сплочения), специальные субсидии (например, в сфере транспортной инфраструктуры) и налоговые льготы (к примеру, свободные порты) для компенсации диспаритета в условиях развития острова или архипелага. Кроме того, три специализированные программы ЕС направлены на развитие островных территорий: INTERREG (проект «Азорские острова — Мадейра — Канарские острова»), «Юго-Западная Европа» (Португалия, Испания, Франция, до 2021 г. — Великобритания) и «Атлантическое пространство» (Португалия, Испания, Франция, Ирландия, до 2021 г. — Великобритания). Кроме того, специальную политику в отношении островных территорий реализуют национальные правительства.

Указанные обстоятельства обуславливают актуальность исследования ультрапериферийных территорий и диктуют необходимость пристального изучения данных регионов. Концепция ультрапериферийности предоставляет значительные возможности для осмысления статуса островных территорий и генерации новых концепций пространственно-территориального развития.

Библиография

1. Consolidated Version of The Treaty on the Functioning of The European Union. Part seven. General and final provisions. Article 349 // Official Journal of the European Union. C 326/1 [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A12012E349> (дата обращения: 15.09.2021).
2. *Trujillano C., Font M., Jorba J.* The Ultraperipheral Regions of the European Union: Indicators for the Characterisation of Ultraperipherality. Barcelona: Mcrit, 2005.

А. Н. Кожановский¹

НОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ЭТИКА ПРОТИВ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ ИСПАНСКОГО КАРНАВАЛА)

NUEVA ÉTICA SOCIAL CONTRA LA CULTURA POPULAR (POR EJEMPLO DEL CARNAVAL ESPAÑOL)

Аннотация: Большое значение в испанской общественно-культурной жизни всегда придавалось традиционному карнавалу как своего рода социально-психологическому «предохранительному клапану», периодически дающему выход накапливающейся в обществе напряженности. Его суть как воплощения протестного начала, отменяющего привычные нормы бытия и возмущающего общественное спокойствие, сохранялась неизменной при всех властных ограничениях и запретах — кроме многолетнего периода франкистской диктатуры, когда он в своем прежнем качестве был фактически уничтожен, а предложенная населению под иным названием замена представляла собой выхолащенный и лишенный своего главного смысла и содержания суррогат. Демонтаж авторитарного режима во второй половине 1970-х гг. привел к немедленному возрождению карнавала в его исходной ипостаси — нарушителя общественных норм и приличий, хотя в условиях немислимых в прежние эпохи испанской истории гражданских и политических прав и свобод эта традиционная роль во многом трансформировалась в эпатаж, сознательное провоцирование скандальной реакции с целью обретения как можно более широкой известности и ее последующей «капитализации». Однако в последние десятилетия на фоне форсированного утверждения в стране ценностей новой, «политкорректной» этики былой «праздник непослушания» парадоксальным образом превратился в объект критики со стороны влиятельной части испанского общества как бастион консерватизма, сексизма, мачизма и т. д. Эти люди требуют радикальных изменений в структуре и проведении карнавала, чему противится другая часть граждан. Данное противоборство служит характерным проявлением глубинного ценностного конфликта, разделяющего население Испании.

Ключевые слова: испанский карнавал; традиция; протест; запреты; политкорректность.

Resumen: En la vida sociocultural española siempre se ha dado gran importancia al carnaval tradicional, como una especie de “válvula de seguridad” socio-psicológica, que periódicamente da salida a las tensiones que se acumulan en la sociedad. Su esencia como la encarnación del espíritu de protesta, que anula las normas habituales de ser y perturba la tranquilidad pública, se mantuvo sin cambios con todas las restricciones y prohibiciones de poder — exepcto el período de muchos años de la dictadura franquista, cuando esta fiesta popular fue efectivamente destruida en su capacidad anterior, y su reemplazo, propuesto a la población, bajo un nombre diferente, era un sustituto agotado y carente de su principal significado y contenido. El desmantelamiento del régimen autoritario en la segunda mitad de la década de 1970 llevó a un renacimiento inmediato del carnaval en su forma original — como violador de normas sociales y reglas del decoro — aunque en el contexto de los derechos y libertades civiles y políticos impensables en épocas anteriores de la historia española, su papel tradicional se ha transformado, en gran medida, en un deseo consciente de provocar una reacción escandalosa para obtener la mayor notoriedad posible y su posterior “capitalización”. Sin embargo, en las últimas décadas, en el contexto de la afirmación forzada en el país de los valores de

¹ Кожановский Александр Николаевич, Россия, этнолог, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (ankozhan49@yandex.ru). Исследование проводилось в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН.

una ética nueva, “políticamente correcta”, la antigua “fiesta de la desobediencia” se ha convertido paradójicamente en objeto de críticas por parte de una parte influyente de la sociedad española como bastión del conservadurismo, del sexismo, del machismo, etc. Esta gente exige un cambio radical en la estructura y la celebración del carnaval, a lo que se opone otra parte de los ciudadanos. Esta confrontación es una manifestación característica de un profundo conflicto de valores en el entorno de la población española.

Palabras clave: carnaval español; tradición; protesta; prohibiciones; corrección política.

Zаметное место, которое в испанской общественно-культурной жизни издавна принадлежало традиционному ежегодному карнавалу, в его многочисленных и красочных локальных разновидностях, во многом объясняется столь же традиционно исполнявшейся им ролью своего рода социально-психологического «предохранительного клапана», периодически дающего выход накапливающейся в обществе напряженности. Движимые неосознанной потребностью разорвать — хотя бы на короткий срок и в символической форме — оковы привычного порядка вещей, включавшего множество запретов, ограничений, обязательств и т. д., зачастую тягостных и обременительных, участники карнавального веселья радостно погружались в стихию нарушения повседневных и считавшихся единственно приличными правил и норм поведения, позволяли себе наряжаться и вести себя совершенно неподобающим в обычной жизни образом, и более того — смеяться, а то и глумиться над тем, что в обычное время не полагалось или даже запрещалось критиковать. При этом нарушители принятых правил и норм были убеждены, что в контексте карнавала их действия и поведение вполне правомерны, древний народный обычай требует такого всеохватного «переворачивания вверх дном» и оправдывает его — тем более, что по окончании праздника все возвращается на круги своя. Однако светские и церковные власти вкупе с «благонамеренной» частью общества (преимущественно из высших социальных слоев) на протяжении большей части истории страны относились к карнавалу настороженно или резко отрицательно, видя в нем элементы и тенденции, провоцирующие протестные настроения, возмущающие общественное спокойствие и подрывающие нравственные устои. Соответственно, они постоянно стремились запретить карнавал или хотя бы максимально его ограничить.

Уже Карл Первый в 1523 г. запретил участникам карнавала ношение масок². В дальнейшем этот запрет неоднократно повторялся, что говорит как об упорном нежелании участников праздника отказываться от возможности оставаться неузнанными в разгар веселья, так и о настойчивости властей в стремлении этого не допускать. Ведь маски, скрывающие лица, а тем более маскарадные костюмы позволяют безнаказанно совершать действия, которые в запретительных постановлениях иногда назывались «дурными обычаями». В их числе — обсыпание людей мукой или порошком талька, обливание водой из окон и с балконов, проникновение без спроса в чужие дома, взрывание петард в толпе и другие проделки, причиняющие вред окружающим. Участникам карнавальных процессий пытались запретить шум, крики, сквернословие, приставания к зрителям и прохожим и т. д.

Решительно пресекалось высмеивание в ходе карнавала властных институтов, действий и решений административных органов, переодевание в одежду государственных служащих, в военную форму, облачение в маскарадные костюмы, «оскорбляющие те классы населения, которые достойны всеобщего уважения и высокая миссия которых должна быть предметом всяческого почитания»³. Многократно подчеркивалась недопустимость каких

² Ramos Santana A., Fernández Tirado J. M. El carnaval y el poder: una muestra de contestación popular a las restricciones a una letrilla de 1828 // Trocadero. Revista de historia moderna y contemporánea. 1991. No. 3. P. 77–84 [Электронный ресурс]. URL: <https://rodin.uca.es/xmlui/bitstream/handle/10498/9218/1721712x.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 28.01.2021).

³ Barceló Calatayud A. El tipo como instrumento de censura // Actas XX Congreso del Carnaval “Diversión, prohibición y libertad en la fiesta de febrero”. Cádiz, 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/40906252/Actas_XX_Congreso_del_Carnaval_Diversión_prohibición_y_libertad_en_la_fiesta_de_febrero_ (дата обращения: 28.01.2021).

бы то ни было посягательств на священный авторитет католической доктрины и положительный образ Церкви, будь то в словесной или песенной форме или в виде каких-то шутовских акций — например, переодевания в одежду священников и монахов, пародирования религиозных церемоний, церковной атрибутики и пр.⁴. Настойчиво воспроизводился запрет мужчинам одеваться как женщины, а женщинам как мужчины.

Что же касается наказаний для нарушителей предписанных властями правил поведения во время карнавала, то это могли быть, в зависимости от обстоятельств, задержание, изгнание с праздника, штраф, отдавание под суд с последующим тюремным заключением. Но, конечно же, чтобы наказать этих людей, прежде требовалось их идентифицировать, отсюда столь настойчивая борьба с маскарадной атрибутикой, обеспечивающей инкогнито.

Действительно, неизменной частью карнавала была публичная критика, часто переходящая в высмеивание, той социально-ценностной иерархии, которая доминировала в обществе и которую полагалось уважать в обычные дни, а также шуточные, а то и глумливые комментарии к наиболее известным и обсуждаемым событиям местной жизни. Музыкально-песенно-маскарадные «карнавальные группы», по-разному называвшиеся в разных районах страны (компарса, мурга, чиригота, коро мусикаль, куадрилья и т. д.), исполняли на улицах и площадях сочиненные к празднику куплеты, в которых звучали прямые или завуалированные насмешки над теми или иными почитаемыми канонами, высокими учреждениями, важными персонами и пр. Соответственно, с течением времени настороженное внимание властных инстанций все больше сосредоточивалось на содержании текстов этих песнопений. С конца XIX века стала внедряться предварительная цензура куплетов, предназначенных для исполнения на карнавале, для последующего одобрения или отказа в выступлении. Тогда же от карнавальных групп стали требовать предварительного описания подготовленных ими нарядов для праздника, в которых они намерены были появиться перед публикой во время праздника, а затем и вовсе стал практиковаться непосредственный визуальный контроль претендентов накануне начала торжеств. Несоблюдение условий выданного разрешения влекло за собой неизбежную кару⁵.

Каждый год надзирающие органы отсеивали и не допускали к публичным выступлениям какие-то компарсы, в том числе «за неподобающие наряды», причем это происходило даже в 1935 г., в период Второй республики, пришедшей на смену авторитарно-монархическому режиму и доминированию клерикализма. В начале 1950-х гг., т. е. уже при Франко, исполнители, намеревавшиеся развлекать публику переодеванием в женское платье, были отвергнуты контролирующими инстанциями на том основании, что самодеятельные артисты таким образом «задевают чувства собравшихся». Последний запрет такого рода зафиксирован в 1968 г.⁶

Усмирению карнавальной стихии и обузданию порождаемого ею вольномыслия помимо прямых запретов способствовали, с одной стороны, постепенное приучение к зависимости от финансовой и организационной поддержки со стороны администрации, которая таким образом получала контроль над ним, а с другой, неуклонно нараставшая коммерциализация праздника, оттеснявшая протестные и бунтарские элементы карнавала на второй план в пользу более зрелищных, ярких, развлекательных, пышных и изощренных⁷. И все же для очень многих слишком важной оставалась возможность хотя бы раз в году посмеяться над тем, чему в другие дни приходилось подчиняться или оказывать формальное уважение, на краткий миг ощутить себя свободным от повседневных норм и обязательств. В целом, характер отношений между карнавалом как масштабным и

⁴ Ramos Santana, Fernández Tirado, op. cit.

⁵ Barceló Calatayud, op. cit.

⁶ Idem.

⁷ Wood G. H. Res. de: Ramos Santana A. El carnaval secuestrado o historia del carnaval. Cádiz, 2003 // Hispania Nova. Revista de historia contemporánea. 2004. No. 4. P. 184–186 [Электронный ресурс]. URL: <http://hispanianova.rediris.es/4/recensiones/4r01.htm> (дата обращения: 28.01.2021).

значимым традиционным социально-культурным явлением испанской народной жизни, с одной стороны, и администрацией разных уровней, с другой, оценивается некоторыми комментаторами как борьба этого праздника, едва ли не на всем протяжении его существования, за выживание⁸ или — что по сути то же самое — за сохранение своего неповторимого облика, которого его упорно пытались лишить все это время.

Поистине губительным для карнавала стал его запрет франкистской администрацией, сохранявшийся на протяжении четырех десятилетий, со второй половины 1930-х гг. до второй половины 1970-х гг. Первоначально, в разгар гражданской войны, его объяснили неуместностью публичного веселья «ввиду тех жертв, которые нам приходится приносить», когда все внимание должно быть обращено на «наших братьев, которые отстаивают честь Испании и сражаются на фронте за ее спасение». В запретительном указе ничего не говорилось ни о недопустимости попрания религии, ни о необходимости поддержания социальных и моральных норм, но подспудно было очевидно, что праздник со столь высокой долей языческого содержания и «переворачиванием» установленных правил мало сочетается с духом «крестового похода» и утверждением «правильного» общественного порядка, воодушевлявшим тех, кто восстал против республики и в поддержку Католической церкви, всегда настороженно относившейся к развлечениям такого рода⁹.

Франкисты воспринимали карнавал как источник и резерв потенциально враждебной для них политической силы. В захваченных ими городах и селениях многие организаторы карнаваловых представлений, авторы и исполнители сатирических и вольнодумных куплетов заплатили за свою смелость свободой, а иногда — жизнью. А по завершении гражданской войны от местных администраций потребовали обеспечить в дальнейшем невозможность проведения этого праздника и сурово наказывать ослушников¹⁰. Запрещению подверглось и само слово «карнавал».

И действительно, во многих местах с карнаваловой традицией за несколько десятилетий запрета удалось покончить — она полностью угасла¹¹. В других же случаях, там, где обычаем проведения карнавала имел особенно глубокие корни и население не мыслило жизни без него — как это было в Кадисе, на Канарских островах и в ряде иных мест, события развивались иначе. Есть свидетельства того, что кое-где местные жители даже в скорые на расправу с непокорными 1940-е годы пытались скрытно отмечать любимый праздник, хотя в новых условиях попытки сохранить дух и сущность того, что для многих людей и было собственно карнавалом, т. е. продолжать наряжаться в маскарадные костюмы и исполнять сатирические куплеты, стали смертельно опасными¹². Власти проводили специальные рейды по отлову участников запрещенного праздника.

Гораздо чаще желающие поддержать карнавальную традицию не шли на прямую конфронтацию с враждебным ей государством, а прибегали ко всякого рода уловкам и хитростям, в которых им нередко подыгрывали местные начальники, понимающие чувства своих земляков, оставленных без привычной забавы — например, разрешая провести вместо запрещенного карнавала якобы не имеющие к нему никакого отношения массовые народные гуляния, непременно под другим названием и, конечно же, под жесточайшим цензурным и полицейским контролем, призванным не допустить появления на улицах

⁸ Ramos Santana, Fernández Tirado, op. cit.; Wood, op. cit.

⁹ Montagut E. La prohibición del Carnaval con el franquismo // El Salto. 09.02.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elsaltodiario.com/nueva-revolucion/la-prohibicion-del-carnaval-con-el-franquismo> (дата обращения: 28.01.2021).

¹⁰ Sacaluga Rodríguez I. El carnaval de Cádiz durante la dictadura franquista: las Fiestas Típicas // Researchgate. 25.09.2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/322979047_EL_CARNAVAL_DE_CADIZ_DURANTE_LA_DICTADURA_FRANQUISTA_LAS_FIESTAS_TIPICAS (дата обращения: 28.01.2021).

¹¹ Moreno Tello S. Introducción // Actas XX Congreso del Carnaval “Diversión, prohibición y libertad en la fiesta de febrero”. Cadiz, 2018.

¹² López A. Cuando en España se seguía celebrando el carnaval a pesar de la prohibición franquista. 03.02.2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://alfredlopez.tumblr.com/post/138601768345/cuando-en-españa-se-seguía-celebrando-el-carnaval> (дата обращения: 28.01.2021).

города никаких явных примет опального торжества, прежде всего масок, карнавальных костюмов, пения вольнодумных или легкомысленных куплетов¹³. Где-то их называли «Зимними праздниками», где-то — «Фольклорными», «Традиционными» и т. д., где-то даже переносили с зимы на лето. Но главное — в них теперь не должно было присутствовать ни тени крамолы. Более того, в стремлении любой ценой сохранить то, что еще оставалось от прежнего карнавала, его энтузиасты исполняли — на прежние карнавальные мелодии и в соответствующих традиции размерах и формах — новые тексты в поддержку правящего режима, с прославлением его побед, героев и лидеров, прежде всего генералиссимуса Франко¹⁴, а в сценарий народных гуляний включали такие элементы, которых никогда не было и быть не могло в настоящем карнавале: какой-нибудь религиозный обряд с богослужениями и ритуальным подношением даров или даже военный парад¹⁵. Зато предупредительно изымалось все, что с точки зрения доминирующих слоев общества воплощало дурной вкус, похотливость, тягу к непристойностям (особенно отвращал здесь травестизм, т. е. переодевание в одежду противоположного пола)¹⁶. Как отражение стремления понравиться власть имущим, здесь появились «королева праздника» и ее «фрейлины» — в этих ролях оказывались по преимуществу представительницы наиболее знатных и богатых родов, близких к действующей власти. Регламент праздника обогатился целым церемониалом «великосветского» характера, совершенно чуждым по духу и смыслу прежнему карнавалу (роскошный ужин, пышный бал, торжественное подношение цветов святым покровителям города и т. д.). Вся эта пестрая эклектика, по мнению многих, не имела ничего общего с прежним карнавалом как «праздником непослушания».

Многим казалось, что возврата к прошлому в этом смысле не может быть ни при каких обстоятельствах — настолько изменилась жизнь в стране за те сорок лет, что прошли с гражданской войны. Между тем эпохальные политико-идеологические трансформации, которые начались в Испании почти сразу после кончины в ноябре 1975 г. диктатора Франко, очень скоро отозвались и на ситуации с праздниками, поскольку оказалось, что карнавальная традиция, приговоренная прежним режимом, на самом деле отнюдь не умерла и, более того, заявляет о себе вполне соответствующим ее природе образом. Летом 1976 г. в г. Кадисе прошел последний праздник по навязанной франкистскими властями выхолощенной суррогатной модели, а уже в следующем году, с упрочением либерально-демократических порядков, он вернул себе прежнее название — «карнавал» и прежние даты традиционного проведения: его впервые после долговременной «летней ссылки» отметили, как и положено, в феврале, с участием ряда «карнавальных групп», которым раньше этого не позволяли, без цензурных политических фильтров и с той маскарадной атрибутикой, которая ранее была запрещена. И главное — эта стремительная «реставрация» шла «снизу», со стороны местного населения, которое, как оказалось, все это время помнило о когда-то отнятой у него и очень дорогой ему традиции и немедленно потребовало вернуть ее, как только за такой призыв перестало грозить наказание. В демонстративной, шутовской и даже глумливой форме люди как бы отводили душу за долгие десятилетия вынужденного подчинения запретам на критику и пародирование церковной обрядности и действий светской администрации. Было отброшено и еще одно знаковое ограничение: первую премию по итогам кадисского карнавала 1978 г. получил персонаж, представлявший собой мужчину, переодетого женщиной¹⁷.

¹³ Rozas Y. La historia prohibida del Carnaval y sus personajes // Diario de Avisos. 08.03.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://diariodeavisos.elespanol.com/2019/03/la-historia-prohibida-del-carnaval-y-sus-personajes-con-diario-de-avisos/> (дата обращения: 28.01.2021).

¹⁴ Sacaluga Rodríguez, op. cit.

¹⁵ López, op. cit.

¹⁶ Rodríguez Becerra S. El Carnaval y lo carnavalesco en las fiestas en Andalucía // V Congreso del Carnaval. Actas. Cádiz, 1992. P. 9–21 [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/profile/Salvador_Rodriguez-Becerra/publication/308660852_El_Carnaval_y_lo_carnavalesco_en_las_fiestas_en_Andalucia/links/57ea688108aed3a3e08a89f0/El-Carnaval-y-lo-carnavalesco-en-las-fiestas-en-Andalucia.pdf (дата обращения: 28.01.2021).

¹⁷ Barceló Calatayud, op. cit.

Большим успехом у публики вновь стали пользоваться песни и куплеты, содержание которых отражало животрепещущие проблемы и заботы местного населения, причем без всяких недоговоренностей и эвфемизмов. Именно карнавал (в данном случае все тот же кадисский) стал местом, где впервые в стране на тот момент (1978 г.) в публично пропетом куплете прозвучала открытая критика в адрес короля, не выполнившего данное им ранее обещание местным жителям, — без всяких последствий для дерзких исполнителей¹⁸. Что же касается шутовского обыгрывания сюжетов на религиозные и церковные темы во время карнавала, то оно с той поры неоднократно становилось причиной конфликтов между организаторами и исполнителями, с одной стороны, и представителями Церкви и частью верующих — с другой. Казалось бы, это полностью соответствовало вековой традиции карнавального «переворачивания вверх дном», в том числе и в сакральной сфере, — но теперь это происходило в обществе, отделившем Церковь от государства и переживающем интенсивную секуляризацию, массовый отход от следования церковным предписаниям, утрату католической религией огромного в прошлом влияния на сознание, ценностные представления и повседневное поведение испанцев, и потому ход и исход таких конфликтов были совершенно иными в сравнении с тем, как они развивались и чем завершались в прежние времена. Как правило, протесты против «глумления», «кошунства» и «открытого неуважения» по отношению к религии, Церкви и ее служителям трактуются в СМИ как реакция консервативно настроенной части общества на проявления в ходе праздника антиклерикальных мотивов, а административными и судебными инстанциями они отвергаются со ссылкой на особый, специфический контекст карнавала¹⁹.

Попытки предъявлять организаторам и участникам испанского карнавала в наши дни обвинения в провокациях политического характера, в том, что они нарушают в этой сфере какие-то общепринятые табу, также, насколько можно судить, заканчиваются ничем. Таким образом, восстановленный после периода диктатуры испанский карнавал в определенной степени вновь начал играть одну из своих исконных ролей — «нарушителя существующих в обществе норм и приличий». Правда, в условиях сегодняшнего дня пространство для реализации этой роли значительно сузилось в связи с немислимим прежде расширением границ разрешенного в области публичного самовыражения, а сама она во многом трансформировалась в эпатаж, сознательное провоцирование скандальной реакции с целью обретения как можно более широкой известности и ее последующей «капитализации».

Новая угроза для карнавала в его традиционном формате обозначилась с довольно неожиданной стороны. Ее причиной стало форсированное утверждение в пределах

значительной части ойкумены, включая и Испанию, ценностей, норм и постулатов так называемой политкорректности (иногда в этом же смысле говорят о леволиберальной идеологии). В увеличивающей свое влияние парадигме карнавал предстает не как «нарушитель», «ниспровергатель» или даже «provokator, покушающийся на признанные устои», а, напротив, как бастион «консервативности» и «реакционной патриархальности», требующий немедленной и радикальной «перестройки» в соответствии с «правильными» принципами и установками. При этом сторонники «прогрессивных перемен» настроены весьма решительно и обладают серьезными возможностями для того, чтобы настоять на своих требованиях.

Их претензии к карнавалу начала XXI в. в его нынешнем виде касаются прежде всего тех его элементов, которые они считают проявлениями так называемого «мачизма» и

¹⁸ *García García J.* Crítica y resistencia desde las coplas. Las agrupaciones del Carnaval de Cádiz contra el poder en tiempos de la Transición // Actas XX Congreso del Carnaval “Diversión, prohibición y libertad en la fiesta de febrero”. Cádiz, 2018.

¹⁹ *Álamo S.* La jueza archiva el caso contra Drag Sethlas al considerar que su actuación no tuvo carácter ofensivo // elDiario.es. 18.12.2017 [Электронный ресурс]. URL: https://www.eldiario.es/canariasahora/tribunales/drag-sethlass-considerar-actuacion-caracter_1_2995494.html (дата обращения: 29.01.2021).

«сексизма» (мужского шовинизма, превосходства мужчин над женщинами, дискриминации женщин по признаку пола и т. д.), сохраняющегося неравноправия женщин по отношению к мужчинам практически во всех аспектах карнавальной активности. Действительно, женщине в подготовке и проведении этого праздника до недавних пор традиция отводила преимущественно пассивную роль, а самое большое, на что она могла рассчитывать — быть коронованной в качестве «нимфы» или «богини» карнавала, т. е. опять же в образе, отражающем «мачистские» представления и идеалы. Петь, музицировать, сочинять мелодии и тексты куплетов, разыгрывать уличные сцены, маршировать в процессиях и т. д. полагалось мужчинам²⁰. Известно, что когда на карнавале в Кадисе в 1980-е гг. появилась первая женская чиригота со своими куплетами, это стало шоком для всех присутствующих. Однако направление было задано, и в 2010-е гг. женские карнавальные группы уже активно участвовали в празднике, что только поощрило к дальнейшей борьбе местных феминисток, считающих, что «в настоящее время карнавал продолжает оставаться мачистским»²¹. Пока что, правда, женщин почти нет среди авторов музыки и песенных текстов, но и здесь с мужской монополией уже покончено, а общий ход событий и атмосфера в сегодняшнем испанском обществе не оставляют никаких сомнений в том, как дело пойдет дальше.

Целью «Объединения женщин — участниц кадисского карнавала», как говорится в их манифесте, является разрушение стереотипа относительно роли женщины в этом празднике и обеспечение их полноценного и равного участия во всех многочисленных видах деятельности, связанных с карнавалом, а также в органах и инстанциях, принимающих решения²². На некоторые из карнавальных мероприятий, воплощающих собой возмутительный «сексизм» и «мачизм» с точки зрения проводников прогрессивной морали, ведется настоящее наступление. Например, по мнению этих людей выборы «детской королевы праздника» в ходе карнавала в г. Санта-Крус-де-Тенерифе (Канарские острова) должны быть заменены «праздниками детства», организованными с участием членов ЛГБТ-сообщества, феминисток, активистов различных организаций, социальных педагогов, деятелей искусства, занимающихся вопросами равенства, «в целях воспитания детей в более справедливых, более эгалитарных, более современных ценностях, связанных со сферой детских развлечений»²³.

Неменьшее отторжение вызывают взрослые конкурсы красоты кадисского карнавала, «превращающие женщину в декоративную фигуру и подводящие материальную и символическую основу под ее дискриминацию»²⁴.

Примечательно, что долгое время, уже в условиях демократии, в обществе существовало своего рода табу на выражение каких-либо претензий к карнавалу, тем более что он воспринимался в ореоле гонений и запретов эпохи диктатуры. Но прошли годы, идеологическая атмосфера изменилась, и вот органы местной власти (аюнтамьенто), где превалируют борцы против «мачизма», «гендерной дискриминации», «патриархальных ценностей» и т. д., начинают принимать официальные решения о том, что те акции в рамках карнавала, которые воспроизводят и закрепляют в сознании людей вредоносную традицию — те же кадисские «конкурсы красоты» — будут лишены финансово-

²⁰ La mujer en el Carnaval de Cádiz // Educando en igualdad. 17.02.2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://igualdadiescastillodefatar.wordpress.com/2012/02/17/la-mujer-en-el-carnaval-de-cadiz/> (дата обращения: 28.01.2021).

²¹ La mujer en el Carnaval. Mesa redonda // Actas XX Congreso del Carnaval “Diversión, prohibición y libertad en la fiesta de febrero”. Cádiz, 2018.

²² García T. Las mujeres del Carnaval se organizan para reclamar su espacio // Diario de Cádiz. 22.06.2019 [Электронный ресурс]. URL: https://www.diariodecadiz.es/diario_del_carnaval/Colectivo-Mujeres-Carnaval-Cadiz_0_1366063851.html (дата обращения: 28.01.2021).

²³ Podemos logra acuerdo insular en su defensa de las galas infantiles no sexistas // Mociónteca. 03.02.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://podemoscabildotenerife.com/2017/02/03/podemos-logra-acuerdo-en-la-defensa-de-las-galas-infantiles-no-sexistas-2/> (дата обращения: 29.01.2021).

²⁴ El Carnaval de Cádiz “entra” en el siglo XXI: adiós a las ninfas // DBC. 02.01.2017 [Электронный ресурс]. URL: www.diariobahiadecadiz.com/noticias/cadiz/el-carnde-cadiz-entra-en-el-siglo-xxi-adios-las-ninfas/?fbclid=IwAR0vz5p4W9ncSq-7vdEu8kbOtti0-0TtLZV5d5Dci0Yja803qLVj-pFdlVs (дата обращения: 28.01.2021).

организационной поддержки администрации, что в реальности крайне затрудняет их проведение, а то и вовсе делает невозможными²⁵.

Некоторые современные испанские публицисты, вспоминая времена диктатуры, когда авторы и исполнители запрещенных карнавальных куплетов могли рассчитывать в дни праздника только на тайные концерты в какой-нибудь надежной таверне, перед слушателями, которым можно доверять, указывают, что в наши дни, конечно, необходимости скрываться больше нет, зато появилась вынужденная самоцензура, по сути загоняющая карнавальных сочинителей и певцов в подполье. «Неужели наиболее колкие куплеты останутся только для исполнения в среде доверенных лиц?»²⁶ — задаются вопросом испанцы, обеспокоенные тем, что «извращенная цензура» политкорректности, как они считают, безжалостно подавляет творческое воображение и свободу самовыражения²⁷.

В силу своего яркого своеобразия «карнавальная сфера» жизни современного испанского общества отлично иллюстрирует те глубокие и радикальные культурно-идеологические изменения, которые происходят в стране в последние десятилетия, а их последствия с течением времени не становятся яснее.

Библиография

1. *Álamo S.* La jueza archiva el caso contra Drag Sethlas al considerar que su actuación no tuvo carácter ofensivo // *elDiario.es*. 18.12.2017 [Электронный ресурс]. URL: https://www.eldiario.es/canariasahora/tribunales/drag-sethlass-considerar-actuacion-caracter_1_2995494.html (дата обращения: 29.01.2021).
2. *La mujer en el Carnaval de Cádiz* // *Educando en igualdad*. 17.02.2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://igualdadiescastillodefatar.wordpress.com/2012/02/17/la-mujer-en-el-carnaval-de-cadiz/> (дата обращения: 28.01.2021).
3. *La mujer en el Carnaval. Mesa redonda* // *Actas XX Congreso del Carnaval “Diversión, prohibición y libertad en la fiesta de febrero”*. Cádiz, 2018.
4. *García T.* Las mujeres del Carnaval se organizan para reclamar su espacio // *Diario de Cádiz*. 22.06.2019 [Электронный ресурс]. URL: https://www.diariodecadiz.es/diario_del_carnaval/Colectivo-Mujeres-Carnaval-Cadiz_0_1366063851.html (дата обращения: 28.01.2021).
5. *Podemos logra acuerdo insular en su defensa de las galas infantiles no sexistas* // *Mociónteca*. 03.02.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://podemoscabildotenerife.com/2017/02/03/podemos-logra-acuerdo-en-la-defensa-de-las-galas-infantiles-no-sexistas-2/> (дата обращения: 29.01.2021).
6. *El Carnaval de Cádiz “entra” en el siglo XXI: adiós a las ninfas* // *DBC*. 02.01.2017 [Электронный ресурс]. URL: www.diariobahiadecadiz.com/noticias/cadiz/el-carnde-cadiz-entra-en-el-siglo-xxi-adios-las-ninfas/?fbclid=IwAR0vz5p4W9ncSq-7vdEu8kbOtti0-0TtLZV5d5Dci0Yja803qLVj-rFdIVs (дата обращения: 28.01.2021).
7. *Serrano Cueto J. M.* De cuando a Franco le dio por ejecutar a unos chirigoteros // *Público*. 23.01.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://blogs.publico.es/strambotic/2018/01/franco-ejecuto-chirigoteros/> (дата обращения: 29.01.2021).

²⁵ *Idem.*

²⁶ *Serrano Cueto J. M.* De cuando a Franco le dio por ejecutar a unos chirigoteros // *Público*. 23.01.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://blogs.publico.es/strambotic/2018/01/franco-ejecuto-chirigoteros/> (дата обращения: 29.01.2021).

²⁷ *Ventoso L.* El virus de la corrección política corroe la libertad de expression // *ABC*. 11.07.2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www.abc.es/cultura/cultural/abci-virus-correccion-politica-corroe-libertad-expresion-201812020129_noticia.html?ref=https:%2F%2Fwww.google.ru%2F (дата обращения: 28.01.2021).

Г. И. Кутырев¹

ИСПАНИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

SPAIN DURING THE COVID-19 PANDEMIC: CHALLENGES AND SOLUTIONS

Аннотация: В статье на основе новых источников анализируются стратегия и тактика администрации Педро Санчеса в рамках урегулирования кризиса, вызванного пандемией COVID-19. Проблема рассматривается как частный пример выработки лидером ИСПП механизмов борьбы с чрезвычайной ситуацией в условиях эрозии международных правил и институтов, стремления к максимальной суверенизации государств как результата закрытия границ. Автор оценивает степень готовности системы здравоохранения Испании к началу пандемии, выделяя как общеевропейские проблемы (рост числа пожилых пациентов; рост хронических неинфекционных заболеваний; рост затрат на систему здравоохранения), так и специфические, характерные конкретно для данной страны. При анализе действий администрации Педро Санчеса в условиях пандемии особое внимание также уделяется партийной системе, которая переживает новую трансформацию (от несовершенной двухпартийной системы к системе умеренного плюрализма), и росту так называемых «фейк-ньюз» как непосредственного спутника пандемии COVID-19, которые во многом повлияли на реакцию испанцев на решения премьер-министра.

Ключевые слова: Испания; COVID-19; пандемия; инфодемия; ВОЗ; Иберийский полуостров; Европейский союз; политические партии.

Abstract: Based on new sources, this article analyzes strategy and tactics of Pedro Sanchez administration in the framework of resolving COVID-19 pandemic crisis. The problem considered as a particular example of the PSOE leader developing mechanisms for dealing with an emergency situation in the context of the erosion of international rules and institutions, an impulse to maximize the sovereignty of states as a result of the closure of borders. Author analyzes the Spanish health care system lack of preparedness and its slow and delayed response to the pandemic, highlighting both common European problems (the growth of elderly patients; the growth of chronic noncommunicable diseases; the growth of costs for the health care system), and specific problems. When analyzing action of Pedro Sanchez administration in the context of COVID-19 pandemic, special attention is also paid to the party system, which is undergoing a new transformation (from an imperfect two-party system to moderate pluralism) and the growth of so-called “fake news” as a direct companion of the COVID-19 pandemic, which largely influenced the reaction of the Spaniards to the decisions of prime minister.

Key words: Spain; COVID-19; pandemic; infodemic; WHO; Iberian peninsula; European Union; political parties.

Пандемия коронавируса (вирус SARS-CoV-2, COVID-19, 2019-nCoV), которая, согласно китайскому офису Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), начала свое распространение из Уханя не позднее декабря 2019 г., прочно заняла свое место в плеяде вызовов как глобальной безопасности в частности, так и всему миропорядку в целом. Данные процессы получили весьма бурную научную рефлексию со стороны как западных,

¹ Кутырев Георгий Игоревич, Россия, кандидат политических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (gkutyrev@hse.ru).

так и отечественных ученых. На момент написания данной статьи (март — апрель 2021 г.) мировое сообщество уже успело пережить две мощные волны пандемии (март — июнь 2020 г., октябрь — декабрь 2020 г.), а общее количество заболевших в мире, согласно статистике Университета Джонса Хопкинса (Johns Hopkins University), превысило 164 млн человек. В конце декабря 2020 г. в некоторых странах стали говорить о третьей коронавирусной волне. В апреле 2021 г., согласно статистике данного университета, число жертв коронавируса в мире превысило 3 млн человек.

В настоящее время существует несколько теоретических объяснений возникновения COVID-19. Наиболее обоснованных две. Так, ВОЗ предполагает, что коронавирус SARS-CoV-2 имеет животное происхождение. По мнению сторонников этой гипотезы, источником вируса стал один из «мокрых рынков» («wet markets») города Ухань, на котором торговали также и дикими животными. Вторая теория включает промежуточных животных. Эколог некоммерческой организации EcoHealth Alliance Питер Дасзак считает, что летучая мышь могла заразить домашний скот, и потом уже зараженное мясо попало на рынки г. Ухань.

В условиях чрезвычайного положения государства были вынуждены принимать решения, которые существенно ограничивают права и свободы граждан. Карантин, ставший вынужденным решением для большинства стран, сокрушительным образом сказался на мировой экономике. Международный валютный фонд (МВФ) спрогнозировал «снижение роста мировой экономики до –3 процентов в 2020 г.». На нижней точке падения в феврале — марте 2020 г. биржевые индексы «Dow Jones» и «FTSE» снизились на 33–35 %. В наибольшей степени от кризиса пострадали туризм, авиационная отрасль и розничная торговля (за исключением товаров повседневного пользования).

Первой задачей, с которой столкнулась мировая общественность при пандемии, стала нехватка лабораторных мощностей для проведения тестирования на COVID-19. Поэтому еще в середине марта 2020 г., в начале первой волны, ВОЗ «отправила почти 1,5 миллиона наборов для тестирования в 120 стран» и призвала расширять тестирование.

Параллельно с разработкой тестов активно проводились испытания препаратов против коронавируса. Согласно сведениям журнала «Nature», уже в апреле 2020 г. по всему миру в разработке ряда фармакологических компаний (например, Moderna, Pfizer, Johnson & Johnson, GlaxoSmithKline) и исследовательских групп при университетах находилось более 90 вакцин против SARS-CoV-2. Исследователи испытывали различные технологии, некоторые из которых ранее не использовались в лицензионных вакцинах. Наибольшее внимание в разработке вакцины против нового заболевания уделялось следующим типам вакцин: живым, индекативным, векторным и ДНК- или мРНК-вакцинам.

С первых дней начала массовых вакцинаций в обществе неоднократно поднимались вопросы о безопасности вакцин и побочных эффектах от них, которые могут быть «серьезными и неожиданными», а также общий скепсис к процессу вакцинации вообще. На крайних позициях относительно вакцинации в частности и каких-либо карантинных методов против пандемии вообще стоят так называемые «ковид-диссиденты» (корона-диссиденты, коронавирусные диссиденты) — люди, отрицающие существование вируса и/или его разрушительных последствий. Между тем вопрос о вакцинации является крайне важным для победы над болезнью. От того, насколько население готово сделать прививку от коронавируса, зависит скорость получения группового иммунитета. При плохом сценарии «может сложиться ситуация, когда будет доступна вакцина в необходимом количестве, а прививаться будут единицы, тем самым не будет достигнут уровень необходимой иммунной прослойки, чтобы справиться с пандемией», и мир будет продолжать лихорадить от новых волн COVID-19.

Что касается ситуации в мире, то в некоторых странах (Италия, Франция, Испания) сначала наметился существенный прогресс в борьбе с эпидемией, в то время как в других (Бразилия, Аргентина, Перу) эпидемия достигла чудовищных масштабов. Однако как только власти начали ослаблять режим карантина (июнь — июль 2020 г.) и жители начали возвращаться к обычной жизни, осенью 2020 г. начались новые вспышки заболеваний

SARS-CoV-2, ознаменовав начало второй волны. В декабре 2020 г. в Великобритании появились сообщения о новом штамме коронавируса — VUI 202012/01, который предположительно более заразен (контагиозен) «и отличается большим числом мутаций от другой ближайшей группы штаммов». Согласно информации Минздрава РФ, «исследования свойств VUI 202012/01 продолжаются. Однако к настоящему времени не сообщалось о более тяжелом течении или более высокой летальности при инфекции, вызванной новым вариантом». Появление нового штамма в декабре 2020 г. обозначило третью волну пандемии.

В исследовании мы очертим некоторые тенденции борьбы с пандемией внутри Испании, проанализировать, какие политические решения для противостояния коронакризису были приняты администрацией Педро Санчеса, которая находится у власти с 2018 г., а также попытаемся оценить их успешность.

Тенденции развития системы здравоохранения в ЕС

Прежде всего следует сказать о некоторых общих проблемах для системы здравоохранения Европейского союза, куда с 12 июня 1985 г. входит Испанское королевство. Первая очевидная проблема — рост количества пожилых пациентов (65+). Она является следствием общего, неизбежного и объективного процесса старения населения Земли. Как замечает в своей монографии Ю. А. Зеликова, «то, что население Земли стареет, демографы, социологи и другие социальные ученые заметили давно. Для описания процесса старения в демографии появилось понятие „демографическая осень“, которым описывается состояние населения, где количество детей и стариков примерно одинаково и неизменно».

Вторая проблема — отсутствие во многих странах ЕС общенациональной политики в отношении хронических неинфекционных заболеваний (НИЗ), куда согласно ВОЗ включаются «сердечно-сосудистые заболевания, сахарный диабет, онкологические заболевания и хронические заболевания органов дыхания». У европейских стран отсутствует согласованность между техническими программами по борьбе с НИЗ на международном уровне.

Третья проблема — рост затрат на систему здравоохранения, а также рост численности врачей и нагрузки на них. Так, по сведениям новостной платформы «INDVSTRVS», «рост затрат на здравоохранение (5 %) превысил среднюю инфляцию в Европе, которая составляла 2,54 процента в 2016 г. и 2 процента в первой половине 2017 г.». Данный тезис также подтверждается докладом Целевой группы ЕС в сфере eHealth: «здравоохранение — постоянно растущая составляющая государственных финансов, растущая до 9 % ВВП, составляет от 6 % до 15 % ВВП государственных расходов в большинстве стран — членов ЕС. Эти затраты обусловлены демографическими изменениями, резким увеличением условий, связанных с нездоровым образом жизни, дорогими новыми технологиями».

Эпидемиологическая ситуация и действия властей

Согласно данным Национального министерства здравоохранения и социальной политики, первый случай коронавирусной инфекции в Испании был подтвержден у гражданина Германии 31 января 2020 г. на острове Гомера (Канарские острова). Второй случай заболевания был зафиксирован 9 февраля 2020 г., когда гражданин Великобритании получил положительный результат теста на коронавирус на Майорке. 24 февраля 2020 г., согласно заявлению Совета по здравоохранению правительства Канарских островов (Servicio Canario de la Salud. Gobierno de Canarias), положительный результат на коронавирус показали анализы гражданина Италии, прибывшего на остров Тенерифе. Еще 4 случая были зафиксированы 25 февраля 2020 г.: в Мадриде (2), Кастельоне (1) и Барселоне (1).

К 13 марта 2020 г. случаи инфицирования были зарегистрированы уже во всех 50 провинциях Испанского королевства. Согласно данным Университета Джонса Хопкинса, Испания на сегодняшний день (апрель 2021 г.) занимает девятое место в мире, с самыми высокими показателями в Европе. Если к началу мая 2020 г. был зафиксирован спад заражений, то с июля 2020 г., когда открылся новый туристический сезон, в Испании вновь начала ухудшаться эпидемиологическая ситуация, что позволило некоторым экспертам заявить о начале второй волны эпидемии.

По состоянию на 27 апреля 2021 г. зарегистрировано 3 488 469 случаев заражения, а 77 855 человек стали жертвами пандемии. Согласно подсчетам К. А. Холодина, «в Испании статистически значимая положительная избыточная смертность в 2020 году имела место с 12-й по 19-ю неделю, т. е. с 16 марта по 10 мая. Своего максимума избыточная смертность достигла в 14-ю неделю. В сравнении с трендовой смертностью она составила 38 %». После начала пандемии ослабленное в результате недавних расколов правительство П. Санчеса «медлило с решительными действиями, видимо, опасаясь растерять поддержку». Реакция последовала только 14 марта, когда было введено «состояние угрозы».

Помимо слабости коалиционного правительства П. Санчеса, вызванной политическими столкновениями ИСРП и «Унидос-Подемос», очевидное влияние на промедление действий властей по отношению к COVID-19 оказала региональная раздробленность системы здравоохранения. В каждой из 17 автономий «свои правила, своя бюрократия, свой бюджет, а порой и свой язык, отличающийся от испанского. Закупками того же инвентаря ведают полторы дюжины региональных минздравов, которые не имели налаженного механизма координации».

Еще одной причиной, в результате которой было упущено время, и страна оказалась в тисках коронавирусной инфекции, стали испанские государственные медиа, которые не принимали всерьез вирус, который бушевал в Китае и Италии. Вот что, например, пишет авторитетная газета «El Mundo» от 12 февраля 2020 г.: «Испания продолжает оставаться регионом с низким уровнем риска заражения коронавирусом, и в настоящее время нет никаких доказательств того, что необходимо изменить меры, которые были приняты с начала эпидемии». Ей вторит газета «El Pais»: «Смертность от коронавируса является относительно низкой, между 2 % и 3 %, и это ниже, чем в Китае <...> Мы видим, что больницы были переполнены тысячами больных людей. Испанская система здравоохранения в большей степени готова справиться с тем, что может случиться». Ложное чувство безопасности вкупе с крайней недоверчивостью рядовых испанцев к официальным СМИ стало еще одним ударом по уровню готовности Испании к пандемии.

В дальнейшем рост недоверия испанцев к институтам власти и официальным источникам информации вызвал появление широкого движения «ковид-диссидентов». Так, например, их активные «антимасочные» и «антипрививочные» выступления можно было наблюдать в августе и сентябре в Мадриде, Барселоне, Бургосе, Бильбао, Сарагосе, Сантандере. Безусловно, не только это выводило тысячи испанцев на улицы, но и постоянная имплементация и отмена антикоронавирусных ограничений, а также тот факт, что государственные дотации не охватывают всех нуждающихся, и тысячи людей остаются без работы и средств к существованию.

Повышение уровня безработицы и стагнация экономики стали ожидаемыми результатами мотивированного эпидемией кризиса в Европе. Для Испании, 74,2 % ВВП которой обеспечивается за счет сектора услуг, в частности, за счет туризма, закрытие границ стало серьезным ударом. По оценкам испанских экономистов, туристическая отрасль потеряла до 80 % своих доходов, к ноябрю 2020 г. исчезло порядка 100 000 предприятий различных отраслей, а разговоры о необходимости запросить помощи у ЕС стали звучать все чаще. К октябрю 2020 г. уровень безработицы достиг 16 %, объем ВВП по прогнозам ОЭСР должен быть упасть на 24 %, что является самым высоким показателем среди европейских стран.

Начиная со второй половины марта 2020 г. правительство П. Санчеса запоздало начало принимать многочисленные меры по противодействию пандемии, помощи

населению, малому и среднему бизнесу. Так, 31 марта «были приняты 54 указа (оценивавшиеся в 200 млрд евро — 2 % ВВП Испании), включавшие, в числе прочего, запрет на увольнения в течение всего периода пандемии с возмещением предпринимателям части заработной платы работников; возмещение убытков предприятиям, у которых из-за кризиса сорвались контракты; расширение моратория по ипотеке; назначение и выплата пособий по безработице в упрощенном режиме». По словам экспертов, данные меры поддержки предпринимательства внешне выглядели неплохо, но являлись половинчатыми, поскольку получение кредитов в основном было предпринято с целью поддержания ликвидности, чтобы оплатить зарплаты и налоги.

Также, как замечает В. Л. Верников, правительством П. Санчеса «вводилась отсрочка выплат в систему социального страхования для индивидуальных предпринимателей и компаний; запрет на выселение арендаторов жилья и введение моратория на его оплату; запрет на отключение электро- и водоснабжения; введение пособий для временно нанятых работников».

Несмотря на то, что к декабрю 2020 г. число новых случаев заражения SARS-CoV-2 пошло на спад (по данным ВОЗ, на 1 декабря 2020 г. было зафиксировано 3260 новых случаев, что в 7,6 раз меньше, чем в период осеннего пика — 24 807 случаев 25 октября 2020 г.), 2 декабря Министерство здравоохранения Испании приняло план, ограничивающий передвижение и массовые сборы в период рождественских праздников, на которые мог прийти очередной пик заражений.

После некоторого ослабления карантина в начале 2021 г. весной (март — апрель) в Испании началась третья волна коронавируса, в результате чего власти сохраняют «запрет на передвижение между разными регионами страны, в части регионов действуют комендантские часы разной степени строгости».

Количество заболевших согласно статистике Института здоровья им. Карлоса III Министерства науки и инноваций Испании, из всех 3 271 060 заболевших на 28 апреля 2021 г. 7,3 % были госпитализированы, 0,7 % поступили в отделение интенсивной терапии, 1,5 % умерли. В Испании самая высокая в Европе (и вторая в мире) продолжительность жизни. С возрастом увеличивается процент госпитализаций и смертей от COVID-19, достигнув 34 % и 16 % среди лиц старше 79 лет соответственно.

Таким образом, проведя исследование, можно сделать несколько важных выводов:

- ВОЗ предполагает, что коронавирус SARS-CoV-2 имеет животное происхождение, его источником стали либо «мокрые рынки» г. Ухань, либо промежуточные животные.
- Мировая общественность при пандемии COVID-19 столкнулась с двумя важными задачами — разработка тестов и вакцин против нового коронавируса (живым, индекативным, векторным и ДНК- или мРНК- вакцинам).
- В условиях чрезвычайного положения государства были вынуждены принимать решения, которые существенно ограничивали права и свободы граждан. В результате карантин стал причиной снижения мирового ВВП, разрыва торговых цепочек, снижения биржевых индексов. От пандемии пострадали туризм, авиационная отрасль и розничная торговля.
- Существует, по крайней мере, три важных проблемы систем здравоохранения в ЕС, к которым также относится Испания. Это рост количества пожилых пациентов (65+), отсутствие в странах ЕС общенациональной политики в отношении НИЗ и рост затрат на систему здравоохранения.
- О причинах такой тяжелой ситуации именно в Испании спорят ученые и политики, их видится по крайней мере три: доля жителей возрастной категории в стране, интенсивность международного туризма и управленческая слабость администрации П. Санчеса.
- Очевидная слабость нынешнего коалиционного правительства П. Санчеса исходит из конфликта ИСРП и «Унидос-Подемос», их разных взглядов на формирование кабинета правительства. Это стало причиной того, что в начале пандемии власти

Испании не спешили вводить карантинные меры, опасаясь за потерю поддержки среди населения.

- Как показало исследование, меры поддержки экономики со стороны администрации П. Санчеса являлись по большей части половинчатыми, и без вмешательства «тройки» международных кредиторов вряд ли смогут остановить развивающийся в стране экономический кризис.
- Существует прямая зависимость от уровня доверия населения к власти и распространения «фейк-ньюз». Так, в Испании это спровоцировало «антимасочные» и «антипрививочные» выступления в Мадриде и других городах летом и осенью 2020 г.

Библиография

1. *Авдеев С.Н., Авдеев Л. В.* и др. Министерство здравоохранения РФ. Временные методические рекомендации. Профилактика, диагностика и лечение новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Версия 10 (08.02.2021). М.: Минздрав РФ, 2021.
2. Почему власти Испании не справились с эпидемией. Обзор мирового опыта по борьбе с коронавирусом // Аналитический центр при Правительстве РФ. 16.04.2020. Коммуникационный центр при Правительстве Российской Федерации. М., 2020. С. 170.
3. *Верников В. Л.* Коронавирус в Испании туристами не испугаешь: Аналитическая записка № 30 (№ 213). ИЕ РАН. 25.07.2020 [Электронный ресурс]. URL: www.instituteofeurope.ru/publications/analytics (дата обращения: 23.04.2021).
4. Вступительное слово Генерального директора на пресс-брифинге по COVID-19 // Всемирная организация здравоохранения. 6 марта 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/ru/director-general/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-media-briefing-on-covid-19---16-march-2020> (дата обращения: 23.04.2021).
5. В Испании зафиксировали новый случай заражения коронавирусом // РИА Новости. 25.02.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20200225/1565150937.html> (дата обращения: 23.04.2021).
6. *Гопинат Г.* Великая самоизоляция: самый глубокий экономический спад со времен Великой депрессии. 16.04.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imf.org/ru/News/Articles/2020/04/14/blog-weo-the-great-lockdown-worst-economic-downturn-since-the-great-depression> (дата обращения: 23.04.2021).
7. *Громько А.* Коронавирус как фактор мировой экономики // РСМД. 09.04.2020 [Электронный ресурс]. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/koronavirus-kak-faktor-mirovoyu-politiki/?sphrase_id=35310848 (дата обращения: 23.04.2021).
8. Неинфекционные заболевания. Информационные бюллетени о Целях в области устойчивого развития: задачи, связанные со здоровьем // Всемирная организация здравоохранения. Европейское региональное бюро [Электронный ресурс]. URL: https://www.euro.who.int/_data/assets/pdf_file/0005/364937/ncd-rus.pdf (дата обращения: 23.04.2021).
9. *Крутовский К.* Коронавирус: штамм из Великобритании // Сибирский федеральный университет [Электронный ресурс]. URL: <http://smi.sfu-kras.ru/blogs/virology/6> (дата обращения: 23.04.2021).
10. *Марков А.* Информационная безопасность в условиях пандемии // РСМД. 09.04.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/informatsionnaya-bezopasnost-v-usloviyakh-pandemii-covid-19/> (дата обращения: 23.04.2021).
11. Представитель ВОЗ оценила возможность начала третьей волны пандемии // ТАСС. 16.02.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/10715591> (дата обращения: 23.04.2021).
12. *Стогней А., Мироненко П.* В Европу пришла третья волна пандемии. Ждать ли ее в России? // The Bell. 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://thebell.io/v-evropu-prishla-tretya-volna-pandemii-zhdai-li-ee-v-rossii> (дата обращения: 23.04.2021).
13. *Шестакова И.* Уровень готовности россиян к вакцинации от COVID-19 пугает // Интерфакс Россия. 16.12.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax-russia.ru/moscow/exclusives/glavnyu-infekcionist-medsi-irina-shestakova-uroven-gotovnosti-rossiyan-k-vakcinacii-ot-covid-19-pugaet> (дата обращения: 23.04.2021).

14. Юшков М. Биржи США продолжили рекордное падение на фоне коронавируса. 20.02.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/finances/28/02/2020/5e58347a9a7947f1014c6598> (дата обращения: 23.04.2021).
15. Хенкин С. М. 2020: Испания в тисках коронавируса // МГИМО [Электронный ресурс]. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/2020-ispaniya-v-tiskakh-koronavirusa/> (дата обращения: 23.04.2021).
16. Холодин К. А. Избыточная смертность от коронавируса COVID-19 // Rpubs. 20.05.2021 [Электронный ресурс]. URL: https://rpubs.com/Konstantin_Xo/660937 (дата обращения: 23.04.2021).
17. Черецкий В. Коронавирус в Испании: пострадала вся экономика, но особенно туризм. 04.12.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dw.com/ru/коронавирус-в-испани-пострадала-вся-экономика-но-особенно-туризм/a-55815644> (дата обращения: 23.04.2021).
18. Abdulrazaq T. International relations and power in the coronavirus age // TRT Word [Электронный ресурс]. URL: https://www.trtworld.com/opinion/international-relations-and-power-in-the-coronavirus-age-34978_ (дата обращения: 10.05.2021).
19. Callaway E. The race for coronavirus vaccines: a graphical guide // Nature. 28.04.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nature.com/articles/d41586-020-01221-y> (дата обращения: 10.05.2021).
20. Real Decreto 463/2020, de 14 de marzo, por el que se declara el estado de alarma para la gestión de la situación de crisis sanitaria ocasionada por el COVID-19 // Gobierno de España. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-2020-3692> (дата обращения: 10.05.2021).
21. Goldberg R. Rising Costs of Healthcare a Global Phenomenon // INDVSTRVS. 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://indvstrvs.com/rising-costs-of-healthcare-global-phenomenon/> (дата обращения: 10.05.2021).
22. Grunstein J. Why the Coronavirus Pandemic Won't Lead to a New World Order // World Politics Review. 01.04.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldpoliticsreview.com/articles/28646/why-the-coronavirus-pandemic-won-t-lead-to-a-new-world-order> (дата обращения: 10.05.2021).
23. Informe nº 76. Situación de COVID-19 en España. Casos diagnosticados a partir 10 de mayo Informe COVID-19. 28 de abril de 2021. [Электронный ресурс]. URL: https://www.isciii.es/QueHacemos/Servicios/VigilanciaSaludPublicaRENAVE/EnfermedadesTransmisibles/Documents/INFORMES/Informes%20COVID-19/INFORMES%20COVID-19%202021/Informe%20COVID-19.%20N%C2%BA%2076_28%20de%20abril%20de%202021.pdf (дата обращения: 10.05.2021).
24. Kissinger H. The Coronavirus Pandemic Will Forever Alter the World Order // WSJ Opinion. 03.04.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wsj.com/articles/the-coronavirus-pandemic-will-forever-alter-the-world-order-11585953005?fbclid=IwAR3CZxzwEwIir7qIzVyeKWAfm2SLG6188mwNNnKNRvBkuegOr33E1Fr u-ZQ> (дата обращения: 10.05.2021).
25. Government expenditure on health. Statistics Explained // Eurostat. 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Government_expenditure_on_health (дата обращения: 10.05.2021).
26. European Commission. eHealth Task Force Report Redesigning health in Europe for 2020. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2012. P. 7.
27. El Gobierno decreta el estado de alarma para hacer frente a la expansión de coronavirus COVID-19 // La Moncloa. 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www.lamoncloa.gob.es/consejodeministros/resumenes/Paginas/2020/14032020_alarma.aspx (дата обращения: 10.05.2021).
28. La Junta dice que la segunda oleada de coronavirus “se ha adelantado” // La Vanguardia. 23.08.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lavanguardia.com/local/madrid/20200823/482974130522/coronavirus-madrid-reunion-familias-contagios.html> (дата обращения: 10.05.2021).
29. Altercados en la plaza Sant Jaume durante una protesta contra las restricciones // La Vanguardia. 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www.lavanguardia.com/politica/20201030/4981400299/distribios-plaza-sant-jaume-protestas-restricciones-coronavirus.html?utm_medium=social&utm_source=twitter&utm_content=politica (дата обращения: 10.05.2021).
30. Country policy tracker: Spain // OECD. 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/coronavirus/country-policy-tracker/> (дата обращения: 10.05.2021).
31. Martin-Arroyo J. Spain reports first locally transmitted coronavirus case // El País [Электронный ресурс]. URL: <https://english.elpais.com/society/2020-02-27/spain-reports-first-locally-transmitted-coronavirus-case.html> (дата обращения: 10.05.2021).

32. *Ramudo M.* El Ministerio admite que los síntomas similares de gripe y coronavirus contribuyen a inflar las sospechas // El Mundo. Salud. 12.02.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elmundo.es/ciencia-y-salud/salud/2020/02/12/5e4431cafdddfbb088b45e4.html> (дата обращения: 10.05.2021).
33. Spain // The World Factbook. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/sp.html> (дата обращения: 10.05.2021).
34. COVID-19. Spain Situation // World Health Organization. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://covid19.who.int/region/euro/country/es> (дата обращения: 10.05.2021).

M. Rohr, A. Tzypin¹

CAMBIOS ESTRUCTURALES EN LA ECONOMÍA POST COVID EN LOS PAÍSES IBEROAMERICANOS

STRUCTURAL CHANGES IN THE POST COVID ECONOMY IN THE IBERO-AMERICAN COUNTRIES

Resumen: Durante las últimas décadas, las economías de los países iberoamericanos han sufrido tensiones de manera continua debido a las crisis financieras globales, o bien a los factores internos. Esta situación vino agravada en 2019 por una crisis de carácter biológico a la que los sistemas económicos de los países del mundo no estaban preparados para enfrentar y la que provocó el cierre de muchas empresas del sector servicios y las restricciones al movimiento de la población. Otro factor importante que empeora las consecuencias de la crisis del COVID es el hecho de que la sociedad mundial se encuentra en proceso de transición a una economía digital. En este contexto, el objetivo de este artículo es evaluar los impactos negativos y positivos de la crisis de COVID-19 en la transformación de la estructura económica de los países iberoamericanos considerando la aceleración hacia la economía digital como la consecuencia principal de la pandemia.

Palabras clave: América Latina; economía; cambio estructural; indicadores macroeconómicos; pronóstico.

Abstract: During the last decades, the economies of the Ibero-American countries have been under continuous stress due to global financial crises, or to internal factors. This situation was aggravated in 2019 by a biological crisis that the economic systems of the countries of the world were not prepared to face and which caused the closure of many companies in the service sector and restrictions on the movement of the population. Another important factor worsening the consequences of the COVID crisis is the fact that global society is in the process of transitioning to a digital economy. In this context, the objective of this article is to evaluate the negative and positive impacts of the COVID-19 crisis on the transformation of the economic structure of Ibero-American countries, considering the acceleration towards the digital economy as the main consequence of the pandemic.

Key words: Latin America; economy; structural change; macroeconomic indicators; forecast.

En la economía global moderna los países en desarrollo están en desventaja. La ausencia de las industrias de alta tecnología, incluso la disponibilidad de capital natural, no les permite ocupar el lugar que les corresponde en la economía mundial. Para defender sus intereses y crear un mundo multipolar a finales de los años ochenta se inició el proceso de formación de alianzas políticas y económicas dentro las que la Asociación Latinoamericana de Integración (ALADI) ocupa un lugar destacado. Sus países miembros (Argentina (ARG), Bolivia (BOL), Brasil (BRA), Venezuela (VEN), Colombia (COL), Cuba (CUB), México (MEX), Panamá (PAN), Paraguay (PRY), Perú (PER), Uruguay (URY), Chile (CHL), Ecuador (ECU)) a nivel individual no representan un peso significativo en el mapa geopolítico del mundo. Sin embargo, uniéndose pueden convertirse en “jugadores” notables de la economía global compitiendo con los países desarrollados. Por lo tanto, el objetivo general de este es analizar la dinámica del crecimiento económico de los países miembros de la Asociación Latinoamericana de Integración y hacer el pronóstico de su evolución a medio plazo.

¹ **Rohr Margarita**, PhD, Spain, University of Valencia. E-mail: margarita.rohr@uv.es

Цыпин Александр, Россия, к.э.н., доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ. E-mail: zipin@yandex.ru

Para lograr el objetivo propuesto, se analiza el crecimiento económico de los países miembros de ALADI en su conjunto en el periodo de 1990 a 2020. Aunque cabe señalar que en algunos casos el último año analizado será 2019 por falta de la información disponible en los organismos oficiales de estadística.

Como indicadores que caracterizan el estado y la dinámica del desarrollo económico en este trabajo se utilizaron el Producto Interior Bruto (PIB) y el PIB per cápita en ambos casos medidos en dólares estadounidenses.

El estudio de estos indicadores macroeconómicos permitió, en primer lugar, comparar el nivel de desarrollo de los países ALADI que se diferencian en gran medida entre sí. En segundo lugar, observar los cambios estructurales producidos a lo largo del tiempo en los países considerados y, en tercer lugar, determinar qué sectores económicos contribuyen más al crecimiento del país.

Dado que el grupo considerado está compuesto por diversos países que difieren significativamente en dimensiones territoriales, tamaño de población y de riqueza nacional, etc., es de sumo interés analizar la contribución de cada uno de ellos a la economía mundial.

Cuadro 1. El peso de los países ALADI, EE.UU. y China en el PIB mundial, %

País	1970	1980	1990	2000	2010	2020	Cambios en 2020 respecto a 1970
ARG	1,1	0,7	0,6	0,9	0,6	0,5	-0,62
BOL	0,03	0,04	0,02	0,03	0,03	0,04	0,01
BRA	1,4	2,1	2,0	2,0	3,3	1,7	0,28
VEN	0,4	0,5	0,2	0,4	0,6	na	-
COL	0,2	0,3	0,2	0,3	0,4	0,3	0,08
CUB	0,2	0,2	0,1	0,1	0,1	na	-
MEX	1,2	1,8	1,2	2,1	1,6	1,3	0,07
PAN	0,05	0,04	0,03	0,04	0,04	0,06	0,01
PRY	0,02	0,04	0,03	0,03	0,04	0,04	0,02
PER	0,3	0,2	0,1	0,2	0,2	0,2	-0,01
URY	0,1	0,1	0,0	0,1	0,1	0,1	-0,01
CHL	0,3	0,3	0,2	0,2	0,3	0,3	-0,01
ECU	0,1	0,2	0,1	0,1	0,1	0,1	0,02
CHN	3,1	1,7	1,6	3,6	9,2	17,4	14,3
USA	36,3	25,5	26,4	30,5	22,7	24,7	-11,5

Fuente: Elaboración propia a partir de los datos del Banco Mundial.

Según los datos presentados en el Cuadro 1, se distingue claramente que el liderazgo en la estructura económica mundial pertenece a los Estados Unidos. En 2020 este país representó el 24,7 % del PIB total. También se destaca la contribución de China con un 14,3 %. No obstante, si en el caso de los Estados Unidos la tendencia del crecimiento económico es decreciente, casi el 12 % menos en comparación con 1970, en caso de China es todo lo contrario con la muestra clara de superación de la economía estadounidense en el futuro próximo.

Entre los países ALADI, el peso más grande corresponde a Brasil, su PIB creció 0,28 puntos porcentuales en el período analizado. En segundo puesto se ubica México con el crecimiento del PIB de 0,07 puntos porcentuales. En general, durante el período examinado, el peso de los países miembros de la asociación no cambió significativamente y en su totalidad logró posicionarse en torno al 5 % del PIB mundial.

Asimismo, cabe señalar que, entre los países de la asociación, el mayor volumen del PIB en 2020 se observa en Brasil con el 37 %, México con el 27,5 % y Argentina con el 9,8 %, mientras que en comparación con 1990 la situación prácticamente no ha cambiado mostrando los siguientes

cambios a lo largo de 30 años de desarrollo: $-5,4\%$, $3,6\%$ y $-3,2\%$, respectivamente. Así, se puede concluir que estos países determinan la política económica en la región e influyen en los países más pequeños.

Para evaluar el posicionamiento del grupo considerado de los países en desarrollo en relación con el grupo G7, las siete economías más grandes (Alemania, Canadá, EE.UU., Francia, Gran Bretaña, Italia y Japón) en un espacio bidimensional, se puede observar los datos representados en el Gráfico 1.

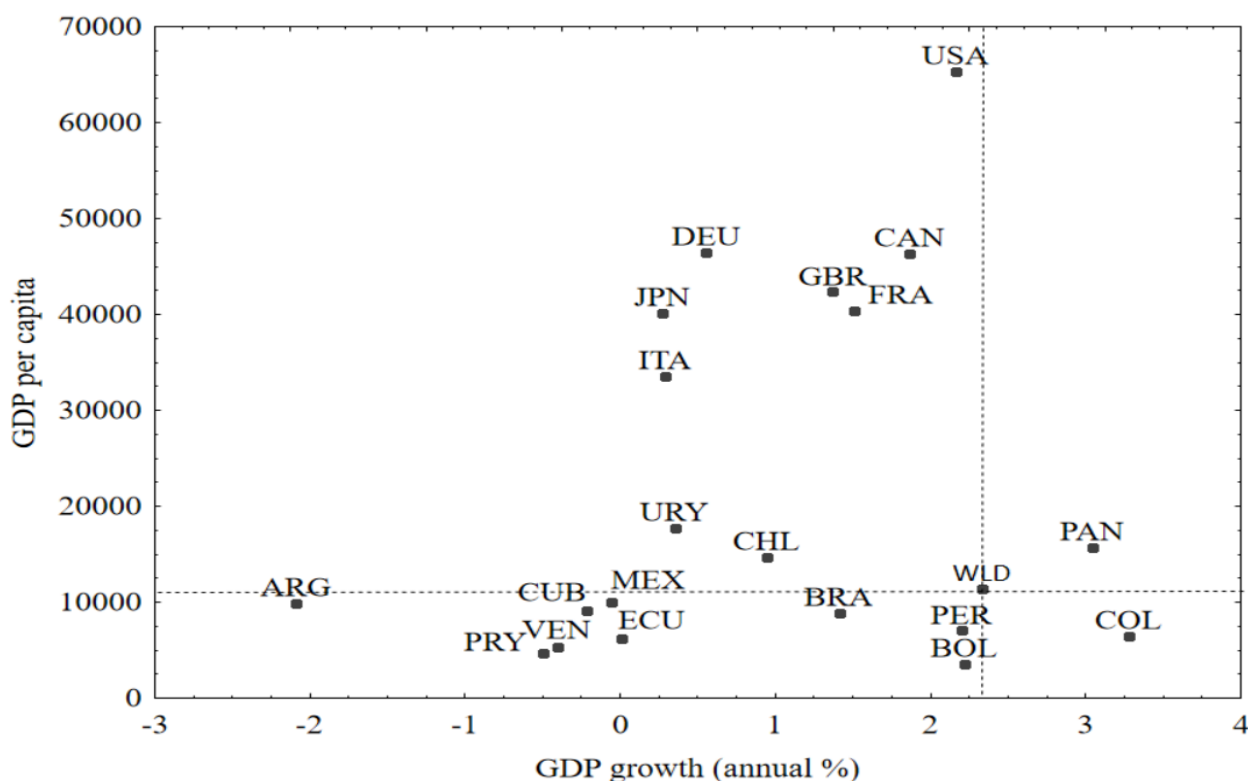

Gráfico 1. Características comparativas de las posiciones de los países ALADI vs de los miembros del G7 en 2019
Fuente: Elaboración propia a partir de los datos del Banco Mundial.

Como se puede ver en el Gráfico 1, en relación con los valores medios a nivel mundial de la tasa de crecimiento del PIB y el PIB per cápita, los países del G7 forman un grupo separado caracterizado por altos valores de bienestar de la población, mientras que el ritmo de crecimiento del PIB es menor que el global si bien sin alcanzar los valores negativos. En cuanto a los países ALADI, el factor unificador es el bajo valor del PIB per cápita (en promedio este indicador agregado en 2019 fue alrededor de 9,5 mil dólares estadounidenses contra 44,9 mil de los países del G7). La variación de la tasa de crecimiento del PIB entre estos países es brutal, desde $-2,1\%$ en el caso de Argentina hasta $3,3\%$ en Colombia. De modo que se puede afirmar un atraso significativo de los países latinoamericanos con respecto a las principales economías del mundo y una variación significativa dentro del grupo.

Considerando el valor del PIB per cápita en 2020, entre los países incluidos en la ALADI, Uruguay, Chile y Panamá representan valores más altos, mientras que Venezuela se queda fuera del grupo. El importante atraso de este país se puede explicar por la severa crisis que atraviesa la economía nacional acompañada por la hiperinflación (según diversas fuentes, en 2020 hasta el 3000 %) y el paro (hasta el 30 %).

También, vale la pena analizar los cambios en la tasa de crecimiento del PIB agregado de ALADI con los Estados Unidos y China.

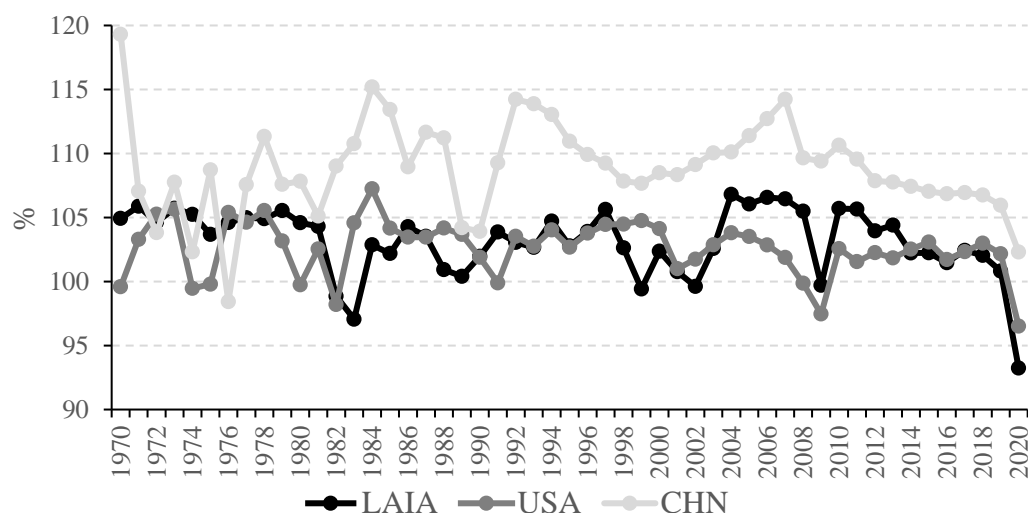

Gráfico 2. Tasa de crecimiento del PIB de los países ALADI, China y EE. UU. (en % con respecto al año anterior)

Como se muestra en el Gráfico 2, la tasa de crecimiento del PIB de EE.UU. fluctúa suave y uniformemente, pero al mismo tiempo se observa ocho veces el valor por debajo del 100 %, es decir, hay una disminución en la eficiencia de la economía. Las tasas de crecimiento (disminución) en China son más altas que el resto de los países, mientras que una superación en sentido negativo del 100 % se observa solo una vez en 1976. Incluso la crisis asociada con la pandemia del virus COVID-19 no afectó la estabilidad de economía china y el país cerró el año 2020 con un incremento del 2,3 %. Dentro del grupo ALADI, se puede observar las cinco recesiones importantes en el período analizado. El gráfico muestra que las tasas de crecimiento de las economías de los países miembros de la asociación fluctúan muy fuertemente y en 1983, 1989, 1999, 2002, 2009 y 2020, hubo un descenso significativo representando la mayor caída de la tasa de crecimiento del PIB del todo período analizado.

Con el fin de evaluar los cambios en la situación económica de los países en el período 1990–2020, en términos absolutos y relativos, analizaremos la información presentada en el Cuadro 2 relativa a la tasa de crecimiento del PIB y del PIB per cápita.

Cuadro 2. Dinámica del crecimiento económico de los países de la Asociación Latinoamericana de Integración

País	PIB, mil millones de dólares		Crecimiento, %	PIB per cápita, dólares		Crecimiento, %
	1990	2020		1990	2020	
ARG	141,4	383,1	2,7	4333,5	8441,9	1,9
BOL	4,9	36,7	7,5	709,1	3143,0	4,4
BRA	462,0	1444,7	3,1	3100,3	6796,8	2,2
VEN	48,6	na	–	2475,4	na	–
COL	47,8	271,3	5,7	1445,3	5332,8	3,7
CUB	28,6	na	–	2703,2	na	–
MEX	261,3	1076,2	4,1	3112,3	8346,7	2,7
PAN	6,4	52,9	8,3	2603,8	12269,0	4,7
PRY	5,8	35,3	6,1	1376,2	4949,7	3,6
PER	26,4	202,0	7,7	1196,6	6126,9	5,1
URY	9,3	53,6	5,8	2990,4	15438,4	5,2
CHL	33,1	252,9	7,6	2494,5	13231,7	5,3
ECU	15,2	98,8	6,5	1489,5	5600,4	3,8

Fuente: Elaboración propia a partir de los datos del Banco Mundial.

En el Cuadro 2 se puede ver que los mayores valores del PIB los poseen países como Brasil, México y Argentina que son líderes en términos de territorio y población entre los países de América Latina. En cambio, los valores más bajos presentan Paraguay, Uruguay, Bolivia y Panamá. No obstante, al mismo tiempo, los países más atrasados muestran un éxito impresionante en aumentar el volumen del PIB. Por ejemplo, Panamá en el período 1990–2020 aumentó su PIB en 8,3 veces, Perú en 7,7 y Chile en 7,6 veces.

Por su parte, el PIB per cápita muestra una menor variación en las tasas de crecimiento. Asimismo, se puede decir que el buen crecimiento del PIB de los países como Brasil, México y Argentina no se ha trasladado al incremento significativo del bienestar de la población habiendo aumentado el PIB per cápita en solo 2,2, 2,7 y 1,9 veces respectivamente.

Antes de proceder a la construcción de modelos econométricos que caractericen la dinámica del PIB per cápita en los países miembros de ALADI, es necesario periodizar las series de tiempo, lo que permitirá obtener modelos más fiables y, como resultado, pronósticos más cercanos a la realidad.

Cuadro 3. Modelos econométricos de la dinámica del PIB en los países de la Asociación Latinoamericana de Integración

País	Valores mínimos	Período de estimación de los parámetros	Regresión	R ²	F
ARG	2002	2003–2018	$y' = 3766,36 + 716,72 t$	0,84	76,0
BOL	2002	2003–2018	$y' = 551,37 + 191,63 t$	0,98	631,51
BRA	1992, 1999, 2002, 2015	2003–2018	$y' = 4943,78 + 447,26 t$	0,46	11,70
VEN	1996, 2003, 2015–2018	–	–	–	–
COL	2003, 2016	2004–2018	$y' = 3683,34 + 276,16 t$	0,52	14,34
CUB	1996	1997–2018	$y' = 1530,19 + 299,27 t$	0,95	238,08
MEX	1995, 2003, 2009, 2016	–	–	–	–
PAN	–	2004–2018	$y' = 2923,13 + 862,36 t$	0,99	1036,70
PRY	2002, 2016	2003–2018	$y' = 1404,36 + 326,86 t$	0,87	91,30
PER	2016	2002–2018	$y' = 1675,20 + 346,46 t$	0,92	167,27
URY	2003, 2016	2004–2018	$y' = 3972,61 + 1009,48 t$	0,89	106,40
CHL	2002, 2009, 2015	–	–	–	–
ECU	2000, 2016	2001–2018	$y' = 1668,66 + 293,68 t$	0,96	362,47

Fuente: Elaboración propia a partir de los datos Banco Mundial.

De acuerdo con los datos del Cuadro 3 y teniendo en cuenta los valores mínimos, se puede revelar un patrón del comportamiento del PIB, ya que el período relativamente estable y sin crisis duró casi hasta finales de la década de 1990. La primera tendencia en declive del PIB se registró a principios de la década de 2000 y la segunda a principios de la década de 2010. En el caso de Venezuela, México y Chile ha sido imposible construir los modelos econométricos. En el primer caso, por falta de información para el período 2015–2019, en otros dos casos por la presencia de un componente situacional en la serie temporal y un pequeño segmento de tiempo sobre el que se hizo el intento de construir el modelo. Los modelos para el resto de los países muestran un aumento en los niveles de la serie, pero la tasa de crecimiento varía, siendo la mayor en el caso de Uruguay (crecimiento de 1009 dólares por año) y la más baja en el caso de Bolivia (192 dólares por año).

Se podría esperar que los pronósticos estimados en los modelos para el período 2020–2022 mostrarían un mayor crecimiento, pero la pandemia del virus COVID-19 afectó mucho a la economía de todos los países disminuyendo las tasas del crecimiento del PIB para los años 2019 y 2020. Por lo que, para describir dinámicas complejas, sería necesario utilizar el llamado “modelo de choque”, cuyo rasgo distintivo es la introducción en el lado derecho de la ecuación de una

variable ficticia que caracteriza la influencia del componente situacional (en este caso, la influencia de la crisis). Esta modernización del modelo econométrico permitirá tener en cuenta las consecuencias de la crisis del COVID-19 y obtener previsiones más fiables que reflejarían la situación actual. La aplicación de este enfoque a la dinámica del PIB per cápita en los países miembros de ALADI será llevada a cabo en nuestras futuras investigaciones.

El análisis de la dinámica de los indicadores macroeconómicos que caracterizan la eficiencia de la economía de los países ALADI no estará completo sin considerar la estructura de la economía. Este enfoque nos permitirá identificar los dominantes y construir modelos econométricos de la influencia de los sectores en el PIB per cápita.

Cuadro 4. La estructura económica de los países ALADI en 1990 y 2019 (% del PIB)

País	Año	Export	Import	Sectores según CNAE						
				A-B	C-E	D	F	G-H	I	J-P
ARG	1990	9,5	4,2	0,7	27,7	22,7	3,5	16,5	3,8	35,1
	2019	17,3	15,1	0,7	19,3	12,8	3,8	14,7	5,9	33,0
BOL	1990	22,8	23,9	1,5	28,8	17,0	3,1	12,1	9,3	24,7
	2019	25,0	31,4	1,2	22,3	10,5	2,9	9,5	9,3	31,9
BRA	1990	7,5	6,0	1,0	29,5	25,2	7,0	7,0	4,8	40,4
	2019	14,3	14,7	0,4	13,3	9,4	4,6	13,3	6,7	43,2
VEN	1990	40,6	20,4	0,6	51,7	27,2	5,8	10,7	3,2	23,0
	2019	0,0	0,2	0,5	26,6	14,2	7,8	21,7	5,5	26,1
COL	1990	13,8	15,1	1,1	27,5	18,7	4,2	13,6	7,0	30,9
	2019	15,9	22,2	0,7	19,9	10,9	6,3	12,8	7,7	37,0
CUB	1990	30,2	40,9	1,2	14,0	11,4	8,5	30,5	9,7	36,6
	2019	14,7	12,2	0,4	15,4	13,4	8,6	24,8	9,1	37,1
MEX	1990	16,3	17,3	0,7	33,8	21,6	6,1	23,0	7,5	28,4
	2019	39,2	39,2	0,3	23,5	17,4	7,8	21,3	8,0	31,3
PAN	1990	76,6	69,4	0,8	15,8	12,5	0,9	13,5	13,5	42,9
	2019	40,7	43,4	0,2	10,0	5,7	19,6	22,0	11,8	31,3
PRY	1990	40,1	38,3	1,5	33,8	32,2	4,5	16,1	6,1	23,5
	2019	34,4	34,8	1,0	27,1	18,6	6,0	13,2	6,7	29,1
PER	1990	15,2	14,6	0,7	26,3	18,5	3,6	20,8	8,4	25,7
	2019	24,2	22,9	0,7	23,4	12,3	6,8	15,2	8,3	31,3
URY	1990	22,2	19,8	1,0	22,6	20,7	3,5	12,3	6,0	39,1
	2019	21,7	19,3	0,6	14,4	11,7	9,7	13,6	5,4	41,9
CHL	1990	31,6	27,9	0,6	31,1	17,2	6,3	11,4	7,0	27,3
	2019	28,2	28,6	0,4	22,4	10,0	6,9	11,3	7,1	40,3
ECU	1990	22,8	21,8	2,1	27,1	22,3	3,0	15,2	8,7	21,2
	2019	23,4	23,3	0,9	21,4	14,0	10,9	11,7	7,1	33,1

Fuente: Elaboración propia a partir de datos de la División de Estadística de las Naciones Unidas.

De acuerdo con la información proporcionada en el Cuadro 4, el mayor peso en el PIB de los países ALADI en su conjunto corresponde a la agricultura (sectores A-B), destacando en el año base el peso medio de 1,0 %, mientras que en 2019 este indicador presentó una caída del 0,6 %. Cabe decir que este patrón es típico para casi todas las economías del mundo y está asociado con la industrialización y la transición a una economía digital.

En cuanto a los sectores que contribuyen más a la economía, cabe señalar que en los últimos 30 años se ha producido un cambio estructural en la economía pasando del dominio industrial al

sector servicios. Así, en 1990 la industria manufacturera, el suministro de energía eléctrica, gas, vapor y aire acondicionado y el suministro de agua, actividades de saneamiento, gestión de residuos y descontaminación (sectores C-E), en promedio, ocupaban alrededor del 27,1 %, en 2019 este valor se redujo al 19,2 % en total. Asimismo, en 2019, el grupo de sectores J-P (información y comunicaciones; actividades financieras y de seguros; actividades inmobiliarias; actividades profesionales, científicas y técnicas; actividades administrativas y servicios auxiliares; administración pública y defensa; seguridad social obligatoria; y educación) se ubicó en la cima con su contribución agregada al PIB del 34 %.

Respecto al sector exterior, el peso grande de las exportaciones (22,3 % del PIB) en la mayoría de los casos se puede explicar por la orientación hacia las exportaciones de las materias primas. Si bien, en el caso de Panamá la existencia de un canal que conecta los océanos Atlántico y Pacífico ha influido significativamente en el incremento de tráfico de mercancías y, consecuentemente, en el aumento de las operaciones de exportación-importación del país. Por el otro lado, cabe destacar una fuerte caída en el comercio exterior en Venezuela presentando en 2019 los valores son prácticamente nulos, lo que vuelve a evidenciar los graves problemas en la vida económica y política del país.

Para evaluar la influencia de los sectores económicos en el PIB per cápita de los países considerados, se realizó un análisis de correlación y de regresión. En primer lugar, calculamos los coeficientes de correlación lineal para datos emparejados para 1990 y 2019. En el periodo base (1990) destacan dos factores por su mayor influencia en el PIB: los sectores A-B con el coeficiente de correlación igual a $-0,56$ ($p < 0,00$) y los sectores del grupo J-P con el coeficiente igual a $+0,61$ ($p = 0,02$). En 2019 estos dos sectores siguen dominando la economía con los coeficientes de correlación $-0,65$ ($p = 0,03$) y $+0,53$ ($p < 0,00$) respectivamente. También vale la pena señalar que no existe una relación estadísticamente significativa entre estos dos sectores indicando la ausencia de multicolinealidad, por lo que las variables seleccionadas se pueden utilizar en modelos econométricos.

En este contexto, para el conjunto de datos de 1990 obtenemos la siguiente ecuación de regresión múltiple:

$$\text{GDPpc}' = 1275,92 - 926,93 \times \text{A-B} + 65,20 \times \text{J-P}, \text{ siendo } R^2 = 0,52 \text{ F} = 5,29$$

Así, con un aumento del peso de la agricultura (sectores A-B) en 1 %, el PIB per cápita para el total de los países ALADI disminuirá en 926,93 dólares por persona, teniendo el resto de los factores sin cambios. En cambio, un aumento en el grupo de actividades J-P en 1 % conduce a un aumento en el bienestar de la población en 62,20 dólares por persona.

A su vez, el modelo para el año 2019 es el siguiente:

$$\text{GDPpc}' = 3535,43 - 8150,40 \times \text{A-B} + 312,44 \times \text{J-P}, \text{ siendo } R^2 = 0,55 \text{ F} = 6,03$$

El modelo del año 2019 muestra el agravamiento de la influencia del sector agrícola con la disminución del PIB per cápita de 8150,40 dólares por persona considerando el aumento del 1 % de los sectores A-B en el PIB). Si embargo, el mayor desarrollo del grupo de los sectores J-P conduce a un mayor crecimiento, incluso en el año base, de 312,44 dólares por persona).

Para concluir, se puede decir que la creación de ALADI es un paso importante hacia la formación de un mundo multipolar y una buena oportunidad para situarse en el espacio geoeconómico. Pero al mismo tiempo, durante el período de existencia de la asociación, no ha habido ningún avance significativo en términos del crecimiento económico, lo que se podría explicar por la baja integración de las economías nacionales en un solo espacio. Para seguir adelante, los países miembros deberían replantear su estrategia del desarrollo económico nacional haciendo el mayor enfoque en los sectores de tecnologías de información y comunicación, actividades financieras y de seguros, actividades profesionales, científicas y técnicas, educación y actividades inmobiliarias.

Bibliografía

1. *Gilmanova D.* El papel de los procesos de integración en el desarrollo económico de América Latina // Economía y paradigma del nuevo tiempo. 2019. No. 4(12). P. 5–9.
2. *López-Jacoiste Díaz E.* The Latin American Integration Association / M. Odello, F. Seatzu (eds.) // Latin American and Caribbean International Institutional Law. Hague: T.M.C. Asser Press, 2015. P. 23–42.
3. *Tzypin A.* Metodología de investigación de series de tiempo históricas de indicadores macroeconómicos de países postsoviéticos // Boletín de la Universidad Estatal de Economía de Samara. 2018. No. 3(161). P. 34–42.
4. *Tzypin A.* Estudio estadístico de la influencia de factores en la dinámica de los indicadores macroeconómicos de las antiguas repúblicas de la Unión Soviética // Vestnik NSUEU. 2018. No. 2. P. 9–95.
5. *Yakovlev P.* Oportunidades económicas de América Latina en el mundo post-COVID // Economía mundial y relaciones internacionales. 2021. No. 65(5). P. 5–13.

VIOLENCIA Y SEGURIDAD EN LATINOAMÉRICA

VIOLENCE AND SECURITY IN LATIN AMERICA

Pavel Kostogryzov¹

COMUNIDADES LOCALES COMO ACTORES DE SEGURIDAD EN LOS PAÍSES ANDINOS: ¿APOYANDO O DESAFIANDO LA SOBERANÍA DEL ESTADO?

LOCAL COMMUNITIES AS SECURITY ACTORS IN THE ANDEAN COUNTRIES: SUPPORTING OR CHALLENGING THE SOVEREIGNTY OF THE STATE?

Resumen: La formulación de respuestas a los desafíos de la inseguridad se está convirtiendo cada vez más en un asunto no solo del Estado, que ha demostrado reiteradamente su indisponibilidad para hacerlo, sino también de la sociedad civil movilizadora por los actores sociales. Comunidades de diferentes tipos representan a estas últimas en los países latinoamericanos. Entran en un diálogo cada vez más activo con el Estado. Por un lado, desafían a este último, cuestionando su monopolio en un área tan importante como el uso legítimo de la fuerza, y por el otro, las instituciones comunales pueden servir como un apoyo potencial al Estado débil de los países en desarrollo para defender su soberanía frente a los actores supranacionales en el curso de globalización rápida. La presentación analiza variedad de órganos policiales comunitarios y grupos vigilantes que han existido en América Latina durante mucho tiempo. Su objetivo es discutir la naturaleza social y jurídica de dichos órganos y su papel en el fortalecimiento o socavación de la soberanía del Estado desde el punto de vista de la seguridad.

Palabras clave: seguridad; comunidad; soberanía; vigilantismo; Estado-Nación; América Latina.

Abstract: Formulation of responses to the challenges of insecurity is increasingly becoming a matter not only of the State, which has repeatedly demonstrated its unavailability to do this, but also of civil society mobilized by social actors. Communities of different types represent the latter in Latin American countries. They enter an increasingly active dialogue with the State. On the one hand, they

¹ **Pavel Kostogryzov**, Russia, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (pkostogryzov@yandex.ru).
Investigation supported by Gerda Henkel Foundation.

challenge the latter, calling into question its monopoly in such an important area as legitimate use of force, and on the other, communal institutions can serve as a potential support for the developing countries' weak statehood in upholding their sovereignty in the face of supranational actors in course of rapid globalization. The paper looks at the array of community policing bodies and vigilante groups, which have existed in Latin America for a long time. Its point is to discuss the social and juridical nature of such bodies and their role in strengthening or undermining the state's sovereignty from the standpoint of providing security.

Key words: security; community; sovereignty; vigilantism; Nation-State; Latin America.

El Estado-Nación moderno está experimentando una profunda transformación, que en las próximas décadas puede conducir a la formación de nuevas y más complejas políticas². Uno de los aspectos más significativos de tales cambios es activación de actores no estatales en la escena política. Dado que muchos Estados que existen de manera estable son en la práctica incapaces de realizar plenamente todas las funciones que el modelo “weberiano” prescribe al Estado, las instituciones no estatales que asumen algunas de estas funciones también existen de manera estable. Evidentemente, no podemos considerar esta situación como una mera anomalía, como suelen hacer los politólogos y los abogados positivistas de los países desarrollados.

Los principales agentes de la transformación en curso de relaciones entre Estado y sociedad civil en América Latina son actores políticos colectivos, entre los cuales un papel significativo juegan comunidades locales. Ellas participan en mantenimiento del orden social y brindan seguridad interna.

La formulación de respuestas a los desafíos de la contemporaneidad se está volviendo cada vez más un asunto no del Estado, que ha demostrado reiteradamente su indisponibilidad para hacerlo, sino de la sociedad civil movilizadora por los actores sociales, tanto nuevos como tradicionales³. Estas últimas en los países latinoamericanos son representadas por comunidades de diferentes tipos. Poco a poco van formando una nueva estructura sociopolítica de las sociedades latinoamericanas y entablan un diálogo cada vez más activo con el Estado. Por un lado, desafían a este último, cuestionando su monopolio en un área tan importante como el uso legítimo de la fuerza, y por el otro, las instituciones comunales pueden servir como un apoyo potencial al Estado débil de los países en desarrollo para defender su soberanía frente a los actores supranacionales en el curso de la globalización rápida.

Comunidad, una institución tan antigua como la humanidad misma, sirve como matriz sobre la que crecen todas las demás estructuras sociales y políticas. También forma un marco para la gobernanza y la gobernabilidad en situaciones de estatalidad débil, lo que es especialmente relevante para los países del “tercer mundo”. La América Latina actual no solo muestra la adaptabilidad de la comunidad en las condiciones contemporáneas, sino que también muestra algunos ejemplos importantes de recomunitarización, es decir aparición de estructuras comunales en circunstancias en las que ya han sido completamente extintas. Viabilidad de un país en situación de estado débil depende de la madurez de su estructura social. Una sociedad fuerte y bien estructurada tiene más posibilidades de superar turbulencias políticas y construir instituciones democráticas que una sociedad débil y desestructurada. La unidad principal de la estructura social antes mencionada en los países andinos es comunidad, que forma una densa red de conexiones diversas entre individuos y una variedad de órganos diseñados para diferentes fines.

El fenómeno de comunidad debe considerarse en el contexto más amplio de la transformación actual del sistema político estatal. Esta transformación está íntimamente ligada a la llamada “glocalización”⁴, o sea procesos superpuestos de fortalecimiento de actores políticos globales y locales en detrimento del Estado-Nación. En tal situación, los estados se ven obligados a depender de actores internos (es decir, locales) para reivindicar su soberanía ante los externos (es decir,

² Martin Van Creveld, *The Rise and Decline of the State*, Cambridge, 1999.

³ Kimberly Morgan y Ann Shola Orloff, *The Many Hands of the State: Theorizing Political Authority and Social Control*, New York, 2017; Sonia Alvarez, Jeffrey Rubin, Millie Thayer, Gianpaolo Baiocchi y Agustín Laó-Montes, *Beyond Civil Society: Activism, Participation, and Protest in Latin America*, Durham; New York, 2017.

⁴ Victor Roudometof, *Glocalization: A Critical Introduction*, Oxon; New York, 2016.

globales). Así, la soberanía se vuelve inevitablemente compartida entre el Estado y una serie de actores subnacionales, entre ellos las comunidades. Esto conduce al surgimiento de nuevos y más complicados polítías o sistemas políticos que van a tomar el lugar de actuales Estados-Nación. Y podemos sugerir que las instituciones comunitarias desempeñarán un papel importante en ellos. Algunos teóricos sociales y políticos incluso proponen el “estado comunitario” como modelo político relevante para los países andinos. Podemos observar el nacimiento de un nuevo orden político y América Latina sirve como un “laboratorio” donde se prueban formas novedosas de gobernanza.

Varias sociedades latinoamericanas han existido durante mucho tiempo en el contexto de estado débil. Algunos países de la región fueron incluso considerados como “estados fallidos” al enfrentar oleadas de crimen organizado y conflictos armados internos. En tales situaciones, comunidades locales han asumido la ejecución de algunas funciones de autoridad pública. Comunidad demuestra una alta adaptabilidad en las condiciones contemporáneas.

Uno de los elementos más urgentes del orden público es el control de la delincuencia para brindar seguridad interna a la sociedad. Este es el deber primordial del Estado. Cuando el Estado por alguna razón no cumple con esta tarea, la sociedad puede caer en el caos o autoorganizarse y realizar esfuerzos para mantener el orden público. Para tener éxito en esto, una sociedad no debe verse como un “gas social” que consiste en individuos atomizados, sino como un “cristal social”, con una estructura interna consistente. En muchos países de América Latina, la unidad principal de dicha estructura social es la comunidad, que forma una densa red de conexiones diversas entre individuos y una variedad de organismos diseñados para diferentes objetivos (económicos, judiciales, administrativos, policiales, culturales, religiosos, etc.). Se puede considerar esta situación como marginal para la sociedad moderna, pero es así sólo desde la perspectiva del “primer mundo”. Para los países en desarrollo, la comunidad constituye el núcleo de su sistema social que estructura la vida cotidiana de la gente.

Órganos policiales comunitarios (o grupos de vigilantes) existen en los países andinos desde hace mucho tiempo. El ejemplo más famoso son las rondas campesinas en Perú. Organizaciones de similar naturaleza están presentes en Bolivia, Ecuador y tratan de consolidarse en zonas urbanas del Perú (rondas urbanas). Otro tipo de grupos de autodefensas estuvieron presentes hace algunos años (milicia popular) y operan ahora en Colombia (guardia indígena, guardia campesina, guardia cimarrona). En algunos casos han jugado un papel positivo en la superación del desorden social e incluso los conflictos armados. Así, las rondas campesinas contribuyeron mucho al combate exitoso de la guerrilla del “Sendero luminoso” en Perú⁵.

Las instituciones comunitarias en Colombia posconflicto promueven reinserción social y defienden a sus habitantes de los grupos guerrilleros y paramilitares. Operando en condiciones de insuficiente presencia de las fuerzas de seguridad del Estado, protegen a sus miembros de la delincuencia y evitan que la sociedad caiga en el caos criminal. Pero, por otro lado, algunos de ellos están fuertemente contaminados con la violación de los derechos humanos (por ejemplo, las prácticas de linchamiento y aplicación de castigos corporales) y la existencia misma de tales órganos está en desacuerdo con el monopolio del Estado-Nación sobre el uso legítimo de la violencia.

Esta contradicción tan evidente exige una nueva perspectiva acerca de la relación entre soberanía estatal y soberanía popular tanto como entre lo público y lo estatal cuales términos no son sinónimos.

Si en el “primer mundo” los conceptos de soberanía popular y estatal se oponen solo teóricamente (en la práctica, el primero es absorbido completamente por el segundo), entonces la situación en muchos países latinoamericanos es tal que la soberanía del estado es desafiado por otros actores. Así, el pueblo en condiciones de incapacidad del Estado para afirmar su soberanía,

⁵ Sergio Koc-Menard, “Fragmented Sovereignty: Why Sendero Luminoso Consolidated in Some Regions of Peru but Not in Others”, *Studies in Conflict & Terrorism* 30:2, 2007; Mario Fumerton, “Rondas Campesinas in the Peruvian Civil War: Peasant Self-Defence Organisations in Ayacucho”, *Bulletin of Latin American Research* 20:4, 2001.

actualiza su propia calidad de soberano. Y los órganos coactivos comunitarias se pueden considerar como una forma de reivindicar su soberanía por parte de pueblo.

“En las últimas décadas se ha evidenciado un notable cambio en la forma como se aborda la inseguridad ciudadana a nivel mundial. La concepción del control del delito, como tarea única y exclusiva de la policía, dio un giro para situarse como responsabilidad de diversas instituciones públicas, privadas, organizaciones no gubernamentales y comunitarias,” dicen autores peruanos Ernesto de la Jara y César Bazán⁶. Esta tendencia se evidencia como en países desarrollados tanto y aún más en los del Tercer mundo. Si en los primeros se aumenta cantidad de empresas privadas de seguridad, en los últimos crece significación de órganos comunitarias encargadas de mantener orden social y legal.

Algunos académicos conectan el auge del vigilantismo (incluida la policía comunitaria y la autodefensa) en América Latina con la política neoliberal de la década de 1990 y principios de la de 2000⁷. Pero, de hecho, organismos de seguridad no gubernamentales existían en los países andinos mucho antes de que se “inventara” el neoliberalismo (como las rondas de hacienda en Perú, etc.). Entonces, tenemos que concluir que las instituciones de este tipo están mucho más arraigadas en la región y su existencia se debe a algunas características esenciales de las sociedades y estados andinos.

Otra explicación popular utiliza la metáfora del “estado poroso”, que se aplica muy a menudo a los países andinos. Los actores no estatales llenan estos “poros” en su estatalidad. Otros ven la causa de la actividad de los organismos de seguridad no gubernamentales en altos niveles de desigualdad que afectan la seguridad⁸. Todos estos enfoques pueden explicar algunos tipos de vigilantismo, pero no el fenómeno en su conjunto. En particular, los órganos policiales comunitarios o los grupos de autodefensas requieren que se construya un modelo explicativo más completo. Este fenómeno es mucho más profundo que una mera respuesta de algunos grupos marginados a la inseguridad y la amenaza de delincuentes.

El fenómeno de órganos coercitivos comunitarios es especialmente sensible para el sistema político dominante que tiene el Estado en su núcleo, ya que su existencia cuestiona el monopolio del Estado-Nación sobre el uso legítimo de la violencia. Como se dijo anteriormente, este fenómeno se puede considerar en el contexto de la transformación en curso del sistema político estatal. Conduce al surgimiento de nuevas formas de gobernabilidad, en las que instituciones comunitarias supuestamente desempeñarán un papel importante.

Conclusiones

Cuando instituciones del Estado son débiles, las de la sociedad pueden reemplazarlas hasta cierto punto. Por tanto, la viabilidad de un país en situación de estado fallido o débil depende de la madurez de su estructura social. Las sociedades fuertes y bien estructuradas deben tener mejores oportunidades de superar las turbulencias políticas y construir instituciones democráticas que las débiles y no estructuradas. En muchos países de América Latina, la unidad principal de la estructura social antes mencionada es la comunidad, que a menudo demuestra su eficacia en las circunstancias actuales. Sus instituciones constituyen la base para la construcción de una sociedad civil que surge de las estructuras heredadas de la sociedad tradicional. Entonces, se puede concluir que la presencia de una estructura comunitaria fuerte está relacionada con formación de la democracia. Donde existe tal estructura social, el pronóstico de desarrollo democrático puede ser más favorable que donde fue destruido. Sin embargo, su presencia no da garantía absoluta de que el gobierno en el país sea democrático, ni que al menos sea fuerte y capaz.

⁶ Ernesto Carlos de la Jara Basombrío y César Bazán, *Seminario ¿Cómo se forman los policías?: derechos humanos y policía comunitaria*, 1ª ed., Lima, 2018 (Lima, Tarea Asociación Gráfica Educativa).

⁷ Daniel Goldstein, “Toward a Critical Anthropology of Security”, *Current Anthropology* 51:4, 2010.

⁸ Brian Phillips, “Inequality and the Emergence of Vigilante Organizations: The Case of Mexican Autodefensas”, *Comparative Political Studies* 50:10, 2016, p. 1–32. <https://doi.org/10.1177/0010414016666863>

Bibliografía

1. de la Jara Basombrío, Ernesto Carlos y Bazán, César, *Seminario ¿Cómo se forman los policías?: derechos humanos y policía comunitaria*, 1ª ed., Lima, Pontificia Universidad Católica del Perú, Fondo Editorial, 2018 (Lima, Tarea Asociación Gráfica Educativa).
2. Goldstein, Daniel, "Toward a Critical Anthropology of Security", *Current Anthropology* 51:4, 2010, p. 487–517.
3. Koc-Menard, Sergio, "Fragmented Sovereignty: Why Sendero Luminoso Consolidated in Some Regions of Peru but Not in Others", *Studies in Conflict & Terrorism* 30:2, 2007, p. 173–206.
4. Fumerton, Mario, "Rondas Campesinas in the Peruvian Civil War: Peasant Self-Defence Organisations in Ayacucho", *Bulletin of Latin American Research* 20:4, 2001, p. 470–497.
5. Morgan, Kimberly y Orloff, Ann Shola, *The Many Hands of the State: Theorizing Political Authority and Social Control*, New York, Cambridge University Press, 2017.
6. Alvarez, Sonia, Rubin, Jeffrey, Thayer, Millie, Baiocchi, Gianpaolo, y Laó-Montes, Agustín, *Beyond Civil Society: Activism, Participation, and Protest in Latin America*, Durham; New York, Duke University Press, 2017.
7. Phillips, Brian, "Inequality and the Emergence of Vigilante Organizations: The Case of Mexican Autodefensas", *Comparative Political Studies* 50:10, 2016, p. 1–32. <https://doi.org/10.1177/0010414016666863>
8. Roudometof, Victor, *Glocalization: A Critical Introduction*, Oxon; New York, Routledge, 2016.
9. Van Creveld, Martin, *The Rise and Decline of the State*, Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

**ОТРАЖЕНИЕ
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ
ОСОБЕННОСТЕЙ И СОЦИАЛЬНЫХ
ПРОЦЕССОВ В ИСПАНИИ И ЛАТИНСКОЙ
АМЕРИКЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ И СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ
ИНФОРМАЦИИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

**REFLECTION OF LINGUO-CULTUROLOGICAL
FEATURES AND SOCIAL PROCESSES IN SPAIN
AND LATIN AMERICA IN ART AND MASS
MEDIA IN THE AGE OF GLOBALIZATION**

Н. Е. Расторгуева, Я. Барселей Рамирес¹

СМИ КУБЫ В УСЛОВИЯХ МЕДИАКОНВЕРГЕНЦИИ

**CUBAN MEDIA IN THE CONTEXT OF MEDIA
CONVERGENCE**

Аннотация. Цель данной статьи — оценить происходящие на острове коммуникативные процессы и выявить основные характеристики процесса медиаконвергенции. Особое внимание уделено формирующейся на Кубе коммуникативной социальной модели, изучению вопроса о том, как трансформация медиасферы влияет на потребителей информации. В настоящее время многие СМИ уже имеют цифровые версии, появляются информационные сайты, а также альтернативы для совместного развития различных каналов. Очевидно, что доступ к цифровому миру среди кубинской аудитории растет. Об этом свидетельствует одна

¹ **Расторгуева Наталья Евгеньевна**, Россия, соавтор, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории журналистики филологического факультета РУДН (rastorgueva-ne@rudn.ru). **Ярилейси Барселей Рамирес**, Куба, соавтор, аспирантка кафедры массовых коммуникаций филологического факультета РУДН (1042185080@rudn.ru).

из современных тенденций в кубинском обществе — возросшая популярность социальных сетей и цифровых негосударственных медиа, также называемых «независимыми» или «альтернативными» медиа, которые начинают оказывать большое влияние на социально-политическую жизнь страны. В частности, данные процессы привели к модернизации правовой сферы, заставили по-новому взглянуть на проблему ответственности СМИ перед обществом. В стране идет активная трансформация медиасистемы, обусловленная как изменениями в общественно-политической жизни Кубы, так и развитием технологий для производства контента. Предоставляемые Интернетом возможности и технологические инновации привели к появлению социокультурного процесса, основанного на взаимодействии технологии, СМИ и общества. Таким образом, можно говорить о процессе конвергенции как о текущем сценарии кубинской журналистики. Авторы приходят к выводу, что, несмотря на длительную международную изоляцию и недостаток государственного финансирования, медиарынок Кубы находится на этапе модернизации, а процессы медиаконвергенции оказывают влияние на трансформацию современных кубинских массмедиа, создавая новую информационно-коммуникационную парадигму.

Ключевые слова: Куба, медиаконвергенция, новые медиа, СМИ Кубы.

Abstract: The main goal of this article is to appraise the communicative process that takes place on the island of Cuba and identify the main characteristics of the media convergence process. Special attention is paid to the emerging communicative social model in Cuba, and the study of how this transformation of the media sphere affects information on the Cuban public opinion. At present, most of media outlets already have digital versions, information sites are emerging, as well as alternatives for the conscientious development of various channels. Obviously, access to the digital world among the Cuban people is growing. This is demonstrated by one of the current trends in Cuban society: the growing popularity of social networks and non-state digital media, also called “independent” or “alternative” media, which are beginning to have a great impact on the socio-political life of the country. These processes have led to the modernization of the legal sphere and have forced a new perspective on the problem of the responsibility of the media with society. The country is undergoing an active transformation of the media system, due both to changes in the social and political life of Cuba and to the development of technology to produce content. The opportunities of the Internet and technological changes have led to the integration of a sociocultural process based on the interaction of technology, the media and society. Therefore, the convergence process can be seen as the current scenario of Cuban journalism. The authors conclude that, despite the long international isolation and lack of public funds, the Cuban media market is in a stage of modernization, and the process of media convergence impacts on the transformation of the modern Cuban media, creating a new paradigm of information and communications.

Key words: Cuba; Media convergence; new media; Cuban media.

Феномен медиаконвергенции, о котором западные исследователи заговорили в середине XX в., основан на развитии технологий, связанных с появлением цифровых языков и оцифровке СМИ, полностью преобразовавших культурное потребление. Цифровые технологии, и особенно Интернет, принесли с собой обогащение информационных языков, модальностей связей с общественностью, повсеместность и темпоральность информации, производство новых медиа, контента и, наконец, повлияли на многие из наиболее важных областей журналистики. Изучению вопросов медиаконвергенции посвящен ряд работ крупнейших российских и зарубежных исследователей: Е. Л. Вартановой, Г. Дженкинса, Я. Н. Засурского, М. Кастельса, А. Г. Качкаевой, М. М. Лукиной и др.

Согласно М. М. Лукиной, сегодня исследователями СМИ и журналистами конвергенция рассматривается как комплексный процесс, осуществляемый сразу в нескольких измерениях². Следует отметить, что некоторые авторы (М. Кастельс, М. М. Лукина, Веласкес Гарсия) сходятся во мнении, что технологическое слияние СМИ является не ядром явления, а скорее его пусковым механизмом, поскольку из-за изменения

² Анастасия Алексеева, Елена Вартанова, Людмила Круглова, Наталья Лосева, Мария Лукина, Ксения Лученко, Андрей Рихтер, Ольга Смирнова и Ирина Фомичева, *Интернет-СМИ: Теория и практика*, Москва, Аспект Пресс, 2010, с. 11.

технологических характеристик, приобретенных цифровыми СМИ, появился культурный, социальный и медийный процесс, который сегодня мы называем конвергенцией СМИ. «Конвергенция — это не технологическое явление, как многие склонны думать, а скорее основанный на технологии культурный, социальный, символический, семиотический, политический, экономический и антропологический феномен», — считает колумбийский исследователь Г. Веласкес Гарсия³.

Говоря об особенностях процесса медиаконвергенции на Кубе, необходимо учитывать специфический фактор: Куба — социалистическое государство, которое долгое время находится в международной изоляции, что не может не накладывать отпечаток на развитие ее медиаиндустрии. На Кубе не существует закона о СМИ. Частично его роль выполняют Конституция и Уголовный кодекс. Согласно ст. 55, принятой в 2019 г. Конституции страны, за гражданами признается право на свободу печати в соответствии с законом и целями общества. Распространяемые в любой форме и с помощью любых носителей средства массовой информации являются социалистической собственностью всего народа или политических, общественных и массовых организаций и не могут быть объектом другого типа собственности. Государство устанавливает принципы организации и функционирования всех средств массовой информации⁴.

Одними из характерных особенностей конвергенции являются расширение возможностей СМИ с помощью использования интернет-технологий в процессе создания и распространения контента, а также эффективное взаимодействие с целевой аудиторией. Несмотря на то, что первое электронное СМИ («Гранма Интернасьональ» («Granma Internacional»)) начало функционировать в 1996 г., появление интернета на Кубе (официальная дата — 1996 г.) поначалу не оказало сильного влияния на развитие СМИ, поскольку до 2012 г. доступ во всемирную сеть осуществлялся только с помощью спутниковых каналов и был ограничен туристическими гостиницами и государственными учреждениями. В 2009 г. президент Венесуэлы Уго Чавес подписал распоряжение о выделении 70 млн долларов на прокладку оптоволоконного кабеля по дну Карибского моря из Венесуэлы. Работы были закончены в 2011 г., а его полный ввод в эксплуатацию произошел в 2014 г. Свободный доступ к интернету кубинское население получило к концу 2015 г. с появлением первых общественных зон Wi-Fi, а в 2018 г. на острове появился мобильный интернет. Это событие стало своеобразной вехой в истории острова. «Интернет стал чем-то вроде “перестройки” для кубинцев»⁵, — так охарактеризовал это явление редактор кубинской оппозиционной онлайн газеты «UCubate».

Согласно отчету, подготовленному компаниями We Are Social и Hootsuite, на январь 2021 г. на Кубе при населении 11,32 млн человек интернетом пользовались 7,7 млн человек. (68 %), 6,14 млн (54,3 %) использовали мобильный интернет, 6,28 млн (55,5 %) были активными пользователями социальных сетей⁶. Согласно данным занимающегося анализом веб-трафика ирландского веб-сайта StatCounter, на август 2021 г. в пятерку наиболее популярных у кубинцев соцсетей вошли Facebook (62,92 %), Twitter (18,74 %), Pinterest (15,3 %), YouTube (1,58 %) и Tumblr (1,19 %)⁷.

Именно с появлением массового интернета произошло резкое увеличение степени вовлеченности аудитории в процессы коммуникации. Этот факт наглядно подтверждает серия кубинских антиправительственных протестов, которая прокатилась по стране в июле

³ German Velázquez García, “Convergencia mediática y nuevas formas de comunicación”, *Revista Politécnica* 9:16, 2013, p. 117.

⁴ “Constitución de la República de Cuba”, *Cubadebate* [Электронный ресурс]. URL: <http://media.cubadebate.cu/wp-content/uploads/2019/01/Constitucion-Cuba-2019.pdf> (дата обращения: 27.09.2021).

⁵ Cecilia Barría, “Protestas en Cuba: qué papel juegan ‘la directa’ y las redes sociales en las históricas manifestaciones en la isla”, *BBC News Mundo* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/mundo/noticias-america-latina-57783099> (дата обращения: 28.09.2021).

⁶ Simon Kemp, “Digital 2021: Cuba”, *Datareportal* [Электронный ресурс]. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2021-cuba> (дата обращения: 25.09.2021).

⁷ “Social Media Stats Cuba”, *Statcounter Global Stats* [Электронный ресурс]. URL: <https://gs.statcounter.com/social-media-stats/all/cuba> (дата обращения: 25.09.2021).

2021 г. Поводом стала нехватка продуктов питания и медикаментов, усугубившаяся на фоне эпидемии COVID-19. О начавшихся в расположенном в 26 км от столицы Кубы городе Сан-Антонио-де-лос-Баньос протестах жители Кубы узнали из прямой трансляции, которую увидели на Facebook Live. Эта видеоплатформа популярна у кубинских оппозиционеров, потому что в отличие от записанного видео, которое можно стереть, такой способ доставки информации гарантировано «дойдет» до своего зрителя. Увидев происходящее, жители других городов также стали выходить на улицу. Таким образом проявилась свойственная для современных медиа мгновенная обратная связь. Один из активистов, Альфредо Мартинес Рамирес, назвал этот процесс «эффектом домино». «Слушать рассказ о том, что происходит и видеть это на экране — не одно и то же. Последнее придает смелости», — заявил он⁸.

Еще до беспорядков власти Кубы начали реформирование законодательства страны в области правового регулирования деятельности СМИ. В июле 2019 г. вступил в силу Декрет-закон № 370/2018 об «информатизации общества», который запретил распространение «противоречащей общественным интересам, морали, добрым обычаям и неприкосновенности личности информации»⁹. После акций протеста, 17 августа 2021 г. был принят Декрет-закон № 35, в котором были перечислены инциденты кибербезопасности с четырьмя уровнями опасности — от низкого до очень высокого. Законодательный акт запретил распространение ложной информации, подстрекательство к насилию, кибертерроризм, кибервойну и т. д.¹⁰

Развитие интернета на Кубе способствовало развитию оппозиционной журналистики. Эти цифровые медиа, которые их создатели называют «независимыми» или «альтернативными», подвергаются резкой критике в официальных кубинских СМИ: «Диарио де Куба» («Diario de Cuba» — «Кубинская газета»), «Кубанет» («Cubanet»), «АДН Куба» («ADN Cuba») и др. На сегодняшний день одной из самых известных кубинских оппозиционных журналисток является Йоани Мария Санчес Кордеро, обретшая мировую известность благодаря своему блогу «Поколение Y», а в 2014 г., вместе со своим мужем, Рейналдо Эскобаром, начавшая издавать первую электронную независимую газету «14имедиа» («14ymedio» — «Четырнадцать с половиной»), что многие посчитали тогда доказательством смягчения политики властей по отношению к оппозиции.

Рассмотрим подробнее сайт этого СМИ (<https://www.14ymedio.com>). Его отличает простой, лаконичный дизайн с преобладанием в оформлении белого, серого и оранжевого цветов. Представленные немногочисленные фотографии не несут художественной ценности и выполняют чисто информационную функцию, инфографика отсутствует. Преобладают информационные и информационно-аналитические жанры. Тексты представлены на испанском и английском языках. Хорошо развита интерактивная связь с аудиторией — читатели имеют возможность оставить комментарий к статье. Более того, у названия каждого размещенного на главной странице сайта материала есть данные о количестве людей, которые его прокомментировали, что позволяет сделать вывод о популярности той или иной темы у аудитории. Рубрики: актуальное (подрубрики: Куба, экономика, международная жизнь, культура, общество, наука и технология, спорт), репортажи, мнения, культурные события, английская версия. У газеты есть аккаунты в популярных социальных сетях: LinkedIn, Facebook, Twitter. На сайте есть ссылка, перейдя по которой можно оставить пожертвование газете в размере 10, 30 и 50 долларов (или выбрать свой вариант).

В интернет-пространстве Кубы представлены не только независимые СМИ. Правительство также создает электронные СМИ, не уступающие, а даже превосходящие по своим характеристикам независимые. Это, например, новостные сайты «Кубадебате»

⁸ Cecilia Barría, *Op. cit.*

⁹ “Decreto-ley No. 370 ‘Sobre la Informatización de la Sociedad en Cuba’”, *Juris Cuba* [Электронный ресурс]. URL: <http://juriscuba.com/decreto-ley-no-370/> (дата обращения: 28.09.2021).

¹⁰ “Decreto-ley No. 35 ‘De las Telecomunicaciones, las Tecnologías de la Información y la Comunicación y el uso del Espectro Radioeléctrico’”, *Gaceta oficial de la República de Cuba* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gacetaoficial.gob.cu/sites/default/files/goc-2021-092.pdf> (дата обращения: 28.09.2021).

(«Cubadebate»), «Куба Си» («Cuba Sí») и «первый кубинский электронный журнал»¹¹ «Кубаора» («Cubahora»). Некоторые различия в оформлении (способе представления новостей, цветовом оформлении сайтов) и тематике (большой уклон в сторону правовой и общественно-политической информации у «Кубаора» и более развлекательная направленность у «Куба Си») говорят о диверсификации контента и существовании сегментации в структуре государственных СМИ. Есть отличия и в количестве языков, которые используются для публикации информации на сайте — у «Кубаора» это только испанский, у «Куба Си» — испанский и английский, а «Кубадебате» размещает материалы на восьми языках (английский, арабский, испанский, итальянский, немецкий, португальский, французский, русский), что позволяет сделать вывод о том что правительство использует данное СМИ как средство доведения до мировой общественности официальной позиции кубинских властей. У всех перечисленных сайтов есть аккаунты в популярных социальных сетях: LinkedIn, Facebook, Twitter, а также YouTube-каналы; есть возможность комментирования статей.

Традиционные СМИ также не остаются в стороне от процесса преобразований. Примером подобной трансформации является сайт газеты «Гранма» официального печатного органа Центрального комитета Коммунистической партии Кубы. На нем представлен разнообразный контент на шести языках (английский, испанский, итальянский, немецкий, португальский, французский). В дизайне преобладают красные и белые тона — цвета национального флага страны. Особым, ярко-желтым цветом выделен баннер, нажав на который можно перейти в раздел под названием «Фейк ньюс — у лжи короткие ноги» («Fake News — La mentira tiene patas cortas»), что позволяет нам предположить, что желтый в данном случае используется для создания ассоциаций с так называемой «желтой прессой», в которой часто публикуются ложные новости и сплетни. Данный раздел создан специально для борьбы с кампанией против политики кубинского правительства, развернутой в социальных сетях, а также в оппозиционных и международных СМИ. На сайте преобладают сопровождаемые фотоматериалами информационные и информационно-аналитические жанры, реже встречаются публицистические. Несколько разделов испанской версии посвящены материалам, написанным кубинскими революционными лидерами («Фидель» / «Fidel», «Речи Рауля» / «Discursos de Raúl», «Речь Диас-Канеля» / «Discurso de Díaz-Canel»), а также политической жизни страны («VIII Конгрессе Коммунистической партии Кубы» / «VIII Congreso del PCC», «Заказное задание» / «Tarea de Ordenamiento», «Сегодня в истории» / «Hoy en la historia»). Хорошим решением, на наш взгляд, является деление материалов на «Самые читаемые сегодня», «Самые читаемые», «Материалы, которыми больше всего поделились» и «Самые комментируемые». У издания есть аккаунты в социальных сетях Facebook, Twitter, Instagram, Telegram, а также YouTube-канал.

Основываясь на представленных выше данных, мы пришли к следующему заключению. Исходя из нынешних социальных реалий, можно утверждать, что с появлением массового доступа в интернет начался процесс активной модернизации кубинской медийной системы. Несмотря на то, что система СМИ по-прежнему напрямую контролируется правительством, в стране появились альтернативные медиа, а также так называемая «гражданская журналистика», когда люди, не имеющие специального журналистского образования, создают и размещают в Интернете собственный контент. Таким образом, социальные сети и социальные медиа стали пространством для обмена новостями и мнениями, ведения дискуссий о текущих проблемах, которые волнуют кубинское общество. Можно сделать вывод, что государственные медиа утратили роль единственного поставщика информации, а также (частично) монополию на формирование повестки дня. Изменения коснулись и медиатекста — на сайтах используется конвергентный вариант подачи информации, когда текстовый материал сопровождается видео-, аудио-, фото- или инфографикой, происходит постепенная либерализация всех

¹¹ *Cubahora* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cubahora.cu/> (дата обращения: 28.09.2021).

типов норм (особенно жанровых). У СМИ появились аккаунты в социальных сетях, которые активно используются ими для продвижения собственной продукции.

В то же время журналистика страны, вступив в эпоху модернизации, переживает структурный кризис традиционных СМИ, связанный с финансовыми трудностями, проблемами в редакционном менеджменте, слабым материально-техническим оснащением редакций, вертикальными, однонаправленными отношениями с властью.

Хорошо известно, что Куба с ее нынешней политической, экономической и социальной системой, которую одни критикуют, а другие хвалят, является особым примером в мире. Кубинская система СМИ, естественно, также подвергается критике. Проведенное исследование показало, что политика социальной коммуникации, а также компьютеризация кубинского общества, способствовала обновлению кубинской системы СМИ, внесла вклад в ее модернизацию, ведущую к созданию более информированного общества.

Библиография

1. Алексеева А. О., Вартанова Е. Л., Круглова Л. А., Лосева Н. Г., Лукина М. М., Лученко К. В., Рихтер А. Г., Смирнова О. В., Фомичева И. Д. Интернет-СМИ: Теория и практика. М.: Аспект Пресс, 2010.
2. Barría C. Protestas en Cuba: qué papel juegan “la directa” y las redes sociales en las históricas manifestaciones en la isla // BBC News Mundo [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/mundo/noticias-america-latina-57783099> (дата обращения: 28.09.2021).
3. Constitución de la República de Cuba // Cubadebate [Электронный ресурс]. URL: <http://media.cubadebate.cu/wp-content/uploads/2019/01/Constitucion-Cuba-2019.pdf> (дата обращения: 27.09.2021).
4. Cubahora [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cubahora.cu/> (дата обращения: 28.09.2021).
5. Decreto-ley No. 35 «De las Telecomunicaciones, las Tecnologías de la Información y la Comunicación y el uso del Espectro Radioeléctrico» // Gaceta oficial de la República de Cuba [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gacetaoficial.gob.cu/sites/default/files/goc-2021-o92.pdf> (дата обращения: 28.09.2021).
6. Decreto-ley No. 370 «Sobre la Informatización de la Sociedad en Cuba» // Juris Cuba [Электронный ресурс]. URL: <http://juriscuba.com/decreto-ley-no-370/> (дата обращения: 28.09.2021).
7. Kemp S. Digital 2021: Cuba // Datareportal [Электронный ресурс]. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2021-cuba> (дата обращения: 25.09.2021).
8. Social Media Stats Cuba // Statcounter Global Stats [Электронный ресурс]. URL: <https://gs.statcounter.com/social-media-stats/all/cuba> (дата обращения: 25.09.2021).
9. Velázquez García G. Convergencia mediática y nuevas formas de comunicación // Revista Politécnica. 2013. Vol. 9. Iss. 16. P. 117–130.

Г. С. Филаткина¹

ПАНДЕМИЯ COVID-19 В ОТРАЖЕНИИ БРАЗИЛЬСКИХ МАССМЕДИА (2020–2021)

THE COVID-19 PANDEMIC AS REFLECTED IN THE BRAZILIAN MEDIA (2020–2021)

Resumen: El artículo analiza el impacto de la pandemia COVID-19 en la industria de los medios de comunicación de Brasil. Se examina la cobertura de la pandemia del coronavirus en los tres principales periódicos brasileños: Folha de S. Paulo, Estado de S. Paulo y O Globo. Como marco cronológico se seleccionaron los períodos de finales de abril de 2020, cuando se desarrolló activamente la primera ola del COVID-19 en Brasil, y de finales de mayo de 2021, el momento de la mayor acción antigubernamental desde el inicio de la pandemia. Se considera la imagen del presidente brasileño Jair Bolsonaro, formada en las publicaciones de los diarios elegidos. Se concluye la evolución de la cobertura de los eventos relacionados con la pandemia COVID-19 en los diarios brasileños. En abril de 2020 los periódicos brasileños evaluaron críticamente las acciones del presidente contra el nuevo virus, criticaron *su rechazo* a las medidas de aislamiento social y del uso de *máscaras*. En mayo de 2021 los medios de comunicación brasileños muestran una posición neutral en cuanto a las protestas contra la política de Bolsonaro y cobraron las protestas superficialmente.

Palabras claves: Brasil, pandemia, coronavirus, COVID-19, Bolsonaro, medios de comunicación.

Abstract: The article analyzes the impact of the COVID-19 pandemic on the Brazilian media industry. The coverage of the coronavirus pandemic in the online versions of three major Brazilian media — Folha de S. Paulo, Estado de S. Paulo and O Globo is analyzed by the method of content analysis. Two chronological frameworks are defined for analysis: the end of April 2020, when the first wave of the pandemic actively developed in Brazil, and the end of May 2021, the time of the largest anti-government action since the beginning of the pandemic. The image of the Brazilian President Jair Bolsonaro is considered by the publications of the chosen media for the selected periods. It reached the conclusion about the evolution of the Brazilian media coverage of events related to the COVID-19 pandemic. In April 2020, the Brazilian media assessed critically the president's actions against a new rapidly spreading virus, criticized his refusal to wear masks and social distancing. In May 2021, the main Brazilian papers generally demonstrated a neutral position towards the protests against Bolsonaro's policies and covered the protests superficially.

Key words: Brazil; pandemics; coronavirus; COVID-19; Bolsonaro; mass media.

Ковидный коллапс в Бразилии

Среди латиноамериканских стран Бразилия в наибольшей степени пострадала от пандемии COVID-19. Страна находится на третьем месте в мире по числу заражений COVID-19 после США и Индии (21,3 млн на сентябрь 2021 г.) и на втором месте по смертности от данного вируса после США (596 тыс. на сентябрь 2021 г.)². Согласно агентству AP, четверть всех ежедневных смертей от коронавируса приходится на

¹ Филаткина Гелия Сергеевна, Россия, кандидат филологических наук, старший преподаватель факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова (geliafilatkina@gmail.com).

² *Painel Coronavírus* [Электронный ресурс]. URL: <https://covid.saude.gov.br/> (дата обращения: 29.09.2021).

Бразилию³. В стране наблюдается коллапс системы здравоохранения: для лечения заболевших не хватает медицинской инфраструктуры, отсутствует координация по сдерживанию распространения эпидемии на национальном уровне. Медленными темпами продвигается вакцинация населения.

Ситуацию усугубляет бездействие президента Жаира Болсонару, не требующего всеобщей вакцинации и выступающего против введения общенационального локдауна. Вопреки рекомендациям министерства здравоохранения, Болсонару проводит встречи со своими сторонниками, пренебрегая мерами безопасности. Демонстративно не надевая маску и не соблюдая социальную дистанцию, бразильский лидер стал объектом порицания большинства национальных СМИ. В качестве оправдания своим действиям Болсонару заявлял, что он должен спасать жизни бразильцев, однако не забывать при этом о рабочих местах. Поэтому принимаемые им меры не должны сильно ударить по национальной экономике.

Со стороны бразильской исполнительной власти преуменьшение опасности распространения эпидемии по стране привело к обострению ковидного коллапса и спекуляции темой в медиапространстве. Распространение слухов, мистификаций и конспирологических теорий в медиасреде нередко происходит именно в период кризисных ситуаций. Фейковые новости активно множатся на различных онлайн-платформах, усиливая общественное беспокойство. Инфодемия становится не менее опасной, чем сам вирус, поскольку отсутствие точных и проверенных сведений способствует быстрому и неконтролируемому распространению непроверенной информации. Пандемия COVID-19 в этом плане также негативно сказалась на медиапространстве Бразилии. Посредством социальных сетей в СМИ стала проникать непроверенная информация, имеющая отношение к статистике по заболеваемости и смертности от COVID-19, а также к методам лечения от нового вируса.

Медиаиндустрия Бразилии в период пандемии

Сильно пострадала в период эпидемии COVID-19 и сама медиаиндустрия Бразилии. В первую очередь бразильские издатели столкнулись со снижением доходов от рекламы, от чего сильно пострадали местные газеты, а также с транспортными сложностями, вызванными ограничениями на поездки и сокращением числа авиаперелетов. Бесплатная газета «Metro», распространявшаяся на транспорте, и вовсе приостановила свои выпуски. Некоторым региональным изданиям, например «O Tempo» из Белу-Оризонти, пришлось пойти на сокращение штата. Другие издания, например «O Estado de São Paulo», предложили своим сотрудникам временное сокращение заработной платы на 25 % с соответствующим сокращением рабочего времени на 25 %⁴. Таким образом, бизнес-модель функционирования большинства газет в Бразилии, основанная на рекламе, находится в настоящее время в глубоком кризисе. Многим местным изданиям грозит полное исчезновение с рынка именно в тот момент, когда они представляют большую значимость. В период пандемии бразильской аудитории как никогда важно получать оперативную и проверенную информацию о событиях в городе и в стране.

Вместе с тем значительно выросли объемы потребления цифровых версий бразильских газет. В марте 2020 г. сайт газеты «Folha de São Paulo» посетили 70 млн уникальных посетителей — исторический рекорд, свидетельствующий о том, что читатели

³ “Бразилия оказалась на грани COVID-коллапса”, *Интерфакс* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/world/758253> (дата обращения: 29.09.2021).

⁴ Indiana Tomazelli, “Nova rodada de programa de redução de jornada e salário já alcança mais de 30 mil trabalhadores”, *O Estado de S. Paulo* [Электронный ресурс]. URL: <https://economia.estadao.com.br/noticias/geral,nova-rodada-de-programa-de-reducao-de-jornada-e-salario-ja-alcanca-mais-de-30-mil-trabalhadores,70003699845> (дата обращения: 15.09.2021).

высоко оценили публикуемый контент⁵. Некоторые издания, например «O Estado de S. Paulo», задумываются о полном прекращении выпусков бумажных версий и переходе на цифровые платформы.

В отличие от печатной индустрии в вещательном секторе Бразилии в период пандемии COVID-19 наблюдаются противоположные тенденции. Так, в 2020 г. телевидение оставалось самым популярным средством массовой информации среди бразильцев: среднесуточное телепотребление в 2020 г. достигло 7 ч 09 мин⁶. Это самый высокий показатель телевизионного потребления за последние годы. За год он вырос почти на 0,9 ч. Большое влияние на увеличение телепотребления оказала пандемия COVID-19, вынудившая бразильцев больше проводить времени дома. Телевидение также остается ведущим СМИ среди рекламодателей. Пандемия повлияла и на развитие кабельного и спутникового телевидения, IPTV и новых видеосервисов (OTT, VoD, TV Everywhere). Бразилия стала восьмым по размерам рынком платного телевидения в мире.

Большую роль в период пандемии в Бразилии играют фактчекинговые агентства, выпускающие отчеты, публикуемые национальными медиа, а также проводящие специальные обучающие семинары по проверке фактов. Одним из таких агентств является Agência Lupa, которое с 2015 г. занимается проверкой фактов, распространяемых в социальных сетях. Отчеты агентства позволяют разоблачать публикуемую в медиа непроверенную информацию, которая может нанести вред здоровью людей. В частности, это касается материалов, пропагандирующих ложные методы лечения от COVID-19. Основными каналами распространения фейковых новостей стали мессенджер WhatsApp и социальная сеть Facebook. В Бразилии зарегистрировано порядка 150 млн пользователей Facebook⁷. Принимая во внимание эту цифру, можно понять, что очевидна роль бразильских медиа и научных коммуникаторов в разработке контента, основанного на проверенных данных, который позволит аудитории повысить свою медицинскую грамотность и противостоять распространению ложной информации.

Пандемия COVID-19 в зеркале бразильских медиа

Для того чтобы понять, как освещается ситуация с коронавирусом в национальных массмедиа Бразилии, какие акценты расставляют журналисты в своих материалах, был проведен контент-анализ публикаций, размещенных в онлайн-версиях крупнейших бразильских изданий.

В рамках контент-анализа были рассмотрены 200 публикаций трех крупнейших бразильских изданий — «Folha de S. Paulo», «O Globo» и «O Estado de S. Paulo». Эти газеты являются крупнейшими в стране периодическими изданиями по печатным тиражам и по потреблению цифровых версий. В 2020 г. газета «Folha de S. Paulo» стала лидером бразильской прессы по совокупному печатному и электронному тиражу (343,5 тыс. экземпляров)⁸, несмотря на то что это качественная газета, в то время как у бразильской аудитории традиционно более востребована массовая печать. Во многом это свидетельствует об увеличении среди бразильцев спроса на качественный контент, на экспертные комментарии и аналитические колонки. В условиях инфодемии и неконтролируемого распространения непроверенной информации подобный интерес

⁵ Breno Pires, “Brazilian media on COVID-19”, *Journal of International Affairs* [Электронный ресурс]. URL: <https://jia.sipa.columbia.edu/online-articles/brazilian-media-covid-19> (дата обращения: 10.09.2021).

⁶ Karol Albuquerque, “Brazil breaks record in video consumption in 2020”, *Olhar Digital* [Электронный ресурс]. URL: <https://olhardigital.com.br/en/2021/03/04/cinema-e-streaming/brasil-bate-recorde-em-consumo-de-videos-em-2020/> (дата обращения: 10.09.2021).

⁷ Internet usage and population statistics for South America, 2021, *Internet World Stats* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.internetworldstats.com/stats15.htm> (дата обращения: 10.09.2021).

⁸ Average paid circulation of selected newspapers in Brazil in June 2020, *Statista* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/261629/leading-newspapers-in-brazil-by-circulation/> (дата обращения: 10.09.2021).

бразильцев к качественной прессе вполне объясним. Этим объясняется и наше обращение к контенту традиционных медиа, в частности к прессе, демонстрирующей попытки противостоять распространению фейков о COVID-19, особенно в период первой волны ковида, когда новый вирус еще не был изучен в достаточной мере.

Немного уступает «Folha de S. Paulo» по тиражу газета «O Globo», принадлежащая крупнейшей бразильской медиакорпорации Grupo Globo (341,7 тыс. экземпляров)⁹. С существенным отрывом по показателям совокупного тиража третью позицию занимает качественное издание «O Estado de S. Paulo» (233,3 тыс. экземпляров)¹⁰.

Для анализа были выбраны два периода: 20–29 апреля 2020 г., период стремительного распространения вируса в стране, и 28 мая — 6 июня 2021 г. — проведение крупнейшей с начала пандемии антиправительственной акции, направленной против политики президента Бразилии по борьбе с коронавирусом. Первый период характеризовался молниеносным распространением коронавируса в стране: только за десять дней (с 20 по 29 апреля) число случаев заражений в Бразилии увеличилось вдвое: с 4000 до 85 000¹¹. Уже в следующем месяце Бразилия вышла на третье место в мире по числу инфицированных¹². В апреле 2020 г. президент Жаир Болсонару отправил в отставку министра здравоохранения Луиса Энрике Мандетту из-за разногласий в подходах по борьбе с эпидемией. Министр здравоохранения выступал за соблюдение социальной дистанции и ограничение социальных контактов. Спустя год, в мае 2021 г., в Бразилии уже насчитывалось 16,5 млн случаев заболевших коронавирусом.

Контент-анализ 130 материалов, опубликованных в первый период, показал, что 65 из них были посвящены не новому вирусу, а кризису в области здравоохранения, вызванному действиями главы государства, выступившим своеобразным отвлекающим фактором от проблем, связанных с коронавирусом. Внимание прессы было приковано к кризису в области здравоохранения и одновременно к политическому кризису, спровоцированному действиями Болсонару.

В некотором смысле действия Болсонару можно сравнить с политикой Дональда Трампа в Соединенных Штатах. Болсонару политизировал и поляризовал дискуссии по медицине, разделяя аудиторию на своих сторонников и противников. Называя COVID-19 «маленьким гриппом»¹³, Болсонару неоднократно заявлял, что национальная экономика должна быть восстановлена, открыто высказывался против мер социального дистанцирования, рекомендованных Всемирной организацией здравоохранения¹⁴. Такая позиция президента добавила ему поддержки со стороны противников вакцинации.

В этот период Болсонару принимает ряд решений, которые неизменно повлияли на снижение его рейтинга и вызвали недовольство действиями президента среди населения: 20 апреля он принял участие в митинге перед штаб-квартирой вооруженных сил страны, на котором собравшиеся выступали против мер по социальному дистанцированию, которые вводят губернаторы большинства штатов, и за переосмысление событий 1964–1985 гг., когда в стране действовала военная диктатура¹⁵. Незадолго до этого 16 апреля он уволил

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

¹¹ *Painel Coronavírus* [Электронный ресурс]. URL: <https://covid.saude.gov.br/> (дата обращения: 15.09.2021).

¹² Ibid.

¹³ Ricardo Della Coletta, “Em pronunciamento, Bolsonaro critica fechamento de escolas, ataca governadores e culpa mídia”, *Folha de S. Paulo* [Электронный ресурс]. URL: <https://www1.folha.uol.com.br/poder/2020/03/em-pronunciamento-bolsonaro-critica-fechamento-de-escolas-ataca-governadores-e-culpa-midia.shtml> (дата обращения: 16.09.2021).

¹⁴ Talita Fernandes, “Bolsonaro contraria consenso científico e diz que isolamento foi inútil contra Covid-19”, *Folha de S. Paulo* [Электронный ресурс]. URL: <https://www1.folha.uol.com.br/equilibrioesaude/2020/04/bolsonaro-contraria-consenso-cientifico-e-diz-que-isolamento-foi-inutil-contr-a-covid-19.shtml> (дата обращения: 16.09.2021).

¹⁵ Ricardo Della Coletta, Renato Onofre, “Bolsonaro Participates in A Pro-Military Protest”, *Folha de S. Paulo* [Электронный ресурс]. URL: <https://www1.folha.uol.com.br/internacional/en/brazil/2020/04/bolsonaro-participates-in-a-pro-military-protest.shtml> (дата обращения: 16.09.2021).

министра здравоохранения Энрике Мандетту после конфликта о методах противостояния коронавирусу. А 24 апреля он уволил главу федеральной полиции Маурисио Валеисо, что впоследствии привело к отставке министра юстиции Сержиу Мору¹⁶.

Действия президента привлекли внимание бразильских СМИ, поскольку генеральная прокуратура с разрешения Федерального Верховного суда начала проводить расследование решений лидера страны. Оппозиционные партии, группы гражданского общества и даже Бразильская ассоциация прессы (АВІ) потребовали импичмента Болсонару¹⁷.

В этот сложный для страны период ситуация с распространением ковида начала выходить из-под контроля. 29 апреля 2020 г. газета «O Estado de S. Paulo» отмечает, что Бразилия впервые превзошла Китай по числу погибших от COVID-19. Число погибших достигло 5 017 человек, на что президент страны ответил: «И что теперь? Что я могу сделать? Меня хоть и зовут Мессия (второе имя президента Мессиас. — Г. Ф.), но чудес я не творю. Мне жаль, что сложилась такая ситуация. Увы, такова жизнь»¹⁸. По состоянию на 28 апреля, среди десяти стран с наибольшим числом случаев заболевания Бразилия была единственной, в которой число заболевших росло, а не приостанавливалось¹⁹.

До начала уголовных расследований и резкого роста числа смертей от COVID-19 заголовки анализируемых изданий отражали давление президента на возобновление доковидной экономической деятельности. С 20 по 24 апреля в некоторых материалах, например в издании «O Globo», освещались дискуссии об ослаблении карантинных мер, возобновлении экономики, открытии учебных заведений. В целом за анализируемый период бразильские медиа демонстрируют препятствия со стороны Болсонару усилиям городов и штатов по сдерживанию распространения коронавируса.

Что касается образа самого президента, передовицы ведущих национальных газет демонстрируют весьма критичное отношение к Болсонару. Издания представляют президента Бразилии как неэффективного и некомпетентного лидера, отрицающего передовую практику, рекомендованную национальными и международными медицинскими сообществами. После увольнения министра здравоохранения газета «Folha de S. Paulo» откровенно обвиняла Болсонару в невежестве и малодушии и неспособности руководить страной в чрезвычайной ситуации²⁰. В газете привели следующую интересную метафору: «Правительство Жаира Болсонару находится под знаком Танатоса, бога смерти в греческой мифологии. Он всегда посвящал себя уничтожению — сначала реальных и воображаемых врагов, затем своих собственных союзников, включая министров, которые отвечали ему преданностью, и, в конце концов, самого себя <...>. Необходимо остановить эту эскалацию, прежде чем Болсонару окончательно уничтожит саму страну»²¹.

Второй изучаемый период (28 мая — 6 июня 2021 г.) был ознаменован проведением в стране массовых митингов. Порядка 420 тыс. недовольных политикой президента вышли 29 мая на улицы десятков бразильских городов, призывая к закупке вакцин против коронавируса, возвращению программы социальной поддержки в период пандемии и соблюдению прав на образование и здравоохранение. Это были первые с начала пандемии

¹⁶ Aguirre Talento, “Bolsonaro demite diretor-geral da PF, e Moro avalia deixar governo”, *O Globo* [Электронный ресурс]. URL: <https://oglobo.globo.com/brasil/bolsonarodemite-diretor-geral-da-pf-moro-avalia-deixar-governo-24390666> (дата обращения: 16.09.2021).

¹⁷ Bianca Gomes, *Associação Brasileira de Imprensa envia pedido de impeachment de Bolsonaro à Câmara*, *O Estado de S. Paulo* [Электронный ресурс]. URL: <https://politica.estadao.com.br/noticias/geral,associacao-brasileira-de-imprensa-envia-pedido-de-impeachment-de-bolsonaro-a-camara,70003294619> (дата обращения: 16.09.2021).

¹⁸ Matheus Schuch do Valor, “E daí? Lamento. Quer que eu faça o quê?”, reage Bolsonaro após número recorde de mortes por coronavírus”, *O Globo* [Электронный ресурс]. URL: <https://oglobo.globo.com/politica/e-dai-lamento-quer-que-eu-faca-que-reage-bolsonaro-apos-numero-recorde-de-mortes-por-coronavirus-24399480> (дата обращения: 16.09.2021).

¹⁹ *Painel Coronavírus* [Электронный ресурс]. URL: <https://covid.saude.gov.br/> (дата обращения: 16.09.2021).

²⁰ Barbaros no portão, *Folha de S. Paulo* [Электронный ресурс]. URL: <https://www1.folha.uol.com.br/opiniao/2020/04/barbaros-no-portao.shtml> (дата обращения: 16.09.2021).

²¹ Sob o signo de Tânatos, *O Estado de S. Paulo* [Электронный ресурс]. URL: <https://opiniao.estadao.com.br/noticias/notas-e-informacoes,sob-o-signo-de-tanatos,70003282391> (дата обращения: 15.09.2021).

массовые демонстрации против президента и его отношения к COVID-19. Активное участие в них приняли профсоюзы, студенческие организации, представители оппозиционных партий.

Массовые митинги снизили и без того невысокий рейтинг Болсонару. Согласно рейтингу, опубликованному 10 мая, уровень поддержки бразильского правительства достигал 24 %²². Принимая во внимание тот факт, что в октябре 2022 г. в Бразилии должны состояться всеобщие выборы, на которых Болсонару планирует выставлять свою кандидатуру на второй срок, низкие показатели рейтинга поддержки могут оказать непосредственное влияние на итоги выборов.

Бразильские издания освещали бразильские протесты достаточно пассивно. Всего за период 28 мая — 6 июня 2021 г. было проанализировано около 70 публикаций, большинство из которых представляли собой небольшие новостные заметки. Из трех газет только «Folha de S. Paulo» опубликовала развернутый материал о митингах в своем воскресном выпуске. Издания «O Globo» и «O Estado de S. Paulo» посвятили протестам лишь небольшие заметки. Митинг мотоциклистов, организованный 24 мая в поддержку Болсонару, освещался крупнейшими бразильскими изданиями более активно, чем антиправительственные митинги 29 мая. В новостных заметках отсутствовали какие-либо оценки, которые бы демонстрировали отношение ведущих газет Бразилии к антиправительственным манифестациям, к требованиям граждан, а также к реакции президента на эти события.

Некоторые публикации бразильских изданий разоблачали информацию, размещаемую в социальных сетях противниками Болсонару. Они использовали фото- и видеоматериалы протестов других годов, выдавая их за актуальные. Газета «O Estado de S. Paulo», в частности, писала о Гильерме Булосе, одном из кандидатов в президенты на выборах 2018 г., который использовал фотографию протестов 2016 г., выдавая ее за митинг 2021 г.²³

Заключение

Бразильская медиаиндустрия сильно пострадала в период распространения пандемии COVID-19. Снизились доходы от рекламы, тиражи печатных выпусков, возникли трудности с распространением. Часть изданий прекратили издавать свои бумажные выпуски, сократили штат и заработную плату сотрудникам. В то же время существенно возросло потребление цифровых версий бразильских изданий, а также выросли показатели телевизионного потребления.

Контент-анализ 200 материалов трех ведущих изданий Бразилии — «Folha de S. Paulo», «O Globo» и «O Estado de S. Paulo» — показал, что в период первой волны коронавируса внимание газет было привлечено к кризису в области здравоохранения и к политическому кризису, спровоцированному действиями президента Жаира Болсонаро, а не к новому вирусу, его природе и борьбе с ним. Социальные проблемы страны обнажились перед лицом новой опасности, а действия лидера государства, не отвечающие санитарным требованиям, провоцировали прессу на осуждение бездействия и отсутствия должных мер.

Удручающая статистика по заболеваемости от коронавирусной инфекции привела к проведению в мае 2021 г. первой с начала пандемии массовой манифестации. При освещении протестных событий крупнейшие издания Бразилии демонстрировали, однако, осторожность, не высказывая однозначных оценок антиправительственным акциям.

²² Joelmir Tavares, “Datafolha: Aprovação a Bolsonaro recua seis pontos e chega a 24 %, a pior marca do mandato; rejeição é de 45 %”, *Folha de S. Paulo* [Электронный ресурс]. URL: <https://www1.folha.uol.com.br/poder/2021/05/datafolha-aprovacao-a-bolsonaro-recua-seis-pontos-e-chega-a-24-a-pior-marca-do-mandato-rejeicao-e-de-45.shtml> (дата обращения: 15.09.2021).

²³ Matheus Lara, “*Vídeo de 2016? Bolsonaroistas tentam minimizar ato que reuniu milhares contra o governo na Paulista*”, *O Estado de S. Paulo* [Электронный ресурс]. URL: https://politica.estadao.com.br/noticias/geral,video-de-2016-bolsonaristas-tentam-minimizar-ato-que-reuniu-milhares-contra-o-governo-na-paulista,70003731486?utm_source=meio&utm_medium=email (дата обращения: 16.09.2021).

Библиография

1. Бразилия оказалась на грани COVID-коллапса // Интерфакс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/world/758253> (дата обращения: 29.09.2021).
2. *Talento A.* Bolsonaro demite diretor-geral da PF, e Moro avalia deixar governo // O Globo [Электронный ресурс]. URL: <https://oglobo.globo.com/brasil/bolsonarodemite-diretor-geral-da-pf-moro-avalia-deixar-governo-24390666> (дата обращения: 16.09.2021).
3. Average paid circulation of selected newspapers in Brazil in June 2020 // Statista [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/261629/leading-newspapers-in-brazil-by-circulation/> (дата обращения: 10.09.2021).
4. Barbaros no portão // Folha de S. Paulo [Электронный ресурс]. URL: <https://www1.folha.uol.com.br/opiniao/2020/04/barbaros-no-portao.shtml> (дата обращения: 16.09.2021).
5. *Gomes B.* Associação Brasileira de Imprensa envia pedido de impeachment de Bolsonaro à Câmara // O Estado de S. Paulo [Электронный ресурс]. URL: <https://politica.estadao.com.br/noticias/geral,associacao-brasileira-de-imprensa-envia-pedido-de-impeachment-de-bolsonaro-a-camara,70003294619> (дата обращения: 16.09.2021).
6. *Pires B.* Brazilian media on COVID-19 // Journal of International Affairs [Электронный ресурс]. URL: <https://jia.sipa.columbia.edu/online-articles/brazilian-media-covid-19> (дата обращения: 10.09.2021).
7. *Tomazelli I.* Nova rodada de programa de redução de jornada e salário já alcança mais de 30 mil trabalhadores // O Estado de S. Paulo [Электронный ресурс]. URL: <https://economia.estadao.com.br/noticias/geral,nova-rodada-de-programa-de-reducao-de-jornada-e-salarioja-alcanca-mais-de-30-mil-trabalhadores,70003699845> (дата обращения: 15.09.2021).
8. Internet usage and population statistics for South America, 2021 // Internet World Stats [Электронный ресурс]. URL: <https://www.internetworldstats.com/stats15.htm> (дата обращения: 10.09.2021).
9. *Tavares J.* Datafolha: Aprovação a Bolsonaro recua seis pontos e chega a 24 %, a pior marca do mandato; rejeição é de 45 % // Folha de S. Paulo [Электронный ресурс]. URL: <https://www1.folha.uol.com.br/poder/2021/05/datafolha-aprovacao-a-bolsonaro-recua-seis-pontos-e-chega-a-24-a-pior-marca-do-mandato-rejeicao-e-de-45.shtml> (дата обращения: 15.09.2021).
10. *Albuquerque K.* Brazil breaks record in video consumption in 2020 // Olhar Digital [Электронный ресурс]. URL: <https://olhardigital.com.br/en/2021/03/04/cinema-e-streaming/brasil-bate-recorde-em-consumo-de-videos-em-2020/> (дата обращения: 10.09.2021).
11. *Lara M.* Video de 2016? Bolsonaristas tentam minimizar ato que reuniu milhares contra o governo na Paulista // O Estado de S. Paulo [Электронный ресурс]. URL: https://politica.estadao.com.br/noticias/geral,video-de-2016-bolsonaristas-tentam-minimizar-ato-que-reuniu-milhares-contr-o-governo-na-paulista,70003731486?utm_source=meio&utm_medium=email (дата обращения: 16.09.2021).
12. *Schuch do Valor M.* E daí? Lamento. Quer que eu faça o quê?, reage Bolsonaro após número recorde de mortes por coronavírus // O Globo [Электронный ресурс]. URL: <https://oglobo.globo.com/politica/e-dai-lamento-quer-que-eu-faca-que-reage-bolsonaro-apos-numero-recorde-de-mortes-por-coronavirus-24399480> (дата обращения: 16.09.2021).
13. Painel Coronavírus [Электронный ресурс]. URL: <https://covid.saude.gov.br/> (дата обращения: 16.09.2021).
14. *Della Coletta R.* Em pronunciamento, Bolsonaro critica fechamento de escolas, ataca governadores e culpa mídia // Folha de S. Paulo [Электронный ресурс]. URL: <https://www1.folha.uol.com.br/poder/2020/03/em-pronunciamento-bolsonaro-critica-fechamento-de-escolas-ataca-governadores-e-culpa-midia.shtml> (дата обращения: 16.09.2021).
15. *Della Coletta R., Onofre R.* Bolsonaro Participates in A Pro-Military Protest // Folha de S. Paulo [Электронный ресурс]. URL: <https://www1.folha.uol.com.br/internacional/en/brazil/2020/04/bolsonaro-participates-in-a-pro-military-protest.shtml> (дата обращения: 16.09.2021).
16. *16.* Sob o signo de Tánatos // O Estado de S. Paulo [Электронный ресурс]. URL: <https://opiniao.estadao.com.br/noticias/notas-e-informacoes,sob-o-signo-de-tanatos,70003282391> (дата обращения: 15.09.2021).
17. *17.* *Fernandes T.* Bolsonaro contraria consenso científico e diz que isolamento foi inútil contra Covid-19 // Folha de S. Paulo [Электронный ресурс]. URL: <https://www1.folha.uol.com.br/equilibriosaude/2020/04/bolsonaro-contraria-consenso-cientifico-e-diz-que-isolamento-foi-inutil-contr-a-covid-19.shtml> (дата обращения: 16.09.2021).

СОВРЕМЕННАЯ МЕКСИКА: ПРОБЛЕМЫ, ВЫЗОВЫ, ИССЛЕДОВАНИЯ

MODERN MEXICO: PROBLEMS, CHALLENGES, RESEARCH

*Meztlí Natalia Ramos Bustamante,
Calixto Tonatiuh Cárdenas Pérez¹*

PENSAMIENTO ORIGINARIO CONTRA LA HIDRA CAPITALISTA: UNA MIRADA A ECUADOR Y MÉXICO

ORIGINAL THOUGHT AGAINST THE CAPITALIST HYDRA: A LOOK AT ECUADOR AND MEXICO

Resumen: El concepto de *necropolítica*, puede servirnos para delinear las acciones del Estado-Nación que, previo a la aceptación de los distintos órganos de poder gubernamental, cuantifican la cantidad de muerte que provendrá de sus decisiones y la distribución de esta, quedando en los grupos históricamente concebidos como “*vencidos*”. De ahí nuestro interés por abordar la toma de decisiones gubernamentales, ante la situación pandémica en Ecuador y México, con la raíz de su línea política “*progresista, o socialista del siglo XXI*”.

Palabras clave: pensamiento originario; COVID-19; pueblos originarios; pandemia; necropolítica; Estados-Nación.

Abstract: The concept of necropolitics can serve to delineate the actions of the Nation-State that, prior to the acceptance of the different organs of governmental power, they quantify the amount of death that will come from their decisions and the distribution of this, remaining in the groups historically conceived as “defeated”. Hence our interest in addressing government decision-making, in the face of the pandemic situation in Ecuador and Mexico, with the root of its “progressive, or socialist, political line of the 21st century”.

¹ **Meztlí Natalia Ramos Bustamante**, México, licenciada en Historia y Sociedad Contemporánea. Adscrita a la Universidad Autónoma de la Ciudad de México UACM (natalia.ramos.bustamante@gmail.com).

Calixto Tonatiuh Cárdenas Pérez, México, licenciado en Sociología política. Adscrito a la Universidad Autónoma Metropolitana UAM-A (calixtotona@icloud.com).

Key words: original thought; COVID-19; indigenous peoples; pandemic; necropolitics; Nation-States.

La historia de Guayaquil se caracteriza por haber sido escenario de inundaciones, grandes incendios, saqueos de piratas y masivas pestes, como la gripe española y la fiebre amarilla², en los primeros años del siglo XX. Ante el contexto de cada uno de estos acontecimientos, la colonia, la república y el estado nación han respondido en función de un estado moderno alcanzando la etapa de un sistema neoliberal, que se yergue sobre los principios o valores del imperialismo colonial y el mundo occidental.

La pandemia por Covid-19 evidenció las fallas sistémicas que vivimos a diario en América latina, un ejemplo Guayaquil, Ecuador, donde la crisis recayó sobre las personas que viven a diario la ciudad. A partir del 16 de marzo de 2020³, en que el gobierno de Lenin Moreno decretó el toque de queda y el estado de excepción a nivel nacional, se intensificaron las decisiones orientadas implícita o explícitamente a determinar quién vive o quién muere⁴. Lo cual acrecentó las desigualdades sociales y económicas, tomas de decisión debido a la protección y resguardo de las clases altas por sobre el resto de la población, y por supuesto, la incertidumbre cotidiana sobre lo que vendría después en el escenario cúspide de la pandemia.

Biopoder y soberanía viral

Bajo la tónica de enfrentar al virus enemigo (COVID-19), el gobierno ecuatoriano dispuso de algunas prácticas militares como el estado de excepción y los toques de queda, estos se vivieron con algunos percances en otras regiones, sin embargo, en Guayaquil el despliegue de carros militares, la policía nacional y mismos elementos del sector salud, propiciaron un ambiente de terror, vigilancia, segregación y castigo.

Gran parte de este ambiente de tensión fue derivado y en respuesta del levantamiento indígena, que a finales del 2019 había puesto en jaque al gobierno de Moreno, aunado a un conjunto de rupturas derivadas de los dos periodos presidenciales que se vivieron en la gestión progresista de Rafael Correa y su revolución ciudadana. Ante ello, esta respuesta fungió como sostén del resquebrajamiento político, la cual respondió al debilitamiento y desgaste, con ello la muerte como único fin.

La población guayaquileña fue objeto de racismo devenido de la clase política que, por un lado, incentivó y protegió los encuentros entre los sectores de la clase alta, ya que bajo su propia determinación organizaron fiestas en las que sirvieron personas de bajos recursos, siendo estas últimas contagiadas del virus por SARS-CoV-2. Con ello me refiero a que, “en la economía del biopoder, la función del racismo consiste en regular la distribución de la muerte y en hacer posibles las funciones mortíferas del Estado. La condición de aceptabilidad de la matanza.

² También conocida como “vomito Prieto”, devastó a la ciudad en repetidas ocasiones. “En 1842 la enfermedad atacó a la población de la ciudad y así empezó un contagio epidémico incontrolable. Al principio los doctores no querían confirmar que el conflicto de salud que afectaba a Guayaquil lo cual condujo a que el contagio avanzara.” Véase más en: G. Rodas (2006). *Las enfermedades de Quito y Guayaquil durante los siglos XIX y XX*. Repositorio UASB. Recuperado el 14 de septiembre de 2021 de <https://repositorio.uasb.edu.ec/bitstream/10644/3813/1/PI-2006-02-Rodas-Las%20enfermedades.pdf>

³ Decreto presidencial n° 1017. Decreto presidencial, *Ministerio de Defensa Nacional* [Recurso electrónico]. URL: https://www.defensa.gob.ec/wp-content/uploads/downloads/2020/03/Decreto_presidencial_No_1017_17-Marzo-2020.pdf (accessed 10.10.2021).

⁴ Al respecto Mbembe. A (2006) comenta “El control presupone la distribución de la especie humana en diferentes grupos, la subdivisión de la población en subgrupos, y el establecimiento de una ruptura biológica entre unos y otros”. En *Necropolítica y seguido de Sobre el gobierno privado indirecto*.

Además, invitaban a que la población guardara la cuarentena en su casa, sin embargo, cerca de la mitad de la población vive del comercio⁵. Y como más adelante veremos, estos sectores no pudieron resguardarse ante la crisis alimentaria que ya se sentía en la ciudad.

Ante el aumento de las necesidades básicas como salud y alimentación, la población tuvo que alienarse a una serie de medidas, que consistían en realizar filas interminables con 1.5 metros de distancia en los supermercados entre cada persona, así mismo en las farmacias al momento de conseguir enseres básicos como los sueros orales y paracetamol. Mientras tanto, en las calles el despliegue de militares y policías se hacía presente en calles y avenidas, como medida estatal para salvaguardar y garantizar la seguridad sanitaria de los habitantes, la vigilancia llegó incluso a aparecer en los comerciales televisivos, dejando en claro que toda responsabilidad ante el contagio dependía totalmente de cada persona o familia. Sin embargo, las personas que tienen una entrada económica por día no pudieron llevar este ritmo de vida que se imponía desde el estado. El mismo que no estuvo dispuesto a cubrir la adquisición y mucho menos la producción de alimentos, que van directamente a la mesa de los trabajadores.

Izquierda progresista: crisis desde otra perspectiva

Después de algunas décadas turbulentas por periodos presidenciales bajo el mando militar, el regimiento del partido socialcristiano y la dolarización en la década de los 2000's, Ecuador giró hacia la izquierda progresista con Rafael Correa, quien con el proyecto de la Revolución ciudadana gobernó durante dos periodos presidenciales dejando posteriormente el poder a su entonces vicepresidente, Lenin Moreno. Correa depuso una serie de disposiciones económicas que tenían que ver con la repartición de los territorios amazónicos y serranos en manos de empresas mineras chinas y canadienses⁶, las mismas que en los últimos años han encrudecido las condiciones materiales de los trabajadores, pero sobre todo desde entonces son las protagonistas de las disputas que enfrentan los habitantes de distintas regiones, tanto por el agotamiento del agua como por la extracción de minerales y los derrames petroleros, que han repercutido en grandes extensiones, dañando así otros bienes naturales como los ríos sagrados de los pueblos amazónicos y los páramos en la cordillera.

En Guayaquil, la administración Correísta no tuvo mucho espacio de desarrollo, debido a dos importantes razones, la primera circunda en que el papel del estado ecuatoriano ha menospreciado históricamente la región, siendo paradójicamente éste, el paraíso al que acude la elite política, quien desde la crisis del cacao en la década de los 20's dejó de usarlo como una fuente importante con la cual subsistir. El segundo aspecto, tiene que ver con la autonomía que han generado los habitantes debido al olvido. Los habitantes de la costa han tenido que optar por otros empleos informales para tener una vida digna. La mayoría de ellos se ubican en Urdesa, Cerro Santa Ana, o el barrio Las peñas, lugares donde se intensificó la situación de contagio por Covid-19. Y donde a partir del toque de queda, cientos de cuerpos y algunos objetos tuvieron que quemarse en la calle⁷. Las personas que se vieron obligadas a realizar estas acciones padecieron también una serie de medidas institucionales y estatales que por poco las deshumaniza por completo.

Y es que, los hospitales del IEES, ya no recibían enfermos, o desaparecían por varias horas los cuerpos. Muchas personas a partir de estas omisiones tuvieron que realizar estos actos de despedida con sus familiares. Cabe decir, que el terror y el rechazo institucional venía acompañado de una serie de medidas restrictivas y paralizantes que además del clima sofocante, característico de Guayaquil, venía a agravar la emergencia sanitaria.

⁵ Javier Montenegro, "Sonnenholzner sobre el coronavirus: sino cooperan tendremos que decir a quién salvar y a quién no". 22.03.2020, *Diario Expreso*, Ecuador.

⁶ Mena P. "Minería, agua y tierras enfrentan a Correa e indígenas en Ecuador". 22.03.2012, *BBC NEWS* [Recurso electrónico]. URL: https://www.bbc.com/mundo/noticias/2012/03/120322_correa_disputa_indigenas_cr (accessed 10.10.2021).

⁷ Diario *El universo* "En el suroeste de Guayaquil queman llantas para que autoridades retiren muertos" en Gabriela Ruíz, *Ataúd en llamas. Testimonios de escritores en el Guayaquil de la pandemia*, UArtes Ediciones, 2020.

En este sentido, cuestionamos el papel beligerante que tanto políticos como intelectuales progresistas desempeñaron, primero en lanzar críticas hacia el actuar de las comunidades conglomeradas en la CONAIE, y al respecto, la toma de decisión colectiva que contuvo el avance de la crisis sanitaria y alimentaria en la costa, esta última contenida por el esfuerzo comunitario de las bases organizativas de la sierra. En este sentido, el filósofo Atawallpa Oviedo Freire⁸, responde a una serie de declaraciones que De Sousa Santos manifestó, donde hace hincapié al criticar el actuar consciente de los pueblos originarios y salvaguardar, contradictoriamente la serie de vejaciones que han sucedido especialmente durante el periodo Correísta y Morenista, en Ecuador.

Periodismo y testimonio

En este balance académico sobre la situación alarmante que se vivió durante varios meses en Guayaquil, Ecuador, cabe destacar el lugar de los testimonios que dejan huella de la crisis política-sanitaria, y las decisiones que los gobernantes han tomado a nivel planetario. Las mismas que repercuten gravemente en la vida personal, familiar y colectiva de un pueblo, barrio, región o territorio. Para esto, nos pareció pertinente ubicar una serie de relatos que la periodista y poeta Gabriela Ruíz Agila compiló en estos últimos meses para poder percibir como espejo, la gravedad de la pandemia y las decisiones que se toman a partir de ella. Sobre todo, las que caminan de la mano del poder.

Ataúd en llamas⁹ nos ilumina el día a día de los trabajadores y profesionistas que vivieron en carne propia la cima del contagio por COVID-19. La labor periodística, crítica y comprometida de la autora desenmascara las cuarteaduras que sostienen el servicio de salud, médico y alimentario de la costa ecuatoriana. Además de la agenda política del estado, la cual se dirige y decide desde la burbuja del privilegio económico y el autoritarismo que desde hace algunos años ha caracterizado a la región. Ya que, si volteamos la mirada a las zonas serranas, como la capital en Quito, el contagio, las medidas restrictivas y posteriormente el despliegue de vacunas, no fue igual de violento como en Guayaquil.

El ritmo de vida en la costa dejó miles de muertos y unas condiciones ruines alrededor de cada uno de los decesos, colectivamente las familias y amigos más cercanos no pudieron en la mayoría de las veces, vivir sus duelos, la ritualización de la muerte de sus familiares fue nula, el tejido social se quebró hasta los límites más feroces del hambre, emocional y alimentaria. Pero después de meses intensos por sobrevivir, y sin respuesta alguna sobre el sostén de la vida, las personas fortalecieron redes económicas con pequeños emprendimientos, en redes sociales se compartieron fotografías de sus enfermos por COVID-19 para que los círculos más cercanos pudieran hacer donativos para su recuperación, se llamó a la solidaridad y a la denuncia. La represión y el totalitarismo estatal se desenmascararon, públicamente y subsumidos en un halo de conciencia, la sociedad criticó el actuar del personal médico y administrativo en hospitales y clínicas. A la clase gobernante, el juicio y el señalamiento los llevó a cuestionarse¹⁰, retractarse, y dimitir a sus puestos.

Pero ¿Quién repara la abrupta ausencia de los enfermos por covid-19?, ¿Quién responderá por los actos deshumanizantes acaecidos en todos los espacios sociales donde se desarrolló la pandemia?, ¿Cómo reparas la herida de conciencia, si es que no tuviste otra opción cuando en vez de velar quemaste el cuerpo de tu madre o hermano a cielo abierto, en las calles de Guayaquil? Ante estas interrogantes devastadoras que se responden, quizá posterior a un gran silencio, apostamos al análisis que nos corresponden como científicos sociales, a imaginar otros mundos donde tener una salud de calidad y una respuesta favorable, no nos cueste diariamente la vida.

⁸ Léase al respecto: Oviedo A. “Respuesta a la carta de abierta de Boaventura de Sousa Santos”. 15 de marzo de 2021. *Observatorio Plurinacional de Aguas* [Recurso electrónico]. URL: <https://oplas.org/sitio/2021/03/15/atawallpa-oviedo-freire-respuesta-a-la-carta-abierta-de-boaventura-de-sousa-santos/> (accessed 10.10.2021).

⁹ Gabriela Ruíz, *Op. cit.*

¹⁰ “El gobernador de la provincia de Guayas, Pedro Pablo Duart, denunció en la Fiscalía el presunto incumplimiento de los protocolos para la manipulación de los cadáveres” en Gabriela Ruíz, *Op. cit.*

Sol o Águila

Existimos quienes dentro del desarrollo profesional de las ciencias sociales y en específico el área de la política vertimos análisis científicos, pero con carácter subjetivo dilucidando que un periodo coyuntural con las complejidades que ilustra la actual pandemia covid-19 no es el mejor momento para empezar un mandato presidencial. Y mucho menos uno de transición de partidos o de supuestos giros políticos.

El panorama que recibe el mandatario entrante es explícitamente adverso, pues si bien las instituciones pueden soportar en su rigidez la estructura administrativa de un gobierno. También esta misma característica, presentaran resistencia al periodo de transición.

Pues bien, este momento coyuntural quién ocupa actualmente el poder Ejecutivo mexicano es Andrés Manuel López Obrador, ante un evento con envergaduras planetarias ha propuesto un camino de oportunidad para el avance de su proyecto político. O por lo menos esto hace ver ante sus declaraciones en el espacio de comunicación que ha nombrado *mañanera*. Donde en su conferencia del 2 de abril del 2020 dijo:

Ayer usé por primera vez el término crisis transitoria, esto no va a tardar y vamos a salir fortalecidos, y vamos a salir fortalecidos porque no nos van a hacer cambiar en nuestro propósito de acabar con la corrupción y que haya justicia en el país...Por eso vamos a salir fortalecidos, o sea, que nos vino esto como anillo al dedo para afianzar el propósito de la transformación.

Si bien estas declaraciones pudiesen ser polémicas, tanto como los diálogos ficticios de un rey de película de dibujos animados que pronunciase a sus caballeros ante una gesta mortal — “sé que muchos de ustedes morirán en el intento y es un riesgo que estoy dispuesto a correr”.

La posibilidad que representa un virus mortal ante los sistemas políticos contemporáneos es tan amplia y prospera que se puede expresar de formas tan variadas, que regirla bajo sentidos maquiavélicos solo haría sonrojar a quienes se empotran en los poderes del estado para dar sentido a la perpetuidad de las oligarquías y el alcance del poder político.

No suficiente con ello son fácilmente identificables los estragos del sistema neoliberal en las distintas esferas del control estatal sobre el abastecimiento social, en otras palabras, la reducción del Estado frente a la privatización, mercantilización y neoliberalización de la vida.

Ya que, no basta hablar de los sentidos abstractos de la política contemporánea sin acercarnos, aunque sea de requisición por los cánones de valor que han traído desde tiempos remotos en occidente el sentido de lo “moderno” proyecto que en su seno afianza valores postulados desde el occidente colonial. Poniendo en sentido folclorista o contramodernizador, las expresiones culturales que no se colonicen por ellos, pues uno de los principales sentidos es la individualización, al grado de equipararse con la propiedad privada. En este sentido, como plantea Malinowski, va sucediendo un sentido de lo efímero o de la búsqueda de la novedad o la rapidez moderna, muy apegado a las concepciones marxistas de la fetichización de la vida.

Un rezo a la niña blanca

Pues si bien, no son pocos los autores que rescaten el sentido individual como una ley de los hombres o expresión de lo humano, afianzándose con la concepción de “razón” Cartesiana o Kantiana. Este valor en la coyuntura covid-19, sumado a las posturas de contracción estatal, puede dejarnos entrever en una frase un tanto amarillista “¡salvase quién pueda!”. Tal vez esta postura pudiese ser injusta en países que sufren de *pobreza estructural*, podemos referirles no solo en esa categoría para identificarlos, también se pueden encontrar en los términos -menos frecuentes- como *países periféricos*, *subdesarrollados*, *del tercer mundo*, o eufemísticamente llamados en *vías de desarrollo*. Ya que el desenvolvimiento de los enceres de la vida cotidiana, rosa con los márgenes de: violencia, crimen, migración forzada, desplazamiento forzado, marginalidad, pobreza, expresiones tan implícitas como la citada anteriormente. Encrudecidas específicamente en las geografías que, siguen siendo sustento de la expansión colonial de acumulación, o la enajenación capitalista de explotación territorial, dígame en otras palabras *América Latina*. Con un desdén

salvaje hacia los colonizados desde que se vio caer a Salvador Allende, y se instauraron los laboratorios neoliberales al sur de nuestra masa continental.

A partir de ese punto histórico, la compensación de los estadios del sistema de producción capitalista, se volcaron más agresivos con quienes no cuentan sino con su fuerza de trabajo, revirando a la mercantilización de quienes son poseedores de riqueza en forma de territorio; efecto que trajo consigo la reaparición de las formas del capital originario, basadas en el despojo y desprecio de aquellos actores, que diría Mariátegui, se habitan dos mundos en el tiempo contemporáneo: uno que apuesta por la proletarización y transformación que devenga del capitalismo, y los que se expresen en otro tiempo, otro calendario y otra geografía; pues es de los pueblos que han estado aquí por milenios previos a la conquista el no regirse en su totalidad a los valores de la explotación, lo inmediato y la individualidad.

Pueblos a los cuales se les ha referido como indios, o indígenas. Folclorización que en una justificación paternalista o indigenista son etiquetados en los flujos del pasado antropológico, más que como expresiones culturales diversas, u contemporáneas; con una expresión propia de la socialización cruzada de lo que pudiese referirse a lo moderno.

Es así que estos actores gremiales, díganse *Pueblos originarios* presentes en la mayoría de los Estados Nación modernos, se enfrentan una vez más a las vicisitudes de muerte que los atraviesa en las épocas contemporáneas. Problematizando todas las situaciones referentes a las condiciones de los Estados donde se encuentran, sumando la discriminación, la lucha por la preservación de su territorio, la preservación de su cultura, la defensa de sus valores y expresiones políticas, y en lo reciente, la pandemia global por covid-19.

Necropolítica o “Sé que muchos de ustedes morirán en el intento y es un riesgo que estoy dispuesto a correr”

En alguna ponencia previa concerniente a “la Razón Inmunitaria” exponíamos, las acciones que realiza el estado mexicano ante la pandemia COVID-19. En resumen, ofrecíamos una suerte de mirada fragante, ante la toma de decisiones estatales, quienes culminaban en la retracción de los cuerpos castrenses, la disminución de injerencia del aparato federal a través de sus secretarías y subsecretarías técnicas, y la primacía de los órganos estatales o municipales. Esto si bien pudiese percibirse como una actuación digna de la división de poderes en una democracia ejemplar. Transloca la responsabilidad a la gente de a pie. Ya que en las medidas que pudiesen ser restrictivas para la contención del fenómeno quedaban a disposición del entendimiento o ignorancia de quienes nos circunscribimos dentro la categoría *ciudadanía*.

Y si bien, en la complejidad que se encuentra Nuestra América, los espacios de acción donde el estado ha sido desplazado o por su disminución, no enarbola sus capacidades de acción. Las y los sujetos que se encuentran en esos espacios son envueltos en una situación extrema de violencia, sea por omisión o por decisión. Así bajo la toma de decisiones o ausencia de ellas el rumbo de la política deja entrever con mayor claridad el término que acuñase Achille Mbembe como *necropolítica*, pues en un espacio mínimo de tiempo, las proyecciones estadísticas muestran en muy corto tiempo, la repercusión de las políticas en el ámbito social.

En este sentido, el investigador Héctor Hernández Bringas, integrante del Centro Regional de Investigaciones Multidisciplinarias de la UNAM, plantea en su conferencia “Demografía de la pandemia” dentro del ciclo Viernes viral, coordinado por Antonio Lazcano Araujo, integrante de El Colegio Nacional. Una hipótesis tajante:

a menor pobreza más contagios, pero a mayor pobreza, mayor es la letalidad y la “mortalidad [...] El escenario catastrófico al que se arribó y que no ha concluido, tiene su explicación en la existencia de regiones y grupos sociales con grandes carencias y en un sistema de salud incapaz de dar respuesta adecuada [...] En esta pandemia, la institución en la que se atiende la salud (popular) se convierte en [...] un factor de riesgo de muerte

Estas afirmaciones son sustentadas ante los porcentajes de mortalidad que reporta la propia Secretaría de salud mexicana con los siguientes análisis:

¿EL COVID-19 tiene que ver con el grado de pobreza de los municipios? Sí, la pobreza se relaciona con la incidencia del COVID-19. En los municipios ricos, hay nueve veces más contagios que en los pobres no urbanos y 40 por ciento más que en los pobres urbanos; la mortalidad en los municipios ricos es más alta que el promedio nacional, pero es más alta la de los pobres urbanos”.

“En esta pandemia, la institución en la que se atiende la salud se convierte en un factor de riesgo de muerte: ser hombre incrementa el riesgo en 80 por ciento con respecto a ser mujer. Tener más de 70 años lo incrementa más de 24 veces respecto a tener edades menores. Ser indígena lo incrementa en 53 por ciento, ser hipertenso en 51 por ciento, ser obeso en 34 por ciento, ser diabético incrementa el riesgo en 89 por ciento... pero ser atendido en el IMSS o en el (Instituto de Seguridad y Servicios Sociales de los Trabajadores del Estado (ISSSTE), lo incrementa en 380 por ciento.

Estas vulneraciones solo se hacen referentes al manejo sanitario de la pandemia, pues pudiéramos agregar a éstas el incremento de violencia a la mujer. Por lo cual, reporta el Centro de Investigación de Estudios de Género (CIEG) de la UNAM distintas notas que en sus titulares reflejan la siguiente realidad:

La Jornada (2020). Violencia contra mujeres aumentó 24 % durante la pandemia CDHCDMX, UDG TV (2020). Llamadas por violencia intrafamiliar incrementan 30 % en Jalisco durante 2021, Diario Milenio (2021). Hasta 90 % de los poblanos sufre algún tipo de violencia en pandemia, Ibero, Cimac Noticias (2020). Durante pandemia, autoridades de Guerrero retrasan justicia para indígenas víctimas de violencia.

Pero si bien las caracterizaciones de este periodo contemporáneo nos dan un esbozo que no se delimita particularmente ante las situaciones regionales. También encontraremos ejemplos que ante la adversidad plantearán, *una otra* forma de identificar la vida, la manera de abordar la adversidad y en sus palabras de los denominados *pueblos originarios*, de articular “la lucha por la vida es La resistencia y la rebeldía”.

Año 501, nuestra lucha es por la vida

En México quienes han respondido directamente ante el avance de los contagios por covid-19, son las comunidades indígenas, que han instalado filtros sanitarios a la entrada de sus poblaciones, casas de cuarentena para los migrantes que arriban por la emergencia, y el cierre de sus comunidades a comercios y productos que no consideran de básica necesidad. Esto por ejemplo en comunidades de Oaxaca, Veracruz, Michoacán, Jalisco, Sinaloa, Chiapas entre otras.

Un claro ejemplo lo tenemos por parte de su denominado *viaje por la vida* de las comunidades zapatistas, el cual se propone recorrer la Europa de abajo, a la cual han rebautizado como “SLUMIL K’AJXEMK’OP, que quiere decir “Tierra Insumisa”. Donde los preparativos que encomendasen para dicha actividad plantean el uso común de medidas preventivas como el cubrebocas, lavado de manos, y pautas personales como la distancia entre individuos, la cuarentena de las viajantes, la toma constante de pruebas PCR, la viabilidad de la movilidad y la preparación de espacios sanitizados para el alojamiento. Este análisis lo finalizaremos en las propias palabras de los referidos, y en las valoraciones que dan dentro de su comunicado “Sexta parte: UNA MONTAÑA EN ALTA MAR COMUNICADO DEL COMITÉ CLANDESTINO REVOLUCIONARIO INDÍGENA-COMANDANCIA GENERAL DEL EJÉRCITO ZAPATISTA DE LIBERACIÓN NACIONAL”:

La Pandemia del COVID-19 no sólo mostró las vulnerabilidades del ser humano, también la codicia y estupidez de los distintos gobiernos nacionales y sus supuestas oposiciones. Medidas del más elemental sentido común fueron despreciadas, apostando siempre a que la Pandemia sería de corta duración. Cuando el paso de la enfermedad se fue haciendo cada vez más dilatado, empezaron los números a sustituir tragedias. La muerte se convirtió así en una cifra que se pierde

a diario entre escándalos y declaraciones. Un comparativo tétrico entre nacionalismos ridículos. El porcentaje de bateo y de carreras limpias que determina qué equipo, o Nación, es mejor o peor.

Como se detalla en uno de los textos previos, en el zapatismo optamos por la prevención y la aplicación de medidas sanitarias que, en su momento, fueron consultadas con científicas que nos orientaron y ofrecieron, sin titubear, su ayuda. Los pueblos zapatistas les estamos agradecidos y así quisimos demostrarlo. Después de 6 meses de la implantación de esas medidas (cubre bocas o su equivalente, distancia entre personas, cierre de contactos personales directos con zonas urbanas, cuarentena de 15 días para quien pudo haber estado en contacto con contagiados, lavado frecuente con agua y jabón), lamentamos el fallecimiento de 3 compañeros que presentaron dos o más síntomas asociados al COVID-19 y que tuvieron contacto directo con contagiados.

Otros 8 compañeros y una compañera, quienes murieron en ese período, presentaron uno de los síntomas. Como carecemos de la posibilidad de pruebas, asumimos que el total de los 12 compañeras murieron por el llamado Coronavirus (científicos nos recomendaron asumir que cualquier dificultad respiratoria sería COVID-19). Estas 12 ausencias son responsabilidad nuestra. No son culpa de la 4T o de la oposición, de neoliberales o neoconservadores, de chairros o fifis, de conspiraciones o complots. Pensamos que debimos haber extremado más todavía las precauciones.

Actualmente, con la falta de esos 12 compañeras auestas, mejoramos en todas las comunidades las medidas de prevención, ahora con el apoyo de Organizaciones No Gubernamentales y de científicos que, a título individual o como colectivo, nos orientan en el modo de afrontar con más fortaleza un posible rebrote. Decenas de miles de cubrebocas (diseñados especialmente para evitar que un probable portador contagie a otras personas, de bajo costo, reusables y adaptados a las circunstancias) se han distribuido en todas las comunidades. Otras decenas de miles más están siendo producidos en los talleres de bordado y costura de insurgentes y en los poblados. El uso masivo de cubrebocas, las cuarentenas de dos semanas para quienes pudieran estar infectados, la distancia y el lavado continuo de manos y rostro con agua y jabón, y evitar en lo posible salir a las ciudades, son medidas recomendadas incluso a hermanas partidistas, para contener la expansión de contagios y permitir el mantenimiento de la vida comunitaria.

El detalle de lo que fue y es nuestra estrategia podrá ser consultado en su momento. Por ahora decimos, con la vida latiendo en nuestros cuerpos, que, según nuestra valoración (en la que probablemente podemos estar equivocados), el enfrentar la amenaza como comunidad, no como un asunto individual, y dirigir nuestro esfuerzo principal a la prevención, nos permite decir, como pueblos zapatistas: aquí estamos, resistimos, vivimos, luchamos.

Y ahora, en todo el mundo, el gran capital pretende que se vuelva a las calles para que las personas reasuman su condición de consumidores. Porque son los problemas del Mercado los que le preocupan: el letargo en el consumo de mercancías.

Hay que retomar las calles, sí, pero para luchar. Porque, como hemos dicho antes, la vida, la lucha por la vida, no es un asunto individual, sino colectivo. Ahora se está viendo que tampoco es asunto de nacionalidades, es mundial.

Bibliografía

1. Arendt, Hannah, *Los orígenes del totalitarismo*, Taurus, 1998.
2. Foucault, Michel, *Genealogía del racismo. De la guerra de las razas al racismo de Estado*, Madrid, La Piqueta, 1992.
3. Mbembe, Achille, *Necropolítica seguido de Sobre el gobierno privado indirecto*, Editorial Melusina, 2006.
4. Schmitt, Carl, *La dictadura*, Alianza Editorial, 1995.
5. “A un año de la pandemia nos vino como anillo al dedo”. 2 de abril de 2021, *Diario El Universal* [Recurso electrónico]. URL: <https://www.eluniversal.com.mx/nacion/covid-19-un-ano-de-que-la-pandemia-nos-vino-como-anillo-al-dedo> (accessed 10.10.2021).
6. “Sexta parte: Una montaña en altamar”. 5 de octubre de 2020, *Enlace zapatista*. [Recurso electrónico]. URL: <http://enlacezapatista.ezln.org.mx/2020/10/05/sexta-parte-una-montana-en-alta-mar> (accessed 10.10.2021).

7. García, Jacobo, “Los indígenas de México se cierran para frenar el Coronavirus”. 21 de abril de 2020, *El País* [Recurso electrónico]. URL: <https://elpais.com/sociedad/2020-04-21/los-indigenas-de-mexico-se-cierran-para-frenar-al-coronavirus.html> (accessed 10.10.2021).
8. Hernández, Hector, “A menor pobreza, mas contagios; a mayor, la letalidad y mortalidad se incrementan”. 12 de septiembre de 2020, *El Colegio Nacional* [Recurso electrónico]. URL: <https://colnal.mx/noticias/a-menor-pobreza-mas-contagios-a-mayor-la-letalidad-y-la-mortalidad-se-incrementan- Hector-hernandez-bringas/> (accessed 10.10.2021).
9. Oviedo, A. “Respuesta a la carta de abierta de Boaventura de Sousa Santos”. 15 de marzo de 2021, *Observatorio Plurinacional de Aguas* [Recurso electrónico]. URL: <https://oplas.org/sitio/2021/03/15/atawallpa-oviedo-freire-respuesta-a-la-carta-abierta-de-boaventura-de-sousa-santos/> (accessed 10.10.2021).
10. Ruíz, Gabriela, *Ataúd en llamas. Testimonios de escritores en el Guayaquil de la pandemia*, UArtes Ediciones, 2020.

EUROPA Y AMÉRICA LATINA: DESAFÍOS PARA LA COOPERACIÓN INTERREGIONAL

EUROPE AND LATIN AMERICA: CHALLENGES FOR INTERREGIONAL COOPERATION

María Jesús Pozas Pozas¹

LA EVOLUCIÓN DE LAS RELACIONES INTERNACIONALES ENTRE ESPAÑA E HISPANOAMÉRICA DESDE LA TRANSICIÓN ESPAÑOLA A LA ACTUALIDAD (1975–2020)

THE EVOLUTION OF INTERNATIONAL RELATIONS BETWEEN SPAIN AND LATIN AMERICA FROM THE SPANISH TRANSITION TO THE PRESENT (1975–2020)

Resumen: En este trabajo se pretende aportar algunas claves para el estudio de las Relaciones Internacionales de España con Hispanoamérica desde la Transición española, que se inició con la muerte del general Franco en 1975, hasta las primeras décadas del siglo XXI. A partir de la Transición española se normalizaron las relaciones con los países hispanoamericanos, y se abrió una nueva etapa en las relaciones bilaterales y multilaterales. Sobre todo se potenciaron los fuertes lazos históricos que nos unen con Hispanoamérica. Hay que destacar el papel de los Reyes Juan Carlos I, y Felipe VI. Es importante señalar que España se ha convertido en el puente de *trait d'union* entre Europa y los países hispanoamericanos en un mundo globalizado.

Palabras claves: relaciones internacionales, España, Hispanoamérica, Transición española, democracia, política global, Juan Carlos I, Felipe VI.

Abstract: This paper aims to provide some keys to the study of the International Relations of Spain with Hispanic America from the Spanish Transition, which began with the death of General Franco in 1975 until the first decades of the 21st century. Since the Spanish Transition the relations with the Hispanic American countries were normalized and a new stage in bilateral and multilateral relations was opened. The strong historical ties that unite Spain with the Hispanic American countries have been strengthened. We must highlight the role of the Kings Juan Carlos I, and Felipe VI. It is

¹ **María Jesús Pozas Pozas**, España, Doctora en Historia Moderna y Contemporánea por la Universidad de Deusto-Bilbao (mpozas@deusto.es).

important to note that Spain has become the bridge of the union between Europe and the Hispanic American countries in a globalized world.

Key words: international relations; Spain; Hispanic America; Spanish Transition; democracy; global politics; Juan Carlos I; Felipe VI.

Introducción

En cierta medida la política exterior de España es uno de los temas menos estudiados de la vida política española; sin embargo, en las últimas décadas ha suscitado el interés de los especialistas y de los historiadores después del final de la dictadura franquista en 1975, y de la implantación de la democracia que abrió un nuevo escenario en las relaciones internacionales. Si bien, a la hora de abordar esta cuestión hay que decir que el estudio de las relaciones con Hispanoamérica han gozado de un mayor interés por razones históricas, identitarias, lingüísticas, culturales, económicas y sociales. No obstante, en la actualidad existen bastantes aspectos por analizar para ofrecer una visión general. En nuestro caso no pretendemos realizar un estudio exhaustivo, sino aproximarnos a la evolución de las relaciones hispanoamericanas entre finales del siglo XX y las primeras décadas del siglo XXI, y destacar el papel relevante que ha jugado el Rey Juan Carlos I como impulsor de estas relaciones hasta su abdicación en 2014, y continuadas por su hijo el Rey Felipe VI².

Durante los últimos cuarenta y cuatro años las relaciones entre España e Hispanoamérica han pasado por diferentes procesos. En el plano de las relaciones internacionales se ha producido un cambio radical, que se alejaba del aislamiento anterior, y al mismo tiempo se ha iniciado un sistema de integración internacional más abierto. Después de la muerte del general Franco el anterior Jefe del Estado en 1975 dio comienzo la Transición española con la restauración de la monarquía en la figura del Rey Juan Carlos I de Borbón; este periodo se extiende hasta 1982. Hay que decir que fueron tiempos intensos, de profundos cambios y tensiones en los que el Rey Juan Carlos I, y el Presidente del Gobierno Adolfo Suárez tuvieron un papel relevante para pasar de una dictadura a una democracia.³ En este periodo se consolidó la democracia, y se abrió un nuevo escenario en las relaciones internacionales como fue el ingreso en la OTAN en 1982, y en la Comunidad Europea en 1986, hoy Unión Europea (UE). Si bien es cierto que las relaciones con Hispanoamérica no fueron siempre fáciles, pero el interés de Adolfo Suárez, de Felipe González y del Rey Juan Carlos I cobraron un notable protagonismo en los procesos de paz centroamericanos. En consecuencia, durante la Transición española y los años ochenta cambió la imagen de España en América; en este sentido la vocación americanista de la corona fue decisiva. Resulta también de gran trascendencia histórica la celebración de las Cumbres Iberoamericanas, la primera tuvo lugar en Guadalajara, México, en 1991, que han llegado a ser el mejor instrumento de la política exterior española para consolidar su presencia e influencia en el continente americano. Sin embargo, a partir del nuevo siglo han decaído, y es necesario recuperar su importante papel como un espacio de paz, de diálogo, de desarrollo de valores democráticos, así como para potenciar los Derechos Humanos⁴. Es preciso apuntar que el Rey Felipe VI desde 1996, siendo todavía Príncipe de Asturias y heredero a la corona de España, ha asistido a la toma de posesión de casi todos los mandatarios americanos, y es consciente de la importancia de las relaciones con Hispanoamérica, y por lo tanto mantendrá el esfuerzo realizado por su padre⁵.

² Arenal Moyúa del Celestino, *Política Exterior de España y relaciones con América Latina. Iberoamericanidad, Europeización y Atlantismo en la política exterior española*, Madrid, 2011.

³ Javier Tusell Gómez, *La Transición a la democracia: España, 1975–1982*, Madrid, 1999; María Jesús Pozas Pozas, “The Spanish Transition as a Model of Political Consolidation”, *Vestnik of Saint Petersburg University. History* 65:4, 2020. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.412> (In Russian)

⁴ Carlos Daniel Malamud Rikles, “Las cumbres Iberoamericanas en el actual escenario mundial”, en Arenal Moyúa del Celestino (coord.), *Las cumbres Iberoamericanas (1991–2005). Logros y desafíos*, Madrid, 2005.

⁵ Paula Veloz Naftalí, “Juan Carlos I y el continente americano: análisis de la imagen pública del rey y la institución monárquica (1975–2014)”, en Carlos Navajas Zubeldía y Diego Iturriaga Barco (coord.), *El reinado de Juan Carlos I (1975–2014): Actas del VI Congreso Internacional de Historia de Nuestro Tiempo*, Logroño, 2019.

Cómo es sabido la lengua española forma parte del patrimonio común que tenemos con Hispanoamérica formando una comunidad de naciones, que constituye una seña de identidad, además de una poderosa herramienta internacional; en consecuencia el español se ha convertido en vehículo de comunicación necesario para las relaciones políticas, sociales, económicas, y culturales con Hispanoamérica, y forma parte de la llamada *marca España*⁶. Por otra parte, la corona española, y los diferentes gobiernos son claves en el panorama económico de Hispanoamérica, por el apoyo a las empresas españolas que tienen intereses en estos países, con el fin de facilitar las inversiones y las exportaciones, dentro de la dinámica de la internacionalización de la economía y del comercio, y no solo reciben apoyo los inversores españoles sino también los americanos que vienen a invertir en España⁷.

Otro aspecto a considerar dentro de la política exterior española es la Cooperación al Desarrollo en Hispanoamérica desde mediados de la década de los ochenta del siglo pasado, que ha sido y es una prioridad para España debido a la importancia que tiene para nuestro país esta región por diferentes razones: por ejemplo como un medio de influencia de España en Hispanoamérica, y por una responsabilidad histórica; aparte de intereses comerciales y de seguridad (drogas, terrorismo). En cualquier caso hay que tener especialmente en cuenta los sentimientos de solidaridad de los españoles, que apoyan ampliamente la cooperación al desarrollo para luchar contra la pobreza y la desigualdad. Por otro lado, desde 2008 España encabeza el ranking de ser el primer donante bilateral en el mundo para Hispanoamérica con casi 2.000 millones de dólares en ayuda oficial al desarrollo (AOD)⁸. Conviene también tener en cuenta que España mantiene el liderazgo en la UE sobre los temas hispanoamericanos, y ha impulsado desde su ingreso en 1986 la atención europea hacia Hispanoamérica consiguiendo un aumento importante de la cooperación comunitaria con esta región. Hispanoamérica siempre ha sido una prioridad para la política exterior de España tal como ya hemos señalado⁹. A causa de la crisis económica de 2008–2011 se redujo la ayuda oficial a la Cooperación al Desarrollo, aunque sigue siendo el primer donante bilateral de la UE. A partir de la era Post- Covid habrá que ver como evoluciona la cooperación, y aunque no se puede predecir, parece evidente que Hispanoamérica será la región en la que se centre la cooperación española.

El desarrollo del trabajo gira en torno a seis núcleos temáticos, referentes a la política internacional de los diferentes gobiernos españoles de una forma sintética hasta llegar a la actualidad, que nos permita tener una visión coherente de las relaciones bilaterales y multilaterales entre España e Hispanoamérica desde una perspectiva global. Así pues, primero analizaremos “La política exterior durante la Transición democrática: los gobiernos del partido de Unión del Centro Democrático (UCD) de Adolfo Suárez y Leopoldo Calvo Sotelo (1977–1982)”; segundo, “Los gobiernos del Partido Socialista Obrero Español (PSOE) de Felipe González (1982–1996)”; tercero, “Los gobiernos del Partido Popular (PP) de José María Aznar (1996–2004)”; cuarto, “Los gobiernos socialistas (PSOE) de José Luis Rodríguez Zapatero (2004–2011)”; cinco, “Los gobiernos del Partido Popular (PP) de Mariano Rajoy (2011–2018)”; sexto, “El gobierno del (PSOE) de Pedro Sánchez (2018–2019), y el actual “gobierno de coalición social-comunista del Partido Socialista Obrero Español (PSOE) de Pedro Sánchez y de Unidas Podemos (UP) (2019–2020)”.

⁶ Raúl Peralba Fortuny, *El posicionamiento de la “marca España” y su competitividad internacional (Empresa y Gestión)*, Madrid, 2010.

⁷ William Chislett, *La inversión española directa en América Latina: retos y oportunidades*, Madrid, 2003.

⁸ “Development Aid at a Glance. Statistics by Region.3.America”, OCDE, París, 2010.

⁹ Miguel Ángel Villena García, *España solidaria: Historia de la cooperación española al desarrollo (1986–2016)*, Barcelona, 2017.

La política exterior durante la Transición democrática: Los gobiernos de la Unión del Centro Democrático (UCD) de Adolfo Suárez y de Leopoldo Calvo Sotelo (1977–1982)

La Transición española se inicia a finales de 1975 hasta 1982 con el triunfo en las elecciones generales de Felipe González Secretario General del Partido Socialista Obrero Español (PSOE). Ciertamente ha sido uno de los periodos más brillantes de la historia reciente de España, en el que se estableció la democracia, y se aprobó por el consenso de la inmensa mayoría de los partidos políticos la actual Constitución de 1978. De particular transcendencia fueron los gobiernos del primer presidente de la democracia Adolfo Suárez que normalizaron las relaciones internacionales, y pusieron las bases de la política exterior centrándose en tres pilares: la europeización, el atlantismo, y la iberoamericanidad. Durante los primeros años de la Transición española, España quería mostrarse como un país renovado y apostaba por un sistema democrático fuerte defendiendo los principios democráticos y los Derechos Humanos, que promocionaría en Hispanoamérica frente a las dictaduras de Argentina y Chile¹⁰. El Rey Juan Carlos I se convirtió en el embajador de la España democrática desde su primer viaje en 1976 a Estados Unidos. Hay que destacar su magnífico discurso ante el Congreso de EEUU, que contribuyó a conseguir el apoyo de la Administración norteamericana a la Transición española, con este viaje se abrió la etapa democrática de la política exterior española¹¹. En cierta medida la nueva política exterior se realizó en torno a los viajes oficiales del Rey Juan Carlos al extranjero, al mismo tiempo que se ofrecía una imagen de cambio democrático¹².

De la política exterior del presidente Adolfo Suárez podemos decir que se comprometió a nivel internacional en la defensa de los Derechos Humanos, y en 1976 España firmó la Carta de Derechos Humanos y defendió las libertades fundamentales, que deberían ser garantizadas a nivel internacional. Al mismo tiempo se articuló una clara voluntad de cooperación con todos los pueblos de Iberoamérica, y a partir de 1976 se produjo un cambio de rumbo; en este sentido el presidente Adolfo Suárez viajó a Cuba en 1978 siendo la primera vez que lo hacía un Presidente del Gobierno español. Otro de los objetivos de la política exterior española consistía en recuperar la posición internacional, y para ello era necesaria la aceptación de Europa y EEUU al proceso de cambio político en España. Por otra parte, Hispanoamérica fue una prioridad de la política exterior española. El presidente Adolfo Suárez puso las bases para que España en la actualidad sea un ejemplo internacional de Estado respetuoso con los Derechos Humanos y con las libertades fundamentales¹³.

En cuanto a la política exterior del presidente Leopoldo Calvo Sotelo del Partido de Unión del Centro Democrático (UCD), que sucedió a Adolfo Suárez después de su dimisión en enero de 1981, que resultó de gran transcendencia histórica. Cabe destacar que el presidente Leopoldo Calvo Sotelo permaneció al frente del gobierno hasta octubre de 1982, en que el Partido Socialista Obrero Español (PSOE) encabezado por su Secretario General Felipe González ganó las elecciones generales. Quisiera apuntar que la política exterior del presidente Leopoldo Calvo Sotelo estuvo vinculada a lo que él llamó “transición exterior”, que tenía como objetivo la integración de España en las instituciones europeas como el ingreso en el Mercado Común europeo, en la Comunidad Europea y en la Alianza Atlántica (OTAN)¹⁴. Mantuvo discrepancias en política exterior con

¹⁰ Julio Crespo MacLennan, *España en Europa, 1945–2000: del ostracismo a la modernidad*, Madrid, 2004.

¹¹ Charles Powell, *Los discursos del Rey. España en el Mundo, 1975–2018*, Madrid, 2018. Todos los textos reproducidos provienen de URL: http://www.casareal.es/ES/actividades/Páginas/actividades_discursos.aspx (consultado el 10.10.2021).

¹² Juan Manuel Fernández Fernández-Cuesta, “Los viajes del rey embajador. Las visitas al exterior de don Juan Carlos, aval de la democratización española”, *Aportes, Revista de Historia Contemporánea* 32:94, 2017; Juan Carlos Pereira, María Adela Alija Garabito y Misael Arturo López Zapico (coord.), *La política exterior de España. De la transición a la consolidación democrática (1986–2001)*, Madrid, 2018.

¹³ Juan Francisco Fuentes, *Adolfo Suárez. Biografía Política*, Barcelona, 2011.

¹⁴ Pablo Pérez López y Jorge Lafuente del Cano, “Leopoldo Calvo-Sotelo y la Transición exterior: la prioridad europea”, *Arbor* 190:769, 2014. <http://dx.doi.org/10.3989/arbor.2014.769n5008>

Adolfo Suárez, porque éste mantenía una fuerte tendencia hispanocéntrica, y por el contrario el presidente Leopoldo Calvo Sotelo era más eurocentrista, ya que partía de la idea que “*Ni España es inteligible sin Europa, ni Europa sin España*”. Su proyecto consistía en devolver a España a su lugar en la política exterior, y en el concierto internacional¹⁵.

Los gobiernos del Partido Socialista Obrero Español (PSOE) de Felipe González (1982–1996)

En los primeros gobiernos Felipe González del Partido Socialista (PSOE) trazó un modelo de política exterior que caracterizó a la España democrática, y sobre todo hay que destacar el “consenso” entre los partidos políticos en materia de política exterior hasta que se rompió en 2003 durante el segundo mandato del Presidente del Partido Popular (PP) José María Aznar¹⁶. Felipe González centró los objetivos de su gobierno en reforzar el proceso democratizador, en el papel del europeísmo y del atlantismo, y en una reformulación de la política iberoamericana, con el fin de reafirmar la presencia internacional española; además de una creciente multilateralización europeísta desde 1986¹⁷. Este proyecto buscaba un equilibrio entre los intereses y los valores, y al mismo tiempo establecía unos márgenes de autonomía. En definitiva, se buscaba una mayor presencia internacional de España en el mundo. En este sentido resultó fundamental, la juventud, el carisma, y el liderazgo del Presidente Felipe González, y su seductora personalidad. Con respecto a la política hispanoamericana se prestó una especial atención a la defensa de los Derechos Humanos y a la democracia; en lo tocante a la política con Cuba Felipe González trabajó por una transición a la democracia; también cabe señalar la Cooperación al Desarrollo, la puesta en marcha de las Cumbres Iberoamericanas, y la defensa de la posición de España como puente de las relaciones entre la Comunidad Europea e Hispanoamérica. Así mismo se buscaron fórmulas pacíficas para resolver los conflictos centroamericanos aportando la experiencia de la Transición española. Por otro lado, se llevaron a cabo importantes inversiones económicas, y nació una nueva imagen de España en Hispanoamérica¹⁸.

Después de la entrada de España en la UE en 1986, la política hispanoamericana se europeizó. La etapa de 1991 a 1996 fue la más brillante de la política exterior socialista. En definitiva, se puso en marcha una política exterior muy destacada, y España llegó a ser una “*gran potencia media*”. En conclusión, con los gobiernos del presidente Felipe González se incrementaron extraordinariamente las relaciones con Hispanoamérica y se fortalecieron las Cumbres Iberoamericanas de la Cooperación al Desarrollo, que se celebraban anualmente y fueron un éxito en la consolidación de las relaciones con Hispanoamérica¹⁹.

Los gobiernos del Partido Popular (PP) de José María Aznar (1996–2004)

A la hora de abordar la cuestión de la política exterior del gobierno del presidente José María Aznar del Partido Popular (PP) hay que señalar, que se divide en dos etapas respecto a las relaciones con Hispanoamérica. La primera abarca el periodo comprendido entre 1996 y 2002, en la que se continúa con la política del presidente Felipe González, con algunos cambios en relación a Estados

¹⁵ Leopoldo Calvo Sotelo, *Memoria viva de la Transición*, Barcelona, 1990.

¹⁶ Felipe González Márquez, *Memorias del futuro*, Madrid, 2003.

¹⁷ Rosa Pardo Sanz, “La política exterior de Felipe González: ¿Un nuevo papel para España en el escenario Internacional?” *Ayer* 84, 2011.

¹⁸ Arenal Moyúa del Celestino, “La adhesión de España a la Comunidad Europea y su impacto en las relaciones entre América latina y la Comunidad Europea”, *Revista de Instituciones Europeas* 17:2, 1990, p. 329–386; William Chislett, *Op. cit.*

¹⁹ Rosa Pardo Sanz, *Op. cit.*; Arenal Moyúa del Celestino: 1) *Política exterior de España hacia Iberoamérica*, Madrid, 1994; 2) *España y América Latina 200 años después de la Independencia*, Madrid, 2009.

Unidos y a Cuba²⁰. La segunda llega desde 2002 a 2004, es una etapa turbulenta marcada por los atentados del 11-S, y el apoyo del presidente José María Aznar al presidente norteamericano George W. Bush, en la guerra de Irak, que se traducirá en un cambio en la política exterior con Hispanoamérica. Cabe señalar que en lo bilateral se había centrado en el “atlantismo”, y por un fuerte liderazgo de España en las Cumbres Iberoamericanas²¹. Los gobiernos del presidente José María Aznar fueron especialmente atlantistas, y europeístas por necesidad; durante su mandato Europa quedó en un segundo plano. Se situó a la sombra de EEUU, porque creía que era la mejor opción para defender los intereses de España en un mundo globalizado, como consecuencia se produjo entre 2001 y 2004 un periodo de entendimiento intenso en las relaciones bilaterales entre España y EEUU, sirva de ejemplo la Cumbre de las Azores en 2003 entre España, Reino Unido y EEUU para tomar la decisión de invadir Irak y terminar con el régimen de Sadam Hussein²².

Desde otro punto de vista, el presidente José María Aznar siempre trazó las líneas maestras de la política exterior con un sello personalista buscando desde todos los puntos de vista la “*grandeur de España*” al lado de las grandes potencias como EEUU y Reino Unido. Otra de las señas de identidad de la política exterior fue el “economicismo” basado en la internacionalización de las empresas españolas especialmente en Hispanoamérica, y al mismo tiempo se plantearon ambiciosos objetivos políticos, culturales, científicos-tecnológicos, de cooperación, y de conocimiento mutuo²³. En resumen, la política de alineamiento respecto a EEUU afectó a las relaciones de España con Hispanoamérica, que se reflejó en un deterioro de la imagen de España en la región; más aún, se originó una pérdida de sintonía en las relaciones bilaterales con algunos de los principales países hispanoamericanos como fue el caso de México, Venezuela, Cuba, Argentina, y Chile que mantenían posiciones diferentes con el Gobierno de George W Bush²⁴. Hay que tener también en cuenta el cambio producido respecto de la Cumbres Iberoamericanas en las que España ocupó una postura hegemónica y unilateral, sin el consenso y la concertación con los países hispanoamericanos. Como último hecho explicativo de las relaciones de España con Hispanoamérica merece una especial atención el <<cesarismo>> y el <<personalismo>> del presidente José María Aznar, que le llevó a romper el consenso en la política exterior de España con los demás partidos políticos del arco parlamentario español, que se habían mantenido unidos en esta materia como una cuestión de Estado desde la Transición²⁵.

Los gobiernos del Partido Socialista Obrero Español (PSOE) de José Luís Rodríguez Zapatero (2004–2011)

En mayo de 2004 fue elegido presidente del gobierno José Luís Rodríguez Zapatero del Partido Socialista Obrero Español (PSOE), en cuyo mandato se experimentó un cambio en la política exterior con Hispanoamérica en relación a los gobiernos del presidente Aznar, y quiso marcar las distancias con su política de alineación frente a EEUU priorizando las relaciones con los países de la región. En consecuencia, apostó por una política que contribuyera a la consolidación democrática y al progreso de los países hispanoamericanos; en este sentido reforzó las relaciones bilaterales; al mismo tiempo prestó más atención a la lucha contra la pobreza, la desigualdad, a

²⁰ José María Aznar, *Ocho años de Gobierno*, Barcelona, 2004; Javier Tusell Gómez, *El Aznarato. El gobierno del Partido Popular 1996–2003*, Madrid, 2004.

²¹ Alejandro Muñoz Alonso, *España en primer plano. Ocho años de política exterior (1996–2004)*, Madrid, 2007.

²² Felipe Sahagún, “Política exterior y de seguridad de España”, *Anuario internacional CIDOB 2004*, Barcelona, 2005. P. 265–281.

²³ Rafael Grasa Hernández, “La política exterior española hacia América Latina: tendencias recientes y proyección hacia el futuro”, *Afers Internacionals* 44–45, 2001.

²⁴ Javier Noya Miranda, *Diplomacia pública para el siglo XXI. La gestión de la imagen exterior y la opinión pública internacional*, Barcelona, 2007.

²⁵ Fernando García Casas, “El proceso de institucionalización de las Cumbres Iberoamericanas”, en Arenal Moyúa del Celestino (coord.), *Las Cumbres Iberoamericanas (1991–2005). Logros y desafíos*, Madrid, 2005.

favor de la cohesión social, y potenció las cuestiones culturales²⁶. Cabe destacar la cesión de una mayor autonomía a los países hispanoamericanos, al mismo tiempo que se producía un giro social, y se abría una política de diálogo con Cuba. Además, se estableció un liderazgo compartido en las Cumbres Iberoamericanas, y en la Cumbre América Latina y el Caribe-UE, celebrada en Madrid en mayo de 2010²⁷. En relación a la política de Cooperación al Desarrollo incrementó el presupuesto pasando de una política de ayuda a una política de desarrollo; al mismo tiempo llevó a cabo una política en defensa de los intereses económicos de los españoles en Iberoamérica²⁸.

Por otra parte, apoyó a los partidos de izquierdas iberoamericanos, y cambió la orientación pro-estadounidense del presidente Aznar por un mayor multilateralismo. Lo primero que hizo el presidente José Luis Rodríguez Zapatero cuando asumió el Gobierno socialista fue retirar las tropas españolas de Irak, que supuso el enfriamiento de las relaciones con EEUU. El gobierno del presidente José Luis Rodríguez Zapatero se distanció de la política exterior del presidente José María Aznar, y restableció el diálogo con el Gobierno cubano y contribuyó a mejorar las relaciones con el gobierno venezolano de Hugo Chávez; así como el reforzamiento en general de las relaciones con Hispanoamérica. Hay que decir que con la llegada del presidente José Luis Rodríguez Zapatero al gobierno se abrió un nuevo periodo de reorientación para la cooperación internacional para el desarrollo, dando prioridad a las particularidades de la América Hispana en la lucha contra la pobreza, y aumentó sensiblemente la cooperación española, y también se tomaron una serie de medidas para alcanzar el 0,7 % del PNB español antes de 2012 dedicado a la Cooperación al Desarrollo. En cambio, a partir de 2009 disminuyeron los recursos de la cooperación española a causa de la crisis económica y del aumento del déficit público²⁹. En cualquier caso, el presidente del Gobierno José Luis Rodríguez Zapatero destacó, que el segundo pilar de la política exterior española después de Europa era priorizar las relaciones con Iberoamérica basadas en la recuperación de márgenes de autonomía, reforzamiento de la concertación política, el inicio de un giro social, reforzamiento de las relaciones bilaterales, consolidación de la Cumbres Iberoamericanas, y afianzar las relaciones entre la UE e Hispanoamérica³⁰.

Los gobiernos del Partido Popular (PP) de Mariano Rajoy (2011–2018)

Durante el gobierno del presidente Mariano Rajoy del Partido Popular (PP) la política exterior no ocupó un lugar relevante debido a que la prioridad del gobierno se centró en gestionar la profunda crisis económica y financiera que sufría el país, la mayor de toda la democracia, se puede decir que fue una política exterior de escaso relieve, y de falta de liderazgo internacional³¹. Dentro de la política exterior la diplomacia se orientó preferentemente hacia la UE para reforzar a España en el mundo, al mismo tiempo se centró la atención en la economía internacional, y se llevó a cabo una profunda redefinición de la Cooperación al Desarrollo³².

En cuanto a la cooperación se refiere mantuvo un nivel bajo, y se desplomó el presupuesto de la Ayuda Oficial al Desarrollo en un momento que era necesario recortar el gasto público, por lo que afectó también a las ayudas al desarrollo, y a las relaciones de España con Hispanoamérica,

²⁶ José Luis Rodríguez Zapatero, “Discurso en la sesión de investidura como presidente del Gobierno”. 15 de abril de 2004, *Congreso de los Diputados*.

²⁷ Arenal Moyúa del Celestino, *Op. cit.*, 2011, p. 477–518.

²⁸ José Antonio Sanahuja, Julia Espinosa-Fajardo y Esther López Barrero, Multilateralismo y desarrollo en la cooperación española, *La realidad de la ayuda 2005–2006. Una evaluación independiente de la ayuda al desarrollo española e internacional*, Barcelona, 2005, p. 113–158.

²⁹ Manuel Iglesias-Caruncho (coord.), *Avances y retos de la cooperación española. Reflexiones para una década*, Madrid, 2007.

³⁰ José Luis Rodríguez Zapatero, “Discurso del presidente del Gobierno ante III Conferencia de Embajadores españoles en el extranjero”. 7 de septiembre de 2004, *Palacio de la Moncloa*.

³¹ Ignacio Molina, Iliana Olivé y Federico Steinberg, “La reorganización de la acción exterior española por el nuevo gobierno del Partido Popular (ARI)”. 16 de feb 2012, Real Instituto Elcano.

³² Enrique Rajoy Brey, “Mi visión de Europa y España en el mundo”, *Revista Política Exterior* 25:144, 2011.

que ya no fueron las mismas que en tiempos del presidente Felipe González³³. En los seis años y medio de mandato, se recuperó poco a poco la influencia en la UE, y se mantuvieron buenas relaciones bilaterales con todos los socios hispanoamericanos con la excepción de Venezuela. Sobre las Cumbres Iberoamericanas la situación no mejoró, pues hacía años que venían languideciendo, y a partir de 2014, su celebración se hizo bianual, mientras que desde su fundación en 1991 era anual³⁴. Como resultado general, la imagen internacional de España se había diluido por la desatención a los desafíos de la política internacional, más centrado el Gobierno en resolver la crisis económica y el paro. Dicho todo lo anterior, los gobiernos de Mariano Rajoy tuvieron un enfoque pragmático en el contexto de la crisis económica desde su gran experiencia en la gestión de lo público. Tal como hemos señalado trabajó en política exterior para que España volviera a tener en la UE el nivel de influencia que le correspondía, y dejar atrás el papel irrelevante que había tenido en los últimos gobiernos. En síntesis, ejerció un liderazgo distinto al de sus antecesores, menos conflictivo, y sobre todo se centró en el sector público para gestionar la crisis económica, y su gran mérito consistió en sacar a España de un contexto difícil y de mucho estrés gracias a su capacidad para tomar decisiones, y cumplir los objetivos programáticos en materia económica y social.

Gobierno de Coalición del Partido Socialista Obrero Español PSOE y de Unidas Podemos (UP) (2019–2020)

En lo referente a la política exterior del primer gobierno de coalición de la democracia española formado en enero de 2020, después de unas complicadas negociaciones, el partido socialista (PSOE) encabezado por su líder Pedro Sánchez, y el partido de extrema izquierda comunista Unidas Podemos (UP) por Pablo Iglesias, llegaron a un pacto para gobernar España³⁵. Lo cierto es que los desencuentros y las fricciones en el gobierno de coalición han sido una constante desde el momento de su formación en las distintas áreas de gobierno, y no iba a ser menos en la política exterior, que se puede calificar de errática. Con respecto a Hispanoamérica no hay criterios claros, sirva de ejemplo las relaciones con Venezuela en las que se advierte un giro del presidente Pedro Sánchez presionado por Pablo Iglesias y su grupo, que apoya los procesos bolivarianos, y es defensor de la dictadura de Nicolás Maduro³⁶. Así las cosas, se podría resumir las diferentes actitudes frente a la crisis de Venezuela: por una parte está la oposición del expresidente Felipe González que defiende a la oposición al régimen de Nicolás Maduro, otra es la del expresidente José Luis Rodríguez Zapatero, que desprecia a la oposición venezolana, y el presidente Pedro Sánchez que un día la apoya y otro no, los tres perteneciendo al partido Socialista Obrero Español tienen opiniones encontradas en política exterior³⁷. En este mismo sentido, Enrique Santiago, portavoz de Unidas Podemos para Latinoamérica, y diputado de Izquierda Unida (IU), que forma parte del gobierno de Pedro Sánchez defiende el régimen castrista, y llama a “luchar contra la ofensiva imperialista de EE UU” en América Latina, y avala a Nicolás Maduro como presidente de Venezuela”. Con respecto a las relaciones diplomáticas del Ejecutivo de Pedro Sánchez con EEUU pasan por su peor momento, y son una prueba de la pérdida de peso de la política exterior española a nivel internacional.

³³ José María Larrú, Iliana Olivé y Aitor Pérez, “Cooperación española y política exterior: trayectoria histórica comparada”, *Revista Española de Desarrollo y Cooperación* 44, 2019.

³⁴ Arenal Moyúa del Celestino, *Las cumbres Iberoamericanas (1991–2005)*, Madrid, 2005.

³⁵ El Partido Socialista Obrero Español (PSOE) fue fundado en 1879 y Unidas Podemos (UP), surgió de una parte de las protestas del 15 de Mayo de 2011; Montserrat Pintado Lobato y Victoria Rodríguez Prieto, “Crónica de Política Exterior española (Diciembre 2018 — mayo 2019)”, *Revista electrónica de Estudios Internacionales* 37, 2019. <https://doi.org/10.17103/reei.37.17>

³⁶ Manuel Alcántara Sáez y José Manuel Rivas Otero (coord.), *Los orígenes latinoamericanos de Podemos*, Madrid, 2019.

³⁷ David Jiménez, “España debe estar con la democracia en Latinoamérica”, *The New York Times* [Recurso electrónico]. URL: <https://www.nytimes.com/es/2020/02/06/espanol/opinion/espana-latinoamerica.html> (consultado el 10.10.2021).

En lo referente, a las relaciones de España con Hispanoamérica durante la lucha contra la pandemia del COVID-19 que tantos costes está suponiendo en vidas humanas y en la reconstrucción económica ha alterado dichas relaciones, y se abre un nuevo escenario para la política exterior de España, es el momento de replantearse unas nuevas relaciones con la América Hispana. En cualquier caso, España no debería encerrarse en sí misma en todo el proceso de reconstrucción post-COVID-19, porque tendría unas consecuencias desastrosas a corto y largo plazo por ambas partes. Por lo tanto es fundamental recuperar el terreno perdido, y mantener fuertes vínculos con los países hispanoamericanos para que España sea percibida como un actor destacado en el contexto internacional, para lo cual debería de potenciarse la defensa de la democracia, la promoción de los Derechos Humanos y la igualdad de género, promover el multilateralismo incluyendo la política europea; además de prestar una mayor atención a la gobernanza global, a una economía mundial justa y equitativa, y de la misma manera apoyar la lucha contra el cambio climático y la sostenibilidad³⁸.

En definitiva, la política exterior del gobierno de Pedro Sánchez presenta bastantes disfunciones, que deben corregirse para que España recupere el respeto internacional que tuvo en otros tiempos.

Conclusiones

Actualmente España ha perdido peso en las relaciones con Hispanoamérica, y quedan para el recuerdo los gloriosos años noventa del siglo pasado, en que era un referente de primer orden, y gozaba de un reconocimiento internacional transformándose en una gran potencia nueva.

El Rey Juan Carlos I se convirtió en el mejor garante y en el principal protagonista de las buenas relaciones con los estados hispanoamericanos, y con EEUU. La misma Casa Real diseñó un proyecto para recuperar las raíces de la hispanidad, y cambiar la imagen de España en América. Del mismo modo el Rey Felipe VI mantiene la vocación americanista de su padre.

Respecto a la Cooperación al Desarrollo de los países americanos por parte de España le ha dado prestigio e influencia internacional, y ha cambiado la vida de cientos de miles de personas, al tiempo que ha mantenido un cierto liderazgo frente a la cooperación de los países de la UE, que manifiestan un déficit de atención en relación a Hispanoamérica.

En lo tocante a las Cumbres Iberoamericanas desde 1991 han pasado por diferentes etapas, desde gozar de un enorme éxito, al escaso interés de las últimas y a la ausencia significativa de una serie de países, que anteriormente acudían a las mismas. En cualquier caso España debería de aportar mucho más que las relaciones comerciales, como por ejemplo potenciar el fortalecimiento del Estado de Derecho, y los valores democráticos, así como compartir el liderazgo; de lo contrario cada vez será más irrelevante en la región en la que viven más de 600 millones de personas con los que compartimos vínculos históricos, lazos culturales y una lengua en común.

Se puede concluir, que el gobierno actual de coalición no tiene unos criterios claros en la política exterior con Hispanoamérica, ésta es coyuntural. Mientras que los gobiernos anteriores mantenían unas directrices estructurales consolidadas, que respetaban las particularidades de cada uno de los países hispanoamericanos. Con todo no cabe duda de que los gobiernos de los presidentes Felipe González y José María Aznar fueron los mejores para la política exterior de España, que alcanzó un notable nivel internacional.

³⁸ Ignacio Molina (coord.), “España en el mundo en 2020: perspectivas y desafíos para el año del coronavirus”, *Elcano Policy Paper* 13 [Recurso electrónico]. URL: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/wcm/connect/c96ba763-f0c3-494b-bb03-3b9791b6ccbb/Policy-Paper-Espana_en_mundo2020perspectivasdesafioscoronavirus.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=c96ba763-f0c3-494b-bbb03-3b9791b6ccbb (consultado el 10.10.2021); Charles Powell, Ignacio Molina y José Pablo Martínez (coord.), “España y la crisis del coronavirus: una reflexión estratégica en el contexto europeo e internacional”, *Real Instituto Elcano* [Recurso electrónico]. URL: <http://www.realinstitutoelcano.org/wps/wcm/connect/06547cd6-3756-4c9f-b5da-a444813dd3d0/Documento-Espana-y-la-crisis-del-coronavirus.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=06547cd6-3756-4c9f-b5da-a444813dd3d0> (consultado el 10.10.2021).

Por último, hay que destacar el papel de España como interlocutor entre los países hispanoamericanos con la Unión Europea, para profundizar en la democracia y en el respeto a los Derechos Humanos, con el fin de mirar al futuro con optimismo y confianza. En suma, España tiene que ser tejedora de diálogos, solidaridad y compromisos con Hispanoamérica. En resumen, *Hispanoamérica no se puede entender sin España, ni España sin Hispanoamérica*. Lo cierto es que la pandemia del COVID-19 nos lleva a un nuevo ciclo en el orden internacional, dentro del proceso de desglobalización, que nos enfrenta a grandes desafíos mundiales en la era post- COVID-19.

Bibliografía

1. Sáez Manuel, Alcántara (coord.) y José Manuel Rivas Otero (coord.), *Los orígenes latinoamericanos de Podemos*, Madrid, Editorial Tecnos, 2019.
2. del Celestino Arenal, Moyúa, “La adhesión de España a la Comunidad Europea y su impacto en las relaciones entre América latina y la Comunidad Europea”, *Revista de Instituciones Europeas* 17:2, 1990, p. 329–386.
3. del Celestino Arenal, Moyúa, *Política exterior de España hacia Iberoamérica*, Madrid, Editorial Complutense, 1994.
4. del Celestino Arenal, Moyúa, “La política latinoamericana del gobierno socialista”, *Política Exterior* 19:105, 2005, p. 115–126.
5. del Celestino Arenal, Moyúa (coord.), *Las cumbres Iberoamericanas (1991–2005). Logros y desafíos*, Madrid, Editorial Siglo XXI Fundación Carolina, 2005.
6. del Celestino Arenal, Moyúa, *España y América Latina 200 años después de la Independencia*, Madrid, Editorial Pons, 2009.
7. del Celestino Arenal, Moyúa, *Política Exterior de España y relaciones con América Latina. Iberoamericanidad, Europeización y Atlantismo en la política exterior española*, Madrid, Editorial Siglo XXI Fundación Carolina, 2011.
8. Aznar, José María, *Ocho años de Gobierno*, Barcelona, Editorial Planeta, 2004.
9. Calvo Sotelo, Leopoldo, *Memoria viva de la Transición*, Barcelona, Plaza y Janés/Cambio 16, 1990.
10. Chislett, William, *La inversión española directa en América Latina: retos y oportunidades*, Madrid, Real Instituto Elcano de Estudios Internacionales y Estratégicos, 2003.
11. Crespo MacLennan, Julio, *España en Europa, 1945–2000: del ostracismo a la modernidad*, Madrid, Editorial Marcial Pons, Ediciones de Historia, 2004.
12. Fernández Fernández-Cuesta, Juan Manuel, “Los viajes del rey embajador. Las visitas al exterior de don Juan Carlos, aval de la democratización española”, *Aportes. Revista de Historia Contemporánea* 94:32, 2017, p. 219–242.
13. García Casas, Fernando, “El proceso de institucionalización de las Cumbres Iberoamericanas”, en del Celestino Arenal, Moyúa, (coord.), *Las Cumbres Iberoamericanas (1991–2005). Logros y desafíos*, Madrid, Editorial Siglo XXI Fundación Carolina, 2005, p. 73–105.
14. González Márquez, Felipe, *Memorias del futuro*, Madrid, Editorial Aguilar, 2003.
15. Grasa Hernández, Rafael, “La política exterior española hacia América Latina: tendencias recientes y proyección hacia el futuro”, *Afers Internacionals* 44–45, 2001, p. 65–83.
16. Iglesias-Caruncho, Manuel (coord.), *Avances y retos de la cooperación española. Reflexiones para una década*, Madrid, Editorial Siglo XXI Fundación Carolina, 2007.
17. Larrú, José María, Iliana Olivie y Aitor Pérez, “Cooperación española y política exterior: trayectoria histórica comparada”, *Revista Española de Desarrollo y Cooperación* 44, 2019, p. 21–33.
18. Malamud Rikles, Carlos Daniel, “Las cumbres Iberoamericanas en el actual escenario mundial”, *Celestino del Arenal (coord.), Las cumbres Iberoamericanas (1991–2005). Logros y desafíos*, Madrid, Editorial Siglo XXI. P. 27–45.
19. Molina, Ignacio, Iliana Olivie y Federico Steinberg, “La reorganización de la acción exterior española por el nuevo gobierno del Partido Popular (ARI)”. 16 de feb 2012, *Real Instituto Elcano*.
20. Muñoz-Alonso, Alejandro, *España en primer plano. Ocho años de política exterior (1996–2004)*, Madrid, Editorial Gota a Gota, 2007.
21. Noya Miranda, Javier, *Diplomacia pública para el siglo XXI. La gestión de la imagen exterior y la opinión pública internacional*, Barcelona, Editorial Ariel-Real Instituto Elcano, 2007.

22. Pardo Sanz, Rosa, “La política exterior de los gobiernos de Felipe González: ¿Un nuevo papel para España en el escenario internacional?”, *Ayer* 84, 2011, p. 73–97.
23. Peralba Fortuny, Raúl, *El posicionamiento de la “marca España” y su competitividad internacional (Empresa y Gestión)*, Madrid, Editorial Pirámide, 2010.
24. Pereira, Juan Carlos, María Adela Alija Garabito y Misael Arturo López Zapico (coord.), *La política exterior de España. De la transición a la consolidación democrática (1986–2001)*, Madrid, Editorial Catarata, 2018.
25. Pérez López, Pablo y Jorge Lafuente del Cano, “Leopoldo Calvo-Sotelo y la Transición exterior: la prioridad europea”, *Arbor* 190:769, 2014. <http://dx.doi.org/10.3989/arbor.2014.769n5008>
26. Pintado Lobato, Montserrat y Rodríguez Prieto, Victoria, “Crónica de Política Exterior española (diciembre 2018-mayo 2019)”, *Revista electrónica de Estudios Internacionales* 37, 2019. <https://doi.org/10.17103/reei.37.17>
27. Pozas Pozas, María Jesús, “The Spanish Transition as a Model of Political Consolidation”, *Vestnik of Saint Petersburg University. History* 65:4, 2020, p. 1218–1230. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.412> (In Russian)
28. Rajoy Brey, Enrique, “Mi visión de Europa y España en el mundo”, *Revista Política Exterior* 25:144, 2011, p. 40–47.
29. Tusell Gómez, Javier, *La Transición a la democracia: España, 1975–1982*, Madrid, Historia 16, 1999.
30. Tusell Gómez, Javier, *El Aznarato. El gobierno del Partido Popular 1996–2003*, Madrid, Editorial Aguilar, 2004.
31. Veloz Naftalí, Paula, “Juan Carlos I y el continente americano: análisis de la imagen pública del rey y la institución monárquica (1975–2014)”, en Navajas Zubeldía, Carlos y Iturriaga Barco, Diego (coord.), *El reinado de Juan Carlos I (1975–2014): Actas del VI Congreso Internacional de Historia de Nuestro Tiempo*, Logroño, Universidad de La Rioja, 2019. P. 115–130.
32. Villena García, Miguel Ángel, *España solidaria: Historia de la cooperación española al desarrollo (1986–2016)*, Barcelona, Editorial Gestión 2000, S.A.O., 2017.

PANDEMIA GLOBAL: DISPUTA GLOCAL EN AMÉRICA LATINA

GLOBAL PANDEMIC: GLOCAL DISPUTE IN LATIN AMERICA

Óscar Barboza Lizano¹

PROSPECTIVAS BICENTENARIAS. CONEXIONES DEL PENSAMIENTO MASÓNICO MODERNO CON LAS IDEAS DEL DR. SALVADOR MENDIETA CASCANTE

BICENTENNIAL PROSPECTS. CONNECTIONS OF MODERN MASONIC THOUGHT WITH THE IDEAS OF DR. SALVADOR MENDIETA CASCANTE

Resumen: Este trabajo tiene como principal objetivo presentar las investigaciones sobre historia de las ideas en Centroamérica y cómo estas ideas están cargadas de conexiones entre el pensamiento masónico moderno y las ideas unionistas centroamericanas. Nuestra ponencia se basa en el estudio del pensador centroamericano Salvador Mendieta Cascante. Fundador del Partido Unionista Centroamericano. Pretendemos con este trabajo demostrar que la construcción de nación que buscaba Mendieta está ligada profundamente con el pensamiento masónico moderno, ideas que circularon por medio del Mediterráneo americano y que penetraron el Istmo centroamericano desde Jamaica. Es decir, circularon del Caribe insular al Caribe continental. Además, partiendo de estos conceptos presentes en Mendieta, como reconstruir prospectivamente la tarea pendiente de la patria grande, como eje principal para la tercera centuria de vida independiente en Centro América.

Palabras claves: Ideas centroamericanas, Salvador Mendieta, Bicentenario centroamericano; Caribe continental.

Abstract: The objective of this paper is to present research on the history of ideas in Central America and how these ideas are loaded with connections between modern Masonic thought and Central American unionist ideas. Our presentation is based on the study of the Central American thinker and freemason Salvador Mendieta Cascante. Founder of the Central American Unionist Party. We intend

¹ **Óscar Barboza Lizano**, Costa Rica, académico de la Universidad Nacional de Costa Rica (oscarbarbozalizano@gmail.com, oscar.braboza.lizano@una.cr).

with this work to demonstrate that the nation building that Mendieta was seeking is deeply linked to modern Masonic thought, ideas that circulated through the American Mediterranean and penetrated the Central American Isthmus from Jamaica. That is, they circulated from the insular Caribbean to the continental Caribbean. In addition, starting from these concepts present in Mendieta, how to prospectively reconstruct the pending task of the “Patria Grande”, as the main axis for the third century of independent life in Central America.

Key words: Central American Ideas; Salvador Mendieta; Continental Caribbean; Bicentennial of Central American.

Introducción

Encontraremos una serie de palabras e ideas que se incrustaron en el ser de los pueblos y como hemos mencionado, quedan estas en la memoria y con el tiempo, van y vuelven. Constantemente se visualiza el cómo se pusieron en marcha las ideas, cómo mueren con la muerte de su acérrimo defensor. Muerte que al menos se da en el imaginario colectivo. Varias ideas unen a Salvador Mendieta Cascante y estas los unen al pensamiento masónico moderno.

El último unionista: Salvador Mendieta Cascante nace en Diriamba, Nicaragua el 24 de marzo de 1879 y muere el 28 de mayo de 1958 en San Salvador, El Salvador. Fue Hijo de una familia de comerciantes acomodados de Diriamba, Nicaragua.

Realiza sus estudios primarios en el Instituto Nacional de Oriente de Granada, donde tuvo como profesores a José María Borges y al pedagogo José María Izaguirre, amigo cercano del General Carlos Manuel de Céspedes y José Julián Martí y Pérez. Continuará sus estudios en el Instituto Nacional de Varones en Guatemala (1892). En el año 1894, es cofundador y lidera la Sociedad Estudiantil Unionista (SEU). En julio de 1894, fue expulsado del Instituto, por orden del General José María Reina Barrios. Posteriormente ingresa al Instituto de San Salvador, donde funda una Sociedad Estudiantil Unionistas llamada Minerva. Para el año de 1897, ingresa a la Universidad de San Carlos de Guatemala, allí funda la sociedad estudiantil “El Derecho”, como estudiante de la Facultad de Derecho y Notariado.

Regresó a Nicaragua en el año 1902, donde funda el Diario “El centroamericano” y sociedades unionistas, entre ellas el Partido Unionista Centroamericano (PUCA). Además, fue director del diario “La Tribuna”, el cual fue cerrado por el gobierno nicaragüense en 1913. Y enviaron a su director a la cárcel acusado de conspiración contra el gobierno.

Fungió como diplomático en Costa Rica y secretario de Estado nicaragüense, entre 1909 a 1910 en el gobierno de José Santos Madriz Rodríguez (1867–1911). Fundador de la cátedra de estudios de Centroamérica.

En el gobierno del liberal Juan Bautista Sacasa (1874–1946) en Nicaragua, Mendieta se desempeñó como inspector general de Instrucción Pública y profesor de Historia de Centroamérica en el Instituto Ramírez Goyenaga y de Derecho Constitucional y Administrativo de la Escuela de Derecho de Managua.

Para el año de 1938 a 1940, Salvador Mendieta formó parte de la Comisión Legislativa de Nicaragua para crear la Universidad Central de Nicaragua en tiempos de la dictadura de Anastasio Somoza García (1896–1956). Mendieta, fue designado rector por un año de esa casa de estudios, después la universidad fue clausurada por considerarse foco de intranquilidad por parte de la dictadura.

Para el año de 1945, Mendieta se enferma, producto de los desacuerdos con el dictador Anastasio Somoza, por lo tanto, Mendieta decide radicarse en El Salvador donde moriría en 1958.

Los resultados obtenidos de la investigación se basan en la codificación, siguiendo la metodología descrita por Roland Barthers. Por lo que, a continuación, presentaremos las frecuencias obtenidas para tres obras de Salvador Mendieta Cascante, “Manifiesto. Comisión permanente del Partido Unionista Centroamericano con motivo de la situación Política de las secciones de Honduras y Costa Rica; La enfermedad de Centro América. Diagnóstico y orígenes de la dolencia; y Alrededor del problema Unionista de Centro-América. Mundialidad del problema. Tomo II”; estas dos últimas publicadas por la editorial Maccuci de Barcelona.”

Las tres obras han sido sometidas a nuestro método de codificación textual, mediante disecciones al azar.

Las voces de: verdad, persona, símbolo, empírica y la cultura en Mendieta

El código “guerra” como voz de la verdad indica que hubo levantamientos en las guerras de independencia. Mendieta aborda el levantamiento de El Salvador en 1811 y la guerra entre leónides y granadinos. Nos dice el unionista: “Granada se levantó contra los empleados peninsulares, se inició una guerra de exterminio entre una y otra población en 1823”². Precisamente la rivalidad entre León y Granada que surgió por el levantamiento de 1812. Dada la proclamación de independencia en 1821. Hay que recordar que Granada era uno de los puertos más importantes en el tránsito de mercancías entre el Atlántico y el Pacífico. Muchas de las guerras en Centroamérica responden por religión o perpetuidad en el poder de las familias. Mendieta recuerda que estos males son heredados de los peninsulares, quienes trajeron la intolerancia religiosa al Istmo, sed de poder y negocios que les diera una riqueza en el menor tiempo posible. Dice el unionista Mendieta: “el espectáculo que dió la América Ibero durante la Gran Guerra puso en evidencia una completa anarquía, una total desorientación”³. “La sociedad de naciones Iberoamericanas puede llenar el vacío y representar la brújula orientadora que pueda llenar ese vacío”⁴. Existe una falta de orden de jefatura, de unidad que hace ver muy mal a las naciones iberoamericanas, en la guerra y otros eventos posteriores.

Con el código “guerra”, se refiere al error cometido por Tomás Herculano de Jesús Regalado Romero (1861–1906), presidente de El Salvador entre 1898 y 1903. Éste fue el autor intelectual y material que gestó un levantamiento contra Manuel José Estrada (1857–1924), presidente de Guatemala, el levantamiento derogó el intento de reconstruir la República Federal mediante la constitución de la República Mayor. Por lo tanto, para Mendieta esta guerra fue el levantamiento en contra del unionismo el cual produce: “la consecuencia de una guerra”⁵. Posteriormente, vendrá la disolución de la República Mayor Centroamericana que en 1898, se había declarado los Estados Unidos de Centroamérica, uniendo a El Salvador, Honduras y Nicaragua. Para Mendieta, siguió conociéndose como República Mayor. Por lo tanto, el conflicto y las guerras civiles que se desarrollan por la acción de Regalado contra Estrada Cabrera, llevaron al Istmo a la desestabilización e hizo que Washington convocara a los centroamericanos para lograr en 1907 el Tratado y Convenciones. Claro que las acciones de Washington no son gratuitas, en 1909 el secretario de Estado Philander C. Knox, impulsa una revolución desde la costa atlántica de Nicaragua para derrocar a Zelaya y posteriormente, a José Santos Madriz Rodríguez.

El código “guerra”, señala que: “las guerras en Centroamérica son civiles y que siempre se deben a causas fútiles y odios personales de caudillos que sin piedad sacrifican a los pueblos”⁶. El conocimiento de Mendieta está claro: asevera que esas guerras son caprichos personales que no permiten la unidad de la República, destrozan el sueño unionista una y otra vez y que todo nació con la primera gran rivalidad entre Valle y Arce, luego entre Morazán y el mismo Arce, posteriormente entre Morazán y Carrillo. La entrada “guerra”, le sirve a Mendieta para decir cómo los Estados Unidos aprovecharon estas guerras personalistas para intervenir en el Istmo. La política del “big stick” de Roosevelt, será motivación de poemas antiimperialistas por parte del príncipe de las letras castellanas, Rubén Darío. En pleno siglo XXI se observan los intentos de promover guerras por los caudillos emergentes. Mendieta opina: “la presidencia de una persona es transitoria”⁷. Por lo que indica los dos hechos contundentes que hicieron fundar el Partido Unionista Centroamericano (PUCA), primero, el fracaso de la República Mayor asociado a la guerra iniciada

² Salvador Mendieta, *La enfermedad de Centro América. Terapéutica*. Mallorca, Barcelona, 1934. P. 339.

³ *Ibid*, p. 235.

⁴ *Ibid*.

⁵ *Ibid*, p. 29.

⁶ *Ibid*, p. 31.

⁷ *Ibid*, p. 3.

por Regalado y segundo, la guerra hispanoamericana, ambas en 1898. Estas modificaban sustancialmente la vida y las relaciones internacionales de los países bañados por el Mediterráneo americano.

La voz de la verdad (código hermenéutico), con la entrada “política” se suscribe a los tiempos de Carlos V y cómo el emperador generó una crisis con los encomenderos de indios en la América hispana. Aunque los originarios eran teóricamente libres y prácticamente esclavos, la realidad de los pueblos fue precaria. Puesto que se tiene registro de una buena agricultura al inicio de la colonia, está el hecho que indica Mendieta: “la ciega política económica de los favoritos despreciables e incapaces que gobernaron a España durante los reinos de Felipe III y Felipe IV destruyen muchas industrias e impide que otras se desarrollasen con libertad”⁸. Continúa Mendieta: “infame mentira política que nos hunde cada vez más en el abismo de nuestra degradación: queremos república de verdad”⁹. Ya que en realidad no se creó una verdadera república, sino “cinco dictaduras omnímodas”¹⁰. Éstas “Desconocen las tendencias de la política mundial, que necesariamente determinan derroteros al buque centroamericano en que navegan”¹¹. La política, al ser tan local, “marcha a tientas en la más completa obscuridad dando golpes y tumbos de continuo; y es así como la política localista y sectarista”¹² producen “ciegos que siguen ciegos”¹³.

La entrada “política” la usa el intelectual unionista para revelarnos la verdad del Partido Unionista Centroamericano (PUCA): este se inscribía en la corriente del pensamiento positivista tan en boga para la época, se consideraba un partido cívico y educativo, el cual impulsaba la economía socialista dentro de un socialismo de Estado, promotor de un federalismo autóctono que organizaba la unión centroamericana con un componente de regionalismo autonomista, movido sin rozamientos con la unidad nacional y un departamento autónomo administrativo, construido sobre bases científicas. Además, esa patria nueva federal con regionalismo autónomo debía poseer una magistratura de carrera, la cual garantizará la independencia política de los magistrados y por último focalizada en mantener la independencia con una fuerte internacionalización del Istmo centroamericano, con el objetivo de que este sea: “asilo de los hombres de todas las latitudes, de toda creencia y de toda raza, y sirviendo dentro del amplio seno de la humanidad”¹⁴.

La voz de la verdad por medio de la entrada la entrada “sentimiento”, se asocia al símbolo nacional, donde ese sentimiento es la diferencia que “despertó y desarrolló la epopeya de la independencia”¹⁵. Revela un enigma que explica el origen de la carencia de ese sentimiento nacional en Centroamérica, y la llegada a América como empresa exclusiva de la corona de Castilla y León, que no dominaba aún la península ibérica para concretar el sentimiento nacional, sino que cada reino se consideraba como una patria chica enemiga de las otras patrias chicas. Así América sería solo una serie de retazos de patrias abortadas de las Hispanias. Y donde la larga duración no ha permitido cultivar — por ahora — un sentimiento nacional de patria grande.

La voz de la persona (código semántico) con la entrada “Centro-América” induce a la verdad. Mendieta dice: “las provincias unidas del reino de la Plata como las provincias unidas de Centroamérica, resultaban desde los nombres y banderas hasta los más pequeños detalles de la vida local una semejanza maravillosa”¹⁶. “Sólo por la falta de rosas en Centroamérica y Océano Pacífico en la Argentina, no se convierten en hermanas mellizas”¹⁷. Paralelamente nos induce al sentido textual de la verdad de cómo el Imperio británico veía a Centroamérica y sus intenciones, nos dice Mendieta que se pretendía: “indemnizar a la corona británica de la pérdida de los actuales Estados Unidos con la adquisición de Centro-América”¹⁸. Esto llevó a que el imperio británico colocara en

⁸ Salvador Mendieta, *Op. cit.* 1934, p. 201–202.

⁹ *Ibid.*, p. 186.

¹⁰ *Ibid.*, p. 187.

¹¹ *Ibid.*, p. 420.

¹² *Ibid.*, p. 420.

¹³ *Ibid.*, p. 421.

¹⁴ *Ibid.*, p. 376.

¹⁵ *Ibid.*, p. 220.

¹⁶ *Ibid.*, p. 221–222.

¹⁷ *Ibid.*

¹⁸ *Ibid.*, p. 64.

toda la costa del Caribe sus diferentes enclaves los cuales penetraron al Istmo desde Jamaica. Así reflexiona en la característica del “ladino de Centroamérica”, como un individuo: ignorante, analfabeta, supersticioso, fanático, idólatra y muy acostumbrado al despotismo.

La voz de la verdad (código hermenéutico) con la entrada “Centro-América” sirve de idea al receptor, de cómo se configuraba la costa caribeña: Atlántica para Mendieta, desde su entorno ambiental, social, cultural y de disputa por dominar. Invita a reflexionar en el momento de la llegada de los filibusteros holandeses, franceses e ingleses, más lo inhóspito de la zona caribeña continental, que el español dejó a merced de los nuevos colonos. De esta manera se produce el mestizaje entre náufragos, esclavos prófugos, los que habían delinquido y llamaron zambos. Posteriormente, “se mezclaron filibusteros especialmente los ingleses que al fin dejaron en nuestro Mediterráneo americano establecimientos permanentes como Jamaica y Belice¹⁹. De lo anterior se destaca que son las Logias escocesas las que penetran por el Caribe a Centroamérica desde Jamaica. Así las rivalidades entre yorquinos y escoceses se profundizará aún más en la data de la historia del Istmo.

La voz de la verdad (código hermenéutico) con la entrada “Centroamérica” recuerda que: “la diferencia va a ser la situación política de la Gran Colombia y Centro-América nada más que en el sentimiento nacional”²⁰, se ve que no existe una voz del símbolo que unifique o aglutine la nación centroamericana. Se recuerda que un siglo atrás Bolívar propuso reconstruir el sentimiento nacional desde las grandes naciones originarias de México y Chile, no del enemigo español. Continúa Mendieta diciéndonos: “¡Como ennegrece la mente y pervierte el criterio esa nauseabunda política de aldea que triunfó en Centro-América con la muerte de Morazán!”²¹ También Morazán tenía y promovía esa “nauseabunda política de aldea”, por su discurso cargado de localismo y defensa de los jefes de los Estados, es decir, del caudillismo o cacicato. Incluso al levantarse en armas contra Arce y la federación por defender a su tío político, creó una evidencia contundente de esa mentalidad de defensor de mi aldea, mi valle y mi gente. En otra instancia refleja Mendieta que: veintiséis millones de pesos oro anuales costaba a Centroamérica el tren administrativo de sus cinco gobiernos que se llaman independientes y sólo eran tributarios de “Wall Street” y humildes edecanes de la Secretaría de Estado: para él con diez millones podría tener Centroamérica una eficiente administración. Si se lograra la unidad podrían reducir en gobierno más del 50 % del costo por país.

La voz de la verdad (código hermenéutico) la entrada “Centro-América” en el texto diseccionado del apartado “la iniciativa unionista de 1917” donde los banqueros neoyorquinos y la Secretaría de Estado de los Estados Unidos, con la complicidad de la casta Chamorro de Nicaragua pretendía “remachar a toda Centro-América las cadenas del feudalismo banquerista”²². En la misma línea “esa conducta cobarde y delictuosa de Quiñones Molina, significa una gran vergüenza para Centro-América”²³. Alfonso Quiñones Molina (1874–1950), como presidente de El Salvador apoyó la invasión de los marines estadounidenses a Nicaragua, impulsada por el presidente de los Estados Unidos, John Calvin Coolidge Jr. (1872–1933) para apoyar a la casta Chamorro en el golpe de Estado llamado “el Lomazo” contra el presidente Carlos José Solórzano Gutiérrez (1860–1936). Esto desató una guerra civil más en Nicaragua, que se conoce como “la guerra constitucionalista “donde se enfrentaron liberales contra conservadores. Dentro del ejército liberal constitucionalista se destaca la participación del masón llamado General de los hombres libres, Augusto Nicolás Calderón Sandino (1895–1934) y quien será el Viriato de las Segovias centroamericanas, luchando contra la ocupación del Imperio estadounidense, como Viriato lo hizo contra los romanos.

La voz de la verdad (código hermenéutico), con la entrada “Centro-América” nos referencia a lo que Washington hace para promover la división de los Estados en el Istmo. Nos dice Mendieta: “los hombres de la Casa Blanca tienen el mismo nivel moral que la parasitaria casta Chamorro a

¹⁹ Ibid, p. 63.

²⁰ Salvador Mendieta, *Op. cit.* 1934, p. 221.

²¹ Ibid, p. 371.

²² Ibid, p. 98.

²³ Ibid, p. 430.

quien todo el mundo desprecia en Centro-América”²⁴. Continúa Mendieta: “decía Valle que la figura triangular de Centro-América exigía para la conveniente división territorial, desde los puntos de vista político y administrativo, una serie de figuras geométricas que tuvieran un centro común”²⁵. Según Mendieta, aquí se encuentra Valle con Arce y se complementan en su visión de unidad. Arce proponía la carretera central para conectar los territorios de norte a sur y de este a oeste. Reflexiona al ver “el mapa de Centro-América lo que más sorprende es la falta de un centro”²⁶. Es cuestión de “organizar a Centroamérica dentro de un federalismo autóctono”²⁷. Invita a considerar sobre la causa externa del problema permanente para el unionismo: los Estados Unidos con su política de intervención. De la manera anterior se construyó “el caciquismo, única forma de gobierno que hasta la fecha han conocido los centroamericanos”²⁸, en la colonia y en la época independiente. Se da el localismo de los jefes y sus redes políticas como el gran obstáculo promovido por la metrópoli hegemónica del momento.

La voz de la verdad (código hermenéutico) con la entrada “gobierno”, representa un período convulso en las acciones de Regalado que arruinan la iniciativa de la República Mayor. Mendieta tiende a confundir al receptor por absolver a los Estados Unidos, principal promotor de la desunión Centroamericana: desde esta perspectiva son las élites económicas y políticas de cada uno de los Estados centroamericanos las que niegan esa posibilidad. El proyecto de unidad está casi olvidado, de allí que la declaración de Confederación Masónica de Centroamérica (COMACA), tomada en San José, Costa Rica en el año 2010 sea un elemento esperanzador para los unionistas y federalistas en la tercera centuria de vida independiente. El valor de este trabajo radica en dar ese aporte reflexivo a los doscientos años de la firma del Acta de Independencia de Centroamérica.

La voz de la verdad (código hermenéutico) con la entrada “gobierno” con respecto a los Estados Unidos expresa: “trajeron el caos en vez del orden, la anarquía en vez de gobierno, el localismo en vez de nacionalismo, y, por último, la triste fragmentación”²⁹. Mendieta continúa: “jamás ha habido un gobierno republicano, en el recto sentido de la palabra”³⁰, para el caso de Centro-América son cinco monocracias gobernadas por monocratas que construyeron cacicatos. Considera que los gobiernos de la península y de ultramar o colonias no poseían un auténtico sentimiento nacional, culpa por un lado del excesivo autonomismo, pero sobre todo al mal gobierno peninsular y de ultramar. En otra entrada es “Nicaragua”, la que sirve para que se critique la acción de la revolución liberal de 1896 “cegados por la política local”³¹, “el más negro y feroz de los caciquismos que ha tenido Nicaragua”³². Refiriéndose a la era de Zelaya, aunque la tendencia era liberal. Desde el punto de vista de comercio en el Istmo en la época precolombina, el gran mercado de los pueblos originarios se concentró en el Pacífico de Nicaragua.

La voz de la verdad (código hermenéutico) con la entrada “Nicaragua”, resalta con los Estados Unidos y la casta Chamorro, quienes logran instaurar “las cadenas del feudalismo banquerista mediante las cuales se estaba explotando y envileciendo Nicaragua”³³. De lo anterior se corrobora que mucho del peso en la unión podría o no sostenerse, restaurarse o perderse dependiendo de la condición en que se encuentre Nicaragua. Y las condiciones que permita lo que Mendieta llama: “el agresivo imperialismo feudo-banquerista de Nueva York”³⁴. Sin embargo, Mendieta propone el lugar para el Distrito Federal en un área que abarca los Departamentos de Tegucigalpa, Valle, Choluteca, la Unión y Chinandega. Los motivos son el Golfo de Fonseca como salida al océano Pacífico y la llamada constelación de puertos, la Unión y el puerto de Corinto. Sin Nicaragua, la unión es imposible y los separatistas lo usan como justificante en sus discursos

²⁴ Ibid, p. 174.

²⁵ Ibid, p. 192.

²⁶ Ibid.

²⁷ Ibid, p. 376.

²⁸ Ibid, p. 114.

²⁹ Ibid, p. 235.

³⁰ Ibid, p. 270.

³¹ Salvador Mendieta, *Op. cit.* 1934, p. 280.

³² Ibid, p. 360.

³³ Ibid, p. 98.

³⁴ Ibid, p. 429–430.

demagógicos. Mendieta opina con respecto al Tratado de la Unión en 1920 el pretexto de que se valieron los separatistas en Costa Rica para la decisión de no ratificar el proyecto en el congreso fue la actitud de Nicaragua.

La voz de la verdad (código hermenéutico) con la entrada “Guatemala”, el Estado o Distrito Federal es la preponderancia para la unión y el comercio mundial. “Siempre se rehízo y ocupó en el reino de Guatemala el primer lugar con población bursátil”³⁵, incluso presenta a Guatemala como el lugar de castigo para los granadinos e independentistas. Dice Mendieta: “encarcelado, despojado de sus bienes, conducido por tierra y con grillos y cadenas, a la ciudad de Guatemala”³⁶. Similarmente: “veíase en el reino de Guatemala la más rica florecencia del caciquismo, única forma de gobierno que hasta la fecha han conocido los centroamericanos”³⁷ “se concentraron de modo exclusivo en sus terruños”³⁸ “los políticos de Costa Rica, de Honduras, de El Salvador y de Guatemala, desconocen las tendencias de la política mundial”³⁹. Aparte, se corrobora visualizar a Nicaragua como el principal eje de lograr o detener la unión que se frustra por culpa de la casta Chamorrista. La desunión es por sus intereses o negocios con los estadounidenses que se reflejan en el Tratado Chamorro-Bryan. Nada ha cambiado en este bicentenario.

La voz de la verdad (código hermenéutico), con la entrada “pueblo” Mendieta compara a los pueblos centroamericanos con los españoles: los primeros siempre estuvieron subyugados a la servidumbre y los segundos gozaron de “libertades municipales durante largos siglos”⁴⁰. La servidumbre voluntaria de los centroamericanos se ve porque “jamás ha existido un pueblo sino un montón de manadas dóciles, embrutecidas, inertes, abúlicas”⁴¹. Así mismo, con la llegada de los filibusteros holandeses, franceses e ingleses al litoral Caribe, dice: “hallaron en la costa oriental los pueblos más atrasados”⁴². En otro texto cita: “la indígena, la cobriza raza de América, que ha dado el más numeroso contingente de sangre en la formación del actual pueblo centroamericano”⁴³. Por lo tanto: “manada perpetua y sumisa de la perpetua explotación”⁴⁴. “Pueblos de ignorancia tan densa”⁴⁵, producto de “un régimen religioso, político y autoritario”⁴⁶, cual fue heredado de la colonia, por eso permite que sus élites políticas y económicas jueguen con el imaginario de todos los pueblos del Istmo. Sumándose “la incultura cívica del pueblo centroamericano”⁴⁷ “fomenta odios personalistas y regionalistas que ciegan a ese pueblo poniéndole una venda que le impide ver la desventura de su división y que pone un muro entre unas y otras provincias”⁴⁸.

El código simbólico (voz del símbolo) con la entrada “Iberoamérica” es referente para reconstruir a partir de lo iberoamericano la identidad del pueblo centroamericano: debe hacerse desde la civilización anterior. Bolívar insistía en el valor de la resistencia de los pueblos originarios Nahuas o Araucos, negaba totalmente la posibilidad de hacerlo desde la península Ibérica, contrario a Mendieta. Así “pueblo o pueblos” como entrada la usa para reflexionar en la necesidad de construir la “Confederación Iberoamericana”, es la visión bolivariana presente en Mendieta, cual enfrenta al nuevo hegemón en el contra ataque del imperio anterior. A propósito, la masonería se caracteriza por ser solidaria, racional, social, unionista, aglutinante, subordinada y difusa. Consecuentemente aparece la entrada “unionista” para construir el silogismo del auténtico liberal que es unionista. Además, es tolerante al espectro partidario y debe reconocer que cada uno de los

³⁵ Ibid, p. 339.

³⁶ Ibid.

³⁷ Ibid, p. 114.

³⁸ Ibid, p. 280.

³⁹ Ibid, p. 420.

⁴⁰ Ibid, p. 79.

⁴¹ Ibid, p. 114.

⁴² Ibid, p. 62.

⁴³ Ibid, p. 219.

⁴⁴ Ibid, p. 157.

⁴⁵ Ibid, p. 213.

⁴⁶ Ibid, p. 156.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ Ibid.

que existen son parte de una sociedad necesaria, además el reconocimiento de actuar en sociedad como hermandad (fraternidad).

El código simbólico (voz del símbolo) con, la entrada “unionista” se maneja en el caso de Zelaya, quien se creía unionista y Mendieta lo considera monócrata, otro será Policarpo Bonilla quien había llegado al poder en Honduras por medio de una revolución. Para Mendieta, este era el más unionista de los monócratas. Sin embargo, todo radica en la demagogia política. Para Mendieta “pensaban, pero no sentían la unión”. “Vivían el separatismo y actuaban como separatistas”⁴⁹. Ese excesivo localismo multipartidista conduce a perder la noción y lo imaginario de una unidad centroamericana. Continúa Mendieta: “la resolución afirmativa del problema unionista es de urgencia impostergable para el pueblo centroamericano”⁵⁰, como única alternativa que podría evitar al feudalismo banquerista neoyorquino, a la clase parasitaria de la Casa Blanca y a la casta Chamorrista para cumplir la tarea pendiente: lograr la unión centroamericana, respaldando la unión de la patria federal. Mendieta trata de dejar en claro que los unionistas están solos, que ningún político caudillista, localista y lacayo de los estadounidenses lo acompaña. Otra entrada consecuente es “nacional”, se explica desde la época colonial con Mendieta: “el Consejo de Indias-La casa de contratación- el Rey- las leyes de indias”, planteándose que nunca en la misma península Ibérica se logró crear un verdadero sentimiento nacional. Dice: “la empresa exclusiva de la corona de Castilla y León no dominaba aún en la península el sentimiento nacional, sino que cada reino se consideraba como patria chica, enemiga de las otras patrias”⁵¹.

El código simbólico (voz del símbolo) con la entrada “nacional”, en el caso del Perú, se reconoce desde su independencia en 1821, que es “una nación de muy escasas libertades y sentimiento nacional débil”⁵². Por su parte las similitudes de las provincias unidas de La Plata y Centroamérica son muy recaladas por Mendieta: “tenían muy poca cohesión entre sí domina el sentimiento regional; embrutecíalas el caudillismo”⁵³. Ambos pueblos analfabetos, fanáticos religiosos y cuyo “sentimiento nacional apenas estaba en germen”⁵⁴. Les sería imposible entender por qué la necesidad de la unidad. Mendieta demuestra que los liberales solo usan discursivamente la restauración de la unidad nacional. De lo anterior, se suscribe que intenta promover el entendimiento del separatista e imperialista, bajo la postura histórica de defensa del feudalismo. Parafraseando a Mendieta: la patria centroamericana debe ser desde lo político basada en lo científico, desde lo cívico promover la unidad centroamericana en lo educativo, en lo económico debe ser una federación socialista que producirá el federalismo autóctono y republicano en la metrópoli de Bolívar “Centro-América” donde su función destino es servir “dentro del amplio seno de la humanidad de lazo especial entre los pueblos iberoamericanos, siendo el pueblo-vínculo de la humanidad”⁵⁵.

En el código proairético o de acciones (la voz empírica), es la facultad de deliberar sobre los resultados de una conducta. La entrada “ser” como voz empírica, muestra cómo eran los muchachos que se iniciaban en el ideal unionista en Centroamérica después de varios intentos fallidos. La experiencia que se vivió fue: “los corregidores coloniales eran por costumbre comerciantes”⁵⁶ “un monócrata que al frente de mesnadas descalzas y andrajosas quitó el poder a otro monócrata, y que, colocado allí, nombra a su arbitrio los miembros de las cámaras y de los tribunales”⁵⁷. Por lo tanto, “almas crecían por yuxtaposición, y ese crecimiento era la costra que sobre ellos formaban la ignorancia, el fanatismo, la intolerancia y las supersticiones”⁵⁸. Continúa esa sumisión en el Istmo,

⁴⁹ Salvador Mendieta, *Op. cit.* 1934, p. 276.

⁵⁰ *Ibid.*, p. 410.

⁵¹ *Ibid.*, p. 162.

⁵² *Ibid.*, p. 220.

⁵³ *Ibid.*, p. 222.

⁵⁴ *Ibid.*

⁵⁵ Óscar Barboza Lizano, Alexis Toribio Dantas y Katarzyna Dembiczy, *Nuevas formas de cooperación en infraestructuras, ambiente y sociedad. Centroamérica y la Cuenca del Caribe*, Rio de Janeiro, Fundação de Amparo à Pesquisa do Estado do Rio de Janeiro, 2017. P. 72.

⁵⁶ *Ibid.*, p. 93.

⁵⁷ *Ibid.*, p. 271.

⁵⁸ *Ibid.*, p. 156.

la variante es que la mitad obedece ciegamente al clero y la otra a los pastores protestantes, los cuales no se acercan en lo mínimo a la reforma luterana. Incluso, en la actualidad el verbo “tener” como voz empírica complementa el sentido del ser supersticioso, identitario, cultivado, donde todo el mundo debe tener: “horror invisible al enemigo Malo o sea al diablo de multiformes apariencias, de inagotables tentaciones, de astucias arteras y de poder oculto y ominoso”⁵⁹.

En el código proairético o de acciones (la voz empírica) “ser”, permite en retrospectiva orientar al futuro: esa experiencia con los anexionistas y antiguos realistas donde se encuentra el origen de la idea del localismo, porque los personalismos políticos partidarios construyen los cacicatos del localismo feroz que solo sirve a las potencias que desean el control de las rutas comerciales ístmicas. A propósito, Mendieta construye que él es quien tiene la mayor experiencia y los mejores pensamientos para el futuro de Centroamérica, hay una construcción propia del mito salvador. Él es el mito unionista encarnado: usa las entradas proairéticas de la voz empírica para restaurar las debilidades de las repúblicas al estar desunidas. Las califica de republiquillas, ya que cuestiona a los políticos de los cinco Estados y los pone en el famoso camarote del buque a la deriva “ciegos que guían ciegos”⁶⁰ “el civismo es la natural defensa de los pueblos débiles”⁶¹ “el peor enemigo de la unión son los gobiernos”⁶². Con la entrada verbal: “tener”, refiere la importancia geoestratégica de la ruta en los escudos nacionales de la República Federal y en otros Estados como referentes simbólicos de una noción de nación.

En el código proairético o de acciones (la voz empírica), la entrada “tener”, remite a Mendieta a su estancia en Panamá, Bolívar veía a Panamá y Centroamérica como la metrópoli del mundo comercial y la capital de la nación americana (Latinoamérica). Mendieta promueve la sociedad de naciones americanas, adelantándose a la propuesta de la Organización de los Estados Americanos (OEA), hay un adelanto de doce años. Luego comenta: “mientras hacen propuestas unionistas empeñan todas sus energías y todas sus astucias en lograr que se frustre la empresa”⁶³. Los textos diseccionados demuestran que, si continúan gobernando las mismas élites históricas, se habrá perdido el devenir de la reconstrucción de la unidad centroamericana.

En el código gnómico o referencial cultural (la voz de la ciencia) con la entrada “tratado” hace referencia constante a la construcción del canal interoceánico de Panamá, el 22 de enero de 1903. Mendieta trata de que no se juzgue duramente a Panamá y a Colombia, es evidente la imposición desfavorable por parte del imperialismo estadounidense. Otro tratado es el espurio Chamorro-Bryan, mientras la potencia ocupaba Nicaragua. Así mismo es el Clayton-Bulwer firmado entre Estados Unidos y el imperio británico el 19 de abril de 1850. Es este último las potencias imperiales acuerdan que ninguno se hará con Centroamérica y protegerán la ruta de tránsito marítimo entre el Atlántico y el Pacífico. Por lo tanto, como afirmará Mendieta, en el Tratado Chamorro-Bryan, “facilitan el derecho exclusivo de los Estados Unidos sobre la zona canalera nicaragüense”. Se refleja que el canal o los canales como los aborda Bolívar, son las obras más importante post-independencia de las Colonias de Hispanoamérica y Centroamérica, así lo plantea el masón Bolívar en la Carta de Jamaica. Por su parte el masón José Martí sabe que la posición geográfica hace que los canales sean el problema que produce constantes intervenciones extranjeras y la promoción de la no unidad del Istmo y el resto de nuestra América. Dos son las tareas pendientes en el bicentenario de la independencia para los centroamericanos: la reconstrucción de la unidad y la construcción de las rutas comerciales, entre ellas los canales interoceánicos bajo su pleno control. La primera depende de la segunda.

⁵⁹ Ibid, p. 210.

⁶⁰ Ibid, p. 421.

⁶¹ Ibid, p. 271.

⁶² Ibid, p. 147.

⁶³ Salvador Mendieta, *Op. cit.* 1934, p. 155.

Bibliografía

1. Lizano, Barboza Óscar, Toribio Alexis Dantas y Katarzyna Dembicz, *La metrópoli de Simón Bolívar. Centroamérica y el Caribe en disputa*, Santiago, Editorial Ariadna Ediciones, 2019.
2. Lizano, Barboza Óscar, Toribio Alexis Dantas y Katarzyna Dembicz, *Nuevas formas de cooperación en infraestructuras, ambiente y sociedad. Centroamérica y la Cuenca del Caribe*, Rio de Janeiro, Fundação de Amparo à Pesquisa do Estado do Rio de Janeiro, 2017.
3. Roland Barthes. *S/Z*, 1ra ed., trad. de Nicolás Rosa. Buenos Aires, Siglo XXI Editores, 2004.
4. Mendieta, Salvador, *Manifiesto de la Comisión permanente del Partido Unionista Centroamericano, con motivo de la situación política de las secciones de Honduras y Costa Rica*, 1919.
5. Mendieta, Salvador, *Alrededor del problema unionista de Centro-América. Tomo I El Unionismo en la política transaccionista de Nicaragua*, Mallorca; Barcelona, Tipografía Maucci, 1934.
6. Mendieta, Salvador, *Alrededor del problema unionista de Centro-América. Tomo II. Mundialidad del problema*, Mallorca; Barcelona, Tipografía Maucci, 1934.
7. Mendieta, Salvador, *La enfermedad de Centro América. Tomo III. Terapéutica*, Mallorca, Barcelona, Tipografía Maucci, 1934.
8. Mendieta, Salvador, *La cuestión Anglo — Centroamericana de Belice*, Guatemala, Imprenta Hispana, 1950.

Maria Teresa Toríbio Brittes Lemos¹

AMÉRICA LATINA — PANDEMIA E COSMOVISÕES DESUMANIDADE E CORRUPÇÃO

LATIN AMERICA — PANDEMIC AND WORLDVIEWS OF HUMANITY AND CORRUPTION

Resumo. A pandemia da COVID-19 ampliou a brecha existente das minorias privilegiadas e dos pobres. Inicialmente, No imaginário popular, o Coronavírus era uma doença de ricos. Preconceitos, discriminações e xenofobias, saídos da garrafa da memória coletiva onde estavam guardados, foram reintroduzidos pelas classes favorecidas que, sem piedade, jogam a culpa da propagação da pandemia à sociedade empobrecida. O outro sempre é o culpado. E esse outro são os excluídos, os pobres e humilhados, à espera de um mísero apoio para suas desgraças. Eles expõem a dor da miséria nos rostos sofridos, a marca da infâmia que os torna invisíveis para a sociedade, exceto para o Coronavírus, que os acolhe aos milhares em seus longos braços da morte.

Palavras-chaves: Pandemia, América Latina, Corrupção Desumanidade, Cosmovisões.

Resumen: La pandemia de COVID-19 ha ampliado la brecha entre las minorías privilegiadas y los pobres. Inicialmente, en el imaginario popular, el coronavirus era una enfermedad de los ricos. El prejuicio, la discriminación y la xenofobia, que surgieron del fracaso de la memoria colectiva donde se guardaban, fueron reintroducidos por las clases favorecidas que, sin piedad, culpan a la sociedad empobrecida de la propagación de la pandemia. El otro es siempre el culpable. Y ese otro son los excluidos, los pobres y humillados, esperando un magro apoyo para sus desgracias. Exponen el dolor de la miseria en sus rostros sufridos, la marca de la infamia que los hace invisibles para la sociedad, salvo el Coronavirus, que los acoge a millares en sus largos brazos de muerte.

Palabras claves: Pandemia, América Latina, Corrupción Dehumanidad, Cosmovisiones.

Introdução

A humanidade tem convivido com pestes, pragas, epidemias e pandemias através dos séculos e conseguido adaptar-se. A morte, porém, não acabou com a xenofobia e os preconceitos, ao contrário acirrou as discriminações e as desigualdades, defendidas pelos setores privilegiados e estigmatizando os invisíveis. E, desde a antiguidade aos dias atuais, a epidemia é o pretexto para mudanças efetivas, eliminando os mais velhos, fracos e menos aptos e permitindo que jovens fortes sobrevivam.

Essa premissa na organização social humana não é verdadeira. A realidade é mais cruel que a imaginação! De concreto e efetivo é que as epidemias condenavam à morte a maioria das pessoas que já não *existiam*, os invisíveis, numa sociedade desigual. Predestinados à morte, na vanguarda estavam sempre os mais pobres, os excluídos e os discriminados.

Desde a Antiguidade as sociedades sofrem com as epidemias, dizimando grande parte da população. As epidemias são “eventos naturais e tendem a ocorrer como controle populacional, a chegada de um novo agente infeccioso ou o despertar de outro dormente em presença de um número elevado de indivíduos susceptíveis”.² Esses surtos produzem perdas de vida irreparáveis e

¹ **Maria Teresa Toríbio Brittes Lemos**, Professor, Doutor, titular de História das Américas Coordenadora do NUCLEAS/UERJ.

² José Luis Toríbio Cuadras — anotações.

desequilibram política e economicamente as sociedades fragilizadas, podendo inclusive fazer que estas sociedades desapareçam. Em determinadas épocas, essas pestes atingem proporções incontroláveis, espalhando-se e contagiando várias partes do pelo mundo, é pandemia infectando povos de vários países, aterrorizando e dizimando centenas de milhares de pessoas em todas as partes. Ninguém consegue deter a força da destruição e da morte³.

Epidemia e endemia são termos antigos na medicina. Se para epidemia a principal característica se constitui no elevado número de casos novos e sua rápida difusão, para endemia, que vem do grego clássico e significa “originário de um país, referente a um país”, não basta somente o critério quantitativo, o que define o caráter endêmico de uma doença é o fato de ser a mesma peculiar a um povo, país ou região. A pandemia, palavra de origem grega, foi usada pela primeira vez por Platão com um sentido genérico, referindo-se a qualquer acontecimento capaz de alcançar toda a população, e o seu conceito moderno é o de uma epidemia de grandes proporções, que se espalha a vários países, em mais de dois continentes

As pestes continuaram ao longo dos séculos assolando as sociedades e eliminando os mais fracos e pobres, devido às condições precárias ou quase inexistentes de higiene e alimentação, embora também atingisse os demais segmentos pelo contágio, obrigando as autoridades, especialmente as religiosas a promulgarem atos coercitivos contra os menos favorecidos e punições como a condenação à morte, acusando-os de pacto com o diabo.

As febres matavam pobres e ricos. A morte não escolhia. Ricos e pobres sucumbiam naquela Europa suja e degradada. Os homens e os ratos disputavam o mesmo espaço urbano.

A pandemia estabeleceu para os vivos o isolamento, o uso de máscaras contra o hálito fétido dos doentes, e nos últimos momentos de vida, para os que agonizavam restaram a solidão, o abandono e o medo

Durante o surto da peste, predominava o medo na vida cotidiana, um medo que se instalou na memória coletiva da sociedade. Quando a pandemia acabou. O mundo mudou. A agricultura se desenvolveu e a alimentação mais farta, além da carne, com o desenvolvimento da criação. As mortes, o isolamento e outros medos foram esquecidos. Não haveria retorno para tantas desgraças! Mas, como explicar o que passou?

Durante o século XX, outras doenças graves assolaram o mundo e após mortalidade intensa foram amenizadas com o avanço da ciência introduzindo novos medicamentos, tratamentos e vacinas como Malária, Tifo, gripe suína e AIDS entre outras enfermidades contagiosas.

Como o mal nunca desaparece totalmente, na segunda década do século XXI, em 2019, o mundo despertou assustado com novo vírus — o SARS-CoV-2 produzindo uma doença conhecida como - COVID-19! (Coronavírus Disease-19).

Pese que infecções ou surtos de coronavírus serem já conhecidos, este surgiu de maneira insidiosa no mundo ocidental, a morte estava longe, na Ásia, numa grande cidade da China e naquele momento ainda não assustava o resto do mundo. As notícias chegavam rápido e com elas mitos e lendas sobre os hábitos exóticos dos asiáticos. Eram inverossímeis as charges e as histórias contadas e o vilão assassino da vez eram os morcegos, embora ratos e pulgas continuassem dominando em muitas sociedades e até adorados como na cidade de Bikaner, na Índia⁴.

O mundo foi alertado pelo número de mortos na cidade de Wuhan⁵. Imediatamente, o governo chinês adotou os protocolos de contenção e alertou a OMS (Organização Mundial da Saúde). Apesar do alerta, a doença, apresentou uma características não esperada, era altamente contagiosa, e devido as características da sociedade atual se expandiu para a Europa, EUA e atingindo todos os países do continente americano. O contágio começou pelas pessoas que

³ Rosalind Eggo — Escola de Higiene e Medicina Tropical de Londres.

⁴ Cidade de Bikaner, região do Rajasthan, norte da Índia. Templo de Mata Karni - os indianos cultuam a deusa Durga. Estima-se que no templo vivam mais de 25 mil ratos soltos e que dividem espaço e comida com humanos que também moram lá.

⁵ Wuhan capital e maior cidade da província de Hubei. É a cidade mais populosa da China Central, com uma população de mais de 10 milhões. Devido ao seu papel fundamental no transporte doméstico, Wuhan é chamada de “Chicago da China”.

chegavam do exterior, pelo intenso movimento dos aeroportos e comércio. Como acreditar que chegaria a toda a sociedade.

Apesar dos avanços na identificação do vírus, ainda não existe um tratamento nem uma vacina! Podendo apenas, se defender dele recorrendo às medidas já conhecidas desde a Idade Média — o distanciamento. Mas, essas medidas se mostraram “diminuir a velocidade de propagação do vírus, mas não a mortalidade nem o número de contagiados”⁶.

O vírus que aniquilou milhares de pessoas na China e que se espalhou velozmente pelo mundo foi considerado pela OMS (Organização Mundial da Saúde) de Emergência de Saúde Pública de importância internacional. Conhecido como SARS-CoV-2 tornou-se o terror da humanidade na segunda década do terceiro milênio.

Em janeiro de 2020, a Organização Mundial da Saúde (OMS) deu o mais alto grau de alerta sobre o surto da doença, que dois meses após, em 11 de março de 2020, foi caracterizado como uma pandemia, a COVID-19⁷.

A partir dessas recomendações foram tomadas medidas como distanciamento, lavar as mãos com frequência com água e sabão, usar álcool em gel e usar máscaras, evitando pingos de tosse ou espirro. Caso surgissem outros sintomas, deveriam ser monitorados, como tosse ou febre leves.

Apesar das notícias sobre milhares de mortes na Europa e da indicação de isolamento social adotado pela maioria dos países asiáticos e europeus, o Brasil não seguiu o mesmo caminho.

Seguindo o exemplo do Governo Central politizando a Pandemia, contrariando as determinações da OMS e do Ministério da Saúde, a população deu pouca importância ao surto que vinha dizimando milhares de pessoas, não poupando idosos, jovens e crianças.

Para o imaginário popular, para grande número de pessoas, o vírus era seletivo, matava especialmente as pessoas ricas, e o ambiente quente dos trópicos permitiria que os pobres fossem poupados. As informações médicas e dos Institutos de Pesquisa, diariamente, informavam sobre a expansão do vírus e seu poder de destruição, tentando esclarecer a população. Em vão!

O isolamento foi seguido, assim como a quarentena, mas os que tripudiavam, foram contagiados e infectaram mesmo os que se defendiam no isolamento.

Vírus estranho! Como se propaga! Como evolui! Os números de mortos aumentam assim como as transgressões. Isolamentos desrespeitados e a morte sendo chamada para a briga.

Nesse quadro complexo predomina o medo. O medo do vírus, medo da morte, medo das covas abertas para receberem centenas de mortos, medo do medo, e as imagens da peste negra, gripe espanhola, varíola entre outras pandemias envolvem atmosfera desse início do terceiro milênio. A humanidade chegou viva, até quando?

Apesar do distanciamento, da quarentena e do uso de máscaras e álcool gel (este, introduzido nesta pandemia) as mortes continuam pelo colapso do sistema de saúde. O contágio vem de toda parte. Isoladas em casa, as pessoas tentam viver a normalidade na anormalidade. As dificuldades surgem assim como as amarguras, os desesperos e as desesperanças. Mas a morte fica à espreita e, quando menos se espera chega uma notícia avassaladora. Um anúncio de morte, sempre alguém conhece uma pessoa ou família atingida. A morte não poupa ninguém! Antes, apenas os velhos, idade de risco, eram objeto de maior cuidado, mas o vírus continua avançando, assim como seus mutantes e chegou aos recém-nascidos, não os poupando também. E com grande sentimento, acompanhamos o sofrimento dos pais e familiares, inconformados com a falta de piedade do mal e questionam.

Conclusão

A Pandemia expôs a realidade existente e as diferenças entre as minorias privilegiadas e os pobres. Inicialmente, no imaginário popular, a COVID-19 era uma doença de rico. Chegou ao país com pessoas vindas do exterior de avião. Foi o primeiro caso. O primeiro contágio para foi na

⁶ José Luis Toribio Cuadras — anotações.

⁷ Folha informativa — COVID-19 (doença causada pelo novo coronavírus) — 18 de maio de 2020.

empregada doméstica da residência. Mas, logo, mostrou-se não seletiva e as especulações ganham espaço com as múltiplas visões e interpretações produzidas pela cultura popular.

Surgem indicações e receitas fabulosas! Os negacionistas indicam o uso da cloroquina e ivermectina e negam a ciência. A população corre para as farmácias e os remédios milagrosos são consumidos. Vacina, nem pensar! A indústria da corrupção, com ofertas de kits Covid, incluindo, aqueles medicamentos são distribuídos pelos altos escalões do governo e influenciam os incautos. Misturas incríveis, que nem os alquimistas medievais se atreveriam a experimentar, são passadas pelos amigos, familiares, vizinhos e autoridades da saúde atingem até os mais céticos, se deixam levar por fórmulas e credulidades. E assim, surgem chás de erva, gengibres, cebolas roxas, vinagre de maçã com limão, remédios para lombrigas e piolhos e outros indicados inescrupulosamente pelas farmácias pela ânsia de vender suas drogas, e remédios sem eficácia indicados para doenças como malária e lúpus, com contraindicações gravíssimas. O desespero diante do vírus e a luta pela vida arrastam multidões para a cura imaginários e dispersa a atenção do povo para denunciar o charlatanismo e a corrupção.

Bibliografia

1. Delumeau, Jean, *A História do medo no Ocidente*. São Paulo, Companhia de Bolso, 2000.
2. Richards, Jeffrey, *Sexo, Desvio e Danação*, Rio de Janeiro, Jorge Zahar, 1993.
3. Hays, Jo N., *Epidemics and pandemics. Their impacts on human history*. Austin, Texas: Fundação Kahle, 2005.
4. Franco, Sebastião Pimentel, André Fraga Lopes e Luiz Felipe Sias Franco, A Gripe Espanhola no Espírito Santo (1918–1919): alguns apontamentos, *UFES — Programa de Pós-Graduação em História* 2020, p. 404–426.

*Matías Ignacio Borgarello,
Fernando Nicolás Pizzicari,
Esther Susana Borgarello¹*

EL ESTATUTO DE PERÚ LIBRE EN COHERENCIA: PEDRO CASTILLO, EL MAESTRO RURAL, NUEVO PRESIDENTE DEL PERÚ — UNA ELECCIÓN EN TIEMPOS PANDÉMICOS

THE STATUTE OF FREE PERU IN COHERENCE: PEDRO CASTILLO, THE RURAL TEACHER, NEW PRESIDENT OF PERU — AN ELECTION IN PANDEMIC TIMES

Resumen: El nuevo presidente de Perú tiene en agenda el combatir el analfabetismo, es una de las principales cuestiones y la lleva como premisa porque representa una de las formas de exclusión social más graves, que impide el desarrollo tanto social como económico. Luchar contra el analfabetismo es la herramienta más eficaz para mejorar la calidad de vida, combatir la pobreza y la desigualdad: sólo así la democracia se consolida. El Estatuto del nuevo partido que representa el nuevo presidente Castillo expresan los lineamientos e idearios y su símbolo identificador es la representación de un lápiz. No olvidemos que hoy el ejecutivo peruano lo ejerce un maestro

Palabras claves: Estatuto de Perú Libre, Pedro Castillo, presidencia del Perú.

Abstract: The new president of Peru has on the agenda to combat illiteracy, it is one of the main issues and takes it as a premise because it represents one of the most serious forms of social exclusion, which prevents both social and economic development. Fighting illiteracy is the most effective tool to improve the quality of life, fight poverty and inequality: only in this way is democracy consolidated. The Statute of the new party that represents the new president Castillo expresses the guidelines and ideas and its identifying symbol is the representation of a pencil. Let us not forget that today the executive power is exercised by a rural teacher and his ideology is to combat illiteracy to achieve a better quality of life in equity.

Key words: Statute of Free Peru; Pedro Castillo; president of Peru.

Llegando a la presidencia

Luego de numerosos intrínquilis, finalmente el Jurado Nacional de Elecciones consagró ganador a José Pedro Castillo Terrones del partido “Perú Libre” como presidente, y a su vicepresidenta Dina Ercilia Boluarte Zegarra, con el 50,13 % frente al 49,87 % de Keiko Fujimori — Luis Galarreta y su partido Fuerza Popular. Se abre una nueva etapa para el Perú y la región por lo que su asunción — el 28 de julio de 2021 — ha implicado nuevos rumbos, además de ser exactamente el día que se cumplían 200 años de la independencia del país de la dominación española.

La elección del nuevo presidente — por estrecho margen — muestra la polarización del país en dos fuerzas ideológicas enfrentadas: por un lado el sector más vulnerable rural representado en

¹ **Matías Ignacio Borgarello**, España, Poder Judicial de la Provincia de Córdoba.

Fernando Nicolás Pizzicari, Estados Unidos de América, profesor, UNC Kenan-Flagler Business School.

Esther Susana Borgarello, España, Profesor, Doctora, Universidad Nacional de Córdoba.

la figura de Castillo y por el otro, el poder limeño. Las incógnitas giran hoy sobre cómo será su política exterior — especialmente las relacionadas con la región — y las políticas públicas que implementará internamente.

Pedro Castillo, ese maestro rural, sindicalista comprometido en la lucha por mejorar la situación de los sectores más vulnerables a los que representa, anhela — como lo ha expresado — la unidad nacional a nivel político y social. Pero, y las preguntas surgen como obvias al observar la difícil situación que debe enfrentar el nuevo presidente ante una realidad sumamente conflictiva: logrará implementar las medidas tendientes a paliar la crisis sanitaria, social y económica que necesita el país?, podrá reducir la grieta entre estos dos sectores sociales fuertemente enfrentados? Se observan momentos difíciles que deberá afrontar, por cuanto tendrá un Congreso con una fuerte representación de la oposición.

Por otra parte, algunos politólogos y medios de comunicación argumentan que puede haber una potente interferencia o intervención del médico y exgobernador regional Vladimir Cerrón, fundador del partido Perú Libre — que originariamente se denominó “Movimiento Político Regional Perú Libre” en el 2008 — y que llevó a Pedro Castillo al poder. El diario el País por caso habla de “algunos mensajes velados para Castillo: ‘Si el gobierno se desvía, es el partido el que tiene que rectificar la vía’”.

Además se habla de una reforma constitucional, Castillo en su discurso de asunción planteo que presentará un proyecto de ley para reformar el artículo 206 de la Constitución Política del Perú que impide una nueva constitución. Si bien distintos medios ponen en duda la posibilidad de realizarla por cuanto es difícil lograr la mayoría necesaria en el Congreso, hoy presidido por una representante de la oposición, la abogada María del Carmen Alva Prieto, legisladora de la fuerza denominada Acción Popular. Esta abogada y política es la que entregó — conforme el protocolo impone — la banda presidencial a Pedro Castillo, banda presidencial que debía ser entregada por el presidente saliente Francisco Sagasti a la presidenta del Congreso, pero que la deja en las puertas del mismo recibéndola un edecán, según información de medios oficiales.

Estas situaciones muestran una fuerte tensión dentro de las fuerzas políticas presentes y que señalan o anticipan momentos difíciles para el presidente Castillo en su anhelo de aplacar las profundas divergencias y lograr un diálogo que permita recomponer la situación social y económica que hoy vive el Perú. Cabe señalar también — para poder entender el porqué de los difíciles momentos que deberá enfrentar Castillo — quienes son los legisladores, o mejor dicho las plataformas representadas en el Congreso peruano. Son diez los partidos que han logrado hasta ahora representantes — 130 congresistas electos: la primera fuerza es Perú Libre con 37 legisladores, la segunda es Fuerza Popular con 24 legisladores, la tercera es Acción Popular con 17, Alianza para el progreso con 15, Renovación Popular con 13 representantes, Avanza País obtuvo siete, Juntos por el Perú cinco, el mismo número que el partido Podemos Perú (cinco), Somos Perú tiene 4 y el Partido Morado logra 3 representantes.

Interesante de mencionar, es que nuevos partidos pasan por primera vez a integrar el Congreso peruano y son Perú Libre, Renovación Popular, Avanza País y Juntos por el Perú.

Son considerados partidos de derecha Renovación Popular a igual que **Avanza País** mientras que Juntos por el cambio representa al socialismo democrático y antifujimorista².

En cuanto a la representación de mujeres son 49 las que logran acceder al congreso, aumentado de este modo su participación política a elección tras elección; si bien aún falta para la paridad si contamos que son 130 los congresistas que componen el poder legislativo peruano.

El Estatuto del nuevo partido

Importante de conocer es el Estatuto del nuevo partido, para poder entender cuáles serán los principios rectores tanto de la presidencia como la primera minoría del congreso en el poder.

² Esther Susana Borgarello y García Lucero Dafne. Libertad, comunicación y cláusula de conciencia. Proceso histórico y nuevas perspectivas para nuestro ordenamiento jurídico // QUESTION, 2008, N° 18, Revista electrónica. Universidad Nacional de La Plata <http://www.perio.unlp.edu.ar/question/> (accessed 10.10.2021)

Estatuto que contiene 56 artículos, de los cuales interesa especialmente mencionar algunos. Nos abocamos en ese sentido al capítulo 1, específicamente donde se expresan los lineamientos e idearios del partido. En cuanto a su denominación estatutaria el artículo 1 expresa que es: “Partido Político Nacional Perú Libre (PPNPL)”. El artículo 2 habla del símbolo identificador, y es de destacar especialmente por la representación de un lápiz, y no olvidemos la función docente — maestro de escuela — del hoy presidente del Perú: “Artículo 2. El símbolo del Partido Político Nacional Perú Libre, reúne las siguientes características: • Encuadrado en un marco negro con los bordes ovalados. • Fondo rojo. • Dentro del cuadro se evidencia **un lápiz** cuya silueta es de color negro. • En el extremo superior del lápiz se encuentran los colores patrios distribuidos lateralmente en tres franjas: roja, blanca y roja. • En el extremo inferior del lápiz se describe la punta del lápiz en color negro. • Entre ambos extremos descritos, se encuentra el cuerpo del lápiz en colores amarillo y blanco, ambos separados por una línea angulada de color negro. • El segmento amarillo del cuerpo tiene una línea de color negro que lo divide simétricamente en dos partes. • El segmento blanco del cuerpo tiene una forma cónica con el vértice hacia abajo. • El lápiz simboliza la educación como instrumento de liberación.”

El artículo 3 explica cuál es el lema del partido y así expresa que “El lema del PPNPL es: ¡Fuerza Nacida del Pueblo!”

Finalmente los artículos 4, 5 y 6 merecen destacarse porque expresan el ideario y los principios que rigen el partido (artículos 4 y 5) y el programa contenido en el 6, donde coloca como primer objetivo combatir el analfabetismo. Los destacamos y señalamos ya que ayudan a comprender las medidas que implementaría o implementara el nuevo presidente acorde a los principios estatuidos: Artículo 4.” La finalidad de la constitución del PPNPL, es la búsqueda de la justicia social expresada en el bienestar del hombre como máxima aspiración, haciendo que la sociedad peruana sea más equitativa, menos excluyente y que todo peruano tenga la igualdad de oportunidades antiguamente negadas, bregando por el desarrollo desde cada uno de los ángulos en que actúan y se desenvuelven. Artículo 5. El PPNPL considera que los principios que rigen su organización, están basados en los más altos valores del hombre como parte de la sociedad: identidad, ética, compromiso, lealtad, justicia, equidad, solidaridad, libertad, unidad de causa y acción, espíritu crítico y auto crítico, respeto irrestricto a los derechos fundamentales del ser humano”. El Artículo 6. “Ha considerado en su programa seis elementos fundamentales los cuales declara vitales e innegociables, para el logro de sus aspiraciones: **la erradicación del analfabetismo**, la unificación del sistema de salud pública basado en el carácter solidario, la lucha contra la contaminación ambiental, lucha contra la corrupción y la defensa de nuestros recursos naturales y nuestra soberanía.”

El analfabetismo es una de las principales cuestiones a combatir como premisa y que merecen destacarse porque representa una de las formas de exclusión social que impide el desarrollo social, económico y además político en una sociedad democrática que se precie de tal, un vivir con dignidad y el derecho a un desarrollo personal que a toda persona le corresponde como derecho humano fundamental. Es un aspecto básico para poder establecer el concepto de igualdad entre las personas en una sociedad democrática, que desarrolla y vive conforme los mismos, resaltando el valor de la dignidad de cada una de las personas que componen el colectivo social. Luchar contra el analfabetismo es la herramienta más eficaz para mejorar la calidad de vida, *combatir* la pobreza y la desigualdad; sólo así la democracia se constituye, se consolida, combatiendo el analfabetismo.

Ahora bien, los distintos medios de comunicación se refieren al presidente Castillo, pero ninguno se pregunta respecto de la vicepresidenta Dina Ercilia Boluarte Zegarra. Se debe recordar que el partido Fuerza Popular llevaba como candidata a una mujer: a la administradora de empresas Keiko Fujimori — hija del ex presidente Fujimori quien ha sido condenado por corrupción y crímenes de lesa humanidad.

El Partido Perú Libre pone también una mujer en su lista, y es conforme al valor que le otorga ya en los estatutos, por cuanto dentro el artículo 26 inciso I establece una “Secretaria Nacional de la Mujer”. Es así, por el valor que le imprime a la mujer dentro de los Estatutos del partido es que como vicepresidenta se designa como parte de la fórmula a Dina Boluarte, abogada y política

militante de 59 años de edad que según datos de su biografía trabaja desde 2007 en el Registro Nacional de Identificación y Estado Civil (Reniec). Se ha presentado en distintas elecciones y hoy es la vicepresidenta del Perú. Un valor agregado a la importancia que hoy tienen las mujeres en la vida política en distintos países de la región. Las mujeres van ganando terreno en los ámbitos políticos más altos, así la médica Verónica Michelle Bachelet Jeria — ex presidenta en Chile, Cristina Fernández de Kirchner en Argentina — dos veces presidenta y hoy vicepresidenta, la economista Dilma Vana Rousset, ex presidenta de Brasil entre otras figuras de fuerte **militancia política**.

Finalmente como corolario, si hacemos un análisis de los Estatutos del partido Perú Libre y de la elección como presidente y vicepresidenta, a un maestro y a una mujer, hay una coherencia integral entre lo preceptuado y lo presentado en estas elecciones peruanas “correspondiente al periodo 2021–2026” conforme lo expresado por el presidente Castillo, por cuanto el período constitucional de la presidencia del Perú es por un período de 5 años.

Bibliografía

1. *Borgarello E. S., Lucero Dafne G.* Libertad, comunicación y cláusula de conciencia. Proceso histórico y nuevas perspectivas para nuestro ordenamiento jurídico // QUESTION, 2008, N° 18, Revista electrónica. Universidad Nacional de La Plata <http://www.perio.unlp.edu.ar/question/> (accessed 10.10.2021)

*Carlos Juárez Centeno, Matías Ignacio Borgarello,
Fernando Nicolás Pizzicari, Esther Susana Borgarello,
Adrián Tuninetti¹*

CUIDANDO EL AMBIENTE: ALGUNAS REFLEXIONES, NORMAS Y FALLOS DEL PERIODO 2020–2021

TAKING CARE OF THE ENVIRONMENT: SOME REFLECTIONS, RULES AND RULINGS OF THE 2020–2021 PERIOD

Resumen: En relación a los derechos humanos, y específicamente en materia de medio ambiente, ha habido en los últimos años un avance en cuanto a su consideración a nivel internacional promoviendo nuevas formas de protección a partir de establecer nuevas correlaciones, así por ejemplo la opinión consultiva de la Corte Interamericana de Derechos Humanos en la materia (Costa Rica, 7 de febrero de 2018 — OC-23/17), la Carta Encíclica *Laudato, Si*, y el Acuerdo de Escazú. En este sentido, se plantean la jurisprudencia, las normas jurídicas y las recomendaciones internacionales al servicio de este derecho bajo examen, abordando problemas centrales a la agenda argentina en su vinculación a la protección judicial desde la perspectiva de tribunales de dos provincias (Córdoba y Entre Ríos) que ponen en el candelero a esta problemática, y que están en consonancia con las convenciones que obligan al país. Estos asuntos, junto al dictado en mayo del 2021 de la ley para la implementación de la educación Ambiental integral en la República Argentina y en diciembre del 2020 la modificación de la ley del manejo del fuego, muestran la importancia que va cobrando en el país la cuestión ambiental como derecho esencial para la preservación de la vida en este nuestro planeta.

Palabras claves: medio ambiente y sus normas tuitivas en materia penal, jurisprudencia ambiental en pandemia, medio ambiente y la CIDDDH.

Abstract: As regards the human rights, specifically in terms of the environment, there has been a progress in recent years taking into account the international level, promoting new ways of protection based on establishing new correlations, such as the opinion of the Inter-American Court of Human Rights on the matter (Costa Rica, February 7, 2018 — OC-23/17), the Encyclical Letter *Laudato, Si*, and the Escazú Agreement. In terms of jurisprudence, legal norms and international recommendations are proposed at the service of this right under examination, guiding main problems on the Argentine agenda in its connection with judicial protection from the perspective of courts in two states (Córdoba and Entre Ríos) that in the spotlight, and that are in line with the conventions that oblige the country. These issues, together with the enactment in May 2021 of the law, set up this problem implementation of comprehensive Environmental education in the Argentine Republic. In December 2020 the modification of the fire management law, showed the importance that fire management is gaining in the country. Environmental issue as an essential right for the preservation of life on this our planet.

Key words: environment and its protective norms in criminal matters; environmental jurisprudence in pandemic; environment and the IACHRH.

¹ **Matías Ignacio Borgarello**, España, Poder Judicial de la Provincia de Córdoba.
Fernando Nicolás Pizzicari, Estados Unidos de América, profesor UNC Kenan-Flagler Business School.
Esther Susana Borgarello, España, Universidad Nacional de Córdoba.
Carlos Juárez Centeno, España, profesor, titular de Universidad Nacional de Córdoba.
Tuninetti Adrián Serafin, España, profesor, asistente, Universidad Nacional de Córdoba.

Régimen legal

Hasta 1994 todo lo que era materia de protección del medio ambiente y de los recursos naturales caía dentro de la esfera propia de las provincias las leyes establecían competencias deslindadas porque tenemos un sistema federal., es decir que la Nación tiene determinadas competencias y todas aquellas otras que no le fueran delegadas son reservadas para las provincias. Con la reforma Constitucional y la incorporación del art. 41 vamos a una integración de actividades entre la Nación y las provincias.

El medio ambiente es analizado como un nuevo derecho que tiene que ver con la conciencia sobre la situación crítica del planeta por el actuar indiscriminado del hombre.

En la Convención Constituyente de 1994² el derecho a un medio ambiente sano fue uno de los temas de gran debate donde el art 41 de la Constitución Nacional quedo redactado así:

Todos los habitantes gozan del derecho a un ambiente sano, equilibrado, apto para el desarrollo humano y para que las actividades productivas satisfagan las necesidades presentes sin comprometer las de las generaciones futuras; y tienen el deber de preservarlo. El daño ambiental generará .prioritariamente la obligación de recomponer, según lo establezca la ley

Las autoridades proveerán a la protección de este derecho, a la utilización racional de los recursos naturales, a la preservación del patrimonio natural y cultural y de la diversidad biológica, y a la .información y educación ambientales

Corresponde a la Nación dictar las normas que contengan los presupuestos mínimos de protección, y a las provincias, las necesarias para complementarlas, sin que aquellas alteren las jurisdicciones .locales

Se prohíbe el ingreso al territorio nacional de residuos actual o potencialmente peligrosos, y de los .radiactivos

Leyes nacionales en materia de ambiente:

- Art. 41 Constitución Nacional
- Ley Nacional 25.612 Gestión Integral de Residuos Industriales y de Actividades de Servicios
- Ley Nacional 25.688 Régimen de Gestión Ambiental de Aguas
- Ley Nacional 25.831 Régimen de Libre Acceso a la Información Pública Ambiental
- Ley Nacional 25.916 Gestión de Residuos Domiciliarios
- Ley Nacional 26.331 Ley de Presupuestos Mínimos de Protección Ambiental de los Bosques Nativos
- Actualmente se encuentra en vigor también la ley General del Ambiente N° 25675 que establece los presupuestos mínimos para el logro de una gestión sustentable y adecuada del ambiente la preservación y protección de la diversidad biológica y la **Ley para la implementación de la educación ambiental integral en la República Argentina Ley 27621**³ del 13 de Mayo de 2021 que se relaciona con una política ambiental en directa conexión con nuestros acuerdos internacionales y que hacen al derecho ambiental en su plenitud. La ley consta de 27 artículos poniendo el acento en lo establecido por el art. 41 de la CN, el artículo 8° de la Ley General del Ambiente, 25675 y el artículo 89 de la Ley de Educación Nacional, 26206.
- En su articulado define conceptos claves como “Educación Ambiental Integral” como un proceso educativo permanente que defiende la sustentabilidad ; “Estrategia Nacional de Educación Ambiental Integral “como instrumento de planificación estratégica y aplicación de una política pública nacional permanente y concertada ; “Estrategia Nacional para la Sustentabilidad en las Universidades Argentinas” como parte de la

² Ver pág. web Convención Constituyente 1994.

³ Id SAIJ: LNS0006986.

Estrategia Nacional de Educación Ambiental Integral (en la búsqueda de incorporar la dimensión ambiental en todos los ámbitos que hacen a la vida universitaria; “Estrategia Jurisdiccional de Educación Ambiental Integral” como instrumentación y adecuación de la implementación de la Estrategia Nacional de Educación Ambiental Integral ; “Coordinación Ejecutiva de la Estrategia Nacional de Educación Ambiental Integral” esto es el ámbito de articulación, de gestión y administración técnica interministerial y federal orientada a la acción coordinada de las jurisdicciones; “Coordinación Ejecutiva de la Estrategia Jurisdiccional de Educación Ambiental Integral” o sea el ámbito en el que se implementa y promueve la articulación de la Estrategia Jurisdiccional de Educación Ambiental Integral”⁴.

- Define un conjunto de principios en materia de educación ambiental, como proceso permanente, integral y transversal, entre ellos: a) Abordaje interpretativo y holístico; b) Respeto y valor de la biodiversidad; c) Principio de equidad; d) Principio de igualdad desde el enfoque de género; e) Reconocimiento de la diversidad cultural; f) Participación y formación ciudadana; g) El cuidado del patrimonio natural y cultural; h) La problemática ambiental y los procesos socio históricos; i) Educación en valores; j) Pensamiento crítico e innovador; k) El ejercicio ciudadano del derecho a un ambiente sano⁵.
- Pone el acento en el “Compromiso ambiental intergeneracional” con motivo de celebrarse cada año el Día Mundial del Ambiente cada jurisdicción deberá promover una acción comunitaria⁶.
- Otro aspecto importante a señalar es la incorporación del inciso g) del artículo 92 de la ley 26206, de Educación Nacional : “g) La toma de conciencia de la importancia del ambiente, la biodiversidad y los recursos naturales, su respeto, conservación, preservación y prevención de los daños, en concordancia con el artículo 41 de la Constitución Nacional, ley 25.675 y leyes especiales en la materia y convenios internacionales sobre el ambiente”⁷.
- Es interesante destacar asimismo, la decisión – un mes antes de esta ley – de la creación del Gabinete Provincial de Cambio Climático por Decreto 157/21 de la provincia de Misiones (B.O. 12/04/2021). Es digno de destacar en plena época pandémica. El Gabinete tiene como finalidad articular políticas en materia de cambio climático y generar conciencia en toda la sociedad sobre su relevancia.

En esta temática debemos señalar también la ley 27604 de diciembre de 2020 por la que se realizaron modificaciones a la ley 26815 de Manejo del Fuego, con sustitución de artículos estableciendo que en el caso de incendios, provocados o accidentales, en bosques nativos o implantados, áreas naturales protegidas y humedales las modificaciones en el uso y destino que dichas superficies poseían con anterioridad al siniestro quedan prohibidas por 60 años; mientras que en zonas agrícolas, praderas, pastizales y áreas conexas la prohibición es de 30 años. Se establecen estas prohibiciones para garantizar las condiciones efectivas para la restauración de r las superficies incendiadas.

Otra legislación complementaria son:

- La ley 11347, sobre residuos patogénicos reemplazada por la ley 24051 de vigencia actual.
- La ley 13273 de bosques y tierras forestales de 1948.
- La ley 20284 de 1973, sobre preservación de los recursos del aire.
- La ley 22421 de 1981, de protección y conservación de la fauna silvestre.
- La ley 22428 también del año 1981, ley de fomento de la conservación del suelo.

⁴ Ver art. 2.

⁵ Ver art. 3.

⁶ Ver art. 6.

⁷ Ver art. 25.

- La ley 23879, sobre evaluación de las consecuencias ambientales que podían producir en el territorio argentino represas construidas o en construcción o planificadas
- La ley 24051, de residuos peligrosos.

Con la reforma Constitucional y la incorporación del art. 41 vamos a una integración de actividades entre la Nación y las provincias, situación que hasta el día de hoy no se daba porque atento a los principios de la Constitución Nacional todo lo que era materia de protección del medio ambiente y de los recursos naturales caía dentro de la esfera propia de las provincias.

Córdoba

La Constitución de Córdoba establece

RECURSOS NATURALES Y MEDIO AMBIENTE

Artículo 11.- El Estado Provincial resguarda el equilibrio ecológico, protege el medio ambiente y .preserva los recursos naturales

MEDIO AMBIENTE Y CALIDAD DE VIDA

Artículo 66.- Toda persona tiene derecho a gozar de un medio ambiente físico y social libre de factores nocivos para la salud, a la conservación de los recursos naturales y culturales y a los valores .estéticos que permitan asentamientos humanos dignos, y la preservación de la flora y la fauna

El agua, el suelo y el aire como elementos vitales para el hombre, son materia de especial protección .en la Provincia

El Estado Provincial protege el medio ambiente, preserva los recursos naturales ordenando su uso y explotación, y resguarda el equilibrio del sistema ecológico, sin discriminación de individuos o .regiones

:Para ello, dicta normas que aseguren

La eficacia de los principios de armonía de los ecosistemas y la integración, diversidad, .1 .mantenimiento y recuperación de recursos

La compatibilidad de la programación física, económica y social de la Provincia, con la .2 .preservación y mejoramiento del ambiente

.Una distribución equilibrada de la urbanización en el territorio .3

La asignación prioritaria de medios suficientes para la elevación de la calidad de vida en los .4 .asentamientos humanos

Leyes ambientales provinciales:

- Constitución de la Provincia de Córdoba
- Decreto 2131-00
- Ley 5589 Código de agua
- Ley 7343 De Ambiente A esta ley le dedicamos un párrafo específico por cuanto esta ley **7343** tiene por objeto la preservación, conservación, defensa y mejoramiento del ambiente en todo el territorio de la Provincia de Córdoba, para lograr y mantener una óptima calidad de vida, comprende según el art 3,: Inciso a) El ordenamiento territorial y la planificación de los procesos de urbanización, poblamiento, industrialización, explotación minera y expansión de fronteras productivas en función de los valores del ambiente. Inciso b) La utilización racional del suelo, agua, flora, fauna, gea, paisaje, fuentes energéticas y demás recursos naturales en función de los valores del ambiente. Inciso c) La creación, protección, defensa y mantenimiento de áreas y monumentos naturales, refugios de vida silvestre, reservas forestales, faunística y de uso múltiple, cuencas hídricas protegidas, áreas verdes de asentamientos humanos y/o cualquier otro espacio que conteniendo suelos y/o masas de agua con flora y fauna nativas, seminativas o exóticas y/o estructuras geológicas, elementos culturales o paisajes, merezca ser sujeto a un régimen de especial gestión. Inciso d) La prohibición y/o corrección de actividades degradantes o susceptibles

de degradar el ambiente. Inciso e) El control, reducción o eliminación de factores, procesos, actividades o componentes del medio que ocasionen, puedan ocasionar perjuicios al ambiente, a la vida del hombre y a los demás seres vivos. Inciso f) La orientación, fomento y desarrollo de procesos educativos y culturales a fin de promover la preservación, conservación, defensa y mejoramiento del ambiente. Inciso g) La orientación, fomento y desarrollo de estudios e investigaciones ambientales. Inciso h) La orientación, fomento y desarrollo de iniciativas públicas y privadas que estimulen la participación ciudadana en las cuestiones relacionadas con el ambiente. Inciso i) La coordinación de las obras y acciones de la administración pública y de los particulares, en cuanto tengan vinculación con el ambiente. Inciso j) Toda otra actividad que se considere necesaria al logro del objeto de esta Ley.

- Ley 8863 Ley de Consorcios de Conservación de Suelos
- Ley 8936 de Conservación de Suelos
- Ley 8936 Decreto Reglamentario
- Ley 9164 Ley de Agroquímicos
- Ley 9164 Decreto Reglamentario
- Ordenamiento territorial 9814
- Ley 9306 SICPA Sistemas Intensivos y Concentrados de Producción Animal
- Resolución 333 Creación de Registro de SICPA
- SICPA. Plan de Aplicación — Resolución 29-17
- SICPA. Requisitos de Inscripción para Responsables Técnicos
- Aplicación de Efluentes — Resolución 29 — Boletín Oficial
- Registro de Consultores Ambientales — Resolución 241-14
- Sistema de Auditoría Ambiental-Guía para Consultores
- Estándares y normas sobre vertidos — Decreto 847
- Registro Temático Consultores Ambientales (RETECA)
- Ley 10663. Programa de Buenas Prácticas Agropecuarias de Córdoba
- Ley 10208 Ley de política ambiental de la provincia de Córdoba, con fecha de sanción: 11.06.2014 publicación: b.o. 27.06.2014

Esta última ley es de suma importancia por lo que transcribimos los art 3 y 4 de la misma:

ARTÍCULO 3°.- La política ambiental provincial establece el cumplimiento de los siguientes objetivos: a) Reafirmar el cumplimiento de los presupuestos mínimos contenidos en la Ley Nacional N° 25.675 -General del Ambiente-; b) Asegurar el cumplimiento de los principios rectores para la preservación, conservación, defensa y mejoramiento del ambiente — establecidos en la Ley N° 7343 y sus modificatorias – y en el marco normativo provincial ambiental vigente; c) Promover el mejoramiento de la calidad de vida de las generaciones presentes y futuras en forma prioritaria; d) Promover la participación ciudadana en forma individual y a través de organizaciones no gubernamentales, académicas y científicas, actores y diversos sectores que afecten el ambiente, para la convivencia de las actividades humanas con el entorno, brindando información ambiental, fortaleciendo las vías de acceso a la información y exigiendo su obligatoriedad en los procesos administrativos de gestión ambiental; e) Impulsar la implementación del proceso de ordenamiento ambiental del territorio en la Provincia; f) Promover cambios en los valores y conductas sociales que posibiliten el desarrollo sustentable y sostenible fomentando la educación ambiental, tanto en el sistema formal como en el no formal e informal de educación; g) Organizar e integrar la información ambiental provincial garantizando su libre acceso y la obligación de informar tanto del sector público como del sector privado; h) Promover la recomposición de los pasivos ambientales provinciales, e i) Promover, en el ámbito del Ministerio Público Fiscal, la asignación de competencia especializada para la investigación penal preparatoria en materia de delitos ambientales.

ARTÍCULO 4°.- La ejecución de la política ambiental provincial garantizará para su desarrollo el cumplimiento de los principios ambientales establecidos en la Ley Nacional N° 25.675 — General del Ambiente- y sus presupuestos mínimos, tales como: a) Principio de congruencia: la legislación provincial, municipal y comunal referida a lo ambiental debe ser

adecuada a los principios y normas fijados en la Ley Nacional N° 25.675 -General del Ambiente-; en caso de que así no fuere, ésta prevalecerá sobre toda otra norma que se le oponga; b) Principio de prevención: las causas y las fuentes de los problemas ambientales se atenderán en forma prioritaria e integrada, tratando de prevenir los efectos negativos que sobre el ambiente se pueden producir; c) Principio precautorio: cuando haya peligro de daño grave o irreversible, la ausencia de información o certeza científica no debe utilizarse como razón para postergar la adopción de medidas eficaces, en función de los costos, para impedir la degradación del ambiente; d) Principio de equidad intergeneracional: los responsables de la protección ambiental deben velar por el uso y goce apropiado del ambiente por parte de las generaciones presentes y futuras; e) Principio de progresividad: los objetivos ambientales deben ser logrados en forma gradual, a través de metas interinas y finales proyectadas en un cronograma temporal que facilite la adecuación correspondiente a las actividades relacionadas con esos objetivos; f) Principio de responsabilidad: el generador de efectos degradantes del ambiente — actuales o futuros — es responsable de los costos de las acciones preventivas y correctivas de recomposición, sin perjuicio de la vigencia de los sistemas de responsabilidad ambiental que correspondan; g) Principio de subsidiariedad: la Provincia, los municipios y las comunas, a través de las distintas instancias de la administración pública, tienen la obligación de colaborar y, de ser necesario, participar en forma complementaria en el accionar de los particulares en la preservación y protección ambientales; h) Principio de sustentabilidad: el desarrollo económico y social y el aprovechamiento de los recursos naturales deben realizarse a través de una gestión apropiada del ambiente, de manera tal que no comprometa las posibilidades de las generaciones presentes y futuras; i) Principio de solidaridad: la Provincia, los municipios y las comunas son responsables de la prevención y mitigación de los efectos ambientales adversos de su propio accionar, así como de la minimización de los riesgos ambientales sobre los sistemas ecológicos compartidos, y j) Principio de cooperación: los recursos naturales y los sistemas ecológicos compartidos serán utilizados en forma equitativa y racional. El tratamiento y mitigación de las emergencias ambientales de efectos transfronterizos serán desarrollados en forma conjunta.

ARTÍCULO 5°.- El diseño, formulación y aplicación de las políticas ambientales deben asegurar la efectiva aplicación de las siguientes premisas: a) El respeto de la dignidad humana y el mejoramiento continuo de la calidad de vida de la población; b) La protección de la salud de las personas previniendo riesgos o daños ambientales; c) La protección, rehabilitación y recuperación del ambiente, incluyendo los componentes que lo integran; d) La protección y el aprovechamiento sostenible de los recursos naturales en condiciones compatibles con la capacidad de depuración o recuperación del ambiente y la regeneración de los recursos naturales renovables; e) La prevención y el control de la contaminación ambiental, principalmente en las fuentes emisoras. Los costos de la prevención, vigilancia, recuperación y compensación del deterioro ambiental corren a cargo del causante del perjuicio; f) La protección y el uso sostenible de la diversidad biológica, los procesos ecológicos que la mantienen, así como los bienes y servicios ambientales que proporcionan. Ninguna consideración o circunstancia puede legitimar o excusar acciones que pudieran amenazar o generar riesgo de extinción a cualquier especie, subespecie o variedad de flora o fauna ni generar erosión de los recursos genéticos, así como a la fragmentación y reducción de ecosistemas; g) La promoción del desarrollo y uso de tecnologías, métodos, procesos y prácticas de producción y comercialización más limpias, incentivando el uso de las mejores tecnologías disponibles desde el punto de vista ambiental; h) El desarrollo sostenible de las zonas urbanas y rurales, incluyendo la preservación de las áreas agrícolas, los agroecosistemas y la prestación ambientalmente sostenible de los servicios públicos; i) La promoción efectiva de la educación ambiental, de la participación ciudadana y de una ciudadanía ambientalmente responsable; j) El carácter transversal de la gestión ambiental, por lo cual las cuestiones y problemas ambientales deben ser considerados y asumidos integral e intersectorialmente al más alto nivel, no pudiendo ninguna autoridad eximirse de tomar en consideración o de prestar su concurso a la protección del ambiente y la conservación de los recursos naturales; k) Los planes de lucha contra la pobreza, la política comercial y las políticas de competitividad deben estar integradas en la promoción del desarrollo sostenible; l) El aprovechamiento de las sinergias en la implementación de los acuerdos multilaterales ambientales a fin de reducir esfuerzos, mejorar la

inversión en su implementación y evitar superposiciones para obtener resultados integradores y eficaces, y m) El incentivo al desarrollo, al uso de tecnologías apropiadas y al consumo de bienes y servicios ambientalmente responsables, garantizando una efectiva conservación de los recursos naturales, su recuperación y la promoción del desarrollo sostenible.

No podemos dejar de señalar el Capítulo XII donde se plantea la Participación Ciudadana para la Convivencia en Materia Ambiental ARTÍCULO 63.- Todos los ciudadanos tienen derecho a participar y opinar acerca de las acciones, obras o actividades que se desarrollen en el territorio de la Provincia y puedan afectar el ambiente, sus elementos o la calidad de vida de la población. ARTÍCULO 64.- El proceso de Participación Ciudadana es parte integrante del proceso de Evaluación de Impacto Ambiental. Es promovido y conducido por la Autoridad de Aplicación con la participación del proponente y su equipo técnico, y de los actores de la sociedad civil que están comprendidos por los impactos positivos y/o negativos del proyecto. Este proceso de consulta comprende y entrelaza las siguientes dinámicas y resultados: a) Informa a los ciudadanos y promueve el debate sobre el proyecto; b) Asegura la transparencia de los actos que se realizan en la Administración Pública y promueve el conocimiento, el contenido y los fundamentos de las decisiones; c) Optimiza la calidad técnica y democrática de la propuesta y de las decisiones; d) Promueve la apropiación de los beneficios del proyecto por la ciudadanía; e) Previene los conflictos y contribuye a su solución, y f) Garantiza la oportunidad para opinar a toda persona o comunidad que pueda ser afectada por los resultados de la realización de un proyecto, obra de infraestructura, industria o actividad. ARTÍCULO 65.- El Proceso de Participación Ciudadana reconoce los siguientes instrumentos: a) Información y divulgación del proyecto; b) audiencia pública, y c) Consulta popular ambiental.

Encíclica papal

En este aspecto no podemos dejar de lado que la misma iglesia católica mostró su preocupación por el ambiente y su cuidado. Es así, que en mayo de 2015 tenemos la Carta Encíclica papal “*Laudato, si*” donde expresa su preocupación sobre el cuidado de la casa común”.

Resaltamos al respecto el punto “**I. Contaminación y cambio climático** *Contaminación, basura y cultura del descarte* 21. Hay que considerar también la contaminación producida por los residuos, incluyendo los desechos peligrosos presentes en distintos ambientes. Se producen cientos de millones de toneladas de residuos por año, muchos de ellos no biodegradables: residuos domiciliarios y comerciales, residuos de demolición, residuos clínicos, electrónicos e industriales, residuos altamente tóxicos y radioactivos. La tierra, nuestra casa, parece convertirse cada vez más en un inmenso depósito de porquería. En muchos lugares del planeta, los ancianos añoran los paisajes de otros tiempos, que ahora se ven inundados de basura. Tanto los residuos industriales como los productos químicos utilizados en las ciudades y en el agro pueden producir un efecto de bioacumulación en los organismos de los pobladores de zonas cercanas, que ocurre aun cuando el nivel de presencia de un elemento tóxico en un lugar sea bajo. Muchas veces se toman medidas sólo cuando se han producido efectos irreversibles para la salud de las personas”.

La Corte Interamericana de Derechos humanos ante el medio ambiente: opinión consultiva 23/17

En febrero de 2018 la Corte Interamericana de Derechos Humanos -CIDH- daba a conocer su Opinión Consultiva OC-23/17 sobre “Medio Ambiente y Derechos Humanos” en relación a la solicitud que le hiciera Colombia.⁸ Es la primera oportunidad en la que la Corte es solicitada en materia ambiental en el marco de su actividad consultiva, expresando:

⁸ Consulta respecto de cómo se debía interpretar la Convención Americana de DDHH en relación con el “Convenio de Cartagena” referido al medio ambiente en la región del Gran Caribe.

Esta Opinión constituye una de las primeras oportunidades de este Tribunal para referirse, de manera extendida, sobre las obligaciones estatales que surgen de la necesidad de protección del medio (46) ambiente bajo la Convención Americana⁹

Esta Corte ha reconocido la existencia de una relación innegable entre la protección del medio ambiente y la realización de otros derechos humanos, en tanto la degradación ambiental y los efectos Asimismo, el¹⁰ .adversos del cambio climático afectan el goce efectivo de los derechos humanos preámbulo del Protocolo Adicional a la Convención Americana sobre Derechos Humanos en materia de Derechos Económicos, Sociales y Culturales (en adelante “Protocolo de San Salvador”)(, resalta la estrecha relación entre la vigencia de los derechos económicos, sociales y culturales -que incluye el derecho a un medio ambiente sano – y la de los derechos civiles y políticos, e indica que las diferentes categorías de derechos constituyen un todo indisoluble que encuentra su base en el reconocimiento de la dignidad de la persona humana, por lo cual exigen una tutela y promoción permanente con el objeto de lograr su vigencia plena, sin que jamás pueda justificarse la violación .¹¹”de unos en aras de la realización de otros

Fallo de la Corte Interamericana de Derechos Humanos -CIDHH-¹² contra Argentina. Febrero de 2020

En la causa Comunidades indígenas miembros de la asociación lhaka Honhat (nuestra tierra) vs. Argentina sentencia de 6 de febrero de 2020 La Corte determinó que el Estado violó el derecho de propiedad comunitaria, así como los derechos a la identidad cultural, a un medio ambiente sano, a la alimentación adecuada y al agua, a causa de la falta de efectividad de medidas estatales para detener actividades que resultaron lesivas de los mismos.

Es un reclamo de comunidades indígenas pertenecientes a los pueblos Wichí (Mataco), Iyjwaja (Chorote), Komlek (Toba), Niwackle (Chulupí) y Tapy'y (Tapiete), de la propiedad de un área aproximada de 643.000 hectáreas que está dentro de la Provincia de Salta y limita con Paraguay y Bolivia con presencia originaria desde antes de 1629. Vienen reclamando desde 1991 y a partir del siglo XX son ocupadas por familias criollas. El 29 de mayo de 2014 Salta emitió el Decreto 1498/14, mediante el cual reconocía y transfería la “propiedad comunitaria”, a favor de 71 comunidades indígenas, de unas 400.000 ha, cuestión incumplida. Además en la zona se advierte actividades ilegales de tala, y las familias criollas desarrollan la ganadería e instalan alambrados mermando recursos forestales y de biodiversidad de modo tal que afecta a las comunidades indígenas en cuanto a su tradicional acceso a agua y alimentos. En 28 años desde que se reclamara el reconocimiento de la propiedad, no ha sido garantizado plenamente, no se han dado títulos adecuados, de modo tal que la CIDDDHH considera que “Argentina no cuenta con normativa adecuada para garantizar en forma suficiente el derecho de propiedad comunitaria. Eso hizo que las comunidades indígenas no contaran con una tutela efectiva de su derecho de propiedad”. Además considera que Argentina con la construcción del puente internacional fronterizo sin procesos previos de consulta adecuados, violó los derechos de propiedad y participación de las comunidades. La parte resolutive del fallo de la CIDDDHH dispone “como medidas de reparación, que con la mayor celeridad posible y en un plazo máximo de seis años: a) Concluya las acciones necesarias a fin de delimitar, demarcar y otorgar un título que reconozca la propiedad de las 132 comunidades indígenas sobre su territorio. El título debe ser único, es decir, uno para el conjunto de todas las comunidades y relativo a todo el territorio, sin perjuicio de los acuerdos de las comunidades sobre el uso del territorio común. b) Remueva del territorio indígena los alambrados

⁹ La negrita nos pertenece.

¹⁰ La negrita nos pertenece

¹¹ Argumentaciones que va a referenciar en su sentencia el juez Vaca Narvaja en el caso bajo análisis infra causa “Cruz, Silvia Marcela y otros c/ Ministerio de Energía y Minería de la Nación s/amparo ambiental”.

¹² Extraído de: caso comunidades indígenas miembros de la asociación Lhaka Honhat (nuestra tierra) vs. Argentina sentencia de 6 de febrero de 2020 (Fondo, Reparaciones y Costas), *Corte Interamericana de Derechos Humanos* [Recurso electrónico]. URL: https://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/serie_400_esp.pdf (consultado el 05.10.2021).

y el ganado de pobladores criollos y concrete el traslado de la población criolla fuera de ese territorio, debiendo promover que ello sea voluntario, evitando desalojos compulsivos durante los primeros tres años y, en cualquier caso, procurando el efectivo resguardo de los derechos de la población criolla, lo que implica posibilitar el reasentamiento o acceso a tierras productivas con adecuada infraestructura predial.

Acuerdo de Escazú

Este acuerdo Regional sobre el acceso a la información, la participación pública y el acceso a la justicia en asuntos ambientales¹³, consta de 26 artículos y fue firmado el 4 de marzo de 2018 en Escazú (Costa Rica), poniendo en práctica el Principio 10 de la Declaración de Río de 1992. Es considerado el primer tratado vinculante sobre cuestiones ambientales y de derechos humanos de los países de América Latina y el Caribe. Firmado por 16 países de la región necesitándose 11 que lo ratifiquen para su entrada en vigor. Al 2021 son 12 los países que procedieron a la ratificación, entre ellos Argentina.

Debemos destacar que” el 3 de julio de 2019, en la causa *Fundación Ambiente y Recursos Naturales (FARN) c/ YPF SA s/Varios*” el Juzgado Contencioso Administrativo Federal n°8 de Argentina emitió un fallo histórico que lo convirtió en el primer tribunal en invocar el Acuerdo de Escazú para sostener la preeminencia del derecho de acceso a la información en materia ambiental”... “tiene que ver con las solicitudes presentadas por FARN a la empresa YPF SA y negadas por esta última, respecto de información que por su contenido ambiental resulta de interés público, regulada por las leyes 25.675 (Ley General del Ambiente), 25.831 (Régimen de Libre Acceso a la Información Pública Ambiental) y 27.275 (Derecho de Acceso a la Información)”¹⁴.

Primeros Casos de condena penal antes de la pandemia

El desarrollo tecnológico en materia de producción industrial así como en el agro y su utilización muchas veces irracional ante la voracidad económica de productores y empresarios — entre otros — ha conllevado a un conjunto de problemas relacionados al deterioro del ambiente y la afectación en la salud de los pobladores. En la segunda mitad del siglo XX hay una toma conciencia que se manifiesta primeramente en las acciones de Naciones Unidas, y a través de la Conferencia de Estocolmo de 1972, que visibilizan la problemática y hoy esa labor se continúa. En

¹³ Declaración sobre El medio ambiente y el desarrollo aprobada por la Asamblea General durante la Cumbre de Río de Janeiro en 1992 la cual tiene su sustento en la declaración sobre el Medio Humano de Estocolmo en 1972. Consta de 27 principios relativos entre otros a la protección del medio ambiente; la relación entre el desarrollo económico, sostenible y ambiental; la cooperación entre los países para proteger, preservar los recursos naturales de la tierra y la salud; la responsabilidad de los Estados a promulgar leyes eficaces sobre el medio ambiente; la participación ciudadana en la protección del medio ambiente, etc. Principio 10 El mejor modo de tratar las cuestiones ambientales es con la participación de todos los ciudadanos interesados, en el nivel que corresponda. En el plano nacional, toda persona deberá tener acceso adecuado a la información sobre el medio ambiente de que dispongan las autoridades públicas, incluida la información sobre los materiales y las actividades que encierran peligro en sus comunidades, así como la oportunidad de participar en los procesos de adopción de decisiones. Los Estados deberán facilitar y fomentar la sensibilización y la participación de la población poniendo la información a disposición de todos. Deberá proporcionarse acceso efectivo a los procedimientos judiciales y administrativos, entre éstos el resarcimiento de daños y los recursos pertinentes (<https://www.un.org/spanish/esa/sustdev/agenda21/riodeclaration.htm>).

En cuanto a la Declaración del Medio Humano de Estocolmo de 1972, su importancia radica en que por primera vez se planteó la cuestión del cambio climático, además de establecer 26 principios para la conservación y mejora del medio humano marcando un plan de acción con recomendaciones para la acción medioambiental internacional (ver <http://compromisoambiental.fullblog.com.ar/declaracion-de-estocolmo-1972.html>).

¹⁴ Henry Jiménez Guampa, “El Acuerdo de Escazú y el derecho de acceso a la información dan luz a una nueva jurisprudencia. Análisis jurisprudencial. Sentencia Fundación Ambiente y Recursos Naturales (FARN) C/ YPF SA s/ varios”, *Revista Derecho del Estado, Universidad Externado de Colombia* 44, 2019, p. 385–396. <https://doi.org/10.18601/01229893.n44.14>

nuestro país la Convención Constituyente de 1994 debatió y plasmó el derecho al medio ambiente en el artículo 41.

Hoy hay ya en la jurisprudencia un resguardo penal en el accionar de la justicia cordobesa en “Gabrielli Jorge Alberto y otros P.S.A. Infracción Ley 24051”. En setiembre de 2012, Cámara Primera del Crimen se expidió en materia de contaminación ambiental, marcando un hito histórico, fallo confirmado por el Tribunal Superior de Justicia de Córdoba -TSJ- en septiembre de 2015. La cámara señaló entre otras cuestiones que **“no es un delito de lesión, sino de peligro, que no exige que afecte a la salud, sino que posiblemente la afecte”**. **“...Trajo aparejado el sufrimiento de los pobladores de un barrio”**. **“Conocían que por Ordenanza Municipal N° 10505 del 21 de mayo de 2002, Barrio Ituzaingó Anexo había sido declarado en estado de emergencia sanitaria, y mediante ordenanza Nro. 10590 del 9 de enero de 2003 se había prohibido la aplicación de plaguicidas o biocidas químicos mediante fumigación terrestre o aérea, cualquiera sea su tipo y dosis, a menos de dos mil quinientos metros de cualquier vivienda o grupos de viviendas de ese sector poblado”**. El tribunal resuelve declarar **“a Francisco Rafael Parra, autor penalmente responsable del delito previsto por el art. 55 de la ley de Residuos Peligrosos — ley 24.051”**... y a **“Edgardo Jorge Pancello, coautor penalmente responsable del delito previsto por el art. 55 de la ley de Residuos Peligrosos — ley 24.051”**. La imputación concreta que pesaba sobre los declarados penalmente responsables fue **“el excesivo, desmesurado e ilegal uso y aplicación de agroquímicos mediante pulverizaciones aplicadas en los campos de cultivos en general”**.

La confirmación por parte de la Corte Suprema de Justicia en setiembre de 2017 del fallo emitido en Córdoba por aplicación del art 280 del CPCCN, tuvo repercusión nacional ya a los pocos días de la sentencia del máximo tribunal — en octubre — en el caso “Honeker José Mario; Visconti César Martín Ramón; Rodríguez Erminio Bernardo s/Lesiones leves culposas y contaminación ambiental” del Tribunal de Juicios y Apelaciones de Concepción del Uruguay — Entre Ríos (Octubre de 2017).

Concomitantemente a la justicia de Córdoba, el Tribunal Oral en lo Criminal Federal de Tucumán resolvió absolver a Luis Alberto Drube y a Santiago Daniel Gasep, encargados de la explotación comercial del Ingenio “La Trinidad”, acusados por infracciones a la Ley de Residuos Peligrosos (art 55). Entre los argumentos citamos el de la Jueza Noli “para realizar la conducta allí prevista es necesario que el sujeto mediante un daño al medio ambiente afecte o pueda afectar de un modo concreto la salud pública”. El Ministerio Público Fiscal recurre en casación porque estima que la sentencia es defectuosa a la hora de valorar los argumentos vertidos, además de una defectuosa deducción de la comprobación de extremos fácticos relacionados con la petición de la acusación pública.

El Ministerio Fiscal de Tucumán se cuestiona si “o se está con la posición de que es un **delito de peligro** que no requiere un resultado dañoso o se está con aquella que sostiene que el tipo penal requiere de un resultado concreto como es el vuelco de los efluentes en el curso de agua”. En lo que hace a los hechos, “que se han probado en el debate y que resultan idénticos a aquellos por los que han sido acusado los imputados desde el inicio del proceso se subsumen en el tipo del art. 55 de la ley 24051,”; y el medio comisivo fue un residuo peligroso, vinaza mezclada con los efluentes de fábrica; la vinaza es contaminante, se trata de un residuo peligroso propio de la actividad azucarera y produce el daño del art. 55 de la ley 24051”.

Se inclina por el art. 55 de la referida ley, ya que se trataría de un **delito de peligro abstracto**, bastando para su consumación el acto de arrojar residuos a los que pueda asignársele poder contaminante y deben ser sometidos a control, sin necesidad de acreditar puntualmente el efectivo poder contaminante que posea cada uno de ellos. La Sala I de la Cámara Federal de Casación Penal, en noviembre de 2016 hizo lugar al recurso de casación interpuesto por el Ministerio Público Fiscal contra la decisión del Tribunal Oral en lo Criminal Federal de Tucumán que había absuelto a Santiago Daniel Gasep y Luis Alberto Drube, explotadores comerciales del Ingenio “La Trinidad”, acusados por infracciones a la Ley de Residuos Peligrosos, anula el fallo y ordena nuevo decisorio, noviembre de 2016. Entre los argumentos de la Cámara remarcamos: **“...si bien, efectivamente, el tipo penal en cuestión tutela dos bienes jurídicos de suma importancia — el medio ambiente y la salud — no debe entenderse como enmarcados en compartimientos estancos”**.

El nuevo fallo fue también absolutorio con idénticos argumentos a la primera sentencia El fiscal interpuso recurso de casación contra esta segunda sentencia entendiendo la Sala I de la Cámara Federal de Casación Penal, que anula por segunda vez los sobreseimientos dictados por el tribunal tucumano el 10 de marzo de 2019.

Otro caso vinculado a la aplicación de la ley de residuos peligrosos — art 55- es Cricelli, Eduardo Francisco y Tabiere Hugo Norberto s/ recurso de casación 26 de Setiembre de 2019¹⁵.

En Buenos Aires, Lomas de Zamora el Tribunal Oral en lo Criminal N° 8, tras analizar el caso Cricelli, Eduardo Francisco y Tabiere Hugo Norberto s/ recurso de casación” “condenó el 22 de octubre de 2018 a la pena de tres años y nueve meses, y multa de \$150.000 a uno de los imputados Eduardo Francisco Cricelli, y tres años y seis meses, y multa de \$100.000 a Hugo Norberto Tabiere, por considerarlos penalmente responsables del delito de contaminación mediante la utilización de residuos peligrosos.” ocurrido entre el año 2008 y mayo del 2011 en el predio de la calle Arenales al 2000 de la localidad de Banfield, ciudad de Lomas de Zamora que damnificara cuanto menos a los menores L y R. M. y a sus progenitores Susana González y Nelson Daniel Morizon según los artículos 5, 12, 29 inciso 3ro., 40, 41, 45 del Código Penal; 55 primer párrafo de la ley 24051 con su remisión al artículo 200 del Catálogo Represivo y 375, 530 y 531 del Código Procesal Penal””. Sentencia recurrida en noviembre de 2019 pero el Tribunal de Casación Penal, sala cuarta de La Plata confirma la sentencia en razón del “alto nivel de plomo” apreciado y que afectara a la familia Morizon -González demostrado a través de testigos y peritos.

En pandemia Córdoba y Entre Ríos ponen fin definitivo a dos causas ambientales

El tribunal de Concepción del Uruguay(Entre Ríos) integrado por Fabián Bernabé López Moras, Mariela Emilce Rojas de Di Pretoro y Mariano Sebastián Martínez, condena a un año y seis meses de prisión en suspenso a José Martín Honeker, César Martín Ramón Visconti y Emilio Bernardo Rodríguez, por los delitos de lesiones leves culposas en concurso ideal con contaminación ambiental, y la inhabilitación especial como piloto aero-aplicador de César Martín Ramón Visconti por el término de un año, por la fumigación a un campo en 2014, afectando a los niños y maestra de la Escuela rural N° 44 “República de Argentina” de Santa Anita. Fallo confirmado en 2018 por la cámara integrada por Marcela Davite, Marcela Badano y Hugo perotti. Y el 27 de mayo de 2020 — en plena pandemia — el STJ entrerriano integrado por Daniel Omar Carubia, Miguel Ángel Giorgio y Claudia Mizawak., dejó firme la sentencia rechazando el recurso de impugnación extraordinaria de los condenados, sosteniendo entre otros argumentos que “ la circunstancia de que las pruebas de laboratorio no hayan detectado rastros de contaminación ambiental, en modo alguno contrarresta el razonamiento sentencial sustentado en los hechos comprobados que revelan los efectos de la contaminación en los alumnos y la maestra que inhalaron el residuo fumigado en las inmediaciones del establecimiento escolar, todo lo cual exhibe concluyente e irrefutable fundamentación, tanto en la sentencia del Tribunal de Juicio cuanto en su confirmación por parte de la Casación...”¹⁶. A partir de estas otras interesantes sentencias penales han sido recientemente aplicadas cabe destacar la “Mocarbel Jorge Elías sobre infracción ley 24051 (art. 55)”por aplicación del sistema de red online “de alertas de Google”.

¹⁵ *Tribunal de Casación Penal* [Recurso electrónico]. URL: <https://www.diariojudicial.com/public/documentos/000/087/158/000087158.pdf>, 26 de setiembre de 2019 (consultado el 05.10.2021).

¹⁶ Resoluciones STJ de Entre Ríos – COVID19, , *Poder Judicial de Entre Ríos* [Recurso electrónico]. URL: <https://www.jusentrerios.gov.ar/resoluciones-stj-de-entre-rios-covid19/> (consultado el 05.10.2021).

En relación al caso Ituzaingó concomitante al aludido supra “Gabielli Jorge Alberto y otros P.S.A. Infracción Ley 24051” tenemos una segunda causa donde se discute — no la fumigación — sino el daño en la salud causado por el producto con que se fumigó el campo.

En mayo de 2019 fue asignado a la Cámara 12° del Crimen a Ana María Lucero Offredi, Gabriela María Bella y Gustavo Reinaldi. Los imputados en la causa madre, además de Parra y Pancello, estaban los empresarios Javier y Fernando Amuchástegui, directivos de la empresa Tecnocampo S.A distribuidores del producto, la ingeniera agrónoma Alejandra Mendizábal Pizarro — de dicha empresa — y el aeroplicador Gustavo Alejandro Amaya.

Anteriormente estaba en la Cámara 7° del Crimen pero estaba paralizado. El siete de julio de 2020¹⁷ en plena pandemia la cámara 12 pone fin al debate por la contaminación con agroquímicos en barrio Ituzaingó Anexo, a comienzos de la década de los 2000. Por un planteo de la defensa del productor Francisco Parra, se lo sobreseyó a raíz de un recurso de su abogada María Ximena Aráoz — recordemos que fue condenado en el juicio anterior por el art 55 de la ley de residuos peligrosos al haber violado las ordenanzas — la cámara 12 entiende que fue por similares hechos en ese barrio — por lo que constituiría “cosa juzgada”.

En materia de amparos no se queda atrás la justicia

Junto con el derecho a un ambiente sano encontramos derechos de acción colectiva ambiental así: **Rocha, Marta Mercedes y otros c/ Decara, Mario Alberto y otros — amparo ambiental auto numero: 5. Cruz del Eje, 04/03/2021**¹⁸ Este constituye un proceso en el que se encuentran en juego pretensiones de incidencia colectiva referidas a afectaciones al medio ambiente, en el marco del art. 43 de la Constitución Nacional, art. 48 de la Constitución Provincial y de la Ley N° 4915, por lo que el tribunal dispone su categorización como “amparo ambiental”. La razón radica en que los amparistas promueven acción de amparo ambiental en contra del Señor Mario Alberto Decara, de la Municipalidad de Villa Giardino y del Gobierno de la Provincia de Córdoba -Ministerio de Servicios Públicos.”. Su pretensión es que el tribunal realice las siguientes medidas :” a) al Señor Mario Alberto Decara a cesar de manera urgente e inmediata con la lesión al derecho a un ambiente sano y limpio, al derecho humano a la salud, a la salubridad e higiene del municipio, mediante actos administrativos, judiciales o de cualquier otra índole, que impliquen el cese definitivo de todos los actos y omisiones ilegales que lleva adelante, estos son, entre otros: movimientos de suelos con maquinaria de magnitud utilizadas para modificar la traza natural, línea de ribera y las cotas del “Arroyo San Pedro”, colocación de alambrados, enramadas, barricadas y demás barreras que impiden al agua continuar su cauce natural; además desmonte de plantas nativas autóctonas y exóticas implantadas, en Zona roja y amarilla, movimiento de suelos, extracción de material terroso y apertura de calles en su propiedad, ubicada en la localidad de Villa Giardino, Pedanía San Antonio, Departamento Punilla; b) a la Municipalidad de Villa Giardino cese sus omisiones de hacer cumplir las políticas ambientales, establecidas por leyes nacionales, provinciales y municipales de orden público: audiencias públicas, estudio de impacto ambiental y social, evaluación de impacto ambiental, seguro ambiental obligatorio, etc.; c) al Ministerio de Servicios Públicos ejercer mediante actos administrativos, judiciales o de cualquier otra índole el poder de policía que la Ley 10.208 le ha otorgado. Asimismo, solicitan se emplace al Sr. Mario Alberto Decara, que, en el plazo perentorio no superior a 30 días, realice las tareas de recomposición del bien colectivo dañado, esto es, la reforestación de las hectáreas, en un todo de acuerdo a lo dispuesto por el art. 41 de la Constitución Nacional, y en su defecto se fije una indemnización sustitutiva. Solicitan el dictado de una medida cautelar de no innovar o statu quo, ordenando el cese inmediato del desmonte y desforestación, remoción de áridos, alteración del cauce y estructura natural del arroyo San Pedro y el retiro de palas mecánicas, camiones, y

¹⁷ *Justicia Córdoba. Estamos más Cerca* [Recurso electrónico]. URL: <https://www.justiciacordoba.gob.ar/consultafallosnet/> (consultado el 05.10.2021).

¹⁸ *Ibid.*

topadoras de la zona dañada y afectada. Requieren se inscriba la presente acción en el Registro de Procesos Colectivos y se le otorgue dicha categoría”.

En base a esto el tribunal analizada la causa a raíz del rechazo del juez de primera instancia, considera que es una acción colectiva merced a lo que se extrae de la acción promovida como se señaló supra, y al respecto resuelve: *emplazar a los demandados para que comparezcan y produzcan el informe previsto en el art. 8 de la ley 4915*, relacionado con las cuestiones argumentadas en el amparo.

Otra causa es la de **“Fischer, Diego Agustín y otros c/Comuna Dique Chico Amparo (Ley 4915)”**¹⁹, donde una medida cautelar que impide fumigar en un radio de 500 metros alrededor de una escuela en la localidad de Dique Chico establecida por la Comuna de dicha zona fue confirmada por el TSJ en Córdoba en abril de 2021. En dicha zona se encuentran la escuela rural Bernardo de Monteagudo y el jardín de infantes Mariano Moreno, la justicia argumento para confirmar su resolución que la niñez es “especialmente vulnerable...merecedores de una tutela ambiental reforzada o de mayor espesor...” En tanto aún se encuentran en desarrollo conforman también el amplio universo de las “generaciones futuras”, al que alude la Constitución de la Nación (CN, art. 41) cuando impone – a las generaciones presentes – el relevante deber de preservar el ambiente y de no comprometerlo para la posteridad. Desde ese punto de vista, la resolución recurrida ha puesto especial énfasis en este principio, denominado de “equidad generacional”, que también es ordenado por las leyes nacionales n° 25675 (General del Ambiente -LGA- art. 4, 5.º párr.) y provincial n.º 10208 (de Políticas Ambientales, art. 4, inc. d).”...” ‘justicia entre generaciones’, que obliga a que las actuales tengamos “la responsabilidad no solo de no destruir la posibilidad de las generaciones futuras, sino también de dejarles una parte justa (equitativa) de los recursos naturales y culturales” Mas adelante el TSJ pone el acento en la situación sanitaria mundial por el covid-19 y de allí que afirma “como consecuencia de la pandemia generada por la propagación del coronavirus (COVID 19) -hecho de público y notorio conocimiento mundial-, a lo largo del año 2020 han sido dictadas numerosas medidas de emergencia sanitarias de diferentes grados (distanciamientos sociales, restricciones para circular, recesos administrativos, entre otras). Pero, para el presente ciclo lectivo (año 2021), está previsto el regreso de los alumnos a las aulas en forma presencial. Por lo tanto, el mayor conocimiento e información que se encontrara a disposición de los responsables escolares, en todo sentido, podría servir como una forma de control social ambiental y para que ellos mismos estén atentos – para dirigirse eventualmente a los órganos gubernamentales correspondientes — en la hipótesis de que advirtieran algún síntoma o inconveniente en la salud de los alumnos y alumnas, cualquiera que fuera su causa.” En su argumento final el TSJ reflexionando al respecto expresa “la siguiente reflexión a mayor abundamiento. Esto, en atención a las sensibles cuestiones que se encuentran en discusión en la presente causa. Las medidas provisorias adoptadas lo han sido teniendo en miras que los niños, niñas y adolescentes son merecedores de una tutela ambiental reforzada, preferente o de mayor espesor. Por eso mismo, se ha considerado razonable que, inclusive, más allá del radio en que han quedado suspendidas, las aplicaciones de productos químicos o biológicos (permitidas) sean efectuadas fuera del horario escolar y con aviso a las autoridades educativas. Como consecuencia, y amén de que los alumnos participan en la presente causa por medio de sus padres y representantes legales en el carácter de terceros, no está de más recordar que — como se ha dicho — la presente resolución y la de la Cámara pueden ser interpretadas como congruentes con la obligación internacional que pesa sobre el Estado argentino de “inculcar al niño el respeto del medio ambiente natural” (CDN, art. 29.1, inc. e). Por lo tanto — en el plano estrictamente pedagógico — las traducciones que los docentes y demás responsables de los dos establecimientos en cuestión (escuela Bernardo de Monteagudo y jardín de infantes Mariano Moreno) pudieran efectuarles a los alumnos y alumnas de las decisiones que se han adoptado podrían reforzar la conciencia y la formación ambiental en la que los niños y adolescentes deben ser educados. Esto, además de ser

¹⁹ “Auto Numero: 51. Córdoba, 13/04/2021. ‘Fischer, Diego Agustín y otros c/Comuna Dique Chico – amparo (ley 4915)’ (expte. n.º 7607680)”, *Justicia Córdoba. Poder Judicial de la Provincia de Córdoba* [Recurso electrónico]. URL: <https://www.justiciacordoba.gov.ar/justiciacordoba/inicio/indexDetalle.aspx?codNovedad=32415> (consultado el 05.10.2021).

un objetivo fundamental de la Ley n.º 10208 (arts. 3, incs. f; 8, inc. h; 52 y 53), puede ser también una forma cultural de fortalecer la equidad generacional. En otras palabras: una vía o camino diferente para poner de manifiesto e informar a los alumnos que las generaciones presentes no deben — no debemos adoptar determinaciones ambientales que los comprometan irreversiblemente a ellos en tanto generaciones futuras que aún no pueden incidir de forma activa y directa en controversias como las suscitadas en esta causa, según lo ordena la CN (art. 41). Por ello, resulta pertinente hacer conocer la presente resolución a las autoridades de la escuela Bernardo de Monteagudo y del jardín de infantes Mariano Moreno para los fines pedagógico ambientales que consideraran relevantes. Con tal²⁰ motivo se les remitirán las copias correspondientes”.

En el mismo mes de abril de 2021 — en la causa “**Kohan Elio Fabián c/ comuna de Colonia Avigdor y otro s/ acción de amparo ambiental**”, el Superior Tribunal de Justicia de Entre Ríos anuló la sentencia del juez de La Paz. Este juez había resuelto la inconstitucionalidad de una resolución de 2004 que permite el uso de agroquímicos en lugares próximos a caseríos lindantes a lotes de uso productivo, a una distancia de 50 metros. El juez también exhortó al Estado provincial para que proceda a dar operatividad al artículo 8 del decreto 2239/19 — reglamentación de la ley de Plaguicidas — y ordenó a la comuna a que de amplia difusión en el ámbito local a las medidas dispuestas.

El máximo tribunal en su anulación del fallo de primera instancia considera un exagerado activismo judicial conforme el voto del juez Daniel Omar Carubia: “El artículo 2 de la Resolución N°47/04 SAA y RN limita el uso de agroquímicos en “lugares próximos a caseríos lindantes a lotes de uso productivo, a una distancia de 50 metros”. Sin embargo, el Tribunal consideró que en el caso sería aplicable el artículo 12 del Decreto 279/03 que prevé la prohibición de “a aplicación aérea de plaguicidas agrícolas dentro del radio de 3 Km. a partir del perímetro de la planta urbana de los centros poblados. Cuando dichos plaguicidas sean aplicados por medio terrestres, dentro del área indicada, deberá hacerse con la presencia permanente del Asesor Técnico, debiéndose extremar las precauciones para no ocasionar daños a terceros”. Argumenta a que “se torna absolutamente improcedente en su pretensión de que el órgano judicial establezca límites de distancias para las fumigaciones con agrotóxicos, las cuales, por otra parte, ya se encuentran establecidas por el órgano competente — Poder Ejecutivo — y, aparentemente, con mayor generosidad protectora que la incomprensiblemente interesada en autos”. Los jueces Daniel Omar Carubia, Claudia Mizawak y Juan Ramón Smaldone a favor de esta argumentación firman la sentencia en tanto la jueza Susana Medina firma con una disidencia parcial.

Reflexión final

Vemos que los tribunales — pese a la pandemia — no dejan de proteger el ambiente a través de sentencias que están en consonancia con las exigencias que implican el derecho humano a un ambiente sano, ya que de él se deriva la protección a las futuras generaciones y a la vida en sí del planeta en el cual habitamos. No hay dudas que se va tomando conciencia de la importancia del ambiente y así encontramos acciones judiciales vinculadas a iniciativas en materia de protección.

Es de celebrar que durante esta pandemia, Argentina ratificó el Acuerdo de Escazú²¹ sobre el Acceso a la Información, la Participación Pública y el Acceso a la Justicia en Asuntos Ambientales en América Latina y el Caribe, estableciendo estándares mínimos para el ejercicio de dichos derechos, velando a través de ellos por el derecho a la vida, a la integridad y a la salud. Como complemento del mismo debemos resaltar la ley de mayo del 2021 para la implementación de la educación ambiental integral en la República Argentina.

²⁰ “Kohan Elio Fabian c/ Comuna de Colonia Avigdor y otro s/ acción de amparo (ambiental) (501687500-Fumigaciones)”, *Diario Judicial* [Recurso electrónico]. URL: <https://www.diariojudicial.com/> (consultado el 05.10.2021).

²¹ La Cancillería hizo efectivo el 22 de enero de 2021, el depósito del instrumento de ratificación del Acuerdo de Escazú ante el Secretario General de las Naciones Unidas.

Bibliografía

1. “Auto Numero: 51. Córdoba, 13/04/2021. “Fischer, Diego Agustín y otros c/Comuna Dique Chico – amparo (ley 4915)” (expte. n.º 7607680)”, Justicia Córdoba. Poder Judicial de la Provincia de Córdoba [Recurso electrónico]. URL: <https://www.justiciacordoba.gob.ar/justiciacordoba/inicio/indexDetalle.aspx?codNovedad=32415> (consultado el accessed 05.10.2021).
2. Caso comunidades indígenas miembros de la asociación Lhaka Honhat (nuestra tierra) vs. Argentina sentencia de 6 de febrero de 2020 (Fondo, Reparaciones y Costas), Corte Interamericana de Derechos Humanos [Recurso electrónico]. URL: https://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_400_esp.pdf (consultado el 05.10.2021).
3. Declaración del Medio Humano de Estocolmo de 1972. URL: <http://compromisoambiental.fullblog.com.ar/declaracion-de-estocolmo-1972.html> (accessed 05.10.2021)
4. Declaración sobre El medio ambiente y el desarrollo aprobada por la Asamblea General durante la Cumbre de Río de Janeiro en 1992, URL: <https://www.un.org/spanish/esa/sustdev/agenda21/riodeclaration.htm> (accessed 05.10.2021)
5. Henry Jiménez Guampa, H. El Acuerdo de Escazú y el derecho de acceso a la información dan luz a una nueva jurisprudencia. Análisis jurisprudencial. Sentencia Fundación Ambiente y Recursos Naturales (FARN) C/ YPF SA s/ varios” // Revista Derecho del Estado, Universidad Externado de Colombia. 2019. N.º 44. P. 385–396. DOI : <https://doi.org/10.18601/01229893.n44.14>.
6. Justicia Córdoba. Estamos más Cerca [Recurso electrónico]. URL: <https://www.justiciacordoba.gob.ar/consultafallosnet/> (consultado el accessed 05.10.2021).
7. Resoluciones STJ de Entre Ríos – COVID19, Poder Judicial de Entre Ríos [Recurso electrónico]. URL: <https://www.jusentrerios.gov.ar/resoluciones-stj-de-entre-rios-covid19/> (accessed consultado el 05.10.2021).
8. Tribunal de Casación Penal [Recurso electrónico]. URL: <https://www.diariojudicial.com/public/documentos/000/087/158/000087158.pdf> , 26 de setiembre de 2019 (consultado el 05.10.2021)..
9. Ver Diario Judicial “Kohan Elio Fabian c/ Comuna de Colonia Avigdor y otro s/ acción de amparo (ambiental) (501687500-Fumigaciones)”, Diario Judicial [Recurso electrónico]. URL: <https://www.diariojudicial.com/> (accessed consultado el 05.10.2021).

Ofelia Piedad Cruz Pineda¹

PANDEMIA: UN HECHO PARA PENSAR AMÉRICA LATINA, DESDE LA POLÍTICA Y LA EDUCACIÓN

PANDEMIC: A FACT TO THINK ABOUT LATIN AMERICA, FROM POLITICS AND EDUCATION

Resumen: La emergencia sanitaria transformó los modelos de vida habituales en el mundo. En nuestra región, dadas las desigualdades económicas y sociales, la pandemia ha sido más agresiva. El tema de la conectividad condicionó el derecho a la salud, la educación y el trabajo. La situación pandémica que vivimos exige una problematización asociada con el individualismo, tipo de comportamiento que exacerbó el discurso neoliberal. Hoy en día, este individualismo se reconfigura ante el aislamiento como práctica y forma de domesticación social.

Palabras clave: Política; conflicto; espacio público; educación.

Abstract: The health emergency transformed the habitual models of life in the world. In our region, given the economic and social inequalities, the pandemic has been more aggressive. The issue of connectivity conditioned the right to health, education and work. The pandemic situation we are experiencing requires a problematization associated with individualism, a type of behavior that exacerbated the neoliberal discourse. Today, this individualism is reconfigured in the face of isolation as a practice and form of social domestication.

Key words: politics; conflict; public space; education.

Introducción

El contagio del virus SARS-CoV2, generador de la COVID-19, se inscribe en un contexto social, económico y político desgastado por el discurso neoliberal que fue diseminado de diferentes formas en América Latina y el Caribe. Anudar la pandemia con el neoliberalismo, nos obliga a repensar la política. Las cuarentenas paralizaron la actividad física, pero no la virtual. La pandemia ha sido muy agresiva en América Latina por las desigualdades económicas y sociales que la caracterizan, sin duda, ha generado mayor pobreza e injusticia social. La conectividad – servicio de banda ancha y la adquisición de dispositivos – condicionó el derecho a la salud, la educación y el trabajo. El desempleo repercutió desproporcionadamente en los pobres y en los estratos vulnerables de ingresos medios. La situación pandémica que vivimos exige una problematización asociada con el individualismo, tipo de comportamiento que exacerbó el discurso neoliberal. En la mayor parte de los actores sociales, esta conducta se manifestó en conducirse por sus propios intereses, y dejar de pensarse en el marco de una comunidad, lo que limitó la participación política del actor en el espacio público.

Hoy en día, este individualismo se reconfigura ante el aislamiento como práctica y forma de domesticación social. La pandemia de la COVID-19 fue un disruptor mundial en la política, la economía y las relaciones interpersonales que obliga a pensar las formaciones colectivas de otra manera, porque nos encontremos en otros escenarios y en otro tipo de procesos de subjetivación.

En suma, se dibujan nuevos conflictos globales, regionales y locales que tendremos que enfrentar desde diferentes discusiones analíticas y posiciones: uno revisar la política para

¹ **Ofelia Piedad Cruz Pineda**, México, Doctora en Pedagogía por la UNAM. Académica de la Universidad Pedagógica Nacional Puebla-México (ofeliapiedad@hotmail.com).

comprender nuestra América Latina trastocada por el neoliberalismo y por la pandemia como acontecimiento radical; otro repensar la educación como uno de los componentes para impulsar el pensamiento crítico. La ponencia, presenta coordenadas de reflexión iniciales para revisar la política y la educación en estos tiempos; al mismo tiempo que algunas ideas para la discusión.

La política y la educación ¿cómo pensar el vínculo ante el infortunio sanitario?

La pandemia fue un acontecimiento radical e inesperado que trastocó la vida humana, “estaba fuera de todas las leyes regulares. [Este acontecimiento nos] obliga a inventar una nueva manera de ser y de actuar en la situación, [a partir de reconocer que es un acontecimiento] singular, irreductible, fuera de la ley de las situaciones [conocidas]”. La pandemia ni se dejaba pensar por los saberes establecidos, se instituyó como un real traumático, — una certeza difícil de asumir. En el entendido que lo real no es esencia, ni proyecto, es un exterior al sujeto, es el acontecimiento, es aquello que es fundamental para entender lo simbólico.

No obstante que desde hace varios años la comunidad médica esperaba a nivel mundial una nueva pandemia de origen viral, el acontecimiento ocurrió el 31 de diciembre del 2019 cuando el Ministerio de Salud de China informó a la Organización Mundial de la Salud (OMS) sobre 41 pacientes con “neumonía atípica grave”. Desde los primeros casos reportados en Wuhan, China, la expansión local y finalmente mundial, llegó rápidamente a niveles alarmantes. Para el 11 de enero del 2020 ya había cobrado la primera víctima mortal y un mes después el 11 de febrero, el Centro de Control y Prevención de Enfermedades de China tenía 72,314 casos reportados. El 30 de enero del 2020, la OMS declaró al COVID-19 como “emergencia de salud pública de alcance internacional”, y el 11 de marzo con 37,364 casos reportados fuera de China, se catalogó oficialmente como “pandemia”. El primer caso detectado en México ocurrió el 27 de febrero del 2020 en el Instituto Nacional de Enfermedades Respiratorias en la Ciudad de México, en un paciente con antecedente de haber viajado a Italia, y el primer fallecimiento ocurrió el día 18 de marzo. El 24 de marzo, con 475 casos confirmados, se decretó la Fase 2 de “contingencia sanitaria”, con medidas más estrictas de distanciamiento social, confinamiento y restricción laboral². Los datos indican que 3,671,611 son casos confirmados y 277 978 defunciones al 30 septiembre de 2021.

Los efectos pandémicos son descomunales “si bien los confinamientos en las sociedades donde esto es posible tienen la apariencia de lo hogareño, no dejan de participar en un aura de reclusión y de metáfora bélica”³. En América Latina, para la mayoría de la población, no fue del todo posible la convivencia familiar con un matiz de sentido hogareño, puesto que mujeres y hombres salían de sus casas a trabajar para mantener sus ingresos.

Además, el fenómeno de la violencia y el maltrato se agudizó en las sociedades. Asimismo, la pobreza se recrudeció, no solo en la faceta económica, sino también en la adquisición de capital cultural generada por la pausa en el sector educativo por varios meses. Durante este lapso de tiempo, aproximadamente 150 millones de alumnos latinoamericanos no acudieron a la escuela debido a la pandemia.

Hoy en día, la humanidad acumula más interrogantes, las cuales se intentan responder desde el discurso pastoral como desde el discurso científico. Este último, enfrenta la exigencia de construir (o deconstruir) códigos de interpretación a través de los cuales comprender la nueva realidad social trastocada por la pandemia, es decir, identificar los nuevos estilos y comportamientos de los sujetos, quienes confieren otro sentido a la vida en común, como el cuidado por la vida a partir de estrategias que cada una de las personas adquieren para combatir al virus. Pero éstas, son muy desiguales entre la población. De hecho, pareciera que combatimos unos con otros por el cuidado de uno mismo. Sin duda, la pandemia modificó la vida humana.

² Xavier Escudero, Jeannette Guarner, Arturo Galindo-Fraga, Mara Escudero-Salamanca, Marco A. Alcocer-Gamba y Carlos Del Río, “La pandemia de Coronavirus SARS-CoV-2 (COVID-19): Situación actual e implicaciones para México”, *Archivos de Cardiología México* 90, 2020, p. 7–14.

³ Jorge Alemán, *Pandemónium*, España, 2020, p. 19.

Ahora bien, cómo se inscribe este acontecimiento en América Latina, contexto donde el neoliberalismo, como lógica económica fundada en la meritocracia y el rendimiento, conquistaron el alma de los ciudadanos vía el individualismo, esta conducta obturó el comportamiento comunitario y quebrantó del vínculo social. Esta condición humana, inducida por el neoliberalismo, y el aislamiento social como mecanismo para hacer frente a lo siniestro — aquello que afecta las cosas conocidas y familiares — que tiene el contagio del virus SARS-CoV2, generador de la COVID-19, puede ser agudizado, puesto que el confinamiento social se convirtió en una nueva forma de domesticación del individuo.

Así, con el discurso neoliberal observamos como el capitalismo se reinventó y hoy endía la situación pandémica enfrenta al capitalismo desde una lógica distinta: la sanitaria. El capitalismo tiene un enemigo diferente, pero común para el mundo. Sin embargo, éste se vuelve a reinventar para enfrentarlo, por ejemplo, a través de la distribución de las vacunas; la participación activa de las farmacéuticas, etc., en aras de salvar la vida, pero intrínsecamente subyace fortalecer la economía global y salir pronto de la crisis económica provocada por la crisis sanitaria.

Pensar la política

Este acontecimiento — contingencia — que trastocó nuestra existencia humana, puede comprometernos a repensar la política, y junto con ésta repensar a una de las instituciones sociales a través de la cual desafiar el efecto de la pandemia: la educación y como consecuencia la escuela como espacio social de construcción de nuevas subjetividades. Cuando “se padece un [...] castigo aparecen los buenos propósitos, y esto puede tener una oportunidad política que se debe tener presente, ya que se cuenta con [...] una nueva sensibilidad social que se transmite en las distintas gramáticas populares”⁴.

Del acontecimiento radical de salud pública puede emerger una condición humana distinta a la heredada por el neoliberalismo como el individualismo que resultó de la competitividad. El cuidado por la vida ante la angustia por la muerte puede ser el punto nodal que permita articular y hacer equivalente las diferencias en bien de lo común. Es esa angustia, pensada, no como condición de vida únicamente, sino entendida como guía para la captura (problematización) del propio acontecimiento disruptor como fue la pandemia. Cuidarse paracaidar a los otros parece ser la consigna.

Si bien, el fenómeno pandémico es general, la manera de enfrentarlo (e incluso vivirlo) es diferente. Como en párrafos arriba señalé, la población lo enfrenta de forma bastante desigual. Por ello, entre los nuevos códigos de interpretación está repensar la diferencia como constitutiva de un orden justo e igualitario, y en la vida cotidiana diseñar acciones locales frente a lo global, asumir decisiones comprometidas con la justicia social, nos exige incluir una lógica de pensamiento distinta: lo global y local, lo local y lo global, es decir, fortalecer una forma de intelección diferente en nuestras interpretaciones sobre lo social.

La apuesta teórica y la estratégica son algunos de los desafíos actuales, si acaso no bosquejamos un atisbo distinto “continuará la explotación, la desigualdad estructural, y el capitalismo demostrará que puede seguir con su engranaje, aunque sea en medio del caos, provocando que sean los más vulnerables los que paguen el precio más alto derivado de la pandemia mundial”.

Si advertimos la diferencia como constitutiva de otro ordenamiento social, se puede arribar a la reconstrucción de la comunidad y de la restitución del vínculo social, “donde las singularidades ni se borran ni se cancelan, sino que depositan allí sus marcas, huellas y trazos donde los significantes y las pulsiones delimitan su borde”, es la posibilidad de repensar la política desde el retorno de lo político, de ese poder decisorio que nos constituye como sujetos ante el acontecimiento, puede pensarse que el sujeto es un efecto del acontecimiento del que no fue autor, ni el principio constituyente, pero es la posibilidad de su emergencia. Esta apuesta nos puede conducir a

⁴ Jorge Aleman, *Op cit.*, p. 27.

reflexionar la vida cotidiana en los diferentes espacios donde se desenvuelve la persona. Uno de estos es la escuela.

Pensar la educación y la escuela

Los escenarios convulsos que nos ha dejado la pausa en el sector educativo, 33 millones de estudiantes en México, dejaron de asistir a la escuela desde el 20 de marzo de 2020. En el caso de México el periodo de distanciamiento escolar comprendió de marzo de 2020 al mes de agosto de 2021. Este escenario nos obliga a repensar a la escuela como el espacio que ofrece un horizonte de posibilidad del cual engancharse como proyecto de vida, y que posibilita el desarrollo de una educación fincada en el pensamiento crítico.

La escuela pública continúa siendo el modelo de organización del que dispone la sociedad para ofrecer y garantizar la educación, sobre todo, la educación obligatoria y, de esta manera, abatir las desigualdades sociales y educativas. La escolarización es una institución social financiada con presupuesto público y en este sentido responde al Estado. La educación ha de rendir cuentas y ofrecer las capacidades para el desarrollo profesional, pero la educación es más que la escolarización. “Los procesos de socialización evolucionan con las transformaciones sociales y los retos que plantean a la práctica educativa [de los profesores] también se diversifican en virtud de aquellas transformaciones”⁵. Así, la escuela pública se caracteriza por el potente discurso de formación y de escolarización que favorece la democratización.

Si la educación pública se considera un bien común, la escuela pública juega un papel determinante como institución social. El bien común se distingue del bien individual y del bien público. Mientras que el bien público es un bien de todos en cuanto que están unidos, el bien común es de los individuos en cuanto que son miembros de un estado; es un valor común que los individuos pueden perseguir sólo de manera conjunta, en la concordia. Además, en relación con el bien individual, el bien común no es simplemente su suma, ni tampoco lo niega: se sitúa como su síntesis armónica. Toda la actividad de estado, desde la política hasta la economía, debe dirigirse a la realización de una situación en que los ciudadanos puedan desarrollar sus cualidades personales y los individuos, impotentes por sí solos, deben solidariamente perseguir juntos este fin común. “Uno tiene que sentirse miembro de una comunidad, es decir, suponer que se tiene algo en común, dependemos de uno y otros porque somos solidarios, pero los sentimientos de solidaridad se agotan cuando se multiplican los estatus y las desigualdades.

La escuela es un lugar de referencia histórica y es un organizador simbólico y como tal genera otras formas de simbolización ante la narrativa neoliberal y ante la pandemia para redefinir la relación del sujeto con la sociedad. Esta reconfiguración da lugar a un pensamiento y a un lenguaje diferente de la educación y de la escuela pública.

Es importante reflexionar individualmente el sentido educativo contemporáneo, desde nuestros propios lugares de enunciación, y promover el debate colectivo, por ejemplo, con los profesores, a partir de un análisis riguroso sobre las nuevas formas de regulación impulsadas por el Estado que se manifiestan en nuevas formas de pensar, sentir y actuar.

El proyecto de la escuela pública entra en tensión en el momento que se fragmenta en la satisfacción de necesidades diferenciales, medidas desde el discurso neoliberal por el rendimiento y la competencia, y ante la pandemia por el acceso a la conectividad y el uso de dispositivos que condicionó el derecho a la educación y al trabajo. De esta manera, se multiplican los estatus. “Hay que aprender a construir un tercero, un conjunto de representaciones, principios y mecanismos comunes a quienes son discriminados y a quienes no lo son”. Repensar la política, construir políticas y hacer que lo político retorne para posibilitar y construir un marco común que no elimine nuestras diferencias, ni tampoco nuestros conflictos, puesto que éstos atraviesan el ser social. Lo político nos conduce a ciertos acuerdos a través del cual reconstruir la igualdad social deshilvanada por el

⁵ Angel Pérez Gómez, “La socialización postmoderna y la función educativa de la escuela”, en Pablo Gentili (dir.), *Escuela pública y sociedad neoliberal*, Madrid, 1999, p. 40.

neoliberalismo e incrementada por la pandemia. Desarrollar otros sentidos implica potencializar el discurso escolar a partir de la reflexión como ejercicio de intelección del cual emerja el pensamiento crítico.

Bibliografía

1. Alemán, Jorge, *Pandemónium*, España, Editorial Ned, 2020.
2. Badiou, Alain, *La ética*, México, Editorial Herder, 2004.
3. Bobbio, Norberto, Nicola Matteucci y Gianfranco Pasquino, *Diccionario de política*, México, Siglo XXI, 2008.
4. Dubet, François, *Lo que nos une: Cómo vivir juntos a partir de un reconocimiento positivo de la diferencia*, Buenos Aires, Siglo XXI, 2017.
5. Escudero, Xavier, Jeannette Guarner, Arturo Galindo-Fraga, Mara Escudero-Salamanca, Marco A. Alcocer-Gamba y Carlos Del Río, “La pandemia de Coronavirus SARS-CoV-2 (COVID-19): Situación actual e implicaciones para México”, *Archivos de Cardiología México* 90, 2020, p. 7–14.
6. Pérez Gómez, Angel, “La socialización postmoderna y la función educativa de la escuela”, en Pablo Gentili (dir.), *Escuela pública y sociedad neoliberal*, Madrid, Aula libre, 1999.

*Gilberto de Souza Vianna,
Eduardo Rizzatti Salomão¹*

EL ESTADO DESNUDO: LAS DIFICULTADES BRASILEÑAS PARA LUCHAR CONTRA LA PANDEMIA DE CORONAVIRUS EN TIEMPOS DE DESENCANTO

THE NAKED STATE: BRAZILIAN DIFFICULTIES IN FIGHTING THE CORONAVIRUS PANDEMIC IN TIMES OF DISENCHANTMENT

Resumen: No primeiro trimestre de 2020, o Brasil foi acometido pela pandemia do coronavírus. O foco inicial provável da doença foi o mercado úmido da cidade chinesa de Wuhan, com registros do surto epidêmico que remonta a dezembro de 2019. O agente causador foi reconhecido como um novo patógeno integrante da conhecida família de coronavírus que ataca, sobretudo, o sistema respiratório, causando complicações graves. Entre as doenças mais conhecidas, causadas por coronavírus, estavam a Síndrome Respiratória Aguda Severa (SARS) e a Síndrome Respiratória do Oriente Médio (MERS), identificadas, respectivamente, em 2003 e 2012. O novo coronavírus (nomeado SARS-CoV-2) passou a integrar essa lista, sendo apontado como causador da moléstia nomeada de Covid-19 (CORONA VIRUS Disease 2019) e que tem como principais sintomas febre, tosse seca, cansaço, dor de cabeça e perda do olfato. A pandemia ocasionada pela Covid-19 apresentou consequências desastrosas, dado o crescimento exponencial do número de infectados, uma vez que a demora na manifestação dos sintomas e, em muitos casos, a ausência contribuiu para sua rápida difusão e, por conseguinte, no elevado número de mortos, sobrecarregando o sistema de saúde de inúmeros países, e, conseqüentemente, exigindo a adoção de medidas protetivas que afetaram o modo de vida e a economia em escala global. Um dos aspectos mais notáveis é reconhecer que a Covid-19 atacou não somente a saúde humana e as atividades sociais e econômicas; também impactou direta e incisivamente no debate pertinente ao papel do Estado no mundo globalizado, tocando em questões que perpassam o sistema de saúde, a previdência social e a condução de políticas públicas em diversas áreas. A Covid-19 não discriminou ideologias ou formas de governo, entretanto, o tratamento dado à pandemia, inevitavelmente, colocou em questão as diretrizes políticas, o compromisso dos mandatários com a população e o papel do Estado, instigando comparações entre regimes de caráter autoritário e aqueles baseados em modelos democráticos, oportunizando, também, uma aguda crítica ao modelo neoliberal.

Palabras clave: Brasil; Covid-19; pandemia.

Abstract: In the first quarter of 2020, Brazil was hit by the coronavirus pandemic. The likely initial focus of the disease was the wet market in the Chinese city of Wuhan, with records of the epidemic outbreak dating back to December 2019. The causative agent was recognized as a new pathogen belonging to the well-known family of coronaviruses that mainly attacks the system. respiratory tract, causing serious complications. Among the best-known diseases caused by coronaviruses were Severe Acute Respiratory Syndrome (SARS) and Middle East Respiratory Syndrome (MERS), identified, respectively, in 2003 and 2012. The new coronavirus (named SARS-CoV-2) became part of this list, being identified as causing the disease called Covid-19 (CORONA VIRUS Disease 2019) and whose main symptoms are fever, dry cough, tiredness, headache and loss of smell. The pandemic caused by Covid-

¹ **Gilberto de Souza Vianna**, Brasil, Escuela Superior de Guerra (ESG), Doctor en Historia Social por la Universidad Federal de Río de Janeiro (gilberto.vianna@esg.br).

Eduardo Rizzatti Salomão, Brasil, Escuela Superior de Guerra (ESG), Doctor en Historia Social por la Universidad de Brasilia (salomao.edu@gmail.com).

19 had disastrous consequences, given the exponential growth in the number of infected people, since the delay in the manifestation of symptoms and, in many cases, their absence contributed to their rapid spread and, consequently, the high number of deaths, overwhelming the health system of countless countries, and, consequently, requiring the adoption of protective measures that affected the way of life and the economy on a global scale. One of the most notable aspects is recognizing that Covid-19 attacked not only human health and social and economic activities; it also had a direct and incisive impact on the debate regarding the role of the State in the globalized world, touching on issues that permeate the health system, social security and the conduct of public policies in various areas. Covid-19 did not discriminate against ideologies or forms of government, however, the treatment given to the pandemic inevitably called into question political guidelines, the commitment of leaders to the population and the role of the State, instigating comparisons between authoritarian regimes and those based on democratic models, also providing an opportunity for a sharp critique of the neoliberal model.

Key words: Brazil; Covid-19; pandemic.

En el primer trimestre de 2020, Brasil se vio afectado por la pandemia de coronavirus. La pandemia provocada por el COVID-19 tuvo consecuencias desastrosas, con un elevado número de muertos, sobrecargando los sistemas sanitarios de numerosos países y, en consecuencia, exigiendo la adopción de medidas de protección que afectaron al modo de vida y a la economía a escala mundial. Pero uno de los aspectos más notables es reconocer que el COVID-19 atacó no sólo la salud humana y las actividades sociales y económicas, sino que impactó directa e incisivamente en el debate sobre el papel del Estado en el mundo globalizado, tocando temas que permean el sistema de salud, la seguridad social y la conducción de políticas públicas en diversas áreas.

COVID-19 no discriminó entre ideologías o formas de gobierno; sin embargo, el tratamiento dado a la pandemia puso inevitablemente en tela de juicio las directrices políticas, el compromiso de los gobernantes con la población y el papel del Estado, instigando comparaciones entre los regímenes autoritarios y los basados en modelos democráticos, brindando también la oportunidad de criticar duramente el modelo neoliberal.

Ejemplificando este escenario, el gobierno del líder chino Xi Jinping fue blanco de críticas de varios países y formadores de opinión, que lo acusaron de no informar oportunamente sobre la evolución de la epidemia en Wuhan, promoviendo juicios sobre la lógica autoritaria que genera obstáculos a la comunicación. En el mundo occidental destacaron las posturas inicialmente reactivas del primer ministro británico, Boris Johnson, que retrasó la adopción de la medida sanitaria de cuarentena, cuando el brote del coronavirus iba en aumento en Europa.

En Estados Unidos se escucharon las diatribas del presidente Donald Trump sobre el origen de la pandemia y la manifestación de que el brote no sería tan dañino como sugiere la Organización Mundial de la Salud (OMS). Revelando la capacidad de adaptación de Trump, con la vista puesta en la reelección, no tardó en haber un cambio de evaluación.

En Brasil, el presidente Jair Bolsonaro actuó de forma contradictoria en muchos momentos, hasta que adoptó una posición francamente favorable a minimizar el impacto del COVID-19 en la salud humana en favor de la defensa del mantenimiento de la actividad económica, lo que no significó indiferencia ante la necesidad de implementar un programa de asistencia a los más vulnerables, sino que cerró numerosos desencuentros, por decir lo menos.

De todo lo anterior se desprende que el COVID-19 es una enfermedad con consecuencias de gran alcance para las sociedades, que alerta sobre las vulnerabilidades y los posibles problemas futuros en relación con las nuevas pandemias, uno de cuyos efectos es revelar el carácter de los gobernantes. En un mundo interconectado, la actitud de un determinado jefe de gobierno ante la pandemia es aún más relevante para el destino de otros países.

Observando las consecuencias de COVID-19, si la postura autoritaria es preocupante, no lo es menos la posición de los grupos que durante mucho tiempo han tratado de aplicar medidas que relegan el papel del Estado a un segundo plano, denunciando la estructura estatal como obsoleta en favor de políticas centradas en la agenda financiera.

Al relegar el papel del Estado a un segundo plano, los gobiernos favorecieron la pandemia. Este escenario fue propiciado por una serie de políticas sanitarias desastrosas que no se basaron en una planificación estratégica basada en una visión amplia de los problemas derivados de los nuevos retos globales. Cuando se habla del papel del Estado, siguen siendo actuales las nociones de Tomas Hobbes, expresadas en el clásico *Leviatán*: “Quien vaya a gobernar una nación entera debe leer en sí mismo, no a este o aquel hombre en particular, sino a la humanidad”.

Apreciado con una visión contemporánea, el pensamiento de Hobbes muestra que el gobernante no es responsable de actuar para el individuo o para grupos específicos, sino para el conjunto de la sociedad y, atento a la comunidad global – reconociendo los deseos y temores individuales como parte de la balanza que debe guiar las decisiones, para evitar conflictos de todos contra todos –, actuar a favor del pacto para fortalecer la paz y la seguridad internacional. El hecho es que, al ceder parte de la propia libertad a un poder soberano, uno no está libre del mal uso de ese poder, como señala David Runciman en un artículo publicado en *The Guardian*:

Como sabía Hobbes, ejercer el dominio político es tener el poder de vida y muerte sobre los ciudadanos. La única razón por la que podríamos dar a alguien este poder es porque creemos que es el precio que pagamos por nuestra seguridad colectiva. Pero también significa que estamos confiando .decisiones de vida y muerte a personas que no podemos controlar en última instancia

Las reflexiones de Hobbes nos recuerdan que si el gobernante tiene poder sobre sí mismo, debe actuar en nombre de sus súbditos, movilizándolo la estructura estatal para la seguridad colectiva. Y no es otro que el Estado soberano y autónomo el portador de la capacidad de imponerse sobre el vasto escenario que constituye el territorio nacional. En la lucha contra la pandemia de COVID-19, el papel del Estado fue crucial, incluyendo la coordinación de las acciones, el mantenimiento del sistema sanitario, la ayuda de emergencia a los vulnerables y el apoyo a la economía y a los sectores productivos generadores de empleo.

La pandemia provocada por el nuevo coronavirus ofrece la oportunidad de situar al Estado en el centro del debate. La crisis promovida por COVID-19 debe ser reconocida como una oportunidad para discutir el presente y el futuro del Estado Democrático de Derecho y la necesidad de transparencia en la conducción de las políticas públicas. Es urgente incluir, efectivamente, la formulación de una planificación política estratégica eficiente, ya que no se puede tratar un desafío único y aislado, y se debe considerar la duración de las repercusiones de la epidemia y las advertencias sobre la posibilidad del impacto de nuevas amenazas.

La transmisión de enfermedades, que promueve grandes brotes epidémicos, acompaña a la civilización. A lo largo de las generaciones, las enfermedades han actuado para moldear la sociedad y la cultura, revelando la profunda e inseparable relación entre la historia y la biología. Algunas pandemias son más conocidas por ocurrir en sociedades que legaron a la posteridad el registro de estos sucesos, entre ellas la peste negra (peste bubónica) en la Edad Media, que desde el brote de 1348 hasta sus manifestaciones recurrentes que llegaron a la Edad Moderna, llegando con fuerza en 1720, matando a millones de personas, instaló uno de los mayores temores conocidos alguna vez en Europa.

De aparición más reciente, el virus de la inmunodeficiencia humana (VIH) nos recuerda el potencial transformador de una endemia en el ámbito social y económico. Ya controlado, el VIH se encargó de motivar intensas campañas publicitarias a favor de la adopción de nuevas normas sanitarias y la incorporación de hábitos sexuales seguros, algunos en desafío a las convicciones personales y religiosas.

Otra cuestión que destaca es la estrecha relación entre las enfermedades infecciosas, la convivencia entre hombres y animales y el consumo de carne de animales salvajes, que recuerda el contexto de la aparición del nuevo coronavirus y el mercado de Wuhan. Es en esta relación donde se sitúa el origen de numerosas pandemias, como señala Jared Diamond.

Los principales asesinos de la humanidad a lo largo de nuestra historia reciente, la viruela, la gripe, la tuberculosis, el paludismo, la peste bubónica, el sarampión y el cólera, son enfermedades infecciosas que se desarrollaron a partir de enfermedades animales, aunque la mayoría de los

microbios responsables de nuestras propias epidemias están ahora, paradójicamente, casi restringidos a los humanos. Como han sido las mayores asesinas de personas, las enfermedades también han marcado decisivamente la historia. Hasta la Segunda Guerra Mundial, un mayor número de víctimas moría por los microbios que traía la guerra que por las heridas de la batalla. Todas estas historias militares que glorifican a los grandes generales simplifican en exceso la dolorosa verdad: los vencedores de las guerras pasadas no fueron siempre los ejércitos con los mejores generales y las mejores armas, sino casi siempre los que simplemente llevaron los peores gérmenes para transmitirlos a sus enemigos

Entre las enfermedades que ganaron grandes batallas, la gripe española de 1918 es una de las más recordadas hoy en día, dada su similitud, en cuanto a la reacción de la sociedad, con la pandemia de COVID-19. Contemporánea a la Primera Guerra Mundial (1914–1918), la gripe “española” nos hace pensar que las lecciones aprendidas en la lucha contra las pandemias no fueron apropiadas adecuadamente por los gestores de la salud pública (léase, la clase política), ya que muchos de los errores cometidos por los gobiernos que intentaron combatirla en 1918 parecen repetirse en el transcurso de más de un siglo.

La lucha contra las epidemias no es algo nuevo. Entonces, ¿en qué se diferencia la lucha contra la pandemia del COVID-19 de otras epidemias que han afectado al mundo en años anteriores? Hay que reconocer el desconocimiento inicial de las peculiaridades de la enfermedad y, en consecuencia, la elevada tasa de mortalidad debida a la rápida propagación de la misma. Los aspectos clínicos y patológicos del virus COVID-19 no son, sin embargo, los factores que lo sitúan en un lugar tan destacado. La cuestión pasa por preguntarse qué pasa para que nos pille casi impotentes ante esta pandemia. Aunque hay advertencias en la comunidad científica sobre posibles brotes de enfermedades, con impactos globales, e informes de agencias gubernamentales sobre el tema, parece que sufrimos las consecuencias de algo inesperado.

En el país, uno de los factores evidentes que puso de relieve la crisis, preparando el terreno para el aumento de la contaminación, con el consiguiente incremento de la tasa de mortalidad, fue la falta de atención de los gobiernos a las deficiencias que afronta la sanidad pública. Con honrosas excepciones y buenos ejemplos de gestión en la zona, no es posible asumir que la crisis sea una novedad. Las grandes ciudades se enfrentan a graves problemas de larga duración, amplificadas por la corrupción de directivos y empleados. La falta de equipos, medicamentos y profesionales médicos y con una capacidad técnica considerable estuvo presente durante mucho tiempo. La perniciosa mala gestión de la sanidad pública, con constantes acusaciones de fraude en las licitaciones, muestra la crueldad de la indiferencia hacia los más vulnerables.

Si la memoria relativa a las epidemias confirma que la historia y la biología van unidas, la política está en el centro de la cuestión. Toda política que tenga que ver con la vida es biopolítica y la salud pública es un tema central en este debate. El SUS se afirma como un importante instrumento del Estado para promover el bienestar social y mantener la seguridad de la población. Existen excelentes programas gubernamentales, como la distribución de medicamentos para enfermedades crónicas (VIH, diabetes) y las exitosas campañas de prevención del cáncer de mama y de vacunación. Mirando el conjunto, es fácil reconocer que el Estado brasileño no puede prescindir del SUS. Pero es sorprendente que haya sido necesaria una pandemia de proporciones mundiales para demostrar, en Brasil, que la salud es, por excelencia, un tema central de la política.

Hans Christian Andersen, en la fábula “El traje nuevo del rey” (publicada originalmente en 1837), presenta a un falso sastre que vende a un rey vanidoso una prenda invisible. Una prenda así sólo podía ser vista por personas inteligentes, afirmaba el farsante. Seguro de que se rodeaba de idiotas, el rey procedió a ponerse la prenda “invisible”. Los cortesanos alababan las ropas del rey, halagándolo, cuando un niño, embargado por la sinceridad, al ver pasar a su alteza, gritó “¡el rey está desnudo!”, poniendo en evidencia el truco del sastre y la adulación que rodeaba al rey. En 2020, la pandemia expone al Estado desnudo, como el niño sincero de la fábula.

¿Cómo se puede “cubrir” el Estado y el gobernante disipar la ceguera alimentada por los aduladores? La valorización del servicio público, tan atacada por los adeptos a las generalizaciones, forma parte de esta respuesta. Los funcionarios son una parte esencial de los mecanismos del poder organizativo del Estado, en el vasto ámbito en el que la autonomía del Estado es indispensable. No

cabe duda de que la mejora del servicio público debe ser una constante y ello incluye los medios de contratación y la política de evaluación, estabilidad y retribución profesional.

La gestión de la cosa pública por parte de los servidores públicos, imputados en su desempeño, es una potencial vacuna contra el “virus” de la corrupción que afecta al Estado. El discurso contra los servidores públicos, lejos de mejorar el desempeño del Estado, termina favoreciendo intereses que son cualquier cosa menos republicanos, ya que la máquina pública no será protegida de la subdivisión por parte de familiares, amigos y partidarios de los gobernantes.

Cuando se advierte que el Estado está desnudo, se reconoce también que desfila ante ojos insensibles un problema conocido desde hace tiempo: el de la población en situación de vulnerabilidad. Las principales víctimas de COVID-19 son los miles de habitantes de la calle, las personas sin hogar y la población de bajos ingresos. El tema de la ayuda a los más vulnerables y a los más pobres sale a relucir durante el periodo electoral y de vez en cuando gana la atención de los medios de comunicación, motivando medidas asistenciales que no tocan en profundidad las raíces de los males sociales.

El coronavirus expuso el riesgo de colapso del SUS. Una situación ya conocida, en la que la falta de recursos y la ausencia de servidores especializados en determinadas áreas de la salud son recurrentes, surge para sorprender a los gobernantes, como ocurrió en las ciudades de Río de Janeiro y Manaus. El elevado número de infectados y la falta de camas de cuidados intensivos para atender la demanda dispararon la alerta de sobrecarga del sistema. Es revelador que Covid-19 devastó con mayor intensidad la vida de los más vulnerables, los trabajadores domésticos, las personas que se ganan la vida en la informalidad o son víctimas del desempleo.

La mayor vulnerabilidad de los pobres al nuevo coronavirus, el Covid-19, se repetirá trágicamente una vez más. El distanciamiento social como medio para mitigar su propagación tendrá poco efecto en estados densamente poblados y de bajos ingresos. ¿Cómo practican los habitantes de los barrios marginales o de los asentamientos informales lo que se denomina engañosamente distanciamiento social (y no físico)? En el municipio de Alexandria, en Johannesburgo, viven 700.000 personas en millas cuadradas [1 milla equivale aproximadamente a 1,609 kilómetros]; el mismo número de 1,9 personas se hacían en las 0,81 millas cuadradas de Dharavi, en Mumbai; y la Rocinha de Río de Janeiro es tan grande como Dharavi, pero con sólo 200.000 personas. Los jornaleros y las personas que venden productos sencillos o los vendedores del mercado no tienen el lujo de trabajar desde casa. Los habitantes de los barrios marginales tampoco tienen fácil acceso al agua corriente para practicar la higiene recomendada para evitar el contagio.

En muchos países, las políticas de contención de la epidemia y el discurso de sus gobernantes siguieron la lógica del capital, sin que la posibilidad de perder vidas tuviera la misma importancia que la economía. La sugerencia de una “inmunidad de rebaño”, en la que se debería dejar que COVID-19 siguiera su curso, sugiere el deseo de adoptar una política dirigida a una población que se entiende como prescindible, como si se tratara de reeditar medidas inspiradas en el darwinismo social.

El Estado brasileño está plenamente capacitado para responder a las exigencias de la lucha contra la pandemia, ya que el país cuenta con un sistema de salud gratuito con capilaridad en todo el territorio nacional y tiene capacidad para gestionar los recursos para hacer frente al aumento del gasto. El proyecto de ley vendrá, con un aumento de la deuda nacional, teniendo como mérito la apertura de la oportunidad de reunir energías y unir esfuerzos para la conducción de la crisis, propiciando el reequipamiento del SUS mientras se conduce la política económica dirigida a los más vulnerables y otros sectores.

Siguiendo las políticas de inspiración neoliberal, muchos países, incluido Brasil, dejaron de producir suministros y equipos médicos, siguiendo la lógica de que era mucho más barato recurrir a las importaciones. Otra vulnerabilidad es la falta de profesionales sanitarios en ciertas regiones, especialmente de médicos. A pesar de que Brasil tiene la 5ª mayor población médica del mundo, según datos de hace una década, las carencias regionales son graves y se manifiestan en la concentración de profesionales en las regiones Sur y Sudeste. Ante el agravamiento de esta situación, el “Programa Más Médicos”, del gobierno de Dilma Rousseff, buscó superar la escasez de profesionales de la salud en las regiones del interior y menos desarrolladas de Brasil con personal

de otros países, especialmente médicos cubanos. El programa ha sido eficaz, pero ha suscitado sospechas y críticas sobre la verdadera intención de resolver el problema.

Brasil sigue afrontando las consecuencias de la crisis política derivada de los grandes escándalos de corrupción y las detenciones de altos cargos políticos y empresarios nacionales llevadas a cabo a raíz de un cuestionable activismo político de miembros del Ministerio Público y de la Justicia. La confianza de la población en los dirigentes nacionales se ha roto. Los partidos de izquierda fueron demonizados, especialmente el Partido de los Trabajadores (PT) — aunque los partidos de derecha estaban ampliamente involucrados en los escándalos, no atrajeron el odio con la misma intensidad. El castigo afectó a las empresas, actuando todas ellas a favor del desempleo y eliminando el potencial del país para actuar en áreas estratégicas. La importante corrupción es un hecho en el país, pero también es notable que la conversión de su combate en un espectáculo mediático haya sido un motivo mayor de atención.

Haciéndose eco de los tiempos actuales de difusión de *noticias falsas*, surgieron acusaciones infundadas de que el COVID-19 se había producido en un laboratorio. El uso de la desinformación y la mentira nunca ha sido nuevo en la escena política, pero las redes sociales han dado una nueva dimensión al problema. No existe el más mínimo soporte para dar credibilidad a esta acusación, propia de tiempos de desinformación y difusión de teorías conspirativas refrito al ritmo de las redes sociales. Si bien no hay pruebas científicas que respalden que el virus fue fabricado en un laboratorio, esto no impidió que el gigante oriental aprovechara la oportunidad creada con la pandemia. Con una mano de obra abundante y de bajo coste, con unas condiciones impositivas sin parangón, China se ha convertido en un importante parque industrial del mundo globalizado y, durante la epidemia de COVID-19, ha sido el principal proveedor de suministros y equipos médicos del mundo.

¿Qué lugar ocupa Brasil en este escenario? Dependemos de insumos y equipos médicos fabricados en el extranjero. Desde hace años el SUS es objeto de críticas y se proclama su desmantelamiento en beneficio de las empresas sanitarias privadas. La externalización de la gestión de la sanidad pública se ha intensificado en todos los ámbitos, al gusto de una política que defiende la privatización de las empresas públicas y la reducción de las retribuciones de los funcionarios. Como se ha dicho anteriormente, siempre es necesario gestionar con calidad y establecer objetivos y criterios para mejorar el servicio público. El largo tiempo de actuación a favor de los intereses del sector privado, la desvalorización de los trabajadores del SUS y la disminución de las camas disponibles en los hospitales de la red pública favorecieron el avance de la pandemia del COVID-19.

El crecimiento exponencial de la curva de contaminación y de las muertes resultantes del COVID-19 en Brasil se produjo en un momento delicado en cuanto al escenario político y la gestión sanitaria. Los problemas de salud no fueron el resultado de los últimos dos años, pero los enfrentamientos entre el presidente de la República y los gobernadores, las crisis de palacio y las manifestaciones a favor de una ruptura institucional han sedimentado la percepción de que hay algo que no funciona en la conducción de las medidas a favor de la protección de la vida de los brasileños.

Para concluir la presentación, conviene hacer algunas reflexiones finales y provocativas. Antes de las primeras noticias sobre el contagio de COVID-19 en Brasil, circulaba la información sin base científica de que los países con climas cálidos no se verían afectados. Mientras tanto, en Italia se impuso la cuarentena y no tardaron en hacerse públicas las escenas de los camiones militares transportando los cuerpos de las víctimas de COVID-19. Entre los críticos de la adopción del distanciamiento social, destacó el filósofo Giorgio Agamben (2020), quien, en la aplicación de medidas excepcionales, reconoció riesgos para la libertad y las relaciones personales en favor de la satisfacción de la sed de poder del Estado.

Las reflexiones de Agamben parecen estar en sintonía con las falacias de los negacionistas. Las más de 35.000 muertes que se produjeron en Italia en aquella época demostraron que la cuarentena era una medida sanitaria necesaria. En Norteamérica, la ciudad de Nueva York se convirtió en el epicentro de la pandemia y los Estados Unidos alcanzaron millones de infectados y miles de muertos, superando a todos los demás países. ¿Puede el Estado prescindir de la adopción de medidas excepcionales en estos tiempos? Sin menospreciar la especulación filosófica y política

de Agamben, es necesario apreciar que el temor de que el aislamiento social se convierta en un instrumento antidemocrático no puede ignorar que el peor escenario vendrá del debilitamiento de la estructura estatal y la persistencia de la pandemia.

La propagación del brote de COVID-19 se ha valido de la ineptitud e inacción política de quienes dirigen el poder ejecutivo y, al mismo tiempo, aboga por la no adopción de medidas percibidas como impopulares y perjudiciales para la actividad económica. Pero la elección entre vidas y empleos es un discurso vacío. La adopción de la cuarentena fue esencial para contener el crecimiento de la curva infectada y preservar el potencial de recuperación económica.

En Brasil, los desacuerdos entre las esferas federal, estatal y municipal revelaron que los intereses partidistas y las ambiciones personales están por encima del bienestar de la población. La incapacidad para gestionar la crisis provocada por la pandemia contribuyó a situar al país en la condición de epicentro de la difusión de COVID-19. Y todavía tenemos que convivir con el problema de la infradeclaración, que enmascara la realidad y demuestra que la falta de transparencia no es exclusiva de los llamados regímenes autoritarios. Los tiempos actuales son de desencanto, con miles de muertos y la retracción de la economía, con la caída del PIB observada en los últimos siete años y el empobrecimiento de la población.

Este trabajo pretendía estimular el debate sobre el papel del Estado y la conducción de la “gran” política en este momento crucial, destacando la importancia de un Estado fortalecido, soberano y democrático, al abordar un tema que no es pasajero, porque todo indica que los próximos años serán de nuevos desafíos. La política no puede dar la espalda a la historia y a la biología.

Bibliografía

1. Agamben, Giorgio, *Reflexões sobre peste*, Roma, Quodlibet, 2020 [Recurso electrónico]. URL: <https://www.quodlibet.it/giorgio-agamben-riflessioni-sulla-peste> (consultado el 01.08.2020).
2. Delumeau, Jean, *História do medo no ocidente 1300–1800: uma cidade sitiada*, São Paulo, Companhia das Letras, 2009.
3. Diamond, Jared M., *Armas, germes e aço: os destinos das sociedades humanas*, Rio de Janeiro, Record, 2009.
4. Gerbelli, Luiz Guilherme, Em sete anos, PIB per capita cai e brasileiro fica 11 % mais pobre. *Economia G1*, 2 ago. 2020. *Economia* [Recurso electrónico]. URL: <https://g1.globo.com/economia/noticia/2020/08/02/em-sete-anos-pib-per-capita-cai-e-brasileiro-fica-11percent-mais-pobre.ghtml> (consultado el 03.08.2020).
5. Hobbes, Thomas, *Leviathan*, Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
6. Mann, Michael, “El poder autónomo del estado: sus orígenes, mecanismos y resultados”, *Relaciones Internacionales* 5, 2006, p. 11 [Recurso electrónico]. URL: <https://revistas.uam.es/relacionesinternacionales/article/view/4863/5332> (consultado el 01.08.2020).
7. Martino, João Paulo, 1918 — *A gripe espanhola: os dias malditos*, São Paulo, Excalibur, 2017.
8. Global trends 2025: a transformed world. Washington D. C., 2008, *National Intelligence Council* [Recurso electrónico]. URL: www.dni.gov/nic/NIC_2025_project.html (consultado el 31.07.2020).
9. Scheffer, Mário, Aureliano Biancarelli y Alex Cassenote (org.), *Demografia Médica no Brasil: dados gerais e descrições de desigualdades*, São Paulo, Conselho Regional de Medicina do Estado de São Paulo e Conselho Federal de Medicina, 2011. URL: <https://portal.cfm.org.br/images/stories/pdf/demografiamedicanobrasil.pdf> (consultado el 01.08.2020).
10. Ujvari, Stefan Cunham, *Pandemias: a humanidade em risco*, São Paulo, Contexto, 2011.

*Alexis Dantas, Dejan Mihailovich,
Elias Jabbour¹*

ASPECTOS ECONÔMICOS DA COVID-19: A PANDEMIA E O XEQUE-MATE NA RETÓRICA DA AUSTERIDADE — O DINHEIRO NÃO ACABOU

ECONOMIC ASPECTS OF COVID-19: THE PANDEMIC AND CHECKMATE IN THE RHETORIC OF AUSTERITY — THE MONEY DID NOT END

Resumo. Do ponto de vista político, a recessão aprofundada em 2015–2016, entremeada posteriormente por períodos de fraca recuperação do crescimento, “voos de galinha” bem marcados, logo seguidos por novas quedas de PIB, sobretudo da indústria, com efeitos desastrosos para o setor até os dias atuais, acabou tornando-se funcional pela associação (mais do que equivocada, propositalmente encorajada e reforçada pela grande mídia pela propagação de *fake news*, sobretudo no ano eleitoral de 2018) de crise fiscal à corrupção e, por consequência, ao Partido dos Trabalhadores. Mais do que grotesca do ponto de vista da ordem de grandeza entre valores relativos à corrupção desvendada e os valores de receitas e gastos públicos, sua relação exclusivamente a um partido político denotou uma ação deprimente das mídias dominantes.

Palavras chaves: PIB, pandemia, austeridade, dinheiro.

Abstract: From a political point of view, the recession deepened in 2015–2016, later interspersed with periods of weak growth recovery, well-marked “chicken flights”, soon followed by new GDP falls, especially in industry, with disastrous effects for the sector to the present day, it has become functional due to the association (more than mistaken, purposely encouraged and reinforced by the mainstream media by the propagation of fake news, especially in the 2018 election year) of fiscal crisis to corruption and, consequently, to the Party of the workers. More than grotesque from the point of view of the order of magnitude between values related to uncovered corruption and the values of public revenues and expenditures, its relationship exclusively to a political party denoted a depressing action by the dominant media.

Key words: GDP; pandemic; austerity; money.

Introdução

Se buscarmos definir hoje as duas frases mais correntes no que se refere à macroeconomia brasileira no período após o golpe de 2016, certamente seriam “as finanças públicas foram quebradas pelos governos petistas” e, até por consequência, “o dinheiro acabou” — como se a política econômica dos governos do Partido dos Trabalhadores tivessem protagonizado uma espécie de “farras do dinheiro público” para fins escusos. Mais do que representar uma prática política rasteira (que se tornou dominante e altamente aceita e propagada pela grande mídia

¹ **Alexis Dantas**, Professor Associado e Diretor da Faculdade de Ciências Econômicas da Universidade do Estado do Rio de Janeiro (alexis.dantas@gmail.com).

Dejan Mihailovich, Professor Instituto Tecnológico y de Estudios Superiores de Monterrey — Estado de Mexico (dmihailo@tec.mx).

Elias Jabbour, Professor Adjunto Faculdade de Ciências Econômicas da Universidade do Estado do Rio de Janeiro (eliasjabbour@terra.com.br).

brasileira), essa visão de mundo distorcida carrega vícios e erros do tratamento da macroeconomia e da evolução da economia brasileira no período de referência. Como destacamos em artigo anterior sobre o período 2003–2014,

*a chegada de Luís Inácio Lula da Silva à presidência em 2003, após uma vitória eleitoral com larga “ margem em 2002, não trouxe mudanças na condução da política econômica, mantendo o tripé definido após 1999 (câmbio flutuante, metas de inflação e austeridade fiscal) e as regras institucionais então vigentes, com destaque para uma atuação independente do Banco Central na condução da política monetária e a Lei de Responsabilidade Fiscal. Na verdade, o quadro já tinha sido definido desde antes da eleição de 2002. A viabilidade crescente de câmbio de poder político, com a iminente vitória de Lula, criou um cenário de incerteza e instabilidade, principalmente pela atuação fortemente especulativa dos agentes financeiros. Desta forma, Lula garante em carta aberta (a assim chamada Carta ao Povo Brasileiro)“(a manutenção da estabilidade institucional e da política econômica [...] “[tendo havido] efetiva manutenção do compromisso assumido, incluindo o primeiro mandato presidencial de Dilma Rousseff iniciado em 2010 [...] **o resultado primário do setor público foi mantido em superávit ao longo de todo o período, com redução apenas nos anos em que houve .”redução no ritmo de crescimento da atividade econômica, como em 2009 e 2014***

Mesmo com a posterior correção do resultado de 2014, apontando um pequeno déficit primário, o comportamento das finanças públicas ao longo dos governos efetivos do Partido dos Trabalhadores foi claramente estável na manutenção de superávits primários, como é possível observar no gráfico 1 — apenas invertida após o início das medidas de austeridade no turbulento ano de 2015, marcado pelo bloqueio do congresso a todas as medidas enviadas pelo governo, além da multiplicação das chamadas “pautas bombas” estimuladas e conduzidas pelo então presidente da Câmara de Deputados, Eduardo Cunha, até a aceitação de um pedido de *impeachment* ao final do ano. A partir daí, a opção pela austeridade torna-se a tônica e, com ela, contraditoriamente, a aceleração dos déficits primários do governo no Brasil.

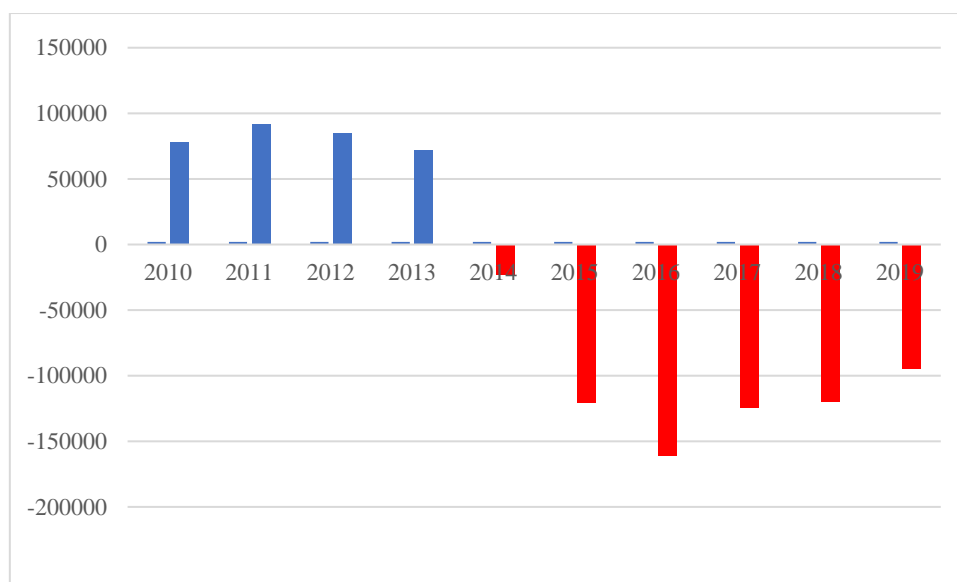

Gráfico 1. Resultado Primário do Governo — Brasil, R\$ Bilhões, 2010–2019
Fonte: Secretaria do Tesouro Nacional — Brasil

A opção pelas políticas de austeridade que marcam a economia brasileira desde então, enrijecida ainda mais com a Emenda Constitucional nº 95, de 15 de dezembro de 2016 (conhecida como *teto de gastos*) e com a chamada *regra de ouro*², determinou uma brutal redução na

² Com essa regra do Orçamento, incluída na Constituição Federal, o governo é proibido de contrair novas dívidas no sentido de dar conta de despesas correntes (salários, aposentadoria, contas de serviços de utilidade pública etc.) e, se

arrecadação do governo e consequente aumento dos déficits primários, mesmo em um ambiente de profundos cortes de gastos correntes e investimentos públicos – quanto maior o nível de cortes, maior a recessão e aprofundamento da queda das receitas do governo. Economistas de várias instituições, em manifesto publicado em 2014, já alertavam para o erro e as consequências da adoção de medidas restritivas ao gasto público em um momento de reversão da trajetória de crescimento do PIB que já se apontava em 2014³:

Subscrevemos que este tipo de austeridade é inócuo para retomar o crescimento e para combater a “inflação em uma economia que sofre a ameaça de recessão prolongada e não a expectativa de sobreaquecimento. O reforço da austeridade fiscal e monetária deprimiria o consumo das famílias e os investimentos privados, levando a um círculo vicioso de desaceleração ou mesmo queda na arrecadação tributária, menor crescimento econômico e maior carga da dívida pública líquida na renda nacional. Entendemos que é fundamental preservar a estabilidade da moeda. Também somos favoráveis à máxima eficiência e ao mínimo desperdício no trato de recursos tributários: este tipo de austeridade, sim, denota espírito público e será sempre desejável. Rejeitamos, porém, o discurso dos porta-vozes do mercado financeiro que chama de “inflacionário” o gasto social e o investimento público em qualquer fase do ciclo econômico [...] A austeridade agravou a recessão, o desemprego, a desigualdade e o problema fiscal nos países desenvolvidos mesmo tendo sido acompanhada por juros reais baixíssimos e desvalorização cambial. No Brasil, a apreciação cambial estimulada por juros reais altos aumenta o risco de recessão, ao acentuar a avalanche de importações que contribui para nosso baixo crescimento

Do ponto de vista político, a recessão aprofundada em 2015–2016, entremeada posteriormente por períodos de fraca recuperação do crescimento, “voos de galinha” bem marcados, logo seguidos por novas quedas de PIB, sobretudo da indústria, com efeitos desastrosos para o setor até os dias atuais, acabou tornando-se funcional pela associação (mais do que equivocada, propositalmente encorajada e reforçada pela grande mídia pela propagação de *fake news*, sobretudo no ano eleitoral de 2018) de crise fiscal à corrupção e, por consequência, ao Partido dos Trabalhadores. Mais do que grotesca do ponto de vista da ordem de grandeza entre valores relativos à corrupção desvendada e os valores de receitas e gastos públicos, sua relação exclusivamente a um partido político denotou uma ação deprimente das mídias dominantes⁴.

Um dos principais resultados, nesse contexto, foi a predominância da ideia de que “o dinheiro acabou” e, portanto, os cortes dos gastos públicos seriam inevitáveis, justificando assim a redução nos investimentos em educação, saúde, segurança etc., argumento repetido exaustivamente pela grande mídia e por suas fontes principais, economistas ligados ao sistema financeiro⁵.

Esse mito do fim do dinheiro foi definitivamente colocado em xeque com o aprofundamento das consequências econômicas da pandemia em todo o mundo. Importante lembrar, todavia, que a questão dos limites da visão ortodoxa quanto à austeridade já vinham sendo confrontada há algum tempo por economistas heterodoxos, principalmente a partir dos elementos levantados pela Teoria Monetária Moderna (MMT na sigla em inglês, como é conhecida) e, mais recentemente, pela adesão de ícones da ortodoxia liberal ao tema, como André Lara Rezende (em especial a partir de

a regra for descumprida, tanto os gestores quanto o próprio presidente da República podem ser enquadrados em crime de responsabilidade.

³ “Manifesto de economistas se opõe à austeridade e diz que Brasil rejeitou o retrocesso”. 07.11.2014, *Economia* [Recurso eletrônico]. URL: <https://economia.uol.com.br/noticias/infomoney/2014/11/07/manifesto-de-economistas-se-opoe-a-austeridade-e-diz-que-brasil-rejeitou-o-retrocesso.htm> (consultou o 09.06.2020).

⁴ Importante ressaltar que, mesmo com todo esse quadro negativo à imagem do Partido dos Trabalhadores, enquanto esteve candidato à presidência em 2018, Luís Inácio Lula da Silva aparecia na primeira colocação das pesquisas e com chances reais de vitória em primeiro turno.

⁵ Elias Marco Khalil Jabbour e Aléxis Toribio Dantas, “Era uma vez uma nação? Entre o fanatismo, a utopia e o “contração fiscal expansionista”, *Princípios (São Paulo)* 1, 2018, p. 32.

2019), com a publicação de artigos no jornal “Valor Econômico” — mesmo o autor recusando filiação ao MMT, sua análise em muito se aproximou aos seus fundamentos⁶.

Pandemia, isolamento, crise sanitária e econômica — o papel das políticas públicas

As estimativas do FMI para o ano corrente e o próximo são bastante pessimistas. Os EUA podem ter crescimento negativo do PIB acima de 5 % (em 2021 poderá alcançar 1,2 % de crescimento). A Alemanha, 4,2 % negativos para 2020 e 4,9 % positivos em 2021. A Coreia do Sul, 0,3 % positivos para este ano. O Brasil regressará, de acordo com a instituição, cerca de 5 % (as previsões do Banco Mundial são ainda mais dramáticas: queda de 8 %, aliás mais próximas da nossa atual realidade) com a desvantagem da pauta das reformas liberais não ter saído de circulação.

Nesse cenário, a adoção de medidas de estímulo à atividade econômica e, sobretudo, de proteção das pessoas e das empresas, além da elevação necessária nos investimentos na área da saúde em decorrência das novas demandas oriundas da situação de crise sanitária, torna-se crucial e muito clara. Como destacam Conceição, D. E Dalto, F.⁷:

diante dos fatos, tornou-se impossível interpretar o colapso econômico como fruto de um choque “de produtividade. Empresas começaram a fechar suas portas e a demitir trabalhadores não porque precisaram eliminar os riscos de contágio aos seus trabalhadores. Afinal, não é impossível manter a produção de bens e serviços durante a pandemia, mas é impossível fazê-lo quando as vendas desaparecem. Tanto é que continuam operando justamente as empresas de setores onde as vendas foram mantidas, como restaurantes com serviço de entrega, supermercados, farmácias, hospitais, seus fornecedores etc. [...] Todas as empresas que deixam de vender o que produzem passam a ter dificuldades para efetuar suas despesas — reduzem as encomendas aos seus fornecedores, diminuem jornadas de trabalho, cortam comissões, deixam de pagar contas, deixam de pagar aos seus credores, e demitem funcionários. Cria-se então uma bola de neve contracionista onde cada empresa em dificuldades que reduz os seus gastos diminui as oportunidades de vendas de outras empresas, que por sua vez reduzem o seu gasto e assim em diante. Com a queda na demanda privada cai também a .”atividade produtiva (afinal, não faz sentido continuar produzindo o que não pode ser vendido)

A rejeição desse papel fundamental das políticas públicas e os gastos e investimentos necessários para a superação do quadro, induz, indubitavelmente, a uma situação de grande depressão econômica e descontrole da evolução da pandemia, um verdadeiro caos econômico e social. Praticamente todos os países afetados pela pandemia adotaram políticas abrangentes de renda mínima para as pessoas, inicialmente em caráter emergencial, provavelmente com uma perenidade potencial para o médio e longo prazos. Além disso, implementam medidas de garantia de crédito subsidiado e de rápida definição para as empresas, sobretudo micro, pequenas e médias empresas. Outra medida essencial é o pagamento, pelo governo, de parte importante dos salários (estima-se 80 % uma projeção razoável nesse sentido) para evitar a falência de empresas e, consequentemente, a frear o crescimento das taxas de desemprego.

Ao mesmo tempo, medidas de cunho monetário são fundamentais para garantir liquidez e estabilidade ao sistema financeiro, sobretudo a flexibilização financeira (*quantitative easing*) e a garantia de pagamentos de títulos de agentes econômicos inadimplentes pela brutal e repentina queda de receitas — principalmente empresas, garantindo solvência aos bancos e reduzindo os casos de necessidade de acordos judiciais e falências.

⁶ Ver a esse respeito, por exemplo: André Lara Resende: Quem vai pagar essa conta? *Valor* [Recurso eletrônico]. URL: <https://valor.globo.com/eu-e/noticia/2020/04/24/andre-lara-resende-quem-vai-pagar-essa-conta.ghtml> (consultou o 09.06.2020).

⁷ Daniel Negreiros Conceição y Fabiano Dalto, “Covid-19: a pandemia ensina ao mundo a verdade sobre o gasto público”, *Brasil Debate* [Recurso eletrônico]. URL: <http://brasildebate.com.br/covid-19-a-pandemia-ensina-ao-mundo-a-verdade-sobre-o-gasto-publico/> (consultou o 08.06.2020).

Essas medidas foram tomadas com grande rapidez pelos países, de uma maneira geral, e o caso da China aparece como emblemático, não só para evitar o colapso econômico previsível pela paralisação das atividades produtivas e comerciais, como pelo seu efeito na quase pronta recuperação da economia após o controle da epidemia. O quadro 1 apresenta as principais medidas assumidas por países selecionados, todos na mesma direção, embora com ênfases distintas.

Quadro 1. Medidas Monetárias e Fiscais Para Pandemia COVID-19 — Países Selecionados

Estados Unidos	1) taxas de fundos federais levadas ao intervalo entre 0–0,25 %, juntamente com US\$ 700 bilhões em compras de ativos, ou flexibilização quantitativa; 2) trilhões de dólares em acordos de recompra inundaram os mercados com dinheiro; 3) pacote de estímulo de US\$ 2 trilhões, incluindo um fundo de US\$ 500 bilhões para ajudar indústrias afetadas com empréstimos e uma quantia comparável para pagamentos diretos de até US\$ 3 mil a milhões de famílias norte-americanas
Alemanha	1) pacote de até 750 bilhões de euros — 100 bilhões de euros para um fundo de estabilidade econômica que pode assumir participações diretas em empresas, 100 bilhões de euros em crédito ao banco público de desenvolvimento para empréstimos a empresas em dificuldades; 2) o fundo de estabilidade oferecerá 400 bilhões de euros em garantias de empréstimos para garantir dívidas corporativas
França	1) US\$ 45 bilhões em euros em medidas de crise para auxiliar empresas e trabalhadores em 17 de março; 2) garantia de até 300 bilhões de euros em empréstimos corporativos de bancos comerciais
Itália	decreto de emergência no valor de 25 bilhões de euros que suspende o pagamento de empréstimos e hipotecas para empresas e famílias e amplia os fundos para auxiliar empresas a pagarem trabalhadores demitidos temporariamente
Espanha	pacote de 200 bilhões de euros foi anunciado; metade das medidas de assistência econômica são garantias de crédito para empresas e o restante inclui empréstimos e auxílios a pessoas vulneráveis
Reino Unido	1) redução dos juros bancários a um nível recorde de 0,10 %; 2) compras de títulos de 200 bilhões de libras; 3) 330 bilhões de libras em garantias de empréstimos para empresas; 4) pagamento de até 80 % das despesas com salários se os funcionários forem colocados em licença, até um máximo de 2.500 libras (2.930 dólares) cada por mês — se as empresas os mantiverem; 5) permissão às empresas para reter temporariamente 30 bilhões de libras (US\$ 35 bilhões) de imposto sobre valor agregado (IVA)
Canadá	1) redução da taxa de juros overnight para 0,75 %; 2) financiamento de liquidez; 3) 55 bilhões de dólares canadenses em diferimentos de impostos para empresas e famílias; 4) 27 bilhões de dólares canadenses para trabalhadores e famílias de baixa renda em auxílios
Japão	1) compra de fundos negociados em bolsa e outros ativos de risco; 2) novo programa de concessão de empréstimos a taxa zero por um ano a instituições financeiras; 3) gastos extras de 430,8 bilhões de ienes (US\$ 4,1 bilhões), destinados principalmente a auxiliar as pequenas e médias empresas afetadas
Austrália	1) redução da taxa juros para 0,25 %; 2) flexibilização quantitativa; 3) financiamento de 90 bilhões de dólares australianos (US\$ 53,3 bilhões) para bancos a uma taxa fixa de 0,25 %; 4) 715 milhões de dólares australianos, para companhias aéreas; 5) 66,1 bilhões de dólares australianos em assistência a empresas e pagamentos adicionais de assistência social; um pacote de 17,6 bilhões de dólares australianos em subsídios para aprendizes, pequenas empresas, pensionistas e outros
Coreia do Sul	1) redução da taxa de juros para 0,75 %; 2) orçamento suplementar de 11,7 trilhões de won; 3) 50 trilhões de won em financiamento de emergência para pequenas empresas; 4) maior afrouxamento às principais regras de fluxo de capital

Fonte: Veja medidas políticas e econômicas de países em resposta à pandemia, *Agência Brasil* [Recurso eletrônico]. URL: <https://agenciabrasil.ebc.com.br/internacional/noticia/2020-03/veja-medidas-politicas-e-economicas-de-paises-em-resposta-pandemia> (consultou o 09.06.2020).

A resposta chinesa

Tudo indica que a China deverá ser o carro-chefe da recuperação econômica mundial, com previsão de crescimento de 1,2 % este ano e 9,2 % já em 2021. A questão a ser respondida: como está sendo delineada a receita chinesa?

A resposta não é simples e convém retornarmos a dois fatos históricos. O primeiro relacionado com o surgimento — no pós-1945 — de economias capitalistas reguladas e com instrumentos muito eficazes de “socialização do investimento” em concorrência feroz com a União Soviética que em 1917 inaugurou a era de um tipo de economia onde a socialização dos meios de produção possibilitou a eficaz planificação e transformou o país em uma potência industrial, militar e tecnológica em apenas 40 anos.

Poucos atestam ao fato que existia algo em comum nos dois lados da “cortina de ferro”: em ambos os casos o ser humano influenciava de forma consciente o processo de acumulação. No capitalismo, via utilização do Princípio da Demanda Efetiva e no socialismo com a planificação central. Ignacio Rangel em 1959 chamava essas economias de — sobretudo a soviética, mas também as capitalistas centrais — “Economias do Projeto”.

O segundo fato é relacionado com o advento da financeirização no centro do sistema capitalista levando ao desmonte de muitas instituições keynesianas, o surgimento da Zona do Euro impondo regras fiscais draconianas às economias que aderissem a esta união monetária e o final das primeiras experiências socialistas. Assim deixou de existir a perspectiva de economias movidas por grandes projetos e voltadas a criação de ambientes propícios a políticas de pleno emprego e de bem-estar social.

A contrarrevolução monetarista também levou consigo incipientes experiências de economias de projeto, como a brasileira. Nos Estados Unidos um “keynesianismo militarizado” e o uso e abuso de políticas voltadas ao lado da oferta fez explodir a desigualdade social nos últimos 40 anos. Mesmo antigos “tigres asiáticos”, de forma menos agressiva, como a Coreia do Sul caiu na armadilha da financeirização.

Por outro lado, o que ocorreu na China neste mesmo período de tempo? A China organizou seu território para receber milhares de empresas estadunidenses, europeias e japonesas que buscavam menores custos de produção e acesso a um mercado potencial. Impôs suas próprias regras neste jogo obrigando empresas estrangeiras a se associarem com empresas locais transferindo tecnologia e know-how administrativo. Montou uma máquina de consumir, produzir e exportar. Copiou seus vizinhos coreanos e japoneses e tratou de subir degrau a degrau na escada de densidade tecnológica que foi ficando clara na evolução de suas exportações.

Ondas de inovações institucionais foram dotando o Estado de cada vez maior capacidade de intervenção na economia ao mesmo tempo em que formou um grande setor privado capaz de absorver mão-de-obra sobrando do campo e das estatais que foram sendo reformadas. A reforma do setor estatal da economia levou a um duro processo cujo final foi a transformação de milhares de empresas ineficientes em quase uma centena de grandes corporações fincadas nos setores estratégicos da economia.

Um setor financeiro estatal, de longo prazo e altamente capilarizado, foi formado de modo a tornar-se a muralha de aço de uma nova formação econômico-social que foi ganhando forma desde 1978. A conta de capitais do país foi fechada, blindando a política monetária do país dos dissabores das crises externas. A taxa de câmbio maxidesvalorizada é a marca de um sistema caracterizado pelo comércio exterior transformado em bem público, planejado e de Estado.

Na verdade, observando com a sorte da perspectiva histórica, a capacidade de duas mega instituições (o Estado socialista e o Partido Comunista) em empreender inovações institucionais que antecipavam a solução de óbices “na frente” fez elevar a capacidade do Estado em intervir na economia e no território de forma cada vez mais rápida e eficiente. Um “ensaio geral” desta capacidade compreendeu um grande programa lançado em 1999 voltado ao desenvolvimento do oeste do país. Já a grande intervenção observada na resposta chinesa à crise de 2008, com o lançamento de um pacote fiscal de US\$ 600 bilhões, já nos mostrou que um novo tipo de economia

estava surgindo na China. Em homenagem a Ignacio Rangel nomeamos esta economia de “Nova Economia do Projeto”⁸.

Não é de espantar que uma economia, dotada de todos os mecanismos institucionais necessários para enfrentar situações de emergência como esta, seja não somente a primeira a sair da crise, mas também voltar a apresentar rapidamente robustos resultados econômicos. Esta “Nova Economia do Projeto” é um arquétipo perfeito de uma “economia de prontidão”. Esta economia só o é por ser provida de capacidades estatais construídas ao longo das últimas décadas: soberania monetária exercida por grandes bancos públicos, ampla base de oferta sob o controle de conglomerados estatais, grandes reservas cambiais, um Estado capaz de se antecipar e prover soluções rápidas e se mover em torno de grandes projetos e sepultar o fantasma que assombra as economias ocidentais: a incerteza keynesiana. É o oposto de economias financeirizadas e/ou sem moeda soberana (por exemplo, Itália, Portugal e Grécia).

A letargia ultraliberal do governo brasileiro

A lenta resposta brasileira pareceu tomar um rumo semelhante ao assumido pelos demais países no início da fase mais crítica da pandemia no país. Mesmo aqueles historicamente mais avessos a medidas de estímulo fiscal agiram prontamente. Uma resposta imediata foi a demanda de diversos setores de nossa sociedade, abrangendo desde os economistas heterodoxos até vários conhecidos representantes da ortodoxia econômica, como André Lara Rezende e os ex-presidentes do Banco Central do Brasil Henrique Meireles e Armínio Fraga, entre outros tantos que tangenciaram a necessidade dos gastos públicos – praticamente nenhum em oposição firme aos esforços emergenciais. Conceição, D. E Dalto, F. vão no ponto:

“para um economista como o ministro Paulo Guedes, formado em Chicago, aceitar o diagnóstico Keynesiano da crise econômica que assola o país em meio à pandemia do coronavírus deve ter sido inicialmente desconfortável. Diante dos fatos, tornou-se impossível interpretar o colapso econômico como fruto de um choque de produtividade [...] Felizmente, ouvimos do ministro Guedes a mais cristalina admissão de que não existe qualquer motivo, além da disfuncionalidade das nossas regras fiscais, para que o governo não realize o gasto líquido necessário para que o nosso sistema de saúde enfrente a pandemia em curso e para que se evite a depressão econômica. A mesma boca que sempre decretou a quase falência do Estado brasileiro ocasionada pela suposta ganância de governos anteriores, admitiu em rede nacional que o acionamento de um dispositivo legal (o decreto de estado de calamidade pública) foi suficiente para que o governo criasse ‘o espaço fiscal’ para lidar com a pandemia e a com a crise depressiva [...] Ao demonstrar que são as restrições legais determinadas por políticos e não a falta de fontes de financiamento que impedem o governo de gastar o suficiente para que a economia tenha seu desempenho ideal, Guedes destruiu completamente as justificativas para suas propostas de reformas de contenção de gastos e combate ao endividamento público. Se é possível gastar mais agora para combater a depressão, certamente já era possível gastar mais para conter a recessão e para promover o desenvolvimento econômico e social do nosso país. A verdade é que a dívida do governo brasileiro denominada em reais não é nem nunca foi insustentável. O que havia, e continua havendo, são regras fiscais disfuncionais (meta de resultado primário pouco flexível, congelamento dos gastos primários reais, e restrição sobre a suplementação de créditos ao governo central), e uma obsessão pouco saudável de governantes e comentaristas com o equilíbrio fiscal, que impedem que o Estado brasileiro utilize suas ferramentas fiscais em busca da saúde macroeconômica e que gaste o necessário para que se ofereçam bens e serviços públicos de qualidade.” e em quantidade suficiente

Essa flexibilização do discurso “o dinheiro acabou” (que foi elevado à potência máxima por Paulo Guedes) permitiu o anúncio de um pacote de estímulos emergenciais e garantia de renda mínima ainda em março desse ano – embora, em verdade, por forte pressão social e do Congresso Nacional. O pacote incluiu ações que somavam cerca de R\$ 147,3 bilhões para o combate da

⁸ Elias Marco Khalil Jabbour, Alexis Toríbio Dantas e Carlos José Espíndola, “Considerações iniciais sobre a -Nova Economia do Projeto”, *Geosul* 35, 2020.

pandemia e seus efeitos para a economia brasileira, além de disponibilidade de R\$ 1,216 trilhão para os bancos brasileiros para a garantia de liquidez do sistema financeiro.

A principais medidas anunciadas foram⁹:

- (a) antecipação da segunda parcela do décimo terceiro do INSS de dezembro para maio;
- (b) antecipação do abono salarial para junho;
- (c) isenção de três meses das contribuições dos empresários para o FGTS e da parte da União no Simples Nacional;
- (d) redução pela metade das contribuições para o Sistema S;
- (e) transferência de R\$ 4,5 bilhões do fundo do DPVAT para o Sistema Único de Saúde (SUS);
- (f) redução a zero as alíquotas de importação para produtos de uso médico-hospitalar até o fim do ano e desoneração temporária IPI para bens importados e bens produzidos internamente para o combate à pandemia.

Além disso foi aprovada a renda mínima emergencial de R\$ 600,00¹⁰ (*coronavoucher* ou *coronavale*), por três meses, para brasileiros maiores de 18 anos, sem emprego formal ou outras fontes que não o bolsa família. O benefício incluiu ainda os que exerciam atividade de microempreendedor individual (MEI), além de contribuintes individuais ou facultativos do Regime Geral de Previdência Social (RGPS) e, finalmente, os trabalhadores informais inscritos no Cadastro Único para Programas Sociais do Governo Federal (CadÚnico)¹¹.

Passados três meses do anúncio das principais medidas de garantia de renda mínima, sustentação dos empregos e recuperação econômica tendo como base a expansão dos gastos públicos, no entanto, a questão praticamente sumiu da grande mídia (e mesmo dos economistas ortodoxos citados anteriormente que haviam flexibilizado a questão) e, mais uma vez, volta a predominar os apelos que, de uma maneira geral, levam à sugestão de que não há dinheiro para sustentar os incentivos por mais tempo. Como num passe de mágica, a tal admissão de falta de motivo além da disfuncionalidade de regras fiscais muito específicas (verdadeiras jabuticabas da política econômica brasileira) para o governo não desembolsar o gasto líquido necessário ao enfrentamento da pandemia e para evitar a depressão econômica, simplesmente desaparece. Voltam a predominar o discurso da (inacreditável) ameaça inflacionária e, com destaque, a necessidade de continuação das reformas liberalizantes para buscar o crescimento. Parece (e é) um pesadelo sem fim. Desemprego, depressão econômica e descontrole pleno do avanço da pandemia, seus contágios e mortes, são nosso presente e futuro próximo.

Uma leitura do “grande quadro” histórico, político e institucional da China é suficiente para que se entenda as razões dela vir a crescer 9,2 % em 2021. Agora vire tudo ao contrário e encontraremos as razões do Brasil continuar a namorar com o óbito econômico. Com a morte este governo atual não está namorando. Ele já é cúmplice. Casado com a negação da vida.

Bibliografia

1. Jabbour, Elias Marco Khalil e Toríbio Dantas Dantas, “Era uma vez uma nação? Entre o fanatismo, a utopia e o “contração fiscal expansionista”, *Princípios (São Paulo)* 1, 2018, p. 32–35.
2. Jabbour, Elias Khalil, Alexis Toríbio Dantas e Carlos José Espíndola, “Considerações iniciais sobre a - Nova Economia do Projeto”, *Geosul* 35, 2020, p. 17–42.

⁹ Veja medidas políticas e econômicas de países em resposta à pandemia, *Agência Brasil* [Recurso eletrônico]. URL: <https://agenciabrasil.ebc.com.br/economia/noticia/2020-03/guedes-anuncia-R147bi-em-medidas-emergenciais-contracoronavirus> (consultou o 09.06.2020).

¹⁰ Inicialmente, o governo propôs apenas R\$ 200,00, mas o valor foi elevado por pressão dos partidos de oposição no Congresso Nacional para e R\$ 500,00 e o governo definiu, finalmente, o valor de R\$ 600,00 no reenvio da medida à casa legislativa.

¹¹ Câmara aprova auxílio de R\$ 600 por mês para trabalhador informal, *Agência Brasil* [Recurso eletrônico]. URL: <https://agenciabrasil.ebc.com.br/politica/noticia/2020-03/camara-aprova-auxilio-r-600-por-mes-para-trabalhador-informal> (consultou o 09.06.2020).

3. Veja medidas políticas e econômicas de países em resposta à pandemia, *Agência Brasil* [Recurso eletrônico]. URL: <https://agenciabrasil.ebc.com.br/economia/noticia/2020-03/guedes-anuncia-R147bi-em-medidas-emergenciais-contracoronavirus> (consultou o 09.06.2020).
4. Câmara aprova auxílio de R\$ 600 por mês para trabalhador informal, *Agência Brasil* [Recurso eletrônico]. URL: <https://agenciabrasil.ebc.com.br/politica/noticia/2020-03/camara-aprova-auxilio-r-600-por-mes-para-trabalhador-informal> (consultou o 09.06.2020).

André Luis Toribio Dantas¹

CULTURA E TRABALHO — A EDUCAÇÃO EM TEMPOS DE PANDEMIA

CULTURE AND WORK — EDUCATION IN TIMES OF PANDEMIC

Resumen: A presente comunicação propõe discutir as alterações na cultura do Trabalho como princípio educativo, instrumento de formação para a vida e fonte de conhecimento, resultantes da pandemia do Coronavírus, bem como a crise social, resultantes do contexto nacional e internacional. A Educação Politécnica visa à preparação do cidadão e a formação humana em todas as suas dimensões: físico, mental, intelectual, afetivo, estético, político e prático, combinando estudo e imaginário de trabalho humanizado para as crianças e jovens da do Ensino Fundamental (1º ao 9º ano) e da Educação de Jovens e Adultos. As transformações exigidas pelos trabalhos home office, por via remota /on line, alteraram as formas tradicionais de educação seguida até 2019. Essas dificuldades poderão se transformar no Novo Normal. Esta comunicação pretende oferecer condições para debates sobre o desenvolvimento de novas abordagens e teorias, revisitando especialistas em educação, saúde e políticas públicas

Palavras chaves: Cultura, Trabalho Educação pandemia.

Abstract: This communication proposes to discuss the changes in the Work culture as an educational principle, a training instrument for life and a source of knowledge, resulting from the Coronavirus pandemic, as well as the social crisis, resulting from the national and international context. Polytechnic Education aims to prepare citizens and humane education in all its dimensions: physical, mental, intellectual, affective, aesthetic, political and practical, combining study and imagery of humanized work for children and young people in elementary school (1st to 9th grade) and Youth and Adult Education. The transformations required by home office jobs, remotely/online, changed the traditional forms of education followed until 2019. These difficulties could become the New Normal. This communication intends to offer conditions for debates on the development of new approaches and theories, revisiting specialists in education, health.

Key words: Culture; Labor Education pandemic.

A pandemia provocada pelo novo corona vírus — COVID-19 — que assola o Rio de Janeiro cria um debate ideológico sobre o isolamento social generalizado. A OMS — Organização Mundial da Saúde enfatiza que o foco é a proteção da saúde da população.

Alguns segmentos da sociedade legitimam autoridades da educação escolar que impõem o oferecimento da educação remota. A Secretaria de Educação — SEDUC — exerce pressão sobre o professorado para o seu oferecimento. O Ministério Público, por sua vez, recomenda que a SEEDUC-RJ suspenda as atividades não presenciais por meio de qualquer plataforma educacional.

O oferecimento de educação a distância por qualquer meio digital não é coisa simples ou fácil. As autoridades que optam por seu oferecimento agem açodadamente, fetichizadas pelo potencial das novas tecnologias e de forma autoritária querendo salvar as próprias peles como se o sinal de Internet fosse gratuito, universal e de qualidade igual para aproximadamente 250 mil estudantes e 40 mil professores.

¹ André Luis Toribio Dantas, Brasil, Professor, Doutor, FAETEC/NUCLEAS/UERJ.

Parecem desconhecer ou fazem vistas grossas à realidade socioeconômica de discentes e docentes que, em grande parte, somente têm acesso por meio de telefones pré-pagos e, portanto, com tempo limitado e caro. Também parecem desconhecer que as operadoras mais populares têm péssima cobertura, muitas áreas de sombras, e sinais de pequeno alcance.

Existem regiões no Rio de Janeiro desprovidas de luz elétrica de qualidade durante as vinte e quatro horas do dia, há locais onde os geradores a diesel são desligados às 22 horas e outros onde os lâmpões e lamparinas ainda são indispensáveis. A grande quantidade de usuários de Internet que habita estes lugares tem acesso precário, sinais fracos e total incapacidade de usar os recursos disponíveis de streaming, por exemplo. Há ainda quem tenha de subir em árvores para obter melhores sinais.

Estamos ainda muito distantes da democratização do sinal de Internet, mas não apenas dele. Também continuamos carentes de boas e eficientes redes de manutenção de PCs, computadores portáteis e telefones inteligentes. Não são todos os usuários que acessam esta rede que têm dinheiro suficiente para pagar os serviços técnicos indispensáveis.

Receber o sinal de Internet nos bairros de Botafogo, Lagoa, Jardim Botânico, Humaitá ou Barra da Tijuca é uma coisa que chega a ser prazerosa; outra, de natureza bem diferente, é recebê-lo na Rocinha, Complexo do Alemão, Rio das Pedras, Cambuci ou Maria da Graça. Muitos estudantes destes lugares, inclusive, somente usam os telefones celulares de seus pais quando eles permitem e mesmo assim com tempo contado.

O ciberespaço está longe de conhecer a igualdade social, ele reproduz com integralidade a mesma divisão de classe da sociedade capitalista. As classes populares sofrem nele as mesmas agruras do mundo real. Os mais ricos se deliciam e se enriquecem mais e mais com os avanços científico-tecnológicos e a subordinação deles como rápidas e eficientes forças de produção.

Por esta razão, a determinação de oferecer educação a distância para o alunado do Estado do Rio de Janeiro é desprovida de empatia e alteridade, ao mesmo tempo em que contribui para aprofundar as desigualdades sociais existentes. Não vem acompanhada de políticas garantidoras da igualdade de acesso para os estudantes fluminenses. Os mais abonados e remediados poderão acessar a plataforma onde se encontram os textos, vídeos, bibliotecas online etc. nos seus próprios tempos, os mais vulneráveis que se virem. O princípio da universalidade, o fundamento da democracia social vem sendo atropelado.

O pragmatismo que a impregna a determinação da SEEDUC-RJ se preocupa com os fins, sem observar a iniquidade e imoralidade dos meios que usa para satisfazer parte da sociedade e obter bons dividendos políticos, já que o calendário eleitoral de 2020 ainda está em curso. Na equação político-eleitoreira com a qual opera, dar uma satisfação social, ainda que promova mais desigualdade educacional, é melhor do que nada e passa a ser uma poderosa promessa de campanha eleitoral.

Este Projeto de Educação Remota do Governo do Estado do Rio de Janeiro enquanto Política Pública de Educação vem sendo construído de forma focada com os interesses dos grandes Fundos de Investimentos da Bolsa de Valores desde o Governo Pezão, com a gerência tecnocrata do Ex-Secretário de Educação Wagner Victor.

Há cinco anos estamos acompanhando as diminuições de turmas, fechamentos de Escolas Públicas, abandono das Escolas Técnicas, precarização sem precedentes da carreira docente.

A Plataforma de Educação Remota vem sendo construída com Fundações Privadas, ligadas a estes Fundos de Investimentos. Operadoras de vendas de dados de Internet, fazem partes do Aglomerado Privado organizado para se apropriar do Fundo Público da Educação do Estado do Rio de Janeiro.

A EaD é um instrumento pedagógico importantíssimo. Mas de forma complementar e a inegociável Educação Presencial com o fortalecimento da Escola Pública. Da forma como veio apresentada no PL de autoria do Presidente da ALERJ, Deputado Estadual André Ceciliano, na parceria política com a Oligarquia que assalta o Rio de Janeiro há mais de duas décadas, possui intuítos claros voltados para a privatização da Educação Pública no Estado do Rio de Janeiro e o acesso do Fundo Público da Educação por parte das Empresas Privadas em EaD que são gerenciadas por acionistas ligados aos Fundos de Investimentos da Bolsa de Valores...

Se conseguirem que o período emergencial seja contabilizado como dias letivos, e também derem faltas para os docentes que se negarem a participar deste processo emergencial neste período de “ Isolamento Social “, teremos o Laboratório necessário para a implementação imediata deste Projeto Ultraliberal de Privatização da Educação Pública, Laica e de Qualidade.

Da forma como a SEEDUC-RJ veio sedenta pela implantação desta Plataforma de Educação Remota, sem nenhum diálogo com os diversos atores do Sistema Educacional do Estado do Rio de Janeiro, fica claro o desespero eleitoral da família Oligárquica do Pedro Fernandes, visando concorrer a vaga de Prefeito nas próximas eleições.

Com o retorno do Brasil ao mapa da fome, o aumento acelerado da população em situação de rua e do desemprego, fica evidente que os mais pobres e vulneráveis serão os mais atingidos pela Pandemia. E embora especialistas da saúde venham afirmando a gravidade da situação, o presidente brasileiro Bolsonaro desdenha das evidências e incita a população a infringir as orientações do Ministério da Saúde consoantes às da Organização Mundial da Saúde (OMS) para conter o avanço epidemiológico.

É neste cenário que estados e municípios têm produzido respostas para lidar com a crise no âmbito da gestão das políticas públicas em geral, e da educação em particular, especialmente no sentido de construir alternativas às aulas presenciais e ao cumprimento das horas e dias letivos fixados em lei para a educação básica. A questão a ser levantada é que muitas dessas respostas, baseadas na oferta de atividades remotas, não consideram os princípios e objetivos da educação nacional expressos na LDB.

Destacamos que:

1. Considerando que grande parte dos alunos das redes públicas de ensino não tem, efetivamente, amplo acesso à internet, a opção pelo uso de plataformas digitais, como modalidade de ensino não presencial para contabilizar horas e dias letivos se converte em instrumento que aprofunda as desigualdades e assimetrias sociais. Fere, neste sentido, o princípio de igualdade de condições de acesso e permanência na escola;
2. O uso de recursos não presenciais não pode ser confundido com a disseminação de EAD, que requer, além da mediação presencial de professores, uma perspectiva diferente do ensino conteudista e improvisado que vem se proliferando nas plataformas digitais;
3. A manutenção de vínculos entre escolas, alunos e professores pode ser construída por outros canais e deve contribuir para complementação de conhecimentos, criação de redes de solidariedade e de culturas conectados a um contexto adverso e incomum que precisa ser enfrentado, inclusive com a promoção de políticas intersetoriais;
4. A suspensão das aulas presenciais e a utilização de plataformas digitais não podem ser mecanismos que ampliem os constrangimentos, a flexibilização, a super exploração do trabalho docente, as demissões e supressões de contratos observados na rede privada de ensino;
5. A revisão do calendário escolar e reposição de aulas devem ser debatidas, após o fim da pandemia do corona vírus, em cada rede de ensino, com as comunidades e conselhos escolares, bem como conselhos de educação e sindicatos, assegurando a gestão democrática, o debate público e o controle social para a defesa da educação como direito inalienável de todos e todas;

Diante destes contextos apresentados os alunos da Rede Pública de Ensino do Estado do Rio de Janeiro não poderão ser avaliados e nem terem frequências averiguadas. As ações da SEEDUC-RJ atuam para a precarização intelectual (docentes não participam da construção do conteúdo da Plataforma de Educação Remota Google), salarial, funcional e até da necessidade no Sistema Educacional do Estado do Rio de Janeiro.

As consequências desta Política Pública de Exceção da SEEDUC-RJ são as diminuições brutais de turmas presenciais, Escolas Públicas, Concursos Públicos e salários docentes. A SEEDUC-RJ apresenta soluções simples para uma questão complexa: adotar uma medida que corrompe a essência do ensino e aprendizagem que é a interação social a partir do universo escolar,

além de ferir a autonomia pedagógica quando o mesmo apresenta a solução “mágica” de adesão a plataformas digitais como a oferecida pelo Google.

Essa prerrogativa expurgada pelo secretário tem como alicerce o Conselho Estadual de Educação e o reforço do Projeto de Lei nº 2036/2020 em tramitação na ALERJ. A decisão do primeiro (Conselho Estadual de Educação), através da Deliberação nº 376 de 26 de março de 2020, orienta equivocadamente o desenvolvimento de atividades escolares não presenciais enquanto durarem as medidas de isolamento. O art. 2º do documento determina que o objetivo é “garantir o direito à educação de qualidade”, ou seja, atribuindo a modalidade de Educação Remota a mesma dimensão de um ensino presencial em suas variáveis sociais que incluem merenda, materiais didáticos, acompanhamento cotidiano, transporte, dentre outros.

O mesmo artigo reitera junto a alínea “a” do inciso II que objetivos, métodos, técnicas, recursos, assim como atividades não presenciais devem ser desenvolvidas de “acordo com a faixa etária”, ou seja, ironicamente denuncia as próprias limitações da Educação Remota incapacitada de, cotidianamente, estabelecer avaliações e diagnósticos do educando a partir da interação estabelecida no universo escolar.

Tal medida corrompe o caráter social da escola, que traz em sua essência o aprendizado coletivo no diálogo com o diferente, algo fundamental num contexto demarcado pela intolerância. O mesmo inciso ainda apresenta no parágrafo quatro que locais de difícil acesso (grande parte da rede), “onde houver impossibilidade de acompanhamento aos estudantes, deve-se garantir que não haja prejuízos aos mesmos”, ou seja, basicamente, um encaminhamento genérico que, *grosso modo*, assume a ineficiência da Educação Remota para educandos que residem distantes dos centros, um setor da sociedade onde a escola assume um papel central em suas vidas.

O artigo 5º destaca que cabe as instituições zelarem pela “frequência dos alunos”, se tratando de Educação Remota. Fazer o login numa plataforma para constar, enquanto, os pouquíssimos alunos que têm acesso ao celular ou laptop estão cometendo mil tarefas de lazer ao mesmo tempo no aparelho como games, redes sociais etc.

Algo elementar na condução desta política da SEEDUC-RJ carrega um processo que traz consigo um mercado educacional frutífero para lucros de grandes empresários como a EAD. As limitações didáticas pedagógicas já foram expostas acima, porém, há ainda fatores de ordem econômica. O ministro da economia Paulo Guedes, por exemplo, tem investimentos no setor educacional privado e a distância que lhe rendem R\$1 bilhão de fundos de pensão por ano, assim como sua irmã Elizabete Guedes, uma das mais ardorosas defensoras dessa modalidade de ensino no governo Bolsonaro (ver portaria 343/2020).

Mesmo com números da Associação Brasileira de Ensino a Distância destacando um índice de evasão em 50 % para EADs, tal modalidade representa uma “mina de ouro” para empresários da educação, que não têm nenhuma preocupação para que esse setor convirja a valores emancipatórios, característica tão propagandeada pelo ensino presencial público. Para esses empresários o que importa é a não utilização de um espaço físico (sem despesas com água, luz etc.) ou a presença de profissionais, permitindo uma redução acintosa em contratos trabalhistas. Para se ter uma ideia, é possível maximizar o número de alunos e reduzir o número de professores a partir dessas plataformas ou em canais virtuais que com várias turmas simultâneas.

E, coincidentemente, em meio a uma Pandemia, autoridades de âmbito federal, estadual e, em breve, municipal (conforme o Conselho Estadual de Educação autoriza) absorvem o debate da EAD sem um debate prévio, num contexto onde o horizonte não se faz de presente diante da falta de Políticas Públicas adequadas de Saúde e direcionadas com exatidão a redução de danos de contágios de Corona vírus.

Utilizar-se da vulnerabilidade da conjuntura para executar uma política que destoa das necessidades dos profissionais da educação e dos educandos (assim como de toda comunidade escolar) só demonstra a perversidade de tubarões do ensino a distância, preocupados com seus lucros e dissonantes ao legado de grandes educadores brasileiros, que defendiam um modelo de educação público libertador, condizente a transformação das pessoas. As grandes discussões e mobilizações de educadores dos anos 1980 que legitimaram a criação de políticas concretas para a escola pública, são agora atravessados por prerrogativas oportunistas diante de uma calamidade

social, onde o público e qualquer preocupação social devem ser dizimadas. Nesse sentido, uma medida tida como temporária – a da Educação Remota em tempos de Pandemia – dá espaço a um fantasma da incerteza: a extinção da escola pública.

O surto pandêmico da COVID-19 impactou sobremaneira a todo o Globo. As atividades econômicas, já prejudicadas em todo o mundo capitalista, devido aos reflexos da grave crise financeira de 2008–2009, foram ainda mais prejudicadas pelo atual quadro de expansão da doença que se alastra como resultado da condição planetária do capitalismo, sistema cuja amplitude se estende por todos os quatro cantos do mundo.

No Brasil, não seria diferente. Elo frágil – dependente e periférico – da economia capitalista, o país, com uma estrutura social extremamente desigual, com um quadro das grandes cidades em que inexiste uma infraestrutura urbana que dê conta de atender às demandas mais básicas da vida humana, fruto de anos e décadas de abandono por parte do Estado, que, agora, mais do que nunca vem num processo de ajuste fiscal, corte de verbas, privatização e aprofundamento da tendência de um Estado cada vez mais mínimo, a resposta a esse quadro de extensão da epidemia é perto de zero.

Medidas paliativas são adotadas como isolamento social, adoção de medidas individuais de higiene, sem levar em consideração, no entanto, que as medidas devem ser de longo alcance, tanto em termos de tempo quanto do número de pessoas atingidas, contados respectivamente em meses e em dezenas de milhões.

Os efeitos dessa crise sanitária, somados à crise econômica e política do estado brasileiro vêm agravar o quadro social em franca degenerescência.

Temos a ameaça clara e evidente de empobrecimento e aprofundamento da desigualdade social, como resultado não só do declínio das atividades econômicas nos mais variados setores, mas também da ampliação da precarização das relações de trabalho e do desemprego, fruto de uma política ultraliberal do atual governo.

Nos três níveis da esfera de poder, federal, estadual e municipal, não vemos uma política social de amparo aos mais pobres e vulneráveis, que busque proteger o emprego e a renda das classes trabalhadoras, uma política de paralisação da prática privatista e de financeirização da economia, e que busque frear o sucateamento e a terceirização dos serviços públicos.

A recuperação da capacidade do Estado de programar políticas públicas é decisiva para atenuar sobremodo os efeitos mais nocivos da pandemia. Em todos os níveis, inclusive na educação.

A adoção precipitada e sem discussão ampla com todos os setores da sociedade civil, em especial os mais afetados que são os profissionais de educação e os filhos das famílias de trabalhadores — público amplamente majoritário das escolas públicas municipais e estaduais — de medidas como a da Educação Remota, vem jogar uma cortina de fumaça sobre as reais exigências e necessidades da Educação Pública no Estado do Rio de Janeiro.

As medidas da SEEDUC-RJ vão de encontro a uma verdadeira Educação Pública, extensiva como direito social fundamental para todo o povo fluminense. Retira o direito de crianças, adolescentes e jovens à escola presencial, a interação básica e necessária entre o educando e o educador, numa fase da vida em que não possuem ainda maturidade emocional e intelectual para desenvolver seus estudos.

Ademais, está política de Educação Remota pressupõe que a Comunidade Escolar, que não foi ouvida ou consultada para deliberar sobre os destinos da escola pública, tenha condições materiais de possuir em seus domicílios uma aparelhagem necessária para dar prosseguimento aos estudos via on-line.

Alguns questionamentos permanecem:

1. Seriam fáceis a divulgação e o pronto atendimento acerca das dúvidas dos alunos, famílias e profissionais quanto à implementação da Educação Remota?
2. As deliberações não podem deixar de contemplar não apenas as entidades representativas dos trabalhadores em educação, como também o seu público-alvo, que são os alunos e suas famílias, igualmente membros importantes das comunidades escolares, através dos conselhos escola-comunidade.

3. E quanto aos conteúdos curriculares? Como ministrá-los sem prejuízo da garantia da sua real acessibilidade e integridade? Como fazer com que a avaliação seja estendida a todos e todos e devidamente devolvida em condições e em tempo hábil em que se possa efetivamente avaliar de forma justa? E isso sem que se incorra em injustiças derivadas da inadequação do método que foge ao controle do profissional de educação e que não atende às necessidades dos nossos alunos e de suas famílias.
4. E num momento de calamidade pública, enfrentado não apenas pelos municípios e Estado do Rio de Janeiro, como também pela República Federativa do Brasil e por outras inúmeras nações espalhadas pelo mundo, em que 92 por cento da população entendeu a importância de se paralisar os espaços escolares para garantir o não alastramento da pandemia, não é mais importante e fundamental a garantia do direito à vida, isto é a segurança da saúde e o bem-estar social da população brasileira?

Segundo a Unicef, 154 milhões de estudantes estão sem aulas na América Latina e Caribe. A entidade alerta que a situação poderá se estender, e há risco de abandono escolar definitivo.

Pesquisa realizada pelo Comitê Gestor da Internet no Brasil (CGI.br), entre agosto e dezembro de 2018, e divulgada em 2019 aponta que 58 % dos domicílios no Brasil não têm acesso a computadores e 33 % não dispõem de internet. Entre as classes mais baixas, o acesso é ainda mais restrito. A. Os dados apontam que, nas áreas rurais, nem mesmo as escolas têm acesso à rede mundial de computadores: 43 % delas afirmavam que o problema é a falta de infraestrutura para o sinal chegar aos locais mais remotos.

Para Alexsandro Santos, doutor em Educação pela Universidade de São Paulo e coordenador do Curso de Pedagogia da Faculdade do Educador, é importante pensar sobre o grau de independência que uma criança tem para estudar acompanhando uma plataforma virtual, já que o modelo de ensino tradicional abre pouco espaço para a autonomia dos estudantes.

“A interação que as crianças têm no mundo virtual, normalmente, é bastante passiva. Quando a gente está chamando elas para uma interação de ensino aprendizagem, a gente precisa que elas atuem, que sejam ativas nessa interação com a plataforma. Mesmo quando a gente pensa em crianças mais velhas — como os adolescentes de 12, 13 anos —, é importante se perguntar se a gente preparou essa geração para construir hábitos de estudos autônomos”, afirma Santos.

Felippe Zancarli, coordenador de Tecnologia Educacional do Salesiano Santa Teresinha, também considera que a falta de maturidade de alunos dessa faixa etária para tocar as atividades por conta própria pode ser um problema. Para ele, o suporte dos pais no dia a dia será fundamental.

“Precisamos lembrar que os nossos lares não dão conta sozinhos do processo de socialização, proteção e cuidado. Muitas vezes, a escola é o lugar onde as crianças comem direito, onde as crianças aprendem a utilizar as ferramentas sociais de convívio, onde as crianças podem contar situações difíceis que estão passando em sua casa. Mesmo que a gente tivesse todas as condições tecnológicas, eu ainda diria que a escola presencial é fundamental para garantir outro direito para as crianças” — Alexsandro Santos, doutor em Educação pela Universidade de São Paulo e coordenador do Curso de Pedagogia da Faculdade do Educador.

O desespero de cumprir o conteúdo tem feito diversos colégios, públicos e privados, exigirem de seus professores a produção de material didático para ser enviado aos alunos durante o período de quarentena. Mas as aulas não estão suspensas? Não houve até quem dissesse que estávamos de férias? Por que temos de produzir?

A resposta é simples: nossa visão de educação ainda é conservadora. A forma como a educação à distância (EAD) está sendo implementada pelas redes pública e privada em tempo de pandemia é a prova disso. Não adianta citar Paulo Freire, modificar LDB, criar leis de inclusão cultural e social, falar sobre igualdade, pluralidade, se não conseguimos o básico: entender que educação não é SÓ conteúdo.

O Corona vírus está nos dando uma oportunidade única de nos repensarmos enquanto humanidade, isso inclui pensar que tipo de educação queremos no futuro. “É uma pena que o caráter da escola, o que há de informal na experiência que se vive nela (...) seja negligenciado. Fala-se quase exclusivamente do ensino dos conteúdos, ensino lamentavelmente quase sempre entendido como transferência do saber. Creio que uma das razões que explicam esse descaso em torno do que

ocorre no espaço-tempo da escola (...) vem sendo uma compreensão estreita do que é educação e do que é aprender”, disse Paulo Freire, para quem “educar exige bom senso”, entre outras coisas.

Quando o MEC elege a EAD como saída para que não haja prejuízo aos alunos, ele não só desconsidera a realidade socioeconômica de nosso país como também ignora que “ensinar não é transferir conhecimento mas criar as possibilidades para a sua própria produção ou a sua construção”.

Conclusão

Não somos contra o ensino à distância, muito menos defendemos a ausência de conteúdo escolar. Obrigar professores a produzirem conteúdo, pressionar alunos a estudarem agora os fará adoecer. Estudar as matérias da escola por prazer e não por cobranças.

O conteudismo com a representação simbólica falsa de EaD, levará os atores alunos, responsáveis e professores a percorrerem um ano letivo, corrido e estressante. Quando o perigo passar, nos reorganizaremos, tudo vai se encaixar e a maturidade que tivemos para lidar com a situação nos dará orgulho. Vamos aproveitar a travessia para alimentar nosso ser daquilo que realmente nos importa e nos falta.

Alguns gestores estão num mundo que não existe mais, achando que depois da pandemia tudo volta a ter continuidade — como dantes. Outros acham que, mesmo durante a pandemia, basta transferir o ensino para a modalidade não presencial.

Não, o mundo parou e quando voltar a rodar, no tocante às pessoas, será diferente e isso inclui os pais, professores, diretores e estudantes.

As soluções propostas, usadas com a intenção de *substituição do trabalho do professor* durante o fechamento das escolas de educação básica, estão fadadas ao fracasso e a acelerar a desigualdade educacional. Isso não significa que não faremos nada durante o fechamento das escolas. O magistério está se desdobrando tentando dar cobertura aos estudantes, mas isso implica em uma intensificação do trabalho em um momento em que ele igualmente também é atingido pela pandemia.

Além disso, a transferência do ensino para o ambiente familiar traz o problema do “limite de tempo de tela”: as crianças não podem ficar períodos inteiros em frente a telas de dispositivos estudando sem que isso lhes acarrete graves problemas físicos e psicológicos. A questão não é simplesmente ter uma plataforma de ensino virtual e colocar à disposição da criança.

Melhor faremos se reconhecermos a real gravidade da situação e os impactos na formação e delegarmos para as redes de ensino a criação e gradação das soluções, seja durante ou após a pandemia, para que sejam formuladas de acordo com a intensidade dos problemas locais nos municípios do Estado do Rio de Janeiro.

Bibliografia

1. Araújo, Ronaldo Lima e Gaudêncio Frigotto, “Práticas pedagógicas e ensino integrado. Revista Educação em Questão”, *Natal* 52:38, 201, p. 61–80.
2. Blengini, Ana Paula da Graça Souza, *O Ensino médio integrado: concepções, disputas e indeterminações. 2012*: dissertação (Mestrado), Rio de Janeiro, Faculdade de Educação, Universidade do Estado do Rio de Janeiro, 2012.
3. Bottomore, Tom, *Dicionário do pensamento marxista*, Rio de Janeiro, Jorge Zahar, 2012.
4. Resolução CNE/CEB nº 6 de 20 de setembro de 2012. Diretrizes Curriculares Nacionais para o Ensino Profissional de Nível Técnico, *Brasil. Ministério da Educação e da Cultura*.

*Maria Luzia Braga Landim,
Tiago Landim d'Avila¹*

A GLOBALIZAÇÃO DE RISCOS SANITÁRIOS, SOCIAIS E ECONÔMICOS: A VULNERABILIDADE BRASILEIRANA NA PANDEMIA DO CORONA VÍRUS

THE GLOBALIZATION OF HEALTH, SOCIAL AND ECONOMIC RISKS: BRAZILIAN VULNERABILITY IN THE CORONAVIRUS PANDEMIC

Resumen: La investigación realizada sobre la realidad brasileña durante el período de pandemia de COVID-19 tiene el propósito de interactuar con investigadores que proponen diálogos abiertos sobre la generación de conocimiento y capacidades estructurales para ser compartidas por ideas de transformaciones para Brasil. Se detectaron problemas de discriminación entre etnias, religión, oportunidades diferenciadas en la participación y toma de decisiones políticas, la falta de acceso de la población a la educación y la salud. En el Estado de Bahía, el desempleo supera alrededor de un millón de personas desempleadas, provenientes de bajos niveles de educación, falta de acceso a fuentes de conocimiento y distribución económica desigual.

Palabras clave: Brasil; Coronavirus (COVID-19); riesgos sanitarios; sociales; económicos.

Abstract: The research conducted on the Brazilian reality during the COVID-19 pandemic period has the purpose of interacting with researchers who propose open dialogues on the generation of knowledge and structural capacities to be shared by ideas of transformations for Brazil. Discrimination between ethnic groups, religion, differentiated opportunities in participation and political decision-making, the lack of access of the population to education and health, were detected problems. In the State of Bahia, unemployment exceeds about one million unemployed people, coming from low levels of education, lack of access to sources of knowledge, and unequal economic distribution.

Key words: Brazil; Coronavirus (COVID-19); health; social; economic risks.

Introdução

De acordo com a proposta do painel Pandemia global: disputa global na América Latina, do V Foro internacional: Rússia e Ibero América no mundo em globalização: história y modernidade, a comunicação ora apresentada trata da vulnerabilidade brasileira quanto aos riscos sanitários, sociais e econômicos ocorridos no Nordeste do Brasil, especificamente no Estado da Bahia, durante a pandemia da COVID-19.

De extensão territorial avantajada e parte da totalidade populacional oriunda de regiões fragilizadas por fenômenos como a seca, escassez de água, solos inférteis, pobreza, e desemprego, as necessidades e possibilidades nas regiões brasileiras possuem distinções e fatores que impulsionam as desigualdades econômicas, sociais, culturais, ambientais, políticas, e com base no conhecimento.

¹ **Maria Luzia Braga Landim**, Brasil, Professor, DSc Titular de Antropologia, na Universidade Estadual do Sudoeste da Bahia (mlblandim@msn.com).

Tiago Landim d'Avila, Brasil, Professor, DSc Coordenador Curso do Centro Universitário Maurício de Nassau-UNINASSAU e Professor titular na Faculdade Unime Lauro de Freitas (tiagolandim@msn.com).

A Universidade Estadual do Sudoeste da Bahia, situada na região Sudoeste, é uma instituição pública autárquica, agrega o Grupo de Pesquisa CNPq/UESB-História, Sociedade e Etnociência, que tem envidado esforços para conhecer a realidade local, propondo agendas de palestras, fóruns e jornadas para discussões que possam minimizar os conflitos, impasses sociais agravados pela pandemia do Coronavírus.

Os diagnósticos estabelecem categorização das vulnerabilidades e agravos evidenciados pela COVID-19, conduzem às fragilidades locais, diversidades no status social de grupos populacionais, padrões de vida, e/ou desequilíbrios funcionais de entidades e instituições na educação, justiça e proteção.

Portanto, se considerarmos o trabalho em rede como articulador de estruturas socioculturais e aprendizados das dimensões básicas de cidadania, direitos humanos, universalidade, integralidade, e equidade, formaremos sujeitos proativos e aptos ao enfrentamento do mercado de trabalho e da vida, pelas novas estratificações da sociedade brasileira.

A falta de inserção social abrange quantidade expressiva de cidadãos que vive à margem da sociedade, se submete a serviços sem amparos legais, e a cada dia são excluídos do progresso e desenvolvimento que a globalização assevera. O aumento da violência, as dificuldades para competir no mercado de trabalho, o desemprego e as consequências da pandemia, advém da desatenção aos direitos humanos legítimos outorgados ao cidadão pela Constituição Federativa do Brasil.

Neste sentido, optamos pelas pesquisas qualitativas nas investigações, que intensificam o conhecimento sobre as particularidades humanas, abrangem reais possibilidades de debelar mazelas como, a falta de acesso à educação, o baixo nível de escolaridade, igualmente a oportunidade de trabalho, aptidão e habilidades verificadas pelos diagnósticos individuais e coletivos.

Impulsionados pelos movimentos que indicam as possibilidades de transformações preventivas, os objetivos pretendidos visam a contribuir com subsídios de demandas avaliadas, analisar as formas de atuação para a descontinuação de problemas em espaços desiguais, a situação de risco e vulnerabilidade, propiciarão a capacitação dos sujeitos nos municípios baianos.

Em anos recentes, o crescimento da consciência social demonstrou a carência de dados nas pesquisas locais que correspondem às abordagens culturais, a situação atual da questão, cujos mecanismos mesclam e inserem novos conceitos e viabilizam a participação coletiva em programas, projetos sociais que tenham domínio sobre as epidemias proliferadas pelo coronavírus.

Para tais incursões a UNESCO-Organização das Nações Unidas para a Educação, Ciência e Cultura², no Programa de Gestão de Transformações Sociais (MOST), propõe três pilares operacionais indispensáveis: a pesquisa para produzir e promover conhecimento; fóruns intergovernamentais que envolvam os Estados membros; e o apoio político e capacitação.

As variáveis de categorização consolidadas, e o nível de pertinência da conjuntura sistêmica estrutural dos estudos de sociedades mundiais, as definições aplicadas determinamos tipos e como entre si as desigualdades estão atreladas.

A constituição de pilares pode ser compreendida como proposições de atuação humanística e social apoiadas por políticas de desenvolvimento das capacidades individuais e grupais, pelas quais a transmissão de conhecimento, e atividades de pesquisa-ação impulsionam a elaboração de agendas de debates políticos nacionais, e respostas atuais para problemas remotos. Debates nas áreas de conhecimento das Ciências Humanas Sociais e Saúde têm promovido perspectivas para a erradicação da pobreza, melhoria das condições de vida e bem-estar, e desequilíbrios no funcionamento dos sistemas de justiça e proteção social.

No contexto educacional uma solução viável seria a capacitação de setores esportivos, de lazer, arte, música, pintura, e habilidades artesanais entre outros, que transformem vidas humanas com perspectivas de futuro aos cidadãos invisíveis. O atendimento a crianças, jovens nos estudos sobre competências individuais e coletivas repercutem com saberes e aprendizados multiplicadores

² UNESCO- Organização das Nações Unidas para a Educação, Ciência e Cultura. Programa de Gestão de Transformações Sociais (MOST). <https://en.unesco.org/themes/social-transformations/most> Página inicial

de esperança estendidas a todos considerados vulneráveis. A pluriculturalidade é um dos obstáculos que promove a ampliação das diferenças sociais, no Nordeste do Brasil.

Quanto às questões políticas, e a capacidade de indivíduos e grupos influenciarem nos processos políticos e na tomada de decisões e/ou se beneficiarem na atuação de ações políticas, são diferenciadas e complexas devido as exclusões provenientes de discriminações de etnias, gênero, problemas detectados e enfrentados há muito tempo.

Em torno do Estado da Bahia, o desemprego extrapola e alcança cerca de um milhão de desocupados e desalentados. A população resiliente, busca na informalidade, superar os níveis de renda e emprego considerados inferiores, os direitos trabalhistas vilipendiados provenientes dos baixos níveis de escolaridade, falta de acesso a fontes de conhecimento, e distribuição econômica desigual.

A despeito da multiplicidade de aspectos da realidade histórico social abordados e da diversidade das orientações teóricas evidentes nos escritos, é possível observar a recorrência de alguns temas. São temas que se reiteram em diferentes autores, às vezes nos mesmos termos, mas com frequência enriquecidos com novos dados e elucidações. Há autores que lidam com diversos desses temas, buscando integrá-los, desenvolvendo interpretações abrangentes. Daí a pluralidade de visões do Brasil; e a pluralidade de Brasis³

Parafraseando Roberto da Matta, antropólogo e filósofo brasileiro, sobre a diferença social na obra, *Carnavais, Malandros e Heróis*, e, *Distinção Entre Indivíduo e Pessoa no Brasil*, a expressão utilizada no país traz na envergadura, a persuasão e hierarquização impregnadas de preconceitos, “Você sabe com quem está falando?” termos usados pelos coronéis de cacau e café, providos de distinção entre o indivíduo e a pessoa no Brasil, algo enraizado na sociedade, corroborando os aspectos culturais que caracterizam os comportamentos”⁴.

Em outra obra intitulada, *A casa e a rua: Espaço, cidadania, mulher e morte no Brasil*⁵, do mesmo autor, emprega a intrincada teia de relações do universo brasileiro e parte da análise de experiência entre o espaço público e privado, especificando o Espaço, Cidadania, Mulher e Morte, onde a casa e a rua não representam apenas o espaço físico, mas, um modo de organização, um modo de pensar, um posicionamento”.

O antropólogo retoma e atualiza o conceito de homem cordial, apresenta peculiaridades da sociedade brasileira e suas contradições. Além disso, aborda aspectos recorrentes, do famoso “jeitinho brasileiro” e a personalização das relações sociais evidenciadas pelas dificuldades que tem o brasileiro em respeitar o “outro”, o indivíduo, mostrando indiferença à rememoração da história e a questão de cidadania entre outros aspectos, quando a casa é englobada pela rua, e, frequentemente convive com situações críticas e em geral autoritárias.

As ambiguidades e fragilidades provocaram na pandemia um momento conturbado e reações adversas às expectativas das políticas públicas no ensino, pesquisa e extensão, retrocedendo planos e programas de estudos configurados pela uniformização de conteúdo, que não mais correspondem às perspectivas e condições de vida.

Na saúde, o Sistema Único de Saúde-SUS⁶, apresenta formas entre os métodos que propõem a conciliação entre as culturas antepassadas, e o setor saúde/doença. Para tal, adota práticas integrativas e complementares aliadas aos métodos tradicionais da medicina ocidental, e associa condutas, identidades culturais, e comportamentos sociais utilizando os efeitos curativos de práticas milenares como a homeopatia, aromaterapia, fitoterapia, entre as vinte e novas sugeridas pelo sistema.

³ Ianni, Octavio. Tendências do pensamento brasileiro: Tempo Social // Rev. Sociol. USP, S. Paulo. 2000. N. 12(2). P. 55-74.

⁴ Da Matta, Roberto Augusto. *Carnavais, malandros e heróis: uma sociologia do dilema brasileiro*. 6ª edição, Rio de Janeiro: Guanabara, 1990.

⁵ Da Matta, Roberto Augusto. *A casa & a rua: Espaço, cidadania, mulher e morte no Brasil*. 5ª ed, Rio de Janeiro: Rocco, 1997. P.11-58.

⁶ Sistema Único de Saúde-SUS, considerado como um dos maiores e mais complexos sistemas públicos, abrange assistência e atendimento, e garante acesso integral, universal e gratuito para a população do Brasil.

Um dos problemas surgidos na pandemia, revela dados alarmantes que dizem respeito a contestação das vacinas e a quantidade significativa de pessoas na Bahia que recusaram sua aplicação, pelos quais, perguntas inevitáveis são feitas sobre, o significado da religião nessa atitude e conduta? como perceber fronteiras cognitivas e imaginário coletivo? quais as funções dos indivíduos na família, na escola, e nos grupos religiosos? como conscientizar pessoas se não conhecemos as influências dos grupos inseridos? As respostas são enigmas a serem desvendados.

Os métodos de Pesquisa para o estudo das vulnerabilidades usados pelo espaço metodológico etnográfico em plena expansão criativa, aplicado em sociedades multiculturais, é caracterizado pela complexidade de estrutura, organização e categorização. Utiliza recursos e paradigmas das escolas de pensamento antropológico, como finalidade para desenvolver parâmetros sobre vivências, experiências, diversidades sociais e culturais nos grupos, instituindo na prática, a analogia entre o apreender o conhecimento teoricamente sistematizado, e as questões da vida real.

As complementações nas pesquisas localizadas na região sobre as endemias, requerem conhecimento amplo sobre usos, costumes, hábitos, crenças, situação social, desemprego, saneamento básico, além dos motivos da desatenção, contra nativos, indígenas, afrodescendentes, sertanejos, migrantes.

O combate ao autoritarismo coloca em risco a efetivação de políticas públicas, ampliam a exclusão social, mácula do mundo atual, e após a tragédia humana do Coronavírus, trouxe a gama de agravamentos associados aos fatores psicológicos, instabilidades e inseguranças.

Na História da Bahia, a origem das desigualdades provém desde o período quando foi a primeira capital do Brasil, entre 1549 e 1763. Salvador testemunhou a miscigenação de culturas estrangeiras, africanas e ameríndias, e a cidade se tornou o primeiro mercado de escravos do Novo Mundo que chegavam para trabalhar nas plantações de café e açúcar. Com o espantoso crescimento da lavoura cafeeira no Sul da Bahia iniciado no período de 1860, e quantidades significativas de terras inabitadas e improdutivas deram oportunidades de enriquecimento, e atraíram aventureiros para a exploração das riquezas locais.

As Memórias Históricas e Políticas da Província da Bahia⁷, narram a abundância de produtos nativos naturais e minerais explorados e comercializados progressivamente, como a madeira de lei, o ouro, cobre, cacau, café, fumo, piaçava e pedras preciosas. A região, rica em plantas medicinais, foi alvo da exploração indiscriminada, que culminou com a extinção e devastação de florestas.

A ambição e a corrida desenfreada para o interior do Estado precederam os interesses dos habitantes originários, tribos indígenas tupis, tamoios, mogoiós, descendentes de africanos e sertanejos aborígenes, logo, expulsos ou dizimados. No início do século XX, o cacau representava a Bahia como a segunda maior exportadora depois da Costa do Ouro (Gana, África Ocidental), e, o açúcar em escala de prioridade eram os produtos protegidos pelos auxílios governamentais, concessões e impostos reduzidos.

Os primórdios históricos baianos sempre fomentaram a exclusão social e amarginalização da população negra, prolongando por séculos as consequências danosas das diferenças entre o status social de grupos populacionais e desequilíbrios no funcionamento dos sistemas preconizados aos direitos humanos.

Pela proximidade com sujeitos diferentes, a interação tornou patente os preconceitos, discriminações, e manifestações divergentes dos indivíduos. Ali os vínculos se estabeleceram, os entraves arrefecidos pelos obstáculos, e a reação contra as desigualdades étnico-raciais, de gênero, separaram indivíduos, grupos e Estado. “A lógica da sociedade é diferente da soma dos indivíduos”, reforçando que o entendimento pelo “outro”, representa o estereótipo criado simbolicamente sobre as formas de viver, as formas de falar e as formas de estabelecer relações e normas de comportamento tracejadas pelas identidades em movimento”⁸.

Prescindindo de transformações conceituais, as políticas sociais e educacionais, com base no conhecimento, são indispensáveis para o combate às questões raciais, tendo em vista que as

⁷ Silva, *Ignácio Accioli de Cerqueira* e. Memórias históricas e políticas da Província da Bahia. Bahia: Imprensa Oficial do Estado, 1940. P. 317. Tomo VI.

⁸ *Durkheim, E.* Da divisão do trabalho social (1893) // Os pensadores. São Paulo, Abril Cultural, 1978.

disciplinas básicas de ensino utilizassem estratégias de diálogos para combater as desigualdades, as dimensões da pobreza, o preconceito, e o racismo, entre crianças, jovens e adultos, dando ciência dos graves problemas sociais e culturais do país.

A padronização de critérios de utilidade na educação também se tornou um desafio na pandemia. O aprendizado urgente dos recursos tecnológicos, a falta de possibilidade de famílias em situação de vulnerabilidade e pobreza, ampliaram as desigualdades, especialmente para estudantes de instituições públicas, sem condições para a aquisição de equipamentos eletrônicos, falta de acesso à internet e aos aparelhos, os privaram de acompanhar as aulas remotas, além disso, a alimentação oferecida como refeição nas escolas.

...objeto de difícil percepção a “diferença”. Tema polêmico, o debate sobre as variedades culturais foi transformado, em meados do século XIX, em uma questão racial e, nesse sentido, vinculado às regularidades da biologia. Tecendo comparações entre os teóricos raciais brasileiros e os impasses mais contemporâneos, a aferição de inteligência e capacidade, esse ensaio pretende provocar. Em pauta estarão as contradições que têm se destacado, mais recentemente, quando se opõem de um lado as etnicidades locais, de outro a tão propalada globalização. Tal qual dois lados de uma mesma moeda, a afirmação de identidades tem se mostrado tão evidente como o próprio estreitamento das relações internacionais. Mudam os termos do debate - de raça, para etnia, mas, de alguma maneira,⁹ continuamos presos a uma lógica positiva de estabelecimento de hierarquias ontológicas

As disparidades espaciais, ambientais e regionais entre centros e periferias, urbanas e rurais, impedem a regularidade de acesso a recursos naturais nos benefícios de exploração de minerais, cuidados na exposição à poluição e riscos de doença dos trabalhadores, impelem os atores sociais a adaptarem-se às ameaças, pela sobrevivência. As migrações nas regiões brasileiras têm no bojo uma população pobre, sem oportunidades, e, em sentido amplo, despreparados para a competitividade pela falta de escolaridade, conhecimento e capacitação no mercado de trabalho. São tolhidos de autoestima, são acometidos por doenças de riscos elevados de morte, e privados de assistência, educação e saúde, cujos anseios de uma vida digna, os impulsionam a aceitar situações desumanas.

As prospecções climáticas apontam o semiárido no Estado da Bahia, com 258 municípios (polígono da seca), que compreende 70 % da área do estado, atualmente como uma das mais vulneráveis às mudanças climáticas no Brasil. A diminuição da frequência de chuvas, solos pobres, vegetação com menor diversidade biológica impõem o ajustamento dos sujeitos a espaços inabitáveis pela seca, falta de água potável, saneamento e necessidades básicas à sobrevivência. Além da migração forçosa para outros espaços, os enfrentamentos com a estagnação do salário-mínimo, a perda do poder de compra pelo aumento da cesta básica, e a previdência social diminuindo em proporção os salários de famílias com crianças e adolescentes menores de 15 anos na população, economicamente dependente, fazem parte do cotidiano. O Índice de Vulnerabilidade Econômico-Demográfico leva em consideração informações sobre doenças endêmicas e saúde infantil subnotificadas, de acordo com a área total do Estado. Em nível de risco as regiões ao se tornarem desérticas a supressão nos níveis de emprego e renda é real, a migração dos nordestinos para outros estados, e o crescimento da população idosa que já representa cerca 30 % da população economicamente ativa, acolhe desempregados familiares sustentados pela aposentadoria. Ao analisarmos o conceito de vulnerabilidade social, foram verificadas condições precárias, situação de extrema pobreza por fatores socioeconômicos, programas de auxílio à sobrevivência de famílias carentes sem proteção e assistência à saúde, acrescidos pelos empecilhos para fruição dos serviços prestados pelas instituições públicas.

Vulnerabilidades ampliadas pela pandemia da COVID-19, expuseram mazelas nos processos e sistemas sociais, educacionais, culturais e de saúde, germinadas e reproduzidas por uma América Mestiça desigual e excludente, que prescinde de combater as desigualdades, que não devem ser entendidas apenas em termos de renda e riqueza.

⁹ Schwacz, Lilia Moritz. Dos males da medida // Psicologia e Razão Instrumental. Psicol. 1997. N. 8 (1). <https://doi.org/10.1590/S0103-65641997000100003>.

Norbert Elias & Scottson em *Os estabelecidos e os outsiders* busca as novas formas de pensar provocadas pela miscigenação introduzida e novas identidades construídas paralelamente como: “...aqueles que se autopercebem e são reconhecidos através de uma combinação singular de tradição, autoridade e influência”.

Conclusão

A partir das reflexões apresentadas, considerações preliminares indicam que os riscos e problemas no Brasil, ganham repercussões pelas inadequações agravadas durante o período pandêmico em atividades e práticas de educação, saúde, proteção, justiça assistência e acolhimento na violência contra o cidadão.

A relevância dos métodos e conteúdo na educação significativos para a eficácia, desempenho e partilha sobre as causas e consequências das desigualdades, estabelecem prioridades de cooperações técnicas nas áreas ambientais, habitacionais, e qualificação para o mercado de trabalho de adolescentes, jovens e adultos, como necessidades emergentes. Por possuir um largo espectro, a antropologia permite o uso de várias técnicas de coleta de dados incorporadas a análise de elementos diversificados obtidos “*in loco*”. A investigação de natureza qualitativa das Ciências Humanas e Sociais tem origem no estudo do homem, suas peculiaridades, distinguindo conflitos, confrontos e controvérsias étnicas, religiosas e políticas. Complementada pela etnometodologia, que concentra a descrição dos meios de criação de uma ordem social em grupos heterogêneos, cujas diversidades e discriminações com base em gênero, etnia, raça, religião, deficiências e outras identidades, são estudadas.

Embora, as pesquisas com formatos diversos e validação de pressupostos metodológicos distintos, assistimos a profusão de explicações, e interpretações que se multiplicam e dificultam a efetividade de ações que ampliam lacunas e detectam os problemas de ordem humanística.

A Bahia notabilizada por suas paragens naturais, minerais, tradições, encantos, belezas e festas populares, os mesmos espaços cantados em versos e prosas têm cicatrizes profundas de discriminação, preconceito, sofrimento, e é palco de intensas reivindicações por inclusão social, cultural, acesso à educação, saúde, proteção e estabilidade que resistem na trajetória do maior estado da Região Nordeste.

As normas e valores transformados pela pandemia, aflorou novos paradigmas identitários, práticas culturais e representações sociais, fundamentais para fortalecer os vínculos de pertencimento, imaginário coletivo e memória.

Bibliografia

1. Da Matta, Roberto Augusto, *A casa & a rua: Espaço, cidadania, mulher e morte no Brasil*, Rio de Janeiro, Rocco, 1997.
2. Da Matta, Roberto Augusto, *Carnavais, malandros e heróis: uma sociologia do dilema brasileiro*, 6ª ed., Rio de Janeiro, Guanabara, 1990.
3. Durkheim, Émile, *Da divisão do trabalho social*, São Paulo, Abril Cultural, 1978.
4. Ianni, Octavio, “Tendências do pensamento brasileiro. Tempo Social”, *Rev. Sociol. USP, S. Paulo* 12:2, 2000, p. 55–74.
5. Schwacz, Lilia Moritz, “Dos males da medida. Psicologia e Razão Instrumental”, *Psicol. USP* 8:1, 1997. <https://doi.org/10.1590/S0103-65641997000100003>
6. Silva, Ignácio, *Accioli de Cerqueira e. Memórias históricas e políticas da Província da Bahia*. Tomo VI, Bahia, Imprensa Oficial do Estado, 1940.
7. “Programa de Gestão de Transformações Sociais (MOST)”, *UNESCO. Organização da Nações Unidas para a Educação, Ciência e Cultura*.

PROBLEMAS Y DESAFIOS EMERGENTES DEL CAPITALISMO CONTEMPORANEO EN LOS PAÍSES DE AMÉRICA LATINA

EMERGENT PROBLEMS AND CHALLENGES OF CONTEMPORARY CAPITALISM IN LATIN AMERICAN COUNTRIES

Carlos Raul Etulain¹

ESTADO, MERCADO E DESENVOLVIMENTO NO BRASIL. DESMONTE ATUAL DAS POLÍTICAS PÚBLICAS E DESAFIOS PARA O DESENVOLVIMENTO

STATE, MARKET AND DEVELOPMENT IN BRAZIL. CURRENT DISMANTLING OF PUBLIC POLICIES AND CHALLENGES FOR DEVELOPMENT

Resumen: Este trabajo se propone describir el ambiente de desmonte de la política pública en Brasil durante el cambio de gobierno neo-desarrollista para el gobierno actual de Bolsonaro, focalizando la discusión de la relación entre Estado, Mercado y Desarrollo a partir de la hipótesis de que el ataque centrado en el Estado tiene como centro la pérdida de autonomía y de gobernanza nacional que es estratégica para los países en desarrollo.

Palabras clave: Políticas Públicas en Brasil; gobierno de Bolsonaro; desmonte del estado; América Latina; políticas públicas.

Abstract: This article's purpose is to describe the environment of the dismantling of Brazil's public policies in the alternation of neo-developmental governments into Bolsonaro's current government, focusing on the discussion of the relation between State, Market and Development from the hypothesis that the attack centered on the State has as a target autonomy loss and national governance, which are strategic to the developing countries.

¹ **Carlos Raul Etulain**, Argentina, Professor da Faculdade de Ciências Aplicadas (FCA) e coordenador do Núcleo de Políticas Públicas da UNICAMP, Brasil (etulain@unicamp.br).

Key words: Public Policies in Brazil; Bolsonaro's government; state dismantling; Latin America; public policies.

Introdução

Nos últimos anos aconteceram fatos históricos que recolocaram o debate da relação entre Estado, Mercado e Desenvolvimento, marcado na América Latina pelos problemas emergentes do capitalismo contemporâneo. Nesse contexto histórico o *desenvolvimento* ganhou novos contornos em razão de ser evidente que as transformações de condições estruturais permitem melhorar a vida da população e que essas alterações virtuosas podem ser implementadas mediante a política pública. O desenvolvimento por tanto é urgente no sentido da necessidade de implementar ações estratégicas que favoreçam os indivíduos na elaboração e realização, nas novas condições, dos seus projetos de vida. Estas ações remetem diretamente ao papel do Estado.

O fracasso das políticas neoliberais em minimizar o papel do Estado levaram ao abandono das políticas públicas que poderiam ter oferecido soluções programáticas diante dos desafios do capitalismo, tais como produção de ciência e tecnologia e a implementação de sistemas públicos de saúde e educação. Diante da pandemia de COVID-19, estas ideias foram revalorizadas pela população e até mesmo pela mídia, que tinha sido um dos principais atores da promoção neoliberal.

No Brasil, ao contrário, o desmonte das políticas públicas do governo Bolsonaro avançou em sentido oposto ao desenvolvimento e à luta pelo enfrentamento das desigualdades sociais, provocando maior sofrimento social no presente e reforçando as ameaças ao futuro de grande parte da população.

Este trabalho se propõe a descrever o ambiente de desmonte da política pública no Brasil na alternância dos governos neo-desenvolvimentistas para o governo atual de Bolsonaro, focando a discussão na relação entre Estado, Mercado e Desenvolvimento a partir da hipótese de que o ataque centrado no Estado tem como alvo a perda de autonomia e da governança nacional que é estratégica para os países em desenvolvimento. Para além do Estado mínimo, o que se despreza na política neoliberal é a capacidade dos governos nacionais exercerem o seu papel na gestão política com autonomia, tal que garanta desenvolvimento local e regional em conexão com o mundo globalizado. As políticas neoliberais são mecanismo de retorno do país à posição subalterna típica do domínio dos interesses rentistas.

Nesta análise, se utilizam referências de autores das Ciências Sociais e da Economia para o debate de ideias sobre o tema e informações de bases de dados da OXFAM e IBGE, dentre as principais. A metodologia é analítica, histórica e descritiva da realidade brasileira levando em conta sua posição na América Latina e os problemas do capitalismo contemporâneo na região.

Conquistas das políticas públicas de 1990 à 2016

O Brasil articulou, a partir da Constituição Federal de 1988, um aparelho organizado e sustentável de seguridade social e benefícios para a população mais carente e/ou submetida a diferentes situações de vulnerabilidade. De 2004 a 2014, se destaca nesse processo de articulação das políticas públicas, os efeitos de medidas macroeconômicas de crescimento doméstico autônomo baseado no aumento do salário real, as melhoras nas condições do emprego e o investimento.

No período, essas ações governamentais integradas à política macroeconomia com medidas de caráter heterodoxo, tais como o financiamento do consumo interno e dos investimentos, somaram as políticas de enfrentamento à pobreza multidimensional, as políticas inclusivas na educação superior, as políticas públicas de transferência de renda sustentáveis como o Programa Bolsa Família e programas universais combinados com intervenções específicas e/ou focalizadas.

No Brasil, a noção de responsabilidade coletiva incorporou inicialmente o conceito de seguridade social e a partir dela diferentes políticas sociais começaram a ser implementadas a partir deste novo compromisso. A chamada Seguridade *Social* no Brasil se compõe de três esferas: *Saúde*

Pública, como direito universal e independente de contribuições ou do vínculo com o mercado de trabalho; *Previdência Social*, de base contributiva, e *Assistência Social*, de base não contributiva, definida como direito de todos que dela necessitem. Daí que setores carentes e desprovidos de meios requerem que o Estado assegure os serviços e, ainda, que sejam beneficiários de um salário-mínimo mensal, como é o caso do Benefício de Prestação Continuada (BPC) destinado aos idosos (65 anos ou mais de idade) e às pessoas com deficiência para famílias com renda familiar per capita igual ou inferior a ¼ de salário-mínimo. Em 2013, o BPC contemplou 4 milhões de cidadãos. Dentro da Assistência Social, baseada no princípio de assistir a todos aqueles que dela necessitem, encontra-se o Programa Bolsa-Família (PBF) que reúne transversalmente Saúde, Educação e Assistência Social, ainda que não funciona como direito, mas como forma de atender cidadãos em situação de pobreza e portanto, de alterar as condições causadoras da pobreza ou parte delas. O Programa atendeu 14 milhões de famílias, sendo o valor médio do benefício de R\$178,00. Em 2011, o PBF e o BPC passaram a fazer parte do Plano Brasil sem Miséria (BSM), durante os governos de Lula da Silva e Dilma Rousseff.

Quando mais se precisava no Brasil e em América Latina do fortalecimento dessas políticas públicas e do papel do Estado como articulador da ampliação dos direitos, se produz um contexto de descrédito da mobilidade social e da política como forma de enfrentar as desigualdades sociais e econômicas e os problemas das cidades e dos cidadãos, o discurso neoliberal avançou, apoiado pela mídia mais tradicional e concentrada do Brasil, levando à rejeição da política como arena de confronto de ideia e a rejeição das políticas públicas. O Brasil passou de um ambiente favorável ao desenvolvimento com transferência de renda e inclusão, para um ambiente de permanente ataque aos direitos sociais, aos interesses da coletividade e aos bens públicos (da saúde, educação e justiça).

A política foi monopolizada pelos interesses privados ampliando e fortalecendo um contexto de desencanto dos cidadãos diante da luta pela defesa dos bens coletivos e dos direitos sociais. A mídia, também monopolizada pelos interesses dos capitais privados mais concentrados, reforçou esse discurso promovendo o convencimento de que é melhor perder os frutos das lutas históricas em nome do mercado e da crença da sua mão invisível.

Na mídia se encontra uma estrutura de comunicação que tem poder para influenciar e atingir todo o território nacional brasileiro. Funcionou nos últimos anos, como matriz do discurso neoliberal, da culpabilização sem provas e das denúncias de corrupção nunca comprovadas. A carência de regulação pública do setor de comunicação e da convivência entre poder político e interesses particulares favoreceu o avanço das posições mais conservadoras e dos interesses econômicos financeiros e rentistas.

Sobre os mecanismos de reprodução da desigualdade, Abramo mostra como a desigualdade se transforma em uma cultura naturalizada do privilégio, que, ao contrário de produzir dinâmicas sociais virtuosas e inclusivas, causam assimetrias sociais que funcionam como mecanismo de negação dos outros. Os atores sociais com maior poder de decisão política, impregnados ideologicamente por essa cultura enviesada, reproduzem com suas ações a desigualdade.

Quando se pensa na elaboração e implementação das políticas públicas de enfrentamento à desigualdade, esta realidade não pode ser deixada de fora do diagnóstico pois o desenho e a implementação da política pública requerem, para a sua real efetividade, de base política e de pensamento claramente oposto ao privilégio e a tradição solidamente estabelecida pela cultura do privilégio.

Isto certamente aponta para o problema da qualidade institucional dos países da América Latina que reúne um conjunto de características que podem ser atribuídas à região. Na América Latina as instituições não têm qualidade, atuam com demora, se criam conflitos de hegemonia multipolar, há desinteresse ou mesmo indiferença em relação à ação coletiva, cartelização dos partidos políticos e afastamento da militância das suas bases sociais. É um conjunto de atributos que exige análise detida e informações detalhadas, porém a crítica ao desenvolvimento nos países da América Latina, pela medida da sua qualidade institucional, carrega uma versão limitada da análise histórica que pressupõe a primazia civilizatória do Norte em relação ao Sul, típica da perspectiva neocolonial.

A ideia de um modelo universal de instituições e de políticas que funciona com uma engenharia perfeita é construção decorrente dos estudos centrados nas instituições e experiências ocidentais, sua efetividade em sociedade tradicionais se impõe na prática como modelo de arquitetura institucional que os países da América Latina deveriam conquistar, mas este indicativo de instituições do "bom governo" outorgam muitas vezes importância prioritária ao cumprimento dos contratos que protegem os direitos de propriedade sem enfrentar os problemas da distribuição, das desigualdades e os problemas da ação coletiva.

Outro aspecto é a perda recente de integração regional, que na América Latina é movida, a maioria das vezes, sob a força da ideologia, apesar da sua importância objetiva em termos de cooperação horizontal, integração de cadeias da indústria, inovação científica e tecnológica, transporte e comunicações, autodeterminação e ações integradas em saúde, educação, infraestrutura. Nesta dimensão, os países da América Latina sofreram, nos últimos anos, os mesmos ataques desintegradores do discurso neoliberal: o indivíduo é sobrevalorizado por cima da comunidade e a desqualificação permanente dos bens públicos e da esfera pública. Nessa esteira, a integração regional é também desprezada em função de posições particulares. Fato histórico regional, nesse sentido, é a implementação do Mercosul, contraposto a hegemonia concentradora do ALCA, que não foi uma proposta anti sistêmica, porém foi uma proposta de alcance regional que fortaleceu outras redes de integração e que irradiou oportunidades de integração na região latinoamericana.

O neoliberalismo se projeta sobre a frustração associada aos déficits democráticos. Este é um debate que vem acompanhado pelo desencanto anteriormente mencionado, pois é real que as democracias funcionam, em muitos casos, com enclaves autoritários. Se abrem então perguntas sobre se a democracia poderia dar conta de realidades diferentes daquela dos países centrais de ocidente e se questiona novamente a capacidade e a qualidade institucional latinoamericana. No entanto, as democracias na América Latina têm experimentado, de outro lado, o ressurgimento dos movimentos sociais e das lutas antiimperialistas e antiliberais. Este tem sido o contexto de um debate da "democracia incompleta" pois não foi atendida ainda, apesar da urgência dos fatos, a necessidade de superar o modelo neoliberal.

Finalmente, com relação ao Estado e ao seu papel na implementação das políticas públicas para o desenvolvimento, se diz que o direito ao desenvolvimento faz parte dos direitos humanos (DH) inalienáveis em virtude de que toda pessoa e todos os povos estão habilitados a participar do desenvolvimento econômico, social, cultural e político e que toda pessoa e todos os povos devem contribuir para isso. Se o desenvolvimento de um país tem como finalidade implementar as condições que garantam uma vida digna na qual os indivíduos possam construir seus destinos, gozando de liberdade e de acesso à infraestrutura social e econômica e aos equipamentos públicos de saúde, educação e segurança, então o desenvolvimento, por meio das políticas públicas, é a via para garantir a realização dos DH. Essa conexão entre desenvolvimento, políticas públicas e DH não se dá na história de forma simples e direta. Nos estudos acadêmicos, a ideia de desenvolvimento se aproximou dos DH quando recentemente um conjunto de países da América Latina implementaram suas políticas inclusivas com vistas a enfrentar as desigualdades e modificar as condições de vida da população, sobretudo, as condições das famílias submetidas à pobreza extrema. Este, no entanto, é um processo longo, que requer o fortalecimento das ações do Estado em todos suas esferas e níveis e, especialmente, a continuidade e aperfeiçoamento das políticas públicas no longo prazo. Na América Latina, na primeira década do século XXI, houve uma melhora evidenciada pela queda do Índice de Gini para aproximadamente 5 % (Argentina, Brasil, Bolívia, Venezuela, Chile, Equador, Nicarágua e Paraguai) devido ao enfrentamento das vulnerabilidade das condições de vida da população.

Muito embora, deve se observar que os direitos civis conquistados na primeira década do século XXI não foram completos, nem abrangeram todos os DH e Sociais e que o sofrimento social predomina nas populações mais vulneráveis como as que se encontram em condições de pobreza e extrema pobreza, grupos raciais e indígenas. Tudo isto mostra o lado sombrio da sociedade atual e do processo político regressivo promovido pelas políticas neoliberais que se sucederam a partir de 2014 e, especialmente, a partir de 2016.

No caso do Brasil, depois do período novo desenvolvimentista que se encerra com o golpe de Michel Temer, se inaugura uma fase de absoluta negligência das políticas públicas, com desmontes de iniciativas de avaliação e controle das ações governamentais sociais e inclusivas, se favorecem os benefícios como dispensa de dívidas fiscais das grandes empresas, enquanto se propôs um ajuste dos programas sociais como o Bolsa Família (PBF) por serem avaliados como ineficientes. Temer propõe reduzir a base de alcance do PBF e que seu financiamento seja feito pela contribuição da camada mais pobre da população.

Depois de Temer, assume a presidência do Brasil, Jair Bolsonaro, que desde a sua posse manifesta desprezo pelas políticas sociais, no bojo do discurso neoliberal que se intensifica com o apoio da mídia. Veja-se a seguir uma seleção de informações e fatos que marcam o governo atual de Bolsonaro no Brasil.

Governo Bolsonaro desde 2019

A posse de Bolsonaro trouxe com a força do discurso neoliberal, a violência e o ataque a vários líderes políticos e de movimentos sociais, o recorte de gastos imprescindível do governo e do setor público e o benefício para as grandes corporações, especialmente do setor financeiro e da atividade rural. A seguir se elencam informações sobre fatos que marcam a condução do Brasil desde 2019.

Tabla 1. Governo Bolsonaro

2019	Acontecimentos que caracterizam a condução do governo Bolsonaro
Caso Marielle	Marielle Franco, líder negra e vereadora da cidade de Rio de Janeiro sofre atentado de morte. Funcionário do condomínio de Bolsonaro declarou que o suspeito da morte de Marielle foi na casa do presidente no mesmo dia do crime (03/10/2019)
<i>Fake news</i>	Redes sociais vinculadas à família Bolsonaro promovem a divulgação de <i>fake news</i>
Problemas ambientais	Bolsonaro ataca o <i>Greenpeace</i> diante do caso de derramamento de petróleo no litoral do Brasil. Analistas apontam descontrole da exploração e uso do solo marítimo brasileiro após privatização
Mídia internacional e governo	Bolsonaro declara afinidade política com o príncipe da Arabia Saudita em meio a situação polêmica internacional de desaparecimento de jornalista do Washington Post
Privatizações	Perda de hegemonia do Brasil na gestão da extração e refino do petróleo após privatização do pré-sal
2020–2021	
Políticas do Ensino Superior Público	Escolha de reitores das universidades federais. Medida Provisória 979 permitiu a escolha de reitores temporários nas instituições federais enquanto durar a pandemia, ferindo a autonomia universitária prevista no art. 207 da Constituição Federal e lei 9.192/1995 MP 914: nova tentativa de interferência nas universidades federais através. A medida não foi aceita pelo Congresso Ataques à Ciência e às universidades. Defesa das posições “terraplanistas”. O paradigma da terra esférica em oposição à terra plana surgiu na filosofia grega do séc. VI ac (Pitágoras) e Fernão de Magalhães o comprovou com a primeira viagem de circunavegação ao globo, de 1519 a 1522
Medidas sanitária de enfrentamento ao COVID-19	Confronto aberto às medidas sanitárias. Arranjos de morte institucionalizada: hidroxicloroquina, falta de equipamentos de oxigênio, hospitais lotados) Ataques às medidas sanitárias de isolamento e uso de máscaras. Recomendação da OMS para controle da pandemia e para criar condições sustentáveis de recuperação econômica. Confronto equivocado entre economia e saúde
Água	Bolsonaro veta obrigação do governo de fornecer água potável, higiene e leitos hospitalares a indígenas (Folha de São Paulo, 08/07/2020)

Observe-se que os fatos apresentados no quadro acima, de decisões e atitudes do governo Bolsonaro, são suficientes, embora este não seja um relevamento exaustivo, para apontar a configuração de um governo decidido a desqualificar o Estado e a política pública. O caso do assassinato da vereadora Marielle, revelou a posição da família Bolsonaro, implicada no crime, no confronto aberto contra a luta feminina e antirracista. Ao mesmo tempo, a exploração de *fake news* como estratégia de manobra da opinião pública, combinada com posições indefensáveis do governo Bolsonaro em relação a assuntos diplomáticos internacionais, consolidou o desprezo do governante por causas políticas de claro conteúdo humanista.

As privatizações, promovidas desde o início deste governo, constituem uma manifestação do avanço dos capitais privados mais concentrados nas atividades estratégicas da economia nacional, como petróleo. Se vivencia ademais, no Brasil, o avanço alarmante dos interesses produtivos e especulativos sobre a fronteira agrícola, onde a exploração de terras em larga escala provoca enormes impactos ambientais. Tudo consequência do poder político do rentismo e do setor financeiro que dão sustentação ao governo Bolsonaro. O governo Bolsonaro busca desviar com atitudes de baixo padrão moral e ético as transformações vindas com o desmonte do Estado e a depreciação do sistema político democrático. As medidas que atingem prejudicialmente o ensino superior, a saúde pública, combinadas com os desafios da pandemia e novas privatizações que avançam sobre direitos básicos da população, simbolizado pelo caso da água, que coloca na lógica de mercado, um direito fundamental da população em um país com grandes desigualdades sociais e com as maiores reservas de água doce do planeta.

Observações finais

No Brasil a situação atual das grandes cidades reflete cada vez mais a exclusão social. Sabe-se hoje da importância da manutenção das políticas sociais para mitigar a desigualdade, porém, o ataque a estas políticas interrompeu o processo das políticas públicas inclusivas. Atualmente, 84 % da população do Brasil vive em áreas urbanas e mais de 11 milhões de pessoas moram em favelas. Nesse espaço urbano, especialmente nas periferias e favelas, as desigualdades vêm comprometendo o exercício dos direitos, à vida digna e a participação democrática das pessoas.

A distribuição de renda estagnou, a pobreza voltou com força e a equiparação de renda entre homens e mulheres, e negros e brancos, que vinha acontecendo ainda que timidamente, recuou. São retrocessos inaceitáveis para um país cuja maioria é justamente de pobres, negros e mulheres. E essas desigualdades de renda, raça e gênero são reforçadas — e retroalimentadas — por um sistema tributário que cobra mais justamente de quem menos tem. Os 10 % mais pobres do Brasil gastam 32 % de sua renda com tributos; os 10 % mais ricos, 21 %.

Seis brasileiros têm uma riqueza equivalente ao patrimônio dos 100 milhões mais pobres do país. Os 5 % mais ricos detêm a mesma fatia de renda dos demais 95 %. Uma mulher trabalhadora que ganha um salário mínimo mensal levará 19 anos para receber o equivalente ao que um cidadão rico pertencente a esse 5 % recebe em um único mês. Esse é o cenário atual do Brasil.

Nesse contexto, o desmonte das políticas públicas provoca em forma acelerada a expansão da desigualdade no Brasil. Para além do Estado mínimo, tradicional recomendação do discurso neoliberal, o que se despreza na política de Bolsonaro é a capacidade do governo nacional exercer o seu imprescindível papel na gestão política com autonomia, tal que garanta o desenvolvimento local e regional em conexão com o mundo globalizado. As políticas neoliberais são mecanismo de retorno do país à posição subalterna típica do domínio dos interesses rentistas, condensados hoje no apoio político do governo Bolsonaro.

Bibliografia

1. Abramo, Lais, “América Latina é o continente mais desigual do mundo”. 2019, *Brasil. Centro de Estudos Estratégicos da Fiocruz Antonio Ivo de Carvalho* [Recurso eletrônico]. URL:

<https://cee.fiocruz.br/?q=Lais-Abramo-da-Cepal-America-Latina-e-o-contidente-mais-desigual-do-mundo> (consultou o 10.10.2021).

2. Bielschowsky, Ricardo, *Pensamento econômico brasileiro: o ciclo ideológico do desenvolvimentismo*, Rio de Janeiro, Ipea; Inpes, 1988.
3. “A hora da igualdade: brechas por fechar, caminhos por abrir”. 2010, *Cepal*.
4. Etulain, Carlos Raul, “Desafios às políticas de transferência de renda implementadas nas últimas décadas na América Latina: avanço da política sobre a economia ou políticas pro mercado”. 2016, *LASA*.
5. *Instituto Brasileiro de Geografia e Estatística, IBGE* [Recurso eletrônico]. URL: <https://www.ibge.gov.br/> (consultou o ago. e set. de 2021).
6. *OXFAM Brasil* [Recurso eletrônico]. URL: <https://www.oxfam.org.br/> (consultou o ago. e set. de 2021).
7. Przeworski, Adam, “Capitalismo, desenvolvimento e democracia”, *Brazilian Journal of Political Economy* 24:4, 2004.
8. Rodrik, Dani, Arvind Subramanian e Francesco Trebbi, “Institutions Rule: The Primacy of Institutions over Geography and Integration in Economic Development”, *NBER Working Paper* 9305, 2002.

Gustavo Bonin Gava¹

PANDEMIA E PROTEÇÃO SOCIAL: OS CASOS DE BRASIL E PORTUGAL

PANDEMIC AND SOCIAL PROTECTION: THE CASES OF BRAZIL AND PORTUGAL

Resumo. A pandemia causada pelo novo coronavírus (COVID-19) trouxe consigo uma grave crise econômica, social e financeira. Este trabalho tem como objetivo apresentar os sistemas de proteção social de Portugal e Brasil e as políticas sociais adotadas pelos dois países na busca de mitigar os efeitos deletérios da pandemia.

Palavras-chave: COVID-19, proteção social, Brasil, Portugal.

Abstract: The pandemic caused by the new coronavirus (COVID-19) brought with it a serious economic, social and financial crisis. This paper aims to present the social protection systems in Portugal and Brazil and the social policies adopted by the two countries in an attempt to mitigate the deleterious effects of the pandemic.

Key words: COVID-19; social protection; Brazil; Portugal.

Introdução

A pandemia causada pelo novo coronavírus (COVID-19) trouxe consigo uma grande crise econômica, financeira e social. Em 3 de outubro de 2021, a Organização Mundial da Saúde (OMS) registrou mais de 234 milhões de casos e mais de 4,8 milhões de óbitos em todo o mundo. Na China, onde o vírus começou a ser disseminado, a infecção foi mitigada depois de atingir 124 mil casos notificados; nos Estados Unidos — o país mais afetado com mais de 43 milhões de casos acumulados — a pandemia ainda encontra terreno fértil para sua manutenção, mesmo com as campanhas de vacinação alcançando milhares de americanos. Em muitos outros países e territórios infectados, a doença continua a se espalhar em ritmo sustentado.

Muito embora a pandemia tenha deixado milhares de mortos, infectados e milhões com sequelas no ambiente da Europa Ocidental, seus sistemas de proteção social com serviços de saúde universais, economicamente mais fortes, com maiores recursos humanos e materiais e com robustos benefícios aos mais afetados pela pandemia, tornaram mais digna a travessia em meio ao caos pandêmico. O mesmo não ocorreu em outros países latino-americanos porque a pandemia, como aconteceu na Europa, além do terrível número de mortes e centenas de milhares de infectados, está deixando seus cidadãos em situações extremas de miséria, onde as chances de progressão no presente e no futuro são cada vez mais incertas.

Para comparar esses dois modelos de proteção social, foram selecionados dois países que compartilham uma história e uma cultura comuns; Portugal e Brasil, com estruturas políticas antagônicas em relação à proteção social de seus cidadãos, a primeira voltada ao modelo de Estado de Bem-Estar dos países do Sul da Europa, que protege mais amplamente seus habitantes através dos direitos sociais; e a segunda, mais orientada para as políticas econômicas de livre mercado, com um sistema de proteção social frágil.

¹ **Gustavo Bonin Gava**, Brasil, Doutor em Desenvolvimento Econômico pelo Instituto de Economia da Universidade Estadual de Campinas. Atualmente é pesquisador colaborador no Laboratório de Economia e Gestão da Faculdade de Ciências Aplicadas (gustavo.bgava@gmail.com).

Sistema de proteção social Português

Em 1919 foi criado em Portugal o primeiro sistema de seguros obrigatórios, inclusive data do mesmo ano a publicação da nova lei das 8 horas de trabalho diário, o que, como menciona Pereira (2017), ofuscou as leis sobre a criação do sistema de seguros. Houve resistência à aplicação da nova legislação trabalhista, conforme Cardoso e Rocha, o movimento mutualista, as organizações patronais e de corpo médico, observavam a nova legislação como afronta aos direitos individuais, soma-se a esse contexto a crise inflacionária do pós-guerra, onde “limitou as possibilidades financeiras do Estado e rapidamente desatualizou os escalões salariais fixados para a delimitação dos benefícios”. Além do contexto econômico, a sociedade portuguesa pouco atuou para que o sistema de seguros alcançasse melhores resultados.

As reformas no sistema de seguros obedeciam ao contexto europeu, seguidas de perto pelas experiências alemã e inglesa em matéria de política social, somando-se a perspectiva de que Portugal pudesse participar da Liga das Nações após a Primeira Guerra Mundial, por isso a necessidade da aprovação de tais medidas era vista como primordial aos políticos portugueses. Para Boaventura de Sousa Santos, após a ascensão do período colonial, Portugal tornou-se uma nação em busca de respaldo dentro da própria Europa. Em uma passagem descreve:

Uma das demonstrações mais dramáticas desta perda e da subalternização que ela acarretou foi a Conferência de Berlim sobre a partilha da África (1884-85) e o Ultimato inglês (1890) contra a pretensão portuguesa de manter sob sua jurisdição os vastos territórios da África Austral entre Angola e Moçambique. O critério de partilha deixa de ser o direito histórico da descoberta, reivindicado [...] por Portugal, para passar a ser da ocupação efetiva, favorável às pretensões colonialistas dos países europeus centrais

Em harmonia com Santos, o isolamento de Portugal do sistema central capitalista será ainda mais aprofundado no decorrer do Estado Novo, sobretudo quando o fascismo e o nazismo são derrotados na Segunda Guerra Mundial — ideologias que cercaram o projeto de Salazar e da sociedade portuguesa na busca pela aspiração no interior do sistema —, e transformados em rejeição pelos países vitoriosos. Como destaca o autor:

A Europa, saída das ruínas da guerra para a democracia e para o neocolonialismo, rejeita o Portugal ditatorial e colonial. Mas a rejeição nunca é total, evolui ao longo do tempo, e é mesmo oportunisticamente substituída por aceitação mais ou menos disfarçada sempre que o colonialismo português serve os superiores interesses do Ocidente, ou seja, da Guerra Fria

Entre 1968–1989, três acontecimentos de grande importância ocorreram em Portugal e, segundo Santos, estiveram interligados com a reaproximação de Portugal aos países centrais da Europa: a Revolução dos Cravos de 25 de abril de 1974; o fim do império colonial em 1975 e a entrada, no mesmo ano, de aproximadamente meio milhão de cidadãos repatriados provenientes das colônias portuguesas; e à adesão a UE em 1986. Tais marcos históricos ganharam proporção e foram transformados em bandeiras de mudança tanto na política econômica quanto na sociedade portuguesa. Imaginava-se que o país desfrutaria de respaldo internacional enquanto colhia os frutos da “engenharia político-econômica” ao participar da UE. Contudo, ao participar do acordo, Portugal também descartou a possibilidade de criar um projeto nacional.

O desenvolvimento socioeconômico de Portugal sem sombra de dúvida foi e ainda é atrelado a sua entrada e permanência na UE, contudo o país carece de um plano mais ambicioso de prosperidade, o que pode ser mensurado pela carência de responsabilidade quanto aos aportes de capital recebidos pelos países centrais com objetivo de elevar a renda e diminuir a desigualdade latente entre sua população e equalizar sua posição entre os diferentes países europeus. Portugal e os demais países do Sul apostaram em uma mesma estratégia — impraticável no capitalismo — em que cada país ganha separadamente e todos juntos ganham também. De acordo com Boaventura de Sousa Santos (2011), os fundos foram utilizados de forma insustentável pela classe política, inclusive com a corrupção incrustada no sistema, destinando o capital aos serviços com pouca

relevância tecnológica ou educacional, diminuindo ainda mais as chances da nação portuguesa em promover um desenvolvimento social com base educacional de ponta, como fizeram os países centrais.

Sistema de proteção social Brasileiro

O sistema de proteção social brasileiro passou por inúmeras transformações nas últimas décadas. Inicialmente introduzido para proteger trabalhadores de setores-chave da economia nacional, o sistema foi sendo ampliado paulatinamente nos períodos anteriores ao Golpe Civil Militar de 1964.

Com o regime militar, a segmentação da proteção social foi aprofundada em dois grupos distintos ao longo do tempo. Por um lado, as políticas sociais alcançaram segmentos mais vulneráveis, sobretudo aos trabalhadores do setor rural, a habitação ganhou maior foco e a educação foi ampliada. Por outro, aqueles trabalhadores formais assalariados, com renda suficiente para custear sua própria proteção social foram incentivados a usar os serviços oferecidos pelo setor privado.

Com o fim da Ditadura Civil Militar, avançou-se na perspectiva de remodelar a proteção social através da redemocratização e pela promulgação da Constituição de 1988. De fato, o sistema de proteção social foi ampliado, trouxe a universalização da saúde, da educação, da previdência e da assistência social como bases de um novo marco no acesso aos direitos de grande parcela da população anteriormente excluída. Essa tendência se fortaleceu ainda mais na década de 1990, através da construção de políticas e programas focalizados e no aumento dos gastos sociais.

Contudo, o modelo de desenvolvimento econômico neoliberal começou a prevalecer no país e este foi, de fato, o período em que o papel do Estado na economia foi profundamente revisado por meio da racionalização dos gastos públicos, da privatização de várias empresas públicas e da desregulamentação dos mercados. Ao mesmo tempo, porém, o novo modelo econômico não teve a capacidade para corrigir os problemas estruturais que caracterizaram, e em grande medida ainda o fazem, a distribuição de renda, riqueza e poder na sociedade brasileira.

Com a chegada do PT ao Executivo Federal, demarcou-se um ciclo de transformação econômica com maior distribuição de renda e implementação de políticas sociais e de proteção social de maior envergadura. Entretanto, a reforma agrária foi frequentemente anunciada, mas nunca aprovada, a condição de subfinanciamento do SUS continuou, a educação, sobretudo a básica, se manteve a patinar nos resultados nos exames internacionais, a insegurança pública ganhou destaque como um dos principais problemas sociais e, no campo da administração pública, às práticas clientelistas ineficientes foram prevaletes. Mesmo com os avanços da proteção social, o período foi marcado pela estabilização da concentração da renda no topo dos estratos econômicos mais altos.

Conforme destacou Souza (2018):

[...]A desigualdade — entendida como concentração no topo — teve no Brasil uma trajetória peculiar se comparada às experiências europeia e americana, irreduzível a narrativa simples. O que salta aos olhos é a combinação de estabilidade e mudança observada entre 1926 e 2013. Por um lado, não há nenhuma tendência unívoca de longo prazo: a fração recebida pelo centésimo mais rico oscilou entre e 25 % durante a maior parte do tempo, até mesmo no período mais recente, quando apresentou % 20 razoável estabilidade em torno de 23 %. Algo parecido pode ser dito acerca do 0,001 % e do 0,1 % mais rico e, em menor grau, dos 5 % a 15% mais ricos, para os quais só há dados para um período .mais restrito

Além da concentração de renda e desigualdade, desde 2015 o sistema de proteção social brasileiro é regido por uma agenda econômica austera que prevalece sobre qualquer política social. O ciclo atual é de desconstrução do sistema de proteção social previsto na Constituição de 1988, com a chegada de Bolsonaro à presidência do Brasil, agravou-se um cenário de reversão total da

situação no que diz respeito às políticas sociais, até mesmo em outros aspectos da vida econômica, social, política e cultural da sociedade brasileira estão sendo postos à prova.

Políticas de enfrentamento

Visando proteger emprego, renda e garantir acesso a benefícios sociais de emergência, Portugal e Brasil criaram uma série de medidas. A Tabela 1 abaixo apresenta algumas das medidas realizadas.

Tabela 1. Políticas de proteção social e de manutenção do emprego e da renda implementadas por Portugal e Brasil, até maio de 2021

	Portugal	Brasil
Políticas de proteção social	<ul style="list-style-type: none"> • Planos de apoio financeiro a trabalhadores autônomos. • Parcela complementar do auxílio para famílias vulneráveis com menores de 16 anos. • Apoio aos pais com filhos dependentes ou menores de 12 anos com ou não deficiência ou doença crônica. • Suspensão da cobrança de multas e de rescisões de contrato de serviços de essenciais (água, energia elétrica, gás natural e telecomunicações). • Extensão de benefícios aos desempregados e a todos os beneficiários do regime previdenciário, sem testes de meios para elegibilidade. 	<ul style="list-style-type: none"> • Implementação do auxílio emergencial, um benefício para pessoas desempregadas e que não estão inseridas no mercado formal de trabalho. • Possibilidade de ampliação do Programa Bolsa Família para mais de um milhão de famílias. • Antecipação de benefícios sociais aos mais vulneráveis, por exemplo Benefício de Prestação Continuada e do auxílio-doença. • O 13º salário de aposentados e pensionistas foi antecipado em duas prestações. • Distribuição de alimentos aos alunos de escolas públicas municipais e estaduais.
Políticas de manutenção do emprego e da renda	<ul style="list-style-type: none"> • Apoio financeiro para formação profissional de trabalhadores não ocupados. • Estágios de apoio à inserção de jovens no mercado de trabalho e à requalificação profissional de desempregados inativos. Com a criação de programas específicos para setores emergentes, por exemplo, economia digital, energia e alterações climáticas e área social. • Regime simplificado para empresas substancialmente afetadas pela pandemia, em que o trabalhador possui o direito a 2/3 do salário integral (30 % empregador + 70 % poder público), até seis meses após a pandemia. Os empregadores participantes deste esquema não podem despedir seus respectivos trabalhadores. 	<ul style="list-style-type: none"> • Programa Emergencial de Manutenção do Emprego e da Renda foi implementado. As reduções da jornada de trabalho podem ser de 25 %, 50 % e 70 % e, em alguns casos, a completa suspensão do contrato de trabalho. O Governo Federal então concede um benefício complementar, observado o valor do seguro-desemprego ao qual o trabalhador nessa situação teria direito. • Saques antecipados do Fundo de Garantia por Tempo de Serviço. • Redução de alíquotas e impostos aos empregadores e empregados.

Fonte: Elaboração própria a partir de Ugo Gentilini, Mohamed Almenfi, Ian Orton e Pamela Dale, *Social Protection and Jobs Responses to COVID-19: A Real-Time Review of Country Measures*. 2020.

Discussão

A pandemia expôs as políticas conservadoras aplicadas em alguns no Brasil ao priorizar a economia de mercado, acima dos milhares de mortes e das centenas de milhares de infectados. Este momento histórico permite-nos visualizar melhor a profunda crise política, econômica, social e sanitária, onde a ausência de empatia e humanidade e a baixa capacidade política de alguns dirigentes, aliada a um sistema econômico desigual e pouco solidário, mais uma vez deixou milhões de cidadãos brasileiros na margem, os quais precisaram lidar com a pandemia por conta própria.

Essa situação deve nos fazer refletir, entre outras coisas, sobre o modelo tributário vigente como instrumento de arrecadação do Estado brasileiro para melhorar a redistribuição por meio do aumento do gasto e do investimento público. O gasto social é um componente fundamental na

busca urgente de combate à pobreza. A implementação de uma política social mais ampla teria necessariamente que considerar mecanismos redistributivos, que envolvam transferências monetárias condicionadas e que ajudem a promover a transformação da estrutura produtiva para criar mais empregos, melhorar as condições de vida dos trabalhadores e reduzir a pobreza.

No campo das desigualdades, sejam econômicas e/ou sociais, 25,2 %, totalizando 52,5 milhões de brasileiros estão inseridos na pobreza (pessoas que vivem com menos de US\$ 5,50) e destes 6,5 %, 13,5 milhões vivem com apenas US\$ 1,90 ao dia, classificando-se em extremamente pobres. Além disso, a pobreza nas Regiões Norte (41,3 %) e Nordeste (43,6 %) são bem maiores do que as das Regiões Sudeste (16,3 %), Sul (12,1 %) e Centro-Oeste (16,4 %). Assim, grande parte da população brasileira está em uma posição desvantajosa no que diz respeito a se proteger da COVID-19 (Tabela 2).

Isso é particularmente verdadeiro para quem está localizado em comunidades onde não há saneamento básico, onde padrões essenciais de higiene exigidos para diminuir a proliferação da doença, como lavar as mãos regularmente, são desafios cotidianos. Além do mais, a alta densidade populacional nas comunidades e a presença do emprego informal precarizado apontaram para maior dificuldade na implementação com sucesso de medidas de mitigação, como o distanciamento social, facilitando a disseminação do vírus.

Tabela 2. Distribuição percentual de pessoas residentes em domicílios particulares, com indicação de variação, segundo classes de rendimento real domiciliar per capita e as Grandes Regiões, 2012–2018

Grandes Regiões	Distribuição percentual de pessoas residentes em domicílios particulares (%)						
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
	Menos de US\$ 1,90 PPC (2011) ¹						
Brasil	5,8	5,1	4,5	4,9	5,8	6,4	6,5
Norte	9,7	8,3	7,5	9	9,7	10,1	11
Nordeste	12,4	11,1	9,4	10,3	12	13,5	13,6
Sudeste	2,6	2,4	2,2	2,2	3	3,2	3,2
Sul	1,8	1,4	1,4	1,5	1,9	2,2	2,1
Centro-Oeste	1,9	1,8	1,8	2	2,6	2,9	2,9
Menos de US\$ 5,50 PPC (2011) ¹							
Brasil	26,8	24,9	22,8	23,7	25,5	26	25,3
Norte	42,5	41,4	38,3	40,5	43,7	42,4	41,3
Nordeste	46,4	43,7	40,5	41,3	43,7	44,3	43,6
Sudeste	16,3	15,5	13,8	14,7	16,1	17,2	16,3
Sul	13,1	11,6	10,3	11	12,1	12	12,1
Centro-Oeste	17,8	15,3	15,1	15,6	17,2	16,8	16,4

¹ Taxa de conversão da paridade de poder de compra — PPC para consumo privado, R\$ 1,66 para US\$ 1,00 PPC 2011, inflacionado pelo IPCA para anos recentes. As indicações de significância estatística para as variações das estimativas deste quadro, representadas graficamente pelas setas, são determinadas por testes de hipóteses acerca dos parâmetros ($p < 0,05$).

Fonte: Adaptado de IBGE (2019).

Como destacaram Soares et al. (2020) em países pobres ou em desenvolvimento, as medidas de isolamento social:

As medidas de distanciamento social seguem duas direções opostas, uma no objetivo de contenção da disseminação do vírus, outra no contexto do enfraquecimento da economia global, e destaca-se os trabalhadores informais que mais sofreram nesse período, o que os deixam mais vulneráveis e

umentam significativamente as diferenças das classes sociais, principalmente em países em desenvolvimento, como o Brasil.

Embora a doença tenha se espalhado mais rapidamente em áreas urbanas, as populações rurais, incluindo muitas comunidades indígenas, tradicionais ou concentradas em biomas naturais, enfrentaram e ainda esbarram em barreiras adicionais para procurar atendimento médico durante a pandemia, o que também as coloca em um risco ainda maior. Ao mesmo tempo, esses grupos tendem a depender principalmente de relações de trabalho precárias para obtenção de renda e, portanto, têm mais dificuldade em evitar de ir ao trabalho, mesmo que as instituições governamentais lhes digam para não o fazer.

Esses exemplos também mostram que, para gerir o futuro e proteger as pessoas mais vulneráveis, é necessário multiplicar os investimentos em políticas públicas focalizadas e universais de proteção social; educação, saúde, renda e pensões ou serviços sociais dignos, administrados por lideranças honestas e conscientes de que a atividade política deve ser regida por critérios morais como uma tarefa que dignifica a comunidade pela qual é governada, distinguindo claramente os interesses pessoais ou partidários, e sempre calculando, como disse Weber (1981), as consequências previsíveis de seu comportamento, algo que os sistemas neoliberais negam sistematicamente por meio de políticas que apoiam os economicamente mais fortes em detrimento dos grupos mais fracos, que sempre precisarão do apoio dos sistemas públicos para se tornarem sociedades mais igualitárias.

Considerações finais

A pandemia demonstrou as grandes lacunas e a irresponsabilidade das políticas econômicas adotadas no Brasil, bem como sua falta de solidariedade com as camadas mais desfavorecidas da sociedade. Torna-se necessária portanto, uma visão política mais ampla, capaz de superar constrangimentos intelectuais e ideológicos, a fim de promover os direitos de cidadania e proteger as pessoas mais vulneráveis.

Depois desta pandemia, as decisões políticas devem ganhar importância para realizar uma mudança profunda, aplicando medidas sociais que facilitem o acesso efetivo aos direitos de cidadania para fechar as brechas econômicas e sociais da desigualdade, uma educação pública, universal e de qualidade, um amplo sistema de saúde público que garanta o acesso a todos os cidadãos, a promoção de programas de promoção do emprego dirigidos às pessoas mais vulneráveis, um sistema de serviços sociais que garanta um mínimo de rendimentos de subsistência e, em conclusão, a implementação de sistemas de proteção social amplo, público, universal e de qualidade.

Bibliografia

1. Cardoso, José Luís e Maria Manuela Rocha, “O seguro social obrigatório em Portugal (1919–1928): acção e limites de um Estado providente”, *Análise Social* 44:192, 2009, p. 439–470.
2. Codeço, Cláudia Torres, Raquel Lana, Ricardo Ventura Santos e Barbara Coelho Barbosa da Cunha, *Risco de espalhamento da Covid-19 em populações indígenas: considerações preliminares sobre vulnerabilidade geográfica e sociodemográfica*. 2020.
3. Gentilini, Ugo, Mohamed Almenfi, Ian Orton e Pamela Dale, *Social Protection and Jobs Responses to COVID-19: A Real-Time Review of Country Measures*. 2020.
4. Instituto Brasileiro De Geografia E Estatística — IBGE. Síntese dos indicadores sociais de 2019.
5. Organização Mundial Da Saúde — OMS. Weekly operational update on COVID-19. Issue nº 74, 2021.
6. Pereira, Miriam Halpern, “As origens do Estado Providência em Portugal: as novas fronteiras entre público e privado”, *Cadernos sociedade e Trabalho* 20, 2017, p. 15–30.
7. Santos, Boaventura de Sousa, *Portugal: ensaio contra a autoflagelação*, São Paulo, Cortez Editora, 2011.

8. Simionatto, Simone, Marcelo Barbosa e Silvana Beutinger Marchioro, “COVID-19 in Brazilian indigenous people: a new threat to old problems”, *Revista da Sociedade Brasileira de Medicina Tropical* 53, 2020.
9. Soares, Francisco Mayron Morais et al., “Fatores associados à vulnerabilidade da não adesão do distanciamento social de trabalhadores na COVID-19”, *Revista Enfermagem Atual In Derme* 93, 2020. <https://doi.org/10.31011/reaid-2020-v.93-n.0-art.772>
10. Souza, Pedro H. G. Ferreira, *Uma história de desigualdade: a concentração de renda entre os ricos no Brasil, 1926–2013*, São Paulo, HUCITEC, 2018.

PROBLEMAS SOCIALES Y LOS DERECHOS HUMANOS EN COLOMBIA ACTUAL

SOCIAL PROBLEMS AND HUMAN RIGHTS IN CURRENT COLOMBIA

М. М. Краснов, В. Л. Шабанов¹

СЕЛЬСКО-ГОРОДСКАЯ МИГРАЦИЯ И ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КОЛУМБИИ

RURAL-URBAN MIGRATION AND GENDER ASPECTS OF DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT IN COLOMBIA

Аннотация. Сельско-городская миграция в Колумбии является составной частью демографического перехода, переживаемого страной. Возрастная и гендерная структуры сельско-городского миграционного потока отличаются от соответствующих структур сельского населения высокими долями молодежи и женщин. Это продуцирует ряд социальных проблем в сельской местности, таких как увеличение демографической нагрузки на работающих, повышение затрат на пенсионное обеспечение, изменения в образе жизни семьи, дисбаланс численности мужчин и женщин в наиболее продуктивных возрастных группах. В сельском образе жизни сохраняются архаичные черты, определяемые, в частности, низкой занятостью женщин в экономике и высокой — в быту. В ведении домашнего хозяйства колумбийской сельской семье свойственно более выраженное и четкое, чем в городе, гендерное разделение ролей. Согласно официальным данным, расширенное естественное воспроизводство, характерное для села, в последние годы перестало обеспечивать рост сельского населения в ряде провинций из-за активной миграции сельского населения этих провинций в города. Если в межпереписной период 1993–2005 гг. сократилось сельское население 8 департаментов (из 32), то с 2005 по 2018 гг. сельское население сократилось уже в 12 департаментах. По-видимому, можно говорить о тенденции постепенного исчерпания демографического потенциала сельской Колумбии: в дальнейшем сельско-городская миграция в Колумбии будет означать простое перераспределение населения, сопровождаемое ростом городов и депопуляцией сельской периферии.

¹ **Краснов Михаил Михайлович**, Россия, преподаватель, Педагогический и технологический университет Колумбии (superlosik@mail.ru).

Шабанов Виктор Леннарлович, Россия, доктор социологически наук, ведущий научный сотрудник ИАГП РАН (Институт аграрных проблем Российской академии наук, г. Саратов, Россия) (vic35@inbox.ru).

Ключевые слова: демографическое развитие, демографический переход, сельско-городская миграция, возрастно-половая пирамида, гендерные проблемы, занятость.

Abstract: Rural-urban migration in Colombia is part of the country's demographic transition. The age and gender structures of the rural-urban migration flow differ from the corresponding structures of the rural population in the high proportion of young people and women. This produces a number of social problems in rural areas, such as: an increase in the demographic burden on workers, an increase in pension costs, changes in the family's lifestyle, an imbalance in the number of men and women in the most productive age groups. Archaic features remain in the rural lifestyle, determined, in particular, by the low employment of women in the economy and high, in the household. In household management, the Colombian rural family is characterized by a more pronounced and distinct gender division of roles than in the city. According to official data, the expanded natural reproduction characteristic of the countryside in recent years has ceased to provide for the growth of the rural population in a number of provinces due to the active migration of the rural population of these provinces to cities. While in the intercensal period 1993–2005 the rural population of 8 departments (out of 32) decreased, so from 2005 to 2018 the rural population has already declined in 12 departments. Apparently, we can talk about a tendency for the gradual exhaustion of the demographic potential of rural Colombia: in the future, rural-urban migration in Colombia will mean a simple redistribution of the population, accompanied by the growth of cities and depopulation of the rural periphery.

Key words: demographic development, demographic transition, rural-urban migration, age-sex pyramid, gender problems, employment.

Материалы официальной статистики демонстрируют особенности демографического перехода, переживаемого Колумбией со второй половины XX в. За 30 лет — с 1960 по 1990 г. — смертность снижалась ускоренным темпом — на 48 %, рождаемость также снижалась, но медленнее — на 37 %. За следующие 30 лет — с 1990 по 2020 г. — смертность снизилась незначительно — на 12 %, а рождаемость продолжила снижаться в том же высоком темпе. В 2018 г. доля лиц 60 лет и старше составляла 13 %, в то время как в 1985 г. — лишь 7 %. Однако структура возрастно-половых пирамид по городу и селу заметно различается как из-за разных темпов изменения показателей рождаемости и смертности, так и из-за сельско-городской миграции².

Сельско-городская миграция является одним из маркеров демографического перехода. Британский исследователь, нобелевский лауреат 1979 г. по экономике У. А. Льюис акцентировал внимание на интенсификации миграционных потоков из сел в города в развивающихся странах, обусловленных ростом городской экономики и занятости, которые с течением времени исчерпываются³.

Данная теория подтверждается эмпирическими материалами по современной Колумбии. Рассмотрим, как менялась демографическая ситуация в Колумбии за двадцатилетние периоды времени, в течение которых все люди, за вычетом умерших и с учетом родившихся, осуществляют сдвиг стандартной возрастной пирамиды, построенной на пятилетних когортах, на четыре ступени вверх. В качестве опорных лет возьмем годы переписей, дающих наиболее точную и достоверную информацию по населению — 1985, 1993 и 2005 гг., — которые дополним текущей статистикой за 2013 г.

В табл. 1 показаны соотношения между численностями возрастных групп, осуществивших 20-летнюю «передвижку». Например, численность горожан, которым в 2005 г. было 20–24 года, составила 113 % от численности этих же людей, которым в 1985 г. было 0–4 года (см. столбец 2). Превышение 100 %, наблюдаемое здесь, могло произойти только за счет притока мигрантов (в основном из села, реже из-за рубежа) или административных решений по изменению категории населенных пунктов — перевода

² “Estadísticas por tema Demografía y población”, DANE [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dane.gov.co/index.php/estadisticas-por-tema/demografia-y-poblacion> (дата обращения: 10.08.2021).

³ Анна Адедиран, “Ключевые вехи становления современной теории миграции в работах западных ученых XX в.”, *Вестник РУДН. Серия: Социология* 1, 2015.

«сел» в «города», которых в Колумбии за рассматриваемые периоды было немного. Потеря сельским населением 30–54 % численности за 20 лет говорит не о его сверхсмертности, а о его отъезде из сельской местности, которое происходит наиболее активно в возрастных группах младше 40 лет.

Сравнивая динамику обоих 20-летних периодов, отметим, что в более поздний период наблюдается некоторое сглаживание данных, что может свидетельствовать о замедлении темпов сельско-городской миграции в Колумбии.

Таблица 1. Соотношения между численностями передвинутых возрастных групп за 20-летние периоды, %⁴

Возрастные группы	2005/1985		2013/1993	
	город	село	город	село
20–24 / 0–4	113	50	108	51
25–29 / 5–9	108	51	106	46
30–34 / 10–14	103	53	102	53
35–39 / 15–19	102	55	99	58
40–44 / 20–24	102	57	98	68
45–49 / 25–29	98	62	99	67
50–54 / 30–34	95	67	98	69
55–59 / 35–39	93	70	95	66
60–64 / 40–44	90	68	93	68
65–69 / 50–54	85	62	87	67
70 и ст. / –	–	–	–	–

Переход к абсолютным значениям показывает исчерпание потенциала демографического роста сельского населения в Колумбии и демонстрирует демографические последствия гражданского конфликта.

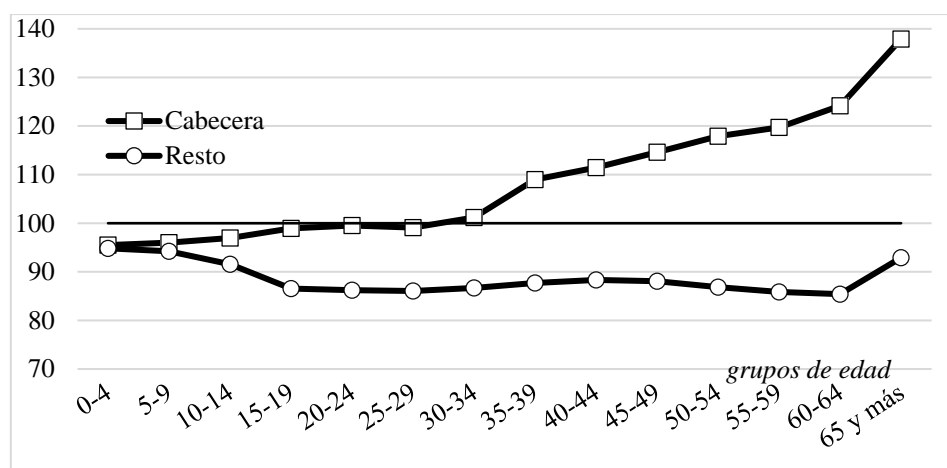
1. Несмотря на существенное снижение численности «передвигаемых» сельских возрастных групп, сельское население в целом за межпереписной период 1985–2005 гг. выросло на 6,7 %. Это произошло благодаря «демографическому запасу» старших поколений, численность которых (считая с 25 лет) выросла на 26 %, в то время как численность молодежи (до 25 лет) сократилась на 6 %. Это означает, что наряду с миграцией, происходит снижение рождаемости до уровня, не обеспечивающего расширенное воспроизводство поколений. Региональная статистика показывает, что за период 1993–2005 гг., при общем росте населения во всех 32 департаментах Колумбии, произошло сокращение сельского населения в 8 из них — в Бояке, Кальдасе, Сесаре, Магдалене, Сев. Сантандере, Сантандере, Киндио, Толиме. Согласно данным за 2018 г., по сравнению с 2005 г. сельское население сократилось в 12 департаментах — тех же, а также Атлантико, Боливаре, Рисаларде, Кесанаре. Можно видеть, что сельское население сокращается прежде всего там, где в качестве центра притяжения выступает расположенный неподалеку крупный город (Барранкилья в Атлантико, Картахена в Боливаре, Букарманга в Сантандере) или столица с их емким рынком труда и широкими социально-экономическими возможностями. Приведенные данные свидетельствуют о постепенном исчерпании демографического потенциала сельской Колумбии. В дальнейшем сельско-городская миграция в Колумбии будет приводить к простому перераспределению населения, сопровождаемому ростом городов и депопуляцией сельской периферии.

2. Абсолютная убыль сельского населения Колумбии превышает прирост городского населения того же возраста — на 2,35 млн человек в возрасте 20–44 лет за период 1985–

⁴ “Estadísticas por tema Demografía y población”, DANE [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dane.gov.co/index.php/estadisticas-por-tema/demografia-y-poblacion> (дата обращения: 10.08.2021).

2005 гг. и на 1,71 млн человек в возрасте 20–34 лет за 1993–2013 гг. Для Колумбии «исчезновение» 1–2 млн сельских жителей можно объяснить миграцией беженцев гражданского конфликта, численность которых оценивается в 4,7–5,7 млн человек. Часть из них покинула страну, перебравшись главным образом в соседнюю Венесуэлу (после 2010 г. активизировалась возвратная миграция)⁵, часть — это сельские жители, уехавшие из своих родных мест и осевшие на городских окраинах; по разным причинам они выпадали из статистического учета.

Вторая (наряду с повышенной активностью молодежи) важная структурная особенность сельско-городской миграции — завышенная доля в ней женщин. Это создает значительный гендерный дисбаланс, противоположный по характеру в городе и селе. В селе в возрастных группах до 40 лет он выражен заметно сильнее (рисунок).

Численность женщин в расчете на 100 мужчин соответствующей возрастной группы, в разрезе города и села, 2019 г.⁶

Превышение численности мужчин над численностью женщин в сельской местности Колумбии увеличивается с первых лет жизни до 25–29 лет и держится до старости на уровне 7–14 %. Наибольший дисбаланс численности мужчин и женщин приходится на молодые годы, когда молодежь становится самостоятельной, отделяется от родителей, активно едет в города учиться, работать, вступать в брак. В наиболее продуктивном возрасте 20–29 лет превышение численности мужчин над численностью женщин в сельской местности Колумбии достигает 14 %.

Гендерные аспекты демографического развития Колумбии не исчерпываются отмеченным дисбалансом численности мужчин и женщин в городе и селе. В образе жизни городского и сельского населения Колумбии гендерные различия очень сильны. Материалы бюджетных обследований времени, проводимых колумбийским департаментом статистики, позволяют выявить наиболее значимые из этих различий.

1. Занятость сельских женщин на работе, приносящей денежный доход (трудовая занятость), составляет 1 ч 10 мин в сутки. Это более чем в 2 раза меньше, чем в городе и в 4 раза меньше, чем у мужчин. (Для сравнения: в России эта разница составляет соответственно 1,5 и 2 раза.)

2. Занятость сельских женщин в домашнем хозяйстве (занятость в быту) составляет почти 5 ч/сут. Это на треть больше, чем в городе, и почти в 5 раз больше, чем у мужчин, которые и в городе, и в селе заняты домашним хозяйством в среднем по 58 мин/сут. (Для

⁵ Салават Абылкаликов, «Миграционные процессы в Венесуэле сквозь призму переписей населения», *Латинская Америка* 9, 2018; José Gregorio Varela, *Caracterización de la migración interna en Venezuela: censo 2001*, Mexico, 2008.

⁶ «Estadísticas por tema Demografía y población», *DANE* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dane.gov.co/index.php/estadisticas-por-tema/demografia-y-poblacion> (дата обращения: 10.08.2021).

сравнения: в России разница в длительности бытовой занятости у сельских женщин и мужчин составляет 2,5 раза⁷.)

Уровень участия женщин на рынке труда является косвенным показателем модернизации общества в социально-гендерном отношении. Наблюдаемый практически во всех странах мира более низкий уровень трудовой занятости женщин связан с биолого-социальными особенностями полов (отпуск по уходу за детьми практически всегда берут женщины, а не мужчины) и более низким возрастом выхода на пенсию у женщин по сравнению с мужчинами. Поэтому «полное равенство» полов в сфере трудовой занятости в принципе недостижимо нигде. Однако для более патриархальных обществ характерна крайне низкая занятость женщин на рынке труда, сильно отстающая от уровня занятости мужчин и сочетающаяся с завышенной занятостью домашним хозяйством. Примерно такую картину мы наблюдаем в сельской Колумбии: уровень занятости сельских женщин и мужчин старше 12 лет составлял в 2019 г. 34,6 и 71,9 % против 48,7 и 66,6 % в городе (для сравнения: в России — 45,8 и 61,1 % против 55,1 и 69,5 %). Одновременно с этим работу в домашнем хозяйстве в качестве основного вида занятости назвали 63,4 % сельских и 39,3 % городских женщин (в России — 28,5 % сельских и 11 % городских женщин)⁸. При этом занятость колумбийских женщин домашним хозяйством объясняется не только наличием детей в возрасте до 5 лет: даже в семьях, где нет маленьких детей, занятость женщин в домашнем хозяйстве весьма высока. Особенно это заметно по сельской местности, где зависимость занятости женщин домашним хозяйством от количества детей выражена слабее, а большая часть женщин без детей — более 60 % — все равно занята в домашнем хозяйстве (табл. 2). «Избыточно низкая» занятость женщин в экономике и, одновременно с этим, «избыточно высокая» их занятость в домашнем хозяйстве является отражением заниженного социального статуса женщины, что является чертой патриархального образа жизни.

Таблица 2. Занятость колумбийских женщин старше 12 лет в домашнем хозяйстве, по отношению к численности соответствующей группы, 2018 г., %⁹

Уровень занятости в быту, %	Село	Город
всего	63,4	39,3
из них:		
без детей в возрасте до 5 лет	60,8	36,7
с одним ребенком в возрасте до 5 лет	67,4	45,8
с более чем одним ребенком в возрасте до 5 лет	73,2	52,1

Источник: Encuesta nacional de calidad de vida. 2018 // DANE [Электронный ресурс]. URL: https://www.dane.gov.co/files/investigaciones/condiciones_vida/calidad_vida/Anexos_ECV_2018.xlsx (дата обращения: 10.08.2021).

Таким образом, современная Колумбия находится на завершающей стадии демографического перехода к современному типу воспроизводства населения с низкими показателями рождаемости и смертности. Ускоренная миграция населения из сел в города — процесс, сопровождающей демографический переход. В настоящее время снизившийся положительный естественный прирост сельского населения не компенсирует его потери из-за сельско-городской миграции почти в половине департаментов страны, в которых

⁷ Рассчитано по: “Encuesta nacional de uso del tiempo, 2012–2021”, DANE [Электронный ресурс]. URL: https://www.dane.gov.co/files/investigaciones/boletines/ENUT/Anexos_ENUT_enero_abril_2021.xlsx (дата обращения: 10.08.2021); “Выборочное наблюдение использования суточного фонда времени населением”. 2019, Росстат [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/sut_fond19/index.html (дата обращения: 10.08.2021).

⁸ Рассчитано по: “Обследование рабочей силы: Стат. бюллетень”. 2019, Росстат [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ors-2019-all.rar> (дата обращения: 10.08.2021).

⁹ “Encuesta nacional de calidad de vida”. 2018, DANE [Электронный ресурс]. URL: https://www.dane.gov.co/files/investigaciones/condiciones_vida/calidad_vida/Anexos_ECV_2018.xlsx (Дата обращения 10.08.2021)

наблюдается депопуляция сельской периферии. Сельско-городская в Колумбии приводит к заметной деформации сельской возрастно-половой пирамиды в сторону сокращения доли молодежи и доли женщин. В сельском образе жизни сохраняются архаичные черты, определяемые, в частности, низкой занятостью женщин в экономике и высокой — в быту. В ведении домашнего хозяйства колумбийской сельской семье свойственно более выраженное и четкое, чем в городе, гендерное разделение ролей.

Библиография

1. *Адедиран А. М.* Ключевые вехи становления современной теории миграции в работах западных ученых XX в. // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 15. № 1. 2015. С. 30–41.
2. Estadísticas por tema Demografía y población // DANE.
3. *Абылкаликов С. И.* Миграционные процессы в Венесуэле сквозь призму переписей населения // Латинская Америка. 2018. № 9. С. 69–80.
4. *Varela José Gregorio.* Caracterización de la migración interna en Venezuela: censo 2001. Mexico: FLACSO, 2008.
5. Encuesta nacional de uso del tiempo. 2012–2021 // DANE [Электронный ресурс]. URL: https://www.dane.gov.co/files/investigaciones/boletines/ENUT/Anexos_ENUT_enero_abril_2021.xlsx (дата обращения: 10.08.2021).
6. Выборочное наблюдение использования суточного фонда времени населением. 2019 // Росстат [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/sut_fond19/index.html (Дата обращения: 10.08.2021).
7. Обследование рабочей силы: Стат. Бюллетень. 2019 // Росстат [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ors-2019-all.rar> (дата обращения: 10.08.2021).

Luis Bernardo Díaz Gamboa¹

EL TRIBUNAL INTERNACIONAL DE OPINIÓN COMO FENÓMENO PEDAGÓGICO EN LA DEFENSA DE LOS DERECHOS HUMANOS

THE INTERNATIONAL COURT OF OPINION AS A PEDAGOGICAL PHENOMENON IN THE DEFENSE OF HUMAN RIGHTS

Resumen: El Tribunal Internacional de Opinión surge como un fenómeno de máxima trascendencia pedagógica al incorporar elementos de análisis epistémicos desde los Derechos Humanos para impactar en la defensa, promoción y protección de los mismos. Ya varias universidades Latinoamericanas, e incluso europeas, lo han incorporado como punto de análisis académico.

Palabras claves: Tribunal Internacional de Opinión, educación transformadora, justicia.

Abstract: The International Court of Opinion emerges as a phenomenon of maximum pedagogical importance by incorporating elements of epistemic analysis from Human Rights to impact the defense, promotion and protection of the same. Several Latin American, and even European, universities have already incorporated it as a point of academic analysis.

Key words: International Court of Opinion; transformative education; justice.

Introducción

Durante los días 26 y 27 de junio pasado sesionó el Tribunal Internacional de Opinión con magistrados de América y Europa para recibir las denuncias de las víctimas en el Paro Nacional acaecido en Colombia desde el 28 de abril y con ocasión de los dos meses de protestas. En dicha sesión se escuchó también al Fiscal Pedro Suárez Vacca quien acusó al Gobierno colombiano de acometer crímenes de lesa humanidad por acción o por omisión. Igualmente, el abogado del Estado presentó sus alegatos, centrándose en el carácter “vandálico” de la protesta.

¿De dónde vienen los Tribunales de Opinión y cuáles son sus facultades?

Es claro que desde la operación de los Tribunales de Nuremberg y Tokyo condenando los crímenes de los jefes nazis y nipones contra la paz, se han venido desarrollando una serie de instrumentos que rescatan el derecho de gentes desde la conciencia y la ética, verdad sabida y buena fe guardada. El Tribunal Bertrand Russell condenó los crímenes de lesa humanidad cometidos por los agentes norteamericanos en la Guerra del Vietnam. Posteriormente surgió el Tribunal Permanente de los Pueblos y el Tribunal Internacional de Opinión, que también han hecho presencia en Colombia para juzgar determinados acontecimientos, como fue la masacre en Barrancabermeja y otra en el Magdalena Medio.

El carácter del Tribunal Internacional de Opinión es su carácter multidisciplinario e intercultural, pues no solamente concurren al mismo juristas destacados, sino una gama de pensadores y pensadoras de altísimo nivel intelectual provenientes de distintas ramas del pensamiento, como las ciencias sociales, la sociología, la filosofía, la ciencia política, etc., la mayoría Phds. Si bien desde el estricto punto jurídico el fallo del Trino no es vinculante para el

¹ **Luis Bernardo Díaz Gamboa**, Coordinador Maestría DDHH UPTC Grupo de Investigación Justicia Social Primo Levi.

Estado colombiano, sí tiene un importante impacto desde el magisterio moral que lo inviste. Su procedimiento que culmina en un veredicto está revestido de un fallo en conciencia, en humanismo y en ética. El llamado a respetar como norma imperativa del *Ius Gentium* o derecho de gentes permea toda la actuación del Trino. También el análisis del Derecho Humanitario, pues los manifestantes no pueden ser catalogados como combatientes. Los análisis y sentencia del Tribunal Internacional de Opinión se remiten a las instancias del Sistema Universal de los Derechos Humanos (Corte Penal Internacional, Consejo de DDHH ONU, Alta Comisionada de los DDHH de la ONU, los Relatores de libertad de expresión y el de ejecuciones extrajudiciales, entre otros, así como al Sistema Interamericano de protección, como lo son la Comisión Interamericana de DDHH y la Corte Interamericana).

El Tribunal sesionó en 3 Salas en las cuales se escucharon desgarradores relatos de víctimas que perdieron familiares por acción del Estado, así como el Gobernador del Magdalena, el cual ha sido perseguido por el Gobierno por no reprimir ferozmente las manifestaciones y tuvo incluso que salir un tiempo al exterior para proteger su integridad. También fue destacada la presencia de la Organización Comunal Nacional, por medio de sus voceros, que comentaron el asesinato de un millar de líderes y lideresas sociales, así como 278 excombatientes de las FARC que venían cumpliendo su palabra ante la JEP. Magistrados y Magistradas escucharon atentamente las acusaciones del Fiscal, así como la defensa del Estado, tomando nota de las intervenciones más sobresalientes.

Otros sectores que han recibido con beneplácito el fallo del Trino, han sido los medios de comunicación alternativos, las redes sociales (se conectaron más de seis mil personas a las sesiones del Tribunal los dos días) y las ONGs nacionales e internacionales de DDHH, como Amnistía Internacional y Human Rights Watch, entre otras.

Las consideraciones y el fallo mismo es un instrumento procesal de gran valía en las investigaciones que se puedan adelantar contra los responsables de los graves crímenes de lesa humanidad cometidos dentro de las protestas. Ya las universidades están incorporando el Trino dentro del análisis de movimientos sociales y hasta una tesis doctoral en Brasil incorporó un capítulo sobre esta experiencia de gran impacto. Un estudiante de la UPTC hace una tesis de pregrado sobre la temática.

Por propuesta de la Magistrada Alicia Cabezudo, se creará coetáneo con el Trino, la Escuela de Ciudadanía, Derechos Humanos y Paz, y se está definiendo la siguiente visita del Tribunal, pues tres países han solicitado su presencia: Chile, Brasil y Guatemala, para juzgar a los responsables de los diversos crímenes cometidos.

Se interpela a la democracia que está permitiendo los horrores del exterminio. Igualmente, la exigencia de la dignidad humana por parte de los Estados, el acatamiento a los estándares internacionales y nacionales (sentencia de la Corte Suprema de Justicia) sobre el derecho a la protesta, y una serie de elementos esenciales para analizar lo que aconteció con este Tribunal, que demostró gran agilidad en sus procedimientos — contrario a la justicia ordinaria— pues en dos días escuchó y profirió una sentencia condenatoria. Un gran ejemplo de celeridad, pues justicia tardía no es justicia.

El Trino hará también seguimiento a la situación en Colombia y celebra que las recomendaciones de la CIDH al Gobierno colombiano hayan coincidido con las del Trino, pues ante todo se trata de reconocer los vacíos estructurales en el campo de los DESC, aspecto que está presente frente al reclamo de la dignidad humana.

Los crímenes de lesa humanidad más allá de afectar a un núcleo de víctimas identificable, son un crimen contra la humanidad, imprescriptible y lamentable. Este Tribunal de Opinión nace con el fin de impulsar las investigaciones y proferir veredictos para el ejercicio de la justicia universal.

Elementos centrales

La llegada de la pandemia ocasionada por el COVID-19 ha generado grandes estragos en el mundo, las diferencias sociales se han acrecentado y las clases menos privilegiadas han llevado la peor parte. Varios de los Estados de América Latina, especialmente, han demostrado no solo su ineficacia sino su total desinterés en asumir las funciones para las cuales han sido creados. Los pueblos de nuestras naciones sufren y sus reclamos son acallados con violencia. Al hambre y al olvido ahora se suma la muerte.

Colombia ha sufrido en carne propia las consecuencias de un Estado fallido que, a la hora de enfrentar el gran reto de la pandemia, no acertó a proponer una política pública adecuada para mitigar los estragos económicos y sociales que dejó — y sigue dejando — el COVID-19. A la inconsecuencia del gobierno en su política social se suma un entramado de corrupción profundo y antiguo que se ha apoderado del erario público y una clase política que no se conecta con las necesidades del pueblo al que dice representar. A un escándalo lo tapa otro y 50 billones de pesos al año se esfuman de las arcas nacionales en manos de la corrupción bajo la anuencia del Gobierno nacional.

La negativa a la implementación del Acuerdo para una paz estable y duradera, firmado con las FARC en 2016, ha traído como consecuencia que no se pueda implementar la reforma rural integral propuesta para intentar una reforma agraria pendiente desde la constitución misma del país, lo que hace que los problemas de acceso a la tierra y la situación crítica del campesinado colombiano continúen igual o peor que antes.

En medio de esta situación la protesta nacional que comenzó el 28 de abril del año en curso, largo grito contenido por una clase popular cansada de sus dirigentes y de la situación nacional, desembocó en una violenta represión estatal sin antecedentes (en lo que a nuestra historia reciente se refiere) y dejó un baño de sangre y dolor del que todavía no se ha medido realmente su magnitud.

Como respuesta a esta situación el Observatorio de Derechos Humanos Orlando Fals Borda y el Grupo de Investigación Primo Levi, convocaron a magistrados y juristas de diversos países del continente para conformar un Tribunal Internacional de Opinión (Trino) que pudiera sesionar en Colombia para atender, documentar y pronunciarse, sobre las graves violaciones que estaban ocurriendo. Por medio de una labor titánica se logró realizar la primera sesión del Trino los días 26 y 27 de junio, generando un espacio para la denuncia de las víctimas, ONG y asociaciones comunitarias, lo que dio como resultado un fallo del tribunal que se está elevando a instancias internacionales. Las sesiones del Trino fueron públicas y se conectaron a las redes más de 6 mil personas.

A raíz de esta experiencia se integró un grupo interdisciplinario de académicos y juristas desde México hasta Argentina que ha visto la necesidad de continuar con este espacio de manera mucho más formal y con proyección internacional, por cuanto la situación de Colombia se replica en todo el continente. América Latina se debate entre las sombras de una dictadura que no se ha ido y la luz de una democracia que todavía no ha llegado.

Si bien Boaventura de Souza Santos usa el término de democracia de baja intensidad para el fenómeno descrito, los miembros del Trino sienten que ha llegado el momento de reflexionar a partir de la propia realidad para crear una categoría que realmente permita pensar el problema desde Latinoamérica. Esto no desde un negacionismo eurocéntrico, sino desde una decolonialidad necesaria que posibilite un giro epistémico capaz de producir nuevos sentidos para viejas realidades.

Por lo tanto, un organismo como el propuesto realiza la doble labor de colaborar en la creación y asentamiento de una justicia restaurativa, (firme en Colombia desde la cuestionada Ley de Justicia y Paz de 2005) cuyo centro y eje pretende ser las víctimas y sus necesidades, así como una labor de tipo pedagógico que permita reflexionar y transformar la realidad a partir de una metodología multidimensional que combine lo académico con lo social.

La experticia de los involucrados en el proyecto garantiza el éxito del proyecto. Todos los miembros del Trino son reconocidos profesionales en el ámbito de la pedagogía, los derechos humanos, la comunicación y el ejercicio jurídico; además son miembros de importantes

universidades y grupos de investigación del continente con las que se proyectan convenios y proyectos de alcance regional e inclusive intercontinental.

Cómo aportar a la justicia restaurativa por medio de un organismo que pueda ofrecer a las víctimas un espacio para ser escuchadas y con la presencia de ONGs, agentes del Estado y demás intervinientes necesarios, proferir una sentencia y hacer seguimiento al veredicto en procura de la verdad, la justicia, la reparación y las garantías de no repetición. La permanente violación a los Derechos Humanos hace que en muchos casos la impunidad sea el común denominador en la atención a los reclamos de las víctimas. Se requiere contar con un instrumento como el Tribunal Internacional de Opinión que en conciencia falle frente a la vulneración de los derechos y exija desde el magisterio moral el resarcimiento de los daños y la judicialización de los responsables para lograr alcanzar la armonía de la convivencia en paz en los pueblos.

Los compromisos del estado

Es fundamental verificar que los compromisos del Estado se cumplan en materia de Paz y DDHH. El Tribunal debe tenerlos en cuenta en sus deliberaciones y fallo.

Analizaremos los puntos del Acuerdo de Paz, con verificación internacional, acordados en el Teatro Colón entre el Gobierno colombiano en 2016 y las FARC:

1. **Reforma Rural Integral:** Incumplida en casi su totalidad, pues el Gobierno no ha implementado la misma, sino una contrarreforma que ha generado un cúmulo de mayores desplazados en todo el territorio. Los territorios abandonados por las FARC han sido ocupados por grupos de narcotraficantes de distintos clanes, inclusive mexicanos, así como disidencias de Farc que no se vincularon al proceso o que lo abandonaron. Continúan los bombardeos en zonas rurales desconociendo los principios de precaución y proporcionalidad propios del DIH. Por el contrario, han bombardeado a niños y el propio Ministro de Defensa los calificó de “máquinas de guerra”.

La situación de tenencia de la tierra, que ha sido uno de los principales detonantes del conflicto armado, no ha cambiado en esencia, sino que continúa el destierro y el desplazamiento forzado. Las víctimas no han recibido su indemnización en tierras y asistencia técnica. En Colombia se constituyó un Ejército Antirrestitución de tierras que amenaza a los campesinos con el despojo de las mismas. El Gobierno no aprobó la Declaración de los Derechos de los Campesinos de la ONU de París, bajo el argumento de afectar los Tratados de Libre Comercio.

2. **Participación política:** oposición radical a la participación de las víctimas en las curules creadas por el Acuerdo para integrar el Congreso, donde por fortuna recientemente un fallo judicial llevó a obligar al Presidente Duque a firmar el Acto legislativo en tal sentido. El esquema político no ha respetado la movilización social, por el contrario, el Gobierno la reprimió a sangre y fuego y mereció condena del Tribunal Internacional de Opinión TRINO, así como reproche de la CIDH. Son casi un centenar de muertos por la fuerza pública con ocasión de las protestas, así como mutilados en sus ojos, gravemente heridos, violaciones, desapariciones y un sinnúmero de crímenes de lesa humanidad, así como la utilización de armas de guerra como el Venom para aplacar la protesta social. En septiembre de 2020 fueron asesinados 14 jóvenes con ocasión de protestas por el crimen de un estudiante de derecho por agentes de la fuerza pública y los Policías responsables no han sido condenados. Siguen asesinando a los jóvenes de las protestas en las movilizaciones y a muchos los judicializan, en lo que se conoce como “falsos positivos judiciales” o criminalización de la protesta.

3. **Fin del conflicto:** si bien los desmovilizados han dado fe del cumplimiento de su palabra, el Gobierno no ha garantizado la protección de su integridad, y más de 185 combatientes desmovilizados han sido asesinados vilmente. Ello envía un pésimo mensaje a la comunidad internacional, así como a los otros grupos alzados en armas que no ven esperanzas de vida al reincorporarse. Este año 2021, según informe de Indepaz, han asesinado a 116 líderes sociales (incluyendo indígenas, afros, comunales, ambientalistas, defensores de sustitución de cultivos ilícitos, etc.). En 2 años has asesinado a 281 líderes indígenas. Se han cometido 85 atentados contra líderes sociales sólo en 2021. También han asesinado a 36 excombatientes de las FARC en este

año, pese a que venían cumpliendo su palabra y se habían desmovilizado. 115 niños se han muerto por desnutrición este año, según Defensoría del Pueblo.

4. Solución al problema de drogas ilícitas: El Gobierno persiste en bombardear las zonas de cultivos ilícitos con el glifosato, que es cancerígeno. Por fortuna, la Corte Constitucional ha tenido atado al Gobierno, aunque la presión es enorme y EEUU juega un papel que no contribuye a una salida que pretenda reconvertir la fallida guerra contra las drogas. Hay serias denuncias sobre la presencia de dineros ilícitos en la campaña presidencial de Duque y los vínculos de personajes de su Gobierno con sectores de tal naturaleza, como el Embajador ante Uruguay, en cuya finca fue encontrado un laboratorio para el procesamiento de cocaína. Recientemente quienes fueron las cabezas del Cartel de Cali las que confesaron haber financiado las campañas presidenciales de los últimos 50 años.

5. Acuerdo sobre las víctimas del conflicto: las víctimas no han sido reparadas y por el contrario son revictimizadas. 9 millones de personas víctimas, donde hay 8 millones de desplazados forzados, claman por verdad, justicia, reparación y garantías de no repetición. La JEP ha jugado un papel fundamental en su función, donde la Comisión de la Verdad ha tenido un papel estelar, a pesar de que expresidentes -como Uribe- hayan faltado a la verdad y persista en solicitar la amnistía general.

6. Implementación, verificación y refrendación: ha sido muy escaso el apoyo del Gobierno, por el contrario, lo que han buscado es hacer trizas el acuerdo de paz. Permanentemente ha desarrollado una labor de acoso y desconocimiento de la JEP. Los proyectos rentables para desmovilizados son micro proyectos que no favorecen un proyecto de vida sostenible. Por lo demás, el Gobierno se ha opuesto a las iniciativas de proyectos de ley presentadas por el Comité Central del Paro al Congreso y las tiene frenadas, sin que se vislumbre su aprobación. Contrario sensu, ha nombrado al exministro de Hacienda Carrasquilla como Codirector del Banco de la República, violando la ley de cuotas femeninas, sujeto ampliamente cuestionado por ser el autor de la Reforma Tributaria que desató el estallido social recientemente. Este sujeto está cuestionado también por haber embarcado a 190 municipios en los Bonos de Agua, que quebraron a los mismos, mientras él hizo un fabuloso negocio, aprovechando su posición privilegiada.

Con el atentado perpetrado por un militar con carro bomba en la Brigada del Ejército en Cúcuta se detectó la presencia de militares norteamericanos en el país, cuyo tránsito debe estar aprobado por el Senado. El Gobierno ha dicho que no son bases militares, sino “asistentes logísticos” militares para el entrenamiento de tropas, lo cual no deja de ser discutible.

La crisis de la justicia es alarmante y reina la impunidad. Se habla de un 99% de casos en que después de cometido los delitos no son juzgados los criminales, ni condenados. No hay política criminal. Los congresistas imputados y que por ende tienen fuero, renuncian al mismo ante la independencia mostrada por su juez natural en la Corte Suprema de Justicia, para pasar a competencia de la Fiscalía General de la Nación, donde el tratamiento es distinto en razón a los compromisos políticos del Fiscal con el Gobierno. La Procuradora, que fuera Ministra de Justicia y no respondió por los numerosos muertos que hubo en un motín en la cárcel Modelo, en su toma de posesión confesó que era representante del Gobierno en el Ministerio Público, con lo cual negó su carácter independiente. El Defensor del Pueblo, el Registrador y el Contralor tampoco ofrecen razones para pensar en su independencia del Gobierno Central.

El año entrante habrá elecciones presidenciales y de Congreso, se vislumbra un ambiente mayoritario de descontento social, fruto del mal manejo de la economía, de la represión al paro nacional y la ausencia de voluntad de diálogo efectivo, del equivocado manejo de la pandemia (126.000 muertos a la fecha por Covid), con un desempleo galopante y un sistema de salud en cuidados intensivos por su modelo neoliberal y de negocio. Sin embargo, no hay transparencia en la Registraduría frente al software de las votaciones y a la contratación para garantizar la transparencia en dichas elecciones. Por el contrario, hay reclamos sobre el contrato de la firma que se va a encargar del proceso electoral. Hay quienes dicen que tuvo que ver con el grupo de mercenarios que viajaron a Haití y están acusados de asesinar al presidente Moise.

Las relaciones exteriores están pasando por su peor momento y el presidente y su gabinete se han dedicado a derribar al Gobierno de Maduro, fracasando en su intento, y sin solucionar los problemas que internamente presenta su población en materia de derechos económicos y sociales.

La Corte Internacional de Justicia discute la demanda de Nicaragua sobre delimitación de áreas marinas y submarinas, que Colombia había perdido.

La corrupción se campea en todo el territorio y recientemente se perdieron \$70.000 millones en un contrato para una firma que se suponía le iba a llevar la conectividad a los niños pobres en las veredas del país, lo cual le costó la cartera a la Ministra de Comunicaciones Karim Abudinem, cuota del conocido clan de la familia Char de Barranquilla y un cartel de corruptos contratistas. Sin embargo, las mayorías del Gobierno en el Congreso cuando fueron a votar la moción de censura de la ya exministra, sorprendentemente votaron en contra de la sanción contra la funcionaria. Se pierden \$54 billones al año por corrupción, equivalente a tres reformas tributarias. 8 de cada 10 delincuentes quedan libres, por lo cual hay crisis en la justicia.

También el Gobierno ha implantado la censura, al exigir que solo los escritores neutrales pudieran asistir a la Feria del Libro en Madrid, lo cual no deja de ser un desaguizado y generó grandes protestas.

Colombia tiene, igualmente, una de las tasas de desaparecidos forzados más alta del mundo, que se acercan a los 80 mil, sin que el aparato judicial del Estado logre encontrarlos y judicializar a los responsables.

La situación, en conclusión, es sumamente grave, y se denuncia un genocidio sistemático de las poblaciones que reclaman sus derechos, en especial la población originaria, los jóvenes, los líderes sociales (donde los comunales pesan de forma dramática) y los excombatientes de las FARC. Se habla de un nuevo ciclo de guerra promovido desde el propio Gobierno por el incumplimiento del Acuerdo de Paz y la no atención oportuna a los reclamos de millones de personas en materia de su derecho a la dignidad humana y donde la respuesta violenta ha sido la característica.

Elementos concomitantes del trino

Tribunal Internacional de Opinión: Desde la operación de los Tribunales de Nuremberg y Tokio, condenando los crímenes de los jefes nazis y nipones contra la paz, se han venido desarrollando una serie de instrumentos que rescatan el derecho de gentes desde la conciencia y la ética, verdad sabida y buena fe guardada. El Tribunal Bertrand Russell condenó los crímenes de lesa humanidad cometidos por los agentes norteamericanos en la Guerra del Vietnam. Posteriormente surgió el Tribunal Permanente de los Pueblos y el Tribunal Internacional de Opinión, que también han hecho presencia en Colombia para juzgar determinados acontecimientos, como fue la masacre en Barrancabermeja y otra en el Magdalena Medio. El Tribunal Internacional de Opinión tiene un carácter multidisciplinario e intercultural, pues no solamente concurren a estos juristas destacados, sino una gama de pensadores y pensadoras de altísimo nivel intelectual provenientes de distintas ramas del conocimiento, como las ciencias sociales, la sociología, la filosofía, la ciencia política, etc., la mayoría Phds. Si bien desde el estricto punto jurídico el fallo del Trino no es vinculante para los Estados o las empresas, sí tiene un importante impacto desde el magisterio moral que lo inviste.

Justicia transicional: Enunciada en el Acuerdo de Paz firmado entre el Estado y las Farc en 2016, la justicia transicional abre un espacio para que se aborde no solo el origen del conflicto y los oscuros intereses que han descargado su violencia sobre una población inerte, sino también para escuchar las voces de las víctimas. Si bien se han designado instancias para la realización de dichos procesos de juzgamiento, específicamente la JEP, y se ha creado la Comisión de la Verdad para investigar los hechos, el marco de un posconflicto, todavía en construcción, implica que desde la sociedad civil también se hagan aportes en dicho sentido, especialmente en cuanto a la memoria de lo ocurrido y, sobre todo, con respecto a los nuevos atropellos que se presentan en la memoria actualizada, no solo en Colombia, sino en la región. En ese sentido Reyes, 2008, parafraseado por Torres Ávila, 2013, aclara que el papel de la memoria en medio de una justicia transicional, involucra una dinámica clara: la necesidad de contar lo que pasó, saber la verdad de lo ocurrido y castigar a los culpables.

Este tipo de procesos implica para las víctimas la oportunidad de contar sus memorias, y que estas puedan ser sistematizadas y construidas colectivamente. No es un recuento de noticias; es poder expresar en alguna forma narrativa los sentimientos, concepciones y razones de las víctimas principalmente.

Construcción Colectiva de la Historia: Frente a la historia oficial se crea un movimiento alrededor de una historiografía que permita dar cuenta de lo acontecido por medio de la “Construcción Colectiva de la Historia” (CCH) que implica una nueva manera de concebir la dinámica histórica y un viraje en los procesos de construcción y empleo del conocimiento sobre el pasado. Tiene una intencionalidad política, no como sesgo de partido o ideología, sino en su objetivo de la construcción y consolidación de un proyecto histórico de los sectores explotados o victimizados, aportando en una doble dimensión: “en el reconocimiento por parte de los sujetos populares de su historicidad e identidad social, y en la apropiación de instrumentos de análisis para la comprensión autónoma del devenir social en su conjunto”

Historia del Tiempo Presente: A la intencionalidad política de la contenido de la CCH, la Historia del Tiempo Presente (en adelante HTP) suma (i) la historia social, desde las víctimas individual y colectivamente consideradas, entre memorias individuales y memoria colectiva, (ii) la historia cultural, es decir las representaciones mentales sobre hechos de violencia como memoria y representaciones del acontecimiento violento, para entender no el hecho en sí, sino “la forma como el/la testigo lo vivió y lo concibe, entiende y explica con el transcurrir del tiempo. O si se quiere: mostrar cómo el testigo/víctima “organiza la realidad en su mente y cómo la expresa en su conducta””.

Derechos Humanos: partimos de la premisa según la cual la justicia, la democracia y la paz se materializan con la cristalización de los derechos humanos en los pueblos como colectividad y en los individuos como sujetos de derecho, en un marco intercultural y pluridiverso. El déficit en materia de justicia es enorme en nuestros pueblos, aún en los países más desarrollados como EEUU y Europa las bolsas de miseria son enormes y el fenómeno de exclusión de los inmigrantes pobres es una evidencia de xenofobia. Aporofobia, llamaría Adela Cortina. La ingeniería constitucional diseñada en nuestros Estados en el marco de la globalización neoliberal privilegia el lucro al derecho, la codicia a la realización personal y colectiva de la solidaridad y la igualdad. Ello nos lleva a estudiar los sistemas de justicia de los países y su defensa de los DDHH, encontrando un notorio déficit. La burocratización, el clientelismo del aparato, la morosidad, la exclusión, el elitismo, el racismo, la carencia de una formación de juristas humanistas –con honrosas excepciones- que adelanten causas pro bono, aunado a la violencia, la amenaza, cuando no el exterminio y la criminalización, son elementos que conspiran contra una pronta y cumplida justicia. El Latinbarómetro así lo ha medido y la desconfianza profunda en la justicia, así como en quienes la imparten y en los aparatos que la representan, es un indicador de la grave crisis de la propia democracia liberal representativa, donde la separación de poderes en muchos casos es una entelequia. Estados donde, como en Colombia, el Ejecutivo controla los organismos de control, o un sistema decimonónico como la cooptación donde los magistrados de altas cortes entre ellos mismos se nombran (como en Colombia), exigen por lo pronto mecanismos alternativos de atención a las víctimas, como un Tribunal Internacional de Opinión. Ya existen iniciativas valiosas para que por méritos se nombren a los magistrados, como la consulta popular que adelanta el Dr. Pedro Javier Barrera en Colombia, la cual es muy plausible.

Al sustraerse esa función del Estado, la justicia se busca en terrenos internacionales, cuando no por la propia mano, lo cual es peligrosísimo (como ocurre con el linchamiento de los presuntos delincuentes por parte de la turba enfurecida, o las propuestas de populismo punitivo). Pero encontramos el ato refinamiento del acceso a estos sistemas, donde no cualquier persona puede acceder, como sería lo deseable. Los tecnicismos, el rigorismo, la subsidiariedad, el modelo mismo, la congestión, la geopolítica, inciden de manera determinante en la imposibilidad de acceder al sistema. Si bien es mejor tener un sistema que no tenerlo, el actual deja mucho que desear, con sólo 438 sentencias de la Corte Interamericana de DDHH desde 1979 en que se creó y sólo un 17 % de cumplimiento de las sentencias por parte de los Estados luego de las condenas, con elementos como la alta sensibilidad de algunos gobiernos que se molestan y presionan al sistema cuando no le son

favorables los fallos a sus intereses, como ha ocurrido en varios casos, o como Trinidad y Tobago y Venezuela que se retiraron. ¿Cómo se pueden agotar los recursos internos, cuando el sistema en los propios Estados es ineficiente? Es cierto que se han producido importantes fallos que recobran la esperanza en el sistema, pero son contados con los dedos de la mano al año, mientras la gran mayoría duermen el sueño de los justos o como el de Desaparecidos del Palacio de Justicia se tardó más de 30 años en ver la luz y aún el cumplimiento no se ha cristalizado, o el del genocidio de la UP aún no se produce, caso 40 años después del crimen de lesa humanidad colectivo.

El Sistema Universal también deja mucho que desear frente a las denuncias particulares y colectivas que se impetran ante los organismos de la ONU, pese a la buena voluntad insular que algunos de sus agentes demuestran, como la representante en Colombia de la Alta Comisionada de DDHH.

Por ello, el TRINO se erige como bastión de la conciencia frente a las violaciones de los DDHH y su veredicto tendrá un importante efecto en mover estos sistemas, en especial a la llamada sociedad civil y a los mass media, aprovechando el auge de las denominadas redes sociales. Su efecto moral es incuestionable y por ello personalidades como el Gobernador del Magdalena Carlos Caicedo acudió al TRINO, junto con otras víctimas, a denunciar los atropellos cometidos en su contra por no reprimir las protestas pacíficas en el Paro Nacional, lo cual se evidenció posteriormente con las amenazas del Clan del Golfo y las AGC en su contra, por lo cual tuvo que salir apresuradamente del país para salvar su vida. El Movimiento Comunal de Colombia, que representa la organización social más extendida con 6 millones de afiliados, ha estado acompañando el proceso del Trino, por cuanto más de 1.500 líderes sociales han sido asesinados desde 2016 a la fecha, entre ellos muchos líderes y lideresas comunales, por lo cual han creado una relación estrecha de denuncia y protección frente a los victimarios y la presión al Estado para que se proteja la vida de sus integrantes. Los indígenas y las afrocolombianidades también han visto con simpatía el Trino, así como las juventudes de Primera Línea del Paro Nacional, que ha sufrido la represión del Estado con decenas de muertos, desaparecidos, mutilados, violados, etc. ONGs destacadas como la Comisión Colombiana de Juristas han acompañado el Tribunal, alimentando sus análisis con sus estudios y diagnósticos, que son muy objetivos.

La academia se ha unido y ya se trata el trino en clases de pre y posgrado y en tesis doctorales y de maestría y especialización. Por ello se propone a mediano plazo constituir un Instituto.

Alteridad. La alteridad es el descubrimiento que el yo hace del otro “lo que hace surgir, no solamente una amplia gama de imágenes del otro, sino también visiones múltiples del yo”. Implica hacer una revisión de la concepción del mundo a partir de los intereses, el punto de vista y la concepción del otro como formador complementario de la realidad.

Lo alterativo aparece en Dussel (1995) como pensar — o mejor, saber pensar —, el mundo a partir de la exterioridad alterativa del otro en un cara-a-cara que permita un desnudamiento (des-anudamiento). Es decir, una liberación en el Mismo del otro, a partir del reconocimiento del valor que puede tener para una lograr un complemento enriquecedor.

La ausencia de la alteridad en América la encuentra Dussel (2007) en la conquista a partir de la pretensión de la verdad absoluta o “pretensión de verdad”, de los españoles, frente a la “ignorancia invencible” (pero no culpable) del indígena. A partir de una lógica de dominación la imposición de la verdad obedeció a un afán de normalización de los nativos a partir de “civilizarlos” y, sobre todo, de no contemplar el disenso; enunciado por primera vez como posibilidad por Bartolome de las Casas “La pretensión de validez (o de la «aceptabilidad del Otro» de las razones del europeo) tiene como límite la libertad del Otro: la autonomía del no-aceptar los argumentos y permanecer en el disenso”.

A partir del paradigma del Alter Tú, como reconocimiento de la exterioridad negada, Dussel crea la perspectiva teórica y metodológica de la Transmodernidad para romper con el molde de la colonialidad del poder, del saber y del ser del mundo Occidental, en un intento por reconstruir la identidad histórica de América Latina.

De acuerdo con Todorov, al conquistador “las palabras de los demás le interesan poco y quiere volver a nombrar los lugares en función del sitio que ocupan en su descubrimiento, darles nombres justos”. Para colonizar de manera efectiva se ocupa de manera totalitaria lo otro, sin

dialogar con el Otro, negándolo como un ser capaz de ocupar, poseer o pensar el mundo su lengua no solo es inferior, simplemente no existe, es bárbara. Que la forma del Otro de nombrar el mundo sea menospreciada, nos indica que, si bien América fue conquistada, Abya Yala, todavía no ha sido descubierta.

La perspectiva de la alteridad como fundamento teórico sirve al propósito de la investigación en cuanto permite un marco de acción y comprensión del conocimiento del otro como necesario para la formación de un nosotros. Mientras el yo representa la condición de identidad, el otro se refiere a la alteridad, una que permita escuchar y dimensionar la validez de una situación de violación a los derechos humanos desde la voz de sus víctimas.

El origen del TRINO surge del Tribunal Russell para juzgar los crímenes de Estado Unidos en Vietnam, posteriormente hubo otros Tribunales Russell para juzgar dictaduras en el Cono Sur. Tiene un gran magisterio moral, si bien su alcance no es vinculante. De allí surge un importante acervo probatorio que nutrirá las investigaciones por crímenes de lesa humanidad que se adelanten en sede doméstica, o en instancias internacionales, como el Sistema Universal o el Sistema Interamericano de Derechos Humanos.

En Colombia, el Tribunal Internacional de los Pueblos sesionó recientemente los días 25 al 27 de marzo del presente año donde el Estado colombiano fue juzgado por el genocidio político, la impunidad y los crímenes contra la paz, en la sesión 48 del Tribunal Permanente de los Pueblos (TPP) que se realizó en Bucaramanga, Bogotá y Medellín con transmisión virtual, así mismo, en Colombia el T.I.O también operó con ocasión del fenómeno del desplazamiento forzado y ante la masacre de Barrancabermeja, existe, igualmente, el Tribunal Internacional de Aguas que condenó a Colombia por la tragedia de Hidroituango (mató un río).

El Tribunal Internacional de Opinión es un organismo, de carácter extrajudicial, impulsado por sectores de la sociedad que estudian los casos de impunidad sobre los crímenes de Estado y la vulneración de los derechos individuales, colectivos y de los pueblos. Estos tribunales se inspiran en el Tribunal Permanente de los Pueblos (TPP), organismo internacional no gubernamental instaurado en 1979, que tiene como objetivo transformar en permanente la función iniciada por el Tribunal Russell en 1966 y 1967. Estos tribunales han juzgado varios Estados, por diferentes circunstancias como lo son: las políticas del FMI y del BM; las corporaciones transnacionales y las industrias textiles, del vestido y de la indumentaria deportiva y sus impactos sobre los derechos laborales y el medioambiente; las malas prácticas de las corporaciones transnacionales; las políticas neoliberales y transnacionales europeas en América Latina, entre otras.

Por desgracia la permanente y sistemática vulneración de los derechos, tanto de la naturaleza como de las personas, ha llevado a que el TPP tenga solicitudes permanentes en varias partes del mundo, las cuales no siempre puede atender por factores de tipo político y económico ya que depende exclusivamente de la voluntad de ciudadanos y organizaciones sociales que lo impulsen. Por tal motivo se ha creado un mecanismo intermedio conocido como TIO: Tribunal Internacional de Opinión, impulsado por organizaciones sociales que juzgan situaciones particulares en sus territorios. En Colombia se han impulsado TIOS para juzgar temas como la desaparición forzada, el desplazamiento forzado, el despojo de los territorios, las masacres y ejecuciones extrajudiciales, entre otras.

Es importante tener en cuenta que estos Tribunales no tienen carácter coercitivo y sus decisiones no son vinculantes, ya que no hacen parte del ordenamiento jurídico nacional, ni internacional. Por tal razón lo que buscan es apelar a la conciencia ética de la humanidad para que juzgue las situaciones de injusticia, barbarie o desconocimiento de los derechos por parte de los Estados o las grandes corporaciones que controlan los territorios, los bienes comunes y los propios Gobiernos.

Se han realizado ya dos sesiones del TPP, en las cuales se evidenció una alta vulneración de derechos humanos y un poco interés por parte del Estado en esclarecer los hechos en los cuales se presentaron estas violaciones, la primera ocasión fue entre 1989 y 1991, por la impunidad de los crímenes de lesa humanidad, este juicio involucro a 12 países de América Latina, la segunda ocasión se presentó entre el 2006 y 2008 cuando se enjuicio a empresas transnacionales responsables de violación a los derechos humanos; lo anterior se constituyen en precedente para

que se presentara un tercer espacio de esta naturaleza, este fue el realizado por el Tribunal Internacional de Opinión “por la Defensa de los Bienes Comunes” realizado en Medellín, Antioquia, el cual tuvo un carácter independiente, no vinculante desde el punto de vista legal, sin funciones judiciales, que actuó desde los principios humanísticos y éticos que inspiran la conciencia de la humanidad, recogiendo la voz de las víctimas, las organizaciones sociales, y las comunidades como la fuente principal de su investigación y sus pronunciamientos.

El TIO “por la Defensa de los Bienes Comunes” tuvo una duración de cuatro meses comprendidos entre julio y noviembre de 2019, y terminó con una Audiencia final el 21 y 22 de noviembre de 2019. Durante los meses previos a la Sesión final se realizaron las siguientes acciones: i) Presentación de la propuesta a las organizaciones y comunidades en los territorios de las cuatro regiones del departamento de Antioquia. ii) Definición de los casos que se presentaron en la Audiencia. iii) Revisión de fuentes documentales, judiciales, testimoniales, sobre el contexto, responsables, víctimas y daños ocasionados en los territorios; iv) Elaboración de fichas y documento final por cada uno de los casos elegidos y presentados en la Audiencia; v) Realización de talleres y jornadas de trabajo con las comunidades y organizaciones de cada uno de los territorios afectados cuyos casos se presentaron en la Sesión final del TIO y vi) finalmente se realizó una jornada de evaluación y devolución de los resultados (Corporación Jurídica Libertad, 2020).

Finalmente, en un cuarto momento donde se juzgó al Estado Colombiano en marzo de 2021, por Genocidio Político, crímenes contra la Paz y por una profunda Impunidad, hechos llevados a cabo durante las protestas realizadas en el marco del paro nacional entre los años 2020–2021.

Conclusiones

El Tribunal Internacional de Opinión TRINO se erige desde lo emancipatorio de la justicia tradicional en un escenario alternativo, partiendo de la verdad sabida y la buena fe guardada, para que en su magisterio moral juzgue de manera expedita los crímenes que se cometan en los Estados contra la población civil. Igualmente, se trata de formar una Escuela de Ciudadanía y Paz, partiendo de sus elementos concomitantes, como la democracia, la alteridad, la descolonización y la soberanía popular, así como la solidaridad internacional por la base. Ya varios profesores y estudiantes de distintas universidades han incorporado el Trino dentro de sus preocupaciones epistémicas, lo cual es ampliamente valorable. El Trino planea seguir supervisando su fallo frente al Paro Nacional en Colombia, asimismo está invitado a participar en Brasil, Chile y Guatemala para juzgar los crímenes ocurridos allí.

Bibliografía

1. Córdoba, María Eugenia y Claudia Vélez-De La Calle, “La alteridad desde la perspectiva de la transmodernidad de Enrique Dussel”, *Revista Latinoamericana de Ciencias Sociales, Niñez y Juventud* 14:2, 2016, p. 1001–1015.
2. Dussel, Enrique, *Introducción a la filosofía de la Liberación. Ensayos preliminares y bibliografía*, Bogotá, D. C., Nueva América, 1995.
3. Dussel, Enrique, *Materiales para una política de la liberación*, México, Plaza y Valdés, 2007.
4. Corporación Jurídica Libertad. Tribunal Internacional de Opinión 2019. Por la defensa de los bienes comunes en Antioquia. Medellín. Antioquia, 2020.
5. Martínez Carazo, Piedad Cristina, “El método de estudio de caso: estrategia metodológica de la investigación científica”, *Pensamiento & Gestió* 20, 2006, p. 165–193.
6. Plaza, J., *Diógenes. Curso de investigación*, Bogotá, Universidad de la Salle, 2016.
7. Torres Ávila, Jheison, “La memoria histórica y las víctimas”, *Jurídica* 2:10, 2013, p. 144–166.
8. Torres Carillo, Alfonso, Lola Cendales y Mario Peresson, *Los otros también cuentan. Elementos para la recuperación colectiva de la historia*, Bogotá, Alternativas pedagógicas, 1992.

АВТОХТОННОЕ, ЛОКАЛЬНОЕ, ВНЕШНЕЕ: СОЦИАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР

AUTOCHTHONIC, LOCAL, EXTERNAL: SOCIAL MECHANISMS OF CULTURAL INTERACTION

Д. И. Кузнецов¹

ПРАВОСЛАВИЕ В ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ ORTHODOXY IN LATIN AMERICAN CULTURE

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы создания первых православных храмов в Латинской Америке и их влияние на состояние православного мира на этом континенте. Прежде всего это касается таких стран как Аргентина, Чили и Венесуэла. Проблемы, связанные с русскими старообрядцами, в статье не рассматриваются. Кратко проанализирован приход православия в первую страну Латинской Америки — Аргентину и вклад в это подвижничество священника Русской православной церкви, митрофорного протоиерея, настоятеля Андреевского собора в Кронштадте Иоанна Кронштадтского. В работе использованы материалы петербургского кинорежиссера Надежды Большаковой, посетившей в Сантьяго школу для беспризорных детей имени Иоанна Кронштадтского. Сейчас данная школа находится на пороге закрытия. Это во многом связано и с тем, что православная церковь несет свое служение за пределами канонической территории Русской церкви, в странах, где православие — религия меньшинства, и православным преподавателям и воспитателям приходится очень активно заниматься прозелитизмом, устанавливая контакты и грамотно объясняя преимущества православия перед другими религиями.

Ключевые слова: православие, церковь, патриарх, русская культура, внутренний мир человека, эмигранты, бездомные дети, Иоанн Кронштадтский.

Resumen: En el artículo se discuten las cuestiones de la creación de los primeros templos ortodoxos en América Latina y su impacto en el estado del mundo ortodoxo en este continente. Ante todo, se refiere a tales países como Argentina, Chile y Venezuela. En este artículo no se abordan los problemas

¹ Кузнецов Дмитрий Иванович, Россия, доктор философских наук, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (dkuznec@list.ru).

asociados con viejos creyentes. Se analizó brevemente la llegada de la ortodoxia al primer país de América Latina, a Argentina, y la contribución a esta devoción del sacerdote de la iglesia Ortodoxa Rusa, el arcipreste mitrofórico, el abad de la catedral de San Andrés en Kronstadt, Juan de Kronstadt. En este trabajo se utilizan los materiales de Nadezhda Bolshakova que es la directora de cine de San Petersburgo, quien visitó un colegio para niños de la calle que lleva el nombre de Juan Kronstadt en Santiago. Ahora esta escuela está a punto de cerrar. En su mayoría esta situación está ligada con el hecho de que la Iglesia ortodoxa lleva su oficio religioso fuera del territorio canónico de la Iglesia ortodoxa rusa, en países donde la ortodoxia es una religión minoritaria, y los maestros y educadores ortodoxos tienen que participar activamente en el proselitismo, estableciendo contactos y explicando correctamente las ventajas de la ortodoxia sobre otras religiones.

Palabras clave: ortodoxia; iglesia; patriarca; cultura rusa; el mundo interior del hombre; emigrantes; niños de la calle; Juan de Kronsta.

Чилийский философ и публицист Дарио Салас Соммэр писал, что «...мы живем только для имиджа и ради имиджа. Господствующий материализм заставляет верить в то, что наше спасение в машинах и с их помощью можно достичь всего. Мы убеждены, что и наше тело тоже машина, но более сложная, способная думать и чувствовать. Как могут люди следовать высшей морали, если считают себя в материальном мире детьми случайности, а разум — органическим побочным продуктом. Реальным считается лишь то, что можно увидеть или потрогать, и в этом основная причина маорального повдения»².

Дарио Саласа занимает развитие внутреннего мира человека, и он говорит о том, что у современного человека нет глубокого понимания себя и окружающей действительности. Будучи одной из ярких и значимых персон в современной философии Латинской Америки, Дарио Салас Соммэр проявлял большой интерес к русской культуре и особенно к религиозному наследию Льва Николаевича Толстого. С его точки зрения, русской православной культуре свойственны интерес к высшим законам бытия, нравственным ценностям и духовности, способность объединять разные культуры в единое целое, сохраняя их самобытность. Так, например, в некоторых православных храмах в Республике Перу можно увидеть образ Богородицы с чертами лица присущим женщинам из индейских племен (инков).

Православие стало проникать в страны Латинской Америки в середине XIX века, когда туда стали приезжать эмигранты из стран Ближнего Востока, Балкан и Румынии, бежавшие от османского ига. Самый большой анклав православных верующих образовался в Аргентине. Таким образом, в конце 1880-х гг. верующие отправили коллективное письмо русскому царю Александру III с просьбой прислать в Буэнос-Айрес православного священника. Обер-прокурор Священного Синода К. П. Победоносцев поддержал данную идею. Просьба была не только исполнена — в Аргентину отправлен священник, но и из Петербурга последовало высочайшее указание — построить в Буэнос-Айресе домовый храм, в дальнейшем приписанный к российской императорской миссии. Эта церковь, построенная в 1888 г. и открытая в 1889 г., стала первым значимым элементом русской православной духовной культуры в Латинской Америке. В дальнейшем она сыграла особую роль в формировании русской диаспоры не только в Аргентине, но и во многих странах Латинской Америки. Чтобы сэкономить время и не писать новый иконостас, алтарную перегородку в новый храм привезли из церкви святой равноапостольной Марии Магдалины при российском императорском посольстве в Мадриде. А в 1901 г. в Буэнос-Айресе в районе Сан-Тельмо был уже открыт полноценный собор Русской православной церкви, освященный в честь Святой Троицы. Среди жертвователей на храм в далекую Латинскую Америку были вдовствующая императрица Мария Федоровна и митрофорный протоиерей Иоанн Кронштадтский. Проект по заданию обер-прокурора Победоносцева разработал действительный член Императорской Академии художеств М. Т. Преображенский, а строительство осуществил аргентинский архитектор Алехандро Кристоферсен.

² Дарио Салас Соммэр, *Мораль XXI века*, Москва, 2007, 342 с.

В дальнейшем Иоанн Кронштадтский сыграл значимую роль в укреплении православия в Латинской Америке. Еще совсем недавно в Чили в полном объеме функционировала школа для беспризорных детей, которая носила его имя. Настоятельница этой школы матушка Иулиания часто читала детям книгу Иоанна Кронштадтского «Моя жизнь во Христе» и обучала чилийских детей русскому языку и основам православной веры. В созданном приюте в разные времена проживало до 200 детей. Южноамериканская страна была далеко от войн, но страдала от социальных проблем. Приходилось постоянно спасать детей. Мать Иулиания вспоминает, что девочек-сирот иногда буквально выпрашивали в полицейских участках. Некоторым детям, попавшим в приют, давали русские имена³.

Сегодня в Латинской Америке две епархии русской церкви — Русской зарубежной церкви и Московского патриархата, действующего с 1946 г. Данная церковь несет свое служение за пределами канонической территории Русской церкви, в странах, где православие — это религия меньшинства, священникам приходится очень активно заниматься прозелитизмом, устанавливая контакты и грамотно объясняя преимущества православия перед другими религиями. А это всегда сложно, так как местные жители либо атеисты, либо исповедуют другую мировую или автохтонную религию. Однако с каждым годом все больше и больше людей в Латинской Америке приходит окормляться в православные храмы. Испаноязычная миссия русской церкви хоть и медленно, но возрастает. Очень большую работу в этом направлении проводит отдел внешних церковных связей Московской патриархии во главе с митрополитом Иларионом.

Неподдельный интерес за последние годы Русская православная церковь вызывает в Венесуэле. Позиции православия в этой стране укрепились после Второй мировой войны, благодаря большому потоку эмигрантов из СССР и Европы. Однако сегодня русская православная церковь вызывает подлинный интерес и у местного населения. Всплеск этот произошел именно тогда, когда римский папа Франциск признал «президентом» Венесуэлы Хуана Гуайдо, а Николас Мадуро в ответ на это заявил, что Венесуэла вообще никогда не являлась католической страной. В настоящее время в Венесуэле существует шесть православных приходов Русской православной церкви за границей. В 2016 г. состоялся первый исторический визит святейшего патриарха Московского и Всея Руси Кирилла в Латинскую Америку. По дороге патриарх встретился с папой римским в Международном аэропорту им. Хосе Марти под Гаваной. Запланированная встреча готовилась втайне, так как влиятельных противников этого диалога было очень много, и они могли помешать данному событию. Христиане ждали эту встречу около тысячи лет, и наконец-то она состоялась, что ознаменовало собой новый виток влияния православия как в мире, так и в странах Южной Америки.

Уже в Парагвае в Асунсьоне святейший патриарх отметил, что русские эмигранты как первой, так и других волн оказали влияние на развитие православия в странах Латинской Америки, что в свою очередь внесло существенный вклад как в межрелигиозные, так и в межкультурные взаимодействия между народами. Русский философ Николай Бердяев писал: «Я верю в Бога моего не потому, что доказано мне бытие Его, что принужден к принятию Его, что гарантирован я залогами с небес, а потому, что люблю Его»⁴. С этой же любовью и русское православие идет в Латиноамериканские страны.

Библиография

1. *Соммер Д. С.* Мораль XXI века. М.: Научная книга, 2007.
2. *Большакова Н., Карчик М., Смирнов А., Чертинов В.* «Своих не бросаю!» и другие рассказы. СПб.: Центр поддержки семьи им. Иоанна Кронштадтского, 2021.

³ Надежда Большакова, Михаил Карчик, Андрей Смирнов и Владимир Чертинов, «Своих не бросаю!» и другие рассказы, Санкт-Петербург, 2021, с. 108–110.

⁴ Николай Бердяев, «Философия свободы», Москва, 1989, 52.

ИБЕРОАМЕРИКАНСКАЯ КУЛЬТУРА В СВЕТЕ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ

IBERO-AMERICAN CULTURE IN THE LIGHT OF MODERN CULTURAL PROBLEMS

И. А. Мальковская¹

ЧУМА КАК ФОН ЛИТЕРАТУРНОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ (ГАБРИЭЛЬ ГАРСИЯ МАРКЕС: «ЛЮБОВЬ ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ»)

THE PLAGUE AS A BACKGROUND OF LITERARY NARRATIVE (GABRIEL GARCIA MARQUEZ: “LOVE IN THE TIME OF PLAGUE”)

Аннотация: В предлагаемом докладе «чума», как исторический и современный образ пандемии, рассматривается в контексте литературного «оформления» данного явления. После прокатившихся по Европе волн чумных (холерных) эпидемий с XIV по XIX в., тема чумы входит в литературу в разных интерпретациях. «Чума» становится символом массовой пандемии, метафорой, означающей бедствие, которое не по меркам человека (Альбер Камю). «Чума» означает как пандемию вообще (холера, ковид), так и состояние самого человека, состояние иррациональное, не подчиняющееся логике здравого смысла. «Время чумы» влияет на чувства и поведение человека, актуализирует тему любви, наполняет ее новым смыслом и новыми коннотациями. С этих позиций рассматривается роман Габриэля Гарсиа Маркеса «Любовь во время чумы» (в оригинале «Любовь во время холеры»), где «чума» становится фоном литературного повествования о любви.

Ключевые слова: литературное повествование; метафора; чума; время чумы; самоизоляция; любовь-болезнь; сюжет; магический реализм; экзистенция; экзистенциализм; миф; мифологическое мышление.

¹ Мальковская Ирина Александровна, Россия, кандидат философских наук, доцент, Московский международный университет (irinamalkovskaya@gmail.com).

Abstract: In this report the “plague” as a historical and modern image of a pandemic is examined within the context of the literary design of this phenomenon. After Europe had been swept by waves of plague epidemics between the 14th and 20th centuries, the topic of plagues in various interpretations started to become common in literature. The “plague” represents a symbol of a massive pandemic, a metaphor for a disaster that is beyond reasonable human comprehension (Albert Camus). The word “plague” denotes both pandemics in general (cholera, COVID) and a person’s condition, and irrational state that does not follow the logic of common sense. The “time of the plague” affects the feelings and behavior of a person, actualizes the theme of love, while filling it with new meaning and connotations. Gabriel Garcia Marquez’s novel “Love in the Time of Cholera” is considered from this perspective. The “plague” in the novel becomes the backdrop for the literary love story.

Key words: literary narrative; metaphor; plague; time of plague; self-isolation; love disease; plot; magic realism; existence; existentialism; myth; mythological thinking.

Есть ли сегодня тема более актуальная, чем пандемия, которая уже почти два года будоражит сознание, нарушая привычный образ жизни, общения и деятельности людей? «Легочная чума» — так иносказательно иногда обозначают заразу XXI в. Массовые эпидемии (чумы, холеры) известны со времен Древнего Рима, а их локальные вспышки затронули XX в. Было бы странно, если бы нынешний век не преподнес аналогичного сюрприза. Эпидемии надолго остаются в исторической памяти людей и отражаются в различных формах рефлексии, в том числе в литературе, хрониках, мемуарах, исторических документах, памятниках.

Эпидемия рождает особый фон общественного сознания, создает переключку общественных мнений и настроений, выстраивает новую систему коммуникаций, становясь общим человеческим делом. Возможно, это самый большой «плюс» эпидемии — осознать, что все плывут в одной лодке и что помимо индивидуальной судьбы есть одна общая судьба у всех живущих. Пандемия порождает универсальность в гораздо большей мере, нежели глобализация. У нее нет глобальных центров, она текуча и всеохватывающа. И чтобы она не стала силой всепоглощающей, следует, видимо, прислушаться к призыву одного из героев романа Альбера Камю «Чума»: чума нужна, чтобы думать.

Литература, повествуя о «чуме» с середины XIV в., действительно учит думать, берет на себя функции других социальных наук, которые не существовали в XIV–XVII вв., и становится, по сути, первым источником понимания социальных процессов и личных отношений в условиях эпидемий. Чума, холера, эпидемия как таковая являются фоном более четырех десятков литературных повествований разных жанров и многочисленных кинематографических сюжетов.

По мере того как литературу «потеснили» в XX и XXI вв. визуальные формы — кинофильмы, телесериалы — тема чумы и любви не исчезла из поля зрения читателя и зрителя. Так, последняя экранизация «Декамерона» братьями Паоло и Витторио Тавиани (под названием «Maraviglioso Boccaccio») состоялась в 2015 г. Экранизация романа Габриэля Гарсиа Маркеса была осуществлена в 2007 г. и приурочена к 80-летию автора.

В центре внимания предлагаемого доклада будет произведение великого колумбийского писателя Габриэля Гарсиа Маркесе «Любовь во время чумы», затрагивающее самое сокровенное человеческое чувство — любовь, связанное, как это ни парадоксально, в своей высшей точке, высшем «накале» страстей с чумой, холерой.

«Время чумы» в произведении становится осевой координатой, определяющей сюжет, поворот событий, интригу отношений и развязку. Время чумы определяет столкновение ума и чувств, рационального и эмоционального начал в человеческой жизни. Чума выступает одновременно и как болезнь, и как метафора, в том числе метафора «любви-чумы». Метафора характеризует состояние героев как «чумовое», иррациональное, подчиненное неуправляемой страсти. Это состояние определяет противостояние обществу и общественной морали и в конечном счете безальтернативно вынуждает героев уйти от всякой социальности. Отсюда следует неизбежность «самоизоляции», переживание

неопределенности ситуации, подчиненность новым реалиям существования: течению реки. В то же время герои обретают подлинную свободу, достигают высшего проявления своих чувств. Реальность и метафора «чумы» и сопутствующих коннотаций углубляют построение сюжета, расширяют и насыщают событийное пространство действия и переживания героев.

«Кумулятивный эффект» сосуществования чумы и любви проясняет многие стороны природы человека. Синергетическая основа поведения героев в таких обстоятельствах как нельзя лучше подходит для литературного повествования, ибо имплицитно несет в себе мощный заряд, импульс напряженного погружения читателя в жизнь персонажей. Произведения о чуме и их экранизации востребуются и рефлексируются особенно остро именно во время чумы, когда судьба героев непосредственно соотносится с собственным поведением человека и оказывает огромное влияние на его сознание и психику.

Удивительную историю любви во время чумы рассказывает Габриэль Гарсиа Маркес. Почти как у Шекспира в известной трагедии «Ромео и Джульетта», болезнь-чума и болезнь-любовь встречаются и взаимно дополняют друг друга. Но роман Маркеса — одно из самых оптимистичных произведений на тему встречи любви и чумы. Эта «встреча» создает особое пространство, в котором происходит раскрытие характеров героев и их чувств.

Особый латиноамериканский колорит произведения по-новому позволяет увидеть подлинное бытие и свободу, или экзистенцию, фундаментально разработанную в свое время европейскими философами и писателями. В классическом западном экзистенциализме (Сартр, Камю, Симона де Бовуар) истинное существование проясняется перед лицом смерти. У Маркеса экзистенциальное бытие возможно только в самой жизни. Это не «магический реализм» писателя, которым, по мнению критиков, был пронизан роман «Сто лет одиночества» (1967). Перед нами разворачивается абсолютно иная, экзистенциальная парадигма, определяющая не только построение сюжетной композиции романа «Любовь во время чумы» (1985), но и его внутренний подтекст. Экзистенция обретается героями в таинстве любви в зрелом возрасте, когда герои вступают «за границу страсти», оказываясь «по ту сторону любви». Их любовь — самая что ни на есть подлинная жизнь, точнее, суть жизни, ибо, по мнению писателя, особенно сильной и острой любовь становится по мере приближения к смерти.

С юности болезнью под названием любовь поражен на полвека лишь один герой романа — Флорентино. Его возлюбленную, Фермину, всю жизнь мучает вопрос: была ли та безумная лихорадка, которая охватила их в двадцатилетнем возрасте, действительно любовью? Возможно ли такое чувство пережить полвека спустя?

Фермина не совершила в юности безумства Джульетты и вполне рационально прожила пятьдесят лет жизни замужем за достойным человеком, ученым, посвятившим свою жизнь борьбе с холерой. Ее жизнь была упорядочена, подчинена общественным правилам и лишена бурных эмоций: обычная жизнь — как у всех с перепалками, бессмысленными ссорами, препирательствами. Была ли это любовь на самом деле — вопрошает Фермина пятьдесят лет спустя.

Флорентино же от юношеской любви-лихорадки так и не оправился. Его страсть-болезнь к Фермине Даса прошла через всю жизнь и лишь усугубилась с возрастом. Любовь стала наваждением, идеей «фикс», смыслом существования, единственным помыслом и целью. Без Фермины ни жизнь, ни смерть больше не имеют никакого значения. И поступки Флорентино уже не ограничивают ни правила общепризнанной морали, ни приличия, когда в самый неподходящий момент — день смерти мужа Фермины — он снова говорит ей о своих чувствах, представ пред взором убитой горем Фермины отчаянным сумасшедшим. Фермина не хочет вспоминать прошлое, пытаясь закрыться от Флорентино трауром и возрастом. Она, как и прежде, находится во власти общественного мнения: в семьдесят лет уже поздно и уже неприлично. Но это не аргумент для Флорентино. Возраст — не защита от любви. Любовь и жизнь не знают границ и времени, они сильнее смерти. И доказать это может лишь путешествие по реке на пароходе, которое Флорентино и предлагает совершить Фермине, погруженной в грустные воспоминания.

Река — это особая стихия, природная и метафизическая, наполненная опасностями и преданиями. Река — опора и источник жизни. Величественная и своенравная река Магдалена «прародительница рек» — символ Колумбии, с незапамятных времен главная артерия страны. Она получила имя святой Марии Магдалины 520 лет назад, но католическое «крещение» не потревожило мифологических обитателей ее вод.

Река многолика, а в глубине ее вод отражается как прошлое, так и настоящее Колумбии. Река — глубинная метафора романа, уходящая в такие же глубины народного подсознания, которая органически дополняет метафору любви-чумы, и делает экзистенциальное повествование Габриэля Маркеса колоритным, органичным и истинно национальным. Ведь и он сам вырос недалеко от реки Магдалены. Слушал предания и рассказы, там же, у реки, полюбил юную и прекрасную Мерседес из селения Маганга и прошел с ней всю жизнь.

В колумбийских мифах образ матери-реки (Мадре-дель-Рио) наделяется особым духом, который притягивает людей и забирает их к себе. Река «снимает» антиномии времени и мышления, погружает в безвременье мифа, в глубины памяти. Река — это сама жизнь. И Фермина в минуты отчаяния чувствует, что если ее куда-то и тянет, то к реке.

Для Флорентино Ариса река — это его жизнь в прямом смысле слова. Он владелец речного пароходства. И хорошо знает, что в реке воедино соединяются диаметрально противоположные основы бытия его народа: религиозные и экономические, мифологические и социальные. Состояние реки он чувствует, как и состояние Фермины Даса. И поэтому единственный шанс вернуть любовь Фермины он видит в небольшом путешествии по реке на пароходе. Лучик надежды светит для Флорентино все ярче по мере изменения состояния Фермины. Конфликты в семье, одиночество возвеличивают ее, гнев и ярость — красят, а злость возвращает дикое своенравие двадцатилетнего возраста, подобное дикому своенравию реки. Фермина становится другой, своевольной, решительной, в ней закипает бунт жизни, перед которым сначала отступает смерть, а потом востребуется любовь. Любовь ведь не может жить «без хозяина». К тому же вдовам — никто не указ! (Заметим, что «вдова» — в колумбийской мифологии фольклорная фигура, с которой лучше не встречаться, чтобы не произошло чего-то плохого или серьезного.) Фермина решает, что поедет на пароходе не за красотами, а потому что «так решила».

Время уйти от всех и от всего на пароходе по реке Магдалене пришло, понимает Флорентино. Вода лечит, омывает душевные раны. Это не только омут, но и мать-вода Мохана, притягивающая людей. По этой полноводной реке путешествовал некогда сам Симон Боливар в романе Габриэля Маркеса «Генерал в своем лабиринте». Грохот и шум реки иногда сводят с ума! Но разве кому-то дано остановить ее течение? Река уносит во времени, как человеческая мечта. И на пароходе Фермина действительно впервые за долгое время мечтает о новых, «безумных путешествиях» с Флорентино Арисой, путешествиях любви, без баулов и обязательств перед другими людьми.

Для безумных путешествий одной реки мало. Река позволяет забыться во времени, войти в вечный кругооборот движения. Но как избавиться от окружающих людей, их взглядов, толков, пересуд, чтобы обрести подлинный покой души? Необходима чума. Для автора чума — способ заострить сюжет, окончательно выйдя за рамки рационального, которого в любви по определению быть не может. Для героев чума, точнее, ее символ — чумной флаг — безумная идея их безумного путешествия. Желтый флаг должен скрыть любовную лихорадку от посторонних глаз, обеспечить настоящую «самоизоляцию» влюбленных. Чумной флаг есть несомненное свидетельство обмана, иррациональности поведения, знак того, что с рационализмом отныне покончено раз и навсегда.

Чума, как и любовь, способна свести с ума, загнать за чумной кордон, лишит общения, огордить от реальной жизни. Но нашим героям именно этого и надо! Флаг для них — отчаянная игра, поэтому зловещий «оберег», желтый флаг чумы, оповещающая якобы о заболевании пассажиров на пароходе, «весело развеялся на реке». Он как будто несет радостную весть: заболевание действительно есть, оно налицо: Флорентино и Фермина больны чумой-любовью, безумством, лихорадкой, которая охватила их с новой силой. Но

это не повод для грусти, читатель! Просто Габриэль Гарсиа Маркес отправляет своих героев в «чрезвычайный рейс», где он позволит им вступить в тишину и покой, перейти за границу страсти, покончить с обманчивыми миражами и выйти в конечном счете к самой сути любви...

Река отправляет героев в бесконечное странствие на пароходе «туда-и-обратно» на всю жизнь, а «флаг» замыкает их в упоительном одиночестве последней вечной любви, для которой нет более никаких ограничений. «Мерзкая реальность», а именно таким становится для Фермины мир, остающийся на берегу, отступает. Бежать больше некуда. Любовный тезаурус закрывается, отгораживаясь спасительным знаком. Крохотное пространство «любви-чумы» отныне неприкасаемо. Любовь принадлежит только двоим, она чувственная, страстная, слегка ироничная и всепоглощающая.

В финале романа автор достигает высшей точки экзистенции, истинного бытия героев, остающихся вдвоем на пароходе под чумным флагом. Их дальнейшую судьбу он вверяет реке Магдалене. Latinoамериканский экзистенциализм Маркеса другой, не европейский. Он пронизан глубокими корнями народного самосознания, мифологической традицией, жизнелюбием. Подлинные состояния жизни, прежде всего любовь и свобода, не противостоят оппозициям жизни и смерти, прошлого и будущего времени. В мифологическом пространстве реки-жизни, по которой отправляются в свое путешествие герои, такого противостояния не может быть. Пароход жизни движется «туда и обратно»! Этот вечный вневременной цикл не линейного времени не разомкнуть, потому что никому не дано остановить течение реки, дух которой покровительствует героям. А их жизнь теперь «еще больше, чем смерть, не знает границ».

Библиография

1. Мальковская И. А. «Зрелищная арена» социальных практик // Художественная культура. 2017. № 1 (19). С. 5.

В. А. Кузнецова¹

ДЕКОНСТРУКЦИЯ КОНЦЕПЦИИ РАСОВОЙ ДЕМОКРАТИИ В КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННОЙ БРАЗИЛИИ

DECONSTRUCTION OF THE CONCEPT OF RACIAL DEMOCRACY IN THE CULTURE OF MODERN BRAZIL

Аннотация: Концепция расовой демократии, сформулированная выдающимся этнологом и социологом Жилберту Фрейри, до недавнего времени являлась фундаментом бразильской национальной идентичности и на уровне официальной риторики и академического дискурса практически не подвергалась сомнению. Однако смена доминирующего идеологического вектора, произошедшая с приходом к власти политических сил из левой части спектра, повлекла за собой трансформацию подхода к понятию метисации, которая, являясь неотъемлемой частью теории Фрейри, прежде выступала краеугольным камнем *brasilidade*. Расовая демократия и гармоничная метисация были объявлены вредным мифом, направленным на маскировку расовых и социальных противоречий в интересах властных элит. В течение неполных четырех президентских мандатов представителей Партии трудящихся (ПТ) были запущены социальные и культурные процессы, продолжающиеся, несмотря на изменение политической конъюнктуры, по сей день. В докладе исследованы законодательные, идеологические и культурные инициативы, направленные на деконструкцию концепции расовой демократии.

Ключевые слова: расовая демократия; национальная идентичность; метисация; расовые противоречия; *brasilidade*.

Abstract: The concept of racial democracy, formulated by the outstanding ethnologist and sociologist Gilberto Freyre was until recently the foundation of Brazilian national identity and was practically not questioned at the level of official rhetoric and academic discourse. However, the change of the dominant ideological vector, which occurred with the coming to power of political forces from the left side of the spectrum, entailed a transformation of the approach to the concept of miscegenation, which, being an integral part of Frey's theory, had previously been the cornerstone of *brasilidade*. Racial democracy and harmonious miscegenation were declared a harmful myth aimed at masking racial and social contradictions in the interests of the ruling elites. During the incomplete four presidential mandates of the representatives of the Worker's Party (Partido dos Trabalhadores, PT), were launched social and cultural processes, which continue to this day, despite the change in the political situation. The report examines legislative, ideological and cultural initiatives aimed at deconstructing the concept of racial democracy.

Key words: racial democracy; national identity; miscegenation; racial contradictions; *brasilidade*.

Концепция «расовой демократии», сформулированная выдающимся бразильским этнологом и социологом Жилберту Фрейри в его программной работе 1933 г. «Casa grande e senzala», в значительной степени изменила подход к пониманию расового вопроса в Бразилии. Впервые краеугольным камнем бразильской национальной идентичности была названа метисация — гармоничное слияние трех рас, внесших равный вклад в национальную культуру. Именно то, в чем прежде сторонники расовых теорий видели главную проблему страны, Фрейри обозначил как залог культурного богатства и

¹ Кузнецова Варвара Александровна, Россия, научный сотрудник ИЛИА РАН, Центр культурологических исследований (variroll@inbox.ru).

важнейшую предпосылку для создания общества, основанного на принципах «расовой демократии».

Теория Фрейри была взята на вооружение правительством Жетулиу Варгаса и до недавнего времени считалась основополагающим компонентом бразильской национальной идеологии.

Поворотным пунктом стало начало демократизации, когда на повестке дня оказалась проблематика, связанная с правами небелого населения Бразилии, его полноценным включением в социум и с символической «деколонизацией» национальной истории и культуры. Эти задачи не могли не вступить в конфликт с концепцией расовой демократии.

От демократизации к деколонизации

В романе ангольского писателя Жозе Эдуарду Агуалузы «O ano em que Zumbi tomou o Rio» («Год, когда Зумби захватил Рио») есть следующие строки: «Знаешь, в чем разница между Анголой и Бразилией? Обе страны независимые, это правда, но в отличие от Анголы Бразилия никогда не была деколонизирована»². Комментируя позже эти слова, Агуалуза объяснил, что это не просто «фигура речи». По мнению писателя, в Бразилии после обретения независимости так и не появилась «черная элита»³, и расовое неравенство продолжает быть частью повседневной жизни. «Внутри Бразилии — Африка, вот только Бразилия зачастую не обращает на нее внимания»⁴. И пока Бразилия не решит проблему полноценного включения в социум населения с африканскими корнями, настоящая деколонизация, полагает Агуалуза, реализована не будет.

Первые шаги в этом направлении были сделаны уже при правительстве Фернанду Энрики Кардозу, которое внесло расовый вопрос в Первую национальную программу по правам человека (PNDH). Тем не менее наиболее значительные изменения в этом отношении начинаются с приходом к власти партии ПТ. Говоря о конкретных инициативах правительства Лулы да Силва, стоит упомянуть:

- создание в 2003 г. Особой комиссии по продвижению политики расового равенства (Seppir);
- появление в 2004 г. правительственной федеральной программы «Киломбу Бразилии» (Brasil Quilombola), направленной на защиту и развитие традиционных общин киломбу, количество которых, согласно данным Культурного фонда Палмарес (Fundação Cultural Palmares), доходит до 1209;
- учреждение в 2003 г. Национального дня Черного самосознания (dia Nacional da Consciência Negra). Характерна выбранная дата — 20 ноября. День смерти Зумби — лидера киломбу Палмарес (но не 13 мая — день провозглашения Lei Aurea, т. е. «Золотого закона»);
- декриминализация капоэйры в 2008 г. (она была запрещена законом с 1890 г.), чуть позже вошедшей в список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО;
- объявление кандомбле в 2007 г. объектом нематериального культурного наследия штата Рио-де-Жанейро.

Закон «Африка»

И все же главной инициативой правительства ПТ, обозначившей новый этап во взаимоотношениях государства и граждан Бразилии, чьими предками были африканские рабы, стал закон № 10.639/03, называемый также «Закон Африка». Закон предписывает

² José Eduardo Agualusa, *O ano em que Zumbi tomou o Rio*, Rio de Janeiro, 2008, p. 83.

³ Luis Antônio Giron, “Inrevista com José Eduardo Agualusa”, *Época* [Электронный ресурс]. URL: <http://revistaepoca.globo.com/Epoca/0,6993,EPT808282-1666,00.html> (дата обращения: 10.10.2021).

⁴ Ibid.

обязательное преподавание африканской и афробразильской истории и культуры во всех государственных и частных школах страны.

Образовательный курс должен включать в себя такие темы, как история стран Африки, история освободительной борьбы бразильских негров, афробразильская культура и тот вклад, который внесли потомки рабов в формирование национального государства — с экономической, социальной и культурной точек зрения. Закон призван дать всем гражданам страны, вне зависимости от цвета кожи, возможность гордиться своими предками, а также гарантировать равные права и «уважение к своей идентичности»⁵.

Одной из основных стратегических задач, на реализацию которых был направлен закон «Африка», стала деколонизация бразильской истории и борьба с «мифом о расовой демократии», который, по словам Кабенжеле Мунанга — конголезского антрополога, с 1980-х гг. живущего в Бразилии и возглавляющего Центр африканских исследований в Университете Сан-Паулу, — «глубоко проник в бразильское общество. Он восхваляет идею гармоничного сосуществования индивидов всех социальных и этнических групп, позволяя тем самым доминирующим элитам скрывать неравенство, и мешает членам небелых сообществ осознать те тонкие дискриминационные механизмы, при помощи которых социум на них воздействует»⁶. Мунанга полагает, что «подобная ситуация действует как предохранительный клапан против недовольства и фрустрации негров и мулатов, что становится препятствием для их мобилизации и организованного протеста»⁷.

Бразильский социолог Лусиана Гарсия ди Мелу из Университета Риу-Гранди-ду-Сул систематизировала формы, посредством которых миф о расовой демократии сглаживает межрасовые конфликты и деполитизирует проблему расизма⁸. По мнению ди Мелу, концепция расовой демократии в своем идеологическом измерении акцентирует внимание на отсутствии межрасового конфликта, в субъективном — на классовых, но не расовых противоречиях, в политическом — на формальном равенстве перед законом и принципах недискриминации. Таким образом, существование расизма как системного явления отрицается, признаются лишь единичные случаи расовой дискриминации, и белое население освобождается от ответственности за то положение, в котором находятся потомки африканских рабов.

Необходимо отметить, что подобный взгляд на концепцию расовой демократии существовал и раньше. Карлос Хайзенбалг писал в своей книге «Дискриминация и расовое неравенство в Бразилии» (*Discriminação e desigualdades raciais no Brasil*, 1979) о том, что миф о расовой демократии не просто «маскирует жестокую реальность расизма, но также порождает новые проявления расового неравенства»⁹.

Еще раньше об этом заявлял Абдиаш ду Насименту (*Abdias do Nascimento*) — бразильский актер, поэт, драматург, политик, основатель Экспериментального театра негров (*Teatro Experimental Negro*, TEN) — одной из крупнейших организаций, способствовавших распространению африканских культурных ценностей среди населения страны: «Неофициальная история Бразилии фиксирует давний и длительный геноцид, направленный против афробразильцев. Чудовищная машина, иронично названная «расовой демократией», предоставляет неграм только одну привилегию — стать белыми, изнутри и снаружи»¹⁰.

⁵ Parecer homologado, Resolução CNE/CP n.º 1, de 17 de junho de 2004 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.prograd.ufu.br/legislacoes/resolucao-cnepc-no-1-de-17-de-junho-de-2004> (дата обращения: 10.10.2021).

⁶ Kabengele Munanga, *Rediscutindo a mestiçagem no Brasil: identidade nacional versus identidade negra*, Petrópolis, 1999, p. 80.

⁷ Ibid, p. 86.

⁸ Luciana Garcia de Mello, “O mito da democracia racial e a relação entre raça e política no Brasil: reflexões a partir de Carlos Hasenbalg, Argumentos”, *Revista de departamento de Ciências Sociais da Unimontes* 2018, 15:2, p. 8.

⁹ Ibid, p. 2.

¹⁰ Bruno de Sousa Costa, Paulo Martins Nunes, Piedade Lino Videira and Elivaldo Serrão Custódio, “A invisibilidade da cultura negra brasileira através do discurso da mestiçagem”, *História & Ensino (Londrina)* 2020, 26:1, p. 237.

Но никогда прежде подобные «нападки» на расовую демократию — святую святых *brasilidade* — не становились частью официальной риторики и не проникали в академические тексты в таких масштабах. И тем более не находили поддержки на законодательном уровне.

Смена вектора

Начало мандата Жаира Болсонару было отмечено некоторыми мерами, отрицающими инициативы предыдущего правительства. В частности, декретом от 2 января 2019 г. было упразднено Secadi — основанное в 2012 г. Ведомство непрерывного образования, грамотности, разнообразия и инклюзии, в задачи которого входило обеспечение гражданам равного доступа к качественному образованию и социальной инклюзии.

В том же 2019 году возникла скандальная ситуация вокруг снятого с эфира по личному указанию президента 30-секундного рекламного ролика Банка Бразилии (Banco do Brasil), в котором шла речь об открытии текущего счета с помощью приложения на телефоне¹¹. Задача ролика состояла в том, чтобы представить население современной Бразилии, и соответственно, потенциальных клиентов банка, во всем их разнообразии — расовом в том числе. По этой причине в ролике в большом количестве появляются темнокожие персонажи. Во Дворце Планалту отказались давать какие-либо комментарии журналистам на эту тему, тогда как в пресс-службе банка заявили, что решение о снятии рекламы с эфира было принято самим президентом Banco do Brasil в связи с тем, что в ролике отсутствуют «иные типы молодых пользователей»¹².

И наконец, самым ярким проявлением новых тенденций стало назначение на пост главы Fundação Palmares — организации по продвижению афро-бразильской культуры — чернокожего журналиста Сержиу Камаргу, известного своей крайне консервативной позицией и не принимающего идеологию толерантности. И хотя в августе 2021 г. Камаргу был отстранен от должности, кадровая политика президента Болсонару сама по себе вполне показательна.

Впоследствии пандемия COVID-19 несколько заслонила собой проблематику расовой инклюзии и положения афробразильской культуры в коллективном сознании граждан страны, но есть все основания ожидать, что в самом ближайшем будущем она снова вернется на повестку дня, и роль расовой демократии как основы национальной идентичности бразильцев подвергнется очередному идеологическому пересмотру.

Библиография

1. *Agualusa J. E.* O ano em que Zumbi tomou o Rio. Rio de Janeiro: Griphus, 2008.
2. *Freyre G.* Casa grande e senzala. São Paulo: Global Editora, 2019.
3. *Giron L. A.* Inrevista com José Eduardo Agualusa // *Época* [Электронный ресурс]. URL: <http://revistaepoca.globo.com/Epoca/0,6993,EPT808282-1666,00.html> (дата обращения: 20.10.2020).
4. *Mello de L. G.* O mito da democracia racial e a relação entre raça e política no Brasil: reflexões a partir de Carlos Hasenbalg // *Argumentos — Revista de departamento de Ciências Sociais da Unimontes*. 2018. Vol. 15. Iss. 2.
5. Resolução CNE/CP n.º 1, de 17 de junho de 2004 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.prograd.ufu.br/legislacoes/resolucao-cnep-no-1-de-17-de-junho-de-2004> (дата обращения: 10.10.2021).

¹¹ O comercial do BB que bolsonaro tirou do ar, *YouTube* [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=AkkkWxMzi18&feature=share&fbclid=IwAR3ZPSjIZfxnNJ01jMLcEjFHLi8YMm6daJavP5V18GZnj4Gize-RLTSj8DQ&ab_channel=JornalistasLivres (дата обращения: 10.10.2021).

¹² Ibid.

6. *Sousa Costa de B. M., Martins Nunes P. J., Lino Videira P., Serrão Custódio E.* A invisibilidade da cultura negra brasileira através do discurso da mestiçagem // *História & Ensino* (Londrina). 2020. Vol. 26. Iss. 1. P. 226–243.
7. O comercial do BB que bolsonaro tirou do ar // YouTube [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=AkkkWxMzi18&feature=share&fbclid=IwAR3ZPSjIZfxnNJ01jMLcEjFHLi8YMM6daJavP5V18GZnj4Gize-RLTSj8DQ&ab_channel=JornalistasLivres (дата обращения: 10.10.2021).
8. *Munanga K.* Rediscutindo a mestiçagem no Brasil: identidade nacional versus identidade negra. Petrópolis: Autêntica, 1999.

Н. А. Шелешнева-Солодовникова¹

АРХИТЕКТУРА ИСПАНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX — НАЧАЛА XXI ВВ. В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ САМИХ МАСТЕРОВ И В РАБОТАХ ЗАРУБЕЖНЫХ И РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ ИСКУССТВА

THE ARCHITECTURE OF SPAIN IN THE SECOND HALF OF THE 20TH — EARLY 21ST CENTURIES IN THE STATEMENTS OF THE MASTERS THEMSELVES AND IN THE WORKS OF FOREIGN AND RUSSIAN ART HISTORIANS

Resumen: El informe está dedicado a la arquitectura de España de la segunda mitad del siglo XX y principios del siglo XXI en las declaraciones de los propios arquitectos y en obras historiadores del arte extranjeros y rusos. A finales de la década de 1950 y principios de la década de 1960, el primer éxito llegó a los arquitectos españoles. En este periodo destacan sus obras J. M. Pozo y especialmente A. Urrutia, así como el ganador del Premio Pritzker, uno de las principales arquitectos españoles Rafael Moneo y los arquitectos hermanos Alfonso y Pablo Olalquiaga. Este importante avance en el pensamiento arquitectónico español se llevó a cabo en gran medida bajo la influencia de la escuela Soviética de constructivismo. La mayor gloria de arquitectura española la trajo la siguiente generación de maestros. Se trata del ya mencionado representante de la escuela madrileña R. Moneo, arquitectos de la escuela barcelonesa Ricardo Bofill Levy y Manuel Nunes Yanovsky y de la valenciana — Santiago Calatrava Valls. Estos arquitectos expresaron muchos pensamientos sobre arquitectura. Pionero del postmodernismo, R. Bofill escribió el libro “Espaces d’une vie”, traducido en ruso. Muchos historiadores del arte extranjeros y rusos escribieron sobre Bofill, entre las obras rusas muy significativas son las obras de V. L. Hight. La arquitectura de España de finales del siglo XX y principios del XXI se refleja más claramente en la obra fundamental “Ciudad llamada España” del historiador de la arquitectura español Manuel Blanco.

Palabras claves: España; arquitectura; A. Urrutia; R. Moneo; R. Bofill; M. Nuñez Yanovsky; S. Calatrava Valls; hermanos Olalquiaga; M. Blanco; V.L. Hight.

Abstract: The report is dedicated to the architecture of Spain of the second part of the 20th — beginning of the 21st centuries in the statements of masters themselves and in the works of foreign and Russian historians of art. The first success came to Spanish architects in the late 1950s — early 1960s. A lot of space was given to the consideration of this period in the works of J.M. Pozo and A. Urrutia, and also Spanish architect, laureate of Pritzker Prize Rafael Moneo and brothers Alfonso and Pablo Olalquiaga. This major breakthrough in architectural thought has been implemented to a large extent under the influence of the Soviet school of constructivism. The next generation brought the greatest glory to Spanish architecture. This is already mentioned representative of the school of Madrid R. Moneo, the architects of the Barcelona school R. Ricardo Bofill Levy and Manuel Nuñez Yanovsky and the Valencian — Santiago Calatrava Valls. These architects expressed many thoughts about architecture. The pioneer of postmodernism R. Bofill wrote a book “Espaces d’une vie”, translated into Russian. Both foreign and Russian art historians have written a lot about Bofill. Among Russian works the most interesting are the articles by V. L. Khayt, who analysed Bofill works in detail. The architecture of Spain of the late 20th — early 21st centuries was most vividly reflected in

¹ **Наталья Алексеевна Шелешнева-Солодовникова**, Россия, старший научный сотрудник ИЛА РАН (sheleshnatal@gmail.com).

the fundamental catalogue “A City called Spain” by the Spanish architect and architectural historian Manuel Blanco.

Key words: Spain; architecture; A. Urrutia; R. Moneo; R. Bofill; M. Nunes Yanovsky; S. Calatrava Valls; brothers Olalquiaga; M. Blanco; V. L. Khayt.

Во второй половине 1950-х гг., в значительной степени благодаря ослаблению жесткого контроля со стороны правительства и самого Франко, стремившегося включить страну в мировой художественный процесс, в испанской архитектуре произошли значительные перемены. На смену националистически окрашенному варианту «имперского» неоклассицизма пришли новые тенденции. Архитекторы вновь, после начала 1930-х гг., заново открыли для себя тенденции рационалистической архитектуры Баухауса, идей Ф. Ллойд Райта и советского авангарда. По мнению ряда специалистов, тогда к испанским архитекторам пришел первый успех, что позволило известному итальянскому искусствоведа Джиро Понти назвать это время «испанским моментом в европейской архитектуре»². Среди зодчих, совершивших своего рода переворот в архитектуре страны, наиболее известны имена представителей Мадридской школы — Луиса Мойя Бланко (1904–1990), Луиса Гутьерреса Сото (1890–1977), Алехандро де ла Сота (1913–1996), Франсиско Хавьера Саэнса де Ойсы (1918–2000), Мигеля Фисака (1913–2006), Фернандо Игуэраса Диаса (1930–2008). Творчеству Фисака, де ла Соты, Саэнса де Оинсы и ряда других мастеров была посвящена лекция молодых испанских зодчих, братьев Альфонсо и Пабло Олалькиага, руководителей мадридской студии Olalquiaga Architectos, прочитанной в июле 2012 г. в Государственном музее архитектуры им. А. И. Щусева. Лекция называлась «Москва — Мадрид. Влияние советского авангарда на мадридскую архитектуру XX века». По их мнению, «архитектоны» Малевича и «проуны» Лисицкого совершили переворот в скульптуре и архитектуре Испании. Особое внимание Олалькиага уделили творчеству Константина Степановича Мельникова — архитектора, с их точки зрения, наиболее независимого, создавшего собственный стиль, с некоторыми реминисценциями модерна, но абсолютно свободного и, возможно, по этой причине самого истинного конструктивиста. Характерно, что один из ведущих современных испанских архитекторов, лауреат Притцкерской премии (аналог Нобелевской премии в области архитектуры) Рафаэль Монео (род. 1938) после смерти Мельникова в декабре 1974 г. опубликовал в журнале *Arquitecturas* (1975, № 6) статью «Испанские Мельниковы», посвященную влиянию русского зодчего на испанских мастеров. Проводя параллели между русской и испанской архитектурой XX в., Р. Монео обратил внимание и на ряд спорных вопросов по этой теме, затронув, в частности, тему новаторства. Если Мельников, подчеркнул Монео, был абсолютным новатором в мировом масштабе, то испанские мастера совершили инновационный переворот скорее на региональном уровне. Рассмотрению этого периода в испанской архитектуре большое место в своей работе «Испанская архитектура. XX век» уделил Анхель Уррутиа³.

Несмотря на значительный прорыв в архитектурной мысли, осуществленный такими зодчими, как Луис Мойя Бланко (1904–1990), Луис Гутьеррес Сото (1890–1977), Алехандро де ла Сота (1913–1996), Франсиско Хавьер Саэнс де Ойса (1918–2000), Мигель Фисак (1913–2006) и Фернандо Игуэрас Диас (1930–2008), наибольшую славу испанской архитектуре принесло следующее поколение мастеров. В первую очередь это уже упомянутый представитель Мадридской школы Р. Монео, представители Барселонской школы Рикардо Бифилль Леви (род. 1939) и Мануэль Нуньес Яновский (род. 1942), Валенсийской — Сантьяго Калатрава Вальс (род. 1951). В их творчестве четко прослеживается полилог разных традиций, как региональных, так и универсальных, и при этом инновационный

² См.: José Manuel Pozo, “La buena arquitectura no sufre con la crisis”. 04.03.2011, *Diario de Navarra* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.coavna.com/en-los-medios/jose-manuel-pozo-la-buena-arquitectura-no-sufre-con-la-crisis-diario-de-navarra-4-octubre/> (дата обращения: 10.10.2021).

³ Ángel Urrutia, *Arquitectura Española*, Madrid, 1997.

прорыв, рассматривающий архитектуру не только как строительство, но прежде всего как искусство. Творчество предшественников, безусловно, сыграло роль в их формировании. Обращение к той или иной традиции характерно для большинства современных испанских архитекторов, но к так называемой «звездной системе» мирового зодчества относятся именно вышеназванные мастера, чьи проекты осуществлены во многих странах мира.

Рикардо Бофилль, которого называют «Дон Жуаном» архитектуры, уподобляющим процесс проектирования роману с прекрасной женщиной, один из ярчайших представителей постмодернистской парадигмы, удостоился наибольшего количества работ исследователей и сам неоднократно высказывал мысли об архитектуре. В 1978 г. в Париже он выпустил книгу «Espaces d'une vie», в 1993 г. вышедшую на русском языке под названием «Пространства для жизни»⁴. Уже в 1962 г. совместно с совсем юным Мануэлем Нуньесом Яновским он создал свою архитектурную мастерскую (Ricardo Bofill Taller de Arquitectura) в Барселоне, одной из основных, достаточно амбициозных целей которой, по словам А. Уррутиа, было желание попасть на «международную архитектурную орбиту»⁵. С самого начала Бофилль задумал свою мастерскую как междисциплинарное образование, где наряду с архитекторами работали математик, актриса, писатели Х. А. Гойтисоло и С. Клотас. По мнению А. Н. Шукуровой, «мастерская сформировалась в атмосфере “карнавально-игрового бунта против истеблишмента, типичного для арт-авангарда тех лет”»⁶. Проекты рождались в процессе творческого взаимодействия людей разных творческих процессов, что наложило на них явственный отпечаток — это и литературные и исторические реминисценции, и метафоры, связанные с театральной сценографией. Целью Бофилля и его соратников стало создание экспрессивной композиции всего ансамбля и его отдельных элементов при использовании достижений технологического прогресса. Здания и целые ансамбли, прославившие Бофилля, напоминают огромные скульптурные объекты из дешевого сборного железобетона, метафоричность которых обусловлена обращением в разное время к разным традициям. Страдавший с детства клаустрофобией, Бофилль стремился и стремится к созданию динамичного, «магического» пространства и образов, всегда привязанных к определенному месту. Для Бофилля зодчество неразрывно связано с градостроительством, и именно классическая архитектура (классицизм и частично барокко) дает ему возможность «рассматривать город на основе чисто европейской традиции»⁷. Основные проекты Бофилля 1960-х — начала 1970-х гг. — квартал Гауди в Реусе, комплекс Ксанаду в Кальпе (Аликанте), «Красная стена». Дух театрализации, архитектурной игры с кубизмом, конструктивизмом, средиземноморскими традициями своей кульминации достигает в здании гостиницы в Барселоне, за мрачность кубических объемов с прорезями окон-бойниц получившей прозвище «Замок Кафки». Идея о влиянии категорий пространства и времени на человеческое поведение нашла отражение в последнем произведении гротескно-метафорического направления в творчестве Бофилля — жилом доме «Уолден 7» (Walden 7). Название Бофилль позаимствовал у североамериканского писателя-утописта Генри Дэвида Торо, занимавшегося проблемами человеческого общения и поведения. Здание было построено в том же районе Сант-Жюст-Десверн в Барселоне, где находится и его мастерская. Это сооружение, по-разному воспринятое жителями города, тем не менее, является знаковым зданием города. Недаром Анхель Уррутиа сравнил его с разветвляющимся деревом⁸, а каталонский писатель Хуан Марсе — с панцирем краба⁹. В постройках Бофилля 1960-х — начала 1970-х гг. делаются попытки уйти от монотонности модернистской архитектуры. Бофилль пишет: «Мы вступили в постиндустриальную эпоху, обладая невиданным минимумом средств и приемов»¹⁰, — и далее: «Перед лицом крушения

⁴ Рикардо Бофилль, *Пространства для жизни*, Москва, 1993.

⁵ Ángel Urrutia, *Op. cit.*, p. 584.

⁶ Анна Шукурова, *Архитектура Запада и мир искусства XX века*. Москва, 1990, с. 85.

⁷ Рикардо Бофилль, *Указ. соч.*, с. 22.

⁸ Ángel Urrutia, *Op. cit.*, p. 587.

⁹ Хуан Марсе, *Двуликий любовник*, Москва, 2001, с. 35.

¹⁰ Рикардо Бофилль, *Указ. соч.*, с. 70.

авангарда художники отстаивали свое право на связь с прошлым, на использование самых разных традиций, на внедрение в свои произведения всего прежнего культурного наследия», посетовав при этом, что «сама идея на этом и остановилась. Мало кто из них нашел какую-то логику, оправдывающую сочетание всех этих элементов»¹¹. Сам архитектор нашел свою логику. Семантика его произведений второй половины 1970-х — 1980-х гг. уже полностью построена на воскрешении классической линии средиземноморской архитектуры, начиная от амфитеатров Древней Греции, храмов Древнего Рима, через эпоху Ренессанса, барокко и классицизма до так называемого классицизма в модерне и классицистических приемов в «Культуре Два»¹². Недаром рано ушедший из жизни признанный российский авторитет в области архитектуры В. Л. Хайт, рассматривая проблемы классицизма и новейшего классицизма, относит Р. Бофилля к наиболее ярким представителям последнего. Причем, несмотря на направленные в адрес Бофилля, как и в адрес архитекторов из других стран, постоянные обвинения в «снижении стилевых характеристик», Хайт склонен видеть в его творчестве «именно нарастающую тенденцию возрождения высокого ортодоксального классицизма»¹³.

Р. Бофилль и его проектная мастерская с отделением в Париже в 1980–1990-е гг. создали много крупных жилых комплексов (в основном во Франции), которые критик архитектуры К. Фремpton считает выполненными «явно в духе кичевого классицизма». Более того, он называет подобный подход «новым социал-реалистическим мегаклассицизмом»¹⁴ и вспоминает, что подобные проекты создавались в конце 1920-х гг.: в Вене — архитектором К. Энном (Карл-Маркс-Хоф, 1927), а в Марселе — знаменитым Ле Корбюзье (так называемая жилая единица Ле Корбюзье).

«Кичевый классицизм» Р. Бофилля в значительной степени построен на отношении к наследию: не полному следованию стилевым категориям, а тому «музейному» отношению к нему, которое достаточно четко сформулировал А. Мальро, которого цитирует сам Бофилль: «Мы живем в эпоху воображаемого музея, в котором без столкновений сосуществуют барокко и классицизм, романтизм и сюрреализм»¹⁵. Анализируя ряд произведений Бофилля, в частности жилой дом в Монпелье, где в полузамкнутом дворе архитектор делает преувеличенный вынос ажурного карниза, и объясняя это тем, что так жильцам дома предоставляется возможность представить себе пространство двора перекрытым куполом, В. Л. Хайт считает, что они «действительно кажутся сюрреалистическим соединением реальности и вымысла»¹⁶.

С мыслью Мальро полностью совпадает мнение английского архитектора Чарльза Дженкса: «Мы можем воспроизводить отдельные фрагменты различных культур, и поскольку это делалось всеми средствами информации, наше восприятие изменилось. Благодаря иллюстрированным журналам, туристическим путеводителям и “Кодаку” Средний Человек имеет хорошо укомплектованный “музей воображения” и является потенциальным эклектиком. По крайней мере, он сталкивается с множеством других культур и может делать выбор и разбираться в этом богатом фонде»¹⁷.

Бофилль, ориентирующийся скорее на архитектуру Рима, чем Древней Греции, а также на принципы ренессансного зодчества, при создании своих произведений идет от того, что сохранилось от римской архитектуры (в частности, знаменитого Форума). Неудивительно поэтому, что один из его комплексов в парижском Возрождении (Микеланджело и Палладио). Колонна, как один из основных формообразующих элементов классической и

¹¹ Там же, с. 94–95.

¹² Владимир Паперный, *Культура Два*, Москва, 1996, с. 8.

¹³ Владимир Хайт, «Классицизм и новейший классицизм», *Актуальные тенденции в зарубежной архитектуре и их мировоззренческие и стилевые истоки*, Москва, 1998, с. 45.

¹⁴ Там же, с. 46.

¹⁵ Рикардо Бофилль, *Указ. соч.*, с. 5.

¹⁶ Владимир Хайт, *Указ. соч.*, с. 47.

¹⁷ Чарльз Дженкс, *Язык архитектуры постмодернизма*, пер. с англ. А. В. Рябушина, М. В. Уваровой; под ред. А. В. Рябушина, В. Л. Хайта, Москва, 1985, с. 94.

классицистической архитектуры, постоянно присутствует в сооружениях Бофилля. Но что он с ней делает? В комплексе «Колонна Сен-Кристоф», иначе называемом «Зеленый Кресцент», в парижском пригороде Сержи-Понтуаэ, колоннады из отдельно стоящих и сдвоенных полуколонн, выстроенные по фасадам полукружных и прямоугольных блоков зданий, сплошь застеклены и таким образом остраниены от первообраза. В. Л. Хайт, подробно рассмотревший это сооружение, сказал, что название «Зеленый Кресцент» «определенно напоминает о знаменитом ансамбле «Королевский Кресцент» в английском городе-курорте Бате»¹⁸. От себя добавлю, что Сен Кристоф — это Св. Христофор (носитель Христа). «Зеленый Крисчен» (Green Christian) в переводе с английского означает «Раннее христианство», которое кровными узами было связано с античностью.

Более сложной для Бофилля была задача создания комплексов в городах со сложившейся застройкой — Париже, южно-французском городе Монпелье, Нью-Йорке. В Париже, как это ни парадоксально, архитектор выбирает точкой отсчета не столь свойственный французскому искусству классицизм, а барокко. Возможно, и в самом названии проекта «Барочные лестницы» на Монпарнасе, и в организации пространства в Париже, городе с редкими памятниками архитектуры барокко, он использует провокационный постмодернистский прием. В своей книге «Пространства для жизни» Бофилль писал: «План ансамбля может читаться как барочное здание»¹⁹, — т. е. он обтекаем, высвечен с разных точек осмотра. Архитектор вписывает свои кварталы жилых здания, связанные тремя площадями — круглой, эллиптической и полукруглой, — в существующие улицы, которые, как справедливо отметил Л. Г. Хайченко, «подобно живому организму», чувствительны «к окружающей среде, в его напряженных упругих линиях как бы ощущается пульсация этого организма»²⁰.

Исследователи называют Бофилля мастером, словно оживляющим величие архитектуры Людовика XIV и Наполеона. Но начинал Бофилль, исходя из опыта архитектуры Ф. Л. Райта, «народного творчества Аальто», конструктивизма Ле Корбюзье и советской школы авангарда, и опираясь на каталонские традиции, пропущенные через творчество великого А. Гауди с его образностью, символикой, мифологизмом. Кубистические в своей основе, они, по мнению Г. Рыбаченко, навеяны также творчеством его соотечественников Пабло Пикассо и Хуана Гриси²¹. В начале третьего тысячелетия, помимо классики, Бофилль вновь обращается к своей ранней манере — скульптурно-выразительным образам в пространстве. В Барселоне в 2010 г. реализован его проект отеля всемирной сети W Hotels. Находящийся на берегу Средиземного моря, в районе порта, небоскреб по форме напоминает огромный парус. По первоначальному замыслу здание должно было быть оформленным в виде двухмачтовой пиратской шхуны, но, по словам самого Бофилля, когда он постоял на пирсе вблизи места будущего строительства, сами голубые небеса и морские просторы продиктовали романтическое решение — образ огромного голубого паруса²².

В отличие от Р. Бофилля, М. Нуньес Яновский и С. Калатрава Вальс не написали книг, но в интервью высказывали свои взгляды на архитектуру. Родившийся в советском Самарканде М. Нуньес Яновский, еще в детстве в Севастополе, а затем в Одессе мечтавший быть театральным режиссером, окончивший Театральную школу в Барселоне, считает, что «скульптура — это микроархитектура, а архитектура — это макроскульптура», а С. Калатрава Вальс говорит, что «архитектура суть скульптура, в которую можно войти».

Творчеству Р. Бофилля, М. Нуньеса Яновского, С. Калатравы Вальса и других испанских архитекторов, а также иностранных мастеров, создавших проекты для разных

¹⁸ Владимир Хайт, *Указ. соч.*, с. 48.

¹⁹ Цит. по: Там же.

²⁰ Хайченко Л. Г., «Приемы композиции жилых комплексов Р. Бофилля», *Современная зарубежная архитектура. Эстетические проблемы*, М., 1989, с. 79.

²¹ Г. Рыбаченко, *Стилистическая эволюция сеньора Бофилля*, URL: <https://www.sibdom.ru/journal/906/>, p. 3. (дата обращения: 10.10.2021).

²² Там же.

городов Испании, посвятила несколько работ автор этого доклада²³, заострившая внимание на образности испанской архитектуры, использующей при этом новые технологии; на работы Р. Бофилля в России, прежде всего в Петербурге; на проблему постмодернизма и нового авангарда.

В 2011 г. — перекрестном году «Испания — Россия» в Москве прошла выставка фотографий и проектов испанских архитекторов, к открытию которой архитектор, историк и теоретик искусства Мануэль Бланко выпустил на испанском и русском языках внушительный каталог, озаглавленный автором «Город под названием Испания». Выставка продемонстрировала огромный спектр проектов, осуществленных в разных регионах страны, что М. Бланко охарактеризовал следующим образом: «Наш город весьма разнообразен, в нем смешиваются разные стили мышления и жизни, на фоне которых возникают классические произведения современной архитектуры и последние тенденции. Это город — метафора, в архитектуре которого отражаются сложность и богатство нашего общественного устройства, а также свойственные ему проблемы и некоторые их решения»²⁴.

Библиография

1. Шелешнева-Солодовникова Н. А. Полистилизм постмодернизма // Культура современной Испании. Превратности обновления. М.: Наука, 2005. С. 117–147.
2. Полифония форм и красок // Испания анфас и профиль / под ред. В. Л. Верникова. М.: Весь мир, 2007. С. 168–196.
3. Инновационные процессы в испанской архитектуре // Ибероамериканская культура: инновационные процессы и государственная культурная политика. М.: ИЛА РАН, 2014. С. 38–64.
4. Архитектура Испании: «игра в классику» или серьезное переосмысление традиций // Современная культура Испании и Португалии: полилог традиций. М.: ИЛА РАН, 2017. С. 36–68.
5. Между инженерией и скульптурой // Латинская Америка. 2009. № 2. С. 85–98.
6. Бланко М. Город под названием Испания // Madrid — Moscú: Acción Cultural Española. 2011.
7. Urrutia Á. Arquitectura Española. Madrid: Siglo XX, 1997.
8. Бофилль Р. Пространства для жизни. М.: Стройиздат, 1993.
9. Шукурова А. Н. Архитектура Запада и мир искусства XX века. М.: Стройиздат, 1990.
10. Марсе Х. Двуликий любовник. М.: Иностранка, 2001.
11. Паперный В. Культура Два. М.: Новое литературное обозрение, 1996.
12. Хайт В. Л. Классицизм и новейший классицизм // Актуальные тенденции в зарубежной архитектуре и их мировоззренческие и стилевые истоки. М.: НИИТАГ, 1998.
13. Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма / пер. с англ. А. В. Рябушина, М. В. Уваровой; под ред. А. В. Рябушина, В. Л. Хайта. М.: Стройиздат, 1985.
14. Современная зарубежная архитектура. Эстетические проблемы. М.: НИИТАГ, 1989.

²³ Наталия Шелешнева-Солодовникова, Полистилизм постмодернизма, *Культура современной Испании. Превратности обновления*, Москва, 2005; Полифония форм и красок // Испания анфас и профиль, Москва, 2007; Инновационные процессы в испанской архитектуре, *Ибероамериканская культура: инновационные процессы и государственная культурная политика*, Москва, 2014; Архитектура Испании: «игра в классику» или серьезное переосмысление традиций, *Современная культура Испании и Португалии: полилог традиций*, Москва, 2017; Между инженерией и скульптурой, *Латинская Америка* 2, 2009.

²⁴ Луис Мойя Бланко, *Город под названием Испания, Madrid — Moscú, Acción Cultural Española*. 2011, с. 21.

Я. Г. Шемякин¹

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКАЯ КУЛЬТУРА В СВЕТЕ «ИКОНИЧЕСКОГО ПОВОРОТА» В СОВРЕМЕННЫХ ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

LATIN AMERICAN CULTURE IN THE LIGHT OF THE “ICONIC TURN” IN CONTEMPORARY HUMANITIES

Resumen: Entre los diversos “giros” que determinaron la dinámica de la evolución de las humanidades y ciencias sociales en el cambio de siglo XX–XXI (“antropológico”, “lingüístico”, etc.) también está el llamado turno “icónico”. Los investigadores centraron su atención en el concepto de imagen como una herramienta especial de cognición y el factor más importante en la comunicación intercultural e intracultural. Esto está directamente relacionado con el aumento significativo del papel del componente emocional-figurativo de la psique humana en las condiciones de la “era electrónica”. La especificidad de la percepción del problema de la imagen en América Latina se debe al tipo “borderline” de civilización latinoamericana: el dominio de la diversidad manteniendo la unidad *sui generis*.

Palabras clave: “giro icónico”; imagen; “civilización fronteriza”; dominante de la diversidad.

Abstract: Among the various “turns” that determined the dynamics of evolution humanities and social sciences at the turn of 20th–21st centuries (“anthropological”, “linguistic”, etc.) there is also the so-called “iconic” turn. The researchers focused their attention on the concept of the image as a special tool of cognition and the most important factor in intercultural and intracultural communication. This is directly related to the significant increase in the role of the emotional-figurative component of the human psyche in the conditions of the “electronic era”. The specificity of the perception of the problem of the image in Latin America is due to the “borderline” type of Latin American civilization: the dominant of diversity while maintaining the unity *sui generis*.

Key words: “iconic turn”; image; “frontier civilization”; dominant of diversity.

«Иконический поворот» и обусловленное им сосредоточение внимания исследователей на понятии образа, рассматриваемого как особый инструмент познания и ключевой фактор внутрикультурной и межкультурной коммуникации, непосредственно вызваны важнейшими сдвигами в характере восприятия человеком действительности. А именно — в резком усилении образно-эмоциональной составляющей человеческой психики. Подобное усиление закономерным образом привело к выдвиганию на первый план одной из двух основных интеллектуальных стратегий, применяемых *homo sapiens*, — правополушарной, ориентированной на познание мира посредством целостных образов².

В основе всего множества образов, заполняющих духовное пространство той или иной социокультурной общности, лежит ее самообраз, в котором фиксируется представление данной общности о самой себе, своем месте в истории, смысле собственного существования. Иными словами, образ цивилизации. Живым, пульсирующим ядром любой цивилизации является конкретный живой человек. Поэтому в основе ее самообраза — образ человека,

¹ Яков Георгиевич Шемякин, доктор наук, главный научный сотрудник ИЛА РАН (e-mail: shemyakin3@gmail.com).

² Вячеслав Иванов, “До — во время — после?”, *Избранные труды по семиотике и истории культуры*. Т. V. Мифология и фольклор, Москва, 2009, с. 141, 143, 149.

воплощающего ее основные ценностные установки, соответствующие этим установкам нормы поведения. Такой образ — не что иное, как формируемый данной общностью идеал, на который призваны ориентировать свое поведение во всех сферах жизни конкретные люди. И то, каким этот идеал является, напрямую зависит от того, какой подход к решению ключевой экзистенциальной проблемы соотношения между индивидом и социумом избрала та или иная культура.

Как нам уже приходилось неоднократно отмечать³, в Латинской Америке специфика статуса личности обусловлена «пограничным» типом ее цивилизации, для которого характерно особое, принципиально отличное от опыта великих «классических» цивилизаций Востока и Запада соотношение личностного и надличностного уровней развертывания цивилизационного процесса. А именно — ключевая роль первого, а в его рамках — «пространства свободы», которое присутствует в любом индивидууме, но совершенно по-разному соотносится с также наличествующим в любом человеке надиндивидуальным слоем общепринятых норм, ценностей, моделей поведения. В «пограничной» реальности Латинской Америки «пространство свободы», то есть собственно индивидуальный слой личности, делающий ее неповторимой, следует рассматривать как главный фактор достижения целостности цивилизационной системы в целом.

Учитывая ключевую роль «пространства свободы» личности в обеспечении целостности цивилизационной системы, главным фактором культурной детерминации процессов, происходящих в Латинской Америке, следует, по-видимому, считать воздействие на эти процессы через специфическую для латиноамериканского культурного космоса трактовку индивидуального начала, его роли в различных сферах бытия латиноамериканского человека, его взаимосвязи с обществом и иными традициями. Это одна из наиболее трудных для интерпретации тем латиноамериканской мысли. Трудности связаны, в свою очередь, с тем, что в условиях «пограничной» реальности региона доминанта многообразия проявляет себя в наличии таких качеств, как амбивалентность (т. е. одновременная ориентированность мысли и действия в прямо противоположных направлениях) и антиномичность (т.е. тенденция к лобовому столкновению полярностей бытия при отсутствии между ними опосредующих звеньев). Наличие этих качеств означает, что взаимоисключающие подходы к решению ключевых проблем человеческого существования одинаково органичны для «пограничного» цивилизационного космоса. Та же самая ситуация сложилась и с проблемой личности: здесь можно проследить наличие двух взаимоисключающих тенденций: к утверждению абсолютной свободы без границ (олицетворением этой тенденции является фигура гаучо в аргентинской традиции) и к тотальному контролю над личностью со стороны общностей различного типа — от семьи и общины до государства⁴.

Особенно остро эта проблема стала ощущаться в эпоху модернизации. В основе комплекса ценностей модернизации лежат две основополагающие ценности, между которыми всегда существовало крайнее напряжение — свобода выбора во всех областях жизни и рациональность. Первая из них, как правило, определяется в западной интеллектуальной традиции как «индивидуализм» (в широком смысле). Появление индивидуализма с началом «модерн-эпохи» означало, что коренное экзистенциальное противоречие между социумом и индивидом стало решаться на базе утверждения приоритета личностного начала. Возникла ситуация, когда именно личность становится ключевым фактором формирования социальности.

Проблема восприятия и реинтерпретации ценности индивидуализма заняла особое место в латиноамериканской истории. Первоначально она воспринималась как нечто

³ Яков Шемякин, *Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории*: дис. ... д-р ист. наук, Москва, 2001, с. 167–191; Ибероамерика: культурная идентичность в эпоху глобализации, Москва, 2019, с. 53–54.

⁴ Яков Шемякин, *Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории*: дис. ... д-р ист. наук, Москва, 2001, с. 273–294.

чуждое местной «почве», порожденное совершенно иной реальностью. В этой связи некоторые авторы⁵ обратили внимание на характерную черту действительности нового, становящегося в Ибероамерике человеческого мира, сформировавшегося в ходе и в результате взаимодействия с «фаустовской» цивилизацией: яркое проявление индивидуального начала с самого начала сопровождалось отказом преобладающей части населения воспринимать себя и окружающую действительность в системе ценностей и представлений западного индивидуализма. К. Араухо и Д. Мартуксельи⁶ видят в этом парадокс, особенно если учесть, что тематика утверждения индивидуального начала ярко проявилась в правовой сфере (гражданские кодексы, право собственности, политические права), при принятии первых конституций, только что рожденных в огне войны за независимость государств, для которых характерна ярко выраженная индивидуалистическая тональность. Между тем это было вполне закономерно. Социокультурная почва Ибероамерики была в значительной мере подготовлена к восприятию самой идеи ценности индивидуального начала. К началу XIX в. на континенте уже существовала сильная традиция особого рода иберокатолического индивидуализма, унаследованная от эпохи Реконкисты и особенно ярко проявившаяся в мировоззрении и деятельности конкистадоров⁷. Но вот с западной версией индивидуализма дело обстояло значительно сложнее. Становление свойственного Ибероамерике подхода к решению проблемы личности происходило в ходе крайне напряженного взаимодействия иберокатолического и западного пониманий роли личности. На поверхности социальной жизни это выглядело как процесс сложного восприятия местной «почвой» ценности, первоначально органически выросшей в западном историко-культурном контексте. Этот процесс может быть рассмотрен в разных ракурсах и с помощью разной научной терминологии. Одно из наиболее интересных решений предложили уже упоминавшиеся К. Араухо и Д. Мартуксельи. Они ввели в научный оборот наряду с понятием индивидуализма понятие «индивидуация». Под этим термином понимается процесс формирования («производства» по терминологии авторов) соответствующего данной культурной среде типа человека. Авторы обосновывают точку зрения, согласно которой способы индивидуации принципиально отличаются на Западе и в Латинской Америке. Западный индивидуализм характеризуется как «институциональный»: здесь утверждение прав индивида происходило одновременно с утверждением институциональной, политической и правовой структур, обеспечивавших воплощение в жизнь ценностей утверждения индивидуального начала. С этим выводом К. Араухо и Д. Мартуксельи вполне можно согласиться. Но к их соображениям хотелось бы добавить следующее. Выше была сформулирована мысль о неоднородности самого индивидуального начала, в котором различаются надличностный слой, включающий общепринятые в данном обществе ценности, установки и нормы поведения, и собственно индивидуальный слой — «пространство свободы» личности. По нашему мнению, специфика развития взаимоотношений между личностью и обществом на Западе свидетельствует о том, что здесь надличностный слой в структуре индивидуальности преобладал над «пространством свободы». Об этом свидетельствуют такие проанализированные видными западными мыслителями явления, как «бегство от свободы», прослеживаемое Э. Фроммом с эпохи Реформации до наших дней, феномен «восстания масс», всесторонне проанализированный Х. Ортегой-и-Гассетом, появление нового типа индивидуальности — «одномерного человека» (Г. Маркузе)⁸. По-видимому, речь идет в данном случае об определяющей структурной характеристике «институционализованного» индивидуализма: утверждение

⁵ Kathya Araujo and Danilo Martuccelli, "Problematizaciones del individualismo en América Latina", *Perfiles Latinoamericanos* 28:55, 2020.

⁶ Ibid.

⁷ Андрей Кофман, *Под покровительством Сантьяго. Испанское завоевание Америки и судьбы знаменитых конкистадоров*, Санкт-Петербург, 2017.

⁸ Эрих Фромм, *Бегство от свободы*, Москва, 1990; José Ortega-y-Gasset, *La rebelión de las masas*, Madrid, 2005; Герберт Маркузе, *Одномерный человек*, Москва, 2003.

прав и значения личности происходило одновременно с утверждением в рамках самой личности на индивидуального измерения, опирающегося на соответствующие институты.

В отличие от этого в условиях рождавшейся в колониях иберийских монархий культурно-исторической макрообщности утверждение индивидуального начала не было обеспечено соответствующими институциональными структурами. Личность здесь утверждала себя преимущественно благодаря собственным усилиям, без поддержки (или, во всяком случае, при слабой поддержке) подобных структур, опираясь практически исключительно на «грибницу» личных либо клановых связей. По определению К. Араухо и Д. Мартуксельи, это «совершенно особый путь» утверждения личностного начала, который характеризуется ими как «самоподдерживающаяся (agéntica o agencial)⁹ индивидуация». Фактически это выраженная в несколько иных формулировках та же идея о ключевом значении «пространства свободы» личности, о которой говорилось уже не раз. Подобная специфика проявления личностного начала прямо связана с ситуацией многостороннего и крайне противоречивого взаимодействия качественно различных традиций, в которой обнаруживает себя доминанта многообразия.

Впрочем, к этой, «исконно латиноамериканской» интерпретации личностного начала дело, разумеется, не сводилось. Западная версия индивидуализма, впервые воспринятая обществами региона в эпоху Просвещения и, бесспорно, наиболее соответствующая задачам модернизации, постепенно укоренялась в Новом Свете в ходе длительного и сложного процесса. К. Араухо и Д. Мартуксельи описывают этот процесс как «проблематизацию» западного понимания индивидуализма в социокультурной среде Иberoамерики. Процесс «проблематизации» прошел ряд стадий, ни одна из которых не завершена и по сей день. Здесь невольно всплывает в памяти оценка особенности литературного процесса в Латинской Америке: «Здесь ничто не кончается и ничто не существует в отдельности»¹⁰. По-видимому, в данном случае находит свое отражение в разных ареалах духовного космоса континента определяющая характеристика этого космоса: доминанта многообразия. Упомянутые авторы убедительно показали, что каждая из «проблематизаций» характеризуется особым типом напряжения между органичной для латиноамериканской почвы «самоподдерживающейся индивидуацией» и западной версией индивидуализма, как правило, навязываемой на государственном уровне через систему скопированных с западных образцов конституционных положений и норм законодательства, сформулированных в соответствии с романо-германской правовой традицией.

Первая «проблематизация», согласно К. Араухо и Д. Мартуксельи¹¹, была связана с тем, что официальное утверждение индивидуалистических ценностей в конституциях и правовых актах рожденных в огне Войны за независимость молодых государств сопровождалась утверждением принципа недоверия к «неуправляемой массе» — низам и (частично) средним слоям, составлявшим подавляющее большинство населения бывших колоний и продолжавшим жить в основном в соответствии с традициями колониального периода (а в случае с индейскими общинами — и доколумбова прошлого). Идея о том, что массы не готовы к восприятию ценностей индивидуальных свобод и демократии, прочно засела в умах элиты, получив наиболее яркое воплощение в создании особого политического режима «элитарной демократии» в Аргентине¹² в последней трети XIX — начале XX в. Недоверие к «неуправляемой массе» стало, по-видимому, инвариантом политической культуры «верхов» в регионе, хотя в современную эпоху оно проявляется, в других, как правило, более замаскированных («общедемократическими» клише) формах. Но, как справедливо отмечает К. Араухо и ее соавтор, одним из главных качеств народных масс в странах региона (в разной степени проявляющимся в различных страновых

⁹ Kathya Araujo and Danilo Martuccelli, *Op. cit.*, p. 5.

¹⁰ Arturo Uslar Pietri, *Breve historia de la novela hispanoamericana*, Madrid, 1974.

¹¹ Kathya Araujo and Danilo Martuccelli, *Op. cit.*, p. 8–9.

¹² Яков Шемякин, “От элитарной демократии к «катастрофическому равновесию», *Политическая система общества Латинской Америки*, М., 1982.

контекстах) и по сей день более всего пугающим тех, кто ориентируется на «чистые» формы социальности по западному образцу, является отчетливо выраженная тенденция к переходу через грань меры как способу бытия (при том, что мера известна — это пять же западная мера)¹³. Автору этих строк, как и другим коллегам (среди которых особо выделяется А. Ф. Кофман), уже не раз приходилось писать об этом качестве, как об одной из определяющих характеристик латиноамериканского цивилизационного сознания¹⁴.

Вторая «проблематизация» проявилась в одновременном утверждении на государственном уровне индивидуалистических ценностей и институтов и программ полного разрушения наследия доколумбова прошлого и колониального периода, прежде всего тех институтов, которые были единственными формами организации социальности, доступными массам. Наряду с корпорациями, прежде всего религиозными, сохранившимися с колониальной эпохи, главную роль среди них играла община, расцениваемая апологетами капиталистического прогресса как главное препятствие на пути модернизации. Наиболее ярко эта разновидность «проблематизации» проявилась в идеологии и практике режима П. Диаса в Мексике и в так называемом «цивилизаторском проекте» Д. Ф. Сармьенто и его единомышленников в Аргентине, предполагавшем полную перестройку сложившейся к последней трети XX в. социокультурной реальности (фактически замену всей социальной «ткани» человеческим «материалом», прямо «импортированным» из Европы в результате массовой иммиграции) и тотальный разрыв с иберийской, автохтонной и афроамериканской составляющими латиноамериканского «мира миров». Попытка воплощения в жизнь этих планов вызвала мощную реакцию отторжения прежде всего в крестьянстве (индейском и метисном), городских низах, рабочем классе, появившимся в результате возникновения современной промышленности и в зародившейся в процессе генезиса капиталистических форм организации социальной жизни национальной буржуазии, ориентированной первоначально на внутренний рынок. Итогом стали мексиканская революция, покончившая с «порфириатом», и стратегический провал «цивилизаторского проекта». Несмотря на то что европейская иммиграция привела к очень существенным сдвигам в ряде стран региона (главным образом в «Южном конусе» — в Аргентине, Уругвае, отчасти Чили, на юге Бразилии), она не изменила уже сложившуюся ранее ибероамериканскую цивилизационную основу, не затронула главные ее сущностные характеристики.

Третья проблематизация оказалась связана с появлением популистских движений, являвших собой парадоксальное сочетание двух феноменов: вторжения на политическую арену лишенных до этого представительства масс и акцентировки роли личности в фигуре харизматического лидера. Популизм основан на взаимоупоре противоположностей — гипертрофии двух начал: коллективного, воплощенного в этих массах, и индивидуального, олицетворяемого главой движения.

Следующая по времени проблематизация была обусловлена попыткой массированного внедрения ценностей свободного предпринимательства в эпоху неолиберальных реформ, осуществленных правоавторитарными диктатурами уже в 60–70-е гг. XX в. Хотя в этот период индивидуалистические ценности частично проникли на уровень массового сознания, прежде всего среди представителей неформального сектора, главным образом — населения маргинальных кварталов латиноамериканских городов. Однако, если внимательно проанализировать, в частности, примеры, приведенные наиболее известным апологетом этого нового, относительно массового вида мелкого индивидуального предпринимательства, Э. де Сото¹⁵, то станет очевидно, что речь идет именно о том, «самоподдерживающемся» типе индивидуализма, сущностные характеристики которого были описаны неоднократно упоминавшимися К. Араухо и Д. Мартуксельи. Это касается прежде всего отсутствия сколько-нибудь значимой институциональной поддержки.

¹³ Kathya Araujo and Danilo Martuccelli, *Op. cit.*, p. 8–9.

¹⁴ Яков Шемякин, *Указ. соч.*, 2001, с. 221–232.; Андрей Кофман, *Латиноамериканский художественный образ мира*, Москва, 1997.

¹⁵ Hernando De Soto, *El otro sendero. La revolución informal*, Lima, 1986.

Следующий по времени появления тип «проблематизации» оказался связан с новым этапом глобализации и частичным принятием латиноамериканским обществом западной версии индивидуализма в условиях развертывания процессов демократизации на рубеже XX–XXI вв. В данном случае имело место, по-видимому, творческое восприятие ядра западной традиции утверждения личного достоинства и свободы выбора с одновременным отрицанием западного формализма в трактовке демократических принципов. Эта проблематизация напрямую связана с переосмыслением латиноамериканской мыслью проблематики прав человека.

Учитывая то, что говорилось ранее о ключевом значении «пространства свободы» личности, данная проблематика не могла не занять — и заняла — центральное место в латиноамериканской жизни. Защита прав человека в этом ракурсе должна рассматриваться как защита самой основы культуры и одновременно как наиболее зримое проявление детерминирующего воздействия этой основы на все стороны жизни общества — от политики до экономики и духовной сферы.

Библиография

1. *Фромм Э.* Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1990.
2. *Ortega-y-Gasset J.* La rebelión de las masas. Madrid: Alianza Editorial, 2005.
3. *Маркузе Г.* Одномерный человек. М.: АСТ; ЗАО НПП «Ермак», 2003.
4. *Uslar Pietri A.* Breve historia de la novela hispanoamericana. Madrid: Caracas, 1974. P. 161–162.
5. *Шемякин Я. Г.* От элитарной демократии к «катастрофическому равновесию» // Политическая система общества Латинской Америки. М.: Наука, 1982. С. 258–304.
6. *Кофман А. Ф.* Латиноамериканский художественный образ мира. М.: Наследие, 1997.
7. *De Soto H.* El otro sendero. La revolución informal. Lima: El Barranco, 1986.
8. *Шемякин Я. Г.* Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории: дис. ... д-р ист. наук. М., 2001.
9. Ибероамерика: культурная идентичность в эпоху глобализации. М.: ИЛА РАН, 2019.
10. *Иванов Вяч. Вс.* До — во время — после? // Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. V. Мифология и фольклор. М.: Знак, 2009.
11. *Araujo K., Martuccelli D.* Problematizaciones del individualismo en América Latina // Perfiles Latinoamericanos. 2020. Vol. 28. Iss. 55. 2020. P. 1–25.
12. *Кофман А. Ф.* Под покровительством Сантьяго. Испанское завоевание Америки и судьбы знаменитых конкистадоров. СПб.: Крига, 2017.

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ, ЦИФРОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ И ДИПЛОМАТИЯ ДАННЫХ В ЗАПАДНОМ ПОЛУШАРИИ: РАЗНООБРАЗИЕ ДИСКУРСОВ В НАУКЕ И ПРАКТИКЕ

PUBLIC DIPLOMACY, DIGITAL DIPLOMACY AND DATA DIPLOMACY IN THE WESTERN HEMISPHERE: A VARIETY OF DISCOURSES IN SCIENCE AND PRACTICE

О. Н. Богатырева¹

ДИПЛОМАТИЯ НАРОДОВ: ВОВЛЕЧЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

DIPLOMACY OF PEOPLES: INVOLVEMENT OF THE LATIN AMERICAN POPULATION IN INTERNATIONAL RELATIONS

Abstract: Latin America is currently one of the main actors in the interesting processes of forming new models of diplomacy. The region demonstrates an example of the evolution of collective forms of diplomacy with the participation of the population — NGOs, civil society institutions, the academic community, indigenous peoples. The article examines the growth of public participation in international processes. Attention is drawn to the fact that the diplomacy of peoples is one of the most important elements of the process of transformation of the state and the formation of more just and equal societies. The main elements of peoples' diplomacy, including civil diplomacy, paradiplomacy,

¹ **Богатырева Ольга Николаевна**, Россия, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (olgabogat.100@gmail.com).

Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-014-00033 «Концепция полимодальной гуманитарной дипломатии: реализация, инструменты и цивилизационные модели».

diplomacy of summits and indigenous peoples, are analyzed. Formal and informal channels of implementation and tools of new models of diplomacy are considered on the example of some States. **Key words:** diplomacy; civil diplomacy; indigenous peoples' diplomacy; paradiplomacy.

Resumen: América Latina es actualmente uno de los principales actores de los interesantes procesos de formación de nuevos modelos de diplomacia. La región es un ejemplo de la evolución de las formas colectivas de diplomacia con la participación de la población: ONG, instituciones de la sociedad civil, comunidad académica, pueblos indígenas. El artículo analiza el aumento de la participación de la población en los procesos internacionales. Se ha señalado que la diplomacia de los pueblos es uno de los elementos más importantes del proceso de transformación del estado y de la creación de sociedades más justas y equitativas. Se analizaron los principales elementos de la diplomacia de los pueblos, incluyendo la diplomacia civil, la paradiplomática, la diplomacia de las cumbres y los pueblos indígenas. Se examinan los canales formales e informales de aplicación y los instrumentos de los nuevos modelos de diplomacia en algunos Estados.

Palabras clave: diplomacia; diplomacia civil; diplomacia indígena; paradiplomática.

Современные тренды мирового политического развития связаны с резким ростом точек соприкосновения между государствами, вызванными изменением характера войн, миграцией, массовыми потоками беженцев, угрозами окружающей среде, технологическими новациями и кибер-технологиями. В этих условиях обеспечивать комплексное международное сотрудничество призваны новые модели дипломатии, основанные на диалоге и сотрудничестве. Общей чертой концепций новых моделей дипломатии является отрицание того факта, что государство является единственным представителем интересов населения. Латинская Америка в настоящее время является одним из центров интересных процессов формирования новых моделей дипломатии на субнациональном и негосударственных уровнях. Регион демонстрирует пример развития коллективных форм дипломатии с участием негосударственных акторов — НПО, институтов гражданского общества, академического сообщества, общин и коренных народов.

Все эти новые способы взаимодействия, отличные от формальной официальной дипломатии, вызывают пристальный интерес исследователей. В испаноязычном научном дискурсе анализируются новые направления дипломатии, характерные для латиноамериканского региона, такие как гражданская дипломатия, дипломатия народов и дипломатия коренных народов. Теоретико-методологической основой этих форм дипломатии и, в частности, народной дипломатии являются концепция дипломатии второго направления или трека (*track two diplomacy*), которая в испаноязычном научном дискурсе определяется как неофициальная, параллельная или гражданская дипломатия², а также концепция транснациональной дипломатии, направленная на анализ и понимание дипломатического взаимодействия отдельных народов и общин.

Изучение моделей дипломатии с участием граждан и различных социальных корпораций показывает, что трудно четко разделить гражданскую, народную дипломатию и дипломатию коренных народов. Эти типы дипломатии часто дополняют друг друга и работают вместе, однако в некоторых ситуациях один тип может получить определенный перевес в зависимости от групп населения, вовлеченных в отношения.

Гражданская дипломатия включает неофициальные процедуры, применимые на международном и межобщинном уровнях, где существуют разные культуры и потребность в лучшем понимании народов, которого нельзя достичь с помощью официальных контактов. Примерами этого являются культурные и образовательные обмены, побратимские отношения между городами, совместные исследовательские проекты и гуманитарная помощь. Как подчеркнул К. Торуп, гражданскую дипломатию порождает значительное число организаций, сетей и коалиций, к которым относятся «как национальные, так и

² Karla María Díaz Martínez, “Diplomacia de los Pueblos: Participación popular en las relaciones internacionales”, *Revista América Latina* 10, 2011, p. 9.

международные торговые ассоциации; религиозные группы (в частности, католики и евангелисты); <...> бойскауты и девочки-скауты, организации по оказанию помощи, такие как Красный Крест; профсоюзы; политические партии; народные движения; «источники идей» (аналитические центры) и низовые организации, связанные с конкретными политическими темами (окружающая среда, вопросы женщин, миграция, права человека, защита потребителей, защита детей, медицинская помощь)»³.

По мнению исследователей, гражданская дипломатия не должна пониматься как форма исключительно параллельная государственной дипломатии. В некоторых случаях она является компонентом «демократии участия». В Латинской Америке развитие гражданской дипломатии началось в конце XX — начале XXI в., когда некоторые НПО, связанные с дипломатией саммитов, создали пространства взаимодействия. Так, в 2006 г. на первом Деловом саммите ALC-EU, который совпал с IV саммитом президентов, более 350 бизнес-лидеров из стран ЕС, Латинской Америки и Карибского бассейна встретились, чтобы обсудить проблемы инвестиций и торговли, предпринимательства и промышленности, технологии и инноваций, природы и энергетики, а также туризма и культуры⁴.

Как отмечалось, участие общественных движений, организаций гражданского общества, бизнес-групп способствует демократизации мирового порядка, поскольку неправительственная дипломатия нацелена на построение «мира солидарности»⁵. Для этого используется широкий набор инструментов: активные сети международной солидарности, средства массовой информации, социальные сети, участие в переговорах и разработка международных соглашений по актуальным международным проблемам. В целях укрепления демократии в регионе были объединены крупные неправительственные организации, которые участвовали в кампании по расширению и защите свобод в различных областях, в том числе Руководящий Совет женщин Америки (WLCA), Институт глобальных ресурсов (WRI) и Программа содействия реформе образования в Латинской Америке (Preal) и др. Например, примером гражданской дипломатии Чили является неправительственная организация «Америка солидарности», которая в целях латиноамериканского регионального сотрудничества работает в проблемных районах с наибольшей социальной уязвимостью под девизом «Давайте глобализуем солидарность», в частности в таких странах как Боливия, Гаити, Доминиканская Республика, Колумбия, Эквадор, Перу и Чили⁶. Как отметил А. Сербин, концепция гражданской дипломатии, применяемая в Латинской Америке и Карибском бассейне, сочетает как «неофициальный» поиск каналов диалога и урегулирования конфликтов между противоборствующими группами или странами, так и устойчивые действия на многосторонних, региональных и глобальных уровнях в целях содействия осуществлению Повестки дня перемен в области миростроительства и предотвращения конфликтов. Исследователь отметил, что начиная с 1990-х гг. гражданская дипломатия оказывает большую помощь в таких критических ситуациях, как перманентное внутреннее насилие и вооруженные конфликты в Колумбии, в комбинированных социальных, политических и этнических конфликтах в Боливии, проводила мониторинг развития организованной преступности в Центральной Америке⁷.

Народная дипломатия также концептуально связана с политическим режимом «демократии участия», продвигающим такие ценности, как солидарность, братство, союз народов, включение и равенство. Отвечая на вопрос, возможна ли демократия в Латинской Америке, исследователи отмечают, что «демократический проект для Латинской Америки

³ Cathryn L. Thorup, “Diplomacia ciudadana, redes y coaliciones trasfronterizas en América del norte: nuevos diseños organizativos”, *Foro Internacional* 35:2 (140), 1995, p. 166.

⁴ Christopher Leitel, “El sector privado en las Cumbres ALC-UE”, en Jarque Carlos, *América Latina y la Diplomacia de Cumbres*, México, 2010, p. 199.

⁵ Henri Rouillé, *La diplomacia no gubernamental*, Santiago de Chile, 2008, p. 103.

⁶ Javier Castro Arcos, “La diplomacia ciudadana en América Latina: Aproximaciones a un desafío global reciente”, *América Latina: tendencias y perspectivas del nuevo siglo*, Santiago de Chile, 2012, p. 32.

⁷ André Serbin, “La Diplomacia Ciudadana en América Latina y el Caribe: Una actualización”, *Aldea Mundo. Revista sobre Fronteras e Integración* 15:30, 2010, p. 33–37.

состоит в новой модели отношений между народами, составляющими наши страны»⁸. Она предназначена для дополнения традиционной дипломатии, проводимой государствами и правительствами, и ее суть состоит в том, чтобы стать инструментом демократизации международных отношений через продвижение механизмов участия народов за пределами их границ⁹. Народная дипломатия означает обмен между низовыми (локальными) сообществами, образованными двумя и более территориями для развития проектов с целью общего человеческого развития и заботы об окружающей среде, в том числе для достижения ЦУР.

Народная дипломатия в Латинской Америке может проявляться в разных аспектах. Во-первых, это обмены, которые осуществляются вне государственной власти. В них могут участвовать общины народов, проживающих в одном и том же государстве, общественные движения и организации. Во-вторых, это отношения между народами при поддержке или вмешательстве государственной власти. Одной из таких форм является парадипломатия, включающая международные связи местных органов власти. Довольно часто они устанавливаются для легитимации де-факто отношений приграничных территорий. Активно реагируя на глобальные процессы, местные структуры начинают предпринимать самостоятельные действия в рамках парадипломатии, которую государства вынуждены признавать на законодательном уровне. Новые структуры и формы регионального и трансграничного взаимодействия организуются с учетом географических и культурных особенностей, потребностей и наиболее сильных и выгодных сторон соответствующих территорий. Н. Корнаго понимает под парадипломатией «участие нецентральных правительств в международных отношениях посредством установления официальных и неформальных, постоянных или специальных контактов с иностранными дипломатиями, государственными или частными организациями с целью содействия социально-экономическому развитию, решению политических или культурных вопросов, а также любые другие внешние аспекты их конституционных полномочий»¹⁰.

В Латинской Америке процессы дипломатических обменов между народами связаны с взаимодействием между группами населения, имеющих расовое, географическое или иное сходство. Народная дипломатия включает опыт в том числе и коренных народов, проживающих в каждом латиноамериканском регионе¹¹. Коренные народы продолжают борьбу за признание во многих частях мира, для этого создаются их организованные сообщества, использующих различные инструменты для влияния на переговоры, соглашения и договоры.

Обращаясь к характеристике особенностей дипломатии коренных народов, следует отметить, что латиноамериканское общество, основное на колониальном прошлом, можно охарактеризовать как мультиобщественное. Термины «мультикультурный» и «многонациональный» довольно часто встречаются в текстах конституций государств Латинской Америки.

Дипломатия коренных народов имеет давние традиции. В доколумбовую эпоху до испанского вторжения и создания колониальной системы коренные народы поддерживали отношения друг с другом. Как писал Эстебан Тикона, «народы, населяющие территорию, которая сегодня называется Южной Америкой, поддерживали постоянный обмен с народами, населяющими территории Мексики, Центральной Америки, Полинезии и других стран». Он отметил, что отношения, которые мы сегодня называем дипломатией, понимались тогда, как гармоничный союз и братство, не имеющих границы. Например, дипломатия Тауантинсуйу представляла собой «братство, взаимопомощь и народную

⁸ Karla María Díaz Martínez, *Op. cit.*, p. 20.

⁹ Heiber Barreto, Patricia Méndez, Mabel Bravo y Christian Flores, "Diplomacia de los pueblos", in Constant Héctor (comp.), *Fundamentos filosóficos de la nueva integración del Sur*, Caracas, 2007, p. 52.

¹⁰ Noé Cornago, "Paradiplomacia", *Las Relaciones Internacionales de las regiones*, eds F. Aldecoa, M. Keating, Barcelona, 2000, p. 56

¹¹ Karla María Díaz Martínez, *Op. cit.*, p. 18.

дипломатию на всю жизнь»¹². Индейские народы исторически взаимодействовали, создавая формальные, неформальные и межличностные связи через границы общин, языка, социальной нормативности и культурной практики, создавая постоянные системы дипломатической коммуникации и обмена¹³.

Таким образом, дипломатия коренных народов уходит корнями в длительные и болезненные процессы колонизации. Исследования показывают, что индейские народы сопротивлялись процессам подчинения, и частью этого ответа была дипломатическая деятельность коренных народов, за которой стоит четкое осознание и живая память о длительных переговорах с представителями колониальных держав или постколониальными правительствами, которые их заменили. Несмотря на запрещение многих из этих практик колониальными властями, некоторые из механизмов обмена оставались в силе в течение долгого времени. Например, использование листа коки в качестве протокола, переговоров и подхода к проблемам, в также поиск соответствующих решений¹⁴.

Современная дипломатия коренных народов имеет в качестве программных рамок положения Декларации ООН о правах коренных народов, начиная с автономии и самоопределения, уважения их земель, территорий и природных ресурсов и права на консультации и предварительное, свободное и осознанное согласие по актуальным вопросам коренных народов, будь то права человека, изменение климата, окружающая среда, добыча полезных ископаемых или энергетические проекты¹⁵.

Право на участие многонационального населения в международных отношениях содержится и в ряде новейших конституций латиноамериканских государств. Так, в 2009 г. в Боливии вступила в силу новая Конституция, в которой была поставлена задача коллективного создания унитарного социального государства, основанного на праве многонационального сообщества. Признание многонациональности означает принятие разнообразия и множественных практик взаимоотношений. Международные отношения Боливии, особенно переговоры, подписание и ратификация международных договоров, регулируются принципами сотрудничества и солидарности между государствами и народами в гармонии с природой. Следовательно, одной из основ внешней политики Боливии является вовлечение народов и коренных народов, составляющих эту многонациональную нацию, в политические действия государства посредством признания их обычаев и способов взаимоотношений, а также признания институтов этих народов частью государственной структуры¹⁶.

В Конституции Эквадора 2008 г. закреплено признание широких прав участия и интеграции народов, коренных народов и других слоев населения, которые традиционно исключались из сферы международных отношений. В тексте конституции признается право «поддерживать и развивать контакты, отношения и сотрудничество между коренными народами», уделяя внимание народам, разделенных границами. Это означает конституционное признание дипломатии народов. Государство выступает как покровитель и гарант этого типа международных отношений в рамках мультикультурализма, так как это

¹² Esteban Ticona, *La diplomacia de los pueblos, la diplomacia indígena: Hacia la descolonización de las relaciones internacionales*, La Paz, 2006, p. 10.

¹³ Gabriel Andrés Arévalo Robles, “La diplomacia indígena: un enfoque transdiplomático”, *Si Somos Americanos. Revista de Estudios Transfronterizos*, p. 141–169.

¹⁴ Esteban Ticona, *Op. cit.*, p. 10.

¹⁵ Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов. Принята резолюцией 61/295 Генеральной Ассамблеи от 13 сентября 2007 года, *ООН* [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения: 25.07.2021).

¹⁶ Constitución Política del Estado de Plurinacional de Bolivia [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20171024044028/http://www.presidencia.gob.bo/documentos/publicaciones/constitucion.pdf> (дата обращения: 26.07.2021).

открывает пространство для коренных народов, принадлежащих к одной этнической группе, но разделенных границами¹⁷.

В заключение отметим, что народная дипломатия, выступая как один из наиболее важных процессов трансформации государства, действует как внутри, так и вне пределов государства, имеет последствия за пределами собственного государства и оказывает влияние на латиноамериканскую интеграцию и на расширение нового типа отношений между государствами и обществами по всему континенту. Однако слабость народной дипломатии как механизма влияния на латиноамериканскую интеграцию заключается в том, что еще не все страны используют данную форму взаимодействия народов и граждан, что существенно ограничивает поле ее деятельности.

Библиография

1. *Serbin A.* La Diplomacia Ciudadana en América Latina y el Caribe: Una actualización // Aldea Mundo. Revista sobre Fronteras e Integración, Año. 2010. Vol. 15. Iss. 30.
2. *Thorup C. L.* Diplomacia ciudadana, redes y coaliciones trasfronterizas en América del norte: nuevos diseños organizativos // Foro Internacional. 1995. Vol. 35. Iss. 2 (140). P. 155–218.
3. Constitución de la República del Ecuador 2008 [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20090320002938/http://www.asambleaconstituyente.gov.ec/documentos/constitucion_de_bolsillo.pdf (дата обращения: 26.07.2021).
4. Constitución Política del Estado de Plurinacional de Bolivia [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20171024044028/http://www.presidencia.gob.bo/documentos/publicaciones/constitucion.pdf> (дата обращения: 26.07.2021).
5. *Leitl C.* El sector privado en las Cumbres ALC-UE // América Latina y la Diplomacia de Cumbres / Carlos J. Secretaría General Iberoamericana. México, 2010.
6. *Ticona E.* La diplomacia de los pueblos, la diplomacia indígena // Hacia la descolonización de las relaciones internacionales. La Paz, 2006.
7. *Arévalo Robles G. A.* La diplomacia indígena: un enfoque transdiplomático // Revista de Estudios Transfronterizos. 2017. Vol. 17. Iss. 1.
8. *Barreto H., Méndez P., Bravo M., Flores Ch.* Diplomacia de los pueblos // Constant, Héctor (compilador), Fundamentos filosóficos de la nueva integración del Sur. Caracas: Instituto de altos Estudios Diplomáticos Pedro Gual, 2007.
9. *Rouillé H.* La diplomacia no gubernamental. Santiago de Chile: LOM ediciones, 2008.
10. *Castro Arcos J.* La diplomacia ciudadana en América Latina: Aproximaciones a un desafío global reciente // América Latina: tendencias y perspectivas del nuevo siglo. Santiago de Chile: Centro de Estudios e Investigaciones Militares, 2012.
11. *Díaz Martínez K. M.* Diplomacia de los Pueblos: Participación popular en las relaciones internacionales // Revista América Latina. 2011. No. 10.
12. *Cornago N.* Paradiplomacia // Las Relaciones Internacionales de las regiones / eds F. Aldecoa, M. Keating. Barcelona: Marcial Pons, 2000.
13. Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов. Принята резолюцией 61/295 Генеральной Ассамблеи от 13 сентября 2007 года // ООН [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения: 25.07.2021).

¹⁷ Constitución de la República del Ecuador 2008. [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20090320002938/http://www.asambleaconstituyente.gov.ec/documentos/constitucion_de_bolsillo.pdf (дата обращения: 26.07.2021).

Е. К. Березина¹

ОСОБЕННОСТИ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ РОССИИ И ЕС В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ НА ПРИМЕРЕ АРГЕНТИНЫ

FEATURES OF PUBLIC DIPLOMACY OF RUSSIA AND THE EU IN LATIN AMERICA ON THE EXAMPLE OF ARGENTINA

Abstract: The article examines the conceptual foundations of public diplomacy in Russia and the European Union as an instrument of “soft power” in the context of relations with Argentina. The article provides a comparative analysis of public diplomacy features of Russia and the European Union in Argentina within the context of digitalization and the COVID-19 pandemic. As units of analysis, the activity of the Representative Office of Rossotrudnichestvo in Argentina and the EU Delegation in Argentina have been considered for the presence of appropriate mechanisms, programs and representation in social networks accounts. The study has found that the EU has a higher social media presence vis-à-vis Argentina compared to Russia. At the same time, Russia demonstrates progress in the field of “vaccine diplomacy”. At the same time, the author reveals the problem of underdevelopment of both Russian and European institutional mechanisms for interaction with Argentina. The author has concluded that in order to increase the effectiveness of Russian public diplomacy in Argentina, it is necessary to promote the representation in social networks, develop institutional mechanisms, directions and programs.

Key words: COVID-19 pandemic; vaccine diplomacy; soft power; multipolarity; digital public diplomacy.

Resumen: El artículo examina los fundamentos conceptuales de la diplomacia pública en Rusia y la Unión Europea como instrumento de “poder blando” en el contexto de las relaciones con Argentina. El artículo ofrece un análisis comparativo de las características de la diplomacia pública de Rusia y la Unión Europea en Argentina en el contexto de la digitalización y la pandemia COVID-19. Como unidades de análisis, se han considerado las actividades de la Representación de Rossotrudnichestvo en Argentina y la Delegación de la UE en Argentina para la presencia de los mecanismos, programas adecuados y la representación en las cuentas de redes sociales. El estudio ha encontrado que la UE tiene una mayor presencia en las redes sociales que Argentina en comparación con Rusia. Al mismo tiempo, Rusia demuestra avances en el campo de la “diplomacia de vacunas”. Al mismo tiempo, el autor revela el problema del subdesarrollo de los mecanismos institucionales de interacción con Argentina tanto rusos como europeos. El autor llega a la conclusión de que para incrementar la efectividad de la diplomacia pública rusa en Argentina es necesario promover la representación en las redes sociales, desarrollar los mecanismos institucionales, direcciones y programas.

Palabras clave: pandemia COVID-19; diplomacia de vacunas; poder blando; multipolaridad; diplomacia pública digital.

Становление публичной дипломатии во многом связано с процессом глобализации, воздействием новых технологий на ослабление государственного контроля над СМИ и возрастающей ролью негосударственных акторов в международных отношениях. Понятие

¹ Березина Елизавета Константиновна, Россия, ведущий специалист Центра международной проектной деятельности Управления международного сотрудничества СЗИУ РАНХиГС (berezina-ek@ranepa.ru; berezina.elizaveta.95@mail.ru).

«публичная дипломатия» гг. было введено в 60-е гг. XX в. Эдвардом Галлионом². В более широком смысле под публичной дипломатией понимается «инструмент, используемый государствами, ассоциациями государств и некоторыми внутригосударственными учреждениями и негосударственными акторами для понимания культуры, установок и поведения; с целью построения отношений и управления ими; и влияния на мысли и мобилизацию действий для продвижения своих интересов и ценностей»³. Однако в широкий распространение этот термин получил в 1990-е гг., после того как Дж. Най сформировал концепцию «мягкой силы»⁴.

По сравнению с американской и европейской публичной дипломатией в России сложилась своя специфика интерпретации «публичной дипломатии, которая имеет исторических корни со времен Советского Союза и связана прежде всего с общественной (народной) дипломатией»⁵. Тем не менее отечественным экспертом Российского совета по международным делам (РСМД), Н. В. Бурлиновой, признаются факт неструктурированности в работе российской народной дипломатии и признание отсутствия существования системы публичной дипломатии⁶. Таким образом, Россия нуждается на сегодняшний день в выстраивании комплексной системы механизмов и инструментов публичной дипломатии и повышении эффективности ее работы.

На сегодняшний день одним из ключевых партнеров России в Латинской Америке является Аргентина. В 2015 г. российско-аргентинские отношения приобрели характер всеобъемлющего стратегического партнерства. В целом современный российский подход к взаимодействию с латиноамериканцами строится на принцип прагматизма⁷, непротивостояния, отсутствия разделительных линий и искусственных барьеров, укрепления сотрудничества на основе взаимной поддержки, солидарности⁸. В основе взаимоотношений России и Аргентины лежит созвучность или близость позиций двух стран по ключевым проблемам современности. Страны выступают за их разрешение на основе принципов многосторонности, открытости, предсказуемости, верховенства международного права, обеспечения центральной роли ООН в мировых делах. На двустороннем уровне Россия и Аргентина взаимодействуют в области торгово-экономического сотрудничества, ядерной энергетики, научно-технического направления. На многостороннем уровне Россия и Аргентина ведут диалог в рамках ООН, G20, Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ). В рамках концепции трансрегионализма⁹ Аргентина взаимодействует с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) на основе заключенного Меморандума о взаимопонимании, что свидетельствует об обмене опытом и информацией в области интеграционного сотрудничества.

В Аргентине проживает многочисленная русскоязычная диаспора. По состоянию на 2019 г. русская диаспора в Аргентине составляет около 350 тыс. человек, в основном это внуки эмигрантов, приехавших в страну в начале XX в.¹⁰

² Елизавета Березина, «Публичная дипломатия России в Латинской Америке», *Латинская Америка* 9, 2021, с. 27.

³ Kadir Jun Ayhan, «The Boundaries of Public Diplomacy and Nonstate Actors: A Taxonomy of Perspectives», *International Studies Perspectives* 20:1, 2019, p. 65.

⁴ Елизавета Березина, *Указ. соч.*, с. 27.

⁵ Там же, с. 28.

⁶ Наталья Бурлинова, Полина Василенко, Виктория Иванченко, Олег Шакиров, *Экспертный обзор российской публичной дипломатии в 2018–2019 гг. 10 шагов на пути к эффективной публичной дипломатии России: доклад 52/2020*, Москва, 2020, с. 8.

⁷ Виктор Хейфец, «Место Латинской Америки в многополярном мире: взгляды и подходы российских ученых», *Латинская Америка* 5, 2021, с. 56.

⁸ Александр Щетинин, «Латинская Америка — неизменно важное направление внешней политики России», *Латинская Америка* 7, 2019, с. 42.

⁹ Елизавета Березина, Андрей Торопыгин, «ЕАЭС расширяет международное сотрудничество: направление — Латинская Америка», *Управленческое консультирование* 3, 2021, с. 55.

¹⁰ Evangelina Himition, «La Nación (Аргентина): почему в Аргентине столько русских, а в России так мало аргентинцев?». 21.05.2021, *ИноСМИ* [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/asviewedby/20190521/245110946.html> (дата обращения: 30.09.2021).

Вследствие пандемии COVID-19 Аргентина стала заинтересована в поставках и производстве российской вакцины «Спутник V».¹¹ Результатом российской дипломатии вакцины стал запуск производства компанией Richmond «Спутника V» в Аргентине¹². Так, согласно проведенным аргентинским исследованиям российская вакцина в Аргентине доказала свою эффективность¹³.

Основываясь на подходе М. М. Лебедевой¹⁴ и классификации Н. В. Бурлиновой¹⁵, Россия осуществляет взаимодействие с Аргентиной в области публичной дипломатии через: 1) официальные ведомства; 2) некоммерческие/неправительственные организации, образовательные учреждения, научно-исследовательские центры.

Анализ официальных институтов по продвижению публичной дипломатии в Латинской Америке (Министерство иностранных дел РФ, Совет Федерации РФ, Комитет по международным делам Государственной думы РФ, Министерство науки и высшего образования, Представительства Россотрудничества в Бразилии, Венесуэле, Кубе, Мексике, Никарагуа, Перу, Чили)¹⁶ на наличие информационных ресурсов и аккаунтов в социальных сетях показывает, что официальное направление (по сравнению с неофициальным) российской публичной дипломатии в латиноамериканских странах представлено шире, в большинстве случаев включено в общую систему международных связей и, как правило, не представлено отдельными страницами, посвященными конкретным странам или аккаунтами в социальных сетях¹⁷. В основном деятельность по продвижению российского гуманитарного сотрудничества с конкретными латиноамериканскими странами реализуется Россотрудничеством, которое взаимодействует с неофициальными институтами (т. е. некоммерческими и неправительственными организациями как, например, Российская ассоциация международного сотрудничества).

В этом контексте одним из важнейших официальных институтов по продвижению публичной дипломатии в странах занимает деятельность Россотрудничества. Помимо международного содействия в условиях пандемии COVID-19, одним из ключевых направлений деятельности Россотрудничества является популяризация и изучение русского языка и культуры в странах Латинской Америки. Несмотря на то, что доля русскоговорящих в Латинской Америке составляет малый процент населения — 0,2 млн человек¹⁸, в восьми странах региона действуют представительства Россотрудничества, в числе которых и Аргентина. В основном эти представительства являются Российскими центрами культуры и науки, при которых действуют курсы русского языка. Русский центр культуры и науки в Буэнос-Айресе имеет свой сайт и представлен в социальных сетях. Ежегодно на площадке Русского центра проводятся различные мероприятия, среди которых можно отметить показы фильмов, выставки и фотовыставки, праздничные концерты и т. д. Однако все эти мероприятия, как правило, носят разовый характер и не имеют долгосрочного эффекта по продвижению российской дипломатии в странах региона. В этом контексте актуальным представляется сравнение российской публичной дипломатии с особенностями публичной дипломатии Европейского Союза в латиноамериканском регионе.

¹¹ По данным Российского фонда прямых инвестиций (РФПИ), российская вакцина «Спутник V» одобрена в более чем 65 государствах мира, среди которых Аргентина, Бразилия, Боливия, Венесуэла, Парагвай, Мексика, Никарагуа, Гватемала, Гондурас, Эквадор, Чили.

¹² Аргентинская фармкомпания сообщила об одобрении ее партии «Спутника V» Центром им. Гамалеи, [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/11914933> (дата обращения: 30.09.2021).

¹³ José María Costa, "Sputnik V: según un estudio bonaerense, los anticuerpos neutralizantes del Covid-19 crecen tras seis meses de la vacunación". 25.08.2021, *La Nación* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lanacion.com.ar/sociedad/sputnik-v-segun-un-estudio-bonaerense-los-anticuerpos-neutralizantes-de-la-covid-19-crecen-tras-seis-nid25082021/> (дата обращения: 30.09.2021).

¹⁴ *Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание*, под ред. Марины Лебедевой, Москва, 2017, с. 9.

¹⁵ Наталья Бурлинова, Полина Василенко, Виктория Иванченко, Олег Шакиров, *Указ. соч.*, с. 12–13.

¹⁶ Елизавета Березина, *Указ. соч.*, с. 34.

¹⁷ Там же, с. 37.

¹⁸ Укрепление позиций русского языка, *Россотрудничество* [Электронный ресурс]. URL: <https://rs.gov.ru/ru/activities/9> (дата обращения: 25.08.2021).

Европейский Союз (ЕС) и страны Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ) связывают успешные и давние партнерские отношения¹⁹. Партнерство ЕС с Латинской Америкой основано на тесных исторических и культурных связях; обширных межличностных обменах; устойчивых и растущих торговых и инвестиционных потоках; глубокой основе общих ценностей и устремлений (приверженность демократии, правам человека и верховенство закона; стремление к социальной сплоченности и устойчивому развитию)²⁰. С 1999 г. ЕС и ЛАКБ связаны стратегическим партнерством. Стороны часто координируют свою деятельность в ООН и тесно сотрудничают в рамках Парижского соглашения (2015) и Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.²¹ На сегодняшний день ЕС остается важнейшим партнером Латинской Америки в области развития. С помощью региональных программ ЕС продолжает оказывать помощь региону в решении оставшихся проблем (например, социально-экономическое неравенство)²². В этом смысле региональные программы являются инструментом для укрепления роли и влияния ЕС в латиноамериканском регионе.

Развитие Европейского Союза после принятия Лиссабонского договора (2007) утвердил создание Европейской службы внешних связей (ЕСВС), где отсутствует специальный департамент по публичной дипломатии²³. Согласно Лиссабонскому договору, ЕСВС отвечает за работу представительств и офисов ЕС по всему миру. В Аргентине, Делегация ЕС имеет статус дипломатической миссии, направленной в целом на повышение значимости, продвижение интересов и ценностей ЕС. Полномочия делегации включают: содействие политическим, экономическим и торговым отношениям между Аргентиной и Европейским Союзом посредством активного контакта с правительством и другими соответствующими субъектами; контроль реализации соглашений между ЕС и Аргентиной; популяризации институтов, законодательства и политики ЕС в Аргентине; участие в реализации программ сотрудничества Европейского Союза²⁴. Делегация ЕС в Аргентине широко представлена в аккаунтах социальных сетях и имеет значительно больше подписчиков по сравнению с Русским домом в Буэнос-Айресе.

Представленность официальных институтов публичной дипломатии России и Европейского Союза в социальных сетях (на примере Русского дома в Буэнос-Айресе и Делегации ЕС в Аргентине), на 30 сентября 2021

Представительство страны	Социальные сети	Количество подписчиков/читателей
Представительство Россотрудничества в Аргентине (Русский дом в Буэнос-Айресе)	Facebook	8169
	Instagram	5941
	YouTube	477
<i>Итого: 14 587</i>		
Делегация ЕС в Аргентине	Instagram	16 400
	Facebook	10 883

¹⁹ “Joint Communication to the European Parliament and the Council European Union, Latin America and the Caribbean: joining forces for a common future, EU-LAC relations”. April 1, 2019, 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52019JC0006&from=EN> (дата обращения: 27.09.2021).

²⁰ Development Cooperation Instrument (DCI) 2014–2020, Multiannual indicative regional programme for Latin America, *European Union. External Action* [Электронный ресурс]. URL: https://eeas.europa.eu/delegations/russia/13612/development-cooperation-instrument-dci-2014-2020-multiannual-indicative-regional-programme_he (дата обращения: 27.09.2021).

²¹ Ibid, p. 1.

²² Ibid, p. 3.

²³ *Публичная дипломатия: Теория и практика*, с. 73–74.

²⁴ Sobre la Delegación de la UE de Argentina, *European Union. External Action* [Электронный ресурс]. URL: https://eeas.europa.eu/delegations/argentina/885/sobre-la-delegaci%C3%B3n-de-la-ue-de-argentina_es (дата обращения: 27.09.2021).

	Twitter	7893
	YouTube	508
<i>Итого:</i> 35 288		

Источник: составлено автором.

Особенностью публичной дипломатии ЕС является применение его важнейшего компонента — культурной дипломатии во внешней политике, существенного инструмента для продвижения социальных и экономических благ как внутри ЕС, так и за его пределами²⁵. На сегодняшний день зарубежный исследователь М. Стоиан выделяет следующие очевидные слабые места пространства ЕС-ЛАКБ, а именно — недостаток связей и инициатив гражданского общества, наличие межрегиональных и экстра-региональных экономических асимметрий, отсутствие у большинства стран ЛАКБ жизнеспособной модели бизнеса²⁶.

Подходы нынешних и будущих инициатив Европейского Союза в Аргентине отражают приоритеты стратегии по устойчивому развитию (Зеленый пакт) по таким вопросам, как цифровизация, верховенство закона, права человека, изменение климата, гендерные аспекты, развитие и социальная, экономическая и экологическая справедливость и т. д. Тесные культурные связи ЕС и Аргентины, которые в силу исторических причин воплощаются в политике активного культурного продвижения, направленные на укрепление культурных и торговых отношений.

В сфере образования, исследований и инноваций имеют место содействие академическим связям между высшими учебными заведениями через программу Erasmus+ и представление университетов на выставках EuroPosgrados. В этом контексте ЕС стремится продвигать в Аргентине свои программы в сфере высшего образования и науки в качестве инструмента публичной дипломатии (на примере Erasmus+). Тем не менее при анализе статистики заявок конкурса Jean Monnet Erasmus+ за период 2017–2019 гг. было выявлено, что латиноамериканские страны выиграла 12 заявок, из которых на первом месте по количеству стоит Бразилия (7), Чили (3), Аргентина (2)²⁷.

В области исследований и инноваций Аргентина принимает участие в программе исследований и инноваций ЕС — Horizon 2020. Представленные доли приемлемых заявок в 2020 г. демонстрируют относительно сопоставимый показатель, поданных заявок Аргентиной и Бразилией²⁸.

Продвижение публичной дипломатии ЕС в Аргентине осуществляется через европейские кинофестивали Eurocine, а также отделами культуры различных посольств и организациями, направленными на продвижения языков ЕС и культуры, как, например, Институт Гете в Буэнос-Айресе и в Кордове и т. д.

В целом публичная дипломатия ЕС в Аргентине по своей специфике уникальна и направлена больше на продвижение европейских ценностей, стремится к модели европейской интеграции по всему миру в качестве примера для подражания. Страны ЕС и Латинскую Америку связывают давние исторические и культурные связи еще с момента исторического процесса колонизации. Публичная дипломатия ЕС в Аргентине строится на подходе, направленном на обеспечение устойчивого развития в регионе с помощью различных программ. Тем не менее проблемными аспектами отношений ЕС и стран

²⁵ Marta Stoian, “The Challenges of Cultural Diplomacy – Intercultural Relations between the European Union and Latin America”, *Rewiew of International Comparative Management* 22:3, 2021, p. 340.

²⁶ Ibid, p. 344–345.

²⁷ Jean Monnet — Activities 2017–2020, *European Commission* [Электронный ресурс]. URL: https://www.eacea.ec.europa.eu/grants/2014-2020/erasmus/jean-monnet-activities-2017-2020_en (дата обращения: 27.09.2021).

²⁸ Horizon 2020 — first results, *European Commission* [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/programmes/horizon2020/en/horizon-2020-statistics> (дата обращения: 29.09.2021).

латиноамериканского региона остаются недостаточно развитые институциональные механизмы, слабые связи с гражданским обществом в отношении ЛАКБ в целом.

Сравнительный анализ таких структур публичной дипломатии, как Представительство Россотрудничества в Аргентине и Делегация ЕС в Аргентине, показал, что в условиях цифровизации и пандемии COVID-19 Европейский Союз имеет сегодня большую представленность и количество подписчиков в социальных сетях по сравнению с Россией.

С другой стороны, российская «дипломатия вакцины» демонстрирует позитивные результаты в Аргентине. Таким образом, можно говорить о потенциале развития научно-исследовательского компонента российской «мягкой силы». Ключевой задачей для России в сфере публичной дипломатии является системное развитие инструментов информационной и цифровой представленности в Аргентине, соответствующих институциональных механизмов, направлений и программ в целях повышения интереса у аргентинцев к нашей стране.

Библиография

1. *Щетинин А. В.* Латинская Америка — неизменно важное направление внешней политики России // Латинская Америка 7, 2019, с. 47–49.
2. Аргентинская фармкомпания сообщила об одобрении ее партии «Спутника V» Центром им. Гамалеи // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/11914933> (дата обращения: 30.09.2021).
3. *Хейфец В. Л.* Место Латинской Америки в многополярном мире: взгляды и подходы российских ученых // Латинская Америка 5, 2021, с. 50–68.
4. *Березина Е. К., Торопыгин А. В.* ЕАЭС расширяет международное сотрудничество: направление — Латинская Америка // Управленческое консультирование 3, 2021, с. 43–57.
5. *Березина Е. К.* Публичная дипломатия России в Латинской Америк // Латинская Америка 9, 2021, с. 25–41.
6. Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М. М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2017.
7. Укрепление позиций русского языка // Россотрудничество [Электронный ресурс]. URL: <https://rs.gov.ru/ru/activities/9> (дата обращения: 25.08.2021).
8. *Бурлинова Н., Василенко П., Иванченко В., Шакиров О.* Экспертный обзор российской публичной дипломатии в 2018–2019 гг. 10 шагов на пути к эффективной публичной дипломатии России: доклад 52/2020. М.: РСМД, 2020.
9. Development Cooperation Instrument (DCI) 2014–2020, Multiannual indicative regional programme for Latin America // European Union. External Action [Электронный ресурс]. URL: https://eeas.europa.eu/delegations/russia/13612/development-cooperation-instrument-dci-2014-2020-multiannual-indicative-regional-programme_he (дата обращения: 27.09.2021).
10. *Himitian E.* La Nación (Аргентина): почему в Аргентине столько русских, а в России так мало аргентинцев? 21.05.2021 // ИноСМИ [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/asviewedby/20190521/245110946.html> (дата обращения: 30.09.2021).
11. Jean Monnet — Activities 2017–2020 // European Commission [Электронный ресурс]. URL: https://www.eacea.ec.europa.eu/grants/2014-2020/erasmus/jean-monnet-activities-2017-2020_en (дата обращения: 27.09.2021).
12. Joint Communication to the European Parliament and the Council European Union, Latin America and the Caribbean: joining forces for a common future, EU-LAC relations. April 1, 2019 // European Commission [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52019JC0006&from=EN> (дата обращения: 27.09.2021).
13. *Costa J. M.* Sputnik V: según un estudio bonaerense, los anticuerpos neutralizantes del Covid-19 crecen tras seis meses de la vacunación. 25.08.2021 // La Nación [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lanacion.com.ar/sociedad/sputnik-v-segun-un-estudio-bonaerense-los-anticuerpos-neutralizantes-de-la-covid-19-crecen-tras-seis-nid25082021/> (дата обращения: 30.09.2021).
14. Horizon 2020 — first results // European Commission [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/programmes/horizon2020/en/horizon-2020-statistics> (дата обращения: 29.09.2021).

15. *Kadir Jun Ayhan*. The Boundaries of Public Diplomacy and Nonstate Actors: A Taxonomy of Perspectives // *International Studies Perspectives*. 2019. Vol. 20. Iss. 1. P. 63–83.
16. *Stoian M*. The Challenges of Cultural Diplomacy – Intercultural Relations between the European Union and Latin America // *Review of International Comparative Management*. 2021. Vol. 22. Iss. 3. P. 338–347.

МОЛОДЕЖНАЯ СЕКЦИЯ

PANEL OF YOUNG SCIENTISTS

Ю. Г. Глухарев¹

РЕЖИМ ЭВО МОРАЛЕСА: ЖЕРТВА СОБСТВЕННОЙ ПРОТИВОРЕЧИВОСТИ?

THE EVO MORALES REGIME: A VICTIM OF ITS OWN CONTRADICTIONS?

Abstract: The article first explores the context which allowed E. Morales to come to power and the key aspects of ideological doctrine of the Morales regime and the contradictory steps of the “Movement to Socialism”, which resulted the loss of legitimacy of the regime of E. Morales, and, consequently, to the current political crisis in Bolivia. Also, the article touches upon recent events, which in many respects signify the return of evism to the political scene.

Key words: Evo Morales; Álvaro García Liner; Luis Arce Catacora; TIPNIS; MAS.

Resumen: El artículo examina el contexto que permitió E. Morales llegar al poder y las características clave de la doctrina ideológica del régimen de E. Morales y los pasos contradictorios del “Movimiento al Socialismo”, que resultaron la pérdida de legitimidad del régimen de E. Morales y, como consecuencia, la presente crisis política en Bolivia. Además, el artículo aborda los acontecimientos recientes, que en muchos aspectos marcan el regreso del evismo a la escena política.

Palabras clave: Evo Morales; Álvaro García Linera; Luis Arce Catacora; TIPNIS; MAS.

Хуан Эво Моралес Айма родился 26 октября 1959 г. в бедной семье индейца-аймара в селе Исаяви в провинции Оруро². При этом Моралес не относит себя к индейцам, обращаясь к ним «братья-индейцы» или «братья-крестьяне»³.

После возвращения из армии он уехал в провинцию Чапаре работать на плантациях коки, где возглавил профсоюз производителей коки. Моралес считал кокалерос жертвами

¹ Глухарев Юрий Геннадьевич, Россия, магистрант СПбГУ (E-mail: glukharev.yuri@yandex.ru).

² “Biografía oficial del presidente del Estado Plurinacional de Bolivia, Evo Morales Ayma”. 18.05.2016, *Granma* [Электронный ресурс]. URL: <http://granma.cu/cuba/2016-05-18/biografia-oficial-del-presidente-del-estado-plurinacional-de-bolivia-evo-morales-ayma-18-05-2016-22-05-03> (дата обращения: 10.10.2021).

³ Noel Coronel Gutiérrez, *Desmitificación de la cultura aymara*, <https://play.google.com/books/reader?id=J8FIDwAAQBAJ> (дата обращения: 10.10.2021).

богатой городской элиты, которая, подчиняясь давлению США, проводила неолиберальные экономические реформы. Ситуация усугубилась после 1993 г., когда президентом стал центрист Г. С. де Лосада. Он проводил политику «шоковой терапии» и обязал производителей коки уничтожить тысячи гектаров плантаций в обмен на 20 млн долларов американской помощи.

В 1995 г. Моралес стал одним из создателей партии «Движение к социализму — Инструмент суверенитета народов» (Movimiento al Socialismo — Instrumento por la Soberanía de los Pueblos) (ДС), участвовавший в выборах по спискам союза левых (Izquierda Unida)⁴.

Впервые на выборы президента Моралес пошел в 2002 г., где занял второе место.

В феврале 2003 г. в стране разразилась газовая война. Причиной послужил предложенный еще Туто Кирогой проект газопровода через территорию Чили, которая по результатам Тихоокеанской войны 1879–1883 г. лишила Боливию выхода к морю. Предполагалось, что основные инвестиции будут направлены на инфраструктуру в Чили, а Боливия получала бы лишь 18 % прибыли от проекта⁵. Санчес де Лосада был убежден, что публичное обсуждение данного проекта могло поставить под удар репутацию Боливии как надежного поставщика ресурсов⁶. В феврале в Ла-Пасе, а в октябре в Эль-Альто прошли массовые беспорядки, во время которых полиция применяла оружие, жертвами которых стали минимум 58 человек⁷. Протестующие требовали национализации без компенсации. В ходе этих событий Моралес призывал граждан объявить всеобщую голодовку, а затем и забастовку. Тогда на улицы вышло более 20 тыс. человек.

Президентом Эво стал после выборов в конце 2005 г., получив 54 % голосов. Перед этим в Боливии за пять лет сменились пять президентов. Любопытно, что на инаугурацию был приглашен чилийский президент Рикардо Лагос.

Вице-президент

Главным идеологом эвизма является вице-президент Альваро Гарсия Линера, выходец из среднего класса. Сам Э. Моралес об этом тандеме говорил: «Мы с Альваро вдвоем — команда — белый бык и еще черный бык, работающие на благо Боливии»⁸.

Линера характеризовал эвизм как «коллективный феномен, стратегию борьбы за власть, основанную на социальных движениях». По его словам, в отличие от других стран Латинской Америки, где социальные движения либо конструировались политической элитой, либо сливались с ней, в Боливии «доступ к уровням принятия решений «может быть предоставлен самим общественным движениям»⁹. Хотя, по факту, неолиберальные элиты были инкорпорированы в проект ДС¹⁰.

⁴ «Биография Эво Моралеса». 22.10.2019, *РИА Новости* [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20191022/1560055538.html> (дата обращения: 10.10.2021).

⁵ «Evo Morales Ayma. Presidente del Estado Plurinacional (2006–2019)», *CIDOB* [Электронный ресурс]. URL: https://www.cidob.org/biografias_lideres_politicos/america_del_sur/bolivia/evo_morales_ayma (дата обращения: 10.10.2021).

⁶ Raúl Ornelas, «La guerra del gas: cuarenta y cinco días de resistencia y un triunfo popular», *CLASCO* [Электронный ресурс]. URL: <http://biblioteca.clacso.edu.ar/ar/libros/chiapas/chiapas16/Ch16ornela.pdf> (дата обращения: 10.10.2021).

⁷ Linda Farthing, «15 Years After Bolivia's Gas War, Victims Find Justice in a U.S. Court». 11.04.2018, *World Political Review* [Электронный ресурс]. URL: <https://worldpoliticsreview.com/articles/24543/15-years-after-bolivia-s-gas-war-victims-find-justice-in-a-u-s-court> (дата обращения: 10.10.2021).

⁸ Fernando Mayorga, «Mandato y contingencia. Estilo de gobierno de Evo Morales». 13.09.2020, *CLASCO* [Электронный ресурс]. URL: <https://clacso.org/wp-content/uploads/2020/09/Mandato-contingencia.pdf> (дата обращения: 10.10.2021).

⁹ Álvaro García Linera, «El evismo: lo nacional popular en acción», *Observatorio Social de América Latina* 6:19, 2006 [Электронный ресурс]. URL: <http://bibliotecavirtual.clacso.org.ar/ar/libros/osal/osal19/linera.pdf> (дата обращения: 10.10.2021).

¹⁰ Цит. По: Diego Andreucci, «Populism, Hegemony, and the politics of natural resource extraction in Evo Morales's Bolivia», *Antipode* 50:4, 2018. <https://doi.org/10.1111/anti.12373>

Второй центральный компонент эвизма — дискурс об индейской идентичности и присутствие коренных народов [в политике]. В эвизме понятие нации подразумевает под собой индейцев из аграрно-крестьянских союзов. В связи с этим, особое внимание ДС уделяет мелким производителям, ремесленникам, общинам и крестьянам. В то же время, как отмечает Дэвид Адреуччи, в своих требованиях «крестьянские профсоюзы делали упор на частную собственность на землю для ориентированного на рынок производства», в то время как организации коренных народов делали упор на территориальное самоуправление и «имели более неоднозначные отношения с рыночными силами...», т. е. движение коренных народов не было единым. Более того, «когда требования коренных народов, занимавшие центральное место в антигегемонистской риторике власти — «амбиции по мобилизации ресурсных богатств для продвижения «многонациональности», — стали невыполнимы, тот же самый дискурс использовался правительством для легитимизации своего контроля над движением коренных народов и его подавления», поскольку она «явно противоречит растущей зависимости от добычи природных ресурсов». Такая тенденция действительно имела место.

Наконец, важнейшим элементом эвизма является профсоюзное движение, рассматриваемое как инструмент эффективной мобилизации в борьбе за контроль над государственным пространством.

Линера называл зарождавшийся тогда эвизм попыткой построения «постнеолиберальной модели, возможно, единственной серьезной в Латинской Америке»¹¹.

По его словам, «триумф «Движения к социализму» открывает возможность радикальной трансформации общества и государства, но не в социалистической парадигме (по крайней мере, в краткосрочной перспективе)», поскольку пролетариат демографически в меньшинстве, а политически и вовсе не существует. Усилия левых будут в основном направлены на реализацию новой экономической модели — андско-амазонского капитализма, где сильное государство регулирует рост индустриальной экономики, извлекает излишки и передает их общественной сфере. Некоторые обвиняют его в оппортунизме, поскольку в своей книге 1991 г. «О подводных камнях революции» («*De demonios escondidos y momentos de revolución*») он писал: «Возможность революционизировать общество заключается не в количестве этих производительных сил и не в количестве этих пролетариев»¹².

Начало правления

В мае 2006 г. Э. Моралес выпустил Высочайший указ, по которому все компании должны были передать свои месторождения национализированной компании YPBF. 82 % прибыли от добычи отходило государству. Однако это касалось лишь двух месторождений. Также началась земельная реформа, по которой примерно 20 % плодородных земель, в основном в департаментах Санта-Круз, Бени и Пандо, перешли в коллективную собственность крестьян.

В 2008 г. президент создал Национальную организацию по вопросам координации перемен (Coordinadora Nacional para el Cambio, CONALCAM), с которой он обсуждал и утверждал решения, прежде чем о них станет известно кабинету министров. В ее число входили представители таких организаций как:

- Единая конфедерация профсоюзов крестьянских рабочих Боливии;
- Конфедерация коренных народов Боливии;

¹¹ Víctor Hugo Chambi, “El MAS decide la disolución de la CONALCAM”. 09.12.2019, p. 6–7, *Ahora El Pueblo* [Электронный ресурс] URL: <https://ahoraelpueblo.bo/el-mas-decide-la-disolucion-de-la-conalcam> (дата обращения: 10.10.2021).

¹² Mauricio Alcócer Hurtado, “El debate sobre Bolivia y el rol de García Linera en el estancamiento del Proceso de Cambio”. 20.05.2020, *La Época* [Электронный ресурс]. URL: <https://la-epoca.com.bo/2020/05/20/el-debate-sobre-bolivia-y-el-rol-de-garcia-linera-en-el-estancamiento-del-proceso-de-cambio> (дата обращения: 10.10.2021).

- Федерация крестьянских женщин Боливии «Бартолина Сиса»;
- Движение «Без земель»;
- Собрание народа гуарани.

Принятие Конституции

В ходе работы Учредительного собрания ДС пришлось пойти на значительные уступки, особенно в вопросах о земельной реформе и реформе местного самоуправления в обмен на поддержку правых. Именно в этот момент народно-индигенистская ориентация ДС «начала давать трещины». Кроме того, в это время страна была охвачена массовыми беспорядками.

Как считает бразильский исследователь Клайтон Кунья Филья, «Многонациональное государство было... скорее конъюнктурным скоплением ряда различных проектов вокруг проблемы восстановления государства с учетом позиции коренных народов»¹³.

Согласно новой Конституции, Республика Боливия стала называться Многонациональным государством Боливия. Провозглашалось, что «колониальное республиканское неолиберальное государство» в прошлом, теперь же оно определялось как социальное унитарное государство многонационального общинного права.

Коренным народам гарантируется их свободное определение, самоуправление и развитие собственных культур¹⁴.

Также конституцией были провозглашены следующие морально-этические принципы:

- ama qhilla, ama llulla, ama suwa (не лениться, не лгать, не воровать);
- suma qamasa (жить хорошо) — по словам Д. Чокеуанки, этот принцип делает акцент «на простой жизни, которая поддерживала бы сбалансированное производство», в то время как «жить лучше» — капиталистическая доктрина — поощряет эксплуатацию людей с целью завладения богатством в руках немногих¹⁵;
- ñandereko (гармоничная жизнь).

Данные понятия являлись столпами инкского общества, однако история не знает точного времени и места их возникновения¹⁶.

Достижения

Боливия остается одной из стран с наибольшим социальным расслоением. Тем не менее с 2005 по 2019 г. ВВП вырос с 1,3 млрд долларов в 2005 г. до 3,5 млрд долларов в 2019 г.¹⁷, а экономика росла в среднем более чем на 5 % ежегодно¹⁸. В 2005–2018 гг. бедность снизилась с 60 до 34 %¹⁹. Кроме того, благодаря кубинским специалистам уже к

¹² Clayton Mendonça Cunha Filho, “El ‘proceso de cambio’ en Bolivia: un balance de ocho años”. 17.08.2014, *Tinkazos* [Электронный ресурс]. URL: https://researchgate.net/publication/264288721_El_'proceso_de_cambio'_en_Bolivia_un_balance_de_ocho_anos (дата обращения: 10.10.2021).

¹⁴ “Constitución Política del Estado”, OEA [Электронный ресурс]. URL: https://oas.org/dil/esp/constitucion_bolivia.pdf (дата обращения: 10.10.2021).

¹⁵ “Canciller de Bolivia señala los 25 postulados para ‘Vivir Bien’”. 31.01.2010, *Diario La Razón, La Paz* [Электронный ресурс]. URL: <http://plataformabuenvivir.com/wp-content/uploads/2012/07/Vivir-Bien-Bolivia-Choquehuanca.pdf> (дата обращения: 10.10.2021).

¹⁶ Willy Ramírez Chávarry, “Ética y moral en el Perú incaico”, *Incio* 12:13, 2014. <http://dx.doi.org/10.21503/lex.v12i13.47>

¹⁷ Data Bank. Popular Indicators, *World Bank* [Электронный ресурс]. URL: <https://databank.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD/1ff4a498/Popular-Indicators> (дата обращения: 10.10.2021).

¹⁸ Cecilia Barría, “Bolivia: 3 claves del éxito económico del país que más crece en América del Sur”. 25.10.2017, *BBC* [Электронный ресурс]. URL: <https://bbc.com/mundo/noticias-41702389> (дата обращения: 10.10.2021).

¹⁹ “La pobreza en Bolivia se ha reducido”. 07.10.2019, *INE* [Электронный ресурс]. URL: <https://ine.gob.bo/index.php/ine-la-pobreza-en-bolivia-se-ha-reducido> (дата обращения: 10.10.2021).

2008 г. страна полностью избавилась от неграмотности²⁰. Государственные инвестиции выросли «с 629 млн долларов в 2005 г. до 4 млрд долларов в 2021 г.»²¹.

При Моралесе, особенно за последние пять лет его правления, заметно усилилось присутствие китайского капитала в стране. В 2016 г. в стране насчитывалось более 50 китайских компаний — строительных, энергетических, добывающих²². Однако зачастую их деятельность была сопряжена с экологическими проблемами²³ и притеснением боливийских рабочих²⁴.

Данные гр. 1, позволяют заключить, что за последние 8 лет боливийская экономика окончательно переориентировалась на Китай, отойдя от сотрудничества с США. Причем, как показано на гр. 2, экспорт Боливии в торговле с Китаем составляет лишь 20 % от объемов импорта. Основу экспорта составили металлы, соевые бобы и вино²⁵.

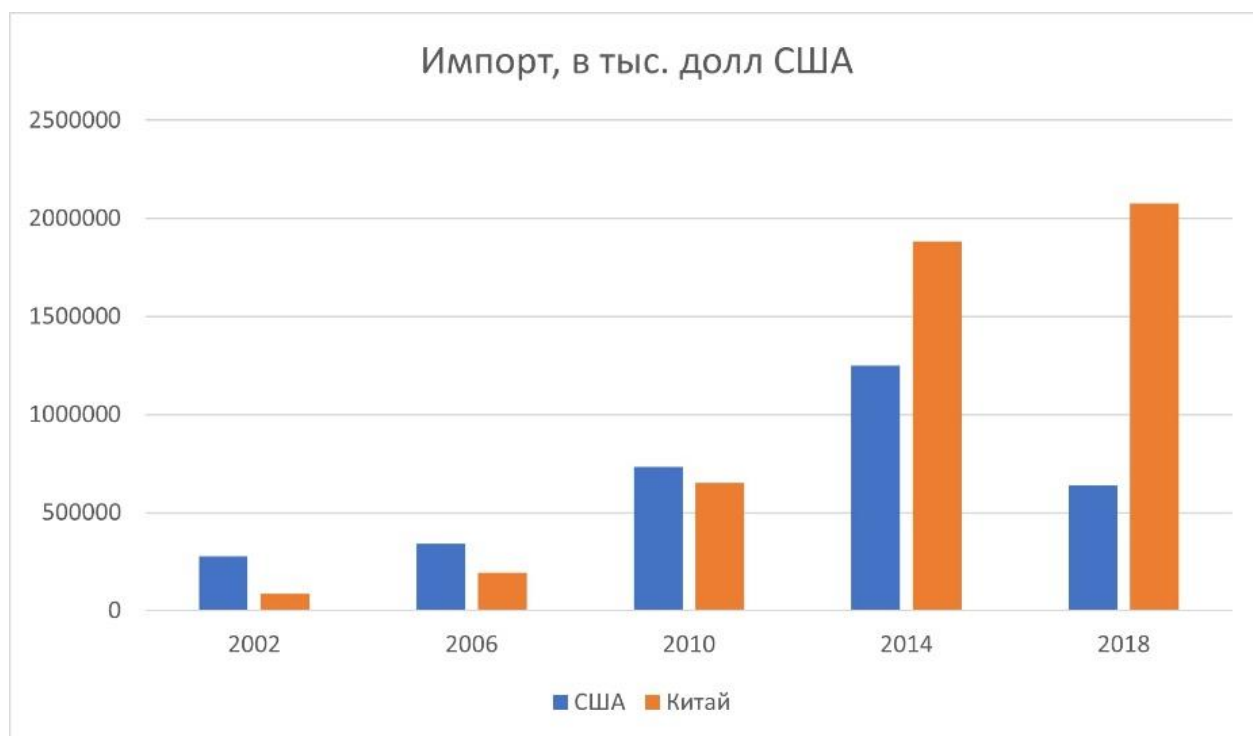

График 1. Импорт Боливии

Китай является крупнейшим заемщиком Боливии — суммарный объем предоставленных им кредитов составляет 10 млрд долларов.

²⁰ “Eleven Years of the “Process of Change” in Evo Morales’ Bolivia”. 03.01.2018, *СОНА* [Электронный ресурс]. URL: coha.org/eleven-years-of-the-process-of-change-in-evo-morales-bolivia (дата обращения: 10.10.2021).

²¹ Юлия Ващенко, “Боливийский ‘рецепт’ восстановления экономики”. 15.04.2021, *Lacrus* [Электронный ресурс]. URL: <https://lacrus.org/2021/04/15/bolivijskij-recept-vosstanovleniya-ekonomiki> (дата обращения: 10.10.2021).

²² Laura Mariela, “El poderío chino crece en Bolivia y relega a empresas nacionales”. 16.12.2016, *Correo del Sur* [Электронный ресурс]. URL: https://correodelsur.com/especial/20161216_el-poderio-chino-crece-en-bolivia-y-relega-a-empresas-nacionales.html (дата обращения: 10.10.2021).

²³ “El avance silencioso de China sobre Bolivia”. 23.10.2017, *OCMAL* [Электронный ресурс]. URL: <https://ocmal.org/el-avance-silencioso-de-china-sobre-bolivia> (дата обращения: 10.10.2021).

²⁴ Юлия Ващенко, *Указ. соч.*

²⁵ Evan Ellis R., “Participación china en Bolivia. Recursos, oportunidades comerciales y ubicación estratégica”, *Air & Space Power Journal* 28:2. 2016 [Электронный ресурс]. URL: https://airuniversity.af.edu/Portals/10/ASPJ_Spanish/Journals/Volume-28_Issue-2/2016_2_03_ellis_s_.pdf (дата обращения: 10.10.2021).

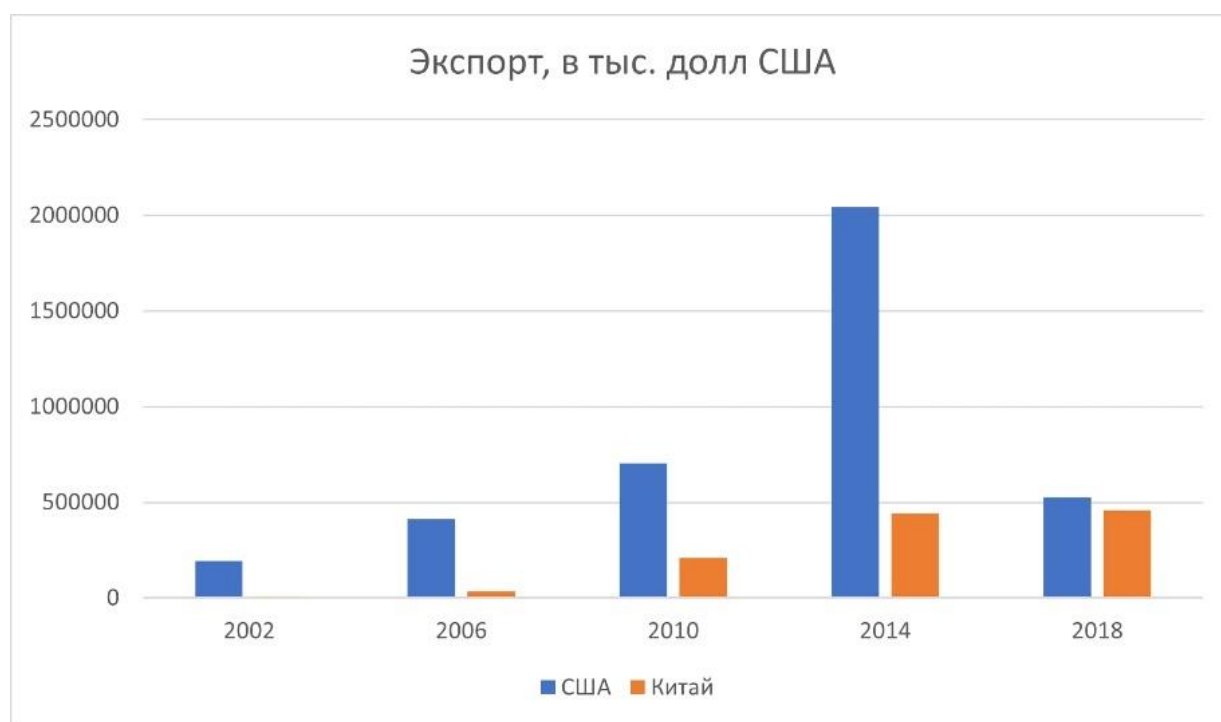

График 2. Экспорт Боливии

В ходе двухсторонней встречи в 2019 г. Э. Моралес и председатель КНР С. Цзиньпин подписали соглашение об ассоциации, предусматривающее предоставление кредитов Китайским экспортно-импортным банком и Банком развития Китая на крупные инфраструктурные проекты, а также соглашение об участии Боливии в проекте Великого шелкового пути²⁶.

Bolivia cambia, Evo cumple

Программа «Боливия меняется, Эво исполняет» (*Bolivia cambia, Evo cumple*) родилась в 2006 г. как его личная инициатива. По мнению Ф. Майорги, ее название «призвано подчеркнуть, что... Моралес олицетворяет процесс перемен как бесспорный харизматический лидер». В рамках программы было реализовано почти 9 тыс. проектов на сумму 15,6 млрд боливиано. В рамках программы осуществлялось строительство спортивной инфраструктуры, больниц и мостов, модернизация школ. Большинство проектов реализуется в департаментах Ла-Пас и Кочабамба. Однако средства в рамках программы выделяются бесконтрольно, и зачастую качество выполненных работ остается посредственным. При этом часто объекты строятся в соответствии с интересами отдельных групп без учета интересов местного населения²⁷.

Внешняя политика

В 2006 г. Боливия стала третьим членом ALBA (*Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América*), присоединившись к инициативе Кубы и Венесуэлы по созданию зоны свободной торговли в противовес американской ALCA.

²⁶ «China convierte a Bolivia en socio estratégico». 19.06.2018, *DW* [Электронный ресурс]. URL: <https://p.dw.com/p/2zotM> (дата обращения: 10.10.2021).

²⁷ Jessica Vargas, *Megaobras "Bolivia cambia, Evo cumple" en el limbo del gasto público y el abandono*. 15.07.2019, *Los Tiempos* [Электронный ресурс]. URL: <https://lostiempos.com/especial-multimedia/20190715/megaobras-bolivia-cambia-evo-cumple-limbo-del-gasto-publico-abandono> (дата обращения: 10.10.2021).

В 2008 г. Э. Моралес обвинил посла США Ф. Голдберга в поддержке сепаратистского движения «Нация равнин» и выслал его из страны²⁸.

В 2012 г. Боливия, после всех споров с Бразилией, связанных с национализацией активов в нефтегазовой отрасли, стала полноправным членом МЕРКОСУР.

Что касается проблемы выхода к морю, по итогам переговоров, начатых еще в 2006 г., Моралес смог добиться от Чили рассмотрения территориального спора в международном суде в Гааге, однако тот в 2017 г. постановил, что Чили не обязана вести переговоры. При этом Боливия Мар — территория, арендованная у Перу еще в 1992 г., никак не развивается²⁹.

Проблемы

В декабре 2010 г. вице-президент, взяв ответственность на себя, объявил о прекращении субсидий на топливо, в результате чего оно подорожало более чем на 82 %. Эта мера позволяла перенаправить средства на социальные нужды. Страну охватили забастовки, в которых приняла участие и СОВ, наступил транспортный коллапс, приведший к проблемам с продовольствием³⁰. Не поддержала решение и единая конфедерация профсоюзов крестьянских рабочих Боливии. Моралес отменил декрет, заявив: «[...] это народ заставляет меня меняться». Этот эпизод негативно сказался на рейтингах власти, но сам Моралеса о своих действиях не жалеет.

Одной из главных своих неудач сами первые лица Боливии называют конфликт из-за строительства шоссе через национальный парк Исиборо Секуре (Territorio Indígena y Parque Nacional Isiboro Sécore). Помимо вопросов экологии, ключевым опасением, связанным с проектом, было расширение плантаций коки. При этом мнение коренных народов низины учтено не было. 15 августа 2011 г. под эгидой Конфедерации коренных народов Боливии (CIDOB) начался марш против строительства дороги. К ним присоединились и жители высокогорья. 25 сентября в окрестностях Ла-Паса марш был жестоко подавлен³¹. После широкого общественного резонанса был принят закон о неприкосновенности TIPNIS. Однако в 2012 г. 55 из 58 сообществ коренных народов одобрили строительство дороги, а в августе 2017 г. Э. Моралес подписал Закон № 969, отменяющий неприкосновенность TIPNIS. Это событие поставило под сомнение индихенистскую ориентацию правительства.

21 февраля 2016 г. в стране прошел референдум об изменении ст. 168 Конституции, согласно которому президент или вице-президент могли переизбраться дважды без учета предыдущих сроков. 51,3 % избирателей высказались против. Тогда Э. Моралес заявил: «Если народ меня не желает, я уйду...». Однако, в ноябре 2017 г., ссылаясь на ст. 23 Американской конвенции о правах человека, гласящую, что каждый гражданин имеет право «голосовать и быть избранным...»³², суд разрешил Э. Моралесу и А. Г. Линере переизбрание на четвертый срок, несмотря на массовые протесты. Хотя всего лишь за год до этого тандем успешно переизбрался на третий срок. Кроме того, в конце 2017 г. медики начал забастовку против криминализации врачебных ошибок, что вскоре переросло в массовые протесты с требованием уважать результаты референдума.

²⁸ Алексей Василицкий, “Боливийский горец выслал американского посла”. 12.09.2008, *Известия* [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/news/340646> (дата обращения: 10.10.2021).

²⁹ Stefania Gozzer, “Fallo de La Haya: Bolivia Mar, la playa que Perú le cedió a Bolivia...”. 01.10.2018, *BBC* [Электронный ресурс]. URL: <https://bbc.com/mundo/noticias-america-latina-43146946> (дата обращения: 10.10.2021).

³⁰ Verónica Smink, “El precio social y político del ‘gasolinazo’ en Bolivia”. 28.12.2010, *BBC* [Электронный ресурс]. URL: https://bbc.com/mundo/noticias/2010/12/101227_bolivia_combustible_repercusion_smink (дата обращения: 10.10.2021).

³¹ “Evo Morales niega su responsabilidad en la represión violenta de indígenas”. 27.09.2011, *El País* [Электронный ресурс]. URL: https://elpais.com/internacional/2011/09/27/actualidad/1317074417_850215.html (дата обращения: 10.10.2021).

³² “American convention on human rights”, *Inter-America Commission on Human Rights* [Электронный ресурс]. URL: <https://cidh.oas.org/basicos/english/basic3.american%20convention.htm> (дата обращения: 10.10.2021).

Возвращение эвизма

На президентских выборах 2019 г. Моралес набрал 47,1 % голосов, а его главный оппонент, экс-президент К. Меса, — 36,51 %. Представители Организации американских государств обнаружили массовые манипуляции с результатами. После этого в отставку ушли многие соратники Моралеса.

Отставку Э. Моралеса называют военным переворотом по причине вмешательства главнокомандующего ВС Уильяма Калимана, предложившего президенту уйти в отставку ради сохранения мира и безопасности³³.

В ноябре 2019 г. парламент утвердил исполняющим обязанности председателя Сената Жанин Аньес, причем депутаты от ДС попросту бойкотировали голосование. Примечательно, что в начале декабря ДС по собственной инициативе из-за многочисленной критики распустило CONALCAM³⁴.

В кабинете Аньес, состоявшем в основном из представителей деловых кругов Санта-Круз, представителям коренного народа досталась лишь одна должность³⁵. Также Боливия вышла из АЛБА, СЕЛАК и УНАСУР. Международный валютный фонд выдал Боливии кредит на сумму 327 млн долларов.

8 ноября 2020 г. на выборах президента победил экс-министр экономики в правительстве Моралеса Луис Арсе Катакора. Он отменил многие решения Аньес³⁶ и отказался от кредита МВФ. Однако налицо внутренний раскол ДС — новый президент уже не встречается с представителями коренных народов, как Э. Моралес³⁷.

Популярность ультраправых растет — в марте 2021 г. пост губернатора департамента Санта-Круз занял представитель деловых кругов Луис Фернандо Камачо. Сейчас он проходит обвиняемым по делу о государственном перевороте, по которому тогда была арестована Ж. Аньес. Ее арест, по мнению Камачо, является «демонстрацией силы» ДС после поражения на выборах³⁸.

Итоги

Правление Э. Моралеса характеризуется крайней противоречивостью и непоследовательностью политики, что объясняется необходимостью искать баланс между экономическим развитием и традиционными интересами в столь неоднородном обществе. Можно сказать, что при отказе от некоторых атрибутов власти Э. Моралеса, его генеральная линия продолжена.

³³ Mauricio Cambara F., “Las FFAA le pide a Evo Morales que renuncie a la presidencia del Estado”. 10.11.2019, *El Deber* [Электронный ресурс]. URL: https://eldeber.com.bo/el-deber/las-ffaa-le-pide-a-evo-morales-que-renuncie-a-la-presidencia-del-estado_156200 (дата обращения: 10.10.2021).

³⁴ Víctor Hugo Chambi, “El MAS decide la disolución de la CONALCAM”. 09.12.2019, *Ahora El Pueblo* [Электронный ресурс]. URL: <https://ahoraelpueblo.bo/el-mas-decide-la-disolucion-de-la-conalcam> (дата обращения: 10.10.2021).

³⁵ Dan Collyns, “Bolivia president's initial indigenous-free cabinet heightens polarization”. 14.11.2019, *The Guardian* [Электронный ресурс]. URL: <https://theguardian.com/world/2019/nov/14/bolivia-president-jeanine-anez-cabinet-indigenous> (дата обращения: 10.10.2021).

³⁶ “Bolivia reanuda su participación en UNASUR, CELAC y ALBA”. 20.11.2020, *France 24* [Электронный ресурс]. URL: <https://france24.com/es/minuto-a-minuto/20201120-bolivia-reanuda-su-participación-en-unasur-celac-y-alba> (дата обращения: 10.10.2021).

³⁷ Marco Antonio Chuquimia, “MAS e indígenas encaran la división interna partidaria”. 26.08.2020, *El Deber* [Электронный ресурс]. URL: https://eldeber.com.bo/edicion-impresam/mas-e-indigenas-encaran-la-division-interna-partidaria_197208 (дата обращения: 10.10.2021).

³⁸ Rubén Guilermí, “Luis Camacho: ‘Un preso más en Bolivia y paramos el país’”. 26.03.2021, *La Nación* [Электронный ресурс]. URL: <https://lanacion.com.ar/el-mundo/luis-camacho-un-presos-mas-en-bolivia-y-paramos-el-pais-nid26032021> (дата обращения: 10.10.2021).

Библиография

1. *Vargas J.* Megaobras “Bolivia cambia, Evo cumple” en el limbo del gasto público y el abandono. 15.07.2019 // Los Tiempos [Электронный ресурс]. URL: <https://lostiempos.com/especial-multimedia/20190715/megaobras-bolivia-cambia-evo-cumple-limbo-del-gasto-publico-abandono> (дата обращения: 10.10.2021).
2. *Василевский А.* Боливийский горец выслал американского посла. 12.09.2008 // Известия [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/news/340646> (дата обращения: 10.10.2021).
3. *Gozzer S.* Fallo de La Haya: Bolivia Mar, la playa que Perú le cedió a Bolivia... 01.10.2018 // BBC [Электронный ресурс]. URL: <https://bbc.com/mundo/noticias-america-latina-43146946> (дата обращения: 10.10.2021).
4. *Smink V.* El precio social y político del “gasolinazo” en Bolivia. 28.12.2010 // BBC [Электронный ресурс]. URL: https://bbc.com/mundo/noticias/2010/12/101227_bolivia_combustible_repercusion_smink (дата обращения: 10.10.2021).
5. Evo Morales niega su responsabilidad en la represión violenta de indígenas. 27.09.2011 // El País, [Электронный ресурс]. URL: https://elpais.com/internacional/2011/09/27/actualidad/1317074417_850215.html (дата обращения: 10.10.2021).
6. American convention on human rights // Inter-America Commission on Human Rights [Электронный ресурс]. URL: <https://cidh.oas.org/basicos/english/basic3.american%20convention.htm> (дата обращения: 10.10.2021).
7. *Cambara F. M.* Las FFAA le pide a Evo Morales que renuncie a la presidencia del Estado. 10.11.2019 // El Deber [Электронный ресурс]. URL: https://eldeber.com.bo/el-deber/las-ffaa-le-pide-a-evo-morales-que-renuncie-a-la-presidencia-del-estado_156200 (дата обращения: 10.10.2021).
8. *Víctor Hugo Chambi.* El MAS decide la disolución de la CONALCAM. 09.12.2019 // Ahora El Pueblo [Электронный ресурс]. URL: <https://ahoraelpueblo.bo/el-mas-decide-la-disolucion-de-la-conalcam> (дата обращения: 10.10.2021).
9. *Collins D.* Bolivia president's initial indigenous-free cabinet heightens polarization. 14.11.2019 // The Guardian [Электронный ресурс]. URL: <https://theguardian.com/world/2019/nov/14/bolivia-president-jeanine-anez-cabinet-indigenous> (дата обращения: 10.10.2021).
10. Bolivia reanuda su participación en UNASUR, CELAC y ALBA. 20.11.2020 // France 24 [Электронный ресурс]. URL: <https://france24.com/es/minuto-a-minuto/20201120-bolivia-reanuda-su-participacion-en-unasur-celac-y-alba> (дата обращения: 10.10.2021).
11. *Chuquimia M. A.* MAS e indígenas encaran la división interna partidaria. 26.08.2020 // El Deber [Электронный ресурс]. URL: https://eldeber.com.bo/edicion-impresam/mas-e-indigenas-encaran-la-division-interna-partidaria_197208 (дата обращения: 10.10.2021).

А. А. Прямыцын¹

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ

THE SOCIOECONOMIC STATUS OF SOUTH AMERICAN INDIGENOUS POPULATION

Abstract: The status of indigenous population varies in South American countries. There is a view that indigenous peoples are the marginal group in society upholding different values. Some social and economic facts like human development, education level, type of employment, access to public services, and distribution have been reviewed in this article. The pointed statements are based on the latest official census data, the World Bank data, Radboud University data, and thematic researches. To prove the statements the map has been created and correlation analysis has been done. This article finds that there are conditions anchoring the low socioeconomic status of indigenous population compared with non-indigenous population. A big share of indigenous population lives in regions with medium and low human development indexes. Being an indigenous person increases the probability of being poor and less educated. Some indigenous students have a language barrier making their study difficult. There is a sufficient gap between indigenous and non-indigenous population in high skill employment, access to electricity, piped water, sewerage and medical healthcare. South America is a continent with a polarized society where indigenous population tend to be the lower class.

Key words: indigenous population; South America; human development; ethnic groups; socioeconomic status; social stratification.

Resumen: La situación de la población indígena varía en los países de América del Sur. Existe la opinión de que los pueblos indígenas son el grupo marginal de la sociedad que defiende valores diferentes. En este artículo se han revisado algunos datos sociales y económicos como el desarrollo humano, el nivel educativo, el tipo de empleo, el acceso a los servicios públicos y la distribución de población indígena. Las afirmaciones señaladas se basan en los datos oficiales últimos del censo, los datos del Banco Mundial, los datos de la Universidad de Radboud y las investigaciones temáticas. Para probar las afirmaciones se ha hecho un mapa y se ha realizado un análisis de correlación. Este artículo concluye que existen condiciones que fijan la baja situación socioeconómica de la población indígena en comparación con la población no indígena. Una gran parte de la población indígena vive en regiones con índices de desarrollo humano medios y bajos. Ser indígena aumenta la probabilidad de ser pobre y menos educado. Algunos estudiantes indígenas tienen una barrera lingüística que dificulta sus estudios. Existe una brecha suficiente entre la población indígena y la no indígena en cuanto a empleo de alta cualificación, acceso a la electricidad, agua corriente, alcantarillado y atención médica. América del Sur es un continente con una sociedad polarizada donde la población indígena tiende a ser la clase baja.

Palabras clave: población indígena; América del Sur; desarrollo humano; grupos étnicos; situación socioeconómica; estratificación social.

В Южной Америке проживает 19,4 млн человек, относящих себя к коренному населению или 5,4 % всего населения материка. Основная полоса расселения соотносится с горным поясом Анд. Более 75 % индейского населения проживает в четырех странах: Боливии, Колумбии, Перу и Чили, из которых только последняя по уровню экономического

¹ Прямыцын Артемий Александрович, Россия, студент географического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (pryamitsin-work@mail.ru).

развития близка к развитым странам. Различные страны, их регионы, локальные природные и историко-культурные особенности создают отличающиеся условия формирования текущего социально-экономического положения коренного населения Южной Америки.

Социально-экономическое положение — понятие обширное и комплексное, затрагивающее многие аспекты жизни населения. В него входят демографические, экономические особенности населения, уровень развития образования, здравоохранения, рынка труда, расово-этническое и гендерное неравенство в обществе и т. д. В социальном отношении этнические меньшинства могут стать маргинальной группой общества и иметь меньший доступ к общественным благам. В научной литературе коренное население Южной Америки часто представляется как маргинальная группа, чьи социальные, экономические и мировоззренческие интересы отличаются от общественных ценностей большинства². Хорошим показателем, характеризующим социально-экономическое положение населения, является индекс человеческого развития (ИЧР). Этот интегральный индекс включает в себя продолжительность жизни как показатель уровня развития здравоохранения, продолжительность обучения, отражающий развитие системы образования, и валовый внутренний доход на душу населения.

Для характеристики социально-экономического положения коренного населения в работе используются следующие показатели: численность индейского населения и его доля в численности всего населения стран Южной Америки согласно последним переписям населения, ИЧР и его компоненты³ и дополнительные данные Всемирного банка⁴. Единицы анализа — административно-территориальные единицы (АТЕ) первого порядка стран Южной Америки.

Значительная часть индейского населения проживает в регионах с высоким, средним и низким ИЧР (рис. 1). Различия в ИЧР скорее определяются границами государств, чем структурой расселения населения. Анализ карты не позволяет точно определить взаимосвязь численности коренного населения АТЕ и ее ИЧР, поэтому необходимо провести корреляционный анализ.

Корреляционный анализ

Взаимозависимость показателей может помочь определить коэффициент корреляции между ИЧР и долей коренного населения в общей численности населения АТЕ. В статистической совокупности рассматриваются АТЕ первого порядка всех южноамериканских государств, кроме Эквадора — он был исключен из-за отсутствия данных по компонентам индекса. Как видно из табл. 1, доля индейского населения имеет заметную обратную связь с ИЧР — чем выше доля, тем ниже индекс. Однако связь доли с компонентами ИЧР весьма слаба, а в случае с коэффициентом корреляции Спирмена незначима. Поскольку коэффициент корреляции не показывает зависимость одного показателя от другого (в случае с ИЧР на значение показателя влияет множество других факторов), значение коэффициентов не столь велико, а порой и незначительно, необходимо провести дополнительное исследование взаимосвязи показателей на выборочной совокупности.

² Николай Ракуц, *Культура индейских народов и политика государства (южноамериканские реалии)*, Москва, 2018; De la Cadena M., "Indigenous cosmopolitics in the Andes: Conceptual reflections beyond 'politics'", *Cultural Anthropology* 25:2, 2010.

³ *Global Data Lab* [Электронный ресурс]. URL: <https://globaldatalab.org/> (дата обращения: 25.11.2020).

⁴ *Indigenous Latin America in the twenty-first century*, Washington, D. C., 2015; *LAC Equity Lab: Ethnicity* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/poverty/lac-equity-lab1/ethnicity/ip-population> (дата обращения: 04.04.2021).

Рис. 1. Индекс человеческого развития и расселение коренного населения на первом уровне административно-территориального деления стран Южной Америки. ИЧР в провинции Лимы — высокий, Сантьяго — очень высокий.
Источник: Составлено автором.

Таблица 1. Матрица корреляции показателя доли коренного населения в общей численности АТЕ и индекса человеческого развития, включая его составляющие

Показатель	Вся совокупность (198 АТЕ)		Выборка (79 АТЕ)	
	К. Пирсона	К. Спирмена	К. Пирсона	К. Спирмена
Индекс человеческого развития	-0,535	-0,378	-0,490	-0,489
Ожидаемая продолжительность жизни	-0,289	0,042*	-0,409	-0,345
Валовый национальный доход на душу населения по паритету покупательной способности	0,253	-0,035*	0,142*	-0,110*
Среднее количество лет, потраченных на обучение	-0,269	-0,225	-0,329	-0,279
Ожидаемая продолжительность обучения	-0,153*	-0,084*	-0,236	-0,199*

Источник: Составлено автором. Знаком * отмечены незначимые значения (критерий значимости p -value превышает 5 %); К. — коэффициент корреляции.

Отберем для этого те АТЕ, где доля индейского населения превышает среднее по Южной Америке значение 5,4 %. При сокращении числа АТЕ с 198 до 79 коэффициент корреляции между показателями изменился несущественно, все так же заметна обратная связь порядка $-0,5$. Следовательно, для регионов с большой долей индейского населения характерен менее высокий уровень человеческого развития, то есть менее благоприятное социально-экономическое положение. В данных регионах наблюдается меньший уровень развития образования и здравоохранения. Для подтверждения обозначенных выводов используем дополнительные данные в разрезе принадлежности к индейскому населению.

Образование

За последние десятилетия уровень развития образования вырос, начальное образование стало доступно значительной части населения, что благоприятно отразилось на средней продолжительности обучения⁵. При этом грамотность, средняя продолжительность обучения и уровень образования индейского населения ниже, чем неиндейского⁶. Часто подростки вынуждены покидать школу в силу экономических причин⁷.

Для коренного населения важным затрудняющим фактором получения образования становится языковой барьер. Школьники, плохо владеющие государственным европейским языком, имеют тенденцию к низкой успеваемости. С 1970-х гг. разрабатываются программы двуязычного образования как инструмент повышения уровня грамотности среди индейского населения, но выполнение этих программ затруднено. Школ и учителей соответствующей подготовки недостаточно⁸. Образование индейского населения Южной Америки остается на относительно низком уровне, но благодаря проводимым реформам оно имеет тенденцию к росту, в первую очередь в крупных городах. Реальные шансы завершить среднюю школу остаются невысокими для большей части южноамериканской молодежи. В первую очередь это касается подростков из малообеспеченных семей⁹.

Трудоустройство и доход

Южная Америка остается регионом с очень большим социальным расслоением¹⁰. По состоянию на 2011–2012 гг. в условиях бедности проживает каждый второй индеец в Боливии, каждый третий в Перу и почти 60 % коренного населения Эквадора, причем Боливия и Перу — страны с наибольшей численностью индейского населения Южной Америки¹¹.

Одним из следствий относительно низкого уровня образования среди индейского населения является трудоустройство на рабочие места, не требующие высокой квалификации (англ. *low-skill employment*). Во всех странах Южной Америки, по которым имеется статистика о трудоустройстве коренного населения, доля лиц с высокой квалификацией среди неиндейской части населения выше в 1,3–2,8 раз, чем у индейского населения (рис. 2). Значительная часть коренного населения проживает в отдаленных от

⁵ Fabiana Del Popolo, *Los pueblos indígenas en América (Abya Yala): desafíos para la igualdad en la diversidad*, Santiago de Chile, 2017.

⁶ *Indigenous Latin America in the twenty-first century*.

⁷ Ермольева Э. Г., *Образование в Латинской Америке: адаптация к вызовам времени*, Москва, 2014.

⁸ Николай Ракуц, *Указ. соч.*

⁹ Ермольева Э. Г., *Указ. соч.*

¹⁰ George Gray Molina, “Progreso Multidimensional: Bienestar Más Allá Del Ingreso”, *PNUD — Al servicio de las personas y las naciones* [Электронный ресурс]. URL: https://www.undp.org/content/dam/rblac/docs/Research%20and%20Publications/IDH/UNDP_RBLAC_IDH2016Final.pdf (дата обращения: 11.03.2021).

¹¹ *Indigenous Latin America in the twenty-first century*.

крупных экономических центрах региона, поэтому имеет меньшую вероятность найти работу, требующую высокой квалификации.

С другой стороны, хозяйственная многоукладность региона влечет за собой социально-трудовую гетерогенность, при которой растет спрос не только на высококвалифицированные кадры, но и на низкоквалифицированных работников со стороны неформального сектора занятости. Для многих именно неформальный сектор становится единственным способом войти на рынок труда, чтобы обеспечить хотя бы минимальный заработок¹². Однако неформальное трудоустройство не позволяет населению получать социальную защиту, включая медицинское страхование и пенсии, а также дает меньшую возможность к обучению во время работы для продвижения по «карьерной лестнице».

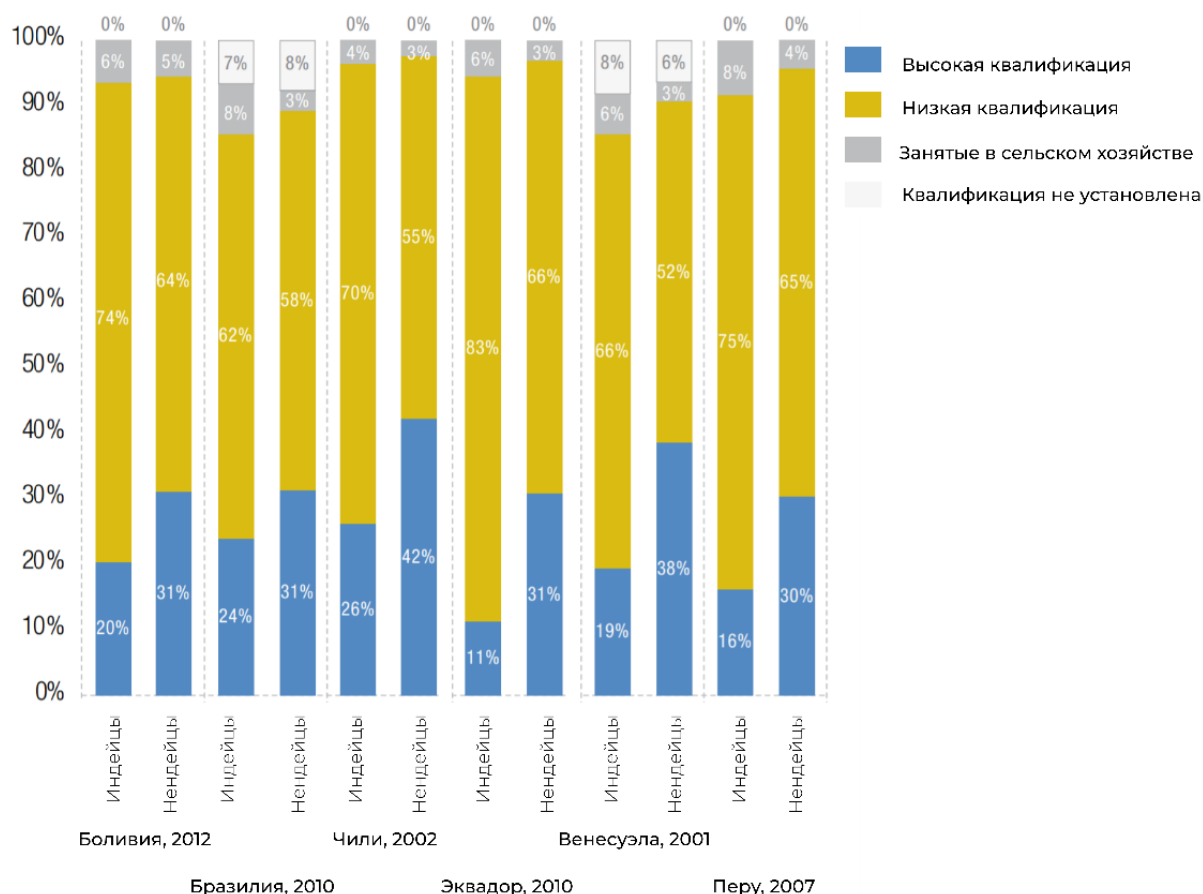

Рис. 2. Стратификация населения некоторых стран Южной Америки по уровню квалификации среди трудоустроенных граждан¹³

Низкий уровень образования влечет за собой низкую квалификацию кадров, что не способствует росту личного дохода, поэтому индейское население в целом можно охарактеризовать как бедное.

Жилищные условия и медицинское обслуживание

Индейское население имеет худшие жилищные условия по сравнению с неиндейским во всех странах Южной Америки¹⁴. Так, в Колумбии только 41 % коренного населения

¹² Ермольева Э. Г., Указ. соч.

¹³ *Indigenous Latin America in the twenty-first century.*

¹⁴ *LAC Equity Lab: Ethnicity.*

обеспечено водой, 58 % — электричеством, тогда как неиндейское обеспечено на 85 % и 95 % соответственно. С одной стороны, такой разрыв можно объяснить различием территорий проживания двух групп и разницей типов домохозяйств — сельское индейское население зачастую проживает в общинах, где не столь важна обеспеченность водопроводом каждого дома, как в индивидуальных домохозяйствах. Для проживающих в условиях жаркого климата не всегда требуется создание систем централизованного водо- и теплоснабжения. Что касается Бразилии и Колумбии, немалая часть индейского населения проживает в Амазонском регионе с дисперсной системой расселения, где создание коммунальных систем весьма затруднено либо не имеет смысла (в первую очередь в сельской местности). Многие коренные народы Амазонии предпочитают вести кочевой или полукочевой образ жизни, поэтому в непосредственном обеспечении домохозяйства водой, канализацией и электричеством нет необходимости.

Качество медицинского обслуживания является острой проблемой для большинства коренных народов, в первую очередь это касается жителей отдаленных районов. Здравоохранение в Южной Америке в целом не достигло высокого уровня развития. Для сельского индейского населения дополнительным барьером получения медицинских услуг является изолированность общин. При этом потребность в этих услугах возрастает из-за частых случаев загрязнения воды и почвы нефтью и тяжелыми металлами¹⁵.

Социальный статус

В Южной Америке наблюдается процесс урбанизации коренного населения. Однако в городах преимущественно креольского или метисного состава оно оказываются под гнетом дискриминации в качестве индейцев, малоимущих и мигрантов¹⁶. В результате этого чоло, горожане индейского происхождения (этот термин иногда употребляется как оскорбление), становятся маргинальной группой населения, их низкое социальное положение также подкрепляется низким уровнем образования и низкой трудовой квалификацией. Как следствие, стараясь повысить свое социальное положение, чоло скрывают свою этническую принадлежность, перестают общаться на родном языке, ассимилируются с метисным большинством.

Заключение

Социально-экономическое положение коренного населения Южной Америки можно описать как бедственное. Низкий уровень развития образования вместе с выраженной социальной поляризацией в большинстве стран приводит к неблагоприятным социальным последствиям, таким как бедность, преступность, дискриминация, в том числе по этническому признаку. Низкоквалифицированные представители индейского населения заняты в непрестижных сферах деятельности, неформальное трудоустройство лишает их многих социальных гарантий. Корреляционный анализ показал обратную связь индекса человеческого развития и доли коренного населения в регионе. Однако эта связь нечеткая, что обусловлено влиянием множества факторов, включая доступность образования и медицинских услуг, доход на душу населения. Последний в большой степени подвержен искажениям, поскольку рассчитывается на основе валового регионального дохода и численности населения. Доход многим регионам обеспечивает добывающая промышленность, в первую очередь нефтяная, которая обладает низким мультипликативным экономическим эффектом и не увеличивает реальный доход населения. Более

¹⁵ Cecilie Vindal Odegaard and Juan Javier Rivera Andía, *Indigenous life projects and extractivism: Ethnographies from South America*, Cham, 2019.

¹⁶ Николай Ракуц, *Указ. соч.*; Maritza Paredes, *Representación política indígena: un análisis comparativo subnacional*, Lima, 2015.

того, она обычно ухудшает социально-экономическое положение индейского населения, поскольку загрязняет почву и воду — важнейшие для коренных народов, ведущих традиционное хозяйство, ресурсы. Проводимые образовательные и экономические реформы способствуют повышению благосостояния коренного населения, но на сегодняшний день оно заметно ниже, чем у неиндейской части населения.

Библиография

1. *Ермольева Э. Г.* Образование в Латинской Америке: адаптация к вызовам времени. М.: ИЛА РАН, 2014.
2. *Ракуц Н. В.* Культура индейских народов и политика государства (южноамериканские реалии). М.: ИЛА РАН, 2018.
3. *De la Cadena M.* Indigenous cosmopolitics in the Andes: Conceptual reflections beyond “politics” // *Cultural Anthropology*. 2010. Vol. 25. Iss. 2. P. 334–370.
4. *Del Popolo F.* Los pueblos indígenas en América (Abya Yala): desafíos para la igualdad en la diversidad. Santiago de Chile: Comisión económica para América Latina y el Caribe (CEPAL), 2017.
5. Global Data Lab [Электронный ресурс]. URL: <https://globaldatalab.org/> (дата обращения: 25.11.2020).
6. *Gray G.* Progreso Multidimensional: Bienestar Más Allá Del Ingreso [Электронный ресурс]. URL: https://www.undp.org/content/dam/rblac/docs/Research%20and%20Publications/IDH/UNDP_RBLA_C_IDH2016Final.pdf (дата обращения: 11.03.2021).
7. LAC Equity Lab: Ethnicity [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/poverty/lac-equity-lab1/ethnicity/ip-population> (дата обращения: 04.04.2021).
8. *Paredes M.* Representación política indígena: un análisis comparativo subnacional. Lima, Jurado Nacional de Elecciones, 2015.
9. *Indigenous Latin America in the twenty-first century*. Washington, D. C.: World Bank, 2015.
10. *Vindal Odegaard C., Rivera Andía J. J.* Indigenous life projects and extractivism: Ethnographies from South America. Cham: Springer Nature, 2019.

*Д. В. Шуманская*¹

РОССИЙСКО-КУБИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОСТБИПОЛЯРНЫЙ ПЕРИОД

RUSSIAN-CUBAN RELATIONS IN THE POST-BIPOLAR PERIOD

Аннотация: Российско-кубинские отношения имеют давнюю историю. Зародились они еще в начале XIX в., а официально установились в начале XX в. «Первые попытки к установлению официальных отношений Российской империи с Кубой состоялись в 1829 г. Тогда был назначен российский консул при испанской короне в Гаване, и проявилась заинтересованность России в развитии торговли с латиноамериканскими странами. Это желание распространялось в первую очередь на Кубу, потому что она являлась ключевым регионом в торговле, своеобразным «ключом» от Америки»². Россию и Кубу после революции 1959 г. связывали дружба и союзничество в разных сферах. Теплые отношения и активные связи, характерные для советского периода, с распадом СССР были практически полностью остановлены, а большинство проектов свернуто. С изменением внешней политики РФ с 1996 г. российско-кубинское сотрудничество вновь стало приобретать положительный и динамичный характер, а сегодня вышло на уровень стратегического партнерства.

Ключевые слова: Куба; российско-кубинские отношения; постбиполярный период; латиноамериканское направление; стратегическое партнерство.

Abstract: Russian-Cuban relations have a long history. They originated at the beginning of the 19th century, and were officially established at the beginning of the 20th century. “The first attempts to establish official relations between the Russian Empire and Cuba took place in 1829. Then a Russian consul was appointed under the Spanish crown in Havana, and Russia became interested in developing trade with Latin American countries. This desire extended primarily to Cuba, because it was a key region in trade, a kind of “key” to America. After the 1959 revolution, Russia and Cuba were linked by friendship and alliance in various spheres. Warm relations and active ties, characteristic of the Soviet period, were almost completely stopped with the collapse of the USSR, and most projects were curtailed. With the change in the foreign policy of the Russian Federation since 1996, Russian-Cuban cooperation again began to acquire a positive and dynamic character, and today it has reached the level of strategic partnership.

Key words: Cuba; Russian-Cuban relations; post-bipolar period; Latin American direction; strategic partnership.

Официально дипломатические отношения двух стран были установлены в 1902 г. Политической основой послужило формальное признание Россией независимости Кубы. В том же году в Гавану был направлен российский консул. Спустя 11 лет, в июле 1913 г., Куба назначила своего консула в Санкт-Петербурге.

¹ Шуманская Диана Вадимовна, Россия, студент бакалавриата, РУДН (diana.mich.15@gmail.com).

² Хуан Вальдес Фигероа. “Куба и Россия: история, современность и перспективы развития отношений в международном диалоге культур. Из лекции Чрезвычайного и Полномочного Посла Республики Куба в Российской Федерации”, СПбГУП, 3 марта 2010 г. С. 90–94 [Электронный ресурс]. URL: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/Dip_Programma/009_Huan_Valjdes_Figeroa_lek.pdf (дата обращения: 10.10.2021).

Российско-кубинские и советско-кубинские отношения с начала их зарождения и до настоящего времени прошли несколько этапов развития. Условно их можно разделить следующим образом.

Советско-кубинские отношения

1. Сложная политическая обстановка с 1917 г., с момента развала Российской империи и образования Советского Союза, до 1960 г., когда были восстановлены дипломатические отношения.

Этот этап характеризуется противоречивым отношением Кубы к новому государству: с одной стороны, крайне негативным отношением правящей элиты, так как она была на стороне США — ярого противника Советского Союза, и с другой — бурным одобрением идей революции кубинским народом.

Куба была одной из первых стран, выразивших отрицательное отношение к нападению фашистской Германии на СССР. Именно противостояние фашистской агрессии стало импульсом и для установления дипломатических отношений Советского Союза и Кубы 14 октября 1942 г.

Однако правительство Батисты создало нетерпимые условия для работы советского посольства, что спровоцировало разрыв отношений с СССР.

2. 1960–1991-е гг. — Принципиально новый этап отношений между СССР и Кубой начался после победы кубинской революции. Новый кубинский режим был в 1960 г. признан советским правительством. Куба стала стратегическим союзником СССР в Западном полушарии, переориентировав на Советский Союз все свои связи. Сближение СССР и Кубы произошло в результате совпадения взаимных политических и экономических интересов обоих государств: Куба нуждалась в сильном союзнике, способном защитить ее от американской агрессии, а советское руководство увидело в Кубе удобный плацдарм для усиления своих позиций в «холодной войне». С 1960 г. до середины 1980-х гг. для отношений были характерны всесторонняя экономическая помощь Кубе, военное сотрудничество, развитие культурных и общественных связей. Фундаментом двусторонних отношений служила коммунистическая идеология. Следует отметить, что в этот период между руководством обоих государств возникали трения, которые приводили к охлаждению советско-кубинских отношений на определенных стадиях их развития. «Подобное происходило во времена «Карибского кризиса», а также в период 1967–1968 гг., которые западные исследователи определяют как «открытый раскол между Москвой и Гаваной» и «худшие времена в советско-кубинских отношениях». В годы перестройки, с 1985 по 1991 г., советское руководство отходило от прежней модели отношений с Кубой. Этому способствовали следующие факторы: постепенная переориентация руководства СССР на «Запад»; распад «социалистического лагеря»; давление со стороны США; кризисные явления в советской экономике. Кубинское руководство оказалось не готово к резкому развороту своего союзника на «Запад» и быстрому отказу от всех прежних форм сотрудничества. С конца 1980-х гг. советское руководство начинает видеть в Кубе уже не выгодного союзника, а опасный балласт, способный помешать нормализации отношений с «Западом». Тем не менее в 1989 г. между СССР и Кубой подписывается Договор о дружбе и сотрудничестве, который являл собой не отражение реальной ситуации в советско-кубинских отношениях, а был данью предыдущим десятилетиям тесного сотрудничества. Его заключение было более выгодно кубинской стороне, так как к этому моменту советское руководство уже взяло курс на резкое сокращение отношений с Гаваной. Переход СССР в торговле с Кубой на цены мирового рынка, а также решение о выводе с Острова мотострелковой бригады, принятое М. С. Горбачевым в 1991 г., поставили точку в прежней модели взаимоотношений двух государств. Куба не ожидала таких шагов, поскольку Советский Союз большинство решений принимал в одностороннем порядке, и кубинское руководство узнавало о них уже постфактум. Быстрое сближение СССР с США

в последующие два года еще больше подорвало советско-кубинские отношения, а события августа 1991 г. окончательно их прервали. 24 августа 1991 г. было принято решение о приостановке деятельности КПСС на всей территории СССР, а 6 ноября — о ее запрете на территории Российской Федерации. Этими двумя мерами была ликвидирована идеологическая составляющая двустороннего сотрудничества, которая изначально являлась ключевой в отношениях СССР и Кубы. Таким образом, еще до официального роспуска СССР советско-кубинские отношения в их прежней форме были обречены.

Российско-кубинские отношения

Говоря о российско-кубинских отношениях после распада СССР, мы можем выделить два основных этапа развития сотрудничества:

1. Свертывание сотрудничества по всем направлениям (1992–1995).

Данный период характеризуется полным отказом от прежней советской модели двустороннего сотрудничества. Как сообщалось в официальной ноте МИД России посольству Республики Куба в Российской Федерации от 1992 года, «Российская Федерация более радикально и решительно пойдет по пути демократизации, построения рыночной экономики и вхождения в семью цивилизованных народов»³.

2. Восстановление отношений и поиск новых путей их развития (1996–2019).

Новый этап в российско-кубинских отношениях связан с приходом в МИД Е. М. Примакова и переходом к новой, многовекторной модели внешнеполитических связей. Куба перестает рассматриваться как фактор напряженности в российско-американских отношениях. На первый план выходит объективная заинтересованность в развитии российско-кубинских отношений, основанная на учете национальных интересов Российской Федерации.

Визит министра иностранных дел РФ на Кубу в мае 1996 г. явился своеобразным подтверждением изменения позиции России по отношению к Кубе. В ходе визита были закреплены предшествующие достижения в двусторонних отношениях, а также намечены контуры будущего сотрудничества. «В 1996 г. была подписана Декларация о принципах взаимоотношений между РФ и Кубой, в которой отмечалась нацеленность на совместное противодействие незаконному обороту наркотиков, организованной преступности, международному терроризму и контрабанде оружия»⁴.

Важнейшим событием в истории двусторонних отношений стал официальный визит Президента РФ В. В. Путина на Кубу в декабре 2000 г. по приглашению Фиделя Кастро. В ходе визита российский президент подтвердил намерение налаживать политическое и экономическое взаимодействие с учетом интересов обеих сторон.

Визит Путина на Кубу положил начало более тесному сотрудничеству между странами. Цель визита президент России обозначил следующим образом: « Нам нужно ясно и точно понять, что является перспективным в наших отношениях, что можно считать проблемами вчерашнего дня. Нужно выбрать наиболее эффективные и интересные точки соприкосновения и не только наиболее интересные конкретные проекты, но и направления двустороннего сотрудничества».

По результатам встреч государственных лидеров был подписан Протокол о товарообороте между странами на 2001–2005 гг., в котором подробно оговаривались объемы поставок товаров на будущие пять лет. По договору Российская Федерация условилась экспортировать сырую нефть, минеральные удобрения, комплектующие к

³ «Нота МИД Российской Федерации посольству Республики Куба в Российской Федерации от 19 февраля 1992 г.», *Россия — Куба. 1902–2002*, Министерство иностранных дел Российской Федерации; Министерство иностранных дел Республики Куба. М.: Международные отношения, 2004. С. 15–24.

⁴ Владимир Сударев и Вадим Теперман, «Декларация о принципах взаимоотношений между Российской Федерацией и Республикой Куба». 2011, *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов* [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1902532> (дата обращения: 10.10.2021).

сельскохозяйственной технике, целлюлозно-бумажные изделия. Из Республики Куба планировалось импортировать сахар-сырец, никелевую продукцию, медикаменты, цитрусовые.

Диалог на высшем уровне продолжился: в 2005 г. по предложению российской стороны в обоих государствах был сформирован деловой совет «Россия — Куба».

В 2008 г. с рабочим визитом Кубу посетил вице-премьер России И. Сечин. Стороны обсуждали проблему восстановления российско-кубинских экономических связей и подписали 34 документа о сотрудничестве, треть из которых была посвящена сотрудничеству в области информационных технологий.

Особое внимание следует уделить визиту Президента РФ Д. А. Медведева на Кубу в 2008 г. и ответного визита Председателя Госсовета Кубы Рауля Кастро в Москву в 2009 г. Главы государств приняли решение вывести межгосударственные контакты двух стран на новый уровень. В. А. Бородаев о современных кубино-российских отношениях сказал: «Нынешнее руководство Кубы, возглавляемое Раулем Кастро, проводит последовательную политику в защиту национального суверенитета, социальной справедливости, латиноамериканского единства и стратегического союза со странами, противостоящими гегемонии США. В этом ряду на первом месте для Гаваны стоит Москва»⁵.

Россия предоставляла Кубе материальную помощь, способствуя решению продовольственной проблемы, ставшей бременем для Кубы ввиду установления блокады. В 2010 г. Государственная Дума РФ сформулировала обращение к парламентам стран-членов ООН о необходимости прекратить экономическую, финансовую и торговую блокаду Кубы⁶.

Россия играет ведущую роль в экономическом, торговом, научно-техническом, гуманитарном обмене с Кубой, но не в плане инвестиций. Кубинское правительство, однако, считает, что у России есть условия, чтобы занять лидирующую роль в вопросе иностранных инвестиций на Кубу во многих отраслях: на Кубе знакомы с российскими технологиями, тысячи кубинских специалистов говорят на русском языке, и сейчас в 24 российских университетах учатся кубинские студенты⁷.

«Куба является крупным импортером российской авиатехники, в том числе самолетов Ту-204 и Ил-96. Россия и Куба также подписали соглашение о создании совместной авиакомпания»⁸.

С экономической точки зрения сотрудничество с Россией, несомненно, выгодно Кубе: Россия продает Кубе товары на 400 млн долларов в год, а оружия за 30 лет было продано на 16 млрд долларов.

Визит Владимира Путина на Остров Свободы в июле 2014 г., состоявшийся в рамках латиноамериканского турне российского президента, стал новым витком перезапуска двусторонних отношений. Между президентом В. В. Путиным и Р. Кастро был достигнут ряд соглашений для придания импульса нашим отношениям. За неделю до официального визита в Гавану российские парламентарии ратифицировали соглашение о списании 90 % внешнего долга Кубы перед Российской Федерацией по кредитам, предоставленным в советское время. Остальные 10 % кубинского долга будут инвестированы в расширение зоны свободной торговли в Маризэле.

Стоит отметить, что для урегулирования политического взаимодействия России и Кубы с 2000 г. было подписано свыше 200 соглашений, постановлений, конвенций. Среди

⁵ Конференция: Куба, Этносоциум 83:5, 2015.

⁶ Госдума приняла обращение к парламентам государств - членов ООН о необходимости прекращения экономической блокады Кубы, Государственная дума РФ, 25.10.2010. URL: <http://duma.gov.ru/news/4907/> (дата обращения: 10.10.2021)

⁷ «Посол Кубы: Москва и Гавана не обсуждают восстановление базы в Лурдесе». 25.06.2019, РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20190625/1555866435.html> (дата обращения: 10.10.2021).

⁸ José Luis Rodríguez, «Las relaciones económicas entre Cuba y Rusia en una nueva etapa» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cubadebate.cu/opinion/2014/10/01/las-relaciones-economicas-entre-cuba-y-rusia-en-una-nueva-etapa/> (дата обращения: 10.10.2021).

них «Соглашение об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от уплаты налогов на доходы и капитал» (2000)⁹; о сотрудничестве в области использования и развития глобальной навигационной спутниковой системы ГЛОНАСС (2009)¹⁰; о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании и об ученых степенях (2010)¹¹; о взаимной административной помощи в целях обеспечения надлежащего соблюдения таможенного законодательства и предотвращения, расследования и пресечения таможенных правонарушений (2012)¹²; о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях (2013)¹³; о сотрудничестве, обмене информацией и взаимопомощи в рамках единой системы тарифных преференций Таможенного союза (2013)¹⁴; о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности (2014)¹⁵; о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях (2016)¹⁶; о Межправительственной Российско-Кубинской комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству (2016)¹⁷.

Все подписанные странами документы подчеркивают приоритетность внешнеполитических связей, отражают основные направления межгосударственного сотрудничества, показывают достигнутый прогресс в отношениях двух стран. Кроме того, документы «закрепляют права Российской Федерации на реализацию своих национальных интересов в Карибском регионе и договоренность о мощной экономической помощи Кубе».

⁹ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Куба об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от уплаты налогов на доходы и капитал, *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов* [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901785638> (дата обращения: 10.10.2021).

¹⁰ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Куба о сотрудничестве в области использования и развития глобальной навигационной спутниковой системы ГЛОНАСС (с изменениями на 23 марта 2015 года), *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов* [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902190512> (дата обращения: 10.10.2021).

¹¹ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Куба о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании и об ученых степенях), *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов* [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902216943> (дата обращения: 10.10.2021).

¹² Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Куба о взаимной административной помощи в целях обеспечения надлежащего соблюдения таможенного законодательства и предотвращения, расследования и пресечения таможенных правонарушений, *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов* [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902395111> (дата обращения: 10.10.2021).

¹³ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Куба о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях, *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов* [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/499014992> (дата обращения: 10.10.2021).

¹⁴ Протокол между Федеральной таможенной службой (Российская Федерация) и Министерством внешней торговли и иностранных инвестиций Республики Куба о сотрудничестве, обмене информацией и взаимопомощи в рамках комплекса системы тарифных преференций Таможенного союза, *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов* [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/499014892> (дата обращения: 10.10.2021).

¹⁵ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Куба о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности, *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов* [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420213806> (дата обращения: 10.10.2021).

¹⁶ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Куба о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях 2016 г., *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов* [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420384230> (дата обращения: 10.10.2021).

¹⁷ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Куба о Межправительственной Российско-Кубинской комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству 2016 г., *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов* [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/456052712> (дата обращения: 10.10.2021).

27 октября 2019 г. новый глава Кубы Мигель Марио Диас-Канель Бермудес посетил Россию с официальным визитом и 29 октября встретился с президентом Владимиром Путиным. По сообщению пресс-службы Кремля, стороны «обсудили перспективы дальнейшего укрепления российско-кубинского стратегического партнерства в различных сферах, а также актуальные вопросы международной повестки дня». «Нынешний визит в Москву Диаса-Канеля — во многом политический жест, проявление вежливости», — считает Николай Калашников, советник директора Института Латинской Америки РАН. «Это новая должность, и, как вновь избранный президент, он совершает визиты в те страны, с которыми Куба стремится развивать отношения», — подчеркнул эксперт¹⁸.

В заключение отметим, что внешняя политика Кубы в отношении России в целом тоже является эффективной. Создание правовой базы российско-кубинского сотрудничества выгодно обеим странам. Куба рассматривает Россию как одного из важных партнеров на международной арене, потому что их взгляды на мировые проблемы очень похожи.

Правительство Кубы ориентируется на долгосрочное, взаимовыгодное сотрудничество с Россией. Руководство страны выражает готовность поддерживать Российскую Федерацию по ключевым вопросам современности, а также поддерживает призыв нашего правительства к координации совместных действий в различных международных организациях, в первую очередь в ООН.

Библиография

1. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. I. М., 1946.
2. Данненберг А. Н. Российско-кубинские отношения в постбиполярный период. М.: ИЛА РАН, 2006 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ilaran.ru/?n=362> (дата обращения: 10.10.2021).
3. Ларин Е. А. Политическая история Кубы XX века. М.: Высшая школа, 2007.
4. Сударев В. П., Иванов В. А. Куба: Вектор внешней политики. М.: ИЛА РАН, 2015.
5. Сударев В. П., Теперман В. А. Куба: новый этап адаптации // Серия аналитических изданий «Саммит» / Под ред. В. М. Давыдова. М.: ИЛА РАН, 2011.
6. Червякова Е. С., Кузьмина В. М. Куба и Россия: вопросы сотрудничества в XXI веке // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2016. Т. 4. № 10. С. 119.
7. Шпаковская М. А. [Рец. на кн.] Наринский М. М. История международных отношений, 1945–1975: учеб. пособие. М.: Изд-во РОССПЭН, 2004 // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». 2005. № 1. С. 257–261.
8. Яковлев П. П. Латинская Америка на мировой геополитической карте // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». 2015. Т. 15. № 4.
9. Pérez Benítez S., Eremin A. A. US-Cuba Relations: A New Wave of Confrontation? // Vestnik RUDN. International Relations. 2017. Vol. 17. Iss. 3.

¹⁸ «Пресс-служба Администрации президента РФ», *Газета.ru* [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/tags/organization/press-sluzhba_administratsii_prezidenta_rf.shtml (дата обращения: 10.10.2021).

Н. Н. Ковалева, В. А. Соколовский¹

ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРЫ ПЕРУ И ЭКВАДОРА В IV–II ТЫС. ДО Н. Э.: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ МАТЕРИАЛОВ

ANCIENT CULTURES OF PERU AND ECUADOR IN IV–II MILLENNIUM BC: THEORETICAL AND PRACTICAL APPROACHES TO THE INTERPRETATION OF MATERIALS

Resumen: La costa del Pacífico de Perú y Ecuador atrae la atención de los investigadores precolombinos de muy distintas formas. En la literatura científica se presta muy poca atención a los contactos entre las dos culturas arqueológicas clásicas de la región (Valdivia y Norte Chico). Esto se debe a las diferencias entre las culturas de Perú y Ecuador, que son más notorias que las similitudes. En primer lugar, el surgimiento de la estadidad y las primeras civilizaciones en la costa peruana ocurre mucho antes (las famosas estructuras monumentales de Norte Chico son contemporáneas de las ciudades sumerias en Mesopotamia y la Pirámide de Zoser en Egipto). Los materiales obtenidos en el transcurso de muchos años de investigación de ambas culturas nos permiten hablar sobre influencias mutuas y contactos entre las poblaciones ancestrales de la costa pacífica de Perú y Ecuador. Los materiales obtenidos en el transcurso de muchos años de investigación de ambas culturas nos permiten hablar sobre influencias mutuas y contactos entre las poblaciones ancestrales de la costa pacífica de Perú y Ecuador.

Palabras clave: Valdivia; Caral-Supe; Período Formativo; Período Precerámico Tardío; Spondylus; Strombus; figurillas antropomorfas.

Abstract: The Pacific coast of Peru and Ecuador attracts the attention of pre-Columbian researchers in very different ways. In the scientific literature, quite little attention is paid to contacts between the two classical archaeological cultures of the region (Valdivia and Norte Chico). This is due to the differences between the cultures of Peru and Ecuador, which are more noticeable than similarities. First of all, the emergence of statehood and early civilizations on the Peruvian coast occurs much earlier (the famous monumental structures of Norte Chico are contemporaries of the Sumerian cities in Mesopotamia and the Pyramid of Djoser in Egypt). The materials obtained in the course of many years of research of both cultures allow us to talk about mutual influences and contacts between the ancient populations of the Pacific coast of Peru and Ecuador. The materials obtained in the course of many years of research of both cultures allow us to talk about mutual influences and contacts between the ancient populations of the Pacific coast of Peru and Ecuador.

Key words: Valdivia; Norte Chico; Formative Period; Late Preceramic Period; Spondylus; Strombus; anthropomorphic figurines.

Тихоокеанское побережье Перу и Эквадора привлекает внимание археологов с совершенно разными научными интересами. Богатое историко-культурное наследие обеих стран уникально, однако особое положение занимают культуры вальдивия (Эквадор) и Норте-Чико (Перу). Это обусловлено тем, что обе культуры отличаются древнейшими в

¹ **Ковалева Ника Николаевна**, Россия, студент магистратуры НГУ (n.kovaleva@g.nsu.ru).

Соколовский Василий Андреевич, Россия, студент бакалавриата НГУ (v.sokolovskii@g.nsu.ru).

своем роде находками и памятниками — в Эквадоре была найдена самая ранняя керамика в Южной Америке, отнесенная к культуре вальдивия, а в Перу — самая ранняя монументальная архитектура на континенте (Норте-Чико).

Памятники культуры Норте-Чико (в испаноязычных публикациях чаще встречается название Караль-Супе) распространены в устьях рек Уаура, Супе, Пативилька и Фортлеса на севере центральной части тихоокеанского побережья Перу и относятся к позднему докерамическому периоду (3000–1800 гг. до н. э.)². Культура представлена крупными U-образными монументальными платформами с круглыми, углубленными ниже уровня окружающей поверхности площадями (*sunken circular plazas* — *досл.* «утопленные» круглые площади). Размеры комплексов варьируются от 20 до 70 га, монументальные сооружения в среднем имеют размер 60 × 30 × 10 м («Великая пирамида» — крупнейшее монументальное сооружение Норте-Чико — 170 × 150 × 20 м)³.

Население культуры вальдивия, относящейся к формативному периоду регоина (5500–2500 лет назад) распространялось как по прибрежным низменностям Эквадора в провинции Санта-Елена, так и в глубине континента к югу от провинции Манаби⁴. Самым крупным на сегодняшний день поселением вальдивии является поселение Реаль-Альто, находящаяся в долине Чандуй. На самом раннем этапе это была деревня из десятка домов эллиптической формы, построенных из тростника. Дома были сгруппированы по кругу или U-образной формы. Со временем территория увеличилась, заняв от 12,5 до 16 га, а население, возможно перевалило за 1000 человек⁵. План организации домов стал прямоугольным. И хотя для вальдивийской культуры не характерны монументальные сооружения, подобные сооружениям Норте-Чико, она демонстрирует один из самых ранних керамических комплексов в Новом Свете. Керамика вальдивии имеет стандартизированный набор форм: полусферические чаши, горшки с высоким горлышком и приземистые горшки с наклепным валиком. Наиболее распространенные мотивы для ранней вальдивии: меандрообразные полосы, квадраты или круги с точкой внутри, заштрихованные решеткой треугольники или трапеции, образующие разнообразные композиции: «песочные часы», ромбы, зигзагообразные полосы⁶. Концептуальное отличие в обработке разных форм сосудов, сохраняющееся на протяжении 1500-летней истории вальдивии: более тщательная обработка и сложная иконография чаш, подчеркивают их особую функцию⁷. Керамика играла важную роль в ритуальном контексте, о чем свидетельствуют закопанные в полу орнаментированные чаши в «Доме Фиесты». Ритуальные чаши, вероятно, делались для каждой церемонии и могли разбиваться по его окончании, судя по количеству их находок в ямах для утилизации ритуального материала⁸.

Несмотря на многие различия, между культурами можно усмотреть сходство в двух группах находок. В первую очередь, это изделия из моллюсков *Spondylus* и его остатки, обнаруженные на перуанском побережье. Традиционным местом обитания этих моллюсков является устье реки Гуайяс в Эквадоре. Изделия из этого моллюска в историографии традиционно считаются индикатором товарообменных отношений между культурами и элементом престижной экономики.

² Jonathan Haas and Winifred Creamer, “Crucible of Andean Civilization: The Peruvian Coast from 3000 to 1800 BC”, *Current Anthropology* 47, 2006.

³ *La Ciudad Sagrada de Caral-Supe: Los Orígenes de la Civilización Andina y la Formación del Estado Prístino en el Antiguo Perú*, Lima, 2003.

⁴ Jonathan Damp, “Environmental Variation, Agriculture, and Settlement Processes in Coastal Ecuador (3300–1500 B. C.)”, *Current Anthropology* 25:1, 1984.

⁵ Jeffrey Quilter, *The Ancient Central Andes*, New York, 2014; Jerry D. Moore, *A Prehistory of South America: Ancient Cultural Diversity on the Least Known Continent*, 2014.

⁶ Peter W. Stahl, “The Hallucinogenic Basis of Early Valdivia Phase Ceramic Bowl Iconography”, *Journal of Psychoactive Drugs* 17:2, 1985.

⁷ Donald Ward Lathrap, Donald Collier and Helen Chandra, *Ancient Ecuador. Culture, clay and creativity. 3000–300 B. C.*, Chicago, 1975.

⁸ Jorge Marcos, *Real Alto: La historia de un centro ceremonial Valdivia, Primera Parte (Biblioteca Ecuatoriana de Arqueología 4)*, Guayaquil, 1988.

Как отмечает Р. Бургер⁹, в религии Центральных Анд моллюски *Spondylus* ассоциируются с женским началом, а моллюски *Strombus* — с мужским. Эта идея «динамического дуализма» могла распространиться из территории современного Эквадора на Центральные Анды вместе с моллюском. К. Стосерт¹⁰, приводя в пример этнографические и этноисторические источники, указывает, что жертвоприношение раковин моллюсков может влиять на плодородие и климат. Это можно обосновать тем, что на тихоокеанском побережье Южной Америки несколько раз в десятилетие происходит действия фазы южной осцилляции, или эль-ниньо¹¹.

А. Паулсен¹² выделяет три этапа распространения обмена моллюсками *Spondylus* и *Strombus* между Эквадором и Перу. Первый этап (2800–1100 гг. до н.э.) ограничивается эквадорским побережьем. Б. Картер¹³ несколько расширяет ареал: до территории Норте-Чико. В культуре вальдивия находки моллюсков чаще всего представлены в погребениях и в виде украшений (бусины, подвески)¹⁴. В Карале¹⁵, Асперо¹⁶ и Бандурриа¹⁷ — комплексах Норте-Чико — были найдены дисковидные бусины, произведенные из раковин моллюска *Spondylus*.

Как культуре вальдивия, так и культуре Норте-Чико присуще изготовление антропоморфной пластики. Это древнейшие традиции изготовления такого рода фигурок в Южной Америке. Фигурки, относящиеся к культуре вальдивия, определяются как женские из-за явных половых признаков¹⁸. Пол у фигурок Норте-Чико, изготовленных из необожженной глины, трудно определим за несколькими исключениями¹⁹. У фигурок обеих культур ярко выраженные и вариабельные прически и/или головные уборы, невыразительно изображенные лица.

Схожесть в иконографии фигурок впервые отметил Р. Фельдман²⁰, однако тогда большинство памятников Норте-Чико не было открыто, и археолог связывал тайник с фигурками, который был найден в Асперо, с другими перуанскими памятниками, где были похожие находки (Эль-Параисо, Рио-Секо, Котош). П. Каулик²¹ также усматривает связь, однако ссылается на то, что материалы из комплексов Норте-Чико недостаточно не опубликованы.

Предназначение фигурок интерпретируют по-разному. В Норте-Чико их находили в основном в церемониальном контексте. Р. Шейди²² предполагает, что они использовались в ритуалах, связанным со строительством или реконструкцией зданий. Х. Райхель-Долматофф²³ высказал предположение, что вальдивийские фигурки, как и этнографические

⁹ Richard L. Burger, *Chavin and the Origins of Andean Civilization*, London, 1995.

¹⁰ Karen E. Stothert, "Expression of Ideology in the Formative Period of Ecuador", *Archaeology of Formative Ecuador*, Washington, D.C., 2003.

¹¹ Jorge Marco, "El Hilado, el teñido y el uso del telar vertical en "Real Alto": Tecnologías precursoras del tráfico a larga distancia", *Valdivia, una Sociedad Neolítica: Nuevos aportes a su conocimiento*, Portoviejo, 2021.

¹² Allison C. Paulsen, "The Thorny Oyster and the Voice of God: *Spondylus* and *Strombus* in Andean Prehistory", *American Antiquity* 39:4, 1974.

¹³ Benjamin Philip Carter, "*Spondylus* in South American Prehistory", *Spondylus in Prehistory: New Data & Approaches*, Oxford, 2011.

¹⁴ Karen E. Stothert, *Op. cit.*, p. 361–362.

¹⁵ Ruth Shady Solís, "America's First City? The Case of Late Archaic Caral", *Andean Archaeology III: North and South*, New York, 2006.

¹⁶ Robert A. Feldman, *Aspero, Peru: Architecture, Subsistence Economy and Other Artifacts of a Preceramic Maritime Chiefdom*, PhD thesis, Harvard, 1980.

¹⁷ Alejandro José Chu Barrera, *Household Organization and Social Inequality at Bandurria, a Late Preceramic Village in Huaura, Peru*, PhD thesis, Pittsburg, 2011.

¹⁸ Betty Meggers, Clifford Evans and Emilio Estrada, "The Early Formative Period of Coastal Ecuador: The Valdivia and Machalilla Phases", *Smithsonian Contributions to Anthropology. Vol. 1*. Washington D. C, 1965.

¹⁹ Robert A. Feldman, *Op. cit.*, p. 152.

²⁰ *Ibid.*, p. 154–155.

²¹ Peter Kaulicke, "Corporealities of Death in the Central Andes (ca. 9000–2000 B. C.)", *Death Rituals, Social Order and the Archaeology of Immortality in the Ancient World "Death Shall Have No Dominion"*, 2015.

²² Ruth Shady Solís, *Op. cit.*, p. 58.

²³ Gerardo Reichel-Dolmatoff, *Colombia (Vol. M, Ancient Peoples and Places)*, London, 1965.

фигурки из Колумбии, предназначались для ритуалов, связанных с лечебными практиками: после использования фигурки утилизировались, поэтому их так часто находят в мусорных кучах. Фигурки вальдивии изображают разные фазы женской жизни, включая половое созревание, беременность и роды, что может свидетельствовать о важной роли женщины в вальдивийском обществе²⁴.

Некоторые исследователи полагают, что в различных обществах, искусство — это единственное занятие, которое дает возможность манипулировать, эксплуатировать и даже создавать образы и идеи, от которых, как считается, зависит благополучие сообщества²⁵. В частности, как архитектура Норте-Чико, так и керамика вальдивии могут указывать на существование подобной идеологии и ее использование лидерами сообщества для создания и осуществления власти²⁶. Основой авторитета вождя или шамана, возможно, являлась его способность изготавливать или приобретать экзотические знания, материалы, предметы. Это мотивировало религиозных и политических лидеров на путешествия и в свою очередь стимулировало обмен между территориями, что подтверждается археологическими находками²⁷.

Носители культуры вальдивия не строили крупных монументальных сооружений, однако проводили сложные ритуалы, связанные с потреблением пищи и галлюциногенов. По аналогии эти предполагаемые ритуальные события являются индикаторами сложной идеологии²⁸. В Норте-Чико, наоборот, население было сконцентрировано на строительстве сложных монументальных сооружений: их строительство требует консолидированного технического руководства и религиозных специалистов²⁹. Участие элит в экономике Норте-Чико позволило выйти ей на межрегиональный уровень: в различных комплексах были найдены товары, которые можно интерпретировать как престижные. Элиты контролировали и построение монументальных комплексов, которые были неким отражением власти.

Библиография

1. Березкин Ю. Е. Между общиной и государством. Среднемасштабные общества Нуклеарной Америки и Передней Азии в исторической динамике, СПб.: Наука, 2013.
2. Burger R. L. *Chavin and the Origins of Andean Civilization*. London: Thames and Hudson, 1995.
3. Carter B. P. *Spondylus in South American Prehistory // Spondylus in Prehistory: New Data & Approaches*. Oxford: British Archaeological Reports, 2011. P. 63–89.
4. Chu Barrera A. J. *Household Organization and Social Inequality at Bandurria, a Late Preceramic Village in Huaura, Peru*: PhD thesis. Pittsburg: University of Pittsburg, 2011.
5. Damp J. *Environmental Variation, Agriculture, and Settlement Processes in Coastal Ecuador (3300–1500 B. C.) // Current Anthropology*. 1984. Vol. 25. Iss. 1. P. 106–111.
6. Feldman R. A. *Aspero, Peru: Architecture, Subsistence Economy and Other Artifacts of a Preceramic Maritime Chiefdom*: PhD thesis. Harvard: Harvard University, Department of Anthropology, 1980.
7. Haas J., Creamer W. *Crucible of Andean Civilization: The Peruvian Coast from 3000 to 1800 B. C. // Current Anthropology*. 2006. Vol. 47. P. 745–775.
8. Helms M. W. *Craft and the Kingly Ideal: Art, Trade, and Power*. Austin: University of Texas Press, 1993.
9. Kaulicke P. *Corporealities of Death in the Central Andes (ca. 9000–2000 B. C.) // Death Rituals, Social Order and the Archaeology of Immortality in the Ancient World “Death Shall Have No Dominion”*. Cambridge University Press, 2015. P. 111–129.

²⁴ Christian Mesía Montenegro, “El Periodo Formativo en los Andes Septentrionales y sus relaciones con los Andes Centrales”, *Arqueología y Sociedad* 27, 2014.

²⁵ Mary W. Helms, *Craft and the Kingly Ideal: Art, Trade, and Power*, Austin, 1993.

²⁶ Karen E. Stothert, *Op. cit.*, p. 390.

²⁷ *Ibid.*, p. 383.

²⁸ *Ibid.*, p. 388.

²⁹ Юрий Березкин, *Между общиной и государством. Среднемасштабные общества Нуклеарной Америки и Передней Азии в исторической динамике*, Санкт-Петербург, 2013.

10. La Ciudad Sagrada de Caral-Supe: Los Orígenes de la Civilización Andina y la Formación del Estado Prístino en el Antiguo Perú. Lima: Instituto Nacional de Cultura, 2003.
11. *Lathrap D. W., Collier D., Chandra H.* Ancient Ecuador. Culture, clay and creativity. 3000–300 B. C. Chicago: Field Museum of Natural History, 1975.
12. *Marcos J. G.* Real Alto: La historia de un centro ceremonial Valdivia, Primera Parte (Biblioteca Ecuatoriana de Arqueología 4). Guayaquil: ESPOL, 1988.
13. *Marcos J. G.* El Hilado, el teñido y el uso del telar vertical en “Real Alto”: Tecnologías precursoras del tráfico a larga distancia” // Valdivia: una Sociedad Neolítica, Nuevos aportes a su conocimiento. Portoviejo: UTM-Unidad de Cooperación Universitaria, 2021. P. 159–180.
14. *Meggens B., Evans C., Estrada E.* The Early Formative Period of Coastal Ecuador: The Valdivia and Machalilla Phases // Smithsonian Contributions to Anthropology. Vol 1. Washington, D. C., 1965.
15. *Mesia Montenegro C.* El Periodo Formativo en los Andes Septentrionales y sus relaciones con los Andes Centrales // Arqueología y Sociedad. 2014. Iss. 27. P. 111–130.
16. *Moore J. D.* A Prehistory of South America: Ancient Cultural Diversity on the Least Known Continent. University Press of Colorado, 2014.
17. *Paulsen A. C.* The Thorny Oyster and the Voice of God: Spondylus and Strombus in Andean Prehistory // American Antiquity. 1974. Vol. 39. Iss. 4. P. 597–607.
18. *Quilter J.* The Ancient Central Andes. New York: Routledge, 2014.
19. *Reichel-Dolmatoff G.* Colombia (Vol. M, Ancient Peoples and Places.). London: Thames and Hudson, 1965.
20. *Shady Solís R.* America’s First City? The Case of Late Archaic Caral // Andean Archaeology III: North and South. New York: Springer, 2006. P. 28–66.
21. *Stahl P. W.* The Hallucinogenic Basis of Early Valdivia Phase Ceramic Bowl Iconography // Journal of Psychoactive Drugs. 1985. Vol. 17. Iss. 2. P. 105–123.
22. *Stothert K. E.* Expression of Ideology in the Formative Period of Ecuador // Archaeology of Formative Ecuador. Washington, D. C.: Dumbarton Oaks, 2003. P. 337–421.

**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ
СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И ГОСУДАРСТВ
ИБЕРОАМЕРИКИ И ИНТЕГРАЦИОННЫЕ
ОБЪЕДИНЕНИЯ**

**INTERNATIONAL LEGAL FRAMEWORK FOR
COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND
THE STATES OF IBERO-AMERICA AND
INTEGRATION ASSOCIATIONS**

Л. П. Ануфриева¹

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ
СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН БРИКС КАК НАПРАВЛЕНИЕ
СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА РФ В УСЛОВИЯХ
МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА (ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)**

**ECONOMIC, SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL COOPERATION OF
THE BRICS COUNTRIES AS A VECTOR OF THE STRATEGIC
PARTNERSHIP OF THE RUSSIAN FEDERATION IN A MULTIPOLAR
WORLD (POLITICAL AND LEGAL ASPECT)**

Abstract: The origin of the alliance with the current name 'BRICS' (Brazil, Russia, India, China and South Africa), strictly speaking, goes back initially to the ties between three states: India, Brazil and South Africa — IBSA, which emerged in 2003. Through the evolution, as joint actions show, it significantly changed the configuration, structure and re-alignment of forces in international relationships of the current stage and created new opportunities for the Russian Federation within its trade, economic, scientific and technical cooperation with the listed states, which encompass complexity, diversity, consideration of external and internal needs, fundamental goals achievement and current tasks performance in ensuring national interests. Over the years, the cooperation within

¹ **Ануфриева Людмила Петровна**, Россия, доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) (lpanufrieva@msal.ru).

the BRICS framework has increasingly acquired a special character for all participants. For Russia, due to the increase in the so-called “sanctions regimes” imposed against it by the Western “coalition”, BRICS ties primarily become the realization of a strategic partnership provided for by the most important official documents of the Russian Federation. Since the BRICS does not belong to the category of international organizations proper, but forms a kind of informal model of cooperation between five states that are quite different (in economic, political, socio-cultural and legal terms) from each other, a special analysis within the framework of their joint actions, especially in areas of key importance for any of the economies (such as international trade and scientific and technical ties), acts as a factor reflecting the specifics of the current stage in the implementation of international relations of states with different levels of development. The central component of the material presented herein, is the consideration of Russia's economic, scientific and technical cooperation with other states of the alliance as a partnership of particular importance which is qualified precisely as a strategic one and is analyzed on the background of a fundamentally differing from the past geopolitical reality of the existing world — that one of “multipolarity”.

Key words: BRICS countries; Russian Federation; international law; international trade and economic cooperation; scientific, technical and technological cooperation; strategic partnership; multipolar world; political and legal regulation.

Аннотация. Истоки функционирования альянса с сегодняшним наименованием «БРИКС» (Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР), строго говоря, восходят первоначально к связям между тремя государствами: Индией, Бразилией и Южной Африки — ИБЮА, — возникшим в 2003 г. Его зарождение, как показывает эволюция совместных действий, в значительной мере меняло конфигурацию, уклад и расстановку сил в международных отношениях современного этапа и создавало для РФ новые возможности ее торгово-экономического и научно-технического сотрудничества с перечисленными государствами, к которым относятся комплексность, разноплановость, учет внешних и внутренних потребностей, достижение основополагающих целей и текущих задач в обеспечении национальных интересов. С годами взаимодействие в рамках БРИКС для всех участников все больше приобретает особый характер. Для России ввиду нарастания устанавливаемых против нее со стороны западной «коалиции» так называемых «санкционных режимов» связи БРИКС прежде всего становятся реализацией *стратегического партнерства*, предусмотренного важнейшими официальными документами РФ. Поскольку БРИКС не относится к разряду собственно международных организаций, а образует некую неформализованную модель сотрудничества пяти достаточно отличающихся (в экономическом, политическом, социо-культурном и правовом планах) друг от друга государств, специальный анализ в рамках их совместных действий, особенно в сферах, имеющих ключевое значение для любой из экономик (например, международные торговля и научно-технические связи), выступает фактором, отражающим как их специфику на современном этапе, так и черты осуществления международных отношений государств с разными уровнями развития. Центральной составляющей представленного в настоящем материале выступает рассмотрение экономического и научно-технического сотрудничества России с другими государствами альянса как партнерства, имеющего особое значение и квалифицируемого именно в качестве стратегического, преподносимого в ракурсе принципиально иной геополитической реальности — многополярности существующего мира.

Ключевые слова: БРИКС, Российская Федерация, международное право, торговля, экономическое сотрудничество, научно-техническое сотрудничество, стратегическое партнерство, многополярный мир, политико-правовой аспект.

Рассмотрение в настоящем экономического и научно-технического сотрудничества стран БРИКС через призму стратегического партнерства РФ в условиях многополярного мира представляет собой специфическое направление как в политике, так и юридической науке. Подобная постановка вопроса способствует развитию практической реализации связей между участниками альянса и несомненно содействует целям обеспечения его лучшего функционирования.

Констатировать, что данная проблема актуальна с многих точек зрения, недостаточно, поскольку необходимо подчеркнуть еще факт ее растущей с каждым днем востребованности, определяемой текущими и перспективными задачами развития России,

императивно закрепленными в важнейших государственных документах. К ним относятся, во-первых, Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ № 640 от 30.11.2016; Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации на долгосрочный период от 01.12.2016 г., наметившая цель «способствовать формированию модели международного научно-технического сотрудничества и между, народной интеграции в области исследований и технологического развития, позволяющей защитить... государственные интересы в условиях интернационализации науки и повысить эффективность российской науки за счет взаимовыгодного международного взаимодействия»; во-вторых, специальный акт — Концепция участия Российской Федерации в объединении БРИКС, утвержденная Президентом РФ 9 февраля 2013 г., которая и указывает на факт сотрудничества РФ со странами БРИКС в качестве одного из стратегических направлений ее международной деятельности.

Обращение в политико-правовом ключе к спектру вопросов, обусловленных существом избранной темы, является более чем назревшим ввиду того, что новый «формат» сотрудничества пяти достаточно отличающихся друг от друга государств (в экономическом, политическом, социокультурном и правовом ракурсах), до сих пор во многом есть *terra incognita*, порождающая различные гипотезы в части подходов к объекту и его интерпретаций, в том числе и формально-юридического порядка. К тому же возможности взаимодействия государств БРИКС в целом и конкретно в торгово-экономической и научно-технической сфере нельзя отрывать от внешних условий, которые служат не просто фоном происходящих процессов или событий, но и катализатором специфичности анализируемого явления. В этом плане важнейшими из составляющих упомянутых обстоятельств выступает такое состояние геополитической реальности, как многополярность современного мироустройства, которая в свою очередь далеко не однозначна, не познана до конца и обладает изменчивостью масштабов, характера, конфигурации. Вследствие этого сотрудничество стран БРИКС на настоящем этапе и, по-видимому, в ближайшем будущем, должно приспосабливаться к постоянно меняющимся параметрам многополярного мира, что лишь добавляет актуальности юридической проблематике.

Соответствующими *объективными* предпосылками, воздействовавшими на сближение пяти участников, выступают: 1) геополитическая ситуация в глобальном измерении: замена однополярного мира биполярным, с последующими «подтачиванием» и размыванием биполярности, поэтапным ослаблением моноцентричности с единственным «центром силы и управления» в мировых международных отношениях по всем их направлениям, некогда бытовавшим в рамках однополярного мира; 2) деглобализация² и постепенное утверждение иной парадигмы мироустройства, основанной на принципах многополярности; 3) усиление детерминированности политической и экономической мотивации современных государств индивидуальными интересами, в том числе и каждого из участников БРИКС, по их включенности в международное разделение труда, специализацию, кооперацию и интеграцию в отдельных сферах (важнейшими из которых выступают торгово-экономическое и научно-техническое сотрудничество).

Наряду с этим имеются все же и общие ориентиры, объединяющие усилия поименованных стран: необходимость оптимизации сочетания национальных и межгосударственных интересов стран, сохранения не только регионального (субрегионального) сотрудничества, но и развитие связей на универсальном уровне с необходимым учетом их сбалансированности; обеспечение реализации межгосударственного взаимодействия в

² Явление «деглобализации» присутствует в дискуссиях экономистов, политологов, социологов, юристов и представителей других наук. В докладе «Научной лаборатории современной политэкономии», посвященном кризису современного миропорядка, ему поставлен диагноз «тупика», в который зашла неолиберальная модель капитализма и глобализации, и предписан рецепт в виде отказа от нее с конкретным выбором ее противоположности — «деглобализации» (см.: Рафаэль Абдулов, Далер Джабборов, Олег Комолов, Глеб Маслов, Тамара Степанова, «Деглобализация: кризис неолиберализма и движение к новому миропорядку», *Рабкор.ру. Интернет-журнал* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rabkor.ru> (дата обращения: 07.10.2021)).

целом; разработка организационно-правовых основ взаимного участия в объединении рассматриваемых пяти государств. По некоторым воззрениям, образование БРИКС стало «естественным следствием деглобализации»³, причем не могущим быть квалифицируемым «антизападной структурой»: сотрудничество участников не провозглашает своей целью ведение борьбы с западным сообществом, будучи связанным с ним нитями финансовых, технологических, экономических связей. Речь идет о своего рода выправлении глобализации и мировой системы, их переводе на орбиту равноправия, уважения национальных интересов, невмешательства во внутренние дела и другие базовые и принципы международных отношений и международного права, зафиксированные в Уставе ООН⁴.

Кое с чем из приведенных положений можно поспорить: думается, во-первых, что анализируемый альянс сам по себе демонстрирует шаг в деглобализации, а не выступает ее результатом; во-вторых, ведение «борьбы с западом» не обязательно должно быть параметром деглобализации, но предпочтение параллельного существования с традиционным укладом, «принятым западом», «выпадение из орбиты» привычных устоев — моноцентричности, — безусловно, бросает ему вызов; наконец, если понимать под глобализацией прежде всего снижение (замедление) темпов роста экономического развития (что присуще большинству воззрений на данное явление в среде экономистов), то соответствующие статистические данные, касающиеся некоторых из участников БРИКС (к примеру, Китая), коррелируются лишь с самыми последними годами и обусловлены чрезвычайными обстоятельствами: резко обострившимися мерами недобросовестной конкуренции со стороны Запада (США), неправомерными действиями, общим состоянием мирового кризиса и т. д., которые не могут оправдывать принципиально негативных оценок и далеко идущих выводов.

В то же время, рисуя объективно реальную картину взаимодействия государств в рамках БРИКС, следует предостеречь от преувеличений различного рода или иллюзий в отношении представлений о «безоблачности» хода сотрудничества. В частности, в преддверии XI саммита БРИКС имелись серьезные опасения применительно к грядущим переговорам глав государств «на фоне непростой ситуации в регионе, расшатывания международной архитектуры контроля над вооружениями, экономического противостояния между США и Китаем, сохраняющихся дисбалансов в мировом хозяйстве и значительного конфликтного потенциала в современных международных отношениях в целом. В первую очередь эти опасения были связаны с новыми фигурами в руководстве Бразилии, которые, по мнению экспертов, к тому моменту уже успели проявить себя как приверженцы праворадикальных взглядов, «активно поддерживающих ряд инициатив администрации Дональда Трампа, идущих вразрез с позицией партнеров по БРИКС». Однако президент Бразилии сам заявил о «важности наращивания диалога в формате БРИКС» 28 июня 2019 г. в рамках традиционной встречи «пятерки» на высшем уровне «Группы двадцати» в Японии (Осака)⁵.

³ Наряду с этим имеются и диаметрально расположенные позиции (см: анализ Национального комитета по исследованию БРИКС материалов XI саммита глав государств БРИКС, который прошел 14 ноября 2019 г. в г. Бразилиа, под девизом «БРИКС: экономический рост для инновационного будущего», в котором рассматриваемая группа стран именовалась «новым флагманом глобализации» (Валерия Горбачева, «БРИКС: новый флагман глобализации», *Российская газета* 296 (8054)). В официальном же «Комментарии Департамента информации и печати МИД России в связи с участием Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова в совещании министров иностранных дел стран БРИКС» от 3 сентября 2020 г. указывается, что «БРИКС — важный фактор формирования многополярного мира. Все пять государств... едины в стремлении отстаивать принципы более справедливого миропорядка, основанного на уважении норм и принципов международного права, Устава ООН» (URL: <https://www.mid.ru/ru> (дата обращения: 06.10.2021)).

⁴ См.: Лев Клепацкий, «Деглобализация мировой системы», *Международная жизнь* 8, 2015; с аналогичными оценками характеристики «непротивления БРИКС совокупному Западу» выступают и другие авторы (см. по этому поводу также: Емельянов А. И., «Особенности развития БРИКС в начале XXI», *Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник*. Вып. 1. Ч. 2. ИНИОН РАН. Отд. науч. сотрудничества; отв. ред. В. И. Герасимов, Москва, 2018, с. 256).

⁵ См.: Валерия Горбачева, *Указ. соч.*

Отмечаемое аналитиками в экономических и юридических изданиях замедление общих темпов экономического роста в мире не могло не сказаться и на количестве, объемах и качестве совместных мероприятий по экономическому и научно-техническому взаимодействию БРИКС последних лет: «В настоящий момент БРИКС испытывает ряд трудностей, связанных с нестабильной внутренней политической и/или экономической ситуациями, вызванными воздействием различных факторов, что негативно отражается на способности государств-членов объединения оказывать влияние на мировые... процессы, например, в *экономической сфере*. Так, в КНР снизились темпы экономического и промышленного роста: если среднее значение роста ВВП в период с 2000 по 2009 гг. составляло 10,3 %»⁶, то к 2017 г. эти показатели упали. Кроме того, США вводят торговые ограничения против России, Китая и Индии для ослабления БРИКС, снижая, таким образом, их роль в мировой экономике, в чем и выражается внешнее давление на становление альтернативного источника авторитета в мире⁷. К этому нельзя не добавить также и проблемы, которые вызваны последствиями, порожденными пандемией коронавирусной инфекции COVID-19, так или иначе затронувшими все страны мира, включая и «пятерку» БРИКС. Их тормозящий эффект в отношении поступательности взаимного сотрудничества указанных государств несомненен. Словом, «ставить крест» на БРИКС преждевременно, хотя и стоит констатировать, что между участниками альянса продолжает существовать немало и иных осложняющих моментов внутренних противоречий или разногласий⁸.

При анализе роли, места и характера взаимодействия России со странами БРИКС следует подчеркнуть, что с самого начала оно выступает одновременно и продуктом, и фактором формирования полицентричной системы международных отношений, содействия росту влияния участвующих государств в мировой экономической и политической системах на основе их объективных политико-экономических параметров и геополитических целей, будучи более или менее упрочивающей свое сотрудничество группой, служит в определенной мере вынужденным ответом на вызовы сложившейся или складывающейся в соответствующем плане реальности.

Характер проблем, вытекающих из меняющихся условий существования государств в начале XXI в., порожден своеобразием импульсов, повлекших за собой интенсификацию взаимных межгосударственных связей пятью странами, и сформировал особую матрицу сотрудничества. Важно подчеркнуть: это новое явление в международной жизни, которое не противопоставляется классическому взаимодействию государств на мировой арене в современный период на основе участия в универсальной международной организации — ООН — или в региональных международных организациях либо прочих распространенных

⁶ См.: Емельянов А. И., *Указ. соч.*, с. 254–255.

⁷ См.: Петров А. «США используют торговые ограничения против России, Китая и Индии для раскола БРИКС». 10 мая 2018 г., *РИСИ*. 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://riss.ru/smi/50317/> (дата обращения: 04.10.2021).

⁸ Трудности, с которыми сталкивается продвижение взаимных связей в рамках БРИКС, носят разносторонний характер: внутривнутриполитические в Бразилии и ЮАР; внешнеполитические, как общие, так и двусторонние в некоторых из пар альянса. В частности, импичмент демократически избранного президента Дилмы Русеф (2011–2016) и приход к власти другого лица снивелировали масштабы сотрудничества Бразилии со странами альянса ввиду большей восприимчивости американских позиций. Длительные внутренние расследования превышения полномочий первых лиц государства в ЮАР, процветание клановости, семейственности, отставка президента Джейкоба Зумы (2009–2018) не позволяли переключить все внимание на внешние аспекты существования государства. Нельзя сбрасывать со счетов небезоблачность двусторонних отношений, в которых «ген разногласий» происходит из разных причин. Так, в отношениях между Индией и Китаем сказываются не только различия в национальных политико-экономических интересах, но и в решениях некоторых геополитических задач (Китай стремится использовать БРИКС в своих территориальных притязаниях на пространства в Южно-Китайском море в отношениях с Вьетнамом, Филиппинами, Малайзией и др., в том числе для ослабления Японии и Южной Кореи в районе Тихого океана. Индию беспокоит включенность Пакистана в создание инфраструктуры в связи с международным коридором по проекту «Один пояс — один путь»). И наконец, оба государства борются за лидерство в регионе. К тому же Китай сопротивляется включению Индии в «группу ядерных поставщиков» (NSG) (подробнее см. об этом: Емельянов А. И., *Указ. соч.*, с. 255).

видах институций. Не связано оно и существующими в международной практике объединительными узлами организационно-правового порядка, которые приняты, к примеру, в региональных интеграционных сообществах. Применительно к нему все чаще (вплоть до официальных документов) используется емкий атрибутив: «стратегическое» («стратегическое партнерство»).

В отечественных актах России, обеспечивающих имплементацию достигнутых общих договоренностей на саммитах и в рабочих органах альянса, среди предусмотренных областей взаимодействия стран БРИКС сотрудничество в промышленности, энергетике, науке, технике и инновациях выделяется как составная часть общей международной политики и важнейшая предпосылка укрепления мира и взаимных связей между данными странами и в международном сообществе в целом. С учетом действующих ныне обстоятельств осложнения отношений в мировой экономике и политике разработка концепции и принципиальных основ механизмов регулирования научно-технического и научного сотрудничества выступает фундаментальной задачей юридической науки. В этом плане обращает на себя внимание ряд проблем обладающих объективной природой. В их числе факторы многогранности материальной основы связей в затронутой сфере, требующие междисциплинарного подхода (политологического, экономического, юридического — как общетеоретического, так и международно-правового) и учета опыта разработок с позиций научных знаний в различных областях. Однако узкопрофилированное видение проблем не снимает с повестки дня настоятельность правового осмысления общих алгоритмов хода экономического и научно-технологического сотрудничества государств в рамках БРИКС, отдельных деталей конкретных этапов и выявление качеств объединения с точки зрения не просто его эффективности, но именно особой его важности как стратегического партнерства. В чем же заключается указанное?

Как представляется, существо данного понятия во многом созвучно девизу, предпосланному году председательства РФ в БРИКС (2020), который отражал укрепление важнейших ценностей для альянса, артикулируемые всему миру: «*Партнерство БРИКС в интересах глобальной стабильности, общей безопасности и инновационного роста*»⁹. Стратегическое партнерство БРИКС для России воплощает внутренние и внешние импульсы и вызовы современного этапа политического, экономического, социального, культурного, международного и международно-правового развития страны и мира, является одним из средств решения возникающих проблем и действенным инструментом реализации государственных функций, прежде всего экономической и внешнеэкономической, а также социальной и др. в новых условиях многополярности мироустройства.

Научно-техническое сотрудничество и развитие связей в области передовых технологий и инноваций между странами БРИКС отвечает первостепенным национальным интересам России и других участвующих государств. Будучи сферой динамично развивающейся активности для всех сторон, оно одновременно представляет собой и растущую значимость как предмет правового воздействия. Принятые в последние годы документы позволяют прийти к выводу о том, что выявленным ориентиром становится разработка *системного характера* политико-нормативной основы сотрудничества в сфере науки, техники и инноваций. Так, указанная задача ставится в качестве принципиальной составляющей сотрудничества в рамках БРИКС в научно-технической сфере, устойчиво подчеркиваемой в последних документах саммитов БРИКС¹⁰. XI и XII саммиты «пятерки»

⁹ Из числа конкретных итогов председательства РФ в БРИКС нелишне упомянуть укрепление деятельности Нового банка развития (НБР) и открытие Евразийского регионального центра НБР в Москве; одобрение порядка 60 проектов на общую сумму свыше 20 млрд долларов США. На проекты по борьбе с пандемией и минимизации ее последствий выделено 4 млрд долларов США. Всего под эти цели зарезервировано 10 млрд долларов США. Важный результат российского председательства олицетворяет принятие обновленной Стратегии экономического партнерства БРИКС на период до 2025 г. Этот концептуальный документ определяет ориентиры и приоритеты пятистороннего сотрудничества.

¹⁰ В частности, на это указывается в Сямьской декларации от 4 сентября 2017 г., приложения к которой содержат достаточно красноречивый перечень мероприятий и актов: План действий по углублению промышленного сотрудничества стран БРИКС; План действий БРИКС по инновационному сотрудничеству

в свою очередь ставили главной задачей стабильность, экономический рост, инновационное будущее. В этой связи стоит заметить, что, пожалуй, противоборство известных моделей экономического роста: «смитианской», т. е. принадлежащей А. Смиуту, основанной на теориях эффективности разделения труда, углубления специализации, развития торговых связей, и концепции инновационных циклов, предложенной Й. Шумпетером, в которую заложена идея неуклонности и непрерывности технического прогресса, предусматривающего увеличение производительности и продуктивности труда, — в практике БРИКС вскрыло предпочтение в какой-то мере шумпетерианства. С учетом такого подхода акцент России и других стран объединения на НТИ оказался закономерным для целей обеспечения их поступательного развития. Таким образом, стратегическое партнерство Российской Федерации и БРИКС, с одной стороны, носит объективный характер, а с другой — представляет собой осознанный выбор, в котором особая роль отводится реализации *совместных научных проектов* БРИКС, направленных на повышение потенциала государств-участников в области НТИ и выступающих в качестве одного из элементов общих усилий по реагированию на вызовы глобального развития и таковые, обусловленные «Четвертой промышленной революцией».

В заключение отметим, что «стержень» стратегического партнерства в целом и конкретно в области торгово-экономического и научного, технологического (инновационного) взаимодействия РФ со странами БРИКС формируется за счет воздействия ряда значимых факторов, среди которых целесообразно указать на: 1) необходимость выработки совместной платформы на универсальных и региональных международных мероприятиях, особенно имеющих принципиальное влияние решение судьбоносных для мирового сообщества вопросов; 2) в условиях экономических санкций, адресованных России, потребности замещения западных контрагентов, выступивших инициаторами либо поддержавших односторонние принудительные меры, государствами-участниками альянса; 3) обоюдную заинтересованность в согласовании позиций по подготовке обеспечения большей результативности противодействия международным акциям, противоречащим принципам и нормам международного права, общим или отдельным национальным интересам какой-либо из сторон, участвующих в сотрудничестве.

Помимо этого, едва ли не самым крупным императивом в «стратегическом партнерстве» стран БРИКС, в том числе и для России, выступает всестороннее укрепление мультиполюсности в современном миропорядке, заинтересованность в мире и безопасности. Можно поддержать соображения, встречающиеся в современной литературе о том, что «в условиях ужесточения международных вызовов, требующих наших совместных усилий, страны БРИКС единодушно обозначили *свою приверженность формированию более честного, справедливого и представительного многополярного мирового³ порядка* в целях процветания всего человечества. Именно это устройство мирового сообщества позволит соблюдать всеобщий запрет на применение силы и исключительное использование односторонних принудительных мер», идущих вразрез с нормами Устава ООН¹¹.

на период 2017–2020 гг. и др. X саммит БРИКС (Йоханнесбург, 25–27 июля 2018 г.) стал определенной вехой в эволюции объединения, посвященной теме «БРИКС в Африке: Сотрудничество для достижения инклюзивного роста и всеобщего процветания в эпоху Четвертой промышленной революции». Акцентируя этот лейтмотив — указание на «Четвертую промышленную революцию», — саммит БРИКС наметил в числе главных направлений сотрудничества в области науки, техники, инноваций (НТИ) и предпринимательства *устойчивое развитие, укрепление инклюзивного роста, динамичность* развития науки, технологий и инноваций.

¹¹ Перская В. В., «Взаимодействие стран БРИКС — инициатива перехода к новому мировому порядку», *Большая Евразия, Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 1. Ч. 2* / ИНИОН РАН. Отд. науч. сотрудничества; отв. ред. В. И. Герасимов. Москва, 2018, с. 298.

Библиография

1. *Абдулов Р. А., Джабборов Д. Б., Комолов О. О., Маслов Г. А., Степанова Т. Д.* Деглобализация: кризис неолиберализма и движение к новому миропорядку // Рабкор.ру. Интернет-журнал [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rabkor.ru> (дата обращения: 07.10.2021).
2. *Горбачева В.* БРИКС: новый флагман глобализации // Российская газета, спецвыпуск № 296 (8054).
3. «Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с участием Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова в совещании министров иностранных дел стран БРИКС» от 3 сентября 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mid.ru/ru> (дата обращения: 03.09.2020).
4. *Клепацкий Л.* Деглобализация мировой системы // *Международная жизнь*. 2015. № 8. С. 25–45.
5. *Емельянов А. И.* Особенности развития БРИКС в начале XXI // *Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество*. Ежегодник. Вып. 1. Ч. 2 / ИНИОН РАН. Отд. науч. сотрудничества; отв. ред. В. И. Герасимов. М., 2018. С. 254–256.
6. *Петров А.* США используют торговые ограничения против России, Китая и Индии для раскола БРИКС // РИСИ. 10 мая 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://riss.ru/smi/50317/> (дата обращения: 04.10.2021).
7. *Перская В. В.* Взаимодействие стран БРИКС — инициатива перехода к новому мировому порядку // *Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество*. Ежегодник. Вып. 1. Ч. 2 / ИНИОН РАН. Отд. науч. сотрудничества; отв. ред. В. И. Герасимов. М., 2018. С. 298–301.

ИНТЕГРАЦИЯ ИНТЕГРАЦИЙ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

INTEGRATION INTEGRATIONS: LEGAL NATURE AND IMPLEMENTATION MECHANISMS

Аннотация: Доминантой в современном мире стало строительство трансрегиональных и трансконтинентальных политико-экономических объединений и блоков, получившее наименование интеграции интеграций. Государства отходят от привычной модели региональной и вертикальной интеграции, устанавливая связи с государствами или их союзами во всех частях света, а также стараясь постоянно расширять зону влияния своих интеграционных объединений. Существуют различные варианты установления расширенного экономического взаимодействия. Первый вариант — вовлечение третьих государств в деятельность уже существующих интеграционных союзов. Появляются такие формы привлечения сторонних участников, как «наблюдатели», «партнеры по диалогу», «ассоциированные члены» и др. Второй — установление различного рода партнерских отношений между интеграционными объединениями. Третий — создание новых интеграционных объединений с вовлечением в них более широкого круга участников. При этом формируются абсолютно новые конфигурации и разновидности кооперации, позволяющие включать в зону взаимодействия максимально широкое число заинтересованных партнеров. Интеграция интеграций уже стала преобладающим и одним из самых значительных векторов в выстраивании экономической политики государств на нашей планете и, надо полагать, будет оставаться таковой длительное время.

Ключевые слова: интеграция интеграций; глобализация; интеграционные объединения; трансконтинентальное сотрудничество; БРИКС+; Евразийский экономический союз; Большое евразийское партнерство.

Abstract: The dominant feature in the modern world has become the construction of trans-regional and transcontinental political and economic associations and blocs, which has received the name integration of integrations. States are moving away from the usual model of regional and vertical integration, establishing ties with States or their unions in all parts of the world, and also trying to constantly expand the zone of influence of their integration associations. There are various options for establishing expanded economic cooperation. The first option is to involve third states in the activities of already existing integration unions. There are such forms of attracting third-party participants as “observers”, “dialogue partners”, “associate members”, etc. The second is the establishment of various kinds of partnerships between integration associations. The third is the creation of new integration associations, with the involvement of a wider range of participants in them. At the same time, completely new configurations and varieties of cooperation are being formed, allowing the widest possible number of interested partners to be included in the interaction zone. Integration of integrations has already become the predominant and one of the most significant vectors in building the economic policy of states on our planet, and, presumably, will remain so for a long time.

Key words: Integration of integrations; globalization; integration associations; transcontinental cooperation; BRICS+; Eurasian Economic Union; Great Eurasian Partnership.

¹ Бахин Сергей Владимирович, Россия, доктор юридических наук, заведующий кафедрой международного права СПбГУ (m.zimina@spbu.ru).

На 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Президент России В. В. Путин подчеркнул необходимость «гармонизации региональных экономических проектов» и развития «интеграции интеграций, основанной на универсальных прозрачных принципах международной торговли»². Интеграционные процессы в современном мире имеют свою логику и подчинены объективным закономерностям, обусловленным постоянным развитием и усложнением экономических, торговых, производственных, финансовых, инвестиционных и сопряженных с ними взаимосвязей на мировой арене.

Ныне человечество столкнулось с двумя разнонаправленными, а порой и противоречивыми тенденциями: всеобщей глобализацией мирохозяйственных связей, с одной стороны, и выстраиванием региональных экономических группировок — с другой. Представляется, что всеобщая глобализация и обособление в рамках закрытых интеграционных группировок мало согласующиеся между собой векторы развития. Но современный мир не укладывается в линейные схемы, и могут сосуществовать разнонаправленные траектории движения. Очевидно, что глобальный мир как единая экономическая площадка плохо управляем, тем более если пытаться руководить им из единого координационного центра. Экономические условия мирового хозяйства столь многообразны, что выстроить единую схему управления им невозможно. Отмеченное справедливо для стабильного развития экономики, но кратно увеличивается в условиях кризисов. Нужно вспомнить, что эти кризисы следуют один за другим с вызывающей опасения регулярностью: миграционный кризис, Brexit, COVID-19, топливно-энергетический и экологический кризисы, коллапс в Суэцком канале и др. Сбой в политико-экономических отношениях даже в обособленном уголке земного шара с неизбежностью влечет за собой, как по цепочке, нарушение хозяйственных связей, срыв долгосрочных планов, необходимость корректировки стратегий развития, неисполнение обязательств и сбой в цепочках взаимосвязей между хозяйствующими субъектами. Чем сложнее система, а мировой рынок представляет собой сверхсложную суперсистему, тем проблематичнее ее работа без сбоя, противоречий и конфликтов.

Формирование различного рода интеграционных союзов и группировок началось во второй половине XX в. Первоначально они создавались между близкорасположенными государствами, поэтому данный процесс получил наименование регионализма. Суть его состояла в совместном отстаивании государствами своих политико-экономических интересов. Постепенно интеграционные объединения стали превращаться в значимых игроков на международной арене, оказывающих влияние на формирование правил и условий глобального экономического оборота.

С усилением глобализации стало очевидно, что замкнутые экономические группировки, ориентированные лишь на координацию внутреннего рынка, оказываются в проигрыше в условиях мирового разделения труда и свободных трансграничных потоков. Поэтому деятельность интеграционных объединений все больше стала переориентироваться на встраивание в общемировую экономику. Развитие современных средств коммуникации и транспорта подстегнуло этот процесс. На сегодняшний день действуют сотни интеграционных объединений, и конкуренция уже идет между ними. Поэтому доминантой экономического развития в современном мире стала интеграция интеграций — проведение политики, позволяющей включить в орбиту своих экономических связей максимально широкий круг потенциальных партнеров.

Формально Всемирная торговая организация (ВТО) обладает функциями надзора за созданием и функционированием зон свободной торговли, таможенных союзов и иных форм экономических объединений³. Фактически ныне формируется система мировых

² “70-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН. Владимир Путин принял участие в пленарном заседании юбилейной, 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке. 28 сентября 2015 г.”, *Президент России* [Электронный ресурс]. URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/50385> (дата обращения: 10.10.2021).

³ Анаит С. Смбатян, “ВТО и региональные интеграционные объединения: соотношение ‘правовых сил’ в урегулировании торговых споров”, *Российский внешнеэкономический вестник* 8, 2011, с. 74.

торгово-экономических связей, альтернативная ВТО. Причины подобного развития событий многообразны.

Во-первых, современным международным отношениям можно дать образное наименование — «эра глобальной конкуренции». В течение многих столетий на нашей планете шла и, видимо, всегда будет идти борьба за место под солнцем. Лидировать на международной арене, диктовать свои условия либо оказывать влияние на других участников мирового экономического процесса всегда было превалирующей тенденцией в политике мировых держав. Борьба за лидерство всегда имела вполне очевидную экономическую составляющую.

Однако ситуация, при которой экономический оборот сдерживается глобальной конкуренцией, запускающей механизмы торговых войн, экономических санкций, политико-экономического шантажа и диктата, ставит преграды на пути формирования экономически обоснованных потоков движения товаров, финансов, инвестиций, трудовых ресурсов и факторов производства. Это нарушает объективные экономические потребности и запросы бизнеса, сдерживает развитие взаимовыгодных связей хозяйствующих субъектов.

Во-вторых, многие из глобальных кризисов, возникающих на нашей планете, буквально перекраивают карту приложения экономических интересов и расстановку сил на экономической арене. Многие из них, если и не являются рукотворными, то, по крайней мере, удачно используются в конкурентной борьбе. Сложно поверить в то, что миграционный кризис — стихийное явление и что огромные массы народа вдруг стихийно двинулись в одном направлении. Далеко идущие последствия будет иметь и Brexit, фактически запустивший процесс дезинтеграции единой Европы. Но самый наглядный урок преподнесла нам пандемия COVID-19, показавшая, что человечество абсолютно не готово к глобальным кризисам. Вместо скоординированных совместных действий государства стали действовать врозь, по принципу «своя рубашка ближе к телу». COVID-19 еще приведет не только к серьезной переориентации в хозяйственной политике, но и к изменениям в расстановке сил на мировой арене.

Во-третьих, на современном этапе государства стали все чаще открыто вмешиваться в торгово-экономические отношения на уровне хозяйствующих субъектов. Такие действия, хотя и обосновываются политико-идеологическими соображениями, имеют вполне очевидную экономическую подоплеку. В этом ряду односторонние принудительные экономические меры (абсолютно необоснованно именуемые санкциями), шантаж, давление и прямые угрозы. Как правило, такие меры принимаются в чувствительных для государств секторах экономики. Опасения вызывает и то, что эти меры включены в арсенал не только государств, но их союзов, скажем ЕС. С точки зрения действующего международного права подобные действия носят противоправный характер.

Противостоять описанным выше тенденциям можно лишь сообща, а это порождает новый формат интеграции, формирующий причудливые и беспрецедентные конфигурации интеграционного взаимодействия. Интеграционные объединения налаживают особые связи с государствами-контрагентами, расположенными на других континентах, образуя новые блоки, или устанавливают партнерские отношения между интеграционными союзами. В этих условиях фактически уже ни одно государство не мыслит себя вне блоково-интеграционной системы. Весь вопрос в следующем: с кем и на каких условиях устанавливаются кооперационные взаимосвязи.

Одним из первых трансконтинентальных соглашений такого рода стало объединение КОРЕС ЗСТ — зона свободной торговли между ЕС и Южной Кореей. Вслед за этим последовало соглашение о создании первой в истории Южной Америки трансконтинентальной зоны свободной торговли между МЕРКОСУР и ЕС. Трансконтинентальным интеграционным блоком стал БРИКС — объединение Бразилии, России, Индии, КНР и ЮАР.

В дальнейшем межконтинентальную кооперацию уже начали планировать через мега-объединения. Со стороны ЕС поступило предложение о создании «Единой Европы от Атлантики до Урала», со стороны США — «Америки от Аляски до Огненной земли», со

стороны Китая — «Экономического пояса Шелкового пути». Попытки выстраивания новых конфигураций в кооперации государств нередко не выходят из стадии проектов. Так, продвигаемое США создание Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП) — зоны свободной торговли между ЕС и США — ныне заморожено из-за отсутствия согласия между контрагентами по ключевым вопросам. Иначе сложилась ситуация с созданием Транстихоокеанского партнерства (ТТП). Несмотря на то, что США вышли из этого объединения, 11 стран Азиатско-Тихоокеанского региона, тем не менее, сохранили союз, приняв «Всестороннее последующее соглашение о Транстихоокеанском партнерстве» (ТТП-11).

Пространные планы расширения трансконтинентальной интеграции развивают Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и БРИКС. Фактически речь идет о расширении зоны влияния и интеграционных связей этих союзов. ЕАЭС продвигает проект «Большого Евразийского партнерства», а БРИКС строительство БРИКС+ (и даже БРИКС++).

Каждое экономическое объединение действует в рамках совокупных политико-экономических интересов его членов, и эти интересы могут лежать далеко за рамками региона, а порой и в другой части света. Выстраивание разновекторных интеграционных связей, вовлечение в интеграцию значительного числа партнеров из других регионов получило в науке наименование интеграции интеграций. До настоящего времени не выработано четкого определения содержания данного термина. В самом общем виде интеграцией интеграций можно считать отход от вертикальной модели интеграции, вовлечение в деятельность интеграционных объединений третьих государств, выстраивание экономико-политических связей между блоками, формирование партнерского диалога с государствами, формально не входящими в соответствующее интеграционное объединение.

Характерными чертами интеграции интеграций являются: во-первых, многообразие моделей, по которым строятся экономические связи; во-вторых, отход от регионализма, как основы интеграции, поиск заинтересованных партнеров в эффективно развивающихся регионах мира; в-третьих, реализация интеграционных проектов в рамках новых групп стран, ранее остававшихся на периферии экономических интересов крупных игроков (включение в зону влияния развивающихся стран).

Естественно, возникает вопрос: каковы институционные и правовые механизмы интеграции интеграций? На сегодняшний день задействованы три основных варианта. Первый — вовлечение третьих государств в деятельность существующих интеграционных союзов. Появляются такие формы привлечения сторонних участников, как «наблюдатели», «партнеры по диалогу», «ассоциированные члены» и др. Второй — установление партнерских отношений между интеграционными объединениями. Третий — создание новых интеграционных объединений с вовлечением в них более широкого круга участников.

Рассмотрим это на примере БРИКС и ЕАЭС. В рамках этих объединений реализуются два разных варианта интеграции интеграций. В БРИКС планы интеграции интеграций носят амбициозный характер, но осуществляются с большой осторожностью. Фактически за рамки долгосрочного планирования работа пока не вышла. В ЕАЭС, напротив, многовекторное сотрудничество реализуется с завидной интенсивностью и размахом.

БРИКС. На саммите БРИКС в 2017 г. Китай выдвинул концепцию формирования БРИКС+, призванную содействовать более тесному партнерству внутри группы развивающихся стран. Предложение было закреплено в итоговой декларации, однако механизм его реализации определен не был. Считается, что добиться гармонизации региональных торговых соглашений (РТС) в рамках ВТО в отсутствие прогресса Дохийского раунда переговоров практически невозможно. Вопрос гармонизации РТС с глобального уровня переносится на трансрегиональный⁴.

⁴ Екатерина Я. Арапова, «“Интеграция интеграций” и перспективы БРИКС+», *Мировая экономика и международные отношения* 63:4, 2019.

Предлагалось два пути строительства БРИКС+: 1) расширить состав БРИКС, включив в него новых членов; 2) сформировать двухуровневую систему взаимодействия — в рамках пяти нынешних участников, с одной стороны, и в расширенном составе с привлечением третьих стран — с другой. Предложен и иной вариант: формировать БРИКС+ как платформу для создания сети экономических союзов на базе уже существующих интеграционных объединений, лидерами в которых являются нынешние члены БРИКС. Уникальность БРИКС заключается в том, что каждая из стран — участниц уже играет ведущую роль в своей зоне влияния в рамках действующих соглашений о региональной интеграции: Россия — в ЕАЭС, Бразилия — в МЕРКОСУР, Южная Африка — в Сообществе развития Юга Африки (SADC) и Южноафриканском таможенном союзе (SACU), Индия — в Южно-Азиатской ассоциации регионального сотрудничества (SAARC) и Южно-Азиатской зоне свободной торговли, и Китай — в АСЕАН⁵.

Какие вопросы должны стать объектом регулирования в рамках БРИКС+? Наряду внешнеторговым регулированием важное место в трансрегиональной повестке расширенного БРИКС+ отводится финансовому сотрудничеству. Страны БРИКС заинтересованы в создании единого информационного пространства электронной коммерции.

Однако главное состоит в том, что концепция трансрегионального формата БРИКС+ предусматривает возможность ее расширения в будущем до конфигурации БРИКС++. Для этого предлагается задействовать те экономические союзы, которые могут быть созданы в дальнейшем интеграционными объединениями (или их членами) из состава БРИКС+. Пока в строительство БРИКС+ и БРИКС++ предполагается вовлекать только развивающиеся государства, однако данный подход может быть в любой момент скорректирован.

В 2020 г. лидерами БРИКС была согласована «Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 года». Пересмотр данной стратегии предполагается осуществлять раз в пять лет. Характерно, что в ней никак не оговариваются, даже в общих чертах, механизмы строительства БРИКС+ (и уж тем более БРИКС++). Из этого мы можем сделать вывод, что окончательного согласия относительно формата БРИКС+ и БРИКС++ пока не достигнуто. Однако это вовсе не означает, что в недрах БРИКС не формируется планов расширения влияния этой организации. Просто члены БРИКС проявляют вполне объяснимую осторожность, дабы впоследствии замыслы не пришлось пересматривать.

Евразийский экономический союз. Планы расширения евразийской интеграции, в отличие от перспективных планов БРИКС, очерчены вполне определенно. Подобно БРИКС в ЕАЭС приняты «Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» (далее — Стратегия-2025). В документе определены векторы развития евразийской интеграции и раскрыты конкретные механизмы ее реализации. Тем самым очерчены институционные и организационно-правовые контуры формирования «Большого евразийского партнерства». Впервые в систему стратегического планирования развития ЕАЭС в качестве составного элемента включена международная деятельность. Раздел «Международная повестка — 2025» хотя и имеет короткий горизонт планирования, вполне конкретен в плане постулируемых целей, формирующих фундамент для Большого евразийского партнерства (БЕП).

В документе согласована география многоформатного партнерства через указание направлений, в которых планируется движение экономической экспансии ЕАЭС. Приоритет, что вполне очевидно, отдан сотрудничеству в рамках СНГ. Вместе с тем обозначены зоны для выхода на межконтинентальный вектор — Европа (ЕС и страны региона), Азия (ШОС, АСЕАН, КНР, Индия и другие страны региона), Африка (Африканский союз и страны региона), Латинская Америка (МЕРКОСУР, Тихоокеанский альянс, Андское сообщество наций и страны региона), другие объединения Латинской и Центральной Америки, Азии, Африки и Ближнего Востока. Обратим внимание на то, что в качестве приоритетных целей обозначаются как регионы, так и конкретные государства,

⁵ Ibid, с. 6.

специально поименованы интеграционные объединения, с которыми планируется налаживать диалог.

Приоритетом для строительства БЭП остается экономическое сотрудничество, в первую очередь через создание благоприятной правовой среды для выхода на внешние рынки. Запланирована имплементация уже заключенных торговых соглашений с третьими странами (Вьетнам, КНР, Сингапур, Сербия, Иран) и заключение новых торговых соглашений с третьими странами и региональными объединениями (Египет, Израиль, Индия и др.). Выход на внешние рынки мыслится через унификацию торговых режимов и формирование инструментов совместной поддержки экспорта.

В Стратегии-2025 запланированы конкретные инструменты и механизмы многоформатного международного сотрудничества: предусмотрена реализация меморандумов о сотрудничестве, в том числе интенсификация диалога с бизнес-сообществом третьих стран; скоординированная работа по вопросам сопряжения интеграционных процессов на евразийском пространстве; обеспечение представительства ЕАЭС в региональных экономических комиссиях и организациях системы ООН и их рабочих органах; развитие сотрудничества с ключевыми профильными международными организациями. Таким образом, в краткосрочной перспективе намечен круг вполне конкретных мер по расширению сферы влияния ЕАЭС.

Заметим, однако, что в документе не поименованы конкретные региональные объединения, с которыми возможно заключение соглашений о координации. Надо полагать, что это неслучайно: в условиях реформирования глобальных мирохозяйственных связей ЕАЭС остается открытым для любых взаимовыгодных конфигураций. Чем успешнее будет проходить интеграционное строительство в рамках ЕАЭС, тем более привлекательным Союз будет для потенциальных контрагентов.

Особо следует отметить, что в Стратегии-2025 нашли отражение специальные положения относительно международной конкуренции. С учетом того, что было отмечено нами выше относительно эры глобальной конкуренции, эта новация представляется нам весьма показательной. В Стратегии-2025 прямо запланировано совершенствование конкурентного права ЕАЭС на основе применения лучших существующих мировых практик. Помимо этого, предусмотрено, что страны ЕАЭС будут действовать совместно в отношении пресечения нарушений общих правил конкуренции на трансграничных рынках, а также предпримут усилия для формирования благоприятной конкурентной среды и выработки проконкурентного сознания бизнеса.

В результате проводимой ЕАЭС работы фактически складывается то, что может быть поименовано как интеграция интеграций. На данный момент ЕАЭС заключено четыре соглашения о создании зон свободной торговли (Вьетнам, Иран, Сингапур, Сербия) и шесть соглашений находятся на стадии переговоров (Египет, Израиль, Индия, Китай, Монголия, Таиланд). Одновременно 11 стран выразили интерес в заключении таких соглашений (Венгрия, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Пакистан, Перу, Республика Корея, Сирия, Тунис, Чили, Япония). По мнению экспертов, возможно присоединение ЕАЭС к Всестороннему региональному экономическому партнерству (зона свободной торговли между АСЕАН и пятью государствами, у которых подписаны с АСЕАН соглашения о свободной торговле), а также создание форума ЕАСЭ — ЕС.

В ближайшее время мы, несомненно, станем свидетелями стремительного развития интеграции интеграций. Важно подчеркнуть, что этот процесс не облечен в какие-то статичные правовые и организационные рамки, всякий раз он подчинен логике экономико-стратегических интересов участников, которые и определяют формат взаимодействия. Перспективное планирование расширенной интеграции чаще всего носит вероятностный характер, а согласованные варианты сотрудничества оформляются при помощи классических международных соглашений. Очевидно, что вырабатываемые на практике формы и методы интеграции нуждаются в углубленном научном осмыслении, и оно неизбежно последует. Но нужно понимать и другое: ныне мы наблюдаем лишь начальные этапы развития одного из самых существенных факторов мировых политико-

экономических процессов — интеграции интеграций. Детальное изучение механизмов этого процесса позволит сформировать картину будущего мироустройства.

Библиография

1. *Смбатян А. С.* ВТО и региональные интеграционные объединения: соотношение «правовых сил» в урегулирования торговых споров // Российский внешнеэкономический вестник. 2011. № 8. С. 74–82.
2. *Арапова Е. Я.* «Интеграция интеграций» и перспективы БРИКС+ // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 4. С. 5–13.

A. С. Игнатьев¹

О ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЙ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ И В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

ON THE DOMESTIC IMPLEMENTATION OF INTERNATIONAL TREATIES IN THE EURASIAN SPACE AND IN LATIN AMERICA

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению проблематики внутригосударственной имплементации международных договоров на примере регулирования в государствах, находящихся на евразийском пространстве (Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия, Узбекистан) и в Латинской Америке (Аргентина, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Колумбия, Куба, Парагвай, Перу, Уругвай, Чили, Эквадор). Положения национальных конституций и законов позволяют сделать вывод, что возможность прямого действия международных договоров, непосредственного применения их норм к отношениям с участием физических и юридических лиц допускается в подавляющем большинстве указанных государств. Включение международных договоров в число внутригосударственных регуляторов ставит вопросы о соотношении их с конституцией, законами и иными правовыми актами. По общему правилу, эти вопросы разрешаются на основании принципов верховенства конституции, приоритета ратифицированных международных договоров перед национальными законами, взаимосвязанной интерпретации данных источников права. Результаты проведенного анализа соответствуют теоретическому отражению реальной действительности, которое предлагается дуалистической доктриной соотношения международного и внутригосударственного права.

Ключевые слова: соотношение международного и национального права; дуализм; монизм; имплементация; инкорпорация; трансформация; прямое действие международного права; непосредственное применение; верховенство конституции; ратификация; приоритет международных договоров; правовая система; внутригосударственные правовые регуляторы.

Abstract: The article is devoted to the consideration of the problems of domestic implementation of international treaties on the example of regulation in the states located on the Eurasian territory (Armenia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Russia, Uzbekistan) and in Latin America (Argentina, Bolivia, Brazil, Venezuela, Colombia, Cuba, Paraguay, Peru, Uruguay, Chile, Ecuador). The provisions of national constitutions and laws allow us to conclude that the possibility of direct application (effect) of international treaties, the direct applicability of their norms to relations involving individuals and organizations is allowed in most of these states. The incorporation of international treaties among domestic regulators (regulatory acts) raises questions about their relationship with the constitution, laws and other legal acts. As a general rule, these issues are resolved on the basis of the principles of the supremacy of the constitution, the priority of ratified international treaties over national laws, and the interrelated interpretation of these sources of law. The results of the analysis correspond to the theoretical reflection of reality, which is proposed by the dualistic doctrine of the correlation of international and domestic law.

Key words: correlation of international and national law; the theory of dualism; the theory of monism; implementation; incorporation; transformation; direct application (effect) of international

¹ **Игнатьев Александр Сергеевич**, Россия, кандидат юридических наук, кафедра международного права СПбГУ (ignatiev_as@mail.ru).

law; direct applicability; the supremacy of the constitution; ratification; priority of international treaties; legal system; domestic legal regulators.

Проблематика внутригосударственной имплементации международного права (далее — МП), особенно международных договоров, всегда являлась одной из центральных в парадигмальном противостоянии сторонников монистического и дуалистического подходов к соотношению МП и национального права.

К сожалению, соответствующие научные диспуты нередко превращаются в схоластическое теоретизирование. Для того, чтобы этого избежать, выдвигаемые аргументы и выводы должны подтверждаться примерами из практики. В этом смысле в качестве интересного иллюстративного материала может быть использован опыт правового регулирования государств, находящихся на евразийском пространстве и в Латинской Америке.

Одним из ключевых вопросов внутригосударственной имплементации международных договоров является вопрос об их прямом действии — о принципиальной возможности/невозможности регулирования отношений с участием физических и юридических лиц положениями договоров без их трансформации (преобразования) во внутригосударственные нормы.

Обратившись к практике, можно установить следующее. В ст. 31 Конституции Аргентины², п. 1 ст. 257 Конституции Боливии³, п. 1 ст. 4 Конституции Казахстана⁴, абз. 1 ст. 137 и в ст. 141 Конституции Парагвая⁵, ст. 55 Конституции Перу⁶ предусмотрено, что международные договоры (их нормы) входят в состав права (образуют правопорядок) страны. В Конституции Боливии при этом оговорено, что ратифицированные международные договоры имеют силу закона.

Согласно абз. 1 ч. 3 ст. 6 Конституции Кыргызстана 2021 г.⁷, ч. 4 ст. 15 Конституции России, ч. 2 ст. 3 Закона Армении № ЗР-213 «О международных договорах»⁸ от 29.03.2018 г., Закона Узбекистана № ЗРУ-518 «О международных договорах Республики Узбекистан»⁹ от 06.02.2019 г., международные договоры являются составной частью национальной правовой системы.

При всей нормативно-правовой неопределенности термина «правовая система», на что обращалось внимание в юридической литературе, едва ли данные положения могут толковаться иначе, чем как вводящие международные договоры в число регуляторов внутригосударственных отношений.

В абз. 1 ст. 425 Конституции Эквадора¹⁰ международные договоры включены в перечень нормативных правовых актов, наряду с законами и подзаконными актами.

² “Argentina’s Constitution of 1853, Reinstated in 1983, with Amendments through 1994” [Электронный ресурс]. URL: https://constituteproject.org/constitution/Argentina_1994.pdf?lang=en (дата обращения здесь и далее: 03.10.2021).

³ “Bolivia (Plurinational State of)’s Constitution of 2009” [Электронный ресурс]. URL: https://constituteproject.org/constitution/Bolivia_2009.pdf?lang=en.

⁴ “Конституция Республики Казахстан”, Эталонный контрольный банк нормативных правовых актов Республики Казахстан в электронном виде [Электронный ресурс]. URL: <http://law.gov.kz/client/#!/doc/1/rus>.

⁵ “Paraguay’s Constitution of 1992 with Amendments through 2011” [Электронный ресурс]. URL: https://constituteproject.org/constitution/Paraguay_2011.pdf?lang=en.

⁶ “Peru’s Constitution of 1993 with Amendments through 2009” [Электронный ресурс]. URL: https://constituteproject.org/constitution/Peru_2009.pdf?lang=en.

⁷ “Конституция Кыргызской Республики”, *Министерство юстиции Кыргызской Республики* [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112213?cl=ru-ru>.

⁸ “Закон Республики Армения” [Электронный ресурс]. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=6291&lang=rus>.

⁹ “Закон Республики Узбекистан ‘О международных договорах Республики Узбекистан’”, *Lexuz Online* [Электронный ресурс]. URL: <https://lex.uz/docs/4193763>.

¹⁰ “Ecuador’s Constitution of 2008 with Amendments through 2015” [Электронный ресурс]. URL: https://constituteproject.org/constitution/Ecuador_2015.pdf?lang=en.

В силу ст. 8 Конституции Кубы¹¹ положения международных договоров составляют часть национальных правовых предписаний.

На основании абз. 4 ст. 53 Конституции Колумбии¹² надлежащим образом ратифицированные международные соглашения в сфере труда являются частью законодательства этого государства.

В абз. 1 п. 4 ст. 2 Гражданского кодекса Кыргызстана¹³ международные договоры включены в состав гражданского законодательства.

Внутригосударственные правила о непосредственном применении норм международных договоров также указывают на прямое действие последних.

Так, в п. 3 ст. 109 Конституции Бразилии¹⁴ установлено, что к компетенции федеральных судей относится рассмотрение дел, вытекающих из международных договоров, а в пп. «а» п. 3 ст. 105 в качестве одного из полномочий Высшего трибунала правосудия значится пересмотр решений нижестоящих судов, когда обжалуемый судебный акт противоречит договору либо отрицает его действительность.

В ст. 23 Конституции Венесуэлы¹⁵ и абз. 2 ст. 426 Конституции Эквадора предусмотрено, что международные договоры, касающиеся прав человека, должны непосредственно применяться судами и другими органами публичной власти.

В ч. 2 ст. 36 Закона Беларуси № 421-З «О международных договорах Республики Беларусь»¹⁶ от 23.07.2008 г., п. 2 ст. 6 Закона Казахстана № 480-V ЗРК «О правовых актах»¹⁷ от 06.04.2016 г., п. 3 ст. 5 Федерального закона России № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» от 15.07.1995 г., а также в п. 1 ст. 6 Гражданского кодекса Армении¹⁸ предусмотрено, что международные договоры (их нормы) подлежат непосредственному применению, за исключением случаев, когда для этого требуется принятие внутригосударственного акта.

Оставляя за скобками вопросы о соотношении понятий «право» и «правовая система» и о корректности некоторых формулировок (в частности, о включении международных договоров в состав национального законодательства), можно констатировать, что многие государства, находящиеся на евразийском пространстве и в Латинской Америке, допускают прямое действие международных договоров, санкционируя непосредственное применение их положений к отношениям с участием физических и юридических лиц.

Вместе с тем, подобный подход не является единственно возможным. Скажем, в конституциях Уругвая¹⁹ и Чили²⁰ аналогичные нормы отсутствуют.

В абз. 1 п. 1 ст. 239 Конституции Уругвая к компетенции Верховного суда правосудия отнесено рассмотрение вопросов, связанных с международными договорами. Однако это

¹¹ “Gaceta Oficial de la República de Cuba. No. 5. La Habana, miércoles 10 de abril de 2019” [Электронный ресурс]. URL: <http://media.cubadebate.cu/wp-content/uploads/2019/04/Constitución-de-la-República-de-Cuba.pdf>; “Cuba’s Constitution of 2019” [Электронный ресурс]. URL: https://constituteproject.org/constitution/Cuba_2019.pdf?lang=en.

¹² “Colombia’s Constitution of 1991 with Amendments through 2015” [Электронный ресурс]. URL: https://constituteproject.org/constitution/Colombia_2015.pdf?lang=en.

¹³ “Гражданский Кодекс Кыргызской Республики № 15 Часть I, от 08.05.1996”, *Министерство юстиции Кыргызской Республики* [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/4/660?cl=ru-ru>.

¹⁴ “Brazil’s Constitution of 1988 with Amendments through 2017” [Электронный ресурс]. URL: https://constituteproject.org/constitution/Brazil_2017.pdf?lang=en.

¹⁵ “Venezuela (Bolivarian Republic of)’s Constitution of 1999 with Amendments through 2009” [Электронный ресурс]. URL: https://constituteproject.org/constitution/Venezuela_2009.pdf?lang=en.

¹⁶ “Закон Республики Беларусь № 421-З от 23.07.2008”, *Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь* [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10800421>.

¹⁷ “О правовых актах”, *Эталонный контрольный банк нормативных правовых актов Республики Казахстан в электронном виде* [Электронный ресурс]. URL: <http://law.gov.kz/client/#!/doc/100890/rus>.

¹⁸ “Гражданский Кодекс Республики Армения” [Электронный ресурс]. URL: http://www.parliament.am/law_docs/050598HO239rus.html#G1.

¹⁹ “Uruguay’s Constitution of 1966, Reinstated in 1985, with Amendments through 2004” [Электронный ресурс]. URL: https://constituteproject.org/constitution/Uruguay_2004.pdf?lang=en.

²⁰ “Chile’s Constitution of 1980 with Amendments through 2021” [Электронный ресурс]. URL: https://constituteproject.org/constitution/Chile_2021.pdf?lang=en.

правило имеет весьма неопределенный характер, и едва ли в нем можно видеть аргумент в поддержку гипотезы о прямом действии международных договоров в данной стране.

Безусловно, нормативно-правовое включение международных договоров в число регуляторов внутригосударственных отношений в первую очередь зависит от национальных правовых доктрин и традиций. Но как это можно объяснить на теоретическом уровне, оставаясь при этом на дуалистических позициях?

На наш взгляд, нормы международного договора можно понимать не только как логические нормы (регулирующие отношения государств и иных традиционных субъектов МП), но и как нормы-предписания, санкционирование которых государством для непосредственного применения к отношениям с участием физических и юридических лиц представляется вполне допустимым с точки зрения юридической техники и не противоречащим постулатам дуалистической парадигмы.

Таким образом, инкорпорация как способ внутригосударственной имплементации МП, предполагающий включение международных договоров в состав внутригосударственных правовых регуляторов без необходимости трансформации (преобразования) положений договоров в нормы национального права, согласуется с теоретическими постулатами как монизма, так и дуализма.

Другим важнейшим вопросом внутригосударственной имплементации международных договоров является вопрос об их месте и роли в национальной правовой системе.

Для иллюстрации соотношения международных договоров с источниками внутригосударственного права следует вновь обратиться к практике.

Наряду с провозглашением верховенства конституции, во многих государствах предусмотрена возможность проверки конституционности не вступивших в силу международных договоров (см. п. 3 ст. 168 Конституции Армении²¹, абз. 2 ч. 4 ст. 116 Конституции Беларуси²², пп. 9 ст. 202 Конституции Боливии, пп. «b» п. 3 ст. 102 Конституции Бразилии, п. 5 ст. 336 Конституции Венесуэлы, пп. 3 п. 1 ст. 72 Конституции Казахстана, абз. 1 и п. 10 ст. 241 Конституции Колумбии, п. 3 ч. 2 ст. 97 Конституции Кыргызстана 2021 г., пп. «г» ч. 2 ст. 125 Конституции России, п. 1, 2 ст. 109 Конституции Узбекистана²³, п. 1, 3 ст. 93 Конституции Чили). Следствием этого обычно является указание, что международные договоры, признанные не соответствующими конституции, не подлежат ратификации, введению в действие (см., например, ч. 3 ст. 116 Конституции Армении, п. 1 ст. 74 Конституции Казахстана, ч. 6 ст. 125 Конституции России).

Кроме того, в ст. 21 Закона Кыргызстана № 64 «О международных договорах Кыргызской Республики»²⁴ от 24.04.2014 г. и в ст. 22 Федерального закона России «О международных договорах Российской Федерации» установлено, что, если международный договор содержит правила, требующие изменения отдельных положений Конституции, решение о его обязательности для страны может быть принято только после внесения поправок в Конституцию.

В то же время здесь возможен и другой подход. Скажем, в ч. 2 ст. 57 Конституции Перу зафиксировано, что если договор затрагивает конституционные положения, то до ратификации Президентом он должен быть утвержден в той же процедуре, которая установлена для изменения Конституции.

²¹ «Конституция Республики Армения с изменениями», *Национальное собрание Республики Армения* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.parliament.am/parliament.php?id=constitution&lang=rus>.

²² «Конституция Республики Беларусь», *Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь* [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/>.

²³ «Конституция Республики Узбекистан», *Lexuz Online* [Электронный ресурс]. URL: <https://lex.uz/docs/35869>.

²⁴ «Закон Кыргызской Республики ‘О международных договорах Кыргызской Республики’ № 64 от 24.04.2014», *Министерство юстиции Кыргызской Республики* [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/205286/30?mode=tekst>.

В ряде государств нормы международных договоров о правах человека прямо или косвенно возводятся на уровень конституции (см. абз. 2, 3 п. 22 ст. 75 Конституции Аргентины, ст. 256 и п. 2 ст. 410 Конституции Боливии, § 3 п. 78 ст. 5 Конституции Бразилии, ст. 23 Конституции Венесуэлы, ст. 55 Конституции Кыргызстана 2021 г., ст. 417 и абз. 2 ст. 424 Конституции Эквадора). Более того, в силу п. 1 ст. 256 Конституции Боливии положениям договоров в случаях, когда они рассматриваются как более благоприятные для индивидов, может даже отдаваться приоритет перед конституционными предписаниями.

Согласно абз. 2 п. 22 ст. 75 Конституции Аргентины и ст. 142 Конституции Парагвая международные договоры, касающиеся прав человека, могут быть денонсированы только в соответствии с процедурами, регулирующими внесение поправок в конституцию.

В п. 4 ст. 13, п. 2 ст. 256 Конституции Боливии, абз. 2 ст. 93 Конституции Колумбии, а также в четвертом заключительном и переходном положении Конституции Перу установлено, что конституционные нормы о правах, свободах и обязанностях должны толковаться в соответствии с ратифицированными международными договорами по правам человека.

Можно отметить, что норма предложения второго ст. 79 Конституции России ориентирует на то, что международные договоры не могут интерпретироваться вопреки Конституции.

Приведенные примеры позволяют заключить, что международные договоры могут действовать во внутрисударственной сфере лишь в тех рамках, которые заданы конституцией, и не должны ей противоречить.

Что же касается положений договоров, закрепляющих права и свободы человека, то они могут обрести конституционную силу и даже подлежать приоритетному применению как более благоприятные для индивидов, но это возможно только тогда, когда прямо допускается конституцией. При этом важно иметь в виду, что толкование указанных актов должно быть взаимосвязанным.

Соотношение международных договоров с иными источниками национального права, ниже уровня конституции, нередко зависит от того, участвовал ли в процедуре принятия решения об обязательности договора для государства парламент страны²⁵ или нет.

Так, приоритет ратифицированных международных договоров перед законами установлен в абз. 1 п. 22, абз. 1 п. 24 ст. 75 Конституции Аргентины, ч. 3 ст. 5 Конституции Армении, абз. 2 ч. 4 ст. 116 Конституции Беларуси, ст. 23 Конституции Венесуэлы, п. 3 ст. 4 Конституции Казахстана, абз. 1 ст. 93 Конституции Колумбии, абз. 1 ст. 137 Конституции Парагвая, а также во взаимосвязанных положениях п. 14 ч. 1 ст. 11, ст. 20, 31 и 32 Закона Кыргызстана «О международных договорах Кыргызской Республики», ч. 3 ст. 2 и абз. 6 ч. 2 ст. 18 Закона Узбекистана «О международных договорах Республики Узбекистан».

В ч. 4 ст. 15 Конституции России и п. 2 ст. 5 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» нет «ратификационной оговорки», однако практика пошла по пути признания преимущества перед законами только международного договора, согласие на обязательность которого было выражено в форме федерального закона (см. п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» от 10.10.2003 г. (далее — Постановление Пленума ВС РФ 2003 г.)).

В п. 2 ст. 410 Конституции Боливии и абз. 1 ст. 425 Конституции Эквадора установлены иерархии правовых актов, в которых договорам отведено более высокое место, чем внутрисударственным законам.

Проблема соотношения международных договоров и законодательства в ряде государств осложняется тем, что в них есть и конституционные законы, а в некоторых

²⁵ Далее под ратифицированным международным договором будет пониматься договор, согласие на обязательность которого было дано национальным парламентом (путем и ратификации (одобрения), и присоединения, и даже утверждения/принятия).

(Казахстан, Кыргызстан) имеются еще кодексы и консолидированные законы, обладающие преимуществом перед обычными законами.

Так, в абз. 1 ст. 425 Конституции Эквадора международные договоры поставлены иерархически выше, чем конституционные законы. В п. 2 четвертого переходного положения Конституции Венесуэлы, указано, что органический закон о беженцах и гарантиях убежища должен соответствовать ратифицированным международным договорам, и получается, что последние имеют приоритет перед конституционными законами страны.

В других государствах, в том числе в России, проблема соотношения международных договоров и конституционных законов (а в Казахстане и Кыргызстане — кодексов, консолидированных законов) однозначно не решена.

Делая выбор, какому из указанных источников отдать предпочтение в случае обнаружения коллизии между ними, правоприменитель, скорее всего, будет ориентироваться на формальные моменты — статус законодательного акта и особенности порядка его принятия, изменения и отмены по сравнению с актом, которым государство одобрило международный договор.

Что касается международных договоров, согласие на обязательность которых было дано не в форме национального закона, то, скажем, в России на этот счет сформировалась устойчивая практика: как следует из п. 8 Постановления Пленума ВС РФ 2003 г., такие договоры должны иметь приоритет только перед правовыми актами того государственного органа или должностного лица (а также всех нижестоящих по отношению к нему), который санкционировал обязательность международного договора. Такого же подхода придерживаются как минимум Беларусь и Казахстан.

Приведенные примеры позволяют заключить, что после инкорпорации в национальную правовую систему международные договоры рассматриваются как находящиеся в одной плоскости с внутригосударственными источниками права: их положения могут находиться в противоречии, а конфликт будет разрешаться в первую очередь на основании иерархии актов.

Даже если нельзя сделать вывод, что инкорпорированные международные договоры входят в национальное право, становятся его источниками (на этот счет в доктрине существуют разные мнения), то, по крайней мере, они точно относятся к действующему в государстве праву, что, на наш взгляд, серьезно отличает их от положений иностранного права, которые могут применяться, иметь правовой эффект только в силу отсылки к ним коллизионных норм.

Включенный в национальную правовую систему международный договор начинает тесно взаимодействовать с иными ее элементами не только при правореализации, в том числе правоприменении, но и при правотворчестве и интерпретации правовых норм и оценке юридически значимых обстоятельств. И в этом смысле он почти не отличается от внутригосударственных источников.

Однако даже в случае инкорпорации международный договор остается частью МП: он должен добросовестно выполняться, а его положения должны толковаться именно как нормы МП.

Резюмируя изложенное, можно сказать, что приведенные выше иллюстрации, по нашему мнению, отнюдь не свидетельствуют о торжестве монизма. Внутригосударственное действие международных договоров возможно только с санкции государства и осуществляется лишь в определенных его правом (прежде всего конституцией) пределах. И доктринальные разработки дуализма, имея в виду направление «сдержанного» дуализма, все же гораздо ближе к адекватному теоретическому отражению реальной действительности.

И. И. Карандашов¹

БРИКС И РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

BRICS AND THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL LAW

Аннотация: Международные организации играют значительную роль в процессе создания международного права. Они проводят исследования в области международного права, готовят тексты договоров, организуют международные конференции, на которых эти тексты принимаются в качестве договоров. Они также влияют на то, как мы понимаем международное право, путем принятия рекомендаций, комментариев, составления пояснительных записок и т. д., которые заключают в себе толкование международных правовых норм. В этом отношении роль межгосударственных неформальных объединений (БРИКС, Арктический совет и подобных им) является менее заметной. Тем не менее влияние БРИКС на международное право уже стало предметом научной дискуссии. По этой причине влияние БРИКС на международное право заслуживает дальнейшего исследования. И хотя настоящее краткое исследование не охватывает всех аспектов такого влияния, оно показывает, что действия БРИКС в этом плане уже привели к некоторым результатам. Тем не менее, как полагает автор, перспективы влияния БРИКС на международное право во многом будут зависеть от воли стран — участниц к тому, чтобы гармонизировать свои видения определенных аспектов международного права и, возможно, от их готовности предпочесть борьбу за более справедливое международное право для всех государств своим собственным интересам.

Ключевые слова: БРИКС; развитие международного права; межгосударственные неформальные объединения; реформа Международного валютного фонда; взвешенное голосование; обязанность защищать; международные финансовые организации; международные банки развития; принцип суверенного равенства; принцип невмешательства.

Abstract: International organisations play a significant role in international law creation process. They conduct research in international law, prepare treaty texts, hold international conferences where the texts are adopted as treaties. They also influence the way we understand international law by adopting recommendations, commentaries, explanatory notes e.t.c. which provide for interpretations of international legal rules. In this respect, the role of intergovernmental informal unions (BRICS, Arctic Council and alike) is less prominent. However, the impact of BRICS on international law has already become the subject of a scholarly debate. That is the reason why BRICS impact on international law is worth further studying. Although this short study does not cover all aspects of this issue it shows that BRICS activities has already yielded some results in this regard. Yet, as the author argues, the perspectives of BRICS influence on international law will depend on the will of BRICS states to harmonise their visions of certain aspects of international law and probably on their readiness to prefer the struggle for more just international law for all states to their own interests.

Key words: BRICS; development of international law; intergovernmental informal unions; reform of the International Monetary Fund; weighted voting; responsibility to protect; international financial organisations; international development banks, principle of sovereign equality, principle of non-intervention.

¹ Карандашов Иннокентий Игоревич, Россия, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права СПбГУ (i.karandashov@spbu.ru).
Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Немецкого научно-исследовательского сообщества в рамках научного проекта № 21-514-12001.

Введение

Возможно, рассмотрение вопроса о влиянии БРИКС на международное право не имело бы смысла, если принять во внимание, что БРИКС едва ли может рассматриваться как международная организация, поскольку не обладает международной правосубъектностью², а декларации, принимаемые в ее рамках, имеют по большей части политическое содержание, в котором разглядеть позицию государств — участников по правовым вопросам равносильно выполнению известной задачи с поиском иголки в стоге сена. Тем не менее БРИКС не является ординарным международным объединением уже хотя бы потому, что четыре страны из пяти, входящих в БРИКС (Китай, Индия, Россия, Бразилия), имеют наиболее высокие уровни ВВП среди развивающихся экономик и экономик с формирующимися рынками³. Поэтому, с одной стороны, правовые позиции БРИКС могут в той или иной мере отражать чаяния развивающихся стран и стран с формирующимися рынками в отношении международного права, а с другой — иметь существенное влияние на его содержание. Неслучайно вопрос о влиянии БРИКС на международное право уже породил дискуссию в литературе⁴. Наконец (и в целом), влияние международных организаций и объединений на международное право заслуживает изучения еще и потому, что исследования подобного рода позволяют выявить их роль в эволюции международного права⁵, которое, регулируя межгосударственные отношения, определяет структуру мирового порядка.

Система голосования в международных финансовых организациях (МФО)

Одна из заметных проблем в области международного права на сегодняшний день — это недействие принципа равноправия в системах голосования большинства МФО: в Международном валютном фонде (МВФ), Международном банке реконструкции и развития и других подобных структурах⁶. Дело в том, что решения в них принимаются на основе

² Исходя из того понимания международной организации, которое следует, в частности, из ст. 2(а) Проекта статей об ответственности международных организаций, принятого Комиссией международного права ООН на ее 63-й сессии в 2011 г. (DARIO) и ст. 6 Венской конвенции о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями от 21.03.1986 (не вступила в силу).

³ По классификации Международного валютного фонда (МВФ), используемой в обзоре МВФ «Перспективы развития мировой экономики». Подробнее об этой классификации стран см.: “World Economic Outlook: Recovery during a Pandemic — Health Concerns, Supply Disruptions, Price Pressures”, International Monetary Fund. 2021, Washington, D. C., p. 87–90.

См. также: “The 20 countries with the largest gross domestic product (GDP) in 2020”, Statista [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/268173/countries-with-the-largest-gross-domestic-product-gdp/> (дата обращения: 11.10.2021). Таблица отражает статистику по 20 странам с наибольшим ВВП в 2020 г. без обозначения их классификации. Китай, Индия, Россия, Бразилия занимают в ней 2-е, 6-е, 11-е и 12-е места соответственно, при этом остальные страны, находящиеся в диапазоне с 1-го по 12-е места, относятся МВФ к числу развитых экономик (см. табл. «В» в: World Economic Outlook: Recovery during a Pandemic — Health Concerns, Supply Disruptions, Price Pressures, International Monetary Fund. 2021, Washington, D. C., p. 89).

⁴ См.: Aniruddha Rajput, “The BRICS as ‘Rising Powers’ and the Development of International Law”, in Heike Krieger, Georg Nolte, and Andreas Zimmermann (eds), *The International Rule of Law: Rise or Decline?* Oxford, 2019; Simon Chesterman, “International Law and Its Others: Comment on Aniruddha Rajput”, in *Ibid*, p. 125–129.

⁵ Влияние БРИКС возможно рассматривать относительно многих аспектов международного права. Мы ограничимся исследованием лишь того влияния, которое является более заметным и анализ которого укладывается в формат настоящей публикации.

⁶ Одной из немногих МФО, в которой действует принцип «одна страна — один голос», является Северный инвестиционный банк. В настоящее время организация действует на основе Соглашения между Данией, Эстонией, Финляндией, Исландией, Латвией, Литвой, Норвегией и Швецией, касающегося Северного инвестиционного банка, от 11.02.2004 и Устава (см.: “Constituent Documents”, *Nordic Investment Bank* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nib.int/files/70ba9658a7c423c44052c8b3868decc281a9fb47/10377-nib-constituent-documents-2020.pdf> (дата обращения: 07.10.2021)). Специфика Северного инвестиционного банка состоит в том, что доли в его акционерном капитале стран-участниц различаются, но их представители

«взвешенного голосования», когда «...число голосов, которыми обладает государство, напрямую зависит от размера его квоты в бюджете организации»⁷. Данная система голосования, как правило, позволяет одному государству или группе стран влиять на исход голосования по важным вопросам деятельности МФО. Подробнее о том, почему неравенство голосов государств-членов в МФО является формой их юридического неравноправия я писал в одной из своих предыдущих публикаций⁸. К тому, что в ней было написано, можно лишь добавить, что абсолютное большинство МФО, в том числе международные банки развития (МБР), на сегодняшний день преследуют некоммерческие цели, т. е. они не создаются для извлечения прибыли, поэтому функционирование систем голосования в них по корпоративному принципу (чем больше долей участия, тем больше голосов) не может быть оправдано даже тем обстоятельством, что они создаются в целях развития экономик государств — участников⁹.

В этом плане цели Нового банка развития (НБР), созданного странами-членами БРИКС, концептуально не отличаются от целей других МБР¹⁰. Что отличает НБР от других МБР, так это то, что в его учредительном акте, Соглашении о Новом банке развития от 15.07.2014, прямо не закреплена система взвешенного голосования, но в теории это Соглашение ее все же допускает¹¹.

Закрепление в Соглашении о НБР условия, безусловно обеспечивающего равенство голосов государств — участников, было бы большим шагом вперед в деле имплементации принципа суверенного равенства государств в сфере экономического сотрудничества в интересах развития и могло бы стать новой вехой в истории МФО вообще и международных банков развития в частности, принимая во внимание ту роль, которую большинство стран БРИКС играет в мировой экономике. В этом плане абз. 3 ст. 2 Соглашения о НБР выглядит

имеют по одному голосу в Совете директоров (раздел 14 Устава Северного инвестиционного банка), а в Совете управляющих решения вообще принимаются единогласно (раздел 13 Устава) (см.: “Member countries, governing bodies and capital”, *Nordic Investment Bank* [Электронный ресурс]. URL: https://www.nib.int/who_we_are/about/member_countries_governing_bodies_and_capital (дата обращения: 07.10.2021).

⁷ Александра Дорская, “Принцип формального равенства в системе принципов права международных организаций”, *Вестник РУДН. Серия «Юридические науки»* 2, 2016, с. 66.

В некоторых международных организациях, не относящихся к числу МФО, в качестве критерия, используемого для вычисления объема голосов конкретного государства, могут использоваться и другие экономические показатели. Например, в Международном совете по какао доля голосов государств-экспортеров какао зависит от среднего объема их соответствующего экспорта какао за предшествующие три сельскохозяйственных года какао, а доля голосов государств-импортеров какао — от среднего объема их соответствующего импорта какао за предшествующие три сельскохозяйственных года какао (п.п. 2, 3 ст. 10 Международного соглашения по какао 2010 г.). При этом, согласно этому Соглашению, сельскохозяйственный год какао означает двенадцатимесячный период с 1 октября по 30 сентября включительно (п. 6 ст. 2).

⁸ Иннокентий Карандашов, “Новый банк развития: многосторонний банк развития нового поколения или пример модернизации «старого» образца?”, в: Виктор Хейфец и Лазарь Хейфец (ред.), *Россия и Иberoамерика в глобализирующемся мире: история и современность: доклады и материалы четвертого международного форума*, СПб., 2020.

⁹ См., напр.: ст. 1 в: “Agreement Establishing the Caribbean Development Bank of 18 October, 1969 (as amended)” [Электронный ресурс]. URL: <https://www.caribank.org/sites/default/files/content/Agreement-establishing-CDB.pdf> (дата обращения: 13.10.2021); ст. 1 в: of International Bank for Reconstruction and Development Articles of Agreement of 22 July, 1944 (as amended effective June 27, 2012) [Электронный ресурс]. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/722361541184234501-0330022018/original/IBRDArticlesOfAgreementEnglish.pdf> (дата обращения: 13.10.2021).

¹⁰ См. ст. 1 в: “Agreement on the New Development Bank — Fortaleza, July 15, 2014” [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ndb.int/wp-content/themes/ndb/pdf/Agreement-on-the-New-Development-Bank.pdf> (дата обращения: 13.10.2021).

¹¹ Так, в абз. 3 ст. 2 этого документа закреплено следующее: «Банк имеет первоначальный распределенный капитал в размере 50 млрд долларов США и разрешенный к выпуску капитал в размере 100 млрд долларов США. Первоначальный распределенный капитал равномерно распределяется между учредителями. Число голосов каждого государства — члена Банка соответствует количеству принадлежащих ему акций в распределенном капитале Банка». Таким образом, текст допускает ситуацию, при которой разрешенный к выпуску капитал в дальнейшем может быть распределен между членами неравномерно, и тогда это приведет к неравенству их голосов в НБР.

как упущенная возможность придать существенный импульс развитию международного права в рассматриваемой области.

Тем не менее нельзя не упомянуть того обстоятельства, что страны — члены БРИКС предпринимают иные усилия в этом направлении. Например, они стали драйверами реформы МВФ, согласованной в 2010 г., которой был дан старт в 2016 г.¹² Реформа привела, в частности, к упразднению возможности для пяти стран с наибольшими квотами назначать в Исполнительный совет МВФ исполнительных директоров (отныне все места исполнительных директоров стали выборными) и к перераспределению квот в пользу развивающихся стран с динамично развивающимися рынками¹³. И хотя Россия, Индия, Китай и Бразилия вырвались в десятку стран с наибольшим количеством квот в МВФ¹⁴, это не изменило в корне существующих диспаритетов в голосовании в МВФ. И главное здесь не в том, что возможность контроля за деятельностью МВФ у развитых стран сохранилась, что иногда подчеркивают исследователи¹⁵, а в том, что эта реформа не положила конца системе взвешенного голосования в МВФ¹⁶.

Суверенное равенство, невмешательство и обязанность защищать (R2P)

Концепция обязанности защищать получила свое закрепление в Итоговом документе Всемирного саммита 2005 г.¹⁷ В этом документе провозглашалась обязанность каждого государства «...защищать свое население от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности» (п. 138), а также готовность государств, подписавших документ, «...предпринять коллективные действия, своевременным и решительным образом, через Совет Безопасности, в соответствии с Уставом (ООН. — *И. И.*) ... в случае необходимости, если мирные средства окажутся недостаточными, а

¹² Стимулом к тому, чтобы США одобрили эту реформу МВФ, стало создание по инициативе Китая Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ), а также создание НБР и заключение Договора о создании пула условных валютных резервов стран БРИКС от 15.07.2014. См.: Barry D. Wood, “Congress finally preserves U.S. leadership in global finance”, *USA Today* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.usatoday.com/story/money/columnist/2015/12/16/congress-finally-preserves-us-leadership-global-finance/77413796/> (дата обращения: 07.10.2021). В данной публикации договор о создании пула не упоминается на прямую, но в ней упоминается «соглашение о взаимной финансовой поддержке» («arrangement for mutual financial support»), под которым, по всей видимости, понимался именно указанный договор. О том, что АБИИ был создан по инициативе Китая, см. здесь: “Китай предложил создать Азиатский банк инфраструктурных инвестиций”, 3 октября 2013, *РОСБАЛТ* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rosbalt.ru/business/2013/10/03/1183011.html> (дата обращения: 07.10.2021).

¹³ Подробнее о реформе МВФ 2010 г. см.: “Press Release: Historic Quota and Governance Reforms Become Effective”, January 27, 2016, *International Monetary Fund* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2015/09/14/01/49/pr1625a> (дата обращения: 06.10.2021).

¹⁴ Таблицу, о голосах и квотах стран БРИКС в МВФ см. здесь: Галина В. Семяко, “БРИКС и реформа международной валютно-финансовой системы”, *Россия: тенденции и перспективы развития: материалы XV Международной научной конференции “Модернизация России: ключевые проблемы и решения” (Москва, 18–19 декабря 2014 г.)*, отв. ред. Юрий С. Пивоваров, Москва, 2015, с. 570.

¹⁵ “The IMF quota formula review: opportunities for BRICS and developing world: RISS Report, August 2016”, *Russian Institute for Strategic Studies: Centre for Economic Research*, p. 16 [Электронный ресурс]. URL: https://nkibrics.ru/ckeditor_assets/attachments/57e94a576272690818090000/riss_report_3_2016.pdf?1474906711 (дата обращения: 05.10.2021).

¹⁶ Поддержка странами БРИКС реформы МВФ помогла сделать крошечный шаг в направлении большей имплементации принципа суверенного равенства государств. Однако приверженность более полной и абсолютной его имплементации применительно к голосованию в НБР, по нашему мнению, в перспективе повлекла бы за собой более глубокую имплементацию этого принципа во все международные финансовые организации, включая МВФ, поскольку наименее развитые и развивающиеся страны осознали бы не просто теоретическую возможность, но самую практическую осуществимость сотрудничества на более справедливых началах в этой области, и развитые страны вынуждены были бы уступить их давлению под угрозой утраты значимости теми МФО, голосование в которых устроено по принципу взвешенного голосования.

¹⁷ “Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года: резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей [ООН] от 24.10.2005 (A/RES/60/1)”, *Генеральная Ассамблея* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unodc.org/pdf/terrorism/Global/ru/2wso05ru.pdf> (дата обращения: 15.10.2021).

национальные органы власти явно окажутся не в состоянии защитить свое население от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности» (п. 139). Итоговый документ был принят резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН без голосования¹⁸, что дает основания полагать, что все страны, которые на тот момент пока еще не образовали БРИКС, подтвердили свою приверженность этой концепции, по крайней мере, в том виде, в котором она была отражена в Итоговом документе. В докладе Генерального секретаря ООН «Выполнение обязанности защищать» от 12.01.2009¹⁹ отмечалось, что положения п. 138, 139 Итогового документа Саммита основаны на действующем международном праве (п. 2 доклада), что свидетельствует в пользу того, что концепция R2P в основе своей является правилом юридическим. Кроме того, в докладе Генерального секретаря было подчеркнуто, что «обязанность защищать действует, если только государства — члены не примут иного решения, лишь в отношении четырех оговоренных преступлений и нарушений: геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности» и что «попытки расширить ее сферу действия на другие бедствия, включая ВИЧ/СПИД, изменение климата или осуществление мер реагирования в случае стихийных бедствий, означали бы подрыв достигнутого в 2005 г. консенсуса и размывание концепции до неузнаваемости или утраты ее практической целесообразности» (пп. «b» п. 10). Тем не менее эти, как и многие другие положения, касающиеся содержания концепции R2P, оставляют открытым вопрос о том, в какой момент коллективные действия, о которых написано в п. 139 Итогового документа, будут являться соблюдением международного права, а не нарушением его принципов (в частности, принципов суверенного равенства и невмешательства во внутренние дела государства), а равно вопрос о возможных злоупотреблениях этой концепцией. В этом плане влияние стран БРИКС на международное право, похоже, прослеживается в том, что они препятствуют расширению случаев, смягчению условий, а также частоте применения концепции R2P, отдавая приоритет последним в ситуации конкуренции между этой концепцией, с одной стороны, и указанными принципами — с другой.

Например, как следует из деклараций, принимаемых совместно лидерами стран БРИКС, они разделяют точку зрения, что урегулирование конфликтов должно происходить мирным путем при соблюдении суверенитета государства, в котором происходит конфликт²⁰; в некоторых случаях они указывают на несовместимость односторонних принудительных мер, в частности с принципами суверенного равенства и невмешательства²¹. При этом ни в одной из деклараций лидеров стран БРИКС не содержится фраз, свидетельствующих о том, что они рассматривают возможность принятия или поддержки принятия мер в рамках «обязанности защищать» в целях разрешения того или иного конфликта.

Кроме того, применительно к Бразилии, ей принадлежит разработка концепции «ответственности во время защиты», которая фактически ограничивала применение концепции R2P. При этом, по мнению ее авторов, она должна эволюционировать вместе с

¹⁸ Информацию о голосовании по резолюции см. на сайте Цифровой библиотеки ООН: “2005 World Summit Outcome: resolution / adopted by the General Assembly”, *United Nations Digital Library* [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/558162?ln=en> (дата обращения: 15.10.2021).

¹⁹ “Выполнение обязанности защищать: доклад Генерального секретаря [ООН] от 12.01.2009 (A/63/677)”, с. 5, URL: https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/63/677&Lang=R (дата обращения: 15.10.2021).

²⁰ См., напр., п. 26 Этеквинской декларации V саммита БРИКС от 27.03.2013, п. 38 Уфимской декларации VII саммита БРИКС от 09.07.2015, п. 40 Сямэньской декларации IX саммита БРИКС от 04.09.2017, п. 40 Йоханнесбургской декларации X саммита БРИКС от 26.07.2018. Тексты этих и других деклараций саммитов БРИКС см. здесь: “Саммиты и документы”, *Национальный комитет по исследованию БРИКС, Россия*: [Электронный ресурс]. URL: <https://nkibrics.ru/pages/summit-docs> (дата обращения: 15.10.2021).

²¹ Так, в п. 9 Декларации Гоа VIII саммита БРИКС от 16.10.2016 было указано, в частности, следующее: «Применение принципов добросовестности, суверенного равенства, невмешательства во внутренние дела государств и сотрудничества исключают применение односторонних принудительных мер в нарушение международного права. Мы осуждаем военные интервенции... в одностороннем порядке, нарушающие международное право...».

концепцией R2P²². Эта концепция была отражена в приложении к письму постоянного представителя Бразилии в ООН от 09.11.2011. Концепция «ответственности во время защиты» предписывает, в частности, исчерпывать все дипломатические решения в отношении любого конфликта до реализации международным сообществом обязанности защищать путем применения силы (п. 7 приложения), а в качестве «лучшей политики» рассматривает предотвращение вооруженных конфликтов (п. 11(а) приложения). В доктрине применительно к этой концепции уже было отмечено, что «для бразильцев миссия (в Ливии. — *И. И.*) вышла далеко за пределы ее мандата Совета Безопасности, основанного на R2P, и фактически была больше про устранение режима Каддафи, чем про защиту гражданских лиц — это мнение также было озвучено несколькими другими восходящими державами, в особенности Индией и Южной Африкой»²³. Таким образом, похоже, Индия и Южная Африка могут в целом разделять концепцию, предложенную Бразилией.

Правда, есть основания полагать, что государства БРИКС не едины в своем видении того, в какой момент ситуация оправдывает применение концепции R2P. Косвенно в пользу этого свидетельствует история голосования по проектам резолюций Совета Безопасности по конфликту в Сирии. Так, в одном случае Южная Африка, Индия, Бразилия воздержались при голосовании, в то время как Китай и Россия голосовали против. Проект резолюции содержал, в частности, требование к сирийским властям позволить всему своему населению в полной мере осуществлять права человека и основные свободы, включая права на свободное выражение своего мнения и мирные собрания, освободить всех политических заключенных и задержанных мирных демонстрантов и отменить ограничения на все формы медиасредств (п. 4 «b»), а также требование прекратить применение силы против гражданских лиц (п. 4 «с»). Проектом также предлагалось провести в течение 30 дней обзор осуществления Сирией этой резолюции и рассмотреть имеющиеся варианты, включая принятие мер на основании ст. 41 гл. VII Устава ООН (п. 11 проекта резолюции)²⁴, т. е. мер, не связанных с использованием вооруженных сил. Однако в дальнейшем при голосовании по другим проектам резолюций позиции стран — членов БРИКС различались более существенно²⁵. Все упоминаемые здесь резолюции, хотя и не содержат указания на

²² См. п. 11 приложения к письму постоянного представителя Бразилии в ООН от 09.11.2011: “Letter dated 9 November 2011 from the Permanent Representative of Brazil to the United Nations addressed to the Secretary-General, 11 November 2011 (A/66/551–S/2011/701)”, p. 3, *General Assembly Security Council* [Электронный ресурс]. URL: graphics8.nytimes.com/packages/pdf/opinion/iht-pdf/latitude-blog-20112212-UNpaper.pdf (дата обращения: 04.10.2021).

²³ Xenia Avezov, “‘Responsibility while Protecting’: Are We Asking the Wrong Questions?”. January 30, 2013, *Stockholm International Peace Research Institute* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sipri.org/node/409> (дата обращения: 05.10.2021).

²⁴ “Германия, Португалия, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии и Франция: проект резолюции от 04.10.2011 (S/2011/612)”, *Совет Безопасности* [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/ru/S/2011/612> (дата обращения: 14.10.2021). Результаты голосования по проекту см. здесь: “Security Council Fails to Adopt Draft Resolution Condemning Syria’s Crackdown on Anti-Government Protestors, Owing to Veto by Russian Federation, China”, October 4, 2011 (SC/10403), *United Nations* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/press/en/2011/sc10403.doc.htm> (дата обращения: 14.10.2021).

²⁵ Так, например, Индия голосовала за проект резолюции, в п. 14 которого было прямо предусмотрено, что если сирийские власти не обеспечат полного соблюдения ее четвертого пункта в течение десяти дней, то СБ незамедлительно примет меры в соответствии со ст. 41 Устава ООН. Россия и Китай голосовали против проекта, а Южная Африка воздержалась (см.: “Германия, Португалия, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Соединенные Штаты Америки и Франция: проект резолюции от 19.07.2012 (S/2012/538)”, *Совет Безопасности* [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/ru/S/2012/538> (дата обращения: 14.10.2021); относительно результатов голосования по проекту см.: “Security Council Fails to Adopt Draft Resolution on Syria That Would Have Threatened Sanctions, Due to Negative Votes of China, Russian Federation, July 19, 2012 (SC/10714)”, *United Nations* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/press/en/2012/sc10714.doc.htm> (дата обращения: 14.10.2021); о позиции Индии по проекту см.: “Организация Объединенных Наций: Совет Безопасности: 6810-е пленарное заседание: четверг, 19 июля 2012 года (S/PV.6810)”, с. 8, *Совет Безопасности* [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/ru/S/PV.6810> (дата обращения: 14.10.2021).

Южная Африка голосовала за проект резолюции, в котором, среди прочего, содержалось указание на готовность СБ принимать дальнейшие меры в соответствии с Уставом ООН в случае невыполнения этой и

возможность санкционирования СБ мер с использованием вооруженных сил (ст. 42 Устава ООН), в случае их принятия, в той или иной степени подводили бы СБ на шаг ближе к обсуждению таких мер, т. е. приближали бы возможность реализации СБ концепции R2P, а также создавали бы дополнительные риски расширительного толкования этой концепции в смысле права действовать в обход СБ государствами, придерживающимся мнения о необходимости более радикального решения сирийского вопроса. Поэтому я полагаю, что голосование стран БРИКС по этим проектам является косвенным индикатором их отношения к R2P. Эти различия между странами БРИКС в понимании того, какие случаи и в какой степени требуют вмешательства СБ, ослабляют влияние БРИКС на международное право в рассматриваемом аспекте, но в целом не отменяют сдерживающего эффекта, который согласованные позиции стран БРИКС оказывают на концепцию R2P.

Выводы

С учетом изложенного можно сделать вывод, что БРИКС оказывает сдерживающее влияние на концепцию R2P и содействует большей имплементации принципа суверенного равенства в систему голосования в МВФ. Тем не менее в целом перспективы влияния БРИКС на международное право, похоже, будут зависеть от того, согласуют ли страны БРИКС свои видения отдельных, более глубинных, аспектов международного права и предпочтут ли они своим интересам борьбу за более справедливые нормы международного права для всех стран. Будет ли это так — покажет время.

Библиография

1. *Дорская А. А.* Принцип формального равенства в системе принципов права международных организаций // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». 2016. № 2. С. 62–72.
2. Бельгия и Германия: проект резолюции от 10.07.2020 (S/2020/667). С. 3 // Совет Безопасности [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/ru/S/2020/667> (дата обращения: 14.10.2021).
3. Выполнение обязанности защищать: доклад Генерального секретаря [ООН] от 12.01.2009 (A/63/677). С. 42 [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/63/677&Lang=R (дата обращения: 15.10.2021).
4. *Семеко Г. В.* БРИКС и реформа международной валютно-финансовой системы // Россия: тенденции и перспективы развития: мат-лы XV Междунар. науч. конф. «Модернизация России: ключевые проблемы и решения» (Москва, 18–19 декабря 2014 года), отв. ред. Ю. Пивоваров. М.: ИНИОН РАН, 2015. С. 569–572.
5. Германия, Португалия, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии и Франция: проект резолюции от 04.10.2011 (S/2011/612). С. 3 // Совет Безопасности [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/ru/S/2011/612> (дата обращения: 14.10.2021).
6. Германия, Португалия, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Соединенные Штаты Америки и Франция: проект резолюции от 19.07.2012 (S/2012/538). С. 10 // Совет Безопасности [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/ru/S/2012/538> (дата обращения: 14.10.2021).
7. *Иннокентий Карандашов.* Новый банк развития: многосторонний банк развития нового поколения или пример модернизации «старого» образца? // Хейфец В. Л., Хейфец Л. С. (ред.). Россия и Иberoамерика в глобализирующемся мире: история и современность: доклады и материалы четвертого международного форума. СПб.: Скифия-принт, 2020. С. 555–563.

ряда других его резолюций (п. 9), в то время как Россия и Китай — против (см.: “Бельгия и Германия: проект резолюции от 10.07.2020 (S/2020/667)”, *Совет Безопасности* [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/ru/S/2020/667> (дата обращения: 14.10.2021); о результатах голосования см.: “Письмо Председателя Совета Безопасности от 10 июля 2020 года на имя Генерального секретаря и постоянных представителей государств, являющихся членами Совета Безопасности, 13.07.2020 (S/2020/681)”, *Security Council* [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/en/S/2020/681> (дата обращения: 14.10.2021)).

8. Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года: резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей [ООН] от 24.10.2005 (A/RES/60/1), с. 46 // Генеральная Ассамблея [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unodc.org/pdf/terrorism/Global/ru/2wso05ru.pdf> (дата обращения: 15.10.2021).
9. «Китай предложил создать Азиатский банк инфраструктурных инвестиций», 3 октября 2013 // РОСБАЛТ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rosbalt.ru/business/2013/10/03/1183011.html> (дата обращения: 07.10.2021).
10. Организация Объединенных Наций: Совет Безопасности: 6810-е пленарное заседание: четверг, 19 июля 2012 года (S/PV.6810). С. 21 // Совет Безопасности [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/ru/S/PV.6810> (дата обращения: 14.10.2021).
11. Letter dated 10 July 2020 from the President of the Security Council addressed to the Secretary-General and the Permanent Representatives of the members of the Security Council (S/2020/681) // Security Council [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/en/S/2020/681> (дата обращения: 14.10.2021).
12. XIV саммит БРИКС // Саммиты и документы. Национальный комитет по исследованию БРИКС. Россия [Электронный ресурс]. URL: <https://nkibrics.ru/pages/summit-docs> (дата обращения: 15.10.2021).
13. *Rajput A.* The BRICS as “Rising Powers” and the Development of International Law // Krieger H., Nolte G. and Zimmermann A. (eds). *The International Rule of Law: Rise or Decline?* Oxford: Oxford University Press, 2019. P. 105–124.
14. Agreement Establishing the Caribbean Development Bank of 18 October, 1969 (as amended), v, 71, [Электронный ресурс]. URL: <https://www.caribank.org/sites/default/files/content/Agreement-establishing-CDB.pdf> (дата обращения: 13.10.2021).
15. Agreement on the New Development Bank — Fortaleza, July 15, 2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ndb.int/wp-content/themes/ndb/pdf/Agreement-on-the-New-Development-Bank.pdf> (дата обращения: 13.10.2021).
16. *Wood B. D.* Congress finally preserves U.S. leadership in global finance // USA Today [Электронный ресурс]. URL: <https://www.usatoday.com/story/money/columnist/2015/12/16/congress-finally-preserves-us-leadership-global-finance/77413796/> (дата обращения: 07.10.2021).
17. Constituent Documents // Nordic Investment Bank [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nib.int/files/70ba9658a7c423c44052c8b3868decc281a9fb47/10377-nib-constituent-documents-2020.pdf> (дата обращения: 07.10.2021).
18. International Bank for Reconstruction and Development Articles of Agreement of 22 July, 1944 (as amended effective June 27, 2012), 22, [Электронный ресурс]. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/722361541184234501-0330022018/original/IBRDArticlesOfAgreementEnglish.pdf> (дата обращения: 13.10.2021).
19. World Economic Outlook: Recovery during a Pandemic — Health Concerns, Supply Disruptions, Price Pressures // International Monetary Fund. 2021. Washington, D. C.
20. Letter dated 9 November 2011 from the Permanent Representative of Brazil to the United Nations addressed to the Secretary-General, 11 November 2011 (A/66/551-S/2011/701) P. 4 // General Assembly Security Council [Электронный ресурс]. URL: graphics8.nytimes.com/packages/pdf/opinion/iht-pdf/latitude-blog-20112212-UNpaper.pdf (дата обращения: 04.10.2021).
21. Member countries, governing bodies and capital // Nordic Investment Bank [Электронный ресурс]. URL: https://www.nib.int/who_we_are/about/member_countries_governing_bodies_and_capital (дата обращения: 07.10.2021).
22. Press Release: Historic Quota and Governance Reforms Become Effective. January 27, 2016 // International Monetary Fund [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2015/09/14/01/49/pr1625a> (дата обращения: 06.10.2021).
23. Security Council Fails to Adopt Draft Resolution Condemning Syria’s Crackdown on Anti-Government Protestors, Owing to Veto by Russian Federation, China. October 4, 2011 (SC/10403) // United Nations [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/press/en/2011/sc10403.doc.htm> (дата обращения: 14.10.2021).
24. Security Council Fails to Adopt Draft Resolution on Syria that Would Have Threatened Sanctions, Due to Negative Votes of China, Russian Federation. July 19, 2012 (SC/10714) // United Nations [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/press/en/2012/sc10714.doc.htm> (дата обращения: 14.10.2021).

25. *Chesterman S.* International Law and Its Others: Comment on Aniruddha Rajput // Krieger H., Nolte G. and Zimmermann A. (eds). *The International Rule of Law: Rise or Decline?* Oxford: Oxford University Press, 2019. P. 125–129.
26. The IMF quota formula review: opportunities for BRICS and developing world: RISS Report, August 2016. P. 16 // Russian Institute for Strategic Studies: Centre for Economic Research [Электронный ресурс]. URL: https://nkibrics.ru/ckeditor_assets/attachments/57e94a576272690818090000/riss_report_3_2016.pdf?1474906711 (дата обращения: 05.10.2021).
27. The 20 countries with the largest gross domestic product (GDP) in 2020 // Statista [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/268173/countries-with-the-largest-gross-domestic-product-gdp/> (дата обращения: 11.10.2021).
28. 2005 World Summit Outcome: resolution / adopted by the General Assembly // United Nations Digital Library [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/558162?ln=en> (дата обращения: 15.10.2021).
29. Avezov X. “Responsibility while Protecting’: Are We Asking the Wrong Questions? January 30, 2013 // Stockholm International Peace Research Institute [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sipri.org/node/409> (дата обращения: 05.10.2021).

И. С. Марусин¹

ОРГАНИЗАЦИЯ АМЕРИКАНСКИХ ГОСУДАРСТВ И ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

ORGANIZATION OF AMERICAN STATES AND THE DEFENSE OF HUMAN RIGHTS

Аннотация: В докладе рассматривается Консультативное заключение Межамериканского суда по правам человека, вынесенное в ноябре 2020 г. по запросу правительства Колумбии, посвященное защите прав человека в государстве, которое денонсировало Американскую конвенцию по правам человека 1969 г. и вышло из ОАГ. В докладе анализируются обязанности по защите прав человека, которые продолжает нести такое государства, а также те меры, которые вправе предпринять остальные государства — члены ОАГ по отношению к такому государству. Отмечается, что Американский суд по правам человека не использовал в рассматриваемом Консультативном заключении концепцию «гуманитарной интервенции».

Ключевые слова: Организация американских государств; Межамериканский суд по правам человека; Американская конвенция по правам человека; основные права и свободы человека.

Abstract: This report considers the Advisory opinion of the Inter-American Court on human rights issued in November 2020 in response to a request submitted by government of Colombia regarding the human rights obligations of a State that denounces the American convention on human rights and seeks to withdraw from the Organization of American States. The report considers human rights obligation of such a state and measures that could be taken by another members of the Organization of American States against such a State. The report points out that Inter-American Court on human rights did not use in this Advisory opinion conception of “humanitarian intervention”.

Key words: Organization of American States; Inter-American Court on Human Rights; American Convention on Human Rights; basic human rights and freedoms.

Организация американских государств (ОАГ), в которую входят государства Северной, Центральной и Южной Америки, играет важнейшую роль в организации и развитии сотрудничества между странами региона. В соответствии со ст. 2 Устава ОАГ, принятым в 1948 г., основными задачами Организации являются укрепление мира и безопасности на континенте, содействие укреплению представительной демократии на основе принципа невмешательства, предупреждение возникновения проблем и обеспечение мирного разрешения споров, которые могут возникнуть между государствами — членами, организация совместных действия в случае агрессии, содействие путем совместных действий их экономическому, социальному и культурному развитию государств-членов.

Важным направлением деятельности ОАГ является и защита прав человека. В преамбуле к Уставу ОАГ говорится, что государства — члены убеждены в том, что истинное значение американской солидарности и добрососедства заключается в укреплении на континенте режима индивидуальной свободы и социальной справедливости, основанных на

¹ **Марусин Игорь Станиславович**, Россия, доктор юридических наук, профессор кафедры международного права СПбГУ (i.marusin@spbu.ru).

уважении основных прав человека. В рамках ОАГ в 1969 г. была заключена Американская конвенция по правам человека, вторая подобная региональная конвенция в мире после Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. В соответствии с данной Конвенцией на американском континенте действует система защиты прав человека, сходная с европейской. Лица, считающие, что их права, предусмотренные данной Конвенцией, были нарушены, вправе подать жалобу на государство — нарушителя. Сначала эту жалобу рассматривает Американская комиссия по правам человека, а потом, в случае необходимости, и Межамериканский суд по правам человека, который вправе установить факт нарушения данным государством положений Конвенции. Правда необходимо отметить, что не все государства — члены ОАГ ратифицировали Конвенцию по правам человека 1969 г. Например, такие государства, как США и Канада, этого не сделали, и тем самым подача жалоб в Межамериканский суд по правам человека на нарушения этими государствами основных прав и свобод, установленных Конвенцией 1969 г., невозможна.

Помимо рассмотрения конкретных дел Межамериканский суд по правам человека, подобно Международному суду ООН или Европейскому суду по правам человека, в соответствии со ст. 64 Конвенции имеет право давать консультации по вопросам интерпретации данной Конвенции и других договоров, касающихся защиты прав человека в американских государствах. С запросом о даче таких консультаций в Суд вправе обращаться как государства — члены, так и руководящие органы ОАГ. Данный доклад посвящен анализу одного из таких консультативных заключений, вынесенному 9 ноября 2020 г. Представляется, что позиции, сформулированные Межамериканским судом по правам человека, имеют важное значение не только для защиты прав человека на Американском континенте, но и в других регионах мира.

Данный запрос был вынесен по запросу правительства Колумбии, направленной в Суд 6 мая 2019 г. Запрос содержал три вопроса: 1) какие обязательства в области защиты прав человека с точки зрения международного права, договорного и обычного, имеет государство — член ОАГ, денонсировавшее Американскую конвенцию по правам человека? 2) какое воздействие на обязательства в этой сфере государства, уже денонсировавшего Американскую конвенцию по правам человека, оказывает выход этого государства из ОАГ? 3) в случае, если в государстве, денонсировавшем Американскую конвенцию по правам человека и вышедшем из ОАГ, совершаются серьезные и систематические нарушения прав человека, какие обязательства имеют члены ОАГ по защите прав человека в таком государстве?²

Хотя вопросы, сформулированные правительством Колумбии, носят общий характер, они имели отношение к ситуации в определенной стране, а именно в Венесуэле. Там весной 2019 г. разгорелась ожесточенная политическая борьба между правительством президента Николаса Мадуро и парламентом, контролируемом оппозиционными партиями, которые пользовались полной поддержкой США и их сателлитов в Южной Америки. 27 апреля 2019 г. президент Н. Мадуро объявил о выходе Венесуэлы из ОАГ, а уже 6 мая правительство Колумбии направило рассматриваемый в данном выступлении запрос в Американский суд по правам человека. Само правительство США сделать этого не могло, поскольку США, как уже отмечалось, не признают юрисдикцию этого Суда. Разумеется, в Консультативном заключении от 9 ноября 2020 г. нет ссылок на ситуацию в Венесуэле, но судьи, принимая решение, не могли не учитывать его значение для развития этой ситуации.

Рассмотрим ответы, данные Межамериканским судом по правам человека на поставленные перед ним вопросы. Первый из них касался обязательств в области защиты прав человека с точки зрения международного права, которые остаются у государства — члена ОАГ, денонсировавшего Американскую конвенцию по правам человека. Здесь Суд в первую очередь отметил, что такая денонсация должна быть осуществлена в соответствии с

² Здесь и далее Консультативное заключение цитируется по тексту, размещенному на официальном сайте Межамериканского суда по правам человека (URL: www.corteidh.or.cr/docs/opiniones/seriea_26_esp.pdf (дата обращения: 12.09.2021)).

положениями ст. 78 Конвенции, согласно которым, во-первых, государство, денонсирующее Конвенцию, должно быть ее участником не менее пяти лет после вступления Конвенции в силу и, во-вторых, должно уведомить Генерального секретаря ОАГ, депозитария Конвенции, о своем намерении выйти за один год до осуществления такого выхода. Суд отмечает, что Конвенция не устанавливает внутригосударственную процедуру, используя которую государство принимает решение о выходе из Конвенции. Однако Суд считает, что, учитывая важное значение данной Конвенции для всего населения государств — членов, такое решение должно быть принято в результате многосторонних и публичных дискуссий. Также по мнению Суда на основании принципа параллелизма решение о выходе из Конвенции должно приниматься теми же органами и в том же порядке, в каком было принято решение о признании обязательности Конвенции.

Вместе с тем Суд оставил без ответа один весьма важный вопрос — имеют ли право другие государства — члены ОАГ не признать заявление государства — члена о денонсации Американской конвенции по правам человека, ссылаясь на нарушение внутригосударственной процедуры при принятии такого решения? Вправе ли иностранные государства оценивать, была ли соблюдена данная процедура или нет и не является ли подобная оценка нарушением принципа невмешательства во внутренние дела данного государства? Представляется, что нет, не вправе, но данная позиция не может быть подкреплена ссылкой на позицию Межамериканского суда по правам человека. Что же касается ответа на первый из содержащихся в запросе правительства Колумбии вопросов, а именно вопроса какие обязательства в области защиты прав человека остаются у государства — члена ОАГ, денонсировавшего Американскую конвенцию по правам человека, то Суд указал следующее: 1) обязательства, вытекающие из Конвенции, остаются в силе в течение одного года после сделанного заявления о намерении денонсировать Конвенцию; 2) денонсация Конвенции не имеет обратной силы; 3) обязательства, вытекающие из других международных договоров, посвященных защите прав человека, остаются в силе; 4) денонсация Конвенции не влияет на юридическую силу внутригосударственных актов в области защиты прав человека, основанных на принципах Конвенции; 5) соблюдение обязательств в области защиты прав человека, основанных на Уставе ОАГ, остается под наблюдением Американской комиссии по правам человека; 6) обязательства в области защиты прав человека, основывающиеся на общепризнанных принципах международного права и относящиеся к нормам *jus cogens*, сохраняют свою силу.

Для ответа на второй вопрос в запросе правительства Колумбии о том, какое воздействие на обязательства в этой сфере государства, уже денонсировавшего Американскую конвенцию по правам человека, оказывает выход этого государства из ОАГ, Суд проанализировал ст. 143 Устава ОАГ. В соответствии с ней государство, желающее выйти из ОАГ, должно уведомить об этом Генерального секретаря этой организации, который в свою очередь должен уведомить об этом остальных членов Организации. Государство считается вышедшим из ОАГ через два года после направления такого извещения Генеральному секретарю и после того как оно выполнит обязательства, вытекающие из Устава ОАГ. По мнению Суда, которое можно поддержать, к этим обязательствам относятся в том числе и обязательства, связанные с защитой прав человека в рамках ОАГ, такие как исполнение решений Межамериканского суда по правам человека и следование рекомендациям Американской комиссии по правам человека. По мнению Суда, даже после заявления о намерении выйти из ОАГ данное государство сохраняет целый ряд обязательств в области защиты прав человека, установленный межамериканскими международно-правовыми актами.

Так, обязательства, вытекающие из Устава ОАГ, остаются в силе в течение двух лет после сделанного заявления о намерении денонсировать Конвенцию; денонсация Устава ОАГ не имеет обратной силы; обязательства, вытекающие из других международных договоров, посвященных защите прав человека, остаются в силе; обязательства, вытекающие из решения межамериканских органов по защите прав человека, остаются в силе; обязательства в области

защиты прав человека, основывающиеся на общепризнанных принципах международного права и относящиеся к нормам *jus cogens*, сохраняют свою силу, включая и обязательства, предусмотренные Уставом Организации Объединенных Наций.

При всей важности (и с теоретической, и с практической точек зрения) мнения Межамериканского суда по правам человека по двум вышеизложенным вопросам, наибольшее внимание авторы запроса, как представляется, уделяли ответу на третий вопрос: в случае, если в государстве, денонсировавшем Американскую конвенцию по правам человека и вышедшем из ОАГ, совершаются серьезные и систематические нарушения прав человека, какие обязательства имеют члены ОАГ по защите прав человека в таком государстве?

Для ответа на этот вопрос Суд обратился к понятию коллективной гарантии, лежащей в основе межамериканской системы защиты прав человека. Суд отметил, что стандарты защиты прав человека, как основывающиеся на Американской конвенции о правах человека, так и на Уставе ОАГ, отражают общие ценности и интересы. Понятие коллективной гарантии прав человека также способствует укреплению сотрудничества, солидарности и добрососедских отношений среди американских государств. Суд указал, что в силу самой природы и целей международных договоров о защите прав человека, их коллективная гарантия обеспечивает сохранение минимальных возможного уровня защиты этих прав в государстве, денонсирующем эти договоры.

Применительно к поставленному в запросе правительства Колумбии вопросу, Межамериканский суд по правам человека указал, что в силу такой коллективной гарантии государства — члены ОАГ несут обязанность действовать совместно и согласовано для защиты прав и свобод человека. В силу такой обязанности государства — члены ОАГ должны: 1) своевременно представлять свои замечания и возражения относительно денонсации другим государством — членом договоров, посвященных защите прав человека, если, по их мнению, такая денонсация совершена в нарушение принципов демократии и не соответствует общим интересам американских государств; 2) обеспечить выполнение осуществляющим денонсацию государством своих ранее принятых на себя обязательств в области защиты прав человека, включая исполнение решений Американского суда по правам человека; 3) сотрудничать друг с другом с целью положить конец безнаказанности за совершение нарушений прав человека и привлечь к ответственности лиц, совершающих такие нарушения; 4) предоставлять убежище лицам, ищущим защиту, в соответствии с нормами международного гуманитарного права; 5) участвовать в двусторонних и многосторонних дипломатических акциях, имеющих целью вернуть государство, вышедшее из ОАГ, в данную организацию.

Обращает на себя внимание отсутствие в Консультативном заключении Суда ссылок на право гуманитарной интервенции. Все меры, которые предлагаются Судом, соответствуют общепризнанным принципам международного права и нормам Устава ООН, запрещающим использование вооруженной силы в международных отношениях.

Подводя итог, можно сказать, что Консультативное заключение Межамериканского суда по правам человека, вынесенное в ноябре 2020 г., имеет весьма важное теоретическое и практическое значение. В нем уточняются права и обязанности членов Организации американских государств, также являющихся участниками Американской конвенции по правам человека 1969 г., в отношении государства, которое денонсирует либо один, либо оба этих международных договора. Представляется, что выводы, к которым пришел Суд, могут быть применены и в других региональных системах защиты прав человека, в том числе европейской.

**ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ В ИБЕРО-АМЕРИКЕ
И РОССИИ В XVIII–XXI ВВ. ПАМЯТИ
АЛЛЫ ЛЕОНИДОВНЫ ЗЕНЬКОВИЧ**

**PROBLEMS OF INTERCULTURAL
COMMUNICATION IN IBERO-AMERICA AND
RUSSIA IN THE 18th–21st CENTURIES.
IN MEMORY OF ALLA LEONIDOVNA
ZENKOVICH**

*Посвящается моему учителю
Алле Леонидовне Зенькович*

Е. А. Виноградова¹

**ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЙ СЕРИАЛ В XXI ВЕКЕ:
БОРЬБА ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ
И НОВЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ**

**LATIN AMERICAN SERIES IN THE 21ST CENTURY:
THE STRUGGLE FOR NATIONAL IDENTITY AND
NEW GLOBAL CHALLENGES**

Abstract: The Latin American telenovela is one of the artistic genres that expresses the cultural identity of Latin America and represents an important channel for regional intercultural communication. Since the 1980s, many Latin American directors and producers have been involved in the struggle for national identity through films and TV series. A prime example is the many

¹ Виноградова Екатерина Алексеевна, Россия, кандидат политических наук, доцент Московского финансово-промышленного университета, Института театра, кино и телевидения (vinogradovacatherine7@gmail.com).

television series in Andean countries that aim to popularise the ideology of Indianism and national indigenous cultural traditions through the lens of national literature. This paper examines the stages of the formation of the idea of national identity in Latin American television series and attempts a systematic analysis of global threats to Latin American national identity.

Key words: Latin America; Latin American TV series; national identity; globalization; Latin American media conglomerates; brand; soft power; new media; political PR; Netflix; intercultural communication; digitalization; artificial intelligence; Indianism.

Аннотация: Латиноамериканская теленовелла — один из художественных жанров, выражающий культурную самобытность Латинской Америки и представляющий собой важный канал региональной межкультурной коммуникации. Начиная с 1980-х годов многие латиноамериканские режиссеры и продюсеры участвовали в борьбе за национальную идентичность посредством фильмов и сериалов. Ярким примером являются многочисленные телесериалы в странах Андского региона, целью которых является популяризация идеологии индейского движения и национальных культурных традиций коренных народов через призму национальной литературы. В данной статье рассматриваются этапы формирования идеи национальной идентичности в латиноамериканских телесериалах и предпринята попытка системного анализа глобальных угроз латиноамериканской национальной идентичности.

Ключевые слова: Латинская Америка; Латиноамериканский сериал; национальная идентичность; глобализация; латиноамериканские медиа-конгломераты; бренд; мягкая сила; новые средства массовой информации; политический пиар; Нетфликс; межкультурная коммуникация; цифровизация; искусственный интеллект; Индианизм.

Основной проблематикой латиноамериканских телесериалов в середине XX в. становится политическая борьба и жизнь реальных социальных слоев с их проблемами, культурой и религией.

Культурная идентичность² выражается в таких художественных жанрах как региональная теленовелла, являющая важным каналом межкультурной коммуникации латиноамериканских стран. В содержание многих латиноамериканских телесериалов заложены региональные культурные традиции.

Начиная с 1980-х гг. XX столетия многие режиссеры и продюсеры латиноамериканских сериалов включаются в политическую борьбу посредством целевых аудиторий, на которые рассчитаны данные картины. Ярким примером могут послужить телесериалы Андских стран, направленные на популяризацию национальных культурных традиций коренного населения через призму национальной литературы.

Так, в 1986 г. в Боливии была основана телевизионная продюсерская компания Santa Cruz Film Producciones (Safipro), целью которой был выпуск телесериалов, отражающих региональную историю и традиции Санта-Крус и Боливийского Востока³. Среди телесериалов компании можно выделить такие картины как «Пионеры» (1990); «Внутри земли» (1997)⁴ и др. Большинство боливийских теленовелл снято по произведениям Энрике Финота, популярного в стране историка, писателя, политика и дипломата.

Похожей политики придерживались и другие страны Латинской Америки, в частности Перу.

С 1983 г. вторая по величине перуанская телекомпания Andina de Televisión⁵ начала создание телесериалов, отражающих региональную историю народов, проживающих на территории Перу. В качестве примера можно выделить такие телесериалы, как «Любовь Серрано» (1998), «Какая хорошая порода» (2002), «Конец рая» (2004).

² Под культурной идентичностью автор понимает осознание принадлежности человека к той или иной культурной общности путем само отождествления с ее культурными образцами.

³ “Film productions in Santa Cruz”, *Santa Cruz.com* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.santacruz.com/film-productions> (дата обращения: 10.10.2021).

⁴ Tierra adentro se emite en TVN, canal 7 “Tierra adentro” se emite en TVN, canal 7 (bolivia.com)

⁵ ATV — Magaly Tv La Firme, ATV Noticias, Nunca Más, Actualidad, Día D, Espectáculos, Deportes, Perú, Mundo [Электронный ресурс]. URL: <https://www.atv.pe/> (дата обращения: 10.10.2021).

Осмысления региональной истории путем создания социальных сериалов

В XXI в. в латиноамериканских теленовеллах прослеживаются серьезные попытки осмысления региональной истории через призму проблем социально-экономического характера. Данные телесериалы находят отклик во многих странах мира, имеющих схожие социальные потребности.

Условно социальные телесериалы можно подразделить на несколько тематических групп.

- *Темы, связанные с наркоманией, преступностью и гендерным насилием.* В качестве примера может послужить перуанский телесериал «В шкуре Алисии», выпущенный в Перу в 2019 г. Сериал основан на реальных событиях. История о семье, пострадавшей от ужасной трагедии, связанной с гендерным насилием. Прототипом главной героини стала Эйва Агрета, которая погибла в 2018 г. в возрасте 22 лет из-за ожогов, полученных результате ее поджога в автобусе в районе Мирафлорес в Лиме⁶.
- *Темы, связанные с криминалом.* В 2006 г. в рамках внутренней и внешней имиджевой политики Аргентины был создан сериал «Монтекристо. Любовь и месть», главный акцент в котором был сделан на преступления военного режима в Аргентине в 1976–1983 гг.⁷ После показа сериала многие аргентинцы, воодушевившись просмотром, смогли найти своих родственников, похищенных в годы военной диктатуры. Истории счастливого воссоединения разлученных во время военного режима «родителей и детей» транслировались по аргентинскому телевидению. В 2015 г. вышел еще один телесериал «Среди каннибалов», в котором затрагивались темы криминала среди политических элит.
- *Темы, связанные с новыми вызовами в области здравоохранения.* Создатели бразильского сериала «Семейные узы» в 2000 г. сделали уклон на проблемы, связанные со своевременной диагностикой и лечением лейкемии, после чего в стране значительно повысилась донорская взаимопомощь больным с данным диагнозом⁸. В 2020 г. в Перу вышел телесериал «Другой берег», рассказывающий историю людей, которые работают в разгар пандемии коронавируса, преодолевая каждый день невзгоды.
- *Темы, связанные с детской преступностью и проблемами в подростковой среде.* Примером может послужить сериал «Франциско математик» 1999–2017 гг., который был создан как методическая рекомендация для подростков, их родителей, учителей при решении проблем, связанных с семейной дискриминацией, подростковой беременностью, вандализмом, наркоманией⁹.

Брендоризация и гибридизация латиноамериканского телесериала в XXI веке

В середине 1990-х гг. наступает переход от международной формы латиноамериканского сериала к его глобализации и брендоризации. На первом этапе практиковалось совместное производство латиноамериканских сериалов с европейскими партнерами. В 1990-е гг. большинство аргентинских телесериалов были сняты в совместном

⁶ “Inician grabaciones de telenovela ‘En la piel de Alicia’”, *Andina. Agencia Peruana de Noticias* [Электронный ресурс]. URL: <https://andina.pe/agencia/noticia-inician-grabaciones-telenovela-la-piel-alicia-756068.aspx> (дата обращения: 10.10.2021).

⁷ Nora Mazziotti, “La venganza de Montecristo y la máquina novelesca”, *Televisión latinoamericana. Estrategias y lecturas*, Septiembre de 2006, p. 62.

⁸ Laura Soler Azorín, “Las telenovelas y su influencia política”, *Actas — V Congreso Internacional Latina de Comunicación Social (CILCS)*, San Cristóbal de La Laguna, diciembre 2013, p. 7.

⁹ Gabriela Burbano, “Impacto e influencia de la telenovela de ruptura ‘Francisco el matemático’ en la sociedad de Quito”, *Tesis de Grado. Quito — Ecuador, Septiembre, 2003*, Quito; Ecuador, 2003, p. 53.

производстве с испанскими и итальянскими телекомпаниями, выполняя ясную цель — продажи за границу.

Затем латиноамериканские медиаконгломераты проделали серьезную работу над контентом сериальной продукции. Продюсер Televisa Карла Эстрада отмечал, что первоочередной задачей продюсеров является вовлечение мужской аудитории в просмотр телесериалов за счет изменения его контента¹⁰. В 1996–1997 гг. заметна выросла мужская аудитории при просмотре сериалов. Кроме того, с конца 1990-х гг. произошло расширение целевой аудитории за счет социального контекста сериала. Так, колумбийский сериал «Кофе с ароматом женщины» был продан в 77 стран мира и принес телекомпания 8 млн долларов¹¹. Другой колумбийский телесериал «Я — Бетти, дурнушка» побил мировой рекорд по трансляции в мире. Телесериал был продан в 84 страны.

Таким образом, интернационализация телесериалов, начавшиеся в 1990-х гг., способствовала новой маркетинговой политике, направленной на создание узнаваемого и покупаемого во всем мире бренда и породила их глобализацию в XXI в.

Netflix — угроза культурной идентичности

Наступление эпохи Netflix в XXI в. и ее захват регионального кинорынка и кинопроизводства в целом вызывают серьезные опасения не только у ученых и владельцев крупнейших латиноамериканских медиаконгломератов, таких как Televisa, Globo и др., но и у политиков латиноамериканских стран. На сегодняшний день Мексика занимает первое место среди стран Латинской Америки по числу подписчиков Netflix. Согласно точке зрения целого ряда латиноамериканских исследователей, это связано с двухсторонними внешнеполитическими отношениями США и Мексики, а также из-за многолетней культурной взаимосвязи этих двух стран. Поэтому в Мексике местные телекомпании уже проиграли Netflix войну за умы целевой аудитории.

Одной из ключевых стратегий корпорации стало грамотное изучение контента телевизионной продукции, пользующегося популярностью в регионе. Следующим шагом в области захвата мексиканского кинорынка и цифровых платформ было заключение в 2011 г. контрактов с ведущими мексиканскими медиаконгломератами на показ сериальной продукции через платформу Netflix. В результате теряя потенциального зрителя и огромные доходы, мексиканская телекомпания Televisa создала свою цифровую платформу Blim, разорвав контракт с Netflix. На протяжении нескольких лет между компаниями шла непрерывная информационная война в СМИ, результатом которой стал репутационный подрыв Televisa¹².

Популярность Netflix позволила ей создать успешное кинопроизводство в регионе, и, в частности, в Мексике. К созданию телесериалов привлекаются ведущие латиноамериканские продюсеры, режиссеры, музыканты, актеры и сценаристы. В 2019 г. Netflix начала выпускать биографические теленовеллы и комедийные сериалы, пользующиеся огромной популярностью у латиноамериканского телезрителя, среди которых можно выделить такие, как «Жизнь Карлоса Тевеза», «Луис Мигель», «Боливар» и др.¹³

¹⁰ Elías Jara e Alejandro Garnica, “¿Cómo la ves? La televisión mexicana y su público”. 2006, *IBOPE AGB*. [Электронный ресурс]. URL: <https://editorialpatria.com.mx/pdf/9786074380729.pdf> (дата обращения: 10.10.2021).

¹¹ “Tomado ‘Los formatos de ficción’, Una gran opción para los canales del mundo”, enero-marzo de 2008, *TVMAS Magazine* [Электронный ресурс]. URL: www.tvmasmagazine (дата обращения: 10.10.2021).

¹² Elia Cornelio-Marí, “Melodrama mexicano en la era de Netflix: algoritmos para la proximidad cultural”, *Comunicación y Sociedad* Art. e7481, 2020, p. 16.

¹³ Екатерина Виноградова и Наталья Вагнер, “Цифровизация Латинской Америки в культурной сфере”, *Латинская Америка* 4, 2021, с. 90.

Похожая ситуация складывается и в Бразилии. Основатель компании Netflix Рид Хастингс сравнил бразильский рынок потокового вещания с ракетой. «Я помню, что в первый год мы были очень слабы в Бразилии. Сегодня страна — это ракета»¹⁴.

Надо отметить, что начиная с 2015 г. Бразилия является третьим по величине рынком Netflix и занимает второе место в мире по темпам роста числа подписчиков¹⁵. Более 20 млн бразильцев ежедневно занимаются нелегальным скачиванием фильмов и телесериалов¹⁶. Здесь хотелось бы отметить, что с 1950-х гг. американские телепередачи и фильмы пользуются популярностью у бразильской аудитории. В начале 1970-х гг. правительство начало инвестировать в производство национального телевидения, чтобы минимизировать зависимость от американского импорта. С этого периода бразильские теленовеллы становятся популярными в Бразилии и получают международное признание за качество сюжетов и массовое производство.

Компания Netflix выбрала Латинскую Америку в качестве первого крупного региона для своей международной экспансии неслучайно. И этому способствуют несколько факторов.

1. Историческая экономическая, культурная и кинематографическая экспансия в регион, расположенный на одном континенте с США.
2. Культурная близость латиноамериканского среднего класса к североамериканской и транснациональной культуре. Таким образом, такие нематериальные активы, как культурный и языковой капитал успешно реализуются в странах Латинской Америки.

В качестве целей Netflix на латиноамериканском рынке цифровых услуг можно выделить:

- **экономические** — навязывание региону собственной цифровой модели и продукции. Таким образом, латиноамериканские телекомпании и цифровые платформы не получают прибыльных дивидендов, что негативно сказывается на экономике латиноамериканских стран;
- **культурные** — для того чтобы обратиться как к местной/национальной, так и к глобальной аудитории, Netflix стремится внедрить грамматику транснационализма в процессе производства всех своих фильмов и сериалов для минимизации культурной дистанции и популяризации так называемых «транснациональных либеральных ценностей», таких как антисексизм, антирасизм или антигомофобия¹⁷. Для этого привлекаются местные режиссеры, а целевой аудитории навязывается транснациональные ценности, транслируемые через политические и исторические сериалы.

Заключение

Теленовелла как художественно-телевизионная форма культурного производства является выражением той социальной системы, в которой она генерируется, воспроизводя каноны телевизионного вымысла наряду с моделями поведения, характерными для ее места и времени. Симбиоз «европейского», «традиционного» и «глобального» характеризует теленовеллу как один из репрезентативных продуктов культурной неоднородности, являющийся выражением смешанной культуры Латинской Америки.

¹⁴ “Reed Hastings”. 2017, *Money Time*.

¹⁵ Murillo Dias e Rodrigo Navarro, “Is netflix dominating Brazil?” *International Journal of Business and Management Review* 6:1, 2018, p. 24.

¹⁶ Kruzskaya Ordóñez, Suing Abel e Ramiro Leonardo Ramírez Coronel, “The Internet and the content audiovisuals. Netflix in Latin America”, *13th Iberian Conference on Information Systems and Technologies (CISTI)* 2018, p. 18.

¹⁷ Vanessa Mendes Moreira de Sa, “Brazil: Netflix, VPNs and the ‘Paying’ Pirates”, *International Journal of Communication* 9, 2015, p. 24.

Латиноамериканские телесериалы — проводники латиноамериканских культурных традиций, которые знакомят зрителей многих стран с многогранной цивилизационной особенностью Латинской Америки и являются своего рода социально-экономическим пособием, раскрывающим острые проблемы, стоящие перед всеми государствами в эпоху серьезного вызова, продиктованного глобализацией. Именно поэтому латиноамериканские телесериалы стали своего рода брендом данного телевизионного жанра во всем мире, создавая гибридную продукцию во многих странах мира.

Деятельность Netflix в латиноамериканском регионе негативно влияет на экономические и культурные процессы в латиноамериканском регионе, ослабляя региональный диалог между субъектами культуры и нарушая национальный культурный код¹⁸, заложенный региональным кинематографом на основе национальной литературы и фольклора.

Политика Netflix направлена на разрушение национальной культурной идентичности латиноамериканских народов. Следует также подчеркнуть, что транснациональные ценности и массовая культура, транслируемые в онлайн-формате, поглощают внимание латиноамериканцев, они становятся лишь потребителями этой культуры и все меньше создают собственный культурный продукт.

Библиография

1. *Виноградова Е. А., Вагнер Н. А.* Цифровизация Латинской Америки в культурной сфере // Латинская Америка. 2021. № 4. 2021. С. 85–94.
2. *Azorín L. S.* Las telenovelas y su influencia política. Actas — V Congreso Internacional Latina de Comunicación Social (CILCS). San Cristóbal de La Laguna: Universidad de La Laguna, 2013. P. 1–20.
3. *Burbano G.* Impacto e influencia de la telenovela de ruptura “Francisco el matemático” en la sociedad de Quito. Tesis de Grado. Quito; Ecuador: Universidad Internacional SEK Facultad de Ciencias de la Comunicación, 2003.
4. *Cornelio-Mari E.* Melodrama mexicano en la era de Netflix: algoritmos para la proximidad cultural // Comunicación y Sociedad. 2020. Art. e7481. P. 1–25.
5. Inician grabaciones de telenovela “En la piel de Alicia” // Andina. Agencia Peruana de Noticias [Электронный ресурс]. URL: <https://andina.pe/agencia/noticia-inician-grabaciones-telenovela-la-piel-alicia-756068.aspx> (дата обращения: 10.10.2021).
6. *Jara R., Garnica, A.* ¿Cómo la ves? La televisión mexicana y su público, México. 2006 // IBOPE AGB [Электронный ресурс]. URL: <https://editorialpatria.com.mx/pdf/files/9786074380729.pdf> (дата обращения: 03.04.2020).
7. *Ordóñez K., Suing A., Ramon M., Ramírez Coronel R. L.* The Internet and the content audiovisuals. Netflix in Latin America // 13th Iberian Conference on Information Systems and Technologies (CISTI), 2018.
8. *Dias M., Navarro R.* Is netflix dominating Brazil? // International Journal of Business and Management Review. 2018. Vol. 6. No.1.
9. *Mazziotti N.* La venganza de Montecristo y la máquina novelesca // Televisión latinoamericana. Estrategias y lectura. Septiembre de 2006.
10. Tomado “Los formatos de ficción. Una gran opción para los canales del mundo”, enero-marzo de 2008 // TVMAS Magazine [Электронный ресурс]. URL: www.tvmasmagazine.com (дата обращения: 07.04.2020).
11. *Mendes Moreira de Sa V.* Brazil: Netflix, VPNs and the “Paying” Pirates // International Journal of Communication. 2015. Vol. 9.

¹⁸ Под культурным кодом автор данного исследования понимает уникальные культурные особенности, доставшиеся народам от предков.

М. С. Глебов¹

**ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ
ВНЕШНЕЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ ГЕРМАНИИ
В ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОМ РЕГИОНЕ
(КОНЕЦ XX — НАЧАЛО XXI В.)**

**PUBLIC DIPLOMACY AS AN INSTRUMENT OF GERMANY'S
FOREIGN CULTURAL POLICY IN THE LATIN AMERICAN
REGION (LATE 20TH — EARLY 21ST CENTURY)**

Аннотация: В докладе рассматривается роль немецкой публичной дипломатии в распространении ценностей Германии с помощью межкультурной коммуникации в странах латиноамериканского региона в конце XX — начале XXI в. Огромную роль в расширении сотрудничества Германии в области культуры Германии со странами Латинской Америки играет деятельность субъектов публичной дипломатии таких как: немецкие фонды, институты, агентства и медиакомпании. С первого взгляда эти организации имеют весьма отдаленное отношение к внешней культурной политике. Однако более пристальный взгляд показывает, что деятельность данных структур так или иначе оказывает положительное влияние на имидж Германии за рубежом, способствует установлению долгосрочных контактов с различными аудиториями, служит достижению целей и продвигает ценности немецкой внешней политики. Инструменты публичной дипломатии используются для реализации двух функций: политического информирования и культурной коммуникации. В целях создания и укрепления диалога, построения отношений, формирования позитивного образа организации публичной дипломатии используют медиа, акции и собрания, такие как круглые столы, языковые курсы или выставки, а также обмен научными и творческими кадрами «с целью передачи информации об образе жизни, политической и экономической системе и творческих достижениях». С одной стороны, образовательные и научные программы немецкой внешней культурной политики играют положительную роль в развитии отношений между гражданами ФРГ и государств латиноамериканского региона. В частности, в последние годы видна положительная динамика в развитии обмена опытом и знаниями между людьми, которые учатся или занимаются научной, или культурной деятельностью. С другой стороны, ряд институтов немецкой публичной дипломатии играет значительную роль в политических процессах, которые происходили в странах Латинской Америки, где после так называемого «ренессанса социализма» к власти пришли «новые левые». В докладе будут показаны примеры информационной войны и использования правительством ФРГ правых партийных фондов против левых, левоцентристских и социал-демократических режимов Латинской Америки.

Ключевые слова: ФРГ; Латинская Америка; НКО; внешняя культурная политика; экономический кризис; социальные перемены.

Abstract: The paper examines the role of German public diplomacy in spreading the values of Germany through intercultural communication in the countries of the Latin American region at the end of the 20th century and beginning of the 21st century. A huge role in expanding international cooperation in the field of culture of Germany with Latin American countries is played by subjects of public diplomacy such as German foundations, institutions, agencies and media companies. At first glance, these organizations have a very distant relationship to foreign cultural policy. However, a

¹ Глебов Максим Сергеевич, Россия, аспирант МГПИУ (regresnet@inbox.ru).

closer look shows that the activities of these structures, explicitly or implicitly, have a positive effect on Germany's image abroad, contribute to the establishment of long-term contacts with various audiences, and promote the goals and values of German foreign policy. Public diplomacy tools are used to achieve both functions: political information and cultural communication. In order to create and strengthen dialogue, build relationships, and create a positive image, public diplomacy organizations use media, events, meetings, such as round tables, language courses, or exhibitions, as well as the exchange of scientific and creative personnel "to convey information about the way of life, the political and economic system, and creative achievements". On the one hand, educational and scientific programs of the German foreign cultural policy play a positive role in the development of relations between the citizens of the Federal Republic of Germany and the states of the Latin American region. In particular, in recent years, positive dynamics have been seen in the development of communications, the exchange of experience and knowledge between people who study or are engaged in scientific or cultural activities. On the other hand, a number of institutions of German public diplomacy play a significant role in the political processes that took place in Latin America, where after the so-called "renaissance of socialism" the "new left" came to power. The report will show examples of information warfare and the use by the FRG government of right-wing party funds against the left, center-left and social democratic regimes of Latin America.

Key words: Latin America; NGOs; foreign cultural policy; economic crisis; social changes.

Публичная дипломатия — это влияние общественных организаций на формирование и реализацию внешнеполитического курса государства². Она включает в себя формирование общественного мнения за рубежом, взаимодействие частных групп одной страны с группами других стран, а также содействие межкультурной коммуникации между государствами, народами³. Публичная дипломатия включает прямое взаимодействие с общественными деятелями, гражданами, политиками, журналистами и другими лидерами общественного мнения за пределами страны.

Понятие «внешняя культурная политика» многими исследователями понимается как это комплекс мер, проводимых государством или общественными организациями в области культуры, науки, образования и направленных на достижение внешнеполитических целей государства⁴.

В данной работе рассматривается применение правительством Германии культурной дипломатии на примере взаимодействия с зарубежной целевой аудиторией в латиноамериканском регионе.

Говоря о культурной дипломатии, следует отметить, что под этим понятием подразумевается область дипломатической деятельности, в которой культура используется в качестве объекта и средства достижения основополагающих целей внешней политики государства. Такими целями являются создание благоприятного образа страны, популяризация культуры, традиционных ценностей и языка народов, проживающих в этой стране.

В отличие от американской массовой культуры, немецкая культура является уникальной: Германия на протяжении веков была культурной страной, где создавались величайшие произведения литературы, музыки, философии, делались ключевые для науки открытия⁵.

² Термины «общественная дипломатия» и «публичная дипломатия» (public diplomacy) в данной статье имеют одинаковое значение.

³ Simon Anholt, *Brand New Justice: The Upside of Global Branding*, Oxford, 2003, p. 123.

⁴ Марина Рыбакова, "Международный аспект культурной политики. Опыт России и зарубежных стран", *Управленческое консультирование* 49:1, 2013, с. 116.

⁵ Внутри немецкого научного сообщества существует два подхода к культурному обмену: первый — концепция «элитарной культуры», разработанная Франкфуртской школой, а также принцип Kultur für alle («культура для всех»). На сегодняшний день можно наблюдать смещение от элитарного принципа к принципу максимальной открытости. См.: Irina Herrschner, "The role of art in German cultural diplomacy: an analysis of the festival of German films in Melbourne, Australia", *Media Transformations* 11, 2015, p. 124–141.

Внешняя культурная политика Германии прошла длинный путь от культурной экспансии до стратегии «диалога культур». Ангела Меркель во время своего выступления в Гёте-институте в Мюнхене в 2008 г., определила внешнюю культурную политику как «собственно интерес к стране», «а с другой стороны, диалог о ценностях и отношениях. При этом, конечно, должно быть укреплено и соответствующее понимание культур»⁶.

Говоря о взаимодействии внешней культурной политики Германии со странами Латинской Америки, нельзя не отметить, что регион как экономически, так и политически имеет для Германии большое значение.

Так, на примере германо-аргентинских отношений мы видим, что в настоящий момент существует примерно 300 организаций немецкоязычных сообществ, которые проводят совместные социальные, культурные, религиозные и спортивные мероприятия⁷.

В 2017 г. филиал Гёте-института в Буэнос-Айресе отпраздновал свое 50-летие, что свидетельствует о длительном сотрудничестве между ФРГ и Аргентиной в налаживании межкультурного диалога между немецким и аргентинским народами.

Гёте-институт реализует в Аргентине проекты в области культуры, финансируя программы и встречи. В частности, институт организовал мероприятия, посвященные классикам немецкой литературы и философии (Гёте, Шиллер, Гердер, Кант и т. д.)⁸.

Организовывались мероприятия, где аргентинскую общественность знакомили с менее известными представителями немецкой культуры, такими как Анне-Софи Муттер, или Уте Лемпер⁹. Гёте-институт дал возможность реализовать себя молодым художникам, которые иначе не смогли бы уехать из Германии в Аргентину. Институт внес немалый вклад в развитие кино. С 1976 г. он является одним из эпицентров экспериментального или андеграундного кино в Аргентине¹⁰.

Даже во времена военной диктатуры в Аргентине в стенах Гёте-института можно было увидеть уникальные документальные фильмы, которые нигде больше не показывались и тогда произвели фурор. Это было местом, где можно было посмотреть картины самых важных представителей нового немецкого кино, таких как Райнер Вернер Фассбиндер, Александр Клюге, Вим Вендерс¹¹.

Другим важным субъектом немецкой внешней культурной политики является DAAD — Германская служба академических обменов. С момента своего основания данное объединение поддержало более 2,1 млн немецких и иностранных ученых¹².

В начале XXI в. Германия расширила сотрудничество с Бразилией по части культурных связей (в частности, сотрудничество с библиотеками и музеями), экономического партнерства и образовательных программ. Согласно отчету DAAD, вторым по популярности иностранным языком, который хотят знать и изучают в Бразилии, является немецкий.

⁶ “Rede von Bundeskanzlerin Dr. Angela Merkel beim Besuch der Zentrale des Goethe-Instituts am 8. September 2008 in Muenchen”. 10.11.2020, *Die Bundesregierung* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/bulletin/rede-von-bundeskanzlerin-dr-angela-merkel-796488> (дата обращения: 20.07.2021).

⁷ Особую роль в социально-культурном развитии отношений между немецкими мигрантами и аргентинцами оказывают религиозные общины, которые развивали отношения с момента основания в 1843 году (в частности, Немецкая евангелическая конгрегация). См.: *Federación Argentina de Asociaciones Alemanas* [Электронный ресурс]. URL: <https://faag.org.ar/sobre-faag/#historia> (дата обращения: 20.07.2021).

⁸ Goethe-Institut Buenos Aires 1967–2017, *Goethe-Institut* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.goethe.de/resources/files/pdf133/50-jahre-goethe-institut-argentinien.pdf> (дата обращения: 20.07.2021).

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

¹² *Deutscher Akademischer Austauschdienst — Немецкая служба академических обменов* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.daad.ru/ru/o-nas/o-daad/> (дата обращения: 10.08.2021).

Это подтверждают данные, полученные DAAD в рамках программы «Sprachen ohne Grenzen» (SoG), которая проводится в Бразилии совместно с министерством образования¹³. В 2016 г. заявки на изучение немецкого языка подали 14 649 студентов, что меньше, чем количество подавших на изучение английского (47 583 заявки), но больше, чем на другие европейские языки (к примеру, на изучение французского языка подали 7 802 заявки, а остальные языки пользуются еще меньшим спросом)¹⁴.

Справедливости ради следует отметить снижение количества изучающих немецкий язык в Бразилии. Если раньше, в 2015 г., насчитывалось 134 588 изучающих немецкий язык, то в 2020 г. их стало 117 301¹⁵. Эксперты DAAD связывают такую ситуацию с экономическим кризисом в стране, сильно ударившему по образованию: уменьшилось количество учеников в частных школах, где основной упор делался на изучение немецкого как иностранного; снизилось финансирование курсов немецкого языка в государственных вузах, уменьшился спрос на платные курсы. В 160 учебных заведениях, предлагающих немецкий язык как иностранный, наблюдается снижение почти на 50 % по сравнению с 2015 г.¹⁶

Говоря о германо-аргентинских проектах в области образования, следует отметить получающие финансовую поддержку от правительства ФРГ, посредником которого часто выступает DAAD.

В рамках своих различных программ DAAD в 2015 г. в Германии проживало в общей сложности 678 аргентинцев, а в Аргентине — 393 немца¹⁷. Кроме того, организация продолжает расширять свои стипендиальные программы, финансируемые совместно с Министерством образования Аргентины и Министерством науки, исследований и продуктивных инноваций.

DAAD представлен специализированным на философском факультете Университета Буэнос-Айреса учебным заведением по литературоведению (свободная кафедра «Вальтер Бенджамин»). В частном Университете Торкуато ди Телла имеется финансируемая DAAD кафедра теории архитектуры имени Уолтера Гропиуса. На юридическом факультете Университета Буэнос-Айреса (UBA) с 2015 г. также была восстановлена вакантная кафедра права, финансируемая DAAD. Кроме того, три преподавателя DAAD-Lektorenprogramm работают над улучшением подготовки преподавателей и переводчиков в Буэнос-Айресе, Кордове и Тукумане. По данным справочной конференции университета (HRK), в настоящее время между немецкими и аргентинскими высшими учебными заведениями действует 235 соглашений о сотрудничестве¹⁸.

Ярким примером может также послужить Германо-аргентинский университетский центр (DANZ) — специальное учреждение для двустороннего академического сотрудничества, основанное в 2010 г. правительствами двух стран и научной ассоциацией немецкого бизнеса в Аргентине по модели франко-немецкого университета.

Так, согласно данным, предоставленным МИД ФРГ, по программе «Немецкий как иностранный» в 2015 г. в Аргентине обучалось 25 000 учеников, что означает увеличение на 8 170 учеников DaF по сравнению с 2010 г. Общее количество изучающих немецкий язык в Аргентине в 2015 г. составило 34 700 человек¹⁹. В последние несколько лет в Латинской Америке наблюдается возрождение интереса к немецкому языку. Важную роль в этом

¹³ “Berichte der Außenstellen 2017”, DAAD [Электронный ресурс]. URL: https://static.daad.de/media/daad_de/pdfs_nicht_barrierefrei/der-daad/analysen-studien/daad_aussenstellenbericht-2017.pdf (дата обращения: 04.08.2021).

¹⁴ Ibid.

¹⁵ “Deutsch als Fremdsprache weltweit”, *Datenerhebung 2020* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dw.com/downloads/53680275/deutsch-als-fremdsprache-weltweit-datenerhebung-2020-auswaertiges-amt.pdf> (дата обращения: 20.07.2021).

¹⁶ Ibid.

¹⁷ “Argentinien Daten & Analysen zum Hochschul- und Wissenschaftsstandort, 2016”, DAAD [Электронный ресурс]. URL: <https://www.daad.de/app/bsa/pdf/long/10/current/> (дата обращения: 20.07.2021).

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid.

сыграла инициатива правительства Германии «Schulen: Partner der Zukunft» (PASCH). В рамках этой инициативы значительно возросло число школ, в которых преподается немецкий язык²⁰.

Говоря о практиках немецкой публичной дипломатии в латиноамериканском регионе, нельзя не сказать и о важнейших ее субъектах — политических фондах, активно участвующих в политической жизни государств Латинской Америки, поддерживая идеологически близкие партии и движения.

Прежде всего фонды занимаются политическим образованием государственных, партийных и профсоюзных элит, а также осуществляют научное сотрудничество и оказывают поддержку независимым СМИ²¹.

Политические фонды способствуют «демократизации» ряда стран латиноамериканского региона с 1970-х гг. по настоящее время²². Для наглядности можно привести примеры использования политических фондов в дестабилизации политической ситуации на Кубе.

Все крупные германские фонды проводят консультации, тренинги и финансируют выступления диссидентов. Цель этих контактов — обеспечение политических и экономических позиций Германии на Кубе после ухода Кастро и в условиях возможной «реставрации» капиталистической системы в стране. К примеру, партнерами фонда Конрада Аденауэра являются: Христианское освободительное движение, Патриотический союз Кубы, Кубинский демократический проект (PRODECU), Прогрессивная политическая партия (PARP), Кубинская юридическая ассоциация, Христианско-демократическая партия Кубы, Кубинская либеральная партия солидарности и другие партии и движения, являющиеся политическими оппонентами официальной власти на Кубе²³.

Фонд Аденауэра долгое время оказывал всевозможную информационную поддержку видному оппозиционному кубинскому активисту Освальдо Пая Сардиньясу, который в 1987 г. основал Христианско-демократическое движение. Так, в 2002 г. офисы фонда распространяли брошюру проекта «Varela», в котором пропагандировались либеральные политические реформы, которые, по мнению Освальдо Пая, необходимо реализовать на Кубе²⁴.

В 2006 г. отделение Фонда Аденауэра в Мексике также распространяла программу «Все кубинцы», которая являлась продолжением проекта «Varela». В программе предлагалось в первую очередь дать кубинцам право частной собственности на средства производства, закрепив это в новой конституции, тем самым способствуя разрушению социалистического общества на Кубе. В программе гарантировалось право кубинцев создавать частные предприятия, торговать внутри страны и за рубежом²⁵.

На первом этапе реформирования Кубы предполагалось не приватизировать крупные производства, медицинские и образовательные учреждения, а также государственные СМИ²⁶.

²⁰ Шестьдесят семь школ в Латинской Америке стали новыми школами-партнерами. Они сейчас расширяют круг занятий по немецкому языку или введение немецкого языка как нового предмета. Ориентация на определенные группы — например, молодые инженеры — в вузах сделали много, чтобы поднять интерес к немецкому языку. Языковые курсы, предлагаемые филиалы Гёте-института в регионе значительно повысили интерес к немецкому языку. См.: “Germany, Latin America and the Caribbean: A Strategy Paper by the German Government”, *Auswärtiges Amt* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/blob/610648/834f1c85008534e4aad8083327d3651c/lak-konzept-engl-data.pdf> (дата обращения: 10.08.2021).

²¹ Светлана Погорельская, *Неправительственные организации и политические фонды во внешней политике Федеративной Республики Германии*, Москва, 2007, с. 87.

²² Там же.

²³ “Temática Cuba”, *Konrad-Adenauer-Stiftung* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kas.de/es/web/mexiko/thematik-kuba> (дата обращения: 01.09.2021).

²⁴ Ibid.

²⁵ “Programa Todos Cubanos — Proquesta para la transición a la democracia”, *Konrad-Adenauer-Stiftung* [Электронный ресурс]. URL: http://www.kas.de/upload/projekte/Cubanos_span.pdf (дата обращения: 01.09.2021).

²⁶ Ibid.

Предполагалось проведение аграрной реформы, основным принципом которой будет заключаться в передаче земли в собственность в различных формах тем, кто на ней трудится или производит на благо страны и собственников. Земля должна была передаваться из государственной собственности²⁷. Данные реформы, безусловно, могли спровоцировать социально-политический кризис в стране.

Говоря о присутствии на Кубе немецких политических фондов, нельзя не упомянуть деятельность Фонда им. Фридриха Эберта, который с 60-х гг. XX в. наладил отношения, а с 1983 г. активизировал свою деятельность на Острове Свободы.

С 1990-х гг. фонд смог начать работу, отвечающую критериям помощи в развитии²⁸. В начале XXI в. на Кубе был начат процесс обновления экономической и социальной модели, который продолжается и по сей день. В конечном счете контролируемое внедрение элементов рыночной экономики должно обеспечить своего рода плавный переход с помощью смешанной системы рыночной и плановой экономики, которая возвращает страну к мировой экономике, привлекает прямые иностранные инвестиции, а также стимулирует экспорт и рост²⁹.

На фоне усилий Кубы по реформированию проектная работа FES тематически фокусируется на ключевых вопросах модели устойчивого развития, социальной политике, экономической политике и рынке труда, вопросах местного развития, а также международной политики.

Основными партнерами являются Международный отдел ЦК Коммунистической партии, экономические и внешнеполитические аналитические центры, а также различные институты, в том числе Гаванский университет³⁰.

Кубинское отделение FES находится в Доминиканской Республике, и группа FES часто посещает Гавану для проведения встреч и осуществления мероприятий и проектов с институтами государственного управления, университетами, научно-исследовательскими институтами и Центром трудящихся Кубы. В 2018 г. было проведено более 40 мероприятий, среди которых — семинары, конференции, международные программы посещения и публикации.

Очень важная работа фонда прodelывается в сфере программ по обмену опытом. Например, в 2020 г. пять представителей Союза молодых коммунистов Кубы (UJC) посетили Берлин по приглашению Фонда им. Фридриха Эберта — для общения с местной молодежью, в том числе с молодежной организацией из Германии. Состоялась встреча с активистами Социал-демократической партии (JUSOS in der SPD), на которой обсуждались перспективы и проблемы, с которыми сталкивается молодежь в обеих странах.

Обсуждались, в частности, жилищное положение в обеих странах, гендерное равенство и справедливость, а также работа профсоюзов. Кроме того, были затронуты проблемы изменения климата и различные национальные меры в этом направлении. Политические и экономические аспекты, касающиеся перспектив молодых предпринимателей, также были затронуты на всех совещаниях³¹.

В рамках процесса обновления кубинской модели особую актуальность имеют вопросы, связанные с частными предприятиями, инновациями и сотрудничеством между государственным и частным секторами являются актуальными вопросами. Они же являются предметом широкого опыта в латиноамериканском регионе, как, к примеру, в Колумбии.

²⁷ Ibid.

²⁸ Светлана Погорельская, *Указ. соч.*, с. 94.

²⁹ “Friedrich-Ebert-Stiftung auf Kuba”, *Friedrich-Ebert-Stiftung* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fes.de/referat-lateinamerika-und-karibik/karibik/kuba> (дата обращения: 01.08.2021).

³⁰ Ibid.

³¹ “Representantes de la Unión de Jóvenes Comunistas de Cuba sostienen intercambio en Berlin con la organización juvenil del partido socialdemócrata alemán”, *Friedrich-Ebert-Stiftung* [Электронный ресурс]. URL: <https://caribe.fes.de/e/representantes-de-la-union-de-jovenes-comunistas-de-cuba-sostienen-intercambio-en-berlin-con-la-organizacion-juvenil-del-partido-socialdemocrata-aleman> (дата обращения: 01.08.2021).

FES организовал поездку четырех кубинских ученых из Гаванского университета в города Богота и в Кали (Колумбия), с целью познакомиться с государственными и частными инициативами в области предпринимательства и инноваций. В состав делегации входил доктор Рикардо Торрес, заместитель директора Кубинского центра экономических исследований, доктор Илеана Диас, профессор Кубинского центра изучения экономики, немецкий связист Сото, помощник профессора юридического факультета, и Давид Лопес Батиста, профессор факультета экономики. Кроме того, FESCOL организовал беседу под названием «Куба сегодня: новое правительство, изменения в экономической и геополитической модели в эпоху Трампа», в которой участвовали партнеры, заинтересованные в международных отношениях, и обменялись мнениями не только по поводу Кубы, но и по ключевым вопросам, касающимся общей ситуации в регионе³².

Таким образом, Фонд им. Фридриха Эберта, как и другие менее крупные политические фонды,³³ проводящие в странах Латиноамериканского региона свои мероприятия во внешней культурной политике ФРГ, исключает вмешательство во внутренние дела других государств. Занимаясь прежде всего политическим образованием, развитием двусторонних отношений и аналитической работой, данные фонды не участвуют во внутривнутриполитической борьбе, забастовках и в предвыборной борьбе.

В заключение хочется отметить, что использование дипломатии во внешней культурной политике ФРГ положительно повлияло на сближение между народами и, соответственно, укрепление позиций Германии в латиноамериканском регионе. Гёте-институт, DAAD, немецкие сообщества играют ключевую роль в поддержании, консолидации и расширении культурных связей между Германией и Латинской Америкой. Хорошее знание немецкого языка, в развитие которого немецкие школы за рубежом внесли значительный вклад, является ключом к экономическому и академическому обмену с Германией. Это облегчает обучение здесь, но также способствует профессиональному росту в родной стране.

Но нельзя забывать, что многие НКО, в частности немецкие политические фонды, которые призваны прежде всего заниматься продвижением немецкой политической культуры, а также и поддерживать институты гражданского общества, на деле активно вмешиваются во внутренние дела многих государств региона. Часто с помощью немецких фондов формируется инфраструктура массовых протестов, финансируются оппозиционные движения и культивируются антиправительственные настроения в обществе.

Библиография

1. Berichte der Außenstellen 2017 // DAAD [Электронный ресурс]. URL: https://static.daad.de/media/daad_de/pdfs_nicht_barrierefrei/der-daad/analysen-studien/daad_aussenstellenbericht-2017.pdf (дата обращения: 04.08.2021).
2. Deutscher Akademischer Austauschdienst — Немецкая служба академических обменов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.daad.ru/ru/o-nas/o-daad/> (дата обращения: 10.08.2021).
3. Temática Cuba // Konrad-Adenauer-Stiftung [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kas.de/es/web/mexiko/thematik-kuba> (дата обращения: 01.04.2021).
4. Representantes de la Unión de Jóvenes Comunistas de Cuba sostienen intercambio en Berlin con la organización juvenil del partido socialdemócrata alemán // Friedrich-Ebert-Stiftung [Электронный ресурс]. URL: <https://caribe.fes.de/e/representantes-de-la-union-de-jovenes-comunistas-de-cuba-sostienen-intercambio-en-berlin-con-la-organizacion-juvenil-del-partido-socialdemocrata-aleman> (дата обращения: 01.08.2021).
5. *Погорельская С. В.* Неправительственные организации и политические фонды во внешней политике Федеративной Республики Германии. М.: Наука, 2007.
6. *Рыбакова М. Г.* Международный аспект культурной политики. Опыт России и зарубежных стран // *Управленческое консультирование*. 2013. Т. 49. № 1. С. 115–121.

³² Ibid.

³³ Фонд им. Генриха Бёлля и Фонд им. Розы Люксембург.

7. Argentinien Daten & Analysen zum Hochschul- und Wissenschaftsstandort, 2016 // DAAD [Электронный ресурс]. URL: <https://www.daad.de/app/bsa/pdf/long/10/current/> (дата обращения: 20.07.2021).
8. *Anholt S.* Brand New Justice: The Upside of Global Branding. Oxford: Elsevier Science & Technology Books, 2003.
9. Germany, Latin America and the Caribbean: A Strategy Paper by the German Government // Auswärtiges Amt [Электронный ресурс]. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/blob/610648/834f1c85008534e4aad8083327d3651c/lak-konzept-engl-data.pdf> (дата обращения: 10.08.2021).
10. Goethe-Institut Buenos Aires 1967–2017 // Goethe-Institut [Электронный ресурс]. URL: <https://www.goethe.de/resources/files/pdf133/50-jahre-goethe-institut-argentinien.pdf> (дата обращения: 20.07.2021).
11. Deutsch als Fremdsprache weltweit // Datenerhebung 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dw.com/downloads/53680275/deutsch-als-fremdsprache-weltweit-datenerhebung-2020-auswaertiges-amt.pdf> (дата обращения: 20.07.2021).
12. Programa Todos Cubanos — Proquesta para la transición a la democracia // Konrad-Adenauer-Stiftung [Электронный ресурс]. URL: http://www.kas.de/upload/projekte/Cubanos_span.pdf (дата обращения: 01.09.2021).
13. Rede von Bundeskanzlerin Dr. Angela Merkel beim Besuch der Zentrale des Goethe-Instituts am 8. September 2008 in Muenchen. 10.11.2020. // Die Bundesregierung [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/bulletin/rede-von-bundeskanzlerin-dr-angela-merkel-796488> (дата обращения: 20.07.2021).

НАСЛЕДИЕ И БУДУЩЕЕ ЛЕВЫХ СИЛ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

HERITAGE AND FUTURE OF THE LEFT IN LATIN AMERICA

*Leandro Molinaro*¹

LA INSERCIÓN DEL MOVIMIENTO AL SOCIALISMO EN LOS LUGARES DE TRABAJO EN EL ÁREA METROPOLITANA DE BUENOS AIRES EN EL EPÍLOGO DE LA ÚLTIMA DICTADURA MILITAR ARGENTINA

THE INSERTION OF THE MOVEMENT TOWARDS SOCIALISM IN THE WORKPLACES IN THE BUENOS AIRES METROPOLITAN AREA IN THE EPILOGUE OF THE LAST ARGENTINE MILITARY DICTATORSHIP

Resumen: En la ponencia abordamos un tema poco transitado en la historiografía: la inserción del Movimiento Al Socialismo (MAS) en los establecimientos laborales del Área Metropolitana de Buenos Aires durante el epílogo de la última dictadura militar (agosto de 1982 — diciembre de 1983). En particular, analizamos los objetivos y tácticas del partido liderado por Nahuel Moreno hacia el mundo del trabajo, el accionar de sus activistas, las tensiones existentes en su interior y con activistas de otras corrientes que participaban de los mismos espacios, y su inserción en la conflictividad laboral del período.

Palabras claves: izquierdas; MAS; movimiento obrero; última dictadura argentina.

Abstract: In this writing, we study an unanalyzed topic of in historiography of left parties in Argentina: the insertion of the Movimiento Al Socialismo (MAS) in the labor establishments of the Metropolitan Area of Buenos Aires during the epilogue of the last military dictatorship (August 1982 — December 1983). In particular, we analyze the objectives and tactics of the party led by Nahuel Moreno towards the working class and labor movement, the actions of its activists, the tensions existing within them and with the other parties' activists who participated in the same spaces.

Key words: left; MAS; labor movement; last Argentine dictatorship.

En el presente escrito abordamos un tema poco transitado en la historiografía: la inserción del Movimiento Al Socialismo (MAS) en los establecimientos laborales del Área Metropolitana de

¹ **Leandro Molinaro**, Argentina, Licenciado en Historia, CONICET-UBA-CEHTI (leandromolinaro@gmail.com).

Buenos Aires durante el epílogo de la última dictadura militar (agosto de 1982 – diciembre de 1983). En particular, analizamos los objetivos y tácticas del partido liderado por Nahuel Moreno hacia el mundo del trabajo, el accionar de sus activistas, las tensiones existentes en su interior y con activistas de otras corrientes que participaban de los mismos espacios, y su inserción en la conflictividad laboral del período.

Para ello, nos basamos, principalmente, en la indagación de documentación interna y pública del MAS. También tenemos en cuenta como insumo a periódicos comerciales y de otras agrupaciones marxistas con inserción en el movimiento obrero.

El recorte temporal se engloba en los últimos meses del “Proceso de Reorganización Nacional”, en una coyuntura de descomposición del poder político acontecida entre agosto de 1982 y diciembre de 1983. Meses después de terminada la Guerra de Malvinas, el Partido Socialista de los Trabajadores adoptó el nombre Movimiento Al Socialismo para actuar bajo un sello legal. En estos meses intentamos caracterizar su accionar en diferentes barriadas obreras (principalmente en el Gran Buenos Aires) y su participación en la creciente conflictividad laboral. Esta última estuvo relacionada la normalización sindical acordada entre dirigentes sindicales y el gobierno militar. Nuestra pesquisa finaliza con las elecciones nacionales de octubre 1983 que dio origen a la reapertura democrática que se cristalizaría dos meses después. En este punto, señalaremos algunas derivaciones de los magros resultados electorales que tuvo el MAS y sus consecuencias en la relación con el movimiento obrero.

Los inicios del MAS: ¿El desplazamiento de la figura del obrero fabril?

El MAS se originó en agosto de 1982 en la coyuntura de descomposición del “Proceso de Reorganización Nacional” (PRN) iniciada luego de la Guerra de Malvinas. De orientación trotskista representaba el nuevo proyecto político de la corriente política fundada por Nahuel Moreno (Hugo Bressano), la cual estaba presente en el movimiento obrero y otros sectores de la sociedad argentina desde hacía más de cuatro décadas². Fuera del país, también participó activamente de la organización trotskista conocida como IV Internacional³.

² En diversos contextos y bajo distintas tácticas, la corriente morenista se agrupó bajo diferentes denominaciones: Grupo Obrero Marxista (1944–1948), Partido Obrero Revolucionario (1948–1953), Federación Bonaerense del Partido Socialista de la Revolución Nacional (1953–1955), Movimiento de Agrupaciones Obreras (1955–1957), Palabra Obrera (1957–1965), Partido Revolucionario de los Trabajadores (1965–1968), Partido Revolucionario de los Trabajadores — La Verdad (1968–1972), Partido Socialista de los Trabajadores (1972–1982) y Movimiento Al Socialismo (1982–1992). A partir de 1988 el MAS comenzó a sufrir escisiones y terminó fragmentándose en decenas de organizaciones. Desde diferentes perspectivas, las investigaciones que se centraron en aspectos de la historia de esta corriente fueron: Victoria Bona y Rodrigo López, “Los desafíos del frente del pueblo. El PCA y el MAS en la transición democrática argentina”, *Revista de Historia Social y de las Mentalidades* 24:2, 2020; Hernán Camarero, “Una experiencia de la izquierda en el movimiento obrero. El trotskismo frente a la crisis del peronismo y la resistencia de los trabajadores (1954–1957)”, *Razón y Revolución* 3, 1997; Hernán Camarero, “Tras las huellas del Cordobazo. Balances y perspectivas de Nahuel Moreno y el trotskismo del PRT-La Verdad”, en Nahuel Moreno, *Después del Cordobazo. Textos del PRT-La Verdad y el PST*, Buenos Aires, 2013. P. 7–23; Daniel Campione, “La izquierda no armada en los años setenta: tres casos, 1973–1976”, en Horacio Crespo y otros (comps.), *Argentina, 1976. Estudios en torno al golpe de Estado*, Buenos Aires, 2007. P. 85–110; Osvaldo Coggiola, *Historia del trotskismo en Argentina y América Latina*, Buenos Aires, 2006; Ernesto González (coord.), *El trotskismo obrero e internacionalista en la Argentina*, Buenos Aires, 1995; Martín Mangiantini, *Itinerarios militantes. Del Partido Revolucionario de los Trabajadores al Partido Socialista de los Trabajadores (1965–1976)*, Buenos Aires, 2018; Florencia Osuna, “De la ‘Revolución socialista’ a la ‘Revolución democrática’”, *Las prácticas políticas del Partido Socialista de los Trabajadores/Movimiento al Socialismo durante la última dictadura (1976–1983)*, Los Polvorines, Argentina, 2015; Pablo Pozzi y Alejandro Schneider, *Los setentistas. Izquierda y clase obrera: 1969–1976*, Buenos Aires, 2000.

³ En 1953 formó parte del Secretariado Latinoamericano del Trotskismo Ortodoxo. En 1963 se integró al Secretariado Unificado de la reunificada IV Internacional. En disidencia con la línea mayoritaria de este organismo (encabezada por Ernest Mandel), el morenismo rompió con el Secretariado Unificado en 1979. En 1980 se fusionó con la fracción trotskista disidente del Secretariado Unificado liderada por Pierre Lambert, aunque este acuerdo solo duraría un año. En 1982, Moreno fundó su propia corriente internacional: la Liga Internacional Trotskista — Cuarta Internacional, la cual se dividiría en varias entidades tras la muerte de su fundador en 1987.

En los años previos, la corriente morenista había sufrido de forma directa la represión estatal y paraestatal como otras organizaciones revolucionarias. El Partido Socialista de los Trabajadores (PST), antecesor del MAS, fue ilegalizado, sufrió 96 desapariciones, centenares de militantes encarcelados⁴, y parte de su dirección debió exiliarse en Colombia⁵. Luego de la Guerra de Malvinas, el PST impulsó la formación del MAS como partido legal con el fin de insertarse en la apertura política dispuesta por un debilitado gobierno de facto. En esta coyuntura, Nahuel Moreno⁶ teorizó que la descomposición de la última dictadura iniciada a mediados de 1982 configuraba en una situación revolucionaria⁷. Esto podía deducirse a partir de la crisis del régimen militar y la movilización de una clase obrera (“derrotada pero no aplastada”) y el resto del pueblo, primero contra el imperialismo inglés y, con el fin de la contienda bélica en Malvinas, contra la propia dictadura y “el sistema capitalista semicolonial”. Desde este punto de vista, el llamado a elecciones y la restauración de un nuevo régimen formaban parte de la estrategia de la burguesía imperialista para desmontar la movilización revolucionaria de las masas iniciada en abril de 1982. Además, hacía hincapié en que el peronismo, la dirección política y sindical de la clase obrera, había entrado en crisis ante el inicio de la dictadura en 1976. Esta última había anulado todas las conquistas sociales logradas en los anteriores cuarenta años. El movimiento fundado por Perón se encontraba fragmentado y Moreno señalaba que la clase obrera había profundizado su odio contra la dirigencia peronista por su incapacidad para resistir al golpe de Estado y por su pasividad frente a la ofensiva del régimen de facto contra sus condiciones de vida.

Bajo esta caracterización, el morenismo tuvo como uno de sus principales tareas ampliar su base obteniendo réditos de los intersticios legales abiertos durante el gobierno de Bignone. Con este fin, emprendió la tarea de insertarse en las barriadas populares⁸. Es decir, intentó tender un puente hacia la clase obrera en su área de reproducción. En la coyuntura, esta política debía servir para lograr buenos resultados en las elecciones generales de octubre de 1983. Aunque su meta principal era disputarle el apoyo de la clase obrera al peronismo. No resulta casual que la mayoría de los locales se hubiesen abierto en los barrios del GBA rodeados de unidades fabriles.

Entre finales de 1982 y octubre de 1983, la dirección del MAS señalaba que habían abierto alrededor de 600 locales partidarios, 400 de ellos en el GBA⁹. Ahora bien, no consideramos que la implementación de esta tarea hubiese significado que el morenismo hubiese realizado “desplazamiento discursivo y práctico de la tradicional figura del obrero fabril organizado a la del vecino de barrio popular”¹⁰. Si bien en el discurso público del partido, la figura del “vecino” cobró centralidad, ello no implicó una disolución de la figura de la clase obrera y sus organizaciones.

Tomando como referencia a la publicación semanal del MAS, *Solidaridad Socialista (SS)*, entre su primer número (10.11.1982) y el número 47 (publicado en octubre de 1983, en la semana previa a las elecciones generales), encontramos que en 23 de estos periódicos aparecieron notas, muchas de ellas en las páginas centrales, sobre la actividad barrial del partido, principalmente relacionadas con la apertura de locales. Sin embargo, no observamos una dilución de la figura del obrero en estos artículos. Por el contrario, aparecen términos que podemos articular con elementos de la tradición de la izquierda marxista en general y del morenismo en particular, vinculados con

⁴ *Rastros en el silencio. El trotskismo frente a la Triple A y la dictadura*, Buenos Aires, 2006.

⁵ Antes del golpe, la represión paraestatal cobró la vida de 16 miembros del PST entre mayo de 1974 (“Masacre de Pacheco”) y septiembre de 1975 (“Masacre de La Plata”).

⁶ Nahuel Moreno, 1982: *comienza la revolución, Presentado al Comité Ejecutivo Internacional (CEI) de la Liga Internacional de los Trabajadores-Cuarta Internacional (LIT-CI)*, 1983.

⁷ Esta concepción se encontraba imbricada con el desarrollo teórico de Moreno que, por un lado, implicaba una revisión de la teoría de la revolución permanente de Trotsky en base al análisis de las revoluciones surgidas con posterioridad a la Segunda Guerra Mundial, y, por otro, se encontraba inserto en los debates suscitados al interior de la IV Internacional. Sobre la producción de Moreno en este sentido, véase, entre otros: *Actualización del Programa de Transición* (1980); *Argentina: Una revolución democrática triunfante* (1983); *Revoluciones del siglo XX* (1984); *Intervenciones en la Escuela de Cuadros: Argentina 1984* (1984).

⁸ Entre 1981 y 1982 en algunas localidades del Gran Buenos Aires se habían producido tomas de tierra y los llamados “vecinazos” (rebeliones contra el aumento de impuestos municipales).

⁹ Informe de Actividades, marzo de 1984.

¹⁰ Florencia Osuna, *Op. cit.*, p. 124.

la figura del proletariado. En primer lugar, en muchas publicaciones se reivindicaba que la mayoría de las “casas socialistas” fueron abiertas en barriadas obreras o se entrevistaban a trabajadores despedidos o en actividad en establecimientos, por lo general fabriles, de la zona¹¹. Incluso, en algunos casos las referencias eran explícitas en los títulos de las notas sobre aperturas de locales como “La Boca obrera y socialista” y “Monte Chingolo: unidad solo con los trabajadores”¹². En segundo término, en la mayoría de los semanarios aparecía la lista de locales que incluía la leyenda “Por una Argentina socialista, sin generales ni capitalistas”. En tercer lugar, en las semanas previas a las elecciones, el MAS reivindicaba la realización de asambleas en la que participaban “obreritos y vecinos” de cada barrio para definir precandidaturas del partido. Ello era mostrado como un ejemplo de “democracia obrera”¹³. Es decir, en el discurso público del partido la clase trabajadora seguía siendo un tópico central. Ante el retroceso experimentado en el movimiento obrero tras los años del “Proceso”, la búsqueda de presencia en los barrios pretendía una vinculación con clase en el área de reproducción social.

En octubre de 1983 se produjo las elecciones nacionales que darían inicio a la reapertura democrática. Para la corriente morenista los resultados fueron menores de lo esperado. No obstante, la dirección partidaria consideraba que el cambio de régimen no modificaba la situación revolucionaria, a pesar de que señalaba que el alfonsinismo formaba parte de la contrarrevolución democrática que impulsaba la burguesía, el imperialismo y los militares para desmontar esta situación abierta luego de la Guerra de Malvinas¹⁴. En esta nueva coyuntura, el MAS buscaría profundizar su inserción en los sitios laborales con el fin de captar para sus filas al nuevo activismo surgido en los últimos años. El morenismo vislumbraba que aumentaría su influencia allí si podía intervenir de forma precisa tanto en la conflictividad en los sitios laborales, que continuaba en ascenso tras la llegada de los radicales a la administración estatal, como en el proceso de normalización sindical tanto a nivel dirigenal como en los lugares de trabajo. Si bien para lograr inserción en las fábricas y otros sitios laborales¹⁵, daba centralidad a los locales barriales (“unidad esencial de la organización partidaria”), lo cierto es que el cambio de táctica de dar prioridad al movimiento obrero en las unidades laborales, implicó un cierre de cientos de “casas socialistas”. Si en octubre de 1983 contaba con 600 locales, el morenismo calculaba que en febrero de 1984 la cantidad había bajado a 212 locales y en julio de ese año a 140¹⁶.

La presencia en el movimiento obrero tras años de clandestinidad

Durante el epílogo de la última dictadura militar, la prensa del partido no dejó de darle importancia al movimiento obrero: en 45 números de esta publicación se le dio espacio a la situación sindical del período, y en 43 de ellos hubo notas que refirieron específicamente a lugares de trabajo (principalmente, sobre conflictos). Incluso las referencias a estos últimos fue en aumento en consonancia con los altos niveles de conflictividad laboral registrados sobre todo en 1983¹⁷.

Al indagar la documentación interna encontramos que la dirección partidaria hacía especial hincapié en la crisis del peronismo y en el espacio que podía abrirse para disputar la dirección del

¹¹ SS, N° 3, 25.11.1982; SS, N° 4, 02.12.1982; SS, N° 5, 09.12.1982; SS, N° 6, 16.12.1982; SS, N° 8, 13.01.1983; SS, N° 10, 27.01.1983; SS, N° 38, 18.08.1983.

¹² SS, N° 4, 02.12.1982; SS, N° 6, 16.12.1982.

¹³ SS, N° 39, 25.08.1983; SS, N° 40, 01.09.1983.

¹⁴ “Documento nacional. Hacia una nueva dirección del movimiento obrero”, noviembre de 1983.

¹⁵ Si bien había que dar prioridad al proletario industrial, la dirección morenista pedía a sus militantes que debían acercarse a todos los trabajadores aunque no fueran fabriles. Esta última aclaración se realizaba debido a que, hacia finales de 1983, el MAS consideraba que los gremios de servicios (como ferroviarios, bancarios, docentes, estatales y judiciales) eran los que habían protagonizado los conflictos más relevantes en el último tramo de la dictadura. Ídem.

¹⁶ “Datos sobre la situación del partido”, Comité Central del 01.07.1984.

¹⁷ Circunscribiéndonos en el AMBA, entre mediados de junio de 1982 y los primeros días diciembre de 1983 detectamos 183 medidas de fuerza impulsadas por las bases.

movimiento obrero¹⁸. Para noviembre de 1982, en coincidencia con el aceleramiento de la normalización sindical pactada por los líderes gremiales y el gobierno militar, el MAS concluyó que había un ascenso en la lucha en algunos lugares de trabajo y gremios no industriales¹⁹. Y hacia mediados de 1983 empezó a dar una importancia central al surgimiento de una nueva camada de activistas, los cuales eran definidos como una vanguardia sindical “atomizada y dispersa, muy numerosa”, independiente de la burocracia sindical. Su debilidad consistía en la inexperiencia: no sabían dirigir una asamblea ni sabían aplicar tácticas para encarar conflictos. A partir de esta concepción, el partido señalaba que había que apoyarlos más allá de su pertenencia política e impulsarlos para que se postularan en las elecciones sindicales que se estaban negociando en el marco de la normalización. En este sentido, el objetivo en esta etapa consistía en echar a los dirigentes sindicales que habían sido cómplices de la dictadura, impulsando a estos activistas e incluso, aliándose con “viejos burócratas” desplazados de sus puestos durante el “Proceso”²⁰. Es decir, tácticamente se descartaba la posibilidad de formar listas sindicales propias (salvo excepciones), sino frentes que incluyeran “gente nueva”, otras agrupaciones de izquierda, radicales y dirigentes “no muy quemados” del peronismo, y exigir que el final de las intervenciones de los sindicatos fuera planificada de “abajo hacia arriba”, con elecciones de organizaciones de base en primer lugar y luego de la cúpula gremial. Si este proceso se efectuaba de forma contraria se corría el riesgo de que la elección de las organizaciones de base fuese controlada por los antiguos dirigentes que el morenismo buscaba desplazar. Bajo esta táctica se buscaba sumar a las filas del partido a este nuevo activismo. En este sentido, la consigna era lograr “2000 delegados del MAS”²¹.

Como pasaremos a detallar, este era un objetivo difícil de alcanzar. La implantación de esta corriente se encontraba, principalmente, en los gremios no industriales. A lo largo de 1983 podemos contabilizar delegados y/o activistas en seccionales de los sindicatos ferroviarios de La Fraternidad, Señaleros, Unión Ferroviaria; en el gremio docente; no docentes; petroleros estatales; sanidad; salud pública; comercio; trabajadores del subte; judiciales; seguro; municipales de Capital Federal; Luz y Fuerza Capital; FOETRA Buenos Aires; portuarios; guincheros; y correo²².

No obstante, era en el gremio bancario donde el morenismo tenía mayor inserción en este período. Esto se encontraba relacionado con la apertura de bancos y financieras a partir de la reforma llevada a cabo durante el “Proceso” por el ministro de Economía, José Martínez de Hoz. Allí recalaron un número importante de activistas que habían sido expulsados de otros sitios laborales. Debido a esta presencia, tuvieron una participación activa en los conflictos que se desarrollaron en el gremio hacia mediados de 1983. Durante los mismos se eligieron una gran cantidad de delegados. Si bien la mayoría de los representantes elegidos en este proceso eran jóvenes con poca experiencia política previa, el MAS se integró o aumentó su representación en cuerpo de delegados de diferentes entidades: Caja de Ahorro, Nación, Italia y Río de la Plata, Provincia de Buenos Aires, Nueva Era, Torquinst, Real, Crédito Rural, Hipotecario, Chase Bank, Casa, Agrario, Mayo, Shaw, Santander, y las sucursales en Capital Federal de los bancos Mendoza y Chaco. También tenía militantes en otras entidades como Ciudad, CNAS, City, Boston, Río, Comercial del Norte, Londres, Oeste y Buen Ayre²³.

¹⁸ Bajo su caracterización de situación revolucionaria, Nahuel Moreno señalaba que la burocracia peronista había sido debilitada por la dictadura al golpear su estructura sindical (mediante la intervención de numerosas asociaciones) y privada de los recursos cuantiosos de las obras sociales. Nahuel Moreno, *1982: comienza la revolución, Presentado al Comité Ejecutivo Internacional (CEI) de la Liga Internacional de los Trabajadores-Cuarta Internacional (LIT-CI)*, 1983.

¹⁹ Minuta sindical, 15.11.1982.

²⁰ Temario Comité Ejecutivo 2° parte, 15.06.1983.

²¹ Temario Comité Ejecutivo 2° parte, 15.06.1983; Documento interno del MAS sobre elecciones sindicales, 1983.

²² Datos obtenidos a partir del relevamiento de: Informes sindicales sobre gremios bancario, ferroviario, telefónico y UTA Bancarios, mayo de 1983; “Sindical: nuestra intervención en los conflictos”, julio de 1983; Circular interna del MAS N° 30, 01.12.1983; Comercio — Sanidad, 1983; SS, N° 8, 13.01.1983; Minuta sindical: “Campaña por nuevos dirigentes a los sindicatos”, 1983; Informe sindical, septiembre de 1983; “Minuta sobre la reorganización iniciada en la Seccional Capital de Luz y Fuerza”, marzo de 1983; Documento interno del MAS sobre elecciones sindicales, 1983; SS, N° 8, 13.01.1983; Informe de Sindicato de Guincheros, Areneros y Afines, 1983.

²³ Temario asamblea local bancario, 13.08.1983.

Puede explicarse esta mayor inserción en gremios de servicios debido a que gran parte del activismo de izquierda había sido eliminado del sector industrial por la represión estatal. También como producto de decisiones internas: hacia 1985 encontramos una fuerte crítica a la decisión del sector de la conducción que se había quedado en el país durante la dictadura por haber priorizado a los “sectores obreros de cuello blanco” en ese período²⁴. Ello, en parte, explica también la importancia dada a los locales en los orígenes del MAS como forma de acercamiento a los establecimientos industriales desde el barrio como forma de corregir el anterior rumbo. Sin embargo, hacia 1983 es posible encontrar activistas pertenecientes a la corriente en algunas fábricas del AMBA²⁵: Forja, Monier, Telefunken, Motomecánica, Astarsa, Noblex, Atma y Santa Rosa (metalúrgicas); Volkswagen (planta de Monte Chingolo) y Ford (automotriz); Editorial Abril y Crónica (gráficos y prensa); Canale (donde formaban parte de la CI), Bagley y Noel (alimenticia)²⁶.

Esta descripción nos muestra que a pesar de los años de represión, el MAS pudo conservar cierta presencia en el movimiento obrero de forma clandestina, el cual pudo ampliar a partir de la conflictividad laboral del último año del “Proceso”. Sin embargo, en las principales luchas del movimiento obrero de este período tuvo escasa participación, con la excepción del gremio bancario y en el subterráneo de Buenos Aires. En uno de los pleitos más relevantes del período donde la izquierda tuvo presencia, el de Volkswagen de Monte Chingolo, la organización de base que enfrentó a la patronal era conducida por un militante del PO. Tampoco tuvo injerencia en el proceso de normalización sindical, con la salvedad del gremio judicial donde pudo integrarse junto a otras agrupaciones a una comisión transitoria que desplazó al secretario general de la Unión de Empleados de la Justicia Nacional²⁷.

En suma, en el ocaso de la última dictadura el morenismo había caracterizado el surgimiento de una vanguardia sindical al cual buscaba ganar para sus filas. Este objetivo aún era lejano, aunque en la dirección del partido había optimismo debido a que confiaban en que la crisis del justicialismo se profundizaría con la derrota electoral sufrida en octubre de 1983. Suponían que en el movimiento obrero la izquierda podría ocupar mayores espacios debido a los crecientes niveles de conflictividad y a la desconfianza de las bases en los viejos dirigentes sindicales peronistas tras años de gran retroceso.

A modo de cierre

Este escrito es una primera aproximación sobre algunos aspectos de la inserción del Movimiento Al Socialismo en el ocaso del autodenominado “Proceso de Reorganización Nacional”. Por lo tanto las conclusiones deben ser matizadas y a futur revisadas. En primer lugar, buscamos mostrar que el sujeto central para esta corriente trotskista seguía siendo la clase obrera. Desde nuestro punto de vista, en este período el partido llevó a cabo una táctica que establecía como eje de intervención principal las barriadas proletarias (principalmente del GBA) con el fin de captar a los trabajadores en el ámbito de reproducción social y como consecuencia del debilitamiento experimentado por la corriente en los establecimientos fabriles luego de la represión estatal de la segunda mitad de la década de 1970.

En segundo lugar y relacionado con lo anterior, señalamos que implantación del MAS se daba principalmente, pero no de forma excluyente, en los gremios de servicio. En este punto resulta de utilidad la clasificación utilizada por Mangiantini²⁸ sobre los diferentes tipos implantación de la corriente morenista en el movimiento obrero que este autor observa para el período 1965-1976.

²⁴ Circular interna del MAS N° 96, 13.06.1985.

²⁵ Fuera de esta zona debemos destacar que contaba con inserción la UOM de San Nicolás y la UOCRA Neuquén. Temario Comité Ejecutivo 2° parte, 15.06.1983.

²⁶ Datos obtenidos de: Informe de paros, 6-12-1982; DIPPBA, Mesa B, Carpeta 117, Legajo 59, Tomo 1, p. 19; Balance conflicto Volkswagen (borrador), mayo de 1983; Minuta sindical, julio de 1983; “Compañeros y compañeras de Noel”, volante del MAS, octubre de 1983;

²⁷ Minuta sindical. Campaña por nuevos dirigentes a los sindicatos, 1983.

²⁸ Martín Mangiantini, *Op. cit.*

Observamos que en el epílogo de la última dictadura en el AMBA, la agrupación trotskista tenía una baja inserción (no dirigía organizaciones de base o sindicatos) e influencia (no formaba parte de frentes sindicales que tuvieran control de organismos de base o sindicatos) en los gremios industriales. En comparación se nota un retroceso de la corriente con respecto a la primera década de 1970 en estos tipos de actividad. Detectamos militantes trotskistas en algunas fábricas que habían desarrollado un activismo clandestino durante los años del “Proceso”. En cambio, en los gremios no industriales (de servicio, estatales) pareció que conservaron o ampliaron su implantación. En particular, en bancarios esto estuvo relacionado con una táctica llevada a cabo durante el régimen de facto a partir de la reforma financiera llevada a cabo a finales de la década de 1970.

Asimismo, al ser esta una primera aproximación creemos necesario seguir indagando en estas temáticas. Para ello debemos tener en cuenta otros factores que en este trabajo no han sido abordados. En particular, a partir de estudio de otras fuentes como entrevistas, archivos policiales y documentación de otras corrientes políticas que rivalizaban con el morenismo). En suma, quedan tareas por realizar para continuar con la indagación de una de las corrientes más dinámicas de la década de 1980 en Argentina.

Bibliografía

1. Bona, Victoria y Rodrigo López, “Los desafíos del frente del pueblo. El PCA y el MAS en la transición democrática argentina”, *Revista de Historia Social y de las Mentalidades* 24:2, 2020, p. 233–264.
2. Camarero, Hernán, “Una experiencia de la izquierda en el movimiento obrero. El trotskismo frente a la crisis del peronismo y la resistencia de los trabajadores (1954–1957)”, *Razón y Revolución* 3, 1997.
3. Camarero, Hernán, “Tras las huellas del Cordobazo. Balances y perspectivas de Nahuel Moreno y el trotskismo del PRT-La Verdad”, en Moreno, Nahuel, *Después del Cordobazo. Textos del PRT-La Verdad y el PST*, Buenos Aires, Ediciones El Socialista, 2013, p. 7–23.
4. Campione, Daniel, “La izquierda no armada en los años setenta: tres casos, 1973–1976”, en Crespo, Horacio y otros (comps.), *Argentina, 1976. Estudios en torno al golpe de Estado*, Buenos Aires, FCE — El Colegio de México, 2007, p. 85–110.
5. Coggiola, Osvaldo, *Historia del trotskismo en Argentina y América Latina*, Buenos Aires, Ediciones RyR, 2006.
6. Mangiantini, Martín, *Itinerarios militantes. Del Partido Revolucionario de los Trabajadores al Partido Socialista de los Trabajadores (1965–1976)*, Buenos Aires, Imago Mundi, 2018.
7. Osuna, Florencia, “De la ‘Revolución socialista’ a la ‘Revolución democrática’”, *Las prácticas políticas del Partido Socialista de los Trabajadores/Movimiento al Socialismo durante la última dictadura (1976–1983)*, Los Polvorines, Argentina, Universidad Nacional de General Sarmiento, 2015.
8. Pozzi, Pablo y Alejandro Schneider, *Los setentistas. Izquierda y clase obrera: 1969–1976*, Buenos Aires, Eudeba, 2000.

Carlos Ignacio Custer¹

MARXISMO, GUEVARISMO Y PERONISMO: EL ITINERARIO DE LAS FUERZAS ARMADAS REVOLUCIONARIAS (FAR)

MARXISM, GUEVARISM AND PERONISM: THE ITINERARY OF THE REVOLUTIONARY ARMED FORCES (FAR)

Resumen: En esta ponencia realizamos una exposición de la trayectoria de las Fuerzas Armadas Revolucionarias (FAR), una organización político-militar actuante en Argentina en los años 1970–1973. Para ello, abordamos las tres etapas de su desarrollo: la primera corresponde a sus antecedentes (1966–1969), la segunda concierne a su fase de formación e irrupción pública (1969–1971) y la última, está abocada a su último período, caracterizado por el crecimiento hasta su posterior disolución, tras la fusión con Montoneros (1971–1973).

Palabras clave: lucha armada; revolución; peronismo; Guevara; FAR.

Abstract: In this paper, we expose the trajectory of the “Fuerzas Armadas Revolucionarias” (FAR), a political-military organization active in Argentina during 1970–1973. To do so, we describe the three stages of its development. The first deals with the FAR’s background (1966–1969). The second looks over its formation and public emergence (1969–1971). The last one reviews the final period until the FAR’s dissolution due to the merger with “Montoneros” (1971–1973).

Key words: armed struggle; revolution; peronism; Guevara; FAR.

En este trabajo buscamos presentar los trazos principales de la trayectoria de una organización político-militar, actuante en Argentina en los años 1970–1973: las Fuerzas Armadas Revolucionarias (FAR). La ponencia se inserta en una investigación doctoral en curso sobre dicha organización. Constituyó uno de los principales agrupamientos revolucionarios que integró el disruptivo movimiento armado, cuyo surgimiento constituyó uno de los elementos clave, junto al auge de la conflictividad social y la protesta obrera, que permiten explicar el deterioro irremediable de la dictadura militar autodenominada Revolución Argentina, instaurada en el país en 1966². La procedencia comunista de varios de sus dirigentes y miembros fundadores, su vocación de formar parte y luego impulsar un proyecto que dispensara a la lucha armada un lugar central en la configuración de una nueva estrategia revolucionaria y la posterior adhesión al peronismo, movimiento político con fuerte base obrera y de cuño reformista bajo el influjo de un fuerte liderazgo personal³, dotaron a la organización de un bagaje ideológico considerablemente ecléctico.

¹ **Carlos Ignacio Custer**, Argentina, Licenciado en Ciencia Política y doctorando en Historia (Universidad de Buenos Aires), becario del Consejo Nacional de Investigaciones Científicas y Técnicas (CONICET) e integrante del Centro de Estudios Históricos de los Trabajadores y las Izquierdas (CEHTI) (carlosignaciocuster@hotmail.com).

² Mónica Beatriz Gordillo, “Protesta, rebelión y movilización: de la resistencia a la lucha armada, 1955–1973”, en Daniel James (dir.), *Violencia, proscripción y autoritarismo (1955–1976)*, Buenos Aires, 2003, p. 356–358.

³ Juan Domingo Perón fue un militar electo presidente en 1946. Puso en marcha un modelo económico basado en una fuerte intervención estatal de corte nacionalista, industrialista y distribucionista. Logró consolidar una fuerte adhesión entre los trabajadores que se mantuvo vigente luego de su derrocamiento por un golpe militar en 1955. Entre 1955–1973 se sucedieron dictaduras y gobiernos pseudo-democráticos, en virtud de la proscripción electoral sobre la figura de Perón y el peronismo que se mantuvo a lo largo de esos años.

Para dar cuenta del decurso atravesado hemos dividido nuestra exposición en tres partes diferenciadas. En la primera, abordamos los antecedentes de las FAR, que se remontan al intento fallido, por parte de núcleos militantes argentinos, de sumarse a la guerrilla del Ejército de Liberación Nacional (ELN) comandada por Ernesto “Che” Guevara en Bolivia, luego de haber recibido instrucción militar en Cuba. Seguidamente, analizamos los fenómenos que se conjugaron, entre agosto y septiembre de 1969, para que un puñado de aquellos emprendiese el camino de conformar una nueva organización político-militar revolucionaria. Finalmente, la asunción del peronismo, en abril de 1971, dio inicio a una nueva etapa, en donde la organización experimentó un notable crecimiento de su influencia política y que la condujo a un progresivo acercamiento de posiciones con Montoneros, culminando en la fusión de ambas estructuras y en el fin de la existencia de las FAR.

Tras las “huellas” del “Che”: la experiencia del Ejército de Liberación Nacional (ELN) (1966–1969)

Abordar la historia de las FAR implica remontarnos a la partida hacia Cuba de pequeños grupos militantes argentinos con la finalidad de entrenarse militarmente para formar parte de la columna guerrillera comandada por Ernesto “Che” Guevara en Bolivia. La Revolución cubana, a lo largo de la década del ‘60, sirvió de inspiración para numerosos activistas latinoamericanos que buscaron emular en sus propias naciones su ejemplo y encontraron en el gobierno caribeño a un agente dispuesto a brindarles instrucción y apoyo a fin de concretizar sus anhelos revolucionarios⁴. En el caso argentino, el Ejército Guerrillero del Pueblo había fungido como un antecedente, rápidamente desarticulado por la Gendarmería Nacional en 1964. Entre 1966–1967, en forma independiente y por diversas vías, reducidos núcleos de jóvenes activistas argentinos emprendieron viaje hacia la isla con poco conocimiento de lo que los deparaba, pero a sabiendas de que su partida implicaba el inicio de la senda guerrillera. En estos viajes operaron dos factores concomitantes: 1) La voluntad de emprender la lucha armada ante una dictadura que había instaurado un autoritarismo que clausuró todos los canales de participación política y de disidencia permitidos; 2) El designio cubano de impulsar una guerrilla en Bolivia cuyas miras, en caso de lograr implantarse y expandirse, eran continentales al buscar expandirse hacia los países limítrofes, en particular, Argentina y Perú. Es por esto que, en forma simultánea, varios contingentes de bolivianos y peruanos, pero también brasileños, uruguayos y chilenos fueron instruidos en la isla caribeña⁵.

Entre los diversos núcleos que llegaron a contabilizar más de un centenar de argentinos se contaron tres, cuyos miembros recalaban posteriormente en la conformación de las FAR. Nos referimos, en primer lugar, a dos grupos de procedencia comunista y que terminarían siendo liderados por Carlos Olmedo y Roberto Quieto, en un caso, y por Marcos Osatinsky, en el otro, a la postre dirigentes máximos de las FAR. Un tercer grupo, en donde despuntaría Arturo Lewinger, otro líder de las FAR, se había conformado a partir de su escisión del Movimiento de Izquierda Revolucionario-Praxis, liderado por Silvio Frondizi, y una breve experiencia denominada Tercer Movimiento Histórico. En forma separada y junto a ellos también recibieron instrucción otros activistas, entre los que se contaron de disímil procedencia, tanto trotskistas como peronistas y católicos.

La muerte de Guevara, acontecida el 9 de octubre de 1967, y la desarticulación temprana del ELN se produjo antes de que los militantes argentinos pudieran siquiera hacer contacto con las fuerzas guerrilleras. Algunos, incluso, se encontraban completando el entrenamiento en Cuba cuando sobrevino el deceso del “Che”. Duramente golpeados por el descalabro y la pérdida de la figura al que todos reconocían como líder indiscutido, la casi totalidad de los militantes va a retornar hacia el país sin un lineamiento definido sobre el curso de acción a emprender. A fines de

⁴ Dirk Kruijt, *Cuba and Revolutionary Latin America: An Oral History*, London, 2017, p. 92–94, 137–138.

⁵ Ado Marchesi, *Hacer la revolución*, Buenos Aires, 2019, p. 93.

1968 van a ser re-contactados por las autoridades cubanas con la propuesta de participar del relanzamiento del ELN que se estaba organizando desde Cuba y con base en Bolivia, bajo la comandancia de Guido “Inti” Peredo, sobreviviente de la columna del “Che”. La vinculación con el nuevo proyecto tuvo diversos niveles de aceptación. De los más de cien activistas argentinos que se estima que concurrieron a Cuba entre los años 1966–1967 a recibir entrenamiento militar⁶, algunos rompieron cualquier tipo de vínculo y no formaron parte de esta nueva experiencia, mientras que otros aceptaron participar de la incipiente “sección argentina” del ELN.

Los pequeños grupos reunidos, entre los que se contaron, además de los tres ya mencionados, otros dos cuya afiliación originaria provenía del trotskismo⁷, se ligaron sentando las bases de un funcionamiento coordinado para una posible confluencia futura, sujeta a dos principios esenciales: 1) Reconocimiento del liderazgo continental de “Inti” Peredo, una vez que la guerrilla del ELN en Bolivia comenzara a operar militarmente; 2) Compartimentación y autonomía operativa. Esto último suponía una dinámica de actuación por separado, aunque para acciones de gran envergadura, como el resonante operativo que implicó el incendio de trece supermercados de la cadena “Minimax” en Buenos Aires (26 de junio de 1969), pudiesen participar integrantes de todos los grupos. La etapa del ELN evidencia notorias continuidades con los lineamientos guevaristas originales, aunque expresa importantes deslizamientos que se van a profundizar a la hora de la conformación de las FAR. La necesidad de un foco guerrillero rural y la continentalización de la lucha armada fueron conservados como pilares esenciales, pero la importancia de la red urbana clandestina fue realzada mientras se sostenía la posibilidad de que los enfrentamientos pudiesen iniciarse a nivel local y de forma independiente. Como glosa un documento, el doble objetivo es “contribuir al desarrollo de la guerrilla en Bolivia y crear las condiciones para la instalación de un foco guerrillero en la Argentina”⁸. No obstante, antes de poder consolidarse, el proyecto “eleno” va a recibir un duro golpe. El 5 de septiembre de 1969, en la ciudad de La Paz (Bolivia), caía asesinado “Inti” Peredo, a manos de fuerzas policiales.

La conformación e irrupción de las FAR (1969–1971)

El asesinato del segundo líder del ELN puso en entredicho la viabilidad del proyecto. Sin embargo, otros elementos venían operando para que algunos militantes dieran por sepultada la experiencia y maduraran la idea de crear una nueva organización armada revolucionaria en el país que va a terminar cristalizando en las FAR.

El 29 de mayo de 1969 se produjo el “Cordobazo”, jornada de protesta que derivó en un connato de insubordinación civil requiriendo la intervención del Ejército para restablecer el orden en la tercera ciudad más poblada del país, hecho emblemático que desató un proceso de movilización obrera y protesta social, debilitando fuertemente a la dictadura e inspirando a diversos grupos clandestinos, entre los que se encontraban no solamente los que configurarían las FAR, a reorientar su espacio de acción hacia las ciudades⁹. La guerrilla rural, que era un pilar esencial del guevarismo, quedó postergada para una indefinida etapa ulterior del proceso revolucionario. En los hechos, los grupos coordinados que buscaron dar forma a la “sección argentina” del ELN ya habían empezado a transitar ese camino al realizar sus primeras acciones armada urbanas, la más destacada siendo la de los “Minimax”. Los operativos que venían llevando a cabo con notable éxito el Movimiento de Liberación Nacional-Tupamaros (MLN-T) en Uruguay, organización pionera de la guerrilla urbana, reafirmaron esa convicción, algo que fue posteriormente reivindicado por las FAR

⁶ Diego Cano, “¿Estrategia foquista? La estructura política argentina en la estrategia de revolución de Ernesto Guevara: Notas preliminares”, *Izquierdas* 11, 2011.

⁷ Uno provenía de una escisión de Palabra Obrera y tenía como referente a Luis Stamponi, mientras que el otro se había formado en torno a la revista Baluarte, dirigida por Juan Dragojevich (“Tito” Drago).

⁸ ELN, “Tareas para la implementación de un frente guerrillero en la Argentina”, Comisión Provincial de la Memoria (CPM)-Fondo ex — Dirección de Inteligencia de la Policía de la Provincia de Buenos Aires (DIPPBA), Mesa Ds, Carpeta Varios, Legajo N° 110.

⁹ Ramón Torres Molina, *Las guerrillas en Argentina*, La Plata, 2011, p. 75.

de modo explícito¹⁰. Además, el 10 de agosto de 1969, el intento de asaltar un banco en las afueras de Buenos Aires, en donde participaron miembros de todos los grupos que, para ese entonces, se habían reunido en tres (el grupo liderado por Olmedo había absorbido al de Osatinsky y los núcleos cuyo origen se remontaban a Palabra Obrera y *Baluarte* pasaron a formar uno solo), resultó en un fracaso que redundó en la detención de un militante de estos últimos. Esto derivó en la persecución de los “trotskistas” y es quizás un elemento que haya coadyuvado a la separación de caminos¹¹. Estrechando los lazos, los grupos orientados por Olmedo y Lewinger cortaron los vínculos con aquellos y pasaron a ser uno solo teniendo como objetivo central la creación de una nueva organización armada.

Por lo expuesto, es a partir de septiembre de 1969 que podemos situar el momento en que la idea de formar las FAR se pone definitivamente en marcha. Dos principales líneas directrices van a marcar esta etapa gestacional: 1) incrementar el caudal militante y extenderlo a otros puntos del país, más allá de Buenos Aires; 2) realizar los primeros operativos armados “sin firmar”. En cuanto al primer elemento, en la primera mitad de 1970, se logró la incorporación de dos grupos de diferentes provincias y se establecieron los contactos iniciales con militantes platenses, dando forma a los cuatro núcleos fundacionales de la organización que serían, respectivamente, sus primeras regionales: Buenos Aires, Córdoba, Tucumán y La Plata¹². En total contabilizaban alrededor de 70 personas y la mitad se concentraba en la ciudad capital. El imperativo de no asumir la autoría de los primeros operativos armados realizados, que fueron pocos y tenían una finalidad fundamentalmente “expropiatoria” y de fogueo inicial de los militantes en la acción, obedecía al “principio de continuidad”, cuyo respeto exigía contar con las condiciones humanas y logísticas mínimas para mantener un nivel operativo relativamente constante¹³.

Es recién a mediados de año que las FAR van a considerar estar en situación de hacer su aparición pública. El 30 de julio, emulando una acción realizada por los tupamaros uruguayos, los combatientes se apoderaron de los puntos neurálgicos de una localidad ubicada a 35 kilómetros de la Capital Federal por el lapso de 45 minutos protagonizando la toma de Garín. Ese resonante operativo, ejecutado a la perfección, fue motivo de alarma en las autoridades militares y sirvió como carta de presentación en sociedad. Lejos de constituir un hecho aislado, la flamante organización siguió efectuando acciones armadas, a razón de una por mes durante los meses finales de 1970 y principios de 1971, entre las que se contaron, incendios a vehículos policiales, asaltos a bancos y copamientos de destacamentos policiales¹⁴.

La búsqueda de ligazón con las “masas”: la peronización de las FAR (1971–1973)

En una entrevista realizada a fines de 1970, las FAR consideraron, fruto del desarrollo alcanzado, que estaban por encarar una nueva etapa en donde “la vinculación con las masas” pasaba a ser un aspecto central¹⁵. Es decir, habiendo logrado cierta visibilización pública por medio de los operativos efectuados, la organización debía establecer relaciones con otros sectores militantes no armados con el objeto de extender su influencia política e ir incorporando, en forma progresiva, nuevas fuerzas a la lucha armada. No es casual que, al poco tiempo (abril de 1971), la organización asumiera el peronismo como su identidad política, elemento que sería un activo a la hora interactuar con sectores populares, habida cuenta del arraigo peronista en la clase trabajadora, y que, además,

¹⁰ “FAR, Con el fusil del Che”. 11.12.1970, *Granma, La Habana*, p. 7.

¹¹ Policía de la Provincia de Buenos Aires, “Día 11/8 Asaltaron sucursal del Banco Provincia. Detenido xxx y otros”, 11 de agosto de 1969, CPM-Fondo DIPPBA, Mesa Ds, Carpeta Varios, Legajo N° 110; Tito Drago, *Cara y cruz*, Málaga, Sepha, 2007, p. 213–214.

¹² Mora González Canosa, *Los futuros del pasado. Marxismo, peronismo y revolución: una historia de las FAR*, Buenos Aires, 2021, p. 120–124.

¹³ “FAR. Los de Garín”, *Cristianismo y Revolución* 28, 1971, p. 59.

¹⁴ Carlos Ignacio Custer, “Los operativos de las organizaciones armadas a través de un análisis sistemático. El caso de las Fuerzas Armadas Revolucionarias (1970–1973)”, *Folia Histórica* 27, 2019, p. 19.

¹⁵ “FAR. Con el fusil del Che”, p. 7.

se conjugaba con el proceso de peronización que atravesaron, en esos años, capas pertenecientes a los sectores medios y juveniles del que las FAR fueron una de sus expresiones. Lo cierto es que la discusión interna sobre la valoración del peronismo venía planteándose desde los momentos formativos de las FAR y es algo que terminó de zanjarse luego de que la dirección de la organización venciera algunas resistencias que se hicieron presentes en forma más contundente en el seno de la regional cordobesa. Hay que destacar que, apenas dos meses antes, Juan Domingo Perón desde el exilio había escrito una célebre carta exhortando a las organizaciones armadas peronistas a proseguir la guerra revolucionaria entablada y reconociéndolas como “formaciones especiales” del movimiento, hecho que también facilitó la incorporación de las FAR al peronismo en ese momento¹⁶. Por otra parte, la asunción del peronismo se produjo en una coyuntura política clave, ya que se dio en forma simultánea al inicio de la última etapa de la Revolución Argentina, a partir de la asunción del Comandante en Jefe de las Fuerzas Armadas, Teniente General Agustín Lanusse, como presidente de la nación y la implementación de un plan político destinado a institucionalizar el país por medio de un proceso que debía culminar en una convocatoria a elecciones¹⁷.

La visión del peronismo que acuñó las FAR supuso compatibilizar el marxismo como una herramienta de análisis y a aquel como la identidad política de la organización, en virtud de ser la “experiencia revolucionaria de mayor nivel que se ha registrado en la Argentina a nivel de masas” y la “expresión política de la gran mayoría de la clase obrera”, hechos que lo ubicaban como la ideología concreta de la fuerza social capaz de protagonizar el cambio revolucionario. Por eso, avizoraban desarrollar sus aciertos y logros, al tiempo que combatir sus limitaciones como el único modo de fomentar la potencialidad revolucionaria que albergaba el peronismo y forjar la alternativa que permitiese Perón, identificado como un “líder popular” que modificaba su doctrina y diagnóstico en la medida que se alteraban los acontecimientos, optar por los sectores revolucionarios y desechar a los elementos “traidores” y reformistas, iniciando un proceso acorde con el auge de masas y los procesos que se desarrollaban al calor del surgimiento de movimientos de liberación nacional en los países del Tercer Mundo¹⁸. Estas consideraciones le valieron el reproche de la guerrilla marxista del Partido Revolucionario de los Trabajadores-Ejército Revolucionario del Pueblo (PRT-ERP) que, entablando una difundida polémica, fustigó contra los planteos de las FAR sosteniendo la necesidad de estructurar un partido revolucionario de vanguardia y rechazando el carácter burgués de la ideología peronista, hecho que se manifestaba en la voluntad del gobierno militar reinsertar al peronismo y Perón al sistema político como mecanismo para apaciguar a las “masas”¹⁹.

A partir de entonces, se pueden reconocer dos momentos respecto a la relación entablada entre la organización armada y el “movimiento de masas”. En el primero, que se extiende a lo largo de 1971, el mayor crecimiento se va a dar en el activismo universitario, aprovechando el mayor predicamento del peronismo revolucionario en los claustros superiores, y en forma apenas incipiente e inorgánica a través de los primeros contactos con grupos peronistas por medio de la participación en unidades básicas (establecimientos vecinales proselitistas) y el trabajo asistencial en barrios carenciados. En una fase posterior y más desarrollada, cuyo inicio se puede ubicar entre inicios y mediados del año siguiente, la organización va a lograr una extensión notable de su influencia política, al tiempo que aceptaba el camino hacia unas elecciones que Perón y Montoneros ya habían empezado a transitar. Esto aconteció por medio de la ramificación de sus lazos con un movimiento estudiantil fuertemente peronizado e identificado con las organizaciones armadas revolucionarias peronistas, el crecimiento vertiginoso del trabajo de organización barrial en las principales urbes del país por medio de la labor de una Juventud Peronista fuertemente referenciada en FAR y Montoneros y el intento inicial de conformar una coordinación de delegados gremiales que sería el embrión de la futura Juventud Trabajadora Peronista, cuyo nacimiento al año siguiente

¹⁶ Perón J. D., “A los compañeros de la juventud”, en Roberto Baschetti (comp.), Documentos 1970–1973. De la guerrilla peronista al gobierno popular. La Plata, 1995, p. 139.

¹⁷ Liliana De Riz, *La política en suspenso: 1966–1976*, Buenos Aires, 2000, p. 93.

¹⁸ “FAR. Los de Garín”, p. 62–64, 69.

¹⁹ Mora González Canosa, *Op. cit.*, p. 169–172.

tendría el ambicioso anhelo de conformar listas sindicales para disputar el poder a la dirigencia peronista de cuño más ortodoxo²⁰.

El tránsito final de la organización va a transcurrir una vez asumido el nuevo gobierno peronista, el 25 de mayo de 1973, considerando tanto las FAR como Montoneros que con la victoria electoral se había “ganado una batalla”, pero la guerra aún continuaba hasta tanto no se lograra la toma del “poder económico y militar”²¹. No obstante, luego de la renuncia del presidente Héctor Cámpora y el regreso definitivo de Perón de su exilio, se inicia una nueva etapa caracterizada por las fricciones y la franca oposición con su liderazgo, cuando este último, luego de asumir su tercer mandato presidencial, se encamine por una senda muy diferente a la de la liberación nacional pregonada por las organizaciones armadas, momento en que las FAR se fusionan con Montoneros y pasan a integrar las filas de esta última organización.

Conclusiones

El propósito de este trabajo fue efectuar una exposición general del itinerario seguido por una de las principales organizaciones revolucionarias (junto a Montoneros y el PRT-ERP) que dio forma al activo e influyente movimiento armado que surgió en Argentina a principios de los ‘70: las FAR. En su devenir pasaron de estar constituidas, inicialmente, por grupos militantes localizados en cuatro ciudades a convertirse en una organización conformada por una red militante presente en las principales ciudades del país y cuya influencia política evidenció un aumento exponencial, a partir de mediados de 1972, y que confluyó en la configuración de Montoneros como la principal organización armada del período, caracterizada por un influjo de “masas” notable, al promediar el año siguiente.

El origen del núcleo fundacional de las FAR estuvo constituido por militantes en su mayoría escindidos del comunismo local y que, seducidos por los planteos guevaristas, decidieron asumir la lucha armada. No obstante, la imposibilidad de integrarse a la guerrilla liderada por Guevara y el nuevo fracaso de relanzar el ELN bajo la conducción de “Inti” Peredo, como hemos expuesto, los condujo a redefinir sus concepciones iniciales y conformar una organización armada asentada exclusivamente en el país y cuyas acciones tenían como escenario las ciudades, en consonancia con las acciones de guerrilla urbana que venía efectuando el MLN-T en Uruguay. Al poco tiempo de irrumpir públicamente, las FAR se definieron peronistas, lo que dotó de mayor sincretismo a sus elaboraciones político-ideológicas, al tiempo que les permitió cimentar la ligazón con las “masas” que estaban emprendiendo. La aceptación de la vía electoral, mientras incrementaban su accionar armado contra la dictadura, fue un elemento que se adicionó en esa compleja conjunción, que avizoraba las futuras tensiones con Perón, toda vez que la organización no planteaba “desarmarse”, ni renunciar a su objetivo de tomar revolucionariamente el poder para construir una sociedad socialista. El análisis de esta trayectoria constituye, sin dudas, un fenómeno de una particular riqueza como vía para estudiar el estudio del movimiento armado argentino, al hacer foco en una de sus expresiones que reunió en su seno gran parte de sus variadas facetas.

Bibliografía

1. Kruijt, Dirk, *Cuba and Revolutionary Latin America: An Oral History*, London, Zed Books, 2017.
2. Marchesi, Ado, *Hacer la revolución*, Buenos Aires, Siglo XXI, 2019.
3. Cano, Diego, “¿Estrategia foquista? La estructura política argentina en la estrategia de revolución de Ernesto Guevara: Notas preliminares”, *Izquierdas* 11, 2011, p. 70–87.

²⁰ Carlos Ignacio Custer, “La vinculación de la organización armada con el “movimiento de masas”. El caso de las Fuerzas Armadas Revolucionarias (FAR)”, *III Jornadas internacionales de historia de los/as trabajadores/as y las izquierdas*, Buenos Aires, 7–11 de junio de 2021, p. 2–22.

²¹ “FAR y Montoneros, ‘Apoyar, defender y controlar’”. 29.05.1973, *El Descamisado* 2, p. 2.

4. ELN, “Tareas para la implementación de un frente guerrillero en la Argentina”, *Comisión Provincial de la Memoria (CPM)-Fondo ex — Dirección de Inteligencia de la Policía de la Provincia de Buenos Aires (DIPPBA)*, Mesa Ds, Carpeta Varios, Legajo N° 110.
5. Torres Molina, Ramón, *Las guerrillas en Argentina*, La Plata, De la campana, 2011.
6. FAR, “Con el fusil del Che”. 11.12.1970, *Granma*, La Habana, p. 7.
7. Policía de la Provincia de Buenos Aires, “Día 11/8 Asaltaron sucursal del Banco Provincia. Detenido xxx y otros”, *11 de agosto de 1969, CPM-Fondo DIPPBA*, Mesa Ds, Carpeta Varios, Legajo N° 110; Tito Drago, *Cara y cruz*, Málaga, Sepha, 2007, p. 213–214.
8. González Canosa, Mora, *Los futuros del pasado. Marxismo, peronismo y revolución: una historia de las FAR*, Buenos Aires, Prometeo, 2021.
9. “FAR. Los de Garín”, *Cristianismo y Revolució* 28, 1971.
10. Ignacio Custer, Carlos, “Los operativos de las organizaciones armadas a través de un análisis sistemático. El caso de las Fuerzas Armadas Revolucionarias (1970–1973)”, *Folia Histórica* 37, 2020.

Walter L. Koppmann¹

HACIA UN ANÁLISIS GLOBAL DE LAS CULTURAS POLÍTICAS DE IZQUIERDA Y EL MOVIMIENTO OBRERO JUDÍO EN ARGENTINA (1905–1930)

TOWARDS A GLOBAL ANALYSIS OF LEFTIST POLITICAL CULTURES AND THE JEWISH LABOR MOVEMENT IN ARGENTINA (1905–1930)

Resumen: Durante siglos, el pueblo judío fue obligado a desplazarse en el espacio global de acuerdo a las vicisitudes de coyuntura, los cambiantes regímenes políticos y las reconfiguraciones geográficas correspondientes. El siguiente trabajo propone analizar la migración transatlántica de trabajadores judíos a comienzos del siglo XX en la ciudad de Buenos Aires, Argentina, y el complejo vínculo que establecieron tanto con aquellos trabajadores no-judíos así como también con las corrientes políticas de izquierda.

En base al relevamiento de la prensa política, gremial y comercial y también la bibliografía secundaria, distintos interrogantes guiaron la pesquisa: ¿por qué los trabajadores judíos fueron apuntados por el estado argentino y las clases dominantes, desde un primer momento, como un elemento hostil, peligroso y violento? ¿En qué medida influyó en esto las difíciles condiciones y contradicciones emergentes a partir del complejo proceso de asimilación e integración? ¿Cuáles fueron las iniciativas que desarrollaron las izquierdas al respecto?

Palabras clave: trabajadores judíos; migración transatlántica; culturas políticas de izquierda; movimiento obrero; Buenos Aires.

Abstract: For many centuries, Jewish people were forced to moving in the global space depending on the conjuncture, the changing political regimes, and the consequent geographical reconfigurations. The following work address the transatlantic migration of Jewish workers at the beginning of the 20th century in the city of Buenos Aires, Argentina, and the complex relationships that they established both with non-Jewish workers as well as with left political currents. Through the survey of political, trade union and commercial press, and the secondary bibliography, different questions guided the research: why were Jewish workers targeted by the Argentine state and the ruling classes, from the outset, as hostile, dangerous, and violent people? What could be its relationship with the complex process of assimilation and integration? In this regard, what were the initiatives overtaken by left currents?

Key words: Jewish workers; transatlantic migration; left political cultures; labour movement; Buenos Aires.

Introducción

Desde fines del siglo XIX y durante las primeras tres décadas del siglo XX, miles de trabajadores y familias judías de Europa del Este fueron forzadas al exilio, como producto del antisemitismo, los pogroms y la miseria más abyecta que rodeaba la “zona de asentamiento” zarista

¹ **Walter L. Koppmann**, Argentina, investigador postdoctoral en el Instituto de Historia Argentina y Americana “Dr. Emilio Ravignani”, Universidad de Buenos Aires (UBA) — Consejo Nacional de Investigaciones Científicas y Técnicas (CONICET). Esta investigación contó con el financiamiento de una beca “Slicher van Bath der Jong”, otorgada en 2020 por el Centre for Latin American Research and Documentation (CEDLA), University of Amsterdam (walter.koppmann@conicet.gov.ar).

y las regiones circundantes. Fuera del continente europeo, los principales destinos elegidos fueron Nueva York y Buenos Aires. Mientras que el movimiento obrero ídich en Estados Unidos ha sido objeto de relevantes estudios, la historia acerca de las primeras décadas de la inmigración judía en Argentina aún se presenta como un área de vacancia en la historia nacional.

En el marco de una investigación actualmente en curso, la siguiente ponencia se propone presentar los objetivos, las hipótesis de trabajo y las dificultades metodológicas inherentes al sujeto bajo estudio. De esta manera, en primer lugar, se presenta y delimita al actor junto a sus dimensiones de análisis. La segunda parte del artículo plantea los principales ejes de la investigación: el mundo del trabajo, el movimiento obrero y las culturas políticas de izquierda (conflictividad laboral y social); la relación de la clase obrera judía con el Estado y las clases dominantes (conflictividad política); la experiencia urbana-transnacional de los trabajadores ídich y la definición de identidades de clase híbridas (el *yiddishkait* como territorio de lucha cultural). Por último, se examinan algunas de las dificultades metodológicas surgidas en el curso de la investigación, ligadas a la disponibilidad, el estado de conservación y la traducción de las fuentes primarias en yiddish.

La presencia obrera judía en Buenos Aires a comienzos del siglo XX

Desde principios del siglo XX, la presencia obrera judía en la ciudad de Buenos Aires delimitó una comunidad étnica de relevancia, siendo *circa* 1914 la tercera en términos numéricos, detrás de los migrantes italianos y españoles.² La inmigración judía cobró importancia visible entre 1905 y 1906, cuando más de 20.000 personas llegaron a Buenos Aires huyendo de la reacción política, la xenofobia antisemita y los pogroms del zarismo. Su composición nacional era variada: rusos, polacos, lituanos, ucranianos, rumanos, checoslovacos, yugoslavos y húngaros, en un 80 % de ascendencia *ashkenazi*. Los “rusos”, como eran apelados de modo indistinto, constituían una minoría social en términos numéricos – representando menos del 5 % sobre las más de un millón de personas que vivían en Buenos Aires en 1909 — aunque significativa en el plano político, señalados por la opinión pública como un grupo social peligroso y subversivo, asociado al terrorismo.

La figura más característica de la inmigración judía fueron ex comerciantes carentes de una calificación profesional y pequeños artesanos escasos de capital y apenas poseedores de cierto *savoir faire*.³ De esta manera, el oficio permitió abrirse paso en un universo laboral teñido por la inestabilidad y el desempleo. Entre los sectores donde la presencia judía era destacada, cabe señalar a los gorreros, sastres, costureras, panaderos, madereros, sombrereros y joyeros. Estos trabajadores que practicaban oficios calificados (*skilled workers*) eran nombrados de forma irónica en la comunidad ídich como *balmelajes*, en la suposición de que afrontarían mejor el proceso de asimilación-integración a las condiciones del mercado laboral del *neie velt*.

En el mundo del trabajo *ídich*, sin embargo, las condiciones laborales eran deplorables, con largas jornadas dentro de talleres insalubres, predominando los bajos jornales y distintas formas de destajo. En este plano, eran frecuentes los choques con otros grupos migrantes y con las organizaciones sindicales y políticas. Sin embargo, a pesar de las fuerzas centrípetas de carácter étnico y la “barrera” que significaba el idioma, las necesidades de la lucha gremial, junto con el elevado grado de iniciativa de los rusos, conjugaron un terreno fértil para el desarrollo de un abigarrado universo de culturas políticas de izquierda. Entre las principales corrientes del mundo laboral ídich, cabe señalar al anarquismo, el bundismo, el poalei-sionismo y el socialismo; hacia los años veinte, el comunismo ganaría terreno.

Para completar este cuadro general, debo referirme a la otra (y mayor) parte de la clase obrera judía migrante a la Argentina, compuesta por personas sin calificación, sin ningún tipo de capital

² Haim Avni, *Argentina y la historia de la inmigración judía (1810–1950)*, Buenos Aires, 1986; Víctor Mirelman, *En búsqueda de una identidad. Los inmigrantes judíos en Buenos Aires 1890–1930*, Buenos Aires, 1988.

³ Edgardo Bilsky y otros, *El movimiento obrero judío en la Argentina*, Buenos Aires, 1987; Ricardo Feierstein, *Historia de los judíos argentinos*, Buenos Aires, 2006.

o *know how* de oficio y, en algunos casos (no la mayoría), provenientes de un medio rural. En esta dirección, la proliferación de los *cuenteniks* en los nuevos barrios que surgían en la ciudad capital, quienes vendían productos para el consumo popular masivo a través del pago en cuotas, también expresaba uno de los principales salvoconductos para muchos trabajadores. Al igual que sentenciaba el viejo proverbio idish: “¿Qué no harías para garantizarte el sustento?”

En términos identitarios, la presencia judía planteó una tensión crónica entre, por un lado, una identidad étnica arraigada en la región de origen y segregada en el país receptor, y por el otro, una identidad de clase, fraguada en la explotación cotidiana que compartían con otros obreros judíos y no-judíos. La resultante de este vínculo complejo se expresó en la emergencia de identidades sociales híbridas, que se articulaban dentro de los sitios laborales y se prolongaban fuera de ellos, en otras esferas de sociabilidad y aculturación como los bares, centros culturales, bibliotecas, clubes, teatros, entre muchos otros sitios.

Más allá de algunos episodios puntuales de antisemitismo (“semana roja” de mayo 1909, centenario patrio de mayo 1910, “semana trágica” de enero 1919), la clase trabajadora judía encontró en Argentina un clima de tolerancia racial superior al de sus países de origen que permitió, con el paso del tiempo, dejar atrás algunos de los hábitos y costumbres del *shtetl*⁴ y resignificar otros. Si la adaptación se verificó de forma paulatina, la integración, en cambio, no fue tal. El agrupamiento geográfico en concentraciones — como los barrios de Once, Villa Crespo y Paternal — dio cuenta de los esfuerzos por crear un mundo judío nuevo, con valores, prácticas e instituciones propias.

A pesar de la importancia de los trabajadores judíos en la historia social argentina en general y en la del movimiento obrero en particular, carecemos aún de un corpus historiográfico sólido que aborde su historia con una mirada global y existe un campo fértil para nuevas aproximaciones que aporten renovadas hipótesis e ideas clave.

El interrogante principal que buscamos responder con esta investigación podría resumirse de la siguiente manera: ¿qué fue “único” o peculiar acerca de la experiencia de la clase trabajadora judía en Buenos Aires? Más aún, ¿cuál fue el impacto de la urbanización en la judeidad ruso-argentina del siglo XX? ¿Cuál fue el rol de las culturas políticas de izquierda en la modelación de estas nuevas identidades? Asimismo, ¿qué podríamos decir acerca de la conexión entre el proceso de trabajo, la calificación de oficio y el activismo sindical? ¿Qué relaciones podrían establecerse, a su vez, entre estas esferas de acción y el rol de las corrientes políticas de izquierda? *Last but not least*, ¿cuáles fueron los vasos comunicantes entre los trabajadores judíos, las izquierdas y el flujo transnacional global de militantes, debates, objetos culturales, memoria histórica y estrategias políticas? ¿En qué características la Argentina fue similar a otros casos nacionales y, por el contrario, en qué aspectos diferían?

Dimensiones analíticas

Para desarrollar la investigación propuesta, nos enfocamos en el contexto del acelerado proceso de desarrollo urbano que atravesaba la ciudad de Buenos Aires *circa* 1900. Siguiendo las consideraciones de nuestra tesis doctoral, dedicada a analizar a los trabajadores de la madera y el mueble a lo largo de cuatro décadas, la propuesta es desenvolver una investigación que examine la historia de la clase obrera judía combinando los aportes de la historia inmigratoria y política con las herramientas de la historia social, incorporando al análisis la relación con el mundo del trabajo, las culturas políticas, las formas de sociabilidad y el proceso de construcción genérica.

⁴ Shtetl quiere decir, literalmente, “pequeña ciudad”. Se refiere, sin embargo, a un completo modo de vida. Este modo de vida era todo lo más intenso y penetrante por la ausencia de “organización estatal”, que pudiera facilitar el deseo de “preservar una distinta y única vida cultural (...) y resistir la acción destructiva de los estados opresores”. En esta dirección, el marco de referencia para los judíos del shtetl era la comunidad judía; afuera estaba el mundo de los goy, los alien (Elias Véase Tcherikower, *The Early Jewish Labor Movement in the United States*, New York, 1963, p. 5–6).

Nuestra hipótesis fundamental es que la experiencia urbana de los trabajadores judíos transcurrió determinando tres polos de conflicto en la definición de una identidad de clase, los cuales tensionaron las relaciones sociales, tanto hacia el interior de la comunidad idish parlante como con el resto de la sociedad no-judía: a) la conflictividad laboral y social; b) la conflictividad política; c) el *yiddishkait* como territorio de lucha política y las corrientes de izquierda como fenómenos de carácter transnacional.

El primer nivel de análisis (a) surge del proceso de adaptación a una nueva realidad, donde venciendo viejas tradiciones culturales en la búsqueda por integrarse, la clase trabajadora judía delimitó un espacio geográfico comunitario, entrecruzado por relaciones y tensiones de diferente naturaleza: laborales, de clase y género. Nos enfocaremos en el mundo del trabajo idish, examinando las curvas de la conflictividad laboral y las formas que asumió la estructuración política y sindical del activismo judío. En muchos casos, los obreros judíos desconocían el *know how* del oficio calificado e, incluso más, tampoco los empleadores (llamados “bolicheros”) poseían ningún conocimiento o habilidades para desempeñar los oficios. En general, tanto trabajadores como pequeños propietarios provenían del mismo medio social y espacio étnico, mientras que la diferencia entre estos cercanos -aunque, no obstante, lejanos- universos residía en la propiedad privada capitalista sobre los medios de producción, incluyendo el alquiler de los establecimientos laborales. Si bien los pequeños talleres (“boliches”) fueron la marca predominante durante estos primeros años, existieron también algunas grandes fábricas, que empleaban cientos de obreros, con una alta concentración de capital e inversión en maquinaria.

El segundo nivel (b) emerge de la siguiente pregunta: ¿cómo se explica la importancia política de la clase trabajadora judía en Buenos Aires, atribuida (y percibida de este modo) por la elite social gobernante? Como dijimos más arriba, los “rusos” eran vistos como un grupo social y políticamente peligroso, de igual modo que ocurría con los catalanes: subversivos, rebeldes, agresivos con el poder político (incluso de formas violentas) y contrarios al orden establecido y sus valores republicanos.⁵ Esta “población peligrosa” fue espiada entre los años 1918 y 1919 (al menos) por estados foráneos y sus servicios diplomáticos en el país, con el apoyo adicional del aparato represivo del estado nacional argentino. Desde el punto de vista de los espías, Buenos Aires constituía una sola unidad de análisis en conjunto con la vecina capital de Uruguay, Montevideo.⁶ Sobre esto, podríamos afirmar que el estado argentino no actuó diferente de como lo hacían sus contrapartes europeas. En efecto, desde sus orígenes a finales del siglo XIX, el movimiento obrero argentino estuvo infiltrado por agentes encubiertos (o simples *provocateurs*), cuya existencia e identidad solo podemos establecer a posteriori de una manera azarosa, generalmente cuando eran descubiertos por otros trabajadores. Esta clase de prácticas estatales progresaron durante la primera década del siglo XX, en paralelo con la profesionalización de la policía y las fuerzas armadas, bajo el mando de oficiales alemanes.

El tercer nivel de análisis (c) comprende al *yiddishkait* como territorio de lucha política y a las corrientes de izquierda como fenómenos de carácter transnacional. Se propone examinar el acervo cultural y de conocimientos que implicaba el *yiddishkait* en tanto *common background*, es decir, como una suerte de argamasa que permitió sostener durante siglos la trayectoria cultural, social e idiosincrásica de estos trabajadores. La siguiente oración ilustra parte de este fenómeno histórico y sus dificultades de abordaje analítico: “Los judíos del idish vivían en idish. Al judaísmo le dijeron *yiddishkait*. Era una cultura, una sensibilidad, un mundo. Así, hubo de producirse la extraña amalgama: judaísmo secular. Secular pero judaísmo, sin sinagoga, sin preceptos, sin *kashrut*, libres, libertarios, racionalistas, idealistas, socialistas, universalistas, ¡pero en idish!”⁷

De alguna manera, las marcas religiosas parecieron resignificarse en estas nuevas identidades seculares, las cuales estuvieron profundamente imbricadas con la actividad e intervención

⁵ José C. Moya, “The positive side of stereotypes: Jewish anarchists in early twentieth-century Buenos Aires”, *Jewish History* 1, 2004.

⁶ Hernán Díaz y otros, *Espionaje y revolución en el Río de la Plata. Los archivos secretos de una red diplomática de persecución al maximalismo (1918–1919)*, Buenos Aires, 2019.

⁷ Jaime Barylko, *Los judaísmos del siglo XX*, Buenos Aires, 1990; Alejandro Kaufman, “Idishkait. Memorias sobre poder y violencia”, en Sneh, Perla (ed.), *Buenos Aires idish*, Buenos Aires, 2005, p. 31.

constante de las corrientes de izquierda. En esta dirección, un aspecto crucial -y sobre el cual se ha escrito poco (menos aún se lo ha comprendido como un factor analítico relevante)- es la conexión transnacional entre estas culturas políticas de izquierda con las trayectorias, debates, prácticas y estrategias que pusieron en juego los militantes y organizaciones en otros lugares del planeta así como, de forma vinculada y condicionada, en la ciudad de Buenos Aires del 1900.

Acerca de las fuentes primarias en idish

Atendiendo a las particularidades étnicas de la comunidad judía, unos de los principales obstáculos para llevar a cabo esta investigación fue la lengua idish de las fuentes primarias y sus expresiones peculiares en el Sur Global de aquel tiempo histórico. Más aún, muchos de los documentos, periódicos y archivos personales vinculados con este primer período de la inmigración judía en Argentina se incineraron en el atentado a la AMIA de 1994, mientras que otros materiales simplemente se perdieron o destruyeron, en la ausencia de políticas o proyectos destinados a la preservación de la memoria histórica. Asimismo, aquellos momentos críticos de conflictividad social y las reacciones desencadenadas por la clase dominante tendieron a ser (lamentablemente) exitosas en destruir el tesoro del *yiddishkait*, quemando bibliotecas enteras, centros políticos y culturales, escuelas obreras y, en algunos casos también, los hogares de la población judía (como en los pogroms de 1910 y 1919 en Buenos Aires) (Koppmann y Asquini, 2020).

En este punto, debe ser reconocido, no obstante, el rol que vienen desempeñando, por un lado, la fundación IWO de Buenos Aires (partner del YIVO de Nueva York y del YIVO de Vilna) y, por el otro, el Centro de Estudios y Documentación “Pinie Katz”. En los últimos años, estas instituciones han almacenado y recuperado documentos, periódicos, revistas y otros materiales fundamentales, tales como cartas, fotos, credenciales de asociaciones o diarios personales. Dentro del campo de estudios judíos, con un par de notables excepciones en la década de 1980, esta clase de investigaciones han sido rara vez llevadas a cabo. En parte debido a la masacre nazi sobre la población idish mundial, en parte debido al propio paso del tiempo, son pocas las personas vivas que tengan la capacidad de leer idish fluidamente y, más aún, comprender aquello que están leyendo, es decir, traducir. Debe recordarse, además, que el idish variaba bastante de una región a otra y de un tiempo histórico a otro. En consecuencia, sea a causa de las dificultades a la hora de entender el idish o debido a la disponibilidad (y el estado) de las fuentes primarias, estamos en parte obligados a estudiar a los trabajadores judíos a través de los ojos de aquellos no-judíos y, luego, entrecruzar esta información con los escasos datos provenientes de los archivos idish.

Por último, un importante repositorio de fuentes primarias e información es el “Yiddish Book Centre”, financiado por Steven Spielberg. Como usuario gratuito, se puede utilizar la herramienta buscador en más de 11.000 volúmenes en yiddish, habilitando a su vez a utilizar *machine learning* y OCR sobre los textos.⁸ Otro sitio clave, en este plano, es el U.S. Holocaust Memorial Museum, el cual dispone de una herramienta de búsqueda sobre los miles de artefactos, documentos, fotos, películas, libros, historias personales, entre otros tantos materiales online. Si bien algunos de ellos solo son accesibles desde su librería y en el Shapell Center, muchos otros son de libre consulta.⁹

Conclusión

En este artículo nos propusimos desarrollar los lineamientos teóricos y metodológicos de una investigación actualmente en curso sobre la clase trabajadora judía de Buenos Aires en las primeras décadas del siglo XX. Luego de presentar al actor bajo estudio en sus rasgos generales, el balance bibliográfico indicó un conjunto de aportes relevantes sobre la temática a partir de otros casos

⁸ *Yiddish Book Center's Full-Text Search* [Recurso electrónico]. URL: <https://ocr.yiddishbookcenter.org> (consultado el 10.10.2021).

⁹ *United State Holocaust Memorial Museum* [Recurso electrónico]. URL: <https://collections.ushmm.org/> (consultado el 10.10.2021).

nacionales, nutriendo tópicos tales como (entre otros): la adaptación e integración judías a las ciudades en desarrollo; la vinculación de los trabajadores idish con las culturas políticas de izquierda; la relación con la revolución bolchevique de 1917; la problemática del antisemitismo; las relaciones de género.

En segundo lugar, se plantearon tres niveles de análisis: el primero referido al mundo del trabajo, el movimiento obrero y las culturas políticas de izquierda; el segundo, relativo a la importancia política y peligrosidad de la población judía ante los ojos de las clases dominantes; el tercero, comprendiendo al yiddishkai en tanto marco de interpretación social y, por lo tanto, también como un territorio de disputa política. En esta dirección, este último aspecto permitiría iluminar una dimensión analítica crucial como fue el rol de las culturas políticas de izquierda y su carácter transnacional, expresado en la fluidez de las trayectorias militantes y organizativas, las cuales incorporaron, se nutrieron y abrieron nuevos debates, estrategias y lecturas a partir de sus conexiones más allá del Río de la Plata. Desde esta perspectiva, la historia del movimiento obrero idish en Buenos Aires es inentendible sin la conexión con las culturas de izquierda transnacionales.

Finalmente, para recuperar esta historia, se presentaron las características y obstáculos generales que rodean a las fuentes primarias, vinculados con su disponibilidad, estado de conservación y posibilidad de traducción. En este sentido, debido a la escasez de materiales, se vuelve esencial la triangulación de fuentes y metodologías, aprovechando además los aportes del campo de estudios judíos, producidos en el período reciente.

Las próximas etapas de la investigación serán cruciales para comenzar a verificar o modificar nuestras hipótesis de trabajo así como para ajustar y precisar las herramientas teóricas y metodológicas.

Bibliografía

1. Avni, Haim, *Argentina y la historia de la inmigración judía (1810–1950)*, Buenos Aires, Magnes Press-AMIA, 1986.
2. Bilsky, Edgardo y otros, *El movimiento obrero judío en la Argentina*, Buenos Aires, AMIA — Centro “Marc Turkow”, 1987.
3. Díaz, Hernán y otros, *Espionaje y revolución en el Río de la Plata. Los archivos secretos de una red diplomática de persecución al maximalismo (1918–1919)*, Buenos Aires, Imago Mundi, 2019.
4. Feierstein, Ricardo, *Historia de los judíos argentinos*, Buenos Aires, Galerna, 2006.
5. Kaufman, Alejandro, “Idishkai. Memorias sobre poder y violencia”, en Sneh, Perla (ed.), *Buenos Aires idish*, Buenos Aires, Gobierno de la Ciudad de Buenos Aires, 2006, p. 31–34.
6. Koppmann, Walter L. y Sabrina Asquini, “Espías, rusos y maximalistas en el verano de 1919. La Semana Trágica revisitada desde las fuentes diplomáticas y periodísticas”, *Estudios Digital* 44, 2020, p. 165–183. <https://doi.org/10.31050/re.vi44.28069>
7. Mirelman, Víctor, *En búsqueda de una identidad. Los inmigrantes judíos en Buenos Aires 1890–1930*, Buenos Aires, Milá-AMIA, 1988.
8. Moya, José C., “The positive side of stereotypes: Jewish anarchists in early twentieth-century Buenos Aires”, *Jewish History* 1, 2004, p. 19–48.
9. Tcherikower, Elias, *The Early Jewish Labor Movement in the United States*, New York, YIVO Institute for Jewish Research, 1963.

Alejandro Belkin¹

ANARQUISTAS, *SINDICALISTAS* Y SOCIALISTAS EN LA FORA IX, ANTES DE YRIGOYEN

ANARCHISTS, SYNDICALISTS AND SOCIALISTS IN FORA IX, BEFORE YRIGOYEN

Resumen: En la Argentina, la clase trabajadora y sus diversas organizaciones (políticas, gremiales, culturales, etc.) han jugado un papel clave en la historia del país. Como en otras partes del mundo, en los orígenes del movimiento obrero argentino, las principales fuerzas políticas fueron el anarquismo y el socialismo. En 1896 se realiza el congreso constituyente del Partido Socialista argentino y al año siguiente se funda *La Protesta Humana*, el principal órgano de prensa del anarquismo argentino. El mismo era mucho más que un simple periódico, funcionaba como centro organizativo y político del movimiento libertario. Hacia fines del siglo XIX, luego de ciertos reacomodamientos internos, los ácratas se convierten en la fuerza política más importante dentro del movimiento obrero. Dicha supremacía se plasma hacia comienzos del siglo XX cuando acceden a la conducción de la principal central obrera de la época, la Federación Obrera Regional Argentina (FORA). En 1905, surge en el país una nueva corriente política, el sindicalismo revolucionario, inspirado en las ideas de sus homólogos europeos, especialmente los casos de Francia e Italia. Ese mismo año, la FORA, en su 5º Congreso, se va a declarar partidaria del comunismo anárquico. El predominio del anarquismo, en dicha central obrera, se va a prolongar hasta 1915. Ese año, el sindicalismo revolucionario, junto con un sector del movimiento libertario, va a conquistar la hegemonía de la FORA, marcando un hito en la historia del movimiento obrero argentino. El triunfo de la entente anarcosindicalista indicaba un cambio estratégico en la orientación política de la principal central obrera del país. La historia de la FORA, en su primera etapa, hasta el año 1910, ha sido abordada por diversos autores y desde distintas perspectivas. Sin embargo, su deriva posterior no ha recibido la misma atención por parte de la historiografía especializada. En esta ponencia nos proponemos reconstruir los primeros pasos de la FORA anarcosindicalista, señalando la política que siguieron, tanto anarquista como *sindicalistas* desde la conducción de la central obrera. Asimismo, nos interesa explorar los vínculos que tejieron los anarcosindicalistas con el Partido Socialista, en sus dos primeros años de existencia. De esta forma, entendemos que estamos contribuyendo a la necesaria reconstrucción historiográfica de la principal central obrera y, por su importancia en el devenir del país, también representa un aporte a la historia social y política de la Argentina.

Palabras claves: anarquismo; socialismo; sindicalismo; Argentina.

Summary: In Argentina, the working class and its various organizations (political, union, cultural, etc.) have played a key role in the country's history. As in other parts of the world, in the origins of the Argentine labor movement, the main political forces were anarchism and socialism. In 1896, the constituent congress of the Argentine Socialist Party was held and the following year *La Protesta Humana*, the main press organ of Argentine anarchism, was founded. It was much more than a simple newspaper, it functioned as the organizational and political center of the libertarian movement. Towards the end of the 19th century, after certain internal rearrangements, the Accrats became the most important political force within the labor movement. This supremacy was reflected at the beginning of the 20th century when they acceded to the leadership of the main labor union of the time, the Argentine Regional Workers Federation (FORA). In 1905, a new political trend emerged in the country, revolutionary syndicalism, inspired by the ideas of its European counterparts, especially the cases of France and Italy. That same year, FORA, in its 5th Congress, declared itself in favor of anarchic communism. The predominance of anarchism, in said workers' union, will last until 1915.

¹ Alejandro Belkin, Argentina, Doctor en Historia, CONICET — CEHTI — UBA (ambelkin@gmail.com).

That year, revolutionary unionism, together with a sector of the libertarian movement, will conquer the hegemony of FORA, marking a milestone in the history of the labor movement. Argentinian. The triumph of the anarcho-syndicalist entente indicated a strategic change in the political orientation of the main labor union in the country. The history of FORA, in its first stage, until 1910, has been approached by various authors and from different perspectives. However, its subsequent drift has not received the same attention from specialized historiography. In this presentation we propose to reconstruct the first steps of the anarcho-syndicalist FORA, pointing out the policy that they followed, both anarchists and unionists from the leadership of the labor union. Likewise, we are interested in exploring the links that anarcho-syndicalists forged with the Socialist Party, in its first two years of existence. In this way, we understand that we are contributing to the necessary historiographical reconstruction of the main labor union and, due to its importance in the future of the country, it also represents a contribution to the social and political history of Argentina.

Key words: anarchism; socialism; syndicalism; Argentina.

Introducción

En la Argentina, la clase trabajadora y sus diversas organizaciones (políticas, gremiales, culturales, etc.) han jugado un papel clave en la historia del país. Como en otras partes del mundo, en los orígenes del movimiento obrero argentino, las principales fuerzas políticas fueron el anarquismo y el socialismo. En 1896 se realiza el congreso constituyente del Partido Socialista argentino y al año siguiente se funda *La Protesta Humana*, el principal órgano de prensa del anarquismo argentino. El mismo era mucho más que un simple periódico, funcionaba como centro organizativo y político del movimiento libertario. Hacia fines del siglo XIX, luego de ciertos reacomodamientos internos, los ácratas se convierten en la fuerza política más importante dentro del movimiento obrero. Dicha supremacía se plasma hacia comienzos del siglo XX cuando acceden a la conducción de la principal central obrera de la época, la Federación Obrera Regional Argentina (FORA). En 1905, surge en el país una nueva corriente política, el sindicalismo revolucionario, inspirado en las ideas de sus homólogos europeos, especialmente los casos de Francia e Italia. Ese mismo año, la FORA, en su 5º Congreso, se va a declarar partidaria del comunismo anárquico. El predominio del anarquismo, en dicha central obrera, se va a prolongar hasta 1915. Ese año, el sindicalismo revolucionario, junto con un sector del movimiento libertario, va a conquistar la hegemonía de la FORA, marcando un hito en la historia del movimiento obrero argentino. El triunfo de la entente anarcosindicalista indicaba un cambio estratégico en la orientación política de la principal central obrera del país.

La historia de la FORA ha sido abordada por autores diversos. Sin embargo, la mayoría de los trabajos han privilegiado el análisis de la primera década del siglo o los vínculos entre la central obrera y el movimiento libertario. La historia de la FORA, posterior al Centenario, ha sido descuidada por los investigadores profesionales. Asimismo, los estudios sobre la FORA IX (anarcosindicalista) son escasos y fragmentarios. Carecemos de una obra que aborde su historia de manera global, contemplando sus múltiples dimensiones. En este artículo nos hemos propuesto realizar una reconstrucción histórica de la FORA IX, en su primer año y medio de existencia, entre el IX Congreso y la asunción de Yrigoyen a la presidencia (abril de 1915 – octubre de 1916). Hemos indagado sobre su estructura interna, los organismos que la conformaban y su forma de funcionamiento. También hemos abordado las relaciones que entablaron los anarquistas, sindicalistas y socialistas en torno a la FORA IX.

Para realizar la presente pesquisa, hemos consultado un amplio abanico de fuentes, el diario socialista *La Vanguardia*, el cotidiano ácrata *La Protesta*, la hoja de la corriente sindicalista *La Acción Obrera*, el órgano de prensa de la FORA *La Organización Obrera*, la publicación oficial de la Federación Obrera Ferrocarrilera (FOF) *El Obrero Ferroviario*, fuentes estatales como el *Boletín del Departamento Nacional del Trabajo* (DNT), entre otros. También hemos accedido a una fuente cuasi desconocida y poco transitada, nos referimos a las *Actas del Consejo Federal de la FORA IX*, su examen pormenorizado nos ha brindado una gran cantidad de datos que hemos

recolectado y sistematizado, brindándonos información desconocida y reveladora sobre la composición, funcionamiento y vinculaciones del organismo de conducción de la central obrera.

En definitiva, le objetivo del presente escrito consiste en realizar un acercamiento preliminar a la comprensión de la FORA IX, prestando atención a su conformación y funcionamiento interno, los sindicatos que la constituían, sus principales dirigentes y su extensa red de vínculos con entidades nacionales y extranjeras. Así también, abordamos los vínculos entre las principales corrientes políticas del movimiento obrero. Por lo tanto, este trabajo constituye una contribución a la necesaria reconstrucción historiográfica de la principal central obrera de aquellos años y, por su incidencia en el devenir del país, también representa un aporte a la historia social y política de la Argentina.

Los gremios que adhirieron a la FORA IX

En abril de 1915 sesionó en la ciudad de Buenos Aires, el IX Congreso de la FORA. La reunión congregó a más de 80 delegados obreros en representación de 65 organizaciones sindicales. Este cónclave constituye un hito en la historia del gremialismo argentino, porque expresa un viraje político fundamental en la principal central obrera de la época². La antigua hegemonía libertaria fue suplantada por el liderazgo del sindicalismo revolucionario. Una abrumadora mayoría, el 75 % de los congresales, votaron a favor de retirar la recomendación del comunismo anárquico de los estatutos de la FORA³. Se iniciaba una nueva etapa en la vida del movimiento obrero argentino.

Sin embargo, no todos los militantes anarquistas aceptaron el cambio de orientación política de la central obrera. Una fracción minoritaria del movimiento ácrata desconoció el congreso y convocó a los partidarios del comunismo anárquico a reagruparse. Nació la FORA del V Congreso.

La conformación de una central obrera disidente representó un enorme desafío para la flamante FORA IX. Pocos días después de finalizado el IX Congreso, el 15 de abril de 1915, se realizó la primera reunión del flamante Consejo Federal⁴. La nueva conducción tenía que validar el respaldo de la mayor cantidad de gremios. En el IX Congreso, fueron 46 organizaciones gremiales las que apoyaron la propuesta de eliminar la recomendación del comunismo anárquico. En agosto de 1915, en el periódico oficial de la FORA IX, se publicó el listado de sindicatos que habían notificado su adhesión, sumando 53 organizaciones obreras⁵. De esta forma, la FORA IX se erigió como la principal central obrera de la época, con una fuerte implantación nacional, donde sus principales apoyos provenían de los gremios ferroviarios, madera y picapedreros. De esta forma, la entente anarco-sindicalista consiguió refrendar su triunfo, la mayoría de los gremios se encuadraron dentro de la FORA IX.

Los vínculos entre la FORA IX y el Partido Socialista

Los gremios y militantes socialistas no participaron del IX Congreso de la FORA. El periódico *La Vanguardia* apenas publicó las crónicas del cónclave, no le otorgó demasiada importancia al evento. Sin embargo, en los meses posteriores se inicia un proceso de paulatino acercamiento entre la conducción anarcosindicalista de la FORA y el Partido Socialista. La organización gremial de los trabajadores ebanistas constituyó el bastión del sindicalismo revolucionario en el movimiento obrero. Por su parte, Juan B. Justo fue el principal referente

² “Todos tienen la sensación de que esta importante asamblea constituye el episodio de mayor trascendencia en la historia del movimiento sindical argentino” (Sebastián Marotta, *El movimiento sindical argentino: Su génesis y desarrollo. Período 1907–1920: Vol. II*, Buenos Aires, Lacio, 1961. p. 193).

³ “Congreso de la F.O.R.A.: retiro del comunismo anárquico”, *La Vanguardia*, XXI, 2786, 3/4/1915, p. 3.

⁴ *Actas del Consejo Federal de la FORA IX*, p. 1. En el periódico oficial de la central obrera se afirma que la reunión se realizó el 19 de abril, ver “Informe del Consejo Federal”, *La Organización Obrera*, 2, 01.08.1915, p. 2.

⁵ En febrero de 1916, el Consejo Federal anunciaba la adhesión de un nuevo sindicato, la Sociedad de Panderos de Trenque Lauquen, con este sindicato la FORA reunía 55 organizaciones, ver “FORA”, *La Vanguardia*, 3103, 25.02.1916, p. 5.

político e ideológico del Partido Socialista. Cuomo visitó a Justo, poco después del IX Congreso, lo invitó a pronunciar un discurso en la sede del sindicato, ante unanumerosa audiencia. Justo aceptó gustoso y agradeció el gesto de los ebanistas de permitirle hablar ante la asamblea del gremio. En su disertación, Justo señaló que durante muchos años ambos sectores se habían distanciados y celebraba que aquellas rencillas hayan quedado superadas. De esta forma, se inició una relación cada vez más estrecha entre la conducción del Partido Socialista y la dirección anarcosindicalista de la FORA. El vínculo no quedó limitado sólo a los dirigentes, sino que diversos centros socialistas barriales realizaron actos conjuntos con la FORA e invitaron a participar a sus líderes en sus propias actividades. El Partido Socialista organizó en 1915 un gran acto, en la Casa Suiza, en repudio a las leyes represivas, al mismo fueron invitados dos de los más importantes líderes obreros de la FORA. Uno sindicalista revolucionario, Sebastián Marotta y otro anarquista Baustista V. Mansilla. El Partido Socialista, a su vez, devolvió los favores. Cuando la FORA organizó un gran acto en la Plaza Congreso, el Comité Ejecutivo del partido decidió suspender todas las actividades de los centros socialistas para ese día y convocó a concurrir masivamente al mitin organizado por la FORA. En 1916 la relación entre la central obrera anarcosindicalista y el Partido Socialista se continuó estrechando, pero adquirió un carácter diferenciado. En los años previos, se habían constituido al interior del Partido Socialista el denominado Comité de Propaganda Gremial (CPG). Este organismo fue impulsado por el ala izquierda del Partido Socialista (Camarero & Schneider, 1991). El CPG era mirado con mucho recelo por la conducción de la FORA, porque sospechaba que sus intenciones eran disputarle la conducción del movimiento obrero al anarcosindicalismo. Dicho organismo tampoco era visto con agrado por la dirección del Partido Socialista. En este contexto, en 1916, se realiza una reunión secreta entre el Consejo Federal de la FORA y el Comité Ejecutivo del Partido Socialista, donde los primeros le transmiten sus preocupaciones por el accionar del CPG. La máxima conducción del Partido Socialista accede a las demandas, desautoriza al CPG y le aplica sanciones. De esta manera, el proceso de paulatino acercamiento, entre la dirección de la FORA IX y el Partido Socialista se vuelve más estrecha aún, pero adopta otro rumbo. Ambos sectores se coaligan para poner límites al avance de la izquierda socialista.

Conclusiones

En 1915, los sindicalistas revolucionarios, con el apoyo de una fracción del anarquismo, conquistaron la conducción de la mayor central obrera de la época. En los meses siguientes tuvieron que afrontar la tarea de ratificar el apoyo conseguido en el IX Congreso, para contrarrestar la influencia de la FORA V. La flamante conducción anarcosindicalista desplegó una enorme campaña proselitista, consiguiendo refrendar el respaldo mayoritario que había obtenido en el cónclave. De esta manera, se erigió en la mayor central obrera de la época, desplazando a la fracción anarquista opositora hacia una situación de marginalidad dentro del movimiento obrero. Los socialistas, no participaron del IX Congreso. Sin embargo, la entente anarcosindicalista, una vez afianzada como nueva conducción de la FORA, inició un vínculo cada vez más estrecho con la dirección del Partido Socialista. Justo aceptó el convite de los líderes obreros y se inició una relación de mutua colaboración entre los que, durante muchos años, habían sido acérrimos adversarios. De esta manera, militantes de ambas organizaciones comienzan a realizar múltiples actividades en común, actos, conferencias, movilizaciones, etc. Hacia fines de 1916, la colaboración entre el Comité Ejecutivo del Partido Socialista y la FORA IX adquiere otra profundidad y otro carácter. Ambos organismos se ponen de acuerdo para combatir la influencia del ala izquierda del socialismo argentino en el movimiento obrero.

Por lo tanto, en vísperas de la asunción de Hipólito Yrigoyen a la presidencia de la república, la FORA IX se había transformado en la central obrera más importante del país, con una fuerte implantación nacional. Sus principales apoyos se encontraban entre los gremios ferroviarios, picapedreros, ebanistas y marítimos. La alianza entre el sindicalismo revolucionario y un sector del movimiento libertario se había mostrado muy eficiente, no sólo en la conquista de la conducción

de la FORA, sino también en la consolidación de sus diversos organismos, en todo el país. En definitiva, Yrigoyen recibe una central obrera, dirigida por el anarcosindicalismo, con un funcionamiento interno muy aceitado y con una implantación nacional, que consiguió desplazar al anarquismo más contestatario hacia los márgenes del movimiento obrero y que tejió una alianza con la dirección socialista para combatir la influencia gremial de su ala izquierda. Estos elementos deben ser tenidos en cuenta para explicar el derrotero posterior de la conducción de la FORA y el tipo de vínculo que entablaron la dirección de la central obrera y el gobierno radical.

Bibliografía

1. Abad de Santillán, Diego, *La FORA: ideología y trayectoria del movimiento obrero revolucionario en la Argentina*, Buenos Aires, Nervio, 1933.
2. Bilsky, Eedgardo, *La FORA y el movimiento obrero (1900–1910)*, vols. 1, 2, Buenos Aires, CEAL, 1985.
3. Camarero, Hernán y Alejandro Schneider, *La polémica Penelón-Marotta (marxismo y sindicalismo soreliano, 1912–1918)*, Buenos Aires, Centro Editor de América Latina, 1991.
4. Díaz, Hernán, “Las giras sindicales como instrumento de construcción del movimiento obrero. La FORA en Entre Ríos (1918–1921)”, *Historia Regional, Sección Historia* 32:2, 2014, p. 89–107.
5. Gluzman, Diego Ernesto, “La FORA IX y la concepción sindicalista: El miedo a la derrota generó una política obrera reformista y conciliadora. Acta Académica. XVI Jornadas Interescuelas/Departamentos de Historia, Mar del Plata, 2017.
6. López, Antonio, *La FORA en el movimiento obrero*, vols. 1 y 2. Centro Editor de América Latina, 1987.
7. Marotta, Sebastián, *El movimiento sindical argentino: Su génesis y desarrollo. Período 1907–1920: Vol. II*, Buenos Aires, Lacio, 1961.
8. Oved, Iaacov, *El anarquismo y el movimiento obrero en Argentina*, Mexico, Siglo veintiuno, 1978.
9. Obrera Regional Argentina (IX Congreso): Alcances y límites en el marco de la conflictividad agraria de la época. *Revista Interdisciplinaria de Estudios Agrarios*.

Gabriel Omar Piro Mittelman¹

LA INTERNACIONAL COMUNISTA Y EL PARTIDO COMUNISTA DE ARGENTINA: UN DEBATE SOBRE EL FRENTE POPULAR (1937–1938)

THE COMMUNIST INTERNATIONAL AND THE COMMUNIST PARTY OF ARGENTINA: A DEBATE ON THE POPULAR FRONT (1937–1938)

Resumen; Este trabajo indagará sobre los debates surgidos en el Partido Comunista de Argentina (PC) a raíz de sus dificultades para implementar la orientación política del Frente Popular durante los años 1937 y 1938, tras los primeros intentos de realizar una alianza con el Partido Socialista (PS) y la Unión Cívica Radical (UCR); particularmente, aquellos entablados entre la dirección local y los líderes de la Internacional Comunista (IC).

Palabras clave: Partido Comunista; Internacional Comunista; Frente Popular; Partido Socialista; antifascismo; clase obrera.

Abstract: This paper will investigate the debates that arose in the Communist Party of Argentina (PC) as a result of its difficulties in implementing the political orientation of the Popular Front during the years 1937 and 1938, after the first attempts to make an alliance with the Socialist Party (PS) and the Unión Cívica Radical (UCR); particularly those between the local leadership and the leaders of the Communist International (CI).

Key words: Communist Party; International Communist; Popular Front; Socialist Party; anti-fascism, working class.

El año 1938 fue un punto de clivaje para la política mundial. La carrera armamentista iniciada por la Alemania de Hitler durante el periodo previo amenazaba con transformarse en una guerra efectiva. Las aspiraciones anexionistas del Tercer Reich sobre Austria y Checoslovaquia, junto con la Ofensiva de Aragón por parte del ejército franquista en España, prefiguraban un escenario en el cual las fuerzas fascistas ganaban posiciones.

En este contexto, el comunismo argentino, en sintonía con sus pares a nivel internacional, estaba embarcado en desarrollar la política votada en el VII Congreso de la IC², realizado a mediados de 1935, consistente en lograr una colaboración entre la clase obrera y sectores “progresistas” de la burguesía bajo la premisa de evitar el avance del fascismo. Esta orientación, sintetizada en la fórmula de Frente Popular, implicó para el PC la búsqueda de un acercamiento con los que denominó “partidos democráticos”, es decir el radicalismo y el socialismo, otrora considerados “socialfascistas”.

En este trabajo nos referiremos a lo que definimos como la primera crisis de la política de Frente Popular en el PC argentino. Esto es, al conjunto de discusiones, definiciones cambiantes y conflictos entre el PC local y la dirección de la IC, ocurridos entre fines de 1937 y mediados de 1938, que tuvieron como momento álgido el IX Congreso Nacional del Partido Comunista,

¹ **Gabriel Omar Piro Mittelman**, Argentina, Profesor y Licenciado en Historia por la Universidad de Buenos Aires. Investigador y becario doctoral en: Instituto de Historia Argentina y Americana “Dr. Emilio Ravignani”, Facultad de Filosofía y Letras, Universidad de Buenos Aires, Argentina (gabrielpiro90@gmail.com).

² Franco De Felice, “Introducción”, *Fascismo, democracia y frente popular. VII Congreso de la Internacional Comunista*, México, 1984.

realizado en enero de 1938. Los mismos versaron sobre la factibilidad de implementar la orientación frentepopulista en un contexto local adverso, donde las perspectivas de una alianza antifascista eran menos inmediatas de lo que reclamaba la crisis europea, y de lo que el PC interpretaba como signos de fortalecimiento de los seguidores de Hitler en Argentina. Consideramos que el análisis de esta crisis permite complejizar la mirada sobre el desempeño del PC en esta etapa, que coincide con un avance exponencial de su inserción en el movimiento obrero organizado³ y en el amplio espectro de organizaciones locales denominadas antifascistas⁴.

Sostendremos que las discusiones sobre la implementación de la política frentista, lejos de abstraerse de las particularidades locales, estuvieron ancladas en una disputa interpretativa sobre la realidad nacional, el rol de los “partidos democráticos” en ella, y la relación con el gobierno del entonces presidente argentino Roberto Ortiz⁵.

* * *

Si la confluencia de partidos “democráticos” entre 1935 y 1936, tanto en Francia como en España y Chile, hacía suponer al PC que la política frentista estaba avanzando exitosamente, el escenario en Argentina marcaba una tendencia menos optimista. El año electoral de 1937 había resquebrajado las ilusiones respecto de una rápida realización del Frente Popular, en tanto radicales y socialistas se negaron a conformar una alianza electoral común para las elecciones presidenciales de aquel año. Mientras el PS estaba embarcado en una fuerte lucha interna, la UCR aspiraba a recuperar el caudal electoral perdido durante su etapa de abstención electoral. A su vez, ambos rechazaban establecer acuerdos con un partido como el PC, tanto por su ilegalidad, como por evitar ser vinculados al régimen soviético.

Así, en septiembre de 1937 el PC se encontraban ante un dilema: ¿De qué manera conjugar la orientación frentista propuesta por el Comintern con una realidad nacional que resultaba hostil? No solo no se había constituido la alianza electoral que debía cristalizar el Frente Popular como política contra el fraude y el avance del “fascismo criollo”⁶, identificado con los terratenientes locales y con el uriburismo, sino que Marcelo Alvear, el candidato radical apoyado por los comunistas, perdió las elecciones presidenciales de aquel año. ¿Cómo continuar frente a ese panorama? ¿Se debía mantener la política frentista pese a la negativa del resto de los actores?

La respuesta de la dirección comunista fue la apuesta por la continuidad de la política frentista, pero bajo nuevas formas. Ya no se trataría de una alianza pactada entre dirigentes de las “fuerzas democráticas”, sino que sería producto de la presión sobre las mismas. Según Luis Sommi, por entonces uno de los principales dirigentes partidarios, el Frente Popular debía surgir de la lucha por una gran Alianza Democrática, que incluyese tanto a partidos políticos como a organizaciones obreras y anti fascistas en general, que partiendo de sus propias demandas y de un programa elemental de restablecimiento de un régimen democrático presionase sobre las direcciones de la UCR, el PS, y el Partido Socialista Obrero (PSO) para imprimirles esta política⁷. Esta perspectiva se cristalizó en el IX Congreso Nacional del PC, en enero de 1938.

Allí, otro de los dirigentes partidarios, Orestes Ghioldi, refiriéndose a las dificultades para concretizar el Frente Popular agregaba que se debía lograr un equilibrio entre la búsqueda de acuerdos con todos aquellos sectores que se reivindicasen “democráticos” y las demandas propias del movimiento obrero como parte fundamental de esa alianza⁸. Esto suponía una mayor

³ Hernán Camarero: 1) *A la conquista de la clase obrera. Los comunistas y el mundo del trabajo en la Argentina, 1920–1935*, Buenos Aires, 2007; 2) *Comunismo y movimiento obrero en la Argentina, 1914–1943*: tesis doctoral, Buenos Aires, 2008; Diego Ceruso, *La izquierda en la fábrica. La militancia obrera industrial en el lugar de trabajo, 1916–1943*, Buenos Aires, 2015.

⁴ Andrés Bisso, *El antifascismo argentino*, Buenos Aires, 2007.

⁵ Tulio Halperín Donghi, *La república imposible. 1930–1945*, Buenos Aires, 2007.

⁶ “Luis Sommi: ‘La salvación de la democracia Argentina La amenaza de la guerra mundial la penetración fascista y el problema del imperialismo (informe de Luis Sommi ante el IX Congreso del Partido Comunista)’”. 10.02.1938, *Orientación*.

⁷ “Luis Sommi: ‘El proceso de creación de la Alianza Democrática’”. Octubre–Noviembre 1937, *Nuestra Revista*.

⁸ “Informe de Orestes Ghioldi ante el IX Congreso Nacional”, *Folleto editado por el Partido Comunista de la Argentina*, enero de 1938.

gravitación del PC, en tanto éste se percibía a sí mismo como la representación “natural” de la clase obrera. Sin embargo, para Ghioldi, el rol de la clase obrera y de los comunistas no podía estar planteado de antemano en ese esquema, ya que eso sería imponer formas y métodos “sectarios”. Trasladando la situación a los años de la política de Clase Contra Clase⁹, el dirigente comunista advertía que “eran frecuentes los planteamientos mecánicos sobre la hegemonía del proletariado y el rol dirigente del partido”. Y agregaba que: “Ni debemos reducir el papel del Partido Comunista aplicando los métodos de la socialdemocracia ni debemos imponer la hegemonía”¹⁰.

En su visión, la nueva orientación requería un nuevo tipo de partido, o por lo menos un rol diferente del PC. Uno de los aspectos que debía modificarse era el “obrerismo”. Para Ghioldi, la línea de “proletarización” establecida durante el periodo precedente se había deformado en una “obrerización mecánica”, en la cual la deformación más evidente era el espíritu anti intelectual de muchos de sus miembros. Paralelamente, este cambio implicaba modificar los métodos de lucha: la huelga debía ser una forma excepcional de la misma, en tanto no se debía “jugar” con ese método. La lucha debía ser una lucha de masas, y el partido un efectivo “partido de masas del proletariado argentino”.

Respecto a la caracterización del gobierno surgido en las elecciones de 1937, Luis Sommi sostuvo que en tanto la Concordancia (el partido de gobierno) era una coalición de partidos, estos no podían equipararse mecánicamente. Mientras existía en su interior un grupo expresamente vinculado con la “reacción” y el “fascismo”, como el gobernador de la provincia de Buenos Aires Manuel Fresco, supuestamente financiado por Italia y Alemania, existía otro grupo, compuesto por radicales moderados, viejos políticos conservadores y liberales, en donde se ubicaba Roberto Ortiz, el cual sería “la expresión de la tendencia no fascista, democrática moderada, que procura con más firmeza y amplitud que lo que ha hecho Justo en el pasado, un entendimiento con la oposición democrática especialmente con la UCR”¹¹. Es decir, según Sommi, el PC debía apoyar al nuevo gobierno en la medida que sus políticas fuesen progresistas e impulsadas por su “ala democrática”.

Una vez aprobada esta perspectiva en el Congreso del PC, la IC planteó una visión divergente. En un documento confidencial de abril de 1938 informaba de forma tajante que “las recomendaciones de la IC están ausentes en la vida del PC de Argentina”¹². Según el informe, el IX Congreso no solo había estado mal preparado, sino que en él la dirección encabezada por Ghioldi y Sommi habían ocultado las críticas que realizó la IC, sobre todo en relación a los errores políticos que se expresaron en la formulación de la consigna “Alvear presidente, el radicalismo al poder”, realizados por Georgi Dimitrov el año anterior¹³. La disolución del rol de los comunistas en la pelea electoral y el informe de Sommi sobre el gobierno de Ortiz, al que se lo consideró “orticista”, eran equivalentes, para los dirigentes de la IC a plantear “la eliminación del partido”, en tanto se negaba el rol del mismo en la nueva situación política y se ponían todas las expectativas en que “el futuro gobierno y el imperialismo inglés resolvieran los problemas”. Desde un punto de vista más general, la crítica apuntaba a la falta de articulación entre el objetivo de conquistar una Alianza Democrática y el papel que tendría la “unidad sindical y proletaria” para conseguirla. A su vez, se señalaba que el abandono de la pelea por las demandas mínimas de la clase obrera, implicaba que la misma quedase desdibujada como actor en la alianza de clases, y por ende, el PC como “vanguardia natural” de la misma.

Resulta significativo que para los dirigentes de la IC la subestimación de este problema tenía estrecha relación con el poco peso que se le había dado en el IX Congreso a advertir sobre la

⁹ La orientación política de Clase Contra Clase, aplicada entre 1928 y 1935, supuso el ataque sistemático por parte del PC al resto del espectro político y sindical argentino, denunciándolo como fascista, social fascista o pro burgués.

¹⁰ “Informe de Orestes Ghioldi ante el IX Congreso Nacional”.

¹¹ “Luis Sommi: ‘La salvación de la democracia Argentina...’”.

¹² “El informe sobre la situación en el partido Argentino”. 07.04.1938, en Victor Jeifets y Andrey Schelchikov, *La Internacional Comunista en América Latina. En documentos del archivo de Moscú*, Moscú; Santiago de Chile, 2018.

¹³ “Intervención de Georgi Dimitrov, en la Reunión de la comisión 5.VII.1937 (sobre la cuestión Argentina)”, *Internacional Comunista (Comintern). Su relación con el Partido Comunista de la Argentina. 1921–1940*. Sección documental N° 13 del rollo N° 1. Traducción al español en: Víctor Augusto Piemonte, “Frente Popular en la Argentina: Dimitrov y el pretendido giro materialista”, *Revista Electrónica de Fuentes y Archivos* 2:2, 2017.

“amenaza del trotskismo”¹⁴, al cual solo se lo consideró como un peligro exterior pero sin ver el rol que ya estaba jugando dentro del país. Pese a tratarse de grupos en formación para la época¹⁵, la crítica al trotskismo tenía un sentido particular en la coyuntura de 1938. En primer lugar porque la IC estaba llevando adelante una fuerte campaña de desprestigio y persecución contra el Partido Obrero de Unificación Marxista (POUM) español, que vinculaba al trotskismo, cobrándose la vida de su principal dirigente Andreu Nin, y de varios militantes en las llamadas “jornadas de mayo” de 1937. El peso de la guerra de España en Argentina y las permanentes declaraciones del PC local tendientes a demostrar su moderación y negar aquellas visiones que los asociaban a la “revolución proletaria”, permite pensar que estos debates estaban sopesados con mayor énfasis que en otros momentos. Por otra parte, en varios artículos de *Orientación*¹⁶ y de *Nuestra Revista*¹⁷, se refleja el avance de dirigentes como Mateo Fossa, referente del gremio maderero vinculado al trotskismo al interior del PSO y su rol en evitar que este grupo en su totalidad adscribiese a la política de Frente Popular. Finalmente, en posteriores informes a la IC, redactados por Paulino González Alberdi¹⁸, se mencionaba el peso creciente de los trotskistas en sectores de la intelectualidad y del periodismo (vinculados a publicaciones con gravitación en el espacio de la izquierda como la revista *Crítica* o *Claridad*), que generaban una corriente de opinión desfavorable sobre la URSS e influían en aquellas corrientes del radicalismo y el socialismo opuestas al Frente Popular, mencionando en particular a la figura de Liborio Justo.

Desde el punto de vista político, la IC proponía reafirmar la orientación del Frente Popular sin que esto implicase concesiones consideradas “oportunistas” hacia el resto de las fuerzas políticas. El PC debía actuar sobre el radicalismo y el socialismo, buscando una alianza, pero marcando permanentemente las concesiones de éstos al gobierno. De la misma forma, el apoyo a Ortiz no debía ser “orticismo”, sino un reclamo permanente de que el gobierno fuese consecuente con su retórica de apertura democrática y aplicase un conjunto de medidas elementales que garantizaran las libertades necesarias para actuar contra “la reacción”.

Para llevar adelante esta política debía quedar claro, para la IC, que lo central era el fortalecimiento del propio PC. La orientación debía adoptar la forma de círculos concéntricos en donde la formación de nuevos cuadros obreros y la captación de una nueva camada de militantes que se “probaran” en la lucha contra el fascismo y en defensa del Frente Popular, fuese la base para actuar sobre los sindicatos, de ahí sobre las centrales, y desde la unidad del movimiento obrero en la lucha por sus demandas, impulsar las consignas democráticas que llevarían a la formación del Frente Popular. En consonancia, se debía retomar el camino de la proletarianización, empezando por desplazar a la dirección “intelectual”, y reemplazarla por “cuadros de extracción obrera”¹⁹.

Es decir, se la IC recomendaba apoyarse sobre la fortaleza conquistada por el PC en el movimiento obrero, para desde allí impulsar una política “democrática” de colaboración de clases. La IC se colocaba en el lugar de defensora de un modelo de “partido proletario” contra lo que consideraba un desvío “socialdemócrata” de la dirección precedente, pero no lo hacía en función de aplicar una política clasista, sino como una forma táctica de desplegar la política frentista. Por eso creemos que sería un error asociar este debate sobre el “tipo de partido” a un desacuerdo teórico

¹⁴ “El informe sobre la situación en el partido Argentino”.

¹⁵ Sobre el trotskismo argentino en este periodo nos remitimos a: Alicia Rojo, “Los orígenes del trotskismo argentino: de los años 30 al surgimiento del peronismo. Elaboraciones teórico-políticas y vínculos con la clase obrera”, *Archivos de historia del movimiento obrero y la izquierda* 1:1, 2012.

¹⁶ “¿Adónde va el Partido Socialista obrero?” 11.08.1938, *Orientación*; “Marianetti denuncia un grupo trotskista dentro del PSO”. 13.10.1938, *Orientación*; “Provocaciones del trotskismo”. 20.10.1938, *Orientación*.

¹⁷ “Importancia del pleno del Comité Central (nota previa del C. E)”, *Nuestra Revista* 2:6, 1938; “Gerónimo Arnedo Álvarez: ‘La situación Nacional del país reclama la Unidad de acción. El pleno del Comité Central y la política del Partido’”, *Nuestra Revista* 2:6, 1938.

¹⁸ “Informe de Bernard sobre los agentes trotskistas del fascismo en la Argentina”. 03.05.1938”, en Victor Jiefets y Andrey Schelchkov, *Op. cit.* Se trata de un informe elaborado para el Comintern por Paulino Gonzales Alberdi, describiendo la trayectoria de varios de los principales dirigentes del trotskismo en Argentina, como Mateo Fossa y Liborio Justo.

¹⁹ Por la unidad obrera y el Frente Popular: “Consolidemos y engrandecemos el Partido Comunista. Resolución adoptada por el pleno del Comité Central realizado en julio de 1938”, *Nuestra Revista* 2:6, 1938.

sobre la forma “leninista” de partido. La disolución efectiva de la IC tras su VII Congreso, la idea del “socialismo en un solo país”, y el proceso de burocratización llevado adelante por Stalin desde 1924, permiten establecer que no existía una continuidad de las posiciones del fundador de la III Internacional en la organización encabezada por Grigor Dimitrov. Del mismo modo, la acción de los comunistas en Chile o Francia, donde efectivamente se había consolidado el Frente Popular muestra que la subordinación del PC a los radicales y socialistas de dichos países, sosteniendo las alianzas incluso cuando las decisiones de gobierno fueron en contra del desarrollo de los PC locales²⁰, no fue un problema para la IC. Allí tuvo preponderancia un método de acción que podríamos calificar como “pragmático”, que apuntó a sostener a los comunistas en el gobierno.

Por lo tanto, ¿cuáles fueron los motivos prácticos que llevaron a la IC a plantear estas recomendaciones? En primer lugar, como sostuvimos al comienzo, los intentos de construir el Frente Popular habían sufrido una primera derrota, lo cual implicó rever las formas de alcanzar aquel objetivo. En este sentido, la mayor delimitación con las direcciones de estos partidos, como proponía la IC, no cumplía una función teórica o de reafirmación doctrinaria. Implicaba influir sobre las disidencias y matices internos en estas organizaciones, buscando separar a la conducción de sus bases. La crítica a la dirección radical fue acompañada por una búsqueda de concretar un acercamiento con los sectores disidentes dentro de la UCR. En un sentido similar actuaron los reproches a la dirección socialista, la cual según el PC, había llevado al partido fundado por Juan Justo a un importante retroceso y a una crisis interna encarnada en la aparición del PSO, al cual los comunistas buscarían ligarse²¹.

La conclusión de la IC sobre la necesidad de que los comunistas locales fortaleciesen su acción en el movimiento obrero mediante la pelea por “demandas mínimas” que los vinculasen aún más con la base obrera, tenía estrecha relación con esta caracterización. Sobre todo si consideramos esta consigna en su forma práctica, la cual suponía ejercer una agitación en los lugares de trabajo que presionase para confluir con las bases socialistas y forzar así instancias de coordinación que no se daban mediante acuerdos con su dirección. De este modo, desde mediados de 1938 se realizaron actos y mítines, mediante la carátula de acciones organizadas por la CGT, en donde socialistas y comunistas confluyeron por demandas como el boicot a los productos alemanes²², los reclamos contra las deportaciones de activistas²³, y sobre todo contra la invasión alemana a Checoslovaquia²⁴. Es decir, en este caso también podemos conjeturar que las críticas más agudas a las direcciones no necesariamente significaron un alejamiento de estos partidos, sino que estas se combinaron con métodos para lograr acercamientos con sectores de sus afiliados.

Un segundo indicio de la *realpolitik* que guio este giro lo encontramos en la necesidad de los comunistas de crear un cerco a las críticas que estaban surgiendo hacia el Frente Popular en el propio campo de la izquierda, particularmente las del trotskismo, que en ese periodo gana cierto peso dentro del PSO. Si bien se trataba de una corriente minoritaria a nivel nacional, resulta significativo el empeño del comunismo en atacar a esta corriente. La crítica internacional del trotskismo al Frente Popular había llevado a la IC a recomendar reforzar la delimitación de lo que se consideraban “agentes fascistas” que intervenían en el movimiento obrero para “dividirlo y favorecer a la reacción”²⁵. Esta preocupación por el trotskismo tenía su correlato con las crecientes persecuciones a esta corriente o a quienes se acusaba de pertenecer a la misma, al interior de la propia URSS²⁶ y a nivel internacional, con eje en la propia figura de León Trotsky²⁷. Se puede

²⁰ Para el caso de Chile nos remitimos al trabajo de Andrew Barnard, *El Partido Comunista de Chile, 1922–1947*, Santiago de Chile, 2017; “Sobre el caso francés nos remitimos”, en Serge Wolikow y Annie Ruget (Dir.), *Antifascisme et nation. Les gauches européennes au temps du Front populaire*. Dijon, 1998.

²¹ Arnedo Álvarez, *Op. cit.*

²² “El pueblo argentino no debe gastar un solo centavo en artículos de los países fascistas”. 30.06.1938, *Orientación*.

²³ “La suspensión de las deportaciones”. Junio de 1938, *Orientación*.

²⁴ “El pueblo argentino se moviliza solidario con el pueblo checo y en defensa de La Paz”. 22.09.1938, *Orientación*.

²⁵ “Resolución sobre la actividad del PC de la Argentina”. 28.04.1938, *Confidencial*.

²⁶ Sheila Fitzpatrick, *La vida cotidiana durante el estalinismo: cómo vivía y sobrevivía la gente común en la Rusia soviética*, Buenos Aires, 2017.

²⁷ León Trotsky, *El caso León Trotsky: informe de las audiencias sobre los cargos hechos en su contra en los Juicios de Moscú*, Buenos Aires, 2010.

conjeturar que la preocupación por la acción de estos grupos resulta un indicio respecto a las dificultades del PC para conciliar su retórica socialista con su giro frentista, que implicaba atenuar toda apelación a una actividad revolucionaria. Es decir, la discusión sobre el “desvío socialdemócrata” del PC en su IX Congreso, debe entenderse, en parte, poniendo el foco en la necesidad de los comunistas de evitar críticas que desde el propio campo de la izquierda pusieran en cuestión su carácter “revolucionario” o “socialista”, y que pudieran beneficiarse de su giro hacia la búsqueda de un acercamiento con el radicalismo y de sus expectativas puestas en el gobierno de Ortiz.

Finalmente, un tercer indicio de estas “razones prácticas” que motivaron la discusión sobre el tipo de organización que se debía construir está relacionado con la necesidad de fortalecer la cohesión partidaria y evitar el surgimiento de fracciones ante el estancamiento de la política frentista. Durante el transcurso de estas discusiones y sobre todo luego de julio de 1938 hubo múltiples intentos por morigerar el impacto de la crisis, apelando a una mayor disciplina partidaria e intentando reconstruir la autoridad de la dirección. La corrección del “desvío” previo solo podía ocurrir si se reforzaba el “autocontrol”. Éste, apelando al lenguaje propio de los Juicios de Moscú realizados durante 1937, era entendido como un control interno del partido sobre sus miembros, denunciando todas las conductas que estuviesen “desviadas” de la orientación definida. A su vez, las resoluciones que apuntaban a tomar “demandas mínimas” debían servir para nutrir las filas partidarias, ya que el “seguidismo” y el “oportunismo” del periodo anterior habían implicado, en el propio diagnóstico del PC, un retraso y estancamiento en la incorporación de nuevos militantes.

Más allá de las conjeturas que se puedan hacer sobre un posible enfrentamiento entre la IC y la dirección de Sommi y Ghioldi, las críticas y debates desarrollados durante estos meses no respondieron a un debate doctrinario o teórico, como ocurrió en otras crisis del PC, sino a un debate político que atravesó distintas concepciones sobre la articulación entre el programa a desarrollar y con qué tipo de organización llevarlo adelante en el marco de una visión común sobre las tareas a desarrollar en la etapa frentepopulista.

* * *

Habiendo planteado las características centrales de la crisis partidaria y algunas de sus motivaciones centrales es necesario referirnos a su finalización.

Si la crisis partidaria había enfrentado a la dirección local con la IC, tanto el recambio en la dirección del PC (producto del desplazamiento de Ghioldi y Sommi) como la dinámica internacional, habilitaron una nueva síntesis la orientación a desarrollar. Esta no significó un abandono de la política frentista, sino una modificación de sus alcances y objetivos inmediatos, tendientes a dar una mayor autonomía al PC respecto del resto de los “partidos democráticos”. En particular, tras el pacto de Múnich y el rechazo de la URSS al mismo, se tensaron aún más las relaciones con el PS y la UCR, habilitando una lectura que fortalecía aquella idea de una mayor autonomía del PC y la identificación del Frente Popular como un “proceso” más que como una alianza política inmediata. En paralelo, el avance concreto de Hitler en Europa confluyó con el discurso comunista sobre la inminente amenaza nazifascista, y la necesidad de unificar fuerzas y acciones para enfrentarlo. Esto supuso la ampliación aún mayor del espectro político con el cual los comunistas buscaron confluir, pues bajo la idea de “unidad nacional”, se incluyó a sectores conservadores y a los soldados “no golpistas” del ejército.

La crítica realizada por la IC a los comunistas locales, centrada en la necesidad de reforzar la “proletarización” y de enfrentar los “desvíos socialdemócratas” que habrían surgido tras el IX Congreso, no implicaron una mayor delimitación de clase respecto del resto de los actores políticos del periodo, sino un refuerzo de la política para alcanzar un acercamiento, por distintas vías, con los mismos. La búsqueda de conflictos entre dirigentes y afiliados del resto de los partidos para explotar sus contradicciones, la necesidad de reafirmar los fines democráticos del PC, alejados de cualquier intención revolucionaria radical, y la reafirmación de la unidad y disciplinas partidaria ante el estancamiento de la política frentista fueron los ejes sobre los que moldearon el desarrollo de la política frentista en aquel periodo.

Bibliografía

1. Rojo, Alicia, “Los orígenes del trotskismo argentino: de los años 30 al surgimiento del peronismo. Elaboraciones teórico-políticas y vínculos con la clase obrera”, *Archivos de historia del movimiento obrero y la izquierda* 1:1, 2012.
2. “¿Adónde va el Partido Socialista obrero?” 11.08.1938, *Orientación*.
3. “Marianetti denuncia un grupo trotskista dentro del PSO” 13.10.1938, *Orientación*.
4. “Provocaciones del trotskismo” 20.10.1938, *Orientación*.
5. “Importancia del pleno del Comité Central (nota previa del C. E)”, *Nuestra Revista*, 2:6, 1938.
6. “Gerónimo Arnedo Álvarez: ‘La situación Nacional del país reclama la Unidad de acción. El pleno del Comité Central y la política del Partido’”, *Nuestra Revista* 2:6, 1938.
7. “Por la unidad obrera y el Frente Popular. Consolidemos y engrandezcamos el Partido Comunista. Resolución adoptada por el pleno del Comité Central realizado en julio de 1938”, *Nuestra Revista* 2:6, 1938.
8. *Para el caso de Chile nos remitimos al trabajo de Andrew Barnard, El Partido Comunista de Chile, 1922–1947*. Santiago de Chile, Ariadna Ediciones, 2017.
9. “Sobre el caso francés nos remitimos”, en Wolikow, Serge y Annie Ruget (Dir.), *Antifascisme et nation. Les gauches européennes au temps du Front populaire*, Dijon, EUD, 1998.
10. “El pueblo argentino no debe gastar un solo centavo en artículos de los países fascistas” 30.06.1938, *Orientación*.
11. “La suspensión de las deportaciones”. Junio de 1938, *Orientación*.
12. “El pueblo argentino se moviliza solidario con el pueblo checo y en defensa de La Paz”. 22.09.1938, *Orientación*.
13. “Resolución sobre la actividad del PC de la Argentina”. 28.04.1938, *Confidencial*.
14. Fitzpatrick, Sheila, *La vida cotidiana durante el estalinismo: cómo vivía y sobrevivía la gente común en la Rusia soviética*, Buenos Aires, Siglo XXI, 2017.
15. Trotsky, León, *El caso León Trotsky: informe de las audiencias sobre los cargos hechos en su contra en los Juicios de Moscú*, Buenos Aires, Ediciones IPS, 2010.

ИБЕРОАМЕРИКАНСКАЯ МОЗАИКА

IBEROAMERICAN MOSAIC

José Antonio Saravia¹

EL RESTABLECIMIENTO DE RELACIONES DIPLOMÁTICAS ENTRE URUGUAY Y LA UNIÓN SOVIÉTICA (1942–1946)

THE REESTABLISHMENT OF DIPLOMATIC RELATIONS BETWEEN URUGUAY AND THE SOVIET UNION (1942–1946)

Resumen: En esta investigación se analizan los puntos principales de las relaciones diplomáticas, políticas y económicas entre Uruguay y la Unión Soviética entre 1942 y 1946. Este lapso se corresponde con la reanudación de los vínculos diplomáticos en el marco de la Segunda Guerra Mundial, que se habían interrumpido en 1935. Se reconstruye el proceso a través del cual el gobierno uruguayo propuso a su homólogo soviético el restablecimiento de relaciones, desde los primeros contactos mediante diplomáticos estadounidenses hasta la instauración de legaciones diplomáticas en cada país. En particular, se exploran las razones y argumentos que Uruguay esgrimió para tomar esta decisión y cómo este hecho se enmarca en la estrategia de Estados Unidos de intentar acercar a la Unión Soviética a su esfera de influencia. Por último, se alude al incremento de las rispideces entre los países después de 1945, a pesar de la firma del tratado comercial de 1946. El aporte consiste en la utilización de documentos del Archivo Histórico-Diplomático del Ministerio de Relaciones Exteriores del Uruguay (AMREU) y el Foreign Relations of the United States Archive (FRUS).

Palabras clave: Uruguay; Unión Soviética; Segunda Guerra Mundial; Estados Unidos.

Abstract: This research analyzes the main points of the diplomatic, political, and economic relations between Uruguay and the Soviet Union from 1942 to 1946. This period corresponds to the resumption of diplomatic ties in the context of the Second World War, which had been interrupted in 1935. It reconstructs the process by which the Uruguayan government proposed to its Soviet counterpart the reestablishment of relations, from the first contacts through U.S. diplomats to the establishment of diplomatic legations in each country. It explores the reasons and arguments that Uruguay used to make this decision, and how this fact is framed in the strategy of the United States of trying to bring the Soviet Union closer to its sphere of influence. Finally, it studies the increase in disagreements between the countries after 1945, despite the signing of the 1946 trade agreement. The contribution

¹ **José Antonio Saravia**, Uruguay, Licenciado en Humanidades por la Universidad de Montevideo; Rusia, Actualmente estudiante de Maestría en la cátedra de Historia de Rusia en la Universidad Rusa de la Amistad de los Pueblos (RUDN — Moscú, Rusia) (joseasaravia@outlook.com).

consists of the use of documents from the Historical-Diplomatic Archive of the Ministry of Foreign Affairs of Uruguay (AMREU) and the Foreign Relations of the United States Archive (FRUS).

Key words: Uruguay; Soviet Union; Second World War; United States.

Los primeros acercamientos

Desde inicios de la Segunda Guerra Mundial Uruguay se hallaba en la neutralidad, aunque con una marcada tendencia proaliada y panamericanista². Diversos hechos, como las tentativas de instalar bases aeronavales en territorio nacional bajo el patrocinio estadounidense en 1940 y 1944 y el establecimiento de un tratado comercial con Estados Unidos en 1942, junto a la obtención de un préstamo por veinte millones de dólares otorgado por Washington a comienzos de 1943, son ilustrativos de un incremento de las relaciones de amistad uruguayo-estadounidenses³. Asimismo, el canciller Alberto Guani, en diversas conferencias y mediante su actuar cotidiano, defendía la constitución de una conciencia jurídica internacional en América, bajo el patrocinio de Estados Unidos⁴.

Por el contrario, las relaciones entre la Unión Soviética y Uruguay se encontraban suspendidas desde 1935 por la interrupción de forma unilateral declarada por el presidente uruguayo Gabriel Terra, presionado por una “diplomacia del anticomunismo” regional⁵. A pesar del clima de discordia precedente, el gobierno uruguayo buscó un acercamiento al gobierno soviético a partir de mediados de 1942. Los diálogos y tentativas de restablecer las relaciones con la Unión Soviética no fueron espontáneas ni apresuradas, sino que surgieron de profundas cavilaciones por parte de los gobiernos uruguayos de Alfredo Baldomir primero y de Juan José de Amézaga después. El punto de partida de Guani fue consultar a los diplomáticos estadounidenses en Montevideo sobre si Estados Unidos apoyaría su idea de reemprender relaciones con el gobierno soviético⁶.

En marzo de 1942, Guani le comunicó al embajador estadounidense en Montevideo, William Dawson, que estaba a favor de restablecer relaciones con la Unión Soviética, aunque necesitaba de una oportunidad adecuada o un pretexto. El 23 de junio Dawson envió un informe al Secretario de Estado en el que describía que las organizaciones laborales y grupos de izquierda se encontraban enérgicamente a favor del restablecimiento de relaciones con Rusia y demandaban acciones concretas al gobierno⁷.

Sin embargo, en una charla reservada con Dawson al día siguiente, Guani precisó que, aunque estimaba el papel de la Unión Soviética en la guerra y guardaba simpatía por ese país, todavía

² “Uruguay rompió relaciones con los países del Eje en 1942 y le declaró la guerra a Alemania y Japón en febrero de 1945. Juan Oddone”, Uruguay entre la depresión y la guerra. 1929–1945, Montevideo, Fundación de cultura universitaria. Facultad de Humanidades y Ciencias, 1990, p. 202.

³ Carolina Cerrano y Fernando López D’Alessandro, “Las Fuerzas Armadas uruguayas durante la Segunda Guerra y el advenimiento del peronismo (1939–1945)” // *Historia*, 2018, 51:1, 2018, p. 15–17.

⁴ Alberto Guani, La solidaridad internacional en América, Montevideo, La Bolsa de los Libros, 1942, p. 129.

⁵ Ana María Rodríguez Ayçaguer, “La diplomacia del anticomunismo: la influencia del gobierno de Getúlio Vargas en la interrupción de las relaciones diplomáticas de Uruguay con la URSS en diciembre de 1935”, *Estudios Ibero-Americanos*, 2008, XXXIV:1, Porto Alegre. Véase Сергей Брилёв, “Страна – «заноза»” // *Международная жизнь?* 2016, n 7.; Антон Андреев, Коммунистическая партия Уругвая и III Интернационал (1920-1943), Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет, 2018, с. 156–180; Лазарь Хейфец, Коминтерн в Латинской Америке: формирование и эволюция организационных связей III Интернационала и его национальных секций, Санкт-Петербург, Наука, 2004.

⁶ Este intento de Guani de restablecer las relaciones con la Unión Soviética por medio de Estados Unidos se corresponde por entero con su profunda postura a favor de ese gobierno. En sus discursos y conferencias resaltó siempre la estrechez de las relaciones entre ese país y Uruguay, aludiendo incluso a un camino histórico conjunto nacido en el siglo XIX. Alberto Guani, *Motivos Internacionales*, Montevideo, Talleres Gráficos de Institutos Penales, 1942, p. 21.

⁷ William Dawson, embajador estadounidense, Montevideo, 23 de junio de 1942, doc. 1183. En *Foreign Relations, 1942, Volumen V*, 263. En los documentos de la época los contemporáneos no diferenciaban a Rusia de la Unión Soviética, y utilizaban ambos términos de forma intercambiable. En los casos en que en este trabajo se menciona a “Rusia” o la “Rusia soviética”, se está refiriendo a la Unión Soviética.

mantenía sus dudas sobre el comunismo y cierta aprehensión acerca del rol de ese gobierno después de la guerra. Por lo tanto, la reanudación era solo entendida como una posibilidad y remarcó que, en el caso de que se siguiera esa línea de acción, Uruguay tal vez solicitaría la mediación o ayuda de los Estados Unidos o Gran Bretaña⁸.

El 25 de junio, el Secretario de Estado Cordell Hull respondió, de acuerdo con las directivas de Sumner Welles, cuál debería ser la actitud de Dawson ante la eventualidad de un pedido de intermediación en el restablecimiento de relaciones con la Unión Soviética. Según Hull, Estados Unidos abrigaba la esperanza de que el gobierno de la Unión Soviética abandonaría sus políticas aislacionistas previas y se uniría a las Naciones Unidas, que se hallaba en proceso de gestación. Por ello, resaltaba la importancia de que se estrecharan los contactos cada vez más continuos entre la Unión Soviética y los gobiernos de las Naciones Unidas, como un medio de incrementar los intentos de cooperación internacional promovidos por Estados Unidos y de atraer a la Unión Soviética al concierto de las naciones. Asimismo, Hull asumía que Uruguay tendría en cuenta la conveniencia de establecer un entendimiento claro con el gobierno soviético respecto a la no intervención en los asuntos internos de otras naciones. Por último, se aprobaba una vía libre desde Estados Unidos a cooperar y promover el restablecimiento de relaciones con la Unión Soviética. Así pues, se constata que en plena contienda mundial el gobierno estadounidense se encontraba digitando el mundo de la posguerra y que percibía el acercamiento entre el comunismo soviético y los países latinoamericanos como una herramienta y garantía de que la Unión Soviética posteriormente respetaría al sistema internacional en gestación liderado por Estados Unidos. Siguiendo las anteriores directivas, Dawson mantuvo una charla con Guani. Este transmitió que comprendía cabalmente la necesidad de dejar en claro el principio de no intervención en los asuntos internos y de manejarlo como un aspecto esencial en el entendimiento con el gobierno soviético⁹.

Como consecuencia de las charlas de Guani con Dawson se llevó adelante en Washington una reunión entre Maxim Litvinov, embajador soviético en Estados Unidos, y Sumner Welles. Este le preguntó a Litvinov, en nombre del gobierno uruguayo, si la Unión Soviética daría su consentimiento a la reanudación de relaciones, a lo que replicó que en circunstancias normales él mismo las restauraría de inmediato. No obstante, debido al contexto internacional debía consultar primero a Moscú. Asimismo, Litvinov aludió a la ruptura de relaciones en 1935 y rememoró que los representantes soviéticos en Montevideo habían sido tratados de forma no muy agradable por el gobierno uruguayo, aunque en noviembre se comunicó a Dawson que la Unión Soviética estaba conforme con la reanudación de relaciones¹⁰. Para consumarla, el gobierno uruguayo debía enviar una solicitud a Litvinov requiriéndolo, la cual sería contestada de inmediato¹¹.

El restablecimiento oficial

En febrero de 1943 Guani viajó a Estados Unidos para solicitar un préstamo a ese gobierno. Aprovechando la oportunidad, junto a Litvinov iniciaron las gestiones pertinentes entre los gobiernos para el restablecimiento de relaciones¹². Guani destacó que la razón principal para volver a estrechar lazos diplomáticos con esa nación era de índole moral, por el hecho de estar sufriendo en la contienda, así como la demanda y el “clamor popular” de los uruguayos a favor de esta decisión. La idea de restablecer relaciones con la Unión Soviética era emparejada por el canciller

⁸ William Dawson, embajador estadounidense, Montevideo, 23 de junio de 1942, doc. 1183. En *Foreign Relations, 1942, Volumen V*, p. 263.

⁹ Cordell Hull, Secretario de Estado estadounidense, Washington, 25 de junio de 1942, doc. 385. En *Foreign Relations, 1942, Volumen V*, p. 264.

¹⁰ Sumner Welles, Subsecretario de Estado, Washington, 26 de octubre de 1942. En *Foreign Relations, 1942, Volumen V*, p. 267.

¹¹ Сергей Брилёв, Советский фактор в политике малых стран Латинской Америки в канун и во время Второй мировой войны, Москва, МГИМО, 2016, с. 283.

¹² Héctor Gros Espiell, Temas Internacionales, Montevideo, Melibea Ediciones, 2001, p. 268.

con los ideales democráticos y de libertad del gobierno y la población uruguayos en contra del nazismo¹³.

El 28 de julio de 1943 se restablecieron oficialmente las relaciones diplomáticas a través de un decreto firmado por el presidente Amézaga y el canciller José Serrato, aprobado por unanimidad en el Consejo de Ministros. Esta resolución surgió a continuación de una plática conjunta del Poder Ejecutivo, en la que el ministro de Relaciones Exteriores resaltó el papel de los soviéticos en la contienda mundial y en su “resistencia heroica”. Si bien acotó que podría realizarse una observación “en lo que respecta a la ideología política, económica y social de los Soviets”, para Serrato esto carecía de relevancia, puesto que “todo ha sido modificado con el tiempo, y la prueba más evidente de que el régimen cuenta no solamente con arraigo popular sino también con una fuerza y una vitalidad extraordinaria, se tiene en la decisión y valentía con que ese pueblo soporta, sin descanso, el ataque del enemigo”. De este modo, en su línea argumentativa, se confinaba a un segundo plano el sistema de gobierno soviético, ya que “cada nación se da la organización que se halla más de acuerdo con sus ideales y su historia”, y exaltaba la necesidad de homenajear a Rusia por su trabajo en “beneficio de los países defensores de los ideales de la humanidad”. El ministro del Interior, Juan José Carbajal Victorica, acotó que sería conveniente aludir a que el restablecimiento de relaciones no implicaba “solidarizarse con la orientación política del régimen soviético”, pero esta idea fue descartada¹⁴. En la versión final del decreto solo se afirmó que “este acto se realiza sin perjuicio de la inalterable y fervorosa adhesión nacional a los principios y características del derecho público americano, que aseguran a las Repúblicas del Continente el ejercicio de la democracia y el respeto de las libertades”¹⁵.

Las gestiones prácticas para establecer las misiones diplomáticas en cada país se iniciaron el 9 de setiembre de 1943, cuando Serrato solicitó al gobierno soviético que aceptase a Emilio Frugoni como ministro plenipotenciario y enviado extraordinario¹⁶. Frugoni era un prolífico político y pensador que gozaba de prestigio entre los socialistas y varios de sus contemporáneos. Se definía a sí mismo como un marxista no leninista, en contraposición a la corriente “internacionalista”¹⁷. A inicios de enero de 1944 Frugoni designó a tres individuos para que lo acompañasen a Moscú, quienes carecían de experiencia diplomática: Bernardo Elpern, Lauro Cruz Goyenola y Mario Jaunarena, como agregado comercial, relevador de información médica y auxiliar de oficina, respectivamente¹⁸.

Frugoni arribó a la Unión Soviética en julio de 1944. En una transmisión radial resaltó el “admirable espectáculo moral que ofrece al mundo este pueblo de trabajadores (...) que no rehúye los sacrificios impuestos por las circunstancias”¹⁹. Además, intentó estrechar los lazos entre los gobiernos y se abocó a labores culturales con intercambios de materiales de agronomía, ganadería, música, medicina y cirugía²⁰.

¹³ El viaje de Guani a Estados Unidos fue uno de los últimos acontecimientos relevantes de su tarea como canciller, ya que en marzo asumió el nuevo gobierno uruguayo dirigido por Juan José de Amézaga, en el que José Serrato se desempeñaría como el nuevo canciller. Sobre el apoyo del pueblo uruguayo al ejército soviético véase: *B. M. Савин, СССР — Латинская Америка: роль народной дипломатии в организации борьбы против фашизма в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения», 2005, no. 1.*

¹⁴ Sesión celebrada por el Consejo de Ministros, Montevideo, 28 de julio de 1943, acta n. 253, f. 1. Fondo General Alfredo Campos, Caja 42. Archivo Museo Histórico Militar.

¹⁵ “Decreto del Poder Ejecutivo de la República Oriental del Uruguay, declarando reanudadas las relaciones diplomáticas con la U.R.S.S.”. Registro Nacional de Leyes, Decretos, etc. (1943), p. 1244–1246. En Uruguay — URSS, 60 Años de Relaciones Diplomáticas. 1926 – 1986. Documentos y Materiales, Montevideo, Ministerio de Relaciones Exteriores del Uruguay y Ministerio de Relaciones Exteriores de la URSS, 1989, p. 58–59.

¹⁶ Telegrama de Juan Carlos Blanco al MRE, Washington, 16 de setiembre de 1943. FLYE, Sección Unión Soviética, Caja 2, Carpeta 1. AHDMREU.

¹⁷ Gerardo Caetano y Karina Batthyany (coord.), *Antología del pensamiento crítico uruguayo contemporáneo*, Buenos Aires, CLACSO, 2018, p. 16–17.

¹⁸ Carta de Emilio Frugoni a Serrato, Montevideo, 5 de enero de 1944, f. 2. FLYE, Sección Unión Soviética, Caja 2, Carpeta 3. AHDMREU.

¹⁹ Emilio Frugoni, *De Montevideo a Moscú*, Buenos Aires, Editorial Claridad, 1945, p. 215–223.

²⁰ “Memoria del año 1944–1945”, Moscú, doc. 468–1945, f. 2–3. FLYE, AHDMREU.

Por su parte, a comienzos de marzo el ministro plenipotenciario y enviado extraordinario soviético Serguey A. Orlov arribó a Montevideo con una avanzada de la legación soviética²¹. Este entregó las credenciales que lo acreditaban como diplomático y Amézaga lo reconoció oficialmente²². En ese instante comenzaron las profusas actividades de la legación soviética en Uruguay, que funcionó como catalizadora de los esfuerzos de los inmigrantes rusos soviéticos de Uruguay, los que fueron congregados para organizar el envío de suministros a sus compatriotas en la contienda bélica²³.

1946: la profundización de la discordia

En contraste a las populares muestras de apoyo de la opinión pública uruguaya a la lucha de los soviéticos durante la Segunda Guerra Mundial, en el transcurso de 1945 comenzaron a aparecer cada vez más muestras de reticencia al comunismo en la prensa y sociedad la sociedad en general, que se agravarían notoriamente en 1946. A pesar de los esfuerzos de Frugoni por estrechar los lazos e incrementar la concordia entre ambas naciones, durante 1946 el panorama nacional hacia los comunistas y la legación soviética en Uruguay se tornó cada vez más hostil²⁴. Los principales grupos políticos, desde sus órganos periodísticos *El Día* (batllismo), *El País* (nacionalismo independiente) y *El Debate* (herrerismo), le dedicaron una avalancha de palabras a sus argumentos anticomunistas y criticaron abiertamente al gobierno soviético²⁵.

A lo anterior se sumó la aparición en marzo de 1946 del libro de Lauro Cruz Goyenola “Rusia por dentro”²⁶. Esta obra era un compendio de apuntes y reflexiones en el que narraba algunos sucesos que vivió en la Unión Soviética, en la que señalaba las desigualdades sociales del sistema soviético y la carencia de libertades formales, del pluralismo político y de las garantías individuales²⁷. Así pues, el libro ponía en entredicho la imagen de la Unión Soviética que los uruguayos se habían forjado durante los esfuerzos bélicos del ejército rojo²⁸. Esta publicación tuvo consecuencias negativas en las relaciones diplomáticas entre Uruguay y el gobierno soviético²⁹. De forma simultánea, en Uruguay se llevaron adelante ataques a la legación soviética. Esta emitió una protesta formal dirigida al ministerio de Relaciones Exteriores en agosto de 1946, y el ministro

²¹ Juan Carlos Blanco, Washington, 26 de octubre de 1943. FLYE, Sección Unión Soviética, Caja 2, Carpeta 1. AHDMREU.

²² “Entrega de credenciales”, Ministerio de Relaciones Exteriores, Montevideo, 17 de marzo de 1944. FLYE, Sección Unión Soviética, Caja 2, Carpeta 2. AHDMREU.

²³ Dmitry Belov (coord.), *Los rusos en el Uruguay: Historia y actualidad*, Montevideo: Embajada de Rusia en Uruguay, 2001, 134. Sobre la emigración véase: M. H. Мосейкина, «Рассеяны, но не расторгнуты»: Русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1960 гг., Москва, Российский университет дружбы народов, 2011.

²⁴ Por ejemplo, en enero Frugoni había pronunciado una conferencia en la Biblioteca de Lenguas Extranjeras, donde leyó un “Poema a la Mujer Rusa” y donó libros literarios uruguayos. Comunicación de Frugoni dirigida a Rodríguez Larreta, Moscú, 6 de febrero de 1946, f. 1–2. FLYE, Sección Unión Soviética, Caja 2, Carpeta 1. AHDMREU.

²⁵ Discurso del Dr. Martín Echegoyen en la Cámara de Senadores, 5 de diciembre de 1945. En Martín R. Echegoyen, Felipe Ferreiro, Eduardo V. Haedo y Ángel M. Cusano, *El Partido Nacional y el principio de la no-intervención*, Montevideo, Directorio del Partido Nacional, 1946, p. 18.

²⁶ Lauro Cruz Goyenola, *Rusia por dentro. Apuntes*, Montevideo, Ediciones Universo, 1946.

²⁷ Сергей Брилёв, *Советский фактор в политике малых стран Латинской Америки в канун и во время Второй мировой войны*, Москва, МГИМО, 2016, 293.

²⁸ Gerardo Leibner, *Camaradas y compañeros: Una historia política y social de los comunistas del Uruguay*, Montevideo, Ediciones Trilce, 2011, p. 94–96.

²⁹ El 1° de mayo de 1946 Emilio Frugoni dirigió a Rodríguez Larreta una carta en la que expresaba que estaba atravesando “un momento difícil” y señalaba que ahora “La corriente de simpatía que había logrado establecer a favor del Uruguay se torna en una corriente de frialdad. La noticia de ese libro y de la resonancia que ha tenido en el Uruguay me pone en una situación delicada” y Uruguay “ha dejado de ser (...) país grato”. Emilio Frugoni a Eduardo Rodríguez Larreta, Moscú, 1° de mayo de 1946, nota 578-1946, f. 2. FLYE, Sección Unión Soviética, Caja 2, Carpeta 6. AHDMREU.

soviético Gorelkin sostenía que “durante un largo tiempo, los edificios de la legación de la URSS en el Uruguay y de su sección Consular han sufrido distintos atentados”³⁰.

Si bien existieron los anteriormente citados hechos de discordia, el 9 de agosto de 1946 se celebró en Moscú un Tratado de Amistad, Comercio y Navegación. Fue firmado por el presidente de Uruguay y el Presídium del Consejo Supremo de la Unión Soviética “animados del deseo de afianzar las relaciones existentes y contribuir al desarrollo del intercambio comercial entre los dos países”³¹. No obstante, la negociación de este tratado no fue sencilla. En junio, una misión comercial soviética había arribado a Uruguay para ultimar sus detalles. Entre uno de los puntos de disensión se encontraba la demanda soviética de que todos los miembros de su misión comercial poseyeran privilegios diplomáticos, aunque finalmente se acordó que solo tres de ellos los tuvieran³².

A modo de cierre, cabe remarcar que el primer libro difundido por Cruz Goyenola, los ataques físicos a las instalaciones de la legación soviética en Montevideo y los numerosos artículos periodísticos desde diferentes columnas partidarias fueron manifestaciones que contrastaban con la concordia entre ambas naciones vislumbrada durante la contienda mundial e iniciaban la configuración de un ambiente cada vez más adverso al comunismo nacional y soviético, que comenzaba a perfilar el inicio de la Guerra Fría al año siguiente.

Bibliografía:

Archivos:

Archivo Histórico-Diplomático del Ministerio de Relaciones Exteriores del Uruguay (AMREU)
Foreign Relations of the United States Archive (FRUS)

Fuentes primarias:

1. Cruz Goyenola, Lauro, *Rusia por dentro*. Apuntes, Montevideo, Ediciones Universo, 1946.
2. Echegoyen, Martín R., Felipe Ferreiro, Eduardo V. Haedo y Ángel M. Cusano, *El Partido Nacional y el principio de la no-intervención*, Montevideo, Directorio del Partido Nacional, 1946.
3. Frugoni, Emilio, *De Montevideo a Moscú*, Buenos Aires, Editorial Claridad, 1945.
4. Guani, Alberto, *La solidaridad internacional en América*, Montevideo, La Bolsa de los Libros, 1942.
5. Guani, Alberto, *Motivos Internacionales*, Montevideo, Talleres Gráficos de Institutos Penales, 1942.

Fuentes secundarias:

1. Belov, Dmitry (coord.), *Los rusos en el Uruguay: Historia y actualidad*, Montevideo, Embajada de Rusia en Uruguay, 2001.
2. Caetano, Gerardo y Karina Batthyany (coord.), *Antología del pensamiento crítico uruguayo contemporáneo*, Buenos Aires, CLACSO, 2018.
3. Cerrano, Carolina y Fernando López D'Alessandro, “Las Fuerzas Armadas uruguayas durante la Segunda Guerra y el advenimiento del peronismo (1939–1945)”, *Historia* 1:51, 2018, p. 11–29.
4. Gros Espiell, Héctor, *Temas Internacionales*, Montevideo, Melibea Ediciones, 2001.
5. Leibner, Gerardo, *Camaradas y compañeros. Una historia política y social de los comunistas del Uruguay*, Montevideo, Ediciones Trilce, 2011.
6. Nahúm, Benjamín, *Informes diplomáticos de los representantes del Reino Unido en el Uruguay: 1944–1947*, Montevideo, Universidad de la República, 1999.

³⁰ Exposición verbal formulada al funcionario de cancillería Martín Aguirre, por el ministro de la Unión Soviética, N.V. Gorelkin, Montevideo, 13 de agosto de 1946. FLYE, Sección Unión Soviética, Caja 2, Carpeta 7. AHDMREU.

³¹ Tratado de Amistad, Comercio y Navegación entre Uruguay y la Unión Soviética. En *Tratados y Convenios Internacionales. Suscritos por Uruguay en el periodo enero de 1941 a diciembre de 1946. Tomo X*, Montevideo, Secretaría del Senado. Documentación y antecedentes legislativos, 1995, p. 19–25.

³² Informe anual británico sobre 1946, Montevideo, 1° de enero de 1947. En Benjamín Nahúm, *Informes diplomáticos de los representantes del Reino Unido en el Uruguay: 1944–1947*, Montevideo, Universidad de la República, 1999, p. 177.

7. Oddone, Juan, *Uruguay entre la depresión y la guerra. 1929–1945*, Montevideo, Fundación de cultura universitaria, Facultad de Humanidades y Ciencias, 1990.
8. Rodríguez Ayçaguer, Ana María, “La diplomacia del anticomunismo: la influencia del gobierno de Getúlio Vargas en la interrupción de las relaciones diplomáticas de Uruguay con la URSS en diciembre de 1935”, *Estudos Ibero-Americanos XXXIV*: 1, 2008.
9. Андреев, Антон, *Коммунистическая партия Уругвая и III Интернационал (1920–1943)*, СПб., СПбГУ, 2018.
10. Брилёв, Сергей, «Страна — «заноза», *Международная жизнь*, М., июль 2016.
11. Брилёв, Сергей, *Советский фактор в политике малых стран Латинской Америки в канун и во время Второй мировой войны*, М., МГИМО, 2016.
12. Мосейкина, Марина, «*Рассеяны, но не расторгнуты*»: Русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1960 гг., М., РУДН, 2011.
13. Савин, В. М., “СССР — Латинская Америка: роль народной дипломатии в организации борьбы против фашизма в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.”, *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения»* 1, 2005.
14. Хейфец, Лазарь, *Коминтерн в Латинской Америке: формирование и эволюция организационных связей III Интернационала и его национальных секций*, СПб., Наука, 2004.

В. Н. Косторниченко¹

**ФОРМИРОВАНИЕ ТИХООКЕАНСКОГО ФРОНТИРА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИСПАНО-АМЕРИКАНСКОЙ
И РОССИЙСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ**

**THE FORMATION OF THE PACIFIC FRONTIER IN
THE SECOND HALF OF THE 18TH CENTURY:
A COMPARATIVE ANALYSIS OF SPANISH AMERICAN AND
RUSSIAN COLONIZATION IN THE CONTEXT OF FOREIGN
POLICY CONFRONTATION**

El Resumen: El artículo explora la influencia del factor de la frontera del Pacífico en la política exterior de Rusia y España en la segunda mitad del siglo XVIII. Un análisis histórico-comparativo y retrospectivo de las Fuentes de archivo mostró que la diplomacia española vio la penetración rusa en la región del Pacífico como una amenaza para sus posesiones en la América Española. El gobierno de Catalina II, utilizando estos temores de las autoridades españolas, ejerció una fuerte presión sobre el gobierno español para obligarlo a abandonar las provocaciones en el Mediterráneo, tomar una posición aceptable sobre la firma del tratado de paz de 1774 con Turquía y lograr el reconocimiento del estatus completo de Rusia como potencia marítima. El progreso territorial seguro de los rusos en América fue facilitado por la hábil diplomacia equilibrada de Catalina II, que logró garantizar no solo la expansión de las fronteras de la “América Rusa”, sino también proteger los intereses de Rusia en el mar Negro. El artículo también examina la historia de la formación de la frontera ruso-hispanoamericana, muestra la importancia de las expediciones rusas y españolas para el desarrollo económico y administrativo del Pacífico Norte. El estudio se llevó a cabo en el marco de un enfoque interdisciplinario, incluye una amplia gama de Fuentes de archivo nacionales y extranjeros.

Palabras clave: frontera americana; Pacífico; Catalina II; Carlos III; Conde de Lasi; América Rusa; Guerra ruso-turca 1768–1774.

Abstract: The article examines the influence of the Pacific frontier factor on the foreign policy of Russia and Spain in the second half of the XVIII century. Historical-comparative and retrospective analysis of archival sources showed that Spanish diplomacy considered Russian penetration into the Pacific region as a threat to its possessions in Spanish America. The government of Catherine II, using these fears of the Spanish authorities, exerted powerful pressure on the Spanish government in order to force it to abandon provocations in the Mediterranean, to take an acceptable position on the issue of signing the peace treaty of 1774 with Turkey, to achieve recognition of Russia's full-fledged status as a maritime power. Russian Russians' confident territorial advancement in America was facilitated by the skilful balanced diplomacy of Catherine II, who managed to ensure not only the expansion of the borders of “Russian America”, but also to protect Russia's interests on the Black Sea. Russian Russian-Spanish American border formation history is also considered in the article, the importance of Russian and Spanish expeditions for the economic and administrative development of

¹ **Косторниченко Владимир Николаевич**, Россия, доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры исторических наук МГЛУ (kostornichenko@yandex.ru).
Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 20-09-00340 А).

the North Pacific Ocean is shown. The study was conducted within the framework of an interdisciplinary approach, includes a wide range of domestic and foreign archival sources.

Key words: American frontier; Pacific; Catherine II; Charles III; Count of Lasi; Russian America; Russo-Turkish War 1768–1774.

Термин «фронтир», обозначающий границу так называемых «белых» поселений США в период становления государственности, появился в американской общественной мысли в 90-х гг. XIX века. В 1893 г., выступая на собрании Американской исторической ассоциации, ученый Висконсинского университета Фредерик Тернер, заявил о решающем значении проблематики фронта для истории США. Он представил американское прошлое как историю освоения Западных земель США, показав фронтир как зону освоения новых территорий, область (полосу) взаимодействия разных культур в ходе процесса колонизации².

Выводы Ф. Тернера имели широкий общественный резонанс, оказали значительное влияние на изучение истории американского континента. И хотя большинство тезисов Ф. Тернера в настоящий момент подвергается критике, тем не менее в эпоху современных миграционных процессов актуальность сохраняет междисциплинарный социокультурный подход ученого, показывающий многообразное влияние фактора фронта на политическое и антропологическое развитие приграничных государств и регионов.

В отечественной американистике термин «фронтир» появился в середине XX в., значительно позднее чем в западной науке. Так, в конце 1950-х — начале 1960-х гг. появились первые работы известных историков А. В. Ефимова и Н. Н. Болховитинова, привлёкшие внимание к теории Ф. Тернера³.

Проблематика испанского фронта применительно к изучению вопросов колонизации тихоокеанского региона также получила некоторое распространение. Русские исследования испанской Конкисты тихоокеанского региона немногочисленны: так, например, к числу наиболее фундаментальных работ последнего времени следует отнести работы отечественного латиноамериканиста А. Ф. Кофмана⁴, посвященные Испанской Конкисте. Рассматривая проблематику фронта в целом, отметим, что в научной литературе практически нет работ, посвященных внешнеполитическому значению фронта.

* * *

К моменту начала покорения американского континента Испания и Россия переживали времена политической консолидации. В это время в Испании завершалась Реконкиста, а на Руси освободились земли от татарского ига, шел процесс формирования государственности.

Христианская Реконкиста в Испании (освобождение испанских территорий от арабского ига) по времени совпала с Конкистой (завоеванием американского континента), представляя собой, в сущности, во многом единый процесс. По большей части это определило характер и род занятий *конкистадоров*, происходивших в большинстве случаев из военных, относившимся к другим профессиям с известной долей высокомерия. Милитаристский стереотип поведения испанских завоевателей был закреплен первыми «золотыми» походами XVI–XVII вв., принесшими обильную военную добычу. Как правило,

² Фредерик Тернер, *Фронтир в американской истории*, пер. с англ. А. И. Петренко, Москва, Весь мир, 2009, с. 15.

³ В представленном материале не ставилась задача дать историографический обзор многочисленной литературы о фронтире. Об этом см., напр.: Владимир Косторниченко, Павел Сирватко, *Фронтир: генезис, основные положения, развитие (историографический очерк)*, *США и Канада: экономика, политика, культура* 2: 51, 2021, с. 72–89.

⁴ См., напр.: Андрей Ф. Кофман: 1) *Кортес и его капитаны*. Москва, Пан Пресс, 2007; 2) Под покровительством Сантьяго. Испанское завоевание Америки и судьбы знаменитых конкистадоров, Санкт-Петербург, Крига, 2017; и др.

действия конкистадоров были обусловлены стремлением быстрого обогащения, связанного с захватом драгоценных металлов. В последующее время усилия *аделантадос* были направлены в первую очередь на организацию предприятий горнодобывающей промышленности на континенте, призванной обеспечить легкий и понятный заработок их владельцев.

Вывоз огромного количества драгоценных металлов из Америки в Европу негативно повлиял на состояние испанской экономики, разрушив начинающийся складываться в стране «дух предпринимательства». Ухудшение положения дел в метрополии, в свою очередь, оказало отрицательное влияние на американские колонии. Так, если на начальном этапе Конкисты военные походы конкистадоров были проявлением частной инициативы (экспедиции финансировались богатыми идалго), то к моменту освоения тихоокеанского побережья решающую роль в их организации уже играло слабеющее государство.

В свою очередь, заселение Русской Америки русскими людьми также проистекало из предшествующего исторического процесса, связанного с колонизацией Сибири. Активное освоение континента русскими торговыми промышленниками началось фактически после завершившихся в 1741 г. Камчатских экспедиций В. Беринга, достигших Северной Америки. Так, уже начиная с 1743 г. экспедиции русских промысловиков отправлялись на Алеутские острова, известные русским как Восточные острова, для охоты на пушнину. С тех пор и до конца века, когда была основана Российско-американская компания, было совершено около ста таких рейсов, которые собрали более восьми миллионов серебряных рублей⁵.

С каждым годом промысловики продвигались все дальше на восток, достигнув крайней точки Архипелага Алеутских островов — Лисьих островов, а затем и материка на оконечности полуострова Аляска. В 1772 г. на одном из них, на Уналашке, было основано первое русское торговое поселение.

Торговцы из сибирских городов (Тобольска, Иркутска и др.) и городов Европейской России принимали активное участие в финансировании и снаряжении этих экспедиций. Эксплуатация Алеутских островов осуществлялась почти исключительно по инициативе и под руководством звероловов-промышленников, принимавших участие в охоте на пушного зверя. Осваивая земли за океаном, ватаги промышленников (как и испанские конкистадоры) действовали по собственной частной инициативе, закладывая новые поселения и получая значительную прибыль от добычи и обмена пушнины.

Во второй половине XVIII в. эти два колонизационных потока подошли вплотную к друг другу, что в дальнейшем определило их внешнеполитическое противостояние.

Задачей данной работы является анализ колонизационной политики Испании и России в тихоокеанском регионе в контексте внешнеполитического противостояния двух государств. В решении этой задачи существенную помощь оказали впервые вводимые в данной статье в научный оборот архивные материалы, полученные из испанских и российских архивов.

Особый интерес к распространению русского влияния в Америке стал проявлять испанский монарх Карл III, взошедший на престол в 1759 г. В этот год он, первым из испанских монархов, признал императорский титул русских государей⁶. Объясняя необходимость тесных отношений с Россией, испанский король отмечал ее растущую роль в мировой политике: «Хотя удаленность Московии от наших владений отдаляет также и взаимные интересы обеих монархий, мощь этой державы и ее воздействие на переговоры и воздействие в Европе делают ее дружбу все более желанной»⁷.

⁵ Stephen Haycox, *Alaska: An American Colony*, 2nd ed., Seattle, University of Washington Press, 2020, p. 53.

⁶ В послании от 1763 г. Карл III подтвердил это признание в своем письме к Екатерине II, что было отмечено русским правительством как «в высшей степени своевременным решением». (См. *Россия и Испания. Документы и материалы. Т. 1: 1667–1799*, Москва, 1991, с. 194.)

⁷ Там же, с. 196.

Восстановив в 1760 г. после тридцатилетнего перерыва русско-испанские отношения, он среди прочего требовал от назначенного в Санкт-Петербург полномочного посла Испании маркиза де Альмодовара собрать сведения об открытиях русских в Калифорнии.

«В то же время я требую, чтобы вы с величайшим мастерством и настойчивостью пытались выяснить, как обстоит дело с продвижением русских в Калифорнию, потому что помимо подтверждения того, что в этом они добились большего успеха, чем другие страны, выглядит подозрительным молчание этого (русского. — *В. К.*) и лондонских дворов в этом вопросе, которое однажды могло бы иметь большое значение для обоих. Нам всегда будет необходимо твердо следить за политикой вышеупомянутых дворов, чтобы предотвратить их прогресс в этой части»⁸.

Альмодовар ответил на письмо короля спустя три месяца. В феврале 1761 г. он послал в Мадрид дипломатический отчет о русском присутствии в северной части Тихого океана. В этом отчете он сообщал о распространении влияния России на северных окраинах Тихого океана: на полуострове Камчатка, Алеутских островах и на побережье Аляски. Свои выводы испанский посол иллюстрировал сведениями о российских экспедициях В. Беринга и А. Чирикова.

Подтверждением выводов испанского посла стала публикация книги Герхарда Ф. Миллера, вышедшая в Амстердаме в 1766 г. Именно из этой работы общественность европейских стран узнала об открытиях русских на Тихом океане. Книга, изданная на французском языке, называлась «Путешествия и открытия, сделанные русскими вдоль берегов Полярного моря, на Восточном океане, в Японии и Америке». Как замечает О. В. Волосюк в недавнем исследовании, книга Миллера преследовала явную политическую цель — обосновать права России на Северо-Восток Тихого океана и близлежащую американскую территорию⁹.

Исходя из этой информации, испанский король Карл III был вынужден пересмотреть свою политику в Тихоокеанском регионе. Так, в 1867 г. он принял решение разработать меры по укреплению границ Испании в этом регионе, им были проведены важные реформы, направленные на улучшение экономического положения, снабжения, управления приграничных территорий в Северной части Тихого океана.

Так, особое значение в его стратегии приобрела небольшая колония Сан-Блас, призванная стать форпостом, сдерживающим продвижение русских. До 1767 г. Сан-Блас представлял собой окруженное болотами заброшенное поселение, находящееся недалеко от устья реки Рио-Гранде-де-Сантьяго. В мае 1768 г. в эту местность по приказу вице-короля Новой Испании Маркиза де Круа было направлено 116 семей во главе со священником Хуниперо Серра для официального основания новой военно-морской крепости и католической миссии. Сначала к порту были приписаны только два пакетбота: «Сан-Карлос» под командованием Хуана Переса и «Эль-Принсипи» под командованием Висенте Вила¹⁰.

В ходе последовавших испанских экспедиций, нацеленных на обнаружение русских поселенцев, были заложены еще две военные крепости и католические миссии, находящиеся на севере вдоль побережья Калифорнии. Инициатором их создания стал Хосе де Гальвес, специальный представитель короля в Новой Испании (*visitador*), который хорошо был осведомлен об вышеупомянутой депеше Ласи от 30/19 марта 1764 г. Ссылаясь на эту депешу, Х. Гальвес направил письмо мадридскому правительству, в котором подтвердил сведения об угрозе испанским владениям со стороны России. В ответ на свое письмо он получил приказ: «Занять и укрепить Сан-Диего и Монтерей для Бога и короля Испании»¹¹. Гальвес немедленно организовал серию сухопутных и морских экспедиций из Сан-Бласа

⁸ *Corpus diplomático hispano-ruso (1667–1799)*, Madrid, Ministerio de Asuntos Exteriores, 1991, p. 138.

⁹ Ольга Волосюк, «Испанцы и русские на Тихом океане», *Испания и Россия: дипломатия и диалог культур*, Москва, Индрик, 2018, с. 101.

¹⁰ Чуть позже в Сан-Бласе Гальвес приказал построить четыре новых судна, одним из которых была шхуна «Сонора», на которой позже в 1775 г. Хуан Франсиско де ла Бодега и Квадра и совершил плавание на Аляску.

¹¹ James J. Rawls and Walton Bean, *California*, 8th ed., Boston, McGraw-Hill, 2003, p. 32.

для создания военных укреплений и католических миссий в Нижней Калифорнии. Так, были основаны крепости Сан-Диего (1769) и Монтерей (1770)¹².

Ключевую роль в увеличении активности Испании в этом регионе сыграл назначенный в 1772 г. полномочным посланником в России все тот же маркиз Ласи. Испанский король, направляя Ласи в Петербург, был вынужден признать возросшее значение России в политической системе Европы. Среди прочего он призывал своего посланника обратить особое внимание на «путешествия русских в Калифорнию, которые они неоднократно предпринимали с более успешным результатом, чем другие государства. Вы должны проявлять ловкость и скрытность, чтобы выяснить, предпринимались ли такие экспедиции и с каким результатом, так как для нас весьма важно воспрепятствовать им»¹³.

Чтобы выявить причины столь глубокого интереса мадридского двора к продвижению России в северной части Тихого океана, необходимо проанализировать весь спектр российско-испанских отношений рассматриваемого периода. В решающей степени эти отношения определялись обстоятельствами Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Как известно, инициатором этой войны была Турция, подстрекаемая Францией и Испанией. Отвечая на турецкую агрессию, Россия в эти годы планировала укрепиться в Черном море, завоевав Крым и разрушив монополию Турции в этом регионе.

В 1769 г. французское и испанское правительства стали предпринимать активные усилия для того, чтобы направить свой флот в восточную часть Средиземного моря и потопить русский флот, возглавляемый Алексеем Орловым. Но, как пишет об этом известный историк Е. В. Тарле, «к неприятнейшей для себя неожиданности граф Шуазель получил довольно решительное предупреждение от британского кабинета, что Англия не потерпит франко-испанского нападения на русскую эскадру»¹⁴. Продолжая, Тарле отмечал: «Английское правительство прибегло не только к известным демонстративным передвижениям своего флота на путях следования русского флота, но и заявило как в Париже, так и в Мадриде, что “отказ в разрешении русским войти в Средиземное море будет рассматриваться как враждебный акт, направленный против Англии”»¹⁵.

Глава испанского кабинета маркиз Гримальди сетовал по этому поводу: «...было бы очень легко уничтожить флот царицы, если бы мы боролись с ней один на один. Но она была в союзе с Англией, и последняя открыто объявила, что не потерпит нападения на русский флот никакой державы. В связи с этим мы были связаны по рукам, в то время как мы очень заинтересованы в процветании Турции и в существовании европейского равновесия»¹⁶.

В то же время Испания продолжала воздвигать препятствия действиям морских сил России в Средиземном и Черном морях. Так, в сентябре 1769 г. Гримальди вызвал русского посланника в Испании О. М. Штакельберга для того, чтобы официально уведомить русское правительство в том, что король Испании Карл III запрещает русским военным судам заходить в испанские порты¹⁷. Однако уже в следующем году позиция Испании касательно российского присутствия России в Средиземном и Черном морях претерпела значительные изменения, вследствие впервые проявившегося в русско-испанских отношениях «фактора Испанской Америки».

Так, в конце 1760-х гг. разразился мальвинский (фолклендский) кризис, приведший к вооруженному конфликту между Великобританией и Испанией. Инцидент вокруг Мальвинских островов сделал фактически неизбежной морскую войну между

¹² Там же.

¹³ *Россия и Испания. Документы и материалы. Т. 1: 1667–1799*, с. 216–221: инструкция графу Ласи от 31 августа 1772 г.

¹⁴ Евгений Тарле, *Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг (1769–1774). Собрание сочинений*. Т. 10, Москва; Ленинград, Изд-во АН СССР, 1945, с.12. По мнению Е. В. Тарле, могучую поддержку «русофильской» политике в Великобритании оказывал Уильям Питт Старший, выступавший с идеей «крепко сплоченного союза из России, Пруссии и Англии» (Там же).

¹⁵ Евгений Тарле, *Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг (1769–1774)*, с. 19.

¹⁶ АВПРИ — Ф. Сношения России с Испанией, д. 314, л. 65об.: О. М. Штакельберг — Екатерине II от 20 сентября 1769 г.

¹⁷ Там же, л. 83: О. М. Штакельберг — Екатерине II от 4 октября 1769 г.

Великобританией и Испанией. Ситуация стала для Испании критической после того, как выяснилось, что в случае вооруженного конфликта за Мальвины, российский флот, скорее всего, выступит на стороне Великобритании. Слухи о совместном выступлении британского и российского флота по защите британских владений в Америке активно подогревались российскими дипломатами, в частности, посланником России в Испании О. М. Штакельбергом. Как отмечает исследователь русско-испанских отношений В. С. Бобылев, «подобного рода дезинформацию он подбрасывал Гримальди при каждом удобном случае»¹⁸. Целью распространения слухов российскими дипломатами (и об этом говорилось в письме О. М. Штакельберга главе российской Коллегии иностранных дел Н. И. Панину) было стремление парализовать внешнеполитическую активность Испании, убедив правительство в Мадриде в том, что «однажды русские эскадры объединятся с английским флотом для выполнения общих задач»¹⁹.

В результате Испания изменила свою позицию в отношении Русско-турецкой войны. Если первоначально испанское правительство поддерживало «союзническую» Францию, фактически подтолкнувшей Турцию к началу военных действий против России, то уже спустя два года, в самый разгар конфликта, государственный секретарь Испании маркиз Гримальди выговаривал французскому послу: «вы сделали весьма худое дело, воспламенив войну сию»²⁰.

После урегулирования «мальвинского» конфликта в 1771 г. «испано-американский фактор» продолжал оказывать серьезное давление на испанскую дипломатию, заставляя правительство Испании считаться с интересами России в Средиземном и Черном морях.

Так, в своих многочисленных письмах 1772–1773 гг., посвященных русской активности на Американском континенте, посланник в России маркиз Ласи сообщал о значительных результатах «секретных» экспедиций русских: «От русских также известно, что под их флагом в тех краях были сделаны очень важные открытия и что их правительство ожидает наступления более благоприятных обстоятельств, чтобы воспользоваться результатами экспедиции»²¹.

В целом анализ содержания писем графа Ласи говорит о том, что он был в значительной степени дезинформирован относительно российского продвижения в направлении владений Испанской Америки, находящихся в северной части Тихого океана. Фамилии участников экспедиций либо не приведены, либо даны неправильно. Даты российских экспедиций указаны весьма приблизительно. Кроме того, его информация относительно возможного прибытия английского флота в Охотскую и Камчатскую бухты не находит никакого подтверждения в других источниках.

Вместе с тем зашифрованные депеши испанского посланника, в которых он заявлял о важных открытиях русских мореплавателей, о «координации действий» Великобритании и России в северо-западной части Тихого океана, имели далекоидущие последствия. Как мы видим из переписки испанских чиновников, именно на основании сведений, полученных от маркиза Ласи, правительство Испании и администрация колоний приняли решение направить в район предполагаемого российского продвижения «разведывательные» экспедиции Хуана Переса (1774) и Бруно де Эсета (1775).

Исходя из информации своего посланника в Санкт-Петербурге, правящие круги Испании воспринимали закрепление русских в этом регионе как угрозу своим колониальным владениям на западном побережье Американского континента. Особую опасность при этом они видели в совместных англо-русских действиях в Тихом океане: Россия могла предоставить плацдарм Великобритании, имевшей в недавнем прошлом прецедент аннексии испано-американских территорий.

¹⁸ Владимир Бобылев, *Россия и Испания в международных отношениях второй половины XVIII века*, Москва, Изд-во РУДН, 1997, с. 58.

¹⁹ АВПРИ — Ф. Секретнейшие дела. Испания, д. 3–4, л. 82об.: дель Рио-Гримальди от 20 апреля 1770 г.

²⁰ АВПРИ — Ф. Сношения России с Испанией, д. 321, л. 84–84об.: О. М. Штакельберг — Екатерине II от 26 марта 1770 г.

²¹ Archivo General de Indias, ESTADO 20.1, p. 32.

Екатерина II и ее дипломатическая служба, будучи хорошо осведомлены об этих опасениях, использовали это в своих интересах. Создавая «видимую угрозу» совместных англо-русских действий по захвату территорий в северной части Тихого океана, имитируя организацию «разведывательных» экспедиций в этом регионе и дезинформируя послов «бурбонских» держав, российская дипломатия оказывала мощное давление на испанское правительство с целью заставить его отказаться от провокаций в Средиземноморье, занять приемлемую позицию в вопросе подписания мирного договора 1774 г. с Турцией, добиться полноценного статуса России как морской державы. Тем самым Екатериной II был найден эффективный инструмент для воздействия на испанскую политику как в европейских, так и американских делах. Во время Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. российская императрица, используя дипломатические каналы, недвусмысленно продемонстрировала, что любые испанские и французские провокации и затруднения в отношении маневров русского военного флота в Средиземноморье с большой вероятностью вызовут совместные англо-русские действия, направленные против испанских владений в Америке.

Библиография

Архивные источники:

АВПРИ — Ф. Сношения России с Испанией, д. 314, л. 65об.: О. М. Штакельберг — Екатерине II от 20 сентября 1769 г.

АВПРИ — Ф. Секретнейшие дела. Испания, д. 3–4, л. 82об.: дель Рио-Гримальди от 20 апреля 1770 г.

АВПРИ — Ф. Сношения России с Испанией, д. 321, л. 84–84об.: О. М. Штакельберг — Екатерине II от 26 марта 1770 г.

Archivo General de Indias. ESTADO 20.1.

Литература:

1. *Haas S. Alaska: An American Colony.* 2nd ed. Seattle: University of Washington Press, 2020.
2. Волосюк О. В. Испанцы и русские на Тихом океане. *Испания и Россия: дипломатия и диалог культур.* М.: Индрик, 2018.
3. *Rawls J. J., Bean W. California.* 8th ed. Boston: McGraw-Hill, 2003.
4. Россия и Испания. Документы и материалы. Т. 1: 1667–1799. М., 1991.
5. *Тарле Е. В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг (1769–1774).* Собрание сочинений. Т. 10. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945.
6. *Бобылев В. Россия и Испания в международных отношениях второй половины XVIII века.* М.: Изд-во РУДН, 1997.

A. P. Хасанов¹

«ДОБРЫЕ УСЛУГИ» ШВЕЙЦАРИИ И ШВЕЦИИ В СВЕТЕ ВОЕННОГО ПЕРЕВОРОТА В ЧИЛИ 1973 Г.

“GOOD OFFICES” OF SWITZERLAND AND SWEDEN IN LIGHT OF THE 1973 MILITARY COUP IN CHILE

Аннотация. В работе представлен краткий исторический экскурс в процесс развития дипломатических отношений между Чили со Швейцарией и Швецией. Опираясь на официальные дипломатические документы, автор исследует реакцию властей Швейцарии и Швеции на военный переворот в Чили 1973 г. Освящается роль «добрых услуг» Берна и Стокгольма в отношениях Чили со странами Организации Варшавского договора. Выявлены причины и обстоятельства, по которым вышеперечисленные европейские государства взяли на себя защитные мандаты. Автор подробно изучил деятельность Харальда Эдельстама, посла Швеции в Чили (1972–1973), который, пользуясь своими полномочиями, смог спасти жизни людей, преследуемых правительственной хунтой Чили в период военной диктатуры.

Ключевые слова: Военный переворот в Чили 1973 г., «добрые услуги», защитные мандаты, Харальд Эдельстам.

Abstract: The article presents a brief historical insight into the development of diplomatic relations Chile between Switzerland and Sweden. Based on the official diplomatic documents the author explores the reaction of the Swiss and Swedish government's to the 1973 Chilean coup d'état. The present thesis illuminates how the “Good Offices” of Bern and Stockholm benefited their relations with Chile and nations within the Warsaw Pact. The author also identified the causes and circumstances under which the two European states assumed a protective power mandates and became political patrons. The thesis placed a special emphasis on the activity of Harald Edelstam, the Swedish Ambassador to Chile (1972–1973), who, using their powers, were able to save the lives of people persecuted by the government junta of Chile during the military dictatorship.

Key words: 1973 Chilean coup d'état; Good Offices; protective power mandates; Harald Edelstam.

«Добрые услуги» Швеции в свете военного переворота в Чили в 1973 г.

В Стокгольме события о военном перевороте в Чили встретили крайне встревоженно. 12 сентября 1973 г. премьер-министр Швеции Улоф Пальме выступил с заявлением о недопустимости военного свержения демократически избранного правительства. У. Пальме лестно отозвался о проводимой политике С. Альенде и крайне негативно отозвался о правых силах, устроивших переворот². Похожее заявление сделал и министр иностранных дел Швеции К. Викман (1971–1973), назвавший чилийскую трагедию как угрозой демократии для всех странах мира. Также он добавил, что воля народа, выраженная на демократических выборах, не должна быть подорвана экономическими интересами определенных лиц и государств³.

¹ Хасанов Азат Раисович, Россия, студент факультета международных отношений СПбГУ (st027367@student.spbu.ru).

² “Statement by the Prime Minister, 12th September”, *Documents on Swedish Foreign Policy 1973, 1975*, p. 176–177.

³ “Extract from a speech by the foreign minister, 12th September”, *Documents on Swedish Foreign Policy 1973, 1975*, p. 177–178.

Уже 12 сентября 1973 г. первые полосы ведущих шведских газет были посвящены военному путчу в Чили⁴. Помимо восхваления С. Альенде и его политики⁵, пристальное внимание журналистов было уделено жестокости путчистов по отношению к гражданским лицам⁶. Однако 15 сентября чилийские события отошли в шведской прессе на задний план ввиду смерти короля Густава VI Адольфа (1950–1973).

Во время переворота на весь мир прогремело имя легендарного шведского дипломата Харальда Эдельстама, который пользуясь дипломатическим статусом, спас жизни более 1500 людей, преследуемых хунтой. За подвиги, совершенные в Чили, его называют вторым Раулем Валленбергом. Однако Х. Эдельстам совершил подобные подвиги еще до своего знаменитого соотечественника. Дело в том, что Р. Валленберг был назначен первым секретарем дипломатического представительства Швеции в Будапеште в 1944 г., где он уберег от смерти десятков тысяч венгерских евреев. Годы дипломатической службы Х. Эдельстама в Осло пришлось на 1942–1944 гг., когда Норвегия была оккупирована нацистской Германией. Именно тогда Эдельстам спас жизни сотням участников Норвежского движения Сопротивления и местных евреев. Дипломат выступал в качестве посредника между немецкими оккупантами и сопротивляющимися норвежцами, за что последние прозвали его «Черная гвоздика» (англ. *Black Pimpernel*). Благодаря Х. Эдельстаму многие потенциальные жертвы нацистского режима смогли пересечь норвежско-шведскую границу. Для спасения жизни людей он использовал свое служебное положение. Как дипломат, швед мог слушать радиовещание из Лондона. После прослушивания этих радиопередач, он выпускал информационные бюллетени. Для их выпуска, он тайными путями приобретал печатные машины, чернила и бумагу. Выпускаемые им бюллетени стали важным противовесом немецко-фашистской пропаганде в Норвегии⁷.

Недостаточно освященным остается деятельность Х. Эдельстама в качестве посла в Индонезии (1966–1969) и Гватемале (1969–1971). В Индонезии он был глубоко обеспокоен свержением президента Сукарно в 1967 г. и последующими преследованием коммунистов в стране. В Гватемале же дипломат стал свидетелем нарушения прав человека и ущемление в правах коренных народов новоизбранным президентом страны А. Осорио (1970–1974), проводившим антикоммунистическую политику⁸.

В октябре 1972 г. Х. Эдельстам был назначен послом в Чили. Хотя его прибытие в страну по времени совпало на разгар политического и экономического кризиса: незадолго до этого в стране прошла крупнейшая транспортная забастовка. Тем не менее дипломат выражал свое восхищение и поддержку правительству Народного единства С. Альенде и приводившейся политике⁹.

После сентябрьского переворота 1973 г. жесткость военных властей по отношению к безоружным гражданам не могла оставить Х. Эдельстама равнодушным. Уже с первых дней переворота правозащитная деятельность дипломата вызывала раздражение у путчистов.

В день военного переворота посольство Кубы в Сантьяго окружили путчисты. Кубинцы оказали вооруженное сопротивление. Силы сторон были явно неравными. Именно в этот момент Х. Эдельстам совершил свой главный подвиг во время своей миссии в Сантьяго, сумев не допустить кровопролития. Им были проявлены не только дипломатические качества, но прежде всего мужские. Пользуясь дипломатической неприкосновенностью, шведский посол пробрался к кубинскому посольству и встал перед

⁴ *Svenska Dagbladet* 247, 1973, S.6.

⁵ *Svenska Dagbladet* 248, 1973, S.1, 4, 6.

⁶ *Svenska Dagbladet* 249, 1973, S. 1, 6; 250, 1973, S. 1, 3.

⁷ “Harald Edelstam background”, *Edelstam Foundation* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.edelstam.org/background/> (дата обращения: 10.10.2021).

⁸ Там же.

⁹ Там же.

танками путчистов, призвав прекратить обстрел. Вместе с тем дипломат умирил пыл сопротивляющихся кубинцев¹⁰.

После данного инцидента, чилийская хунта разорвала дипломатические отношения с Кубой, и потребовала, чтобы сотрудники посольства Кубы и члены их семей (численность которых составляла 147 человек¹¹) в течение дня покинули страну. Х. Эдельстам принял участие в переговорах между кубинскими дипломатами и военными по поводу дальнейшей судьбы кубинской дипломатической миссии. Когда посол Кубы в Чили — Марио Гарсия (1971–1973) — поднял вопрос о том, что будет со зданием посольства и кто будет защищать интересы кубинцев в Чили, Эдельстам заявил о решимости своей страны быть протезирующей силой для островного государства и водрузил над зданием посольства Кубы флаг Швеции. Инициатива посла была поддержана лично премьер-министром Швеции У. Пальме¹². Той ночью сотрудники кубинского посольства и члены их семей были сопровождены шведским послом Х. Эдельстамом в аэропорт, откуда они вернулись на Остров Свободы¹³.

Столь активные действия Швеции по защите кубинского посольства могут трактоваться как политика *fait accompli*¹⁴, ведь протезирующую сторону должна утвердить страна, в которой пребывает дипломатическая миссия. После такого шведского дипломата у кубинцев не могло быть никаких сомнений по поводу протезирующей силы в Чили. Кубинцы и шведы быстро привели в юридическое соответствие передачу защитного мандата. 21 сентября 1973 г. правительство Швеции одобрило официальный запрос Гаваны о защите интересов Кубы в Чили¹⁵.

Так, Швеция стала первым государством, приступившим к осуществлению защитного мандата в свете чилийского военного переворота. Другой особенностью данного мандата является то, что скандинавское королевство стало протезирующей силой, к которой не обратились с просьбой представить интересы другого государства, а которая сама взялась представлять интересы другого государства.

Швецию в качестве протезирующей силы для Кубы должны были утвердить и новые чилийские власти, которые согласились пойти навстречу Стокгольму, что может свидетельствовать о высоком дипломатическом престиже скандинавского королевства. Кроме того, хотим подчеркнуть, что подобная инициатива шведов была единственной во второй половине XX в.

Скандинавское королевство являлось протезирующей силой для Острова Свободы в Чили до 17 мая 1994 г.¹⁶. Примечательно, что шведский защитный мандат по обеспечению интересов Кубы в Чили, стал самым длительным по времени, среди всех защитных мандатов нейтральных стран Европы в связи с военным путчем 1973 г. Другой интересный факт — представление интересов кубинцев стал самым длительным защитным мандатом в Швеции в период холодной войны.

¹⁰ Pascale Bonnefoy, “Bending the Rules: An Ambassador’s Quest to Save Lives”, *Remembering the Rescuers of Victims of Human Rights Crimes in Latin America*, eds Marcia Esparza y Carla De Ycaza, Lanham; Boulder; New York; London, Lexington Books, 2016, p. 29.

¹¹ “Fernando Camacho Padilla, Las relaciones entre Chile y Suecia durante el primer gobierno de Olof Palme, 1969–1976”, *Iberoamericana. América Latina — España — Portugal* 25: 7, 2007, p. 74.

¹² “Harald Edelstam background”, *Edelstam Foundation* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.edelstam.org/background/> (дата обращения: 10.10.2021).

¹³ Pascale Bonnefoy, *Указ. соч.*, p. 29.

¹⁴ *Fait accompli* (фр. «свершившийся факт») обозначает внешнеполитическую меру государства, действующего в обход международно-правовых норм с целью создания такой ситуации, при которой событие будет принято как свершившийся факт без возможности возврата произошедшего в первоначальное свое состояние.

¹⁵ “The Recognition of States. The Protection of the Interests of Other States”, *Documents on Swedish Foreign Policy 1973, 1975*, p. 226.

¹⁶ Nr 18. Avtal med Cuba om avveckling av skyddsmaktsuppdraget för Republiken Cuba i Republiken Chile (Stockholm den 17 maj 1994), *Regeringskansliet* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regeringen.se/contentassets/957f1f6a04024fda84d68455c44ac93a/avtal-med-cuba-om-avveckling-av-skyddsmaktsuppdraget-for-republiken-cuba-i-republiken-chile> (дата обращения: 10.10.2021).

В начале декабря 1973 г. в шведское посольство с просьбой предоставить убежищ обратилась молодая женщина — гражданка Уругвая, которой требовалось неотложная медицинская помощь. Х. Эдельстам договорился с военными о том, чтобы ее доставили в больницу и сняли арест. Однако в больнице явились солдаты с приказом об ее аресте. Им преградил путь Х. Эдельстам. Последовала драка между 15 солдатами и тремя шведскими дипломатами, среди которых был и Эдельстам. Данный инцидент хунта использовала 4 декабря, объявив шведского посла *persona non grata*. Х. Эдельстам покинул страну 9 декабря. Таким образом, закончилась его героическая «эпопея». Если за свои поступки в Норвегии он получил прозвище «Черная гвоздика», то за поступки в Латинской Америке — «Красная гвоздика»¹⁷. Недаром, когда он улетал на родину из аэропорта Сантьяго, на пиджаке его костюма была бутоньерка с красным цветком. Его мужество оценил сам лидер кубинской революции — Фидель Кастро, поэтому в январе 1974 г. швед удостоился высокого приема лидера кубинской революции в Гаване.

После выдворения шведского посла из Чили Стокгольм понизил дипломатические отношения с Сантьяго до уровня поверенных в делах¹⁸. Тогда У. Пальме заявил, что его страна не назначит нового посла в Сантьяго, пока в южноамериканском государстве не будет восстановлен демократический режим. Шведы сдержали свое обещание: только в 1990 г. С. Вригстад, являвшийся поверенным в делах (1987–1990), был повышен до посла (1990–1992).

«Добрые услуги» Швейцарии в свете военного переворота в Чили в 1973 г.

Швейцария — государство с безупречной репутацией на мировой арене. Нейтральный статус страны позволил ей избежать множество войн и конфликтов, в том числе и две мировые войны. Отсутствие колониального прошлого также не создает ей проблемы, связанные с исторической памятью. Но вместе с тем история этой альпийской страны во второй половине XX в. может показаться не совсем безупречной. Тому причиной является военно-экономическое сотрудничество Швейцарии с ЮАР времен Апартеида (1948–1994) и Чили времен хунты А. Пиночета (1973–1990). По этому поводу и по сей день ведутся жаркие дискуссии. Кроме того, во время холодной войны Претория и Сантьяго часто прибегали к добрым услугам Швейцарии. Весьма интересно то, что 1973 г. — время, когда в Чили власть взяли военные, стал рекордным для Швейцарии по числу защитных мандатов (24) за годы холодной войны.

Швейцарско-чилийские отношения претерпели изменения после военного переворота в Чили 11 сентября 1973 г. Нельзя утверждать, что швейцарцы были рады военному перевороту в Чили и пришедшей к власти военной хунте. Но однозначно альпийцы с облегчением восприняли уход С. Альенде с политической сцены. Более того, швейцарские официальные лица не отправили телеграмму с соболезнованиями вдове покойного С. Альенде¹⁹.

В отчете посольства Швейцарии в Сантьяго от 17 сентября 1973 г. о военном перевороте отмечается, что 65 % населения Чили с облегчением восприняли низвержение правительства Народного единства²⁰. Как нам кажется, положительное восприятие

¹⁷ Там же, р. 26.

¹⁸ В 1973–1976 гг. поверенным в делах Швеции в Чили являлся Карл-Йохан Грот, в 1976–1981 гг. — Педер Хаммаршёльд, 1981–1984 гг. — Ларс Шенандер, 1984–1987 гг. — Хокан Вилкенс, 1987–1990 гг. — Стаффан Вригстад.

¹⁹ Jordan S. “Quand la Suisse a fait le putsch (L’entretien avec Ivo Rogic)”, *Le Courrier*. 10.09.2013 [Электронный ресурс]. URL: http://www.lecourrier.ch/113886/quand_la_suisse_fetait_le_putsch (дата обращения: 10.10.2021).

²⁰ “Political report No. 10. Résumé des événements du coup d’Etat du 11.9.1973 et les réactions du peuple chilien”. 17.09.1973, *CH-BAR [Elektronische Quelle] E2300-01#1977/30#74* [Электронный ресурс]. URL: <http://dodis.ch/32269> (дата обращения: 10.10.2021).

швейцарской диаспорой низвержение власти С. Альенде, подтолкнули официальный Берн признать режим А. Пиночета 15 сентября 1973 г.²¹

На эту же мысль нас наталкивает и то, что преподавательский состав швейцарской школы Сантьяго с воодушевлением воспринял военный переворот²². Таким образом, наличие у швейцарцев крупной диаспоры в Чили (см. табл.), вынудила ее действовать иначе чем шведы, чья диаспора в Чили в 1970 г. достигала всего лишь 170 человек²³. Касательно финской диаспоры в Чили, то нам не удалось найти какие-либо данные. Можно утверждать, что она была совсем незначительной.

Численность швейцарцев в Чили в 1968–1986 гг.²⁴

Год	1968	1969	1970	1971	1972	1973	1974	1977	1980	1983	1986
Граждане Швейцарии	820	795	753	761	452	387	379	375	415	411	378
Обладатели двойного гражданства	883	903	904	1106	921	1002	1227	1364	1487	1596	1918
Всего	1703	1698	1657	1867	1373	1389	1606	1739	1902	2007	2296

Другой причиной, почему швейцарские власти не делали выпадов в сторону чилийской хунты, был нейтралитет конфедерации. В отличие от Швеции, нейтралитет Швейцарии был юридически оформлен еще 20 ноября 1815 г. на Венском конгрессе в акте «Относительно признания и гарантии постоянного нейтралитета Швейцарии и неприкасаемости ее территории».

Среди граждан Швейцарии были те, кто требовал прекратить помощь Чили, и те, кто считал, что страна должна быть предельно осторожной, имея дело с новым чилийским режимом²⁵. Тем не менее швейцарская дипломатия не осталась в стороне и после военного переворота в Чили в 1973 г. Новые чилийские власти доверили альпийской конфедерации защиту своих интересов на Кубе (с 17 сентября 1973 г. по 31 декабря 1975 г.) и в ГДР (с 5 октября 1973 г. по 30 июня 1975 г.). Подчеркнем, что из всех четырех нейтральных стран Европы лишь Швейцарии новые чилийские власти доверили представлять свои интересы в других странах. Такое доверие альпийской конфедерации со стороны Сантьяго объясняется тем, что Чили уже была хорошо знакома с «добрыми услугами» Швейцарии. После кубинской революции на Острове Свободы Швейцария обеспечивала «защитный мандат» для Чили (с 19 августа 1964 г. по 11 декабря 1970 г.²⁶).

Между прочим, в латиноамериканской республике альпийцы представляли интересы Польской Народной Республики (ПНР) (с 10 октября 1973 г. по 18 апреля 1990 г.²⁷). Таким образом, здание посольства Польши в Сантьяго перешло в руки альпийских дипломатов. Это помогло последним решить вопрос с размещением чилийцев, преследуемых хунтой. Во время массовых репрессии в сентябре–октябре 1973 г. посольство Швейцарии укрывало 70

²¹ Jordan S. *Указ. соч.*

²² “Schweizerschule in Chile”. 13.12.1973, *CH-BAR [Elektronische Quelle] E3001B#1979/121#1208** [Электронный ресурс]. URL: <http://dodis.ch/38250> (дата обращения: 10.10.2021).

²³ “Folkmängd efter födelseland 1900–2016” (XLS). *Befolkningsstatistik, Statistiska centralbyrån* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scb.se/hitta-statistik/statistik-efter-amne/befolkning/befolkningens-sammansattning/befolkningsstatistik/> (дата обращения: 10.10.2021).

²⁴ *Statistisches Jahrbuch der Schweiz 1971*, Basel, Birkhäuser, 1971, S.77; *Statistisches Jahrbuch der Schweiz 1974*, Basel, Birkhäuser, 1974, S.107; *Statistisches Jahrbuch der Schweiz 1978*, Basel, Birkhäuser, 1978, S.77; *Statistisches Jahrbuch der Schweiz 1981*, Basel, Birkhäuser, 1981, S.79; *Statistisches Jahrbuch der Schweiz 1985*, Basel, Birkhäuser, 1985, S. 118; *Statistisches Jahrbuch der Schweiz 1987/1988*, Basel, Birkhäuser, 1987, S. 87.

²⁵ “Chile am Vorabend des Militärputsches vom 11.9.1973”. 18.09.1973, *CH-BAR [Elektronische Quelle] E2001E-01#1987/78#2299**, S. 9 [Электронный ресурс]. URL: <http://dodis.ch/38248> (дата обращения: 10.10.2021).

²⁶ “Liste des intérêts étrangers représentés par la Suisse depuis la fin de la Seconde Guerre mondiale”, *Politorbis*, 40, 2006, S. 53–56.

²⁷ Ebd.

человек²⁸, из которых 31 человек были помещены в здании швейцарского посольства, остальные 39 — в здание посольства Польши²⁹. Таким образом, чилийские события 1973 г. добавила в швейцарскую копилку еще три защитных мандата.

Одним из инструментов «добрых услуг» является предоставление своей территории для проведения переговоров. Именно на территории Швейцарии, в аэропорту Цюриха, 18 декабря 1976 г., произошел обмен арестованного в Чили генерального секретаря Коммунистической партии Луиса Корвалана на советского диссидента Владимира Буковского.

* * *

Реакция официальных властей в Берне и Стокгольме на военный переворот в Чили 1973 г. была разной. Различная история и специфика двусторонних отношений с Чили вынуждала эти страны выстраивать свою определенную политику по отношению к новым чилийским властям.

Тем не менее Швейцарию и Швецию объединял нейтральный внешнеполитический курс. Однако здесь важно подметить разницу между скандинавской и альпийской моделями нейтралитета. Если Берн юридически оформил свой нейтралитет, то Стокгольм этого не сделал, поэтому с юридически он нейтральным считаться не может.

Другой причиной мы можем указать на «фактор диаспоры». На территории Чили имела крупная швейцарская община, что вынудило Берн пойти на диалог с новыми чилийскими властями. К тому же, как показали официальные отчеты швейцарских дипломатов в Сантьяго, швейцарцы Чили с воодушевлением восприняли уход С. Альенде с политической сцены. Конечно же, официальные власти в Берне не могли не считаться с мнением представителей своего этноса, живущих в этой латиноамериканской стране.

А вот о крупной шведской диаспоре в Чили в начале 1970-х гг. речи и не шло. С одной стороны, может показаться, что это стало причиной, по которой скандинавы принимали активные меры по предоставлению политического убежища латиноамериканцам, преследуемые военными. Однако основным обстоятельством были личностные факторы. У шведов в Сантьяго в то время находился Х. Эдельстам; благодаря мужеству и дипломатическому опыту скандинавское королевство стало основным местом спасения для чилийских беженцев.

Вообще сентябрьские события 1973 г. в Чили сильно сказались на дипломатической палитре. После этих событий СССР и дружественные ему страны разорвали дипломатические отношения с режимом военной диктатуры. В связи с этим весьма своевременными оказались дипломатические услуги европейских стран. Австрию в качестве протезирующей силы в Чили выбрали Болгария и Венгрия (1973–1990), Финляндию — ГДР (1973–1976), Швейцарию — Польша (1973–1990). А вот Швеция уже на следующий день после путча — 12 сентября 1973 г. принялась за осуществление интересов Кубы в Чили (до 1994 г.), что отличает ее мандат от других стран. Напомним, что с юридической точки зрения государство, представляющее интересы другого государства, должно получить от него официальный запрос. К тому же протезирующую силу должна утвердить и страна, в которой будет осуществляться защитный мандат.

Вместе с тем необходимо отметить, что новые чилийские власти выбрали лишь Швейцарию в качестве протезирующей силы. Напомним, что Берн в 1973–1975 гг. являлся протезирующей силой для Чили в ГДР и на Кубе. Данный факт может объясняться тем, что швейцарцы были настроены больше на диалог с новой властью в Сантьяго, чем австрийцы,

²⁸ “Chili: Mesures de protection et asile diplomatique”. 13.12.1973, *CH-BAR [Elektronische Quelle] E2001E-01#1987/78#2298** [Электронный ресурс]. URL: <http://dodis.ch/38252> (дата обращения: 10.10.2021).

²⁹ “No 410. (No 11795). Réponse par écrit à la Motion Ziegler du 3.10.1973 concernant Asile dans les ambassades suisses”. 11.03.1974, *CH-BAR [Elektronische Quelle] E1004.1#1000/9#804** [Электронный ресурс]. URL: <http://dodis.ch/39017> (дата обращения: 10.10.2021).

финны и шведы. Другая причина заключается кроется в том, что и до сентябрьских событий 1973 г. официальный Сантьяго прибегал к «добрым услугам» альпийской конфедерации.

Библиография

1. *Bonnefoy P.* Bending the Rules: An Ambassador's Quest to Save Lives // Remembering the Rescuers of Victims of Human Rights Crimes in Latin America / Eds Esparza M., De Ycaza C. Lanham; Boulder; New York; London: Lexington Books, 2016.
2. *Padilla F. C.* Las relaciones entre Chile y Suecia durante el primer gobierno de Olof Palme, 1969–1976 // Iberoamericana. América Latina — España — Portugal. 2007. Vol. 7. Iss. 25.
3. Harald Edelstam background // Edelstam Foundation [Электронный ресурс]. URL: <http://www.edelstam.org/background/> (дата обращения: 10.10.2021).
4. The Recognition of States. The Protection of the Interests of Other States // Documents on Swedish Foreign Policy 1973. 1975.
5. Nr 18. Avtal med Cuba om avveckling av skyddsmaktsuppdraget för Republiken Cuba i Republiken Chile (Stockholm den 17 maj 1994). // Regeringskansliet [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regeringen.se/contentassets/957f1f6a04024fda84d68455c44ac93a/avtal-med-cuba-om-avveckling-av-skyddsmaktsuppdraget-for-republiken-cuba-i-republiken-chile> (дата обращения: 10.10.2021).
6. *Jordan S.* Quand la Suisse a fait le putsch (L'entretien avec Ivo Rogic) // Le Courrier. 10.09.2013 [Электронный ресурс]. URL: http://www.lecourrier.ch/113886/quand_la_suisse_fetait_le_putsch (дата обращения: 10.10.2021).
7. Résumé des événements du coup d'Etat du 11.9.1973 et les réactions du peuple chilien. 17.09.1973 // CH-BAR [Elektronische Quelle] E2300-01#1977/30#74. Political report No. 10 [Электронный ресурс]. URL: <http://dodis.ch/32269> (дата обращения: 10.10.2021).
8. Schweizerschule in Chile. 13.12.1973 // CH-BAR [Elektronische Quelle] E3001B#1979/121#1208*. URL: <http://dodis.ch/38250> (дата обращения: 10.10.2021).
9. Folkmängd efter födelseland 1900–2016” (XLS). Befolkningsstatistik // Statistiska centralbyrån [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scb.se/hitta-statistik/statistik-efter-amne/befolkning/befolkningens-sammansattning/befolkningsstatistik/> (дата обращения: 10.10.2021). Statistisches Jahrbuch der Schweiz 1971. Basel: Birkhäuser, 1971; Statistisches Jahrbuch der Schweiz 1974. Basel: Birkhäuser, 1974; Statistisches Jahrbuch der Schweiz 1978. Basel: Birkhäuser, 1978; Statistisches Jahrbuch der Schweiz 1981. Basel: Birkhäuser, 1981; Statistisches Jahrbuch der Schweiz 1985. Basel: Birkhäuser, 1985; Statistisches Jahrbuch der Schweiz 1987/1988. Basel: Birkhäuser, 1987.
10. Chile am Vorabend des Militärputsches vom 11.9.1973. 18.09.1973 // CH-BAR [Elektronische Quelle] E2001E-01#1987/78#2299*. S. 9 [Электронный ресурс]. URL: <http://dodis.ch/38248> (дата обращения: 10.10.2021).
11. Liste des intérêts étrangers représentés par la Suisse depuis la fin de la Seconde Guerre mondiale // Politorbis. 2006. Iss. 40. S. 53–56.
12. Chili: Mesures de protection et asile diplomatique. 13.12.1973 // CH-BAR [Elektronische Quelle] E2001E-01#1987/78#2298* [Электронный ресурс]. URL: <http://dodis.ch/38252> (дата обращения: 10.10.2021).

Б. Ф. Мартынов¹

СОВЕТСКО-КУБИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ «КАРИБСКОГО КРИЗИСА», КРАХ РАЗРЯДКИ И УРОКИ НА БУДУЩЕЕ

SOVIET-CUBAN RELATIONS AFTER THE “CARIBBEAN CRISIS”, THE COLLAPSE OF DETENTE AND LESSONS FOR THE FUTURE

Аннотация. В настоящей статье анализируется развитие отношений СССР и Кубы после событий Карибского кризиса 1962 г. Особое внимание уделяется месту этого кризиса в геополитической обстановке Холодной войны.

Ключевые слова: внешняя политика СССР, внешняя политика Кубы, Холодная война, советско-кубинские отношения.

Abstract: This article analyzes the development of relations between the USSR and Cuba after the events of the Cuban Missile Crisis of 1962. Particular attention is paid to the place of this crisis in the geopolitical environment of the Cold War.

Key words: USSR foreign policy; Cuban foreign policy; Cold War; Soviet-Cuban relations.

Чем дальше от нас Карибский кризис, тем более рельефными предстают сегодня перед нами его наиболее характерные черты. После событий октября 1962 г. мир стал иным. Заглянув за край термоядерной пропасти, лидеры СССР и США поняли, что альтернативой всеобщему уничтожению может быть только разрядка напряженности, и предприняли первые шаги в этом направлении². Отнюдь не случайно, что итоги Карибского кризиса в советской/российской и зарубежной литературе освещались и в основном продолжают освещаться с точки зрения их значения для советско-американских отношений. Между тем советско-кубинские отношения, приобретшие после этого эпохального события свою собственную, особую специфику, также имели долгосрочные последствия, а в скором времени приобрели и глобальное измерение.

Как известно, советско-американские переговоры об урегулировании Карибского кризиса, проходившие в условиях цейтнота и порой на грани фола, завершились выводом с Кубы советских ракет средней и малой дальности и всего оружия, которые Соединенные Штаты сочли «наступательным»³. В обмен на это Вашингтон дал обещание (нигде не зафиксированное, впрочем, документально) не нападать на Кубу и вывести из Турции ракеты средней дальности, которые непосредственно угрожали территории СССР. По просьбе американской стороны этот вывод не связывался непосредственно с итогами урегулирования кризиса и позднее был подан в качестве «доброй воли» США.

Карибский кризис заложил основы разрядки в советско-американских отношениях. Советско-кубинские же отношения вступили в полосу серьезного кризиса. Переговоры

¹ Мартынов Борис Федорович, Россия, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД РФ (bfmartynoff@gmail.com).

² Подписание договоров о запрещении ядерных испытаний в трех средах (1963 г.), «Договор о Луне» (1967 г.), Договор о нераспространении ядерного оружия (1968 г.).

³ Степан Микоян, *Анатомия Карибского кризиса*, Москва, Academia, 2006.

Кеннеди и Хрущева, которые велись за спиной Ф. Кастро; односторонний, без консультации с Кубой, вывоз с острова советских ракет; а более того, оскорбительное для Кубы предложение Хрущева о контроле со стороны США за погрузкой ракет на советские суда в кубинских портах и далее — об их сопровождении американскими самолетами в кубинских территориальных водах — все это вызвало возмущение кубинского руководства. В своем выступлении по итогам Карибского кризиса в Гаване на Площади Революции Ф. Кастро перед многотысячной аудиторией подверг острой критике советское руководство и лично — Н. С. Хрущева.

Разрыв с Кубой не устраивал советское руководство. Помимо серьезного идеологического и политического ущерба, он «сыграл бы на руку» Китаю, отношения с которым у Советского Союза после Карибского кризиса испортились, казалось, уже «окончательно и бесповоротно». Для срочного выправления ситуации на переговоры с руководством Кубы на остров в ноябре 1962 г. был отправлен член Политбюро ЦК КПСС А. И. Микоян.

Детали этих непростых переговоров, проходивших порой на грани нервного срыва, хорошо изложены в монографии присутствовавшего на них сына советского политика С. А. Микояна — «Анатомия Карибского кризиса», которая вышла в России в 2008 г.⁴ О напряженности ситуации свидетельствовал, например, то факт, что Анастас Иванович не смог прервать переговоры даже для того, чтобы на время вернуться в Москву на похороны своей жены.

Протоколы советско-кубинских переговоров говорили о готовности Москвы пойти на серьезные уступки Гаване в целях урегулирования возникшего конфликта. «Мы считаем победу кубинской революции огромным вкладом в дело марксизма-ленинизма», — заверял Анастас Микоян Фиделя Кастро. «Ее поражение нанесло бы непоправимый удар по марксизму и революционному движению в других странах». «Наш долг — сделать все, чтобы защитить Кубу»⁵.

Временами слова Микояна звучали как попытка оправдаться: «Мы думали проконсультироваться с вами...», «Мы считали, что ракеты на Кубе выполнили свое предназначение, поставив остров в центр дипломатического внимания...», «В нормальных условиях мы представили бы вам детальный план урегулирования...» и т. д.⁶

Те же документы свидетельствуют, что Ф. Кастро не старался особо щадить чувства своего *vis-à-vis*: «Оценивая то, что произошло, мы считаем, что все должно было быть сделано по-другому...». Предложенные советской стороной инспекции, равно в портах или в территориальных водах «унизительные», по его словам, для кубинцев, «произвели гнетущее впечатление на наш народ»⁷.

Главные же слова, имевшие серьезные политические последствия, были сказаны Фиделем Кастро 5 ноября: «*В текущих обстоятельствах мы могли бы освободить Советский Союз от взятых им на себя обязательств, и сами позаботиться об обеспечении собственной безопасности* (курсив мой. — Б. Ф.) в условиях сложившейся непредсказуемости. Мы не имеем права подвергать опасности мир во всем мире, но у нас есть полное право самим защищаться от агрессии». Итог переговоров подвел тогдашний Президент Кубы О. Дортикос: «...то, о чем сказал товарищ Фидель, не подлежит обсуждению, поскольку все мы согласны с его словами»⁸.

В Советском Союзе по-видимому, не придали большого значения этой фразе кубинского лидера. Казалось, что окончательную черту под советско-кубинским «непониманием», случившимся в дни Карибского кризиса, подвели слова, сказанные

⁴ См.: Степан Микоян, *Цит. соч.*, с. 5.

⁵ “Document 1: Cuban Record of Conversation, Mikoyan and Cuban Leadership, Habana, 4 November 1962”, *Cold War International History Project Bulletin* 8–9, Washington, Woodrow Wilson International Center for Scholars, 1996/1997, p. 339.

⁶ Там же, p. 340–341.

⁷ Там же, p. 343.

⁸ Там же, p. 343.

постоянным представителем Кубы в ООН К. Лечугой советскому полпреду при этой организации В. В. Кузнецову 7 ноября 1962 г.: «Куба поддерживает миролюбивую политику Советского Союза, и считает, что непонимание, которое возникло на Кубе в связи с шагами по его преодолению, теперь полностью устранено»⁹.

Однако, уже в следующем году Куба начинает устанавливать активные контакты с представителями леворадикальных движений Боливии, Перу и Аргентины, исповедующих вооруженные методы борьбы. Именно тогда Э. Че Гевара перешел к разработке планов континентальной революции, логистическим центром которой была намечена Боливия — страна, расположенная в самом центре южноамериканского материка. Вскоре «делать революцию» в Боливию отправится сам Че Гевара. Эта политика шла разрез с положением «2-й Гаванской декларации народа Кубы»¹⁰ (февраль, 1962) о том, что «революции не экспортируются, их совершают народы». Причина была очевидна: путем совершения «революционных перемен» в близлежащих от Кубы странах руководство Кубы намеревалось создать «периметр безопасности», способный оградить Остров Свободы от эвентуальной агрессии со стороны США. Убийство Кеннеди, давшего Хрущеву устное обещание не нападать на Кубу, и последовавшая вскоре эскалация американской войны во Вьетнаме многократно усилили эту стратегию.

Установка на бескомпромиссную вооруженную борьбу с американским империализмом и неокOLONиализмом была подтверждена на конференции народов Азии, Африки и Латинской Америки в Гаване в январе 1966 г. (конференция «Трикониненталь»). В письме, направленном ее делегатам из боливийских джунглей, Э. Че Гевара призвал устроить для США «один, два, три, много Вьетнамов», чтобы не только гарантировать «победу национально-освободительных движений» в мировом масштабе (что, очевидно, было долгосрочной целью), но и в качестве ближайшей и самой непосредственной — гарантировать безопасность Кубы.

Конференция «Трикониненталь» была «прохладно» встречена в Москве. Эпопея «Героического Партизана» в Боливии и попытки Кубы стимулировать партизанскую активность в других странах региона были квалифицированы ЦК КПСС как проявления «троцкизма» и «авантюризма». Там, очевидно, полагали, что поддержка Москвой левого радикализма в Латинской Америке лишь осложнит и без того напряженную мировую обстановку. К тому же в ЦК КПСС с учетом «опыта» Кубы не могли не понимать, что появление в Латинской Америке еще одного или нескольких правительств «социалистической ориентации» ляжет дополнительным бременем на экономику СССР.

Обвинение в «авантюризме» имело под собой реальные основания. Ответом на разгул «партизанщины» стала череда военных переворотов, которая прокатилась по всей Латинской Америке, начиная с Бразилии (апрель, 1964). Гибель Э. Че Гевары в горах Боливии нанесла серьезный моральный удар по планам «континентальной революции». Кровавый военный переворот в Чили, свергнувший законно-избранного президента этой страны С. Альенде (сентябрь, 1973), показал кубинскому руководству, что Латинская Америка оказалась на время закрытой не только для вооруженного, но и для мирного «пути к социализму».

Однако дело «защиты революционных завоеваний» на Кубе не потеряло от этого своей актуальности. После «Революции гвоздик» в Португалии (апрель, 1974) теперь уже бывшие африканские колонии Португалии: Ангола, Мозамбик и Гвинея-Бисау, — стали рассматриваться в Гаване как ближайшие кандидатуры на присоединение к «мировой системе социализма».

До 1975 г., отмечал профессор Университета им. Джлнса Хопкинса П. Глехейсес, африканская политика Кубы прошла три фазы развития: период до 1964 г., когда в центре

⁹ Там же, p. 330. — From the Journal of V. V. Kuznetsov: Record of Conversation with the Cuban Representative to the UN, C. Lechuga, 7 November 1962.

¹⁰ Принята в ответ на декларацию Консультативного совещания министров иностранных дел стран — членов ОАГ в Пунта-дель-Эсте (Уругвай) о «несовместимости марксизма — ленинизма с принципами межамериканской системы».

ее внимания находился Алжир; период 1964–1966 гг., когда внимание Гаваны переместилось на страны Африки, южнее Сахары с отправкой первых кубинских контингентов в Заир и Конго (Браззавиль); успешное вовлечение Кубы в события в Гвинее-Бисау (1966–1974) и наконец роль в гражданской войне в Анголе (1975)¹¹. В качестве четвертой фазы к этому списку можно было бы добавить участие кубинских войск в сомалийско-эфиопском конфликте в провинции Огаден (1977–1978). Особо следует обратить внимание на то, что, как свидетельствуют архивные документы, все эти «фазы» инициировались Кубой в основном *вне предварительных консультаций и без помощи СССР на начальных этапах развития*. Причину постоянно возрастающей активности кубинцев в Африке, кульминацией которой стало *прямое* участие кубинских «добровольцев» в боях с вооруженными формированиями ФНЛА и УНИТА в Анголе, а также с регулярными армиями Заира, Сомали и ЮАР, хорошо изложил один из них: «Все эти годы мы не сомневались, что они (Соединенные Штаты. — Б. Ф.) нападут на нас, и для нас было лучше вести войну с ними на «дальних подступах», чем в своей собственной стране»¹².

Связи кубинцев с промарксистским Народным движением за освобождение Анголы (МПЛА) во главе с А. Нето были установлены еще в 1965 г. по инициативе все того же Че Гевары. В 1966–1967 гг. вооруженные отряды МПЛА проходили обучение под руководством кубинских инструкторов во главе с будущим членом Политбюро ЦК Компартии Кубы Х. Рискетом.

11 ноября 1975 г. — официальная дата провозглашения Республики Ангола, ставшая своеобразной финишной чертой. Захватить до этого времени столицу Анголы — Луанду, находившуюся в руках сторонников МПЛА, пытались две другие оспаривавшие политическую власть группировки: прозападная ФНЛА¹³ и прокитайская УНИТА¹⁴. Летом того же года США усилили свою помощь (включая военную) отрядам ФНЛА и УНИТА, а проамериканский режим Мобуту в Заире отправил на север Анголы регулярные войска. В ответ на это, писал П. Глейхесес, «Куба переключила передачу: началась “Операция Карлота”»¹⁵.

Начиная с августа 1975 г. в Анголу на судах кубинского торгового флота прибыли первые контингенты Кубинской военной миссии в Анголе (ММСА) в количестве примерно 450 человек. С *собственным* снаряжением и оружием чехословацкого производства. 23 сентября кубинцы имели первое боестолкновение с отрядами Х. Роберто и подразделениями регулярной заирской армии в районе Морро ду Кал. Кубинские добровольцы способствовали серьезному укреплению позиций МПЛА. Тогда в «дело» вступили регулярные войска Южно-Африканской Республики. Ноябрьские бои на юге Анголы выявили серьезное моральное превосходство кубинцев над сильнейшей на Африканском континенте армией расистского режима ЮАР. «Мы столкнулись с прекрасно организованным и упорным сопротивлением со стороны нашего противника», — писал о ноябрьских боях в Бенгеле южноафриканский полковник Ян Брейтенбах. «Кубинцы, — писала кейптаунская «Кейп Таймс», — крайне редко сдавались плен и предпочитали умирать с улыбкой на устах»¹⁶.

Вторжение южноафриканцев заставило Гавану ускорить переброску новых добровольческих контингентов. До января 1976 г., утверждает П. Глейхесес, кубинские войска «в отсутствие всякой помощи из СССР (курсив мой. — Б. Ф.) перебрасывались в Анголу на старых поршневых самолетах “Бристоль — Британия” и советских

¹¹ Piero Gleijeses, “Havana’s Policy in Africa, 1959–1976: New Evidence from Cuban Archives”, *Cold War International History Project Bulletin* 8–9, Washington, Woodrow Wilson International Center for Scholars, 1996/1997, p. 5.

¹² Там же, p. 7. — Interviews with Estrada (Havana, 7 December 1994) and Oscar Cárdenas (Havana, 5 December 1993).

¹³ Фронт Национального освобождения Анголы во главе с Х. Роберто.

¹⁴ Национальный союз за полное освобождение Анголы во главе с Ж. Савимби.

¹⁵ Piero Gleijeses, *Указ. соч.*, p. 9.

¹⁶ *The Cape Times*, 21 November 1975.

турбовинтовых Ил-18, причем на своем долгом пути в Африку они были вынуждены делать две остановки для дозаправки»¹⁷. Способные на беспосадочный перелет советские самолеты Ил-62, с советскими экипажами были предоставлены кубинской стороне лишь в январе 1976 г., т. е. уже после того, как правительство МПЛА в Луанде было признано международным сообществом (курсив мой. — Б. Ф.). Все это позволило П. Глейхесису утверждать, что «кубинская и советская политики в Африке шли параллельными (т. е. непересекающимися. — Б. Ф.) путями и что кубинская политика на черном континенте была продиктована «национальными интересами Кубы и кубинской идеологией», — факт, добавляет он, «который Соединенные Штаты должны были прекрасно осознавать». «Кубинцы, — продолжает ученый, — надеялись, что их связи с Африкой помогут им укрепить свое положение среди неприсоединившихся стран и заставят страны социализма с большей толерантностью относиться к проявлению ими своей самостоятельности»¹⁸. С ним согласен и профессор Арне Вестада (Йельский университет), который уверен, что «в 1975 г. Фидель Кастро осуществил военную поддержку МПЛА без консультации с Москвой и даже не поставив ее в известность... Хотя в целом это вписывалось в контекст советской внешней политики, именно Кастро и председатель МПЛА Агостиньо Нето продумали и осуществили эту интервенцию»¹⁹.

Далее этот автор пишет следующее: «...Советские руководители были не в восторге от планов Кастро. Они не хотели предоставлять Анголе своих советников и транспортных самолетов до официального провозглашения ею своей независимости. Они опасались, что это подорвет политику разрядки в отношениях с США». Но «независимо от своего недовольства, считали недопустимым (курсив мой. — Б. Ф.) возражать Кастро»²⁰. Ситуация, когда «хвост» (Куба) вертел «собакой» (СССР) повторилась довольно скоро, причем в еще более ярко выраженном виде в ходе конфликта в эфиопской провинции Огаден (1977–1978)

* * *

«Разрядка была похоронена в песках Огадена», — эти слова помощника Президента США по национальной безопасности Збигнева Бжезинского облетели тогда весь мир. Они не оставляли сомнения в том, что за вмешательством Кубы — сначала в Анголе, а затем в Эфиопии — стоял Советский Союз. Таким образом, Москва, используя своего «прокси» — Кубу, нарушила якобы положения «Основ взаимоотношений между США и СССР» — документа, который был подписан президентом США Р. Никсоном в ходе визита в Москву в мае 1972 г., и тем самым «подвела черту» под политикой разрядки. А окончательную точку в ней поставил ввод советских войск в Афганистан. Заявив это, Бжезинский, однако, сильно «покривил душой».

История территориального спора между Сомали и Эфиопией из-за провинции Огаден известна и в особых комментариях не нуждается. Менее известна инициатива Ф. Кастро о создании так называемой «Конфедерации стран Африканского рога» в составе стран «социалистической ориентации» — Эфиопии, Сомали и Южного Йемена. Понятно, что образование подобной структуры под эгидой Кубы существенно усилило бы международные позиции Кастро. При этом инициатива кубинского лидера «до боли» напоминала вызвавшую гнев Сталина в 1948 г. инициативу Тито по созданию «Балканской федерации». Кастро, однако, не учел геополитические амбиции сомалийского лидера М. Сиада Барре.

¹⁷ Последняя остановка — в Гвинее-Бисау — не представляла проблемы. После того, как Барбадос под нажимом США отказался стать первым, площадки предоставили Гайяна и Азорские острова. При этом, однако, учитывая более длинное «плечо» над океаном, самолеты приземлялись на Азорах с почти пустыми баками.

¹⁸ Piero Gleijeses, *Указ. соч.*, p. 12.

¹⁹ “Odd Arne Westad. Moscow and the Angolan crisis, 1974–1976: A New Pattern of Intervention”, *Cold War International History Project Bulletin*, p. 21

²⁰ Там же, p. 25.

Согласно записи беседы, состоявшейся в Адене 16 марта 1977 г. между Ф. Кастро, С. Барре и руководителем Эфиопии М. Хайле Мариамом, сомалийский лидер «в заносчивых выражениях» («in arrogant terms») потребовал от присутствовавших «возвращения» Сомали провинции Огаден в качестве предварительного условия для создания конфедерации, добавив, что «если социалистические страны не помогут Сомали, то тогда нам помогут реакционные страны («reactionary countries»)»²¹.

Возвращаясь на Кубу через ГДР, Ф. Кастро 3 апреля 1977 г. встретился в Берлине с руководителем ГДР Эрихом Хонекером, которому в нелестных выражениях высказал свое мнение о Сиаде Барре: «Я составил свое мнение об этом человеке. Он в первую очередь шовинист. Социализм в нем — лишь оболочка, делающая его более привлекательным. Партия для него — опора единоличной власти»²².

Эти слова кубинского лидера объясняют однозначную позицию Кубы в последовавшем вскоре сомалийско-эфиопском конфликте (июль–август, 1977). Гораздо сложнее было определиться для Москвы, выбирая одного из двух своих союзников. Напомним, что между Сомали и СССР в 1974 г. был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве сроком на 20 лет. На деле же, однако, выбирать Москве пришлось из *трех* своих союзников, принимая в расчет однозначно анти-сомалийскую и про-эфиопскую ориентацию Кубы.

Казалось, что для СССР чаша весов в сомалийско-эфиопском споре должна была бы склоняться в пользу Сомали, и не только по причине существования двустороннего договора. Для «Большого флота Страны Советов», который в соответствии с «доктриной адмирала Горшкова» начал активно осваивать океанские просторы, требовались новые глубоководные океанские порты и «пункты технической поддержки». Таких портов у Сомали насчитывалось два (Могадишо и Бербера), а у Эфиопии — всего один — Массав, да и то в провинции Эритрея, где в 1977 г. шла война за отделение Эритреи от Эфиопии, которая с победой эритрейских повстанцев и образованием независимого государства Эритрея закончилась потерей выхода Эфиопии к морю.

Однако ссориться с Кубой для Москвы теперь стало еще «накладнее»: «разрядка» в отношениях с СССР все активнее ставилась под сомнение в США как «выгодная исключительно для СССР», советско-китайские отношения оставались напряженными, в Европе все большую популярность набирал «еврокоммунизм». Размещение на европейской территории СССР новых советских ракет средней дальности SS-20 вызвало тревогу на Западе. На африканском континенте, отмечал обозреватель, «Советский Союз столкнулся с ситуацией, которую он не желал и не предвидел. Советские не хотели выбирать между Эфиопией и Сомали и стремились оттянуть принятие тяжелого для них решения на как можно более долгий срок»²³. При этом в ЦК КПСС хорошо понимали, что очередное «охлаждение» отношений с Кубой грозило серьезным ударом по позициям СССР в «социалистическом содружестве» и в мире в целом.

Но в июле 1977 г. Сомали начала наступление в Огадене, и Москве все-таки пришлось принимать нелегкое для себя решение. Определяющей в нем стала позиция Кубы. В конце года в Эфиопию для выполнения «интернационального долга» стал прибывать 18-тысячный кубинский контингент под командованием генерала Арнальдо Очоа. В январе 1978 г. на фронте в Огадене возобновились активные боевые действия, в результате которых сомалийские войска стали терпеть одно поражение за другим. Основными ударными силами в огаденской кампании были бронетанковые подразделения кубинцев. Участие СССР в конфликте сводилось исключительно лишь к отправке советников в эфиопскую армию, снаряженной в основном американским оружием, в то время как сомалийские войска были вооружены советским. В ноябре 1977 г. Сомали, в ответ на поддержку Москвой своего

²¹ “Record of Conversation with the member of the Permanent Committee of the PMAC Major Berhanu Bayeh 18 March 1977”, *Cold War International History Project Bulletin*, p. 56.

²² “Transcript of Meeting between East German leader Erich Honecker and Cuban Leader Fidel Castro, East Berlin 3 April 1977 (excerpts)”, *Cold War International History Project Bulletin*, p. 59.

²³ *Cold War International History Project Bulletin*, p. 46.

противника, разорвала советско-сомалийский договор о дружбе и сотрудничестве, который просуществовал неполных три года. К 15 марта 1978 г. последние подразделения армии Сомали оставили территорию Эфиопии, и война закончилась.

* * *

На рубеже 1975–1977 гг. Соединенные Штаты стали демонстрировать все большую «усталость» от разрядки международной напряженности (*détente*). Вопреки уверениям советской прессы того периода в том, что «у разрядки нет альтернативы», такой альтернативой стали великодержавные амбиции Соединенных Штатов. К этому времени им в основном уже удалось преодолеть «вьетнамский синдром» и последствия уотергейтского скандала, вынуждавшие Вашингтон придерживаться роли международного миротворца и воздерживаться от резких шагов на международной арене. Разрядка становилась обузой для тех, кто добивался глобальной гегемонии США, в том числе путем дискредитации Советского Союза и его внутренней («права человека») и внешней политики. Это стало очевидным уже во время короткого президентства Дж. Форда, который публично отказался употреблять термин «разрядка».

В «вину» СССР, как стороне якобы «ответственной» за крах политики разрядки, последовательно ставились его «вмешательство» в события в Анголе и на Африканском Роге, «незаконное» размещение советской «бригады» на Кубе (1979) и наконец, как кульминация, — ввод советских войск в Афганистан. Следует отметить, что все эти обвинения, за исключением последнего, носили ложный либо надуманный, как в случае с «бригадой» на Кубе, характер.

В подтверждение можно привести мнение члена Совета по национальной безопасности США Р. Пастора, содержащееся в записке на имя З. Бжезинского от 21 сентября 1979 г.: «Позвольте мне посоветовать Вам больше не использовать в отношении Кубы термин “советская марионетка”. ...Слово “марионетка” предполагает, что Куба демонстрирует революционную активность потому что ее принуждает к этому Советский Союз. Но это, разумеется, совсем не так... Я опасюсь, что если вы или Президент будете и дальше употреблять этот термин, то вы можете стать объектами незаслуженных обвинений в том, что пользуетесь недостоверной информацией»²⁴.

Никаких практических выводов из этого письма, естественно, сделано не было. Да и вряд ли можно было сомневаться в том, что З. Бжезинский был не в курсе реального положения дел. Но главным было не это, а то, что разрядка любой ценой должна была «умереть». Однако косвенным подтверждением самостоятельной роли Кубы в Африке мог бы послужить оброненный вскоре (неосторожный!) отзыв Советника по национальной безопасности президента США о Кубе, как о «мини-сверхдержаве».

Интересны последствия «интернационалистской» политики Гаваны 70-х гг. для внутренней и внешней политики СССР. «Маленькие победоносные войны» в Африке серьезно укрепили позиции Компартии Кубы внутри Острова Свободы, жители которого, несмотря на суровые условия существования в условиях американской блокады и распределительной системы хозяйства, в подавляющем большинстве искренне гордились своим руководством и армией, в отличие от СССР, где марксистско-ленинская идеология давно уже потеряла всякую привлекательность, а геронтократы в руководстве страной все больше становились предметом для анекдотов. Несмотря на изначально «прохладное» восприятие «собакой» (СССР) независимых от нее движений ее непокорного «хвоста» (Кубы), отношения Москвы с «Островом Свободы» в 80-е гг. достигли своего пика, а руководитель Кубы — Фидель Кастро стал для советских людей самым харизматичным лидером из всех руководителей стран «социалистического содружества».

На этом фоне не вызывает отторжения мнение, высказанное в свое время Первым заместителем заведующего Международным отделом ЦК КПСС К. Н. Брутенцем о том, что

²⁴ “Pastor to Brzezinski, 21 September 1979, White House Central File, box Co-21”, *Cold War International History Project Bulletin*, p. 13.

пример Кубы мог стать одной (но лишь одной!) из причин ввода советских войск в Афганистан в 1979 г. По свидетельству Арне Вестада, в личной беседе с ним Карен Нерсесович заявил о том, что Ангола имела своим продолжением Эфиопию, а та, в свою очередь, — Афганистан, но не в плане обстоятельств или самого характера вмешательства, а «в плане установления контроля над левыми движениями во всем мире, толчком к которому послужили события в Анголе»²⁵.

К этому можно добавить, наверное, что по замыслу советских руководителей «маленькая победоносная война» в Афганистане (при условии, что она стала бы «победоносной!»), помимо всех прочих «выгод» геополитического и прочего характера, должна была бы, как и в случае с Кубой²⁶, консолидировать советское общество вокруг «идеалов социализма» и политики «родной Коммунистической партии», на время отсрочив ее неминуемый крах. Но повторить африканский опыт Кубы в Афганистане у Советского Союза не получилось, что и стало одной из причин его последующего распада.

Подводя итог, следует отметить, что политика разрядки, принятая на вооружение Советским Союзом в качестве стратегического направления внешней политики, в середине и конце 70-х гг. уже не находила нужного отклика в руководстве США, где разрядка рассматривалась лишь как *тактическое* средство для преодоления имевшихся проблем (поражение во Вьетнаме). К тому же внешнеполитический маневр СССР все еще был существенно ограничен идеологическими рамками (Куба, интересы «социалистического содружества»). Сегодня, когда внешняя политика России, деидеологизировавшись, стала более прагматичной, ей остается пожелать больше никогда не рассчитывать на выстраивание долгосрочных, равноправных и партнерских отношений с США. Уроки 70-х гг. говорят о том, что такие отношения могут иметь место только до тех пор, пока Соединенные Штаты переживают какой-либо серьезный внутри- или внешнеполитический кризис, заставляющий их на время отвлечься от иллюзии мирового господства.

Библиография

1. Gleijeses P. Havana's Policy in Africa, 1959–1976: New Evidence from Cuban Archives // Cold War International History Project Bulletin. Iss. 8–9. Washington: Woodrow Wilson International Center for Scholars, 1996/1997.
2. Interviews with Estrada (Havana, 7 December 1994) and Oscar Cárdenas (Havana, 5 December 1993) // Cold War International History Project Bulletin. Iss. 8–9. Washington: Woodrow Wilson International Center for Scholars, 1996/1997.
3. The Cape Times. 21 November 1975.
4. Odd Arne Westad. Moscow and the Angolan crisis, 1974–1976: A New Pattern of Intervention // Cold War International History Project Bulletin.
5. Record of Conversation with the member of the Permanent Committee of the PMAC Major Berhanu Bayeh 18 March 1977 // Cold War International History Project Bulletin.
6. Transcript of Meeting between East German leader Erich Honecker and Cuban Leader Fidel Castro, East Berlin 3 April 1977 (excerpts) // Cold War International History Project Bulletin.
7. Pastor to Brzezinski, 21 September 1979, White House Central File, box Co-21 // Cold War International History Project Bulletin.

²⁵ Там же, p. 29.

²⁶ К этому стоило бы добавить успешную операцию армии Демократической Республики Вьетнам в Кампучии (Камбоджа) в 1979 г.

V. B. Марковчин¹

МАВРЫ В ИСПАНСКОЙ ВОЙНЕ

MOORS IN THE SPANISH WAR

Resumen: Se les llamaba de manera muy diferente; a menudo estos nombres no se referían directamente a ellos: moros, Tabor, marroquíes, falange marroquí, Árabes, Regulares ... de hecho, eran los mismos habitantes del Norte de África, que una vez lucharon por su propia libertad e independencia durante décadas, y luego se integraron en unidades especialmente formadas para ellos de tropas nativas que luchaban por España, a menudo contra sus propios compatriotas, como sucedió, por ejemplo, en la poco conocida guerra del Rif . Se sabe muy poco sobre los moros en la literatura de habla rusa. Los historiadores militares marroquíes modernos, que probablemente consideran a estas personas traidores, no están muy inclinados a discutir este tema. El objetivo de este informe es al menos aclarar un poco este tema, teniendo en cuenta los documentos publicados recientemente en la literatura científica rusa. Entonces, los Regulares se crearon en el año 1911, y las unidades similares que existían en casi todos los países coloniales se pueden considerar como el modelo de estas unidades. Se completaron de la población nativa de la parte del Norte de Marruecos (Español) controlada por España, es decir, de entre los descendientes de los mismos moros, que primero la conquistaron y luego la expulsaron de los Pirineos al continente africano. Esto sucedió durante la Reconquista, que se extendió por varios siglos, que terminó solo en 1492, el año del descubrimiento de América por Cristóbal Colón. Al igual que las partes letonas, chinas y otras internacionales en la Rusia Soviética del período de la guerra civil, las partes de los moros se utilizaron para reprimir las rebeliones antigubernamentales tanto dentro como fuera de España. Y después de la guerra civil 1936-1939, e incluso después de la adquisición de Marruecos la independencia, partes de Regulares continuaron su existencia a través de la reposición de voluntarios de los territorios en el Norte de África que permanecían bajo su control español hasta la actualidad.

Palabras clave: guerra Civil española; fuerzas nativos regulares; moros; ejército de Franco.

Abstract: They were called completely differently; often these names did not directly relate to them: Moors, tabor, Moroccans, Moroccan phalanx, Arabs, Regulares... In fact, these were the very inhabitants of North Africa who once fought for their own freedom and independence for decades, and then joined the specially formed units of native troops fighting for Spain, often against their own compatriots, as it was, for example, in the little-known Rif War. Very little is known about the Moors in Russian-language literature. Modern Moroccan military historians are also not very inclined to discuss this topic, probably considering these people traitors. The purpose of this report is to cover this topic at least a little, taking into account the documents published recently in the Russian scientific literature. So, the Regulares were created in 1911, and the prototype of these units can be considered similar units that almost every colonial country had. They were recruited from the native population of the Spanish-controlled part of Northern (Spanish) Morocco, that is, from among the descendants of those Moors who first conquered it, and then expelled from the Pyrenees to the African continent. This happened during the Reconquista that lasted for several centuries, which ended only in 1492, the year of the discovery of America by Christopher Columbus. Like the Latvian, Chinese and other international units in Soviet Russia during the Civil War, parts of the Moors were used to suppress anti-government rebellions both in Spain and abroad. Moreover, even after the civil war of 1936–1939, and even after Morocco gained its own independence, parts of the Regulares continued to exist due to the replenishment of volunteers from territories in North Africa that remain under their control of the Spaniards to this day.

¹ **Марковчин Владимир Викторович**, Россия, кандидат исторических наук, профессор МГПУ, член-корреспондент Академии военно-исторических наук (2012) (E-mail: markovchin@yandex.ru).

Key words: Spanish Civil War; regular native forces; Moors; Franco's army.

Спустя десять лет после рождения Регуларес испанцы создали собственный иностранный легион. И хотя в этом своем решении они не были оригинальны, они несколько отошли от французских традиций, комплектуя подразделения Испанского иностранного легиона прежде всего выходцами из бывших своих колоний в Латинской Америке, а также за счет собственных, пиренейских добровольцев².

Испанские офицеры и инструктора, верные многовековой военной традиции своей страны, со временем воспитали из новобранцев неплохих воинов, стараясь по максимуму использовать их природную выносливость и бесстрашие, готовность решительно действовать в самых тяжелых условиях боевых действий. Со временем эти части приобрели необходимый боевой опыт, в том числе и под командованием генерала Ф. Франко. И когда настало время «Ч» для будущего диктатора, мавры поддержали его претензии на верховную власть в стране.

На стороне каудильо выступило до 90 тыс. марокканцев из подразделений Регуларес, а также Испанский легион³. Именно эти части нанесли решающие поражения республиканским войскам в главных сражениях войны, хотя и сами понесли очень большие потери. Интересно, что именно из представителей марокканских войск Франко создал «мавританскую гвардию» — личный эскорт, состоящий из кавалеристов на белых арабских конях.

То, что именно эти подразделения были самыми боеспособными военными формированиями мятежной Испании, доказывает уже один тот факт, что в этой кровопролитной войне другие военнослужащие просто не выживали и уж тем более не побеждали. Послужные списки русских военных летчиков, по велению судьбы оказавшихся в рядах испанского легиона это полностью подтверждают⁴. К тому же из 85 частей, награжденных «Военной медалью» (за храбрость) в 1936–1939 гг., 35 (40 %) были укомплектованы маврами, хотя последние составляли всего 10 % общей численности франкистской армии⁵. Тот же источник уточняет, что количество убитых и раненых среди мусульманских частей было выше, чем среди других подразделений. Итальянские легионеры потеряли в боях примерно 5 % бойцов, фалангисты — около 10 %, а мавры — от 15 до 27 % (по разным подсчетам). Больше пострадали только противники франкистов — интербригадовцы: число убитых и раненых в их частях доходило до 33 %.

О причинах высокой смертности среди мусульман дают представление воспоминания американского журналиста Джона Уитакера, присутствовавшего при боях за пригороды Мадрида: *«Взвод из 50 мавров окружает здание, подавляет огонь защитников с первого этажа и врывается внутрь. Второй этаж они зачищают с помощью пистолетов-пулеметов и ручных гранат. Мавры спокойны, немногословны, профессиональны. Этаж за этажом они зачищают здание. Есть только одна проблема — когда работа закончена, в живых из мавров никого не остается»*⁶.

По прибытию в Саламанку, на аудиенцию в штаб националистов к диктатору Франко, русский генерал-эмигрант Н. В. Шинкаренко встретил эскорт каудильо на территории монастыря Санто Доминго, и эта встреча довольно сильно его обескуражила: *«...На краю*

² Испанский легион существует и в настоящее время, оставаясь самой боеспособной частью армии страны. На сегодняшний день он формируется исключительно из граждан Испании, в том числе женского пола.

³ Илья Полонский, «Регуларес»: марокканская гвардия генерала Франко и другие колониальные войска Испании [Электронный ресурс]. URL: <https://topwar.ru/55290-regulares-marokkanskaya-gvardiya-general-a-franko-i-drugie-kolonialnye-voyska-ispanii.html> (дата обращения: 30.09.2021).

⁴ Владимир Марковчин, «Русские пилоты испанских ВВС», *Управление социально-экономическим развитием регионов: проблемы и пути их решения: сб. науч. ст. IX Междунар. науч.-практ. конф. в 3 т.*, 2019, с. 45–49.

⁵ Артем Космарский, *Фашистский джихад: Как мусульмане завоевали Испанию для генерала Франко*, [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2016/07/18/moors/> (дата обращения: 30.09.2021).

⁶ Там же.

города есть монастырь Санто Доминго с церковью, которая мне очень и очень нравилась и живописным патио, усаженным растениями. Интересно то, что в части построек, принадлежавших монастырю, был расположен мавританский конвой генерала Франко со всеми лошадьми своими. Ничего в этом могущаго⁷ вызвать критику нет, — но все-таки казалось странным: монастырь и в нем мавры магометане⁸.

Из донесения Разведуправления РККА (1936): «Основная вооруженная база южных контрреволюционеров — Марокко. В Марокко находилась $\frac{1}{3}$ испанской армии мирного времени, то есть около 50 тыс. человек. В Испанию пока, очевидно, переброшена только небольшая часть этих сил⁹».

Один из основателей Разведывательного управления РККА Я. К. Берзин (по совместительству — главный военный советник республиканцев) так характеризовал туземные войска, схлестнувшиеся в 1936 г. с интернациональными частями в Испании: «Мавры — фанатики-фашисты, которые дерутся буквально до последнего человека; хорошие стрелки, умеющие очень хорошо применяться к местности, обучены и привыкли драться в окружении, не боятся обхода с флангов и тыла, весьма подвижны и хорошо дисциплинированы. Итальянские фашистские дивизии с ними в сравнение не идут. Последние серьезного удара выдержать не могут, чувствительны к флангам и тылу, и боевой дух их невысок»¹⁰.

Он же в другом своем отчете продолжает: «Кроме того, существует “табор де регулярес”. Это тот же батальон, но его название показывает, что это колониальная администрация: “таборы де регулярес” встречались укомплектованными только марокканскими частями. Теперь это различие между батальоном, бандерой и табором немного сгладилось и можно считать их одинаковыми и по организации, и по укомплектованию»¹¹.

По отзывам Луиса Фишера¹², активного наблюдателя и участника испанских событий: «Мавры — прекрасные солдаты. Вокруг них даже создавалась легенда, что они просто непобедимы. Я разговаривал с солдатами в округе Баргуса¹³, где наши стояли. Наше наступление было в 100 метрах от Баргуса. Спрашиваю: почему не взяли штурмом? Да, отвечали солдаты, там мавры, которые отрезают носы и уши. Танкисты мне рассказывали, что на колесах танков, которые вернулись с поля [боя], были куски мяса и сгущенная кровь; значит мавры не отступают даже перед танком»¹⁴.

Продолжая данную тему, Луис Фишер приводит еще один пример: «В Университетском городке нужно было взять здание. Эту задачу дали венгерцам. Их было 300 человек. У них были винтовки со штыками. У мавров были пулеметы и ручные гранаты. Венгерцы из 300 человек потеряли 200. Здание взяли. Это было ужасно. Теперь мы понимаем, что этого не нужно было делать. Но этот случай активизировал тысячи испанцев, они видели, что можно с героизмом и убеждением сделать. Теперь у нас другая установка: не жертвовать людьми для того, чтобы взять 100 метров площади и через день ее может быть отдать»¹⁵.

Несколько скептически оценивает доблесть африканцев Р. Я. Малиновский, советский военный советник в Испании в 1937–1938 гг., в будущем — прославленный советский маршал: «Марокканские части и иностранный легион были у мятежников самой боеспособной и внушительной силой, которая сыграла решающую роль в начале гражданской войны в Испании. Харамское сражение произвело опустошение в рядах этих

⁷ Рукопись Шинкаренко написана по дореволюционным правилам орфографии.

⁸ Алексей Емельянов, Андрей Кородочкин и Владимир Марковчин, *Белая песня Испании*, Курск, 2018, с. 71.

⁹ РГВА — Ф. 33987, оп. 3, д. 845, л. 2–9.

¹⁰ РГВА — Ф. 33987, оп. 3, д. 1032, 116.

¹¹ Там же.

¹² Луис Фишер (1896–1970) — американский журналист и писатель, принимавший непосредственное участие в испанских событиях.

¹³ Имеется в виду г. Бургос, бывшая столица Кастилии.

¹⁴ РГВА — Ф. 33987, оп. 3, д. 960, л. 15–29.

¹⁵ Там же.

войск, и они потеряли свое решающее значение на исход сражений и войны. Пошло новое, молодое и слишком старое пополнение марокканцев и явно не нашлось чем пополнить иностранный легион, куда пошло испанское пополнение. Это свело эти войска к общему уровню армии мятежников. Теперь у них самыми боеспособными частями являются наваррские части (фалангисты и рекетисты) из кулацкой провинции Наварра».

Особое внимание Р. Я. Малиновский уделял весьма эффективной в бою коннице Регуларес: «Лозунг, выдвинутый в наших газетах, “Кавалерия не страшна сильной пехоте” усиленно обсуждался, и, по словам командиров, тотчас сыграл свою роль, уменьшив панический страх перед марокканской конницей¹⁶». Необходимо сказать, что у республиканцев собственной конницы было мало, и использовали они ее весьма плохо.

И снова возвращаясь к воспоминаниям Н. В. Шинкаренко: «В ноябре 1937 года, понятно, никаких ниоткуда обстрелов. И вообще, все в Университетском городке все дни тихо, хотя и под угрозой. Одни воспоминания о боях прошлых. Нормально занимали участок одна бандера Легиона, три табора мавров и пехотные части. Командовал в то время полковник Риос Калапе. Командный пункт его сразу же за мостиками во вместительном здании, которое, если не изменяет мне память, в обыкновенное время было институтом агрономическим. Дальше, пространство, в то время больше на пустырь похожее. Сильно воронками снарядов вспаханное. При обстреле, здорово опасное, а потому во всяких сколько-то укрывающих ходах сообщения по сторонам, дома массивные. Лучшие сказать, остовы покалеченные. Влево, мало избитый «дом Веласкеса», который принадлежит, как кажется французам; общежитие для их художников в Мадрид командированных; сейчас вместо художников мавры. А прямо впереди, в самой глубине занятого нами городка университетского кирпичневатого цвета и в несколько этажей развороченных высится остов *Clinica Universitaria*»¹⁷.

Помимо солдат «Регуларес» на испанской земле присутствовали и мавры-маркитанты. Представление о них нам оставил тот же Н. В. Шинкаренко: «Легион... Марокканцы... Африка... Было б несправедливо позабыть одной живописной подробности. У нас в бандере, как и у других, была своя, и в окопы нас сопровождающая, походная лавочка, “кантина”. Продавалось там все, что на войне простому легионеру или мне вот требуется: вино и коньяк с ликерами; табак, вплоть до сигар, и бумага папиросная со спичками; конверты и бумага почтовая; шоколад и галеты, — одним словом, все. Приятное учреждение. Так в Легионе и в других частях, пришедших из Африки, содержателями всех “кантин” были марокканские мавры из Сеуты, Тетуана и иных мест. Почему, не знаю, но было так. Понятно, не в одиночку, а пачками: хозяин с родственниками. Цены дешевые, и было у них все потребное. Приятные маркитанты. Потом переменялось. В Легионе, где-то наверху, решили: зачем давать маркитанство вот этим маврам, когда у нас есть свои легионеры израненные и к строю уже негодные; посадим в кантины их. И посадили. Мавры убрались, а вместо них свои легионные».

Но как только переводятся дела торговые на казенные рельсы, так сразу же уменьшается удовольствие. Раньше было все и по ценам дешевым, а когда высадили домой мавров хозяев-содержателей, так просят за все дороже и того да этого нет. Раньше же все было. И мавры из пачки еще по самым окопам ходили, нося с собой то, что для продажи требовалось. Лазали всюду, а потому и потери несли: и раненые, и убитые там, где иной раз много пух свистит. Вспоминаю о Легионе, стоит со всей похвалой вспомнать и о легионных маврах-маркитантах¹⁸.

Итак, кто же они такие, эти Регуларес? Не вызывает сомнений, что это прежде всего прошедшие достойную школу войны солдаты, проявившие лучшие свои качества еще до испанских событий и особо успешные именно в условиях гражданской войны. Вклад этих самых Регуларес в итоговую победу, одержанную каудильо в апреле 1939 г., огромен. И

¹⁶ Там же.

¹⁷ Алексей Емельянов, Андрей Кородочкин и Владимир Марковчин, *Op cit.*, с. 117–118.

¹⁸ Там же, с. 132–133.

дело здесь не столько в существовании тех страшных историй, которые рассказываются об этих людях на Пиренеях или на Апеннинах¹⁹, сколько превалирующее мнение, высказанное об африканских воинах их противниками и независимыми наблюдателями. Редкие же суждения о несостоятельности марокканцев в бою оставим на совести тех людей, которые являются их авторами.

Можно достаточно долго перечислять достоинства марокканцев, благодаря которым они прославились в боях, но мы ограничимся только на одном из них. Прежде всего, это их религия, вернее, отношение к ней. Расколотившее на части, политизированное общество сторонников Республики, в большей своей части совершенно исключило религию из своей повседневной жизни: как и в советской России, в Испании ей была объявлена беспощадная война, и можно только предполагать, сколько храмов, монастырей, монахов и монахинь стали жертвами этого безумия... До сих пор сохранившиеся храмы древних испанских городов хранят на своих стенах и иконах следы прошлого богоборчества.

Противостоявшие испанским социалистам, коммунистам и анархистам марокканские мусульмане, для которых Франко нашел возможность создать все необходимые условия (включая возможность осуществления молитв, наличие собственных священников, соблюдение правил погребения согласно мусульманским обычаям и т. д.), шли в бой за националистов под своими привычными лозунгами. Под теми же самыми, которые помогли в свое время их предкам завоевать Пиренеи.

И поэтому итоги Гражданской войны в Испании сомнений не вызывают: ревностные католики, из которых в большинстве своем состояли ряды мятежников, в союзе с воинственными мусульманами предпочитали бороться с своими политическими противниками, а не с храмами. И в этом есть особый, глубинный смысл, недоступный как для самих республиканцев, так и для их сторонников.

Библиография

1. *Марковчин В. В.* Русские пилоты испанских ВВС // Управление социально-экономическим развитием регионов: проблемы и пути их решения: сб. науч. ст. IX Междунар. науч.-практ. конф. в 3 т., 2019.
2. *Космарский А.* Фашистский джихад: Как мусульмане завоевали Испанию для генерала Франко // Lenta.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2016/07/18/moors/> (дата обращения: 30.09.2021).
3. *Емельянов А., Кородочкин А., Марковчин В.* Белая песня Испании. Курск, 2018.
4. РГВА — Ф. 33987, оп. 3, д. 845, л. 2–9; д. 1032, л. 116; д. 960, л. 15–29.

¹⁹ Имеются в виду грабежи и изнасилования женщин в Испании и Италии, которые осуществлялись в течение испанских событий, а также после открытия Второго фронта в Италии летом 1943 г.

Е. В. Куцубина¹

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ГИМНЫ, КАК ОТРАЖЕНИЕ ИДЕИ ГОСУДАРСТВА В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

NATIONAL ANTHEMS AS A REFLECTION OF THE IDEA OF THE STATE IN LATIN AMERICA

Resumen: El himno nacional es un atributo importante de cualquier país. Es una composición musical solemne reconocida por el símbolo del estado. No es exagerado llamarla tarjeta de presentación. En general, la letra o melodía, o ambas, se convirtieron en el himno después del hecho, es decir, la melodía existente y/ o texto que era importante para el país fue declarado un símbolo oficial. Uno de los himnos nacionales más antiguos oficialmente reconocidos en Europa es el himno español (La marcha real). Originalmente fue una marcha militar — “Marcha de Granaderos”, pero en 1770 el rey Carlos III lo ratificó como el símbolo oficial del país. Este no fue el caso de los países de América Latina. La mayoría de sus himnos nacionales fueron creados a propósito como un símbolo a medida que ganaban la independencia de España. Así pues, no se trata de una idea nacional existente, sino de las aspiraciones y esperanzas del joven Estado. Estos himnos estaban destinados a inspirar a la gente en su lucha por la independencia y en cada uno una copla fue obligatoriamente dedicada a los tiranos del Imperio español.

Las palabras clave: Iberoamérica; himnos nacionales; evolución de los países hispanohablantes; lucha por independencia.

Abstract: The national anthem is an important attribute of any country. It is a solemn musical composition recognized by the symbol of the state. It's no exaggeration to call it a visiting card. In general, the lyrics or melody, or both, became the anthem after the fact, i. e., the existing melody and/or text that was important to the country was declared an official symbol. One of the oldest officially recognized national anthems in Europe is the Spanish anthem (The Royal March). It was originally a military march — “March of Grenadiers”, but in 1770 King Charles III ratified it as the official symbol of the country. This was not the case in Latin American countries. Most of their national anthems were purposefully created as a symbol as they gained independence from Spain. Thus, it is not an existing national idea, but the aspirations and hopes of the young State. These hymns were meant to inspire people in their struggle for independence and in all of them a couplet was obligatorily dedicated to the tyrants of the Spanish Empire.

Key words: Ibero-América; national anthem; evolution of Spanish-speaking countries; struggle for independence.

Государственный гимн является важным атрибутом любой страны. Это торжественная музыкальная композиция, признанная символом государства. Без преувеличения государственный гимн можно назвать визитной карточкой. Наравне с флагом и гербом гимн дает представление о самой сути страны и в каком-то смысле именно гимн отвечает за первое впечатление.

Гимн имеет две составляющие: мелодия и текст. Мелодия, как правило, представляет собой марш или другую торжественную музыку, и вне государства чаще всего известна именно она. Текст и музыка не обязательно создавались одновременно как единое целое. В одних случаях сначала появлялась мелодия, а потом создавался текст, в других — к уже

¹ Куцубина Елизавета Вячеславовна, Россия, старший преподаватель СПбГЭУ (geshtinanna7@gmail.com).

существовавшим стихам или гимну сочиняли музыку, а порой это была песня, настолько популярная, что постепенно приобретала статус государственного символа.

Официально в Европе национальные гимны стали появляться в XIX в. вместе со становлением национальных государств. Но старейшим европейским государственным гимном считается гимн Нидерландов, текст которого появился в середине XVI в., а современный вариант мелодии (марш оранжистов) — веком позже. При этом официально государственным символом эта песня была признана только в середине XX в.²

Наиболее известным гимном является гимн Великобритании «Боже, храни короля/королеву». Эта песня начала исполняться с XVII в. на публичных и торжественных мероприятиях. Она стала настолько популярной, что во многих европейских государствах в XIX в. на эту мелодию создали собственные гимны. Например, первый гимн Российской империи «Молитва русских», гимн Германской империи «Heil dir im Siegerkranz»³ и др. Примечательно, что в самой Великобритании гимн «Боже, храни королеву» никогда не был утвержден официально в качестве символа государства.

Одним из самых первых официально принятых государственных гимнов был гимн Испании «La Marcha Real»⁴. Изначально это был военный марш — «Марш гренадеров», но в 1770 г. король Карл III утвердил его в качестве официального символа государства.

В странах Латинской Америки, чье становление пришлось на XIX в., государственные гимны появлялись почти одновременно с другими символами государства — флагом и гербом. Если в европейских странах гимны отражали существующую государственную идею, то в странах, борющихся за свою независимость, за свой статус самостоятельных государств, гимны воплощали стремления и надежды, воодушевляли народ на борьбу, помогали осознать, что важно не только завоевать, но и сохранить свою свободу⁵.

Можно сказать, что гимны стран Латинской Америки в совокупности рассказывают историю региона, который боролся, завоевал независимость, постепенно менялся. Гимны создавались по заказу в критические моменты борьбы с Испанией или во время окончательного становления в качестве независимого государства. Многие авторы, в частности, вдохновлялись французской Марсельезой. Например, мелодия кубинского гимна «La Bayamesa», созданного в 1868 г., основана на музыке Марсельезы. Гимн Венесуэлы, который сначала был популярной песней («Песнь Каракаса»), с 1849 г. стали называть «Венесуэльской Марсельезой». Созданием гимнов занимались выдающиеся музыканты и поэты. А в Колумбии текст гимна сочинил президент Рафаэль Нуньес.

Старейшим латиноамериканским гимном является аргентинский. Он был официально принят в 1813 г., причем за три года до провозглашения независимости Аргентины. Начинается он фразой «*Oíd, mortales, el grito sagrado: ¡Libertad, libertad, libertad! / Oíd el ruido de rotas cadenas, / ved en trono a la noble igualdad*» — «Слушайте, смертные, священный клич: / Свобода, Свобода, Свобода! / Слушайте треск рвущихся цепей: / Узрите на троне благородное равенство». И в припеве: «*Sean eternos los laureles / que supimos conseguir*» — «Будут вечными пусть лавры, / Что сумели мы добыть». Далее говорится о воодушевлении, с которым новые герои возвращают родине ее былое величие. Также текст гимна содержит строфу, посвященную испанцам, которых называют «*los fieros tiranos*» — «жестокие тираны», и строфу, в которой говорится о городах Южной Америки «утопленных в крови» — «*bañados en sangre*». К жителям страны авторы текста обращаются «*valientes argentinos, campeones, gran pueblo argentino*» — «храбрые аргентинцы, чемпионы, великий

² Владимир Бушуев, «Исторический нарратив государственных гимнов и политика национальной памяти», *Вестник московского государственного областного университета* 1, 2019. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 12.10.2021).

³ «Heil dir im Siegerkranz («Славься ты в венце победном»)», *Википедия — свободная энциклопедия* [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Heil_dir_im_Siegerkranz (дата обращения: 02.10.2021).

⁴ Владимир Бушуев, *Указ. соч.*

⁵ Моисей Альперович, *Испанская Америка в борьбе за независимость*, Москва, Наука 1971.

аргентинский народ». Весь текст вдохновляет на борьбу с конкретным врагом «*ibérico altivo león*» — «надменным иберийским львом».

Наравне с Аргентиной важными центрами борьбы с Испанией в тот период были Перу, Чили и Венесуэла, и их гимны также создавались в пылу борьбы. В Перу борьба за независимость началась в 1821 г., и в 1822 г. появился официальный гимн. Он начинается словами «*Somos libres/ seámoslo siempre*» — «Мы свободны/ да будет так всегда». Как и в аргентинском гимне, упоминаются цепи, в которые закованы перуанцы: «*...estruendo de ... cadenas/ que escuchamos tres siglos de horror*» — «грохот ... цепей, / который мы слышали три века ужаса». В этом тексте Испания упоминается напрямую «*...quebrar ese cetro que España reclinaba...*» — «...разбить этот скипетр, которым Испания попирала...».

Гимн Чили официально приняли в 1828 г. после того, как в 1823 г. была провозглашена независимость. Поэтому независимость уже свершившийся факт: «*Ha cesado la lucha sangrienta;/ ya es hermano el que ayer invasor;/ de tres siglos lavamos la afrenta/ combatiendo en el campo de honor*» — «Закончилась кровавая борьба/ вчерашний захватчик стал братом, / мы мыли оскорбление трех веков/ сражаясь на поле чести». Испания — уже не тиран, отношения между Чили и Испанией налаживаются, хотя три века угнетения упоминаются и в этом гимне. Испанцев в гимне даже называют «дети Сида» — «*los hijos de Cid*», что является скорее комплиментом. Однако основной темой является прославление храбрых солдат, которые защитят страну, если «*Si pretende el cañón extranjero/ nuestros pueblos, osado, invadir;/ desnudemos al punto el acero/ y sepamos vencer o morir*» — «Если иностранные пушки осмелятся/ вторгнуться в наши деревни, / мы обнажим наши шпаги/ и сумеем победить или умереть». Так как война уже завершилась, подчеркивается, что важно не только победить, но и в будущем отстоять свою свободу.

В Уругвае, который провозгласил свою независимость от испанской короны в 1811 г., официальный гимн появился только в 1848 г. Причиной тому то, что до 1825 г. Уругвай входил в состав Бразилии. В составе вице-королевства Рио-де-ла-Плата территория Уругвая называлась Восточной полосой, в составе Бразилии — Восточной провинцией, и поэтому гимн, который призывает жителей Уругвая на борьбу, начинается обращением: «*¡Orientales la Patria o la Tumba! / ¡Libertad o con gloria morir!*» — «Восточные, Отечество или Могила! / Свобода или со славой смерть!» Жителям Уругвая пришлось бороться за свою независимость не только с испанцами, но и с португальцами. В гимне, текст которого был написан раньше музыки в 1833 г., прославляются уже погибшие солдаты и призываются на борьбу новые. В качестве врага выступает «Иберия, владевшая двумя мирами» — «*dominado la Iberia dos mundos*». Как и в гимне Перу, автор текста вспоминает инков и их последнего вождя Атауальпу: «*De Atahualpa la tumba se abrió*» — «открылась могила Атауальпы», как символ борьбы с захватчиками и символ отмщения.

В начале XIX в. появился и гимн Венесуэлы. Он возник как популярная песня на волне борьбы за независимость в 1810 г. Однако до 1830 г. Венесуэла входила в состав Колумбии и не была самостоятельным государством. Как уже упоминалось выше, к 1849 г. «Песнь Каракаса» получила название венесуэльской Марсельезы и была неофициальным гимном страны, а теперь называется по первой строке «*Gloria al bravo pueblo*» — «Слава храброму народу». Основной смысл песни заключен в первой строке и в строке «*¡Abajo Cadenas!*» — «Сбросим цепи!».

В целом язык почти всех гимнов стран Южной и Центральной Америки отражает в том или ином виде революционный пыл времен борьбы с Испанией. Однако к концу XIX в. ситуация изменилась. Отношения между Испанией и бывшими колониями улучшились. Процветала торговля и значительное число испанцев эмигрировало. Волны эмиграции меняли образ испанцев, политику латиноамериканских стран в отношении Испании, даже язык. Также менялась и политика Испании.

В 1900 г. к берегам Испании прибыл аргентинский фрегат. Капитан и команда корабля были приняты королевской четой, и в знак уважения был исполнен и гимн Аргентины со всей антииспанской риторикой. Это событие вызвало беспокойство в Буэнос-Айресе и тогдашний президент Аргентины издал указ, в котором, в частности, говорилось, что гимн

содержит «фразы, которые были написаны в переходный период, уже давно потеряли свою актуальность... и не совместимы с отношениями дружбы, единения и согласия, которые теперь связывают аргентинский народ с Испанией»⁶. Как следствие, по указу из гимна были исключены некоторые строфы, и с тех пор исполняются только первая и последняя. Это стало очень важным шагом и положило начало изменениям в гимнах других стран Латинской Америки.

Так поступили в Чили, оставив только две строфы, прославляющие страну и ее природу: «*Dulce Patria, recibe los votos/ con que Chile en tus aras juró/ que o la tumba serás de los libres/ o el asilo contra la opresión. Puro, Chile, es tu cielo azulado,/ puras brisas te cruzan también,/ y tu campo de flores bordado/ es la copia feliz del Edén./ Majestuosa es la blanca montaña/ que te dio por baluarte el Señor,/ y ese mar que tranquilo te baña/ te promete futuro esplendor*» — «Милая Родина, прими голоса/ которыми Чили поклялся на алтарях/ Иль могилой станешь ты свободных,/Иль оплотом против угнетения./ Чили, чисто твое голубое небо, / чисты твои ветра, / и твои поля, укрытые цветами/ — прекрасная копия Рая».

Гимн Кубы «*La Bayamesa*» также появился в разгар борьбы с Испанией в 1867–1868 гг. Это была песня, сочиненная по случаю взятия города Баямо. Она стала символом борьбы и безусловно была исполнена неприязни к испанцам. Например, «*No temáis; los feroces Iberos/ son cobardes cual todo tirano*» — «Не бойтесь; свирепые иберы/ трусы, как все тираны» или «*Ya España murió, / su poder y su orgullo ¿do es ido?*» — «Испания уже умерла. / Ее власть и гордость куда ушли?» Когда в 1902 г. гимн утверждали официально, подобные строфы были убраны.

Тенденция продолжилась и в XX в. Так, Гватемала, чей официальный гимн был принят только в 1896 г., в 1930 г. изменила часть гимна из-за «чересчур агрессивного» содержания. А в Мексике в 1940 г. из гимна убрали строфы, прославлявшие Антонио Лопеса де Санта-Ана, который к тому времени перестал быть героической фигурой в истории Мексики.

Таким образом, гимны государств Латинской Америки находятся в постоянном изменении, отражая политическую и культурную эволюцию своих стран. Однако для жителей этих стран они являются важной составляющей их наследия и самоидентификации. Они отражают их постоянную борьбу за независимость, процветание и развитие. Поэтому тексты гимнов не заменяют на более актуальные, а приводят старые тексты в соответствие с изменившейся ситуацией.

Процесс еще не завершен. В 2005 г. произошли изменения в гимне Перу. Было признано, что первая строфа не является оригинальной и была исключена из текста. В то же время была добавлена пятая «утраченная строфа».

Библиография

1. Бушуев В. В. Исторический нарратив государственных гимнов и политика национальной памяти // Вестник московского государственного областного университета. 2019. № 1. URL: www.vestnik-mgou.ru (дата обращения: 12.10.2021).
2. *Heil dir im Siegerkranz* («Славься ты в венце победном») // Википедия — свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Heil_dir_im_Siegerkranz (дата обращения: 02.10.2021).
3. Альперович М. С. Испанская Америка в борьбе за независимость. М.: Наука, 1971.

⁶ «Historia del Himno Nacional Argentino», Dr. Jorge Horacio Gentile [Электронный ресурс]. URL: <http://www.profesorgentile.com/n/historia-del-himno-nacional-argentino.html> (дата обращения: 30.09.2021).

ПОЕЗД TALGO В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

TALGO TRAIN IN CENTRAL ASIA: HISTORY AND PROSPECTS

Resumen: En los últimos años, muchos trenes de alta velocidad y alta velocidad han aparecido en la red ferroviaria Rusa, representando los desarrollos y tecnologías extranjeros más avanzados. El tren español Talgo, conocido en nuestro país bajo la marca strizh, es de mayor interés, ya que no es solo un éxito, sin importar las sanciones, el resultado de la cooperación de RZD con un socio de Europa occidental, sino una composición cuyas soluciones técnicas, relevantes también para los ferrocarriles rusos, representan una filosofía tecnosfera fundamentalmente diferente, algo nunca antes visto en el espacio 1520. El trabajo examina la historia de la formación y el desarrollo del tren español Talgo, equipado con el sistema de juegos de ruedas deslizantes (JRD), que fue utilizado por primera vez en él por la compañía Patentes Talgo, que tiene todos los derechos sobre este sistema. En casi 80 años de historia, el tren Talgo ha pasado de ser un fenómeno nacional español a ser una marca internacional importante y reconocible, que recorre las carreteras no solo del país de origen, sino también las carreteras de muchos países de Europa, Asia y América. La operación de los trenes Talgo en Rusia, así como los países de Asia central, Kazajistán y Uzbekistán, se examinó en detalle.

Palabras claves: comunicación de alta velocidad, tren Talgo, infraestructura de línea, velocidad de conducción, juegos de ruedas deslizantes, ancho de vía, actualización de material rodante, Asia central, cruce fronterizo.

Abstract: In recent years, many high-speed and high-speed trains have appeared on the Russian railway network, representing the most advanced foreign developments and technologies. The Spanish Talgo train, known in our country under the STRIZH brand, is of the greatest interest, because it is not just a successful result of cooperation between Russian Railways and a Western European partner, despite the sanctions, but a composition whose technical solutions, which are also relevant for Russian railways, represent a fundamentally different philosophy of the technosphere, something hitherto unseen in the 1520 space. The paper examines the history of the formation and development of the Spanish Talgo train, equipped with a system of sliding wheel sets (SWS), which was first used on it by Patentes Talgo, which has all the rights to this system. For almost 80 years of history, the Talgo train has turned from a Spanish national phenomenon into a large and recognizable international brand, plying the roads not only of the country of origin, but also along the highways of many countries in Europe, Asia, and America. The operation of Talgo trains in Russia, as well as the countries of Central Asia — Kazakhstan and Uzbekistan — is considered in detail.

Key words: high-speed communication; Talgo train; line infrastructure; speed; sliding wheel sets; track width; rolling stock renewal; rolling stock upgrade; Central Asia; border crossing.

За последние годы на сети Российских железных дорог появилось много скоростных и высокоскоростных поездов, представляющих самые передовые зарубежные разработки и технологии. В России им присвоены новые бренды, под которыми у ведущих европейских составов началась новая жизнь. Так, германский Velaro превратился в уже привычный нам «Сапсан». Франко-итальянский «маятник» Pendolino стал нашим «Аллегро», курсирующим

¹ Баженов Юрий Михайлович, Россия, кандидат географических наук, доцент кафедры «Международные отношения и геополитика транспорта» РУТ (МИИТ) (eldorado3@mail.ru).

в соседнюю Финляндию. А еще появились различные «Ласточки», «Стрижи». Стая «пернатых», бегущих по рельсам, продолжает пополняться.

Последний из перечисленных поездов, известный в нашей стране под брендом «Стриж», представляет наибольший интерес, так как это не просто высокоскоростной результат сотрудничества ОАО «РЖД» с западноевропейским партнером, в данном случае с Испанией, но состав, технические решения которого, актуальные также и для российских железных дорог, представляют собой принципиально иную философию техносферы, нечто невиданное доселе на «Пространстве 1520». Речь идет об испанском поезде Talgo. Однако раньше, чем в России, он появился на железных дорогах Казахстана и Узбекистана.

Исторически сложилось так, что колея железной дороги за Пиренеями была шире, чем в остальной части континентальной Европы. Первая линия в Испании, соединившая Барселону и Матаро, была открыта 28 октября 1848 г. На тот момент, уже 11 лет существовала железная дорога на Кубе, принадлежавшей в то время Испании. Таким образом, строительство железных дорог в метрополии началось даже позже чем в колониальных владениях — прецедент, не имеющий равных в мировой истории. Но если за океаном была проложена стандартная «стефенсоновская» колея 1435 мм, то в самой Испании расстояние между рельсами было шире и составляло 6 кастильских футов или 1672 мм. Считается, что такой выбор был сделан по двум причинам: Испания тогда опасалась вторжения Франции, которое могло проходить в том числе и по железным дорогам. Кроме того, гористый рельеф Пиренейского полуострова предполагал использование более мощных паровозов, которые, в свою очередь, требовали более широкой колеи.

Однако такой стандарт, 6 кастильский футов, просуществовал недолго. Британские подрядчики, которые в основном и занимались железнодорожным строительством, постоянно путали кастильские футы с британскими. Колея получалась шире — 1674,5 мм. А в соседней Португалии существовали свои меры длины и колея была несколько уже. Поэтому, когда встал вопрос о строительстве железных дорог по всему полуострову, сошлись на одном — 5,5 общепринятых тогда британских футов или 1668 мм в метрической системе мер. С тех пор этот стандарт известен как Иберийский и за пределами полуострова почти не встречается.

И все было хорошо, пока железная дорога не пересекла Пиренеи. Именно тогда кажущееся преимущество от разности колеи с французской обернулось колоссальным недостатком — тем же самым, разницей в ширине колеи. Его необходимо было преодолевать.

Путей такого преодоления можно выделить три: 1) прокладка двойной колеи, что допустимо и рентабельно на небольших участках пути, например до ближайшей сортировочной станции на территории сопредельного государства; 2) перестановка вагонов на тележки другой колеи, что широко применяется на железных дорогах «Пространства 1520» при сообщении со странами Европы и Азии; 3) применение раздвижных колесных пар (РКП), первые разработки которых и первые патенты относятся еще к XIX в.²

В Испании решили пойти по третьему пути, и именно на нем было суждено добиться значительных успехов. Эксперименты с РКП проводились с разной степенью успешности в разное время и в разных странах. Были запатентованы некоторые технические решения. Но именно испанская система Talgo стала первой массово применяться на железных дорогах Европы, имеющих разную ширину колеи. Таким образом, Испания подарила миру техносферное решение, позволившее соединить в единую сеть железные дороги с различной шириной колеи. Тем не менее к нему пришли не сразу.

Первый прототип системы, известной в мире железнодорожной техники как система Talgo, появился в 1941 г., когда испанский инженер Алехандро Гойкоэчеа провел ходовые испытания собственно разработанной шарнирной сцепки, состоящей из последовательно

² Рыкова Л. А., Ситников С. А., *Инфраструктура и технология работы пограничных станций*, Екатеринбург, УрГУПС, 2014.

сочлененных треугольных рам. Тяговой единицей для подобного состава служил обычный паровоз. Такая схема состава, локомотив плюс вагоны сохраняется до сих пор, в отличие от большинства высокоскоростных поездов, которые используют моторвагонную тягу.

В основу действия современной системы Talgo положено принудительное поперечное смещение отдельных колесных блоков, происходящее при движении вагона. Каждый из блоков состоит из колеса с тормозными дисками, короткой полуоси и конических роликовых подшипников. Изменение расстояния между колесами при переходе на колею другой ширины происходит при прохождении вагонами со скоростью 15 км/ч стационарных переводных устройств, установленных на стыковых пунктах железных дорог с разной шириной колеи³.

В следующем, 1942, году была основана компания Patentes TALGO, которая является правообладателем на все последующие разработки системы Talgo. С тех пор поезд под этим брендом уверенно вышел на железные дороги сначала Пиренейского полуострова, а потом и Европы, Америки, Азии.

Название Talgo почти не воспринимается как аббревиатура. Приходилось слышать от людей, для которых испанский язык является родным, правда, далеких от железной дороги и от техники вообще, что само это слово представляет собой не что иное, как искаженное galgo (*исп.* «гончая, борзая»), в чем усматривался намек на высокую скорость поезда. На самом деле название TALGO расшифровывается как Tren Articulado Ligero Goicoechea Oriol — Поезд сочлененный (шарнирный) легкий Гойкоэчеа-Ориоля. Последние две буквы указывают на фамилии создателей.

В том же 1942 году на линию вышел состав поезда Talgo I, ходовая скорость которого составляла 115 км/ч, позднее — 135 км/ч.

В 1950 г. на линии Мадрид — Эндайя начинается эксплуатация поезда Talgo II со скоростью движения 120 км/ч.

В 1964 г. в коммерческую эксплуатацию запускают Talgo III. Иногда от этой даты начинают историю поезда «Тальго», так как именно этот состав спустя четыре года начал курсировать по маршруту Мадрид — Париж без смены колесных пар на границе. С ним также связан рекорд скорости, которая в 1966 г. впервые превысила 200 км/ч. Специально разработанные локомотивы 2000T носили имена собственные, максимальная скорость была достигнута тепловозом Virgen del Carmen.

В течении последующих 20 лет поезда Talgo прочно обосновались на рынке железнодорожных перевозок Европы. Скорость регулярных пассажирских сообщений достигла 200 км/ч.

В начале 90-х гг. Talgo появились в США и первой стране, построившей высокоскоростные железнодорожные линии — Японии.

В 1996 г. Talgo впервые приходит в Россию. Тогда на экспериментальном кольце ВНИИЖТ в г. Щербинка провели испытания грузового вагона-платформы с раздвижными колесными парами Talgo RD.

В этом же году Talgo осуществил переход с колеи 1435 мм на 1524 мм (т. е. практически на российскую) на границе между Швецией и Финляндией. Раздвижными колесными парами были оборудованы не только вагоны, но и локомотивы Talgo RD.

Технически путь на «пространство 1520» был открыт и состоялся в 2003 г.⁴ Причем его триумфальное шествие началось со стран Центральной Азии, к которым мы отнесем и Казахстан. Первым была линия Алматы — Шымкент в этой стране. Тогда же два состава вводятся в ночной график АО «НК «Казахстанские железные дороги» (КТЖ) на линии Алматы — Астана. Talgo и КТЖ подписывают первый пятилетний договор на предоставление комплексного технического обслуживания приобретенного подвижного состава.

АО «НК «КТЖ» заключают соглашение на поэтапную поставку 3000 пассажирских вагонов модели Talgo Intercity. Также с АО «НК «КТЖ» заключен договор на

³ Гайдаров Н., «Тележки с раздвижными колесными парами», *Бюллетень ОСЖД* 3–4, 1992, с. 20–23.

⁴ В «Пространство 1520» входят железные дороги всех постсоветских стран, а также Финляндии и Монголии.

предоставление услуг по техническому обслуживанию 1044 вагонов в течение 15 лет на сумму около 1 млрд евро.

В 2011 г. в Астане совместными усилиями АО «Казахстан Темір Жолы» и испанской компании «Patentes Talgo» был построен завод по производству скоростных пассажирских вагонов «Тулпар-Тальго». Для колеи 1520 мм начат выпуск вагонов с широким кузовом по испанской технологии. Проектная мощность предприятия — 150 вагонов в год, количество рабочих мест — 230 человек.

В период 2012–2015 гг. произведено 436 вагонов (16 составов) по проекту F-061 (ширина кузова 2960 мм). В период 2015–2017 гг. произведено 178 вагонов (6 составов) по проекту F-065 (ширина кузова 3200 мм). В 2019 г. произведен 91 вагон⁵.

Большая часть поездов Talgo в Казахстане известна под брендом «Тулпар», но тем не менее, некоторые из них имеют иное название. Так, например, поезд, курсирующий по маршруту Алматы — Нур-Султан, кроме «Тулпар», носит название «Алатау». Из Алматы в Шымкент отправляются «Ақ Сұңқар» и «Отырар». С Петропавловском бывшую столицу соединяет «Жетісу», с Уральском — «Жібек жолы», с Атырау — «Сарайшық», с Усть-Каменогорском — «Шығыс». Свои названия имеют поезда, отправляющиеся из нынешней столицы Нур-Султан.

Следующий прорыв на рынке СНГ происходит в 2009 г. и тоже в регионе Центральной Азии.

В ходе визита узбекского президента Ислама Каримова в Испанию в мае 2009 г. была достигнута договоренность о реализации проекта по организации движения высокоскоростных электропоездов в Узбекистане. Республика Узбекистан приобретает два состава Talgo 250, которые предполагается под брендом «Афросиаб» эксплуатировать на линиях Ташкент — Самарканд и Ташкент — Бухара. Стоимость контракта с Узбекскими железными дорогами (АО «Узбекистон Темір Йуллари») составила 38 млн евро.

Бренд «Афрасиаб» появился в честь царя древнего Турана Афросиаба, героя поэмы великого персидского поэта Фирдоуси «Шахнаме». Такое же название носит древнее городище, расположенное на северной окраине современного Самарканда.

Для обеспечения эффективной эксплуатации приобретаемых электропоездов большой модернизации была подвергнута железнодорожная инфраструктура линии Ташкент — Самарканд. Как писала местная пресса: «За два года железнодорожникам страны удалось проделать не имеющую аналогов в регионе работу — построить всю необходимую инфраструктуру для эксплуатации самых современных локомотивов, в том числе возвести и реконструировать пути и станции, двусторонние ограждения, провести модернизацию контактной сети»⁶.

И наконец, в 2011 г. Talgo выходит на рынок России, что явилось знаменательным событием не только для ОАО «РЖД», но и для двусторонних отношений России и Испании, которые на протяжении почти пятисотлетней истории испытывали периоды расцвета и застоя.

1 июня 2015 г. в первый регулярный рейс по маршруту Москва — Нижний Новгород отправился поезд Talgo, которому было присвоено фирменное название «Стриж». Населенность вагонов составила 100 %. Для этой линии было адаптировано четыре состава, в том числе и под тягу электровозами инвентарного парка ОАО «РЖД».

17 декабря 2016 г. в первый рейс по маршруту Москва — Берлин отправился скоростной поезд «Стриж», составленный из вагонов Talgo с раздвижными колесными парами. Благодаря этой технологии отпала необходимость смены вагонных тележек на белорусско-польской границе. Время в пути сократилось до 19 часов.

⁵ «Вагоностроительный завод «Тулпар»», *QSAMRUK* [Электронный ресурс]. URL: <https://qsamruk.kz/company/too-vagonostroitelnyj-zavod-tpar> (дата обращения: 12.07.2021).

⁶ «В Узбекистане названа дата презентации первого в Центральной Азии высокоскоростного поезда». 19 августа 2011 г., *Агентство новостей «Подробно.уз»* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.podrobno.uz/cat/obchestvo/Obshchestvo-Uzbekistana-Talgo-250-Perviy-Visokoskorostnoy-poezd/> (дата обращения: 12.07.2020).

В 2010-х гг. *Patentes Talgo* успешно дебютировала на рынках Турции, Саудовской Аравии, Индии. Это явилось значительным достижением для европейской компании, так как традиционно на рынке азиатских стран (Японии, Китая, Южной Кореи) доминируют производители и эксплуатанты подвижного состава их соседей по континенту, где высокоскоростной железнодорожный транспорт более развит. Тем не менее именно испанский консорциум победил в международном тендере на строительство высокоскоростной железнодорожной магистрали между городами Мекка и Медина в Саудовской Аравии. В 2014 г. был успешно запущен в оборот состав, получивший название «Скоростной поезд паломников».

Однако значительные перспективы испанская компания имеет в странах Центральной Азии, при том что на магистралях этого региона основное преимущество системы *Talgo*, технология раздвижных колесных пар (РКП), пока не применяется.

С марта 2017 г. поезд *Talgo* начал эксплуатироваться на международной линии Ташкент — Алматы. Торжественная встреча Международного пассажирского поезда «Тулпар-Тальго», прибывшего на Центральный вокзал г. Ташкент, состоялась 22 марта. Поезд включал 29 пассажирских вагонов, подразделяющихся на четыре класса: люкс, бизнес-класс, купе и плацкарт, а также багажный вагон, вагон-ресторан и вагон-бар. Время в пути составило 16 часов 30 минут. До закрытия границ вследствие пандемии COVID-19, частота курсирования составляла дважды в неделю.

Но и на этой международной линии изменение ширины колеи не требуется, так как обе страны входят в стандарт «1520». Почему же руководство центральноазиатских республик в своем выборе остановилось именно на *Talgo*? Для ответа на этот вопрос необходимо присмотреться к соседям этих стран, не входящих в «Пространство 1520».

Узбекистан на юге граничит с Афганистаном, страной слаборазвитой, десятилетиями раздираемой чредой бесконечных войн. До текущего столетия никаких железных дорог в этой стране не было, за исключением ввода линий пограничных станций на территорию Афганистана на несколько км. В 2010 г. при техническом содействии Узбекистана была построена линия Хайратон — Мазари-Шариф. Ставшая первой магистральной дорогой в той стране. Но так как основным подрядчиком был Узбекистан, то стандарт колеи остался прежним — 1520 мм. По такому же стандарту строит в стране линию и соседний Туркменистан.

При техническом содействии Ирана в конце 2020 г. построена линия Хафр (Иран) — Герат (Афганистан) протяженностью 225 км, рассчитанная на 7 млн т грузов и 1 млн пассажиров в год. Тут стандарт колеи другой, «стефенсоновский», — 1435 мм.

8 февраля 2021 г., в результате узбекско-афганско-пакистанских переговоров, был утвержден проект строительства железной дороги «Кабульский коридор»: Мазари — Шариф — Кабул — Пешавар (Пакистан) протяженностью около 600 км. Предварительная смета проекта составила 4,8 млрд долл., срок исполнения — 5 лет, стандарт колеи — 1520 мм, планируемый грузооборот — 20 млн т в год⁷.

Еще раньше в Узбекистане разработан проект железной дороги Мазари — Шариф — Герат. Таким образом, в Афганистане (Герат) предполагается создать транспортно-логистический узел для всей Центральной Азии. Но учитывая, что в нем встретятся целых три стандарта колеи: российский — 1520 мм, «стефенсоновский» — 1435 мм и индийский — 1676 мм, используемой в Пакистане, очевидно, что поезда оснащенные системой *Talgo*, рано или поздно понадобятся и здесь⁸.

Другая страна, в сотрудничестве с которой крайне заинтересованы как Узбекистан, так и Казахстан, также имеет эксплуатационную ширину колеи 1435 мм. Речь идет о Китае.

⁷ Борис Марцинкевич, «Афганские перспективы. Мирное будущее Центральной Азии», *Завтра* 36: 1446, 15.09.2021. URL: https://zavtra.ru/blogs/afganskije_perspektivi (дата обращения: 16.09.2021).

⁸ В связи с последними событиями в Афганистане, связанными с приходом к власти в этой стране режима движения «Талибан» (в России признано террористической организацией), эти планы будут с большой степенью вероятности подвергнуты значительной корректировке. Однако в какой степени и в какую сторону, мнения экспертов расходятся.

Узбекистан не имеет с ним общих границ, в то время как в Казахстане имеется два железнодорожных пограничных перехода с соседней страной: Достык — Алашанькоу и Хоргос — Алтынколь.

Через первый из них осуществляется пассажирское сообщение по маршруту Алматы — Урумчи. На пограничной станции Достык («Дружба») происходит смена колесных пар. На маршруте курсируют составы как казахстанских, так и китайских железных дорог. Переход открыт в 1990 г.

Переход Хоргос — Алтынколь появился гораздо позже, в 2012 г., но именно на его развитие сделала ставку правительство Казахстана. Он входит в зону свободной экономической зоны (СЭЗ) «Хоргос — Восточные ворота», территория которого составляет более 4 тыс. гектаров. Данный проект является одним из ключевых элементов программы «Новый Шелковый путь», а также международного транспортного коридора «Западная Европа — Западный Китай», общей протяженностью которого 8445 км. Таким образом, «Хоргос — Восточные ворота» рассматривается как стратегический хаб, соединяющий Китай, Центральную Азию и Средний Восток. В его успешном развитии заинтересован не только Казахстан, но и его соседи по Центральноазиатскому региону.

В настоящее время в Казахстане курсируют 570 вагонов Talgo по 15 маршрутам. Отмечается, что компания Talgo и дальше будет обеспечивать их техническое обслуживание⁹.

Таким образом, развитие технологии Talgo в регионе Центральной Азии поставлено под сомнение. Тем временем эксплуатация поездов приостановлена в связи с эпидемией коронавируса.

Библиография

1. 1520–1435: Перспективы сотрудничества // Техника железных дорог. 2011. Т. 14. № 2. С. 21–25.
2. Гайдаров Н. Тележки с раздвижными колесными парами // Бюллетень ОСЖД. 1992. № 3–4.
3. Рыкова Л. А., Ситников С. А. Инфраструктура и технология работы пограничных станций. Екатеринбург: Изд-во УрГУПС, 2014. 99 с.
4. Садчиков П. И., Целищева О. Л. Технология перехода железнодорожного подвижного состава с одной колеи на другую (международный опыт) // Техника железных дорог. 2011. Т. 14. № 2. С. 26–36.
5. Транспиренейские сообщения // Железные дороги мира, № 7, 1999, с. 32 – 38.
6. Официальный портал компании Patentes Talgo [Электронный ресурс]. URL: <https://www.talgo.com/ru/about-us/our-history/> (дата обращения: 12.07.2021).
7. В Узбекистане названа дата презентации первого в Центральной Азии высокоскоростного поезда // Агентство новостей «Подробно.uz» [Электронный ресурс]. URL: <https://podrobno.uz/cat/obchestvo/Obshchestvo-Uzbekistana-Talgo-250-Perviy-Visokoskorostnoy-poezd/> (дата обращения: 12.07.2020).
8. Вагоностроительный завод «Тұлпар» [Электронный ресурс]. URL: <https://tulpar.com.kz/> (дата обращения: 12.07.2021).
9. Марцинкевич Б. Афганские перспективы. Мирное будущее Центральной Азии // Завтра. 2021. Т. 1446. № 36. [Электронный ресурс]. URL: https://zavtra.ru/blogs/afganskije_perspektivi (дата обращения: 16.09.2021).

⁹ Официальный портал компании Patentes Talgo [Электронный ресурс]. URL: <https://www.talgo.com/> (дата обращения: 12.07.2021).

МОЛОДЕЖНАЯ СЕКЦИЯ

SECTION OF YOUNG RESEARCHERS

G. Gaboshvili¹

LOS GIROS EN AMÉRICA LATINA: EL CAMINO PARA RECONSIDERAR EL ENFOQUE DE RUSIA HACIA LAS RELACIONES CON LOS PAÍSES DE LA REGIÓN

TURNS IN LATIN AMERICA: THE WAY TO REFRAME RUSSIA'S APPROACH TO RELATIONS WITH THE COUNTRIES OF THE REGION

Resumen: El Concepto de la política exterior de la Federación de Rusia (aprobado en 2016), asigna un papel secundario a los países de América Latina y el Caribe. Sólo la región de África está más baja en la lista. Sin dudas, el lugar en una lista como tal no refleja plenamente la realidad y no se puede usar para conclusiones globales. Sin embargo, una especie de menosprecio de la región a nivel doctrinal, junto con el volumen de intercambios comerciales bajo, cuestiona el rumbo político actual de Rusia y abre el debate sobre la remodelación del actitud hacia la región latinoamericana. Este artículo propone una desviación de la tradición establecida desde la URSS, que se articula en torno al axioma de que las relaciones de Rusia con regímenes de izquierda son mucho mejores que las relaciones con regímenes de derecha en América Latina. El autor demuestra la necesidad de mantener un diálogo pragmático y ensanchar la cooperación con todas las fuerzas políticas, sin perjuicio del espectro político, ya que la ideología y la polarización de los tiempos de la URSS son cosa del pasado. Desde el punto de vista político, América Latina ha siempre sido uno de los socios más confiables de Moscú, por lo que Rusia no tiene ningún derecho moral a convertir las relaciones con los países de la región en el trabajo de Sísifo.

Palabras claves: Rusia, América Latina y el Caribe, relaciones ruso-latinoamericanas.

Abstract: The Foreign Policy Concept of the Russian Federation, that was adopted in 2016, assigns a secondary role to the countries of Latin America and the Caribbean. Only the African region is lower on the list. Without a doubt, the place on a list as such does not fully reflect reality and cannot be used for overall conclusions. However, a certain neglect of the region at the doctrinal level, coupled with the low volume of trade, questions Russia's current political direction and

¹ **Gueorgui Gaboshvili**, Rusia, bachiller en relaciones internacionales. El estudiante de maestría del Ministerio de Asuntos Exteriores de Rusia (MGIMO (Universidad)) (E-mail: gaboshvili.1998@mail.ru).

encourages the debate on the reshaping of the attitude towards the Latin American region. The article proposes to shift away from the tradition established since the USSR, which rests on the tenet that Russia's relations with left-wing regimes are much better than with right-wing ones in Latin America. The author demonstrates the need to maintain a pragmatic dialogue and broaden cooperation with all political forces, without prejudice to the political spectrum, since the ideology and polarization of the times of the USSR are a thing of the past. From the political perspective, Latin America has always been one of Moscow's most reliable partners, so that Russia has no moral right to turn relations with the countries of the region into the labors of Sisyphus.

Key words: Russia; Latin America and the Caribbean; Russian-Latin America relations.

Introducción

El Concepto de la política exterior de la Federación de Rusia (aprobado en 2016), asigna un papel secundario a los países de América Latina y el Caribe. Sólo la región de África está más baja en la lista. Sin dudas, el lugar en una lista como tal no refleja plenamente la realidad y no se puede usar para conclusiones globales. Sin embargo, es evidente que en Moscú tiene cabida una especie de menosprecio de la región a nivel doctrinal. Además, la prueba de fuego ejemplarizante para corroborar la escasez de la atención a la región es el intercambio comercial. No es exagerado sostener que América Latina no es el socio comercial más importante para Rusia. La proporción de Rusia en las importaciones y exportaciones de América Latina y el Caribe alcanza sólo 0,70 y 0,56 % respectivamente². Al mismo tiempo, la proporción de los países de América Latina y el Caribe en las importaciones y exportaciones de la Federación de Rusia tampoco es apabullante, sobre todo teniendo en cuenta el tamaño del país — 3,18 y 1,48 % respectivamente³. En esta tesitura se cuestiona el rumbo político actual de Rusia y se elude el debate sobre la remodelación del actitud hacia la región latinoamericana. Entonces, con el test del pato peculiar hecho, el objetivo primordial es averiguar cómo transformar la situación actual. No obstante, antes de dar una respuesta adecuada, cabe esbozar brevemente las relaciones entre Rusia y países latinoamericanos concretos para comprender la dinámica de hoy y evaluar las perspectivas futuras.

Relaciones con los países de la región

Es conveniente empezar con Brasil, que es tradicionalmente uno de los países latinoamericanos más importantes para Rusia. A pesar de la cooperación energética y de inversión relativamente exitosa, el aumento de la interacción política en el seno del grupo BRICS se ha estancado marcadamente en los últimos años (en el mismo Concepto de 2016, los BRICS se mencionan sólo una vez, en el contexto de “la formación de un orden mundial justo y sostenible”).

Rusia tiende a anteponer el triángulo Rusia-India-China al papel de Brasil. Además, la llegada al poder del conservador de derecha Bolsonaro en 2019 hace difícil mejorar y profundizar las relaciones. A pesar de las declaraciones de pragmatismo en la política exterior, de hecho, la divergencia de puntos de vista sobre algunos temas importantes (por ejemplo, la crisis en Venezuela) frena la cooperación bilateral.

Cuba siempre ha tenido un significado especial para Rusia, particularmente durante los tiempos de la URSS. Vale la pena señalar que incluso en el caso de acciones unilaterales negativas por parte de Rusia (por ejemplo, el desmantelamiento del centro radioelectrónico en Lourdes) la Isla de la Libertad no perdió interés en los contactos estrechos con Moscú. Cabe admitir que desde el punto de vista económico, es difícil para Rusia competir con España, Canadá y, especialmente, con China. Sin embargo, no es necesario buscar el liderazgo en esta área, una posición común sobre temas clave de la agenda internacional es suficiente.

² *World Integrated Trade Solution*. URL: <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/LCN/Year/LTST/TradeFlow/EXPIMP/Partner/by-country> (consultado el 20.08.2021).

³ *Ibid.*

Argentina también es un socio tradicional de Rusia en la región. Con los gobiernos de izquierda Moscú suele cooperar mejor que con los de derecha, lo que se confirmó con la llegada al poder en 2015 de Mauricio Macri. A pesar de los grandes planes de cooperación bilateral, en realidad las diferencias políticas han tenido un efecto muy negativo en las relaciones. En este sentido, la llegada al poder del peronista Alberto Fernández en 2019 se veía positiva. No obstante, los retrasos en el suministro de la segunda dosis de la vacuna tienen un impacto negativo. Sin embargo, otra vez existe cierta dependencia del régimen establecido en el país.

Caso venezolano

El caso venezolano vale la pena considerar con más detalle, ya que las relaciones con este país latinoamericano son la joya de la corona del rumbo exterior de Rusia en la región. Técnicamente, la asociación estratégica estable entre Moscú y Caracas comenzó con la llegada al poder de Hugo Chávez. Las repetidas visitas mutuas de altos funcionarios, junto con el establecimiento del marco legal contractual, desempeñaron un papel crucial para la cooperación bilateral en una variedad de áreas: política, comercial, económica, militar-técnica, energética, etc. La muerte de Chávez en 2013 y la llegada al poder de Nicolás Maduro no cambiaron el rumbo previsto para el desarrollo de las relaciones. Además, como se sabe, “amigo en la adversidad es amigo de verdad”, por lo que la actitud de Moscú fue especialmente importante durante la crisis económica, social y política en Venezuela. El intento de golpe de estado no tuvo éxito, y Rusia fue uno de los pocos países que expresó su pleno apoyo al presidente actual.

A pesar de la inestabilidad económica en Venezuela, la cooperación en el campo de la energía entre Rusia y Venezuela es la más prometedor. En esta área, vale la pena hacer hincapié en la implementación de proyectos de inversión con la participación de las compañías rusas más grandes. La prospección y la explotación subsuelo merecen una mayor atención. Sin lugar a dudas, continuará la estrecha cooperación técnico-militar: el suministro de helicópteros, aviones de combate, sistemas de misiles antiaéreos, así como la asistencia en desarrollar la infraestructura militar. Es crucial también desarrollar los vínculos culturales y la interacción en el campo de la educación, ya que existen todos los requisitos previos: en las universidades rusas se asignan cuotas para estudiantes de Venezuela, y en la propia Rusia, un gran número de personas aprende la lengua española. Finalmente, el pilar principal de las relaciones ruso-venezolanas es una postura común sobre temas clave de la agenda política mundial. Venezuela reconoció Crimea como parte de Rusia, así como anteriormente Caracas había reconocido la independencia de Abjasia y Osetia del Sur. Rusia, a su vez, comparte el enfoque venezolano y aboga por la inadmisibilidad de la presión externa, así como por oponerse a los intentos de injerirse en los asuntos internos de un país soberano.

A pesar de la aparente perspectiva del diálogo bilateral, es ilusorio considerar las relaciones ruso-venezolanas únicamente desde un punto de vista positivo, ya que existe un número considerable de factores negativos. Por ejemplo, desde 2013 el comercio entre los dos países disminuía constantemente y comenzó a crecer poco a poco sólo en 2018⁴ (el año 2020 no es representativo debido al factor “cisne negro” — el coronavirus). La situación con las inversiones también es compleja: tienen lugar razones para suponer que una gran parte de los fondos invertidos no se usan debidamente. Según el índice de percepción de corrupción de 2020, Venezuela ocupa el lugar 176, peor situación se observa sólo en Yemen, Siria, Sudán del sur y Somalia⁵. La situación es tampoco ideal en el ámbito energético: en marzo de 2020 la empresa Rosneft decidió dejar de

⁴ “El comercio de Rusia y Venezuela, todos los productos, 2013–2019”, *Ru-Stat*. URL: <https://es.ru-stat.com/date-Y2013-2021/RU/trade/VE> (consultado el 10.09.2021).

⁵ “Corruption Perceptions Index”, *Transparency International. The Goal Coalition Against Corruption*. URL: <https://www.transparency.org/en/cpi/2020/index/ven> (consultado el 10.09.2021).

operar en Venezuela debido a las sanciones estadounidenses⁶. Para Rusia hace falta entender claramente si los costos comienzan a superar los beneficios en cuanto a la idea de convertirse en un jugador global en los mercados petroleros, incluido el hemisferio occidental. Además, no tiene sentido invertir y conceder préstamos sin garantía fiable de devolución: la reestructuración constante de las deudas en cierta medida beneficia las relaciones políticas, sin embargo desde el punto de vista económico no puede ser rentable para Rusia.

La primacía de la política sobre la economía en su conjunto es un rasgo distintivo de las relaciones de Rusia con los países de la región latinoamericana, pero en el caso de Venezuela ya es excesiva. A largo plazo, conviene adoptar un enfoque más equilibrado y pragmático orientado a la cooperación económica.

Conclusiones

Al describir las relaciones con los países de la región, se puede sacar conclusiones más generales. Objetivamente Rusia nunca ha sido, y es poco probable que alguna vez sea, la principal prioridad de los países de América Latina. Estados Unidos, China, Canadá, España (y la UE en su conjunto), al menos desde el punto de vista comercial y económico, parecen ser más significativos para la región. Al mismo tiempo, lo contrario también es cierto: para Rusia, la interacción con los países del espacio postsoviético, la UE y la misma China recibe mayor prioridad, no menos importante debido al factor geográfico. Sin embargo, aquí se revela el mensaje clave: América Latina es valiosa principalmente desde el punto de vista político. Cualquiera que sea el régimen, ningún país de la región se ha unido a las sanciones contra Rusia. Además, las partes comparten las ideas del orden mundial multipolar, buscan fortalecer el marco legal del orden mundial y restablecer el respeto de los principios del derecho internacional que han sido ignorados. Al mismo tiempo, cabe enfatizar que la cooperación con los países de la región no debe estar determinada por la orientación política de un régimen en particular. La ideologización de los tiempos de la URSS ha quedado atrás, y la propia Rusia no se adhiere a las opiniones comunistas de izquierda. Es justo sostener que tradicionalmente Moscú mantiene el diálogo mejor con la izquierda. Actualmente en Argentina los peronistas volvieron al poder, existe Venezuela con Maduro, Cuba, México, en Bolivia ganaron nuevamente los partidarios de morales, en Nicaragua sigue permaneciendo en el poder sandinista Ortega, la derecha Piñera ocupa una posición precaria en Chile (incluso tuvo que aceptar reescribir la Constitución de Pinochet). No obstante, esto no significa que la cooperación con Brasil, Uruguay, Paraguay y Colombia debe ser menos intensa. Por el contrario, se necesita tratar de mantener un diálogo pragmático con todas las fuerzas políticas en la medida de lo posible. Aquí es donde radica el valor de América Latina para Rusia.

Bibliografía

1. World Integrated Trade Solution. URL: <https://wits.worldbank.org/Default.aspx?lang=en> (consultado el 20.08.2021).
2. El comercio de Rusia y Venezuela, todos los productos, 2013–2019, *Ru-Stat*. URL: <https://es.ru-stat.com/date-Y2013-2021/RU/trade/VE> (consultado el 10.09.2021).
3. La petrolera Rosneft vende sus activos en Venezuela al Gobierno de Rusia, *El País*. URL: <https://elpais.com/economia/2020-03-28/la-petrolera-rosneft-vende-sus-activos-en-venezuela-al-gobierno-de-rusia.html> (consultado el 15.09.2021).
4. Corruption Perceptions Index, *Transparency International. The Goal Coalition Against Corruption*. URL: <https://www.transparency.org/en/cpi/2020/index/ven> (consultado el 10.09.2021).

⁶ “La petrolera Rosneft vende sus activos en Venezuela al Gobierno de Rusia”, *El País*. URL: <https://elpais.com/economia/2020-03-28/la-petrolera-rosneft-vende-sus-activos-en-venezuela-al-gobierno-de-rusia.html> (consultado el 15.09.2021).

О. С. Яковлева¹

ЗЕЛЕНАЯ ЭНЕРГЕТИКА В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

GREEN ENERGY IN LATIN AMERICA

Abstract: The aggravation of the ecological situation on the planet forces the international community to cooperate in order to solve this issue. According to the United Nations, since 1990 carbon dioxide emissions have increased by 46 %. One of the salient causes of atmospheric pollution is the use of fossil fuels as an energy source. In 2019, Latin American States declared that renewable energy sources should account for 70 % of all energy used by this region by 2030. The article is devoted to comparing and evaluating the results of energy reforms in the countries of the region. The report is based on the energy policy of Uruguay and Mexico. After the drought in 1997–2007, the pre-eminent objective of Uruguay was to develop solar energy, wind energy and biomass. Already, in 2019, 97 % of Uruguay’s energy was produced using renewable sources. What is more, the country exported some of its “green” resources to Argentina and Brazil. However, the Mexican government has opted for the fossil fuel variant. As a result of this decision, in 2020, only 31 % of energy was produced from renewable sources. At the same time, Greenpeace claims that, considering the geographical location and climate of Mexico, the renewable energy sector could account for 100 % of the energy. The results of the study indicate that Latin American countries have all the necessary resources to provide their population with “clean and cheap” energy. Switching to renewable resources eliminates the need to import fossil fuels from other countries and contributes to improving the environmental situation on the planet.

Key words: renewable energy sources; Uruguay; Mexico; wind energy; Latin America; energy policy.

Resumen: El agravamiento de la situación ecológica en el planeta obliga a la comunidad internacional a cooperar para resolver este problema. Según las Naciones Unidas, desde 1990 las emisiones de dióxido de carbono han aumentado en un 46 %. Una de las principales causas de la contaminación atmosférica es el uso de combustibles fósiles como fuente de energía. En 2019, los Estados latinoamericanos declararon que las fuentes de energía renovables deberían representar el 70 % de toda la energía utilizada por esta región para 2030. El artículo está dedicado a comparar y evaluar los resultados de las reformas energéticas en los países de la región. El informe se basa en la política energética de Uruguay y México. Tras la sequía de 1997–2007, el objetivo primordial del Uruguay era desarrollar la energía solar, la energía eólica y la biomasa. Ya en 2019, el 97 % de la energía de Uruguay se produjo con fuentes renovables. Además, el país exportó algunos de sus recursos “verdes” a Argentina y Brasil. El gobierno mexicano ha optado por los combustibles fósiles. Como resultado de esta política, en 2020, solo el 31 % de la energía se produjo a partir de fuentes renovables. Al mismo tiempo, Greenpeace afirma que, teniendo en cuenta la ubicación geográfica y el clima de México, el sector de las energías renovables podría representar el 100 % de la energía. Los resultados del estudio indican que los países latinoamericanos cuentan con todos los recursos necesarios para proveer a su población de energía limpia y barata. El cambio a los recursos renovables elimina la necesidad de importar combustibles fósiles de otros países y contribuye a mejorar la situación ambiental en el planeta.

Palabras clave: energías renovables; Uruguay; México; energía eólica; América Latina; política energética.

¹ Яковлева Ольга Сергеевна, Россия, студент бакалавриата, РУДН (olya123412345@yandex.ru).

За последние несколько десятилетий мир претерпел колоссальные изменения в сфере потребления и использования невозобновляемых источников энергии. В связи с постоянным увеличением населения планеты и развитием технологий, на которые тратится большое количество ресурсов, объем энергии, необходимой человечеству для удовлетворения его потребностей, с каждым годом увеличивается. Вместе с этим усиливается и вред окружающей среде. По данным Организации Объединенных Наций (ООН), начиная в 1990 г. выбросы углекислого газа в атмосферу возросли на 46 %, что негативно влияет на экологическую ситуацию на Земле².

Одной из наиболее актуальных мировых проблем на данный момент является глобальное потепление. В 2015 г. между 196 странами было заключено Парижское соглашение, основной целью которого стало удержание роста температуры в пределах 1,5 градусов Цельсия по сравнению с периодом 1850–1900 гг. Однако, в соответствии с отчетом рамочной конференции ООН об изменении климата, к 2100 г. планета может нагреться до 2,7 градусов Цельсия. К такому прогнозу ученые пришли, основываясь на текущих данных об объеме выбросов, согласно которым к 2030 г. он увеличится на 16 % по сравнению с 2010 г. Температура Земли уже поднялась до 1,1 градусов Цельсия, что делает почти невозможным достижение цели Парижского соглашения³. По подсчетам ООН, решить данную проблему может только сокращение выбросов парниковых газов в атмосферу на 45 %⁴.

Изменение климата тесно связано с производством энергии, ведь 60 % выбросов парниковых газов приходится на долю энергетики⁵. Происходит это потому, что, согласно статистике Международного энергетического агентства, основными источниками энергии до сих пор являются нефть, каменный уголь и природный газ⁶. Тем не менее в последние десятилетия в связи с обострением экологической ситуации на планете прослеживается тенденция к замещению ископаемого топлива на альтернативные источники энергии. Так, по данным Всемирного экономического форума, по сравнению с 18 % в 2000 г., на 2019 г. зеленая энергетика составила 26 % в мировом энергетическом балансе, а инвестиции в развитие альтернативных источников энергии с каждым годом увеличиваются: если в 2019 г. в возобновляемые источники энергии было вложено 458 млрд долларов, то в 2020 г. сумма инвестиций составила 501 млрд долларов⁷.

Многие государства поставили конкретные цели в отношении увеличения доли возобновляемых источников в энергетическом балансе государства. Так, латиноамериканские страны в сентябре 2019 г. установили общую цель в отношении использования зеленой энергетики в регионе, согласно которой к 2030 г. 70 % энергии, используемой государствами Латинской Америки, должно быть получено с помощью альтернативных источников энергии⁸. Стоит отметить, что многие страны

² “GOAL 7: Affordable and clean energy”, *United Nations* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unep.org/explore-topics/sustainable-development-goals/why-do-sustainable-development-goals-matter/goal-7> (дата обращения: 29.09.2021).

³ “Climate change widespread, rapid, and intensifying — IPCC, Geneva, 2021”, *IPCC* [Электронный ресурс]. URL: https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/2021/08/IPCC_WGI-AR6-Press-Release_en.pdf (дата обращения: 20.09.2021).

⁴ “Progress towards the Sustainable Development Goals”. 2021. P. 21, *United Nations* [Электронный источник]. URL: <https://undocs.org/en/E/2021/58> (дата обращения: 25.09.2021).

⁵ Там же.

⁶ “Key World Energy Statistics”. 2021, *The International Energy Agency* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iea.org/reports/key-world-energy-statistics-2021/supply> (дата обращения: 25.09.2021).

⁷ “Fostering Effective Energy Transition 2021 edition, Geneva, 2021”. P. 27, *World Economic Forum* [Электронный ресурс]. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Fostering_Effective_Energy_Transition_2021.pdf (дата обращения: 30.09.2021).

⁸ Valerie Volcovici, “Latin America pledges 70 % renewable energy, surpassing EU: Colombia minister”. 2019, *Reuters* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/article/us-climate-change-un-colombia/latin-america-pledges-70-renewable-energy-surpassing-eu-colombia-minister-idUSKBN1WA26Y> (дата обращения: 15.09.2021).

латиноамериканского региона уже достаточно преуспели в сфере зеленой энергетики. Одним из таких государств стал Уругвай.

По подсчетам Министерства промышленности, энергетики и горной промышленности Уругвая, 97 % электроэнергии страны генерируется с помощью возобновляемых источников. При этом 50 % соответствует гидроэнергетике, 30 % — энергии ветра, 15 % — биомассе и 3 % — солнечной энергии⁹. Однако так было далеко не всегда. Еще в конце XIX — начале XX в. из-за недостатка топливных ресурсов Уругвай был вынужден импортировать нефть и газ для производства энергии.

Необходимость закупки энергетических ресурсов особенно остро появилась в период с 1997 по 2007 г., когда в Уругвае была сильнейшая засуха, из-за которой процент энергии, вырабатываемой на ГЭС, сильно сократился. Ввиду недостатка энергетических ресурсов государство стало импортировать ископаемое топливо из США, что нанесло большой удар по бюджету страны, ведь в год Уругвай тратил на закупку топлива около 2,8 млрд долларов¹⁰. Более того, такой способ получения энергии наносит существенный вред окружающей среде и не является экологичным.

Серьезные проблемы, возникшие в результате энергетического кризиса, требовали кардинального пересмотра энергетической политики. В 2005 г. власти Уругвая разработали энергетический план на период с 2005 по 2030 г., в котором особое внимание уделялось получению энергии ветра, солнца и биомасс как приоритетным направлениям развития электроэнергетики. Данный план пользовался популярностью среди населения страны и был одобрен всеми политическими партиями в Уругвае. Таким образом, акцентным направлением энергетической политики стали возобновляемые ресурсы, использование которых как ликвидировало потребность государства импортировать ископаемое топливо у других стран, так и отличалось своей экологичностью. Новая политика была поддержана многими частными компаниями, которые направили инвестиции в зеленую энергетику. В период с 2010 по 2015 г. в развитие источников возобновляемой энергии со стороны государства и частного сектора было вложено порядка 7 млрд долларов¹¹.

В настоящее время наибольшее внимание в экономике Уругвая уделяется энергии ветра. Скачок в росте производства энергии ветра в данном государстве произошел в 2014 г., когда за год ее объем увеличился в 8 раз по сравнению с 2013 г. В последующие годы Уругвай продолжил наращивать свой потенциал в области ветроэнергетики и в 2020 г. превысил результат 2013 года в 25,6 раз¹². Основными причинами этого стали, во-первых, благоприятные природные условия для развития ветроэнергетики, ведь несмотря на то, что Уругвай обладает равнинным рельефом, измерения ветра в стране отличаются стабильностью и высокими показателями на протяжении целого года. Во-вторых, засушливый период с 1997 по 2007 г. показал, что получение энергии посредством ГЭС является ненадежным.

К 2019 г. Уругвай уже мог себя самостоятельно обеспечить энергией и даже экспортировал около трети своих энергетических ресурсов в Аргентину и Бразилию: экспорт составлял 3 ТВт в час¹³. Уругвай стал чистым экспортером энергии и приобрел независимость от импорта топлива из других стран.

В июне 2021 г. министр промышленности, энергетики и горнодобывающей промышленности Уругвая Омар Паганини заявил о планах использования излишков зеленой энергии не только для экспорта, но и для декарбонизации страны. Так, большая

⁹ “Uruguay delinea una estrategia para exportar y crear un mercado local de hidrógeno verde”. 2021, *Ministerio de Industria, Energía y Minería de Uruguay* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gub.uy/ministerio-industria-energia-mineria/comunicacion/noticias/uruguay-delinea-estrategia-para-exportar-crear-mercado-local-hidrogeno-verde> (дата обращения: 20.09.2021).

¹⁰ Gian Carassale, “La revolución verde de Uruguay”. 2016, *BID Invest* [Электронный ресурс]. URL: <https://idbinvest.org/es/blog/energia/la-revolucion-verde-de-uruguay> (дата обращения: 21.09.2021).

¹¹ Там же.

¹² “Wind energy”. 2020, *International Renewable Energy Agency* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.irena.org/wind> (дата обращения: 13.09.2021).

¹³ Там же.

часть грузовых автомобилей будет переведена с дизельного топлива на зеленый водород (замена ископаемому топливу, произведенная с помощью возобновляемых источников энергии), а в качестве топлива для судов будут использованы зеленый аммиак или ментол. Сейчас Уругвай совершает второй энергетический переход за счет перевода транспортного и промышленного секторов экономики страны на зеленую энергию. Данный проект был поддержан ООН и получил финансирование в 11 млрд долларов США¹⁴.

На данный момент энергетическая политика Уругвая нацелена на использование всего потенциала возобновляемых источников энергии, страна находится на пути к полной декарбонизации экономики. Менее чем за два десятилетия государство смогло адаптировать энергетическую политику к современным реалиям. Однако далеко не все страны Латинской Америки находятся на стадии активного внедрения зеленой энергетики в экономику. Так, Мексика, обладающая ресурсами для полного перехода на альтернативные источники, выбрала совершенно иной путь развития энергетики.

На 2020 г. Мексика генерировала 31 % всей энергии за счет альтернативных источников. На гидроэлектроэнергию пришлось 16 %, на энергию ветра — 7,5 %, на солнечную энергию — 4,3 %, на ядерную — 2 % и на геотермальную — 1,2 %¹⁵. Тем не менее, по подсчетам Greenpeace, Мексика обладает достаточным потенциалом для производства 100 % энергии, потребляемой ежегодно гражданами страны, за счет возобновляемых источников энергии. Более того, излишки энергии могли бы даже экспортироваться за рубеж¹⁶. Однако правительство Мексики во по-другому распорядилось своими ресурсами и сделало ставку на ископаемое топливо, сделав его основой энергетики.

Мексика богата запасами ископаемого топлива, однако энергетический комплекс страны финансируется не в достаточной степени, что повлекло за собой снижение объема добычи нефти. Для решения данного вопроса в 2013 г. была проведена энергетическая реформа, основной целью которой было привлечение частных инвестиций в нефтяной сектор для стимулирования его развития. Однако, несмотря на приток капитала в данную отрасль, объем добычи нефти продолжал уменьшаться, что привело к ограничению возможностей страны в экспорте сырья. При этом Мексика начала импортировать бензин и другие виды сырья из США¹⁷. Более того, в результате энергетической реформы 2013 г. по состоянию на 2020 г. около 40 % домашних хозяйств не имели достаточно ресурсов для преодоления уровня энергетической бедности¹⁸.

Правительство нового Президента Мексики Андреса Мануэля Лопеса Обрадора избрало новый курс энергетической политики, в центре которого стоит усиление роли государства, а именно государственной нефтегазовой компании PEMEX и Федеральной комиссии по электронике CFE, в энергетической политике. Основной целью нового курса стало достижение энергетической самодостаточности за счет укрепления нефтегазового сектора. Энергетическая политика отражается в принятом на период с 2019 по 2024 г. Национальном плане развития, в котором в основном внимание уделяется модернизации существующих нефтегазовых заводов и строительству новых, при чем стоит отметить, что роль возобновляемых источников энергии в плане не указывается¹⁹.

¹⁴ “Uruguay seleccionado entre más de 100 países para impulsar Programa de Energía Verde”. 2021, *Naciones Unidas* [Электронный ресурс]. URL: https://www.uy.undp.org/content/uruguay/es/home/presscenter/articles/2021/03/Uruguay_seleccionado_Fondo_ONU_ODS.html (дата обращения: 23.09.2021).

¹⁵ “México genera del total 31 % de energía renovable: Sener”. 2020, *Forbes* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.com.mx/economia-mexico-energia-renovable-sener/> (дата обращения: 27.09.2021).

¹⁶ “¿Cuál es el potencial de México en energía renovable?” 2020, *Greenpeace* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.greenpeace.org/mexico/blog/8329/cual-es-el-potencial-de-mexico-en-energia-renovable/> (дата обращения: 27.09.2021).

¹⁷ Игбал Гулиев и Юлия Соловова, “Энергетическая отрасль Мексики. Смена политического курса и переосмысление результатов энергетической реформы”, *Ибероамериканские тетради* 1: 27, 2020, с. 61–74.

¹⁸ Там же.

¹⁹ “Plan Nacional de Desarrollo 2019–2024”. 2019, *México Presidencia de la República* [Электронный ресурс]. URL: <https://observatorioplanificacion.cepal.org/sites/default/files/plan/files/Plan%20Nacional%20de%20Desarrollo%20de%20M%C3%A9xico.pdf> (дата обращения: 28.09.2021).

Так, мексиканское правительство, обладая огромным потенциалом для перехода на возобновляемые источники энергии, сделало выбор в пользу менее экологичного и уже теряющего свою актуальность в условиях новой реальности ископаемого топлива. Энергетическая политика Мексики идет вразрез с мировыми тенденциями по декарбонизации экономики, уменьшению выбросов парниковых газов и прочего. Более того, страна отходит от своих международных обязательств по смягчению последствий глобального потепления.

Говоря о латиноамериканском регионе в целом, по подсчетам Экономической комиссии ООН по странам Латинской Америки (ЭКЛАК), государства обладают всеми ресурсами для того, чтобы стать глобальным центром производства зеленой энергетики и имеют большой потенциал в получении зеленого водорода²⁰. Многие страны, как, например, Аргентина, Чили, Бразилия, Перу, имеют достаточные возможности для развития конкурентоспособной зеленой промышленности при условии более эффективного использования возобновляемых ресурсов. На данный момент именно переход к зеленой энергетике способен обеспечить латиноамериканские страны энергетическим суверенитетом. Развитие сектора зеленой энергетики способно обеспечить многих людей доступом к дешевой энергии, что должно способствовать уменьшению неравенства в регионе. Более того, в условиях глобального потепления именно зеленая энергетика является наиболее экологичным видом энергетики. Таким образом, исходя из опыта Уругвая и Мексики, можно сделать вывод о том, что в современном мире более эффективным является использование возобновляемых источников энергии, за которыми стоит будущее мировой энергетики.

Библиография

1. Гулиев И., Соловова Ю. Энергетическая отрасль Мексики. Смена политического курса и переосмысление результатов энергетической реформы // Ибероамериканские тетради. 2020. № 1, вып. 27. С. 61–74.
2. América Latina y el Caribe tiene todas las condiciones para convertirse en un hub de energía renovable con gran potencial en hidrógeno verde. 2021 // Naciones Unidas [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cepal.org/es/noticias/america-latina-caribe-tiene-todas-condiciones-convertirse-un-hub-energia-renovable-gran> (дата обращения: 28.09.2021).
3. Climate change widespread, rapid, and intensifying — IPCC. Geneva, 2021 // IPCC. Intergovernmental Panel on Climate Change [Электронный ресурс]. URL: https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/2021/08/IPCC_WGI-AR6-Press-Release_en.pdf (дата обращения: 20.09.2021).
4. ¿Cuál es el potencial de México en energía renovable? 2020 // Greenpeace [Электронный ресурс]. URL: <https://www.greenpeace.org/mexico/blog/8329/cual-es-el-potencial-de-mexico-en-energia-renovable/> (дата обращения: 27.09.2021).
5. Fostering Effective Energy Transition 2021 edition, Geneva. 2021. P. 27 // World Economic Forum [Электронный ресурс]. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Fostering_Effective_Energy_Transition_2021.pdf (дата обращения: 30.09.2021).
6. Carassale G. La revolución verde de Uruguay. 2016 // BID Invest [Электронный ресурс]. URL: <https://idbinvest.org/es/blog/energia/la-revolucion-verde-de-uruguay> (дата обращения: 21.09.2021).
7. GOAL 7: Affordable and clean energy // United Nations [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unep.org/explore-topics/sustainable-development-goals/why-do-sustainable-development-goals-matter/goal-7> (дата обращения: 29.09.2021).
8. Key World Energy Statistics 2021 // The International Energy Agency [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iea.org/reports/key-world-energy-statistics-2021/supply> (дата обращения: 25.09.2021).

²⁰ “América Latina y el Caribe tiene todas las condiciones para convertirse en un hub de energía renovable con gran potencial en hidrógeno verde”. 2021, Naciones Unidas [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cepal.org/es/noticias/america-latina-caribe-tiene-todas-condiciones-convertirse-un-hub-energia-renovable-gran> (дата обращения: 28.09.2021).

9. México genera del total 31 % de energía renovable: Sener. 2020 // Forbes [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.com.mx/economia-mexico-energia-renovable-sener/> (дата обращения: 27.09.2021).
10. Plan Nacional de Desarrollo 2019–2024. 2019 // México Presidencia de la República [Электронный ресурс]. URL: <https://observatorioplanificacion.cepal.org/sites/default/files/plan/files/Plan%20Nacional%20de%20Desarrollo%20de%20M%C3%A9xico.pdf> (дата обращения: 28.09.2021).
11. Progress towards the Sustainable Development Goals. 2021. P. 21 // United Nations [Электронный источник]. URL: <https://undocs.org/en/E/2021/58> (дата обращения: 25.09.2021).
12. Uruguay delinea una estrategia para exportar y crear un mercado local de hidrógeno verde. 2021 // Ministerio de Industria. Energía y Minería de Uruguay [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gub.uy/ministerio-industria-energia-mineria/comunicacion/noticias/uruguay-delinea-estrategia-para-exportar-crear-mercado-local-hidrogeno-verde> (дата обращения: 20.09.2021).
13. Uruguay seleccionado entre más de 100 países para impulsar Programa de Energía Verde. 2021 // Naciones Unidas [Электронный ресурс]. URL: https://www.uy.undp.org/content/uruguay/es/home/presscenter/articles/2021/03/Uruguay_seleccionado_Fondo_ONU_ODS.html (дата обращения: 23.09.2021).
14. *Volcovici V.* Latin America pledges 70 % renewable energy, surpassing EU: Colombia minister. 2019 // Reuters [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/article/us-climate-change-un-colombia/latin-america-pledges-70-renewable-energy-surpassing-eu-colombia-minister-idUSKBN1WA26Y> (дата обращения: 15.09.2021).
15. Wind energy. 2020 // International Renewable Energy Agency [Электронный ресурс]. URL: <https://www.irena.org/wind> (дата обращения: 13.09.2021).

LA TEORÍA DE LOS MUNDOS POSIBLES EN LOS TRABAJOS LITERARIOS DE JORGE LUIS BORGES

THE THEORY OF POSSIBLE WORLDS IN THE LITERARY WORKS OF JORGE LUIS BORGES

Anotación. Jorge Luis Borges en sus trabajos literarios analiza el fenómeno del subconsciente que forma el mundo paralelo a la realidad, intenta investigar el origen y la esencia del universo, quiere definir la naturaleza del tiempo. El autor llega a la conclusión de que el universo es ilimitado y periódico, el tiempo es el flujo interminable y el subconsciente es capaz de crear mundos fantásticos rígidos por valores morales de cada individuo. Los mundos posibles son creaciones de la mente humana o divina, están caracterizados como caóticos, cíclicos y múltiples. Son incognoscibles para el ser humano. Solo se puede acercarse al conocimiento absoluto pero nunca seremos capaces de conseguirlo. Los cuentos fantásticos de Borges son metafísicos, usando los recursos literarios el autor resuelve los problemas existenciales. El jardín de los senderos que se bifurcan, la biblioteca de Babel y el Aleph son buenos ejemplos de esta tendencia en la creatividad de Borges. El autor indica que la frontera entre lo realista y lo imaginario es frecuentemente ilusorio. Lo imaginario puede ser material para el ser humano si él lo cree. Los mundos posibles pueden substituir la realidad, el hombre existe en el universo que crea su pensamiento y este universo puede tener poco de lo cotidiano y habitual. Lo espiritual en este sentido forma los mundos posibles y define su forma.

Palabras claves: los mundos posibles, el universo, el tiempo, el subconsciente, la realidad imaginaria.

Annotation. Jorge Luis Borges in his literary works analyzes the phenomenon of the subconscious that forms the parallel worlds to reality, tries to investigate the origin and the essence of the universe, wants to define the nature of time. The author concludes from his research that the universe is unlimited and periodic, time, in his opinion, is the endless flow and the subconscious is capable of creating fantastic worlds that are managed by moral values of each individual. Such possible worlds are creations of the human or divine mind, they are characterized as chaotic, cyclical and multiple. They are unknowable to humans. We can only come close to absolute knowledge but we will never be able to achieve it. Borges's fantastic stories are metaphysical, using literary resources the author solves existential problems. The garden of Forking Paths, the Babel library and the Aleph are good examples of this trend in Borges' creativity. The author indicates that the border between the realistic and the imaginary is frequently illusory. The imaginary can be material to the human being if he believes in it. Possible worlds can replace reality, man exists in the universe that is created by his thought. The spiritual in this sense forms the possible worlds and defines their form.

Key words: the possible worlds; the universe; the time; the subconscious; the imaginary reality.

Jorge Luis Borges creyó una selección de cuentos fantásticos excepcionales por su profundidad. Su narrativa es metafísica. Su escritura puede tener muchos significados, es frecuentemente ensayística y casi enciclopédica. Borges inicialmente formó parte del ultraísmo, un movimiento de vanguardia literaria pero con el paso del tiempo lo abandonó y creó su propio estilo. En la obra de Borges perviven distintas posibilidades de vincular el mundo real con mundos imaginarios. En su obra Borges se reitera la hipótesis de que la realidad en la que vivimos es

¹ Усова Ирина Вячеславовна, Россия, студент переводческого факультета МГЛУ (usova.irina17@gmail.com).

producto de un sueño. La literatura, según el escritor, es una serie de conjeturas de lo que podría suceder si las cosas no fueran tal cual las creemos.

Los mundos posibles son definidos por Borges como realidad paralela que es producto de nuestro subconsciente. El mundo puede ser físico si la persona cree en su veracidad. Los mundos posibles son formados por valores morales y orientaciones espirituales del hombre. Son parte del universo y están dirigidos por la voluntad divina.

En la narrativa de Borges destacan *El jardín de los senderos que se bifurcan*, la biblioteca de Babel y *el Aleph*. La temática de estas obras es similar: la exploración del mundo caótico y casual, análisis de la realidad múltiple y cíclica. El motivo recurrente es la creencia en el infinito inaccesible.

El jardín de los senderos que se bifurcan es un cuento libresco-policial donde lo realístico se mezcla con lo fantástico. El espía explora las posibilidades de su destino. Percibe la vida como un libro de los senderos que se bifurcan. Nota que cada elección influye el futuro del ser humano. “En todas las ficciones, cada vez que un hombre se enfrenta con diversas alternativas opta por una y elimina las otras”² — dice Stephen Albert en esta obra. Stephen Albert es investigador sinólogo que intenta revelar el misterio del libro de la vida. Indica al espía que la existencia es un laberinto con múltiples opciones, “diversos porvenires, diversos tiempos, que también se proliferan y se bifurcan”³. Todo es contingente en esta historia. Lo fantástico forma parte de la vida del hombre. Habitualmente no podemos predecir las consecuencias de nuestras acciones, ni saber nuestro destino. Así el espía no sabe cómo va a acabar su aventura, no sabe si consigue huir de la justicia inglesa, cree en el azar. *El jardín de los senderos que se bifurcan* es una metáfora de la vida que se abarca un poco de todo: alegrías, dolores, accidentes, desafíos. Es fácil perderse en este jardín mágico y difícil encontrar lo verdadero y valioso. La investigadora rusa Oksana Chistyukhina en su tesis afirma que el jardín a la vez simboliza el libro de la vida y el laberinto infinito⁴. El libro de la vida es entendido como la historia universal y el laberinto infinito es la metáfora de la búsqueda existencial del hombre. Según la creencia judía el mundo es el libro enorme con destinos de la gente ya determinados por voluntad divina. Las personas son letras del alfabeto, sus acciones influyen la forma del universo pero no pueden cambiar su orden. Otro filólogo ruso, Dmitry Likhachev, opinaba que el jardín era un símbolo de la naturaleza ideal, percibida, según él, por el ser humano como la Biblia, un libro, una biblioteca⁵. El tiempo es también el protagonista de este cuento: es algo incomprendible para el hombre, algo que siempre escapa. El espía es consciente de la falta del tiempo, de su habilidad de manejarlo depende su vida o muerte. El tiempo nunca se detiene y así es enemigo del hombre. Su fuerza mata al espía, no puede cambiar su destino y evitar la muerte porque el tiempo corre demasiado rápido. El problema de dirección del tiempo es analizado en este cuento escrupulosamente. Borges defiende la posición de que todo que ocurre pertenece al presente. “Después reflexioné que todas las cosas le suceden a uno precisamente, precisamente ahora. Siglos de siglos y sólo en el presente ocurren los hechos; innumerables hombres en el aire, en la tierra y el mar, y todo lo que realmente pasa me pasa a mí” — así mediante su protagonista el autor expresa su visión del dicho problema⁶.

El universo en este cuento es entendido como un interminable flujo del tiempo. Su definición es la siguiente: “Creía en infinitas series de tiempos, en una red creciente y vertiginosa de tiempos divergentes, convergentes y paralelos. Esa trama de tiempos que se aproximan, se bifurcan, se cortan o que secularmente se ignoran, abarca todas las posibilidades”⁷. Entender la esencia del

² Jorge Luis Borges, “El jardín de senderos que se bifurcan”, *Ciudad Seva* [Recurso electrónico]. URL: <https://ciudadseva.com/texto/el-jardin-de-los-senderos-que-se-bifurcan/> (consultado el 17.08.2021).

³ Ibid.

⁴ Чистюхина О. П., “Творчество Х. Л. Борхеса в контексте философии культуры”: дис. ... канд. филос. наук, Ростов-на-Дону, 2000, с. 59.

⁵ Дмитрий Лихачев, “Слово и сад”, *Finitis dudecimi lustris*: сб. ст. к 60-летию проф. Ю. М. Лотмана, Таллин, 1982, с. 57–65.

⁶ Jorge Luis Borges, “El jardín de senderos que se bifurcan”, *Ciudad Seva* [Recurso electrónico]. URL: <https://ciudadseva.com/texto/el-jardin-de-los-senderos-que-se-bifurcan/> (consultado el 17.08.2021).

⁷ Ibid.

tiempo era una obsesión para Borges, su filosofía se basa en la búsqueda de la respuesta a esta pregunta eterna.

Incluso las obras de Borges tienen carácter cíclico y frecuentemente contienen relato dentro del relato. En *El jardín de los senderos que se bifurcan* el autor intencionalmente proporciona dos explicaciones de la demora de las tropas británicas a las líneas alemanas en Francia: el historiador Lidell Hart y Madden (posiblemente el narrador-editor) consideran que se debió a intensas lluvias y el espía insiste que ese retraso se debió al bombardeo de la base militar británica en Albert, y es suficientemente significativo como para justificar su muerte. Esta divergencia de opiniones postula la posibilidad de la existencia de un sinfín de líneas temporales que se ramifican como diferentes senderos que puede tomar la historia. Según Oksana Chistyukhina el problema que Borges plantea con esta ambigüedad es posibilidad de interpretación diversa del texto literario. En cada época la percepción del texto literario es distinto porque los valores culturales cambian según las tendencias actuales en la sociedad. No existe interpretación única del libro de la vida, en cada época aparecen nuevos significados y nueva percepción del universo⁸. Al visión puede resultar inverosímil, pero cabe recordar que el mismo Borges ha postulado a la ambigüedad como una de las mayores riquezas de la literatura. En este sentido su texto tiene el final abierto.

En *La biblioteca de Babel* el universo está representado como una biblioteca infinita. Según Oksana Chistyukhina la biblioteca es el origen y la esencia de toda la cultura, su función principal es que es depósito de la memoria humana. Cada libro de la biblioteca contiene el espíritu de su autor. Así la biblioteca demuestra el desarrollo de la espiritualidad humana⁹. Existe similitud con el universo del cuento *El jardín de los senderos que se bifurcan*: el misterio del mundo es incomprendible para el hombre, por mucho que él intenta nunca podrá resolver este secreto. El universo de *La biblioteca de Babel* está definido así: “La Biblioteca es una esfera cuyo centro cabal es cualquier hexágono, cuya circunferencia es inaccesible”¹⁰. En esta historia la gente busca el libro que contiene la esencia de todos los demás, cada uno quiere encontrar su apología y así conseguir la verdad absoluta. Pero “no hay, en la vasta Biblioteca, dos libros idénticos”¹¹, existe por eso solo la verdad parcial, la verdad subjetiva. Alguna gente se desespera en su búsqueda y según el autor se suicida. Puede ser la metáfora de sufrimientos humanos: no todos encuentran el sentido de la vida. La búsqueda de lo significativo en la vida es constante e incesable, el autor como todo el mundo espera que algún día sabremos el origen de la Biblioteca (el universo) y del tiempo:

*No me parece inverosímil que en algún anaquel del universo haya un libro total; ruego a los dioses ignorados que un hombre — ¡uno solo, aunque sea, hace miles de años! — lo haya examinado y leído. Si el honor y la sabiduría y la felicidad no son para mí, que sean para otros. Que el cielo exista, aunque mi lugar sea el infierno. Que yo sea ultrajado y aniquilado, pero que en un instante, en un ser, .Tu enorme Biblioteca se justifique*¹²

En este fragmento el autor subraya la idea de la grandeza del mundo y del papel insignificante de cada individuo.

Dios es omnipotente en este cuento, es creador del universo, tiene toda la sabiduría. El hombre desempeña un papel modesto, no puede orientarse bien en este mundo caótico, es débil.

Todo lo que crea el hombre es insignificante en comparación con la obra de Dios. “Visiblemente, nadie espera descubrir nada”¹³ — afirma el narrador.

El título del cuento tiene referencia a historia bíblica del libro de Génesis, que explica el origen de diferentes idiomas. El título no es casual. La gente habla diferentes idiomas pero los problemas filosóficos son comunes para todo el mundo, así el autor plantea no solo problemas

⁸ Чистюхина О. П., *Op. cit.*, c. 46.

⁹ Чистюхина О. П., *Op. cit.*, c. 47.

¹⁰ Jorge Luis Borges, “La biblioteca de Babel”, *Ciudad Seva* [Recurso electrónico]. URL: <https://ciudadseva.com/texto/la-biblioteca-de-babel/> (consultado el 17.08.2021).

¹¹ *Ibid.*

¹² *Ibid.*

¹³ Jorge Luis Borges, “La biblioteca de Babel”, *Ciudad Seva* [Recurso electrónico]. URL: <https://ciudadseva.com/texto/la-biblioteca-de-babel/> (consultado el 17.08.2021).

existenciales sino también globales. Borges defiende la posición de que hay tantas respuestas a preguntas eternas cuantas personas hay en el mundo, su convicción personal es que el universo es ilimitado y periódico. Esta opinión tiene argumentos científicos.

Para Borges Babel es el total desorden, el caos absoluto. Su conclusión es que no se puede llegar a comprender ni a tener acceso a los contenidos de la Biblioteca, no al menos desde la racionalidad humana.

Otro cuento borgeano que refleja la multiplicidad de las cosas del universo es el Aleph. La obra toma el nombre del símbolo matemático \aleph (número álef). Como señala Fernando Chelle en su artículo:

En esta primera letra del alfabeto hebreo, los místicos judíos vieron la raíz espiritual de todas las letras, una letra que las contiene a todas y por ende contiene todos los elementos del lenguaje humano. Según esta tradición la letra álef es un símbolo del universo y de la voluntad divina ya que fue la única letra que los mortales escucharon de la voz de Dios¹⁴

Este cuento tiene como principal tema el enfrentamiento del individuo al infinito, representado en un objeto llamado el Aleph, que no es otra cosa que el microcosmo que contiene a su vez todos los puntos del macrocosmo. Lo sobrenatural está incluido en lo cotidiano. La acción pasa en el sótano de la casa de Buenos Aires. El universo que el protagonista ve está relacionado con sus memorias de su amada muerta Beatriz. Estas memorias son el sentido de la vida para el hombre, ellas forman su alma, no existe sin ellas. Son su universo propio. Y en mi opinión, usando la imagen del Aleph, Borges implica que cada persona tiene su propio mundo imaginario que es su mundo interior único e inigualable. No es casual que existe un refrán: “Cada cabeza es el mundo”.

Nuestras pasiones, pensamientos, sentimientos se definen quien somos. Nuestras inclinaciones nos destacan. No hay dos hombres iguales en el mundo porque los modos de pensar son siempre diferentes. Este universo es incomprensible incluso para el hombre que lo contempla. Cuando el autor intenta describir que es el Aleph, las palabras se convierten en caos y no tienen conexión.

El secreto del alma humana es una de cuestiones filosóficas que no tienen la respuesta precisa. El amor es siempre providencial, no elegimos a quien amar y a quien no, lo ocurre según nuestras simpatías espontáneas, según nuestra experiencia anterior y según las indicaciones del corazón que no podemos explicar.

La principal pregunta del cuento es si existe la separación entre la realidad y la ficción. El Aleph forma parte de la vida de Borges-protagonista porque ocupa su conciencia. Para él su mundo de memorias es real y material. El Aleph de Carlos Argentino Daneri, el primo de Beatriz, debe ser distinto: sus valores morales y riquezas espirituales crean el universo paralelo al universo de Borges-protagonista. Así cada persona percibe su propio universo. Este universo existe para el hombre mismo pero para los demás es inaccesible.

Según este cuento el universo cambia, pero las personas no. El desarrollo del universo es infinito mientras que el hombre siempre está limitado en sus deseos por las circunstancias de vida. Por mucho que el protagonista quiere, no puede devolver a la vida a su amada y el universo parece indiferente a su dolor. El universo puede existir sin Beatriz y para Borges-protagonista este es imposible. Las pasiones de cada individuo son insignificantes para el mundo en general y esto, quizás, sea la gran tragedia del ser humano. El narrador del cuento lo percibe así:

La candente mañana de febrero en que Beatriz Viterbo murió, después de una imperiosa agonía que no se rebajó un solo instante ni al sentimentalismo ni al miedo, noté que las carteleras de fierro de la Plaza Constitución habían renovado no sé qué aviso de cigarrillos rubios; el hecho me dolió, pues

¹⁴ “‘El Aleph’: la multiplicidad infinita del universe, *Letralia. Tierra de Letras* [Recurso electrónico]. URL: <https://letralia.com/sala-de-ensayo/2016/03/07/el-aleph-la-multiplicidad-infinita-del-universo/> (consultado el 20.08.2021).

comprendí que el incesante y vasto universo ya se apartaba de ella y que ese cambio era el primero de una serie infinita. .Cambiará el universo pero yo no, pensé con melancólica vanidad¹⁵

En este sentido, el universo no es sólo incomprensible para el hombre pero también hostil. Su grandeza y indiferencia suprime al ser humano.

El Aleph es alabado por críticos como una de las historias más importantes de Borges. James E. Irby considera que la obra de Borges es «una de las expresiones más extraordinarias en toda la literatura occidental de la angustia del tiempo del hombre moderno»¹⁶. Ana María Barrenechea argumenta que la más importante de las preocupaciones de Borges es “la convicción de que el mundo es un caos imposible de reducir a cualquier ley humana”¹⁷. Ella alaba específicamente a El Aleph como un ejemplo de la economía del trabajo de Borges en su habilidad para borrar los límites de la realidad y crear en el lector una atmósfera de ansiedad.

En general, los cuentos de Borges son existenciales, analizan el fenómeno del universo y descubren la posibilidad de los mundos posibles. Los mundos posibles son parte del universo porque todas las creaciones espirituales forman su propio mundo invisible pero, sin embargo, material. Cada uno entiende el universo según su punto de vista, por eso no puede existir la respuesta única de su origen. El tiempo es también un fenómeno incognoscible para el ser humano. Los cuentos de Borges no contienen la verdad absoluta sino ofrecen al lector múltiples hipótesis. Su obra es una extensión laberíntica de nuestro inconsciente. La mente inconsciente no está estudiada suficientemente por los científicos y por eso para nosotros es fantástica.

Bibliografía

1. Jorge Luis, Borges, “El jardín de los senderos que se bifurcan”, *Ciudad Seva* [Recurso electrónico]. URL: <https://ciudadseva.com/texto/el-jardin-de-los-senderos-que-se-bifurcan/> (consultado el 17.08.2021).
2. Jorge Luis Borges, “La biblioteca de Babel”, *Ciudad Seva* [Recurso electrónico]. URL: <https://ciudadseva.com/texto/la-biblioteca-de-babel/> (consultado el 17.08.2021).
3. Jorge Luis Borges, “El Aleph”, *Ciudad Seva* [Recurso electrónico]. URL: <https://ciudadseva.com/texto/el-aleph/> (consultado el 17.08.2021).
4. Josefina Pantoja Meléndez, “El tiempo en un cuento de Borges: ‘El jardín de los senderos que se bifurcan’”, Universidad Nacional Autónoma de México, *Thémata, Revista de Filosofía* 45, 2012.
5. Raquel Bórquez, “Sobre la des-construcción de ‘La Biblioteca de Babel’ o El imperio de la Metáfora”, Instituto de Literatura y Ciencias del Lenguaje Pontificia Universidad Católica de Valparaíso — Chile [Recurso electrónico]. URL: <https://webs.ucm.es/info/especulo/numero35/bbabel.html> (consultado el 10.08.2021).
6. Alberto Fernández-Diego, “Simbolismo y metáfora: Paralelismos filosóficos en ‘La Biblioteca de Babel’ de Jorge Luis Borges” [Recurso electrónico]. URL: <https://trace.tennessee.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1061&context=vernacular> (consultado el 10.08.2021).
7. Fernando Chelle, “‘El Aleph’: la multiplicidad infinita del universo” [Recurso electrónico]. URL: <https://letralia.com/sala-de-ensayo/2016/03/07/el-aleph-la-multiplicidad-infinita-del-universo/> (consultado el 08.08.2021).
8. Juan Manuel Campos Benítez, “Literatura, teología y mundos posibles: una manera de leer a Jorge Luis Borges”, *SciELO* [Recurso electrónico]. URL: http://www.scielo.org.mx/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S0188-66492012000100010 (consultado el 07.08.2021).
9. Чистюхина О. П., “Творчество Х. Л. Борхеса в контексте философии культуры”: дис. ...канд. филос. Наук, Ростов-на-Дону, 2000.

¹⁵ Jorge Luis Borges, “El Aleph”, *Ciudad Seva* [Recurso electrónico]. URL: <https://ciudadseva.com/texto/el-aleph/> (consultado el 17.08.2021).

¹⁶ *The Cradinal Points of Borges*, eds Lowell Dunham and Ivar Ivask, Norman, University of Oklahoma Press, 1971 [Recurso electrónico]. URL: <https://www.borges.pitt.edu/sites/default/files/Irby%20Borges%20and%20the%20Idea%20of%20Europa.pdf> (consultado el 21.08.2021).

¹⁷ Jean F. Cappello, “‘El Aleph’ Read as New Physics Realism”, *Revista Canadiense de Estudios Hispánicos* 19: 3, 1995, p. 463–477 [Recurso electrónico]. URL: <https://www.jstor.org/stable/27763212> (consultado el 22.08.2021).

10. Лихачев Дмитрий, “Слово и сад”, *Finitis duodecimi lustris*: сб. ст. к 60-летию проф. Ю. М. Лотмана, Таллин, 1982, с. 57–65.
11. *The Cradinal Points of Borges*, eds Lowell Dunham and Ivar Ivask, Norman, University of Oklahoma Press, 1971 [Recurso electrónico]. URL: <https://www.borges.pitt.edu/sites/default/files/Irby%20Borges%20and%20the%20Idea%20of%20Europia.pdf> (consultado el 21.08.2021).
12. Jean F., Cappello, “‘El Aleph’ Read as New Physics Realism”, *Revista Canadiense de Estudios Hispánicos* 19: 3, 1995, p. 463–477 [Recurso electrónico]. URL: <https://www.jstor.org/stable/27763212> (consultado el 22.08.2021).
13. “‘El Aleph’: la multiplicidad infinita del universe, *Letralia. Tierra de Letras* [Recurso electrónico]. URL: <https://letralia.com/sala-de-ensayo/2016/03/07/el-aleph-la-multiplicidad-infinita-del-universo/> (consultado el 20.08.2021).

Д. И. Попов¹

ВОСПРИЯТИЕ ИЮЛЬСКИХ ПРОТЕСТОВ НА КУБЕ В СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЕ: РЕАКЦИЯ ВЛАСТЕЙ И СМИ

PERCEPTION OF THE JULY PROTESTS IN CUBA IN NORTHERN EUROPE: THE REACTION OF THE AUTHORITIES AND THE MEDIA

Abstract: This study deals with the perception of the July 2021 protests in Cuba in the Nordic countries (Denmark, Norway, Sweden and Finland), which are acutely reacting to all events related to human rights and democratic movements and influencing this agenda around the world. To achieve this goal, the reaction of the official leadership of the states and the formed attitude to the protests in the leading Northern European media are analyzed. As a result of the study, it was revealed that the authorities of the Nordic countries did not officially make statements regarding the events in Cuba, since these events turned out to be unexpected and ambiguous, and the leading Western countries took a wait-and-see attitude. Similarly, a cautious approach prevailed in the media: descriptive materials were published, the reasons for the protests were identified, but only in some articles a deep analysis of the happened was presented.

Key words: Cuba; Sweden; Denmark; Norway; Finland; “Moral superpower”.

Resumen: El presente estudio examina las percepciones de las protestas de julio en Cuba de 2021 en los países nórdicos: Dinamarca, Noruega, Suecia y Finlandia, que responden de manera aguda a todos los eventos relacionados con los movimientos democráticos y de derechos humanos e influyen en esta agenda en todo el mundo. Para lograr este objetivo, se analiza la reacción de los líderes oficiales de los Estados y la actitud formada hacia las protestas en los principales medios de comunicación del Norte de Europa. Como resultado del estudio, se reveló que las autoridades de los países nórdicos no hicieron declaraciones oficialmente sobre los eventos en Cuba, ya que estos eventos fueron inesperados y ambiguos, y los principales países occidentales tomaron una posición de esperar y ver. Del mismo modo, el enfoque cauteloso prevaleció en los medios de comunicación: se publicaron materiales descriptivos, se identificaron las razones de las protestas, pero solo en artículos individuales se presentó un análisis profundo de lo que estaba sucediendo.

Palabras clave: Cuba; Suecia; Dinamarca; Noruega; Finlandia; “superpotencia moral”.

Введение

Протестное движение, начавшееся на Кубе 12 июля 2021 г., не стало изолированным событием, а сразу привлекло внимание многих стран мира, их лидеров и, конечно, средств массовой информации. В настоящем исследовании мы рассматриваем восприятие кубинских событий в странах Северной Европы — Дании, Норвегии, Швеции и Финляндии. Анализ реакции общественности и властей этих государств важен, так как они наиболее остро реагируют на события, связанные с нарушением прав человека и защитой демократических ценностей, устанавливая нормы поведения в данной сфере². Хотя данные страны не имеют очень богатого колониального прошлого, еще с середины XX в. в

¹ Попов Дмитрий Игоревич, Россия, студент СПбГУ (dp04@mail.ru).

² Christine Ingebritsen, “Norm Entrepreneurs: Scandinavia’s Role in World Politics”, *Cooperation and Conflict* 1, 2002, p. 11–23.

их внешней политике особую роль играло взаимодействие со странами Третьего мира. Это направление дипломатии североевропейских стран во многом определило их положение «моральных сверхдержав»³, мнение которых на события, связанные с движением в защиту прав человека, влияет и на их восприятие другими странами. Таким образом, подобное исследование покажет, какое отношение к произошедшему сформировалось среди стран евроатлантического блока в целом.

Итак, целью исследования мы поставили определение реакции стран Северной Европы на кубинские события июля 2021 г., для чего мы, во-первых, проанализировали, как оценили демонстрации и действия властей Кубы официальное руководство Швеции, Дании, Норвегии и Финляндии — премьер-министры и МИД, представительства стран на Кубе. Важно подчеркнуть, что, несмотря на схожую политику всех четырех государств в отношении стран Третьего мира, в настоящее время у власти в них находятся разные политические силы: если в Дании, Швеции и Финляндии ведущую роль в правящей коалиции играют социал-демократы, опирающиеся, правда, на поддержку разных левых и центристских партнеров, то в Норвегии правит правый блок во главе с Консервативной партией, что может повлиять и на их восприятие кубинских протестов. Во-вторых, на примере ведущих датских, норвежских и шведских СМИ мы разберем, какое отношение к событиям на Кубе сформировалось в обществе североевропейских стран. В качестве методов исследования мы используем контент-анализ документов органов государственной власти и публикаций СМИ, сравнительно-аналитический, системный подход и индукцию.

Исследование проводится в рамках конструктивистского подхода к изучению международных отношений, согласно которому идентичность государства на мировой арене играет особую роль и формируется на основе отдельных практик⁴. Странам Северной Европы для подтверждения их статуса «моральных сверхдержав» необходимо отстаивать свои принципы в разных проявляющихся движениях в защиту демократии, одним из которых можно воспринимать события на Кубе. В связи с этим и становится необходимым изучение именно восприятия кубинских протестов, как они изображаются в странах Северной Европы для достижения определенных целей.

Реакция руководства стран Северной Европы

С 12 июля и до конца месяца 2021 г. со стороны официального руководства Дании, Швеции, Норвегии и Финляндии сообщений о событиях на Кубе не исходило: подобную информацию нельзя найти ни на порталах правительств и МИД, ни на их официальных страницах в социальных сетях. Посольства Швеции и Норвегии в Гаване, а также Посольство Дании в Мехико, представляющее страну на Кубе, также текущую ситуацию не комментировало, не предупреждало своих соотечественников воздержаться от участия в беспорядках, но здесь в основном и публикуются материалы информационного и туристического характера⁵. Единственным исключением стала публикация ссылки на интервью о происходящем на Кубе на официальной странице Twitter посла Финляндии в странах Карибского бассейна, которая затем была добавлена и на официальную страницу МИД Финляндии в этой социальной сети⁶.

³ Ann-Sofie Dahl, “Sweden: Once a Moral Superpower, Always a Moral Superpower?” *International Journal* 4, 2006, p. 895–908.

⁴ Tim Dunne, Milja Kurki, Steve Smith, *International Relations Theory. Discipline and Diversity*, Oxford University Press, 2013, p. 187–204.

⁵ Udenrigsministeriet. Danmark i Mexiko [Электронный ресурс]. URL: <https://mexico.um.dk/> (дата обращения: 28.07.2021); Sveriges Ambassad. Havanna, Kuba [Электронный ресурс]. URL: <https://www.swedenabroad.se/havanna> (дата обращения: 28.07.2021); Noruega en Cuba [Электронный ресурс]. URL: <https://www.norway.no/es/cuba/> (дата обращения: 28.07.2021).

⁶ “MFA Finland”, *Twitter* [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com/Ulkoministerio> (дата обращения: 28.07.2021).

Безусловно, отсутствие реакции со стороны властей можно, с одной стороны, объяснить неожиданностью протестов, которые прошли на Кубе впервые за многие годы, неопределенностью их характера и развития, а затем относительной стабилизацией ситуации и отсутствием жестких ответных мер со стороны властей. Конечно, можно говорить о значительной удаленности Кубы от Северной Европы, но, как мы писали выше, североευропейские страны позиционируют себя лидерами правозащитного и демократического движения во всем мире, поддерживают развивающиеся страны всех регионов, к тому же в них самих за последние десятилетия сформировались кубинские диаспоры. Наконец, в это же время руководство стран Северной Европы активно обсуждало ситуацию в Белоруссии, Сирии и Тунисе⁷, громко заявляло о своей поддержке стран Африки и Азии, поэтому и кубинские события были бы поводом в очередной раз показать свою позицию. Следовательно, протесты на Кубе не воспринимались руководством североευропейских стран столь однозначно, чтобы говорить о них как о борьбе демократических сил с авторитарной диктатурой.

Анализ реакции североευропейских СМИ

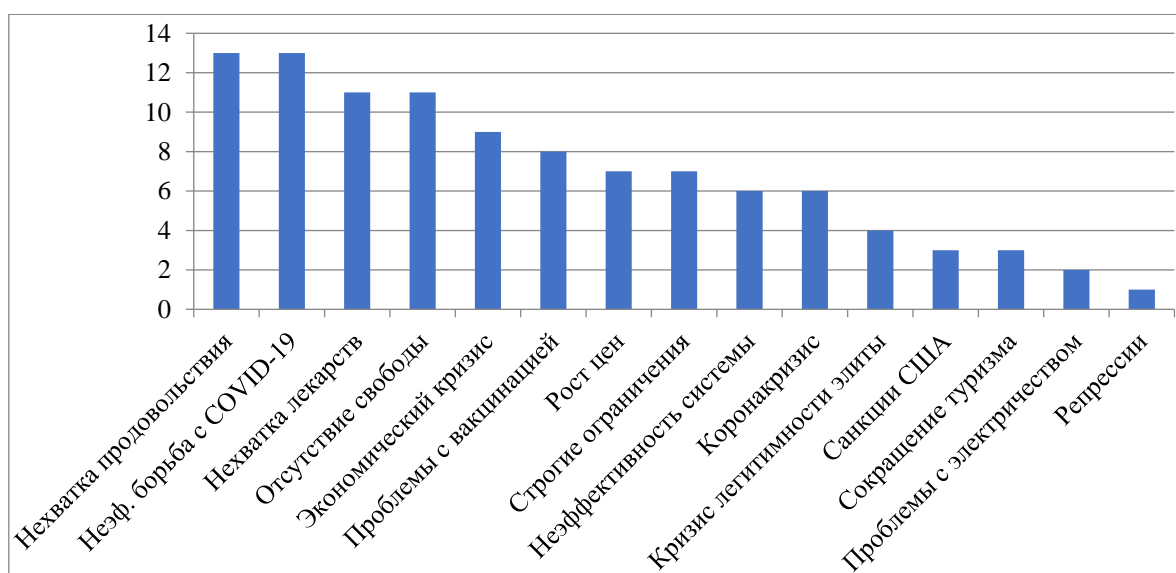
Для анализа реакции общественности скандинавских стран мы выбрали семь североευропейских изданий — датские *Jyllands-Posten*, *Berlingske* и *Politiken*, шведские *Aftonbladet* и *Dagens Nyheter* и норвежские *Aftenposten* и *VG*. Данные СМИ отражают разные политические взгляды (*Jyllands-Posten* и *Dagens Nyheter* — либеральные, *Berlingske* и *Aftenposten* — консервативные, *Aftonbladet* — социал-демократические, а *Politiken* и *VG* позиционируют себя независимыми), что также может повлиять на их восприятие кубинских событий.

Всего за период 12–14 июля 2021 г. в названных газетах было опубликовано 30 статей, посвященных демонстрациям на Кубе, 23 из которых были доступны бесплатно на интернет-страницах изданий. Также в *Jyllands-Posten* и *VG* события на Кубе попадали в сборник наиболее важных происшествий за 12 и 13 июля, но они упоминались одними из последних (только в сборник 13 июля в *VG* Куба оказалась центральным происшествием).

Все проанализированные публикации в большей или меньшей степени сочувствуют протестующим, хотя авторы пытаются писать не эмоционально, приводить факты, ссылаясь на источники, но подбираются яркие фотографии с кубинских улиц. В качестве источников выступают известные западные информационные агентства — BBC (упоминается в 14 публикациях), Reuters (13), *Financial Times* и *Associated Press* (по 2), AFP, *The Washington Post*, *The Economist* и другие. Иногда упоминаются кубинское *Agencia Cubana de Noticias* (3 раза), публикации в Twitter оппозиционного движения *San Isidro* (4 раза). Таким образом, освещение событий на Кубе в скандинавских изданиях идет опосредовано и, возможно, предвзято, так как опираются на позицию демонстрантов.

Практически в каждой из статей особое внимание уделяется причинам демонстраций (см. рисунок), которые можно разделить на текущие трудности (коронакризис, нехватка продовольствия и лекарств, перебои с электроэнергией, рост цен) и системные проблемы (потеря легитимности правящих элит, неэффективная однопартийная система и отсутствие свобод). При этом в большинстве публикаций авторы ссылаются на нынешние проявления коронакризиса и экономического спада, но они же связываются с общей неэффективностью однопартийной системы и отсутствием свобод.

⁷ “Denmark MFA”, *Twitter* [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com/DanishMFA> (дата обращения: 28.07.2021); “MFA Finland”, *Twitter* [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com/Ulkoministerio> (дата обращения: 28.07.2021); “Swedish Ministry for Foreign Affairs”, *Twitter* [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com/SweMFA> (дата обращения: 28.07.2021); “Norway MFA”, *Twitter* [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com/norwaymfa> (дата обращения: 28.07.2021).

Причины демонстраций на Кубе по версии скандинавских изданий

Описывая сами демонстрации, авторы статей отмечают их большой размах и уникальность (наиболее крупные за 30 или даже 60 лет⁸), постоянно приводят информацию о задержаниях, а затем — ранениях, первом погибшем, блокировке Интернета, стычках с полицией и военными, применения слезоточивого газа в отношении протестующих. Так они стремятся показать мирный характер выступлений и жестокие действия представителей органов правопорядка (только в двух статьях норвежской газеты VG указано, что демонстранты первыми бросали камни в полицию⁹). В большинстве статей приводятся интервью участников протестов¹⁰, т. е. показывается мнение лишь одной стороны. Почти во всех статьях появляется образ властей в лице президента Мигеля Диаса-Канеля, показанный противником демонстраций, обвиняющим в их организации США и призывающим прекратить беспорядки, но не угрожающим применением силой¹¹. Подобную позицию продвигают представители МВД и МИД республики¹², интервью представителей которых не приводится ни в одной статье.

Важным событием, освещаемом в газетах, стало заявление президента США Дж. Байдена о поддержке кубинских демонстрантов — об этом сообщается в шести статьях, приводятся его прямые цитаты¹³. Однако показано, что США не стремятся вмешиваться в кубинские дела, а только призывают руководство республики пойти на диалог с протестующими и осуждают любые формы насилия в отношении участников «мирных протестов». Отношение других стран к событиям на Кубе не приводится, за исключением

⁸ “Flere anholdt under årtiers største demonstrationer i Cuba”. 13.07.2021, *Berlingske* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.berlingske.dk/internationalt/flere-anholdt-under-aartiers-stoerste-demonstrationer-i-cuba> (дата обращения: 28.07.2021).

⁹ “Tar til gatene på Cuba: Største siden revolusjonen”. 12.07.2021, *VG* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vg.no/nyheter/utenriks/i/B33gx0/tar-til-gatene-paa-cuba-stoerste-siden-revolusjonen> (дата обращения: 28.07.2021).

¹⁰ “Flere anholdt under årtiers største demonstrationer i Cuba”. 13.07.2021, *Berlingske* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.berlingske.dk/internationalt/flere-anholdt-under-aartiers-stoerste-demonstrationer-i-cuba> (дата обращения: 28.07.2021).

¹¹ “Store protester mod regeringen i Cuba koster det første liv”. 14.07.2021, *Berlingske* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.berlingske.dk/internationalt/store-protester-mod-regeringen-i-cuba-koster-det-foerste-liv> (дата обращения: 28.07.2021).

¹² “En död vid demonstrationerna i Kuba”. 14.07.2021, *Aftonbladet* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aftonbladet.se/nyheter/a/x4mxA8/en-dod-vid-demonstrationerna-i-kuba> (дата обращения: 28.07.2021).

¹³ “Biden opfordrer Cubas ledere til at lytte til demonstranter”. 12.07.2021, *Jyllands-Posten* [Электронный ресурс]. URL: <https://jyllands-posten.dk/international/usa/ECE13126477/biden-opfordrer-cubas-ledere-til-at-lytte-til-demonstranter/> (дата обращения: 28.07.2021).

одной статьи Aftenposten. В ней сообщается о поддержке кубинского правительства со стороны президента Венесуэлы Н. Мадуро¹⁴, тем самым четко показывая единый образ двух левых латиноамериканских диктатур.

Рассмотрим особенности изображения протестов в СМИ каждой из скандинавских стран. Статьи в датских газетах представляют собой заметки среднего объема (около 300 слов), опирающиеся на информацию датского агентства Ritzau, в связи с чем один материал дублируется в каждом из трех изданий. Оригинальные работы с подробным анализом доступны лишь платно. В бесплатных статьях приводятся только описание происходящих событий (особое внимание уделяется фактам задержаний, гибели протестующего¹⁵), причины подробно не разбираются (лишь кратко приводится коронакризис, экономические трудности, проблемы с продовольствием и лекарствами¹⁶).

Публикации шведского издания Aftonbladet представляют собой короткие заметки, в которых в большей степени раскрываются требования демонстраций по изменению политической системы страны в целом. Также эта газета предлагала радиодискуссию о Кубе, в которой особый акцент делался на тяжелое экономическое положение и проблемы с коронавирусом, видео с интервью демонстрантов¹⁷. В Dagens Nyheter представлены только платные статьи, но можно бесплатно просмотреть видеотреклеты с демонстраций, которые также иллюстрируют сочувствующее отношение издания к протестующим¹⁸.

Наиболее подробно освещаются демонстрации в немногочисленных, но наиболее объемных статьях норвежских изданий. В них приводятся интервью кубинцев, проживающих в Норвегии, политолога Вегарда Бэя, социолога Столе Вига и государственного секретаря МИД Йенса Фрелиха Хольте (однако в его сообщении кубинские власти не критикуются, а позиция США напрямую не поддерживается). Так показана их связь с норвежской политикой, формируется интерес подданных королевства к происходящему¹⁹. Именно норвежские авторы, опирающиеся на мнение экспертов, более подробно раскрывают системные причины происходящих событий, отмечают неэффективность кубинской экономической политики, потерю легитимности элит после ухода от власти поколения революционеров²⁰. Также в статьях предпринята попытка раскрыть сущность протестного движения, отмечается его приверженность идеалам революции 1959 г. (схожие лозунги, обращение к фигуре Фиделя Кастро²¹) и трудности (отсутствие лидерства²²). Наконец, приводится мнение экспертов о развитии ситуации,

¹⁴ “Cuba og USA i ordkrig etter demonstrasjoner”. 13.07.2021, *Aftenposten* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aftenposten.no/verden/i/Wq0o82/cuba-og-usa-i-ordkrig-etter-demonstrasjoner> (дата обращения: 28.07.2021).

¹⁵ “Bemærkelsesværdige protester koster det første liv i Cuba”. 14.07.2021, *Politiken* [Электронный ресурс]. URL: <https://politiken.dk/udland/art8289017/Bemærkelsesværdige-protester-koster-det-første-liv-i-Cuba> (дата обращения: 28.07.2021).

¹⁶ “Flere anholdt under årtiers største demonstrationer i Cuba”. 13.07.2021, *Berlingske* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.berlingske.dk/internationalt/flere-anholdt-under-aartiers-stoerste-demonstrationer-i-cuba> (дата обращения: 28.07.2021).

¹⁷ “Raplåten som förknippas med Kubas protester”. 14.07.2021, *Aftonbladet* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aftonbladet.se/nojesbladet/a/O3oRpV/raplatten-som-forknippas-med-kubas-protester> (дата обращения: 28.07.2021).

¹⁸ “Omfattande demonstrationer har brutit ut på Kuba”. 12.07.2021, *Dagens Nyheter* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dn.se/varlden/omfattande-demonstrationer-har-brutit-ut-pa-kuba/> (дата обращения: 28.07.2021).

¹⁹ “Matmangel og smitteøkning: Protestene på Cuba er de største på flere tiår”. 12.07.2021, *Aftenposten* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aftenposten.no/verden/i/rWIKW3/matmangel-og-smitteokning-protestene-paa-cuba-er-de-stoerste-paa-flere-t> (дата обращения: 28.07.2021).

²⁰ “Tar til gatene på Cuba: Største siden revolusjonen”. 12.07.2021, *VG* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vg.no/nyheter/utenriks/i/B33gx0/tar-til-gatene-paa-cuba-stoerste-siden-revolusjonen> (дата обращения: 28.07.2021).

²¹ “Nå tør cubanerne protestere”. 13.07.2021, *VG* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vg.no/nyheter/meninger/i/aWb0ld/naa-toer-cubanerne-protestere> (дата обращения: 28.07.2021).

²² “Demonstrerte i solidaritet med Cuba: — Familien min er redde”. 14.07.2021, *VG* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vg.no/nyheter/utenriks/i/vOgqKw/demonstrerte-i-solidaritet-med-cuba-familien-min-er-redde> (дата обращения: 28.07.2021).

которая, как сказано в статьях, вряд ли будет обостряться и скорее приведет к системным реформам в стране.

Выводы

Таким образом, в статьях североевропейских газет формируется образ происходящего на Кубе как противостояние гражданского общества, действия которого оправдываются комплексом причин, с авторитарным однопартийным режимом. Проявляющееся сочувствие к демонстрантам не формирует полностью негативный образ властей, которые в лице президента показаны стремящимися не идти на уступки, но не применять силу. Большую роль сыграла неожиданность происходящего, поэтому в статьях подробно разбираются его причины, после чего уже будет сформировано к ним отношение.

В любом случае, для Северной Европы остается наиболее желательным проведение демократических преобразований, а не насильственное свержение строя, поэтому и официальные власти стран занимают осторожную позицию, прямо не комментируют происходящее, хотя МИД Норвегии и Финляндии затрагивали эту тему в своих интервью и публикациях в социальных сетях. Это может быть объяснено, с одной стороны, повышением роли каждой из этих двух стран в мировой политике (Норвегия занимает место непостоянного члена СБ ООН, а Финляндия претендует на место в Совете по правам человека²³), а с другой — внутренними факторами (грядущие парламентские выборы в Норвегии вынуждают правящие правые силы обращать внимание на правозащитную повестку для противостояния социал-демократам, а в Финляндии в правящую коалицию входит много левых и либеральных сил). Однако в связи с наличием других явных поводов для реализации своей моральной дипломатии кубинский случай оказался на периферии интереса Северной Европы. Подобным образом сформировалось отношение к происходящему в США и других странах Европы, где о полной поддержке протестов и давлении на власти не заявлено, пока демонстрации воспринимаются мирными, а власти не принимают жестких мер.

Библиография

1. Bemærkelsesværdige protester koster det første liv i Cuba. 14.07.2021 // Politiken [Электронный ресурс]. URL: https://politiken.dk/udland/art8289017/Bemærkelse_sværdige-protester-koster-det-første-liv-i-Cuba (дата обращения: 28.07.2021).
2. Biden opfordrer Cubas ledere til at lytte til demonstranter. 12.07.2021 // Jyllands-Posten [Электронный ресурс]. URL: <https://jyllands-posten.dk/international/usa/ECE13126477/biden-opfordrer-cubas-ledere-til-at-lytte-til-demonstranter/> (дата обращения: 28.07.2021).
3. Cuba og USA i ordkrig etter demonstrasjoner. 13.07.2021 // Aftenposten [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aftenposten.no/verden/i/Wq0o82/cuba-og-usa-i-ordkrig-etter-demonstrasjoner> (дата обращения: 28.07.2021).
4. Dahl A.-S. Sweden: Once a Moral Superpower, Always a Moral Superpower? // International Journal. 2006. Iss. 4.
5. Udenrigsministeriet. Danmark i Mexico [Электронный ресурс]. URL: <https://mexico.um.dk/> (дата обращения: 28.07.2021).
6. Demonstrerte i solidaritet med Cuba: — Familien min er redde. 14.07.2021 // VG [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vg.no/nyheter/utenriks/i/vOgqKw/demonstrerte-i-solidaritet-med-cuba-familien-min-er-redde> (дата обращения: 28.07.2021).
7. Denmark MFA // Twitter [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com/DanishMFA> (дата обращения: 28.07.2021).

²³ “MFA Finland”, *Twitter* [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com/Ulkoministerio> (дата обращения: 28.07.2021).

8. *Dunne T., Kurki M., Smith S.* International Relations Theory. Discipline and Diversity. Oxford University Press, 2013.
9. En död vid demonstrationerna i Kuba. 14.07.2021 // Aftonbladet [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aftonbladet.se/nyheter/a/x4mxA8/en-dod-vid-demonstrationerna-i-kuba> (дата обращения: 28.07.2021).
10. Flere anholdt under årtiers største demonstrationer i Cuba. 13.07.2021 // Berlingske [Электронный ресурс]. URL: <https://www.berlingske.dk/internationalt/flere-anholdt-under-aartiers-stoerste-demonstrationer-i-cuba> (дата обращения: 28.07.2021).
11. *Ingebritsen C.* Norm Entrepreneurs: Scandinavia's Role in World Politics // Cooperation and Conflict. 2002. No. 1.
12. Matmangel og smitteøkning: Protestene på Cuba er de største på flere tiår. 12.07.2021 // Aftenposten [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aftenposten.no/verden/i/rWIKW3/matmangel-og-smitteokning-protestene-paa-cuba-er-de-stoerste-paa-flere-t> (дата обращения: 28.07.2021).
13. MFA Finland // Twitter [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com/Ulkoministerio> (дата обращения: 28.07.2021).
14. Nå tør cubanerne protestere. 13.07.2021 // VG [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vg.no/nyheter/meninger/i/aWb0ld/naa-toer-cubanerne-protestere> (дата обращения: 28.07.2021).
15. Noruega en Cuba [Электронный ресурс]. URL: <https://www.norway.no/es/cuba/> (дата обращения: 28.07.2021).
16. Norway MFA // Twitter [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com/norwaymfa> (дата обращения: 28.07.2021).
17. Omfattande demonstrationer har brutit ut på Kuba. 12.07.2021 // Dagens Nyheter [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dn.se/varlden/omfattande-demonstrationer-har-brutit-ut-pa-kuba/> (дата обращения: 28.07.2021).
18. Raplåten som förknippas med Kubas protester. 14.07.2021 // Aftonbladet [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aftonbladet.se/nojesbladet/a/O3oRpV/raplatten-som-forknippas-med-kubas-protester> (дата обращения: 28.07.2021).
19. Store protester mod regeringen i Cuba koster det første liv. 14.07.2021 // Berlingske [Электронный ресурс]. URL: <https://www.berlingske.dk/internationalt/store-protester-mod-regeringen-i-cuba-koster-det-foerste-liv> (дата обращения: 28.07.2021).
20. Havanna, Kuba // Sveriges Ambassad [Электронный ресурс]. URL: <https://www.swedenabroad.se/havanna> (дата обращения: 28.07.2021).
21. Swedish Ministry for Foreign Affairs // Twitter [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com/SweMFA> (дата обращения: 28.07.2021).
22. Tar til gatene på Cuba: Største siden revolusjonen. 12.07.2021 // VG [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vg.no/nyheter/utenriks/i/B33gx0/tar-til-gatene-paa-cuba-stoerste-siden-revolusjonen> (дата обращения: 28.07.2021).

Т. М. Альмуков¹

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ВЕНЕСУЭЛЫ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА

FOREIGN POLICY OF VENEZUELA IN THE CONTEXT OF THE POLITICAL CRISIS

Abstract: At the end of the last decade, Venezuela was facing a severe economic downturn, which led to a significant polarization of society and a serious political crisis, which actually established duality of power in the country. The article analyzes the relationship and mutual influence of the political crisis within the country and foreign policy. The main foreign policy goals that have become a priority in the conditions of the political crisis are investigated. The main attempts and methods of the Maduro government to ensure the stability of its regime and achieve greater international recognition of legitimacy are examined. As a result, it was revealed that the current situation of the Maduro regime is much more stable than it was at the beginning of the political crisis. It is noted that one of the main reasons was the change of government in the United States, as well as the weakening of the level of support for the Venezuelan opposition.

Key words: Venezuela; crisis; USA; protests; negotiations.

Resumen: A finales de la última década, Venezuela se enfrentaba a una severa recesión económica, lo que llevó a una polarización significativa de la sociedad y una grave crisis política, que en realidad estableció la dualidad de poder en el país. El artículo analiza la relación y la influencia mutua de la crisis política dentro del país y la política exterior. Se investigan los principales objetivos de política exterior que se han convertido en una prioridad en las condiciones de la crisis política. Se examinan los principales intentos y métodos del gobierno de Maduro para garantizar la estabilidad de su régimen y lograr un mayor reconocimiento internacional de legitimidad. Como resultado, se reveló que la situación actual del régimen de Maduro es mucho más estable de lo que era al comienzo de la crisis política. Se señala que una de las principales razones fue el cambio de gobierno en Estados Unidos, así como el debilitamiento del nivel de apoyo a la oposición venezolana.

Palabras clave: Venezuela; crisis; Estados Unidos; protestas; negociaciones.

Во второй половине 2010-х гг. Венесуэлу настигает один из наиболее глубочайших кризисов в истории Латинской Америки. В период с 2013 по 2021 г. Боливарианская республика теряет 127 % в темпах роста реального внутреннего валового продукта (ВВП)². За последние четыре года в результате массовой миграции население страны сократилось более чем на 3 млн человек и к 2022 г. предположительно составит 26,9 млн человек³. Общественные организации, как внутри, так и за пределами Венесуэлы, назвали сложившуюся ситуацию тяжелым гуманитарным кризисом, требующим международного внимания и ресурсов⁴. Отмечается также деградация многих государственных учреждений и органов, важнейших институтов для жизни людей. В этот же период происходит

¹ Альмуков Тимур Маратович, Россия, студент СПбГУ (mr.almukov@mail.ru).

² “IMF. ‘Venezuela: Growth rate of the real gross domestic product (GDP) from 2012 to 2022 (compared to the previous year)’. Chart. April 6, 2021”, *Statista* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/370918/gross-domestic-product-gdp-growth-rate-in-venezuela/> (дата обращения: 05.09.2021).

³ Там же.

⁴ “Encuesta Nacional sobre Condiciones de Vida Venezuela 2017”, *UCAB* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ucab.edu.ve/wp-content/uploads/sites/2/2018/02/1.-ENCOVI-2017.pdf> (дата обращения: 05.09.2021).

значительный откат политического режима к авторитаризму. Действия властей по отстранению от выборов наиболее известных оппозиционных лидеров подорвали доверие населения к выборам, а также привели к сильнейшей поляризации общества⁵. Данная поляризация перешла в острую фазу конфликта с момента избрания председателем Национальной ассамблеи оппозиционного политика Хуана Гуайдо. 23 января 2019 г. Х. Гуайдо провозгласил себя временно исполняющим обязанности президентом, обосновав свое решение тем, что второй президентский мандат Николаса Мадуро не легитимен. Впоследствии массовые антиправительственные митинги поставили под сомнение способность продолжения режимом Мадуро прежнего курса как во внешней, так и во внутренней политике. Руководству страны пришлось считаться с действиями оппозиции. Это нашло свое отражение во внешней политике государства. В условиях усугубляющейся экономической ситуации и нарастающего внешнего давления со стороны США и других стран «коллективного Запада» правительству Мадуро была необходима как экономическая помощь, так и политическая поддержка извне. Однако традиционные латиноамериканские партнеры Мадуро в лице Кубы и Боливии были не в состоянии оказать Каракасу значительную финансовую помощь. Не дает сторонникам Мадуро больших надежд и позиция Мексики и Уругвая, призвавших стороны к переговорам при участии международных посредников из Латинской Америки и Европы⁶. Это дает основание утверждать о формировании нового внешнеполитического подхода и определении новых приоритетов на международной арене. При У. Чавесе внешняя политика Венесуэлы была направлена на установление регионального единства в рамках боливарианской идеологии и лидерства Венесуэлы. В глобальном же контексте государство вело себя исключительно прагматично, не жертвуя национальными интересами⁷. По сути, можно наблюдать преемственность этой политики в первые годы президентства Н. Мадуро. Однако с набравшим оборот структурным кризисом можно проследить изменение приоритетов. Венесуэльское руководство было вынуждено отказаться от амбициозных и дорогостоящих внешнеполитических проектов, сосредоточившись на внутренней политике⁸. Фактически все дипломатические усилия были направлены на стабилизацию ситуации в стране и удержании власти, что крайне сказалось на положении Боливарианской республики в регионе. Венесуэльский кризис в значительной степени отражает региональный вакуум власти и неспособность региональных государств сыграть конструктивную роль в разрешении кризиса. Несмотря на различные попытки региональной координации, такие как Группа Лимы, южноамериканские страны имеют ограниченное влияние на разрешение кризиса⁹. Кроме того, все больше исследователей отмечают, что Латинская Америка оказывается втянутой в глобальное геополитическое соперничество между мировыми державами¹⁰. Как действующий режим, так и оппозиция понимают, что наиболее существенны позиции США, Китая и России. Все важнейшие политические изменения текущего положения будут результатом решений, принятых в Вашингтоне, Пекине и Москве.

В Администрации Д. Трампа доминировали сторонники «жесткого» подхода в отношении Венесуэлы. Были применены практически все политические и экономические методы нажима, направленные на смену действующего режима. Обсуждалась возможность

⁵ Дмитрий Розенталь, «Анатомия политического кризиса в Венесуэле», *Пути к миру и безопасности* 1: 56, 2019, с. 23.

⁶ Там же, с. 28.

⁷ Аркадий Еремин, Денис Дегтерев, Алла Борзова, «Новая дискуссия о незападных теориях международных отношений в Латинской Америке», *Латинская Америка* 6, 2021, с. 101.

⁸ Dmitry Rozental, Víctor Jefefts, «Política exterior de Venezuela en el ambiente de inestabilidad», *Iberoamérica* 4, 2018.

⁹ Acharya Amitav, Melisa Deciancio and Diana Tussie, «Latin America in Global International Relations», New York, Routledge, Taylor & Francis Group, 2021, p. 120.

¹⁰ Sandra Zapata and Aldo Adrián Martínez-Hernández, «Latin American Foreign Policy Before the Hegemony of the United States and China's Emerging Power», *Colombia Internacional* 104, 2020.

американской военной интервенции¹¹. В то же время Китайское руководство заняло во многом выжидательную позицию, выступая за мирное урегулирование кризиса в рамках Конституции страны¹². Одним из факторов, влияющих на линию поведения Китая в урегулировании венесуэльского кризиса, являются торговые переговоры с США, которые для Пекина существенно важнее, чем судьба Мадуро. В отличие от Китая, представители российского Министерства Иностранных Дел назвали сложившуюся ситуацию попыткой «сместить Н. Мадуро, в том числе и путем его физического устранения»¹³. Несмотря на публичную поддержку со стороны Российской Федерации, в венесуэльском руководстве понимали неустойчивость своего положения. В этих условиях наиболее рациональным решением для Н. Мадуро было согласиться на проведение переговоров с оппозицией при посредничестве Норвегии¹⁴. Это позволило получить дополнительное время и снизить градус давления, оказываемого на режим. Кроме того, сам факт проведения переговоров при международном посредничестве мог указывать на легитимность действующего президента. К тому же со стороны руководства страны не было обещаний о проведении новых президентских выборов и формировании переходного правительства для дальнейшей передачи власти. Однако переговоры закончились преждевременно. Д. Трамп анонсировал введение полного экономического эмбарго против Венесуэлы¹⁵. Это дало повод представителям режима Н. Мадуро заявить о выходе из переговорного процесса. Выигранное время позволило Н. Мадуро несколько стабилизировать экономическую ситуацию в стране, на полках магазинов стало появляться больше товаров. Это было связано с тем, что правительство перестало требовать соблюдения правил, запрещающих сделки с оплатой в иностранной валюте, и контролировать цены на многие товары. В результате произошла быстрая долларизация экономики¹⁶. К осени 2019 г. практически прекратились массовые протесты¹⁷. Помимо частичной стабилизации экономической ситуации, можно говорить и о других факторах. Введенные санкции со стороны США стали поводом для сплочения различных слоев венесуэльского общества. Чтобы укрепить поддержку бедного населения, правительство разработало ряд социальных программ, убеждая венесуэльцев в том, что таким образом страна противостоит экономическому давлению со стороны США¹⁸. Помимо этого, стоит отметить, что с этого момента значительно понижается уровень давления на правящий режим. Прежде всего это связано с ослаблением интереса к Венесуэле и значительно меньшего упоминания Венесуэлы со стороны официальных лиц Соединенных Штатов. Д. Трамп к тому времени уже фактически начал свою предвыборную кампанию и любые жесткие заявления с его стороны, а уж тем более потенциальная военная интервенция могли бы быть использованы против него его оппонентами. Кроме того, в

¹¹ “Venezuela crisis: US military intervention becoming more likely”. 26.02.2019, *Deutsche Welle* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dw.com/en/venezuela-crisis-us-military-intervention-becoming-more-likely/a-47687677> (дата обращения: 17.09.2021).

¹² “В МИД КНР заявили, что венесуэльцы сами должны разрешить внутривластный кризис”. 11.02.2019, *TASS* [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6100651> (дата обращения: 17.09.2021).

¹³ “Заявление МИД России в связи с событиями в Венесуэле”. 24.01.2019, *МИД РФ* [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/press_service/spokesman/official_statement//asset_publisher/t2GCdmD8RNlr/content/id/3482366 (дата обращения: 17.09.2021).

¹⁴ “Chavismo y oposición exploran una vía de diálogo con la mediación de Noruega”. 16.06.2019, *El País* [Электронный ресурс]. URL: https://elpais.com/internacional/2019/05/16/america/1557976314_557598.html (дата обращения: 28.09.2021).

¹⁵ “Trump announces new sanctions on Venezuelan government”. 06.08.2019, *CNN* [Электронный ресурс]. URL: <https://edition.cnn.com/2019/08/05/politics/trump-economic-embargo-venezuela/index.html> (дата обращения: 28.09.2021).

¹⁶ “‘Дикий капитализм’ приходит на помощь Венесуэле”. 12.08.2019, *Ведомости* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/08/12/808623-dikii-kapitalizm-venesuele> (дата обращения: 28.09.2021).

¹⁷ “‘Идеология осажденной крепости’: почему прекратились протесты в Венесуэле?” 21.09.2019, *BBC* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-49770569> (дата обращения: 29.09.2021).

¹⁸ Там же.

Белом доме больше не было Джона Болтона, который будучи на посту советника по нацбезопасности, был сторонником более решительных мер в отношении Венесуэлы.

Фактором, оказавшим влияние на внешнюю политику и позиции политического руководства Венесуэлы, стала и пандемия COVID-19. Она значительно снизила протестную активность общества, а также увеличила зависимость венесуэльского населения от политического руководства страны, распределяющего большую часть благ. Н. Мадуро удалось договориться с Россией, и в результате Венесуэла первой среди латиноамериканских стран получила российскую вакцину «Спутник V»¹⁹. В некотором смысле это укрепило позиции власти на грядущих парламентских выборах, в то время как уровень поддержки Х. Гуайдо постепенно снизился. Этому способствовало невыполнение обещаний оппозиционного лидера, так как ранее Гуайдо неоднократно обещал сместить Мадуро с президентского поста, однако этого не произошло. Несмотря на то что Группа Лимы, Европейский Союз, Соединенные Штаты и Международная контактная группа отказались признавать электоральный процесс в силу отсутствия «свободных и справедливых условий»²⁰, выборы состоялись, и большинство на них получил пропрезидентский альянс. Состоявшиеся выборы пошатнули позиции Х. Гуайдо, так как Европейский Союз после них перестал признавать его в качестве временного президента²¹. Это поставило вопрос об отношении к Гуайдо в новом американском руководстве во главе с Дж. Байденом. Несмотря на публичное признание Гуайдо временным главой Венесуэлы²², готовность нового руководства оказывать лидеру венесуэльской оппозиции такую же обширную поддержку, как это делал Д. Трамп, ставится под сомнение. Демократическим администрациям менее свойственен подход введения односторонних экономических, политических или даже военных мер. Более того, администрация Байдена признала тот факт, что Каракас адаптировался к введенным санкциям. На этом фоне команда Джо Байдена пусть и не стремится снимать ограничения, однако заявляет о готовности ослабить хватку в случае налаживания переговорного процесса между властью и оппозицией. Так, назначенный Байденом директор Совета национальной безопасности по делам Западного полушария Хуан Гонсалес заявил о том, что односторонние санкции не принесут никакого результата без существования международной коалиции²³. В сложившейся ситуации все дипломатические усилия Н. Мадуро направлены на то, чтобы убедить США отменить действующие санкции. Как отмечают аналитики, в сложившемся кризисе открылось «окно возможностей»²⁴. Оно заключается в том, что Николас Мадуро заявил о готовности переговоров с Хуаном Гуайдо при международном посредничестве²⁵. Также под домашний арест были переведены шесть руководителей нефтяной компании Citgo, пятеро из которых

¹⁹ “Venezuela receives shipment of Russian Sputnik-V coronavirus vaccine”. 02.10.2020, *Reuters* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-venezuela-russia-idUSKBN26N2XO> (дата обращения: 28.08.2021).

²⁰ “Venezuela: Repudio internacional ante la ‘designación ilegal’ del Consejo Electoral y la ‘manipulación’ de las elecciones”. 17.06.2020, *La Nación* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lanacion.com.ar/el-mundo/venezuela-repudio-internacional-designacion-ilegal-del-consej-o-nid2380929/> (дата обращения: 28.08.2021).

²¹ “EU no longer recognizes Juan Guaidó as Venezuela’s interim president”. 07.01.2021, *Euronews* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.euronews.com/2021/01/07/eu-no-longer-recognises-juan-guaido-as-venezuela-s-interim-president> (дата обращения: 28.08.2021).

²² “Biden will recognize Guaido as Venezuela’s leader”. 19.01.2021, *Reuters* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-biden-state-venezuela-idUSKBN29O2PE> (дата обращения: 16.09.2021).

²³ “US urges Venezuela talks, sanctions on backburner”. 23.02.2021, *Argus* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.argusmedia.com/en/news/2189780-us-urges-venezuela-talks-sanctions-on-backburner> (дата обращения: 19.09.2021).

²⁴ Joshua Goodman, “US weighs policy on Venezuela as Maduro signals flexibility”. 27.04.2021, *Associated Press* [Электронный ресурс]. URL: <https://apnews.com/article/world-news-health-business-venezuela-coronavirus-4478a89a00e869dcc7aa1932dcdbd4689> (дата обращения: 19.09.2021).

²⁵ Nicolas Maduro [@NicolasMaduro], “¡Estoy Listo! Cuando quieran, donde quieran y como quieran para reunirme con toda la oposición venezolana”. 13.05.2021, *Twitter* [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com/nicolasmaduro/status/1392646698401423366?s=21> (дата обращения: 23.09.2021).

являются гражданами США. Венесуэла назвала это «жестом доброй воли», тем самым передавая инициативу оппозиции и американской стороне. Таким образом, было решено, что первый раунд переговоров состоится в Мексике. По итогам третьего раунда переговоров Европейский Союз согласился отправить своих наблюдателей на местные выборы в Венесуэле, которые пройдут в ноябре²⁶. Рассуждая о мотивах, побудивших оппозицию согласиться на переговоры, можно отметить сразу целый ряд факторов. Это и более компромиссная позиция нового американского руководства, и фактический распад Группы Лимы. Не произошло и раскола элит, на который была сделана ставка. Таким образом, решение об участии в переговорах было принято с сопоставлением риска оказаться в международной изоляции. Решение оппозиции указывает на ее принятие текущей политической реальности, в которой Н. Мадуро фактически контролирует все ветви власти в Венесуэле. Такое развитие событий свидетельствует о начале признания легитимности Мадуро со стороны его противников.

Библиография

1. Еремин А. А., Дегтерев Д. А., Борзова А. Ю. Новая дискуссия о незападных теориях международных отношений в Латинской Америке // Латинская Америка. 2021. № 6. С. 97–105.
2. В МИД КНР заявили, что венесуэльцы сами должны разрешить внутривластный кризис. 11.02.2019 // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6100651> (дата обращения: 11.09.2021).
3. «Дикий капитализм» приходит на помощь Венесуэле. 12.08.2019 // Ведомости [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/08/12/808623-dikii-kapitalizm-venesuele> (дата обращения: 13.09.2021).
4. Заявление МИД России в связи с событиями в Венесуэле. 24.01.2019 // МИД РФ [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/press_service/spokesman/official_statement//asset_publisher/t2GCdmD8RN1r/content/id/3482366 (дата обращения: 13.09.2021).
5. «Идеология осажденной крепости»: почему прекратились протесты в Венесуэле? 21.09.2019 // BBC. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-49770569> (дата обращения: 14.09.2021).
6. Розенталь Д. М. Анатомия политического кризиса в Венесуэле // Пути к миру и безопасности. 2019. Т. 56. № 1. С. 22–33.
7. Amitav A., Deciancio M., Tussie D. Latin America in Global International Relations. New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2021.
8. Biden will recognize Guaido as Venezuela's leader. 19.01.2021 // Reuters [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-biden-state-venezuela-idUSKBN29O2PE> (дата обращения: 16.09.2021).
9. Chavismo y oposición exploran una vía de diálogo con la mediación de Noruega. 16.06.2019 // El País [Электронный ресурс]. URL: https://elpais.com/internacional/2019/05/16/america/1557976314_557598.html (дата обращения: 16.09.2021).
10. EU no longer recognizes Juan Guaidó as Venezuela's interim president. 07.01.2021 // Euronews [Электронный ресурс]. URL: <https://www.euronews.com/2021/01/07/eu-no-longer-recognises-juan-guaido-as-venezuela-s-interim-president> (дата обращения: 17.09.2021).
11. Goodman, J. US weighs policy on Venezuela as Maduro signals flexibility. 27.04.2021 // Associated Press [Электронный ресурс]. URL: <https://apnews.com/article/world-news-health-business-venezuela-coronavirus-4478a89a00e869dcc7aa1932dcbd4689> (дата обращения: 19.09.2021).
12. IMF. “Venezuela: Growth rate of the real gross domestic product (GDP) from 2012 to 2022 (compared to the previous year).” Chart. April 6, 2021 // Statista [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/370918/gross-domestic-product-gdp-growth-rate-in-venezuela/> (дата обращения: 05.09.2021).

²⁶ “La Unión Europea enviará una misión de observación a las elecciones de noviembre en Venezuela”. 29.09.2021, *El País*. [Электронный ресурс]. URL: <https://elpais.com/internacional/2021-09-29/la-union-europea-enviara-una-mision-observadora-de-las-elecciones-de-noviembre-en-venezuela.html> (дата обращения: 30.09.2021).

13. IMF. "Venezuela: Total population from 2012 to 2022 (in million inhabitants)." Chart. April 6, 2021 // Statista [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/370820/total-population-of-venezuela/> (дата обращения: 05.09.2021).
14. La Unión Europea enviará una misión de observación a las elecciones de noviembre en Venezuela. 29.09.2021 // El País [Электронный ресурс]. URL: <https://elpais.com/internacional/2021-09-29/la-union-europea-enviara-una-mision-observadora-de-las-elecciones-de-noviembre-en-venezuela.html> (дата обращения: 30.09.2021).
15. Maduro, N. [@NicolasMaduro]. (2021, May 13). ¡Estoy Listo! Cuando quieran, donde quieran y como quieran para reunirme con toda la oposición venezolana // Twitter [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com/nicolasmaduro/status/1392646698401423366?s=21> (дата обращения: 23.09.2021).
16. Rozental D. M., Jeifets V. L. Política exterior de Venezuela en el ambiente de inestabilidad // Iberoamérica. 2018. Iss. 4. P. 53–76.
17. Trump announces new sanctions on Venezuelan government. 06.08.2019 // CNN [Электронный ресурс]. URL: <https://edition.cnn.com/2019/08/05/politics/trump-economic-embargo-venezuela/index.html> (дата обращения: 28.09.2021).
18. Encuesta Nacional sobre Condiciones de Vida Venezuela 2017 // UCAB [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ucab.edu.ve/wp-content/uploads/sites/2/2018/02/1.-ENCOVI-2017.pdf> (дата обращения: 05.09.2021).
19. US urges Venezuela talks, sanctions on backburner. 23.02.2021 // Argus [Электронный ресурс]. URL: <https://www.argusmedia.com/en/news/2189780-us-urges-venezuela-talks-sanctions-on-backburner> (дата обращения: 24.09.2021).
20. Venezuela crisis: US military intervention becoming more likely. 26.02.2019 // Deutsche Welle [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dw.com/en/venezuela-crisis-us-military-intervention-becoming-more-likely/a-47687677> (дата обращения: 17.09.2021).
21. Venezuela receives shipment of Russian Sputnik-V coronavirus vaccine. 02.10.2020 // Reuters [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-venezuela-russia-idUSKBN26N2XO> (дата обращения: 18.09.2021).
22. Venezuela: Repudio internacional ante la “designación ilegal” del Consejo Electoral y la “manipulación” de las elecciones. 17.06.2020 // La Nación [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lanacion.com.ar/el-mundo/venezuela-repudio-internacional-designacion-ilegal-del-consejo-nid2380929/> (дата обращения: 20.09.2021).
23. Zapata S., Martínez-Hernández A. A. Latin American Foreign Policy Before the Hegemony of the United States and China’s Emerging Power // Colombia Internacional. 2020. Iss. 104. P. 63–93.

Е. В. Смирнов¹

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ВЫБОРОВ В ПОРТУГАЛИИ В 2021 Г. ДЛЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТА ВЫБОРОВ В АССАМБЛЕЮ РЕСПУБЛИКИ

USING THE RESULTS OF THE PORTUGUESE MUNICIPAL ELECTIONS IN 2021 TO PREDICT THE OUTCOME OF ELECTIONS FOR THE ASSEMBLY OF THE REPUBLIC

Abstract: The article provides an analysis of the results of the municipal elections in Portugal, which were held on September 26, 2021, in order to use these data in predicting the outcome of the elections to the Assembly of the Republic, Parliament of Portugal, which will be held in 2023. The study uses the hypothesis put forward by the author that knowledge of the dynamics of the party's result in local elections, which precede national elections, makes it possible to transfer this dynamics to the party's result in national elections. Thus, a certain result of local elections makes it possible to make a forecast with reservations about a possible change in the ruling party in the country following the results of national elections. This can be illustrated by examples in the history of Portugal, when the ruling party loses massively in municipal elections or the opposition party wins a landslide victory.

Key words: Portugal; municipal elections 2021; Assembly of the Republic; electoral prediction; Portuguese Socialist party; Portuguese Social Democratic party.

Resumen: El artículo ofrece un análisis de los resultados de las elecciones municipales en Portugal, que se celebraron el 26 de septiembre de 2021, con el fin de utilizar estos datos en la predicción del resultado de las elecciones a la Asamblea de la República, Parlamento de Portugal, que en 2023. El estudio utiliza la hipótesis planteada por el autor de que el conocimiento de la dinámica del resultado del partido en las elecciones locales, que preceden a las elecciones nacionales, permite trasladar esta dinámica al resultado del partido en las elecciones nacionales. Así, un cierto resultado de las elecciones locales permite hacer una previsión con reservas sobre un posible cambio en el partido de gobierno en el país tras los resultados de las elecciones nacionales. Esto puede ilustrarse con ejemplos en la historia de Portugal, cuando el partido gobernante pierde masivamente en las elecciones municipales o el partido de oposición obtiene una victoria aplastante.

Palabras clave: Portugal; elecciones municipales 2021; Asamblea de la República; predicción electoral; partido socialista portugués; partido socialdemócrata portugués.

Настоящее исследование посвящено определению того, как можно использовать результаты муниципальных выборов в Португалии, которые прошли 26 сентября 2021 г., для прогнозирования результата выборов в Ассамблею Республики, парламент Португалии, которые предположительно пройдут в 2023 г. Гипотеза о том, что результаты местных выборов и национальных парламентских выборов, которые следуют за местными, имеют определенную зависимость, строится на исследовании выявления такой корреляции в истории политической системы Португалии.

Местные выборы в Португалии проводятся в один день и представляют собой репетицию национальных выборов в Ассамблею Республики, которым они предшествуют.

¹ Смирнов Егор Владимирович, Россия, студент бакалавриата факультета международных отношений СПбГУ (smirnov1egor@gmail.com).

Именно поэтому результат муниципальной кампании имеет важное значение для главных политических сил Португалии. В 2001 г. в результате поражения Социалистической партии на местных выборах премьер-министр Антониу Гутерриш усомнился в том, что имеет народный мандат на руководство страной, поэтому созвал внеочередные выборы в 2002 г., хотя обновление парламента должно было пройти на год позже.

Сейчас в прессе Социалистическую партию также представляют как проигравшей стороной из-за сокращения количества представителей на местном уровне и из-за поражения в Лиссабоне — оплоте избирателей партии². Однако премьер-министр Антониу Кошта подчеркивает, что его партия проиграла в Лиссабоне, но победила в масштабе всей нации³. Таким образом, эти кейсы придают особое значение муниципальной кампании для политиков центра, которые избираются в национальный парламент.

В работе был применен метод экстраполяции результата муниципальных выборов в Португалии для прогнозирования результата выборов в Ассамблею Республики. Данный метод подразумевает применение и сопоставление данных динамики результата партии на муниципальных выборах. Принимая во внимание итоговый результат политической партии на местных выборах и сравнивая его с результатом предыдущей муниципальной кампании, можно предположить, что подобная динамика (увеличение голосов избирателей, или сокращение голосов, или незначительное изменение) перенесется и на результат национальных парламентских выборов, то есть экстраполируется. Автором также была выдвинута гипотеза о существовании подобной зависимости на примерах избирательных циклов 1993–1995 гг., 2001–2002 гг. и 2013–2015 гг., когда правящая партия сменялась по завершении выборов в парламент в результате своего поражения или крупной победы оппозиции.

Согласно результатам проведенного исследования, для португальской политической системы можно построить два сценария экстраполяции. Это крупная победа оппозиционной партии на местных выборах при отрицательной динамике результата правящей партии или крупное поражение правящей партии на местных выборах при незначительном изменении результата оппозиционной партии. Таким образом, в центре исследования находятся в первую очередь результаты двух главных политических партий Португалии — Социалистическая партия (*Partido Socialista, PS*) и Социал-демократическая партия (*Partido Social Democrata, PPD/PSD*).

Следует напомнить, что в Португалии на местных выборах избиратели располагают тремя голосами для трех разных органов и уровней муниципальной власти: местные советы, местные собрания и собрания приходо⁴. Лидер списка на выборах в местный совет становится его руководителем автоматически. При этом важно отметить, что избиратели отдают голоса за партии и партийные списки, как и на выборах в парламент. Кроме того, на местном уровне партии очень часто объединяются в коалиции, поэтому при анализе результатов к итоговым значениям результатов партий были прибавлены победы тех коалиций, которые они возглавляют.

Далее были проанализированы результаты муниципальных выборов в Португалии, которые были проведены по всей стране 26 сентября 2021 г. На выборах в местные советы было распределено 2 063 мандата. На выборах в местные советы 34,24 % голосов получила PS, и 2,87 % голосов — все коалиции, которые социалисты возглавили; 13,21 % голосов

² “Foreign press highlights rise of the right”, *The Portugal News* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theportugalnews.com/news/2021-09-27/foreign-press-highlights-rise-of-the-right/62621> (дата обращения: 30.09.2021)

³ “Costa expresses frustration over Lisbon loss”, *The Portugal News* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theportugalnews.com/news/2021-09-27/costa-expresses-frustration-over-lisbon-loss/62623> (дата обращения: 30.09.2021)

⁴ “Portugal elections: What you need to know”, *The Portugal News* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theportugalnews.com/news/2021-09-25/portugal-elections-what-you-need-to-know/62601> (дата обращения: 30.09.2021)

получила PPD/PSD, и 18,88 % голосов — все коалиции, которые социал-демократы возглавили.

Таблица 1. Сравнение результатов выборов 2017 и 2021 гг. в местные советы⁵

	PS и коалиции в 2017 г.	PS и коалиции в 2021 г.	PPD/PSD и коалиции в 2017 г.	PPD/PSD и коалиции в 2021 г.
Процент голосов от общего числа	38,74 %	37,11 %	30,34 %	32,09 %
Количество советов с мэрами	160	148	98	114
Количество советов с большинством	143	124	92	106
Количество мандатов всего	963	909	729	793

На выборах в местные собрания кандидаты могли претендовать на 6 444 мест. На выборах в местные собрания 32,9 % голосов получила PS, и 2,76 % голосов — все коалиции, которые социалисты возглавили; 12,71 % голосов получила PPD/PSD, и 18,6 % голосов — все коалиции, которые социал-демократы возглавили.

Таблица 2. Сравнение результатов выборов 2017 и 2021 гг. в местные собрания⁶

	PS и коалиции в 2017 г.	PS и коалиции в 2021 г.	PPD/PSD и коалиции в 2017 г.	PPD/PSD и коалиции в 2021 г.
Процент голосов от общего числа	37,27 %	35,66 %	30,05 %	31,31 %
Количество мандатов всего	2 759	2 645	2 244	2 358

Кандидаты в депутаты собраний приходов заняли 26 724 места. На выборах в собрания приходов 33,3 % голосов получила PS, и 2,92 % голосов — все коалиции, которые социалисты возглавили; 12,82 % голосов получила PPD/PSD, и 18,39 % голосов — все коалиции, которые социал-демократы возглавили.

Таблица 3. Сравнение результатов выборов 2017 и 2021 гг. в собрания приходов⁷

	PS и коалиции в 2017 г.	PS и коалиции в 2021 г.	PPD/PSD и коалиции в 2017 г.	PPD/PSD и коалиции в 2021 г.
Процент голосов от общего числа	37,1 %	36,22 %	29,43 %	31,21 %
Количество советов с мэрами	1 302	1 262	1 167	1 200
Количество мандатов всего	10 733	10 570	10 077	10 273

Таким образом, результаты местных выборов по муниципалитетам и приходам не позволяют говорить о каком-либо значительном повышении/снижении популярности социалистов или социал-демократов. Действительно, по сравнению с избирательной кампанией 2017 г. социалисты сократили свое присутствие в местных советах, местных собраниях и собраниях приходов в общем значении, и у них наблюдается общая отрицательная динамика, однако приведенные результаты не показывают разницу хотя бы в 3 % по сравнению с предыдущими местными выборами, которую можно было бы считать значительной.

⁵ “Resultados dos Escrutínios Provisórios, Eleições Autárquicas”, 2021, *ELEIÇÕES* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.autarquicas2021.mai.gov.pt/resultados/territorio-nacional> (дата обращения: 30.09.2021)

⁶ “Resultados dos Escrutínios Provisórios, Eleições Autárquicas”, 2021, *ELEIÇÕES* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.autarquicas2021.mai.gov.pt/resultados/territorio-nacional> (дата обращения: 30.09.2021)

⁷ Там же.

Одновременно социал-демократы не добились какой-то убедительной победы и вовсе пришли вторыми в общем зачете за социалистами. Но у них наблюдается положительная динамика. Таким образом, если экстраполировать результаты местных выборов на национальные в 2023 г., то можно предположить, что у социалистов, правящей партии, сохранится отрицательная динамика, а у социал-демократов, главной оппозиционной силы, — положительная.

При этом важно заметить, что совокупный результат двух партий на всех трех уровнях по сравнению с 2017 г. не изменился, что говорит о том, что не возникло какой-либо третьей силы на национальном уровне, которая могла бы составить конкуренцию действующим основным партиям или хотя бы претендовать на то, чтобы в новом парламенте сформировать фракцию, не уступающую другим малым партиям Португалии, которые представлены в парламенте. Тем не менее по итогам избирательной кампании 2021 г. нельзя сказать о том, что социалисты проиграли, а социал-демократы выиграли, так как разрыв между ними на местном уровне сохранился достаточно высоким в 5 %.

Однако можно обратиться к изучению региональных результатов в Португалии, которые могут дать другую динамику по сравнению с общенациональным результатом. Данные результатов выборов по административным округам позволяют выявить, является ли динамика партийных результатов социалистов и социал-демократов общенациональным трендом, или увеличение/сокращение мандатов в общем значении было обусловлено крупной победой/поражением в нескольких регионах. Для простоты поиска ответа на этот вопрос были использованы только голоса на выборах в местные советы. Потому что предыдущая часть исследования показывает, что каких-либо существенных различий по голосованию на трех уровнях не наблюдается (например, 32,09 % получили социал-демократы на выборах в местные советы в Португалии; 31,31 % — в местные собрания; 31,21 % — в собрания приходов). Распределение голосов на выборах в местные советы по некоторым административным регионам, отобранным автором, представлено в табл. 4.

Таблица 4. Сравнение результатов выборов 2017 и 2021 гг. в местные советы по некоторым административным регионам⁸

Административные регионы	PS и коалиции в 2017 г.	PS и коалиции в 2021 г.	PPD/PSD и коалиции в 2017 г.	PPD/PSD и коалиции в 2021 г.
Брага (Север)	34,59 %	37,66 %	44,89 %	43,18 %
Вила-Реал (Север)	49,07 %	43,68 %	39,75 %	44,19 %
Гуарда (Центр)	35,24 %	34,24 %	45,31 %	40,72 %
Коимбра (Центр)	44,68 %	39,18 %	32,95 %	38,38 %
Каштелу-Бранку (Центр)	47,31 %	40,84 %	27,97 %	21,32 %
Сантарен (Центр-Алентежу)	43,87 %	38,73 %	29,2 %	32,12 %
Лиссабон	37,67 %	32,63 %	22,07 %	27,99 %
Порталегри (Алентежу)	45,74 %	39,78 %	16,83 %	23,87 %
Эвора (Алентежу)	36,31 %	33,15 %	11,54 %	20,53 %
Сетубал (Лиссабон-Алентежу)	31,56 %	36,1 %	11,59 %	10,98 %
Бежа (Алентежу)	50,46 %	44,53 %	7,63 %	9,41 %
Фару (Алгарви)	46,32 %	40,72 %	26,69 %	27,81 %

На основании полученных данных можно сделать вывод о том, что в ряде регионов в результате крупного поражения PS (больше 3 %) социал-демократы значительно увеличивали свое присутствие (от 4 до 9 %). В 9 регионах из 20 социалисты получили на 3–

⁸ “Resultados dos Escrutínios Provisórios, Eleições Autárquicas”, 2021, *ELEIÇÕES* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.autarquicas2021.mai.gov.pt/resultados/territorio-nacional> (дата обращения: 30.09.2021)

7 % голосов меньше, чем в 2017 г., и только в двух регионах социалистам удалось увеличить количество голосов на 3–5 %. В то же время социал-демократы получили внушительный прирост популярности в 6 регионах (от 4 до 9 %) по сравнению с результатом местной кампании в 2017 г., и только в двух регионах потерпели сокрушительное поражение — Каштелу-Бранку (потеряли 6 %) и Гуарда (потеряли 4 %).

Важно также заметить, что в шести регионах, где социалисты понесли значительные потери — Вила-Реал, Коимбра, Сантарен, Порталегри, Эвори, Лиссабон, одновременно увеличилось представительство социал-демократов (выделено серым в табл. 4). При этом ни в одном другом регионе Португалии не наблюдается подобная обратная ситуация, когда происходит значительный прирост голосов у социалистов (больше 3 %) и отток избирателей от социал-демократов (больше 3 %).

Если экстраполировать результаты местных выборов по административным регионам, то можно предположить, что в обозначенных выше регионах на национальных выборах в Ассамблею Республики увеличится поддержка социал-демократов за счет тех избирателей, которые прежде отдавали предпочтение социалистам. В то время как PS может рассчитывать на прирост популярности в Сетубале и Браге, однако это не повлияет на рейтинг социал-демократов.

В заключение необходимо ответить на исследовательский вопрос, как можно использовать результаты местных выборов для прогнозирования выборов в Ассамблею Республики. Применяя метод экстраполяции, можно сделать вывод о том, что на выборах в 2023 г. в парламент Португалии у социалистов сохранится отрицательная динамика, а у социал-демократов — положительная. Однако результат муниципальных выборов не продемонстрировал наличие какого-либо глубокого разочарования в политике правящей партии среди избирателей, что можно было бы определить на основании итогов местных выборов.

Тем не менее, применяя также метод экстраполяции для административных регионов, можно сказать, что на парламентских выборах социалисты сократят свое представительство в Ассамблее Республики, причем наибольшие потери они понесут в центре страны и на юге, которые традиционно голосуют в большинстве своем именно за социалистов. Это может пошатнуть авторитет социалистов и сократит их возможности в коалиционном строительстве. Однако, как показал опыт 2015 г., социалисты способны идти на компромисс с другими политическими силами в парламенте и даже предлагать им формировать коалиционное правительство. Поэтому для победы на выборах социал-демократам недостаточно того, чтобы у социалистов сохранялась отрицательная динамика, но это открывает им окно возможностей для возвращения в правительство.

Библиография

1. Верников В. Л. Португалия: победа социалистов-прагматиков // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2019. № 5. С. 28–32. <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran520192832>
2. Политические системы современных государств: Энциклопедический справочник: в 4 т. Т. 1: Европа / МГИМО (У) МИД России, ИНОП; гл. ред. А. В. Торкунов; науч. ред. А. Ю. Мельвиль; отв. ред. М. Г. Миронюк. М.: Аспект Пресс, 2012. 616 с.: илл.
3. Яковлева Н. М. Португалия в преддверии президентских выборов // Иberoамериканские тетради. 2020. Т. 8. № 3. С. 89–100. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-3-89-100>
4. Resultados dos Escrutínios Provisórios. Eleições Autárquicas 2017 // ELEIÇÕES [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eleicoes.mai.gov.pt/autarquicas2017/index.html> (дата обращения: 30.09.2021).
5. Resultados dos Escrutínios Provisórios. Eleições Autárquicas 2021 // ELEIÇÕES [Электронный ресурс]. URL: <https://www.autarquicas2021.mai.gov.pt/resultados/territorio-nacional> (дата обращения: 30.09.2021).

6. Costa expresses frustration over Lisbon loss // The Portugal News [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theportugalnews.com/news/2021-09-27/costa-expresses-frustration-over-lisbon-loss/62623> (дата обращения: 30.09.2021).
7. Foreign press highlights rise of the right // The Portugal News [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theportugalnews.com/news/2021-09-27/foreign-press-highlights-rise-of-the-right/62621> (дата обращения: 30.09.2021).
8. Portugal elections: What you need to know // The Portugal News [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theportugalnews.com/news/2021-09-25/portugal-elections-what-you-need-to-know/62601> (дата обращения: 30.09.2021).

М. О. Габриелян¹

ВЛИЯНИЕ ФАКТОРА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОПУЛИЗМА НА ДИНАМИКУ АМЕРИКАНО-БРАЗИЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПРИ АДМИНИСТРАЦИИ Ж. БОЛСОНАРУ

THE INFLUENCE OF THE FACTOR OF POLITICAL POPULISM ON THE DYNAMICS OF AMERICAN-BRAZILIAN RELATIONS UNDER J. BOLSONARO'S ADMINISTRATION

Abstract: Within the framework of this work, the author attempts to trace the influence of the populist views of the administration of Jair Bolsonaro on the changes in the foreign policy of Brazil. As an example, the dynamics of interaction with the United States is considered, in connection with the ideological closeness of Brazilian right-wing populism to American populism. The role theory of foreign policy is used as a methodological basis, where populist ideology influences the country's identification on the world stage, as well as key priorities and goals. In addition, it focuses on alternative goals in Brazilian foreign policy and conflicts of interest groups in relations with the United States.

Key words: Brazil; USA; bolsonarism; trumpism; far-right populism; conservative identity.

Resumen: En el marco de este trabajo, el autor intenta rastrear la influencia de las visiones populistas de la administración de Jair Bolsonaro sobre los cambios en la política exterior de Brasil. Como ejemplo, se considera la dinámica de interacción con Estados Unidos, en relación con la cercanía ideológica del populismo de derecha brasileño con el populismo estadounidense. La teoría del rol de la política exterior se utiliza como base metodológica, donde la ideología populista influye en la identificación del país en el escenario mundial, así como en las prioridades y objetivos clave. Además, se enfoca en objetivos alternativos en la política exterior brasileña y en conflictos de grupos de interés en las relaciones con Estados Unidos.

Palabras clave: Brasil; Estados Unidos; bolsonarismo; trumpismo; populismo de extrema derecha; identidad conservadora.

Введение

Политический кризис в Бразилии 2016 г. принято воспринимать в качестве переломного этапа в трансформации бразильской политической системы. Сохранение структурных проблем совместно с недоверием общества к текущим лидерам способствовали возникновению общественного запроса на анти-элитарную фигуру, что привело к победе на выборах 2018 г. Ж. Болсонару².

Данные факторы неизбежно способствуют изменениям не только во внутренней политике, но и во внешнеполитическом курсе. Новый контекст, выражающийся в кризисе политической системы и необходимости поиска источников экономического роста, способствуют эрозии предшествующей модели внешней политики. Кроме того, приход к власти правопопулистских сил, отличающихся идеологически от предыдущих

¹ Габриелян Максим Олегович, Россия, студент СПбГУ (gamax2011@gmail.com).

² Збигнев Ивановский, "Латинская Америка в новом тысячелетии: социальная панорама и динамика политических процессов (часть 1)", *Латинская Америка* 4, 2019.

администраций, способствует попыткам нового переосмысления роли Бразилии на международной арене.

Одновременно с попытками формирования новых подходов на фоне кризиса необходимо отметить специфику бразильского правого популизма и идейных установок администрации Ж. Болсонару. Феномен «болсонаризма» стал результатом роста правопопулистских настроений во многих странах мира и по идейному содержанию и стилю подачи заимствовал американский опыт. Помимо попытки рассмотреть системные подходы новой администрации к внешнеполитическому курсу, представляет интерес анализ взаимодействия со США. На основании вышесказанного целью данной работы является выявление ключевых особенностей динамики бразильско-американских отношений в период нахождения у власти правопопулистских сил в Бразилии.

Концепция ролевой теории внешней политики и специфика администрации Ж. Болсонару

Для достижения поставленной цели, обратимся к модели влияния популизма на внешнеполитическое позиционирование, сформулированную Л. Венер и К. Тиез. Авторы исходят из «идеационной трактовки популизма»³, где популизм подразумевается как «тонкая идеология», формулирующая политический процесс как конфликт «элиты» и «народа» и дополняющая «толстую идеологию», формирующую ценностные взгляды политического лидера.

Во внешней политике анализ строится на ролевой теории, выделяющей представления государства и элиты о международном положении («эго»), а также ожидания со стороны других государств и общества («альтер»)⁴. «Эго» предполагает деление на «статус» (положение в системе и его ключевая специфика, видимая элитой) и «роли» (способы достижения «статуса» и особенности внешнеполитического поведения)⁵.

На основании данных терминов мы рассмотрим ключевую специфику «болсонаризма» и его внешнеполитического осмысления. В рамках идеационного подхода Ж. Болсонару сформулировал протест против «элиты», предполагая под ней совокупность либеральных и левых сил. Основной акцент данной критики был обращен к комплексу существующей системы неэффективных политических и социальных институтов, культурной политике, проблеме неспособности обеспечить стабильную экономическую модернизацию.

Ключевую основу «толстой идеологии» Ж. Болсонару составили неолиберальная модель экономического развития и правая социокультурная политика⁶. Данные установки легли во внешнеполитическую часть предвыборной кампании, рассматривая международное положение Бразилии как продолжение политики «элиты». Политический популизм нового президента способствовал «идеологизации» внешней политики и стремлению сформулировать новые «статус» и «роли».

Ключевые контуры внешней политики новой администрации были обозначены министром иностранных дел Эрнесту Араужу, выступавшим за формирование союза национальных государств, придерживающихся консервативной социокультурной политики

³ Leslie Wehner and Cameron Thies, "The nexus of populism and foreign policy: The case of Latin America", *International Relations*, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0047117820944430> (дата обращения: 10.09.2021).

⁴ Leslie Wehner, "Role expectations as foreign policy: South American secondary powers' expectations of Brazil as a regional power". 2015, *Foreign Policy Analysis* [Электронный ресурс]. URL: <https://academic.oup.com/fpa/article-abstract/11/4/435/1798652> (дата обращения: 10.09.2021).

⁵ Там же.

⁶ Laura Barros and Santos Silva, "Right-wing populism in the tropics: The rise of Jair Bolsonaro". 2020, *VoxEu* [Электронный ресурс]. URL: <https://voxeu.org/article/right-wing-populism-tropics-rise-jair-bolsonaro> (дата обращения: 12.09.2021).

как альтернативы глобализму⁷. Ф. Гимарайш и И. де Оливейра и Силва⁸ в отношении «болсонаризма» выделяют понятие «консервативной идентичности», предполагающей три ключевые составляющие: критика мультилатерализма, национализм и опора на понятие естественного суверенитета, проведение границы свой — чужой, отмечающей в качестве союзных сил страны со схожими ценностями.

В результате прихода к власти администрации Ж. Болсонару возникает новое «эго», суть которого заключается в достижении Бразилией «статуса» державы независимой от международной либеральной глобалистской элиты. Исходя из данного «эго», вышеперечисленные авторы выделяют «роли», свойственные внешней политике Болсонару: антиглобалистская, националистическая (ставка на национальный суверенитет), враждебная (негативное восприятие стран с левыми правительствами)⁹.

Стоит отметить, что администрацию Ж. Болсонару нельзя определить как популистскую в полной мере. Правительственный кабинет делится на четыре межэлитные группировки, находящиеся в состоянии конкуренции. Правые популисты составляют одну из данных группировок, известную как «министры-олавитес», конкурирующие с блоками военных (во главе с вице-президентом А. А. Моурау), экономистов (во главе с П. Гедесом) и ставленниками Национального Конгресса (представители парламентских партий, поддерживающих курс Ж. Болсонару)¹⁰. Данные блоки не поддерживают популистское видение внешней политики и придерживаются прагматического подхода, продвигая обеспечение региональной безопасности и поиск источников экономического роста¹¹.

Помимо обозначенных ранее внешнеполитических «ролей», внешнюю политику Бразилии дополняют «роли» государства-гаранта региональной безопасности, а также «роль» государства, стремящегося преодолеть структурную рецессию. Данные «роли» вступают в конфликт с популистскими «ролями» за счет внутренней оппозиции Ж. Болсонару внутри администрации.

В результате формирования правительства новая внешняя политика совмещает стремление сформулировать принципиально новое «эго» с отсутствием окончательно сформированной системы принятия решений и существованием потенциальных конфликтов по целому кругу вопросов. Данные тенденции особо отчетливо проявляются при анализе отношений Бразилии с США.

Основные тенденции бразильско-американских отношений

Избрание Ж. Болсонару привело к новому характеру двусторонних отношений. Бразильский правый популизм во многом возник и развился под влиянием американского популизма, выраженного Д. Трампом. Поэтому американский вектор внешней политики Бразилии лежал в основе нового «эго» и сочетался с новыми ключевыми «ролями».

Кроме того, приход к власти нового президента способствует новому «альтеру» со стороны США. Американские аналитические институты были расколоты относительно

⁷ “Brazil’s Bolsonaro alleges fraud in US presidential election”. 2020, AP [Электронный ресурс]. URL: <https://apnews.com/article/joe-biden-donald-trump-brazil-elections-jair-bolsonaro-a52b8580df2264247d7ed59c16358228> (дата обращения: 20.09.2021).

⁸ “De Sá Guimarães F., De Oliveira E Silva I. D., Far-right populism and foreign policy identity: Jair Bolsonaro’s ultra-conservatism and the new politics of alignment”. 2021, *International Affairs* [Электронный ресурс]. URL: <https://academic.oup.com/ia/article-abstract/97/2/345/6159425> (дата обращения: 15.09.2021).

⁹ Там же.

¹⁰ Amílcar Oroño, “El gabinete Bolsonaro: intereses al interior del Gobierno”. 2019, *Celag* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.celag.org/el-gabinete-bolsonaro-intereses-interior-gobierno/> (дата обращения: 15.09.2021).

¹¹ Passarinho N. 1 ano de governo Bolsonaro: 6 momentos-chave que revelam guinada na política externa brasileira, *BBC Brasil* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/portuguese/internacional-50760533> (дата обращения: 15.09.2021).

феномена «болсонаризма»¹². Аналитические центры близкие Республиканской партии США отмечали перспективы бразильской экономики и двусторонней торговли, а также важность правых взглядов Ж. Болсонару в контексте сдерживания левых режимов Латинской Америки и роста влияния Китая в регионе¹³. Однако «мозговые центры», связанные с Демократической партией, отмечали угрозы в вопросах соблюдения прав человека и охраны окружающей среды¹⁴.

Таким образом, на момент прихода Ж. Болсонару к власти «альтер» США базировался на высоких ожиданиях взаимной интенсификации отношений и единения по целому ряду крупных вопросов.

Тем не менее эффективность нового курса двусторонних отношений на основе консервативной идентичности является предметом дискуссий. Первой ключевой проблемой двусторонних отношений был венесуэльский кризис. Ж. Болсонару разделял жесткий подход Д. Трампа в отношении политики латиноамериканских левых сил, а поэтому поддержал позицию США¹⁵. Риторика Ж. Болсонару и Д. Трампа достаточно органично сочеталась в стремлении изолировать Венесуэлу.

Однако Бразилией не было предпринято каких-либо конкретных шагов совместно с США по венесуэльскому вопросу. Стремление рассматривать венесуэльский кризис через проекцию консервативной идентичности вызвало критику внутри администрации президента со стороны военных и части дипломатического сообщества¹⁶, продвигая не популистские «роли» внешней политики.

Данные инициативы также не нашли поддержки со стороны блока экономистов из-за опасений осложнения отношений с Китаем, рассматриваемым как источник выхода из стагнации. Поэтому, одновременно с проведением Бразилией в 2019 г. саммита БРИКС, венесуэльская проблематика была убрана из ключевых внешнеполитических приоритетов¹⁷. Популистские «роли» не продемонстрировали успеха в отношениях с США.

Стремление поддерживать США, мотивируя действия идеологической близостью, приводило к неоднозначным результатам для бразильской стороны. Несмотря на первоначальные заявления о возможности вступления в Бразилии ОЭСР и начало особого партнерства с НАТО, США не предприняли никаких шагов на данном направлении. Среди единственных успехов можно выделить выстраивание контактов семьей Ж. Болсонару с ежегодной конференцией американских консерваторов SPAC¹⁸ и создание бразильской секции.

Кроме того, в конце 2019 г. Штаты восстановили тарифы на импорт стали из Бразилии и Аргентины, что негативно отразилось на сталелитейной промышленности¹⁹ и способствовало нестабильности экономического положения Бразилии. США также не поддержали Бразилию в ряде международных кризисов, например, в конфликте Ж. Болсонару с президентом Франции Э. Макроном, осложнившим подписание соглашения

¹² Luciana Wietchikoski and Eduardo Svartman, “Decifrando o ‘Trump tropical’: análise das percepções dos think tanks dos Estados Unidos sobre a eleição e o governo Bolsonaro”. 2020, *Conjuntura Austral* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.seer.ufrgs.br/ConjunturaAustral/article/view/9622> (дата обращения: 18.09.2021).

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Alejandro Frenkel, “El mundo según Bolsonaro”. 2018, *Nueva Sociedad* [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/download/57815187/El_mundo_segun_Bolsonaro___La_nueva_politica_exterior_de_Brasil___Nueva_Sociedad.pdf (дата обращения: 18.09.2021).

¹⁶ Feliciano De Sá Guimarães and Irma Dutra De Oliveira E Silva, “Far-right populism and foreign policy identity: Jair Bolsonaro’s ultra-conservatism and the new politics of alignment”. 2021, *International Affairs* [Электронный ресурс]. URL: <https://academic.oup.com/ia/article-abstract/97/2/345/6159425> (дата обращения: 15.09.2021).

¹⁷ “Divergências sobre Venezuela e Bolívia invadem a cúpula dos Brics”. 2019, *El País* [Электронный ресурс]. URL: https://brasil.elpais.com/brasil/2019/11/13/politica/1573661383_956821.html (дата обращения: 20.09.2021).

¹⁸ “Sob gritos de ‘mitinho’, Eduardo Bolsonaro repete gesto de Trump e convoca direita em evento ‘importado’ dos EUA”. 2019, *BBC Brasil* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/portuguese/brasil-50024632> (дата обращения: 20.09.2021).

¹⁹ “Trump to ‘restore’ tariffs on steel from Brazil and Argentina”. 2019, *BBC* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/news/business-50633500> (дата обращения: 20.09.2021).

о зоне свободной торговли Меркосур с ЕС²⁰. Речь идет не только о неэффективности популистского «эго» во внешней политике, но и угрозе «ролей», связанных с вопросами экономики и безопасности. Поэтому, несмотря на доброжелательный настрой, качественного изменения отношений двух стран не было достигнуто.

Тем не менее Ж. Болсонару публично поддержал фигуру Д. Трампа на выборах 2020 г., рассчитывая на возможность сохранения позитивной повестки²¹. Как было ранее отмечено американскими «мозговыми центрами» близкими к Демократической Партии, давалась скептическая оценка политики Ж. Болсонару и высказывались тезисы о необходимости более жесткого подхода²² в отношениях с Бразилией. Поэтому в связи с возможным изменением «альтер» США бразильские популисты рассчитывали на сохранение республиканцев у власти.

Выводы

Подводя итоги, мы можем наблюдать отсутствие изменения дискурса в переосмыслении двусторонних отношений. Общее направление бразильско-американских отношений отражает тенденции администрации Ж. Болсонару, заключающиеся в постепенном снижении популистской риторики и постепенный разворот к политике прагматизма.

Победа Джозефа Байдена и приход к власти демократической администрации в США оказывают значительное влияние на изменение бразильского «эго» ввиду неспособности апеллировать к консервативной идентичности далее. В рамках нового «альтер» со стороны США ожидающих от Бразилии выполнения обязательств по вопросам прав человека и окружающей среды, популистская администрация формулирует новые подходы. Однако популистское «эго» «болсонаризма» оказывается частично необходимым новой администрации Дж. Байдена ввиду транслируемого антикоммунизма и критики КНР²³. Поэтому назначение новым главой Итамарати кадрового дипломата Карлоса Альберта Франсы²⁴, не придерживающегося популистского подхода, говорит о начале серьезных изменений во внешней политике Бразилии. Новые тенденции прослеживаются и в действиях Ж. Болсонару, анонсировавшего активизацию под давлением США экологического направления и принявшего ряд новых обязательств по охране окружающей среды. Данные факты позволяют говорить о трансформации внешнеполитической стратегии Бразилии при частичном сохранении некоторых элементов консервативной идентичности.

Библиография

1. Ивановский З. В. Латинская Америка в новом тысячелетии: социальная панорама и динамика политических процессов (часть 1) // Латинская Америка. 2019. № 4. С. 30–39.

²⁰ “EU countries corner Macron on Mercosur trade deal”. 2020, *Politico* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.politico.eu/article/eu-countries-corner-macron-on-mercosur-trade-deal/> (дата обращения: 20.09.2021).

²¹ “Brazil’s Bolsonaro alleges fraud in US presidential election”. 2020, *AP* [Электронный ресурс]. URL: <https://apnews.com/article/joe-biden-donald-trump-brazil-elections-jair-bolsonaro-a52b8580df2264247d7ed59c16358228> (дата обращения: 20.09.2021).

²² Luciana Wietchikoski and Eduardo Svartman, “Decifrando o ‘Trump tropical’: análise das percepções dos think tanks dos Estados Unidos sobre a eleição e o governo Bolsonaro”. 2020, *Conjuntura Austral* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.seer.ufrgs.br/ConjunturaAustral/article/view/9622> (дата обращения: 18.09.2021).

²³ Flavia Bellieni Zimmermann, “The Biden Effect: How the Environment and Indigenous Rights Might Shape US-Brazil Relations”, *Australian Institute of International Affairs* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.internationalaffairs.org.au/australianoutlook/the-biden-effect-how-the-environment-and-indigenous-rights-might-shape-us-brazil-relations/> (дата обращения: 20.09.2021).

²⁴ “Demissão de Ernesto Araújo: fim de uma gestão sem precedentes na diplomacia brasileira”, *BBC* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/portuguese/brasil-56570801> (дата обращения: 20.09.2021).

2. *Barros L., Silva M. S.* Right-wing populism in the tropics: The rise of Jair Bolsonaro. 2020 // VoxEu [Электронный ресурс]. URL: <https://voxeu.org/article/right-wing-populism-tropics-rise-jair-bolsonaro> (дата обращения: 12.09.2021).
3. Brazil's Bolsonaro alleges fraud in US presidential election. 2020 // AP [Электронный ресурс]. URL: <https://apnews.com/article/joe-biden-donald-trump-brazil-elections-jair-bolsonaro-a52b8580df2264247d7ed59c16358228> (дата обращения: 20.09.2021).
4. *Burns N.* Brazil's Foreign Minister Wants to Save the West From Postmodernism. 2019 // Foreign Affairs [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/brazil/2019-01-24/brazils-foreign-minister-wants-save-west-postmodernism> (дата обращения: 15.04.2021).
5. *De Sá Guimarães F., De Oliveira E Silva I. D.* Far-right populism and foreign policy identity: Jair Bolsonaro's ultra-conservatism and the new politics of alignment. 2021 // International Affairs [Электронный ресурс]. URL: <https://academic.oup.com/ia/article-abstract/97/2/345/6159425> (дата обращения: 15.09.2021).
6. Demissão de Ernesto Araújo: fim de uma gestão sem precedentes na diplomacia brasileira // BBC [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/portuguese/brasil-56570801> (дата обращения: 20.09.2021).
7. Divergências sobre Venezuela e Bolívia invadem a cúpula dos Brics. 2019 // El País [Электронный ресурс]. URL: https://brasil.elpais.com/brasil/2019/11/13/politica/1573661383_956821.html (дата обращения: 20.09.2021).
8. EU countries corner Macron on Mercosur trade deal, 2020 // Politico [Электронный ресурс]. URL: <https://www.politico.eu/article/eu-countries-corner-macron-on-mercosur-trade-deal/> (дата обращения: 20.09.2021).
9. *Frenkel A.* El mundo según Bolsonaro. 2018 // Nueva Sociedad [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/download/57815187/El_mundo_segun_Bolsonaro__La_nueva_politica_exterior_de_Brasil__Nueva_Sociedad.pdf (дата обращения: 18.09.2021).
10. *Oroño A.* El gabinete Bolsonaro: intereses al interior del Gobierno, Celag, 2019, URL: <https://www.celag.org/el-gabinete-bolsonaro-intereses-interior-gobierno/> (дата обращения: 15.09.2021).
11. Passarinho N. 1 ano de governo Bolsonaro: 6 momentos-chave que revelam guinada na política externa brasileira, BBC Brasil, URL: <https://www.bbc.com/portuguese/internacional-50760533> (дата обращения: 15.09.2021).
12. Sob gritos de 'mitinho', Eduardo Bolsonaro repete gesto de Trump e convoca direita em evento 'importado' dos EUA. 2019 // BBC Brasil [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/portuguese/brasil-50024632> (дата обращения: 20.09.2021).
13. Trump to 'restore' tariffs on steel from Brazil and Argentina 2019 // BBC [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/news/business-50633500> (дата обращения: 20.09.2021).
14. *Wehner L. E.* Role expectations as foreign policy: South American secondary powers' expectations of Brazil as a regional power. 2015 // Foreign Policy Analysis [Электронный ресурс]. URL: <https://academic.oup.com/fpa/article-abstract/11/4/435/1798652> (дата обращения: 10.09.2021).
15. *Wehner L. E., Thies C. G.* The nexus of populism and foreign policy: The case of Latin America. 2020 // International Relations [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0047117820944430> (дата обращения: 10.09.2021).
16. *Wietchikoski L., Svartman E.* Decifrando o "Trump tropical": análise das percepções dos think tanks dos Estados Unidos sobre a eleição e o governo Bolsonaro. 2020 // Conjuntura Austral [Электронный ресурс]. URL: <https://www.seer.ufrgs.br/ConjunturaAustral/article/view/9622> (дата обращения: 18.09.2021).
17. *Zimmermann F. B.* The Biden Effect: How the Environment and Indigenous Rights Might Shape US-Brazil Relations // Australian Institute of International Affairs [Электронный ресурс]. URL: <https://www.internationalaffairs.org.au/australianoutlook/the-biden-effect-how-the-environment-and-indigenous-rights-might-shape-us-brazil-relations/> (дата обращения: 20.09.2021).

М. Д. Кондрин¹

ВОПРОС ВЗАИМОСВЯЗИ ФАКТОРА СЕПАРАТИЗМА И ЭВОЛЮЦИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА РОССИИ И ИСПАНИИ

THE QUESTION OF THE INTERRELATION OF THE FACTOR OF SEPARATISM AND THE EVOLUTION OF THE FOREIGN POLICY COURSE OF RUSSIA AND SPAIN

Abstract: The presented article examines the problem of the influence of separatism as a factor of international relations on the change in the foreign policy of the Russian Federation and the Kingdom of Spain. The theory of neoclassical realism, also known as the “theory of foreign policy”, is used as a theoretical basis. An attempt is made to analyze the decision-making in the field of foreign policy by the leaders of Russia and Spain in relation to several specific cases of separatism. The foreign policy response to the problem of separatism will be examined on the example of the following cases: the unilateral declaration of independence of Kosovo in 2008, the accession of the Crimean Peninsula with Russia in 2014 and the Catalan independence referendum in 2017 — two of which have significant importance for Russia and Spain, and the rest is external to both states. It is concluded that the governments of Russia and Spain have different reactions to the problem of separatism.

Key words: Russia; Spain; neoclassical realism; separatism; Kosovo; Crimea; Catalonia.

Resumen: El artículo presentado examina el problema de la influencia del separatismo como factor de relaciones internacionales en el cambio de política exterior de la Federación de Rusia y el Reino de España. La teoría del realismo neoclásico, también conocida como “teoría de la política exterior”, se utiliza como base teórica. Se intenta analizar la toma de decisiones en el ámbito de la política exterior por parte de los líderes de Rusia y España en relación con varios casos concretos de separatismo. La respuesta de la política exterior al problema del separatismo se examinará con el ejemplo de los siguientes casos: la declaración unilateral de independencia de Kosovo en 2008, la adhesión de la península de Crimea a Rusia en 2014 y el referéndum independentista catalán en 2017 — dos de que tienen una importancia significativa para Rusia y España, y el resto es externo a ambos estados. Se concluye que los gobiernos de Rusia y España tienen reacciones diferentes al problema del separatismo.

Palabras clave: Rusia; España; realismo neoclásico; separatismo; Kosovo; Crimea; Cataluña.

Введение

Вопрос сепаратизма по сей день сохраняет значимость как часть политического процесса многих государствах мира, где существуют регионы с особой этнополитической ситуацией (Шотландия, Косово, Курдистан). Среди наиболее интересных примеров можно выделить ситуацию в Российской Федерации и Королевстве Испания. В России имел место ряд сложных этнополитических конфликтов, доходивших вплоть до вооруженных (к примеру, Чеченские войны). В Испании также существуют проблемные регионы, имевшие опыт насильственной борьбы и сохраняющие по сей кризисный потенциал. Данный тезис подтверждает ситуация с референдумом о независимости Каталонии 2017 г.

¹ Кондрин Максим Дмитриевич, Россия, студент бакалавриата СПбГУ (kondinmaxim@yandex.ru).

Необходимо отметить, что многие кейсы проявления регионами движений к независимости неизбежно имеют международное измерение из-за стремления сепаратистских сил найти поддержку извне. Кроме того, помимо важности рассмотрения данного вопроса, представляет интерес изучить то в какой степени сепаратизм влияет на внешнюю политику государства, стремящегося сохранить территориальную целостность. В связи с вышесказанным представляется значимым рассмотреть внешнеполитическую реакцию России и Испании на различные случаи проявления сепаратизма в международной среде.

Таким образом, целью представленной работы является определение различий во внешнеполитическом курсе Российской Федерации и Королевства Испания относительно вопроса сепаратизма в различных ситуациях. Для достижения поставленной цели будет проведен анализ внешнеполитических решений относительно нескольких случаев проявления сепаратизма с точки зрения неоклассического реализма.

Неоклассический реализм

В качестве теоретической основы данной работы используется неоклассический реализм или «теория внешней политики».

Впервые термин неоклассический реализм был введен американским исследователем Гидеоном Роузом в 1998 г.² Международные отношения реалистами-неоклассиками разделяются на три уровня переменных: системный, государственный и внутригосударственный³. Переменные международной системы (и региональных подсистем) в различной степени оказывают влияние на каждое государство в мире, формируя определенные вызовы для стран⁴. На уровне государства происходит восприятие вызовов международной системы и формирование внешнеполитического ответа, который приводит к соответствующим международным последствиям⁵. Субгосударственные переменные представляют собой количество ресурсов, которые может привлечь государство для реализации своего текущего внешнеполитического курса, однако они могут оказывать влияние только на краткосрочную политику и не имеют связи с международной системой, с точки зрения неоклассиков⁶.

Данная концепция была выбрана как наиболее подходящая для анализа развития внешнеполитического курса, так как неоклассический реализм проводит анализ на нескольких уровнях политического взаимодействия, а также рассматривает влияние внутривнутриполитических процессов на позиционирование государства на международной арене. В данной работе будут изучены реакции России и Испании на конкретные случаи проявления сепаратизма, сохраняющие актуальность для данных политических систем.

Косовский кейс

В качестве первого случая проявления сепаратизма будет рассмотрено одностороннее провозглашение независимости Косово 17 февраля 2008 г.⁷ Данный кейс был выбран как внешний для России и Испании, в котором оба государства представлены как третьи стороны, которых не затрагивает напрямую данный вопрос.

² Gideon Rose, "Neoclassical realism and theories of foreign policy", *World politics* 51:1, 1998.

³ Иван Чихарев и Артем Косоруков, "Неоклассический реализм: к проблеме соотношения переменных глобального и национально-государственного уровней в формировании внешнеполитического курса", *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки* 1, 2010, p. 53.

⁴ Там же, p. 54.

⁵ Там же, p. 55.

⁶ Там же, p. 60.

⁷ "В зависимости от Косово". 18.02.2008, *Российская Газета* [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2008/02/18/kosovo.html> (дата обращения: 20.09.2021).

Российская Федерация изначально заняла позицию непризнания суверенитета Косово. На следующий день после провозглашения его независимости Государственная дума и Совет Федерации приняли совместное постановление с осуждением и непризнанием действий Приштины⁸. Кроме того, Сергей Миронов, являвшийся спикером Совета Федерации, заявил, что России необходимо пересмотреть свое отношение к непризнанным территориям на постсоветском пространстве⁹. Кроме того, Президент Владимир Путин назвал признание суверенитета Косово рядом стран «страшным прецедентом»¹⁰.

Министерство иностранных дел Российской Федерации (далее — МИД РФ) также выступило против признания суверенитета Косово. В 2009 г. Россия выступила в Международном суде Организации Объединенных наций (далее — ООН) по вопросу об одностороннем провозглашении Косово независимости, не признав декларацию независимости данного региона в связи с тем, что она противоречит резолюции № 1244 Совета безопасности ООН¹¹. Кроме того, в марте 2008 г., согласно опросам общественного мнения, независимость Косово поддерживали только 15 % граждан России¹².

Испания отреагировала на провозглашение независимости Косово следующим образом. Председатель Правительства Испании Хосе Сапатеро принял решение вывести испанских военнослужащих из Косово после провозглашения его суверенитета, так как Испания не признает данной независимости¹³. Решение было раскритиковано генеральным секретарем НАТО Япом де Хооп Скеффером как одностороннее решение¹⁴. Кроме того, непризнание Испанией Косово служит предметом дискуссий в структурах Европейского Союза. Помимо того, данное событие до сих пор влияет на отношения Испании и ЕС. Так, в марте 2021 г. Европейский парламент призвал Королевство признать независимость Косово¹⁵.

Министерство иностранных дел по делам Европейского союза и сотрудничества Испании (далее — МИД Испании) также обозначало свою позицию по косовскому прецеденту. В информационном листе о Сербии, подготовленном Департаментом информационного сопровождения МИД Испании, отдельно отмечено, что Испания не признает независимость Косово и при описании в документе ситуации в данной местности Косово названо «провинция» (*la provincia de Kosovo*)¹⁶.

Однако стоит отметить, что не все жители Испании разделили рассматриваемую позицию. Например, правительство Страны Басков в 2008 г. сделало заявление, в котором косовский прецедент является правомерным и приемлемым способом решения подобных

⁸ “Госдума и Совет Федерации приняли постановление по Косово”. 18.02.2008, *Lenta.ru* [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2008/02/18/statement/> (дата обращения: 20.09.2021).

⁹ Там же.

¹⁰ “Путин: Независимость Косово повлечет непредсказуемые последствия. 22.02.2008, *РИА Новости* [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20080222/99907461.html> (дата обращения: 20.09.2021).

¹¹ “Материалы сайта МИД РФ, ‘О слушаниях Международного Суда ООН по вопросу о соответствии международному праву одностороннего провозглашения независимости временными институтами самоуправления Косово’” [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/270090 (дата обращения: 20.09.2021).

¹² “Многие россияне изменили мнение о статусе Косово за последние полгода”. 18.09.2008, *РИА Новости* [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20080918/151386951.html> (дата обращения: 20.09.2021).

¹³ “Zapatero: ‘Nuestro papel en Kosovo perdía sentido tras una independencia que no reconocemos’”. 20.03.2009, *RTVE* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rtve.es/noticias/20090320/zapatero-nuestro-papel-kosovo-perdia-sentido-tras-independencia-no-reconocemos/250346.shtml> (дата обращения: 20.09.2021).

¹⁴ “La OTAN crítica la decisión ‘unilateral’ de España de retirar sus tropas de Kosovo”. 19.03.2009, *RTVE* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rtve.es/noticias/20090319/otan-critica-decision-unilateral-espana-retirar-tropas-kosovo/249848.shtml> (дата обращения: 20.09.2021).

¹⁵ “La Eurocámara vuelve a pedir a España que reconozca la independencia de Kosovo”. 25.03.2021, *Vozpopuli* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vozpopuli.com/internacional/eurocamara-independencia-kosovo.html> (дата обращения: 20.09.2021).

¹⁶ “Материалы сайта МИД Испании, ‘Ficha País: Serbia’” [Электронный ресурс]. URL: http://www.exteriores.gob.es/Documents/FichasPais/SERBIA_FICHA%20PAIS.pdf (дата обращения: 20.09.2021).

разногласий по всему миру, в том числе в Каталонии и Стране Басков¹⁷. Таким образом, для обоих государств сепаратизм выступил как неприемлемая практика в международных отношениях в связи с опасением данных тенденций внутри собственных стран.

Крымский кейс

Крымский случай был выбран в качестве наиболее значительного для Российской Федерации. В марте 2014 г. полуостров Крым и город Севастополь были приняты в состав Российской Федерации. 18 марта Президент России Владимир Путин подписал договор о присоединении Крыма¹⁸. 20 и 21 марта Государственная дума¹⁹ и Совет Федерации²⁰ ратифицировали указанный выше договор и приняли закон «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя».

Относительно реакции Испании, государство было солидарно с мнением Европейского Совета относительно ситуации на Украине, которое заключалось в осуждении нарушения Россией территориальной целостности Украины. Тем не менее Королевство Испания, выступая за сохранение целостности территории, признает законными российские интересы в Крыму²¹. Кроме того, в начале марта 2014 г. С. В. Лавров посетил Мадрид, где провел встречу с председателем правительства Испании М. Рахоем, в ходе которой Рахой призывал Россию соблюдать территориальную целостность Украины²². Данная ситуация свидетельствует о единстве институтов в случае обеих стран, однако с различной реакцией на данный вызов. Во многом российскую реакцию можно определить уникальностью ситуации в Крыму как проявления ирредентизма, комплиментарного России, в то время как для Испании данная ситуация во многом дублирует предыдущий рассмотренный кейс.

Каталонский кейс

Каталонский референдум о независимости 2017 г. был выбран как событие, наиболее значительное для Испании. В данном случае референдум о независимости Каталонии можно оценивать с испанской стороны с точки зрения «теории внешней политики» в силу следующих причин. Несмотря на то что данное событие являлось внутренним для Королевства Испания, оно оказало значительное влияние на внешнюю политику страны, что будет продемонстрировано ниже.

¹⁷ “Declaracion del Gobierno Vasco sobre la independencia de Kosovo”, *Euskadi. The Official Tourism Website of the Basque Country* [Электронный ресурс]. URL: https://www.euskadi.eus/web01-s2oga/es/contenidos/noticia/declar_20080217_kosovo/es_prensa/gabinete_prensa.html (дата обращения: 20.09.2021).

¹⁸ “Распоряжение Президента Российской Федерации от 17.03.2014 г. № 63-рп”, *Президент России* [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/38197> (дата обращения: 20.09.2021).

¹⁹ “Стенограмма заседания ГД РФ от 20.03.2014 г.”, *Государственная дума* [Электронный ресурс]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/4045/pdf> (дата обращения: 20.09.2021).

²⁰ “Результаты внеочередного заседания СФ РФ от 21.03.2014 г.”, *Совет Федерации Федерального собрания РФ* [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/activity/meetings/40481/results/> (дата обращения: 20.09.2021).

²¹ “Estrategia de acción exterior de 2014 modificada en 2015”, *Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/SalaDePrensa/Multimedia/Publicaciones/Documents/2014 ESTRATEGIA%20DE%20ACCION%20EXTERIOR.pdf> (дата обращения: 20.09.2021).

²² “Rajoy defiende ante el Kremlin la integridad territorial de Ucrania”. 05.03.2014, *El País* [Электронный ресурс]. URL: https://elpais.com/internacional/2014/03/04/actualidad/1393943743_982459.html (дата обращения: 20.09.2021).

В 2017 г. в Каталонии прошел непризнанный властями Испании референдум о независимости. М. Рахой назвал данное событие «незаконной и очень опасной атакой против Конституции [Испании]»²³.

Помимо того, за несколько месяцев до референдума в Каталонии министр иностранных дел Испании Альфонсо Мария Дастис Кеседо подчеркивал противоречие референдума конституции²⁴, что можно трактовать как представление вопроса сепаратизма в качестве нарушения институциональных основ страны.

Кроме того, референдум о независимости 2017 г. не был признан ни Европейским Союзом, ни США, то есть международные акторы проявили солидарность с испанским правительством. Европейская комиссия признала нелегитимным каталонский референдум²⁵. Данная ситуация подтверждает рассмотрение Испании данными странами и институтами как части международной системы, входящей в иерархию трансатлантической отношений и европейской интеграции.

Относительно реакции Российской Федерации можно сказать, что она не признала каталонский референдум о независимости, и реакция была достаточно сдержанной. Например, в 2017 г. Президент России заявил о том, что референдум о независимости Каталонии является «внутренним делом Испании»²⁶.

Стоит добавить, что в том же году Мария Владимировна Захарова, официальный представитель МИД РФ, заявила по поводу каталонского референдума: «В своих отношениях с Испанией исходим из безусловного принципа уважения суверенитета и территориальной целостности этой страны»²⁷, что говорит о незаинтересованности российской стороны в данном кризисе, а также стремлении сохранить баланс в отношениях с Испанией.

Заключение

На основании проведенного выше исследования можно сделать нижеследующие выводы.

Во-первых, из-за наличия внутреннего фактора сепаратизма Испания проводит последовательную внешнюю политику в отношении данного вопроса, так как отступление от выбранного курса может привести к обострению взаимодействия между факторами на внутригосударственном уровне и, как итог, усилению сепаратистских движений.

Во-вторых, соотношение внутренних факторов в Российской Федерации более стабильное и позволяет проводить «гиперактивную»²⁸ внешнюю политику, то есть разностороннюю внешнеполитическую активность, игнорируя определенную степень давления международной системы.

В-третьих, Крымский случай рассматривать как попытку расширения Россией своего места в международной системе, то есть изменение статуса-кво и максимизация мощи.

²³ “España: Mariano Rajoy pone plazos a Puigdemont para que aclare si declaró la independencia de Cataluña y califica el referéndum de ‘ataque desleal y peligroso’”. 11.10.2017, *BBC News* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/mundo/noticias-internacional-41582644> (дата обращения: 20.09.2021).

²⁴ “Материалы сайта МИД Испании, ‘La situación de Escocia no tiene nada que ver con la de Cataluña’”, *Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación* [Электронный ресурс]. URL: http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/SalaDePrensa/Entrevistas/Paginas/ENTREVISTAS/20170508_ENTREVISATA2.aspx (дата обращения: 20.09.2021).

²⁵ “Catalan independence referendum illegal under Spanish constitution, European Commission confirms”. 02.10.2017, *Independent* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/catalan-independence-referendum-not-legal-spanish-constitution-european-commission-juncker-spain-law-a7978386.html> (дата обращения: 20.09.2021).

²⁶ “Путин рассказал о переживаниях за Испанию после референдума в Каталонии”. 03.10.2017, *Интерфакс* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/581599> (дата обращения: 20.09.2021).

²⁷ “Захарова: Москва считает ситуацию в Каталонии внутренним делом Испании”. 28.09.2017, *TACC* [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/4600611> (дата обращения: 20.09.2021).

²⁸ Иван Чихарев и Артем Косоруков, *Указ. соч.*, с. 61.

В-четвертых, Каталонский кейс продемонстрировал, что Испания выступает за сохранение текущего статуса-кво и максимизацию безопасности.

Таким образом, мы можем заключить, что Россия имеет ресурсы для противостояния давлению международной системы, в случае если тому соответствуют ее интересы. Тогда как соотношение внутренних факторов в Испании является «оптимальным»²⁹, что позволяет Испании только сохранять свое текущее положение в международной структуре.

Библиография

1. В зависимости от Косово. 18.02.2008 // Российская Газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2008/02/18/kosovo.html> (дата обращения: 20.09.2021).
2. Госдума и Совет Федерации приняли постановление по Косово. 18.02.2008 [Электронный ресурс] // Lenta.ru . URL: <https://lenta.ru/news/2008/02/18/statement/> (дата обращения: 20.09.2021).
3. Захарова: Москва считает ситуацию в Каталонии внутренним делом Испании. 28.09.2017 // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/4600611> (дата обращения: 20.09.2021).
4. Материалы сайта МИД Испании, «Ficha país: Serbia» [Электронный ресурс]. URL: http://www.exteriores.gob.es/Documents/FichasPais/SERBIA_FICHA%20PAIS.pdf (дата обращения: 20.09.2021).
5. Материалы сайта МИД Испании, «La situación de Escocia no tiene nada que ver con la de Cataluña» [Электронный ресурс]. URL: http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/SalaDePrensa/Entrevistas/Paginas/ENTREVISTAS/20170508_ENTREVISTA2.aspx (дата обращения: 20.09.2021).
6. Материалы сайта МИД РФ, «О слушаниях Международного Суда ООН по вопросу о соответствии международному праву одностороннего провозглашения независимости временными институтами самоуправления Косово» [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/270090 (дата обращения: 20.09.2021).
7. Многие россияне изменили мнение о статусе Косово за последние полгода. 18.09.2008 // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20080918/151386951.html> (дата обращения: 20.09.2021).
8. Путин рассказал о переживаниях за Испанию после референдума в Каталонии. 03.10.2017 // Интерфакс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/581599> (дата обращения: 20.09.2021).
9. Путин: Независимость Косово повлечет непредсказуемые последствия. 22.02.2008 // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20080222/99907461.html> (дата обращения: 20.09.2021).
10. Распоряжение Президента Российской Федерации от 17.03.2014 г. № 63-рп // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/38197> (дата обращения: 20.09.2021).
11. Результаты внеочередного заседания СФ РФ от 21.03.2014 г. // Совет Федерации Федерального собрания РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/activity/meetings/40481/results/> (дата обращения: 20.09.2021).
12. Стенограмма заседания ГД РФ от 20.03.2014 г. // Государственная дума [Электронный ресурс]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/4045/pdf> (дата обращения: 20.09.2021).
13. Чихарев И. А., Косоруков А. А. Неоклассический реализм: к проблеме соотношения переменных глобального и национально-государственного уровней в формировании внешнеполитического курса // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2010. № 1. С. 50–66.
14. Catalan independence referendum illegal under Spanish constitution, European Commission confirms, Independent, 02.10.2017 г. // Independent [Электронный ресурс]. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/catalan-independence-referendum-not-legal-spanish-constitution-european-commission-juncker-spain-law-a7978386.html> (дата обращения: 20.09.2021).
15. Declaracion del Gobierno Vasco sobre la independencia de Kosovo // Euskadi. The Official Tourism Website of the Basque Country [Электронный ресурс]. URL: <https://www.euskadi.eus/web01->

²⁹ Ibid.

- s2oga/es/contenidos/noticia/declar_20080217_kosovo/es_prensa/gabinete_prensa.html (дата обращения: 20.09.2021).
16. España: Mariano Rajoy pone plazos a Puigdemont para que aclare si declaró la independencia de Cataluña y califica el referéndum de “ataque desleal y peligroso”. 11.10.2017 // BBC News [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/mundo/noticias-internacional-41582644> (дата обращения: 20.09.2021).
 17. Estrategia de acción exterior de 2014 modificada en 2015 // Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación [Электронный ресурс]. URL: http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/SalaDePrensa/Multimedia/Publicaciones/Documents/2014_ESTRATEGIA%20DE%20ACCION%20EXTERIOR.pdf (дата обращения: 20.09.2021).
 18. La Eurocámara vuelve a pedir a España que reconozca la independencia de Kosovo. 25.03.2021 // Vozropuli [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vozropuli.com/internacional/eurocamara-independencia-kosovo.html> (дата обращения: 20.09.2021).
 19. La OTAN critica la decisión “unilateral” de España de retirar sus tropas de Kosovo. 19.03.2009 // RTVE [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rtve.es/noticias/20090319/otan-critica-decision-unilateral-espana-retirar-tropas-kosovo/249848.shtml> (дата обращения: 20.09.2021).
 20. Rajoy defiende ante el Kremlin la integridad territorial de Ucrania. 05.03.2014 // El País [Электронный ресурс]. URL: https://elpais.com/internacional/2014/03/04/actualidad/1393943743_982459.html (дата обращения: 20.09.2021).
 21. *Rose G.* Neoclassical realism and theories of foreign policy // *World politics*. 1998. Vol. 51. Iss. 1. P. 144–172.
 22. Zapatero: “Nuestro papel en Kosovo perdía sentido tras una independencia que no reconocemos. 20.03.2009 // RTVE [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rtve.es/noticias/20090320/zapatero-nuestro-papel-kosovo-perdia-sentido-tras-independencia-no-reconocemos/250346.shtml> (дата обращения: 20.09.2021).

Г. А. Жданов¹

ЧИЛИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД ВТОРОГО ПРЕЗИДЕНТСКОГО МАНДАТА СЕБАСТЬЯНА ПИÑЕРА

CHILEAN-AMERICAN RELATIONS DURING THE PERIOD SEBASTIAN PIÑERA'S SECOND PRESIDENTIAL MANDATE

Аннотация. В выступлении рассматриваются особенности внешнеполитического курса администрации Себастьяна Пиньеры на основе сравнительного анализа программных документов и предварительных итогов правления правоцентристов. Особое внимание уделяется отношениям Чили с ключевым союзником — Соединенными Штатами Америки, при этом учитываются особенности двусторонних отношений в период правления Дональда Трампа и Джозефа Байдена. Автор сравнивает также позиции двух стран по ключевым вопросам глобальной и региональной повестки дня, в том числе перспективы и возможные издержки сотрудничества в рамках Транстихоокеанского партнерства.

Ключевые слова: Чили, США, выборы, правоцентристы, внешняя политика, Себастьян Пиньера, Дональд Трамп, Джозеф Байден.

Abstract: The article reviews the key features of Sebastián Piñera's foreign policy based on comparative analysis of policy documents and preliminary assessments of center-right administration's actions. Special attention is paid to Chile's relations with its key ally — the United States — highlighting the particularities of bilateral relations under Donald Trump and Joseph Biden administrations. The author reviews the positions of the two countries on global and regional agenda, including perspectives and possible drawbacks within the bounds of Trans-Pacific Partnership.

Key words: Chile; United States; elections; center-right; foreign policy; Sebastián Piñera; Donald Trump; Joseph Biden.

Анализ внешнеполитических приоритетов

На выборах в декабре 2017 г. в Чили победил экс-президент С. Пиньера, уже занимавший пост главы государства в 2010–2014 гг. Себастьян Пиньера родился в Сантьяго-де-Чили 1 декабря 1949 г. в семье чилийского дипломата, вырос в Нью-Йорке, где его отец — Хосе Пиньера Карвайо — работал в качестве постоянного представителя страны при ООН. С. Пиньера с отличием окончил Папский католический университет в Чили, докторскую степень получил в Гарвардском университете в США по экономике². В сентябре 2021 г. состояние президента журнал «Форбс» оценивал в 2,8 млрд долларов³.

В ходе всеобщих выборов в Чили в 2017 г. С. Пиньера опирался на консервативную часть общества, разделяющую традиционные христианские ценности, его социальной базой

¹ Жданов Георгий Александрович, Россия, студент факультета международных отношений МГИМО (jdanov.g.a@gmail.com).

² “Apellidos de la Familia — Piñera”, *Genealog. Nuestra Familia* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.genealog.cl/Apellidos/Aguirre/> (дата обращения: 26.09.2021).

³ “Sebastián Piñera & family”. 2021, *Forbes* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.com/profile/sebastian-pinera/?sh=3014d2377a75> (дата обращения: 26.09.21)

стали представители деловых кругов, средние и обеспеченные слои населения⁴. Тем не менее приход ко власти избранного президента нельзя приравнять к полному возврату страны к неолиберальной модели — правительство признает необходимость выстраивания инклюзивного общества и социальной помощи населению, которая в отличие от предыдущего правительства Мишель Бачелет стала носить более адресный характер⁵.

В основном программном документе «Создадим для Чили лучшие времена» подчеркивается необходимость укрепления экономических отношений с зарубежными государствами, содействия интеграционным процессам в регионе, улучшению имиджа страны на международной арене, укреплению многосторонней дипломатии (мультилатерализма), международной безопасности⁶. Министерство иностранных дел Чили особо выделяет необходимость защиты морских интересов государства, что выражается в сохранении биологического разнообразия морского пространства, наложении ограничений на хозяйственную деятельность; позиционирование страны в качестве одного из ключевых субъектов в мировой политике, соблюдающего все взятые на себя международно-правовые обязательства, в том числе в рамках Конвенции ООН по морскому праву и целей устойчивого развития ООН⁷. Также внешняя политика Чили ставит своей целью защиту интересов в Антарктике — страна имеет территориально-политические претензии на сектор между 53° и 90° з. д. и от 60° ю. ш. до Южного полюса. В официальных документах данный отрезок фигурирует под названием «Чилийской антарктической территории». При этом важно иметь в виду, что Договор об Антарктике 1959 г., участником которого является Чили, ограничивает на данном континенте ряд суверенных прав какой бы то ни было страны. В настоящее время Чили совместно с США ведет активную научную деятельность в Антарктике — международное научное сотрудничество является одним из ключевых внешнеполитических приоритетов Чили и, как следствие, особо важным направлением двусторонних отношений. Совместная с США научная работа проводится на базе американского Национального научного фонда и Антарктического института Чили⁸.

Двусторонние отношения

Чили и США считают друг друга стратегическими партнерами^{9, 10}. В докладах Государственного департамента США в целом высоко оценивается степень демократичности чилийского политического режима. Отмечается, что Чили является примером свободной и развитой экономики в регионе; среди аргументов приводится тот факт, что инвесторы считают чилийские гособлигации одними из наиболее надежных в Латинской Америке. Помимо этого, в докладах Госдепартамента говорится, что низкий уровень коррупции способствует привлечению иностранных инвестиций. Для Чили США является одним из ключевых торговых партнеров и источников привлечения внешнего капитала: доля американских инвестиций составляет 31 % в общей совокупности

⁴ Виктор Хейфец, ««Правый поворот» в Чили: каких изменений ожидать в политике и экономике?» *Научная сессия ГУАП. Часть III: сб. докладов*, 2010.

⁵ Збигнев Ивановский, «Чили: новая политическая панорама и корректировка развития», *Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии* 5:1, 2018, с. 572–580.

⁶ Sebastián Piñera Echenique, «Programa de Gobierno 2018–2022. Construimos tiempos mejores para Chile», Santiago de Chile, 2017 [Электронный ресурс]. URL: https://cdn.digital.gob.cl/filer_public/dd/70/dd70bc30-3fd1-45ef-846b-0f6cc03a41ab/programa_de_gobierno_de_sebastian_pinera.pdf (дата обращения: 26.09.21).

⁷ «Prioridades de la Política Exterior». 2018, *Ministerio de Relaciones Exteriores* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.minrel.gob.cl/minrel/politica-exterior/prioridades-de-la-politica-exterior> (дата обращения: 26.09.2021).

⁸ «U.S. Relations With Chile». 2021, *U.S. Department of State* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/u-s-relations-with-chile/> (дата обращения: 26.09.2021).

⁹ Ibid.

¹⁰ «Prioridades de la Política Exterior». 2018, *Ministerio de Relaciones Exteriores* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.minrel.gob.cl/minrel/politica-exterior/prioridades-de-la-politica-exterior> (дата обращения: 26.09.2021).

портфельных иностранных инвестиций (1-е место, 55,6 млрд долларов)¹¹. С 2004 г. между странами действует соглашение о свободной торговле. Объем поставленных из США в Чили товаров составил 12,8 млрд долларов — основные статьи экспорта включают минеральное топливо, промышленное оборудование, транспортные средства и электронику. Чили в том же году поставило в США товаров на 10,1 млрд долларов, среди которых преобладали медь и продукты сельскохозяйственной отрасли — лосось и фрукты¹².

Чили и Соединенные Штаты имеют постоянные контакты в ряде международных организаций, включая Организацию Объединенных Наций, Организацию американских государств, Сообщество демократий, Форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, Организацию экономического сотрудничества и развития, Международный валютный фонд, Всемирный банк и Всемирную торговую организацию. Чили также является членом Тихоокеанского альянса, Союза южноамериканских наций (УНАСУР) и Сообщества латиноамериканских и карибских государств (СЕЛАК).

На уровне отдельных штатов США с правительством Чили также существуют партнерские объединения. «Партнерство Чили и Калифорнии для XXI века» способствует сотрудничеству частных лиц, представителей правительства и коммерческих предприятий в таких областях, как сельское хозяйство, эффективное использование энергии, управление природными ресурсами, а также в сфере образования. Исполнительный совет Чили — Массачусетс сосредоточен на укреплении сотрудничества в области торговли и предпринимательства. Штат Вашингтон также установил партнерские отношения с Чили для обмена опытом в области устойчивого развития и транспортной инфраструктуры, способствованию роста доли низкоуглеродной экономики и экологически чистой энергии.

Одной из первых масштабных дипломатических акций двусторонних отношений стало создание чилийско-американского совета по науке, технологиям и инновациям в марте 2018 г. — первого в своем роде форума, целью которого является совмещение государственного и частного участия для углубления двусторонних отношений посредством так называемой научной дипломатии. Согласно программным документам¹³, оригинальность форума заключается в том, что он совмещает в себе научную, политическую и коммерческую направленности. Инвестиции в НИОКР считаются одними из наиболее рискованных¹⁴, но в то же время перспективных вложений, поэтому правительства двух стран приняли решение о необходимости обмена опытом в данной сфере, что также должно содействовать развитию политического диалога.

Чили и США придерживаются сходных взглядов по вопросам глобальной повестки дня в области защиты прав человека и международной безопасности. Тем не менее приоритеты обеих стран совпадали не всегда: в период президентства Д. Трампа внешнеполитическая активность США была значительно меньше сосредоточена на вопросах изменения климата, которым Чили придает большое значение. Так, осенью 2019 г. на чилийской дипломатии лежала задача по организации климатического саммита COP25, который сначала был отменен из-за уличных протестов, а затем перенесен в Мадрид. Хотя в состав американской делегации вошли представители научного сообщества, коренного населения, деловых кругов, городских властей и правительств отдельных штатов, встречу на высшем уровне не посетили ни президент Д. Трамп, ни члены федерального правительства¹⁵. Результаты саммита не были высоко оценены международным сообществом: Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш заявил о своем

¹¹ “U.S. Relations With Chile”. 2021, *U.S. Department of State* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/u-s-relations-with-chile/> (дата обращения: 26.09.2021).

¹² Ibid.

¹³ “U.S. — Chile Science, Technology and Innovation Council (STIC)”, Santiago de Chile, U.S. Embassy in Chile, spring 2018.

¹⁴ Лариса Борисоглебская, Виктор Четвериков и Яна Лебедева, *Инвестирование в НИОКР для инновационного развития в странах БРИКС*, Москва, Инновационная экономика, 2013.

¹⁵ “COP25 US Delegation”. 2019, *We Are Still In* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wearestillin.com/cop25-us-delegation> (дата обращения: 26.08.2021).

разочаровании — по его мнению, мировые лидеры упустили бесценную возможность реализовать амбиции по сохранению мировой экологической обстановки¹⁶.

Среди других негативных аспектов можно назвать некоторые оценки Государственного департамента США в отношении Чили. Департамент публикует отчеты, в которых оценивается уровень соблюдения прав человека в разных странах — в отчете по Чили заявляется о том, что центральные власти нередко допускают полицейский произвол во время гражданских протестов, а также отмечают проблему использования в стране детского труда, предлагая ряд мер, которые, по мнению Бюро международных вопросов труда, должно принять чилийское правительство¹⁷. При этом Чили все же находится в первой группе стран, где, по мнению внешнеполитического ведомства США, права человека соблюдаются лучше всего¹⁸. На высоком уровне двусторонних отношений данные проблемы не отражаются.

Развитие отношений после смены правительства в США

После начала пандемии администрация Джозефа Байдена предоставила Чили безвозмездную помощь в объеме 2 млн долларов, которые были использованы при строительстве двух полевых госпиталей, для закупки восьми аппаратов ИВЛ, средств индивидуальной защиты и поддержки местным организациям здравоохранения. Частный сектор США и работающие в Чили американские компании выработали ряд инициатив по оказанию помощи чилийцам, включая безвозмездное предоставление медицинского оборудования, продуктов питания и средств гигиены. Американские эксперты из Центров по контролю и профилактике заболеваний совместно с чилийскими экспертами из министерства науки, технологий, знаний и инноваций, Министерства здравоохранения и Института общественного здравоохранения запустили в апреле 2021 г. программу, цель которой — отслеживать новые штаммы COVID-19 на территории Чили, проводить по ним исследования в чилийских лабораториях и университетах, параллельно изучая эффективность вакцин. Помимо этого, в ходе выработки программ общественного здравоохранения Чили регулярно консультируется с экспертами Управления по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов США.

В Чили успешно реализуется программа вакцинации: уже к середине мая 2021 г. количество граждан, получивших как минимум одну дозу вакцины, превысило 50 %; на сентябрь 2021 г. это число приближается к 80 %. По этому показателю Чили стабильно входит в ряды мировых лидеров. Эксперты отмечают личные заслуги президента С. Пиньеры, которому удалось продемонстрировать предпринимательские качества, быстро добившись контрактов на закупку вакцин по оптимальным ценам, что, как известно на примере других стран, являлось серьезной проблемой, осложненной бюрократическими издержками¹⁹. Так, правительству С. Пиньеры удалось заключить контракт на поставку 4,5 млн американских вакцин Pfizer-BioNTech, хотя в основном страна использует китайскую вакцину Sinovac — этих вакцин в стране имеется 8,6 млн.

Сотрудничество в рамках Транстихоокеанского партнерства

4 февраля 2016 г. в Окленде, Новая Зеландия, было подписано соглашение о создании Транстихоокеанского партнерства. Проект был создан по инициативе президента Б. Обамы с целью усиления влияния США в Азиатско-Тихоокеанском регионе, что представляло

¹⁶ Adam Vaughan, “COP25 climate summit ends in ‘staggering failure of leadership’”, London, New Scientist, 2019.

¹⁷ *Child Labor and Forced Labor Reports*, Washington, Bureau of International Labour affairs, 2021.

¹⁸ *2020 Country Reports on Human Rights Practices*, Washington, U.S. Department of State, 2020.

¹⁹ Valentina Fuentes and Matthew Malinowski, *Vaccine Gains Bring a Despised President Back From the Brink*, Santiago de Chile, Bloomberg, 2021.

важность для интересов страны на фоне вовлеченности Китая в интеграционные процессы в регионе²⁰. С приходом к власти Д. Трампа американская дипломатия отказалась от дальнейшего участия в проекте и в январе 2017 г. США вышли из договора. После этого Австралия, Бруней, Вьетнам, Канада, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Сингапур, Чили и Япония подписали Всестороннее последующее соглашение о Транстихоокеанском партнерстве, взяв за основу подготовленную при участии США программу, однако в новом соглашении отсутствовали 22 пункта, встретившие возражения участников партнерства — на них ранее настаивала американская сторона. По оценкам экспертов, лидирующую роль в реализации положений соглашения должна занять Япония²¹. Церемония подписания состоялась 8 марта 2018 г. в Сантьяго-де-Чили. Представляется возможным спрогнозировать возвращение правящей партии США к данному проекту, однако новое «окно возможностей» для американской дипломатии вряд ли будет таким же широким.

Выводы

Таким образом, с приходом ко власти С. Пиньеры чилийская внешняя политика сохраняет преемственность и продолжает демонстрировать готовность страны активно участвовать в процессах глобальной и региональной повестки дня. Одним из основных приоритетов продолжают оставаться торгово-экономические связи страны с ключевыми партнерами. Особую роль среди партнеров Чили традиционно играют Соединенные Штаты Америки — политический диалог двух стран расширился в связи со сменой в США правящей партии. Демократы больше, чем республиканцы нацелены на активные действия на внешнеполитической арене, чем обуславливается расширение политических связей с Чили — страной, которая высоко ценит необходимость участия в международных делах. Хотя на первый взгляд можно было бы предположить обратное, посчитав что взаимодействие Чили и США должно было выглядеть шире во время президентства Д. Трампа ввиду сходства отдельных черт биографии и ряда политических взглядов президентов обеих стран, администрация республиканского президента, провозгласившего слоган «Америка превыше всего», приняла решение сосредоточиться на внутренних проблемах, снизив степень собственного присутствия во внешнеполитических проектах. С приходом ко власти демократов США вернулись к большей заинтересованности в глобальных вопросах, что не могло не иметь в качестве последствия расширение диалога с Чили. Обе страны продолжают оставаться важнейшими торговыми партнерами и можно прогнозировать их совместное участие в рамках многосторонних форм сотрудничества.

Библиография

1. Аниськевич Н. С., Эррера А. Р. Чили в контексте Тихоокеанского альянса // Актуальные проблемы экономики и управления. 2017. Т. 14. № 2. С. 94–101.
2. Ивановский З. В. Чили: новая политическая панорама и корректировка развития // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2018. Т. 5. № 1. С. 572–580.
3. Борисоглебская Л. Н., Четвериков В. М., Лебедева Я. О. Инвестирование в НИКОР для инновационного развития в странах БРИКС // Инновации. 2013. Т. 181. № 11. С. 66–73.
4. Хейфец В. Л. «Правый поворот» в Чили: каких изменений ожидать в политике и экономике? // Научная сессия ГУАП. Часть III: сб. докладов, 2010.
5. Apellidos de la Familia — Piñera // Genealog. Nuestra Familia [Электронный ресурс]. URL: <https://www.genealog.cl/Apellidos/Aguirre/> (дата обращения: 26.09.2021).

²⁰ Наталия Аниськевич и Роблес Эррера, *Чили в контексте Тихоокеанского альянса*, Москва, Актуальные проблемы экономики и управления 14:2, 2017.

²¹ Yoichi Funabashi, *In America's absence, Japan takes the lead on Asian free trade*, Washington, Washington Post, 2018.

6. *Retamal Favereau J. Carlos y Muñoz Celis Atria, Juan Guillermo Correa, Familias Fundadoras de Chile, 1540–1600.* Santiago de Chile: Editorial Universitaria, 1992. 789 p.
7. Sebastián Piñera & family, Forbes magazine, 2021 // Forbes [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.com/profile/sebastian-pinera/?sh=3014d2377a75> (дата обращения: 26.09.2021).
8. Programa de Gobierno 2018–2022. Construimos tiempos mejores para Chile, Santiago de Chile, 2017 // Sebastián Piñera Echenique [Электронный ресурс]. URL: https://cdn.digital.gob.cl/filer_public/dd/70/dd70bc30-3fd1-45ef-846b-0f6cc03a41ab/programa_de_gobierno_de_sebastian_pinera.pdf (дата обращения: 26.09.2021).
9. U.S. Relations With Chile, Washington, Department of State, 2021 // US Department of State [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/u-s-relations-with-chile/> (дата обращения: 26.09.2021).
10. Prioridades de la Política Exterior, Santiago de Chile. 2018 // Ministerio de Relaciones Exteriores [Электронный ресурс]. URL: <https://www.minrel.gob.cl/minrel/politica-exterior/prioridades-de-la-politica-exterior> (дата обращения: 26.09.2021).
11. U.S. — Chile Science, Technology and Innovation Council (STIC). Santiago de Chile: U.S. Embassy in Chile, spring 2018.
12. COP25 US Delegation, 2019 // We Are Still In [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wearestillin.com/cop25-us-delegation> (дата обращения: 26.08.2021).
13. *Vaughan A.* COP25 climate summit ends in “staggering failure of ‘leadership’”. London: New Scientist, 2019.
14. Child Labor and Forced Labor Reports. Washington: Bureau of International Labour affairs, 2021.
15. 2020 Country Reports on Human Rights Practices. Washington: U.S. Department of State, 2020.
16. *Fuentes V., Malinowski M.* Vaccine Gains Bring a Despised President Back from the Brink. Santiago de Chile: Bloomberg, 2021
17. *Yoichi Funabashi.* In America’s absence, Japan takes the lead on Asian free trade. Washington: Washington Post, 2018.

Е. Ю. Щербакова¹

ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛАТИНОАМЕРИКАНЦЕВ: ИСТОКИ И ОСОБЕННОСТИ

NEGATIVE IDENTITY OF LATIN AMERICANS: ITS ORIGINS AND FEATURES

Resumen: Este artículo da una definición de identidad negativa basándose en el concepto teórico introducido por el psicólogo y sociólogo estadounidense E. Erikson. Se enfatiza la diferencia entre identidad positiva y negativa. Se proporcionan los antecedentes históricos del problema, rastreando el origen de la idea hasta las guerras de independencia hispanoamericanas. Los puntos de vista de S. Bolívar y A. Reyes se consideran fundamentales para comprender el desarrollo del constructo de identidad negativa a lo largo de los años. Se enumeran las características principales de este fenómeno en el contexto latinoamericano, incluyendo el distanciamiento del origen español, la interpretación poco convencional de la historia colonial, la inconsistencia con el nivel norteamericano de desarrollo de las instituciones políticas y económicas y la ausencia de identificación con los pueblos indígenas. La implementación política de la idea de identidad negativa es mostrada a través de los ejemplos de política anticolonial contemporánea en Venezuela y México.

Palabras clave: Latinoamérica; crisis de identidad; identidad negativa; anticolonialismo.

Abstract: This article outlines the definition of the negative identity based on the theoretical concept introduced by American psychologist and sociologist E. Erikson. The difference between positive and negative identity is emphasized. The historical background of the issue is provided, tracing the origin of the idea back to the Spanish American wars of independence. The viewpoints of S. Bolivar and A. Reyes are considered essential to understand the development of the construct of negative identity through the years. Key features of this phenomenon in Latin American context are listed, including distancing from the Spanish origin, unconventional interpretation of colonial history, inconsistency with the North American level of development of political and economic institutions and lack of identification with indigenous people. The political implementation of the idea of negative identity is showed through the examples of contemporary anticolonial policies in Venezuela and Mexico.

Key words: Latin America; identity crisis; negative identity; anticolonialism.

Теоретические основы изучения отрицательной идентичности

Идентичность как важный феномен для осмысления международных отношений, а также как составляющая часть латиноамериканского (шире — ибероамериканского) регионализма достаточно широко изучена зарубежными (А. Вендт, С. Хантингтон, Х. Хименес) и отечественными (В. А. Ачкасов, Я. Г. Шемякин) авторами. Исследователи предлагают множество классификаций идентичности, отмечая ее многогранный характер и возможность одного субъекта обладать несколькими идентичностями, менять их с течением времени.

Один из ведущих теоретиков идентичности Э. Эриксон впервые выделил в качестве ее типов позитивную, негативную и смешанную. Позитивная идентичность, согласно его определению, предполагает усвоение социокультурных норм, ведущее к четкой самоидентификации без внутренних противоречий. В случае обладания смешанной

¹ Щербакова Елена Юрьевна, Россия, студентка факультета международных отношений СПбГУ (elena.sherbakova.01@mail.ru).

идентичностью субъект располагает различными вариантами самоопределения, которые вступают в конфликт друг с другом². Наконец, в результате кризиса идентичности (автором этого понятия считается сам Эриксон) проявляется негативный ее аспект, представляющий собой совокупность идентификаций, которые индивид должен подавить в себе как нежелательные и противоречивые, воспринимаемые чужеродными в группе или социуме³. Это могут быть как объективно вредные с общественной точки зрения характеристики, так и субъективно чуждые черты иной культуры. Кризис идентичности в этом случае спровоцирован тем, что прежние установки уже не воспринимаются в качестве собственных, они не соответствуют сложившимся реалиям жизни, в связи с чем самоидентификация в заданных рамках не представляется возможной. В то же время наличие благоприятных социальных и исторических условий позволяет использовать негативную идентичность для формирования новой, позитивной, взамен прежней, которая воспринимается чужой.

Следовательно, негативная (отрицательная) идентичность ведет к выделению новой общей культуры на основе того, что отвергается принадлежность к другим культурам. Необходимо отметить, что контраст между «своим» и «чужим» представляется одним из фундаментов идентичности; значит, выделение того, что присуще другим, само по себе оказывает благоприятное влияние на выявление новых характеристик группы.

Термины «негативный» и «отрицательный» в этом контексте следует признать равноценными, однако в рамках настоящего исследования было отдано предпочтение последнему как не несущему негативную коннотацию и более целостно отражающему идею отказа от прежней идентичности.

Исторические предпосылки и интерпретации нелатиноамериканского

Попытки определить самобытность латиноамериканского народа активно начали предприниматься в период распространения движения за независимость от Испанской империи в начале XIX в. Один из наиболее выдающихся деятелей войны за освобождение испанских колоний С. Боливар высказал свои идеи относительно самоопределения латиноамериканцев в знаменитом «Письме с Ямайки». В послании он не раскрывает, кем в его представлении являются жители колоний в Латинской Америке, но делает акцент на том, кем они не являются: «Мы не индейцы и не европейцы, а нечто среднее между законными владельцами страны и испанскими узурпаторами»⁴. В этом определении в полной мере проявляется призыв Боливару к объединению латиноамериканцев в борьбе за независимость как особого народа, который не должен мириться с европейскими порядками, будучи по своему происхождению американским. В то же время потомков испанских переселенцев нельзя отождествлять с коренными американцами, в связи с чем они оказываются в пограничном состоянии, стремясь определить свою цивилизационную принадлежность.

Таким образом, у получивших самостоятельность латиноамериканских республик возникает необходимость обозначить свою идентичность, поскольку установки, которые определяли их как часть Испанской империи, были утрачены. Однако освобождение от власти метрополии не исключило влияние других внешних факторов на их самовосприятие в культурном и политическом плане. Как часть Западного полушария Латинская Америка оказалась под действием «доктрины Монро», провозглашенной Соединенными Штатами в 1823 г., которая хоть и помогла в тот момент отстоять молодым государствам свою независимость, защитив от интервенции европейских держав, но предопределила курс

² Ирина Николаева, «Идентичность», *Теория и методология исторической науки*, Москва, Аквилон, 2014, с. 115.

³ Erik H. Erikson, «Autobiographic Notes on the Identity Crisis», *Daedalus*, 99:4, 1970 p. 733.

⁴ Simón Bolívar, *Carta de Jamaica*, Kingston, 6 de septiembre de 1815 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ensayistas.org/antologia/XIXA/bolivar/> (дата обращения: 25.09.2021).

американцев на региональное лидерство. Неоднократные вмешательства США в дела латиноамериканских государств посредством политических средств стали привычной для них практикой. Это не могло не отразиться на политическом устройстве молодых республик, многие из которых создали свои государственные институты по образцу американских.

Начиная с XX в. идентичность Латинской Америки формируется под влиянием североамериканского соседа в соответствии с новыми культурными канонами, которые приходят на смену европейской ориентации колониального периода. Этот процесс находит экономическое отражение: усиливается зависимость латиноамериканских стран от экспорта сырья и импорта готовой продукции. Такие крупные государства, как Аргентина, Бразилия, Мексика, Уругвай и Чили, хоть и становятся самостоятельными странами-производителями, но подчиняются динамике американской промышленной торговли⁵.

Мексиканский писатель прошлого столетия А. Рейес, пытаясь определить, что представляет собой Латинская Америка, отказался от рассмотрения таких понятий, как «культура» и «цивилизация», не найдя их исчерпывающими. Рейес предложил рассмотреть идентичность живущих в ней народов с позиции *inteligencia americana*⁶, значение которой можно было бы более или менее точно передать термином «американское самовосприятие». Именно это понятие, по мнению автора, способно отразить все оттенки самоопределения латиноамериканцев, но в то же время он признает, что этот феномен сталкивается с рядом дилемм. Одна из них — «неизбежный конфликт между сторонниками американизма и латиноамериканизма»⁷, появляющийся с достижением независимости. Эта дилемма отражает противоречие между следователями традиций эпохи Испанской империи и приверженцами новой реальности. Еще одно противоречие — во влиянии европейских и американских традиций на латиноамериканское общество. Рейес отмечает, что оно ориентируется на два полюса: Европу и Соединенные Штаты, черпая из них вдохновение для устройства собственных институтов⁸.

Так, проблема Латинской Америки, согласно Рейесу, состоит в том, что приходится перенимать опыт извне, чтобы понять свою сущность, осознать, кем эти народы хотят стать и какой вектор выбрать для дальнейшего развития. Одновременно с этим взгляд вовне позволяет определиться с теми моделями, которые было бы неприемлемо перенять. Латиноамериканцы, укрепляя свои независимые институты, тем самым спасаются от «безумия Европы»⁹, как сам мексиканский автор его называл. Все это позволяет развить «американское самовосприятие» и сформировать свою собственную идентичность.

Концепция нелатиноамериканского широко распространилась вследствие успехов движения за независимость и дальнейшего поиска направления развития стран Латинской Америки, укрепления их суверенитета. Однако поиск латиноамериканского «я» продолжил сопровождаться кризисными явлениями.

Ввиду гетерогенности и гибридного характера латиноамериканской культуры путь «от обратного» к определению своей общности и уникальности представлялся ближайшим. Значит, все, что не являлось в ней испанским, американским, могло быть признано частью аутентичной культуры Латинской Америки, не сужая это понятие до наследия коренных народов. Однако привязка к территориальному аспекту также нерациональна, поскольку, например, многие всемирно известные шедевры латиноамериканских деятелей искусства не были созданы непосредственно в Латинской Америке, поскольку их творцы нередко

⁵ Maryceley Córdova Solís, *Entre la modernidad y la globalización. La encrucijada de la cultura Latinoamericana*, Madrid, Universidad Complutense de Madrid, 2008, p. 9.

⁶ Alfonso Reyes, *Notas sobre la inteligencia americana*, México, Universidad Nacional Autónoma de México, 1978, p. 5–12.

⁷ Там же, p. 7.

⁸ Там же.

⁹ Pedro Ángel Palou, *Cosmopolitanism and Latino Americanism: Re-reading Alfonso Reyes Today*. Vol. 8, Tufts University, 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://quod.lib.umich.edu/p/pc/12322227.0008.004?view=text;rgn=main> (дата обращения: 25.09.2021).

проживали в Европе или Соединенных Штатах¹⁰. Так, многие известные работы мексиканского живописца Х. К. Ороско были созданы в США, аргентинский литератор Х. Кортасар прожил значительную часть жизни во Франции, где и написал наиболее значимые свои произведения. При этом их творческое наследие, несомненно, является достоянием латиноамериканцев, формирующим особенности их культуры и подкрепляющим самосознание.

С еще большими вызовами латиноамериканской идентичности приходится сталкиваться в эпоху глобализации и универсализации культуры. В этих условиях провести различие между «своим» и «чужим» становится гораздо более трудной задачей.

Отрицательная идентичность в современном социально-политическом контексте

На практике проявления отрицательной идентичности прослеживаются как в общественных настроениях, так и в официальной государственной политике. Особенно это проявляется в отторжении всего испанского, с чем ассоциируется в глазах латиноамериканцев прежде всего наследие колониального периода.

Общественность и интеллектуальные круги с неприятием восприняли события 1992 г., когда правительства стран Латинской Америки активно готовились к празднованию 500-летия со дня прибытия Х. Колумба в Америку. Этот факт вызвал повсеместную критику и спровоцировал оживленные дебаты¹¹.

Вслед за этим стал очевиден курс латиноамериканских лидеров на отказ от собственной истории как части Испанской империи, который поддерживается в ряде стран континента. Показательным в этом плане стало решение президента Венесуэлы Н. Мадуро о начале процесса «деколонизации» общественных пространств. Так, самая важная автострада Каракаса, носившая имя испанского колонизатора Франсиско Фархадо, была переименована в честь индейского борца с конкистадорами¹².

Идея борьбы также становится лейтмотивом политики мексиканского лидера А. М. Лопеса Обрадора. 13 августа 2021 г. в Мехико отпраздновали 500-летнюю годовщину «сопротивления коренных народов»¹³. Падение Теночтитлана, на месте которого была основана мексиканская столица, воспринимается в риторике правительства Лопеса Обрадора не как завоевание этой территории конкистадорами, а так героическое противостояние ацтеков. При этом подобные акции, очевидно, являются не столько жестом солидарности с коренным населением, сколько апелляцией к народным массам, среди которых достаточно распространены антииспанские настроения. Даже письмо президента Мексики испанскому королю, в котором он потребовал извиниться перед коренными народами Америки за преступления колонизаторов¹⁴, адресовано монарху только формально. На самом деле Лопес Обрадор обращается к своим избирателям, так как испанофобия является частью политической культуры левых в Мексике и в Латинской Америке в целом.

¹⁰ Bettina E. Schmidt, "Teorías culturales posmodernas de Latinoamérica (y su importancia para la etnología)", *Indiana* 19/20, 2002/2003, p. 19.

¹¹ Carlos Guevara Meza, *Posmodernidad en América Latina*, México, Instituto Nacional de Bellas Artes y Literatura, 2005, p.16.

¹² Дарья Юрьева, "Колумба — на свалку истории? Зачем Латинская Америка избавляется от наследия колонизации". 15.10.2020, *ТАСС* [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/opinions/9727389> (дата обращения: 25.09.2021).

¹³ México conmemora 500 años de la conquista española como "un rotundo fracaso". 13.08.2021, *Los Angeles Times* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.latimes.com/espanol/mexico/articulo/2021-08-13/mexico-conmemora-500-anos-de-la-conquista-espanola-como-un-rotundo-fracaso> (дата обращения: 25.09.2021).

¹⁴ "Мексика потребовала от Испании извиниться за колонизацию". 26.03.2019, *BBC News* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-47670824> (дата обращения: 07.08.2021).

Заключение

Подводя итог, необходимо отметить, что путь латиноамериканцев к поиску своей идентичности был очень длинным и продолжается до сих пор. Большое разнообразие различных национальностей, этносов, других групп населения усложняет определение того, что является истинно латиноамериканским, а что — результатом влияния других культурных установок. Соответственно, чтобы определить то, что представляют собой культура, бытие, дух латиноамериканского народа, объединившего в себе все многообразие населения континента, возникла необходимость обозначить границы того, чем он не является. Основными чертами отрицательной идентичности становятся дистанцирование от своего испанского происхождения, собственная интерпретация колониальной истории, несоответствие североамериканскому уровню развития политических и экономических институтов, отсутствие отождествления латиноамериканского и исконно американского.

Все эти особенности самовосприятия позволяют Латинской Америке формировать собственную идентичность, которая проявляется не только в общественной мысли и культурной сфере, но и на уровне политических элит. Рассмотренные события последних лет подтверждают значимость отрицательной идентичности в латиноамериканском идентификационном дискурсе и открывают возможности для ее дальнейшего изучения.

Библиография

1. *Юрьева Д.* Колумба — на свалку истории? Зачем Латинская Америка избавляется от наследия колонизации. 15.10.2020 // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/opinions/9727389> (дата обращения: 25.09.2021).
2. *Николаева И. Ю.* Идентичность // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014 С. 115–119.
3. Мексика потребовала от Испании извиниться за колонизацию. 26.03.2019 // BBC News [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-47670824> (дата обращения: 07.08.2021).
4. *Reyes A.* Notas sobre la inteligencia americana. México: Universidad Nacional Autónoma de México, 1978.
5. *Schmidt B. E.* Teorías culturales posmodernas de Latinoamérica (y su importancia para la etnología) // Indiana. 2002/2003. Vol. 19/20. P. 13–35.
6. *Guevara Meza C.* Posmodernidad en América Latina. México: Instituto Nacional de Bellas Artes y Literatura, 2005.
7. *Erikson E. H.* Autobiographic Notes on the Identity Crisis // Daedalus. 1970. Vol. 99. Iss. 4. P. 730–759.
8. *Córdova Solís M.* Entre la modernidad y la globalización. La encrucijada de la cultura Latinoamericana. Madrid: Universidad Complutense de Madrid, 2008.
9. Мéxico conmemora 500 años de la conquista española como “un rotundo fracaso”. 13.08.2021 // Los Angeles Times [Электронный ресурс]. URL: <https://www.latimes.com/espanol/mexico/articulo/2021-08-13/mexico-conmemora-500-anos-de-la-conquista-espanola-como-un-rotundo-fracaso> (дата обращения: 25.09.2021).
10. *Ángel Palou P.* Cosmopolitanism and Latino Americanism: Re-reading Alfonso Reyes Today. Vol. 8. Tufts University, 2015 [Электронный ресурс] URL: <https://quod.lib.umich.edu/p/pc/12322227.0008.004?view=text;rgn=main> (дата обращения: 25.09.2021).
11. *Bolívar S.* Carta de Jamaica. Kingston, 6 de septiembre de 1815 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ensayistas.org/antologia/XIXA/bolivar/> (дата обращения: 25.09.2021).

Я. А. Петрова¹

СОТРУДНИЧЕСТВО КУБЫ И РФ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

COOPERATION BETWEEN CUBA AND THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FIELD OF EDUCATION

Resumen: Este artículo examina las relaciones entre Cuba y Rusia, su cooperación en el campo de la educación, la historia y la situación en este momento, así como los programas de interacción. Desde la época Soviética, Rusia y Cuba han tenido una estrecha relación. La URSS ayudó activamente material y financieramente a la Cuba Comunista. Suministramos maquinaria, herramientas, manos de trabajo y mucho más. Por lo tanto, debido a la fuerte amistad y la unidad Comunista, la cooperación comenzó a formarse en muchas áreas de la vida, incluida la cultura y la educación. Después del colapso de la URSS, Cuba y Rusia comenzaron a restablecer gradualmente los lazos, implementando proyectos de intercambio educativo de estudiantes, así como organizando eventos dedicados a las características culturales del país socio. Además, este artículo muestra qué condiciones pueden obtener los cubanos en Rusia y viceversa.

Palabras clave: Cuba; Rusia; cooperación; educación.

Abstract: This article examines the relations between Cuba and Russia, their cooperation in the field of education, the history and situation at the moment, as well as cooperation programs. Since Soviet times, Russia and Cuba have had a close relationship. The USSR actively helped communist Cuba financially and financially. They supplied equipment, tools, workers and much more. Therefore, due to strong friendship and communist unity, cooperation began to develop in many spheres of life, including culture and education. After the collapse of the USSR, Cuba and Russia began to gradually restore ties, implementing educational exchange projects for students, as well as holding events dedicated to the cultural characteristics of the partner country. Also, this article shows what conditions Cubans can get an education in Russia and vice versa.

Key words: Cuba; Russia; cooperation; education.

Куба и СССР. История начала сотрудничества

Совсем недавно, несмотря на пандемию коронавируса, в Россию на учебу прибыла большая группа кубинских студентов. Вопреки жестокой блокаде США Куба развивает перспективные научные и образовательные связи со многими странами, в том числе и с Россией.

Как свидетельствует статистика, после Кубинской революции произошел настоящий прорыв в области образования. Прежде характерной чертой дореволюционной Кубы был крайне низкий уровень общеобразовательной подготовки населения и высокий процент неграмотных. Среднее и высшее образование могли получить лишь дети из семей, принадлежащих к политической и экономической элите кубинского общества. В стране и особенно в сельской местности ощущался острый недостаток школьных помещений. «С приходом новой власти, а немногим позже и со сменой политического курса ситуация в

¹ **Петрова Яна Анатольевна**, Россия, выпускник направления бакалавриата «Международные отношения» СПбГУАП (E-mail: pyaa2306@yandex.ru).

области образования кардинальным образом изменилась. В первые годы после революции основной упор был сделан на решение первоочередной задачи культурной революции — ликвидации неграмотности². Уже в 1962 г. финансирование сферы образования было увеличено, конечно, же не без большой помощи Советского Союза. Тогда и начался активный обмен студентами. Что же из себя представляла данная программа? Она подразумевала то, что две стороны будут принимать на обучение до 300 студентов в год на программы технических специальностей, а также на программы, оплачиваемые предприятиями советского союза. За 30 лет в советских учебных заведениях получили образование более 20 000 специалистов не только в бакалавриате, но и в аспирантуре.

Датой начала отношений между Кубой и Россией (тогда еще в составе СССР) можно считать 1961 г., когда был подписан договор о культурном сотрудничестве между двумя коммунистическими странами. Именно в то время в то время был активно развит обмен студентами, когда кубинцы получали образование в СССР и наоборот. «19 мая 1977 года в Гаване был открыт филиал Института русского языка им. А. С. Пушкина, в котором работали советские и кубинские специалисты по русскому языку и литературе. Этот филиал просуществовал до начала 1990-х годов, за это время его выпускниками стали тысячи человек»³. После распада СССР, отношения между Кубой и РФ в сфере культуры и образования были возобновлены только в 1993 г.

Наши дни

В 2011 г. между Российской Федерацией и Республикой Куба было подписано межправительственное соглашение, которое предоставило нашей стране на очень выгодных условиях 100 стипендий в год для подготовки специалистов различных уровней высшего образования⁴.

На современном этапе сотрудничество между Кубой и Россией продолжает развиваться. В научной сфере Россия и Куба тоже развили продуктивное сотрудничество. Научные ведомства двух стран проводят совместные исследования в областях биологии, биохимии, ядерной физики, астрономии, нанотехнологий. Работает российско-кубинский Комитет по новым технологиям, сообца строятся станция для климатических испытаний и две астрономические обсерватории. Сотрудничество в сфере образования включает в себя создание Россией бесплатных бюджетных мест для кубинских студентов и межвузовские соглашения по сотрудничеству. Мероприятия по налаживанию культурных связей включают в себя выставки, кинопоказы и фестивали. На острове построен православный храм, при котором работают курсы русского языка и воскресная школа. В Гаванском университете появилась кафедра русского языка имени А. С. Пушкина.

19 июля 2019 г. в Минпросвещения России состоялась встреча с делегацией Республики Куба, в которой приняли участие советник Посольства Республики Куба в Российской Федерации Густаво Х. Кобрейро Суарес и помощник советника Республики Куба в Российской Федерации Миленис Т. Торрес Лабрада. Встречу провел статс-секретарь — заместитель Министра просвещения Российской Федерации П. С. Зенькович. В ходе дискуссии стороны подтвердили целесообразность обновления правовой базы и совместной разработки проекта соглашения о сотрудничестве в сфере образования между

² Глеб Чэн, «Какова роль советского союза в формировании образовательной системы на кубе?» *На путях к новой школе* 1, 2015 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_24109065_98440987.pdf

³ «Русский снова в тренде: язык Пушкина возвращается на Кубу». 03.07.2017, *ТАСС* [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4382828> (дата обращения: 18.09.2021).

⁴ Павел Зенькович, «Россия и Куба обновят правовую базу в целях развития сотрудничества в области образования». 19.07.2019, *Пресс-служба Минпросвещения России* [Электронный ресурс]. URL: <https://edu.gov.ru/press/1583/rossiya-i-kuba-obnovyat-pravovuyu-bazu-v-celyah-razvitiya-sotrudnichestva-v-oblasti-obrazovaniya> (дата обращения 27.09.2021).

Министерством просвещения Российской Федерации и Министерством образования Республики Куба.

Также были подняты вопросы обмена опытом в сфере дополнительного образования, инклюзивного образования и среднего профессионального образования. В 2020 г. между двумя странами было подписано научное соглашение, которое способствовало укреплению связей между университетами и научными центрами. В этом году завершается первая группа из 16 совместных исследовательских проектов по стратегическим вопросам развития страны, в основном в области фундаментальных наук. Компания BioCubaFarma уже заключила соглашения с Институтом сывороток и вакцин им. Мечникова и Институтом биорганической химии им. Шемякина-Овчинникова, которые вместе с Центром молекулярной иммунологии Кубы образуют Центр инноваций и разработок в области передовой иммунотерапии.

Активно развивается в последние годы и российско-кубинское сотрудничество в сфере образования. Размер квоты правительства РФ на обучение иностранных граждан в российских вузах составляет 15 тыс. человек ежегодно. В рамках этой квоты Кубе выделяется 100 бюджетных мест. Кубинские студенты приезжают в Россию на специальных условиях: за счет средств федерального бюджета оплачивается не только их обучение, но и авиаперелет, проживание и медицинская страховка⁵.

Какие условия для поступления в кубинский университет для Россиян? Для поступления в университет необходимо сдать экзамен по испанскому языку. Изучить кубинские университеты, подходящие по профилю, проверить требования к абитуриентам и собрать необходимый пакет документов. Кубинское образование считается качественным, но в тоже время недорогим, в связи с чем пользуется популярностью. Также присутствуют гранты на обучение. Для этого нужно хорошо разбираться в своей отрасли, иметь отличную успеваемость и знать иностранные языки. Правительство Кубы поощряет приезд иностранцев на учебу, поэтому все студенты получают стипендии.

Кубинцы также могут приехать получать образование в Россию, изучив русский язык на подготовительных курсах. Плата за образование в России примерно такая же, как и на Кубе — от 3 до 7 тыс. долларов, но, конечно же, есть стипендии. В российских вузах выделяется 100 стипендий для обучения кубинских студентов, для ее получения также необходимо собрать пакет документов и пройти конкурсный отбор. После окончания университета многие студенты успешно строят карьеру благодаря навыкам и знаниям, приобретенным в вузах, кто-то возвращается на Родину, а некоторые остаются жить в России на постоянной основе, относясь с огромной теплотой к нашей холодной стране⁶.

Библиография

1. Чэн Г. Н. Какова роль советского союза в формировании образовательной системы на кубе? // На путях к новой школе. 2015. № 1 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_24109065_98440987.pdf
2. Русский снова в тренде: язык Пушкина возвращается на Кубу. 03.07.2017 // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4382828> (дата обращения: 18.09.2021).
3. Зенькович П. С. Россия и Куба обновят правовую базу в целях развития сотрудничества в области образования. 19.07.2019 // Пресс-служба Минпросвещения России [Электронный ресурс]. URL: <https://edu.gov.ru/press/1583/rossiya-i-kuba-obnovyut-pravovuyu-bazu-v-celyah-razvitiya-sotrudnichestva-v-oblasti-obrazovaniya> (дата обращения: 27.09.2021).
4. Las mejores becas para estudiar en Rusia ¡GRATIS! // Vivir Viajar Amar [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vivirviajaramar.com/becas-completas-para-estudiar-en-rusia/> (дата обращения: 27.09.2021).

⁵ Там же, с. 5.

⁶ Информационный портал Study in Russia [Электронный ресурс]. URL: <https://studyinrussia.ru/es/> (дата обращения: 27.09.2021).

5. Информационный портал Study in Russia [Электронный ресурс]. URL: <https://studyinrussia.ru/es/> (дата обращения: 27.09.2021).
6. Как получить образование на Кубе? [Электронный ресурс]. URL: <https://migrant-fms.ru/amerika/kuba/kak-poluchit-obrazovanie-na-kube/> (дата обращения: 27.09.2021).

К. П. Лихарев¹

ПОТЕНЦИАЛ ПРОЕКТА “ENERGÍA 2050” В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ЧИЛИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

POTENTIAL OF THE “ENERGÍA 2050” PROJECT IN THE ENERGY POLICY OF THE REPUBLIC OF CHILE

Resumen: El 30 de diciembre de 2015, la Presidenta de la República de Chile, Michelle Bachelet, firmó el proyecto “Energía 2050”. Esta estrategia sirve como punto de referencia para que el Ministerio de Energía de Chile brinde servicios energéticos asequibles y de alta calidad a todos los segmentos de la población, genere el 70 % de las necesidades energéticas del país a partir de fuentes de energía renovable y construya todos los edificios nuevos de acuerdo con las modernas normas de eficiencia energética. El documento considerará la seguridad energética de la República de Chile en la etapa actual, cómo una política de largo plazo ayudará a construir planes efectivos para resolver las tareas antes mencionadas para el Ministerio de Energía de Chile, qué problemas está experimentando el país ahora y cómo puede resolverse para lograr los objetivos del proyecto “Energía 2050”.

Palabras clave: Chile; Bachelet; Energía 2050.

Abstract: On December 30, 2015, the President of the Republic of Chile, Michelle Bachelet, signed the “Energía 2050” project. This strategy serves as a benchmark for the Chilean Ministry of Energy to provide affordable and high-quality energy services to all segments of the population, generate 70 % of the country's energy needs from renewable energy sources, and construct all new buildings in accordance with modern energy efficiency standards. The paper will consider the energy security of the Republic of Chile at the present stage, how a long-term policy will help build effective plans for solving the above tasks for the Chilean Ministry of Energy, what problems the country is experiencing now and how they can be solved in order to achieve the goals of the “Energía 2050” project.

Key words: Chile; Bachelet; Energy 2050.

Введение

Чилийский энергетический сектор на современном этапе сильно зависит от угля, перуанской нефти и боливийского газа. В стране работают гидроэлектростанции, развивается атомная промышленность. В 2015 г. президент республики Мичель Бачелет провозгласила создание чилийского проекта по переходу к «зеленой» экономике, развитию альтернативных источников энергии. В работе будут рассмотрены успехи в реализации данного проекта за пять лет его существования, а также его возможный потенциал².

В последние годы чилийский рынок возобновляемых источников энергии вызывает большой интерес, поскольку отрасль реагирует на потенциал роста и предложение экономической и политической стабильности. По состоянию на декабрь 2013 г. установленные возобновляемые мощности составляли 6,3 % энергобаланса Чили. К июню 2016 г. эта сумма увеличилась вдвое, достигнув 12,65 % от общей электрической мощности

¹ Лихарев Константин Павлович, Россия, студент ГУАП (mortus282@gmail.com).

² “Presidenta de la República recibe Nueva Política Energética para Chile”, *Comisión Nacional de Energía* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cne.cl/prensa/prensa-2015/diciembre-2015/presidenta-de-la-republica-recibe-nueva-politica-energetica-para-chile/> (дата обращения: 25.09.2021).

(20 151 МВт). В 2015 г. страна привлекла более 50 % от общего объема инвестиций в рынок возобновляемых источников энергии в Латинской Америке и Карибском бассейне.

Претворение проекта в жизнь

Цифры, опубликованные в июле 2016 г. Центром инноваций и развития устойчивой энергетики в Чили, превзошли все ожидания: в стадии строительства заявлено 47 проектов по возобновляемым источникам энергии. К августу 2018 г. эти проекты введут в сеть, что даст в общей сложности еще 2336 МВт. Более того, по состоянию на июнь 2016 г., 91 проект в области возобновляемых источников энергии находился на стадии экологической оценки. После запуска эти проекты будут вводить в матрицу более 8 815 МВт, что в денежном эквиваленте представляет из себя сумму в размере 25 677 млн долларов США. Данная сумма была взята полностью из инвестиционных источников. Таким образом, привлекательность рынка возобновляемых источников энергии сделала энергетический сектор экономическим сектором с самым высоким уровнем инвестиций в Чили за два года — с 2016 по 2018 г.³

Правительства всех развитых и развивающихся стран уделяют большое внимание экологии. Многие из них сформировали свое видение перехода на альтернативные источники энергии к 2050 г. Согласно расчетам группы исследователей из Университета Лидса (Великобритания), при текущих глобальных расходах энергии, выделяются большой разрыв в использовании и доступе к электричеству по всему миру. К 2050 г. население земли, согласно ООН, достигнет почти 10 млрд человек⁴. Ресурсов для комфортного образа жизни, которое мы наблюдаем в развитых странах сейчас, не хватит, чтобы удовлетворить потребности всех жителей Земли. Для этого, указывает исследование, необходимо внедрить доступные технологии альтернативной энергетики во всех регионах мира, чтобы добиться большей эффективности; резко сократить глобальное потребление и положить конец мировому неравенству. Чилийская Республика начала свою работу для достижения этих целей в 2015 г.⁵

Проект разделен на две части. Первая часть предполагает институциональные изменения использования электроэнергии в стране, например в промышленных предприятиях, в государственных учреждениях, улучшение эффективного сотрудничества с партнерами по региону (Боливией и Перу), а также партнерами в рамках Меркосур (Бразилия, Аргентина, Парагвай, Уругвай). Вторая часть предполагает перевод 70 % потребителей страны на альтернативные источники, уменьшение выбросов газа в атмосферу до общемирового рекомендуемого уровня, уменьшение сбоев в подаче электроэнергии до одного часа в год, решение проблемы разности в температуре северной и южной части Чили⁶. Главное, предполагается увеличение доли АИЭ в общей энергетической матрице страны с 3,6 до 68 %⁷.

С 2018 до 2019 г. количество введенных в эксплуатацию АИЭ выросло на 5300 МВт, который раньше добывался посредством сжигания угля. В этом же году правительство заявило, что к 2040 г. все угольные электростанции должны быть закрыты в соответствии с

³ “Energía 2050”. Política electroenergética de Chile”, Ministerio de Energía [Электронный ресурс]. URL: https://www.energia.gob.cl/sites/default/files/energia_2050_-_politica_energetica_de_chile.pdf (дата обращения: 24.09.2021).

⁴ “Демографические изменения к 2050 году”, *Организация Объединенных Наций* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/un75/shifting-demographics> (дата обращения: 25.09.2021).

⁵ “Shining a light on international energy inequality”, *University of Leeds* [Электронный ресурс]. URL: https://www.leeds.ac.uk/news/article/4562/shining_a_light_on_international_energy_inequality (дата обращения: 25.09.2021).

⁶ Constanza Levicán, “CEO de Suncast, en entrevista con la Facultad de Comunicaciones de la Pontificia Universidad Católica de Chile”, *YouTube* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Ar6MmC-Fiuw> (дата обращения: 25.09.2021).

⁷ “Country Nuclear Power Profiles”, *IAEA* [Электронный ресурс]. URL: <https://www-pub.iaea.org/MTCD/Publications/PDF/cnpp2018/countryprofiles/Chile/Chile.htm> (дата обращения: 25.09.2021).

планом. Инвестиции в данный проект составят от 13 до 25 млрд долларов в новые генерирующие мощности. Но если добавить инвестиции, которые потребуются для модернизации существующих предприятий, то затраты могут увеличиться на 10–20 %. Это означает, что общая сумма инвестиций будет варьироваться от 15 до 30 млрд долларов США.

Для всех стран 2020 год оказался сложным из-за развернувшейся в мире пандемии и связанной с ней экономической рецессией. Не обошла данная проблема и чилийский проект *Energía 2050*. Внутри страны происходили массовые протесты, люди погибали от вируса. Полученные чилийским правительством в конце 2020 г. вакцины помогли привить уже 40 % населения страны. Дальнейшее предположение — COVID-19 не будет влиять в существенной мере на реализацию чилийского проекта *Energía 2050*, работа по претворению его в жизнь продолжится.

Заключение

Таким образом, мы можем сделать вывод, что растущий спрос на электроэнергию к 2050 г. будет превышать существующий в два раза. Это значит, что чилийскому правительству необходимо держать в уме этот факт и, опираясь на данные текущих годов, увеличить объем электропроизводства в два раза; более того, он должен будет на 70 % состоять из АИЭ. Природные возобновляемые ресурсы страны сделали чилийский рынок энергетики привлекательным местом для международных инвесторов.

Растущее участие возобновляемых источников энергии в энергобалансе меняет правила игры. Страна преуспевает в увеличении стоимости своих первичных источников энергии, и ожидается, что Чили станет экспортером электроэнергии в ближайшем будущем для своих соседей. Действительно, в феврале 2016 г. страна осуществила первую передачу электроэнергии в Аргентину. Кроме того, к 2021 г. Чили планирует соединить свою национальную передающую систему с Перу, Эквадором и Колумбией. Международные межсетевые соединения будут способствовать дальнейшему развитию конкуренции, предоставляя пропускную способность для участия новых участников в энергетическом секторе.

Библиография

1. Presidenta de la República recibe Nueva Política Energética para Chile // Comisión Nacional de Energía [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cne.cl/prensa/prensa-2015/diciembre-2015/presidenta-de-la-republica-recibe-nueva-politica-energetica-para-chile/> (дата обращения: 25.09.2021).
2. “Energía 2050”. Política electroenergética de Chile // Ministerio de Energía [Электронный ресурс]. URL: https://www.energia.gob.cl/sites/default/files/energia_2050_-_politica_energetica_de_chile.pdf (дата обращения: 24.09.2021).
3. Демографические изменения к 2050 году // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/un75/shifting-demographics> (дата обращения: 25.09.2021).
4. Shining a light on international energy inequality // University of Leeds [Электронный ресурс]. URL: https://www.leeds.ac.uk/news/article/4562/shining_a_light_on_international_energy_inequality (дата обращения: 25.09.2021).
5. *Levicán C.* CEO de Suncast, en entrevista con la Facultad de Comunicaciones de la Pontificia Universidad Católica de Chile // YouTube [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Ar6MmC-Fiuw> (дата обращения: 25.09.2021).
6. Country Nuclear Power Profiles // IAEA [Электронный ресурс]. URL: <https://www-pub.iaea.org/MTCD/Publications/PDF/cnpp2018/countryprofiles/Chile/Chile.htm> (дата обращения: 25.09.2021).

Н. Д. Чекунова¹

АНТАРКТИДА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

ANTARCTICA IN THE FOREIGN POLICY OF LATIN AMERICAN COUNTRIES

Abstract: Lands of Antarctica are famous for its extremal and rough climate, suspicious flora and fauna and also high concentration of fresh water. Sixth continent which doesn't have indigenous inhabitants and has uninhabitable climate began been actively included in international relationships due to scientific-technology progress. Abundance of resources on these territories reformed Antarctica into an object of geopolitical struggle between traditional Antarctic powers and extra-regional “players”. Countries of Latin-American regions are also strived to keep up on the race for reforming spheres of influence in Antarctica. As a particularly interested players they realize the need of their participation in processes for consolidation of sovereignty on Antarctic region. It's obvious that today the problem of changes in Antarctic treaty (1959 AD) is inevitable due to reconstruction of the world order in the period of intensive globalization, scientific-technology progress and post-pandemic times, firstly caused by crises in healthcare and economics sectors. Active mobilization of old and new Arctic subjects confesses economic, political, geopolitical and scientific fundamentals, which cast doubt on international idyl. During the research, analysis shows results of politics of countries of Latin-American regions, particularly Argentina, regarding Antarctica in conditions of recent realities. Also, further trends of development in foreign policy are picked out.

Key words: Antarctica; Argentina; Antarctic ice; the sixth continent; natural resources; geopolitical war.

Resumen: Las tierras de la Antártida son conocidas por un clima extremo y severo, una especie de flora y fauna, así como una alta concentración de agua dulce. El sexto continente, sin población indígena, se ha convertido en un participante activo en las relaciones internacionales gracias a los avances científicos y tecnológicos. La abundancia de recursos de estos territorios ha transformado la Antártida en un objeto de lucha geopolítica de las potencias antárticas tradicionales y los actores extrarregionales. Los países de la región Latinoamericana también buscan mantenerse al día en la carrera por la redistribución de las esferas de influencia en la Antártida. Ellos, como jugadores continentales particularmente interesados, son conscientes de la necesidad de consolidar la soberanía. Hoy en día, el problema de los cambios inevitables en el Tratado antártico de 1959 en relación con la reorganización del orden mundial en un período de intensa globalización, progreso científico y tecnológico y después de una pandemia es evidente. La movilización activa de actores antárticos antiguos y nuevos pone en duda el idilio internacional. El estudio analizó los resultados de las políticas de los países de la región de América Latina, en particular Argentina, en relación con la Antártida ante las nuevas realidades. También se destacan otras tendencias en el desarrollo de este vector de política exterior.

Palabras clave: Antártida; Argentina; hielo antártico; el sexto continente; recursos naturales; guerra geopolítica.

На сегодняшний день считается невозможным найти истинного первопроходца антарктических вод. Для современного мироустройства это часть геополитической гонки, в

¹ Чекунова Надежда Дмитриевна, Россия, студент РУДН (1032206086@pfur.ru).

которой каждый стремится быть первым². Участие в процессе освоения материка дает право претендовать на «лакомый кусочек» в разделе шестого континента. Повышенный интерес объясняется рядом причин. В первую очередь речь идет о надвигающейся экологической катастрофе, а именно о глобальном потеплении. С конца XVIII в. люди активно «нагревали» планету за счет интенсивной добычи и сжигания топлива в виде угля, нефти и газа, которые в последствии выделяют углекислый газ. Как известно, его профицит в атмосфере способствует разрушению озонового слоя. По данным метеорологического центра аргентинской базы, 6 февраля 2020 г. был побит температурный рекорд 1961 г. (17,1 °C). В тот день отметка термометра достигла 18,3° выше нуля. И наконец проблема геополитической значимости антарктического региона: «перекрестные» территориальные претензии и использование ресурсного обилия ледяного континента.

В российской образовательной среде принято считать, что официальное открытие Антарктиды относится к 1819–1821 гг., когда корабли «Восток» и «Мирный» совершили кругосветное плавание, в ходе которого достигли берегов Антарктики (69° 53' ю. ш.)³. Однако 18 февраля 1818 г. в консульство Буэнос-Айреса поступил запрос, адресованный торговцем Хуаном Педро Агирре, с целью открыть заведения для ловли волков на любом из существующих островов высоты Южного полюса. Это значит, что именно аргентинские моряки ранее посещали острова. Из этого запроса следует, что, вероятно, открытие этих территорий и запрашиваемого маршрута относится как минимум к 1817 г.⁴

Ледяной континент с момента его открытия и по сегодняшний день вызывает многочисленные споры и оправданный интерес. Середина XX столетия пришлась на холодную войну (1947–1991), которая разделила мир на два лагеря. Международная напряженность была вызвана страхом воплощения наихудшего сценария: США и СССР воспользуются Антарктидой в качестве площадки для ядерных испытаний или военного противостояния. Уже в начале прошлого столетия, в 1908 г., Великобритания заявила о территориальном суверенитете над всеми землями к югу от параллели 60° ю. ш., между меридианами 20° и 80° з. д.⁵ Вслед многие государства вдохновились подобной практикой и начали выдвигать свои притязания на антарктический регион. В 1923 г. Новая Зеландия сделала то же самое в пределах открытия территории Росса. Год спустя Франция потребовала суверенитет над так называемой Землей Аделии. После притязания Антарктика принадлежала Австралии в 1933 г., Норвегии в 1939 г., Республике Чили в 1940 г. и Аргентинской Республике в 1942 г. Претензии Соединенного Королевства, Новой Зеландии, Франции, Австралии и Норвегии были взаимно приняты. Иная судьба была у чилийских и аргентинских притязаний на раздел антарктических территорий. На многие из запрашиваемых земель частично или полностью претендовала английская корона. Стоит вспомнить те же Мальвинские (или Фолклендские) острова, которые позже Соединенные Штаты Америки признали под флагом Великобритании при условии взаимовыгодного сотрудничества, а именно безвозмездной ловли рыбы и нахождения американских судов⁶.

Важно отметить, что в эти годы ни Советский Союз, ни США не предъявляли никаких территориальных претензий касательно Антарктиды, однако и не признавали претензий других государств. Такая политика проводилась по причине нежелания распространять свою глобальную идеологическую борьбу на шестой континент. В последствии этот факт

² Robert Clancy, John Manning and Henk Broksma, *Mapping Antarctica: a five-hundred-year record of discovery*, Springer, 2013.

³ Владимир Голицын, *Антарктика: тенденции развития режима*, Москва, Международные отношения, 1989.

⁴ Степика Д. В., «Участие Чили и Аргентины в международном освоении Антарктиды»,

Россия и страны Латинской Америки и Карибского бассейна: экономика, культура, образование: сб. мат-лов по итогам межвуз. науч.-практ. конф. / под ред. И. А. Максимцева, Санкт-Петербург, 2018.

⁵ Peter Beck, *The international politics of Antarctica*. London: Croom Helm, 1986.

⁶ Política de las islas Malvinas, *Ministerio de Relaciones Exteriores, Comercio Internacional y Culto* [Электронный ресурс]. URL: <https://cancilleria.gob.ar/es/politica-externior/cuestion-malvinas/conversaciones-y-entendimientos-bilaterales-con-el-reino-unido> (дата обращения: 13.09.2021).

значительно облегчил переговоры о будущем правовом статусе, который будет иметь Южный полюс Земли⁷.

После Второй мировой войны начался период формирования правовой основы для управления континентом. Первая попытка обозначить особый юридический статус для Антарктиды была предпринята в США в августе 1948 г. Тогда было предложено, чтобы Антарктика находилась под опекой Организации Объединенных Наций. Однако у этой идеи были противники в лице Норвегии, Аргентины, Чили, Австралии и Великобритании, которые надеялись объединить антарктические территории под свой суверенитет.

Спустя десятилетие был реализован проект международного геофизического года (июль 1957 г. — декабрь 1958 г.), в результате которого 66 стран осуществляли сотрудничество в сфере исследования Земли и окружающего ее космоса. Это мероприятие не было связано с переделом антарктических земель, но стало отправной точкой для подписания договора об Антарктиде 1 декабря 1959 г. в Вашингтоне.

Из-за многочисленных территориальных претензий переговоры были продолжительными. Например, Аргентинскую Республику, Содружество Австралии и Французскую Республику не устраивала идея о компромиссе в отношении своих требований о суверенитете, в то время как договор обязывал отказаться от различных форм притязаний. С тех пор не только количество участвующих стран увеличилось до 59, но также в Договор были внесены различные изменения для увеличения защиты морской дикой природы и окружающей среды в целом⁸.

Договор об Антарктике 1 декабря 1959 г. был подписан на территории Соединенных Штатов Америки. В этом документе Аргентина, Австралия, Бельгия, Чили, Франция, Япония, Великобритания, Новая Зеландия, Норвегия, Соединенные Штаты, Южная Африка и Советский Союз взяли на себя обязательства по ряду основных положений на белом континенте. Договор вступил в силу 23 июня 1961 г. Согласно первой статье настоящего документа, на континент действует особый правовой режим, который с момента установления его демилитаризации Антарктика используется только в мирных целях. Запрещаются, в частности, любые мероприятия военного характера, такие как создание военных баз и укреплений, проведение военных маневров, а также испытания любых видов оружия⁹. Использование территорий и природных ресурсов исключительно в мирных целях: провозглашается свобода исследований и научного сотрудничества. Также Договор требовал заморозить все претензии на антарктический континент без права корректировки прежних пунктов или внесения новых. В то же время права на территориальный суверенитет, на которые ранее претендовали государства, не были аннулированы или отменены¹⁰. Кроме того, документ дает право назначать наблюдателей со свободным доступом ко всем регионам Антарктики, чтобы обеспечить соблюдение целей договора.

По сегодняшний день Антарктика не имеет официального правительства, однако управление осуществляется проведением ежегодных встреч, а именно Консультативные встречи по Договору об Антарктике¹¹. Очевидно, что Договор об Антарктиде от 1959 г. является уникальнейшим правовым инструментом. Симметричные южному полюсу арктические земли не имеют реальной региональной структуры управления. В то время как

⁷ Антон Андреев, “Антарктида во внешней политике стран Латинской Америки”, *Латинская Америка* 6, 2020, с. 82–94.

⁸ Klaus Dodds, “Governing Antarctica: contemporary challenges and the enduring legacy of the Antarctic treaty”, *Global Policy* 1:1, 2010, p. 108–115 [Электронный ресурс]. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1758-5899.2009.00006.x/pdf> (дата обращения: 03.08.2021).

⁹ Договор об Антарктике 1959 г. [Электронный ресурс]. URL: https://documents.ats.aq/keydocs/vol_1/vol1_2_AT_Antarctic_Treaty_r.pdf (дата обращения: 21.09.2021).

¹⁰ David Walton, *Antarctica: global science from a frozen continent*, Cambridge, Cambridge University Press, 2013.

¹¹ Станислав Копылов и Сарвар Мохаммад, “Международное управление Антарктикой: эффективность и легитимность системы договора об Антарктике”, *Международное право — International Law*, 40:4, 2009, p. 204–227 [Электронный ресурс]. URL: <http://intlaw-rudn.com/research/publications/territory/mezhdunarodnoeupravlenie-antarktiko-i-effektivnost-i-legitimnost-sistemy-dogovora-ob-antarktike> (дата обращения: 13.07.2021).

в разгар холодной войны сторонники соглашения переступили через значимость национальных интересов, заморозив территориальные претензии, ради сохранения планеты и борьбы с климатическими изменениями.

Таким образом, континент стал одним из немногих мест в мире, где до сих пор человек и природа сумели сосуществовать в гармонии. То, что когда-то было самым удаленным и негостеприимным из земных регионов, сегодня является примером сотрудничества и сосуществования для всего человечества¹².

С субсидирования амбициозных проектов по установке флага в Антарктиде началась одна из крупнейших геополитических гонок современности. Очевидно, что Аргентинская Республика не является отстающим звеном в этой геополитической «борьбе» и выдвигает свои претензии на Антарктический регион. В подтверждение этому следует отметить, что Секретариат Договора об Антарктике находится в Буэнос-Айресе. Реалистичность притязаний подкрепляется документальной основой, которую предоставляет Министерство обороны Аргентины. Аргентинская Республика претендует на суверенитет над так называемым «аргентинским антарктическим сектором», определяемым параллелью 60° южной широты и меридианами 25° и 74° з. д. Площадь антарктического сектора Аргентины составляет приблизительно 1 461 597 км², из которых 965 314 км² располагаются на материке. Претензии основываются на ряде факторов, а именно географическая близость и геологическая преемственность с аргентинской территорией; установка постоянных антарктических баз и развитие научной деятельности на протяжении столетия. В пределах аргентинского антарктического сектора Аргентинская Республика управляет тринадцатью базами, или станциями, шесть из которых являются круглогодичными, а остальные работают в летний период (декабрь–апрель). Помимо тринадцати действующих баз Аргентина осуществляет исследования на Ледоколе ARA Almirante Irizar.

Один из интереснейших аргументов Аргентинского правительства на обоснование территориальных претензий — это рождение ребенка¹³. На самом деле его рождение было своего рода уловкой военной хунты, правившей Аргентиной в 1978 г., с целью «узаконить» свои территориальные претензии на Антарктиду. Несколько семей отправились в экспедицию на антарктический континент в рамках эксперимента. Его цель — определить, возможна ли семейная жизнь в этой непригодной для среднего обывателя среде. Они создали жилой комплекс, который они назвали «Сардженто Кабрал», и с 1977 г. в нем проживает от восьми до десяти семей.

Реализация подобной стратегии осуществилась в 1977 г., когда в составе научной экспедиции на Антарктиду также отправилась уроженка Аргентины Сильвио Морелло де Пальма на седьмом месяце беременности. 7 января 1978 г. в 8:40 утра родился мальчик Эмилио Маркос Пальма весом 3,4 кг. В последствии Аргентина хотела присвоить суверенитет белого материка. Через несколько лет после осуществления аргентинского плана в 1984 г. на станции Республики Чили был рожден первый чилиец Фрей Монтальва. На сегодняшний день Аргентина является страной с наибольшим количеством уроженцев Антарктики (13 детей).

Программа исследования антарктических земель с 2020–2021 гг. включает в себя ряд мероприятий научно-технической деятельности. К основным задачам относятся: изучение репродуктивной биологии и эволюционной генетики путем мониторинга прибрежного морского планктона в акватории острова Лори (Южные Оркнейские острова). Кроме того, Аргентинской Республикой ежегодно проводится оценка исполнения Договора об Антарктиде 1959 г.¹⁴

Официальное открытие Антарктиды от 1820 г. знаменовало крупнейшую географическую и геологическую находку XIX столетия. Благодаря первым экспедициям

¹² Howard Taubenfeld, “A treaty for Antarctica”, *International Conciliation* 531, 1961.

¹³ Там же.

¹⁴ Plan Anual Antártico del Programa Antártico Argentino 2019, *Ministerio de defensa de la República Argentina* [Электронный ресурс]. URL: https://cancilleria.gob.ar/userfiles/ut/plan_anual_antartico_del_programa_antartico_argentino_2019-2020.pdf (дата обращения: 05.05.2021).

мореплавателей, а также первым исследованиям этого региона человечеству пришло истинное представление о своем природном богатстве и его потенциале. Система Договора об Антарктиде 1959 г. является историческим результатом политики межнациональной безопасности в рамках холодной войны. В то время как традиционные антарктические державы ожидают реализации своих геополитических притязаний, другие новые игроки стремятся изобрести аналогичные и юридически равносильные инструменты для своих будущих требований. Климатические изменения земного шара заставляют мировое сообщество искать консенсусы решения в вопросах приостанавливают межнациональные конфликты влияния с целью принятия решения об эксплуатации и применении антарктических ресурсов. Это говорит о том, что мир признает последствия пренебрежительного отношения к экосистеме. Решение таких вопросов подразумевает совместное международное планирование и разделение труда на долгосрочную перспективу не только государств, исторически претендующих на суверенитет, но и новых игроков. Потенциальная опасность заключается в потере общего защищенного пространства. В противном случае преобладание национальных интересов над мировыми приведет к серьезному конфликту.

Библиография

1. Договор об Антарктике 1959 г. [Электронный ресурс]. URL: https://documents.ats.aq/keydocs/vol_1/vol1_2_AT_Antarctic_Treaty_r.pdf (дата обращения: 04.04.2021).
2. Política de las islas Malvinas // Ministerio de Relaciones Exteriores, Comercio Internacional y Culto [Электронный ресурс]. URL: <https://cancilleria.gob.ar/es/politica-externa/cuestion-malvinas/conversaciones-y-entendimientos-bilaterales-con-el-reino-unido> (дата обращения: 05.05.2021).
3. Plan Anual Antártico del Programa Antártico Argentino 2019 // Ministerio de defensa de la República Argentina [Электронный ресурс]. URL: https://cancilleria.gob.ar/userfiles/ut/plan_anual_antartico_del_programa_antartico_argentino_2019-2020.pdf (дата обращения: 05.05.2021).
4. *Копылов С., Мохаммад С.* Международное управление Антарктикой: эффективность и легитимность системы договора об Антарктике // Международное право — International Law. 2009. Т. 40. № 4. Р. 204–227. URL: <http://intlaw-rudn.com/research/publications/territory/mezhdunarodnoeupravlenie-antarktiko-i-effektivnost-i-legitimnost-sistemy-dogovora-ob-antarktike> (дата обращения: 13.03.2020).
5. *Степика Д. В.* Участие Чили и Аргентины в международном освоении Антарктиды // Россия и страны Латинской Америки и Карибского бассейна: экономика, культура, образование: сб. материалов по итогам межвуз. науч.-практ. конф. / под ред. И. А. Максимцева. СПб., 2018. С. 92–95.
6. *Beck P. J.* The international politics of Antarctica. London: Croom Helm, 1986.
7. *Clancy R., Manning J., Broolsma H.* Mapping Antarctica: a five-hundred-year record of discovery. Springer, 2013.
8. *Dodds K.* Governing Antarctica: contemporary challenges and the enduring legacy of the Antarctic treaty // Global Policy. 2010. Vol. 1. Iss. 1. P. 108–115. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1758-5899.2009.00006.x/pdf> (дата обращения: 09.03.2021).
9. *Taubenfeld H. J.* A treaty for Antarctica // International Conciliation. 1961. No. 531. P. 245–322.
10. *Walton D. W. H.* Antarctica: global science from a frozen continent. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
11. *Голицын В. В.* Антарктика: тенденции развития режима. М.: Международные отношения, 1989.
12. *Андреев А. С.* Антарктида во внешней политике стран Латинской Америки // Латинская Америка. 2020. № 6. С. 82–94.

А. В. Полякова¹

СТЕРЕОТИПЫ ОБ ИСПАНИИ, КАК ОСНОВА ИМИДЖЕВОЙ ПОЛИТИКИ СТРАНЫ

THE STEREOTYPES ABOUT SPAIN AS A FRAMEWORK OF THE IMAGE POLICY OF THE STATE

Resumen: Este artículo trata el análisis de los estereotipos históricos sobre España con respecto a sus orígenes y transformaciones. Siendo un país con historia larga y profunda llena de episodios llamativos, España entró en el siglo XXI con conjunto de estereotipos sostenibles, que siguen influyendo tanto a su percepción en el mundo, como a la realización de su política exterior. En el estudio se analiza los estereotipos más conocidos en sobre el país y al mismo tiempo se formula el estereotipo generalizado que existía en el mundo sobre España antes del comienzo de la realización activa de la política de imagen. Los resultados de este análisis permiten a entender de qué manera hay que aplicar la política de la imagen en España para disminuir la influencia negativa de estos estereotipos. Además, el presente estudio puede servir de base para la investigación sobre los cambios en la percepción de España en un mundo influenciado por la política de imagen.

Palabras claves: estereotipo, imagen, política de imagen, España, percepción.

Abstract: The article is devoted to the analysis of historical stereotypes about Spain, the reasons for their origin and transformation. Like a country with a very rich history full of important events that have had a global impact, Spain entered the 21st century with set of stable stereotypes that continue to have a significant impact on the perception in the world and the implementation of foreign policy. The study analyzed the most stable stereotypes about the country, and also identified a generalized image of Spain that existed in the world before the beginning of the country's active image policy. The results of this analysis allow us to understand in how to build the image policy of the Kingdom to eliminate the negative influence of stereotypes, and can also serve as a basis for identifying the dynamics of Spain's perception in the world based on the results of the image building policy.

Key words: stereotype; image; image policy; Spain; perception.

В современном мире межгосударственные отношения существуют в различных формах. Ведение политики традиционными методами перестает быть единственной эффективной формой, и все большую популярность набирают несиловые методы.

Осознавая важность правильного позиционирования страны на международной арене, многие страны стали активно выстраивать имиджевую политику, направленную на формирование и продвижение позитивного образа своего государства. Однако, несмотря на проработанность документальной базы и активную деятельность специализированных организаций, далеко не всем странам удастся достичь успехов в транслировании позитивного образа. Одной из основных проблем является недостаточное понимание исходной картины. Для изучения имиджевой политики той или иной страны и практического применения полученных выводов, крайне важно понимать, какие стереотипы существуют в обществе, как они влияют на восприятие страны и как минимизировать их влияние.

¹ Полякова Алина Вадимовна, Россия, магистр факультета международных отношений СПбГУ (p.linuse@gmail.com).

Понятие «стереотип» впервые введено в оборот известным американским журналистом Уолтером Липпманом в 1922 г. в книге «Общественное мнение», где он определяет стереотип как упрощенное, заранее принятое представление, не вытекающее из собственного опыта человека². В отличие от имиджевой политики, работать над которой государства начали существенно недавно, стереотипы существовали с незапамятных времен. Коллективные представления о другом народе, возникающие бесконтрольно, в результате межэтнических контактов, укоренялись в сознании людей, передавались из поколения в поколение, становясь стереотипами, что, с одной стороны, во многом упрощало процесс познания, а с другой стороны, они становились продуктом целенаправленной идеологизации. Как отмечает один из главных исследователей социального конструктивизма Александр Вендт, идентичность формируется в процессе взаимодействия с другими народами³, в этом же взаимодействии рождаются и представления о других путем противопоставления. Важными отличительными особенностями стереотипов являются их схематичность и обобщенность, именно по средствам обобщения происходит упрощение понятия и возникает яркий простой конструкт, который легко воспринимается обществом. Наличие таких упрощенных конструктов облегчает процесс познания на начальном этапе.

Как и большинство стран с богатой историей, оказавших существенное влияние на ход мировой истории, Испания вошла в XXI в. с «длинным шлейфом» устойчивых образов и стереотипных представлений. Богатая история страны, содержащая в себе немало «черных страниц», стала существенным препятствием на пути создания позитивного образа благополучного государства. Несмотря на множество успехов Испании, в исторической памяти многих народов, даже не имеющих непосредственного отношения к данному процессу, Испания воспринимается жестоким колонизатором даже спустя долгих пять столетий, а недавние экономические кризисы еще сильнее усугубляют неблагоприятную картину. Таким образом, одной из важнейших целей создания благоприятного имиджа своего государства стали для Испании трансформация имеющихся представлений о ней и создание принципиального «нового» образа в мире, способного искоренить или по крайней мере минимизировать негативное влияние устойчивых стереотипов.

Один из важнейших исследователей образа Испании Хавьер Нойя отметил, что настоящий образ Испании — это отражение всех когда-либо существовавших в истории образов этого государства. Будучи далеко не первой европейской страной, вошедшей в Европейский Союз, Испания была первым государством, имеющим наиболее полный и разносторонний образ, что остается актуальным и по сей день, так как все новые и новые представления о стране наслаиваются на историческую «канву» образа⁴.

Встречаются различные периодизации становления устойчивых представлений об Испании, интересный вариант был предложен известным испанским историком Рикардо Гарсия Карсель: «черная» легенда — эпоха Реформации, «розовая» легенда — время Контрреформации и «желтая» легенда — эпоха романтизма⁵. Основные изменения в восприятии Испании, оказавшие заметное влияние на нынешний образ, произошли на стыке эпохи Просвещения и романтизма. Перешедшие позднее в стереотипы, первые представления об испанцах стали формироваться в Средние века, основной причиной тому служил Путь Святого Иакова (*Camino de Santiago*) — паломническая дорога к третьей по значимости святыне католицизма, проходившая по территории Испании. В Средние века Путь Иакова был крайне популярен, именно по этой причине иностранцы попадали в Испанию и начинали формировать представления о культуре страны. Первое, что стало

² Галина Мельник, «Стереотип, формирование стереотипов в процессе массовой коммуникации», *ПСИ-Фактор* [Электронный ресурс]. URL: <http://psyfactor.org/lib/stereotype1.htm> (дата обращения: 23.06.2021).

³ Alexander Wendt, «Collective identity formation and the international state», *American Political Science Review* 88:2, 1994, p. 386.

⁴ Javier Noya, *La imagen de España en el Exterior. Estado de la cuestión*, Madrid, Real Instituto Elcano de Estudios Internacionales y Estratégicos, 2002, p. 45.

⁵ Там же, p. 47.

бросаться в глаза при описании паломниками Испании и испанцев, — их непохожесть, экзотичность страны, страсть и излишняя эмоциональность.

«Черная» легенда

С ростом взаимных контактов между европейскими народами начинают складываться стереотипы, которые служат для объяснения различий между «своим» и «чужим». К XVI в. процветающая Испания стала вызывать зависть у путешественников, дипломатов и торговцев. По возвращении в свои страны они стали описывать испанцев как людей с преобладающей южной внешностью: низкорослыми, темноволосыми, смуглыми, мужчин — бородами. Этот физический образ подкреплялся и поведенческими характеристиками, свойственными евреям и маврам.

Изменение расстановки сил в Европе с расцветом династии Габсбургов и Испании, бушующая инквизиция, открытие Америки — все это сильно отразилось на образе Испании. В целом возникновение феномена, который впоследствии получил название «черная» легенда, стало результатом возникновения четырех политико-религиозных факторов:

- борьба за гегемонию между Францией и династией Габсбургов;
- религиозная «война» католицизма и протестантизма;
- военные неудачи Испании (во Фландрии и Великобритании);
- религиозные изгнания⁶.

Появление «черной легенды» можно рассматривать как антииспанскую пропаганду, идеологический проект Англии, Франции и Нидерландов, в ответ на усиление влияния Испании, в результате которого определение «испанский» стало означать все негативное. Образ испанца в конце XVI в. заключал в себе такие черты, как расчетливость, холодность мышления, хитрость. Они транслировались повсеместно и стали со временем восприниматься как стереотипы. Театр служил в то время мощным проводником идеи для простого населения, испанский солдат стал в европейских спектаклях и литературных произведениях того времени предметом насмешек и унижений. Образ Испании в целом имел отличия в зависимости от страны, но в целом государство воспринималось как королевство религиозной нетерпимости, завышенных политических амбиций и неэффективной экономики. Все эти черты были следствием пропаганды противников, не готовых мириться со стремительным ростом влияния Испании, возникшей достаточно внезапно военной силы, расширения территории Империи и последующей за этим завистью других стран. Так, «черный» образ Испании правления Филиппа II повествовал о стране «деспотизма, суеверий, жестоких нравов и диких обычаев, религиозного гнета, в которой царил злоева и таинственная инквизиция»⁷.

«Розовая» легенда

«Розовая» легенда развивалась параллельно с «черной» в виде своего рода происпанской пропаганды с отсылкой к испанской культуре, ментальности и традициям. Тем не менее «розовая» легенда не приобрела той же популярности, что «черная».

«Желтая» легенда

На стыке эпохи Просвещения и романтизма происходит наиболее существенное изменение в восприятии Испании. «Желтой» легендой испанские историки называют романтическое представление о стране, зародившиеся в XVIII–XIX вв. во многом благодаря

⁶ Там же, *р.* 49.

⁷ Елена Астахова, «Цвет в образе Испании», *Вестник МГИМО-Университета* 24:3, 2012, с. 143.

европейской классической литературе⁸. Путешественники эпохи романтизма восхищались экзотикой Испании, а не боялись ее. Готическая архитектура, а также влияние арабской культуры, определившее ту самую пугающую ранее непохожесть Испании, стали объектами наибольшего восхищения. Событие в истории страны, которое первым станет объектом романтического толкования — это война за независимость Испании, или Пиренейские войны. Однако образ Испании в глазах разных народов тогда сильно отличался. Для Британской империи, союзницы Испании в этой войне, страна видится романтическим борцом за свободу. В то время как во Франции все еще господствует идеология «черной легенды», в соответствии с которой французы олицетворяют собой Просвещение, которое наступает, чтобы освободить Испанию от гнета нетерпимости и жестоких традиций. Так, триумф Англии в войне определил судьбу представлений об Испании в пользу романтического образа.

Послевоенный упадок Испании, идущий в разрез с индустриальной и буржуазной революцией на Западе, становится одной из причин противопоставления богатого Севера бедному Югу. В результате Гражданской войны за независимость Андалусия (южный регион страны, наиболее сильно сохранивший влияние арабской культуры мавров) стала наиболее известной испанской провинцией за рубежом; именно такой представлялась вся Испания. Кроме того, в это время романтический образ, свойственный по большей части Андалусии, также становится и автостереотипом; американский историк Энрике Уселей Да Кал называет это «авто-экзотизмом»⁹.

Так, Война за независимость совпадает с апогеем эпохи романтизма. Стереотип инквизитора сменяется стереотипом разбойника и тореадора, которые становятся практически неотделимы от испанцев во многом благодаря музыкальным и литературным произведениям, снижавшим высокую популярность, в частности опере Ж. Бизе «Кармен».

Испанский историк, заслуженный профессор Мадридского университета Комплутенсе Хосе Альварес Хунко подчеркнул преемственность между «черной» и «желтой» легендами. Идеология «желтой» легенды, по сути, не приносит ничего нового; анализируются все те же черты, лишь их интерпретация отличается. Те черты народа, которые воспринимались негативными и даже презренными и считались объяснениями упадка страны, стали превозноситься как добродетель. Наиболее яркий стереотип «черной» легенды — испанский солдат, отличающийся глупостью, жестокостью и бедностью. В представлениях романтизма, ввиду успеха партизан против наполеоновской армии, тем же солдатом восхищаются, воспевая его образцовую смелость и отвагу. Другой пример — экономика и инфраструктура страны, отсталость которых через столетие будет восприниматься как первозданность, близость к истокам, «неиспорченность» индустриализацией. Таким образом, изменения, которые коснулись восприятия Испании, никак не зависели от деятельности страны, их причиной была лишь переоценка моральных норм и изменения требований европейского общества¹⁰.

В отличие от Европы в Америке «черная» легенда об Испании просуществовала сравнительно дольше, однако романтический образ укрепился и там, главным проводником этого образа выступит Э. Хемингуэй. В России «желтая» легенда легко укрепилась благодаря уже имеющимся представлениям о романтической стране Дон Кихота, рыцарей плаща и шпаги. «Желтая» легенда ассоциировалась с серенадами, гитарами, кастаньетами, страстными танцами и душевными серенадами, все это было чем-то отдаленно близким по духу российской публике¹¹.

Новый романтический образ Испании за рубежом подчеркнул экзотику страны. Фламенко, коррида, цыганская и мусульманская культуры — характерные черты экзотического, во многом восточного образа Испании, которые по сей день являются

⁸ Там же.

⁹ Enrique Uselay Da Cal, “Ideas preconcebidas y estereotipos en las interpretaciones de la Guerra Civil española: el dorso de la solidaridad”, *Historia Social* 6, 1990, p. 26.

¹⁰ José Álvarez Junco, *España: el peso del estereotipo*, Madrid, Claves de Razón Práctica, 1994, p. 6.

¹¹ Астахова, *Указ. соч.*, с. 143.

наиболее устойчивыми ассоциациями, связанными с Испанией, стали «наследством», оставленным «желтой легендой» более двух веков назад¹².

Гражданская война, франкизм и трансформация

Есть две противоположные историографические версии о влиянии последствий Гражданской войны на имидж Испании. По одной из них Гражданская война оказала влияние на имидж страны, отразив реальную картину происходящего. До этого момента в истории не было столь сильного интереса к ситуации в Испании со стороны всех стран, а появление новых способов распространения информации лишь усугубило появление новых стереотипов. Стереотипы не могут появляться и исчезать в одночасье, но с точки зрения данной версии различия со стереотипами времен романтизма крайне заметны. С одной стороны, во времена «желтой» легенды не представлялось возможным отождествить себя с одним из соперников конфликта, так как Испания воспринималась крайне экзотической, а во время Гражданской войны выступление иностранцев на той или иной стороне конфликта было столь реальным, что появлялись интернациональные бригады и «революционные туристы». В целом образ Испании времен Гражданской войны можно назвать более реалистичным, чем романтический, что объясняется также и наличием конкретной политической идеологии.

Противоположную версию влияния Гражданской войны на образ страны предложил Энрике Селай Да Кал, по мнению которого представления об Испании указанного периода были новой интерпретацией уже имеющихся стереотипов и мифов о стране. Поскольку выступающие в поддержку того или иного государства мало знали об Испании, их предпочтения основывались на опасениях, вытекающих из исторически сложившихся стереотипов¹³. Так, по мнению историка, профранкистская сторона воспринимается с точки зрения «черной» легенды, в то время как республиканский взгляд на войну пересекается с романтическими стереотипами о народе, взявшемся за оружие для достижения свободы. Все это придает пропаганде черты знакомых, а потому понятных и эффективных образов¹⁴.

Несмотря на двойственность подходов, наследие Гражданской войны, несомненно, оказало сильное влияние на восприятие Испании. Однако в результате еще сильнее укрепился стереотип о том, что «Испания отличается». Именно поэтому время правления Ф. Франко хоть и ухудшило образ Испании, было более ожидаемым, чем переход страны к демократии в конце XX в., так как это означало крушение негативных стереотипов о стране¹⁵.

Таким образом, исторический образ Испании состоит из двух архетипов. С одной стороны, отголоски «черной» легенды, которые изображают Испанию европейской страной, высокомерной и надменной, нетерпимой и глубоко религиозной, с неэффективной экономикой и системой управления. Несмотря на негативные характеристики, в этом случае Испания, тем не менее, считается европейской. Архетип, происходящий из «желтой» легенды, позиционирует Испанию экзотической, даже восточной страной, недостаточно современной, однако населенной настоящими людьми, искренними, любящими свободу, страстными, неспособными к рациональному и цивилизационному поведению. Во втором случае образ выглядит дружественным, тем не менее он негативный, так как страна воспринимается «другой», ее не считают частью Европы. По мнению Х. Нойи, черты этих двух архетипов прослеживаются и на сегодняшний день, хоть и в разных культурных и географических регионах. Так, романтический образ доминирует во Франции, Германии и

¹² Javier Noya, *Указ. соч.*, p. 58.

¹³ Enrique Da Cal Uselay, *Указ. соч.*, p. 23.

¹⁴ Enrique Da Cal Uselay, "La imagen internacional de España en el período de entreguerras: reminiscencias, estereotipos y dramatizaciones neorromántica", *Historia Social* 15, 1992, p. 26.

¹⁵ Javier Noya, *Указ. соч.*, p. 63.

США, отголоски «черной» легенды до сих пор заметны в Англии и странах Латинской Америки¹⁶.

Отголоски «черной» и «желтой» легенд в совокупности с остальными историческими стереотипами об Испании к началу XXI в. превратились в комплекс устойчивых стереотипов о стране. Стереотипы, отличающиеся наибольшей устойчивостью и сложностью трансформации, стали основной проблемой уже при первых попытках создания нового имиджа страны. По сей день имиджевая политика Испании воспринимает преодоление негативного влияния стереотипов своей основной задачей на пути построения «нового» имиджа, что неоднократно упоминается в основном документе внешней политики Испании «Стратегии внешних действий»¹⁷.

Таким образом, анализ исторических стереотипов об Испании и их отражения в современных образах позволяют представить обобщенный образ Испании в мире, существующий до начала ее активной имиджевой политики. Данное исследование может быть использовано как для понимания того, в каком направлении необходимо работать при создании нового имиджа Испании, чтобы минимизировать негативное влияние стереотипов, так и для выявления изменения восприятия страны в мире, то есть успешности реализуемой имиджевой политики.

Библиография

1. *Alvarez Junco J.* España: el peso del estereotipo. Madrid: Claves de Razón Práctica, 1994.
2. Estrategia de acciones exteriores, febrero 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/SalaDePrensa/Multimedia/Publicaciones/Documents/ESTRATEGIA%20DE%20ACCION%20EXTERIOR%20castellano.pdf> (дата обращения: 21.05.2021).
3. *Noya J.* La imagen de España en el Exterior. Estado de la cuestión. Madrid: Real Instituto Elcano de Estudios Internacionales y Estratégicos, 2002. 302 p.
4. *Uselay Da Cal E.* Ideas preconcebidas y estereotipos en las interpretaciones de la Guerra Civil española: el dorso de la solidaridad // *Historia Social*. 1990. Iss. 6. P. 22–43.
5. *Uselay Da Cal E.* La imagen internacional de España en el período de entreguerras: reminiscencias, estereotipos y dramatizaciones neorromántica // *Historia Social*. 1992. Iss. 15. P. 23–52.
6. *Wendt A.* Collective identity formation and the international state // *American Political Science Review*. 1994. Vol. 88. Iss. 2. P. 384–396.
7. *Астахова Е. В.* Цвет в образе Испании // *Вестник МГИМО-Университета*. 2012. Т. 24. № 3. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2012-3-24-142-147>
8. *Мельник Г. С.* Стереотип, формирование стереотипов в процессе массовой коммуникации // *ПСИ-Фактор* [Электронный ресурс]. URL: <http://psyfactor.org/lib/stereotype1.htm> (дата обращения: 23.06.2021).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Estrategia de acciones exteriores, febrero 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/SalaDePrensa/Multimedia/Publicaciones/Documents/ESTRATEGIA%20DE%20ACCION%20EXTERIOR%20castellano.pdf> (дата обращения: 21.05.2021).

Н. Д. Калинин¹

ЧЕРНЫЕ ЖИЗНИ ВАЖНЫ И НЕ ТОЛЬКО В США: ПОЛОЖЕНИЕ РАСИЗМА В БРАЗИЛИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

BLACK LIVES MATTER, AND NOT JUST IN THE US: THE STATE OF RACISM IN BRAZIL TODAY

Resumen: El racismo es un problema muy importante de la sociedad brasileña, lamentablemente no se muestra la de percepción de los afrobrasileiros ante dicha situación. La nación de Brasil es extremadamente múltietnica y por eso esta enfrenta problemas, similares a los de la sociedad estadounidense en esto se puede ver la influencia del movimiento socio-cultural “Black lives matter” (Vidas negras son importantes) en la esfera brasilera . En el artículo se relata un poco acerca de las raíces históricas del racismo brasileño como por ejemplo La cuestión de desigualdad racial en el siglo XIX la cuál tenía un estado muy deteriorado, en esta los afrobracileós de-facto no tenían los derechos civiles y eran expuestos a trabajos forzados y sus condiciones de vida eran muy bajas . La desigualdad se empieza a superar realmente solo despues del derrocamiento de la dictadura en 1985, cuando se empieza el proceso de democración en todas las esferas de vida. El artículo incluye además una investigación de demostración del racismo en Brasil en nuestro tiempo. También en el artículo se elaboran métodos de solución del problema de racismo brasileño.

Palabra clave: racismo, Brasil, desigualdad, afrobrasileños, desriminación.

Abstract: Racism is a very important problem of Brazilian society, which is not united in the question of perception of Afro-Brazilians. The nation of Brazil is extremely multi-ethnic and that is why it faces the list of problems, similar to the problems of American society, including the influence of the socio-cultural movement “Black Lives Matter”. The article is related to the historical roots of Brazilian racism. The question of racial inequality in the 19th century was bad — the de-facto Afro-Brazilians did not have civil rights and were condemned to cruel exploitation. Inequality really begins to overcome only after the overthrow of the dictatorship in 1985, when the process of democratization in all spheres of life had begun. The article includes the research on the demonstration of racism in Brazil in our time. Also in the article the methods of solving the problem of Brazilian racism are discussed.

Key words: racism; Brazil; inequality; Afro-Brazilians; disrimination.

Введение

За последнее время в США и в некоторых других странах набирает обороты такое явление как политика идентичности. Мы можем охарактеризовать данный феномен как сепарирование социальных групп посредством выстраивания шкалы «угнетенных» людей, чье угнетение якобы основывается на расовом, гендерном и культурном признаках. Такими социальными группами в зависимости от интерпретации концепции считаются представители ЛГБТ, женщины, чернокожие. Особенно заметны в данном дискурсе стали последние, когда непреднамеренное убийство чернокожего рецидивиста Д. Флойда в Миннеаполисе в мае 2020 г. стало причиной (или лишь поводом?) начала массовых

¹ Калинин Никита Дмитриевич, Россия, студент факультета международных отношений СПбГУ (nikitadm01@mail.ru).

демонстраций под слоганом «Black Lives Matter» («Черные жизни важны», BLM). Целью этих демонстраций, сопровождающихся актами разбоя, грабежа и вандализма, было (по крайней мере де-юре) выражение протеста против неподобающего социального и исторического положения чернокожих в США. Современное американское общество пребывает в кризисном состоянии — пропагандируемая движением BLM политика идентичности встречает самое разное отношение со стороны рядовых американцев, из чего следует появление ряда социальных противоречий.

Движение BLM, являясь крайне примечательным социальным, политическим и культурным явлением, охватило многие регионы мира, включая Латинскую Америку и Карибский бассейн (ЛАКБ). Население стран ЛАКБ столь же синкретично по своему происхождению, как и население США — в обоих случаях мы можем констатировать крайне разнородное в этническом, социальном и культурном плане общество. Национальные государства обеих Америк сформировались благодаря активной многовековой переселенческой политике, привлекавшей людей самых разных этносов, что воспрепятствовало формированию этнически гомогенных обществ по образцу многих европейских национальных государств. Именно поэтому мы имеем основания утверждать, что страны ЛАКБ сталкиваются во многом с теми же проблемами (включая политику идентичности), что и США. Не имея возможности рассмотреть весь регион ЛАКБ комплексно и со всеми подробностями, мы хотели бы обратиться к исследованию вопроса движения BLM в самой крупной стране ЛАКБ — Бразилии.

Объектом настоящего исследования являются проявления расизма и расовых противоречий в Федеративной Республике Бразилия. Предметом настоящего исследования являются последствия влияния движения BLM на бразильское общество. Целью настоящей работы является составление краткого анализа содержания социально-культурно-этнических противоречий в Бразилии на современном этапе. Актуальность данной работы состоит в новизне и малоизученности рассматриваемой социально-политической повестки.

Основная часть

Спустя несколько недель после смерти Джорджа Флойда в американском городе Миннеаполис, бразильцы оплакивали одного из своих соотечественников. Четырнадцатилетний чернокожий бразилец Жуан Педро Маттос Пинто был убит во время игры с друзьями во ходе неудачной полицейской операции в фавеле в Рио-де-Жанейро. Две смерти произошли за тысячи километров друг от друга, но миллионы людей были объединены горем и гневом. «Жизнь чернокожих здесь тоже имеет значение», — скандировали бразильцы в течение нескольких недель после гибели Пинто².

Подобные происшествия не являются единичными Бразилии: 21 сентября 2020 г. полицейский в Сан-Паулу наступил на шею чернокожей женщине пятидесяти лет. Появившееся видео, демонстрирующее этот инцидент, вызвало возмущение. Пострадавшая выжила, однако не всегда итог подобных случаев оказывается благополучным. Например, в том же Сан-Паулу в конце 2020 г. двумя полицейскими был убит пятнадцатилетний чернокожий, катавшийся на мотоцикле. «Полиция должна защищать нас», — сетует мать погибшего. — «Но они этого не делают из-за цвета нашей кожи»³.

В 2020 г. в Бразилии полиция убила почти в шесть раз больше людей, чем в США, и большинство из них были чернокожими. «Насилие со стороны полиции восходит к грустному признанию того, что некоторые жизни имеют меньшее значение, чем другие», — говорит Илона Сабо, исполнительный директор Института Игарапе, аналитического центра по вопросам безопасности, базирующегося в Рио. — «Здесь стереотип преступности в целом олицетворен черным цветом кожи. Поэтому, когда вы находитесь обществе с низким

² Porfírio, Francisco. “Racismo”, *Brasil Escola* [Электронный ресурс]. URL: <https://brasilecola.uol.com.br/sociologia/racismo.htm> (дата обращения: 16.10.2021).

³ Там же.

правовым уровнем, таком как бразильское, можете наблюдать, как в ходе взаимодействия полиции с чернокожими первые permanently воспринимают последних как потенциальных преступников. Это может привести к неоправданному применению силы полицией, что порождает сотни трагичных происшествий, когда гибнут невинные люди»⁴.

Чтобы разобраться с причинами такого положения дел, совершим краткий экскурс в истоки бразильского расизма. Бразилия имеет давнее наследие расовой дискриминации. Это была последняя страна в обеих Америках, которая отменила рабство — в 1888 г. Всего с XVI в. из Африки в Бразилию было вывезено более четырех миллионов невольников (это только те, кого благополучно доставили до бразильского берега; значительное число рабов погибли в ходе кораблекрушений) — больше, чем в любую другую страну мира, и это оставило глубокие шрамы на теле бразильского общества⁵.

Мы вынуждены признать, что расовая дискриминация имеет глубокие исторические корни, которые невольно стали одним из столпов молодой бразильской нации. Как утверждает профессор социологии Франсиско Порфирио: «Дискриминация по происхождению может быть зафиксирована с древности, когда греки и латиняне считали иностранцев варварами. Этот стереотип отражен и в Новом времени, особенно в XVI и XVII вв. в ходе европейского мореплавания и колонизации американского континента. От этого в “новом мире” (как называли его европейцы) имели место такие тенденции как геноцид коренных народов и порабощение народы Африки, что породило движение, оправдывающее выстраивание иерархии населения»⁶.

Бразилия, строившаяся на синкретичной основе из индейской, европейской (точнее, иберийской) и местами африканской культур, представляла собой многонациональное и крайне гидрогенизированное во всех планах государство — «Какая смесь одежд и лиц, племен, наречий, состояний!», писал классик. Вопрос нациестроительства был одним из самых актуальных не только в Бразилии, но и во всех латиноамериканских государствах, так как без собственной нации невозможно было помыслить о национальном суверенитете, о сепарировании от бывшей метрополии — Испании. Целью правителей Бразилии было построение устойчивой государственной системы с устойчивым обществом, где все народы и конфессии были объединены равным правовым статусом бразильских граждан.

Несмотря на то, что подобие такого общества было создано, многие социальные и расовые группы оказывались дискриминированы — это прежде всего чернокожие, которые были порабощены во все время существования императорской Бразилии, а также многочисленные индейцы, притесняемые креолами в своих не слишком просторных резервациях. Все это сочеталось с крайне высоким уровнем социального неравенства, нищетой и господством крупных капиталистов. Креольская элита, господствовавшая в Бразилии (равно как и в других американских странах), причудливо сочетала в себе прогрессивный либерализм освободительного толка и приверженность к отсталым аграрно-эксплуататорским институтам, т. е. к рабству. Двойственность восприятия креольской элитой испанской культуры, тяготение и отталкивание, является одной из ее характерных черт, указывал советский латиноамериканист С. Я. Серов⁷.

Отмена рабства, случившаяся в 1888 г., за год до отречения императора Педру II, не повлекла за собой отмену расовой дискриминации (равно как и в США). Формальная ликвидация эксплуатации чернокожего населения ввергла его в эксплуатацию зачастую еще более жесткую и кабальную, когда бывшие рабы, не имея альтернатив в трудоустройстве, продолжали работать на тех же самых плантациях, получая самую мизерную плату.

⁴ Juliana Bezerra, “Racismo no Brasil”, *Toda Materia*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.todamateria.com.br/racismo-no-brasil/> (дата обращения: 16.10.2021).

⁵ Галина Данилова, “Вопросы нациестроительства в риторике латиноамериканских интеллектуалов и элит: от прошлого к настоящему”, *Ars Administrandi — Искусство управления* 11:2, 2019.

⁶ Porfírio, Francisco. “Racismo”, *Brasil Escola* [Электронный ресурс]. URL: <https://brasilecola.uol.com.br/sociologia/racismo.htm> (дата обращения: 16.10.2021).

⁷ Галина Данилова, “Раса и расовая политика в современной Бразилии”, *Мировая экономика и международные отношения* 1, 2009.

Помимо этого, на рубеже XIX–XX вв. с бразильцами злую шутку сыграло увлечение европейскими расовыми идеями (Дарвин, Лебон, Блюменбах, Гобино, Чемберлен, Ницше). Эти теории осуждали смешение кровей как дегенеративное, некоторые из них имели намеки на евгенические практики. В духе известного стихотворения Редьярда Киплинга «Ноша белого человека», европейские интеллектуалы (а вслед за ними и бразильские) без особых прений присудили эволюционное лидерство европеоидной расе⁸.

Примером применения такой концепции является бразильский исследователь Раймундо Нина Родригес и его идея о врожденной криминальности афробразильцев на основании отличия их формы черепа от черепа европейца. Родригес даже предлагал создать два уголовных кодекса в Бразилии — один для белых бразильцев, другой для африканцев. Были и такие ученые, которые мотивировали правительство к призыву более активной иммиграции европейцев в Бразилию, что, по их мнению, способствовало бы «обелению» бразильского населения. Доходило до того, что в бразильский конгресс поступали законопроекты о запрете въезда в страну «человеческих существ черной расы», и это уже после Первой мировой войны!

Хотя, помимо тех бразильцев, которые придерживались мнения, что известные расы являются «естественно низшими», будучи осужденными самим Богом и пророком его Дарвиным, были и такие, которые настаивали на концепции «гибридных популяций», утверждая, что межрасовые браки смогут упрочить генофонд нации. К сожалению, вторые оказались слабее первых, и системный расизм был постоянной тенденцией бразильского общества, а местами, как мы упомянули выше, и встречается и поныне.

Определенную положительную динамику внесла теория «расовой демократии» Ж. Фрере, появившаяся в 1930-е гг. В своей книге «Господа и рабы» он утверждал, что нынешнее бразильское общество уже является с расовой точки зрения синкретичным, браки стерли границы между этническими группами. Иными словами, Фрере предложил тезис о бразильском обществе как о мультирасовом⁹.

Вплоть до падения военной хунты власти Бразилии стремились, если не игнорировать, то сглаживать возникающие на расовой почве противоречия. Конституция 1967 г., принятая во время диктатуры, провозглашала всех граждан Бразилии «сынами отечества» и не допускала расовой и классовой дискриминации. Особенностью авторитарных режимов второй половины XX в. в Латинской Америке стала эксплуатация революционного национализма в целях сплочения нации, переформулирования национальной идентичности и в отдельных случаях создания корпоративистского государства — для такого государства риторика об «угнетателях и угнетенных» была просто опасна.

Расовая дискриминация заметно уменьшилась во второй половине XX в. (особенно на волне отмены сегрегации в США), однако не ушла навсегда и безвозвратно. Социологический опрос, проведенный в Бразилии в 1988 г., выяснил, что 97 % опрошенных не имеют предубеждений против других рас. В то же время 98 % опрошенных заявили, что им известны соотечественники, имеющие подобные предубеждения. «Каждый бразилец чувствует себя островом расовой демократии, окруженным со всех сторон морем расистов», — иронизировали социологи. Годом позже в Бразилии был выпущен закон, официально криминализировавший расизм¹⁰.

Тем не менее в 1994 г. президент Ф. Э. Кардозу заявлял, что в Бразилии всегда существовала дискриминация чернокожего населения. В середине 1990-х гг. был проведен другой опрос, в ходе которого 10 % респондентов назвали себя расистами¹¹.

Дополнительным стимулом к расовым недопониманиям является графа «раса» в анкете переписи населения, где она значится до сих пор. Каждый бразилец обязан

⁸ Галина Данилова, «Вопросы нацистроительства в риторике латиноамериканских интеллектуалов и элит: от прошлого к настоящему».

⁹ Галина Данилова, «Раса и расовая политика в современной Бразилии».

¹⁰ Лемос Игрежа Р., «Этнические и расовые категории в переписях и политика позитивной дискриминации в Бразилии», *Этнографическое обозрение* 1, 2015.

¹¹ Галина Данилова, «Раса и расовая политика в современной Бразилии».

идентифицировать себя как «бранко» (белый), «пардо» (черный), «прето» (коричневый), «амарело-индихено» (желтый и красный).

Очевидной является корреляция между расой и уровнем социально-финансового обеспечения. Около трети бразильцев живет за чертой бедности, 70 % из них занимают чернокожие. В Рио, Сан-Паулу и других крупных городах имеют место особые фавелы — «черные гетто» — кварталы, заселенные чернокожими, проживающими в безнадежно антисанитарных условиях. Из этого становится ясным внушительный уровень детской смертности у черного населения — лишь один из трех жителей черных фавел доживает до 19 лет¹².

Для чернокожего населения характерен более ранний выход на рынок труда, зачастую не предваряемый образовательной подготовкой, что порождает в основном низкоквалифицированную занятость у афробразильцев. Белое население значительно превалирует в вузах, на высокооплачиваемых постах, в администрации и духовенстве.

Тема расизма была официально табуирована и не афишировалась вплоть до конца 1980-х гг. После демократизации страны правительство стремилось улучшить положение чернокожего населения — выпускались специальные газеты, появились квоты в университетах, искоренялся принудительный труд, ликвидировались фавелы, появились чернокожие конгрессмены, в 2003 г. был создан Специальный секретариат по политике содействия расовому равенству. Следует отметить роль, сыгранную движением «Единый фронт чернокожих» (Movimento Negro Unificado), которое отстаивает права афробразильцев с 1970-х гг. Движение имеет тесные контакты с правительством и оказало серьезное влияние на расширение возможностей социального обеспечения афробразильцев.

В 2011 г. в Дурбане (ЮАР) прошла III Всемирная конференция против расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и нетерпимости, в ходе которой правительственная делегация Бразилии выразила готовность поддержать те группы населения, которые в результате исторического развития страны оказались непривилегированными. Как следствие, политику инклюзии и толерантности стали обсуждать в самой Бразилии.

Стоит также отметить политику инклюзии — меру, взятую на вооружение бразильским правительством в борьбе с расизмом. Данная политика подразумевает увеличение учебных мест в университетах и создание специальных квот, препятствующих игнорированию чернокожих абитуриентов¹³. Охват населения услугами системы высшего образования значительно увеличился, однако студенческий контингент государственных университетов по-прежнему составляли преимущественно белые представители среднего класса. Определенные успехи последних лет в демократизации бразильских университетов достигнуты во многом благодаря политическому давлению, которое оказывают движения за права чернокожих. Не все эти меры были однозначно успешны, однако положение все же удалось несколько улучшить. Реформы смогли искоренить фактическую сегрегацию чернокожих, но зачастую бытовые противоречия дают о себе знать.

Определенной положительной тенденцией является тот факт, что сегодняшний расизм в Бразилии основан уже не на лженаучных эволюционных теориях, а на социальном восприятии. Проблемой бразильского расизма является не убеждение в априорном интеллектуальном, нравственном и физиологическом превосходстве белой расы, а скорее в том, что стереотип говорит, что чернокожие бразильцы как правило хуже воспитаны и образованы, более склонны к криминалу и вообще к нарушению закона. Данная тенденция говорит о том, что положение исправимо и рост благосостояния населения может

¹² Ольга Забельникова, «Роль африканского этнокультурного фактора в цивилизационных процессах Латинской Америки: российская историография проблемы», *Научные труды Республиканского института высшей школы*, Минск 17-1, 2017, с. 110–117 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29931526_66723458.pdf (дата обращения: 16.10.2021).

¹³ Оливен Арабела Кампос, Белло Лучиане, «Афробразильцы и индейцы в элитном университете: как позитивная дискриминация повлияла на студентов в Бразилии», *Вопросы образования* 2, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/afrobraziltsy-i-indeytsy-v-ELITnom-universitete-kak-pozitivnaya-diskriminatsiya-povliyala-na-studentov-v-brazilii> (дата обращения: 16.10.2021)

переменить ситуацию к лучшему. Печально, что нынешний политической климат к этому не располагает.

Одним из активистов нового поколения движения является 27-летняя афробразильянка Симона Насименто. Она первой в своей семье поступила в университет и признает, что сама является примером прогресса в расовом вопросе. Но борьба продолжается, и пандемия затрудняет прогресс.

«Чернокожие люди умирают от выстрелов, от голода, а теперь и от ковида», — говорит госпожа Насименто. Она утверждает, что полиция чувствует себя осмелевшей, и это чувство еще больше усиливается разговорами Жаира Болсонару о том, чтобы ужесточить борьбу с преступностью и поддержать политику «стрельбы на поражение»¹⁴.

«Пока существует расизм, демократии нет, а борьба за демократию — это борьба против правительства Болсонару», — говорит она. Подобные высказывания обнаруживают глубокий политический и социальный кризис в Бразилии, недовольство политикой Жаира Болсонару растет и все чаще раздаются предложения начать процедуру импичмента¹⁵.

«Бразильское государство не создало никакой государственной политики для интеграции чернокожих в общество», — говорит журналистка и активистка Джамила Рибейро. — «Хотя у нас не было легального апартеида, как в США или Южной Африке, наше общество очень сегрегировано — институционально и структурно»¹⁶.

Заключение

По завершении исследования мы пришли к следующим выводам.

- 1) Бразильский расизм имеет глубокие исторические корни. Он структурно отличается от расизма в США, однако ничуть не отстает по комплексности и значительности влияния на общество.
- 2) Бразильское общество, равно как и общество США, является социально расколотым в вопросе расизма и политики идентичности.
- 3) Бразильские правозащитные организации, а также протестное движение Black Lives Matter актуализировали повестку прав чернокожего населения в Бразилии и поспособствовали принятию мер по преодолению кризисных тенденций в этой области.
- 4) Современное положение показывает, что предпринятых правительством мер недостаточно. Главной проблемой, порождающей дискриминацию чернокожего населения, является нищета последнего. Необходимо провести комплекс реформ, направленных на упрочение социальной поддержки для малоимущих чернокожих.

Очевидно, что несмотря на внушительный прогресс антирасистских реформ конца XX — начала XXI в., в Бразилии по-прежнему заметны кризисные тенденции в вопросе расизма, которые были катализированы заявившем о себе в 2020 г. движением Black Lives Matter. Обозначенные проблемы являются скорее базисом, чем надстройкой — необходимо преодолеть негативное наследие двухвековой культуры бразильского общества. Писатель-латиноамериканист А. Ф. Кофман убежден: поскольку доминирующей и моделирующей в Латинской Америке всегда была иберийская культура, подавлявшая автохтонный и завезенный африканский субстраты, говорить о равноправном партнерстве в рамках происходящих на континентальном уровне синтезных процессов не приходится¹⁷. Именно с этими, лежащими глубоко в культурных слоях истории тенденциями, и стоит бороться.

¹⁴ Juliana Bezerra, “Racismo no Brasil”.

¹⁵ Руслан Копылов, “В Бразилии тысячи Джорджей Флойдов”. Жуниньо о расизме, геноциде и президенте-диктаторе, *Sports.ru* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/mama4h/2803599.html> (дата обращения: 16.10.2021).

¹⁶ Porfírio, Francisco. “Racismo”.

¹⁷ Ольга Забельникова, *Указ. соч.*

Остается надеяться, что преодоление пандемии и президентские выборы 2022 г. смогут улучшить сложившиеся положение.

Библиография

1. Лемос И. Р. Этнические и расовые категории в переписях и политика позитивной дискриминации в Бразилии // Этнографическое обозрение. 2015. № 1. С. 26–40.
2. Данилова Г. Раса и расовая политика в современной Бразилии // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 1. С. 94–103.
3. Забельникова О. В. Роль африканского этнокультурного фактора в цивилизационных процессах Латинской Америки: российская историография проблемы // Научные труды Республиканского института высшей школы, Минск. 2017. № 17-1. С. 110–117 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29931526_66723458.pdf (дата обращения: 16.10.2021).
4. Арабела Кампос О., Лучиане Б. Афробразильцы и индейцы в элитном университете: как позитивная дискриминация повлияла на студентов в Бразилии // Вопросы образования. 2016. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/afrobraziltsy-i-indeytsy-v-elitnom-universitete-kak-positivnaya-diskriminatsiya-povliyala-na-studentov-v-brazilii> (дата обращения: 16.10.2021).
5. Bezerra J. Racismo no Brasil // Toda Materia [Электронный ресурс]. URL: <https://www.todamateria.com.br/racismo-no-brasil/> (дата обращения: 16.10.2021).
6. Копылов Р. В Бразилии тысячи Джорджей Флойдов. Жуниньо о расизме, геноциде и президенте-диктаторе // Sports.ru. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/mama4h/2803599.html> (дата обращения: 16.10.2021).
7. Porfírio, Francisco. “Racismo” // Brasil Escola [Электронный ресурс]. URL: <https://brasilecola.uol.com.br/sociologia/racismo.htm> (дата обращения: 16.10.2021).
8. Данилова Г. А. Вопросы нациестроительства в риторике латиноамериканских интеллектуалов и элит: от прошлого к настоящему // Ars Administrandi — Искусство управления. 2019. Т. 11. № 2. С. 330–344.

Д. А. Рыткова¹

ЭВОЛЮЦИЯ АРГЕНТИНО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

THE EVOLUTION OF ARGENTIAN-AMERICAN RELATIONS AT THE PRESENT STAGE

Аннотация. Отчет посвящен двусторонним отношениям Аргентины с США в период правления Маурисио Макри и Альберто Фернандеса в Аргентине и Дональда Трампа и Джо Байдена в США. Отношения в целом нередко характеризовались прочными связями в области торговли и активным взаимодействием в области прав человека, науки и технологий. Автор рассматривает различные аспекты взаимодействия государств в контексте наиболее важных событий, которые произошли в XXI в. Две страны особенно сблизились в период правления К. Менема (1989–1999). Однако в годы правления Н. Киршнера (2003–2007) и его супруги К. Фернандес де Киршнер (2007–2015) в отношениях Аргентины и США периодически возникала напряженность. В это время в целом были заметны усиление националистической риторики и начало курса на конфронтацию с Соединенными Штатами Америки. Актуальность темы обусловлена тем, что на сегодняшний день в отношениях между Буэнос-Айресом и Вашингтоном прослеживается нестабильность, вызванная частыми изменениями политических режимов в Аргентине в XXI в. Для определения состояния отношений между двумя государствами на современном этапе необходимо рассмотреть взаимодействие стран на протяжении XXI в.

Ключевые слова: Соединенные Штаты Америки, Аргентина, двусторонние отношения.

Abstract: The report focuses on Argentina's bilateral relations with the United States during the reigns of Mauricio Macri and Alberto Fernandez in Argentina and Donald Trump and Joe Biden in the United States. Relationships in general have often been characterized by strong trade ties and strong interactions in the fields of human rights, science and technology. The author considers various aspects of the interaction of states in the context of the most important events that took place in the 21st century. The two countries became especially close during the reign of K. Menem (1989–1999). However, during the reign of N. Kirchner (2003–2007) and his wife C. Fernandez de Kirchner (2007–2015), tensions periodically arose in relations between Argentina and the United States. At this time, in general, there was an increase in nationalist rhetoric and the beginning of a course towards confrontation with the United States of America. The relevance of the topic is due to the fact that today there is instability in relations between Buenos Aires and Washington, caused by frequent changes in political regimes in Argentina in the 21st century. To determine the state of relations between the two states at the present stage, it is necessary to consider the interaction of countries throughout the 21st century.

Key words: United States of America; Argentina; bilateral relations.

К началу нового тысячелетия отношения Аргентины и США считались приоритетными, учитывая вовлеченность американских хедж-фондов в долговую проблему и важность американского рынка как импортера аргентинской сельхозпродукции. Но жесткий подход США к Аргентине во время политического и финансового кризиса в начале нового века, когда Соединенные Штаты поддерживали прекращение помощи МВФ, и

¹ Рыткова Дарья Андреева, Россия, магистрант факультета международных отношений СПбГУ (rytkovadaria99@gmail.com).

полный отказ Вашингтона от помощи Буэнос-Айресу заставили правительство Аргентины пересмотреть приоритеты внешней политики, что привело к краху двусторонних отношений и осложнило налаживание диалога в дальнейшем.

После того как Аргентина осталась без помощи со стороны Белого дома, интересом для которого являлась борьба с мировым терроризмом, в Стратегическом партнерстве государств возникла «трещина», результатом чего и стал пересмотр Н. Киршнером² приоритетов внешнеполитического партнерства.

Ситуация с приходом к власти в 2007 г. К. Фернандес де Киршнер не принесла кардинальных изменений по сравнению с приоритетами Н. Киршнера.

Приход Барака Обамы на пост президента США также не внес существенных изменений в двусторонние отношения, Аргентина по-прежнему оставалась вне американских приоритетов. Однако были высказаны определенные совпадения Вашингтона и Буэнос-Айреса в мировоззрении, двустороннее сотрудничество по некоторым вопросам продолжало развиваться на том же уровне, что и в 1990-е гг. Президентские разногласия не затронули взаимные интересы в области прав человека, борьбы с наркотрафиком и терроризмом³.

Дипломатические соглашения ограничивались вопросами мягкой силы, такими как культурное и академическое сотрудничество. Эта малоактивная повестка дня была вызвана низким политическим взаимодействием по более серьезным вопросам. Как уже упоминалось, двусторонние отношения с США, которые К. Фернандес де Киршнер унаследовала от предыдущей администрации, были далекими от идеала, и она продолжала стратегию автономии по отношению к Штатам⁴.

Государственные визиты на высшем уровне также нельзя было характеризовать как особо интенсивные. Их можно резюмировать по трем направлениям: неудачный визит в Буэнос-Айрес в 2009 г. помощника госсекретаря США Артуро Валенсуэлы⁷; визит госсекретаря Хиллари Клинтон в марте 2010 г.⁵ и визит министра энергетики США Дэниела Понемана в мае 2014 г.⁶

Во время визита Х. Клинтон она встретила с аргентинским лидером, а затем участвовала в совместной пресс-конференции, на которой стороны согласились в основном по вопросам безопасности, таким как гуманитарная помощь перед лицом землетрясения в Гаити в 2010 г., борьба с международным терроризмом, политика стимулирования перед лицом глобального экономического кризиса 2008–2010 гг. и программ ядерной безопасности⁷. Самым заметным жестом стало новое заявление Клинтон относительно Фолклендских островов, которое отличалось от привычной для Штатов позиции нейтралитета в данном вопросе: «Мы хотели бы, чтобы Аргентина и Соединенное Королевство сели за стол переговоров и решили проблемы между ними в рамках единой политики мирным путем». Что касается государственных визитов, то в основном они происходили в виде коротких встреч только во время международных конференций, таких как Саммит по ядерной безопасности в Вашингтоне (2010) и Саммит G-20 в Каннах (2011).

Первая встреча была проведена во время второго дня Саммита по ядерной безопасности. Главы обоих государств высказали единую точку зрения по вопросам

² Carla Morasso, “La orientación autonomista de la política exterior argentina (2003–2015)”, *Cuadernos de Política Exterior Argentina (Nueva Época)* 123, 2016. <https://doi.org/10.35305/cc.vi123.66>

³ Felipe A. M. de la Balze, “La política exterior de los gobiernos Kirchner (2003–2009)”, *Estudios Internacionales* 43:166, 2010. <https://doi.org/10.5354/0719-3769.2010.12677>

⁴ “Una visita que no despertó entusiasmo”. 13.12.2009, *Página12* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pagina12.com.ar/diario/elpais/1-136890-2009-12-13.html> (дата обращения: 18.05.2021).

⁵ “Hillary Clinton se reunirá con Fernández en Buenos Aires antes de viajar a Chile”. 01.03.2010, *El mundo.es* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elmundo.es/america/2010/03/01/argentina/1267454413.html> (дата обращения: 18.05.2021).

⁶ “Visita del Secretario Adjunto de Energía”. 21.05.2014, *Embajada de los Estados Unidos en Argentina* [Электронный ресурс]. URL: <https://ar.usembassy.gov/es/visita-del-secretario-adjunto-de-energia/> (дата обращения: 18.05.2021).

⁷ “Hillary Clinton se reunirá con Fernández en Buenos Aires antes de viajar a Chile”.

безопасности, торговли наркотиками и людьми, а также в оценке политики Аргентины в области энергетической безопасности.

Тем не менее необходимо отметить, что отсутствие встреч на высшем уровне являлось серьезной проблемой в возможности налаживания двусторонних отношений.

С приходом на пост президента М. Макри Аргентина взяла новый курс на открытость внешней политики. После его избрания главой государства в ноябре 2015 г. тогдашний государственный секретарь США Джон Керри поздравил аргентинский народ успешными выборами, которые, по его словам, отражают «сильные демократические ценности Аргентины». Чиновник выразил уверенность в том, что Соединенные Штаты и Аргентина «будут продолжать тесно сотрудничать в целях содействия региональной безопасности и процветанию, а также для улучшения прав человека как в западном полушарии, так и во всем мире».

Важным этапом в аргентино-американских отношениях являлось заявление министра иностранных дел Аргентины С. Малькорра о десяти целях в реализации новых задач во внешней политике, в которых был выделен пункт о выстраивании долгосрочных отношений с США, не забывая о разногласиях, и поиске точек соприкосновения. Нужно отметить тот факт, что с приходом новой власти Буэнос-Айрес предпринял решительный шаг в сторону налаживания диалога с традиционными партнерами — европейскими странами и США.

Свидетельством завершения охлаждения отношений между Аргентиной и Штатами являлся визит американского президента Б. Обамы в Аргентину, что продемонстрировало масштаб изменений в американо-аргентинских отношениях. Поездка была направлена на укрепление двусторонних отношений в таких областях, как торговля, инвестиции, безопасность и оборона, а также сотрудничество с Аргентиной в решении таких глобальных проблем, как изменение климата, поддержание мира, проблема беженцев, защита прав человека и демократии. Во время поездки Обамы лидеры двух стран объявили о нескольких двусторонних соглашениях, которые касались сотрудничества в области развития предпринимательства, малого и среднего бизнеса, развития правоохранительной деятельности, предотвращения и борьбы с серьезной преступностью, с терроризмом, а также с отмыванием денег.

Тур Обамы также был направлен на то, чтобы добиваться Транстихоокеанского партнерства, хотя Аргентина не входила в число стран, подписавших это соглашение. Включение Аргентины в качестве наблюдателя в Североатлантический союз и участие М. Макри в качестве гостя на саммите Тихоокеанского альянса 1 июля 2016 г. стали еще одним шагом вперед в этом направлении.

Таким образом, с визитом Обамы Белый дом стремился превратить Аргентину, которая так часто в истории препятствовала ее гегемонистским проектам на континентальном уровне, в нового союзника, который узаконил продвижение правоцентристского движения в регионе. Американский представитель повторил это несколько раз в Буэнос-Айресе: М. Макри является лидером новой эры; это пример, которому следует подражать.

Крепкие двусторонние отношения США с Аргентиной продолжались и при администрации Д. Трампа. В феврале 2017 г. президент Дональд Трамп и вице-президент Майк Пенс по отдельности разговаривали по телефону с президентом Маурисио Макри. Сообщается, что Д. Трамп и М. Макри выразили общую обеспокоенность политической ситуацией в Венесуэле. Согласно отчету Белого дома, Президент США подчеркнул прочные и устойчивые связи между их странами, подчеркнул ведущую роль, которую, по его мнению, играет Президент Аргентины в регионе, и пригласил его посетить Вашингтон.

Президент М. Макри посетил Соединенные Штаты 27 апреля 2017 г. и встретился с президентом Д. Трампом в Белом доме. Согласно совместному заявлению, лидеры двух стран обсудили пути партнерства между Соединенными Штатами и Аргентиной. Оба президента договорились создать двустороннюю рабочую группу по киберпространству в целях защиты безопасности и экономических интересов. Д. Трамп даже представил транш рассекреченных документов, касающихся нарушений прав человека в Аргентине во время

ее военной диктатуры, которые изначально во время первого визита в Аргентину были представлены Б. Обамой.

Одним из давних торговых вопросов, обсуждавшийся во время визита президента, была проблема доступа на рынок США аргентинских лимонов. Всего через несколько дней после встречи Д. Трампа и М. Макри Министерство сельского хозяйства США объявило, что отменяет приостановление выполнения принятого в декабре 2016 г. правила, разрешающего ввоз лимонов из Аргентины в Соединенные Штаты.

14 августа 2017 г. вице-президент США Майк Пенс прибыл в Аргентину в рамках турне, которое, помимо Аргентины включало Колумбию, Чили и Панаму. После встречи с М. Макри, в ходе которой М. Пенс высоко оценил экономическую политику, проводящую президентом, они объявили о соглашении, разрешающем экспорт свиного мяса в Аргентину, что привело к недовольству местных производителей, которые сообщили о риске потерять до 35 000 рабочих мест.

Буквально через неделю, 22 августа, стало известно о решении Министерства торговли США взимать тарифы (в среднем 57 %) на импорт биодизеля из Аргентины, ратифицированное в начале 2018 г. В 2016 г. на эти продажи составляли 25 % экспорта в североамериканскую страну. Это решение привело к недовольству в аргентинском правительстве, жалобам со стороны многочисленных производителей и сельскохозяйственных корпораций и полному признаку провала политики выравнивания, которая до сих пор не дает экономических преимуществ в двусторонних связях²⁶.

Помимо изменений в экономическом сотрудничестве, которые последовали после триумфа Д. Трампа, правительство, возглавляемое М. Макри, продолжало диалог со Штатами. С января 2017 г. оно почти отчаянно искало контакт с американским лидером — оба президента кратко поговорили по телефону в феврале 2017 г. — и провели переговоры о визите в Белый дом, который, наконец, состоялся 27 апреля. Между тем, новая администрация США отменила некоторые уступки Обамы Аргентине в январе: она приостановила импорт аргентинских лимонов в Соединенные Штаты, в декабре 2016 г. объявив о прекращении фитосанитарных ограничений, блокирующих этот экспорт 15 лет назад, и смягчении выдачи виз аргентинцам.

Изменения в отношениях между Аргентиной и США после прихода М. Макри 10 декабря 2015 г. оказали существенное влияние на взаимодействие государств. Политика Б. Обамы в отношении латиноамериканского региона была направлена на восстановление отношений и поиске про-вашингтонских интересов спустя годы неудач в сотрудничестве с К. Фернандес де Киршнер. Приход М. Макри рассматривался как возможность для Белого дома наладить связи.

С этого момента началась политика открытости М. Макри по отношению к США при администрации Б. Обамы, а также приезд Д. Трампа в Аргентину на Саммит Большой двадцатки, где они с аргентинским коллегой подчеркнули, что обе страны разделяют общие ценности, принципы и интересы, такие как защита демократии, содействие процветанию и развитию, безопасность и защита прав человека, которые обеспечивают прочную основу для плодотворных и зрелых двусторонних отношений, обеспечивая при этом тесное сотрудничество в самых разнообразных областях работы на благо общества, и где Президент США подтвердил Президенту Аргентины свою поддержку процесса экономических реформ в Аргентине и вновь заявил о поддержке ее вступления в ОЭСР. Для администрации М. Макри эта политика была необходима для того, чтобы продемонстрировать приверженность неолиберальной политики и стремление присоединиться к ОЭСР и адаптироваться к руководящим принципам МВФ.

При Д. Трампе и М. Макри, несмотря на тревожные моменты в совместной экономической деятельности, Аргентина стала одним из союзников США в Латинской Америке. Улучшение отношений с США дало Аргентине возможность продвинуться на мировой арене. Это повысило статус страны, у которой длительное время складывались конфронтационные отношения с США в связи с ведением слабой экономической политики.

С приходом А. Фернандеса на пост Президента Аргентины перед левоцентристом стояло несколько задач: разрыв с политикой предыдущей администрации и продолжение курса эпохи киршнеризма, в рамках которого нынешний президент полагается на большую автономию Аргентины в качестве фундаментальной оси. В этом контексте двусторонние отношения с США осложняются.

О возможном отходе от дружественных отношений с Вашингтоном, которые сложились при администрации М. Макри, свидетельствовал тот факт, что еще до вступления в должность президента А. Фернандес выражал свое недовольство по поводу прихода к власти Д. Трампа в США, хотя перед выборами Трамп связался по телефону с А. Фернандесом и выразил желание работать вместе и упомянул, что он уже поручил Международному валютному фонду работать с Аргентиной. В начале 2020 г. неожиданной новостью стало решение Соединенных Штатов приостановить применение тарифов на аргентинскую сталь и алюминий, исключив аргентинскую продукцию, за которую они должны платить тариф до 25 %.

С другой стороны, очевидно, что отношения с США имеют решающее значение для Аргентины в плане разрешения ситуации с задолженностью перед международными кредиторами и Международным валютным фондом.

В этом смысле важно выделить турне А. Фернандеса по Европе, предпринятое чтобы заручиться поддержкой в переговорах с МВФ. В этом контексте посол Аргентины в США Хорхе Аргуэльо был принят в Вашингтоне президентом Д. Трампом и заверил, что со стороны правительства этой страны есть «добрая воля» по отношению к администрации президента А. Фернандеса.

Также в рамках визита состоялась встреча с госсекретарем США Майком Помпео. На этой встрече они рассмотрели все вопросы двусторонней повестки дня, и Х. Аргуэльо поблагодарил собеседника за поддержку Белым домом правительства А. Фернандеса.

В то же время мы не должны игнорировать тот факт, что отношения проявляются в неблагоприятном контексте для региона, если принять во внимание то, что произошло в Боливии, Чили и Венесуэле. В этом контексте, вдобавок к пандемии коронавируса, которую Аргентина переживает вместе с другими странами, она ведет переговоры с важными игроками финансовой системы США.

Между А. Фернандесом и Д. Трампом возникли разногласия после высказывания Президента Аргентины позиции по поводу Н. Мадуро и заявления о том, что популистский режим в Венесуэле действует по основным правилам демократической системы. То, что Буэнос-Айрес поставил под сомнение вопрос о нарушении прав человека в Венесуэле, вызвало озабоченность со стороны администрации Д. Трампа.

Помимо президентского взгляда на Н. Мадуро, решение А. Фернандеса конкурировать с Д. Трампом в МАБР вызвало дискомфорт и напряженность в Белом доме. Соединенные Штаты, Колумбия, Бразилия и Уругвай, среди других стран региона, поддержали Клавера в качестве главы МАБР. Аргентина с этим не была согласна и искала поддержки со стороны Европейского союза. Избрание будущих властей МАБР вызвало громкий дипломатический шум между Белым домом и Розовым домом. Кроме того, разногласия возникали по вопросам Парижского договора об изменении климата, региональной повестке Дня Организации американских государств (ОАГ) и институциональному кризису в Боливии.

Д. Трамп не препятствовал переговорам по внешнему долгу в МВФ, а также не пошел навстречу Буэнос-Айресу, когда поступила просьба о ведении определенной политики, связанной с экономикой и институциональной ситуацией в Венесуэле и Боливии. Этот период взаимного недоверия А. Фернандес был намерен оставить в прошлом.

Последовал ряд политических жестов А. Фернандеса, которые были высоко оценены новым президентом США Дж. Байденом и его переходной командой на пост президента: он опубликовал твит, в котором признал Байдена Президентом Соединенных Штатов, когда Д. Трамп все еще утверждал, что победил на выборах 3 ноября 2020 г.; поддерживал телефонный диалог с Байденом, что заложило основу для двусторонней повестки дня в целях сближения стран; он направил в ОАГ проект резолюции с просьбой признать Байдена

Президентом Соединенных Штатов, зная, что Д. Трамп по-прежнему оказывает влияние на этот региональный форум; во время инцидентов в Капитолии, спровоцированных Д. Трампом, президент Аргентины опубликовал еще один твит в поддержку Байдена, потребовав признать того Президентом Соединенных Штатов.

После смены правительства в США и прихода Д. Байдена к власти аргентинский руководитель в ходе телефонного разговора признался в завершении трудного периода для Латинской Америки с уходом Д. Трампа, а также добавил: «Мы хотели, чтобы все изменилось, и мы видим в Вас альтернативу». Глава государства поддерживал глубокие идеологические разногласия с Д. Трампом и считает, что Байден может внести в Латинской Америке свой вклад в интересы Вашингтона, а также содействовать переговорам Аргентины с МВФ. Эти жесты Буэнос-Айреса дополняются общей дружбой, которая может послужить международным отношениям и переговорам с МВФ с Байденом и его сотрудниками.

Это не означает, что разногласия относительно кризиса в Венесуэле, роли ОАГ и переговоров с МВФ исчезли и что ситуация соответствует ожиданиям обеих сторон. А. Фернандес, в отличие от Дж. Байдена, не считает Н. Мадуро диктатором. Президент Аргентины предлагает провести переговоры с МВФ, которые не будут иметь автоматического ответа в пользу Госдепартамента.

Таким образом, в заключение можно отметить, что за последние годы двусторонние отношения Буэнос-Айреса и Вашингтона преодолевали множество трудностей, которые были связаны со сменой внешнеполитического курса Аргентины. Ведение политики А. Фернандеса, М. Макри и президентов Киршнеров кардинально отличаются друг от друга, что сказалось на аргентино-американских отношениях.

Если прагматичная политика М. Макри способствовала сближению и взаимодействию с США, а также была направлена на экономическое восстановление страны, то политика А. Фернандеса напоминает идеологизированную политику, которая развивалась в начале текущего века во времена киршнеризма, что негативно отразилось на позиции страны по отношению к Белому дому.

Дестабилизация в отношениях между Вашингтоном и Буэнос-Айресом, вызванная резкими переменами во внешней политике Аргентины, привела государства не только в состояние конфронтации, которая проявлялась на протяжении XXI в., но и усложняет налаживание диалога между странами. Администрациям обеих стран предстоит приложить немало усилий для восстановления отношений.

Библиография

1. *Sullivan M. P., Nelson R. M.* Argentina: Background and U.S. Relations. 16.06.2017 // Congressional Research Service.
2. *De la Balze F. A. M.* La política exterior de los gobiernos Kirchner (2003–2009) // Estudios Internacionales. 2010. Vol. 43. Iss. 166. P. 121–140. <https://doi.org/10.5354/0719-3769.2010.12677>
3. *Morasso C.* La orientación autonomista de la política exterior argentina (2003–2015) // Cuadernos de Política Exterior Argentina (Nueva Época). 2016. Iss. 123. P. 3–22. <https://doi.org/10.35305/cc.vi123.66>
4. *Грищенко И. А.* Внешнеполитический курс правительств Н. Киршнера и К. Фернандес де Киршнер: императивы поиска новых партнеров // Мировое культурно-языковое и политическое пространство: инновации в коммуникации. 2018. № 1. С. 124–133.
5. *Яковлева Н. М.* Политика «открытых дверей» по-аргентински // Латинская Америка. 2017. № 3. С. 15–28.
6. La crisis en Venezuela y la elección en el BID tensó la relación política entre Alberto Fernandez y Donald Trump // Infobae [электронный ресурс]. URL: <https://www.infobae.com/politica/2020/07/17/la-crisis-en-venezuela-y-la-eleccion-en-el-bid-tenso-la-relacion-politica-entre-alberto-fernandez-y-donald-trump/> (дата обращения: 26.03.2021).
7. Qué agenda geopolítica planteará Alberto Fernández en su relación bilateral con Joseph Biden en la Casa Blanca // Infobae [Электронный ресурс]. URL: <https://www.infobae.com/politica/2021/01/20/que->

- agenda-geopolitica-planteara-alberto-fernandez-en-su-relacion-bilateral-con-joseph-biden-en-la-casa-blanca/ (дата обращения: 26.03.2021).
8. Argentina logra un acuerdo sobre el pago de su deuda y los atrasos con el Club de París. 29.05.2014 // RTVE [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rtve.es/noticias/20140529/argentina-logra-acuerdo-sobre-pago-su-deuda-atrasos-club-paris/944800.shtml> (дата обращения: 02.05.2021).
 9. Aristegui noticias: “Alberto Fernández conversó con Joe Biden; augura ‘mejor vínculo’ Argentina-EU”. 01.12.2020 // Aristegui Noticias [Электронный ресурс]. URL: <https://aristeginoticias.com/3011/mundo/alberto-fernandez-converso-con-joe-biden-augura-mejor-vinculo-argentina-eu/> (дата обращения: 26.03.2021).
 10. Clinton se ofrece a terciar entre el Reino Unido y Argentina por Malvinas. 02.03.2010 // El mundo.es [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elmundo.es/america/2010/03/02/argentina/1267486718.html> (дата обращения: 18.05.2021).
 11. El vicepresidente de Estados Unidos, Mike Pence, llegó a la Argentina y será recibido por Mauricio Macri. 01.08.2017 // Nodal [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nodal.am/2017/08/el-vicepresidente-de-eeuu-mike-pence-llega-a-argentina-para-reunirse-con-mauricio-macri/> (дата обращения: 17.05.2021).
 12. En un trámite veloz, el gobierno de Donald Trump aceptó a Jorge Argüello como embajador argentino en Estados Unidos // Infobae [Электронный ресурс]. URL: <https://www.infobae.com/politica/2020/01/07/en-un-tramite-veloz-el-gobierno-de-donald-trump-acepto-a-jorge-arguello-como-embajador-argentino-en-estados-unidos/> (дата обращения: 17.02.2021).
 13. Estados Unidos restringió la importación de biodiésel argentino. 23.08.2017 // Punto a Punto [Электронный ресурс]. URL: <https://puntoapunto.com.ar/estados-unidos-impuso-altos-aranceles-la-importacion-de-biodiesel-argentino/> (дата обращения: 19.05.2021).
 14. FP: “U.S. — Argentine Relations Can Survive Trump’s Tariff Threat”. 07.12.2019 // Foreign Policy [Электронный ресурс]. URL: <https://foreignpolicy.com/2019/12/07/united-states-argentine-relations-can-survive-trump-tariff-threat/> (дата обращения: 26.03.2021).
 15. Hillary Clinton se reunirá con Fernández en Buenos Aires antes de viajar a Chile. 01.03.2010 // El mundo.es [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elmundo.es/america/2010/03/01/argentina/1267454413.html> (Дата обращения: 18.05.2021).
 16. Los 10 ejes de la política exterior argentina, según Susana Malcorra // La Nación, Buenos Aires [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lanacion.com.ar/politica/los-10-ejes-de-la-politica-exterior-argentina-segun-susana-malcorra-nid1872114/> (дата обращения: 19.03.2021).
 17. Macri, con Obama y Trump: persisten las dificultades bilaterales. 30.11.2018 // Voces en el fenix [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vocesenelfenix.com/content/macri-con-obama-y-trump-persisten-las-dificultades-bilaterales> (дата обращения: 19.05.2021).
 18. Obama solicita una reunión con Cristina Fernández en la cumbre del G-20 en Cannes. 26.10.2011 // El mundo.es [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elmundo.es/america/2011/10/26/argentina/1319646856.html> (дата обращения: 18.05.2021).
 19. Obama y Cristina Fernández se reúnen por primera vez, tras la cumbrenuclear. 12.04.2010 // Panama America [Электронный ресурс]. URL: <https://www.panamaamerica.com.pa/node/546659> (дата обращения: 18.05.2021).
 20. Síntesis de la conversacion telefonica entre el presidente y el presidente de argentina mauricio Macri. 16.02.2017 // Embajada de los Estados Unidos en Argentina [Электронный ресурс]. URL: <https://ar.usembassy.gov/es/sintesis-de-la-conversacion-telefonica-entre-el-presidente-y-el-presidente-de-argentina-mauricio-macri/> (дата обращения: 19.05.2021).
 21. Trump suspendió suba de aranceles // Cámara Argentina del Acero [Электронный ресурс]. URL: <http://www.acero.org.ar/trump-suspendio-suba-de-aranceles/> (дата обращения: 17.02.2021).
 22. Una visita que no despierta entusiasmo. 12.12.2009 // Pagina12 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pagina12.com.ar/diario/elpais/1-136890-2009-12-13.html> (дата обращения: 18.05.2021).
 23. Gimena Sánchez-Garzoli and Rachel Orga “What Does the U.S.-Argentina Partnership Mean for Human Rights?”. 24.01.2019 // Wola [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wola.org/analysis/u-s-argentina-partnership-mean-human-rights/> (дата обращения: 21.03.2021).

T. C. Роговых¹

ИНСТИТУТ СЕРВАНТЕСА КАК ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ ИСПАНИИ В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

THE CERVANTES INSTITUTE AS AN INSTRUMENT OF SPAIN'S FOREIGN CULTURAL POLICY IN LATIN AMERICA

Resumen: La región latinoamericana ha sido una de las áreas más importantes de la política exterior española durante muchos años. Un ligero descenso de la importancia de España en la región, así como los cambios geopolíticos, llevaron al país a replantearse su estrategia de relaciones con América Latina. A principios del siglo XXI, España se apoya más centrada en la acción cultural exterior, cuyo principal instrumento es el Instituto Cervantes. Las actividades del Instituto Cervantes tienen como objetivo ampliar la presencia cultural de España en la región latinoamericana. En 2012 se inició oficialmente el proceso de “Iberoamericanización” El Instituto Cervantes — es una política de expansión institucional, cuya objetivo es involucrar a Iberoamérica en la promoción internacional de la lengua española. El instituto de Cervantes construye relaciones con los socios latinoamericanos sobre los principios de respeto mutuo e igualdad, herencia lingüística y cultural común. Esta estrategia estimula el interés de los países latinoamericanos por la cooperación en el campo de la promoción internacional de la lengua y la cultura españolas.

Palabras clave: acción cultural exterior de España; Instituto Cervantes; Iberoamérica; Iberoamericanización; proyectos culturales.

Abstract: The Latin American region has been one of the most important areas of Spanish foreign policy for many years. A slight decrease in the importance of Spain in the region, as well as geopolitical changes, led the country to rethink its strategy for relations with Latin America. At the beginning of the 21st century, Spain relies more on foreign cultural policy, the main instrument of which is the Cervantes Institute. The activities carried out by the Cervantes Institute aim to enhance the cultural presence of Spain in the Latin American region. In 2012, the “Iberoamericanization” of the Cervantes Institute officially began. It is a policy of institutional expansion aimed at involving Ibero-America in the international promotion of the Spanish language. The Cervantes Institute builds relationships with Latin American partners on the principles of mutual respect and equality, common linguistic and cultural heritage. This strategy stimulates the interest of Latin American countries for cooperation in the field of international promotion of the Spanish language and culture.

Key words: Spanish foreign cultural policy; the Cervantes Institute; Ibero-America; Iberoamericanization; cultural projects.

Латиноамериканский регион на протяжении долгих лет является одним из важнейших направлений внешней политики Испании. В основе взаимоотношений Мадрида с Латинской Америкой лежат глубокие исторические, культурные и экономические связи, а также, безусловно, общность языка и религии. Укрепление международных позиций стран Латинской Америки способствует стремлению Испании к сохранению и расширению своего влияния в данном регионе, а также служит стимулом внедрения нового подхода к диалогу с бывшими колониями.

¹ Роговых Татьяна Сергеевна, Россия, студент факультета международных отношений СПбГУ (tatarogovykh@mail.ru).

В начале XXI в. внешнеполитическая стратегия испанского государства в отношении Латинской Америки подверглась значительным изменениям. Для продвижения своих интересов Испания в большей степени стала ориентироваться на инструменты «мягкой силы» и, в частности, на культурную и образовательную дипломатию. Сегодня Мадрид преследует цель укрепить чувство принадлежности к единому ибероамериканскому сообществу, которое разделяет общие ценности — культурную идентичность и язык. Согласно «Стратегии внешней политики 2021–2024» планируется углублять сотрудничество с различными латиноамериканскими учреждениями в области продвижения и распространения испанского лингвистического и культурного наследия². В соответствии с «Планом внешней культурной деятельности» (Plan de Acción Cultural Exterior — PACE) 2011 г., реализация которого началась в 2019 г., Латинская Америка рассматривается как один из регионов мира, представляющий наибольший интерес для проведения культурной политики Испании за рубежом³.

Важнейшим инструментом практической реализации внешней культурной политики Испании является Институт Сервантеса. Это наглядно подтверждает объем финансирования: на долю данного учреждения приходится более 60 % от всех средств, выделяемых МИДу, которые отводятся на реализацию внешней культурной политики. Бюджет организации на 2021 г. составляет 174 млн евро, это на 40,3 % больше, чем в предыдущем году⁴. Миссия Института Сервантеса, созданного в 1991 г., заключается в формировании нового образа Испании, расширении границ ее внешнеполитического и экономического влияния посредством популяризации испанского языка и культуры. К первостепенным задачам Института относятся продвижение испанского языка как языка международного общения, а также распространение испанской и латиноамериканских культур.

Институт Сервантеса располагает широкой сетью представительств по всему миру: его филиалы работают в 88 городах в 45 странах. Представительства действуют и в Латинской Америке: в Бразилии были учреждены восемь центров — больше, чем в любой другой стране мира. Также по всей стране работают 49 экзаменационных и регистрационных центров DELE. Представительства Института Сервантеса способствуют распространению испанского языка и культуры в Бразилии, продвигают курсы повышения квалификации для преподавателей испанского языка⁵.

Институт Сервантеса в Бразилии, как самостоятельно, так и в сотрудничестве с другими учреждениями, активно проводит различные культурные мероприятия, такие как циклы испанского кино, конференции, концерты, выставки, литературные встречи, фестивали. Например, в 2019 г. Институт Сервантеса в Сан-Паулу организовал конференцию, посвященную аргентинскому поэту и прозаику Хорхе Луису Борхесу, а также выставку на тему испанского кино. Чаще всего центры обращаются к аудиовизуальным проектам, поскольку данная категория привлекает наибольшее количество посетителей⁶.

Большинство бразильских филиалов Института Сервантеса были открыты в первое десятилетие XXI в., во время рекордного увеличения использования и интенсификации

² “Estrategia de acción exterior 2021–2024, Gobierno de España”. 26.01.2021, *Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación* [Электронный ресурс]. URL: http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/SalaDePrensa/ElMinisterioInforma/Paginas/Noticias/20210128_MINISTERIO13.aspx (дата обращения: 18.09.2021).

³ “Plan nacional de acción cultural exterior”, *Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación, Ministerio de cultura, Instituto Cervantes, Acción Cultural Española, 2011* [Электронный ресурс]. URL: https://www.cervantes.es/imagenes/File/prensa/PlanNacAccCult_baja.pdf (дата обращения: 18.09.2021).

⁴ Manuel Morales, “El Instituto Cervantes dispondrá de 40 millones de la UE para su digitalización”. 04.04.2020, *El País* [Электронный ресурс]. URL: <https://elpais.com/cultura/2020-11-04/el-instituto-cervantes-dispondra-de-40-millones-de-la-ue-para-su-digitalizacion.html> (дата обращения: 20.09.2021).

⁵ “El español en el mundo, Anuario del Instituto Cervantes 2013”, *Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado, Instituto Cervantes, 2013*.

⁶ El sitio oficial de Instituto Cervantes de Sao Paul [Электронный ресурс]. URL: <https://saopaulo.cervantes.es/br/default.shtm> (дата обращения: 20.09.2021).

изучения испанского языка. Повышенный интерес был связан с принятием в 2005 г. закона, обязавшего все средние школы Бразилии предлагать испанский язык в качестве факультативного предмета. В 2017 г. обязательство было отменено⁷. Несмотря на это, Бразилия продолжает оставаться одним из главных направлений изучения испанского языка как иностранного. По данным Института Сервантеса за 2020 г., 28 % всех изучающих испанский язык приходятся на Бразилию⁸.

Во время пандемии коронавируса центры оказались в непростой ситуации ввиду того, что действовал запрет на проведение культурных мероприятий и очное преподавание языка. Тем не менее сейчас все восемь представительств Института Сервантеса продолжают функционировать и обращаются к новым форматам работы. В качестве примера можно привести сотрудничество с Центральным банком Бразилии. В 2019–2020 гг. центры Института Сервантеса организовали курсы обучения испанскому языку в онлайн-формате для 300 сотрудников банка⁹.

В мае 2021 г. Институт Сервантеса и Федеральный университет Рио-де-Жанейро, являющийся крупнейшим высшим государственным учебным заведением в Бразилии, подписали широкое соглашение о сотрудничестве в области распространения испанского языка. Соглашение предусматривает, среди прочего, взаимодействие в вопросах подготовки преподавателей испанского языка, обмена исследователями и менеджерами, организации совместных культурных мероприятий, сотрудничества в исследовательских проектах, обмена информацией, книгами и дидактическими материалами. По словам директора Института Сервантеса в Рио-де-Жанейро Антонио Мауры, университет очень заинтересован ввести испанский язык в качестве второго языка учебной программы в будущем. Данное соглашение позволит Институту Сервантеса действовать совместно с Федеральным университетом Рио-де-Жанейро для продвижения испанской и латиноамериканской культуры в Бразилии¹⁰.

Испании необходимо расширять свое культурное присутствие не только в Бразилии, но и в других странах латиноамериканского региона, даже учитывая тот факт, что в большинстве из них испанский язык является официальным. Сейчас роль Испании в регионе несколько снизилась под давлением целого ряда факторов: большая автономия и диверсификация внешней политики стран Латинской Америки, появление новых региональных держав, таких как Бразилия, появление привлекательных внерегиональных игроков, например Китая. В этих условиях Институт Сервантеса меняет стратегию взаимодействия со странами Латинской Америки.

После 2012 г. Институт Сервантеса официально встал на путь «ибероамериканизации». Это политика институциональной экспансии, суть которой заключается в вовлечении Ибероамерики в международное продвижение испанского языка. Данная политика основывается на положении о том, что испанский язык и культурные ценности являются общим достоянием большого испаноязычного сообщества, обязанность которого — их распространять, способствовать их изучению и сохранению для передачи новым поколениям. Ибероамериканизация Института Сервантеса позволит укрепить культурные связи Испании с Латинской Америкой, объединив действия всех испаноязычных стран в глобальный проект по продвижению испанского языка и подчеркнув богатство национальной культуры каждой страны сообщества и ибероамериканской культуры в целом. Таким образом, ибероамериканизация Института

⁷ Marcelo Ramalho, Emma Gifre, *La ley del español en Brasil: reacciones y reflexiones: La formación de profesores brasileños de español como LE en el contexto de la aprobación de la ley 11. 161/2005*, Barcelona, Editorial Académica Española, 2011, p. 33. <https://doi.org/10.13140/2.1.2094.2721>

⁸ “El español: una lengua viva”, *Informe 2020, Instituto Cervantes*.

⁹ “Cursos de español del Instituto Cervantes en el Banco Central de Brasil”. 07.07.2020, *Fundação Conselho Espanha Brasil* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.espanha-brasil.org/pt/artigo/cursos-de-espanol-del-instituto-cervantes-en-el-banco-central-de-brasil> (дата обращения: 20.09.2021).

¹⁰ “El Instituto Cervantes y la mayor universidad brasileña acuerdan cooperación”. 26.05.2021, *Swissinfo* [Электронный ресурс]. URL: https://www.swissinfo.ch/spa/brasil-espa%C3%B1ol_el-instituto-cervantes-y-la-mayor-universidad-brasile%C3%B1a-acuerdan-cooperaci%C3%B3n/46652694 (дата обращения: 20.09.2021).

позволяет одновременно преследовать две цели — развитие культурного сотрудничества со странами Латинской Америки и продвижение испанского языка и культуры по всему миру¹¹.

В рамках программы ибероамериканизации Институт Сервантеса занимается заключением соглашений о сотрудничестве с различными академическими и культурными учреждениями в странах Латинской Америки для организации совместных мероприятий по распространению испанского языка и латиноамериканской культуры. Первой страной, с которой Институт Сервантеса наладил взаимодействие, была Мексика — в 2012 г. было подписано соглашение о сотрудничестве с МИДом. Далее последовало сотрудничество с Национальным автономным университетом Мексики. В 2018 г. Институт Сервантеса совместно с Испанским агентством международного сотрудничества в целях развития (AECID) заключил с рядом мексиканских учреждений соглашение, в соответствии с которым будет усилено сотрудничество в области преподавания испанского языка, его распространения и сертификации во всем мире, а также в сфере создания контента на испанском языке. Кроме этого, упор будет сделан на продвижение культуры, творческих проектов всего испаноязычного сообщества¹².

Вслед за Мексикой последовали соглашения с Колумбией и Перу. В 2014 г. Министерство культуры Колумбии обязалось поддержать совместные лингвистические и культурные проекты Института Сервантеса и Института Каро и Куэрво. В 2017 г. Министерство иностранных дел Перу подписало аналогичное соглашение о сотрудничестве Института Сервантеса и Культурного центра Инка Гарсиласо¹³.

Кроме того, в 2012 и 2013 гг. Институт Сервантеса заключил соглашения о сотрудничестве со всеми Академиями испанского языка, которые поддерживают связь с правительствами и культурными учреждениями. В контексте данного соглашения пять стран — Парагвай, Эквадор, Гватемала, Гондурас и Никарагуа — обратились к Институту с просьбой помочь в организации курсов испанского языка для коренных народов, чей родной язык не испанский.

Лингвистический аспект является важнейшим компонентом деятельности Института Сервантеса, однако проведение различных культурных мероприятий в Латинской Америке представляет собой не менее серьезную задачу. К примеру, в 2019 г. Институт Сервантеса и Национальное управление культуры Министерства образования и культуры Уругвая подписали общий протокол действий, в котором выразили готовность углублять свои обязательства по распространению культуры и, особенно, распространению работ Мигеля де Сервантеса путем проведения совместных культурных мероприятий. Различные выставки, конференции, мастер-классы и семинары, посвященные фигуре Сервантеса и его литературному наследию, предлагается приурочить к Международным фестивалям Сервантино в Монтевидео, которые проводятся раз в два года¹⁴.

При участии Института Сервантеса прошла и книжная ярмарка в Буэнос-Айресе в 2019 г., которая является одним из крупнейших культурных событий в Латинской Америке. Совместно с Институтом Рамона Луллия в аргентинской столице был организован круглый стол «Барселона, литературный город», в котором принял участие директор Института Сервантеса Луис Гарсиа Монтеро.

Институт Сервантеса стремится укреплять культурные связи со странами Латинской Америки не только на двусторонней, но и на многосторонней основе. Один из его проектов совместно с Королевской академией испанского языка и Ассоциацией академий испанского языка, а также правительствами стран Латинской Америки — Международный конгресс испанского языка. Он представляет собой форум, на котором эксперты обсуждают текущую

¹¹ María Rizzo, “La actual política de ‘iberoamericanización’ del Instituto Cervantes”, *Círculo De Lingüística Aplicada a La Comunicación, Ediciones Complutense* 84, 2020.

¹² Ricardo López, *Los modelos de cooperación cultural de México y España a través de sus institutos culturales desde una perspectiva para el desarrollo*, Ciudad de México, Instituto Mora, 2018.

¹³ María Rizzo, *Op. cit.*, p. 138–139.

¹⁴ Protocolo general de actuación entre el Instituto Cervantes y la Dirección nacional de cultura del Ministerio de educación y cultura de Uruguay, el 13 de mayo de 2019.

ситуацию с состоянием, распространением испанского языка. Целью Международного конгресса испанского языка является прежде всего повышение осведомленности правительств, различных учреждений и отдельных лиц относительно совместной ответственности за продвижение испанского языка. Конгресс способствует сохранению лингвистического единства испанского языка в латиноамериканском сообществе. В Международных конгрессах испанского языка принимают участие писатели, художники, лингвисты и другие специалисты из всех испаноязычных стран¹⁵.

Конгрессы проводятся раз в три года в Испании или одной из испаноязычных стран Латинской Америки. На данный момент, начиная с 1997 г., было создано уже восемь конгрессов: в Мексике, Испании, Колумбии, Чили, Панаме, Пуэрто-Рико и дважды в Аргентине. Последний успешно прошел в Аргентине с 27 по 30 марта 2019 г. В конгрессе приняли участие 250 спикеров из более чем тридцати стран, тысячи людей стали участниками культурных и иных мероприятий¹⁶.

В 2020 г. была создана сеть Сапоа — это первый паниспанский проект для интернационализации культуры на испанском языке. Сеть была запущена Институтом Сервантеса вместе с Национальным автономным университетом Мексики, колумбийским Институтом Каро-и-Куэрво и перуанским Культурным центром Инка Гарсиласо. Все организации согласились, что общий язык, наследие, богатство культурного самовыражения Испании и Латинской Америки делают испаноязычное сообщество очень влиятельным в многополярном мире XXI в. Для испаноязычных стран Сапоа станет инструментом поддержки совместных международных действий, усиления испанского культурного присутствия в мире. Проект открыт для всех государственных и частных организаций, желающих присоединиться¹⁷.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод о том, что Институт Сервантеса ведет активную деятельность по продвижению испанского языка и культуры в Латинской Америке. Организация регулярно заключает двусторонние соглашения с государственными органами, университетами и культурными центрами латиноамериканских стран. Большое значение Институт придает Международному конгрессу испанского языка как крупному мероприятию, оказывающему влияние на общественное мнение в регионе. Акцент в деятельности Института Сервантеса в Латинской Америке, безусловно, несколько смещен на сотрудничество в области испанского языка, что неудивительно, ведь язык — это важнейшая составная часть культуры, в процессе его изучения происходит знакомство с культурой страны. При этом Институт Сервантеса стремится развивать и масштабные культурные проекты, о чем говорит создание сети Сапоа, а также участвует в подготовке менее крупных мероприятий, таких как круглые столы, кинопоказы, выставки.

Таким образом, деятельность Института Сервантеса в Латинской Америке всячески способствует укреплению культурного присутствия Испании в данном регионе. Теперь, когда Институт Сервантеса встал на путь ибероамериканизации, отношения с латиноамериканскими партнерами выстраиваются на принципах взаимоуважения и равенства, общности лингвистического и культурного наследия. Данный подход Института позволяет стимулировать сотрудничество со странами Латинской Америки в области международного продвижения испанского языка и культуры.

Библиография

1. Cursos de español del Instituto Cervantes en el Banco Central de Brasil. 07.07.2020 // Fundação Conselho Espanha Brasil [Электронный ресурс]. URL: <http://www.espanha-brasil.org/pt/>

¹⁵ María Rizzo, “Los congresos de la lengua española: configuración de una matriz discursiva”, *Anclajes* 20:3, 2016.

¹⁶ María Rizzo, *Op. cit.*, p. 66–67.

¹⁷ Natividad Muñoz, Javier Muñoz-Basols, Carlos Montes, *La diversidad del español y su enseñanza*, Abingdon, Routledge, 2021.

- artigo/cursos-de-espanol-del-instituto-cervantes-en-el-banco-central-de-brasil (дата обращения: 20.09.2021).
2. El español en el mundo. Anuario del Instituto Cervantes 2013 // Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado. Instituto Cervantes, 2013, 352 p.
 3. El español: una lengua viva // Informe 2020. Instituto Cervantes.
 4. El Instituto Cervantes y la mayor universidad brasileña acuerdan cooperación. 26.05.2021 // Swissinfo [Электронный ресурс]. URL: https://www.swissinfo.ch/spa/brasil-español_el-instituto-cervantes-y-la-mayor-universidad-brasileña-acuerdan-cooperación/46652694 (дата обращения: 20.09.2021).
 5. El sitio oficial de Instituto Cervantes de Sao Paul [Электронный ресурс]. URL: <https://saopaulo.cervantes.es/br/default.shtm> (дата обращения: 20.09.2021).
 6. Estrategia de acción exterior 2021–2024, Gobierno de España, 26.01.2021 // Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación [Электронный ресурс]. URL: http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/SalaDePrensa/ElMinisterioInforma/Paginas/Noticias/20210128_MINISTERIO13.aspx (дата обращения 18.09.2021).
 7. *Ramalho M., Gifre E.* La ley del español en Brasil: reacciones y reflexiones: La formación de profesores brasileños de español como LE en el contexto de la aprobación de la ley 11. 161/2005. Barcelona: Editorial Académica Española, 2011. 116 p. <https://doi.org/10.13140/2.1.2094.2721>
 8. *Rizzo M.* La actual política de “iberoamericanización” del Instituto Cervantes // *Círculo De Lingüística Aplicada a La Comunicación*, Ediciones Complutense. 2020. Vol. 84. P. 133–142.
 9. *Rizzo M.* Los congresos de la lengua española: configuración de una matriz discursiva // *Anclajes*. 2016. Vol. 20. Iss. 3. P. 59–75.
 10. *Morales M.* El Instituto Cervantes dispondrá de 40 millones de la UE para su digitalización. 04.04.2020 // *El País* [Электронный ресурс]. URL: <https://elpais.com/cultura/2020-11-04/el-instituto-cervantes-dispondra-de-40-millones-de-la-ue-para-su-digitalizacion.html> (дата обращения: 20.09.2021).
 11. *Muñoz N., Muñoz-Basols J., Montes C.* La diversidad del español y su enseñanza. Abingdon: Routledge, 2021. P. 85–103.
 12. Plan nacional de acción cultural exterior // Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación. Ministerio de cultura, Instituto Cervantes, Accion Cultural Española, 2011 [Электронный ресурс]. URL: https://www.cervantes.es/imagenes/File/prensa/PlanNacAccCult_baja.pdf (дата обращения: 18.09.2021).
 13. Protocolo general de actuación entre el Instituto Cervantes y la Dirección nacional de cultura del Ministerio de educación y cultura de Uruguay, el 13 de mayo de 2019.
 14. *López R.* Los modelos de cooperación cultural de México y España a través de sus institutos culturales desde una perspectiva para el desarrollo. Ciudad de México: Instituto Mora, 2018. 34 p.

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА В НОВЫХ УСЛОВИЯХ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

LATIN AMERICA IN THE NEW CONDITIONS OF THE WORLD ECONOMY

Е. А. Пономарев¹

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА В ЭПОХУ «ВЕЛИКОЙ ПЕРЕЗАГРУЗКИ»: УСЛОВИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

LATIN AMERICA IN THE AGE OF THE GREAT RESET: CONDITIONS AND PERSPECTIVES

Resumen: La pandemia del coronavirus ha llevado al mundo a una crisis aguda y a un período de mayor inestabilidad, pero al mismo tiempo ha dirigido nueva atención a los problemas que la humanidad ha enfrentado anteriormente. Estos incluyen cuestiones ambientales, de desigualdad económica, de naturaleza tecnológica, formuladas y enumeradas en los Objetivos de desarrollo sostenible de las Naciones Unidas. Un año después del inicio de la pandemia, estos objetivos adquirieron un nuevo significado dentro del concepto del “Gran Reinicio” y, con ello, nuevas perspectivas como resultado del impacto de la pandemia. En el presente trabajo se ha hecho un esfuerzo para analizar la situación y el progreso de América Latina y el Caribe en los principales ámbitos de la consecución de los Objetivos de desarrollo sostenible. El método principal con el que se ha llevado a cabo la investigación es la utilización de fuentes abiertas. Al final del trabajo se concluyó que la región de América Latina y el Caribe aún no tiene una amplia capacidad de recuperación económica después de la pandemia, pero está cumpliendo los Objetivos de desarrollo sostenible en la esfera del ambiente con un relativo éxito.

Palabras clave: América Latina; Gran Reinicio; ODS; Naciones Unidas.

Abstract: The coronavirus pandemic has led the world into an acute crisis and a period of greater instability, but at the same time it has directed new attention to the problems that humanity has faced in the past. These include environmental problems, economic inequality, technological issues formulated and enumerated in the United Nations’ Sustainable Development Goals. One year after the onset of the pandemic, these goals took on a new meaning within the concept of “The Great Reset” and thus, new perspectives as a result of the impact of the pandemic. In the present work an effort has

¹ Пономарев Евгений Алексеевич, Россия, старший лаборант ИЛА РАН (e.samgreen2015@gmail.com).

been made to analyse the situation and progress of Latin America and the Caribbean in the main areas of achieving the Sustainable Development Goals. The main method used in the investigation is the work with open sources of information. In the end of the work it was concluded that the region of Latin America and the Caribbean does not yet have a capacity for broad economic recovery after the pandemic, but is completing the Sustainable Development Goals in the field of the natural environment with relative success.

Key words: Latin America; Great Reset; SDG; United Nations.

Прошедшая в июне 2020 г. встреча участников Всемирного экономического форума стала ключевой для понимания пути, по которому мировому сообществу предстоит выбираться из кризисных условий, вызванных пандемией коронавируса. Так, глобальная общественность получила долгожданный сформулированный ответ на вопрос, куда двигаться дальше. Этим ответом стало предложение ВЭФ под названием «Великая перезагрузка», в общих чертах призывающее к мобилизации усилий и ресурсов всех стран на пути к достижению целей устойчивого развития (ЦУР), дополненное акцентом на переосмысление капитализма. Жизненно важные цели устойчивого развития, для которых нужна мобилизация, представляют собой в первую очередь мероприятия по решению экологических проблем и построению новой экологической модели развития мира.

В таком контексте оправдан интерес к Латинской Америке как к региону, приверженному выполнению целей устойчивого развития (ЦУР) и ищущему новые способы зарекомендовать себя в мировой экономике после пережитых кризисных лет.

Для систематизации анализа продвижения региона в выполнении положений концепции «Великой перезагрузки», значительно пересекающейся с Повесткой-2030, были выделены ключевые сферы данной концепции, рассмотрены положение и прогресс региона в выполнении основных ЦУР. На Давосском форуме 2021 г. были определены следующие важнейшие тенденции, которые будут определять ход и успешность стратегии «Великой перезагрузки» через призму системы ЦУР:

- переход на активное использование достижений Четвертой промышленной революции;
- адаптация человеческого капитала и трудовых мест под условия цифровизации.

В Латинской Америке и Карибском бассейне показатели критериев цифровой трансформации в последние годы были умеренными либо недостаточными. Оцифровка производственных процессов отставала, средний показатель внедрения цифровых технологий в производственные процессы был ниже, чем в других развивающихся странах. В период 2014–2016 гг. средний показатель внедрения цифровых технологий на предприятиях региона вырос на 4,5 %, что контрастирует с большим динамизмом в странах Юго-Восточной Азии (13,1 %) или Китае (16,4 %)². Хотя многие компании в Латинской Америке имеют доступ к Интернету (охват более 90 %), значительная их часть не использует его в своей цепочке поставок и каналах дистрибуции³.

Ограниченный прогресс цифровой трансформации связан с неравномерностью внедрения цифровых технологий на предприятиях и в домашних хозяйствах. Многие компании среднего и малого предпринимательства, занимающиеся торговлей, производством продуктов и пр., то есть «традиционной» деятельностью, как правило, отстают от больших компаний в отношении цифровой трансформации, а само производство в таких компаниях характеризуется более низким уровнем производительности и более высокими уровнями неформальности, что увеличивает структурную неоднородность экономик региона и дает компаниям неравные возможности цифровизации.

² La autonomía económica de las mujeres en la recuperación sostenible y con igualdad. Informe Especial COVID-19 // CEPAL. Panorama Social de América Latina. No. 9. Santiago, en prensa. 10 de febrero, 2020.

³ Construir un futuro mejor, Acciones para fortalecer la Agenda 2030 para el Desarrollo Sostenible. 2021 // CEPAL [Электронный ресурс]. URL: https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/46682/S2100125_es.pdf?sequence=6&isAllowed=y (дата обращения: 20.09.2021).

В Латинской Америке и Карибском бассейне цифровая трансформация производственного сектора все еще находится на ранней стадии, главным образом это касается области электронной торговли. Во время пандемии COVID-19 компании осознали пользу Интернета для контроля рынка в новых карантинных условиях. Об этом свидетельствует значительное увеличение числа корпоративных веб-сайтов, зарегистрированных в Бразилии, Колумбии, Мексике и Чили в период с марта по август 2020 г. по сравнению с тем же отрезком времени 2019 г. Только в апреле число активных веб-сайтов компаний выросло на 800 % в Колумбии и Мексике и на 360 % в Бразилии и Чили по сравнению с апрелем 2019 г.⁴

Во время пандемии торговые и диспетчерские интернет-платформы приобрели широкую известность как среди потребителей, так и среди поставщиков товаров, которым они помогли поддерживать работу и аренду своих помещений, приносить доход и не увольнять сотрудников. Экспоненциальное увеличение использования этих платформ открывает возможности для оцифровки цепочки поставок и одновременно создает новые вызовы для стран, такие как необходимость укрепления платежной системы (что является ключом к безопасному взаимодействию удаленно), нормативно-правовой базы, а также политики в области конкуренции, чтобы избежать концентрации рынка и наценок на товары и услуги.

Еще одна проблема, препятствующая полному включению региона в Четвертую промышленную революцию, связана с образованием его жителей. Низкое качество образования по сравнению с развитыми странами является тормозом для внедрения новых технологий. В частности, недостаточно развиты подходы к подготовке к технологическим изменениям. Несмотря на то, что в большинстве стран региона расширился охват знаний базовым, средним и профессионально-техническим образованием, а также доступ к нему, улучшение с точки зрения качества не очевидно, поэтому возможности более широкого использования преимуществ цифровых технологий ограничены для широких слоев населения.

Коротко говоря, экономический и социальный кризис, вызванный пандемией, и меры физического дистанцирования ускорили многие изменения в области цифровой трансформации. Каналы торговли, перешедшие в онлайн-режим, помогли сохранить определенный уровень коммерческой активности в регионе. Однако динамика оцифровки в регионе отражает заметное неравенство в производительности и доходах, в частности, разницу между средними и малыми предприятиями и крупными компаниями. Цифровая трещина между ними стала еще более актуальной и негативной в контексте пандемии COVID-19.

Поддержка развития устойчивого предпринимательства

В Латинской Америке и Карибском бассейне показатели переработки отходов низкие и сосредоточены на определенных продуктах, таких как бумага и картон, лом, некоторые пластмассы и стекло. Такая ситуация открывает большие возможности для осуществления деятельности по переработке или участия предпринимателей в экономике замкнутого цикла на основе местных производственных цепочек. Некоторые прогнозы позволяют сделать вывод, что если бы экономика замкнутого цикла в Латинской Америке переросла в один из основных видов деятельности в рамках экономики региона, а темпы переработки отходов были эквивалентны темпам Германии, то этот сектор смог бы значительно содействовать продвижению «зеленой» экономики, создав почти 450 тыс. рабочих мест и увеличив на 0,35 % ВВП региона⁵.

⁴ Idem.

⁵ Construir un nuevo futuro: una recuperación transformadora con igualdad y sostenibilidad (LC/SES.38/3-P/Rev.1) // CEPAL. Panorama Social de América Latina. Santiago, en prensa, 2020.

Сохранение окружающей среды

Глобальная деградация окружающей среды все чаще оказывается в центре внимания мировой общественности, и пандемия COVID-19 дала новую пищу для размышлений экспертам. Латинская Америка и Карибский бассейн не являются исключением в контексте проблемы: разрушение и деградация экосистем как следствие экономической деятельности человека сокращает биоразнообразие региона, генерирует выбросы парниковых газов и снижает способность экосистем поглощать углекислый газ⁶.

В Латинской Америке и Карибском бассейне выбросы парниковых газов сохраняют растущую тенденцию и в 2019 г. достигли 4,3 гигатонн эквивалента CO₂. В 2020 г. замедление темпов роста экономики, обусловленное пандемией, привело к значительному сокращению выбросов. В условиях, когда глобальные выбросы снизились примерно на 7 %⁷, регион в перспективе получит еще большее сокращение выбросов из-за резкого падения его ВВП по сравнению с остальными странами. Однако в условиях сокращения экономической деятельности в противовес некоторому прогрессу в решении экологической проблемы возникает обострение социально-экономической обстановки в странах региона, в первую очередь увеличение безработицы и банкротство предприятий, поэтому по мере выхода из кризиса странам предстоит продумать план по сохранению достигнутого экологического прогресса в условиях экономического восстановления.

Для решения проблемы выбросов парниковых газов страны региона подписали обязательства по их сокращению, и в 2020 г. Аргентина, Суринам и Чили представили свои вторые по счету национальные планы по сокращению выбросов (*Contribuciones determinadas a nivel nacional, CDN*), в то время как Бразилия, Чили, Колумбия, Коста-Рика, Куба, Ямайка, Мексика, Никарагуа, Панама и Доминиканская Республика обновили цели своих первых CDN. В этом контексте посткризисное восстановление экономики дает возможность способствовать экономическому росту в соответствии с целями сокращения выбросов, предложенными и выполняемыми CDN, и предотвращать достижение уровней выбросов в годы, предшествовавшие пандемии.

Состояние экосистем в регионе ухудшается, и биоразнообразие сокращается с угрожающей скоростью, что противоречит ЦУР 15 (Защита, восстановление и поощрение устойчивого использования наземных экосистем, устойчивое управление лесами, борьба с опустыниванием, прекращение и обращение вспять деградации земель и прекращение утраты биоразнообразия). Согласно индексу «Живая планета 2020», который отслеживает почти 21 тыс. популяций млекопитающих, птиц, рыб, рептилий и амфибий по всей планете, в период с 1970 по 2016 гг. в среднем в мире произошло снижение биоразнообразия на 68 %. Эта динамика особенно выражена в американских тропиках, где она достигает 94 % изученных популяций. Это самый большой спад, зафиксированный во всех биогеографических областях мира⁸.

В период с 1990 по 2020 гг. в Латинской Америке и Карибском бассейне было утеряно 150 млн гектаров естественного леса, в то время как площадь лесных насаждений утроилась. В целом лесной покров сократился на 7 %⁹. Потеря тропических и субтропических лесов оказывает сильное влияние на биоразнообразие и гидрологию, от которых зависят в том числе экономические системы, поэтому защита лесов имеет жизненно важное значение. В совокупности регион добился прогресса в сохранении доли лесных угодий, охраняемых

⁶ *Bárcena A. y otros. La emergencia del cambio climático en América Latina y el Caribe: ¿seguimos esperando la catástrofe o pasamos a la acción? // CEPAL. Santiago, 2020. No. 160.*

⁷ *Friedlingstein P. y otros. Global carbon budget 2020 // Earth System Science Data. 2020. 11 de diciembre. Vol. 12. No. 4.*

⁸ *Informe Planeta Vivo 2020: revertir la curva de la pérdida de biodiversidad. Resumen, R.E. / A. Almond, M. Grooten, T. Petersen (eds.). WWF (2020), Gland.*

⁹ *Construir un nuevo futuro: una recuperación transformadora con igualdad y sostenibilidad (LC/SES.38/3-P/Rev.1) // CEPAL. Panorama Social de América Latina. Santiago, en prensa, 2020.*

законом, их доля возросла с 25 % в 2000 г. до более 31 % в 2020 г., несмотря на снижение в Центральной Америке¹⁰.

Леса переносят атмосферную влажность и влияют на количество осадков в региональном масштабе, поэтому сельское хозяйство в некоторых районах зависит от географически отдаленных территорий, как это имеет место в случае памп Южного конуса по отношению к Амазонии. Хотя в регионе много воды, она неоднородно распределена между странами и внутри них. Водным ресурсам угрожает серьезное патогенное загрязнение, главным образом вызванное сбросом в них бытовых сточных вод или избыточным загрязнением промышленными веществами, связанным с неправильной сельскохозяйственной практикой. С другой стороны, в Андском регионе поверхность ледников уменьшается, а некоторые из них уже исчезли¹¹. Это также влияет на обширные городские и сельские районы, поскольку из-за изменения климата и неэффективного управления стратегические запасы пресной воды истощаются.

Океаны представляют собой экосистемы, тоже страдающие от климатических изменений. 23 страны Латинской Америки и Карибского бассейна располагают большей морской, нежели сухопутной площадью своей национальной территории, более 27 % населения проживает в прибрежных районах. Среди морских экосистем региона выделяются особо уязвимые, такие как коралловые системы, которым вредит глобальное потепление, повышение среднего значения кислотности моря и его загрязнение промышленными веществами, особенно в Карибском бассейне и мангровых зарослях, имеющих большое значение для экосистемы региона и сократившихся в период с 2001 по 2018 гг. на 20,2 %. Это противоречит ЦУР 14 (Сохранение и устойчивое использование океанов, морей и морских ресурсов для устойчивого развития)¹².

Из четырех пунктов ЦУР 14, установленных к 2020 году, на региональном уровне был выполнен только один: сохранение по крайней мере 10 % прибрежных и морских районов, по которому морская площадь, включенная в различные защитные программы, удвоилась и достигла 20 % от общей площади.

Еще одной проблемой является загрязнение морской среды, как химическое, вызванное выбросами из внутренних источников, в результате которых в регионе появились 19 мертвых зон и 31 зона эвтрофикации прибрежных районов, так и загрязнение от макро- и микропластиков. И только на Тихоокеанском побережье Южного конуса и самой южной части Атлантического побережья загрязнение пластмассами находится на уровне ниже среднего¹³.

Способствование устойчивому восстановлению экономики

В 2018 г. нетрадиционные возобновляемые источники энергии (биомасса, солнечная энергия, ветер, геотермальная энергия и биогаз) составляли 5 % от общего потребления первичной энергии в Латинской Америке и Карибском бассейне, в среднем по странам мира

¹⁰ Los ODS en América Latina y el Caribe: centro de gestión del conocimiento estadístico // Plataforma Regional del Conocimiento sobre la Agenda 2030 en América Latina y el Caribe. 2021. CEPAL [Электронный ресурс]. URL: <https://agenda2030lac.org/estadisticas/> (дата обращения: 20.09.2021).

¹¹ WGMS (Servicio Mundial de Vigilancia de Glaciares). Global Glacier Change Bulletin. No. 3. 2016–2017. Zurich, 2020.

¹² Programa de las Naciones Unidas para el Desarrollo // Objetivos de Desarrollo Sostenible, 2021 [Электронный ресурс] URL: <https://www1.undp.org/content/undp/es/home/sustainable-development-goals.html> (дата обращения: 22.09.2021).

¹³ Construir un futuro mejor, Acciones para fortalecer la Agenda 2030 para el Desarrollo Sostenible, 2021 // CEPAL [Электронный ресурс] URL: https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/46682/S2100125_es.pdf?sequence=6&isAllowed=y (дата обращения: 20.09.2021).

было 4 %. В секторальном плане крупнейшим конечным потребителем энергии в регионе является транспортный сектор, и 99 % этой энергии поступает из ископаемого топлива¹⁴.

ЭКЛАК указывает¹⁵, что для перспективного восстановления экономики для Латинской Америки и Карибского бассейна реально выполнить один из трех сценариев устойчивого экономического восстановления. Базовый сценарий (энергетическое планирование стран региона с 2018 по 2032 гг.):

- А) доля возобновляемых источников энергии в общем объеме производства энергии увеличивается с 12,7 % до 24,6 %. Возобновляемые источники энергии не будут включать в свое число крупномасштабную гидравлическую энергию, но включают в себя солнечную, геотермальную, мини-гидравлическую и океаническую энергию;
- Б) доля возобновляемых (негидравлических) источников энергии в общем объеме увеличивается с 12,7 % до 39,5 %;
- В) доля возобновляемых (негидравлических) источников энергии в общем объеме увеличивается с 12,7 % до 41,1 %.

Для того чтобы внедрение возобновляемых источников энергии с соответствующей инфраструктурой и обслуживанием достигло показателей выше 35 %, необходимо ежегодно инвестировать около 1 % ВВП региона с 2019 по 2032 гг. В дополнение к выгодам, которые это принесет с точки зрения энергетической безопасности и сохранения окружающей среды, развитие устойчивой энергетической инфраструктуры, способствующей региональной интеграции на основе возобновляемых источников энергии, позволит создать около 7 млн новых квалифицированных рабочих мест в регионе до 2030 г. посредством развертывания солнечных, ветровых и других объектов энергетической инфраструктуры. С другой стороны, если бы индустрия возобновляемых источников энергии была расположена в Латинской Америке и Карибском бассейне, одно лишь производство солнечных батарей и ветряных турбин создало бы почти миллион рабочих мест. В целом, инвестиции в возобновляемые источники энергии предоставляют возможность для быстрого, инклюзивного и устойчивого восстановления экономики после пандемии¹⁶.

Заключение

В результате рассмотрения состояния региона по различным направлениям достижения ЦУР можно сделать вывод, что Латинской Америке и Карибскому бассейну не удалось в полной мере обойти последние экономические, экологические и санитарные кризисы стороной, что вылилось в неполное следование намеченному для достижения ЦУР пути. Однако на фоне других регионов и даже независимо от них ЛАКБ показывает приверженность выполнению ЦУР, достигнув некоторых положительных результатов, в особенности касающихся сохранения водных и других природных экосистем.

Возвращаясь к концепции «Великой перезагрузки», можно заключить, что ЛАКБ пока не располагает возможностью стать примером экономического восстановления или цифровизации, но обладает потенциалом возглавить рейтинги переходящих на возобновляемые источники энергии государств, а также государств, больше других заботящихся о сохранении биоразнообразия своих территорий.

¹⁴ Construir un nuevo futuro: una recuperación transformadora con igualdad y sostenibilidad (LC/SES.38/3-P/Rev.1) // CEPAL. Panorama Social de América Latina. Santiago, en prensa, 2020.

¹⁵ Construir un futuro mejor, Acciones para fortalecer la Agenda 2030 para el Desarrollo Sostenible, 2021 // CEPAL [Электронный ресурс]. URL: https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/46682/S2100125_es.pdf?sequence=6&isAllowed=y (дата обращения: 20.09.2021).

¹⁶ Construir un nuevo futuro: una recuperación transformadora con igualdad y sostenibilidad (LC/SES.38/3-P/Rev.1) // CEPAL. Panorama Social de América Latina. Santiago, en prensa, 2020.

Библиография

1. La autonomía económica de las mujeres en la recuperación sostenible y con igualdad. Informe Especial COVID-19 // CEPAL. Panorama Social de América Latina. No. 9. Santiago, en prensa. 10 de febrero, 2020.
2. Construir un futuro mejor, Acciones para fortalecer la Agenda 2030 para el Desarrollo Sostenible. 2021 // CEPAL [Электронный ресурс]. URL: https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/46682/S2100125_es.pdf?sequence=6&isAllowed=y (дата обращения: 20.09.2021).
3. Construir un nuevo futuro: una recuperación transformadora con igualdad y sostenibilidad (LC/SES.38/3-P/Rev.1) // CEPAL. Panorama Social de América Latina. Santiago, en prensa, 2020.
4. *Bárcena A.* y otros. La emergencia del cambio climático en América Latina y el Caribe: ¿seguimos esperando la catástrofe o pasamos a la acción? // CEPAL. No. 160. Santiago, 2020.
5. *Friedlingstein P.* y otros. Global carbon budget 2020 // Earth System Science Data. 11 de diciembre, 2020. Vol. 12. No. 4.
6. Informe Planeta Vivo 2020: revertir la curva de la pérdida de biodiversidad. Resumen, R. E. / A. Almond, M. Grooten, T. Petersen (eds.). WWF (2020), Gland.
7. Los ODS en América Latina y el Caribe: centro de gestión del conocimiento estadístico // CEPAL. Plataforma Regional del Conocimiento sobre la Agenda 2030 en América Latina y el Caribe. 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://agenda2030lac.org/estadisticas/> (дата обращения: 20.09.2021).
8. WGMS (Servicio Mundial de Vigilancia de Glaciares) // Global Glacier Change Bulletin. No. 3. 2016–2017. Zurich, 2020.
9. Programa de las Naciones Unidas para el Desarrollo // Objetivos de Desarrollo Sostenible, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www1.undp.org/content/undp/es/home/sustainable-development-goals.html> (дата обращения: 20.09.2021).

B. M. Тайяр¹

ЕВРОСОЮЗ И ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА: ТЕНДЕНЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПОСТПАНДЕМИЧЕСКОМ МИРЕ

EUROPEAN UNION AND LATIN AMERICA: TRENDS IN INTERACTION IN THE POST-PANDEMIC WORLD

Resumen: En el artículo se examina la evolución del nivel interregional de cooperación entre la Unión Europea y América Latina y el Caribe (LCA). Se examinan los factores que han influido en el freno notable de la interacción interregional en los últimos años. El autor presta la atención a los acuerdos comerciales entre las dos regiones, a las dificultades y las perspectivas en el acuerdo entre la Unión Europea y el Mercosur. Se analiza la evolución de las relaciones económicas durante los dos primeros decenios del siglo XXI y se examina el comercio exterior durante la pandemia. Los países de la Unión Europea y LCA son vulnerables delante de las consecuencias socioeconómicas de COVID-19. Sin embargo, desde Bruselas se han hecho llamamientos para que se reanude urgentemente el diálogo interregional entre la UE y LCA, teniendo en cuenta la importancia económica y geopolítica de la región latinoamericana para Europa. También en el artículo se presta especial atención a las formas de interacción interregional a corto plazo. Al mismo tiempo, la interacción interregional se vería influida por diversos factores, tal vez por una mayor cooperación humanitaria entre los países, en particular en la esfera de la salud. Agenda 2030 y el seguimiento de los ODS revisten especial importancia en la interacción interregional para promover una transición verde, inclusiva y sostenible hacia nuevas políticas comerciales y hacia una nueva reproducción del sistema económico mundial.

Palabras clave: América Latina; Unión Europea; interacción interregional; relaciones económicas y comerciales; Mercosur; desarrollo sostenible.

Abstract: The article observes the evolution of bi-regional cooperation between the EU and Latin-Caribbean America (LCA). The author pays special attention to the obstacles that impede the interregional interaction in recent years. Some other difficulties and prospects in concluding new bi-regional agreements, including “EU — Mercosur” Treaty, are analyzed. Also the dynamics of economic cooperation during the first two decades of the 21st century are traced. The article focuses on the specific characters of mutual foreign trade during the pandemic period. The members of the European Union and the LCA countries found themselves vulnerable to the socio-economic impact of COVID-19. Nevertheless, calls are heard from Brussels that it is urgently necessary to restore the interregional dialogue in the EU — LCA format, taking into account the economic and geopolitical significance of the Latin American region for Europe. The author explores the promising forms of interregional “EU — LCA” interaction in the near future, taking into consideration various factors, including the possible increase of humanitarian collaboration between parts, especially in the health care. Of particular importance in bi-regional cooperation is Agenda 2030 and the SDGs to truly contribute to a green, inclusive and sustainable transition to a new trade policy and to a new reproduction of the world economic system.

Key words: Latin America; European Union; interregional cooperation; trade and economic relations; Mercosur; sustainable development.

¹ **Виолетта Макариосовна Майяр**, Россия, кандидат экономических наук, заместитель директора по науке, Институт Латинской Америки РАН (ИЛА РАН) (vtayar@mail.ru).

В начале третьего десятилетия XXI века субъекты мирового хозяйства (как страны Севера, так и страны глобального Юга) сталкиваются с новыми вызовами: экономическими, социальными, политическими и геополитическими последствиями глобального кризиса, вызванного пандемией. В этих непростых условиях отношения между Евросоюзом и странами Латино-Карибской Америки (ЛКА), представляющими собой модель взаимодействия Север — Юг, подвержены воздействию множества факторов структурного и институционального характера, оказывающих влияние на развитие этих отношений. В этой связи представляется важным проследить динамику развития отношений на пути формирования межрегиональной стратегической ассоциации, определить основные направления межрегионального сотрудничества и диалога, а также выявить взаимовыгодные формы сотрудничества на ближайшую перспективу.

Эволюция межрегионального диалога

Надо отметить, что в ходе политического и экономического диалога с ЛКА Евросоюз придерживается избранной модели взаимодействия с регионом, ориентированной на долгосрочное сотрудничество и дифференцированный подход, осуществляемый одновременно на нескольких уровнях: двустороннем, субрегиональном и межрегиональном². Эволюция межрегионального уровня взаимодействия связана с проведением саммитов глав государств ЕС и ЛКА, организованных в период 1999–2015 гг. и представляющих собой особый инструмент для сближения и взаимопонимания между странами обоих регионов.

На эволюцию межрегионального диалога и его заметное торможение после 2015 г. повлиял ряд факторов и институциональных изменений, произошедших как в ЕС, так и в латиноамериканском регионе. Медленное развитие регионализма в ЛКА и торможение интеграционных процессов во многом определили динамику и характер межрегионального взаимодействия между ЕС и ЛКА³. Запланированный на 2017 г. саммит в формате ЕС — СЕЛАК так и не состоялся из-за экономического и политического кризиса в Венесуэле и в связи с неоднозначной позицией по этому вопросу в обоих регионах. Межрегиональный диалог был практически заморожен и переведен в режим встреч министров иностранных дел стран ЕС и ЛКА. Тем самым в период 2016–2020 гг. произошел откат от межрегиональной экономической ассоциации в контексте спада мультилатерализма, регионализма и интеррегионализма. Среди причин такого торможения: объявленный протекционизм со стороны администрации Д. Трампа, Брекзит, венесуэльский кризис, конец «товарного суперцикла» и экономический спад в ЛКА, ослабление СЕЛАК и как следствие — приостановление межрегионального диалога и практики проведения саммитов. В декабре 2020 г. по инициативе Германии в виртуальном режиме состоялась неформальная встреча министров иностранных дел ЕС и ЛКА, главной целью которой стала активизация политического диалога и совместных усилий по преодолению задач, связанных с пандемией, обострившей целый комплекс социальных и экономических проблем. Эпидемия коронавируса началась в контексте ухудшающегося экономического положения в странах ЛКА и системного кризиса, обострившего социально-политическую обстановку и проблемные зоны в сфере здравоохранения.

В настоящее время из Брюсселя раздаются призывы, что необходимо срочно возобновить межрегиональный диалог, учитывая экономическое и геополитическое значение, которое латиноамериканский регион имеет для Европы. В начале третьего десятилетия XXI века объединенная Европа сама столкнулась с трансформацией и рядом вызовов структурного и институционального характера. Замедление с 2018 г. роста

² Тайар В. М. Европейский союз и Латинская Америка: межрегиональное экономическое взаимодействие в XXI веке // Актуальные проблемы Европы. 2018. № 3. С. 23–43.

³ Тайар В. М. Евросоюз и Латинская Америка в контексте межрегионального взаимодействия // Современная Европа. 2019. № 4(90). С. 16–27.

экономики объединенной Европы привело к торможению европейской интеграции и росту неопределенности перспектив развития. Пандемия вызвала мировую рецессию и усилила существующие глобальные тенденции, среди которых: критический характер экологического кризиса, растущее геостратегическое соперничество Китая и США, приближение Четвертой промышленной революции, кризис глобализации, углубление дефицита мультилатерализма. При этом Евросоюз вступил в 2020 г. с четким видением до 2050 г. своего развития, прежде всего речь идет о европейской «зеленой сделке». В связи с этим договоры между ЕС и Латинской Америкой — не просто договоры о свободной торговле, они содержат компонент устойчивого развития и экологическую составляющую (договор с Меркосур).

Можно предположить, что в 2020–2021 гг. начался новый переходный этап межрегионального партнерства между ЕС и ЛКА⁴. В период пандемии сохранился широкий диапазон межрегионального сотрудничества в рамках реализации общих экономических интересов. Среди них: сотрудничество в области здравоохранения, решение климатических задач, инвестиции в возобновляемые источники энергии, защита системы многосторонней торговли, поиск синергии между торговой политикой и повесткой в области устойчивого развития на период до 2030 г.

В краткосрочной перспективе возможен сценарий возобновления диалога на межрегиональном уровне в режиме саммитов и прагматизм в отношениях со стороны ЛКА. Вероятно, акцент будет сделан на сотрудничестве в гуманитарной сфере и оказании финансовой помощи со стороны ЕС. В среднесрочной перспективе можно ожидать корректировки стратегических направлений в межрегиональных отношениях в соответствии с тенденциями развития после пандемии и приоритетами в области достижения ЦУР и Повестки 2030.

Торговые договоренности

На характер европейско-латиноамериканских связей оказывают влияние торговые договоренности, действующие в рамках торговых соглашений. Некоторые из таких договоренностей интенсифицировались на пороге XXI века. Процесс достижения торговых соглашений в последние два десятилетия проходил поэтапно как на двустороннем уровне (с Мексикой, Чили, Колумбией, Перу, Эквадором), так и с субрегиональными блоками ЛКА: Центральноамериканским общим рынком (ЦАОР), КАРИФОРУМ (включая КАРИКОМ и Доминиканскую Республику). Сближению ЕС с Меркосур на протяжении двух десятилетий мешали разногласия в сфере экспорта южноамериканской агропромышленной продукции.

Важно, что на саммите G-20 в Осаке в июне 2019 г. завершились затяжные переговоры между ЕС и Меркосур, было достигнуто соглашение, которое вступит в силу только после одобрения парламентами всех стран-участниц. Соглашение с Меркосур стало прежде всего политическим решением сторон при активном участии Испании и Аргентины, такое решение было важно принять на фоне предстоящих выборов в Европарламент, до ухода с поста верховного представителя по иностранным делам Ф. Могерини и до президентских осенних выборов в 2019 г. в Аргентине. Вступив в должность, испанец Жозеп Боррель, новый представитель Евросоюза по иностранным делам, призвал европейцев уделять больше внимания Латинской Америке и подчеркнул, что поддержка региона в достижении экологического, цифрового, устойчивого и инклюзивного восстановления отвечает европейским интересам. Кроме того, соглашение имеет важное геополитическое значение: оно может помочь обоим регионам лучше реагировать на растущую конфронтацию между США и Китаем, в условиях которой ЕС и ЛКА рискуют оказаться в подчиненном

⁴ *Тайар В. М.* ЕС — Латинская Америка: переход на конструктивную модель сотрудничества // Современная Европа. 2020. № 6(99). С. 90–100.

положении⁵. В случае ратификации торгового соглашения с ЕС страны Меркосур получат больше возможностей для подключения к новым технологиям и глобальным цепочкам создания стоимости, что может привести к пересмотру модели включения стран — членов Меркосур в международное разделение труда и корректировке стратегий экономического роста. Участие в глобальных цепочках стоимости может повысить степень интернационализации компаний из стран — членов Меркосур⁶.

Однако осенью 2020 г. Европейский парламент принял решение не ратифицировать договор с Меркосур в его нынешнем состоянии в связи с экологической политикой президента Бразилии Ж. Болсонару, которая противоречит обязательствам, принятым в рамках Парижского соглашения по климату. Договор с Меркосур содержит главу об устойчивом развитии, которая должна быть выполнена, поэтому в краткосрочной перспективе соглашение вряд ли может быть ратифицировано. Все больше европейских стран, среди которых Ирландия, Бельгия, Польша, Франция, Голландия, Австрия, высказываются против ратификации договора, отмечая, что Еврокомиссия в договоре сделала слишком много уступок Меркосур в вопросах сельского хозяйства, а обезлесение в Амазонии еще более усугубило ситуацию с ратификацией договора и подлило масла в огонь. Поэтому со стороны ЕС ведется двусторонний диалог с Бразилией по экологической тематике. Можно предположить, что процесс ратификации соглашения ЕС с Меркосур останется в повестке дня, но будет длительным и непростым, сторонам еще придется досконально изучить мелкий шрифт торгового соглашения. По сути, ратификация соглашения между ЕС и Меркосур ставит на карту авторитет Евросоюза в латиноамериканском регионе, ведущего переговоры по этому соглашению более 20 лет. Как отмечают в Брюсселе, торговое соглашение следует рассматривать как рычаг переключения моделей производства и потребления, его необходимо использовать в целях экологического перехода обеих региональных интеграционных групп. Пока остается открытым вопрос, в каком направлении будут развиваться регионализм и интеграционные процессы в латиноамериканском регионе и какую роль могут сыграть США в условиях, когда лидеры Меркосур Бразилия и Аргентина находятся на пути согласования совместной позиции по экономической ассоциации с Евросоюзом.

Динамика экономических связей

Взаимодействие с ЕС воспринимается в латиноамериканском регионе как противовес американскому доминированию и является одним из приоритетных направлений во внешних экономических связях ЛКА. При этом динамика и характер торгового и экономического взаимодействия между ЕС и ЛКА во многом зависят от латиноамериканского регионализма, переживающего различные этапы своего развития и влияющего на развитие региональной экономической интеграции⁷.

Торговля является важным связующим звеном в межрегиональных отношениях. В период 2001–2019 гг. торговый оборот между ЕС и ЛКА увеличился в 1,9 раз, с 118,35 млрд евро до 227,93 млрд евро. В отягощенный пандемией 2020 г. товарооборот составил 181,58 млрд евро, что ниже показателя 2019 г. на 20 %. В период 2012–2020 гг. торговля характеризовалась положительным сальдо торгового баланса для ЕС. Основная причина — наращивание европейского экспорта в страны ЛКА при сокращении стоимости импорта латиноамериканских сырьевых товаров. Евросоюз является третьим по значимости торговым партнером латиноамериканского региона после США и Китая.

⁵ América Latina — Europa: la “otra” relación transatlántica // Servicio europeo de Acción Exterior. Brussels. 19.10.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://eeas.europa.eu/> (дата обращения: 10.10.2021).

⁶ Тайар В. М. Евросоюз — Меркосур: стратегическое партнерство // Латинская Америка. 2007. № 5. С. 28–36.

⁷ Тайар В. М. Латиноамериканский регионализм и торговые соглашения с Евросоюзом: опыт и подходы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2021. Т. 29. № 2. С. 413–425.

Основной характеристикой европейско-латиноамериканской торговли продолжает оставаться асимметричность в структуре экспортных и импортных поставок. Страны ЛКА продолжают импортировать из ЕС в основном промышленную продукцию, в то время как европейский импорт из ЛКА состоит в основном из сырьевых товаров и продуктов первичной обработки. В то же время возросло значение латиноамериканских стран-гигантов Мексики и Бразилии, которые в значительной степени интегрированы во внутрифирменную торговлю и логистику движением промышленных товаров между ЛКА и ЕС. Другой характеристикой торговли является концентрация взаимных поставок на небольшой группе стран по обе стороны Атлантики. Так, на шесть стран региона, четыре из которых имеют договоры о ЗСТ с ЕС — Мексику, Бразилию, Чили, Аргентину, Колумбию и Перу — в 2020 г. приходилось 79 % в импортных потоках и 81,5 % в экспортных потоках ЕС с ЛКА. Страны Меркосур заняли 37 % в товарообороте ЕС с регионом. В то же время шесть европейских государств — Германия, Нидерланды, Испания, Франция, Великобритания и Италия — в 2019 г. (до Брекзита и коронакризиса) являлись основными поставщиками и покупателями товаров из ЛКА, на них приходилось около 79 % экспортных и импортных поставок ЕС. По итогам 2020 г. шесть европейских стран — Германия, Испания, Италия, Нидерланды, Франция, Бельгия — стали основными поставщиками и покупателями товаров из ЛКА, на них пришлось свыше 80 % взаимных экспортно-импортных поставок.

Особую роль ЕС играет в качестве инвестора в ЛКА с тех пор, когда в конце 1990-х годов фирмы с участием европейского капитала приняли активное участие в процессе приватизации, осуществляемой в большинстве стран региона⁸. В 2019 г. ЕС занимал лидирующие позиции в качестве инвестора, откуда поступило 55 % ПИИ, полученных латиноамериканским регионом⁹. Одновременно в последние годы наблюдалось развитие обратного феномена — рост инвестиций транснациональных латиноамериканских компаний «мультилатинас» в страны ЕС, в особенности Португалию и Испанию¹⁰. Однако, по оценке ЭКЛАК, пандемия негативно сказалась на инвестиционных потоках: в 2020 г. поступления прямых иностранных инвестиций в ЛКА снизились на 45–55 %¹¹.

Сейчас речь идет о консолидации финансовых ресурсов для выхода из кризиса, вызванного пандемией. Так, чилийский сенатор Хорхе Писарро, сопредседатель Евролатиноамериканской парламентской Ассамблеи (EuroLat), заявил: «нам нужны механизмы финансового сотрудничества, которые позволят совместно и более солидарно решать проблемы, стоящие перед Латинской Америкой и Европейским союзом»¹². По всей видимости, финансирование экономического восстановления и роль международных организаций будут центральными вопросами в ходе европейско-латиноамериканского диалога.

Перспективные формы сотрудничества

В апреле 2019 г. Европейская Комиссия и Европейская служба внешних действий (ЕСВД) представили совместное сообщение под названием «Европейский союз, Латинская Америка и Карибы: объединить силы для общего будущего», в котором выразили стратегический подход к отношениям между двумя регионами¹³.

⁸ Латинская Америка в системе международных экономических отношений / Отв. ред. Л. Н. Симонова. М.: ИЛА РАН, 2020.

⁹ La Inversión Extranjera Directa en América Latina y el Caribe // CEPAL. Santiago, 2020. P. 12.

¹⁰ Тайар В. М. Трансатлантическое партнерство и Латинская Америка: возможности и риски // Латинская Америка. 2016. № 6. С. 18–29.

¹¹ Idem.

¹² Banchón M. Finanzas y vacunas: o Europa coopera con Latinoamérica, o todo irá peor // Deutsche Welle. 06.11.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dw.com/es/> (дата обращения: 10.10.2021).

¹³ Comunicación conjunta al Parlamento Europeo y al Consejo. La Unión Europea, América Latina y el Caribe: aunar fuerzas para un futuro común // Servicio europeo de Acción Exterior. Brussels, abril 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://eeas.europa.eu/sites/default/files/2_es_with_banner.pdf (дата обращения: 10.10.2021).

Новый состав Еврокомиссии на период 2019–2024 гг. не продемонстрировал пока оживленного внимания к ЛКА, но назначение испанца Жозепа Борреля на пост Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности связано с определенными ожиданиями по сохранению преемственности европейского курса в отношении ЛКА на ближайшую перспективу.

В феврале 2021 г. Еврокомиссия определила свою торговую стратегию на ближайшие годы, которая опирается на стремление ЕС внести свой вклад в восстановление экономики путем поддержки зеленых и цифровых преобразований с акцентом на укрепление многосторонности и реформирование правил глобальной торговли. При этом Еврокомиссия ставит «устойчивость» в центр новой торговой стратегии, поддерживая фундаментальное преобразование своей экономики в климатически нейтральную. Отвечая на текущие вызовы, стратегия ставит во главу угла реформу ВТО, включая глобальные обязательства по торговле и климату, новые правила цифровой торговли для поддержки цифрового и климатического перехода¹⁴. Очевидно, что новая торговая стратегия распространится и на торговые соглашения, заключенные между ЕС и ЛКА.

По оценке экспертов, Евросоюзу необходимо сделать качественный скачок в отношениях с ЛКА, включив в межрегиональный диалог цели европейской «зеленой повестки» в соответствии с Целями устойчивого развития (ЦУР)¹⁵. Представляется, что такой качественный переход в межрегиональном сотрудничестве сопряжен с решением ряда задач со стороны ЕС. Во-первых, необходимо облегчить передачу технологий для преодоления латиноамериканской экстрактивистской модели. В латиноамериканском энергетическом секторе европейские компании могут внести вклад в изменение энергетической матрицы и инвестировать средства в возобновляемые источники энергии. Например, богатые запасы лития в регионе — это возможность для развития аккумуляторной промышленности. Во-вторых, стратегическим сектором является автомобильная промышленность, которая нуждается в преобразованиях как в Европе, так и в Латинской Америке, что может быть достигнуто с помощью соглашений о технологическом сотрудничестве. В-третьих, необходимо мобилизовать ресурсы для инвестиций в инфраструктуру, необходимую для обеспечения доступа к устойчивой энергетической безопасности всего населения ЛКА. В-четвертых, особое значение приобретают программы официальной помощи развитию (ОПР), охватывающие сферу устойчивого развития. Так, в соответствии с ЦУР, европейская специализированная программа EUROCLIMA+ является основным инструментом поддержки политики в области охраны окружающей среды и смягчения последствий изменения климата в ЛКА. В-пятых, цифровизация — это еще одна возможность совершить технологический скачок, основанный на инновациях, и тем самым открыть новые возможности для межрегионального сотрудничества. Такое сотрудничество должно предусматривать целевое финансирование совместных проектов.

Торговые договоры в среднесрочной перспективе должны быть адаптированы к глобальным цепочкам стоимости, экологическим требованиям и задачам цифровизации. А это будет способствовать смещению акцентов с традиционных вопросов сотрудничества в сторону таких областей, как климат, услуги, цифровая торговля, защита интеллектуальной собственности. При этом, по оценке ЭКЛАК, именно региональная интеграция является ключом к посткризисному восстановлению¹⁶.

В заключение важно отметить, что Евросоюз в начале третьего десятилетия XXI века находится на переходном этапе межрегионального партнерства и в поиске модели нового

¹⁴ Commission sets course for an open, sustainable and assertive EU trade strategy // European Commission. Brussels, 18 February 2021 [Электронный ресурс]. URL: <http://trade.ec.europa.eu/doclib/press/index.cfm?id=2243> (дата обращения: 10.10.2021).

¹⁵ Ayuso A. Claves para reactivar la asociación UE-CELAC y encauzar la globalización del futuro // CIDOB notes internacionales 247. Barcelona, marzo 2021 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cidob.org> (дата обращения: 10.10.2021).

¹⁶ Perspectivas del comercio internacional de América Latina y el Caribe // CEPAL. Santiago, enero 2021.

лидерства в латиноамериканском регионе. Дальнейшее сотрудничество латиноамериканских стран с ЕС способно стать источником технологий, ноу-хау и инвестиций. Скорее всего, Евросоюз сосредоточится на новых финансовых программах и инструментах сотрудничества с ЛКА на период 2021–2027 гг. В Евросоюзе растет понимание того, что те ниши в латиноамериканском регионе, где будет ослаблено влияние ЕС, займут Китай и другие партнеры. При этом ЛКА предоставляет европейскому «зеленому курсу» возможность развивать свое внешнее влияние и измерение.

Библиография

1. Латинская Америка в системе международных экономических отношений / Отв. ред. Л. Н. Симонова. М.: ИЛА РАН, 2020. 486 с.
2. *Тайар В. М.* Латиноамериканский регионализм и торговые соглашения с Евросоюзом: опыт и подходы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2021. Т. 29. № 2. С. 413–425.
3. *Тайар В. М.* ЕС — Латинская Америка: переход на конструктивную модель сотрудничества // Современная Европа. 2020. № 6(99). С. 90–100.
4. *Тайар В. М.* Евросоюз и Латинская Америка в контексте межрегионального взаимодействия // Современная Европа. 2019. № 4(90). С. 16–27.
5. *Тайар В. М.* Европейский союз и Латинская Америка: межрегиональное экономическое взаимодействие в XXI веке // Актуальные проблемы Европы. 2018. № 3. С. 23–43.
6. *Тайар В. М.* Трансатлантическое партнерство и Латинская Америка: возможности и риски // Латинская Америка. 2016. № 6. С. 18–29.
7. *Тайар В. М.* Евросоюз — Меркосур: стратегическое партнерство // Латинская Америка. 2007. № 5. С. 28–36.
8. América Latina — Europa: la “otra” relación transatlántica. Servicio europeo de Acción Exterior. Brussels, 19.10.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://eeas.europa.eu/> (дата обращения: 10.10.2021).
9. *Ayuso A.* Claves para reactivar la asociación UE-CELAC y encauzar la globalización del futuro // CIDOB notes internacionales 247. Barcelona, marzo 2021 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cidob.org> (дата обращения: 10.10.2021).
10. *Banchón M.* Finanzas y vacunas: o Europa coopera con Latinoamérica, o todo irá peor // Deutsche Welle. 06.11.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dw.com/es/> (дата обращения: 10.10.2021).
11. La Inversión Extranjera Directa en América Latina y el Caribe // CEPAL. Santiago, 2020. P. 12.
12. Perspectivas del comercio internacional de América Latina y el Caribe // CEPAL. Santiago, enero 2021.
13. Comunicación conjunta al Parlamento Europeo y al Consejo. La Unión Europea, América Latina y el Caribe: aunar fuerzas para un futuro común // Servicio europeo de Acción Exterior. Brussels, abril 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://eeas.europa.eu/sites/default/files/2_es_with_banner.pdf (дата обращения: 10.10.2021).
14. Commission sets course for an open, sustainable and assertive EU trade strategy // European Commission. Brussels, 18 February 2021 [Электронный ресурс]. URL: <http://trade.ec.europa.eu/doclib/press/index.cfm?id=2243> (дата обращения: 10.10.2021).
15. La UE y América Latina y el Caribe: aunar esfuerzos frente a la COVID-19. Servicio europeo de Acción Exterior. Brussels, 24.04.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://eeas.europa.eu/> (дата обращения: 10.10.2021).
16. *Molina I.* España en el mundo en 2020: perspectivas y desafíos para el año del coronavirus // Elcano Policy Paper. Real Instituto Elcano, marzo 2020 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.realinstitutoelcano.org> (дата обращения: 10.10.2021).

Н. П. Кононкова, Н. В. Полавская¹

КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

COMMERCIALIZATION OF THE RESULTS OF INTELLECTUAL ACTIVITY AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF THE PHARMACEUTICAL INDUSTRY IN LATIN AMERICA

Resumen: El artículo está dedicado al estudio del sistema de comercialización de los resultados de la actividad intelectual (RAI) en la industria farmacéutica de los países de AL. Se caracterizan sucintamente los problemas fundamentales y puntos de crecimiento del desarrollo innovador de la economía de la región, se argumenta el significado de la comercialización de RAI para el desarrollo de la industria farmacéutica. Se presta especial atención a la importancia prioritaria de elevar la actividad innovadora en los ámbitos socialmente significativos cuando la región experimente problemas económicos en su desarrollo y bajos ingresos de la población. Los autores analizan las medidas emprendidas por los gobiernos de los países de AL en el período comprendido entre 2000 y 2020 con el objetivo de impulsar el desarrollo innovador de la industria farmacéutica y valoran la eficacia de los modelos escogidos de comercialización: imitativo, cerrado y abierto. Acorde con el análisis efectuado se tipificó los países en función del modelo elegido. Como las mejoras prácticas se destacan los mecanismos del modelo abierto de comercialización de RAI, que incluyen el Partenariado para elaborar un producto (PEP) y clústeres innovadores que permiten superar la limitación de recursos y usar con eficacia los medios financieros de diversos participantes interesados en crear productos innovadores.

Palabras clave: comercialización de RAI en los países de AL; industria farmacéutica; innovaciones abiertas; innovaciones cerradas; innovaciones imitativas; actividad de patentamiento.

Abstract: This article examined the system of commercialization of the results of intellectual activity (RIA) in the pharmaceutical industry in the Latin American region. The paper briefly describes the main problems and growth points of innovative development of the economy of the region, analyzes the importance of the RIA commercialization for the pharmaceutical industry development. Particular attention is focused on the importance of increasing innovation activity in socially significant sectors in connection with the problems of economic development of the region and low incomes of the population. Authors give analysis of the measures taken by the Latin America governments from 2000 to 2020 to stimulate the innovative development of the pharmaceutical industry and assessment of the effectiveness of the selected commercialization models — imitation, closed and open ones. The typology of countries is given depending on the selected model. The mechanisms of the open model of RIA commercialization, including Product Development Partnerships (PDP) and innovation clusters, are highlighted as the best practices, as they allow overcome resource constraints and effectively use financial resources of various stakeholders to create innovative products.

¹ **Кононкова Наталья Петровна**, Россия, соавтор, доктор экономических наук, доцент экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (nrkononkova@econ.msu.ru),

Полавская Наталия Владимировна, Россия, соавтор, аспирант кафедры экономики инноваций экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (polavskayanv@gmail.com).

Key words: commercialization of intellectual activity results in Latin America; pharmaceutical industry in Latin America; open innovation; closed innovation; imitation innovation; patent activity.

Особенности фармацевтической отрасли в Латинской Америке

К началу XXI в. развитие фармацевтической отрасли (далее — ФО) стало одним из приоритетных направлений государственной политики многих стран Латинской Америки (далее — ЛА), о чем свидетельствует значительное увеличение государственных инвестиций в отрасль. В период с 2000 по 2018 гг. государственные расходы на здравоохранение на душу населения в регионе выросли в 2,5 раза и составили 730 долл. США в год. Для сравнения аналогичный показатель в России в 2018 г. составил 609 долл. США².

Внимание правительств к здравоохранению объясняется тем, что экономика ЛА характеризуется неоднородностью развития и общими структурными проблемами, такими, как неравенство доходов населения, недостаточно эффективные институты, неравномерное распространение цифровых технологий, недостаточное развитие инфраструктуры.

Особенностью региона является слабая система защиты прав интеллектуальной собственности (далее — ИС), снижающая его привлекательность для иностранных инвесторов. В Бразилии, например, срок от подачи заявки на патент до начала ее рассмотрения является беспрецедентно длительным и составляет в среднем 95,4 месяца. В условиях бюрократической отсрочки некоторые компании продают незапатентованные лекарственные препараты (далее — ЛП)³. В Аргентине специалисты указывают на длительность и сложность процесса предварительного судебного запрета, направленного на прекращение реализации продукта, нарушающего права ИС⁴. Во всех странах региона отмечается отсутствие эффективных методов экспертизы патентных заявок на соответствие национальному и международному законодательству и нехватка квалифицированных специалистов⁵.

Исследователи обращают внимание на то, что судебная система допускает случаи, квалифицируемые в развитых экономиках как нарушение прав ИС. Практика показывает, что суды обычно встают на сторону местных производителей. В Бразилии и Аргентине нередко отмечались случаи аннулирования действующего патента на оригинальный ЛП, чтобы открыть возможность производства дженериков. Аргентина, Колумбия, Мексика, Бразилия, Боливия включены в список надзора США как страны, нарушающие права ИС⁶.

Приведенные примеры сигнализируют о необходимости реформирования системы защиты прав ИС для успешной интеграции ФО региона в международные процессы коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности (далее — РИД).

Анализ показателей инновационной активности в регионе позволяет выделить сильные и слабые стороны экономик стран ЛА в контексте развития ФО. Наибольшим экономическим потенциалом по показателям ВВП обладают Бразилия и Мексика. При этом по показателю «Индекс человеческого развития», который позволяет оценить степень социальной направленности государственной политики, из стран ЛА первые три места занимают Чили, Аргентина и Уругвай. Эти же страны отличаются самыми высокими

² The World Bank data [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator> (дата обращения: 08.06.2021).

³ Fogaça Vieira M., Costa Chaves G. The Patent paradox in Brazil. 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.accessibsa.org> (дата обращения: 28.11.2020).

⁴ Wilsdon T. The economic impact of changing the environment for innovation in Argentina — Applying the lessons of Asia to Latin America // The Journal of World Intellectual Property. 2020. No. 8.

⁵ Haar J. Ecosystems of Innovation: The Case of Biotechnology in Argentina. New York, 2017. P. 19 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wilsoncenter.org> (дата обращения: 30.08.2021).

⁶ Pozzi S. EE.UU. señala a cuatro países latinoamericanos por violar la propiedad intelectual. Madrid, 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://elpais.com/economia> (дата обращения: 10.02.2021).

показателями государственных расходов на здравоохранение, на 2008 г. в среднем — 1391 долл. США на душу населения в год⁷.

Уровень инвестиций в НИОКР сравнительно низкий во всех странах региона. Лишь в Бразилии интенсивность инвестиций в НИОКР сопоставима с такими европейскими странами, как Португалия и Испания. Дефицит как государственных, так и частных инвестиций в научные исследования выступает существенным ограничителем развития интеллектоемких отраслей.

По качеству научной базы можно выделить Бразилию, Аргентину, Чили и Уругвай. Эти страны лидируют по количеству научных сотрудников, а также по количеству публикаций научных статей с относительно высоким индексом цитирования⁸. При этом большинство научных сотрудников и исследователей работают в государственном секторе. В Аргентине, например, по данным за 2017 г. число исследователей, занятых в государственных организациях, превысило 90 %⁹.

Данные по количеству заявок на патенты свидетельствуют о низкой патентной активности резидентов, что объясняется серьезными пробелами в системе защиты прав ИС. Лидирующие по количеству патентных заявок Бразилия и Чили (23,6 и 21,4 заявки на млн чел. соответственно) в несколько раз отстают по данному показателю от стран ОЭСР (в среднем 605 патентных заявок на млн чел.)¹⁰ и США (868,6 заявок на млн чел.).

По платежам за ИС и доходам лидируют Аргентина и Бразилия, они демонстрируют определенные достижения в сфере коммерческого обмена правами на РИД между экономическими субъектами.

На основе анализа основных показателей можно сделать вывод, что в приоритете государственной политики Венесуэлы, Перу, Боливии, Парагвая и Колумбии — экстенсивный рост производства, не предполагающий активную государственную поддержку интеллектоемких отраслей и ФО. Перечисленные страны пока не демонстрируют опыт активного внедрения моделей коммерциализации для развития социальных отраслей, поэтому наибольший интерес в контексте рассматриваемой проблемы представляет опыт Бразилии, Аргентины и Мексики, ориентированных на инновации и приоритет интенсивного роста производства.

Модели коммерциализации РИД в странах ЛА

В странах ЛА коммерциализация РИД становится важным фактором экономического роста. Под коммерциализацией мы понимаем процесс вовлечения РИД в экономические отношения в качестве ресурса или товара с целью приращения интеллектуального и финансового капитала.

Теоретическое обобщение опыта стран ЛА по развитию ФО позволило выделить три модели коммерциализации РИД — имитационную, закрытую и открытую.

В 2000–2015 гг. широкое распространение в этих странах получила имитационная модель. Она состоит в проведении компаниями собственных разработок для создания копии оригинального продукта. В ФО это производство дженериков — ЛП, содержащих активный компонент, идентичный уже запатентованному, и являющихся более дешевыми аналогами импортных запатентованных препаратов. В условиях дефицита инвестиций в НИОКР, фрагментарности базы собственных разработок, а также высокой стоимости оригинальных ЛП и ограничения доступа к технологиям их производства имитационная модель становится приемлемым решением для развития ФО в развивающихся экономиках.

⁷ Дьякова Л. В. Политика в отношении детей и пожилых людей в «стареющих» Чили и Уругвае // Латинская Америка. 2020. № 11. С. 6.

⁸ Wilsdon, op. cit., p. 10.

⁹ Idem.

¹⁰ The World Bank data [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator> (дата обращения: 08.06.2021).

В рамках мер, институализирующих имитационную модель, были приняты специальные законы о дженериках, регулирующие производство, клинические испытания, процедуру исследования эквивалентности и получение допуска ЛП на рынок. Также действуют госпрограммы по продвижению дженериков отечественного производства. Доля дженериков на фармрынке ЛА в настоящее время составляет около 80 % в количественном и 65 % в денежном выражении. За десять лет, начиная с 2006 г., она увеличилась на 15 % и 20 % соответственно¹¹, что является результатом предпринимаемых правительством стимулирующих мер.

Последствия расширения производства дженериков оказались неоднозначными. К положительным можно отнести поддержку национального фармпроизводства, ежегодный стабильный рост фармацевтического рынка, обеспечение населения жизненно важными лекарственными препаратами (далее — ЖВЛП), повышение качества отечественной продукции и расширение инновационного портфеля производителей, к негативным — формирование практики слабой защиты прав ИС, снижающей привлекательность отрасли для иностранных инвесторов, а также низкий уровень мотивации компаний к собственным инвестициям в НИОКР для прорывных инноваций.

Стимулирование производства дженериков стало одной из успешных инициатив стран региона, а имитационная модель способствовала техническим преобразованиям отрасли и созданию фундамента для собственных научных разработок. Однако для дальнейшей интеграции ФО ЛА в мировую экономику требовались новые решения. Из-за обязательств стран — участниц Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности с 2016 г. некоторые возможности национальных производителей ограничивались, поскольку они должны были обеспечивать патентную защиту ЛП и теряли возможность производства дженериков на ЛП с действующим патентом.

Для развития закрытой модели коммерциализации РИД, означающей создание уникальных технологий внутри компании без привлечения внешних ресурсов, нужны специальные меры по стимулированию инвестиций в НИОКР. В целях финансирования НИОКР Мексика, Аргентина, Колумбия и Бразилия, например, ввели специальные налоги на табак, алкоголь, импортные ЛП и азартные игры, средства от уплаты которых направлялись в фонды финансирования инноваций в ФО¹², активно подключая к инновационному процессу государственные лаборатории и университеты.

В странах ЛА распространены специфические заболевания, такие как малярия, лихорадка денге, желтая лихорадка. При этом ни одна частная локальная фармацевтическая компания не занимается разработкой ЛП, направленных на их лечение¹³. Исследования по тропическим и другим заболеваниям ведут исследовательские институты, университеты и государственные лаборатории в Бразилии, Аргентине, Колумбии. Для стимулирования НИОКР в коммерческих фармацевтических компаниях некоторые страны приняли дополнительные меры. В частности, в Бразилии в 2010 г. был принят закон, закрепляющий при госзакупках обязательную маржу в 25 % на ЛП, являющиеся результатом внутренних инноваций¹⁴.

Вместе с тем, закрытая модель не получила широкого распространения в регионе. Несколько крупных фармкомпаний следовали закрытой стратегии, поскольку она позволяла сохранить конкурентоспособность на внутреннем рынке и вытеснить транснациональные компании. Однако, как показала практика, аккумуляция новых знаний и технологий

¹¹ Long D. Global Generic and Biosimilars Trends and Insights. 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://accessiblemeds.org> (дата обращения: 20.04.2021).

¹² Innovative Funding for Medicines in Latin America 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iqvia.com> (дата обращения: 08.01.2021).

¹³ Coker R., Atun R., McKee M. Health systems and infectious disease issues: experience in Europe and Latin America. 2009 [Электронный ресурс]. URL: https://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0006/98394/E91946R.pdf (дата обращения: 15.12.2020).

¹⁴ Ley N 12.349 de 16.12.2010 [Электронный ресурс]. URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_Ato2007-2010/2010/Lei/L12349.htm (дата обращения: 17.07.2021).

несколькими лидерами ФО существенно ограничивало доступ малых и средних предприятий к инновациям. Стало очевидным, что в современной полицентричной экономике закрытая модель не гарантирует конкурентного развития отрасли.

Более современной и эффективной оказалась открытая модель коммерциализации, которая позволяет снижать внутренние затраты компании, повышать интенсификацию НИОКР и сокращать время выхода продукта на рынок. Открытая модель предполагает создание новых технологий и продуктов в результате непрерывного обмена и распределения прав на РИД между коммерческими компаниями, государством и научным сообществом. Она включает разные формы взаимодействия, повышающие интенсивность обмена инновациями, такие как: нетворкинг, краудсорсинг решений, неформальные и контрактные отношения, создание спин-оффов и спин-аутов.

Важным положительным эффектом открытой модели является возможность решать актуальную для ФО проблему невостребованных РИД. По статистике, из всех веществ, участвующих в доклинических разработках, только 2 % становятся зарегистрированными препаратами¹⁵. Остальные 98 % оказываются недостаточно эффективными. При открытой модели многие из них могут найти альтернативное применение.

Наконец, положительным эффектом открытой модели является формирование «экосистемы», устойчивой сети взаимодействия и культуры обмена РИД, что, в целом, повышает адаптацию отрасли к вызовам внешней среды.

Наиболее успешным является опыт внедрения механизмов открытой модели в Бразилии, включая Партнерства по разработке продукта (ПРП), отраслевые кластеры и спин-оффы университетов.

Механизм ПРП представляет собой разновидность государственно-частного партнерства. Агрегатором ПРП является некоммерческая организация, которая выстраивает партнерские отношения между частным сектором, государством, научными организациями и некоммерческим сектором для организации проекта по разработке необходимого ЛП. Финансирование привлекается от государства и некоммерческих организаций, а интеллектуальные и материальные ресурсы — от научно-исследовательских учреждений и коммерческих компаний.

Одна из действующих в Бразилии форм ПРП — партнерство между коммерческой международной организацией, бразильской государственной лабораторией и министерством здравоохранения. Коммерческая организация разрабатывает и производит ЛП, используя ресурсы бразильской лаборатории, с последующей передачей (через 10 лет) прав ИС. С министерством здравоохранения существует договоренность о гарантированном объеме закупок выпускаемого ЛП. Примером ПРП является BioNovis — совместное предприятие четырех бразильских фармацевтических компаний, которое инвестировало более 130 млн долл. США в научные проекты лаборатории биологических препаратов, и основная часть продукции уже продана Министерству здравоохранения Бразилии¹⁶.

По данным бразильских аналитиков, к 2015 г. в Бразилии в фармацевтическом, медицинском и биотехнологическом секторах уже действовало 104 партнерства¹⁷. По многим проектам ПРП организованы клинические исследования, разработка продуктов и строительство новых промышленных мощностей. Их развитие показало, что, представляя собой деловое сотрудничество между разными субъектами экономических отношений, ПРП повышают эффективность и результативность НИОКР, снижая при этом общий объем инвестиций. Преимуществом такого сотрудничества является эффективное использование национального научно-технического и ресурсного потенциала наравне с передовыми иностранными знаниями, технологиями и опытом.

¹⁵ Власов Д. Долгий путь от молекулы до лекарства: как пройти его максимально эффективно // Интерфакс. 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://academia.interfax.ru> (дата обращения: 23.12.2020).

¹⁶ Kershaw A. Transforming the Brazilian domestic pharma industry through PDPs. 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://ihsmarkit.com/research-analysis/transforming-the-brazilian-domestic-pharma-industry-through-pdps.html> (дата обращения: 01.04.2021).

¹⁷ Idem.

Очевидными результатами внедрения практики ПРП в Бразилии стали активное развитие биотехнологического сектора, повышение инвестиционной привлекательности ФО для иностранных партнеров и заметное сокращение государственных расходов на фармацевтику.

Поддержка открытых инноваций в Бразилии осуществляется посредством организации отраслевых кластеров. Между компаниями кластера происходит постоянный обмен знаниями, что способствует акселерации развития технологий в отрасли. В фармкластере Minas Gerais компании и лаборатории ведут активную исследовательскую деятельность в области медицины, фармакологии и биотехнологий. В рамках кластера сотрудничают государственные компании, инвестиционные компании, коммерческие национальные и международные организации.

Эксперты отмечают, что в Бразилии, как и во многих развивающихся экономиках, в государственных научных учреждениях сосредоточена значительная часть научных исследований и разработок. Коммерциализация РИД университетов организована путем привлечения их ресурсов к разработке фармацевтической продукции через механизмы партнерства либо путем заключения лицензионных соглашений с установленными ставками роялти, либо путем образования спин-оффов. Исследования университетов Бразилии ведут к выделению биотехнологических спин-оффов, специализирующихся на продуктах, основанных на богатых ресурсах региона Амазонки¹⁸.

Благодаря внедрению открытой модели Бразилия заняла ведущее место в регионе по развитию ФО, а также успешно интегрируется в мировую экономику. Ее пример демонстрирует успехи за счет применения эффективных подходов к коммерциализации РИД, позволяющих подключать разных субъектов бизнеса к инновационной деятельности.

Основные выводы

Исследование опыта стран ЛА показало, что ключевыми точками роста ФО являются научно-техническая база, ресурсный потенциал, нереализованный потенциал насыщения рынка, степень взаимодействия науки, бизнеса и государства. Вместе с тем, одним из основных драйверов роста ФО как интеллектоемкой и социально значимой отрасли становится коммерциализация РИД, реализуемая посредством разных моделей — имитационной, закрытой и открытой.

Успешное внедрение имитационной модели позволило странам ЛА за сравнительно короткий период решить социально значимые задачи государственной политики, обеспечив доступ населения к ЖВЛП и поддержав позиции отечественных производителей на внутреннем рынке. Вместе с тем, оно не стимулировало создание прорывных инноваций.

Закрытая модель коммерциализации, способная обеспечить прорывные инновации, в силу дефицита частных инвестиций не получила масштабного распространения. Она нашла применение в финансируемых государством университетах и лабораториях, ведущих фундаментальные научные исследования по поиску ЛП и вакцин, направленных против специфических, локализованных в регионе заболеваний.

Поиск оптимальных мер поддержки отрасли в условиях недостаточного потребительского спроса и низкой инвестиционной активности компаний привел к необходимости реализации открытой модели коммерциализации, которая получила наибольшее распространение в Бразилии. Открытая модель снимает ресурсные ограничения, эффективно используя финансовые ресурсы разных заинтересованных участников для создания инновационных продуктов.

Наиболее успешным механизмом реализации открытой модели является механизм ПРП, который в странах региона обеспечивает эффективное использование имеющейся

¹⁸ Lehman B. The Pharmaceutical Industry and the Patent System. 2003. P. 13. [Электронный ресурс]. URL: https://users.wfu.edu/mcfallta/DIR0/pharma_patents.pdf (дата обращения: 12.05.2021).

научно-технической базы, оптимизацию процесса финансирования инноваций, получение доступа к передовым зарубежным технологиям и знаниям, а также способствует повышению инвестиционной привлекательности региона для иностранных партнеров.

В целом опыт стран ЛА по внедрению моделей коммерциализации РИД показывает, что в современных условиях важно внедрять работающие механизмы инновационного развития, чтобы сократить разрыв, отделяющий экономику развивающихся стран от наиболее развитых экономик мира.

Библиография

1. The World Bank data [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator> (дата обращения: 08.06.2021).
2. *Fogaça Vieira M., Costa Chaves G.* The Patent paradox in Brazil, 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.accessibsa.org> (дата обращения: 28.11.2020).
3. *Wilsdon T.* The economic impact of changing the environment for innovation in Argentina — Applying the lessons of Asia to Latin America // *The Journal of World Intellectual Property*. 2020. No. 8.
4. *Haar J.* Ecosystems of Innovation: The Case of Biotechnology in Argentina. New York, 2017. P. 19 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wilsoncenter.org> (дата обращения: 30.08.2021).
5. *Pozzi S.* EE.UU. señala a cuatro países latinoamericanos por violar la propiedad intelectual. Madrid, 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://elpais.com/economia> (дата обращения: 10.02.2021).
6. *Дьякова Л. В.* Политика в отношении детей и пожилых людей в «стареющих» Чили и Уругвае // *Латинская Америка*. 2020. № 11. С. 6.
7. *Long D.* Global Generic and Biosimilars Trends and Insights. 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://accessiblemeds.org> (дата обращения: 20.04.2021).
8. Innovative Funding for Medicines in Latin America 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iqvia.com> (дата обращения: 08.01.2021).
9. *Coker R., Atun R., McKee M.* Health systems and infectious disease issues: experience in Europe and Latin America. 2009 [Электронный ресурс]. URL: https://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0006/98394/E91946R.pdf (дата обращения: 15.12.2020).
10. Ley N 12.349 de 16.12.2010 [Электронный ресурс]. URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_Ato2007-2010/2010/Lei/L12349.htm (дата обращения: 17.07.2021).
11. *Власов Д.* Долгий путь от молекулы до лекарства: как пройти его максимально эффективно // *Интерфакс*. 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://academia.interfax.ru> (дата обращения: 23.12.2020).
12. *Kershaw A.* Transforming the Brazilian domestic pharma industry through PDPs. 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://ihsmarkit.com/research-analysis/transforming-the-brazilian-domestic-pharma-industry-through-pdps.html> (дата обращения: 01.04.2021).
13. *Lehman B.* The Pharmaceutical Industry and the Patent System. 2003. [Электронный ресурс]. URL: https://users.wfu.edu/mcfallta/DIR0/pharma_patents.pdf (дата обращения: 12.05.2021).

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ СО СТРАНАМИ ИБЕРОАМЕРИКИ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

RELATIONS OF RUSSIA WITH THE COUNTRIES OF IBERO-AMERICA: CONTINUITY AND NEW CHALLENGES

Я. В. Белозеров¹

ГАЙАНА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

GUYANA IN THE POST-SOVIET SPACE

Resumen: El artículo está dedicado a la relación política y económica de la República Cooperativa de Guyana con los países del espacio postsoviético. Se consideran oportunidades clave para la interacción entre países. Y aquellas plataformas en las que los estados del espacio postsoviético interactúan con la República de Guyana. Se muestra que Guyana no se limita a un socio político o económico. Busca activamente la interacción con todos los estados. Desarrolla todas las áreas posibles de cooperación. A pesar de que muchas áreas están en su infancia, los representantes guyaneses están negociando activamente con el objetivo de establecer, siempre que sea posible, una interacción bilateral entre los países. Crear un diálogo pleno y, en última instancia, fuertes lazos políticos y económicos. De esta manera, los guyaneses establecen varias conexiones en diferentes regiones del mundo. Se las arreglan para encontrar puntos de contacto comunes con representantes de muchos países. Con países que profesan el Islam para encontrar correligionarios con países que abogan por la preservación de la integridad del territorio y los derechos de las personas y los pueblos a una vida segura también encuentran una respuesta. Cooperación técnica y económica. Por ejemplo, Letonia y Lituania están atrayendo a los guyaneses por su éxito en la electrónica. Armenia en la lucha por los derechos humanos. Kirguistán está interesado en una ecología limpia.

Palabras clave: Guyana en el espacio postsoviético; Países de la CEI; países de la ex Unión Soviética; CARICOM; CIS; Países bálticos; Georgia; Armenia; Azerbaiyán; Kazajstán; Moldavia; Turkmenistán; Tayikistán; Uzbekistán; Kirguistán; Guayana; Ucrania.

¹ Белозеров Ярослав Владимирович, Россия, специалист-исследователь ФМО, СПбГУ (ronin203@mail.ru).

Abstract: The article is devoted to the political and economic relationship of the Cooperative Republic of Guyana with the countries of the post-Soviet space. Key opportunities for interaction between countries are considered. And those platforms on which the states of the post-Soviet space interact with the Republic of Guyana. It is shown that Guyana is not limited to one political or economic partner. He is actively looking for interaction with all states. Develops all possible areas for cooperation. Despite the fact that many areas are in their infancy, Guyanese representatives are actively negotiating with the goal of establishing, whenever possible, bilateral interaction between the countries. Create a full-fledged dialogue and, ultimately, strong political and economic ties. In this way, the Guyanese establish various connections in different regions of the world. They manage to find common points of contact with representatives of many countries. With countries professing Islam to find co-religionists with countries advocating the preservation of the integrity of the territory and the rights of people and peoples to a safe life also find a response. Technical and economic cooperation. For example Latvia and Lithuania are attracting Guyanese for their success in electronics. Armenia in the fight for human rights. Kyrgyzstan is interested in clean ecology.

Key words: Guyana in the post-Soviet space; CIS countries; countries of the former Soviet Union; CARICOM; CIS; Baltic countries; Georgia; Armenia; Azerbaijan; Kazakhstan; Moldova; Turkmenistan; Tajikistan; Uzbekistan; Kyrgyzstan; Guyana; Ukraine.

Начнем рассмотрение международных связей Гайаны на постсоветском пространстве со стран Балтии. Эти страны первыми отделились от СССР и активно противопоставляли и до сих пор противопоставляют себя сначала СССР, а потом России. Гайана же активно стремилась к взаимодействию со всеми странами.

Эстония. Согласно информации сайта МИД Гайаны, дипломатические отношения с Эстонией были установлены 19 апреля 1997 года. Сами же связи до недавнего времени были незначительными. Соглашение о двустороннем сотрудничестве в области телекоммуникаций подписано 17 октября 2018 г.

В основном отношения между Эстонией и Гайаной касаются двусторонней торговли. Согласно данным ООН COMTRADE по международной торговле, импорт Гайаны из Эстонии в 2020 году составил 43,02 тыс. долл. США.

Наиболее значимым за последние 5 лет был импорт в 2017 г. Гайана импортировала зерновые, муку, крахмал, молочные продукты на сумму 144,29 тыс. долл. США, экспортировала на сумму свыше 38 тыс. долл. США. Причем значимое место занял экспорт транспортных средств на сумму свыше 35 тыс. долл. США. Самый большой за последние 5 лет экспорт был в 2015 г. Экспортировались руды и шлаки на сумму 968,94 тыс. долл. США.

Латвия. Дипломатические отношения между Гайаной и Латвией, согласно сайту Латвийской республики, были установлены 16 марта 2003 г. Сотрудничество между Гайаной и Латвией осуществляется в основном через международные организации. Например, через комитет ООН по правам человека, куда входят обе страны. В том числе происходит взаимодействие с КАРИКОМ, диалог с которым является для Латвии одной из ключевых задач. 1 марта 2021 г. прошли политические консультации между Гайаной и Латвией. Целью было усиление политического сотрудничества и развитие экономических отношений, в частности, в области цифровых технологий.

Пик экспорта из Латвии в Гайану за последние годы приходится на 2018 г. Латвия экспортировала котлы и машины на сумму 88,93 тыс. долл. США. Гайана же экспортировала в 2018 году видео- и карточных игр на сумму свыше 2,5 тыс. долл. США. За последние 20 лет максимальная сумма экспорта Гайаны приходится на 2011 г. — 4,97 тыс. долл. США. Экспортированы были ниобий, тантал, ванадий и циркониевая руда.

Литва. 26 января 2012 года Гайана и Литва установили дипломатические отношения, в 2018 году посол Литвы вручил верительные грамоты представителю КАРИКОМ в ООН. Были обсуждены вопросы, касающиеся прав человека, укрепления сотрудничества Литвы и Карибского сообщества, а также развития торговых отношений.

Гайана экспортировала рис на сумму 700 тыс. долл. США в Литву в 2019 г. Импортировала же на сумму 741 тыс. долл. США: свыше 633 тыс. долл. США —

минеральные удобрения, 66,3 тыс. долл. США — животноводческая продукция, 34,9 тыс. долл. США — пластмассы и каучуки.

С образовавшимися на месте бывших южных республик СССР государствам у Гайаны также имеются в основном торговые отношения.

Грузия. Дипломатические отношения были установлены 23 апреля 2012 г. Происходит сотрудничество в политических, правовых и экономических областях. Политические консультации осуществляются через иностранные агентства стран. В 2017 г. на встрече в кулуарах Генассамблеи ООН посол Грузии Михаил Джанелидзе обсудил с послом Гайаны развитие сотрудничества в области образования, туризма и контактов между людьми.

Экспорт Гайаны в Грузию в 2018 году составил 15,8 тыс. долл. США, максимум за последние годы — 2016 г.: изделия из чугуна или стали — 17,3 тыс. долл. США. Импорт Гайаны из Грузии в 2020 году составил 11,9 тыс. долл. США. Максимум последних лет пришелся на 2011 г.: стекло и изделия из него на сумму 14,54 тыс. долл. США.

Армения. Дипломатические отношения между Республикой Армения и Кооперативной Республикой Гайана установлены 24 октября 2003 года.

Сотрудничество между Гайаной и Арменией осуществляется через международные организации. В качестве примера приведем выступление 15 февраля 2017 г. Постоянного представителя Республики Армения при ООН, посла Зограба Мнацаканяна, в котором он отметил необходимость уважать права людей и народов. Представители Гайаны также приняли участие в обсуждении этой злободневной повестки дня.

Экспорт Гайаны в Армению в 2019 г. составил 7,05 тыс. долл. США. Основная категория — запчасти для машин и музыкальные инструменты на сумму 1,3 тыс. долл. США, а также алюминий на сумму 1,32 тыс. долл. США.

Обращает внимание, что торговля со многими из бывших республик СССР с Гайаной происходит не по нарастающей и убывающей экспоненте, скорее здесь годилась бы модель с использованием флуктуации, когда в один год может быть крупный импорт или экспорт или же сравнительно небольшие объемы товарообмена, а в другой — их полное отсутствие.

Азербайджан. С Азербайджаном Гайана установила дипломатические отношения 9 января 1995 года, в 2020 г. отмечалось 25-летие отношений. Отмечался интерес к двустороннему сотрудничеству между странами, касающемуся территориальной целостности государств.

Импорт Гайаны из Азербайджана в 2020 году составил 74,48 тыс. долл. США. В качестве поставок были машины и котлы. Экспорт в 2016 г. — пиломатериалы на сумму 133 тыс. долл. США.

Украина. 15 ноября 2001 г. были заключены дипломатические отношения между Гайаной и Украиной, но какого-либо особого развития отношений между странами нет, как и преференций между гражданами обоих государств. Например, для поездок граждан Гайаны на Украину нужна виза, а с 2018 г. необходимо сдавать биометрические данные.

Экспорт Гайаны на Украину в 2020 году составил 1,62 млн долл. США — руды, шлаки и зола. Импорт Гайаны из Украины в 2020 году составил 1,71 млн долл. США, в том числе животные, растительные жиры и масла, продукты расщепления на сумму 710,89 тыс. долл. США.

Туркменистан. Несмотря на установление дипломатических отношений еще 11 июня 1997 г., развития они фактически не получили. Имеют место присоединение к общемировым договорам и соглашения без выделения Туркменистаном преференций для Гайаны.

Таджикистан. В Таджикистане принято постановление о предоставлении гражданам ряда государств визы в упрощенном порядке, в том числе и гражданам Гайаны.

Интерес к Латинской Америке и Карибскому бассейну нашел отражение и в документе ООН «Латинская Америка и Карибский бассейн: экономическое положение и перспективы, 2008–2009 годы». Таким образом, можно констатировать большую по сравнению с Туркменистаном заинтересованность Таджикистана в двусторонних отношениях с Гайаной.

В 2014 г. Гайана импортировала из Таджикистана обработанные овощи на сумму 1,39 тыс. долл. США.

Узбекистан. Граждане Гайаны не относятся к категории лиц, имеющих право на безвизовый въезд в Узбекистан, но они могут получить визы в упрощенном порядке. Так, согласно документу на сайте МИД Узбекистана, Гайана значится семнадцатой страной в списке на получение упрощенной электронной визы. В качестве транзитных пассажиров гайанцы могут обойтись без виз, в этом списке Гайана значится тринадцатой страной.

В 2017 г. Гайана экспортировала в Узбекистан пиломатериалов на 17 тыс. долл. США и животных на 2,78 тыс. долл. США.

Киргизия. Дипломатические отношения между Гайаной и Киргизией были установлены 23 сентября 2016 г. Опубликовано совместное коммюнике. В ООН в 2021 г. Киргизией была инициирована новая резолюция о биологическом разнообразии. Она была поддержана всеми 60 государствами-членами, в том числе Гайаной.

Каких-то иных, помимо общемировых, договоров между странами не выявлено. Торговые связи незначительны, в 2018 и 2019 гг. импорта в Гайану практически не было. В 2018 г. были закуплены товары на сумму 646 долл. США, из которых 513 долл. США — печатные материалы. Что касается экспорта, Гайана поставила в 2019 г. крепкий ликер на сумму 2,13 тыс. долл. США.

Молдова требует от представителей ряда стран, в том числе Гайаны, наличие виз. Молдова присоединилась к европейской конвенции, признающей рыбную продукцию Гайаны и ряда других стран пригодной к употреблению людьми, что позволяет ввозить гайанские морские продукты в Молдавскую республику.

Самый большой экспорт Гайаны в Молдову был в 2016 г. на сумму 35,9 тыс. долл. США. В 2011 г. Гайана импортировала крепкий ликер на сумму 151 долл. США.

Беларусь. Гайана импортирует из Беларуси калийные удобрения, наиболее крупная покупка была в 2016 г. на сумму 1,27 млн долл. США. В 2018 г. Гайана поставила товаров на сумму 29,5 тыс. долл. США, из них 25,8 тыс. долл. США — железная посуда, остальное — крепкий ликер.

Казахстан. На сайте МИД Казахстана представлена обширная информация о взаимоотношениях Казахстана с республикой Гайана, это отношения в формате КАРИКОМ и через исламские международные организации.

Выводы

Гайана активно взаимодействует с любыми экономическими и политическими партнерами, стараясь везде найти наиболее приемлемую для себя основу для развития двусторонних и многосторонних отношений.

Библиография

1. Guyana signs agreement with Estonia. October 17, 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://dpi.gov.gy/guyana-signs-agreement-with-estonia/> (дата обращения: 30.09.2021).
2. Guyana Imports from Estonia [Электронный ресурс]. URL: <https://tradingeconomics.com/guyana/imports/estonia> (дата обращения: 30.09.2021).
3. Guyana Exports to Estonia [Электронный ресурс]. URL: <https://tradingeconomics.com/guyana/exports/estonia> (дата обращения: 30.09.2021).
4. Cabinet Approves Nomination For Membership Of The Un Human Rights Committee [Электронный ресурс]. URL: <https://www.minfor.gov.gy/featured/cabinet-approves-nomination-for-membership-of-the-un-human-rights-committee> (дата обращения: 30.09.2021).
5. Political consultations take place between Latvia and Guyana [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mfa.gov.lv/en/article/political-consultations-take-place-between-latvia-and-guyana> (дата обращения: 30.09.2021).

6. Lithuania Establishes Diplomatic Relations With Guyana. Created: 2012.01.26. Updated: 2012.02.22 10:16 [Электронный ресурс]. URL: <https://urm.lt/default/en/news/lithuania-establishes-diplomatic-relations-with-guyana> (дата обращения: 30.09.2021).
7. Ambassador A. Plepytė presents her letters of credence to the Secretary-General of the Caribbean Community.
8. Created: 2018.05.25. Updated: 2018.05.25 09:07 [Электронный ресурс]. URL: <https://urm.lt/default/en/news/ambassador-a-plepyte-presents-her-letters-of-credence-to-the-secretary-general-of-the-caribbean-community> (дата обращения: 30.09.2021).
9. Relations between Georgia and the Co-operative Republic of Guyana Chronology of Diplomatic Relations. April 23, 2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://mfa.gov.ge/MainNav/ForeignPolicy/BilateralRelations/> (дата обращения: 30.09.2021).
10. Mikheil Janelidze continues to hold meetings with his colleagues within the framework of the UN General Assembly [Электронный ресурс]. URL: <https://mfa.gov.ge/News/gaero-s-generaluri-asambleis-farglebshi-mikheil-ja.aspx> (дата обращения: 30.09.2021).
11. Guyana Imports from Georgia [Электронный ресурс]. URL: <https://tradingeconomics.com/guyana/exports/georgia> (дата обращения: 30.09.2021).
12. Ambassador Mnatsakanyan participated in the UNSC Open Debate. 15 February, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mfa.am/en/press-releases/2016/02/15/un-amb-speech/5900> (дата обращения: 30.09.2021).
13. Guyana Exports to Armenia [Электронный ресурс]. URL: <https://tradingeconomics.com/guyana/exports/Armenia> (дата обращения: 30.09.2021).
14. What does Guyana import from Armenia? 2014 [Электронный ресурс]. URL: https://оес.world/en/visualize/tree_map/hs92/import/guy/arm/show/2014/ (дата обращения: 30.09.2021).

E. P. Новицкий¹

**ПЕРСПЕКТИВЫ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ
И РЕСПУБЛИКОЙ ПЕРУ НА ФОНЕ
АМЕРИКАНО-ПЕРУАНСКОГО
И КИТАЙСКО-ПЕРУАНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА**

**PROSPECTS FOR MILITARY-POLITICAL COOPERATION
BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC
OF PERU AGAINST THE BACKDROP OF US-PERUVIAN AND
CHINESE-PERUVIAN COOPERATION**

Resumen: La República del Perú ha sido un socio latinoamericano de la parte rusa desde los tiempos de la Unión Soviética, cuando los lazos militares y políticos eran una de las áreas clave en la interacción bilateral entre los países. La cooperación militar ruso-peruana recibió su mayor impulso en la segunda década del siglo XXI. Las perspectivas de una mayor cooperación político-militar pueden verse a través del prisma de los lazos ya establecidos por los estados, pero también tienen en cuenta factores como la voluntad del gobierno actual de un país de desarrollar el diálogo político y ampliar la cooperación político-militar con el gobierno actual del otro y viceversa; la disponibilidad de un presupuesto de defensa para ampliar la cooperación en áreas tan costosas como la compra de armamento y material bélico, el entrenamiento de personal en el extranjero, el empleo de instructores militares. Además, actores internacionales como China y Estados Unidos demuestran el interés activo en ampliar los contactos militares con la República del Perú. Por lo tanto, las perspectivas de cooperación militar y política entre Rusia y Perú deben considerarse en el contexto de la cooperación militar peruana con China y Estados Unidos, entre otros.

Palabras clave: Perú; Rusia; cooperación político-militar; perspectivas; EEUU; China.

Abstract: The Republic of Peru has been a Latin American partner of the Russian side since the days of the Soviet Union, when military and political ties were one of the key areas of bilateral interaction between the countries. Russian-Peruvian military cooperation received its greatest impetus in the second decade of the 21st century. Prospects for further military-political cooperation can be viewed through the prism of ties already established by the states, but such factors as the willingness of the current government of one country to develop political dialogue and expand military-political cooperation with the current government of the other and vice versa; the availability of a defense budget to expand cooperation in such expensive areas as procurement of weapons and military equipment, as well as training servicemen abroad and hiring military instructors also should be taken into account. In addition, international actors such as China and the United States demonstrate active interest in expanding military contacts with the Republic of Peru. Therefore, the prospects for military and political cooperation between Russia and Peru should be considered against the background of Peruvian military cooperation with China and the United States.

Key words: Peru; Russia; military-political cooperation; prospects; USA; China.

¹ Новицкий Евгений Романович, Россия, аспирант, Институт мировой экономики и международных отношений РАН (cubierto@mail.ru).

Российско-перуанское военно-политическое сотрудничество начало более активно развиваться в XXI веке и достигло своей высшей точки, когда у власти в Республике Перу находилось правительство О. Умалы (2011–2015): между странами были заключены разноплановые договоры и соглашения, а также контракты на поставки российского вооружения и военной техники (ВиВТ). В 2015 году главы государств России и Перу договорились вывести российско-перуанские отношения на уровень стратегического партнерства.

Наличие в перуанских вооруженных силах (ВС) советского и российского ВиВТ является одним из определяющих факторов для перспективного развития военно-политических связей между странами. Перуанские ВС до сих пор эксплуатируют значительное количество вооружения, которое было поставлено в рамках советской военно-технической помощи. Кроме того, Республика Перу приобретала уже у России значительные партии современного вооружения.

Тем не менее, последняя партия российской военной техники — вертолетов Ми-171Ш — была поставлена в перуанские ВС в рамках договора, подписанного еще в 2013 году, т.е. за последние 8 лет Россия и Перу не подписали ни одного нового контракта².

Снижение уровня взаимодействия в сфере поставок ВиВТ может быть связано с различными причинами: отсутствие необходимости в приобретении вооружения, нехватка бюджетных средств для нужд оборонного сектора и др. Кроме того, могут существовать и субъективные причины: незаинтересованность действующего правительства во взаимодействии с Россией, лоббирование интересов других крупных игроков на рынке вооружения, искусственно созданные третьими странами препятствия для заключения и реализации контрактов.

Так, в 2017 году в США был принят закон «О противодействии противникам Америки посредством санкций», в рамках которого были введены санкции в отношении физических лиц и предприятий, в том числе оборонных, Ирана, России и Северной Кореи. Санкции также могут быть применены против иностранных компаний, которые взаимодействуют с предприятиями из списка³.

А. Н. Пятаков, ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН, справедливо отмечает, что именно нежелание Перу попасть под возможные вторичные санкции в рамках данного закона привело к тому, что в 2019 году Республика Перу впервые за последнее десятилетие сменила страну-поставщика вертолетов типа «Ми» и приобрела 2 вертолета Ми-171Ш у белорусской компании «Белспецвнештехника»⁴.

Таким образом, закон о противодействии противникам Америки препятствует реализации стандартного механизма поставок российской военной техники, что полностью соответствует интересам США.

Основными формами военно-политического сотрудничества между США и Перу являются: поставки американского ВиВТ в Перу, обучение перуанских военнослужащих в военных училищах США, направление американских инструкторов для обучения личного состава перуанских ВС, а также проведение совместных учений.

Объемы поставок нового американского ВиВТ в Перу являются незначительными, что связано с ограниченным оборонным бюджетом перуанской стороны. Вместе с тем, США регулярно продают и передают перуанским ВС устаревшую военную и гражданскую технику. В некоторых случаях подержанное вооружение передается на льготных условиях: либо под заем, либо полностью на безвозмездной основе. Такой вид взаимодействия

² *Marchessini A.* El simulador de vuelo del Mi-171Sh-P y el aula de entrenamiento están listos para formar a los pilotos del Ejército del Perú [Электронный ресурс]. URL: <https://www.defensa.com/peru/simulador-vuelo-171sh-p-aula-entrenamiento-estan-listos-para> (дата обращения: 25.02.2021).

³ Defense and Intelligent Sectors of the Government of the Russian Federation // CAATSA Section 231 (e) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/caatsa-section-231d-defense-and-intelligence-sectors-of-the-government-of-the-russian-federation/> (дата обращения: 27.02.2021).

⁴ *Пятаков А. Н.* Россия — Латинская Америка в XXI веке: трудности и противоречия сближения // *Russie. Nei. Visions.* Французский институт международных отношений. 2020. № 119. С. 23.

располагает и привязывает Республику Перу к США, причем Штаты в данном случае без каких-либо существенных финансовых потерь приобретают лояльность перуанской стороны.

Данный формат оказания военной помощи не практикуется Российской Федерацией, хотя он мог бы способствовать расширению российско-перуанских военно-политических связей.

На территории Перу официально действует Консультативная группа США по оказанию военной помощи, в рамках которой США выделяет перуанской стороне денежные средства на борьбу с организованной преступностью, торговлей людьми и незаконным оборотом наркотиков, а также средства для участия в программах военного образования, включая программы по подготовке миротворческого контингента⁵.

Американские военнослужащие также оказывают гуманитарную помощь перуанскому населению в рамках трех программ, в каждой из которых принимает участие конкретный вид ВС США. Сухопутные войска США оказывают Перу поддержку по программе «Beyond the Horizon», ВВС США — по программе «New Horizons» и ВМС США — по программе «Continuing promise»⁶.

Таким образом, в американской внешней политике Республика Перу рассматривается в качестве «дотационного» партнера, финансовые возможности которого существенно ограничены. США, взаимодействуя с Перу по военной линии, преследуют цели, не связанные с получением финансовой выгоды. Основной задачей военно-политического взаимодействия США с Республикой Перу представляется поддержание лояльности у перуанской стороны по отношению к Штатам.

В XXI веке крупным участником международной арены, который начинает развивать военные контакты с Республикой Перу, становится Китайская Народная Республика (КНР). Первые шаги на пути военного сотрудничества Китай и Перу сделали, когда в декабре 2004 года МО Перу и Министерство национальной обороны КНР подписали договор об оказании Китаем безвозмездной военной помощи Республике Перу. Данный формат взаимодействия продолжает функционировать: так, в 2019 году Китай на безвозмездной основе передал Перу одну из наиболее крупных партий военной техники на общую сумму 17,5 млн долл. Таким образом, китайская сторона пошла по пути Соединенных Штатов, организовывая сотрудничество с Перу в военной сфере с позиции более сильного и богатого партнера.

Вместе с тем, подход Китая в вопросе передачи Перу вооружения имеет ряд особенностей. Во-первых, китайская сторона берет на себя обязательства по транспортировке ВиВТ до перуанского порта Кальяо. Во-вторых, перед реализацией договора МО Перу предоставляется возможность провести консультации с видами ВС по вопросу того, в какой военной технике нуждается тот или иной вид. Таким образом, взаимодействие с Китаем по данному направлению военного сотрудничества выглядит для перуанской стороны даже более выгодным, чем с США.

В 2009 году Республика Перу и КНР подписали первые контракты на поставку вооружения: десяти переносных зенитно-ракетных комплексов QW-11 и пятнадцати комплексов FN-6. В 2013 году был подписан более крупный контракт, в рамках которого перуанская сторона закупила у Китая 27 единиц 122-мм реактивных систем залпового огня Туре-90 на сумму 39 млн долл.⁷

Таким образом, Китай начал занимать определенную нишу на перуанском рынке вооружения и вместе с тем сделал еще один шаг на пути укрепления своих позиций в Республике Перу.

⁵ *Taft-Morales M.* Peru: Current Conditions and U.S. Relations, Congressional Research Service. Washington, 2009. P. 7.

⁶ *Flynn M. E., Machain C. M., Stoyan A. T.* Building Trust: The Effect of US Troops Deployments on public opinion in Peru // *International Studies Quarterly*. 2019. No. 63(3). P. 746.

⁷ SIPRI: Transfer of major weapons [Электронный ресурс]. URL: http://armstrade.sipri.org/armstrade/page/trade_register.php (дата обращения: 01.05.2021).

Китай так же, как и США, работает над созданием положительного имиджа своих ВС в глазах обычного перуанского населения. Так, в конце декабря 2015 года плавучий госпиталь китайских ВМС «Ковчег мира» с 50 военными медиками заходил в порты Перу для оказания медицинской помощи наиболее нуждающимся слоям населения.

В ноябре 2018 года в Пекине был подписан Меморандум о взаимопонимании между отделением адъютантуры Центра высших национальных исследований Перу и Национальным университетом обороны народной освободительной армии Китая, который стал краеугольным камнем для сотрудничества в сфере военного образования.

С началом пандемии коронавируса вектор китайско-перуанского взаимодействия, в том числе и военного, был перенаправлен на борьбу с COVID-19. Примечательно, что Китай стал единственной страной, к которой перуанское руководство официально обратилось именно за помощью в борьбе с пандемией⁸. В результате КНР отправила в Перу аппараты искусственной вентиляции легких, а также другое оборудование, необходимое для функционирования медицинских учреждений в условиях пандемии. Кроме того, китайские медики и военные начали консультировать и давать рекомендации своим перуанским коллегам.

Введение американских санкций в отношении российских оборонных предприятий, а также появление Китая на перуанском рынке вооружения препятствуют России в ее попытках более активно взаимодействовать с Перу в сфере продажи ВиВТ. Именно поэтому для поддержания и расширения российско-перуанских военно-политических связей необходимо задействовать прочие аспекты сотрудничества.

Факт наличия ВиВТ советского и российского производства в перуанских ВС подразумевает, что Республике Перу потребуются услуги российских специалистов для проведения сервисного обслуживания, модернизации и т.д. В частности, это актуально для самолетов Су-25 и МиГ-29, а также для вертолетов типа «Ми».

Имеются перспективы для такого направления сотрудничества, как создание на территории Перу совместных предприятий, имеющих отношение к оборонной сфере. Определенные результаты уже достигнуты: в 2018 году на территории авиационной базы Las Palmas заработал Центр технического обслуживания и ремонта российских вертолетов, который является одним из компонентов Центра сухопутных войск Перу по обслуживанию авиационной техники, его основные мощности развернуты в провинции Арекипа, и он начал полноценно функционировать с июля 2021 года⁹. Перуанская сторона заинтересована в работе таких предприятий не только из-за необходимости проводить сервисное обслуживание собственной техники, но и в связи с тем, что на данных предприятиях могут проводиться работы с вертолетами российского производства других государств региона, что является дополнительным источником прибыли.

Наличие техники советского и российского производства в ВС Перу, а также открытие сервисных центров по ее обслуживанию подразумевают, что перуанской стороне потребуются специалисты по эксплуатации и ремонту. Данная потребность является основанием для дальнейшего развития контактов между странами в сфере военного образования.

Еще в 2011 году Россия и Перу подписали рамочный контракт об обучении перуанских военнослужащих в военных училищах МО РФ, в рамках которого в России прошли подготовку более 200 военнослужащих, из них около 80 являлись курсантами, которые обучались по полному циклу.

⁸ Vizcarra: Perú coordina apoyo de China y Corea del Sur para enfrentar al COVID-19 [Электронный ресурс]. URL: <https://rpp.pe/politica/gobierno/vizcarra-peru-coordina-apoyo-de-china-y-corea-del-sur-para-enfrentar-al-covid-19-noticia-1255474?ref=rpp> (дата обращения: 31.05.2021).

⁹ Perú inaugura el centro de mantenimiento de helicópteros de La Joya tras cuatro años de retrasos [Электронный ресурс]. URL: <https://www.infodefensa.com/texto-diario/mostrar/3123053/peru-inaugura-centro-mantenimiento-helicopteros-joya-cuatro-anos-retrasos> (дата обращения: 15.08.2021).

Вместе с тем стоит отметить, что Соединенные Штаты регулярно принимают на обучение в свои военные училища и центры переподготовки перуанских военнослужащих и полицейских, в основном на краткосрочные курсы. Только с 2011 по 2019 годы в США по различным программам прошли обучение более 7 тысяч представителей ВС Перу и НП¹⁰.

Еще одним направлением взаимодействия в сфере военного образования является тренажерная подготовка, которая проводится для перуанских экипажей, эксплуатирующих российские самолеты и вертолеты, на базе российских военных учебных центров. Несмотря на то, что данный вид подготовки осуществляется на платной основе, ВС Перу заинтересованы в том, чтобы регулярно отправлять своих военнослужащих в Россию.

В то же время практика показывает, что после 2014 года Россия и Перу фактически не взаимодействуют в тех сферах военно-политического сотрудничества, которые связаны с финансовыми затратами перуанской стороны. Одним из ключевых факторов, объясняющих данное положение дел, является общий дефицит военного бюджета Республики Перу. Таким образом, России для развития военно-политического сотрудничества с Республикой Перу необходимо использовать формы взаимодействия, которые одновременно и являются актуальными для нее, и не требуют серьезных финансовых расходов.

Библиография

1. Пятаков А. Н. Россия — Латинская Америка в XXI веке: трудности и противоречия сближения // *Russie. Nei. Visions*. Французский институт международных отношений. 2020. № 119.
2. Defense and Intelligent Sectors of the Government of the Russian Federation // CAATSA. Section 231 (e) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/caatsa-section-231d-defense-and-intelligence-sectors-of-the-government-of-the-russian-federation/> (дата обращения: 27.02.2021).
3. Flynn M. E., Machain C. M., Stoyan A. T. Building Trust: The Effect of US Troops Deployments on public opinion in Peru // *International Studies Quarterly*. 2019. No. 63(3).
4. Marchessini A. El simulador de vuelo del Mi-171Sh-P y el aula de entrenamiento están listos para formar a los pilotos del Ejército del Perú [Электронный ресурс]. URL: <https://www.defensa.com/peru/simulador-vuelo-171sh-p-aula-entrenamiento-estan-listos-para> (дата обращения: 25.02.2021).
5. Perú inaugura el centro de mantenimiento de helicópteros de La Joya tras cuatro años de retrasos [Электронный ресурс]. URL: <https://www.infodefensa.com/texto-diario/mostrar/3123053/peru-inaugura-centro-mantenimiento-helicopteros-joya-cuatro-anos-retrasos> (дата обращения: 15.08.2021).
6. Security assistance monitor [Электронный ресурс]. URL: <http://securityassistance.org/data/country/trainee/country/2011/2019/all/Latin%20America%20and%20the%20Caribbean/> (дата обращения: 25.07.2021).
7. SIPRI: Transfer of major weapons [Электронный ресурс]. URL: http://armstrade.sipri.org/armstrade/page/trade_register.php (дата обращения: 01.05.2021).
8. Taft-Morales M. Peru: Current Conditions and U.S. Relations, Congressional Research Service. Washington, 2009.
9. Vizcarra: Perú coordina apoyo de China y Corea del Sur para enfrentar al COVID-19 [Электронный ресурс]. URL: <https://rpp.pe/politica/gobierno/vizcarra-peru-coordina-apoyo-de-china-y-corea-del-sur-para-enfrentar-al-covid-19-noticia-1255474?ref=rpp> (дата обращения: 31.05.2021).

¹⁰ Security assistance monitor [Электронный ресурс]. URL: <http://securityassistance.org/data/country/trainee/country/2011/2019/all/Latin%20America%20and%20the%20Caribbean/> (дата обращения: 25.07.2021).

A. O. Лукичева, С. Р. Кеведо¹

РОССИЙСКО-ЧИЛИЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОРЫВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В XXI ВЕКЕ

RUSSIAN-CHILEAN COLLABORATION IN THE AREA OF HIGHER EDUCATION AND ADVANCED TECHNOLOGIES IN THE 21ST CENTURY

Resumen: La experiencia práctica de la colaboración entre Robotics Lab slc (Chile) y Consultaría FORZA (Rusia) en el desarrollo de la cooperación ruso-chilena en las áreas de la educación superior y tecnologías avanzadas se resume en un artículo. La cooperación comenzó en mayo de 2017 y continúa en la actualidad. El trabajo brinda ejemplos de eventos internacionales con la participación de representantes de Chile y Rusia, interacción con líderes en la área de tecnologías avanzadas en Rusia (El Tecnoparque de San Petersburgo, universidades de San Petersburgo), pasos realizados para la fundación del Centro de Competencia en Educación Minera bajo los auspicios de la UNESCO en Chile, y los esfuerzos realizados para organizar el concurso de robots bípedos ROBO-ONE en Rusia. A pesar de que el trabajo presenta un caso particular de colaboración, las conclusiones pueden extenderse a la cooperación ruso-chilena en estas áreas en general. El análisis de la experiencia de cooperación demuestra la necesidad de elaborar una política efectiva de cooperación en las áreas de la educación superior y las tecnologías avanzadas, suscribir acuerdos de cooperación intergubernamental en estas áreas y desarrollar mecanismos claros para que los actores implementen los programas de cooperación. La construcción de infraestructura para la cooperación a nivel gubernamental tiene el potencial de proporcionar un ímpetu para la promoción de iniciativas de cooperación a nivel corporativo para fomentar empresas innovadoras basadas en resultados de investigación y desarrollo avanzados y con un potencial de crecimiento prometedor en los sectores de alta tecnología, incluidas las etapas iniciales, vehículos de capital para nuevas empresas de alta tecnología, APP e infraestructura de inversiones de riesgo.

Palabras clave: Rusia; Chile; Robotics Lab slc; Consultaría FORZA; tecnología avanzada; enseñanza superior; robótica; ROBO-ONE.

Abstract: The practical experience of collaboration between Robotics Lab slc (Chile) and FORZA Consulting (Russia) on development of the Russian-Chilean cooperation in the field of higher education and advanced technologies is summarized in a paper. The cooperation started in May of the 2017 and continues nowadays. The paper provides examples of international events with the participation of the Chilean and Russian representatives, interaction with leaders in the field of advanced technologies in Russia (Technopark of St. Petersburg, universities of St. Petersburg), steps made for the foundation of the Center of Competence in Mining Education under the auspices of UNESCO in Chile, and efforts made to hold bipedal robots competition ROBO-ONE in Russia. Despite the fact that the paper presents a particular case of collaboration, the conclusions can be extended to the Russian-Chilean cooperation in these fields in general. The analysis of the cooperation experience demonstrates the need to elaborate an effective policy for cooperation in the fields of higher education and advanced technologies, to conclude intergovernmental cooperation agreement in these fields and to develop clear mechanisms for the stakeholders to implement the cooperation programmes. Building infrastructure for cooperation at governmental level has a potential to provide

¹ Лукичева Александра Олеговна, Россия, соавтор, кандидат экономических наук, доцент, Консалтинговый центр FORZA (forsight.forza@gmail.com),
Кеведо Сильва Родриго, Чили, соавтор, Robotics Lab slc (rquevedo@roboticslab.cl).

an impetus for promotion of cooperation initiatives at corporate level to foster innovative businesses based on advanced research and development results and with a promising growth potential in the high-tech sectors, including early-stage capital vehicles for high-tech start-ups, PPPs, and venture investments infrastructure.

Key words: Russia; Chile; Robotics Lab slc; FORZA Consulting; advanced technology; higher education; robotics; ROBO-ONE.

В сентябре 2015 г. на первом Восточном экономическом форуме во Владивостоке В. В. Путин заявил о том, что планируется активнее сотрудничать со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР): «Предлагаем подумать о совместном создании крупных исследовательских платформ и установок, о так называемых проектах «мегасайенс», на базе которых возможны настоящие научные прорывы. Сегодня подобные лаборатории глобального уровня, такие как CERN, ITER, сосредоточены в основном в Европе. Думаю, пришло время создавать такую инфраструктуру, сеть научных и образовательных центров кооперации и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Россия приглашает к этой работе все заинтересованные страны»².

Эти слова президента России послужили импульсом к действию для чилийского предприятия Robotics Lab slc, специализирующегося на развитии мехатроники и робототехники в различных областях, а также обучении детей и молодежи мехатронике и робототехнике. Когда в Чили пришло приглашение от ЮНИДО принять участие в Международном бизнес-форуме «Обмен технологическими и инновационными решениями между странами Латинской Америки и Карибского бассейна и Северо-Западным федеральным округом Российской Федерации» (28–30 мая 2017 г.) и во II Международном форуме «Укрепление международных альянсов предприятий малого и среднего бизнеса между Российской Федерацией и странами Латинской Америки и Карибского бассейна» (31 мая 2017 г., «нулевой» день ПМЭФ), оно было с благодарностью принято чилийским соавтором статьи.

В ходе Международного бизнес-форума «Обмен технологическими и инновационными решениями между странами Латинской Америки и Карибского бассейна и Северо-Западным федеральным округом Российской Федерации» состоялись визиты на предприятия Санкт-Петербурга, в Технопарк Санкт-Петербурга, переговоры с высшими учебными заведениями, заинтересованными в развитии отношений со странами Латинской Америки. 31 мая состоялось подписание договора о сотрудничестве между Государственным университетом аэрокосмического приборостроения (ГУАП), некоммерческой организацией «Национальный Комитет содействия экономическому сотрудничеству со странами Латинской Америки» (НК СЭСЛА) и Robotics Lab slc. В качестве основных целей данного договора были определены развитие академических и научных отношений в сферах, где существует взаимный интерес, включая обмен студентами и преподавателями, организацию для студентов летних школ, деятельность в сфере совместных исследований, обмен академическими материалами и прочей информацией.

На 2017 г. важным представлялось заключение договора о сотрудничестве Robotics Lab slc с Технопарком Санкт-Петербурга, который позиционируется Правительством Санкт-Петербурга как оплот инновационного развития города. На Петербургском международном инновационном форуме (ПМИФ) в сентябре 2017 г. договор был подписан при непосредственном участии Консалтингового центра FORZA. Однако дальше подписание договора дело не пошло. В качестве объяснения был приведен факт, что у Технопарка Санкт-Петербурга нет возможностей получения грантов для реализации совместных проектов с Robotics Lab slc.

Конец 2017 г. и весна 2018 г. ознаменовались проведением в Чили двух российско-чилийских мероприятий. Так, в ноябре 2017 г. был организован семинар «Передовые

² Владимир Путин. Выступление на первом Восточном экономическом форуме. Владивосток, 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50232> (дата обращения: 29.09.2021).

российские технологии в Латинской Америке и странах Карибского бассейна», основным организатором которого стала компания Robotics Lab slc. Во многом благодаря данному событию Правительством Санкт-Петербурга было принято решение об участии делегации города в Международном Latinoамериканском Аэрокосмическом салоне (FIDAE) в Чили, который прошел в апреле 2018 г. в Сантьяго. Но несмотря на дружескую атмосферу обоих мероприятий и проведение на высоком организационном уровне, коммерческого успеха они не имели.

Необходимо подчеркнуть, что для развития российско-чилийских отношений чилийский соавтор несколько раз посещал Москву и Санкт-Петербург. С лета 2017 г. он является членом Российско-чилийской межправительственной комиссии по торговле и экономическому сотрудничеству. В июле 2017 г. он принял участие в ее 9-м заседании в Москве. В апреле 2018 г. соавтор стал спикером на мероприятии Skolkovo Robotics Forum — крупном российском форуме по робототехнике.

В декабре 2018 г. состоялся визит в Москву и Санкт-Петербург чилийского телевидения, организованный во многом при участии чилийского соавтора. Целью визита была съемка репортажа о передовых научно-исследовательских организациях и университетах двух столиц. Консалтинговым центром FORZA в Санкт-Петербурге были организованы визиты в ведущие университеты города — Горный университет, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (СПБГЭУ), ГУАП, Университет ИТМО. В Горном университете и ГУАПе были проведены съемки.

В Горном университете, старейшем техническом вузе России, телерепортеры и чилийский соавтор были приняты ректором В. С. Литвиненко. Для университета представляет интерес вступление Чили в программу постдипломного обучения, находящуюся под патронажем ЮНЕСКО и курируемую данным вузом. Программа призвана преодолеть недостатки обучения в соответствии с требованиями Болонской системы, при которой в бакалавриате студенты не получают всех необходимых знаний и навыков для осуществления своей профессиональной деятельности даже в ее начале. Вступление Чили как горнодобывающей страны в данную программу значимо как для университета, так и для России в целом. На данном этапе организационного процесса вступления в программу с последующим созданием Международного центра компетенций в горнотехническом образовании под эгидой ЮНЕСКО в Чили устанавливаются контакты чилийских университетов при содействии правительства страны и ЮНЕСКО.

В СПбГЭУ делегацию принял ректор И. А. Максимцев, являющийся Почетным консулом Чили в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, однако отражения в информационных источниках данное мероприятие не нашло даже на уровне университета.

По результатам визита в Россию съемочной группы смонтирован документальный фильм, который был показан по чилийскому телевидению в январе 2019 г. Он вызвал в Чили серьезный отклик как заинтересованных сторон, так и простых чилийцев: несмотря на так называемую глобализацию и распространение информации в Интернете, в мире все больше ощущается нехватка достоверной информации.

В предыдущих абзацах речь шла о сотрудничестве с вузами России как локациями появления, развития и продвижения прорывных технологий. Но это не единственная сфера для российско-чилийской кооперации, большое внимание уделяется также возможности получения чилийскими студентами высшего образования в России. Так, в октябре 2018 г. при активном участии чилийского соавтора был организован визит в Санкт-Петербург двух представителей чилийской молодежи — Франсиски Монтесинос Петит и Бастиана Паласио Эскивеля — в целях ознакомления с Политехом, ГУАПом, ИТМО и дальнейшего поступления на обучение. Посещение университетов было организовано Консалтинговым центром FORZA.

В ГУАПе проректор К. В. Лосев на встрече с потенциальными студентами подробно рассказал, что следует предпринять, чтобы поступить на бесплатное обучение в магистратуру и бакалавриат в России. Следует отметить, что у университета имеется обширный успешный опыт обучения студентов из различных стран мира. Значимость

встречи в ГУАПе была обусловлена еще тем фактом, что между Россией и Чили нет договора, который бы позволял студентам беспрепятственно поступать в российские вузы, как это имеет место быть в случае кубинских студентов в силу существования подписанного межправительственного договора между Российской Федерацией и Республикой Куба.

Чилийская сторона пропустила сроки обращения в Россотрудничество, и чилийские студенты, приехавшие в Санкт-Петербург в 2018 г., не смогли начать обучение в ГУАПе в 2019/2020 учебном году. Ситуация была исправлена в 2020 г., студенты были прикреплены к ГУАПу. Но развитие событий пошло не по плану, так как свои коррективы внесла пандемия коронавируса, охватившая все страны, включая Россию и Чили. Студентам пришлось изучать русский язык как иностранный (РКИ) в режиме онлайн. Владение русским языком является обязательным условием для обучения в вузах России для иностранных студентов. Насколько сложно изучать русский язык, может подтвердить соавтор из России, имеющий опыт преподавания РКИ в вузе, в режиме офлайн. Без сомнения, обучение онлайн только усложняет процесс изучения. К чести Франсиски Монтесинос Петит и Бастиана Паласио Эскивеля следует сказать, что они сдали квалификационные экзамены на «отлично». Первая обучалась и сдавала тест в Политехе Петра Великого, второй — в Санкт-Петербургском государственном университете промышленных технологий и дизайна. Однако после получения электронных сертификатов и представления их в ГУАП ситуация не получила счастливого завершения.

Учебный год в России начинается 1 сентября. Чилийским студентам потребовалось некоторое время, чтобы понять, что уже можно въехать в Россию и начать занятия в университете. И это оказалось делом непростым: приглашение в Посольство России в Чили для получения визы произойдет только после 26 октября 2021 г. Еще какое-то время потребуется для получения визы, покупки билета на самолет в Россию. В итоге Франсиска Монтесинос Петит пересмотрела свои планы и отказалась от обучения в России в этом году. Если ею будет предпринята попытка обучения в России, то это уже будет другой профиль обучения в другом вузе. Надежда, что Бастиан Паласиос Эскивель начнет свое обучение очно в ГУАПе в 2021/2022 учебном году, пока сохраняется.

В настоящее время соавторами продолжают предприниматься попытки организации в России (предположительно в Санкт-Петербурге) соревнований роботов-бипедов ROBO-ONE. Первое такое состязание прошло в 2002 г. в Японии. За 19 лет существования соревнования перешагнули границы Страны восходящего солнца. Сегодня они проводятся в Южной Корее, на Тайване и в Латинской Америке. Организатором ROBO-ONE LATINOAMÉRICA является соавтор из Чили. На латиноамериканском континенте первые соревнования состоялись в декабре 2019 г.

ROBO-ONE — это не только событие, привлекающее внимание к робототехнике, увеличивающее знания и развивающее навыки участников в данной сфере, но и мероприятие, обладающее всеми возможностями для привлечения зрителей, включая туристов. Помимо этого, у ROBO-ONE есть и важная социальная составляющая. Согласно мнению чилийского соавтора, обладающего большим опытом в сфере прорывных технологий, помогающих людям с ограниченными возможностями, разработки, демонстрируемые на ROBO-ONE, — это еще и возможность для разработки новых технологий помощи и поддержки таким людям. Следовательно, ROBO-ONE — имеющее социальную значимость мероприятие, деятельность которого можно отнести к социальному предпринимательству в терминах, существующих в законодательстве Российской Федерации. На сегодня интерес к организации ROBO-ONE RUSSIA проявляют компания Roboschool, занимающаяся обучением детей робототехнике, и вузы Санкт-Петербурга. В конце 2020 г. были проведены переговоры по организации ROBO-ONE в Санкт-Петербурге с Конгрессно-выставочным бюро города, работающим в рамках городского Комитета по туризму и отвечающего за проведение на городском уровне крупных конгрессов и выставок. Но дальше переговоров пока дело не двинулось.

Несколько слов следует сказать о ковидных ограничениях 2020–2021 гг. и их влиянии на развитие российско-чилийского сотрудничества. С одной стороны, границы между

нашими странами закрыты почти для всех категорий граждан. С другой стороны, вошедшее в нашу жизнь общение в режиме онлайн позволяет не останавливать сотрудничества. Большая территориальная удаленность России от стран Латинской Америки не делает ситуацию столь трагичной, если сравнивать со случаями невозможности въехать в страны, граничащие с Россией по суше, например, в Финляндию.

В заключение статьи следует подчеркнуть, что Россия, на словах провозглашая взаимоотношения со странами Латинской Америки как стратегические для своей внешней политики, пока отдает предпочтение политической составляющей, и Чили не является исключением. Действующие двусторонние межправительственные комиссии, включая Российско-чилийскую, выполняют в основном переговорные функции. Сфера прорывных технологий на сегодня предоставляет России конкурентные преимущества в странах Латинской Америки. И будет непозволительным промахом, если Россия не воспользуется ими в отношении стран, где имеется интерес к ним, как, например, Чили.

Несмотря на то, что в статье представлен фактически частный случай российско-чилийского сотрудничества, выводы можно распространить на сотрудничество между Чили и Россией в сферах высшего образования и прорывных технологий в целом. Анализ опыта сотрудничества демонстрирует необходимость разработки эффективной политики сотрудничества в указанных областях, заключения межправительственных соглашений о сотрудничестве и разработки четких механизмов для заинтересованных сторон по реализации программ сотрудничества. Создание условий для сотрудничества на государственном уровне может стать импульсом для появления дальнейших инициатив снизу, стимулом для постановки новых целей и их достижения. Одной из таких целей может быть превращение Чили в хаб по представлению и предложению на латиноамериканском континенте прорывных технологий России и обучению в ее высших учебных заведениях.

Библиография

1. *Лукичева А. О.* Гватемала и Чили как хабы развития отношений с Россией и Латинской Америкой: правомерность гипотезы // Россия и Ибероамерика в глобализирующемся мире: история и современность: доклады и материалы четвертого международного форума / Отв. ред. В. Л. Хейфец, Л. С. Хейфец. СПб: Скифия-принт, 2020. 2139 с.
2. Tecnologías rusas para mejorar la calidad de vida de los latinoamericanos, Abna24. [Электронный ресурс]. URL: https://es.abna24.com/news/america-latina/tecnologias-rusas-para-mejorar-la-calidad-de-vida-de-los-latinoamericanos_867045.html (дата обращения: 28.09.2021).
3. The International Air and Space Fair, FIDAE. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fidae.cl/?lang=en> (дата обращения: 21.09.2021).
4. Горный Университет развивает сотрудничество с Чили, Форпост, Санкт-Петербург, 14.12.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://forpost-sz.ru/spmi/2018-12-14/gornyj-universitet-razvivaet-sotrudnichestvo-s-chili> (дата обращения: 07.09.2021).
5. *Пятаков А.* Россия-Латинская Америка в XXI веке: трудности и противоречия сближения // Russie.Nei.Visions. Французский институт международных исследований. 2020. № 119. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ruatakov_russia_latam_america_ru_2020.pdf (дата обращения: 30.09.2021).
6. Первый Восточный экономический форум, 4 сентября 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50232> (дата обращения: 29.09.2021).
7. Укрепление сотрудничества между Россией и Латинской Америкой, ГУАП, 18.10.2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://new.guap.ru/pubs/2148> (дата обращения: 27.09.2021).
8. Делегация из Ассоциации Робототехники Чили, ГУАП, 13.12.2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://new.guap.ru/pubs/2276> (дата обращения: 18.09.2021).
9. Rusia revela sus nuevas tecnologías, 24horas, Chile, 10.01.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.24horas.cl/reportajes24/reportajes-24-rusia-revela-sus-nuevas-tecnologias-3000213> (дата обращения: 05.09.2021).

10. Tecnología rusa aterriza en Chile, CNN, 11.11.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://m.cnnchile.com/noticia/2017/11/11/tecnologia-rusa-ateriza-en-chile> (дата обращения: 25.09.2021).
11. Robótica y farmacéutica, dos caminos para la cooperación de Chile y Rusia, Sputnik Mundo, 10.11.2017 [Электронный ресурс]. URL: https://mundo.sputniknews.com/radio_contante_y_sonante/201711111073890565-tecnologias-rusas-america-latina/ (дата обращения: 23.09.2021).
12. ExoAtlet, el robot ruso que convierte a las sillas de ruedas en una reliquia del pasado (fotos, vídeo), Sputnik Mundo, 10.11.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://mundo.sputniknews.com/20171110/rusia-ciencia-tecnologia-robot-salud-1073875074.html> (дата обращения: 06.09.2021).
13. Rusia y América Latina avanzan hacia la “alianza estratégica” en ciencia y tecnología, Sputnik Mundo, 11.11.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://mundo.sputniknews.com/tecnologia/201711111073893993-alianza-estrategica-taller-avances/> (дата обращения: 08.09.2021).
14. UNIDO. Workshop “Chile strengthens bilateral and multilateral relations between Russian and Latin America” [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unido.org/news/unido-workshop-chile-strengthens-bilateral-and-multilateral-relations-between-russian-and-latin-america> (дата обращения: 13.09.2021).
15. Docente del Instituto Tecnológico UPLA participó en Foro Económico Internacional de San Petersburgo, Universidad de Playa Ancha, 31.05.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.upla.cl/institutotecnologico/2017/05/31/docente-del-instituto-tecnologico-upla-participo-en-foro-economico-internacional-de-san-petersburgo/> (дата обращения: 15.09.2021).

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИКИ США В ЗАПАДНОМ ПОЛУШАРИИ ПРИ АДМИНИСТРАЦИИ ДЖО БАЙДЕНА

US POLICY TRANSFORMATION IN THE WESTERN HEMISPHERE UNDER THE JOE BIDEN ADMINISTRATION

Н. Ю. Кудеярова¹

ИНИЦИАТИВЫ АДМИНИСТРАЦИИ ДЖ. БАЙДЕНА В СФЕРЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ МИГРАЦИЙ: ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЙ ВЕКТОР

BIDEN ADMINISTRATION'S MIGRATION MANAGEMENT INITIATIVES: A LATIN AMERICAN VECTOR

Resumen: La llegada al poder de la administración democrática llevó al cambio en la política migratoria estadounidense. Entre las acciones que afectan la política en la región latinoamericana, podemos destacar la cancelación del Protocolo de Protección a Migrantes (Migrant Protection Protocol), la recuperación del programa de Acción Diferida para los Llegados en la Infancia (DACA). Una iniciativa importante fue el nuevo anuncio de una reforma integral de la migración. Estos pasos son contrarios a la política anterior de la administración de Donald Trump. Sin embargo, el agravamiento de la situación de la frontera suroeste de EE.UU. causó el retorno real de la política de contención. La expulsión masiva de migrantes y refugiados basada en la Ley del Servicio Público de Salud, Título 42, marcó la sustitución de la política migratoria por la sanitaria. Como respuesta a la crisis migratoria, la administración de Joe Biden proclamó la Estrategia para Abordar las Causas Profundas de la Migración en Centroamérica. Así, la estabilidad de los factores de empuje en los países centroamericanos muestra que la política migratoria norteamericana está determinada en gran medida por razones políticas internas.

Palabras clave: política migratoria; frontera México-estadounidense; Trump; Biden; crisis migratoria; Estados Unidos; Centroamérica.

¹ Кудеярова Надежда Юрьевна, Россия, кандидат исторических наук, Институт Латинской Америки РАН (n.kudeyarova@yandex.ru).

Abstract: The democratic administration coming into power led to the US migration policy change. Among the actions affecting the politics in the Latin American region, we can highlight the Migrant Protection Protocol cancellation, the recovery of the program Deferred Action for Childhood Arrivals (DACA), known as Dreamers. An important initiative was the new comprehensive migration reform announcement. These steps are contrary to the previous Donald Trump's administration policy. However, the aggravation of the US Southwestern border situation caused to the actual return of the policy of containment. The mass expulsion of migrants and refugees based on the Public Health Service Act, Title 42, marked the replacement of the migration policy with the sanitary one. As the migration crisis response Joe Biden's administration proclaimed the Strategy to Address the Root Causes of Migration in Central America. Thus, the stability of the push factors in the Central America countries shows that the North American migration policy is largely determined by internal political reasons.

Key words: migration policy; Mexican-American border; Trump; Biden; migration crisis; USA; Central America.

Приход к власти в США в январе 2021 г. демократической администрации с первых шагов внес коррективы в миграционную политику. Президент Джо Байден, как и его предшественник Дональд Трамп, начал «исправлять ошибки» предыдущей администрации. Один из первых указов касался миграционной политики². «С учетом того, что Дж. Байден победил под эгидой объединительной национальной идеи борьбы с „системным расизмом“ и иными проявлениями ксенофобии, то одними из самых ожидаемых в среде „небелых“ американцев, в частности, стали его указы о всесторонней защите прав мигрантов, отмене скандального „мусульманского запрета“ и иных видов дискриминации», — отмечала российский исследователь И. В. Шумилина³. Заявленные шаги затрагивали весь спектр миграционной политики, в котором значимую часть занимали вопросы ограничения миграции из мусульманских стран. При этом латиноамериканский контекст стал не менее важным фокусом изменений, поскольку затрагивал значительную часть избирателей латиноамериканского происхождения. Было заявлено решение проблемы «незадокументированных» лиц, включая относящихся к программе Отсроченных действий для детей (Deferred Action for Childhood Arrivals, DACA). Ключевой контекст миграционной политики в отношении выходцев из Латино-Карибской Америки определялся ситуацией на юго-западной границе США.

Первоначальные планы администрации Дж. Байдена, связанные с заявленным проектом новой всеобъемлющей миграционной реформы, были с энтузиазмом встречены частью американского общества. Однако история предыдущих инициатив показывает, что такого рода проекты имеют мало шансов на реализацию из-за сложностей прохождения через обе палаты конгресса⁴. Перспектива проведения комплексной миграционной реформы традиционно увязывалась с состоянием безопасности и контроля на юго-западной границе США. Однако текущее состояние далеко от желаемой стабильности. Важнейшим дополнением стала пандемия коронавируса COVID-19, повлиявшая на меры пограничного контроля, введенные для противодействия распространению болезни. Именно эти два фактора активно влияют на практику проводимой политики на границе.

Юго-западная граница США, или мексикано-американская граница, на протяжении нескольких десятилетий является рубежом, притягивающим сотни тысяч региональных

² President Biden Outlines Steps to Reform Our Immigration System by Keeping Families Together, Addressing the Root Causes of Irregular Migration, and Streamlining the Legal Immigration System // White House Fact Sheet. 02.02.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/02/02/fact-sheet-president-biden-outlines-steps-to-reform-our-immigration-system-by-keeping-families-together-addressing-the-root-causes-of-irregular-migration-and-streamlining-the-legal-immigration-syst/> (дата обращения 10.10.2021).

³ Шумилина И. В. Иммиграционная реформа Дж. Байдена: «американская мечта» возрождается? // США и Канада: экономика, политика, культура. 2021. № 7. С. 19–33.

⁴ Кудярова Н. Ю. Миграционные реформы в США: мексиканский вектор дискуссии // Ибероамериканские тетради. 2014. № 3. С. 85–94.

мигрантов из государств Центральной Америки, Мексики и островов Карибского моря. Основную долю составляют выходцы из стран так называемого Северного треугольника — Гватемалы, Гондураса и Сальвадора. Эти государства и происходящие в них социальные процессы активно влияют на конкретные шаги властей США в миграционной сфере. Для более четкого понимания динамики последних нескольких лет важно обратить внимание на существующее противоречие между стабильностью исходных причинно-следственных связей, приводящих к массовому исходу из стран Центральной Америки, и разворотами американской миграционной политики.

Причины миграционной активности жителей центральноамериканских стран в направлении США очевидны и, к сожалению, стабильны и неизменны. Во-первых, это демографический фактор. Так, медианный возраст в Мексике 29,2 года, Гватемале — 22,9, Гондурасе — 24,3, Сальвадоре — 27,6, в то время как в США — 38,3⁵. Хотя показатель США на фоне стареющих европейских стран положительный и динамичный, он контрастирует в сравнении с территориально близкими центральноамериканскими странами.

Во-вторых, это социально-экономические причины. Они отчетливо прослеживаются на основе показателя распределения ВВП на душу населения. Так, по данным Всемирного банка, в 1990 г. ВВП на душу населения в США превышал аналогичный показатель Мексики в 3,7 раза, Сальвадора — в 8,2, Гватемалы — в 7,2, Гондураса — в 11,5 раз. По прошествии тридцати лет, несмотря на рост номинальных значений, соотношение осталось по сути прежним: Мексика — 3,2 раза, Сальвадор — 7,5, Гватемала — 7,4, Гондурас — 12,2 раза⁶. Иными словами, установившиеся разрывы не менялись. Мексика занимала и занимает своеобразное промежуточное положение в этой цепочке стран.

В-третьих, фактор, который четко вписывается в общую картину — проблема безопасности. По уровню умышленных убийств центральноамериканские страны относятся к числу мировых лидеров. Согласно статистике ООН, число умышленных убийств на 100 тыс. населения в 2018 г. в Сальвадоре составляло 52, в Гондурасе — 38,4, Гватемале — 22,5, Мексике — 29,1. В то же самое время в США этот показатель был 5,0⁷.

Таким образом, мы видим разные фазы демографического состояния обществ, где население центральноамериканских стран объективно моложе. Их экономики не способны выдержать нагрузку на рынок труда со стороны молодого поколения. Также стабильное соотношение такого показателя, как ВВП на душу населения, показывает фактическое отсутствие структурного развития экономик, их «законсервированное» социальное неблагополучие. Как следствие, экономический фактор становится одной из ключевых причин для миграции в США.

Приведенные показатели демонстрируют неизменность причин, подталкивающих население стран региона к миграции. Все это проявляется в активной фазе регионального миграционного кризиса, который развивается на протяжении нескольких лет. Он наглядно проявляется в показателе числа задержаний на юго-западной границе США. На графике 1 видно, что критический рост начался с января 2021 г.

Как было отмечено ранее, вступление в должность президента Джозефа Байдена в январе 2021 г. сопровождалось очередным изменением принципов миграционной политики. Одним из первых шагов стала отмена Протоколов о защите мигрантов (Migrant Protection Protocols, MPP), известных как программа «Остаться в Мексике» (Remain in Mexico) и ряда других указов Д. Трампа. MPP были введены американской стороной 25 января 2019 г. в ответ на движение караванов мигрантов. Это было одностороннее изменение режима работы с просителями убежища, что на практике означало возвращение на мексиканскую сторону лиц, искавших убежище в США, на время ожидания решения. Эти шаги привели к

⁵ Median age by region, subregion and country. 1950–2100 (years) // World Population Prospects 2019. United Nations. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://population.un.org/wpp/> (дата обращения: 10.10.2021).

⁶ World Bank. World Development Indicators. GDP per capita, PPP, current international \$ [Электронный ресурс]. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 10.10.2021).

⁷ United Nation Office on Drugs and Crime [Электронный ресурс]. URL: <https://dataunodc.un.org/content/country-list> (дата обращения: 10.10.2021).

переформатированию региональной системы предоставления убежища, повышению роли Мексики в качестве буферного государства и третьей безопасной страны.

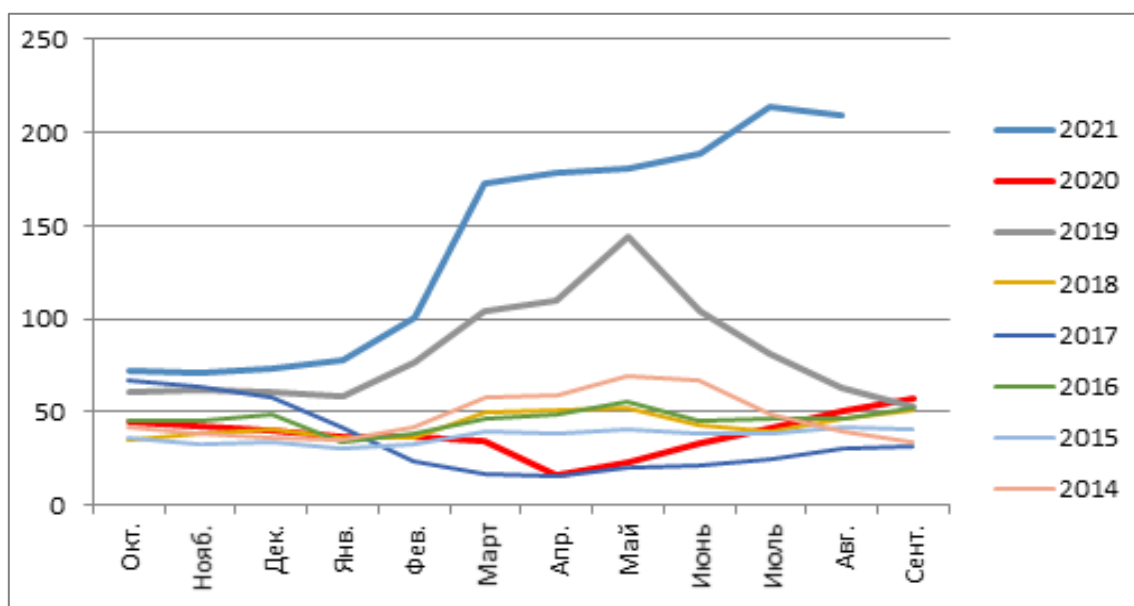

График 1. Статистика задержаний на юго-западной границе США (тыс. чел.)
Примечание: Построено по данным U.S. Customs and Border Protection

Однако изменение установленного регламента вызвало новую волну ожиданий и привело к активизации мобильности, несмотря на пандемию. Уже в феврале 2021 г. с отменой MPP у 70 тыс. мигрантов появилась формальная возможность въехать в Америку. Как отмечалось в прессе, американские чиновники всячески подчеркивали, что «мигранты не должны пытаться въехать в Америку прямо сейчас, поскольку для восстановления системы предоставления убежища, которая была демонтирована Трампом, требуется больше времени». Однако эти призывы не оказали сильного влияния на мотивы и решения людей. Уже в марте 2021 г. на границе было задержано около 19 тыс. детей и подростков без сопровождения законных опекунов, что было самым большим на тот момент ежемесячным показателем в истории США⁸.

Летом 2021 г. пиковые показатели задержаний на границе привели к тому, что в августе американская администрация начала практику активной высылки мигрантов на южную часть территории Мексики. Такое решение аргументировалось тем, что США стремятся снизить вероятность повторной попытки пересечения своей границы.

В связи с произошедшим обострением можно отметить, что президент США Джо Байден отменил многие из ограничительных иммиграционных мер своего предшественника-республиканца Дональда Трампа. Но на фоне 20-летнего максимума задержаний на границе он оставил в силе действие так называемого Раздела 42, ставшего юридическим основанием для реализации миграционной политики под «зонтом» санитарных мер.

Раздел 42 — это раздел Закона об общественном здравоохранении 1944 г., который был разработан для наделения органов здравоохранения полномочиями по карантину, который распространялся бы на всех, включая граждан США, прибывающих из другой страны⁹. По мнению правозащитников, приказ, изданный CDC (Центром по контролю и

⁸ Child migrants: Massive drop in children held by border officials // BBC. 05.05.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-56405009> (дата обращения: 10.10.2021).

⁹ Q&A: US Title 42 Policy to Expel Migrants at the Border // Human Rights Watch. 8.04.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hrw.org/news/2021/04/08/qa-us-title-42-policy-expel-migrants-border> (дата обращения: 10.10.2021).

профилактике заболеваний), запрещает въезд в США только одной категории людей: тем, кто пересекает границу из Мексики или Канады — людям, которые будут находиться в местах временного содержания. Иными словами, категория, о которой говорится в приказе, в основном мигранты, прибывающие без виз. С марта 2020 г. по апрель 2021 г. таможенная и пограничная охрана осуществила более 642,7 тыс. выдворений в соответствии с этим приказом, как правило, без проведения необходимых проверок. Мигрантов высылали либо в страну их происхождения, либо в Мексику, даже если они не были мексиканцами и не говорили по-испански. В некоторых случаях пограничные агенты США передавали мигрантов непосредственно мексиканским иммиграционным властям, которые затем их задерживали и депортировали. По мнению правозащитной организации Human Rights Watch, Раздел 42 стал примером дискриминационной политики в отношении чернокожих, автохтонного населения и латиноамериканцев, особенно из Центральной Америки, Африки и Гаити, присутствие которых в статистике было непропорционально высоким.

Другим фактором, ставящим под вопрос эффективность политики администрации Дж. Байдена и ведущим к трансформации миграционного курса, стали судебные решения, отменяющие указы президента. Так, 16 июля 2021 г. федеральный судья приостановил действие указа Д. Байдена по программе DACA. В решении отмечалось, что программа была «создана в нарушение закона» и «незаконно реализована». Это постановление запретило правительству принимать новые заявки на участие в программе, что стало фактической отменой распоряжения Байдена¹⁰. Через месяц, 25 августа 2021 г., Верховный суд США принял решение о восстановлении иммиграционной политики «Остаться в Мексике»¹¹, что вызвало критику со стороны правозащитных групп и похвалу бывшего президента Трампа¹². Решения по MPP и DACA стали новым витком юридического противостояния двух стратегий миграционной политики.

Таким образом, можно увидеть, как экстраординарный приток мигрантов и беженцев, с которым столкнулись американские власти, трансформировал политику администрации Байдена. Очевидно, что администрация Байдена перешла от попыток расширить возможности по работе с мигрантами в США к политике сдерживания, направленной на то, чтобы переместить мигрантов как можно дальше от границы между США и Мексикой. Такие шаги обозначили фактическую преемственность практики миграционной политики предыдущей администрации Д. Трампа. Если раньше американские власти отправляли депортированных мексиканцев в южную Мексику в попытке предотвратить повторные попытки пересечения границы, то летом 2021 г. впервые рейсы стали использоваться для перемещения жителей Центральной Америки подальше от границы. По данным таможенной и пограничной службы США, около трети мигрантов, взятых под стражу пограничными агентами США, пересекали границу повторно, что почти в три раза больше, чем в предыдущие годы¹³.

Проводимая администрацией США политика во многом лукавила при рассмотрении договорной базы в отношении защиты беженцев. Международные соглашения, защищающие права просителей убежища, как правило, запрещают правительствам отправлять предполагаемых жертв преследований обратно в их страны. Отправляя

¹⁰ *Breuninger K.* Judge orders Biden administration to stop approving new DACA applications // CNBC. 16.07.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cnn.com/2021/07/16/judge-orders-biden-administration-to-stop-approving-new-daca-applications.html> (дата обращения: 10.10.2021).

¹¹ *Sherman M.* Supreme Court orders “Remain in Mexico” policy reinstated // AP News. 25.08.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://apnews.com/article/mexico-courts-immigration-us-supreme-court-a3fe33081fa2909c17e8c08a2c37f818> (дата обращения: 10.10.2021).

¹² What’s next for the “Remain in Mexico” immigration policy? // Los Angeles Times. 27.08.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.latimes.com/world-nation/story/2021-08-27/whats-next-for-the-remain-in-mexico-immigration-policy> (дата обращения: 10.10.2021).

¹³ Biden administration will fly Central American migrants to southern Mexico in bid to discourage repeat crossings and stem virus spread // Washington Post. 06.08.2021 [Электронный ресурс]. URL: https://www.washingtonpost.com/national/biden-border-migrants-expulsion-flights/2021/08/06/1acd2762-f6f5-11eb-83e7-06a8a299c310_story.html (дата обращения: 10.10.2021).

центральноамериканцев в южную Мексику, официальные лица США утверждали, что люди, ищущие убежища, не будут подвергаться преследованиям со стороны государства и что уязвимые мигранты будут иметь возможность просить защиты в Мексике. Мексиканские официальные лица в течение нескольких месяцев призывали администрацию Байдена принять более строгие меры на границе с США и сократить скопление людей и контрабанды в приграничных городах Мексики, отправляя жителей Центральной Америки обратно в их родные страны.

На фоне обострения миграционного пограничного кризиса 29 июля 2021 г. американская администрация анонсировала Стратегию устранения причин миграции в Центральной Америке. Она должна стать основой для целенаправленных усилий администрации по созданию справедливой, упорядоченной и гуманной иммиграционной системы¹⁴. Предложенная Стратегия состоит из пяти основных компонентов: 1) решение проблемы экономической нестабильности и неравенства; 2) борьба с коррупцией и укрепление демократического управления, укрепление верховенства закона; 3) содействие уважению прав человека, трудовых прав и свободы прессы; 4) противодействие и предотвращение насилия, вымогательства и других преступлений, совершаемых преступными группировками, сетями торговли людьми и другими организованными преступными организациями; 5) борьба с сексуальным, гендерным и бытовым насилием. В рамках этой стратегии было объявлено о выделении 310 млн долларов в качестве срочной помощи для устранения острых факторов миграции, в том числе вызванных природными катастрофами — ураганами, засухой. Было выделено более 250 млн долларов из общего объема средств, помощь получили более 2 млн человек. Также США предоставили более 10 млн доз вакцины против COVID-19 Сальвадору, Гватемалу и Гондурасу¹⁵. В целом набор мер, предлагаемых в Стратегии, не оригинален. Подобные шаги в той или иной форме предпринимались и ранее. Во многом такие меры выглядели как попытка сделать хоть что-то в ситуации бушующего потока. Эффективность таких мер сомнительна, но и их отсутствие контрпродуктивно.

В складывающейся на границе ситуации, где основную роль играют выходцы из государств Северного треугольника, можно также увидеть и отдельные волны, вызванные процессами в других странах. В настоящее время отчетливо виден поток гаитянских беженцев, которые создают свою особую группу, также уязвимую к неопределенности миграционных процедур.

Подводя итог анализа инициатив администрации Дж. Байдена в сфере регулирования миграций, можно отметить, что администрация анонсировала и предприняла ряд шагов по изменению ограничительных мер политики своего предшественника Дональда Трампа. Однако сохранение действия Раздела 42 Закона об общественном здравоохранении 1944 г. стало основанием для высылки за границу сотен тысяч мигрантов и потенциальных беженцев. Пандемия стала катализатором негативных тенденций в миграционной сфере. Возвращение Протоколов о защите мигрантов и депортация выходцев из государств Центральной Америки на южную границу Мексики свидетельствует о фактическом превращении Мексики в буферную зону в качестве «приграничной территории». Отсутствие преемственности миграционной политики при неизменности глубинных причин миграции свидетельствует о внутривластной мотивации принимаемых в США решений. На этом фоне предпринимаемые североамериканской администрацией шаги по выработке стратегии искоренения причин миграции выглядят неубедительно. Однако сложно представить набор мер, который сможет в короткий период времени решить назревшие проблемы, результатом которых становится массовый исход.

¹⁴ Strategy to Address the Root Causes of Migration in Central America // White House Fact Sheet. 29.07.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/07/29/fact-sheet-strategy-to-address-the-root-causes-of-migration-in-central-america/> (дата обращения: 10.10.2021).

¹⁵ Idem.

Библиография

1. President Biden Outlines Steps to Reform Our Immigration System by Keeping Families Together, Addressing the Root Causes of Irregular Migration, and Streamlining the Legal Immigration System // White House Fact Sheet. 02.02.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/02/02/fact-sheet-president-biden-outlines-steps-to-reform-our-immigration-system-by-keeping-families-together-addressing-the-root-causes-of-irregular-migration-and-streamlining-the-legal-immigration-syst/> (дата обращения: 10.10.2021).
2. Шумилина И. В. Иммиграционная реформа Дж. Байдена: «американская мечта» возрождается? // США и Канада: экономика, политика, культура. 2021. № 7. С. 19–33.
3. Кудеярова Н. Ю. Миграционные реформы в США: мексиканский вектор дискуссии // Ибероамериканские тетради. 2014. № 3. С. 85–94.
4. Median age by region, subregion and country. 1950–2100 (years) // World Population Prospects 2019. United Nations. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://population.un.org/wpp/> (дата обращения: 10.10.2021).
5. World Bank. World Development Indicators. GDP per capita, PPP, current international \$ [Электронный ресурс]. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 10.10.2021).
6. United Nation Office on Drugs and Crime [Электронный ресурс]. URL: <https://dataunodc.un.org/content/country-list> (дата обращения: 10.10.2021).
7. Child migrants: Massive drop in children held by border officials // BBC. 05.05.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-56405009> (дата обращения: 10.10.2021).
8. Q&A: US Title 42 Policy to Expel Migrants at the Border // Human Rights Watch. 8.04.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hrw.org/news/2021/04/08/qa-us-title-42-policy-expel-migrants-border> (дата обращения: 10.10.2021).
9. Breuninger K. Judge orders Biden administration to stop approving new DACA applications // CNBC. 16.07.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cnbc.com/2021/07/16/judge-orders-biden-administration-to-stop-approving-new-daca-applications.html> (дата обращения: 10.10.2021).
10. Sherman M. Supreme Court orders “Remain in Mexico” policy reinstated // AP News. 25.08.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://apnews.com/article/mexico-courts-immigration-us-supreme-court-a3fe33081fa2909c17e8c08a2c37f818> (дата обращения: 10.10.2021).
11. What’s next for the “Remain in Mexico” immigration policy? // Los Angeles Times. 27.08.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.latimes.com/world-nation/story/2021-08-27/whats-next-for-the-remain-in-mexico-immigration-policy> (дата обращения: 10.10.2021).
12. Biden administration will fly Central American migrants to southern Mexico in bid to discourage repeat crossings and stem virus spread // Washington Post. 06.08.2021 [Электронный ресурс]. URL: https://www.washingtonpost.com/national/biden-border-migrants-expulsion-flights/2021/08/06/1acd2762-f6f5-11eb-83e7-06a8a299c310_story.html (дата обращения: 10.10.2021).
13. Strategy to Address the Root Causes of Migration in Central America // White House Fact Sheet. 29.07.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/07/29/fact-sheet-strategy-to-address-the-root-causes-of-migration-in-central-america/> (дата обращения: 10.10.2021).

A. A. Манухин¹

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АМЕРИКА КАК ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ ПОЛИГОН ДЛЯ «МНОГОСТОРОННЕЙ» ПОЛИТИКИ АДМИНИСТРАЦИИ ДЖОЗЕФА БАЙДЕНА

CENTRAL AMERICA AS A TESTING GROUND FOR THE ADMINISTRATION'S "MULTILATERAL" POLICY JOSEPH BIDEN

Resumen: Este informe examina cómo la administración de Joe Biden ha intentado implementar diferentes métodos en el contexto del desarrollo de una estrategia unificada para Centroamérica. Uno de sus principales postulados fue un alejamiento de la línea de sus predecesores republicanos, reemplazándola por una política "multilateral". En primer lugar, se considerará la interacción con actos estatales, supranacionales y no estatales sobre migración, desarrollo económico y renovación de las instituciones políticas. El principal desafío para los Estados Unidos sigue siendo el crecimiento descontrolado de la migración ilegal, los esfuerzos para frenar que hasta ahora no han producido resultados tangibles. El equipo de Joe Biden está tratando de aplicar un enfoque "integral", tratando de eliminar las condiciones adversas asociadas con el cambio climático. La actividad en esta área va acompañada de la búsqueda de beneficios políticos para las empresas estadounidenses. Un irritante constante aquí es la interacción con los gobiernos del Triángulo Norte y las "terceras fuerzas" en la lucha contra la corrupción.

Palabras claves: Joe Biden; política multilateral; Centroamérica.

Abstract: This report examines how the Joseph Biden administration has attempted to apply different methods in the context of developing a unified strategy for Central America. One of their main postulates was a departure from the line of their Republican predecessors, replacing it with a "multilateral" policy. First of all, interaction with state, supranational and non-state acts on migration, economic development and renewal of political institutions will be considered. The main challenge for the United States continues to be the uncontrolled growth of illegal migration, the efforts to curb which have so far failed to produce tangible results. Joe Biden's team is trying to apply a "comprehensive" approach, trying to eliminate the adverse conditions associated with climate change. Activity in this area is accompanied by the search for political benefits for American business. A constant irritant here is interaction with the governments of the Northern Triangle and "third forces" in the fight against corruption.

Key words: Joe Biden; multilateral policy; Central America.

Решение центральноамериканской проблемы выступало одним из главных пунктов внешнеполитической программы Джозефа Байдена, что свидетельствует о логическом продолжении многолетних попыток приспособиться к растущей миграции и представляет очередной этап эволюции общей региональной стратегии США². Первая версия «Стратегии участия США в делах Центральной Америки» была подготовлена еще в 2012 г.³

¹ Манухин Алексей Анатольевич, Россия, кандидат исторических наук, второй секретарь Посольства РФ в США (warcraftdouble@yandex.ru).

² The Biden Plan to Build Security and Prosperity in Partnership with the People of Central America // Biden-Harris Democrats [Электронный ресурс]. URL: <https://joebiden.com/centralamerica/> (дата обращения: 17.09.2021).

³ U.S. Strategy for Engagement in Central America: An Overview // Congressional Research Service. February 16, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/IF10371.pdf> (дата обращения: 17.09.2021).

В период с марта по август 2021 г. высшие функционеры из Совета по национальной безопасности (СНБ), госдепартамента, министерства внутренней безопасности (МВБ) и Агентства США по международному развитию (U.S. Agency for International Development, USAID) совершили в общей сложности более десятка визитов в регион. Знаковым стало посещение вице-президентом Камалой Харрис (на нее, как ранее при Бараке Обаме на Дж. Байдена, была возложена роль координатора этой политики) Гватемалы и Мексики 7–8 июня 2021 г. При этом Белый дом сразу же приступил к активному вовлечению других государств, международных организаций, частного бизнеса, объединений гражданских активистов и экспертных групп в ее практическую реализацию.

В настоящем докладе с точки зрения отмеченной выше «многосторонности» будут рассмотрены три основных компонента подхода действующей администрации: управление миграционными потоками, реактивация экономики и «оздоровление» политических систем (в первую очередь, за счет борьбы с коррупцией). Она отражает взгляд на причины трудностей в развитии «хрупких государств» с точки зрения «дефицита безопасности». Неустойчивость социальных и государственных институтов рекомендуется преодолевать с помощью агентств ООН, Всемирного банка и региональных финансовых структур, транснационального и местного бизнеса. Все это рассматривается как путь к обеспечению «гражданской безопасности»⁴.

Победившие на выборах 2020 г. демократы незамедлительно перешли к демонтажу миграционной архитектуры Д. Трампа, заклеив ее как провальную. Дж. Байден поспешил заявить о ее пересмотре, издав соответствующий указ⁵. Вашингтон в одностороннем порядке вышел из Соглашений о содействии в предоставлении убежища (Asylum Cooperation Agreements, ACA) с республиками Северного треугольника (Гватемала, Гондурас, Сальвадор), предусматривавших высылку нелегалов в так называемую «третью безопасную страну». Также была приостановлена программа «Протоколов по защите мигрантов» (Migrant Protection Protocols, MPP), по которой более 60 тыс. человек ожидали в Мексике решения американских миграционных судов. Взамен началось рассмотрение заявок на предоставление убежища в лагерях временного пребывания на мексиканской территории, а также в местах проживания соискателей, с применением специальной виртуальной системы. Операция непосредственно осуществлялась Управлением верховного комиссара по делам беженцев (УВКПБ) ООН при содействии многочисленных западных и латиноамериканских НПО⁶.

Восстанавливалось действие механизма по приему несовершеннолетних мигрантов, который открывал возможность для воссоединения их с законными представителями в США (первоначально вступил в действие в 2014 г. в условиях первой волны прибытия детей без сопровождения). В июне 2021 г. США выделили дополнительное финансирование в размере 57 млн долл. с целью реализации Рамочного механизма по защите и решениям (Marco Integral de Protección y Soluciones, MIRPS) УВКПБ ООН на конференции в Сан-Хосе (Коста-Рика)⁷. Наряду с этим внимание администрации постоянно сфокусировано на поддержке любых действий, способных регулировать трансграничные людские потоки. Так, в августе 2021 г. госдепартамент активно поддержал соответствующее соглашение между Коста-Рикой, Панамой и Колумбией⁸.

⁴ Aguirre K., Muggah R. Las agencias multilaterales y el enfoque en seguridad ciudadana en América Latina // Revista CIDOB d'Afers Internacionals. Barcelona. 2017. No. 116. P. 25–52.

⁵ Executive Order on Creating a Comprehensive Regional Framework to Address the Causes of Migration // The White House. February 2, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2021/02/02/> (дата обращения: 17.09.2021).

⁶ UN Agencies Begin Registering Asylum Seekers at U.S.-Mexico Border // United Nations. February 25, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://news.un.org/en/story/2021/02/1085642> (дата обращения: 17.09.2021).

⁷ Announcing New Assistance to Respond to Humanitarian Challenges in Central America // U.S. Department of State. June 10, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/announcing-new-assistance-to-respond-to-humanitarian-challenges-in-central-america/> (дата обращения: 17.09.2021).

⁸ Cancilleres americanos dicuten sobre la crisis migratoria // Telesur. 11 de agosto de 2021.

Несмотря на это, наблюдается обострение миграционного вопроса. Серьезным раздражителем стало представление значительной части потенциальных бенефициаров гуманитарной программы Дж. Байдена о том, что США готовы принять буквально всех желающих. Если в марте 2021 г. агентами пограничной службы было зафиксировано чуть более 170 тыс. попыток незаконного проникновения в США, то в июле — уже 213,5 тыс. (рекорд с начала тысячелетия)⁹. В такой обстановке ответственные лица администрации развернули меры по сдерживанию наплыва мигрантов. Гватемала и Мексика дали согласие на открытие на своей территории новых центров временного содержания и реабилитации. В ответ на критику применения силы для сдерживания караванов нелегальных мигрантов констатировалось уважение суверенитета транзитных государств, которые вправе оказывать помощь США тем способом, который кажется им наиболее оправданным¹⁰.

На экономическом направлении положение дел более благоприятное для администрации. Региональные экономики тесно связаны с американским рынком через членство в Центральноамериканском соглашении о свободной торговле (CAFTA-DR). Достаточно эффективно функционируют региональные интеграционные объединения — Центральноамериканская интеграционная система (Sistema de Integración Centroamericana, SICA) и Центральноамериканская система экономической интеграции (Sistema de Integración Económica Centroamericana, SIECA). Регион давно является полем деятельности международных банков, фондов и корпораций, которые выделяют финансирование под различные проекты. Пальма первенства здесь принадлежит Межамериканскому банку развития (Banco Interamericano del Desarrollo, BID), который, по наблюдениям исследователей, разработал наиболее перспективные подходы к развитию на местах, значительно опережая в этом смысле Всемирный банк¹¹. Заметно участие и Центральноамериканского банка экономической интеграции (Banco Centroamericano de Integración Económica, BCIE).

BID, как и при Б. Обаме, позиционируется демократами в качестве главного двигателя перемен в Центральной Америке. Президент банка Маурисио Клавер-Кароне заявил о готовности мобилизовать до 2 млрд долл. только на помощь странам Северного треугольника. Учреждение рассматривается как эффективный инструмент не только в силу тесных связей с американским правительством и такими его агентствами, как USAID и Корпорация по финансированию международного развития (Development Finance Corporation, DFC). Привлекательной выглядит его прочная репутация по возможности привлекать инвестиции от внерегиональных партнеров США (Европейского союза, Канады, Швейцарии, Японии)¹².

Отличительная особенность действий нынешних властей заключается в консолидации действий частных инвесторов. Наиболее яркий пример — «Призыв к действию», обращенный к 12 транснациональным компаниям и НПО (среди них такие бренды, как Mastercard, Microsoft, Nespresso)¹³. Расчет состоит в том, что участники будут одновременно способствовать совершенствованию рынка труда через предоставление доступа к Интернету и электронной коммерции.

Помощь странам Северного треугольника ведется с привлечением «ко-спонсоров» в лице Мексики, Канады и Коста-Рики. С первыми двумя странами в рамках

⁹ Southwest Land Border Encounters // U.S. Customs and Border Protection. September 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cbp.gov/newsroom/stats/southwest-land-border-encounters> (дата обращения: 17.09.2021).

¹⁰ *Esquivel J. J.* Narcotráfico, migración, violencia, tráfico de armas... “Somos parte del problema” // Revista Proceso. 12 de septiembre de 2021. P. 20–24.

¹¹ *Aguirre, Muggah*, op. cit., p. 36, 39–41.

¹² Central America at 200: What does the Next Phase of Regional Integration Look Like? // Atlantic Council. September 15, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/event/central-america-at-200/> (дата обращения: 18.09.2021).

¹³ Vice President Harris Launches a Call to Action to the Private Sector to Deepen Investment in the Northern Triangle // The White House. May 27, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/05/27/fact-sheet-vice-president-harris-launches-a-call-to-action-to-the-private-sector-to-deepen-investment-in-the-northern-triangle/> (дата обращения: 18.09.2021).

североамериканского интеграционного объединения (United States — Mexico — Canada, USMCA) обсуждается выдача этими государствами сезонных трудовых виз для гватемальцев, гондурасцев и сальвадорцев¹⁴. Вашингтон одобрил идею президента Андреса Мануэля Лопеса Обрадора о переносе в центральноамериканские республики мексиканских социальных программ «Сеем жизнь» (*Sembrando la Vida*) и «Молодежь строит будущее» (*Jóvenes construyendo el futuro*). В дополнение к этому Мексика рассматривается как поставщик природного газа в Центральную Америку. Коста-Рике, как региональному «энтузиасту» в применении «зеленых технологий» в сельском хозяйстве и энергетике, отводится главная роль в передаче опыта соседям¹⁵.

Вопросы совместного поиска решения проблем Центральной Америки» США стараются выносить на обсуждение региональных объединений, в частности, SICA¹⁶. В конечном счете, смысл подхода состоит в повышении привлекательности инвестирования американского бизнеса и перевода национальных производств «ближе к границам» США (*Near-shoring*). Отсылка к этому содержится в «Стратегии применительно к коренным причинам миграции из Центральной Америки», выпущенной СНБ¹⁷.

Расширение социально-экономических возможностей поставлено разработчиками современной версии центральноамериканской стратегии в прямую зависимость от улучшения политической культуры. Рычагом давления выступает угроза применения персональных санкций. «Пробным шаром» здесь стали визовые запреты госдепартамента по отношению к гватемальским депутатам¹⁸. Отдельную роль здесь играет Конгресс, принявший так называемый «Акт Ангеля», обязывающий администрации готовить и регулярно обновлять список коррумпированных должностных лиц из стран Центральной Америки¹⁹.

Политический класс упрекается за то, что слишком долго «пренебрегал» нуждами широких масс сограждан, а на США возлагается роль той силы, которая неизбежно должна «привлечь виновных к ответу». Во время пребывания в Гватемале К. Харрис обнародовала учреждение единого «целевого антикоррупционного контингента» госдепартамента и министерства юстиции²⁰. В ходе визитов в страны Северного треугольника должностные лица из первых уст получали информацию о внутривластной обстановке, в том числе от заинтересованных бенефициаров американских программ помощи.

Так, в мае 2021 г. после замены высшего состава прокуратуры Сальвадора президентом Найибом Букеле часть средств USAID, предназначенных правительству республики, была «перенаправлена» в пользу организаций гражданского общества²¹. Госдепартамент заявил об ограничении сотрудничества с генеральной прокуратурой Гватемалы после увольнения специального прокурора по борьбе с безнаказанностью Хуана

¹⁴ A New Future for North America // The Wilson Center. March 2, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wilsoncenter.org/event/new-future-north-america> (дата обращения: 18.09.2021).

¹⁵ Emerging Markets Recovery in 2021; Conversations with Leaders of the Americas // Atlantic Council. April 5, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/events/> (дата обращения: 18.09.2021).

¹⁶ Secretary Blinken's Meetings with the Foreign Ministers from the Hemisphere // U.S. Department of State. June 2, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/secretary-blinkens-meeting-with-foreign-ministers-from-the-hemisphere> (дата обращения: 18.09.2021).

¹⁷ U.S. Strategy for Addressing the Root Causes of Migration in Central America // National Security Council. July 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/07/Root-Causes-Strategy.pdf> (дата обращения: 18.09.2021).

¹⁸ The United States Sanctions Guatemalan Officials for Corruption // U.S. Department of State. April 26, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/the-united-states-sanctions-guatemalan-officials-for-corruption/#>: (дата обращения: 19.09.2021).

¹⁹ Engel U.S. — Northern Triangle Enhanced Engagement Act Passes Congress. December 22, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://foreignaffairs.house.gov/2020/12/engel-u-s-northern-triangle-enhanced-engagement-act-passes-congress> (дата обращения: 19.09.2021).

²⁰ FACT-SHEET: U.S. — Guatemala Cooperation // White House. June 7, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/06/07/fact-sheet-u-s-guatemala-cooperation/> (дата обращения: 19.09.2021).

²¹ Bernal R. USAID “redirects” El Salvador Funds from Government to Civil Society // The Hill. May 21, 2021.

Франсиско Сандовалья, бежавшего в США²². Все это выглядит тем примечательнее, что каждая из стран центральноамериканского перешейка является важным звеном архитектуры сдерживания миграции и борьбы с наркотрафиком. Кроме того, в Вашингтоне признают неизбежность привлечения властей к борьбе с коррупцией.

Подводя итоги, стоит еще раз подчеркнуть, что политика Дж. Байдена для Центральной Америки во многом выступает попыткой наверстать то время, что было «потеряно» за период администрации Д. Трампа. В ней нашли отражение представления о регулировании мирового развития в таких аспектах, как противостояние изменению климата и востребованность изменения рынка труда в развивающихся странах. По своему охвату она далеко выходит за пределы Северного треугольника, хотя сдерживание миграции из этой зоны по-прежнему является приоритетной задачей. Наконец, в своих основных элементах она отражает на региональном уровне параметры глобального подхода США «Отстроим мир лучше» (Build Back Better World), а также курса по восстановлению альянсов и партнерств Америки.

Библиография

1. Announcing New Assistance to Respond to Humanitarian Challenges in Central America // U.S. Department of State, June 10, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/announcing-new-assistance-to-respond-to-humanitarian-challenges-in-central-america/> (дата обращения: 17.09.2021).
2. The Biden Plan to Build Security and Prosperity in Partnership with the People of Central America // Biden-Harris Democrats [Электронный ресурс]. URL: <https://joebiden.com/centralamerica/> (дата обращения: 17.09.2021).
3. Cancilleres americanos dicuten sobre la crisis migratoria // Telesur. 11 de agosto de 2021.
4. Central America at 200: What does the Next Phase of Regional Integration Look Like? // Atlantic Council. September 15, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/event/central-america-at-200/> (дата обращения: 18.09.2021).
5. Declaración de la Oficina de la Portavoz del Departamento de Estado // U.S. Embassy en Guatemala. 27 de julio de 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://gt.usembassy.gov/es/declaracion-de-la-oficina-del-portavoz-del-departamento-de-estado/> (дата обращения: 19.09.2021).
6. Emerging Markets Recovery in 2021; Conversations with Leaders of the Americas // Atlantic Council. April 5, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/events/> (дата обращения: 13.05.2021).
7. Engel U.S. — Northern Triangle Enhanced Engagement Act Passes Congress. December 22, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://foreignaffairs.house.gov/2020/12/engel-u-s-northern-triangle-enhanced-engagement-act-passes-congress> (дата обращения: 19.09.2021).
8. Executive Order on Creating a Comprehensive Regional Framework to Address the Causes of Migration // The White House. February 2, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2021/02/02/> (дата обращения: 17.09.2021).
9. FACT-SHEET: U.S. — Guatemala Cooperation // White House. June 7, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/06/07/fact-sheet-u-s-guatemala-cooperation/> (дата обращения: 19.09.2021).
10. FACT-SHEET: Vice President Harris Launches a Call to Action to the Private Sector to deepen Investment in the Northern Triangle // The White House. May 27, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/05/27/fact-sheet-vice-president-harris-launches-a-call-to-action-to-the-private-sector-to-deepen-investment-in-the-northern-triangle/> (дата обращения: 18.09.2021).
11. *Esquivel J. J.* Narcotráfico, migración, violencia, tráfico de armas... “Somos parte del problema” // Revista Proceso. 12 de septiembre de 2021. P. 20–24.
12. *Aguirre K., Muggah R.* Las agencias multilaterales y el enfoque en seguridad ciudadana en América Latina // Revista CIDOB d’Afers Internacionals. Barcelona. 2017. N. 116. P. 25–52.

²² Declaración de la Oficina de la Portavoz del Departamento de Estado, U.S. Embassy en Guatemala, 27 de julio de 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://gt.usembassy.gov/es/declaracion-de-la-oficina-del-portavoz-del-departamento-de-estado/> (дата обращения: 19.09.2021).

13. A New Future for North America // The Wilson Center. March 2, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wilsoncenter.org/event/new-future-north-america> (дата обращения: 18.09.2021).
14. *Bernal R.* USAID “redirects” El Salvador Funds from Government to Civil Society // The Hill. May 21, 2021.
15. Secretary Blinken’s Meetings with the Foreign Ministers from the Hemisphere // U.S. Department of State. June 2, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/secretary-blinkens-meeting-with-foreign-ministers-from-the-hemisphere> (дата обращения: 18.09.2021).
16. Southwest Land Border Encounters // U.S. Customs and Border Protection. September 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cbp.gov/newsroom/stats/southwest-land-border-encounters> (дата обращения: 17.09.2021).
17. UN Agencies Begin Registering Asylum Seekers at U.S.-Mexico Border // United Nations. February 25, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://news.un.org/en/story/2021/02/1085642> (дата обращения: 17.09.2021).
18. The United States Sanctions Guatemalan Officials for Corruption // U.S. Department of State. April 26, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/the-united-states-sanctions-guatemalan-officials-for-corruption/#>: (дата обращения: 19.09.2021).
19. U.S. Strategy for Engagement in Central America: An Overview // Congressional Research Service. February 16, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/IF10371.pdf> (дата обращения: 17.09.2021).
20. U.S. Strategy for Addressing the Root Causes of Migration in Central America // National Security Council. July 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/07/Root-Causes-Strategy.pdf> (дата обращения: 18.09.2021).

М. А.-М. Кодзоев¹

ПОЛИТИКА АДМИНИСТРАЦИИ ДЖ. БАЙДЕНА В ОТНОШЕНИИ СТРАН СЕВЕРНОГО ТРЕУГОЛЬНИКА (САЛЬВАДОР, ГВАТЕМАЛА, ГОНДУРАС)

THE POLICY OF THE ADMINISTRATION OF JOHN BIDEN IN RELATION TO THE COUNTRIES OF THE NORTHERN TRIANGLE (EL SALVADOR, GUATEMALA, HONDURAS)

Аннотация: В докладе дается анализ внешней политики США в отношении стран Северного треугольника Центральной Америки (Гватемалы, Гондураса и Сальвадора) в первые месяцы правления Дж. Байдена. В общих чертах представлены основные трудности в социально-экономическом развитии субрегиона и попытки их преодоления. Современная стратегия демократов базируется на основе тех проектов, которые были испытаны еще в период президентства Б. Обамы (2009–2017). Дж. Байден следует тому же курсу (пока на уровне заявлений), но с учетом опыта предыдущей работы. Его план, по сути, укладывается в принципы, заложенные ООН в Повестке устойчивого развития на период до 2030 года. Их интегральная трактовка позволяет считать, что социально-экономические, политические и гуманитарные бедствия центральноамериканских народов тесно взаимосвязаны, и общее повышение их уровня жизни повлечет за собой сокращение миграции и преступности. Успехи и неудачи этой стратегии, результаты которой проявятся в ближайшем будущем, представляют собой бесценный опыт для концепции устойчивого развития в целом. Поэтому выводы данного доклада можно считать началом более крупного исследования на годы вперед.

Ключевые слова: США; Центральная Америка; Северный треугольник; устойчивое развитие; «Альянс за процветание»; Байден; миграция.

Abstract: The report analyzes the US foreign policy towards the countries of the Northern triangle of Central America (Guatemala, Honduras and El Salvador) in the first months of the reign of J. Biden. The main difficulties in the socio-economic development of the subregion and attempts to overcome them are presented in general terms. The modern strategy of the Democrats is based on those projects that were tested during the presidency of Barack Obama (2009–2017). Biden follows the same course (at least so far at the level of statements), but taking into account the experience of previous work. His plan, in fact, fits into the principles laid down by the UN in the Sustainable Development Agenda for the period up to 2030. Their integral interpretation suggests that the socio-economic, political and humanitarian disasters of the Central American peoples are closely interrelated and a general increase in their standard of living will entail a reduction in migration and crime. The successes and failures of this strategy, the results of which will manifest themselves in the near future, represent invaluable experience for the concept of sustainable development as a whole. Therefore, the conclusions of this report can be considered the beginning of a larger study for years to come.

¹ **Кодзоев Магомед Абдул-Мажитович**, Россия, кандидат политических наук, старший научный сотрудник ИЛА РАН, доцент РУДН (zakon2bona@mail.ru).

Доклад подготовлен при поддержке гранта РФФИ № 20-014-00023/20 «Трансформация региональных моделей международных отношений в Западном полушарии».

Key words: USA; Central America; Northern Triangle; sustainable development; Alliance for Prosperity; Biden; migration.

Размышляя над темой моего сегодняшнего выступления и постепенно углубляясь в проблему социально-экономического развития самых неблагополучных стран Центральной Америки, т.н. Северного треугольника (Гватемалы, Гондураса и Сальвадора), я обнаружил, что в борьбе за свое счастье они столкнулись с принципиальными, можно сказать, решающими дилеммами. Суть этих дилемм заключается в следующем: либо государственные власти продолжают движение, так сказать, по проторенной дорожке, которая за десятки лет успела себя здорово дискредитировать, либо коренным образом пересмотрят свои взгляды на то, как необходимо действовать дальше. И в этой связи к сегодняшнему дню господствующим стало мнение о том, что беды, постигшие народы стран Северного треугольника, невозможно искоренить без комплексного (или интегрального) подхода. С небольшим отставанием, кажется, это стали осознать и в Вашингтоне. Сразу скажу, что план Дж. Байдена для Центральной Америки, о котором мы сегодня будем говорить, по многим параметрам отвечает содержанию и смыслу целей устойчивого развития.

Давайте сначала я кратко охарактеризую ситуацию, последствия которой выходят далеко за пределы субрегиона, а потом уже поговорим о том, что и как делается для их преодоления. То, что сегодня происходит в странах Северного треугольника, в общих чертах широко известно.

Во-первых, высокий уровень преступности. Сальвадор долгие годы оставался одним из мировых лидеров по количеству убийств. Здесь в 2015 г. число убитых на 100 тыс. жителей перевалило за сотню². Правда, с приходом к власти Н. Букеле в 2018 г. ситуация немного улучшилась, и Сальвадор уступил свое лидерство по данному показателю Гондурасу (в 2019 г. — 36³ и 43⁴ убитых на 100 тыс. жителей соответственно). Гораздо лучше обстоят дела в Гватемале, где приблизительно 22 убитых на 100 тыс. жителей⁵. В целом по миру латиноамериканские страны традиционно занимают первые десять позиций (сюда входят Мексика, Бразилия, Венесуэла, Колумбия и т.д.). Гватемала находится примерно на восьмом месте. Конечно, количество убийств — не единственный показатель преступности.

Во-вторых, в Северном треугольнике широко распространена деятельность транснациональных преступных группировок. Рассказывать о знаменитых бандах *Mara Salvatrucha (MS-13)* и *Barrio-18* в рамках сегодняшнего выступления не имеет смысла, потому что это очень обширная тема. ОПГ действуют во всех странах «треугольника», в Мексике, США и даже в Европе. В конце 2020 г. американское правительство объявило MS-13 террористической организацией, что позволило Сальвадору начать беспрецедентную борьбу против нее на своей территории⁶. Совершенно очевидно, что, вербуя в свои ряды молодежь, мафия разрушает общество. Кроме того, криминогенность социума существенно тормозит его развитие. Причем неясно, что со всем этим делать. Преступники вместе с иммигрантами тысячами проникают в США. Их обратная депортация приводит к

² El Salvador Crime Rate & Statistics 1994–2021 // MacroTrends [Электронный ресурс]. URL: <https://www.macrotrends.net/countries/SLV/el-salvador/crime-rate-statistics> (дата обращения: 10.10.2021).

³ El Salvador 2020 Crime & Safety Report // OSAC. 31.03.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.osac.gov/Country/ElSalvador/Content/Detail/Report/b4884604-977e-49c7-9e4a-1855725d032e> (дата обращения: 10.10.2021).

⁴ Honduras Crime Rate & Statistics 1990–2021 // MacroTrends [Электронный ресурс]. URL: <https://www.macrotrends.net/countries/HND/honduras/crime-rate-statistics> (дата обращения: 10.10.2021).

⁵ Guatemala Crime Rate & Statistics 1992–2021 // MacroTrends [Электронный ресурс]. URL: <https://www.macrotrends.net/countries/GTM/guatemala/crime-rate-statistics> (дата обращения: 10.10.2021).

⁶ MS13 // Insight Crime. 22.09.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://insightcrime.org/el-salvador-organized-crime-news/mara-salvatrucha-ms-13-profile/> (дата обращения: 10.10.2021).

значительному усугублению обстановки в субрегионе. С 2000 по 2004 гг. из США было выслано 20 тыс. нелегалов, в 2018 г. — еще 6 тысяч. Большинство из них — члены «марас»⁷.

В-третьих, нелегальная миграция, подобно гигантским артериям, пронизывает весь регион, способствуя, помимо всего прочего, распространению организованной преступности. Именно миграционный кризис на американо-мексиканской границе, связанный с т.н. «караванами мигрантов», в 2017 г. привлек особое внимание администрации Д. Трампа, а затем стал настоящей головной болью для Дж. Байдена. Мексика оказалась между молотом и наковальней, пытаясь сдержать потоки беженцев на своей южной границе. На эту тему немало написано в академической литературе. Исследователи сходятся в том, что президент А. М. Лопес Обрадор, пришедший к власти, когда Мексика превратилась из донора миграции в транзитера, поддержал идею интегрального подхода в урегулировании миграционного кризиса⁸. Лидеры Гватемалы, Гондураса и Сальвадора разделяют его точку зрения.

Рецепты, которые предложил Дж. Байден для искоренения миграционного кризиса, преступности, насилия и бедности, хорошо укладываются в Цели устойчивого развития Повестки 2030, принятой ООН в 2015 году. Напомню, это 17 целей, включающих в себя ликвидацию нищеты и голода, повышение уровня здравоохранения и образования, гендерное равенство, экологическую повестку, экономический рост и экономическое равенство, обеспечение научного и технологического развития, а также демократии, прав и свобод и т.д. Профессор В. М. Давыдов в своих работах предлагает интегральную трактовку этих целей, суть которых заключается во взаимозависимости социальных, экономических, гуманитарных, экологических и политических бедствий⁹. План Байдена содержит в себе очень похожую трактовку. Что же он предлагает?

Еще с 2008 г. под руководством Агентства США по международному развитию (USAID) несколько лет подряд действовала Центральноамериканская региональная инициатива по безопасности (Central America Regional Security Initiative, CARSI), на которую было выделено более 1,1 млрд долларов. В марте 2015 г. Дж. Байден, будучи вице-президентом, посетил Гватемалу, где встречался с лидерами центральноамериканских государств. Он предложил программу, которая должна была стать эффективным средством урегулирования детской миграции на американо-мексиканской границе¹⁰. По просьбе Белого дома в бюджете США на 2016 г. было выделено 750 млн долларов (Байден просил 1 млрд долл.) на реализацию плана, получившего название «Альянс за процветание». Большая их часть (почти 50 %) предназначалась, говоря словами вице-президента, для решения «взаимосвязанных проблем» в области безопасности, государственного управления и экономического развития¹¹.

Дало ли это какие-то серьезные результаты — спорный вопрос. По данным Вашингтонского бюро по Латинской Америке (Washington Office on Latin America, WOLA) уровень насилия в Северном треугольнике за тот период снизился, но незначительно¹². Но

⁷ Maras (исп.) — муравьи, так по местному обычаю называют членов организованных преступных группировок.

⁸ *Сударев В. П.* Эволюция политики США в Латинской Америке при президенте Д. Трампе // США и Канада: экономика, политика, культура. № 1. Т. 50. М., 2020. С. 77–79; *Кудеярова Н. Ю.* Миграционная трансформация в Мексике. Вызовы и новые возможности для правительства А. М. Лопеса Обрадора // Латинская Америка. 2021. № 7. С. 11–17.

⁹ *Давыдов В. М.* Перспектива устойчивого развития в новом глобальном и региональном контексте: материалы доклада на заседании Отделения глобальных проблем и международных отношений. М.: ИЛА РАН, 2020. С. 21.

¹⁰ Remarks by Vice President Biden at a Plenary with Central American Leaders // US Embassy in Honduras. 02.03.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://hn.usembassy.gov/remarks-vice-president-biden-plenary-central-american-leaders/> (дата обращения: 10.10.2021).

¹¹ President Obama's \$1 Billion Foreign Aid Request for Central America // CRS Insight. 05.01.2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://sgp.fas.org/crs/row/IN10237.pdf> (дата обращения: 10.10.2021).

¹² Guatemala: A Glimmer of Hope for Violence Reduction in the Region // WOLA. 09.01.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wola.org/analysis/guatemala-glimmer-hope-violence-reduction-region/> (дата обращения: 10.10.2021).

это мало о чем говорит. В марте 2017 г. известное издание «Insight Crime» опубликовало свое исследование, в котором были представлены две диаметрально противоположные точки зрения по поводу эффективности программ помощи¹³. Латиноамериканский проект общественного мнения при Университете Вандербильта (Vanderbilt University's Latin American Public Opinion Project, LAPOP), единственный агент, официально занимавшийся этой темой, утверждал, что районы, где применялись интегральные методы CARSI, в какой-то степени были более благополучны, нежели другие, где власти по-прежнему пользовались традиционными методами «твердой руки» (*mano dura*). Выводы LAPOP опубликованы на сайте USAID, где служат подтверждением эффективности программ агентства¹⁴.

В свою очередь, вашингтонский Центр экономических и политических исследований (Center for Economic and Policy Research, CEPR) в конце 2016 г. выпустил опровержение результатов доклада LAPOP¹⁵. Центр раскритиковал использованные методы, отметив, что районы, взятые для сравнения показателей, были подобраны неправильно. История на этом не закончилась, стороны несколько раз обменивались замечаниями, каждая в свою пользу. Однако, учитывая тот факт, что проблемы субрегиона с тех пор не только не решились, а наоборот, усугубились, можно утверждать, что миллиардная программа USAID не увенчалась успехом. Косвенно это своими сегодняшними решениями в конце концов признала и администрация Дж. Байдена.

Д. Трамп, будучи президентом США в 2017–2021 гг., не уделял должное внимание Северному треугольнику. К примеру, при президенте С. Санчесе Серене отношения Сальвадора с США ухудшились, в основном из-за левоориентированной политики «фарабундиста». Белый дом резко отреагировал на разрыв дипотношений Сан-Сальвадора с Тайванем и налаживание им связей с Пекином. Союз с Н. Букеле также не состоялся. Двустороннее миграционное соглашение, подписанное с ним в сентябре 2019 г., отвечало лишь интересам США, не предлагая никаких преференций Сальвадору¹⁶.

Не было особых подвижек и в отношениях с другими лидерами «треугольника», хотя, конечно, иногда заявления о высоком уровне двусторонних отношений все-таки звучали. Например, президента Гондураса Хуана Орландо Эрнандеса один из высокопоставленных американских чиновников назвал «ценным и проверенным партнером»¹⁷. Интересно, что помощь по плану Обамы — Байдена все эти годы продолжала оказываться. С 2016 по 2019 гг. США потратили 2,6 млрд долларов на поддержку стран Центральной Америки, но даже этот фонд Д. Трамп в конце концов перенаправил другим странам¹⁸.

Вернувшись во власть в 2021 г., Дж. Байден предложил, по сути, реинкарнацию «Альянса за процветание». В первые дни своего правления он подписал указ о выделении 4 млрд долл. на следующее четырехлетие для устранения факторов, способствующих миграционной активности в субрегионе. Новый проект получил название «План по обеспечению безопасности и процветания в сотрудничестве с народами Центральной

¹³ Are US Anti-Crime Programs in Central America Working? // Insight Crime. 6.03.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://insightcrime.org/news/analysis/are-us-anti-crime-programs-central-america-working/> (дата обращения: 10.10.2021).

¹⁴ Impact Evaluation of USAID's Community-based Crime and Violence Prevention Approach in Central America: Regional Report for El Salvador, Honduras and Panama // USAID. 29.10.2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.usaid.gov/documents/1862/impact-evaluation-usaids-community-based-crime-and-violence-prevention-approach> (дата обращения: 10.10.2021).

¹⁵ Have US-Funded CARSI Programs Reduced Crime and Violence in Central America. 2016 // Core, CEPR [Электронный ресурс]. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/71338467.pdf> (дата обращения: 10.10.2021).

¹⁶ Will Bukele's Difference to Trump Backfire in El Salvador // World Politics Review. 30.09.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldpoliticsreview.com/trend-lines/28226/will-bukele-s-deference-to-trump-backfire-in-el-salvador> (дата обращения: 10.10.2021).

¹⁷ Trump's "Proven" Partner In Honduras May Prove A Liability If Murder, Migrants Surge // WLRN Mission. 04.03.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wlrn.org/news/2020-03-04/trumps-proven-partner-in-honduras-may-prove-a-liability-if-murder-migrants-surge> (дата обращения: 10.10.2021).

¹⁸ U.S. Strategy for Engagement in Central America: Policy Issues for Congress // Congressional Research Service. 12.11.2019. P. 24 [Электронный ресурс]. URL: <https://sgp.fas.org/crs/row/R44812.pdf> (дата обращения: 10.10.2021).

Америки»¹⁹. Так же, как и в бытность Дж. Байдена вице-президентом, предполагалось усовершенствовать государственный аппарат и политические системы стран — получателей помощи. Необходимым условием было снижение коррупции, прозрачность финансирования и уважение прав и свобод граждан. Поэтому в марте 2021 г. Белый дом приостановил помощь с целью удостовериться в том, что все условия будут соблюдены. Как сказала Р. Джейкобсон, высокопоставленный дипломат из США²⁰, Дж. Байден учел уроки прошлого и не намерен слепо доверять местным правительствам, выделяя финансовую помощь²¹. Это создало некоторые сложности в реализации грандиозных планов Вашингтона.

В мае 2021 г. госдеп опубликовал отчет, в котором семнадцать высокопоставленных чиновников и политиков Центральной Америки обвинялись в коррупции. Впоследствии список был расширен. Это оскорбило лидеров стран Северного треугольника. В частности, Н. Букеле, который с самого начала надеялся на дружбу с США и личную встречу с Дж. Байденом, но так ее и не удостоился²², похвалил Китай за готовность оказать безвозмездную финансовую помощь. В мае 2021 г. контролируемая президентом Законодательная Ассамблея Сальвадора ратифицировала соглашение от 2019 г. о китайских инвестициях в размере 500 млн долл. без каких-либо предварительных условий²³.

С гондурасским главой Х. Орландо Эрнандесом, ставшим, как отмечалось в «New York Times», «большой головной болью для Байдена»²⁴, отношения развиваются еще более нескладно. Мало того, что его правительство подозревается в коррупции, так его родного брата Антонио в ноябре 2018 г. арестовали в США за торговлю наркотиками в особо крупных размерах. Интересно, что один из фигурантов этого дела Дж. Фунэтес свидетельствовал, что президент Гондураса лично обещал «засунуть наркотики прямо в нос гринго», наводнив кокаином Соединенные Штаты²⁵. И если Д. Трамп не особо волновали подобные криминальные истории, лишь бы местные власти были лояльны в решении миграционных вопросов, то для планов Дж. Байдена это принципиально важный момент. У членов Конгресса есть серьезные опасения по поводу того, что американские деньги снова могут оказаться в карманах коррумпированных политиков и не дадут желаемых результатов.

Однако Сальвадор и Гондурас в силу своего географического расположения сегодня менее важны для США, чем Гватемала. Поэтому именно с Гватемалой Дж. Байден, очевидно, связывает свои главные надежды. Неслучайно в июне 2021 г. в стране побывала вице-президент К. Харрис, ответственная за вопросы миграции. Там она встретилась с президентом А. Джамматтеи, с которым у них состоялся, если верить источникам, конструктивный диалог. Гватемальский лидер похвалил К. Харрис за принципиальность в

¹⁹ The Biden Plan to Build Security and Prosperity in Partnership with the People of Central America // Joe Biden's Site [Электронный ресурс]. URL: <https://joebiden.com/centralamerica/> (дата обращения: 10.10.2021).

²⁰ Робета Джейкобсон — американский дипломат, возглавлявшая американскую делегацию на американо-кубинских переговорах о нормализации отношений в 2015 г., позже была назначена послом США в Мексике.

²¹ Biden to restrict U.S. aid to Central American governments, set new conditions for money // Los Angeles Times. 10.03.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.latimes.com/politics/story/2021-03-10/biden-to-restrict-u-s-aid-to-central-american-governments-set-new-conditions-for-money> (дата обращения: 10.10.2021).

²² Мотивом отказа, как сообщалось, стали подозрения в недемократичности правления сальвадорского главы. Сам Н. Букеле отрицал, что подобные попытки с его стороны имели место, однако подписанный его правительством контракт с лоббистской компанией «Arnold & Porter» в целях укрепления американо-сальвадорских связей наводит на мысль, что слухи все-таки имеют под собой некоторые основания.

²³ Under U.S. pressure on graft, El Salvador ratifies cooperation deal with China // Reuters. 18.05.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/world/americas/us-names-honduran-guatemalan-lawmakers-corrupt-list-2021-05-18/> (дата обращения: 10.10.2021).

²⁴ Honduras, un gran dolor de cabeza para Biden // The New York Times. 22.03.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/es/2021/03/22/espanol/opinion/honduras-juan-orlando-hernandez.html> (дата обращения: 10.10.2021).

²⁵ United States Struggles to Pick a Side in Upcoming Honduran Elections // NACLA. 08.09.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://nacla.org/United-States-Struggles-to-Pick-Side-Upcoming-Honduran-Elections> (дата обращения: 10.10.2021).

вопросах сотрудничества²⁶. Он с самого начала поддержал замысел Белого дома, еще в апреле призвав выстроить «стену процветания» из стран Северного треугольника²⁷. И это невзирая на то, что он сам подозревается в коррупции и давлении на спецпрокурора по борьбе с безнаказанностью в Гватемале Х. Франсиско Сандовалья, который бежал в США, предварительно забрав с собой доказательства виновности А. Джамматтеи²⁸. Это имело резонанс в американском обществе и стало не менее серьезным компроматом, грозящим сорвать планы Дж. Байдена. Тем не менее, судя по всему, именно с Гватемалой, за неимением лучшего, Белому дому придется иметь дело.

Таковы сегодняшние реалии в политике США в отношении стран Северного треугольника. Можно сказать, что успешный опыт антикризисных программ, как это ни банально прозвучит, полностью зависит от добросовестности руководства самих центральноамериканских государств. Без комплексной, интегральной программы социально-экономического развития невозможно урегулировать миграционный кризис. В свою очередь, стабильное развитие возможно лишь при поддержке соседних государств, в первую очередь США, т.к. собственных ресурсов этих стран не хватает. Но всякая помощь, оказываемая коррумпированной системе, пропадает впустую, не доходя до простых граждан. А для того, чтобы победить коррупцию, необходимо одолеть чрезвычайно разросшуюся мафию, давно проникшую в высшие структуры власти. Получается замкнутый круг, выход из которого возможен только при наличии личной воли и смелости новых руководителей. Быть может, главный вывод из всего этого заключается в том, что Дж. Байден зря недооценивает потенциал Н. Букеле, пришедшего к власти на волне всеобщего разочарования сальвадорцев в старых элитах, и делает ставку на тех, чье правление было отмечено сомнительными махинациями.

Интегральный подход в достижении целей устойчивого развития вполне реалистичен при правильной оценке существующего положения дел в правительствах стран Северного треугольника. Для того чтобы план Байдена увенчался успехом, необходимо последовательно и систематично требовать от местных властей прозрачности в государственном управлении и верховенства закона в политике, что, собственно, и делается. Однако в этом случае время не на стороне США. «Миграционный котел» трещит по швам, готовый в любую минуту взорваться. Так что промедление в реализации намеченных целей может дорого обойтись. Не исключено, что это в перспективе заставит администрацию Дж. Байдена совершать ошибки, и многомиллиардные вложения США пропадут, не достигнув намеченных целей.

Библиография

1. President Obama's \$1 Billion Foreign Aid Request for Central America // CRS Insight. 05.01.2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://sgp.fas.org/crs/row/IN10237.pdf> (дата обращения: 10.10.2021).
2. Guatemala: A Glimmer of Hope for Violence Reduction in the Region // WOLA. 09.01.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wola.org/analysis/guatemala-glimmer-hope-violence-reduction-region/>(дата обращения: 10.10.2021).
3. Are US Anti-Crime Programs in Central America Working? // Insight Crime. 6.03.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://insightcrime.org/news/analysis/are-us-anti-crime-programs-central-america-working/> (дата обращения: 10.10.2021).

²⁶ Guatemala's president calls for US to help "build a wall of prosperity" // ABC News. 08.04.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://abcnews.go.com/Politics/biden-admin-surge-aid-central-america-offer-legal/story?id=76931611> (дата обращения: 10.10.2021).

²⁷ Guatemala's president says Kamala Harris "doesn't hold back" ahead of immigration talks // CBS. 06.06.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cbsnews.com/news/guatemala-president-kamala-harris-trip-immigration-talks/> (дата обращения: 10.10.2021).

²⁸ Guatemala starts probe into bribery allegations linked to president // Reuters. 04.09.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/world/americas/guatemala-starts-probe-into-bribery-allegations-linked-president-2021-09-03/> (дата обращения: 10.10.2021).

4. Impact Evaluation of USAID's Community-based Crime and Violence Prevention Approach in Central America: Regional Report for El Salvador, Honduras and Panama // USAID. 29.10.2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.usaid.gov/documents/1862/impact-evaluation-usaids-community-based-crime-and-violence-prevention-approach> (дата обращения: 10.10.2021).
5. Have US-Funded CARS Programs Reduced Crime and Violence in Central America, 2016 // Core, CEPR [Электронный ресурс]. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/71338467.pdf> (дата обращения: 10.10.2021).
6. Will Bukele's Difference to Trump Backfire in El Salvador // World Politics Review. 30.09.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldpoliticsreview.com/trend-lines/28226/will-bukele-s-deference-to-trump-backfire-in-el-salvador> (дата обращения: 10.10.2021).
7. Trump's "Proven" Partner In Honduras May Prove A Liability If Murder, Migrants Surge // WLRN Mission. 04.03.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wlrn.org/news/2020-03-04/trumps-proven-partner-in-honduras-may-prove-a-liability-if-murder-migrants-surge> (дата обращения: 10.10.2021).
8. U.S. Strategy for Engagement in Central America: Policy Issues for Congress // Congressional Research Service. 12.11.2019. P. 24 [Электронный ресурс]. URL: <https://sgp.fas.org/crs/row/R44812.pdf> (дата обращения: 10.10.2021).
9. The Biden Plan to Build Security and Prosperity in Partnership with the People of Central America // Joe Biden's Site [Электронный ресурс]. URL: <https://joebiden.com/centralamerica/> (дата обращения: 10.10.2021).
10. Biden to restrict U.S. aid to Central American governments, set new conditions for money // Los Angeles Times. 10.03.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.latimes.com/politics/story/2021-03-10/biden-to-restrict-u-s-aid-to-central-american-governments-set-new-conditions-for-money> (дата обращения: 10.10.2021).
11. Under U.S. pressure on graft, El Salvador ratifies cooperation deal with China // Reuters. 18.05.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/world/americas/us-names-honduran-guatemalan-lawmakers-corrupt-list-2021-05-18/> (дата обращения: 10.10.2021).
12. Honduras, un gran dolor de cabeza para Biden // The New York Times. 22.03.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/es/2021/03/22/espanol/opinion/honduras-juan-orlando-hernandez.html> (дата обращения: 10.10.2021).
13. United States Struggles to Pick a Side in Upcoming Honduran Elections // NACLA. 08.09.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://nacla.org/United-States-Struggles-to-Pick-Side-Upcoming-Honduran-Elections> (дата обращения: 10.10.2021).
14. Guatemala's president calls for US to help "build a wall of prosperity" // ABC News. 08.04.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://abcnews.go.com/Politics/biden-admin-surge-aid-central-america-offer-legal/story?id=76931611> (дата обращения: 10.10.2021).
15. Guatemala's president says Kamala Harris "doesn't hold back" ahead of immigration talks // CBS. 06.06.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cbsnews.com/news/guatemala-president-kamala-harris-trip-immigration-talks/> (дата обращения: 10.10.2021).

AFTER TRUMP: AMERICAN POLICY'S CHANGE IN THE COUNTRIES OF CENTRAL AMERICA AND MEXICO

ПОСЛЕ ТРАМПА: ИЗМЕНЕНИЯ АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИКИ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКИ И МЕКСИКЕ

Resumen: En el artículo analiza el cambio de política exterior de EE.UU. a la relación de México y los países de América Central, que está acordando con la doctrina de J. Biden sobre el apoyo de la democracia y los derechos humanos. Su contenido exterior está calculado para iniciativas americanas de largo plazo sobre lucha contra la corrupción, narcotráfico, para asistencia a crecimiento económico y bienestar de la gente en los países de América Central, y como la consecuencia es la disminución del nivel de los refugiados desde estos países que se aspiran llegar en EE.UU. en el modo legal o ilegal. Para esto el gobierno de EE.UU. elaboró y empezó de realizar la nueva estrategia de las relaciones mutuales con los países del región que está distinguida de la estrategia pasada de la administración de D. Trump, la reforma de migración está elaborada y ha ofrecida en el Congreso, está inventando y realizando el plan escalonado de legalización de todos los inmigrantes que viven en EE.UU. en el modo ilegal, está reanimando el paso conclusivo de programa del presidente B. Obama “Los menores en América Central” (Central American Minors, CAM) que está dedicado a la reunión de los padres y guardianos con sus hijos, que todavía viven en los países de América Central. México todavía está el mejor socio político y comercial en el mundo latinoamericano, el mejor fabricante y proveedor de la fuerza de trabajo barata y también el conductor de la política americana en los países de América Central y Caribe.

Palabras claves: J. Biden; K. Harris; EE.UU.; México; los países de América Central; la estrategia de Biden; el plano de migración latinoamericana de EE.UU.

Abstract: The author's article analyzes the US policy towards Central America's countries and Mexico since J. Biden's presidency, which is consistent with J. Biden's doctrine on maintaining democracy and human rights. The US foreign policy is designed for Americans' long-term initiatives to help fight corruption, drug trafficking, promote economic growth and well-being of the population in Central American countries, and as a result, reduce the level of refugees from these countries which legally or illegally want to enter in the United States. The US government has developed and uses a new strategy for relations with the region's countries that differs from the strategy of D. Trump's administration such as a migration reform has been developed and submitted to Congress, a step-by-step plan for the legalization of all immigrants living illegally in the United States has been drawn up and implemented, the final stage of President Barack Obama's program “Central American Minors (CAM)” on the reunification of parents and guardians with their children still living in Central America has been revived. Mexico remains the main trading partner in the Latin American world, the main producer and supplier of cheap labor, as well as the conductor of American policy in Central America and the Caribbean.

Key words: J. Biden; K. Harris; the United States; México; Central America's countries; the Biden strategy; the US Latin American Immigration Plan.

¹ Соков Илья Анатольевич, Россия, доктор исторических наук, профессор Волгоградского государственного университета (sokov@volsu.ru).

Введение

Приход в Белый дом Джоозефа Байдена с первых же дней показал изменение американской внешней и внутренней политики. Новым президентом были отменены многие указы президента Д. Трампа, которые противоречили сохранению западных альянсов в мировой политике, продолжению борьбы с климатической угрозой, расширению вовлеченности США в решение международных конфликтов и борьбы с международным терроризмом по всему миру. Во внутренней политике администрация Дж. Байдена основное внимание направила на решение проблемы COVID-19, усиление социальной поддержки населения в период пандемии и проведение инфраструктурной модернизации многочисленных объектов. Что касается изменений в американской внешней политике по отношению к центральноамериканским странам, они, несмотря на то, что не являются приоритетными для США, также существенны и получили новый импульс для своего развития, особенно в решении вопросов по миграции, окружающей среде и безопасности.

Первые шаги администрации Дж. Байдена: старые и новые внешнеполитические инициативы

К старым внешнеполитическим инициативам, которые продолжила использовать администрация Дж. Байдена, следует отнести возвращение к мультилатерализму, создание и укрепление политических альянсов, соблюдение принципов экономической глобализации².

Новые внешнеполитические инициативы проявились в условиях пандемии COVID-19 и сосредоточились на трех направлениях: миграция, безопасность и окружающая среда³. Влияние коронавирусной инфекции имело огромное значение для американской политики, потому что в США ко времени вступления Дж. Байдена в должность в январе 2021 г. было 25 % заболевших и 20 % умерших от COVID-19 от общего числа в мире⁴.

В течение первой недели работы своего правительства Дж. Байден отменил 21 исполнительный указ сразу четырех предыдущих президентов — Б. Клинтона, Дж. Буша-мл., Б. Обамы и Д. Трампа, которые по временному охвату включали период 1993–2017 гг.⁵

Как отметил Г. Лиссарди, новый президент активно включился в работу еще в переходный период. Не получив своевременно 15 млн долл. США на формирование своего правительства, он собрал необходимые денежные средства у своих сторонников, сказав: «нет времени, когда дело доходит до решения кризисов, с которыми мы сталкиваемся»⁶.

По истечении первых 100 дней президентства, как и обещал Дж. Байден, США использовали 100 млн доз вакцины против коронавирусной инфекции, а к 21 апреля 2021 г. было использовано 230 млн доз. В качестве социальной поддержки в период пандемии администрацией президента в марте было выделено 1900 млрд долл. США, в результате чего большинство американцев смогли получить чек на сумму 1400 долл. США⁷. Разворачивая программу инфраструктурной модернизации, администрация Дж. Байдена за первые 100 дней создала 1,3 млн новых рабочих мест.

² *Martínez R. Z.* La transición de Trump a Biden: implicaciones para la relación México-Estados Unidos. Un análisis desde un enfoque nacional y subnacional // *Norteamérica*. Enero-junio de 2021. Año 16. No. 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.revistanorteamerica.unam.mx/index.php/nam/article/view/491/678> (дата обращения: 05.09.2021).

³ *Idem.*

⁴ *Idem.*

⁵ *Idem.*

⁶ *Lissardy G.* La avalancha sin precedentes de decretos de Biden en 10 días como presidente de EE.UU. (y por qué genera polémica) // *BBC News Mundo*. Nueva York, 29 de enero, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/mundo/noticias-internacional-55851378> (дата обращения: 05.09.2021).

⁷ *Idem.*

Что касается отношений с Мексикой и странами Центральной Америки, то при администрации нового президента, в отличие от администрации Д. Трампа, им стало уделяться особое внимание. Неслучайно в первый же официальный день работы нового американского правительства, 20 января 2021 г., для борьбы с пандемией США выделили 22 млн долл. США для Сальвадора, Гватемалы, Гондураса и Мексики⁸.

Через агентство Миграции и помощи беженцам (Migration and Refugee Assistance, MRA) была оказана финансовая помощь в размере 850 тыс. долл. США «на поддержку региональных усилий по оказанию помощи уязвимым мигрантам, беженцам и лицам, ищущим убежища, а также лицам, содержащимся под стражей в Сальвадоре, Гватемале и Гондурасе»⁹. Власти Гондураса и Гватемалы отблагодарили США за эту помощь, при содействии двух тысяч солдат и полицейских оперативно разогнав слезоточивым газом и дубинками на общей границе этих стран караван беженцев из 7,5 тыс. чел., стремящихся попасть в США¹⁰.

Изменения во внешних отношениях США со странами Центральной Америки

Изменения были следующими. Во-первых, считая, что эти отношения по многим вопросам влияют на внутреннюю политику, президент Дж. Байден 21 марта 2021 г. объявил, что вице-президент Камала Деви Харрис возглавит в его администрации отдел по выработке мер по сокращению иммиграционного потока из стран Центральной Америки. Харрис хорошо знакома с миграционными проблемами как бывший Генеральный прокурор Калифорнии в период 2011–2017 гг. и сенатор США от штата Калифорния в 2017–2021 гг.¹¹. Это решение было принято в спешном порядке, потому что в феврале 2021 года 100 тыс. чел. предприняли попытку пересечь американо-мексиканскую границу, что было в три раза больше, чем год ранее. Мигранты надеялись, что новая либеральная администрация в Вашингтоне будет более лояльна к мигрантам, чем республиканская. Правительству пришлось 72 тыс. чел. отправить обратно¹².

В апреле 2021 г. на мексикано-американской границе скопилось 178 тыс. мигрантов. Поэтому в мае К. Харрис посетила Гватемалу и Мексику, где встретила президентов этих стран Алехандро Джамматтеи и Андресом Мануэлем Лопесом Обрадором, а также представителями бизнеса и общественных организаций¹³. Во время поездки, обращаясь к общественности, она говорила латиноамериканцам: «Не приезжайте. Соединенные Штаты будут продолжать обеспечивать соблюдение наших законов и безопасность наших границ». Потом Харрис добавила: «Если вы приедете к нашей границе, вас развернут обратно»¹⁴.

Во время своего пребывания в Гватемале К. Харрис пообещала финансовую помощь от США в размере 5,2 млн долл. США и 500 тыс. ед. доз противокоронавирусной вакцины¹⁵.

⁸ U.S. Government Support to El Salvador, Guatemala, Honduras, and Mexico During the COVID-19 Pandemic // Fact Sheet [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/u-s-government-support-to-el-salvador-guatemala-honduras-and-mexico-during-the-covid-19-pandemic/> (дата обращения: 02.09.2021).

⁹ Idem.

¹⁰ Oliver de Ros and Christopher Sherman Large migrant caravan dissolves in Guatemala // The Associated Press [Электронный ресурс]. URL: <https://www.local10.com/news/world/2021/01/19/large-migrant-caravan-dissolves-in-guatemala/> (дата обращения: 03.09.2021).

¹¹ Харрис, Камала. 49-й вице-президент США [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/encyclopedia/person/harris-kamala> (дата обращения: 04.09.2021).

¹² Арзаманова Т. В. Опасный покер Байдена: миграционная реформа и эскалация с Россией [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/politic/20210320/249381313.html> (дата обращения: 04.09.2021).

¹³ Keith T., Kahn C. Harris Heads To Guatemala And Mexico As Part Of A “Buzz Saw” Assignment [Электронный ресурс]. URL: <https://www.npr.org/2021/06/06/1003371129/harris-heads-to-guatemala-and-mexico-as-part-of-a-buzz-saw-assignment> (дата обращения: 04.09.2021).

¹⁴ Kamala Harris tells Guatemala migrants: “Do not come to US” [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-57387350> (дата обращения: 04.09.2021).

¹⁵ Idem.

Необходимость оказания экстренной помощи Гватемале она объяснила возникшими «острыми факторами»: засухой, масштабной нехваткой продовольствия и пандемией COVID-19¹⁶.

Необходимо отметить, что Дж. Байден и К. Харрис всегда были сторонниками исключения из числа уголовно наказуемых преступлений так называемого незаконного пересечения американской границы¹⁷. В ответ на критику в Конгрессе по выбору «мягкого пути» во взаимоотношениях со странами Центральной Америки президент Дж. Байден сказал: «Когда я был вице-президентом, я сосредоточился на оказании помощи, необходимой для устранения первопричин миграции. Это помогло удержать людей в их собственных странах вместо того, чтобы им пришлось уехать. Наш план сработал»¹⁸.

В результате принятых мер к июню 2021 г. количество незаконных мигрантов из Сальвадора, Гватемалы и Гондураса, пересекающих американо-мексиканскую границу, значительно уменьшилось, хотя это не сказалось на сокращении численности мигрантов из-за роста числа беженцев с Кубы, из Гаити и Никарагуа.

Во-вторых, администрацией президента была разработана новая стратегия взаимоотношений со странами региона, отличная от стратегии прошлого правительства.

Как сказал посол по особым поручениям Рикардо Суньига, цель стратегии «состоит в том, чтобы работать с людьми Центральной Америки над созданием безопасных, процветающих, демократических обществ, где граждане могут строить свою собственную жизнь с достоинством. В центре наших усилий, опять же, находится борьба с коррупцией и безнаказанностью и создание условий, обеспечивающих рост, особенно в жизненно важном секторе малого и среднего бизнеса, который является движущей силой и в котором занято так много людей в регионе»¹⁹.

Отличия стратегии заключаются в том, что были созданы новые механизмы в совместных действиях пяти стран — США, Мексики, Гватемалы, Сальвадора и Гондураса — по борьбе с коррупцией, улучшению государственного управления в части прозрачности и доступа к информации для граждан и работы институтов гражданского общества, в вопросах безопасности — сокращению насилия, поддержке судебной системы, экономического процветания населения и снижения уровня миграции в США.

Необходимо констатировать, что правительство Дж. Байдена, признав коррупцию одним из основных драйверов нестабильности в странах Центральной Америки, приняло решение использовать «Глобальный Акт Магницкого» (Global Magnitsky Act) против коррупционеров и членов их семей²⁰.

Стратегия Байдена также предусматривает инвестиции в экономику стран Центральной Америки в размере 4,0 млрд долл. США, что, по его мнению, улучшит экономическую ситуацию в этих странах, повысит благосостояние граждан и снизит поток иммигрантов в Америку.

10 июня 2021 г. была создана рабочая группа по решению гуманитарных проблем в странах Центральной Америки. В состав группы вошли представители правительств США (от госдепартамента и Совета национальной безопасности), Испании, Гватемалы, Коста-Рики, агентства по делам беженцев ООН, Организации американских государств (ОАГ). Задача рабочей группы — разработать национальные комплексные планы развития для

¹⁶ Narea N. Sending aid to Central America won't stop migrants from coming [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vox.com/policy-and-politics/22404000/foreign-aid-biden-central-america-migration-root-causes> (дата обращения: 06.09.2021).

¹⁷ Harry Enten Why Biden has an immigration policy problem // CNN [Электронный ресурс]. URL: <https://edition.cnn.com/2021/03/27/politics/biden-immigration-border-analysis/index.html> (дата обращения: 06.09.2021).

¹⁸ Narea, op. cit.

¹⁹ Briefing with Special Envoy for the Northern Triangle Ricardo Zuniga [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/briefing-with-special-envoy-for-the-northern-triangle-ricardo-zuniga-on-ongoing-diplomatic-efforts-to-address-the-root-causes-of-irregular-migration-from-central-america/> (дата обращения: 08.09.2021).

²⁰ Idem.

следующих стран: Белиза, Коста-Рики, Сальвадора, Гватемалы, Гондураса, Мексики и Панамы. Под этот проект США выделили гуманитарную помощь в размере 55,0 млн долл. США²¹.

Изменения во внутренней политике США по вопросам иммиграции из стран Центральной Америки

Во-первых, правительством разработана и представлена в Конгресс миграционная реформа. В целом она направлена на сохранение семей мигрантов, стимулирование американской экономики и противодействие причинам иммиграции из стран Центральной Америки путем адресных инвестиций.

Администрацией президента Дж. Байдена были приняты особо заметные меры в миграционном вопросе. Еще в январе 2021 г. при отмене прошлых указов президента Д. Трампа он прекратил финансирование строительства пограничной стены с Мексикой. В порядке срочной меры было разрешено выдать 6000 виз (класса Н-2В²²) для сезонных рабочих из стран Северного треугольника, было значительно увеличено количество виз (класса Н-2А²³) для Мексики²⁴.

Необходимо также упомянуть о том, что за время президентства Д. Трампа легальная миграция в США с выдачей виз класса Н-1В²⁵ сократилась на 49 %, а средний ежегодный прирост рабочей силы, ключевой компонент национального экономического роста, сократился на 41 %²⁶.

Для сравнения можно привести такие цифры: в последний год президентства Б. Обамы лимит на беженцев составлял 100 тыс. чел., в последний год президентства Д. Трампа — 15 тыс. чел., Дж. Байден планирует в 2021 г. принять 125 тыс. чел.²⁷.

Во-вторых, у администрации президента имеется поэтапный план легализации всех незаконно проживающих на территории США иммигрантов, а также лиц, длительное время ожидающих за рубежом и в приграничье начала процедуры рассмотрения их заявлений на получение убежища в США²⁸. Он заключается в том, что на первом этапе претенденты должны пройти информационную проверку, на втором — получить разрешение на пребывание и работу в США на пять лет. Третий этап заключается в получении грин-карты при условии отсутствия нарушений в уплате налогов и каких-либо зарегистрированных преступлений. Четвертый этап наступает через три года, когда заявитель может претендовать на получение американского гражданства. Поэтапный план американского

²¹ Price N. Announcing New Assistance To Respond to Humanitarian Challenges in Central America. Press Statement [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/announcing-new-assistance-to-respond-to-humanitarian-challenges-in-central-america/> (дата обращения: 08.09.2021).

²² Виза Н-2В выдается квалифицированным и неквалифицированным работникам, замещающим вакансии, на которые не нашлось соответствующих кандидатов из числа граждан США.

²³ Виза Н-2А в 2021 году — особый тип визы, который дает право американским работодателям или их агентам ввозить в государство иностранных наемных сотрудников для выполнения краткосрочных сельскохозяйственных работ. Данная виза подходит тем, кто планирует работать временно или устраивается на сезонную работу.

²⁴ Briefing with Special Envoy for the Northern Triangle Ricardo Zuniga [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/briefing-with-special-envoy-for-the-northern-triangle-ricardo-zuniga-on-ongoing-diplomatic-efforts-to-address-the-root-causes-of-irregular-migration-from-central-america/> (дата обращения: 08.09.2021).

²⁵ Виза Н-1В — это рабочая виза для профессионалов, которую выдают по приглашению от работодателя. Максимальный срок действия визы — шесть лет, в первый раз ее выдают на три года с возможностью продления.

²⁶ Anderson S. A Biden Immigration Policy: New Hope For Immigrants And Businesses [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.com/sites/stuartanderson/2020/11/08/a-biden-immigration-policy-new-hope-for-immigrants-and-businesses/?sh=126d62778420> (дата обращения: 10.09.2021).

²⁷ Idem.

²⁸ Арзаманова, *op. cit.*

правительства касается 10,5 млн нелегалов, въехавших на территорию США до 1 января 2021 г.

В-третьих, если в иммиграционной политике Д. Трампа фокус всех проблем, связанных с мигрантами, сосредотачивался на американо-мексиканской границе и в приграничных штатах, что, безусловно, отражалось на состоянии американо-мексиканских отношений, то план президента Д. Байдена разделил ответственность за беженцев на Мексику и Гватемалу. По мнению США, большая часть миграционного каравана формируется в Гватемале и на мексикано-гватемальской границе. Сюда кроме мигрантов из стран Северного треугольника прибывают мигранты из Гаити, Кубы, Никарагуа, стран Африки и Ближнего Востока.

В-четвертых, в сентябре 2021 г. правительством США был возрожден заключительный этап программы «Несовершеннолетние в Центральной Америке» (Central American Minors, CAM) о воссоединении родителей и опекунов с их детьми, все еще живущими в странах Центральной Америки²⁹. Эта программа эры Обамы позволяет воссоединиться семьям, родители которых законно проживают в США, а дети на момент подачи прошения не должны состоять в браке, быть возрастом младше 21 года и жить в одной из трех стран — Гватемале, Гондурасе или Сальвадоре. В целях исключения незаконного проникновения через американскую границу детей латиноамериканского происхождения в «инициативе САМ» есть ограничения для тех, кто уже пытался нелегально пересечь границу на момент подачи прошения и находится в Мексике или приграничном городе³⁰. По оценке американского правительства, под эту программу может попасть до 3 тыс. детей.

Что касается легализации пребывания на территории США так называемого «поколения мечтателей» — детей, привезенных в США родителями, которые находятся в под угрозой депортации как незаконные мигранты, то решение по ним еще не принято³¹.

Изменения в американо-мексиканских отношениях

С первого дня работы администрации президента Дж. Байдена в американо-мексиканских отношениях был взят курс на особые доверительные отношения с руководством латиноамериканских стран. Курировать Мексику было поручено государственному секретарю Энтони Дж. Блинкену, который совершил свой виртуальный визит 26 февраля 2021 г.³². Это была его «первая зарубежная поездка», как он выразился³³. Оценивая уровень отношений между странами, Э. Блинкен назвал их стратегическими, партнерскими и добрососедскими, а учитывая, что в 2021 г. страны будут отмечать 200-летие двухсторонних отношений, их уровень можно поднять, обращаясь к вопросам «нелегальной миграции, общих экологических проблем, содействия нашей взаимной безопасности и укрепления наших экономик в интересах наших предприятий и рабочих»³⁴.

Мексика — второй по величине торговый партнер Соединенных Штатов в товарах (после Китая) и второй по величине внешний рынок для товаров (после Канады). В 2020 г. двухсторонняя торговля составила сумму 538,1 млрд долл. США, в том числе благодаря

²⁹ *Martin M.* Immigration Dallas // NewsNation Now [Электронный ресурс]. URL: <https://www.newsnationnow.com/us-news/immigration/biden-reinstates-central-american-minors-program-aimed-at-reuniting-families-separated-at-mexican-border/> (дата обращения: 11.09.2021).

³⁰ *Idem.*

³¹ *Арзаманова*, *op. cit.*

³² Secretary Antony J. Blinken and Mexican Foreign Secretary Marcelo Ebrard Before Their Meeting [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-and-mexican-foreign-secretary-marcelo-ebrard-before-their-meeting/> (дата обращения: 10.09.2021).

³³ *Idem.*

³⁴ The United States and Mexico: Strategic Partners and Neighbors [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/the-united-states-and-mexico-strategic-partners-and-neighbors/> (дата обращения: 12.09.2021).

Соглашению ЮСМКА, которое способствует «прочному экономическому росту в Северной Америке»³⁵.

Следует подчеркнуть, что Мексика приняла стратегию Байдена по вопросам иммиграции, подписав с Соединенными Штатами «Протоколы защиты мигрантов» (Migrant Protection Protocols, MPP)³⁶.

2 июня 2021 г. госсекретарь Э. Блинкен провел встречу с министрами иностранных дел стран Центральной Америки и Мексики, где обсуждалась политическая и экономическая интеграция этих стран в рамках центральноамериканской интеграционной системы (Central America Integration System, SICA). В своем выступлении Блинкен подчеркнул, что страны и люди региона станут сильнее, если пример для сотрудничества возьмут с Мексики³⁷.

Выводы

Смена американской политики в странах Центральной Америки и Мексики за неполный 2021 год позволяет сделать несколько выводов:

1. Иммиграционные стратегии президентов Д. Трампа и Дж. Байдена диаметрально противоположны. Первый сделал ставку на запрет и высылку незаконных иммигрантов из США, второй — на многоплановый подход и интеграцию нелегалов в американское общество.
2. Администрация Дж. Байдена стремится снизить миграционный поток латиноамериканцев в США через гуманитарные решения, тогда как администрация Д. Трампа милитаризовала мексикано-американскую границу и испортила добрососедские отношения с Мексикой и странами Центральной Америки.
3. Стратегия Дж. Байдена разделила гуманитарные решения на два блока: гуманистический, который включает гуманитарную помощь, помощь развитию, законной трудовой миграции и иммиграции, становлению гражданского общества, и блок безопасности, в который входят вопросы недопущения продажи людей, сокращение наркотрафика, насилия и преступности в латиноамериканских странах.
4. Мексика остается не только стратегическим, политическим и экономическим партнером США, но и проводником американской политики в странах Центральной Америки и Карибского бассейна.

Библиография

1. *Martínez R. Z.* La transición de Trump a Biden: implicaciones para la relación México-Estados Unidos. Un análisis desde un enfoque nacional y subnacional // Norteamérica. Enero-junio de 2021. Año 16. No. 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.revistanorteamerica.unam.mx/index.php/nam/article/view/491/678> (дата обращения: 05.09.2021).
2. *Lissardy G.* La avalancha sin precedentes de decretos de Biden en 10 días como presidente de EE.UU. (y por qué genera polémica) // BBC News Mundo. Nueva York. 29 de enero, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/mundo/noticias-internacional-55851378> (дата обращения: 05.09.2021).
3. U.S. Government Support to El Salvador, Guatemala, Honduras, and Mexico During the COVID-19 Pandemic // Fact Sheet [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/u-s-government-support->

³⁵ Idem.

³⁶ Idem.

³⁷ Secretary Blinken's Meeting with Foreign Ministers from the Hemisphere. June 2, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/secretary-blinkens-meeting-with-foreign-ministers-from-the-hemisphere> (дата обращения: 12.09.2021).

- to-el-salvador-guatemala-honduras-and-mexico-during-the-covid-19-pandemic/ (дата обращения: 02.09.2021).
4. Oliver de Ros and Christopher Sherman Large migrant caravan dissolves in Guatemala // The Associated Press [Электронный ресурс]. URL: <https://www.local10.com/news/world/2021/01/19/large-migrant-caravan-dissolves-in-guatemala/> (дата обращения: 03.09.2021).
 5. Харрис, Камала. 49-й вице-президент США [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/encyclopedia/person/harris-kamala> (дата обращения: 04.09.2021).
 6. Арзаманова Т. В. Опасный покер Байдена: миграционная реформа и эскалация с Россией [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/politic/20210320/249381313.html> (дата обращения: 04.09.2021).
 7. Keith T., Kahn C. Harris Heads To Guatemala And Mexico As Part Of A “Buzz Saw” Assignment [Электронный ресурс]. URL: <https://www.npr.org/2021/06/06/1003371129/harris-heads-to-guatemala-and-mexico-as-part-of-a-buzz-saw-assignment> (дата обращения: 04.09.2021).
 8. Kamala Harris tells Guatemala migrants: “Do not come to US” [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-57387350> (дата обращения: 04.09.2021).
 9. Narea N. Sending aid to Central America won’t stop migrants from coming [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vox.com/policy-and-politics/22404000/foreign-aid-biden-central-america-migration-root-causes> (дата обращения: 06.09.2021).
 10. Harry Enten Why Biden has an immigration policy problem CNN [Электронный ресурс]. URL: <https://edition.cnn.com/2021/03/27/politics/biden-immigration-border-analysis/index.html> (дата обращения: 06.09.2021).
 11. Briefing with Special Envoy for the Northern Triangle Ricardo Zuniga [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/briefing-with-special-envoy-for-the-northern-triangle-ricardo-zuniga-on-ongoing-diplomatic-efforts-to-address-the-root-causes-of-irregular-migration-from-central-america/> (дата обращения: 08.09.2021).
 12. Price N. Announcing New Assistance To Respond to Humanitarian Challenges in Central America // Press Statement [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/announcing-new-assistance-to-respond-to-humanitarian-challenges-in-central-america/> (дата обращения: 08.09.2021).
 13. Anderson S. A Biden Immigration Policy: New Hope For Immigrants And Businesses [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.com/sites/stuartanderson/2020/11/08/a-biden-immigration-policy-new-hope-for-immigrants-and-businesses/?sh=126d62778420> (дата обращения: 10.09.2021).
 14. Martin M. Immigration Dallas // NewsNation Now [Электронный ресурс]. URL: <https://www.newsnationnow.com/us-news/immigration/biden-reinstates-central-american-minors-program-aimed-at-reuniting-families-separated-at-mexican-border/> (дата обращения: 11.09.2021).
 15. Secretary Antony J. Blinken and Mexican Foreign Secretary Marcelo Ebrard Before Their Meeting [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-and-mexican-foreign-secretary-marcelo-ebrard-before-their-meeting/> (дата обращения: 10.09.2021).
 16. The United States and Mexico: Strategic Partners and Neighbors [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/the-united-states-and-mexico-strategic-partners-and-neighbors/> (дата обращения: 10.10.1021).
 17. Secretary Blinken’s Meeting with Foreign Ministers from the Hemisphere. June 2, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/secretary-blinkens-meeting-with-foreign-ministers-from-the-hemisphere> (дата обращения: 12.09.2021).

V. E. Болдырев¹

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА В СТРАТЕГИИ ДЖ. БАЙДЕНА: РЕГИОН РЕШЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ИЛИ ПОЛИГОН СОПЕРНИЧЕСТВА С КИТАЕМ?

LATIN AMERICA IN JOHN BIDEN'S STRATEGY: A REGION FOR SOLVING NATIONAL PROBLEMS OR A TESTING GROUND FOR RIVALRY WITH CHINA?

Resumen: La inauguración de un presidente nuevo de EE.UU. siempre plantea la cuestión de elegir una de varias perspectivas de la política. Para superar en la máxima medida posible las limitaciones de fuentes y de información al efectuar el pronóstico fue usado el lenguaje de codificación indirecta según el que los textos de documentos oficiales de carácter estratégico se codifican en la forma de una secuencia de signos y cifras para que represente un complejo objetivado de interpretaciones subjetivas de un sistema realmente existente. Aquí este sistema representa a EE.UU. que existen en el contexto de otros estados, que también forman sistemas parecidos, y sus conjuntos regionales. Como la base para construir el modelo fue usada la “Guía estratégica provisional de seguridad nacional” publicada en marzo de 2021 como el documento del principio del período presidencial que expone de manera más completa la actitud del gobierno hacia la política interior y exterior. Mediante su traducción al lenguaje de codificación indirecta fue construido un modelo complejo de la política perspectiva de Joe Biden. El uso de América Latina en este modelo permite pronosticar tres escenarios probables de la actitud política hacia América Latina que el gobierno democrático tiene intención de realizar simultáneamente. El primer escenario supone transformar los países latinoamericanos en uno de los polígonos de competición con China en las esferas de economía, desarrollo tecnológico, seguridad cibernética y lucha contra delincuencia organizada. El segundo escenario está relacionado con la estrategia global de EE.UU. de consolidación de su dominancia. En América Latina esto supondrá contribución al desarrollo y resolución de los problemas sociales y humanitarios más actuales, creación de grupos proestadounidenses en amplias capas de la población, perfeccionamiento de métodos de recopilación de información y de control de la población. El tercer escenario supone ver América Latina como una región directamente relacionada con la resolución de tales problemas internos de EE.UU. como migración excesiva y abastecimiento de la industria médica con encargos adicionales.

Palabras clave: EE.UU.; América Latina; Joe Biden; política exterior; China.

Abstract: Change of US presidents means for the country selection of a future policy trajectory. Its forecasting is always a challenge for scholars because of lack of relevant information sources. To overcome the restrictions indirect coding language had been used. This language supposes official strategic documents to be coded as a combination of numbers and symbols with the aim to represent a text as a complex of objective system subjective interpretations. Here the USA are represented as a such system existing in a context of other states' similar systems and its regional combinations. Interim National Security Strategic Guidance had been used for building of future J. Biden's domestic and foreign policy related model. The model let to forecast three mostly probable simultaneous scenarios of new US policy toward Latin America. The First scenario proposes the region transformation into one of multitude of fields of counteraction against China. It is going to be realized within economic partnership, technological development, cyber security provision and struggle

¹ **Болдырев Виталий Евгеньевич**, Россия, научный сотрудник Центра глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (boldyrev89@list.ru).

against organized crime. The Second scenario is connected with US global strategy for its domination strengthening. Probably US government plans to help in critical humanitarian problems solving, to form pro-American social groups, and to improve information collecting methods. The third scenario is a part of efforts to solve US domestic problems such as superfluous migration and additional contracts for medical industry.

Key words: USA; Latin America; Joseph Biden; foreign policy; China.

Смена американских правительств, сформированных представителями разных партий, как правило, влечет существенные изменения как внутри-, так и внешнеполитического курса. Поражение Д. Трампа и избрание Дж. Байдена президентом США фактически вызвали смену политиков во главе государства, которые в ходе предвыборной кампании стояли на диаметрально противоположных позициях. В этом контексте актуальны вопросы, какой линии будет придерживаться новый президент: либеральной, консервативной или предложит некий иной путь, и как этот курс будет реализован в отношении стран Латинской Америки?

Моделирование основных сценариев региональной политики США и реконструкция их потенциальных структурных связей с другими направлениями внутренней и внешней политики будет осуществлено на основе *языка непрямого кодирования*. Он предполагает перевод документов на язык кодов, которые формируются как совокупность чисел и знаков, несущих смысловую нагрузку. Наиболее значимыми элементами являются: код страны, код времени, код подсистемы и компонента, код документа, код ведомства. В соответствии с таким пониманием моделирования в центре процесса оказывается страна как система, состоящая из подсистем, которые в конкретное время имеют конкретные значения, определяемые как объективными данными, так и их субъективными трактовками. В данном случае основное внимание будет сконцентрировано на перспективной стратегии США в отношении Латинской Америки как составной части будущей стратегии национальной безопасности Соединенных Штатов, разработанной администрацией Дж. Байдена. В условиях острых источников ограничений, которые являются следствием как проблемы секретности, так и недавним вступлением 46-го президента США в должность, основой для модели служит Промежуточный стратегический обзор национальной безопасности².

Формирование модели и управляющие механизмы

Перевод текстового документа на язык кодов и формирование с его помощью формализованной модели основаны на отдельных положениях исследований Д. И. Макаренко, Е. Ю. Хрусталёва³, В. А. Геловани, С. В. Дубовского, В. Б. Бриткова⁴, Е. М. Примакова⁵. Она представляет собой объективизированный аналог субъективной интерпретации страны в мире как элемента мировой системы, существующего в контексте других подобных элементов, развитие которых характеризуется некоторыми объективными тенденциями в ключевых подсистемах. Поскольку в данном случае модель основана только на одном документе, использовались только коды подсистем и их компонентов, при этом все географические направления перспективной внешней политики США шифровались с помощью неидентифицированного кода, к которому присовокуплялись дополнительные базы с кодами подсистем и их компонентов.

² Interim National Security Strategic Guidance. March 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf> (дата обращения: 15.03.2021).

³ Макаренко Д. И., Хрусталёв Е. Ю. Концептуальное моделирование военной безопасности государства. М.: Наука, 2008.

⁴ Геловани В. А., Бритков В. Б., Дубовский С. В. СССР и Россия в глобальной системе (1985–2030): Результаты глобального моделирования. М.: Либроком, 2009.

⁵ Россия в полицентричном мире / Под ред. А. А. Дынкина, Н. И. Ивановой. М.: Весь мир, 2011.

Далее на основе двух управляющих механизмов — *контекста кода* и *контекста ячейки* — реконструировалась структура связей между направлениями потенциальной политики с целью спрогнозировать базовые сценарии. Здесь *контекст кода* по значению кода позволил реконструировать связи латиноамериканского направления курса с другими географическими аспектами внешней политики, а также отдельными векторами внутренней политики США. *Контекст ячейки* дал возможность выявить дополнительные структурные связи между политическими приоритетами, а также сформировать из множества этих связей интегрированную картину перспективного латиноамериканского курса Дж. Байдена.

Анализ американской политики

В целом, в отношении Латинской Америки как региона Западного полушария политика Дж. Байдена будет иметь следующие измерения: развитие экономических связей, решение миграционного вопроса, выделение дополнительных бюджетных средств, противодействие преступности, развитие взаимодействия по линии силовых ведомств, обеспечение равенства в правах и развитие институтов гражданского общества, стабилизация социальной обстановки, снижение уровня бедности, борьба с эпидемиями, противодействие насилию.

На основе кодов этих направлений политики будет выстроена сеть взаимосвязей с другими направлениями внешней и внутренней политики Дж. Байдена.

Обобщенный приоритет развития экономических связей выводит на следующие приоритеты курса 46-го президента США: взаимодействие со всеми заинтересованными сторонами, противодействие угрозам, исходящим от Китая, обеспечение американского доминирования в противостоянии с ним, обеспечение технологического развития, обеспечение безопасной и благоприятной для американских интересов среды, модернизация демократии. Выстроенная сеть позволяет построить следующий сценарий взаимодействия. Латинская Америка воспринимается Дж. Байденем в качестве одного из региональных театров противодействия Китаю, экономической экспансии которого противопоставляются американские действия наступательного характера. Они предполагают создание в регионе условий, выгодных прежде всего для американских технологических компаний, в вопросах продвижения электронных продуктов, взаимодействия с ведущими отраслями латиноамериканского машиностроения, например, авиационной, обеспечения сырьем и технологиями производителей электроники, систем связи и энергосистем. Предполагается, что углубление экономического взаимодействия позволит США укрепить демократические институты в Латинской Америке как средство мягкой силы, противопоставленное влиянию Китая.

Следующий приоритет касается пересмотра миграционной политики. В аналитическом обзоре он упоминается достаточно редко, что позволяет говорить, что пока администрация намерена снизить миграционный поток из стран Центральной Америки, сделав исключение только для жертв насилия.

Структура бюджетных расходов в отношении стран Латинской Америки связана с реализацией программ гуманитарного характера. Первая их часть представляет помощь развитию, направленную на снижение голода, обеспечение доступа к питьевой воде, содействие развитию сельского хозяйства, помощь в области здравоохранения. В комплекс этих мер интегрировано и оказание помощи в области охраны природы и климата. Вторая их часть связана с гражданским сектором и программами обмена, которые нацелены на продвижение ценностей гендерного равенства, содействие большему влиянию женщин и сексуальных меньшинств в латиноамериканских странах. Иными словами, дополнительное финансирование программ помощи в отношении стран Латинской Америки преследует четыре цели: создание условий для экспорта американской продукции в регион, построение сетей экономического взаимодействия и кооперации, формирование благоприятного образа США в широких кругах латиноамериканских обществ, формирование прослойки общества,

благоклонно относящейся к Соединенным Штатам и потенциально способной выступить лоббистом их интересов в широком смысле слова.

Среди социальных проблем, для решения которых правительство Дж. Байдена намерено сотрудничать со странами Латинской Америки, выделена только борьба с преступностью. Она выводит в приоритет сотрудничество со всеми заинтересованными странами, также она мыслится одним из оснований для построения предпочтительной для американских интересов сетевой архитектуры межгосударственных взаимодействий. Кроме того, этот приоритет упомянут в контексте обеспечения кибернетической безопасности и усовершенствования демократии в мире. С ним связаны и изменения в миграционной политике.

В таком контексте диапазон этого сотрудничества предстает весьма широким. Во-первых, стремление наладить взаимодействие со всеми заинтересованными сторонами, которое мыслится основой безопасного для американских интересов мира, указывает, что борьба с преступностью может стать одним из фундаментальных элементов противодействия Китаю. Во-вторых, противодействие кибернетическим угрозам может предполагать три аспекта: нарушение сети электронных контактов организованной преступности, борьба с кибернетическим шпионажем, прежде всего осуществляемым Китаем, поставка в страны региона оборудования, позволяющего спецслужбам США вести сбор и обработку данных об их жителях. В-третьих, связи этого аспекта с поддержанием демократического развития указывают на формирование проамериканских групп в латиноамериканских обществах с помощью кибернетических коммуникационных сетей. Цель этих групп — оказывать выгодное Вашингтону влияние в регионе, которое может принять одну из многочисленных форм: распространение нужной информации, лоббирование, организация коллективных действий разного характера, формирование антикоррупционной дискуссии и т. д. В-четвертых, противодействие преступности предполагает если не перекрытие каналов, то создание максимальных трудностей для организации нелегальной миграции из стран Центральной Америки в США.

Военный аспект латиноамериканской стратегии Дж. Байдена пока не конкретизирован, тем не менее, его упоминание в промежуточном обзоре позволяет выявить его ключевую направленность: противодействие Китаю и обеспечение Соединенным Штатам преимущества в его контексте. Также не содержат точных указаний на военную сферу разделы, связанные с построением глобальной архитектуры, благоприятной для американских интересов, и развитием технологий. Это позволяет сделать следующее предположение: военное сотрудничество со странами Латинской Америки будет подчинено логике противостояния КНР и локализовано в технологической сфере, что предполагает, с одной стороны, разработку стандартов и практик, направленных на противодействие промышленному шпионажу со стороны Китая, с другой стороны, указывает на стремление США как можно крепче связать латиноамериканские экономики со своей на уровне технологий.

Обеспечение гражданского равенства связывается с содействием экономическому росту, поддержанием демократического развития, но также фиксируется как составная часть стратегии обеспечения превосходства в противостоянии с Китаем. Иными словами, этот аспект политики будет ориентирован на наиболее бедные, нестабильные, находящиеся в глубоком кризисе страны региона. Его цель за счет финансовой и нефинансовой помощи предотвратить рост влияния КНР.

Также в латиноамериканской стратегии зафиксировано намерение содействовать формированию в регионе институтов демократического общества. Поскольку такой приоритет более в стратегическом обзоре не зафиксирован, с учетом других аспектов латиноамериканской стратегии Дж. Байдена можно предположить, что он будет связан с формированием проамериканских групп в странах региона.

В гуманитарной сфере ключевыми приоритетами латиноамериканской стратегии являются достижение нормальной эпидемической обстановки, снижение уровня бедности, обеспечение доступа к благам социальной политики и снижение уровня насилия. Первые

три приоритета рассматриваются в качестве комплексных элементов глобальной программы США по борьбе с эпидемией COVID-19, которую новая американская администрация рассматривает как ресурс развития национальной медицинской промышленности, а также как способ формирования глобальной сети партнерств и выгодных Вашингтону взаимодействий. Приоритет, связанный со снижением насилия, будет реализован в рамках новой миграционной политики, которая будет предполагать отдельные исключения для приема мигрантов из стран с высоким уровнем преступности. Таким образом, гуманитарный аспект латиноамериканской стратегии Дж. Байдена будет ориентирован на формирование благоприятного образа США в мире и решение социально-экономических вопросов.

Перспективные сценарии

В целом, перспективная стратегия национальной безопасности Соединенных Штатов предполагает одновременную взаимосвязанную реализацию трех сценариев в отношении Латинской Америки. Первый сценарий превращает регион в один из театров сложного, многоаспектного, многовекторного глобального противостояния Вашингтона и Пекина. Политику, направленную против Китая и нацеленную на максимально возможное вовлечение стран региона в свою орбиту, США будут реализовывать в сферах экономического, технологического и социального развития. Их стратегия предполагает:

- переключение на рынок Соединенных Штатов существенной доли латиноамериканского экспорта рудного сырья и полуфабрикатов, необходимых для передовых отраслей промышленности;
- продвижение электронной продукции на рынок Латинской Америки с расчетом на вытеснение китайских конкурентов;
- сдерживание тесных хозяйственных связей между экономиками стран региона и Китая, для чего будет выстраиваться технологический фундамент взаимодействия США и Латинской Америки;
- развитие партнерства по противодействию китайскому промышленному кибершпионажу;
- вовлечение латиноамериканских стран в тесные кооперационные связи в передовых отраслях индустрии;
- ослабление влияния прокитайских групп интересов в рамках сотрудничества по борьбе с коррупцией.

Данные о внешнеторговых операциях, которые содержатся в базе Массачусетского технологического института⁶, указывают на то, что этот сценарий правительство Дж. Байдена будет стремиться реализовать в отношении Бразилии, Чили, Перу, Аргентины, Панамы, в экспорте и импорте которых доля КНР превосходит долю США. Если брать во внимание аналогичные данные о странах, с которыми Соединенные Штаты заключили соглашения о свободной торговле, например, Мексике, Коста-Рике, Колумбии, то приоритетной целью американского курса является если не кратное превосходство над Китаем во внешнеторговом обороте, то, по крайней мере, получение в нем доли значительно больше китайской.

Второй сценарий связан с реализацией глобальной стратегии США с целью обеспечить их доминирование. В рамках этого направления политики Вашингтон планирует использовать следующие практики:

- формирование благоприятного образа США в обществах латиноамериканских стран за счет оказания помощи развитию, помощи в решении ключевых гуманитарных проблем;

⁶ Economic Complexity Rankings. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://oec.world/en/rankings/eci/hs6/hs96> (дата обращения: 05.04.2021).

- перенастройка общественных настроений в регионе в свою пользу, чтобы влиять на принятие решений на разных уровнях и разными способами (лоббирование, распространение нужной информации, организация целенаправленных коллективных действий), а также снижать китайское влияние на население стран региона;
- совершенствование практики и методов сбора информации о гражданах латиноамериканских стран спецслужбами США для контроля за общественными настроениями.

В ходе поиска дополнительной информации с целью уточнить этот сценарий удалось найти соответствующие данные только о Бразилии, которые приводят Г. Баамонде⁷ и исследовательская группа Д. Б. Кавальканти⁸. С учетом роста доступности Интернета в стране, а вместе с ним и кибернетического активизма, связанного с ключевыми общественно-политическими проблемами, Бразилия представляется наиболее перспективной страной для второго сценария региональной политики Дж. Байдена.

В рамках третьего сценария регион рассматривается как источник проблем и преимуществ развития США. Здесь правительство Дж. Байдена ориентировано на:

- снижение общественно-политической поляризации американского общества за счет пересмотра миграционной политики;
- улучшение социальной обстановки в критических в контексте миграции странах за счет целевого финансирования помощи развитию из федерального бюджета;
- нарушение сетей организаторов нелегальной миграции;
- обеспечение роста производства американской медицинской промышленности в рамках оказания помощи в борьбе с эпидемией COVID-19.

Спрогнозированные сценарии позволяют говорить о следующих ролях политики Дж. Байдена в регионе. Во-первых, либеральная политика в гражданской сфере предполагает распространение американских ценностей в качестве противовеса китайской мягкой силе. Во-вторых, экономическая политика будет представлять синтез либерального и протекционистского начал, что предполагает развитие внешнеэкономических связей в интересах развития национального хозяйства и сдерживания экспансии КНР на региональном рынке. В-третьих, решение гуманитарных проблем Латинской Америки мыслится исключительно в контексте внутренних проблем США, связанных с конъюнктурой экономического и социально-политического развития.

Библиография

1. Геловани В. А., Бритков В. Б., Дубовский С. В. СССР и Россия в глобальной системе (1985–2030): Результаты глобального моделирования. М.: Либроком, 2009.
2. Макаренко Д. И., Хрусталёв Е. Ю. Концептуальное моделирование военной безопасности государства. М.: Наука, 2008.
3. Россия в полицентричном мире / Под ред. А. А. Дынкина, Н. И. Ивановой. М.: Весь мир, 2011.
4. Bahamonde H. Aiming Right at You: Group versus Individual Clientelistic Targeting in Brazil // *Journal of Politics in Latin America*. Berlin, 2018. No. 10:2. P. 41–76.
5. Cavalcanti D. B. et al. Digital Activism and Indignation Networks in Brazil: The Pressure groups // *Journal of Politics in Latin America*. Berlin, 2019. No. 11:1. P. 109–130.
6. Economic Complexity Rankings. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://oec.world/en/rankings/eci/hs6/hs96> (дата обращения: 05.04.2021).
7. Interim National Security Strategic Guidance. March 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf> (дата обращения: 15.03.2021).

⁷ Bahamonde H. Aiming Right at You: Group versus Individual Clientelistic Targeting in Brazil // *Journal of Politics in Latin America*. Berlin, 2018. No. 10:2. P. 41–76.

⁸ Cavalcanti D. B. et al. Digital Activism and Indignation Networks in Brazil: The Pressure groups // *Journal of Politics in Latin America*. Berlin, 2019. No. 11:1. P. 109–130.

ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИИ В СТРАНАХ ИБЕРОАМЕРИКИ

ENVIRONMENTAL PROBLEMS IN IBERO-AMERICA COUNTRIES

Carnero Arroyo E.¹

LOS DERECHOS DE LA NATURALEZA BAJO EL PRINCIPIO DE LA SOBERANÍA PERMANENTE SOBRE LOS RECURSOS NATURALES EN LOS PAÍSES DE AMÉRICA LATINA

THE RIGHTS OF NATURE UNDER THE PRINCIPLE OF PERMANENT SOVEREIGNTY OVER NATURAL RESOURCES IN LATIN AMERICAN COUNTRIES

Resumen: Este artículo estudia el principio de la soberanía permanente sobre los recursos naturales de los Estados y de los pueblos indígenas de América Latina, analizando, en la primera parte, su origen, evolución y la ampliación de su contenido en relación con los derechos de la naturaleza. En la segunda se analiza el reconocimiento de la naturaleza como sujeto de derecho en las Constituciones andinas y la práctica judicial.

Palabras claves: principio de la soberanía permanente sobre los recursos naturales; pueblos indígenas; recursos naturales.

Abstract: This article studies the principle of permanent sovereignty over the natural resources of the States and indigenous peoples of Latin America, analyzing, in the first part, its origin, evolution and the expansion of its content in relation to the rights of nature. The second one analyzes the recognition of nature as a subject of law in the Andean Constitutions and judicial practice.

Key words: principle of permanent sovereignty over natural resources; indigenous peoples; rights of nature.

¹ **Carnero Arroyo Ena**, Peruana, jurista-especialista en Derecho Internacional por la RUDN, Msc. en Ciencias: Gestión Ambiental, doctora en Derecho y CP, profesora principal de Derecho Internacional Público y de Derecho de Integración en la Facultad de Derecho y CC. PP. De la universidad Nacional de Trujillo (enacarnero@hotmail.com, ecarneroa@unitru.edu.pe).

El principio de soberanía permanente sobre los recursos naturales y los derechos de la naturaleza

Según el profesor Nico Schrijver², el principio de la soberanía permanente sobre los recursos naturales tiene sus raíces en las demandas sobre el desarrollo económico de los países en vías de desarrollo y la libre determinación de los pueblos coloniales; asuntos relacionados con los propósitos y principios de la Carta de las Naciones Unidas.

En el periodo descolonizador, post guerra mundial, los Estados independientes de Asia y África, reclamaban el derecho a la soberanía sobre sus recursos naturales y a los países de América Latina les aquejaban problemas respecto al pago de la deuda externa y la reducción de la inversión extranjera; optando muchos de ellos por la expropiación de las empresas extranjeras que operaban en sus territorios y sin derecho a la indemnización correspondiente³.

En esta línea, Chile, Perú y Ecuador, proclamaron como “norma de su política internacional marítima la soberanía y jurisdicción exclusivas” sobre su mar adyacente, hasta una distancia mínima de 200 millas marinas desde sus costas, con el fin de asegurar la existencia de sus pueblos⁴.

Bajo estas presiones, la Asamblea General (AG) de las Naciones Unidas adopta una serie de resoluciones que desarrollaron el principio de la soberanía permanente sobre los recursos naturales. Inicialmente, en la resolución 626 (VII) de 1952 reconoce “el derecho de los pueblos a disponer y explotar libremente sus recursos naturales” y en la resolución 1803 (XVII) de 1962, declara “el derecho de los pueblos y de las naciones a la soberanía permanente sobre sus riquezas y recursos naturales en interés del desarrollo nacional y del bienestar del pueblo. Asimismo, dispone que las inversiones sean de acuerdo con las reglas y condiciones que consideren necesario esos pueblos. En caso de nacionalización, expropiación o requisición correspondería la indemnización de conformidad con la legislación estatal y la internacional.

En 1966 el principio es recogido en el Pacto de derechos Civiles y Políticos⁵ y en el Pacto de Derechos económicos, Sociales y Culturales⁶, como parte del derecho a la libre determinación de los pueblos. De manera idéntica se reconoce, en ambos Pactos, que “todos los pueblos pueden disponer libremente de sus riquezas y recursos naturales” y “que en ningún caso podrá privarse a un pueblo de sus propios medios de subsistencia”.

Posteriormente, en la Declaración sobre el Establecimiento de un Nuevo Orden Económico Internacional⁷ se establece la plena soberanía de los Estados sobre sus recursos naturales y todas sus actividades económicas y, en la Carta de Derechos y Deberes Económicos de los Estados⁸, se declara el derecho de los Estados de “Reglamentar y ejercer autoridad sobre las inversiones extranjeras (...) con arreglo a sus leyes y reglamentos y de conformidad con sus objetivos y prioridades nacionales”; así como el derecho de supervisar las actividades de las empresas transnacionales que operan en su territorio de conformidad con sus leyes y políticas nacionales.

Podría pensarse que la titularidad de la soberanía permanente sobre los recursos naturales ha quedado establecida definitivamente para los Estados; no obstante, como hemos indicado, el derecho internacional de los derechos humanos ha reconocido el derecho a la libre determinación de los pueblos que incluye el derecho a la soberanía de sus recursos naturales. El Convenio No 169 sobre pueblos indígenas y tribales también reconoce además de estos derechos el derecho a la consulta previa en asuntos que les afectan, el derecho de propiedad y posesión de sus tierras y

² Schrijver N. J. *Natural Resources, Permanent Sovereignty*. Max Planck Institute for Comparative Public Law and International Law. London, 2010.

³ Comisión Económica para América Latina y el Caribe (CEPAL) // *Las Inversiones Extranjeras en América Latina*. 1954. P. 1–180.

⁴ Declaración de Santiago. *Declaración sobre Zona Marítima*. 18 de agosto de 1952.

⁵ Pacto de Derechos Civiles y Políticos // ONU. Res. AG. 2200 A (XXI) del 16 de diciembre de 1966.

⁶ Pacto Internacional de Derechos Económicos, Sociales y Culturales // ONU. Res. AG. 2200 A (XXI) del 16 de diciembre de 1966.

⁷ Declaración sobre el Establecimiento de un Nuevo Orden Económico Internacional // ONU. Res. AG. 3.201 (S. VI) del 1 de mayo de 1974.

⁸ Carta de Derechos y Deberes Económicos de los Estados // ONU. Res. AG. 3281 (XXIX) del 26 de julio de 1974.

territorios que habitan tradicionalmente⁹. La tensión entre el derecho a la soberanía de los Estados sobre sus recursos naturales y el de los pueblos que poseen dichos recursos como es el caso de los pueblos indígenas de América Latina, se refleja en los conflictos socio-ambientales por la propiedad y administración de los recursos naturales, producto de las concesiones a las empresas transnacionales para la exploración y explotación de minerales, hidrocarburos y otras actividades extractivas que generan violaciones a los derechos humanos de estos pueblos. Aunque los organismos internacionales recomiendan suspender los permisos y concesiones o incluso declararlos inválidos hasta tanto existan condiciones para el ejercicio de los derechos de los pueblos indígenas¹⁰, dichos conflictos no se han resuelto.

La ampliación del contenido del principio ha traído nuevos desafíos para el ejercicio de la soberanía económica de los Estados en vías de desarrollo y el derecho de los pueblos indígenas de disponer de sus recursos naturales. Por un lado, el principio ha sido recogido en los distintos regímenes jurídicos internacionales como en el derecho del mar, el derecho ambiental, el derecho aéreo, el derecho del espacio ultraterrestre, el derecho comercial, el derecho de las inversiones; identificando a la naturaleza como patrimonio común de la humanidad o de interés común de la humanidad como es el caso de La Convención de las Naciones Unidas sobre derecho del mar (CONVEMAR) de 1982, la Convención sobre el Cambio Climático de 1992, la Convención sobre la Diversidad Biológica del mismo año y otros tratados. Por el otro lado, se establecen nuevos derechos y obligaciones para la conservación y protección de los recursos naturales unidos al desarrollo sostenible (Declaración de Estocolmo sobre Medio Humano de 1972 y la Declaración de Rio de Janeiro de 1992); al acceso y uso de los recursos genéticos (Tratado Internacional sobre los Recursos Fitogenéticos para la Alimentación y la Agricultura, decisión 391 de la Comunidad Andina de Naciones sobre régimen común de acceso a los recursos genéticos) y se establecen convencionalmente nuevas responsabilidades para los Estados que poseen recursos compartidos, tales como cuencas hídricas internacionales, binacionales, aguas subterráneas, gas, petróleo y energías renovables.

En estos documentos observamos que la protección de la naturaleza no es un fin en sí mismo, sino está centrada en el antropocentrismo; el deber de conservar la naturaleza está supeditado a satisfacer las necesidades de la persona, de las empresas y del Estado; en particular “los instrumentos relativos al medio ambiente y al desarrollo se insertan en una lógica que defiende un desarrollo basado en el crecimiento económico y deja a la naturaleza reducida a una cosa de la cual puede disponerse soberanamente”¹¹; no obstante se puede advertir elementos del reconocimiento de derechos de la naturaleza que se inician con la aprobación de la Carta Mundial de la Naturaleza de 1982¹².

En ella se declara que “la especie humana es parte de la naturaleza y la vida depende del funcionamiento ininterrumpido de los sistemas naturales”. Hace un llamado a vivir en armonía con la naturaleza, a respetar toda forma de vida. De los principios que enuncia se derivan el derecho de respetar a la naturaleza, la viabilidad genética de la tierra y la población de todas las especies, silvestres y domesticadas; el derecho de conservación de todos los ecosistemas y de los recursos marítimos y atmosféricos.

Del principio 1 de la Declaración de Rio, aunque coloca al ser humano como el centro del desarrollo sostenible, no deja de reconocer que la vida saludable depende de la relación armoniosa entre el hombre y la naturaleza. Entonces si la fuente de todos los recursos naturales esta sana, la vida humana también lo será y viceversa si el hombre contamina pone en riesgo a la naturaleza y a

⁹ Convenio 169 sobre Pueblos Indígenas y Tribales // OIT. 27 de junio de 1989, arts. 6, 7, 13 y 14.

¹⁰ Murcia Riaño D. M. Consulta previa y conflictos territoriales en pueblos indígenas y comunidades Afrodescendientes, Observaciones y recomendaciones de Organismos de Naciones Unidas a los Estados de Colombia, Perú, Ecuador y Bolivia. Programa Regional Fortalecimiento de Organizaciones Indígenas en América Latina (ProIndígena). Bogota, 2016.

¹¹ Murcia Riaño D. M. La naturaleza con derechos: un recorrido por el derecho internacional de los derechos humanos, del ambiente y del desarrollo. Instituto de Estudios Ecologistas del Tercer Mundo, Universidad El Bosque, p. 40. URL: http://biblioteca.clacso.edu.ar/Ecuador/ieetm/20170626043529/pdf_1395.pdf (fecha de consulta: 10.10.2021).

¹² Carta Mundial de la Naturaleza // ONU. AG., Res. 37/7, 28 de octubre de 1982.

su propia vida. Por lo cual podríamos deducir que esa interdependencia tiende a proteger un bien jurídico común que es la vida del planeta, cuyos sujetos de derechos son los seres humanos y no humanos. Por lo tanto, podría interpretarse por dicho principio la naturaleza adquiere necesariamente el derecho a ser respetada, preservada y reestablecida¹³. El principio de precaución declarado en el principio 15, vendría a constituir una garantía del derecho de la naturaleza a ser protegida de cualquier daño grave e irreversible. Se promueve la armonía con la naturaleza y con la tierra.

Las Naciones Unidas al reconocer el derecho de los pueblos indígenas de “mantener y fortalecer su propia relación espiritual con las tierras, territorios, aguas, mares costeros y otros recursos que tradicionalmente han poseído u ocupado y utilizado”, implícitamente están reconociendo a la naturaleza el derecho de ser respetada y protegida.

En consecuencia, el principio de la soberanía permanente sobre los recursos naturales reconoce este derecho a los Estados y a los pueblos. Los Estados tienen el deber de no privar a los pueblos de sus propios medios de subsistencia. Su contenido abarca los derechos y obligaciones establecidas en los tratados y Declaraciones que conforman los distintos regímenes jurídicos internacionales relacionados con el uso y explotación de los recursos naturales en el espacio terrestre, marítimo, aéreo y ultraterrestre. Del compromiso de los Estados de cuidar el medio ambiente para el desarrollo sostenible se derivan implícitamente derechos de la naturaleza.

América Latina y los derechos de la naturaleza: El regreso a los valores éticos ancestrales

Frente a la crisis del multilateralismo, los desafíos para superar la crisis política, económica, social, ambiental y, en particular, los conflictos por la tierra y sus recursos, derivados de la política neoextractivista de los Estados latinoamericanos, se llevaron a cabo reformas constitucionales lideradas por los pueblos indígenas de Ecuador y Bolivia, reconociendo derechos a la naturaleza o Pachamama, bajo una ética distinta a la antropocéntrica que debe ser entendida desde los distintos saberes indígenas propios de su diversidad cultural. América Latina cuenta con 826 pueblos indígenas, siendo los países de Brasil (305 pueblos indígenas), Colombia (102), Perú (85) y México (78) los que poseen mayor número de pueblos indígenas. Se estima que existen alrededor de 200 pueblos indígenas en aislamiento voluntario, en Bolivia Brasil, Colombia, Ecuador, Paraguay, Perú y Venezuela¹⁴. En la sabiduría de estos pueblos deben buscarse los fundamentos filosóficos de los derechos de la Pachamama que permita construir otro saber poder y que cuestione los fundamentos del reconocimiento de los derechos de la naturaleza del pensamiento antropocéntrico, del ecológico, del economicista, etc.¹⁵. Estos saberes se derivan de su relación espiritual con la naturaleza y del derecho exclusivo de los pueblos indígenas al disfrute de sus territorios y recursos en el ejercicio de su derecho a la libre determinación interna¹⁶, que es el derecho de todos los pueblos a llevar adelante su desarrollo económico, social y cultural sin injerencias del exterior¹⁷; considerándose la piedra angular de La Declaración de las Naciones Unidas de los derechos de los pueblos indígenas¹⁸. De hecho, ha sido también reconocido en las constituciones latinoamericanas y es una antesala importante para el reconocimiento de los derechos de la naturaleza y del *sumak*

¹³ Declaración de Río de Janeiro sobre Medio Ambiente y el Desarrollo // CNUMAD. Del 03 al 14 de junio de 1992, principio 7.

¹⁴ Los pueblos indígenas en América Latina. Avances en el último decenio y retos pendientes para las garantías de sus derechos. Comisión Económica para América Latina (CEPAL) // ONU. Noviembre de 2014. P. 42–46.

¹⁵ *Storini C.* Los Derechos de la Naturaleza y un Nuevo Orden Cósmico // UASB. Número 4: Julio 2021. P. 16–22. ISSN: 2737-6311.

¹⁶ Pereira R. and Gough O. Permanent sovereignty over natural resources in the 21st century: natural resource governance and the right to self-determination of indigenous peoples under international law // *Melbourne Journal of International Law*. 2013. No. 14(2). P. 451–495. URL: <http://orca.cf.ac.uk/78269> (fecha de acceso: 10.10.2021).

¹⁷ Recomendación General No. 21 relativa al derecho a la libre determinación. Comité para la Eliminación del Racismo // CERD. CERD/C/365/Rev. 1, 5 de diciembre de 2000. Art. 4.

¹⁸ Declaración sobre los Derechos de los Pueblos Indígenas // ONU. A/RES/61/295. Art. 4.

kawsay o suma qamaña como una forma de vida basada en una ética ancestral que orienta la relación armónica con la naturaleza.

Se ha sostenido que así como en el derecho occidental la ficción de la personalidad jurídica a las empresas les permite ejercer derechos; de manera similar el reconocer como titular de derechos a la Pachamama, “no es sino la demostración de que la titularidad de derechos evoluciona históricamente hacia la recuperación de la relevancia de la relación entre los seres humanos y la naturaleza”¹⁹.

La Constitución Ecuatoriana establece que la naturaleza tiene los siguientes derechos: al respeto integral de su existencia; al mantenimiento y regeneración de sus ciclos vitales, estructura, funciones y procesos evolutivos y a su restauración. Asimismo, impone obligaciones al Estado de protegerla y respetarla, aplicando medidas de precaución y restricción para las actividades que puedan atentar contra la existencia de las especies o destrucción de los ecosistemas. Los servicios ambientales no serán susceptibles de apropiación²⁰. El preámbulo de la Constitución boliviana encierra un homenaje a la Pachamama y pretende refundar un Estado descolonizador y plurinacional “donde predomine la búsqueda del buen vivir”; incorpora entre los principios ético-morales de la sociedad plural el suma qamaña (vivir bien), ñandereko (vida armoniosa), teko kavi (vida buena), ivi maraei (tierra sin mal) y qhapaj ñan (camino o vida noble)²¹.

La madre tierra es definida en la legislación boliviana como “el sistema viviente dinámico conformado por la comunidad indivisible de todos los sistemas de vida y los seres vivos, interrelacionados, interdependientes y complementarios, que comparten un destino común”²². Se le reconoce como un sujeto colectivo y se atribuye derechos a todos sus componentes incluyendo las comunidades humanas. Entre los derechos que se le reconoce, tenemos: A la vida, a la diversidad de la vida, al agua, al aire limpio, al equilibrio, a la restauración y a vivir libre de contaminación²³.

Desde una visión ecocéntrica, la Corte Constitucional Colombiana ha reconocido como sujeto de derechos al río Atrato²⁴; el Tribunal Superior de Medellín también reconoció al río Cauca como sujeto de protección, conservación, mantenimiento y restauración²⁵. En Argentina se emitieron sentencias que resolvieron sobre la protección de la orangutana Sandra y, posteriormente, de la Chimpancé Cecilia²⁶.

Se advierte en el constitucionalismo andino una tendencia al biocentrismo combinada con la práctica estatal contraria a la protección de la madre tierra y sus recursos naturales, producto de actividades extractivas, proyectos de infraestructura y viales, hidrovías e hidroeléctricas, monocultivos, etc. Despojándolos de sus tierras y los expulsan de sus territorios²⁷.

La Corte Interamericana de Derechos Humanos (CorteIDH), en litigios sobre derecho a la propiedad ancestral de los pueblos indígenas, ha reconocido la estrecha relación con sus territorios

¹⁹ Murcia Riaño, La naturaleza con derechos... P. 90.

²⁰ Constitución Política de la República del Ecuador. 20 de octubre de 2008. Arts. 71–73. URL: <https://www.lexis.com.ec/biblioteca/constitucion-republica-ecuador> (accessed 10.10.2021)

²¹ Constitución Política del Estado Plurinacional de Bolivia. 07 de febrero de 2009. Art. 8. URL: https://www.minedu.gob.bo/index.php?option=com_content&view=article&id=1525:constitucion-politica-del-estado&catid=233&Itemid=933 (accessed 10.10.2021).

²² Bolivia. Ley de Derechos de la Madre Tierra // LEY N° 071, 21 de diciembre de 2010. Art. 3; Ley Marco de la madre tierra y desarrollo integral // LEY N° 300. 15 de octubre de 2012. Art. 5.

²³ Bolivia, op. cit., arts. 5 y 7.

²⁴ Colombia. Corte Constitucional-Sala Sexta de Revisión. T-622 de 2016. Párr. 5.9. URL: <https://www.ramajudicial.gov.co/-/corte-constitucional-sala-sexta-de-revision> (accessed 10.10.2021).

²⁵ Derecho de las futuras generaciones // Colombia. Tribunal Superior de Medellín, acción de tutela. Sentencia No. 38. Parr. 9 (iii). 17 de junio de 2019.

²⁶ Molano Bustacara A., Murcia Riaño D. Animales y Naturaleza como Nuevos Sujetos de Derecho: un estudio de las decisiones judiciales más relevantes en Colombia // Revista colombiana de bioética. Universidad El Bosque. URL: <https://www.redalyc.org/journal/1892/189257376004/html/> (data обращения: 10.10.2021).

²⁷ Situación de los Derechos Humanos de los Pueblos Indígenas y Tribales de la Pan Amazonia // CIDH. OAS/Ser. L/V/II. Doc. 176. 29 septiembre 2019.

tradicionales y los recursos que contienen²⁸. Un paso significativo respecto a la naturaleza sujeto, es la OC 023/17²⁹, donde la Corte reconoce el derecho al medio ambiente sano como derecho autónomo en conexión con sus otros componentes como intereses jurídicos en sí mismos.

Bibliografía

1. Bolivia. Ley de Derechos de la Madre Tierra // LEY N° 071, 21 de diciembre de 2010. Art. 3; Ley Marco de la madre tierra y desarrollo integral // LEY N° 300. 15 de octubre de 2012.
2. Carta de Derechos y Deberes Económicos de los Estados. Res. AG. 3281 (XXIX) del 26 de julio de 1974.
3. Situación de los Derechos Humanos de los Pueblos Indígenas y Tribales de la Pan Amazonia // CIDH. OAS/Ser. L/V/II. Doc. 176. 29 septiembre 2019.
4. CERD. Recomendación General No. 21 relativa al derecho a la libre determinación. URL: https://conf-dts1.unog.ch/1%20SPA/Tradutek/Derechos_hum_Base/CERD/00_3_obs_grales_CERD.html (accessed 10.10.2021)
5. Comité para la eliminación Racial // CERD/C/365/Rev. 1. 5 de diciembre de 2000.
6. Constitución Política de la Republica del Ecuador. 20 de octubre de 2008. URL: <https://www.lexis.com.ec/biblioteca/constitucion-republica-ecuador> (accessed 10.10.2021)
7. CNUMAD. Declaración de Rio de Janeiro sobre Medio Ambiente y el Desarrollo. Del 03 al 14 de junio de 1992.
8. Constitución Política del Estado Plurinacional de Bolivia. 07 de febrero de 2009. URL: https://www.minedu.gob.bo/index.php?option=com_content&view=article&id=1525:constitucion-politica-del-estado&catid=233&Itemid=933 (accessed 10.10.2021).
9. Colombia. Corte Constitucional-Sala Sexta de Revisión. T-622 de 2016. Párr. 5.9.
10. Colombia. Tribunal Superior de Medellín, acción de tutela. Sentencia No. 38. Derecho de las futuras generaciones. Parr. 9 (iii). 17 de junio de 2019.
11. Caso Comunidad indígena Yakye Axa Vs. Paraguay // CorteIDH. Sentencia de 17 de junio de 2005 (Fondo, Reparaciones y Costas). Parr. 136–137; OC-023/17. Párr. 169.
12. Comisión Económica para América Latina y el Caribe (CEPAL). Las Inversiones Extranjeras en América Latina. New York, 1954.
13. Opinión Consultiva OC-23/17, Medio Ambiente y Derechos Humanos // Corte IDH. 15 de noviembre de 2017. Serie A. No. 23. Párr. 62.
14. Declaración de Santiago. Declaración sobre Zona Marítima. 18 de agosto de 1952. URL: <https://www4.congreso.gob.pe/comisiones/2008/seguimiento-demandaperuana/documentos/DeclaraciondeSantiago1952.pdf> (accessed 10.10.2021)
15. Declaración sobre el Establecimiento de un Nuevo Orden Económico Internacional Res. AG. 3.201 (S. VI) del 1 de mayo de 1974.
16. *Molano Bustacara A., Murcia Riaño D.* Animales y Naturaleza como Nuevos Sujetos de Derecho: un estudio de las decisiones judiciales más relevantes en Colombia // Revista colombiana de bioética. Universidad El Bosque. URL: <https://www.redalyc.org/journal/1892/189257376004/html/> (дата обращения: 10.10.2021).
17. *Murcia Riaño D. M.* Consulta previa y conflictos territoriales en pueblos indígenas y comunidades Afrodescendientes, Observaciones y recomendaciones de Organismos de Naciones Unidas a los Estados de Colombia, Perú, Ecuador y Bolivia. Programa Regional Fortalecimiento de Organizaciones Indígenas en América Latina (ProIndígena). Bogota, 2016.
18. Declaración sobre los Derechos de los Pueblos Indígenas // ONU. A/RES/61/295.
19. Los pueblos indígenas en América Latina. Avances en el ultimo decenio y retos pendientes para las garantías de sus derechos. Comisión Económica para América Latina (CEPAL) // ONU. Noviembre de 2014. P. 42–46.
20. Carta Mundial de la Naturaleza // ONU. AG. Res. 37/7. 28 de octubre de 1982.
21. Pacto de Derechos Civiles y Políticos. Res. AG. 2200 A (XXI) del 16 de diciembre de 1966.

²⁸ Caso Comunidad indígena Yakye Axa Vs. Paraguay // CorteIDH. Sentencia de 17 de junio de 2005 (Fondo, Reparaciones y Costas). Parr. 136–137; OC-023/17. Párr. 169.

²⁹ Opinión Consultiva OC-23/17, Medio Ambiente y Derechos Humanos // CorteIDH. 15 de noviembre de 2017. Serie A. No. 23. Párr. 62.

АЗИЯ И ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА: ПЕРСПЕКТИВЫ ТОРГОВО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

ASIA AND LATIN AMERICA: PROSPECTS FOR TRADE AND ECONOMIC COOPERATION

А. Г. Коваль, О. Ю. Трофименко, М. Ю. Евдокимова¹

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ НА РАЗВИТИЕ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ В РОССИИ И БРАЗИЛИИ

ASIA AND LATIN AMERICA: PROSPECTS FOR TRADE AND ECONOMIC COOPERATION

Аннотация: Россия и Бразилия занимают лидирующие позиции среди быстрорастущих рынков электронной коммерции. Пандемия ускорила процессы цифровой трансформации и развития электронной торговли, выросли интернет-продажи и количество онлайн-сделок. Вместе с тем, в обеих странах наблюдались сложности, связанные с транспортировкой товаров, приобретаемых через Интернет. Пандемия обострила проблему нормативного регулирования электронной торговли в обеих странах, в частности, касающегося защиты потребительских интересов при осуществлении онлайн-сделок. В условиях пандемии COVID-19 у российских и бразильских потребителей наблюдается сдвиг в сторону онлайн-покупок продуктов питания и товаров первой необходимости. Все большее количество россиян и бразильцев предпочитают продолжать онлайн-покупки даже при улучшении эпидемиологической обстановки. Именно поэтому наблюдается рост числа электронных платежей и появление новых платежных систем. Российский и бразильский рынки электронной торговли достаточно фрагментированы, на них присутствуют сразу несколько

¹ **Коваль Александра Геннадьевна**, Россия, кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики Санкт-Петербургского государственного университета (a.koval@spbu.ru),
Трофименко Ольга Юрьевна, Россия, к. э. н., доцент кафедры мировой экономики Санкт-Петербургского государственного университета (o.trofimenko@spbu.ru),
Евдокимова Мария Юрьевна, Россия, магистрант Санкт-Петербургского государственного университета (st080162@student.spbu.ru).
Исследование выполнено при поддержке проекта «Кафедры ВТО». (перенести эту фразу после свед. об авторах)

крупных игроков, которые пытаются составить конкуренцию зарубежным онлайн-платформам. Обе страны обладают огромным потенциалом для развития электронной торговли, однако государствам необходимо решить проблемы, связанные с развитием надлежащей инфраструктуры, нормативного регулирования и системы кибербезопасности.

Ключевые слова: электронная торговля; Россия; Бразилия; цифровизация; онлайн-покупки.

Resumen: En las condiciones de COVID-19, hay un cambio de los consumidores rusos y brasileños hacia la compra en Internet de alimentos y bienes de primera necesidad. Un número cada vez mayor de rusos y brasileños prefiere seguir comprando en Internet incluso cuando la situación epidemiológica mejora. Por eso hay un aumento en el número de pagos electrónicos y la aparición de nuevos sistemas de pago. Los mercados de comercio electrónico de Rusia y Brasil están bastante fragmentados, hay varios jugadores importantes a la vez que intentan competir con plataformas extranjeras. Rusia y Brasil tienen un enorme potencial para desarrollar el comercio electrónico, pero los estados deben abordar los desafíos de desarrollar una infraestructura, regulaciones y sistemas de ciberseguridad adecuados.

Palabras clave: comercio electrónico; Rusia; Brasil; digitalización; compras en Internet.

Сегодня мы можем наблюдать, что пандемия коронавируса сильно повлияла на все сферы жизнедеятельности во всех странах мира. Государственные меры по борьбе с COVID-19, режимы самоизоляции, ограничение передвижений, установление лимитов на максимальное количество посетителей в общественных местах, введение режимов удаленной работы, учебы и некоторые другие меры стали дополнительным толчком к развитию электронной торговли (или коммерции). Для российской экономики пандемия и реакция на нее стали серьезным ударом наряду с падением цен на нефть и последующим снижением курса рубля. Национальная валюта Бразилии также серьезно пострадала от кризиса, вызванного COVID-19.

Новые условия функционирования экономик продемонстрировали важность цифровизации и еще раз подтвердили необходимость сотрудничества для обеспечения дальнейшего развития. Странам важно адаптироваться к цифровизации и использовать ее преимущества для решения проблем. Россия и Бразилия занимают лидирующие позиции среди быстрорастущих рынков электронной коммерции. Пандемия ускорила процессы цифровой трансформации и развития электронной торговли, выросли интернет-продажи и количество онлайн-сделок. Вместе с тем, и в России, и в Бразилии наблюдались сложности, связанные с законодательным регулированием, отсутствием необходимой инфраструктуры и логистики. Российская и бразильская электронная торговля обладают большим потенциалом для того, чтобы стать крупнейшими рынками электронной торговли в мире. В этой связи важно изучить влияние пандемии на эту перспективную отрасль экономик этих стран.

Россия и Бразилия имеют сходство во многих показателях развития электронной торговли. Так, например, в России в 2020 году было зафиксировано 63 миллиона пользователей электронной коммерции, тем самым уровень проникновения составил 43 %. В Бразилии этот показатель равен 49 % — 105 миллионов человек². Также стоит отметить, что в обеих странах доля трансграничных продаж находится на относительно низком уровне. В России они составили 6 % от чистого объема продаж российской электронной торговли, в Бразилии этот показатель равен 3 %³. Как в России, так и в Бразилии самая большая категория электронной торговли по объему чистых продаж — электроника и медиа. Доля пяти крупнейших магазинов в общем объеме бразильской электронной торговли составляет 25 %, в России этот же показатель составил 36 %⁴. Обе страны обладают большим потенциалом для успешного развития электронной коммерции. Именно

² E-commerce in Brazil 2020. E-commerce DB Country Report. 2020. URL: <https://ecommercedb.com/markets/br/all> (дата обращения: 10.10.2021)

³ Idem.

⁴ Idem.

поэтому России и Бразилии необходимо более тесное сотрудничество и обмен опытом для дальнейшего развития этого потенциала.

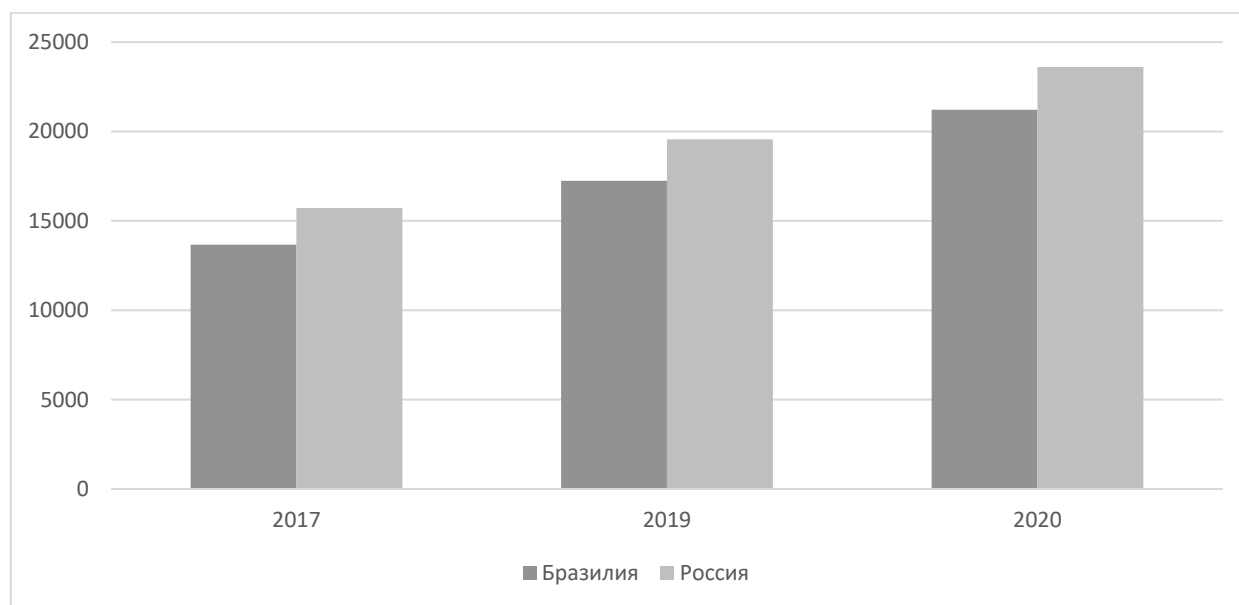

Рис. 1. Доходы от электронной торговли в России и Бразилии, млн долл.

Источник: eCommerce — Worldwide [Электронный ресурс]. URL:

<https://www.statista.com/outlook/dmo/ecommerce/worldwide.2021> (дата обращения: 10.10.2021)

Так, рис. 1 показывает, что в 2017 году доходы от электронной коммерции в Бразилии и России составили 13 669 и 15 717 млн долларов соответственно, в 2019 г. этот показатель достиг отметки 17 244 млн долларов и 19 564 млн долларов, в 2020 году доходы от электронной торговли в Бразилии достигли 21 217 млн долларов, а в России — 23 609 млн долларов. Это свидетельствует о значительном росте доходов всего лишь за несколько лет, в особенности рост доходов за последний год был связан с последствиями мер по борьбе с COVID-19, увеличением количества онлайн-сделок, числа компаний, оперирующих онлайн, более широким использованием цифровых технологий при ведении бизнеса.

Стоит отметить характерную черту как российского, так и бразильского рынка электронной торговли — фрагментацию. На рынках электронной торговли России и Бразилии присутствуют сразу несколько крупных игроков, основными из них в России являются: Wildberries, AliExpress Russia, Ozon, Yandex Market, Citilink; в Бразилии это Mercado Livre, Americanas.com, Amazon Brasil, Magazine Luiza, Casas Bahia, AliExpress.

Уровень проникновения электронной торговли в России и Бразилии неуклонно растет. В России в 2020 году более половины населения совершили онлайн-покупки, этот показатель увеличился вдвое по сравнению с 2016 годом⁵. В Бразилии этот показатель вырос до 49,4 % в 2020 году по сравнению с 38 % в 2017 г.⁶. Ограничительные меры, режимы самоизоляции, удаленной работы и учебы стимулировали российских и бразильских потребителей переключиться на онлайн-покупки. Однако стоит отметить, что из-за негативного влияния пандемии на экономику стран, из-за закрытия предприятий, сокращения и увольнения сотрудников, уменьшения количества рабочих часов, российские и бразильские потребители столкнулись с проблемой отсутствия стабильности. В таких условиях сменились некоторые приоритеты и привычки потребителей. За время режима самоизоляции наблюдался рост онлайн-покупок продуктов питания, бытовой химии, заказов готовых блюд. Около 50 % опрошенных бразильцев заявили, что сократят расходы

⁵ E-commerce in Russia 2021 // Statista URL: <https://www.statista.com/topics/5692/e-commerce-in-russia/#topicOverview> (дата обращения: 10.10.2021)

⁶ Digital buyer penetration in Brazil from 2017 to 2025 // Statista. 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/forecasts/252404/digital-buyer-penetration-in-brazil> (дата обращения: 10.10.2021).

на ряд категорий товаров, а 80 % уже перешли на менее дорогие бренды, магазины⁷. Более половины опрошенных российских потребителей уделяют больше внимания скидкам и переходят на более дешевую продукцию во время изоляции, 64 % покупателей приобретают больше продуктов через Интернет и по телефону, чем до вынужденного социального дистанцирования⁸. Следовательно, в условиях COVID-19 у российских и бразильских потребителей наблюдается сдвиг в сторону онлайн-покупок продуктов питания и товаров первой необходимости.

Разумеется, пандемия затронула не только покупателей, но и продавцов. Несмотря на рост онлайн-продаж в некоторых сегментах, продавцы столкнулись с рядом проблем. Например, крупные российские экспортеры сообщили о нескольких серьезных проблемах с экспортными продажами во время пандемии 2020 года. Среди них отметили отмену грузоперевозок из ряда стран, возврат денег за выполненные заказы из-за длительных сроков доставки, потерю привычного рынка из-за сложностей с доставкой, падение спроса в привычных категориях продаж, нарушение цепочек поставок, отсутствие информации об изменениях в правилах импорта.

Конечно, с ростом онлайн-транзакций увеличилось и количество электронных платежей. Однако несмотря на то, что многие покупки в Бразилии оплачиваются кредитной картой, около 16 % оплачиваются через PostPay, который в Бразилии включает в себя *Boleto bancário*, он, в свою очередь, занял второе место среди трансграничных пользователей электронной коммерции в Бразилии⁹. В России более 50 % транзакций в электронной торговле были совершены с помощью банковских карт, в 2020 г. по сравнению с 2019 годом увеличилось использование электронных кошельков. В целом, это свидетельствует о положительном влиянии пандемии на использование безналичных методов оплаты. В то же время среди российских и бразильских потребителей все еще существует недоверие к электронным системам платежей. Большинство бразильцев не имеют международных кредитных карт, поэтому международные операции могут быть сложными как для резидентов, так и для туристов¹⁰. Центральный банк Бразилии в 2020 году создал *Pix*, бразильскую систему мгновенных платежей, которая позволяет ее пользователям — частным лицам, компаниям и правительственным учреждениям — отправлять или получать переводы платежей в течение нескольких секунд в любое время, включая нерабочие дни¹¹. Таким образом, Центробанк Бразилии стремится к повышению безопасности, улучшению качества обслуживания клиентов и оцифровке рынка розничных платежей. В то же время стратегия развития электронной торговли в Российской Федерации на период до 2025 года определяет ряд приоритетных задач, среди которых можно выделить совершенствование платежных систем в области электронных сделок, обеспечение правовой защиты участников электронной торговли¹². Из этого следует, что обе страны понимают важность и прилагают усилия для создания безопасной среды системы электронных платежей.

Безусловно, пандемия коронавируса послужила катализатором роста и распространения электронной торговли. В этой связи важно понимать основные драйверы

⁷ Survey: Brazilian consumer sentiment during the coronavirus crisis // McKinsey & Company. 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/marketing-and-sales/our-insights/survey-brazilian-consumer-sentiment-during-the-coronavirus-crisis> (дата обращения: 10.10.2021).

⁸ Global Consumer Insights Survey: Russia // PWC. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pwc.ru/en/retail-consumer/publications/assets/pwc-global-customer-insights-survey-2020-russia-en.pdf> (дата обращения: 10.10.2021).

⁹ Worldpay. Distribution of e-commerce spending in Brazil in 2019, by payment method [Graph] // Statista. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/734433/payment-methods-brazil/> (дата обращения: 10.10.2021).

¹⁰ Brazil — Country Commercial Guide // U.S. International Trade Administration. 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.trade.gov/knowledge-product/brazil-ecommerce> (дата обращения: 10.10.2021).

¹¹ Banco Central do Brasil. PIX.2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www.bcb.gov.br/en/financialstability/pix_en (дата обращения: 10.10.2021).

¹² Стратегия развития электронной торговли в Российской Федерации на период до 2025 года. Министерство промышленности и торговли. 2017 (ссылка: 10.10.2021).

онлайн-покупок. Российские и бразильские потребители выделяют следующие причины для онлайн-шопинга (рис. 2).

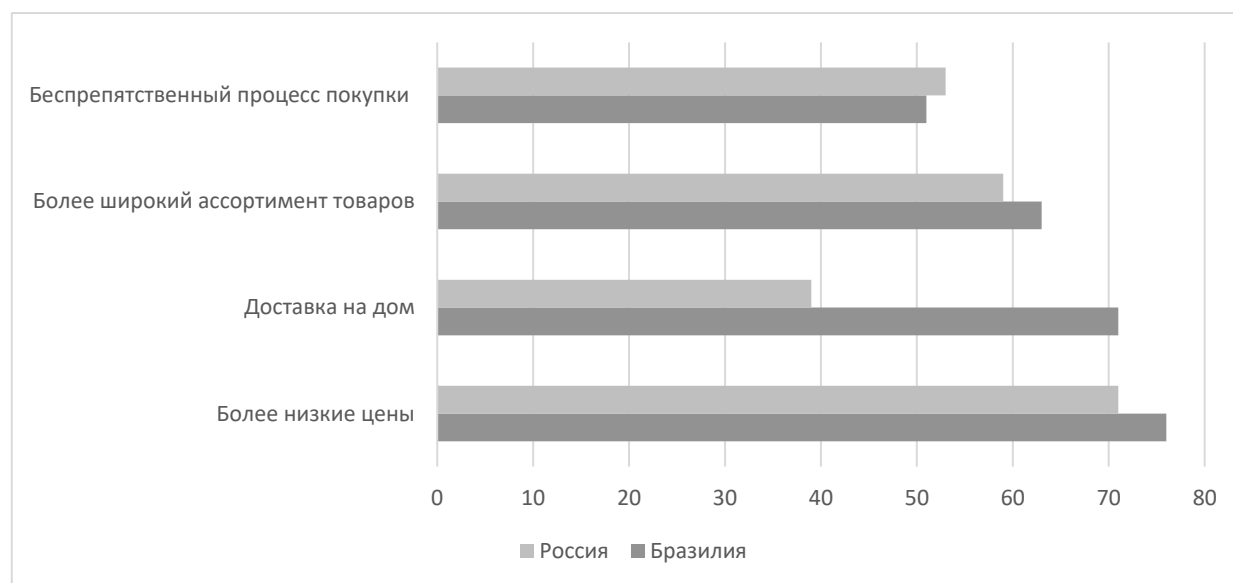

Рис. 2. Причины совершения онлайн-покупок в России и Бразилии, в % от числа опрошенных интернет-покупателей

Источник: E-Commerce in Brazil 2020. Ecommerce DB Country Report. 2020; E-Commerce in Russia 2020. Ecommerce DB Country Report. 2020. URL: <https://ecommercedb.com/markets/br/all> (дата обращения: 10.10.2021)

Рис. 2 показывает, что в Бразилии основными причинами, по которым потребители предпочитают делать покупки онлайн, являются более низкие цены (с этим согласны 76 % интернет-покупателей), доставка на дом (71 %), а также более широкий ассортимент товаров (63 %). В России, в свою очередь, основными причинами, побуждающими потребителей к покупкам через Интернет, являются более низкие цены (с этим согласны 71 % интернет-покупателей), более широкий ассортимент продукции (59 %), а также беспрепятственный процесс покупки (53 %).

При этом доля трансграничной электронной торговли довольно низкая в обеих странах. Бразильцы и россияне редко покупают товары на иностранных сайтах, на это влияют длительные сроки доставки и дополнительные затраты. В Бразилии, например, с целью стимулирования внутренних продаж импортные товары, доставляемые стандартными почтовыми службами, облагаются таможенной пошлиной и сбором за таможенное оформление, которые могут превышать 60 %¹³. Основным препятствием для выхода на российский рынок электронной коммерции являются законодательные требования. Иностраным онлайн-ритейлерам необходимо обратить внимание на российское законодательство о персональных данных, это может потребовать внесения существенных корректировок в их сбор, обработку и хранение¹⁴. Для увеличения доли трансграничной торговли необходимо создавать благоприятную среду для привлечения новых игроков и дальнейшего развития электронной торговли. Однако вопрос, насколько в этом заинтересованы регулирующие органы и конкурирующие национальные компании, остается открытым.

В заключение важно отметить, что пандемия коронавируса в значительной степени спровоцировала рост электронной торговли, и в то же время возникли и усилились проблемы ее развития. Говоря об основных проблемах бразильской и российской

¹³ E-commerce Payments Trends Report: Brazil.2020 // JPMorgan. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jpmorgan.com/merchant-services/insights/reports/brazil-2020> (дата обращения: 10.10.2021).

¹⁴ Russia — Country Commercial Guide // U.S. International Trade Administration. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.trade.gov/knowledge-product/russia-ecommerce> (дата обращения: 10.10.2021).

электронной торговли, можно выделить пробелы в законодательной базе и, в ряде случаев, слишком жесткое регулирование, недостаточный уровень доступа к Интернету, недоверие к электронным видам покупок или неумение их совершать, проблемы логистики и инфраструктуры, таможенные правила и процедуры, создающие дополнительные барьеры. Пандемия COVID-19 стала стимулом для роста электронной торговли, в частности, меры, принятые правительствами Бразилии и России, подтолкнули потребителей делать покупки онлайн. В связи с мерами социальной дистанции, ограничением количества покупателей в офлайн-магазинах, удаленной работой, российские и бразильские потребители были вынуждены все чаще использовать системы электронной торговли. При этом во время пандемии наблюдаются изменения в поведении потребителей, в основном они были вызваны изменением уровня доходов населения. Вследствие этого российские и бразильские потребители перешли на покупку продуктов и товаров первой необходимости через Интернет и теперь предпочитают более дешевые бренды, акции и распродажи.

Таким образом, можно сделать вывод, что пандемия и ответные меры на нее стали импульсом для развития электронной торговли в Бразилии и России, а также обострили ряд существующих проблем. В целом, российским и бразильским властям предстоит долгий путь по созданию и улучшению благоприятной среды для участников электронной коммерции. Эта работа будет включать в себя обеспечение всех групп населения доступом к безопасному и качественному Интернету, создание необходимой инфраструктуры, содействие цифровизации, обеспечение нормативного регулирования, а также устранение барьеров, препятствующих развитию электронной торговли.

Библиография

1. Digital buyer penetration in Brazil from 2017 to 2025 // Statista. 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/forecasts/252404/digital-buyer-penetration-in-brazil> (дата обращения: 10.10.2021).
2. Survey: Brazilian consumer sentiment during the coronavirus crisis // McKinsey & Company. 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/marketing-and-sales/our-insights/survey-brazilian-consumer-sentiment-during-the-coronavirus-crisis> ((дата обращения: 10.10.2021).
3. Global Consumer Insights Survey: Russia // PWC. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pwc.ru/en/retail-consumer/publications/assets/pwc-global-customer-insights-survey-2020-russia-en.pdf> ((дата обращения: 10.10.2021).
4. Worldpay. Distribution of e-commerce spending in Brazil in 2019, by payment method [Graph] // Statista. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/734433/payment-methods-brazil/> ((дата обращения: 10.10.2021).
5. Brazil — Country Commercial Guide // U.S. International Trade Administration. 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.trade.gov/knowledge-product/brazil-ecommerce> ((дата обращения: 10.10.2021).
6. Banco Central do Brasil. PIX.2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www.bcb.gov.br/en/financialstability/pix_en ((дата обращения: 10.10.2021).
7. Стратегия развития электронной торговли в Российской Федерации на период до 2025 года. Министерство промышленности и торговли. 2020. URL: <http://static.government.ru/media/files/1QkfNDghANiBUNBbXaFbM69Jxd48ePeY.pdf> (дата обращения: 10.10.2021)
8. E-commerce Payments Trends Report: Brazil.2020 // JPMorgan. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jpmorgan.com/merchant-services/insights/reports/brazil-2020> ((дата обращения: 10.10.2021).

И. В. Воробьева¹

ВНЕШНЕТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ ВЬЕТНАМА СО СТРАНАМИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В КОНТЕКСТЕ ВПТП

VIETNAM'S TRADE RELATIONS WITH LATIN AMERICAN COUNTRIES IN THE CONTEXT OF CPTPP

Аннотация: В настоящее время торговую политику Вьетнама характеризует активизация участия в международной торговле, в том числе путем заключения договоров о свободной торговле с отдельными странами и группами стран. Представляет интерес оценка опыта и перспектив торгового взаимодействия Вьетнама с его основными партнерами в Латинской Америке, включая трех представителей региона (Мексика, Перу и Чили) из 11 стран, подписавших Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве 2018 года (ВПТП). В статье представлены результаты сравнительного анализа показателей экспорта и импорта Вьетнама с данными странами Латинской Америки, оценка динамики взаимного торгового оборота. Для большинства латиноамериканских государств характерен дефицит в торговле с Вьетнамом, что требует поиска новых возможностей решения проблемы. Определенные перспективы как Мексика, Перу и Чили, так и Вьетнам видят в диверсификации экспорта и импорта, включая продуктовую диверсификацию, в реализации двусторонних и многосторонних соглашений, направленных на развитие торгово-экономического сотрудничества.

Ключевые слова: внешняя торговля; экспорт; импорт; Вьетнам; Мексика; Чили; Перу; Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве.

Abstract: Vietnam's trade policy is characterized by increasing participation in international trade, including free trade agreements with countries and groups of countries. The paper is devoted to considering the experience and prospects of Vietnam's trade relations with its main trade partners in Latin America, including three representatives of the region (Mexico, Peru and Chile) from 11 countries that signed the Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership, CPTPP (2018). The article presents the results of a comparative analysis of export and import indicators of Vietnam and its main partners in Latin American, an assessment of the dynamics of trade turnover. Most Latin American countries are characterized by a negative trade balance in bilateral trade with Vietnam, which requires the search for new ways of solving the problem. Mexico, Peru, Chile and Vietnam see certain prospects in the diversification of exports and imports, including product lines diversification, the implementation of bilateral and multilateral agreements aimed at developing trade and economic cooperation.

Key words: foreign trade; export; import; Vietnam; Mexico; Chile; Peru; The Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership.

В настоящее время представляет интерес оценка торгово-экономического сотрудничества Вьетнама с различными странами и группами стран, что связано с

¹ **Воробьева Ирина Валентиновна**, Россия, кандидат экономических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (i.vorobieva@spbu.ru).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Академии общественных наук Китая в рамках научного проекта № 19-51-93009 «Торговая политика России и Китая в условиях трансформации международной торговой системы» (The reported study was funded by RFBR and CASS according to the research project No. 19-51-93009 "The trade policy of Russia and China in the context of the transformation of the international trading system").

активизацией его роли в международных экономических отношениях и наличием целого ряда двусторонних и многосторонних соглашений о свободной торговле. Вьетнам является первой страной, подписавшей в 2016 году соглашение о свободной торговле со странами Евразийского Экономического союза. Сегодня актуальны вопросы углубления проникновения России в Латинскую Америку, и Вьетнам может рассматриваться одним из «мостиков» их решения. В то же время, есть вероятность усиления конкуренции для российской продукции, продвигаемой на вьетнамский рынок, в том числе со стороны латиноамериканских стран.

Целью данной статьи является оценка опыта и перспектив торгового взаимодействия Вьетнама с его основными партнерами в Латинской Америке, включая трех представителей данного региона из 11 стран, подписавших в марте 2018 года Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (The Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership), далее — ВПТТП. Оценку влияния ВПТТП на торговые отношения подписантов документа и на третьи страны, включая Китай и Россию, рассматривали В. Ю. Саламатов и Н. М. Галкина², П. Петри и М. Пламмер³ и другие. Задачи данного исследования включают анализ показателей экспорта и импорта Вьетнама с Мексикой, Чили и Перу для оценки динамики двусторонней торговли, товарной структуры экспорта и импорта в контексте ВПТТП.

ВПТТП вступило в силу 30 декабря 2018 г. после ратификации большинством участников (Австралия, Канада, Япония, Новая Зеландия, Мексика и Сингапур). Вьетнам и Перу присоединились к ним 14 января 2019 г. и 19 сентября 2021 г. соответственно. Для Брунея-Даруссалам, Малайзии и Чили ВПТТП начнет действовать только после завершения процесса ратификации (плюс 60 дней от этой даты). ВПТТП предполагает обнуление к 2030 году импортных пошлин, охватывающих 99 % тарифных позиций, причем у каждой страны свой график предоставления преференций торговым партнерам. ВПТТП также включает «жесткие стандарты охраны интеллектуальной собственности, окружающей среды, соблюдения фитосанитарных норм, трудовых отношений, регулирования финансовых услуг и государственных закупок»⁴. Фокус внимания в данной статье будет сконцентрирован на торговле товарами.

Рассматривая торговые отношения Вьетнама с Латинской Америкой, можно увидеть, что среди стран региона, в которые направлялись основные потоки вьетнамского экспорта в 2020 г., были Мексика (1,1 %), Бразилия (0,6 %), Чили (0,4 %), Аргентина (0,2 %), Панама (0,1 %) и Перу (0,1 %), а импорт товаров поступал большей частью из Аргентины (1,3 %), Бразилии (1,1 %), Мексики (0,2 %), Чили (0,1 %) и Перу (0,03 %). По суммарному товарообороту первые места во внешней торговле Вьетнама занимали Бразилия, Аргентина, Мексика, Чили и Перу⁵. Расширение торговли Вьетнама со странами Латинской Америки сегодня связывают с перспективами реализации ВПТТП, открывающим возможности увеличения взаимного экспорта, его диверсификацию и более глубокое проникновение на перспективные рынки.

Рассмотрим итоги первых двух лет после подписания ВПТТП Вьетнамом касательно стран Латинской Америки. Из данных табл. 1 можно увидеть, что суммарная торговля товарами Вьетнама с Мексикой, Чили и Перу в 2019 г. по отношению к 2018 г. выросла на 6,6 %, составив 5,13 млрд долл. При этом, несмотря на пандемию COVID-19, в 2020 г. в целом сохранялся рост товарооборота Вьетнама с данными странами при сокращении ежегодных темпов роста до 4,2 %. Анализ суммарного экспорта Вьетнама в Мексику, Чили

² Саламатов В. Ю., Галкина Н. М. Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП-11): что было, есть и будет? // Международная торговля и торговая политика. 2019. № 1(17). С. 5–18.

³ Petri P., Plummer M. Should China Join the New Trans-Pacific Partnership? // China & World Economy. 2020. Vol. 28. No. 2. P. 18–36.

⁴ Томилов М. В. Интеграционный потенциал мегарегиональных торговых соглашений Азиатско-Тихоокеанского региона // Мир экономики и управления. 2020. № 2. С. 86–87.

⁵ Trademap, ITC [Электронный ресурс]. URL: <https://www.trademap.org/> (дата обращения: 25.09.2021).

и Перу также показывает положительную динамику в 2019 и 2020 гг., при росте по отношению к предыдущему году на 20,4 % и 8,2 % соответственно. Для Вьетнама характерен профицит внешней торговли товарами с Мексикой, Чили и Перу (табл. 1).

Таблица 1. Торговля товарами Вьетнама с Мексикой, Перу и Чили в 2016–2020 гг. (в млн долл.)

	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Экспорт Вьетнама в Мексику	1888	2338	2240	2829	3157
Импорт Вьетнама из Мексики	484	788	1125	643	517
Товарооборот Вьетнама и Мексики	2372	3126	3365	3472	3674
Торговый баланс Вьетнама с Мексикой	1404	1551	1115	2186	2640
Экспорт Вьетнама в Перу	278	330	250	341	303
Импорт Вьетнама из Перу	76	117	84	81	87
Товарооборот Вьетнама и Перу	354	447	334	422	390
Торговый баланс Вьетнама с Перу	201	213	167	270	216
Экспорт Вьетнама в Чили	805	999	782	942	1018
Импорт Вьетнама из Чили	232	283	307	289	265
Товарооборот Вьетнама и Чили	1037	1282	1089	1231	1283
Торговый баланс Вьетнама с Чили	574	716	476	653	753

Составлено автором по: Trademap, ИТС [Электронный ресурс]. URL: <https://www.trademap.org/> (дата обращения: 25.09.2021).

По данным Trademap Международного торгового центра (ИТС), Мексика является для Вьетнама вторым по значимости рынком по объему товарооборота и первым по экспорту товаров среди стран Латинской Америки. Вьетнам, в свою очередь, занимал в 2020 г. девятое место среди торговых партнеров Мексики по экспорту и только 53 позицию по импорту. Реализация ВПТТП направлена на создание благоприятной среды для развития торговых, экономических и инвестиционных отношений стран-участников. И, как справедливо отмечает Серджио Лей из Делового совета по внешней торговле Мексики (СОМСЕ), определение общих возможностей, особенно в рамках ВПТТП, важно для диверсификации торговых связей Мексики и Вьетнама⁶.

Оценка взаимного товарооборота Вьетнама и Мексики за последние пять лет свидетельствует о его положительной динамике (табл. 1). После вступления в силу ВПТТП обязательства Мексики включали отмену импортных пошлин по 77 % товарным позициям, что, согласно оценкам экспертов, эквивалентно 36,5 % стоимости ее импорта из Вьетнама. Дальнейший тренд на либерализацию предполагает обнуление тарифов на 98 % товарных линий к десятому году действия ВПТТП⁷. В итоге только в первые два года действия ВПТТП среднегодовые темпы роста экспорта из Вьетнама в Мексику составили 20,8 % и 10,4 % соответственно.

Среди основных товарных групп, экспортируемых Вьетнамом в Мексику, выделяются электронная продукция и комплектующие, обувь, металлы и металлоизделия, продукты питания (морепродукты, кофе, рис). Их значение будет сохраняться и в дальнейшем. Так,

⁶ CPTPP presents new trade opportunities to Vietnam, Mexico: Insiders [Электронный ресурс]. URL: <https://wtocenter.vn/chuyen-de/16255-cptpp-presents-new-trade-opportunities-to-vietnam-mexico-insiders> (дата обращения: 25.09.2021).

⁷ Opportunities of Vietnam when exporting to Canada, Mexico, Peru, Chile [Электронный ресурс]. URL: <https://moit.gov.vn/tin-tuc/thi-truong-nuoc-ngoai/co-hoi-cua-viet-nam-khi-xuat-khau-sang-thi-truong-canada-mex.html> (дата обращения: 25.09.2021).

советник по коммерческим вопросам Вьетнама в Мексике Луу Ван Кханг оценивает Мексику как перспективный рынок для вьетнамских морепродуктов⁸, что, в частности, обусловлено сокращением с 20 % до нулевой отметки ввозных пошлин на замороженную рыбу и креветки, начиная с третьего года после вступления в силу ВПТТП.

С реализацией дорожной карты по снижению и обнулению Мексикой импортных пошлин на рис связана заинтересованность вьетнамских экспортеров данной категории продукции. Так, в 2014 г. на первом месте в мексиканском импорте риса находились США, вторую позицию занимал Вьетнам. После введения Мексикой в 2015 г. 20 % импортных пошлин на рис ситуация изменилась. Согласно обязательствам Мексики по ВПТТП, пошлины на белый рис обнулятся на 11-й год после вступления документа в силу, исходя из графика снижения на 2 % каждый год. Если вьетнамский рис будет конкурентоспособным по соотношению цена-качество, он сможет вернуть утраченные позиции на мексиканском рынке. Сегодня Вьетнам является одним из крупнейших в мире экспортеров текстиля и одежды во многие страны мира. Так, в последние годы Вьетнам экспортировал в Мексику текстильную продукцию на сумму свыше 100 млн долл., что позволило занять долю на мексиканском рынке в 6,5 %. Еще весомее в Мексике позиции у обуви, произведенной во Вьетнаме, рыночная доля которой составляет около 30 % (у Китая — 35 %). В соответствии с дорожной картой ВПТТП импортные пошлины на текстиль и одежду Мексика обязуется отменить к 16-му году его действия, на обувь — к 12-му году, что может повысить привлекательность вьетнамской одежды и обуви для мексиканских потребителей⁹.

Вьетнам принял на себя единый для всех стран ВПТТП график обязательств (отмена импортных пошлин на 66 % товарных позиций после вступления ВПТТП в силу и на 85,6 % по истечении трехлетнего периода)¹⁰. В то же время последние два года, несмотря на действие ВПТТП для Вьетнама и Мексики, характеризовались существенным сокращением вьетнамского импорта из Мексики: с 1125 млн долл. в 2018 г. до 643 млн долл. в 2019 г. и 517 млн долл. в 2020 г., что отразилось на росте дефицита внешней торговли товарами для Мексики более чем в 2 раза за этот период (табл. 1). Можно сделать вывод, что усилий со стороны Мексики по увеличению экспорта во Вьетнам пока недостаточно.

Чили первой среди стран Латинской Америки признала вьетнамское государство и установила дипломатические отношения. Важной вехой в развитии двусторонних торговых связей явилось Соглашение о свободной торговле, подписанное Вьетнамом и Чили в 2011 г. и вступившее в силу в январе 2014 г. Оно стало первым соглашением о свободной торговле Вьетнама со странами Латинской Америки. Его наличие уже дает возможность использовать выгоды либерализации торговли для 1118 продуктовых категорий. Ратификация же Чили ВПТТП позволит сразу сократить импортные пошлины на 95,1 % товарных позиций и на 99,9 % к восьмому году действия документа.

В последнее пятилетие вьетнамско-чилийский товарооборот динамично развивался (исключением стал 2018 год), в целом увеличившись за этот период на 19 %. Несмотря на пандемию COVID-19, в 2020 г. экспорт из Вьетнама в Чили впервые превысил отметку в 1 млрд долл. При вступлении ВПТТП в силу в Чили обнулятся импортные пошлины на вьетнамский перец, орехи кешью, чай, кофе, мед, морепродукты, через 8 лет этот список пополнит текстильная продукция¹¹. В свою очередь, ВПТТП может открыть новые перспективы¹² для чилийских продуктов сельского хозяйства, молочной, мясной и рыбной отраслей по выходу на важные рынки, к которым относится Вьетнам.

⁸ Vietnam enjoys trade surplus of US \$3 billion with Mexico, Chile, and Peru [Электронный ресурс]. URL: <https://wtocenter.vn/chuyen-de/16641-vietnam-enjoys-trade-surplus-of-us3-billion-with-mexico-chile-and-peru> (дата обращения: 25.09.2021).

⁹ Opportunities of Vietnam when exporting..., op. cit.

¹⁰ Vietnam enjoys trade surplus..., op. cit.

¹¹ Opportunities of Vietnam when exporting..., op. cit.

¹² This agreement reaffirms our commitment with free trade [Электронный ресурс]. URL: <https://minrel.gob.cl/minrel/news/this-agreement-reaffirms-our-commitment-with-free-trade> (дата обращения: 25.09.2021).

Хотя Перу занимает пятую позицию в товарообороте Вьетнама среди стран Латинской Америки, его объем существенно меньше по сравнению с показателями торговли Вьетнама с Мексикой (в 8 раз) и Чили (в 3 раза). Из данных табл. 1 можно видеть изменчивость траектории экспорта и импорта во взаимной торговле Вьетнама и Перу. Вступление в силу ВПТТП с сентября 2021 года для Перу предполагает новые импульсы развития двусторонних отношений. Обязательства Перу включают отмену импортных пошлин на 81 % тарифных позиций, что эквивалентно 62 % стоимости импорта из Вьетнама, в дальнейшем, к 17-му году действия ВПТТП, ввозные пошлины будут обнулены для 99,4 % тарифных категорий. Наиболее сильные позиции Вьетнам имеет для экспорта в Перу по целому ряду товаров, включая орехи кешью, чай, кофе, перец, овощи (на эти товарные группы установлены нулевые импортные пошлины со вступлением в силу ВПТТП). Пошлины на текстиль и обувь будут постепенно сокращены до нулевой отметки к 16-му году действия документа, что позволит Вьетнаму получить дополнительные преимущества на перуанском рынке в конкуренции с аналогичными продуктами из Китая и Бразилии. Для Перу ВПТТП рассматривается как средство увеличения поставок продукции текстиля, изделий кустарных промыслов, вследствие снижения импортных пошлин во Вьетнаме.

Барьеры развитию торговых связей Вьетнама с Мексикой, Чили и Перу, требующие разработки механизмов их преодоления, включают географическую отдаленность и относительно высокие издержки на логистику, языковые различия, проблемы подтверждения страны происхождения товаров для получения преференций¹³ и другие. Эти вызовы актуализирует значимость информированности участников о торговой политике и поддержке экспорта, связанных с ВПТТП возможностях взаимного доступа на рынок, повышения осведомленности потребителей о продукции, производимой в этих странах. Данные мероприятия могли бы внести вклад в сокращение дефицита внешней торговли товарами Мексики, Чили и Перу с Вьетнамом.

Библиография

1. Саламатов В. Ю., Галкина Н. М. Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП-11): что было, есть и будет? // *Международная торговля и торговая политика*. 2019. № 1(17). С. 5–18.
2. Томилов М. В. Интеграционный потенциал мегарегиональных торговых соглашений Азиатско-Тихоокеанского региона // *Мир экономики и управления*. 2020. № 2. С. 84–103.
3. *Nguyen Thi Thu Trang*. Vietmanese Business and Two-year Implementation of the CPTPP [Электронный ресурс]. URL: <https://wtocenter.vn/file/18394/bao-cao-danh-gia-tinh-hinh-viet-nam-sau-2-nam-thuc-thi-cptpp-tu-goc-nhin-doanh-nghiep.pdf> (дата обращения: 25.09.2021).
4. *Petri P., Plummer M.* Should China Join the New Trans-Pacific Partnership? // *China & World Economy*. 2020. Vol. 28. No. 2. P. 18–36.

¹³ *Nguyen Thi Thu Trang*. Vietmanese Business and Two-year Implementation of the CPTPP [Электронный ресурс]. URL: <https://wtocenter.vn/file/18394/bao-cao-danh-gia-tinh-hinh-viet-nam-sau-2-nam-thuc-thi-cptpp-tu-goc-nhin-doanh-nghiep.pdf> (дата обращения: 25.09.2021).

Л. В. Попова, Г. В. Борисов¹

КИТАЙСКО-МЕКСИКАНСКАЯ ТОРГОВЛЯ В УСЛОВИЯХ РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ СИСТЕМ

SINO-MEXICAN TRADE IN THE FACE OF RESTRUCTURING GLOBAL PRODUCTION SYSTEMS

Аннотация: За прошедшие два десятилетия Китай и Мексика существенно нарастили масштабы двустороннего взаимодействия в торгово-экономической сфере и укрепили межгосударственные связи. Для мексиканской стороны Китай стал крупнейшим после США источником импорта. В условиях растущего взаимодействия страны прорабатывали возможность заключения двустороннего соглашения о свободной торговле, в том числе руководствуясь задачей устранения сложившегося торгового дисбаланса. Конфронтационная политика со стороны США в отношении Китая и условия сделки USMCA оказывает сдерживающее влияние на развитие мексикано-китайских отношений и реализацию взаимовыгодных договоренностей. Осложняется вопрос подписания сторонами соглашения о свободной торговле. В перспективе ожидается сокращение поставок из Китая продукции транспортного машиностроения и комплектующих, а также текстильного сырья. Условия USMCA повышают степень неопределенности инвестиционных перспектив китайского бизнеса в Мексике.

Ключевые слова: Мексика; Китай; соглашение о свободной торговле; USMCA; статус страны с нерыночной экономикой; глобальные производственные системы.

Abstract: Over the past two decades, China and Mexico have significantly improved their diplomatic relations and experienced a boom in bilateral trade. For Mexico, China has become the largest source of imports after the United States. Given the growing trade, the countries have expressed interest in concluding a bilateral free trade agreement, including with the aim of eliminating the existing trade imbalance. However, the US's confrontational policy towards China, launched by the Trump administration, and the terms of the USMCA deal are holding back the development of Mexican-Chinese relations and the implementation of mutually beneficial agreements. The prospect of a bilateral free trade agreement between China and Mexico has become uncertain. In the long term, the supply of cars and their components, as well as textile raw materials from China is expected to decrease. The USMCA terms also add uncertainty over the investment outlook for Chinese businesses in Mexico.

Key words: Mexico; China; free trade agreement; USMCA; non-market economy; global value chains.

¹ **Попова Людмила Валерьевна**, соавтор, Россия, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (l.v.popova@spbu.ru),

Борисов Глеб Владимирович, соавтор, Россия, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (g.borisov@spbu.ru).

Исследование проведено в рамках научного проекта РФФИ и Академии общественных наук Китая № 19-51-93009 «Торговая политика России и Китая в условиях трансформации международной торговой системы».

Введение

Мексика является одним из ключевых торговых партнеров Китая в регионе Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ). С начала XXI в. двусторонние отношения развивались высокими темпами, Китай выдвинулся на ведущие позиции как поставщик товаров на мексиканский рынок, уступая в этом отношении только США. Двусторонние отношения характеризуются рядом особенностей. Взаимная торговля является крайне несбалансированной, на Мексику приходится большая часть торгового дефицита всего региона ЛАКБ в торговле с Китаем. Мексика традиционно рассматривала Китай в качестве основного конкурента на рынках третьих стран, и вплоть до 2011 г. сохраняла чрезвычайно высокий уровень защиты своих национальных производителей от конкурирующего китайского импорта по широкому спектру товарных позиций. Мексиканская сторона не признает рыночный статус китайской экономики и активно применяет антидемпинговые и антикомпенсационные пошлины в отношении продукции, происходящей из КНР. Вместе с тем, принимая во внимание растущие масштабы взаимного обмена, страны выражали заинтересованность в заключении двустороннего соглашения о свободной торговле.

На современном этапе на развитие китайско-мексиканской торговли влияет ряд факторов. Прежде всего, это политика стратегического противостояния США и Китая, начатая при администрации Д. Трампа, а также вступивший в силу трехсторонний договор о свободной торговле между Мексикой, США и Канадой (USMCA), нацеленный на сокращение роли Китая в производственных цепочках американского бизнеса и компаний из стран — партнеров по соглашению. Мексика выступает бенефициаром происходящего размежевания американской и китайской экономик, получает выгоду за счет наращивания экспортных поставок на американский рынок по тем позициям, которые прежде обеспечивались Китаем. Потенциально она также рассматривается как бенефициар с точки зрения переключения с китайского на мексиканское направление части иностранных инвестиций в рамках аутсорсинга. Вместе с тем, политика конфронтации с Китаем, проводимая американской администрацией, может оказать сдерживающее влияние на дальнейший рост китайско-мексиканской торговли и перспективы взаимной интеграции двух стран.

Основные тенденции и особенности развития китайско-мексиканской торговли

За прошедшие с начала XXI в. два десятилетия масштабы двустороннего торгово-экономического взаимодействия между Мексикой и Китаем существенно возросли. В 2003 г. между странами были установлены отношения стратегического партнерства, а в 2013 г. они перешли на стадию «всеобъемлющего стратегического партнерства». Изначальный уровень отношений между странами был крайне низким, однако уже в 2010-х гг. Китай вышел на позиции второго по значимости источника импорта и стал третьим по величине экспортным направлением Мексики. В свою очередь, Мексика является крупнейшим экспортным рынком для китайской продукции и вторым по величине торговым партнером в регионе ЛАКБ.

Объемы взаимной торговли между Китаем и Мексикой за двадцать лет увеличились с 4,4 млрд долл. США в 2001 г. до 81,4 млрд в 2020 г.² Принимая во внимание растущие масштабы двусторонней торговли и ее значимость для обеих сторон, с 2014 г. Мексика и Китай высказывали заинтересованность в заключении двустороннего соглашения о свободной торговле, однако переговоры по этому вопросу так и не были начаты. В дальнейшем изменения во внешнеполитическом курсе США в период администрации Д. Трампа, фактически вылившиеся в политику сдерживания экономического роста Китая,

² Здесь и далее по тексту используются данные таможенной статистики Мексики.

существенно осложнили переговоры между Мексикой и Китаем о двустороннем соглашении.

Торговые отношения стран носят крайне асимметричный характер. Доля Китая в общей торговле Мексики увеличивается, особенно как источника импорта, во многом за счет снижения удельного веса США и других торговых партнеров. В 2020 г. на Китай приходилась практически пятая часть общего объема импорта страны (в 2000 г. только 1,65 %), тогда как на США — 45 % (73 % в 2000 г.). Однако экспорт Мексики в высокой степени остается ориентированным на американский рынок (80 % экспорта), в то время как доля Китая является незначительной (1,86 %). Торговля с Мексикой занимает небольшой процент в совокупном товарообороте Китая (около 1 % по состоянию на 2020 г.).

Взаимные торговые потоки являются несбалансированными, на Мексику приходится большая часть дефицита региона ЛАКБ в торговле с Китаем. Отрицательное сальдо торгового баланса в мексикано-китайской торговле увеличилось в 2021–2022 гг. с 3,63 до 65,8 млрд долл. США. Растущий дисбаланс является следствием различной структуры взаимных поставок с точки зрения доли товаров с высокой добавленной стоимостью, а также высокой концентрации мексиканского экспорта на американском направлении³.

По данным мексиканской стороны, основной статьёй экспорта Мексики на китайский рынок являются руды (более 40 % всех поставок), но, в отличие от других стран ЛАКБ, Мексика также поставляет в КНР продукцию с более высокой добавленной стоимостью. В частности, это автокомплетирующие и транспортные средства (10,2 % и 5,0 % экспорта мексиканского экспорта соответственно), а также продукция электроники, включая полупроводники (в среднем за двадцать лет доля этой категории товаров в экспорте в Китай превысила 10 %). Из Китая на мексиканский рынок поставляются электроника (готовая продукция и комплектующие, в среднем около 40 % импорта за двадцать лет), машины и оборудование (22,3 %). В растущих объемах осуществлялись закупки автокомплетирующих (3,3 % в 2020 г.), текстиля и волокон — 3,8 %⁴.

Соглашение USMCA: потенциальные эффекты для мексикано-китайской торговли

Соглашение USMCA, вступившее в силу 1 июля 2020 г., — это соглашение нового типа, охватывающее наряду с СРТРР (Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве) широкий спектр вопросов регулирования и устанавливающее высокие стандарты торговли. Наиболее важные изменения, содержащиеся в Соглашении, касаются торговли продукцией транспортного машиностроения. По новым требованиям в течение трехлетнего периода после вступления соглашения в силу должна возрасти доля региональной стоимости в производстве автомобилей и легких грузовиков⁵. Повышаются также требования к региональной доле в производстве стали, стекла и алюминия, используемых в автомобилестроении. USMCA требует, чтобы 40 % автомобилей и 45 % легких грузовиков производились рабочими с почасовой оплатой не менее 16 долл. США, что существенно превышает текущий уровень оплаты труда в соответствующей отрасли в Мексике⁶. Согласно одному из положений USMCA, беспошлинный ввоз для пряжи и тканей будет действовать только в случае, если их объем не превышает 10 % в готовой продукции, произведенной в Северной Америке.

³ *Peters E.* Chinese Investment in Mexico: The Contemporary Context and Challenges // *Asian Perspective*. 2016. Vol. 40. P. 627–652.

⁴ *Сун Л., Су У.* Влияние соглашения между США, Мексикой и Канадой на китайско-мексиканские экономические и торговые отношения и меры противодействия Китая (на кит. яз.) // *Journal of Latin American Studies*. 2019. Vol. 41. No. 2. P. 57–79.

⁵ *Gantz D.* North America's Shifting Supply Chains: The USMCA, COVID-19, and the U.S.-China Trade War. Rice University's Baker Institute for Public Policy. Houston, 2020. <https://doi.org/10.25613/0gaq-h036>

⁶ *Idem.*

Соглашение USMCA содержит дискриминационные ограничения для стран с нерыночной экономикой, которые, по признанию министра торговли США У. Росса, направлены против Китая⁷. USMCA ограничивает возможность заключения соглашений о свободной торговле между странами-членами и странами с нерыночной экономикой, то есть Китаем. Кроме того, компании, происходящие из стран с нерыночной экономикой, не могут использовать механизм урегулирования споров между инвесторами и американским государством (ISDS).

Применительно к мексикано-китайской торговле реализация USMCA может иметь следующие последствия для двусторонних связей. Повышение требований к доле регионального производства применительно к автомобилям и количественные требования по текстилю ограничат китайские поставки соответствующей продукции в Мексику, таким образом, это повлияет на позиции Китая в разделении труда в рамках глобальных цепочек создания стоимости⁸. Дискриминационное положение USMCA о странах с нерыночной экономикой может стать препятствием для заключения соглашения о свободной торговле между Китаем и Мексикой. Если страны приступят к переговорам, существует вероятность того, что Мексика будет исходить из стандартов USMCA и повысит требования к Китаю, что затруднит достижение соглашения. Кроме того, дискриминационное положение USMCA усложняет вопрос признания Китая мексиканской стороной как страны с рыночной экономикой. Это означает, что в обозримом будущем китайские компании по-прежнему будут терпеть убытки вследствие антидемпинговых разбирательств, инициируемых Мексикой. Наконец, положения USMCA о странах с нерыночной экономикой может снизить заинтересованность китайского бизнеса в осуществлении прямых инвестиций в мексиканскую экономику из-за невозможности использования ими механизма ISDS в случае возникновения споров с правительством США.

Со стороны Китая можно ожидать следующих шагов для снижения негативного воздействия соглашения USMCA на его торгово-экономические отношения с Мексикой. Во-первых, китайские компании могут увеличить прямые инвестиции в автомобильную и текстильную промышленность Мексики. В январе 2020 г. три крупные китайские автомобилестроительные компании планировали начать или расширить свою деятельность в Мексике. Во-вторых, Китай может активизировать усилия по двустороннему соглашению о свободной торговле с Мексикой и приступить к переговорам в ближайшее время. Наконец, еще одной опцией для Китая является подача заявки на присоединение к Соглашению ВПТПП, членами которого являются Мексика и Канада⁹.

Заключение

За прошедшие два десятилетия Китай и Мексика существенно нарастили масштабы двустороннего взаимодействия в торгово-экономической сфере и укрепили межгосударственные связи. Для мексиканской стороны Китай стал крупнейшим после США источником импорта. Между странами сформировался устойчивый обмен в сфере автокомплекующих и транспортных средств, а также текстиля и электронных компонентов. В условиях растущего взаимодействия страны прорабатывали возможность заключения двустороннего соглашения о свободной торговле, в том числе руководствуясь задачей устранения сложившегося торгового дисбаланса.

Конфронтационная политика со стороны США в отношении Китая и условия сделки USMCA оказывают сдерживающее влияние на развитие мексикано-китайских отношений и реализацию взаимовыгодных договоренностей. Осложняется вопрос подписания сторонами соглашения о свободной торговле, наблюдается сокращение поставок по ключевым

⁷ Lan G. The “Poison Pill” in the USMCA: The Erosion of WTO Principles and its Implications under a US — China Trade War // *Vanderbilt journal of transnational law*. 2020. Vol. 53. No. 4. P. 1265–1324.

⁸ Сун Л., Суй У., *op. cit.*

⁹ Официальная заявка на присоединение к ВПТПП была подана Китаем 20 сентября 2021 г.

позициям китайского экспорта. В перспективе ожидается сокращение поставок из Китая продукции транспортного машиностроения и текстильного сырья. Мексика продолжает рассматривать Китай как страну с нерыночной экономикой и активно применяет меры по защите национального рынка. Условия USMCA повышают степень неопределенности инвестиционных перспектив китайского бизнеса в Мексике.

Библиография

1. *Peters E.* Chinese Investment in Mexico: The Contemporary Context and Challenges // *Asian Perspective*. 2016. Vol. 40. P. 627–652.
2. *Сун Л., Суй У.* Влияние соглашения между США, Мексикой и Канадой на китайско-мексиканские экономические и торговые отношения и меры противодействия Китая (на кит. яз.) // *Journal of Latin American Studies*. 2019. Vol. 41. No. 2. P. 57–79.
3. *Gantz D.* North America's Shifting Supply Chains: The USMCA, COVID-19, and the U.S.-China Trade War. Rice University's Baker Institute for Public Policy. Houston, 2020. <https://doi.org/10.25613/0gaq-h036>
4. *Lan G.* The “Poison Pill” in the USMCA: The Erosion of WTO Principles and its Implications under a US — China Trade War // *Vanderbilt journal of transnational law*. 2020. Vol. 53. No. 4. P. 1265–1324.

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА И РОССИЯ: ПУТИ И ПРАКТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ИСКУССТВЕ СЕГОДНЯ

LATIN AMERICA AND RUSSIA: WAYS AND PRACTICES OF INTERACTION IN ART TODAY

А. И. Чернышева¹

«МАСТЕРСКАЯ НАРОДНОЙ ГРАФИКИ» В СОБРАНИИ ГМИИ ИМ. А. С. ПУШКИНА

“TALLER DE GRÁFICA POPULAR” IN THE COLLECTION OF THE PUSHKIN STATE MUSEUM OF FINE ARTS

Аннотация: Коллекция мексиканской графики в ГМИИ им. А. С. Пушкина насчитывает без малого 1000 листов, и значительная ее часть — это произведения художников, входивших в объединение «Мастерская народной графики» (Taller de Gráfica Popular). В XIX веке в Мексике существовала традиция сопровождать статьи и заметки в газетах и журналах сатирическими иллюстрациями и карикатурами. Эти рисунки были преимущественно анонимными, однако в 1921 году благодаря Жану Шарло было открыто имя Хосе Гуадалупе Посады (1852–1913), чье искусство оказало колоссальное влияние на мексиканских художников и графиков. После смерти Посады сложившаяся традиция продолжала развиваться: мексиканское искусство и политический активизм сливались в единое целое. Результатом стало создание в 1937 году уникального объединения — «Мастерской народной графики». Этот яркий, во многом радикальный и неординарный коллектив привлек множество художников как в самой Мексике, так и за рубежом. Его основателями стали Леопольдо Мендес (1902–1969), Пабло (Пол) О’Хиггинс (1904–1983) и Луис Ареналь (1907–1985). Они были горячими сторонниками коммунистической идеологии и принципиальными адептами печатной графики, которая, по их мнению, являлась одним из важнейших средств художественного, социального и политического самовыражения. Коллекция включает произведения таких художников, как Луис Ареналь, Анхель Брачо, Артуро Гарсия Бустос,

¹ Чернышева Анна Игоревна, Россия, научный сотрудник ГМИИ им. А. С. Пушкина (эл. почта: anna.chernisheva@arts-museum.ru).

Элизабет Катлетт, Адольфо Мехиак, Пабло О'Хиггинс, Франсиско Луна, Леопольдо Мендес, Франсиско Мора, Адольфо Кинтерос, Мариана Ямпольски.

Ключевые слова: «Мастерская народной графики»; мексиканское искусство; Леопольдо Мендес; Пабло О'Хиггинс; Луис Ареналь.

Abstract: The significant part of the Mexican graphics collection at the Pushkin Museum are the works of artists who were the members of the “People’s Print Workshop” (“Taller de Gráfica Popular”). Due to the work of Jose Guadalupe Posada (1852–1913), whose art had a strong social orientation, Mexico developed its own tradition of political art. It resulted in the creation of the “Taller de Gráfica Popular”. This vibrant, radical and extraordinary collective has attracted many artists both in Mexico and abroad. The founders of the Taller de Gráfica Popular were Leopoldo Mendes (1902–1969), Pablo (Paul) O’Higgins (1904–1983) and Luis Arenal (1907–1985). Artists from the “Taller de Gráfica Popular” created woodcuts, linocuts and lithographs. These techniques of printing graphics made it possible to replicate successful images and spread the main ideas of this union as widely as it possible. The collection includes works by such artists as Luis Arenal, Angel Bracho, Arturo Garcia Bustos, Elizabeth Cutlett, Adolfo Mechiac, Pablo O’Higgins, Francisco Luna, Leopoldo Mendes, Francisco Mora, Adolfo Quinteros, Mariana Yampolski.

Key words: “Taller de Gráfica Popular”; Mexican art; People’s Print Workshop; Leopoldo Mendes; Pablo O’Higgins; Luis Arenal.

История «Мастерской народной графики» (Taller de Gráfica Popular, TGP) обусловлена тенденциями развития мексиканского искусства первой половины XX века, в частности, тесной связью искусства и политики, характерной для этого периода (особенно связью с «левыми» движениями, к которым относился и коммунизм). Вместе с тем ключевой предпосылкой к появлению «Мастерской народной графики» стало развитие культурных, общественных и политических контактов между Мексикой, СССР и США в 1920–1930-е годы. Эти отношения имели колоссальное значение как для продвижения прокоммунистических идей, так и для обмена опытом среди художников. 1920-е годы стали периодом бурного расцвета мексиканской культуры, которая привлекала к себе множество деятелей искусства из Европы и США.

После окончания мексиканской революции (1910–1920 гг.) художники открыли для себя европейские художественные течения: кубизм, футуризм, дадаизм, экспрессионизм и конструктивизм. Это привело к рождению исключительно яркого и своеобразного феномена мексиканского авангарда, наиболее активно развивавшегося с 1921 по 1927 гг. Он объединял и художественный, и политический авангард; для его сторонников огромное значение имела национальная идентичность и идеи мексиканской революции. Однако эти, во многом идеалистические, представления зачастую не совпадали с мексиканской реальностью 1920-х годов, что вело к увеличивающемуся увлечению коммунистической идеологией. Этому способствовали достаточно активные контакты художественной интеллигенции Мексики и СССР.

Развитию культурных связей и искусства способствовали визиты В. В. Маяковского в 1925 году и С. М. Эйзенштейна в 1931–1932 гг. в Мексику, а также Диего Риверы в Советский Союз в 1928 году. Кроме того, один из основателей «Мастерской народной графики» Пабло О'Хиггинс, родившийся в США и переехавший в Мексику, в 1933 году учился в Москве.

Поскольку между Мексикой и СССР с 1930 по 1942 годы не существовало дипломатических отношений, говорить о прямом влиянии СССР в этот период не приходится, однако в 1930-е годы очень оживленными и активными были личные контакты между деятелями культуры СССР и США. В частности, левые американские художники из Клуба Джона Рида неоднократно участвовали в групповых и персональных выставках в Государственном музее нового западного искусства (ГМНЗИ). Разделявшие коммунистические идеи американские художники, писатели и интеллектуалы, такие как Майк Голд, Фред Эллис, Хьюго Геллерт, Уильям Гроппер, Луи Лозовик, обратились к молодому советскому государству как к своего рода эстетической модели.

Контакты между мексиканскими и американскими художниками были исключительно тесными: они активно путешествовали из одной страны в другую, печатались в одних и тех же журналах, участвовали в совместных выставках, создавали монументальные работы, а в 1930-е годы обратились к печатной графике, которая позволяла максимально широко распространять свои идеи, тиражируя удачные образы, созданные изначально в других техниках и материалах. Любопытно, что основатель «Мастерской народной графики» Леопольдо Мендес впервые посетил США в 1930 году², а в 1939 г. провел в США девять месяцев благодаря гранту, полученному от Фонда Гутгенхайма.

Основателем «Мастерской народной графики» был Леопольдо Мендес (1902–1969), который в 1937 году пригласил Пабло (Пола) О'Хиггинса (1904–1983), Луиса Ареналья (1907–1985), а также Анхеля Брахо и Рауля Ангиано. В начале 1938 года к ним присоединились Альфедо Сальсе, Хавьер Герреро, Хосе Чавес Морадо и Фернандо Кастро Пачеко. Все они были горячими сторонниками коммунистической идеологии и принципиальными адептами печатной графики, которая, по их мнению, являлась одним из важнейших средств художественного, социального и политического самовыражения. Мендес познакомился с О'Хиггинсом еще в 1929 году, и их на много лет объединила крепкая дружба и сотрудничество. Еще до возникновения «Мастерской народной графики» Мендес, О'Хиггинс и Ареналь дважды создавали художественные объединения, которые сочетали в себе политику и искусство: объединение «Борьба пролетариев-интеллектуалов»³ было основано в 1931 году и просуществовало всего несколько месяцев, а «Лига революционных писателей и художников»⁴ действовала с 1933 по 1938 годы. В ней состояли все политически активные художники и деятели искусства Мехико. Организация устраивала выставки, которые проходили не только в Мексике, но и в США и Европе.

«Мастерская народной графики» была основана в 1937 году. Наиболее ярким и продуктивным временем существования объединения можно считать период с 1937 по 1952 годы, когда ее возглавлял Леопольдо Мендес. Он был основной движущей силой этого союза, самым ярким его представителем, а также учителем и ориентиром для более молодых художников.

Первоначально задачи объединения были связаны с решением социально-политических проблем, наиболее актуальных в то время для Мексики. Этим объяснялся выбор реализма как основного направления, в котором работали художники. Однако довольно быстро «Мастерская народной графики» вышла на международный уровень. При этом художники никогда не создавали серий и работ специально для выставок⁵, но реагировали на происходящие в мире события. В «Мастерскую народной графики» принимали художников любых политических убеждений, кроме сторонников нацистов.

«Мастерская народной графики» поддерживала тесные контакты с Европой и США: так, например, в 1939–1940 годах прошло несколько выставок в Нью-Йорке, в 1940 и 1942 годах — в Москве⁶, в 1948 году были организованы экспозиции в Праге и Варшаве, а также в Париже и Лиссабоне.

Важной эпохой в истории «Мастерской народной графики» стало создание альбома «Эстампы мексиканской революции. 85 гравюр Мастерской народной графики», который был напечатан в 1947 г. и поступил в ГМНЗИ в том же году. Над ним работало 16 художников, входивших в состав «Мастерской народной графики», и это коллективное произведение стало знаковым как для объединения, так и для культурного ландшафта

² Тогда же в Лос-Анджелесе прошла первая выставка его работ в галерее Джейкоба Цейтлина, который поддерживал левых художников.

³ Lucha Intelectual Proletaria (LIP).

⁴ *Liga de Escritores y Artistas Revolucionarios (LEAR)* была мексиканской секцией «Международного объединения революционных писателей» (МОПИ), основанного в 1925 году.

⁵ Caplow D., Méndez L. Revolutionary art, and the Mexican print: in service of the people. Washington: University of Washington, 1999. P. 192.

⁶ Лопаткина К. Бастарды культурных связей. Интернациональные художественные контакты СССР в 1920–1950-е годы. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2019. С. 76.

Мексики. В альбоме отражены наиболее важные события мексиканской истории с 1870-х по 1940-е годы. Этот альбом выполнял в первую очередь дидактическую и просветительскую функцию: во входящих в его состав гравюрах осуждаются социальная несправедливость, жестокое обращение с крестьянами, отсутствие гражданских прав и подобные уродливые общественные явления.

На искусство Леопольдо Мендеса огромное влияние оказало творчество Хосе Гуадалупе Посады, заново открытое в 1921 году, что совпало с периодом формирования Мендеса как художника.

Мендес начал работать как гравёр уже в 1920-е и к началу 1930-х годов полностью сконцентрировался на печатной графике: он развивал свое мастерство в этой области, аккумулируя влияние европейского и мексиканского искусства. Мендес был единственным художником среди мастеров мексиканского авангарда, максимально использовавшим возможности печатной графики для решения задач, которые ставила перед ними современность. Сюжеты концентрировались на социальном неравенстве, борьбе рабочих и крестьян за справедливость. Отдельной темой шла история мексиканской революции, которую в своих произведениях отражали все художники страны: кто-то как Ривера и Ороско — в монументальных росписях, кто-то как Мендес — в гравюрах. Его гравюры были более новаторскими и экспрессивными, чем графические работы современников. В его произведениях, структурой композиции напоминающих театрализованные представления, разворачивается не просто драматическое повествование, а своего рода героический эпос.

В коллекции Отдела графики ГМИИ им. А. С. Пушкина находится 75 гравюр Мендеса, в том числе два альбома: «25 гравюр Леопольдо Мендеса» (1943) и «10 гравюр Леопольдо Мендеса» (1950). Имеющиеся листы, конечно, не дают возможности в полной мере проследить творческий путь Леопольдо Мендеса, однако позволяют обозначить основные характерные черты его искусства.

В альбом «25 гравюр Мендеса», напечатанный в 1943 году в «Мастерской народной графики», входят несколько ксилографий, доски для которых были созданы значительно раньше. Одна из них — «Шутовской концерт» (инв. Г-116835), доска для которой была создана в 1932 году. Этот лист отражает исключительно сложную ситуацию, которая складывалась в культурном пространстве Мексики в начале 1930-х гг.: идеологические противоречия между самими художниками осложнялись оппозиционными настроениями по отношению к одним инициативам правительства и желанием поддержать другие. Вместе с тем это карикатура на деятелей культуры и искусства, которые властвовали умами в Мексике в то время: Мендес изображает Диего Риверу и Давида Альфаро Сикейроса внизу, а сверху — Доктора Атля с Мойсесом Саэнсом. По сути, это первая политическая карикатура со времен Посады. Вместе с тем Мендес вводит и религиозный контекст, столь важный для крайне консервативной страны: гравюры на религиозные темы были очень популярны в Мексике, и построение композиции в виде изображения ветхозаветного бога, окруженного четырьмя «евангелистами», неслучайно. Любопытно и использование изображения всевидящего ока, которое символизирует Бога и Троицу.

Другая ксилография из этого альбома — карикатура под названием «Калаверы Национального Мавзолея» (1934). Впервые этот лист был напечатан в качестве обложки к первому изданию журнала «Frente a Frente», который выпускала Лига революционных писателей и художников Мексики. Выполнив этот лист в духе калавер (исп. *calavera* — череп) Посады, Мендес первым из мексиканских художников деятельно обозначил рецепцию визуального языка Посады и его иконографии. Однако композиции Посады были значительно проще и менее нагружены деталями. Мендес же выстраивает несколько планов, снабжает изображения поясняющим текстом, а также акцентирует наиболее выразительные черты каждого героя.

В этот же альбом входят работы Мендеса 1934 года «Несчастный случай» (инв. Г-116837) и «Почему мы ссоримся» (инв. Г-116836). Первая выделяется необычной композицией: Мендес изображает падающего со строительных лесов рабочего, который при

этом как будто опрокидывается на зрителя. Последний таким образом становится и действующим лицом, и очевидцем трагедии. Композиция второй ксилографии строится на противопоставлении разных миров, в которых живут семьи солдата и капиталиста.

Кроме того, в этот альбом входят две антифашистские гравюры 1936 года: «Фашизм I» и «Фашизм II» (инв. Г-116849–116850), а также линогравюры «Протест» (1937, инв. Г-116853) и «Гнездо стервятника» (1940, инв. Г-116848). Произведения объединяет остросоциальный и политический характер, однако стоит отметить, что это направление было не единственным для «Мастерской народной графики».

Важной частью работы художников было отражение мексиканских традиций, обычаев и повседневной жизни. Подобные тенденции в мексиканском искусстве 1920–1950-х годов совпадают с зарождавшимися в начале XX века в Европе, когда для новых поколений художников на первый план вышла самобытность и тесная связь с национальной культурой. Этот аспект меньше изучен из-за преобладания в коллекции произведений политической тематики, однако в собрании ГМИИ есть ряд работ, в которых именно он выходит на первый план. Это работы Мендеса «Сидящая девушка», «Индеец», «Крестьяне с индюком», «Индеец с повязкой на голове», «Жилища чомулов» (инв. Г-116812–Г-116816), «Индианка» (Г-116820). Они выразительны, экспрессивны и крайне эмоциональны. Мендес передает обобщенный сконцентрированный образ мексиканского народа.

Другой взгляд на мексиканскую повседневность отражают литографии Пабло О'Хиггинса. Пабло Эстебан О'Хиггинс прибыл из США в 1924 году, чтобы ассистировать Диего Ривере в работе над фресками в Сельскохозяйственной школе в Чапинго, и остался в Мексике на всю жизнь. О'Хиггинс поддерживал тесные связи с Соединенными Штатами и всячески способствовал взаимодействию художников и деятелей искусства обеих стран. Кроме того, он активно организовывал выставки мексиканского искусства в США, а в Мексике — экспозиции американских художников. О'Хиггинс намного больше, чем Мендес, работал в монументальной живописи, однако среди его работ были и литографии. В собрании ГМИИ насчитывается 16 листов. Они выделяются особым повествовательным и созерцательным стилем, отличительная черта которого — сочувственный взгляд художника на окружающую его действительность, наполненную тяжелым трудом, бедностью и характеризующуюся сильнейшим социальным расслоением. Работам присущи ясные композиции, четкий ритм выразительных линий и особенная динамика.

Вероятно, в силу того, что О'Хиггинс родился и провел юность в другой стране, он иначе, нежели мексиканские художники, воспринимал их повседневность. В его литографиях самые скромные и невзрачные детали становятся отражением огромного мира. Он поэтизирует неприглядные стороны быта: так, «Портрет мусорщика» (инв. Г-115472) отсылает к портретам итальянского Ренессанса, а «Сборщики тростника» (инв. Г-115473) с их подвижным ритмом линий и пластичностью создают образ, говорящий о постоянстве и круговороте жизни, извечности таких процессов, как работа на земле.

Важными особенностями литографий О'Хиггинса являются вневременность и внутренняя тишина: он поразительно точно выделяет глубинную сущность явлений и концентрируется на ней. По сравнению с гравюрами его друга и соратника Мендеса произведения О'Хиггинса не содержат каких-либо отсылок ко времени их создания, в то время как работы Мендеса исключительно ярко, экспрессивно и выразительно характеризуют эпоху, в которую были созданы.

Что касается третьего основателя «Мастерской народной графики», Луиса Ареналя, то в собрании ГМИИ находятся только три его работы: «Индейцы Герреро» (1943, инв. Г-115464), «Женщина из провинции Таско» (1937, инв. Г-122488), а также лист из альбома «Эстампы мексиканской революции». Композиция «Индейцев Герреро» поднимает тему человеческого одиночества перед лицом необъятности и силы природы. Для этой работы характерно развитие пространства в глубину и движение внутрь картины, постепенное развертывание планов параллельно поверхности листа. «Женщина из провинции Таско» поражает внутренней силой при лаконичности и сдержанности изображения.

Луис Ареналь много лет жил и работал в Америке, был убежденным коммунистом. Стал одним из участников неудачного покушения на Троцкого в 1940 году. Это событие обозначило накопившиеся внутри «Мастерской народной графики» как политические, так и художественные разногласия. Однако, несмотря на них, до середины 1950-х годов художники продолжали работать и участвовать в совместных выставках. В 1952 году Мендес вследствие личных и профессиональных причин отошел от руководства «Мастерской», и она постепенно перестала существовать в той форме, в какой возникла изначально.

Мексиканское искусство — особенное явление в искусстве XX века. Оно представляет собой уникальный синтез модернизма, классического искусства и местных традиций. Мексиканский авангард, который вобрал в себя различные эксперименты и новаторские идеи, реализованные в живописи, графике и литературе, дал импульс, который привел к созданию «Мастерской народной графики». Она же, в свою очередь, подарила мексиканскому искусству множество ярких имен и произведений, а также стала уникальным творческим пространством, в котором художники создавали и развивали собственный художественный язык.

Библиография

1. *Caplow D., Méndez L.* Revolutionary art, and the Mexican print: in service of the people. Washington: University of Washington, 1999.
2. *Лопаткина К.* Бастарды культурных связей. Интернациональные художественные контакты СССР в 1920–1950-е годы. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2019.
3. *Кало Ф.* Диего Ривера !Viva la vida! Живопись и графика из музейных и частных собраний: каталог выставки 21 декабря 2018 г. — 22 февраля 2019 г. ЦВЗ «Манеж». М.; СПб, 2018.

**BOLIVIA EN DEBATE:
ENTRE EL GOBIERNO DEL MAS Y EL GOLPE DE
ESTADO (2006–2020)**

**BOLIVIA IN DEBATE:
BETWEEN THE GOVERNMENT OF MAS AND
THE COUP (2006–2020)**

Grande P.¹

**EL GOBIERNO DE EVO MORALES Y LOS ESTADOS UNIDOS:
UNA DISRUPTIVA RELACIÓN A CONTRAPELO DE
LA HISTORIA**

**THE GOVERNMENT OF EVO MORALES AND
THE UNITED STATES: A DISRUPTIVE RELATIONSHIP
AGAINST THE GRAIN OF HISTORY**

Resumen: Durante los tres gobiernos de Evo Morales (2006–2019) la ingeniería política-gubernamental del Movimiento al Socialismo colisionó con los principales e históricos intereses geoestratégicos de la Casa Blanca en Bolivia. En esa dirección, ya en 2006 altos funcionarios gubernamentales del MAS denunciaron que la denominada “ayuda internacional” oficial proporcionada por los Estados Unidos servía como un instrumento directo para la intervención norteamericana en asuntos de política interna de Bolivia.

Palabras clave: Bolivia; Movimiento al Socialismo; Estados Unidos; Antagonismos.

Abstract: During the three governments of Evo Morales (2006–2019), the political-governmental engineering of the Movimiento al Socialismo collided with the main and historical geostrategic interests of the White House in Bolivia. In that direction, in 2006 senior MAS government officials denounced that the so-called official “international aid” provided by the United States served as a direct instrument for US intervention in Bolivian domestic politics.

Key words: Bolivia; Movimiento al Socialismo; United States; Antagonisms.

¹ **Grande Patricio**, Argentina, Magister en Historia Social, docente regular e investigador en la Universidad Nacional de Luján, Departamento de Educación (patriciogrande@yahoo.com.ar).

Introducción²

Durante los tres gobiernos de Evo Morales Ayma (2006–2019) la ingeniería política-gubernamental del Movimiento al Socialismo (MAS) colisionó con los principales e históricos intereses geoestratégicos de la Casa Blanca en Bolivia.

En 2006 altos funcionarios gubernamentales del MAS denunciaron que la denominada “ayuda o cooperación internacional” oficial proporcionada por los Estados Unidos (EE.UU.) servía, en verdad, como un instrumento directo para la intervención norteamericana en asuntos de política interna de Bolivia, financiando a grupos opositores, promoviendo la desestabilización institucional y socavando la gobernabilidad en este país sudamericano.

Hacia finales de 2008 y ante una coyuntura signada por una creciente polarización social y política entre el gobierno nacional y el bloque de prefectos opositores de la llamada “Media Luna”, el MAS profundizó los antagonismos con EE.UU. Ante la crisis, el gobierno central de Bolivia tomó algunas decisiones radicales como fueron la expulsión del embajador estadounidense Philip Goldberg y la suspensión de todas las actividades de la agencia norteamericana de Administración para el Control de Drogas (DEA, por sus siglas en inglés).

Durante el segundo gobierno de Morales (2010–2014) continuaron los antagonismos y las hostilidades bilaterales entre ambos países. En ese sentido, el 1° de mayo del 2013 el presidente boliviano expulsó del país a la emblemática Agencia de los EE.UU. para el Desarrollo Internacional (USAID, por sus siglas en inglés). Se trató de una nueva acción política y simbólica completamente disruptiva y a contrapelo de la historia diplomática entre ambos países.

El tercer gobierno del MAS, interrumpido por un golpe de Estado cívico-policial-militar en noviembre del 2019, también estuvo atravesado por esta conflictividad bilateral. Por ejemplo, en 2018 y ante la coyuntura de repostulación presidencial de Evo Morales, desde Washington caracterizaron que las relaciones entre ambos países se vieron altamente tensionadas desde la primera presidencia del MAS debido a su política permanente de hostilidad pública hacia los EE.UU. Asimismo, el propio Departamento de Estado nortamericano sostuvo que las elecciones presidenciales programadas para finales de 2019 “serán un punto de inflexión en la historia de Bolivia”³.

Caracterización del papel de los Estados Unidos durante los años neoliberales (1985–2005)

En el contexto de las reformas capitalistas neoliberales iniciadas en 1985 bajo la presidencia de Víctor Paz Estenssoro, la USAID fue un actor central en la vida institucional y social boliviana, siendo el principal donante en el orden bilateral. Entre los años 1987 y 1992, la agencia concentró el 14 % de la ayuda externa que recibió Bolivia, lo que equivale a un promedio anual estimado en 97 millones de dólares⁴. Al mismo tiempo cabe destacar el papel clave los Estados Unidos en materia de asistencia militar. Esta ayuda externa se canalizó principalmente a través de la Corporación de las Fuerzas Armadas para el Desarrollo Nacional (COFADENA).

² La presente ponencia recupera y actualiza algunos de los resultados de la Tesis para la Maestría en Ciencias Sociales con mención en Historia Social, Universidad Nacional de Luján, autor Patricio Grande, título “La cooperación internacional en Bolivia: un actor difuso de cuerpo presente. Las intervenciones bilaterales de España y Estados Unidos entre los años 2000 y 2009”, director Bruno Fornillo, 2015.

³ U.S. Department of State. Integrated Country Strategy. Bolivia, 21 de agosto de 2018. URL: <https://www.state.gov/documents/organization/284658.pdf> (accessed: abril de 2019).

⁴ De La Cruz Prego F. Ayuda externa en Bolivia (1985–2003): auge y caída del neoliberalismo // Cátedra de cooperación internacional y con Iberoamérica. Universidad de Cantabria. 2011. N 2. P. 1–48. URL: https://www.ciberoamericana.com/pdf/DT_2011_01.pdf (accessed: enero de 2014).

En los inicios de la década de 1990⁵ los organismos norteamericanos AID, DEA y NAS (Narcotics Agency Section) tuvieron injerencia directa en una problemática extremadamente sensible al interior de la sociedad boliviana: el cultivo de *Erythroxylum coca*. La actuación de estos organismos en dicha problemática se llevó a cabo en el contexto de sanción e implementación de la Ley N° 1008 sobre el “Régimen de la coca y sustancias controladas”. Esta Ley, aprobada sin el beneplácito de los productores y comercializadores, puso en el epicentro de la discusión el carácter legal o ilegal del ancestral cultivo andino. Generó el rechazo y el enfrentamiento directo con las principales organizaciones y sindicatos de campesinos y productores cocaleros durante los siguientes veinte años.

Esa injerencia estadounidense provocó como correlato un visible repudio y fuerte sentimiento “antiimperialista” o “antinorteamericano” en amplios sectores del campesinado boliviano, más acentuado en los cultivadores de coca y en sus organizaciones sindicales, espacio desde el cual Evo Morales difundió su liderazgo a nivel nacional⁶. Un sentimiento que se puede sintetizar en la expresión popular de protesta entonada en innumerables movilizaciones por miles de campesinos de Bolivia: *¡Kawsachun coca, Wañuchun yanquis!* (Viva la coca, Mueran los yanquis).

Es decir que, en aquellos años la llamada ayuda internacional estadounidense no se restringió al ámbito estrictamente económico sino que tuvo una injerencia directa en el terreno político, institucional, social, educativo, medioambiental, cultural y militar.

El primer gobierno del MAS (2006–2009)

En materia de cooperación internacional, partiendo de una caracterización sumamente negativa respecto de su actuación durante los últimos 20 años, en los primeros meses de su gestión el MAS diseñó como horizonte a corto y mediano plazo transparentar y delimitar la cuantiosa afluencia de recursos proporcionados por los organismos de ayuda externa, alineándola con los propósitos de su Plan Nacional de Desarrollo (programa de gobierno)⁷.

Si bien durante la primera gestión del MAS se registró un leve incremento en los fondos de ayuda proporcionados por los Estados Unidos (un total estimado de 455 millones de Dólares que representó un incremento del 9 % respecto al período 2002/2005)⁸ y este país continuó siendo uno de los principales actores comerciales presentes en Bolivia, predominó una relación bilateral con características disruptivas entre los intereses de la cooperación estadounidense y el gobierno nacional boliviano. El presidente Morales y su entorno ministerial, diseñaron e instrumentaron un programa de gobierno (ingreso al ALBA/TCP⁹, “nacionalizaciones” de las principales industrias y empresas extractivas/exportadores del país y el posicionamiento de un Estado productor y protagonista del desarrollo nacional) que colisionaba con los principales intereses geoestratégicos promovidos desde Washington bajo las presidencias de George W. Bush (2001–2009).

A lo largo de su primera gestión, el gobierno de Morales denunció reiteradamente a la ayuda estadounidense de incumplir con los requisitos de transparencia y alineamiento establecidos desde su llegada al “Palacio Quemado”. En tanto, los organismos de cooperación norteamericana por intermedio de USAID y sin la conformidad del gobierno boliviano centraron buena parte de su estrategia de intervención en el apoyo financiero, técnico e ideológico a los gobiernos departamentales, colocando especial intereses en la opositora región de la “Media Luna” hacia

⁵ Desde los últimos años de la década de 1980 hasta comienzos del siglo XXI ingresaron al país andino una gran cantidad de empresas estadounidenses como Amoco, Enron, Dominion Energy, Energy Initiatives, Constellation Energy, Allied Deals y Bechtel Enterprise Holding.

⁶ Stefanoni P., *Do Alto H. Evo Morales de la coca al Palacio. Una oportunidad para la izquierda indígena*. La Paz: Malatesta, 2006.

⁷ URL: <https://extranet.who.int/nutrition/gina/sites/default/filesstore/BOL%202006%20-%20Plan%20Nacional%20de%20Desarrollo.pdf>, (accessed: septiembre de 2021).

⁸ Información oficial del Departamento de Estado, Secretaría de Estado de los EE.UU. URL: <https://www.state.gov/>, (accessed: abril de 2015).

⁹ Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América — Tratado de Comercio de los Pueblos.

donde redireccionaron buena parte de sus programas y en particular los del área de “Desarrollo Democrático”.

Ante ello, funcionarios gubernamentales del MAS denunciaron que la asistencia oficial de los Estados Unidos servía como un vehículo para la intervención norteamericana en la política interna de Bolivia, financiando en este caso a grupos opositores y promoviendo la reinstauración de una democracia funcional o proclive a sus propios intereses. Bajo ese escenario en los últimos meses de 2008, en medio de una coyuntura extremadamente conflictiva, se registró el momento de mayor tensión diplomática entre ambos países cuyo corolario fue la expulsión del embajador estadounidense Philip Goldberg y la suspensión de todas las actividades de la DEA en el territorio boliviano. Algunos meses después (2009) USAID decidió suspender formalmente todos sus programas del área “Desarrollo Democrático”. Sin embargo, cabe destacar que el antagonismo entre el MAS y la AID se profundizó en los siguientes años, hasta que finalmente el propio presidente de Bolivia anunció su expulsión el 1° de mayo del 2013.

El segundo gobierno de Evo Morales (2010–2014)

Se trata de un período caracterizado, entre otros aspectos, por el comienzo del Estado Plurinacional y la visibilización en la esfera pública de una gran cantidad de demandas sectoriales no resueltas entre los años 2006–2009. Junto a ellas, emergieron conflictos y enfrentamientos callejeros directos entre el gobierno nacional e importantes organizaciones sociales y sindicales¹⁰. De esta manera, se produjo “la fractura del bloque popular anti-neoliberal” conformado a principios de los años 2000¹¹. No obstante, el gobierno de Evo Morales logró avanzar en la consolidación de su proyecto político/estatal, mediante la puesta en marcha de distintas decisiones políticas como las nacionalizaciones de “segundo término”, la expulsión de USAID, la promulgación de una batería de leyes para el nuevo Estado y una salida política a la crisis pactada con la derecha, entre otras.

Por su parte, la asistencia oficial de los Estados Unidos de América hacia Bolivia estuvo alrededor de los 142 millones de Dólares, un monto ostensiblemente menor respecto a la ayuda desembolsada entre 2007 y 2009. Si bien aconteció una breve instancia de acercamiento diplomático entre ambos gobiernos (bajo la presidencia de Barack Obama), rubricada con la firma de un Convenio Marco entre ambos Estados, los antagonismos y las hostilidades bilaterales siguieron y hasta se profundizaron. En ese marco, los organismos oficiales estadounidenses continuaron año tras año realizando caracterizaciones políticas negativas sobre la gestión del MAS, mientras que para el “masismo” la USAID se convirtió, hasta el momento de su expulsión, en su principal detractor y rival político.

Durante sus dos primeras administraciones estatales el partido de origen rural impuso un conjunto de trascendentales cambios en las estructuras del Estado que, entre otros componentes, modificaron parcialmente la relación de este último con la “cooperación internacional”. En ese contexto, un grupo importante de donantes apoyó abiertamente las iniciativas del gobierno de Morales, destinando recursos y respaldándolo discursiva y políticamente a través de distintas iniciativas y documentos públicos. Dentro de este grupo de cooperantes se inscribió, entre otros, la Unión Europea quien se presentaba formalmente como un actor dispuesto a colocarse “al servicio de las necesidades del país receptor”, siendo así la antítesis de USAID, agencia que siempre optó por explicitar la ligazón directa entre los intereses nacionales estadounidenses y el destino de los fondos de su ayuda.

¹⁰ Movimientos sociales como la Confederación de Pueblos Indígenas de Bolivia (CIDOB) y el Consejo Nacional de Ayllus y Markas del Qullasuyu (CONAMAQ) y sindicatos nucleados en la Central Obrera Boliviana (COB).

¹¹ Prada Alcoreza R. En torno al TIPNIS. 2011. URL: <http://horizontesnomadas.blogspot.com.ar/2011/09/en-torno-al-tipnis-raul-prada-alcoreza.html>, (accessed: septiembre de 2014).

El tercer gobierno del MAS-IPSP y el golpe de Estado en 2019

Crecientes antagonismos en torno a la reelección de Evo

En el marco de una aguda lucha política por la tercera repostulación de la fórmula presidencial del MAS, Evo Morales — Álvaro García Linera¹², el Departamento de Estado norteamericano a través de uno de sus voceros, Robert Palladino, en diciembre de 2018 se pronunció en alerta y por el “respeto a la independencia del poder judicial, el pluralismo político y la libertad de expresión (...) [y a favor de] una democracia saludable en Bolivia que respete la constitución boliviana y la voluntad del pueblo boliviano”¹³. Lo propio hizo la Unión Europea por intermedio de su vocera, Maja Kocijancic, quien alertó que “Bolivia no se conduce a elecciones en condiciones justas y equilibradas”¹⁴.

Ante ello, la respuesta oficial por parte Bolivia fue inmediata. Desde el Ministerio de Relaciones Exteriores del Estado Plurinacional se emitió una comunicación pública titulada “Bolivia Rechaza las declaraciones de EE.UU. sobre elecciones 2019”, donde se manifiesta un “enérgico rechazo al comunicado de prensa emitido por el Portavoz Adjunto del Departamento de Estado”. El propio Evo denunció y rechazó la injerencia de la Unión Europea y de los EE.UU.: “Como en 2002, EE.UU. y políticos serviles de derecha están preocupados por la democracia. Bolivia es soberana y repudia toda injerencia”¹⁵.

También en un documento oficial con fecha de agosto 2018, desde la Casa Blanca se caracterizaba que “las relaciones entre nuestros países se han tensado desde que se eligió al presidente Evo Morales en 2006 y comenzó una política de hostilidad pública hacia los Estados Unidos. Las elecciones presidenciales programadas para fines de 2019 serán un punto de inflexión en la historia de Bolivia. (...) Estamos cada vez más preocupados por la falta de independencia de las ramas de gobierno de Bolivia y el cierre del espacio democrático. El Ejecutivo influencia sobre el poder judicial, la aplicación selectiva de la ley para suprimir la oposición política y los críticos del gobierno, y la hostilidad hacia los medios de comunicación independientes han caracterizado los últimos años”¹⁶.

A partir de estos recurrentes episodios, la injerencia de la Casa Blanca sobre el proceso electoral boliviano y la retórica anti-imperialista se transformaron (nuevamente) en uno de los ejes o pilares centrales de la campaña electoral del MAS en 2019.

Las elecciones presidenciales de octubre 2019 y el golpe de Estado

Los vertiginosos acontecimientos abiertos luego de la elección presidencial del 20 de octubre de 2019, algunas semanas después (10 de noviembre) culminaron con un golpe de Estado cívico-policial-militar, interrumpiendo de manera abrupta y violenta el tercer mandato presidencial consecutivo de Morales¹⁷.

Como señala Lorgio Orellana Aillón, “durante el gobierno de Evo Morales, Bolivia salió de la esfera de influencia del imperialismo norteamericano (...). Los intereses de los Estados Unidos

¹² Para más información sobre el tema consultar: *Grande P., Wiurnos N.* Evo Morales y el MAS: Aportes críticos para el debate sobre la “reelección permanente”. 2018. URL: https://www.academia.edu/40571406/Evo_Morales_y_el_MAS_Aportes_cr%C3%ADticos_para_el_debate_sobre_la_reelecci%C3%B3n_permanente_ (fecha de consulta: 10.10.2021).

¹³ Etapa previa a las elecciones presidenciales bolivianas de 2019 // Departamento de Estado de Estados Unidos. Oficina de la Portavoz. Declaración de Robert Palladino, Portavoz Adjunto. 16 de diciembre de 2018. URL: <https://bo.usembassy.gov/es/etapa-previa-a-las-elecciones-presidenciales-bolivianas-de-2019/>, (accessed: abril de 2019).

¹⁴ Dos de los principales socios comerciales del país andino-amazónico.

¹⁵ Bolivia Rechaza las declaraciones de EE.UU. sobre elecciones 2019. Estado Plurinacional de Bolivia. Ministerio de Relaciones Exteriores. La Paz, 17 de diciembre de 2018.

¹⁶ U.S. Department of State. Integrated Country Strategy. Bolivia, 21 de agosto de 2018. URL: <https://www.state.gov/documents/organization/284658.pdf> (fecha de consulta: 01.04.2021).

¹⁷ Para un análisis del golpe consultar: *Hernández J. L.* Bolivia 2019–2020. Crisis política, golpe de Estado, retorno a la institucionalidad // Ni Calco Ni Copia. Revista del Taller de Problemas de América Latina. Buenos Aires, Imprenta Dorrego, 2021. No. 9. P. 55–82.

‘tropezaron’ con el gobierno ‘proteccionista’ de Evo Morales y con el litio de Uyuni, uno de los principales yacimientos a nivel mundial”¹⁸. En 2018 el gobierno boliviano creó una sociedad mixta entre la estatal Yacimientos de Litio Bolivianos (YLB) y empresa la alemana ACI Systems (ACISA), además existían negociaciones avanzadas con corporaciones chinas para la industrialización del litio. Bajo esa trama argumental, los intereses norteamericanos sobre el litio de Uyuni (Potosí) habrían tenido un papel relevante en la gestación del golpe¹⁹.

Momentos previos al golpe, documentos oficiales de la Casa Blanca (bajo la presidencia de Donald Trump) caracterizaban con claridad la existencia de un “clima adverso” para las inversiones norteamericanas en este país sudamericano: “En general, el clima de inversión de Bolivia se ha mantenido relativamente estable durante los últimos años. La falta de seguridad jurídica, las denuncias de corrupción y los incentivos a la inversión poco claros son impedimentos para invertir en Bolivia. Por el momento, no hay una inversión extranjera directa significativa de Estados Unidos en Bolivia, y no hay iniciativas diseñadas específicamente para incentivar la inversión estadounidense”²⁰.

Asimismo, con el objeto de provocar un factor de desestabilización política, desde tiempo antes del golpe organizaciones y agencias estadounidenses²¹ se encargaron de instalar la denuncia del “fraude electoral” como estrategia comunicacional masiva²². Esta estrategia comunicacional, tejida por fundaciones y agentes de inteligencia estadounidenses, formó parte de una amplia propaganda persistente y sostenida desarrollada por grupos opositores locales y habría constituido el primer paso de la “urdimbre simbólica del fraude”²³ desde mucho antes de los acontecimientos del 20 de octubre. Una suerte de telaraña de sentido, extendida con mucha antelación, para que en el momento oportuno distintos elementos pudieran ser asociados con la manipulación fraudulenta de los comicios.

Líneas conclusivas

A través de distintas fuentes periodísticas y documentos oficiales consultados se pudieron visualizar aquí las sistemáticas denuncias realizadas por el gobierno boliviano a la ayuda e intervención estadounidense, acusándola de incumplir con los requisitos de transparencia y alineamiento político establecidos desde su llegada al Palacio de La Paz. Por su parte, los organismos oficiales estadounidenses continuaron, año tras año, realizando caracterizaciones de índole política negativas sobre la gestión del MAS.

Finalmente, se pudo constatar que bajo esa coyuntura el gobierno de Morales ejecutó una serie de medidas que van a “contrapelo” de la historia de las relaciones diplomáticas entre EE.UU. y Bolivia: declaró persona no grata al embajador Goldberg, suspendió las actividades de la DEA y, entre otras medidas, expulsó a la emblemática USAID.

Bibliografía

1. *De La Cruz Prego F.* Ayuda externa en Bolivia (1985–2003): auge y caída del neoliberalismo // Cátedra de cooperación internacional y con Iberoamérica. Universidad de Cantabria, 2011. N. 2.
2. *Grande P., Wiurnos N.* Evo Morales y el MAS: Aportes críticos para el debate sobre la “reelección permanente”. La Paz, 2018.

¹⁸ *Aillón L. O.* La Caída de Evo Morales, la reacción mestiza y el ascenso de la gente bien al poder. Cochabamba, Universidad Mayor de San Simón — Agencia Sueca para el Desarrollo Internacional, 2020. P. 38–42.

¹⁹ *Sánchez A.* Detrás del Golpe: la industrialización del litio en Bolivia. URL: <https://www.clasco.org/detras-del-golpe-la-industrializacion-del-litio-en-bolivia/> (accessed 01.09.2021).

²⁰ Declaraciones sobre el clima de inversión 2019: Bolivia // Gobierno de los EE.UU. URL: <https://www.state.gov/reports/2019-investment-climate-statements/bolivia/> (accessed 01.09.2021)

²¹ Agencias como la Fundación Nacional para la Democracia y American Councils.

²² *Hernández J. L.*, op. cit., p. 58.

²³ Concepto acuñado y desarrollado por: *Aillón L. O.*, op. cit.

3. *Hernández J. L.* Bolivia 2019–2020. Crisis política, golpe de Estado, retorno a la institucionalidad // Ni Calco Ni Copia. Revista del Taller de Problemas de América Latina. Buenos Aires, Imprenta Dorrego, 2021. No. 9.
4. *Aillón L. O.* La Caída de Evo Morales, la reacción mestiza y el ascenso de la gente bien al poder. Cochabamba, Universidad Mayor de San Simón — Agencia Sueca para el Desarrollo Internacional, 2020.
5. *Prada Alcoreza R.* En torno al TIPNIS. La Paz 2011.
6. *Sánchez A.* Detrás del Golpe: la industrialización del litio en Bolivia. Buenos Aires, 2020.
7. *Stefanoni P., Do Alto H.* Evo Morales de la coca al Palacio. Una oportunidad para la izquierda indígena. La Paz: Malatesta, 2006.

Luis Hernández Juan¹

BOLIVIA 2019–2020: GÉNESIS Y OCASO DE UN GOLPE DE ESTADO

BOLIVIA 2019–2020: GENESIS AND DECLINE OF A COUP

Resumen: En Bolivia, el golpe cívico-militar-policial del 10 de noviembre de 2019 derrocó al gobierno constitucional del Movimiento al Socialismo (MAS), acusado de “fraude electoral” en las elecciones presidenciales del 20 de octubre. Los golpistas elevaron al gobierno a la senadora derechista Jeanine Añez. Sin embargo, apenas un año después, el MAS estaba de nuevo en el gobierno, esta vez triunfando por amplio margen en elecciones convocadas por el gobierno de facto. En esta ponencia se analiza la dinámica de este singular proceso.

Palabras clave: Bolivia; Movimiento al Socialismo; golpe cívico-militar-policial; movilización popular.

Abstract: The civic-military-police coup of November 10, 2019 in Bolivia, overthrew the constitutional government of the Movimiento al Socialismo (MAS), accused of electoral fraud in the presidential’s election of October 20. The coup plotters elevated to the Bolivia’s government rightist senator Jeanine Añez. However, just a year later, the MAS was back in government, this time winning by a wide margin in elections called by the facto government. In this presentation, the dynamics of this singular process is analyzed.

Key words: Bolivia; Movimiento al Socialismo; civic-military-police coup; popular mobilization.

Octubre–Noviembre 2019: Crisis política y golpe de Estado

La crisis política que culminó en el golpe se inició el domingo 20 de octubre, al término de la elección presidencial para el período 2020–2025. Los primeros datos provenientes del sistema de Transmisión de Resultados Electorales Preliminares (TREP), otorgaban una ventaja menor a los diez puntos a la fórmula Morales-García Linera (MAS). Esa misma noche comenzaron las denuncias de fraude, al interrumpirse el TREP con el 83 % del conteo. Reanudado el mismo, cuando el Tribunal Supremo Electoral (TSE) anunció el triunfo en primera vuelta del binomio del MAS, la oposición detonó la crisis política. El epicentro de las protestas fueron los centros urbanos, y sus protagonistas, las capas medias. Expresaban el rechazo a la reelección “ilegítima” — por violar el referéndum del 21 de febrero de 2016 en el que se impuso el NO a una nueva reelección— y ahora “fraudulenta” de Evo Morales.

Desde el principio se advirtió que el gobierno carecía de un plan para enfrentar la “rebelión de las pititas”. Recién el 5 de noviembre se convocó una concentración en La Paz en respaldo del gobierno, cuando desde el 22 de octubre los Comités Cívicos llamaban a un paro nacional indefinido. El 2 de noviembre, se produjo un acontecimiento decisivo: Luis Fernando Camacho, presidente del Comité Cívico de Santa Cruz, hizo un llamado directo al amotinamiento de la policía, ofreciendo a cambio satisfacer reclamos económicos. También anunció que iría al Palacio de Gobierno con una carta-renuncia para exigir al Presidente que abandone su cargo. En paralelo, grupos armados perpetraban ataques a funcionarios gubernamentales, exigiendo su renuncia bajo amenaza a sus familiares y/o viviendas.

¹ **Luis Hernández Juan**, Argentina, Doctor en Historia, Universidad de Buenos Aires (UBA), Facultad de Filosofía y Letras, Maestría de Estudios Culturales de América Latina (juanluishernandez50@gmail.com).

El viernes 8 se amotinaron unidades policiales en Cochabamba, Sucre y Santa Cruz, replicados en las demás capitales departamentales. Los acontecimientos se precipitaron ese fin de semana, cuando dirigentes aliados al gobierno pidieron la renuncia del presidente, como Nelson Condorí, de la Confederación Sindical Única Trabajadores de Bolivia (CSUTCB) o Juan Carlos Huarachi, de la Central Obrera Boliviana (COB). El domingo por la mañana la OEA dio a conocer el Informe Preliminar de la auditoría electoral, denunciando irregularidades en los comicios del 20 de octubre y finalmente, el jefe del ejército, general Williams Kaliman, “sugirió” la renuncia del presidente. Concretada ésta, Camacho ingresó a la casa de gobierno portando la Biblia y la carta- renuncia, agraviando luego la *wiphala*².

En síntesis, se trató de un golpe de Estado cívico-policial-militar cuyos rasgos básicos son: a) Un centro con base de masas — el Comité Cívico de Santa Cruz- liderado Luis Fernando Camacho, un empresario blanco, racista, misógino, cristiano adventista; b) La acción de grupos armados de ultraderecha, dedicados a atacar funcionarios y autoridades gubernamentales nacionales, departamentales y municipales y c) La capacidad para neutralizar y utilizar aparatos del Estado y la sociedad civil, diarios, medios radiofónicos, la policía y las fuerzas armadas. Sobre esto último, Camacho reconoció posteriormente en un video, que su padre hizo las gestiones con la Policía Nacional y las Fuerzas Armadas, para lograr su apoyo al golpe.

Asimismo, en la trama golpista tuvieron relevante intervención los Estados Unidos y la OEA. Los intereses estadounidenses sobre el litio boliviano, descolocados por el proyecto gubernamental de explotación del recurso en asociación con una empresa alemana, y las negociaciones con corporaciones chinas, operaron en este sentido³. Distintas organizaciones estadounidenses, como la National Endowment for Democracy (NED) y el American Council, desde mucho antes del 20/10/2019 utilizaron la denuncia de “fraude electoral” como estrategia comunicacional⁴. El Informe Preliminar de la OEA, del 10/11/2019, legitimó las denuncias de fraude, ratificadas en el Informe Final del 4/12/2019 ambos cuestionados por estudios posteriores⁵. Luis Almagro, secretario del organismo, emitió un comunicado reclamando la anulación del acto electoral.

Consumado el golpe, tuvo lugar la bochornosa asunción de la senadora Jeanine Añez como “presidenta interina”, rodeada de militares, uno de los cuales le colocó la banda presidencial. Su asunción fue acordada en una reunión en la que asistieron los principales referentes golpistas, el mismo domingo 10 de noviembre, por fuera de los mecanismos institucionales.

El declive del proceso de cambio

¿Cómo se llegó a la crisis del 20 de octubre? En enero de 2006, Evo Morales se convirtió en presidente de Bolivia, tras obtener 54 % de los votos en las elecciones de diciembre de 2005. Se iniciaba de esta manera el Proceso de Cambio, un ciclo que duró catorce años. El binomio Morales-García Linera fue reelecto el 6/12/2009, con el 64,22 % de los votos, y ya con la nueva Constitución Política del Estado Plurinacional (CPEP) sancionada, reelecto una vez más el 12/10/2014, con el 61 % de los votos⁶. En el transcurso de su primer mandato (2006–2009), se concretaron las principales innovaciones del Proceso de Cambio: la nacionalización (parcial) del petróleo, la

² Crisis y cambio político en Bolivia. Octubre y noviembre de 2019: la democracia en una encrucijada / F. Mayorga (coord.). CESU-UMSS/Oxfam. Cochabamba, 2020. P. 2–27.

³ Sánchez A. Detrás del golpe: La industrialización del litio en Bolivia. URL: <https://www.clacso.org/> (accessed 10.10.2021).

⁴ Aillón L. O. La Caída de Evo Morales, la reacción mestiza y el ascenso de la gente bien al poder. UMSS — ASDI. Cochabamba, 2020. P. 139–145.

⁵ Kurmanaev A., Trigo M. S. Una elección amarga. Acusaciones de fraude. Y ahora, una reconsideración // The New York Times. 07/06/2020.

⁶ Bolivia. Conflicto y cambio social (1985–2009) / J. L. Hernández, M. G. Armida, A. Bartolini (coordinadores). Newen Mapu. Buenos Aires, 2010. P. 15–26, 147–183.

reconducción de la reforma agraria y la sanción de la nueva CPEP. La creación, en enero de 2009, del Estado Plurinacional, constituye posiblemente la iniciativa más perdurable de este ciclo⁷.

Los cambios que hemos reseñado fueron rechazados por la oligarquía cruceña, los Comités Cívicos y las prefecturas (gubernaciones) de los departamentos de Santa Cruz, Tarija, Pando y Beni. El conflicto decantó en 2008, alcanzando su punto más álgido cuando los cívicos, con el apoyo de las prefecturas, ocuparon aeropuertos, edificios e instalaciones estatales, culminando la escalada con la masacre de El Porvenir (Pando). La derecha fue derrotada por la movilización popular y la solidaridad internacional con el gobierno (UNASUR), quedando la situación destrabada a partir de una negociación parlamentaria, en el cual el gobierno aceptó el carácter no retroactivo de los límites a la propiedad agraria (5000 Ha), y otras modificaciones al texto constitucional.

La resistencia al golpe cívico-prefectural de 2008 estuvo sustentada en una alianza social, el Pacto de Unidad para el Cambio (PUC), en el cual confluyeron un conjunto de movimientos sociales, como la Confederación Sindical Única de Trabajadores Campesinos de Bolivia (CSUTCB), el Consejo Nacional de Ayllus y Markas del Qollasuyo (CONAMAQ), la Confederación de Pueblos Indígenas de Bolivia (CIDOB), la Confederación Sindical de Colonizadores de Bolivia (CSCB) y la Federación de Mujeres Campesinas de Bolivia Bartolina Sisa (FMCBBS).

El desenlace del conflicto otorgó estabilidad al gobierno del MAS. Pero quedó claro que no había intención de avanzar en una profundización de los cambios sociales, limitando la gestión a nacionalizaciones aisladas y redistribución de ingresos. En este contexto, a partir del segundo mandato de Evo Morales (2010–2014), se inició el declive del Proceso de Cambio. La desactivación de la reforma agraria, y la creciente dependencia del Estado boliviano de los ingresos provenientes de las exportaciones de hidrocarburos, incentivaron en la agenda gubernamental la expansión de la frontera agropecuaria, incorporando tierras a la producción agro-ganaderas de las áreas boscosas y/o protegidas. Esto provocó ásperos conflictos que resquebrajaron la unidad de los movimientos sociales.

El más importante estalló en 2011, enfrentando a las comunidades del Territorio Indígena Parque Nacional Isiboro-Sécure (TIPNIS) con el gobierno central, a partir de un proyecto gubernamental de construcción de una carretera que atravesara el Territorio. El gobierno — respaldado por los campesinos del Chapare y la CSUTCB— se enfrentó a las comunidades moxeño, yuracaré y chimán, asentadas ancestralmente en el TIPNIS, apoyadas por la CIDOB y la CONAMAQ. Las comunidades se oponían a la construcción de la carretera porque temían que facilitara la colonización, perdiendo sus territorios ancestrales. Impulsaron marchas a La Paz, reprimidas por la policía (Chaparina) y desconocidas por el gobierno. Posteriormente, CIDOB y CONAMAQ denunciaron intervenciones del oficialismo para dividir y fraccionarlas⁸.

La Autonomía Indígena Originaria Campesina (AIOC) constituyó una segunda fuente de conflictividad. La AIOC quedó consagrada en la nueva CPEP, y reglamentada por la Ley Marco de Autonomía y Descentralización (LMAD, julio 2010). Requería la existencia de un territorio ancestral, habitado en forma continua por un determinado grupo étnico, con sus usos y costumbres y su organización socio-económico, la cumplimentación de dos referéndums, uno inicial y otro aprobatorio, y otros requisitos. En diciembre de 2009 se dieron los primeros pasos de los procesos autonómicos, pero los resultados fueron magros: para 2017, de 35 procesos abiertos, solo dos habían logrado alcanzar sus objetivos. La sensación general era que el oficialismo tenía preferencias por los originarios de las tierras altas, en desmedro de los pueblos de las tierras bajas⁹.

⁷ Hernández J. L. El Estado Plurinacional en Bolivia. Debates y conflictos // Ni Calco Ni Copia. Buenos Aires, Argentina, 2012. No. 4. P. 35–54.

⁸ Grande P., Wiornos N. La conflictividad política durante el segundo gobierno del MAS: del “Pacto de Unidad” al “paralelismo” en las organizaciones indígenas. Los casos de la CIDOB y la CONAMAQ // Ni Calco Ni Copia. Buenos Aires, Argentina, 2017. No. 7. P. 51–73.

⁹ Rousseau S., Manrique H. La autonomía indígena “tutelada” en Bolivia // *Bulletin de l’Institut français d’études andines*. 2019. No. 48(1). P. 1–19.

Un tercer frente de conflictividad tuvo nuevamente como escenario las tierras bajas. Los proyectos de expansión de la explotación petrolífera, la construcción de grandes represas y el desmonte de tierras para la actividad agropecuaria, pusieron en riesgo los ecosistemas. El conflicto más emblemático tuvo lugar en la Reserva Nacional de Flora y Fauna de Tariquía, un área protegida del departamento de Tarija, al autorizar el gobierno la realización de actividades petrolíferas. En 2017, el Comité de Defensa de Tariquía organizó una marcha bajo la consigna “Tariquía de pie, nunca de rodillas”, para visibilizar el conflicto¹⁰.

Consecuencia de estas luchas, se formó en diciembre de 2018 la Coordinadora Nacional de Defensa de Territorios Indígenas Originarios Campesinos y Áreas Protegidas (CONTIOCAP), que agrupó a comunidades indígenas de las tierras bajas, con un discurso basado en la oposición al extractivismo. La CONTIOCAP apoyó y participó en marchas reclamando restitución de territorios ancestrales, modificaciones en la LMAD, en contra de la carretera en el TIPNIS, la explotación petrolífera en Tariquía, y la construcción de mega-represas hidroeléctricas¹¹.

Por último, a mediados de 2019 se produjeron grandes incendios forestales que arrasaron el bosque chiquitano, en Santa Cruz de la Sierra. El Decreto Supremo 3973 del 9/07/2019, autorizó las “quemadas controladas” y los desmontes en Santa Cruz y Beni, desembocando en un *chaqueo* indiscriminado que arrasó entre 500.000 y 700.000 ha. de bosque, sin que el gobierno adoptara las medidas urgentes reclamadas por la CONTIOCAP, cuya dirigencia terminó sumándose al campo golpista.

Los desplazamientos sociales

No es posible entender la conducta de la COB en la coyuntura del golpe al margen de su complejo vínculo con los gobiernos del MAS. La COB se unió al PUC durante el primer gobierno de Evo y en el año 2008, pero a partir del segundo mandato se acentuó el enfrentamiento con el gobierno. En diciembre de 2010 se precipitó el “gasolinazo”, un estallido popular de rechazo al Decreto Supremo 748 que eliminaba subsidios y aumentaba el precio de la gasolina. La lucha siguió en los primeros meses del 2011, con paros y movilizaciones por aumento salarial. En el 2012 se produjo una huelga del sector de la salud, en contra de la extensión de la jornada laboral sin contraprestación salarial. En paralelo, estalló un violento conflicto en Colquiri, entre cooperativistas y mineros asalariados. En mayo de 2013 se produjo una huelga general lanzada por la COB, reclamando modificaciones a la Ley de Pensiones, en la que hubo duros enfrentamientos callejeros con mineros, magisterio y fabriles. La creciente conflictividad y radicalización política llevó a un ala de la dirigencia a intentar organizar un Partido de los Trabajadores, independiente del oficialismo. La respuesta del MAS fue una combinación de coacción y cooptación, mediante represión directa, cierre y reestructuración de empresas estatales, confrontación callejera con organizaciones oficialistas, inclusión de dirigentes sindicales en listas electorales o cargos públicos, derivando en mayor burocratismo de las organizaciones obreras.¹²

La situación se agravó en el tercer mandato de Evo Morales, cuando fue electo secretario general de la COB el minero Guido Mitma, en el congreso de Tupiza (enero de 2016). En mayo estalló un áspero conflicto, con motivo del cierre definitivo de ENATEX, principal empresa textil nacional, quedando 800 obreros en la calle¹³. Durante el año 2017, los trabajadores libraron duras luchas defensivas, contra los avances de las patronales y los cierres y reestructuraciones de las empresas estatales. En consecuencia, a principios de 2018 se produjo la ruptura del Comité Ejecutivo Nacional de la COB: los dirigentes aliados al MAS desplazaron a Mitma nombrando a Juan Carlos Huarachi, Secretario Ejecutivo.

¹⁰ Chávez M., López C. La lucha de las mujeres de Tariquía frente al despojo petrolero // Espacios acuáticos desde una Descolonialidad Hemisférica Feminista. Diciembre 2018. Año V. No. 10. P. 52–71.

¹¹ Correo del Sur. 07/02/2019. URL: https://correodelsur.com/local/20190207_marcha-indigena-busca-respeto-de-su-territorio.html (дата обращения: 10.10.2021).

¹² Hernández J. L., Torrijo di Marco G. Bolivia. La clase trabajadora en el escenario actual // Ni Calco Ni Copia. Buenos Aires, Argentina, 2014. No. 5. P. 60–85.

¹³ Los Tiempos. 16/05/2016. URL: <https://www.lostiempos.com/actualidad/economia/> (дата обращения: 10.10.2021).

Así las cosas, la coyuntura de octubre-noviembre de 2019 encontró al movimiento obrero dividido y desmovilizado. Las centrales regionales y departamentales de la COB y las federaciones adoptaron posiciones diferentes frente a la crisis política. La COD de Oruro y los fabriles de Chuquisaca, se plegaron a las movilizaciones opositoras, pero la mayoría de los trabajadores no se movilizó ni a favor de los golpistas ni en defensa del gobierno. La dirigencia de la COB — con Huarachi a la cabeza — se pasó al campo golpista, ni bien comprobó que el gobierno no podía sostenerse.

El divisionismo y la fragmentación de los movimientos sociales constituyen una de las claves del triunfo del golpe: aniquiló a la CIDOB, permitiendo el surgimiento de la opositora CONTIOCAP, anuló a la CONAMAQ y desgastó a la CSUTCB, que tuvo una respuesta débil frente al golpismo. Asimismo, resultó fundamental en el desenlace del 10 de noviembre la ruptura de la alianza del MAS con las clases media urbanas. Un punto de inflexión en este proceso fue el referéndum del 21/02/2016, donde triunfó el NO a una nueva reelección de Evo Morales. Pero el problema central radicó en el bloqueo de las tradicionales posibilidades de ascenso social de las clases medias, a la administración pública y a las empresas estatales, como consecuencia del empoderamiento de aymaras y quechuas, que ahora ingresaban en forma preferencial. Este desplazamiento de la pequeña burguesía urbana fue el caldo de cultivo para la activación del racismo y la violencia simbólica y física, convirtiendo una protesta, “democrática” en sus orígenes en la base social de una asonada reaccionaria, en cuyo transcurso Camacho desplazó a Mesa en el liderazgo del movimiento.

En conclusión, no existió en los días previos al derrocamiento de Evo Morales, una movilización coordinada de los movimientos sociales en defensa del gobierno constitucional. La situación cambió una vez instalado el gobierno de facto, y especialmente, con los agravios a la *wiphala*, percibidos como un ataque a la plurinacionalidad y al respeto a las naciones y pueblos indígena originario campesinos.

El gobierno de Añez y la resistencia popular

Ante el ascenso de Jeanine Añez al gobierno, la CSUTCB convocó al bloqueo nacional de carreteras y el cerco a La Paz, reclamando la salida de la “autoproclamada presidenta interina”. En los días siguientes comenzó la movilización campesina, bajo la consigna fundamental de defender la plurinacionalidad. Ante la intensificación de las marchas, el viernes 15 de noviembre el gobierno de Añez dictó el Decreto 4078 (el Decreto de la muerte) que eximía a las Fuerzas Armadas y a la Policía de responsabilidad penal en la represión a los manifestantes opositores. Ese mismo día se produjo la masacre de Huayllani, en Sacaba, Cochabamba, cuando una marcha de campesinos fue reprimida por policías y militares. El martes 19 se produjo una nueva masacre, esta vez en Senkata, en El Alto, cuando efectivos del Ejército decidieron romper el bloqueo a una refinería de YPFB. Estos hechos represivos dejaron un saldo de 34 muertos, más de 800 heridos, y centenares de detenidos.

Se iniciaron negociaciones de pacificación, aceptándose un cuarto intermedio en las medidas de acción directa, a cambio de lo cual se derogó el Decreto 4078. En paralelo, el gobierno alcanzó un acuerdo con la bancada del MAS en la Asamblea Plurinacional, presidida por la senadora alteña Eva Copa, para sancionar una “Ley Excepcional para la Convocatoria a Elecciones Generales”. Establecía un plazo de 120 días para convocar a elecciones, preveía la conformación del TSE, e inhabilitaba la postulación de Morales y García Linera. Se fijó la fecha de las elecciones para el 3 de mayo. El 3 de febrero, ocho binomios presidenciales se inscribieron ante el TSE, entre ellos Luis Arce Catacora-David Choquehuanca (MAS), Carlos Mesa-Gustavo Pedraza (Comunidad Ciudadana), Jeanine Añez-Samuel Doria Medina (JUNTOS) y Luis Camacho-Marco Antonio Pumari (CREEMOS). Las elecciones presidenciales fueron postergadas por primera vez para el 6 de septiembre. Para entonces, la gestión de Añez era desastrosa. En el plano económico intervino las empresas estatales, paralizando la producción, en el sanitario, la gestión de la pandemia fue pésima. La inconsulta clausura del año escolar ocasionó gran descontento en la población.

En este contexto, una nueva postergación de la convocatoria electoral, ahora para el 18 de octubre, desató la indignación popular. La COB, la CSUTCB y la Federación de Juntas Vecinales de El Alto (FEJUVE), organizaron una jornada nacional de lucha el martes 28 de julio, en contra de las resoluciones del gobierno y del TSE, bajo la consigna “poner alto a la corrupción, racismo y fascismo de la derecha golpista”. La jornada culminó con un gran Cabildo Popular en El Alto, en el que se decidió el “Bloqueo general indefinido de carreteras”, a partir del lunes 03 de agosto. Se instalaron decenas de puntos de bloqueo en todo el país, destacándose por su combatividad la departamental campesina de La Paz, la población de El Alto y los mineros. El gobierno fue incapaz de reprimirlos, fracasando también las convocatorias al diálogo. El Bloqueo se mantuvo firme por doce días, reclamando la inmediata salida de Añez, hasta que finalmente se impuso la propuesta de Evo Morales, de “blindar” la convocatoria electoral mediante una ley. El 13/08/2020 se aprobó la Ley 1315, que estableció el 18 de octubre como plazo máximo para la realización de las elecciones presidenciales. Así las cosas, Añez debió declinar su candidatura presidencial, y el MAS, aprovechando la división de sus oponentes (Mesa y Camacho) obtuvo la victoria en primera vuelta, con el 54,06 % de los sufragios, contra un 29,03 de Comunidad Ciudadana y un 14,03 % de Creemos, la alianza que postuló a Camacho¹⁴.

Conclusiones

Durante los catorce años del Proceso de Cambio, el MAS logró expandir la economía y captar una importante parte del ingreso nacional, implementando una política redistributiva y de obras públicas combinada con una macroeconomía estable. Bolivia experimentó una reducción importante de la pobreza extrema y un mejoramiento general de los índices de salud, educación, desempleo, mortalidad infantil. Pero no se avanzó en la modificación de la matriz económica primaria y dependiente del país, ni en la diversificación económica y/o industrialización. La economía boliviana siguió dependiendo de la exportación de productos primarios y combustibles, en un modelo extractivista. El Estado Plurinacional es posiblemente la obra más perdurable del Proceso de Cambio, pero el régimen político instaurado derivó hacia formas autoritarias. Al momento del golpe, el movimiento popular se encontraba fragmentado y debilitado, pero la derecha golpista no logró construir una nueva hegemonía. Queda pendiente la discusión de un balance del Proceso de Cambio, así como de las luchas emprendidas contra el golpismo, la derecha y el imperialismo.

Bibliografía

1. Crisis y cambio político en Bolivia. Octubre y noviembre de 2019: la democracia en una encrucijada / F. Mayorga (coord.). CESU-UMSS/Oxfam. Cochabamba, 2020. P. 2–27.
2. *Sánchez A.* Detrás del golpe: La industrialización del litio en Bolivia. URL: <https://www.clacso.org/> (дата обращения: 10.10.2021).
3. *Aillón L. O.* La Caída de Evo Morales, la reacción mestiza y el ascenso de la gente bien al poder. UMSS — ASDI. Cochabamba, 2020. P. 139–145.
4. *Kurmanaev A., Trigo M. S.* Una elección amarga. Acusaciones de fraude. Y ahora, una reconsideración // *The New York Times*. 07/06/2020.
5. Bolivia. Conflicto y cambio social (1985–2009) / J. L. Hernández, M. G. Armida, A. Bartolini (coordinadores). Newen Mapu. Buenos Aires, 2010. P. 15–26, 147–183.
6. *Hernández J. L.* El Estado Plurinacional en Bolivia. Debates y conflictos // *Ni Calco Ni Copia*. Buenos Aires, Argentina, 2012. No. 4. P. 35–54.
7. *Grande P., Wiornos N.* La conflictividad política durante el segundo gobierno del MAS: del “Pacto de Unidad” al “paralelismo” en las organizaciones indígenas. Los casos de la CIDOB y la CONAMAQ // *Ni Calco Ni Copia*. Buenos Aires, Argentina, 2017. No. 7. P. 51–73.

¹⁴ Datos oficiales del TSE. URL: <https://www.bolpress.com/2020/10/23/gano-el-mas-luis-arce-es-presidente-electo/> (дата обращения: 10.10.2021).

LA REACCIÓN NACIONALISTA MESTIZA EN BOLIVIA (2019–2020). NACIÓN EN TIEMPO HETEROGÉNEO Y FORMACIÓN SOCIAL DE DESARROLLO DESIGUAL Y COMBINADO

THE MESTIZO NATIONALIST REACTION IN BOLIVIA (2019–2020). NATION IN HETEROGENEOUS TIME AND SOCIAL FORMATION OF UNEVEN AND COMBINED DEVELOPMENT

Resumen: El 2 de noviembre de 2019, en un cabildo realizado a los pies de la estatua del Cristo Redentor en Santa Cruz de la Sierra, una gran multitud se congregó exigiendo la renuncia del entonces presidente Evo Morales, sobre quien recaía la acusación de haber perpetrado un “descomunal fraude”. Simultáneamente, los medios de comunicación registraron a manifestantes que, al exigir la renuncia de Evo Morales, pisaban la wiphala, símbolo de las nacionalidades y etnias andinas. También hubo policías que mostraron a través de las cámaras de televisión cómo cortaban la insignia de la wiphala de las mangas de sus uniformes. Simultáneamente este símbolo fue removido de las instituciones públicas en el Oriente y en el Sur del país, y sacado de la plaza de las banderas de Cala Cala de Cochabamba. Esta reacción simbólica vendría acompañada de la destrucción de las estatuas de Evo Morales en varias plazuelas y agresiones a mujeres indígenas de pollera, que esos días decidieron cambiar sus ropas por vestidos para no ser golpeadas por los movilizados o detenidas por la policía, después de la renuncia de Morales. ¿Quiénes son estas personas que salen a expresarse de ese modo? ¿Cuáles son las razones sociales que las conducen a hacerlo? ¿Cuáles son las condiciones de emergencia de su movimiento? Durante nuestra presentación caracterizaremos sus movilizaciones como la emergencia de un nacionalismo mestizo, históricamente alimentado por instituciones como la escuela pública, el ejército, la policía y la normal de maestros; una sociedad civil mestiza, durante la última década cohesionada en oposición al “gobierno indígena” de Evo Morales, que expresa la apertura de una brecha profunda en el “suelo” del Estado boliviano y que pone en cuestión la plurinacionalidad establecida en la Constitución.

Palabras claves: Evo Morale; Bolivia; reacción nacionalista.

Abstract: On November 2, 2019, in a town hall meeting held at the foot of the Christ the Redeemer statue in Santa Cruz de la Sierra, a large crowd gathered to demand the resignation of then-President Evo Morales, who was accused of having perpetrated a “huge fraud”. Simultaneously, the media recorded protesters who, when demanding the resignation of Evo Morales, stepped on the wiphala, a symbol of Andean nationalities and ethnic groups. There were also policemen who showed through the television cameras how they cut the wiphala insignia from the sleeves of their uniforms. Simultaneously, this symbol was removed from public institutions in the East and South of the country, and removed from the Plaza de las Banderas in Cala Cala de Cochabamba. This symbolic reaction would be accompanied by the destruction of the statues of Evo Morales in various squares and attacks on indigenous women in skirts, who on those days decided to change their clothes for dresses so as not to be beaten by those mobilized or detained by the police, after the Morales resigns. Who are these people who come out to express themselves in this way? What are the social reasons that lead them to do so? What are the emergency conditions of your movement? During our presentation we will characterize their mobilizations as the emergence of a mestizo nationalism,

¹ **Orellana Aillón L.**, Bolivia, Docente-investigador del Instituto de Estudios Sociales y Económicos (IESE-UMSS).

historically fed by institutions such as the public school, the army, the police, and the teachers' college; a mestizo civil society, during the last decade united in opposition to the "indigenous government" of Evo Morales, which expresses the opening of a deep gap in the "soil" of the Bolivian State and which calls into question the plurinationality established in the Constitution.

Key words: Evo Morale; Bolivia; nationalist reaction.

Introducción

La caída de Evo Morales en noviembre de 2019, dentro de una coyuntura de profundos cuestionamientos al denominado Estado plurinacional de Bolivia, puso sobre el tapete la cuestión nacional, y es en torno a ella que discurre la presente reflexión.

Es ampliamente conocido que Benedict Anderson (2006) caracterizó como comunidad imaginada al tiempo histórico del capitalismo. Ahora bien, dando como ejemplo el caso de sociedades post-coloniales como la india, Partha Chaterje le objetó sosteniendo que al menos en dos terceras partes del mundo — a diferencia del tiempo homogéneo y vacío de la comunidad imaginada de Anderson — la nación era vivida en tiempo denso y heterogéneo².

A nuestra manera de ver, “la nación en tiempo heterogéneo” es una característica de formaciones sociales como la boliviana, donde la hegemonía capitalista se impuso sobre otros modos de producción, es decir, es una característica de formaciones sociales de “desarrollo desigual y combinado”³.

Desde esta perspectiva, una de las condiciones de posibilidad de la crisis política que estalló durante los meses de octubre-noviembre de 2019, y que derivó en la caída de Evo Morales, fue la contradictoria imbricación de dos lógicas político-culturales concurrentes del capitalismo, que pertenecen a dos temporalidades distintas: la lógica del Estado-nación y el multiculturalismo, que como bien caracterizó Slavoj Žižek (2008), es la lógica cultural del capitalismo tardío.

En la primera parte de este artículo argumentaremos brevemente el por qué inscribimos la política del MAS dentro de la lógica cultural del capitalismo tardío. En la segunda parte analizaremos las condiciones de la reacción nacionalista mestiza de octubre de 2019, una de las fuerzas principales que impulsaron la caída de Evo Morales, centrándonos en las bases sociales de la misma.

La política del MAS o la lógica cultural del capitalismo tardío

El multiculturalismo es parte integrante de la nueva Constitución Política del Estado, promovida por el MAS y aprobada en febrero de 2009. En el artículo 1 de dicha constitución: “Bolivia se constituye en un Estado Unitario Social de Derecho Plurinacional Comunitario, libre, independiente, soberano, democrático, intercultural, descentralizado y con autonomías. Bolivia se

² “Es posible citar muchos ejemplos extraídos del mundo poscolonial que sugieren la presencia de un tiempo denso y heterogéneo. En esos lugares, se puede observar a capitalistas industriales que postergan el cierre de un negocio porque no han consultado con sus respectivos astrólogos, o a ministros que abiertamente se vanaglorian de haber asegurado más empleos para las personas de su clan y haber mantenido a los miembros de otro clan alejados de la administración. Pero definir estas situaciones como producto de la convivencia de varios tiempos — el tiempo de lo moderno y el tiempo de lo premoderno supondría únicamente ratificar el utopismo característico de la modernidad occidental. Un gran número de trabajos etnográficos recientes ha establecido que estos “otros” tiempos no son meras supervivencias de un pasado premoderno: son los nuevos productos del encuentro con la propia modernidad. Llevando el argumento un poco más allá, agregaría, además, que el mundo poscolonial, fuera de Europa occidental y América del Norte, constituye, en realidad, la mayoría del mundo moderno” (Chaterje P. *La nación en tiempo heterogéneo y otros estudios subalternos*. Buenos Aires: CLACSO, Siglo XXI, 2008. P. 63)

³ En tanto para Zavaleta Mercado, en la formación social boliviana diversos modos de producción se superponían sin combinarse, el político trotskista Guillermo Lora, siguiendo a León Trotski, caracterizó a Bolivia como una formación social de desarrollo desigual y combinado, “[a]ludiendo a la aproximación de las distintas etapas del camino y a la confusión de distintas fases, a la amalgama de formas arcaicas y modernas” (Trotski L. *Historia de la Revolución Rusa*. T. 1. Barcelona: Sarpe, 1985. P. 12). El análisis de esta “amalgama entre formas arcaicas y modernas” reviste particular importancia al momento de examinar la cuestión nacional en Bolivia.

funda en la pluralidad y el pluralismo político, económico, jurídico, cultural y lingüístico, dentro del proceso integrador del país”. La definición de “Estado plurinacional”, se remite precisamente a “las naciones y los pueblos originarios-campesinos”, definidos en el artículo 30 como “toda la colectividad humana que comparta identidad cultural, idioma, tradición histórica, instituciones, territorialidad y cosmovisión, cuya existencia es anterior a la invasión colonial española”⁴.

Durante los gobiernos de Evo Morales, las etnias collas, de aymaras y quechuas, tuvieron una importante presencia en el seno del aparato del Estado. Un estudio coordinado por Soruco Sologuren (2016:20) sobre la composición social del Estado plurinacional, a partir de una encuesta realizada en la gobernación de Chuquisaca, en el Ministerio de Educación y en el Municipio de la Guardia en Santa Cruz, muestra que el 46 % de los encuestados se autodefinían como aymaras y quechuas.

Ahora bien, las políticas de la identidad promovidas por el MAS pueden ser adecuadamente caracterizadas como parte de la lógica cultural del capitalismo tardío al constatar el importante impulso que dicha administración le dio a las inversiones extranjeras. Según Alfredo Troche, presidente de la Cámara Boliviana de Franquicias y analista de mercados, entre 2010 y 2019 ingresaron en Bolivia más de 300 nuevas franquicias, principalmente en los rubros de alimentos, modas y servicios, un dato que contrasta con el año 2001. En 2019, la tasa de ingreso de cadenas internacionales en Bolivia era del orden 11 % anual. Si en 2005 la inversión extranjera directa alcanzaba a 250 millones de dólares, en 2019 llegó a 1750 millones de dólares, según datos de la CEPAL.

Desde esta perspectiva, el multiculturalismo boliviano propició una importante dinámica expansiva del capital transnacional en la economía boliviana; pero, como analizaremos a continuación, dicha lógica político-cultural entró en contradicción con la histórica comunidad imaginada mestiza de Bolivia. Las movilizaciones protagonizadas por la pequeña burguesía mestiza, que irrumpieron en las calles de las principales ciudades del país durante los días de octubre-noviembre de 2019 y, luego, la emergencia del gobierno de facto de Jeanine Añez, otorgan bastantes evidencias para comprender la naturaleza de dicha contradicción.

Dios y el mestizaje

Después de la caída de Evo Morales el 10 de noviembre, dos de las expresiones más significativas fueron, por un lado, el momento en que el líder cívico Fernando Camacho ingresó a Palacio para dejar una biblia sobre una bandera boliviana; y, por otro, el momento en que Jeanine Añez, después de recibir la banda presidencial de manos del General Williams Kaliman, salió al Palco Oficial con una biblia en la mano, acompañada por los militantes de su agrupación política. El mensaje era claro: la biblia, y todo el universo de creencia que ésta representa, ingresaban a Palacio. A partir de entonces, no faltarían las oraciones antes de las reuniones de gabinete; tampoco un crucifijo, siempre presente en el momento de posesión de las nuevas autoridades designadas por Añez.

Este nuevo ordenamiento ceremonial en Palacio fue la culminación de un proceso precedente de movilización social. Durante las dos semanas precedentes, en los cabildos a los pies de la estatua

⁴ En dicha sección se les reconoce los derechos a existir libremente, a su identidad cultural, creencia religiosa, espiritualidades, prácticas y costumbres, y a su propia cosmovisión, a que la identidad cultural de cada uno de sus miembros, si así lo desea, se inscriba junto a la ciudadanía boliviana en su cédula de identidad, pasaporte u otros documentos de identificación con validez legal, a la libre determinación y territorialidad, a que sus instituciones sean parte de la estructura general del Estado, a la titulación colectiva de tierras y territorios, a la protección de sus lugares sagrados, a crear y administrar sistemas, medios y redes de comunicación propios, a que sus saberes y conocimientos tradicionales, su medicina tradicional, sus idiomas, sus rituales y sus símbolos y vestimentas sean valorados, respetados y promocionados, a vivir en un medio ambiente sano, con manejo y aprovechamiento adecuado de los ecosistemas, a la propiedad intelectual colectiva de sus saberes, ciencias y conocimientos, así como a su valoración, uso, promoción y desarrollo, a una educación intracultural, intercultural y plurilingüe en todo el sistema educativo, al sistema de salud universal y gratuito que respete su cosmovisión y prácticas tradicionales, al ejercicio de sus sistemas políticos, jurídicos y económicos acorde a su cosmovisión.

del Cristo Redentor en Santa Cruz; o, en los de la Plaza de las banderas de Cochabamba, acontecían oraciones en las que los asistentes se ponían de rodillas. Después de la caída de Morales, en sus oraciones, los integrantes del “movimiento pitita”, y los policías que se les unieron, rogaban que Dios los perdonase y hacían demostraciones mostrando a Cristo crucificado.

Simbólicamente, este amplio movimiento clerical, que culminó con el ingreso de la cruz y la biblia a Palacio, expresó una tentativa por reinstalar a Dios en la comunidad política imaginada boliviana; de donde, según estos activistas presuponían, había sido sacado por el gobierno del MAS.

En la representación de importantes capas de estos movimientos conservadores, el MAS llevaba el estigma de la idolatría y del comunismo ateo. En junio de 2013 Jeanine Añez se expresó categóricamente al respecto, al referirse a la conmemoración del año nuevo aymara: “Qué año nuevo aymara ni lucero del alba!! satánicos, a Dios nadie lo reemplaza!!” Los movimientos de octubre-noviembre de 2019 pusieron de manifiesto que esta percepción no era aislada, sino que en los sectores más conservadores de la sociedad boliviana, se había estado incubando un importante malestar. Allí se percibía que la figura, pero también la doctrina, de Dios, fueron relegados por el plurinacionalismo del MAS.

Además de este movimiento que exigía la reintroducción de Dios en la comunidad política imaginada boliviana, las múltiples representaciones que fueron puestas en escena durante los días de octubre-noviembre de 2019, también pusieron de manifiesto la exigencia de reinstalar allí el mestizaje. Veamos algunos antecedentes.

En agosto de 2012, la Ministra de Planificación y Desarrollo, Viviana Caro, advirtió que la categoría “mestizo” no sería reconocida en la boleta censal que se preparaba ese año para el Censo de Población y Vivienda. Al respecto, la senadora Jeanine Añez manifestó su protesta indicando: “Yo no me voy a pronunciar por ninguna etnia porque me considero mestiza y soy boliviana. Quiero, como todos, que se respete mi identidad, evidentemente quieren imponer la idea de que, en el país, existe personas de una determinada etnia y nada más, cuando el mayor porcentaje de gente pertenecen a los mestizos”, dijo (Eju, 3 de agosto de 2012). También la Diputada Norma Pierola expresó su rechazo indicando: “Esta división a título de Estado, nos obliga a identificarnos con alguna etnia o cultura. Esto tiene que ver con el aspecto político, porque sólo escuchar la palabra raza o etnia, viene a la mente el Estado Plurinacional, y eso forzosamente es rechazado por la mayoría de los bolivianos. Por lo tanto, lo que espera el señor Evo Morales, es consolidar su idea de plurinacionalidad a partir del racismo y la división a quienes nos consideramos mestizos. Ni siquiera hay otras alternativas”, dijo.

Carlos Mesa, otro de los personajes que durante las jornadas de octubre y noviembre de 2019 fue central en la dirección de la rebelión, junto a sus padres es autor de un libro, Historia General de Bolivia, que es texto oficial de enseñanza de la materia de historia en los colegios públicos. Allí se transmite una visión mestiza de la historia. A través de su labor de periodista e historiador también sostuvo que los bolivianos eran mayoritariamente mestizos.

Es mestizaje es un proceso sociológico de amplio alcance en la sociedad boliviana, enmascarado en el último censo de población y vivienda de 2012, donde un 60 % de la población se reconocía como “boliviano” y no se asumía como parte de colectivos de identificación como aymaras o quechuas.

Durante los días de octubre y noviembre de 2019, miles de manifestantes de los barrios residenciales y del centro de las principales ciudades del país, en su mayoría jóvenes, salieron portando la bandera boliviana amarrada en el cuello como la capa de un super-héroe. El 10 de octubre la wiphala sería sacada del Palco Oficial de Palacio por los seguidores de Fernando Camacho y luego quemada. También sería sacada de la plaza de las banderas de Cochabamba. Los policías la cortarían de sus mangas. En tanto la administración de Añez sacaría el símbolo de las papeletas de certificado de nacimiento donde había figurado hasta entonces. Las estatuas de Evo Morales fueron derribadas y destruidas. Y las mujeres de pollera optaron por destrenzarse el cabello y utilizaron vestido en vez de pollera esos días por temor a que los motoqueros las siguiesen pegando. La reacción mestiza pisoteaba y mancillaba los símbolos que configuraron el imaginario indigenista y multicultural del gobierno del MAS.

La cuestión nacional y el “desarrollo desigual y combinado” de la forma estatal

En la medida que las liturgias políticas y la simbología que las acompaña expresan el universo de creencia de los individuos que las veneran, los elementos aportados por la precedente descripción revelan un problema más profundo.

Según Ernest Gellner, hay una forma específica de violación del principio nacionalista contra el cual el sentimiento nacionalista es particularmente sensible: si aquéllos que gobiernan una unidad política pertenecen a una etnia distinta a la que pertenecen los gobernados. Esto constituye, para los nacionalistas, un atentado a las convenciones políticas que es absolutamente intolerable. Para Gellner, el nacionalismo es una teoría de la legitimidad política que sostiene que los límites étnicos no deben contraponerse a los límites políticos; entre otras cosas, es un movimiento político en el que una etnia aspira a dotarse de un techo político propio.

Lo que vimos en octubre-noviembre de 2019, fue la irrupción de un nacionalismo mestizo, hostil al gobierno indigenista de Evo Morales, contrario a su simbología y a su universo de creencia. En sus expresiones más radicales, manifiestas principalmente en Santa Cruz, pero también en Cochabamba, fue un nacionalismo mestizo de extrema derecha, xenófobo, uniformizador de las diferencias — “un solo Dios, una sola patria, una sola bandera”, que recuerda al nacionalismo xenófobo inculcado por la doctrina de seguridad nacional del período de la guerra fría — “Dios es nacionalista, me consta” solía decir el ex dictador Hugo Banzer Suárez.

Este parentesco no es casual. Históricamente, el nacionalismo mestizo ha sido alimentado por la escuela fiscal, el servicio militar obligatorio, la normal de maestros, la universidad. En ese ámbito, el MAS no construyó una doctrina nueva que enseñe de otro modo la historia a los niños y jóvenes. Baste reiterar nuevamente que el principal texto de historia de las escuelas públicas fue el de los Mesa Gisbert. Pero los rituales patrióticos, difundidos a través de la escuela y de los cuarteles se mantuvieron idénticos a los instituidos después de la revolución de 1952.

Los nuevos rituales, las nuevas fechas cívicas, las nuevas instituciones políticas fundadas por el MAS después de la Constituyente de 2007–2008, se insertaron a las instituciones nacionales legadas por la antigua república. Así, emergió un “gobierno plurinacional” en el contexto de un estado-nación mestizo, configurado alrededor de instituciones fundamentales del Estado, como la escuela, el ejército, las Universidades y la Policía, dando lugar a la contradictoria y compleja configuración estatal de “desarrollo desigual y combinado” que es hoy el denominado “Estado plurinacional de Bolivia”.

En octubre-noviembre de 2019, la rebelión militar, policial, pero también de los profesores del magisterio, de docentes, de estudiantes universitarios e importantes capas de profesionales, pusieron de manifiesto la existencia de una amplia sociedad civil mestiza formada culturalmente en las propias instituciones del Estado boliviano. Su expresión política fue el gobierno de Jeanine Añez, que precisamente reclamaba introducir a Dios y al mestizaje dentro de la comunidad política imaginada boliviana.

La invocación del retorno a la República mestiza en oposición al plurinacionalismo del MAS, resonó con mucha fuerza aquellos días, poniendo en evidencia una profunda escisión en el sistema de creencias de las elites estatales; pero también en la misma sociedad civil, donde los sectores acomodados y las clases medias mestizas y blanco-mestizas de las ciudades, se confrontaban a las clases subalternas de campesinos y trabajadores aymaras y quechuas. La lucha de clases-etnias trizaba la imaginada comunidad política boliviana.

Esta es hoy una contradicción latente, que podemos verla en la liturgia política de posesión del nuevo Alto Mando militar en diciembre de 2020, cuando el recientemente electo Presidente Luis Arce pedía que los jefes militares hiciesen la señal que mejor indicase su creencia o su doctrina. Mientras los nuevos integrantes del Alto Mando Militar hacían la señal de la cruz, Luis Arce se ponía la mano en el vientre en señal de civismo. Durante la ceremonia de toma de juramento, en ningún momento el Presidente mencionó a Dios. Dijo a los militares que jurasen por los héroes de la patria y por la igualdad de todos los seres humanos. Una vez terminada la toma de juramento, los militares besaron la señal de la cruz. Es decir, juraron por un símbolo para ellos

sagrado, que representa la imagen del Dios cristiano, pero que no se encontraba representada dentro de la comunidad política imaginada invocada por Luis Arce. Uno no puede dejar de interrogarse: ¿por qué los militares tendrían que ser leales a Arce y a una simbología en la que no creen en tanto el símbolo del Dios cristiano está ausente? Se trata de una escisión en el sistema de creencias de la elite estatal, que tiene como fundamento la contradicción entre la comunidad imaginada boliviana mestiza y el multiculturalismo del MAS; esto es, entre dos proyectos estatales y de acumulación concurrentes.

Crisis política de la clase dominante

La escisión de la clase dominante es un rasgo característico de su crisis política, planteaba Lenin. La caída de Evo Morales en diciembre de 2019 y el ascenso de Jeanine Áñez, pusieron de manifiesto la concurrencia entre dos proyectos estatales — como vimos precedentemente — y dos proyectos de acumulación de capital. Durante el Gobierno transitorio, esto se expresó mediante la liberalización de la exportación de soya, la dotación de tierras a terratenientes del Oriente, la inyección a la banca con dinero de los fondos de pensiones, el quiebre y privatización de empresas del Estado, el regreso del FMI como importante acreedor. Se trataba de la tradicional vía oligárquica, caracterizada por la ocupación directa de los cargos estatales por los representantes de agroindustriales, terratenientes, ganaderos, exportadores y banqueros, respaldados por importantes capas de las clases medias, como los colegios de profesionales (todos ellos identitariamente mestizos y blanco-mestizos).

Por el contrario, el del MAS ha sido y es un proyecto *farmer* de transformación de pequeños patronos de origen indígena en grandes patronos capitalistas, mediante la transferencia de excedentes a través de un gobierno que fomenta el desarrollo del mercado interior. Durante los últimos 14 años se vio el surgimiento de nuevos ricos de tez morena, como nuevos empresarios cooperativistas, interculturales sojeros y ganaderos en el oriente boliviano, nuevos campesinos ricos vinculados a la producción de la coca, al negocio de la exportación de la quinua, nuevos patronos emergentes en el sector manufacturero y artesanal, ligados al dinamismo del mercado interior. Según una investigación del CEDLA, la cúpula de la CSUTCB y del Pacto de Unidad representa precisamente los intereses de nuevos campesinos ricos.

La política monetaria que apunta a mantener un boliviano apreciado para dinamizar el mercado interior, se diferencia de la política de devaluación recomendada por los asesores económicos de Áñez y del FMI en beneficio de los sectores exportadores.

Hasta la caída del MAS en noviembre de 2019, la administración de Morales procuró aglutinar dentro de un mismo “bloque histórico” a estas dos fracciones de la burguesía. Un ejemplo puede encontrarse en los decretos del gobierno del MAS que favorecieron las quemas en la Chiquitania, precisamente buscando ampliar la frontera agrícola a favor de la exportación de soya y de carne a la China, un proyecto defendido por la CSUTCB y los ganaderos del oriente.

La crisis de noviembre de 2019 fracturaría a este “bloque histórico”. Si bien hasta entonces la Cainco y Fegasacruz se mantuvieron al margen de los reclamos contra la repostulación de Evo Morales, en el mes de noviembre los ganaderos apoyaron la rebelión indicando que proveerían a Santa Cruz con carne. Después del ascenso de Jeanine Áñez, importantes cuadros de la burguesía cruceña pasaron a formar parte del nuevo gobierno.

Esos enroques de poder local estuvieron relacionados con distintos alineamientos de tipo imperial. En tanto los EEUU constituyeron el aliado estratégico del gobierno de Áñez, la China ha sido y es el socio protoimperial estratégico de los gobiernos del MAS. Las burguesías locales son clientes (“peones”) dentro de un tablero de ajedrez más grande, donde aquellas dos superpotencias se disputan la hegemonía mundial, que incluye los recursos naturales de Bolivia. Mientras uno de los rasgos de los gobiernos neoliberales del pasado fue su alineamiento con los dictámenes del FMI y del Banco Mundial; por el contrario, un mayor excedente detentado por el gobierno del MAS, después de la reforma tributaria de 2005 en el sector de hidrocarburos, abrió un periodo de autonomía relativa del Estado respecto de las transnacionales, la oligarquía local y las agencias del

capital financiero internacional. Precisamente, el “golpe de Estado” de noviembre de 2019 fue una tentativa fallida de restauración oligárquica y de realineamiento del Estado andino bajo las directrices de Washington.

En resumen, la crisis política de la clase dominante desatada en 2019, cuyas repercusiones aún vivimos, es, entre otras cosas, el resultado de una concurrencia entre distintas modalidades de acumulación, proyectos estatales adversarios y una escisión en el sistema de creencias políticas, que ya no cohesiona a la elite estatal.

Reflexiones finales

La caída de 2019 abrió una situación de crisis política que está lejos de haberse resuelto y que tiene sus fundamentos en una “brecha” abierta en el suelo del propio estado, es decir, una profunda brecha en el seno de la sociedad civil, donde existen dos tipos de ciudadanía confrontados. En lo básico, se trata de la confrontación entre un nacionalismo mestizo, heredero de la tradición republicana; en lucha más o menos velada, con el indigenismo plurinacional. Entre otras cosas, se trata de una lucha por la imposición de un determinado paradigma de ciudadanía, impulsado por concurrentes movimientos sociales y proyectos políticos. Ambas configuraciones de la sociedad civil se asientan en consistentes procesos de larga duración, de alta densidad histórica. De ahí la complejidad y virulencia del conflicto vivido. En mayor o menor medida, lo que se encuentra en juego es el poder del Estado, disputado por aquellas configuraciones clases-etnia.

El dinamismo capitalista de Santa Cruz, hoy día la región económicamente más poderosa, por un lado; y, por otro el dinamismo comercial de la ciudad de El Alto de La Paz, constituyen los escenarios donde se han expresado importantes corrientes etno-nacionalistas, como la aymara en Occidente, y la “camba” en Oriente. Estas transformaciones socio-económicas acaecidas en la sociedad boliviana tienen hoy importantes repercusiones políticas. En noviembre de 2019, un gigantesco movimiento se descolgó desde la ciudad de El Alto, con las wiphalas en mano, gritando “ahora sí, guerra civil”, repudiando al gobierno de facto de Jeanine Añez que fue impulsado principalmente desde el Oriente.

La “nacionalidad cambia”, dirigida por la burguesía cruceña, aspiraba a que su supremacía social y económica se viese coronada en el gobierno. Pero las elecciones de fines de 2020, que dieron la victoria al MAS, desbarataron aquellas aspiraciones. En vista de ello, el destino de la lucha regional y étnico-nacional por el poder está vigente, y por ahora, es de final abierto.

Bibliografía

1. *Anderson B.* Comunidades imaginadas. Fondo de Cultura Económica de España. Buenos Aires, 2006.
2. *Chaterje P.* La nación en tiempo heterogéneo y otros estudios subalternos. Buenos Aires: CLACSO, Siglo XXI, 2008.
3. *Trotsky L.* Historia de la Revolución Rusa. T. 1. Barcelona: Sarpe, 1985.
4. *Zizek S.* El multiculturalismo o la lógica cultural del capitalismo tardío // F. Jameson, S. Zizek. Estudios culturales. Reflexiones sobre el multiculturalismo. Buenos Aires: Paidós, 1998.

EL PRIMER GOBIERNO DEL MAS Y LOS MOVIMIENTOS SOCIALES. RELACIONES ENTRE CSUTCB, CIDOB, GOBIERNO Y ESTADO

THE FIRST MAS GOVERNMENT AND THE SOCIAL MOVEMENTS. RELATIONS BETWEEN CSUTCB, CIDOB, GOVERNMENT AND STATE

Resumen: La ponencia versa sobre el estudio de los movimientos sociales y su relación con el Estado durante el primer gobierno del Movimiento al Socialismo (MAS), entre los años 2006 y 2009. El estudio se centra en dos de los movimientos sociales más importantes de Bolivia: la Confederación Sindical Única de Trabajadores Campesinos de Bolivia (CSUTCB) y la Confederación de Pueblos Indígenas de Bolivia (CIDOB).

Palabras clave: Movimientos sociales; Estado; gobierno; Bolivia.

Abstract: The presentation is about the study of social movements and their relationship with the State during the first government of the Movimiento al Socialismo (MAS), between 2006 and 2009. The study focuses on two of the most important social movements in Bolivia: the Confederación Sindical Única de Trabajadores Campesinos de Bolivia (CSUTCB) and the Confederación de Pueblos Indígenas de Bolivia (CIDOB).

Key words: Social movements; State; government; Bolivia.

Introducción: El MAS, ¿un gobierno de los movimientos sociales?

La presente ponencia propone realizar una síntesis de las principales conclusiones arribadas a partir de la investigación realizada en el marco de la Maestría en Ciencias Sociales de la Universidad Nacional de Luján². La misma tuvo como principal problema de estudio a los movimientos sociales bolivianos y su relación con el Estado durante el primer gobierno del Movimiento al Socialismo-Instrumento Político para la Soberanía de los Pueblos (MAS-IPSP), entre los años 2006 y 2009³.

Los movimientos sociales se transformaron en las últimas décadas en actores socio-políticos de gran relevancia en América Latina y en particular en Bolivia. Aquí en 2006 llegó al gobierno central el MAS-IPSP con Evo Morales Ayma como presidente, primer mandatario indígena del país. A partir de este hecho, el gobierno del MAS-IPSP se autodenominó como “el gobierno de los movimientos sociales”; apeló de esta forma a los movimientos sociales como parte constitutiva de su gestión⁴.

¹ **Wiurnos Natalia**, Argentina, Profesora en Historia y Magister en Ciencias Sociales con mención en Historia Social, Universidad Nacional de Luján (natywiurnos@hotmail.com; nataliawiurnos@gmail.com).

² El título de la tesis fue: “Los movimientos sociales y el primer gobierno de Evo Morales. Relaciones e implicancias entre CSUTCB, CIDOB, gobierno y Estado”. Director: Dr. Bruno Fornillo.

³ Cabe señalar que por cuestiones de extensión lo que aquí se presenta es una muy sintética versión de los principales puntos de la tesis, por lo cual mucha de la evidencia trabajada así como los marcos bibliográficos referenciales no pueden ser presentados mayor detenimiento.

⁴ *Mayorga F.* Movimientos sociales, política y Estado // Opiniones y Análisis. 2007. Vol. 84. N. 1. La Paz. P. 1.

En este sentido, cabe preguntarse cuál fue la influencia de estos movimientos en las políticas llevadas a cabo por el primer gobierno masista, es decir sobre los alcances reales de la participación de estas organizaciones sociales en las decisiones gubernamentales y en ciertas esferas estatales. También es necesario indagar sobre las intenciones de los movimientos de ser parte de dicho proceso gubernamental, sobre su posible institucionalización en las esferas estatales por intermedio del gobierno y sobre el impacto que dicho proceso habría generado en los movimientos sociales.

Debido a la magnitud cuantitativa y a la dispersión geográfica de los movimientos sociales bolivianos, fue preciso delimitar los alcances del fenómeno a estudiar, centrándolo específicamente en dos de las organizaciones de mayor antigüedad y envergadura, las cuales a su vez presentan un alto grado de representatividad con rasgos, características de movilización y trayectorias socio-políticas sustancialmente disímiles. Específicamente, la investigación se centró en dos de los movimientos sociales más importantes de Bolivia: la Confederación Sindical Única de Trabajadores Campesinos de Bolivia (CSUTCB) y la Confederación de Pueblos Indígenas de Bolivia (CIDOB). El desenvolvimiento de ambos movimientos durante el período mencionado será analizado desde los niveles nacionales de las organizaciones, focalizando el estudio en el accionar de las “cúpulas” o sectores dirigentes y de las altas instancias de decisión⁵.

Se planteó como hipótesis central que la participación de la CSUTCB y la CIDOB en ciertos espacios gubernamentales y estatales habría formado parte de una de las estrategias de acción política sostenidas previamente a, y más allá de, la cristalización del gobierno masista. Esto supuso que dichos movimientos sociales habrían ejercido influencia directa sobre las políticas llevadas adelante por el primer gobierno del MAS y en la modificación de ciertas estructuras del Estado boliviano. No obstante, este proceso de participación gubernamental y estatal generó que las Confederaciones en estudio sufran cierto grado de institucionalización estatal durante el período 2006–2009.

Para abordar la investigación y el problema en estudio fue necesario remontarse a décadas previas al primer gobierno del MAS-IPSP para poder analizar históricamente las características del posicionamiento y accionar socio-político de ambos movimientos.

Cabe reseñar algunos marcos conceptuales centrales para el desarrollo de la investigación. En primer lugar, se entiende a los movimientos sociales como grupos de acción colectiva diferentes a otras formas organización como los partidos políticos o los sindicatos. En particular respecto a los movimientos sociales en estudio, tienen un extracto fundamentalmente campesino e indígena; son socio-políticos; utilizan estructuras organizativas de otra sociedad no moderna pero para motorizar la reforma del Estado moderno; tienden a institucionalizar sus demandas en instancias formales/estatales. De esta manera, el Estado presenta coyunturas de autonomía a partir de las cuales es posible reformarlo y modificar sus estructuras, mediante el accionar de los sujetos.

El gobierno, como una componente temporal del Estado, cristaliza una determinada relación de fuerzas entre sectores y clase sociales, y en este sentido el acceso al gobierno por parte de los movimientos puede ser considerado como un camino hacia a la modificación del Estado⁶.

Las fuentes y documentos utilizados para abordar esta investigación fueron diversos: fuentes “oficiales” tanto del Estado (legislación estatal y los Boletines de la Gaceta Oficial) y documentos propios de los movimientos (ampliados, memorias de congresos, discusiones internas, proclamas públicas); prensa escrita boliviana y argentinas; en Bolivia (julio de 2014) se visitaron y consultaron diversos archivos estatales, reservorios y hemerotecas. Por último, se realizaron una

⁵ No obstante, estos movimientos sociales sostienen la concepción de que el accionar de su dirigencia debería ser un reflejo de las directivas y pretensiones sustentadas por las “bases” o niveles de decisión más “llanos”.

⁶ *Ibarra P.* ¿Qué son los movimientos sociales? // Anuario de Movimientos sociales. Una mirada sobre la red. Barcelona: Icaria Editorial y Getiko Fundazioa, 2000; *García Linera Á.* (Coord.). Sociología de los movimientos sociales en Bolivia. Estructuras de movilización, repertorios culturales y acción política. La Paz: Plural, 2010; *Svampa M.* Movimientos sociales y escenario político: las nuevas inflexiones del paradigma neoliberal en América Latina. Buenos Aires, 2007. URL: <http://www.cetri.be/IMG/pdf/ensayo38.pdf> (accessed 10.10.2021); *Tapia L.* Movimientos sociales, movimientos societales y los no lugares de la política // Cuadernos del Pensamiento Crítico Latinoamericano. Buenos Aires: CLACSO, 2008. (сноска разорвалась на две страницы, так нельзя вроде)

serie de entrevistas a dirigentes sociales, políticos y referentes académicos, todos ellos protagonistas del proceso histórico en estudio.

La CSUTCB y la CIDOB: una reconstrucción histórica

El estudio de la trayectoria histórica socio-política de ambas organizaciones dio cuenta que los movimientos sociales indígenas y campesinos en Bolivia no son monolíticos, sino que por el contrario presentan diferencias entre sí y a su interior. En particular la historia de ambas organizaciones en estudio lo confirma. Por ejemplo, los contextos de surgimiento de ambas confederaciones fueron diferentes: la CSUTCB surge en respuesta a la fragmentación y la cooptación estatal propia del Pacto Militar Campesino⁷, inscribiéndose dentro de la Central Obrera Boliviana (COB) siendo su sustrato originalmente y principalmente occidental, de los valles y del altiplano. Por su parte, la CIDOB nace en 1980, como instancia de articulación de más de 30 pueblos indígenas del oriente boliviano.

Respecto de la forma organizativa, en el caso de la CSUTCB es la comunidad campesina organizada en “sindicatos campesinos”; en el caso de la CIDOB, la comunidad también se presenta como el núcleo organizativo del movimiento, pero las instancias de organización mayores o regionales (subcentrales, centrales o capitánías) se forman fundamentalmente por criterios identitarios, ya sean culturales y/o lingüísticos (a diferencia de la CSUTCB en donde el criterio es principalmente departamental o geográfico)⁸.

Otro de los aspectos diferenciadores fue la definición identitaria que en el caso de la Confederación Sindical conllevó a lo largo de su historia a controvertidos debates entre una identidad basada en la clase u otra, en la etnia. Articuló “un discurso pro-indígena originario” sin relegar su “molde sindical” enlazando la identidad indígena-originaria con la identidad clasista, cristalizada en el sujeto campesino⁹. Por el contrario, la definición identitaria de la CIDOB fue pura y exclusivamente étnica, sin tener peso la variable “clasista”. Tal vez esta identificación se deba, por un lado, a la gran cantidad de pueblos indígenas que viven en el oriente, a diferencia de la zona altiplánica y de valles (epicentro de la CSUTCB) donde la cantidad de naciones originarias se reduce fundamentalmente a dos (quechuas y aymaras); y por otro lado, a la inexistencia de tendencias ideológicas de izquierda o indianistas, como sí se dio para el caso de la región occidental¹⁰.

En cuanto a los repertorios de lucha y participación político-estatal, también se presentan divergentes en ambas organizaciones: en el caso de la CSUTCB lo que primaban eran actitudes más expuestas y combativas (marchas multitudinarias, cortes de caminos, etc.). Por el contrario la CIDOB fue más proclive a la negociación y establecimiento de pactos con los sujetos que perjudican la vida y desarrollo de los indígenas y campesinos, fundamentalmente los empresarios agroindustriales. No obstante, cabe mencionar la importancia que tuvieron las múltiples “largas marchas” que se desarrollaron a lo largo de las décadas de 1990 y 2000, en las cuales la organización se dirigía a pie desde el oriente hasta La Paz para hacer visibles sus demandas.

Ahora bien, ¿qué posturas sostuvieron ambas organizaciones respecto de formar parte de las estructuras estatales? Aquí también sostuvieron posiciones en principio diferentes pero que luego convergieron. La CSUTCB presentó en un principio posturas encontradas (fundamentalmente en los años ‘80) aunque la reivindicación de la formación de un Estado Plurinacional fue uno de sus preceptos principales. Posteriormente, durante los años ‘90 fue impulsora del denominado

⁷ Se denominó “Pacto militar-campesino” a la alianza entre los militares (en el gobierno desde 1964) y los sindicatos campesinos. La alianza suponía que el gobierno debía garantizarle al campesinado los derechos obtenidos luego de la revolución de 1952 (fundamentalmente referidos a la tenencia y propiedad de sus tierras) a cambio del compromiso de no movilizarse en contra del gobierno y de la prestarse a cumplir el servicio militar obligatorio.

⁸ *García Linera*, op. cit.

⁹ *Pati Paco P.* La plurinacionalidad y el cambio en el estructura del Estado boliviano // Aportes al Estado plurinacional. La Paz: Fondo Indígena, 2009; *Andolina R., Radcliffe S., Laurie N.* Gobernabilidad e identidad: indigeneidades transnacionales en Bolivia // Pueblos Indígenas, estado y democracia. Buenos Aires: CLACSO, 2005.

¹⁰ *García Linea*, op. cit.

Instrumento Político, es decir, la formación de su propio partido de cara a disputar espacios de gobierno y acceso a estructuras del Estado; la participación de los sectores cocaleros fue fundamental en la fundación del mismo. También cabe señalar que la definición del Instrumento Político atravesó la dirigencia de la CSUTCB y tuvo como coronario el faccionalismo y la división de la propia organización (incluso con la formación de dos Instrumentos Políticos relacionados a las dirigencias — paralelas — de la Confederación: uno de corte katarista y otro más vinculado a los cocaleros)¹¹. El MAS-IPSP que llegaría al poder central fue fruto de este devenir histórico.

El caso de la CIDOB, en un principio no manifestó intenciones de ocupar espacios en el Estado o ser parte del gobierno, mostrando una postura ambivalente respecto de tender lazos con partidos políticos. Si bien no se dio un faccionalismo semejante al de la CSUTCB, sí existieron divisiones internas que emergieron en las “largas marchas”: la dirigencia sostuvo en ocasiones posturas tendientes a acordar con autoridades del Estado, y como contraparte surgieron sectores proclives a radicalizar medidas (dentro de éstos, regionales que incluso “rompen” con la Confederación y tienen lazos con otros movimientos sociales). Finalmente, el acercamiento al MAS-IPSP y a otros movimientos sociales fue tardío, y posiblemente relacionado al cambio de dirigencia y una coyuntura que señalaba la necesidad de volcarse a una estrategia de unidad con otros¹². El contexto de crisis e insurgencia a principios del 2000 funcionó como un elemento cohesionador.

Otro aspecto analizado fue la forma en que los movimientos fueron definiendo sus principales demandas a lo largo de su historia. En este sentido, fueron centrales las reivindicaciones por la convocatoria a una Asamblea Constituyente, el reconocimiento a la tierra y el territorio, la gestión de los recursos naturales y la participación activa en su administración, la reforma agraria, etc. Estos principales puntos fueron sostenidos por las confederaciones previamente a la llegada del MAS al poder central y fueron incorporadas luego programáticamente (aunque su concreción muchas veces terminó siendo diferente en la práctica). Es decir, la llegada del Instrumento Político al poder no generó una modificación en la definición de las principales demandas o problemas a atender.

Movimientos sociales y su participación en las esferas estatales

Como se explicó arriba, el MAS se autoproclamó como “el gobierno de los movimientos sociales” estableciendo así un lazo entre la gestión gubernamental y las organizaciones sociales. Ahora bien, uno de los aspectos que se procuró observar en la investigación fue la real participación de los movimientos sociales en estudio en estructuras estatales concretas, teniendo en cuenta que, aunque con matices, hay un consenso teórico en afirmar la influencia de estas organizaciones en el Estado, incluso como actores de peso.

Los distintos Ministerios y el Parlamento fueron la mirilla por donde observar la dinámica de la relación entre los movimientos sociales (CSUTCB y CIDOB) y el gobierno, así como también la intencionalidad de las organizaciones sociales de ocupar estructuras del Estado. ¿En qué medida sujetos provenientes o vinculados a estos movimientos ocuparon cargos en los Ministerios y en el Parlamento? Estos datos podrían aportar a fines analíticos el peso real de indígenas y campesinos en la definición y sostenimiento de estructuras estatales.

¹¹ A mediados de los años '90 surgió la Asamblea por la Soberanía de los Pueblos (ASP) como instrumento político de la CSUTCB con una fuerte impronta cocalera. Este instrumento político se presentó en varias elecciones, municipales y nacionales – y terminó denominándose MAS-IPSP. Otro Instrumento Político emanado de la CSUTCB fue el Movimiento Indígena Pachakuti, de impronta indianista, liderado por el dirigente aimara Felipe Quispe, cuya base era fundamentalmente el altiplano.

¹² La unidad de los movimientos sociales se dio, sistemáticamente, a partir de la experiencia del Pacto de Unidad (PU) como instancia de acercamiento y coordinación de las acciones de los diversos sectores indígenas y campesinos. El PU apoyó la gestión del MAS-IPSP y tuvo un rol central en la Asamblea Constituyente.

Para ello se realizó una reconstrucción de la ocupación de los cargos de Ministros/Viceministros y de todos los Parlamentarios¹³ durante la primera gestión del MAS. En líneas generales, y en la medida de lo posible sobre la base de la información disponible, se pudo observar que la presencia de representantes indígenas y campesinos provenientes de la CSUTCB y CIDOB fue durante el periodo numéricamente baja pero constante en el tiempo. Asimismo, se encontraron diferencias entre ambas confederaciones ya que si bien la CSTUTCB tuvo representantes directos que provenían de este movimientos, en el caso de la CIDOB se identificó que la representación fue más bien indirecta, es decir no de miembros propios de la organización sino a través de ciertos representantes de ONGs (por ejemplo en el área desarrollo rural y tierras) relacionados a la confederación oriental.

Cabe señalar brevemente que a lo largo de la gestión se desarrollaban diversos encuentros de interlocución entre el ejecutivo y los movimientos sociales (nucleados en el Pacto de Unidad, PU). En estos encuentros anuales (“reuniones de evaluación”) los movimientos evaluaban la gestión y proponían cambios en el gobierno, muchas veces modificaciones en el gabinete ministerial. Las críticas realizadas por las organizaciones sociales en general no tenían un impacto directo en la gestión, pero aun así resulta importante resaltar la existencia de estas instancias ya que daban cuenta de cierta cercanía entre los espacios de decisión gubernamental y las bases sociales que sustentan a quienes los ocupan.

Otro de los ejes que se tomaron para observar la participación de los movimientos sociales en el gobierno y el Estado fue la Asamblea Constituyente. El análisis de la misma, su contexto previo, las diferencias entre los movimientos en estudio al momento de ponerla en marcha, los proyectos que las mismas presentaron de acuerdo a sus históricas demandas, los vaivenes socio-políticos de la Asamblea y el desenlace de la misma, fue estudiado minuciosamente en la investigación. Aquí se presentan algunos aspectos que son centrales para abordar el problema: en primer lugar, resultó evidente que la demanda de una Asamblea Constituyente fue y siguió siendo una de las más importantes de los movimientos sociales en estudio a lo largo de su historia y durante los primeros tiempos del gobierno del MAS. En este sentido, el MAS ya como partido al frente del Estado central recogió inmediatamente esta demanda, y aunque no exento de contradicciones (por ejemplo la convocatoria de la elección de constituyentes terminó siendo por partidos y no por pueblos indígenas como lo demandaban los movimientos), la puso en marcha.

En segundo lugar, una vez en funcionamiento cada movimiento presentó sus propios proyectos de reforma constituyente, los cuales eran a su vez debatidos al interior del PU y en las diversas comisiones. De la comparación entre proyectos y el primer proyecto constituyente elaborado y aprobado en 2007 (la denominada Constitución de Oruro) cabe señalar que por un lado las discusiones y miradas de los movimientos sociales sobre diversos temas fueron atravesadas por las perspectivas propias del MAS. Allí muchas veces se dieron enfrentamientos y disidencias, pero que lograron en general ser “pulidas” y encontrar puntos de acuerdo. En ese sentido, se concluye que los movimientos no fueron subordinados al MAS sino que se fueron adaptando a los tiempos institucionales. Asimismo, esta Constitución fue la expresión más genuina como punto de convergencia del amplio espectro de movimientos sociales (como se señaló arriba en un principio los desacuerdos iniciales fueron varios) y el MAS.

Sin embargo, el tercer aspecto a destacar de este proceso es el resultado final de la Nueva Constitución Política del Estado (NCPE) producto de la “concertación” con representantes de los partidos políticos, en el contexto del levantamiento de la derecha de “la media luna” (2008), que terminó modificando una enorme cantidad de los artículos de sensible importancia para los movimientos sociales. Estas modificaciones, por cierto, echaban hacia atrás históricas demandas de las organizaciones indígenas y campesinas. Entonces, ¿por qué los movimientos sociales

¹³ Los datos se extrajeron de diversos Decretos de conformación ministerial y sus respectivas modificatorias. Para el caso de los parlamentarios se triangulaban datos provenientes del Atlas Electoral de Bolivia; Anuarios Legislativos; Diccionario Biográficos de Parlamentarios. Asimismo, para ambos casos, muchos de los datos recogidos sobre la proveniencia de cada sujeto fue indagada por medio de varias hemerotecas digitales de los periódicos El Diario, La Razón, Los Tiempos, El Cambio, La Opinión, La Prensa, La Patria, y los portales de noticias: www.bolpress.com, www.indymedia.org, entre otros.

apoyaron la aprobación de esta NCPE cuando no fueron parte de la negociación y afectaron artículos importantes para ellos? En este sentido, se puede afirmar que se adaptaron al tenso e inestable contexto político-institucional. Eligieron así, resguardar la institucionalidad y democracia, apoyando el proceso de concertación aceptado por el MAS.

Reflexiones finales entorno a la institucionalización de los movimientos sociales

Una de las premisas planteadas al principio y que la investigación procuró dilucidar fue acerca del grado de institucionalización o pérdida de autonomía que los movimientos sociales pudieron haber sufrido frente al Estado. ¿Es posible pensar este problema así, cuando el partido político (“instrumento”) además de llegar al gobierno y ocupar el Estado, surgió y fue apoyado por las mismas organizaciones sociales? La reconstrucción histórica de las trayectorias de la CSUTCB y la CIDOB puso en tensión aquella premisa.

En este sentido, resulta pertinente poder pensar a los movimientos sociales como agrupaciones que también pueden tener anhelos de poder estatal y de gobierno, y en algún punto, la participación política dentro de las esferas estatales puede ser leída como un repertorio más de luchas ostentadas por estas organizaciones. Los “riesgos” de la pérdida de la autonomía y de la institucionalización existen, y deben ser “domados”¹⁴.

La llegada del MAS a la presidencia conllevó innegables cambios a las organizaciones, uno de ellos refiere a que a partir de ese momento a los movimientos sociales se les abrieron nuevos canales para cristalizar y materializar sus demandas. En este sentido, el Estado puede transformarse en una arena de disputa. Las trayectorias estudiadas dieron cuenta que la creación y adhesión a un Instrumento Político (más temprano en el caso de la CSUTCB; tardíamente en el caso de la CIDOB) fue una estrategia para generar nuevas herramientas para alcanzar sus reivindicaciones.

No obstante, el proceso estudiado (y el desenlace de la Asamblea Constituyente fue el mejor ejemplo) dio cuenta de un reforzamiento de la centralidad del MAS en las decisiones político-institucionales en detrimento de la participación de los movimientos sociales.

En este sentido, la relación entre movimientos y gobierno fue fluctuante y variable, y algunos momentos de negociación y de reclamos y evaluaciones críticas por parte de los primeros hacia el MAS dio cuenta de ello. Esta inestable relación fue más notable con el caso de la Confederación oriental (incluso puede pensarse como una relación “coyuntural”) y en menor medida con la Confederación Sindical, aspecto que en gran parte se explica por el mismo devenir histórico del Instrumento Político, nacido en el seno de esta última organización. El grado de organicidad entre la CSUTCB y el MAS adquiere así, indudablemente, mayor coherencia.

Los siguientes años reforzarán esta tendencia de “asimetría” que media la relación organizaciones sociales-MAS¹⁵. Comenzaron a generarse así diversas tensiones y reposicionamientos en la relación movimientos sociales-Instrumento Político-gobierno. Y estos conflictos estarían dando cuenta de que las organizaciones sociales, con distinto grado de “radicalidad”, poseen aún un margen de “movimiento” autónomo que se manifiesta justamente en “rupturas” o “grietas” que se interponen entre ellas, “su” instrumento político, “su” gobierno y “su” nuevo Estado.

Bibliografía

1. *Mayorga F.* Movimientos sociales, política y Estado // Opiniones y Análisis. 2007. Vol. 84. N. 1. La Paz.

¹⁴ *Svampa*, op. cit.

¹⁵ Estos temas fueron desarrollados diversos artículos en coautoría junto a Patricio Grande publicados en la Revista: *Ni calco ni copia*. 2015. No. 6; 2017. No. 7; 2020. No. 9.

2. *Ibarra P.* ¿Qué son los movimientos sociales? // Anuario de Movimientos sociales. Una mirada sobre la red. Barcelona: Icaria Editorial y Getiko Fundazioa, 2000.
3. *García Linera Á.* (Coord.). Sociología de los movimientos sociales en Bolivia. Estructuras de movilización, repertorios culturales y acción política. La Paz: Plural, 2010.
4. *Svampa M.* Movimientos sociales y escenario político: las nuevas inflexiones del paradigma neoliberal en América Latina. Buenos Aires, 2007. URL: <http://www.cetri.be/IMG/pdf/ensayo38.pdf> (accessed: 10.10.2021).
5. *Tapia L.* Movimientos sociales, movimientos societales y los no lugares de la política // Cuadernos del Pensamiento Crítico Latinoamericano. Buenos Aires: CLACSO, 2008.
6. *Pati Paco P.* La plurinacionalidad y el cambio en el estructura del Estado boliviano // Aportes al Estado plurinacional. La Paz: Fondo Indígena, 2009.
7. *Andolina R., Radcliffe S., Laurie N.* Gobernabilidad e identidad: indigeneidades transnacionales en Bolivia // Pueblos Indígenas, estado y democracia. Buenos Aires: CLACSO, 2005.

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

INTEGRATION PROBLEMS IN LATIN AMERICA

Szilágy I., Pérez Sánchez G.Á., de la Guardia R. M.¹

AMÉRICA LATINA — CAMBIOS GEOPOLÍTICOS, ESTRATEGIAS ALTERNATIVAS, LA CUESTIÓN DEL SUBIMPERIALISMO Y EL ROL DE MERCOSUR

LATIN AMERICA — GEOPOLITICAL CHANGES ALTERNATIVE STRATEGIES, THE QUESTION OF SUB-IMPERIALISM AND THE ROLE OF THE MERCOSUR

Resumen: En la segunda mitad del siglo pasado tuvieron lugar los cambios geopolíticos fundamentales e históricos en el mundo. En las tres regiones semiperiféricas del mundo: en Europa del Sur, en América Latina y en Europa Central y Oriental fracasaron los distintos tipos de las dictaduras autoritarias, y burocráticas. Surgieron y pasaron a primer plano de la política mundial los países emergentes, en particularmente el grupo de los países de BRICS. En América Latina se terminó la época de los Estados de Excepción y se inició el proceso de democratización y el establecimiento de los sistemas políticos democráticos híbridos. Acabó el mundo bipolar y se inició el proceso de la construcción del mundo multipolar. Mientras que las relaciones entre la UE y ALC se han intensificado más en las últimas tres décadas. Se creó y se desarrolló la alianza estratégica birregional entre la Unión Europea y América Latina. Simultáneamente con estos procesos y fenómenos mencionados ha sido reconsiderado en los últimos años el concepto del subimperialismo, elaborado por Ruy Mauro Marini en la década del 70. Plantea la cuestión: ¿que vigencia y que actualidad tiene el concepto y el pensamiento de Ruy Mauro Marini en nuestros días? Y entenderse este concepto para describir e interpretar los procesos y fenómenos de medio siglo después. Además surge la cuestión: como se puede caracterizar a Brasil: ¿es un subimperialismo y/o una gran potencia? Y plantea la otra

¹ Szilágy Istvan, Hungría, Catedrático, Univesidad de Pécs (szortega@freemail.hu).

Pérez Sánchez Guillermo Á., España, Catedrático y Director del Instituto de Estudios Europeos, Universidad de Valladolid (guiller@fyl.uva.es).

de la Guardia Ricardo Martín, España, Catedrático, Universidad de Valladolid (guardía@fyl.uva.es).

cuestión: ¿que rol juega el Mercosur en el desarrollo de la alianza estratégica birregional de la Unión Europea y de América Latina?

Palabras claves: subimperialismo brasileño; Mercosur; Unión Europea; América Latina.

Abstract: This study aims at analyzing the theoretical questions based on the main geopolitical changes taking place all over the world. In the 80s and 90s of the last century in the three semi-peripheral regions — Southern Europe, Latin America and Eastern-Central Europe — the different types of authoritarian and bureaucratic dictatorships collapsed. The emerging countries, among others the members of the BRICS-group appeared and started playing an important part in the world politics. In Latin America the era of the exceptional states which was followed by democratic changes came to end. It resulted in hybrid political systems of democracy. The international relations changed a lot. The two-poled world system ceased to exist and a multipolar world system started to build up. In the past three decades the relation between the European Union and Latin America has become more and more intensive and developed a bi-regional strategic alliance. Parallel with the above mentioned changes and phenomena the conception “sub-imperialism”, which originally was elaborated by Ruy Mauro Marini in the 1970s started to be rethought and re-evaluated. In connection with it several questions have arisen: The concept worked out by Ruy Mauro Marini fifty years ago has actuality and validity in these days? Can it be used to describe the phenomena of this period? How can Brasilia be characterized: great power or subimperialistic state? What sort of role does Mercosur play in the bi-regional strategic alliance between the European Union and Latin America?

Key words: Brazilian sub-imperialism; Mercosur; European Union; Latin America.

I. Introducción

En la década de ochenta y de noventa del siglo pasado tuvieron lugar los cambios geopolíticos fundamentales e históricos en el mundo. En las tres regiones semiperiféricas del mundo: en Europa del Sur, en América Latina y en Europa Central y Oriental fracasaron los distintos tipos de las dictaduras autoritarias, y burocráticas. Surgieron y pasaron a primer plano de la política mundial los países emergentes, en particularmente el grupo de los países de BRICS.

En América Latina se terminó la época de los Estados de Excepción y se inició el proceso de democratización y el establecimiento de los sistemas políticos democráticos híbridos.

En distintas partes del mundo nacieron y renacieron las integraciones regionales de nuevo tipo (Mercosur, Unasur, CAN, APEC, Organización de Cooperación de Sanghái, la Unión Económica Euroasiática, etc.). Cambiaron las relaciones internacionales. Terminó el mundo bipolar y se inició el proceso de la construcción del mundo multipolar.

Simultáneamente con estos procesos y fenómenos mencionados ha sido reconsiderado en los últimos años el concepto del subimperialismo, elaborado por Ruy Mauro Marini en la década del 70 del siglo pasado.

Plantea la cuestión: ¿que vigencia y que actualidad tiene el concepto y el pensamiento de Ruy Mauro Marini en nuestros días? Y entenderse este concepto para describir e interpretar los procesos y fenómenos de medio siglo después. Y surge la cuestión: ¿como se puede caracterizar a Brasil? ¿Es un subimperialismo y/o una gran potencia? Y que rol juega el Mercosur en el desarrollo de la alianza estratégica birregional de la Unión Europea y de América Latina?

Antes de respondernos a las cuestiones mencionadas tenemos que examinar las características de las dictaduras latinoamericanas introducidas durante los años de los sesenta y setenta en el siglo veinte y de las estrategias y de los distintos modelos de modernización prevalecidos en América Latina durante las últimas seis décadas.

II. El nuevo militarismo y el estado de excepción en América Latina

Durante los últimos sesenta años en el continente latinoamericano se agudizaron las contradicciones de la crisis estructural de la economía, de la política y de la sociedad. Se agotó el modelo de sustitución de importaciones. Se presentaron las distintas estrategias, tentativas y

respuestas dadas de las distintas fuerzas políticas, corrientes, alianzas y Gobiernos para salir de la crisis estructural y de la dependencia económica y del subdesarrollo del hemisferio y para ajustarse al centro del sistema económico mundial. Con la intervención militar de la Fuerzas Armadas brasileñas de 1 de abril de 1964 en el continente *comenzó la época del nuevo golpismo o nuevo militarismo*.

¿Cuales son los rasgos y característicos más peculiares y mas importantes del nuevo militarismo y en qué se diferencia de los regímenes del caudillismo tradicional? El principal rasgo característico del nuevo militarismo es que la dictadura unipersonal del caudillo del golpe de Estado tradicional (o pronunciamiento) fue reemplazado y sustituido por la intervención institucional de las Fuerzas Armadas. El Ejército asumió el poder con la intención de reorganización y refundación total de la sociedad, estableciendo las condiciones de un nuevo modo de acumulación de capital y de modernización.

El concepto de Estado de Excepción explicado y expuesto fue elaborado por Nicos Poulantzas durante la década de setenta del siglo pasado. Y como era adaptable y aplicable para los procesos llevados a cabo en distintas circunstancias históricas y regiones del mundo semiperiférico, rápidamente se difundió entre las investigadores de ciencias sociales e historiadores.

En el caso de Estado de Excepción *la subsidiaridad estatal aplicada en el terreno económico compagina y se relaciona con la omnipotencia estatal prevaleciente en el terreno político*. Es decir durante la existencia y el funcionamiento del Estado de Excepción se ocurre la aplicación del modelo neoliberal en la economía.

¿Como se puede resumir las funciones del Estado de Excepción, cuales se presentaron en el periodo del mundo bipolar y en la época de la Guerra Fría?

Podemos distinguir de cinco funciones primordiales.

1. La función opresora interna y externa especial (manejo de crisis, salvación y estabilización global del sistema existente);
2. La función de modernización y de refundación del sistema económico, asegurando las condiciones generales del nuevo modo de acumulación capital;
3. La función de reorganización de la hegemonía del bloque dominante a través de redistribuyendo las fuentes, posiciones y los cargos a favor de las empresas nacionales asociadas a las empresas transnacionales y multinacionales;
4. La función ideológica (suministrar, elaborar e introducir nuevas ideas y valores en la sociedad);
5. La función de redefinición de la política nacional y de la cohesión nacional.

Ambos lados (internos y externo) de las funciones mencionadas se fundieron y se compenetraron.

Es decir el “efecto externo”, las empresas transnacionales interiorizadas y la oligarquía nacional asociada y subordinada, la élite militar y los círculos supremos de la tecnoburocracia civil formaban el bloque dominante de los Estados de Excepción en América Latina

Los líderes de los Estados de Excepción de América Latina se tratan de sus regímenes como sistemas modernizantes. ¿Pero que entendemos por la modernización y que tipo de modernización representan estas dictaduras?

III. Los distintos modelos de modernización

La modernización significa la creación de las estructuras con capacidad de adaptación orgánica y caracteriza la cohesión y la diferenciación entre los elementos del sistema. Al mismo tiempo la modernización significa la disminución de las tensiones socio-económicas y el subdesarrollo y la renovación de la democracia política también. La modernización *es un resultado y un proceso* también. Explicando nuestro concepto de modernización utilizamos y desarrollamos el modelo o esquema del funcionalismo estructural de *AGIL* de Talcott Parsons, el cual se basa en coherencia de cuatro subsistemas sociales (económico — Adaptación, político — Goal attainment, jurídico — Integración e cultural — Latent maintenance pattern). La hipótesis básica de paradigma

del sociólogo norteamericano, es que cada sistema, para sobrevivir y desarrollarse, debe ser capaz de resolver cuatro clases de problemas funcionales:

Nosotros incorporamos al modelo de Parsons el quinto elemento, el quinto factor y este es el (Sub) Sistema de Bienestar Social, SBS.

Tabla 1. Modelo de AGILS 9

A Sistema Económica	G Sistema Político
I Sistema de Normas (derecho)	L Sistema de Valores (cultura)
S Sistema de Bienestar Social (Sistema de Seguridad Social)	

Así se distingue de tres modelos de modernización: el alemán o nórdico, o bismarkiano, el anglosajón y el latino. Los modelos de anglosajón y de alemán representan los tipos de acertado o exitoso de la modernización. Al contrario el modelo latino o latino corregido es el tipo de la modernización fracasada.

En vez del modelo de la modernización latina Barrington Moore junior en su libro *Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World*. Harmondsworth, Penguin, Boston, publicado en 1966 y diez años mas tarde apareció en portugal también (*As origens sociais da ditadura e da democracia: senhores e camponeses na construção do mundo moderno*. São Paulo: Martin Fontes, 1975) elaboró y diseñó el concepto y la teoría de la *Modernización conservadora*.

La base de su concepto forma el examen del desenvolvimiento capitalista y de la revolución burguesa de Japón y Alemania divergentes de las vías y desarrollo del capitalismo clásico.

De acuerdo con Barrington Moore, en las sociedades contemporáneas hubo por lo menos tres formas de transición a la modernidad. La primera significa *la revolución burguesa democrática* que rompió radicalmente con las relaciones económicas y políticas preindustriales y construyó la sociedad capitalista y el sistema político democrático. Este caracteriza el desarrollo de Inglaterra, Francia y los Estados Unidos. En estos casos las capas sociales interesadas en la modernización capitalista dispusieron de bastante fuerza para efectuar las transformaciones necesarias sin compromisos y pudieron acabar con el régimen anciano.

La segunda ruta del desarrollo capitalista caracterizó la debilidad relativa de las fuerzas sociales interesadas en la modernización burguesa. Por eso la revolución burguesa democrática fracasó, derrotó. Las fuerzas sociales interesadas en el cambio económico, político y social profundo se obligaron a contraer compromisos con los distintos grupos de la oligarquía terrateniente.

Y estas transacciones impiden la realización de las transformaciones necesarias de la modernización consecuente.

Esta *revolución por arriba* tiene como resultado *la modernización conservadora* introduciendo políticamente los regímenes autoritarios hasta la entrada del fascismo. Este proceso caracteriza el desenvolvimiento de Japón y Alemania. Pero esta solución y esta ruta representan los Estados de Excepción de América Latina también, cuales institucionalizan el sistema del capitalismo dependiente en la región.

La tercera vía de la sociedad preindustrial hacia la modernización económica, política y social representan las revoluciones campesinas de *la ruta comunista* de Rusia y China. Estos regímenes dictatoriales en vez de seguimiento de los modelos del Occidente, representan el modelo de *easternización* o modelo de Oriente. Pero como las enseñanzas de la Unión Soviética, de China y de los países de Europa del Este demuestran, la recepción y la aplicación mecánica y forzosa de los

experimentos soviéticos y chinos tiene como consecuencia Estados fallidos e históricamente se comprobó de callejón sin salida.

¿Y qué tipo de modelo de modernización representan los Estados de Excepción latinoamericanos? Frente a la modernización democrática los Estados de Excepción latinoamericanos representan el prototipo y la mezcla de “la modernización de tipo bismarkiana” y de „la modernización conservadora” aplicada con (parcial) éxito varias veces en los últimos 150 años.

Por fin quisieramos subrayar que la satisfacción de las demandas y exigencias de los grupos y de las clases sociales bajas, la disminución del desequilibrio social, la merma de la diferencia de la renta entre las clases sociales, la liquidación de la extrema pobreza y la exclusión social y *el establecimiento del sistema político democrático también forma parte orgánica del proceso de modernización. Además de los avances parciales a medias de la economía, éste es el terreno donde los límites de los regímenes militares son más evidentes.*

Después de la caída de las dictaduras militares y autoritarias de América Latina, *a partir de la segunda mitad de los años ochenta se terminó el periodo del modelo neoliberal y por parte del bloque del poder y de los Estados Unidos fue imprescindible anunciar y lanzar una nueva estrategia de desarrollo.*

La nueva estrategia fue anunciada en noviembre de 1989, y consistía en diez medidas de política económica que abarcaban desde la disciplina fiscal hasta la liberalización comercial y financiera, se le bautizó como *el Consenso de Washington* a partir del famoso artículo de John Williamson.

El Consenso de Washington fue una versión corregida y una continuación directa del modelo neoliberal instaurado y aplicado durante los Gobiernos militares. No era adecuado para resolver los problemas del subdesarrollo, del desequilibrio, de la desigualdad social y del ajuste.

Por eso después de diez años paso la corrección y ampliación del programa y fue anunciado el nuevo proyecto de Consenso de Washington. “Es obvio que se necesitan reformas, — escribe Ramón Casilda Béjar, — pero no deben constituirse como un fin en sí mismas, sino como un medio para poder lograr un desarrollo basado en la competitividad y en la equidad...”

Por eso al contrario del Consenso de Washington extendido ya está estructurado y plasmado la estrategia alternative, *la modernización democrática* de los países latinoamericanos.

IV. La vigencia y la actualidad del pensamiento de Ruy Mauro Marini

Y ahora podríamos intentar dar las respuestas a la pregunta: ¿Qué vigencia tienen los pensamientos de Ruy Mauro Marini en nuestros días? ¿O sea cuales son las mas importantes aportaciones de Ruy Mauro Marini a la teoría política latinoamericana e internacional?

Según Carlos Eduardo Martins: “La obra de Marini desarrolla cuatro temas de gran relevancia. En primer lugar, la economía política de la dependencia, que a partir de la década de 1990 se convierte en economía política de la globalización. El segundo gran tema es el análisis del modelo político latinoamericano. El tercero es el socialismo como movimiento político y experiencia estatal y civilizatoria, que tiene presencia destacada en su obra. El cuarto es el pensamiento latinoamericano, cuyas principales corrientes él sistematiza y analiza durante la década de 1990, considerando la tarea de su revisión crítica para atender los desafíos del siglo XXI”.

Adrian Sotelo Valencia tratando de la vigencia del pensamiento de Ruy Mauro Marini argumenta que “...El pensamiento de Ruy Mauro Marini, ...sigue siendo vigente en el siglo XXI. a causa de que las condiciones que el descubrió en torno a la dialéctica de la dependencia (superexplotación del trabajo, intercambio desigual, subimperialismo y Estado del Cuarto poder) se mantienen en el contorno de la economía capitalista mundial”.

Raul Zibechi subraya la importancia de los efectos y de los intentos de la expansión económica y política brasileña prevalecida a partir del golpe de Estado de 1964 del nuevo militarismo en Brasil. Estos esfuerzos caracterizaban las actividades de la nueva e híbrida

democracia brasileña durante los Gobiernos democráticos de Fernando Henrique Cardoso hasta Lula y Dilma Russef también. Y por estas aspiraciones “imperialistas” y hegemónicas de Brasil, “Diante da ofensiva do capital e do Estado brasileiro na região sul-americana, não é estranho que um conceito como “subimperialismo” volte a aparecer nos debates políticos e estudos académicos. Três décadas depois da publicação do célebre texto de Ruy Mauro Marini, *La acumulación capitalista mundial y el subimperialismo*, o concepto ganha actualidad novamente.

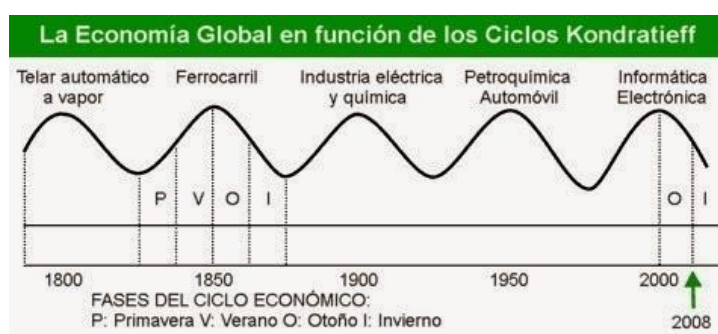
Nos últimos años, vários trabalhos discutiram o tema e os meios de comunicação adotaram o termo “subimperialismo”, inclusive “imperialismo” com certa frequência. A ascensão do Brasil pode ser uma das razões desse interesse renovado. Os conflitos mantidos por grandes empresas brasileiras em países vizinhos pequenos (Petrobras na Bolívia, Odebrecht no Equador, entre outros), evidenciaram o papel do Brasil na região”.

¿Y porque son importantes estudiar y repensar hoy en día, entre las circunstancias del mundo multipolar e interdependiente, los pensamientos de Ruy Mauro Marini? Porque las obras del autor brasileño se ocupan de aquellos problemas cuales se presentaron hace sesenta años y no han resuelto hoy en día tampoco. Los fenómenos económico-sociales y las cuestiones teóricas del subdesarrollo, como son la dependencia, la desigualdad social, la relación de centro y periferia, la superexplotación de los países subdesarrollados no han desaparecidos y no han resueltos, sino hoy en día son vivos también.

Los hechos y los problemas cuales han requerido soluciones surgieron en la base de los ciclos de Kondratieff. Las ondas de Kondratieff, también llamadas ciclos largos de la actividad económica, son descritas como fluctuaciones cíclicas de largo plazo, con forma sinusoidal, de la moderna economía mundial capitalista. La duración de cada onda o ciclo largo varía entre 47 y 60 años, durante los cuales se alternan un período de alto crecimiento, en el cual las coyunturas de prosperidad son más marcadas y duraderas, y un período de crecimiento relativamente lento, en el cual las crisis son más fuertes y las depresiones más prolongadas. Kondratieff identificó tres fases en el ciclo: expansión, estancamiento y recesión. Más común hoy en día es la división en cuatro períodos, con un punto de inflexión (colapso) entre la primera y segunda fase. Según concepto de Kondratieff el fin de un ciclo al mismo tiempo significa el inicio de una nueva onda e un nuevo impulsor de la economía, un nuevo tipo de la acumulación capitalista mundial y un nuevo periodo del desarrollo del capitalismo también.

Y a partir de los años noventa del siglo pasado esta nueva fase fue el estadio monopolcapitalista transnacional del mundo globalizado.

Ahora ya modificando las ondas originales de los ciclos de Kondratieff y extendieron su vigencia hasta el siglo XXI, hasta la época espacial, hasta la era de informática y electrónica y nanotecnología también.

Cuadro 1. La Economía Global en función de los Ciclos Kondratieff
Fuente: https://es.wikipedia.org/wiki/Onda_Kondratiev

Y durante la década de los años sesenta y setenta del siglo pasado enfrente de la dominación absoluta del nuevo sistema económico mundial tomó medidas y nació entre las circunstancias de determinada crisis el concepto desarrollista de CEPAL, dirigido elaborado y representado por Fernando Henrique Cardoso, Celso Furtado, Raul Prebisch y Osvaldo Sunkel. Para estos nuevos

desafíos contestó la teoría de lumpendesarrollo de Andre Gunder Frank y el concepto de Theotonio dos Santos, que diseñó y acentuó que para los países latinoamericanos solo existe la alternativa de fascismo o de socialismo, o sea ellos solo pueden elegir entre los dos polos, los dos sistemas políticos y los dos modos de acumulación de capital.

Y a las cuestiones mencionadas reaccionaron y respondieron tales obras de Ruy Mauro Marini como son: *Sudesarrollo y revolución*, *Dialéctica de la dependencia*, *La acumulación capitalista mundial y el subimperialismo*, *Estado y crisis en Brasil*, *América Latina: dependência e integração* y *América Latina, dependencia y globalización*.

Examinando los problemas y los dilemas del subdesarrollo latinoamericano, Ruy Mauro Marini los explica con las razones históricas y económicas. El autor brasileño considera que el continente latinoamericano forma parte integrante y orgánica del sistema de la economía mundial. Su desarrollo es inseparable de los cambios acaecidos de la economía mundial.

“La historia del subdesarrollo latinoamericano — escribe — es la historia del desarrollo del sistema capitalista mundial. Su estudio es indispensable para quien desee comprender la situación a la que se enfrenta actualmente este sistema y las perspectivas que se le abren. Inversamente, sólo la comprensión segura de la evolución y de los mecanismos que caracterizan a la economía capitalista mundial proporciona el marco adecuado para ubicar y analizar la problemática de América Latina... América Latina surge como tal al incorporarse al sistema capitalista en formación, es decir, cuando la expansión mercantilista europea del siglo XVI... En el curso de los tres primeros cuartos del siglo XIX, y concomitantemente a la afirmación definitiva del capitalismo industrial en Europa, sobre todo en Inglaterra, la región latinoamericana es llamada a una participación más activa en el mercado mundial, ya como productora de materias primas, ya como consumidora de una parte de la producción liviana europea”.

A partir de la conquista de la independencia, los países latinoamericanos luchan por la independencia económica, por la liberación de la vinculación de tipo colonial y por el desarrollo económico autónomo.

Pero la situación es que durante ciento y cincuenta años solo cambió la dependencia económica relativa continental de las grandes potencias y dominantes correspondientes y actuales. Y como consecuencia natural de esta situación se presentaron las distintas formas de la superexplotación del trabajo, la expropiación de la plusvalía y la conservación y el mantenimiento de la dependencia de hemisferio.

Al mismo tiempo el discurso de Marini articula dialécticamente la vinculación de dependencia con el imperialismo sin romper su unidad: “Para la teoría de la dependencia, — podemos leer — en la medida en que uno y otra son fruto del desarrollo del capitalismo mundial el imperialismo no es algo externo a la dependencia. Al contrario, el imperialismo permea toda la economía y la sociedad dependientes, representando un factor constitutivo de sus estructuras socioeconómicas, de su Estado, de su cultura. Asumir esa perspectiva de análisis abre nuevas perspectivas a los estudios históricos y sociológicos en América Latina”.

Mientras que *subraya que la economía mundial es la misma que desarrolla y forma de modo jerarquizada*. La integración de los países latinoamericanos al mercado mundial caracteriza el intercambio desigual y la división del trabajo es desigual también. La industrialización y el desarrollo económico de ellos depende de la formación y del giro de la división internacional del trabajo.

Marini analiza las formas, la importancia y la característica de la subordinación económica también. Y menciona que “En efecto, a medida que el mercado mundial alcanza formas más desarrolladas, el uso de la violencia política y militar para explotar a las naciones débiles se vuelve superfluo, y la explotación internacional puede descansar progresivamente en la reproducción de relaciones económicas que perpetúan y amplifican el atraso y la debilidad de esas naciones... El desarrollo de las relaciones mercantiles sienta las bases para que una mejor aplicación de la ley del valor tenga lugar”.

En vez de las naciones industrializadas podríamos usar y aplicar la noción países desarrollados también.

“La industrialización latinoamericana — continua Marini — corresponde así a una nueva división internacional del trabajo, en cuyo marco se transfieren a los países dependientes etapas

inferiores de la producción industrial., reservándose a los centros imperialistas las etapas más avanzadas... y el monopolio de la tecnología correspondiente. Yendo aún más lejos, se pueden distinguir en la economía internacional escalones en los que se van reubicando no sólo los nuevos países industriales, sino también los más antiguos... *Lo que tenemos es una nueva jerarquización de la economía capitalista mundial, cuya base es la redefinición de la división internacional del trabajo acaecida en el curso de los últimos 50 años*".

Durante las últimas seis décadas algunos países latinoamericanos y asiáticos —generalmente los países de BRICS— alcanzaron un desarrollo económico relevante y espectacular y se convirtieron en los países desarrollados, utilizando la fuerza y la ventaja de las integraciones regionales e interregionales también. Sus empresas transnacionales se presentaron en el mercado mundial y ejercen gran influencia e impacto económico, político e ideológico a sus vecinos también. Pertenecen a estos grupos de países Brasil también.

“La exportación de manufacturas, tanto de bienes esenciales como de productos suntuarios, se ha convertido entonces en la tabla de salvación de una economía incapaz de superar los factores disruptivos que la afligen. Desde los proyectos de integración económica regional y subregional hasta el diseño de políticas agresivas de competencia internacional, se asiste en toda América Latina a la resurrección del modelo de la vieja economía exportadora. En los últimos años, la expresión acentuada de esas tendencias en Brasil nos ha llevado a hablar de un *subimperialismo*. No pretendemos retomar aquí el tema, ya que la caracterización del subimperialismo va más allá de la simple economía, y no es posible tratar el tema si no se recurre también a la sociología y a la política. Nos limitaremos a indicar que el subimperialismo, en su dimensión más amplia, no es un fenómeno específicamente brasileño ni corresponde a una anomalía en la evolución del capitalismo dependiente. Es cierto que las condiciones propias de la economía brasileña le han permitido llevar lejos su industrialización y crear incluso una industria pesada, así como las condiciones que caracterizan a su sociedad política, cuyas contradicciones han dado origen a un Estado militarista de tipo prusiano, dieron lugar en Brasil al subimperialismo”.

Alcanzando el grado del cierto nivel del desarrollo económico se presenta un país que podríamos calificar como subimperialismo o una gran potencia emergente. Este país ya tiene intereses propios y espacio de movimiento propio. Su ambición es convertirse en gran potencia. Actúa como organizador de las integraciones regionales y subregionales. En una palabra querría conquistar, construir y establecer su propia zona de influencia. Y a partir del golpe de Estado de abril de 1964 brasileño, o sea a partir de subir al poder de la dictadura modernizante del nuevo militarismo brasileño, en la región sudamericana Brasil se comporta como un gran potencia y como el subimperialismo.

V. El proceso histórico y los fundamentos de la asociación estratégica birregional

Las relaciones entre ambas regiones — la Comunidad Europea (CE) y ALC — se han hecho intensivas durante las últimas tres décadas aunque el diálogo entre el Parlamento Latinoamericano, Parlatino, que aglutina a los representantes de los países latinoamericanos y la Asamblea de Europa, desde 1986 Parlamento Europeo, se iniciaran ya en la década de los sesenta del siglo XX. En los años ochenta del pasado siglo, el Parlamento Europeo declaró de importancia estratégica sus relaciones con el Tercer Mundo, especialmente con Sudamérica. Tras el ingreso de España y Portugal a la Comunidad Europea, esta dimensión hacia América Latina se dirigió a un acercamiento económico, político y cultural, principalmente con la intermediación de España, hacia la creación de un status particular de asociación.

Desde su creación en 1957, la Comunidad Económica Europea (CEE) entró en contacto con las organizaciones económicas latinoamericanas, firmándose en la década de los setenta los llamados acuerdos comerciales de primera generación. Estos conllevaron a los Acuerdos de Lomé I y Lomé II en 1974 y 1979 entre la CEE y los países de Asia, el Caribe y el Pacífico (ACP). Durante los años ochenta y noventa nacieron acuerdos de segunda generación en parte en los acuerdos de

Lomé III (1984), Lomé IV (1990) y Lomé V (1995), así como en el Acuerdo de Cotonú, firmado en el 2000. Sin embargo, otra parte se relaciona ya directamente con los países latinoamericanos (Brasil), así como con organizaciones de integración (Comunidad Andina, Mercosur).

Una tercera generación de acuerdos tiene lugar en la década de los noventa tras la desaparición del mundo bipolar. La primera Cumbre Birregional de Río de Janeiro de Jefes de Estado y de Gobierno de junio de 1999 determina el nuevo tipo abierto de regionalismo, y la alianza estratégica se materializa en forma de acuerdos bilaterales y de asociación.

La época de grandes transformaciones geopolíticas en Europa terminó en la víspera del nuevo siglo. La UE, ocupada con la ampliación y las tareas de la profundización de la integración, ha iniciado con la puesta en vigor del Tratado de Lisboa profundas y por el momento inseguras reformas institucionales. Entre ellas, la prioridad de la política exterior de la Unión, la determinación del círculo de alianza, la ampliación del área de acción internacional de la Unión y el afianzamiento institucional de sus posiciones estratégicas. Entre 1999 y 2010, América Latina atravesó cambios políticos y económicos de gran importancia histórica también. Tras el nacimiento de los regímenes democráticos, o democracias híbridas vino el periodo de reforzamiento de, por una parte, de integraciones continentales que ya existían (Comunidad Andina, CA), por otra, la formación de nuevos procesos integratorios (Mercosur, 1991; Unión de Naciones Suramericanas, 2008), o de la Comunidad Iberoamericana de Naciones (CIN, 1991) ligada a España y Portugal. Además de la cooperación intrarregional, América Latina y el Caribe (ALC) como actor independiente de las relaciones internacionales intenta ampliar su espacio de acción, eliminar su relación de dependencia y determinar su modelo de integración interregional. La constitución de la CIN es un ejemplo de manifestación de estos intentos.

Al inicio del siglo XXI y desde el punto de vista latinoamericano, parece ser que se *crystalizan tres guiones*. Además de la opción de relaciones más estrechas con los EE.UU., la tendencia del hemisferio sur a una unión continental va ejerciendo una seria influencia. Desde la mitad de la década de los noventa del siglo pasado emergió la idea de la creación de una estrategia de alianza y asociación entre la UE y ALC, la cual se ha convertido en práctica de política exterior y paradigma de integración para ambas partes. Esto, lo que el documento de la Comisión Europea de primavera de 2008 titulado *La asociación estratégica entre la Unión Europea, América Latina y el Caribe: un compromiso común* acentúa en su introducción, tiene una raíz común histórica, lingüística, de valores, política y de civilización: “La Unión Europea (EU), y América Latina y el Caribe (ALC) son aliados naturales unidos por fuertes vínculos históricos, culturales y económicos, así como por una convergencia cada vez mayor de valores básicos y principios. Comparten un compromiso común respecto a los derechos humanos, la democracia, la buena gobernanza, el multilateralismo y la cohesión social, y cooperan para lograr estos objetivos. Todo esto hace que sean socios bien adaptados para abordar juntos los retos globales” — podemos leer.

El documento considera de actualidad el análisis elaborado por la Comisión Europea en el 2005 sobre el reforzamiento de la asociación UE-ALC, según el cual, la estrategia de asociación entre ambas regiones se basa en ocho elementos, los cuales son:

- un efectivo diálogo político entre ambas regiones;
- un estímulo a los intercambios económicos y comerciales, fomento de la integración regional mediante constitución de una red de acuerdos de asociación;
- una contribución a la creación de un marco estable y previsible para la inversión europea;
- un diálogo sobre el desarrollo de la cohesión social y en materia de medio ambiente;
- disminuir las desigualdades y adaptar más las políticas de desarrollo a las necesidades de América Latina;
- apoyo y compromiso a los países latinoamericanos en su lucha contra la droga y la corrupción;
- consolidación de la gobernanza democrática;
- aumento de la comprensión mutua a través de la cultura y la educación.

Como medida para la contribución al desarrollo de la cooperación, para el periodo 2007–2013 la UE creó el llamado *Instrumento de Cooperación al Desarrollo (ICD)*. El ICD abarca cinco

regiones geográficas — América Latina, Asia, Asia Central, Oriente Medio y Sudáfrica — asimismo como cinco programas temáticos. Estos últimos, la inversión en los ciudadanos, la gestión sostenible de los recursos naturales y la energía, apoyo a las autoridades locales y no gubernamentales, seguridad alimentaria y migración y asilo fueron los capítulos destacados. La UE estableció asignaciones financieras para estos programas y regiones. Para América Latina la cantidad para el periodo 2007–2013 fue de 2690 millones de euro. Las prioridades establecidas en el programa están en conjunción con las prioridades del Programa de la ONU *Objetivos de Desarrollo del Milenio* adoptado en el 2000 y a realizarse hasta el 2015. La UE tampoco se olvida de la región del Caribe. Entre 2008–2013 aportará un apoyo de 760 millones de euro.

Las relaciones comerciales entre AL y la UE se han ampliado de forma muy importante durante las dos últimas décadas. Según datos del FMI, ya en el 2006 la UE era el segundo socio comercial de AL (de los países y de las organizaciones integratorias). Las importaciones de la UE en el año señalado alcanzaron los 70 millones de euro; las exportaciones, 66 millones de euro. La balanza muestra un saldo positivo de 4 millones de euros a favor de América Latina. La UE se convirtió también en el mayor inversor en la región. En gran parte esto se debe a las estrechas y tradicionales relaciones del subcontinente con el Gobierno de Madrid. Para finales de la década de los noventa del siglo pasado la España democrática el 52 % de las inversiones extranjeras directas en la región eran españolas, logrando así que numerosas grandes empresas españolas (Telefónica, YBERDROLA, Repsol YFP, Banco Santander, Banco Bilbao Vizcaya, Banco Central Hispano, Banco Popular Español, Iberia, Sol Meliá y Tryp, la Compañía Valencia de Cementos, etc.) ocuparan los primeros puestos en los sectores determinantes de los países del continente — sector bancario, hostelería y turismo, energía, telefonía y comunicación. Sin embargo, el volumen del intercambio de mercancías entre ambos “continentes” no refleja las medidas esperadas de la estrategia de asociación. “...Si América Latina fuera un solo país, — podemos leer en un informe, — ...sería el sexto socio comercial de la UE, con flujos cercanos a los que existen con Japón, aunque representa apenas el 5,2 % de los intercambios de la UE. Y a pesar de las críticas latinoamericanas al proteccionismo europeo, el hecho es que esta región provee más de la cuarta parte de los bienes agrícolas que compra la UE en el exterior”. Analizando la otra cara de la misma cuestión podemos afirmar que: “Si la UE fuera un solo país — y desde el punto de vista comercial no cabe duda de que ya es un actor unitario — sería el segundo socio de América Latina, su segunda fuente más importante de inversiones directas extranjeras y el principal donante de ayuda”.

Es un hecho que las relaciones económicas entre la UE y AL han tenido un gran desarrollo en el último cuarto de siglo. El intercambio comercial tuvo un crecimiento de un 15 % por promedio anual, pero a un ritmo desigual y a un ritmo más acelerado que su capacidad económica.

Al mismo tiempo, las relaciones UE-ALC se caracterizan por asimetría y desbalance económico. Los países del Nuevo Mundo y sus asociaciones de integración exportan, principalmente, alimentos, bebidas, tabacos y productos tradicionales, así como un 37,3 % de materias primas. Tienen que luchar contra el proteccionismo de la UE; más de la mitad de las importaciones provenientes de la UE son productos técnicos y manufactura. La ampliación de la UE al Este no se considera de hecho relevante e influyente desde este aspecto.

La UE y ALC no son sólo socios estratégicos, sino también rivales desde el punto de vista de las relaciones comerciales. Ambas partes intentan alcanzar un saldo positivo y de forma natural aumentar su capacidad de competencia.

Resumiendo podemos decir que una gran parte de la economía latinoamericana se atrasó en la competencia con la UE. Esta desventaja se manifiesta de manera diferente en las relaciones de los Estados latinoamericanos de desarrollo económico heterogéneo (Chile, México) y sus integraciones interregionales (Comunidad Andina de Naciones, CARICOM, Mercado Común Centroamericano, Mercosur), con la UE.

“La globalización no es un proceso tan global como su nombre parece indicar — podemos leer en la conclusión de la obra de Martín Arribas. Conviven un conjunto de economías desarrolladas (UE y Norteamérica, principalmente) las cuales concentran la mayoría de la actividad económica, tanto en términos de comercio como de inversión, con un número mayor en términos de países y, particularmente de población, que tiene una participación mucho más limitada en el

mercado internacional. En este escenario, la UE es uno de los protagonistas económicos frente al papel residual de América Latina y el Caribe. Desde la perspectiva latinoamericana, el comercio con Europa es importante. Aunque si bien Estados Unidos es el primer socio comercial de ALC en su conjunto, para Chile, el MERCOSUR y la CAN, la Unión Europea se convierte en destino principal de sus productos. Sin embargo, Europa está perdiendo peso en el mercado latinoamericano debido a que su comercio se centra en productos no dinámicos en el comercio internacional. En este “terreno” está siendo ganado por los EEU. En sentido opuesto, ALC es solo una región marginal en el comercio de la UE”, — concluye el análisis.

Según los autores, en las relaciones entre ambas regiones se precisa seguir la misma práctica arraigada durante los últimos años. Hay que aumentar el número de los acuerdos preferenciales bilaterales y de reducción arancelaria, desarrollar las condiciones de una cooperación cualitativa y concluir acuerdos de asociación. La UE, por su parte, tiene que dar un carácter más marcado a la alianza estratégica — afirman Christian Freres y José A. Sanajua, investigadores españoles del tema. Además de la comunidad de intereses y de la cooperación se debe contribuir a la cohesión social de América Latina. Debe fomentarse el aumento de la autonomía internacional del Hemisferio del Sur.

La colaboración birregional UE-ALC descansa en cinco pilares que son la solidaridad, la autonomía, los intereses, los valores comunes y la asociación. Estos cinco pilares se encuentran en el cruce de tres tendencias. En ellos influyen las tendencias regionales que caracterizan a la UE y a ALC, asimismo las de corte global. Su representación en forma de diagramas la encontramos en la página 32 del análisis mencionado.

Según Christian Freres y José Sanajua, *las interdependencias globales y regionales de las relaciones UE-ALC pueden ser resumidas en las siguientes: son las manifestaciones más importantes de las tendencias globales:*

- La desaparición del mundo bipolar y la globalización: competencia trilateral, corrientes económicas, y una mayor autonomía de los actores emergentes. Aparición de los Estados BRIC. Regionalismo y interregionalismo;
- El guión tras el 11 de septiembre, es decir, las aspiraciones de los EE.UU. a la superpotencia basadas en la propia fuerza militar de los EE.UU. y unidas a la demanda universal de seguridad;
- Adelanto y retroceso en la constitución de un sistema internacional multilateral y una gobernanza global;
- Un nuevo consenso sobre el desarrollo: lucha contra la pobreza y por la realización de los Objetivos del Milenio.

Las tendencias dentro de la UE complementan las tendencias globales.

- Consolidación del papel económico e internacional de la UE. CESDP. La aparición de la UE como “actor global” en el escenario internacional;
- Las consecuencias del 11 de septiembre y de Irak;
- La ampliación al Este. Los retos de la estabilidad y la seguridad de nuevas zonas fronterizas. La política de vecindad;
- La crisis de 2005: La Constitución Europea y las perspectivas financieras;
- La UE crisis de 2017–2020 y el Brexit.

Las tendencias dominantes en América Latina influyen también en las relaciones de ambas regiones, siendo entre las principales las siguientes:

- La política de consenso del “nuevo regionalismo” e integración económica;
- Consolidación democrática versus inestabilidad política;
- Crisis del actual modelo de desarrollo: el camino del “consenso al postconsenso”;
- La permanencia de la desigualdad;
- El emerger de la cuestión indígena y sus consecuencias políticas, étnicas y de integración.

En el proceso de la creación de una asociación estratégica birregional de la formulación e institucionalización de objetivos y prioridades comunes, durante el esbozo de los posibles guiones es imprescindible tomar en consideración estas tendencias.

Igual posición tuvo la sesión de diciembre de 2007 de la *EuroLat*, la *Asamblea Parlamentaria Euro-Latina* que une a los representantes parlamentarios de la UE y América Latina. En la Resolución aceptada el 20 de diciembre por uno de los foros más importante de la alianza estratégica birregional acentuó que “la Asociación Estratégica no habrá alcanzado plenamente su objetivo hasta haber propiciado un mayor acercamiento entre sus sociedades, impulsado sus niveles de desarrollo social, y haber contribuido de forma decisiva a una reducción drástica de la pobreza y desigualdad social en América Latina, a la que debe contribuir tanto el continuado crecimiento económico que se viene sucediendo en la región en los últimos años, como los intercambios y la ayuda de todo tipo y el transvase de experiencias en materia de cohesión social que puede aportar la Unión Europea...”

América Latina tiene una riqueza propia en recursos humanos y materias primas y que además constituye un mercado muy importante para la Unión; y que ésta, a pesar de la actual asimetría de las relaciones comerciales, es un socio clave para el desarrollo económico, industrial, científico y tecnológico de América Latina y puede contribuir a la diversificación de la región, tradicionalmente muy vinculada con Norteamérica, y con vínculos crecientes con Asia (y en particular China)”.

Según el EuroLat, hay que profundizar también la dimensión política y de seguridad de las relaciones entre ambas regiones. De acuerdo al documento aprobado por la Asamblea, para 2012 hay que superar las soluciones ad hoc de los apoyos comunes a las acciones y proposiciones aisladas en el escenario internacional. La Asamblea apoya la creación de un Espacio de Asociación Interregional Global Euro-Latinoamericana (*Euro-Latin American Global Interregional Partnership Area, ELAGIPA*) que abarque los terrenos político, económico, social y cultural. Para el eficaz funcionamiento de la cooperación propuesta es necesaria la creación de un sistema institucional adecuado. Según el documento de EuroLat, los eslabones de este mecanismo institucional serán los siguientes: la *Asamblea Parlamentaria Euro-Latinoamericana*, los *foros internos de coordinación* que contribuyen a su trabajo, las *Cumbres Birregionales UE-ALC*, las *Reuniones de Ministros* dotados de derecho de decisión en los *asuntos políticos de cooperación birregional*, así como la apertura de estas reuniones entre los representantes de EE.UU., Asia y África bajo el signo de la realización de los aspectos triangulares.

La resolución aprobada considera importante la creación de una *Secretaría Permanente Euro-Latinoamericana*, que cumpla las tareas administrativas.

La Asamblea Parlamentaria decide también la creación de órganos asesores en determinadas áreas profesionales. Se ocupa de cuestiones y etapas de la intensificación de las relaciones económicas y comerciales y de las cuestiones de la cooperación cultural y social y las de la realización de la cohesión social. Propone la creación de un *Fondo Social Birregional*. Desde el punto de vista de la cooperación estratégica atribuye gran importancia a los diferentes tipos de *acuerdos de asociación bi y multilateral*. Subraya que “los acuerdos de asociación deberían basarse en tres pilares: un capítulo político e institucional que refuerce los diálogos democráticos y la concertación política, un capítulo de cooperación que promueva el desarrollo económico y social sostenible y un capítulo comercial dotado de amplios programas y que tenga en cuenta las asimetrías en cuanto a la estructura económica y al nivel de desarrollo de las economías de las dos regiones”.

Basándose en los resultados alcanzados, el documento de la Asamblea Parlamentaria EuroLat esboza una visión de futuro que marca un hito en la asociación estratégica entre la UE y América Latina.

VI. La alianza estratégica en el camino de la institucionalización: las cumbres

Bajo el signo de la delimitada idea e intención *en junio de 1999 se organizó en Rio de Janeiro la I Cumbre UE-ALC* con la participación de 48 jefes de Estado y de Gobierno de ambas regiones. El Preámbulo de la Declaración del encuentro acentuó lo siguiente: “Nosotros los jefes de Estado y de Gobierno de la Unión Europea y de América Latina y el Caribe hemos decidido

promover y desarrollar nuestras relaciones hacia una Asociación Estratégica Birregional, basada en la profunda herencia cultural que nos une y en la riqueza y diversidad de nuestras respectivas expresiones culturales. Las mismas nos han conferido acentuadas identidades multifacéticas, así como la voluntad de contribuir para la creación de un ambiente internacional que nos permita elevar el bienestar de nuestras sociedades y cumpliendo con el principio del desarrollo sostenible, aprovechando las oportunidades que ofrece un mundo cada vez más globalizado, en un espíritu de igualdad, respeto, alianza y cooperación entre nuestras regiones”.

“Esta primera e histórica Cumbre fue convocada en virtud de la voluntad política de fortalecer las ya excelentes relaciones birregionales, basadas en valores compartidos y heredados de una historia común.

El objetivo de esta Cumbre es fortalecer los vínculos de entendimiento político, económico y cultural entre las dos regiones, a fin de desarrollar una Asociación Estratégica entre ambas”.

El documento esbozó un programa de cooperación basado en 55 prioridades para un periodo de 25 años, determinando también el contenido de 55 objetivos a corto plazo que formarían la base de acciones conjuntas directas. El elemento más importante de esto último es la conclusión de un Acuerdo de Libre Comercio entre ambas regiones de acuerdo con las disposiciones de la Organización Mundial del Comercio. Para la UE, el punto más difícil de cumplir es el capítulo que haría posible la libre entrada de los productos agropecuarios latinoamericanos en el mercado de la UE. No es casual que en esta cuestión la UE siga una táctica de pasos cortos.

Dar los pasos prácticos que hagan posible el libre ingreso de productos agropecuarios latinoamericanos representa el punto más neurálgico, el menos posible y el más difícil de cumplir desde el punto de vista de la Unión.

El programa de acción dispone de inversiones financieras comunes a través del Banco Europeo de Inversiones, así como la introducción del euro en las relaciones comunes. Es de destacar las acciones comunes de los parlamentos en los diferentes foros e instituciones internacionales, así como los programas que refuerzan la cooperación en el área de la salud, cultura y ciencia.

La mayor finalidad común de la asociación estratégica es la realización de una democracia participativa y representativa, los Derechos Humanos, el imperio del Derecho, el buen gobierno, el pluralismo, la paz y la seguridad internacional, la estabilidad política y la confianza entre las naciones. En el aspecto político acentúa el diálogo institucional UE-ALC, la democracia y el respeto de los derechos fundamentales. En la esfera económica se compromete a la construcción de un sistema comercial internacional multilateral, un eficaz funcionamiento de las relaciones económicas birregionales basado en un regionalismo abierto, la liberalización comercial, estímulo a la prosperidad, la lucha contra los procesos financieros inconstantes y de efecto desestabilizador, apoyo a las inversiones que contribuyen a fortalecer la producción y a los pequeños países. En el área cultural y científico, social y humanitario basados en la enorme herencia cultural que une a ambas regiones, considera entre sus principales valores mantener los conocimientos desarrollados durante el proceso histórico, el renacer, contribuir a la educación general, defender y mantener las diferencias culturales.

La Cumbre enumera numeros programas a largo plazo: @Lis, la creación de la sociedad de la información, ALFA y Erasmus Mundus para la educación superior, URB-AL, desarrollo de las ciudades y comunidades locales, AL-Invest, para inversión y comercio, ECIP, cofinanciamiento de los llamados programas horizontales. A estos se unió el programa Alβan de apoyo a estudios de posgrado y doctorales y aceptado en la Cumbre de Madrid de 2002.

La Segunda Cumbre de Jefes de Estado y de Gobierno de la UE y América Latina *tuvo lugar en mayo de 2002 en Madrid*. En este encuentro las cuestiones de cooperación cultural jugaron el papel principal, sin embargo, figuraron también en la agenda temas referentes a las ayudas materiales y de cooperación concreta en áreas económicas, así como las posibilidades de éstas y la creación de sus mecanismos. En honor a la verdad histórica tenemos que añadir que los cinco (entonces) países miembros del Pacto Andino (Bolivia, Ecuador, Colombia, Perú y Venezuela), así como los países centroamericanos quedaron extraordinariamente descontentos con los resultados económicos de la Cumbre. Según palabras del entonces presidente de la Comisión Europea,

Romano Prodi (1999–2004), con la ampliación al Este la UE no se encontraba en la situación de firmar acuerdos de asociación con los países latinoamericanos. Las dos excepciones son Chile, con el cual se firmó un acuerdo de asociación el 18 de mayo de 2002 y México, con el cual se había concluido un acuerdo similar en el 2000.

El Compromiso de Madrid, firmado el 17 de mayo de 2002, adopta los aspectos formales de la Declaración de Río de Janeiro. Al capítulo de política le siguen los capítulos dedicados a la cooperación económica, cultural, educación y ciencia. Sin embargo, el número de prioridades se redujo de 55 a 33, concretizándose estos programas en mayor medida. Además de las acciones políticas es preciso resaltar punto 17 del capítulo dedicado a la cuestión de cooperación económica, que trata del inicio en septiembre de 2002 de las negociaciones del Acuerdo de Asociación Económica con la Unión Europea, en el marco del Acuerdo de Cotonú. Los demás puntos del capítulo coinciden considerablemente con los Objetivos del Milenio. El Compromiso de Madrid se complementa con el *Documento de Trabajo sobre los valores y posiciones comunes* y el *Informe de evaluación de los avances realizados*.

La Tercera Cumbre de la UE de los 25 y los 33 países de América Latina y el Caribe tuvo lugar en la ciudad mexicana de Guadalajara los días 28–29 de mayo de 2004. En las negociaciones con la participación de los representantes de 58 naciones al más alto nivel las cuestiones referentes a la cooperación económica y comercial recibieron el mayor acento. La conclusión de un acuerdo de asociación que contuviese el libre comercio representaba la finalidad común. Sin embargo, ésto se realizó por el nuevo Parlamento Europeo elegido en junio de 2004, así como por la Comisión Europea con José Manuel Durão Barroso como presidente. De todas maneras, se declaró que entre la UE de 485 millones de habitantes y con una participación del 23,4 % del PIB mundial y América Latina de 530 millones de habitantes y con un 7,5 % del PIB mundial, con varias organizaciones económicas subregionales — Mercosur, Pacto Andino, Comunidad del Caribe (CARICOM) — las negociaciones de orden político se habían concluido.

La Declaración de la Cumbre de Guadalajara del 28–29 de mayo de 2004 consta de 104 puntos y en comparación con las anteriores Cumbres de Jefes de Estado y Gobierno incluyó numerosos elementos nuevos, recibiendo los elementos tradicionales un nuevo énfasis. La Cumbre tomó firme posición respecto a la creación de un sistema internacional multilateral y el cumplimiento consecuente del principio y la práctica de la cohesión social en las relaciones birregionales, compatibles con los Objetivos del Milenio. Acentúa la importancia del Acuerdo de Asociación Económica entre la UE y el Caribe (*Economic Partnership Agreement, EPA*).

En cuanto al desarrollo económico de América Latina destaca la importancia de la inversión productiva basada en la cooperación entre el Banco Europeo de Inversiones, el Banco Interamericano de Desarrollo, el Banco de Desarrollo del Caribe, la Corporación Andina de Fomento, el Banco Centroamericano de Integración Económica. Apoyó la continuación de los programas de desarrollo iniciados en Río de Janeiro y Madrid y la creación de un *Espacio Común de Educación Superior* y la consolidación y el futuro reforzamiento de la asociación estratégica.

La IV Cumbre de la UE y de América Latina tuvo lugar en la ciudad de Viena los días 11 y 12 de mayo de 2006. Aquí apareció en la escena un bloque alternativo liderado por los presidentes de Bolivia, Evo Morales, y el de Venezuela, Hugo Chávez, y el representante de la delegación cubana. Ellos criticaron duramente el comportamiento económico de la UE y exigieron una mayor prioridad de Sudamérica en la política económica de la Unión Europea.

La Declaración titulada *Fortaleciendo la Asociación Estratégica Birregional* contiene 59 puntos y examina los 16 principales aspectos de la situación de la asociación estratégica. Se declaró a favor de la garantía de la democracia y los Derechos Humanos.

Destacó su especial interés en la realización de la propuesta de la XVII Conferencia Interparlamentaria UE-ALC (Lima, Perú 14 a 17 de junio 2005) de crear una Asamblea Euro-Latinoamericana. Celebró la actividad del III Foro Euro-Latinoamericano-Caribeño de la Sociedad Civil, atribuyendo gran importancia al Foro en la profundización de esta asociación estratégica. Repitió el compromiso de las Cumbres anteriores respecto al desarrollo de un sistema internacional multilateral, la importancia de la paz y la seguridad y el respeto al Derecho Internacional. Se ocupó de las cuestiones del terrorismo, del crimen organizado y narcotráfico, del medio ambiente y de la

energía. Destacó la importancia de los acuerdos de asociación concluidos por la UE con algunos países de América Latina (Chile, México), y con las integraciones (Mercosur, CAN, CARIFORUM, Mercado Común Centroamericano, CARICOM), y saludó la actividad del Banco Europeo de Inversiones en la región del Caribe. *Declaró la lucha contra la pobreza, la desigualdad y la exclusión social. Apoyó la realización del objetivo de cohesión social a través del desarrollo económico de América Latina.* Se ocupó de los programas y medidas respecto a la educación superior, la investigación y el desarrollo científico y tecnológico. Como mencionamos anteriormente, en la Cumbre hizo su aparición el grupo de países descontento con la política económica de la UE hacia América Latina, la denominada “Alternativa Bolivariana.”

Su aparición indica que la construcción de la asociación estratégica birregional no transita por camino real.

La Quinta Cumbre de los Jefes de Estado y Gobierno de la Unión Europea y América Latina se organizó en Lima, capital de Perú, los días 16 y 17 de mayo de 2008. El título de la Declaración adoptada y firmada fue “*Respondiendo juntos a las prioridades de nuestros pueblos*” (*Addressing our Peoples’ Priorities together*). A pesar de que en el Preámbulo del documento se trate de la nueva etapa de las relaciones entre las dos regiones, la Cumbre pudo disminuir y desatar sólo en parte las contradicciones anteriores. Los representantes de América Latina esperaban respuestas, propuestas, medidas e iniciativas de la UE capaces de abolir eficazmente las relaciones asimétricas entre las dos partes. Entre los temas centrales del encuentro formaban parte las cuestiones del futuro reforzamiento de la alianza estratégica, el desarrollo sostenible, la cohesión social y el cumplimiento de los Objetivos del Milenio. A pesar de que los participantes estaban de acuerdo en las prioridades, los puntos de vista y enfoques diferenciaron el contenido de los problemas discutidos. La Unión Europea estaba interesada en los aspectos climáticos y de protección del medio ambiente, del desarrollo sostenible y de los problemas de energía.

Las partes latinoamericanas en cambio consideraron de tareas más importantes aquellas cuestiones del desarrollo sostenible vinculadas y relacionadas a la cohesión social, a la abolición de la pobreza, la desigualdad, y la exclusión social. Estaban de acuerdo en que el reforzamiento de la alianza estratégica y la cooperación entre las dos regiones requiere de nuevos métodos, acciones y esfuerzos. Las partes consideraron de instrumentos principales y eficaces para la realización de los objetivos enumerados el establecimiento de un sistema de acuerdos de asociación bilaterales y multilaterales, así como los Acuerdos Económicos de Asociaciones con los países de África, del Caribe y de Asia. En la Cumbre decidieron sobre la creación de una Fundación de UE-AL dedicada a cuestiones teóricas y prácticas de la alianza estratégica. Felicitaron y apoyaron la Resolución de la Asamblea de Eurolat y aprobaron el establecimiento del mecanismo institucional propuesto por la Asamblea. Decidieron que la próxima cumbre se celebrara en España en la primera mitad de 2010, durante la presidencia española de la UE. Los participantes en la Cumbre de Lima aprobaron como método el diálogo estructurado entre los países y las organizaciones de integración de la UE y de América Latina y en las relaciones interregionales.

Los jefes de Estado y de Gobierno apoyaron el método de la evaluación individual, quedando claro que ni siquiera entre los países del sur del hemisferio hay unidad y concordancia en el papel jugado y desempeñado por las organizaciones de nuevos tipos de integración (Mercosur, UNASUR, Banco del Sur, PetroAmérica, CAN, etc.) en el reforzamiento de la alianza estratégica.

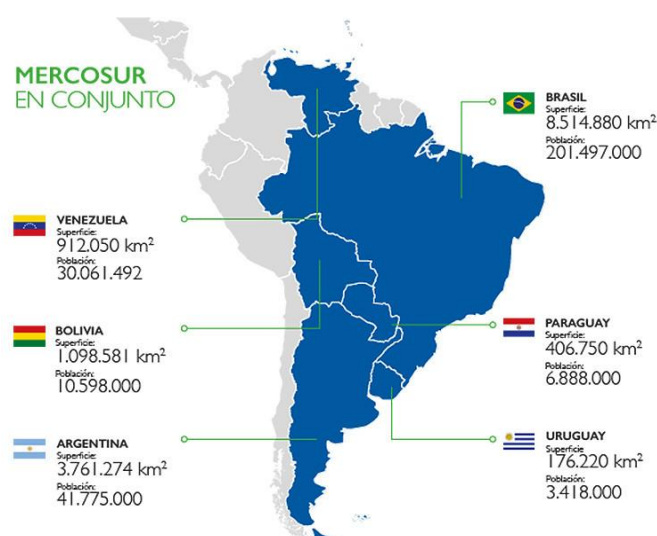
Las Cumbres fueron continuadas. Las siguientes tuvieron lugar los días de 26 y 27 de enero de 2013 en Santiago de Chile, los días de 10 y 11 de junio de 2015 en Bruselas, y los días de 26 y 27 de octubre de 2017 en San Salvador.

VII. La alianza estratégica y las integraciones (sub) regionales: el Mercosur

En la década de los sesenta del siglo XX tuvo lugar en América Latina la creación de las primeras organizaciones económicas de carácter integratorio. La primera fue *la Asociación Latinoamericana de Libre Comercio (ALALC)*, creada en 1960. Ese mismo año se constituyó el *Mercado Común Centroamericano (MCC)*. En 1969 inició sus labores el *Pacto Andino (PA)*,

integrado por Bolivia, Ecuador, Colombia, Chile y Perú, el cual con el tiempo se convirtió en la *Comunidad Andina de Naciones (CAN)*. En 1980, la Asociación Latinoamericana de Libre Comercio (ALALC) adoptó el nombre de *Asociación Latinoamericana de Integración (ALADI)*. Con la finalidad de la creación de una política económica latinoamericana, en la década de los sesenta se creó el *Sistema Económico Latinoamericano (SELA)*. Al SELA le siguió el *CARICOM*. La segunda ola de la organización de las integraciones latinoamericanas se relaciona con los cambios en las relaciones internacionales. Para 1990–1991 habían desaparecido los viejos antagonismos entre el Oeste y el Este, existentes en el mundo bipolar. Paralelamente, como hemos indicado, en las relaciones políticas del subcontinente latinoamericano ocurrieron importantes transformaciones. El lugar de las dictaduras militares y civiles fue ocupado por gobiernos civiles. En el Hemisferio Sur creció de nuevo el interés y el compromiso por una cooperación regional y subregional. Una tras otra aparecieron las organizaciones oficiales y no oficiales de integración y cooperación. La cooperación económica se complementó con la intención de la cooperación política. Se renovó la Organización de Estados Americanos (OEA). En 1991, con la firma del Tratado de Asunción, se creó la integración subregional más importante de América Latina, *Mercosur*, integrado por Argentina, Brasil, Paraguay y Uruguay. En 1991 se formó la *Comunidad Iberoamericana de Naciones (CIN)*, la asociación de España, Portugal y 19 países latinoamericanos, la cual tuvo gran importancia para el fomento de la asociación estratégica birregional. En 1992, EE.UU., Canadá y México firmaron el *Tratado de Libre Comercio de América del Norte (TLAN)*. En 2004 fue fundada la *Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América-Tratado de Comercio de los Pueblos (ALBA-TCP)*. En 2005 crearon *Petrocaribe*. El 23 de mayo de 2008 se creó la *Unión de Naciones Suramericanas (UNASUR)*. La organización es el sucesor legal de la Comunidad Sudamericana de Naciones (CNS), creada en diciembre de 2004 por 12 países latinoamericanos, que cuenta con un prometedor futuro político y económico. En 2012 se organizó la *Alianza del Pacífico* y en 2013 el *Sistema de la Integración Centroamericana (SICA)* también. En nuestro ensayo nos ocuparemos de una de las organización integratoria más importante: Mercosur.

Mercosur es la quinta integración económica más grande del mundo. Según los datos de 2018, su GDP alcanza 4772 millones de dólares, con una población de 293,6 millones. Representa 82 % del PIB total de toda Sudamérica. El 79 % del PIB de la organización es producido por Brasil, 18 % por Argentina, 2 % por Paraguay y 1 % por Uruguay. Su territorio en la época de fundación era: de 11.831.292 km², el 58 % del territorio sudamericano. Venezuela se convirtió en miembro de pleno derecho el 31 de julio de 2012. Así el territorio del Mercosur alcanza 14.869.766 km² y forma parte de casi 70 % del territorio de América Latina. A partir de diciembre de 2016 Venezuela está suspendida.

Cuadro 2. Mercosur en conjunto

Fuente: <https://hu.pinterest.com/pin/656892295619646248>

Mercosur no es solamente una integración comercial, sino la integración regional de valores, tradiciones y de futuro. Su objetivo es el aumento de la fortaleza económica y de la posición de negociaciones comerciales de los países que la componen. En este sentido es competidor no sólo de los EE.UU. y de la UE, sino de la Comunidad Andina y de otras integraciones de la región. Con vistas a la hegemonía subcontinental de Brasil intenta disminuir la rivalidad y oposición geopolítica entre Argentina y Brasil, los dos grandes países del Cono Sur. Aspira a un continuo incremento y extensión de la influencia del Mercosur.

En 1996 concluyó acuerdos de asociación con Chile y Bolivia, en 2003 con Perú, en 2004 con Ecuador y Colombia. En diciembre de 2020 los países mencionados además Guayana y Surinam son países asociados, mientras que Bolivia es Estado de proceso de adhesión.

Tabla 2. Datos comparativos de los miembros plenos (2018)

País	PIB (PPA) Millones de US\$	PIB (PPA) per cápita US\$	Índice de desarrollo humano	Desigualdad de ingreso	Población
 Argentina	971.382	20.537	0,830	0,412	43.762.000
 Brasil	3.072.607	16.340	0,761	0,527	205.304.000
 Paraguay	97.163	13.584	0,724	0,480	7.153.000
 Uruguay	85.797	21.728	0,808	0,413	3.474.000
 Venezuela	545.704	13.633	0,726	0,448	30.825.000

Fuente: <https://es.wikipedia.org/wiki/Mercosur> (data обращения: 10.10.2021).

Mercosur fue creada el 26 de marzo de 1991 con la firma del Tratado de Asunción. Como persona jurídica de Derecho Internacional fue decidida en el Protocolo de Ouro Preto, firmado el 16 de diciembre de 1994, que entró en vigor el 15 de diciembre de 1995. Después de Ouro de Preto la estructura institucional y el modelo institucional, político y social de Mercosur es más cercano al modelo de la Unión Europea. La opción de desarrollar a integración económica entre los Estados parte en términos de unión aduanera también ha seguido el modelo de la UE y está desembocando en un proceso de armonización de políticas internas y estableciendo al mismo tiempo las condiciones de una política exterior común.

En 1995 la Unión Europea y Mercosur firmaron el Acuerdo del Marco de Cooperación (Framework Cooperation Agreement). Desde aquel entonces Mercosur está estrechamente relacionada con la UE. El 25 % de sus exportaciones se dirigen a la UE. La UE es su mayor socio comercial; desde 2001 aumenta continuamente su volumen comercial. Al mismo tiempo, a través de los Programas Regionales Indicativos (PRI), la UE concede distintas ayudas al Mercosur. El primer PRI abraza el periodo 2007–2010, el segundo para el trienio siguiente (2010–2013). Para estos seis años la UE asigna 50 millones de euros para tres objetivos. Un 10 % se canaliza para la construcción institucional de Mercosur. El 70 % para el financiamiento del Acuerdo de Asociación UE-Mercosur. El 20 % para el apoyo a la sociedad civil en fomento de la integración regional. Además de esto, los miembros del Mercosur se benefician de los programas realizados dentro del marco de la asociación estratégica.

“El actual programa indicativo plurianual para América Latina — podemos leer el documento de la Comisión Europea de 2014 — se estableció de conformidad con el Reglamento del ICD para 2014–2020 y se basa en la asociación estratégica y el plan de acción entre la UE y la CELAC.

Consta de dos componentes:

COMPONENTE 1: Programa indicativo plurianual para actividades continentales con América Latina.

COMPONENTE 2: Programa indicativo plurianual para actividades de cooperación subregional con América Central.

De conformidad con el Reglamento del ICD, los países que pueden acogerse a los fondos previstos en el componente 1 son los siguientes:

Argentina, Bolivia, Brasil, Chile, Colombia, Costa Rica, Cuba, Ecuador, El Salvador, Guatemala, Honduras, México, Nicaragua, Panamá, Paraguay, Perú, Uruguay y Venezuela.

Los países de América Latina que pueden acogerse a los fondos establecidos para el componente 2 son los siguientes:

Costa Rica, El Salvador, Guatemala, Honduras, Nicaragua y Panamá.

La asignación financiera indicativa global del Programa regional para América Latina es de 925 millones EUR para el período 2014–2020:

- 805 millones EUR para el componente 1;
- 120 millones EUR para el componente 2”.

Lo que concierne las negociaciones entre la Unión Europea y Mercosur, — como ya lo hemos mencionado — se iniciaron en 1995. A fines de este año se firmó un Acuerdo Marco Interregional (AMI), que debía dar lugar a un sólido y duradero Tratado de Asociación entre la UE y Mercosur.

El Tratado de Asociación giraría en torno a tres amplios y ambiciosos ejes o pilares: libre comercio, cooperación y diálogo político. Pero las negociaciones provisionalmente fueron frenadas. Por eso uno de los principales resultados de la VI Cumbre ALC-UE (América Latina, Caribe, Unión Europea), celebrada en Madrid en mayo de 2010, fue el anuncio de la reanudación de las negociaciones entre la UE y Mercosur. A partir de esta fecha se aceleró el proceso de conversaciones. Y el 28 de junio de 2019, después de 14 años de negociaciones, el Mercosur y la Unión Europea (UE) acordaron una asociación que marca una nueva era en las relaciones entre ambos bloques. El acuerdo, histórico por su tamaño, amplitud temática y significado político, incluye compromisos sobre comercio, cooperación y diálogo político y crea un mercado de 778 millones de habitantes. En el plano comercial, la UE se compromete a liberalizar el 92 % de las importaciones provenientes del Mercosur, mientras el bloque sudamericano liberará gradualmente el 91 % de las importaciones europeas. Con la entrada en vigor del acuerdo, el Mercosur pasará a tener tratados de libre comercio con 23,5 % del PBI global (vs. tan solo 1,4 % hoy en día). Los plazos acordados para la desgravación contemplan las heterogeneidades estructurales entre ambas regiones, con tiempos sustancialmente más cortos para la liberalización que debe realizar la UE, y una transición más gradual para el Mercosur. En 4 años a partir de la entrada en vigor del acuerdo, la UE estará aplicando la mitad del arancel promedio actual mientras que el Mercosur reducirá su arancel promedio a la mitad recién en 9 años. Quizás más importante aún es el impacto potencial en términos institucionales. El acuerdo brindará certidumbre legal y mejorará el clima de negocios, aumentando el atractivo de los países miembros del Mercosur como destino para la IED. Los compromisos en materia de diálogo político y cooperación también deberían otorgar mayor seguridad y previsibilidad al entorno político regional y a la relación bilateral, repercutiendo favorablemente en la capacidad de atraer IED.

Conclusiones

En la segunda mitad del siglo pasado tuvieron lugar los cambios geopolíticos fundamentales e históricos en el mundo. En las tres regiones semiperiféricas del mundo fracasaron los distintos tipos de las dictaduras autoritarias, y burocráticas. En América Latina se terminó la época de los Estados de Excepción. Se inició el proceso de democratización y el establecimiento de los sistemas políticos democráticos híbridos, cuales intentan a realizar el cuarto modelo de modernización, rechazando la modernización neoliberal, o sea el consenso de Washington original y el consenso de Washinton extendido y corregido también.

Acabó el mundo bipolar y se inició el proceso de la construcción del mundo multipolar.

Simultáneamente con estos procesos y relacionados con los fenómenos mencionados ha sido reconsiderado en los últimos años el concepto del subimperialismo, elaborado por Ruy Mauro Marini en la década del 70.

Mientras que las relaciones entre la UE y ALC se han intensificado más en el último cuarto de siglo. Se creó y se desarrolló la alianza estratégica birregional entre la Unión Europea y América Latina.

El Parlamento Europeo calificó de importancia estratégica la cooperación con el Tercer Mundo, especialmente con América Latina. Tras el ingreso de España y Portugal a la CEE, y principalmente gracias a la mediación de España, esa dimensión se dirigía a la cooperación económica, política y cultural entre América Latina y la Unión Europea, a la creación de un status de asociación. Las cada vez más fuertes y profundas relaciones conllevó a la organización en Rio en Janeiro en 1999 de la Cumbre Birregional de Jefes de Estado y de Gobierno.

Los encuentros al más alto nivel, las sesiones conjuntas de los parlamentos latinoamericanos y el Parlamento Europeo, la cooperación de las diferentes asociaciones subregionales de integración (CAN, Mercosur, UNASUR) la firma del Acuerdo de Asociación Estratégica entre la UE y Mercosur el 28 de junio de 2019, así como los actores interregionales (Comunidad Iberoamericana de Naciones), los programas de desarrollo conjuntos condujeron a una institucionalización de una asociación estratégica UE-ALC.

Las enseñanzas muestran que en el mundo contemporáneo *no tiene sentido* pretender una *inserción solitaria* de un país en el mundo, o solo con asociaciones extrarregionales. La inserción global exitosa parece pasar cada vez más por una *inserción regional activa y dinámica*. Ningún país latinoamericano tiene posibilidades económicas, tecnológicas o políticas para competir apropiadamente en el mundo de hoy, si olvida *sus vecinos*. *Las redes regionales* son muy importantes también. *La sola vinculación subregional* no puede ser la garantía del desarrollo. Tal vez Brasil como una potencia regional y un poder emergente “subimperialista” podría ser el excepto del Hemisferio de Sur. Por eso *los acuerdos subregionales son esenciales* para el incremento del desarrollo de un país, en especial si es un país en desarrollo. *La inserción regional* es crucial, pero *no puede limitarse* a un proceso *hacia adentro*. La inserción global es también crucial, pero no puede hacer caso omiso de la región en la cual un país se encuentra ubicado. *La alianza estratégica birregional entre la Unión Europea y América Latina y la Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños contribuye al fortalecimiento económico y político de América Latina*.

Esta alianza estratégica influye en gran medida la construcción y el desarrollo de las relaciones internacionales también.

Bibliografía

1. Acuerdo de Asociación Mercosur-Unión Europea / De Azevedo B., De Angelis J., Michalczewsky K., Toscani V. Banco Interamericano de Desarrollo. Julio 2019. URL: https://publications.iadb.org/publications/spanish/document/Acuerdo_de_Asociaci%C3%B3n_Mercosur-Uni%C3%B3n_Europea.pdf. (accessed: 8.12.2020).
2. América Latina, dependencia y globalización. Fundamentos conceptuales Ruy Mauro Marini / Antología y presentación C. E. Martins. México: Siglo XXI. Editores; Buenos Aires: CLACSO, 2015.
3. A stronger partnership between the European Union and Latin America // European Communication from the Commission to the Council and the European Parliament Luxembourg, 2006.
4. Colomer Viadel A. (coord.). La integración política en Europa y en América Latina. Instituto de Iberoamerica y el Mediterráneo. Valencia, 2007.
5. Dos Santos Th. Fascismo o socialismo. El nuevo carácter de la dependencia y el dilema latinoamericano. México: Editorial Edicol, 1978.
6. Euro-Latin American Parliamentary Assembly. EuroLat: Text Adopted at the session of Thursday, 20 December 2007.
7. Freres Ch., Sanajua J. A. (coords). América Latina y la Unión Europea. Estrategias para una asociación necesaria. Barcelona: Icaria & Antrazyt, 2006.
8. Gunder Frank A. Lumpenburguesía: lumpendesarrollo. Buenos Aires: Ediciones Periferia, 1973.
9. Instrumento de Cooperación al Desarrollo 2014–2020. Programa indicativo plurianual regional para América Latina. URL: https://ec.europa.eu/international-partnerships/system/files/dci-multi-indicative-programme-latin-america-august-2014_es.pdf (accessed: 8.12.2020.)

10. *Maihoid G.* La Cumbre de Lima: un encuentro de la asimetría euro-latinoamericana (ARI). URL: <http://biblioteca.ribei.org/1361/1/ARI-58-2008-E.pdf> (accessed: 8.12.2020).
11. *Marini R. M.* Sudesarrollo y revolución. México: Siglo Veintiuno Editores SA, 1971.
12. *Marini R. M.* Dialéctica de la dependencia. México: ERA, 1973.
13. *Marini R. M.* América Latina: dependência e integração. São Paul: Brasil, Urgente, 1992.
14. *Marini R. M.* América Latina, dependencia y globalización. Buenos Aires: CLACSO, Siglo Veintiuno Editores SA, 2015.
15. *Martín Arribas J. J.* (coord.). La asociación estratégica entre la Unión Europea y América Latina., Madrid: Catarata, 2006.
16. Mercosur. Regional Strategy Paper. 2007–2013 // European Commission. 02.08.2007 (E/2007/1640). P. 48–52. URL: http://aei.pitt.edu/38362/1/mercosur_strategy_2007_2013.pdf. (accessed: 8.12.2020).
17. *Moore jr. B.* Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World. Boston: Harmondsworth, Penguin, 1966.
18. *Moore jr B.* As origens sociais da ditadura e da democracia: senhores e camponeses na construção do mundo moderno. São Paulo: Martin Fontes, 1975.
19. *Poulantzas N.* Fascismo y dictadura. Madrid: Siglo XXI. Editores S. A., 1976.
20. *Poulantzas N.* La crisis de las dictaduras. Portugal, Grecia, España. Madrid: Siglo XXI. Editores S. A., 1976.
21. The Strategic Partnership between the European Union, Latin America and the Caribbean: a joint commitment. Luxembourg: Office for Publications of the European Communities, 2008.
22. *Zibechi R.* Brasil potência. Entre integração regional e um novo imperialism. 2ª Edição Revista. Rio de Janeiro: Consequência, 2018.
23. *Félix M.* El subimperialismo brasileño y la integración regional latinoamericana // Estudios Políticos. Memoria del 56. Congreso Internacional de Americanistas / M. Alcántara, M. García Montero, F. Sánchez López (Coords). Salamanca: Universidad de Salamanca, 2018. P. 625–637.
24. *Consani N.* Convergencias y divergencias en las constucciones regionales: Merciosur — Unión Europea // La integración europea e iberoamericana, actualidad y perspectivas en el siglo XXI. Editorial Aranzadi, S.A.U. Pamplona, 2018. P. 229–237.
25. *Szilágyi I.* The European Union and South Amercia // Regional and bilateral relations of the European Union / Ed. by Z. Gálik, A. Molnár. Budapest: Dialóg Campus, 2019. P. 185–209.
26. *Szilágyi I.* De la dictadura modernizante hasta la posdemocraía híbrida. Las experiencias y las consecuencias de las políticas económicas aplicadas en Brasil // Relaciones Internacionales. Vol. 56. Congreso Internacional de Americanistas / M. Alcántara, M. García Montero, F. Sánchez López (Coord.). Salamanca: Universidad de Salamanca, 2018. P. 168–186.
27. *Casilda Béjar R.* América Latina y el Consenso de Washington // Boletín Económico de ICE. No. 2803. 2004. P. 32–37.
28. *Marini R. M.* La acumulación capitalista mundial y el subimperialismo // Cuadernos Políticos. México, ERA. Abril-junio 1977. No. 12. P. 1–20.
29. *Marini R. M.* Estado y crisis en Brasil // Cuadernos Políticos. México, ERA. Julio-septiembre 1977. No. 13. P. 76–84.
30. *Martins C. E.* El pensamiento de Ruy Mauro Marini y su actualidad para las ciencias sociales // Argumentos. Mayo-julio 2013. Vol. 26. No. 72. P. 31–54.
31. *Sotelo Valencia A.* Vigencia del pensamiento de Ruy Mauro Marini y la Teoría Dependencia // Textos & Contextos. 2017. Vol. 16. No. 1. P. 29–48.
32. *Szilágyi I.* El nuevo golpismo. El Estado de Excepción y los modelos de modernización en América Latina // Intellèctus. Año XVI. 2017. No. 1. P. 69–85.
33. *Szilágyi I.* La Unión Europea y América Latina: balance de las tres primeras décadas de la asociación estratégica birregional // Historia Actual Online. 2017. No. 44. P. 35–52. URL: <http://publicaciones.historia-actual.org> (дата обращения: 10.10.2021).
34. *Szilágyi I.* The European Union and Latin America: A Bi-regional Strategic Alliance // History Research. 2020. No. 2. P. 33–47. URL: <http://www.sciencepublishinggroup.com/j/history>.
35. *Williamson J.* What Washington Means by Policy Reform (A que se refiere Washington por reforma política) // Latin American Adjustment: How Much Has Happened? (El reajuste latinoamericano: ¿Qué tanto ha sucedido?). Washington D. C.: Instituto de Economía Internacional, 1990.

LA GLOBALIZACIÓN Y LA CIRCULACIÓN DE LAS IDEAS ENTRE EL CARIBE CONTINENTAL Y EL CARIBE INSULAR

GLOBALIZATION AND THE CIRCULATION OF IDEAS BETWEEN THE CONTINENTAL CARIBBEAN AND THE ISLAND CARIBBEAN

Raúl Netzahualcoyotzi, Aurora Furlong¹

PLAN FRONTERA SUR: MIGRACIÓN REGULARIZADA O MILITARIZACIÓN

SOUTHERN BORDER PLAN: REGULARIZED MIGRATION OR MILITARIZATION

Resumen: La militarización de la frontera norte y sur de México se convierte en una estrategia a partir de la firma del Tratado de Libre Comercio (TLCAN, 1994) bajo el principio de expandir su política comercial y fortalecer las economías abiertas. Realmente el objetivo es un control económico, político y militar para contener las migraciones centroamericanas, sobre todo del Triángulo Norte, a partir del Plan Frontera sur de México, como parte de la geopolítica norteamericana desde los gobiernos de Clinton a Trump y convalidada por Peña Nieto.

Preguntas clave: integración, seguridad, Frontera Sur, migración, militarización.

Abstract: The militarization of the northern and southern border of México becomes a strategy from the signing of the Free Trade Agreement (NAFTA, 1994) under the principle of expanding its trade policy and strengthening open economies. The objective is really an economic, political and military control to contain Central America migrations, especially from the Northern Triangle, based on the Southern Plan of México, as part of North American geopolitics from the governments of Clinton to Trump and validated by Peña Nieto.

Key words: integration; security; Southern Border; migration; militarization.

¹ **Raúl Netzahualcoyotzi y Aurora Furlong**, México, Benemérita Universidad Autónoma de Puebla, Profesores Titulares de Relaciones Internacionales y Economía (zfurauero@yahoo.com.mx, raul.netza@gmail.com).

Introducción

Consideramos a la frontera sur de México como parte de un espacio estratégico de contención de las migraciones de hombres, mujeres, jóvenes y niños no sólo del Triángulo Norte: Guatemala, Honduras y El Salvador (en buena medida también Nicaragua) sino de varias latitudes como El Caribe Insular, América Latina, de África y Asia por construir un proyecto de vida diferente, que enfrentan diariamente no solo las condiciones adversas de clima, la pandemia del Covid-19, en algunos casos idiomas, sino sobre todo la ausencia de políticas públicas de los gobiernos en turno, de los países del contexto regional.

Las políticas anti migratorias de gobiernos demócratas o republicanos desde B. Clinton (Operación Guardian) y ampliada en la administración de D. Trump en 2014, compagino con la idea de una supuesta amenaza para Estados Unidos con la llegada masiva de migrantes en tránsito a México al declarar una “crisis humanitaria” en la frontera sur que tuvo una respuesta del gobierno de E. Peña Nieto con el “Plan Frontera Sur”, para controlar el flujo centroamericano hacia Estados Unidos, como parte de la estrategia de seguridad nacional de Norteamérica desde hace diez años y continuada con el gobierno de la 4T.

Estos desplazamientos mesoamericanos en primera instancia son parte de un proceso no superado de las contradicciones de acumulación de las economías de la región en los años noventa. La migración de México a Norteamérica tradicionalmente era del centro/occidente: Michoacán, Guanajuato, Jalisco, Zacatecas y norte del país, ahora tiene un carácter masivo e incluye a estados del sur- sureste como Puebla, Oaxaca, Guerrero, Chiapas y Yucatán.

Junto con el carácter masivo de las migraciones se vienen impulsando “proyectos de muerte” por parte de las Empresas Transnacionales, principales actores del nuevo capitalismo global, y donde la mayoría de la población en la sociedad global sólo es receptiva para los productos del consumo global; actualmente el despojo de los bienes naturales es mayor al del capitalismo originario, donde la acumulación a escala mundial de 500 años ya no solo es la razón principal de los modelos extractivistas de materias primas en América, Asia y África sino que son indispensables para las bases del desarrollo industrial de los países hegemónicos e industriales del planeta.

Estas nuevas condiciones son resultado de las políticas del neoliberalismo, proceso de despersonalización en el que los seres humanos se transforman en objetos, en mercancías, donde el capital orienta y deciden sobre la vida o la muerte de la mayoría de los seres humanos, y donde el estado ya no tiene su política soberana, ni política industrial y cada vez la frontera agrícola supera a la naturaleza, afectado el aire, el agua, los bosques y los pueblos originarios tienden a ser desplazados por el nuevo dios, el dinero, través de la defensa del mercado.

Relaciones asimétricas entre el Norte y Sur

Al analizar las causas de la crisis regional desde una perspectiva estructural, observamos que existen contradicciones desde el patrón de acumulación capitalista desde los años noventa del siglo pasado. Esta nueva modalidad de sistema económico enarboló la supresión de las fronteras nacionales con en el corredor Norte-Mesoamérica-El Caribe² a partir de la firma y el inicio de los Tratados de Libre Comercio: primero con Norteamérica (en 1994) incluyendo a México (NAFTA, por sus siglas en inglés) ahora T-MEC (2020) y posteriormente con la parte centroamericana y El Caribe(CAFTA-RD/FTA/Colombia), como un proceso paulatino de supresión de aranceles y de integración-asimétrica-, donde los capítulos de los acuerdos están dedicados para libertad de los movimientos comerciales y del capital, pero con la única limitante: el control de la fuerza de trabajo, con acuerdos paralelos en el terreno laboral pero no de libertad de movimiento de este factor angular particularmente entre Estados Unidos y México.

² Aurora Furlong y Raúl Netzahualcoyotzi, *Plan Mesoamérica: ¿Integración o despojo?* México, 2015, p. 5.

Los primeros diez años el intercambio comercial aumento bajo estas nuevas condiciones. México al participar en el TLCAN evidenció que su ventaja comparativa se encontraba no solo en precios bajos de energía e infraestructura, sino fundamentalmente en la fuerza de trabajo barata y abundante-con un fuerte control del sindicalismo oficial, una reserva industrial que comenzó a migrar a la frontera norte de la zona central/occidente para ingresar a las maquiladoras que se comenzaban a instalar en las ciudades concentradoras fronterizas³.

Los resultados de la liberación de las economías, trajo consigo también un proceso de privatización de los servicios básicos de las poblaciones más vulnerables, y el diseño de proyectos geoestratégicos para toda la zona mesoamericana que incluye a México y Centroamérica.

Esta zona se reconoce como un área estratégica, fue objeto de estudio del proyecto de investigación: Planes geoestratégicos, desplazamientos y migraciones forzadas en el área del proyecto de desarrollo e integración de Mesoamérica⁴ que en su primera fase se dio a la tarea de:

Analizar cómo el sistema capitalista, encabezado actualmente por el proyecto hegemónico estadounidense, para su expansión busca asentarse mediante diversos mecanismos en nuevos espacios regionales y subregionales dentro de una de las áreas más estratégicas del hemisferio occidental, por su ubicación geográfica y por las enormes riquezas energéticas y en biodiversidad que en ella se localizan. Esta área comprende desde la región sur-sureste de México, todos los países de América Central, hasta Colombia, que es la puerta de entrada a la zona de mayor biodiversidad del mundo: la Cuenca Amazónica

Por lo tanto, este proceso de integración y desarrollo mesoamericano se dio a través de la implementación de varios proyectos de infraestructura conocidos primero como: Plan Puebla Panamá (2001), hoy Plan Mesoamérica (a partir del 2008) que fueron los vectores políticos que dieron entrada a la contención de las migraciones forzadas.

Militarización de las Fronteras: De Clinton a Trump

La militarización en la frontera norte se ha mantenido por muchas décadas. “Esa región que trasciende los 3160 kilómetros de la frontera Estados Unidos-México por un radio de 30 a 50 millas en cada lado de la frontera internacional, floreció bajo el largo reino de Porfirio Díaz quien dominó la política mexicana de 1877 a 1911. Esto también marcó la era moderna de la militarización a lo largo de las franjas fronterizas, comenzando con la reacción estadounidense a la Revolución Mexicana (los Estados Unidos colocaron 20 mil militares a lo largo de su frontera sur; hizo innumerables intrusiones dentro de México comenzando en 1914 y terminando con la Expedición Punitiva en 1917)⁵

En el mismo texto los autores señalan que:

El presidente Clinton continuó este esfuerzo con las condiciones del TLCAN para asegurar la frontera (Southwest Border Strategy) y la consecuencia de que México abrogara el Artículo 27 de su Constitución, lo que alimentó la rebelión en Chiapas (EZLN). Por lo tanto, la seguridad fronteriza se intensificó bajo George W. Bush a partir de los ataques terroristas del 11 de septiembre de 2001 y la consolidación de los militares y las fuerzas del orden en la nueva Guerra contra el Terrorismo. Nuevos esfuerzos fronterizos emergieron bajo el Departamento de Seguridad de la Patria (Department of Homeland Security) (2003): Operation Hold the Line; Operation Gatekeeper; Operation Safeguard — lo que llevó al establecimiento de una cerca de lo largo de la frontera, el uso de la Guardia Nacional y la creación de los *corredores de la muerte* rurales. La Operación Rápido y Furioso (Project

³ Aurora Furlong y Raúl Netzahualcoyotzi, *Op cit.*, p. 6.

⁴ Juan Manuel Sandoval, Raquel Álvarez y Sara Yaneth Fernández, *Planes geoestratégicos, desplazamientos y migraciones forzadas en el área del proyecto de desarrollo e integración de Mesoamérica*, Medellín, Colombia, 2015, p. 8.

⁵ Armand French Laurence y Magdaleno Manzanares, “Security and Border Militarization along the Borderlands” en: Héctor Antonio Padilla Delgado, et al (Coordinadores), *Las fronteras: espacios estratégicos para la Globalización*, México, 2017, p. 131.

Gunrunning) 2006–2011(fue un proyecto fallido que introdujo armas de asalto de uso militar a los carteles de la droga mexicana lo que contribuyó a las víctimas masivas de los últimos 15 años⁶

Después se reforzó-no solo su extensión- sino se mantiene una vigilancia constante como se mencionó con el gobierno de B. Clinton (Operación Guardian) y ampliada a partir de la administración de D. Trump en 2014 al declarar “crisis humanitaria” en la frontera sur que tuvo una respuesta del presidente E. Peña Nieto al convocar al Plan Frontera Sur para controlar el flujo centroamericano hacia Estados Unidos, como parte de la estrategia de seguridad nacional de Norteamérica, y que el gobierno mexicano tuvo que compartir:

En primer lugar, que México “coopere” significa: elevar los salarios de sus trabajadores, tanto el mínimo como los manufactureros, para que los consumidores mexicanos compren más productos estadounidenses y así desaparezca el déficit comercial de Washington con México; desaparecer los incentivos para que las empresas estadounidenses inviertan más y se establezcan en mayor número en suelo mexicano; que siga con la contención, detención y deportación de migrantes centroamericanos, entregando su información biométrica a Washington; implica aceptar ser denominado “tercer país seguro” para rechazar a los centroamericanos que piden asilo en Estados Unidos tras estar en México al menos veinte días, con el argumento de que deben solicitar refugio en México y finalmente dejar de enviar migrantes y drogas hacia el norte⁷.

Coincidimos que esta militarización de las fronteras está vinculada a una interpretación sistémica e inscrita en la nueva configuración del Capitalismo Global⁸ como plantea Robinson, hay que observar el surgimiento de: una clase capitalista transnacional que intenta ejercer su dominación mediante redes de instituciones, en la esfera productiva y de finanzas que se pueden concebir como el aparato emergente de un estado transnacional y como parte de una grave crisis de acumulación excesiva, causada en parte por la polarización y el aumento de la desigualdad con una concentración de la riqueza a escala global.

Los capitales transnacionales, en opinión de este investigador social en esta nueva fase de acumulación exacerbada, no encontraron salidas productivas para descargar las enormes cantidades de excedentes acumulados y señala tres características que definen este nuevo sistema:

— La acumulación militarizada, es decir, lanzar guerras e intervenciones que crean ciclos de destrucción y reconstrucción que generan enormes beneficios para un complejo militar-carcelario-industrial-de seguridad-financiero, en continua expansión. Por ejemplo, la guerra contra los inmigrantes en Estados Unidos y otros sitios, y de modo más general, la represión de movimientos sociales y de poblaciones vulnerables, es una estrategia de acumulación, independiente de todo objetivo político. El Estado estadounidense militarizó la acumulación del capital, y con ello ha movilizad vastos recursos e impuesto presiones para sostener la acumulación global mediante la militarización .de esa acumulación y creando una economía global de guerra

— El saqueo permanente de los presupuestos públicos, donde el capital transnacional, mediante su poder financiero, toma el control de las finanzas del Estado para imponer la austeridad a la clase trabajadora, creando más desigualdad, y más penurias. La clase capitalista transnacional ha utilizado su poder estructural para acelerar el desmantelamiento de los beneficios laborales referidos a las .condiciones salariales y a las prestaciones sociales

— Una frenética especulación financiera a escala mundial-convertir la economía mundial en un gigantesco casino global financiero-, iba creciendo la brecha entre el capital ficticio en este casino y la llamada “economía real”. Pero las masivas concentraciones de capital financiero transnacional comenzaron a desestabilizar al sistema⁹

⁶ Ibid, p. 131.

⁷ Carlos Heredia, *Geopolítica en los tiempos de Trump: política internacional y aspectos institucionales de la relación México-Guatemala*, Ciudad de México, 2020, p. 11.

⁸ William Robinson, *Una teoría sobre el capitalismo global. Producción, clase y Estado en un mundo transnacional*, México, 2013, p. 7.

⁹ William Robinson, *Op cit*, p. 8, 9.

Migración forzada frente al Plan Frontera Sur¹⁰

El caso de la migración en la región Mesoamericana se fue agudizando no solo por los acuerdos de Libre Comercio y de integración asimétrica, sino esta fue acompañada de otras políticas económicas: 1) la apertura indiscriminada de la agricultura y la industria nacional, no fue gradual ni compensatoria-como fue el caso europeo; 2) la privatización de las empresas públicas de servicios básicos, proceso que genero más desequilibrios sociales y brechas entre la ciudad y el campo; 3) Destrucción de la economía social, base de la economía popular de comunidades y pueblos originarios y por último; 4) Los proyectos geoestratégicos principalmente vinculados a energéticos y de infraestructura.

Para Robinson¹¹, Centroamérica ha tenido ciertos cambios en la economía: los pequeños productores han enfrentado un agudo deterioro de sus niveles de vida y un desmoronamiento de sus comunidades. El éxodo de las zonas rurales a las urbanas, son clave para el proceso de expansión capitalista –lo cual es un punto frecuente de discusión en la literatura sobre el desarrollo y cambio social-, no ha disminuido, aunque una buena porción de los migrantes ha abandonado por completo la región

Esta podría ser una posible explicación de los flujos masivos de migrantes del Triángulo del Norte (Guatemala, Honduras y el Salvador) y porque se transformó como principal zona de expulsión de migrantes, de sectores vulnerables como comunidades originarias y que son parte de un proyecto hemisférico y global por un debilitamiento del modelo de acumulación local y que ha generado un modelo de capital transnacional.

Otra posible explicación de las migraciones recurrentes también se dio por la descampesinización que ha puesto a la disposición del capital transnacional un excedente de trabajadores asalariados en las zonas urbanas (y también en las áreas rurales), tanto en Centroamérica como en otras partes. Siendo una consecuencia del desarrollo capitalista en primera instancia, que sin embargo es irregular y distintiva.

El fenómeno a la vez ejerce un efecto recursivo sobre la globalización capitalista, al generar condiciones que contribuyan al traslado de nuevas zonas de mano de obra barata de capital transnacionalmente móvil y dócil en su carácter vulnerable (fuerza de trabajo indocumentada) y a la reorganización de la economía política de estas zonas

En las caravanas migrantes ya es común observar no solo adultos, sino ahora hay jóvenes, mujeres, niños y niñas no acompañadas. La región sur de México y el Triángulo Norte de Centroamericana se convirtió en una zona exportadora de mano de obra barata ante un mayor desempleo, falta de oportunidades, y pérdida de competitividad del sector agrícola con el exterior, lo que provocó que la población busque alternativas en el vecino país, y ante la criminalización de las personas por el solo hecho de cruzar las fronteras hay una permanente violación de sus derechos humanos y sobre explotación, de los pocos espacios de trabajo que prevalecen en este sistema neoliberal.

En resumen, en la nueva migración no se aplica el principio de la economía clásica, baluarte del capitalismo del libre movimiento de los factores, en este caso de las personas, sin en cambio hay restricciones políticas, consulares, del crimen organizado, étnicas y de seguridad nacional que ha permitido la militarización de las fronteras, norte y sur de México y como respuesta para el gran capital las economías crecen se siguen fortaleciendo los lazos comerciales, de finanzas con beneplácito del capitalismo global.

En la doctrina oficial de las migraciones laborales se sujeta a los trabajadores a aceptar las medidas restrictivas de seguridad nacional- con el argumento del terrorismo internacional o del narcoterrorismo-, y los compromisos gubernamentales solo van a permitir migraciones reguladas y por periodos cortos.

¹⁰ La frontera sur de México tiene una extensión de: 1,194 kilómetros de los cuales 956 km, corresponden a la línea divisoria con Guatemala y 193 km, a la frontera con Belice. Los estados de Chiapas, Tabasco y Campeche colindan con Guatemala, mientras que Quintana Roo y Campeche lo hacen con Belice

¹¹ William Robinson, *Conflictos transnacionales: Centroamérica, cambio social y globalización*, El Salvador, 2011, p. 528.

Bibliografía

1. French, Laurence Armand y Manzanares Magdaleno, “Security and Border Militarization along the Borderlands”, en Héctor Antonio Padilla Delgado, Aurora Furlong y Zacauala, Raúl Netzahualcoyotzi Luna, Juan Manuel Palacios (coord.), *Las fronteras: espacios estratégicos para la Globalización*, México, UACJ/BUAP, 2017, p. 131–154.
2. Furlong, Aurora y Raúl Netzahualcoyotzi, “De la región a la integración continental: El Plan Puebla Panamá”, *Integración en América Latina y Perspectivas del ALCA*, México, BUAP; Congreso AFEIEAL, 2004, p. 111–122
3. Furlong, Aurora y Raúl Netzahualcoyotzi, *Plan Mesoamérica: ¿Integración o despojo?* México, Benemérita Universidad Autónoma de Puebla, 2015.
4. Heredia Zubieta, Carlos (coord.), *Geopolítica en los tiempos de Trump: política internacional y aspectos institucionales de la relación México-Guatemala*, Ciudad de México, Centro de Investigación en Ciencias de Información Geoespacial / CIESAS/INAH/CIDE/IIMora / Colegio de la Frontera Sur, 2020.
5. Robinson, William, *Conflictos transnacionales: Centroamérica, cambio social y globalización*, El Salvador, UCA, 2011.
6. Robinson, William, *Una teoría sobre el capitalismo global. Producción, clase y Estado en un mundo transnacional*, México, Editorial Siglo XXI, 2013.
7. Sandoval Juan Manuel, Álvarez Raquel y Fernández, Sara Yaneth, *Planes geoestratégicos, desplazamientos y migraciones forzadas en el área del proyecto de desarrollo e integración de Mesoamérica*, Medellín, Colombia, Universidad de Antioquía, 2011.

Aurora Furlong, Raúl Netzahualcoyotzi¹

LA FRANJA DE LA RUTA Y LA SEDA EN CENTROAMÉRICA Y EL CARIBE

THE STRIP OF THE ROAD AND THE SILK ROAD IN CENTRAL AMERICA AND THE CARIBBEAN

Resumen: China con las reformas económicas internas, transformaron al país en el campo y la ciudad: el modelo de economía de mercado de desarrollo socialista con el control público en las áreas estratégicas de la economía sigue apoyándose en el mercado -como instrumento de gestión- paulatinamente ha cambiado de un escenario regional al espacio internacional. En 2013 con la nueva orientación del gobierno chino se revitaliza la iniciativa de la “Franja y la Ruta de la Seda”(BRI por sus siglas en inglés), orientándose en los últimos veinte años a Latinoamérica, mediante acuerdos bilaterales e inversiones en infraestructura, particularmente Centroamérica y El Caribe.

Palabras clave: industrialización; China; BRI; Latinoamérica; economía de mercado.

Abstract: China with the internal economic reforms, transformed the country into the countryside and the city: the market economy model of socialist development with public control in the strategic areas of the economy continues to rely on the market -as a management instrument- gradually has changed from a regional scenario to the international arena. In 2013, with the new orientation of the Chinese government, the initiative of the Belt and Road of the Silk (BRI) was revitalized, targeting Latin America in the last twenty years. Through bilateral agreements and investments in infrastructure, particularly Central America and the Caribbean.

Key words: industrialization; China; BRI; Latin America; market economy.

Introducción

La inversión en infraestructura China en América Latina y El Caribe (ALC) comenzó a manifestarse desde el año 2002, posteriormente tras el anuncio en 2013 del gobierno chino a través de su presidente Xi Jinping, sobre la implementación del proyecto: de la Nueva Ruta de la Seda (BRI por sus siglas en inglés), se han multiplicado los vínculos de este país en la región.

Los megaproyectos contienen principalmente gastos en infraestructura para los países suscritos de diversos continentes, solo para Asia Pacífico, se estima una inversión anual de 730,000 mdd en infraestructura para 2020, y el presidente de China, Xi Jinping ha señalado que contribuirán con 40.000 millones de dólares para el establecimiento de un Fondo de la Ruta de la Seda, con el objetivo de fortalecer la conectividad y mejorar la cooperación en esta región.

En ALC la conectividad es relevante ya que se requiere de mejores vías de comunicación aproximadamente 40 por ciento de los proyectos de construcción de China en la zona se han iniciado aproximadamente hace cinco años. En estos megaproyectos las empresas chinas públicas o privadas ya que se encuentran en varios sectores desde: construcción, energía, telecomunicaciones, transporte, acueductos, minería, seguridad, salud, aeropuertos y puertos.

La mayoría de los proyectos de infraestructura de ALC por parte de empresas chinas, se han realizado en el marco del desarrollo de la Ruta en la región de América Latina y el Caribe, buscando

¹ **Aurora Furlong y Raúl Netzahualcoyotzi**, México, Benemérita Universidad Autónoma de Puebla, Profesores Titulares de Relaciones Internacionales y Economía (raul.netza@gmail.com, zfurauro@yahoo.com.mx).

la facilitación del transporte de mercancías y tránsito humano, pero también de recursos energéticos que el país asiático requiere para proseguir con el desarrollo industrial.

El presente trabajo es de tipo documental y se utilizó el método inductivo para el análisis de la iniciativa de la nueva reconfiguración global que China ha ido instrumentalizando a través del BRI en la zona.

En primer término, abordaremos el contexto global y las nuevas tendencias, seguido de la participación de China en el contexto de proyectos geoestratégicos y en seguida la participación y la relación económica de China en Latinoamérica y el intercambio comercial.

De lo Global a lo regional

El capitalismo, ha ido incorporando nuevos espacios geográficos para la explotación de recursos necesarios para su acrecentamiento a partir de procesos de industrialización y desarrollo tecnológico. La mayoría son los proyectos emprendidos por China en la región, que se conjuntan a espacios globales de acumulación para el capital transnacional, y reflejan distinciones espaciales, según Robinson² se adicionan a un proceso de concentración del capital global: “los patrones regionales de acumulación reflejan ciertas distinciones espaciales, complementarias a una configuración del capitalismo global cada vez más integrado”, en esta forma se van explotando territorios de intensa acumulación que se unen a los intereses del capital global que se encuentran fuera del territorio del país asiático.

Si sectorizamos los proyectos de infraestructura, según la Secretaría de Economía, fueron 771.7 md de inversión extranjera directa de China, y un 72.26 % más, registrando una IED acumulada de 1,417 millones de dólares hasta 2020; de acuerdo al Monitor de la IED china en ALC 2021 que registraron 480 transacciones chinas en ALC y 97 para México, por un monto de 14,034 millones de dólares o casi 10 veces superior al registrado por la SE. Aquellos espacios específicos de los países latinoamericanos se van insertando a los procesos del capital a través de acuerdos de libre comercio en palabras de Samir Amin³

la interdependencia debe ser negociada, las formas de desarrollo deben ser pautadas y apoyadas, y las desigualdades se deben corregir antes de que crezcan y se hagan más profundas” de esta manera, se van sujetando a los países con el control de sus recursos naturales a las necesidades del capital transnacional, anteriormente habían sido destinados para la acumulación del capital desde la colonia, ahora el neoliberalismo, impulsa una nueva reconfiguración de la concentración del capital a escala global, pero en forma más agresiva, nos referimos explícitamente a los recursos naturales como los hidrocarburos, minerales, tierra y agua.

En esta perspectiva hegemónica de Estados Unidos o la Unión Europea promovió los Tratados de Libre Comercio de países latinoamericanos con estas economías industrializadas, e impulsaron los megaproyectos como parte de las relaciones de poder que incorporan lo económico, financiero, tecnológico, la cultura y aspectos de securitización, en su discurso institucional manejado conceptos como crecimiento y desarrollo de los pueblos, pero esencialmente lograron espacios económicos, con modelos extractivistas, en muchos casos en sus acuerdos mediando la fuerza, la violencia y coacción a los que se opongan a sus objetivos de explotación, y en esa relación los aparatos estatales y gubernamentales, han garantizado los intereses del capital transnacional que muchas ocasiones se disfrazan a partir de un discurso de desarrollo y bienestar para sectores de la población no informada.

Desde otra perspectiva China, a partir del 2002, no ha promovido TLC (sólo con Chile, Perú y Costa Rica, este último para contrarrestar la presencia de Taiwán) y ha impulsado cerca de 150 proyectos de infraestructura en la región. Para 2018 casi el 50 % de ellos se encontraban en su fase

² William Robinson, *Una teoría sobre el capitalismo global. Producción, clase y Estado en un mundo transnacional*, México, 2013, p. 125.

³ Amin Samir, *El capitalismo en la era de la globalización*, España, 1999, p. 14.

de construcción, otros siguen en la situación de planeación y algunos más han sido cancelados (como el Gran Canal de Nicaragua), pero mantienen negociaciones, inversiones, logrado varios proyectos que han ayudado al desarrollo de la región en términos de empleo, aunque todavía en condiciones de trabajo precarizado y flexibilizado.

Como mencionamos anteriormente la gran mayoría de los proyectos realizados son enfocados a la conectividad de la región, como transporte, aeropuertos y puertos, con datos de la Red Académica de América Latina y el Caribe sobre China⁴ podemos determinar el asertividad de esto, debido a que 61 de los 138 proyectos fueron realizados desde el 2005 al 2020, pertenecen a este rubro, estamos hablando del 44.20 % de ellos en infraestructura.

De estos 61 proyectos que empezaron su construcción desde el 2002, los primeros no se terminaron hasta el año 2010 y otros más culminaron el año pasado (2020), esto nos habla de la presencia china por casi dos décadas dentro de ALC, por lo cual podemos indicar que estos proyectos no solo significan una pauta de inversión económico para el país, sino es una forma no convencional como son los TLC.

Si evaluamos por países la distribución de las inversiones que han obtenido más proyectos de infraestructura por parte de China han sido: Argentina y Brasil con ocho cada uno, los cuales han siete de ellos son de transporte y un puerto para cada país, en el 2016 para Argentina y 2019 para Brasil.

Las características de la economía China⁵ de combinar dos sistemas con el control estatal de los sectores estratégicos para su desarrollo, en su primera fase de exportación, utilizaron las Zonas Económicas Especiales en la región costera y posteriormente realizaron alianzas estratégicas con empresas de energía, minería, transporte, comunicaciones hasta lograr un aprendizaje en las condiciones de su propia economía regional asiática para lograr trascender a un escenario internacional.

La experiencia en la construcción de nuevos puertos y la modernización de otros, para las compañías chinas les genera un menor costo de transporte de mercancías por la vía marítima que por la aérea, además de que al tener el puerto más importante del mundo: Puerto-ciudad de Shanghái. Para el BRI refleja su carácter expansionista de su modelo económico, trazando rutas terrestres, aéreas marítimas.

La compañía China Communications Construction Compay, Ltd. (CCCC)⁶, es la empresa que ha sido la encargada de la gran mayoría de los proyectos de infraestructura en cuanto a puertos, con seis de los diez que se han realizado por parte de compañías de origen chino, cinco de manera en solitaria y uno en conjunto con la compañía China Railway Construction Corporation Limited (CRCC).

El otro rubro que posee más proyectos de infraestructura es el de energía, con 53 proyectos realizados desde el 2005 a 2020, en un balance de diecinueve años ha existido al menos un proyecto por año (a excepción del 2008), lo que ha significado una gran inversión por parte de las empresas chinas.

Los cuatro países que han recibido la mayor cantidad de proyectos de inversión en el sector energético son; Argentina, Ecuador, Brasil y Venezuela, con quince, diez y ocho, respectivamente.

Donde el proyecto de inversión fue La Central Nuclear Atucha III⁷, en Argentina realizada en el año 2015, tuvo una inversión de \$ 7,900 millones de dólares, que genero un total de cinco mil empleos, la empresa responsable de este gran propósito fue: China National Nuclear Corporation (CNNC)⁸.

⁴ Enrique Dussel Peters, *Monitor de la infraestructura china en América Latina y el Caribe*, México, 2021, p. 2.

⁵ Raúl Netzahualcoyotzi y Aurora Furlong, *China de la región al escenario internacional*, México, p. 9.

⁶ China Communications Construction Company, Ltd. (CCCC) es una empresa multinacional de ingeniería y construcción de propiedad estatal que cotiza en bolsa y se dedica principalmente al diseño, la construcción y la operación de activos de infraestructura, incluidas carreteras, puentes, túneles, ferrocarriles, subterráneos, aeropuertos, plataformas petrolíferas y puertos marítimos.

⁷ El Complejo Nuclear Atucha es un centro argentino donde funcionan las centrales nucleares Atucha I y II.

⁸ La CNNC es una corporación de propiedad estatal, no un organismo administrativo del gobierno. Supervisa todos los aspectos de los programas nucleares civiles y militares de China.

Con esta información podemos determinar que China y en específico sus empresas, sin importar que sean privadas o de origen estatal, están dispuestas a tener presencia en otras regiones, como ALC y también África, aunque en ambas los proyectos han sido diferentes, estos tienen el mismo objetivo, el cual es facilitar la entrada de sus mercancías a sus regiones creando nuevos mercados.

China en América Latina y El Caribe

Centroamérica representa una oportunidad para China. Desde una perspectiva geopolítica posibilita la interconexión entre los océanos Atlántico y Pacífico, que desde la época colonial la ruta marítima fue muy importante. Panamá, es el país que ha tenido mayores vínculos con el gigante asiático, pues a través del Canal que tiene carácter interoceánico, se entrelaza el comercio y representar una plataforma de transporte de mercancías a otros mercados, sin olvidar la contribución histórica de miles de chinos para su construcción a fines del siglo XIX.

Actualmente la presencia de este país tiene una dimensión continental. En el Foro China-CELAC (Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños), hay interés por participar en la región centroamericana con proyectos de infraestructura y relaciones comerciales, así como el diseño de normas locales e internacionales en donde participaron los estados y empresarios principalmente, de esta forma China esgrime un poder blando en la región acercándose al desarrollo de zonas específicas sobre la base de su política de mercado de reconocimiento y aparente amistad.

En Panamá, está presente la empresa China Construction America (CCA) y la empresa panameña Construcciones Civiles Generales S.A. (Cocige), las obras se proyectan para terminar en 24 meses el proyecto del Centro de Convenciones de Amador, en donde se construye una zona turística de Amador, en la capital panameña que fue parte de una base militar norteamericana cerrada junto a otras instalaciones de este tipo en cumplimiento de los Tratados Torrijos Carter de 1977, se alcanzó manteniendo la inversión prevista de 193,7md.

Los representantes de CCA han expresado también el interés en los futuros proyectos en Panamá, y en los relacionados con el Canal de Panamá, además de buscar oportunidades en países como Colombia, Ecuador, Honduras o México.

La falta de carreteras, de trenes, aeropuertos y de comunicaciones electrónicas son también áreas en las que China está invirtiendo en Centroamérica, por su experiencia empleando varios modelos, a través de concesiones y alianzas públicas y privadas.

China al respecto ha ido manejando su forma de relaciones internacionales con una concepción de justicia y novedosos conceptos de gobernanza global, de mejorar el desarrollo y construir una nueva civilización con una óptica más equitativa, racional, y sostenible, según su política, es la búsqueda de beneficios compartidos, sin embargo vemos que las mineras chinas, no tienen la mínima preocupación por los impactos negativos que en las poblaciones puedan generarse como el desplazamiento forzado, o afectaciones en la salud o el cuidado de la salud de trabajadores.

De acuerdo con el informe anual Credit Suisse Wealth Report del 2019⁹, China ha tenido una creciente prosperidad en su economía y en la expansión de la clase media. La riqueza promedio de este grupo es de 33,530 dólares (anuales) un poco menos de la mitad del nivel de riqueza promedio mundial, pero por encima de la riqueza promedio de la mayoría de los países miembros, en esta forma, China superó a Estados Unidos este año para convertirse en el país con la mayor cantidad de personas en el 10 % superior de distribución global de la riqueza.

En esta forma el capital transnacional, va cobrando espacios territoriales y decisiones de comercio sobre la economía y decisiones del estado, disminuyendo su autonomía frente al poder transnacional, que se expande a nuevos territorios, buscando su rápida instalación logrando el dominio de un sistema autoritario de carácter mundial.

⁹ “Global Wealth Report 2019: Global wealth rises by 2.6 % driven by US & China, despite trade tensions”. (Octubre de 2019), *Credit Suisse* [Recurso electrónico]. URL: <https://www.credit-suisse.com/about-us-news/en/articles/media-releases/global-wealth-report-2019--global-wealth-rises-by-2-6--driven-by-201910.html> (consultado el 08.06.2021).

China (históricamente ha tenido esa forma de gobierno), ha incursionado en la colocación de un arsenal de mercancías a través de un poder blando, va adquiriendo cada vez más poder comercial y financiero sobre los países, además con la firma de los Tratados de libre comercio, asegura la venta de mercancías excedentarias que en otra forma le crearían una crisis de sobreproducción a su economía.

Una consecuencia negativa de este patrón comercial, en el que América Latina exporta a China materias primas e importa manufacturas medias o media-altas, es un hecho el perjuicio notablemente al incipiente desarrollo manufacturero latinoamericano de diferentes sectores en algunos países, lo mismo podemos señalar de las mercancías con alto contenido de valor agregado.

Con la promoción de la Iniciativa de la Franja y la Ruta en América Latina (FRS), China intenta aumentar la cuota de productos chinos en el mercado latinoamericano a través de la inversión industrial, inversión y financiación de infraestructuras, así como las fusiones y adquisiciones.

El proceso de industrialización de China le ha llevado a tener una gran avidez por los recursos naturales y energéticos, echando mano de su desarrollo tecnológico y uso intensivo de mano de obra, para proseguir su industrialización, su interés se centra principalmente por los recursos energéticos, estos recursos se supone que los países han consumido la mitad las reservas totales de combustibles fósiles del mundo, cuando el consumo promedio es de 23 mil millones de barriles aunque se descubren 7 millones anualmente, vemos como se consume tres veces más que lo descubierto.

Aunque el umbral de agotamiento fue en el año 2000, y se supone que las reservas totales se habrán agotado para el 2050, los países que prosigan con ese consumo ya están considerando nuevas fuentes y que más consumen ese recurso son precisamente Estados Unidos y China, éste último es el segundo consumidor e importador mundial de hidrocarburos con 6.3 millones de barriles de petróleo, representando el 8 por ciento del consumo global, esto es un factor determinante del alza de los precios del petróleo.

Por otro lado, China cuenta con el mayor mercado automotriz global de vehículos eléctricos, por el apoyo del gobierno a fabricantes domésticos BYD, Beijing Auto o Roewe, sobre todo con la utilización de nuevas energías, debido a ello se ha buscado contar con la utilización y desarrollo de nuevas tecnologías, previendo que para el 2025, tengan ventas anuales de 130 mil millones de euros, de acuerdo con la Red de Oficinas Económicas y Comerciales de España en el Exterior¹⁰

Para China, la industrialización es imparable, lo que ha dado lugar a presiones migratorias del campo a la ciudad al interior, a partir del proceso acelerado de desarrollo industrial lo que ha ido acrecentando la urbanización, y con ello ha incrementado el consumo de bienes y servicios en las ciudades, más del 57 % de su población pertenece a la clase media (se prevé que alcance 67 % para 2030) y genera 82 % de su producción económica¹¹

China es la fábrica tecnológica del mundo, por la incorporación de mayor valor agregado a las mercancías, utilización de nuevos materiales y creación de infraestructura, sin embargo, enfrenta retos como la elevada contaminación de tierra, aire y agua lo que le ha conducido a buscar nuevos territorios, y en Latinoamérica, esta creando obras sin precedente ya que su economía socialista de mercado le ha posibilitado el BRI disponiendo de amplios territorios de otros países y Latinoamérica no escapa a ello.

¹⁰ “Volumen de comercio China-América Latina supera 300.000 millones de dólares en 2018. Xinhua en español”. 2019, *Xinhua* [Recurso electrónico]. URL: http://spanish.xinhuanet.com/2019-02/01/c_137792833.htm (consultado el 08.06.2021).

¹¹ “The circular economy opportunity for urban & industrial innovation in China”. 2018, *Ellen Macarthur Foundation* [Recurso electrónico]. URL: <https://www.ellenmacarthurfoundation.org/publications/chinareport> (consultado el 08.06.2021).

Conclusiones

Como podemos observar, si bien China ha estado invirtiendo en proyectos millonarios, el interés que priva es abarcar nuevos territorios, creando las condiciones para el desarrollo comercial marítimo y terrestre, pero también proyectando su hegemonía en la región, que en esta etapa apenas se inicia con la infraestructura para posteriormente iniciar el desarrollo de nuevas tecnologías optimizando los recursos que ahí se encuentren para su propio interés.

En esta forma China como nueva hegemonía, va creando el ambiente propicio para impulsar mecanismos de dominio ya que se induce al control político militar a través de discursos de seguridad, bienestar y armonía. Bajo este mecanismo se mantiene y crea una postura de subordinación a las economías económicamente más débiles (centroamericanas) a los intereses del capital transnacional, en pro de una supuesta democracia y protección.

En esta forma el sector minero energético es diseñado para su explotación y extracción de recursos necesarios para mantener la competitividad con los países más desarrollados económicamente, pues China bajo sus grandes inversiones protege su poderío industrial y tecnológico, por un lado, al contar con reservas de recursos naturales de zonas ubicadas en Latinoamérica y por el otro las protege a través de políticas de apoyo de posibles agresiones externas diseñando estrategias que beneficien y protejan sus intereses.

Bibliografía

1. “Global Wealth Report 2019: Global wealth rises by 2.6 % driven by US & China, despite trade tensions”. (Octubre de 2019), *Credit Suisse* [Recurso electrónico]. URL: <https://www.credit-suisse.com/about-us-news/en/articles/media-releases/global-wealth-report-2019--global-wealth-rises-by-2-6--driven-by-201910.html> (consultado el 08.06.2021).
2. Dussel Peters, Enrique, *Monitor de la infraestructura china en América Latina y el Caribe 2021*, México, UNAM; Red Académica de América Latina y el Caribe sobre China, 2021.
3. “The circular economy opportunity for urban & industrial innovation in China”. 2018, *Ellen Macarthur Foundation* [Recurso electrónico]. URL: <https://www.ellenmacarthurfoundation.org/publications/chinareport> (consultado el 08.06.2021).
4. Netzahualcoyotzi, Raúl y Aurora Furlong, *China de la región al escenario internacional*, México, Edit. Montiel & Soriano/BUAP, 2006.
5. Netzahualcoyotzi, Raúl (coord.), *Política Internacional de China*, México, Plaza y Valdés/BUAP, 2014.
6. Robinson, William, *Una teoría sobre el capitalismo global. Producción, clase y Estado en un mundo transnacional*, México, Editorial Siglo XXI, 2013.
7. Amin, Samir, *El capitalismo en la era de la globalización*, Ediciones Paidós, 1999.
8. Santander Trade Markets, *Cifras del comercio exterior en China. Portal Santander México*. 2021, *SantanderTrade* [Recurso electrónico]. URL: https://santandertrade.com/es/portal/analizar-mercados/china/cifras-comercio-exterior#classification_by_country (consultado el 08.06.2021).
9. “Volumen de comercio China-América Latina supera 300.000 millones de dólares en 2018. Xinhua en español”. 2019, *Xinhua* [Recurso electrónico]. URL: http://spanish.xinhuanet.com/2019-02/01/c_137792833.htm (consultado el 08.06.2021).

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ СО СТРАНАМИ ИБЕРОАМЕРИКИ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

RELATIONS OF RUSSIA WITH THE COUNTRIES OF IBERO-AMERICA: CONTINUITY AND NEW CHALLENGES

Я. А. Бурляй¹

ПЕРСПЕКТИВЫ УГЛУБЛЕНИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ С ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКОЙ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ИСПАНИЕЙ В ЭТИХ ЦЕЛЯХ

OPPORTUNITIES FOR THE ENHANCEMENT OF THE RUSSIAN — LATIN AMERICAN SCIENTIFICALLY TECHNICAL COOPERATION AND THE INTERACTION WITH SPAIN FOR THIS PURPOSES

Аннотация. В статье рассматриваются возможности наращивания российско-латиноамериканских связей в научно-технической сфере. Участие в этом процессе Испании подкрепило бы его материальную базу.

Ключевые слова: технологии, фонд, инвестиции, цифровизация, инновации.

Abstract: The article is dedicated to new opportunities that could stimulate Russian — Latin American relations in the scientifically technical sphere. The involvement of Spain in this process could strengthen its material basis.

Key words: technologies; fund; investments; digitalization; innovations.

Российско-латиноамериканские отношения развиваются в целом успешно. По многим актуальным международным проблемам наши позиции совпадают или близки. Дело наращивания взаимовыгодных связей служат совместные выступления российских и латиноамериканских дипломатов в ООН, «Группе двадцати» и БРИКС.

¹ Бурляй Ян Анастасьевич, Россия, профессор МГЛУ (Email: embaru@yandex.ru).

Вместе с тем в торгово-экономической области таких позитивных моментов не просматривается. Латинская Америка находится на последнем месте среди торговых партнеров РФ. Торговля с государствами региона не растет. Ее структура оставляет желать лучшего. Отечественный экспорт на 80 % состоит из удобрений, нефти и нефтепродуктов, железа и стали. Поставки машин и оборудования не достигают и 2 %.

Это положение вещей не меняется десятилетиями. Передовой научный опыт России не влияет на материальную базу сотрудничества с Латинской Америкой. Давно пора приступить к поиску новых возможностей в целях качественной трансформации связей между РФ и Латинской Америкой. Первоочередное внимание следует уделить активизации научно-технического сотрудничества путем задействования его новых форм и с участием других партнеров, у которых есть обширные деловые связи на субконтиненте.

Не секрет, что по отдельным направлениям Россия является лидером мировой науки. В то же время государства Латинской Америки заинтересованы в приобретении нашей инновационной продукции. Среди видов отечественной наукоемкой технологии, которая может быть предложена на рынке латиноамериканских стран, следует назвать в первую очередь робототехнику, биотехнологию и информатику. Эксперты считают, что в области цифровизации, главными компонентами которой являются электронная торговля, интернет-банкинг и цифровое правительство, также есть серьезные перспективы.

Кроме того, продвижение отечественной наукоемкой продукции могло бы охватить и следующие отрасли экономики латиноамериканских стран:

1. *Агропромышленный комплекс.* Важную роль имеет российский опыт в сфере биотехнологии, борьбы с эрозией почв, производстве инновационного оборудования для пищевой и перерабатывающей промышленности.

2. *Топливо-сырьевой комплекс.* Инновационная политика здесь может быть сконцентрирована на применении новых методов разведки запасов сырья, улучшении качества его добычи и создании современных систем транспортировки.

3. *Машиностроение.* Наиболее актуальными являются проблемы автоматизации изготовления машиностроительной продукции, механизации и автоматизации сборочных процессов, применения инновационных методов обработки материалов.

4. *Энергетика.* Технологическое сотрудничество следует развивать в области создания эффективных энергоустановок, использующих возобновляемые источники энергии. Помимо этого, здесь пригодится российский опыт создания паросиловых блоков с применением инновационных технологий сжигания топлива и парогазовых установок для электростанций на газообразном топливе.

5. *Химическая промышленность.* Первоочередное значение следует уделять материалу- и энергосберегающим технологиям, синтетическим материалам новых поколений и автоматизированным блочно-модульным системам.

6. *Металлургия.* Трансфер технологии необходимо сконцентрировать на создании сквозных циклов производства для обеспечения максимального ресурсо- и энергосбережения, а также улучшения качества продукции.

7. *Транспорт.* Большое внимание нужно уделять использованию транспортных средств с водородными топливными элементами, что позволит уменьшить потребление ископаемого топлива и загрязнение атмосферы выхлопными газами.

Решению конкретных проблем в деле активизации взаимопольного сотрудничества способствовал бы совместный трастовый фонд развития науки и технологий, соглашение о создании которого могли бы подписать правительства России и стран Латинской Америки. Его средства использовались бы «для финансирования операций по передаче российских технологий латиноамериканским странам, их практического внедрения и возможной коммерциализации на мировом рынке»².

² Актуальные вопросы научно-технического и инновационного сотрудничества России и стран Латинской Америки [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/torgovlya-rossii-so-stranami-latinskoy-ameriki-orientiry-na-trete-desyatiletie/> (дата обращения: 29.09.2021).

Большое значение может иметь и установление связей между функционирующими в России и в государствах субконтинента технопарками, например Научным парком Московского государственного энергетического института и Национальной ассоциацией учреждений, поддерживающих инновационную деятельность (Бразилия). Создание совместных предприятий в сфере высоких технологий играло бы главную роль в интересах разработки и коммерциализации инновационных проектов.

Этому мог бы послужить Международный фонд технологического развития, созданный в 2019 г. в Москве. Фонд был учрежден для содействия трансферу передовых технологий, в том числе посредством финансирования проектов по их внедрению в соответствии с Соглашением, подписанным между Правительством Российской Федерации и Международным банком экономического сотрудничества.

Сейчас ведется проработка вопросов, связанных с презентацией возможностей Фонда послам государств Латинской Америки в РФ. На следующем этапе желательно провести переговоры по проблемам активизации взаимопольного научно-технического сотрудничества с участием членов Наблюдательного совета Фонда и руководства секретариата Латиноамериканской ассоциации интеграции, а также послами стран-членов, аккредитованными при ЛАИ в Монтевидео. На заключительном этапе следовало бы провести в России форум «Россия — Латинская Америка» на уровне вице-президентов и вице-премьеров, координирующих международную деятельность с привлечением к нему министров и государственных секретарей по делам науки и техники.

Думается, что реализация таких комплексных шагов послужила бы делу дальнейшего расширения и углубления научно-технических связей между всеми заинтересованными сторонами.

Развитие сотрудничества между Россией и государствами Латинской Америки в сфере науки и техники, естественно, должно реализовываться в соответствии с координированной политикой научно-технической интеграции стран — участниц. Для этого нужно согласовать основные сферы сотрудничества, договориться о единых стандартах и методологии организации научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок.

Интеграцию нужно строить на долговременной основе и планировать практические шаги по реализации научных идей. Следует стремиться к привлечению венчурного капитала и частных инвесторов из третьих стран к финансированию применения на практике результатов НИОКР.

Для повышения эффективности взаимодействия следует учредить Центр научно-технического и инновационного сотрудничества России и стран Латинской Америки со штаб-квартирой в одной из столиц государств региона. Его задачи должны сводиться к выявлению препятствий на пути развития кооперации в области инновационных технологий и готовить предложения о совершенствовании соответствующих механизмов.

В Латинской Америке и в России сложились различные правовые нормы, регулирующие научно-техническую деятельность. Для организации эффективного сотрудничества нужно будет внести поправки в законодательные нормы и договорно-правовую базу двусторонних отношений. Необходимо будет разработать лицензионные и другие соглашения (о коммерческой тайне, использовании товарных знаков и т. д.) в области технологий, производства биоматериалов и цифровизации, у которых есть своя специфика. Необходимо будет также наладить учет и контроль за трансфером интеллектуальной собственности, которая будет создаваться в рамках международных проектов.

Важным направлением деятельности в интересах резкого повышения уровня научно-технического сотрудничества РФ с Латинской Америкой должно стать привлечение организаций — грантодателей, частных и государственных фондов промышленно развитых стран. Особое значение при этом должно иметь взаимодействие с Испанией, позиции которой на латиноамериканском рынке продолжают оставаться весьма прочными. Конечно, участие в такого рода проектах должно быть коммерчески привлекательным. В противном случае желаемого эффекта добиться не удастся. Этот вопрос необходимо обсудить на консультациях между Латиноамериканским департаментом МИД РФ и партнерским

подразделением МИД Испании, а практические рекомендации вынести на рассмотрение российско-испанской Межправительственной комиссии.

Важно задействовать и потенциал ибероамериканского сообщества (ИС). Меморандум о сотрудничестве между МИД России и Генеральным секретариатом ИС был подписан еще в 2007 г., во время визита генерального секретаря Энрике Иглесиаса в Москву, который провел плодотворные переговоры с Министром иностранных дел С.В. Лавровым. Боюсь, однако, что в дальнейшем каких-либо практических шагов по его реализации не предпринималось.

Уверен, что усилия, которые предстоит приложить для глубинной перестройки российско-латиноамериканских отношений, не останутся втуне. Главное заключается в том, чтобы их плоды были реально осязаемы и выгодны для всех участников этого процесса. Опыта российско-испанского взаимодействия в Латинской Америке пока просто нет. Однако убежден, что использование трехсторонних сделок серьезно способствовало бы процессу консолидации материального фундамента отношений России с Латинской Америкой.

Библиография

1. Актуальные вопросы научно-технического и инновационного сотрудничества России и стран Латинской Америки [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/torgovlya-rossii-so-stranami-latinskoy-ameriki-orientiry-na-trete-desyatiletie/> (дата обращения: 29.09.2021).
2. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Международным банком экономического сотрудничества об учреждении Международного фонда технологического развития // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/563970624/> (дата обращения: 29.09.2021).
3. *Школяр Н. А.* Внешняя торговля России с ЛКА: состояние и перспективы // Латинская Америка. 2020. № 5. С. 6–17. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0009119-9>

К. В. Аршин¹

ОБРАЗ МИГРАНТА В МАССОВОМ СОЗНАНИИ ГРАЖДАН АРГЕНТИНЫ И РОССИИ: КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АНАЛИЗ

THE IMAGE OF A MIGRANT IN THE MASS CONSCIOUSNESS OF THE CITIZENS OF ARGENTINA AND RUSSIA: A COMPARATIVE ANALYSIS

Abstract: Despite the fact that the Russian Federation and Argentina are located on different continents, they are extremely similar countries. Their economic history demonstrates overlapping development patterns. As developed countries in their regions (Russia — Eastern Europe, Argentina — Latin America), they act as recipient states of migration flows. Public perception of migrants in both countries is essential. The purpose of the study is to establish what image of a migrant is dominant in the public opinion of these states. As a methodological basis, a comparative analysis is chosen, which makes it possible to compare the perception of the figure of a migrant in the light of public opinion of countries. Three images are selected as the ideal type of migrant image — “Achieving migrant” (positive type), “Forced labor migrant” (neutral type), “Dangerous migrant” (negative type). The study showed that the Russian Federation is characterized by the image of a migrant posing a danger, while in Argentina two images of a migrant compete — a “forced migrant” and a migrant posing a danger.

Key words: migration; migrant; public consciousness; state racism; economic development; Argentina; Russia.

Resumen: A pesar de que la Federación de Rusia y Argentina están ubicadas en continentes diferentes, son países extremadamente similares. Su historia económica demuestra patrones de desarrollo superpuestos. Como países desarrollados en sus regiones (Rusia — Europa del Este, Argentina — América Latina), actúan como estados receptores de los flujos migratorios. La percepción pública de los migrantes en ambos países es fundamental. El propósito del estudio es establecer qué imagen de migrante predomina en la opinión pública de estos estados. Como base metodológica se opta por un análisis comparativo, que permite comparar la percepción de la figura de un migrante a la luz de la opinión pública de los países. Se seleccionan tres imágenes como el tipo ideal de imagen de migrante: “Migrante en logro” (tipo positivo), “Migrante de trabajo forzoso” (tipo neutral), “Migrante peligroso” (tipo negativo). El estudio mostró que la Federación de Rusia se caracteriza por la imagen de un migrante que representa un peligro, mientras que en Argentina compiten dos imágenes de un migrante: un “migrante forzado” y un migrante que representa un peligro.

Palabras clave: migración; migrante; conciencia pública; racismo de Estado; desarrollo económico; Argentina; Rusia.

¹ Аршин Константин Валерьевич, Россия, кандидат философских наук, ученый секретарь Федерального исследовательского центра картофеля им. А. Г. Лорха (Kosta-10@yandex.ru).
Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31096.

Введение

Россия и Аргентина — крайне похожие страны. Их схожесть определяется как политическими, так и экономическими обстоятельствами развития, особенно в части новейшей истории обеих стран. Обе страны являются президентскими республиками с весомой ролью премьер-министра в части осуществления функций исполнительной власти. Оба государства характеризуются федеративным административно-государственным устройством с тенденцией к унитаризму. В экономической сфере обе страны являются по преимуществу экспортно-ориентированными экономиками, нацеленными на экспорт товаров с низкой прибавочной стоимостью. Но если для России характерен экспорт углеводородов (нефть и газ), то экономика Аргентина прежде всего экспортирует продукты сельскохозяйственного производства (зерно, мясо и т. д.). В начале 1990-х гг. обе страны пережили период радикальных экономических реформ, а также технический дефолт по взятым на себя обязательствам перед внешнеполитическими кредиторами (в 1998 г. — Россия, в 2001 г. — Аргентина). Значительное влияние на развитие стран в конце XX — начале XXI в. оказали мировые экономические кризисы, оказавшие значительное влияние на социально-экономическое развитие стран. В рамках современных индексов экономического развития Россия и Аргентина занимают примерно равное место. Так, например, по данным Международного валютного фонда в 2018 г. номинальный ВВП на душу населения Аргентине составлял 11 626 долларов. Аналогичный показатель для России в указанном году — 11 326 долларов. Анализ динамики 2019–2021 гг. по данным МВФ показывает снижение данного показателя для Аргентины до 9,89 тыс. долларов в 2019 г., 8,55 тыс. долларов в 2020 г. и прогнозное значение в 9,12 тыс. долларов в 2021 г. Для Российской Федерации аналогичные показатели составляют 11,51 тыс. долларов, 10,04 тыс. долларов и 11,65 тыс. долларов в 2019–2021 гг. соответственно².

Значительная зависимость экономик стран от внешних рынков породило в них феномен «новой бедности», под которой понимается увеличение числа работников, обладающих высокой квалификацией, но при этом занятых на низкооплачиваемой работе³. Это обстоятельство, вероятно, стало одной из причин феномена «утечки мозгов», бича как экономики России⁴, так и экономики Аргентины⁵. При этом и Россия, и Аргентина характеризуются высокими показателями Индекса человеческого развития, ежегодно оцениваемого Организацией Объединенных Наций по таким показателям как ожидаемая продолжительность жизни, уровень грамотности населения и уровень жизни. По данному показателю страны в 2019 г. занимали 46-е (Аргентина с показателем 0,845) и 52-е (Россия с показателем 0,824) места⁶. Указанные показатели, согласно модели ООН, относят Россию и Аргентину к странам с очень высоким уровнем человеческого развития, что делает их привлекательными для мигрантов. В соответствии с докладом ООН по миграции в мире за 2019 г. среди стран Латинской Америки Аргентина является наиболее привлекательной для

² “World Economic Outlook Database”, *International Monetary Fund* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/NGDPDPC@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD> (дата обращения: 25.09.2021).

³ Габриэль Кесслер, Мария Мерседес ди Вирхилио и Светлана Ярошенко, “‘Новая бедность’ в Аргентине и России: Краткие выводы. Резюме”, *Laboratorium* 2, 2010, с. 414.

⁴ Alexander Subbotin and Samin Aref, “Brain Drain and Brain Gain in Russia: Analyzing International Migration of Researchers by Discipline using Scopus Bibliometric Data 1996-2020”, *MPIDR Working Paper WP 2020-025* 2021. <https://doi.org/10.4054/MPIDR-WP-2020-025>

⁵ Özden Çağlar, “Brain drain in Latin America”, *Expert Group Meeting on International Migration and Development in Latin America and the Caribbean* [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/events/pdf/other/turin/P10_Ozden.pdf (дата обращения: 25.09.2021).

⁶ Доклад о человеческом развитии 2020. Следующий рубеж: Человеческое развитие и антропоцен, *Официальный сайт Программы развития ООН* [Электронный ресурс]. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2020_ru.pdf (дата обращения: 25.09.2021).

мигрантов⁷. Так, в 2019 г. Аргентина приняла более 2 млн переселенцев. При этом странами исхода большей части мигрантов выступали Парагвай и Боливия. Россия ежегодно принимает, согласно как международным статистическим данным, так и данным Росстата, более 10 млн мигрантов ежегодно (при этом страны-исхода — бывшие республики СССР). Однако структура миграционных потоков показывает, что львиная доля переселенцев, прибывающих в обе страны, — это трудовые мигранты. Так, анализ Ю. Ф. Флоринской показал, что численность трудовых мигрантов, пребывающих в Российскую Федерацию с целью работы по найму, ежегодно равняется порядка 4 млн человек (или 40 % от пребывающих)⁸. Причем указанный показатель не снизился даже в условиях пандемии COVID-19. Показатели численности трудовых мигрантов в Аргентине на порядок скромнее. По данным Департамента статистических исследований Технического управления по надзору за трудовыми рисками, в 2018 г. на территории Аргентины осуществляли трудовую деятельность чуть более 455 тыс. трудовых мигрантов. Однако, несмотря на разницу в количественном отношении прибывших трудовых мигрантов, их гендерная составляющая одинаковая — 55 % мужчин и 45 % женщин. Равным образом мигранты демонстрируют одинаковые показатели по возрастной структуре. Для Аргентины по состоянию на 2020 г. возрастная структура мигрантов выглядела следующим образом: 27 % мигрантов в возрасте от 18 до 34 лет; 36 % — в возрасте от 35 до 54 лет; 37 % — более 55 лет. В России: 45 % — в возрасте от 15 до 34 лет; 26 % — от 35 до 54 лет; 29 % — старше 55 лет. Показатели возрастной структуры мигрантов по индикаторам «в трудоспособном возрасте» и «старше трудоспособного возраста при исключении индикатора младше трудоспособного возраста» показывают следующие результаты: доля мигрантов в трудоспособном возрасте и старше трудоспособного возраста составляет для Аргентины 63 и 37 %, для России — 87,3 и 12,7 % соответственно⁹.

Приведенные выше данные свидетельствуют как о сходстве, так и о различии миграционных потоков России и Аргентины. Однако достаточно интересным является вопрос сравнения отношения общества к мигрантам, поскольку миграционный вопрос зачастую является одним из наиболее болевых вопросов социальной и политической повестки даже развитых стран, и отношение общества к мигрантам в значительной степени определяет социальное самочувствие этого общества.

Материалы и методы

В рамках исследования для сопоставления образов мигранта в России и Аргентине будет использоваться метод компаративного анализа в целях изучения общего и различного в общественном мнении двух стран. В качестве материала для анализа будут задействованы данные социологических опросов российских и аргентинских социологических центров.

⁷ Доклад ООН о миграции в мире 2020 г., *Официальный сайт Международной организации по миграции* [Электронный ресурс]. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/final-wmr_2020-ru.pdf (дата обращения: 02.02.2021).

⁸ Юлия Флоринская, «Трудовая миграция в Россию на фоне двухмесячного цикла изоляции стран-доноров и самой России в связи с пандемией», *Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития* 114:12, 2020.

⁹ «Hay una mayor representación femenina en la población de trabajadores migrantes», *Informe anual sobre la situación de los migrantes internacionales en el sistema de riesgos del trabajo. Año 2018* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.argentina.gob.ar/noticias/hay-una-mayor-representacion-femenina-en-la-poblacion-de-trabajadores-migrantes-0#:~:text=Seg%C3%BAAn%20el%20Departamento%20de%20Estudios,7%25%20de%20la%20poblaci%C3%B3n%20cubierta.pdf> (дата обращения: 02.02.2021); «Численность и миграция населения Российской Федерации», *Росстат* [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283?print=1> (дата обращения: 02.02.2021); *Anuario Estadístico Migratorio de la Argentina 2020*, Ciudad Autónoma de Buenos Aires, 2021.

Обсуждение

Для России и Аргентины как государств-реципиентов миграционных потоков крайне важно отношение общественности к проводимой миграционной политике. Причина столь важного значения, которое играет миграционная политика в структуре принимаемых государством мер, направленных на развитие государства, состоит в необходимости соблюдения баланса между интересами общества, понимаемых как соблюдение интересов (прежде всего экономических, но также и социальных) гражданина, и интересами экономического развития государства, в котором мигранты играют существенную роль. Нарушение этого баланса в значительной мере обуславливает развитие социальных конфликтов, способных оказывать негативное влияние на устойчивость всей социальной системы.

В связи с изложенным важное место играет тот образ мигранта, который сформирован общественным мнением и который оказывает принципиальное влияние на формирование единого образа мигранта в картине мира каждого конкретного гражданина страны. От того, отрицательный ли это образ или положительный, зависит и отношение общества к проводимой миграционной политике страны.

В рамках научного проекта № 21-011-31096, поддержанного РФФИ и ЭИСИ, творческим коллективом Финансового университета было проведено исследование образа мигранта среди российского студенчества. Проведенное исследование показало возможность выделить следующие образы мигрантов: «Мигрант-достижитель» (позитивный тип), «Вынужденный трудовой мигрант» (нейтральный тип), «Представляющий опасность мигрант» (негативный тип). В соответствии с этой классификацией и будет осуществляться дальнейший анализ.

Для определения образа мигранта в общественном мнении Российской Федерации будет использован результат ряда опросов, проведенных в 2017–2021 гг. Для достижения репрезентативности результата в качестве материала опросов будут использованы результаты опросов как крупных социологических центров (ВЦИОМ и «Левада-Центр»), так и небольших исследовательских компаний, а также интернет-опросы (порталы Superjob, телеграмм-канал «ГлавМедиа»).

Так, проведенный в 2018 г. ВЦИОМ опрос «Иммиграция в Россию: благо или вред?» показал, что миграция — вредное явление, которое несет негативные последствия. Так, около половины опрошенных россиян поддержали высказывание, что миграция усиливает такие социальные проблемы, как рост преступности (51 % опрошенных) и безработицу (49 %). При этом 43 % процента опрошенных рассматривали сам феномен миграции в качестве фактора, негативно влияющего на экономику страны.

В 2019 г. НИИ Социологии по заказу Правительства Москвы был проведен опрос москвичей, посвященный оценке миграционной ситуации в г. Москве и актуальным вопросам миграционной политики. Опрос показал, что ситуацию в Москве респонденты (а опрос проводился среди 7006 респондентов различных возрастов и пола) оценивают как ухудшающуюся — так ситуацию оценили 46,9 % опрошенных. Одновременно большая часть респондентов оценивали ситуацию как ухудшающуюся в связи с увеличением количества иных национальностей, причем в каждой возрастной группе. Так, доля опрошенных, рассматривающих ситуацию как ухудшающуюся, среди граждан 18–24 лет была на уровне 42,7 %, среди граждан в возрасте 25–64 лет — 50 %, среди граждан старше 65 лет — 43,3 %. Значительно больше половины опрошенных вышеперечисленных возрастных групп полагают (75,3, 68,5 и 61,7 % соответственно), что можно обойтись без мигрантов, но в случае, если мигранты все-таки прибывают, то наибольшей поддержкой пользуются мигранты из близких в культурном и религиозном отношении стран — Украины и Молдавии (36,5 %). Негативную реакцию вызывали мигранты из Республик Северного Кавказа и Средней Азии — 49,4 и 46 % опрошенных соответственно. 44,4 % опрошенных

негативно воспринимали мигрантов-мусульман. По итогам опроса специалисты сделали вывод о преимущественно негативном отношении опрошенных к мигрантам (48,6 %) ¹⁰.

Еще более высокий результат по вопросу ограничения притока трудовых мигрантов показал опрос «Ксенофобия и национализм», проведенный организацией «Левада-Центра» в сентябре 2020 г. По данным опроса, в пользу ограничения притока трудовых мигрантов высказались 73 % опрошенных, при этом в пользу введения правовых послаблений в пользу трудовых мигрантов высказался только 11 % респондентов. Одновременно более половины опрошенных (51 %) поддерживают лозунг «Россия — для русских» (против указанного лозунга высказались только 29 %). Измерение уровня социальной дистанции показал, что население страны поддерживает высокую социальную дистанцию в отношении граждан среднеазиатских республик (5,41) и выходцев из Африки (5,47), а также чеченцев (5,21). Относительно низкая социальная дистанция поддерживается в отношении украинцев (4,67) и евреев (4,23) ¹¹.

Аналогичные результаты отношения к мигрантам показывают опросы, проводимые в интернете. Так, согласно опросу портала Superjob, в пользу проведения рестрикционной миграционной политики в отношении малоквалифицированных мигрантов высказалось 52 % респондентов, причем характерно, что люди с более высоким доходом оказались настроены более жестко в отношении мигрантов («за» ограничения — 43 % респондентов среди опрошенных с доходом менее 30 тыс. рублей в месяц; 68 % — с доходом более 60 тыс. рублей в месяц) ¹². Опрос телеграмм-канала «ГлавМедиа» продемонстрировал, что 63 % от принявших участие в опросе испытывают к мигрантам такие чувства, как раздражение, брезгливость, опаску и негодование. Противоположные чувства — жалось, понимание и одобрение — испытывают к ним только 12 % респондентов ¹³.

В соответствии с указанными материалами очевидно, что в настоящее время в Российской Федерации господствует образ, соответствующий третьему типу — «Представляющий опасность мигрант».

Прежде чем перейти к вопросу определения образа мигранта в Аргентине, необходимо уточнить, что в отличие от России, где миграционный вопрос стоит крайне остро, Аргентина — государство, построенное на миграции, поэтому миграционный вопрос стоит в ней не столь остро. Поэтому автору данного исследования не удалось обнаружить такого множества опросов об отношении аргентинцев к мигрантам. Тем не менее обнаруженные исследования позволяют судить об образе мигранта в общественном сознании аргентинцев.

Так, в 2018 г. фондом UADE и агентством Voices было проведено социологическое исследование отношения к мигрантам среди граждан Аргентины. Оно показало, что 60 % опрошенных хорошо относятся к мигрантам (правда, в агломерации столичный район Буэнос-Айрес показатель снизился до 50 %), и только 30 % — негативно. Однако в отношении отдельных групп мигрантов мнение аргентинцев разнится. Так, наиболее положительные отзывы о европейцах (64 %), африканцах (51 %) и боливийцах (52 %). Отрицательное отношение наблюдается к перуанцам и колумбийцам. Вместе с тем около половины опрошенных высказали уверенность в том, что необходимо ограничить миграцию в страну, а 89 % высказались за ужесточение миграционного законодательства ¹⁴.

¹⁰ «Информационно-аналитический отчет о результатах социологического исследования «Мониторинг общественного мнения о миграционной ситуации в столице и актуальных проблемах миграционных процессов», *Официальный сайт Правительства Москвы* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mos.ru/upload/documents/files/7868/Migraciya2019.pdf> (дата обращения: 02.02.2021).

¹¹ «Ксенофобия и национализм», *Официальный сайт «Левада-Центр»* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2020/09/23/ksenofobiya-i-natsionalizm-2/> (дата обращения: 08.08.2021).

¹² «Россияне рассказали об отношении к трудовым мигрантам», *Известия* [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/978606/2020-02-20/rossiiane-rasskazali-ob-otnoshenii-k-trudovym-migrantam> (дата обращения: 25.09.2021).

¹³ Телеграмм-канал «ГлавМедиа» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/glavmedia/1272> (дата обращения: 25.09.2021).

¹⁴ «Inmigración y minorías en la Argentina», *Informes de Opinión Pública — CIS UADE VOICES!* 2018.

В 2020 г. увидел свет «Anuario Estadístico Migratorio de la Argentina 2020» («Статистический ежегодник Аргентины по миграции»), данные которого свидетельствуют о том, что 45 % мигрантов так или иначе сталкивались с опытом дискриминации, обусловленной их статусом. При группировании утвердительных ответов (которые включали такие категории, как «да, когда-нибудь», «да, спорадически», «да, часто» и «да, всегда») выясняется, что 65 % опрошенных людей сталкивались с ситуациями дискриминации из-за своего статуса мигранта и/или этнической и расовой принадлежности, тогда как только 35 % ответили на вопрос отрицательно. Распространенность дискриминации более значительна среди тех, кто указал, что они имеют азиатское (86 %), африканское (83 %) или коренное американское (76 %) происхождение, чем среди тех, кто не признает себя ни в одной из предыдущих категорий (66 %). При анализе опыта дискриминации в отношении гражданства происхождения наблюдается, что европейская миграция (итальянская и испанская) сталкивается с дискриминационными ситуациями в меньшей степени, в отличие от мигрантов из Гаити, Китая, Боливии, Колумбии и Сенегала¹⁵.

Приведенные данные позволяют сделать вывод, что в общественном мнении Аргентины обнаруживается два образа мигрантов — это «Вынужденный мигрант» (нейтральный тип), распространяющийся на мигрантов из Европы, а также ряда стран Латинской Америки, и «Мигрант, представляющий опасность», распространяющийся главным образом на мигрантов из Перу и Колумбии, а также азиатских стран и Африки.

Выводы

Проведенный анализ позволил установить, что образ мигранта, сформировавшийся в Российской Федерации, соотносится с образом мигранта, представляющим опасность. В то время как для Аргентины характерно более тонкое различие. Различные группы мигрантов соотносятся с разными образами. Если для европейцев и представителей более этнически близких для аргентинцев групп мигрантов справедлив нейтральный образ «вынужденного мигранта», то в отношении, к примеру, мигрантов из Перу и Колумбии характерен образ мигранта, представляющего опасность.

Безусловно, приведенные данные являются предварительными и требуют проведения дополнительных исследований с привлечением анализа публикаций СМИ и постов в социальных сетях, что позволит более полно определить тот образ мигранта, который является господствующим, а также динамику его изменения.

Библиография

1. Доклад о человеческом развитии 2020. Следующий рубеж: Человеческое развитие и антропоцен // Официальный сайт Программы развития ООН [Электронный ресурс]. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2020_ru.pdf (дата обращения: 25.09.2021).
2. Доклад ООН о миграции в мире 2020 г. // Официальный сайт Международной организации по миграции [Электронный ресурс]. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/final-wmr_2020-ru.pdf (дата обращения: 02.02.2021).
3. Информационно-аналитический отчет о результатах социологического исследования «Мониторинг общественного мнения о миграционной ситуации в столице и актуальных проблемах миграционных процессов» // Официальный сайт Правительства Москвы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mos.ru/upload/documents/files/7868/Migraciya2019.pdf> (дата обращения: 02.02.2021).
4. Кесслер Г., Вирхилио М. М. ди, Ярошенко С. «Новая бедность» в Аргентине и России: Краткие выводы. Резюме // *Laboratorium*. 2010. № 2. С. 414.

¹⁵ Natalia Debandi, Julieta Nicolao y Ana Paula Penchaszadeh (coord.), *Anuario Estadístico Migratorio de la Argentina 2020*, Ciudad Autónoma de Buenos Aires, 2021.

5. Ксенофобия и национализм // Официальный сайт «Левада-Центр» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2020/09/23/ksenofobiya-i-natsionalizm-2/> (дата обращения: 08.08.2021).
6. Россияне рассказали об отношении к трудовым мигрантам // Известия [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/978606/2020-02-20/rossiiane-rasskazali-ob-otnoshenii-k-trudovym-migrantam> (дата обращения: 25.09.2021).
7. Телеграмм-канал «ГлавМедия» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/glavmedia/1272> (дата обращения: 25.09.2021).
8. Флоринская Ю. Ф. Трудовая миграция в Россию на фоне двухмесячного цикла изоляции стран-доноров и самой России в связи с пандемией // Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2020. Т. 114. № 12. С. 90–94.
9. Численность и миграция населения Российской Федерации // Росстат [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283?print=1> (дата обращения: 02.02.2021).
10. *Debandi N., Nicolao J., Penchaszadeh A. P.* (coord.). Anuario Estadístico Migratorio de la Argentina 2020. Ciudad Autónoma de Buenos Aires: Red de Investigaciones en Derechos Humanos; CONICET, 2021.
11. Hay una mayor representación femenina en la población de trabajadores migrantes // Informe anual sobre la situación de los migrantes internacionales en el sistema de riesgos del trabajo. Año 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.argentina.gob.ar/noticias/hay-una-mayor-representacion-femenina-en-la-poblacion-de-trabajadores-migrantes-0#:~:text=Seg%C3%BAAn%20el%20Departamento%20de%20Estudios,7%25%20de%20la%20poblaci%C3%B3n%20cubierta.pdf> (дата обращения: 02.02.2021).
12. Inmigración y minorías en la Argentina // Informes de Opinión Pública — CIS UADE VOICES! 2018.
13. *Çağlar Ö.* Brain drain in Latin America // Expert Group Meeting on International Migration and Development in Latin America and the Caribbean [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/events/pdf/other/turin/P10_Ozden.pdf (дата обращения: 25.09.2021).
14. *Subbotin A., Aref S.* Brain Drain and Brain Gain in Russia: Analyzing International Migration of Researchers by Discipline using Scopus Bibliometric Data 1996–2020 // MPIDR Working Paper WP 2020-025. 2021. <https://doi.org/10.4054/MPIDR-WP-2020-025>
15. World Economic Outlook Database // International Monetary Fund [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/NGDPDPC@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD> (дата обращения: 25.09.2021).

Elizaveta Golousova¹

CONSTRUCTING THE IMAGE OF RUSSIA BY RT EN ESPAÑOL: HEROES AND ANTI-HEROES (FOLLOWING THE ANALYSIS OF MEDIA CONTENT)

CONSTRUYENDO LA IMAGEN DE RUSIA A TRAVÉS DE RT EN ESPAÑOL: HÉROES Y ANTIHÉROES (SIGUIENDO EL ANÁLISIS DEL CONTENIDO DE LOS MEDIOS)

Abstract: In the framework of the current geopolitical situation and the growing tensions between communication partners, one of the primary tasks for Russia is the formation of a positive image in the global information environment. Being a public diplomacy tool, media are able to convey certain ideas and images to a wide audience and form stable concepts related to the country's perception by larger audiences. In the following study, the author focused on the image of Russia and soft power strategies exhibited by the RT En Español. Having studied a solid empirical basis, that included a significant amount of TV episodes the author came to a conclusion that among the key elements of the soft power strategy used by the RT En Español are promoting alternative views on global affairs, challenging the West's perception of the world, and sharing suspicion towards credibility of the Western values.

Key words: soft power; RT En Español; Latin America; public diplomacy; Russia and Latin America.

Resumen: Considerando la situación geopolítica actual y las crecientes tensiones entre los socios de comunicación, una de las metas principales para Rusia es la formación de una imagen positiva en el entorno de la información global. Al ser una herramienta de diplomacia pública, los medios son capaces de transmitir ciertas ideas e imágenes y formar un concepto estable relacionado con la percepción del país por parte de una audiencia más amplia. En el siguiente estudio, el autor se centró en la imagen de Rusia y las estrategias de poder blando exhibidas por RT En Español. Tras estudiar una sólida base empírica (que incluyó una cantidad significativa de episodios de televisión) el autor llegó a la conclusión de que entre los elementos clave de la estrategia de poder blando utilizada por RT En Español están promover una visión alternativa sobre los asuntos globales, desafiar la percepción del mundo por parte de Occidente y compartir la sospecha hacia la credibilidad de los valores occidentales.

Palabras clave: poder suave; RT En Español; América Latina; diplomacia pública exterior; Rusia y América Latina.

Введение

С изменениями, происходящими в различных сферах жизни нашего общества, модифицируются и подходы к функционированию медиа. Если в прежние эпохи все чаще говорилось об информировании как о главенствующей функции СМИ, то сегодня все большая часть медиа-экспертов обращают внимание на использования СМИ в качестве элемента «мягкой силы». Применительно к медиасистеме можно говорить продвижении

¹ **Elizaveta Golousova**, Russia, Associate Professor, PhD, Department of Journalism, Ural Federal University (lizagolousova@gmail.com).

конкретного имиджа или медиаобраза страны, государства на международной арене посредством задействовании средств массовой информации.

Имидж государства все больше определяет его вес на международной арене, степень влияния в самых разнообразных вопросах, в том числе возможности отстаивания собственных интересов. Поэтому формирование позитивного имиджа России за рубежом является на сегодняшний день одной из важных задач национального масштаба, а политика в этой области становится одним из приоритетных направлений государственной деятельности².

В рамках нашего исследования мы сконцентрируемся на испаноязычной версии канала RT En Español (Actualidad RT), нацеленного прежде всего на латиноамериканскую аудиторную. Внешнеполитические события последних лет привели к тому, что значимость данного региона значительно возросла. В своей работе мы предприняли попытку проанализировать содержание отдельных программ, интервью, посвященных российской тематике, и определить, за счет продвижения каких ценностей осуществляется задача по реализации имиджа России в глобальном информационном пространстве. В качестве эмпирической базы нами были отобраны выпуски трех программ — «Conversando con Correa», «Entrevista» и «La lista de Erick». В качестве методологической базы нами были использованы методы компаративного анализа, мета-анализ и контент-анализ. Всего было проанализировано около 70 выпусков программ и новостных сюжетов. Временной промежуток исследования включал видеоматериалы за 2019 г. и текущий период 2021 г. Данный выбор обусловлен тем, что именно в это время начали происходить глобальные изменения в сфере мировой политики, вместе с тем началась пандемия коронавируса, которая кардинально повлияла на ситуацию на всей планете и коснулась всех сфер человеческой жизни. Мы ориентировались прежде всего на доступность материалов, а также на наличие в сюжетах (фильмах) российской темы либо присутствие прямых или косвенных отсылок к ней.

Относительно подходов к формированию имиджа государства в СМИ, а также применительно к деятельности RT Español, на наш взгляд, корректней будет применять термин «имидж». По мнению экспертов, принципиальное отличие между образом и имиджем состоит в том, что «образ» — это продукт стихийно сложившегося восприятия аудиторией тех или иных качества объекта (в данном случае страны, государства), то «имидж» — результат целенаправленных усилий по формированию определенных характеристик в сознании аудитории³.

Общий имидж страны — это собирательный образ, общепринятые представления о культуре, народе, особенности разных аспектов жизни, а также продвижение ключевых идей, ценностей, достижений различного масштаба (победа на соревнованиях, намерение войти в стратегический альянс, очерк о бытовой составляющей жизни в России и пр.). Учитывая сказанное выше, можно выделить несколько уровней реализации имиджа конкретной страны:

- культурно-исторический (продвижение культурных ценностей, историческое и культурное наследие страны);
- внешнеполитический (официальная позиция российского МИД по внешнеполитическим вопросам);
- научно-технологический (достижения в сфере науки и техники);
- спортивно-развлекательный (достижения в сфере спорта, яркие мероприятия рекреативного характера);

² Илья Лябухов, «Формирование позитивного имиджа Российской Федерации на международной арене: Возможности и потенциал МИД России», *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология* 19:3, 2019.

³ Татьяна Гринберг, «Образ страны или имидж государства: поиск конструктивной модели», *Медиаскоп* 2, 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://mediascope.ru/node/252> (дата обращения: 01.09.2021).

- бытовой (представления о жизни людей, стереотипы о национальном характере, детали повседневной жизни).

RT En Español — история возникновения и развития

Изначально RT был запущен как нишевый новостной канал, а сегодня сеть стала одним из ведущих мировых новостных СМИ. Канал RT (без даты) транслируют 22 спутника и более 230 операторов, вещающих более чем в 100 странах. В настоящее время он состоит из трех глобальных новостных каналов, вещающих на английском, арабском и испанском языках; документального канала RTDoc; онлайн-каналов, вещающих на немецком и французском языках; и недавно созданного информационного агентства RUPTLY. Согласно официальному веб-сайту RT, который цитирует недавнее исследование comScore о потреблении цифрового контента RT (2016), канал «RT лидирует среди неанглосаксонских международных телевизионных новостных каналов во всем мире, опережая Al Jazeera, Deutsche Welle, Euronews и другие с точки зрения компьютерной аудитории во всем мире»⁴. Ссылаясь на другое исследование, проведенное Nielsen (2015), RT утверждает, что входит в тройку самых популярных телевизионных новостных каналов в арабском мире, а также является частью национальных телеканалов в некоторых странах Латинской Америки. Многие иностранные журналисты и медиа-эксперты называют RT «кремлевской пропагандой», однако «спрос на нее активно растет во всем мире — в первую очередь из-за его альтернативной, часто радикально антизападной точки зрения»⁵. Компания призывает зрителей «задавать больше вопросов» и смотреть на основные проблемы с точки зрения альтернативы традиционным западным СМИ»⁶.

RT En Español запустил свое вещание в декабре 2009 г. и имеет представительства в Майами, Нью-Йорке, Вашингтоне, Мехико, Мадриде, Буэнос-Айресе, Каракасе и Гаване. Это испанская версия канала RT (ранее Russia Today), имеющая разные редакции для трансляции новостей на русском, английском, французском, немецком и арабском языках.

По мнению ряда экспертов, несмотря на то, что русский язык не пользуется большой популярностью в Латинской Америке, русскоязычные программы будут иметь свою нишу на всем континенте. Прежде всего, это связано с наличием людей, которые говорят на русском. Более того, присутствие русскоязычных сообществ в разных странах (например, в Аргентине, Бразилии, Уругвае и т. д.) и по всей Латинской Америке также может сыграть значительную роль в повышении интереса к контенту, предоставляемому каналом⁷. В августе 2018 г. число уникальных посетителей RT En Español достигло рекордной отметки 10,5 млн человек. Согласно данным SimilarWeb, испанская версия RT на протяжении нескольких месяцев обходила по посещаемости испаноязычные сайты ряда международных новостных телеканалов — европейских BBC, France 24, Euronews, американского CNN, а также латиноамериканского TeleSur⁸). RT en Español имеет более трех миллиардов просмотров на YouTube, превосходит все международные новостные каналы, вещающие на этом языке. В Facebook RT en Español опережает CNN по количеству подписчиков.

⁴ О канале, Russia Today на русском языке. URL: <https://russian.rt.com/about> (дата обращения: 10.10.2021)

⁵ Natalia Burlinova, “Russian soft power is just like Western soft power, but with a twist”. April 7, 2015, *Russia Direct* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russia-direct.org/opinion/russian-softpower-just-western-soft-power-twist> (дата обращения: 01.09.2021).

⁶ Sidorenko A., “Russia Today: An Alternative View on a Soft Power”. April 18, 2016, *Research paper. Simon Fraser University* [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/28582901/Russia_Today_An_Alternative_View_on_Soft_Power

⁷ Alejandro Sanchez, “The Russian Media in Latin America”, *Research Publications* 4, 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://acc.fiu.edu/research/publications/policy-roundtable-paper-sanchez.pdf> (дата обращения: 01.09.2021).

⁸ “RT на испанском — № 1 среди сайтов международных новостных телеканалов на испанском языке”. 28 сентября 2018, *RT на русском* [Электронный ресурс]. URL: https://russian.rt.com/press_releases/article/558212-rt-na-ispanskom-prosmotry-sait-rekord (дата обращения: 01.09.2021).

С другой стороны, нельзя не затронуть проблему доступности контента, предоставляемого каналом. Например, в у жителей Перу есть только два канала открытого доступа — Cablemas (Channel 102) и Cable Vision (Channel 115). В одной из перуанских газет был опубликован материал, в котором говорилось о том, в стране используются незаконные методы для доставки кабеля пользователям, особенно тем, кто находится за пределами Лимы. Таким образом, трудно оценить, какой процент перуанцев имеют доступ к контенту RT En Español на легальной основе⁹.

Безусловно, серьезную роль в создании качественного медиаконтента играют его непосредственные создатели — журналисты. В настоящее время в штате RT En Español на испанском языке трудится около 200 корреспондентов, в том числе 35 иностранных журналистов. Некоторые из отечественных корреспондентов прошли стажировку за границей. Они прекрасно владеют как минимум двумя иностранными языками — русским и испанским. Например, Мария Старостина обучалась в Папском университете Саламанки (Universidad Pontificia de Salamanca) в Испании, а также окончила магистратуру по направлению «Журналистика» в Папском католическом университете Чили (Pontificia Universidad Católica de Chile). Семен Седерев окончил Университет Алькалы (la Universidad de Alcalá de Henares) в Мадриде и начал работать на RT En Español, и вскоре ему также предложили пост специального корреспондента канала в Гаване. Еще один корреспондент — Борис Кузнецов окончил Лингвистический университет в Москве, а уже в качестве журналиста RT En Español побывал в ряде стран Центральной и Латинской Америки, включая Кубу, Никарагуа, Сальвадор, Коста-Рику и принял участие в работе над документальным фильмом *Los Cinco*¹⁰.

Зарубежные корреспонденты — это представители Испании, Аргентины, Мексики, Венесуэлы, Чили, Эквадора. Многие из них также прошли стажировки за рубежом, владеют рядом иностранных языков. Например, Луис Кастро (ведущий программы «*Cartas sobre la mesa*»), который в 2003 г. переехал в Лондон, где он успел поработать в ряде местных СМИ. Позже он присоединился к производственной группе PressTV, где он отвечал за первые программы Hispan TV¹¹.

Корреспондент и ведущий новостей Гало Фернандес изучал историю в Университете Буэнос-Айреса, через какое-то время переехал в Москву и стал активно осваивать русский язык. На протяжении пяти лет работал в студии русскоязычной версии канала Eurosport. Поскольку Гало прекрасно разбирается в латиноамериканском футболе, то его часто зовут на российские радио и телепередачи в качестве эксперта. Таким образом, можно сказать, что журналисты RT En Español демонстрируют высокий уровень лингвистической компетенции. Не все они имеют журналистское образование, но у большинства их них за плечами опыт жизни в разных странах, адаптации к разным культурам и потому уровень их кросс-культурной компетенции так же высок. Важно отметить, что данный комментарий относится и к представителям других редакций RT — русскоязычной, англоязычной, франкоязычной и пр.

Также необходимо сказать и об особенностях формирования информационного контента. Основные новости представлены в рубриках — *En Vivo* (в эфире), *Noticias*, *Viral*, *Programas*, *Opinion*, *Viral* (видео, которое разошлось по сети и стало популярным), *Opiniones* (мнения), *Multimedia*, *Coronavirus*. Здесь же перечислены программы, которые можно посмотреть в записи. Приведем краткое описание некоторых из них. *Ahi les va* — авторская программа Инны Афиногеновой, посвященная креативному осмыслению текущих событий), *Cartas sobre la mesa* — неформальные дискуссии с экспертами и специалистами с целью услышать их комментарии о текущих событиях), *Conversando con Correa*, *Detras de la Noticia* — авторская программа адвоката и автора известных политических расследований

⁹ Alejandro Sanchez, *Op. Cit.*, p. 11.

¹⁰ “Boris Kusnetsov, corresponsal”, *RT En vivo* [Электронный ресурс]. URL: <https://actualidad.rt.com/equipo/view/94293-boris-kusnetsov> (дата обращения: 01.09.2021).

¹¹ “Luis Castro, Presentador del programa ‘Cartas sobre la mesa’”, *RT En vivo* [Электронный ресурс]. URL: <https://actualidad.rt.com/equipo/view/240701-luis-castro> (дата обращения: 01.09.2021).

Эвы Голинджер, *Deportes en Reportes* — самая свежая информация о том, что произошло в мире спорта с комментариями экспертов, *Entrevista* — интервью с известными личностями (политиками, спортсменами, артистами, писателями и пр.), *En la mira* — обсуждение какой-либо актуальной темы, *RT reportas* — программа об изнанке журналистики, *EE. UU.: Sueños y pesadillas* — в выпусках этой программы журналисты Вирджиния Вальехо и Николас Санчес О’Донован рассуждают о реализации «американской мечты» различными группами иммигрантов из Латинской Америки, *La Lista de Erick* — авторская программа мексиканца Эрика Фонсеки о его жизни в России, *Documentales* — документальные фильмы о жизни людей в самых разных уголках планеты.

Формирование имиджа России на примере программ *Conversando con Correa, Entrevista, La lista De Erick*

Как мы уже отмечали ранее, имидж конкретной страны реализуется за счет фокусирования внимания аудитории на политических взглядах, определенных аспектах жизни, идеях и культурных ценностях. Мы также выделили несколько уровней реализации имиджа — культурно-исторический, внешнеполитический, спортивный, научно-технологический и бытовой. В данной части нашего исследования мы обратимся к контенту трех программ и проанализируем, какие именно ценности и на каком уровне фигурируют в отобранных выпусках. В частности, мы обратимся к выпускам программ *Conversando con Correa, Entrevista* и *La lista De Erick*.

Conversando con Correa («Беседуя с Рафаэлем Корреа») — это программа, в которой ведущий, журналист Рафаэль Корреа приглашает экспертов из самых разных областей — политиков, экономистов, изобретателей, спортсменов. Можно сказать, что данная программа больше сфокусирована на внешнеполитической составляющей имиджа. Так, например, гостем одного из выпусков программы стал известный музыкант и один из основателей легендарной рок-группы Pink Floyd — Роджер Уолтерс¹². Он поделился с ведущим программы своими взглядами на современную ситуацию в мире, в частности свое мнение об американской политике. Роджер признается, что, живя в пригороде Нью-Йорка, он старается не потреблять те информационные продукты, которые предлагаются мейнстримовскими медиа: «*Я бы даже не подумал открыть New York Times или Washington Post, или смотреть CNN, MSNBC, или любые другие бессмысленные каналы, которые транслируются в США*». Не менее ярким и интересным стало интервью с американским режиссером Оливером Стоуном. Стоун — личность уникальная, и не только потому, что это талантливый режиссер, но еще и потому, что, будучи гражданином США, он оспаривает официальную позицию руководства страны. По словам самого Оливера, он стал все больше интересоваться документальными темами. На комментарии ведущего о том, что режиссер может снимать все, что захочет, Стоун отвечает следующим образом: «Если ваши киноленты не приносят много денег, их снимать не будут»¹³ (“*Si no se gana mucho dinero con tus películas críticas, no las harán*”). Затем речь заходит о военных кампаниях в Ираке, Панаме, Афганистане. Режиссер откровенно выражает свое негативное отношение к политическому курсу США. «Мало кто из политиков задается вопросом: “А для чего мы ввязываемся в эти военные кампании?”» Также режиссер отмечает, что среди представителей современной политической элиты США практически нет левых, а есть разные вариации правых, которые воюют друг с другом. Ключевые идеи, которые реализуются в данном интервью, — это необоснованных военные вторжения США на

¹² “Roger Waters a Correa: ‘Quienquiera que gobierne EE.UU., que son oligarcas y plutócratas, no tiene ningún interés en las libertades ni en la libertad’”. 07.05.2020, *RT En vivo* [Электронный ресурс]. URL: <https://actualidad.rt.com/programas/conversando-correa/352395-roger-waters-eeuu-oligarcas-plutocratas> (дата обращения: 01.09.2021).

¹³ “‘Conversando con Correa’: Oliver Stone”, *YouTube* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=GD5mNsRyKlE> (дата обращения: 01.09.2021).

территории других государств, изменения негативного характера в структуре политической власти штатов.

Что касается программы *Entrevista* («Интервью»), то ее гостями становятся известные личности, специалисты в разных областях как из России, так и из-за рубежа. Так, например, в 2021 г. гостями программы стали Сергей Королев, Аида Гарифуллина, Роберто Сальвареза, Сергей Осяйкин, ветеран Второй мировой войны Мария Бодрова (9 мая, 2021), российский космонавт Сергей Залетин (12 апреля, 2021), Татьяна Непомнящая — вице-директор центра «Вектор» (29 марта, 2021), Эдуардо Зуан (18 марта, 2021), Айдан Ишмухаметов (2 марта, 2021), Светлана Захарова — прима Большого театра (19 января, 2021). В частности, в выпуске программы, героем которой стала ветеран Мария Бодрова, поднимается тема исторического наследия и национальных подвигов, героизма молодых ребят и зрелых солдат¹⁴. В интервью с оперной певицей Аидой Гарифулиной речь шла о творчестве, о том, как пережить карантин и как избежать профессионального выгорания и не растерять креативное начало в искусстве¹⁵. Центральная тема данного интервью — искусство и его влияние на нашу жизнь. В целом можно сказать, что журналисты данной программы уделяют внимание самым разным аспектам жизни — историческому, научно-технологическому, творческому.

Ведущий программы *La lista de Eric* («Список Эрика») — мексиканский журналист Эрик Фонсека. Он приехал в Россию, чтобы открыть для себя страну такой, какая она есть — без предрассудков и предрешений. В этой программе он рассказывает о своем опыте жизни в другой стране, делится впечатлениями. Сюжеты, подготовленные Эриком, связаны с организацией быта, культурными стереотипами, московском метрополитене, поездками по России на поезде. Например, в одном из выпусков он повествует о том, как пользоваться московским метрополитеном. По мнению Эрика, это настоящий подземный дворец. Автор не только показывает, как выглядят сами станции, он листает огромный колоритный фотоальбом — хранитель истории метрополитена¹⁶. Еще в одном видео автор говорит о самых необычных отелях столицы. Красивые пейзажи, яркий видеоряд — все это дополняет общую картину и облегчает восприятие информации. В легкой форме автор доносит информацию до аудитории, при этом не пренебрегая правилами построения классического журналистского повествования, попутно сопровождая его объяснениями и историческими справками. Например, говоря о павильоне под названием «Кыргызстан», Эрик поясняет историю его происхождения¹⁷. Среди тем, которым посвящены другие выпуски данной программы, — Московский университет, особенности путешествия по России в поезде, русские девушки (стереотипы и реальность). Также есть отдельные фрагменты о путешествиях по городам России. Можно сказать, что данная программа — это отличный пример реализации культурно-бытовой составляющей имиджа страны.

Выводы

Функционирование RT en Español определенно можно рассматривать как использование «мягкой силы» для продвижения точки зрения российского правительства в Латинской Америке. Среди сильных сторон можно упомянуть исключительную работу репортеров — высококвалифицированных профессионалов, обладающих лингвистическими, межкультурными компетенциями в дополнение к погруженности медиасреду. Еще

¹⁴ “María Bodrova, veterana de la Gran Guerra Patria: ‘Todos estábamos orientados hacia la victoria’”, *YouTube* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OMvyvEctbAM> (дата обращения: 01.09.2021).

¹⁵ “Aída Garifúlina, cantante de ópera rusa: ‘En Argentina sentí como si volviera a mi patria’”, *YouTube* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9AsL76YtLyI> (дата обращения: 01.09.2021).

¹⁶ “El metro de Moscú: un palacio subterráneo | ¿Cómo funciona el metro de Moscú? — La Lista de Erick”, *YouTube* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rI2RjLgR0LI> (дата обращения: 01.09.2021).

¹⁷ “Los hoteles inusuales de Moscú: una nave espacial, un castillo y una casa nómada — La lista de Erick”, *YouTube* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7XXV1EIQrWI> (дата обращения 1.09.2021)

одно явное преимущество — это широкий спектр тем, освещаемых в ходе различных программ.

Однако проблемой остается присутствие других новостных агентств в странах Латинской Америки (BBC Mundo, CNN En Español, Univision, Telemundo, TeleSur), чьи голоса хорошо известны и слышны чаще. Создать информационный продукт, способный конкурировать с уже зарекомендовавшими себя медиа, — задача на ближайшее будущее.

И все же есть основания считать, что программы RT En Español займут свою нишу в Латинской Америке. Прежде всего, это связано с ростом интереса к России у жителей латиноамериканского континента. Есть группы и сообщества людей, увлеченных культурой и историей России, русским языком. Можно также отметить и присутствие русскоязычных сообществ в разных странах (например, в Аргентине, Бразилии, Уругвае и т. д.). Наиболее оптимальным на наш взгляд, вариантом, могло бы стать объединение усилий и совместная работа с образовательными институтами и учреждениями, а также с дипломатическими службами — Casa de Rusia (фонд «Русский дом» в Барселоне), Instituto Cultural León Tolstoi (Институт культуры Льва Толстого) и клубами русского языка, которые существует в самых разных уголках Латинской Америки.

Библиография

1. *Гринберг Т. Э.* Образ страны или имидж государства: поиск конструктивной модели // Медиаскоп. 2008. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://mediascope.ru/node/252> (дата обращения: 01.09.2021).
2. *Лябухов И. В.* Формировании позитивного имиджа Российской Федерации на международной арене: Возможности и потенциал МИД России // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. Т. 19. № 3. С. 14–28.
3. *Burlinova N.* Russian soft power is just like Western soft power, but with a twist. April 7, 2015 // Russia Direct [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russia-direct.org/opinion/russian-softpower-just-western-soft-power-twist> (дата обращения: 01.09.2021).
4. *Sidorenko A.* Russia Today: An Alternative View on a Soft Power. April 18, 2016 // Research paper. Simon Fraser University [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/28582901/Russia_Today_An_Alternative_View_on_Soft_Power (дата обращения 01.09.2021).
5. *Sanchez A.* The Russian Media in Latin America // Research Publications. 2015. Iss. 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://lacc.fiu.edu/research/publications/policy-roundtable-paper-sanchez.pdf> (дата обращения: 01.09.2021).

LA ENSEÑANZA DEL ESPAÑOL COMO LENGUA EXTRANJERA A DISTANCIA: REALIDADES Y NUEVOS DESAFÍOS

ОБУЧЕНИЕ ИСПАНСКОМУ КАК ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ДИСТАНЦИОННОМ ФОРМАТЕ: РЕАЛИИ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

Н. О. Русак¹

ОБУЧЕНИЕ, ОСНОВАННОЕ НА ЧЕЛЛЕНДЖАХ

CHALLENGE BASED LEARNING

Аннотация. Настоящий текст посвящен рассказу о методике обучения предпринимательству, овладению предпринимательскими компетенциями на основе челленджей, опыту коллег из Австрии, адаптации опыта зарубежных коллег в колледжах Санкт-Петербурга. Особое внимание уделяется применению этих методик в условиях дистанционного образования. В статье описано использование данной методики при изучении иностранного языка.

Ключевые слова: обучение иностранному языку, метод челленджей, дистанционное обучение.

Abstract: This text is devoted to a story about the methodology of teaching entrepreneurship, mastering entrepreneurial competencies based on challenges, the experience of colleagues from Austria, and adapting the experience of foreign colleagues in colleges in St. Petersburg. Particular attention is paid to the use of these techniques in distance education. The article describes the use of this technique when learning a foreign language.

Key words: foreign language teaching; challenge method; distance learning.

¹ **Наталья Олеговна Русак**, Россия, старший преподаватель кафедры международного предпринимательства ГУАП (Email: inforusak@mail.ru).

Обучение, основанное на челленджах, представляет собой базу для овладения знаниями при решении реальных конкретных задач. В основе лежит экспериментальный подход к обучению. Структура строится на новаторских идеях.

Данная форма обучения, основанная на челленджах, или задачах/вызовах, возникла в результате проекта «Apple Classrooms of Tomorrow-Today» и была инициирована в 2008 г. компанией Apple Inc. для определения основных принципов проектирования учебной среды XXI в. В 2009 г. New Media Consortium опубликовал результаты первого углубленного исследования проблемно-ориентированного обучения. В данном исследовании приняли участие шесть школ из США, было охвачено семнадцать дисциплин. Результаты оказались впечатляющими, что подтвердило эффективность подхода. В 2011 г. было проведено дополнительное исследование, в котором участвовали школы из трех стран. Исследование еще раз продемонстрировало, что обучение, основанное на челленджах, является эффективным способом вовлечь обучающихся в проектную работу, соответствовать стандартам учебной программы, а также является эффективным и одновременно креативным подходом к овладению необходимыми компетенциями.

Работа строится согласно трем основным этапам, а именно: вовлечение (от абстрактной идеи к конкретной задаче), исследование (планирование, оценка рисков, соответствие академическим требованиям), действия (принятие решений, реализация).

Принципы обучения, основанного на челленджах:

- гибкий подход, возможность интеграции
- масштабируемая модель, возможность начинать с малого и создавать нечто большее
- открытость
- процесс, в котором все участники несут ответственность;
- аутентичная среда;
- соответствие возрастным особенностям;
- связь между академическими дисциплинами и реальным опытом;
- междисциплинарный подход;
- основа для развития компетенций;
- целенаправленное использование новых технологий (цифровых) для исследования, анализа, организации сотрудничества, создание сетевого взаимодействия;
- возможность для учащихся узнать себя;
- среда для размышлений и новаторских идей в преподавании.

В 2018 г. Комитетом по образованию Санкт-Петербурга и Австрийским агентством международного сотрудничества в сфере образования и исследований был инициирован проект «Обучение предпринимательским компетенциям в средних профессиональных учебных заведениях». В рамках проекта коллег из Санкт-Петербурга познакомили с методикой, основанной на использовании челленджей. Данные челленджи были разработаны специально для обучения предпринимательским компетенциям начиная со средней школы. Разработчиком является австрийский профессор Йоханнес Линднер (Initiative for Youth Entrepreneurship, IFTE). Он также является руководителем Центра обучения предпринимательству на базе Педагогического университета Вены/Кремса.

Челленджи разработаны согласно уровню сложности, по аналогии с учебными пособиями для изучения иностранного языка (уровни в соответствии с международной классификации А, В, С).

Челлендж представляет собой очень гибкую методику. Преподаватель решает сам, какие части или шаги он будет использовать в работе с учащимися. Он имеет право менять содержание, так как челлендж представляет собой некую матрицу, которую мы наполняем тем материалом, который необходим согласно преподаваемой дисциплине. В работе над челленджами приветствуется междисциплинарный подход, что позволяет расширить их применение. Для учителя и для учащихся по каждому челленджу разработаны пакеты материалов. Для учителя этот пакет материалов представляет собой пошаговую

инструкцию, учитывающую количество часов, необходимых для прохождения всего челленджа. Особое внимание уделяется аспекту оценивания. Подразумевается, что работа оценивается не только учителем, но и учащимися. Они учатся объективно оценивать свою работу и оценивать других. Работа над челленджем предполагает достаточное количество времени на самостоятельную работу обучающегося. В период пандемии данная форма работы зарекомендовала себя как продуктивная. При всем на первый взгляд нестандартном подходе, результаты такой формы обучения весьма высокие. В Австрии челленджи интегрированы в образовательную программу средних профессиональных учебных заведений. В Санкт-Петербурге также появилась такая практика работы. Ряд колледжей включили в образовательную программу данную методику работы. Данный подход можно очень эффективно использовать на уроках обучения иностранным языкам.

Например, челленджи *Storytelling Challenge*, *Hero Challenge*, *Start Your Project Challenge* могут быть использованы на занятиях со студентами как языковых вузов, так и со студентами непрофильных вузов, поскольку материал легко можно адаптировать.

Данная методика требует от преподавателя гибкости, готовности к экспериментам, открытости и креативности. Результаты применения данной методики показывают высокую заинтересованность со стороны обучающихся. Работа может быть индивидуальной, в парах и главное в командах. Отдельный аспект — развитие умения работать в команде.

Со всеми челленджами, представленными в рамках проекта в Санкт-Петербурге, можно ознакомиться на портале www.youthstart.eu. Материалы доступны для просмотра и скачивания, возможен выбор языка (английский, немецкий, французский).

Библиография

1. *Классы Apple завтрашнего дня — сегодняшнее обучение в XXI веке*. Купертино, Калифорния: Apple, Inc., 2008.
2. *Джонсон Л., Адамс, С. Обучение на основе челленджей (вызовов): отчет по проекту внедрения*. Консорциум новых СМИ, 2011.

**O BRASIL CONTEMPORÂNEO EM
PERSPECTIVA:
SOCIEDADE, POLÍTICA E CULTURA**

**CONTEMPORARY BRAZIL IN PERSPECTIVE:
SOCIETY, POLITICS AND CULTURE**

Rodrigo Freire de Carvalho e Silva, Monique Cittadino¹

**ATUALIZAÇÃO DO PENSAMENTO ANTICOMUNISTA
MILITAR NO BRASIL DA NOVA REPÚBLICA:
OS RELATÓRIOS DE INFORMAÇÃO PRODUZIDOS PELO
GENERAL SÉRGIO COUTINHO NO CIE**

**UPDATING MILITARY ANTICOMMUNIST THINKING IN NEW
REPUBLIC BRAZIL: THE INFORMATION REPORTS
PRODUCED BY GENERAL SÉRGIO COUTINHO AT CIE**

Resumen: Brasil vive ahora una ocupación de puestos civiles por parte de los militares a niveles nunca vistos desde la redemocratización, superando la imagen de soldados alejados de la participación política. Estos militares asumen un discurso de derecha que evoca la tradición anticomunista presente en las Fuerzas Armadas a lo largo del siglo XX. En este artículo analizamos documentos elaborados por el general Sérgio Coutinho en el CIE de 1989, que pueden entenderse como una actualización del anticomunismo militar para la “Nueva República”, comparándolos con la orientación ideológica del discurso militar en el Brasil contemporáneo.

Palabras clave: República de Brasil; crisis de la democracia; relaciones cívico-militares; anticomunismo.

Abstract: Brazil is now experiencing an occupation of civilian posts by the military at levels never seen since the redemocratization, overcoming the image of soldiers removed from political

¹ **Rodrigo Freire de Carvalho e Silva**, Brasil, co-autor, Professor Associado de Ciência Política na Universidade Federal da Paraíba (UFPB) (rfreirecs@hotmail.com).

Monique Cittadino, Brasil, co-autora, Professora Titular de História na Universidade Federal da Paraíba (UFPB) (monique@garibaldijpa.com.br).

participation. These soldiers assume a right-wing discourse that evokes the anti-communist tradition present in the Armed Forces throughout the 20th century. In this article we analyze documents prepared by General Sérgio Coutinho in the 1989 CIE, which can be understood as an update of military anti-communism for the “New Republic”, comparing them with the ideological orientation of the military discourse in contemporary Brazil.

Key words: Republic of Brazil; crisis of democracy; civil-military relations; anti-communism.

Entre as muitas alterações provocadas pelo governo Bolsonaro em matéria de orientação de políticas públicas e de padrão de governança, destaca-se o retorno dos militares a cargos-chaves do governo federal, ocupando posições que, desde o fim da ditadura militar, seguiam sendo ocupadas pelos civis. Segundo Nozaki², passavam dos seis mil o número de militares cedidos para cargos civis no governo federal em 2020. Tal ocupação da administração pública civil é reflexo direto da retomada de um padrão de intervenção direta dos militares brasileiros na política, seja através de pronunciamentos públicos, do lançamento de candidaturas militares em eleições ou de participação em campanhas de terceiros, até o limite da ameaça às instituições democráticas, cujo ponto de partida foi o *twitter* publicado pelo comandante do Exército, general Villas Boas, na véspera do julgamento pelo STF de um recurso apresentado pela defesa do ex-presidente Lula, em 2018, ocasião em que Lula liderava as pesquisas eleitorais para a disputa presidencial daquele ano.

As declarações de militares sobre o cotidiano da política, sobretudo a partir da década de 1990, partiam principalmente — apesar de não exclusivamente — de militares da reserva, destacando-se, nesta seara, o Clube Militar, organismo de militares da reserva do Exército, localizado no Rio de Janeiro. Entre os observadores das relações civis-militares, entretanto, prevalecia a compreensão expressa pelo antropólogo Celso Castro no início dos anos 2000: “o Clube Militar não deve ser considerado, em tempos recentes, órgão representativo dos militares da ativa em assuntos de natureza política”³.

Entretanto, tal comportamento progressivamente passou a ser observado também entre os oficiais da ativa, se intensificando durante o primeiro governo da presidenta Dilma Rousseff⁴. Entre os fatores que impulsionaram tal situação, pode-se destacar a instalação da Comissão Nacional da Verdade, em novembro de 2011, dedicada à construção de uma memória sobre a ditadura que não correspondia à versão que segue sendo sustentada pelos militares, que tratam o golpe de Estado de 1964 como uma “revolução democrática” que salvou o país “da corrupção e do comunismo”. Estes objetivos “revolucionários”, segundo a narrativa militar, justificariam os abusos e graves violações de direitos humanos cometidas por agentes do Estado naquele período, imbuídos que estariam numa “guerra revolucionária” contra o “inimigo interno subversivo”, tal como preconizava a Doutrina de Segurança Nacional formulada desde os anos 1950 na Escola Superior de Guerra (ESG), fortemente influenciada pelas escolas militares francesa e norte-americana⁵.

Tal retorno dos militares à política, intervindo no debate político-partidário e ocupando maciçamente cargos dos governos que normalmente seriam dedicados aos civis, não mais corresponde, portanto, à narrativa disseminada, até poucos anos, tanto no campo político — à direita e à esquerda — como na literatura acadêmica especializada de que, particularmente após a promulgação da Constituição de 1988, as Forças Armadas brasileiras teriam, em regra, se comportado de acordo com seu papel constitucional, como instituição de Estado, distante das disputas político-partidárias. Conforme a cientista política Maria Celina D’Araújo⁶, tal perfil

² William Nozaki, “A Militarização da Administração Pública no Brasil: projeto de nação ou projeto de poder?” *Caderno da reforma administrativa*, n. 20. Brasília, 2021.

³ Celso Castro, *A invenção do Exército Brasileiro*, Rio de Janeiro, 2002, p. 65.

⁴ Marcelo Godoy, “Soldados influenciadores: os guerreiros digitais do bolsonarismo e os tuítes de Villas Boas”, em João Roberto Martins Filho (ed.), *Os militares e a crise brasileira*, São Paulo, 2021, p. 53–69; Piero C. Leiner, *O Brasil no espectro de uma guerra híbrida*, São Paulo, 2020.

⁵ Rodrigo Freire de Carvalho e Silva e Monique Cittadino, “Lei de Segurança Nacional (LSN): enclave autoritário e regressão democrática no Brasil de Bolsonaro”, em Cristiane Brandão Augusto et. al. (ed.), *Novas Direitas e genocídio no Brasil*, São Paulo, 2021, p. 117–131.

⁶ Maria Celina D’Araújo, *Militares, democracia e desenvolvimento: Brasil e América do Sul*, Rio de Janeiro, 2010.

profissional assumido pelas Forças Armadas estava relacionado não apenas ao respeito à nova ordem política instalada pela Constituição Federal de 1988, mas ao arrefecimento da ideologia anticomunista no meio militar, possibilitado pelo fim da Guerra Fria, bem como com a reorganização das relações civis-militares no Brasil a partir do governo de Fernando Henrique Cardoso, com a criação da Comissão Especial sobre Mortos e Desaparecidos Políticos (1995), do Ministério da Defesa (1999) e da Comissão da Anistia (2002). A participação política dos militares, a partir de então, ainda segundo D'Araújo, teria particularmente se direcionado à defesa dos seus temas corporativos, como a disputa pelo incremento do seu orçamento e pela modernização do seu arsenal, mas também a preservação do “pacto de silêncio” representado pela Lei da Anistia (Lei 6.683/1979), que garantiu a não punição dos agentes do Estado que cometeram violações de direitos humanos durante a ditadura militar.

Nas eleições de 2018, houve ampla adesão de militares à candidatura presidencial de Bolsonaro, que apresentou como candidato a vice um general reformado, Hamilton Mourão que, ainda quando na ativa, durante o governo de Dilma Rousseff, notabilizou-se pelas suas declarações políticas de cunho autoritário⁷. Merece destaque, entretanto, que a adesão militar à candidatura Bolsonaro não pode ser simplesmente entendida apenas como um movimento próprio de uma disputa eleitoral, onde eleitores escolhem candidatos da sua preferência no silêncio das urnas. O que se tem observado no discurso destes militares que retornam à disputa político-partidária cotidiana é uma identificação *ideológica* com as posições tradicionalmente assumidas por Bolsonaro.

Ou seja, concordamos com o jornalista Marcelo Godoy quando afirma que, nas três décadas que se seguiram à promulgação da atual Constituição, “as Forças Armadas se retraíram do campo político, mantendo uma atuação de baixa intensidade em defesa de sua visão sobre seu papel na história recente do país. O objetivo era a manutenção de relações cordiais com os ocupantes do Poder Civil”⁸. Godoy segue correto quando afirma que esta postura retraída não representara uma mudança da visão das Forças Armadas sobre seu papel durante a “Revolução de 1964” e a ditadura, o que justificaria o corporativismo referido por D'Araújo em matéria da Lei da Anistia e das suas conseqüências. Entretanto, a identificação ideológica desses militares com Bolsonaro vai muito além do corporativismo castrense. Nada mais parece justificar a impressão de D'Araújo de que “terminada a ditadura e com a conseqüente queda do muro de Berlim, (...) o comunismo perdera legitimidade como inimigo”⁹ para as Forças Armadas. Em oposto, o anticomunismo reapareceu vivo e *repaginado* no discurso dos militares que retornaram a intervir no debate político-partidário e chegaram ao governo com Bolsonaro.

Este reaparecimento está bem representado no depoimento biográfico prestado pelo general Villas Boas a Celso Castro¹⁰, pautando temas que se fizeram tradicionais nos “pronunciamentos militares” — orais ou efetivos, na forma de *pitches* — que marcaram a maior parte do Brasil no século XX: o combate à “corrupção” (própria do mundo civil, e da qual as Forças Armadas estariam preservadas, num sinal de superioridade moral); a defesa da competência e da superioridade técnica dos militares sobre os civis; o alinhamento ao chamado “mundo livre” cristão-ocidental e aos seus valores; além do anticomunismo. A estes valores, que contribuíram para conformar a identidade social dos militares brasileiros — e do Exército em particular — no século XX¹¹, Villas Boas acrescenta novos temas, como: a sugestão de que, por trás da presença da chamada “Igreja Progressista” e de ONGs ambientalistas e indigenistas na Amazônia, estariam potências estrangeiras interessadas em sobrepujar a soberania nacional sobre aquele território e; a crítica ao chamado “politicamente correto”, associado à defesa das pautas identitárias, em fina sintonia com o conservadorismo em matéria de costumes que também caracterizou a ditadura militar. Como se ou vivêssemos uma espécie de “Guerra Fria 2.0”, os temas vocalizados por Villas Boas voltaram a aparecer em conferências e declarações públicas de militares e em “ordens do dia” lidas em

⁷ Piero C. Leiner, *Op. cit.*

⁸ Marcelo Godoy, *Op. cit.*, p. 64.

⁹ Maria Celina D'Araújo, *Op. cit.*, p. 117.

¹⁰ Celso Castro, *General Villas Boas: conversa com o comandante*, Rio de Janeiro, 2021.

¹¹ Celso Castro, *Op. cit.*, 2002.

quartéis, que também retomaram o costume, discretamente abandonado durante a década de 1990¹², de comemorarem datas que representam marcos do anticomunismo militar do século XX, como o 31 de março de 1964 e a derrota da chamada “Intentona Comunista” no Rio de Janeiro, em 27 de novembro de 1935.

Tudo indica, portanto, tal como sugere Leiner¹³ de que esta ideologia de base autoritária que ora reaparece no discurso público dos militares, fortemente influenciada pela doutrina da “guerra revolucionária”, não foi suplantada durante o período em que eles assumiram uma posição “profissional”. Em contrário, ela estava *latente*, distante do grande público, mas disseminada entre a “família militar” e, também, nos currículos das suas escolas de formação e publicações oficiais. A Biblioteca do Exército, por exemplo, durante a década de 2000 — ou seja, durante o período em que os militares se dedicavam ao “profissionalismo” e ao “abstenseísmo político” -, publicou uma série de livros intitulada “Historia Oral do Exército”, com depoimentos de oficiais protagonistas da ditadura militar defendendo aquele regime. No mesmo período, a Biblioteca do Exército também publicou livros de autores identificados com pautas conservadoras ou de extrema-direita.

Dentre estes, destacamos o general Sérgio Augusto de Avellar Coutinho, que pioneiramente sustentou em obras como “Cenas da Nova Ordem Mundial” e “A Revolução Gramscista no Ocidente”, publicadas pela Biblioteca do Exército nas décadas de 2000 e 2010, teses como o combate ao chamado “gramscismo cultural”, uma suposta nova estratégia do “movimento comunista internacional” para impor sua hegemonia no Ocidente. Como é sabido, estas teses atingiram o grande público nacional através do multimídia de extrema-direita Olavo de Carvalho. Elas estiveram presentes, entretanto, nos Relatórios Periódicos Mensais (RPM), escritos e assinados, durante todo o ano de 1989, pelo general Coutinho, na condição de chefe do Centro de Informações do Exército (CIE)¹⁴. Naquele mesmo ano, o general Coutinho escreveu outros documentos, como o Relatório Anual de Informações (RAI) N° 07/1989, intitulado “Atividades dos Movimentos Populares (M Pop)”¹⁵, e o Relatório Especial de Informações (REI) N° 04/1989, com o título de “O comunismo no Brasil hoje”¹⁶, que analisavam a atuação das esquerdas e dos movimentos populares sob a perspectiva anticomunista própria da doutrina da “guerra revolucionária”. Em todos estes documentos, entretanto, a preocupação do general Coutinho era de apresentar a feição atualizada do movimento comunista brasileiro, naquele quadrante histórico de reconstrução da democracia.

Não é demais lembrar que estamos falando do ano de 1989, quando o Brasil já vivia sob a égide da Constituição Federal de 1988 que, ao menos sob o ponto de vista institucional, findara a transição para a democracia no Brasil e que, sob esta nova ordem democrática, a atuação dos partidos de esquerda – incluindo os dois partidos comunistas, o PCB e o PCdoB – e dos movimentos populares era garantida por lei. Tampouco é demasiado recordar que, durante a ditadura militar, o CIE teve um papel decisivo na repressão aos adversários políticos do autoritarismo, estando por isso mesmo envolvido com inúmeros casos de graves violações de direitos humanos, com destaque para a chamada “Casa da Morte”, centro clandestino de tortura e extermínio que mantinha em Petrópolis (RJ), onde foram assassinados vários militantes que hoje constam das listas dos “desaparecidos políticos”¹⁷.

¹² Ibid.

¹³ Piero C. Leiner, *Op. cit.*

¹⁴ No artigo “Recordações Inúteis” (disponível na internet no endereço <https://olavodecarvalho.org/recordacoes-inuteis/>), publicado no seu blog em 2012, Olavo de Carvalho quer fazer entender que as teses presentes no seu livro *A Nova Era e a Revolução Cultural*, de 1993, inspiraram o general Coutinho a escrever os livros *A Revolução Gramscista no Ocidente* e *Cadernos da Liberdade*, da década de 2000. Ocorre que o general Coutinho já expressava as teses presentes nestes livros nos relatórios que escreveu para o CIE em 1989.

¹⁵ Consta do documento BR_DFANBSB_V8_MIC_GNC_AAA_90073733_d0001de0003, do acervo do Arquivo Nacional na internet.

¹⁶ Consta do documento BR_DFANBSB_V8_MIC_GNC_AAA_90073996_d0001de0001, do acervo do Arquivo Nacional na internet.

¹⁷ *Relatório da Comissão Nacional da Verdade*, Brasília, 2014.

No RPM 02/89¹⁸, de fevereiro de 1989, o general Coutinho afirmou que, distanciado das disputas eleitorais presidenciais daquele ano, o Exército deveria manter-se “voltado para o preparo profissional com vistas às suas missões Constitucionais”, às quais interpretava da seguinte forma:

A destinação constitucional das Forças Armadas inclui, além da defesa da Pátria, a garantia dos poderes constitucionais, da lei e da ordem, missão que lhes é atribuída historicamente em todas as Constituições da República. (...) Por estas razões de forte calor cívico, o Exército Brasileiro tem sido o fator decisivo que tem impedido a tomada de poder por minorias ideológicas totalitárias de inspiração marxista-leninista.

É certo que a Constituição de 1988 incluiu entre as missões constitucionais das Forças Armadas a garantia “da lei e da ordem”, o que aparece no seu artigo 142, escrito sob forte pressão do *lobby* militar na Assembléia Constituinte. Expressão de evidente teor subjetivo, a missão constitucional da “garantia da lei e da ordem” foi interpretada pelo general Coutinho sob o signo da doutrina da “guerra revolucionária”: em plena vigência da ordem constitucional democrática, caberia aos militares combater o comunismo. Na leitura do general Coutinho, portanto, o artigo 142 da Constituição de 1988 findava por atar definitivamente esta Carta Democrática com a tradição anticomunista que marcou as Forças Armadas durante o século XX. Não à toa, a defesa de “intervenções militares” — em bom português, de golpes militares, — que seriam supostamente autorizadas pelo artigo 142 da Constituição, tem figurado como uma recorrência nas manifestações de extrema-direita no Brasil contemporâneo.

Nas apreciações feitas pelo general Coutinho durante o ano de 1989, o combate ao comunismo seguia mês a mês aparecendo como uma missão central do Exército. Assim, os partidos comunistas tradicionais — PCB, PCdoB e MR-8 — continuavam sendo acompanhados de perto pelo CIE. Não custa lembrar que, naquele momento, o PCB e o PCdoB eram partidos legais, tendo obtido seu registro no TSE em 1985. O MR-8, apesar de manter uma estrutura organizativa própria, atuava dentro do PMDB, partido pelo qual apresentava candidatos às eleições. Em 1989, o PCB lançou um candidato à Presidência da República, o deputado Roberto Freire (PE), e o PCdoB apoiava a candidatura de Lula da Silva (PT) para o mesmo cargo. O CIE também acompanhava a atuação dos comunistas nos movimentos populares, e sua relação com países do mundo do socialismo real — a URSS no caso do PCB, e a Albânia para o PCdoB. Entretanto, em diversos RPMs estas organizações comunistas são apresentadas como fragilizadas, e incapazes de serem bem sucedidas nos seus intentos revolucionários. Assim, argumentava o general Coutinho,

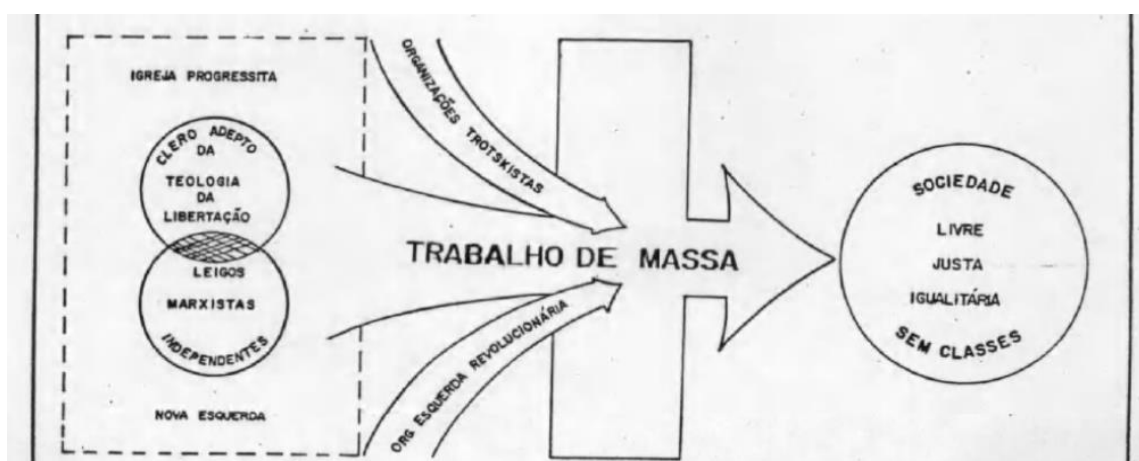
conhecer essa situação é dever profissional prioritário de todo militar pertencente às Forças ... Armadas, que têm por missão constitucional da defesa da Pátria, a garantia dos poderes constitucionais, da lei e da ordem, vale dizer, da Segurança Interna e Externa. É dever profissional conhecer a *nova feição da guerra revolucionária* [o grifo é nosso] que passa despercebida por não estar ligada aos partidos comunistas tradicionais, nem atrelada aos conhecidos pólos de irradiação do .comunismo¹⁹

Neste cenário, a atenção e a preocupação central do general Coutinho se direcionava à por ele chamada “Nova Esquerda”.

Já no RPM 01/89, de janeiro de 1989, o recado é claro, e aparece na primeira página do documento, em letras garrafais: “A NOVA ESQUERDA CONDUZ O PROCESSO REVOLUCIONÁRIO”.

¹⁸ Consta do documento BR_DFANBSB_2M_0_0_0044_v_02_d0001de0001, do acervo do Arquivo Nacional na internet.

¹⁹ Ibid.

Reprodução de figura integrante do RPM 01/89

Na caracterização feita pelo general Coutinho, o

resultado da aliança de parte do clero, católico e protestante, identificada com a teologia da ... libertação, e dos leigos marxistas independentes (não estruturados em OS [Organizações Subversivas]), constituiu a auto intitulada “Igreja Progressista”, que nada mais é senão a “NOVA ESQUERDA”. Seu propósito é (...) criar o reino de Deus na terra, isto é, por meio de transformações radicais das estruturas vigentes, alcançar uma sociedade dita ‘livre, justa e igualitária, enfim, uma ²⁰.’ sociedade sem classes

Fruto da infiltração marxista/comunista no clero católico – mas também no protestante -, a teologia da libertação, que se difundiu pela América Latina e pelo Brasil em particular na década de 1970, seria um eficaz instrumento “do Processo Revolucionário”, segundo o general Coutinho. Por trás deste processo, figurariam as idéias do teórico que, ao juízo do general Coutinho, havia trazido as principais inovações da práxis marxista-leninista, o italiano Antônio Gramsci.

A Teologia da Libertação pode ser enquadrada na estratégia gramsciana para domínio da religião pelos marxistas pois, em síntese, ela é uma doutrina política, disfarçada de crença religiosa. (...) Assim como a religião é redefinida pelos teóricos da libertação, a arte é transformada, os livros são reinterpretados e os currículos são retificados. As escolas e as universidades são tomadas de assalto pelos teóricos marxistas, transvestidos [sic] de educadores²¹

Associados aos teólogos da libertação, os exilados, retornados ao Brasil com a Anistia de 1979, teriam também sido responsáveis pela atualização da práxis revolucionária brasileira a partir da influência de Gramsci:

inspirados e influenciados quando da sua estada no estrangeiro pelos pensamentos do ideólogo ... italiano Antônio Gramsci, considerado, depois de Lênin, o maior teórico do marxismo, passaram a buscar o domínio das instituições culturais e de educação. Pretendiam, assim, criar uma contra-hegemonia social, viabilizando as transformações que permitiriam a conquista do poder e a modificação da estrutura vigente²².

Inicialmente, merece destaque as referências feitas pelo general Coutinho à pretensa “tomada de assalto” das escolas, universidades e demais espaços de produção da cultura pelos marxistas, como parte de uma estratégia revolucionária de novo tipo, inspirada em Gramsci, de conquistar pacificamente a hegemonia na sociedade. É direta a relação deste tipo de interpretação feita pelo general Coutinho com a cruzada ideológica da extrema-direita contemporânea contra o chamado

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid.

²² Ibid.

“gramscismo cultural”, presente no governo Bolsonaro e em outros ambientes políticos similares, como a chamada *alt-right* dos EUA.

Juntando religiosos progressistas, intelectuais marxistas independentes e organizações marxistas de diversos matizes, como os remanescentes da luta armada e os trotskistas, a chamada “Nova Esquerda”, no dizer do general Coutinho, encontraria sua expressão num partido, o PT, e em organizações da classe trabalhadora que com ele guardavam relações políticas, como a CUT e o MST. Neste sentido, seguindo o repertório clássico da doutrina da “guerra revolucionária”, o PT é apresentado pelo general Coutinho como um inimigo a ser combatido pelas Forças Armadas, no cumprimento da sua “missão constitucional de garantia da lei e da ordem”.

O PT apresenta características nitidamente revolucionárias, podendo ser considerado, na atualidade, como a mais importante expressão do Movimento Comunista Brasileiro. (...) Embora seja difícil uma previsão de como o partido se comportará, face às características do ano em curso, a projeção é de que ele se transforme em um partido de massas, com um conteúdo nitidamente classista e de composição majoritariamente operário (proletariado urbano e rural). Sendo marxista-leninista e, conseqüentemente, revolucionário, o PT poderá provocar a ruptura institucional (...) radicalizando o processo político através de ações insurrecionais, tendo no movimento sindical e no movimento dos trabalhadores rurais sem terra os instrumentos de sua ação²³

A CUT, por isso mesmo, é apresentada como “o braço armado da ‘Nova Esquerda’”, cuja estrutura violenta “só se manifestará no momento da ‘ruptura’”. Entretanto, os líderes deverão estar sendo preparados previamente e exercitados nos confrontos grevistas, nos conflitos da terra e nos distúrbios civis.”²⁴ Ou seja, as greves e manifestações patrocinadas pela CUT, em 1989 já praticadas sob o *status* de direito constitucional, eram consideradas pelo general Coutinho como atos preparatório para a ruptura institucional revolucionária armada, praticada pela “Nova Esquerda”.

Nestes termos, o general Coutinho concluiu no último dos seus relatórios produzidos em 1989 (o RPM 11-12/89) que

O PT não é um partido políticos nos moldes da concepção democrática. Não visa participar do processo político normal, com alternância de governantes e partidos. Visa, como partido de classe (luta de classes), a conquista do poder ditatorial. (...) O PT é filho da ‘Velha Esquerda’, possuindo igualmente um caráter marxista-leninista, em tudo semelhante aos partidos comunistas tradicionais, dos quais a agremiação sempre buscou desvincular-se²⁵

Por isso, afirmava o general Coutinho:

não há pontos passíveis de convergência entre o ideário petista — marxista, leninista, radical e ... internacionalista — e os valores cultuados pelas Forças Armadas — democráticos, nacionais, moderados e cristãos — em perfeita consonância com o pensamento majoritário da Nação Brasileira. uma instituição nacional permanente [como as Forças Armadas], cuja força repousa na coesão (...) moral de seus integrantes, sabe, conforme aprendeu em 1935, que lhe custará muito caro permitir .que se lhe rompam seus valores

Assim, o general Coutinho constrói uma precária associação entre o PT e o levante comunista de 1935, e finda por concluir que o combate ao PT, como organização revolucionária comunista, fazia parte da missão constitucional das Forças Armadas de garantir a lei e a ordem e de preservar a “segurança interna e externa”, previstas “historicamente em todas as Constituições da República”.

A afirmação de Leiner, referindo-se ao Brasil contemporâneo, sob re-emergência da extrema-direita como ator político relevante, de que “o anti-comunismo dos anos 1930-1970 se desdobrou em anti-petismo”, igualmente pode caracterizar, portanto, a tentativa de atualização da ideia de “inimigo interno” e da “doutrina da guerra revolucionária” feita pelo general Coutinho ainda em

²³ Ibid.

²⁴ Ibid.

²⁵ Ibid.

1989. Leiner seguiu adiante na sua frase e afirmou que, atualmente, o anticomunismo também se desdobra “em anti-ambientalismo, anti-onguismo, anti-identitarismo etc.”²⁶, certamente se remetendo a discursos militares contemporâneos como o do general Villas Boas, supra-citado.

Ocorre que a preocupação com a atuação de missionários religiosos e ONGs nacionais na Amazônia em favor das pautas ambientalistas e indigenistas também faziam parte do repertório ideológico preconizado pelo general Coutinho nos RPMs que escreveu para o CIE em 1989. No RPM 02/89, ele preocupou-se em denunciar que o desenvolvimento de “áreas potencialmente ricas do território brasileiro” vinha sendo obstaculizado por “entidades voltadas para a ‘preservação do meio ambiente’ e dos ecologistas dos mais diversos matizes, amplamente respaldados pelos Meios de Comunicação Social”.²⁷ Ou seja, as ONGs e a imprensa, assumindo as pautas ambientais, também eram caracterizadas pelo general Coutinho como adversárias em potencial do Exército — logo, da Nação — no ambiente de “guerra revolucionária”. Neste sentido, afirmava:

diversos órgãos de comunicação social, nacionais e internacionais, têm se esmerado em difundir ... notícias fundadas em temas da Amazônia (...). As mais veiculadas dizem respeito às ‘queimadas’, à preservação da floresta, aos problemas de posse da terra, à necessidade de se proteger as populações indígenas (...). Causa estranheza a preocupação de estrangeiros com o assunto. O ímpeto dos ataques e a convergência de esforços sobre as queimadas, cuja conseqüência seria o agravamento do chamado efeito estufa’)...(e a necessidade de preservação da floresta, com base na teoria da ‘fábrica de ‘oxigênio’, dão a muitas pessoas a impressão de que, de fato, há um complô internacional em andamento, com objetivos não muito definidos, e onde se poderia inserir o polêmico debate sobre ²⁸.uma pretensão de se internacionalizar a região

Chama a atenção que o autor do relatório fez questão de colocar entre aspas expressões como “queimadas” e “efeito estufa”, pondo em descrédito sua validade empírica. Trata-se, portanto, de uma postura negacionista contra evidências científicas já consagradas em 1989, e relacionadas à devastação ambiental, numa postura que não pode deixar de ser comparada com o atual momento de pandemia da covid-19, quando o negacionismo se faz presente tanto nos movimentos de extrema-direita como em setores expressivos dos próprios militares brasileiros.

O movimento indígena também é considerado como parte do “complô internacional em andamento”, e ridicularizado pelo general Coutinho, que contesta a “pureza” da identidade cultural destes índios:

deve-se ser destacado ainda a desenvoltura com que se passou a usar a denominação de Nação para ... tribos de índios já um tanto quanto ‘aculturados’ e cujos guerreiros ostentam como vestimenta básica vistosos ‘shorts’, nos quais se pode identificar as três listras de conhecida empresa alemã de material ²⁹desportivo

Igualmente impressiona como a caracterização feita pelo general Coutinho, em 1989, do histórico da presença do Exército na Amazônia, e da importância desta presença para a conquista daquele território e para sua incorporação em definitivo ao território nacional – repercutindo, mais uma vez, o mito do Exército como fundador da nação brasileira – guarda correspondência com a narrativa que o general Villas Boas fez sobre o mesmo assunto.³⁰

Claro está que não é esta a única influência do pensamento do general Coutinho, formulado no início da chamada “Nova República”, no pensamento militar contemporâneo. As pautas trazidas por ele nos seus relatórios para o CIE durante o ano de 1989 são hodiernamente reproduzidas por oficiais de diversas patentes, mas com evidente destaque aos generais, e muito além do general Villas Boas, como se pode perceber a partir do acompanhamento do debate político cotidiano.

²⁶ Piero C. Leiner, *Op. cit.*, p. 31.

²⁷ Consta do documento BR_DFANBSB_2M_0_0_0044_v_02_d0001de0001, do acervo do Arquivo Nacional na internet.

²⁸ *Ibid.*

²⁹ *Ibid.*

³⁰ Celso Castro, *Op. cit.*, 2021.

Fazer avançar um pensamento militar compatível com um ambiente democrático e com o respeito inequívoco aos direitos humanos ainda é tarefa pendente da sociedade brasileira, sendo um desafio posto às novas gerações.

Bibliografia

Arquivos:

1. Consta do documento BR_DFANBSB_V8_MIC_GNC_AAA_90073733_d0001de0003, do acervo do Arquivo Nacional na internet.
2. Consta do documento BR_DFANBSB_V8_MIC_GNC_AAA_90073996_d0001de0001, do acervo do Arquivo Nacional na internet.
3. Consta do documento BR_DFANBSB_2M_0_0_0044_v_02_d0001de0001, do acervo do Arquivo Nacional na internet.

Fontes:

1. Freire de Carvalho e Silva, Rodrigo e Monique Cittadino, “Lei de Segurança Nacional (LSN): enclave autoritário e regressão democrática no Brasil de Bolsonaro”, em Cristiane Brandão Augusto e outros (ed.), *Novas Direitas e genocídio no Brasil*, São Paulo, Tirant Lo Blanch, 2021, p. 117–131.
2. D’Araújo, Maria Celina, *Militares, democracia e desenvolvimento: Brasil e América do Sul*, Rio de Janeiro, FGV Editora, 2010.
3. Castro, Celso, *General Villas Boas: conversa com o comandante*, Rio de Janeiro, FGV Editora, 2021.
4. *Relatório da Comissão Nacional da Verdade*, Brasília, CNV, 2014.

ИБЕРОАМЕРИКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

IBEROAMERICA IN THE MODERN WORLD: PROSPECTS FOR SOCIO-ECONOMIC AND POLITICAL DEVELOPMENT

М. В. Андреева¹

НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ ПО ИСПАНОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: О ПРОШЛОМ И БУДУЩЕМ ИСПАНОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА МИРОВОЙ АРЕНЕ

THE NOBEL PRIZE IN SPANISH-SPEAKING LITERATURE: ON THE PAST AND FUTURE OF SPANISH-LANGUAGE LITERATURE ON THE WORLD STAGE

Resumen: El informe se centra en una revisión de la historia del premio Nobel de literatura y de los autores hispanohablantes que lo han otorgado. Dado que la tendencia absoluta del Premio es premiar a escritores de Europa y Estados Unidos, los autores iberoamericanos se mantienen al margen sin recibir una posible popularización. Esta elección limita sustancialmente el arsenal del Premio, evitando que los lectores de todo el mundo centren su atención en la literatura hispana entre toda la riqueza literaria mundial. En el informe se examinan 11 casos de premios Nobel otorgados por autores de España y América Latina, la historia de estas victorias (o fracasos inesperados) y una breve descripción de cada uno de los autores premiados, así como las posibles razones y el contexto socio-cultural o político acompañante que han determinado la elección del Comité Nobel, que condujeron a la simpatía a favor de uno de los autores o, por el contrario, al rechazo, a pesar de la condición general de favorito.

Palabras claves: el premio Nobel, la literatura Iberoamericana.

¹ Андреева Мария Вадимовна, Россия, студентка МГУ им. М. В. Ломоносова (andreewa.mw@gmail.com).

Abstract: This paper provides an overview of the history of the Nobel Prize for Literature and the Spanish-speaking authors who have been awarded it. Since the absolute tendency of the Prize is to award writers from Europe and the United States, Ibero-American authors are left out, without receiving possible publicity. Such a choice considerably limits the arsenal of the Prize, preventing readers worldwide from turning their attention to Spanish-language literature among the world's literary wealth. The paper examines the eleven cases of nominations in which authors from Spain and Latin America have been awarded the Nobel Prize, the history of these victories (or unexpected failures) and a short description of each of the authors awarded, as well as the potential reasons and the accompanying socio-cultural or political context which have determined the choice of Nobel Committee, which led to favouring one of the authors or, conversely, aversion, despite the overall status of the favourite.

Key words: Nobel Prize; Ibero-American literature.

Нобелевская премия по литературе — пожалуй, самое громкое культурное событие мирового масштаба, однако именно это делает каждый выбор Нобелевского комитета предметом многочисленных споров. Почти каждый год при объявлении нового победителя на всех причастных к номинированию обрушивается критика, и обвинения эти не в последнюю очередь затрагивают главную тенденцию, идущую с самой первой премии, выданной в 1901 г.: абсолютное большинство получивших Нобелевскую премию — выходцы из Европы или Соединенных Штатов, и подобная «европоцентричность» немало ограничивает не только разброс жанров и тем произведений мировой литературы, что могли бы быть удостоены читательского внимания, но и не дает читателям из других стран познакомиться с новыми именами из совершенно незнакомых им культур вследствие стоящего между ними языкового барьера. Нобелевская премия же часто становится инструментом популяризации культур тех или иных стран, поскольку выводит на международный уровень «главные лица, внесшие вклад в мировую литературу». Из 117 премий лишь 11 из них были присуждены испаноязычным авторам.

Галерея имен, возможно, нуждается в представлении. Пятеро из них — выходцы из Испании: Хосе Эчегарай, в 1904 г. разделивший премию с Фредериком Мистралем из Франции; Хасинто Бенавенте-и-Мартинес, который в 1922 г. был награжден Нобелевской премией как реформатор испанского кинематографа, самый уважаемый испанский драматург-новатор первой половины XX в.; Хуан Рамон Хименес, признанный в 1956 г. одним из влиятельнейших испанских поэтов авангардистов и неоромантиков и, будучи андалузцем, навсегда изгнанный из страны из-за Гражданской войны 1936–1939 гг.; Висенте Алейсандре — поэт-хамелеон, одно из главных имен литературного сюрреализма и представитель группы «Поколение 27 года», благодаря которому наградили всех ее членов в 1977 г.; Камило Хосе Села — лауреат Нобелевской премии 1989 г. как самый неоднозначный и злободневный писатель, один из самых плодовитых и разносторонних испанских авторов.

Остальные шестеро — представители Латинской Америки: Габриела Мистраль (Чили), в 1945 г. удостоенная Нобелевской премии как первый представитель из Латинской Америки и первая женщина из иberoамериканского пространства; Пабло Неруда (Чили), который в 1971 г. был признан, со слов Маркеса, «величайшим поэтом XX в. на любом языке», чья книга «Двадцать поэм любви и одна песня отчаянья» считается самой читаемой в истории поэзии; Мигель Анхель Астуриас (Гватемала), признанный в 1967 г. одним из писателей так называемого «латиноамериканского бума» шестидесятых наряду с Габриэлем Гарсиа Маркесом и Марио Варгасом Льосой и являющийся родоначальником метода «магического реализма» в литературе, с чьим именем связывают великое пробуждение латиноамериканской литературы; Габриэль Гарсиа Маркес (Колумбия) — важнейший латиноамериканский автор XX в., выдвинувший испаноязычную литературу на поистине мировой уровень и ставший лауреатом Нобелевской премии в 1982 г.; Октавио Пас (Мексика) — эссеист, переводчик и дипломат, возрождавший испаноамериканскую лирику после упадка модернизма и награжденный премией в 1990 г.; Марио Варгас Льоса (Перу),

удостоенный Нобелевской премии в 2010 г., является одним из ярких представителей «бума латиноамериканской литературы» и одним из самых именитых современных писателей.

Столь малое число лауреатов кажется немыслимым для испанского языка, который является, по оценкам разных ученых, четвертым самым распространенным языком в мире, что свидетельствует о богатейшей литературной традиции, идущей еще с начала зарождения культуры на Пиренейском полуострове.

Среди причин, объясняющих столь малый выбор испаноязычных авторов, можно назвать «европоориентированность» Нобелевского комитета, отдающего предпочтение европейским или американским авторам (в первой трети XX в. было много авторов-скандинавов). Это понятно: комитет существует в западной историко-культурной традиции, и особенности менталитета и языковая картина мира немало влияют на выбор лауреатов, поскольку согласуются с культурными ценностями членов комитета (которые также являются представителями Шведской королевской академии наук, Каролинского института и Шведской литературной академии). Возможно, «южный» ибероамериканский менталитет чуть более чужд скандинавам.

Однако тенденция последних десятилетий показывает отход от этих ориентиров: литературный критик Галина Юзефович отмечает, что «ключевое понятие для Нобелевской премии по литературе на протяжении последних сорока лет — это “разнообразие”: теперь она призвана показывать миру литературу во всем ее причудливом — гендерном, национальном, культурном, жанровом, стилистическом, идейном и прочем — богатстве»².

Другая причина, которую многие критики считают чуть ли не основополагающей для премии, — идеологические соображения. Некоторые исследователи, в частности Петр Львович Вайль, американский и советский журналист, полагают, что, например, один из главных испаноязычных писателей XX в. Хорхе Луис Борхес, будучи «вечным номинантом», не стал Нобелевским лауреатом из-за несовпадения политических взглядов с «левой» линией комитета: якобы комитет не смог простить Борхесу, хоть и признавали его величие как писателя, «что он нанес визит Пиночету, пожимал ему руку и хвалил за то, что он сокрушил коммунистов»³.

Наконец, немаловажным препятствием является и языковой барьер, во многом закрывающий путь к новым именам не только для читателей, но и для самих писателей ввиду специфичных правил номинирования, из-за которых многие крупные литераторы не попадают даже в первичный список номинаций.

Но даже среди получивших премию есть немало имен, вызывающих споры и среди ибероамериканских читателей: кого-то считают переоцененным (вроде Хосе Эчегарая), кого-то (Камило Хосе Села) отмечают среди самых неоднозначных выборов Нобелевского комитета из-за противоречивого, даже провокативного характера произведений. Порой даже сами лауреаты говорят о том, что есть и более достойные имена: так, Хименес, награжденный в 1956 г., в своей речи утверждал, что Нобелевской премии должен был быть удостоен Федерико Гарсиа Лорка — величайший испанский поэт и драматург, одна из ярчайших личностей испанской культуры XX в., чьей смерти в 1936 г. во время Гражданской войны (точнее, расстрела как неблагонадежного с позиции франкистов) испанцы не могут простить себе до сих пор.

Так или иначе, вклад награжденных писателей в популяризацию испаноязычной литературы неоценим, и в условиях современной глобализации задача Нобелевской премии — не столько «поспевать за тенденциями» и авторской популярностью, сколько открывать рядовому читателю новые имена литературы, доселе неизвестные и скрытые от него языковым барьером.

² Галина Юзефович, «Почему никто не любит Нобелевских лауреатов по литературе». 2017, *Meduza* [Электронный ресурс]. URL: <https://meduza.io/feature/2017/10/02/pochemu-nikto-ne-lyubit-nobelevskih-laureatov-po-literature> (дата обращения: 24.04.2021).

³ Леонид Радзиховский: Голливуд «заставляет» двигаться все Человечество, *Российская газета*, 20.02.2013. URL: <https://rg.ru/2013/02/21/premii.html> (дата обращения: 10.10.2021)

Библиография

1. *Юзефович Г.* Почему никто не любит Нобелевских лауреатов по литературе. 2017 // Meduza [Электронный ресурс]. URL: <https://meduza.io/feature/2017/10/02/pochemu-nikto-ne-lyubit-nobelevskih-laureatov-po-literature> (дата обращения: 24.04.2021).
2. «Друзья говорили — не читай Борхеса!» [Интервью с Маркосом Рикардо Барнатаном] // Лаборатория Фантастики [Электронный ресурс]. URL: <https://fantlab.ru/article377> (дата обращения: 24.04.2021).
3. *Monera V.* Premios Nobel de literatura en español. 2018 // Divinas Palabras [Электронный ресурс]. URL: <https://www.victoriamonera.com/premios-nobel-de-literatura-en-espanol/> (дата обращения: 24.04.2021).
4. Nomination Archive // The Nobel Prize [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nobelprize.org/nomination/archive/> (дата обращения: 24.04.2021).

А. М. Киселев¹

РОССИЙСКО-МЕКСИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: 130 ЛЕТ СОТРУДНИЧЕСТВА И ПАРТНЕРСТВА

RELACIONES RUSO-MÉXICANAS: 130 AÑOS DE COOPERACIÓN Y ASOCIACIONES

Аннотация. В 2020 г. дипломатическим отношениям между Россией и Мексикой исполнилось 130 лет. В настоящее время наблюдается период углубления многопрофильного двустороннего сотрудничества. Примечательно, что партнерство развивается многообещающими темпами, даже несмотря на пандемию COVID-19. В статье рассматривается текущее состояние отношений между Россией и Мексикой. Дается краткий обзор двусторонним связям в дипломатической, экономической, гуманитарной, культурной и иных областях. Представлен имеющийся потенциал двух стран, из которого выходит, что перспектива взаимоотношений не исчерпала себя, а скорее только находится на начальном этапе. Цель статьи — выявить объективные взаимные интересы России и Мексики и оценить эффективность и масштабы двустороннего взаимодействия на уровне официальных лиц, бизнеса и общества.

Ключевые слова: Россия, Мексика, сотрудничество, международные отношения, двусторонние контакты.

Abstract: En 2020, las relaciones diplomáticas entre Rusia y México cumplieron 130 años. En la actualidad hay un período de profundización de la cooperación bilateral multidisciplinaria. En particular, la asociación se está desarrollando a un ritmo prometedor, incluso a pesar de la pandemia de COVID-19. El artículo examina el estado actual de las relaciones entre Rusia y México. Se ofrece una breve reseña de las relaciones bilaterales en las esferas diplomática, económica, humanitaria, cultural y de otra índole. Se presenta la capacidad existente de los dos países, de la cual resulta que la perspectiva de la relación no se ha agotado, sino que solo se encuentra en una etapa inicial. El objetivo del artículo es identificar los intereses mutuos objetivos de Rusia y México y evaluar la efectividad y el alcance de la interacción bilateral a nivel de las personas oficiales, las empresas y la sociedad.

Palabras clave: Rusia; México; cooperación; relaciones internacionales; contactos bilaterales.

Отношения с Мексикой, как в составе Латинской Америки, так и в более широком контексте, имеют для России особое значение. На протяжении уже более чем 130 лет с момента их официального создания (11 декабря 1890 г.) они имели постоянное обогащение, и сумели накопить бесценный опыт взаимного общения. Россия и Мексика всегда стремились построить дружбу, которая не требовала, чтобы мексиканцы или русские отказались от своей идентичности.

Россия и Мексика сотрудничали в ожесточенной борьбе с фашизмом во время Второй мировой войны и совместно работали на благородном поприще построения послевоенного мира и создания ООН.

Москва всегда уважала независимую линию Мехико в мировых делах, то есть последовательную поддержку мексиканцами уважения суверенитета и территориальной целостности государств, невмешательства и самоопределения народов. Мы высоко ценим инициативу Мексики по созданию первой в мире зоны, свободной от ядерного оружия, которая охватывала Латинскую Америку и Карибский бассейн в соответствии с Договором

¹ **Киселев Андрей Михайлович**, Россия, студент, Институт международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет (andryushka.kiselev.1999@mail.ru).

Тлателолько, подписанным в феврале 1967 г. Также не забываем другие инициативы Мексики в региональных и глобальных вопросах. Например, создание группы Контадоры, которая впоследствии была преобразована в группу Рио.

Конечно, времена менялись, что требовало дополнительной настройки двустороннего сотрудничества. Российская Федерация стала независимым государством после распада Советского Союза. В 1994 г. Мексика стала участником Североамериканского соглашения о свободной торговле (North American Free Trade Agreement, NAFTA) и встала на путь демократизации своих политических и социальных институтов. В сентябре 2018 г. США, Мексика и Канада достигли соглашения заменить NAFTA соглашением USMCA (United States — Mexico — Canada Agreement). Последнее вступило в силу 1 июля 2020 г. Тем не менее взаимная привлекательность между двумя странами осталась, как общее и бесценное наследие².

Исходя из этого, мы построили новую основу российско-мексиканского сотрудничества, базирующегося на общих принципах, ценностях и общей политической философии, основанной на защите и утверждении национального суверенитета, соблюдении международного права, включая принципы невмешательства во внутренние дела других стран, верности многосторонней дипломатии и балансу интересов в международных отношениях, а также укрепления международной безопасности и стабильности.

Для российской внешней политики отношения с Мексикой имеют собственную ценность. Россия не рассматривает их через призму геополитических интересов, а строит сотрудничество на деидеологизированных основаниях; не направляет их ни против кого. Наша страна также понимает ценность того, чтобы не ставить партнеров перед дилеммой, подобной доктрине Монро: решать, на чьей они стороне.

Опираясь на эти принципы, мы добились значительного прогресса в расширении наших связей. Визит президента Владимира Путина в Мексику в 2004 г. дал двусторонним контактам значительный импульс. Традиционно существенными являются контакты между МИД России и Мексики. Так, в феврале 2020 г. состоялся визит Сергея Лаврова в Мексику, а в апреле 2021 г. с ответным визитом Москву посетил министр иностранных дел Мексики Марсело Эбрард. По итогам последней встречи российский министр иностранных дел подтвердил, что у России и Мексики есть общее желание и стремление углублять политический диалог, наращивать торгово-экономические и научно-технические связи, расширять культурные и гуманитарные обмены, совершенствовать договорно-правовую базу. Помимо этого, ведется активный диалог на уровне парламентов, высших судебных органов, центральных избирательных комиссий и учреждений исполнительной власти. Были поставлены задачи по налаживанию партнерских отношений, развитию торгово-экономических связей, увеличению объема инвестиционных проектов и активизации культурных и гуманитарных контактов.

Центральное место в двусторонней политической повестке дня занимают ключевые вопросы глобальной и региональной безопасности, борьбы с международным терроризмом и сотрудничества по вопросам, затрагивающим все человечество, таким как изменение климата и повышение экономической стабильности. Мексиканские партнеры демонстрируют конструктивную позицию в важных направлениях: укреплении доверия в космосе, невмешательстве в космическое пространство, международной информационной безопасности и предотвращении возвышения нацизма. Достаточно продуктивно наше сотрудничество на международной арене, в частности в рамках таких форумов, как АТЭС и G20. Одной из таких площадок российско-мексиканского диалога выступил саммит G20, проходивший в Мексиканском городе Лос-Кабос, летом 2012 г.

² Торговля между Россией и Мексикой в 2020 г. // Внешняя торговля России [Электронный ресурс]. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2021-02/torgovlya-mezhdu-rossiy-i-meksikoy-v-2020-g/> (дата обращения: 27.09.2021).

Вышеизложенное не означает, что не существует разногласий по определенным вопросам современной международной жизни. Мы встревожены тем, что некоторые крупные глобальные игроки стремятся ликвидировать институты глобального управления (ВТО, ОПЕК, Совет по правам человека, ЮНЕСКО, Парижское соглашение и т. д.), которые в качестве средств конкуренции используют политические меры, санкции и ограничения (в частности, используя статус доллара как универсальной платежной единицы) и, вопреки уважению национального суверенитета, обуславливают свое участие в программах развития готовностью страны-получателя следовать указаниям донора.

Мы с уважением относимся к позиции каждой страны, если эта позиция независима, последовательна, основана на анализе реальной ситуации и учете интересов других сторон и открыта для открытых дискуссий. Мы готовы аргументировать наши подходы к проблемам радикального антиядерного движения и договора о запрещении ядерного оружия, к либеральным подходам к мировой проблеме наркотиков и различным оценкам в области прав человека.

Сегодня Мексика является одним из основных торговых партнеров России в Латинской Америке и Карибском бассейне. По данным за 2019 г., двусторонняя торговля составила 2,58 млрд долларов США; в 2020 г. товарооборот России с Мексикой составил 2,16 млрд долларов США, уменьшившись на 16,62 % (429 млн долларов США) по сравнению с 2019 г. Однако такое незначительное падение товарооборота объясняется объективными причинами, связанными с пандемией COVID-19.

Разрабатываются крупные и амбициозные инвестиционные и инфраструктурные проекты. Мексика является ведущим иностранным оператором российского самолета Sukhoi SuperJet 100; в стране насчитывается 22 единицы этой модели. Так, мексиканская бюджетная авиакомпания InterJet полностью перешла на использование российских авиалайнеров Sukhoi SuperJet 100 в период пандемии COVID-19. Это дало значительный импульс двусторонним деловым контактам в целом. Кроме того, российские вертолеты приобрели хорошую репутацию на мексиканском рынке и используются в спасательных операциях, а также в борьбе с организованной преступностью и незаконным оборотом наркотиков.

Важную роль играет сотрудничество в области производства электроэнергии. В 1990-х гг. Россия участвовала в строительстве мексиканских гидроэлектростанций «Агуамильпа» и «Уитес». Открываются широкие перспективы в нефтяной отрасли. Российская нефтяная компания ПАО «Лукойл» расширяет свое присутствие в данной стране.

Активность мексиканских инвесторов на российском рынке также растет. Примерами этого являются мексиканская фирма Nemark, открывшая в 2015 г. в Ульяновской области завод по производству автомобильных компонентов, и Gruma International Foods, запустившая в 2017 г. предприятие по производству пищевых продуктов. Это конкретные и интересные проекты, которые нуждаются в поддержке. Потенциал для торговли и инвестиций далеко не исчерпан. Есть перспективы дальнейшего развития сотрудничества в области авиации, судостроения и морского машиностроения, энергетики, автомобильного производства, химической и фармацевтической промышленности, железнодорожного транспорта и сельского хозяйства.

Для реализации всех этих проектов необходимо стимулировать прямые контакты между предпринимателями обеих стран, в том числе в рамках крупных экономических форумов и ярмарок.

О высокой степени доверия между нашими странами говорит тот факт, что 3 февраля 2021 г. Федеральная комиссия по защите от рисков для здоровья Мексики (COFEPRIS) одобрила российскую вакцину от коронавируса «Спутник V» в рамках процедуры разрешения на экстренное использование без дополнительных клинических испытаний в стране. В конце апреля РФПИ сообщил о вакцинации «Спутником V» в Мексике 1 млн человек. По данным МИД РФ, Россия к этому времени успела поставить в страну не менее

900 тыс. доз вакцины. Мексика стала первым государством Северной Америки, которое зарегистрировало и начало производство «Спутника V».

Гуманитарные и научные связи расширяются, а туристические потоки между нашими странами растут. Резонансным событием последних лет стало проведение в Мехико масштабной выставки полотен Василия Кандинского. Большой интерес российской публики вызвали выставки работ Фриды Кало и Диего Риверы в Москве и Санкт-Петербурге (2018–2019). В рамках программ культурного сотрудничества регулярно проводятся дни культуры России и Мексики, выступления ведущих мастеров искусств, выставки и презентации российских и мексиканских музеев, научные конференции, кинофестивали.

Символическим отражением дружеского характера наших отношений стало прибытие сборной Мексики по футболу и тысяч мексиканских болельщиков на чемпионат мира по футболу, который проходил в России в 2018 г. Они принесли с собой не только веселое настроение и красочные шляпы, но и дружбу и уважительное отношение, которые всегда характеризовали контакты между Мексикой и Россией.

Для дальнейшего развития сотрудничества перед нами стоят большие задачи. Необходимо совершенствовать правовую базу. Мы убеждены, что одним из важнейших двусторонних соглашений должно стать установление взаимного безвизового режима для граждан двух стран.

Российско-мексиканские отношения имеют прочную основу, лежащую на общих ценностях, серьезных проектах на будущее и взаимном желании обеспечить преемственность в укреплении сотрудничества. Для этого есть политическая воля и материальные ресурсы.

Особенно важно отметить, что в ближайшие годы предпосылок к ослабеванию контактов, за исключением трудностей, вызванных пандемией COVID-19, не наблюдается.

Взаимодополняемость российско-мексиканского сотрудничества, несомненно, принесет результаты, которые выйдут за рамки двусторонних отношений, и будет способствовать установлению более демократичного мирового порядка, готового противостоять вызовам современного мира.

Библиография

1. Мексиканские Соединенные Штаты. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/mx/> (дата обращения: 27.09.2021).
2. Визит в Мексику 7–8 июня 2004 г. // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/trips/45524> (дата обращения: 27.09.2021).
3. *Кравченко Е.* Итоги саммита G20 в Лос-Кабосе: Европе предложено самой решать свои проблемы. 20.06.2012 // Ведомости [Электронный ресурс]. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2012/06/20/sammit_g20_v_loskabose_itogi_podvedeny (дата обращения: 27.09.2021).
4. Торговля между Россией и Мексикой в 2020 г. // Внешняя торговля России [Электронный ресурс]. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2021-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-meksikoju-v-2020-g/> (дата обращения: 27.09.2021).
5. Несмотря на всплеск в России, Мексика получила новую партию «Спутника V» // Newsland [Электронный ресурс]. URL: <https://maxpark.com/user/4298184701/content/7480298> (дата обращения: 27.09.2021).

Sofia Kerimova¹

DIPLOMACIA DIGITAL EN AMÉRICA LATINA: EXPERIENCIA, PROBLEMAS, PERSPECTIVAS

DIGITAL DIPLOMACY IN LATIN AMERICA: EXPERIENCE, PROBLEMS, PERSPECTIVES

Resumen: El informe se centra en la diplomacia digital latinoamericana, que actualmente se encuentra en estado insuficiente de estudio. La autora analiza la evolución de la diplomacia digital en la región, sus fortalezas y debilidades y las perspectivas de desarrollo en el mundo, donde los componentes digitales y tecnológicos juegan un papel cada vez más importante.

Palabras clave: diplomacia digital; America Latina.

Abstract: The report focuses on Latin American digital diplomacy, which is currently in an insufficient state of study. The author analyzes the evolution of digital diplomacy in the region, its strengths and weaknesses, and the prospects for development in the world, where digital and technological components play an increasingly important role.

Key words: digital diplomacy; Latin America.

Significado del término “diplomacia digital”

La vida en el siglo XXI es imposible imaginarla sin la existencia de Internet. La revolución científica y técnica le ofreció al mundo la oportunidad de intercambiarse de información rápida y eficientemente. De acuerdo con la estadística para enero de 2021, 4.66 mil millones de personas (el 59.5 % de la población del planeta) se sirven de Internet² que viene sustituyendo los medios de intercambio de información tradicionales: televisión, periodismo, radio. La omnipresencia de Internet y de las tecnologías de información y de comunicación la sienten los mandatarios de los países del mundo. Asimismo, los ministerios de asuntos exteriores perciben su eficacia y empiezan a crear sus propias estrategias de aplicar las tecnologías modernas. En general, el surgimiento de estas estrategias es un fenómeno relativamente nuevo en el bloque de la diplomacia pública y se llama la diplomacia digital.

Este término, mayormente en la literatura anglosajona, se usa juntamente con otros términos: “internet diplomacia”, “net diplomacia”, “e-diplomacia”, “diplomacia 2.0”, “Twiplomacia” etc. La diplomacia digital implica la interacción de los diplomáticos con la opinión pública extranjera sin utilizar los canales oficiales de información a través de las redes sociales (Twitter, Facebook, VK, TikTok, Instagram, Telegram etc). Además, significa la presencia y el funcionamiento de las páginas web diplomáticas oficiales.

Finalmente, sin duda, la diplomacia digital va de la mano con el llamado “poder blando” (soft power) del Estado que sirve para persuadir a otros Estados usando métodos sutiles evitando el empleo de métodos de fuerza.

¹ **Sofia Kerimova**, Rusia, estudiante de Instituto Estatal de Relaciones Internacionales de Moscú (sofiia.kerimova@yandex.ru).

² “Number of internet and social media users worldwide as of April 2023 (in billions)”, *Statista* [Recurso electrónico]. URL: <https://www.statista.com/statistics/617136/digital-population-worldwide/#:~:text=As%20of%20January%202021%20there,the%20internet%20via%20mobile%20devices> (consultado el 24.09.2021).

Si tratáramos de unir los enfoques presentados, la definición más correcta sería la del politólogo estadounidense F. Hanson³: es “el uso de la red mundial y de nuevas tecnologías para facilitar la realización de la política exterior”.

Evolución de la diplomacia digital en el mundo

Los primeros en usar la diplomacia digital fueron Estados Unidos bajo George W. Bush, con la creación del Equipo Digital de Divulgación (Digital Outreach Team) que se ocupaba de divulgar la posición oficial del Estado sobre varias cuestiones a la opinión pública. Luego, bajo en mandato de B.Obama y de su política de 'engagement' (lit. involucramiento), el gobierno se empeñó en usar la diplomacia digital persiguiendo sus objetivos y, en mayor parte, influyendo en la juventud. Así, apoyó los movimientos juveniles ilegales en los países autoritarios (Libia, Irán, Colombia) y desacreditó los movimientos extremistas (Al-Qaeda, Talibán). Estos dos mecanismos provocaron el crecimiento de protestas antigubernamentales y dieron lugar a la llamada “Primavera Árabe”, las extensas manifestaciones desde Sudán hasta Bielorrusia. Al darse cuenta del potencial peligroso de la diplomacia digital, EE.UU. continuó su política con más cuidado.

En este aspecto, uno de los mandatarios más influyentes ha sido Donald Trump, ex-presidente de EE.UU., que popularizó la diplomacia digital y Twitter en particular durante su estadía en la Casa Blanca. Se considera uno de los políticos más 'productivos' al respecto de Twitter, ya que desde el inicio de su mandato presidencial publicó más de 60 mil entradas en esta red social⁴. Sin embargo, su actividad excesiva le costó demasiado, ya que el 8 de enero de 2021 su cuenta en Twitter fue bloqueada para siempre⁵.

El ejemplo de EE.UU. lo heredaron otros Estados y actores no gubernamentales, creando así una red de interacciones de los servicios diplomáticos en Internet. Se inventan nuevas formas de intercambio de datos (“big data”) y del trabajo conjunto para perfeccionarlas, transmitiendo el bien común del mundo virtual al mundo real.

Ante la pandemia del COVID-19 que trasladó la parte de la vida humana en el mundo digital, no cabe duda que la diplomacia digital se hace cada vez más potente.

Evolución de la diplomacia digital en América Latina

No es un secreto que Latinoamérica es la región única tanto desde los puntos de vista político, económico y cultural, como desde los de la digitalización.

Debido a la proximidad geográfica de la región a EE.UU., que fue pionero de la diplomacia digital, América Latina vino acumulando su experiencia. Así, en 1980-1990 fue México que examinó las tecnologías del recién nacido Internet. Una serie de universidades mexicanas tomaron parte en la elaboración del sistema informático NSFNET (National Sciences Foundation Network)⁶. Al fomentarlo en 1989, se creó el primer nombre de dominio *edu.mx*, que hasta ahora sigue siendo utilizado por el sistema de enseñanza superior mexicana. Para aquel entonces, Internet solo había aparecido en Alemania y Francia. Jorge de Jesús López Almejo, científico destacado en la esfera de la diplomacia digital mexicana, subraya que el período cuando de entre todos los países latinoamericanos solo había Internet en México, marcó el inicio de la diplomacia digital en la región⁷.

³ Fergus Hanson, *Revolution @State: The Spread of Ediplomacy*. Lowy Institute, March 2012, p. 3.

⁴ “Отвлекает, забалтывает: раскрыт секрет твитов Трампа”. 11.11.2020, *Gazeta.ru* [Recurso electrónico]. URL: https://www.gazeta.ru/science/2020/11/11_a_13356529.shtml (consultado el 27.09.2021).

⁵ “Permanent suspension of @realDonaldTrump”. 08.01.2021, Twitter [Recurso electrónico]. URL: https://blog.twitter.com/en_us/topics/company/2020/suspension.html (consultado el 25.09.2021).

⁶ “A Brief History of NSF and the Internet”. 2003, *National Scientific Foundation* [Recurso electrónico]. URL: https://www.nsf.gov/news/news_summ.jsp?cntn_id=103050 (consultado el 26.09.2021).

⁷ José de Jesús López Almejo, “Diplomacia digital y su vigencia en las relaciones internacionales”, *Norteamérica, Revista Académica Del CISAN-UNAM* 4:2, 2009, p. 195–204 [Recurso electrónico]. URL: <https://www.revistanorteamerica.unam.mx/index.php/nam/article/view/30> (consultado el 25.09.2021).

Otros estados latinoamericanos siguieron el ejemplo de México, y en los años siguientes adquirieron sus nombres de dominio Puerto Rico, Chile, Brasil, Argentina, Venezuela, Ecuador etc⁸.

A pesar de los comienzos exitosos, el acceso a Internet sigue siendo disparaje. Según los datos de la CEPAL (Comisión Económica para América Latina y el Caribe), el acceso a Internet lo tiene solo el 54.4 % de la población de la región, con su mayoría en los más exitosos Costa Rica, Uruguay y Chile⁹. Sin embargo, en 2015, el 17.4 % (108 millones de personas) de la población latinoamericana lo constituyó la juventud que está acostumbrada a la interacción a través de Internet y dar luz verde a la diplomacia digital. Entonces, Internet en Latinoamérica es el más joven del mundo.

Diplomacia digital “en persona”

El líder incondicional de la diplomacia digital latinoamericana es el presidente brasileño Jair Bolsonaro con más de 33 millones de seguidores en total en Facebook, Instagram y Twitter. De acuerdo con el clasificación no oficial Twiplomacy, Bolsonaro ocupa el segundo puesto de los mandatarios según el criterio de la interacción con los suscriptores, cediendo el primero al expresidente estadounidense Donald Trump. Además, el líder de Brasil es el más eficiente según el alcance en Facebook y ocupa el 17.º puesto de los 50 según el nombre de suscriptores en Twitter¹⁰. También tiene una cuenta oficial en Telegram con alrededor de 950 mil seguidores¹¹. Al mismo tiempo, Brasil, conforme a la clasificación del poder blando global “The Soft Power 30”, es 25.º de 30 según el aspecto digital del poder blando¹². Tal vez, esto tenga que ver con la política ambigua del mandatario: Bolsonaro dejó que pasara el aumento de las actividades criminales en el país, rehusó la ayuda de G7 a extinguir incendios forestales en selva de Amazonia, destacó en varias ocasiones su deseo de abandonar MERCOSUR (la organización económica más prometedora en el continente) y negó la existencia y el peligro del covid-19 para su pueblo en plena pandemia. Así, a Bolsonaro lo llaman “el Trump sudamericano”, demostrando la actitud negativa ante su renuncia a colaborar con la comunidad internacional.

No obstante, Brasil es el líder absoluto en la región ya que es el único país presente en el aspecto digital de “The Soft Power 30”. Por último, adelanta a Rusia que ocupa el último puesto en esta clasificación.

A título de ejemplo de la realización de la diplomacia digital se puede considerar Argentina donde los alcances de las redes sociales gubernamentales aumentaron durante el mandato de Cristina Fernández de Kirchner. Fue primera en crear la cuenta oficial de Gobierno (Casa Rosada) en Twitter en América Latina. Cuando terminó su mandato, Kirchner “se llevó” la cuenta, convirtiéndola en las “memorias” de su período de poder. Por eso el presidente electo Mauricio Macri tuvo que crear la nueva cuenta de Casa Rosada. Este hecho testimonia el alto grado de concentración de poder en las manos del mandatario. Lo curioso es que antes de concluir su período presidencial, Kirchner dirigió el Twitter del Gobierno por su cuenta. “El Observador” comunica

⁸ Oscar O. Robles Garay, “Evolución de Internet en América Latina y el Caribe”. 1999, *Simposio Latinoamericano y del Caribe: Las tecnologías de información en la sociedad. Aguascalientes, México* [Recurso electrónico]. URL: https://interred.files.wordpress.com/2007/02/evolucion_de_internet_en_america_latina_y_el_caribe.pdf (consultado el 29.09.2021).

⁹ *Estado de la banda ancha en América Latina y el Caribe*, Naciones Unidas, CEPAL, Cooperación Alemana. Octubre de 2016, p. 8.

¹⁰ “Jair Bolsonaro”, *Twiplomacy* [Recurso electrónico]. URL: <https://twiplomacy.com/info/south-america/brazil/jairbolsonaro/> (consultado el 27.09.2021).

¹¹ “Jair Bolsonaro”, *Telegram* [Recurso electrónico]. URL: <https://t.me/jairbolsonaro> (consultado el 29.09.2021).

¹² *The Soft Power 30* [Recurso electrónico]. URL: https://softpower30.com/?country_years=2019&sort_by=digital (consultado el 28.09.2021).

que en 2015 publicó la información privada sobre periodistas argentinos y la opinión subjetiva sobre los casos judiciales de aquel entonces¹³.

El sucesor de Kirchner Mauricio Macri continuó realizando la diplomacia digital. Asimismo, en vísperas de la visita de Barack Obama en Buenos Aires, Casa Rosada anunció que el público podría hacer preguntas a los mandatarios en Facebook para que estos respondieran durante el encuentro. La entrada la marcaron 240 mil usuarios y hicieron más de 2600 preguntas¹⁴. Además, Macri fue el primer presidente en organizar la transmisión en vivo con sus seguidores en Instagram¹⁵.

Desafortunadamente, el país gaucha no es tan exitoso hoy en día como podría ser. En conformidad con Twiplomacy, el presidente incumbente Alberto Fernández ocupa el 21.º puesto de 50 según la popularidad de los mandatarios en Facebook, 16.º de 50 en Instagram y 44.º en Twitter. Mauricio Macri sigue siendo el líder con más éxito en Latinoamérica luego de Jair Bolsonaro.

Ya se ha mencionado en el artículo el ejemplo de México en el contexto de la diplomacia digital. D. Aguirre, M. Erlandsen y M. López en su obra 'Diplomacia digital: el contexto iberoamericano' consideran que México es el estado más exitoso en el aspecto de la diplomacia digital como poder blando¹⁶. Esto se manifiesta a nivel de los documentos oficiales del Estado (Plan Nacional de Desarrollo¹⁷; Estrategia Digital Nacional). De las 156 representaciones del Estado en el planeta 150 tienen la cuenta oficial en Twitter, lo mismo tiene lugar con las 76 de 79 embajadas mexicanas. El método peculiar de llamar la atención del usuario es utilizar acrónimos (EmbaMexRus, ConsulMexNuY, Amexcid, AMLO, EPN).

El Instituto Real Elcano situado en Madrid estima que México tiene la influencia más poderosa en el aspecto digital de la diplomacia pública¹⁸.

Luego, fue el embajador de México en EE.UU., Arturo Sarukhán, quien por primera vez creó la cuenta diplomática en Twitter¹⁹.

No obstante, cabe destacar las desventajas de la diplomacia digital mexicana. La duplicación de tareas paralelas hechas por varias agencias confunde al seguidor y no le deja analizar la eficacia del trabajo de los servicios diplomáticos. Los servicios diplomáticos en línea tardan en contestar a las solicitudes de los ciudadanos y hasta a veces les hacen caso omiso. Tampoco se desarrolla bastante la diplomacia digital en las organizaciones internacionales de las que forma parte México: la cuenta de T-MEC (Tratado entre México, Estados Unidos y Canadá) en Twitter publicó su última entrada el 1 de julio de 2020 con ser esta una organización aspirante²⁰. Entonces, parece importante que los servicios diplomáticos que existen 'de jure' cumplan sus funciones "de hecho". Su presencia en línea aún no equivale a su total eficacia.

La diplomacia digital también actúa como herramienta de interacción con la población ante el escenario político inestable. Este es el caso de Venezuela que ahora cuenta con dos gobiernos y dos líderes, Nicolás Maduro y Juan Guaidó. Ambos tienen cuentas en Twitter donde de vez en cuando manifiestan su lucha. Conforme a la investigación de N. Tsvetkova, V. Heifets, N. Sitnik y

¹³ "Entrada en Twitter sobre K. Kirchner", *Twitter* [Recurso electrónico]. URL: <https://twitter.com/CasaArgentinaAR/status/559146735344562176> (consultado el 25.09.2021).

¹⁴ Алексей Демидов, *Цифровая дипломатия стран Латинской Америки как инструмент «мягкой» силы. Медиафера: тенденции и перспективы развития*: мат-лы IV науч.-практ. конф., 2017.

¹⁵ Matthias Lüfkens, "World Leaders on Instagram 2018", *Twiplomacy: annual global survey of the presence and activity of heads of state and government on Twitter and other SNS*. November 2018 [Recurso electrónico]. URL: <https://twiplomacy.com/blog/world-leaders-instagram-2018/> (consultado el 24.09.2021).

¹⁶ Daniel Aguirre, Matthias Erlandsen y Miguel Ángel López, "Diplomacia digital: el contexto iberoamericano", *Portal de Libros Electrónicos* [Recurso electrónico]. URL: <https://libros.uchile.cl/720> (consultado el 26.09.2021).

¹⁷ "Plan Nacional de Desarrollo de México (2019–2024)", *FAO* [Recurso electrónico]. URL: <http://www.fao.org/faolex/results/details/es/c/LEX-FAOC188915/#:~:text=En%20este%20contexto%2C%20el%20Plan,nutritiva%2C%20suficiente%20y%20de%20calidad.&text=Adem%3%A1s%2C%20el%20Plan%20se%20propone,pobreza%2C%20incluidas%20las%20zonas%20rurales.> (consultado el 28.09.2021).

¹⁸ "The Elcano Global Presence Index", *Global Presence* [Recurso electrónico]. URL: <https://www.globalpresence.realinstitutoelcano.org/en/home> (consultado el 20.09.2021).

¹⁹ Arturo Sarukhan, "Weaponising the #", *The State of Digital Diplomacy* [Recurso electrónico]. URL: <http://www.sodd16.com/weaponising-the-by-arturo-sarukhan/> (consultado el 26.09.2021).

²⁰ "T-MEC", *Twitter* [Recurso electrónico]. URL: <https://twitter.com/usmcacoalition> (consultado el 27.09.2021).

N. Tsvetkov que analizaron la interacción por el hashtag #Venezuela, la diplomacia digital durante la crisis funcionó en ambas direcciones²¹.

Antes de la crisis, se activizaron las entradas antigubernamentales con la crítica del gobierno de Maduro. Al formarse el Gobierno de oposición, se generó un flujo de mensajes, supuestamente artificiales, con la crítica y el apoyo. Luego, en cuanto se zanjó la crisis, surgieron las críticas politizadas de los canales estatales del mundo (CNN, RT) también en ambos sentidos. Asimismo, en el caso de Venezuela la diplomacia digital apoyó la oposición y al mismo tiempo no dejó al gobierno perder su autoridad.

Si llevamos a cabo el análisis de la diplomacia digital venezolana en Twiplomacy, nos daremos cuenta de que Nicolás Maduro es el 5.º líder más influyente en Twitter. No obstante, se está quedando atrás en Instagram y Facebook, siendo 39.º de 50 y 49.º de 50 mandatarios respectivamente²². La cuenta de Maduro en Telegram solo tiene 15 mil seguidores. Sin embargo, su rival Juan Guaidó ni siquiera la posee.

En general, Venezuela demuestra baja eficacia de su diplomacia digital. Esto se debería a la crisis interna o la propaganda antivenezolana por parte de Estados Unidos. No obstante, se supone que esto tiene lugar por la búsqueda y representación errónea del contenido, que en la mayoría de los casos trata de la lucha política dentro del país, mientras que los mandatarios podrían concentrarse en otros temas.

Vías del fomento de la diplomacia digital latinoamericana

- 1) *Plenos poderes*. Los mandatarios toman en consideración las desventajas de la diplomacia digital en la región, elaboran el contenido coherente y original para el público particular, siguiendo el ejemplo de EE.UU y Europa y adaptando sus estrategias exitosas. Las páginas web de los servicios diplomáticos se hacen más informativas y constructivas mientras estos cumplen funciones diferentes sin confundirse entre sí. Esta vía parece probable en el caso de que cambie el líder del estado y junto con él, se cambiará el modelo de la diplomacia digital. Así, los estados de América Latina tendrán *plenos poderes* de su política dentro y fuera del país.
- 2) *Crepusculario*. Debido a la desgana de fomentar la diplomacia digital por parte de los diplomáticos, esta se verá socavada, como lo vemos en el caso de Venezuela. Entonces, los estados latinoamericanos se convertirán en un *crepusculario* sin poder salvar la diplomacia digital.
- 3) *Tercera Residencia*. Los países latinoamericanos elaboran sus propias estrategias de la diplomacia digital que no se parecen a las del resto del mundo. Los diplomáticos se orientan en la idiosincrasia del país y a sus particularidades que representan y atraen al público. Teniendo en cuenta que América Latina siempre ha sido la región única en todas las esferas, esta vía es la más probable.

Conclusión

Hoy en día la diplomacia digital en América Latina se utiliza de manera insuficiente. Para tener éxito en el proceso de su realización, hace falta prestar atención a los aspectos “no digitales” del problema. Es menester superar la desigualdad al respecto del acceso a nuevas tecnologías, elevar la confianza de los ciudadanos en las instituciones estatales, evadir el efecto de la política

²¹ Natalia Tsvetkova, “Venezuela in U.S. public diplomacy, 1950s–2000s: The Cold War, democratization, and the digitalization of politics”, *Taylor & Francis Online* 5:1, 2019. <https://doi.org/10.1080/23311886.2019.1693109>

²² “Nicolás Maduro”, *Twiplomacy* [Recurso electrónico]. URL: <https://twiplomacy.com/info/south-america/venezuela/nicolasmaduro/> (consultado el 28.09.2021).

personalizada elaborando estrategias coherentes y claras, reorganizar el trabajo de los servicios diplomáticos asignándoles funciones concretas. Por fin, hace falta elevar el interés científico en la región y en el mundo a fin de que más gente se dedique a los estudios de la diplomacia digital latinoamericana para seguir mejorándola.

Bibliografía

1. Демидов, Алексей, Цифровая дипломатия стран Латинской Америки как инструмент «мягкой» силы. Медиафера: тенденции и перспективы развития: мат-лы IV науч.-практ. конф., 2017, с. 9–12.
2. “Отвлекает, забалтывает: раскрыт секрет твитов Трампа”. 11.11.2020, Новая газета [Recurso electrónico]. URL: https://www.gazeta.ru/science/2020/11/11_a_13356529.shtml (consultado el 27/09/2021)
3. “A Brief History of NSF and the Internet”. 2003, National Scientific Foundation []. URL: https://www.nsf.gov/news/news_summ.jsp?cntn_id=103050 (consultado el 26.09.2021).
4. Aguirre, Daniel, Matthias Erlandsen y Miguel Ángel López, “Diplomacia pública digital: el contexto iberoamericano”, Portal de Libros Electrónicos [Recurso electrónico]. URL: <https://libros.uchile.cl/720> (consultado el 26.09.2021).
5. Almejo, José de Jesús López, “Diplomacia digital y su vigencia en las relaciones internacionales”, Norteamérica, Revista Académica Del CISAN-UNAM 4:2, 2009, p. 195–204 [Recurso electrónico]. URL: <https://www.revistanorteamerica.unam.mx/index.php/nam/article/view/30> (consultado el 25.09.2021).
6. “Jair Bolsonaro”, Telegram [Recurso electrónico]. URL: <https://t.me/jairbolsonarobrasil> (consultado el 29.09.2021).
7. “T-MEC », Twitter [Recurso electrónico]. URL: <https://twitter.com/usmcacoalition> (consultado el 27.09.2021).
8. “Entrada en Twitter sobre K. Kirchner”, Twitter [Recurso electrónico]. URL: <https://twitter.com/CasaArgentinaAR/status/559146735344562176> (consultado el 25.09.2021).
9. Estado de la banda ancha en América Latina y el Caribe, Naciones Unidas, CEPAL; Cooperación Alemana. Octubre de 2016, p. 8.
10. Robles Garay, Oscar O., “Evolución de Internet en América Latina y el Caribe”. 1999, Simposio Latinoamericano y del Caribe: Las tecnologías de información en la sociedad. Aguascalientes, México [Recurso electrónico]. URL: https://interred.files.wordpress.com/2007/02/evolucion_de_internet_en_america_latina_y_el_caribe.pdf (consultado el 29.09.2021).
11. “Number of internet and social media users worldwide as of April 2023 (in billions)”, Statista [Recurso electrónico]. URL: <https://www.statista.com/statistics/617136/digital-population-worldwide/#:~:text=As%20of%20January%202021%20there,the%20internet%20via%20mobile%20devices> (consultado el 24.09.2021).
12. Hanson, Fergus, Revolution @State: The Spread of Ediplomacy. Lowy Institute, March 2012.
13. “Jair Bolsonaro”, Twiplomacy [Recurso electrónico]. URL: <https://twiplomacy.com/info/south-america/brazil/jairbolsonaro/> (consultado el 27.09.2021).
14. Lüfkens, Matthias, “World Leaders on Instagram 2018”, Twiplomacy: annual global survey of the presence and activity of heads of state and government on Twitter and other SNS, November 2018 [Recurso electrónico]. URL: <https://twiplomacy.com/blog/world-leaders-instagram-2018/> (consultado el 24.09.2021).
15. “Nicolas Maduro”, Twiplomacy [Recurso electrónico]. URL: <https://twiplomacy.com/info/south-america/venezuela/nicolasmaduro/> (consultado el 28.09.2021).
16. “Permanent suspension of @realDonaldTrump”. 08.01.2021, Twitter [Recurso electrónico]. URL: https://blog.twitter.com/en_us/topics/company/2020/suspension.html (consultado el 25.09.2021).
17. “Plan Nacional de Desarrollo de México (2019–2024)”, FAO [Recurso electrónico]. URL: <http://www.fao.org/faolex/results/details/es/c/LEX-FAOC188915/#:~:text=En%20este%20contexto%2C%20el%20Plan,nutritiva%2C%20suficiente%20y%20de%20calidad.&text=Adem%C3%A1s%2C%20el%20Plan%20se%20propone,pobreza%2C%20incluidas%20las%20zonas%20rurales> (consultado el 28.09.2021).
18. Sarukhan, Arturo, “Weaponising the #”, The State of Digital Diplomacy [Recurso electrónico]. URL: <http://www.sodd16.com/weaponising-the-by-arturo-sarukhan/> (consultado el 26.09.2021).

19. “The Elcano Global Presence Index”, Global Presence [Recurso electrónico]. URL: <https://www.globalpresence.realinstitutoelcano.org/en/home> (consultado el 20.09.2021).
20. The Soft Power 30 [Recurso electrónico]. URL: https://softpower30.com/?country_years=2019&sort_by=digital (consultado el 28.09.2021).
21. Tsvetkova, Natalia, “Venezuela in U.S. public diplomacy, 1950s–2000s: The Cold War, democratization, and the digitalization of politics”, Taylor & Francis Online 5:1, 2019. <https://doi.org/10.1080/23311886.2019.1693109>

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

WELFARE STATE AND CIVIL SOCIETY IN LATIN AMERICA

И. В. Дашкина, М. М. Пашин¹

МОБИЛИЗАЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ ГОСУДАРСТВ ЛАТИНО-КАРИБСКОЙ АМЕРИКИ В УСЛОВИЯХ COVID-19

MOBILIZATION MECHANISMS OF THE STATES OF LATIN-CARIBBEAN AMERICA IN THE CONTEXT OF COVID-19

Abstract: The authors compared the strategies of the behavior of Latin America and the Caribbean countries during the COVID-19 pandemic. The study was conducted using the examples of Argentina, Bolivia, Brazil, Guatemala, Colombia, Mexico, Peru, Chile, and Ecuador. The authors faced the task of determining the severity of the new COVID-19 coronavirus infection and identifying the factors influencing the course of the epidemic in the region. The hypothesis is based on the idea that the course of COVID-19 was influenced by factors such as the political structure of countries, their socioeconomic situation, population size, healthcare level (including healthcare expenditures as a % of GDP and domestic general government healthcare expenditures as a % of current spending), living conditions, population density per km², the ratio of the urban population to the rural population, environmental indicators, level of trust in government, etc. It is worth mentioning that the Latin America and the Caribbean countries were the latest to embark on an independent development path

¹ Дашкина Ирина Владимировна, Россия, кандидат политических наук, факультет политологии, начальник отдела аспирантуры и докторантуры, МГУ им. М. В. Ломоносова (dashkina_irina@mail.ru).

Пашин Михаил Михайлович, Россия, аспирант, факультет политологии, кафедра сравнительной политологии, МГУ им. М. В. Ломоносова (pashinmm.official@gmail.com).

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 21-011-31210 «Мобилизационные механизмы современных государств в условиях эпидемиологических угроз (сравнительный анализ опыта противодействия пандемии COVID-19)».

(despite the formation of independent states in the 19th century, the countries of the region were still economically dependent on the major world powers throughout the 20th century), which has had a significant impact on their political, economic, and sociocultural status.

Key words: Latin America; COVID-19; correlation; mobilization; GDP; health care; population; epidemic; trust; gravity.

Введение

Несомненно, COVID-19 оказал влияние на весь мир в целом, коренным образом изменив не только характер коммуникации людей друг с другом, но и характер взаимодействия государств, общества и власти, затронув социально-культурные, политические и экономические стороны жизни.

Основная задача данного исследования состоит в определении «тяжести» протекания заболевания в отдельных странах Латинской Америки и выявлении зависимости этого значения и различных показателей (ВВП на душу населения, индекса экологического благополучия страны, расходов на здравоохранение, уровня доверия к власти, плотности населения и так далее); кроме того, нами были проанализированы такие показатели, как жесткость реагирования правительства на изменение хода течения болезни, индекс перемещений (путешествий), индекс «Stay-at-Home Restrictions», «School and Workplace Closures» и др.

Стоит обратить внимание на то, что «тяжесть эпидемиологической ситуации», «защитные и ограничительные меры государств» и «институциональные характеристики» взаимосвязаны между собой и при изменении одного показателя будет изменяться «общее значение».

В рамках проведения исследования важно подчеркнуть региональную специфику распространения COVID-19. По Латинской Америке эпидемия коронавируса ударила особо сильно. Правительства региона выбирают разные стратегии борьбы с пандемией, но несмотря на это, все страны региона несут серьезные экономические и демографические потери. Стоит отметить, что ряд стран региона вводил различные ограничительные меры для борьбы с распространением инфекции: в Колумбии был введен общенациональный локдаун и система штрафов за его нарушение; в Аргентине с 19 марта 2020 г. ввели общенациональный карантин; Правительство Мексики с 13 марта 2020 г. перевело учебные заведения в дистанционный режим, а 22 марта закрылись все досуговые места отдыха с большим скоплением людей (кафе, рестораны, кинотеатры и т. д.); в Перу вводился карантин и комендантский час; в то же время Бразилия в первые месяцы пандемии вообще игнорировала серьезность проблемы.

Можно выделить большое количество факторов, которые оказывают влияние на ускорение темпов распространения пандемии: урбанизация, крупномасштабная миграция, рост интенсивности международных путешествий и объемов глобальной торговли, освоение людьми новых природных территорий. Исторически все эти тренды современного мира как нельзя лучше подходят для возникновения эпидемий различного масштаба, которые затрагивали население как нескольких стран, так и целых континентов². Для ряда стран Латинской Америки также характерны такие факторы как наркотрафик и разрозненность общества. Следует отметить, что у латиноамериканского населения есть свои специфические культурные черты: политический протест и сопротивление власти. Эти черты принимали разные формы в разные исторические периоды и в разных социально-экономических условиях. Однако, несмотря на массовые социальные, экономические и политические изменения, они оказались удивительно долговечными³.

² Михаил Мурашко, «Первая пандемия цифровой эпохи: уроки для национального здравоохранения», *Национальное здравоохранение* 1:1, 2020.

³ Roland H. Ebel, Raymond Taras and James D. Cochrane, *Political culture and foreign policy in Latin America: case studies from the Circum-Caribbean*, New York, 1991.

Необходимо отметить, что в качестве временных рамок проведения исследования была выбрана первая волна распространения новой коронавирусной инфекции. Течение COVID-19 в разных странах проходило по-разному, в связи с чем был выбран период с начала пандемии до 31 декабря 2020 г. — именно к этому моменту наблюдался спад первой волны во всех исследуемых государствах.

Определение показателя «Тяжесть эпидемиологической ситуации в конкретной стране»

В выборке основной акцент делался на странах с «адекватной» статистикой по COVID-19, а также по численности населения (больше десяти миллионов человек). Таким образом, нами были проанализированы Аргентина, Боливия, Бразилия, Гватемала, Колумбия, Мексика, Перу, Чили и Эквадор, что в сумме составляет 1/3 от стран региона, а по численности больше 80 % населения всего региона.

Для выявления значения X (тяжесть) мы провели сравнение стран по двум основным показателям: 1) случаи заражения; 2) летальные исходы (рис. 1, 2).

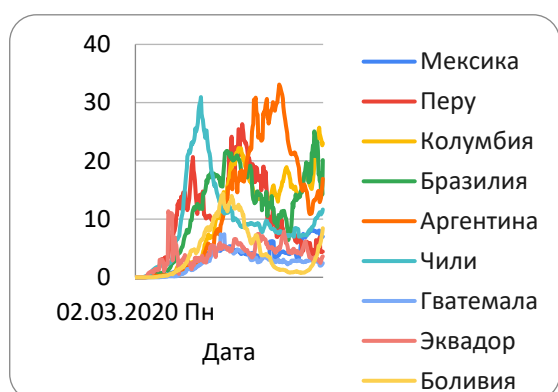

Рис. 1. Случаи заражения

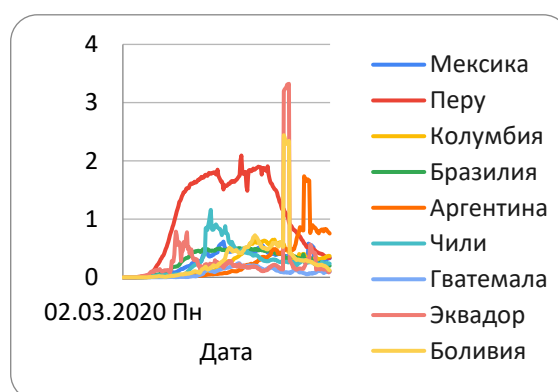

Рис. 2. Летальные исходы

Для определения показателя X — «тяжесть» нужно было выявить несколько значений по каждой из стран: 1) пиковое значение страны в первую волну по заболевшим; 2) количество дней от начала эпидемии в стране до пика; 3) количество дней от пика до спада на 40 %; 4) пиковое значение страны в первую волну по летальным исходам (рис. 3, 4).

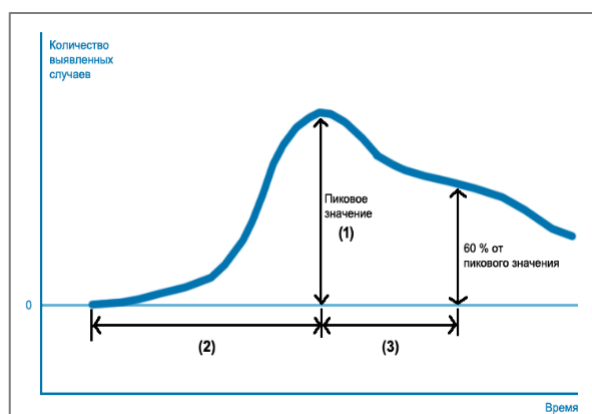

Рис. 3. Новые случаи

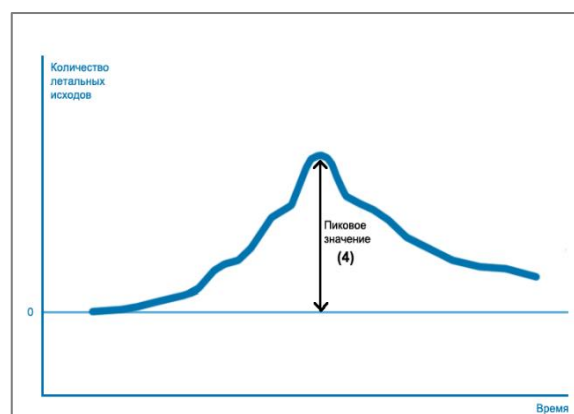

Рис. 4. Летальные исходы

Таким образом, мы получаем интересующий нас показатель — «Тяжесть эпидемиологической ситуации в конкретной стране» — X (табл. 1).

Таблица 1. Тяжесть эпидемиологической ситуации в конкретной стране

Страна	X	Страна	X	Страна	X
Аргентина	0,69669403	Гватемала	0,26824818	Перу	0,38843672
Боливия	0,33605937	Колумбия	0,48639547	Чили	0,42720069
Бразилия	0,46830238	Мексика	0,36449843	Эквадор	0,37002942

Зависимость защитных и ограничительных мер и институциональных характеристик страны от тяжести эпидемиологической ситуации

В рамках данной работы был проведен сравнительный анализ 40 различных индексов и показателей по мерам борьбы с COVID-19 и институциональных характеристик исследуемых стран.

Основная задача — выявить связи между характеристиками и тяжестью эпидемиологической ситуации. Для анализа взаимосвязей был использован корреляционный анализ Пирсона. Для детального разбора взяты только те показатели, где сила связи была больше «0,5» или «-0,5», то есть где была явна очевидна связь.

Таким образом, результаты корреляционного анализа представлены в табл. 2.

Таблица 2. Результаты корреляционного анализа

Показатель	Коэффициент	Источник
Индикатор раздробленности элит (Factionalized Elites)	-0,59	Fragile States Index 2020 ⁴
Индикатор конфликтности отношений социальных групп (Group Grievance)	-0,53	Fragile States Index 2020 ⁵
Индикатор неравномерного экономического развития (Economic Inequality)	-0,52	Fragile States Index 2020 ⁶
Индикатор утечки мозгов (Human Flight and Brain Drain)	-0,78	Fragile States Index 2020 ⁷
Индикатор государственной легитимности (State Legitimacy)	-0,74	Fragile States Index 2020 ⁸
Индикатор государственных услуг (Public Services)	-0,64	Fragile States Index 2020 ⁹
Индикатор демографического давления (Demographic Pressures)	-0,53	Fragile States Index 2020 ¹⁰
Индекс слабости государств (Fragile States Index)	-0,59	Fragile States Index 2020 ¹¹
Индекс жесткости реагирования правительства (Government Response Stringency Index)	0,51	COVID-19 Government Response Tracker (Oxford University) ¹²

⁴ *Fragile States Index* [Электронный ресурс]. URL: <https://fragilestatesindex.org/excel/> (дата обращения: 15.08.2021).

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

¹² “Covid-19 government response tracker”, Blavatnik School of Government [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bsg.ox.ac.uk/research/research-projects/covid-19-government-response-tracker> (дата обращения: 15.08.2021).

Показатель	Коэффициент	Источник
Индекс международных и внутренних передвижений (International and Domestic Travel)	0,53	COVID-19 Government Response Tracker (Oxford University) ¹³
Индекс экологического благополучия	-0,61	Рейтинг стран мира по индексу устойчивости общества ¹⁴
Расходы на здравоохранение в % от ВВП	0,71	World Health organization ¹⁵
ВВП на душу населения	0,52	World Health organization ¹⁶
Городское население (%)	0,78	Рейтинг стран мира по уровню урбанизации ¹⁷
Плотность населения	-0,55	Рейтинг стран мира по уровню плотности населения ¹⁸
Барометр доверия (<i>Edelman Trust Barometer</i>)	-0,76	Edelman Trust Barometer ¹⁹

Для понимания корреляционных связей необходимо сказать, что знак «+» или «-» имеет ключевое значение. Так, при отрицательном значении, мы имеем следующее: чем выше исследуемый показатель, тем ниже тяжесть, то есть чем больше плотность населения, тем легче ситуация в стране (что является абсолютно нелогичным). При положительном значении: чем выше исследуемый показатель, тем хуже ситуация, то есть чем больше расходы государства на здравоохранение, тем сложнее/тем хуже была ситуация в стране (также противоречие).

По результатам проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

- Исследование продемонстрировало наличие заметных корреляционных связей между тяжестью эпидемиологической ситуации и расходами на здравоохранение, ВВП на душу населения, соотношением городского населения, плотностью населения, уровнем доверия к власти, поддержки демократии, уровнем экологического благополучия и т. д.
- Мы видим, что многие корреляционные связи противоречат исследовательской логике. То есть чем больше государство расходует на здравоохранение средств, тем тяжелее проходило заболевание. Однако это связано с несколькими факторами: 1) решения, принимаемые в государстве, носят ситуационный характер, то есть те или иные решения вводят не заблаговременно, а при наступлении определенного момента (пример: прирост заболевших в сутки свыше пяти тысяч человек); 2) некачественность статистических данных, так как по графикам заболеваемости или смертности периодически отчетливо видны резкие скачки (скажем, с 1 мая по 15 мая умирало примерно по 50 человек в день, а 16 мая этот показатель стал равен 1000 человек, причем с 17 мая средний прирост в сутки опять был +/- 50 человек).
- Некоторые связи не вызывают исследовательских вопросов. Например, вполне логично, что чем больше людей живет в городе, тем больше количество заболевших. Или, чем выше уровень доверия к власти, чем ниже показатель

¹³ Ibid.

¹⁴ “Рейтинг стран мира по индексу устойчивости общества”, Гуманитарный портал [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/sustainable-society-index> (дата обращения: 16.08.2021).

¹⁵ “Global Health Expenditure Database”, World Health Organization [Электронный ресурс]. URL: <https://apps.who.int/nha/database/ViewData/Indicators/en> (дата обращения: 16.08.2021).

¹⁶ Ibid.

¹⁷ “Рейтинг стран мира по уровню урбанизации”, Гуманитарный портал [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/urbanization-index> (дата обращения: 16.08.2021).

¹⁸ “Рейтинг стран мира по уровню плотности населения”, Гуманитарный портал [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/world-population-density> (дата обращения: 16.08.2021).

¹⁹ “Edelman Trust Barometer 2020. Global Report”, Edelman [Электронный ресурс]. URL: <https://cdn2.hubspot.net/hubfs/440941/Trust%20Barometer%202020/2020%20Edelman%20Trust%20Barometer%20Global%20Report-1.pdf> (дата обращения: 16.08.2021).

«тяжесть» по стране. Кроме того, из нашего исследования видно, что, чем выше уровень легитимности государственной власти, чем больше людей согласны с политикой, проводимой в стране, и довольны своим положением и развитие общества, тем ниже тяжесть эпидемиологической ситуации. А также, чем выше уровень государственных услуг в стране, тем ниже тяжесть.

- Стоит отметить еще одну интересную закономерность, выявленную в ходе исследования и подтверждающую региональные особенности стран: чем сильнее государство контролировало ситуацию, чем более жесткие меры применялись для борьбы с пандемией и тем выше была тяжесть заболевания. Можно предположить, что свободолюбивый характер латиноамериканцев не позволял им надолго сохранять самодистанцирование.
- Опыт борьбы с новой коронавирусной инфекцией в Латиноамериканском регионе показал множество инфраструктурных сложностей, а также проблем в организации систем здравоохранения. Анализ протекания COVID-19 во время первой волны не выявил примеров эффективных и быстрых способов решения проблемы среди государств. Подавляющее большинство из них даже сейчас находится в процессах модернизации своих систем здравоохранения.

Библиография

1. *Мурашко М. А.* Первая пандемия цифровой эпохи: уроки для национального здравоохранения // Национальное здравоохранение. 2020. Т. 1. № 1. С. 4–8.
2. *Ebel R. H., Taras R., Cochrane J. D.* Political culture and foreign policy in Latin America: case studies from the Circum-Caribbean. New York: State University of New York Press, 1991.
3. Рейтинг стран мира по уровню урбанизации // Гуманитарный портал [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/urbanization-index> (дата обращения: 16.08.2021).
4. Рейтинг стран мира по индексу устойчивости общества // Гуманитарный портал [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/sustainable-society-index> (дата обращения: 16.08.2021).
5. Рейтинг стран мира по уровню плотности населения // Гуманитарный портал [Электронный ресурс] <https://gtmarket.ru/ratings/world-population-density> (дата обращения: 16.08.2021).
6. Covid-19 government response tracker // Blavatnik School of Government [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bsg.ox.ac.uk/research/research-projects/covid-19-government-response-tracker> (дата обращения: 15.08.2021).
7. Edelman Trust Barometer 2020. Global Report // Edelman [Электронный ресурс]. URL: <https://cdn2.hubspot.net/hubfs/440941/Trust%20Barometer%202020/2020%20Edelman%20Trust%20Barometer%20Global%20Report-1.pdf> (дата обращения: 16.08.2021).
8. Global Health Expenditure Database // World Health Organization [Электронный ресурс]. URL: <https://apps.who.int/nha/database/ViewData/Indicators/en> (дата обращения: 16.08.2021).

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ТОРГОВУЮ ПОЛИТИКУ РОССИИ И СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

IMPACT OF THE PANDEMIC ON THE ECONOMIC DEVELOPMENT AND TRADE POLICY OF RUSSIA AND THE COUNTRIES OF LATIN AMERICA

Н. А. Навроцкая¹

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТОРГОВЛИ БРАЗИЛИИ И КИТАЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

TRANSFORMATION OF THE TRADE BETWEEN BRAZIL AND CHINA IN THE CONTEXT OF A PANDEMIC

Abstract: The COVID-19 pandemic led to a decrease and change in the structure of global demand, problems with logistics, and disruptions in global supply chains. This has caused a significant impact on the scale and intensity of world trade. Brazil and China have very high levels of involvement in global value chains and high levels of bilateral trade. In this regard, the purpose of the study was to analyze the changes in bilateral merchandise trade of Brazil and China in the context of the COVID-19 Pandemic. A study of bilateral merchandise trade revealed that Brazil's dependence on its main trading partner, China, has been increasing in recent years. Brazil's exports to China have a weak structure that is constantly deteriorating: low diversification, high concentration, low technological sophistication and consists mainly of a few commodities. At the same time, this very structure of Brazil's trade with China made it possible to maintain, and for some commodities even increase, mutual trade and to avoid shocks to Brazil's economy due to the crisis of the global economy and world trade caused by the Pandemic. The increase in trade between Brazil and China can be explained primarily with the rapid recovery of the Chinese economy and the continued efficiency of Chinese demand. The tensions in economic relations between China and the U.S. also contributed to the

¹ **Навроцкая Наталья Анатольевна**, Россия, доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономического факультета СПбГУ (n.navrotskaya@spbu.ru).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Академии общественных наук Китая в рамках научного проекта № 19-51-93009 «Торговая политика России и Китая в условиях трансформации международной торговой системы».

increase in Chinese demand for Brazilian goods. Thus, the impact of the Pandemic on Brazil's overall exports was mitigated by the continued demand for Brazilian goods from China. Brazil's positive trade balance with China has allowed it to maintain high imports of Chinese goods and even increase its purchases of certain product groups, especially electronics, machinery and equipment.

Key words: China; Brazil; bilateral merchandise trade; world trade; COVID-19 pandemic.

Аннотация. Пандемия COVID-19 привела к существенным изменениям бизнес-процессов, различных аспектов жизни людей и структурным изменениям многих сфер мирового хозяйства. В результате снижения и изменения структуры мирового спроса, проблем с логистикой и вследствие этого сбоев поставок и удорожания импортных комплектующих возникли цепочки глобальных шоков, которые нанесли существенный удар по масштабам и интенсивности мировой торговли.

Ключевые слова: Китай, Бразилия, двусторонняя торговля товарами, мировая торговля, пандемия COVID-19.

Кризисные явления привели к сокращению торговли товарами на 8 % и торговли коммерческими услугами на 21 % в годовом исчислении (2020), а реальный мировой ВВП по рыночным обменным курсам снизился на 3,6 %². В отличие от предыдущих глобальных кризисов, мировая торговля пострадала более значительно, поскольку в результате пандемии были затронуты все основные ее составляющие: спрос, предложение и торговые издержки. Наиболее пострадали глобальные цепочки стоимости (ГЦС), через которые, по данным ОЭСР, осуществляется более 50 % мировой торговли товарами и свыше 70 % торговли услугами³. В этой связи интерес представляет изучение влияния вызванного пандемией кризиса мировой торговли на торговые связи Бразилии и Китая, поскольку эти страны имеют очень высокий уровень вовлеченности в глобальное производство⁴ и являются мировыми лидерами по участию в глобальных производственных системах⁵, а также имеют высокий уровень развития двусторонних торговых связей.

Торговые отношения между Бразилией и Китаем — ключевой элемент для понимания бразильской внешнеторговой политики в XXI в. При относительно невысоком уровне открытости экономик Бразилии и Китая товарооборот двух стран достиг огромных объемов (см. рис. 1). Если в 2007 г. товарооборот составлял 23,4 млрд долларов, то к 2013 г. он достиг рекордных 83 млрд долларов, увеличившись за семь лет почти в четыре раза. В 2020 г. объемы двусторонней торговли достигли отметки 100 млрд долларов благодаря в первую очередь увеличению экспорта Бразилии в Китай.

Прежде всего следует отметить, что на протяжении более чем десяти лет Бразилия сохраняла положительное сальдо торгового баланса в торговле с Китаем. Сильный рост экспорта превышал тенденцию роста импорта, даже при значительном увеличении покупок китайских товаров. Профицит торгового баланса Бразилии устойчиво рос после 2009 г. и начал возрастать еще больше после 2016 г. Отчасти это можно объяснить значительным повышением в эти периоды цен на сырьевые товары, которые преобладали в экспорте Бразилии в Китай. В 2013–2014 гг. при замедлении темпов роста ВВП Китая произошло сокращение спроса на сырье на международных рынках и цены на сырьевые товары начали снижаться, что отразилось на динамике объемов бразильского экспорта в Китай. После 2016 г. наблюдается резкий рост объемов экспорта, что связано как с ценами на сырье, так и с трансформацией структуры экспорта Бразилии в Китай, которая начала пытаться тонко извлекать выгоду из вторичных эффектов обострения китайско-американских экономических отношений, особенно в торговле сельскохозяйственной продукцией. И если

² “World Trade Statistical Review 2021”, WTO. <https://doi.org/10.30875/604b3e6d-en>

³ Koen De Backer and Sébastien Miroudot, “Mapping Global Value Chains”, *OECD Trade Policy Papers*. No. 159, 2013.

⁴ Александра Коваль и Наталья Навроцкая, “Особенности участия Китая и Бразилии в глобальных производственных системах”, *Россия и Иberoамерика в глобализирующемся мире: история и современность. Доклады и материалы четвертого международного форума*. Санкт-Петербург, 2020.

⁵ Interconnected Economies: Benefiting from Global Value Chains, 2013.

в кризис 2008–2009 гг. у Бразилии было отрицательное сальдо торгового баланса с Китаем, в период 2014–2016 гг. страна имела небольшой позитивный торговый баланс, то в 2019–2022 гг. можно увидеть значительное превышение экспорта Бразилии в Китай над импортом из Китая. В этой связи следует отметить относительную резистентность бразильско-китайской торговли в условиях пандемии.

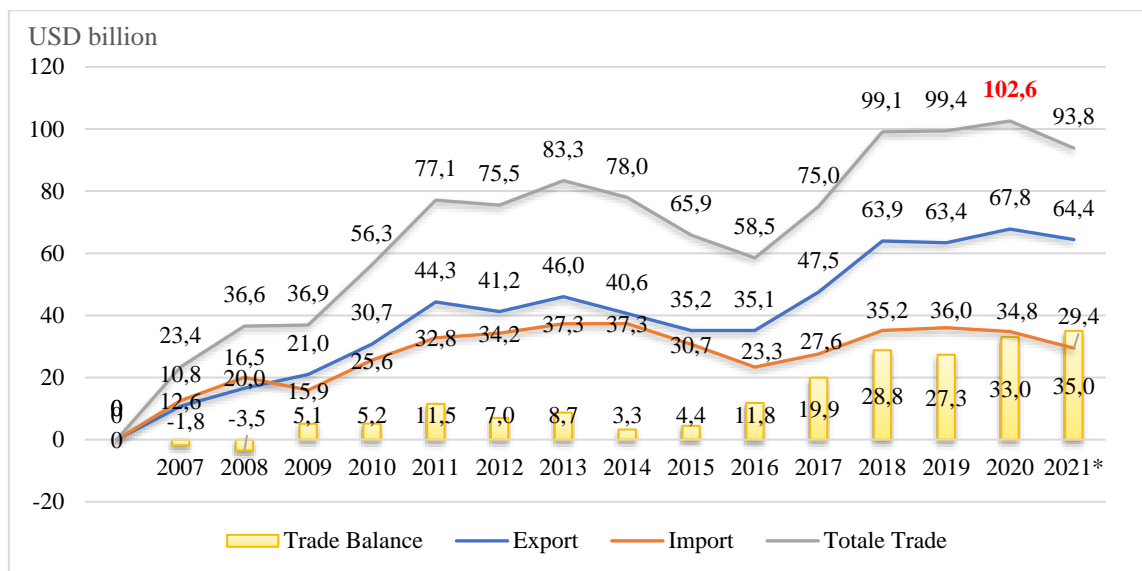

Рис. 1. Товарный экспорт, импорт, товарооборот и торговый баланс Бразилии в Китай и из Китая, млрд долл. Примечание: *2021 — оценочные значения Министерства экономики Бразилии Составлено автором по: MDIC, Comexstat [Электронный ресурс]. URL: <http://comexstat.mdic.gov> (дата обращения: 10.10.2021).

В целом международная торговля Бразилии за три последних года значительно пострадала, показывая снижение в отдельные годы намного больше среднемировых значений. По оценкам Министерства экономики Бразилии, сокращение объемов общего товарного экспорта страны составило в 2019 г. 4,6 %, в 2020 г. — 5,4 % и в 2021 г. может составить почти 10 %. Снижение объемов импорта в 2020 г. достигало 14,6 % и в 2021 г. может составить около 14 %. При этом снижение торговли с Китаем в большинстве случаев составляло намного меньшую величину и в отдельные годы даже сохраняло положительную динамику (рис. 2). Это связано со структурой бразильско-китайской торговли и отчасти с тем фактором, что экономика Китая после Пандемии начала восстанавливаться довольно быстро и одной из первых в мире. В данной связи можно сказать, что торговля с Китаем выступила для Бразилии некоторым спасательным кругом.

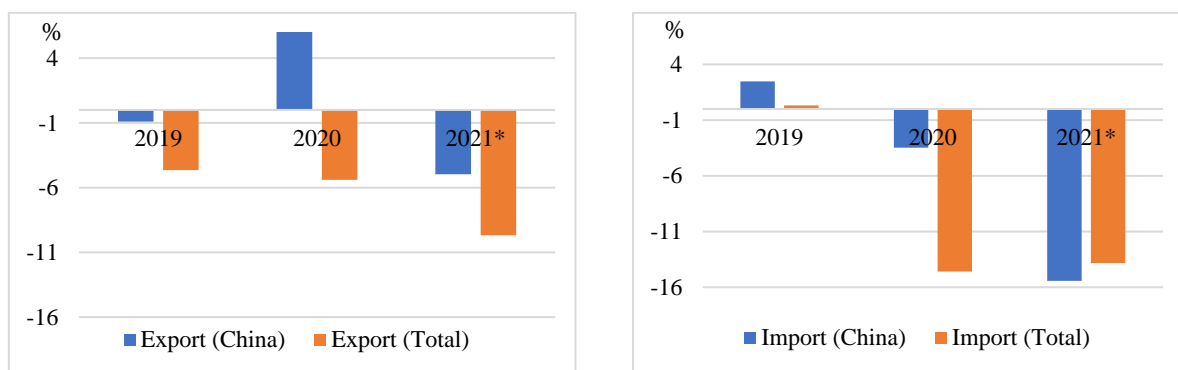

Рис. 2. Темпы прироста общего товарного экспорта Бразилии в Китай и импорта из Китая, % Примечание: *2021 — оценочные значения Министерства экономики Бразилии Построено автором по: MDIC, Comexstat [Электронный ресурс]. URL: <http://comexstat.mdic.gov> (дата обращения: 10.10.2021).

В настоящее время Китай является самым важным покупателем для бразильского экспорта (см. рис. 3, 4). В результате развития торговых отношений двух стран, которые имели непрерывный рост с 2000 г., относительная доля Китая в товарном экспорте Бразилии, которая составляла всего около 2 % в 2000 г., достигла в настоящее время 34 %, что делает Китай основным торговым партнером Бразилии. В то же время доля США в экспорте Бразилии, которые долгое время были основным торговым партнером Бразилии, хотя и остается высокой, но начала заметно уступать доле Китая. Эти тенденции можно объяснить высокими темпами роста китайской экономики с 1980-х гг., и особым стратегическим подходом Китая к развивающимся рынкам в Латинской Америке, а в последнее время и к рынкам стран Африки. Характерной особенностью в динамике структуры экспорта Бразилии является снижение доли стран МЕРКОСУР, несмотря на географическую близость стран — участниц и наличие региональных торговых соглашений.

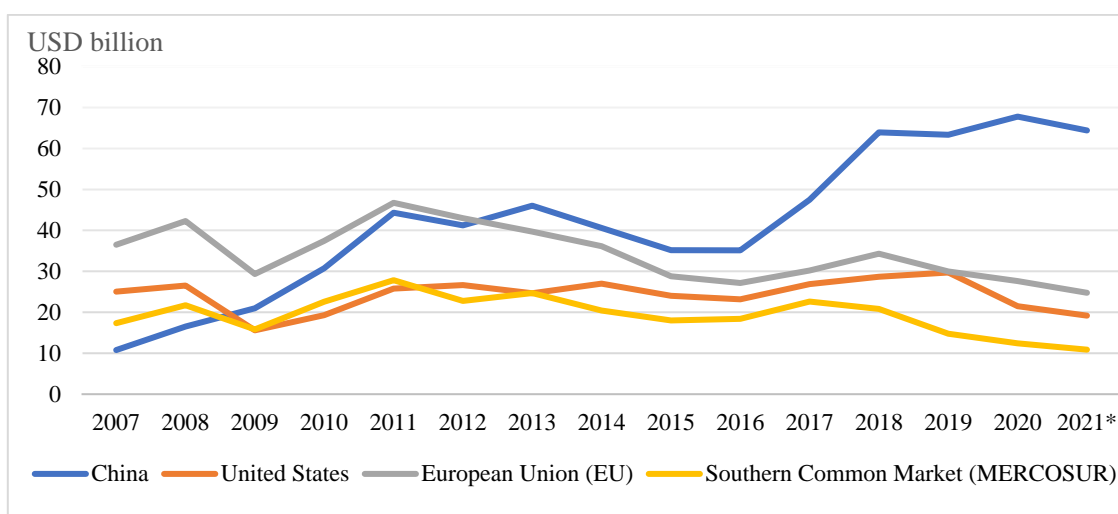

Рис. 3. Динамика экспорта Бразилии с основными партнерами, млрд долл.

Примечание: *2021 — оценочные значения Министерства экономики Бразилии

Построено автором по: MDIC, Comexstat [Электронный ресурс]. URL: <http://comexstat.mdic.gov> (дата обращения: 10.10.2021).

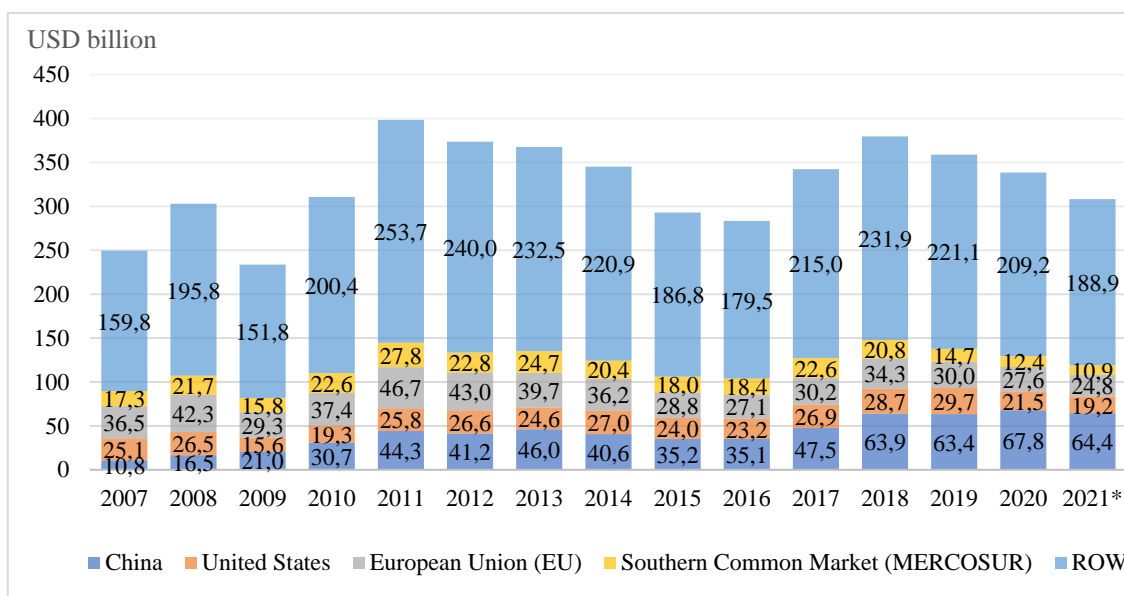

Рис. 4. Структура экспорта Бразилии, млрд долл.

Примечание: *2021 — оценочные значения Министерства экономики Бразилии

Построено автором по: MDIC, Comexstat [Электронный ресурс]. URL: <http://comexstat.mdic.gov> (дата обращения: 10.10.2021).

Доля Китая в импорте Бразилии составляет 21,5 %, что делает Китай также и самым крупным продавцом (рис. 5, 6). В динамике структуры основных импортеров Бразилии наблюдаются тенденции, аналогичные описанным выше по основным партнерам по экспорту: Китай, хотя и с незначительным перевесом занимает главную позицию, опережая ЕС и США, доля стран МЕРКОСУР имеет устойчивую тенденцию к снижению участия в импорте Бразилии.

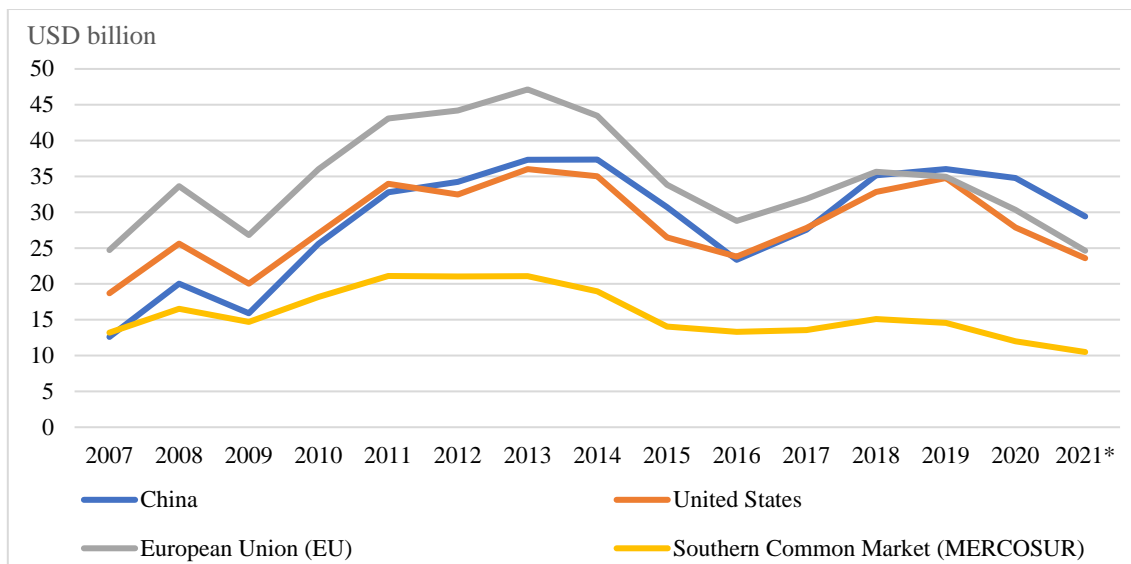

Рис. 5. Структура импорта Бразилии по основным партнерами, млрд долл.

Примечание: *2021 — оценочные значения Министерства экономики Бразилии

Построено автором по: MDIC, Comexstat [Электронный ресурс]. URL: <http://comexstat.mdic.gov> (дата обращения: 10.10.2021).

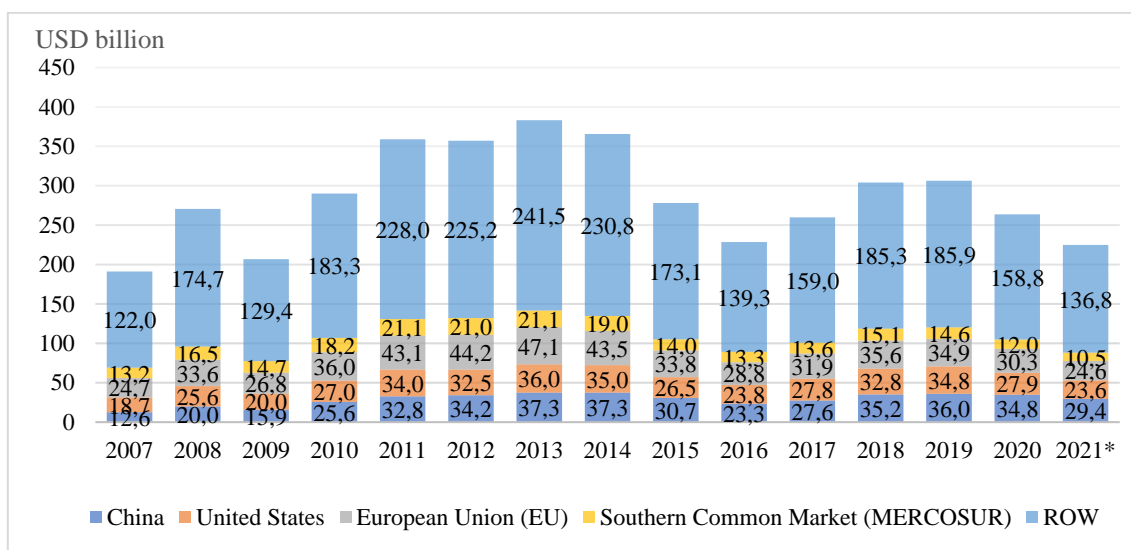

Рис. 6. Структура импорта Бразилии, млрд долл.

Примечание: *2021 — оценочные значения Министерства экономики Бразилии

Построено автором по: MDIC, Comexstat [Электронный ресурс]. URL: <http://comexstat.mdic.gov> (дата обращения: 10.10.2021).

Таким образом, высокая степень вовлеченности Бразилии в торговлю с Китаем имеет две стороны: с одной стороны, наблюдается бесспорная зависимость Бразилии от ее главного торгового партнера — Китая, с другой — благодаря торговле с ним Бразилии удалось несколько смягчить шоки от падения мировой экономики и мировой торговли, вызванные пандемией.

Анализ товарной структуры взаимной торговли Бразилии и Китая показывает, что бразильский экспорт в Китай очень слабо диверсифицирован и сконцентрирован в сырьевых товарах, что определяет сильную зависимость от динамики мировых цен на сырье (см. рис. 7). Более 90 % экспорта Бразилии в Китай представлено всего лишь пятью товарными группами (2-digits, SITC Rev.4). В 2014 г. только три товарных группы (соя, железная руда и масло) составляли около 80 % от всего экспорта в Китай.

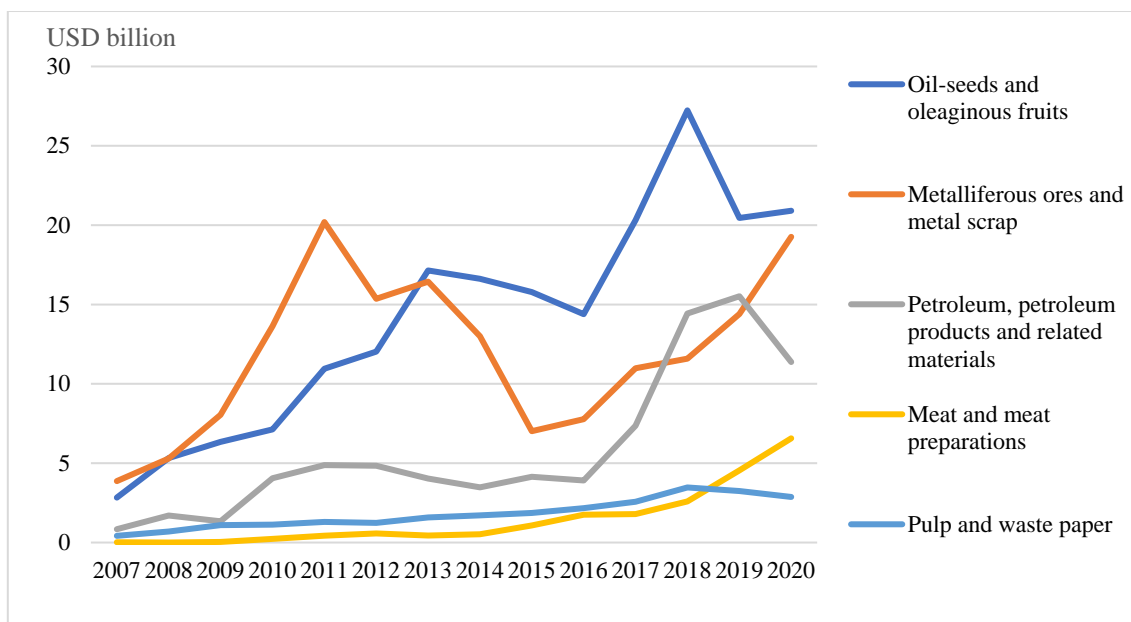

Рис. 7. Структура и динамика экспорта Бразилии в Китай по основным товарным группам, млрд долл. Построено автором по: 2-digits, SITC Rev.4 commodities, *Comtrade* [Электронный ресурс]. URL: <https://comtrade.un.org/data> (дата обращения: 10.10.2021).

При этом импорт из Китая гораздо более диверсифицирован — 15 товарных групп составляют 82 % китайского экспорта в Бразилию (см. рис. 8). При дальнейшем дезагрегировании данных товарных групп можно отметить, что более чем сто товарных групп составляют около 40 % от общего объема импорта товаров из Китая, большинство из которых — это средне- и высокотехнологические товары (телефоны, телевизоры и радиоприемники, корабли, поезда, машины и детали компьютеров). В 2014 г. доля средне- и высокотехнологических товаров в импорте Бразилии из Китая составляла только 14,4 % от общего объема. Увеличение импорта таких товаров стало возможно за счет значительного увеличения экспорта бразильских товаров в Китай.

Анализ динамики взаимной торговли Бразилии и Китая за последние три года в разрезе товарных групп показывает, что в целом бразильский экспорт в Китай по четырем из пяти представленных товарных групп сохраняет траекторию роста объемов (см. рис. 8). Снижение объемов торговли нефтью и нефтепродуктами связано с понижением цен на сырьевые товары на мировых рынках, а не с уменьшением физических объемов экспорта. В целом, по данным пяти товарных групп, экспорт в Китай в 2020 г. увеличился на 13,4 %. Вместе с тем высоко- и средне технологический экспорт Бразилии в другие страны значительно сократился. Так, например, продажи самолетов в 2020 г. упали на 75 %. В целом в первой половине 2020 г. экспорт Бразилии в США (второй по объемам торговый партнер Бразилии) снизился более чем на 32 %. Аналогичная ситуация наблюдается с экспортом Бразилии в страны-члены МЕРКОСУР. Эти торговые отношения с региональными партнерами важны для Бразилии, поскольку они дают стране шанс продавать товары с высокой добавленной стоимостью, в отличие от китайского рынка. Однако на протяжении длительного периода доля стран МЕРКОСУР в торговле с Бразилией неуклонно снижалась, и наибольшее снижение наблюдалось в период пандемии COVID-19.

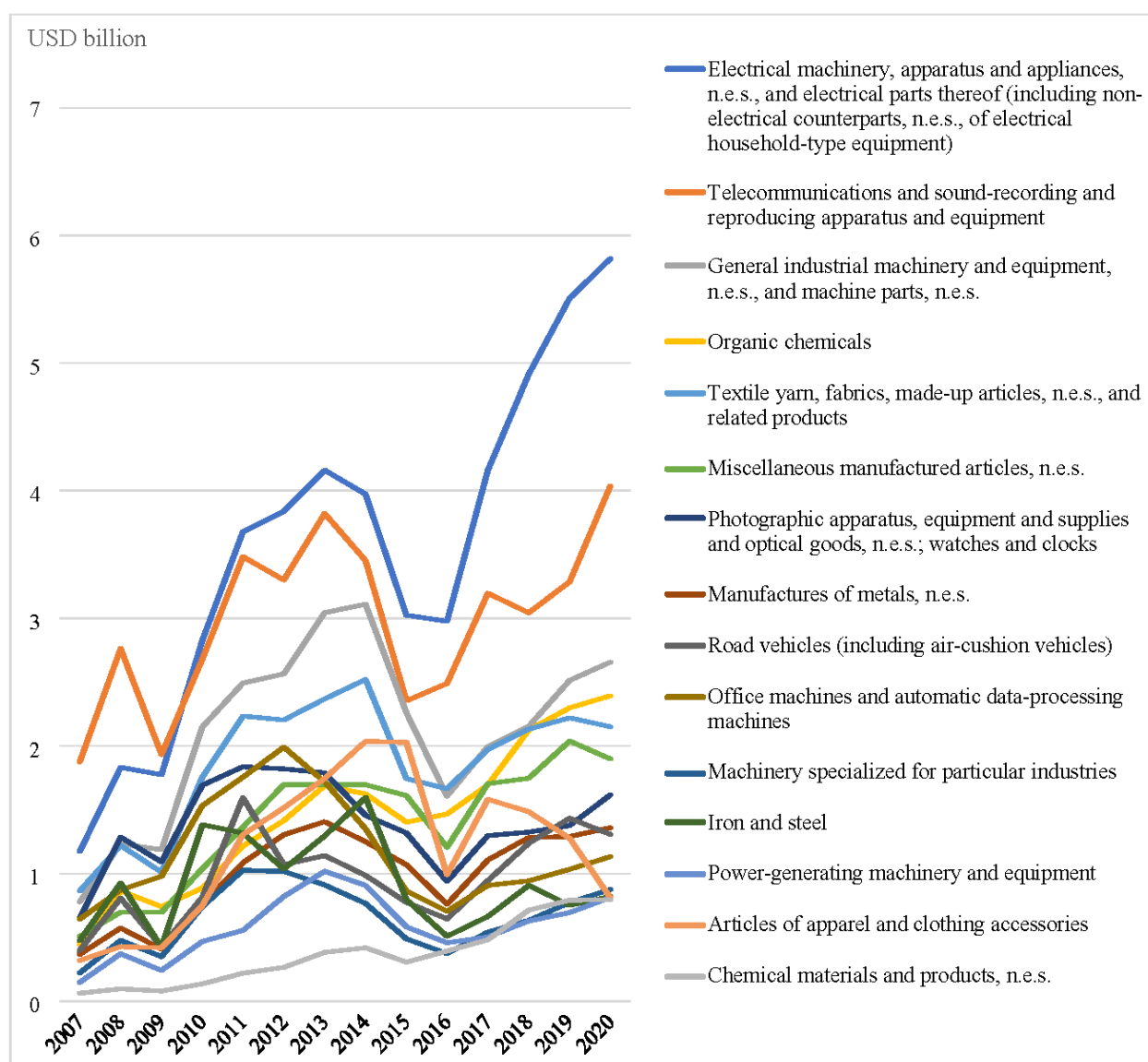

Рис. 8. Структура и динамика импорта Бразилии из Китая по основным товарным группам, млрд долл. Построено автором по: 2-digits, SITC Rev.4 commodities, Comtrade [Электронный ресурс]. URL: <https://comtrade.un.org/data> (дата обращения: 10.10.2021).

Бразильский импорт китайской продукции, состоящей из готовой продукции с высокой добавленной стоимостью, показывает более стабильную динамику роста его объемов (см. рис. 9). Характерно, что в кризисные периоды 2008–2009 гг. и 2015–2016 гг. наблюдалось значительное снижение китайского импорта. В период кризиса 2019–2020 гг. наоборот можно увидеть, что почти по всем товарным группам, особенно по группам электронике и телекоммуникационному оборудованию наблюдается рост импорта. Положительное сальдо торгового баланса Бразилии позволило создать стране определенный запас прочности и сохранить закупки из Китая в объемах, даже превышающих их уровень до пандемии.

Выводы. Пандемия COVID-19, нанесла существенный удар по многим направлениям экспорта Бразилии. Количество стран и регионов, в которых Бразилия обычно продает промышленные товары, в целом уменьшилось. Кризис в странах Южной Америки способствовал снижению спроса на промышленные бразильские товары. Тем не менее влияние пандемии на общий объем бразильского экспорта было смягчено сохраняющимся спросом на бразильские товары со стороны Китая.

Оценивая в целом торговлю товарами Бразилии с Китаем, следует отметить усиление зависимости Бразилии от главного торгового партнера — Китая при существенном

ухудшении структуры экспорта, который имеет слабую диверсификацию, высокую концентрацию, низкий уровень технологической сложности и представлен главным образом несколькими сырьевыми товарами. При этом увеличение доли Китая в экспорте Бразилии происходило наряду со снижением доли торговли с третьими странами — традиционными покупателями несырьевых бразильских товаров.

Вместе с тем именно такая структура торговли Бразилии с Китаем позволила сохранить, а по некоторым позициям даже увеличить взаимную торговлю и избежать в Бразилии шоков, связанных с кризисом мировой экономики и торговли, вызванных пандемией. Это связано в первую очередь с быстрым восстановлением экономики Китая после кризиса и сохранением уровня китайского спроса. Сохраняющаяся напряженность в экономических отношениях между Китаем и США также способствовала увеличению китайского спроса на бразильские товары, которые являются альтернативой американским продуктам питания и другим товарам.

Оценивая перспективы развития взаимной торговли двух стран, стоит предположить, что она сохранит сосуществующие тренды. Возможно, на двустороннюю торговлю может повлиять новая парадигма развития экономики Китая, которая называется «двойная циркуляция», реализуемая в рамках 14-го пятилетнего плана (2021–2025). «Двойная циркуляция», включающая «внутреннюю циркуляцию» и «внешнюю циркуляцию», предусматривает снижение зависимости Китая от импортных ресурсов и технологий. Вместе с тем представляется проблематичным импортозамещение Китаем бразильских сырьевых товаров.

Библиография

1. World Trade Statistical Review 2021 // WTO Library. <https://doi.org/10.30875/604b3e6d-en>
2. *De Backer K., Miroudot S.* Mapping Global Value Chains // OECD Trade Policy Papers. No. 159. OECD Publishing, 2013. <http://dx.doi.org/10.1787/5k3v1trgnbr4-en>
3. *Коваль А. Г., Навроцкая Н. А.* Особенности участия Китая и Бразилии в глобальных производственных системах // Россия и Иberoамерика в глобализирующемся мире: история и современность: доклады и мат-лы IV Междунар. форума. СПб.: Скифия-принт, 2020. С. 1118–1125.
4. *Interconnected Economies: Benefiting from Global Value Chains.* OECD Publishing, 2013.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ В XXI ВЕКЕ

INTERNATIONAL RELATIONS IN LATIN AMERICA IN THE 21st CENTURY

Медина Гонсалес Ксавиер¹

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НЕЗАЩИЩЕННЫХ СЛОЕВ НАСЕЛЕНИЯ В ЭКВАДОРЕ КАК ПОСЛЕДСТВИЯ ПАНДЕМИИ COVID-19

SOCIO-ECONOMIC PROBLEMS OF VULNERABLE SEGMENTS OF THE POPULATION IN ECUADOR AS A CONSEQUENCE OF THE COVID-19 PANDEMIC

Аннотация. В статье рассмотрены социально-экономические проблемы незащищенных слоев населения в Эквадоре в условиях развития пандемии COVID-2019. Проведен анализ развития пандемии новой коронавирусной инфекции как в Эквадоре, так в других странах латиноамериканского региона; выявлены наиболее пострадавшие от пандемии страны Латинской Америки (в том числе Эквадор); выделены социально-экономические последствия пандемии, в том числе снижение доходов населения, усиление неравенства в обществе, увеличение доли безработных, повышение уровня социальной нестабильности и пр. Определены наиболее пострадавшие от пандемии категории граждан: лица с инвалидностью, молодежь, женщины и пенсионеры. Выявлены ключевые векторы, на которых должна строиться государственная поддержка этих категорий граждан, в том числе: социальная, экономическая, информационная и психологическая поддержка; пропагандистская работа с работодателями и стимулирование их к трудоустройству лиц из незащищенных слоев населения; активизация работы общественных организаций в области поддержки лиц с инвалидностью, женщин, пенсионеров и молодежи без опыта работы. Сделан вывод, что особое значение в поддержке данных категорий граждан (кроме пенсионеров) должно отдаваться процессу включения их в рынок труда, а именно обеспечению рабочими местами, в том числе с частичной или дистанционной занятостью; стимулированию

¹ **Медина Гонсалес Ксавиер**, Россия, кандидат исторических наук, ассистент кафедры теории и истории международных отношений РУДН (xaviermedinagonza1988@gmail.com).

предпринимательской деятельности в малом бизнесе. В этой связи важная роль должна отводиться также специальным центрам занятости, в рамках которых осуществляются мероприятия не только по трудоустройству, но и по консультационной, информационной и психологической поддержке, а также организации переквалификации и обучения незащищенных категорий граждан. В работе были применены методы анализа, синтеза, обобщения, классификации, статистический методы.

Ключевые слова: Латинская Америка, пандемия COVID-2019, социальная политика, Эквадор, социально незащищенные слои населения.

Abstract: The article examines the socio-economic problems of vulnerable segments of the population in Ecuador in the context of the COVID-2019 pandemic. The analysis of the development of the pandemic of a new coronavirus infection both in Ecuador and in other countries of the Latin American region was carried out; the most affected countries of Latin America (including Ecuador) were identified; the socio-economic consequences of the pandemic were highlighted, including: a decrease in the income of the population, an increase in inequality in society, an increase in the share of the unemployed, an increase in the level of social instability, etc. The categories of citizens most affected by the pandemic have been identified: persons with disabilities, young people, women and pensioners. The key vectors on which state support for these categories of citizens should be based are identified, including: social, economic, informational and psychological support; propaganda work with employers and encouraging them to employ people from vulnerable segments of the population; activation of the work of public organizations in the field of support for persons with disabilities, women, pensioners and youth without work experience. It is concluded that special importance in supporting these categories of citizens (except pensioners) should be given to the process of their inclusion in the labour market, namely, providing jobs, including with partial or remote employment; stimulating entrepreneurship in small businesses. In this regard, an important role should also be given to special employment centers, within the framework of which measures are carried out not only for employment, but also for consulting, informational and psychological support, as well as the organization of retraining and training of unprotected categories of citizens. Methods of analysis, synthesis, generalization, classification, statistical methods were used in the work.

Key words: Latin America; COVID-2019 pandemic; social policy; Ecuador; socially vulnerable segments of the population.

Введение

Пандемия новой коронавирусной инфекции SARS-Cov-2, затронувшая все страны мира начиная с 2020 г., повлекла за собой ряд серьезных социально-экономических проблем, в том числе в тех странах, где и без того наблюдались такие проблемы, как высокий процент бедности населения, низкий уровень ВВП на душу населения, низкий уровень грамотности, высокий уровень безработицы и пр. Последствия кризиса, вызванного пандемией, сказались на Эквадоре как одной из беднейших стран Латинской Америки. При рассмотрении социальных проблем среди эквадорского общества особое место следует уделить так называемым незащищенным слоям населения, среди которых молодежь, пенсионеры, женщины, лица с ограничением физических возможностей, а также представители коренных племен. В этой связи становится крайне важным проводить анализ причин этих проблем, правильно оценивать их последствия, а также выработать наиболее рациональные шаги по преодолению таких проблем для дальнейшего развития страны.

Ключевые проблемы социально незащищенных слоев населения в Эквадоре

Важным аспектом, который следует учитывать при исследовании проблем, возникших в условиях пандемии среди незащищенных слоев населения, является тот факт, что данные проблемы в Эквадоре возникали уже в течение многих десятилетий. Так, например,

наиболее остро они сформировались у представителей коренных племен, лиц с ограниченными физическими возможностями и среди женского населения. Например, долгие годы в стране отчетливо прослеживалась дискриминация женщин (женщинам не только было сложно устроиться на ряд должностей, но на одних и тех же должностях представители мужского и женского населения получали на порядок разный доход).

Серьезная ситуация наблюдалась и среди коренного населения (в стране насчитывается 7 % представителей индейских племен). Индейцы также были дискриминируемы как в сфере образования, медицины, так и на рынке труда. Например, большинство индейцев (более 78 % от всего коренного населения) проживает сегодня в сельской местности, в том числе в труднодоступных горных районах, где практически нет доступа к медицинским или образовательным услугам. Кроме того, круг сфер занятости индейцев достаточно узок (преимущественно сельское хозяйство). Часть племен (отавало и пуруа) заняты в производстве традиционных ремесел, а небольшая часть представителей шуар трудоустроена на нефтедобывающих предприятиях (табл. 1).

Таблица 1. Сферы занятости, уровень грамотности и численность наиболее крупных коренных народностей Эквадора²

Коренные народности	Численность	Сферы занятости	Уровень грамотности, %
Кичуа	730 104	Сельское хозяйство, скотоводство, торговля, ткачество	16,1
Шуар	79 709	Охота, рыбалка, собирательство, скотоводство, земледелие. Часть занято в добыче нефти.	6,9
Пуруа	300 000	Сельское хозяйство, скотоводство, ремесла, торговля	20,3

Несмотря на то, что правительство Р. Корреа с 2007 г. боролось с проблемой дискриминации социально незащищенных слоев населения (в большей степени коренных народов), тем не менее, эту проблему не удалось полностью искоренить.

Сегодня острой проблемой является также и социальная поддержка лиц с ограниченными физическими возможностями. Так, согласно данным Министерства экономической и социальной интеграции (MIES) в Эквадоре проживает 302,6 тыс. инвалидов в возрасте от 18 до 64 лет. Около половины такого населения проживает в сельской местности и не умеет читать и писать. К категории неграмотного населения также относятся 33,6 % женщин-инвалидов. В Министерстве отмечают, что инвалиды в стране «страдают от многочисленных диспропорций и имеют меньше возможностей для доступа к качественному образованию». Таким образом, можно констатировать практически полное отсутствие программ поддержки в области интеграции лиц с ограниченными физическими возможностями как в образовательное пространство, так и в рынок труда.

Проблемы среди социально незащищенных слоев населения Эквадора усугубили как общие назревающие экономические проблемы по всему миру в течение нескольких лет, так и институциональная слабость эквадорского правительства, несогласованные действия по социальной поддержке на местах, низкий уровень доверия граждан страны к правительству, резкое сокращение социальных программ и, как один из серьезных факторов, пандемию нового коронавируса SARS-Cov-2.

² Уровень безработицы в Эквадоре в 2018–2021 гг. // Trading Economics [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/ecuador/unemployment-rate> (дата обращения: 29.09.2021).

Пандемия как катализатор социально-экономических проблем Эквадора

Развитие пандемии нового коронавируса показало, что наиболее уязвленными странами латиноамериканского региона стали Бразилия, Колумбия, Аргентина, Перу, Чили и Эквадор. Эквадор стал одной из самых пострадавших от пандемии стран согласно проценту заразившихся и умерших от всей численности жителей. В апреле 2020 г. страна была названа «эпицентром» пандемии в Латинской Америке.

Очевидными являются социально-экономические последствия пандемии. Так, в Эквадоре серьезному ущербу подвергся малый бизнес. По некоторым оценкам, работы лишились 150 тыс. эквадорцев. К наиболее пострадавшим от последствий пандемии можно отнести туристический сектор, обрабатывающую промышленность, торговлю и ремесленное производство. Сильно пострадали, к примеру, небольшие предприятия национального промысла, которые были весьма успешно в последние годы интегрированы в туристических бизнес. Владельцами многих таких предприятий были представители коренного населения.

Следует отметить, что правительство предпринимало попытки поддержать наиболее уязвимые в период пандемии слои населения и несколько месяцев выделяло пособие в размере 60 долларов, однако очевидно, что такого пособия было недостаточно при минимальном размере заработной платы 394 доллара в стране в 2020 г.

Рассматривая проблемы социально незащищенных слоев населения, следует особенно выделить категорию молодежи. В Эквадоре был всегда достаточно высоким уровень молодежной безработицы, а подавляющее число молодых людей не работало по специальности. В связи с кризисом, вызванным новой коронавирусной инфекцией, уровень молодежной безработицы увеличился. По неофициальным данным, она достигает сегодня более 50 %. По официальным данным, в июле 2020 г. уровень общей безработицы в Эквадоре достиг 16,8 %. В начале 2021 г. ее уровень несколько стабилизировался и упал до 7,3 %.

Уровень занятости в июле 2020 г. в Эквадоре упал до 20,2 %, хотя через год он был восстановлен до 41,7 %. Согласно данным Национального института статистики и переписи (INEC), неполная занятость в стране выросла в ходе пандемии до 34,5 %. То есть можно констатировать тот факт, что больше, чем каждый третий эквадорец сегодня работает дистанционно³.

Экономической комиссией для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК) в отчете «Социальная панорама Латинской Америки» было сообщено, что в 2021 г. в странах региона были зарегистрированы самые высокие показатели роста крайней бедности за последние 20 лет. Более 12 % населения Латиноамериканского региона сегодня проживает в условиях крайней нищеты. Так, в 2021 г. в Эквадоре увеличилось число бедного населения на 3,2 млн (из них 1,4 млн человек живут на сумму менее 47,8 долларов в месяц). Общее число бедных в стране составляет сегодня 9,2 млн человек (то есть 52 %, или каждый второй эквадорец (табл. 2).

Таблица 2. Уровень бедности в Эквадоре на 2021 г. по категориям

Категория бедных	Число жителей
нищее население с доходом 47,8 долл./мес.	1,4 млн чел.
бедное население с доходом 84,8 долл./мес.	7,8 млн чел.
<i>Всего бедного населения</i>	9,2 млн чел.

³ Уровень занятости в Эквадоре в 2018–2021 гг. // Trading Economics [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/ecuador/employment-rate> (дата обращения: 29.09.2021).

Представители ЮНИСЕФ в Эквадоре подчеркивают феномен «многомерной бедности», который характеризуется не только критически низким уровнем доходов населения, но и ограничением в доступе к образованию и медицинским услугам. С 2020 г. в стране усилились такие негативные тенденции, как недоедание детей в возрасте от рождения до 5 лет (до 27 %), уход детей из школ (до 21 %), увеличение детского труда (до 13 %). Общий уровень многомерной бедности вырос в Эквадоре в 2020 г. на 5 % и составляет сегодня 48 %. Особенно такой феномен прослеживается среди представителей коренных племен.

Таким образом, можно выделить ключевые социальные последствия пандемии новой коронавирусной инфекции, в том числе снижение доходов населения, усиление неравенства в обществе, увеличение доли безработных, повышение уровня социальной нестабильности и пр. Особенно эти проблемы коснулись незащищенных слоев населения.

Перспективы минимизации проблем социально незащищенных слоев населения в Эквадоре

Согласно ряду прогнозов как авторитетных международных организаций, так и отдельных авторов, занимающихся вопросами развития латиноамериканского региона, многие страны региона в ближайшем будущем ждет беспрецедентный спад, а также усиление ряда политических, экономических и социальных кризисов. Нельзя не отметить, что сегодня ряд организаций, в том числе ЮНИСЕФ, активно обращают внимание на проблемы, в том числе в социально незащищенных слоях населения беднейших стран мира. Для Эквадора, например, ЮНИСЕФ был предложен широкий пакет социальных инвестиций на сумму 2,6 млрд долларов, которые смогут улучшить сложившееся катастрофическое положение эквадорского населения (табл. 3). Однако, надо отметить, что данных мероприятий недостаточно для решения всех проблем, в том числе среди социально незащищенных слоев населения⁴.

Таблица 3. Предлагаемые ЮНИСЕФ мероприятия для улучшения жизни населения в Эквадоре

Мероприятия	Инвестиции, млн долл. США
Программы по уходу за новорожденными	374
Программы по искоренению детского труда	575
Программы по расширению квот на образование	1 346

Нам представляется важным выстроить многовекторную социальную поддержку социально незащищенных слоев населения, которая бы затрагивала не только экономическую, но и информационные и психологические виды поддержки. В этой связи представляется важным:

- разработка наиболее действенных программ экономической поддержки социально незащищенных слоев населения, в том числе лиц с ограничением физических возможностей; женщин, самостоятельно воспитывающих детей; детей-сирот; представителей коренных племен; молодежи без опыта работы;
- проведение пропагандистской работы с эквадорскими работодателями и стимулирование их к трудоустройству лиц из категории незащищенных слоев населения;

⁴ Ecuador People 2016 // Theodora [Электронный ресурс]. URL: http://www.theodora.com/wfbcurrent/ecuador/ecuador_people.html (дата обращения: 29.09.2021).

- активизация работы общественных организаций в области поддержки лиц с инвалидностью, женщин, пенсионеров и молодежи без опыта работы;
- активизация в рамках центров занятости консультационной, информационной и психологической поддержки, а также организация переквалификации и обучения незащищенных категорий граждан наиболее востребованным профессиям.

Нам представляется важным, что особое значение в поддержке данных категорий граждан должно отдаваться процессу включения таких лиц в рынок труда, а именно обеспечению рабочими местами, в том числе с частичной или дистанционной занятостью; стимулированию предпринимательской деятельности в малом бизнесе. Особое значение в таких мероприятиях приобретает и качественная информационная поддержка.

Заключение

Пандемия нового коронавируса SARS-Cov-2 только усилила и без того серьезные негативные тенденции, которые наблюдались в период правления в Эквадоре президента Л. Морено. В результате пандемии, которая усугубила экономические, политические и социальные проблемы в эквадорском обществе, особенно пострадали незащищенные слои населения: представители коренных племен, лица с ограниченными физическими возможностями, женщины, молодежь. Так, повысился уровень безработицы, в том числе среди молодежи; сократилась занятость, включая представителей коренного населения; усугубилось и без того серьезное положение инвалидов в обществе; усилилась дискриминация социальных категорий слоев населения в области образования и рынка труда.

Для улучшения сложившейся ситуации в рамках данной работы предложен спектр мероприятий, который бы касался не только экономических методов, но и в большей степени консультационной, информативной, общественной помощи незащищенным слоям населения, а именно: включение в программу помощи эквадорских работодателей по направлению более активного трудоустройства незащищенных слоев граждан; активизация работы общественных организаций в области поддержки незащищенных категорий населения; увеличение программ центров занятости в области консультационной, информационной и психологической поддержки, а также организации переквалификации и обучения лиц из незащищенных категорий эквадорцев.

Библиография

1. Ecuador People 2016 // Theodora [Электронный ресурс]. URL: http://www.theodora.com/wfbcurrent/ecuador/ecuador_people.html (дата обращения: 29.09.2021).
2. Около половины инвалидов в Эквадоре не умеют читать и писать. 19.11.2019 // Эквадор сегодня [Электронный ресурс]. URL: <https://rusecuador.ru/ecuador-novedades/diferente/18758-okolo-poloviny-invalidov-v-ekvadore-ne-umeyut-chitat-i-pisat.html> (дата обращения: 29.09.2021).
3. Безработица в Эквадоре существенно выросла в последние два месяца // Информационное агентство «Красная Весна» [Электронный ресурс]. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/ff17254c> (дата обращения: 29.09.2021).
4. В Эквадоре около 80 % производства парализовано из-за коронавируса // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20200327/1569216795.html> (дата обращения: 28.09.2021).
5. Уровень безработицы в Эквадоре в 2018–2021 гг. // Trading Economics [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/ecuador/unemployment-rate> (дата обращения: 29.09.2021).
6. Уровень занятости в Эквадоре в 2018–2021 гг. // Trading Economics [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/ecuador/employment-rate> (дата обращения: 29.09.2021).
7. Эквадор. Минимальная заработная плата // Trading Economics [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/ecuador/minimum-wages> (дата обращения: 27.09.2021).

8. Instituto Nacional Estadística y censos // Instituto Nacional de Estadística y Censos [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ecuadorencifras.gob.ec/institucional/home/> (дата обращения: 27.09.2021).
9. Уровень бедности в странах Латинской Америки за 20 лет вырос — эксперты. 25.05.2021 // Информационное агентство «Красная весна» [Электронный ресурс]. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/0800f1bf> (дата обращения: 29.09.2021).
10. 2021 год начинается с 3,2 млн новых бедных в Эквадоре в результате пандемии. 03.01.2021 // Эквадор сегодня [Электронный ресурс]. URL: <https://rusecuador.ru/ecuador-novedades/economia/20356-2021-god-nachinaetsya-s-32-mln-novyh-bednyh-v-ekvadore-v-rezultate-pandemii.html> (дата обращения: 24.09.2021).
11. El empleo indígena en el Ecuador, una mirada a su situación y estado de ánimo laboral // Instituto nacional de estadísticas y censos ANALISIS, tercera edición. Agosto, 2012. P. 7.
12. Mapa del territorio de Nacionalidades y pueblos del Ecuador [Recurso electrónico] // Consejo de desarrollo de las nacionalidades y pueblos del Ecuador (CODENPE). URL: http://www.codenpe.gob.ec/index.php?option=com_content&view=article&id=125&catid=96 (дата обращения: 26.09.2021).
13. Antecedentes de pueblos de la nacionalidad Kichwa [Recurso electrónico]. URL: <http://kichwa.net/wp-content/uploads/2011/08/nacionalidad-kichwa.pdf> (дата обращения: 27.09.2021).

Ю. В. Николаев¹

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЭКВАДОРА ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ МОРЕНО (2017–2021)

FOREIGN POLICY OF ECUADOR UNDER THE MORENO GOVERNMENT (2017–2021)

Resumen: Al llegar al poder en Ecuador en 2017, después de una década de “Revolución Ciudadana”, el ambicioso y extraordinario presidente Lenín Moreno inició el curso de la política ecuatoriana, cambiando radicalmente la dirección de la política exterior del estado. La salida de ALBA y UNASUR, la extradición del deshonrado periodista australiano Julian Assange es solo la primera de las numerosas transformaciones de política exterior que siguieron desde la llegada de la administración de Moreno. El acercamiento con Estados Unidos y el alejamiento de las ideas del “socialista del siglo XXI” Rafael Correa impulsaron la formación de una nueva etapa de “retorno” a las políticas dependientes de principios de 2000. Por lo tanto, el autor intenta analizar y considerar las actividades de la administración de Lenín Moreno en el campo de la política exterior y comprender lo que le faltó a uno de los líderes ecuatorianos más impopulares durante su mandato.

Palabras clave: Ecuador; Estados Unidos; Venezuela; Naciones Unidas; China; Rusia; Lenín Moreno.

Abstract: Coming to power in Ecuador in 2017, after a decade of “Citizen Revolution” the ambitious and extraordinary President Lenin Moreno initiated the course of Ecuadorian politics, radically changing the direction of the state’s foreign policy. The withdrawal from ALBA and UNASUR, extradition of disgraced Australian journalist Julian Assange are only the first of many foreign policy transformations that followed the arrival of the Moreno administration. The rapprochement with the United States and the departure from the ideas of the “socialist of the 21st century” Rafael Correa gave impetus to the formation of a new stage of “return” to the dependent policy of the early 2000s. Therefore, the author attempts to analyze and consider the activities of the Lenin Moreno administration in the field of foreign policy and understand what one of the most unpopular Ecuadorian leaders lacked during his tenure.

Key words: Ecuador; USA; Venezuela; UN; China; Russia; Lenin Moreno.

Для Эквадора 2016–2017 гг. стали насыщенными политическим противостоянием различных лагерей и сил в рамках президентской предвыборной кампании, исход которой показал раскол в эквадорском обществе. После длительных баталий с многочисленными обвинениями во втором туре выборов с перевесом в менее 3 % Президентом Эквадора стал Ленин Морено Гарсес (2017–2021) — кандидат от правящей партии Alianza País, отметивший по итогам голосования успех своей партии среди населения².

Рассмотрим наиболее значимые направления эквадорской внешней политики и проследим их отличия от предыдущей администрации.

¹ Николаев Юрий Викторович, Россия, аспирант направления История международных отношений и внешней политики СПбГУ (yura_nik-95@mail.ru).

² Эмиль Дабагян, “Ход событий”, *Латинская Америка* 6, 2017, с. 14.

Латиноамериканское направление внешней политики Эквадора

При администрации Морено внешняя политика Эквадора на латиноамериканском направлении была сосредоточена главным образом на венесуэльском кризисе.

После непризнания правительства Николаса Мадуро (2013 — наст. вр.) Эквадор стал членом Международной контактной группы (Grupo Internacional de Contacto, GIC) вместе с ЕС и другими странами, которая отстаивала демократический переход власти с мирным диалогом и свободными выборами в Венесуэле. В то же время Эквадор не вошел в Группу Лимы, созданную в 2017 г., так как она видела себя близкой по духу и настроениям к стратегии Дональда Трампа (2017–2021) по смене режима в Венесуэле³.

Одновременно в 2018 г. Эквадор возглавил создание многостороннего формата — Процесс Кито (Proceso de Quito), целью которого стала разработка жизнеспособной и устойчивой межгосударственной политики в отношении миграционного кризиса в Венесуэле, с опорой на Декларацию Кито о миграции граждан Венесуэлы в страны региона, разработанную в сентябре 2018 г. в столице Эквадора⁴. В рамках осуществляемой Эквадором миграционной политики основная задача государства состояла в реализации принципа универсального гражданства, а также в предоставлении беженцам условий для достойной жизни⁵.

В январе 2019 г. Эквадор признал Хуана Гуайдо главой Венесуэлы и призвал мировое сообщество к широкому наблюдению за ситуацией в стране с целью восстановления демократии и отстранения от власти «коррупцированного популистского режима»⁶.

7 ноября 2019 г. на XIII двусторонней правительственной встрече Перу — Эквадор президенты стран подтвердили поддержку усилий Группы Лимы и «выразили настоятельную необходимость мирного и демократического решения кризиса во главе с самим населением Венесуэлы»⁷.

В октябре 2020 г. Эквадор и Сальвадор на правах наблюдателей с Группой Лимы выпустили Совместную декларацию, в которой подтвердили поддержку Хуану Гуайдо и осудили режим Н. Мадуро и его отказ следовать свободе выборов и свободе слова⁸.

Из-за вспыхнувшей гуманитарной проблемы в Венесуэле в 2018 г. Эквадор принял решение выйти из Боливарианского альянса для народов нашей Америки (АЛБА), аргументировав свою позицию «упорным нежеланием венесуэльских властей сесть за стол переговоров с оппозицией и найти мирный ненасильственный выход из критической ситуации»⁹. Выход из АЛБА показал принципиальное несогласие Эквадора с политикой действующей венесуэльской власти во главе с Мадуро, когда еще в декабре 2017 г. Морено

³ Carlos Espinosa, “¿Es correcto que Ecuador integre el GIC y no el Grupo de Lima?”. 25.05.2019, *Cuatro pelagatos* [Электронный ресурс]. URL: https://4pelagatos.com/2019/03/25/es-correcto-que-ecuador-integre-el-gic-y-no-el-grupo-de-lima/?_cf_chl_managed_tk__=pmd_c9CK7HyHTrk_y8GsoZuQfUtKmgDnJFEiynCTRMbl.FU-1630157942-0-gqNtZGzNAxCjcnBszQhR (дата обращения: 02.09.2021).

⁴ Lara Cosme Batallas, “Del grupo de Lima al proceso de Quito: análisis de las políticas públicas implementadas en el marco del multilateralismo sudamericano, como muestra de solidaridad y cooperación frente a la crisis migratoria venezolana”, *Lex — Revista de la Facultad de Derecho y Ciencias Políticas de la Universidad Alas Peruanas* 18:26, 2020, p. 429.

⁵ “Plan Nacional de Movilidad Humana”, *Ministerio de Relaciones Exteriores y Movilidad Humana del Ecuador*, Quito, 2018, p. 30–36 [Электронный ресурс]. URL: https://www.cancilleria.gob.ec/wp-content/uploads/2018/06/plan_nacional_de_movilidad_humana.pdf (дата обращения: 02.09.2021).

⁶ “El Ecuador endurece posición sobre Venezuela”. 29.09.2019, *El Comercio* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elcomercio.com/opinion/editorial/ecuador-moreno-posicion-maduro-venezuela.html> (дата обращения: 02.09.2021).

⁷ “Previo a cita, Ecuador y Perú ratifican apoyo al Grupo de Lima frente a crisis venezolana”. 07.11.2019, *El Comercio* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elcomercio.com/actualidad/politica/moreno-vizcarra-grupo-lima-gabinete.html> (дата обращения: 03.09.2021).

⁸ “Declaración del Grupo de Lima”. 13.10.2020, *Ministerio de Relaciones Exteriores del Perú* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gob.pe/institucion/rree/noticias/306996-declaracion-del-grupo-de-lima> (дата обращения: 03.09.2021).

⁹ Эмиль Дабаган, “Эквадор на перепутье”, *Новая и новейшая история* 2, 2019, с. 48.

отказался от участия в гаванском саммите АЛБА, что еще больше охладило и без того трудные союзнические и партнерские контакты двух государств¹⁰. Причиной выхода Эквадора из АЛБА стало и жестокое подавление протестов, начавшихся весной 2018 г. в Никарагуа из-за социальной реформы президента Хосе Даниэля Ортеги (2007 — наст. вр.): «Эквадор не согласен с тем, как АЛБА реагирует на социальные волнения в Никарагуа... Позиция Эквадора по венесуэльскому и никарагуанскому кризису расходятся, Эквадор не должен продолжать участвовать в органе, в котором есть разногласия», — подчеркнул в 2018 г. министр иностранных дел Эквадора Хосе Валенсия¹¹.

В середине марта 2019 г. Эквадор заявил о своем выходе из Союза южноамериканских государств (УНАСУР) на фоне обострившегося административного кризиса внутри организации, «разношерстного» состава участников и идеологических разногласий ее членов, особенно по вопросу Венесуэлы¹².

В это же время на фоне обострившегося кризиса в Венесуэле и развала УНАСУР, Колумбией и Чили создается «новый» формат взаимодействия — Форум за прогресс и развитие Южной Америки (ПРОСУР)¹³.

22 марта 2019 г. в Чили состоялся Первый саммит государств — членов ПРОСУР, участие в котором принял и Эквадор¹⁴. Президент Л. Морено отметил: «С подписанием Декларации Сантьяго мы даем жизнь ПРОСУР. Таким образом, мы объединяемся ради подлинной интеграции, основанной на принципах, ценностях и беспощадной войне за демократию, свободу и права тех, кто в нас больше всего нуждается»¹⁵.

Тем самым Эквадор заявил о «разрыве» своей прежней политики, направленной на построение «социализма XXI века», начав новую политику с уклоном на деидеологизированность и обновление, в то же время продемонстрировав свою приверженность к одному из лагерей в политической битве на карте Латинской Америки.

Если отличие периода руководства Корреа заключалось в том, что администрация Эквадора отмечала целесообразность интеграции с левоориентированными правительствами региона, вступив в 2009 г. в АЛБА, то с приходом Морено и его внешнеполитической переориентировки, и критической фазой кризиса в Венесуэле в 2018 г. было решено покинуть альянс, к тому же с этого момента Эквадор признал главой Венесуэлы Гуайдо¹⁶, чьи лозунги и действия никак не укладывались в рамки единого и общего развития стран региона внутри представленных организаций.

¹⁰ Виктор Хейфец, Лилия Хадорич, Алексей Андреев, Софья Добронравина, Михаил Борисов и Дарья Правдюк, Латинская Америка: региональная интеграция и формирование полюсов многополярного мира, *От биполярного к многополярному миру: латиноамериканский вектор международных отношений в XXI веке*, отв. ред. Виктор Хейфец, Москва, 2019, с. 179.

¹¹ “La salida de Ecuador de la Alba fue también por crisis en Nicaragua”. 24.08.2018, *El Comercio* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elcomercio.com/actualidad/politica/salida-ecuador-alba-crisisnicaragua-venezuela.html> (дата обращения: 03.09.2021).

¹² “Ecuador se retira de Unasur y abre la puerta a nuevas iniciativas de integración”. 14.03.2019, *El País* [Электронный ресурс]. URL: https://elpais.com/internacional/2019/03/14/america/1552524533_446745.html (дата обращения: 04.09.2021).

¹³ “Texto de la declaración del Presidente Duque sobre Prosur en entrevista con “Oye Cali”. 14.01.2019, *Presidencia de la República de Colombia* [Электронный ресурс]. URL: <https://id.presidencia.gov.co/Paginas/prensa/2019/190114-Texto-de-la-declaracion-del-Presidente-Duque-sobre-Prosor-en-entrevista-con-Oye-Cali.aspx> (дата обращения: 04.09.2021).

¹⁴ Андрей Пятаков, “PROSUR — новый механизм южноамериканской (дез)интеграции?” *Латинская Америка* 7, 2020, с. 21.

¹⁵ “Lenín Moreno”. 22.03.2019, *Twitter* [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com/Lenin/status/1109159699520385024> (дата обращения: 04.09.2021).

¹⁶ Татьяна Воротникова, “Левые режимы в Боливии и Эквадоре: десять отличий”, *Латинская Америка* 11, 2019, с. 22.

Сотрудничество Эквадора с США

Отношения с США сдвинулись с мертвой точки после прихода в 2017 г. нового эквадорского президента. Одной из первых проблем был основатель организации WikiLeaks Джулиан Ассанж, который преследовался по обвинению в шпионаже американскими властями и с 2012 г. находился в убежище в эквадорском посольстве в Лондоне, предоставленном Рафаэлем Корреа.

Во время предвыборной гонки кандидат в президенты Морено заверил всех, что в случае своей победы на выборах сохранит убежище Ассанжу¹⁷, обозначив преемственность прежней позиции Корреа по этому вопросу.

Как отметил ученый А. Н. Пятаков, досье основателя WikiLeaks затрагивает вопросы безопасности Ассанжа и Эквадора, подчеркивая, что для Эквадора вопросы прав человека и национального суверенитета остаются на первых местах и «Эквадор при администрации Морено скорее всего не пойдет на уступки в отношении столь принципиального вопроса, как сохранение личной безопасности Ассанжа», отмечая, что «Ассанж нужен Эквадору как весомый фактор внешнеполитической переговорной стратегии в непростых отношениях с США»¹⁸.

Однако с приходом Морено Эквадор ни разу не поднимал вопрос, связанный с преследованием журналиста, а в 2019 г. лишил Ассанжа убежища, под предлогом неоднократных нарушений внутреннего распорядка в эквадорском посольстве и тесных контактов с экс-президентом Эквадора Корреа, который обвинялся в подрывной деятельности суверенитета и целостности Эквадора¹⁹.

Ситуация с Ассанжем тесно переплелась со вторым вопросом — получение кредита от Международного валютного фонда (МВФ). На конец июля 2019 г. внешний долг Эквадора составил более 100 млрд долларов США, что заставило правительство Морено обратиться в МВФ за помощью²⁰. Достигнув соглашения о кредите от МВФ в размере 6,5 млрд долларов США, президент Морено лишил Ассанжа убежища и аннулировал его эквадорское гражданство. Сам Корреа отметил: «Выдача Ассанжа является настоящим позором... Морено продал Соединенным Штатам Ассанжа в обмен на финансовую помощь..., а также пообещал помочь в деле изоляции Венесуэлы»²¹.

В июне 2019 г. Эквадор на основе Соглашения о сотрудничестве между двумя государствами в целях борьбы с незаконным оборотом наркотиков предоставил США аэропорт острова Сан-Кристоваль на Галапагосских островах в качестве военного аэродрома для ВВС и ВМС США²², вопреки пятой статье Конституции 2008 г., которая объявляет Эквадор территорией мира и запрещает создание иностранных военных баз и объектов²³.

В июле 2019 г. в Эквадор прибыл госсекретарь США Майк Помпео. Основными темами стали вопросы кибербезопасности, поддержка президентом Морено венесуэльской оппозиции, а также передача Дж. Ассанжа британским властям. Как отметил госсекретарь

¹⁷ “Lenín Moreno mantendrá asilo para Julián Assange, pero le pedirá que sea más delicado en temas de política internacional”. 09.02.2017, El Comercio [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elcomercio.com/actualidad/politica/leninmoreno-asilo-julianassange-campana-elecciones.html> (дата обращения: 04.09.2021).

¹⁸ Андрей Пятаков, “Победа Ленина Морено в Эквадоре”, *Латинская Америка* 6, 2017, с. 24.

¹⁹ Юрий Николаев, “Республика Эквадор в ООН в начале XXI века”, *Латинская Америка* 1, 2021, с. 43.

²⁰ Елена Галибина-Лебедева, “Преследование Джулиана Ассанжа как отражение долговой зависимости Эквадора от США”, *Латинская Америка* 9, 2019, с. 44.

²¹ Юрий Николаев, “Рафаэль Корреа: ‘Мы никогда не будем ничьим ‘задним двором’ (интервью)”, *Латинская Америка* 5, 2021, с. 84–85.

²² “Galapagos Islands Will Now Serve US Military as Airfield”. 12.06.2019, *teleSUR* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.telesurenglish.net/news/Galapagos-Islands-Will-Now-Serve-US-Military-as-Airfield-20190612-0028.html> (дата обращения: 04.09.2021).

²³ “Constitución de la República del Ecuador”. 20.10.2008, *Asamblea Nacional Constituyente de Ecuador* [Электронный ресурс]. URL: https://www.asambleanacional.gob.ec/sites/default/files/documents/old/constitucion_de_bolsillo.pdf (дата обращения: 04.09.2021).

Помпео: «Мы приветствуем «новые» отношения со своими эквадорскими коллегами... началась новая эра в наших отношениях с тех пор, как президент США Д. Трамп и Л. Морено решили, что будут идти рука об руку»²⁴.

Осенью 2019 г. Эквадор и США подписали Соглашение об укреплении сети обмена информацией и сотрудничестве в борьбе с терроризмом²⁵.

В начале декабря 2020 г. Эквадор подписал с США Соглашение о первом этапе, которое стало первым шагом к будущему всеобъемлющему соглашению о свободной торговле между странами, о котором заявил президент США Трамп в ходе визита президента Эквадора в феврале 2020 г. в Вашингтон²⁶. Документ предусматривает четыре основных задачи, которые должны быть реализованы в ближайшее время: помощь малым и средним предприятиям, борьба с коррупцией в торговле, упрощение процедур торговли и создание надлежащей нормативной базы²⁷. Таким образом, период 2021–2022 гг. должен стать отправной точкой в создании новых условий во взаимоотношениях двух стран.

Комментируя отношения США и Эквадора, Рафаэль Корреа отмечает: «За четыре года правления Трампа политика США в отношении Эквадора сводилась к поддержанию Морено — по сути, полезной им марионетки»²⁸, — подчеркивая, что президент Эквадора постарался развалить УНАСУР, разорвать братские связи с Венесуэлой, предоставить Галапагосские острова в нарушение Конституции Эквадора и выслать Ассанжа, что негативно сказалось на репутации Эквадора в вопросах соблюдения прав человека²⁹.

Что касается взаимной торговли, то в 2017 г. экспорт в США составил 6 млрд долларов США, в то время как импорт из США достиг 3,9 млрд долларов США³⁰. Экспорт в США в 2020 г. составил 6,6 млрд долларов, а импорт американских товаров в Эквадор равнялся 5,6 млрд долларов³¹, что закрепило за Соединенными Штатами лидирующее место среди основных торговых партнеров Эквадора. В 2019 г. штаты вошли в десятку стран по объему прямых иностранных инвестиций в Эквадор (20,4 млн долларов США) в такие отрасли, как эксплуатация шахт и карьеров, торговля, транспорт и связь, а также обрабатывающая промышленность³².

Из представленных данных заметно, что США укрепили свои позиции на внешнем рынке Эквадора и не намерены их сдавать в политической жизни государства. США продолжили оказывать Эквадору разную помощь: от подготовки кадров до содействия в борьбе с наркотрафиком, оставаясь при этом одним из основных импортеров эквадорской продукции.

²⁴ “Pompeo Meets Ecuador's Moreno, Vows Assistance in Cybersecurity”. 21.07.2019, *teleSUR* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.telesurenglish.net/news/US-Secretary-of-State-meets-Ecuador-President--20190721-0014.html> (дата обращения: 04.09.2021).

²⁵ “Ecuador y Estados Unidos fortalecen sus relaciones en materia de seguridad”. 18.11.2019, *Ministerio de Gobierno de Ecuador* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ministeriodegobierno.gob.ec/ecuador-y-estados-unidos-fortalecen-sus-relaciones-en-materia-de-seguridad/> (дата обращения: 09.09.2021).

²⁶ “Declaraciones del Presidente Donald Trump y del Presidente Lenin Moreno previas a su reunión bilateral del miércoles 12 de febrero en la Casa Blanca”. 12.02.2020, *Embajada y Consulado de EE.UU. en Ecuador* [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.usembassy.gov/es/declaracionesconjuntaspdtestrumpmoreno/> (дата обращения: 11.09.2021).

²⁷ “Ecuador y Estados Unidos firmarán Acuerdo de Primera Fase”, *Ministerio de Producción, Comercio Exterior, Inversiones y Pesca* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.produccion.gob.ec/ecuador-y-estados-unidos-firmaran-acuerdo-de-primera-fase/> (дата обращения: 13.09.2021).

²⁸ Юрий Николаев, “Рафаэль Корреа...”, *Op. cit.*, с. 86.

²⁹ Там же.

³⁰ “CAN en cifras”. 07.05.2018, *Comunidad Andina* [Электронный ресурс]. URL: <http://intranet.comunidadandina.org/Documentos/DEstadisticos/SGDE816.pdf> (дата обращения: 15.09.2021).

³¹ “Importaciones-exportaciones Ecuador 2020”, *Datasur* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.datasur.com/datamerica/ecuador/> (дата обращения: 17.09.2021).

³² Gabriela Caba, “Ecuador va ganando en la relación con Estados Unidos”. 02.03.2020, *Primicias* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.primicias.ec/noticias/economia/economia-comercio-estados-unidos-ecuador/> (дата обращения: 19.09.2021).

Эквадор в Организации Объединенных Наций

Государства Латинской Америки придают особую значимость деятельности ООН. Это обусловлено рядом факторов: организация остается рычагом в формировании и регулировании мирового порядка, на площадке ООН латиноамериканские страны могут придать своей внешней политике диверсифицированный характер и организация остается фундаментом и основой международного права³³.

При президентстве Морено Эквадор продолжил в ООН отстаивать политику прежних эквадорских администраций по ряду вопросов, опираясь на цели и принципы, закрепленные в Конституции Эквадора 2008 г. и Национальном плане «Вся жизнь» 2017–2021 гг.

На «полях» ООН латиноамериканское государство активно высказывалось с осуждением американской блокады Кубы, отмечая важность соблюдения принципов государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела при одновременном соблюдении принципов международного права. В качестве члена Движения неприсоединения Эквадор отстаивал принципы мирного сосуществования и нераспространения оружия массового поражения, присоединившись 20 сентября 2017 г. к Договору о запрещении ядерного оружия³⁴.

19 декабря 2017 г. Эквадор «воздержался» во время голосования в Генеральной Ассамблее ООН по резолюции 72/190 «Положение в области прав человека в Автономной Республике Крым и городе Севастополе, Украина»³⁵, подтвердив ранее выбранный курс, когда в 2014 г. латиноамериканское государство аналогично проголосовало на ГА ООН по резолюции о «Территориальной целостности Украины»³⁶.

Спустя несколько дней, 21 декабря, Эквадор поддержал резолюцию ГА ООН о «Статусе Иерусалима», которая осуждала решение президента США Трампа от 6 декабря о переносе американского посольства из Тель-Авива в Иерусалим³⁷.

Эквадор использует ООН как площадку для обращения ко всем государствам Латинской Америки обратить внимание на ситуацию в Венесуэле и предпринять все шаги по оказанию помощи венесуэльским беженцам. На фоне этого в 2018 г. Эквадор принял Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции в надежде на то, что этот шаг поможет на международном уровне заняться решением вопроса статуса беженцев³⁸.

В период 2016–2018 гг. Эквадор являлся членом Совета по правам человека ООН и активно участвовал в реализации политики, направленной на защиту основных прав и ценностей всех людей.

³³ Лазарь Хейфец и Ксения Коновалова, «Малые и средние страны Латинской Америки в ООН: современный этап», *Латинская Америка* 4, 2020, с. 7.

³⁴ «Discurso del Presidente Constitucional de la República del Ecuador, Sr. Lenín Moreno Garcés». 20.09.2017, *Asamblea General de las Naciones Unidas, 72º período de sesiones, 9ª sesión plenaria* [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/es/A/72/PV.9> (дата обращения: 23.09.2021).

³⁵ «El proyecto de resolución III “Situación de los derechos humanos en la República Autónoma de Crimea y la ciudad de Sebastopol (Ucrania)”. 19.12.2017, *Asamblea General de las Naciones Unidas, 72º período de sesiones, 73ª sesión plenaria* [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/es/A/72/PV.73> (дата обращения: 23.09.2021).

³⁶ Виктор Хейфец, Николай Добронравин, Лилия Хадорич, Алексей Андреев и Дарья Правдюк, «Латинская Америка в глобальных политических процессах», *От биполярного к многополярному миру: латиноамериканский вектор международных отношений в XXI веке*, отв. ред. Виктор Хейфец, Москва, 2019, с. 393.

³⁷ Юрий Николаев, «Республика Эквадор в ООН...», *Op. cit.*, с. 40.

³⁸ «Discurso del Presidente Constitucional de la República del Ecuador, Sr. Lenín Moreno Garcés». 25.09.2018, *Asamblea General de las Naciones Unidas, 73º período de sesiones, 6ª sesión plenaria* [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/es/A/73/PV.6> (дата обращения: 23.09.2021).

Эквадорско-китайское взаимодействие

Сотрудничество с КНР выделено в отдельную главу внешней политики Эквадора. Торговля с Китаем прочно удерживается на высоком уровне. В 2017 г. Китай занял 7-е место среди государств-импортеров эквадорской продукции (800 млн долларов США)³⁹. По объему экспорта в Эквадор Китай занял 2-е место (3,68 млрд долларов) после США⁴⁰. В 2020 г. экспорт эквадорских товаров в Китай составил 4,79 млрд долларов США⁴¹, тогда как импорт из КНР был равен 4,15 млрд долларов⁴², что закрепило за Китаем 2-е место среди внешнеторговых партнеров Эквадора.

После разрыва связей с западными инвесторами в 2010 г. отношения между Эквадором и Китаем вошли в рамки «заемщик — кредитор». КНР стала оказывать финансовую поддержку Эквадору, положив начало сложному союзу двух стран.

Огромные китайские инвестиции крайне дорого обошлись биоразнообразию Эквадора. По словам специалистов, большой долг Эквадора перед Китаем (19 млрд долларов США) вынуждает Китай активно эксплуатировать нефтяные месторождения (80 % от экспортируемой Эквадором нефти) в счет эквадорского долга по стоимости ниже рыночной, отмечая, что в ближайшем будущем Эквадор будет сталкиваться с нехваткой нефти и будет вынужден вести более агрессивную добычу ресурсов⁴³.

Таким образом, Китай удерживает Эквадор в долговых оковах, при этом латиноамериканская страна изредка проявляет несогласие с политикой КНР.

Примером этому послужили акции устрашения в 2017 и 2019 гг. у Галапагосских островов, когда китайские рыболовецкие суда незаконно осуществляли вылов рыбы. В одном случае Эквадор арестовал китайский экипаж и конфисковал одно судно в свою пользу⁴⁴, а в другом — Эквадор был вынужден привести свои ВМС в боевую готовность⁴⁵, вынудив уйти китайских рыбаков вглубь Тихого океана. Тем не менее устремления Китая на посягательства в отношении территориальных вод Эквадора не прекращаются.

В декабре 2018 г. президент Морено посетил КНР, отметив твердую приверженность латиноамериканского государства принципу «одного Китая» в отношении Тайваня⁴⁶. В ходе встречи стороны подписали Меморандум о взаимопонимании, положив начало вовлечения Эквадора в концепцию «Один пояс — один путь». Стоит отметить, что сразу после вхождения страны в инициативу ряд проектов, среди которых гидроэлектростанция Codo Sinclair и медные рудники Panantza-San Carlos и Mirador, сразу попали под ее действие⁴⁷, что предполагает вливание новых инвестиций и развитие проектов.

³⁹ “Ecuador”, *The Observatory of Economic Complexity* [Электронный ресурс]. URL: <https://legacy.oec.world/es/profile/country/ecu/> (дата обращения: 25.09.2021).

⁴⁰ “CAN en cifras”. 07.05.2018, *Comunidad Andina* [Электронный ресурс]. URL: <http://intranet.comunidadandina.org/Documentos/DEstadisticos/SGDE816.pdf> (дата обращения: 15.09.2021).

⁴¹ “Ecuador. Exportaciones Destinos 2020”, *Datasur* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.datasur.com/datamerica/ecuador/exportaciones-destinos-2020/> (дата обращения: 25.09.2021).

⁴² “Ecuador. Importaciones Origenes 2020”, *Datasur* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.datasur.com/datamerica/ecuador/importaciones-origenes-2020/> (дата обращения: 25.09.2021).

⁴³ Elena Polo, “Beijing to Quito: Ecuador’s Sustainable Development Hindered by Its Relationship with China”. 17.11.2020, *Glimpse from the Globe* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.glimpsefromtheglobe.com/topics/economics/beijing-to-quito-ecuadors-sustainable-development-hindered-by-its-relationship-with-china/> (дата обращения: 25.09.2021).

⁴⁴ Ethan Knecht, “What Ecuador’s spat with Chinese fishermen can teach Latin America about responding to China”. 03.09.2020, *Global Americans* [Электронный ресурс]. URL: <https://theglobalamericans.org/2020/09/what-ecuadors-spat-with-chinese-fishermen-can-teach-latin-america-about-responding-to-china/> (дата обращения: 25.09.2021).

⁴⁵ Elena Polo, *Op. cit.*

⁴⁶ “Президент Эквадора обсудил с китайским премьером двусторонние отношения”. 14.12.2018, REGNUM [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2537483.html> (дата обращения: 29.09.2021).

⁴⁷ Andrés Bermúdez Liévano, “China’s Belt and Road advances in Latin America’s Andean region”. 18.06.2019, *Diálogo Chino* [Электронный ресурс]. URL: <https://dialogochino.net/en/infrastructure/27815-chinas-belt-and-road-advances-in-latin-americas-andean-region/> (дата обращения: 29.09.2021); Salvatore Monni and Luca

В ноябре 2019 г. Эквадор стал первой латиноамериканской страной — полноправным членом Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и первым в своем регионе получателем кредита с возможностью иметь доступ к получению прямых кредитов, инвестированию в акции компаний или учреждений, работающих в Китае, получению полных или частичных гарантий кредитов для экономического импульса⁴⁸.

Эквадор старается вести прагматичное двустороннее сотрудничество, нацеленное на стратегическое партнерство и развитие глубоких деловых связей, несмотря на сильную экономическую зависимость от КНР.

Российское направление эквадорской политики

Российско-эквадорские отношения в основном рассматриваются с позиции взаимной торговли и образовательного сотрудничества.

В ноябре 2017 г. состоялся первый в истории визит в Россию министра внешней торговли Эквадора. Стороны подписали Меморандум о сотрудничестве между Евразийской экономической комиссией и эквадорским правительством⁴⁹. Документ отмечал создание атмосферы и предпосылок для поддержания торговли и инвестиций между Эквадором и государствами ЕАЭС. Эквадор изъявил желание заключить с ЕАЭС в ближайшей перспективе соглашение о свободной торговле⁵⁰.

Эквадор является одним из основных торговых партнеров России в регионе. В период с 2017 по 2020 г. он сохранил за собой 2-е место среди латиноамериканских стран после Бразилии по объему товарооборота с Россией⁵¹.

Экспорт России в Эквадор в 2017 г. составил 218,9 млн долларов США, импорт из Эквадора составил 1,2 млрд долларов⁵². По объему импорта из России Эквадор занял четвертую строчку после Бразилии, Колумбии и Перу, а наибольшую долю в экспорте в Россию заняли Бразилия, Эквадор и Чили⁵³. В 2020 г. экспорт России в Эквадор составил 215,4 млн долларов США. Импорт России из Эквадора достиг 1,2 млрд долларов долл⁵⁴. Эквадор вышел на вторую позицию в торговле с Россией среди латиноамериканских стран.

Долгие годы Эквадор занимает передовые позиции по числу обучающихся в России студентов из латиноамериканских стран. На 2019 г. Правительством России была выделена 101 стипендия⁵⁵. Финансирование выделяется на технические направления. Так, по линии сотрудничества Юго-Западного государственного университета с Технологическим

Serafini, "A Dangerous Alliance? The Relationship Between Ecuador and China", *SEEDS. Working Paper Series* 8, 2018, p. 5–6.

⁴⁸ "Ministerio de Economía y Finanzas del Ecuador". 05.11.2019, *Twitter* [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com/FinanzasEc/status/1191740478909222913> (дата обращения: 29.09.2021).

⁴⁹ "Российско-эквадорские отношения", *Посольство Российской Федерации в Эквадоре* [Электронный ресурс]. URL: <https://ecuador.mid.ru/rossijsko-ekvadorskie-otnosheniya> (дата обращения: 29.09.2021).

⁵⁰ Александр Моисеев, "Россия — Эквадор: ставка на Латинскую Америку". 08.10.2018, *Международная жизнь* [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/20703> (дата обращения: 29.09.2021).

⁵¹ "Внешняя торговля России с Южной Америкой", *Внешняя торговля России* [Электронный ресурс]. URL: <https://russian-trade.com/countries/south-america/> (дата обращения: 30.09.2021).

⁵² "Торговля между Россией и Эквадором в 2017 г.", *Внешняя торговля России* [Электронный ресурс]. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2018-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-ekvadorom-v-2017-g/> (дата обращения 30.09.2021).

⁵³ "Торговля России со странами Южной Америки в 2017 г.", *Внешняя торговля России* [Электронный ресурс]. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2018-02/torgovlya-rossii-so-stranami-yuzhnoy-ameriki-v-2017-g/> (дата обращения 30.09.2021).

⁵⁴ "Торговля между Россией и Эквадором в 2020 г.", *Внешняя торговля России* [Электронный ресурс]. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2021-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-ekvadorom-v-2020-g/> (дата обращения 30.09.2021).

⁵⁵ "Российско-эквадорские отношения", *Посольство Российской Федерации в Эквадоре* [Электронный ресурс]. URL: <https://ecuador.mid.ru/rossijsko-ekvadorskie-otnosheniya> (дата обращения 29.09.2021).

университетом Эквадора в 2017 и 2019 гг. были спроектированы и запущены на орбиту наноспутники с российских космодромов⁵⁶.

Если в представленных сферах сотрудничество постепенно растет, то уровень политических отношений за последнее время значительно ослаб. После избрания Морено в 2017 г. не было совершено ни одного визита на высшем уровне с эквадорской и российской сторон.

Ситуация изменилась после беспорядков в Эквадоре в 2019 г. Тогда министр внутренних дел Эквадора Мария Паула Ромо заявила о координированном и управляемом извне государственном перевороте, след которого исходил в том числе от неустановленных лиц и хакеров из России⁵⁷, обвинив также российский телеканал RT (в 2015 г. был внесен в список эфирных каналов Эквадора) в искажении освещения беспорядков в стране и финансировании преследуемого экс-президента Корреа⁵⁸, который с марта 2018 г. вел собственное ток-шоу на испанской версии канала RT.

В итоге 15 ноября 2019 г. Национальная кабельная сеть Эквадора отключила вещание RT без предварительного уведомления. Сам Корреа назвал отключение RT «своей виной», так как наличие собственной телепрограммы не понравилось президенту Морено и «связано с тем преследованием, которому я подвергаюсь», подчеркнул экс-президент⁵⁹. В результате двустороннее взаимодействие практически сошло на нет, за исключением торговых и образовательных связей.

Заключение

Таким образом, можно отметить, что за 2017–2021 гг. внешняя политика Эквадора претерпела значительные изменения, произошло тотальное подчинение неолиберальным институтам, отход от традиционных интеграционных левых идей в стороны правого поворота, Эквадор еще больше «погрузился» в пучину долгов и обязательств перед КНР и США, перенаправил вектор с традиционных союзников на сближение после долгих лет «застоя» с США и «растерял» все наработки и внешнеполитические успехи, достигнутые при «Гражданской революции» Корреа.

Библиография

1. *Дабагян Э. С.* Ход событий // Латинская Америка. 2017. № 6. С. 7–16.
2. *Espinosa C.* ¿Es correcto que Ecuador integre el GIC y no el Grupo de Lima? 25.05.2019 // Cuatro pelagatos [Электронный ресурс]. URL: https://4pelagatos.com/2019/03/25/es-correcto-que-ecuador-integre-el-gic-y-no-el-grupo-de-lima/?__cf_chl_managed_tk__=pmd_c9CK7HyHTrk_y8GsoZuQfUtKmgDnJFEiynCTRMbI.FU-1630157942-0-gqNtZGzNAxCjcnBszQhR (дата обращения: 02.09.2021).
3. *Cosme Batallas L.* Del grupo de Lima al proceso de Quito: análisis de las políticas públicas implementadas en el marco del multilateralismo sudamericano, como muestra de solidaridad y cooperación frente a la crisis migratoria venezolana // Lex — Revista de la Facultad de Derecho y Ciencias Políticas de la Universidad Alas Peruanas. 2020. Vol. 18. N. 26. P. 415–440.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Александр Гостев, “Восстание против Ленина. Российских троллей и RT обвиняют в причастности”. 18.10.2019, *Радио Свобода* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org/a/30223721.html> (дата обращения 30.09.2021).

⁵⁸ Martín Pallares, “La plata para el IPPE de Correa también llegaba desde Moscú”. 22.03.2019, *Cuatro pelagatos* [Электронный ресурс]. URL: https://4pelagatos.com/2019/03/22/la-plata-para-el-ippe-de-correa-tambien-llegaba-desde-moscu/?__cf_chl_managed_tk__=pmd_Hw5LNRlxjlnVdhcDv5gBr19926RMZylsRpkVcSC4jk-1633280971-0-gqNtZGzNAxCjcnBszQkR (дата обращения: 30.09.2021).

⁵⁹ “Экс-президент Эквадора Корреа назвал отключение RT от вещания цензурой”. 18.11.2019, *RT* [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/world/news/688235-eks-prezident-ekvadora-korrea-otklyuchenie-rt> (дата обращения 30.09.2021).

4. Plan Nacional de Movilidad Humana // Ministerio de Relaciones Exteriores y Movilidad Humana del Ecuador, Quito: MREMH, 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://www.cancilleria.gob.ec/wp-content/uploads/2018/06/plan_nacional_de_movilidad_humana.pdf (дата обращения: 02.09.2021).
5. El Ecuador endurece posición sobre Venezuela. 29.09.2019 // El Comercio [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elcomercio.com/opinion/editorial/ecuador-moreno-posicion-maduro-venezuela.html> (дата обращения: 02.09.2021).
6. Previo a cita, Ecuador y Perú ratifican apoyo al Grupo de Lima frente a crisis venezolana. 07.11.2019 // El Comercio [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elcomercio.com/actualidad/politica/moreno-vizcarra-grupo-lima-gabinete.html> (дата обращения: 03.09.2021).
7. Declaración del Grupo de Lima. 13.10.2020 // Ministerio de Relaciones Exteriores del Perú [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gob.pe/institucion/tree/noticias/306996-declaracion-del-grupo-de-lima> (дата обращения: 03.09.2021).
8. *Дабагян Э. С.* Эквадор на перепутье // Новая и новейшая история. 2019. № 2. С. 38–49. <https://doi.org/10.31857/S013038640004247-9>
9. *Хейфец В. Л., Хадорич Л. В., Андреев А. С., Добронравина С. Н., Борисов М. М., Правдюк Д. А.* Латинская Америка: региональная интеграция и формирование полюсов многополярного мира // От биполярного к многополярному миру: латиноамериканский вектор международных отношений в XXI веке / Отв. ред. В. Л. Хейфец. М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 119–212.
10. La salida de Ecuador de la Alba fue también por crisis en Nicaragua. 24.08.2018 // El Comercio [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elcomercio.com/actualidad/politica/salida-ecuador-alba-crisisnicaragua-venezuela.html> (дата обращения: 03.09.2021).
11. Ecuador se retira de Unasur y abre la puerta a nuevas iniciativas de integración. 14.03.2019 // El País [Электронный ресурс]. URL: https://elpais.com/internacional/2019/03/14/america/1552524533_446745.html (дата обращения: 04.09.2021).
12. Texto de la declaración del Presidente Duque sobre Prosur en entrevista con “Oye Cali”. 14.01.2019 // Presidencia de la República de Colombia, 14.01.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://id.presidencia.gov.co/Paginas/prensa/2019/190114-Texto-de-la-declaracion-del-Presidente-Duque-sobre-Prosur-en-entrevista-con-Oye-Cali.aspx> (дата обращения: 04.09.2021).
13. *Пятаков А. Н.* PROSUR — новый механизм южноамериканской (дез)интеграции? // Латинская Америка. 2020. № 7. С. 15–36. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0009859-3>
14. Lenin Moreno. 22.03.2019 // Twitter [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com/Lenin/status/1109159699520385024> (дата обращения: 04.09.2021).
15. *Воротникова Т. А.* Левые режимы в Боливии и Эквадоре: десять отличий // Латинская Америка. 2019. № 11. С. 15–25. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0006895-3>
16. Lenin Moreno mantendrá asilo para Julián Assange, pero le pedirá que sea más delicado en temas de política internacional. 09.02.2017 // El Comercio [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elcomercio.com/actualidad/politica/leninmoreno-asilo-julianassange-campana-elecciones.html> (дата обращения: 04.09.2021).
17. *Пятаков А. Н.* Победа Ленина Морено в Эквадоре // Латинская Америка. 2017. № 6. С. 17–27.
18. *Николаев Ю. В.* Республика Эквадор в ООН в начале XXI века // Латинская Америка. 2021. № 1. С. 35–48. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0012769-4>
19. *Галибина-Лебедева Е. С.* Преследование Джулиана Ассанжа как отражение долговой зависимости Эквадора от США // Латинская Америка. 2019. № 9. С. 38–50. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0006153-7>
20. *Николаев Ю. В.* Рафаэль Корреа: «Мы никогда не будем ничьим “задним двором” (интервью)» // Латинская Америка. 2021. № 5. С. 81–88. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0014506-5>
21. Galapagos Islands Will Now Serve US Military as Airfield. 12.06.2019 // teleSUR [Электронный ресурс]. URL: <https://www.telesurenglish.net/news/Galapagos-Islands-Will-Now-Serve-US-Military-as-Airfield-20190612-0028.html> (дата обращения: 04.09.2021).
22. Constitución de la República del Ecuador. 20.10.2008 // Asamblea Nacional Constituyente de Ecuador [Электронный ресурс]. URL: https://www.asambleanacional.gob.ec/sites/default/files/documents/old/constitucion_de_bolsillo.pdf (дата обращения: 04.09.2021).
23. Pompeo Meets Ecuador’s Moreno, Vows Assistance in Cybersecurity. 21.07.2019 // teleSUR [Электронный ресурс]. URL: <https://www.telesurenglish.net/news/US-Secretary-of-State-meets-Ecuador-President--20190721-0014.html> (дата обращения: 04.09.2021).
24. Ecuador y Estados Unidos fortalecen sus relaciones en materia de seguridad. 18.11.2019 // Ministerio de Gobierno de Ecuador [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ministeriodegobierno.gob.ec/>

- ecuador-y-estados-unidos-fortalecen-sus-relaciones-en-materia-de-seguridad/ (дата обращения: 09.09.2021).
25. Declaraciones del Presidente Donald Trump y del Presidente Lenin Moreno previas a su reunión bilateral del miércoles 12 de febrero en la Casa Blanca. 12.02.2020 // Embajada y Consulado de EE.UU. en Ecuador [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.usembassy.gov/es/declaracionesconjuntaspdtestrumpmoreno/> (дата обращения: 11.09.2021).
 26. Ecuador y Estados Unidos firmarán Acuerdo de Primera Fase // Ministerio de Producción, Comercio Exterior, Inversiones y Pesca [Электронный ресурс]. URL: <https://www.produccion.gob.ec/ecuador-y-estados-unidos-firmaran-acuerdo-de-primera-fase/> (дата обращения: 13.09.2021).
 27. CAN en cifras. 07.05.2018 // Comunidad Andina [Электронный ресурс]. URL: <http://intranet.comunidadandina.org/Documentos/DEstadisticos/SGDE816.pdf> (дата обращения: 15.09.2021).
 28. Importaciones-exportaciones Ecuador 2020 // Datasur [Электронный ресурс]. URL: <https://www.datasur.com/datamerica/ecuador/> (дата обращения: 17.09.2021).
 29. *Coba G.* Ecuador va ganando en la relación con Estados Unidos. 02.03.2020 // Primicias [Электронный ресурс]. URL: Primicias <https://www.primicias.ec/noticias/economia/economia-comercio-estados-unidos-ecuador/> (дата обращения: 19.09.2021).
 30. *Хейфец Л. С., Коновалова К. А.* Малые и средние страны Латинской Америки в ООН: современный этап // Латинская Америка. 2020. № 4. С. 6–19. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0008703-2>
 31. Discurso del Presidente Constitucional de la República del Ecuador, Sr. Lenín Moreno Garcés. 20.09.2017 // Asamblea General de las Naciones Unidas, 72º período de sesiones, 9ª sesión plenaria [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/es/A/72/PV.9> (дата обращения: 23.09.2021).
 32. El proyecto de resolución III “Situación de los derechos humanos en la República Autónoma de Crimea y la ciudad de Sebastopol (Ucrania). 19.12.2017 // Asamblea General de las Naciones Unidas, 72º período de sesiones, 73ª sesión plenaria [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/es/A/72/PV.73> (дата обращения: 23.09.2021).
 33. *Хейфец В. Л., Добронравин Н. А., Хадорич Л. В., Андреев А. С., Правдюк Д. А.* Латинская Америка в глобальных политических процессах // От биполярного к многополярному миру: латиноамериканский вектор международных отношений в XXI веке / Отв. ред. В. Л. Хейфец. М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 326–405.
 34. Discurso del Presidente Constitucional de la República del Ecuador, Sr. Lenín Moreno Garcés. 25.09.2018 // Asamblea General de las Naciones Unidas, 73 período de sesiones, 6ª sesión plenaria [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/es/A/73/PV.6> (дата обращения: 23.09.2021).
 35. Ecuador // The Observatory of Economic Complexity [Электронный ресурс]. URL: <https://legacy.oec.world/es/profile/country/ecu/> (дата обращения: 25.09.2021).
 36. Ecuador. Exportaciones Destinos 2020 // Datasur [Электронный ресурс]. URL: <https://www.datasur.com/datamerica/ecuador/exportaciones-destinos-2020/> (дата обращения: 25.09.2021).
 37. Ecuador. Importaciones Origenes 2020 // Datasur [Электронный ресурс]. URL: <https://www.datasur.com/datamerica/ecuador/importaciones-origenes-2020/> (дата обращения: 25.09.2021).
 38. *Polo E.* Beijing to Quito: Ecuador’s Sustainable Development Hindered by Its Relationship with China. 17.11.2020 // Glimpse from the Globe [Электронный ресурс]. URL: <https://www.glimpsefromtheglobe.com/topics/economics/beijing-to-quito-ecuadors-sustainable-development-hindered-by-its-relationship-with-china/> (дата обращения: 25.09.2021).
 39. *Knecht E.* What Ecuador’s spat with Chinese fishermen can teach Latin America about responding to China. 03.09.2020 // Global Americans [Электронный ресурс]. URL: <https://theglobalamericans.org/2020/09/what-ecuadors-spat-with-chinese-fishermen-can-teach-latin-america-about-responding-to-china/> (дата обращения: 25.09.2021).
 40. Президент Эквадора обсудил с китайским премьером двусторонние отношения. 14.12.2018 // REGNUM [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2537483.html> (дата обращения: 29.09.2021).
 41. *Bermúdez Liévano A.* China’s Belt and Road advances in Latin America’s Andean region. 18.06.2019 // Diálogo Chino [Электронный ресурс]. URL: <https://dialogochino.net/en/infrastructure/27815-chinas-belt-and-road-advances-in-latin-americas-andean-region/> (дата обращения: 29.09.2021).
 42. *Monni S., Serafini L.* A Dangerous Alliance? The Relationship Between Ecuador and China // SEEDS. Working Paper Series. 2018. No. 8. P. 1–19.

43. Ministerio de Economía y Finanzas del Ecuador. 05.11.2019 // Twitter [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com/FinanzasEc/status/1191740478909222913> (дата обращения: 29.09.2021).
44. Российско-эквадорские отношения // Посольство Российской Федерации в Эквадоре [Электронный ресурс]. URL: <https://ecuador.mid.ru/rossijsko-ekvadorskie-otnosenia1> (дата обращения 29.09.2021).
45. *Моисеев А.* Россия — Эквадор: ставка на Латинскую Америку. 08.10.2018 // Международная жизнь [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/20703> (дата обращения 29.09.2021).
46. Внешняя торговля России с Южной Америкой // Внешняя торговля России [Электронный ресурс]. URL: <https://russian-trade.com/countries/south-america/> (дата обращения 30.09.2021).
47. Торговля между Россией и Эквадором в 2017 г. // Внешняя торговля России [Электронный ресурс]. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2018-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-ekvadorom-v-2017-g/> (дата обращения 30.09.2021).
48. Торговля России со странами Южной Америки в 2017 г. // Внешняя торговля России [Электронный ресурс]. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2018-02/torgovlya-rossii-so-stranami-yuzhnoy-ameriki-v-2017-g/> (дата обращения 30.09.2021).
49. Торговля между Россией и Эквадором в 2020 г. // Внешняя торговля России [Электронный ресурс]. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2021-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-ekvadorom-v-2020-g/> (дата обращения 30.09.2021).
50. *Гостев А.* Восстание против Ленина. Российских троллей и RT обвиняют в причастности. 18.10.2019 // Радио Свобода [Электронный ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org/a/30223721.html> (дата обращения 30.09.2021).
51. *Pallares M.* La plata para el IPPE de Correa también llegaba desde Moscú. 22.03.2019 // Cuatro pelagatos [Электронный ресурс]. URL: https://4pelagatos.com/2019/03/22/la-plata-para-el-ippe-de-correa-tambien-llegaba-desde-moscú/?__cf_chl_managed_tk__=pmd_Hw5LNRLxjlnVdhcDv5gBrl9926RMZylsRpkVcSC4jk-1633280971-0-gqNtZGzNAxСjcnBszQkR (дата обращения: 30.09.2021).
52. Экс-президент Эквадора Корреа назвал отключение RT от вещания цензурой. 18.11.2019 // RT [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/world/news/688235-eks-prezident-ekvadora-korre-a-otklyuchenie-rt> (дата обращения 30.09.2021).

К. М. Табаринцева-Романова¹

КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ АНДСКОГО СООБЩЕСТВА КАК ЧАСТЬ ГУМАНИТАРНОЙ ДИПЛОМАТИИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

CULTURAL DIPLOMACY OF THE ANDEAN COMMUNITY AS PART OF THE HUMANITARIAN DIPLOMACY OF LATIN AMERICA

Аннотация. Несмотря на снижение активности деятельности Андского сообщества, исследовательский интерес статьи связан с изучением становления и развития культурной дипломатии Сообщества сквозь призму анализа принятых решений в области культуры и охраны культурного наследия. Стоит отметить, что в данной работе культурная дипломатия с теоретико-методологической точки зрения рассматривается как часть гуманитарной дипломатии (под которой понимается не только оказание гуманитарной помощи, но и вся деятельность, связанная с гуманитарными аспектами общества в целом). Анализ решений показал, что Андское сообщество уже в 2010–2012 гг. осознало значимость культуры для реализации внешнеполитической деятельности организации (в ЕС схожие документы стали появляться только в 2016 г.), однако декларируемые задачи не нашли практического применения и реализации в полном объеме. Возможно, это связано с изменением внешнеполитических приоритетов самих стран — членов Сообщества, экономической ситуацией (отсутствие должного финансирования культурных проектов), а также с разразившейся пандемией. Таким образом, на данный момент можно говорить о нераскрытом потенциале и неиспользуемом ресурсе андской культуры за пределами субрегиона.

Ключевые слова: дипломатия, культурная дипломатия, «мягкая» сила, Андское сообщество, Латинская Америка.

Abstract: Despite the decrease in the activity of the Andean community, the research interest of the article is associated with the study of the formation and development of cultural diplomacy of the Community through the prism of analyzing the decisions taken in the field of culture and the protection of cultural heritage. It should be noted that in this work, cultural diplomacy from a theoretical and methodological point of view is considered as a part of humanitarian diplomacy (which means not only the provision of humanitarian assistance, but also all activities related to the humanitarian aspects of society as a whole). Analysis of the Decisions showed that the Andean Community already in 2010–2012. realized the importance of culture for the implementation of the organization's foreign policy activities (similar documents began to appear in the EU only in 2016), however, the declared tasks did not find practical application and implementation in full. Perhaps this is due to a change in the foreign policy priorities of the member states of the Community themselves, the economic situation (lack of adequate funding for cultural projects), as well as the outbreak of a pandemic. That. at the moment, we can talk about the undiscovered potential and unused resource of the Andean culture outside the subregion.

Key words: diplomacy; cultural diplomacy; soft power; Andean community; Latin America.

¹ Табаринцева-Романова Ксения Михайловна, Россия, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений УрФУ (kmromanova@mail.ru).
Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-014-00033 «Концепция полимодальной гуманитарной дипломатии: реализация, инструменты и цивилизационные модели».

В сложившихся геополитических условиях понятие гуманитарной дипломатии постепенно трансформируется от узкого понимания оказания гуманитарной помощи до широкого — все те виды дипломатии, где во главе интересов стоит человек, его ценности и права. Таким образом, в нашей статье под гуманитарной дипломатией понимается комплекс мероприятий, обладающих характеристиками, присущими для традиционной дипломатии, используемыми для инициации и реализации программ, проектов, инструментов, которые необходимых для защиты интересов уязвимых слоев населения, с привлечением широкого круга акторов — государств, межнациональных структур, бизнеса, меценатов, институтов образования, культуры, здравоохранения. Исходя из такой укрупненной дефиниции, культурную дипломатию можно рассматривать как часть гуманитарной.

Культурная дипломатия представляет собой средство реализации внешней культурной политики. Дж. Митчелл проводит различие между двумя понятиями «культурные отношения» и «культурная дипломатия». Он утверждает, что термин «культурные отношения» в некоторой степени нейтрален, тогда как «культурная дипломатия» имеет более узкий охват, поскольку подразумевает, что передача культуры является важным делом правительства². Итальянский политик Ф. Рутелли определяет культурную дипломатию как «использование материального и нематериального актива (от языка и культурного наследия до мероприятий, проходящих под слоганом «сделано в») в качестве инструмента представления национальной идентичности на международном уровне, а также в качестве инструмента посредничества между взаимодействием различных культур»³.

Сосредоточим внимание на правовых инструментах, создающих базу и ресурсное поле для культурной дипломатии и позволяющих реализовывать данный вид внешнеполитической деятельности Андского сообщества (на данный момент членами являются Боливия, Перу, Эквадор, Колумбия). Напомним, что изначально организация Андского пакта, действующая на основе Картахенского соглашения 1969 г., не предусматривала взаимодействие в области культуры. Однако постепенно культура занимает приоритетные позиции в процессе интеграции сообщества. Развитие вопросов культурной андской интеграции были обусловлены защитой авторских прав (Решение № 351), а также защитой и восстановлением культурного наследия Андского сообщества (Решения № 460 и 588). Кроме того, по мере осознания важности культуры в процессе интеграции были созданы специальные механизмы координации и согласования между странами — членами, такие как Андский совет министров культуры и культуры (Решение № 760) и Андский комитет по вопросам культуры (Решение № 823). Рассмотрим подробнее каждое из решений как своего рода нормативную основу для реализации культурной дипломатии Сообществом.

Положения Решения № 351, принятого в 1993 г., были призваны обеспечить надлежащую и эффективную защиту авторов и других правообладателей в отношении произведений изобретательности в литературной, художественной или научной области, независимо от жанра или формы выражения⁴.

Решение № 460, принятое в 1999 г., было направлено на поощрение общей политики и стандартов в области идентификации, регистрации, защиты, сохранения, мониторинга и реституции объектов культурного наследия стран Андского сообщества, а также на разработку и осуществление мер по предотвращению незаконного ввоза, вывоза и передачи их странам — членам и третьим сторонам. К объектам, имеющим культурную ценность, согласно Конвенции ЮНЕСКО 1970 г., были отнесены следующие предметы, которые по религиозным причинам имеют значение для археологии, истории, литературы, искусства

² Mitchell J. M., *International Cultural Relations*, London, 1986, p. 2–3.

³ Francesco Rutelli, “La diplomazia culturale, il soft power per il rilancio dell’Italia”, *Key4biz* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.key4biz.it/ilprincipenudo-francesco-rutelli-e-la-diplomazia-culturale-il-soft-power-per-il-rilancio-dellitalia/224857/> (дата обращения: 25.08.2021).

⁴ Decisión 351, *Comunidad Andina* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.comunidadandina.org/StaticFiles/DocOf/DEC351.pdf> (дата обращения: 10.09.2021).

или науки и относятся к одной из перечисленных ниже категорий: 1) редкие коллекции и экземпляры зоологии, ботаники, минералогии или анатомии; 2) палеонтологические объекты; 3) имущество, связанное с историей, включая историю наук и техники, военной истории и социальной истории, а также с повседневной жизнью; 4) культурные объекты, такие как: надписи, монеты, марки, гравюры; 4) этнологический материал, состоящий из ритуальных предметов, символических утилитарных артефактов и местных музыкальных инструментов; 5) товары, представляющие художественный интерес, такие как картины и рисунки, сделанные на любой подставке и на любом материале; 6) исторические архивы, включая фотографии, фонографии и кинематографии; 7) предметы и украшения литургического использования, такие как: чаши, патина и т. д.⁵ Данное Решение, принимая во внимание ст. 2, 3, 5 и 39 Конвенции Андруса Белло об образовательной, научной и культурной интеграции стран Андского региона, в 2004 г. было замещено Решением № 588. Так, разработка и осуществление культурной политики сохранения культурного наследия государств стали осознаваться как один из неотъемлемых факторов их гармоничного развития; культурное наследие наций стало интерпретироваться как некий краеугольный камень культурной политики. Защита и сохранение культурного наследия стали интерпретироваться как уважение исторических корней народов, основа их самобытности. В данном Решении первые были даны трактовки таких терминов, как культурное наследие, нематериальное культурное наследие, движимое культурное наследие и пр.⁶

Решение № 593 от 2004 г. касается вопросов, связанных с образованием и культурой. По поводу области образования и культуры Андский совет неоднократно выражал озабоченность по проблемам охвата, качества и актуальности образования и заявлял о необходимости того, чтобы образование отвечало вызовам развития и императивам конкурентоспособности. Это также свидетельствует о важности укрепления андской культурной самобытности на основе ее богатого разнообразия и развития культуры интеграции среди андских граждан. Было решено сосредоточить усилия для сближения учебных программ стран — членов Сообщества; уделять при обучении особое внимание темам, связанным с региональной интеграцией региона⁷.

Решение № 739 от 2010 г. основывается на утверждении значимости культурной самобытности и формировании гражданских ценностей для андской интеграции, а также на всестороннем участии населения в субрегиональных процессах. В связи с этим необходимо развивать средства социальной коммуникации и деятельность, направленную на распространение более глубоких знаний о культурном, историческом наследии субрегиона. Интернет и новые коммуникационные технологии стали для большого количества граждан, в частности для молодежи, одним из основных средств доступа к культуре и знаниям. Таким образом, для содействия распространению богатства и разнообразия культурного и природного наследия субрегиона, а также для развития Андского процесса интеграции путем использования средств массовой информации и новых коммуникационных технологий было решено активизировать работу таких инструментов, как Официальный Интернет-сайт Андского сообщества, Андский культурный портал, Андская цифровая библиотека, интернет-телевидение Андского сообщества (TVCAN), интернет-радио Андского сообщества (RadioCAN), Аудиовизуальное производство программ для телевидения, радио, интернета⁸. Вышеперечисленные инструменты можно отнести также к методам развития цифровой и публичной дипломатии Сообщества.

⁵ Decisión 460, *Comunidad Andina* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.comunidadandina.org/StaticFiles/DocOf/DEC460.pdf> (дата обращения: 10.09.2021).

⁶ Decisión 588, *Comunidad Andina* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.comunidadandina.org/StaticFiles/DocOf/DEC588.pdf> (дата обращения: 10.09.2021).

⁷ Decisión 593, *Comunidad Andina* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.comunidadandina.org/StaticFiles/DocOf/DEC593.pdf> (дата обращения: 10.09.2021).

⁸ Decisión 739, *Comunidad Andina* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.comunidadandina.org/StaticFiles/DocOf/DEC739.pdf> (дата обращения: 11.09.2021).

В Решении № 760 от 2011 г. отражено стремление стран — членов Андского сообщества рассматривать культуру как государственную политику и укреплять свои институциональные структуры путем создания министерств культуры, состоящих из министров культуры стран — членов, которые могут назначать альтернативного представителя, действующего в отсутствие министра; генеральный секретарь Андского сообщества будет выполнять функции технического секретариата. Так, социальная интеграция становится одним из приоритетных направлений развития Сообщества. Было решено поощрять развитие и обмениваться опытом в области передовой практики по признанию и защите культурных прав, а также обеспечить эффективный доступ к культуре. В функции предлагаемого министерства должно было входить: 1) стратегическое планирование, комплексное управление и разработка национальной и общей культурной государственной политики; 2) разработка предложений по субрегиональным стратегиям надлежащего управления материальным и нематериальным культурным наследием, обеспечения его ценности и социального присвоения в рамках Андского плана комплексного управления культурным наследием; 3) рекомендации и поощрение механизмов сотрудничества, взаимодополняемости и распространения культурного самовыражения стран — членов Андского сообщества в субрегионе и в рамках общей внешней политики; 4) развитие стратегий, направленных на признание и расширение участия коренных народов и лиц африканского происхождения, для продвижения и защиты своих культурных прав, в том числе создания моделей для гармоничного развития устойчивого (в соответствии с Декларацией ООН о правах коренных народов и с Конвенцией об охране и поощрении разнообразия форм, и с другими соответствующими международными инструментами⁹) культурного самовыражения. Для достижения поставленных целей были сформированы Андский комитет по культурной индустрии и Андский комитет по защите и охране материального и нематериального культурного наследия. Как мы видим, с принятием данного Решения можно говорить о формировании «полноценной» культурной дипломатии Сообщества. Культура становится элементом внешней политики организации. Отличительной чертой становится уделение особого внимания культурным правам и их защите.

Решение № 782 от 2012 г. фактически содержит в себе Программу согласования статистических данных в области культуры¹⁰. Речь идет об экономическом и социальном измерении культуры, которое позволило бы проводить субрегиональные и межсекторальные сопоставления, а также свидетельствовало бы о сильных и слабых сторонах культурной деятельности стран — членов.

В 2017 г. на основе Решения № 823 Андского совета министров иностранных дел были созданы Совет министров культуры и культуры Анд и Андский комитет по делам культуры. Их деятельность сосредоточена на формировании и развитии андской идентичности, сохранении культурного наследия стран — участниц, распространении знаний об андской культуре за пределы сообщества¹¹.

На своем первом совещании, состоявшемся 16 марта 2012 г., Совет министров культуры, руководствуясь Боготской декларацией, решил создать Андский план для развития культурной отрасли, признавая ценность личности и культурного разнообразия. Кроме того, было решено продвигать, в частности, программу согласования статистики в культуре; программу художественной и культурной подготовки; разработку Андской культурной марки; создать фонд для развития культурной и творческой индустрии; провести Андскую культурную неделю; и создать культурный портал Андского сообщества (CULTURANDE).

⁹ Decisión 760, *Comunidad Andina* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.comunidadandina.org/StaticFiles/DocOf/DEC760.pdf> (дата обращения: 11.09.2021).

¹⁰ Decisión 782, *Comunidad Andina* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.comunidadandina.org/StaticFiles/DocOf/DEC782.pdf> (дата обращения: 11.09.2021).

¹¹ Decisión 823, *Comunidad Andina* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.comunidadandina.org/StaticFiles/DocOf/DEC823.pdf> (дата обращения: 11.09.2021).

Проанализировав соответствующие порталы, посвященные культурной политике Сообщества, стоит отметить, что последние новости в разделе «Культура» на официальном сайте относятся к 2012 г., а в разделе «Публикации» есть календарь на 2016 г. с фотографиями памятников культурного наследия стран — членов, что свидетельствует о неполном выполнении принятых ранее решений о популяризации культурных мероприятий при помощи цифровых технологий, а также о некоем «затухании» интереса к культурной сфере.

Анализ принятых сообществом решений показал, что совместная культурная деятельность Анд реализуется через защиту прав авторов на творческие произведения в литературной, художественной или научной сфере (Решение № 351), а также через защиту и восстановление культурного наследия Андского сообщества (Решения № 460 и 588). Решения № 792 и 797 касались решения вопросов, связанных с укреплением Андской идентичности и с взаимозависимостью и неотделимостью идентичности и культуры. Также был создан культурный портал Андского сообщества с целью продвижения и распространения андской культуры в мире, что, в свою очередь, должно способствовать участию гражданского общества в различных культурных начинаниях. Немаловажную роль играет продвижение аудиовизуальной индустрии: например, был создан каталог художественных фильмов из Боливии, Колумбии, Эквадора и Перу под названием *Butaca Andina*, который содержит более 180 художественных фильмов (игровых и документальных) производства Боливии, Колумбии, Эквадора и Перу. Таким образом, мы наблюдаем активное использование андской культуры как эффективного ресурса «мягкой силы» и, соответственно, одного из ключевых инструментов культурной дипломатии.

Библиография

1. Decisión 351 // Comunidad Andina [Электронный ресурс]. URL: <http://www.comunidadandina.org/StaticFiles/DocOf/DEC351.pdf> (дата обращения: 10.09.2021).
2. Decisión 460 // Comunidad Andina [Электронный ресурс]. URL: <http://www.comunidadandina.org/StaticFiles/DocOf/DEC460.pdf> (дата обращения: 10.09.2021).
3. Decisión 588 // Comunidad Andina [Электронный ресурс]. URL: <http://www.comunidadandina.org/StaticFiles/DocOf/DEC588.pdf> (дата обращения: 10.09.2021).
4. Decisión 593 // Comunidad Andina [Электронный ресурс]. URL: <http://www.comunidadandina.org/StaticFiles/DocOf/DEC593.pdf> (дата обращения: 10.09.2021).
5. Decisión 739 // Comunidad Andina [Электронный ресурс]. URL: <http://www.comunidadandina.org/StaticFiles/DocOf/DEC739.pdf> (дата обращения: 11.09.2021).
6. Decisión 760 // Comunidad Andina [Электронный ресурс]. URL: <http://www.comunidadandina.org/StaticFiles/DocOf/DEC760.pdf> (дата обращения: 11.09.2021).
7. Decisión 782 // Comunidad Andina [Электронный ресурс]. URL: <http://www.comunidadandina.org/StaticFiles/DocOf/DEC782.pdf> (дата обращения: 11.09.2021).
8. Decisión 823 // Comunidad Andina [Электронный ресурс]. URL: <http://www.comunidadandina.org/StaticFiles/DocOf/DEC823.pdf> (дата обращения: 11.09.2021).
9. *Mitchell J. M.* International Cultural Relations. London: Allen & Unwin, 1986.
10. *Rutelli Fr.* La diplomazia culturale, il soft power per il rilancio dell'Italia // Key4biz [Электронный ресурс]. URL: <https://www.key4biz.it/ilprincipenudo-francesco-rutelli-e-la-diplomazia-culturale-il-soft-power-per-il-rilancio-dellitalia/224857/> (дата обращения: 25.08.2021).

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

THE LATIN AMERICAN DIMENSION OF THE NEW WORLD ORDER

Д. А. Правдюк¹

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ФОРМИРОВАНИЕ «УСТОЙЧИВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ» КАК СТРАТЕГИИ ПОСПАНДЕМИЧЕСКОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ: ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЕ НАРРАТИВЫ

CONCEPTUALLY SHAPING “SUSTAINABLE TRANSFORMATION” AS A STRATEGY FOR POST-PANDEMIC RECOVERY: LATIN AMERICAN NARRATIVES

Resumen: El propósito del estudio es brindar un panorama analítico del marco conceptual de la política de “recuperación verde”, una de las estrategias centrales de pospandémica en América Latina, así como las áreas clave de implementación de esta política en la práctica. Se consideraron las condiciones previas para la formación de planes a largo plazo para superar las consecuencias negativas de la pandemia de coronavirus de acuerdo con los principios del desarrollo sostenible, y se consideraron los principales documentos de los organismos internacionales y regionales (Banco Mundial, Banco Interamericano de Desarrollo, CEPAL, etc.) sobre este tema. La idea de “recuperación verde” es prometedora, ya que utiliza el potencial de cambiar el vector de desarrollo que la pandemia le da a la región, pero su implementación requiere un enfoque sistemático, así como un liderazgo flexible y decisivo y un emprendimiento responsable, por lo que por ahora podemos observar su formación teórica y conceptual, más que una implementación completa.

Palabras clave: recuperación verde; pandemia COVID-19; América Latina; desarrollo sostenible.

Abstract: The purpose of the study is to provide an analytical overview of the conceptual framework of the “green recovery” policy, one of the central post-pandemic strategies in Latin America, as well

¹ Правдюк Дарья Антоновна, Россия, Фонд Росконгресс (dariapravdiuk@gmail.com).

as the key areas of implementation of this policy in practice. The preconditions for the formation of long-term plans to overcome the negative consequences of the coronavirus pandemic were considered in accordance with the principles of sustainable development, and the main documents of international and regional organizations were considered (World Bank, Inter-American Bank Development, ECLAC, etc.) on this issue. The idea of “green recovery” is promising, as it uses the potential to change the vector of development that the pandemic gives to the region, but its implementation requires a systematic approach, as well as flexible and decisive leadership and responsible entrepreneurship, so for now we can observe its theoretical and conceptual formation, rather than a complete implementation.

Key words: green recovery; COVID-19 pandemic; Latin America; sustainable development.

«Экономический кризис, вызванный пандемией, является уникальной возможностью пересмотреть траекторию глобального развития»: этот тезис является центральным в совокупности попыток осмыслить влияние коронавирусной инфекции на мир, предпринятых ведущими лидерами и организациями.

Для Латинской Америки этот призыв звучит еще настойчивее: в беспрецедентных социально-экономических условиях региону предоставляется шанс изменить вектор своего дальнейшего развития, после того как кризис COVID-19 отбросил его назад. Грэхем Уоткинс, глава по климатическим изменениям Межамериканского банка развития, назвал этот момент «исторической возможностью для ЛАКБ связать климатическую повестку с целями развития»².

Пункт 20-й итоговой декларации Форума Латинской Америки и Карибского бассейна по устойчивому развитию, состоявшегося 15–18 марта 2021 г., зафиксировал общепризнанное суждение, что восстановление после пандемии должно укреплять и поддерживать политику развития в Латинской Америке и Карибском бассейне, способствовать инвестициям в инновации, а также возобновлению региональной солидарности и сотрудничества. Особо была отмечена «важность разработки планов восстановления, способствующих устойчивому развитию и ведущих к преобразованиям в направлении мирного, справедливого и инклюзивного общества, в том числе путем расширения прав и возможностей и вовлечения всех женщин, подростков и девочек при эффективном участии всех соответствующих заинтересованных сторон, включая гражданское общество»³. Другими словами, задача состоит в том, чтобы институты и инструменты, вовлеченные в восстановление после кризиса COVID-19, были достаточно гибкими, чтобы быстро и эффективно адаптироваться и реагировать на экономические, социальные и экологические вызовы, не забывая о целях развития и не позволяя сиюминутным «черным лебедям» подрывать поступательное движение к структурным изменениям.

Концепция «recuperación verde» стала одним из центральных элементов постпандемической повестки Латинской Америки — совокупности подходов и стратегий, направленных на нормализацию различных сфер экономики и общественной жизни после кризиса COVID-19. Хотя в случае Латинской Америки говорить о преодолении пандемии пока преждевременно, стратегии «смягчения удара» пандемии в средне- и долгосрочной перспективе неразрывно связаны с мерами, направленными на восстановление. «Зеленое восстановление» сконцентрировано на трех взаимосвязанных сферах: экономическом росте и повышении занятости, социальном благополучии и борьбе с изменением климата.

² Graham Watkins, “Sustainable recovery: a unique opportunity for Latin America and the Caribbean”. 08.02.2021, *Climate Home News* [Электронный ресурс]. URL: <https://climatechangenews.com/2021/02/08/sustainable-recovery-unique-opportunity-latin-america-caribbean/> (дата обращения: 10.10.2021).

³ “Intergovernmentally agreed conclusions and recommendations of the Fourth Meeting of the Forum of the Countries of Latin America and the Caribbean on Sustainable Development, CEPAL, March 2021”, *Forum of the Countries of Latin America and the Caribbean on Sustainable Development 2021* [Электронный ресурс]. URL: <https://foroalc2030.cepal.org/2021/en/documents/intergovernmentally-agreed-conclusions-and-recommendations-fourth-meeting-forum-countries> (дата обращения: 10.10.2021).

Почему постпандемическое восстановление стран Латинской Америки должно основываться на принципах «зеленой экономики»? Исследователи выделяют несколько основных причин, наиболее очевидная — необходимость выполнять зафиксированные в Парижском соглашении обязательства прикладывать усилия для стабилизации повышения глобальной температуры на уровне ниже 2 °С и как можно ближе к 1,5 °С. По мнению Л. Б. Николаевой, «двуединая задача» принятия срочных мер в сфере климата и адаптации к новым климатическим условиям является центральным элементом «экономики климатических изменений» («economía del cambio climático»), черты которой так или иначе характерны для развития стран латиноамериканского региона⁴. Среди других причин — ярко продемонстрированная пандемией необходимость повышать устойчивость общественного здоровья, напрямую зависящую от условий окружающей среды. Кроме того, зависимость стран региона от сырьевого экспорта (Венесуэла, Колумбия, Боливия — углеводороды; Чили, Перу — минералы; Бразилия, Эквадор, Аргентина — сельскохозяйственная продукция) делает их более уязвимыми перед волатильностью мировых цен, в то время как «зеленое восстановление» предполагает бóльшую диверсификацию национальных экономик. Еще один фактор связан с конкурентоспособностью латиноамериканских товаров на международном рынке в долгосрочной перспективе: ключевым потребительскими рынками для продукции стран региона являются Евросоюз и США, которые прорабатывают введение углеродного налога на импорт (carbon border tax), что при текущей углеродоемкой модели производства станет серьезным сдерживающим фактором для латиноамериканского экспорта.

Таким образом, восстановление в соответствии с устойчивыми стандартами признано целесообразным не только с точки зрения благосостояния человека и сохранения окружающей среды, но и с экономического ракурса: множество исследований подтвердили положительное влияние «зеленой трансформации» на занятость, энергоэффективность производства и инклюзивность экономики в целом.

Например, согласно оценкам Международной организации труда, «зеленая» трансформация экономики обещает создать 15 млн новых рабочих мест в Латинской Америке и Карибском бассейне⁵. При переходе к безуглеродной экономике 7,5 млн рабочих мест будут потеряны из-за прекращения производства электроэнергии на основе ископаемого топлива, снижения объемов добычи полезных ископаемых и сокращения производства продуктов животноводства. В то же время это сокращение рабочих мест будет компенсировано новыми возможностями трудоустройства, поскольку, по подсчетам МОТ, около 22,5 млн рабочих мест будет создано в сельском хозяйстве и производстве растительных продуктов питания, возобновляемой электроэнергетике, лесном хозяйстве, строительстве и производстве. Разумеется, «зеленый переход» должен сопровождаться целенаправленной политикой, направленной на перераспределение рабочей силы с минимальными потерями, обеспечение справедливой оплаты труда в сельских районах и поддержку оказавшихся невостребованными профессиональных сообществ. Необходимость разработки подобных мер, наравне с такими застарелыми уязвимостями рынка труда ЛАКБ, как гендерное и этническое неравенство, недостаток высококвалифицированных кадров, недостаточная социальная защита и значительный неформальный сектор⁶, являются серьезными вызовами, на борьбе с которыми в том числе должны быть сфокусированы пост-ковидные планы восстановления стран региона.

Хоселуис Саманьего, директор департамента устойчивого развития и населенных пунктов ЭКЛАК, определил центральную задачу «зеленого восстановления» Латинской Америки в достижении корреляции между тремя показателями: минимальным показателем

⁴ Людмила Николаева, «Латинская Америка в поиске пути экологически устойчивого развития», *Латинская Америка* 5, 2019.

⁵ Catherine Saget, Adrien Vogt-Schilb and Trang Luu, «Jobs in a Net-Zero Emissions Future in Latin America and the Caribbean». July 2020, *IDB*.

⁶ Veronica Alaimo, Mariano Bosch, David S. Kaplan, Carmen Pages and Laura Ripani, «Jobs for Growth», *Inter-American Development Bank*, Washington, D.C., 2015.

роста ВВП для борьбы с бедностью (4 %), объективным ограничением роста в связи с текущими экономическими реалиями (от 1,4 до 2,6 %) и еще большим ограничением роста в соответствии с Парижским соглашением (1,2 %). Парадокс противоречия между этими цифрами обуславливает сложность выбора последовательного и согласованного курса на устойчивое развитие в постпандемическую эпоху, но, по мнению Саманьего, его способно нивелировать одновременное осуществление релевантных мер промышленной, экологической и социальной политики⁷. СЕЛАК призывает страны региона переориентировать приоритеты в сторону здравоохранения, энергетического перехода, «умных городов», цифровизации, биоэкономики, экономики замкнутого цикла и устойчивого туризма.

Всемирный банк выделяет несколько иные приоритеты для «зеленого» восстановления Латинской Америки: 1) поиск новых возможностей и рынков для «зеленого» роста; 2) трансформация городов в «зеленые» хабы с помощью технологий устойчивой урбанистики; 3) сокращение неэффективного использования ресурсов — природных, финансовых и человеческих; 4) инвестиции в устойчивость к внешним шокам — пандемиям, стихийным бедствиям, экономическим кризисам; 5) акцент на инклюзивности и борьбе с неравенством; 6) внедрение цифровых технологий⁸. Основными инструментами достижения этих долгосрочных целей Всемирный банк видит оптимизацию налогообложения, контроль за исполнением национальных бюджетов (во избежание ситуаций, когда запланированные траты на государственные инфраструктурные инвестиции осуществляются не в полной мере) и приоритизацию создания рабочих мест — неизменные составляющие рекомендаций финансового института из страновых докладов (Country Report) для государств региона.

В этом контексте нельзя не упомянуть о политике одной из ключевых организаций, продвигающих концепцию устойчивого развития в Латинской Америке и финансирующих проекты, нацеленные на достижение отдельных ее целей — Межамериканского банка развития (IDB). Еще в 2016 г. Grupo IDB приняла на себя цель увеличения объема финансирования, связанного с климатом, до 30 % от всех одобренных займов к концу 2020 г., также известную как Багамская резолюция⁹. С каждым годом IDB все больше наращивал свой «зеленый» портфель, поддерживая низкоуглеродные и климатически-нейтральные проекты.

Считается, что благодаря богатству природных ресурсов и относительно небольшой средней популяционной плотности (средний показатель региона в 2018 г. — 32 чел./км², общемировой показатель — 58,4 чел./км²)¹⁰ у латиноамериканского региона есть значительный потенциал для net zero трансформации с минимальными потерями. Рекомендации IDB, направленные на достижение странами ЛАКБ углеродной нейтральности, фокусируются на пяти основных направлениях: 1) отказ от производства электроэнергии на ископаемом топливе и его замена безуглеродными источниками, такими как энергия ветра и солнца; 2) использование электричества вместо ископаемого топлива для транспортировки, приготовления пищи и отопления; 3) увеличение объемов общественного и безмоторного транспорта; 4) прекращение вырубki лесов и посадка деревьев, что потребует сокращения в рационе доли продуктов животного происхождения в пользу пищи растительного происхождения; 5) сокращение отходов во всех секторах, переработка материалов и переход на экологически чистые строительные материалы, такие

⁷ “Stimulating a Green Economy. LSE Webinar”. 23.02.2021, *YouTube* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=seNfYxIIxKc> (дата обращения: 10.10.2021).

⁸ Ann Wellenstein and Martien Van Nieuwkoop, “How to ensure a sustainable future for agriculture in Latin America and the Caribbean”. 26.01.2021, *WEF* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2021/01/sustainable-future-agriculture-latin-america-caribbean-food-growth-farming/> (дата обращения: 10.10.2021).

⁹ “IDB Group sets goal to increase financing for climate change to 30 percent of approvals by 2020”. 10.04.2016, IDB [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iadb.org/en/news/idb-group-sets-goal-increase-financing-climate-change-30-percent-approvals-2020> (дата обращения: 10.10.2021).

¹⁰ “Population density (people per sq. km of land area) — Latin America & Caribbean”, *World Bank* [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/EN.POP.DNST?locations=ZJ> (дата обращения: 10.10.2021).

как дерево или бамбук¹¹. Однако в условиях восстановления национальных экономик после пандемии далеко не все эти направления являются приоритетными; кроме того, страны сталкиваются с общими препятствиями в сфере планирования, нормативной базы и финансов.

Тем не менее BID последовательно закладывает важнейшую основу для «зеленой трансформации» Латинской Америки — так называемое «климатическое финансирование», нацеленное на поддержку стран в выполнении их обязательств по низкоуглеродному и устойчивому к изменению климата развитию. В 2020 г. поддержка BID была преимущественно сфокусирована на проектах, связанных с ликвидацией последствий кризиса COVID-19 (более 70 % утвержденных сумм пришлось на эту категорию), и Банк нацелен разделять ответственность со странами за то, чтобы инвестициям в устойчивое восстановление уделялось приоритетное внимание¹². Для этого предполагается внедрить оценку климатического воздействия на все этапы проектного цикла и во всех без исключения секторах.

Значительную поддержку устойчивому восстановлению Латинской Америки оказывает ЭКЛАК ООН: являясь дискуссионно-аналитической платформой для важнейших внутрирегиональных процессов, в кризисный момент она незаметно берет на себя ту функцию формирования единой актуальной повестки, которую сегодня не в состоянии в полной мере выполнить ни одно интеграционное объединение региона. В июне 2020 г. ЭКЛАК представила странам Региональную платформу управления знаниями для достижения целей в области устойчивого развития (SDG Gateway), разработанную совместно с 22 учреждениями, фондами и программами системы ООН в регионе и ставшую незаменимым инструментом для мониторинга прогресса и потребностей стран в реализации Повестки-2030 наряду с достижениями 17 целей устойчивого развития¹³.

Если говорить о секторах экономики, на которых в первую очередь сосредоточена риторика «зеленого восстановления», то в качестве примера можно рассмотреть сельское хозяйство и энергетику, так как на них приходится 22,9 и 45,3 % всех выбросов парниковых газов региона соответственно, причем сельское хозяйство Латинской Америки практически вдвое превышает общемировой показатель этой сферы¹⁴.

На сельское хозяйство возложены большие надежды в сфере устойчивой трансформации стран Латинской Америки. Сегодня некоторые сельскохозяйственные районы региона считаются одними из самых успешных в мире, они не только кормят быстрорастущее население континента, но и обеспечивают значительную долю экспорта, однако им, тем не менее, в основном свойственны техническая неэффективность, финансовая непрозрачность и экологические дисбалансы. Во многих странах уровень бедности остается самым высоким именно в сельских районах, и, несмотря на стабильные излишки производства продуктов питания, миллионы латиноамериканцев регулярно голодают или страдают от недоедания, избыточного веса, ожирения и связанных с ними заболеваний. Другими словами, констатируют эксперты Всемирного банка, агропродовольственные системы Латинской Америки функционируют значительно хуже своих возможностей¹⁵.

Меры по трансформации агросектора Латинской Америки в соответствии с устойчивыми стандартами, предложенные Всемирным банком, разделяются на безусловно рекомендуемые (универсально эффективные для всех стран, такие как, например, внедрение систем раннего распознавания риска голода или сокращение количества выбрасываемой

¹¹ “Getting to Net-Zero Emissions: Lessons from Latin America and the Caribbean”. 2019, *IDB, DDPLAC*.

¹² *IDB Group Climate Change Action Plan 2021–2025*. November 2020.

¹³ *2030 Agenda in Latin America and the Caribbean* [Электронный ресурс]. URL: <https://agenda2030lac.org/en> (дата обращения: 10.10.2021).

¹⁴ “The Climate Emergency in Latin America and the Caribbean”, *2030 Agenda Sustainable Development* [Электронный ресурс]. URL: https://www.cepal.org/sites/default/files/infographic/files/interactivo_ingles_0.pdf (дата обращения: 10.10.2021).

¹⁵ Ann Wellenstein and Martien Van Nieuwkoop, *Op. cit.*

пищи) и опциональные (полезность которых не может быть гарантирована во всех сценариях, например сведение углеродных выбросов в сельском хозяйстве к нулю или инвестиции в ирригационные системы)¹⁶. Главный посыл Всемирного банка заключается в том, что, вопреки распространенному мнению, что сельское хозяйство в странах Латинской Америки теряет свое фундаментальное значение, сельскохозяйственный сектор и гораздо более крупная агропродовольственная система заслуживают как неослабевающего политического внимания, так и выделения соответствующих государственных ресурсов.

Исключительное место в повестке устойчивого развития мира, и Латинской Америки в том числе, занимает энергетическая трансформация — наращивание доли возобновляемых источников энергии, переход на более экологичные (включая низкоуглеродные) технологии производства энергии. Смещение фокуса в сторону возобновляемой энергии на фоне пандемии как один из элементов *recuperación verde* сегодня активно продвигает Латиноамериканская энергетическая организация (OLADE), которая, кроме всего прочего, ведет проработку не слишком успешной на сегодняшний день энергетической интеграции региона через специальный договор об интеграции электроэнергетики и продвижении возобновляемых источников энергии с финансированием и технической поддержкой международных и региональных финансовых организаций¹⁷. Партнерство с Международным агентством возобновляемой энергии (IRENA), о котором было объявлено 21 июля 2020 г., стало многообещающим импульсом для этой инициативы, стороны договорились совместно развивать возобновляемую энергетику и привлекать финансирование в «зеленые» проекты в Латинской Америке.

Очевидно, что регион имеет выдающиеся природные возможности для использования возобновляемых источников энергии, на сегодняшний день задействованные лишь в малой степени. Латинская Америка и страны Карибского бассейна могли бы получать до 80 % возобновляемой электроэнергии доступным способом, используя обильные ветровые и солнечные ресурсы, поскольку их стоимость продолжает снижаться, а также используя тепловую энергию и существующую крупную гидроэнергетику (при условии, что гидрометрические условия останутся благоприятными) как средство для уравнивания системы¹⁸.

Что касается традиционных ископаемых энергоносителей, этот сектор отнюдь не остается в стороне от постпандемической трансформации после возвращения глобального спроса к привычным значениям. Несмотря на возросшую актуальность устойчивой повестки и провозглашения *net zero* (достижения нулевых выбросов CO₂) как одной из ключевых глобальных задач¹⁹, человечество не прекратит использовать углеводороды, как минимум несколько ближайших десятилетий. Однако по мере нарастания конкуренции между ископаемыми и возобновляемыми источниками энергии мир станет более избирательным в отношении того, какие углеводороды он использует. Если на уровне конечных потребителей предпочтения, возможно, не претерпят заметных изменений, институциональные инвесторы уже сейчас начинают отдавать предпочтение нефтяным проектам с более низким уровнем выбросов.

Национальные энергетические компании, принадлежащие государству, как правило, чуть медленнее внедряют инновационные ESG-решения, так как их доминирующее

¹⁶ “Future Foodscapes: Re-imagining Agriculture in Latin America and the Caribbean”. 01.11.2020, *World Bank* [Электронный ресурс]. URL: <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/942381591906970569/future-foodscapes-re-imagining-agriculture-in-latin-america-and-the-caribbean> (дата обращения: 10.10.2021).

¹⁷ “Ante la tormenta perfecta, integración energética”. 08.04.2020, *OLADE* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.olade.org/noticias/ante-la-tormenta-perfecta-integracion-energetica/> (дата обращения: 10.10.2021).

¹⁸ Juan Roberto Paredes, “La Red del Futuro: Desarrollo de una red eléctrica limpia y sostenible para América Latina”. December 2017, *IDB* [Электронный ресурс]. URL: <https://publications.iadb.org/es/publicacion/14076/la-red-del-futuro-desarrollo-de-una-red-electrica-limpia-y-sostenible-para> (дата обращения: 10.10.2021).

¹⁹ “Secretary-General's address at Columbia University: ‘The State of the Planet’”. 02.12.2020, *UN* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/speeches/2020-12-02/address-columbia-university-the-state-of-the-planet> (дата обращения: 10.10.2021).

положение на внутреннем рынке чаще всего не предполагает активной конкуренции, требующей постоянного совершенствования механизмов производства и управления. Как отмечает Лиза Вискиди, директор программы по энергетике, изменению климата и добывающей промышленности Межамериканского диалога, государственная модель развития нефтегазового сектора, подразумевающая, в том числе, усиление роли национальных компаний в этой сфере, по большей части привела к стагнации или снижению добычи в Южной Америке (Боливии, Аргентине и Бразилии)²⁰. Позитивным примером в этой области является Esorpetrol, национальная нефтяная компания Колумбии, которая предпринимает амбициозные меры по охране окружающей среды, такие как, например, сокращение факельного сжигания газа, которое до сих пор широко распространено в соседних странах.

Кроме того, причины для не самого активного продвижения энергоперехода отдельными национальными правительствами стран ЛАКБ заложен в налогово-финансовой модели этих стран. Так, для таких стран, как Эквадор и Венесуэла, где добыча и экспорт нефти являются ключевым источником государственного финансирования за счет лицензионных отчислений и государственных предприятий, глобальный энергетический переход представляет собой очевидный риск для фискальной устойчивости. С другой стороны, использование электромобилей снизит поступления от налогов на бензин и дизельное топливо, которые составляют более 10 % налоговых поступлений в таких странах, как Коста-Рика или Уругвай²¹, однако эти страны отличаются достаточно диверсифицированной матрицей бюджетных поступлений, чтобы продолжать реализовывать масштабные программы «зеленой энергетики».

Самый серьезный вызов «озеленению» энергетики Латинской Америки представляет собой неокстравтивистская модель экономического развития, унаследованная большинством государств, чья экономика значительно зависела от добычи и экспорта полезных ископаемых, и естественным образом сформировавшаяся в условиях недостаточного внимания экологическим проблемам. Описывая губительные последствия неокстравтивизма, А. А. Шинкаренко называет «зеленую геополитику» возможным базисом для альтернативных ему моделей развития²². Автор также отмечает, что призывы к «устойчивому развитию» без разработки стратегии отказа от хищнической эксплуатации природных ресурсов не способны разрешить конфликт между экономикой и окружающей средой²³.

Национальные правительства стран Латинской Америки формируют повестку «recuperación verde» по-разному. Инструменты в этой сфере варьируются от фискальной политики до государственных инвестиций в инфраструктуру и здравоохранение, и страны региона двигаются по траектории Повестки-2030 с очень разной скоростью. В некоторых странах эта концепция провозглашается из уст первых лиц: так, лидеры Чили²⁴, Коста-Рики²⁵

²⁰ Lisa Viscidi, “Turmoil in South America and the Impact on Energy Markets”. December 2019, *IAI Papers 19/26* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iai.it/en/pubblicazioni/turmoil-south-america-and-impact-energy-markets> (дата обращения: 10.10.2021).

²¹ “Revenue Statistics in Latin America and the Caribbean 2020”, *OECD iLibrary*. <https://doi.org/10.1787/68739b9b-en-es>

²² Александр Шинкаренко, “Между неокстравтивизмом и «зеленой» геополитикой. Особенности «эко-территориального сдвига» в Латинской Америке”, *PolitBook 4*, 2018.

²³ Александр Шинкаренко, “Эволюция экологического дискурса в Латинской Америке: традиции и новшества”, *Латинская Америка 2*, 2021.

²⁴ “Presidente Piñera participa como coanfitrión en Cumbre de Ambición Climática con motivo del quinto aniversario del Acuerdo de París”. 12.12.2020, *Prensa Presidencia* [Электронный ресурс]. URL: <https://prensa.presidencia.cl/discurso.aspx?id=169434> (дата обращения: 10.10.2021).

²⁵ “Costa Rica aboga por una recuperación económica verde e inclusiva”. 19.11.2020, *Costa Rica 2022–2026. Trabajando, Decidiendo, Mejorando* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.presidencia.go.cr/comunicados/2020/11/costa-rica-aboga-por-una-recuperacion-economica-verde-e-inclusiva/> (дата обращения: 10.10.2021).

и Колумбии²⁶ заявили о приверженности принципам «зеленого восстановления» и активно проводят соответствующую политику. На другом конце спектра находятся такие страны, как Бразилия, где лидеры, во многом под внешним давлением, заявляют о необходимости следовать курсу на «зеленую трансформацию» (речь Ж. Болсонару на 26-й Конференции ООН по климату (COP26) 22 апреля 2021 г.²⁷), однако на практике поддерживают совершенно противоположные по духу практики. Так, через день после своей речи на COP26 бразильский президент поддержал сокращение бюджета Министерства по делам окружающей среды, чем вызвал волну возмущения среди активистов²⁸.

Исторически непростая ситуация сложилась в Эквадоре, где население наотрез не готово расставаться с топливными субсидиями, но в то же время требует прекратить горнодобывающие мегапроекты, наносящие ущерб водным ресурсам и биоразнообразию²⁹. Президентские выборы в Эквадоре фактически не оставили выбора сторонникам «зеленой трансформации»: оба кандидата второго тура пообещали продолжить добычу нефти и полезных ископаемых, которые уже опустошили шестую часть эквадорских джунглей Амазонки. Разумеется, у избранного президента Гильермо Лассо была сформулирована предвыборная программа по окружающей среде, но, как отметил Луис Суарес, исполнительный директор Conservation International в Эквадоре, она «носит довольно общий характер, фокусируется на том, что нужно сделать, но не указывает, как именно, и содержит очень амбициозные цели, которые будет трудно достичь в текущих экономических условиях»³⁰.

Пандемия COVID-19 создала условия для скачка стран ЛАКБ к структурным преобразованиям, к более чистой и зеленой экономике. Разумеется, снижение вреда, наносимого хозяйственной деятельностью человека окружающей среде, является краткосрочным трендом, и обратный этому тренду процесс уже можно увидеть на примере Китая. С другой стороны, падение цен на нефть, сделавшее многие проекты в области возобновляемых источников энергии неконкурентоспособными, тоже было постепенно скорректировано рынком и регулятором в лице ОПЕК+. В этом контексте «recuperación verde» является многообещающей концептуальной основой для траектории развития стран региона, так как она основана на долгосрочном планировании и стратегических, внеконъюнктурных целях.

Совершенствование методов оценки экологического вреда в сочетании с развитием зеленых технологий определило выход устойчивого природопользования и развития на первый план глобальной повестки задолго до пандемии. Накопленная научная и практическая база естественным образом обусловила координацию стратегии реагирования на пандемию и ее последствия с мерами по борьбе с изменением климата, а также с разработкой экологической политики в отношении биоразнообразия, отходов, качества воды и т. д. Это многоуровневое взаимодействие тесно связанных элементов — экономического роста, социального благополучия и устойчивости экосистемы Земли — требует от властей стран Латинской Америки гибкого и решительного лидерства, заинтересованного в поиске консенсуса между всеми заинтересованными сторонами. На

²⁶ Ivan Duque, “Por qué el mundo natural es clave para una recuperación verde”. 21.09.2020, *World Economic Forum* [Электронный ресурс]. URL: <https://es.weforum.org/agenda/2020/09/por-que-el-mundo-natural-es-clave-para-una-recuperacion-verde/> (дата обращения: 10.10.2021).

²⁷ “Brazil’s Bolsonaro, under U.S. pressure, vows climate neutrality by 2050”. 23.04.2021, *Reuters* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/business/environment/bolsonaro-says-brazil-will-reach-climate-neutrality-by-2050-2021-04-22/> (дата обращения: 10.10.2021).

²⁸ “Brazil cuts environment budget despite climate summit pledge”. 24.04.2021, *BBC* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/news/world-latin-america-56847958> (дата обращения: 10.10.2021).

²⁹ Gabriela Barzallo, “Movement Against Mining Gains Ground in Ecuador”. 08.04.2021, *NACLA* [Электронный ресурс]. URL: <https://nacla.org/ecuador-elections-water-mining> (дата обращения: 10.10.2021).

³⁰ “El plan ambiental de Lasso plantea ir hacia una economía más sostenible con procesos que desperdicien menos”. 14.04.2021, *El Universo* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eluniverso.com/larevista/ecologia/el-plan-ambiental-de-lasso-plantea-ir-hacia-una-economia-mas-sostenible-con-procesos-que-desperdicien-menos-nota/> (дата обращения: 10.10.2021).

частном секторе тоже лежит эта ответственность, хоть и в меньшей степени, в форме обеспечения строгих экологических и социальных стандартов, уплаты налогов или устойчивых инвестиций.

Координацию «*recuperación verde*» Латиноамериканского региона на идейном уровне осуществляют все ключевые институты, присутствующие в регионе, — Межамериканский банк развития, ЭКЛАК ООН, Всемирный банк. Важной площадкой для разработки конкретных дорожных карт восстановления в соответствии с устойчивыми принципами является Форум Латинской Америки и Карибского бассейна по устойчивому развитию. Работа Форума по выработке собственных стратегий крайне важна, если учесть, что далеко не все «рецепты» глобального авангарда «зеленой политики» — Европейского союза — подходят странам Латинской Америки. Существенная разница в экономических моделях (уровень госучастия, процент занятых в неформальной экономике, соотношение городского и сельского населения, структура экспорта и т. п.) на практике означает и совершенно разные «побочные эффекты» зеленой трансформации. Возможные негативные последствия необходимо предвидеть, минимизировать и компенсировать с помощью адресной политики и дополнительных мер, чтобы сделать постпандемическое восстановление стран Латинской Америки социально приемлемым.

Поощрение экологичного, устойчивого и инклюзивного развития планомерно способствует экономическому росту без ущерба для климата, ухудшения окружающей среды и усугубления нищеты. Правительствам и частному сектору предстоит работать вместе во многих сферах, реализуя совместные инициативы со справедливым распределением ответственности и адекватным управлением. Возможно, «зеленое восстановление» станет той идеей, вокруг которой объединятся достаточно разобщенные на сегодняшний день страны Латинской Америки, так как она обещает лучшую жизнь для будущих поколений, хотя на сегодняшний день темпы движения в сторону этой цели слишком разнятся от страны к стране, чтобы констатировать формирование «единого фронта» постпандемического устойчивого развития.

Библиография

1. *Watkins G.* Sustainable recovery: a unique opportunity for Latin America and the Caribbean. 08.02.2021 // Climate Home News [Электронный ресурс]. URL: <https://climatechangenews.com/2021/02/08/sustainable-recovery-unique-opportunity-latin-america-caribbean/> (дата обращения: 10.10.2021).
2. Intergovernmentally agreed conclusions and recommendations of the Fourth Meeting of the Forum of the Countries of Latin America and the Caribbean on Sustainable Development, CEPAL, March 2021 // Forum of the Countries of Latin America and the Caribbean on Sustainable Development 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://foroalc2030.cepal.org/2021/en/documents/intergovernmentally-agreed-conclusions-and-recommendations-fourth-meeting-forum-countries> (дата обращения: 10.10.2021).
3. *Николаева Л. Б.* Латинская Америка в поиске пути экологически устойчивого развития // Латинская Америка. 2019. № 5. С. 90–99.
4. *Saget C., Vogt-Schilb A., Luu T.* Jobs in a Net-Zero Emissions Future in Latin America and the Caribbean. July 2020 // IDB.
5. *Alaimo V., Bosch M., Kaplan D. S., Pages C., Ripani L.* Jobs for Growth // Inter-American Development Bank, Washington, D. C., 2015. <http://dx.doi.org/10.18235/0000139>
6. Stimulating a Green Economy. LSE Webinar, 23.02.2021 // YouTube [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=seNFYxllXKc> (дата обращения: 10.10.2021).
7. IDB Group sets goal to increase financing for climate change to 30 percent of approvals by 2020. 10.04.2016 // IDB [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iadb.org/en/news/idb-group-sets-goal-increase-financing-climate-change-30-percent-approvals-2020> (дата обращения: 10.10.2021).
8. Population density (people per sq. km of land area) — Latin America & Caribbean // World Bank. [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/EN.POP.DNST?locations=ZJ> (дата обращения: 10.10.2021).
9. Getting to Net-Zero Emissions: Lessons from Latin America and the Caribbean. 2019 // IDB, DDPLAC.
10. IDB Group Climate Change Action Plan 2021–2025. November 2020.

11. 2030 Agenda in Latin America and the Caribbean [Электронный ресурс]. URL: <https://agenda2030lac.org/en> (дата обращения: 10.10.2021).
12. The Climate Emergency in Latin America and the Caribbean // 2030 Agenda Sustainable Development [Электронный ресурс]. URL: https://www.cepal.org/sites/default/files/infographic/files/interactivo_ingles_0.pdf (дата обращения: 10.10.2021).
13. *Wellenstein A., Van Nieuwkoop M.* How to ensure a sustainable future for agriculture in Latin America and the Caribbean. 26.01.2021 // WEF [Электронный ресурс]. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2021/01/sustainable-future-agriculture-latin-america-caribbean-food-growth-farming/> (дата обращения: 10.10.2021).
14. Future Foodscapes: Re-imagining Agriculture in Latin America and the Caribbean. 01.11.2020 // World Bank [Электронный ресурс]. URL: <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/942381591906970569/future-foodscapes-re-imagining-agriculture-in-latin-america-and-the-caribbean> (дата обращения: 10.10.2021).
15. Ante la tormenta perfecta, integración energética. 08.04.2020 // OLADE [Электронный ресурс]. URL: <http://www.olade.org/noticias/ante-la-tormenta-perfecta-integracion-energetica/> (дата обращения: 10.10.2021).
16. *Paredes J. R.* La Red del Futuro: Desarrollo de una red eléctrica limpia y sostenible para América Latina. December 2017 // IDB [Электронный ресурс]. URL: <https://publications.iadb.org/es/publicacion/14076/la-red-del-futuro-desarrollo-de-una-red-electrica-limpia-y-sostenible-para> (дата обращения: 10.10.2021).
17. Secretary-General's address at Columbia University: “The State of the Planet”. 02.12.2020 // UN [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/speeches/2020-12-02/address-columbia-university-the-state-of-the-planet> (дата обращения: 10.10.2021).
18. *Viscidi L.* Turmoil in South America and the Impact on Energy Markets // IAI Papers 19|26, December 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iai.it/en/publicazioni/turmoil-south-america-and-impact-energy-markets> (дата обращения: 10.10.2021).
19. Revenue Statistics in Latin America and the Caribbean. 2020 // OECD iLibrary. <https://doi.org/10.1787/68739b9b-en-es>
20. *Шинкаренко А. А.* Между неокстрактивизмом и «зеленой» геополитикой. Особенности «эко-территориального сдвига» в Латинской Америке // PolitBook. 2018. № 4. С. 103–117.
21. *Шинкаренко А. А.* Эволюция экологического дискурса в Латинской Америке: традиции и новшества // Латинская Америка. 2021. № 2. С. 6–16.

ИСПАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ИСТОРИИ XX ВЕКА. К 90-ЛЕТИЮ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ ВТОРОЙ РЕСПУБЛИКИ В ИСПАНИИ

SPANISH REVOLUTION IN THE HISTORY OF THE 20TH CENTURY. ON THE 90TH ANNIVERSARY OF THE DECLARATION OF THE SECOND REPUBLIC IN SPAIN

Magdalena Garrido Caballero¹

LAS MUJERES DURANTE LA SEGUNDA REPÚBLICA: EL LEGADO DE LAS “SINSOMBRERO”

WOMEN DURING THE SECOND REPUBLIC: THE LEGACY OF THE “SINSOMBRERO”

Resumen: El estudio contempla los avances desarrollados durante el periodo republicano en derechos para las mujeres españolas, como la consecución del voto en 1931, quedando en el recuerdo el discurso pronunciado por Clara Campoamor en las Cortes en defensa de los derechos políticos de las mujeres, del que se cumplen 90 años en 2021, así como los límites, aspectos vinculados a las mentalidades y los roles de género. El texto se centra en la presencia femenina en el medio artístico e intelectual, caso de las denominadas “sinsombrero”, entre las que se encuentran artistas como Maruja Mallo y escritoras como María Teresa León, entre otras, que fueron adelantadas a su tiempo; y la participación femenina en organizaciones artísticas, sociales y políticas desde las que mostraban sus intereses ideológicos, ejercían cargos públicos y luchaban por la emancipación de la mujer, pero también por la defensa de la República.

Palabras clave: mujeres; Segunda República; emancipación; voto; cultura política.

Abstract: This study is focused on the advances made during the republican period in rights for Spanish women, such as the achievement of the female vote in 1931. The memory of the speech

¹ **Magdalena Garrido Caballero**, España, Doctora en Historia, Profesora titular de Historia contemporánea, Universidad de Murcia (mgarridocaballero@um.es).

delivered by Clara Campoamor remains in memory in the Courts in defense of the political rights of women 90 years ago, as well as the limits, aspects related to mentalities and gender roles. This text takes into account the presence of women in the artistic and intellectual milieu in the social group called “sinsombrero”, among which are artists such as Maruja Mallo, writers such as María Teresa León, among others, who were ahead of their time; and female participation in artistic, social and political organizations from which they showed their ideological interests, worked and fought for the emancipation of women but also for the defense of the Second Republic.

Key words: women; Second Republic; emancipation; vote; political culture.

Ser mujer en tiempos de la Segunda República

La Segunda República experimenta un periodo de avances sustanciales en el plano de la política social y del derecho de familia. La Constitución de 1931, aprobada el 9 de diciembre, resultó vital para el logro de aspiraciones femeninas, al reconocer una serie de derechos: igualdad de sexos, prohibición de la discriminación laboral y voto. También fue importante el reconocimiento del matrimonio civil y el divorcio. Sin embargo, ningún artículo recogía la abolición de la prostitución, defendida desde el movimiento obrero. Además, la ley del divorcio de 1932, precedida de un debate muy intenso, fue una de las innovaciones más discutidas de la República.

Respecto a la adquisición del voto por parte de las mujeres (artículo 36 de la Constitución de 1931) fue proceso que generó debate parlamentario. Las mujeres en 1931 eran elegibles, pero no podían votar. Algunas mujeres socialistas, como Margarita Nelken y María Martínez Sierra, insistían básicamente en el peligro que representaban la mayoría de las mujeres españolas -más de la mitad del cuerpo electoral- para la República, al estar bajo el amparo y control de la Iglesia Católica y estar educadas bajo unas coordenadas que no consideraban positivamente la libertad, de la que debían defenderse, argumento que esgrimió en las Cortes, Victoria Kent. Además, también estaban seriamente preocupadas por las escasas aspiraciones de las mujeres de clase alta, opositoras al divorcio y recelosas de algunas cuestiones como, por ejemplo, el reconocimiento de los hijos fuera del matrimonio. Por todos estos prejuicios, estaban convencidas que la mejor solución era acudir a la legislación para que determinara el cambio de costumbres y actitudes morales.

La propia Campoamor expondrá que le pasó factura la defensa del voto. La equidistancia política de los extremos de la abogada y diputada por Madrid, en un mundo que avanzaba rápidamente hacia la polarización, fue su particular pasaporte para la soledad, pues se sintió desarropada por sus compañeros del Partido Radical y, a pesar de haber colaborado con Azaña en la creación de Acción republicana, no tuvo cabida en Izquierda Republicana. Previamente, mostró coherencia al ser una de las primeras abogadas tituladas y no colaborar durante la Dictadura de Primo de Rivera. Marchó de España durante la guerra civil y, en su exilio, recaló en Francia, donde permaneció trabajando como traductora, hasta que marchó a Lausana (Suiza), un país en el que las mujeres adquirieron el voto en los setenta². Por su parte, Victoria Kent no era partidaria del voto para las mujeres en ese momento, solicita un aplazamiento para preservar el proyecto político, pero no porque rechazara derechos políticos o la participación plena de las mujeres en la sociedad, sino por la falta de preparación e independencia a la hora de votar.

En el debate del momento, periódicos como *El Herald*, consideraba más apropiado que se aprobara el sufragio femenino por vía legislativa y no fuera incluido en el texto constitucional, y *El Socialista*, aunque defendía el voto femenino, no constituyó una cuestión prioritaria. Revistas culturales como *Estampa*, que publicaba noticias sobre mujeres pioneras en la aviación o en ocupar cargos públicos, caso de Victoria Kent como directora de prisiones también, en su sección “cuando era chico/a”, dedica espacio a la infancia de Clara Campoamor, que valora el esfuerzo de su madre como costurera y el apoyo recibido en sus estudios. También se hacen eco sus páginas del premio concedido por las Damas españolas a Campoamor, y reflejó las opiniones de algunas mujeres sobre su intención de voto. Mientras *Crónica* hizo una defensa del voto en el artículo de P. Masso:

² Clara Campoamor, *El voto femenino y yo. Mi pecado moral*, Madrid, Horas y horas, 2006 (editado en 1935).

“felicitémonos del derecho otorgado, en la confianza de que sabrá hacer de él el uso más recto, noble y eficiente” (octubre de 1931). En 1933 no renovaron sus escaños ni Clara Campoamor ni Victoria Nelken. Esta última militó en el Partido Radical Socialista hasta 1934. Y también vivió la experiencia del exilio en París, México y Nueva York.

Para el movimiento feminista español en las primeras décadas de los años treinta del siglo pasado, que ya había visto crear asociaciones de mujeres, había prioridades como el trabajo, la educación y las condiciones de vida digna, motivo por el que encaja en un “feminismo social”³. Y durante la Segunda República la mujer no representó precisamente una prioridad, pues, como señala Ortiz: Ellas seguían ocupando un espacio marginal en lo público y apenas diez pudieron llegar a ser diputadas en las Cortes republicanas⁴. A pesar de los cambios legislativos introducidos por la Segunda República, estaba pendiente el cambio de las mentalidades y eso no podía hacerse meramente por decreto. Es más, debido a la heterogénea actitud del colectivo femenino en defensa de sus intereses, los avances no fueron mayores, autolimitándose la propia experiencia. Algunas de ellas accedieron a los Tribunales de Justicia en asuntos relativos a crímenes pasionales, y a los cargos de notarios y registradores⁵ y tuvieron un papel muy activo en el plano intelectual y artístico⁶, aunque sus perfiles quedaron por la evolución de los hechos históricos en la sombra a diferencia de sus compañeros, caso de las mujeres de la Generación del 27. A continuación, se trazan dos perfiles de mujeres “sinsombrero” a favor de la “revolución”.

Las “sinsombrero” a través de los perfiles de Maruja Mallo y Mª Teresa León

No es posible entender esos cambios propiciados por la Segunda República sin mujeres y hombres que pensaban distinto a la preparación de la mujer para algo que no sea estrictamente el matrimonio, como exponía Margarita Nelken en su libro *la condición social de la mujer* (1919). En este sentido las pioneras han entrado dentro de las denominadas “sinsombrero”, metáfora de la incipiente mujer moderna, rebelde que reaccionaba contra los convencionalismos⁷.

Mallo (1980) explica las consideraciones sociales de no llevarlo en los años veinte del siglo pasado:

Todo el mundo llevaba sombrero, era así como un pronóstico de diferencia social, pero un buen día a Federico, Dalí, a mí y a Margarita Manso se nos ocurrió quitarnos el sombrero y al atravesar la Puerta del Sol, nos apedrearon, insultándonos como si hubiéramos hecho un descubrimiento, como Copérnico o Galileo. Entonces nos tuvimos que meter por la boca del subterráneo. [...] Nos llamaban maricones, porque se comprende que comprendían que despojarse del sombrero era como una manifestación del tercer sexo⁸.

Dentro de las “sinsombrero” de la otra generación del 27, encontramos a dos figuras femeninas sobre las que se centra este texto: Maruja Mallo y María Teresa León que vivieron las experiencias de los cambios republicanos, su compromiso con los mismos, el exilio y el retorno a España.

³ Mary Nash y Susana Tavera, *Experiencias desiguales: Conflictos sociales y respuestas colectivas (siglo XIX)*, Madrid, Síntesis, 1994. María Dolores Ramos Palomo, “Feminismo y acción colectiva en la España de la primera mitad del siglo XX”, en Manuel Ortiz Heras, David Ruiz González y Isidro Sánchez Sánchez (coord.), *Movimientos sociales y estado en la España contemporánea*, Cuenca, 2001, p. 379–403.

⁴ Manuel Ortiz Heras, “Mujer y dictadura franquista”, *Aposta. Revista de Ciencias Sociales* 28, 2006, p. 1–26

⁵ José Manuel Díez Fuentes, “República y primer franquismo: La mujer española entre el esplendor y la miseria, 1930–1950”, *Alternativas. Cuadernos de Trabajo Social* 3, 1995, p. 23–40.

⁶ Nuria Rodríguez Calatayud, *Archivo y memoria femenina. Los textos de la mujer artista durante las primeras vanguardias (1900–1945)*, Valencia, 2007.

⁷ Gemma Santiago Alonso, “Las sinsombrero el despertar a su reivindicación histórica”, en Encuentros, *Europa-Iberoamérica en un mundo globalizado*, Pécs-Budapest, p. 367–380.

⁸ Serrana Torres, Manuel Jiménez Núñez y Tània Balló, *Las sinsombrero, Intropía, Yolaperdono*, RTVE, 2015.

Maruja Mallo (Viverio, Lugo, 1902 — Madrid, 1995) vivió en un momento de intensos cambios políticos, sociales, económicos y culturales⁹ que su refleja en su obra, mezcla de estética y compromiso. En 1909, se estableció la escolarización obligatoria hasta los 12 años, medida que favoreció la caída progresiva de las tasas de analfabetismo femenino, y las aulas universitarias, cerradas a las mujeres en los siglos anteriores, abrieron al fin sus puertas¹⁰. El contexto social y familiar ejerció mucha influencia en ella, y sobre todo el apoyo de su padre, en la decisión de ingresar en la escuela de Bellas Artes, previo examen. La primera exposición abierta al público de la pintora en la Academia de Artes y Oficios Avilés y se tituló: *Exposición de artistas de Avilés* en 1922.

En los años veinte, germinaba en toda Europa, y también en España, un nuevo tipo de artista comprometido con la sociedad y con su arte, al tiempo que surgía una nueva concepción de mujer entre las páginas de las escritoras, las pintoras y las filósofas, todas ellas conscientes de su derecho a opinar sobre el arte, la política o la vida. Las primeras obras de Mallo muestran ya esa libertad y reflejan, por una parte, las transformaciones del mundo urbano con la aparición de los primeros tranvías y vehículos que tanto cambiarán la estructura de las propias ciudades y, por otra, el nacimiento de una mujer que lee, viaja, hace deporte y se pasea sola, sin los corsés que amenazaban su cuerpo en los años anteriores¹¹. En palabras de Mallo (1980):

Para mí lo que es la política y cuáles son los promotores de la revolución, del arte y de la vida... Yo digo que si el genio es la suma de ciencia y consciencia que averigua el futuro y que si actuar es la causa que determina el mañana, son las masas intelectuales las que están realizando la transformación de la tierra.

La idea de libertad, siempre candente en la pintora, marca su recorrido personal y artístico. Su Juventud y madurez transcurre en un Madrid que se encontraba en pleno crecimiento y desarrollo sociocultural. Mallo gozó de una libertad de movimiento que no era habitual entre las mujeres burguesas. Sola o en compañía de amigos, exploró ambientes muy diversos: de las visitas al Prado, a las tascas de los proletarios que surgían en los barrios más periféricos. Mallo, además, se adentra en espacios exclusivamente masculinos. Y también en el Lyceum Club, fundado en 1926, por María de Maeztu, Victoria Kent, Zenobia Camprubí, Amalia Salaverría y Carmen Baroja, entre otras mujeres, que fue un lugar de encuentro en el que participaron poetas, dramaturgos, científicos y artistas y pasó a ser un referente para la generación de mujeres más jóvenes, entre las que se encontraba Mallo¹².

Perfeccionó las técnicas clásicas del dibujo en la Real Academia de Bellas Artes y obtuvo el diploma con el que pudo presentarse a las oposiciones de profesora años más tarde. Pero la inquietud y el logro en descubrir nuevos espacios artísticos llevaron a Mallo a integrarse en las clases de dibujo libre del pintor Julio Moisés. Espacio que compartió con otros jóvenes artistas vanguardistas, un lugar donde no sólo se esculpía o se pintaba, sino que también se debatía sobre temas políticos y sociales, porque el artista estaba convencido que el arte podía y debía ser un instrumento de cambio y mejora social¹³.

⁹ Ana María Manuela Isabel Josefa Gómez González, nació un 6 de enero de 1902 en Viverio (Lugo). Fue la cuarta de un total de 14 hermanos. Su madre, Doña Pilar González, murió cuando ella tenía 20 años y su padre, Don Justo Gómez Mallo, funcionario del Gobierno –Administrador de Aduanas Portuarias-, desempeñó un papel muy influyente en su educación. Entre otros estudios sobre Mallo destacar los de Ramón Gómez de la Serna, Maruja Mallo (1928–1942), Buenos Aires, Editorial Losada, 1942; José L. Ferris, Maruja Mallo, la gran transgresora del 27, Madrid, Temas de Hoy, 2004; Estrella de Diego Otero, Maruja Mallo. Madrid, Fundación Mapfre, Instituto de Cultura, 2008; Shirley Mangini, Maruja Mallo y la vanguardia española, Barcelona, Circe, 2012; Antón Reixa, Maruja Mallo. Mitad ángel, mitad pescado. SECC, Fundación Caixa Galicia y TVE, 2013.

¹⁰ María Cruz del Amo, “La educación de las mujeres en España”, *Participación Educativa, Ministerio de Educación* 11, 2009, p. 8–22.

¹¹ Alejandra Val Cubero, “La profesionalización de las mujeres artistas españolas. El caso de Maruja Mallo (1902–1995) y Amalia Avia (1926–2011)”, *Papers: revista de sociología* 98/4, 2013, p. 677–696, 680.

¹² *Ibid*, p. 683.

¹³ *Ibid*, p. 681.

En Madrid donde conoce a Salvador Dalí con quien establece una gran amistad. Es él quien la introduce en el surrealismo y en la Generación del 27, presentándole a los que eran residentes más destacados de la academia en aquel momento, García Lorca y Buñuel (Mallo, 1980). En sus viajes, movida por la curiosidad y el afán de conocer y sentirse libre, le gustaba ir a playas perdidas, conocer sus carreteras y su gente, inspirarse en motivos naturales como caracolas, flores, etc. Al ser llamada por su familia desde muy pequeña Maruja o Marujilla lo usó como nombre artístico.

En 1928, Ortega y Gasset conoció *Las Verbenas* un conjunto de cuatro óleos sobre lienzo inspirados en las fiestas madrileñas que Maruja pintó siendo aún estudiante. La exposición fue un punto de inflexión en su carrera artística, y numerosos intelectuales, escritores, periodistas y poetas pertenecientes a la escena intelectual madrileña comenzaron a escribir sobre su trayectoria profesional. Sus cuadros fueron expuestos en las salas de la Revista *Occidente*, primera y única exposición que realizó dicha revista. En el año 1931, con una beca de la Junta de Ampliación de Estudios se desplaza a París y en esta etapa conoce y obtiene influencia de los pintores Breton y Pablo Picasso.

Mallo es entrevistada el 14 de abril de 1980 por Joaquín Soler Serrano en el programa *A fondo* de TVE. Con presencia e ideas claras, se muestra la pintora haciendo un recorrido vital y profesional, destacando a sus compañeros de generación y su viaje a París, donde expone sus claroscuros de la serie titulada *Cloacas y Campanarios* en el año 1933, el título hace alusión a su crítica al poder opresor que ejercía la iglesia a la que denomina “la mafia santa”¹⁴. En los cuadros insertó huesos, excrementos y basuras. Todo ello forma parte de la civilización, aunque suele ser considerado desagradable. Precisamente, por eso lo destacó Maruja, para significar la decadencia de la sociedad capitalista, encaminada a su autodestrucción inevitable. La podredumbre escondida por el capitalismo termina por engullirlo, y entonces se aprecia la miseria de las artes, carentes de sentido¹⁵. Al regresar a España, se dedicó a la enseñanza.

En 1936, crea una obra emblemática “la sorpresa del trigo”, inspirada en una manifestación del 1º de Mayo en Madrid, en la que la pintora preguntó a una mujer: ¿qué es lo que queréis? y le responde: “pan”¹⁶. Pictóricamente se representan elementos cotidianos y geométricos, se visualiza el rostro de una mujer en la que destacan las palmas de las manos, tan características de su obra. Tiene fija la mirada en los dedos de su mano derecha, de los que brotan tres espigas de cereal, y en la palma de la mano izquierda hay tres semillas.

En pleno apogeo de la Guerra Civil española, parte hacia el exilio, y fija su residencia en Buenos Aires en 1937. Invitada por la Sociedad de Amigos del Arte de Buenos Aires y Montevideo dio conferencias sobre la interpretación personal de la historia del arte y la influencia de lo popular en su obra¹⁷. En Iberoamérica, pasa a dibujar telas, murales y piezas de decoración. Su etapa de pintura se centra en murales estáticos con mensajes sociales, sobre todo en cantos al trabajo principalmente la pesca y el campo. También en su etapa de exilio pinta máscaras, sus naturalezas vivas y los rostros bidimensionales.

Tras veinticinco años de exilio, desembarca en el puerto de Valencia, pero no regresará a Madrid hasta 1965. En los primeros años en la capital, tras su retorno, viaja numerosas veces a Buenos Aires, ya que Maruja tenía miedo a que se la reconociera y tuviera una contrapartida negativa, pero vive prácticamente en el anonimato.

En los setenta, presenta su serie pictórica, *Los moradores del vacío*, que consiste en construcciones geométricas no figurativas de gran colorido, en las que trabaja con nuevas técnicas

¹⁴ Joaquín Soler Serrano (1919–2010) fue un locutor de radio, presentador de televisión y periodista de origen murciano, comenzó a trabajar para TVE (Televisión española) en los años 60, encargado de la sección documental “A fondo” (1976) donde realizaba entrevistas en profundidad a personajes célebres de la historia española como Maruja Mallo en 1980.

¹⁵ Arturo del Villar, “La revolución estética y política de Maruja Mallo”. 21 de marzo de 2021, *Crónica Popular* [Recurso electrónico]. URL: <https://www.cronicapopular.es/2021/03/la-revolucion-estetica-y-politica-de-maruja-mallo/> (consultado el 10.10.2021).

¹⁶ Juan Manuel Bonet, “Entrevista con Maruja Mallo filmada en la Plaza Mayor de Madrid para el programa ‘Trazos’”, 10, *Televisión Española*, 1977.

¹⁷ Maruja Mallo, *Lo popular en la plástica española a través de mi obra: 1928–1936*, Buenos Aires, 1939.

pictóricas como el bolígrafo y cera sobre cartulina¹⁸. Y, en los años ochenta, Maruja Mallo volvió a ser figura asidua de las tertulias y el mundo cultural del momento, mostró fe en la juventud porque, tras años de dictadura, tenía vitalidad y ansias de conocimiento, lo mismo en la ciencia que en el arte y eso les unía¹⁹.

Mallo recibió premios como la Medalla de Bellas Artes en 1982, la medalla de Galicia en 1991, y en el espacio público se le han dedicado calles.

Mª Teresa León Goyri (Logroño, 1903 — Madrid, 1988) nació en una familia acomodada en un ambiente culto. Estudió en la Institución Libre de Enseñanza y se licenció en Filosofía y Letras. Destacó en su faceta literaria y especialmente por la actuación desarrollada durante la Guerra Civil española, su participación en la Alianza de Intelectuales Antifascistas y sus conexiones con la URSS.

Entre sus publicaciones hay que destacar *La historia tiene la palabra* (1944) donde, muestra los esfuerzos procurados por salvaguardar el patrimonio artístico en tiempos de guerra, a través de la Junta de Defensa de Protección del Tesoro Artístico, bajo la Segunda República española, en la que ella participó con el fin de evacuar los lienzos de El Escorial y del Museo del Prado. Desmiente la venta del patrimonio artístico español, delito atribuido a la Segunda República por sus detractores, minimiza su propio papel para valorar el sacrificio de los españoles y alude a la situación que vive Europa bajo el fascismo. Y *Memoria de la Melancolía* (1970) es relevante para conocer mejor a la autora, sus recuerdos y compromiso con la Segunda República.

En su defensa de la Segunda República se enmarca la entrevista de María Teresa León y Rafael Alberti con Stalin para que acudieran escritores revolucionarios a la Madrid sitiada²⁰. En efecto, el II Congreso Internacional de Escritores para la Defensa y la cultura se llevó a cabo (en Valencia, Madrid y Barcelona) — el primero tuvo lugar en París en 1935-, como muestra la prensa de época en imágenes²¹.

María Teresa León ejerció tareas de autora, gestora, directora, actriz y ensayista de distintos proyectos. Ella creía en el teatro como “una magnífica arma de educación” (*Ahora*, 1937). En 1937 se crea el Teatro de Arte y Propaganda, del que se pone al mando como directora y al que se le cedió un espacio tan emblemático como el teatro de la Zarzuela para una temporada completa. El diario *Ahora*, en 1937, ensalzó su trabajo:

Queremos destacar [...] la magnífica labor que desde el escenario de la Zarzuela viene realizando la compañía que dirige María Teresa León, y de una manera muy particular, el éxito alcanzado por la obra estrenada el sábado: “La tragedia optimista” [de Vsevolod Vishnievski]. Por primera vez desde que estalló el movimiento subversivo ha visto la juventud madrileña algo que verdaderamente merece la pena en materia teatral.

María Teresa León se implicó en las “Guerrillas de Teatro”, cuando las condiciones bélicas acabaron en 1937 con la temporada de Teatro de Arte y Propaganda de la Zarzuela, se iniciaron campañas ambulantes para continuar con las labores pedagógicas, con el fin de “llevar un poco de alegría al medio del campo de batalla”²². En *Juego Limpio* (1959) refleja la autora el Madrid asediado y también a las propias “guerrillas de teatro”, recordadas en *Memoria de la Melancolía*:

Muchas veces he contado el arrebatado entusiasmo de aquellos días, altos y serenos, de conciencia limpia. La guerra nos había obligado a cerrar el gran teatro de la Zarzuela, y también la guerra, convertido a los actores en soldados. Este llamamiento a las armas nos hizo tomar una resolución y la tomamos. ¿Por qué no ir hasta la línea de fuego con nuestro teatro? Así lo hicimos Santiago

¹⁸ Rebeca Sánchez, *Maruja Mallo y el dandismo creativo*, Valladolid, 2014, p. 16.

¹⁹ “Testimonio de Maruja Mallo en el documental de Antón Reixa”, *Maruja Mallo. Mitad ángel, mitad marisco*, RTVE, 2013.

²⁰ Mª Teresa León, *El viaje a Rusia en 1934 y otros recuerdos soviéticos*, Sevilla, 2019.

²¹ José Fernández, ‘Crónica en Valencia. El II Congreso Internacional de Escritores para la Defensa de la Cultura’, *Crónica* 9:401, 18 de julio de 1937, p. 12.

²² Serrana Torres, Manuel Jiménez Núñez y Tània Balló, *Op. cit.*

Ontañón, Jesús García Leoz, Edmundo Barbero y yo nos encontramos dentro de una aventura nueva. Participaríamos en la epopeya del pueblo español desde nuestro ángulo de combatientes²³.

Rafael Alberti y María Teresa se encontraron con Stalin en la URSS, de su estancia soviética de veintiséis días, de la que los periódicos soviéticos dieron retratos de la llegada, relata Alberti para *Estampa*:

Teníamos que hablarles cinco y seis veces diarias en fábricas y clubs... Nos pedían artículos constantemente para todos los periódicos... Todos los días nos hacían seis y siete interviús... Hicimos el programa de radio para el 14 de abril y el 28 de marzo. ¡No descansamos un momento!

María Teresa cuenta:

— Además de su fervor por España, aquel es un país nuevo, que muestra ante las cosas una curiosidad, una sencillez magnífica.

— Sus impresiones sobre Stalin fueron favorables—: La de oírle hablar allí, tan lejos, de Guadalajara y de pueblos tan escondidos como Brihuega y Trijueque.

Otra de sus facetas fue la de periodista para medios como el *Heraldo de Madrid* para el que escribió una serie de artículos sobre teatro internacional. Fundó junto a otros compañeros de la Generación del 27 la revista *Octubre* (1933–1934) y *El Mono Azul* (1936–1939). En este contexto, aumentó la politización y la extensión de las organizaciones femeninas, como la Agrupación de Mujeres Antifascistas (AMA) o Mujeres Libres, esta última desde el anarquismo. Y se propagó el icono de la “nueva mujer”²⁴. Es decir, una mujer luchadora antifascista y miliciana²⁵, representada inicialmente en la cartelística, en contraste con el modelo de mujer del bando sublevado y la etapa franquista. No obstante, las mujeres estaban sometidas a la “doble carga”, asumiendo tareas de limpieza, costura, entre otras actividades²⁶.

En María Teresa León el compromiso político es nítido y lo que más acaba siendo destacado, pero también es preciso señalar su calidad literaria y que fuese memoria de una generación de intelectuales exiliados, como ella y el propio Alberti, que recalaron en Orán, Francia, Argentina e Italia, regresando a España en 1977. La enfermedad fue borrando en los años finales de su vida esa memoria, pero no su legado. Para Ferris, María Teresa León luchó por la libertad en todos sus órdenes y encarnó el papel de la nueva mujer emancipada que preconizó la República, con una fuerte vertiente feminista²⁷.

A modo de conclusión

Las “sinsombrero” tienen en común que todas y cada una de ellas fueron mujeres que supieron adentrarse en un mundo de hombres y hacerse un lugar por su talento, aunque sus nombres no aparecieron dentro de la Generación del 27, se desarrollaron en la Segunda República, inspiradas por el ambiente cambiante, con reconocimiento de derechos políticos como el voto, y vanguardista de la época del que participaron activamente. No obstante, el periodo republicano se trató de un paréntesis. Tras la caída de la España republicana, los cambios políticos y el silencio forzoso de los años de la dictadura franquista, relegaban a las mujeres de la memoria colectiva.

²³ María Teresa León, *Memoria de la Melancolía*, Buenos Aires, 1970, p. 42 (citado por Manuel Aznar Soler, “Mª Teresa León y el teatro español durante la guerra civil”, *Revista Stichomythia* 5, 2007, p. 37–54).

²⁴ Ana Aguado, “Memoria de la Guerra Civil e identidades femeninas antifranquistas”, *Amnis* 2, 2011.

²⁵ Mary Nash, *Rojas: las mujeres republicanas en la guerra civil*, Madrid, 1999; Alicia Torija y Jorge Morín (eds), *Mujeres en la guerra civil y posguerra. Género y Educación*, Madrid, 2019.

²⁶ Lisa M. Lines, “Female Combatants in the Spanish Civil War: Milicianas on the Front Lines and in the Rearguard”, *Journal of International Women's Studies* 10:4, 2009, p. 168–187.

²⁷ José Luis Ferri ‘descubre’ a María Teresa León, la nueva mujer emancipada de la República, Alicante Plaza (edición digital), 1 de junio de 2017. Autor de la biografía: Palabras contra el olvido. Vida y obra de María Teresa León (1903–1988), Fundación José Manuel Lara, 2017. Gregorio Torres, Los espacios de la memoria. La obra literaria de María Teresa León, Ediciones la Torre, 1996. Algunas obras inéditas de María Teresa León han sido recuperadas por su hija, Aitana Alberti, en publicaciones como *La memoria dispersa*, Editorial Atrapasueños, 2014.

Muchas de ellas, desde el exilio, pudieron seguir realizándose a nivel profesional, pues entendían su profesión como medio de expresión, forma de vida y compromiso social. Utilizaban su talento para hacer crítica y denunciar lo que consideraban injusticias sociales. Plasman en la cultura su impronta, reflejo del ideal de libertad, sus visiones de la Segunda República y su tiempo, como se evidencia en la las creaciones artísticas de Maruja Mallo y la obra literaria de María Teresa León.

La historia ha de completarse, reconocer y visibilizar sus legados que son referentes para generaciones futuras.

Bibliografía

1. Bonet, Juan Manuel, “Entrevista con Maruja Mallo filmada en la Plaza Mayor de Madrid para el programa ‘Trazos’”, n. 10, *Televisión Española*, 1977.
2. Mallo, Maruja, *Lo popular en la plástica española a través de mi obra: 1928–1936*, Buenos Aires, Losada, 1939.
3. Sánchez, Rebeca, *Maruja Mallo y el dandismo creativo*, Valladolid, Universidad de Valladolid, 2014.
4. “Testimonio de Maruja Mallo en el documental de Antón Reixa”, *Maruja Mallo. Mitad ángel, mitad marisco*, RTVE, 2013.
5. Mª Teresa León, *El viaje a Rusia en 1934 y otros recuerdos soviéticos*, Sevilla, Renacimiento, 2019.
6. Fernández, José, “Crónica en Valencia. El II Congreso Internacional de Escritores para la Defensa de la Cultura”, *Crónica* 9:401, 18 de julio de 1937.
7. Torres, Serrana, Manuel Jiménez Núñez y Tània Balló, *Las sinsombrero, Intropía, Yolaperdono*, RTVE, 2015.
8. León, María Teresa, *Memoria de la Melancolía*, Buenos Aires, Editorial Losada, 1970.
9. Aznar Soler, Manuel, “Mª Teresa León y el teatro español durante la guerra civil”, *Revista Stichomythia* 5, 2007, p. 37–54.
10. Ana Aguado, “Memoria de la Guerra Civil e identidades femeninas antifranquistas”, *Amnis* [en línea] 2, 2011.
11. Nash, Mary, *Rojas: las mujeres republicanas en la guerra civil*, Madrid, Taurus, 1999.
12. Torija, Alicia y Jorge Morín (eds), *Mujeres en la guerra civil y posguerra. Género y Educación*, Madrid, Audema, 2019.
13. Lines, Lisa M., “Female Combatants in the Spanish Civil War: Milicianas on the Front Lines and in the Rearguard”, *Journal of International Women’s Studies* 10:4, 2009, p. 168–187.
14. Torres, Gregorio, *Los espacios de la memoria. La obra literaria de María Teresa León*, Madrid, Ediciones la Torre, 1996.

БРИКС И РАЗВИТИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА ЮГ — ЮГ В XXI ВЕКЕ

BRICS AND DEVELOPMENT OF SOUTH — SOUTH COOPERATION IN THE 21ST CENTURY

Н. И. Ладыгина-Глазунова, Е. В. Петрова¹

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В ДИПЛОМАТИИ: РОССИЯ — БРАЗИЛИЯ

DIGITIZATION IN DIPLOMACY: RUSSIA — BRAZIL

Abstract: The global explosion of COVID-19 served as a powerful impetus to the development of digitalization in various areas of international relations, including diplomacy, bringing them to a new, higher level. Digital diplomacy today is an integral component of the life of the state, which showed its particular relevance in 2020, during the period of the COVID-19 epidemic. The growing digitalization, combined with the popularization of ideas based on ICT, is changing the interaction between states, their leaders and all kinds of organizations, and the participation of citizens in these processes ensures the availability of exchange of views and non-hierarchical dialogue. Influencing through the Internet and social media in general is extremely necessary and relevant today - pages of the diplomatic staff in social media are becoming channels for communication and discourse. We are witnessing how almost all the key forms of human activity on Earth have phenomenally migrated to the Internet, creating an opportunity for the formation and perception of the digital world as a single hypertext. The ubiquity of the Internet and social networks has given rise to many digital and postmodern cultures, created favorable conditions for the prompt solution of problems arising in the process of interpersonal communication, both around the world and specifically in Brazil and Russia. These cultures include online education and hashtag-activism, online arts and sports, e-commerce, e-banking, e-government, and online medicine. It should be noted that developing & developed states have a problem of a digital imbalance, due to limited or outdated ICT infrastructure. For developing countries, the surge in digitalization and e-diplomacy itself will help reduce the huge costs associated

¹ **Ладыгина-Глазунова Нина Игоревна**, Россия, аспирант факультета международных отношений СПбГУ (mailni@inbox.ru).

Петрова Елизавета Викторовна, Россия, аспирант факультета политологии СПбГУ (lizaveta113@gmail.com).

with the creation and operation of physical embassies. It is during the COVID-19 period that it is extremely important to explore the digital potential of Russia and Brazil in order to improve diplomatic practice and communication. Using the achievements of civilization in the field of rapid development of ICT and digital diplomacy, Russia and Brazil are simply obliged to benefit most from the relentlessly evolving diplomatic trends. Success in this direction will undoubtedly contribute to the best mutual understanding and interaction between the two countries.

Key words: Russia; Brazil; digitalization; e-diplomacy; COVID-19; innovation; ICT; social media; BRICS; cyber-diplomacy; network diplomacy.

Всемирная вспышка COVID-19, несмотря на негативное воздействие на здоровье всего человечества, вывела области, связанные с международными отношениями, на новый уровень цифровизации, в том числе и дипломатию. Понятие «цифровизация в дипломатии», или, иначе, «цифровая дипломатия», «кибердипломатия», «сетевая дипломатия» и «интернет дипломатия», возникло десять лет назад² среди практиков: политиков и дипломатов. Они начали первыми активно их использовать для изучения общественного мнения и возможности влияния на общество. Строгого определения на данный момент все еще нет, так как ученые до сих пор продолжают осмысление. В настоящее время под сетевой дипломатией понимают публичность дипломатических органов государства, а именно — как акторы внешнеполитической деятельности используют ИКТ, социальные сети и иные технические возможности для коммуникации с общественностью. Если говорить в более широком смысле, то имеется в виду дипломатическая трансформация в эру цифровизации, и «если раньше основной упор делался на привлечении целевой аудитории посредством диалога или убеждения, то в современных условиях речь идет уже о проведении полномасштабных информационных кампаний»³. Переход от традиционной дипломатии к цифровой вызвал споры среди ученых о том, как цифровые технологии могут влиять на общественное мнение. Считается, что эта революция породила две теории, в которых одни ученые полагают, что цифровизация улучшила публичную дипломатию, тогда как другие утверждают, что цифровая дипломатия — это что-то новое и не связанное с публичной дипломатией⁴. Большая часть литературы по этой теме сосредоточена на деятельности западных правительств, МИДов и дипломатических миссий, где игнорируется деятельность африканских, азиатских и латиноамериканских коллег по линии Юг — Юг. Цифровая дипломатия — глобальное явление, но она имеет преобладающий евроцентричный характер доступной литературы. Стоит предположить, что концепция африканской, азиатской и латиноамериканской цифровой дипломатии является скорее мифом, чем реальностью для многих ученых. На фоне других сфер общественной жизни, которые с приходом COVID-19 все больше входят в тесный контакт с цифровизацией, дипломатии сложнее достигать таких же успехов, но все же эти усилия небезрезультатны. Сегодня мы можем сказать, что для дипломатических областей России и Бразилии выход в интернет-среду не стал каким-то уж явным открытием, но с каждым годом ситуация меняется: появляются новые социальные медиа, новые коммуникативные инструменты, под которые необходимо подстраиваться и которые важно развивать. России и Бразилии нельзя отставать, как в случае частного развития цифровой дипломатии, так и в двустороннем и многостороннем формате (БРИКС, Юг — Юг и др.).

Мы являемся свидетелями того, как почти все ключевые формы человеческой деятельности на Земле феноменально мигрировали в интернет, создав возможность для

² Егор Леонов, “Новые тенденции развития цифровой дипломатии в условиях COVID-19”, *Международная жизнь* 1, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2449> (дата обращения: 07.04.2021).

³ Ibid.

⁴ Bridget Verrekia, “Digital Diplomacy and Its Effect on International Relations”. 2017, *Independent Study Project (ISP) Collection* [Электронный ресурс]. URL: https://digitalcollections.sit.edu/isp_collection/2596 (дата обращения: 11.07.2021).

формирования и восприятия цифрового мира как единого гипертекста⁵. Повсеместное распространение интернета и социальных медиа породило множество цифровых и постмодернистских культур, создало благоприятные условия для оперативного решения проблем, возникающих в процессе межличностного и международного общения, как во всем мире, так и конкретно в Бразилии и России. Среди этих культур: онлайн-образование и активизм с использованием хэштегов, онлайн-искусство и онлайн-спорт, электронная коммерция, электронное банковское дело, электронное правительство и онлайн-медицина.

Цифровая дипломатия и интернет-деятельность в целом в значительной степени облегчают проецирование внешнеполитических позиций государства на внутреннюю и зарубежную аудиторию. Последние годы интернет стал доступен широким массам во многом благодаря производителям, выпускающим недорогие мобильные устройства, в том числе смартфоны. Но нужно отметить также, что существует цифровой дисбаланс между развивающимися и развитыми странами, тормозящий распространение цифровой дипломатии. Развивающиеся страны имеют ограниченную и устаревшую инфраструктуру информационно-коммуникативных технологий (ИКТ). Использование ИКТ для разрешения внешнеполитических задач и воздействия на массовое сознание посредством интернета и социальных медиа крайне важно — страницы в социальных медиа стали неотъемлемой частью деятельности дипломатических сотрудников, каналом для коммуникации и дискурса. Внедрение ИКТ в государственном секторе приносит пользу как правительству, так и гражданам, а цифровая дипломатия — одна из областей, в которой ИКТ имеют наибольшее значение.

Развитие технологий изменило дипломатическое взаимодействие, которое теперь больше не ограничивается двусторонними переговорами и обсуждениями, но также включает платформы социальных медиа для переговоров или других мероприятий. Сегодня «пандемия коронавируса внесла свои коррективы в работу внешнеполитических ведомств: так, в практику вводится вручение верительных грамот иностранному правительству по видеоконференции, а дипломаты-стажеры проводят виртуальные туры вместо физических поездок за границу»⁶. Значительные перемены в этом направлении заключаются не в скорости передачи информации, а в колоссальном сокращении затрат на этот процесс, что делает технологию его использования более универсальной. Для таких развивающихся стран, как Россия и Бразилия, всплеск цифровизации и сама цифровая дипломатия помогут снизить затраты, связанные с созданием и работой физических посольств; кроме того, это поможет уменьшить аспекты времени и пространства.

В данном исследовании основной акцент сделан на наиболее перспективном направлении цифровой дипломатии — социальных медиа. Нам хотелось показать как Россия и Бразилия осваивают это направление по отдельности, как у них складывается работа в совместных проектах, а также каковы перспективы развития цифровой дипломатии в рамках БРИКС.

Согласно данным Statista,⁷ по числу пользователей социальных медиа лидируют четыре страны БРИКС. В Китае, по прогнозам аналитиков, число пользователей социальных медиа с 2018 по 2023 г. вырастет более чем на сто миллионов человек: с 673,5 до 799,9 млн; второе место занимает Индия с показателем 326,1 млн чел. в 2018 г. и с предполагаемым ростом к 2023 г. до 447,9 млн чел.; на третьем месте — США (243,6–257,4 млн); четвертую позицию занимает Бразилия (95,2–114,5 млн); далее следует Индонезия (81–103,1 млн),

⁵ Оксана Штайн, *Маска как форма идентичности: Введение в философию образа*, Санкт-Петербург, 2012, с. 71.

⁶ “Венская конвенция для киберпространства: фонд Горчакова провел экспертную дискуссию о феномене цифровой дипломатии”, *Фонд Горчакова* [Электронный ресурс]. URL: <https://gorchakovfund.ru/news/venskaya-konventsia-dlya-kiberprostranstva-fond-gorchakova-provel-ekspertnyu-diskussiyu-o-fenomene/> (дата обращения: 07.07.2021).

⁷ “Number of social network users in selected countries in 2018 and 2023 (in millions)”, *Statista* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/278341/number-of-social-network-users-in-selected-countries/> (дата обращения: 08.03.2020).

шестерку стран замыкает Россия (73,5–77,5 млн). К сожалению, ЮАР не вошла в список из 15 стран, что указывает на видимое отсутствие необходимой инфраструктуры ИКТ в стране⁸.

Наиболее объективными данными по числу пользователей социальных медиа располагает «Карта мира социальных сетей»⁹. В российском сегменте наиболее популярна у молодежи платформа «ВКонтакте», а «Одноклассники» — среди старшего поколения и части стран бывшего Советского Союза. На арену к юным пользователям в России активно выходит Tik Tok. Необходимо отметить, что некоторые социальные медиа, такие как Telegram, WhatsApp, YouTube и др., задуманные изначально как простые мессенджеры или видео-/фотохостинги, сегодня можно уверенно отнести к социальным медиа, поскольку их пользователям предлагаются всевозможные инструменты для персонифицированного размещения и создания контента. Сегодня они активно набирают аудиторию в России и Бразилии, что требует дальнейшего изучения и мониторинга.

Дискурс, проводимый за счет контента пользователя, может встраиваться в реальную среду, оказывать на нее влияние и тем самым конструировать, создавать и распространять определенную идеологию. Яркий пример тому — размещение фото- или видеоконтента в Instagram — условие, которое является обязательным для использования аккаунта, что отличает его от требований других платформ. Все активнее в социальных медиа используются хэштеги или гиперссылки, отсылающие пользователей в виртуальное пространство. Здесь мы также видим такое явление как хэштег-активизм, набирающий популярность у все большего количества пользователей.

Глобализация интернета сократила расстояние между странами и сделала мир меньше, а разрыв между лидерами и их населением стал размытым. На материальные доказательства использования цифровой дипломатии в работе указывает исследование сайта Twiplomacy, где собрано несколько тематических исследований, которые повлияли на международные отношения. По данным сайта, эпидемиологическая ситуация с COVID-19 в 2020 г. значительно увеличила число подписчиков на аккаунты мировых лидеров в Facebook. Глава Бразилии Ж. Болсонару¹⁰ — пожалуй, самый популярный лидер в Латинской Америке. Пальму первенства по активности получает МИД России¹¹. Активность МИД России подтверждает 10 171 пост, опубликованный за 12 месяцев в 2020 г., что в среднем составляет более 27 публикаций в день, и, помимо этого, дипломаты регулярно помещают в социальных медиа сообщения из своих зарубежных посольств.

Проанализировав сайты МИД России и Бразилии на английском языке,¹² отметим, что они увеличили свое присутствие в социальных медиа с мая 2020 г. по сентябрь 2021 г. МИД России в этом направлении в числе лидеров. Бразилия действует преимущественно в зарубежных социальных медиа. Следует заключить, что для успешного продвижения бренда своей страны, нужно активнее позиционировать себя в социальных медиа через официальные сайты.

Цифровая дипломатия сегодня — неотъемлемый компонент жизни государства, доказавший свою особую актуальность в 2020 г., в разгар эпидемии COVID-19. Стремясь заполнить очевидный пробел в сфере цифровой дипломатии, сегодня необходимо дать критический анализ ее состоянию в странах глобального Юга и России, а также исследовать

⁸ Исследование было проведено в 2018 г. и опубликовано в 2019 г.

⁹ “World Map of Social Networks”, *VINCOS BLOG* [Электронный ресурс]. URL: <https://vincos.it/world-map-of-social-networks/> (дата обращения: 22.09.2021).

¹⁰ “World Leaders on Facebook 2020”, *Twiplomacy* [Электронный ресурс]. URL: <https://twiplomacy.com/info/south-america/brazil/jairbolsonaro/> (дата обращения: 01.09.2021).

¹¹ “МИД России”, *Twiplomacy* [Электронный ресурс]. URL: https://twiplomacy.com/info/europe/russia/mid_rf/ (дата обращения: 01.09.2021).

¹² *Ministry of Foreign Affairs of the Federal Republic Brazil* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.itamaraty.gov.br/en/> (дата обращения: 21.09.2021); “Social media”, *Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation* [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/en/press_service/social_accounts (дата обращения: 21.09.2021); *Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation* [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/en/main_en (дата обращения: 21.09.2021).

проблемы и перспективы данного направления. Дальнейшее исследование в области цифровой дипломатии может помочь устранить многочисленные пробелы в знаниях, улучшить подходы, используемые лидерами государств и дипломатами, определить преимущества и недостатки социальных медиа как канала для передачи информации гражданам, а также другим государствам. Растущая цифровизация в сочетании с популяризацией идей, основанных на ИКТ, изменяет взаимодействие между государствами, их лидерами и всевозможными организациями, а участие граждан в этих процессах обеспечивает доступность обмена мнениями и неиерархичность диалога. Используя достижения цивилизации в области стремительного развития ИКТ и цифровой дипломатии, Россия и Бразилия просто обязаны извлечь наибольшую выгоду из неустанно развивающихся дипломатических тенденций. Успехи в этом направлении, несомненно, будут способствовать наилучшему взаимопониманию и взаимодействию двух стран.

Библиография

1. Венская конвенция для киберпространства: фонд Горчакова провел экспертную дискуссию о феномене цифровой дипломатии // Фонд Горчакова [Электронный ресурс]. URL: <https://gorchakovfund.ru/news/venskaya-konventsiya-dlya-kiberprostranstva-fond-gorchakova-provel-ekspertnyu-diskussiyu-o-fenomene/> (дата обращения: 07.07.2021).
2. *Леонов Е.* Новые тенденции развития цифровой дипломатии в условиях COVID-19 // *Международная жизнь*. 2021. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2449> (дата обращения: 07.04.21)
3. МИД России // *Twiplomacy* [Электронный ресурс]. URL: https://twiplomacy.com/info/europe/russia/mid_rf/ (дата обращения: 01.09.2021).
4. *Штайн О. А.* Маска как форма идентичности: Введение в философию образа. СПб.: Изд-во РХГА, 2012. С. 71
5. Number of social network users in selected countries in 2018 and 2023 (in millions) // Statista [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/278341/number-of-social-network-users-in-selected-countries/> (дата обращения: 08.03.2020).
6. *Verrechia B.* Digital Diplomacy and Its Effect on International Relations. 2017 // Independent Study Project (ISP) Collection [Электронный ресурс]. URL: https://digitalcollections.sit.edu/isp_collection/2596 (дата обращения: 11.07.21).
7. Website of the Ministry of Foreign Affairs of the Federal Republic Brazil // Ministério das Relações Exteriores [Электронный ресурс]. URL: <http://www.itamaraty.gov.br/en/> (дата обращения: 21.09.2021).
8. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/en/press_service/social_accounts (дата обращения: 21.09.2021).
9. World Map of Social Networks // VINCOS BLOG [Электронный ресурс]. URL: <https://vincos.it/world-map-of-social-networks/> (дата обращения: 22.09.2021).